

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

В АНТИЧНЫХ И ВИЗАНТИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Сборник материалов

*Составление и редакция
Александра Николаевича Гаркавца*

*Это благотворительное издание, в малой доле выполненное
в рамках Госпрограммы «Культурное наследие»,
успешно завершено и увидело свет в полновесной версии
при поддержке известного предпринимателя, политического и
общественного деятеля Республики Казахстан
Булата Мукишевича Абилова*

АЛМАТЫ 2005

В том и состоит главная польза и лучший плод знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамлении величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же – чего избегать: бесславные начала, бесславные концы. Впрочем, либо пристрастность к взятому на себя делу вводит меня в заблуждение, либо и впрямь не было никогда государства более великого, более благочестивого, более богатого добрыми примерами, куда алчность и роскошь проникли бы так поздно, где так долго и так высоко чтили бы бедность и бережливость. Да, чем меньше было имущество, тем меньшею была жадность; лишь недавно богатство привело за собою корыстолюбие, а избыток удовольствий – готовность погубить все ради роскоши и телесных утех.

Тит Ливий.

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Институт истории и этнологии им. Чокана Валиханова
Международный институт кыпчаковедения
Центр евразийских исследований «Дешт-и-Кыпчак»

ВЕЛИКАЯ СТЕПЬ

В АНТИЧНЫХ И ВИЗАНТИЙСКИХ
ИСТОЧНИКАХ

Сборник материалов

*Составление и редакция
Александра Николаевича Гаркавца*

АЛМАТЫ 2005

ББК 63.3

Г 94 (38; 4/5; 04/14)

Г 94 Великая Степь в античных и византийских источниках: Сборник материалов / Составление и редакция Александра Николаевича Гаркавца. – Алматы: Баур, 2005. – 1304 стр.

ISBN 5–7667– 3603 – 8

Настоящее издание представляет собой наиболее обширный на сегодня свод сведений античных и византийских источников о народах Евразийской степи и их соседях с XII века до н. э. по XV век н. э. Здесь в хронологическом порядке приведены выписки из около 500 сочинений 150 авторов – историков, географов, этнографов, писателей, филологов и государственных деятелей, писавших на греческом (115 авторов) и латинском (35 авторов) языках. По каждому из них даны лаконичная биографическая справка с определением места источника в историографии и ссылки на публикации соответствующих произведений на языке оригинала и в переводе на русский и другие языки.

Полагаем, что наш свод будет полезен и ученым-специалистам, и широкому кругу читателей, серьезно интересующихся древней и средневековой историей Великой Степи и сопредельных регионов.

© Александр Николаевич Гаркавец,
Центр евразийских исследований «Дешт-и-Кыпчак»,
Алматы, Казахстан, 2005

Г 0403000000
00(05)-01 Без объявления

ISBN 5–7667– 3603–8

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник материалов инициаторами Государственной программы «Мировое культурное наследие» изначально запланирован как свод сообщений древнегреческих и древнеримских авторов об истории казахского народа и Казахстана в соответствующее время. Его плановое название: «Античные источники по истории Казахстана».

Однако и замысел, и название сборника с самого начала показались нам неубедительными, а по мере накопления и комплексного изучения письменных источников под заданным углом зрения мы неизбежно вышли далеко за рамки предложенной идеи и пришли к ряду заключений концептуального характера, которые и определили окончательное название полновесной версии данного труда, его содержание и структуру.

Во-первых, мы прежде всего были обязаны учесть, что собранные письменные источники на греческом и латинском языках, согласно традиции, отнесены к разным историческим эпохам античной и средневековой истории.

I. Древняя Греция – с IV тыс. до н. э. до подчинения Этолийского союза Риму в 189 г. до н. э. и разгрома и роспуска Ахейского союза римлянами в 146 до н. э.

II. Древняя Римская Республика – от основания Рима легендарным Ромулом 21 апреля 753 г. до н. э. до окончания начавшихся после убийства Юлия Цезаря (44 г. до н. э.) гражданских войн (43–31 гг.) и сосредоточения государственной власти в руках усыновленного им в завещании его внучатого племянника Гая Октавия – Гая Юлия Цезаря Октавиана в 31 г. до н. э.

III. Римская империя от императора Гая Юлия Цезаря Октавиана Августа (27 г. до н. э.) до Феодосия I Великого и его соправителей (по 395 г.), включая период распада Римской империи – от ее раздела Диоклетианом (284–305 гг.) на Восточную и Западную и официального провозглашения в 330 г. Константином I Великим новой столицы – города Константинополя, укрепленного и перестро-

енного им по римскому образцу на месте древнего Византия (основан в 668/659 г. до н. э.) и до смерти последнего императора, владевшего всей империей, Феодосия I Великого (правил в 379–395 гг.).

IV. Западная Римская Империя от Гонория (с 395 г.) до Ромула Августа (по 476 г.)

V. Византийская, или Восточная Римская империя от Аркадия (с 395 г.) до Константина XI (XIII) Драгаса (по 1453 г.).

Во-вторых, интересующие нас древние письменные источники дошли до нас преимущественно не в оригинале, а в позднейших переработках. Зачастую первоисточник и его дошедшая до нас версия отстоят друг от друга на несколько столетий, а то и на тысячелетие. Труды многих и многих авторов глубокой древности, будучи утрачены в самостоятельном виде, очень часто обнаруживаются лишь в виде изложений и цитат в сочинениях, возникших в иную историческую эпоху. К таким сокровищницам утраченных трудов, в первую очередь, принадлежат «Библиотека, или Мириобиблион» константинопольского патриарха Фотия (умер в 897 г.), содержащая выписки и пересказы более 280 произведений античных и средневековых авторов, и обширнейшая анонимная греческая литературная энциклопедия «Суда» («Свида») конца X в., насчитывающая около 30 000 статей, а из обобщающих географических трудов – карта Евразии Игнатия Певтингера (1465–1547) длиной 6,75 м и шириной 34 см, составленная на основе многократных переработок несохранившейся карты Кастория (I в. н. э.). Естественно, переписывая ветхий текст или излагая его заново, толкуя темные места, позднейшие авторы оперировали в создаваемых ими версиях терминами и представлениями своей эпохи, и потому, например, гомеровские стихи об амазонках интерпетируются Стефаном Византийским спустя 2 тысячи лет в духе этнологических познаний уже его времени.

В-третьих, за два с половиной тысячелетия от Троянской войны до захвата Константино-

поля турками на обширном пространстве Евразийской степи и смежных территориях этническая картина менялась весьма динамично, этносы сменяли и поглощали друг друга, а привычные для греков и римлян имена варваров переносились на новых соседей и смешивались с новыми именами самым невероятным образом, как в калейдоскопе, тем более, что происходило это смещение на фоне невообразимой географической и страноведческой путаницы.

Поэтому при составлении хрестоматии мы старались полностью отстраниться от возобладавшей в последнее время тенденции жестко привязать аморфные сообщения древности к истории того или иного конкретного современного народа. Перед собой мы поставили более осторожную задачу – собрать воедино исторические сообщения и предания, приуроченные к Евразийской степи, и дать другим пищу для собственных размышлений.

Наша книга представляет собой, таким образом, свод фрагментов из сочинений древнегреческих, древнеримских и византийских источников, проливающих свет на историю степных народов Евразии и их соседей. Открывают антологию выдержки из поэтических произведений Гомера, Эсхила, Пиндара, из «Скифского логоса» отца истории Геродота и его предшественников.

Всего нами здесь приведены в хронологическом порядке выписки из около 500 произведений 150 авторов – историков, географов, этнографов, писателей, филологов и государственных деятелей, писавших на греческом (115 авторов) и латинском (35 авторов) языках. По каждому из них мы приводим лаконичную биографическую справку с определением места источника в историографии.

Все переводы тщательно сверены с оригиналами и при необходимости исправлены без особых оговорок. В сокращенных комментариях издателей, чаще всего тоже без оговорок, устранены досадные погрешности, которых, по нашему убеждению, в свое время могли избежать сами наши глубоко и искренне почитаемые предшественники.

Отобранных авторов, писавших о Великой Степи (а всего их, по крайней мере у Василия Васильевича Латышева, свыше 400), объединяет не только непрерывность историографической традиции и органическая преемственность деписания, но и то немаловажное обстоятельство, что сообщаемые ими сведения, на наш взгляд, по преимуществу убедительны и относительно неплохо коррелируют с данными археологии и этнографии региона.

По замыслу и исполнению наш труд не претендует на то, чтобы считаться сугубо научным, скорее – это попытка популяризации достижений отечественной и мировой исторической мысли в области изучения и публикации древнегреческих, древнеримских и византийских первоисточников.

Краткая версия данной хрестоматии, соответствующая исходному замыслу руководства Госпрограммы «Мировое культурное наследие», публикуется в двух книгах по 20 авторских листов издательством «Фолиант» (г. Астана), выигравшим соответствующий тендер, под изначальным названием «Античные источники по истории Казахстана».

Можно с уверенностью констатировать, что наш свод будет полезен и ученым-специалистам, и широкому кругу читателей, серьезно интересующихся древней и средневековой историей Великой Степи и сопредельных регионов.

Гомер

Ὅμηρος – Homeros

Гомер – греческий поэт, живший предположительно в VIII в. до н. э. на заселенном ионийцами малоазийском побережье Греции, автор поэтических эпосов «Илиада» и «Одиссея». Первая из поэмы описывает заключительные события десятилетнего похода ахейцев, данайцев, аргиев в главе с Агамемноном на Трою (иначе – Илиос, Илион, откуда и название произведения), которая, согласно Эратосфену, пала в 1184 г. до н. э. Достоверность излагаемых в «Илиаде» событий подтверждена немецким археологом Генрихом Шлиманом (1822–1890) в результате раскопок свыше десяти слоев древнего укрепленного города на холме, расположенном в 5–6 км вглубь материка к востоку от эгейского устья Дарданелл – Геллеспонта. Этот холм сегодня носит красноречивое турецкое название Хисарлык, или Исарлык (тур. Hisarlık ‘место укрепления, крепости, городище’). «Одиссея» же повествует о десятилетних фантастических

странствиях и приключениях Одиссея и его спутников после Троянской войны и их возвращении на родную Итаку, где в доме главного героя хозяйничают самозванные женихи его супруги Пенелопы.

К нашей проблематике определенное отношение имеют упоминания об амазонском воинстве и питающихся кобыльим молоком гиппомолгах, а также некоторые неявные намеки на скифов, усмотренные комментаторами. Этими полуисторическими-полумифическими сведениями по традиции, не всегда ссылаясь на Гомера, оперируют многие древнегреческие и последующие историки, географы, этнографы и писатели.

Помимо приводимых в данном разделе фрагментов из Гомера и древних схолиев-толкований к нему, см. отдельно комментарии к Гомеру Евстафия, митрополита Солунского (XII в.), одного из авторитетнейших интерпретаторов «Илиады» и «Одиссеи».

Гомер

Илиада

Перевод Н. И. Гнедича

Книга II

Зевс призывает его и крылатые речи вещает:

“Мчися, обманчивый Сон, к кораблям быстролетным ахейн;

Вниди под сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;

10 Все ты ему возвести непременно, как я завещаю:

В бой вести самому повели кудреглавых данаев

[вместо длинновласых ахейн. – А. Г.]

Все ополчения; ныне, вещай, завоеует троянский

Град многолюдный: уже на Олимпе имущие дома

Боги не мнят разномысленно; всех наконец согласила

15 Гера своею мольбой; и над Троею носится гибель”.

Книга III

[Приам, обращаясь к Атриду Агамемнону], воскликнул:

“О Агамемнон, счастливым родившийся, смертный блаженный!

Сколько под властью твоею ахейских сынов браноносных!

Некогда, быв во фригийской земле, виноградом обильной,

185 Зрел я великую рать фригиан, колесничников быстрых;

Зрел я Атрея полки и Мигдона, подобного богу:

Станом стояло их воинство вдоль берегов Сангария;
Там находился и я, и союзником оных считался,
В день, как мужам подобные ратью нашли амазонки:
190 Но не столько их было, как здесь быстрооких данаев”.

Книга IV

- 20 Так он вещал; негодуя, вздыхали Афина и Гера;
Вместе сидели они и троянам беды умышляли.
Но Афина смолчала; не молвила, гневная, слова
Зевсу отцу, а ее волновала свирепая злоба.

Книга V

- 405 Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина.
Муж безрассудный! не ведает сын дерзновенный Тидеев:
Кто на богов ополчается, тот не живет долголетен;
Дети отцом его, на колени садясь, не кличут
В дом свой пришедшего с подвигов мужеубийственной брани.

Книга VI

- Пандар же крышу колчанную поднял и выволок стрелу,
Новую стрелу крылатую, черных страданий источник.
Скоро к тугой тетиве приспособил он горькую стрелу,
И, обет сотворя луконосу ликийскому, Фебу,
120 Агнецв ему первородных принести знаменитую жертву,
В отческий дом возвратясь, в священные Зелий стены,
Разом повлек он и уши стрелы, и воловую жилу;
Жилу привлек до сосца и до лука железо пернатой;
И едва круговидный огромный свой лук изогнул он,
125 Рог закрипел, тетива загудела, и прянула стрелка
Остроконечная, жадная в сонмы влететь сопротивных.
155 Главк даровал бытие непорочному Беллерофонту,
Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
В дар ниспослали; но Прет неповинному гибель умыслил:
Злобно его из народа изгнал (повелитель ахеян
Был он сильнейший: под скипетр его покорил их Кронион).
160 С юношей Прета жена возжелала, Антия младая,
Тайной любви насладиться; но к ищущей был непреклонен,
Чувств благородных исполненный, Беллерофонт непорочный;
И жена, клеветца, говорила властителю Прету:
– Смерть тебе, Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофонта:
165 Он насладиться любовью со мною хотел, с нехотящей. –
Так клеветала; разгневался царь, таковое услыша;
Но убить не решился: в душе он сего ужасался;
В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки,
Много на дщице складной начертав их, ему на погибель;
170 Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.
Беллерофонт отошел, под счастливым покровом бессмертных.
Мирно достиг он ликийской земли и пучинного Ксанфа;
Принял его благосклонно ликийских мужей повелитель;
Девять дней угощал, ежедневно тельца закалая.
175 Но воссиявшей десятой богине Заре розоперстой,
Гостя расспрашивал царь и потребовал знаки увидеть,
Кои принес он ему от любезного зятя, от Прета.
И когда он приял злосоветные зятевы знаки,
Юноше Беллерофонту убить заповедал Химеру
180 Лютую, коей порода была от богов, не от смертных:
Лев головою, задом дракон и коза серединой,

- Страшно дыхла она пожирающим пламенем бурным.
Грозную он поразил, чудесами богов ободренный.
После войною ходил на солимов, народ знаменитый;
185 В битве, ужаснее сей, как поведал он, не был с мужами;
В подвиге третьем разбил амазонок он мужеобразных.

Книга VII

- 75 Пусть изойдет и с божественным Гектором станет на битву.
Так говорю я, и Зевс уговора свидетель нам будет.
Если противник меня поразит сокрушительной медью,
Сняв он оружия, пусть отнесет к кораблям мореходным;
Тело же пусть возвратит, чтоб трояне меня и троянки,
80 Честь воздавая последнюю, в доме огню приобщили.

Книга VIII

- 320 Гектор же сам с колесницы сияющей прынул на землю
С криком ужасным и, камень рукою восхитив огромный,
Ринулся прямо на Тевкра, убить стреловержца пылая.
Тою порой из колчана пернатую горькую вынув,
Тевкр приложил к тетиве, – и его шлемоблещущий Гектор,
325 Лук наляцавшего крепкий, по раму, где ключ отделяет
Выю от персей и где особенно опасное место, –
Там, на себя устремленного, камнем ударил жестоким,
Он на колено поникнул, и лук из руки его выпал.

Книга IX

- 195 Так и Менетиев сын, лишь увидел пришедших, поднялся.
В встречу им руки простер и вещал Ахиллес быстроногий:
“Здравствуйте! истинно други приходите! Верно, что нужда!
Но и гневному вы из ахеян любезнее всех мне”.
Так произнес – и повел их дальше Пелид благородный;
200 Там посадил их на креслах, на пышных коврах пурпуровых,
И, обратясь, говорил к находящемусь близко Патроклу:
“Чашу поболее, друг Менетид, подай на трапезу;
Цельного нам раствори и поставь перед каждого кубок:
Мужи, любезные сердцу, собрались под сенью моею!”
Завтра, Зевсу воздав и другим небожителям жертвы,
Я нагрузу корабли и немедля спущу их на волны.
Завтра же, если желаешь и если тебя то заботит,
360 С ранней зарею узришь, как по рыбному понту помчатся
Все мои корабли, под дружиною жарко гребущей.

Книга XIII

- Зевс, и троян и Гектора к стану ахеян приблизив,
Их пред судами оставил, беды и труды боевые
Несть непрерывно; а сам отвратил светозарные очи
Вдаль, созерцающий землю фракиян, наездников конных,
5 Мизян, бойцов рукопашных, и дивных мужей гиппомолгов,
Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных.

Изложение В. В. Латышева, уточненное С. П. Кондратьевым

Зевс, приблизив троянцев и Гектора к ахейским судам, оставил их перед судами непрерывно нести труды и беды, а сам обратил вспять светлые очи, взирая вдаль на землю конеборных фракийцев, сражающихся врукопашную мисийцев и дивных гиппомолгов-млекоедов¹, бедных² и справедливейших людей.

Книга XIV

Гера владычица быстро всходила на Гаргар высокий,
Иды горы на вершину: увидел ее громовержец,

- 290 Только увидел, – и страсть обхватила могучую душу
Тем же огнем, с каким наслаждался он первой любовью,
Первым супружеским ложем, от милых родителей тайным.

Книга XV

- 625 Пеной корабль покрывается; шумное бури дыханье
В парус гремит, и трепещут сердца корабельщиков бледных,
Страхом объятых; они из-под смерти едва уплывают...

Книга XVIII

- Город другой облежали две сильные рати народов,
Страшно сверкая оружием. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане с ними должны разделиться
Всеми богатствами, сколько цветущий их град заключает.
Те не склонялись еще и готовились к тайной засаде.
515 Стену стеречь по забралам супруг поставив любезных,
Иных сынов и мужей, которых постигнула старость,
Сами выходят; вождями их идут Арей и Паллада,
Оба златые, одетые оба златою одеждой;
Вид их прекрасен, в доспехах величествен, сущие боги!

Книга XX

- Славный Дардан Эрихфония сына родил, скиптроносца,
220 Мужа, который меж смертных властителей был богатейший:
Здесь у него по долинам три тысячи коней паслося,
Тучных, молодых кобылиц, жеребятами резвыми гордых.
К ним не раз и Борей разгорался любовью на паствах;
Многих из них посещал, набегая конем черногривым;
225 Все понесли, и двенадцать коней от Борея родили.
Бурные, если они по полям хлебородным скакали,
Выше земли, сверх колосьев носились, стебля не смявши;
Если ж скакали они по хребтам беспредельного моря,
Выше веды, сверх валов рассыпавшихся, быстро летали.

*Источник: Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича;
Издание подготовил А. И. Зайцев. – Л.: Наука, 1990.*

Одиссея

Перевод В. В. Вересаева

Книга II

- Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос.
Встал с постели своей возлюбленный сын Одиссея,
В платье оделся, отточенный меч чрез плечо перебросил,
К белым ногам привязал красивого вида подошвы,
5 Вышел быстро из спальни, бессмертному богу подобный,
И приказание отдал глашатаям звонкоголосым
Длинноволосых ахейцев тотчас же созвать на собрание.

Книга VIII

- Луком один Филоктет меня побеждал неизменно
220 Под Илионом, когда мы, ахейцы, в стрельбе состязались;
Что же до прочих, то лучше меня никого, полагаю,
Нет теперь между смертных людей, кто питается хлебом.

Книга X

- 505 Не беспокойся о том, кто вас через море проводит.
Мачту только поставь, распусти паруса и спокойно
Можешь сидеть. Дуновенье Борея корабль понесет ваш.

- Переплывешь наконец теченья реки Океана.
Берег там низкий увидишь, на нем Персефонины роща
510 Из тополей чернолистных и ветел, теряющих семя.
Близ Океана глубокопучинного судно оставив,
Сам ты к затхлому царству Аидову шаг свой направишь.
Там впадает Пирифлегетон в Ахеронтовы воды
Вместе с Коцитом, а он рукавом ведь является Стикса.
515 Соединяются возле скалы два ревущих потока.

Книга XI

- Мачту поставив и снасти наладивши все, в корабле мы
10 Сели. Его направлял только ветер попутный да кормчий.
Были весь день паруса путеводным дыханием полны.
Солнце тем временем село, и тенью покрылись дороги.
Мы наконец Океан переплыли глубоко текущий.
Там страна и город мужей киммерийских. Всегдашний
15 Сумрак там и туман. Никогда светносное солнце
Не освещает лучами людей, населяющих край тот,
Землю ль оно покидает, вступая на звездное небо,
Или спускается с неба, к земле направляясь обратно.
Ночь злоецающая племя несчастных людей окружает.

Книга XV

- 80 Если же хочешь объездить Элладу, проехать чрез Аргос,
Спутником сам тебе буду; лишь дай мне запрячь колесницу.
Многих людей, города покажу я. Никто не отпустит
Нас с пустыми руками, а даст кое-что нам с собою –
Или котел, иль прекрасный какой-нибудь медный треножник,
85 Или из золота чашу, иль пару выносливых мулов.

Книга XVIII

- 35 Весело он засмеялся и так к женихам обратился...

Источник: Гомер. Одиссея / Пер. В. В. Вересаева. – М.: Просвещение, 1987.

Древние схолии к «Илиаде» Гомера

Перевод В. В. Латышева

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Ил. II: 11 (III: 86³). *Длинновласые*⁴. Ибо лаконцы носят длинные волосы, а от них все эллинство... скифы же первые стали стричься, почему и называются 'оскифленными'⁵.

Ил. III: 189 (I: 149). *Амазонки* ('Αμαζόνες), равные мужам. Говорят, что амазонки – дочери Ареса и Афродиты, вскормленные у Фермодонта⁶, реки в Скифии. Названы же так по причине вырезывания правой груди (μαστός), как мешающей в стрельбе из лука.

(III: 172) *Амазонки*, жили они у Фермодонта... а названы так по неимению одной груди (ибо они выжигали ее, чтобы не иметь помехи при стрельбе из лука) или потому, что не употребляли в пищу хлеба (μάζα), но черепах, змей и ящериц. 'Αντίανδραи же значит равные или противные мужам.

Ил. IV: 23 (I: 169; III: 195). Σκοζομένη – гневающаяся; ибо самые вспыльчивые люди называются скифами.

Ил. IV: 122 (III: 203). Ушки (γλυφίδας) вместо единственного числа. Поэт описывает способ стрельбы из лука. Скифы натягивают лук к плечу и конской тетивой, а критяне – противоположно им [т. е. от плеча] и воловьей тетивой...

Ил. VI: 186 (III: 290). *Амазонок*. Некоторые говорят, что выступившие в поход были не женщины, а мужчины-варвары: они носили длинные до земли хитоны, волосы повязывали повязками, а также брили бороды, и поэтому враги называли их женщинами⁷. Они были из племени амазонов ['Αμαζόνες] и храбры в бою. Невероятно, чтобы когда-нибудь

был женский поход: ведь и ныне нигде их не бывает.

Ил. VIII: 325 (I: 285). ...Неотел⁸ утверждал, что это скифский способ стрельбы, когда лук натягивается к плечу.

(III: 361). Схолий Порфирия⁹. По поводу этих стихов, относящихся к Тевкру¹⁰, спрашивают, в которую руку ранен Тевкр и тянет ли он тетиву к плечу, как скифы. Так думал Неотел, написавший целую книгу о стрельбе из лука в героический период и утверждающий, что критяне тянут тетиву к груди¹¹ и делают натягивание округленным, тогда как скифы натягивают не к груди, а к плечу¹²...

Ил. IX: 360 (I: 319). *Рыбообильный Геллеспонт*. И в других сочинениях называются обильными рыбою эти воды, т. е. Понт Евксинский и Геллеспонт, а также Боспор¹³.

Ил. X: 429 (I: 363). *Кавконы* – народ в Пафлагонии, другие же говорят в Скифии; иные же разумеют под кавконами так называемых кавниев¹⁴.

Ил. XIII: 5 (II: 2). *Агавов гипнемолгов*. Агавы – имя народа; выдаивая кобылиц, они питались их молоком. Деметрий же слово ἀγαυοί понимает в смысле “красивые”.

(IV, 2). *Агавы* – имя народа; они, выдаивая кобылиц, сами питаются молоком.

Ил. XIII: 6. *Абиев* – кочевых скифов, откуда происходит и Анахарсис [Геродот IV: 76 сл.]; их-то поэт называет справедливейшими из всех, потому что они имеют общими детей и жен и все, кроме меча и чаши; им и земля сама

собою дает пропитание, и они не едят никакой животной пищи. Эсхил называет их габиями [Стефан Византийский: ᾠβιοί]. Абиями же они названы или от слова βίος [жизнь], или от βία [сила]; или это значит “переезжающие со всем имуществом”. Или потому, что они бездомны. Некоторые же принимают α с растяжением, чтобы это слово значило “многожизненных” и “многолетних”, ибо они долговечны. Или это значит “не знающих нашей жизни”: ибо поэт прибавляет “справедливейших людей”. Или “не употребляющих насилия”; или “живущих в кибитках”. Некоторые же называют их сарматами; говорят, что они кормят путников и пересылают их один другому.

Когда все скифы покорились Александру, одни абии, говорят, не подчинились ему и, только увидев величие его души, вступили с ним в сношения¹⁵. Справедливейшими же поэт называет их по необщительности с другими народами, как и эфиопеев. Или потому, что они не пожелали принять участие в походе амазонок в Азию.

Ил. XV: 628 (IV, 100). *Ибо едва уплывают из-под смерти*. Ибо очень мало отстоят от смерти. Первый же сказал это скиф Анахарсис, который, спросив одного моряка, насколько мы отстоим от воды, и узнав, что на четыре пальца, сказал: “На столько же и от смерти...”

Ил. XVIII: 515 (IV, 197). ...И у савроматов женщины, нося одинаковую с мужчинами одежду, участвуют в войнах [Ср. Геродот IV: 110 сл.].

Схолии к «Илиаде» из Парижских рукописей

Извлечение и перевод С. А. Селиванова

Ил. I: 108 (III: 4¹⁶). ...Она [Ифигения] была послана в храм богини [Артемиды] в Тавриде, что в Скифии. Рассказ об этом есть... и у Диктия, написавшего «Троїκά».

Ил. X: 224 (III: 86). ...Скиф, конское ржание поставивший выше лучшей музыки, у древних порицается за свое варварское суждение...

Ил. I: 482 (III: 184). ...Зевс, влюбившись в дочь Нерее Фетиду, преследовал ее, желая изнасиловать. Когда же он достиг Кавказской горы, то здесь ему помешал Прометей, сказав, что родившийся от Фетиды будет сильнее соб-

ственного отца. Итак, испугавшись за свое царство на небе... Зевс удаляется...

Ил. XIII: 5 (III: 172). ...Когда все скифы покорились Александру, одни абии, говорят, не подчинились ему; и, только увидев величие его души, вступили с ним в сношения. Поэт называет их справедливейшими по необщительности с другими народами; или потому, что они имеют общими детей и жен и все, кроме чаши и меча; им сама собою земля родит растения, а животных они никаких не едят. “Абии” же значит “не имеющие очагов”; они же называются живущими на телегах и кочевниками.

Объяснения к Гомеру в алфавитном порядке

Извлечение и перевод А. И. Малеина

Ил. III: 189 (32–3317). Амазонки. Именительный падеж ᾠμαζών, это название проис-

ходит от слова μαζός (грудь) и лишаящего α, ибо, чтобы не иметь помехи в стрельбе из лу-

ка, они отсекали одну из своих грудей; или потому, что они жали и косили (ἵμῳ καὶ ἐθερίζον [так!]), надевая пояса и выходя в полном вооружении, так что они были названы амазонками оттого, что они жали в поясах (ἐν ταῖς ζώναις ἄμῳ), или потому, что они были лишены кормления грудью, но питались змеями и разными другими животными.

Ил. III: 189 (80). *Амазонка*. От неимения грудей, но такая этимология невероятна [ἀπὸ θανάτου]. Фемистагор же говорит в «Золотой книге»: «Живущие в Алопе, ныне называемой Ликией, что у Эфеса, женщины, отказав-

шись единодушно от обычных женских занятий и надев пояса и вооружение, исполняли все мужские дела, а сверх прочего и ἵμῳ с этими поясами, т. е. жали; поэтому и названы амазонками – жавшими в поясах», или потому, что они выжигали одну из грудей для стрельбы из лука, или потому, что они не питались лепешками, но змеями, скорпионами, ящерицами и черепахами; иные же производят название от матери Амазои.

Ил. I: 236 (436). *Медь*. От слова халиб [родительный падеж]: халиба означает народ, ибо там была найдена медь (χαλκός)...

Древние схолии к «Одиссее» Гомера

Перевод В. В. Латышева

Ил. VIII: 222 (374¹⁸). *Едящие хлеб*. Поэт сказал это ради некоторых племен, которые не ели хлеба; поэтому некоторые назывались акридодами и рыбододами, как и скифское и массагетское племя называются мясододами. Некоторые из акридоэдов, увидев хлеб, принимали его за навоз.

Ил. XI: 14 (479). *Там же киммерийцев*. Аристарх пишет “кербереев”. Киммерийцы – народ, живущий вокруг океана; некоторые же пишут χερμερίων [т. е. зимних], а иные “кербериев”, как, например, Кратес. Геродот же

говорит, что киммерийцами были изгнаны скифы¹⁹. Иные же говорят, что под киммерийцами разумеются живущие на западе и соседние с местностями близ Аида; или с мертвыми, от выражения ἐν τοῖς ἡρώεσσιν [лежать в гробницах]. Некоторые разумеют мертвых, от выражения ἐν ἔρῃ κεῖσθαι [лежать в земле]. Эти киммерийцы, или скифы-кочевники, придя из западных областей океана, разграбили храм Аполлона в Дельфах. Вследствие этого поэт поносит их, как живущих во мраке.

Примечания

¹ ἱππολογοί – доители кобылиц.

² Наричательные определения-эпитеты ἀγαοί ‘(досто)славные, прославленные/дивные; дивные, удивительные’ и ἄβιοι ‘не имеющие средств к жизни, неимущие, бедные, нищие’, прилагаемые Гомером к гиппомолгам, в древности и у новейших исследователей нередко принимались за этнические наименования, по причине чего на пустом месте возникло скифское племя абиев, фигурирующее у Страбона, в схолиях Неотела и Евстафия к Гомеру и Страбону и наконец в объяснениях к слову Ἄβιοι в географическом словаре Стефана Византийского «Этника» (VI в.), в энциклопедическом лексиконе «Суда» (X в.), равно как и в большинстве современных словарей древнегреческого языка. – Ср. комментарий Л. А. Ельницкого к этому месту [ВДИ 1947, № 1: 281].

³ Том и страница указываются по использованному В. В. Латышевым изданию: Scholia Graeca in Homeri Iliadem ex codicibus aucta et emendata / Ed. Guil. Dindorfius. Vol. 1-4. – Охон., 1875–1877.

⁴ В оригинале: κάρη κομόωντας Ἀχαιοὺς ‘длинноволосых (отращивающих, или носящих длинные волосы на голове) ахейя’. Этот эпитет, воспроизводимый у Н. И. Гнедича неадекватным словом “кудреглавый”, прилагается ко всем без исключения грекам как в “Илиаде” (II: 28, 51, 65, 72, 323; III: 43; IV: 268; VII: 85, 328 442, 448, 459, 476; VIII: 414, 510; XIII: 310; XVIII: 359), так и в “Одиссее” (I: 90; II: 7, 408; XX: 278), а в “Илиаде” – и к Аполлону (XX: 68). – А. Г.

⁵ Древнегреческое σκῆθίζω ‘по-скифски брить

голову’ зафиксировано у Еврипида (480–406 до н. э.). – А. Г.

⁶ Фермодонт (Термодонт – Θερμόδων), река в Фемискире (Темискира – Θερμίσκυρα, ион. Θερμίσκυρη) в вост. части черноморского побережья Малой Азии, к востоку от р. Ирис, тур. Терме-Чай, где древние помещали царство амазонок. Локализуя же амазонок в Скифии, в области савроматов (Геродот IV: 110), Фермодонт отождествляли с Танаисом (Ταναῖς, Τάναϊς), под которым имели в виду Кубань, Дон или Донец. Танаис, согласно «Древнегреческо-русскому словарю» И. Х. Дворецкого, Амазонской рекой (Ἀμαζώνιος ποταμός) считал Плутарх. – А. Г.

⁷ Необычное для Средиземноморья отсутствие у мужчин обильной растительности на лице, объясняемое здесь либо удалением щетины, либо женоподобием, – естественный признак народов монголоидной, или “желтой” расы, в частности алтайских, в т. ч. тюрко-монгольских. Иначе говоря, храброе в бою безбородое амазонское воинство не обязательно должно было состоять из женщин, да и вряд ли, за возможным, но маловероятным исключением, это вообще были женщины. – А. Г.

⁸ [Неотел – греческий грамматик, составивший схолии к Гомеру, которые использовались позднейшими схолиастами. Возможно, ученик Аристарха (II в. до н. э.).]

⁹ Порфирий Малх, или Мелех (233 – 305/306 н. э.), греческий философ, филолог и писатель, ближайший ученик и последователь Плотина. – А. Г.

¹⁰ [Тевкр – греческий герой, сводный брат Аян-

та, царя Саламина, славившийся стрельбой из лука.¹¹

¹¹ Длинные дальнобойные луки критян были чрезвычайно тугими, и, дотягивая тетиву только лишь до груди, они не заботились об индивидуальной прицельной точности, полагаясь при массовых сражениях на обилие одновременно пущенных в гущу неприятеля стрел. – А. Г.

¹² Стрелявшие на скаку тюркские и монгольские лучники, держа короткий – около 125–127 см – лук в вытянутой к цели руке, натягивали тетиву к противоположному плечу, как это делали, согласно данному указанию, скифы. При таком способе натягивания тетива с наложенной на нее стрелой отводится к плечу (а при верховой стрельбе – к уху) до упора и сразу возвращается в исходное положение одним и тем же путем без риска задеть грудь. В противоположном же случае, а именно когда тетива со стрелой удерживается у плеча, а лук отводится противоположной рукой в направлении цели, опасность повреждения тетивой грозит не только груди, но и лицу стрелка. А потому – в рамках греческой техники стрельбы – греки в отношении амазонских стрелков и не нашли другого объяснения, как отсутствие у женщин-воительниц груди вследствие ее умышленного удаления в младенческом возрасте. Скифскую конструкцию лука и технику стрельбы как более мобильную и прицельную европейцы заимствовали гораздо позже, о чем, в частности, несколько искажая факты древности во славу современности, свидетельствует Прокопий Кесарийский (ок. 500 – после 565): “...у гомеровских лучников, которым самое название их ремесла служило поруганием [Ил. XI: 370, 385, 390], не было ни коня, ни копья; щит не защищал их, и ничто другое не оберегало их тело. Они шли в бой пешими и для защиты были вынуждены либо брать щит товарища, либо укрываться за какой-нибудь надгробной стелой. (10) В таком положении они не могли ни спастись, когда приходилось обращаться в бегство, ни преследовать убегающих врагов. Тем более они не могли открыто участвовать в битве, но, в то время как другие сражались, они, казалось, что-то творили украдкой. (11) Кроме того, они нерадиво владели своим искусством: притянув тетиву к груди, они пускали стрелу слабую и совершенно безопасную для того, в кого она попадала. Таким было в прежние времена искусство стрельбы из лука [Ср. Ил. IV:

123; VIII: 267]. (12) Нынешние лучники идут в сражение, одетые в панцирь, с поножами до колен. С правой стороны у них свешиваются стрелы, с левой – меч. (13) Есть среди них и такие, у которых имеется копье, а [на ремне] за плечами – короткий без рукояти щит, которым они могут закрывать лицо и шею. (14) Они прекрасные наездники и могут без труда на полном скаку натягивать лук и пускать стрелы в обе стороны, как в бегущего от них, так и преследующего их неприятеля. (15) Лук они поднимают до лба, а тетиву натягивают до правого уха, отчего стрела пускается с такой мощью, что всегда поражает того, в кого попадает, и ни щит, ни панцирь не может отвести ее стремительного удара” [Война с персами I: 9–15]. – А. Г.

¹³ [“Рыбообильным” в действительности, как в древности, так и в новое время, было Азовское море. Слава его распространялась на весь Черноморский бассейн.]

¹⁴ [Кавконы – племя, жившее в районе города Пессинунта в Малой Азии. Упоминаются у Стефана Византийского (Καύκωνες) и у Страбона, считавшего их родственными фригийцам.]

¹⁵ [О посольстве абиев к Александру Македонскому упоминает Арриан, который после дословного повторения вышеприведенного рассказа о сношениях абиев с Александром, говорит следующее: Поэт называет их справедливейшими по общительности с другими народами или потому, что они имеют общими детей и жен и все, кроме меча и чаши. Им сама собою земля родит растения, а животных они никаких не едят; “абии” же значит “не имеющие очагов [т. е. жилищ. – А. Г.]” (Анабасис IV, 1: 1-2)].

¹⁶ Том и страница указываются по использованному С. А. Селивановым изданию: *Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecae regiae Parisiensis* / Ed. J. A. Cramer. Vol. 1-4. – Oxon., 1839–1841.

¹⁷ Страницы указываются по использованному А. И. Малеиным изданию: *Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium* / Descriptis J. A. Cramer. Vol. 1. – Oxon., 1835.

¹⁸ Страницы указываются по использованному В. В. Латышевым изданию: *Scholia Graeca in Homeri Odysseam ex codicibus aucta et emendata* / Ed. Guil. Dindorfius. Vol. 1-2. – Oxon., 1855.

¹⁹ Геродот говорит обратное: киммерийцы были изгнаны скифами [IV: 12–13].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1847, № 1.

Дополнительные примечания в квадратных скобках Л. А. Ельницкого.

Гесиод

Ἡσίοδος – Hesiodus

Гесиод (ок. 730–сер. VII в. до н. э.), второй после Гомера греческий эпический поэт архаического периода и первая достоверно известная историческая личность античной литературы. Его отец жил в эолийской Киме, на малоазийском побережье Эгейского моря, юго-восточнее острова Лесбос, где безуспешно занимался морской торговлей, а затем переехал в Грецию, купив участок земли в беотийском селении Аскра, у Геликона. Основным занятием Гесиода тоже стало земледелие, а по праздникам он выступал перед народом со стихами.

Около 700 г. Гесиод ездил в Халкиду на Эвбее, где принял участие в состязании поэтов и получил в награду бронзовый треножник, который пожертвовал Музам Геликона. Когда отец умер, недовольный доставшейся долей именина брат Гесиода Перс втянул его в изнурительный судебный процесс за передел имущества. Гесиод, желая отговорить брата Перса от процесса и склонить его к честному труду, написал адресованную ему поэму «Труды и дни» (Ἔργα καὶ Ἡμέραι), отдельные части которой представляют собой разножанровые

произведения – вступление в виде оды Зевсу, повесть о двух богинях Эридах (благосклонной и злобной), рациональное объяснение мифа о Прометее и ящике Пандоры, философское размышление о пяти эпохах упадка человечества, басня о ястребе и соловье и пр. Вторая дошедшая до нас поэма Гесиода – «Теогония» (Θεογονία ‘Родословная богов’), в которой он предпринял попытку рационалистической систематизации греческих мифов.

Помимо этого, с именем Гесиода связывают еще несколько произведений: «Эои, или

Каталог женщин» и «Великие Эои» (Ἡοῖαι – о женах героев, прародительницах великих родов; каждая часть начиналась с ἦοῦ), «Щит Геракла» (Ἀσπίς Ἡρακλέους), «Великие труды», «Астрономия», «Сошествие Пирифия», «Эгимий», «Меламподия», «Завещание Хирона» (воспитателя Ахилла), а также очень позднюю компиляцию «Состязание Гомера и Гесиода».

Умер Гесиод в Аскре. Похоронен на агоре (городской площади) в беотийском городе Орхомены.

Подробнее см.: В. Н. Ярхо. Гесиод и его поэмы // Гесиод. Полное собрание текстов. – М.: Лабиринт, 2001.

Гесиод

Теогония

Перевод В. В. Вересаева в редакции О. П. Цыбенко

- Форкию, младшего сына, родила владычица Кето –
Страшного змея: глубоко в земле залегая и свившись
335 В кольца огромные, яблоки он сторожит золотые.
Это – потомство, рожденное на свет от Форкия с Кето.
От Океана ж с Тефией пошли быстротечные дети,
Реки Нил и Алфей с Эриданом глубокопучинным,
Также Стримон и Меандр с прекраснострующим Истром,
340 Фасис и Рес, Ахелой серебристопучинный и быстрый,
Несс, Галиакмон, а следом за ними Гептапор и Родий,
Граник-река с Симоентом, потоком божественным, Эсеп,
Реки Герм и Пеней и прекраснострующийся Каик,
И Сангарийский великий поток, и Парфений, и Ладон,
Быстрый Эвен и Ардеск¹ с рекою священной Скамандром.
А Прометея, на выдумки хитрого, к средней колонне
В тяжких и крепких оковах Кронид привязал Громовержец
И длиннокрылого выслал орла: бессмертную печень
Он пожирал у титана, но за ночь она вырастала
525 Ровно настолько же, сколько орел пожирал ее за день.
Сыном могучим Алкмены прекраснородыжной, Гераклом,
Был тот орел умерщвлен, а сын Иапета избавлен
От жесточайших страданий и тяжко-мучительной скорби –
Не против воли высокоцарящего Зевса-Кронида:
530 Ибо желалось Крониду, чтоб сделалась слава Геракла
Фиворожденного больше еще на земле, чем дотоле;
Честью великой решив отличить знаменитого сына,
Гнев прекратил он, который дотоле питал к Прометее
Из-за того, что тягался он в мудрости с Зевсом могучим.
Кирку на свет родила Океанова дочь Персеида
Неутомимому Гелию, также Эета-владыку.
Царь же Эет, лучезарного Гелия сын знаменитый,
Взял себе в жены Идию, прекраснородную деву,
960 Дочь Океана, реки совершенной, богам повинуюсь.
Та же его подарила Медеей прекраснородыжной,
Силою чар Афродиты любви его страстной отдавшись.

- Деву, дочь Эета-владыки, вскормленного Зевсом,
Внявши совету бессмертных богов, у Эета похитил
Сын благородный Эсона, труды многостопные кончив;
995 Много ему поручил совершить их владыка сверхмощный,
Мыслей и дел нечестивых исполненный, Пелий надменный.
Их совершивши и бед претерпевши немало, к Иолку
Прибыл на резвом своем корабле Эсонид с быстроглазой
Девой и сделал цветущей своею супругой ту деву.
1000 И сочетался с ней пастырь народов Ясон². И родила
Сына Медея она. В горах Филиридом Хироном
Был он вскормлен. И свершилось решение великого Зевса.

Фрагменты

Эои, или Каталог женщин

Фр. 39. [Страбон, ссылаясь на Эфора, сообщает:] “Гесиод в так называемой «Поездке вокруг земли» говорит, что Риней был принесен гарпиями в землю галактофагов (млекоедов, питающихся молоком), которые имеют дома на повозках”. (Страбон VII: 302: 29-31).

Без обозначения места

Фр. 40. Эфиопы и лигурийцы и доители кобылиц скифы³. (Страбон VII: 300).

Примечания

¹ Истр, Фасис, Ардекс – реки Северного Причерноморья. Ардекс у Дионисия Периегета назван Алдеском (Описание населенной земли: 314. – Д. Г. Редер). Это место в схолии к Гесиоду объясняется следующим образом: “Истр – река в Скифии; Фасис – у колхов, Ардекс – в Скифии” [Латышев 1947, №1: 296].

² Сын Эсона, Эсонид, Ясон – после смерти отца, царя города Иолка в Фессалии, по приказанию своего дяди царя Пелия, незаконно завладевшего престолом, был отправлен в рискованное путешествие в Колхиду за золотым руном на корабле «Арго». По возвращении вождь аргонавтов унаследовал отцовский престол. – Д. Г. Редер.

³ К этому месту относятся цитаты из Гесиода у Страбона: “Эфиопов и лигийцев и доителей кобылиц – скифов”, “В землю питающихся молоком, имеющих дома на повозках” [Страбон VII: 302: 5].

Источник: В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории*, 1947, №1, стр. 294-296; 1948, №1, стр. 238; Гесиод. *Полное собрание текстов: Теогония; Труды и дни; Щит Геракла; Фрагменты* / Пер. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко. Вступ. статья В. Н. Ярхо. Комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. – М.: Лабиринт, 2001.

Гекатей Милетский

Ἑκαταῖος Μιλήσιος – Hecataeus Milesius

Гекатей Милетский, или Милетец (549 / 546 – ок. 480 до н. э.), сын Гегесандра, греческий историк-логограф, географ, прозаик, один из важнейших предшественников и источников Геродота (485 – ок. 425 до н.э.). Родился в ионийском городе Милете, в Малой Азии. Принадлежал к знатному милетскому роду. Будучи богатым купцом, объехал побережье Черного моря и Средиземноморье до Сицилии на западе. Деятельно участвовал в делах отечества во время восстания против персов и посетил в качестве посла персидского сатрапа Артаферна. Гекатей развил летописание логографов, состоявшее ранее в передаче ритмической прозой песен стихотворцев, и дал этому жанру литературы научное направление. Гекатей первым среди греков

обратился к истории чужих стран, городов и народов, а потому считается основоположником всеобщей историографии. Перу Гекатея принадлежат два больших сочинения – «Περίοδος γῆς», или «Περίήγησις» («Землеописание») в 2 книгах («Европа», включая Северную Азию, и «Азия», включая Египет и Ливию) и «Γενεαλογία», или «Ἱστορίαι», «Ἦρωο-λογία» («Генеалогия», или «Истории», «Герология») в 4 книгах, которые составлены на простом ионическом наречии, без особых литературных украшений. В описании отдельных стран Гекатей, наряду с чисто географическими деталями, приводил сведения о реках, природных особенностях (фауна Египта), разного рода достопримечательностях, о местных жителях и их обычаях, легендах и

верованиях. При этом Гекатей, опираясь на собственные наблюдения, сообщения современников и предания, квалифицированно использовал периплы – практические пособия по навигации вдоль берегов известных ионийцам морей. Его сочинение сопровождалось картой ойкумены – населенной части суши, простиравшейся, по понятиям ионийцев, на востоке до реки Инд, на западе – до Испании и страны кельтов, на севере – до Дуная, а на юге – до верхнего течения Нила. Карта Гекатея, аналогичная, как считают, карте Анаксимандра Милетского (ок. 610 – после 547 до н. э.), не обнаружена. О подобной карте при описании царского пути из Сус в Сарды и дороги из Эфеса в Сусы (V 52-54) упоминает Геродот: “Итак, Аристагор, тиран Милета, прибыл в Спарту, когда царем там был еще Клеомен. Вступив с царем в переговоры, Аристагор, по словам лакедемонян, принес с собой медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также всякое море и реки” (V: 49)]. У разных авторов сохранилось более 300 отрывков из Гекатея, и они позволяют наглядно су-

дить о догеродотовских географических представлениях греков об ойкумене. Предметом же «Генеалогии» было систематическое изложение происхождения известных родов на основе мифов и преданий эпохи героев по 40-летним периодам жизни каждого из поколений. Стараясь рационалистически объяснять мифы и малопонятные наименования, историзируя мифы, удаляя из них фантастическое и хронологически упорядочивая предания, Гекатей по сути подошел к применению в историографии критического подхода, этимологического и хронологического методов. Труды Гекатея как источник использовали Геродот, Гелланик, Эфор, Страбон, Павсаний и последующие авторы, включая римских и византийских, благодаря чему в пересказах, особенно поздних схолиастов, до нас дошло большинство фрагментов его утраченных сочинений.

Подробнее см.: Л. А. Ельницкий. Знания древних о северных странах. – М., 1961; Дж. Томсон. История древней географии. Пер. с англ. – М., 1953.

Свидетельства о Гекатее Милетском

1. Гекатей, сын Гегесандра, Милетец. Жил во времена Дария, царствовавшего после Камбиса, в одно время с Дионисием Милетским, в 65-ю олимпиаду [520–516 до н. э.], историограф. От него зависит Геродот Галикарнаский, который жил позже. Гекатей был учеником Протагора. Он первым обнародовал историю в прозе, а прозаическое сочинение – Ферекид (книги Акусилая считаются не подлинными) [Суда Е 359: Ἐκαταῖος].

2. Гелланик [читай “Гекатей”] Милетский, историк. Составил «Землеописание» и «Истории» [Суда Е 360: Ἑλλάνικος = Ἐκαταῖος].

3. Из достопамятных мужей в Милете родились Фалес... ученик Фалеса Анаксимандр и ученик Анаксимандра Анаксимен, а также Гекатей, сочинивший «Историю» [Страбон XIV, 1: 7].

4. Логографу Гекатею, который в прежние времена, находясь в египетских Фивах, рассказал жрецам свою генеалогию и возвел свое происхождение по мужской линии в шестнадцатом поколении к богу, жрецы Зевса [=Амуна] ответили так же, как и мне, даром что я им своей генеалогии не рассказывал [Геродот II: 143].

5–6. [Участие Гекатея в событиях Ионийского восстания 500/499 г.] – см. Геродот V, 36: 124–125.

8. Уроженец Мегалополя из Аркадии по имени Керкид, умирая, говорил расстроенным родственникам, что уходит из жизни с радостью, так как надеется встретиться на том свете из философов – с Пифагором, из историков – с Гекатеем, из музыкантов – с флейтистом Олимпом, учеником Марсия, из поэтов – с Гомером. Засим, по преданию, он испустил дух [Элиан. Пестр. история 13: 20].

11а. Мы полагаем, что география с полным основанием должна быть отнесена к ведомству философской науки... ибо первыми, кто дерзнул заняться ею, были люди такого склада: Гомер, Анаксимандр Милетский и его согражданин Гекатей, как говорит Эратосфен, Демокрит, Евдокс, Дикеарх, Эфор и многие другие, а также последующие географы Эратосфен, Полибий и Посидоний – все они были философами [Страбон I, 1: 1].

13. Нельзя согласиться с тем, что говорит Аполлодор в предисловии ко второй книге «О каталоге кораблей»: он одобрительно отзывается о высказывании Эратосфена, который говорит, что Гомер и другие древние Грецию знают, а относительно дальних стран пребывают в полном невежестве... но в случае о Гомере ничего удивительного нет, так как и позднейшие поэты многого не знают и чудословят: Гесиод говорит о “полупсах”, “вели-

коголовых” и “людях с кулачок” [пигмеех], Алкман – о “верхоногих”, Эсхил – о “собакоголовых”, “грудооких”, “одноглазых” и тьме другого. От поэтов он *Аполлодор* переходит к прозаическим писателям, которые рассказывают про “Рипейские горы”, “Огийскую гору”, обитель Горгон и Гесперид, Феопомп – про “Меропийскую землю”, Гекатей – про “Киммерийский град”, а Евгемер – про “страну Панхейскую” [Страбон VII, 3: 6].

16. ...Можно сказать, что прозаическая речь, по крайней мере художественно отделанная, есть подражание поэзии. С самого начала на сцену вышел и прославился поэтический жанр словесности. Затем, подражая ему, упразднив размер, но сохранив другие поэтические особенности, писали Кадм, Ферекид и Гекатей и иже с ними. Последующие писатели, постоянно устраняя из прозы остатки поэзии, привели ее к нынешнему виду, словно спустив с некой высоты. Так и комедия, которая образовалась из трагедии, можно сказать,

спустилась с трагической высоты к нынешнему так называемому прозаическому виду [Страбон I: 2: 6].

21. Многознание уму не научает, а не то научило бы... Гекатея [Гераклит, фр. 16 М].

25а. Содержатся описания стран, народов, морей, городов ...из писателей ...иноземных: Полибия, Гекатея, Гелланика, Дамаста, Евдокса...

25b. ...иноземных: царя Юбы, Гекатея, Гелланика, Дамаста, Дикеарха...

25с. ...содержится описание свойств плодов... из писателей... иноземных: Фалеса, Евдокса, Филиппа, Калиппа, Досифея, Пармениска, Метона, Критона, Энопида, Конона, Евктемона, Гарпала, Гекатея, Анаксимандра, Сосигена, Гиппарха, Арата... [Плиний. Естественная история I: 4; 56; 18].

Источник: Фрагменты ранних греческих философ. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Издание подготовил А. В. Лебедев. – М., 1989.

Гекатей Милетский

Фрагменты из «Землеописания»

по «Лексикону» Стефана Византийского (VI в. н. э.), отрывкам у Геродота (485–425 до н. э.), Диодора Сицилийского (ок. 90–21 до н. э.), Страбона (I в. н. э.), Атенея (Афиней, III в. н. э.), Агафемера (IV в. н. э.), Аммиана Марцеллина (ок. 330–ок. 400) и схолиям к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (III в. до н. э.)

Перевод В. Шеффера и В. В. Латышева

Примечания К. Мюллера и В. В. Латышева

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Фр. 35b. Этими рассуждениями [о загробном мире], относящимися к телесным наслаждениям (а других чернь не понимала), и другими, подобными, древние пытались направить души народа к справедливости и честной жизни, используя отчасти надежду на наслаждения, отчасти страх наказаний. Но поскольку первым из всех смертных эти рассуждения придумал Плутон, как думал Гекатей, то его стали считать царем преисподней подобно тому, как Эола стали считать царем ветров потому, что он первым стал наблюдать перемены ветров, а Эндимиона – другом Луны потому, что он первым постиг ее движение и фазы [Ср. Диод. Сиц. 5, 69: 5].

Говорят, что Аид изобрел погребения, вынос тела и воздаяние почестей покойникам, тогда как прежде никакой заботы о них не существовало, потому этого бога и принято считать господином умерших и т. д. [Наталис Ко-

мес (Конти). Мифология 3. Предисловие. Стр. 186 Женевского издания 1651 г.]

Фр. 35d. Алкей считал [реку Ахелой] сыном Океана и Земли, а Гекатей – сыном Солнца и Земли [Наталис Комес (Конти). Мифология 7: 2. – Стр. 705].

Фр. 36а. Древние изображали обитаемую землю (ойкумену) круглой, в центре помещали Элладу, а в центре Эллады – Дельфы, так как в них – пуп Земли. Демокрит первым... подметил, что Земля продолговата, имея длину в полтора раза больше ширины. С этим согласился и Дикеарх-перипатетик. По мнению Евдокса, длина в два раза больше ширины, по мнению Эратосфена – больше чем в два раза [Карта к «Периегесе», ср. 12 А 6; Агафемер I: 1].

Фр. 36b. Но если существуют некие гиперборейцы, то должны быть и гипернотийцы. Со смехом я гляжу на то, как многие уже начертили землеописания [“карты земли”], а толком никто ничего на разъяснил: они чер-

тят Океан текущим по кругу вокруг Земли, которая кругла словно из-под циркуля, и делают Азию равной Европе. Чуть ниже я покажу, какова величина каждой из них и какие каждая из них имеет очертания [Геродот IV: 36].

Фр. 153. Каркинитида, город скифский¹. Гекатей в описании Европы [Стеф. Виз. // Яс. 184].

Фр. 154. Меланхлены (черноризцы), народ скифский². Гекатей в описании Европы. Названы так по их одежде, как гиппомолги, потому что доят кобыл, а моссиники за их жилища [Стеф. Виз. // Яс. 185].

Фр. 155. Миргеты, народ скифский³. Гекатей в описании Европы. В некоторых из книг Геродиана [II: 552] пишется неправильно [Стеф. Виз.].

Фр. 156. Матикеты, народ скифский. Гекатей в описании Европы [Стеф. Виз. // Яс. 189].

Фр. 157. Кардес, город Скифии. Гекатей в описании Европы [Стеф. Виз.].

Фр. 158. Исеп, народ скифский⁴. Гекатей в описании Европы [Стеф. Виз. // Яс. 187].

Фр. 159. Эды, народ скифский⁵. Гекатей в описании Европы [Стеф. Виз. // Яс. 186].

Фр. 161. Дандарии, народ у Кавказа⁶, как говорит Гекатей в описании Европы [Стеф. Виз. // Яс. 191].

Фр. 162. Типаниссы, народ у Кавказа⁷, Гекатей в описании Европы [Стеф. Виз. // Яс. 192].

Фр. 163. Все береговое плавание по его (т. е. Понтийского залива) как бы островной окружности, простирающееся на 23 тысячи стадий, как утверждают Эратосфен, Гекатей, Птолемей и другие наиболее точные изыскатели такого рода сведений, образует, по согласному свидетельству всех географов, вид скифского лука, натянутого тетивой⁸ [Амм. Марц., XXII: 8 // Яс. 197].

Фр. 164. Город Фанагория⁹, получивший название от Фанагора, как говорит Гекатей в описании Азии: “остров Фанагора и Фанагория” [Стеф. Виз. // Яс. 212].

Фр. 165. Апатур, святилище Афродиты в Фанагории¹⁰. Гекатей знает залив Апатур в Азии [Стеф. Виз. // Яс. 211].

Фр. 166. Иксібаты, народ у Понта, соседний с Синдикою¹¹. Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 216].

Фр. 167. Иамы, народ скифский. Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 215].

Фр. 168. Исседоны, народ скифский¹². Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 193].

Фр. 169. Катанны, народ у Каспийского моря. Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 120].

Фр. 170. Мики¹³ народ, о котором Гекатей говорит в описании Азии: “от Миков до реки Аракса”¹⁴ [Стеф. Виз. // Яс. 281].

Фр. 172. Гекатей Милетский в описании Азии, если только эта книга действительно принадлежит этому писателю (ибо Каллимах приписывает ее Островитянину), – кто бы ни был ее автор, говорит так: “вокруг так называемого Гирканского моря¹⁵ горы высокие и покрытые густыми лесами, а на горах колючее растение кинара” [Атений II, стр. 70 // Яс. 291].

Фр. 185. Кораксы¹⁶, племя колхов, вблизи колов. Гекатей в описании Азии. Кораксийская крепость и Кораксийская страна [Стеф. Виз. // Яс. 210].

Фр. 186. Колы, народ у Кавказа¹⁷. Гекатей в описании Азии: “а подгорья Кавказа называются Кольскими горами”. Страна называется Коликою [Стеф. Виз. // Яс. 209].

Фр. 187. Гекатей говорит, что Фасис не впадает в море и что аргонавты плыли не по Танаису, а по тому же самому пути, по которому и прежде¹⁸, как говорит Софокл в «Скифах»¹⁹ [Схол. к Аполл. Родос. IV: 284 // Яс. 186].

Фр. 188. Мосхи, племя колхов²⁰, соседнее с матиенами. Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 288].

Фр. 190. Хои, народ, вблизи вехиров. Гекатей в описании Азии: “до сих пор земля вехиров, а с ними рядом живут хои”. И опять: “до этих хои”. И опять: “с хоями соседят к востоку дизирь”²¹ [Стеф. Виз. // Яс. 200].

Фр. 191. Макроны, ныне санны²²; о них упоминает Страбон в 12-й книге и Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 206].

Фр. 192. Мары²³, народ, соседний с моссиниками. Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 205].

Фр. 193. Хейрады, город моссиников. Гекатей в описании Европы [Азии?]: “с тибарами к солнечному восходу граничат моссиники²⁴, а у них город Хейрады” [Стеф. Виз. // Яс. 204].

Фр. 195. Халибы, народ у Понта, на реке Фермодонте... и халибои²⁵ у Гекатея: “с халибоями²⁶ к югу граничат армении” [Стеф. Виз. // Яс. 203].

Фр. 196. Стамена, город халибов. Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 202].

Фр. 197. Гермонасса: маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония... Менипп в «Перипле двух Понтов» называет ее местечком Трапезунта; Гекатей и Феопомп говорят, что это город²⁷ [Стеф. Виз. // Яс. 208].

Фр. 198. Патрасий, понтийский город, как говорит Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 214].

Фр. 199. Кросса город у Понта. Гекатей в описании Азии [Стеф. Виз. // Яс. 213].

Фр. 302а. Поскольку разливы реки *Нила* вызывают великое недоумение, многие философы и историки брались объяснить его причины... (3) Гелланик, Кадм, а также Гекатей и все им подобные (уж очень они допотопные) склонились к баснословным объяснениям... (6) Вплоть до момента, когда пишется эта история, пока еще никто не сказал, что видел истоки Нила и место, откуда начинается его течение; равно как и никто не сказал понаслышке от уверяющих, что они видели. (7) И так как дело сводится к предположениям и

вероятным догадкам, то одни следуют египетским жрецам и говорят, что Нил берет начало из обтекающего ойкумену Океана; ничего здорового они не говорят, а только решают загадку другой загадкой [Диод. Сиц. I, 37: 1].

Фр. 302b. На этот счет мне не удалось узнать ничего ни от кого от египтян, когда я расспрашивал у них, что это за свойство такое у Нила, что он ведет себя прямо наоборот, нежели прочие реки... (20) Некоторые эллины, желая блеснуть своей мудростью, высказали по поводу этой воды три объяснения, два из которых я не считаю достойными упоминания, разве только с тем, чтобы указать на них. Одно из них... [следует теория Фалеса, 11 А 16]. (21) Второе гласит, что Нил вытворяет это потому, что течет из Океана, а Океан течет вокруг Земли [следует теория Анаксагора, 59 А 91]... (23) Тот, кто сказал об Океане и сослался в своем баснословном объяснении на неизвестное, не может быть опровергнут: я не знаю никакой реки Океан, существующей в действительности, а думаю, что это Гомер или еще кто-то из поэтов придумал это имя и ввел его в поэзию [Геродот II: 19].

Фрагменты из «Генеалогий»

по Деметрию (345–283 до н. э.), Атенею (Афиней, III в. н. э.), Павсанию (II в. н. э.), «Лексикону» Стефана Византийского (VI в. н. э.) и схолиям к Еврипиду (484–407/406 до н. э.), Антимachu Колофонскому (V–IV вв. до н. э.) и Дионисию Фракийскому (ок. 170–ок. 90 до н. э.)

Фр. 1а. Вот пример [непериодического] стиля: “Так говорит Гекатей Милетский: я пишу это так, как мне представляется истинным, ибо рассказы эллинов многообразны и смехотворны, как мне кажется” [Деметрий. О стиле: 12].

Фр. 15. Гекатей Милетский, по словам которого виноградная лоза была изобретена в Этолии, говорит, в частности, следующее: “Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию на царство, и собака его родила стебель, а он велел его зарыть, и из него выросла лоза, обильная гроздьями, поэтому он и назвал своего сына Фитием (“Растительным”), а от него родился Ойней, названный так от лозы, ибо древние эллины называли лозы “ойнами”, от Ойнея же родился Этол” [Атений II, 35: АВ].

Фр. 19. По преобладающему мнению, Египет не пришел в Аргос, о чем среди прочих пишет и Гекатей в таких словах: “Сам Египет в Аргос не пришел, а только сыновья его, которых, как Гесиод сочинил, было пятьдесят, а

как по-моему, то не было и двадцати” [Схолии к Еврипиду. Орест: 872].

Фр. 20. Эфор во второй книге и другие считают изобретателем алфавита Кадма. Другие считают, что Кадм не изобрел, а только передал нам изобретение финикийцев: так сообщают Геродот в «Истории» [V: 58] и Аристотель [фр. 501R]. По их словам, финикийцы изобрели алфавит, а Кадм перенес его в Элладу. Пифодор в сочинении «Об алфавите» и Филлис Делосский в «Хронологии» говорят, что еще до Кадма алфавит был перенесен Данаем. Об этом свидетельствуют также милетские писатели Анаксимандр, Дионисий и Гекатей, которых цитирует Аполлодор в «Каталоге кораблей». Некоторые считают изобретателем алфавита Мусея, сына Метиона и Стеропы, который был современником Орфея. Антиклид Афинский приписывает изобретение египтянам. Досиад говорит, что он был изобретен на Крите. Эсхил называет изобретателем Прометея в одноименной драме [стих 460]. Стесихор во второй книге “Орес-

теи” и Еврипид [фр. 578N] считают изобретателем Паламеда, Мнасей – Гермеса. Кто как [Схолии к Дион. Фрак. 183: 1].

Фр. 27а. Мыс Тенар... на мысе стоит храм в виде пещеры и перед ним – статуя Посейдона. (5) Кто-то из греков сочинил, будто Геракл поднял здесь наверх пса Аида, хотя через пещеру нет никакой дороги под землю, и кроме того, нелегко поверить в то, что существует некое подземное жилище богов, в которое собираются души *умерших*. Но Гекатей Милетский “нашел правдоподобное объяснение”, (λόγον εἰχότα): по его словам, “на Тенаре выросла ужасная змея, а “псом Аида” ее прозвали потому, что ужаленного ею ждала немедленная смерть от яда, и вот эту-то змею Геракл и отвел к Еврисфею. (6) Гомер – а он первым называл существо, приведенное Гераклом, “псом

Аида”, – не дал ему никакого имени и не при-сочинил деталей внешнего облика, как в случае с Химерой, а последующие поэты называли его Кербером и... говорят, что у него три головы [Павсаний III: 25: 4].

Фр. 27b. Гекатей Милетский говорит так: “Думаю я, что змея эта была не такая большая и не огромная, а *просто* пострашней других змей, и поэтому Еврисфей приказал *привести ее*, думая, что к ней не подступиться...” [Схолии к Антимаху. Каирский папирус 65741, столб. II: 26 сл.].

Фр. 350. Хадисия, город белосирийцев. Гекатей во 2-й книге «Генеалогий»: “Фемискира (Темискира) – это равнина от Хадисии до Фермодонта (Термодонта)” [Стеф. Виз. // Яс. 7а].

Примечания

¹ [В Крыму, близ современного гор. Евпатории, засвидетельствована надписями, см. IOSPE, I: 185.]

² [Ср. у Геродота, в прим. к кн. IV: 20].

³ “*Миргеты*, кроме этого, не упоминаются нигде... Может быть, это ошибка самого Стефана Виз., и эти миргеты, с заменой буквы m, не что иное как тиррегеты Страбона (VII: 471), тирагеты Птолемея (III: 10), тирагеты Плиния (IV, 12: 24), которые жили по соседству с р. Дунаем и бастарнами” (Примечание Мюллера).

⁴ [Герман в RE, s. n., предлагает читать πόλις вместо ἔθνος. Наименование это сопоставлялось также с именем исседонов.]

⁵ [Эды, по-видимому, то же самое, что и упоминаемые Плинием (VI: 50) эдоны: одно из незначительных закавказских племен. Близость этого имени к имени фракийских эдонов основана, вероятно, лишь на созвучии.]

⁶ [Дандарии – племя на юго-восточном берегу Азовского моря, известное также у некоторых поздних авторов, а кроме того, из боспорских надписей (IOSPE, II: 66 и 344). Левкон I и его сын Перисад I называют себя царями меотов, псессов и дандариев (ср. В. В. Латышев. Краткая история Боспорского царства, стр. XXVI)].

⁷ *Типаниссы* – “неизвестный народ” (Примечание Мюллера). Возможно, что под испорченной формой названия скрывается какой-либо известный народ.

⁸ [Скифский лук – нередко составной, из костяных и деревянных частей – будучи натянут, образовывал посередине мыс, который и уподобляется в этом сравнении Херсонесу Таврическому (т. е. Крыму). См. Minns. Scythians and Greeks, стр. 66 сл. и рис. 17, 94].

⁹ [Милетская колония на Таманском полуострове, засвидетельствованная также надписями (см. IOSPE II, стр. 167).]

¹⁰ [О культе Афродиты Апатурии на Таманском полуострове имеются свидетельства в надписях (см. IOSPE, II: 352).]

¹¹ [Иксибаты сопоставляются с иксоматами и язаматами позднейших авторов, т. е., вероятнее всего, являются одним из делений племени сармат

(савроматов). Ср. E. Minns. Scythians and Greeks. – Cambridge, 1913: 120 сл.]

¹² [По Аристее, Геродоту и Птолемею, одно из восточных скифских племен, населявших степные пространства к северу от Каспийского моря. Герман (RE) под этим словом, отрицая значение всех позднейших свидетельств, кроме Аристее и Геродота, локализует *исседонов* на р. Исети, в названии которой видит отзвук их племенного имени. См.: Tomaschek. Die alten Thraker, II: 54 сл.]

¹³ [Мики – народ в юго-восточном Иране, между Карманией и Аравией (позднейшая Гедрозия).]

¹⁴ “Так как мики жили по соседству с Красным морем, то, вероятно, в этом месте отмечаются северные и восточные границы Азии, ибо, по Геродоту, Аракс отделяет Европу от Азии (IV: 11)” (Примечание Мюллера).

¹⁵ [Гирканское море – Каспийское море.]

¹⁶ [Кораксы – горное племя на западнокавказском побережье, в районе милетской колонии Диоскуриады (современного Сухуми). В более позднее время были подчинены колхам.]

¹⁷ [Колы – горное племя на западнокавказском побережье, между меланхленами и кораксами (Скилак 77–79). Локализируются на речке Метазорис (Турсура), у нынешнего Очемчири, к юго-востоку от Диоскуриады. См. Ф. Бсун. Черноморье, т. II. стр. 250 сл.]

¹⁸ “Этому противоречат слова, содержащиеся в той же схолии под стр. 259: Гекатей Милетский из Фасиса ведет (аргонавтов) в океан, а оттуда – в Нил (фр. 339). Некоторые поэтому хотят в первом случае заменить Гекатея Геродотом. А может быть, схолиаст имел в виду разных Гекатеев” (Примечание Мюллера).

¹⁹ [Море, о котором идет речь, очевидно, Каспийское или Азовское. Имеется в виду возвратное плавание аргонавтов кружным путем (по Танаису, Истру, Эридану).]

²⁰ [Кавказское племя, упоминаемое Ксенофонт (Анабасис, VII, 8: 25) и обычно отождествляемое (наряду с тибаренами) с “табал и мушки” ассирийских источников, а также с библейским тубал и мешех (Иезекииль, XXVII, 13) – племенами, знаменитыми торговлей металлом и рабами, поставлявшимися в г. Тир на Средиземном море. Они ока-

зывали сопротивление Ассирии, но были оттеснены в горы киммерийцами, где их и застает Ксенофонт (см. примечание к кн. VII: 78 Геродота). См. А. Хаханов, в «Этнографии, обозрении», 1891, № 3].

²¹ [Обо всех упоминаемых здесь народах ближе ничего не известно. Название первого из них, может быть, следует читать таои или таохи. См. П. Ушаков. К походам урартийцев в Закавказье // ВДИ, 1946, № 2, стр. 32 сл.].

²² [О *макронах (саннах)* см. в прим. к кн. VII: 78 Геродота].

²³ [Кавказское племя, упоминаемое также Геродотом (см. в прим. к кн. VII: 79).]

²⁴ [О *моссиниках* и *тибаренах* см. в прим. к кн. VII: 78 Геродота, а также к фр. 188 Гекатея.]

²⁵ Для того чтобы в переводе удержать разные формы имени народа, мы образовали форму «ха-

либой» от основы 2 скл. χαλυβο, отличающегося от основы 3 скл. χαλυβ.

²⁶ [Халибы и халибои, несомненно, один и тот же народ, населявший современную южную Армению и Сев. Иран, известный также под именем халдов (по имени их главного божества). Народ этот, называвший себя урарту, был древнейшим народом на территории СССР, достигшим государственности. Об урарту см. Б. Пиотровский. История и культура Урарту, 1944, а также И. Мещанинов. Халдоведение, выпуски I и II.]

²⁷ [Город *Гермонасса* (митиленская колония), смещиваемый Гекатеем и Феопомпом с местностью Гермонасса в Малой Азии, находился на Боспоре, в азиатской его части (на Таманском полуострове), но с точностью не локализован. См. В. В. Латышев. Повник: 72.]

Эсхил

Αἰσχύλος – Aischylos, Aeschylus

Эсхил (525–456 до н. э.), греческий поэт, получивший титул отца трагедии. Родился в аристократической семье в Афинах. Принимал участие в персидских войнах, сражался при Марафоне, где погиб его брат Кинагир (490 г.), и Саламине (Кипр, 480 г.); возможно, и при Платеях (Беотия, 479 г.). Во время LXX олимпиады (499–496 до н. э.) начал выступать на сцене и в 484 г. одержал первую победу. Эсхил одержал всего 13 прижизненных побед и 15 посмертных, так как в виде исключения его пьесы были допущены к повторным постановкам. В 471–469 гг. совершил путешествие на Сицилию, ко двору тирана Сиракуз Гиерона I, где написал пьесу в честь только что основанной дорической колонии Этны – «Этна», или «Этнеанки» и заново поставил «Персов». По возвращении в Афины в 468 г. в конкурсе трагиков был побежден дебютантом Софоклом (ок. 496–406 до н. э.). После 458 г. Эсхил вновь уехал на Сицилию, где, по преданию, в Геле, у себя во дворе, был убит черепашьей, брошенной орлом на его лысину.

Подробнее см.: Н. Сахарный. Трагедии Эсхила // Эсхил. Трагедии / Перевод с древнегр. С. Анта. Вступ. статья Н. Сахарного. Комментарии Н. Сахарного и С. Анта. – М.: Худ. лит., 1971. Переиздание: М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001; Античные писатели. Словарь. – СПб.: Лань, 1999.

Эсхил

Семеро против Фив

Перевод С. Анта

Скифская сталь, чужеземка злая,
Мечет жребии сегодня.
Делит отчее наследство
730 Беспощадное железо.
И земли получит каждый
Столько, сколько нужно для могилы –
Вместо простора угодий царских.

Вестник [сообщает о гибели сыновей Эдипа]:

- 816 Два полководца скифским, твердокованным
Железом разделили родовой надел.
Земли получат столько, сколько гроб займет...

Источник: Эсхил. Трагедии / Перевод С. Анта. – М.: Искусство, 1978.

Плакальщицы (Хоэфоры)

Перевод Вяч. Иванова

Хор:

- 160 Кто с копием в руке, сильный муж, придет вызволить царский дом?
Скифский сгибаю лук¹, кто с тетивы тугой спустит пернатую?
На рукопашный суд кто позовет врага?

Источник: Эсхил. Трагедии / Перевод Вяч. Иванова. – М.: Наука, 1989, с. 161-195.

Жертва у гроба

Хор:

- 160 Пусть копьеносный муж нас наконец спасет!
Меч ли руками сжав, скифский ли лук согнув¹,
Смелый воитель пусть вызволит дом из плена!

Источник: Эсхил, Трагедии / Перевод С. Анта. – М.: Худ. лит., 1971.

Просительницы

Царь:

- Не может быть, о гостьи, мне не верится,
Что в самом деле родом вы из Аргоса.
На уроженок Ливии [Африки] походите
280 Вы больше, чем на женщин из окрестных мест.
Такое племя мог бы породить и Нил,
И кипрские, пожалуй, отпечатались
Черты на лицах женских – от отцов они.
Еще индийских вы напоминаете
Кочевниц – у границы с Эфиопией
Те на верблюдах ездят, я слышал, верхом.
Будь вы при луках, я б еще с безмужними,
Охочими до мяса амазонками²
Сравнил вас. Расскажите нам подробнее,
290 Как именно к аргосцам ваш восходит род.

Источник: Эсхил, Трагедии / Перевод С. Анта. – М.: Худ. лит., 1971.

Евмениды

Аполлон:

- Сравнить возможно ль смерть коварной женщины
[царицы Клитемнестры]
И смерть царя [Агамемнона], принявшего от Зевса жезл?
И как убит он? Не в бою, не меткою
630 Стрелой амазонки, а рукой жены...

- Я рассказал вам о бесславной гибели³
640 Достойнейшего мужа, кораблей вождя,
И о жене коварной, чтоб в сердцах судей,
Вершащих суд над сыном [матереубийцей Орестом],
разгорелся гнев.

Источник: Эсхил, Трагедии / Перевод С. Анта. – М.: Худ. лит., 1971.

Аполлон:

- То не одно и то же – витязь царственный,
Приявший скиптр от Зевса, как погиб: в бою ль,

От витязя другого? – от жены ль?... Жены?
Настигла ль издали каленой стрелой
Героя амазонка?... Нет! Услышьте, как, -
630 Царица града! вы, суда вершители!
Домой вернулся. В главном удался поход.
Жена встречает лестью победителя.
Усталого с дороги ждет купель. Встает,
Омытый. Простынею шире паруса
Окутывает гостя и разит жена...
Так умер оный, всеми свято чтимый муж,
Вождь воинства морского, богоданный царь.
Вот какова супруга! Уязвил рассказ
Вам душу гневом, судии Орестовы?

Источник: Эсхил. Трагедии / Перевод Вяч. Иванова. – М.: Наука, 1989, с. 161-195.

Афина: Так слушайте устав мой, люди Аттики.
Сегодня в первый раз о крови пролитой
Идет здесь тяжба. У сынов Эгеевых
Да будет неподкупен этот суд вовек
На этом холме. Амазонки некогда
690 Здесь лагерем стояли⁴, на войну придя
С Тезеем. Город здесь высокостроенный
Они воздвигли возле старой крепости,
Аресу посвятив его. Отсюда-то
И прозвище Ареопаг, Аресов холм.
Пусть днем и ночью холм внушает гражданам
Почтение и родственный почтению
Страх пред виною. Пусть не будет новшеством
Устав мой осквернен: прозрачный ключ взмутив
Притоком грязным, свежей не испить воды.
Пускай безвластья избегают граждане
700 И самовластья. И еще советую
Не изгонять из города священный страх:
Кто из людей земных без страха праведен?
Ревнуя о стыде и благочестии,
Спасительный оплот стране и городу
Вы обретете. Нет ему подобного
Нигде – ни в Скифских землях, ни в Пелоповых.

Источник: Эсхил. Трагедии / Перевод С. Анта. – М.: Худ. лит., 1971.

Прикованный Прометей

Власть:

Ну, вот мы и на месте, у конца земли,
В безлюдном скифском, дальнем и глухом краю.
Пора, Гефест, исполнить, что наказано
Тебе отцом, и святотатца этого
К скалистым здешним кручам крепко-накрепко
Железными цепями приковать навек.

Источник: Эсхил. Трагедии / Перевод С. Анта. – М.: Худ. лит., 1971.

Вот мы пришли к далеким рубежам земли,
В пространства скифов, в дикую пустую дебрь.
Гефест, теперь повинность за тобой – приказ
Родительский исполни и преступника
К скалистоверхим кручам пригвозди, сковав
Булатными, кандалными оковами.

Источник: Эсхил. Прикованный Прометей / Пер. А. И. Пиотровского. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

Прозаический пересказ этого же места

– Ну вот, наконец-то мы на краю земли, в Скифии! – сказала Власть, останавливаясь возле скалы. Гефест, исполни же приказание своего отца, Зевса, начни приковывать к скале этого злодея своими крепкими цепями! Он, дерзкий, похитил твою гордость, огонь, и передал его людям. За эту вину перед богами Прометей и будет наказан!..

Плачут дочери Колхиды,
Что не знают страха в битве,
Плачут скифские кочевья
На далеком краю земли,
Возле вод Меотийских.

.....

А ты, Инаха семя, ты слова мои
Впивай душою, чтоб конец пути узнать.
Отсюда ты сначала, на восток свернув,
Ступай вперед по землям нераспаханным
К кочевьям скифов, что в плетеных коробах,
Высоких, на колесах, с дальнострельными
Не расставаясь луками, привыкли жить.
Не подходи к ним, а скалистым берегом,
Где волны гулко стонут, дальше путь держи.
Там слева кузнецы, с железом дружные,
Живут, халибы. Этих опасайся ты:
Народ суровый, круты с чужеземцами.
К реке Дикарке выйдя, – та и впрямь дика, –
Вброд не пускайся: брода не найти тебе,
Покуда до Кавказа, всем горам горы,
Не доберешься, где поток неистовый
С вершин летит. По кручам, что у самых звезд,
Пройдя, тебе дорогой прямо на полдень
Спуститься надо. К амазонкам, воинству,
Враждебному мужчинам, ты придешь (они
Близ Фермодонта, в Фемискире, некогда
Осядут, где коса у Салмидесса путь
Судам закрыла, мореходам мачеха).
Дорогу там покажут, не чинясь, тебе.
Ты выйдешь к перешейку Киммерийскому,
К воротам узким моря, безбоязненно
Пересечешь теснину Меотийских вод,
И вечно среди смертных славной памятью
Об этой переправе будет имя жить –
"Боспор" – "Коровий брод". На материк придешь
Азийский из Европы...

Источник: Эсхил. Трагедии / Перевод с древнегреческого С. Анта. – М.: Худ. лит., 1971.

Племя девушек-наездниц, травы топчущих в Колхиде,
Плачет. Орды плачут скифов, что кочуют в конце земли,
У Меотийских мелей.

.....

Прометей:

Исполнил я желанье ваше первое.
Хотели вы сначала, чтобы девушка
Сама печальный путь свой рассказала вам.
Теперь узнайте и про то, что в будущем
Ей предстоит по гневу Геры вытерпеть.

А ты, дитя Инаха, глубоко в груди
Спрячь речь мою, чтоб знать своих дорог конец.
Отсюда ты к восходу солнца путаный
Направишь шаг по целине непаханой
И к скифам кочевым придешь. Живут они
Под вольным солнцем на телегах, в коробах
Плетеных, за плечами – метко бьющий лук.
Не подходи к ним близко! Беглый путь держи
Крутым кремнистым взморьем, глухо стонущим,
Живут по руку левую от этих мест
Железа ковачи Халибы. Бойся их!
Они свирепы и к гостям неласковы.
К реке придешь ты Громотухе. Имя ей
Дано по нраву. Брода не ищи в реке!
Нет брода! До истоков подымись! Кавказ
Увидишь, гору страшную. С ее рогов
Поток подснежный хлещет. Перейти хребты,
Соседающие звездам, и к полудню шаг
Направь! Там Амазонок войско встретится,
Враждебное мужчинам. В Фемискире жить
Они у Фермодонта будут. Отмель там
Опаснейшая, Челюсть Сальмидесская,
Страх кораблей, пловцов дрожащих мачеха.
Тебе дорогу там укажут дружески.
Придешь ты после к Истму Киммерийскому,
К воротам тесным моря. Там, отважившись,
Должна ты Меотиды переплыть пролив.
И память в людях славная останется
Об этой переправе. Будет имя ей -
“Коровий брод” – Босфор. Европы кинешь ты
Равнины, на Азийский материк придешь...

*Источник: Греческая трагедия / Перевод А. И. Пиотровского.
– Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.*

Прозаические пересказы с примечаниями Л. А. Ельницкого

А. ...Прометей же, видя, как плачут дочери Океана, слушая горестный рассказ Ио, сказал им:

– Постойте, не лейте понапрасну своих слез, узнайте, что ждет Ио в будущем. Ты же, Ио, направься отсюда в земли кочевников-скифов, но держись от них в стороне, минуя их землю и иди к бурной реке, к Кавказским горам. Здесь встретишь ты амазонок, и они укажут тебе дорогу, и придешь ты к Киммерийскому проливу у Меотиды. Преодолеешь ты это море, а затем из Европы придешь в Азию. Знай, что то, что ты услышала от меня сейчас, только начало твоих страданий...

Б. 729-761. Прометей (*к хору и Ио*): Выслушайте теперь об остальных страданиях, которые предстоит этой юнице вытерпеть от Геры. И ты, дочь Инаха, вложи в душу мои слова, чтобы узнать пределы своих странствований.

Прежде всего поверни отсюда к восходу солнца и иди по неспаханым степям; ты придешь к кочевникам-скифам, которые живут на высоких повозках с прекрасными колесами под плетеными кибитками, вооруженные дальнобойными луками. К ним ты не приближайся, но удались из этой страны, идя вдоль шумного и утесистого морского берега. По левую руку живут обрабатывающие железо халибы, которых тебе нужно остерегаться: они суровы и неприступны для чужеземцев. Далее ты достигнешь Буйной реки, не ложно носящей это имя: не переправляйся через нее, ибо она неудобна для переправы, пока не придешь к самому Кавказу, высочайшему из горных хребтов, где река яростно низвергается с самих вершин. Перевалив через поднимающиеся до звезд высоты, ты вступишь на конную дорогу, по которой придешь к враждеб-

ной мужам рати амазонок, которые со временем поселятся в Фемискире у Фермодонта, где находится суровая Салмидесская бухта, враждебная морякам и мачеха кораблям; амазонки очень охотно укажут тебе дорогу. За ними ты достигнешь у самых узких врат озера до Киммерийского перешейка; смело миновав его, переплыви Меотийский пролив – и навеки сохранится у смертных славное

сказание о твоей переправе, а пролив получит от нее название Боспора. Покинув европейскую землю, ты вступишь на азиатский материк...⁵

829–833. Прометей (*к Ио*). Берегись остро-
клювых, безгласных псов Зевса, грифов и од-
ноглазой конной рати аримаспов⁶, которые
живут у златоносного Плутонова потока. К
ним ты не приближайся...

Схолии к «Семерым против Фив» Эсхила

727. *Чужеземец жребию*. Автор говорит это очень поэтично: он говорит, что это делает халибское и скифское железо... Это халибское железо происходит из Скифии⁷, так как оно добывается из скифского города Халиба.

728. *Халиба*. Так как железо открыто у халибов, а халибы *составляют* часть скифов, и оттуда распространилось по всей земле, то поэтому *автор* называет его гостем, т. е. другом халиба и высленцем из Скифии.

814. ... В железе скифском, т. е. происходящем из Скифии; ибо там добывается железо...

817. Скифом. Скифским железом, поскольку халибы открыли его...

941... Поэт называет железо понтийским потому, что на побережье Понта живут халибы, у которых добывается железо, или потому, что халибы, откуда вывозится железо, – народ у Понта...

Древние схолии к «Прометею»

Ὑποθεσις. Когда Прометей был прикован в Скифии за похищение огня, блуждающая Ио узнает, что, прибыв в Египет, она от прикосновения Зевса родит Эпафа. Вводится Гермес, угрожающий ему поражением перунами, если он не откроет будущей судьбы Зевса, и в конце концов раздается гром, и Прометей исчезает.

Этот миф встречается в виде эпизода у Софокла в «Колхах», а у Еврипида вовсе не встречается. Сцена драмы предполагается в Скифии на Кавказской горе...

Нужно знать, что Эсхил представляет Прометея прикованным не на Кавказе, согласно общераспространенному преданию, а у европейских пределов Океана, как можно заключать из слов его к Ио.

117. *Предел*. Ибо Кавказ – конец населенной земли.

420. *Аравии*. Как поэт связал Аравию с

Кавказом? Или потому, что, по словам Страбона, между Меотидою и Каспийским морем жили троглодиты, которые родом арабы⁸...

422. *Обитают* колхи.

717. *Реку* – Аракс, названный так оттого, что его волны разбиваются и шумят (по-гречески ἀράσσειν).

722. *Вершины* Кавказа.

723. *Рать амазонок*, ибо первоначально амазонки жили в Скифии⁹.

730. *Киммерийский*. Поэт понимает Киммерийский Боспор, который составляет дополнение Меотийского озера¹⁰.

790. *Поток-границу материков* – реку Танаис. “Европу от Азии отделяет посередине Танаис”.

803. *Грифов*. Первый Гесиод сообщил чудесные сказания о грифах.

805. *Аримаспов* – скифское одноглазое племя.

Позднейшие схолии к «Прометею»

Ὑποθεσις. Когда Прометей похитил у Зевса и дал людям огонь, с которым люди изобрели всякие искусства, разгневанный Зевс передает его своим слугам: Могуществу, и Силе, и Гефесту, чтобы они отвели его к Кавказской горе и там приковали железными цепями. Сцена драмы предполагается в Скифии на Кавказской горе, а заглавие ее – «Прикованный Прометей».

1. *Отдаленную землю*. Поэт понимает Кавказ...

Отдаленную – высокую, длинную, откуда можно далеко видеть; поэт понимает Кавказ... Нужно сказать, что, по словам поэта, Прометей был прикован не на Кавказе, но у европейских частей Океана, а не в другом месте, как можно заключить из слов его к Ио.

2. *В Скифскую страну*, или скифскую дорогу, ибо для того, чтобы Прометей не имел ни в чем утешения, его ведут в те места... Или поэт потому сказал «скифскую дорогу», что скифы заселяли Кавказ, или по причине ди-

кости и безлюдия местности; а что такова была эта местность, это ясно из выражения “в безлюдную пустыню”.

117. *На предельную скалу.* Пришел на конечную часть земли, ибо Кавказ – конец обитаемой земли...

118. *Скалу.* Кавказ – на конце Океана...

167. *Да, еще меня.* Поэт понимает любовь к Фетиде со стороны Зевса. Ибо он, влюбившись, преследовал ее на горе Кавказ, чтобы вступить с нею в связь, но был остановлен Прометеем, сказавшим ему, что сын, который родится от нее, будет значительно могущественнее своего отца; поэтому Зевс, испугавшись за свою власть, удержался от связи с Фетидою...

281. *Леденящей земле,* тяжелой, суровой и скалистой, т. е. Кавказу.

298. ...в землю – мать железа, т. е. производящую железо. Поэт понимает Скифию; ибо там где-то вблизи живут халибы, скифское племя, где добывается железо.

301. *Мать железа,* обрабатывающую железо; халибскую землю, в Скифии, в которой впервые найдено железо; поэт понимает Кавказ, ибо около него живут халибы.

347. ... Прометея приковал Зевс к Кавказской горе.

411 (427). *Которые ближайшие.* Все люди, которые только населяют землю и область священной Азии, страдают нам и сочувствуют твоим страданиям, соединенным с великими стенаниями, и девы – обитательницы Колхиды, т. е. амазонки¹¹, бестрепетные и бесстрашные в боях, огорчаются твоими бедствиями, и многолюдные племена скифов, которые населяют край земли вокруг Меотийского озера, и аресов воинственный род Аравии, *под которым поэт* понимает троглодитов, которые живут вблизи Кавказа и населяют высокоутесный город, воинственная рать, гремющая и звучащая в копьях с острыми наконечниками, т. е. колхи.

415. *Колхиды,* которая находится в Скифии.

561. Ио, вследствие гнева Геры, превращенная в корову и гонимая оводом, обошедши многие другие места, прибыла и туда, где Прометей был прикован у европейских частей Кавказа...

709. *Которые плетеные кровли.* Каковые скифы живут и обитают под плетеными кровлями, очевидно πεδάρσιοι, т. е. поднимаемые от земли и возвышаемые ἐπὶ τοῖς ἐνκύκλοις ὄχοις, т. е. на повозках с хорошими колесами: ибо на них скифы устраивают свои палатки, вооруженные и уверенные в своих дальнобойных луках.

712. К которым не приближайся. К каковым

скифам не подходи и не приближайся, потому что они истребляют чужестранцев, но ... выходи из земли и из области гиподов... Гиподы – название народа; иные в слове γύποδας изменяют γυ в γε и... говорят ἀλιστόνοις γε πόδας χρίμπτουσα ραχίαισιν...; а другие приняли γύποδας с συκοπή вместо γυμνόποδας, т. е. с голыми ногами.

714. *По левую руку.* В левых частях, говорит поэт, живут обрабатывающие железо халибы, которых следует остерегаться, т. е. избегать и не приходить к ним, потому что они суровы и не посещаются иностранцами; ибо прибывшие туда терпят от них вред.

717. *Придешь к буйной.* Буйной рекой поэт называет Аракс. Она называется Араксом от того, что волны ее разбиваются (ἀράσσειν) и шумят; ибо ее названию соответствует и действительность. На это именно указывая, Эсхил называет “неложноименным”, т. е. не напрасно так названным, Аракс, через который не переправляйся, ибо он труден и неудобен для переправы.

719. *Пока к самому Кавказу,* т. е. к другой части Кавказа, ибо Прометей был распят в одной части и на вершине Кавказа, а гора Кавказ имеет большое протяжение.

723. *Затем амазонок* – так как первоначально амазонки жили в Скифии, поэт говорит: где застанешь мужененавистное, т. е. ненавидящее и презирающее мужчин войско амазонок; эти амазонки некогда заселят город Фемискиру (Темискиру) у реки Фермодонта (Термодонта), где находится суровая челюсть моря, т. е. остров, углубление или челюсть Салмидесская¹², враждебная морякам, мачеха кораблей. Поэт употребил слово “челюсть” потому, что Салмидесское море имеет такой вид, как ослиная челюсть... Иначе: *в этом месте есть* фигура – анахронизм, ибо совершившееся задолго раньше поэт представляет как имеющее совершиться, так как раньше Эсхила амазонки, покинув свою родину, заселили Фемискиру близ реки Фермодонта; а теперь поэт говорит, что они намерены заселить, так как раньше амазонки жили в Скифии. Амазонками они называются или потому, что не питались лепешками (μάζαις) и хлебом, или потому, что выжигали груди, или потому, что вовсе не имели грудей, или потому, что новорожденные не сосали груди, а питались коровьим молоком.

724. *Фемискиру* (Темискиру). Название местности в Армении или река. Город в Скифии.

729. *Озера* – Меотийского.

730. *Киммерийский.* Ты придешь на Ким-

мерийский перешеек на самых узких вратах озера, т. е. Меотийского. Поэт разумеет Киммерийский Боспор, который служит дополнением Меотийского озера. Большинство говорит, что киммерийцы – народ у скифского Тавра и Меотийского озера; они не имеют света, не видят солнца и сорок дней проводят во мраке и глубокой ночи¹³; время этого мрака – когда солн це находится в созвездии Козерога; другие же сорок дней они живут в полном свете. Гомер говорит что киммерийцы живут около Италии, и утверждает, что они всегда находятся во мраке; киммерийцы – небольшая часть и народец одного италийского племени; их жилища находятся в оврагах, лощинах и зарослях, и солнце вовсе их не освещает; там есть и некое озеро, называемое Сиахой, в котором тонут падающие с деревьев листья.

789. ...“Тогда, говорит Прометей, запечатлей в своих мыслях свое многократное, идущее многими извилинами странствование, когда переправившись через реку Танаис”¹⁴... Ибо эту реку называет поэт границей, опре-

делением и разделением материков, т. е. двух земель, Европы и Азии, как и периегет¹⁵ говорит: Европу от Азии (протекая) посередине разделяет Танаис.

790. Поток; границу материков – Геллес-понт или Танаис, границу Азии и Европы¹⁶.

793. ... Далее Прометей говорит: остерегайся и берегись, чтобы не уйти туда, где находятся οἱ ἀκραγεῖς κύνες, т. е. грифы, всегда сильно кричащие, или напротив, некричащие; Гесиод первый сообщил о них чудесные сказания. Остерегайся также однозрачной, т. е. одноглазой, рати аримаспов¹⁷, выступающей на конях, т. е. воинственной; живут они у течения пролива и предела Плутона; а Плутон – река в Эфиопии; она называется так потому, что там несется течением большое количество золота.

Аримаспов. Слово Ἀριμαστός производится от ἄρης и глагола ἀσπῶ, означающего двигаться с дерзостью. Аримаспы называются так потому, что имеют один глаз, ибо ὄρι на их языке значит один, а ἀσπός – глаз, тоже на их языке...¹⁸

Примечания

¹ В. В. Латышев, излагая это место иначе, констатирует, что здесь упоминаются “стрелы луков скифских, с загнутыми концами”.

² Изложение В. В. Латышева: “Амазонки названы безмужными, глотающими мясо, вооруженными стрелами”.

³ Мотивация Клитемнестры: Агамемнон зарезал ее дочь Ифигению, принес в жертву, как овцу; издеваясь над женой, наслаждался под Троей дочерью жреца Хриса; делил ложе с троянской царевной, которую привез домой. За все это он должен был поплатиться. – А. Г.

⁴ Амазонки некогда здесь лагерем стояли... – По одному из мифов, амазонки, мстя за похищение своей царицы царю Тезею, пошли против него волной и вторглись в Аттику. – Н. Подземская.

⁵ Эти строки также свидетельствуют о смутности Эсхиловой географии. Посылая Ио с запада на восток, после скифов, после халибов, Буйной реки (в которой, по соответствию названий, схолиасты хотят видеть Аракс, – от ἀράσσω – бить камнями, шуметь) Кавказа, амазонок на Фермонте, Эсхил вдруг оказывается у Салмидесской бухты, обычно локализуемой на северном побережье Фракии, – а затем снова у Киммерийского Боспора.]

⁶ [Об аримаспах, борющихся со стерегущими у Рипейских гор золото грифами или грифонами, – мифологический сюжет, весьма часто использовавшийся в аттической краснофигурной вазовой живописи, на сосудах, предназначенных для вывоза в Сев. Причерноморье, – см. у Геродота в кн. IV, 13, у Аристия (отрывок у Цеца) и в примечаниях к этому тексту.]

⁷ [Скифию схолиаст понимает в самом широком смысле, ибо халибов (см. прим. к фр. 195 Гекатея) локализовали всегда на Кавказе, а не в Скифии.]

⁸ [Географические представления Эсхила не очень отчетливы. Аравия и Кавказ представляют ему соседними странами – обстоятельство, ставившее в тупик его схолиастов (ср. схолии к этому месту).]

⁹ [Об амазонках в Скифии см. в кн. IV, 110 Геродота и в прим. к древней схолии к «Илиаде», III: 189].

¹⁰ [Боспор Киммерийский – Керченский пролив из Черного моря в Азовское Меотиду].]

¹¹ [Амазонок древние авторы локализируют обычно не в Колхиде, а по р. Фермонту (Термонту), на северо-востоке Малой Азии, или же в Скифии, точнее, в области савроматов по р. Танаису.]

¹² [О Салмидесской бухте см. в прим. к ст. 729 сл. «Прикованного Прометея».]

¹³ [О киммерийцах – мифическом народе, живущем на краю света, см. в предисловии к отрывкам из Гомера; о киммерийцах исторических – в прим. к кн. I: 103 Геродота.]

¹⁴ Относится к словам Прометея, обращенным к Ио (стихи 814–816).

¹⁵ [Периегет – Дионисий Периегет (см. стр. 14 его «Землеописания»)].

¹⁶ См. ниже параллели к ст. 801: “когда перейдешь отделяющий Европу от Азии Танаис”...

¹⁷ [Об аримаспах и грифонах ср. прим. к ст. 829 «Прикованного Прометея».]

¹⁸ Ср. Геродот IV: 27 и схолии Евстафия к Дионисию Периегету, 31 (см. ниже).

Источник: *Fragmenta Historicorum Graecorum* / Ed. C. Mullerus. Vol. I. – Paris, 1846; *Die Fragmente der griechischen Historiker* / Hrsg. von F. Jacoby. Bd. I-III. – Berlin-Leiden, 1923-1958; В. Шеффер. *Очерки греческой историографии* // Университетские известия. – Киев, 1883, № 1, 3; 1884, № 5, 6, 7; В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // ВДИ, 1947, № 1; Аполлоний Родосский. *Аргонавтика* / Перевод, введение и примечания Г. Ф. Церетели. – Тбилиси, 1964; Аполлоний Родосский. *Аргонавтика* / Издание подготовила Н. А. Чистякова. – М.: Ладомир; Наука, 2001.

Пиндар

Πίνδαρος – Pindarus

Пиндар (522/518 – 442/438 до н. э.), греческий лирический поэт. Родился в прилежащей к Фивам местности Кенокелаф в аристократической семье. Воспитывался и учился в Фивах, после чего уехал в Афины, чтобы продолжить музыкальное образование. Соревновался с поэтессой Коринной, с Симонидом и его племянником Вакхилидом. Во времена упадка хоровой лирики, когда выросшая из нее трагедия бурно цвела в демократических Афинах, Пиндар продолжал заниматься хоровой лирикой. Он нашел ценителей среди богатых аристократов, владык и тиранов. Самое раннее из известных произведений Пиндара – Пифийская ода X, написанная для Гиппокла Фессалийского из рода Алеадов, победителя в двойном беге (до меты и обратно) в 498 г.

В 490 г. в Дельфах Пиндар в первый раз завязал отношения со двором Ферона, тирана Акраги на Сицилии.

Во время персидских войн Фивы оказались на стороне захватчиков. После победы греков Фивы пережили острый кризис, который невыгодным образом отразился на положении Пиндара. Он попытался найти покровительства у благосклонных к нему аристократов острова Эгины, для которых позднее писал эпиникии. Затем по приглашению уехал на Сицилию, жил в 476–474 гг. при дворах Гиерона I в Сиракузах и Ферона в Акраге. Там он прославлял в своих песнях победы, одержанные на играх этими владыками (Олимпийские оды I, II, III; Пифийские оды I, II, III) или их родственниками и друзьями (Олимпийская ода VI, Немейские оды I, IX). Он также писал хвалебные и пиршественные песни. На вершине славы и успеха Пиндар вернулся на родину, где получал заказы от самых знаменитых спортсменов греческого мира.

Отношения с сицилийскими владыками поддерживались еще некоторое время, но Фе-

рон вскоре умер (472 г.), а Гиерон склонился к поэзии Вакхилида. Последняя ода на победу колесницы Гиерона была написана Пиндаром в 470 г. (Пифийская ода I). В 462–461 гг. Пиндар писал для Аркесилая, царя Кирены, победы которого на состязаниях колесниц он почтил длинными и прекрасными песнями (Пифийские оды IV и V). Умер, вероятно, в Аргосе во время представления в театре. Похоронен в Фивах. Александрийские ученые разделили творчество Пиндара на 17 книг по жанровому принципу: гимны – 1 книга, пеаны (песни в честь Аполлона) – 1 книга, дифирамбы – 2 книги, парфении (песни для хора девушек) – 2 книги, гипорхематы (танцевальные песни) – 2 книги, энкомии (похвалы) – 1 книга, трены – 1 книга, эпиникии (песни в честь побед на играх) – 4 книги. Полностью сохранились только книги, содержавшие эпиникии. Они были поделены на книги по названиям больших общегреческих игр, с которыми они были связаны: Олимпийские, Пифийские, Немейские, Истмийские. Мифологические сюжеты, используемые в одах, Пиндар уснащает историческими, географическими и этнографическими подробностями, однако ради поэтического эффекта чрезвычайно произвольно интерпретирует реалии, свободно локализуя яркие объекты и события в пространстве и во времени и откровенно путая географические названия. Как оказалось, Пиндарова муза не нуждалась в достоверности, и слава, венчав его при жизни, не оставила и после смерти.

Александр Македонский, захватив Фивы в 335 г., в знак уважения к поэту пощадил Пиндаровы пенаты от разрушения. Пиндару было присуждено первое место в каноне лириков. Пиндару подражали поэты средневековья и нового времени, но никто не смог превзойти великого мастера в искусстве оды.

Подробнее см.: И. М. Тронский. История античной литературы. 4-е изд. – М., 1983, стр. 90–93.

Пиндар

Олимпийская ода III

13–16. ...Маслина, которую некогда сын Амфитриона (т. е. Геракл) принес от тенистых истоков Истра, *чтобы она* была прекраснейшим памятником олимпийских подвигов,

убедив речью служащий Аполлону народ гиперборея¹...

25–27. Тогда вот дух (Герakла) стремился отправить его в Истрийскую землю, где *его* приняла наездница, дочь Латоны²...

Олимпийская ода VIII

47. Упоминаются «амазонки, славные наездницы» и «Истр».

Олимпийская ода XIII

53–54. ...Медею, устроившую себе брак против *воли* отца, спасительницу корабля «Арго» и предводителей...³

Пифийская ода IV

9–12. ...Слово Медеи..., которое некогда пылкая дочь Эета, владычица колхов, испустила из бессмертных уст; она так сказала полубожественным морякам копьеметателя Ясона. [Следует пророчество Медеи].

159–162. [Пелий сказал] ...Фрикс повелевает принести его останки (*досл.* душу), придя к чертогам Эета, и привезти густорунную шкуру барана, на котором он некогда спасся из моря и от безбожных коней (*досл.* стрел) мачехи⁴.

203–250. [Из описания похода аргонавтов]. С дыханием Нота прибыли они в своем путешествии к устью Негостеприимного *моря*⁵; здесь они устроили священное капище Посейдона; в *нем* было красное стадо фракийских быков и вновь выложенное из камней углубление алтаря. Идя навстречу великой опасности, они умоляли владыку кораблей *дать им возможность* избежать неотразимого движения сталкивающихся скал⁶: было их две, *как бы* живые, и катились они быстрее, чем порывы тяжкошумящих ветров; но прибытие героев (в тексте: плавание полубогов) уже принесло им конец. Затем они прибыли в Фасис, где вступили в борьбу с темнолицыми⁷ колхами перед самим Эетом. *Между тем* владычица острейших стрел Кипрогенія, привязав к несокрушимому колесу с четырьмя спицами пеструю вертошейку, впервые послала с Олимпа на людей неистовую птицу и научила мудрого сына Эзона⁸ заклинаниям, чтобы уничтожить у Медеи стыд перед родителями и чтобы желанная Эллада возбуждала ее, горящую страстью, бичом Пейфо⁹. И она открыла ему смысл назначенных отцом подвигов и, смешав с елеем зелье для утоления боли, дала им

намазаться; они условились также вступить друг с другом в сладкий брак. Но Эет поставил как препятствие несокрушимый плуг и быков, которые при дыхании извергали из желтых челюстей пламя и медными копытами дробили землю; (Эет) вывел их и один подвел под ярмо; проведя прямые борозды, он погнал *их* и на сажень разрезал хребет глыбистой земли, *затем* сказал так: “Царь, который повелевает кораблем, совершив мне это дело, пусть увезет с собою нетленную постель: шкуру, блистающую златою шерстью”. Когда он произнес это, Ясон, сбросив шафранного цвета одеяние, с упованием на бога, взялся за дело; огонь не трогал его по воле волшебницы-чужестранки. Извлеки плуг, насильственно возложив ярмо на шеи быков и поражая тяжким рожном их сильные бока, могучий муж исполнил предуказанную задачу. Испуганно вскричал от невыразимого горя Эет, изумленный силою *Ясона*, а товарищи простирали руки к сильному мужу, увенчивали его венками из зелени и приветствовали ласковыми словами. Тотчас удивительный сын Гелиоса указал, где ножи Фрикса распростерли блестящее руно, но надеялся, что *Ясон* уже не совершит этого *нового труда*: оно лежало в чаще и охранялось прожорливыми челюстями дракона, толщиной и длиной превосходившего пятидесятивесельный корабль, сколоченный ударами железа.

Далеко Мне идти по проезжей дороге, ибо время подходит к концу; я знаю краткую тропу и многим другим служу учителем мудрости: он (Ясон) убил искусством светлоокого, пестроспинного змея, о Аркесилай¹⁰, и похитил Медею, убийцу Пелия, с ее согласия...

Пифийская ода X

Построчный пересказ

- Ни по морю на корабле, ни пешком по суше не сыскать
30 чудесной дороги в места, где обитают гипербореи.
Однажды Персей, покровитель людей, побывал в местах их собраний
и праздновал вместе с ними,
когда они приносили обильные жертвы,
убивая ослов во имя бога.
35 Аполлона превозносят они в молитвах и восхваляют на празднествах,

- и он восторгался, созерцая подношения животных.
И Музы не чуждаются их традиций;
все вокруг снуют, увлеченные танцами девушек,
громкими аккордами лиры и звуками флейт.
- 40 Они вплетают себе в волосы золотистые ветви лавра и весело пируют.
Ни болезни, ни старческая немощь не одолевают их;
они не обременены изнурительным трудом и сражениями
и живут, не страшась строгой Немезиды.
- 45 Исполненный смелостью духа,
сын Данаи приобщился к сонму благословенных мужчин,
и Афина сопутствовала ему.
Он убил Горгону Медузу и возвратился к островитянам
с мертвой окаменевшей головой, мерцающей волосами из змей.

Изложение В. В. Латышева

29–48. Далее живет народ гипербореев¹¹; никто из смертных ни по морю, ни по земле не может найти чудесной дороги к жилищам гипербореев. Один герой Персей разделил с ними их праздник, придя в их жилища; он нашел их приносящими богу славную гекатомбу ослов¹². Там идут бесконечные праздники, слышатся гимны, которые радуют сердце Аполлона, и смеется он, видя похотливую на-

глость этих животных. Культ муз не чужд гипербореев; отовсюду хоры молодых девушек собираются на звук мира и сладкие звуки флейт, и, увенчанные золотым лавром, они предаются радости праздников. Это святое племя не знает ни болезней, ни слабости возраста; живет оно далеко от (тяжких) трудов и сражений, не страшась мщения Немезиды. Сын Данаи¹³ проник сюда... руководимый

Афиной, и убил тут Горгону... Для меня ничто не кажется невероятным.

Пифийская ода XI (V)

23. Широки пути ваших подвигов, о эакиды, идут от истоков Нила до стран гипербореев.

Немейская ода IV

48–50. ...Эант владеет отеческим Саламином, а Ахилл, – светлым островом¹⁴ в Евксинском море...

Истмийская ода II

41–42. ...В летнее время (Ксенократ) плавал к Фасису, а зимою – к берегам Нила¹⁵.

Фрагменты

Фр. 105. Среди кочевников-скифов блуждал Стратон, который не имеет дома, перевозимого на телеге (Аристофан. Птицы: 940–945)¹⁶.

Фр. 172. Разве юность богоравного Пелея не блистала бесчисленными подвигами? Впервые, он с сыном Алкмены¹⁷ прибыл на Троянскую равнину, а затем отправился за поясами амазонки и, совершив знаменитое

плавание под начальством Ясона, захватил Медею из чертогов колхов (Схолий 769 к «Андромене» Еврипида).

Фр. 203 (217). Некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются лежащей убитой лошастью, а тайком обдирают кривыми зубами (*досл.*: челюстями) ноги и головы¹⁸ (Зенобий. Пословицы V: 59).

Фр. 257. См. Страбон XV: 711.

Схолии к Пиндару

Олимпийская ода II

150 (91). *Быстрые стрелы...* Поэт называет скифскими стрелами поэтические произведения¹⁹; ибо скифы обыкновенно носят стрелы под локтем, а критяне – на плечах.

Олимпийская ода III

24 (13) сл. ...Геракл, сын Амфитриона, некогда принес маслину от истоков реки Исара тенистых, т. е. осененных деревьями, или глубоких, чтобы она была прекраснейшим памятником состязаний в Олимпии; а принес он ее, убедивши народ гипербореев, т. е. живший в стране гипербореев, где были маслины, и служивший Аполлону.

Которую некогда от Истра. Каковую маслину некогда от тенистых истоков реки Истра принес Амфитрионов сын Геракл, чтобы она была памятником состязаний в Олимпии.

25. *От тенистых истоков Истра.* Истоки Истра поэт представляет в земле гипербореев. Река Истр, ныне называемая Дунаем, течет через земли многих народов Европы, а истоки имеет в стране гипербореев²⁰. Тенистыми поэт называет истоки или как глубокие, или как осененные окружающими их насаждениями маслин.

От тенистых Истра. Эта река берет начало в земле гипербореев. Тенистых истоков – значит осененных маслинами и другими деревьями.

28. *Народ гипербореев.* Убедив народ гипербореев дать дику маслину; этот народ был служителем и почитателем Аполлона. Ференик говорит, что гиперборей – титанического происхождения; он пишет так: “И вокруг гипербореев, которые живут на краю земли под храмом Аполлона, не зная войны. Говорят, что они выросли из крови древнейших титанов, заселили под холодным дуновением Борея землю царя Аримаспа”.

...Гиперборей повсюду считаются посвященными Аполлону. Названы они гиперборейцами от некоего афинянина Гиперборея, как говорит Фанодем. Филостефан²¹ говорит, что Гиперборей был фессалиец, а другие произво-

дят их от пеласга Гиперборея, сына Фороней и Перимелы, дочери Эола. Ференик говорит, что гиперборей произошли от титанического рода, а Гекатей повествует иначе.

(23). *Дух устремлял.* Поэтому Геракл желал прибыть в землю реки Истра, в Скифию, в которой приняла его Артемида, когда он пришел... с целью увести лань, которую некогда Тайгета²² посвятила Артемиде Орфосии.

(27). Ἰστρίαν νῦν. Если писать через два ν – Ἰστρίαν νῦν, то нужно разуместь Скифию, а если через одно – Ἰστρία νῦν, то это будет значить, что Истрийская Артемида приняла этого Геракла. Истрийской называется Артемида или от Истра, вокруг которого живут амазонки, которые очень чтут эту богиню, или от живущего вокруг Истра скифского племени тавров²³, у которых точно так же почитается Артемида. Некоторые читают Ἰστριάην в смысле Ἰστριάην γῆν ‘Истринскую землю’.

Дух устремил его в Скифию. Аристарх объясняет: прийти в землю, где его приняла истрийская Артемида; поэт указывает снова на прибытие в землю гипербореев к истокам Истра; ибо там чрезвычайно чтится Артемида скифским племенем таврами. Некоторые же пишут два ν и объясняют выражение поэта так: тогда дух устремил Геракла отправиться в Истрийскую землю.

55 (33)... Преследуя эту лань, Геракл обозрел и весьма холодные гиперборейские места и Скифию...

Борея. Ибо страна эта гиперборейская (т. е. находящаяся за Бореем), потому что она простирается позади дуновения Борея в Рипейских горах²⁴.

Олимпийская ода VIII

(46)... Так вот бог Аполлон, ясно сказав, поспешил... к реке Ксанфу²⁵... и от него к амазонкам, имеющим прекрасных коней, т. е. воинственным, а от них к реке Истру, т. е. в Скифию.

(47)... Сначала [Аполлон] поспешил в Ли-

кию, затем к амазонкам, потом оттуда перешел в Скифию и прибыл к реке Истру, где поэт разумеет гипербореев. Первые местности в Азии, а вторые – в Европе.

(48). *Идя к Истру.* К гиперборейцам, где Истр имеет истоки.

Олимпийская ода XIII

75 (51). *И против отца Медею.* Медею прославляю, вступившую в брак против воли своего отца; она вступила в брак с Ясоном, будучи мудрою. Ставшую спасительницею и по-

мощницею для Арго: ибо Эет хотел истребить аргонавтов. Иначе: *Против отца.* Ибо Медея относительно брака пошла против воли отца, так как вышла за Ясона, которого тот не же-

лал, и удалилась вместе с ним. Спрашивается, зачем *поэт* вводит Медею, уроженку Колхиды, в речь о коринфянах? Говорят, что Коринф был первоначальным владением Медеи: Эту же, сыну Гелиоса (Солнца) и Антиопы, был дан оракулом совет основать город в Колхиде, названный по его имени, а верховную власть над коринфянами препоручить Буну, сыну Гермеса, с тем условием, чтобы, если он возвратится, то *Бун* возвратил бы ему *город*, а если нет, то сам владел им. Иначе почему бы *поэт* упомянул о Медее? Потому что Коринф был родовым ее владением. Алоей и Эет, отец Медеи, были сыновья Гелиоса и Антиопы; Гелиос разделил между ними страну, причем Алоей получил по жребию *область* в Аркадии, а Эет – Коринф. Эет, недовольный своей областью, передал город некоему Буну, сыну Гермеса, поручив сохранить *его* для его потомков, а сам прибыл в скифскую *страну* Колхиду, поселился *в ней* и стал царствовать. Об этом сообщает некий поэт-историк Евмел, говоря: “Но когда от Гелиоса и Антиопы произошли Эет и Алоей, тогда славный сын Гипериона разделил землю на две части своим сыновьям: *ту область*, которой владел Асон, он предоставил божественному Алоей, а *ту*, которую приобрела Эфира, всю отдал Эту. Итак, Эет добровольно передал *свою часть* хранить Буну, пока не возвратится сам или кто-либо другой из его *потомков*, сын или внук; сам же удалился в Колхидскую землю”. Бун – сын Гермеса и какой-то нимфы.

...Эет ...прибыв в скифскую *страну* Колхиду и захватив там некую область, был царем. Ясон, прибыв к нему за золотым руном, влюбил в себя Медею, которая, устроив ему *возможность* захватить золотое руно, отправилась с ним в Элладу против воли Эета. Рассказ этот²⁶ мы изложили подробнее в пересказе Ликофрона²⁷.

75. Медею. Нужно сказать, что златорунная шкура была *от* барана, который привез Фрикса в Колхиду. Там ее, как говорят, принесли в жертву Зевсу Фиксию²⁸ и повесили в Аресовой роще, где ее стерег дракон длиною и шириною с пятидесятивесельный корабль, как говорит Пиндар²⁹.

124 (84). *С ним*. Будучи при коне [т. е, Пегасе], или вместе с ним, [Беллерофонт] некогда победил и полчище амазонок, *пришедшее* из пустынного воздуха и самых холодных местностей гипербореев или *живших* в Скифии³⁰.

125 (85). *Холодного эфира* – Скифии, ибо *она* морозна и холодна...

133 (75). *Односапожного*... Рассказ у Ферекида³¹: “Пелий, говорит он, совершал жертвоприношение Посейдону и приказал всем собраться *на пир*, были *тут* и другие граждане, и Ясон. Последний пахал *землю* близ реки Анавра *и* без сандалий перешел через реку; перешедши, правую ногу обул, а левую забыл и в таком виде пришел на обед. Увидев *это*, Пелий вспомнил предсказание, но в тот день сохранил спокойствие, а назавтра, призвав *Ясона*, спросил его, что бы он сделал, если бы ему была предсказана смерть от *руки* кого-либо из граждан? Ясон *ответил*, что послал бы его в Эю за золотым руном, чтобы привезти *его* от Эета. Такой ответ внушила Ясону Гера, чтобы Медея явилась на гибель Пелию”.

281 (158). ...Своеобразен и здесь Пиндар, приказывающий Ясону *вместе с руном* привести из Эи и душу Фрикса, ибо из-за этого гnevаются, говорит он, *подземные* божества; другие же говорят, что он был послан только для привоза руна. А что вызывали души умерших на чужбине, *об этом* свидетельствует и Гомер³²: “И не шли вперед у меня округленные корабли, пока мы не назвали трижды каждого из несчастных товарищей”. Иначе: так как Фрикс умер в Колхиде, он в сновидении приказывал мне, прибывши в Этовы чертоги, вызвать его душу в Фессалию, а также привезти и руно барана, на котором он некогда спасся из моря и от безбожных стрел, *то есть* козней, мачехи. Был обычай, в случае если кто умирал на чужбине и если нельзя было перевезти на родину тело, то по крайней мере вызывать посредством некоторых таинственных обрядов их души и перевозить на родину, как бы плывущих вместе. Это знает и Гомер.

376 (211). *В Фасис*. Затем, говорит *поэт*, *аргонавты* приехали на реку Фасис к самому Эту, где к поразительным колхам свою силу привели и смешали, *т. е.* иносказательно *вместо* “прибыли”. “Κελαίνωτες” одни объясняют в смысле “поразительными видом”; так как κελαίνων употребляется обыкновенно о поражении *ужасом*; другие же говорят, что так как скифы – выселенцы из Египта³³, то поэтому они и чернокожи; они возделывают лен и ткнут из него полотно, как египтяне³⁴; и Каллимах *говорит*: “Из колхидского льна”³⁵. Фасис – река в азиатской Скифии; есть ведь и другая Скифия в Европе, вблизи Меотийского озера и реки Танаиса; о нем упоминает и

Аполлоний: “Обильный водоворотами Фасио изливает в море широкий поток”³⁶.

428 (241). *Тотчас удивительный сын Гелиоса*. Тотчас, говорит поэт, сын Гелиоса Эет показал Ясону златорунную шкуру, где ее растянули ножи Фрикса, имеется в виду действие Фрикса по сдиранию *шкур*; ибо он посвятил шкуру Зевсу Фиксию. Некоторые же

говорят, что шкура златорунного барана была посвящена Фриксом Аресу.

445 (250). *И похитил Медею*. Он похитил убившую Пелия Медею, пошедшую за ним добровольно. Смысл: совершивши подвиг, Ясон тайно от Эета и колхов похитил Медею, также желавшую этого и сделавшуюся убийцею Пелия.

Немейская ода IV

79 (49). *А в Евксинском море*. Поэт прославляет весь род эгиневтов, так как он существовал во многих местах. Есть на Евксинском Понте некий остров, называемый Белым³⁷, на который, по *обычному* представлению, перенесено Фетидой тело Ахилла; показывают и некие ровные пространства, служившие для упражнений героя. Поэтому и Пиндар в переносном значении назвал Белый остров блестящим: ибо белое *представляется* блестящим. Белым же *остров* называется по множеству гнездящихся на нем птиц, именно цапель, ибо такой вид (т. е. белый) представляет он плывущим. Иначе: так называемый

Белый берег, на Евксинском Понте, на котором множество цапель, виднеясь оттуда, указывает его мореплавателям. Он называется также Ахилловым Бегом³⁸, потому что в то время, как Ахилл сватался за Ифигению и она была привезена ради его в Авлиду, вследствие случившегося безветрия *для плавания* эллинам в Илион, захотели принести ее в жертву за благополучное плавание, но Артемиды похитила ее и перенесла в Скифскую местность к таврам, а влюбленный Ахилл следовал за нею и сопровождал до этого острова, называемого Белым.

Истмийская ода II

61 (41). *Но плавал к Фасису летом*. Фасис – река в Скифии; *дующие* на нем ветры чрезвычайно холодны.

Примечания

¹ [Миф о гипербореях теснейшим образом связан с культом дельфийского Аполлона. В Дельфах рассказывали о путешествиях Аполлона в страну гипербореев и о посольствах гипербореев с жертвенными дарами в Дельфийский храм Аполлона.]

² [Дочь Латоны – Артемиды.]

³ [Т. е. аргонавтов, с Ясоном во главе.]

⁴ [См. прим. к ст. 993 «Теогонии» Гесиода.]

⁵ [Нот – южный ветер. “Негостеприимным” (Ἀξείνος), по преданию, Черное море называлось в глубокой древности. В связи с развитием мореплавания и колонизации греки переименовали его в «гостеприимное». (Εὐξείνος)]

⁶ [О сталкивающихся скалах (планктах или кинанях) см. в прим. к: Одиссея XII: 60.]

⁷ [Эпитет “темнолицые” в отношении колхов, несомненно, реалистическая черта, почерпнутая из этнографических данных.]

⁸ [Сын Эзона – Ясон. Кипрогенія – Афродита. Вертошейка (iynx torquilla) считалась у греков вещей и колдовской птицей, способной, в особенности, внушать по наговору любовь. Самая процедура колдовского действия состояла в том, что вертошейку помещали на колесо с четырьмя спицами и быстро его кружили. Это называлось “тянуть вертошейку”. См. F. Mezger. Pindars Siegeslieder. – Leipzig, 1880, стр. 214.]

⁹ [Пейфо – богиня убеждения и повиновения.]

¹⁰ [Ода посвящена восхвалению Аркесилая IV, царя Кирены, победителя на олимпийских и пифийских играх в 466 г. до н. э., к которому и обращает речь автор.]

¹¹ [О гипербореях см.: Геродот IV: 13, прим.].

¹² [О приношении ослов в жертву Аполлону Гиперборейскому см. в прим. к тексту Симия Родосского.]

¹³ [Сын Данаи – Персей.]

¹⁴ [Светлый остров – о. Белый, при устье р. Дунай, славившийся среди моряков культом Ахилла.]

¹⁵ Обе реки названы как отдаленнейшие от Эллады; ср. в таком же значении: Еврипид. Андромакха. 650.

¹⁶ Соответствующее место у Аристофана, цитирующего Пиндара, имеет иное содержание: “Стратон блуждает среди скифских кочевников, не имея льняной одежды. Ему грустно носить шкуру животного, а не тунуку”. – А. Г.

¹⁷ [Пелей – отец Ахилла. Сын Алкмены – Геракл.]

¹⁸ [Другое чтение В. В. Латышева: обдирают зубами кривые ноги и головы.]

¹⁹ [У скифов стрелы помещались в горите – футляре для лука, со специальным отделением, служившим колчаном для стрел.]

²⁰ [О гипербореях и о их связи с культом Аполлона, помимо сказанного в прим. к Олимп. III: 16 Пиндара, см. в прим. к кн. IV: 13 Геродота.]

²¹ [Ференик – эпический поэт неизвестного времени, замечательный своей оригинальной теорией происхождения гипербореев из крови титанов, в чем, может быть, сказывается влияние орфической теогонии (ср. Атений III: 78 b). Фанодем – аттический историк и мифограф IV в. до н. э. Филостефан – писатель III в. до н. э., автор разнообразных сочинений, в том числе и мифографических.]

²² [Таигета – дочь титана Атланта, одна из плеяд.]

²³ [О *таврах* см. в прим. к кн. IV: 99 сл. Геродота].

²⁴ [*Рипейские горы* – обычно Уральские горы.]

²⁵ [Река *Ксанф* – другое название р. Скамандра в Трое, а также древнее название реки Этшенчай в Ликии. О путешествии Аполлона в страну гипербореев ср. в прим. к Олимп. III: 16.]

²⁶ “Рассказ этот излагается также у Цеца, к Ликофрону: 174, 175, что, однако, не означает принадлежность этой схолии ко времени после Цеца” (Бекон).

²⁷ [*Ликофрон* – александрийский поэт III в. до н. э., автор эпической поэмы «Александра»].

²⁸ [*Зевс Фиксий* – “способствующий побегу”].

²⁹ Пиф. IV: 245.

³⁰ [*Беллерофонт* – герой солнечного цикла, на-

ездник Пегаса, победитель Химеры и амазонок.]

³¹ [*Ферекид Лерийский* – историк и мифограф V в. до н. э.]

³² Одиссея IX: 64.

³³ [О египетском происхождении *колхов* см. Геродот II: 103 сл. и прим. к этому месту.]

³⁴ Ср. Геродот II: 105.

³⁵ [*Каллимах* – поэт III в. до н. э.] Фр. 265.

³⁶ Аполл. Род. II: 403.

³⁷ [*Остров Белый* – ныне о. Змеиный при устье р. Дуная.]

³⁸ [С *Ахилловым Бегом* обычно отождествляется Тендеровская коса, находящаяся к востоку от устья р. Днепра.]

Источник: *Pindari opera quae supersunt / Ed. Aug. Boeckhiius. Tom. II. – Lipsiae, 1819; Corpus paroemiographorum graecorum / Ed. Leutsch, Schneidewin. V. I. – Gottingae, 1839; Pindari carmina / Ed. W. Christ. – Leipzig, 1896; Scholia vetera in Pindari carmina / Rec. A. B. Drachmann. V. I–II. – Lipsiae, 1903; Scholia graeca in Aristophanem / Ed. Dubner. – Paris, 1843; Pindari carmina cum fragmentis / Ed. D. Snell, H. Maehler. V. I–II. – Leipzig, 1975–1980; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 1; Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Издание подготовил М. Л. Гаспаров. – М., 1980.*

Софокл

Σοφοκλῆς, Σοφοκλῆς – Sophocles

Софокл (496–406 до н. э.), второй из знаменитейших греческих трагиков. Родился в Афинах, в deme Колоне, в семье владельца оружейной мастерской, рос в достатке, получил прекрасное воспитание, отличился и в управлении государством, и в посольствах и удостоился должности стратега, наряду с Периклом и Фукидидом, первыми гражданами государства, и дружил с Периклом и Геродотом. После морского сражения при Саламине, когда афиняне праздновали победу, шестнадцатилетний Софокл, нагой, умащенный маслами, с лирой в руках, возглавлял хор, исполнявший эпиникий – гимн во славу победителей. Трагедии он учился у Эсхила и в 486 г. на конкурсе драматургов одержал свою первую победу – над своим учителем. Вообще вся драматургическая деятельность Софокла сопровождалась неизменным успехом: он соревновался и с Эсхилом, и с Еврипидом, и Хэрилом, и Аристием, и со многими другими, и с сыном Иофонтом и 18 раз занимал первое и дважды второе место, но ни разу не получал третьей награды. Софокл ввел в драматургию и в состязания драматургов много новшеств. Он отказался от трилогий, где прослеживалась обычно судьба целого рода, и представлял на состязания три трагедии, но каждая из них была самостоятельным произведением. Он изменил число актеров и первым прекратил участие в постановке поэта в качестве актера и сделал это из-за слабости собственного голо-

са. С именем Софокла также связано введение декорационной живописи.

Как говорит Аристофан, Софоклу принадлежит сто тридцать драм, из них семнадцать поддельных. Наиболее известны трагедии Софокла из фиванского цикла мифов. Это «Антигона» (ок. 442 г.), «Царь Эдип» (ок. 429 г.) и «Эдип в Колоне» (поставлен в 441 г., уже после смерти Софокла). К сожалению, среди многих до нас не дошла и пьеса Софокла «Скифы», написанная на сюжет мифа об аргонавтах. Трагедии Софокла несут в себе новые черты. Если у Эсхила главными героями были боги, то у Софокла действуют люди, хотя и несколько оторванные от действительности. Поэтому о Софокле говорят, что он заставил трагедию спуститься с неба на землю. Конечно, в судьбах его героев ощущается влияние богов, но Софокл рисует прежде всего борьбу человека за осуществление своих целей, его чувства и мысли, показывает страдания, выпавшие на его долю. Благородные герои трагедий Софокла тесными узами связаны с коллективом граждан – это воплощение идеала гармонической личности, который был создан в годы расцвета Афин. Поэтому Софокла называют певцом афинской демократии.

По заключению биографа, Софокл изображает и расцветивает нравы, искусно пользуется замыслами, воспроизводя гомеровскую прелесть. Вследствие чего и сказал какой-то

иониец, что один Софокл оказался учеником Гомера. Ведь не только он, но и многие другие подражали кому-нибудь из предшественников или современников, однако один Софокл

сумел собрать мед с каждого цветка; за это его и называли пчелой. Он собирал все вместе: надлежащее время, сладость речи, силу, яркость.

Подробнее см.: Жизнеописание Софокла. Перевод В. Н. Чемберджи // Софокл. Драмы. В переводе Ф. Ф. Зелинского, О. В. Смыки и В. Н. Ярхо. Под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо. Издание подготовили М. Л. Гаспаров и В. Н. Ярхо. – М., Наука, 1990; Ярхо В. Н. Античная драма. Технология мастерства. – М., 1990.

Софокл

Царь Эдип

Перевод Ф. Ф. Зелинского

Домочадец:

О, если б Истр и Фасис¹, волны слив,
Струей могучей Фивы затопили –
Им все ж не смыть неслыханную скверну,
Что этот дом таит – еще таит,
Но вскоре обнаружит; скверну бедствий
1230 И вольных и невольных; но душе
Больнее добровольное страданье.

Источник: Sophoclis tragoediae / Ed. R. D. Dawe. V. I–II. – Leipzig, 1975–1979; Софокл. Драмы. В переводе Ф. Ф. Зелинского, О. В. Смыки и В. Н. Ярхо. Под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо. Издание подготовили М. Л. Гаспаров и В. Н. Ярхо. – М., Наука, 1990.

Эномай

Фр. 432. Σκυθιστὶ χερρόμακτρον ‘платок по-скифски’ (Атений X: 410).

Схолии к «Аянту» Софокла

172. ...Таврополою называется Артемида или потому, что почитается у тавров в Скифии², или...

Схолии к «Эдипу в Колоне» Софокла

Другие от ночных порывов. Поэт разумеет от гор, называемых Рипами; некоторые называют так Рипейские горы; поэт называет их ночными потому, что они лежат на западе³...

Примечания

¹ Истр – Дунай, обычно лишь ниже впадения в него Савы, Фасис – Рион.

² [Об Артемиде Таврополе речь идет в схолиях Евстафия к «Илиаде» (II: 481).]

³ [Рипейские горы – Урал; стало быть, не на западе, а на северо-востоке.]

Источник: Scholia in Sophoclis tragoedias septem / Ed. Elmsley, Dindorf. V. I–II. – Oxonii - Lipsiae, 1825–1852; Scholia in Sophoclis tragoedia vetera... / Ed. P. N. Papageorgius. – Lipsiae, 1888; В. В. Латышев. Древние писатели о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 1.

Гелланик

Ἑλλάνικος – Hellenicus

Гелланик (ок. 485 – ок. 400 до н. э.), греческий историк: родом из Митилены на Лесбосе. Первый греческий автор, который написал многочисленные произведения на различные темы, черпая сведения преимущественно из письменных источников, а не из собственного опыта. Во-первых, это мифические истории – род монографических мифографий от-

дельных греческих областей, а точнее, родов, которые вели свое происхождение из этих областей, как например «Фореней» (история рода Форенеев), «Асоп» (история рода Асопа), «Атлантій» (история рода Атласа), «Девкалиония» (история рода Девкалиона). Во-вторых, это хроника «Аттика» в 3 книгах, которая впервые описывала историю Афин с ми-

фических времен до конца пелопоннесской войны и включала списки царей и архонтов, служившие основой хронологии; «Жрицы Аргоса» в 3 книгах, в которых Гелланик составил в хронологическом порядке списки жриц храма Геры в Аргосе. В-третьих, рассказы о других народах: «Персика» (история Персии), «Египтика» (история Египта), «О Лидии» и другие произведения, опиравшиеся на географическое сочинение Гекатея и персидские истории других логографов. Гелланик считается последним ионийским логографом. Опираясь на генеалогические системы предшественников, он пытался создать уни-

версальную схему, в которой нашли бы отражение мифы всего греческого мира, выстроенные в единой хронографии, исключающей все прежние хронологические неточности. Писал на ионийском диалекте. В качестве источника сочинения Гелланика использовали позднейшие историки – Фукидид, Ктесий, Эфор, Феопомп, Диодор, Плутарх и другие, благодаря которым сохранились некоторые фрагменты из его полностью утраченного литературного наследия, в том числе из его «Скифской истории», четыре отрывка из которой цитируют Стефан Византийский (2), Страбон и Аполлоний Родосский.

Гелланик

Фрагменты

«Атика». Фр. 92. Гелланик же Лесбийский говорит, что когда замерз Киммерийский Боспор, амазонки перешли его и пришли в Атику и, провоевав четыре месяца, возвратились... (Схолий Цеца к Ликофрону: 1332).

«О народах». Фр. 92. Когда проплывешь Боспор, будут синды, выше же их – меоты скифы (Схолии к Аполлонию Родосскому IV: 322).

«Истории». Фр. 96. Гелланик рассказывает, что гипербореи живут выше Рипейских гор¹ и что они учатся справедливости, не употребляя в пищу мяса, но питаются древесными

плодами. Другой вариант перевода: Гелланик в «Историях» сказал, что гипербореи живут выше Рипейских гор, упражняются в справедливости, не употребляя в пищу мяса, но питаются древесными плодами (Климент Александрийский. Строматы I: 305 С):

«Основания городов». Фр. 109. Выше же керкетов (κερκετίω) живут мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы (Стефан Византийский. Харψάται).

Фр. новооткрытый. Первый сообщает Гелланик, что железное оружие изготовил Саневн², бывший скифским царем (Оксиринхские папирусы X: 1241, столб. 2 сл.).

Примечания

¹ [Локализация Геллаником гипербореев выше (т. е. к северу) от Рипейских гор (Урала) заставляет, может быть, предполагать у него, сравнительно с Геродотом, более детальное знакомство с географией Восточно-Европейской равнины. Указания

на вегетарианство и «справедливость» гипербореев свидетельствуют о влиянии на Гелланика пифагорейских этических учений.]

² [Имя скифского царя Саневна впервые засвидетельствовано этим отрывком.]

Источник: *Hellanici Lesbii fragmenta* / Ed. Fr. Sturz. – Lipsiae, 182; *Fragmenta Historicorum Graecorum* / Ed. C. Mullerus. Paris, 1883–1885, vol. I: 45–69; vol. IV: 629–637; В. В. Латышев. *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе* // ВДИ, 1947, № 1.

Ферекид Лерийский

Φερεκύδης – Pherecydes

Ферекид (V в. до н. э.), греческий мифограф, автор большого числа теологических, мифографических, генеалогических и тому подобных сочинений, от которых сохранились лишь незначительные отрывки.

Ферекид Лерийский

Теогония

Фр. 113. Говорят, что скифский царь Иданфур, – как рассказывает Ферекид Лерийский, – угрожая войною Дарию, перешедшему че-

рез Истр, послал символы вместо письма, именно мышь, лягушку, птицу, стрелу и плуг. Когда по поводу этих даров возникло не-

доумение, какого и следовало ожидать, тысяченачальник Оронтопаг говорил, что скифы подчиняются персам: он разумел под мышью жилища, под лягушкою – воды, воздух – под птицею, под стрелою – оружие и под плугом – землю. *Напротив*, Ксифодр объяснил *эти дары* совершенно иначе: он говорил, что “если мы не взлетим подобно птицам, *не скроемся* в землю подобно мышам или не погрузимся в

воду подобно лягушкам, то не избегнем их стрел, ибо не владеем землею”. *Ферекид же* говорит, что скиф Анахарсис во время сна держал левую *руку* на половых органах, а правую – на устах, обозначая этим, что должно *владеть* тем и другим, но важнее владеть языком, нежели удовольствиями [Климент Александрийский. Строматы V: 567 G, D].

Источник: Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Mullerus. – Paris, 1883–1885, vol. I: 70–99; vol. IV: 637–639; Clementis Alexandrini Stromata // Patrologiae cursus completus. Series Graeca / Ed. J.-P. Migne. – Paris, 1857–1866. T. 8. Col. 685–1381; T. 9. Col. 9–601; В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 1.

Геродот

Ἡρόδοτος – Herodotus

Геродот Галикарнасский (ок. 485 – ок. 425 до н. э.), греческий историк. Родился в основном дорийцами городе Галикарнасе на юго-западе Малой Азии. В молодости участвовал в восстании против Лигдамия, тирана Галикарнаса. После 450 г. уехал в Афины. Здесь дружил с Софоклом и общался окружением Перикла, а за панегирик Афинам получил премию в 10 талантов. В 444 г. участвовал в основании города Фурии на юге Италии, за что получил прозвище Фуриец. Путешествовал по Малой Азии, Греции, Персидскому царству вплоть до Вавилона и Суз, Египет, финикийские города на сирийском побережье и Кирену в Африке, Сицилию, а также Кротон и Метапонт в Южной Италии, объехал Причерноморье и побывал в Борисфене – Ольвии, скифо-эллиническом городе на берегу Днепро-Бугского лимана.

Свое сочинение «История» (Ἱστορίαι – Historiai) Геродот начал как прозаик и написал его на ионийском диалекте в виде логосов – рассказов, посвященных изначально отдельным территориям. Более позднее собственно историческое повествование посвящено греко-персидским войнам. Их история излагается по ходу покорения Запада персами: завоевание Киром Лидии, Мидии, Вавилонии, покорение Египта Камбизом, поход Дария против скифов, ионийские восстания греков против персов, походы Дария и Ксеркса, сражения под Марафоном, Фермопилами, Саламином и Платеями. Деление на 9 книг, названных именами Муз, разрывающее и смешивающее первоначальные логосы, принадлежит александрийским грамматикам. Предшественники Геродота – логографы Евгеон

Самосский, Деиох Проконнесский, Евдем Паросский, Дамокл Фигелейский, Гекатей Милетский, Акусилай из Аргоса, Харон из Лампсака, Мелесагор из Халкидона, Гелланик с Лесбоса, Дамаст Сигеец, Ксеномед Хиосский, Ксанф Лидийский и др. – составляли свои сочинения в виде обзрений, описаний земель и морей, сухопутных и морских путей. Геродот же в конце концов пришел к необходимости как можно более полного, беспристрастного и систематического описания событий с указанием на источники и различия между ними. Этим принципам затем следовал Фукидид. Напротив, Ктесий и Плутарх, черпая факты у Геродота, обвиняли его в неразборчивости. Они во многом правы, ибо Геродот, по верному замечанию Ф. Г. Мищенко, “в своем материале зависит от своих предшественников – историков-логографов: он пользуется мифами, легендами, новеллами, связанными иногда с народной сказкой; все это хотя и снижает научную ценность его истории, но вносит живой драматический элемент”. Тем не менее, в пылу критики, выдумкой объявлялись даже очевидные для нас сегодня факты: что Каспийское море – замкнутый водоем, а не залив Северного Ледовитого океана (Скифского моря), что Африку (Ливию) можно обогнуть по морю и пр.

“Описание Скифии, содержащееся в IV книге (Скифский логос), является нашим основным источником для древнейшей истории народов, обитавших в бассейне Северного Причерноморья... Картина расселения скифских племен, их обычаи и общественный строй, одежда и способы передвижения – все, рассказанное Геродотом, в основном под-

тверждается археологическими исследованиями указанного района, содержимым скифских курганов, памятниками изобразительного искусства. Геродот описывает обряд почитания у скифов, при котором братающиеся подмешивали в чашу с вином свою кровь и выпивали, вместе касаясь краев чаши губами. Эта сцена изображена на скифских золотых бляшках, найденных при раскопках» [Борухович 1972].

Главным источником информации о Скифии для автора были личные наблюдения при посещении Борисфена-Ольвии и рассказы местных жителей, скифов и греков. Но чем дальше от Ольвии, тем сведения, им сообщаемые, становятся менее определенными [Смирнов 1966: 49].

Благодаря Геродоту дефиниция выделилась в особую науку, а слово «история» (ἱστορία ‘расспрашивание, расспросы; исследование, изыскание’) обрело смысл научного исторического исследования, и потому вот уже

две тысячи лет, по яркому выражению Марка Туллия Цицерона (О законах I, 1: 5), мы величаем греческого ученого Отцом истории.

Труд Геродота на греческом языке сохранился в списках X–XV вв. В 1474 г. «Историю» Геродота на латинский язык перевел Лоренцо Валла – с рукописи, привезенной в 1427 г. из Константинополя. Выдержал испытание временем русский перевод Федора Герасимовича Мищенко (1885–1888). Очень близок к греческому оригиналу перевод «Скифского логоса», сделанный Е. А. Бессмертным и воспроизведенный в издании В. В. Латышева (ВДИ, 1947, №2). Новая версия русского перевода принадлежит Георгию Андреевичу Стратановскому, который учел опыт предшественников, в том числе переводчиков на европейские языки, но все же не избежал повторения ряда фактических ошибок, связанных с изменением семантики греческих слов после заимствования.

Подробнее см.: А. П. Смирнов. Скифы. – М. 1966; Б. Н. Граков. Скифы. – М., 1971; В. Г. Борухович. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История. В девяти кн. / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Л., 1972. Переиздания: М.: Ладомир, 1993; 2001.

Геродот

История

Перевод Г. А. Стратановского

с учетом переводов В. В. Латышева и Е. А. Бессмертного

Примечания Г. А. Стратановского

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Книга I. Клио

15. Я упомяну Ардиса (Ардия), сына Гигеса (Гига), который царствовал после него. Ардис завоевал Приену и пошел войной на Милет. В его правление в Сардах киммерийцы¹, изгнанные из своих обычных мест обитания скифами-кочевниками², проникли в Азию и захватили Сарды, кроме акрополя.

16. После 49-летнего царствования Ардиса престол перешел по наследству к его сыну Садиятту, который царствовал 12 лет. Садиятту же наследовал Алиатт. Последний начал войну с Киаксаром (внуком Деиока) и с мидийцами. Затем он изгнал киммерийцев из Азии, завоевал Смирну, колонию Колофона, и пошел войной на Клазомены. От Клазомен ему пришлось вернуться не так, как он бы хотел, но с большим уроном.

73. А начал Крез войну с Каппадокией вот почему: во-первых, из страсти к земельным

приобретениям (он стремился присоединить и эту область к своим владениям), а главным образом потому, что, доверяя изречению оракула, желал отомстить Киру за Астиага. Кир, сын Камбиса, победил Астиага, сына Киаксара, царя мидян и шурина Креза. Астиаг же стал шурином Креза вот как. Орда мятежных скифов-кочевников переселилась в Мидийскую землю. Царем же мидян в то время был Киаксар, сын Фраорта, внук Деиока. Царь сначала дружелюбно принял этих скифов, так как они пришли просить убежища, и даже отдал им своих сыновей в обучение искусству стрельбы из лука. Однако по прошествии некоторого времени вышло так, что скифы, которые постоянно занимались охотой и всегда добывали дичь, ничего не убили. Когда они вернулись с пустыми руками, Киаксар (человек, очевидно, вспыльчивый) обошелся

с ними весьма сурово и оскорбительно. Получив такое незаслуженное оскорбление от Киаксара, скифы решили разрубить на куски одного из мальчиков, бывших у них в обучении. Затем, выпотрошив, как обычно потрошат дичь, подали на стол Киаксару как охотничью добычу. После этого скифы хотели немедленно бежать в Сарды к Алиатту, сыну Садиятта. Так это и произошло: Киаксар и его гости отведали этого мяса, а скифы отдались под защиту Алиатта.

74. Так как Алиатт, несмотря на требования Киаксара, не захотел выдать скифов, то у лидийцев с мидянами началась война. Пять лет длилась эта война, причем верх одерживали то мидяне, то побеждали лидийцы и однажды – даже в какой-то ночной битве. Так с переменным успехом продолжалась эта затяжная война, и на шестой год во время одной битвы внезапно день превратился в ночь. Это солнечное затмение предсказал ионянам Фалес Милетский и даже точно определил заранее год, в котором оно и наступило³. Когда лидийцы и мидяне увидели, что день обратился в ночь, то прекратили битву и поспешно заключили мир. Посредниками [при этом] были киликиец Сиеннесий и вавилонянин Лабинет. Они-то и добились, чтобы лидийцы и мидяне принесли клятву примирения и скрепили ее заключением брака. Они убедили Алиатта выдать замуж свою дочь Ариенис за Астиага, сына Киаксара. Ведь без таких родственных уз мирные договоры обычно непрочны. Скрепленные же клятвой договоры эти народы заключают так же, как и эллины, и, кроме того, слегка надрезают кожу на руке и слизывают друг у друга [выступившую] кровь.

103. После кончины Фраорта царство перешло к его сыну, внуку Деиока, Киаксару. Этот Киаксар, по рассказам, был еще гораздо воинственнее своих предшественников и первым разделил азиатское войско на [боевые] отряды по родам оружия и каждому отряду – копьеносцам, лучникам и всадникам – приказал действовать самостоятельно. До этого все [войско] было перемешано в беспорядке. Это был тот самый Киаксар, который сражался с лидийцами, когда во время битвы день внезапно стал ночью. Всю Азию по ту сторону Галиса он присоединил к своей державе. Со всеми подвластными народами Киаксар выступил против Нина, чтобы отомстить за отца и разрушить город. Тут-то, когда он уже одолел ассирийцев и начал осаду Нина⁴, в преде-

лы его царства вторглись огромные полчища скифов⁵ во главе с царем Мадиесом, сыном Протофиея⁶. Скифы вытеснили киммерийцев⁷ из Европы и преследовали их в Азии, а теперь вторглись в Мидийскую землю.

104. От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов 30 дней пути для пешехода налегке. А от Колхиды до Мидии – не дальше, только между этими странами живет одна народность – саспирь⁸. Минуя их, можно попасть в Мидию. Скифы, во всяком случае, вступили в Мидию не этим путем, но, свернув с прямой дороги, пошли верхним путем [через Дербентские ворота], гораздо более длинным, оставляя при этом Кавказские горы справа. Здесь-то и произошла битва мидян со скифами. Мидяне потерпели поражение, и их могущество было сломлено. Скифы же распространили свое владычество по всей Азии.

105. Затем скифы пошли на Египет. На пути туда в Сирии Палестинской скифов встретил Псамметих [Псамметих I, 670–616], египетский царь, с дарами и просьбами склонил завоевателей не идти дальше. Возвращаясь назад, скифы прибыли в сирийский город Аскалон. Большая часть скифского войска прошла мимо, не причинив городу вреда, и только несколько отсталых воинов разграбили святилище Афродиты Урании⁹. Как я узнал из расспросов, это святилище – самое древнее из всех храмов этой богини. Ведь святилище на Кипре основано выходцами оттуда, как утверждают сами киприоты, а храм в Кифере воздвигли финикияне, жители Сирии Палестинской. Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки “женским недугом” (ἐνῆσσοψε). И не только сами скифы утверждают такое происхождение их болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энареев¹⁰.

106. 28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось. Тогда Киаксар и мидяне пригласили однажды множество скифов в гости, напоили их допьяна и перебили. Так мидяне восстановили прежнее величие своей державы и еще завоевали Нин (как они завладели городом, я расскажу в другой части моего труда)¹¹ и покорили ассирийцев¹², за исключением Вавилонской области. После этого скончался Киаксар. Царство-

вал он 40 лет (считая и годы скифского владычества).

130. Итак, Астиаг после 35-летнего царствования лишился власти. Из-за его жестокости мидянам пришлось подчиниться персам. Владычество же мидян над Азией по ту сторону Галиса продолжалось 128 лет, исключая время господства скифов¹³. Впоследствии мидяне рассказали в том, что покорились персам и подняли восстание против Дария. Однако они потерпели поражение в битве и вынуждены были вновь подчиниться. Персы же, отложившись при Астиаге от мидян, под предводительством Кира с тех пор владычествовали над Азией. Кир между тем не причинил Астиагу никакого зла, но держал при себе до самой его кончины. Такова история рождения, детства и восшествия Кира на престол. Затем Кир победил также и Креза, который, как я уже сказал, первым напал на него. Так-то после победы над Крезом Кир стал владыкой Азии.

153. После этих слов глашатая, как говорят, Кир спросил эллинов из своей свиты, что это за люди лакедемоняне и сколь они многочисленны, что осмеливаются говорить такие речи. Получив ответ, Кир сказал спартанскому глашатаю: “Я не боюсь людей, у которых посреди города есть определенное место, куда собирается народ, обманывая друг друга и давая ложные клятвы. Если я останусь жив, то им придется толковать не о делах ионян, а о своих собственных”. Эти презрительные слова Кир бросил в лицо всем эллинам за то, что у них покупают и продают на рынках (ведь у самих персов вовсе нет базарной торговли и даже не существует рынков). Затем Кир отдал город Сарды [в управление] персу Табалу, а золото Креза и прочих лидийцев поручил хранить¹⁴ лидийцу Пактию. Сам же он вместе с Крезом возвратился в Акбатаны, пока что не обращая никакого внимания на ионян. Ведь помехой Киру были Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне. Против этих-то народностей Кир и намеревался лично выступить в поход¹⁵, а против ионян послать другого полководца.

201. После покорения этого народа Кир задумал подчинить массагетов. Эти массагеты¹⁶, как говорят, многочисленное и храброе племя. Живут они на востоке по направлению к восходу солнца за рекой Араксом¹⁷ напротив исседонов. Иные считают их также скифским племенем.

202. По рассказам некоторых, Аракс больше Истра; другие же, напротив, считают эту реку меньше. На Араксе, как передают, много островов величиной с Лесбос. На этих-то островах живут люди, летом питающиеся разными кореньями, выкапываемыми из земли. В летнюю же пору они собирают спелые плоды с деревьев и затем сохраняют их про запас. Там есть будто бы также и другие деревья, приносящие особого рода плоды. Собравшись толпой в одно место, массагеты зажигают костер и затем усаживаются вокруг и бросают эти плоды в огонь. От запаха сжигаемого плода они приходят в состояние опьянения, подобно тому как эллины пьянеют от вина. Чем больше плодов они бросают в огонь, тем сильнее их охватывает опьянение; пока наконец они не вскакивают, пускаются в пляс и начинают петь песни¹⁸. Так рассказывают об образе жизни этого племени. Река же Аракс берет начало в Матиенских горах¹⁹, откуда течет и Гинд, который Кир разделил на 360 упомянутых выше каналов. Аракс извивается, [образуя] 40 рукавов, из которых все, кроме одного, теряются в болотах и топях. В этих-то болотах, по рассказам, обитают люди, питающиеся сырой рыбой²⁰ и обычно носящие одежду из тюленьих шкур. Одно единственное устье Аракса течет по открытой местности, [впадая] в Каспийское море. Каспийское же море – это замкнутый водоем, не связанный ни с каким другим морем. Ведь море, по которому плавают эллины, именно то, что за Геракловыми Столпами, так называемое Атлантическое и Красное море, – все это только одно море²¹.

203. Напротив, Каспийское море – это море совершенно особого рода. Длина его – пятнадцать дней плавания на гребном судне, а ширина в самом широком месте – восемь дней. На западе оно граничит с Кавказским хребтом – самой обширной и высокой из всех горных цепей. Много разных племен обитает на Кавказе, большинство которых питается дикими древесными плодами. В этой стране есть, как говорят, деревья с удивительными листьями. Из этих-то листьев изготовляют краску, растирая их и смешав с водой²², и затем наносят ею узоры на свою одежду. Узоры эти не смываются, а стираются только вместе с шерстяной [материей, на которую их наносят], как будто бы они были вотканы в материю с самого начала. Совокупление у этих людей происходит совершенно открыто, как у скота.

204. Так вот, с запада Кавказ граничит с так называемым Каспийским морем, а на востоке по направлению к восходу солнца к нему примыкает безграничная необозримая равнина. Значительную часть этой огромной равнины занимают упомянутые массагеты, на которых Кир задумал идти войной. Много было у Кира весьма важных побудительных причин для этого похода. Прежде всего – способ его рождения, так как он мнил себя сверхчеловеком, а затем – счастье, которое сопутствовало ему во всех войнах. Ведь ни один народ, на который ополчался Кир, не мог избежать своей участи.

205. Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней-то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако Томирис поняла, что Кир²³ сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы войска царь приказал построить понтонные мосты²⁴ через реку [Аракс], а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни.

206. Пока войско Кира было занято этими работами, Томирис велела через глашатая сказать Киру вот что: “Царь мидян! Отступишь от своего намерения. Ведь ты не можешь знать заранее, пойдет ли тебе на благо или нет сооружение этих мостов. Оставь это, царствуй над своей державой и не завидуй тому, что мы властвуем над нашей. Но ты, конечно, не захочешь последовать этому совету, а предпочтешь действовать как угодно, но не сохранять мир. Если же ты страстно желаешь напасть на массагетов, то прекрати работы по строительству моста через реку. Переходи спокойно в нашу страну, так как мы отойдем от реки на расстояние трехдневного пути. А если ты предпочитаешь допустить нас в свою землю, то поступи так же”. После этого Кир призвал к себе персидских вельмож на совещание, изложил им дело и спросил совета, как ему поступить. Все единогласно сошлись на том, что следует ожидать Томирис с ее войсками здесь на этой земле.

207. Присутствующий на совещании лидер Крез не одобрил, однако, это решение. Он высказал свое возражение в таких словах: “Царь! Я уже раньше (после того как Зевс предал меня в твои руки) обещал тебе сколь возможно отвращать всякую беду, грозящую твоему дому. Мои столь тяжкие страдания по-

служили мне наукой. Если ты мнишь себя бессмертным и во главе бессмертного войска, то мое мнение, пожалуй, тебе бесполезно. Если же ты признаешь, что ты только человек и царствуешь над такими же смертными людьми, то пойми прежде всего вот что: существует круговорот человеческих дел, который не допускает, чтобы одни и те же люди всегда были счастливы. Так вот, в настоящем деле я держусь другого мнения, противоположного мнению твоих вельмож. Ведь если ты допустишь врагов в нашу собственную землю, то вот какая грозит нам опасность: потерпев поражение, ты погубишь всю свою державу. Ведь совершенно ясно, что, одолев тебя, массагеты не побегут в свою сторону, но вторгнутся в твои владения. В случае же победы над врагом твой успех, думаю, будет вовсе не так велик, как если бы ты победил массагетов в их стране и стал преследовать бегущих. Я хочу сравнить твои преимущества и их: ведь, разбив неприятеля, ты сможешь прямым путем вторгнуться во владения Томирис. Да и, кроме того, Киру, сыну Камбиса, было бы постыдно и нестерпимо подчиниться женщине и позволить ей вторгнуться в твою страну. Так вот, по-моему, нам следует перейти реку и затем проникнуть в глубь страны, насколько враги отступят, а затем попытаться одолеть их, поступив вот как. Как я узнал, массагетам совершенно незнакома роскошь персидского образа жизни и недоступны ее великие наслаждения. Поэтому-то нужно, думается мне, устроить в нашем стане обильное угощение для этих людей, зарезав множество баранов, и сверх того выставить огромное количество сосудов цельного вина и всевозможных яств. Приготовив все это, с остальным войском, кроме самой ничтожной части, снова отступить к реке. Ведь если я не обманываюсь [в своем суждении], то враги при виде такого обилия яств набросятся на них и нам представится возможность совершить великие подвиги”²⁵.

208. Так мнения советников разошлись. Кир же отверг первое мнение и принял совет Креза. Царь велел объявить Томирис, чтобы она отступила, так как он намерен переправиться в ее владения. И царица отступила [с войском], верная своему прежнему обещанию. Тогда Кир вверил Креза своему сыну Камбису, которого он назначил своим наследником. При этом царь настоятельно внушал сыну почитать Креза и покровительствовать ему (в случае неудачи переправы и похода в

страну массагетов). С таким поручением Кир отпустил Камбиса и Креза и отправил их в Персию, а сам с войском начал переправу через реку.

209. После переправы через Аракс уже на земле массагетов ночью Кир увидел вот какой сон. Царю представилось, что он видит старшего из сыновей Гистаспа²⁶ с крыльями на плечах, осеняющим одним крылом Азию, а другим Европу. Самым старшим из сыновей Гистаспа, сына Арсама, из рода Ахеменидов был Дарий, в то время еще юноша около двадцати лет (юноша оставался в Персии как негодный еще по молодости лет к военной службе). Пробудившись, Кир стал размышлять о смысле сновидения. Царь решил, что сон имеет важное значение. Он велел затем позвать Гистаспа и без свидетелей сказал ему: “Гистасп! Сын твой уличен в кознях против меня и моей державы. Мне это точно известно, и я скажу тебе откуда. Боги пекутся обо мне и заранее открывают мне грозящую беду. И вот теперь прошлой ночью я видел во сне старшего из твоих сыновей с крыльями на плечах, причем одним крылом он осенял Азию, а другим Европу. Во всяком случае, из моего сновидения совершенно ясно, что твой сын посягает на мою жизнь. Поэтому возвращайся как можно скорее в Персию и позаботься представить твоего сына к ответу, после того как я покину эту страну и возвращусь домой”.

210. Кир говорил так, полагая, что Дарий имеет против него злой умысел. Однако божество этим сновидением желало лишь открыть, что царь примет смерть здесь²⁷, в стране массагетов, а его царство перейдет к Дарию. Гистасп же отвечал царю такими словами: “Царь! Лучше бы не родиться тому персу, который посягнет на твою жизнь! А если есть такой, то да погибнет он и как можно скорее! Ведь это ты из рабов сделал персов свободными и из данников другим народам – владыками всех. А если сновидение возвестило тебе, что сын мой замышляет мятеж, то я отдаю его в твои руки: поступай с ним как тебе угодно”. Такой ответ дал царю Гистасп. Затем он, переправившись через Аракс, возвратился в Персию, чтобы [в угоду Киру] схватить и держать сына под стражей.

211. А Кир между тем проник с войском за Аракс на один дневной переход и затем поступил по совету Креза. Оставив на месте только слабосильных воинов, сам царь с лучшей частью войска снова отступил к Араксу. Тогда третья часть войска массагетов напала на ос-

тавленных Киrom воинов и, несмотря на храброе сопротивление, перебила их. [После победы], увидев выставленные в стане персов яства, массагеты уселись пировать. Затем они наелись досыта, напились вина и улеглись спать. Тогда пришли персы, перебили большую часть врагов, а еще больше захватили в плен. В числе пленников был и сын царицы Томирис, предводитель массагетов, по имени Спаргапис.

212. А царица Томирис, узнав об участии своего войска и сына, велела отправить вестника к Киру с такими словами: “Кровожадный Кир! Не кичись этим своим подвигом. Плодом виноградной лозы, которая и вас также лишает рассудка, когда вино бросается в голову и когда вы, персы, [напившись], начинаете извергать потоки недостойных речей, – вот этим-то зельем ты коварно и одолел моего сына, а не силой оружия в честном бою. Так вот, послушайся теперь моего доброго совета: выдай моего сына и уходи подобру-поздорову из моей земли, после того как тебе нагло удалось погубить третью часть войска массагетов. Если же ты этого не сделаешь, то клянусь тебе богом солнца, владыкой массагетов, я действительно напою тебя кровью, как бы ты ни был ненасытен”.

213. Кир, однако, не обратил никакого внимания на слова глашатая. А сын царицы Томирис Спаргапис, когда хмель вышел у него из головы и он понял свое бедственное положение, попросил Кира освободить его от оков. Лишь только царевич был освобожден и мог владеть своими руками, он умертвил себя. Так он скончался.

214. Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, со всем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем, исчерпав запас стрел, они бросились рукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступать. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет. А Томирис наполнила винный мех человеческой кровью и затем велела отыскать среди павших персов тело Кира. Когда труп Кира нашли, царица велела всунуть его голову в мех. Затем, издеваясь над покойником, она стала приговаривать так: “Ты все же погубил меня, хотя я осталась в живых и одолела тебя в битве,

так как хитростью захватил моего сына. Поэтому-то вот теперь я, как и грозила тебе, напою тебя кровью”. Из многих рассказов о кончине Кира этот мне кажется наиболее достоверным²⁸.

215. Массагеты носят одежду, подобную скифской, и ведут похожий образ жизни. Сражаются они на конях и в пешем строю (и так и этак). Есть у них обычно также луки, копья и боевые секиры. Из золота и меди у них все вещи. Но все металлические части копий, стрел и боевых секир они изготавливают из меди, а головные уборы, пояса и перевязи украшают золотом. Так же и коням они надевают медные панцири, как нагрудники. Уздечки же, удила и нащечники инкрустируют золотом. Железа и серебра у них совсем нет в обиходе, так как этих металлов вовсе не встретишь в этой стране²⁹. Зато золота и меди там в изобилии.

216. Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. Каждый из них берет в жены одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о [подобном] обычае скифов относятся скорее к массагетам. Так, когда массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колчан на ее кибитке и затем спокойно общается с этой женщиной. [Никакого] предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом других жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не поедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву. Хлеба массагеты не сеют, но живут скотоводством и рыбной ловлей (в реке Аракс чрезвычайное обилие рыбы), а также пьют молоко. Единственный бог, которого они почитают, это – солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете.

Книга II. Евтерпа

22. Наконец, третье объяснение, хотя и наиболее правдоподобное, тем не менее, самое ложное. Действительно, и оно так же решительно ничего не объясняет, утверждая, будто Нил выходит из берегов от таяния снегов. Между тем, Нил течет из Ливии, затем проходит через Эфи-

опскую землю и впадает в море в Египте. В самом деле, как же [разлив] Нила может происходить от [таяния] снегов, если эта река течет из самых жарких стран в страны, значительно более холодные. По крайней мере, всякому, кто вообще в состоянии судить о таких предметах, представляется невероятным, чтобы [разлив] Нила происходил от [таяния] снегов. Первый и решающий довод [против этого] – знойные ветры, дующие из этих стран. Во-вторых, в этой земле вовсе не бывает дождей и она никогда не покрывается льдом. После же снегопада в течение пяти дней непременно должны выпасть дожди. Поэтому если бы [в этих странах] шел снег, то были бы также и дожди. В-третьих, люди там черные от действия [сильного] зноя. Коршуны и ласточки остаются там целую зиму, а журавли, спасаясь от скифских холодов, прилетают в эти места на зимовку. Итак, если бы в этой стране, по которой течет и откуда берет начало Нил, выпадало бы хоть немного снега, то ни один из приведенных фактов был бы невозможен, как это и логически необходимо.

103. Так Сесострис прошел по материку, пока не переправился из Азии в Европу и не покорил скифов и фракийцев³⁰. До этих-то народов – не дальше – дошло, по-моему, египетское войско, так как в этих странах еще есть такие столпы, а дальше – уже нет. Отсюда Сесострис повернул назад к югу, и когда подошел к реке Фасису, то оставил там часть своего войска. Я не могу точно сказать, сам ли царь Сесострис поселил в этой стране часть своих воинов, или же некоторые из них, удрученные долгим блужданием, самовольно поселились на реке Фасисе.

104. Ведь колхи, по-видимому, египтяне: я это понял сам, еще прежде чем услышал от других. Заинтересовавшись этим, я стал расспрашивать [об этом родстве] как в Колхиде, так и в Египте. Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах. Впрочем, египтяне говорили мне, что, по их мнению, колхи ведут свое происхождение от воинов Сесострисова войска. Сам я пришел к такому же выводу, потому что они темнокожие, с курчавыми волосами. Впрочем, это еще ничего не доказывает. Ведь есть и другие народы такого же вида. Гораздо более зато основательны следующие доводы. Только три народа на земле искони подвергают себя обрезанию: колхи, египтяне и эфиопы. Финикияне же и сирийцы, что в Палестине, сами признают, что заимствовали этот

обычай у египтян. А сирийцы, живущие на реках Фермодонте³¹ и Парфении, и их соседи-макроны говорят, что лишь недавно переняли обрезание у египтян. Это ведь единственные народы, совершающие обрезание, и все они, очевидно, подражают этому обычаю египтян. Что до самих египтян и эфиопов, то я не могу сказать, кто из них и у кого заимствовал этот обычай. Ведь он, очевидно, очень древний. А то что [финикияне и сирийцы] переняли этот обычай вследствие торговых сношений с Египтом, этому есть вот какое важное доказательство. Все финикияне, которые общаются с Элладой, уже больше не подражают египтянам и не обрезают своих детей.

110. Этот-то египетский царь был единственным царем, который властвовал также и над Эфиопией. Он оставил также памятники – две каменные статуи высотой в 30 локтей, изображавшие его самого и его супругу, и четыре статуи своих сыновей высотой в 20 локтей каждая. Они стоят перед храмом Гефеста. Еще много времени спустя, когда персидский царь Дарий пожелал поставить свою статую перед этими древними статуями, жрец Гефеста не позволил этого сделать, заявив, что Дарий не совершил столь великих подвигов, как Сесострис Египетский. Сесострис, по его словам, ведь не только покорил все те народы, что и Дарий, да к тому же еще скифов, которых Дарий не мог одолеть. Поэтому-то и не подобает ему стоять перед статуями Сесостриса, которого он не смог превзойти своими подвигами. И Дарий, как говорят, должен был согласиться с этим.

167. Научились ли эллины от египтян также и этому, я не могу определенно решить. Я вижу только, что и у фракийцев, скифов, персов, лидийцев и почти всех других варварских народов меньше почитают ремесленников, чем остальных граждан. Люди же, не занимающиеся физическим трудом, считаются благородными, особенно же посвятившие себя военному делу. Так вот, этот обычай переняли все эллины, и, прежде всего, лакедемоняне. Менее же всего презирают ремесленников в Коринфе.

Книга III. Талия

89. А, сделав это, Дарий разделил персидскую державу на 20 провинций [округов], которые у персов называются сатрапиями³². Учредив эти округа и назначив их правителей, царь установил подати по племенам. Многие соседние народности были объединены в одну

сатрапию, а иногда. Кроме ближайших соседей, к ней присоединялись и народности другой, более далекой сатрапии. Распределение же сатрапий и ежегодных взносов податей он произвел следующим образом: тем, кто вносил подати серебром, царь назначил плату по весу вавилонского таланта, а платившим золотом – по еврейскому весу. Вес вавилонского таланта составляет 78 еврейских мин³³. В царствование Кира и потом Камбиса не было еще установлено никакой определенной подати, но только добровольные дары. Из-за этого обложения данью и некоторых других подобных мероприятий Дария в Персии говорили, что Дарий был торгош, Камбис – владыка, а Кир – отец, потому что Дарий всю свою державу устроил по-торгашески; Камбис – оттого, что был жесток и высокомерен; а Кир – оттого, что был милостив и ему они обязаны всеми благами.

90. От ионян же, азиатских магнетов, эолийцев, карийцев, ликийцев, милиев и памфилов (ибо для всех них была установлена единая подать) поступало 400 талантов серебра. Это была первая область, установленная царем³⁴. А от мисийцев, лидийцев, ласонцев, кабалиев и гитеннов [поступало] 500 талантов. Это был второй округ. От геллеспонтийцев по правую сторону от входа, затем от фригийцев, азиатских фракийцев, пафлагонов, мариандинов и сирийцев налоги и подати составляли 360 талантов. Это был третий округ³⁵. Из Киликии доставляли 360 белых коней (по одному на каждый день в году) и 500 талантов серебра. Из них 140 талантов расходовалось на содержание конницы, охранявшей Киликию, а 360 талантов получал Дарий. Это – четвертый округ.

91. Область от города Посидея, основанного Амфилохом, сыном Амфиарая, на границе между Киликией и Сирией, до Египта, кроме Аравийской земли, свободной от податей, должна была платить 350 талантов подати. В этот округ входят вся Финикия, так называемая палестинская Сирия и Кипр. Это пятый округ³⁶. Из Египта, из соседней с Египтом части Ливии, Кирены и Барки³⁷, которые были включены в египетский округ, получалось 700 талантов, не считая доходов с рыбной ловли на Меридовом озере. Так вот, помимо этих денег и поступающего в счет подати хлеба, с этого округа взималось еще 700 талантов. Ведь для персов и наемников, занимавших Белую крепость в Мемфисе, доставляется 120 000 медимнов хлеба. Это – шестой округ³⁸.

Саттагиды же вместе с гандариями, дадиками и апаритами платили 170 талантов. Это – седьмой округ³⁹. Из Сус и остальной Киссии поступало 300 талантов. Это – восьмой округ⁴⁰.

92. Вавилон же и остальная Ассирия платили 1000 талантов серебра и доставляли 500 оскопленных мальчиков. Это – девятый округ⁴¹. Акбатаны, остальная Мидия, парикании и ортокорибантии платили 450 талантов. Это – десятый округ⁴². Каспии же, павсики, пантимафы и дариты вместе платили 200 талантов. Это – одиннадцатый округ⁴³. Народности от бактрийцев до эглов платили 300 талантов подати. Это – двенадцатый округ⁴⁴.

93. Из Пактики, Армении и соседних областей до Евксинского Понта поступало 400 талантов. Это – тринадцатый округ⁴⁵. Сагартии, саранги, фаманей, утии, мики и жители островов Красного моря, куда царь выдворяет так называемые переселенные народности, вместе платили 600 талантов. Это – четырнадцатый округ⁴⁶. Саки и каспии платили 250 талантов. Это – пятнадцатый округ⁴⁷. Парфяне же, хорасмии, согдийцы и арии платили 300 талантов. Это – шестнадцатый округ⁴⁸.

94. Парикании и азиатские эфиопы платили 400 талантов. Это – семнадцатый округ⁴⁹. На матиенов, саспиров и алародиев была наложена подать в 200 талантов. Это – восемнадцатый округ⁵⁰. Мосхам, тибаренам, макронам, моссиникам и марам было приказано платить 300 талантов подати. Это – девятнадцатый округ⁵¹. Что до индийцев, то этот самый многочисленный народ из всех нам известных и подать должен был платить самую большую сравнительно с другими, именно 360 талантов золотого песку. Это – двадцатый округ⁵².

96. Эти подати поступали Дарию из Азии и из небольшой части [стран] Ливии. Позднее стали доставлять также подати с эллинских островов и от европейских народностей вплоть до фессалийцев. А сохраняет царь эти свои сокровища вот каким образом: он приказывает, расплавив металл, выливать его в глиняные сосуды. Когда сосуд наполнен, его разбивают. Всякий раз, когда нужны деньги, царь велит отрубать, сколько требуется золота.

97. Таковы были эти округа и размеры податей. Только одну Персидскую землю я не упомянул в числе земель, обложенных данью, потому что персы живут в стране, свободной от податей. Но есть еще народности,

которые, правда, не платят дани, а доставляют дары. Это – эфиопы, живущие на границе с Египтом⁵³ (их покорил Камбис во время похода на долговечных эфиопов); затем обитатели области у священной Нисы⁵⁴, которые справляют известные празднества в честь Диониса. Эти эфиопы и соседние с ними народы такого же происхождения, как и каллатии в Индии; они живут в подземных жилищах. Оба эти эфиопских племени доставляют в дар царю каждые три года (и делают это до нашего времени) 2 хеника самородного золота, 200 стволов эбенового дерева, 5 эфиопских мальчиков и 20 больших слоновых клыков. Даже колхи и их соседи до Кавказского хребта⁵⁵ (до этих пор ведь простирается персидская держава, области же к северу от Кавказа уже не подчинены персам) налагают на себя подати в виде добровольных даров. Так вот, эти народы еще и поныне посылают царю по 100 мальчиков и 100 девочек. Наконец, арабы ежегодно посылают 1000 талантов ладана. Эти дары они шлют царю помимо подати⁵⁶.

116. На севере же Европы, по-видимому, есть очень много золота. Как его там добывают, я также не могу определенно сказать. Согласно сказанию, его похищают у грифов одноглазые люди – аримаспы. Но я не верю, что от природы вообще существуют одноглазые люди, а в остальном естество у них, как и у прочих людей. Во всяком случае, кажется, что эти окраины ойкумены, окружающие остальные земли, обладают продуктами, которые у нас считаются весьма ценными и редкими.

134. Когда затем Демокед своим врачеванием исцелил ее, то Атосса (по наущению Демокедом) сказала возлежавшему с ней на ложе Дарию вот какие слова: “Царь! При всем твоим великом могуществе ты бездействуешь. Еще ни один народ ты не покорил персам и не преумножил персидской державы. Человеку молодому, как ты, властителю великих сокровищ, следует прославить себя великими подвигами, дабы персы знали, что над ними властвует муж. Это пойдет тебе вдвойне на пользу: персы будут знать, что во главе их стоит муж, и, занимаясь войной, они не будут иметь досуга, чтобы восставать против тебя. Теперь, пока ты еще молод, ты можешь совершить великий подвиг. Ведь с ростом тела растут и духовные силы, а когда тело начинает стареть, то с ним вместе дряхлеет и дух и уже неспособен к великим свершениям”. Так сказала Атосса по наущению Демокедом, а царь

отвечал ей: “Жена! Все, о чем ты говоришь, я и сам думаю совершить. Я ведь собираюсь перекинуть мост с нашего материка на другой и идти на скифов. И это скоро должно свершиться”. Атосса же отвечала на это вот что: “Нет! Тебе не следует сначала идти на скифов. Ведь они будут в твоей власти, как только ты пожелаешь. Ты должен ради меня идти в поход на Элладу. Мне рассказывали о лаконских, аргосских, аттических и коринфских женщинах, и я желаю, чтобы они были у меня служанками. А у тебя есть человек, который лучше всякого другого может дать подробные сведения об Элладе и быть проводником. Это тот врач, который исцелил твою ногу”. А Дарий сказал: “Жена! Если, по-твоему, нам следует, прежде всего, обратиться против Эллады, то лучше всего, я думаю, сначала послать туда соглядатаев из персов и вместе с ними эллина, о котором ты говоришь. Они разузнают все и сообщат нам о положении дел в Элладе. А тогда я, все хорошо разузнав, начну войну с эллинами”.

Книга IV. Мельпомена

1. После завоевания Вавилона сам Дарий выступил в поход на скифов⁵⁷. Так как Азия была тогда богата воинами и огромные средства стекались в страну, то царь пожелал теперь наказать скифов за вторжение в Мидию и за то, что скифы, победив своих противников-мидян, первыми нарушили мир. Ведь, как я уже сказал раньше⁵⁸, скифы 28 лет владычествовали в Верхней Азии. Следуя за киммерийцами⁵⁹, они проникли в Азию и сокрушили державу мидян (до прихода скифов Азией владели мидяне). Когда затем после 28-летнего отсутствия спустя столько времени скифы возвратились в свою страну, их ждало бедствие, не меньшее, чем война с мидянами: они встретили там сильное вражеское войско. Ведь жены скифов вследствие долгого отсутствия мужей вступили в связь с рабами.

2. Всех своих рабов скифы ослепляют⁶⁰. [Поступают они так] из-за молока кобылиц, которое они пьют. Добывают же молоко скифы так: берут костяные трубки вроде свирелей и вставляют их во влагалища кобылиц, а затем вдвуют ртом туда воздух. При этом один дует, а другой выдаивает кобылиц. Скифы поступают так, по их словам, вот почему: при наполнении жил воздухом вымя у кобылиц опускается. После доения молоко выливают в полые деревянные чаны. Затем, расставив вокруг чанов слепых рабов, скифы ве-

лят им взбалтывать молоко. Верхний слой отстоявшегося молока, который они снимают, ценится более высоко, а снятым молоком они менее дорожат. Вот почему ослепляют всех захваченных ими пленников⁶¹. Скифы ведь не землепашцы, а кочевники.

3. От этих-то рабов и жен скифов выросло молодое поколение. Узнав свое происхождение, юноши стали противиться скифам, когда те возвратились из Мидии. Прежде всего они оградили свою землю, выкопав широкий ров⁶² от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера. Когда затем скифы пытались переправиться через озеро, молодые рабы, выступив им навстречу, начали с ними борьбу. Произошло много сражений, но скифы никак не могли одолеть противников; тогда один из них сказал так: “Что это мы делаем, скифские воины? Мы боремся с нашими собственными рабами! Ведь когда они убивают нас, мы слабеем; если же мы перебьем их, то впредь у нас будет меньше рабов. Поэтому, как мне думается, нужно оставить копья и луки, пусть каждый со своим кнутом пойдет на них. Ведь пока они видели нас вооруженными, они считали себя равными нам, т.е. свободнорожденными. Если же они увидят нас с кнутом вместо оружия, то поймут, что они наши рабы, и, признав это, уже не дерзнут противиться”.

4. Услышав эти слова, скифы тотчас последовали его совету. Рабы же, утраченные этим, забыли о битвах и бежали. Итак, скифы были властителями Азии; затем после изгнания их мидянами они таким вот образом возвратились в родную страну. Вот за что Дарий пожелал наказать скифов и собрал против них свое войско.

5. По рассказам скифов, народ их – моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой еще необитаемой тогда страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена (я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения). Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксаис, Арпоксаис и самый младший – Колаксаис. В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша⁶³. Первым увидел эти вещи старший брат. Едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запылало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем. Так жар пылающего золота отогнал обоих

братьев, но, когда подошел третий, младший, брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились отдать царство младшему.

6. Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата – племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев – царя – племя паралатов. Все племена вместе называются сколотами, т. е. царскими. Эллины же зовут их скифами.

7. Так рассказывают скифы о происхождении своего народа. Они думают, впрочем, что со времен первого царя Таргитая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет⁶⁴. Упомянутые священные золотые предметы скифские цари тщательно охраняли и с благоговением почитали их, принося ежегодно богатые жертвы. Если кто-нибудь на празднике заснет под открытым небом с этим священным золотом, то, по мнению скифов, не проживет и года. Поэтому скифы дают ему столько земли, сколько он может за день объехать на коне⁶⁵. Так как земли у них было много, то Колаксаис разделил ее, по рассказам скифов, на три царства между своими тремя сыновьями. Самым большим он сделал то царство, где хранилось золото. В области, лежащей еще дальше к северу от земли скифов, как передают, нельзя ничего видеть и туда невозможно проникнуть из-за летающих перьев. И действительно, земля и воздух там полны перьев, а это-то и мешает зрению⁶⁶.

8. Так сами скифы рассказывают о себе и о соседних с ними северных странах. Эллины же, что живут на Понте, передают иначе. Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове в Океане у Гадир за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непогода и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

9. Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и, наконец, прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы – полудеву-полузмею. Верхняя часть туловища от ягодиц у нее была женской, а нижняя –

змеиной. Увидев ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной. Однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удерживать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: “Коней этих, пришедших ко мне, я сохранила для тебя; ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?”. Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: “Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и удовлетворишь мое желание”.

10. С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор ведь Геракл носил два лука). Затем, показав, как опоясываться, он передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей – Агафирс и Гелон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу).

11. Существует еще и третье сказание (ему я сам больше всего доверяю). Оно гласит так. Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населенная скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам)⁶⁷. С приближением скифов киммерийцы стали держать совет, что им делать пред лицом многочисленного вражеского войска. И вот на совете мнения разделились. Хотя обе стороны упорно стояли

на своем, но победило предложение царей. Народ был за отступление, полагая ненужным сражаться с таким множеством врагов. Цари же, напротив, считали необходимым упорно защищать родную землю от захватчиков. Итак, народ не внял совету царей, а цари не желали подчиниться народу. Народ решил покинуть родину и отдать захватчикам свою землю без боя; цари же, напротив, предпочли скорее лечь костями в родной земле, чем спастись бегством вместе с народом. Ведь царям было понятно, какое великое счастье они изведали в родной земле и какие беды ожидают изгнанников, лишенных родины. Приняв такое решение, киммерийцы разделились на две равные части и начали между собой борьбу. Всех павших в братоубийственной войне народ киммерийский похоронил у реки Тираса (могилу царей там можно видеть еще и поныне). После этого киммерийцы покинули свою землю, а пришедшие скифы завладели безлюдной страной.

12. И теперь еще в Скифской земле существуют киммерийские укрепления и киммерийские переправы; есть также и область по имени Киммерия и так называемый Киммерийский Боспор. Спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы, как известно, заняли полуостров там, где ныне эллинский город Синопа⁶⁸. Известно также, что скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути и вторглись в Мидийскую землю. Ведь киммерийцы постоянно двигались вдоль побережья Понта, скифы же во время преследования держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян. Так вот, они повернули в глубь страны. Это последнее сказание передают одинаково как эллины, так и варвары.

13. Впрочем, Аристей, сын Каистробия из Проконнеса, в своей эпической поэме сообщает, как он, одержимый Фебом, прибыл к исседонам. По его рассказам, за исседонами обитают аримаспы – одноглазые люди; за аримаспами – стерегущие золото грифы, а еще выше за ними – гиперборей на границе с морем. Все эти народы, кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы). Аримаспы изгнали исседонов из их страны, затем исседоны вытеснили скифов, а киммерийцы, обитавшие у Южного моря⁶⁹, под напором скифов покинули свою родину. Таким образом, рассказ Аристея не сходит со сказаниями скифов об этих странах.

14. Откуда происходил сочинитель этой поэмы Аристей, я уже сказал. Теперь сообщу

также и то, что мне довелось слышать о нем в Проконнесе и Кизике. Как передают, Аристей был родом из самых знатных граждан Проконнеса. Однажды он пришел в сукновальную мастерскую и там умер. Валяльщик запер свою мастерскую и пошел сообщить родственникам усопшего. По городу между тем уже пошла молва о смерти Аристея, но какой-то кизикенец из города Артаки оспаривал эту весть. По его словам, он встретил Аристея на пути в Кизик, и сам говорил с ним. Кизикенец настойчиво утверждал, что он прав. Родственники усопшего пошли между тем в сукновальню со всем необходимым для погребения. Но когда они открыли двери дома, то там не оказалось Аристея ни мертвого, ни живого. Через семь лет Аристей, однако, снова появился в Проконнесе и сложил свою эпическую поэму, которая теперь у эллинов называется “Эпос об аримаспах”. Сочинив эту поэму, он исчез вторично.

15. Так рассказывают в этих городах. Я же знаю, что в Метапонтии в Италии через 240 лет после вторичного исчезновения Аристея произошло следующее (как я установил это, сравнивая происшествия в Проконнесе и Метапонтии). Аристей, по словам метапонтийцев, явился в их страну и повелел воздвигнуть алтарь Аполлону и возле него поставить статую с именем Аристея из Проконнеса. Ведь Аполлон пришел, говорил он, из всех италиотов только к ним одним [в их город Метапонтий], а в свите бога прибыл также и он сам – ныне Аристей. А прежде как спутник Аполлона он был вороном⁷⁰. После этих слов Аристей исчез. Метапонтийцы же послали в Дельфы спросить бога, что означает явление призрака этого человека. Пифия повелела им повиноваться призраку, так как это-де послужит им ко благу. Метапонтийцы послушались совета Пифии. И действительно, там еще и теперь стоит статуя с именем Аристея подле самого кумира Аполлона, а вокруг растут лавровые деревья. Кумир же бога воздвигнут на рыночной площади. Об Аристее достаточно.

16. Об областях севернее страны, о которой я начал свой рассказ, никто ничего определенного не знает. И я не видел ни одного человека, который сказал бы, что земли эти он знает как очевидец. Ведь даже сам только что упомянутый мною Аристей говорит в своей эпической поэме, что не заходил дальше страны исседонов; о землях севернее исседонов он передавал сведения по слухам, ссылаясь на рассказы исседонов. Впрочем, я расскажу в

точности и как можно обстоятельнее все, что мне, хотя и понаслышке, довелось узнать об этих северных странах.

17. Ближе всего от торговой гавани борисфенитов⁷¹ (а она лежит приблизительно в середине всей припонтийской земли скифов) обитают каллипиды – эллинские скифы; за ними идет другое племя под названием ализоны. Они наряду с каллипидами ведут одинаковый образ жизни с остальными скифами, однако, сеют и питаются хлебом, луком, чесноком, чечевицей и просом. Севернее ализонов живут скифы-земледельцы⁷². Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу. Наконец, еще выше их живут невры, а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня. Это – племена по реке Гипанису к западу от Борисфена.

18. За Борисфеном же со стороны моря сначала простирается Гилея, а на север от нее живут скифы-земледельцы. Их эллины, живущие на реке Гипанис, называют борисфенитами, а сами себя эти эллины зовут ольвиополитами. Эти земледельцы-скифы занимают область на три дня пути к востоку до реки Пантикапа⁷³, а к северу – на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше их далеко тянется пустыня. За пустыней живут андрофаги – особое, но отнюдь не скифское племя. А к северу простирается настоящая пустыня, и никаких людей там, насколько мне известно, больше нет.

19. Восточнее этих скифов-земледельцев, на другой стороне реки Пантикапа, обитают скифы-кочевники; они вовсе ничего не сеют и не пахут. Во всей земле скифов, кроме Гилеи, не встретишь деревьев. Кочевники же эти занимают область к востоку на десять дней пути до реки Герра.

20. За рекой Герром идут так называемые царские владения. Живет там самое доблестное и наиболее многочисленное скифское племя. Эти скифы считают прочих скифов себе подвластными. Их область к югу простирается до Таврики, а на восток – до рва, выкопанного потомками слепых рабов, и до гавани у Меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений граничат даже с Танаисом⁷⁴. Севернее этих царских скифов живут меланхлены – другое, не скифское племя. Севернее меланхленов, насколько мне известно, простирается болотистая и безлюдная страна.

21. За рекой Танаисом⁷⁵ – уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат савроматам. Савроматы занимают

полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни саженных деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины. Земля здесь покрыта густым лесом разной породы.

22. За будинами к северу сначала простирается пустыня на семь дней пути, а потом далее на восток живут фиссагеты – многочисленное и своеобразное племя. Живут они охотой. В тех же краях по соседству с ними обитают люди по имени иирки⁷⁶. Они также промышляют охотой и ловят зверя следующим образом. Охотники подстерегают добычу на деревьях (ведь по всей их стране густые леса). У каждого охотника наготове конь, приученный лежать на брюхе, чтобы меньше бросаться в глаза, и собака. Заметив зверя, охотник с дерева стреляет из лука, а затем вскакивает на коня и бросается в погоню, собака же бежит за ним. Над иирками к востоку живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю.

23. Вплоть до области этих скифов вся упомянутая выше страна представляет равнину с толстым слоем почвы. А оттуда земля уже твердая, как камень, и неровная⁷⁷. После долгого перехода по этой каменистой области придешь в страну, где у подножия высоких гор обитают люди. Как передают, все они, как мужчины, так и женщины, лысые от рождения, плосконосые и с широкими подбородками⁷⁸. Говорят они на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Имя дерева, плоды которого они употребляют в пищу, понтик⁷⁹. Величиной это дерево почти что со смоковницу, плод его похож на бобовый, но с косточкой внутри. Спелый плод выжимают через ткань, и из него вытекает черный сок под названием “асхи”⁸⁰. Сок этот они лижут и пьют, смешивая с молоком. Из гущи асхи они готовят в пищу лепешки. Скота у них немного, потому что пастбища там плохие. Каждый живет под деревом. На зиму дерево всякий раз покрывают плотным белым войлоком, а летом оставляют без покрывки. Никто из людей их не обижает, так как они почитаются священными и у них даже нет боевого оружия. Они улаживают распри соседей, и если у них найдет убежище какой-нибудь изгнанник, то его никто не смеет обидеть. Имя этого народа – аргиппеи⁸¹.

24. Страны до этих лысых людей и народы, живущие по сю сторону их, хорошо известны, так как к ним иногда приходят скифы. Ведь

сведения о них можно легко получить не только от скифов, но и от эллинов из Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городов. Скифы же, когда приходят к аргиппеям, ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках.

25. Итак, области до этих лысых людей нам еще знакомы, о том же, что выше их, никто с точностью сказать не может. Эти страны отделяют высокие, недоступные горы, и никто их еще не переходил. По словам лысых, на горах обитают, хотя я этому не верю, козлоногие люди, а за этими горами – другие люди, которые спят шесть месяцев в году. Этому-то я уж вовсе не верю. Области к востоку от лысых достоверно известны: там живут исседоны. Но о землях к северу от исседонов и лысых мы ничего не знаем, кроме того, что они сами рассказывают.

26. Об обычаях исседонов рассказывают следующее⁸². Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубает на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество⁸³. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы⁸⁴. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому, как это происходит на поминальном празднике у эллинов. Этих людей также считают праведными, а женщины у них совершенно равноправны с мужчинами.

27. Итак, об исседонах у нас есть еще сведения. Выше исседонов, по их собственным рассказам, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Скифы передают об этом со слов исседонов, а мы, прочие, узнаем от скифов и зовем их по-скифски аримаспами: “арима” у скифов значит единица, а “спу” – глаз.

28. Во всех названных странах зима столь сурова, что восемь месяцев там стоит невыносимая стужа. В это время хоть лей на землю воду, грязи не будет, разве только если разведешь костер. Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва⁸⁵, выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов. Такие холода продолжают в тех странах сплошь восемь месяцев, да и остальные четыре месяца не тепло. Вообще там погода совершенно отличная от других стран: когда в других местах дождли-

вая пора, там дождей почти нет, а летом, напротив, очень сильные. Когда в других местах случаются грозы, здесь их не бывает, летом же они часты. Гроза зимой вызывает изумление, как чудо; так же и землетрясения (летом или зимой) в Скифии считаются диковиной. Лошади легко переносят такие суровые зимы, тогда как мулы и ослы их вовсе не выдерживают. В других странах, напротив, у лошадей на морозе замерзают суставы, ослам же и мулам стужа не вредит.

29. В силу этого, как я думаю, у тамошней породы безрогих быков и не бывает рогов. Это мое мнение подтверждает следующий стих Гомера в “Одиссее”: ...и Ливию, где агнцы с рогами рождаются⁸⁶, что совершенно правильно, так как в теплых краях рога быстро вырастают. Напротив, при сильных холодах у скота или совсем не бывает рогов, или только маленькие.

30. В Скифии это происходит от холода. Впрочем, меня удивляет, что по всей Элиде (этот мой рассказ ведь с самого начала допускает подобные отступления) не рождаются мулы. Между тем страна эта вовсе не холодная и нет для этого никакой другой видимой причины. По утверждению самих элейцев, мулы не рождаются у них в силу какого-то проклятия. Когда наступает пора оплодотворения, кобылиц пригоняют в соседнюю область и там случают с ослами, пока кобылицы не забеременеют. Потом кобылиц пригоняют назад.

31. Об упомянутых перьях, которыми, по словам скифов, наполнен воздух и оттого, дескать, нельзя ни видеть вдаль, ни пройти, я держусь такого мнения. К северу от Скифской земли постоянные снегопады, летом, конечно, меньше, чем зимой. Таким образом, всякий, кто видел подобные хлопья снега, поймет меня; ведь снежные хлопья похожи на перья, и из-за столь суровой зимы северные области этой части света необитаемы. Итак, я полагаю, что скифы и их соседи, об разно говоря, называют снежные хлопья перьями. Вот сведения, которые у нас есть о самых отдаленных странах.

32. О гипербореях ничего не известно ни скифам, ни другим народам этой части света, кроме исседонов. Впрочем, как я думаю, исседоны также ничего о них не знают; ведь иначе, пожалуй, и скифы рассказывали бы о них, как они рассказывают об одноглазых людях. Но все же у Гесиода есть известие о гипербореях; упоминает о них и Гомер в “Эпигонах” (ес-

ли только эта поэма действительно принадлежит Гомеру).

33. Гораздо больше о гипербореях рассказывают делосцы. По их словам, гипербореи посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов дары принимают ближайшие соседи, и каждый народ всегда передает их все дальше и дальше вплоть до Адриатического моря на крайнем западе⁸⁷. Оттуда дары отправляют на юг: сначала они попадают к додонским эллинам, а дальше их везут к Малийскому заливу и переправляют на Евбею. Здесь их перевозят из одного города в другой вплоть до Кариста. Однако минуют Андрос, так как каристийцы перевозят святыню прямо на Тенос, а теносцы – на Делос. Так-то, по рассказам делосцев, эти священные дары, наконец, прибывают на Делос. В первый раз, говорят делосцы, гипербореи послали с дарами двух девушек, по имени Гипероха и Лаодика. Вместе с ними были отправлены провожатыми для безопасности девушек пять гиперборейских горожан. Это те, кого теперь называют перфереями и весьма почитают на Делосе. Однако, когда посланцы не вернулись на родину, гипербореи испугались, что посланцев всякий раз может постигнуть несчастье и они не возвратятся домой. Поэтому они стали приносить священные дары, завернутые в пшеничную солому, на границу своих владений и передавать соседям с просьбой отослать их другим народам. И вот таким образом, как передают, дары отправлялись и, наконец, прибывали на Делос. Мне самому известно, что и в других местах происходит нечто подобное со священными дарами. Так, фракийские и пеонийские женщины при жертвоприношениях Артемиде-Царице всегда приносят священные дары завернутыми в пшеничную солому.

34. И я точно знаю, что они так поступают. В честь этих гиперборейских девушек, скончавшихся на Делосе, девушки и юноши там стригут себе волосы⁸⁸. Так, девушки перед свадьбой отрезают локон волос, обвивают им веретено и затем возлагают на могилу гипербореянок (могила эта находится в святилище Артемиды при входе с левой стороны; у могилы стоит маслина). Юноши же наматывают свои волосы на зеленую ветку и также возлагают на могилу. Такие почести жители Делоса воздают этим гиперборейским девушкам.

35. По рассказам делосцев, еще раньше Лаодики и Гиперохи из страны гипербореев мимо тех же народов прибыли на Делос две мо-

лодые женщины – Арга и Опис. Они несли Илифии священные дары, обещанные за быстрые и легкие роды. Как передают, Арга и Опис прибыли из гиперборейской страны вместе с самими божествами [Аполлоном и Артемидой], и делосцы им также воздают почести. В их честь делосские женщины собирают дары. В гимне, сочиненном ликийцем Оленом⁸⁹, женщины призывают их поименно. От делосцев переняли этот обычай жители других островов и ионяне: они также поют гимн, призывая Опис и Аргу, и собирают им священные дары. Этот Олен пришел на Делос из Ликии и сочинил также и другие древние гимны, которые поются на Делосе. Пепел от бедер жертвенных животных, сожженных на алтаре, они рассыпают на могиле Опис и Арги. Могила же их находится за святилищем Артемиды на восточной стороне в непосредственной близости от зала для пиров кеосцев.

36. Итак, о гипербореях сказано достаточно. Я не хочу ведь упоминать сказание об Абарисе⁹⁰, который, как говорят, также был гипербореем: он странствовал по всей земле со стрелой в руке и при этом ничем не питался (в существование гипербореев я вообще не верю). Ведь если есть какие-то люди на крайнем севере, то есть и другие – на крайнем юге. Смешно видеть, как многие люди уже начертили карты земли, хотя никто из них даже не может правильно объяснить очертания земли. Они изображают Океан обтекающим землю, которая кругла, словно вычерчена циркулем (выточена на токарном станке). И Азию они считают по величине равной Европе. Поэтому я кратко расскажу о величине обеих частей света и о том, какую форму имеет каждая.

37. Персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемого Красным⁹¹. К северу от них обитают мидяне, выше мидян – саспиры, выше саспиров – колхи, граничащие с Северным морем, куда впадает река Фасис. Эти четыре народности занимают область от моря до моря.

38. На западе отсюда в море выдаются от Азии два полуострова, которые я теперь опишу. Один – северный полуостров – берет начало от реки Фасиса и тянется к морю вдоль Понта и Геллеспонта до троянского Сигея. На юге этот же самый полуостров простирается в море от Мириандинского залива в Финикии до Триопийского мыса. На этом полуострове живет тридцать народностей.

39. Это – один полуостров. Второй начинается у Персидской земли и тянется до Красного моря⁹². Он охватывает Персию, примыкающую к ней Ассирию и затем Аравию. Оканчивается этот полуостров у Аравийского залива (конечно, только по обычному делению), куда Дарий провел из Нила канал⁹³. Итак, широкая равнина далеко простирается от Персии до Финикии. От Финикии же этот полуостров тянется вдоль Нашего моря через палестинскую Сирию и Египет, где он оканчивается. Только три народности обитают на этом полуострове.

40. Эта часть Азии лежит на запад от Персии. Выше персов, мидян, саспиров и колхов на восток простирается Красное море⁹⁴, а к северу – Каспийское и река Аракс, текущая на восток. Азия обитаема вплоть до Индии. Далее в восточном направлении тянется уже пустыня, и никто не может сказать, какова она⁹⁵.

41. Таковы очертания и величина Азии. Ливия же расположена еще на этом втором полуострове: ведь она уже непосредственно примыкает к Египту. У Египта этот полуостров очень узок, так как от берегов Нашего моря до Красного всего лишь 100000 оргий, т.е. около 1000 стадий. За этим узким местом полуостров, называемый Ливией, опять сильно расширяется.

42. Поэтому мне кажется странным различать по очертанию и величине три части света – Ливию, Азию и Европу (хотя по величине между ними различие действительно немалое). Так, в длину Европа простирается вдоль двух других частей света, а по ширине, думается, она и не сравнима с Азией и Ливией. Ливия же, по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии; это, насколько мне известно, первым доказал Нeko, царь Египта. После прекращения строительства канала из Нила в Аравийский залив царь послал финикиян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столпы, пока не достигнут Северного моря и таким образом не возвратятся в Египет. Финикияне вышли из Красного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу, и в какое бы место в Ливии ни попадали, всюду обрабатывали землю; затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикияне обогнули Геракловы Столпы и прибыли в Египет. По их рассказам (я-то этому не верю, пусть верит, кто хочет), во время плава-

ния вокруг Ливии солнце оказывалось у них на правой стороне⁹⁶.

43. Так впервые было доказано, что Ливия окружена морем. Впоследствии карфагеняне утверждали, что им также удалось обогнуть Ливию⁹⁷. Зато Сатасп, сын Теаспия, из рода Ахеменидов, посланный объехать Ливию, не смог этого сделать. Сатасп устранился долгого плавания по водной пустыне и возвратился назад. Он не выполнил, таким образом, опасного поручения своей матери. Этот Сатасп оскорбил насилием девушку, дочь Зопира, Мегабизова сына. Царь Ксеркс хотел распять его за это на кресте. Но мать преступника, сестра Дария, упростила царя помиловать сына. По ее словам, она сумеет наказать Сатаспа еще более сурово, чем это сделал бы царь: сын ее должен плыть вокруг Ливии, пока снова не прибудет в Аравийский залив. Ксеркс согласился. Сатасп же прибыл в Египет, снарядил там корабль с египетскими корабельщиками и затем отплыл к Геракловым Столпам. Выйдя за Столпы, он обогнул Ливийский мыс под названием Солоент и потом взял курс на юг. Много месяцев плыл Сатасп по широкому морю, но путь был бесконечен. Поэтому Сатасп повернул назад и возвратился в Египет. Оттуда он прибыл к царю Ксерксу и рассказал следующее: очень далеко в Ливии им пришлось плыть мимо земли низкорослых людей в одежде из пальмовых листьев. Всякий раз, когда мореходы приставали к берегу, жители покидали свои селения и убегали в горы. Тогда персы входили в их селения, но не причиняли никому вреда, а только угоняли скот. Причиной же неудачи плавания вокруг Ливии Сатасп выставил следующее: корабль их не мог, дескать, идти дальше, так как натолкнулся на мель. Ксеркс, однако, не поверил правдивости этого рассказа. Он подверг Сатаспа прежнему наказанию: повелел распять на кресте за то, что тот не исполнил его царского приказа. Один евнух этого Сатаспа, как только услышал о казни своего господина, бежал с его огромными сокровищами на Самос. Сокровищами этими завладел один горожанин с Самоса. Имя его я знаю, но стараюсь забыть о нем.

44. Большая часть Азии стала известна при Дарии. Царь хотел узнать, где Инд впадает в море (это ведь единственная река, кроме Нила, где также водятся крокодилы). Дарий послал для этого на кораблях нескольких людей, правдивости которых он доверял. Среди них был и кариандинец Скилак. Они отправи-

лись из города Каспатира в Пактии и поплыли на восток вниз по реке до моря. Затем, плывя на запад по морю, на тридцатом месяце прибыли в то место (как я сказал выше)⁹⁸. Откуда египетский царь послал финикиян в плавание вокруг Ливии. После того как они совершили это плавание, Дарий покорил индийцев и с тех пор господствовал также и на этом море⁹⁹. Таким-то образом было выяснено, что Азия (кроме восточной ее стороны), подобно Ливии, окружена морем.

45. Омывается ли Европа морем с востока и с севера, никому достоверно не известно. Мы знаем лишь, что по длине она равна двум другим частям света. И я не могу даже понять, почему, собственно, трем частям света, которые являются одной землей, даны названия по именам женщин. Непонятно также мне, почему реки Нил и Фасис в Колхиде (по другим: река Танаис, впадающая в Меотийское озеро, и киммерийский город Портмеи) образуют границу между ними. Нельзя выяснить имена тех, кто разграничил их и от кого взяты названия этих трех частей света. Ведь Ливия, как обычно думают в Элладе, получила свое имя от местной женщины Ливии, Азия же – от супруги Прометея. Впрочем, лидийцы также желают присвоить себе имя Азии. По их словам, Азия названа от Асия, сына Котия, внука Манеса, а не от супруги Прометея Асии. Поэтому и один из кварталов Сард называется Асиадой. Что до Европы, то никто из людей не знает, омывается ли она морем, откуда ее имя и кто ее так назвал. Или же нужно предположить, что эта страна получила свое имя от тирийской Европы (раньше ведь она была безымянной, как и другие части света). Но все же эта женщина Европа происходит из Азии и никогда не приходила в ту землю, которая теперь у эллинов называется Европой. Она прибыла из Финикии только на Крит, а с Крита – в Ликию. Но об этом довольно. Я буду придерживаться общепринятых мнений.

46. Из всех стран, куда Дарий выступил походом, помимо скифских народностей, на Евксинском Понте обитают самые невежественные племена. Ведь по эту сторону Понта нельзя назвать ни одного просвещенного племени, и мы не встречаем у них ни одного знаменитого человека, кроме скифа Анахарсиса. Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством. Оно состоит в том, что ни одному врагу, на-

павшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только сами они не допустят этого. Ведь у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышляют не земледелием, а скотоводством; их жилища – в кибитках. Как же такому народу не быть неодолимым и неприступным?

47. Этой особенности скифов, конечно, благоприятствует их земля и содействуют реки. Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой-то равнине протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте. Я назову только самые известные реки и судоходные от моря в глубь страны. Прежде всего, это Истр с пятью устьями, затем Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикап, Гипакирис, Герр и Танаис. О течении этих рек надо сказать следующее.

48. Истр – самая большая из известных нам рек; зимой и летом она всегда одинаковой величины. Это – первая река Скифии на западе; она становится самой большой, и вот почему: в Истр впадают и другие реки, отчего он становится многоводным; из них пять протекают через Скифскую землю; та, которая у скифов зовется Пората, а у эллинов – Пирет; далее Тиарант, Арап, Напарис и Ордесс¹⁰⁰. Первая из названных рек – велика, течет на восток и сливает свои воды с Истром. Вторая, по имени Тиарант, имеет более западное направление и меньше первой. Арап же, Напарис и Ордесс протекают в промежутке между первыми двумя и впадают в Истр.

49. Эти притоки Истра берут начало в самой Скифии. Река же Марис течет из страны агафирсов и впадает в Истр. На севере с вершин Гема стекают три большие реки: Атлант, Аврас и Тибисис. Далее в Истр впадают текущие через Фракию и страну фракийских кробизов реки Африс, Ноес и Артанес. Затем из области пеонов и горы Родопы течет в Истр река Киос, пересекающая посередине Гем. Из Иллирии же течет река Ангр на восток в Трибаллскую равнину и впадает в реку Бронг, а Бронг – в Истр. Так Истр принимает обе эти большие реки. Из северной страны омбриков текут на север река Карпис и другая река – Альпис и также впадают в Истр. Ведь Истр течет через всю Европу, начинаясь в земле кельтов – самой западной народности в Европе после кинетов. Так-то Истр пересекает всю Европу и впадает в море на окраине Скифии.

50. Итак, оттого что воды названных рек и многих других вливаются в Истр, он становится величайшей рекой. Впрочем, Нил (если сравнить обе эти реки) сам по себе еще многоводнее. Действительно, в Нил не впадает никакой реки или источника, которые бы делали его полноводным. А то, что количество воды в Истре и летом и зимой одинаково, объясняется, видимо, следующим. Зимой воды этой реки достигают своего естественного уровня или немного выше, потому что в это время в тех странах только изредка выпадают дожди, но зато постоянно идет снег. Летом же глубокий снег, выпавший зимой, тает и отовсюду попадает в Истр. И вот этот-то талый снег стекает и наполняет реку, а также частые и обильные дожди (ведь дожди бывают там и летом). Насколько больше воды летом, чем зимой, притягивает к себе солнце, настолько Истр становится летом полноводнее, чем в зимнее время. Когда же одно возмещается другим, наступает равновесие.

51. Итак, Истр – первая река Скифии, за ней идет Тирас. Последний начинается на севере и вытекает из большого озера¹⁰¹ на границе Скифии и земли невров. В устье этой реки живут эллины, называемые тиритами.

52. Третья река – Гипанис – берет начало в Скифии. Вытекает она также из большого озера, у которого пасутся дикие белые кони. Озеро это справедливо зовется “матерью Гипаниса”. Река Гипанис по выходе из озера лишь короткое время – пять дней пути – остается еще пресной, а затем на четыре дня плавания, вплоть до моря, вода ее делается горько-соленой¹⁰². Ведь в нее впадает настолько горький источник, который, несмотря на незначительную величину, делает воду реки совершенно горькой (а ведь Гипанис больше многих рек). Источник этот находится на границе страны скифов и ализонов. Название источника и места, откуда он вытекает, по скифски Эксампей, а на эллинском языке – Священные Пути. Тирас и Гипанис очень близко подходят друг к другу в земле ализонов; затем обе реки поворачивают в разные стороны и промежуток между ними расширяется.

53. Четвертая река – Борисфен – самая большая из этих рек после Истра. Эта река, как я думаю, не только из скифских рек наиболее щедро наделена благами, но и среди прочих рек, кроме египетского Нила (с Нилом ведь не сравнится ни одна река). Тем не менее, из остальных рек Борисфен – самая прибыль-

ная река: по берегам ее простираются прекрасные тучные пастбища для скота; в ней водится в больших количествах наилучшая рыба; вода приятна на вкус для питья и прозрачна (по сравнению с водой других мутных рек Скифии). Посевы вдоль берегов Борисфена превосходны, а там, где земля не засеяна, растителась высокая трава. В устье Борисфена само собой оседает несметное количество соли. В реке водятся огромные бескостные рыбы под названием “антакеи”¹⁰³ и есть много других диких рыб. С севера течение Борисфена известно на расстоянии сорока дней плавания от моря до земли Герра. Однако никто не может сказать, через области каких племен течет эта река дальше на север. До страны скифов-земледельцев она, очевидно, протекает по пустынной местности. Ведь скифы эти живут по берегам реки на десять дней плавания. Это – единственная река, да еще Нил, истоков которой я не могу указать (да, как думается мне, и никто из эллинов). Близ моря Борисфен – уже мощная река. Здесь к нему присоединяется Гипанис, впадающий в один и тот же лиман¹⁰⁴. Клинообразная полоса земли между этими реками называется мысом Гипполая. На нем воздвигнуто святилище Деметры. Напротив святилища на Гипанисе живут борисфениты.

54. Таковы мои сведения об этих реках. За ними следует пятая река под названием Пантикап. Течет она также с севера и из озера. Между ней и Борисфеном обитают скифы-земледельцы. Пантикап протекает через Гилю, а затем, минуя ее, сливается с Борисфеном.

55. Шестая река – Гипакирис берет начало из озера, пересекает область скифов-кочевников и затем впадает в море у города Каркинитиды, оставляя на правой стороне так называемое Ахиллесово ристалище (Ахиллесов бег).

56. Седьмая река – Герр вытекает из Борисфена в том месте, до которого течение Борисфена известно. Ответвляется она в этом месте, а название ее, общее с местностью, – Герр. Течет эта река к морю, образуя границу между землями кочевых и царских скифов, и потом впадает в Гипакирис¹⁰⁵.

57. Наконец, восьмая река – Танаис. Она течет сверху, беря начало из большого озера, и впадает в еще большее озеро под названием Меотиды (оно отделяет царских скифов от савроматов). В Танаис впадает другая река, по имени Иргис¹⁰⁶.

58. Вот наиболее значительные реки, орошающие Скифию. Трава, растущая в Скифской земле, из всех известных нам трав больше всего вызывает разлитие желчи у скота. Вскрытие трупов животных убеждает в этом.

59. Таким образом, все важнейшие средства для жизни легко доступны скифам. Что же до скифских обычаев, то они таковы. Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего – Гестию, затем Зевса и Гею (Гея у них считается супругой Зевса); после них – Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса. Этих богов признают все скифы, а так называемые царские скифы приносят жертвы еще и Посейдону. На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс – и, по-моему, совершенно правильно – Папай (Папей), Гея – Апи, Аполлон – Гойтосир, Афродита Небесная – Аргимпаса, Посейдон – Фагимасад. У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения.

60. Обряды жертвоприношений всем богам и на всех празднествах у них одинаковы и совершаются вот так: жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю. Во время падения животного жрец вызывает к богу, которому приносит жертву. Затем он набрасывает петлю на шею животного и поворотом палки, всунутой в петлю, душит его. При этом огня не возжигают и не начинают посвящения или возлияния. После того как жертва задушена, обдирают шкуру и приступают к варке мяса.

61. Так как в Скифии чрезвычайно мало леса, то для варки мяса скифы придумали вот что. Ободрав шкуру жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем бросают в котлы местного изделия¹⁰⁷ (если они под рукой). Котлы эти очень похожи на лесбосские сосуды для смешения вина, но только гораздо больше. Заложив мясо в котлы, поджигают кости жертв и на них производят варку. Если же у них нет такого котла, тогда все мясо кладут в желудки животных, подливают воды и снизу поджигают кости. Кости отлично горят, а в желудках свободно помещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные. Когда мясо сварится, то приносящий жертву посвящает божеству часть мяса и внутренностей и бросает их перед собой на зем-

лю. В жертву приносят также и других домашних животных, в особенности же коней.

62. Таким-то образом и таких животных они приносят в жертву прочим богам. Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка; три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и потому приходится ежегодно наваливать сюда по полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч. Кровь они несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно.

63. Таковы обряды при жертвоприношениях у скифов. Свиной они не приносят в жертву и вообще не хотят разводить этих животных в своей стране.

64. Военные обычаи скифов следующие. Когда скиф убивает первого врага, он пьет его кровь¹⁰⁸. Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ведь только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе – нет. Кожу с головы сдирают следующим образом: на голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи¹⁰⁹. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут ее руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется, как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры. Другие из содранной вместе с ногтями с правой руки вражеских трупов кожи изготавливают чехлы

для своих колчанов. Человеческая кожа, действительно, толста и блестяща и блестит ярче почти всякой иной. Многие скифы, наконец, сдирают всю кожу с вражеского трупа, натягивают ее на доски и затем возят ее с собой на конях.

65. Таковы военные обычаи скифов. С головами же врагов (но не всех, а только самых лютых) они поступают так. Сначала отпиливают черепа до бровей и вычищают. Бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем еще покрывают внутри позолотой и употребляют вместо чаши¹¹⁰. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников (если поссорятся с ними и когда перед судом царя один одержит верх над другим). При посещении уважаемых гостей хозяин выставляет такие черепа и напоминает гостям, что эти родственники были его врагами и что он их одолел. Такой поступок у скифов считается доблестным деянием.

66. Раз в год каждый правитель в своем округе приготовляет сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом.

67. У скифов есть много предсказателей. Гадают они с помощью множества ивовых прутьев следующим образом. Приносят огромные связки прутьев и кладут на землю. Затем развязывают пучки и каждый прут один за другим раскладывают в ряд и затем изрекают предсказания. При этом гадатели вновь собирают прутья по одному и опять складывают. Этот способ гадания у них унаследован от предков¹¹¹. Энареи – женоподобные мужчины – говорят, что искусство гадания даровано им Афродитой. Гадают они при помощи липовой мочалы. Мочалу эту разрезают на три части и полоски наматывают вокруг пальцев, а затем вновь распускают и при этом произносят предсказания.

68. Когда царя скифов поражает недуг, он велит привести к себе троих наиболее уважаемых предсказателей. Они гадают вышеупомянутым способом. Обычно предсказание изрекают приблизительно в таком роде: такой-то и такой-то из жителей (называя его по име-

ни) принес-де ложную клятву богами царского очага (если скифы желают принести особо священную клятву, то обычно торжественно клянутся богами царского очага). Обвиненного в ложной клятве тотчас хватают и приводят к царю. Предсказатели уличают его в том, что он, как это явствует после вопрошения богов, ложно поклялся богами царского очага и что из-за этого-де царь занемог. Обвиняемый с негодованием отрицает вину. Если он продолжает отпираться, то царь велит призвать еще предсказателей в двойном числе. Если и они после гадания также признают его вину, то этому человеку сразу же отрубают голову, а его имущество по жребию достается первым прорицателям. Напротив, в случае оправдания обвиняемого вторыми прорицателями вызывают все новых и новых прорицателей. Если же большинство их все-таки вынесет оправдательный приговор, то первых прорицателей самих присуждают к смерти.

69. Род казни прорицателей следующий. На запряженный быками воз наваливают доверху хвороста. Прорицателей со связанными ногами и скрученными за спиной руками запикивают в кучу хвороста. Хворост поджигают и затем пугают и погоняют быков. Нередко вместе с прорицателями в огне гибнут также и быки. Но все же, когда дышло обгорит, быкам иногда удастся спастись, получив ожоги. Упомянутым способом прорицателей сжигают, впрочем, и за другие проступки, называя их лжепророками. Царь не щадит даже и детей казненных: всех сыновей казнит, дочерям же не причиняет зла.

70. Все договоры о дружбе, освященные клятвой, у скифов совершаются так. В большую глиняную чашу наливают вино, смешанное с кровью участников договора (для этого делают укол шилом на коже или маленький надрез ножом). Затем в чашу погружают меч, стрелы, секиру и копье. После этого обряда произносят длинные заклинания, а затем как сами участники договора, так и наиболее уважаемые из присутствующих пьют из чаши.

71. Гробницы царей находятся в Геррах (до этого Борисфен еще судоходен). Когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму. Приготовив яму, тело поднимают на телегу, покрывают воском; потом разрезают живот покойного; затем очищают его и наполняют рубленым аиром (купырем, дягилем), ладаном (фимиамом) и семенами сельдерея и укропа¹¹². Потом живот снова зашивают и везут на телеге к другому

племени. Жители каждой области, куда привозят тело царя, при этом поступают так же, как и царские скифы. Они отрезают кусок своего уха, обстригают в кружок волосы на голове, делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами. Затем отсюда везут покойника на повозке в другую область своего царства. Сопровождают тело те, к кому оно было привезено раньше. После объезда всех областей они снова прибывают в Герры к племенам, живущим в самых отдаленных пределах страны, и к царским могилам. Там тело на соломенных подстилках опускают в могилу, по обеим сторонам втыкают в землю копыя, а сверху настилают доски и покрывают их камышовыми циновками. В остальном обширном пространстве могилы погребают одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши (серебряных и медных сосудов скифы для этого вовсе не употребляют). После этого все вместе насыпают над могилой большой холм, всячески стараясь сделать его как можно выше.

72. Спустя год они вновь совершают такие погребальные обряды: из остальных слуг покойного царя выбирают самых усердных (все они коренные скифы: ведь всякий, кому царь прикажет, должен ему служить; купленных же за деньги рабов у царя не бывает). Итак, они умерщвляют 50 человек из слуг удушением (также 50 самых красивых коней), извлекают из трупов внутренности, чрево очищают и наполняют мякиной, а затем зашивают. Потом на двух деревянных стойках укрепляют половину колесного обода выпуклостью вниз, а другую половину – на двух других столбах. Таким образом они вколачивают много деревянных стоек и ободьев; затем, проткнув лошадей толстыми кольями во всю длину туловища до самой шеи, поднимают на ободья. На передних ободьях держатся плечи лошадей, а задние подпирают животы у бедер. Передние и задние ноги коней свешиваются вниз, не доставая до земли. Потом коням надевают уздечки с удилами, затем натягивают уздечки и привязывают их к колышкам. Всех 50 удушенных юношей сажают на коней следующим образом: в тело каждого втыкают вдоль спинного хребта прямой кол до самой шеи. Торчащий из тела нижний конец кола вставляют в отверстие, просверленное в другом коле, про-

ткнутом сквозь туловище коня. Поставив вокруг могилы таких всадников, скифы уходят¹¹³.

73. Так скифы погребают своих царей. Когда же умирают все прочие скифы, то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным. Простых людей возят таким образом по округе сорок дней, а затем предают погребению. После похорон скифы очищают себя следующим образом: сперва умащают и затем промывают голову, а тело [очищают паровой баней], поступая так: устанавливают три жерди, верхними концами наклоненные друг к другу, и обтягивают их затем шерстяным войлоком; потом стягивают войлок как можно плотнее и бросают в чан, поставленный посреди юрты, раскаленные докрасна камни.

74. В Скифской земле произрастает конопля – растение, очень похожее на лен, но гораздо толще и крупнее. Этим конопля значительно превосходит лен. Ее там разводят, но встречается и дикорастущая конопля. Фракийцы изготавливают из конопли даже одежды, настолько похожие на льняные, что человек, не особенно хорошо разбирающийся, даже не отличит – льняные ли они или из конопли. А кто никогда не видел конопляной ткани, тот примет ее за льняную.

75. Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскаленные камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия¹¹⁴. Это парение служит им вместо бани, так как водой они вовсе не моются. Скифские женщины растирают на шероховатом камне куски кипариса, кедра и ладана, подливая воды. Затем полученным от растирания тестом обмазывают все свое тело и лицо. От этого тело приобретает приятный запах, а когда на следующий день смывают намазанный слой, оно становится даже чистым и блещит.

76. Скифы, как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев, притом они сторонятся не только обычаев прочих народов, но особенно эллинских. Это ясно показала судьба Анахарсиса и потом Скила. Анахарсис повидал много стран и выказал там свою великую мудрость. На обратном пу-

ти в скифские пределы ему пришлось, плывя через Геллеспонт, пристать к Кизику. Кизикенцы в это время как раз торжественно справляли праздник Матери Богов¹¹⁵. Анахарсис дал богине такой обет: если он возвратится домой здоровым и невредимым, то принесет ей жертву по обряду, какой он видел у кизикенцев, и учредит в ее честь всенощное празднество. Вернувшись в Скифию, Анахарсис тайно отправился в так называемую Гилею (эта местность лежит у Ахиллесова ристалища и вся покрыта густым лесом разной породы деревьев). Так вот, Анахарсис отправился туда и совершил полностью обряд празднества, как ему пришлось видеть в Кизике. При этом Анахарсис навесил на себя маленькие изображения богини и бил в тимпаны. Какой-то скиф подглядел за совершением этих обрядов и донес царю Савлию. Царь сам прибыл на место и, как только увидел, что Анахарсис справляет этот праздник, убил его стрелой из лука. И поныне еще скифы на вопрос об Анахарсисе отвечают, что не знают его, и это потому, что он побывал в Элладе и перенял чужеземные обычаи. Анахарсис, как я узнал от Тимна, опекуна Ариапифа, был дядей по отцу скифского царя Иданфирса, сыном Гнура, внуком Лика и правнуком Спаргапифа. Если Анахарсис действительно происходил из этого царского дома, то да будет известно, что умертвил его родной брат. Ведь Иданфирс был сыном Савлия, а Савлий и был убийцей Анахарсиса.

77. Я слышал, впрочем, от пелопоннесцев и другой рассказ. Анахарсиса отправил в Элладу скифский царь в ученье к эллинам. По возвращении на родину Анахарсис сказал царю, что все эллины, кроме лакедемонян, стараются все узнать и стать мудрыми. Однако только с лакедемонянами можно вести разумную беседу. Рассказ этот, впрочем, – вздорная выдумка самих эллинов; во всяком случае, Анахарсис погиб, как рассказано мною выше.

78. Так несчастливо окончил свою жизнь этот человек за то, что принял чужеземные обычаи и общался с эллинами. Много лет спустя Скилу, сыну Ариапифа, пришлось испытать подобную же участь. У Ариапифа, царя скифов, кроме других детей, был еще сын Скил. Он родился от матери-истриянки, а вовсе не от скифской женщины. Мать научила его говорить и писать по-эллински. Впоследствии через некоторое время Ариапифа коварно умертвил Спаргапиф, царь агафирсов, и престол по наследству перешел к Скилу вме-

сте с одной из жен покойного отца, по имени Опия. Это была скифская женщина, от Ариапифа у нее был сын Орик. Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил образа жизни этого народа. В силу полученного им воспитания царь был гораздо более склонен к эллинским обычаям и поступал, например, так: когда царю приходилось вступать с войском в пределы города борисфенитов (эти борисфениты сами себя называют милетянами), он оставлял свиту перед городскими воротами, а сам один входил в город и приказывал запирать городские ворота. Затем Скил снимал свое скифское платье и облачался в эллинскую одежду. В этом наряде царь ходил по рыночной площади без телохранителей и других спутников (ворота же охранялись, чтобы никто из скифов не увидел царя в таком наряде). Царь же не только придерживался эллинских обычаев, но даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов. Месяц или даже больше он оставался в городе, а затем вновь надевал скифскую одежду и покидал город. Такие посещения повторялись неоднократно, и Скил даже построил себе дом в Борисфене и поселил там жену, местную уроженку.

79. Печальная участь, однако, была суждена Скилу. А произошло это вот по какому поводу. Царь пожелал принять посвящение в таинства Диониса Вакха. И вот, когда предстояло приступить к таинствам, явилось великое знамение. Был у царя в городе борисфенитов большой роскошный дворец¹¹⁶, обнесенный стеною (о нем я только что упомянул). Кругом стояли беломраморные сфинксы и грифоны. На этот-то дворец бог обрушил свой перун, и он весь погиб в пламени. Тем не менее, Скил совершил обряд посвящения. Скифы осуждают эллинов за вакхические исступления. Ведь, по их словам, не может существовать божество, которое делает людей безумными. Когда царь, наконец, принял посвящение в таинства Вакха, какой-то борисфенит, обращаясь к скифам, насмешливо заметил: “Вот вы, скифы, смеетесь над нами за то, что мы совершаем служение Вакху и нас охватывает в это время божественное исступление. А теперь и ваш царь охвачен этим богом: он не только свершает таинства Вакха, но и безумствует, как одержимый божеством. Если вы не верите, то идите за мной и я вам покажу это!”. Скифские главари последовали за борисфенитом. Он тайно провел их на городскую стену и посадил на башню. При виде Скила, проходившего мимо с толпой вакхантов в вак-

хическом исступлении, скифы пришли в страшное негодование. Спустившись с башни, они рассказали затем всему войску о виденном.

80. После этого по возвращении Скила домой скифы подняли против него восстание и провозгласили царем Октамасада, сына дочери Терея. Когда Скил узнал о восстании и о причине его, то бежал во Фракию. Октамасад же, услышав об этом, выступил походом на фракийцев. На Истре его встретили фракийцы. Войска готовились уже вступить в сражение, когда Ситалк послал к Октамасаду сказать следующее: “Зачем нам нападать друг на друга: ведь ты сын моей сестры, у тебя в руках мой брат. Отдай мне его, а я выдам тебе твоего Скила, но не будем подвергать взаимной опасности наши войска!”. Это предложение Ситалк велел передать через глашатая. Так как у Октамасада действительно нашел убежище брат Ситалка, Октамасад принял предложение и выдал Ситалку своего дядю по матери, а взамен получил брата Скила. Ситалк принял своего брата и удалился с войском, а Октамасад велел тут же отрубить голову Скилу. Так крепко скифы держатся своих обычаев и такой суровой каре они подвергают тех, кто заимствует чужие.

81. Численность населения у скифов я не могу определить точно, так как получил об этом весьма различные сведения. Действительно, согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим – коренных скифов, собственно говоря, очень мало. Местные жители, однако, показывали мне вот что: между реками Борисфеном и Гипанисом существует местность под названием Эксампей. О ней я уже упоминал несколько раньше, говоря, что там есть источник горькой воды; вода его течет в Гипанис и делает воду этой реки негодной для питья. В этой местности стоит медный сосуд величиной, пожалуй, в шесть раз больше сосуда для смешения вина, который Павсаний, сын Клеомброта, велел посвятить богам и поставить у входа в Понт. Кто не видел этого сосуда, тому я его опишу: он свободно вмещает 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда шесть пальцев. По словам местных жителей, сделан он из наконечников стрел. Один скифский царь, по имени Ариант, пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы и каждому, кто не послушается, грозил смертью. Тогда скифы принесли такое

множество наконечников, что царь решил воздвигнуть из них себе памятник: он повелел изготовить из наконечников этот медный сосуд и выставить в Эксампее. Вот сведения, которые я получил о численности скифов.

82. Кроме множества огромных рек, нет в этой стране больше ничего достопримечательного. Впрочем, помимо этих рек и обширного протяжения равнины, я должен упомянуть об одной диковине. В скале у реки Тираса местные жители показывают отпечаток ступни Геракла¹¹⁷, похожий на след человеческой ноги длиной в 2 локтя. Таков этот след. Теперь я возвращусь к рассказу, начатому мною прежде.

83. Дарий готовился к походу на скифов и рассылал вестников к подвластным народам. Одним царь приказывал выставить войско, другим корабли, наконец, третьим построить мост через Фракийский Боспор. Артабан, сын Гистаспа, царский брат, настойчиво отговаривал царя от похода, указывая на недоступность скифской страны. Артабану, однако, не удалось убедить царя благоразумными советами, и он отступился. Дарий же, завершив все приготовления к походу, выступил из Сус.

84. Там Эобаз, один из персов, у которого было трое сыновей и все они должны были идти в поход, просил царя оставить хоть одного сына. Царь ответил, что он оставит ему как другу и скромному просителю всех трех сыновей. Эобаз весьма обрадовался в надежде, что все его сыновья будут освобождены от похода. Дарий же велел слугам умертвить всех его сыновей. И они, казненные, действительно остались там.

85. Дарий между тем выступил из Сус и прибыл в Боспор в Калхедонской области, где был построен мост. Затем царь вступил на корабль и отплыл к так называемым Кианейским скалам (эти скалы, по сказанию эллинов, прежде были “блуждающими”)¹¹⁸. Там, сидя на мысе, Дарий обзирал Понт. Действительно, этим морем стоило полюбоваться, так как Понт – самое замечательное из всех морей. Длина его 11 100 стадий, а ширина в самом широком месте 3300 стадий¹¹⁹. Устье этого моря шириной 4 стадии, длина же устья или пролива (называемого Боспором)¹²⁰, через который был построен мост, около 120 стадий. Боспор простирается до Пропонтиды. Пропонтида же (шириной 500 стадий, а длиной 1400) впадает в Геллеспонт; ширина его в самом узком месте 7, а длина 400 стадий¹²¹.

Впадает Геллеспонт в открытое море, называемое Эгейским.

86. Измерил я эти моря следующим образом: в летний день обычно корабль проходит до 70 000 оргий, а ночью – 60 000. Между тем оба устья Понта до Фасиса (здесь длина Понта наибольшая) 9 дней морского пути и 8 ночей. Это составляет 1 110 000 оргий, или 11 100 стадий. А от страны синдов, где ширина Понта наибольшая, до Фемискиры на реке Фермодонте 3 дня и 2 ночи плавания, что составляет 300 000 оргий, или 3300 стадий. Так я измерил этот Понт, Боспор и Геллеспонт, и их величина такова, как я указал выше. В этот Понт изливается еще озеро величиной немного меньше его самого. Оно называется Меотидой и Матерью Понта.

87. После обозрения Понта Дарий отплыл назад к мосту, строителем которого был Мандрокл самосец. Затем, обозрев и Боспор, царь повелел воздвигнуть на берегу два столпа из белого мрамора и на одном высечь ассирийскими письменами¹²², а на другом эллински-

ми имена всех народов, которых он вел с собой, а предводительствовал он над всеми подвластными народами. Численность пеших и конных воинов составляла (кроме экипажа) 700 000 человек. Кораблей же было 600. Впоследствии же византийцы привезли столпы в свой город и употребили их на постройку алтаря Артемиды Орфосии. Только одна каменная глыба осталась у храма Диониса в Византии, на ней были ассирийские письмена. Место на Боспоре, где Дарий повелел построить мост, находится, как я полагаю, между Византием и храмом у входа в Боспор.

88. Дарий остался весьма доволен сооружением моста и строителя его Мандрокла самосца осыпал дарами. На часть этих богатств Мандрокл велел написать картины с изображением всего строительства моста через Боспор; на берегу сидящим на троне был изображен Дарий и его войско, переходящее по мосту через Боспор. Картину эту Мандрокл посвятил в храм Геры на Самосе со следующей надписью:

Чрез многорыбный Боспор перекинув мост, посвятил я
Гере картину сию в память о мосте, Мандрокл.
Славу самосцам стяжал, себе же венец лишь почетный,
Царскую волю свершив, Дарию я угодил.

89. Такой памятник оставил строитель моста. Дарий же, одарив Мандрокла, начал переправу в Европу. Ионянам он повелел плыть в Понт до устья реки Истра, а затем по прибытии к Истру построить мост через реку и ожидать его там (ибо корабли вели ионяне, эолийцы и геллеспонтийцы). Итак, флот прошел через Кианеи и взял курс прямо к Истру. Затем, поднявшись по реке на два дня плавания от моря, мореходы приступили к сооружению моста на “шее” реки, где Истр разделяется на гирла. Дарий же переправился по мосту через Боспор и затем, пройдя через Фракию, прибыл к истокам реки Теара, где стоял станом три дня.

90. По словам окрестных жителей, Теар – наиболее замечательная река: наряду с другими целебными свойствами вода ее исцеляет чесотку у людей и коней. У этой реки 38 источников: одни – горячие, другие – холодные, но все вытекают из одной и той же скалы. Источники эти находятся на одинаковом расстоянии двухдневного пути от города Герее у Перинфа и от Аполлонии на Евксинском Понте¹²³. Этот Теар впадает в реку Контадесд, Контадесд – в Агриану, Агриана – в Гебр, а Гебр, наконец, – в море у города Эноса.

91. Дарий прибыл к этой реке и остановился станом на берегу. Обрадовавшись реке, царь повелел и там воздвигнуть столп с надписью, гласившей: “Источники Теара дают наилучшую и прекраснейшую воду из всех рек. К ним прибыл походом на скифов наилучший и самый доблестный из всех людей – Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего азиатского материка”. Эту надпись царь повелел вырезать на столпе.

92. Отсюда Дарий двинулся дальше и достиг другой реки под названием Артеск, которая течет через землю одрисов. По прибытии к этой реке царь сделал следующее. Указав своему войску место, он повелел, чтобы каждый воин, проходя мимо, положил туда камень. Когда воины выполнили царское повеление, Дарий двинулся дальше, оставив на месте огромные груды камней.

93. Не доходя еще до Истра, Дарий сперва покорил гетов, которые считают себя бессмертными. Фракийцы же из Сальмидесса и живущие севернее Аполлонии и города Месамбрии, называемые скирмиадами и нипсеями, подчинились Дарию без боя¹²⁴. Однако геты, самые храбрые и честные среди фракий-

цев, оказали царю вооруженное сопротивление, но тотчас же были покорены.

94. Что касается веры гетов в бессмертие, то она состоит вот в чем. По их мнению, они не умирают, но покойник отходит к богу Салмоксису (иные зовут его также Гебелейзисом). Каждые пять лет геты посылают к Салмоксису вестника, выбранного по жребию, с поручением передать богу все, в чем они нуждаются в данное время. Посылают же вестника они так. Выстроившись в ряд, одни держат наготове три метательных копья, другие же хватают вестника к Салмоксису за руки и за ноги и затем подбрасывают в воздух, так что он падает на копья. Если он умирает, пронзенный копьями, то это считается знаком божьей милости, если же нет, то обвиняют самого вестника. Его объявляют злодеем, а к богу отправляют затем другого человека. Тем не менее поручения ему дают еще при жизни. Эти же самые фракийские племена во время грозы, когда сверкает молния, пускают стрелы в небо и угрожают богу, так как вовсе не признают иного бога, кроме своего.

95. Впрочем, как я слышал от эллинов, живущих на Геллеспонте и на Понте, этот Салмоксис был человеком, рабом на Самосе, а именно рабом Пифагора, сына Мнесарха. Потом, став свободным, приобрел великое богатство и с ним возвратился на родину. Фракийцы влачили тогда жалкое существование и были несколько глуповаты. Салмоксис познакомился с ионийским образом жизни и обычаями, более утонченными, чем фракийские, так как ему пришлось общаться с величайшим эллинским мудрецом Пифагором. Салмоксис велел устроить обеденный покой для мужчин, куда приглашал на угощение знатнейших горожан. При этом он доказывал друзьям, что ни сам он, ни они – его гости и даже их отдаленные потомки никогда не умрут, но перейдут в такую обитель, где их ожидает вечная жизнь и блаженство. Между тем, устраивая упомянутые угощения с такими речами, Салмоксис велел соорудить для себя подземный покой. Когда этот покой был готов, Салмоксис исчез из среды фракийцев, спустился в подземелье и там жил три года. Фракийцы же страстно тосковали по нем и оплакивали как умершего. На четвертый год, однако, Салмоксис вновь явился фракийцам, и те, таким образом, уверовали в его учение.

96. Вот что совершил Салмоксис, по словам фракийцев. Что до меня, то я и не отвергаю рассказа о нем и о подземелье, но и не

слишком-то в это верю. Все же я полагаю, что этот Салмоксис жил за много лет до Пифагора. Впрочем, был ли вообще Салмоксис человеком или каким-либо местным божеством гетов, не будем больше говорить о нем.

97. Таковы были верования гетов, когда их покорили персы и они должны были присоединиться к остальному войску в походе. Между тем Дарий с сухопутным войском подошел к Истру. После перехода всех воинов на другой берег он повелел ионянам вместе с экипажами кораблей уничтожить мост и следовать за ним по суше. Выполняя повеление царя, ионяне уже собирались разрушить мост. Тут Кой, сын Эрксандра, стратег митиленцев, осведомившись сперва у царя, угодно ли ему выслушать совет человека, желающего его дать, сказал следующее: “Царь! Ты ведь собираешься в поход на страну, где нет ни вспаханного поля, ни населенного города. Так прикажи оставить этот мост на месте и охрану его поручи самим строителям. Если все будет хорошо и мы найдем скифов, то у нас есть возможность отступления. Если же мы их не найдем, то, по крайней мере, хоть обратный путь нам обеспечен. Меня вовсе не страшит, что скифы одолеют нас в бою, но я боюсь только, что мы их не найдем и погибнем во время блужданий. Скажут, пожалуй, что я говорю это ради себя, именно оттого, что желаю остаться здесь. Напротив, я сам, конечно, пойду с тобой и не желал бы оставаться”. Дарий весьма милостиво принял этот совет и ответил Кою так: “Друг мой, лесбосец, когда я благополучно возвращусь на родину, пожалуйста, явись ко мне, чтобы я мог вознаградить тебя за добрый совет благодеяниями”.

98. После этих слов Дарий завязал на ремне 60 узлов. Затем он вызвал ионийских тиранов на совещание и сказал им следующее: “Ионяне, прежнее мое приказание о мосте я отменяю. Возьмите этот ремень и поступайте так: как только увидите, что я выступил против скифов, начиная с этого времени развязывайте каждый день по одному узлу. Если я за это время не возвращусь, а дни, указанные узлами, истекнут, то плывите на родину. Пока же, так как я переменял свое решение, стерегите мост и всячески старайтесь его сохранить и уберечь. Этим вы окажете мне великую услугу”. Так сказал Дарий и поспешил с войском дальше.

99. Фракия дальше Скифии выдается вперед к морю. Скифия же начинается за Фракией в том месте, где море образует залив и где

Истр впадает в море (устье Истра обращено на юго-восток). Я сейчас опишу прибрежную полосу – собственно Скифии, начиная от Истра, для определения ее длины. Это – исконная Скифия, она начинается от устья Истра, обращена к югу и простирается до города, называемого Каркинитидой. Отсюда идет гористая страна, лежащая вдоль того же моря. Она выдается в Понт и населена племенем тавров вплоть до так называемого Херсонеса Скалистого¹²⁵. Херсонес этот на востоке выступает в море. Подобно Аттике две четверти границ Скифской земли (на юге и на востоке) окружены морем. Тавры живут в части Скифии, соответствующей Аттической земле, как если бы не афиняне, а другое племя в Аттике занимало мыс Суний, выступающий дальше в море, т.е. пространство от Форики до селения Анафлиста¹²⁶. Я сравниваю это, насколько можно сравнить малое с великим. Так же обстоит и с Таврией. Тому же, кто не плавал мимо этого мыса Аттики, я разъясню на другом примере. Тавры обитают в этой части Скифии так, как если бы в Иапии другое племя, а не иапиги отрезало бы для себя землю от гавани Брентесия до Таранта и населяло бы полуостров. Кроме этих двух стран, я мог бы назвать еще много других, на которые похожа Таврия.

100. За таврами опять живут скифы, частично дальше на восток на морском побережье, а частью на западе Киммерийского Боспора и озера Меотиды до реки Танаиса, которая впадает в это озеро в самом дальнем его углу¹²⁷. Северные части Скифии, простирающиеся внутрь материка, вверх по Истру, граничат сначала с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами¹²⁸.

101. Если принять Скифию за четырехугольник, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершенно одинакова с приморской линией. Ибо от устья Истра до Борисфена 10 дней пути, а от Борисфена до озера Меотиды еще 10 дней и затем от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути. Дневной переход я принимаю в 200 стадий. Таким образом, поперечные стороны [четырехугольника] Скифии составляют 40000 стадий, а продольные, идущие внутрь материка, – еще столько же. Такова величина этой области.

102. После совещания скифы убедились, что они одни не в состоянии отразить полчи-

ща Дария в открытом бою и отправили послов к соседним племенам. Цари последних уже собрались на совет, чтобы обдумать, как им поступить ввиду вторжения такого огромного войска. На совещании присутствовали цари тавров, агафирсов, невра, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов.

103. У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибавляют к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это – дочь Агамемнона Ифигения¹²⁹. С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висящие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной.

104. Агафирсы – самое изнеженное племя. Они обычно носят золотые украшения и сообщаются с женщинами, чтобы всем быть братьями и как родные не завидовать и не враждовать между собой. В остальном их обычаи схожи с фракийскими.

105. У невра обычаи скифские. За одно поколение до похода Дария им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому-то невра были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов¹³⁰. Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик¹³¹. Меня эти рассказы, конечно, не могут убедить; тем не менее, так говорят и даже клятвенно утверждают это.

106. Среди всех племен самые дикие нравы у андрофагов. Они не знают ни судов, ни законов и являются кочевниками. Одежду носят подобную скифской, но язык у них особый. Это единственное племя людоедов в той стране.

107. Все меланхлецы носят черные одежды, отчего и происходит их название. Нравы у них скифские.

108. Будины – большое и многочисленное племя; у всех их светло-голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и святилища¹³². Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной.

109. Будины – коренные жители страны – кочевники. Это – единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками¹³³. Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно. Вся земля их покрыта густыми лесами разной породы. Среди лесной чащи находится огромное озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдру, бобров и других зверей с четырехугольной мордой¹³⁴. мехом этих зверей будины оторачивают свои шубы, а яички бобров применяют как лечебное средство против болезней матки¹³⁵.

110. О савроматах рассказывают следующее¹³⁶. Эллы вели войну с амазонками¹³⁷ (скифы называют амазонок “эорпата”, что по-эллински означает мужеубийцы; “эор” ведь значит муж, а “пата” – убивать). После победоносного сражения при Фермодонте эллы (так гласит сказание) возвращались домой на трех кораблях, везя с собой амазонок, сколько им удалось захватить живыми. В открытом море амазонки напали на эллинов и перебили [всех] мужчин. Однако амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После убийства мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали, наконец, к Кремнам на озере Меотида. Кремны же находятся в земле свободных скифов. Здесь ама-

зонки сошли с кораблей на берег и стали бродить по окрестностям. Затем они встретили табун лошадей и захватили его. Разъезжая на этих лошадях, они принялись грабить Скифскую землю.

111. Скифы не могли понять, в чем дело, так как язык, одеяние и племя амазонок были им незнакомы. И скифы недоумевали, откуда амазонки явились, и, приняв их за молодых мужчин, вступили с ними в схватку. После битвы несколько трупов попало в руки скифов и таким образом те поняли, что это женщины. Тогда скифы решили на совете больше совсем не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амазонок. Юношам нужно было разбить стан поблизости от амазонок и делать все, что будут делать те; если амазонки начнут их преследовать, то они не должны вступать в бой, а бежать. Когда же преследование кончится, то юноши должны опять приблизиться и вновь разбить стан. Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок.

112. Отправленные скифами юноши принялись выполнять эти приказания. Лишь только женщины заметили, что юноши пришли без всяких враждебных намерений, они оставили их в покое. Со дня на день оба стана все больше приближались один к другому. У юношей, как и у амазонок, не было ничего, кроме оружия и коней, и они вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотой и разбоем.

113. В полдень амазонки делали вот что: они расходились поодиночке или по двое, чтобы в стороне отправлять естественные потребности. Скифы, приметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь из юношей заставал амазонку одну, женщина не прогоняла юношу, но позволяла вступить с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое и она явится с подругой. Юноша возвратился и рассказал об этом остальным. На следующий день этот юноша явился на то же место вместе с товарищем и застал там уже ожидающих его двух амазонок. Когда прочие юноши узнали об этом, они укротили и остальных амазонок.

114. После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в же-

ны ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как жены усвоили язык мужей. Когда, наконец, они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: “У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и снова жить с нашим народом. Вы одни будете нашими женами и других у нас не будет”. На это амазонки ответили так: “Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить. Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и желаете показать себя честными, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе”.

115. Юноши послушались жен и так и поступили: они возвратились к амазонкам, получив свою долю наследства. Тогда женщины сказали им: “Мы в ужасе от мысли, что нам придется жить в этой стране: ведь ради нас вы лишились ваших отцов, и мы причинили великое зло вашей стране. Но так как вы хотите взять нас в жены, то давайте вместе сделаем так: выселимся из этой страны и будем жить за рекой Танаисом”.

116. Юноши согласились и на это. Они переправились через Танаис и затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида¹³⁸. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там. С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами.

117. Савроматы говорят по-скифски, но истари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот какие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай.

118. Итак, скифские посланцы прибыли в собрание царей упомянутых племен. Они сообщили, что персидский царь, покорив все

племена в другой части света, построил мост на перешейке Боспора и переправился на этот материк. Затем царь подчинил фракийцев и навел мост через реку Истр. Теперь он желает завоевать все их земли. “Вам никоим образом не следует держаться в стороне,— говорили послы,— и допустить нашу гибель. Давайте выступим единодушно навстречу врагу. Если вы не сделаете так, то нам придется покинуть нашу страну или же, оставаясь здесь, добровольно подчиниться захватчику. Что же нам делать, если вы не пожелаете помочь? И вам от этого не станет легче. Ведь персидский царь выступил в поход против нас, так же как и против вас. Покорив нас, он не успокоится и не пощадит и вас. Мы дадим вам важное доказательство наших слов. Ведь если бы персидский царь выступил только против нас одних, чтобы отомстить за прежнее порабощение, то ему пришлось бы, оставив в покое все прочие народы, прямо идти на нашу страну. Тогда всем было бы ясно, что он идет на скифов, а не против других народов. Ведь лишь только царь переправился на наш материк, он подчинил все народности на своем пути. Все остальные фракийские племена уже в его руках, в том числе и соседние с нами геты”.

119. После этого сообщения скифов, прибывшие сюда цари племен стали держать совет. Мнения участников разделились: цари гелонов, будинов и савроматов пришли к согласию и обещали помочь скифам. Цари же агафирсов, невров, андрофагов, а также меланхленов и тавров дали скифам такой ответ: “Если бы вы прежде не нанесли обиды персам и не начали войны с ними, тогда мы сочли бы вашу просьбу правильной и охотно помогли бы вам. Однако вы без нашей помощи вторглись в землю персов и владели ею, пока божество допускало это. Теперь это же божество на их стороне, и персы хотят отплатить вам тем же. Мы же и тогда ничем не обидели этих людей и теперь первыми вовсе не будем враждовать с ними. Если же персы вступят и в нашу страну и нападут на нас, то мы не допустим этого. Но пока мы этого не видим, то останемся в нашей стране. Нам кажется, что персы пришли не против нас, а против своих обидчиков”.

120. Получив такой ответ, скифы решили не вступать в открытое сражение с персами (так как эти соседи не пожелали им помочь). Скифы стали медленно отступать, угоняя скот, засыпая колодцы и источники и уничтожая траву на земле. Свое войско они раздели-

ли на два отряда. К первому отряду под предводительством царя Скопасиса присоединились савроматы. Отряд этот, в случае нападения персов на эту область, должен был отступать прямо к реке Танаису вдоль озера Меотиды. Если же персы повернут назад, то преследовать их. Это войско принадлежало первой из трех частей скифского царства и получило приказание идти указанным путем. Два других царства – великое царство под властью Иданфурса и третье, царем которого был Таксакис, соединившись в одно войско вместе с гелонами и будинами, должны были также медленно отступать, держась на расстоянии дневного перехода от персов, и таким образом выполнить военный план. Прежде всего, нужно было заманить персов в земли тех племен, которые отказались от союза со скифами, чтобы вовлечь и их в войну с персами: если они не пожелали добровольно выступить против персов, то их надо было заставить воевать против воли. После этого им пришлось бы вернуться в свою землю и напасть на персов, если бы это оказалось разумным.

121. Приняв такое решение, скифы выступили против войска Дария, выслав вперед головной отряд лучших всадников. Кибитки с женщинами и детьми, а также весь остальной скот, кроме необходимого для пропитания количества голов, они отправили вперед с приказанием все время двигаться на север.

122. После этого обоз выступил вперед. Головной отряд скифов встретил персов на расстоянии около трехдневного пути от Истра. Скифы опередили врагов на дневной переход и расположились станом, уничтожая всю растительность. Лишь только персы заметили появление скифской конницы, они начали двигаться по следам врагов, которые все время отступали. Затем персы напали на одну из частей скифского войска и преследовали ее в восточном направлении к реке Танаису¹³⁹. Скифы перешли реку Танаис, а непосредственно за ними переправились и персы и начали дальнейшее преследование, пока через землю савроматов не прибыли в область будинов.

123. Пока путь персов шел через Скифию и Савроматию, они не могли опустошать местность, так как она была бесплодной. Проникнув в землю будинов, персы нашли там город, окруженный деревянной стеной. Будины бежали, город опустел, и персы предали его огню. После этого персы продолжали следовать все дальше за отступающим противником, по-

ка, пройдя через эту страну, не достигли пустыни. Пустыня эта совершенно необитаема, расположена она севернее страны будинов и тянется в длину на семь дней пути. Севернее этой пустыни живут фиссагеты. Из их земли текут четыре большие реки через область метов и впадают в так называемое озеро Меотиду. Названия этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис.

124. Дойдя до пустыни, Дарий с войском остановился станом на реке Оаре. Затем царь приказал построить восемь больших укреплений на равном расстоянии – около 60 стадий друг от друга. Остатки этих укреплений сохранились еще до нашего времени. Пока царь занимался этим сооружением, преследуемые им скифы обошли его с севера и возвратились в Скифию. При внезапном исчезновении скифов Дарий велел оставить наполовину завершенные постройки и, так как скифы больше не появлялись, повернул на запад. Царь предполагал, что перед ним находится все скифское войско и что скифы бежали на запад.

125. Дарий шел с войском весьма быстро и, прибыв в Скифию, встретил там оба отряда скифского войска. Столкнувшись с врагами, царь начал преследование, причем скифы опережали его на один день пути. И так как Дарий не прекращал преследования, то скифы, согласно своему военному плану, стали отступать во владения тех племен, которые отказали им в помощи, и, прежде всего – в страну меланхленов. Вторжение персов и скифов устрало меланхленов. Затем скифы начали завлекать врага в область андрофагов. Устрашив и этих, они стали отступать в землю невров. После этого, наведя страх и на невров, скифы отступили к агафирсам. Агафирсы увидели, как их соседи бежали в страхе перед скифами и послали глашатая, прежде чем те проникли в их землю, с запрещением вступать в их пределы. Агафирсы заявили скифам, что если те все же посмеют вторгнуться в их страну, то им придется сначала выдержать смертельный бой с ними – агафирсами. После этого агафирсы выступили с войском к своим границам, чтобы отразить нападение. Меланхлены же, андрофаги и невры не осмелились оказать сопротивление персам и скифам. Забыв о своих угрозах, они в страхе бежали все дальше на север в пустыню. Скифы же не пошли в страну агафирсов, так как те не желали их пропускать, а стали заманивать персов из страны невров в свою землю.

126. Так как война затягивалась и конца ей не было видно, то Дарий отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с приказанием передать следующее: “Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры”.

127. На эти слова царь скифов Иданфирс ответил так: “Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой – это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами. Это [я сказал] о сражении. Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов. Тебе же вместо даров – земли и воды – я пошлю другие дары, которых ты заслуживаешь. А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь!”. Таков был ответ скифов.

128. С этим сообщением глашатай отправился к Дарию. Цари же скифов, услышав слово “рабство”, пришли в негодование. Они послали часть войска, в которой находились савроматы под начальством Скопасиса, для переговоров с ионянами, которые охраняли мост через Истр. Остальные решили не завлекать дальше персов, а нападать на них, когда те выходили на поиски пищи. Выполняя это решение, скифы подстерегали воинов Дария, когда те добывали себе пищу. Скифская конница постоянно обращала в бегство вражескую конницу. Бегущие персидские всадники нападали на своих же пехотинцев, которые являлись к ним на помощь. Тогда скифы, отбив нападение конницы, поворачивали назад из страха перед пехотинцами. Подобные же нападения скифы производили и по ночам.

129. Теперь я расскажу о весьма удивительном явлении, которое благоприятствова-

ло персам и мешало скифам при их нападениях на стан Дария, именно о реве ослов и о виде мулов. Ведь, как я уже раньше заметил, во всей Скифской земле из-за холодов вообще не водятся ослы и мулы. Поэтому-то ослиный рев приводил в смятение скифскую конницу. Нередко во время нападения на персов скифские кони, заслышав ослиный рев, в испуге поворачивали назад: в изумлении они поднимали уши, так как никогда прежде не слышивали таких звуков и не видывали подобной породы животных. Впрочем, это обстоятельство лишь короткое время помогало персам на войне.

130. Скифы же, замечая замешательство персов, поступали следующим образом, стараясь как можно дольше удержать персов в своей стране и терзая их нуждой и лишением всего необходимого. Скифы оставляли часть своих стад вместе с пастухами, а сами уходили в другое место. Персы же приходили, захватывали скот, каждый раз при этом гордясь своей удачей.

131. Это повторялось часто, пока, в конце концов, Дарий не оказался в затруднительном положении. Скифские цари, проведая об этом, отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти дары, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, должны сами понять значение этих даров.

132. Услышав это, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему [в знак покорности] землю и воду, так как-де мышь живет в земле, питаясь, как и человек, ее плодами; лягушка обитает в воде, птица же больше всего похожа [по быстроте] на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Такое мнение высказал Дарий. Против этого выступил Гобрий (один из семи мужей, которые низвергли мага). Он объяснял смысл даров так: “Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зароеетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами”.

133. Так персы стремились разгадать значение даров. Между тем один отряд скифов, прежде стоявший на страже у Меотийского озера, отправился к Истру для переговоров с ионянами. Придя к мосту на *Истре*, скифы

обратились к ионянам с такими словами: “Ионяне! Мы принесли вам свободу, если вы только пожелаете нас выслушать. Мы узнали, что Дарий повелел стеречь мост только 60 дней и если он за это время не придет, то вы должны вернуться на родину. И вот если вы теперь так и поступите, то не провинитесь ни перед царем, ни перед нами. Обождите указанное вам число дней и после этого отплывайте на родину”. Ионяне обещали исполнить просьбу скифов, и те тотчас поспешили назад.

134. После принесения даров царю оставшиеся в своей земле скифские отряды – пехота и конница – выступили в боевом порядке для сражения с персами. Когда скифы уже стояли в боевом строю, то сквозь их ряды проскочил заяц. Заметив зайца, скифы тотчас же бросились за ним. Когда ряды скифов пришли в беспорядок и в их стане поднялся крик, Дарий спросил, что значит этот шум у неприятеля. Узнав, что скифы гонятся за зайцем, Дарий сказал своим приближенным, с которыми обычно беседовал: “Эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно рассудил о скифских дарах. Я сам вижу, в каком положении наши дела. Нужен хороший совет, как нам безопасно возвратиться домой”. На это Гобрий ответил: “Царь! Я давно уже узнал по слухам о недоступности этого племени. А здесь я еще больше убедился в этом, видя, как они издеваются над нами. Поэтому мой совет тебе: с наступлением ночи нужно, как мы это обычно и делаем, зажечь огни, оставить на произвол судьбы слабосильных воинов и всех ослов на привязи и отступить, пока скифы еще не подошли к Истру, чтобы разрушить мост, или ионяне не приняли какого-нибудь гибельного для нас решения”.

135. Такой совет дал Гобрий. Когда настала ночь, Дарий начал приводить его в исполнение. Слабосильных воинов из тех людей, потеря которых была для него наименее важной, а также всех ослов на привязи царь оставил на месте в лагере. Ослов царь оставил, чтобы те ревели, а людей – из-за их немощи, под тем предлогом, однако, что он намеревается с отборной частью войска напасть на скифов; слабосильные же должны-де в это время охранять стан. Отдав такие приказания оставшимся в стане и повелев зажечь огни, Дарий поспешно направился к Истру. Покинутые ослы стали после отступления войска реветь еще громче прежнего. Скифы же, слыша

ослиный рев, были совершенно уверены, что персы еще в стане.

136. На следующий день оставленные в стане персы поняли, что Дарий предал их. Простирая руки к скифам, они стали молить о пощаде и рассказали им все, что произошло. Услышав это, скифы поспешно объединили свои силы, именно два отряда скифов (один отряд вместе с савроматами и другой с будинами и гелонами), и начали преследование персов прямо к Истру. Персидское войско большей частью состояло из пехотинцев и не знало дороги (хотя проезжих дорог там и не было), а скифы были на конях и знали кратчайший путь к *Истру*. Поэтому оба войска разошлись, и скифы пришли к мосту гораздо раньше персов. Когда скифы увидели, что персов еще нет, они обратились к ионянам, которые находились на своих кораблях, с такими словами: “Ионяне! Назначенное вам для ожидания число дней истекло, и вы, оставаясь здесь, поступаете неправильно. Ведь вы только страха ради оставались здесь. Теперь же как можно скорее разрушьте переправу и уходите свободными подобру-поздорову, благодаря богов и скифов. А вашего прежнего владыку мы довели до того, что ему больше не придется выступать походом против какого-нибудь народа”.

137. Ввиду этого ионяне стали держать совет. Афинянин Мильтиад, полководец и тиран херсонесцев, что на Геллеспонте, подал совет послушаться скифов и освободить Ионию¹⁴⁰. Гистией из Милета, напротив, был другого мнения. По его словам, каждый из них в настоящее время является тираном в городе милостью Дария. Если же могущество Дария будет сокрушено, то ни сам он – Гистией – и никто другой уже не сможет сохранить своей власти над городом: ведь каждый город предпочитает народное правление господству тирана. К этому мнению Гистиея тотчас же присоединились все участники совещания, хотя раньше соглашались с мнением Мильтиада.

138. Вот имена тех, кто принимал участие в этом голосовании ионян, бывших в милости у царя: тираны геллеспонтийцев Дафнис из Абидоса, Гиппокл из Лампсака, Герофант из Пария, Метродор из Проконнеса, Аристагор из Кизика, Аристон из Византия. Это были тираны городов на Геллеспонте. Из Ионии же были: Стратис из Хиоса, Эак из Самоса, Лаодам из Фокеи, Гистией из Милета, который подал мнение против Мильтиада. Из эолий-

ских тиранов присутствовал только один значительный человек – Аристагор из Кимы.

139. Приняв совет Гистиея, ионяне решили, кроме того, дополнить его следующими действиями и словами: разрушить мост со стороны скифов и притом только на расстоянии полета стрелы, чтобы скифам казалось, несмотря на бездеятельность ионян, что те что-то делают, и для того, чтобы скифы не пытались силой перейти по мосту через Истр. Разрушая мост со скифской стороны, ионяне хотели показать скифам, что выполняют все их желания. Такое дополнение к совету Гистиея приняли ионийские тираны. После этого от имени всех Гистией ответил скифам так: “Вы, скифы, пришли с добрым советом и своевременно. Вы указали нам правильный путь, и за это мы готовы ревностно служить вам. Ведь, как вы видите, мы уже разрушаем переправу и будем всячески стараться добыть свободу. Между тем, пока мы разбираем мост, вам как раз время искать персов и, когда вы их найдете, отомстите за нас и за себя, как они того заслуживают”.

140. Скифы снова поверили в правдивость ионян и повернули назад на поиски персов. Однако им совершенно не удалось найти путь *персов*. Виноваты в этом были сами скифы, так как они-то и уничтожали в этой стороне конские пастбища и засыпали источники. Не сделай они этого, при желании им легко было бы найти персов; теперь же не удался именно тот их план, который они считали самым разумным. В поисках неприятеля скифы шли по таким частям своей страны, где был корм для коней и вода, думая, что и враги отступают теми же путями. Однако персы шли, держась ранее проложенных ими троп, и только таким образом (да и то с трудом) нашли переправу. До места они добрались ночью и обнаружили, что мост разрушен. Тогда персов обьял страх, что они покинуты ионянами.

141. В свите Дария был один египтянин с весьма зычным голосом. Этому человеку Дарий велел стать на берегу Истра и кликнуть милетянина Гистиея. Египтянин так и сделал. Гистией же по первому зову его доставил все корабли для переправы войска и снова навел мост.

142. Так персы были спасены. Скифы же в поисках персов потерпели неудачу. С тех пор скифы считают ионян, поскольку те были свободными людьми, самыми жалкими трусами из всех людей, а как рабов весьма преданными своему господину и наименее склон-

ными к побегу. Так скифы издевались над ионянами.

143. Следуя через Фракию, Дарий прибыл в Сест на Херсонесе. Отсюда сам царь на кораблях переправился в Азию, а в Европе оставил полководцем перса Мегабаза. Некогда Дарий оказал Мегабазу великую честь среди персов таким отзывом о нем: Дарий собирался есть плоды граната, и, как только разрезал первый плод, брат царя Артабан спросил его: “Чего бы царю хотелось иметь в таком же количестве, сколько зерен в плоде граната?”. На это Дарий отвечал, что предпочитает иметь столько людей, подобных Мегабазу, чем быть владыкой Эллады. Таким отзывом царь некогда почтил Мегабаза среди персов, а теперь оставил полководцем во главе 80-тысячного войска.

Книга V. Терпсихора

6. Обычаи прочих фракийцев вот какие: детей своих они продают на чужбину. *Целомудрия* девушек они не хранят, позволяя им вступать в сношение с любым мужчиной. Напротив, *верность* замужних женщин строго соблюдают и покупают себе жен у родителей за большие деньги. Татуировка *на теле* считается у них *признаком* благородства¹⁴¹. У кого ее нет, тот не принадлежит к благородным. Человек, проводящий время в праздности, пользуется у них большим почетом. Напротив, к земледельцу они относятся с величайшим презрением. Наиболее почетной они считают жизнь воина и разбойника. Таковы самые замечательные их обычаи.

8. Погребальные обряды богатых фракийцев вот какие. Тело покойника выставляют на три дня. При этом закалывают жертвенных животных всякого рода и после погребальных воплей устраивают тризну. Затем тело сжигают или иным способом предают земле¹⁴² и, насыпав курган, устраивают различные состязания. Высшие награды назначают за единоборство, смотря по важности [состязания]. Это погребальные обычаи фракийцев.

24. Этими словами Мегабаз легко убедил Дария, так как царь ясно видел, какие последствия будет иметь строительство города. После этого Дарий послал вестника в Миркин с повелением передать *тирану* вот что: “Гистией! Так говорит царь Дарий. Размышляя о *благе и судьбе моего царства*, я не нахожу никого преданнее тебя как лично мне, так и моей державе. И в этом меня убедили не слова, а

дела твои. Я задумал совершить ныне великие деяния. Поэтому непременно явись ко мне, ибо я желаю сообщить тебе об этом”. Гистией поверил этим словам (да к тому же и очень гордился быть царским советником) и прибыл в Сарды. По прибытии же в Сарды Дарий сказал ему вот что: “Гистией! Послал я за тобою вот почему. Как только я возвратился из Скифии и ты пропал с глаз моих, я вскоре почувствовал, что больше всего жалею о твоём отсутствии и о том, что не могу беседовать с тобой. Я убежден, что высшее благо на земле – это мудрый и верный друг. То и другое я обрел в тебе, и моя судьба подтверждает это. Итак, хорошо ты поступил, придя ко мне, и я предлагаю тебе вот что: оставь Милет и вновь основанный город во Фракии, иди со мною в Сусы и там разделяй со мною как мой сотрапезник и советник все, что у меня есть”.

27. Лемносцы же, правда, мужественно сражались, но все же после долгого сопротивления были побеждены. Правителем над уцелевшими лемносцами персы поставили Ликарета, сына Меандрия, брата царя Самоса. Этот-то Ликарет затем скончался правителем Лемноса... Причина же была вот такая. Отан всех их обращал в рабство, обвинял одних за отказ служить персам в походе на скифов, а других в [предательских] нападениях на войско Дария при возвращении.

Книга VI. Эрато

23. В это время произошло вот что. По пути в Сикелию самосцы прибыли в землю эпизефирийских локров. Сами занклеицы во главе со своим царем, по имени Скиф, осаждали тогда *какой-то город* сикелийцев, который они желали захватить. О прибытии самосцев между тем узнал тиран Регия Анаксилай, враждовавший тогда с занклеицами. Встретив пришельцев, он стал убеждать их лучше отказаться от “Красивого Берега”, куда они плыли, и захватить Занклу, покинутую мужским населением. Самосцы послушались совета и овладели городом. Как только занклеицы узнали о захвате своего города, они сами поспешили на помощь и призвали Гиппократа, тирана Гелы, своего союзника. Когда же Гиппократ в самом деле явился с войском на помощь, то велел бросить в оковы властителя занклеицев Скифа за то, что тот-де покинул свой город на произвол судьбы. Брата же Скифа Пифогена тиран выслал в город Иник, а остальных занклеицев выдал самосцам, заключив с ними договор, подтвержденный взаим-

ной клятвой. В награду за это самосцы обещали Гиппократу вот что: именно, отдать ему половину всей домашней утвари и рабов в городе и, кроме того, весь урожай с полей. Большую часть занклеицев тиран держал в оковах на положении рабов, а 300 самых знатных отдал самосцам, *повелев* казнить. Самосцы, впрочем, не казнили их.

24. Скиф же, властитель занклеицев, из Иника бежал в Гимеру, а оттуда отправился в Азию и прибыл к царю Дарию. Дарий считал его самым честным из эллинов, когда-либо приходивших к нему. И действительно, с разрешения Дария он вновь отправился в Сикелию, а затем возвратился к царю и *жил у него*, наслаждаясь великим богатством, пока не скончался глубоким старцем в Персии. Самосцы же, избежав персидского ига, без большого труда завладели прекраснейшим городом.

40. На этого-то Мильтиада, сына Кимона (а он лишь недавно возвратился на Херсонес), обрушилась теперь еще более тяжкая беда, чем прежде¹⁴⁴. Ведь за три года до этого он был изгнан скифами. Скифские кочевые племена, раздраженные вторжением царя Дария, объединились и дошли до Херсонеса. Мильтиад не стал ожидать вторжения скифов, а бежал в изгнание, пока скифы не ушли и долонки не вернули его назад. Эти события произошли за три года до постигших его затем несчастий¹⁴⁵.

41. Теперь же при известии, что финикияне стоят у Тенедоса, Мильтиад погрузил на пять триер все свои сокровища и отплыл в Афины. Выйдя в море из города Кардии, Мильтиад поплыл через Меланский залив. Но тут, огибая Херсонес, он встретил финикийские корабли¹⁴⁶. Самому Мильтиаду с четырьмя кораблями удалось спастись бегством на Имброс¹⁴⁷. Пятый же корабль во время преследования попал в руки финикиян. Начальником этого корабля был как раз старший сын Мильтиада, но, конечно, не от дочери фракийского царя Олора, а от другой жены. Его-то и захватили в плен финикияне. Узнав затем, что это – сын Мильтиада, финикияне отвезли его к царю, думая этим заслужить великую царскую милость (ведь именно Мильтиад на совете ионян высказался за то, чтобы по требованию скифов разрушить мост и затем отплыть на родину). Когда финикияне привезли в Сусы Метиоха, сына Мильтиада, Дарий не причинил ему, однако, никакого зла. Напротив, царь сделал пленнику много

добра: он пожаловал ему дом, поместье и персиянку в жены. От этой женщины у Метиоха родились дети, которые считались уже персами. Сам же Мильтиад с Имброса *благополучно* прибыл в Афины.

84. Так вот, это-то и было, по словам аргосцев, причиной безумия и ужасной гибели Клеомена¹⁴⁸. Сами же спартанцы утверждают, что божество вовсе не виновно в безумии царя: общаясь со скифами, он научился пить неразбавленное вино и от этого впал в безумие. После вторжения Дария в их страну скифы-кочевники вознамерились отомстить царю. Они отправили в Спарту послов и заключили союз с лакедемонянами. При этом было решено, что сами скифы сделают попытку вторгнуться в Мидию вдоль течения реки Фасиса¹⁴⁹, в то время как спартанцы из Эфеса направятся внутрь *персидской* страны на соединение со скифами. Клеомен же, как говорят, когда скифы прибыли в *Спарту* для переговоров, слишком часто общался со скифами; общаясь же с ними больше, чем подобало, он научился у них пить неразбавленное вино. От этого-то, как думают, спартанский царь и впал в безумие. С тех пор спартанцы, когда хотят выпить хмельного вина, говорят: “Наливай по-скифски”. Так рассказывают спартанцы о Клеомене. Я же думаю, что этим [безумием] он искупил свой поступок с Демаратом.

113. Битва при Марафоне длилась долго. В центре боевой линии, где стояли сами персы и саки¹⁵⁰, одолевали варвары. Здесь победители прорвали ряды афинян и стали преследовать их прямо в глубь страны. Однако на обоих крыльях одерживали верх афиняне и платейцы. После победы афиняне не стали преследовать обратившихся в бегство врагов, но, соединив оба крыла, сражались с врагами, прорвавшими центр. И здесь также победили афиняне. Затем они начали преследовать и рубить бегущих персов, пока не достигли моря. Здесь они старались напасть на корабли и поджечь их.

Книга VII. Полигимния

10. Расхвалив в таких словах замыслы Ксеркса, Мардоний умолк. Остальные персы между тем хранили молчание, не осмеливаясь возражать против высказанного мнения. Только Артабан, сын Гистаспа, полагаясь на свое родство с царем, так как он был дядей Ксеркса, сказал вот что: “О царь! Не будь здесь различных суждений, не пришлось бы и выбирать наилучшее из них, а лишь прини-

мать одно-единственное. Если же есть много мнений, то и выбор возможен. Ведь даже само по себе чистое золото нельзя распознать, и только путем трения на пробирном камне вместе с другим золотом мы определяем лучшее. Я не советовал твоему родителю, моему брату, Дарию идти походом на скифов, людей, у которых вовсе нет городов. А он меня не послушал в надежде покорить скифов, которые все-таки были кочевниками, и выступил в поход. Однако ему пришлось возвратиться назад, потеряв много храбрых воинов из своего войска. Ты же, о царь, желаешь ныне идти против людей, гораздо доблестнее скифов, которые, как говорят, одинаково храбро сражаются и на море, и на суше. Я должен сказать тебе о том, что меня страшит в этом походе. По твоим словам, ты намерен построить мост на Геллеспонте и вести войско через Европу в Элладу. Но может случиться, что ты потерпишь неудачу на суше, или на море, или в обоих случаях. Ведь противники, говорят, — храбрый народ. Это видно из того, что одни афиняне уничтожили вторгшееся в Аттику столь великое войско во главе с Датисом и Артафреном. Впрочем, врагам, конечно, не удастся одержать верх на суше и на море. Но если они нападут и одержат победу в морской битве, а затем поплывут к Геллеспонту и разрушат мост, тогда, о царь, твое положение будет опасно. Я заключаю об этом не своим умом, но могу представить себе, какое несчастье нас едва не постигло, когда родитель твой построил мост на Боспоре Фракийском¹⁵¹ и на реке Истре и переправился в Скифскую землю. Тогда скифы всячески старались убедить ионян, которым была поручена охрана моста на Истре, разрушить переправу. И если бы тогда Гистией, тиран Милета, согласился с мнением прочих тиранов и не воспротивился, то войско персов погибло бы. Впрочем, даже и подумать страшно, что тогда вся держава царя была в руках одного человека. Итак, не подвергай себя такой опасности без крайней нужды, но последуй моему совету. А теперь распусти это собрание и затем, обдумав еще раз наедине, сообщи нам твое решение, которое ты признаешь наилучшим. Ведь правильное решение, как я считаю, — дело самое важное. Если даже потом возникнет какое-либо препятствие, то решение все же не менее хорошо: его только одолел рок. Напротив, тому, кто принял плохое решение, может, если судьба к нему благосклонна, выпасть даже неожиданное счастье, но, несмотря на это, ре-

шение остается не менее плохим. Ты видишь, как перуны божества поражают стремящиеся ввысь живые существа, не позволяя им возвышаться в своем высокомерии над другими. Малые же создания вовсе не возбуждают зависти божества. Ты видишь, как бог мечет свои перуны в самые высокие дома и деревья. Ведь божество все великое обыкновенно повергает во прах. Так же и малое войско может сокрушить великое и вот каким образом: завистливое божество может устрашить воинов или поразить перуном так, что войско позорно погибнет. Ведь не терпит божество, чтобы кто-либо другой, кроме него самого, высоко мнил о себе. Итак, поспешность всегда ведет к неудачам, отчего происходит великий вред для нас. Напротив, промедление ко благу, которое хотя и не сразу проявляется, но со временем убеждаешься в этом. Таков мой совет, о царь. Ты же, Мардоний, сын Гобрия, перестань говорить пренебрежительно об эллинах, которые, конечно, не заслуживают этого. Ведь такими клеветническими речами ты подстрекаешь царя к войне с эллинами. Ради этого-то ты, думается, прилагаешь все старания. Но да не будет этого! Нет ничего страшнее клеветы: ведь клевета двоих делает преступниками, а третьего – жертвой. Клеветник виновен в том, что возводит обвинения за глаза. А тот, кто ему верит, виновен, потому что судит, не разобрав точно дела. Отсутствующий же страдает от того, что один клеветает на него, а другой считает дурным человеком. Но ведь если уж непременно нужно идти войной на этот народ, то пусть царь останется в Персидской земле. А мы оба оставим наших детей в залог. Затем ты, Мардоний, один выступи в поход, набери людей по собственному выбору и войско, сколь угодно большое. Если поход царя окончится так, как ты говоришь, то пусть мои дети будут умерщвлены, а вместе с ними и сам я. Но если выйдет, как я предвещаю, то пусть та же участь постигнет твоих детей и тебя самого, если ты вообще вернешься домой. Если же ты не согласен с этим, но все-таки поведешь войско на Элладу, то я предрекаю тебе: когда-нибудь иные люди здесь, на Персидской земле, еще услышат, что Мардоний, ввергнувший персов в бездну несчастий, погиб, растерзанный псами и птицами¹⁵² где-нибудь в Афинской или Македонской земле, если только еще не раньше по дороге туда. И тогда-то он поймет: на какой народ побуждал царя идти войной”.

18. Такими словами угрожал призрак Артабану и, казалось, хотел выжечь ему глаза раскаленным железом. Громко вскрикнув, Артабан подскочил и сел рядом с Ксерксом. Затем, рассказав царю сон, продолжал так: “Мне, о царь, пришлось неоднократно наблюдать ниспровержение великих держав малыми. Поэтому я хотел удержать тебя от увлечений юности, зная, сколь губительна страсть к великому могуществу. Я помню, чем кончился поход Кира на массагетов, помню и поход Камбиса на эфиопов. А сам я участвовал в войне Дария со скифами. Зная все это, я думал, что все народы будут тебя прославлять как счастливейшего *из смертных*, если ты сохранишь мир. Но так как мы *начинаем поход*, так сказать, по божественному внушению и эллины, видимо, обречены божеством на гибель, то и я сам теперь меняю свое мнение и стою за поход. Ты же объяви персам о ниспосланном тебе откровении божества и повели им выполнить твое первое приказание – готовиться к походу. Итак, действуй, раз божество этого хочет, но так, чтобы с твоей стороны не было задержки”. Так сказал Артабан. Оба они ободрились видением, а как только наступил день, Ксеркс сообщил все персидским вельможам. Артабан же, который один открыто всячески раньше отговаривал царя от похода, теперь даже явно торопил *с приготовлениями*.

20. После покорения Египта полных четырех года потребовалось Ксерксу на снаряжение и набор войска. На исходе же пятого¹⁵³ года царь выступил в поход с огромными полчищами. Это было, безусловно, самое большое войско из известных нам. С этим войском не могло сравниться ни войско Дария *в походе* на скифов, ни скифское войско, когда скифы, преследуя по пятам киммерийцев, вторглись в Мидийскую землю и, покорив почти всю Переднюю Азию, там поселились¹⁵⁴, из-за чего впоследствии Дарий и выступил в поход отомстить скифам¹⁵⁵. Точно так же, по сказанию, *было гораздо меньше* и войско Атридов в походе на Илион, и мисийцев, и тевкров (они еще до Троянской войны переправились в Европу по Боспору, покорили всех фракийцев, дошли до Ионийского моря и на юге – до реки Пенея)¹⁵⁶.

52. На это Ксеркс возразил: “Из всех сказанных тобой мнений ты заблуждаешься наиболее глубоко в том, что страшишься восстания ионян. У нас есть весьма важное доказательство верности ионян, свидетелем которого являешься и ты сам, и другие участники

похода Дария на скифов. Действительно, от них зависела гибель или спасение всего персидского войска. Ионяне же показали себя тогда честными и верными и не причинили нам никакого зла. Кроме того, они оставили в нашей стране детей, жен и имущество, так что нельзя думать, что они поднимут восстание. Поэтому не страшись восстания, но, исполнившись мужества, храни мой дом и мою власть. Тебе одному из всех я поручаю мой скипетр”.

59. Дориск же – это обширная равнина на фракийском побережье. По этой равнине течет большая река Гебр. Там уже раньше было воздвигнуто царское укрепление под названием Дориск. В нем Дарий во время похода на скифов оставил персидскую стражу. Местность эта показалась Ксерксу подходящей для смотра и подсчета боевых сил, что царь и сделал. А все корабли, пришедшие в Дориск, Ксеркс велел навархам причалить к соседнему с Дориском побережью, где лежат самофракийские города Сала и Зона, а на самом конце его находится знаменитый мыс Серрий¹⁵⁷. Область эта еще издревле принадлежала киконам. К этому-то побережью навархи и причалили свои корабли и затем вытащили на берег для просушки. Тем временем Ксеркс в Дориске производил подсчет боевых сил.

61. Принимали же участие в походе следующие народности: прежде всего персы, которые были одеты и вооружены вот как. На головах у них были так называемые тиары (мягкие войлочные шапки), а на теле – пестрые хитоны с рукавами из железных чешуек наподобие рыбьей чешуи. На ногах персы носили штаны. Вместо [эллинских] щитов у них были плетеные щиты, под которыми висели колчаны. Еще у них были короткие копья, большие луки с камышовыми стрелами, а, кроме того, на правом бедре с пояса свисал кинжал¹⁵⁸. Предводителем их был Отан, отец супруги Ксеркса Аместриды. В древнее время эллины называли персов кефенами. Сами же они называли себя артеями (так их звали и соседи). Когда же Персей, сын Данаи и Зевса, прибыл к Кефею, сыну Бела, и взял себе в жены его дочь Андромеду, то родившегося сына назвал Персом. Сына своего Персей оставил в стране, так как у Кефея не было мужского потомства. От него-то персы и получили свое имя.

64. Бактрийцы носили на головах шапки, очень схожие с мидийскими, тростниковые

бактрийские луки и короткие копья. Саки же (скифское племя) носили на головах высокие островерхие тюрбаны, плотные, так что стояли прямо. Они носили штаны, а вооружены были сакскими луками и кинжалами. Кроме того, у них были еще сагарисы – *обоюдоострые* боевые секиры. Это-то племя (оно было, собственно, скифским) называли амиргийскими саками. Персы ведь всех скифов зовут саками. Бактрийцами и саками предводительствовал Гистасп, сын Дария и Атоссы, дочери Кира.

67. Каспии были одеты в козьи шкуры и вооружены *своими* местными луками *со стрелами* из тростника и персидскими мечами. Таково было их вооружение, а начальником их был Ариомард, брат Артифия. Саранги же щеголяли пестро раскрашенными одеждами и сапогами до колен. Луки и копья у них были мидийские. Предводителем их был Ферендат, сын Мегабаза. Пактии носили козьи шкуры, вооружены были местными луками и кинжалами. Во главе пактиев стоял Артаинт, сын Ифамитры.

68. Утии, мики и парикании вооружены были подобно пактиям. Начальниками их были: у утиев – Арсамен, сын Дария; у париканиев же – Сиромитра, сын Эобаза.

163. После этих безуспешных переговоров с Гелоном эллинские послы отплыли домой. Гелон же опасался, что эллины, отказавшись от союза с ним, не смогут одни одолеть персидского царя. А с другой стороны, ему как владыке Сикелии *требование* послов прибыть в Пелопоннес и стать под начальство лакедемонян казалось невыносимой наглостью. Поэтому он отказался от прежнего образа действий и избрал новый путь. Лишь только Гелон узнал о переходе персидского царя через Геллеспонт, как тотчас отправил в Дельфы Каdma, сына Скифа, с острова Коса на трех 50-весельных кораблях, нагруженных великими сокровищами, с дружественными предложениями *персидскому царю*. Каdm должен был выждать исхода войны: в случае победы варвара отдать ему сокровища, а также землю и воду *от городов*, подвластных Гелону. Если же победят эллины, Каdm должен был привезти сокровища назад.

Книга VIII. Урания

113. Ксеркс же подождал в Аттике еще несколько дней после морской битвы и затем выступил с войском прежним путем в Беотию. Мардоний решил сопровождать царя, и

время года, кроме того, казалось не подходящим для военных действий. Он считал, что благоразумнее зимовать в Фессалии и потом весной напасть на Пелопоннес. По прибытии в Фессалию Мардоний отобрал, прежде всего, для себя персидских воинов, так называемых бессмертных (однако без их предводителя Гидарна, который не пожелал оставить царя). Затем [он выбрал] из прочих персов латников и тысячу конников, далее – еще мидян, савков, бактрийцев и индийцев, пехотинцев и конников¹⁵⁹. Воинов этих народностей он взял целиком, из числа же прочих союзников он выбрал лишь немногих, статность которых ему нравилась, или же известных своей храбростью. Самой многочисленной народностью в его войске были персы, носившие ожерелья и запястья. Затем шли мидяне, уступавшие персам не численностью, а телесной силой. Таким образом, всех воинов вместе с конниками было у Мардония 300 000 человек.

Книга IX. Каллиопа

27. Так говорили тегейцы. Афиняне же в ответ сказали вот что: “Мы знаем, конечно, что собрались здесь на борьбу с варварами, а не для словесных прений. Но так как тегейцы завели речь о том, чтобы обе стороны перечислили здесь все свои подвиги в древности и в новое время, то и нам приходится рассказывать, какими подвигами мы как доблестные воины приобрели право занимать первое место перед аркадцами. Во-первых, Гераклидов, вождя которых, по словам тегейцев, они умертвили на Истме, этих-то Гераклидов, которых после их бегства от микенского рабства сначала изгоняли все эллины, к кому бы они ни обращались, только мы одни приютили,

смирив дерзость Еврисфея и одолев вместе с ними тогдашних властителей Пелопоннеса. Далее, когда аргосцы во главе с Полиником пошли походом на Фивы и там, окончив свои дни, лежали без погребения, то мы начали войну с кадмейцами, спасли тела аргосцев, чем мы можем похвалиться, и предали погребению в Элевсине, на нашей земле. Славное деяние совершили мы также в борьбе с амазонками, которые некогда с реки Фермодонта вторглись в Аттическую землю, да и в битвах под Троей мы не уступали ни одному городу. Впрочем, об этом не будем вспоминать, потому что тогдашние храбрецы ныне могут быть трусами, а тогдашние трусы – теперь стали победителями. Поэтому довольно о делах стародавних. Но если мы даже ничего другого не совершили, хотя за нами много славных подвигов, так же как и у любого другого эллинского племени, то все же из-за Марафонской победы нам подобает эта честь, да и не только эта! Мы бились тогда с персами совершенно одни, одолели и разбили сорок шесть племен. Неужели же мы недостойны получить почетное место в боевом строю ради этого единственного подвига? Но так как в настоящем положении не время спорить о месте в строю, то мы готовы, лакедемоняне, подчиниться вашим приказаниям. Ставьте нас где и против кого вы найдете более подходящим! Мы будем всюду стараться выказать доблесть, где бы вы нас ни поставили. Ведите нас, а мы последуем за вами”. Так отвечали афиняне, а все войско лакедемонян единодушным криком заявило, что афиняне достойнее аркадцев занимать место на крыле. Так-то афиняне заняли крыло, одолев [в споре] тегейцев.

Примечания

¹ По аккадскому (ассирийскому) преданию, с киммерийцами сражался уже Гигес (Гигу), отец Ардиса. Лидийский царь сначала вступил в союз с ассирийским царем Ассурбанипалом, а потом с царем Египта Псамметихом.

² Ок. 720 г. до н.э. скифы-кочевники пришли в причерноморские степи из совр. Западного Туркестана и затем ок. 623 г. завоевали мидийское царство Киаксара.

³ Это солнечное затмение произошло 28 мая 585/4 г. до н.э. Геродот же взял другое затмение, именно 30 сентября 610 г., и поэтому отодвинул на 25 лет смерть Гигеса и включил в число исторических фактов свидания Креза с Солоном, Питтаком и Алкмеоном (В. В. Струве. Этюды: 98). Таким образом, неправильная датировка событий в Малой Азии и Греции VII–VI вв. до н. э. обусловлена не субъективными религиозно-моральными воззрениями Геродота, а неправильной датировкой пред-

сказанного Фалесом солнечного затмения (В. В. Струве. Этюды: 100).

⁴ [Эта осада Ниневии имела место между 630 и 620 гг. до н. э.]

⁵ Быть может, скифов изгнали из южнорусских степей киммерийцы, которые перешли Боспор и вторглись в Малую Азию. Скифы же через Дербентский проход по пути между Кавказом и Каспийским морем проникли в Мидию.

⁶ [Прототипей – возможно, Бартатуа ассирийских источников, которому Асархаддон отдал в жены свою дочь. Имя Мадий упоминает Страбон].

⁷ [Киммерийцы – собирательное наименование для племен, населявших южнорусские степи в VIII–VII ст. до н. э., в состав которых, несомненно, входили и позднейшие скифские племена. В первой половине VII ст. они вторглись через Кавказ в Иран и нанесли серьезный урон Ассирии, где их и скифов уже в VII ст. знали под именем Gimmiri и Iskuza. Они пришли также и в Малую Азию, где

взяли около 657 г. до н. э. Сарды и разграбили Лидийское царство, а также проникли в Сирию (см. ниже IV: 11 сл.).]

⁸ [Племя *саспиров*, упоминаемое также в IV: 37, локализуется в горной местности к юго-востоку от Колхиды.]

⁹ Это был знаменитый храм филистимлян, посвященный Астарте (Иштар).

¹⁰ Энarei (иран. анарья ‘немужественный’) – кастраты, гермафродиты – жрецы богини Иштар. Скифы во время вторжения в Сирию познакомились с культом богини Иштар.

¹¹ Ассирийские логосы Геродота до нас не дошли. Возможно, что Геродот их не успел написать.

¹² Завоевание ассирийского царства царем Мидии Киаксаром подтверждается табличками летописи царя Набулассара (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 67). О царствовании Киаксара сведения Геродота противоречивы: по одному варианту (I 73), гибель скифов произошла перед войной Киаксара с Лидией, а по другому (I 106) – она непосредственно предшествовала завоеванию Нина (Ниневии).

¹³ Данные Геродота о времени господства мидян восходят к аккадским источникам. Основание мидийского царства относится к 671 г., а его падение – к 553 г. до н.э.

¹⁴ В подлиннике *χορίζειν*. Вместе со Штейном и Мищенко я перевожу ‘поручил хранить’, а не ‘перевозить’, как предлагает Пауэлл (J. E. Powell. A lexicon to Herodotus: под словом *χορίζειν*).

¹⁵ После завоевания лидийского царства Кир намеревался покорить Вавилон, бактрийцев, савков и египтян. Вавилон был взят в 539 г. Дата завоевания Бактрии неизвестна. Сатрапом Бактрии был поставлен Гистасп, отец царя Дария I. В 529 г. до н.э. Кир погиб в битве с саками-массагетами (скифами).

¹⁶ *Массагеты-саки* делились на две большие группы: 1) северные саки – ‘большие саки’ (т.е. большая орда) проникли в Маргиану с севера; 2) саки-амиргийцы (перс. сака-гаума-варга – ‘хаому изготовляющие’) жили в долине совр. р. Мургаба и в походе носили остроконечные шапки. В конце царствования Дария их стали называть ‘даха’, ‘дая’. О массагетах у Геродота есть два различных известия (аккадское и скифско-эллиническое). Согласно скифско-эллиническому источнику Геродота, массагеты жили против исседонов на западном берегу Каспийского моря севернее совр. р. Куры.

¹⁷ Реку Аракс Геродот описывает по двум источникам: по аккадскому р. Аракс (совр. Кызылсу) начинается в Матиенских горах (на северо-востоке Мидии), затем главная река течет с Бингол-дага (в совр. Армении) и, наконец (совр. Кура), впадает на западе в совр. Каспийское море. По скифо-эллиническому источнику, р. Аракс (Окс) впадает с востока в Каспийское море, совр. высохшее устье Амударьи – Узбой.

¹⁸ Здесь, по-видимому, идет речь об изготовлении опьяняющего напитка ‘хаома’. В надписях царя Дария I упоминаются амиргийские саки-массагеты (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 30). [Возможно, что это описание примитивного способа одурманивания посредством курения гашиша, изготовляемого из растения *Cannabis sativa* ‘Конопля посевная’.] Л. А. Ельницкий, видимо, ближе к истине, но речь должна идти не о посевной конопле, выращиваемой с хозяйственной целью, а о дикорастущей индийской конопле *Cannabis indica*, которую издревле курят ради опьянения (анаша) и из которой позже стали производить сильнодействующий наркотик марихуану (гашиш).

¹⁹ [Земля матиенов – пространство между Ар-

менией и Сузианой (Турецкий и Персидский Курдистан).]

²⁰ Имеются в виду саки-массагеты (от иранск. ‘мася’ – рыба), собственно, ‘рыболовы’ или ‘рыбобеды’.

²¹ Это утверждение Геродота показывает, что он уже принимает во внимание сведения, добытые финикийцами при объезде вокруг Африки при фараоне Неко.

²² Геродот описывает здесь изготовление краски из растения синильный красильник – *Isatis tinctoria*.

²³ [Имеется в виду *Кир Старший*, основатель древнеперсидского царства и первый царь династии Ахеменидов, царствовавший в 558–529 гг. до н. э.]

²⁴ Сооружение мостов было нужно Киру для обеспечения коммуникации с плодородными областями юга.

²⁵ Совет Креза не имеет, конечно, исторического значения и выражает собственные взгляды Геродота.

²⁶ *Гистасп* (перс. Висташпа) – почитатель и покровитель пророка Заратустры; поддерживал народное движение против знати в Маргиане. Он был ненавидим знатью и потому должен был уступить престол сыну Дарию (см.: В. В. Струве. Этюды: 38).

²⁷ В рассказе о сие Кира отразилась легенда, объясняющая поражение Кира не мощью противника, а волей Ахурамазды (см.: В. В. Струве. Этюды, с. 65).

²⁸ Кир пал в 530 г. до н.э. Рассказ о гибели Кира напоминает рассказ Плутарха о гибели Красса в битве с парфянами. По сообщению Бероса (эпоха первых Селевкидов), Кир нашел смерть после 9-летнего царствования ‘в долине Даас’, т.е. ‘в стране даха-даев’ (ср.: Б. А. Тураев. История Древнего Востока. II. Л., 1954, с. 118).

²⁹ [Железо в степях Средней Азии и Алтая, т.е. на той территории, на которой можно локализовать геродотовых массагетов, становится известно и входит в употребление на протяжении первых трех столетий I тысячелетия до н. э. Следовательно, рассказ Геродота базируется на сообщениях, относящихся ко времени, более древнему, нежели его время. Что касается описания вооружения массагетов и конского убора, то оно подтверждается археологическими данными карасукской и тагарской культуры.]

³⁰ Геродот путает царя Сесостриса с царем Псамметихом I, который воевал со скифами и фракийцами в Палестине, но никогда не вторгался в Скифию.

³¹ На р. Фермодонте греки, по преданию, разбили амазонок и затем привезли их в скифские степи (совр. Дон).

³² Перечень персидских сатрапий восходит к ионийскому описанию персидских провинций. Сатрапии были, по-видимому, сначала введены в тех областях, где они были связаны с уже существовавшими государственными органами, а затем в пограничных областях (по соображениям стратегического характера). Народы северо-востока Балканского полуострова в списке не упомянуты.

³³ Монетная реформа Дария базировалась на введении золотой валюты. Дарий чеканил золотые дарейки (8,4 г) = 1/3000 еврейского таланта. Отношение золота к серебру равнялось 13,5: 1.

³⁴ Малоазийская прибрежная сатрапия с греческими городами.

³⁵ Прежние северные провинции Лидии от Гелеспонта до устья р. Галиса.

³⁶ Совр. Ливан, Сирия и Палестина.

³⁷ Кроме Египта, оазис Харга и побережье от совр. Бенгази.

³⁸ В Мемфисе еще со времен Амасиса были поселены ионийские и карийские наемники.

³⁹ Область Пешвара и южная часть совр. Афганистана.

⁴⁰ Древний Элам с Сусами.

⁴¹ Совр. Ирак.

⁴² В. В. Струве (Этюды: 256) предлагает вместо “парикании” читать “гиркании” или “баркании”. Ортокорибантии – перевод перс. тиграхауда ‘с остроконечными шапками’ (Там же: 56). Эта сатрапия охватывала северо-западную Персию.

⁴³ Совр. Азербайджан с Гиляном.

⁴⁴ Совр. Северный Афганистан с долиной совр. Верхней Амударьи.

⁴⁵ Горные народности между совр. Эрзерумом и Трапезунтом.

⁴⁶ Народности между линией совр. Исфahan – Ханум-и-Хильменд и побережьем Персидского залива до пролива Ормус.

⁴⁷ Племена, кочевавшие по южному и восточному берегам Каспийского моря до устья высохшего теперь Узбоя.

⁴⁸ Область от низовья совр. Сырдарьи до долины Херируд в совр. Афганистане.

⁵⁰ Матиены жили между Ванским озером и верховьями р. Тигра, близ теперешней иранско-турецкой границы. Саспиры жили в долине совр. р. Чороха, впадающей в Черное море у Батуми. Алародии (урарту) жили в треугольнике, образованном совр. озерами Ван, Урмия и Севан.

⁵¹ Черноморское побережье от совр. Трапезунта до Поти.

⁵² Совр. индийская провинция Пенджаб.

⁵³ Имеется в виду северная часть эфиопского царства в Нубии (быть может, область от совр. Асуана до Хальфы).

⁵⁴ Мифическая гора и местность – родина Диониса. По Гомеру, Ниса находилась во Фракии или в Беотии. Геродот помещает ее в стране азиатских эфиопов (дравидийцев) в Индии.

⁵⁵ Совр. западная Грузия и Абхазия.

⁵⁶ Приводимые Геродотом цифры податей взяты не из официальных персидских источников, а восходят, по-видимому, к частным греческим оценкам величины податей в отдельных провинциях и, очевидно, слишком высоки.

⁵⁷ В 514 г. до н.э.

⁵⁸ См. I: 106.

⁵⁹ Движение киммерийцев было обусловлено давлением скифов, которых в свою очередь теснили массагеты (IV: 11). Дарий не собирался мстить скифам за вторжение в Мидию, но хотел помешать их нападению на Мидию через Дербентский проход. Для этого царь и предпринял поход против скифов.

⁶⁰ Геродот передает здесь древнее скифское сказание. “Слепые рабы” – вероятно, название покоренных скифами народностей, быть может, киммерийцев.

⁶¹ [Параллелью к рассказу о способе доения скифских кобылиц может служить сообщение акад. Палласа, описывающего подобную же операцию, производимую калмыками над сопротивляющимися доению кобылами. Рассказ о приготовлении молока, с теми дополнениями, какие дает Гиппократ (О болезнях II: 358), должен быть понят как описание способа изготовления кумыса.]

⁶² Это так называемый Киммерийский вал на совр. Керченском полуострове для защиты Боспора от кочевников.

⁶³ Упомянутые Геродотом золотые предметы

почитались скифами. Так, в кургане Гелермес найдена золотая секира, служившая, по-видимому, предметом культа.

⁶⁴ Тысячелетнее царство – восточное учение, распространенное также у римлян и этрусков.

⁶⁵ Ср. рассказ “Сколько человеку земли нужно” Л. Н. Толстого, сюжет которого навеян этой новеллой Геродота.

⁶⁶ Вероятно, Геродот имеет в виду метель и вьюгу.

⁶⁷ Известие Геродота о вторжении скифов (ок. 700 г. до н.э.) восходит к аккадским источникам. Теснимые массагетами, из совр. Западного Туркестана скифы проникли на южное побережье Каспийского моря, перешли Аракс и вторглись в южнорусские степи.

⁶⁸ Упомянутая здесь группа киммерийцев, по-видимому, раньше кочевала по Кубани, в то время как племена, кочевавшие в Северном Причерноморье, проникли по западному побережью Черного моря до Геллеспонта и Боспора Фракийского.

⁶⁹ Здесь Черное море.

⁷⁰ Ворон – священная птица Аполлона.

⁷¹ Город Ольвия. Геродот описывает торговый путь от устья совр. Днепра на север. Греки, по-видимому, поднимались вверх по Днепру до больших порогов ниже совр. Днепропетровска. Туда, вероятно, приходили купцы из Скандинавии для меновой торговли.

⁷² Скифы-земледельцы (γεωργοί) названы так по созвучию их племенного названия [ВДИ, 1946, №2: 42].

⁷³ Геродот описывает область между совр. Южным Бугом и низовьями Днепра. [Пантикап – вероятнее всего, р. Конка.]

⁷⁴ Главное скифское племя, по Геродоту, жило в области, ограниченной на западе Днестром, на севере – р. Конской и Донцом, на востоке – Азовским морем. Южной границей Скифии была горная цепь Тавр (Яйла). В Неаполе, у Симферополя, раскопаны остатки резиденции скифских царей и в так называемом Золотом кургане (525–500) найдены богатые скифские погребения.

⁷⁵ В основе описания устья Дона лежит, вероятно, какой-нибудь путеводитель по торговому пути из северного Причерноморья на Восток (в Центральную Азию).

⁷⁶ Согласно примечанию Л. А. Ельницкого к изданию В. В. Латышева, иирки – угры, предки мадьяр на севере Урала, которых Плиний (VI: 19) именует Турсае.

⁷⁷ В соленых степях (древнее морское дно) на почве лежит кора, которую Геродот изображает твердой как камень.

⁷⁸ По С. Я. Лурье, “лысые” люди – предшественники современных башкир [История: 100].

⁷⁹ [Дерево, о котором идет речь, по В. Томашеку – скифское *panthika* ‘подорожник’. Джунгары в Сев. Китае и ныне смешивают с молоком сок растения *Primus padus*. См. W. Tomaschek. Die alten Thraker II: 54 сл.] Правильное латинское название – *Prunus padus* относится не к подорожнику (*Plantago*), а к черемухе, плоды которой действительно дают черный сок. И речь, видимо, идет о приеме в пищу вместе с молоком, но не о смешивании, так как в смеси с соком молоко неизбежно сворачивается. – А. Г.

⁸⁰ Слово “асхи” (ачи) можно сравнить с древнетюркским “ачуг” (горький). У современных башкир есть кушанье “ахша” [Лурье. История: 100].

⁸¹ [Арриппеи локализируются к югу от Урала – между Уралом и Алтаем. Плешивость, вероятно, следует понимать как слабое развитие раститель-

ности на голове и лице, наблюдающееся у некоторых монгольских племен.]

⁸² Данное здесь описание почти соответствует описанию образа жизни массагетов (I: 215–216). Вероятно, оба описания относятся к одному и тому же племени. Описание массагетов восходит к сообщениям аккадских купцов, приходивших к массагетам по дороге через Каспийское море, а греки от устья Дона посещали их соседей аргиппеев на совр. Сырдарье.

⁸³ Рассказ об убийстве массагетами и исседонами стариков “вряд ли заслуживает доверия” [Струве. Этюды: 30].

⁸⁴ [Употребление черепной крышки в качестве ритуального сосуда отмечается также у скифов (ср. IV: 65) и у германского племени бойев (Ливий XXIII: 24).]

⁸⁵ Т. е. к западу от Киммерийского вала.

⁸⁶ Одиссея IV: 85.

⁸⁷ Упомянутые здесь Геродотом связи этрусков и венетов Верхней Италии с племенами к северу от Альп были главным образом культовыми связями. На бронзовых сосудах из Верхней Италии находим изображения праздничных процессий, подобных описанным у Геродота.

⁸⁸ Речь идет, вероятно, о древних обрядах инициации, которые совершались при переходе в зрелый возраст.

⁸⁹ Геродот раскрывает двойное происхождение делосского культа: во-первых, принесенный греками с Севера культ Аполлона и Артемиды и, во-вторых, почитание Аполлона как божества света, перенесенное из Ликий.

⁹⁰ Имя Абариса связывается с апарнами (кочевое племя на Алтае, впоследствии называвшееся аварами). Абарис жил якобы во времена Креза и обходил всю землю со стрелой – символом Аполлона.

⁹¹ Геродот, быть может, пользовался в этом рассказе древней аккадской картой мира, где центром мира была Ассирия.

⁹² Здесь – Персидский залив.

⁹³ Этот соединительный канал Дарий велел прокопать между Нилом и Красным морем. Канал шел через совр. Вади-Тумилат и горькие озера и выходил в Красное море у теперешнего Суэца.

⁹⁴ Персидский залив.

⁹⁵ Сообщение Геродота показывает, что персидская держава простиралась тогда в Индии до восточного края пустыни Фар.

⁹⁶ По приказанию египетского царя Неко (609–593) финикийцы обогнули мыс Доброй Надежды, при этом солнце было у них на правой стороне. На третий год они достигли Гибралтара и снова вошли в Средиземное море.

⁹⁷ Карфагенянин Ганнон около 520 г. до н.э. обогнул Африку. Он оставил описание своего путешествия, греческая обработка которого сохранилась.

⁹⁸ См. выше IV: 42.

⁹⁹ Плавание Скилака стояло в связи с завоеваниями Дария в Индии. Персы покорили плодородную долину Инда. Персидское войско возвратилось сухим путем, а Скилак морем достиг южной Аравии, а оттуда прибыл в Красное море до теперешнего Суэца. Между Индией и южной Аравией издавна были оживленные торговые связи.

¹⁰⁰ [По сходству названий и по положению, Пиретус соответствует современный Прут, Тиранту – Серет, Ордецу – Ардыч.]

¹⁰¹ Озеро, из которого вытекает, по Геродоту, Тирас, – болотистая область в истоках совр. р. Припяти. Эту область считали огромным озером.

¹⁰² Морская соленая вода с южным ветром далеко проникает в устье совр. Южного Буга.

¹⁰³ Предположительно, живущая в море и в устьях больших рек белуга (*Acipenser huso*), или осетр (*Acipenser*), или стерлядь (*Acipenser ruthenus*).

¹⁰⁴ Днепровский лиман (куда впадает совр. Днепр и Южный Буг), отделенный от моря Кинбурской косой.

¹⁰⁵ Геродот смешивает здесь Гипакирис с какой-то другой рекой.

¹⁰⁶ У Г. А. Стратановского греческое “Υργυς” передано как Сиргис, тождественно с IV: 126, где действительно имеем Σύργυς. Е. А. Бессмертный, чей перевод представлен у В. В. Латышева, здесь это название воспроизводит как Иргис, а Л. А. Ельницкий оба наименования отождествляет с Донцом. – А. Г.

¹⁰⁷ Такие скифские котлы известны по археологическим находкам.

¹⁰⁸ Кровь убитого врага пьют для того, чтобы вместе с кровью всосать его “силу” [ср.: Дж. Фрэнк. Золотая ветвь. II. – М., 1928: 85].

¹⁰⁹ Этот рассказ Геродота подтверждается находками в алтайских курганах.

¹¹⁰ При этом обычае играют роль тотемистические представления.

¹¹¹ Связки прутьев употреблялись в культовом ритуале также у мидян и персов.

¹¹² Греческие названия растений у Геродота: 1) κύλινρον ‘душистая болотная трава’ – *Asopus calamus* ‘айр болотный’, корневище которого содержит до 5% эфирных масел, или *Angelica* ‘купырь, дягиль’, но не *Cyperus* ‘сытовик, сыть’; 2) σέλινον – *Apium graveolens* ‘сельдерей’; 3) ἀνηθον – *Anethum graveolens* ‘укроп, редко анит’. Эти названия Е. А. Бессмертный и Г. А. Стратановский воспроизводят как купер, кипер (а это ковыль), сельдерей, селерей и анис. – А. Г.

¹¹³ Выставленные вокруг могилы стражи впоследствии заменялись каменными фигурами (алтайцы называли их “балбал”).

¹¹⁴ Изображенный здесь обычай являлся частью культового обряда. Сжигаемые в юрте стебли конопли производили дым, вызывавший опьянение. Находившиеся в юрте люди (и среди них шаманы) приходили в экстаз. “Вопли от удовольствия” – это, вероятно, песни шаманов, содержанием которых было нисхождение душ в подземное царство (ср. I: 201).

¹¹⁵ Оргиастические культы (Великой Матери Кибелы) проникли к скифам через Кизик.

¹¹⁶ Здесь первое упоминание о царских дворцах скифов. Впоследствии скифы построили дворец в Неаполе (на месте Симферополя).

¹¹⁷ Следы богов известны и в других местах, например на Цейлоне след Будды.

¹¹⁸ Геродот имеет в виду здесь знаменитые по мифу об аргонавтах скалистые островки у выхода из Боспора, которые сталкивались и разбивали корабли, попадавшие между ними.

¹¹⁹ Приводимые Геродотом цифры совершенно не сходятся с данными о величине Черного моря, известными из древней географии.

¹²⁰ Северный вход в Боспор шириной в 4,7 км. Самое узкое его место, где Дарий велел построить мост, лежит у совр. Румели-Хисар (ширина здесь 660 м); длина Боспора 31,7 км.

¹²¹ Длина Геллеспонта приблизительно 60 км, а ширина в самом узком месте 1350 м.

¹²² Т. е. клинописным письмом, которое употреблялось для царских надписей на эламском, аккадском и древнеперсидском языках.

¹²³ Расстояние между обоими городами в действительности больше.

¹²⁴ Из названий покоренных Дарием племен можно заключить, что царь шел не через совр. Шипкинский перевал, а по прибрежному пути через совр. Добруджу.

¹²⁵ *Скалистый Херсонес* – Крымское побережье до совр. Керченского пролива.

¹²⁶ Геродот сравнивает здесь два пункта, лежащие на одной широте на южной оконечности Аттики.

¹²⁷ Т.е. восточное побережье совр. Керченского полуострова и западный берег Азовского моря до устья Донца и Дона.

¹²⁸ Северную границу Скифской области можно определить лишь приблизительно. На западе страны скифов начиналась область агафирсов, затем шла область невров, далее область так называемых андрофагов до Днепра выше совр. Днепропетровска и, наконец, к востоку от Днепра и севернее р. Конской до Азовского моря – область меланхленов.

¹²⁹ Богиня Дева обычно отождествляется с Артемидой.

¹³⁰ Геродот сообщает древнюю скифскую легенду о переселении скифов. Змея в народной мифологии – воплощение злого начала – символизирует враждебных пришельцев, которые изгнали невров из их мест обитания.

¹³¹ Волк – тотемное животное невров, с которым они считали себя в родстве. Сообщение об оборотничестве относится к культовому празднику, участники которого носили волчьи шкуры и маски.

¹³² Подобные скифские лесные “городища” часто находят теперь археологи.

¹³³ Эта ошибка Геродота возникла, быть может, оттого, что в названии племени содержалось слово “белка”, которая называлась на языке племени “поедатель сосновых шишек”. “Белка” как имя племени встречается у алтайских народностей. Ср. китайское название одного кочевого племени “тинг-линг”, указывающее также на слово “белка”.

¹³⁴ Здесь очевидна ошибка переписчика: вместо τετράγωνος ‘четырёхугольный’ надо читать τάρανδος ‘лось’. Лоси и бобры жили в области будинов на Дону.

¹³⁵ “Бобровая струя” получалась вовсе не из яичек бобра. Являясь продуктом особой железы (как самца, так и самки бобра), она служила средством против судорог.

¹³⁶ По сказанию, переданному Геродотом, часть позднейших савроматов прибыла из области современной турецкой гавани Самсун морским путем в Северокубанскую область и здесь смешалась со скифскими племенами.

¹³⁷ Миф об амазонках распространился в связи с отмеченными уже древними у некоторых скифских племен следами матриархата. Подобные же обычаи засвидетельствованы у карийцев, ликийцев и лидийцев.

¹³⁸ Из сообщения Геродота получается, что Таинаисом он считал Донец, а нижнее течение Дона вплоть до устья Донца – продолжением Азовского моря. Дон весной разливается при устье на 10 км.

¹³⁹ Здесь речь идет явно о Донце.

¹⁴⁰ Дарий, видимо, предполагал возвратиться в Персию вдоль восточного побережья Кавказа, почему и приказал ионянам ждать его возвращения два месяца. Невероятно, чтобы Мильтиад предложил разрушить мост на Дунае. Этот рассказ выдуман в 493 г., когда Мильтиад был привлечен к суду по обвинению в тирании (ср.: Лурье. История: 187, прим. 1).

¹⁴¹ Обычай татуировки был общим у фракийцев со скифами. Татуировка, вероятно, была первоначально магическим средством охотников для привлечения дичи.

¹⁴² Существовавший у фракийцев обычай сжигания и погребения в земле трупов указывает на неоднородный состав населения. Находки во фракийских могилах обнаруживают сильное скифское влияние.

¹⁴⁴ Из сообщения Геродота вытекает, что неудачный исход скифского похода Дария ослабил положение греческих тиранов на Геллеспонте.

¹⁴⁵ Геродот возвращается теперь к событиям 493 г. до н.э.

¹⁴⁶ Финикийские корабли, вероятно, подстерегали Мильтиада при выходе из Сардонического залива.

¹⁴⁷ *Имброс* не был еще тогда захвачен персами.

¹⁴⁸ *Клеомен* – спартанский царь, живший в конце VI – начале V в. до н. э.

¹⁴⁹ Под *Фасисом* имеется в виду р. Аракс. Скифы всякий раз вторгались в Мидию через проход у Дербента.

¹⁵⁰ У персов полководец, в противоположность грекам, находился в центре боевой линии; его окружали телохранители и отборные сакские отряды.

¹⁵¹ Ср. выше IV: 87–89.

¹⁵² Это не соответствует персидским обычаям. Сам же Геродот (I: 140) рассказывает, что у персов считалось почетным, если труп растерзают хищные птицы и звери.

¹⁵³ “Пятый” – пятый год правления Ксеркса, т. е. 481 год.

¹⁵⁴ Ср. выше I: 15 и IV: 12.

¹⁵⁵ Ср. выше IV: 1.

¹⁵⁶ Здесь идет речь о войнах между малоазиатскими, фракийскими и греческими племенами. Сюда относится и предание об осаде Трои.

¹⁵⁷ Геродот имеет в виду прибрежную полосу между современными городами Макри и Дедеагач.

¹⁵⁸ Имеется в виду так называемая “акинака” – оружие персов и скифов.

¹⁵⁹ Мардоний оставил себе, кроме мидян и персов, только бактрийцев, саков и индийцев, т.е. контингенты народностей, живших на востоке и северо-востоке персидского царства. Именно эти области и были охвачены восстанием Масиста. Сведения Геродота об этом восстании почерпнуты из источника, передававшего события хронологически неправильно и в непонятной исторической связи.

Источник: Геродот. История / [Пер. В. В. Латышева и Е. А. Бессмертного (кн. IV). Прим. В. В. Латышева и Л. А. Ельницкого] // В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №2; Геродот. История. В девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. – Л., 1972. Переиздания: М.: Ладомир, 1993; 2001.

Еврипид

Εὐριπίδης – Euripides

Еврипид, *уст.* Эврипид (484–407/406 до н. э.), греческий трагик, “самый трагический среди поэтов” (Аристотель). Родился в Саламине в афинской семье. Его отец Мнесарх (Мнесархид) имел собственность на Саламине и в аттическом округе Флия. Еврипид был учеником Анаксагора, знал Продика, Протагора и Сократа. Был жрецом Зевса во Флии и участвовал в афинском посольстве в Сиракузы. В Саламине у него была своя библиотека. В 455 впервые выступил в состязании трагиков и занял третье место, а первую победу одержал в 441 г. Подвергался нападкам за новизну взглядов и лишь 5 раз получил первую награду (одну посмертно). В 408 или 407 навсегда покинул Афины и удалился в Пеллу, ко двору македонского царя Архелая, где в его честь написал пьесу «Архелай». По легенде, умер в Пелле, растерзанный сворой гончих псов. От второй жены – Хорины (или Хорины) у него было трое сыновей. Один из них, Еврипид, тоже трагический поэт, поставил после смерти отца его последние пьесы. Из 92 драм Еврипида сохранилось 17, одна сатирическая драма и свыше тысячи фрагментов. В его творчестве различают три периода. К психологическому относятся трагедии «Алкеста»

(438), «Медея» (431), «Ипполит» (428) «Гекуба» (ок. 425), «Андромаха» (ок. 419) – о переживаниях женщин, одержимых сильными страстями. В патриотическо-политический период написаны «Гераклиды» (ок. 429), «Плакальщицы» (ок. 420), «(Неистовый) Геракл» (ок. 416), «Троянки» (415) – о судьбах людей и государства в условиях войны, в связи с разразившейся Пелопоннесской войной между лагерями Спарты и Афин. Кульминацией явились философско-психологические драмы «Электра» (ок. 413), «Елена» (412), «Ион» (413–409), «Ифигения в Тавриде» (413–409), «Ифигения в Авлиде» (406), «Орест» (408), «Финикиянки» (ок. 408), «Вакханки» (407), «Циклоп» (дата не установлена), «Рес» (по X книге «Илиады» Гомера). Последняя утрачена, и ее место в рукописях Еврипида заняла одноименная анонимная трагедия. Признание пришло к Еврипиду после смерти. Мильтон со ссылкой на Плутарха приводит предание, по которому спартанцы пощадили Афины в 404 до н. э., услышав пение хора в «Электре». Еврипида чаще, чем Эсхила и Софокла, переводят и перерабатывают (Сенека и др.), а сцены из его пьес чаще воплощаются в живописи и скульптуре.

Подробнее см.: В. Н. Ярхо. Драматургия Еврипида и конец античной героической трагедии // Еврипид. Трагедии. В 2 томах. Т. 1. – М.: Наука; Ладомир, 1999; М. Л. Гаспаров. Еврипид

Иннокентия Анненского // Там же.

Еврипид

Трагедии

Перевод И. Анненского

Примечания В. Н. Ярхо

Алкеста

Хор

Музам послушный, к звездным вздымался я высям, многих наук причастен,
Но ужасней Судьбы я силы не знаю, – средства нет от нее на досках,
Что покрыла для смертных вещая речь Орфея. И от нее лекарства,
970 Фебу послушны, не крошат Асклепиады прилежно. Ни алтарями,
Ни в изваянье не чтима, жертвы она не просит. Мне ж, царица, молю я,
Будь ты такой, как прежде. То, что угодно Зевсу, через тебя ведь творится.
Ломишь железо даже – славу, Судьба, халибов.

Ипполит

Действующие лица:

Афродита

Кормилица

Ипполит, сын Тесея от амазонки

Федра, жена Тесея, и др.

Афродита (появляясь на возвышении)

- Полна земля молвой о нас, и ярок
И в небесах Киприды дивной блеск,
И сколько есть людей под солнцем дальним
От Понта до Атлантовых пределов,
Того, кто власть мою приемлет кротко,
Лелею я, но если предо мной
Гордиться кто задумает, тот гибнет.
Таков уж род бессмертных, — что дары
Из смертных рук сердцам отрадны нашим.
И правду слов я скоро здесь явлю.
- 10 Из всех один меня в Трезене¹ этом
Тесеев сын, надменный Ипполит,
Могучею рожденный Амазонкой
И благостным Питфеем воспоен,
Последнею расславил в сонмах дивных.
Он радостей и уз любви бежит,
А меж богов сестры милее Феба
И Зевсовой нет дочери ему...
И с чистою среди зеленой чащи
Не знает он разлуки. Своры он
По зверю там гоняет с нею рядом,
Сообществом божественным почтен...
- 20 Нет зависти во мне: какое дело
Мне до того? Но в чем передо мной
Он погрешил, за то гордец ответит
Сегодня же... Нависла и давно
Лишь мига ждет, чтоб оборваться, кара.
Когда чертог покинул он Питфея,
Чтоб Элевсина таинства узреть,
Священный град Афины посетил,
Там юношу увидела жена
Его отца, блистающая родом;
И чарами Эрота сердце в ней
В тот миг зажглось моей державной волей,
И ранее, чем уезжать сюда,
- 30 Влюбленная, она скалу Паллады
С той стороны, что смотрит на Трезен,
Святилищем украсила Киприды,
И храм ее тоскующей любви
Так и прослыл “святыней Ипполита”.

Кормилица (упавшим голосом)

350 Что слышу я? Ты любишь? Но кого ж?

Федра (тихо)

Не знаю кто, но сын он амазонки.

Кормилица

Как... Ипполит?..

Федра

Он назван, но не мной.

Кормилица (с жестами отчаяния)

Не может быть, дитя. Ты убиваешь
Признанием меня. Для старых плеч
Такое иго, жены, слишком тяжело.
Проклятый день, проклятый свет очей...
Нет, в омут мне... Но только эту ношу

Берите прочь... На что ж и жизнь, когда
Порок возьмет насильем добродетель
Влюбленную?

(К статуе Киприды.)

- Киприда – ты не бог,
360 Ты больше бога. Кто б ты ни была,
Но Федру, и меня, и дом сгубила.
400 Герой [Гераклес] в морские пучины спускался
И веслам людей покорил непокорные волны.
В горнем жилище Атланта,
Где опустилося небо
К лону земному, руками,
С нечеловеческой силой,
Купол звездистый
Вместе с богами
Он удержал.
Через бездну Евксина
К берегам Меотиды,
410 В многоводные степи,
На полки амазонок
Много витязей славных
За собой он увлек.
Там в безумной охоте
Он у варварской девы,
У Ареевой дщери,
Златокованный пояс
В поединке отбил:
Средь сокровищ микенских
Он висит и доселе.

Андромаха

- Тебя ж, Пелей, чтоб радость ты познал
Божественной невесты, от печали
Освободив юдольной, сотворю
Нетленным я и смерти неподвластным:
Ты будешь жить в Нереевом дому
Со мной, как бог с богинею. Оттуда ж,
Не оросив сандалий, выйдешь ты,
1260 Чтоб посетить на острове Ахилла,
На Белом берегу² его чертог
Евксинскими омыт волнами, старец.

Геракл

- Через бездну Евксина
К берегам Меотиды,
410 В многоводные степи,
На полки амазонок
Много витязей славных
За собой он увлек.
Там в безумной охоте
Он у варварской девы,
У Ареевой дщери,
Златокованный пояс
В поединке отбил:
Средь сокровищ микенских
Он висит и доселе.

Ифигения в Тавриде

Миф об Ифигении, привлечший внимание драматурга также в более поздней «Ифигении в Авлиде», окончательно сложился в Греции на протяжении VII–VI вв. до н. э. Наиболее ранний вариант его был зафиксирован в «Киприях» – эпической поэме начала VII в. до н. э., посвященной предыстории Троянской войны. Здесь рассказывалось, в частности, о том, как во время сбора греческого флота в беотийской гавани Авлиде Агамемнон удачным выстрелом свалил на охоте лань и стал похвастаться, что такого меткого удара не могла бы нанести сама Артемида. Разгневанная богиня наслала на флот северные ветры, не только мешавшие походу под Трою, но и крушившие корабли в самой авлидской гавани. Когда через жрецов стали выяснять причину непогоды и средства ее умирения, оказалось, что

Артемида требует себе в жертву юную дочь Агамемнона, Ифигению. Девушку вызвали из Аргоса под предлогом бракосочетания с Ахиллом и закололи на алтаре Артемиды. Однако богиня, удовлетворив свое честолюбие горем отца, спасла Ифигению от жертвенного ножа; на алтаре оказалась зарезанная лань, а Ифигения была перенесена Артемидой в далекую Тавриду (нынешний Крым) и стала там жрицей в ее храме (см. ст. 6–30, 210–220, 358–377, 783–786). В этой форме миф распространился не только в Элладе, но и далеко за ее пределами: Геродот (IV, 103), сообщая о существующем у скифов в Тавриде культе богини Девы (местная параллель к греческой Артемиде), добавляет, что они называют эту богиню Ифигенией, дочерью Агамемнона.

Гипотезис

Изложение В. В. Латышева

Орест, но предсказанию оракула, прибыв с Пиладом в землю тавров в Скифии в иступленном состоянии, решил похитить почитаемый у них истукан Артемиды. Удалившись от корабля и будучи замечен, он вместе с другом был схвачен туземцами и уведен по существовавшему у них обычаю, чтобы быть принесенными в жертву в святилище Артемиды: они закалывали в жертву богине прибывших чужестранцев.

Сцена драмы представляется в области тавров в Скифии; хор состоит из эллинских женщин, прислужниц Ифигении...

Ифигения

- Орест, коль точно нет
Тебя в живых, каких ты благ лишился,
Какой удел тебя завидный ждал,
Наследника отцовского!
О, мудрость!
- 380 Лукавая богиня! К сердцу желчь
Вздывается: убитого коснися,
Родильницы иль мертвого – и ты
Нечист – от алтаря ее подальше!
А человечья кровь самой в усладу...
Не может быть, чтоб этот дикий бред
Был выношен Латоною и Зевсом
Был зачат. Нет, нет, не поверю я,
Чтоб угощал богов ребенком Тантал
И боги наслаждались. Грубый вкус
- 390 Перенесли туземцы на богиню...
При чем она? Да разве могут быть
Порочные среди богов бессмертных?

Елена

Изложение В. В. Латышева

241. На голове ножом обрезают волосы, как у скифов.

Ион

Раб

- Креусы муж когда покинул храм,
С собой увел и найденного сына.
Он пир тогда ж замыслил, чтоб богов
Торжественным благодарить служеньем;
Сам в горы царь направился, где пламя
Диониса колеблется. Его
Он оросить собрался кровью тельчей
Двуглавую вершину. Сыну ж так
Он приказал: “Велишь шатры раскинуть
Ты мастерам, а если слишком я
1130 За жертвою рождения промедлю,
Пусть без меня собравшимся гостям
Предложат пир”. И, взяв телиц, он отбыл,
А юноша тотчас же на столбах
Велит шатер без стен раскинуть, только
От пламени полудня защитив
Гостей да от закатного. Квадратный
То был шатер, по плефру сторона;
А площадью был десять тысяч футов,
Как говорят ученые. И зван
1140 На пир был целый город. Для завесы ж
Священные дельфиец ткани взял
Среди сокровищ бога, – загляденье!
И первое крыло покровов – крыша,
Кронидова был сына дар. Отняв
Его от амазонок, сын Алкмены
Пожертвовал оракулу. И было
Там выткано узором, как Уран
В кругу эфирном собирает звезды,
И Гелиос на крайний запад пламя
Своей четверки гонит, а за ним
Влачится яркий Геспер; дальше Ночь
1150 В одеждах черных и на колеснице,
Но лошади ярма не носят. Звезды
За Ночью вслед. Плеяда же как раз
Посередине неба. Орион
За ней оруженосцем, и созвездье
Медведицы, что повернула хвост
К златой звезде Полярной. Полным кругом
Горит луна в зените, и Гиады,
Предвестницы дождей, чье никогда
Явление пловца не обмануло, -
И Эос наконец, и перед ней
Бегут светила ночи.
По бокам
Шатра на тканях азиатских были
Их корабли написаны на веслах,
1160 И эллинский в сражение с ними флот,
Да люди-полузвери и охота
Их конная на ланей и на львов³.

Рес

Рес

Ну, право же, у нас один характер!
И говорить и действовать люблю

- Я напрямик, как ты, могучий Гектор!
“Рес виноват”. Да Ресу, может быть,
Печаль и гнев сильнее терзали сердце,
Чем Гектору, когда мы были врозь.
Все было у меня готово, только в Трою
Солдат вести. И вдруг на нас войной
Соседи, скифы⁴. Вместо Трои к морю
Евксинскому идти пришлось. Резня
430 Упорная была там. Кровью скифов
Упились наши копья, но людей
(*понизив голос, печально*)
И мы там, Гектор, много потеряли.
Вот отчего тогда на помощь к вам
Я не пришел. Ну, а теперь мы скифов
Рассеяли, их дети у меня
В заложниках, отцов же присмиривших
Я данью обложил, и снова в путь,
Без отдыха, от скифа да на грека.
- Муза
Сгибните, изверги!
Сгибни, Ойнеев внук,
Сгибни ты, царь Одиссей!
Вы погубили коварно
Славного сына богов!
Проклята будь ты, спартанка Елена:
В Трою тебя увлекла
Жгучая страсть...
Ведь за нее на бой
910 Вышел и ты, мой Рес!
Из-за нее теперь
Сколько домов пустых,
Сколько сирот!
(*Ласкает волосы Реса.*)
О, Фамирид, надменный нечестивец,
В обитель мрачную ты уж давно сошел,
А бедной Музе сердце все терзаешь...
Да, если бы, гордыней ослеплен,
Ты вызова тогда не бросил Музам,
И мы бы не спешили на Пангей,
Мне хоронить бы не пришлось сына,
Я бы на свет его не родила.
(*Вспоминает.*)
Мы были на пути к Пангейским высям,
И я поток сбиралась перейти,
Когда волна меня в объятья бога,
920 На ложе брачное к Стримону унесла.
И Муза стала матерью героя...
Как стыдно было мне тогда сестер.
Тебя, мой бедный Рес, в родные волны,
К отцу прекрасному на лоно унесли;
Не люди сына Музы воспитали:
У вещей нимф, под говор светлых струй,
930 Ты вырос, и могучий и прекрасный,
Фракийцам царь и лучший из людей.
Ты воевал со скифом, и спокойно
Смотрела я на бранную игру.
О, только бы не Троя и не греки!

Примечания

¹ *Трезен* – город в Арголиде, где царствовал Питфей, тесть Тесея. Ему Тесей отдал на воспитание своего сына Ипполита, родившегося от брака с амазонкой Антиопой (известны и другие имена матери Ипполита; Еврипид удовлетворяется тем, что называет ее просто амазонкой). Сюда же, в Трезен, Тесей вынужден был удалиться на год из Афин, убив в схватке некоторых из своих родственников Паллантидов (см. ст. 35), т. е. сыновей своего дяди Палланта, пытавшихся лишить его афинского престола. Согласно Плутарху (Тесей, глава 13), Тесей совершил это убийство в юные годы, еще не будучи отцом Ипполита и тем более мужем Федры, которую он взял в жены только после смерти своей первой супруги, амазонки. Еврипид, перенося действие своей трагедии из Афин в Трезен, должен был пойти на смещение мифологической хронологии.

² *Белый берег* – остров Белый, ныне Змеиный, при устье Дуная.

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №2; Еврипид. Трагедии / Пер. И. Анненского. В 2 томах. Т. 1. – М.: Наука; Ладомир, 1999.

³ В подробном описании шатра и украшающих его ковров естественно видеть изображение резиденции афинского “священного посольства” в Дельфах; такие “делегации” регулярно посылались всеми греческими городами-государствами для участия в празднествах, справлявшихся в честь Аполлона в Дельфах и на Делосе, в честь Посейдона – на Истмийском перешейке, близ Коринфа. Для украшения шатра Ион взял священные ткани среди сокровищ бога, то есть из сокровищницы афинян, которые имели в Дельфах свое святилище. Соответственно и дар Кронидова сына – Геракла, отнятый у амазонок с помощью Тесея, могли видеть в Дельфах современники Еврипида, но никак не спутники Ксуфа: по мифологической генеалогии, Тесей и Геракл поколения на три-четыре моложе участников трагедии.

⁴ *Скифы*. – Гомеровский эпос о скифах ничего не знает. Их участие в военно-политических отношениях – реалии V–IV вв.

Фукидид

Θουκυδίδης – Thukydides

Фукидид (471/460–400/396 до н. э.), греческий историк, один из классиков аттической прозы. Сын Олора (фракийское имя), афинского аристократа, из дема Ἀλιπεύς близ Афин. Был женат на фракиянке, за которой получил богатое приданое (Марцеллин. Жизнь Фукидида: 19), что вместе с унаследованной от отца фамильной собственностью делало Фукидида одним из богатейших и влиятельнейших людей в Афинах. Вероятно, был учеником философа Анаксагора и софистов Антифона из Рамна и Продика с Кеоса. В Пелопоннесской войне был стратегом, но ему не удалось воспрепятствовать занятию спартамцами Амфиполя в 424 г., за что он был осужден афинянами на изгнание и оставался во Фракии, где у него был золотой прииск. Некоторое время провел при македонском дворе. В Афины возвратился в 404 г. до н. э., уже после взятия города спартамцами, затем вновь был вынужден покинуть город и в конце концов погиб насильственной смертью (Плутарх. Кимон 4: 3; Марцеллин. Жизнь Фукидида: 31 сл.). По политическим убеждениям был умеренным олигархом, в демократическом устройстве Афин при Перикле его более всего устраивала личность самого Перикла, который, благодаря своему огромному авторитету, долгие годы руководил государством, формально демократическим. Написал «Историю Пелопоннесской войны» (431–404 до н. э.). Это со-

чинение считается вершиной античной историографии. Труд Фукидида александрийские ученые разделили на 8 книг: I – вступление и описание причин войны; II–IV и одиннадцать разделов кн. V описывают Архидемову войну (430–421 до н. э.); кн. V (остальные разделы) – события после Никиева мира до 415 г.; VI и VII – Сицилийскую экспедицию афинян; VIII – Афины после поражения на Сицилии, войну на побережье Малой Азии, политические перевороты в Афинах в 411 г. до н. э. Произведение обрывается 411 годом. В своем сочинении Фукидид ограничил предмет рассмотрения исключительно историей Пелопоннесской войны, исключив из деписания географию и этнографию. Военные события описаны в хронологическом порядке, год за годом, с разделением на лето и зиму. В начале кн. I находится так называемая археология, или картина древнейших отношений в Греции (до и после Троянской войны). Этот обзор служил историку среди прочего для доказательства того, что до Пелопоннесской войны не было ничего значительного. В момент начала этой войны Афины и Спарта стояли на вершине своей мощи. В войну включились все остальные греческие города, выступая на одной или на другой стороне. В кн. I Фукидид изложил свой исторический метод. Автор противопоставил своим оппонентам, а особенно Геродоту, утверждая, что его произведение “чуждо ба-

сен” и не предназначено для развлечения слушателей, но является “достоянием навеки”. Оно должно в будущем служить политикам и государственным деятелям, которые на основе знания событий прошлого могли бы легче принять решение в конкретной ситуации. Главной задачей историка, по Фукидиду, является отыскание истины и верная передача событий. Но прийти к правде можно только через критическое рассмотрение свидетельств о событиях. Автор использовал личные впечатления, свидетельства очевидцев, документы и официальные дипломатические акты, которые он не раз цитирует в оригинале (например, протокол перемирия 423 г. до н. э., текст Никиева мира, текст Афино-Спартанского мира), около 40 речей, но не в дословной передаче, а в собственном изложении применительно к ситуации, давая слово защитникам противоположных мнений (например, зачинщиками войны в Афинах называли коркирейцев и коринфян, а в Спарте – коринфян и афинян, относительно Сицилийской экспедиции – Никий и Алкивиад в Афинах, Гермократ и Афинагор в Сиракузах сталкиваются в процессе произнесения 15 пар коротких речей и ответов на них). Лучшими среди речей у Фукидида являются речи Перикла, а особенно прославилась его речь в честь погибших афинян, в которой Перикл непревзойденно описал сущность афинской демократии и ее заслуги перед греческой культурой.

Психологическая глубина позволяла Фукидиду охарактеризовать не только отдельных людей, но и все общество (афиняне, спартанцы). Фукидид не верит в чудеса, пророчества, предсказания и приводит их исключительно для отражения настроений толпы. Благодаря этому он смог показать Пелопоннесскую войну как великий исторический процесс, доказывая, что политическое развитие должно вести к появлению держав, которые затем столкнутся друг с другом в войне. «История Пелопоннесской войны» является первым великим произведением, написанным на аттическом диалекте. Композиция всего произведения драматична. Вершины драматизма Фукидид достиг в описании Сицилийской экспедиции афинян, представив катастрофу, надвигающуюся неотвратимо, как в трагедии. Фукидид обозначил принципы историографии как литературного жанра в этом нашел многочисленных последователей. Произведение Фукидида продолжали аноним из Оксиринха, Ксенофонт, Феопомп. Ему подражали в Риме Саллюстий, Тацит, Аммиан Марцеллин. В XV в. его перевел на латинский язык Лоренцо Валла, но этот факт не обеспечил Фукидиду особого успеха ни в эпоху Ренессанса, ни позже. Восхищение и признание пришли к нему только в XVIII–XIX вв., особенно в Англии. Тогда же появились переводы его произведения на все новые языки.

Подробнее см.: С. А. Жебелев. Фукидид и его творение // Фукидид. История. Т. I. – М., 1915; Он же. Творчество Фукидида // Там же. Т. II; Э. Д. Фролов. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.

Фукидид

История Пелопоннесской войны

По В. В. Латышеву, с примечаниями В. В. Латышева и Л. А. Ельницкого

Книга II

95. Около того же времени, в начале этой зимы¹, одрис² Ситалк, сын Тирея, царь фракийский³, пошел войною на македонского царя Пердикку, сына Александра, и на халкидян, живущих около Фракии.

96. Итак, отправляясь из страны одрисов, он поднимает [в поход], во-первых, подвластных ему фракийцев, живущих по эту сторону гор Гема и Родопы⁴ до моря [по направлению к Евксинскому Понту и Геллеспонту], а затем живущих за Гемом гетов и остальные племена, расселившиеся по эту сторону реки Истр, ближе к Понту Евксинскому. Геты и прочие

туземцы – соседи скифов и сходны с ними по вооружению: все они конные стрелки...

97. Царство одрисов простиралось со стороны моря от города Абдер до Евксинского Понта и реки Истра... [Благодаря огромным доходам] царство это достигло большого могущества. По количеству денежных доходов и вообще благосостоянию оно оказалось величайшим из всех европейских царств, лежащих между Ионическим заливом и Понтом Евксинским; но по военной силе и количеству войска все-таки далеко уступало скифскому. С этим последним не только не могут сравниться европейские

царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один-на-один противостоять скифам, если все они будут единодушны; но они не поддерживают сравнения с другими в отношении благоразумия и понимания житейских дел.

98. Правивший страной одрисов Ситалк стал готовить против них поход... Говорят, что пеших у него набралось до 150 000, конницу же по большей части составляли одрисы, а затем геты.

Примечания

¹ В ноябре 429 г. до н. э.

² *Одрисы* – фракийское племя, жившее по течению р. Гебра.

³ Ср. Геродот IV: 80.

⁴ [*Горы Гема и Родопы* – Балканский и Родопский хребты на Балканах.]

Источник: Фукидид. История / Пер. Ф. Г. Мищенко. Т. I–II. – М., 1887–1888. Переиздание под ред. С. А. Жебелева. – М., 1915; 1981; 1994. Переиздание под ред. Э. Д. Фролова. – СПб.: Наука; Ювента, 1999; Фукидид. О Пелопоннесской войне // В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №2; Фукидид. Схолии // Фукидид. История / Изд. подготовили Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. 2-е изд. – М., 1993.

Гиппократ

Ἱπποκράτης – Hippocrates

Гиппократ (ок. 460–377/356 до н. э.), греческий медик. Родом с острова Коса в Эгейском море, между островами Родос и Патмос у юго-западного побережья Малой Азии, сын Гераклида, потомственного врача, и Фенареты. Медицинская школа Гиппократа располагалась у гробницы Асклепия на Косе, но, много путешествуя, он обучал врачеванию по всей Греции, устанавливая естественные причины заболеваний путем научных наблюдений и пытаясь излечить медицину от суеверий. Умер в Лариссе в Фессалии. Под именем Гиппократа сохранилось около 60–70 сочинений на ионийском диалекте, составивших так называемый Гиппократов корпус – *Corpus Hippocraticum*. Произведения эти восходят к разным медицинским школам и написаны в конце V и в первой половине IV в. до н. э. или позднее (до I в. н. э.). Наиболее старшие – «Об эпидемиях» и «Прогнозы» – относятся к косской медицинской школе и созданы примерно в 410 г. до н. э. Исследователи (Гален и др.) установили, что самому Гиппократу принадлежат 11–18 произведений сборника, остальные – преимущественно его сыновьям, врачам Фессалу и Дракону, и зятю Полибу. Вра-

чебная этика, актуальная и для сегодняшней медицины, наиболее полно отражена в «Клятве» Гиппократа («*Ὁρκος*», IV в. до н. э.) и в сочинении «Закон» («*Νόμος*»), содержащем советы начинающим врачам. Наиболее известными книгами стали созданные позднее «Афоризмы» и «Косские прогнозы», получившие широкое распространение на латинском языке. К «Афоризмам» Гиппократа восходит, например, известное крылатое выражение: *Vita brevis, ars longa, tempus praesep, experimentum periculosum, iudicium difficile* «Жизнь коротка, искусство долговечно, время переменчиво, опыт обманчив, суждение – трудно». Остальные труды касаются хирургии, различных лечебных процедур, гинекологии, акушерства, педиатрии, физиологии, анатомии и пр. Идеалом врача для всей европейской медицины Гиппократ стал в основном благодаря другому величайшему медику древности – работавшему в Риме придворному врачу императора Марка Аврелия Клавдию Галену из Пергама (ок. 130–200 до н. э.), труды которого через арабские исследования оказали влияние на всю средневековую медицину и анатомию.

Гиппократ

О воздухе, водах и местностях

По В. В. Латышеву

Примечания В. В. Латышева и

Л. А. Ельницкого (в квадратных скобках)

20. Относительно народов, живущих на право от летнего восхода солнца до озера Меотиды, составляющего границу Европы и

Азии, можно сказать следующее. Эти народы в определенном отношении более отличаются друг от друга, чем те, о которых рассказано

выше, по причине непостоянства климата и природных условий страны.

21. Я умолчу о тех народах, у которых отличия мало заметны, расскажу *только* о тех, которые *представляют* важные *особенности, происходящие* от природы или от обычаев. Прежде всего *скажу* о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально важнейшею причиною удлиненной формы головы был обычай; а теперь и природа содействует обычаю, *происшедшему* от того, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот¹ состоит в следующем: лишь только родится ребенок, пока еще *кости его* мягки, неотвердевшую его головку выправляют и принуждают расти в длину посредством бандажей и *других* подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается. Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом; но с течением времени это вошло в природу, так что обычай уже не насиловал ее. В самом деле, семенная жидкость идет из всех частей тела, от здоровых *частей* – здоровая, а от больных – ненормальная. Следовательно, если от плешивых *родителей* рождаются плешивые *дети*, от голубоглазых – голубоглазые, от косоглазых – в большинстве случаев косоглазые, и то же самое можно сказать о других внешних особенностях: то что же мешает и от длинноголового родиться длинноголовому? Впрочем, теперь они уже не рождаются такими, как прежде, потому что обычай этот уже не имеет силы, вследствие сношения *длинноголовых* людей с *другими*? Таково мое мнение относительно этого явления.

22. Что касается до местностей по Фасису, то страна эта болотистая, жаркая, сырая и лесистая. Там во всякое время года бывает много сильных дождей. Люди проводят свою жизнь в болотах, их деревянные или тростниковые хижины построены на воде; они мало ходят пешком, *только* в городе или на рынке, а *обыкновенно* разъезжают на однодеревках вверх и вниз по каналам, которых там множество. Воду пьют они теплую, стоячую, гниющую от солнечного жара и пополняемую дождями. Самый Фасис тише всех других рек и течет едва заметно. Произрастающие там плоды все плохо удаются, отличаются дряблостью и вследствие изобилия воды не спеют как следует: поэтому они и не созревают. *Подни-*

мающийся от вод густой туман окутывает всю страну. Вследствие этих-то причин фасиане резко отличаются *своею* наружностью от остальных людей. Они высоки ростом и чрезвычайно тучны: в их теле не заметно ни сочленений, ни жил; цвет кожи у них желтый, как у страдающих желтухою; голос *несравненно* грубее, чем у *других* людей, так как они дышат воздухом не прозрачным, а сгущенным и сырым; они от природы мало способны к перенесению телесных трудов. Климат у них не подвержен резким изменениям от тепла к холоду; южные ветры преобладают, за исключением одного местного ветра, который иногда бывает очень силен, неприятен и зноен; этот ветер называют «Кенхрон». Северный ветер бывает там не часто, а когда и подует, то лишь слабо и тихо. Таковы различия в природе и внешнем виде народов Азии и Европы.

24. В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды, и отличающийся от других народов. Название его – савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, *сидя* на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей, и поселяются на жительство с мужьями не прежде, чем совершат обычные жертвоприношения. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступать в поход. У них нет правой груди, ибо еще в раннем их детстве матери *их*, раскалив приготовленный именно с этой целью медный инструмент, прикладывают его к правой груди и выжигают, так что она теряет способность расти, и вся сила и изобилие соков переходят в правое плечо и руку².

25. Относительно внешнего вида прочих скифов, именно сходства их между собою и несходства с другими народами, можно сказать то же, что и об египтянах, исключая то, что у вторых это обуславливается знойностью *климата*, а у первых – холодом. Так называемая «Скифская пустыня» представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и уверенно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду из степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие – шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя *отделениями*; они

непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и *табуны* лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда *ее* не *хватит*, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят “иппаку” [это сыр из кобыльего молока]. Таков образ жизни и обычаи скифов.

26. *Мы уже говорили о климате Скифии и о внешности ее обитателей*, – что скифское племя значительно отличается от прочих людей и похоже только само на себя, подобно египтянам; оно также весьма мало плодовито, в этой стране и животные водятся лишь очень немногие и небольшие. Это потому, что она лежит под самым севером и у подножия Рипейских гор³, откуда дует северный ветер. Солнце приближается к ней только тогда, когда дойдет до летнего обхода, да и тогда греет землю короткое время и не сильно; ветры, дующие из теплых стран, проникают в эту страну лишь редко и с незначительной силой, а с севера, напротив, постоянно дуют ветры холодные вследствие изобилия там снегов, льдов и вод: горы никогда не освобождаются от них и от этого необитаемы. Днем густой туман окутывает равнины, и в них живут люди: поэтому там вечная зима, а лето продолжается лишь несколько дней, также не очень теплых: дело в том, что равнины там возвышенны, обнажены, не увенчаны горами, а, напротив, поднимаются по направлению к северу. Там и животные не бывают велики, так что могут прятаться в землю. На их рост вредно влияет постоянная зима и обнаженность страны, не представляющей поэтому никакой защиты от холода. Перемены погоды там не велики и не сильны: она стоит почти одинаково и мало изменяется. Поэтому-то и обитатели страны так похожи видом друг на друга: они всегда употребляют одну и ту же пищу, носят одну и ту же одежду летом и зимою, дышат сырым и густым воздухом, пьют снеговую и ледяную воду и не знают усталости: невозможно ведь накалять в труде ни тело, ни душу там, где климатические перемены не бывают значительны. Вследствие этих причин скифы отличаются толстым мясистым, нечленистым, сырым и немускулистым телом: живот у них в нижней части отличается чрез-

вычайным изобилием влаги: ведь и невозможно, чтобы он был сух в стране, отличающейся такими природными свойствами и состоянием атмосферы. Благодаря тучности и отсутствию растительности на теле, обитатели похожи друг на друга, мужчины на мужчин и женщины на женщин. Вследствие одинаковости температуры в разные времена года при сгущении семенной жидкости не происходит никакой порчи и изменений, за исключением какого-нибудь насильственного случая или болезни.

27. Я представлю важное доказательство изобилия влаги в их телах: у большинства скифов, именно у всех кочевников, можно встретить прижигание плеч, рук, запястий, груди, бедер и лядвий; они делают это исключительно вследствие природного изобилия влаги в теле и его мягкости, так как иначе от сырости тела и слабости не могут ни натягивать луков, ни давать плечом толчок при метании дротика; а при прижигании излишек влаги высыхает в членах, и вследствие этого тело делается крепче, изобильнее питательными соками и членистее. Делаются же они сырыми и слабыми, во-первых, от того, что в детстве не пеленаются, подобно египтянам; скифы не имеют этого обычая из-за верховой езды, чтобы хорошо сидеть на лошадях; во-вторых, от сидячей жизни: дети мужского пола, пока не могут еще держаться на лошади, большую часть времени сидят в кибитках и мало ходят пешком вследствие постоянных перекочевков; женский же пол отличается удивительно сырою и слабою комплекцией.

28. Все скифское племя – рыжее, вследствие холодного климата, так как солнце не действует с достаточною силою, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий. При таком физическом сложении народ не может отличаться плодovitостью: у мужчины не может быть значительного полового стремления вследствие сырости комплекции, мягкости и холодности живота, так как при таких условиях мужчина едва ли может отличаться сладострастием; сверх того, постоянные толчки при верховой езде производят в них половое бессилие. Таковы причины, действующие на мужчин, а у женщин – тучность и сырость тела, так как матка делается неспособною воспринимать семенную жидкость. Месячные очищения происходят у них не так, как следует, а лишь в небольшом количестве и через большие промежутки времени; устье матки закрывается жиром и не может воспри-

нимать семен; при этом сами они не выносят трудов, отличаются тучностью, живот у них холоден и мягок. Вследствие таких-то причин скифское племя не плодовито. Важное доказательство справедливости этих замечаний представляют рабыни; достаточно лишь одного сообщения с мужчиною, чтобы сделаться беременными: это – прямое следствие их трудовой жизни и сухости тела.

29. Сверх того, между скифами встречается множество евнухов; они занимаются женскими работами и говорят по-женски; называются такие мужчины *энареями*⁴. Причину такого явления туземцы приписывают божеству и поэтому чтут таких людей и поклоняются им, каждый боясь за себя. Мне кажется, что эта болезнь настолько же божественна, как и все остальные, что ни одна из них нисколько не божественнее и не человечнее другой, но все одинаковы и все божественны; каждое из таких явлений имеет свою естественную причину, и ни одно не происходит без таковых причин. Какими причинами, по моему мнению, обуславливается названная болезнь скифов, я сейчас изложу. Верховая езда, при которой ноги постоянно висят по бокам лошади, производит у них опухоли: затем при сильном развитии этой болезни является растяжение бедер и хромота. Лечатся они от этого следующим образом: при первых признаках болезни разрезают с обеих сторон жилы позади ушей; когда прекратится кровотечение, больные от слабости впадают в дремоту и засыпают; затем пробуждаются одни здоровыми, другие – нет. Итак, мне кажется, что именно этот способ лечения вредно влияет на семенную жидкость: около ушей есть жилы, вследствие разрезывания которых лица, испытавшие эту операцию, делаются неспособными к оплодотворению: я думаю, что именно эти жилы они и разрезают. Если после этой операции, приходя к женщинам, они оказываются бессильными, то в первый раз не обращают на это внимания и не беспокоятся; но если при повторении попытки два, три и более раз она оказывается не более успешною, то они решают, что в чем-нибудь провинились перед бо-

жеством, которому приписывают причину болезни, затем надевают женское платье, открыто признавая этим свое бессилие, усваивают женские привычки и вместе с женщинами занимаются их работами.

30. Этой болезни подвержены скифские богачи – не люди самого низкого происхождения, а, напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом; причина ее заключается в верховой езде; бедные люди менее страдают ею, так как не ездят верхом. Между тем, так как (по мнению скифов) эта болезнь более происходит от божества, чем другие, то следовало бы ожидать, чтобы она поражала не только самых благородных и богатых скифов, а всех одинаково или даже преимущественно бедняков, – если правда то, что богам приятно чествование и благоговение людей и они вознаграждают их за это. Ведь естественно, что люди богатые приносят богам много жертв и даров от своего избытка и чествуют их, тогда как бедняки жертвуют менее, отчасти по неимению средств, а отчасти из-за неудовольствия на то, что боги не дают им богатства: стало быть, наказания за такие прегрешения скорее должны были бы постигать неимущих, чем богатых. Но, как я уже сказал и раньше, эта болезнь столько же происходит от божества, сколько и другие: каждая имеет свою естественную причину. И эта болезнь происходит у скифов от той причины, которую я объяснил. То же самое бывает и у остальных людей: где очень много и часто ездят верхом, там очень многие страдают опухолью, ломотою в бедрах и подагрой и очень равнодушны к половым удовольствиям. Эти болезни есть и у скифов, и они более всех страдают половым бессилием (*досл.* похожи на евнухов) по вышеуказанным причинам и еще потому, что они постоянно носят штаны и большую часть времени проводят на лошадях, так что даже рукою не дотрагиваются до половых частей, а под влиянием холода и усталости не испытывают сладострастных желаний и нисколько не возбуждаются – до потери половой способности. Таково положение скифского племени.

О болезнях

Книга IV

20. ...Это⁵ похоже на то, что скифы делают из кобыльего молока: влив молоко в деревянные сосуды, они встряхивают их; взбалтываемое *молоко* пенится и разделяется, причем жир, который они называют *бутиром*, по сво-

ей легкости отделяется и *поднимается* вверх, а тяжелая и плотная часть оседает вниз; ее отделяют и сушат; когда она сгустится и высохнет, его называют *гипскакою*; молочная сыворотка остается посередине⁶.

О переломах и о членах

101. Некоторые рассказывают, что амазонки калечат детей мужского пола тотчас по рождении: одни переламывают голени, другие – бедра, для того чтобы они были хромыми и чтобы мужской пол не восставал против женского. Они пользуются мужчинами как

ремесленниками для работ кожевенных, медных или других, требующих сидячего образа жизни. Я не знаю, правда ли это; но знаю, что это возможно, если искалечить члены у детей тотчас после рождения.

Примечания

¹ [Описанный обычай придания голове искусственно удлиненной формы подтверждается археологическими данными сарматских (на Средней Волге) и так называемых готских некрополей в Крыму.]

² [О *савроматах* см. в прим. к кн. IV, 110 Геродота. Легенда о выжигании правой груди для удобства стрельбы из лука рассказывается обычно про

амазонок, откуда выводится и самое их название “безгрудые”.]

³ *Рипейские горы* – обычно Уральский хребет.

⁴ Ср. Геродот I: 105; IV: 67.

⁵ Речь идет о влиянии жара на большое человеческое тело.

⁶ Ср. у Феопомпа фр. 51.

Источник: Hippocratis et aliorum medicorum veterum reliquiae, mandatu Academiae regiae disc. quae Amstelodami est / Ed. Fr. Zach Ermerins. Vol. I. – Tr. ad Rh., 1859; Oeuvres complètes d'Hippocrate, traduction nouvelle avec le texte grec en regard etc., par E. Littré. T. II. – Paris, 1840; J. Jiberg, H. Kihlewein.

Hippocrates. Opera omnia. – Leipzig, 1804–1902; Гиппократ. Избранные книги / Пер. В. И. Руднева. – М., 1936; Гиппократ. Сочинения / Пер. В. И. Руднева. Т. II–III. – М.-Л., 1941–1944; 2-е изд. – М., 1994; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №2.

Аристофан

Ἀριστοφάνης – Aristophanes

Аристофан (450/445–385 до н. э.), греческий комедиограф периода Пелопоннесской войны и кризиса афинской рабовладельческой демократии. Противник олигархии, борец за гражданские идеалы греческого полиса. Из 44 пьес Аристофана сохранилось 11. Против Пелопоннесской войны направлены комедии Аристофана «Ахарняне» (425), «Мир» (421), «Лисистрата» (412). Комедия «Всадники» (424) – сатира на афинского демагога Клеона; против него же направлена комедия «Осы» (422), высмеивающая введенный порядок оплаты за исполнение судебных обязанностей. Сатира Аристофана чаще

всего имеет форму утопии комического характера: заключение сепаратного мира со Спартой для одной семьи («Ахарняне»), основание птичьего государства («Птицы», 414) и пр. Критика Аристофана зачастую персонифицирована: софист Сократ в комедии «Облака» (423), трагик Еврипид в «Женщинах на празднике Фесмофорий» (411), состязание Эсхила и Еврипида в подземном царстве («Лягушки», 405). В более поздних пьесах Аристофан высмеивает рабовладельческую утопию потребительского равенства («Женщины в народном собрании», 392; «Плутос», 388).

Подробнее см.: Толстой И. И. Аристофан // История греческой литературы / Под ред. С. И. Соболевского [и др.]. – М.-Л., 1946; Ярхо В. Н. Социальная утопия в комедиях Аристофана: Последний период творчества. – М., 1947; Ярхо В. Н. О характере древнегреческой комедии. – М., 1948; Ярхо В. Н., Полонская К. П. Античная комедия. – М., 1979.

Аристофан

Птицы

Ποιητής

νομάδεσσι γὰρ ἐν Σκύθαις ἀλᾶται Στράτων,
ὃς ὑφαντοδόνατον ἔσθος οὐ πέπαται.
ἀκλεῆς δ' ἔβα σπολὰς ἄνευ χιτῶνος.

945 ζύνεσ' ὅ τοι λέγω.

Πισθέταιρος

ζυνῆχ' ὅτι βούλει τὸν χιτῶνίσκον λαβεῖν.

ἀπόδουθι δεῖ γὰρ τὸν ποιητὴν ὠφελεῖν.
ἄπελθε τοῦτον ἰ λαβῶν.

Поэт [цитирует Пиндара]:

“Стратон блуждает среди скифских кочевников,
не имея льняной одежды.
Ему грустно носить шкуру животного, а не тунику”.
Вы понимаете, что я подразумеваю?

Писфетер:

Я понимаю, ты хочешь,
чтобы я предложил тебе тунику...
Подойди, возьми ее и уходи.

Схолии к «Птицам»

По В. В. Латышеву

Ст. 941. Ибо среди кочевников-скифов, – и это заимствовано у Пиндара, – у него сказано так: “ибо среди кочевников-скифов блуждает Стратон, который не имеет дома, перевозимо-го на повозке¹...”

Ст. 942. Блуждает Стратон (поэт сказал

“блуждает”), потому что скифы зимою, вследствие ее невыносимости, складывают свое имущество на повозки и уезжают в другую страну. Не имеющий там повозки считается у них бесчестным [вернее, ничтожным, ничемным, нищим. – А. Г.].

Примечания

¹ Схолиаст в данном случае смешал источники: в приведенном выше оригинале соответствующего места из Аристофана речь идет вовсе не о кибитке, а о привычной для грека тунике, в противоположность скифской одежде из шкур.

Источник: *Aristophanis comoediae* / Ed. Th. Bergk. V. I–II. – Lipsiae, 1923; *Scholia graeca in Aristophanem* / Ed. Dubner. – Paris, 1843; В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // ВДИ, 1947, №2.

Исократ

Ἰσοκράτης – Isocrates

Исократ (436–338 до н. э.), греческий оратор. Родился в Афинах в семье содержателя мастерской по изготовлению флейт Феодора (Теодора). Как оратор сформировался под влиянием софистов, в особенности разработчика теории ораторского искусства Горгия. В 404 до н. э. правительством Тридцати тиранов Исократ был лишен всего состояния как сторонник Ферамена (ок. 455–404 до н. э.), одного из лидеров олигархического переворота, известного как Совет четырехсот, преобразованного в Совет пяти тысяч. Занялся логографией – составлением судебных речей, а затем открыл риторскую школу, где в течение 3–4 лет ученики наряду с навыками оратора получали знания по философии, истории, литературе, праву. Школу Исократа закончили ораторы Ликург и Гиперид, историки Эфор и Феопомп. После позорного для греков Анталкидова мира (387 до н. э.) и усиления Персии Исократ выступает с идеей сплочения греческих полисов и завоевания совместными уси-

лиями Персидской державы. Однако, убедившись в невозможности для греков собственными силами осуществить эти планы, Исократ возлагает свои надежды на приход к власти сильной личности, способной объединить Грецию и организовать завоевательный поход на Персию. С этой мыслью в 365 г. он обращается к наследнику спартанского престола Архидаму (речь VI), в 360 г. – к кипрскому тирану Евагору (IX) и его преемнику Никоклу (II, III) и, наконец, в 346 г. – к македонскому царю Филиппу II (V). Исократ становится идейным вождем македонской партии в Афинах, идеологически подготавливая завоевания македонских царей Филиппа и Александра. Умер Исократ после битвы при Херонее (2 августа или 1 сентября 338 до н. э.), в которой 30-тысячная македонская армия Филиппа II разгромила союзные войска Афин и Беотии, чем был положен конец национальной независимости Греции. Из сочинений Исократа до нас дошла 21 речь (6 судебных и 15 торжест-

венных) и 9 писем. Среди судебных речей наиболее известна Банкирская (Трапедзитик), а

среди торжественных, или эпидиктических – «Панегирик».

Подробнее см.: Л. А. Пальцева. Введение // *Материалы по истории Причерноморья в античную эпоху. Ч. I. Исократ и Эсхин* / Сост. Л. А. Плетнева. – СПбГУ, 2001.

Исократ

Панегирик¹

Перевод К. М. Колобовой

(67) Наиболее властолюбивые из племен и самые могущественные – скифы, фракийцы и персы. Все они злоумышляли против нас, и наш город постоянно подвергался опасности в борьбе против всех них. Кто же из наших противников мог бы спорить с такими очевидными фактами: ведь эллины, которым не удалось добиться справедливости, обращались к нам с просьбами о защите, а варвары, стремясь поработить эллинов, прежде всего выступали против нас?

(68) Самой знаменитой из войн была война с персами. Однако для тех, кто оспаривает права отцов, конечно, не меньшее значение имеют свидетельства о древних подвигах. В то время, когда Эллада была еще слаба, пришли в нашу страну фракийцы с Евмолпом, сыном Посейдона², и скифы с амазонками, дочерьми Ароя³, – не в одно и то же время, но когда каждый из них пытался распространить свою власть над Европой. И хотя они не-

навидели весь род эллинов, но обратились с притязаниями именно против нас, полагая, что, одержав победу над одним городом, они овладеют сразу всеми. (69) Тем не менее они не достигли успеха: сразившись с одними только нашими предками, они потерпели такое поражение, как если бы они воевали со всем человечеством. Насколько велики были постигшие их бедствия ясно из следующего: если бы эти события не были из ряда вон выходящими, предание о них не сохранилось бы в течение столь длительного времени. (70) Относительно амазонок рассказывают, что из пришедших сюда ни одна не вернулась обратно, а оставшиеся на родине были лишены власти из-за постигшей их здесь неудачи. Фракийцы же, бывшие раньше нашими соседями, настолько далеко отошли после этого похода, что на территории, отделившей нас от них, поселилось много племен и различных народов и были основаны большие города.

Источник: *Вестник древней истории*, 1965, № 4.

ХII. Панафинейская речь⁴

Перевод И. А. Шишовой

(193) Итак, фракийцы вторглись в нашу страну под предводительством сына Посейдона Евмолпа, который оспаривал наш город у Эрехтея, утверждая, что Посейдон владел им раньше Афины. Скифы пришли вместе с ама-

зонками, дочерьми Ареса. Амазонки приняли этот поход из-за Ипполиты, которая нарушила установленные у них законы: полюбив Тезея, Ипполита последовала за ним из своей страны и стала его женой.

Источник: *Вестник древней истории*, 1967, № 4.

ХV. Об обмене имуществом⁵

Перевод В. Г. Боруховича

(224) Я охотно хотел бы узнать от Лисимаха, что он думает относительно тех людей, которые приплывают сюда к нам из Сицилии и Понта⁶, чтобы получить образование. Полагает ли он, что они совершают этот переезд вследствие недостатка в дурных людях у себя на родине? Но ведь тот, кто хотел бы вместе с ними предаваться порокам и заниматься дур-

ными делами, сможет везде найти их с избытком!

(226) Но ведь ясно, что они совершают эти морские путешествия, и отдают деньги, и делают все остальное только потому, что рассчитывают и сами стать лучше; а учителей, преподающих здесь, они считают гораздо более знающими, чем живущих у себя на родине.

Источник: *Вестник древней истории*, 1968, № 3.

XVI. Банкирская речь (Трапедзитик)⁷

Перевод Н. Н. Залесского

(3) Сначала я, насколько могу, изложу вам все дело. Отец мой, судьи, – Синопей⁸; все плавающие в Понт знают, что он настолько близко стоит к Сатиру⁹, что управляет обширной областью и имеет попечение о всех его военных силах. (4) Зная об этом городе и о других областях Эллады, я пожелал совершить туда путешествие. И вот отец мой, нагрузив два корабля хлебом и дав денег, отправил меня одновременно и с торговой целью, и с целью людей посмотреть. Пифодор, сын Финика, свел меня с Пасионом, и я пользовался его банком. (5) Несколько времени спустя был сделан Сатиру донос, будто отец мой злоумышляет против его власти и что я связан с изгнанниками. Сатир дает приказ схватить отца, а людям из Понта, проживающим здесь, дает поручение конфисковать у меня деньги и передать мне самому приказание плыть домой; если же я ничего этого не сделаю, то требовать от вас моей выдачи. (6) Будучи в столь бедственном положении, судьи, я рассказываю Пасиону о моих злоключениях: я был так близок к нему, что не только в денежных делах, но и во всем остальном вполне доверял ему. Я полагал, что если бы я отослал все деньги, я бы подвергся опасности, в случае, если с ним что-нибудь случится, потерять и деньги, находящиеся здесь и оставленные на родине, и сделаться, таким образом, совершенно неимущим. С другой стороны, если бы, дав согласие, я, вопреки распоряжению Сатира, не передал денег, и я, и мой отец были бы еще больше скомпрометированы перед Сатиром. (7) Посоветовавшись, мы решили, что самое лучшее – наличные деньги передать, а от денег, лежавших у Пасиона, не только отречься, но заявить, что я состою должником его и других лиц, и сделать все так, чтобы они как можно лучше смогли убедиться в том, что денег у меня нет. (8) Я, судьи, тогда считал, что Пасион все это мне советует из расположения ко мне; но после того, как я закончил дело с прибывшими от Сатира, я понял, что он покушается на мое достояние. Дело в том, что, когда я хотел взять обратно принадлежащие мне деньги и отправиться в Византий, Пасион решил, что настал самый благоприятный для него случай: ведь моих денег, лежащих у него, было много, и из-за них стоило забыть стыд, а я к тому же в присутствии многих свидетелей отрицал, что имею что-либо, и

в глазах у всех считался должником Пасиона и признавал себя должным еще и другим. (9) К тому же, судьи, он считал, что, если я попробую остаться здесь, государство выдаст меня Сатиру, если же отправлюсь куда-нибудь в другое место, то ему нечего будет заботиться о моих показаниях, а если я поплыву на родину, то погибну там вместе с моим отцом. Так-то рассуждая, он и замыслил лишить меня моих денег. И вот под предлогом, что в настоящее время он не имеет денег, он заявил, что не может отдать и моих; когда же я, желая ясно разузнать, в чем дело, послал к нему Филомела и Менексена (с поручением вытребовать деньги), Пасион стал им говорить, что у него нет ничего мне принадлежащего. (10) И вот, когда на меня отовсюду обрушилось столько бед, как полагаете вы, какое мне надлежало принять решение? Если молчать, Пасион лишит меня денег; если говорить, это тоже не принесет большой пользы, а вместе с тем поставит в очень тяжелое положение и меня и моего отца перед Сатиром. Итак, я счел наиболее надежным держаться спокойно. (11) После этого, судьи, прибывают ко мне с известием, что отец освобожден и Сатир настолько раскаивается во всем содеянном, что оказывает ему величайшее доверие: дал ему власть еще большую, чем он имел раньше, а сестру мою взял в жены своему сыну... (12) На третий день, встретившись, мы даем друг другу клятву молчать обо всем случившемся; но эту клятву он нарушил, как вы сами узнаете из дальнейшего изложения. Пасион согласился плыть со мною в Понт и там отдать деньги – для того, чтобы осуществить соглашение как можно дальше от этого города, чтобы никто из здесь живущих не знал об обстоятельствах уплаты долга. После отъезда он сможет объяснить свое отсутствие как ему угодно. Если же он этого не сделает, он предоставлял посредничество в этом деле Сатиру при условии, что будет приговорен к уплате полуторной суммы денег. (20) Все это изложив письменно, мы привели на акрополь Пирона из Феры, обычно плавающего в Понт, и вручили ему на хранение договор, наказав ему, если мы покончим миром между собою, сжечь документ, если же нет, то отдать Сатиру. (21) Так, судьи, сложились наши дела... И он, судьи, стал просить меня, чтобы я отклонил Менексена от предъявле-

ния ему обвинения, говоря, что он ничего не достигнет, если возвратит деньги согласно письменному соглашению, отправившись в Понт, а здесь будет осмеян, так как раб, подвергшись пытке, разгласит правду обо всем. (23) В столь затруднительном положении, не находя никакого иного способа уплатить долг, Пасион подкупил рабов и подделал соглашение, которое должен был получить Сатир в случае, если Пасион не выполнит моих требований. И после того, как он сделал это, он стал наглейшим из всех людей. Он заявил, что и в Понт он со мной плыть не намерен, и договора у него со мной никакого нет, и потребовал, чтобы письменное соглашение было распечатано в присутствии свидетелей. К чему я буду вам, судьи, много говорить? Ведь оказалось, что в письменном соглашении было заявлено, будто бы я не предъявляю к Пасиону никаких обвинений.

(25) Прежде всего, обратите внимание на следующее. Когда мы передавали чужеземцу наш договор, по которому Пасион объявляет себя свободным от обвинений, а я заявляю, что должен получить от него деньги, мы наказывали чужеземцу сжечь письменное соглашение, если мы покончим между собой миром, если же нет, то отдать его Сатиру; что это было сказано, мы оба признаем. (26) Однако, судьи, по какой причине мы поручили отдать письменное соглашение Сатиру, если не договоримся, раз Пасион был уже свободен от обвинений, и дело у нас было покончено? (27) Далее, судьи, я имею изложить причины, по которым Пасион согласился возратить деньги. Так как мы избавились от наветов на нас перед Сатиром, а Пасион сам оказался не в состоянии укрыть Китта, знавшего о сделанном мною вкладе денег на хранение, то он решил, что если выдаст на пытку раба, то обнаружится его мошенничество, (28) если же не сделает этого, будет подвергнут штрафу; в силу этого он и решил помириться со мной.

(35) ...Я, судьи, желая как можно больше вывезти из Понта денег, воспользовался намерением Стратокла плыть туда и попросил его свои деньги оставить у меня, в Понте же получить деньги от моего отца; я считал, что я много выигрываю, поскольку деньги не подвергнутся опасности во время плавания...

(38) Равным образом, судьи, быть может, представлены будут свидетели того, что я отрицал перед доверенными лицами Сатира наличие у меня денег, кроме тех, которые я передал им, и того, что я отрицал, что Пасион

сам владеет моими деньгами, причем я признавал себя должным триста драхм, которые по доверенности получил от него Гипполайд – мой ксен¹⁰ и близкий человек. (39) Я, судьи, находился в бедственном положении, о котором я вам уже сообщал: дома я лишился всего, находящиеся же здесь деньги я был вынужден передать прибывшим из Понта; у меня не оставалось ничего, за исключением того, что я мог сохранить, если бы мне удалось скрыть деньги, положенные на хранение у Пасиона. Я признаю, что при таких обстоятельствах объявил себя еще должным ему триста драхм и во всем прочем поступал и говорил так, что на основании этого они лучше всего могли убедиться, что у меня денег нет. (40) Вы без труда убедитесь, что это случилось не из-за отсутствия у меня денег, но с целью убедить посланцев Сатира. Прежде всего я представляю вам свидетелей, что мною из Понта привезено было много денег, затем других свидетелей, которые видели, что я прибегал к услугам меняльной лавки Пасиона, а также тех, которые покажут, что при расчете на золото я получил от них в то время более тысячи статеров. (41) Кроме того. На нас был наложен чрезвычайный налог и, когда последовало назначение податных чиновников, я внес больше остальных чужеземцев; будучи же сам избран, я наложил на себя самый большой налог, за Пасиона же просил моих сотоварищей по должности, говоря, что он пользуется моими деньгами. Пусть предстанут свидетели...

(43) И вот Филипп, ксен моего отца, явился на мой зов, но, испугавшись большого риска, поспешил оставить меня...

(45) Ибо вы обнаружите, что отец мой был в заточении, лишен всего имущества, а я из-за обрушившихся на меня бед не мог ни тут оставаться, ни плыть в Понт...

(47) Не полагал ли я, начав тяжбу, и при этом вопреки справедливости, что встречу у вас больше доверия, чем Пасион? Я, который не собирался оставаться здесь, боясь, как бы меня не вытребовал от вас Сатир?

(48) ...После же того, как я избавился от клеветников, порочивших меня перед Сатиром, и все стали считать неизбежным осуждение Пасиона, тогда он стал утверждать, что я снял с него все обвинения...

(51) Наконец, судьи, согласившись отправиться к Сатиру и поступить так, как последний признает это правильным, он и в этом обманул меня: сам не пожелал отправиться, хо-

тя я неоднократно призывал его, а послал Китта, который, явившись туда, заявил, что он свободный, родом из Милета, что послал его Пасион дать разъяснения относительно денег. (52) Сатир выслушал нас обоих и не стал разбирать дело об имевших здесь место сделках, главным образом потому, что Пасион отсутствует и не намерен выполнять его решений, но вместе с тем Сатир настолько убедился в том, что я терплю несправедливость, что, созвав владельцев кораблей, просил их помочь мне и не допускать несправедливости надо мной; написав письмо в город [Афины], он дал его для передачи Ксенотиму, сыну Каркина. Прочти им это письмо.

(56) Итак, я прошу вас, сохраняя в памяти все изложенное, голосовать против Пасиона и

не обвинять меня в столь постыдном поступке, будто я, живя в Понте и владея столь большим имуществом, что мог бы им и других благодетельствовать, явился сюда с целью клеветать на Пасиона и требовать от него мнимых денежных вкладов. (57) Вам следует отнестись с уважением и к Сатиру, и к моему отцу, которые всегда ценят вас больше, чем других эллинов. Уже много раз, отсылая из-за неурожая хлеба корабли прочих купцов пустыми, вам они давали разрешение на вывоз; и в тяжбах по частным обязательствам, в которых они являются судьями, вы получаете не только должное, но даже более того. (58) Поэтому не подобает вам пренебрегать их письмами...

Примечания

¹ «Панегирик» Исократ является одним из шедевров торжественного аттического красноречия. Согласно традиции, Исократ работал над отделкой речи около десяти лет, опубликовав ее приблизительно в 380 г. до н.э. Речь написана под впечатлением пагубного для греков Анталкидова мира (387 г. до н.э.). Исократ пытается убедить афинян выступить с инициативой объединения всех греков и начать подготовку к войне против Персии.

² По другой версии Евмолп, сын Посейдона, был царем Элевсина.

³ Более подробно легенда об амазонках излагается Исократом в Панафинейской речи (XII, 193).

⁴ Панафинейская речь – последняя из политических речей Исократ – создавалась в 342–349 г. до н.э. Главной темой речи является прославление исторического прошлого афинян, их заслуг перед Элладой.

⁵ Речь «Об обмене имуществом», в которой Исократ довольно подробно говорит о своей педагогической деятельности, приурочена к судебному процессу, возбужденному против Исократ неким Лисимахом. Последний, избранный для исполнения общественной повинности, связанной со значительными расходами, потребовал передачи ее Исократу как более богатому, в противном случае угрожая обменом имуществом.

⁶ Из Банкирской речи Исократ (XVII: 3 сл.) видно, что под Понтом он разумеет Боспорское государство. Такое же значение этого топонима встречается у других афинских ораторов (ср.: Лисий XVI: 4; Динарх I: 43; Эсхин III: 171; Демосфен XXXV: 3 сл.).

⁷ Банкирская речь – яркий образец судебного красноречия Исократ. Стиль и язык этой речи настолько отличают ее от других работ оратора, что авторство Исократ ставилось даже под сомнение современными исследователями, хотя у древних вопрос об авторстве речи не вызывал спора (Dion. Halic. De Isocr., 18). Речь составлена от лица знатного молодого боспорца (имя его неизвестно), прибывшего в Афины до 394 г. до н.э. и ставшего, по словам Дионисия Галикарнасского, учеником Исократ. Судебный процесс, в котором истцом выступал безымянный боспорец, а ответчиком – афинский трапедзит Пасион, относят приблизительно к 394–391 до н.э.

⁸ По другим рукописям, имя отца молодого боспорца – Сопей или Софал.

⁹ Сатир – боспорский правитель (433/432–389/388), преемник Спартока I.

¹⁰ Ксен – человек, связанный узами взаимного гостеприимства с гражданином другого государства.

Источник: Вестник древней истории, 1968, № 4; ср.: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 2.

Ксенофонт

Ξενοφῶν – Xenophon

Ксенофонт Афинский (444/430–355/354 до н. э.), греческий писатель и историк. Родился в Афинах в семье всадников, был учеником софистов и Сократа. После падения (403) правительства тридцати тиранов покинул Афины. В 401 участвовал в походе Кира Младшего против его брата, царя Персии Артаксеркса II. После гибели Кира в битве при Кунаксе (401) и пленения предводителей гре-

ков был избран одним из стратегов и участвовал в отступлении 10 тысяч греческих наемников через всю Малую Азию к побережью Черного моря. Сблизился со спартанским царем Агесилаем.

За переход на сторону врага афинское народное собрание заочно присудило Ксенофонта к смертной казни с конфискацией имущества. После поражения спартанцев в битве

при Левктрах (371) бежал из Скиллунта в Коринф. И хотя в 367, вследствие сближения со Спартой, афиняне амнистировали Ксенофонта, он не вернулся на родину и умер в Коринфе.

Перу Ксенофонта принадлежат многочисленные сочинения разнообразного содержания: исторические – «Греческая история» в 7 книгах (события 411–362 гг.), «Анабасис» («Поход Кира») об участии 13 тысяч греческих наемников в походе Кира, «Агесилай», «Киропедия»; философские – «Воспоминания о Сократе», «Апология (защита) Сократа (на суде)», «Домострой», «Пир», «Гиерон»; политические – «Государственное устройство Спарты» («Лакедемонская полития»), «Государственное устройство Афин», «Доходы (Ат-

тики)»; дидактические – «Гиппархик» («Об обязанностях командира конницы»), «Советы для начальников конницы»), «О верховой езде» («Советы для всадников»), «Кинегенетик», или «Об охоте (с собаками)». В исторических сочинениях, характеризующихся огромным количеством фактического материала, Ксенофонт, будучи небесстрастным участником описываемых событий, проявлял поразительную тенденциозность. И тем и другим он превзошел своих более старших современников – Фукидиду, Ктесия и Софенета из Стимфалы. А как писатель – благодаря пластике стиля, сочетающего незамысловатость и ясность речи с лаконичностью и изяществом повествования – Ксенофонт заслужил восхительное прозвище «аттической пчелы».

Подробнее см.: С. И. Соболевский. Ксенофонт, его жизнь и сочинения // Ксенофонт. Сократические сочинения. – М.-Л.: АН СССР, 1935; М. И. Максимова. Ксенофонт и его «Анабасис» // Ксенофонт. Анабасис. Перевод, вступ. статья и примечания М. И. Максимовой. – М.-Л.: АН СССР, 1951.

Ксенофонт

Анабасис

*Перевод и примечания Г. Генкеля
Комментарии Г. Довгяло, В. Федосика*

Книга III

4. (13) Отсюда они прошли в один переход 4 парасанга. На этом переходе показался Тиссаферн. Он вел за собой свою собственную конницу, войско Оронта, женатого на дочери царя, а также тех варваров, с которыми Кир совершил поход, и те войска, с которыми брат царя шел к нему на помощь, и сверх того отряды, данные ему царем, так что показавшаяся армия была огромна. (14) Приблизясь, он выстроил часть войска позади строя эллинов, а другую часть вывел на их фланги, но не решился напасть, не желая подвергаться опасности, и приказал стрелять из пращей и луков. (15) Однако когда родосцы в рассыпном строю стали стрелять из пращей, а скифские¹ лучники пускать стрелы и никто из них не промахнулся, – а промахнуться было трудно даже при большом желании, – то Тиссаферн очень быстро удалился из-под выстрелов, и другие войска тоже ушли. (16) Остальную часть дня эллины шли впереди, а варвары

следовали за ними, причем последние не наносили эллинам потерь при перестрелке, так как родосцы стреляли из пращей на большее расстояние, чем персидские пращники и лучники. (17) Но луки у персов больше, и те из них, которые были захвачены,годились критянам: они постоянно пользовались вражескими луками и упражнялись в стрельбе на далекое расстояние, пуская стрелы вверх. В деревнях нашлось много материала для тетивы, а также свинцовых шариков для пращей. (18) И этот день, когда эллины разбили лагерь в повстречавшихся им деревнях, варвары удалились, оказавшись более слабыми в перестрелке. Следующий день эллины провели в этом месте и пополнили свои запасы, так как в деревнях было много хлеба. А на следующий день они отправились в путь по равнине, и Тиссаферн следовал за ними, вступая в перестрелку.

Книга IV

7. (1) Откуда эллины за пять переходов прошли 30 парасангов и прибыли к таохам. Продовольствие иссякло. Дело в том, что тао-

хи жили и неприступных укрепленных местах, куда были снесены все их запасы. (2) Когда эллины подошли к одному укрепленному

месту, которое не являлось городом и где также не было домов, хотя там собрались мужчины и женщины и многочисленный скот, то Хирисоф напал на него прямо с ходу. При этом отряды действовали в одиночку, сменяя друг друга по мере утомления людей, а соединенными силами нельзя было обложить этот пункт, так как он находился на обрывистом со всех сторон возвышении”. (3) Когда подошел Ксенофонт с аррьергардом, пельтастами и гоплитами, Хирисоф сказал им: “Вы пришли кстати; укрепленное место необходимо захватить, так как у войска не будет продовольствия, если мы его не возьмем”. (4) Тогда они стали совещаться, и когда Ксенофонт спросил, что же мешает эллинам проникнуть в укрепленное место, Хирисоф сказал: “Существует только один подступ к нему, тот самый, который ты видишь перед собой. Стоит кому-нибудь попытаться тут пройти, как враги начинают скатывать камни с нависшей над дорогой скалы, и ты сам можешь удостовериться, в какое состояние приводятся застигнутые ими люди”. Он указал при этом на солдат с разбитыми ногами и ребрами. (5) “А когда они израсходуют все камни, – спросил Ксенофонт, – то останутся ли на нашем пути другие препятствия для вступления в укрепленное место? Ведь перед нами только эта вот немногочисленная кучка людей и из них только двое или трое имеют при себе оружие. (6) Укрепленное место, как ты и сам видишь, находится от нас примерно в 3 полуплетрах, которые и надлежит пройти под градом бросаемых камней. Примерно две трети этого расстояния покрыто растущими тут крупными соснами с большими между ними промежутками. Укрывшиеся за ними люди ведь, наверное, не потерпят никакого урона от кидаемых или скатываемых камней? Остальная часть пути равняется примерно 1 полуплетру, и это пространство надо пробежать, когда перестанут лететь камни”. (7) “Но в том-то и дело, – сказал Хирисоф, – что как только мы начнем двигаться вперед к деревьям, полетит множество камней”. “Это именно нам и нужно, – сказал Ксенофонт. Таким образом, они скорей израсходуют камни. Итак, идемте туда, откуда до цели, если она вообще достижима, нам останется пробежать небольшое расстояние и откуда легче будет отступить, если это понадобится”.

(8) Тогда пошли вперед Хирисоф, Ксенофонт и Каллимах из Паррасия, лохаг, который в этот день начальствовал над лохагами

аррьергарда. Остальные лохаги остались в безопасном месте. Затем направились под деревья человек 70, но не все вместе, а поодиночке и со всевозможными предосторожностями. (9) А Агасий из Стимфалы и Аристоним из Метидреи – тоже лохаги аррьергарда, – а также и другие остались стоять вдали от деревьев, так как под деревьями могло безопасно находиться не более одного лоха. (10) Тут Каллимах придумал некую хитрость: он выбегал вперед на 2-3 шага из-под укрывавшего его дерева, а когда начинали лететь камни, он быстро отступал, и при каждой его вылазке враги расходовали более 10 повозок камней. (11) Когда Агасий увидел, что делает Каллимах на виду у всего войска, он, боясь, как бы тот не вбежал первым в укрепленное место, не стал звать ни Аристони́ма, который находился всего ближе к нему, ни Еврилоха из Лус – оба они были его друзьями, – ни еще кого-нибудь из войска, но сам в одиночку побежал и обогнал всех. (12) А когда Каллимах увидел, что тот опережает его, он ухватился за край его щита. Тут их обоих обогнали Аристоним из Метидреи и затем Еврилох из Лус. Все они, соревнуясь между собой, старались превзойти друг друга в доблести и таким образом захватили укрепленное место, так как стоило одному человеку ворваться туда, как полностью прекратилось сбрасывание камней сверху. (13) Тут открылось страшное зрелище. Женщины бросали детей вниз и затем кидались за ними сами, и мужчины поступали таким же образом. Лохаг Эней из Стимфалы увидел какого-то бегущего, по-видимому, с намерением сброситься вниз человека, одетого в красивую одежду, схватил его, желая ему помешать, но тот потянул его за собой, и оба они полетели вниз со скал и погибли. (14) Здесь было захвачено очень мало людей, но много рогатого скота, ослов и овец.

(15) Оттуда они прошли через страну халибов в семь переходов 50 парасангов. Племя халибов самое храброе из всех племен, через земли которых проходили эллины; они вступили с последними в рукопашный бой. Халибы носили льняные панцири, доходившие до нижней части живота, а вместо чешуек панциря они пользовались сучеными, туго переплетенными веревками. (16) Они носили также поножи и шлемы, а у пояса кинжал вроде лаконского меча, которым закалывали тех, кого удавалось осилить, затем отрезали у них головы и уносили их с собой, причем пели и плясали, когда попадались на глаза врагам.

Халибы также имели при себе копья длиной примерно в 5 локтей с одним острием. (17) Они отсиживались в поселениях, а когда эллины оставляли их позади, следовали за ними, все время сражаясь. Жили они в укрепленных местах, и продовольствие у них было собрано там же; потому эллины не могли там ничего достать и питались скотом, забранным у таохов. (18) От халибов эллины прибыли к реке Арпасу, шириной в 4 плетра. Оттуда они в четыре перехода прошли 20 парасангов по равнине через страну скифинов² и пришли в деревни; здесь они пробыли 3 дня и пополнили свои запасы.

(19) Оттуда они прошли в четыре перехода 20 парасангов до большого, богатого и многолюдного города по имени Гимниада³. Правитель этой страны прислал эллинам провожатого из этого города, чтобы провести их через враждебную для местных жителей страну. (20) Придя к эллинам, этот человек заявил, что он через 5 дней приведет их в такое место, откуда они увидят море; поручкой тому его голова. Указывая дорогу, он, при вступлении во враждебную скифинам область, стал побуждать эллинов жечь и разрушать страну⁴. Тогда все поняли, что он пошел только ради этого, а не из расположения к эллинам. (21) На пятый день они пришли к горе по имени Фехес⁵. Когда солдаты авангарда взойшли на гору, они подняли громкий крик. (22) Услышав этот крик, Ксенофонт и солдаты арьергарда подумали, что какие-то новые враги напали на эллинов спереди, тогда как жители выжженной области угрожали им сзади, и солдаты арьергарда, устроив засаду, убили нескольких человек, а нескольких взяли в плен, захватив при этом около 20 плетеных щитов, покрытых воловьей косматой кожей. (23) Между тем, крик усилился и стал раздаваться с более близкого расстояния, так как непрерывно подходившие отряды бежали бегом к продолжавшим все время кричать солдатам, отчего возгласы стали громче, поскольку кричащих становилось больше. (24) Тут Ксенофонт понял, что произошло нечто более значительное. Он вскочил на коня и в сопровождении Ликия и всадников поспешил на помощь. Скоро они услышали, что солдаты кричат: “Море, море!” – и зовут к себе остальных. Тут все побежали вперед, в том числе и арьергард, и стали гнать туда же вьючный скот и лошадей. (25) Когда все достигли вершины, они бросились обнимать друг друга, стратегов и лохагов, проливая слезы. И тот-

час же, неизвестно по чьему приказу, солдаты нанесли камней и сложили большой курган. (26) На него возложили множество свежесодранных бычачьих шкур, палки и взятые у врагов плетеные щиты, причем сам вожак рубил, щиты и побуждал других к тому же. (27) После этого эллины отпустили вожака домой, подарив ему из общественного имущества коня, серебряную чашу, персидскую одежду и 10 дариков; но он преимущественно просил перстней и набрал их много у солдат. Указав эллинам деревню, где они могли расположиться, и дорогу, по которой им надо было пройти к макронам, он с наступлением вечера покинул их и скрылся.

8. (1) Отсюда эллины прошли через страну макронов в три перехода 10 парасангов. В первый же день они пришли к пограничной реке, отделявшей землю макронов от земли скифинов. (2) По правую руку от них возвышались совершенно неприступные горы, а слева протекала другая река, в которую впадала река пограничная, и через эту последнюю реку надлежало им пройти. Берега этой реки густо поросли деревьями, правда не толстыми, но частыми. Направляясь к реке, эллины рубили деревья, спеша как можно скорей уйти из этой страны. (3) Макроны, вооруженные щитами и копьями и в волосяных хитонах, выстроились на другом берегу напротив переправы. Они ободряли друг друга и бросали камни в реку, но не достигали эллинов и никому не причинили вреда.

(4) В это время к Ксенофонту подошел пельтаст, по его словам, некогда бывший рабом в Афинах, и сказал, что он знает язык этих людей. “Я думаю, – сказал он, – что это моя родина, и я хотел бы с ними переговорить, если к тому нет препятствий”. (5) “Никаких препятствий нет, – сказал Ксенофонт, – переговори с ними и сперва узнай, кто они такие”. На его вопрос они ответили: “Макроны”. “Спроси теперь, – сказал Ксенофонт, – почему они выстроились против нас и ведут себя, как наши враги”. (6) Они ответили: “Потому что вы идете на нашу страну”. Стратеги приказали передать им, что эллины пришли не с тем, чтобы причинить им зло, но что они вели воину с царем и теперь, возвращаясь обратно в Элладу, стремятся дойти до моря. Макроны спросили, могут ли эллины поклясться в этом. (7) Стратеги ответили согласием дать и получить клятвы. Тогда макроны дали эллинам варварское копье, а эллины макронам – эллинское, так как по представлениям

макронов в этом и состоит клятва. И, кроме того, обе стороны призывали в свидетели богов.

(8) После заключения договора макроны тотчас же, вместе с эллинами, стали рубить деревья и прокладывать дорогу, словно они имели намерение совершить переправу вместе с ними, и, кроме того, предоставили им в продажу какое могли продовольствие и вели их в течение 3 дней, пока не доставили к границе колхов. (9) Там возвышались высокие горы и на них выстроились колхи. Сперва эллины построились против них в фалангу с тем, чтобы в этом строю взойти на гору, но потом стратеги решили собраться и обсудить, как лучше дать сражение.

(10) Ксенофонт сказал, что, по его мнению, надо распустить фалангу и образовать прямые лохи. Фаланга, несомненно, скоро расстроится, так как в одних местах подъем на гору окажется трудным, а в других – удобным, а когда солдаты фаланги заметят это, они, конечно, сразу падут духом. (11) “Кроме того, если мы двинемся вперед в плотном строю, – говорил Ксенофонт, – то неприятель сможет охватить нас и воспользуется этим преимуществом по своему усмотрению, а если мы пойдем вперед в широко растянутом строю, то не будет ничего удивительного, если наша фаланга будет прорвана ударами густой массы войск врага при содействии множества снарядов. А разрыв, даже если он произойдет в одном каком-нибудь месте, будет иметь дурные последствия для всей фаланги. (12) Поэтому я предлагаю построить прямые лохи и, оставя между ними надлежащие промежутки, занять лохами такое пространство, чтобы крайние лохи оказались за пределами флангов врагов. Таким образом, наш фронт будет шире фаланги неприятеля и при наступлении прямыми лохами самые мужественные из нас придут первыми, и каждый лохаг поведет свой отряд по наиболее удобной дороге. (13) И, помимо того, неприятелю нелегко будет врезаться в промежутки между отрядами, так как он окажется стиснутым между двумя лохами и, конечно, ему также не под силу будет расколоть наступающий прямой лох. Если же какому-нибудь лоху придется туго, то соседний поможет ему. А если хоть одному лоху удастся взобраться на вершину, то никто из врагов там уже не удержится”.

(14) Это предложение было принято, и войско построилось в прямые лохи. А Ксенофонт, проходя с правого фланга на левый, говорил

солдатам: “Воины, те люди, которых вы видите перед собой, это последнее препятствие на нашем пути, препятствие, из-за которого мы еще не пришли туда, куда давно стремимся. Постараемся стереть их с лица земли”.

(15) Когда каждый встал на свое место и образовались прямые лохи, то получилось около 80 лохов гоплитов, а каждый лох насчитывал примерно 100 человек. Пельтастов же и стрелков разделили на три отряда, одних поставили вне левого, других вне правого крыла, а третьих в середине, причем каждый отряд состоял примерно из 600 человек. (16) Затем стратеги отдали приказ “на молитву”. Вознеся молитву и запев пеан, двинулись вперед. Хирисоф, Ксенофонт и их пельтасты шли, находясь за пределами фаланги неприятеля. (17) Когда враги увидели эллинов, то побежали им навстречу и при этом разделились одни вправо, другие влево, и в середине их фаланги образовался большой разрыв.

(18) Аркадские пельтасты под начальством Эсхина из Акарнании подумали, что враги бегут, они подняли крик, устремились вперед и первыми взойшли на гору. За ними последовали аркадские гоплиты под начальством Клеанора из Эрхомен. (19) А враги, как только эллины перешли на бег, не выдержали и каждый побежал кто куда мог.

(20) Эллины, взойдя на гору, расположились в многочисленных деревнях, полных съестных припасов. Здесь, вообще говоря, не было ничего необыкновенного, кроме большого числа ульев, и все солдаты, вкушавшие мед, теряли сознание: их рвало, у них делался понос, и никто не был в состоянии стоять на ногах, но съевшие немного меда походили на сильно пьяных, а съевшие много – на помешанных или даже умирающих. (21) Такое множество их лежало на земле, словно эллины потерпели здесь поражение в бою, и всеми овладело уныние. Однако на следующий день никто не умер и приблизительно в тот же час (когда они накануне поели меда) больные стали приходить в себя. На третий и четвертый день они встали, словно выздоровевшие после отравления.

(22) Отсюда они прошли в два перехода 7 парасангов и прибыли к морю в Трапезунт, многолюдный эллинский город на Евксинском Понте, колонию Синопы в стране колхов. Там они пробыли около 30 дней в деревнях колхов, откуда делали набеги на Колхиду. (23) Базар лагерю предоставляли трапезунтцы, которые хорошо приняли эллинов и в

знак гостеприимства послали им дары: быков, ячмень и вино. (24) Они также содействовали им при заключении договоров с соседни-

ми колхами, жившими по большей части на равнине, и от тех тоже прибыли дары гостеприимства в виде рогатого скота.

Книга VII

8. (12) Когда они около полуночи прибыли на место, находившееся в окрестностях замка, рабы и большая часть скота убежали, так как эллины не обратили на них внимания, стремясь захватить самого Асидата и его богатства. (13) Они пошли на приступ, но оказались не в состоянии взять замок, так как стены были толсты и высоки, с немалым количеством бойниц, а многочисленные защитники сражались храбро. (14) Тогда они попытались пробить стену, но она имела в толщину до 8 кирпичей. К утру пролом был готов, но как только образовался просвет, кто-то с внутрен-

ней стороны стены огромным копьём проколол насквозь бедро стоявшего всего ближе к нему эллина. Затем они (персы) стали пускать стрелы через отверстие и добились того, что было небезопасно даже подойти к нему на близкое расстояние. (15) На крики защитников и на зажженные ими для вызова помощи огни прибыли: Итаменей со своим отрядом, а из Команий – ассирийские гоплиты и около 80 гирканских всадников, тоже наемников царя, и еще до 800 пельтастов, а также конница из Парфения, Аполлонии и других близлежащих местностей.

Источник: Xenophontis expeditio Cyri / Ed. C. Hude, J. Peters. – Lipsiae, 1972; Ксенофонт. Анабасис. Перевод, вступительная статья и примечания М. И. Максимовой. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Воспитание Кира

Книга I

1. (4) И [Кир] настолько превосходил других царей, получивших власть по наследству или приобретших ее сами, что, в то время как скиф, хотя скифов очень много, не мог бы

подчинить себе никакого другого племени, но довольствовался, если бы правил, только своим племенем, Кир [напротив] ...властвовал над многими.

Книга V

3. (24) ...[Во время войны Кира-Старшего с ассирийцами] в походе приняли участие и кадусии, и саки, и гирканцы. Войска собралось

оттуда от кадусиев до 20 000 пелтастов и до 4000 всадников... потому что и кадусии и саки были врагами ассирийцев.

Воспоминания о Сократе

Книга II

1. (10) ...В Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны... [слова Сократа].

Я полагаю, однако, что во всяком организме мужество усиливается путем изучения и упражнения: очевидно, например, что скифы

и фракийцы не осмелятся вступить в бой с лакедемонянами со щитами и копьями в руках, но также ясно, что и лакедемоняне не захотят сражаться ни с фракийцами посредством пелт и дротиков, ни со скифами посредством луков.

Об охоте

2. (4) Опускные сети должны делаться из тонкого фасианского или карфагенского льна, а также и дорожные и полевые...

Примечания

¹ Многие издатели «Анабасиса» (Гемоль и др.) считают слово «скифские» позднейшей вставкой редакторов, и, по-видимому, с полным правом, так как на протяжении всего рассказа о походе наемников Кира (начиная с III: III, 7) речь идет всегда о лучниках-критянах, а скифы нигде, кроме этого места, не упоминаются (см. также III: IV, 17).

² Упоминаемое многими античными авторами племя скифинов обитало в горной местности к югу от Трапезунта. По всей вероятности, то были по-

томки осевших в этих местах скифов, вторгшихся в Малую Азию из Прикубанья в конце VIII в. В отличие от большинства других племен этой области, скифины во времена Ксенофонта уже имели значительные города, как, например, упоминаемую в «Анабасисе» Гимниаду. О скифах в Передней Азии см.: Б. Б. Пиотровский. Урарту. – Ереван. 1944: 295-324.

³ Местоположение этого города не определено. Судя по общему направлению похода наемников

Кира, он находился в Байбуртской котловине, около того места, где многочисленные мелкие речки – истоки Гарпаса (Чороха) – сливаются в одну реку (см. RE: Hymnias). Акад. Я. А. Манандян в своей работе «О некоторых проблемах истории древней Армении и Закавказья» (М.-Л., 1943: 50 сл.) в связи с предполагаемым им маршрутом греков отождествляет Гимниаду с Гюмри в Армении.

⁴ Так как Ксенофонт не называет имени враждебного скифского племени, через земли которых повел эллинов проводник из Гимниады, то прихо-

дится предположить, что это тоже были скифины, которые враждовали со скифами Гимниады.

⁵ Диодор (XIV, 29) называет эту гору «Хений». Местоположение горы не поддается определению. Путь эллинов от Гимниады через земли скифинов, макронов и колхов (см. сл. примечания) к Трапезунту может быть намечен лишь приблизительно. По всей вероятности, он шел по единственно доступному в этих краях перевалу через Северо-Анатолийские горы – перевалу Зигана.

Источник: Вестник древней истории, 1968, № 4; ср.: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 2.

Платон

Πλάτων – Platon

Платон (428/427–348/347 до н. э.), греческий философ и поэт. Родился в Афинах в знатной семье. Настоящее имя – Аристокл. Прозвище Платон ‘широкоплечий’ получил в молодости, будучи борцом. Получил прекрасное образование. Слушал, возможно, лекции гераклитика Кратила, знал популярные в Афинах сочинения Анаксагора, был слушателем Протагора и других софистов. В 407 г. стал учеником Сократа и после первой же беседы с ним сжег свою трагическую тетралогия, подготовленную для ближайших Дионисий. В течение восьми лет неизменно следовал за любимым учителем, пока в 399 г. Сократ по приговору суда принял яд в афинской тюрьме. Убедившись в неотвратимости приговора учителю и опасаясь за собственную жизнь, Платон бежал из Афин в Мегару, затем уехал в Египет и Кирену (где встретился с Аристиппом и математиком Феодором), а оттуда то ли прямо в Южную Италию – колыбель элеатизма (Парменид, Зенон Элейский) и пифагорейства (Пифагор), то ли ненадолго возвратился в Афины и лишь после поехал в Италию. В Таренте посетил известного пифагорейца Архита, а в Локрах – Тимея. Около 388 г. Платон уехал на Сицилию, в Сиракузы, где правил Дионисий I Старший. Приверженцем философии Платона стал Дион, родственник Дионисия, но Платон поссорился с тираном, и тот удалил его из государства. По возвращении в Афины основал там первую философскую школу – знаменитую «Академию».

В 367 г. в Сиракузах умер Дионисий Старший, и Платон, по просьбе Диона, вновь приехал ко двору сиракузских тиранов в надежде, что новый правитель Дионисий Младший поддастся его влиянию и что он таким образом воплотит в жизнь мечту о философе на троне и о государстве, управляемом мудрым и

справедливым царем. Но миссия не удалась. Дионисий Младший сначала гостеприимно принял философа и заинтересовался его учением, но в конце концов вынудил Платона покинуть Сицилию, а Диона, подозревая в заговоре, приговорил к изгнанию. В 361 г. Платон предпринял третье и последнее путешествие на Сицилию по просьбе Диона и пифагорейцев, но тиран не только отказался возвратить Диона, но и конфисковал его имущество. Удерживаемый в Сиракузах насильно, Платон только при содействии Архита смог покинуть государство. Возвратившись в Афины, он до самой смерти руководил «Академией».

До нас дошли, вероятно, все учения произведения Платона, поделенные на 9 тетралогий, которые наглядно демонстрируют развитие философии Платона и ныне объединяются в четыре последовательные группы: сократические, средние (платонические и среднеплатонические) и поздние: 1) «Евтифрон», «Аialogия Сократа», «Критон», «Феаг», «Лакхет», «Лисид», «Хармид», «Протагор», «Алквиад I», «Алквиад II»; 2) «Горгий», «Менон», «Евтидем», «Кратил», «Гиппий Меньший», «Гиппий Большой», «Ион», «Менексен»; 3) «Теэтет», «Софист», «Парменид», «Филеб», «Пир», «Федр», «Федон», «Тимей», «Критий»; 4) «Государство», «Политик», «Законы», «Послезаконие» и «Письма». Сохранилось также небольшое количество поэзий Платона.

В диалогах раннего периода главную роль играет Сократ. Дифференцируя этические понятия вместе со своими собеседниками, он указывает, какие определения не следует принимать за истинные, разбивает аргументы противника, возобновляет попытки, ни одна из которых его не удовлетворяет, и в конце концов оставляет вопрос открытым (на это

впоследствии будут ссылаться скептики). Здесь еще нет речи об идеях.

Диалоги среднего периода представляются наиболее зрелыми в художественном отношении («Пир», «Федр», «Государство»), их отличают четкость композиции и поэтическое вдохновение. Платон формулирует в них принципы своего идеализма, выразителем которого он делает Сократа.

Произведения позднего периода содержат модифицированное учение об идеях (концепция Мировой Души – «Филеб», «Тимей»). Сократу в них принадлежит роль слушателя, а в Законах он и вовсе не появляется.

Все философские сочинения Платона, кроме «Апологии Сократа» и «Писем», являются диалогами. Платон считается творцом этого жанра литературной прозы.

Подробнее см.: А. Ф. Лосев. Платон // Большая советская энциклопедия; Большая Российская энциклопедия; Античные писатели. Словарь. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999.

Платон

Диалоги

Лакет

Перевод С. Я. Шейнман-Топштейн

Лакет. Но, клянусь Зевсом, Сократ, это не трудно сказать. Если кто добровольно остается в строю, чтобы отразить врагов, и не бежит, знай, это и есть мужественный человек.

Сократ. Ты хорошо сказал, Лакет. Но, быть может, моя вина в том, что я неясно выразился, ибо ты ответил не на задуманный мною вопрос, но совсем другое.

Лакет. Что ты имеешь в виду, Сократ?

Сократ. Скажу, если только сумею. По-видимому, мужествен тот, кто, по твоим словам, оставаясь в строю, продолжает сражаться с врагами.

Лакет. Да, я так утверждаю.

Сократ. Я тоже. Ну а если он, убегая и не оставаясь в строю, продолжает сражаться с врагами?

Деятельность Платона в «Академии», которая стала школой будущих политиков и юристов, три его путешествия в Сиракузы и два величайших произведения «Государство» и «Законы» свидетельствуют, что одну из главных задач своей жизни он видел в работе по исправлению государственного устройства. Теорию идеального государства он полнее всего представил в «Государстве» и развил в «Законах». Государство должно служить идеям мира и справедливости. В соответствии с тремя основными его функциями (управление, защита и производство материальных благ) население делится на три касты: правящие мудрецы-философы, воины и ремесленники. Справедливое государственное устройство должно обеспечить их гармоничное сосуществование.

Лакет. Как это – убегая?

Сократ. А вот как скифы, о которых говорят, что они, убегая, сражаются не хуже, чем преследуя. Также и Гомер, восхваляя в одном месте лошадей Энея, говорит, что они, устремляясь во всех направлениях, (В) способны были “и преследовать, и в страхе нестись прочь”. И самого Энея он восхваляет за понимание того, что такое страх, и называет его “насылателем страха”.

Лакет. И прекрасно называет, Сократ, ибо Гомер говорит о боевых колесницах, а ты говоришь о скифских всадниках. Но это ведь скифская конница так сражается, я же говорю о тяжеловооруженной пехоте эллинов.

Источник: Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986.

Хармид

Перевод С. Я. Шейнман-Топштейн

А я, почувствовав его одобрение, воспрянул духом, и вскоре ко мне вернулась моя отвага; я оживился и сказал:

– Итак, мой Хармид, подобным же образом обстоит дело и с этим заговором. Научился же я ему, когда находился там, при войске, у не-

кого фракийского врача из учеников Залмоксида¹: считается, что врачи эти дают людям бессмертие. Так вот, фракиец этот говорил, будто эллинские врачи правильно передают то, что я тебе сейчас поведал; но Залмоксид, сказал он, наш царь, будучи богом, гово-

рит: “Как не следует пытаться лечить (Е) глаза отдельно от головы и голову – отдельно от тела, так не следует и лечить тело, не леча душу, и у эллинских врачей именно тогда бывают неудачи при лечении многих болезней, когда они не признают необходимости заботиться о целом, а между тем если целое в плохом состоянии, то и часть не может быть в порядке. Ибо, – говорит он, – всё – и хорошее и плохое – порождается в теле и во всем человеке душою, и именно из нее все проистекает, точно так же как в глазах все проистекает от головы. Потому-то и надо прежде всего и преимущественно лечить душу, если хочешь, чтобы и голова и все остальное тело хорошо себя чувствовали. Лечить же душу, дорогой мой, должно известными заклинаниями, последние же представляют собой не что иное, как верные речи: от этих речей в душе укореняется рассудительность, а ее укоренение и присутствие облегчают внедрение здоровья и в области головы, и в области всего (В) тела”. Так он наставлял меня и относительно лекарства и относительно заговоров: мол, пусть никто не вздумает убеждать тебя излечить ему голову с помощью этого лекарства, если он прежде не даст тебе подлечить с помощью заговора его душу. “Ныне, – сказал он, – распространенной среди людей ошибкой является попытка некоторых из них лечить либо одним из этих средств, либо другим”. И он наказывал весьма настойчиво, чтобы я не поддавался на уговоры ни богатых людей, ни знатных, ни красивых и не поступал бы вопреки этому (С) наставлению. Я же послушаюсь его (ведь я поклялся ему, так что мне необходимо повиноваться!), и если ты пожелаешь, согласно наставлениям чужеземца, сначала предоставить мне душу, чтобы заговорить ее заговором фракийца, то я присовокуплю к этому и лекарство для головы; если же не пожела-

ешь, то у меня нет средства помочь тебе, мой милый Хармид...

– Это и справедливо, Хармид, – отозвался я, – чтобы ты отличался всем этим от других: думаю, никто (Е) из присутствующих здесь не смог бы легко указать, какие два афинских семейства, соединившись, естественно произвели бы на свет более доблестное и знатное потомство, чем те, из которых ты происходишь. Ведь по отцу твоя семья ведет свой род от Крития, сына Дропида, и прославлена Анакреонтом, Солоном и многими другими поэтами (так гласит предание) за свою красоту, добродетель и другие так называемые дары богов. И со стороны матери у тебя то же самое: никто на земле не слышет более красивым и статным мужем, чем дядя твой Пириламп, многократно ездивший послом к Великому царю и другим правителям; да и вся семья ни в чем не уступает никакому другому роду. Поэтому тебе, происходящему от таких людей, подобает во всем быть первым. Что касается твоего внешнего (В) вида, милый сын Главкона, то мне кажется, ты решительно никому ни в чем не уступаешь; если же ты, как говорит нам Критий, уродился достойным человеком и по своей рассудительности и в отношении других своих качеств, то счастливец родила тебя твоя мать, мой милый Хармид. Дело обстоит вот каким образом: если тебе уже присуща рассудительность, как сказал Критий, и ты достаточно разумен, ты не нуждаешься в этом случае ни в каком заговоре – ни в Залмоксидовом, ни в том, какой есть у Абариса-гиперборейца², но нужно просто дать тебе лекарство от головы; если (С) же тебе кажется, что ты нуждаешься в заговорах, то надо произнести заговор до приема лекарства. Скажи же мне сам, согласен ли ты с Критием в том, что ты уже причастен рассудительности, или тебе ее все-таки недостает?

Источник: Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986.

Горгий

Перевод С. П. Маркиша

Калликл. Сократ, мне кажется, ты озорничаешь в речах, совсем как завзятый оратор. Вот и теперь ты так ораторствовал, и с Полем произошло то же самое, что, как он говорил, по твоей милости случилось с Горгием: когда ты спрашивал Горгия, что будет, если к нему придет человек, который хочет изучить красноречие, но что такое справедливость, не знает, – объяснит (Д) ли ему это Горгий, – тот за-

стыдился и, подчинившись людскому обычаю, отвечал, что да, потому что люди возмущались бы, если бы кто отвечал иначе; а признав это, он потом оказался вынужден противоречить самому себе, а ты и радовался. Так что, мне кажется, Пол был прав, когда насмеялся над тобою.

А теперь он на себе испытал то же самое, и за что я порицаю Пола, так это за то, что он со-

гласился с тобою, будто чинить несправедливость постыднее, чем терпеть. (Е) Уступив в этом, он в свою очередь оказался стреножен и взнуждан и умолк, застыдившись открыть то, что у него на уме. И ведь верно, Сократ, под предлогом поисков истины ты на самом деле утомляешь нам слух трескучими и давно избитыми словами о том, что прекрасно совсем не по природе, но только по установившемуся обычаю.

Большую частью они противоречат друг другу, природа и обычай, и потому, если кто стыдится и не решается говорить, что думает, тот неизбежно впадает в противоречие. Ты это заметил и используешь, коварно играя словами: если с тобою говорят, имея в виду обычай, ты ставишь вопросы в согласии с природой, если собеседник рассуждает в согласии с природой, ты спрашиваешь, исходя из обычая. Так было и только что, когда вы говорили о несправедливости, которую причиняют и терпят, и Пол толковал о том, что более постыдно по обычаю, ты же упорно переносил его доводы с обычая на природу. По природе все, что хуже, то и постыднее, безобразнее, например – терпеть несправедливость, но (В) по установившемуся обычаю безобразнее поступать несправедливо. Ежели ты доподлинно муж, то не станешь терпеть страдание, переносить несправедливость – это дело раба, которому лучше умереть, чем жить, который терпит несправедливости и поношения потому, что не в силах защитить ни себя самого, ни того, кто ему дорог. Но, по-моему, законы как раз и устанавливают слабосильные, а их большинство. Ради себя и собственной выгоды устанавливают они законы, расточая и похвалы, и порицания. Стараясь запугать (С) более сильных, тех, кто способен над ними

возвыситься, страшась этого возвышения, они утверждают, что быть выше остальных постыдно и несправедливо, что в этом как раз и состоит несправедливость – в стремлении подняться выше прочих. Сами же они по своей ничтожности охотно, я думаю, довольствовались бы долею, равную для всех.

Вот почему обычай объявляет несправедливым и постыдным стремление подняться над толпою, и это (D) зовется у людей несправедливостью. Но сама природа, я думаю, провозглашает, что это справедливо – когда лучший выше худшего и сильный выше слабого. Что это так, видно во всем и повсюду и у животных, и у людей, – если взглянуть на города и народы в целом, – видно, что признак справедливости таков: сильный повелевает слабым и стоит выше слабого. По какому праву (Е) Ксеркс двинулся походом на Грецию, а его отец – на скифов? (Таких примеров можно привести без числа!) Подобные люди, думаю я, действуют в согласии с самою природою права и – клянусь Зевсом! – в согласии с законом самой природы, хотя он может и не совпадать с тем законом, какой устанавливаем мы и по какому стараемся вылепить самых лучших и решительных среди нас.

Мы берем их в детстве, словно львят, и приручаем заклинаньями и ворожбою, внушая, что все должны быть равны и что именно это прекрасно и справедливо. Но если появится человек, достаточно одаренный природою, чтобы разбить и стряхнуть с себя все оковы, я уверен: он освободится, он втопчет в грязь наши писания, и волшебство, и чародейство, и все противные природе законы, и, воспрянув, явится перед нами владыкою бывший наш раб, – вот тогда-то и просияет справедливость природы! (В)

Источник: Платон. Собр. соч. в 3-х томах. Том 1. – М.: Мысль, 1968.

Евтидем

Перевод С. Я. Шейнман-Топштейн

Примечания А. А. Тахо-Годи

– Значит, ты признаешь, что золото – это благо?

– Уже признал ведь, – отвечал тот.

– Значит, его нужно иметь повсюду, и особенно – (Е) в себе самом? И счастливейшим был бы тот человек, который имел бы три таланта золота в желудке, один талант – в черепахе и по золотому статеру в каждом глазу?

– Да ведь рассказывают же о скифах, Евтидем, – молвил тут Ктесипп, – в точности как

ты сейчас говорил о родителе-псе, что достойнейшими и счастливейшими из них считают-ся те, у кого много золота в черепахах, а еще удивительнее, что и пьют они из своих собственных позолоченных черепов, держа собственные головы в руках и заглядывая им внутрь³.

– Ну а смотрят-то и скифы, и все прочие люди, – спросил Евтидем, – на то, что им доступно видеть или недоступно?

– Конечно, на то, что доступно.

– Значит, и ты также?

– И я.

Источник: Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986.

Менексен

Перевод С. Я. Шейнман-Топштейн

Примечания А. А. Тахо-Годи

Менексен. И ты мог бы вспомнить, что говорила Аспазия?

Сократ. Если не ошибаюсь, да. Ведь я учился у (С) нее и вполне мог заслужить от нее побои, если бы проявил забывчивость.

Менексен. За чем же дело стало?

Сократ. Я опасаясь, как бы не рассердилась моя наставница, если я разглашу ее речь.

Менексен. Не беспокойся об этом, Сократ, и говори; ты доставишь мне величайшую радость, если произнесешь речь – принадлежит ли она Аспазии или кому другому. Говори же!

Сократ. Но, быть может, ты надо мной посмеешься, если тебе покажется, что я, старик, все еще склонен к забаве.

Менексен. Менее всего, Сократ; говори же, как тебе угодно.

Сократ. Ну что ж, я готов доставить тебе (D) удовольствие, даже, верно, согласился бы, коли ты велишь, танцевать для тебя раздетым⁴, лишь бы мы были одни. Но слушай; мне думается, она, начав с самих павших, говорила следующим образом:

“Мы отдали им положенный долг, и, приняв его, они следуют теперь дорогой судьбы, сопровождаемые как всем городом, так и своими близкими. Закон и наш (Е) долг повелевают нам воздать им в слове последнюю честь. Красиво сказанная речь о прекрасных деяниях остается в памяти слушающих, к чести и славе тех, кто эти дела свершил. Необходимо сказать такое слово, кое достаточно прославило бы погибших, а живых благожелательно убеждало подражать доблести павших; к этому следует призывать их потомков и братьев, отцам же и матерям, а также живым еще родичам старшего поколения доставлять утешение. Какой же именно представляется нам подобная речь? И с чего будет правильным начать похвалу храбрым мужам, при жизни радовавшимся своей доблестью близких и избравшим кончину вместо благополучной жизни? Мне представляется, что воздавать им хвалу естественно в соответствии с их природой: они родились людьми достойными. А родились они такими потому, что произошли от достойных. Итак, восславим прежде всего благородство их по рождению, а затем их вос-

питание и образованность. Вслед за этим мы покажем, как выполняли они (В) свой долг, и это явит их доблестные дела во всем их великолепии.

В основе их благородства лежит происхождение их предков: они не были чужеземцами и потому их потомки не считались метеками⁵ в своей стране, детьми пришельцев издалека, но были подлинными жителями этой земли, по праву обитающими на своей родине и вскормленными не мачехой, как другие, а родимой страной, кою они населяли; и теперь они, пав, покоятся в (С) родимых местах той, что их произвела на свет, вскормила и приняла в свое лоно. По справедливости прежде всего надо прославить эту их мать: вместе с тем будет прославлено и благородное их рождение.

Земля наша достойна хвалы от всех людей, не только от нас самих, по многим разнообразным причинам, но прежде и больше всего потому, что ее любят боги. Свидетельство этих наших слов – раздор и решение богов, оспаривавших ее друг у друга⁶. Разве может (D) земля, коей воздали хвалу сами боги, не заслужить по праву хвалы всех людей? Другой справедливой похвалой будет для нее то, что во времена, когда вся земля производила и взращивала всевозможных животных – зверье и скот, наша страна явила себя девственной и чистой от диких зверей: из всех живых существ она избрала для себя и породила человека, разумением своим превосходящего остальных и чтящего лишь богов и справедливость. Самым значительным (Е) свидетельством моих слов является то, что земля наша породила предков вот этих павших, а также и наших. Любое родящее существо располагает пищей, полезной тем, кого оно порождает, что и отличает истинную мать от мнимой, подставной, коль скоро эта последняя лишена источников, кои питали бы порожденное ею. Наша мать-земля являет достаточное свидетельство того, что она произвела на свет людей: она первая и единственная в те времена приносила пшеничные и ячменные злаки – лучшую и благороднейшую пищу для людей,

и это значит, что она сама породила человеческое существо.

Подобное свидетельство еще более весомо в отношении земли, чем в отношении женщины: не земля подражает женщине в том, что она беременеет и рождает, но женщина – земле. При этом земля наша не пожадничала и уделила свой плод другим. После того она (В) породила оливу – помощницу в трудах для своих детей. Вскормив и взрастив их до поры возмужалости, она призвала богов в качестве их наставников и учителей. Имена их не подобает здесь называть (ведь мы их знаем!); они благоустроили нашу жизнь, учредили каждодневный ее уклад, первыми обучили нас ремеслам и показали, как изготавливать оружие и пользоваться им для защиты нашей земли.

Рожденные и воспитанные таким образом, предки погибших жили, устроая свое государство, о котором надо здесь вкратце упомянуть. Ведь государство растит (С) людей, прекрасное – хороших, противоположное – дурных. Поскольку наши предшественники воспитывались в прекрасном государстве, то с необходимостью становится ясным, что именно благодаря этому доблестны наши современники, к числу которых принадлежат и павшие. Само наше государственное устройство и тогда было и ныне является аристократией: эта форма правления почти всегда господствовала у нас, как и теперь. Одни называют ее демократией, другие еще (D) как-нибудь – кто во что горазд, на самом же деле это правление лучших⁷ с одобрения народа. У нас ведь всегда есть басилевсы⁸ – иногда это цари по рождению, иногда же выборные; а власть в государстве преимущественно находится в руках большинства, которое неизменно передает должности и полномочия тем, кто кажутся лучшими, причем ни телесная слабость, ни бедность, ни безвестность предков не служат поводом для чьего-либо отвода, но и противоположные качества не являются предметом почитания, как в других городах, и существует только одно мерило: властью обладает и правит тот, кто слывет доблестным или мудрым. В основе такого общественного устройства лежит (Е) равенство по рождению. В других городах собраны самые различные люди, поэтому и их государственные устройства отклоняются от нормы – таковы тирании и олигархии; города эти населяют люди, считающие других либо своими господами, либо рабами. Мы же и все наши люди, будучи бра-

тями, детьми одной матери, не признаем отношений господства и рабства между собою⁹; равенство происхождения заставляет нас стремиться к равным правам для всех, основанным на законе, и повиноваться друг другу лишь в силу авторитета доблести и разума.

Поэтому, воспитанные в условиях полной свободы, отцы погибших и наши отцы, а также и сами эти люди явили всем нам множество прекрасных дел как в частной жизни, так и на общественном поприще, ибо они считали необходимым сражаться за свободу эллинов как с эллинами, так и с варварами – в защиту всех (В) эллинов. Слишком мало у меня времени, чтобы достойным образом рассказать о том, как они сражались с Евмолпом и амазонками, нападшими на нашу землю, или как еще раньше они бились на стороне аргивян против кадмейцев и на стороне Гераклидов против аргивян¹⁰: поэты уже воспели в прекрасных стихах их доблесть, сделав ее достоянием всех. И если мы попытаемся восхвалить те же деяния обыкновенным слогом, то (С) скорее всего зайдем лишь второе место. Итак, мне представляется лучшим это оставить, ибо делам этим была уже отдана достойная дань. Но то достойное славы, по поводу чего еще ни один поэт не высказался достойным образом и что покоится пока в забвении, – о нем, думается мне, следует напомнить, почтив эти деяния хвалой, дабы побудить других изложить их в песнях и поэмах иного вида, подобающим для свершивших эти деяния образом. Я имею в виду прежде всего следующее: когда персы стали правителями Азии и (D) вознамерились также поработить Европу, дети нашей земли – наши родители – преградили им путь; необходимо и справедливо в первую очередь вспомнить о них и восславить их доблесть. Но если кто хочет прославить ее достойно, пусть обратится мысленным взором к тем временам, когда вся Азия была рабыней третьего по счету царя: первым был Кир, который освободил персов и, обуянный гордыней, поработил как своих сограждан, (Е) так и прежних повелителей, мидян; он простер свою власть над всей Азией вплоть до Египта; сын его властвовал уже над Египтом и Ливией, насколько он мог в эти страны проникнуть; третий же царь, Дарий, расширил свои владения на суше вплоть до Скифии¹¹, а корабли его были хозяевами на море и островах, так что никто не мог и помыслить выступить против него. Сознание всех людей было подавлено: ведь Персидская

держава подчинила себе столько великих и искусных в войне народов.

Дарий, выдвинув против нас и эретрийцев ложное обвинение в коварных замыслах против Сард, выслал под этим предлогом корабли и грузовые суда с пятисоттысячным войском; военных кораблей было триста, под командованием Датиса, и Дарий распорядился, чтобы тот, если ему дорога его голова, возвратился с (В) пленными эретрийцами и афинянами. Датис направил свой флот к Эретрии, против воинов, более всех прославленных среди эллинов и немалых числом, в течение трех дней одолел их и обшарил всю эретрийскую землю, чтобы ни один эретриец от него не укрылся, причем сделал он это так: подступив к границам эретрийской земли, его воины, взявшись за руки, образовали цепочку от моря до моря и так прошли всю землю, дабы иметь возможность объявить царю, что никто не сумел от них убежать. Точно с таким же замыслом отправились они (С) из Эретрии к Марафону, словно не вызывало сомнений, что им удастся подобным же образом запрячь в ярмо афинян и увести их в плен вместе с эретрийцами. Когда замысел этот отчасти был приведен в исполнение, но делались еще попытки полного его осуществления, никто из эллинов не пришел на помощь ни эретрийцам, ни афинянам, кроме лакедемонян (причем эти последние явились на помощь на другой день после битвы); все остальные, уstraшенные, предпочли временную безопасность и не трогались с места. Если бы кто-нибудь из нас в это время там оказался, он бы познал, (D) сколь велика была доблесть тех, кто у Марафона встретили полчища варваров и, обуздав всеазиатскую гордыню, первыми водрузили трофеи в честь победы над ними; они стали вождями и наставниками для всех остальных, показав, что

могущество персов вполне сокруσιμο и что никакая людская сила и никакое богатство не могут противостоять доблести. Я утверждаю, что эти мужи не только дали нам жизнь, но и породили (Е) нашу свободу, да и не только нашу, но свободу всех жителей этого материка. Оглядываясь на их деяние, эллины проявляли отвагу и в последующих битвах за свою жизнь, став навсегда учениками сражавшихся при Марафоне.

Итак, высшая награда в нашем слове должна быть отдана этим последним, вторая же – тем, кто сражался и победил на море – при Саламине и Артемисии. И об этих людях многое можно было бы рассказать – о том, как они выстояли перед надвигавшейся с суши и с моря опасностью, и о том, как они ее отразили. Но я напомним лишь то, что мне представляется самым прекрасным их подвигом: они довершили дело, начатое бойцами при Марафоне. Марафонцы лишь показали эллинам, что их (В) небольшое число может на суше отразить полчища варваров; что же касается морских битв, это пока оставалось неясным: персы пользовались славой непобедимых моряков благодаря своей численности, богатому снаряжению, искусству и силе. И потому в особую заслугу мужам, сражавшимся в те времена на море, надо поставить то, что они рассеяли боязнь, существовавшую тогда среди эллинов, страшившихся огромного числа судов и людей.

Поэтому и те и другие – как сражавшиеся при Марафоне, так и те, что сражались в морском бою при (С) Саламине, – научили остальных эллинов умению и привычке не страшиться варваров как на суше, так и на море.

Источник: Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986.

Государство

Перевод А. Н. Егунова

Примечания А. А. Тахо-Годи

Книга IV

– Разве нам, – сказал я, – не приходится неизбежно признать, что в каждом из нас присутствуют как раз те же виды нравственных свойств, что и в государстве? Иначе откуда бы им там взяться?¹² Было бы смешно думать, что такое свойство, как ярость духа, развилось в некоторых государствах не отто-

го, что таковы там отдельные лица – носители этой причины: так обстоит дело с обитателями Фракии, Скифии и почти всех северных земель, а любознательностью отличаются в особенности наши края, корыстолюбие же замечается всего более у финикийян и у египтян¹³.

Книга X

600. (В) [Сократ.] А рассказывают ли о разных замысловатых изобретениях – в искусствах или других родах деятельности, – где Гомер выказал бы себя искусным на деле, как

люди передают о милетце Фалесе и о скифе Анахарсисе¹⁴?

[Главкон.] Ни в чем подобном Гомер не выделялся.

Источник: Платон. *Государство* // Платон. *Собр. соч. в 3-х томах. Т. 3.* – М., 1971.

Примечания

¹ Залмоксид (Залмоксис, Замолксис, Салмоксис) – легендарный ученик Пифагора, бывший раб, фракиец, гет или скиф, распространил, вернувшись на родину, пифагорейское учение и за свою праведную жизнь почитался бессмертным.

² Абарис, скиф или гипербореец, жрец Аполлона, получил, по преданию, от Аполлона золотую стрелу, с помощью которой летал по воздуху. Считался чудотворцем, пророком, целителем, аскетом.

³ Обычай золотить черепа умерших отцов и приносить им жертвы существовал у исседонов – соседей скифов.

⁴ Т. е. без верхней широкой одежды – хламиды, а может быть, и без гиматия, в одном хитоне.

⁵ Метеки, жившие в Афинах чужеземцы, не являлись гражданами Афин, их права и обязанности были ограничены. Они не имели, напр., права на покупку земельной собственности в Афинах.

⁶ Имеется в виду миф о споре Афины и Посейдона из-за владычества в Аттике. Посейдон выбил для афинян своим трезубцем из скалы источники воды, но зато Афина подарила им маслину, что решило спор в ее пользу.

⁷ *Правление лучших* – буквальный перевод слова «аристократия».

⁸ Ко времени Сократа и Платона в Афинах уже несколько сот лет не было басилевсов, т. е. царей. Последний царь, Кодр, потомком которого считался Платон, жил, по преданию, в XI в. В демократических Афинах существовали выборные архонты (девять человек), занимавшиеся только административной (но не политической) деятельностью.

⁹ Речь идет, разумеется, о признании равенства лишь между свободными гражданами. Вопрос о правомерности рабовладения не может ставиться под сомнение ни у Платона, ни у какого иного античного автора. Аристотель признает естествен-

ность рабского состояния человека, который даже отличается особым физическим складом, хотя и «является некоей частью господина, как бы одушевленной, хотя и отделенной частью его тела».

¹⁰ Евмолп, по преданию, сын Посейдона, ставший царем в Элевсине, сражался против афинян, которые победили врагов после того, как царь Эрехфей принес в жертву свою дочь. Амазонки, легендарные женщины-воительницы, обитавшие у озера Меотиды (Азовское море) и на реке Фермодонт в Малой Азии, известны своими походами по всей Малой Азии. О том, как после похода семерых вождей афиняне, мстя за погибших аргивян, выступили против кадмейцев, или фиванцев, рассказывает Геродот. Гераклидами называли детей и потомков Геракла. Когда царь Аргоса Еврисфей из-за ненависти к Гераклу потребовал выдачи его сыновей, афиняне отказались это сделать. Тогда Еврисфей вторгся в Аттику, но был разбит Тезеем.

¹¹ Сократ вспоминает греко-персидские войны (конец VI в. – 449 г.).

¹² Для Платона человек-микрокосм соответствует не только обществу, но также Вселенной-макрокосму; поэтому для человека и общества, хоть и в разной степени, характерен принцип автаркии. Как видно из дальнейших строк (441C-D), у Платона элементы души и соответствующие им нравственные качества отдельного человека типичны для целых государств и народов.

¹³ Фракия – крайний север Греции, на границе с Македонией. Скифия – причерноморские и приазовские земли, бывшие для греков далекими северными пределами. О Скифии см. Геродот, IV.

¹⁴ Анахарсис – легендарный скиф, прославившийся во время путешествия в Грецию своей мудростью и под влиянием Солона посвятивший себя философии. О нем сообщает Геродот (IV: 76).

Эсхин

Αἰσχίνης – Aeschines

Эсхин (390/389–314 до н. э.), греческий оратор. Родился в Афинах, в семье школьного учителя Атромета из дема Котокида. Известен как политический противник Демосфена и как его соперник в ораторском искусстве. В молодости Эсхин служил помощником секретаря, затем трагическим актером на третьих ролях. Как оратор сложился под влиянием Платона и Исократа (по другим данным – Алкидаманта). Политическую деятельность начал как противник македонского царя Филиппа II, но в 346 г. до н. э., будучи послом в Македонии, сблизился с Филиппом и в дальнейшем стал проводником его политики в Греции. С посольством 346 г. связан крупный

процесс 343 г. «О недобросовестно исполненном посольстве». До нас дошли как обвинительная речь Демосфена (XIX), обвинявшего Эсхина в подкупе, так и защитительная речь последнего (II). Процесс завершился оправданием Эсхина при незначительном большинстве голосов.

В 330 г., когда Ктесифонт предложил народному собранию Афин наградить Демосфена золотым венком за заслуги перед государством – в организации обороны Афин, особенно после проигранной битвы при Херонее в 338 г., Эсхин, принадлежавший к промакедонской партии, выступил против и на процессе «О венке» вновь оказался противником

Демосфена. Обе речи – Эскина против Ктесифонта (III) и Демосфена за Ктесифонта (XVIII) – сохранились. Эскиново обвинение не собрало и пятой части голосов судей. Это грозило обвинителю штрафом в тысячу драхм за лож-

ное обвинение, лишением права выступать в народном собрании и означало конец политической карьеры. После этого оратор переселился на о. Родос, где преподавал риторику. Умер Эсхин в возрасте 75 лет на о. Самосе.

Подробнее см.: Л. А. Пальцева. Введение // Материалы по истории Причерноморья в античную эпоху. Ч. I: Исократ и Эсхин / Сост. Л. А. Плетнева. – СПбГУ, 2001.

Эсхин

II. О недобросовестно исполненном посольстве

Перевод К. Нейлисова в версии Э. Д. Фролова

(78) Ведь наш отец Атромет, которого ты бранишь, не зная его и невзирая на его возраст (и это ты-то, Демосфен, происходящий по матери от кочевых скифов!) – бежал в период правления Тридцати и участвовал в вос-

становлении демократии¹...

(173) В это время² мы укрепили Пирей и

построили северную стену, соорудили сто триер сверх уже имеющихся, организовали отряд из трехсот всадников, купили триста скифов³, и имели прочный демократический строй.

(180) ...и я прошу спасти меня и не предать логографу и скифу⁴...

Источник: Материалы по истории Причерноморья в античную эпоху.

Ч. I: Исократ и Эсхин / Сост. Л. А. Плетнева. – СПб.: СПбГУ, 2001.

III. Против Ктесифонта

Перевод К. Нейлисова в версии Л. М. Глускиной

(128) ...Собравшись, они⁵ решили идти войной на жителей Амфиссы⁶ и стратегом избрали Коттифа из Фарсала, который проводил голосование по этому постановлению, в то время как Филипп находился не в Македонии и не в Элладу направился, а отсутствовал столь долго в Скифии.

(129) ...Таким образом они совершили уже второй поход на Амфиссу, много времени спустя, когда Филипп вернулся из похода на скифов⁷.

(171) Отцом его⁸ был Демосфен из дема Пеанея, человек свободный (ибо не следует лгать); а что касается матери и деда со стороны матери, об этом я расскажу. Был некто Гилон из дема Керамеи⁹. Предав врагам Нимфей в Понте (поскольку наш город владел тогда этим местом), он бежал из города от обвинения, будучи приговоренным к смерти и не до-

жидаясь суда; прибыл на Боспор и там получил в дар от тиранов так называемые Кепы.

(172) В жены он взял женщину богатую – клянусь Зевсом – и принесшую в приданое много золота, но по происхождению скифянку. От нее было у него две дочери, которых он, отослав сюда с большими деньгами, выдал замуж, одну – за некоего человека, имя которого я не назову, чтобы не вызвать к себе ненависть у многих¹⁰, а на другой [по имени Клеобула. – А. Г.] женился, невзирая на государственные законы, Демосфен из дема Пеанея. От нее и появился у вас этот делец и сикофант Демосфен. Следовательно, уже по деду он был бы врагом народа, ибо предки его были приговорены к смерти¹¹; по матери же он – скиф, варвар, говорящий по-гречески, вследствие чего и порочность его – не местного происхождения.

Примечания

¹ Речь идет о событиях 404–403 гг. до н. э. в Афинах.

² Имеется в виду период Пятидесятилетия, начавшийся после освобождения Греции от персов в 479 г. до н. э.

³ Отряд скифов-лучников, выполнявших в Афинах полицейские функции, о котором сообщает и Андокид (III, 5).

⁴ То есть Демосфену.

⁵ Города – члены Дельфийской амфикионии.

⁶ Амфисса – город в Локриде Озольской, жители которого совершили святотатство, распахав часть священных земель. Это событие стало причиной так называемой Священной войны.

⁷ Узнав о начавшейся Священной войне, Филипп быстро отвел свои войска с севера и неожиданно появился в Средней Греции. В 338 г. до н. э. при Херонее произошло решающее сражение между армией Филиппа и коалицией греческих полисов.

⁸ Речь идет об ораторе Демосфене.

⁹ *Керамеи* – аттический дем филы Акамантиды. Гилона, своего деда со стороны матери, Демосфен упоминает в речи против Афоба (XXVIII: 3). По его словам, Гилон умер в Афинах.

¹⁰ По Демосфену (XXVIII: 3), мужем сестры его матери был некий Демохар.

¹¹ С опровержением версии Эсхина о предательстве Гилона в свое время выступил С. А. Жебелев в статье «Боспорские этюды» (см.: С. А. Жебелев.

Северное Причерноморье. – М.-Л., 1953). По его мнению, описанные выше события вымышлены Эсхином с целью скомпрометировать Демосфена. Это как будто находит подтверждение в речи Демосфена против Афоба, показывающей, что Гилон окончил жизнь в Афинах, не подвергаясь преследованию властей. Ср.: Д. П. Каллистов. Измена Гилона // ВДИ, 1950, № 1: 27 сл.; И. Б. Брашинский. Афины и Северное Причерноморье. – М., 1963: 73.

Источник: Материалы по истории Причерноморья в античную эпоху.

Ч. I: Исократ и Эсхин / Сост. Л. А. Плетнева. – СПбГУ, 2001.

Аристотель

Ἀριστοτέλης – Aristoteles

Аристотель (384–322 до н. э.), греческий философ. Родился в греческой колонии Стагира (отсюда прозвище Стагирит) во Фракии. Его отец был придворным врачом македонского царя. С 367 Аристотель жил в Афинах, где в течение 20 лет учился в Академии Платона. В 343 был приглашен македонским царем Филиппом II в качестве воспитателя принца Александра. В 335 вернулся в Афины, где основал перипатетическую школу, получившую от близлежащего храма Аполлона Ликейского название Ликей (греч. Λύκειον) и просуществовавшую 8 столетий. После смерти Александра Македонского ввиду роста освободительного движения покинул Афины и годом спустя умер в г. Халкиде.

Труды Аристотеля охватывают логику, психологию, естествознание, историю, политику, этику и эстетику. Аристотель – основоположник формальной логики, создатель силлогистики. «Первая философия» Аристотеля, позднее названная «Метафизикой», содержит учение об основных принципах бытия: возможности и осуществлении, форме и материи, действующей причине и цели. Колесился между материализмом и идеализмом; идеи (формы, эйдосы) – внутренние движу-

щие силы вещей, неотделимые от них. Источник движения и изменчивого бытия – вечный и неподвижный “ум”, нус – перводвигатель. Ступени природы: неорганический мир, растение, животное, человек. “Ум”, разум отличает человека от животного. Центральный принцип этики – разумное поведение, умеренность – метриопатия. Человек – существо общественное. Наилучшие формы государства – монархия, аристократия, “политика” (умеренная демократия), наихудшие – тирания, олигархия, охлократия (господство толпы). Суть искусства – подражание (мимесис), цель трагедии – “очищение” духа (катарсис).

Основные сочинения Аристотеля: логический свод «Органон» («Категории», «Об истолковании», «Аналитики» 1-я и 2-я, «Топика»), «Метафизика», «Физика», «О возникновении животных», «О душе», «Этика», «Политика», «Риторика», «Поэтика».

К сожалению, непосредственно относящееся к нашей проблематике сочинение Аристотеля «Νόμιμα βαρβαρικά» – «Варварские (чужестранные) обычаи» не сохранилось, а потому приходится довольствоваться фрагментарными сведениями о народах Великой Степи, приводимыми по случаю в других сочинениях.

Подробнее см.: Г. Ф. Александров. Аристотель //

Большая советская энциклопедия. 2-е изд. – М.: БСЭ, 1950.

Аристотель

Никомахова этика

Перевод Н. Брагинской

Книга III

5. (III) Обо всем ли принимается решение и все ли предмет решения или же для некоторых [вещей] решение невозможно? Предметом решения, вероятно, следует называть не то, о чем может принять решение какой-ни-

будь глупец или безумец, но то, о чем его принимает разумный человек. Никто не принимает решения о вечном, скажем о космосе или о несоизмеримости диаметра и стороны квадрата, а также и о том, что, изменяясь, всегда

изменяется одинаково, будь то по необходимости, или по природе, или по какой-то иной причине (как, например, солнцевороты или восходы). Не принимают решений ни о том, что всякий раз бывает по-разному (как засухи и дожди), ни о случайном (как, например, находка клада). Но и о человеческих делах не

обо всех без исключения принимают решения (скажем, никто из лакедемонян не решает, какое государственное устройство было бы наилучшим для скифов, ибо здесь ничего от нас не зависит). А принимаем мы решения о том, что зависит от нас и осуществляется в поступках...

Книга VII

6. (V) Если некоторые вещи доставляют удовольствие по природе в разных смыслах: одни – в безусловном, другие – в зависимости от рода животных и людей, а [некоторые доставляют его не по природе], но одно – в силу уродств, другое – в силу привычек, третье – по испорченности естества, [или природы], то и для каждого из названных случаев тоже можно обнаружить наиболее близкие им склады [души]. Последние же я называю звероподобными складами, например: существо женского пола, о котором рассказывают, что оно, взрезав беременных, пожирает детей; или тех, кто наслаждаются (как рассказывают о некоторых из дикарей, живущих у Понта) сырым или человеческим мясом; или тех, кто одалживают друг другу детей для праздничной трапезы; или то, что рассказывают о Фалариде.

8. (VII) В обращении с удовольствиями и страданиями, а также с влечениями и избеганиями, обусловленными осознанием и вкусом, по отношению к которым ранее были даны определения распушенности и благоразумия,

можно иметь такой [склад], что уступает даже тем [влечениям и удовольствиям], над которыми большинство возвышается, а можно одержать верх даже над теми, коим большинство уступает... С воздержанностью и невоздержанностью дело обстоит сходным образом. В самом деле, не удивительно, если человек уступит сильным и чрезмерным удовольствиям или страданиям; напротив, он вызывает сочувствие, если противится им так, как укушенный змеей Филоктет у Феодекта, или как Керкион в «Алопе» Каркина, или как те, что, пытаясь сдержать смех, раздражаются взрывом хохота, как случилось с Ксенофантом. Удивляет, причем не вызывает сочувствия, если человек уступает и не может противиться таким вещам, которым большинство способно противостоять, причем это не обусловлено ни его природой, передающейся по наследству, ни болезнью, как, например, наследственная изнеженность царей скифов, ни, [наконец], такими [причинами], по каким женский пол уступает мужскому...

Источник: Аристотель. Никомахова этика / Перевод Нины Брагинской. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1997.

Метеорология¹

Книга I

10. (6) Роса бывает при южных *ветрах*, а не при северных, повсюду, кроме Понтийских стран; здесь наоборот: при северных *ветрах* бывает, а при южных не бывает. Причина этого явления – та же, по которой *роса* бывает в жаркое время, а зимою не бывает: южный ветер производит жар, а северный – холод: он холоден, так что своим холодным дуновением уничтожает теплоту. (7) А в Понте южный ветер не производит такого жара, при котором бы поднимались испарения, тогда как северный, отовсюду окружая *страну* холодом, собирает теплоту, так что скорее происходит сильное испарение.

13. (15) В Азии, как мы видим, множество огромнейших рек течет с горы, называемой Парнассом², а она признается величайшею из

всех гор с юго-восточной стороны: когда перейдешь ее, уже видно внешнее море, пределы которого неизвестны жителям здешних стран. (16) С этой горы текут, между прочим, Бактр, Хоасп и Аракс³, от последнего отделяется в виде рукава Танаис в *Меотийское* озеро⁴. С нее же течет и Инд, самая многоводная из всех рек. (17) А с Кавказа, кроме многих других рек, выдающихся количеством и величиной, течет Фасис. Кавказ и по величине и по высоте самый большой из горных хребтов с северо-восточной стороны. (18) Доказательством его высоты служит то, что он виден с так называемых пучин и при входе в *Меотийское* озеро; кроме того, его вершины ночью освещаются солнцем до третьей ее части как перед зарей, так и с вечера; доказательств

вом же его громадности служит то, что хотя в нем много долин, в которых живет много народов, и есть, говорят, большие озера, но все-таки все эти долины, говорят, ясно видны до самой отдаленной вершины.

(20) ...Под самым севером, выше крайних пределов Скифии, находятся так называемые Рипы⁵, о величине которых передаются очень баснословные рассказы. Оттуда, говорят, текут очень многие и притом самые огромные из других рек после Истра.

(29) ...Находящееся под Кавказом озеро⁶, которое туземцы называют морем, очевидно, находит себе выход в глубине: принимая в себя много больших рек и не имея открытого стока, оно изливается под землю у страны кораксов⁷, около так называемых пучин Понта;

это неизмеримая глубина моря: по крайней мере, никто еще никогда не мог достать дна, спуская *лот*.

14. (29) Даже побережье Меотийского озера вследствие речных наносов настолько увеличилось, что ныне входят туда для работы суда гораздо меньшей величины, нежели 60 лет тому назад; из этого легко сообразить, что и оно, подобно многим озерам, первоначально обязано своим происхождением рекам и что в конце концов ему суждено всему высохнуть⁸.

(31) Так как время никогда не прекращается и мир вечен, то очевидно, что ни Танаис, ни Нил не текли вечно, но что некогда те места, откуда они текут, были сухи: ибо их деятельность имеет предел, а время не имеет его.

Книга II

1. (10) Есть довольно много морей, ни в одном месте не соединяющихся между собою; *правда*, Красное море, по-видимому, имеет небольшое сообщение с тем, что за *Геракловыми* столбами, но Гирканское и Каспийское⁹ отделены от него, и берега их кругом заселены...

(12) Все море по эту сторону Геракловых столбов имеет течение соответственно степени вогнутости земли и числу рек: Меотида течет в Понт, а последний – в Эгейское море. Во всех других морях это явление менее очевидно; (13) в вышеназванных же оно происходит вследствие множества рек (в Евксин и Меотиду изливается столько рек, что они в несколько раз превосходят площадь последнего) и не-

значительности глубины: там море, по-видимому, чем дальше, тем глубже, так что Понт глубже Меотиды, а Эгейское море – глубже Понта...¹⁰

4. (47) ...У Линка есть один источник кислой воды, а в Скифии – горький; вытекающая из него *вода* делает горькою целую реку, в которую впадает¹¹.

5. (14) Длина населенной земли сильно разнится от ширины: ибо пространство от Геракловых столбов до Индии к пространству от Эфиопии до Меотиды и самых отдаленных местностей Скифии по величине относится более чем 5: 3, если принять в расчет и морские пути и сухие, насколько можно достигнуть точности в такого рода измерениях.

О Вселенной, или О мире¹²

Перевод И. И. Маханькова при участии Э. Г. Юнца

3. Обитаемую землю омывает Атлантический океан. Его еще называют просто Океан. Через узкий обращенный на запад пролив – Геркулесовы столпы – он втекает в Средиземное море, поначалу переходя в залив, а потом понемногу разливается и, образуя огромные изгибы, следующие друг за другом, то протекает через узкие проливы, то снова разливается. Сначала море образует заливы, называемые Сиртами – Большим и Малым, и расположены они вправо, если плыть от Геркулесовых столпов. Левый берег моря изгибается по-другому, и здесь образуются три моря: Сардинское, Галатское и Адриатическое. Рядом с ними косо простирается Сицилийское море, за которым следует Критское, а затем по одну

сторону – Египетское, Памфилийское и Сирийское, а по другую – Эгейское и Миртойское. Навстречу этим последним устремляется Понт, распадающийся на много частей, из которых наиболее удаленная называется Меотидой, а ближайшая, так называемая Пропонтида, впадает в Геллеспонт. И с востока в землю также вдается Океан, образуя открывающиеся в ту сторону Индийский и Персидский заливы, за которыми простирается охватывающее их Эритрейское море. С другой стороны, пройдя через узкую и длинную горловину, Океан вновь разливается, омывая Гирканию и Каспию. После этого Океан огибают возвышенность позади Меотийского залива, а затем, обойдя Скифию и область кельтов, он понемногу

ногу наступает на обитаемую землю и выходит к Галатскому заливу и упомянутым Геркулесовым столпам, за которыми он омывает землю. Здесь имеется два огромных острова, превосходящие все до сих пор упомянутые. Их называют Британскими – Альбионом и Иерной, и расположены они над областью кельтов. Несколько меньше остров Тапробана, лежащий за Индией наискось к обитаемой земле, и Фебол, расположенный в Аравийском заливе. Вблизи Британских островов и Иберии обитаемую землю, которую мы также называли островом, окружают немало мелких островов. Как сообщают географы, наибольшая ширина обитаемой земли чуть меньше 40 000 стадиев [ок. 7500 км], а длина ее – около 70 000 [ок. 13 000 км]. Ее части – Европа, Азия и Ливия.

Европа ограничена со всех сторон: с одной стороны Геркулесовыми столпами, с другой –

Гирканским морем и заливами Понта, а также самым узким местом перешейка, разделяющего эти моря. Некоторые же считают границей Европы не перешеек, а реку Танаис. Азия простирается от упомянутого перешейка и Понта с Гирканским морем до другого перешейка¹³, отделяющего Аравийский залив от Средиземного моря. Азия также омывается Средиземным морем и внешним Океаном. Но некоторые определяют Азию в пределах от реки Танаис до дельты Нила. Ливия простирается от Аравийского перешейка до Геркулесовых столпов, некоторые же определяют ее от Нила, поэтому дельту Нила некоторые относят к Азии, другие – к Ливии. Острова считаются либо самостоятельными частями суши, либо относятся к соседним материкам. Такова география земли и моря, которые мы зовем обитаемыми.

Источник: Псевдо-Аристотель. *О мире // Античность в контексте современности*. – М., 1990; *Знание за пределами науки*. – М., 1996.

Истории о животных¹⁴

По В. В. Латышеву

Книга III

21. (7) Больше или меньшее количество молока у млекопитающих животных изменяется в зависимости от величины тела и разли-

чия пищи, как, например, на Фасисе есть маленькие коровки, из коих каждая дает много молока...

Книга IV

19. (14) На реке Гипанисе у Боспора Киммерийского¹⁵ около времени летнего солнцестояния приносится рекою род мешочков величиною побольше виноградных ягод; когда они лопнут, из них выходит крылатое четвероногое животное, оно живет и летает до вечера; при склонении солнца к *западу* оно сохнет и вместе с закатом умирает, проживши *все*го один день, почему и называется поденкою.

22. (8) ...В Понте есть порода пчел, отличающихся чрезвычайной белизной и производящих мед дважды в месяц. А в Фемискире у

реки Фермодонта в земле и в ульях делаются соты с очень небольшим количеством воска и с густым медом; сот этот гладок и ровен, пчелы производят его не постоянно, а только зимою, так как в это время года цветет плющ, который в изобилии растет в этой местности и с которого они берут мед. В Амис¹⁶ также привозится изнутри материка очень белый и густой мед, который пчелы делают без сотов на деревьях; такой же *мед* встречается и в других местах в Понте.

Книга V

22. (2) ...Скифы ездят верхом на жеребых кобылах, когда заметят особенно быстрое

движение плода, и говорят, что этим облегчаются их роды.

Книга VI

12. ...Все животные от природы чувствительны к переменам тепла и холода... Одни из них находят себе защиту в обычных местах жительства, другие переселяются именно после осеннего равноденствия из Понта и холодных стран, спасаясь от наступающей зимы, а

после весеннего – из теплых в холодные страны, боясь жары; при этом одни переселяются из близких местностей, а другие, так сказать, с края света, как, например, журавли: они из скифских равнин переселяются в болота, лежащие выше Египта, откуда течет Нил...

Книга VII

13. Большинство “колиев” (род скумбрии) не входят в Понт, но проводят лето и выводят детенышей в Пропонтиде, а зимуют в Эгейском море; но тунцы, пелакиды и тумакисы (тоже род тунцов) весной входят в Понт и там проводят лето, равно как и большая часть идущих по течению и стадных рыб; а стадами живет большинство рыб; все стадные рыбы имеют вожаков. В Понт они переселяются из-за пищи (корм там и изобильнее и лучше вследствие пресноты воды) и потому, что там

меньше больших морских животных; в Понте нет ничего, кроме дельфинов и тюленей, да и дельфины там малы, а по выходе из него немедленно *попадают* большие. Итак, *рыбы* переселяются туда из-за пищи, а также и для вывода детенышей: там есть удобные для этого места, а годная для питья и более пресная вода способствует развитию мальков. Когда же процесс размножения окончится и мальки подрастут, они выходят из Понта немедленно после Плеяд¹⁷.

Книга VIII

19. Большинство пород рыб бывает здоровее... в дождливые годы: тогда они не только находят себе больше пищи, но и вообще дождливое время им полезно... Доказательством этого служит и переселение большинства рыб на лето в Понт: вода в нем преснее вследствие множества *впадающих в него* рек, и эти реки сносят в море изобильный *корм для рыб*.

25. ...Осел из всех таких же, как он, животных наиболее чувствителен к холоду; по-

этому по берегам Понта и в Скифии ослы не водятся.

28. ...В Понте не водятся ни моллюски, ни черепахи, разве только в некоторых местах в небольшом количестве...

В Ливии бараны рогатой породы прямо рождаются с рогами... а у Понта в Скифии, наоборот, рога у них совсем не растут¹⁸.

В Скифии и Кельтике ослы совершенно не водятся, так как эти страны очень холодны.

Книга IX

33. В Скифии – порода птиц величиной не меньше дрофы; она выводит по паре птенцов, но *на яйцах* не сидит, а завертывает их в заячью или лисью шкуру и *так* оставляет, сама же, когда не ищет добычи, *сидит* на вершине дерева и сторожит *яйца*; если кто к *ним* приблизится, она нападает и бьет крыльями подобно орлу.

36. У Меотийского озера волки, говорят, приручены рыбаками; но когда последние

не дадут им части *добычи*, волки портят их сети, растянутые для просушки на земле.

47. Говорят, что у скифского царя была *однажды* благородная кобылица, от которой все жеребята были очень хороши; желая, чтобы она родила от самого лучшего из них, *царь* подвел его к матке для случки; жеребец не хотел, но когда *кобылицу* закрыли, то, не заметив, вскочил *на нее*. Когда же после случки открыли голову кобылицы, то жеребец, увидев *ее*, убежал и бросился с утесов.

О частях животных¹⁹

Книга IV

5. (45) ...Все насекомые нуждаются в малом количестве пищи... в особенности семейство кузнечиков: для их тела достаточную пищу *составляет* вбираемая при дыхании вла-

га, равно как и для поденок (водящихся около Понта), только последние живут лишь в продолжение одного дня, а первые – несколько дней, хотя немного.

О рождении животных

Книга II

8. ...Осел – животное чувствительное к холоду; поэтому он не водится в холодных стра-

нах вследствие зябкости своей природы, как, например, в Скифии и соседних странах...

Книга V

3. Прямоволосы те *люди*, в которых много влажности: ибо влага течет у них в волосах, а не сочится по каплям. Поэтому понтийские скифы и фракийцы прямоволосы, так как и сами они отличаются изобилием влаги и ок-

ружающий их воздух влажен... На овец холодный климат имеет противоположное влияние, чем на людей: скифы мягковолосы, а савроматские овцы отличаются жесткою шерстью.

О чудесных слухах, или О диковинах²⁰

18. В Понтийском Трапезунте собирается с буксового дерева мед с тяжелым запахом; говорят, что здоровых людей он лишает рассудка, а одержимых падучею болезнью совсем *убивает*²¹.

30. Рассказывают, что у скифов, называемых гелонами²², водится очень редкое животное, которое называется тарандом²³. Говорят, что оно меняет цвет шерсти, смотря по месту, где находится; поэтому трудно ловить его, так как цвет его шерсти уподобляется цвету деревьев, местностей и вообще всего, что его окружает; весьма удивительно, что оно меняет цвет шерсти, так как прочие *животные меняют цвет* кожи, как, например, хамелеон и полип; величиною оно с быка, а складом головы похоже на оленя.

48. Рассказывают о совершенно особом происхождении железа халибского и амисского²⁴: оно образуется, по рассказам, из песка, несомого реками; песок этот, по одним рассказам, просто промывают и плавят на огне, а по другим – образовавшийся от промывки осадок несколько раз еще промывают и потом плавят, прибавляя так называемый огнеупорный камень, коего много в той стране; этот род железа гораздо лучше прочих, и если бы оно плавилось не в одной печи, то, кажется, ничем не отличалось бы от серебра. Только одно это железо, по рассказам, не подвергается ржавчине; но добывается оно в незначительном количестве.

62. Рассказывают, что моссиникская²⁵ медь отличается ярким блеском и чрезвычайною белизною; к ней примешивается не олово, но особый сорт тамошней земли, которая плавится вместе с медью; говорят, что изобретатель такого сплава никому не открыл *своего секрета*, поэтому старинные медные изделия этой страны отличаются *превосходными качествами*, а позднейшие уже не имеют их.

63. Говорят, что в Понте встречаются неко-

торые птицы, гнездящиеся зимою, они не дают помета, не чувствуют боли, когда у них выщипывают перья и втыкают их на вертел, а только *тогда*, когда их жарят на огне. Рассказывают также, что многие рыбы не чувствуют, когда их разрезают и разрубают, и чувствительны только к согреванию огнем.

105. Рассказывают, что Истр, вытекая из так называемых Геркинских лесов²⁶, разделяется *на рукава* и одним течет в Понт, а другим впадает в Адриатическое море²⁷. Доказательство *этого* мы видим не только в наше время, но еще более в старину, как, *например*, то, что его верховья не судоходны. Так, об Ясоне рассказывают, что въехал он *в Понт* у Кианей²⁸, а выехал из Понта по Истру; приводят не мало и других свидетельств *этого*, а также показывают в *той* местности жертвенники, посвященные Ясоном, а на одном из островов Адриатики – храм Артемиды, построенный Медеей.

141. Рассказывают, что скифский яд, которым пропитывают стрелы, добывается из ехидны. Скифы, кажется, подстерегают уже родившихся живых *детенышей*, ловят их и оставляют гнить несколько дней; когда им покажется все достаточно сгнившим, они наливают человеческую кровь в горшочек, закрывают его и зарывают в навоз, а когда и это сгниет, то водянистый отстой, образующийся над кровью, смешивают с гноем ехидны и таким образом делают смертоносный *яд*.

158. Рассказывают, что в реке Фасис растет лоза, называемая белолистником, которую ревнивые мужья срывают и разбрасывают вокруг брачного покоя и таким образом сохраняют свой брак неоскверненным.

168. Реки Рейн и Истр текут по северным странам, первый мимо германцев, второй мимо пеонов²⁹, летом они судоходны, а зимой замерзают от холода, и по ним ездят верхом, как по равнине.

Проблемы

Книга XIX

28. Почему некоторые песни называются “номами” (νόμοι), *т. е. законами*? Не потому ли, что до изобретения письменности пели законы, чтобы не забыть их, как и теперь еще в

обычае у агафирсов³⁰? Поэтому и называли первые строфы позднейших песен тем же именем, что и прежние.

Книга XXIII

6. Почему морская вода в Понте белее, чем в Эгейском море? Не вследствие ли преломления зрения, происходящего от моря в возду-

хе? Ибо воздух, окружающий Понт, густ и бел, вследствие чего и поверхность моря кажется таковою же, а над Эгейским морем он

голубой, вследствие того, что чист на далекое пространство, так что и отражающее его море кажется таким же. Или потому, что все озера белее моря, а Понт изобилует озерами (лима-

нами) вследствие того, что в него текут многие реки? А озера белесоватее моря и рек; по крайней мере живописцы рисуют реки бледными, а море голубым...

Книга XXV

6. Почему в Понте *бывают* величайшие холода и жары? Не вследствие ли густоты воздуха? Ибо зимою он не может нагреваться, а летом, когда нагреется, жжет вследствие своей плотности. По той же причине и болотистые

местности зимою отличаются холодом, а летом – жарам. Или вследствие движения солнца? Ибо зимою оно бывает далеко *от них*, а летом – близко.

Неизданные «Проблемы»

Книга II

72. Почему эфиопы курчавы, а скифы и *вообще* северные народы прямоволосы? Не потому ли, что высушиваемый солнцем волос скручивается подобно другим *предметам*, а эфиопы живут ближе к солнцу и в чрезвычайном зное, *между тем как* скифы живут в хо-

лодной стране, где солнце не испаряет находящейся в волосах влаги, так что они и не скручиваются?...

168. ...Ослы чувствительны к морозу и зябки. Доказательством этого *служит то, что* ослы не водятся в Скифии.

Книга III

7. Почему мальчики, будучи горячи, не любят вина, а скифы и взрослые мужчины, будучи горячи, любят его? Или потому, что последние горячи и сухи (ибо таково состояние мужчины), мальчики же влажны и горячи, а любовь в них есть желание чего-то влаж-

ного? Влажность препятствует мальчикам чувствовать жажду, ибо желание чего-либо есть потребность.

45. Почему Гирканское озеро, имеющее пресную воду³¹, моет и очищает платья? Моет преснотою, а очищает горечью...

Политика

Книга VII

2. (6) У скифов не позволялось пить круговую чашу во время одного праздника тому, кто *еще* не убил ни одного врага; а у воинст-

венного народа иберов³² вокруг могилы втыкают столько колышков, сколько умерший истребил врагов.

Книга VIII

4. (4) Есть много народов, склонных к убийству и людоедству, как, например, из числа припонтийских, ахейцы и эниохи³³, а равно и другие племена из живущих на мате-

рике, одни подобно этим, а другие *еще* больше *их*; они ведут разбойничий образ жизни, но храбростью не отличаются.

Экономика

Книга II

2. (8) Гераклеоты³⁴, посылая *однажды* сорок кораблей против боспорских тиранов³⁵ и имея недостаток в денежных средствах, заку-

пили у богачей весь хлеб, масло, вино и прочие товары...

О справедливости

Р. 1487, фр. 72. Другие называют Филоксена³⁶ любителем рыбы, а Аристотель – вообще гастрономом; он где-то пишет так: “Народные ораторы проводят целый день на пред-

ставлениях фокусников и в *болтовне* с приезжающими из Фасиса или Борисфена, не зная ничего, кроме обеда Филоксена, да и то не целого” (Атений. Эпитомы I: 6d).

Пеплос. Эпитафии героев

- 5 Над Ахиллом, чтимым на острове Белом³⁷.
Сына богини Фетиды, Пелееву отрасль, Ахилла,
Остров сей Понта святой в лоне своем бережет.
- 43 Над Этом, погребенным в Колхиде.
Златом богатых Колхиды сынов владыку Эета³⁸
Всепокоряющий здесь божеский рок схоронил.

Отрывки из неизвестных сочинений о животных

Извлечения В. В. Латышева из Клавдия Элиана

V. 27. Аристотель говорит, что в стране невров быки имеют рога на плечах.

43. Аристотель говорит, что у реки Гипаниса водится животное, называемое однодневкой; оно рождается на рассвете и умирает, когда солнце начинает склоняться к закату.

XVI. 33. Аристотель говорит, что у быков в стране невров рога и уши вырастают из одного и того же места и связаны между собою... Приведем еще и следующее известие сына Никомахова: он говорит, что у будинов, живущих кругом Кариска³⁹, не рождаются белые овцы, но что все они черные.

См.: Aeliani De natura animalium libri XVII. Varia historia. Epistulae / Rec. R. Hercher. V. I–II. – Lipsiae, 1864–1866; Claudii Aeliani varia historia / Ed. M. R. Diels. – Leipzig, 1974.

Схолии к «Позднейшей аналитике»

К книге II. (Фемистий) говорит, что подобною причиною и скиф Анахарсис⁴⁰ объяснил отсутствие флейтисток у скифов: на вопрос, нет ли в Скифии флейтисток, он отвечал: “во все нет, ибо нет и виноградных лоз”. Он тоже привел отдаленную причину отсутствия флейтисток в Скифии: ближайшею причиною

отсутствия флейтисток было отсутствие пьянства, а причиною последнего – отсутствие лоз. Это приводится в старинных достопамятных изречениях.

Из Фемистия же, фр. 66. ...такую же причину привел и Анахарсис, то что у скифов нет флейтисток: у них ведь нет винограда.

Схолии к сочинению «О небе»

К книге II. ...Древнейшие математики разделили небо на пять поясов: первый они называли арктическим, потому что там находится звезда *ἀρκτος* [т. е. Медведица]... Второй пояс они называли летним тропическим, третий – равноденственным, четвертый – зимним тропическим и пятый – антарктическим, ибо и там опять находится Медведица. По трем средним поясам проходит солнце, и говорят, что они необитаемы вследствие того, что по ним проходит солнце. Равным образом опять необитаемы, говорят, и два другие пояса, арктический и антарктический... ибо они близки к полюсам. Они тоже необитаемы, говорят, по причине чрезвычайных холодов и того, что

солнце повсюду далеко отстоит от них. Мы, говорят, заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причем скифы-русь (*Σκύθας τοὺς Ῥῶς*)⁴¹ и другие гиперборейские народы⁴² живут ближе к арктическому поясу, а эфиопы, арабы и другие – к летнему тропическому, почему они, говорят, не терпят и холода; эллины же живут между гиперборейскими народами и близкими к востоку, почему и являются самыми разумными среди прочих, более сильными и мужественными в битвах, так как живут в более благоприятном климате...

Примечания

¹ Извлечения из «Метеорологии» и всех остальных сочинений, принадлежащих Аристотелю либо приписываемых ему, даны по В. В. Латышеву с примечаниями В. В. Латышева и Л. А. Ельницкого (в квадратных скобках).

² [Парнассом Аристотель называет здесь вершины Тянь-Шаня и Памира – хребты, с которых действительно берут начало многие реки Азии.]

³ [Бактр – река в Бактриане, один из притоков

Окса (Амударьи). *Хоасп* – река в Сузиане, ранее впадала в Персидский залив, ныне – в Шат-эль-Араб. *Аракс* сохраняет свое название и ныне (если только Аристотель не именует так, вслед за Геродотом, Амударью, обычно называвшуюся в древности Оксом.)

⁴ [Судя по тому, что Аристотель выводит Танаис (Дон) из Аракса, истоки Дона и соотношение Азовского и Каспийского морей представляются

ему в совершенно искаженном виде.]

⁵ [*Рипы*, или *Рипейские Альпы*, обычно – Урал, хотя из текста Геродота можно заключить, что это наименование, в результате совмещения, вызванного туманными представлениями об Азии, распространялось иногда и на Алтай.]

⁶ [*Озеро под Кавказом* – Каспийское море. До Аристотеля господствовало представление, по которому Каспийское море имело выход в океан с северной стороны. На чем основаны предположения Аристотеля о подземном слиянии Каспийского и Черного морей, сказать трудно.]

⁷ [*Земля кораксов* – в данном случае кавказское побережье в центральной его части; о кораксах см. в примечании к фр. 185 Гекатея.]

⁸ [Дельта Дона действительно сильно изменилась в результате наносов.]

⁹ [По-видимому, здесь Аристотель называет Гирканским южную часть Каспийского моря, Каспийским же – северную часть того же моря; ср. О мире: III].

¹⁰ [Представления о морских течениях у Аристотеля превратны, как и о морских глубинах: Черное море не течет в Эгейское, а последнее не глубже Черного.]

¹¹ [*Линк* – горная вершина в Эпире. Относительно горькой воды в устье Днепра ср. Геродот IV: 81 и примечание к этому месту.]

¹² “Книга вместе с вводным письмом, обращенным к Александру, ошибочно приписана Аристотелю” (Christ W. Griechische Literaturgeschichte. Bd. II. – Leipzig, 1924: 408).

¹³ [*Галатский залив* – Бискайский залив. До другого перешейка – Аристотель имеет в виду Суэцкий перешеек.]

¹⁴ Книга считается подложной.

¹⁵ [Река *Гипанис у Боспора Киммерийского* – Кубань, впадающая в древности в Черное море у нынешней Пересыпи, а теперь впадающая в Азовское море у г. Темрюка.]

¹⁶ [*Амис* – греческий город на берегу Черного моря между Синопом и Трапезундом.]

¹⁷ [Аристотель имеет в виду, видимо, не столько самый Понт (Черное море), сколько Азовское море, в древности, как и теперь, славившееся обилием рыбы.]

¹⁸ [Относительно безрогого и короткогого скота на севере ср. у Геродота, кн. IV: 29 и в прим. к этому месту.]

¹⁹ Книга считается подложной.

²⁰ Книга «О чудесных слухах», или «О диковинах» – древнейшее произведение литературы, имеющее своим предметом чудесные истории; но она все же не имеет отношения к Аристотелю, так как содержит многое, совершившееся лишь после его смерти.

²¹ Об опьяняющем меде у макронов ср. Ксенофонт. Анабасис IV: 8, 20.

²² [О *гелонах*, племена не скифском, см. в прим. к Геродот IV: 108.]

²³ [*Таранд* – вид оленя, может быть, благородный олень.]

²⁴ [О *халибах*, славившихся в древности в качестве металлургов, см. прим. к фр. 195 Гекатея. *Амис* – см. прим. к кн. V: 22 «Истории животных».]

²⁵ [О *моссиниках*: Ксенофонт. Анабасис V: 4, 1 и прим. к фр. 191 Гекатея.]

²⁶ [*Геркинские леса* – у греческих и у латинских авторов суммарное обозначение гористо-лесной области к северу от верхнего течения р. Дуная.]

²⁷ [*Рукав Истра* (Дуная), впадающий в Адриатическое море, без сомнения, р. По (Падуе), которая, однако, не является рукавом р. Дуная. Возможно, впрочем, что здесь Аристотель имеет в виду речку Пиаве, впадающую в Венецианский залив, верховья которой близки к верховьям р. Дравы, притока Дуная. По этим рекам в древности, несомненно, существовало перевалочное судоходство, что и получило отражение в легенде об аргонавтах, прибывших в Адриатику по Дунаю.]

²⁸ [*Кианеи* – Босфор (Константинопольский пролив).]

²⁹ [*Пеоны* – горное племя в Северной Македонии.]

³⁰ [Об *агафирсах* см. кн. IV: 10 Геродота.]

³¹ [Вода Гирканского, т. е. Каспийского, моря отнюдь не является пресной. Аристотель, может быть, имел в виду воду устья Волги или воду Азовского моря, действительно более пресную, чем вода Черного и Каспийского морей.]

³² [*Иберы* – одно из наиболее значительных племен Закавказья в древности, предки современных грузин. О них подробнее у Страбона, кн. XI, 7 (см. ниже).]

³³ [Об *ахейцах* (*ахях*) см. в прим. к периплу Псевдо-Скилака: 75. Об *эниохах* – Псевдо-Скилак: 76.]

³⁴ [*Гераклеоты* – жители Гераклеи Понтийской, греческого города на малоазийском побережье Черного моря к западу от Синоды.]

³⁵ [*Боспорские тираны* – цари Боспорского царства.]

³⁶ [*Филоксен* – афинский философ, ученик Анаксагора, известен как кутила и развратник.]

³⁷ [*Остров Белый* – о. Змеиный, на Черном море близ устья р. Дуная.]

³⁸ [*Эет* – мифический царь Колхиды, отец Медеи.]

³⁹ [Пункт из других источников неизвестен.]

⁴⁰ [Об Анахарсисе см. Геродот IV: 76 сл.]

⁴¹ [Наименование “русь” или “рос” употребляется византийскими писателями, наряду с наименованием “скифы”, применительно к славянским племенам; при этом подчеркивается, что термин “рос” является местным и самобытным. Его происхождение и этимология не могут еще, однако, считаться окончательно выясненными.]

⁴² [*Гиперборейские народы* – северные народы. О гиперборейцах см. в прим. к кн. IV: 32 Геродота.]

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 2.

Демосфен

Δημοσθένης – Demosthenes

Демосфен (384/383–322 до н. э.), греческий оратор и политический деятель. О его происхождении сообщает ритор Либаний (314–393 н. э.) во «Введении к речам Демос-

фена»: “Отцом оратора Демосфена был Демосфен, человек, по-видимому, безупречный с точки зрения происхождения, как свидетельствует даже его личный враг Эсхин. Послед-

ний по крайней мере говорит дословно так: “Отцом его был Демосфен пеаниец, человек свободный; было бы ложью отрицать это”. Ввиду того, что у него была мастерская рабов-ножовщиков, от этого он получил прозвище «ножовщика». С материнской же стороны происхождение оратора, как говорят, не было аттическим, так как дед Демосфена Гилон, изгнанный из Афин по обвинению в измене, проживал на берегах Понта и там женился на женщине скифского происхождения, от которой у него была дочь Клеобула, мать Демосфена. За это-то и нападали на него некоторые, а в том числе и Эсхин, говоря, будто он – скиф, варвар, только говорящий на греческом языке” [Введение 2]. Росший без отца с 7 лет, Демосфен по достижении совершеннолетия начал судебную тяжбу против своих опекунов, расхитивших отцовское наследство. Выиграв процесс в 364 г., Демосфен продолжает юридическую деятельность в качестве логографа – составителя судебных речей. В 355–352 гг. пишет политические речи для произнесения в Народном собрании Афин. С некоторыми выступает сам («О симмориях», «За мегалопольцев»), с другими – клиенты-участники крупных политических процессов («Против Андриотона о противозаконии», «Против Лептина о беспопщинности»). Речи Демосфена против Лептина, Формиона и Лакрита, насыщенные ссылками на конкретные факты, являются главным источником для истории северочерноморской торговли соответствующего периода. В 351 г. речью «Против Филиппа» Демосфен начал бескомпромиссную и продолжительную борьбу против македонского царя Филиппа II – за независимость Афин. В этих речах, именуемых “филиппиками”, Демосфен как оратор достигает апогея. В 338 г. до н. э. в битве при Херонее Филипп наносит поражение объединенным силам греческих городов во главе с Афинами. Демосфен организует оборону города и делает крупные по-

жертвования на его защиту. Афиняне поручают Демосфену произнести надгробную речь памяти павших воинов (текст дошедшего до нас «Надгробного слова» Демосфена подлинным не признается) и Народное собрание принимает предложение Ктесифонта о награждении Демосфена золотым венком. Это постановление оспаривает ярый соперник Демосфена оратор Эсхин, действия которого при заключении Филократового мира Демосфен изобличил как предательские в своей речи «О превышении полномочий посла» на процессе об этом посольстве. Дело в том, что Эсхин, начавший политическую деятельность как противник македонского царя Филиппа II, в 346 г., будучи послом в Македонии, сблизился с Филиппом и в дальнейшем стал проводником его политики в Афинах. До нас дошли и обвинительная речь Демосфена, обвинявшего Эсхина в подкупе, и защитительная речь последнего. Тот процесс завершился оправданием Эсхина при незначительном большинстве голосов. Новую тяжбу Демосфен выигрывает, дав в речи «О венке» отчет о своей жизни и противопоставив собственную деятельность в интересах государства промакедонской политике Эсхина и его сторонников (330 г. до н. э.). В 324 г. политические противники обвиняют Демосфена в растрате 20 талантов, предназначенных на государственные нужды, наказывают его штрафом в 50 талантов и заключают в тюрьму. Демосфен спасается бегством. После смерти Александра Македонского в 323 г. Демосфен возвращается в Афины, чтобы вновь стать во главе борьбы за независимость. Однако афиняне снова терпят сокрушительное поражение в Ламийской войне. Торжествующий правитель Македонии Антипатр требует смерти Демосфена, и он, преследуемый врагами, бежит на остров Калавра, где в храме Посейдона принимает яд.

Подробнее см.: Античные писатели. Словарь. – СПб.: Лань, 1999; Л. А. Пальцева. Материалы для истории Причерноморья в античную эпоху. Ч. II. Демосфен. – СПб.: Центр антиковедения СПбГУ, 2001.

Демосфен

XI. В ответ на письмо Филиппа

Перевод С. И. Радцига

(20) Всё это, граждане афинские, нам нужно принять во внимание и дать себе отчет в том, что сейчас даже не от нас зависит гово-

рить о соблюдении нами мира (ведь тот человек [Филипп II] уже не только объявил войну, но и на деле её начал), и таким образом надо не

щадить никаких средств ни государственных, ни частных, но выступать в поход, когда это представляется нужным, всем с полной решимостью, а полководцев взять лучших, чем до сих пор. (21) Пусть никто из вас не подумает, что те же самые люди, по вине которых дела государства пришли в такой упадок, будут способны потом поправить их и привести в лучшее состояние. Не думайте также, что, если вы будете относиться с такой же беспечностью, как до сих пор, другие будут с особенным усердием бороться за ваше дело. Нет, представьте себе только, какой же это позор – после того

как отцы ваши перенесли много трудов и великие опасности в войне с лакедемонянами, (22) вы не хотите проявить решимости в защите даже того, что они вам передали, добыв справедливым путём и в противоположность этому человеку, который хоть он и уроженец Македонии, так смело идёт в опасности, что ради расширения своей державы в боях с врагами получил раны по всему телу¹, вы, будучи афинянами, которым отцами завещано никому не покоряться, но всех побеждать на войне, – вы по беспечности или по малодушию покидаете дела предков и пользу отечества.

XX. Речь против Лептина²

(29) Кроме того, о судьи, в его [Лептина] законе записано буквально следующее: “пусть не будет свободен от повинностей никто – ни из граждан, ни из равнообязанных лиц, ни из чужестранцев”, но при этом не определено, от чего именно освобожден – от хорегии³ или какой-либо другой повинности, а сказано просто: «не будет свободен от повинностей никто, кроме потомков Гармодия и Аристокритона»⁴. Под словом «никто» подразумеваются все остальные, а при слове «чужестранцев» нет определения «живущих в Афинах». Тем самым он и Левкона, правителя Боспора⁵, и сыновей его лишает дара, который вы им дали⁶.

(30) В самом деле, по происхождению Левкон – чужестранец, а по вашему постановлению – [афинский] гражданин, но, исходя из этого закона, ни то ни другое не освобождает его от повинностей. Однако, если вы рассмотрите [этот вопрос внимательно], вы найдете, что он (т. е. Левкон) постоянно оказывает нам благодеяния, и такие, в каких более всего нуждается наш город, в то время как все другие благодетели оказывались полезными нам лишь в течение некоторого времени. (31) Ведь вы, вероятно, знаете, что мы пользуемся привозным хлебом гораздо больше, чем все другие. Вдобавок ко всему [хлебу], доставляемому из других эмпориев, привозится морем хлеб с Понта. Это и понятно, ибо происходит так не только потому, что местность эта чрезвычайно богата хлебом⁷, но и благодаря тому, что правитель ее⁸ Левкон даровал ателию везущим [хлеб] в Афины и объявил, что первыми должны грузиться [корабли], плывущие к вам. Имея [от вас] ателию для себя и своих детей, он дал ее всем вам. (32) Посмотрите же, насколько это значительно. С тех, кто вывозит от него хлеб, он взыскивает пошлину в размере тридцатой части [его стоимости]⁹. От

него прибывает сюда около 400000 медимнов¹⁰ хлеба, это видно из записи у ситофилаков¹¹. Следовательно, сверх 300000 он дает нам еще 10000 медимнов, а сверх 100000 – еще 3000¹². (33) Однако он столь далек от того, чтобы лишить город этого дара, что, устроив еще и в Феодосии торговый порт¹³, который, как говорят плавающие [туда], ни в чем не уступает Боспорскому¹⁴, он и там дал нам ателию. Об остальном я молчу, хотя многое мог бы рассказать о том, какие благодеяния оказал вам и сам этот человек и его предки. [В частности], когда в позапрошлом году повсюду был голод, он прислал вам не только достаточное количество хлеба, но столько, что было получено в виде прибыли пятнадцать талантов¹⁵ денег, которые затем находились в распоряжении Каллисфена. (34) Что же вы думаете, афиняне, если человек, столько для вас сделавший, услышит, что вы по закону лишили его ателии, неужели не раздумает он когда-нибудь давать [ателию людям], вынесшим это постановление? Разве вы не понимаете, что этот самый закон, если он войдет в силу, лишит ателии и Левкона, и тех из вас, кто привозит от него хлеб? (35) Ибо никто, наверное, не полагает, что он потерпит, чтобы данные вами дары были у него отняты, а его дары остались у вас. Следовательно, кроме многого другого, в чем этот закон, по-видимому, принесет вам вред, он отнимет у вас и кое-что из того, что вы уже имеете. После этого вы еще размышляете, нужно ли его отменить, и до сих пор этого не решили?

Возьми и прочти им постановления относительно Левкона. (Читаются постановления).

(36) Насколько заслуженно и справедливо Левкон получил от вас ателию вы слышали, судьи, из постановлений. Стелы с копиями всех этих [декретов] поставили и вы, и он: од-

ну – в Боспоре, другую – в Пирее, третью – в [местечке] Гиерон¹⁶. Посмотрите же, до сколь высокой степени порочности доводит вас закон, который выставляет [целый] народ более вероломным, чем один человек. (37) Ведь не думаете же вы, что эти стелы означают для вас что-либо другое, а не договор обо всем том, что вы получили или даровали. Левкон окажется соблюдающим этот [договор] и всегда расположенным оказывать вам какие-либо благодеяния, а вы – отменившими установленные [стелы], что много хуже их уничтожения, ибо они будут затем стоять для желающих возвести хулу на наш город в качестве доказательства справедливости их слов. (38) Ну, а если, послав к нам [послов], Левкон спросит, в чем его обвиняя, в чем упрекая, вы отняли у него ателию, -что, ради богов, мы скажем? Что напишет тот, кто от нашего имени предлагает постановление? Клянусь Зевсом, [он напишет], что некоторые были недостойны приобретенных [льгот]. (39) Если же Левкон скажет на это: «Ведь и среди афинян также есть негодные [люди], однако я не отнял из-за этого [льготы] у порядочных [лю-

дей], но, считая народ порядочным, предоставляю их всем» – то разве его слова не будут справедливее наших? Полагаю, что это так. Ведь у всех людей более принято ради благодетелей оказывать услуги и некоторым другим, из числа людей непорядочных, чем из-за дурных отнимать уже дарованные [льготы] у людей, которые по всеобщему признанию их заслуживают. (40) Более того, я не вижу препятствия для любого, кто пожелает, предложить Левкону обмен имуществом¹⁷. Ведь у вас всегда имеются его деньги, а по этому закону, если кто-либо посягнет на них, он (т. е. Левкон) либо лишится их, либо вынужден будет исполнять литургии. Но для него важнее всего не материальный ущерб, а сознание того, что вы отняли у него [свой] дар. (41) Однако следует, афиняне, подумать не только о том, чтобы не нанести ущерба Левкону, который стал бы добиваться дара ради почета, а не в силу необходимости, но [и о том], не является ли для кого-либо из других ваших благодетелей необходимостью получение от вас ателии.

Схолии Ульпиана к речи Демосфена «Против Лептина»

(29) ...не определено, от чего освобожден. – Поскольку Левкон освобожден от повинностей, отчасти потому, что хлеб его хранится в Пирее, отчасти потому, что, будучи чужестранцем, он не исполняет обязанности хорега, [Демосфен] заявляет, что закон из-за этой неясности дает [каждому] желающему удобный случай призвать Левкона к хорегии и, кроме того, навредить ему с помощью откупа на налоги. Вследствие чего [Демосфен] и спрашивает, о какой повинности говорит Лептин: то ли речь идет о том, чтобы никто не был освобожден от повинности хорега, то ли об освобождении от откупа налогов. В заключение [Демосфен] говорит, что [закон] позволяет откупщику налогов, если он пожелает, быть хорегом и призвать Левкона к исполнению должности хорега. При этом [Демосфен] использовал три термина – граждане, равнообязанные, чужестранцы – которые в равной степени относятся к Левкону, ибо гражданином он является по постановлению, равнообязан-

ным – благодаря [оказанной ему] почести, а чужестранцем потому, что ни по рождению, ни по природе он не является гражданином.

(29) ...а при слове “чужестранцев”. – Речь идет о Левконе, архонте Боспора.

(29) ...он лишает и Левкона, архонта. – Видишь, сколь выразительный образ ввел [Демосфен]? Добавив после этого [слово] “Боспора”, он заставил их почти что увидеть грузовые суда, наполненные хлебом, словно Лептин, отнимая ателию у этого человека, явится виновником голода.

(33) ...эмпорий Феодосию. Феодосия – населенный пункт на Боспоре. название эмпория – [по имени] сестры или жены, ибо сведения противоречивы. [Демосфен] таким образом демонстрирует преданность [Левкона], дескать, он соперничает сам с собой в благодеяниях по отношению к вам. Поэтому-то Демосфен возвеличивает и сам эмпорий, чтобы дополнительная льгота не показалась незначительной [Ульпиан. Схолии к Демосфену XX].

Из Баварского кодекса

(33) ...Феодосию. Феодосия – населенный пункт, лежащий вблизи Скифии, при осаде которой умер Сатир [G.Baiterus, J.H. Sauppius.

Oratores Attici. Vol. II. – Turici, 1850, S. 79]. Ср. Гарпократ под словом Θεοδοσία.

XXXIV. Речь против Формиона о займе¹⁸

(2) Но, поскольку многие нас обвиняли, и особенно бывшие в Боспоре вместе с Формионом¹⁹, те, которые знали, что он не лишился вместе с другими имущества, [плывя] на корабле, мы полагаем, что будет странно, терпя от него обиду, не помочь самим себе. (5) Посмотрите же, афиняне, что в их собственных словах согласуется и что расходится. Ибо таким образом вы скорее всего установите, что они единодушно признают и сам факт займа, и то, что был заключен договор о займе, но говорят, что деньги он отдал на Боспоре слуге [своему] Лампиду сыну Диона. Мы же докажем не только то, что он не отдал [денег], но и то, что ему нечего было отдавать. Однако необходимо вкратце рассказать вам [все] с начала. (6) Дело в том, афиняне, что я одолжил этому Формиону 20 мин под залог груза на рейс в Понт и обратно, помимо другого залога, и составил контракт у трапедзита Кита²⁰... (8) Итак, он прибывает в Боспор с моими письмами, которые я дал ему [для того, чтобы] он их передал моему сыну, оставшемуся там на зиму, и некоему компаньону. В письмах я обозначил размер данной мною ссуды и залог и распорядился, как только товары будут выгружены, разузнать и оказать поддержку. Но он не отдает им письма, которые получил от меня, чтобы они не знали ничего из того, что он сделал. Застав дела в Боспоре в плохом состоянии из-за происходившей у Перисада²¹ войны со скифами и полного отсутствия сбыта [привезенных] товаров, он находился в очень затруднительном положении; к тому же его донимали займодавцы, давшие ссуду на один рейс. (9) Поэтому, когда судовладелец велел ему, согласно договору, погрузить товары, [купленные] на мои средства, он, говорящий сейчас, что отдал деньги, ответил, что не сможет погрузить, ибо его мелочной товар не продан... (10) Однако после этого, афиняне, он²² остался в Боспоре, а Лампид, выйдя в море, потерпел крушение недалеко от торгового порта²³. Ибо, когда судно, по слухам, было уже нагружено больше, чем следует, он еще взял на палубу тысячу шкур, вследствие чего и произошло кораблекрушение. Сам Лампид спасся в лодке вместе с другими детьми Диона²⁴, однако более тридцати свободных людей погибло, не считая прочих. Когда затем, при известии о кораблекрушении, на Боспоре была большая скорбь, все называли этого самого Формиона счастливым,

так как он и в плавание вместе с другими не отправился, и на судно ничего не погрузил... (11) Сам же Лампид, которому Формион, по его словам, отдал деньги,... когда я пришел к нему (так как он вскоре после кораблекрушения прибыл в Афины) и спросил об этом²⁵, сказал, что тот (т. е. Формион) ни товары на корабль не погрузил, [как следовало] по договору, ни деньги у него не были взяты на Боспоре...

(22) А в Боспоре он столкнулся с невозможностью продать товар...

(23) ...Формион же говорит, что отдал Лампиду в Боспоре сто двадцать кизикских статов²⁶, ...взяв в долг из доходов, получаемых с земельных участков. Доходы с земельных участков составляли одну шестую часть [их стоимости]²⁷, а кизикский статер там приравнивался к двадцати восьми аттическим драхам.

(27) Ты не испугался и тех, кому, согласно договору, передавалось ведение дела в Боспоре... Сейчас, вернувшись в гавань, где был заключен контракт²⁸, ты без колебаний отнимаешь [деньги] у займодавца, а в Боспоре, по твоим словам, ты сделал [даже] больше, чем полагалось по справедливости...

(28) ...а ты не нашел ни нашего сына, находившегося в Боспоре, ни компаньона, не отдал им письма, отданные нами, в которых было написано, чтобы они оказали тебе поддержку в твоих делах.

(33) ...Поскольку ты говоришь, что в Боспоре не погрузил на корабль товары, но отдал деньги владельцу корабля...

(34) Сначала, афиняне, он прибег к такому оправданию, что, [дескать], погрузил товары на судно, но поскольку был готов к тому, что это будет опровергнуто как ложь многочисленными [свидетельствами]: и податным списком, [хранящимся] в Боспоре у сборщиков портовых пошлин, и [показаниями людей], живших в то время в торговом порту²⁹, то, изменив показания, он вступает в сговор с Лампидом и говорит, что отдал ему деньги.

(36) Если бы, о судьи, Лампид пренебрегал только моими [интересами], в этом не было бы ничего особенного, однако он совершил [нечто] гораздо худшее против всех вас. Дело в том, что, когда Перисад в Боспоре объявил, что всякий, кто захочет доставлять хлеб в Афины, [может] вывозить хлеб беспошлинно, Лампид, живший в Боспоре, взял на себя вы-

воз хлеба и [получил] беспоплиность во имя города. Но, нагрузив хлебом большой корабль, он отвез его в Аканф³⁰ и там продал...

(40) ...Я ведь доказал вам, что он с самого начала не погрузил на судно товары... и за

счет средств, вырученных от продажи в Боспоре, едва рассчитался с заимодавцами, давшими ему ссуду на один рейс... (41) А кроме того, ...не нашел ни моего сына, ни компаньона, живущего в Боспоре.

XXXV. Против заявления Лакрита о неподсудности дела³¹

(3) Я же, о судьи, дав денежную ссуду его брату Артемону³² в соответствии с торговыми законами на рейс в Понт³³ и обратно в Афины...

(6) Они пришли ко мне с этим Лакритом ... и попросили меня дать денежную ссуду на поездку в Понт его брату и Аполлодору...

(10) (*Договор*): Андрокл Сфеттиец³⁴ и Навсикрат из Кариста³⁵ ссудили фаселитянам³⁶ Артемону и Аполлодору денег три тысячи драхм на рейс в Менду или Скиону³⁷ и оттуда в Боспор, а если пожелают, по левой стороне до Борисфена и обратно в Афины³⁸, [на следующих условиях]: тысячу за двести двадцать пять [драхм]; если же они отправятся из Понта в Гиерон после [восхода] Арктура³⁹ – тысячу за триста [драхм]... (11)...Все товары, импортируемые из Понта в виде обратного груза, они вывезут в Афины снова на том же самом судне.

(18) ...а три тысячи сосудов [вина] везти в Понт на двадцативесельном судне, владельцем которого являлся Гиблесий.

(20) (*Свидетельские показания*). Эрасикл свидетельствует, что он был рулевым судна, владельцем которого являлся Гиблесий, и видел, что Аполлодор вез на судне четыреста пятьдесят сосудов мендского вина, но не более того. Никакого другого груза Аполлодор не вез на судне в Понт.

Гиппий, сын Афениппа, родом из Галикарнасса⁴⁰, свидетельствует, что он плыл на корабле Гиблесия в качестве надзирателя и видел, что Аполлодор из Фаселиды вез на судне из Менды в Понт четыреста пятьдесят сосудов мендского вина и никакого другого груза...

(23) (*Свидетельские показания*). Арат из Галикарнасса свидетельствует, что дал Аполлодору ссуду в одиннадцать мин денег под залог товара, который тот вез в Понт на судне Гиблесия, и купленного там взамен [привезенного]...

(24) ...После этого в контракте записано, о судьи, что, когда они продадут в Понте то, что привезли, [они должны будут] вновь закупить товар на вырученные деньги, взять их в качестве обратного груза и этот обратный груз доставить в Афины...

(25) ...Ведь они ничего в Понте не купили и не взяли в качестве обратного груза, чтобы привезти в Афины...

(31) Лакрит же этот сказал, что судно, плывя из Пантикапея в Феодосию, потерпело крушение, и вследствие кораблекрушения у его братьев погибло имущество, оказавшееся на судне. А была на нем соленая рыба⁴¹, косское вино и кое-что другое, и они говорили, что все это они собирались отвезти в Афины в качестве обратного груза, если бы [все это] не погибло на судне.

(32) ...Дело в том, что на потерпевшее крушение судно у них не было никакого контракта, а был другой [человек], давший ссуду под залог провозной платы из Афин в Понт и самого судна... А винишко косское – восемьдесят сосудов испорченного вина – и соленая рыба перевозились на судне из Пантикапея в Феодосию какому-то земледельцу для сельскохозяйственных рабочих.

(33) ...(*Свидетельские показания*). Аполлоид из Галикарнасса свидетельствует, что он видел, как Антипатр, по происхождению китиец⁴², ссудил деньги Гиблесию [для поездки] в Понт под залог судна, которым владел Гиблесий, и провозной платы в Понт; что и он был совладельцем судна Гиблесия; что на корабле плыли его слуги; что слуги его присутствовали при гибели корабля и сообщили ему [об этом]; и что корабль, плывший в Феодосию из Пантикапея, погиб, будучи пустым. (34) Эрасикл свидетельствует, что он плыл вместе с Гиблесием в Понт в качестве кормчего; что, как ему известно, судно было пустым, когда плыло в Феодосию из Пантикапея, и вино, бывшее на судне, принадлежало не Аполлодору, ныне привлеченному к судебной ответственности, а перевозилось около восьмидесяти косских сосудов вина кому-то из [жителей] Феодосии.

Гиппий, сын Афениппа из Галикарнасса, свидетельствует, что плыл вместе с Гиблесием в качестве надзирателя корабля; что, когда корабль плыл в Феодосию из Пантикапея, Аполлодор погрузил на него один или два мешка шерсти, одиннадцать или двенадцать сосудов соленой рыбы, две или три связки козых шкур и больше ничего.

(35) ...А вы, судьи, рассудите сами, знаете ли вы, или слышали ли когда-либо, чтобы кто-то ввозил из Понта вино на продажу, в частности, косское. Ведь совсем наоборот – в Понт ввозится вино из наших мест: из Пепарефа, Коса, фасосское, мендское и из других городов самое разное, а из Понта сюда ввозится совсем другое. (36) Когда мы их задержали и допросили, не осталась ли какая-то часть денег в Понте, этот Лакрит ответил, что осталось сто кизикских статеров, и эти деньги его брат отдал взаймы какому-то судовладельцу в Понте, родом из Фаселиды, своему земляку и родственнику... (37) Договор же говорит не об этом, судьи, а предписывает, взяв обратный груз, отвезти его в Афины, и не давать в Пон-

те наши [деньги] взаймы кому захочется, без нашего ведома, а доставить в целости в Афины...

(52) ...А эти, гнуснейшие из всех людей, в то время как в договоре ясно написано, что следует привезти деньги обратно в Афины, допустили, чтобы то, что они взяли у нас взаймы в Афинах, было отправлено на Хиос. Ибо когда в Понте судовладелец из Фаселиды взял другую денежную ссуду у некоего хиосца...

(53) ...и таким образом отправились [наши деньги] из Понта с судовладельцем из Фаселиды и с займодавцем из Хиоса... И теперь, о судьи, деньги, данные в долг в Афинах [на поездку] в Понт и обратно из Понта в Афины доставлены ими на Хиос.

XXXVII. Против жалобы Пантенета⁴³

(6) Завершив эти дела в месяце Элафеболионе⁴⁴ при архонте Феофиле⁴⁵, я сразу же отправился морем в Понт...

XXXVIII. Против жалобы Навсимаха и Ксенопейфа⁴⁶

(11) Ведь у него было имущество в Боспоре, однако Демарет никогда еще не приезжал в эти места...

LX. Надгробная речь⁴⁷

(8) Ведь и над прибывшим войском амазонок они одержали такую победу, что отбросили его за Фасис⁴⁸.

Источник: Демосфен. Речи. В трех томах / Пер. в греч. под ред. Е.С. Голубцовой, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролова. – М., 1994–1996; Материалы по истории Причерноморья в античную эпоху. Часть II. Демосфен / Составитель Л. А. Пальцева. – СПбГУ, 2001.

Зосима Асколонского «Жизнь Демосфена»

VIII. 18. ...[Демосфен] родился от отца, носившего одинаковое с ним имя, а по ремеслу ножовщика... и от матери именем Клеобулы, родом скифянки⁴⁹ Дед его Гилон, предав Нимфей, одно местечко в Понте, должен был подвергнуться за это суду, но бежал к властите-

лям Понта и, получив от них на пропитание какие-то места, так называемые Кепи [Сады], женился там на скифянке, от которой имел Клеобулу, мать оратора: она была тайком отправлена отцом в Афины и, выйдя замуж за ножовщика Демосфена, родила этого оратора.

Другое жизнеописание Демосфена

VIII. 23. ...Афинянин Гилон, возбудив, я думаю, зависть своими доблестями (это чувство весьма обычно в Афинах), был обвинен в том, что предал Нимфей, местечко в Понте. Будучи обесславлен обидою обвинения, а может быть, и испугавшись сикофантов (их шайка сильна в Афинах), он не дождался их

суда и удалился из отечества раньше обвинения. Прибыв в Скифию, он женился на дочери одного из туземцев, взяв за ней большое приданое. Родив и воспитав двух дочерей, он, по достижении ими брачного возраста, приготовил им приданое и отправил в Афины...

Примечания

¹ Дидим перечисляет следующие ранения: под Мефоной в 353 г. у Филиппа был выбит глаз; во время похода в Иллирию в 345 г. ранен в бедро; во время похода в страну трибаллов в том же году ранен сариссой (длинным копьем) в правое бедро.

Другие (схолиаст к речи «О венке», XVIII, 67) говорят, что в Иллирии он был ранен в ключицу и в Скифии – в голень и в руку.

² Речь «Против Лептина» (355/4 г. до н. э.), относится к числу судебно-политических речей

оратора. Афинский политический деятель Лептин, желая упрочить финансовое положение афинского государства, предложил законопроект, предусматривавший отмену ателии – особой привилегии, состоявшей в освобождении от государственных повинностей, в том числе и от уплаты пошлин. Эта привилегия по постановлению народного собрания давалась за особо выдающиеся заслуги афинским гражданам и чужеземцам, а также их потомкам. Демосфен доказывает нецелесообразность этого предложения как с экономической точки зрения, так и с моральной, ибо принятие этого закона лишило бы граждан стимула для проявления гражданской доблести.

³ *Хорегия* – один из видов литургий, т. е. натуральных повинностей, налагавшихся на наиболее зажиточных граждан. В обязанности хорегия входило покрытие издержек на музыкальные состязания и поставка хоров для драматических представлений во время праздников. По свидетельству древних, хорегия являлась одной из наиболее обременительных повинностей.

⁴ В 514 г. до н.э. Гармодий и Аристоклит составили заговор с целью низвержения тирании в Афинах. Во время Панафинейского праздника они устроили покушение на двух сыновей тирана Писистрата – Гиппия и Гиппарха, пришедших к власти после смерти отца. В результате покушения один из братьев, Гиппарх, был убит. Впоследствии афинские демократы чтят память о Гармодии и Аристоклите как о героях-тираноборцах.

⁵ *Левкон I*, боспорский правитель из династии Спартокидов, правивший в 389/388–349/348 гг. до н.э., сын Сатира I.

⁶ О “дарах”, данных афинянами Левкону I и его отцу Сатиру I, упоминает афинский декрет 346 г. до н.э., изданный после смерти Левкона I в честь его сыновей Спартока, Перисада и Аполлония. Из дальнейшего изложения видно, что этими дарами были полученные Левконом права афинского гражданства и ателии, т. е. освобождение от повинностей и пошлин.

⁷ Ср. Страбон VII: 4,4–6. Об организации боспорской хоры см.: И.Т. Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. – М., 1975.

⁸ Эту фразу можно истолковать иначе: “благодаря тому, что хозяин его (т. е. хлеба) Левкон...”. См.: И.Т. Кругликова. Указ. соч.: 7, 8, 155.

⁹ Пошлину в размере тридцатой части стоимости товара Левкон взывал не с афинян, а с торговцев из других городов.

¹⁰ *Медимн* – аттическая мера сыпучих тел, равная 52,5 литра. Страбон, говоря об экспорте боспорского хлеба в Афины, сообщает, что Левкон отпустил афинянам из Феодосии два миллиона сто тысяч медимнов хлеба (VII: 4, 6).

¹¹ *Ситофилаки* – магистраты, контролировавшие хлебную торговлю Афин. В их обязанности входила регистрация количества ввозимого хлеба и контроль над ценами. В V в. и в начале IV в. до н.э. коллегия ситофилаков состояла из десяти человек (пять человек в Афинах, пять – в Пирее). С середины IV в. стали избирать тридцать пять ситофилаков (двадцать в Афинах, пятнадцать в Пирее).

¹² Таким образом, с четырехсот тысяч медимнов закупаемого хлеба афиняне получали дополнительно тридцать тысяч медимнов в виде не взысканной с них пошлины.

¹³ *Феодосия*, находившаяся на месте современного одноименного города, первоначально не входила в состав Боспорского государства. Борьбу за присоединение Феодосии начал отец Левкона, Сатир I, о котором известно, что он умер при осаде

Феодосии (Ульпиан. Схолии к Демосфену XX). Левкон продолжил военные действия и одержал победу. В надписях (КБН, № 6, 8, 1037, 1038, 1111) он первым из династии Спартокидов именуется архонтом Боспора и Феодосии. В дальнейшем этот титул переходит к его преемникам.

¹⁴ Здесь и далее под Боспором следует скорее всего понимать не государство в целом, а его столицу Пантикапей (совр. Керчь).

¹⁵ *Талант* – денежно-расчетная (не монетная) единица. Серебряный талант состоял из шестидесяти мин, персидский, вавилонский и эгинский талант – из ста мин. Золотой талант равнялся десяти серебряным. Прибыль в пятнадцать талантов афиняне получили, видимо, от продажи излишков хлеба.

¹⁶ Известно несколько населенных пунктов и местностей с таким названием. В других речах Демосфена (XXXV: 10; L: 17 сл.; 58) упоминается Гиерон на берегу Геллеспонта (пролив Дарданеллы). Скорее всего, именно это место имеется в виду и в речи против Лептина. Этот подвластный афинянам пункт лежал примерно на полпути между Афинами и Боспором. О Гиероне см.: Ульпиан. Схолии к Демосфену XX.

¹⁷ Афинский гражданин, считавший, что возложенная на него государственная повинность, связанная с крупными расходами, непосильна для него, мог предложить более зажиточному человеку выбор – принять эту обязанность на себя или помянуться имуществом.

¹⁸ Судебная речь «Против Формиона о займе» составлена Демосфеном по заказу некоего Хрисиппа в 326/325 г. до н.э.

¹⁹ *Формион* – афинский торговец, которого не следует путать с трапедзитом Формионом, упоминаемым в ряде речей Демосфена (XXXVI: 1 сл.; XL: 1 сл.; XLVI: 1 сл.; XLIX: 7,17 сл., 29 сл., 31 сл., 43 сл., 62; LII: 5 сл., 18, 29).

²⁰ *Трапедзит* – меняла, производивший, кроме обмена денег, ростовщические операции. В данном случае он выступает в качестве нотариуса.

²¹ *Перисад I*, сын Левкона I, правитель Боспора (349/348–311/310 гг. до н.э.). После смерти Левкона Перисад в течение пяти лет правил совместно с братом Спартоком II (349/348–344/330), затем единолично.

²² То есть Формион.

²³ Имеется в виду Пантикапей (Боспор), являвшийся конечным пунктом поездки Формиона.

²⁴ *Дети Диона* – братья Лампида.

²⁵ О деньгах, которые должен был возвратить Формион.

²⁶ *Статер* – золотая или серебряная монета. В Причерноморье имели широкое хождение кизикские электровые статеры, выполнявшие роль международной монеты.

²⁷ Прирост в размере одной шестой части капитала составлял более 16 %.

²⁸ То есть в Афинах.

³¹ Речь «Против заявления Лакрита о неподсудности дела» составлена Демосфеном около 343/2 г. до н.э. для афинянина Андрокла.

³² *Артемон* – брат софиста Лакрита.

³³ *Понт* – Черное море. Здесь и далее Понтом называется Боспорское государство, куда, как видно из дальнейшего, направлялся Артемон. То же – у Лисия (XVI: 4), Динарха (I: 43), Эсхина (III/171).

³⁴ *Сфетт* – один из демов Аттики, относящийся к филе Акамантиде.

³⁵ *Карист* – город на южном берегу о.Эвбея.

³⁶ *Фаселида* – торговый город в Ликии, на юге Малой Азии.

³⁷ *Менда* и *Скиона* – греческие города на полуострове Паллена в Македонии (на побережье Фермейского залива).

³⁸ В тексте контракта довольно четко указан маршрут афинского торгового судна, направлявшегося в Боспорское государство. Под “*левой стороной*” *Черного моря* подразумевается, очевидно, его западное побережье (расположенное слева от корабля, вошедшего через проливы в Понт). Выйдя из проливов, судно шло сначала по “*правой стороне*”, т. е. сворачивало на восток, затем, по всей видимости, пересекало Черное море в наиболее узком месте (между мысом Карамбий в Малой Азии и мысом Крию Метопон в Крыму) и таким образом попадало к месту назначения. Обратный путь после захода в Борисфен (Ольвию) лежал вдоль западного побережья Черного моря. Если заход в Ольвию не планировался, судно, по-видимому, на обратном пути использовало прежний, более короткий маршрут. О кратком морском пути через Черное море и времени его освоения см.: М.И. Максимова. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами // МИА, № 33, М., 1954; В. Ф. Гайдукевич. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Евксинском // КСИА, вып. 116, 1969.

³⁹ *Арктур* – звезда в созвездии Волопаса, восходящая в середине сентября.

⁴⁰ *Галикарнасс* – город в Малой Азии.

⁴¹ О соленой рыбе как об одном из предметов экспорта из Причерноморья в Грецию см.: Strab.VII, 4, 6; Polyb. IV, 38, 4.

⁴² *Китий* – один из городов о. Кипра.

⁴³ Речь идет о Пантикапее (Боспоре).

⁴⁴ *Аканф* – город на восточном побережье Халкидики.

⁴⁵ Судебная речь Демосфена «*Против жалобы Пантенета*» составлена в 346/345 г. до н. э.

⁴⁶ *Элафеболион* – один из месяцев афинского календаря, соответствующий марту-апрелю.

⁴⁷ *Архонтство* *Феофила* относится к первому году 108-й олимпиады, т. е. к 348/347 гг. до н. э.

⁴⁸ Речь «*Против жалобы Навсимаха и Ксенопейфа*» составлена около 346 г. до н. э.

⁴⁹ Приписываемая Демосфену «*Надгробная речь*» (по афинянам, павшим в битве при Херонее в 338 г. до н. э.), как полагают, не подлинна.

⁵⁰ *Фасис* – река Риони в Грузии.

⁵¹ [Мать Демосфена Клеобула была родом из Боспора, но действительно ли она была скифянкой или это вымысел Эсхина, – сказать трудно.]

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 3.

Феопомп

Θεόπομπος – Theopompus

Феопомп, Теопомп (380/376–300 до н. э.), греческий историк и ритор, странствующий софист. Уроженец острова Хиос. Ученик Исократы (436–338 до н. э.). Противник демократии. Изгнанный из Афин вместе с отцом за сочувствие Спарте, вернулся на родину только в 333/332 г. по распоряжению Александра Великого, после смерти которого бежал в Египет. Автор двух исторических произведений, от которых сохранились лишь фрагменты. «*Элленика*» («Греческая история») в 12 книгах описывала историю Греции с 410 по 394 г., а следовательно, продолжала сочинение Фукидида. «*Филиппика*» («История Филиппа») в 58 книгах, описывая правление македонско-

го царя Филиппа II с 360 по 336 г. до н. э., благодаря развернутым отступлениям, фактически излагала всемирную историю данной эпохи. Фрагмент, касающийся Скифии, который сохранился в «Лексиконе» византийского историка Гесихия Милетского (I пол. VI в. н. э.), согласуется с повествованиями Геродота и Гиппократы. Древние причисляли Феопомпа, наряду с Геродотом и Фукидидом, к исторической классике. Его стали меньше ценить со времен Адриана (117–138), но, несмотря на это, «*Филиппика*» просуществовала почти целиком до IX в., когда ее сокращенную версию составил константинопольский патриарх Фотий (810/827–891/897).

Феопомп

История Филиппа (согласно «Лексикону» Гесихия)

По В. В. Латышеву

III, фр. 51. *Гиппика* – скифское кушанье из кобыльего молока, а по другим – кислое кобылье молоко, которое употребляют в пи-

щу скифы; его пьют и едят в сгущенном виде, как говорит Феопомп в своей третьей книге¹.

Источник: *Hesychii Alexandrini Lexicon / Rec. Schmidt. V. I–V. – Jenae, 1858–1868; Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Mullerus. Vol. I. – Paris, 1868: 278–333; Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil II. – Berlin, 1926–1930; Berlin–Leiden, 1962; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 3.*

¹ [Рецепт изготовления *гиппика*, как его передают Феопомп и более детально Гиппократ (О воздухе...: 25; О болезнях IV: 20), представляется смешением способов приготовления масла, творожного сыра и кумыса].

Скилак Кариандский ~ Псевдо-Скилак

Σκύλαξ (Σκύλακος) – Scylacus

Скилак (IV в. до н. э.), греческий мореплаватель. Родился в Карианде в Карию на юго-западе Малой Азии. По поручению Дария I, сына Гистаспа, в 519–516 гг. до н. э. совершил путешествие по реке Инд и вдоль побережья Персидского залива, выйдя из города Капсатир на реке Кабул в Гандахаре.

Приписываемый Скилаку «Перипл обитаемого моря Европы, Азии и Ливии и сколько и какие народы в каждой; затем еще области и заливы и реки; и какова протяженность плаваний; и семь населенных островов, и у какого материка каждый лежит» составлен, по одним предположениям, в 338–335 гг., а по другим – в 356 г. до н. э. Охватывает Внутреннее (Средиземное) море, Пропонтиду, Понт и Меотиду (Мраморное, Черное и Азовское моря), а также продолжается за предела-

ми Геракловых Столпов (Гибралтара) вдоль побережья Внешнего моря (Атлантического океана) в южном направлении вплоть до Керны, основанной мореплавателем и географом VI–V вв. Ганноном, сыном Гамилькара. В описании Причерноморья по-иному локализованы местные племена. Сочинение больше известно под названием «Перипл Псевдо-Скилака», т. к. считается, что его анонимный автор присвоил себе имя выдающегося путешественника.

Источники Псевдо-Скилака: ионийские географы Гекатей Милетский и, возможно, отчасти сам Скилак, карфагеняне Ганнон и Гимилькон, греческие географы VI–V вв. Антиох Сиракузский и, вероятно, Филей, Эфор, Феопомп и Евдокс.

Подробнее см.: Ф. В. Шелов-Коведяев. Древнегреческие периплы // ВДИ, 1988, № 1, с. 253-255.

Скилак Кариандский ~ Псевдо-Скилак

Перипл обитаемого моря

Перевод и комментарии Ф. В. Шелова-Коведяева

Дополнительные комментарии А. Ю. Скакова

[Европа]

19. Энеты. За кельтами живет народ энетов, и в их землях протекает река Эридан. Начиная от него плавания вдоль побережья 1 день¹.

20. Истры. После энетов племя истров и река Истр. Эта река, будучи обращена к Египту, впадает в Понт. Плавания же вдоль земли истриан день и ночь.

67. Фракия. Фракия же простирается от реки Стримон вплоть до реки Истр в Евксинском Понте. Во Фракии существуют такие греческие полисы: Амфиполь, Фагр, Галепс, Ойсима и другие эмпории фасосцев. Напротив них лежат остров Фасос и полис с двумя гаванями; из них одна – закрытая. Возвращаясь обратно, откуда отправился. Неаполь, против него греческий полис Дат, который заселил Каллистрат Афинянин, и река Нест, полис Абдера, река Кудет и полисы Дикея и Маронея. Напротив этого остров и гавань Самофракия. Против нее на материке эмпории Дрин, Дзона, река Гебр и на ней укрепление Дурииск, полис и гавань Айн, укрепление айниатов во Фракии, залив Мелас, река Мелас,

эмпории Дерис, Кобрис, эмпории кардианов и другой – Кипасис. Напротив залива Мелас лежат остров и полис Имброс и остров с гаванью Лемнос. Возвращаясь обратно на материк, откуда отправился. После залива Мелас находится Херсонес Фракийский и полисы на нем такие: Кардия, Ида, Пайон, Алопеконнес, Арапл, Элеунт, Мадит, Сеет у устья Пропонтиды, которое шести стадиев. По сю сторону реки Эга Кресса, Критота, Пактия. Вплоть досюда Херсонес Фракийский. От Пактии в Кардию через перешеек пешком 40 стадиев, от моря до моря; и полис посредине, имя которому Агора. Протяженность Херсонеса от Кардии и Элеунт (ибо здесь она максимальна) 400 стадиев. За Херсонесом существуют такие фракийские укрепления: прежде Белое Побережье, [затем] Тейристасис, Гераклея, Ган, Гании, Новое Укрепление, полис и гавань Перинф, укрепление Дамин, полис и гавань Селимбрия. От него до устья Понта 500 стадиев. Пространство Боспора, пока не придешь к самому Святилищу [Зевса], называется Анапл. От Святилища ширина устья Понта

7 стадиев. В Понте существуют такие греческие полисы во Фракии: Аполлония, Месембрия, Одессополис, Каллатис и река Истр. Плавание же вдоль Фракии от реки Стримона вплоть до Сеста 2 дня и 2 ночи, от Сеста до устья Понта 2 дня и 2 ночи, от устья реки Истр 3 дня и 3 ночи. А весь вообще перипл от Фракии и реки Стримон вплоть до реки Истр 8 дней и 8 ночей².

68. Скифия. Тавры. За Фракией живут скифы, и у них такие греческие полисы: река Тирис, полис Никоний, полис Офиусса. За Скифией мыс материка населяют тавры; этот мыс выдается в море. В Таврике же эллины населяют такие полисы: эмпорий Херсонес; Бараний Лоб, мыс Таврики. После этого всего опять скифы, греческие же полисы там такие: Феодосия, Китея и Нимфея, Пантикапей, Мирмекий. От Истра к Бараньему Лбу 3 дня и 3 ночи прямого плавания, каботажного же вдвое дольше: ведь здесь существует залив. В этом заливе лежит остров, остров пустынный,

имя которому Левка; это священный остров Ахилла. А от Бараньего Лба в Пантикапей день и ночь плавания; от Пантикапея же к устью залива Меотиды – 20 стадиев. Говорят, что залив Меотида – половина Понта. У прямо идущего в залив Меотиду по левую руку остаются скифы: ведь они живут за Таврикой от внешнего моря до залива Меотиды³.

Сирматы. [После скифов] племя [сирматы] и река Танаис, [которая] разграничивает Азию и Европу⁴.

69. Плавание вдоль всей Европы. Идущему морем от Геракловых Столпов в Европе по заливам вдоль суши и сосчитавшему, сколько написано ночей и наравне с ними дней, и, где написаны, стадий, [если] дневное плавание принять равным 500 стадиям, – тому плавание вдоль Европы встанет, при том, что залив Меотида будет равен половинной части Понта, в 163 дня. Величайшие же реки в Европе – Танаис, Истр, Родан.

[Азия]

70. Савроматы. А за рекой Танаисом начинается Азия, и первое племя ее в Понте – савроматы. Племя же савроматов женоуправляемое⁵.

71. Меоты. С женоуправляемыми соседят метоты⁶.

72. Синды. После же меотов живут синды; но достигают они и областей вонне залива; и у них существуют такие греческие полисы: полис Фанагора, Кепы, Синдская Гавань, Патунт⁷.

73. Керкеты. А за Синдокой Гаванью – керкеты⁸.

74. [Тореты. После же керкетов тореты] и греческий полис Торик и гавань⁹.

75. Ахайи. А за торетами – ахайи¹⁰.

76. Гениохи. После же ахайев – гениохи¹¹.

77. Кораксы. [А за гениохами кораксы.]¹²

78. [Колика.] После же гениохов область Колика¹³.

79. Меланхлены. А за Коликой меланхлены, и у них река Метасорис и Айгипий река¹⁴.

80. Гелоны. После же меланхленов – гелоны¹⁵.

81 Колхи. А за этими колхи и полис Диоскуриада, и греческий полис Гизнос, и река

Гизнос, и река Херобий, река Хоре, река Арий, река Фасис и греческий полис Фасис, и дорога вверх по реке 180 стадиев в большой варварский город, откуда была Медея; там есть река Рис, река Исис, река лайстов, река Апсар¹⁶.

82 Бидзеры. После же колхов живут бидзеры и река дааранов и река ариев¹⁷.

83. Экехейрии. А за бидзерами экехейрии и река Порданис и река Арабис, полис Лимна, греческий полис Одеиний¹⁸.

84 Бехейрика. После экехейриев бехейры, гавань Бехейрика, греческий полис Бехейриада¹⁹.

85. Макрокефалы (длинноголовые). После же бехейриев макрокефалы, гавань псоров, греческий полис Трапезунт²⁰.

86. Моссиники. А за макрокефалами моссиники и гавань Зефирий, греческий полис Хойрады, остров Арея. Они живут в горах²¹.

87. Тибарены. После же моссиников – тибарены²².

88. Халибы. А за тибаренами живет народ халибов и закрытая гавань Генет, греческий полис Стаменей и греческая цитадель Ясония²³.

Примечания

¹ *Энеты* – адриатические венеты илилийского или родственного кельтам происхождения. До прихода кельтов занимали территорию от побережья Адриатики между р. По и Исонцо до Альп. По

их землям проходил древнейший янтарный путь. Вначале Эридан представлялся полумифической рекой, впадавшей (так считал, например, Геродот) в Северный океан, по которой к Адриатическому

морю доставляли янтарь. Позднее Эридан стали отождествлять, как здесь, с рекой По, так как в раннее время в ее устье находился главный пункт торговли янтарем. По мере же развития другого пути, шедшего по Висле и далее на юг, народ венетов, прочно ассоциировавшийся с торговлей янтарем, был в представлениях древних автоматически перенесен к устью Вислы и уже в новое время отождествлен со славянами.

² *Истры* (здесь первое упоминание) – иллирийское племя, оставили свое имя в названии полуострова Истрия и греческом имени Дуная. Истр – в данном случае имеется в виду р. Сава, приток Дуная. Но Псевдо-Скилак следует распространенному у греков мнению о том, что она была основным руслом этой реки, почему в греческой традиции за Дунаем и закрепилось название Истр. Место о направлении его течения в рукописи сильно испорчено и восстанавливается сугубо предположительно.

³ *Никоний* – городище Роксоланы в Молдавии. *Офиусса* могла находиться на древнем, ныне не существующем дельтовом острове в устье Днестра. Упоминание о городе Тире (совр. Белгород-Днестровский) могло выпасть из-за совпадения его названия с названием реки. Но возможно и то, что Офиусса – другое название Тиры. Ко времени создания перипла *Херсонес* был мощным полисом, поэтому столь скромное его упоминание [ἐμπόριον ‘эмпорий – торговый центр, порт’] свидетельствует о старом источнике сведений о Северо-Западном Причерноморье. *Бараний Лоб* – мыс Саргыч. Ахилл почитался на о-ве Левка (Змеином) как божество, помогающее мореходам. Для древних было характерно преувеличенное представление о размерах Азовского моря, которое окружающие народы именовали матерью моря (Понта). Внешним морем в античной традиции обычно называли Атлантический океан. Но здесь речь идет о Черном море.

⁴ Пассаж о сирматах сохранился в рукописях крайне плохо, его текст восстановлен критиками текста. Важное свидетельство о том, что в начале второй половины IV в. часть сарматов уже перешла на правобережье Дона.

⁵ Перипл сохраняет архаическое название сарматов, сведения об их расселении и социальном устройстве. Это указывает на то, что Псевдо-Скилак не располагал материалами, которые отражали бы достаточно длительное тесное общение греков с этим народом.

⁶ Важное свидетельство о расселении меотов на большей части побережья Азовского моря. Указание на соседство с сарматами говорит о том, что значительная концентрация сарматов на левобережье Дона уже обратила на себя внимание греков. [Племя, занимавшее Южное Приазовье, Таманский полуостров и Северо-Восточное побережье Черного моря до Новороссийска. – А. Ю. Скаков].

⁷ *Полис Фанагора* – название стоит в род. пад., отражая легенду о наименовании полиса в честь его основателя. *Патунт* – Баты других источников. Название *Синдская Гавань* соответствует эпохе, предшествующей включению этого полиса в состав Боспорского государства во второй четверти IV в. до н.э. Ей отвечает и характеристика мощной группировки синдов, занимавших Южное Приазовье, Таманский п-ов и северо-восточное побережье Черного моря до Новороссийска. [Город на Таманском полуострове (у других авторов не считается синдским); *Копы* (т. е. сады) – на берегу Таманского залива, *Синдская Гавань* – греческий порт на берегу Черного моря в районе Анапы (древней Горгиппни), *Патунт* – Баты других источников, гре-

ческий порт в районе Геленджика – Новороссийска. – А. Ю. Скаков].

⁸ В последовательности перечисления керкетов, *ахайев* и *гениохов* Псевдо-Скилак следует Артемидору (ср. сведения Страбона). [*Керкеты* – Горное племя, фонетически и по их локализации отождествляется с позднейшими черкесами. – А. Ю. Скаков].

⁹ Начало параграфа сильно пострадало в некоторых рукописях, восстановлено в соответствии с конъектурой, принятой К. Мюллером. Возможно, тореты – часть тех же керкетов, обитавшая в хинтерланде Торики. Такую же локализацию дают Дионисий и Птолемей.

¹⁰ Название племени *ахайев* может свидетельствовать о его родстве с совр. абхазами. Из рано возникшего уподобления по созвучию родилось и получило широкое распространение представление об их родстве с греками-ахейцами, легшее в основу многих фантазий и легенд.

¹¹ *Гениохов* локализуют между Диоскуриадой (Сухуми) и Фасисом (Поти), а некоторая их часть, возможно, жила и на южном берегу Понта.

¹² В некоторых рукописях этот параграф отсутствует. Гекатей и Гелланик (а вслед за ними Мела и Плиний) считают их колхами, а Гесихий называет их скифским народом.

¹³ *Колика* локализуется обычно в районе совр. Очамчир. Тем самым здесь (ср. 81) географическая последовательность перечисления племен оказывается нарушенной.

¹⁴ *Меланхленов* помещают сюда, кроме Псевдо-Скилака, только Мела и Плиний. [Геродот помещает их на северо-востоке Скифии (IV, 20). *Река Метасорис* – река, отождествляемая с какой-либо из небольших рек между Диоскуриадой и Фасисом (Поти). *Река Ачигипий* некоторыми комментаторами идентифицируется с рекой Кораксом других авторов. – А. Ю. Скаков].

¹⁵ *Гелонов* здесь локализуется только наш перипл. Геродот пишет, что гелоны – вшееды. Исходя из другой древней традиции, Мела, Плиний и Арриан помещают вшеедов в Колхиде. Может быть, в результате смешения этих представлений Псевдо-Скилак перенес гелонов на Кавказ, а те потянули за собой и своих соседей меланхленов. Но возможно и прямо противоположное – гелоны и меланхлены были увлечены с Кавказа продвижением скифов (ср. Гесихий о кораксах). В этом случае источник Псевдо-Скилака в данной части должен датироваться как минимум VI в. до н.э.

¹⁶ *Колхи* – жители совр. Колхидской низменности, возможно, предки грузин, *р. Фасис* – Риони (см. также комм. 76), [*р. Херобий* – совр. Сианис-Цхари, *р. Хоре* (*Хоб*) – совр. р. Ингур (или Хопис-Цхари), *р. Арий* – локализуется где-то в районе нынешнего Поты. – А. Ю. Скаков]. “*Большой варварский город*” – место испорчено: в рукописях здесь стоит еще малопонятное МАΛΗΝ. Название ли это города (Мал), или искаженное ΑΙΑΙΛΑΝ (о городе легендарного Эета в Колхиде Эе или Эее сообщают многие источники, начиная с мифа об аргонавтах), или диттография МАΛΗΝ ΜΕΓΑΛΗΝ – трудно решить. Может быть, здесь имеется в виду город на месте совр. Вани или Кутаиси. *Рус* – р. Сурий, *Алсар* – Гонио, *Исис* – Натанеби (?).

¹⁷ *Бидзеры* локализуются в междуречье Видзе-Су и Чороха в Южном Причерноморье. Возможно, предки цанов (чанов) и лавов. [Река дааранов отождествляется с р. Архабом других авторов и совр. р. Арташена, река ариев с совр. р. Абу около Мыса Фортуны. – А. Ю. Скаков].

¹⁸ Опираясь на другой источник, экехейриев упоминает еще только автор Анонимного перипла. Аполлоний Родосский помещает в этой местности сапейров, а Гекатей – хоев. Порданис – Фуртуна, Арабис – Суха-Дере, Одейний (также Годиний, Ардиней, Адизн, Абиней) – Канлу-Дере. [Экехейрии и бекейры – горные племена, жившие по течению р. Чорох. – А. Ю. Скаков].

¹⁹ Упомянутые город и гавань локализуются в районе совр. Ридзе.

²⁰ *Макрокефалы* (также *макроны*) локализуются в районе совр. Трабзона. Гавань псоров – Кара-Дере.

Источник: [Скилак Кариандский]. *Перипл обитаемого моря* / Перевод с древнегр., вступительная статья и комментарии Ф. В. Шелова-Коведяева // ВДИ, 1988, № 1: 253-266; № 2: 260-267.

²¹ *Моссиники* жили западнее Кerasунта, их территория простиралась далеко в глубь материка. *Зефирий* – Зеффри (Каик-Лиман). *Хойрады* – очевидно, искаженное Кerasунт. *Остров Арея* – Кerasун-Ада.

²² *Тибарены* были известны в районе Котиоры (совр. Орду).

²³ *Халибы* локализовались различными античными авторами по всему южному побережью Понта, где встречалось население, издревле занимавшееся металлообработкой. Здесь, по-видимому, имеется в виду район горы Униех. Ясония – Ясун-Бурну, Генет – одна из бухт между Ясун-Бурну и Чан-Бурну.

Теофраст

Θεόφραστος – Theophrastus

Теофраст Эресский, реже Феофраст (ок. 372/371 – ок. 287 до н. э.), греческий философ и естествовед. Родом из Эреса на острове Лесбос. Ученик Платона, затем Аристотеля. После смерти последнего возглавил перипатетическую школу. Был автором 227 трактатов по философии, метафизике, этике, педагогике, логике, психологии, риторике, литературоведению, математике, астрономии, метеорологии, минералогии, зоологии, ботанике. Известен, главным образом, своими ботаническими сочинениями («Περὶ φυτῶν ἱστορίας» – «О растениях» в 9 книгах, «Περὶ φυτῶν αἰτιῶν» – «О причинах растительности» в 6 книгах и др., в которых описал и классифицировал свыше 500 видов и семейств растений), трудами по минералогии («Περὶ λίθων» – «О камнях») и психологии («Ἠθικὰ χαρακτήρες» – «О характерах», где он в духе аттического сценического искусства с тонким юмором и иронией изобразил около 30 человеческих недостатков – лень, болтливость, суеверность, склонность к сплетням и др.; издание «Хорошие характеры» утеряно).

В логических учениях Теофраст не отступал от Аристотеля. Вместе с Аристотелем Теофраст отрицал возникновение мира. В этике, по сравнению с Аристотелем, Теофраст придавал большее значение внешним благам. Некоторое отступление от Аристотеля замечается у Теофраста и в учении о движении, которому он посвятил особое сочинение. Возражал Теофраст также и против Аристотелевского определения пространства. Вместе с Евдемом Теофраст ввел в логику учение о гипотетическом и разделительном умозаключении.

В трудах по естествознанию Теофраст использует и причерноморский материал, однако, по заключению Л. А. Ельницкого, “скудость и легендарность данных, находящихся в распоряжении Теофраста, в частности в том, что касается причерноморской ботаники, достаточно показательны для общего уровня положительных знаний о Северном Причерноморье в эпоху наивысшего расцвета греческой науки. Все же и эти незначительные сведения проливают иногда неожиданный свет на хозяйственную историю Причерноморья, – когда в сочинениях Теофраста заходит речь о культурных растениях, домашних животных и т. п.”.

В трудах по естествознанию Теофраст использует и причерноморский материал, однако, по заключению Л. А. Ельницкого, “скудость и легендарность данных, находящихся в распоряжении Теофраста, в частности в том, что касается причерноморской ботаники, достаточно показательны для общего уровня положительных знаний о Северном Причерноморье в эпоху наивысшего расцвета греческой науки. Все же и эти незначительные сведения проливают иногда неожиданный свет на хозяйственную историю Причерноморья, – когда в сочинениях Теофраста заходит речь о культурных растениях, домашних животных и т. п.”.

Теофраст

По В. В. Латышеву

О растениях

Книга IV

5. (3) На Олимпе много лавра, а мирта вовсе нет. В Понте у Пантикапея нет ни того, ни другого¹, хотя жители стараются разводить их и принимают для этого всякие меры ради священнодействий. Смоковницы там растут в изобилии и достигают значительной

вышины, а также и гранаты, если их покрывать на зиму; груш и яблок очень много, всевозможных сортов и хорошего качества; они весенние, за исключением поздних. Из дикорастущих деревьев там есть дуб, вяз, ясень и подобные им; нет сосны, ели и пинии и вообще

ще никаких смолистых деревьев; *лес* этот сыр и значительно хуже синопского, так что даже мало идет в дело, кроме *построек* под открытым небом². Вот что *растет* вокруг Понта или по крайней мере в некоторых его местностях.

14. (13) В Понте у Пантикапея вымерзание *растений* происходит двояким образом: иногда от холода, если год суров, а

иногда от морозов, если они стоят долгое время. И то и другое бывает преимущественно после солнцеворотов через 40 *дней*. Морозы бывают в ясную погоду, а холода, от которых *происходит* вымерзание, преимущественно *тогда*, когда при ясной погоде падают *снежные* чешуйки; они похожи на пылинки, но пошире и во время падения заметны, а когда упадут, то исчезают³.

Книга VII

13. (8) Очевидно, что есть довольно много видов луковиц: они различаются и величиной, и цветом, и видом, и соками; в некото-

рых местностях они так сладки, что употребляются в пищу сырыми, как, например, в Херсонесе-Таврическом.

Книга IX

13. (2) Сладок и “скифский корень”; некоторые прямо называют его “сладким”. Он растет у Меотиды; полезен против удушья, против сухого кашля и вообще против грудных болезней; кроме того, в меду *полезен* против ран; может также утолять жажду, если держать *его во рту*; поэтому, как говорят, скифы довольствуются им и гиппакую по одиннадцати и двенадцати дней⁴.

15. (2) В Эфиопии есть некий смертонос-

ный корень, которым намазывают стрелы, а в Скифии – он же и многие другие, из которых одни сразу убивают принявших *их*, а другие – в более или менее продолжительное время, так что некоторые умирают от истощения⁵.

17. (4) ...Некоторые говорят, что здешние овцы не едят полыни, а понтийские едят и становятся жирнее и красивее, причем, как некоторые говорят, не имеют желчи⁶.

О причинах растительности

Книга III

23. (4) ...Холодные и теплые страны хлебодородны, как, например, Фракия, Понт, Ливия и Египет: ибо сверх прочих *причин* произво-

дят некоторое *действие* холод и жар, как сказано в *отделе* об обработке земли.

О камнях

8. (58) Киноварь бывает то самородная, то искусственная: самородная в Иберии, очень твердая и камневидная, и в Колхиде: говорят,

что она находится на утесах и ее сбивают стрелами⁷...

О ветрах

9. (54) В некоторых местностях Нот, какжется, производит и снежные вьюги, как, например, на побережьях Понта и Геллеспонта,

когда Борей бывает так холоден, что сковывает воду *льдом* и не позволяет *ему* таять.

Отрывки «О водах»

Фр. 159. Вода Борисфена по временам бывает темно-синего цвета, несмотря на чрезвычайную легкость. Доказательством *служит то, что* вследствие легкости *она* при северных ветрах *течет* поверх *воды* Гипаниса.

Фр. 172. (1) Меняют цвет и уподобляются растениям, или местностям, или камням, к которым приблизятся, полип, хамелеон и животное таранд, которое, как говорят, водится в Скифии или Сарматии... (2) Таранд величиною с быка, а мордую похож на оленя, только шире, *так что она* как бы сложена из двух

оленьих морд. *Животное это* – парнокопытное и рогатое. Рог имеет отростки, как олений, и весь покрыт шерстью: кость его обтянута кожей, откуда и растет шерсть. Кожа толщиной в палец и очень крепка, почему ее высушивают и делают из *нее* панцири. (3) Перемена *цвета у таранда* удивительна и почти невероятна: у других перемена происходит в коже вследствие изменения внутренней влаги или кровянистой, или какой-нибудь другой подобной, так что патологическая причина очевидна; изменение же волос, сухих, висия-

щих и вовсе не обладающих свойством изменяться, поистине удивительно и невероятно,

в особенности если разнообразится соответственно многим предметам.

Примечания

¹ [Лавр растет в Северном Причерноморье и в Крыму, и на Кавказе. Мирт известен лишь на Кавказском побережье. Указание Теофраста на стремление припонтийских жителей культивировать эти растения для надобностей религиозных церемоний ценно, хотя его и трудно согласовать с тут же высказанным категорическим утверждением об отсутствии лавра и мирта “в Понте у Пантикапея”].

² [Поражает утверждение Теофраста об отсутствии хвойных деревьев в Крыму. Как известно, в действительности Яйла покрыта ими. В особенности же много сосны и пинии. Любопытно указание на предпочтение сипопского леса перед боспорским на греческих рынках. Все же, из этого места явствует, что и боспорский строительный лес ввозился в Грецию].

³ То же самое и в книге «О причинах растительности»: “вокруг же Понта от ветров происходит вымерзание (растений), когда при ясной погоде падают (снежинки); они плоски и заметны во время падения; упавши же, исчезают”.

⁴ [“Скифский корень” – может быть, не что иное, как наша редька, очень давно известная в культурном состоянии, сладкая, если ее тронет мороз; известно и приготовление ее в меду. В качестве лекарственного растения в настоящее время не употребляются].

⁵ [Растительные яды, которыми пользовались для намазывания наконечников стрел, довольно разнообразны. Это, в сущности, те ядовитые вещества, которые по современной классификации причисляются к разряду “сердечных ядов”. Ср., впрочем, о приготовлении отравленных стрел Аристотель. О чудесных слухах: 141].

⁶ Это, заимствуя из Теофраста, повторяет Аполлоний: “Теофраст в книге «О растениях» говорит: овцы на Понте, пасущиеся на полыни, не имеют желчи”.

⁷ [Месторождения минеральной киновари (сернистой ртути) редки, но в Причерноморье известны, в частности, на Кавказе, однако не в Колхиде и не в Иберии, а в Дагестане].

Каллисфен ~ Псевдо-Каллисфен

Καλλισθένης – Kallisthenes

Каллисфен (ок. 365–327 до н. э.), греческий историк и философ. Родом из Олинфа (город на полуострове Халкидика, разрушенный Филиппом Македонским в 348 г. до н. э.), племянник Аристотеля, сопровождал его к македонскому двору и вместе с ним составлял список победителей Пифийских игр. По настоянию Аристотеля в качестве официального деписателя сопровождал Александру Македонскому в его походе на Восток, но попал в немилость, поскольку сопротивлялся введению некоторых восточных обычаев при дворе (коленипреклонение перед владыкой и пр.). Впоследствии по приказанию Александра был казнен за действительное или предполагаемое участие в заговоре. Его судьбе посвящено сочинение Теофраста «Каллисфен, или О скорби». Все произведения самого Каллисфена утрачены. К наиболее значительным принадлежали его исторические труды: «Ἑλληνικά» («История эллинов») в 10 книгах,

охватывающая период от Анталкидского мира (386 г.) до начала священной войны (357 г.); «История священной войны» (события 357–346 гг. до н. э.) и «Деяния Александра» – самое знаменитое произведение, описывающее события до битвы под Гавгамелами (331 г.). Это была первая история походов Александра Македонского, которая впоследствии имела множество последователей (Птолемей, Арриан, Курций Руф). Завороженный личностью Александра, Каллисфен представлял его защитником интересов эллинов и сыном Зевса. Каллисфену приписывают и созданный значительно позднее роман «Жизнь и деяния Александра Македонского», написанный неизвестным автором, которого обычно именуют Псевдо-Каллисфеном. Этот роман получил широкое хождение и известен в многочисленных греческих, сирийских, армянских, латинских, славянских и восточных версиях, значительно отличающихся друг от друга.

Псевдо-Каллисфен

Жизнь и деяния Александра Македонского

По В. В. Латышеву

Книга I

В гл. II среди народов, о которых говорится, что они угрожали Нектанубу, в рукописи L перечисляются скифы, иберы, споры, халдеи, агриофаги; в рукописи A – сиды (Σίδοι), читай – инды (Ἰνδοί) или синды (Σίνδοι), бос-

порцы, агриофаги и т. д.; в рукописи B – иберы, боспорцы, бастарны, азаны, халибы. Валерий в латинском переводе после прочих называет скифов, алан, иберов, агриофагов¹.

23. [Поход Александра против скифов по

рукописи С]: ...Скифы поднимают войну против Македонии. Филипп, услышав *об этом*, произвел смотр войску и, убедившись, что у него недостаточно войска, для выступления против них (ибо полчища скифов были велики, около 400 000), находился в затруднении. Призвав всех своих вельмож и друзей, он изложил им свое затруднение насчет войны и *спрашивал*, что ему делать. И говорит Аристотель: “Государь Филипп, предоставь войну Александру, и судьба поможет ему”. Филипп тотчас призывает Александра и говорит ему: “Вот твой, Александр, случай борьбы за отечество! Твоей судьбе выпала на долю война: скажи же, как ты относишься к ней? Речь идет об испытании твоего счастья; подумай же о войне”. Александр стоял *вместе* со всеми; стоя, он улыбался, в улыбке обнаруживал свою отвагу и весело ответил отцу: “Что же ты давно не сказал мне об этом, а склонился к такому малодушию и печали из-за сборища множества муравьев? Я выступлю, буду с ними воевать и уничтожу их богатырей; ведь победы не зависят от многолюдства, а даруются провидением свыше”. После этого глаза всех устремились на Александра, и он во всех возбудил изумление. Он стоял посреди всех, сияя, как звезда. Филипп говорит: “Иди, дитя *мое*, и делай то, что провидение влагает в твою душу”. Александр выступил с 30 000 юношей и двинулся воевать со скифами. Скифское войско было бесчисленно, но счастье Александра *было* непреодолимо. И вот он берет с собою немногих *людей*, занимает одну горную вершину и, видя значительное число неприятелей, высматривает удобное место, которое было для них выгодно, а скифам неизвестно. Вернувшись, он берет с собою всю свою рать и ночью расставляет ее вокруг скифских полчищ. В недоступном месте он ставит засаду, приказав спрятаться в ней двум тысячам отборных мужей, а всем окружавшим *скифов* он приказал зажечь костры *по группам* в 38 человек и больше. Когда это было сделано, скифы, осмотревшись повсюду, видят в том месте, где Александр устроил засаду, как бы свободу от огней. Увидев величину македонской рати и испугавшись, они решили ночью спастись отсюда бегством. Они немедленно обратились в бегство, покинув весь обоз. Александр, увидев *это*, бесшумно последовал за ними со всеми своими войсками. Когда скифы вступили в место засады, Александр в тылу их затрубил в трубы, македоняне подняли крик, скифы стали толкать друг друга, засадный отряд оказал-

ся впереди их, *другие* напали на них сверху, – и скифы остановились, ничего не ожидая, кроме смерти. Они стали просить пощады, но македоняне беспрепятственно резали всех их. Александр сжалился над ними и тотчас повелел прекратить резню, приказав всех связать и привести в его войско, чтобы придумать, что с ними делать. Когда они отошли на указанное место, Александр приказал представить их начальников. Они предстали, дрожащие *от страха*, и Александр говорит им: “Вы видели, как провидение предало вас в руки македонян и вы не могли противостать следам ног наших. Рабы вы мои или нет?” Они со страхом сказали: “Мы рабы твои, государь, и мы будем служить тебе вовеки по желанию твоему”. И, пав ниц на землю, поклонились ему. Александр, отнесясь к ним благосклонно, приказал освободить их от оков и велел войти вместе с ними в столицу Филиппа, чтобы показать трофей своей победы, а затем дозволил возвратиться восвояси и приказал платить ежегодную дань македонянам.

24. [Из рукописи С] ...Александр, оплакав Филиппа, со всем войском, вместе с матерью своей Олимпиадой привозят его в столицу на золотом ложе и погребают по обычаю, причем собралась вся Македония. Когда миновало время траура, скифы пришли к Александру, испрашивая его приказаний. Он, отослав их восвояси, сказал: “Уйдите и приготовьте всего около 30 000 стрелков; когда я пришлю к вам, поскорее вышлите мне их, а если вы не желаете быть со мною в союзе, то я приду к вам и разорю дотла вашу землю”. После этого скифы поклонились Александру и, возвратившись домой, провозгласили его богом, постановив служить ему рабски до пятого поколения.

26. [Из рукописи С] ...Александр, сосчитав всех бывших у него воинов, которых он получил от отца своего Филиппа, нашел 77 000 и 6 500 стрелков. Он послал вестника и к скифам, чтобы они, если желают, пришли к нему в качестве союзников. Скифы послали к нему 70 000 конных стрелков, всё отборную молодежь...

После покорения Фессалоники Александр выступил походом против верхних скифов. По прошествии трех дней прибыли послы из Скифии, говоря, что *скифы* рабски подчиняются ему и просят не идти на них. Александр говорит им: “Идите в вашу землю и пришлите мне в качестве союзников опытных стрелков, сколько хотите тысяч. Я ухожу теперь против Лакедемонии; пусть ваша союзная рать при-

дет ко мне в 60 дней; если ожидаемые не придут по прошествии этого срока, то я выставлю против вас свою фалангу и уже не поверну назад”. Скифы обязались рабски исполнить все приказанное, и *тогда Александр*, обласкав их, отпустил восвояси.

Книга III

25. [По изданию Meusel'я] ...Оттуда *Александр* двинулся в путь к амазонкам. Приблизившись к ним, он послал им письмо следующего содержания: “Царь Александр амазонкам *желает* здравствовать... Оттуда [т. е. от брахманов] мы предпринимаем путь к вам. Вы встретите нас радушно: *мы* приходим не с целью обидеть вас, а только посмотреть страну и вместе с *тем* облагодетельствовать вас. Будьте здоровы”.

Получив и прочитав это письмо, амазонки отписали Александру следующее: “Сильнейшие и правящие из амазонок Александру *желают* здравствовать. Мы написали тебе для сведения до нашествия на нашу землю, чтобы ты не возвратился бесславно. А письмом нашим сообщаем тебе сведения о нашей стране и о нас самих, ведущих суровую жизнь. Мы живем за Амазонской рекой посредине. Окружность нашей земли простирается на год *пути*, а река не имеет начала. Вход к нам один. Мы, живущие здесь, – вооруженные девицы в числе 270 000; у нас нет ни одного *существа* мужского пола, а мужчины живут за рекою, владея *тамошнюю* земель. Мы ежегодно совершаем праздник конеубиения, принося жертвы Зевсу, Посейдону, Гепесту и Аресу в течение 30 дней⁴. Те из нас, которые желают соединиться с ними, остаются у них на несколько дней; все рожденные ими дети женского пола вскармливаются ими, но по достижении семи лет они переводят их к нам. Когда неприятели предпринимают поход на нашу землю, мы выступаем на конях в количестве 120 000, а остальные охраняют остров. Мы приходим навстречу к границе, а за нами следуют мужчины, выстроившись в тылу. Если *которая из нас* получит на войне рану, то пользуется почетом вследствие нашей храбрости и, увенчанная, остается приснопамятною; если же *которая* падет на войне, защищаясь, то близкая ей получает немалую сумму денег. Если кто привезет на остров тело врага, то за это дается в награду золото, серебро и пожизненное продовольствие. Таким образом мы ратоборствуем за нашу славу. Если мы одолеем неприятелей или они обратятся в

44. [По изданию Meusel'я] ...*Александр* в два дня пришел в Боттию и к Олинфу, опустошил всю Халкидскую область² и истребил их соседей. Оттуда он пришел к Евксинскому Понту и подчинил себе все ближайшие города³...

бегство, то им остаются на вечные времена стыд и позор; а если они победят нас, то окажутся победителями женщин. Итак смотри, царь Александр, чтобы с тобою не случилось того же. Подумай и отпиши нам – и найдешь нашу рать на границах. Будь здоров”.

26. Александр, прочитав их письмо и улыбнувшись, отписал им следующее: “Царь Александр амазонкам *желает* здравствовать. Мы покорили три четверти вселенной и не переставали ставить трофеи над всеми. Поэтому нам останется позор, если мы не пойдем войною на вас. И если вы хотите погибнуть и оставить свою землю необитаемою, то останьтесь на границах. Если же желаете жить в своей земле и не пытаться счастья в войне, то перейдите к своей реке и покажитесь нам. Точно также и мужчины пусть остаются на равнине. Если вы это сделаете, то я клянусь моим отцом и матерью моею Олимпиадою, что не обижу вас. Я приму от вас дань, какую вы сами захотите дать, и не приду в вашу землю. Выбранных вами всадниц пришлите к нам. Мы будем давать каждой из присланных вами ежемесячно по золотому статеру жалованья и кормовые. Через год они уедут, а вы пришлите других. Подумайте и отпишите нам. Будьте здоровы”.

Получив и прочитав письмо Александра, *амазонки* устроили совет и после совещания отписали ему следующее: “Сильнейшие и правящие из амазонок царю Александру *желают* здравствовать. Мы даем тебе разрешение прийти к нам и обозреть нашу страну. Мы определяем давать тебе ежегодно по 100 талантов дани и послали к тебе навстречу 500 сильнейших из нас, которые везут тебе деньги и *ведут* 100 кровных коней. Они пробудут у тебя год. Если *которая-либо* из них вступит в связь с каким-нибудь чужеземцем, то пусть остается у вас, а остальных отошли назад и взамен их получишь других. Мы готовы повиноваться тебе и лично и заочно, так как слышаны о твоих доблестях и мужестве. Ты пришел к нам господином. Мы решили написать тебе, *остаться* жить на родной земле и

повиноваться тебе как господину. Будь здоров”.

27. По получении этого *письма* Александр описал свои деяния матери своей Олимпиаде следующим образом: “Царь Александр дражайшей матери моей, Олимпиаде, *желаю* здравствовать. Выступив против амазонок, я направил путь к реке Притану⁵... Когда мы намеревались переправиться через реку, называемую Пританом, многие туземцы были перебиты солдатами. Мы прибыли к реке, называемой Фермодонтом и протекающей по богатой равнине, в которой жили женщины-

амазонида⁶, значительно превосходящие ростом прочих женщин, отличающиеся красотой и здоровьем и носящие цветную одежду; они употребляли серебряные секиры, а железа и меди у них не было; они отличаются сообразительностью и остроумием. Когда мы выстроились вдоль реки, где жили амазонки (река эта велика и непроходима, и в ней множество животных), последние, переправившись, построились против нас. Но мы письмами убедили их покориться нам.

28. И взяв с них дань, мы отправились к Красному морю”.

Примечания

¹ [Нектанаб, или чаще Нактанеб II – царь Египта, современник Филиппа Македонского].

² [Боттия – область в восточной Македонии. Олинф – греческий город на полуострове Халкидике, который автор называет Халкидской областью].

³ Латинский перевод Юлия Валерия содержит следующее: “Сказав это, направляет путь к Евксинскому Понту и подчиняет себе все города его побережья. Принеся, наконец, торжественную жертву конному Нептуну, приходит к Меотийско-

му болоту, достаточно суровому и недоступному из-за холода” и т. д.

⁴ [О жертвоприношении коней в Малой Азии, Скифии и в Греции: Ксенофонт. Анабасис IV: 5, 34].

⁵ *Huранim Valerius*. [Одна из небольших рек на черноморском берегу Малой Азии, к востоку от Атины, может быть, идентичная речке Фуртура на современных картах].

⁶ [Амазонида – то же, что и амазонки, параллельная ионическая форма, которую употребляет, например, Пиндар (Олимп. XIII: 84)].

Источник: *Pseudo-Gallisthenes primum edidit Garolus Müller. Accedit Itinerarium Alexandri. – Paris, 1846; Pseudo-Kallisthenes nach der Leidener Handschrift von H. Meusel. – Leipzig, 1871; В. В. Латышев.*

Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 3.

Палефат

Παλαίφατος – Palaerphatus

Под этим именем истории известны несколько древнегреческих авторов, начиная с некоего поэта догомеровского периода и кончая определенно известным мифографом I в. до н. э. По данным византийского лексикона «Суда», современником Александра Македонского (356–323 до н. э.) и любимцем Аристотеля (384–322 до н. э.) был историк Палефат Абидосский, который написал несколько сочинений: «Κυπριακά», «Δηλιακά», «Ἀττικά», «Ἀραβικά». Ему же, видимо, принадлежит утраченное сочинение «Τρωϊκά» («О Троянской войне»), которое, по словам «Суды», некоторые приписывали грамматiku Палефату Египетскому или Афинскому, а другие Палефату Паросскому или Приенскому, жившему при

Артаксерксе. Им приписывает «Суда» и некоторые другие сочинения.

Мифограф, известный под именем Палефат, самое позднее в последнем столетии до н. э. составил антологию редких историй из мифов, сказаний и легенд («Περὶ ἁλίστων» – «Об историях, не достойных доверия»), по меньшей мере, в двух книгах, в которых он, еще более плоско, произвольно и рискованно, если это возможно, чем Дионисий Скитобрахион, Мнасей и Евгемер, старался объяснить всё наиболее естественным образом [Латышев 1947/3: 250].

В сохранившемся виде сборник Палефата «О невероятном» включает 45 повествований разного объема.

Палефат

По В. В. Латышеву

О Троянской войне. Книга VII

Фр. 1. К керкетам примыкают мосхи, и хариматы владеют Парфением до Евксинского Понта (Стефан Византийский, под словом Харιμάται).

Фр. 2. Палефат в VII книге сочинения «О троянской войне» говорит, что длинноголовые (Макрокéφαλοι) живут в Ливии выше колхов (Harpocraton: Макрокéφαλοι).

О невероятных сказаниях

XXXIII. Об амазонках. Об амазонках говорят, что *это* были не женщины, а мужчины-варвары. Они носили длинные до пят хитоны, подобно фракиянкам, волосы повязывали митрами, а бороды брили и за это назывались у

неприятелей женщинами. Племя амазонов было храбро в битвах; невероятно, чтобы когда-либо бывали походы женщин: ведь и ныне нигде их *не бывает*¹.

Примечания

¹ Использованное в данном контексте слово *μίτρη* имело, согласно «Древнегреческо-русскому словарю» И. Х. Дворецкого, несколько подходящих значений, а именно: 'головная повязка, пре-

имущественно женская' (Еврипид), 'восточный головной убор, род тюрбана' (Геродот, Аристофан, Плутарх).

Источник: *Mythographi graeci. V. III. 2. Palaephati de incredibilibus, Heracliti de incredibilibus, Excerpta Vaticana* / Ed. N. Festa. – Lipsiae, 1902; В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // ВДИ, 1947, № 3; Ср.: Палефат. *О невероятном* / Пер. В. Н. Ярхо // ВДИ, 1988, № 3–4.

Харес Митиленский

Χάρης – Chares

Харес, или Харет (IV в. до н. э.), греческий историк. Родом из Митилены на Лесбосе. Служил при дворе Александра Македонского как *εἰσαγγελεύς* 'докладывающий о посетителях'. Написал не менее чем в 10 книгах «Историю Александра» («Ἱστορίαι περὶ Ἀλέξαν-

δρον»), фрагменты от которой сохранились в сочинении грамматика III в. н. э. Атеней (Афиней) из Навкратиды Египетской «Δειπνοσοφισταί» («Дипнософисты, или Ведущие ученые беседы за обеденным столом») и в очерке Плутарха об Александре.

Харес Митиленский

История Александра

По В. В. Латышеву

Книга X

Фр. 17. У Гистапса был младший брат Зариадра; туземцы говорят о них, что они родились от Афродиты и Адониса. Владел же Гистапс Мидией и нижней страной, а Зариадра – *областью, лежащую* выше Каспийских ворот до Танаиса. У Омарта, царя маратов (*вариант*: сарматов), живших по ту сторону Танаиса, была дочь по имени Одатида; о ней записано в историях, будто бы она влюбилась в Зариадра, видя его во сне, и что последним овладела такая же страсть к ней. Итак, они постоянно томились желанием *в отношении* друг друга вследствие *полученного* во сне представления. Была же Одатида красивейшей из женщин по всей Азии, да и Зариадра был красив. Когда Зариадра послал к Омарту и просил руки девушки, Омарт не согласился, потому что у него не было мужского потомства; и он хотел дать ее одному из своих домашних. Немного времени спустя Омарт, собрав со *всего* царства династов, друзей и родственников, устроил брачное пиршество, не сказав заранее, кому *он* намерен дать *свою* дочь. Когда

попойка была в полном разгаре, отец, вызвав Одатиду на пиршество, сказал так, что слышали пировавшие с ним: “Мы, о дочь *моя* Одатида, справляем теперь твою свадьбу. Итак, – оглянувшись кругом и осмотрев всех, взяв *затем* золотой фиал и заполнив его: – дай, кому хочешь [быть женой]: ибо его женой *ты* и назовешься”. А она, оглядев всех, отошла, обливаясь слезами и пылая желанием видеть Зариадра: ибо она *заранее* послала *ему известие*, что скоро совершится ее брак. Он же, расположившись лагерем на Танаисе, тайно прошел по лагерю с одним *только* возницею и ночью, поскакав на колеснице, проехал большое расстояние, сделав около восьмисот стадий. Приблизившись же к деревне, в которой праздновали свадьбу, и оставив в одном месте возницу с колесницею, он сам пошел вперед, надев скифское платье. Придя на двор и видя Одатиду, стоящую перед посудным столом и со слезами *на глазах* медленно приготавливающую вино в фиале, он сказал, став близ нее: “О, Одатида, вот я с тобой, как ты захотела, я

– Зариандр”. Она же, заметив, что чужеземец и красив и похож на того, кого она видела во сне, и очень обрадовавшись, дает ему фиал, и он, похитив ее, отвел к колеснице и бежал вместе с Одатидою. Отроки же и служанки, знавшие о любви *Одатиды*, промолчали и, когда отец приказал говорить, сказали, что не знают, куда *она* ушла. Любовь же эта пользуется известностью у населяющих Азию варва-

ров и ставится очень высоко; миф этот изображается на картинах в святилищах и дворцах, а также и в частных домах; и своим дочерям многие из династов дают имя Одатиды (Атенеи XIII: 36, 575a).

[Харес] упоминается у Плутарха среди тех писателей, которые ничего не передают о посещении Александра амазонками (Александр: 46).

Источник: C. Mullerus. Scriptores rerum Alexandri Magni. – Paris, 1877; Athenaei Naucratis Deipnosophistarum, libri XV / Rec. G. Kaibel. – Lipsiae, 1923; Athenaeus. The Deipnosophists. 7 Volumes. Bilingual edition Greek-English (Leob classical library). V. I. – London, 1927; Cambridge-Massachusetts, 1951; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3.

Клеарх Солийский

Κλέαρχος – Clearchus

Клеарх (IV в. до н. э.), греческий писатель. Уроженец кипрского города Сол, ученик Аристотеля. Оставил не дошедшие до нас труды разных литературных жанров. Его «Жизне-

описания» были одним из главных источников грамматика III в. н. э. Атенея (Афиней) из Навкратиды Египетской.

Клеарх Солийский

Жизнеописание

По В. В. Латышеву

Книга IV

Фр. 8. Сначала один *только* скифский народ пользовался общими законами; затем они снова сделались “несчастнейшими *из всех смертных*”¹ вследствие *своих* насильственных поступков. Ибо они предавались роскоши, как никто другой, вследствие удач во всем, богатства и прочего благосостояния. Это же очевидно из остающихся еще до сих пор одежды и образа жизни их начальников. Предавшись же роскоши и притом весьма *сильно* и устремившись первыми из всех людей к тому, чтобы жить роскошно, они дошли до такой степени жестокости и высокомерия, что у всех людей, с которыми вступали в сношения, стали обрезать концы носов. Потомки этих людей, удалившиеся с родины, еще и *ныне* имеют прозвище от того, что те претерпели. Женщины же их татуировали тела женщин фракийцев, живших вокруг них к запа-

ду и северу, накалывая рисунки булавок. Отсюда много лет спустя пострадавшие и униженные *таким образом* женщины фракийцев особенным образом изгладили следы несчастья, расписав и остальные части тела, чтобы *бывшие* на них знаки насилия и стыда, войдя в состав разнообразных рисунков, именем украшения изгладили позор. Над всеми же они господствовали так надменно, что рабское служение у них, ни для кого не бесслезное, перенесло и в последующие поколения выражение “от скифов”, *показывающее*, каково оно было. Итак, вследствие множества постигших их несчастий, когда от печали они одновременно *уничтожили* удобства жизни и обрезают кругом волосы, все чужие *народы* называли стрижку всего народа, делаемую в знак *испытанного* насилия, ἀλεσκυθίσθαι (оскифиться) [Атенеи XII: 27, 524c].

Источник: Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Mullerus. Vol. 2. – Paris, 1848; В. В. Латышев.

Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3.

¹ Цитата из «Антигоны» Еврипида, фр. 158N.

Эрасистрат

Ἐρασίστρατος – Erasistratus

Эрасистрат (304/280–250/240 до н. э.), греческий врач и анатом. Родился в городе Иулиде на острове Кеос. Ученик Теофраста. Служил придворным врачом Селевка I Никатора, царя Сирии (312–280 до н.э.), впоследствии переселился в Александрию.

Наряду с Герофилом Эрасистрат был ведущим представителем Александрийской медицинской школы и стал основателем особой

врачебной школы эрасистратовцев. Причиной болезней считал излишества в пище и переполнение вен, поэтому для лечения применял преимущественно диету, кровопускания, слабительные и рвотные средства. В конце жизни Эрасистрат поселился на Самосе, где и умер. До 15 сочинений Эрасистрата известны по трудам Галена и Целия Аврелиана.

Подробнее см.: С. Г. Ковнер. Очерки истории медицины. Вып. 3 // История древней медицины. – К., 1888.

Эрасистрат

Хирургические операции

По В. В. Латышеву

Книга I

Фр. И скифы имеют привычку, когда в течение некоторого времени принуждены оставаться без пищи, стягивать живот широкими поясами, так как *при этом* голод менее мучит их. Почти так же, как при наполненном же-

лудке, *люди* не чувствуют голода, потому что в нем нет никакой пустоты, так он не имеет пустоты и тогда, когда сильно стянут (Авл Геллий. Аттические ночи XVI: 3, 8).

Источник: Auli Gellii Noctium atticarum, libri XX, post M. Hertz /Ed. C. Hosius. – Lipsiae, 1903; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3; Авл Геллий. Аттические ночи. – Томск, 1993.

Феокрит

Θεόκριτος – Theocritus

Феокрит (ок. 300 – ок. 260 до н. э.), древнереческий пасторальный поэт, основоположник жанра идиллии. Родом из Сиракуз, жил главным образом на острове Кос и по приглашению царя Птолемея II – в Александрии. Под именем Феокрита сохранился сборник «Идиллии», включающий 30 произведений, называемых идиллиями (εἰδύλλιον ‘маленький образ, картинка, преимущественно из сельского быта, идиллия’), не все из них подлинны. Это дидактические эпиграммы, поэмы, прославляющие Птолемея II, а также стихи-мимы, в которых правдиво изображена жизнь простого народа, например празднества, посвященные Адонису. Византийский

лексикон «Суда» называет еще произведения иного типа, которых нет в сохранившемся сборнике. Высшим достоинством Феокрита было создание жанра пасторальной поэзии, которая оказала значительное влияние на Вергилия и всю последующую буколику (Мосх, Бион, Кальпурний, Немезиан и др.). Феокрит писал преимущественно на дорийском диалекте, в эпилиях (ἐπύλλιον ‘маленькая поэма, стихотвореньице, стишки’) использовал ионийский диалект, а в лирических произведениях – эолийский. Сведения, сообщаемые Феокритом о Скифии и ее обитателях, не выходят за рамки общих представлений.

Феокрит

По В. В. Латышеву

ХIII. Гилас¹

55–57. ...Сын Амфитриона², беспокоясь о юноше, пошел *искать его*, по-меотийски взяв красиво изогнутый лук и палицу.

XVI

99. ...Понт Скифский [Евксинский].

Схолии к Феокриту

II. 87. *Часто фансом* – фанс есть некое дерево, которое называется также скифарием или скифским деревом, как говорит и Сапфо; им красят шерсть в яблочный цвет, а также волосы в белокурый. Это – так называемое у нас золотое дерево³...

IV. 62. *Блудник* – “прекрасно действует хромой” – пословица, которая, говорят, распространилась потому, что хромые, сидя дома, отличаются постоянной похотливостью. Другие говорят, что пословица распространилась вот откуда: амазонки, родив *дитя* мужского пола, делают его хромым, чтобы оно не сделалось мужественнее их, и сходятся с этими *хромыми* по достижении *ими* возмужалости. Итак, когда скифы говорят, что лучше бы им жить с ними, *амазонки* отвечают: “прекрасно действуют хромые”.

VII. 77. ...Кавказ – гора в Скифии. Καύκασον ἑσαχτόεντα значит находящегося в крайних частях земли. Иначе: ...есть, гово-

рят, река Орел (᾿Αετός), стремительно несущаяся в местностях *около* Кавказского хребта и опустошающая область Прометея; ее отвод Геракл, откуда, говорят, и *явилось известное* сказание⁴.

Глосса: [Кавказ] – гора в Скифии. – Доходящего до крайних пределов земли.

X. 34. [Амиклы] – род обуви амиклейцев, как карпатыны – карийцев и скифики – скифов.

V. 56. *Ушел по-меотийски* – т. е. по-скифски (с метафорой от вооруженных луками скифов). Ибо меоты *суть* скифы, живущие вокруг Меотийского озера. Геракл употреблял скифский лук, будучи обучен неким скифом Тевтаром, как рассказывают Геродор⁵ и Каллимах.

XVI. 99. *И Понта Скифского* – так называемого Евксинского.

Глосса: по ту сторону моря скифов, т. е. Меотийского озера.

Примечания

¹ Содержанием идиллии служит рассказ о похищении Гераклова любимца Гиласа нимфами во время похода аргонавтов.

² [Сын Амфитриона – Геракл].

³ [О скифском дереве фанс (θάψος), со слов той же Сапфо, говорится в словарях Фотия и Гесихия под этим словом].

⁴ [В имени реки Орел (᾿Αετός – Αἰετός), переключаясь с мифическим именем отца Медеи

(Αἰήτης), равно как и в словах об опустошающем действии реки, отведенной Гераклом из “страны Прометея”, сквозит попытка схолиаста дать рационалистическое объяснение мифу о Прометее и аргонавтах].

⁵ [См. Геродор, фр. 5 у Аполлодора II: 4, 4, 1: вместо скифа Тевтара в аналогичном рассказе назван Еврит Эхалийский].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3; Феокрит. Моск. Бион. Идиллии и эпиграммы / Пер. и комм. М. Е. Грабарь-Пассек. – М., 1958.

Каллимах

Καλλίμαχος – Callimachus

Каллимах (310/305–240/235 до н. э.), греческий филолог и поэт. Родился в Кирене, в Северной Африке, в известной семье, ведущей свое происхождение от Батта, основателя Кирены. Приехал в Александрию вскоре после 300 г. Получив образование, вначале зарабатывал на жизнь обучая детей в городском предместье Элевсии. Затем был призван ко двору Птолемея II Филадельфа (285–247 до н. э.) в качестве придворного поэта. Работая в основанной при Александрийском мусейоне Александрийской библиотеке, насчитывавшей от 100 до 700 тысяч томов (сгорела в 47 г. до н. э., часть уничтожена в 391 г. н. э., остатки – в VII–VIII вв.), создал уникальный ката-

лог в 120 книгах – «Таблицы тех, кто проявил себя во всех видах литературы, и того, что они написали». В этом капитальном своде Каллимах разделил литературу на прозу и поэзию, выделил затем в поэзии эпическую, элегию, ямбографию, лирику, трагедию, комедию, а в прозе – историю, риторику, философию, медицину и право и в пределах отдельных родов дал в алфавитном порядке очерки о каждом из авторов. Помимо этого, Каллимах написал более 800 книг прозы, выпустил стихотворный сборник «Ямбы» и много другого, однако до нас дошли в целости только 6 гимнов, 64 эпиграммы и немногочисленные фрагменты из его многочисленных произведений. Уцелев-

шие фрагменты его произведения «Причины» (подразумеваются причины появления различных обычаев, празднеств, именований) – повествовательные элегии в 4 книгах – включали в себя широко известный «Локон, или Коса Береники», переведенный на латинский язык Катуллом, – о рождении созвездия Локона царицы Береники (созвездие Волосы Вероники), который она посвятила Афродите, чтобы ее муж благополучно вернулся из военного похода. Каллимах отступил от традиции больших эпических форм («Большая

книга – большое зло», – утверждал он) и создал поэтический жанр малых форм. «Малая» поэзия Каллимаха имела большое влияние на Проперция, считавшего себя «римским Каллимахом». Особый интерес в плане нашей проблематики имеют труды Каллимаха о варварских обычаях, колонизации островов, основании городов и изменении их названий, о реках, а также его «Собрание диковин со всего света» – первое парадоксографическое произведение, известное сегодня по цитатам у Антигона из Кариста.

Каллимах

По В. В. Латышеву

Гимны

III. К Артемиде

173–174. ...Или когда ты, богиня, пришла из Скифии, чтобы поселиться в Алах Арафенских¹, и отвергла уставы тавров...

248–258. ...Впоследствии вокруг твоего кумира [в Эфесе] был воздвигнут обширный храм; заря не узрит никакого храма ни святее, ни богаче его: он легко превзойдет и Пифон². Поэтому-то наглец Лигдамис (Λύδαμις)³ и пригрозил разрушить его и привел бесчис-

ленное [досл. равное песку] войско доителей кобылиц киммерийцев, которые живут отдельно от других у самого пролива Инаховой телицы. О жалкий царь, как он ошибся! Ни ему самому, ни кому-либо другому, чьи повозки стояли на Каистрийском лугу⁴, не суждено было вернуться в Скифию: ибо твой лук всегда защищает Эфес...

IV. К Делосу

275 – 295... Поэтому с тех пор⁵ ты называешься священнейшим его [т. е. Аполлона] островом, кормилец Аполлона; тебя не посещают ни Энио, ни Аид, ни кони Ареса⁶, но всегда посылаются ежегодные десятинные начатки и приводят хоры все города, которые получили участки земли на востоке, на западе и посредине [т. е. на юге], а также и жители северного берега, самое долговечное племя⁷. Они первые несут солому и священные горсти колосьев; их, приносимых издалека, прежде всего принимают в Додоне пеласги, спящие

на земле⁸, служители неумолкающего таза⁹. Затем они прибывают в святой город и в пределы Мелийской земли; оттуда переплывают на прекрасную Лелантскую равнину абантов¹⁰, затем уже недалек морской путь из Эвбеи, ибо близки к тебе ее гавани. Первые принесли тебе это от белокурых аримаспов¹¹ Упис, Локсо и блаженная Гекаерга, дочери Борея, и славнейшие из тогдашних юношей. Они не возвратились домой, достигли блаженства и никогда не остаются бесславными.

Коса Береники

Фр. 35с. Да погибнет род халибов, которые открыли это злое творение [железо], поднима-

ющееся из земли (Схолии к Аполлонию Родосскому I: 1323; II: 373).

Записки

Фр. 187. Феб услаждается гиперборейскими жертвами ослов (Климент Александрийский. Протрептика II: 29).

Схолии к гимнам Каллимаха

III, 174. Уставы – обычаи тавроскифов, именно приносить в жертву чужеземцев.

253. Киммерийцев – скифов.

254. Пролив Инаховой телицы – т. е. Ио,

превращенной в телицу. Есть два Боспора: Византийский [Фракийский, или Константинопольский] и Киммерийский.

IV, 281. И живущие выше – гиперборей.

282. *Жилища берега*. Поэт называет теперь «берегом» пояс океана.

283. *Которое солому*. Говорят, что гипербореи посылают Аполлону дары, которые

первыми принимают от них додонцы.

291. *Аримаспов* – племена гипербореев.

292. *Унис и...* Три девы гипербореев скифов.

Примечания

¹ Дом в Аттике. Поэт намекает на известное сказание о перенесении статуи Артемиды Ифигенией и Орестом из Тавриды в Аттику.

² [Имеется в виду знаменитый храм Аполлона в Дельфах].

³ [Имя это известно также из Страбона (I: 3, 21) и Гесихия (под этим словом); оно соответствует Tugdamme или Dugdamme ассирийских источников – имени царя Ummanmaanda – северных людей, киммерийцев, наводнивших в середине VII в. до н. э. Малую Азию, разграбивших Сарды и сжегших храм Артемиды Эфесской. Тогда же киммерийцы, соответственно данным Страбона, подтверждаемым надписью Ашшурбанипала на юге Малой Азии, пришли в соприкосновение с ассирийцами, во время которого в Киликии или Южной Каппадокии и погиб Лигдамис].

⁴ [Каистр – река, на которой стоит Эфес].

⁵ Со времени рождения Аполлона.

⁶ Намек на то, что Делос, как священный остров, не подвергался опустошительным войнам и что на нем запрещено было “рождаться и умирать”.

⁷ Предание о принесении начатков от гипербореев на остров Делос см. Геродот IV: 33; свидетельство Каллимаха принято нами в сборник потому, что, по его словам, три девы, впервые принесшие начатки, происходили из племени аримаспов (Каллимах. Гимн IV: 291).

⁸ Ср. Гомер. Ил. XVI: 235.

⁹ Разумеется известное гадание в Додоне по медному тазу.

¹⁰ На острове Эвбея.

¹¹ [Аримаспы здесь смешиваются с гиперборейцами].

Источник: *Callimachea edidit O. Schneider. 2 vol. – Lipsiae, 1870–1873; Callimaque, par Cahen. – Paris, 1929; Каллимах. Избранные гимны и эпиграммы / Пер. В. Алексеева. – СПб, 1899; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3; Греческая эпиграмма / Под ред. Ф. А. Петровского. – М., 1960.*

Ликофрон

Λῑκόφρων – Lycophron

Ликофрон (ок. 320 до н. э. – ?), древнегреческий грамматик и поэт. Уроженец города Халкиды на острове Эвбея. При Птолемеи II Филадельфе (280–247 до н. э.) жил в Александрии, где занимался каталогизацией рукописей комедиографов, в результате чего составил не дошедший до нас трактат «О комедии», неоднократно упоминаемый в сочинении грамматика III в. н. э. Атеней (Афиней) из Навкратиды Египетской «*Δειπνοσοφισταί*» («Дипнософисты, или Ведущие ученые беседы за обеденным столом»). Ликофрон известен как автор трагедий на мифологические темы (сохранилось 20 названий) и сатировой драмы «Менедем». Приписываемое ему поэтическое произведение «Александра» в 1474 ямбических

триметрах содержит в себе предсказание Приамовой дочери Кассандры о гибели Трои и о позднейшей судьбе троянских и ахейских героев. Что касается Скифии, то у Ликофрона – типичная для его окружения путаница: аргонавты и колхи оказываются в Иллирии, на берегах северной Адриатики, ставшей позднее других морей доступной для греческой торговли, а амазонки, наступающие на Элладу, олицетворяют угрожающее греческой цивилизации азиатское варварство.

Помимо публикуемых здесь фрагментов, ниже приводятся объяснения византийского филолога Иоанна Цеца (1110–1180) к «Александре», комментируемой в другой версии под названием «Кассандра».

Ликофрон

Александра

По В. В. Латышеву

186-201. ...Супруг [Ахилл], ища ее [Ифигению], зарезанную эллинами, в пределах Салмидесского моря¹; долго будет жить на белеющем утесе вблизи устьев озерных вод Келтра, снедаемый страстью к супруге, которую некогда во время убиения избавит от мечей

лать, протянув *свою* шею. Будет оглашаться звуками внутри утесистого берега глубокий, пустынный и песчаный Бег² жениха, стенающего о несчастиях и напрасном плаваньи и о скрытой, изменившей вид, старике среди жертвенных сосудов, очистительной воды и

клокочущей из бездны пламенем чаши Аида, которую будет раздувать черная *жрица*, варя в котле своим поварским искусством тела убитых. И он с воплями будет бродить по скифской земле, в течение пяти лет страстно желая ложа...

458. Скифский колчан.

915. Меотийское ожерелье.

917. Изогнутый скифский лук.

1283-1290. Что общего у несчастной матери Прометея с кормилицей Сарпедона, которых море Геллы, Симплегадские скалы, Сал-

мидес и соседняя со скифами негостеприимная пучина разделяют крепкими льдами и разграничивает своим течением чистый Танаис, прорезывающий посредине озеро, излюбленное смертными меотами, оплакивающими отморожение ног...

1333-1338. ...[Амазонки], покинув Эрис, Лагмос, Теламос, поток Фермодонта и Актейскую гору, стремясь к возмездию и свирепым грабёжам, погнались скифских коней через черный Истр, испуская бранный клич грекам и потомкам Эрефея³...

Примечания

¹ [Салмидесское море или, чаще, залив – у северо-восточных берегов Фракии, характеризующих Страбона (I: 50 сл.) как пустынные и дикие].

² [Ахиллов Бег – Тендеровская коса, близ устья Днепра].

³ [Эрис, Лагмос. Теламос – по словам схолиаста, скифские реки, нигде, однако, в другом месте не засвидетельствованные. Фермодонт – река на юго-востоке Малой Азии, ныне Терме-Чай].

Источник: *Lycophronis Alexandra* / Ed. L. Mascialino. – Lipsiae, 1964; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3.

Антигон Каристский

Ἀντίγονος – Antigonos

Антигон (ок. 290 – после 226 до н. э.), греческий скульптор, искусствовед, биограф и парадоксограф. Уроженец города Кариста на острове Эвбея, жил в Афинах и Пергаме. Ученик основателя эретрийской философской школы Менедема (ум. ок. 275 до н.э.). Работал для пергамского царя Аттала I Сотера (241-197) над скульптурными группами побежденных галлов в Пергаме и «Дарами Аттала» в Афинах. Предположительно, автор статуи Умирающего галла и пергамского царя Евмена II (197–160/159), сына Аттала I. Автор трактата о торевтике – искусстве ручной

рельефной обработки художественных изделий из металла – чеканки, тиснения, отделки литых изделий. Около 240 г. написал «Жизнеописания философов» – в основном IV–III вв., уделив главное внимание их судьбам и психологическим характеристикам. Сохранились фрагменты биографий академиков Полемона, Кратия, Крантора, Аркесилая, перипатетика Ликона, скептиков Пиррона и Тимона, стоика Зенона. Антигону принадлежит также небольшой сборник рассказов о невероятном.

Антигон Каристский

Свод невероятных рассказов

Перевод и примечания П. И. Прокурова

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

XIII. В скифской земле, подобно тому как и в элейской, не рождаются мулы¹.

XXV (31). Аристотель говорит², что этим качеством [т. е. способностью изменять цвет шерсти] обладает и так называемый таранд³, животное четвероногое, по величине почти равное ослу, толстокожее и волосатее, и удивительно, как может так резко меняться его шерсть.

XXVII (33). [Аристотель] рассказывает⁴, что у Конопия при Меотийском озере волки, получая пищу от рыбаков, стерегут их добычу, а если сочтут себя в чем-нибудь обиженными, то портят у них сети и рыбу.

LIV (59). Рассказывают, что у скифского царя была породистая кобылица; к ней подвели для случки от нее же родившегося жеребца, но тот не хотел; когда закрыли кобылу и подвели к нему, он совокупился, но когда ее открыли и он увидел ее голову, то убежал и бросился с утеса⁵.

LXXXV (92). [Аристотель] говорит, что у реки Гипаниса близ Боспора Киммерийского около зимнего солнцеворота приносятся рекою как бы мешочки величиною больше виноградной ягоды; когда они лопнут, из них выходит четвероногое крылатое животное,

живущее один день. Необыкновенно и то, что крылатое животное имеет четыре ноги⁶.

СХХП (134). Рассказывают, что и на Белом острове ни одна птица не может при полете подняться выше Ахиллова храма⁷.

СЛП (167). [Каллимах говорит, что] Гераклид пишет *об одном* озере в Сарматии, будто ни одна птица не перелетает его, а если какая-нибудь приблизится, то умирает от запаха⁸...

Примечания

¹ Ср. Геродот IV: 28, 30; Аристотель. Истории о животных VIII: 25; Клавдий Элиан. О животных V: 8.

² Аристотель. О чудесных слухах: 30.

³ [Ср. Теофраст, фр. 172].

⁴ Аристотель. Истории о животных IX: 36.

⁵ Ср. Аристотель. Истории о животных IX: 47.

⁶ Ср. Аристотель. Истории о животных V: 19; Клавдий Элиан. О животных V: 43; Плиний. Ест. ист. XI: 36.

⁷ Ср. Плиний. Ест. ист. X: 29; Солин. Собрание достопамятных сведений: 19.

⁸ Ср. Цец. Схолии к «Кассандре» Ликофрона: 704.

Источник: *Rerum naturalium scriptores Graeci minores / Rec. O. Keller. Bd. I. – Lipsiae, 1877; U. von Wilamowitz-Möllendorff. Antigonos von Karystos. – Berlin, 1881; R. Nebert. Studien zu Antigonos von Karystos // NJPh, 1895–1896; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3.*

Хрисипп

Χρύσιππος – Chrysippus

Хрисипп (ок. 280 – 208/205 до н. э.), греческий философ. Уроженец города Солы на северо-западном берегу Кипра. Второй основатель стоицизма – после Зенона из Китиона (ок. 336–264 до н. э.) – и его главный систематизатор, глава школы стоиков после смерти Клеанфа (331–232 до н. э.).

Хрисипп – автор более 700 сочинений (сохранились только фрагменты), около полови-

ны из которых посвящена проблемам логики. Разрабатывал логику высказываний, установил принцип двужначности, легший затем в основу классической логики, и др. Диоген Лаэртский писал о нем: “Слава его в искусстве диалектики была такова, что многим казалось: если бы боги занимались диалектикой, они бы занимались диалектикой по Хрисиппу”.

Хрисипп

Жизнеописание

Книга I

По В. А. Латышеву

Но сам Хрисипп в первой книге «Жизнеописаний» говорит, что мудрец *может* охотно принимать царскую власть, извлекая из нее выгоду. А если он сам не мог бы царствовать, то будет жить с царем и выступать в походы с царем, каков был скиф Иданфирс¹ или Левкон Понтийский². Приведу же и такое его рассуждение, чтобы узнать, будет ли согласно тому, как от самой нижней и самой верхней струны получается некое созвучие, так же согласна жизнь мужа, избирающего бездействие или малую деятельность, а затем едущего верхом со скифами и занимающегося делами тиранов на Боспоре по какой бы то ни было причине. “Опять же, – говорит, – рассмотрим случай, когда он будет и выступать в походы с династами и жить с ними... – И немно-

го спустя: – и не только с имеющими некоторое развитие и получившими воспитание и некоторые нравственные начала, как у Левкона и Иданфирса”. Некоторые ставят в вину Каллисфену, что он отплыл к Александру, надеясь восстановить Олинф, как Аристотель *восстановил* Стагиры; Эфора же и Ксенофонта и Менедема хвалят как отклонивших приглашение Александра. Хрисипп же ради обогащения стремглав посылает мудреца в Пантикапей и в Скифскую пустыню. Ибо то, что он делает это ради заработка и обогащения, он ясно показал, предполагая, что “мудрецу более всего приличествуют три *способа* обогащения: один – от царской власти, другой – от друзей и третий затем – от занятий софиста”³... (Плутарх. Против стоиков: 20).

Примечания

- ¹ [О скифском царе *Иданфирсе* ср.: Геродот IV: 127] Демосфен. Против Лептина 29; Диодор Сицилийский XIV: 98, 1.]
² [*Левкон*, царь Боспора (387–347 до н. э.). Ср.: ³ Ср.: Страбон VII: 3, 8.

Филон Гераклеяский

Φίλων – Philo

Филон (III в. до н. э.), греческий парадоксограф, живший, предположительно, при Птолемеи III Евергете (правил в 246–221 до.

н. э.). Упоминание о нем сохранилось только в нижеприводимом свидетельстве Иоанна Стобейского, заимствованном у Порфирия.

Филон Гераклеяский

О чудесах

По В. В. Латышеву

Примечание Л. А. Ельницкого

[Из сочинения Порфирия о Стиксе]. Филон Гераклеяский в посвященном Нимфиду сочинении о чудесах говорит, что в Скифии водятся рогатые ослы и что эти рога могут содержать в себе эту воду [т. е. Стикса]; что подобный рог был поднесен Сопатром Александру

Македонскому и был посвящен в Дельфах следующей надписью:

“Тебе, Пеан, посвятил Александр Македонский этот рог скифского осла, чудную вещь, которая не была побеждена чистой влагой лусейского Стикса и выдержала силу воды”¹.

Примечания

¹ [В древности существовало поверье, что воду Стикса (реки подземного царства), невыносимую по своему холоду для человека, не может также сохранить никакой сосуд, за исключением “рога скифского осла”. Передавалось также, что Алек-

сандр Македонский умер, будучи отравлен водою Стикса, поднесенной ему в подобном сосуде. Ср.: Страбон VIII: 389; Павсаний VIII: 18, 4; Клавдий Элиан. О животных X: 40].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 3.

Аполлоний Родосский

Ἀπολλώνιος Ῥόδιος – Apollonius Rhodius

Аполлоний Родосский (ок. 295 – ок. 215 до н. э.), греческий поэт и грамматик. Родился в Александрии или Навкратисе в Египте, сын Силлея. Прозвание Родосский получил ввиду долговременного пребывания на этом острове. Ученик Каллимаха. С 260 по 247 возглавлял Александрийскую библиотеку – после Зенона Эфесского и перед Эратосфеном. К этому периоду относят не сохранившиеся критические сочинения Аполлония, посвященные, в частности, Архилоху и Гесиоду, а также трактат «Против Зенодота», содержащий критические нападки в адрес первого главы библиотеки.

Аполлоний стремился возродить эпическую поэзию и открыто подражал выдающимся эпическим поэтам древности. Опираясь на Гесиода, Пиндара, Антимаха, Софокла (несохранившаяся трагедия «Колхидянки»), а также на Каллимаха, написал поэму «Аргонавтика» («Ἀργοναυτικά») в 4 книгах – о походе аргонавтов за “золотым руном”. Однако, вопреки традиции, героические образы в «Ар-

гонавтике» отсутствуют. Психология любви Медеи к Ясону, введенная в героическую поэму, затем разрабатывалась в том же духе Вергилием в «Энеиде» и в эпических поэмах классицизма. На латинский язык поэму Аполлония довольно свободно перевели Варрон Атацин и Фалерий Флакк.

Эпос Аполлония, использовавшийся в качестве основного источника сказаний об аргонавтах, подробно прокомментирован античными схолиастами, что позволяет полнее уяснить географические и этнографические представления его времени, особенно что касается малоазийского и восточного побережья Черного моря, Фасиса и Колхиды. Исследователи отмечают при этом блестящую эрудированность Аполлония в области мифологии и одновременно зависимость автора в том, что касается фатов, от Эфора и, возможно, Нимфодора Сиракузского.

Л. А. Ельницкий, высоко оценивая сочинение Аполлония в качестве исторического и

этнографического источника, заключает, что «Аргонавтика» оказывается «единственным в своем роде памятником, в котором упомина-

ются и локализуются некоторые северночерноморские племена, чего не дает ни более ранняя, ни более поздняя литература».

Аполлоний Родосский

Поход аргонавтов

По В. В. Латышеву

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Книга I

534. Когда детям Нефелы, Фриксу и Гелле, грозила смерть, явился баран. Затем, взяв их на спину, он вступает в море и отправляется в плавание. Прибыв в Троянское море, он теряет Геллу, от которой получил название Геллеспонт¹, а Фрикса переносит в Скифию. Там Фрикс закалывает барана и приносит в жертву Зевсу Фиксию [т. е. покровителю беглецов] за то, что избег козней мачехи, *затем* женился на Халкиопе, дочери скифского царя Эета, приживает от нее четырех сыновей – Арга, Китиссора, Мелана и Фронтида и умирает там.

373–387. Там [у устья реки Фермодонта] *лежит* долина Дойанта¹ и близ *нее* три города амазонок. За ними несчастнейшие из людей, рабочие-халибы², заселяют скалистую и суровую страну, занимаясь обработкой железа. Вблизи, выше Генетейского мыса³ Зевса Гостеприимного (Ζηνός Εὐξένοιο), живут богатые стадами тибарены⁴. За этим *мысом* моссирики занимают лесистую страну и предгорья, устраивая себе жилища в деревянных башнях и крепкие ограды, которые называются моссинами; отсюда они и сами получили название⁵. Минувя их, вы пристанете к скалистому острову, не имея возможности прогнать очень дерзких птиц, которые в бесчисленном множестве селятся на *этом* пустынном острове. На нем же царицы амазонок Отрера и Антиопа построили каменный храм Аресу, когда отправлялись в поход⁶...

392–407. За островом на противоположащем материке живут филиры⁷; выше филиров – макроны⁸, а за ними многочисленные племена бекиров⁹, непосредственно за ними живут сапиры¹⁰, за которыми следуют уже сами воинственные колхи. Но вы продолжайте путь на корабле, пока не упретесь в самый край моря. Там на Китаидском материке обильный водоворотами Фасис, вытекаая с далеких Амарантских гор, по Кирейской равнине несется в море широким потоком¹¹. Гоня корабль к устью этой реки, вы увидите башню китаид-

ского Эета и тенистую рощу Ареса. Там дракон, страшное на вид чудовище, стережет ручно, повешенное на вершине бука; ни днем, ни ночью сладкий сон не смыкает его свирепых очей.

1000–1008... На следующий день и в наступившую *за ним* ночь *аргонавты* прибыли к земле халибов. Они не занимаются ни возделыванием земли *при помощи* быков, ни разведением каких-либо сладких плодов, не пасут стада на росистых пастбищах; раскапывая железоносную твердую землю, они выменивают *добытое железо* на жизненные припасы; никогда не встает для них заря без *новых* трудов, среди черной копоти и дыма исполняют они *свою* тяжелую работу.

1009–1032. Немедленно затем обогнув мыс Генетейского Зевса, аргонавты поплыли мимо земли Тибаренской. У этого народа мужчины, когда жены родят им детей, ложатся в постель с повязанными головами и стонут, а жены кормят их вкусною пищею и устраивают им послеродовые купанья¹². За ними *аргонавты* миновали Святую гору (Ἱερὸν ὄρος)¹³ и страну, в которой моссирики живут на горах в «моссилах», от которых и получили свое название. У них свои особенные законы и обычаи; все то, что можно совершать открыто, при людях или на площади, они делают в домах, то, что мы делаем в комнатах, они бесцеремонно совершают вне дома, среди улиц; им неизвестен даже брачный стыд: как свиньи на пастбищах, ничуть не стесняясь присутствующих, они на *голой* земле вповалку соединяются с женщинами в любовных объятиях. А в самом высоком моссине сидит *у них* царь и творит правый суд своему многочисленному народу; но положение его жалко: если он при суде допустит в чем-нибудь ошибку, то его запирают и целый тот день томят голодом¹⁴. Миновав моссиников и *очутившись* почти насупротив острова Аретиады¹⁵, *аргонавты* целый день плыли на веслах...

Книга II

1140–1157. Недоумевающий в несчастии Арг обратился к Ясону *со следующими словами*: “Вы и сами уже, я думаю, раньше слышали, что некий Фрикс, потомок Эола, прибыл из Эллады в Эю; он явился в город Эета на баране, которого Гермес сделал золотым; руно его вы можете увидеть еще и теперь висающим на кудрявых ветвях дуба. Впоследствии *Фрикс* принес барана по его совету в жертву Зевсу Кронида, покровителю беглецов, предпочтя его всем другим богам. Его самого Эет принял в *своем* дворце и благосклонно обручил с ним без выкупа дочь свою Халкиопу. От них-то и происходим мы.

Фрикс уже умер в преклонных летах во дворце Эета, а мы, исполняя волю отца, возвращаемся в Орхомея ради сокровищ Афаманта. Если ты желаешь узнать имена наши, то вот этому *брату* имя Китисор, этому – Фронтид, тому – Мелан, а меня самого зовите Аргом”.

1198–1215. ...Так сказал Арг, не решаясь предпринимать столь трудный поход: “Друзья, насколько есть в нас силы, мы никогда не откажем вам в малейшей помощи, если придет какая-нибудь нужда. Но Эет обладает ужасно губительной жестокостью; поэтому я и боюсь плыть *туда*. Он утверждает, что он – сын Гелиоса,. Кругом живут бесчисленные племена колхов. Сам он по страшному голосу и огромной силе может сравниться с Аресом. Между тем очень трудно взять руно против воли Эета: вокруг него обвивается бессмертный и не знающий сна змей, которого произвела сама земля в горах Кавказа, где *возвышается* Тифаонийская скала: там, говорят, Тифаон, пораженный перуном Зевса Кронида *в то время*, как поднял на него свои могучие руки, пролил из головы горячую кровь¹⁶; так он шел по горам и по Писейской равнине¹⁷, где и ныне еще лежит под водами Сербонидского озера¹⁸”.

1231. В следующую ночь они миновали остров Филирейский...

1242–1261. Оттуда приехали мимо макронов, пространной земли бекиров, гордых сапиров и за ними – бизеров: подгоняемые легким ветерком, они быстро неслись все дальше

и дальше вперед. Вот уже показался им на пути крайний залив Понта, уже поднимались *перед ними* крутые вершины Кавказских гор, где Прометей, прикованный к диким скалам несокрушимыми медными оковами, кормил своею печенью орла, постоянно к нему возвращавшегося; вечером они видели, как он с пронзительным свистом (крыльев) летел высоко над кораблем под облаками; но и при этом от взмахов его крыльев постоянно раздувались все паруса: он не имел вида *обыкновенной* летающей в воздухе птицы, а размахивал своими быстрыми крыльями подобно хорошо обтесанным веслам. Вскоре затем они услышали скорбный крик Прометея, у которого орел вырывал печень; воздух оглашался стонами до тех пор, пока они не заметили кровавого орла, снова летевшего от горы тою же дорогою. Ночью они, благодаря опытности Арга, прибыли к широкому Фасису и крайним пределам Понта.

1262–1285. Они тотчас же в порядке сложили паруса и рей в их хранилище, затем спустили и самую мачту и быстро въехали на веслах в широкое русло реки, волны которой повсюду с плеском расступались. Влево *от них* круто поднимался Кавказ и *лежал* Китаидский город Эя, там же и Аресова равнина и священные рощи этого бога, где змей бдительно охранял руно, висевшее на кудрявых ветвях дуба. Тут сам Эсонид¹⁹ из золотого кубка совершил над рекой медвяные возлияния чистого вина в честь Геи, туземных богов и душ усопших героев, умоляя их быть ему благосклонными и добрыми помощниками и благоприятно принять причалы корабля. Тут сказал Анкей такое слово: “Итак, мы прибыли в Колхидскую землю и к течению Фасиса. Пора нам порассудить между собою, попытаться ли ласкою *подействовать* на Эета, или иным способом достигнуть желаемого?”. Так говорил он. Ясон по совету Арга приказал поставить судно на якорь, вдвинув *его* в густо заросшее болото, находившееся неподалеку от прибывших. Здесь провели они ночь; немного спустя появилась желанная заря.

Книга III

196–209. Тогда Ясон пригласил следовать *за собою* сыновей Фрикса – Теламона и Авгия, а сам взял жезл Гермеса. Через камыши и воду они вышли из корабля на сушу на холме, *возвышавшемся* на равнине. Она называется Кир-

кейскою²⁰; там росло рядами множество раки и ив, на верхушках которых висели привязанные веревками трупы: и теперь еще считается у колхов святотатством предавать огню трупы умерших мужчин; нельзя даже зарывать их в

землю и насыпать сверху могильные холмы: их завертывают в невыдубленные бычачьи шкуры и вешают на деревьях вдали от города. Однако и земля получает свое наравне с воздухом, так как *трупы* женщин предают земле; таков установленный у них обычай.

210–234. Пока они шли, благоприятствовавшая им Гера разлила по городу густой туман, для того чтобы они прибыли ко дворцу Эета, незамеченные многочисленным народом колхов; но, как скоро они пришли с равнины в город и к дому Эета, Гера снова рассеяла туман. Они остановились на переднем дворе, дивясь ограде царского жилища, широким дверям и колоннам, которые стройным рядом возвышались вокруг стен; наверху дома каменная башня была утверждена на медных зубцах. Затем *пришельцы* беспрепятственно переступили порог, у которого, высоко поднимаясь, пышно разрастались увенчанные зелеными листьями виноградные лозы; под ними текли четыре неиссякающих источника, выкопанные самим Гефестом: один бил молоком, другой – вином, третий тек благовонным маслом, четвертый изливал воду, которая при заходе Плеяд была тепла, а при восходе их, наоборот, холодная, как лед, струилась из полых скал. Такие чудеса устроил искусный Гефест во дворце китейского Эета; он же сделал ему медноногих быков, с медными же пастями, из которых они выдыхали страшное пламя. Кроме того, он сделал цельный плуг из крепкой стали, платя благодарностью Гелиосу, который принял его, изнемогшего во флегрейской битве, на свою колесницу.

235–248. Там же тянулся внутренний двор; на нем там и сям было много двусторчатых крепко сплоченных дверей и покоев, а перед ними с обеих сторон была устроена изящная галерея; с двух других сторон стояли более высокие здания, из которых в одном, возвышавшемся *над всеми другими*, обитал сам царь Эет со своею супругою; в другом жил сын Эета Апсирт, которого родила кавказская нимфа Астеродия, прежде чем Эет взял в законные супруги Идию, самую младшую дочь Тетии и Океана. Сыны Колхиды называли Апсирта Фаэтоном [блестящим], потому что он был краше всех юношей. В других чертогах жили служанки и две дочери Эета – Халкиопа и Медея.

351–353. *Ясон* желает воздать тебе достойную благодарность за дар, слыша от меня о весьма враждебных савроматах²¹, которых он покорит твоим скипетру.

843–872. Тут служанки стали снаряжать колесницу, а сама *Медея* вынула из отполированной укладки снадобье, которое, говорят, называется прометеевым. Если кто, умиловит единородную Деву²² ночными жертвами, намажет им свое тело, тот не получит ран от ударов меча и вреда от пылающего огня, а кроме того, в тот день будет выше *прежнего телесной* силой и мощью. Оно возникло впервые, когда кровожадный орел на склонах Кавказа пролил на землю густую кровь страдальца Прометея. Цветок *этого растения*, поднимающийся на двух стеблях на высоту локтя, сверху похож окраскою на корикийский шафран, а в земле корень подобен свежерезанному мясу. Сок его, похожий на черный сок горного бука, *Медея* собрала для лекарственных целей в каспийскую раковину среди темной ночи, облеченная в черные одежды, *предварительно* омывшись в семи вечнотекучих водах и семь раз призвав Бримо-детопитательницу, Бримо, бродящую ночью, *подземную богиню*, царицу усопших²³. С шумом потрясалась внизу черная земля, когда она срезывала титанский корень, и стонал сам сын Иапета²⁴, терзаемый в душе лютою болью. Вынув это снадобье, *Медея* положила его за благовонный пояс, который был повязан вокруг бессмертной груди. Вышедши из дверей, она взошла на быструю колесницу, а вместе с нею по обе стороны стали две служанки. Она взяла правою рукою вожжи и красивый бич и поехала по городу...

В храме Гекаты произошло свидание Медеи с Ясоном, прекрасно описанное поэтом (912–1145). Волшебница вручила герою снадобье и научила, как он должен поступать, чтобы совершить назначенный Эетом подвиг, а Ясон предложил ей быть его женою и отправиться вместе в Элладу. Следуя наставлениям Медеи, Ясон среди наступившей ночи выкупался в реке и принес жертву Гекате. На обратном пути ему явилась сама богиня.

1213–1224. ...Богиню кругом обвивали страшные драконы среди дубовых ветвей, сиял яркий свет факелов, и вокруг нее подземные псы издавали страшный лай; все доли дрожали под ее ногами; болотные и речные нимфы, обитающие в низине Амарантского²⁴ Фасиса, издавали громкие вопли. Страх объял Эсонида, но все-таки он не оборачивался и поспешно шел, пока не соединился с товарищами. Ранняя Денница (Ἠώς), занимаясь, уже разлила свет по снежным вершинам Кавказа.

Книга IV

131–135. *Шипение дракона* слышали и живущие весьма далеко от Титанской Эй в Колхидской земле у устьев Лика²⁵, который, отклоняясь от шумной реки Аракса, сливает с Фасисом *свои* священные волны; обе они, соединяясь в одну *реку*, текут в Кавказское море.

272–281. [Слова Арга]; Оттуда [т. е. из Египта], говорят, некто²⁶ обошел кругом всю Европу и Азию, уверенный в силе, могуществе и смелости своего народа; при своем нашествии он населил бесчисленные города, из коих одни *доселе* существуют, другие *уже* нет, ибо *с тех пор* прошло *уже* очень много времени. Эя еще и ныне стоит твердо, и *в ней живут* потомки тех людей, которых он посадил жить в Эе; они сохраняют сделанные на табличках записи своих отцов, в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников²⁷.

282–292. Есть некая река, крайний рукав Океана, широкая и глубокая даже для плавания на грузовом корабле. Ее далеко прославили под именем Истра. Сначала он один разрезает широкую землю, ибо потоки его выше дыхания Борея шумят вдалеке, в Рипейских горах²⁸, но, когда он вступает в пределы *земли* фракийцев и скифов, то, разделившись на два *рукава*, одну *часть* воды изливает здесь в Ионийское море, а другую сзади посылает в глубокий залив, выдающийся из Тринакрийского моря, которое прилежит к вашей земле²⁹.

303–308. Из колхов одни в напрасных поисках прошли сквозь Кианейские скалы Понта, а другие проплыли в реку под предводительством Апсирта, который, уклонившись в сторону, проник через Прекрасное устье (καλὸν στόμα). Таким образом он предупредил аргонавтов, пройдя через перешеек внутри крайнего залива Ионийского моря.

309–328. Ибо *рекою* Истром образуется некий остров по имени Певка, *видом* треугольный, широкими сторонами обращенный к берегам, а узким изгибом – к речному руслу; вокруг его разделяются два устья, *из коих* одно называют Нареком, а другое, крайнее, – Прекрасным устьем²⁹, здесь Апсирт и колхи быстро устремились вперед; между тем *аргонавты* плыли вдали у вершины острова. Дикие пастухи покинули на лугах *свои* многочисленные стада из страха перед кораблями, как бы увидев зверей, выходящих из обильного чудовищами моря, ибо доселе не видали еще морских судов ни смешанные с фракийцами скифы, ни сигинны³⁰, ни гравкении³¹, ни синды³², живущие уже на обширной и пустынной Лаврийской равнине. Когда колхи миновали Ангурскую гору и находящийся вдали от Ангурской горы утес у Кавлика³³, у которого Истр разделяет свое русло и впадает в то и другое море, а также и Лаврийскую равнину, тогда, вышедши в Кронийское море³⁴, они повсюду отрезали пути, чтобы не скрылись от них *аргонавты*.

Схолии к «Походу аргонавтов» Аполлония

К книге I

85. *Запад и восток* – поэт говорит, что они настолько отдалены от страны колхов, насколько запад отстоит от востока, ибо Ливия *находится* на Западе, а Колхида – на востоке.

256. *Лучше бы и Фрикса* – говорят, что, когда Гелла упала *в море*, по воле Зевса баран обратился с *человеческою* речью к испуганному Фриксу, ободряя *обещанием* невинно доставить его в Скифию... Рассказ о том, что баран говорил *по-человечески*, находится у Гекеатея. Некоторые говорят, что *Фрикс* отплыл на судне с изображением барана на носу, а Дионисий во II книге³⁵ говорит, что Крий [Баран] был воспитателем Фрикса и отплыл вместе с ним в Колхиду, вследствие чего и возникло сказание о принесении там барана в жертву³⁶.

1024. *Макриев* – так называемых макронов, которые были переселенцами из Эвбеи,

почему и названы макронами, так как Эвбея называлась Макрией³⁷... Макроны были соседи долионов. Другие называют макриями народ бекиров, постоянно воюющий с кизикцами³⁸. Они были опыты в военных делах, как рассказывают Филостефан и Нимфодор³⁹, писавшие об их образе жизни. Дионисий Халкидский⁴⁰ говорит, что они получили название макронов потому, что были переселенцами из Эвбеи. Другие говорят, что они называются макронами вследствие того, что у них есть довольно много длинноголовых (макрокефалов), как у персов – орлиноносых. Об этом упоминает Геродот во второй книге⁴¹.

1276. ...Смешон Эфор, полагающий, что Анахарсис первый изобрел двойной якорь; ведь аргонавты древнее Анахарсиса.

1289. ...Итак, Аполлоний говорит, что Ге-

ракл остался около Кия, вышедши на поиски Гила, а Дионисий Митиленский утверждает, что герой сопровождал витязя до Колхиды и содействовал Ясону в деле Медеи. Подобным образом *говорит* и Демарат⁴².

К книге II

1. ...Сыновья Халкиопы, сестры Медеи, и Фрикса на пути в Орхомен потерпели кораблекрушение; высадившись на Аресов остров, они встретились с аргонавтами и, познакомившись, вместе поплыли в колхидскую реку Фасис.

168. *По Боспору прямо* – ...Есть и другой Боспор в Скифии, называемый Киммерийским вследствие заселения тех местностей скифским народом киммерийцами. По другим – это устье Меотийского озера, узкое и продолговатое, похожее на Боспор Византийский⁴⁴...

360. *Есть некий мыс* – Эфор в IV книге тоже упоминает, что Карам-бис – высокий и крутой мыс в Пафлагонии и выступает в море к северу⁴⁵...

373. ...*Халибы* – скифский народ за Фермодонтом; они, открыв железные рудники, занимаются их разработкою. Халибами они названы от Аресова сына Халиба. Упоминает о них и Каллимах: “да погибнет род халибов, которые открыли это злое творение, поднимающееся из земля”⁴⁶.

378. ...*Тибарены*. Тоже скифский народ, соседний с халибами. *Моссиники* – народ, также получивший название от образа жизни: “моссинами” называются деревянные дома, в которых они жили; именно на это намекая, поэт сказал, что они заселяют “лесистую” страну. От моссина-то (так называется деревянный дом) и названы они моссиниками.

392. *Впереди острова*. За островом и противоположащим материком живут филиры, а выше и впереди филиров – макроны – скифский народ, переселенцы с Эвбеи. Эвбея ведь называлась и Макридою по своей фигуре.

Впереди острова. Впереди острова Аретиады и противоположащей земли живут филиры, названные *так* от Филны, дочери Океана, супруги Кроноса и матери Хирона, прожившей здесь *некоторое время*. Или так: за островом противоположащую землю занимают филиры.

Бехиры – народ скифский.

395. *Затем сапиры*, т. е. за бехирами. Сапиры – народ скифский, получивший такое

1321. ...Полифем окончил жизнь в сражении с халибами. Это народ скифский.

1323. Халибы – народ в Скифии, где добывается железо. Каллимах *говорит*: “да погибнет род халибов”⁴³.

название от того, что у них в изобилии встречается камень “сапирин”.

Сапиры – народ скифский.

396. *Бизеры* – народ скифский.

397. *Но на корабле*. Но плывите, говорит поэт, пока не достигнете самого дальнего угла моря. За Скифией находится конец моря, так как дальше следует Меотийское озеро, за которым находится Северный океан (Ἀρκτικός ὁκεανός).

399. *Китаиды*, т. е. Колхиды; ибо Китея – город Колхиды. Есть и в Европе, в Скифии, другой соименный город Китея⁴⁷. Ἀμαραντῶν с обличенным ударением на последнем слоге, как говорит Геродиан в VIII книге «Общей просодии». Амарант – город в Понте, а по словам этого *поэта* – горы в Колхиде, с которых течет река Фасис⁴⁸. Итак, есть и другой город Китея в Европе у входа в Евксинский *Понт*, который оттуда берет начало; город этот так называется в именительном падеже, откуда поэт называет Медею Китаидскою. Амарант – город в Понте, а по некоторым – горы в Колхиде, с которых течет Фасис. Не зная этого, Гегесистрат Эфесский⁴⁹ назвал Амарантскими луга по Фасису вследствие того, что они покрыты цветущею, неблекнущею (ἀμάραντος) растительностью. А что у колхов есть Амарантские горы, *об этом* говорит Ктесий во II книге. Фасис, по словам Эратосфена, течет с гор Армении и в Колхиде впадает в море. Κίρκαλον – местность в Колхиде, названная так от Кирки, сестры Эета, или равнина. Не может она называться так от другой Кирки; было ведь две Кирки, о которых скажем впоследствии. Тимей⁵⁰ говорит, что Κίρκαλον – равнина в Колхиде.

404. *И тенистую рощу*. ...Гелланик говорит, что руно лежало в храме Зевса. О так называемой Аресовой равнине в Колхиде и о тамошнем священном участке Ареса упоминают многие. Поэт говорит, что золотое руно было повешено в роще Ареса на буке под охраною дракона чудовищной величины.

417. *Эя Колхидская*. Эя – город Колхиды. Она лежит на краю населенной *земли*.

548. *Негостеприимного*. Поэт называет так Евксинский Понт, как бы “злым для чу-

жих”, так как приставка α обозначает зло. Сначала *это море*, окруженное пиратами, называлось негостеприимным, а будучи очищено, после того названо гостеприимным.

658. И широкие берега реки. Дионисий Ольвийский⁵¹ свидетельствует, что широкие и низкие берега называются Ахилловыми Бегами (Ἀχιλλέως δρόμοι).

775. *Гиперборейских людей*. Геродот [IV: 36] совершенно отрицает существование гипербореев: ибо, если есть какие-нибудь “гипербореи” [т. е. живущие на крайнем севере], то во всяком случае должны существовать и “гипернотии” [живущие на крайнем юге]. Посидоний же говорит, что гипербореи существуют и живут около Альпийских гор Италии. Мнасей говорит, что ныне гипербореи называются дельфами. Гекатей говорит, что гиперборейский народ существовал до его времени⁵². У него есть сочинение под заглавием «О гипербореях». У гипербореев почитается Аполлон; поэтому его и видели отправляющимся туда...⁵³

1005. Халибы, добывая из рудников железо, продают *его* и таким образом добывают себе средства к жизни, так как земля их неплодородна. О них уже сказано раньше⁵⁴.

1010. *Тиббренскую землю*. Тибарены – народ в Скифии. Они славятся самыми справедливыми (δικαιοτάτοι)⁵⁵ людьми и никогда ни с кем не вступают в сражение, не известив заранее о дне, месте и часе битвы. В земле тибаренов женщины после родов ухаживают за своими мужьями, как свидетельствует Нимфодор в «Обычаях»⁵⁶.

1015. *За ними Святую* (Ἱερὸν) *гору*. Разумеется гора, носящая такое название и спускающаяся к Евксинскому Понту. Иначе: эта гора спускается в Евксинский Понт. Упоминает ее и Ктесий в I книге «Объездов» (Περίοδοι) и «Суда» во II книге, около так называемых макронов. Точнее Агафон в «Перипле Понта» говорит, что она отстоит на 100 стадий от Трапезунта. Ириней говорит, что о ней свидетельствует Мнесимах в I книге сочинения «О скифах», но это ошибочно, ибо Мнесимах⁵⁷ упоминает о Скифии, находящейся в Европе, а Аполлоний и вышеупомянутые авторы ведут речь об Азии. Третья Святая гора находится во Фракии.

1025. *Общей любовью*. Поэт говорит это не в том смысле, что они вступают в связь с женами друг друга, а в том, что каждый открыто сообщается со своей собственной женой.

1029. *Голодом его в тот день*. Эфор и Нимфодор свидетельствуют об этом, – что они забирают и мучат голодом своего царя, если он несправедливо решит какое-нибудь дело.

1122. *Арг самый старший*. Это один из сыновей Фрикса. Геродор говорит, что они родились от Халкиопы, дочери Эета, а Акусилай и Гесиод в «Великих Эоях» говорят, что от Эофоссы, дочери Эета. Аполлоний говорит, что их было четверо, – Арг, Фронтис, Мелас и Китисор, а Эпименид⁵⁸ прибавляет пятого – Пресбона.

1144. *Сидя на баране*. Дионисий в «Аргонавтах» говорит⁵⁸, что Крий [Баран] был воспитателем Фрикса и, заметив замысел Ино, посоветовал Фриксу бежать; отсюда и вышла сказка, что он был спасен бараном...

1146. *По его совету*. По словам поэта, Фрикс принес барана в жертву по его собственному увещанию, т. е. по совету самого барана. Сам баран человеческим голосом приказал это сделать.

1210. *В горах Кавказа*. На Кавказе, говорят, на Тифаонийской скале Тифон, пораженный молнией, излил сукровицу, из которой родился змей, стороживший руно. Что преследуемый Тифон убежал на Кавказ и что вследствие возгорания этой горы бежал оттуда в Италию, где на него навален остров Питекусса, – об этом рассказывает Ферекид в «Теогонии»⁵⁹...

1211. Кавказ простирается от страны армянцев до колхов. Сербонидское озеро находится в Египте около Пелусия.

1231. *Филирский остров*. Поэт разумеет остров филиров; Аполлоний говорит, что они названы так от Филиры, дочери Океана, жившей в этих местах...

1246. *Отдаленный залив* – ибо колхи живут в самом отдаленном углу Понта.

1247. *И вот кавказских*. Так называемые Кавказские горы, по словам Эратосфена, лежат близ так называемого Каспианского моря⁶⁰.

Где члены... Прометей был прикован на Кавказе, и орел клевал его печень. Агрет в XIII книге «Описания Ливии»⁶¹ говорит, что сказание об уничтожении печени Прометея орлом образовалось вследствие того, что река, носившая название Орла (Ἀετός), опустошала лучшую часть земли Прометея, а печенью (ἥπαρ) у многих называется плодородная земля. Когда же Геракл отвел реку каналами, то показалось, что орел им удален и Прометей освобожден от оков. Теофраст говорит, что Прометей, сделавшись мудрецом, первый сообщил людям философию, отчего и распространилось сказание, что он сообщил людям

огонь. И Геродор сообщает следующее странное сказание об оковах Прометея: по его словам, Прометей был скифский царь; не имея возможности доставлять своим подданным жизненные припасы вследствие того, что река, носившая название Орла, затопляла поля, он был заключен скифами в оковы; но Геракл, явившись туда, реку отвел в море, – почему и распространилась сказка о том, что Геракл убил орла, а Прометея освободил из оков. Ферекид во второй книге говорит, что посланный на Прометея орел произошел от Тифона и Ехидны, дочери Форкиса, и что когда орел съедал днем часть печени, то остальная часть ночью нарастала и принимала прежний вид.

К книге III

200. *Киркейская равнина*. Кирка, по мнению некоторых, была сестрою, а по мнению других, – дочерью Эета. Дионисий рассказывает, что от Гелиоса родились Персей и Эет. Персей сделался царем тавров и, соединившись с какою-то нимфою, произвел дочь Гекату, которая, живя постоянно в пустынях, приобрела величайшую опытность в *составлении* ядовитых и лекарственных *средств*. Эет, пригласив ее к себе, женился на ней и имел от нее *дочь* Кирку.

Иначе: Дионисий Милетский в первой книге «Сказания об аргонавтах» говорит, что Кирка была дочь Эета и Гекаты, дочери Персея, и сестра Медеи. По его словам, у Гелиоса родились в тех местах два сына, имена которых были: Персей и Эет. Они получили во владение страну, именно Эет – колхов и меотов, а Персей стал царствовать над Таврической землею; Персей, старший *из братьев*, взял в жены какую-то туземку и у него родилась дочь, по имени Геката; она, говорят, отличалась мужеством на охоте, первая открыла смертоносные корни и ядовитыми зельями убила своего отца. Будучи отослана в Колхиду, она вышла замуж за своего дядю Эета и от нее родились Кирка и Медея. Кирка превзошла свою мать, отчасти переняв от нее, а отчасти открыв сама много страшных зелий; она была старше Медеи. Гесиод говорит, что Кирка была дочь Гелиоса, в следующих стихах [см. Феогнид 1011 сл.].

859. *В Каспийской раковине*. Каспийское море у Океана; близ него каспийский народ, соседний с персами. В Океане бывают огром-

Скованный медными. Гесиод говорит, что Прометей был заключен в оковы и орел послан на него за похищение огня. По словам же Дуриса – за то, что он влюбился в Афину; вследствие чего обитатели Прикавказья не приносят жертв только Зевсу и Афине за то, что они были виновниками наказания Прометея, и, *напротив*, чрезвычайно чтут Геракла за убийство им орла. Естественно, и Аполлоний, дойдя в своем повествовании до Кавказа, упомянул и об этом.

1273. *И живущим там богам, т. е. туземным богам*; у приезжих был обычай в чужой земле приносить жертвы туземным богам и героям.

ные раковины, на которых, по словам *поэта*, собирается прометеево снадобье. Поэт своеобразно излагает чудесные свойства корня, ибо *о нем* не говорится ни у кого из собирателей кореньев. Корикий – местность в Киликии, где растет различных *видов шафран*.

В Каспийской раковине. О Каспийском море рассказывает Артемидор в «Сокращенной географии»⁶². Оно находится вблизи Океана; по его побережью живет народ, называемый каспийским, соседний с персами.

865. *Титанского*. Ибо Прометей был *один* из титанов; поэтому *поэт* назвал корень титанским, вследствие того, что он вырос из Прометея, который был одним из титанов. Из-за них он излагает чудесный рассказ о срезывании корня и то, что Прометей страдал при его срезывании.

1074. *Или и Эйского острова*. Ибо остров на Фасисе – Эйский, на котором лежало руно. Это столица колхов.

1094. *Эйского острова* (Αἰαῖς νῆσου). Слог αἰ излишен, ибо должно быть «острова Эи». Эя – столица колхов. *Поэт* упоминает об острове на Фасисе, на котором (острове) *находится* руно, как говорит Ферекид.

1220. *Амарантского*. Амарантии – варварский народ выше колхов на материке, откуда низвергаются истоки Фасиса. Или Колхидская гора, называемая Амарантскою, откуда вытекает Фасис.

1236. *Фаэтон*. Апсирт назывался и Фаэтоном, как говорит Тимонакт во второй *книге сочинения* «Σκυθικά»⁶³.

К книге IV

87. *Дам золотое*. Аполлоний представляет Медею, обещающую руно Ясону после бегства

из дома Эета, а автор «Навпактских сказаний» – выносящей при бегстве руно, хранив-

шееся в доме самого Эета; Геродор *говорит*, что после удаления аргонавтов Ясон был послан Эетом за руном и, отправившись, убил дракона и принес руно к Эету, а последний со злым умыслом пригласил их на обед.

119. *Которого некогда Эолид*. Дионисий в «Сказании об аргонавтах» говорит, что у Фрикса был воспитателем Крий [Баран,] который, первый заметив козни мачехи, посоветовал *ему* бежать, и, когда *таким образом* юноша был спасен им, распространилось *сказание*, что Фрикс спасся в Колхиду на баране.

131. *Вдали от Титанской земли*. О реке Титане, от которой и страна называлась Титанскою, упоминает Эратосфен в «Географии». Река Лик, несясь от Аракса, соединяется с Фасисом и, потеряв таким образом собственное имя, впадает в море... Аракс – река в Скифии. Впрочем, Метродор⁶⁴ в первой книге «Деяний Тиграна» говорит, что Араксом называется Фермодонт. Кавказским морем поэт называет Каспийское, потому что оно прилегает к Кавказу.

135. Иначе: лучше под Кавказским морем разуместь здесь Евксин, приближающийся к Кавказу: ибо Фасис впадает не в Кавказское море, а в Евксинское.

177. ...Руно называли золотым многие писатели, которым следует Аполлоний; Симонид⁶⁵ *называет его* то белым, то пурпурным, а Дионисий Митиленский говорит, что был человек, воспитатель Фрикса, по имени Крий [Баран].

259. *Есть ведь другой путь*. Геродор в «Аргонавтах» говорит, что *аргонавты* возвратились по тому же морю, по которому и прибыли в Колхиду. Гекатей Милетский – что они из Фасиса приплыли в Океан, затем оттуда в Нил, отсюда в наше море. Артемидор Эфесский называет это ложью, так как Фасис, по его словам, не имеет соединения с Океаном, а течет с гор. То же говорит и Эратосфен в III книге «Географии». Тимагет в I книге *сочинения* «О гаванях» *говорит*, что Истр вытекает из Кельтийских гор, находящихся в стране кельтов, затем впадает в Кельтийское озеро; после этого воды его разделяются на две части, из которых одна впадает в Евксинский Понт, а другая – в Кельтийское море; по этому-то устью проплыли, говорит он, аргонавты и прибыли в Тиррению. Ему следует и Аполлоний. Гесиод, Пиндар в «Пифийских одах» и Антимак в «Лиде» говорят, что аргонавты по Океану прибыли в Ливию и, перенеся на плечах Арго, очутились на нашем море⁶⁶.

277. *Эя еще и ныне остается*. Арг говорит, что Эя от времен Сесонхосия⁶⁷ остается неприкосновенною, и *жителей ее* называет потомками египтян, поселенных там Сесонхосием... И Скимн в «Азии» говорит, что колхи – переселенцы из Египта; и Геродот во II книге [104–105] упоминает об обрезании *половых* частей и о тканье холста и говорит, что они [т. е. колхи] пользуются египетскими законами; Филостефан⁶⁸ говорит, что на реке Фасисе находятся островки и что город Эя лежит на острове этой *реки*.

282. *Рог Океана*. Рогами называют все реки, текущие от самого Океана. Истр – река в Скифии...

284. *Истром его называя*. Поэт говорит, что Истр течет из земли гипербореев и с Рипейских гор; он сказал так, следуя Эсхилу, говорящему это в «Освобождаемом Прометее». Очутившись между скифами и фракийцами, Истр разделяется, и одна часть извергает свои воды в наше море, другая впадает в Понтийское море, а третья – в Адриатический залив. Скимн в XVI книге «Описания Европы» говорит, что один только Истр течет из пустыни. Рипейские горы находятся у истоков Истра, как говорит Каллимах: «Посылают от Рипейской горы, где особенно»... Эратосфен в третьей книге «Географии» *говорит*, что *Истр* течет из пустынных мест и образует остров Певку. Никто не говорит, что аргонавты проплыли в наше море по этой *реке*, кроме Тимагета, которому последовал Аполлоний: Скимн говорит, что они *рекой* Танаисом проплыли в великое море, а оттуда прибыли в наше море; при этом он прибавляет, что, пристав к материку, аргонавты на копьях перенесли Арго, пока не добрались до моря. Гесиод говорит, что они проплыли по Фасису; а Гекатей, опровергая его, рассказывает, что Фасис не впадает в море и что они плыли не по Танаису, а тем самым путем, которым и прежде, как рассказывает Софокл в «Скифах»; и Каллимах... что те из них, которые проплыли в Адриатическое море, не нашли аргонавтов, а *нашли* проплывшие через Киапейские скалы в Керкиру, где и они тогда были. Истр, протекая из *земли* гипербореев, когда доходит до местности между Скифией и Фракией, разделяется на две части, из коих одна впадает в Евксинский Понт, а другая – в Тирренское море.

292. *Который вашей земле*. Если писать так: «который *вашей* земле», то нужно будет

разуметь Элладу; а если “нашей”, то будет сказано об Истре: ибо он прилегает к колхам.

306. *Через Прекрасное устье.* Истр имеет три устья, из которых одно называется Прекрасным, как говорит Тимагет в сочинении «О гаванях»; в это устье, по словам поэта, приплыл Апсирт.

Треугольный. Эратосфен в III книге «Географии» говорит, что на Истре есть треугольный остров, равный Родосу, и называет его Певкой [Сосновым] вследствие изобилия на нем сосен.

Кругом два. Поэт говорит, что у изгиба около Певки есть два устья Истра, из коих одно называется Ареком, а другое – Прекрасным; колхи с Апсиртом, вероятно, прибыли в это последнее.

315. *А они выше острова.* Ясон со своими спутниками проплыл выше острова через устье Арек...

И не фракийцам. С европейскими фракийцами граничат скифы.

И не живущие вокруг Лаврия. Лаврийская равнина – в Скифии. Тимонакт в первой книге сочинения «О скифах» насчитывает в Скифии пятьдесят пять народов. У равнины синдов разделяется река Истр и одним рукавом изливается в Адриатическое море, а другим в Евксинский Понт. Слово Σίνδοι, по словам Геродота в шестой книге «Общей просодии», должно быть βαρύτονοι; некоторые ставят острое ударение на последнем слоге, но это неправильно. Гиппонакт⁶⁹ также упоминает о “синдской расщелине”. Гелланик в сочинении «О народах» говорит: “Когда проплывешь Боспор, будут синды, а выше их – меоты-скифы”.

324. *Ангурской горы.* Ангурская гора – близ реки Истра; упоминает о ней Тимагет в сочинении «О гаванях». Кавлийский утес – в Скифии, близ Истра; упоминает о нем Полемон в сочинении «Основания итальянских и сицилийских городов»⁷⁰. Многие пишут “Ан-

гурская гора” и “Ангирская гора”, я – “Ангирской горы”, а вместо “Кавлийского” – “Кавказского”. Поэт говорит, что около этой горы Истр разделяется и одним рукавом впадает а Адрий, а другим в Евксин.

507. Колхи, отправившиеся за Арго, не возвратились на родину, боясь Эета; одни из них поселились там, где был убит Апсирт, с названными от его имени апсиртейцами, а другие – в Иллирии, где живут энхелеи, у Керанских гор⁷¹.

1002. *Из колхов, которые Понта.* Из числа колхов, те, которые были о Апсиртом, поселились на Бригеидах в Иллирии, а прошедшие сквозь Кианейские скалы, поселились в Керкире⁷². Ибо из числа колхов, преследовавших витязей и двинувшихся не по одному пути, одни, как уже сказано⁷³, совершили плавание по Истру под предводительством Апсирта, через устье вступившего в названную реку и захватившего героев у так называемых Бригеидских островов, а вышедшие сквозь Кианейские острова⁷⁴ колхи прибыли на остров Керкиру, на котором оказались и аргонавты.

1020. Гекатою клялись у колхов знахарки, так как эта богиня считается изобретательницей волшебных снадобий.

1147. ...О руне большинство писателей говорит, что оно было золотое, а Акусила в сочинении «О генеалогиях» говорит, что оно от морской воды окрасилось в пурпурный цвет.

1217. ...Тимонакт в первой книге сочинения Σκυθικά говорит, что Ясон еще в Колхиде женился на Медее, обрученной ему самим Эетом. Он же говорит: “При проезде внутри Понта показываются какие-то сады, называемые Ясоновыми, у которых он, [говорят], совершил высадку; в Эе гимназии, диски, терем Медеи, в котором тогда совершилась ее свадьба, и у города построенное святилище Ясона и, кроме того, многие святилища”⁷⁵.

Примечания

¹ [Троянским морем называется часть Эгейского моря у берегов Троады. Геллеспонт – Дарданельский пролив].

¹ [Эту долину, расположенную, по Аполлонию Родосскому, у устья реки Фермодонта, Стефан Византийский – под этим словом – помещает во Фригии, вероятно, по ошибке].

² [О халибах, локализация которых колеблется между побережьем Кавказа и Каппадокией, см. Гекатей, фр. 195].

³ [Генетейский мыс – Плиний (NH, VI, 11) для той же местности называет народ генеты – на потийском побережье к северо-востоку от Котиоры].

⁴ [О тибаренах см. Гекатей, фр. 193].

⁵ [О моссиниках, их быте, в том числе и о башнях-моссилах, см. Ксенофонт. Анабасис V: 4].

⁶ [Имеется в виду связанный с мифами об амазонках “остров Ареса” на Черном море против города Керасунта – совр. остров Керасун-Ада].

⁷ [См. соответствующий схолий. Имя этого народа встречается лишь у Аполлония Родосского и, с его слов, у некоторых более поздних авторов. На основании данных Аполлония, филиры локализируются в предгорьях Зефириона, а упомянутый близ их берегов остров (см. Апол. Род. II: 1231) идентифицируется с островом Зефире Бурун].

⁸ [О макронах см. Гекатей, фр. 191].

⁹ [О бехирах см. Гекатей, фр. 190].

¹⁰ [Сапиры = саспиры, о которых см. Геродот IV: 37].

¹¹ [“Китаидский материк” от Киты или Китеи – города, откуда была родом волшебница Медея; *Амарантские горы* – та часть Кавказа, откуда берет начало Рион. У Аполлония и в схолиях упоминается также племя *амарантии* и местность *Амарантида*. «Etymologicon Mrgnum» связывает это наименование с греческим *αμαραντος* ‘неувядаемый’; может быть, следует его поставить в связь с современным грузинским наименованием Имеретия, распространяющимся на эту часть Грузии. *Киркейская равнина* – современная Рионская низменность – от имени волшебницы Кирки, сестры царя Колхиды Эета].

¹² [О *тибаренах* см. Гекатей, фр. 193. Отмечаемый для них автором обычай “кувады”, известие о котором, несомненно, восходит к Нимфодору или еще к какому-либо этнографическому описанию, в качестве пережитка, отмечается у многих народов древности, в частности у греков].

¹³ [Святая гора (Ἱερόν ὄρος) – между Керасунтом и Трапезунтом, упоминается как в Арриановом перипле (гл. 24), так и в перипле Псевдо-Арриана (гл. 36), отмечающем там город и гавань. Локализуется у современного Иерос-Бурну].

¹⁴ [В качестве источника сведений о *моссиниках* схолиаст (см. ниже) называет Эфора и Нимфодора. Ср. характеристику быта моссиников в “Анабасисе” Ксенофонта (V: 22–34). О “царях”, подверженных на общественный счет и подвергаемых репрессиям, см. Дж. Фрезер. Золотая ветвь, вып. II: 45 сл.].

¹⁵ [Аретиада или остров Ареса, упоминается и у Псевдо-Скилака (Перипл 86) и у Плиния (Естественная история VI: 32), называющего его Ghalceribis. На этом острове, по преданию, обитали мифические птицы – гарпии].

¹⁶ [См. схолии к этому месту. Змей, стерегущий золотое руно, и орел, клюющий печень Прометея, считались порождениями Тифона, или Тифаона, – чудовища о ста головах («Илиада» II: 782; «Теогония» Гесиода: 820 сл.)].

¹⁷ [Лисейская равнина в Мидии; там, по преданию, выводили знаменитых в древности коней, предназначавшихся в жертву Голиосу].

¹⁸ [Сербонидское озеро – близ средиземноморского побережья на границе Сирии и Египта, к востоку от Пелузия; совр. озеро Sebache Berdanil].

¹⁹ [Эсонид – сын царя Эсона, Ясон].

²⁰ [О Киркейской долине см. II: 392 сл.]

²¹ [О *савроматах* см. Геродот IV: 110 сл., Гиппократ. О воздухе...: 24 сл.].

²² [Единородная дева (Κοῦρη μονογένεια) как эпитет встречается также и в орфических гимнах (I: 9). Совр. комментаторы относят его к Персефоне-Коре].

²³ [Бримо – богиня подземного царства, почитавшаяся в фессалийских Ферах, т. е. недалеко от того места, откуда был родом Ясон. Обычно она сопоставляется и отождествляется с Артемидой-Гекатой и Персефой (Лусорфр., Alex., 1175)].

²⁴ [Сын Иапета – Прометей].

²⁵ [Об этом эпитете, прилагающемся и к горам, в которых берет начало Фасис, см. II: 399 и схол. к этому тексту].

²⁶ [Река Лик, судя по ее описанию, может быть отождествлена с одним из верхних притоков Риона – Квирилой или Дзирулой].

²⁷ [Разумеется поход Сесостриса и Сесонхосиса [Рамзеса], о котором см. Геродот II: 103 сл.].

²⁸ [О египетском происхождении колхов ср. Геродот II: 103 сл. и прим. к этому тексту. “Записи

отцов”, которые надо представлять себе в виде перипла или схематической карты, навеяны преданиями не столько о колхах, сколько о египтянах].

²⁹ [Истоки Истра (Дуная) не были в такой степени неизвестны в IV в. до н. э., и потому выведение этой реки из Рипейских (Уральских) гор следует считать поэтической вольностью].

³⁰ [Тринакрийское море – Ионическое море, названное так по острову Тринакрии (Сицилии). Залив, выдающийся из него, – Адриатическое море. Автор излагает здесь популярную в древности версию (в особенности применительно к эпосу об аргонавтах) о двух рукавах Истра, впадающих один в Черное, другой в Адриатическое море].

³¹ [Приводимое Аполлонием описание устья Дуная восходит, согласно схолиям, к Эратосфену. Островом Певкой называется пространство земли, охватываемое рукавами дельты. Прекрасное устье и Нарек – названия двух из известных в древности шести рукавов дунайской дельты, упоминаемых Плинием (IV: 79), Солином (XIII: 1) и Аммианом Марцеллином (XXII: 8, 45)].

³² [Сигиннов к западу от нижнего течения реки Дуная знает также и Геродот (V: 9). Страбон (XI: 11, 8), очевидно, по сходству некоторых черт их быта, причисляет сигиннов к азиатским народам, не давая, впрочем, точной локализации].

³³ [Гравкении – народ на нижнем Дунае по соседству с сигиннами, нигде более не упоминаемый].

³⁴ [Синды – может быть, идентичны сиидам Геродота (IV, 26) и других авторов, локализующих это скифское племя на Северном Кавказе в районе Анапы, и лишь по недоразумению отнесены Аполлонием на Дунай].

³⁵ [Мифическая Ангурская гора, так же как и утес или мыс Кавлиака (см. соответствующие схолии), нигде более не упоминаются и локализации не поддаются].

³⁶ [Кронийским морем или заливом Аполлоний называет Адриатическое море. Эпитет этот прилагался в древней мифологии к Океану или его частям, символизируя загробное царство, владыкой которого был Кронос].

³⁷ [Дионисий Митиленский, живший во II–I вв. до н. э.].

³⁸ [Свидетельство Дионисия приводится еще в схол. к II: 1144; IV: 119 и 177].

³⁹ [Кавказские макроны, о которых см. Гекатей, фр. 191, оказываются переселенцами с острова Эвбея лишь благодаря сходству наименований (макроны – Макрида, одно из названий острова Эвбея в древности)].

⁴⁰ [Долионы – народ в Мисии у Кизика между Азопом и Риндаком. О *бехирах* см. Гекатей, фр. 190].

⁴¹ [Филостефан и Нимфодор – географы III в. до н. э.].

⁴² [Дионисий Халкидский – историк IV в. до н. э., автор сочинения «Об основании городов»].

⁴³ Геродот II: 104.

⁴⁴ [О Дионисии Митиленском см. выше прим. к схол. к I: 256. Демарат – автор неопределенного времени, географ и мифограф].

⁴⁵ [В сочинении «Коса Береники»].

⁴⁶ [Боспор Византийский, или чаще Фракийский – Константинопольский пролив; Боспор Киммерийский – Керченский пролив].

⁴⁷ [Мыс Карамбис (или Карамбий) на пафлагонском побережье, северная оконечность Малой Азии, расположен напротив мыса Бараний Лоб (Ай-Тодор) в Крыму. Мыс Карамбис упоминается

многими древними авторами, его современное название Керембе-Бурну].

⁴⁶ [См. выше прим. к схол. к I: 1323].

⁴⁷ [О второй *Китее*, расположенной в Европейской Скифии, упоминает также Стефан Византийский под словом *Κύτα*].

⁴⁸ [Об *Амарантских горах* см. выше прим. к II: 399. *Геродиан* – греческий грамматик II в. н. э.

⁴⁹ [*Гегесистрат Эфесский* ближе неизвестен. *Ктесий Книдский* – историк и географ V в. до н. э.].

⁵⁰ [*Тимей из Тавромепия*, сицилийский историк IV–III вв. до н. э.].

⁵¹ [*Дионисий Ольвийский* – ближе неизвестен].

⁵² [*Посидоний Апамейский* – философ и историк I в. до н. э.; *Мнасей* – географ и ученик Эратосфена].

⁵³ [О *гипербореях* и о культе Аполлона *Гипербореяского* в Дельфах см. Геродот IV: 32].

⁵⁴ См. выше к I: 1323 и II: 374.

⁵⁵ δειλότατοι дал Кейль из Лаврентийского кодекса; но лучше чтение флорентийских схолий, которое привел я.

⁵⁶ [О *тибаренах* см. Гекатей, фр. 193. К названному здесь *Нимфодору*, автору сочинения «О варварских обычаях» (III в. до н. э.), восходят, несомненно, не только этнографические сведения об обычаях “кувады”, но также и морализующая их оценка].

⁵⁷ [Время жизни *Агафона Самосского*, автора утраченных «Истории Скифии» и «Перипла Понта», ближе неизвестно. *Иринея* – александрийский грамматик, живший во II в. до н. э. Время жизни *Мнесимаха из Фессалии*, схолиаста Аполлония Родосского, в точности не известно].

⁵⁸ [*Геродор Гераклеяский* – мифограф, живший в V в. до н. э.; *Акусилая*, автор «Генеалогий», жил в VI–V вв. до н. э.; *Эпименид*, автор «Аргонавтики», жил в VI в. до н. э.].

⁵⁸ [Мифограф *Дионисий из Милета* жил на рубеже II–I вв. до н. э. Из контекста ясно, что в своих «Аргонавтах» он пытался рационалистически истолковать древние мифы].

⁵⁹ [*Ферекид Лерийский* жил в V в. до н. э. Отрывки из его «Теогонии» см. выше].

⁶⁰ [Наименование моря *Каспианским* (Κασπιανὴ θάλασσα), от каспиан, прибрежных жителей в его западной части, в отличие от обычного Каспийское (Κασπία θάλασσα) следует отнести, вероятно, за счет Эратосфена].

⁶¹ [*Агрет*, автор «Описания Ливии», жил в III или во II вв. до н. э. Он, как и другие названные ниже авторы, давал иносказательное и рационалистическое объяснение возникновению мифов о Прометее и об Эете].

⁶² [*Артемидор Эфесский*, автор «Географии» в 11 книгах, жил на рубеже II–I вв. до н. э.].

⁶³ [*Тимонакт*, автор сочинения «О Скифии», возможно, идентичен с Демоном, полководцем царей Селевка и Антиоха, упоминаемым у Плиния (Естественная история IV: 18)].

⁶⁴ [*Метродор из Скепсиса* жил на рубеже II–I вв. до н. э. при дворе Митридата Евпатора].

⁶⁵ [*Симонид с острова Аморгоса* – лирик VII в. до н. э.].

⁶⁶ [Основываясь на этой схолии, можно в общих чертах представить в следующем виде эволюцию перипла «Аргонавтики»: Гесиод, Гекатей, Пиндар и Антиммах (поэт V в. до н. э., автор «Фиваиды» и «Лиды») направляли аргонавтов из Фасиса в Океан, из Океана в Африку (в Египет или в Ливию), а оттуда вновь в Средиземное море. Несколько позже возникла (и представлена Тимагетом – географом, жившим в III в. до н. э. и послужившим источником для Аполлония Родосского) версия о возвратном пути по Истру (Дунаю), предусматривающая, – вернее, рационалистически объясняющая, – присутствие аргонавтов в Италии. Против этой версии, с позитивными географическими данными в руках, восставали Эратосфен и Артемидор Эфесский – последний уже во время, близкое к тому (на рубеже II–I вв. до н. э.), когда истоки Дуная стали доступны для эллинистической науки благодаря римским завоеваниям].

⁶⁷ Царь египетский, по преданию совершивший поход в Азию и дошедший до Колхиды (по другим – Сесострис).

⁶⁸ [Филостефан из Кирены, автор нескольких географических сочинений, жил во второй половине III в. до н. э.].

⁶⁹ Известный ямбограф, живший в VI в. до н. э. Значение цитированных слов явствует из сравнения с Гесихием.

⁷⁰ [*Полемон Периегет* из Илиона жил в первой половине II в. до н. э.].

⁷¹ [*Апсиртейцы* – возможно, жители небольшой группы Апсиртидских островов в Истрийском заливе, главный из коих и поныне называется Оссеро. *Энхелеи* – племя в Иллирии, жившее между хаонами и таулантиями к сев. от Акрокеравнских (Кимара) гор, на территории, тяготеющей к Эпидамну (Гекатей: фр. 73; Страбон VII: 126)].

⁷² [*Бригидские острова*, названные по имени живущего на севере Иллирии фракийского племени бригов (Страбон VII: 326) – выше острова Кварнеро на севере Адриатики, – возможно, что их следует признать идентичными Апсиртидам. Под *Керкирой* схолиаст (как и Аполлоний – IV: 567) имеет в виду так называемую “Черную Коркиру” (Corcyra Nigra) – совр. остров Курзола (Курчула) в Адриатическом море у побережья Далмации].

⁷³ См. схол. к IV: 284.

⁷⁴ [Под *Кианейскими островами* схолиаст разумет скалы, названные Кианеями или Планктами (блуждающими), находящиеся при выходе из Черного моря в Босфор].

⁷⁵ [Арриан в своем перипле (9) при описании Фасиса подчеркивает отсутствие связанных с аргонавтами памятников, за исключением древних якорей].

Источник: Apollonii Argonautica emendavit, appar. crit. et prolegomena adiecit R. Merkel. Scholia vetera e codice Laurentiano edidit H. Keil. – Lipsiae, 1854; Apollonii Rhodii Argonautica / Rec. R. Merkel. Lipsiae, 1913; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3. Ср. другие версии перевода: Г. В. Штоль. Мифы классической древности / Пер. с нем. Покровского и Медведева. Т. I. – М., 1865: 157–198; Переиздание: М., 1899; Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Перевод, введение и примечания Г. Ф. Церетели. – Тбилиси, 1964; Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Изд. подгот. Н. А. Чистякова. – М.: Ладомир; Наука, 2001.

Филарх Афинский

Φύλαρχος – Phylarchus

Филарх (II пол. III в до н. э.), греческий историк. Родом из Афин или Навкратиса. В своих «Историях» в 28 книгах, продолжая труды Иеронима Кардийского и Дуриса Самос-

ского, изложил события от похода Пирра на Пелопоннес (272 до н. э.) до смерти Клеомена III (219 до н. э.). Фрагменты у Плутарха, Помпея Трога, Атеней и др.

Филарх Афинский

Истории

По В. В. Латышеву

Фр. 69. *Камешки в колчане*. Филарх рассказывает, что скифы перед отходом ко сну берут колчан и, если провели данный день беспечально, опускают в колчан белый камешек, а если неудачно – черный. При кончине каждого лица выносили колчаны и считали камешки: если белых оказывалось больше, то покойника прославляли, как счастливца. Отсюда и произошла пословица, что наш добрый день *выходит* из колчана (Зенобий. Пословицы VI: 13).

Фр. 70. Боспор, как бы переправа коровы: он назван так от Ио, дочери Кадма... Филарх

же говорит, что народы, жившие по эту сторону Евксинского Понта, не знали земледелия, а жившие по ту сторону знали; почему та часть моря и называлась Боспором, так как побережье ее засевалось¹. Некоторые говорят, что Боспорами назывались узкие проливы; или что в древности, если когда-нибудь какие-нибудь люди желали переправиться на другую сторону пролива, то строили плоты, запрягали в них быков и на них переправлялись; отсюда и название (Большой этимологик, под словом Βόσπορος).

Примечания

¹ [Филарх производит в этом случае слово Боспор от глагола σπείρω ‘сеять’].

Источник: *Corpus paroemiographorum graecorum* / Ed. Leutsch-Schneidewin. V. I. – Gottingae, 1839; *Etymologicum Magnum* / Ed. Sylburgii-Schaeferi. – Lipsiae, 1816; Ed. Th. Gaisford, 1848; В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // ВДИ, 1947, №3.

Полибий

Πολύβιος – Polybius

Полибий (212/200–130/118 до н. э.), греческий историк. Родился в Мегалополе (Аркадия). Его отец Ликорт был стратегом Ахейского союза. В 181 г. Полибий был выбран в состав посольства к Птолемею V для возобновления союза с Египтом. Во время Третьей Македонской войны (171–167 гг.), которую римляне вели с македонским царем Персеем, Полибий активно участвовал в политической жизни Греции. В 169 г. во время III Македонской войны стал гиппархом (предводителем конницы). Ездил с посольством к консулу Манлию. После битвы под Пидной (168 г.), которая подвела черту под самостоятельным развитием греческого мира, Полибий в числе 1000 заложников из самых знатных ахейских семей вынужден был отправиться в Рим, где провел шестнадцать лет. Здесь Полибий служил воспитателем Сципиона Эмилиана. После историк сопровождал римского полковод-

ца при взятии Карфагена (146 г.), при осаде испанского города Нуманции (133 г.) и в других кампаниях. Во время осады Карфагена Полибий получил от Сципиона флот для исследования берегов Африки. После разрушения римлянами Коринфа (146 г.) Полибий исполнял миссию посредника между победителем Римом и побежденной Элладой. Последние годы жизни Полибий провел на родине, умер в возрасте 82 лет, вероятно, вследствие падения с лошади.

Полибий – автор «Истории» в 40 книгах, охватывающей события в Греции, Македонии, Малой Азии, Риме и других странах в 264–144 гг. до н. э., от начала II Пунической войны до конца III Македонской, включая разрушение Карфагена и Коринфа. Полностью сохранились первые 5 книг, остальные – во фрагментах. В своем сочинении, составленном в эпоху расширения римского влады-

чества, “когда Запад и эллинистический Восток должны были соединиться в единое целое”, Полибий, оставаясь “горячим эллинским патриотом”, распространение власти Рима объясняет превосходством римского государственного устройства.

Географические наблюдения Полибия сосредоточены в утерянной 34-й книге, которая известна по цитатам у Страбона, ссылающегося на Полибия в разделах о Греции, Галлии, Испании, Ливии (Африке), Понте (Черном море), Балканах (до Дуная) и особенно Италии. Сведения Полибия по географии Евксинского Понта имеют синоптический характер. Историю Полибия использовали также Посидоний, Диодор и Плутарх, а Ливий буквально цитировал ее по-латински.

Кроме того, Полибию принадлежит панегирик предводителю Ахейского союза «Филопомен» в 3 книгах (после 183 г.), не сохранившееся произведение о тактике и монография о Нумантинской войне.

Подробнее см.: О. В. Сидорович. Pax Romana во «Всеобщей истории» Полибия // Новый исторический вестник, 2001, № 4.

Полибий

Всеобщая история

По Ф. Г. Мищенко и В. В. Латышеву

Примечания В. В. Латышева

Дополнительные примечания Л. А.

Ельницкого

Книга III

37. (2) [Наша населенная *земля*] делится на три части под тремя названиями: одну часть ее называют Азией, другую – Ливией, третья – Европой. Границами их служат реки Танаис и Нил и пролив у Геракловых столпов. Между Нилом и Танаисом лежит Азия...

38. (2) ...Пространство между Танаисом и Нарбоном¹, обращенное к северу, неизвестно нам по настоящее время; может быть, со временем мы расскажем об этом на основании разысканий. Нужно полагать, что говорящие или пишущие что-либо об этих странах *сами ничего не знают и рассказывают басни...*

Книга IV

38. (1) Византийцы занимают местность, со стороны моря наиболее удобную во всей вселенной в отношении безопасности и выгод, а со стороны суши в обоих отношениях край-

не невыгодную. (2) С моря они как господствуют над входом в Понт, что купеческим судам невозможно ни входить туда, ни выходить без их согласия. (3) В Понте есть много полезного для жизни другим народам, и византийцы держат все это в своих руках. (4) Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны доставляют нам скот и огромное количество бесспорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу. (5) Получают же они из продуктов, которыми изобилуют наши страны, масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются *с нами*, то доставляя его в случае нужды, то получая²...

39. (1) *Море*, называемое Понтом, в окружности имеет почти 22 000 стадий и два противоположащие одно другому устья, – одно из Пропонтиды, другое из Меотийского озера, которое само по себе имеет в окружности 8000 стадий. (2) Вследствие впадения в сказанные бассейны многих больших рек из Азии и еще более многочисленных и многоводнейших из Европы, переполняемая ими Меотида течет через устье в Понт, а Понт в Пропонтиду. (3) Устье Меотиды называется Киммерийским Боспором; оно имеет в ширину около 30 стадий, а в длину 60, и на всем протяжении мелководно. (4) Подобно этому *устье* Понта называется Фракийским Боспором.. (5) Началом *этого* устья со *стороны* Пропонтиды служит расстояние между Калхедоном и Византией в 14 стадий, (6) а со *стороны* Понта так называемое Святое (Ἱερόν)³, в котором, как говорят, Ясон при возвращении из Колхиды впервые принес жертву двенадцати богам... (7) Беспрерывное течение воды вон из Меотиды и Понта обуславливается двумя причинами: одна из них, непосредственная и для всех очевидная, *состоит в том, что* вследствие впадения многих вод в бассейны определенных размеров! в них постоянно набирается все более и более влаги, (8) которая при отсутствии всякого истока должна была бы, прибывая, постоянно занимать все большее и большее пространство водоема, а при существовании истоков избыток постоянно прибывающей и увеличивающейся воды должен постоянно вытекать и уноситься через существующие устья. (9) Вторая причина *состоит в том, что* вследствие внесения реками после сильных дождей в названные бассейны отовсюду большого количества ила, вода, вытесняемая образующимися наносами, постоянно поднимается и уносится тем же способом через существующие истоки.

(10) А так как наносы и приток воды из рек совершаются непрерывно и постоянно, то и излияние воды через устья должно происходить непрерывно и постоянно.

40. (4) Мы утверждаем, что Понт издревле и поныне заносится (илом), а со временем и Меотида и он будут совершенно занесены, если, конечно, в этих местностях останутся те же природные условия и причины заноса будут действовать постоянно. (5) В самом деле, так как время бесконечно, а *эти водные бассейны* повсюду имеют свои пределы, то очевидно, что даже при ничтожных наносах они с течением времени будут совершенно наполнены... (7) Если же наносы будут совершаться не в ничтожном количестве, а в очень большом, то наше предсказание исполнится не в отдаленном будущем, а вскоре. Это, очевидно, и происходит на самом деле. (8) Занесение Меотиды представляет уже осуществившийся факт: глубина ее в наибольшей части достигает *только* пяти или семи оргий⁴, почему и плавание по ней уже невозможно для больших судов без лоцмана. (9) Быв первоначально морем, слившимся с Понтом *в одно*, как единогласно свидетельствуют древние, она теперь представляет собою пресноводное озеро вследствие того, что морская вода вытеснена наносами и вода впадающих рек получила перевес. (10) Подобное случится и с Понтом и даже *уже* происходит в настоящее время, но вследствие огромной величины водоема не слишком заметно для большинства; однако для наблюдающих даже не особенно внимательно, это явление заметно и теперь.

41. (1) Так как Истр, протекая по Европе, впадает в Понт несколькими устьями, то перед нам на расстоянии дня пути от материка образовалась коса почти в тысячу стадий *длиною* из наносимого устьями ила; (2) моряки, плывущие еще по открытому морю в Понт, иногда ночью незаметно набегают на нее и разбивают корабли; эти места моряки называют Грудями (Στήθη). (3) Тот факт, что этот нанос образовался не у самой земли, а выдвинулся далеко *в море*, обуславливается, нужно думать, следующей причиной: (4) пока приносимые реками воды вследствие силы своего стремления берут перевес над морскими и отталкивают их, до тех пор отодвигается и земля и все приносимое течением и не может прямо остановиться и осесть. (5) Но как только течение уничтожится вследствие глубины и обилия морской воды, тогда приносимый ил, естественно, уже останавливается и оседает

книзу. (6) Вот почему наносы могучих больших рек оседают вдальеке, а места, ближайшие к материку, остаются глубокими, тогда как небольшие и тихо текущие реки образуют отмели у самых устьев...

42. Поэтому не следует удивляться тому, что столь многие и столь огромные реки, постоянно текущие, производят вышеописанные явления и могут, наконец, занести Понт... (3) Что это действительно случится, доказывается следующим явлением: насколько ныне Меотида преснее Лонтийского моря, настолько же Понтийское ясно отличается от нашего. (4) Отсюда ясно, что, когда пройдет времени во столько раз больше того, в которое произошло занесение Меотиды, во сколько один водоем больше другого, тогда и Понт сделается мелководным, пресноводным и болотистым, подобно Меотийскому озеру. (5) Впрочем, нужно думать, что это *случится* тем скорее, чем сильнее и многочисленнее течение впадающих в него рек.

43. Мы только что сказали [IV: 9, 4 сл.], что длина устья, соединяющего Понт с Пропонтидой, – сто двадцать стадий, что одним концом его со стороны Пропонтиды служит Святое (Ἱερόν), а другим со стороны Понта – промежуточное пространство у Византия. Между этими оконечностями находится на европейском берегу святилище Гермеса, на выдающейся в виде мыса скале; от Азии оно удалено стадий на пять: это и есть наиболее узкая часть прохода. Здесь-то, как рассказывают, Дарий перекинул мост через пролив, когда шел войною на скифов.

Книга V

40. Молон был сатрапом Мидии, а брат его – Персии.

43. Тем временем Молон подготовил население своей сатрапии к упорнейшему сопротивлению, часть – надеждами на предстоящую добычу, часть – страхом, который внушал он вождям при помощи угрожающих подложных писем от царя...

44. (9) Дело в том, что все царские табуны лошадей находятся в руках мидян; у них же в чрезвычайном изобилии имеются хлеб и скот. Что касается природной укрепленности и обширности страны, то едва ли возможно изобразить их достойным образом словами. Мидия расположена в середине Азии и по сравнению с другими частями материка отличается величиною и высотой положения. Потом она господствует над самыми воинственными и мно-

Книга X

голюднейшими народами... Западными частями Мидия примыкает к так называемым атропатиям, а эти последние живут недалеко от народов, граничащих с Евксинским морем. Обращенные к северу части Мидии окружены елимеями, аниараками, а также кадусиями и матианами⁵ и возвышаются над теми частями Понта, которые граничат с Меотидой. Сама Мидия перерезана от востока до запада весьма многими горами, между которыми лежат равнины, густо занятые городами и деревнями. Располагая этой страной, имеющей все принадлежности царства, Молон, как я сказал выше, давно уже был грозным владыкою, благодаря обширности своих владений...

54. ...При виде случившегося Молон, уже окруженный со всех сторон, ясно представлял себе грозящие муки в том случае, если живым попадет в плен во власть неприятеля, и сам наложил на себя руки...

55. (7) Гордый достигнутыми успехами, царь пожелал пригрозить владыкам варваров, живущих над его собственными сатрапиями и в пограничных с ними, и напугать их, дабы впредь они не дерзали поддерживать мятежников доставкой припасов и войска, а потому решил идти на них войной, прежде всего на Артабазану. Этот последний почитался могущественнейшим и мудрейшим из владык и господствовал над так называемыми атропатиями и приграничными с ними народами... Когда решение было принято, войска перевалили через Загр и вторглись в страну Артабазаны, которая лежит подле Мидии, отделяясь от нее только промежуточными горами; некоторые части её, что выше Фасида, господствуют над Понтом, и область доходит до Гирканского моря. В пределах ее живет народ воинственный, преимущественно доставляющий конницу и вообще привлекающий себе во всем, что требуется для войны. Царство это сохранилось ещё от времен персов [220 г. до н. э.], ибо при Александре его проглядели. Артабазана испугался нашествия царя больше всего. Вследствие глубокой старости покорился обстоятельствам и принял договор на предложенных Антиохом условиях.

27. ...Мидия – замечательное государство в Азии как по обширности и по многолюдству населения, так равно по превосходным качествам его лошадей. Лошадьми Мидия снабжает чуть не всю Азию, потому что даже царские табуны доверяются мидянам ради тучных индийских пастбищ... Царский дворец имеет в окружности около семи стадий, а великолепие отдельных частей сооружения свидетельствует о больших богатствах его первоначальных строителей. Все деревянные части здания из кедра и кипариса, притом не без отделки: балки, полки и колонны в портиках и перистилиях обиты серебряными или золотыми пластинками, а кровельные дощечки из чистого серебра. Большая часть металла была отсюда похищена при вторжении македонян с Александром во главе, а остатки – в управление Антигона и Селевка Никатора. Однако в бытность здесь Антиоха так называемый храм Эны имел еще колонны, кругом обложенные золотом, в храме было свалено довольно много серебряных дощечек; было несколько и золотых плиток, но больше серебряных. Чеканенная из этого металла монета вся шла в царскую казну, около четырех тысяч талантов.

48. (1) Апасиаки⁶ живут между реками Оксом и Танаисом, из которых первая изливается в Гирканское море, а Танаис впадает в Меотийское озеро; обе реки по величине судоходны... (4) Оке берет начало с Кавказа и, очень увеличившись в Бактрийской земле вследствие впадения притоков, несется по равнине могучим и мутным потоком...⁷

Фрагмент

XXV, 2. XXVI, 6 (12) В мирный договор⁸ были включены из числа азиатских властителей Артаксий, правитель большей части Армении, и Акусилах, из числа европейских – Гатал, царь сарматский, а из числа автономных общин – гераклеоты, месембрияне, херсонеситы и с ними кизикцы⁹.

Примечания

¹ [*Narbo Martius* (современная Нарбонна) на южнофранцузском побережье, у Пиренеев].

² [Единственное в древней литературе, весьма интересное указание на то, что в неурожайные годы припонтские страны в древности ввозили зерно].

³ [*Святое* (ἱερόν) – святилище Зевса Урия, по преданию построенное Фриксом на пути в Колхи-

ду; принадлежало византийцам и было расположено на малоазийском берегу Босфора].

⁴ [*Оргий* – 1/100 стадия, около 1,89 метра].

⁵ [*Елимеи*, по другому чтению *элимеи* – племя, населявшее древнеперсидскую провинцию Елимаиду (Элимаиду), расположенную между Вавилонией и Неридой. Геродот именует ее Киссия, а более поздние авторы не отделяют от Сузианы. *Аниараки*, называемые Полибием в качестве соседей *ели-*

меев, может быть, идентичны со страбоновыми *анариаками* (XI, 507), помещаемыми им в северной части Мидии. О *кадусиях* и *матианах* см. Ксенофонт. Киропедия V: 3, 24].

⁶ [*Анасиаки* – подразделение племени саков (возможно, ара сака – “водяные саки”) – кочевники, жившие по нижнему течению реки Окса (Амударья). Упоминаются также Страбоном (XI, 513 – по Аполлодору)].

⁷ [Имеется в виду индийский Кавказ, т. е. Памир, где берет начало Амударья, ныне впадающая в Аральское море, но в древности соединяв-

шаяся с Каспийским морем через так называемый Узбой].

⁸ Договор Фарнака I, царя понтийского, с Евменом II Пергамским, Прусием II Вифинским и Ариаратом V Каппадокийским в 179 г. до н. э.

⁹ [Сарматский царь *Гатал* ближе не известен. Из упомянутых греческих городов *Кизик* и *Гераклея Понтийская* находились на малоазийском побережье, *Месембрия* – на побережье Фракии, *Херсонес* – в Крыму].

Источник: Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко с его предисл., прим., указ., картами. Т. I–II. – М., 1890–1895. Переиздание: Полибий. Всеобщая история. В сорока книгах. Т. 1–3. – СПб.: Ювента, 1994–1996; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 3.

Никандр

Νίκανδρος – Nicander

Никандр (II в. до н. э.), греческий врач, фармацевт, грамматик и писатель. Родом из Клароса близ Колофона. По поручению Атталы III Филометора, царя Пергама (138–133 до н. э.), разводившего ядовитые растения (аконит, белену, болиголов, цикуту, чемерицу и пр.), Никандр в поисках противоядий проводил опыты над осужденными преступниками, исследуя влияние принятых с пищей смертельных доз яда. Результаты этих опытов Никандр описал в поэме «Ἀλεξίφάρμακα» («Противоядия»), составленной в 650 гекзаметрах. Вторая сохранившаяся поэма Никан-

дра – «Θηριακά» («Средства против укусов ядовитых животных») в 957 гекзаметрах, где помимо описания противоядий от укусов ядовитых змей, скорпионов и пауков, приведены разнообразные сведения этнографического характера, так или иначе связанные с растениями и животными. По отрывкам или заглавиям известны также утраченные сочинения Никандра: «Ἑτεροιοῦμενα» («Превращения») в 5 книгах, послужившие образцом для «Метаморфоз» Овидия, трактат «Γεωργικά» («О сельском хозяйстве»), «Κολοφονικά» и др.

Никандр

По В. В. Латышеву

Примечания В. В. Латышева и Л. А. Ельницкого

Противоядия

249–251. Если кто примет ненавистный огонь колхидянки Медеи, «однодневное», – у

того на губах сразу почувствуется едкое жжение...

Превращения

Фр. 58. («Ифигения». Рассказывает Никандр в IV книге «Превращений»). У Тезея и Елены, дочери Зевса, родилась дочь Ифигения, и ее воспитывала сестра Елены Клитемнестра, сказав Агамемнону, что она сама родила ее... Когда поход ахейцев был задержан в Авлиде противными ветрами, прорицатели объявили, что плавание будет *благополучно*, если Ифигению принесут в жертву Артемиде. И Агамемнон по требованию ахейцев отдал ее на жертву... Но Артемиде вместо Ифигении представила к алтарю теленка, а ее унесла

весьма далеко от Эллады, на так называемый Евксинский Понт к Фоанту, сыну Борисфена, и туземный кочевой народ назвала таврами [быками], потому что вместо Ифигении представила к алтарю бычка, а ее – именем Таврополы [т. е. Волопаски]. По прошествии времени она переселила Ифигению на так называемый Белый *остров* к Ахиллу, посредством превращения сделала ее вечно юным и бессмертным божеством и вместо Ифигении назвала Орсилохией; она сделалась сожительницей Ахилла¹.

Схолии к «Средствам против укусов ядовитых животных»

613. ...маги и скифы гадают по мириковому дереву. Дион в первой книге третьей части говорит, что и индийские предсказатели гадают по палочкам. Геродот в четвертой

книге и во многих местах привел в пример скифов и в Европе привел некоторых гадающих по мирике²...

Схолии к «Противоядиям»

27. ...“Лучным” называется такой яд потому, что он подобно стрелам убивает немедленно, будучи съеден или выпит, или потому, что парфяне и скифы, стреляя из луков, намазывают им наконечники стрел... или потому, что он убивает подобно выстрелу из лука, будучи съеден или выпит; некоторые называют его скифским ядом; другие же говорят, что он произошел из крови гидры, а гидру убил Геракл, и потому называется “лучным”³.

249. *Медее* – то есть “однодневное” есть изготавливаемый яд, который называется колхидским или варварским и который варвары

называют также нефтью; намазанные им или носящие напитанное им верхнее платье или иное что, если станут против солнца, пожираются и уничтожаются как бы огнем, ибо оно производит жар; приготовление его открывала, кажется, Медея, почему он и называется колхидским; некоторые называют его ирисом⁴, другие – “фарским”, иные – “однодневным”, потому что он убивает в тот самый день, когда выпит. Он родится у реки Гипаниса, вырастает утром, а увядает около полудня; или потому, что выпившие его не могут выдержать целого дня....

Примечания

¹ Ту же легенду имеют ввиду Иоанн Цец в схолиях к Ликофрону (183; 464).

² Геродот IV: 67 сл. Текст схолий в Ватиканской рукописи (К), которую Кейль положил в основу своей рецензии, очевидно, испорчен. В Альдинском издании он читается так: “Гадают по мириковому дереву. Ибо и во многих других местах гадают по палочкам. Дион же говорит, что мидийцы

Источник: Nicandrea. Theriaca et Alexipharmaca recensuit et emendavit, fragmenta collegit, cemmaeniationes addidit Otto Schneider. Accedunt scholia in Theriaca ex rec. H. Keil, scholia in Alexipharmaca ex rec.

Bussemakeri etc. – Lipsiae, 1856; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 3.

гадают по палочкам. Геродот в четвертой книге и во многих других местах привел...”.

³ [О скифских ядах см. Теофраст. История растений XI: 13, 2].

⁴ [Некоторые виды ирисовых растений, встречающиеся на Кавказе и далее к востоку, отличаются едким соком, вызывающим жжение и раздражение кожи. Потому их сок употреблялся в древности в качестве румян].

Аполлодор

Ἀπολλόδορος – Apollodorus

Аполлодор Афинский (ок. 180 – после 119 до н. э.), греческий филолог, религиовед и хронолог. Родился в Афинах, где учился у стоиков Диогена из Селевкии и Панетия. Затем жил в Александрии, где работал под руководством грамматика Аристарха Самофракийского (216–144 до н.э.), пока Птолемей VIII Еввергет (правил в 170–116 до н. э.), прозванный Фисконом (Пузатым), не изгнал ученых из столицы. Аполлодор перебрался в Пергам, откуда через некоторое время возвратился в Афины.

Свое большое произведение «Хроники» («Χρονικά») в 3 книгах Аполлодор посвятил царю Пергама Атталу II Филадельфу (160 – 138 до н. э.). Оно охватывало период с Троянской войны (падение Трои датировалось 1184 / 1183 г.) до эпохи, современной автору. Про-

изведение Аполлодора написано ямбическим триметром, что, по замыслу автора, должно было облегчить запоминание содержащихся в нем сведений, которые дошли до нас, несмотря даже на исчезновение самого произведения, в виде многочисленных цитат у позднейших писателей и комментаторов. Именно этому труду Аполлодора мы обязаны исключительной информацией о жизни и творчестве основных греческих поэтов и философов. «Хроники» Аполлодора признаны основным источником датировок. Однако не следует забывать следующее. В попытке преодолеть хронологические затруднения при описании эпохи, когда редко удавалось точно установить дату рождения и смерти известного человека, Аполлодор, опираясь на расчеты Эратосфена, широко применял понятие “акме”

(*досл.* “вершина”) – высшей точки человеческой жизни, относимой на возраст в 40 лет. Иначе говоря, общепринятые теперь датировки событий указанного периода имеют по преимуществу расчетный характер. Одно из своих крупных филологических сочинений Аполлодор посвятил Гомеру. Это несохранившийся труд «О богах» («Περὶ θεῶν») в 24 книгах, который содержал толкования встречающихся у Гомера имен и эпитетов богов и героических родов Девкалиона, Инаха, Пеласга, Атланта, Асопа и других. Другие произведения, созданные Аполлодором, в том числе «О земле», или «Землеописание» («Περὶ οὐδοῦ», или «Περὶ γῆς»), погибли. Что касается сочинения «О кораблях» («Περὶ νεῶν») – 12 книг

комментариев к “списку кораблей” из II книги «Илиады» Гомера, которые известны в основном из цитат у Страбона, то оно, по заключению Карла Мюллера, Аполлодору Афинскому не принадлежит и составлено не раньше II в. н. э. Под именем Аполлодора сохранилось также созданное, по-видимому, в I в. н. э. прозаическое сочинение «Библиотека» («Βιβλιοθήκη»), в котором мифы изложены в хронологическом порядке – от начала времен до Одиссея и его потомков. Авторы этих двух произведений обычно фигурируют под именем Псевдо-Аполлодора, однако вполне вероятно, что Аполлодор – действительное имя каждого из них.

Аполлодор

По В. В. Латышеву

Примечания В. В. Латышева и Л. А. Ельницкого

О богах

Цс. 13. Кто [сообщил], что карийцами приносятся ему [Марсу] в жертву собаки, а ски-

фами – ослы¹. Разве главным образом не Аполлодор с прочими?

О земле

II, фр. 120. Ψήσοι. “Затем же Гермонасса и Кеп [город], третий же народ псессов”².

Библиотека

Книга I

7. (1) Прометей, создав людей из воды и земли, дал им и огонь, тайно от Зевса, скрыв в тростнике. Когда Зевс заметил это, то приказал Гефесту пригвоздить тело Прометея к горе Кавказу; гора эта скифская. Пригвожденный к ней Прометей оставался в оковах в течение многих лет; орел, ежедневно прилетая к нему, клевал лопасти его печени, выраставшей за ночь... (3) Итак, Прометей терпел такое наказание за похищение огня, пока не освободил его впоследствии Геракл, как мы расскажем в отделе о Геракле...

9. (1, 6) Фрикс прибыл к колхам, у которых царем был Эет, сын Гелиоса и Персеиды, брат Кирки и Пасифаи, которую взял в жены Минос. Эет радушно принял Фрикса и выдал за него одну из своих дочерей, Халкиопу. Фрикс принес златорунного барана в жертву Зевсу Фиксию, а руно его отдал Эету; последний пригвоздил его к дубу в Аресовой роще. У Фрикса родились от Халкиопы сыновья: Арг, Мелан, Фронтис и Китисор.

9. (16, 5) ...Пелий приказал Ясону отправиться за руном... последнее висело на дубе в

Аресовой роще в Колхиде и было охраняемо не знавшим сна драконом.

6. Получив приказ отправиться за руном, Ясон пригласил Фриксова сына Арга, и последний по совету Афины построил пятидесятивеселый корабль, от имени строителя получивший название «Арго»³.

9. (19, 4) Демарат⁴ передает, что Геракл прибыл (вместе с аргонавтами) в Колхиду; Дионисий⁵ говорит, что он был даже предводителем аргонавтов.

9. (23, 2–11). Миновав Фермодонт и Кавказ, аргонавты прибыли к реке Фасису; она находится в земле колхов. Когда корабль причалил, Ясон отправился к Эету и, рассказав ему о поручении Пелия, просил отдать ему руно; Эет обещал отдать, если он один запряжет в ярмо медноногих быков: были у него два диких быка, отличавшиеся огромной величиной и подаренные ему Гефестом; они имели медные ноги и испускали из пасти пламя. После запряжки их Эет приказал Ясону посеять зубы дракона: он получил от Афины половину тех зубов, которые Кадм посеял в

Фивах. Между тем как Ясон недоумевал, как ему запрячь быков, в него влюбляется Медея, это была дочь Эета и Идии, дочери Океана, волшебница; боясь, чтобы *Ясон* не погиб от быков, она тайком от отца обещала ему помочь в *деле* запряжки быков и достать руно, если он поклянется взять ее в жены и увезет с собою в Элладу. Когда Ясон поклялся в этом, она дала ему волшебную мазь, которою приказала намазать щит, копье и тело перед тем, как запрягать быков: по ее словам, намазанный этою *мазью* в течение одного дня будет неуязвим ни огнем, ни железом. *Далее* она объяснила ему, что при посеве зубов из земли поднимутся против него вооруженные люди; когда он увидит уже целую толпу их, то *должен* издали бросить в середину *их* камни и, когда они из-за них вступят в драку между собою, убивать их. Ясон, выслушав это и намазавшись мазью, отправился в храмовую рощу, отыскал быков и успел запрячь их, несмотря на то, что они устремились на него с сильным пламенем. Когда он посеял зубы, из земли стали подниматься вооруженные люди; видя их уже в значительном количестве, Ясон стал бросать незаметно *для них* камни и, когда они вступили из-за них в драку, приблизился и перебил их. Однако Эет, несмотря на то, что *Ясону* удалось запрячь быков, не отдавал *ему* руна и хотел сжечь Арго и перебить его экипаж. Но Медея, предупредив его, ночью повела Ясона за руном, вместе с ним усы-

пила зельями охранявшего руно дракона и, взяв руно, явилась на Арго. За нею последовал и брат ее Апсирт. Аргонавты ночью отплыли вместе с ними.

9. (24, 1–3) Эет, узнав о дерзком поступке Медеи, бросился в погоню за кораблем. Заметив его приближение, Медея убила своего брата и, разрубив его на части, бросила в пучину. Эет, собирая члены сына, отстал в *своей* погоне и поэтому повернул назад, похоронил собранные члены сына и назвал *это* место Томами⁶. На поиски за Арго он отправил множество колхов, пригрозив им, если *они* не привезут Медеи, их самих подвергнуть предназначенной ей казни. Они рассеялись по разным местам и принялись за поиски.

9. (25, 3–5). [Аргонавты], миновав остров Тринакрию⁷ с быками Гелиоса, пристали к феакийскому острову Керкире, на котором царем был Алкиной. Между тем колхи не могли найти корабля; одни *из них* поселились у Керавнских гор, другие, будучи занесены в Иллириду, заселили Апсиртовы острова⁸, а некоторые, явившись к феакам, застали там Арго и стали требовать Медею у Алкиноя... [Получив отказ], колхи поселились вместе с феаками, а аргонавты удалились с Медеей.

9. (28, 5). [Изгнанная из Афин] Медея, неузнанная, прибыла в Колхиду и, найдя Эета лишенным власти братом его Персом, убила последнего и возвратила престол отцу.

Книга II

1. (3, 5) [Ио], перейдя через Гем⁹, переплыла пролив, тогда называвшийся Фракийским, а теперь называемый по ней Боспором. Уйдя затем в Скифию и Киммерийскую землю, исходив огромное пространство суши и переплыв большое пространство моря в Европе и Азии, она пришла, наконец, в Египет...

5. (11, 1) ...Еврисфей... поручил Гераклу одиннадцатый подвиг, именно принести от Гесперид золотые яблоки; они были не в Ливии, как говорили некоторые, а у Атланта в земле гипербореев¹⁰.

(11, 9) Проходя по Аравии, [Геракл] убил Эматина, сына Тифонова, затем, пройдя через Ливию ко внешнему морю, получил от Гелиоса челнок. Переправившись на противоположный материк, он застрелил на Кавказе орла, клевавшего печень Прометея, – орел этот происходил от Ехидны и Тифона – и освободил Прометея¹¹...

(11, 11) [Оттуда] он прибыл в землю гипербореев, к Атланту...

Примечания

¹ [В названной книге речь шла, видимо, прежде всего о том, что Тевкр – греческий лучник по преимуществу – перенял скифскую технику стрельбы из лука и, в частности, скифский способ натягивания лука].

² [Кеп, или Кепы и Гермонасса – с точностью не локализуемые греческие колонии – города азиатской части Боспорского царства (на Таманском полуострове). Псессы – скифское (?) племя, упо-

минающееся в боспорских надписях и локализуемое где-либо к юго-востоку от Азовского моря].

³ [В действительности Аруф означает 'быстрая'].

⁴ [Ближе не известный автор романа об аргонавтах, живший в III–II вв. до н. э.].

⁵ [Дионисий Милетский, или Скитобрахион – грамматик II в. до н. э., автор книги об аргонавтах, использованной в качестве источника Диодором Сицилийским].

⁶ [Томы – греческая колония при устье реки Дуная, этимологию имени которой Аполлодор производит от τομή ‘рассечение’].

⁷ [Т. е. Сицилию].

⁸ [Об упоминающихся здесь Керавнских горах и Лпсиртовых (Апсиртидских) островах, равно как и о локализации колхов на побережье Адриатического моря].

⁹ [Гем – в данном случае один из южных отрогов Балкан].

¹⁰ [О локализации гипербореев, помещаемых Аполлодором на основании какого-то древнего источника на дальнем западе, см. Геродот IV: 32].

¹¹ [Заставляя Геракла переправляться из Ливии (в данном случае Восточной Африки) через Океан на Кавказ (т. е. в Азию), Аполлодор опять-таки пользуется каким-то древне ионийским источником, предполагавшим материк разделенными Океаном или соединенными с Океаном реками (Фасисом, Нилом)].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 3.

Скимн Хиосский

Σκῆμνος – Scymnus

Скимн Хиосский (I пол. II в. до н. э.), греческий географ, упоминаемый Стефаном Византийским (XII в.) и другими авторами. Родился на острове Хиос. Составил утраченное прозаическое описание стран Европы, Азии и Ливии, то есть Африки.

С именем Скимна связывают также фрагменты стихотворного землеописания начала I в. до н. э. Их автора обычно называют Псевдо-Скимн. Это сочинение, написанное шестистопными ямбами, предназначалось, вероятно, для изучения в школах. Оно восстановлено до стиха 748 по парижской рукописи, а до ст. 749 – из отрывков, сохранившихся в «Перипле Понта Евксинского» Псевдо-Арриана и у других писателей. Имя автора в рукописях отсутствует; некоторые ученые приписывали

это сочинение Маркиану Гераклеяскому, другие – Скимну Хиосскому. Время написания этого землеописания определяют по имени упомянутого во 2-м стихе вифинского царя Никомеда – Никомеда II (147–95 до н. э.) либо Никомеда III (95–75 до н. э.). По убеждению Карла Мюллера, сочинение написано около 90 г. до н. э. Источники стихотворного перипла – названные в тексте Эфор (ок. 405–330 до н. э.) и Деметрий Каллатийский (III–II вв. до н. э.), чьи произведения по истории Причерноморья утрачены. Западную часть северночерноморского побережья перипл Псевдо-Скимна описывает преимущественно по Деметрию, а крымское и кавказское побережья – по Эфору, с характерным для последнего интересом к скифскому быту.

Скимн Хиосский

Землеописание

Перевод И. И. Бережкова

Примечания Л. А. Ельницкого

767–772. Город Истр¹, получивший свое название от реки. Этот город основали милетяне, когда перешло в Азию войско варваров-скифов, преследовавшее киммерийцев из Боспора².

773–784. Река Истр; она течет из западных стран и впадает [в Понт] пятью устьями³, а другими двумя, разделившись, течет в Адриатическое море⁴; Истр достаточно известен вплоть до страны кельтов. Он не пересыхает в течение всего лета; зимою он увеличивается от падающих дождей, а летом от снега, говорят, изливается с такой же глубиной, постоянно принимая в себя потоки тающих льдов.

785–796. В нем лежит много обширных, по слухам, островов, из которых один, лежащий между морем и устьями, не менее Родоса; он называется Сосновым (Πεύκη)⁵ от множества растущих на нем сосен. Прямо против него в

море лежит остров Ахилла⁶. На нем водится много речных птиц, а сам он представляет величественное зрелище для приезжающих. С него нельзя видеть никакой земли, хотя берег отстоит от него только на 400 стадий, как свидетельствует Деметрий⁷.

797. [Это фракийцы и пришельцы бастарны⁸].

798–803. Река Тира, глубокая и обильная пастбищами, доставляет купцам торговлю рыбой и безопасное плавание для грузовых судов. На ней лежит соименный реке город Тира, основанный милетянами⁹.

804–812. При слиянии рек Гипаниса и Борисфена лежит город, прежде называвшийся Ольвией¹⁰, а затем эллинами переименованный в Борисфен. Этот город основали милетяне во время мидийского владычества. До него 240 стадий от моря вверх по течению Борисфена.

813–819. Эта река более всех других полезна, так как доставляет много крупной рыбы, дикие плоды и пастбища для скота. Течение ее, говорят, судоходно на пространстве около сорока дней пути¹¹, но в места, лежащие выше, нет ни прохода, ни проезда вследствие снегов и льдов.

820–821. Ахиллов Бег – морской бег, очень длинный и узкий¹².

822–830. С этими местами граничит так называемый Херсонес Таврический с эллинским городом, основанным гераклеотами и делосцами вследствие данного гераклеотам, живущим в Азии внутри Кианей¹³, прорицания заселить вместе с делосцами и Херсонес¹⁴. В эту местность Таврики, говорят некоторые, прибыла некогда Ифигения, похищенная из Авлиды¹⁵.

831–834. Тавры – народ многочисленный и любят кочевую жизнь в горах; по своей жестокости они варвары и убийцы и умилоствляют своих богов нечестными деяниями¹⁶.

835–840. Затем при самом устье Меотийского озера лежит наиболее отдаленный Пантикапей, называемый столицей Боспора¹⁷. Выше этих мест лежит варварская страна Скифия, граничащая с землей необитаемой и неведомой никому из эллинов.

841–849. Эфор говорит, что первыми по Истру живут карпиды¹⁸, затем пахари (Ἀροτῆρες)¹⁹ далее невры²⁰ вплоть до необитаемой вследствие холода страны, а к востоку за Борисфеном так называемое Полесье (Ῥύλαα) заселяют скифы, за ними к северу зомледельды (Γεωργοί)²¹, потом опять простирается на далекое пространство пустынная местность, за нею живет скифское племя людоедов (Ἀύδροφάγων)²², а за ними опять пустыня.

850–859. По ту сторону Пантикапа²³ живет племя лимнеев (озерян)²⁴ и многие другие племена, не названные собственными именами, а называемые вообще номадскими; они весьма благочестивы, ни один из них никогда не нанесет обиды живому существу. Они возят с собою кибитки, как говорит Эфор, и питаются молоком и скифским доением кобылиц²⁵, живут они так, что считают имущество и весь семейный строй общим. И мудрец Анахарсис, по словам Эфора, происходил из самых благочестивых номадов.

860–864. Некоторые из них пришли в Азию и поселились там: их-то и называют скаками²⁶. Самыми славными из них он называет племя савроматов²⁷, гелонов²⁸ и третье, так называемое племя агафирсов²⁹.

865–873. Затем лежит получившее свое

имя от меотов³⁰ Меотийское озеро, в которое впадает Танаис, вытекающий, по словам Гекатея Эретрийского³¹, из реки Аракса, а по свидетельству Эфора – из какого-то озера, границу которого определить невозможно. Впадает он двумя устьями в так называемую Меотиду и в Киммерийский Боспор³².

874–885. На Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, – первыми живут сарматы³³, занимая пространство в 2000 стадий. За ними, по словам [писателя] Деметрия³⁴, следует меотийское племя, называемое язаматами³⁵, а по Эфору оно называется племенем савроматов³⁶. С этими савроматами соединились, говорят, амазонки, пришедшие некогда после битвы при Фермодонте; по ним-то они получили название женоуправляемых (Γυναικοκράτορες).

886–889. Затем следует Гермонасса, Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы, и гавань Синдская³⁷, населенная эллинами, пришедшими из ближних местностей.

890–895. Эти города расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли по Меотиде вплоть до Боспора; остров этот недоступен с одной стороны вследствие болот, речек и топей, находящихся на противоположной стороне (от моря), с другой – благодаря морю и озеру³⁸.

896–899. При самом выходе из устья лежит город Киммерида³⁹, получивший свое название от варваров киммерийцев, основанный боспорскими тиранами, и Кеп⁴⁰, основанный милетянами.

900–910. Моссиники... по своим обычаям, законам и поступкам – самые грубые варвары. Говорят, что все они живут в очень высоких деревянных башнях и всегда все делают открыто, а царя своего, скованного и запертого в башне, прилежно стерегут в самом верхнем этаже; стерегущие его следят за тем, чтобы все его распоряжения были согласны с законом; если же он в чем-либо преступит закон, то они, говорят, подвергают его жесточайшей казни, не давая пищи⁴¹.

911–916. Керасунт, колония синопцев, перед которой тянется пустынный остров, называемый Аресовым. Рядом жил народ тибарены; они всячески стараются смеяться, признавая это величайшим благополучием⁴².

953–957. Прямо напротив Карамбиса, на противоположном берегу Понта, лежит огромная, круто обрывающаяся к морю и высокая гора, называемая Бараньим Лбом (κρίου μέτωπον); она отстоит от Карамбиса на сутки пути⁴³.

Примечания

¹ [*Истрия* (на монетах), также *Истрополь*, милетская колония, основанная, по данным Псевдо-Скимна (767–772), во второй половине VII в. до н. э. при устье реки Дуная (Истра) в южной части дельты].

² [О походах киммерийцев и скифов в Малую Азию см. Геродот I: 15; 103].

³ [Обычное, начиная с Геродота, представление о пяти устьях Дуная стоит в противоречии с данными Эратосфона, знающего только два устья (схол. к Аполлону Родосскому IV: 310), и сообщениями некоторых поздних авторов, насчитывающих их до семи. У Солина (XIII: 1) и Аммиана Марцеллина (XXII: 8, 45) сохранились названия шести из этих устьев: Певка, Паракустома, Калостоста, Псевдостоста, Бориостоста, Пеплоистоста].

⁴ [Представление о бифуркации вытекающего из Рипейских и Геркинских гор Дуная восходит к Тимею из Тавромения и господствовало вплоть до I в. до н. э., когда была доказана географическая несостоятельность легенды об адриатическом устье Дуная (устье “Малого Истра” в Адриатике называют Псевдо-Скилак и Псевдо-Скимн), основанной, впрочем, на реальных данных о перевалочном судоходстве по системе Савы, Лайбаха и других рек адриатического бассейна, о чем сообщают Страбон (I:46), Плиний (НЗ III: 27) и Помпоний Мела (XI:57)].

⁵ [Остов *Певка*, расположенный в дельте реки Дуная].

⁶ [*Остров Белый* (ныне Фидониси или Змеиный) в море, недалеко от устья реки Дуная, с известным в древности святилищем Ахилла].

⁷ [*Деметрий* Каллатийский – автор географического сочинения «О Европе и Азии» в 20 книгах, живший на рубеже III и II вв. до н. э.].

⁸ [*Бастарны* – германское племя, проникшее на Балканы и к устью Дуная в начале II в. до н. э., где они грабили местные фракийские племена и позже неоднократно вступали в военные столкновения с римлянами].

⁹ [*Тира* или *Тирас* – Днестр. Город *Тира* – на месте современного Аккермана, при устье реки Днестра, на правом берегу лимана].

¹⁰ [Город *Ольвия*, колония Милета, именовавшаяся так всегда своими жителями (в надписях и на монетах) и называвшаяся прочими греками, начиная с Геродота, *Борисфеном*. Развалины города находятся на правом берегу Днепровско-Бугского лимана близ современного села Парутино. Город основан, судя по археологическим данным, во второй половине VII в. до н. э., т. е. еще до того времени, какое указывает Псевдо-Скимн (Перипл: 808–809)].

¹¹ [Ср. характеристику реки Борисфена (Днепра) у Геродота (IV: 53), по данным которого река судоходна до области Герра на 40 дней плавания от устья].

¹² [Отождествляется с косой Тендеровской на левой стороне Днепровско-Бугского лимана].

¹³ [Т. е. на берегах Понта; Киянеями назывались скалы по обоим берегам Боспора; подразумевается Гераклея Понтийская на северном берегу Малой Азии].

¹⁴ [Город *Херсонес* на Херсонесе Таврическом (т. е. в Крыму) – колония Гераклеи Понтийской, основанная в V в. до н. э., находился близ современного Севастополя на берегу Карантинной бухты. Свидетельство Псевдо-Скимна об участии делосцев в основании Херсонеса является единичным и маловероятным. Поскольку дело свя-

зано с оракулом, вероятно, надо иметь в виду Дельфы, вследствие чего Брандис предлагает делосцев исправить на дельфийцев].

¹⁵ [См.: Еврипид. Ифигения в Тавриде].

¹⁶ [О *таврах* см. Геродот IV: 99 и Скилак: 68].

¹⁷ [На месте современного города Керчи].

¹⁸ [*Карпиды* должны быть идентичны каллипидам Геродота (IV: 17), переименование которых в карпидов у Псевдо-Скимна или у Эфора произошло, вероятно, не без влияния имени карпов, дакийского племени, засвидетельствованного в Мезии, на Дунае].

¹⁹ [О *скифах-пахарях* см. Геродот IV: 17].

²⁰ [О *неврах* см. Геродот IV: 17].

²¹ [О *скифах-земледельцах* см. Геродот IV: 18].

²² [Об *андрофагах* см. Геродот IV: 18].

²³ [О реке *Панртикапе* см. Геродот IV: 18; 19; 47].

²⁴ [О племени *лимнеев* в Скифии из других источников ничего не известно, помимо упоминания о городе Лимне в стране экехейрийцев [Скилак: 83].

²⁵ [О *скифах-галактофагах* и *гиппемолгах* см. Гомер. Илиада XIII: 5 сл.].

²⁶ [О *саках* см. Ксенофонт. Киропедия V: 3, 24].

²⁷ [О *савроматах* см. Геродот IV: 110 сл., Гиппократ. О воздухе...: 24 сл.].

²⁸ [О *гелонах* см. Геродот IV: 102 сл.].

²⁹ [Об *агафирсах* см. Геродот IV: 104].

³⁰ [О *меотах* см. Скилак: 71].

³¹ [*Гекатей Эретрийский* – один из историков Александра Македонского].

³² [Из этих слов следует, что Псевдо-Скимн представлял себе реку Гипанис, т. е. Кубань, в качестве рукава реки Дона].

³³ [О *сарматах* см. Скилак: 68].

³⁴ [О *Деметрии Каллатийском* см. выше прим. к ст. 796].

³⁵ [О *язаматах* или *яksamатах* позднейших авторов – скифо-сарматском племени, идентичном *иксибатам*, упоминаемым у Гекатея Милетского и, может быть, близком *язигам*, известным на Дунае, см. Гекатей, фр. 166].

³⁶ [Идентификация *язаматов*, только что названных “*меотийским племенем*”, с *савроматами*, со ссылкой на Эфора, отражает лишь ту неустойчивость племенных наименований и взаимопроникновение скифо-сарматских племен, какие царили в южнорусских степях в столетия, непосредственно предшествующие началу н. э., как проявление бурных процессов этногенеза].

³⁷ [О названных пунктах см. Псевдо-Скилак: 72 и Гекатей, фр. 164; 196].

³⁸ [“*Островом*” Псевдо-Скимн называет в данном случае пространство между Черным морем и течением реки Кубань, обнимающем Таманский полуостров и часть севернокавказского побережья до Анапы включительно].

³⁹ [Этот пункт упоминается также у Страбона под названием Киммерик и должен быть локализован около Тамани (Фонтановский полуостров). Одноименный пункт (Киммерийон) известен также и на крымской стороне Боспора (Птолемей III: 6, 6; Мела I: 19). О *киммерийцах* см. Геродот I: 15; 103].

⁴⁰ [Во мн. числе *Кены* ‘Сады’: Эсхин. Против Ктесифонта: 171].

⁴¹ [О *моссиниках* и их образе жизни см. Ксенофонт. Анабасис V: 4, 1 сл., к данным которого и восходит, в конечном счете, повествование Псевдо-Скимна. Ср. Диодор Сицилийский XIV: 30].

⁴² [О Керасунте и об острове Ареса см. схолии к Аполлонию Родосскому II: 373 сл. О тибаренах и их обычаях см. Ксенофонт. Анабасис V: 5, 1 сл.].

⁴³ [Карамбис – современный Керемпе-Бурну, небольшой мыс на пафлагонском побережье, рас-

положенный приблизительно напротив Крымского полуострова (несколько западнее). Бараний Лоб отождествляется со скалой Ай-Тодор к западу от Ялты, на которой находилась римская крепость Харакс].

Анахарсис

Ἀναχάρσις – Anacharsis

Анахарсис (II пол. VII – I пол. VI в. до н. э.), легендарный скифский мудрец. Согласно Геродоту, Анахарсис был дядей по отцу скифского царя Иданфирса, сыном Гнура, внуком Лика и правнуком Спаргапифа. Обучался, а затем преподавал свое философское учение в Афинах во времена Солона (ок. 640 – ок. 560 до н. э.). Погиб по возвращении на родину от стрелы своего брата Савлия, царя скифов, за то, что отправлял чужеземный (кизикский) обряд (Геродот IV: 76).

Кроме отдельных высказываний, приводимых греческими и латинскими авторами со ссылкой на Анахарсиса, под его именем изве-

стны 10 подложных писем, составленных приверженцами кинизма – философской доктрины последователей Антисфена из Афин (435–370 до н. э.), ученика Сократа (470/469 – 399 до н. э.), которые выражали настроение демократически настроенных рабовладельцев и основой счастья считали полное пренебрежение к общепринятой рабовладельческой морали, нравственности, законам, а также отказ от богатства, славы и чувственных удовольствий. По содержанию письма Псевдо-Анахарсиса тяготеют к периоду возрождения кинизма в I в. до н. э.

Псевдо-Анахарсис

Письма

По В. В. Латышеву

1. К афинянам

Вы смеетесь над моим языком за то, что он не отчетливо выговаривает греческие буквы. Анахарсис неправильно говорит среди афинян, а афиняне – среди скифов¹. Не языком отличаются люди от людей и приобретают славу, а мыслями, как и эллины отличаются от эллинов. Спартиаты не чисто говорят по-аттически, но деяниями своими славны и по-

хвальны. Скифы не порицают речи, которая выясняет должное, и не хвалят той, которая не достигает цели...

...Речь не бывает дурна, когда мысли хороши и прекрасные дела следуют за речами. Скифы считают речь дурной, когда бывают дурны помыслы...

4. К Медоку

Зависть и страх суть великие доказательства низкой души: за завистью следует печаль от благополучия друзей и сограждан, а за страхом – надежды на пустые слова. Скифы не одобряют таких людей, но радуются чужо-

му благополучию и стремятся к тому, чего им возможно достигнуть; а ненависть, зависть и всякие пагубные страсти они постоянно всеми силами изгоняют, – как врагов.

5. К Аннону

Мне одеянием служит скифский плащ, обувью – кожа моих ног, ложем – вся земля,

обедом и завтраком – молоко, сыр и жареное мясо, питьем – вода...

6. К царскому сыну

У тебя флейты и кошельки, а у меня – стрелы и лук. Поэтому, естественно, что ты – раб, а я свободен, и у тебя много врагов, а у меня –

ни одного. Если же ты хочешь, отбросив серебро, носить лук и колчан и жить со скифами, то и у тебя будет то же самое.

9. К Крезу

...Выслушай рассказ о том, чему я сам был очевидцем. Большая река протекает по скиф-

ской земле, именно та, которую называют Истром. На ней однажды купцы посадили свою

барку на мель и, не успев ничем помочь горю, с плачем удалились. Разбойники, заметив их несчастье, подъехали на пустой лодке, немедленно набросились на груз, перенесли с барки все движимое и незаметно для себя перенесли и несчастье: барка, освобожденная от груза, поднялась и получила способность плавать, а разбойничья лодка, поднявшая ее груз, скоро пошла ко дну вследствие похищения чужого имущества. Это всегда может случиться с бо-

гатым. Скифы же стали вне всего этого: мы все владеем всей землей; то, что она дает добровольно, мы берем, а что скрывает, оставляем; защищая стада от диких зверей, мы берем взамен молоко и сыр; оружие имеем мы не против других, а для собственной защиты в случае надобности; но доселе это не понадобилось: ибо мы являемся для наступающих и борцами и призами за победу²; но такой приз не многие любят...

Примечания

¹ [О плохом выговоре скифов по-гречески свидетельствует тот пародийный акцент, с которым заставляет говорить скифа Аристофан в комедии «Женщины на празднике Фесмофорий»].

² Т. е. с нас нечего взять победителям, кроме нас самих.

Источник: *Epistolographi Graeci / Rec. R. Hercher. – Paris, Firmin Didot, 1873; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 3.*

Николай Дамасский

Νικόλαος Δαμασκηνός – Nicolaus Damascenus

Николай Дамасский (64 г. до н. э. – нач. I в. н. э.), греческий историк и парадоксограф. Сын Антипарта и Стратоники. В 30-е годы был учителем детей Клеопатры от Антония в Дамаске, а затем в Египте. С 20-х годов служил секретарем Ирода Великого и был его наставником в философии, риторике и истории, а после смерти царя (4 г. н.э.) представлял интересы сына Ирода Архелая и других его наследников в Риме. Умер в глубокой старости. Автор «Истории» («Ἱστορίαι», или «Ἀρχαιολογία») в 144 книгах – от потопа до смерти Ирода. От «Истории» – преимущественно в эксцерптах Константина Багрянородного – сохранились пространные выдержки из I–VII книг (Ассирия, Междуречье, Греция до Троянской войны, Лидия, Спарта, Фессалия, Коринф, Сикион, древнейшая история Рима), а также эпизоды из других книг – об Иудее, Персии, индах в Антиохии, гробнице Давида, казни Мариам, озере в Альпах и о кельтах. Мелкие отрывки и ссылки имеются также у Атенея (Афиня), Иосифа Флавия, Стефана Византийского, Страбона,

церковного историка Сократа, Плутарха и Евсевия. Основные источники «Истории» Николая Дамасского: Ктесий (Ассирия, Вавилония, Лидия, Персия), Эфор, Гелланик, Геродот (Греция), Ксанф (Лидия), Дионисий Галикарнасский (Рим), Цезарь (Рим, кельты). Другие произведения Николая Дамасского: посвященное Ироду сочинение «Собрание замечательных обычаев», или по-старому «Свод странных обычаев» («Παραδόξων ἑθῶν συναγωγή», лат. «Morum mirabilium collectio» – дошло в выдержках в «Florilegium» Стобея), панегирик «Жизнь Цезаря» («Βίος Καίσαρος», лат. «Vita Caesaris» – выдержки у Константина Багрянородного), автобиографические заметки, объединенные позже в компиляцию «О своей жизни. О своем воспитании» («Περὶ τοῦ ἰδίου βίου», лат. «De vita sua. De educatione sua»). От поэтических произведений Николая Дамасского не осталось ничего, кроме небольшого отрывка из комедии, принадлежность которой Николаю оспаривается. Имеются упоминания о его философских трудах.

Подробнее см.: Е. Б. Веселаго. Николай Дамасский // Вестник древней истории, 1960, № 3.

Николай Дамасский

Собрание замечательных обычаев

Переводчик Е. Б. Веселаго

Примечания В. В. Латышева и Л. А. Ельницкого

Фр 123. (1) Савроматы едят до насыщения в течение трех дней. (2) Женщинам повинуются во всем, словно господам. (3) Девушку

сочетают браком не раньше, чем она убьет мужчину из числа врагов¹.

Фр. 124. (1) Людей, совершивших какой-

либо проступок, керкеты² не допускают к священнодействиям. (2) Если кто-нибудь, управляя лодкой, допустит оплошность, то каждый по порядку, подойдя, плюет на него.

Фр. 125. (1) Мосины³ содержат своего царя запертым в башню. Если же покажется, что кто-нибудь дал когда-либо плохой совет, то его умерщвляют голодом⁴. (2) Собранный с полей хлеб делят поровну, сообщая выделяя часть для царя. (3) Они в высшей степени враждебны к прибывающим иностранцам.

Фр. 144. (1) Галактофаги⁵, скифское племя, не имеют жилищ, как и большинство скифов; пища у них состоит из одного кобыльего

молока, и, поскольку из него делают сыр, оно служит едой и питьем. И с ними чрезвычайно трудно сражаться, потому что они всегда имеют с собой пищу. (2) Они обратили в бегство даже Дария. (3) В высшей степени справедливые, они имеют общее имущество и общих жён, так что старших они называют отцами, младших – детьми, ровесников – братьями. (4) Из них происходил и упоминаемый в числе семи мудрецов Анахарсис⁶, который был в Элладу, чтобы узнать обычаи эллинов. (5) О них вспоминает и Гомер, говоря:

Мизян, бойцов рукопашных, и славный народ гиппомолгов

Молокоядных и абиян, справедливейших смертных. [Гомер. *Иллиада*, XIII, 5-6.]

Абиянами⁷ же он называет их за то, что они не обрабатывают землю, или за то, что у них отсутствуют жилища или за то, что только они пользуются луком; в самом деле, лук они называют βίος. (6) У них, как говорят, из-за совместного и справедливого образа жизни не знают никого, кто бы испытывал зависть, ненависть и страх. (7) Их женщины⁸ не менее воинственны, чем мужчины; когда нужно, воюют вместе с последними. (8) И потому чрезвычайно храбры и амазонки⁹ (они неког-

да доходили даже до Афин и Киликии), что жили рядом вблизи Меотийского болота.

Фр. 159. (1) Тавры¹⁰, скифское племя, вместе с царями погребают самых преданных из их друзей. (2) А царь, в случае смерти друга, отрезает или часть, или все ухо, в зависимости от заслуг умершего.

Фр. 160. Синды¹¹ бросают на могилу столько рыб, сколько врагов убил погребаемый.

Фр. 161. Колхи¹² умерших не погребают, а вешают на деревьях.

Примечания

¹ Ср. Геродот IV:177.

² [О *керкетах* – северокавказском племени, отождествляемом с позднейшими черкесами, см. Скилак: 75].

³ [О *моссинах* или *моссиниках* – западнокавказском племени см. Ксенофонт. Анабасис V: 4, 1–3; 8. Этнографические сведения об этом кавказском племени, сообщаемые Николаем, восходят в конечном счете к Ксенофону и Нимфодору.]

⁴ Ср. Мела I: 19; Нимфодор в схолиях к Аполлонию Родосскому II: 1029; Ксенофонт. Анабасис V: 4; Диодор Сицилийский XIV: 30; Страбон XII: 549.

⁵ [Историческая традиция о *скифах-галактофагах* (Γαλακτοφάγοι уст. ‘млекоеды’) и абиях восходит к весьма древнему источнику, в какой-то форме известному уже в эпоху создания гомеровских поэм. При всей идеализации скифского быта, свойственной уже Гомеру, нельзя не отметить

строк о счете родства по поколениям, отражающем весьма архаические социальные соотношения].

⁶ [Об *Анахарсисе* см. Геродот IV: 76 сл.].

⁷ [О так называемых *абиях* или *абиянах* см. Евстафий. Схолии к «Илиаде» XIII: 55 сл.].

⁸ [О *савроматских женщинах* ср. Геродот IV: 117].

⁹ [Пересказ легенд об *амазонках* и их походах в Грецию см.: Исократ. Панегирик: 68–79].

¹⁰ [О *таврах* и *тавро-скифах* Крымского полуострова см. Геродот IV: 99 и Скилак: 68].

¹¹ [О *синдах*, скифском племени, жившем в районе современной Анапы и к северу от нее см. Скилак: 72. Ср. В. Мошинская, О государстве синдов // ВДИ, №1946, № 3: 203–208].

¹² [О *колхах* см. Геродот II: 103 сл. и Ксенофонт. Анабасис IV: 8, 6–9].

Источник: Николай Дамасский. Собрание занимательных обычаев. Пер. Е. Б. Веселаго // Вестник древней истории, 1960, № 4. По изданиям: F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker – номера фрагментов 103, 104, 119, 120, 121; Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Mullerus – номера фрагментов 122, 123, 125, 126, 120, 121, 124 соответственно. Источник: Epistolographi Graeci / Rec. R. Hercher. – Paris, Firmin Didot, 1873; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №3.

Конон

Κόνων – Сонон

Конон (I в. до н. э. – I в. н. э.), греческий писатель-мифограф. Жил во времена Юлия

Цезаря (ок. 100 – 44 до н. э.) и Августа (27 до н. э. – 14 н. э.) и составил сборник мифичес-

ких рассказов «Διηγήσεις», только 50 из которых известны по извлечениям в кодексе 186 «Библиотеки» византийского патриарха Фо-

тия (810/820 – ок. 891), в изложении которого и приводятся нижеследующие фрагменты.

Конон

Рассказы

По В. В. Латышеву

Примечания В. В. Латышева и Л. А. Ельницкого

[Прочитана книжечка «Рассказы Конона». Автор посвящает свой небольшой труд царю Архелаю Филопатору¹, а заключается в нем 50 рассказов, собранных из многих древних писателей. Из них...]

VII [рассказ] повествует, что Циламмон, сын Филониды, ... был необыкновенной красоты. Одна нимфа влюбилась в юношу и сделалась от него беременной. Из стыда она удалилась из Пелопоннеса и, прибыв в Акте, родила сына Тамириса², который, когда вырос, достиг такого искусства в игре на кифаре, что скифы провозгласили его, хотя и пришельца, своим царем. Он состязался в пении даже с музами, и так как наградой за победу было условлено для него – брак с музами, а для последних – что угодно на выбор от него, то ему после поражения были выколоты глаза.

XVIII. Локрийцы во время сражений, так как Аякс³ был их соплеменником, оставляют

в строю пустое место, чтобы на нем мог стать Аякс. Когда они были выстроены *таким образом в одной* битве с кротонитами, кротонит Автолеонт пожелал пробиться по *этому* пустому промежутку и окружить неприятелей. Получив от привидения рану в бедро, он отступил и страдал гангреною до тех пор, пока не отправился, по совету оракула, на Ахиллов остров в Понте (он лежит, если миновать *устье* Истра, выше Таврики)⁴; здесь он умилился как прочих героев, так в особенности душу Аякса Локрийского и излечился. При отъезде оттуда Елена⁵ поручила ему передать Стесихору, чтобы он сочинил в честь нее палинодию, если дорожит зрением. Стесихор тотчас же составил гимны *в честь* Елены и снова получил зрение⁶.

XLIX. [Упоминается Медея, похищенная Ясоном из Колхиды]. Когда Ясон, похитив Медею у колхов, отплыл домой, и т. д.

Примечания

¹ Архелай Филопатор – царь каппадокийский (41 до н. э. – 17 н. э.). [Здесь же речь идет о сыне и преемнике иудейского царя Ирода Великого (ок. 73 – 4 до н. э.) Архелае – Ироде Этнархе, который, не имея титула царя, с необычайной жестокостью правил Иудеей, Идумеей и Самарией (4 до н. э. – 6 н. э.), но по требованию иудейской верхушки был сослан римским императором Августом в Виенну (Нарбоннская Галлия, *фр.* Viienne), где и умер. Иудея же была преобразована в римскую провинцию. – А. Г.]

² [О мифическом музыканте-кифарее Тамирисе, которого помещают обычно во Фракии и которого лишь Конон локализует в Скифии, см. Аполлодор I: 3, 3; Павсаний IV: 33, 4; Еврипид. Рес: 925].

³ Известный гомеровский герой Малый Аякс, сын Оилея, царь Локриды.

⁴ [Ахилловым островом называют нередко остров Белый (Λευκή νῆσος) при устье Дуная (Истра), но Конон, судя по выражению “выше Таврики”, вероятно, имеет в виду в данном случае Ахиллов Бег (Ἀχιλλέως δρόμος – косу Тендеровскую) близ устья Днепра или остров Березань (Борисфен) в Днепро-вском лимане].

⁵ [По одной из культовых легенд черноморского круга, Елена по окончании Троянской войны была перенесена на остров Белый и отдана в жены Ахиллу].

⁶ [Стесихор из Гимеры на о. Сицилии, лирический и эпический поэт (632 – 552 гг. до н. э.), по преданию, был ослеплен Еленой за непочтительное о ней сочинение и прозрел, написав ей палинодию, т. е. песню, противоположную по содержанию написанной прежде].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 3.

Страбон

Στράβων – Strabo

Страбон (64/63 до н. э. – 20/24 н. э.), греческий путешественник, географ и историк. Родился в южном Причерноморье, в г. Амасии, бывшей столице Понтийского царства. Прадед Страбона был полководцем Митридата Евпатора (132–63 до н. э.), царя Понта, а другой его

родственник был верховным жрецом. В зрелом возрасте Страбон много путешествовал. Известен как автор «Исторических записок» и «Географии» («Γεωγραφικά») в 17 книгах. Материал в «Географии» Страбона, написанной не ранее 18 г. н. э. и сохранившейся почти полностью,

распределяется следующим образом: I – введение; II – об Эратосфене и Гиппархе; III – Иберия (Испания); IV – Галлия, Британия и Альпы; V–VI – Италия и Сицилия; VII – Германия, Балканы и Скифия; VIII–X – Греция и Крит; XI – Кавказ, Закавказье, Восток, Понт, Парфия, Гиркания и другие области близ Каспийского моря; XII–XIV – Малая Азия; XV – Персия и Индия; XVI – Передняя Азия (Ассирия, Вавилония, Месопотамия, Сирия, Финикия, Иудея, Аравия); XVII – Египет, Эфиопия и Ливия. В качестве источника Страбон использовал самые разнообразные сочинения. Это, прежде всего, труды географов Пифея из Массалии, Евдокса из Кизика, Артемидора из Эфеса, Полибия из Мегалополя, Эратосфена из Кирены, Посидония, Гиппарха, Деметрия из Скепсиса, Гекатея Милетский; историков V века до н. э. Геродота, Гелланика, Фукидида, Ктесия из Книды; историков IV века Эфора, Мегасфена, Онесикрита, Аристобула, Феопомпа; историка II века Полибия и I века до н. э. Артемидора Эфесского. Около трети произведения построено на цитатах из «Илиады», и особенно из «Одиссеи» Гомера, имеется множество ссылок на поэтов Гесиода, Пиндара, Софокла, Еврипида, Каллимаха и философов Аристотеля и Платона. Из-за стремления к полноте представления собранного материала Страбон, несмотря на его дотошность и придирчивость к источникам, оказался все же недостаточно критичным. Как и многие его современники, Страбон по-прежнему считает Каспийское море заливом Океана, почти ничего не знает о Дальнем Востоке и Китае, Среднем Востоке и Индии, Средней Азии, Урале и Сибири, а Цейлон представляет сказочной страной то ли за Гангом, то ли у Каспия. О массагетах же, обитавших к востоку от Каспийского моря, по словам Страбона, “историки в результате своих исследований не передали ничего точного и правдоподобного, а древняя история персов, мидян и сирийцев не приобрела большой достоверности из-за наивности писателей и их увлечения мифами” [Арский: 63]; Отрывочны и данные о землях, прилегающих к Черному морю с севера. “Варварские” земли (скифов, сарматов) его мало интересуют, хотя ему хорошо известны старинные греческие колонии Ольвия, Херсонес, Феодосия, Пантикапей, Фанагория, Танаис. Видимо, как заметил М. И. Ростовцев, Страбон не был лично знаком с северным и восточным побережьями Черного моря, и “нет оснований думать, что его тянуло в эти отдаленные места” [Арский: 65–66].

Парадоксальная ситуация сложилась вокруг наследия Страбона. Его «Исторические записки» были очень популярны, их часто цитировали, в том числе Плутарх, Иосиф Флавий, Тертуллиан, но в самостоятельном виде они до нас не дошли. «Географию» же ни современники, ни ближайшие потомки не оценили. Ее обошли вниманием и принципиальный противник страбоновского описательного подхода Птолемей, и энциклопедист Плиний Старший. Но она сохранилась во всей своей полноте и со временем стала привлекать все большее и большее внимание. В VI веке Стефан Византийский в «Лексиконе» уже обильно цитирует Страбона наряду с другими древними греками. Обращается к нему и знаменитый историк той поры Прокопий из Кесарии. В XII веке с величайшим уважением о Страбоне отзывается константинопольский епископ Евстафий, комментатор поэм Гомера. Византийцы даже издают «Страбоновскую хрестоматию» – сокращенную «Географию», дополненную отрывками из Птолемея. В эпоху Возрождения со Страбоном знакомятся европейцы. В первой половине XV века рукописи «Географии» появляются в Италии. Они привлекают внимание гуманистов, с удивлением обнаруживших, что в античные времена у великого Птолемея, чей авторитет многие века оставался незыблемым, был достойный соперник. И в результате, благодаря именно этому сочинению, за Страбоном закрепилось почетное имя “отца географии”.

Самые ранние списки «Географии» восходят к X веку, а наиболее полная рукопись – Парижский кодекс – 1393 года. В 1472 году «География» Страбона вышла в латинском переводе, по настоянию папы Николая V, основателя Ватиканской библиотеки. В 1516 году она впервые напечатана по-гречески. Полный русский перевод, принадлежащий Федору Герасимовичу Мищенко, опубликован в 1879 году: Страбон. География в семнадцати книгах / Пер. Ф. Г. Мищенко. – М., 1879.

Хотя перевод Ф. Г. Мищенко не утратил научной ценности и существует более новая версия Г. А. Стратановского под редакцией О. О. Крюгера и С. Л. Утченко (1964; 1994), в настоящей хрестоматии фрагменты из «Географии» Страбона даются по изложению Василия Васильевича Латышева, которое отличается гораздо меньшей вольностью.

Подробнее см.: Ф. Н. Арский. Страбон. – М.: Мысль, 1974.

Страбон

География

Перевод и примечания В. В. Латышева

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Книга I

1. (10/7С) ...Вслед за этим [поэт Гомер упоминает] о *народах, обитающих* вокруг Пропонтиды и Понта Евксинского до Колхиды и о походе Ясона.

Он знает также и Боспор Киммерийский, зная киммерийцев; и, конечно, невозможно, чтобы он знал только имя киммерийцев и не знал самого народа, который в его время или немного раньше совершил набег на всю страну от Боспора до *самой* Ионии¹. По крайней мере, он намекает и на туманный климат их страны и говорит так: “туманами и облаками покрыты; и никогда не освещает их яркое солнце, но распростерта над ними губительная ночь”². Он знает и Истр, так как упоминает о мисах, фракийском народе, живущем по Истру³.

2. (1/14С) ...Владычество римлян и парфян прибавило многое к таким [т. е. географическим] познаниям *наших* современников, подобно тому, как *поколениям*, жившим после похода Александра, *много знаний дал этот поход*, как говорит Эратосфен⁴: он открыл нам большую часть Азии и весь север Европы до Истра, а римляне – весь запад Европы до реки Альби⁵, разделяющей Германию на две части, и страну по ту сторону Истра до реки Тиры⁶. Дальнейшие области до меотов⁷ и побережья, оканчивающегося областью колхов⁸, сделал известными Митридат, прозванный Евпатором, и его полководцы, парфяне же расширили наши сведения о Гиркании, Бактриане⁹ и о живущих выше этих *стран* скифах, которые были менее известны прежним *поколениям*.

(9/20) ...Точно так же, зная, что киммерийцы жили у близкого к северу и туманного Боспора Киммерийского, [поэт Гомер] удобно перенес их в какое-то мрачное место у преисподней, выгодное ему для баснословных рассказов в описании странствований *Одиссея*¹⁰; а что он знал их, *это* доказывают хронографы, относящие вторжение киммерийцев ко времени незадолго до него или к его времени. (10/21) Подобным же образом, зная колхов, плавание Ясона в Эю¹¹ и басни и рассказы о Кирке и Медее, *именно об их* волшебстве и сходстве характеров, он сочинил родство

этих женщин, живших на столь далеком расстоянии *одна от другой*, так как одна *жила* в отдаленном углу Понта, а другая в Италии¹², и Ясон в своих странствованиях, быть может, доходил до Италии: ибо указываются некоторые признаки странствований аргонавтов и около Керавнских гор, и около Адрия, и в Посидониатском заливе, и на островах, *лежащих* перед Тирренией [Этрурией]¹³. В пользу *этого предположения* прибавили кое-что Кинанеи (у некоторых называемые Симплегадскими скалами)¹⁴, делающие трудным плавание через Византийский пролив. Таким образом, от Эя *получила название* Ээя¹⁵, от Симплегад – Планкты¹⁶, и плавание Ясона между ними представилось правдоподобным... Вообще, люди тех времен представляли себе Понтийское море как бы другим океаном¹⁷ и отплывших туда воображали уехавшими столь же далеко, как и выплывших на большое *расстояние* за *Геракловы столпы*; оно считалось наибольшим из наших морей, и поэтому его специально называли “морем” по преимуществу, как Гомера – поэтом. Может быть, и вследствие этого *поэт* перенес *события* из Понта в Океан, так как *это* легко могло быть принято *слушателями*, благодаря господствовавшему *тогда* представлению... Может быть, и одноглазых киклопов поэт перенес из рассказов о Скифии: говорят, что именно таковы аримаспы, которых вывел Аристей Проконнеский в «Аримаспее»¹⁸.

2. (27/33 С) ...Я утверждаю согласно с мнением древних эллинов, что, подобно тому, как известные *народы* северных стран назывались одним именем скифов или номадов, как *называет* их Гомер, а впоследствии, когда сделались известными и западные страны, *их обитатели* назывались кельтами и иберами или смешанно кельтиберами и кельтоскифами, ибо вследствие неведения *отдельные* народы в каждой *стране* подводились под одно общее имя, – так все южные страны у океана назывались Эфиопией.

(28/34 С) Древнее мнение об Эфиопии разделяет и Эфор¹⁹, который в рассуждении о Европе говорит, что если область неба и земли разделить на четыре части, то *часть, обра-*

ценную к востоку [собственно к ветру Апелиоту], занимают индийцы, к югу [Ноту] – эфиопы, к западу – кельты, к северу [к ветру Борею] – скифы²⁰. При этом он прибавляет, что Эфиопия и Скифия больше других стран: “Кажется, говорит он, что эфиопский народ тянется от зимнего востока²¹ до запада, а Скифия противоположит ему”.

(38/45 С) Неправильно также рассуждает Деметрий Скепсийский²², и даже *именно* он оказался виновником некоторых ошибок Аполлодора²³. Горячо возражая Неанту Кизикскому²⁴, сказавшему, что аргонавты во время засвидетельствованного Гомером и другими писателями плавания в Фасис воздвигли подле Кизика святилища Идейской матери²⁵, – он говорит, что прежде всего Гомер даже не знал путешествия Ясона в Фасис. Но это противоречит не только словам Гомера, но и его *собственным*: он говорит, что Ахилл опустошил Лесбос и другие местности, но воздержался от *опустошения* Лемноса и близких к нему островов вследствие родства с Ясоном и сыном его Эвнеем²⁶, тогдашним владельцем острова. Каким же образом поэт знал то, что Ахилл и Ясон были родственниками или одноплеменниками, или соседями, или *людьми* близкими в каком бы то ни было отношении..., а не знал того, откуда вышло, что Ясон, уроженец фессалийского города Полка, на родине не оставил *по себе* никаких преемников, а сына *своего* поставил владыкою Лемноса! Или знал Пелия и его дочерей..., а из случившегося с Ясоном, *кораблем* Арго и аргонавтами совсем не слышал того, о чем единогласно рассказывается всеми, *касательно* же плавания от Эета без всякого исторического основания выдумал, *будто оно происходило* на океане?²⁷.

(39) Ибо как все говорят, что плавание к Фасису, совершенное по распоряжению Пелия, имеет *за собою* некоторую вероятность, *так* и возвращение и занятие мимоездом некоторых островов и даже, клянусь Зевсом, отдаленное странствование *Ясона*, подобно Одиссееву и Менелаеву, принадлежит к числу *фактов, засвидетельствованных* еще ныне существующими *памятниками* и удостоверенных голосом Гомера. У Фасиса показывается город Эя, царствование Эета в Колхиде считается достоверным, и это имя у туземцев является народным. Существуют также рассказы о волшебнице Медее и о богатствах той страны, *состоящих* из золота, серебра и железа и заставляющих предполагать истинную

причину похода, по которой и раньше Фрикс снарядил это плавание. Существуют и памятники обоим походам: Фриксов на рубеже Колхиды и Иберии, и Ясоновы, которые показываются во многих местах Армении, Мидии и соседних с ними стран²⁸. Да и в окрестностях Синопы и на ее побережье, на Пропонтиде и Геллеспонте до местностей у острова Лемноса указывают много следов походов Ясона и Фрикса, а *следы* путешествия Ясона и преследовавших его колхов *указываются* даже до Крита, Италии и Адрия²⁹; о некоторых из них свидетельствует и Каллимах..., говоря... о колхах: “Они, у Иллирийского пролива опустив весла, близ камня змея (ὄφις)³⁰ белокурой Гармонии основали городок, который какой-нибудь грек мог бы назвать “*городком изгнанников*”³¹. Некоторые утверждают, что Ясон со своими спутниками проплыл и вверх по Истру на большое расстояние, а другие – что даже до Адрия³². Одни говорят так по незнанию местностей, а другие утверждают, что и река Истр³³, получая начало из большого Истра, впадает в Адрий; в этих словах нет ничего невероятного и невозможного.

(40) Воспользовавшись подобными поводами, поэт [т. е. Гомер] кое-что излагает согласно с историческими рассказами, но прибавляет к ним и от себя, следуя обычаю, общему для всех поэтов и своему собственному. Он согласен с *историческими рассказами*, когда называет Эета, говорит про Ясона и Арго, от Эя вымышляет Ээю... и на основании рассказов о Медее делает волшебницей Кирку, “родную сестру злокозненного Эета”; но к этому он вымышляет выход в открытый океан во время странствований после этого плавания [т. е. в Колхиду]³⁴...

3. (2) ...[Эратосфен] поверил, что Исский залив³⁵ представляет собою самый восточный пункт нашего моря³⁶, тогда как пункт у Диоскуриады³⁷, лежащей в отдаленной окраине Понта, почти на три тысячи стадиев восточнее его даже по тому измерению по стадиям, о котором говорит он сам³⁸... Сказав, что древнейшие *народы* плавали и с целью грабежа или торговли, но не выходили в открытое море, а *плавали* вдоль берегов, как и Ясон, который, *по его словам*, оставив корабли, из Колхиды дошел походом до Армении и Мидии³⁹, он потом говорит, что в древности никто не дерзал плавать ни по Евксину, ни вдоль Ливии, Сирии и Киликии...

(4/49 С) ...[Эратосфен] одобряет мнение физика Стратона⁴⁰, а также лидийца Ксан-

фа⁴¹. Последний говорит, что при Артаксерксе⁴² случилась сильная засуха, так что высохли реки, озера и колодцы; что он сам знает во многих местах вдали от моря камни в виде раковин, отпечатки “морских гребней” и “херамид”⁴³ и болота с морской водой в Армении, области матиенов и нижней Фригии, вследствие чего и убежден, что эти равнины некогда были *покрыты* морем. Стратон еще более входит в рассмотрение причин, говоря, что, по его мнению, Евксин прежде не имел прохода у Византия, но что впадающие в него реки прорвали его силою *своего течения* и затем вода излилась в Пропонтиду и Геллеспонт... *Затем он говорит*, что Понт чрезвычайно мелок, а Критское, Сицилийское и Сардинское моря очень глубоки: так как в *Понте* течет множество огромных рек с севера и востока, то он наполняется илом, а прочие моря остаются глубокими, что поэтому-то *вода* Понтийского моря очень пресна, и течение его совершается в те места, где понижается дно; по его словам, ему кажется, что с течением времени весь Понт может быть занесен илом, если сохранятся подобные течения: ведь и теперь уже имеет вид болота часть левой стороны Понта, *именно* Салмидесс, называемые у моряков Грудями (Στήθη), местности у Истра и Скифская пустыня⁴⁴...

(7/52 С) ...Вообще не согласно с законами физики уподоблять море рекам; ибо реки текут по наклонному руслу, а море стоит без покатости. Пролиты имеют течение по другой причине, а не потому, что ил, *наносимый* из рек, возвышает морское дно. Заносы *ила* образуются у самых устьев рек, как, например, у устьев Истра так называемые Груды (Στήθη), Скифская пустыня и Салмидесс⁴⁵, причем этому содействуют и другие потоки; у устьев Фасиса колхидское побережье, песчаное, низменное и топкое, у Фермодонта и Ириса – вся Фемискира, равнина амазонок и большая часть Сидены; то же *бывает* и у других рек...

(15/57 С) ...Сказав, что если бы наше море раньше образования разрыва у *Геракловых* столпов настолько наполнялось водою, насколько говорит Эратосфен, то и вся Либия и большая часть Европы и Азии должны были бы раньше находиться под водою, [Гиппарх] прибавляет к этому, что в Понт должен был бы в некоторых местах сливаться с Адрием, так как Истр, начиная от местностей у Понта, разделяется на *два рукава* и течет в то и другое море вследствие положения страны. Но Истр берет начало не из припонтийских мест-

ностей, а, напротив, из гор, *лежащих* над Адрием, и течет не в оба моря, а только в Понт, разделяясь *на рукава* только у самых устьев. Здесь он разделяет неверное представление некоторых из своих предшественников, предполагавших существование одноименной с Истром реки, отделяющейся от него и впадающей в Адрий; от нее, *по их мнению*, получил *свое* название народ истров⁴⁶, через *страну* которого она протекает, и Ясон этим путем совершил обратное плавание из Колхиды⁴⁷.

3. (21/61 С) Присоединяют [к переменам от землетрясений] и перемены от переселений... Так, западные иберы⁴⁸ переселились в местности, *лежащие* выше Понта и Колхиды и, по словам Аполлодора, отделяемые от Армении *рекою* Араксом, а на самом деле скорее Киром и Мосхийскими горами⁴⁹; египтяне *переселились* к эфиопам и колхам⁵⁰... Вообще, ныне составленный труд *наш* полон подобных примеров; некоторые из них известны большинству *читателей*; переселения же каров, треров, тевкров и галатов⁵¹, как равно и отдаленные *странствования* вождей, *как например*, Мадия скифского, Теарко эфиопского, Коба трерского, Сесостриса и Псамметиха египетских⁵², или странствования персов от *времен* Кира до Ксеркса – не всем известны, подобно *предыдущим*. Киммерийцы, которых называют и трерами, или какой-нибудь из их народцев, часто делали набеги на правую сторону Понта и смежные с нею *области*, вторгаясь то в Пафлагонию, то даже во Фригию. Часто и киммерийцы и треры совершали подобные набеги; треры и Коб, в конце концов, говорят, были изгнаны киммерийским (Κίμμερίων⁵³) царем Мадием⁵⁴...

4. (2/63 С) ...Затем, определяя ширину обитаемой *земли*, [Эратосфен] говорит, что от Мероз⁵⁵ по *проходящему* через нее меридиану до Александрии десять тысяч *стадиев*, отсюда до Геллеспонта – около восьми тысяч ста, затем до Борисфена пять тысяч, наконец, до круга, *проходящего* через Туле⁵⁶... еще около одиннадцати тысяч пятисот.

(4) Гиппарх и другие *писатели* предполагают, что параллельный круг, *проходящий* через Борисфен, тождествен с *проходящим* через Византий, с массалийским⁵⁷...

(7) Затем [Эратосфен] говорит, что было много рассуждений о материках и что одни разделяют их реками, *именно*: Нилом и Танаисом, представляя в виде островов, а другие – перешейками, *именно*: 1) находящимися между Каспийским и Понтийским морями и

2) находящимися между Красным морем и Экрегматом⁵⁸, причем эти *последние* называют материки полуостровами; он замечает *при этом*, что не понимает, каким образом подоб-

ное исследование может иметь практическое значение, и считает его скорее только спором *людей*, подражающих Демокриту⁵⁹.

Книга II

1. (11) Что морской путь от Амиса до Колхиды идет *по направлению* к равноденственному востоку⁶⁰, это доказывается и ветрами, и временами года, и плодами, и самим восходом солнца; в том же направлении *идет* перевал к Каспийскому морю и следующий затем путь до Бактрии⁶¹.

(16/73 С) Какое же, подобное этому⁶², благосостояние можно найти около Борисфена и приокеанской Кельтики? Ведь там даже не растет виноградная лоза или, *по крайней мере*, не дает плодов. В местностях более южных и приморских, *а также в странах* по Боспору она дает плоды, но мелкие, и на зиму засыпается землею. Лед в этих *местностях* столь крепок у устья Меотийского озера⁶³, что в том месте, где зимою военачальник Митридата победил варваров в конной битве на льду, *он же* разбил в морском сражении тех же *варваров* летом, когда лед растаял. Эратосфен приводит и надпись в пантикапейском храме Асклепия на лопнувшей от мороза медной гидрии: “Если кто из людей не верит, что у нас делается, пусть убедится, взглянув на эту гидрию, которую поставил *здесь* жрец Стратий не в качестве прекрасного приношения богу, а в доказательство суровости зимы”. Итак, если климатические условия перечисленных местностей нельзя сравнивать даже с боспорскими⁶⁴, не говоря уже о том, что замечается в Амисе и Синопе (ведь эти местности можно назвать *еще* более умеренными *по климату*, нежели те), то едва ли можно их сравнивать с местностями по Борисфену и окраинами Кельтики. Ибо вряд ли находятся на одной высоте с Амисом, Синопой, Византием и Массалией те пункты, которые единогласно признаются *лежащими* на три тысячи семисот стадиев южнее Борисфена и кельтов.

(18/75 С) Гиппарх говорит, что у Борисфена и в Кельтике в продолжение целых летних ночей свет солнца дает отблеск, простираясь кругом от запада к востоку, а во время зимнего солнцеворота солнце поднимается *над горизонтом* никак не больше, чем на девять локтей.

(39/91 С) ...[Гиппарх] говорит, что и по Эратосфену один и тот же меридиан *проходит* и через Канопское устье *Нила* и через Кианеи

и отстоит он от Тапсакского [меридиана] на шесть тысяч триста стадиев, а Кианеи *отстоит* на шесть тысяч шестисот стадиев от Каспийской горы, которая лежит у перевала из Колхиды к Каспийскому морю; таким образом, если вычесть триста стадиев, получается одинаковое расстояние от Кианейского меридиана до Тапсака и Каспийской горы; стало быть, Тапсак и Каспийская гора некоторым образом лежат на одном и том же меридиане⁶⁵.

4. (5/107 С) ...Ложно то *мнение Полибия*, что Танаис течет от летнего востока: ибо все сведующие в *географии* этих стран утверждают, что он течет с севера в Меотиду, так что устья реки, выход из Меотиды и самая река, насколько она известна, лежат на одном и том же меридиане⁶⁶.

(6) Некоторые не заслуживающие внимания *писатели* говорили, что Танаис берег начало из мест, близких к Истру, и *течет* с запада, не сообразив *при этом*, что в промежутке текут в Понт большие реки Тира, Борисфен и Гипанис, из *коих* первая параллельна Истру, а прочие – Танаису; и если не открыты истоки ни Тиры, ни Борисфена, ни Гипаниса, то *страны, лежащие* севернее их, должны быть еще гораздо менее известны. Стало быть, мнение, проводящее Танаис к Меотиде через эти *страны* и затем заставляющее делать поворот к нему (ибо устья *реки* ясно указываются в северных частях озера и притом в самом восточном *их краю*), должно быть ложно и неосновательно⁶⁷. Точно так же неосновательно *мнение*, утверждающее, что эта река течет через Кавказ к северу и затем поворачивает в Меотиду. Есть и такое мнение; но никто не говорит, что она течет с востока: ибо если бы она текла таким образом, то более авторитетные *писатели* не стали бы указывать, что ее течение противоположно Нилу и некоторым образом диаметрально *противоположно*, как будто бы течение обеих рек идет по одному и тому же меридиану или по соседнему.

(7 конец / 108 С). Не несообразно принимать за границы *материков* Танаис или Нил, но *считать таковыми* летний или равноденственный восток – странно⁶⁸.

5. (7/114 С) Выше Борисфена обитают крайние из известных нам народов скифского племени – роксоланы⁶⁹, живущие южнее последних известных нам обитателей *стран, лежащих* выше Британии. Лежащие за ними страны уже необитаемы вследствие холода. Южнее их и выше Меотиды живут савроматы и скифы до места жительства восточных скифов⁷⁰.

(9/116 С) ...Если прибавить к расстоянию от Родоса до Борисфена расстояние в четыре тысячи стадиев от Борисфена до северного *предела земли*, то получается всего двенадцать тысяч семьсот стадиев.

(12/118 С) ...Преимущественно современники наши могут сообщить кое-что *достоверное* о том, что касается британцев, германцев и народов, обитающих по Истру как по эту, так и по ту сторону, *именно* гетов, тирегетов и бастарнов⁷¹, а также и *народов* кавказских, как, например, албанов и иберов⁷².

(18/121 С) Мы говорим... что наша обитаемая земля, будучи окружена морем, принимает в себя из внешнего моря, что у океана много заливов, а самых больших четыре; из них северный называется Каспийским морем, а некоторые называют *его* Гирканским; Персидский же и Аравийский *заливы* вливаются от южного моря, первый, главным образом, против Каспийского моря, а второй – *против* Понтийского; четвертый *залив*, значительно превосходящий по величине вышеупомянутые, образует море, называемое внутренним и нашим; оно получает начало на западе от пролива у Геракловых столпов и тянется до восточной части, имея разную ширину, затем разделяется и оканчивается двумя морскими заливами, одним – слева, который мы называем Понтом Евксинским, и другим – состоящим из Египетского, Памфилийского и Иского морей.

(22/124 С) ...Эгейское море и Геллеспонт изливаются к северу в другое море, которое называют Пропонтидой, и это *опять* – в другое, в так называемый Евксинский Понт. Этот последний состоит как бы из двух морей: почти по середине его выдвигаются два мыса, один – из Европы, с северной стороны, а другой, противоположный этому, – из Азии; они суживают *находящийся* между ними пролив и образуют два больших моря. Европейский мыс называется Бараний лоб (Κριὸν μέτωπον), а азиатский – Карамбис; они отстоят друг от друга приблизительно на тысячу стадиев. Море к западу *от них* имеет в длину от Византия

до устьев Борисфена три тысячи восемьсот стадиев, а в ширину две тысячи; в нем есть остров Белый (Λευκί)⁷³. Восточное море *имеет* продолговатую *форму* и оканчивается узким заливом у Диоскуриады⁷⁴, *имея в длину* пять тысяч стадиев или немного больше, а в ширину – около трех тысяч. Окружность всего моря *равняется* приблизительно двадцати пяти тысячам стадиев. Некоторые уподобляют форму этой окружности натянутому скифскому луку, приравнивая тетиве так называемые правые части Понта (это – путь от устья до залива у Диоскуриады; ибо, за исключением Карамбиса, весь остальной берег имеет *лишь* небольшие углубления и выпуклости, так что подобен прямой линии), а остальной берег – рогу лука, имеющему двойной изгиб, *именно*: верхний, более округленный, и нижний, более прямой; так, говорят они, и этот *берег* образует два залива, из коих западный гораздо круглее другого⁷⁵.

(23) Выше восточного залива к северу лежит Меотийское озеро, имеющее в окружности девять тысяч стадиев или даже немного больше. Изливается оно в Понт через так называемый Киммерийский Боспор, а Понт – в Пропонтиду через *Боспор* Фракийский...

(25/126 С) ...Коротко говоря, самый южный пункт нашего моря – углубленная часть большого Сирта и за нею – египетская Александрия и устье Нила, а самый северный – устье Борисфена; если же кто присоединяет и Меотиду к *этому* морю (ведь *и в самом деле она составляет* как бы часть *его*), то *таким пунктом будет* устье Танаиса. Самый западный пункт, – пролив у Столпов (Στήλαι)⁷⁶, а самый восточный – сказанный залив при Диоскуриаде⁷⁷. Эратосфен неправильно называет *самым восточным пунктом* Иский залив: ибо он находится на том же меридиане, на котором Амис и Фемискира; а если хочешь, присоедини и Сидену до Фарнакии⁷⁸. От этих частей к востоку более трех тысяч стадиев плавания до Диоскуриады, как *это* яснее будет видно из подробного описания. Таково наше море.

(26/127 С) *Теперь* следует описать и окружающие *это море* земли, начав с тех самых частей, с которых мы начали и описание моря. Итак, если вплыть в пролив у Столпов, то направо *будет* Либия..., а налево *противолежащая ей* Европа до Танаиса; обе *эти части света* заканчиваются у Азии. Описание их следует начать с Европы, так как она замечательна разнообразием форм, весьма благопри-

ятна для облагорожения *отдельных* людей и государств и уделила весьма много из свойственных ей благ прочим *землям*. Вся она удобобитаема, за исключением небольшой части, необитаемой вследствие холода; эта *часть* служит пределом кочевникам, живущим по Танаису, Меотиде и Борисфену...

(30/128 С) За Италией и Кельтикой находятся остальные, *обращенные* к востоку страны Европы, которые делятся на две *части* рекою Истром. Эта *река* течет с запада к востоку и Евксинскому Понту, влево оставляя всю Германию, начинающуюся от Рейна, всю землю гетскую и *земли* тирегетов, бастарнов и савроматов⁷⁹ до реки Танаиса и Меотийского озера.

(31/129 С) От Танаиса и Меотиды непосредственно следуют *страны* по сю сторону Тавра, а за ними – *лежащие* по ту сторону. Ибо, так как Азия делится надвое горою Тавром⁸⁰..., то склоняющуюся к северу часть материка эллины называют *лежащею* по сю сторону Тавра, а *склоняющуюся* к югу – *лежащею* по ту сторону. Части, прилежащие к Меотиде и Танаису, суть *страны* по эту сторону Тавра. Их передние части лежат между Каспийским морем и Евксинским Понтом, с одной стороны заканчиваясь у Танаиса и океана, как внешнего, так и *сливающегося* с Гирканским морем, а с другой – у перешейка, где наиболее близко *расстояние* от угла Понта до Каспийского моря. Затем по сю сторону Тавра *лежат* страны над Гирканским морем до области индийцев и скифов, *живущих* у этого самого моря и Имейской горы⁸¹. Эти страны занимают, во-первых, меоты [савроматы] и племена, *живущие* между Гирканским морем и Понтом до Кавказа, иберов и албанов⁸²,

именно: савроматы, скифы, ахейцы, зиги и гениохи⁸³, а затем над Гирканским морем – скифы, гирканы, парфяне, бактры, согдианы⁸⁴, *далее следуют* прочие страны, лежащие выше индийцев к северу. К югу же от части Гиркаиского моря и всего перешейка между этим морем и Понтом лежит большая часть Армении, Колхида и вся Каппадокия до Евксинского Понта и тибаренских народностей⁸⁵...

(42/135 С) В *местностях*, отстоящих от Византия к северу приблизительно на три тысячи восемьсот стадиев, наибольший день равняется шестнадцати равноденственным часам... Места эти находятся около Борисфена и южных *частей* Меотиды и отстоят от равноденственного круга на расстояние около тридцати четырех тысяч ста *стадиев*. Северная сторона горизонта *там* в продолжение почти целых летних ночей освещается солнцем, так как свет с запада распространяется вплоть до востока..., а в зимние *дни* солнце поднимается никак не больше, чем на девять локтей. Эратосфен говорит, что эти *места* отстоят от Мероэ⁸⁶ немногим больше, чем на двадцать три тысячи *стадиев*, именно: до Геллеспонта восемнадцать тысяч и затем пять тысяч до Борисфена. В *местностях* же, отстоящих от Византия приблизительно на шесть тысяч триста *стадиев* и находящихся севернее Меотиды, в зимние дни солнце поднимается не более, чем на шесть локтей, а наибольший день равняется семнадцати равноденственным часам.

§ 43. *Местности*, лежащие за *вышеупомянутыми* и уже приближающиеся к поясу, необитаемому вследствие холода, уже бесполезны для географа...

Книга III

2. (12/149 С) ...Гомер, зная, что киммерийцы поселились в северных и мрачных *местностях* у Боспора, поместил их возле преисподней, быть может, даже вследствие общей ионийцам ненависти к этому племени: ведь *именно* во времена Гомера или немного раньше его, как говорят, произошло вторжение

киммерийцев в Азию до Эолиды и Ионии⁸⁷...

4. (15/163 С) ...В *испанских* реках водятся бобры, но их струя не имеет одинакового свойства со струею понтийских бобров: ибо *только* понтийской присуще целебное свойство, как *это замечается и во многих других предметах*...

Книга V

3. (12/239 С) ...За Албанской *горой* [в Лапиуме] лежит город Ариция на Аппиевой дороге... Святилище Артемиды, которое называют рощею, *находится* с левой стороны дороги, если идти из Ариции. Святилище арицийской богини считают учреждением *Арте-*

миды Таврополы⁸⁸, ибо в священных обычаях преобладает варварский и скифский *элемент*: так, в жрецы ставится беглец, убивший прежнего жреца; поэтому *жрец* всегда вооружен мечом, остерегаясь нападений и *будучи* готов защищаться...

Книга IV

4. (2/288 С) ...Подобная *Африке* судьба постигла и Азию. Сначала она управлялась почкорными *римлянам* царями, а впоследствии, когда *царские династии* прекратились, как *это случилось*, например, с царями из рода Аттала, сирийскими, пафлагонскими, каппадокийскими и египетскими, или же *цари* отпадали *от римлян* и затем были лишены власти, как это случилось с Митридатом Евпатором и Клеопатрой Египетской, – с *тех пор* все *области* по сю сторону Фасиса и Евфрата, кроме некоторых *частей* Аравии, находятся под

властью римлян и назначенных ими династов. Армяне же и живущие выше Колхиды албанцы и иберы нуждаются только в присутствии правителей и легко удерживаются в повиновении, а восстают *только* тогда, когда римляне заняты другими делами; так же *держат себя* и обитатели побережья Евксина по ту сторону Истра⁸⁹, за исключением боспорцев и номадов: первые покорны *римлянам*, а вторые ни к чему не годны вследствие трудности сношений с ними и требуют только *присутствия* гарнизонов *для отражения их нападений*,...

Книга VII

1. (1/289 С) Сказав об Иберии и кельтических и италийских народах с близлежащими островами, нам следует затем говорить об остальных частях Европы, разделив *их* подходящим способом. Остаются *страны* к востоку за Рейном до Танаиса и устья Меотийского озера, а *также все пространство*, которое охватывает Истр между Адрием и левыми берегами Понтийского моря к югу до Эллады и Пропонтиды. Эта река, величайшая из *всех* европейских рек, разрезывает на две части почти всю сказанную область, протекая сначала к югу, а потом круто поворачивая с запада к востоку и Понту. Она берет начало от западных пределов Германии, недалеко и от самого углубленного пункта Адриатического моря, на расстоянии около тысячи стадиев от него; и вливается же она в Понт недалеко от устьев Тиры и Борисфена, слегка отклоняясь к северу. Итак, к северу от Истра лежат страны за Рейном и Кельтикой, где живут племена галатские и германские до бастарнов, тирегетов⁹⁰ и реки Борисфена, затем все пространство между этой рекой, Танаисом и устьем Меотиды, которое простирается внутрь материка до Океана и омывается Понтийским морем... Сначала мы скажем о странах по ту сторону Истра, потому, что *их описание* гораздо проще *описания* стран по эту сторону.

2. (2/293 С) Посидоний⁹¹... неплохо предполагает, что кимвры, будучи разбойниками и кочевниками, совершали походы даже до *местностей* по Меотиде и что от них-то получил название и Киммерийский Боспор, *т. е.* как бы Кимврийский, ибо эллины называли кимвров киммерийцами⁹²...

(4/294 С) Из германцев, как я сказал, северные живут вдоль океана. Известны они, начиная от устьев Рейна до Альбиса [Эльбы]; наиболее известные из них – сугамбры и кимвры⁹³; *страны* же за Альбисом у океана совершенно нам неведомы. Мы не знаем никого, кто бы ранее совершил плавание вдоль *этих берегов* к восточным странам, *простирающимся* до устья Каспийского моря, а *также* и римляне еще не заходили в страны по ту сторону Альбиса; равным образом и сухим путем никто *туда* не путешествовал. Но что, если идти по длине к востоку, то встретятся местности, *лежащие* по Борисфену к северу от Понта, – это явствует из климатов и параллельных расстояний. Что же находится за Германией и что за другими *странами*, к ней прилежащими, – нужно ли принять бастарнов, как предполагает большинство, или другие *народы* между *ними* и *германцами*, или язигов, или роксоланов⁹⁴, или каких-либо других, *из числа* живущих в повозках, – это сказать не легко; *трудно также сказать*, простираются ли они до океана по всей длине, или есть *там* какая-либо страна, необитаемая вследствие холода или по другой причине, или следует другое племя, живущее между морем и восточными германцами. Точно такая же неизвестность господствует и относительно прочих северных стран, лежащих далее: ибо мы не знаем ни бастарнов, ни савроматов и вообще *никого* из живущих выше Понта; *не знаем ни того*, насколько они удалены от Атлантического моря, ни соприкасаются ли они с ним.

Перевод С. В. Мирошникова

3: 295–308С. (1) Южная часть Германии по ту сторону *реки* Альбиса, непосредственно к ней примыкающая, занята свевами⁹⁵; затем тотчас следует земля гетов, сначала узкая, тя-

нующаяся южной стороной вдоль Истра, а противоположной – вдоль предгорьев Геркинского леса, занимая, *впрочем*, и часть самых гор⁹⁶, затем расширяется к северу до тиреге-

тов (Τυρρετών)⁹⁷, точные границы ее мы указать не можем... Достойны замечания же писатели, которые при незнании этих стран поместили здесь Рипейские горы и гипербореи⁹⁸, поверив измышлениям мифографов, как например, Питей Массалиот⁹⁹, который много налгал в своих описаниях земель, лежа-

щих при Северном океане; его ложь, впрочем, искусно прикрыта астрономией и математикой. Нам, однако, не подобает обращать особенное внимание на подобных мифографов, куда должно причислить и Софокла, который в известной трагедии говорит, как Орейтия¹⁰⁰ была похищена и унесена Бореем:

Чрез все пространства моря к граням мира,
К истокам ночи, к основанью неба,
Где Феба манит изначальный рай¹⁰¹.

(2) Эллыны считали гетов фракийским *народом*; они жили по обеим сторонам Истра, равно как и мисийцы, тоже *народ* фракийского происхождения, который ныне называют мезийцами; от них произошли и те мисийцы, которые ныне живут между Лидией, Фригией и Троадой¹⁰². Мне кажется, Посидоний верно предполагает, что Гомер разумеет европейских мисийцев (т. е. *живущих* во Фракии), когда говорит: “сам же Зевс назад обратил блестящие очи, взирая вдаль на землю конеборных фракийцев и сражающихся врукопашную мисийцев”¹⁰³. Ведь если бы понимать здесь *тех* мисийцев, что в Азии, то речь *поэта* была бы бессмысленна. В самом деле, отвратив взоры от троянцев к земле фракийцев, ставить рядом с этою *последнею* землю мисийцев, живших не вдали, а рядом с Троадой и примыкавших к ней сзади и с обеих *боковых* сторон, а от Фракии отделявшихся широким Геллеспонтом, – это значило бы смешивать части света и вместе с тем не понимать *значения* слов. Выражение “назад обратил” обыкновенно значит – в тыл; между тем тот, кто переносит взоры от троянцев на живущих за ними или с боков, переносит их далее вперед, а вовсе не в тыл. Следующие *слова поэта* также служат доказательством того же самого, потому что он соединил с мисийцами доителей кобылиц, млекоедов и абиев¹⁰⁴, которые *не кто иные*, как живущие в кибитках скифы и сарматы. Ведь и ныне эти народы и *племена* бастарнов¹⁰⁵ живут смешанно с фракийцами, главным образом, по ту сторону Истра, но *отчасти* и по эту сторону...

(3) Посидоний говорит, что мисийцы из благочестия воздерживаются *от употребления в пищу* одушевленных *существ*, а поэтому и скота; что питаются они медом, молоком и сыром, ведя мирную жизнь, почему и называются “богопочитателями” и “воскурителями”; что есть между фракийцами *также* и некоторые, которые живут без женщин; что они называются “основателями” (Κτίσταις), из ува-

жения к *ним* признаны священными и живут безбоязненно; что всех их вместе поэт¹⁰⁶ назвал “дивными доителями кобылиц, млекоедами и абиями, справедливейшими людьми”. Абиями же он называет их главным образом потому, что *они живут* без женщин; он признает холостую жизнь как бы половиною *настоящей*¹⁰⁷...

(4) ...“Абиев” не столько можно принять за холостых, сколько за бездомных и живущих в кибитках. Ведь ввиду того, что несправедливости возникают главным образом при *торговых* сделках и приобретении денег, правильно назвать “справедливейшими” людей, ведущих простую жизнь при столь ограниченных потребностях...¹⁰⁸

(6) Такого рода сомнения о том, что говорится у поэта о мисийцах и дивных доителях кобылиц, легко могут быть оправданы; но с тем, что Аполлодор¹⁰⁹ говорит в предисловии ко второй *книге* «О кораблях», никак нельзя согласиться. Он одобряет мнение Эратосфена, что как Гомер, так и другие древние *писатели* знали эллинский мир, а относительно отдаленных *стран* обнаружили большое невежество, будучи неопытны в далеких путешествиях и в плавании. Подтверждая это, Аполлодор говорит, что Гомер Авлиду называет “скалистей”, какова она и на самом деле, Этеон – “многохолмным”. Фисбу – “богатою голубями”, Галиарт – “богатым травой”; но отдаленных *стран*, говорит он, не знает ни Гомер, ни другие. Так, например, хотя в Понт течет около сорока рек, он не упоминает ни об одной даже из наиболее известных, каковы Истр, Танаис, Борисфен, Гипанис, Фасис, Фермодонт, Галис; о скифах также не упоминает, а выдумывает каких-то дивных доителей кобылиц, млекоедов и абиев. О пафлагонцах¹¹⁰, *живущих* внутри материка, он узнал от тех, которые сухим путем приближались к этим местам, а морского *их* берега не знает, и это вполне естественно, ибо в те времена это море было недоступно для плавания и называлось Негос-

теприимным (Ἰαξενον) по причине бурь и дикости живущих вокруг него племен, в особенности скифских, приносивших чужеземцев в жертву, питавшихся *человеческим* мясом и употреблявших черепа вместо чаш; впоследствии же оно названо было гостеприимным (Εὔξενον), когда ионийцы основали города на *его* побережье... Отсюда *Аполлодор* переходит к писателям, говорящим о Рипейских горах... к городу Киммериде у Гекатея¹¹¹...

(7) До сих пор мы говорили о фракийцах и “мисийцах бойцах рукопашных и дивных доителей кобылиц, млекоедах и абиях, справедливейших смертных”¹¹², желая сравнить наше описание с известиями Посидония, *Аполлодора* и *Эратосфена*. Во-первых, то, что они попытались описать, оказалось противоположным тому, что они хотели доказать. Они поставили себе задачей доказать, что древнейшие *авторы* знали меньше о том, что находится далеко *за пределами* Эллады, чем позднейшие; но доказали как раз противоположное, и притом не только относительно отдаленных стран, но и относительно самой Эллады. Впрочем, как я уже сказал, оставим *пока* остальное, а рассмотрим *только занимающий нас* теперь *вопрос*. Гомер, говорят они, по незнанию не упоминает о скифах и их жестокости к иностранцам, которых они приносили в жертву, мясо съедали, а черепа употребляли вместо чаш, почему и Понт назывался негостеприимным, а напротив, *он* выдумывает каких-то дивных доителей кобылиц, млекоедов и абиев, справедливейших смертных, нигде не существующих на земле. Но каким же образом *древние* называли Понт Негостеприимным, если не знали *этой* дикости и *самых людей*, наиболее ею отличавшихся? А это, конечно, скифы. Раньше за мисийцами, фракийцами и гетами не жили ни доители кобылиц, ни млекоеды и абии? Да ведь и ныне существуют так называемые гамаксойки¹¹³ и номады, которые питаются домашним скотом, молоком и сыром, особенно кобыльим, не имея и понятия о запасах и мелочной торговле, за исключением обмена товара на товар. Как же поэт не знал скифов, когда он упоминает о каких-то доителях кобылиц и млекоедах? А что в те времена их называли “доителями кобылиц” — *об этом* свидетельствует и Гесиод в приведенных *Эратосфеном* стихах: “[Он видел] эфиопов, лигийцев и скифов, доителей кобылиц”¹¹⁴.

Далее, что же удивительного, если, имея в виду, что у нас нередко бывают несправедли-

вости в торговых договорах, Гомер называет справедливейшими и дивными мужами тех, которые совсем не занимаются торговыми делами или составлением капитала, но всем владеют сообща, кроме мечей и чаш для питья, и даже жен и детей считают общими согласно с учением Платона. Эсхил также явно согласен с Гомером, говоря о скифах: “но питающиеся кобыльим сыром и пользующиеся хорошими законами скифы”¹¹⁵. Такое мнение и теперь еще существует у эллинов. Действительно, мы их считаем очень прямодушными, совсем бесхитростными и гораздо более нас умеренными и довольными своим положением. Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося роскошь, страсть к удовольствиям и для *удовлетворения* этих *страстей* множество безнравственных средств к обогащению. Такая испорченность *нравов* в значительной степени проникла и к варварам, между прочим, и к номадам. Последние со времени знакомства с морем *сразу* сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими *народами*, перенимают от них роскошь и торгашество; хотя это, по-видимому, и способствует смягчению *дикости*, однако портит нравы и на место простодушия, о котором мы только что говорили, вводит коварство.

(8) Но *скифы* былых времен, преимущественно близкие к временам гомеровским, были и считались у эллинов действительно такими, какими их изображает Гомер. Посмотри, *например*, что говорит Геродот¹¹⁶ *о том* скифском царе, на которого пошел войною Дарий, и об ответе, данном им *Дарию*. Смотри также, что говорит Хрисипп о боспорских царях, именно о Левконе¹¹⁷. Персидские письма¹¹⁸ также исполнены той простоты, о которой я говорю, *а равно* и достопамятные изречения египтян, вавилонян и индийцев. Поэтому-то и Анахарсис¹¹⁹, Абарис¹²⁰ и некоторые другие *скифы*, им подобные, пользовались большой славой среды эллинов, ибо они обнаруживали характерные черты своего племени: любезность, простоту, справедливость. Да к чему говорить о древних? Александр, сын Филиппа, во время похода на фракийцев, обитавших за Гемом¹²¹, вторгшись в *землю* трибаллов¹²² и увидев, что их *область* простирается до Истра и до находящегося на нем острова Певки¹²³, а за рекой живут геты, — дошел, как говорят, до берега реки; вследствие недостатка в судах он не мог высадиться на остров, тем более, что ту-

да бежал царь трибаллов Сирм¹²⁴ и оказал сопротивление этому предприятию; *тогда* Александр, переправившись в область гетов, взял их город¹²⁵ и поспешно вернулся домой, получив дары от *этих* народов и от Сирма. Птолемей, сын Лага¹²⁶, рассказывает, что во время этого похода пришли к Александру жившие около Адрия кельты, чтобы заключить с ним дружественные отношения и гостеприимство. Царь, благосклонно приняв их, во время попойки спросил, чего они больше всего боятся, ожидая, что они назовут его; но они отвечали, что никого *и ничего* не боятся, кроме разве того, чтобы на них не упало небо; дружбу же с таким человеком, *как Александр*, они ставят выше всего. Эти факты служат *достаточными* доказательствами простодушия варваров: Сирм не допустил *Александра* высадиться на остров, а между тем послал *ему* дары и заключил дружбу; кельты же сказали, что они никого не боятся, но дружбу с великими людьми ценят выше всего. Далее, в эпоху преемников Александра царем гетов был Дромихет; он, взяв в плен Лисимаха¹²⁷, выступившего против него, показал *ему* бедность свою и своего народа, а вместе с тем и довольство своим положением и советовал с такими *людьми* не воевать, а дружить. Сказав это, он угостил его, заключил дружбу и даровал свободу. И Платон в «Государстве» полагает, что тем, которые желают иметь благоустройство в государстве, следует как можно дальше бежать от моря, как учителя *всякого* зла, и не селиться возле него¹²⁸.

(9) Эфор¹²⁹ в четвертой книге *своей* истории, носящей заглавие: «Европа», дойдя в своем рассмотрении Европы до скифов, в конце концов говорит, что прочие скифы и савроматы не одинаковы по образу жизни: ибо первые до того жестоки, что едят человеческое мясо, вторые, напротив, воздерживаются от употребления в пищу даже животных. «Другие *историки*, — продолжает он, — передают сказания *только* об их жестокости, зная, что ужасное и удивительное действует потрясающим образом *на душу*, между тем как нужно указывать и выставлять в виде образцов противоположные их качества». Поэтому-то и сам он будет говорить о тех *скифах*, которые отличаются наиболее благородными нравами. Есть, по его словам, между скифами-номадами некоторые *такие*, что питаются кобыльим молоком и всех *других* превосходят справедливостью; о них упоминают поэты: Гомер, сказавший, что Зевс созерцает землю

“доителей кобылиц и абиев, справедливейших людей”, и Гесиод в поэме под заглавием «Объезд земли», представляющий Финея, уводимого гарпиями “в землю млекоедов, имеющих жилища на повозках”¹³⁰.

Далее Эфор объясняет причину этого факта тем, что они, ведя простой образ жизни и не зная корыстолюбия, как во взаимных отношениях руководствуются добрыми правилами, все имея общим, даже жен, детей и всех родственников, так и для внешних врагов непобедимы и неодолимы, не имея ничего *такого*, из-за чего они могли бы подпасть под чужое иго. Он ссылается и на Херила, который в рассказе о переходе через мост, построенный Дарием из судов, говорит: “и пастухи овец сакки, родом скифы; населяли они богатую пшеницей Асиду; были они, конечно, выходцами из *земли* номадов, справедливых людей”¹³¹. Далее Эфор относит к этому племени и Анахарсиса, называя его мудрым: *по его словам*, он был признан даже одним из семи мудрецов за необыкновенную воздержность и разум. Он называет его изобретениями горящий трут, двузубый якорь и гончарный круг¹³². Я упоминаю об этом, хотя отлично знаю, что и этот *писатель* не обо всем говорит вполне верно, в том числе и об изобретениях Анахарсиса (в самом деле, каким образом гончарный круг может быть его изобретением, если о нем знает *уже* Гомер, живший раньше него: “подобно тому, как какой-нибудь гончар прилаженное в руках колесо”, — и так далее¹³³). Я хотел только доказать, что по какому-то общему преданию как у древних, так и у позднейших *авторов* существовало такое убеждение о номадах, что наиболее отдаленные от других народов питаются молоком, бедны и весьма справедливы, и что это, *стало быть*, не есть вымысел Гомера.

(10) Что касается до мисийцев, то справедливо требовать у Аполлодора отчета о том, что говорится о них в поэмах *Гомера*, именно, считает ли он и их за вымысел, если поэт говорит; “мисийцев, борцов рукопашных, и дивных доителей кобылиц”¹³⁴, или он принимает их за мисийцев, *обитающих* в Азии. Если он принимает их за азиатских мисийцев, то неверно толкует слова поэта, как уже сказано выше¹³⁵; если же он считает это вымыслом на том основании, что мисийцев во Фракии не было, то он идет против истины: ведь еще в наше время Элий Кат¹³⁶ переселил во Фракию пятьдесят тысяч человек с того берега Истра из области гетов, племени, говорящего на од-

ном языке с фракийцами. Эти переселенцы и теперь живут здесь, называясь мезийцами или потому, что так назывались они и раньше, но в Азии переименованы были в мисийцев, или потому, что и во Фракии прежде назывались мисийцами¹³⁷, что более согласуется со свидетельствами истории и со словами поэта. Но довольно об этом; возвратимся к дальнейшему изложению.

(11) Оставим в стороне древнейшую историю гетов; в наше же время произошло следующее. Гет Биребиста¹³⁸, став во главе своего племени, поправил состояние народа, пострадавшего от частых войн, и постоянными упреждениями, трезвостью и повиновением своим повелениям поднял его до такой высоты, что в течение немногих лет образовал великое царство и подчинил власти гетов большую часть соседних племен. Он уже наводил страх и на римлян, отважно переправляясь через Истр и опустошая Фракию до пределов Македонии и Иллирии, разорил область кельтов, смешавшихся с фракийцами и иллирийцами, и совершенно уничтожил бойев, бывших под властью Критасира, и таврисков. Для удержания народа в повиновении он получил пособника в лице волшебника Декеinea¹³⁹, который, скитаясь по Египту, научился некоторым предзнаменованиям, посредством которых возвещал якобы волю богов; вскоре он стал считаться даже богом, как мы упомянули в рассказе о Замолксисе¹⁴⁰. Доказательством повиновения гетов служит тот факт, что они согласились вырубить виноградные лозы и жить без вина. Впрочем, Биребиста был лишен власти некоторыми восставшими на него лицами прежде, чем римляне послали против него войско; преемники же его разделили страну на несколько частей: ныне, когда Август Кесарь послал против них войско, геты делились на пять частей, а тогда – на четыре. Конечно, такого рода деления в разное время бывают различны, смотря по обстоятельствам.

(12) Но существует другое деление Гетской земли, остающееся с древних времен: одну часть этого племени называют даками¹⁴¹, другую – гетами. Гетами называют тех, которые живут у Понта в восточной части страны, а даками – тех, которые живут в противоположной части, со стороны Германии и истоков Истра. Я полагаю, что в древнее время они назывались даями; оттого и у жителей Аттики были в ходу имена рабов: Геты и Дай. Это более вероятно, чем производство послед-

него имени от скифов, которых называют даями¹⁴²; ибо последние живут слишком далеко от Аттики, около Гиркании, и мало вероятно, чтобы оттуда вывозились невольники в Аттику... Племя гетов, столь высоко поднятое Биребистой, потом было вконец ослаблено внутренними раздорами и оружием римлян; впрочем, оно и теперь еще в состоянии высылать сорок тысяч воинов.

(13) Через их страну протекает река Марис¹⁴³, впадающая в Дунай, по которому римляне свозили заготовки для войны. Верхние части этой реки, ближайšie к истокам, вплоть до порогов, называли они Данувием (в этой части река течет главным образом через Дакию), низовые же до Понта, в области гетов, называются Истром. Даки говорят на одном языке с гетами. Эллинам геты более известны потому, что они постоянно переселяются на тот и на другой берег Истра и смешались с фракийцами и мисийцами. То же самое происходит и у трибаллов, народа фракийского племени: они тоже принуждены совершать переселения вследствие того, что соседи нападают на более слабых: одни переселялись с той стороны Истра вследствие того, что скифы, бастарны и савроматы часто одолевали их, так что в погоне за вытесненными некоторые из них даже переправлялись через реку и оставались жить или на ее островах, или во Фракии; другие, напротив, переселялись с этой стороны реки, терпя притеснения, в особенности от иллирийцев. Геты и даки, достигнув тогда высокой степени могущества, так что могли высылать двести тысяч войска, теперь сократились до сорока тысяч и близки к совершенному подчинению римлянам; но пока они еще не вполне покорны, благодаря надеждам на германцев, враждебных римлянам.

(14) Между гетами и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире¹⁴⁴ лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время, как перешел за Истр для похода на скифов¹⁴⁵, был захвачен в ловушку и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды; но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад. Впоследствии Лисимах, отправившись походом против гетов и царя их Дромихета, не только подвергся той же опасности, но и был захвачен в плен живым; впрочем, он, как я сказал выше¹⁴⁶, был отпущен, благодаря добродушию варвара.

(15) Близ устьев Истра есть большой остров Певка; занявшие его бастарны получили

название певкинов¹⁴⁷. Есть и другие острова, но гораздо меньших размеров, одни выше этого *острова*, другие у моря. *Истр* имеет семь устьев. Самое большое из них – так называемое священное устье, по которому до Певкисто двадцать стадиев плавания; на нижней части этого *острова* Дарий построил мост, хотя он мог бы быть построен и на верхней. Это устье – первое слева для плывущих в Понт, остальные же следуют по пути вдоль берега *по направлению* к Тире; седьмое устье отстоит от *первого* почти на триста стадиев. Между устьями-то и образуются *вышеупомянутые* островки. Три устья, следующие за священным, невелики, а остальные – гораздо меньше священного, но больше этих *трех*. Эфор называет Истр пятиустьным¹⁴⁸. Отсюда до судоходной реки Тиры – девятьсот стадиев. В промежутке *есть* два больших озера, из которых одно имеет сообщение с морем, так что может служить и гаванью, а другое не имеет входа¹⁴⁹.

(16) При устье Тиры находится башня, называемая Неоптолемовой¹⁵⁰, и деревня, известная под названием Гермонактовой¹⁵¹. Если подняться по реке на сто сорок стадиев, то на *обоих берегах встретятся* города: один Никония¹⁵², а другой, на левом *берегу* – Офиуса¹⁵³; жители побережья этой реки говорят, что, если подняться на сто двадцать стадиев, то встретится город (πόλις)¹⁵⁴. На расстоянии 500 стадиев от устья *этой реки лежит* в открытом море остров Белый (Λευκή), посвященный Ахиллу¹⁵⁵.

(17) Затем *следует* река Борисфен, судоходная на протяжении шестисот стадиев, и неподалеку от нее другая река Гипанис¹⁵⁶ и остров перед устьем Борисфена с гаванью¹⁵⁷. В двухстах стадиях по Борисфену лежит одноименный с рекою город. Он называется также Ольвией и *представляет собою* большой торговый порт, основанный милетянами¹⁵⁸. Все пространство, лежащее выше упомянутого промежутка между Борисфеном и Истром, занимают, во-первых, пустыня гетов¹⁵⁹, затем тирегеты, за ними – язиги – сарматы¹⁶⁰, так называемые царские, и урги (Οὔργοι)¹⁶¹; *все они* по большей части кочевники, но немногие занимаются и земледелием; эти последние, говорят, живут также по Истру, нередко на *обоих берегах его*. Внутри материка бастарны живут в соседстве с тирегетами и германцами¹⁶², вероятно, и сами принадлежа к германскому племени и будучи разделены на несколько колен: некоторые из них называются атмонами и сидонами¹⁶³, те, которые

занимали остров Певку на Истре, – певкина-ми¹⁶⁴, а самые северные, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, *называются* роксоланами¹⁶⁵. Вся северная *страна* от Германии до Каспия, насколько мы ее знаем, представляет равнину; живут ли какие-нибудь *народы* роксоланов – нам неизвестно. Роксоланы воевали и с полководцами Митридата Евпатора под предводительством Тасия; пришли они на помощь Палаку, сыну Скилура¹⁶⁶, и считались *народом* воинственным; однако против сомкнутой и хорошо вооруженной фаланги всякое варварское племя и легко вооруженное *войско* оказывается бессильным. И действительно, роксоланы в числе почти пятидесяти тысяч не могли устоять против шести тысяч, бывших под начальством митридатова полководца Диофанта¹⁶⁷, и большинство их погибло. Они носят шлемы и панцири из сырой воловьей кожи и сплетенные из прутьев щиты, а наступательным *оружием* им служат копья, лук и меч¹⁶⁸. Подобным *образом вооружено* и большинство других *варваров*. Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток *пасется* скот, мясом, сыром и молоком которого они питаются. Они следуют за *своими* стадами, выбирая всегда местности с хорошими пастбищами; зимою в болотах около Меотиды, а летом – и на равнинах.

(18) Вся *эта страна* очень холодна вплоть до мест, *лежащих* у моря между Борисфеном и устьем Меотиды; из самых приморских *местностей холодным климатом отличаются* самые северные, именно устье Меотиды и еще более – *устье* Борисфена, а также угол Тамиракского или Каркинитского залива¹⁶⁹, где *находится* перешеек большого Херсонеса¹⁷⁰. Холода *этой страны*, хотя *ее обитатели* и живут на равнинах, доказываются *следующими фактами*: жители не держат ослов (ибо это животное не выносит холода); быки – одни рождаются безрогими, а у других отпиливают рога (ибо эта часть *тела* также не выносит холода); лошади *здесь* мелки, а овцы крупны. *Здесь* трескаются даже медные гидрии, а содержаемое в них замерзает¹⁷¹. Сила морозов лучше всего видна из того, что бывает около устья Меотиды: по проливу из Пантикапея в Фанагорию переезжают на повозках, так что *тут* бывает то канал, то сухой путь. Рыба, застигнутая во льду, ловится так называемой гангамою¹⁷², особенно же осетры, величиною почти равные дельфинам. Рассказывают, что

полководец Митридата Неоптолем¹⁷³ в одном и том же проливе летом разбил варваров в морском бою, а зимой – в конном. Говорят также, что к зиме на Боспоре зарывают виноградные лозы, насыпая на них большое количество земли¹⁷⁴. Но *зато* и жары, говорят, бывают сильные, может быть, потому, что тела *варваров* не привыкли к *жаре*, а, может быть, и потому, что тогда бывает в степях безветрие, или и вследствие того, что плотный воздух сильнее нагревается, точно так, как в облаках действуют парелии¹⁷⁵. Атей, воевавший с Филиппом, сыном Аминты, кажется, господствовал над большинством здешних варваров¹⁷⁶.

(19) За островом, лежащим перед Борисфеном, сейчас к востоку *идет* морской путь к мысу Ахиллова Бега, месту, лишенному растительности, но называемому рощей и посвященному Ахиллу. Затем – Ахиллов Бег, выдающийся в море полуостров; это – узкая коса¹⁷⁷, длиною около тысячи стадиев *по направлению* к востоку; наибольшая ширина ее – два стадия, а наименьшая – четыре плетра. От материка, находящегося по обе стороны перешейка, она отстоит на шестьдесят стадиев; почва на ней песчаная, вода колодезная. Посередине ее перешеек, *имеющий* около сорока стадиев. Заканчивается *полуостров* у мыса, называемого Тамиракой и имеющего пристань, обращенную к матерiku¹⁷⁸. За мысом *находится* значительный залив Каркинитский, простирающийся сверху приблизительно на тысячу стадиев; другие, однако, говорят, что до внутреннего угла *залива расстояние* втрое больше. *Жители побережья* называются тафриями¹⁷⁹. Залив этот называют также Тамиракским, соименно мысу.

4. (1) Здесь находится перешеек *шириною* в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским¹⁸⁰. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка *равна* тремстам шестидесяти стадиям. Гнилое озеро¹⁸¹, как говорят, имеет в *ширину* даже четыре тысячи стадиев и составляет западную часть Меотиды, с которой оно соединено широким устьем. Оно очень болотисто и едва судоходно для сшитых лодок, так как ветры легко открывают мели и затем снова их наполняют *водою*, так что *эти* болота непроходимы для более значительных судов. В этом заливе есть три островка, а вдоль берега – мели и немногие подводные камни.

(2) Если плыть из Тамиракского залива, то влево будет городок и другая гавань херсонесцев¹⁸². Затем, если плыть вдоль берега, к югу выдается мыс, составляющий часть целого Херсонеса¹⁸³. На нем расположен город гераклеотов, колония живущих на *южном берегу* Понта, называемый также Херсонесом (*т. е. полуостровом*)¹⁸⁴ и находящийся в четырех тысячах четырехста стадиях плавания от *устья* Тиры. В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии ста стадиев, мыс, называемый Парфением (*т. е. Девичьим*)¹⁸⁵. В святилище находится храм богини и статуя. Между городом и мысом есть три гавани, затем следует древний Херсонес¹⁸⁶, лежащий в развалинах, а за ним бухта с узким входом, возле которой преимущественно устраивали *свои* разбойничьи притоны тавры¹⁸⁷, скифское племя, нападавшее на тех, которые спасались в эту *бухту*; называется она бухтою Символов. Она с другой бухтой, называемой Ктенунтом¹⁸⁸, образует перешеек в сорок стадиев. Это и есть тот перешеек, который замыкает малый Херсонес, составляющий, как мы сказали, часть большого Херсонеса и имеющий на себе город, носящий одинаковое с *полуостровом* название – Херсонес.

(3) Этот город прежде пользовался автономией, но *потом*, будучи опустошаем варварами, принужден был взять себе в покровители Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров, *живущих* выше перешейка до Борисфена и Адрия. Эти *походы* были подготовкой к войне с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, *бывшими тогда под властью* Скилура и его сыновей с Палаком во главе, которых, по свидетельству Посидония, было пятьдесят, а по свидетельству Аполлонида¹⁸⁹, – восемьдесят. Он силою подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему *тогдашний его* владелец Парисад (Παρίσαδος)¹⁹⁰. С тех-то пор и доныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора. Ктенунт находится на одинаковом расстоянии от города Херсонеса и бухты Символов. Начиная от бухты Символов до города Феодосии¹⁹¹ тянется Таврическое побережье длиною около тысячи стадиев, неровное, гористое и открытое для северных ветров. Из него далеко выдается в море к югу, напротив Пафлагонии и города Амастрии, мыс, носящий название Бараньего Лба (Κριού μέτωπον).

Напротив него лежит пафлагонский мыс Карамбис, разделяющий Понт Евксинский на два моря суженным с обеих сторон проливом¹⁹². Карамбис от города Херсонеса отстоит на две тысячи пятьсот стадиев, а от Бараньего Лба на гораздо меньшее число *их*. По крайней мере, многие из тех, которые проплывали *этот* пролив, говорят, что они одновременно видели оба мыса по обеим сторонам *моря*. В горной *стране* тавров есть также гора Трапезунт, одноименная с городом, находящимся на границах Тибарании и Колхиды¹⁹³. В той же горной *стране* есть и другая гора – Киммерий¹⁹⁴, названная так по имени киммерийцев, некогда господствовавших на Боспоре; отсюда же называется Боспором Киммерийским вся *та часть* пролива, которая прилегает к устью Меотиды.

(4) За вышеупомянутой горной областью лежит город Феодосия с плодородной равниной и гаванью, пригодной даже для сотни судов. Он был прежде границей владений боспорцев и тавров. Затем следует плодородная страна до Пантикапея, столицы боспорцев, построенной при устье Меотиды. От Феодосии до Пантикапея около пятисот тридцати стадиев; вся эта земля богата хлебом, имеет деревни и город с хорошей гаванью, называемый Нимфей¹⁹⁵. Пантикапей представляет собою холм, со всех сторон заселенный, окружностью в двадцать стадиев; с восточной стороны от него находится гавань и доки приблизительно для тридцати кораблей, есть также акрополь; основан он милетянами. Долгое время этот *город* и все соседние поселения вокруг устья Меотиды по *обе* его стороны находились под единоличной властью правителей из дома Левкона, Сатира и Парисада¹⁹⁶, вплоть до *того* Парисада, который *добровольно* передал власть Митридату¹⁹⁷. Эти правители назывались тиранами, хотя в большинстве были *люди* достойные, начиная от Парисада и Левкона. Парисад признан даже богом¹⁹⁸. Последний *правитель*, одноименный с ним, будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большей дани, чем прежде, уступил власть Митридату Евпатору, после которого царство подчинено власти римлян. Большая часть его лежит в Европе, но некоторая и в Азии.

(5) Вход в Меотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с довольно значительной ширины, именно около семидесяти стадиев, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагорию¹⁹⁹, а оканчивается гораздо бо-

лее узким проливом. Этот проход отделяет Европу от Азии, *подобно тому как* и река Танаис, текущая с противоположной ему стороны с севера в озеро и его устье. Она изливается в озеро двумя рукавами, находящимися один от другого на расстоянии около шестидесяти стадиев. Есть и город, соименный реке, самое большое торговое место у варваров после Пантикапея²⁰⁰. Влево для въезжающего в Боспор Киммерийский лежит городок Мирмекий²⁰¹ в двадцати стадиях от Пантикапея. Вдвое дальше от Мирмекия отстоит деревня Парфений, у которой самая узкая часть пролива, *всего* около двадцати стадиев²⁰²; на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием²⁰³. Отсюда по прямому морскому пути до Танаиса и до острова, лежащего между его устьями, – две тысячи двести стадиев²⁰⁴; *расстояние будет* немного больше этой цифры, если плыть вдоль *берега* Азии, и более чем тройное, если плыть до Танаиса по левой стороне *Меотиды*; на этом пути вдоль берега находится и перешеек²⁰⁵. Весь этот берег, мимо которого приходится плыть, со стороны Европы пустынен, а с правой стороны не безлюден. Вся окружность озера, по достоверным свидетельствам, имеет девять тысяч стадиев. Большой Херсонес и по виду, и по величине похож на Пелопоннес; им владеют боспорские повелители, *после того* как он весь сильно пострадал от непрерывных войн. Раньше боспорские тираны владели лишь небольшой областью при устье Меотиды и при Пантикапее до Феодосии, а наибольшую часть страны до перешейка и Каркинитского залива занимало скифское племя тавров²⁰⁶. Вся эта страна, а также, пожалуй, и *область* за перешейком до Борисфена, называлась Малой Скифией.. Вследствие множества *переселенцев*, переправлявшихся отсюда за Тиру и Истр и заселявших *ту* страну, значительная часть ее также получила название Малой Скифии, так как фракийцы уступали им землю, отчасти *принуждаемые* силой, отчасти же вследствие плохого качества почвы, так как большая часть *этой страны* болотиста²⁰⁷.

(6) *Что же касается* Херсонеса, *то*, за исключением горной *области* на морском берегу до Феодосии, вся остальная *часть его* представляет равнину с хорошей почвой и чрезвычайно богатую хлебом: *земля*, вспаханная как попало любым пахарем, дает тридцатикратный урожай. Жители давали в дань Митридату 180 000 медимнов *хлеба* и двести талантов серебра вместе с азиатскими местечка-

ми возле Синдики²⁰⁸. И в прежние времена сюда вывозился хлеб к эллинам, подобно тому как соленая рыба из Меотиды. Рассказывают, что Левкон послал из Феодосии афинянам два миллиона сто тысяч медимнов²⁰⁹. Эти самые жители полуострова специально назывались земледельцами²¹⁰ вследствие того, что *народы*, обитавшие выше их, были номады, питавшиеся мясом разных животных, преимущественно же кониной, а также кобыльим сыром, молоком и сывороткой (последняя, будучи особым образом приготовлена, составляет для них лакомство)²¹¹. Поэтому-то поэт и назвал всех здешних жителей млекоедами²¹². Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для *удовлетворения* ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег *даниками* начинают с ними войну. Вот почему поэт назвал этих самых людей и справедливыми, и вместе неимущими средств (*ἀβίος*)²¹³. Действительно, они даже не начинали бы войны, если бы дани были правильно им уплачиваемы. А не платят им те, которые уверены в *своих* силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению. Так, по словам Гипсикрата²¹⁴, поступил Асандр²¹⁵, отгородивший стеною перешеек Херсонеса у Меотиды, *длиною* в триста шестьдесят стадиев и поставивший по десяти башен на каждом стади. Земледельцы же, хотя и слышат в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению.

(7) Кроме перечисленных пунктов, в Херсонесе существовали и укрепления, которые построил Скилур и его сыновья и которые служили для них опорными пунктами в воен-

ных действиях против митридатовых военачальников, *именно* Палакий, Хаб и Неаполь²¹⁶. Был также и Евпаторий²¹⁷, основанный Диофантом, полководцем Митридата. На расстоянии около пятнадцати стадиев от стены херсонесцев есть мыс, образующий залив порядочной величины, направляющийся к городу. Выше него лежит болото с солеварней. Здесь был и *порт* Ктенунт²¹⁸. Для того, чтобы бороться *со скифами*, царские военачальники во время осады поставили на упомянутом мысу гарнизон, оградив *это* место стеной, и засыпали вход в залив до *самого* города, так что *можно было* без затруднений переправляться сухим путем и из двух городов сделался как бы один. С этих пор они легче отражали скифов. Когда же *последние* напали и на укрепление перешейка при Ктенунте и стали заваливать ров тростником, то царские *солдаты* ночью сжигали часть плотины, выстроенную днем, и *таким образом* сопротивлялись до тех пор, пока не победили²¹⁹. Теперь вся *эта страна* находится под властью боспорских царей, которых назначают римляне.

(8) У всех скифских и сарматских племен есть обычай холостить лошадей, чтобы сделать их более послушными; ибо лошади у них хотя и не велики, но очень горячи и неукротимы. Охоты устраиваются в болотах на оленей и кабанов, а в степях – на диких ослов и коз. Особенность этой страны состоит также в том, что в ней не водятся орлы. В числе четвероногих водится так называемый “колос” (*κόλος* ‘тупорогий, безрогий’), по величине занимающий середину между оленем и бараном, белый и быстротой бега превосходящий названных *животных*; во время питья он ноздрями *втягивает* воду в голову и затем несколько дней сберегает ее здесь, так что легко может жить в безводных *жестях*. Такова вся *страна, лежащая* по ту сторону Истра, между Рейном и рекой Танаисом, до Понтийского моря и Меотиды.

Перевод В. В. Латышева

6. (2/320 С) ...Это животное [т. е. рыба пелагида, род тунца] рождается в болотах Меотиды; немного окрепнув, оно стадами устремляется через устье *Меотиды в Понт* и несется вдоль азиатского берега до Трапезунта и Фар-

накии²²⁰; здесь находится первый пункт ловли, но она не обильна, ибо рыба не имеет еще надлежащей величины; проходя *далее* к Синопе, она становится более годной для ловли и соления...

Книга IX

2. (42) ...Повествуют же, что так называемые ахейцы²²¹ на Понте – выселенцы орхомен-

цев, забредших туда с Иалменом после взятия Трои...

Книга XI

Перевод П. И. Прокурова

1. (5) Переходя в описании земли от Европы к Азии, мы встречаем сперва северную часть *принятого нами* деления Азии на две части²²²; поэтому с нее и должны начать *описание*. Из самых этих *северных стран* первыми представляются области по Танаису, который мы приняли границей Европы и Азии. Эти *области* представляют как бы вид полуострова: ибо с запада они ограничиваются рекою Танаисом и Меотидой до Боспора и берега Евксина, оканчивающегося Колхидою, с севера Океаном до устья Каспийского моря²²³, а с востока этим самым морем до пределов Албании и Армении, где в него изливаются реки Кир и Аракс, из которых последняя течет по Армении, а Кир – по Иберии и Албании²²⁴. С юга эти области ограничиваются *полосою земли* от устья Кира до Колхиды, длиной около трех тысяч стадиев от моря до моря, через *земли* албанцев и иберов, так что *полоса эта* имеет вид перешейка. Писатели, суживающие перешеек на столько, насколько Клитарх²²⁵, сказавший, что *перешеек* заливается обоими морями, не могут заслуживать даже внимания. Посидоний говорит, что *перешеек имеет в длину* тысячу пятьсот стадиев, т. е. столько же, сколько и перешеек от Пелусия до Красного моря²²⁶. “Мне кажется, – прибавляет он, – что и *перешеек* от Меотиды до Океана не имеет значительной разницы в длине”²²⁷.

(6) Но я не знаю, как можно ему верить в том, что касается *предметов* неизвестных, о которых он не может сказать ничего правдоподобного, если он *даже* об известных *предметах* говорит столько нелепостей, несмотря на то, что был другом Помпея, совершившего поход против иберов и албанцев до морей, *находящихся* по обе стороны их, т. е. Каспийского и Колхидского²²⁸.

(7) Вторую часть *северной Азии* можно считать *область* над Гирканским морем, которое мы называем Каспийским, до скифов, соседних с индийцами; третьей – *область*, непосредственно примыкающую к названному перешейку²²⁹, и затем *области*, прилегающие к нему и Каспийским воротам²³⁰, ближайшие к *землям* по эту сторону Тавра и к Европе; *области* эти суть: Мидия, Армения, Каппадокия и лежащие между ними.

2. (1) При таком делении первую часть, начиная с северных стран, обращенных к Океа-

ну, населяют некоторые скифы, кочующие и живущие в повозках; ближе их – сарматы²³¹, тоже скифское *племя*, аорсы и сираки²³², спускающиеся к югу до Кавказских гор; одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием. У *самого* озера живут меоты²³³. У моря *лежат* азиатская часть Боспорского царства и Синдика, а за ней *живут* ахей, зиги, гениохи, керкеты²³⁴ и макропоны (*длиннобородые*)²³⁵. Выше них лежат теснины фтейрофагов (*вшеедов*)²³⁶. За гениохами *находится* Колхида, лежащая под Кавказскими и Мосхийскими горами²³⁷. Так как границей Европы и Азии поставлена река Танаис, то, начиная с нее, мы и опишем подробно *эти местности*.

(2) Танаис течет из северных стран, однако в направлении, не прямо противоположном Нилу, как полагает большинство, а восточнее его и, подобно ему, из неизвестных истоков. Но Нил известен в большей части *своего течения*, так как течет по стране, везде доступной, и на большом протяжении судоходен, а что касается Танаиса, *то* устья *его* мы знаем (их два, в самой северной части Меотиды, на расстоянии шестидесяти стадиев одно от другого), а выше устьев известна лишь небольшая часть по причине холодов и скудости страны, которую могут переносить туземцы, питающиеся мясом и молоком по обычаю кочевников, а чужестранцы не выносят. Кроме того, кочевники, неохотно вступая в сношения с другими *народами* и отличаясь численностью и силою, преграждают доступ даже в удобопроходимые части страны или по реке, где она допускает плавание вверх. По этой-то причине одни предполагали, что Танаис берет начало в Кавказских горах и, поднявшись далеко на север, затем поворачивает назад и впадает в Меотиду (с ними согласен и Феофан Митиленский²³⁸), а другие – что он течет от верхних частей Истра²³⁹. Но они ничего не приводят в доказательство течения его из столь отдаленных *стран* и из других широт, как будто он не может *течь* из близких местностей и с севера.

(3) При впадении реки в озеро лежит соименный *реке* город Танаис²⁴⁰, основанный эллинами, владеющими Боспором. Недавно его разрушил *до основания* царь Полемон²⁴¹ за неповиновение; *раньше* он сложил общим торговым местом для азиатских и европей-

ских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни. Перед городом на расстоянии ста стадиев лежит остров Алопекия, имеющий смешанное население²⁴²; неподалеку на озере есть и другие островки. Танаис отстоит от устья Меотиды, если плыть прямо на север, на две тысячи двести стадиев, а если плыть вдоль берега, то *выйдет* немного больше.

(4) При плавании вдоль берега²⁴³ первым от Танаиса, на расстоянии восьмисот стадиев, будет так называемый большой Ромбит, в котором есть множество пунктов для ловли рыбы, *идущей* на соление. Затем, на расстоянии еще восьмисот стадиев, – меньший Ромбит и мыс также с рыбными ловлями, но меньших размеров²⁴⁴. Одни имеют... раньше островки пунктами отправления, а на малом Ромбите работают сами меоты. На всем этом побережье живут меоты, хотя и занимающиеся земледелием, но воинственностью не уступающиеномадам. Они разделяются на довольно многие племена, *из которых* ближайшие к Танаису отличаются большей дикостью, а прилегающие к Боспору – более мягкими нравами. От малого Ромбита шестьсот стадиев до Тирамбы²⁴⁵ и реки Антикита²⁴⁶, затем сто двадцать стадиев до селения Киммерийского, которое служит местом отправления для плывущих по озеру. На этом побережье указывают еще несколько сторожевых башен клазоменцев.

(5) Киммерик прежде был городом, построенным на полуострове и замыкавшим перешеек рвом и валом²⁴⁷. Киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего и Боспор был назван Киммерийским. Это *тот народ, который* делал набеги на живущих внутри страны по правую сторону Понта, до Ионии. Киммерийцев изгнали из страны скифы, а скифов – эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре²⁴⁸.

(6) Затем двадцать стадиев до Ахиллова селения²⁴⁹, в котором есть святилище Ахилла. Здесь самое узкое место в устье Меотиды, *шириною* около двадцати стадиев или *несколько* более; на противоположном берегу лежит селение Мирмекий (вблизи Гераклия) и Парфений²⁵⁰.

(7) Отсюда девяносто стадиев до памятника Сатира²⁵¹; это насыпанный на мысе *курган* одного из *царей*, славно господствовавших на Бо-

споре.

(8) Недалеко отсюда селение Патразей, от которого сто тридцать *стадиев* до деревни Корокондамы²⁵²; последняя представляет предел так называемого Киммерийского Боспора. Так называется пролив при устье Меотиды, от узкого места у Ахиллова селения и Мирмекия тянувшийся до Корокондамы и лежащей против нее, в Пантикапейской земле, деревеньки по имени Акра²⁵³, отделенной семидесятью стадиями водного пути. Доселе доходит и лед, так как в морозы Меотида сковывается льдом до того, что по ней ходят пешком. Весь этот пролив имеет прекрасные гавани.

(9) Выше Корокондамы лежит довольно большое озеро, которое по ее имени называют Корокондамским; в десяти стадиях от деревни оно соединяется с морем. В озеро впадает один рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекою. Некоторые и эту реку называют Гипанисом, подобно *реке*, соседней с Борисфеном²⁵⁴.

(10) Вступившему в Корокондамское озеро представляется значительный город Фанагория²⁵⁵, затем Кепы (*Сады*)²⁵⁶, Гермонасса и Апатур, святилище Афродиты²⁵⁷. Из них Фанагория и Кепы лежат на названном острове по левую руку для вплывающего *в озеро*, а прочие города – по правую, за Гипанисом в Синдике²⁵⁸. В Синдике же недалеко от моря, лежит и Горгиппия²⁵⁹, столица синдов, и Аборака²⁶⁰. Все *народы*, подвластные боспорским правителям, называются боспорцами. Столицей европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских – Фанагорий²⁶¹ (ибо и так называется *этот* город); и торговым пунктом для *товаров*, привозимых из Меотиды и лежащей за ней варварской *страны*, служат, как кажется, Фанагорий, а для доставляемых туда с моря – Пантикапей. Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры (*т. е. Обманчивой*). Для объяснения происхождения *этого* прозвания богини приводят миф, будто богиня, когда гиганты там напали на нее, призвала *на помощь* Геракла и спрятала его в какой-то пещере, а затем, принимая *отдельно* каждого гиганта, поодиночке передавала их Гераклу, чтобы он умерщвлял их обманом²⁶².

(11) К *числу* меотов принадлежат сами синды, *затем* дандарии, тореаты (*Τορεάται*)²⁶³, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски²⁶⁴ и многие другие. К ним же относятся и аспургинаны²⁶⁵, живущие

Между Фанагорией и Горгиппией на *пространстве* пятисот стадиев. Царь Полемон хотел напасть на них под прикрытием дружбы, но *его намерение* не укрылось, он был встречен войском *аспургиан*, попался живым в плен и был убит. Из всех азиатских меотов одни подчинялись владельцам торгового места на Танаисе, другие – боспорцам, но иногда то один, то другой народ отпадали *от них*. Нередко боспорские повелители владели и *землями* до Танаиса, в особенности последние – Фарнак, Асандр и Полемон²⁶⁶. Фарнак, говорят, однажды отвел даже *течение* Гипаниса к дандариям через какой-то старинный канал, который он расчистил, и таким образом затопил их страну²⁶⁷.

(12) За Синдикой²⁶⁸ и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев, зигов и гениохов²⁶⁹, по большей части не имеющее гаваней и гористое, так как оно составляет *уже* часть Кавказа. *Обитатели его* живут морским разбоем, для чего имеют небольшие, узкие и легкие ладьи, вмещающие около двадцати пяти человек и редко могущие принять тридцать; эллины называют их камарами²⁷⁰. Рассказывают, будто ахейцы-фтиоты из Ясонова отряда заселили здешнюю Ахею, а Гениохию – лаконцы²⁷¹, которыми предводительствовали возницы Диоскуров – Река и Амфистрат²⁷²; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название. Выходя в море на своих камарах и нападая то на грузовые суда, то на какую-нибудь местность или даже город, они господствуют на море. Случается, что им содействуют и владельцы Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного. Возвращаясь в родные места, они, за неимением стоянок, взваливают *свои* камары на плечи и уносят в леса, в которых и живут, обрабатывая скудную почву; а когда наступит время плавания, они снова сносят *камары на берег*. Так же поступают *они* в чужой стране, где имеют знакомые лесистые местности: скрыв в них камары, они сами бродят пешком днем и ночью с целью захвата людей в рабство; то, что удастся им захватить, они охотно возвращают за выкуп, по отплытии извещая потерпевших. В местностях, где есть *самостоятельные* правители, обижаемые еще находят некоторую помощь со стороны *своих* вождей; нередко они в свою очередь нападают на *пиратов* и захватывают камары вместе с людьми; *области* же, подчиненные римлянам, более беспомощны, вследствие нерадения посылаемых *ими* правителей.

(13) Таков образ жизни этих *народов*. Они находятся под властью так называемых скиптродержцев, которые, в свою очередь, подчинены тиранам или царям. Так, например, у гениохов было четыре царя, когда Митридат Евпатор во время бегства из отеческой *земли* на Боспор²⁷³, проходил через их страну. Она оказалась для него удобопроходимой, тогда как от *путешествия через* страну зигов он отказался вследствие ее суровости и трудностей *пути* и с трудом пробирався вдоль морского берега, очень часто переходя на море (*т. е. на корабль*), пока не достиг *земли* ахеев; с их помощью он окончил путь от Фасиса без малого в четыре тысячи стадиев.

(14) Сейчас за Корокондамой²⁷⁴ морской путь идет на восток. В ста восьмидесяти стадиях *от нее* находится Синдский порт и город²⁷⁵, затем в четырехстах – так называемые Баты²⁷⁶, селение с гаванью, именно в том месте, где, как кажется, на юге против этого берега лежит Синопа, подобно тому, как Карамбий *лежит* против Бараньего Лба, о чем уже сказано. За Батами Артемидор²⁷⁷ называет побережье керкетов с пристанями и селениями, *на пространстве* около восьмисот пятидесяти стадиев, затем побережье ахеев, *на пространстве* пятисот стадиев, далее *берег* гениохов в тысячу стадиев, и, наконец, великий Питиунт²⁷⁸, в триста шестьдесят стадиев, до Диоскуриады²⁷⁹. Но историки митридатových деяний, которым следует придавать более значения, первыми называют ахеев, за ними зигов, затем гениохов, далее керкетов, мосхов колхов, живущих над ними фтейрофагов, соанов²⁸⁰ и другие мелкие народцы у Кавказа. Сначала побережье, как я сказал, тянется к востоку и обращено лицом к югу, а начиная от Бат постепенно делает поворот, затем *лицевой* стороной обращается на запад и оканчивается у Питиунта и Диоскуриады, ибо эти местности Колхиды примыкают к названному побережью. За Диоскуриадой идет остальное побережье Колхиды и смежный с нею Трапезунт²⁸¹, делая значительный изгиб; затем *берег* вытянут почти по прямой линии, образующей правую сторону Понта, обращенную к северу. Все побережье ахеев и остальных *народов* до Диоскуриады и до местностей, находящихся *прямо* к югу внутри материка, лежит под Кавказом.

(15) Кавказ *представляет собою* горный хребет, лежащий над обоими морями, Понтийским и Каспийским, и перегораживающий перешеек, разделяющий эти *моря*. К югу

он отделяет Албанию и Иберию, а к северу – Сарматские равнины; он изобилует разнородным лесом, между прочим, и корабельным. По словам Эратосфена²⁸², туземцы называют Кавказ Каспием, быть может, переименованная так по имени каспиев²⁸³. Некоторые отроги Кавказа выступают к югу, охватывая кругом Иберию и соединяясь с Арменийскими и так называемыми Мосхийскими горами²⁸⁴, а также со Скидисом и Париадром²⁸⁵. Все эти горы суть ветви Тавра, образующего южный бок Армении, как-то оторвавшиеся к северу и доходящие до Кавказа и до Евксинского побережья, простирающегося от Колхиды до Фемискиры²⁸⁶.

(16) Так как Диоскуриада лежит в таком заливе и занимает самый восточный пункт всего моря, то она называется уголком Евксина и пределом плавания. Пословичное выражение “на Фасис, где судам последний бег”, нужно понимать в том смысле, что составитель ямбического стиха разумеет *здесь* не реку и не одноименный с нею город, лежащий при реке, но часть Колхиды, так как от реки и от города остается не менее шестисот стадиев прямого морского пути до угла *Евксина*²⁸⁷. Эта же самая Диоскуриада служит и началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для народов, живущих выше ее и вблизи. Сюда сходятся, говорят, семьдесят народностей, а по словам других писателей, несколько не заботящихся об истине, – даже триста; все они говорят на разных языках, так как живут разбросанно, не вступая между собою в сношения вследствие самолюбия и дикости. Большая часть их *принадлежит* к сарматскому племени, и все они *называются* кавказцами. Вот что можно сказать о Диоскуриаде.

(17) И остальная Колхида большею частью лежит при море. Через нее протекает большая река Фасис, берущая начало в Армении²⁸⁸ и принимающая в себя реки Главк и Гипп [Конь]²⁸⁹, низвергающиеся с соседних гор.

Фасис судоходен вверх до крепости Сарapanов²⁹⁰, могущей вместить в себе население *целого* города, а отсюда до Кира четыре дня сухого пути по проезжей дороге²⁹¹. При Фасисе лежит город того же имени, торговый порт колхов, имеющий перед собою с одной стороны реку, с другой – озеро, с третьей – море²⁹². Отсюда до Амиса и Синопы три или даже два дня, так как *по пути* и берега и устья рек мягки (не суровы). Страна *эта* богата и плодами, кроме меда (который по большей части горь-

коват *на вкус*), и всем *нужным* для кораблестроения: лес она и сама производит в большом количестве и получает по рекам, производит также в изобилии лен, пеньку, воск и смолу. Производство льна приобрело даже известность; его вывозили даже в чужие земли, и некоторые, желающие доказать родство колхов с египтянами, находят себе в этом подтверждение²⁹³. Выше названных рек в стране мосхов²⁹⁴ находится святилище Левкотеи, построенное Фриксом, и его прорицалище, где не приносят в жертву баранов²⁹⁵; некогда оно было богато, но на нашей памяти было разграблено Фарнаком²⁹⁶ и несколько позже Митридатом Пергамским²⁹⁷; а когда страна опустошена, то, по словам Еврипида, “страдают божества и не хотят почтенья”.

(18) Какою славою пользовалась в древности эта страна, показывают мифы, повествующие о походе Ясона, дошедшего даже до Мидии²⁹⁸, и о предшествовавшем *ему* походе Фрикса. Следовавшие затем цари, владея разделенной на провинции страной, не имели особенной силы. Когда же особенно усилился Митридат Евпатор, страна перешла под его власть; в качестве наместника и правителя страны всегда посылался кто-нибудь из его друзей. В числе их был и Моаферн, дядя нашей матери с отцовской стороны²⁹⁹. Отсюда шла царю главнейшая помощь для *организации* его морских сил. С падением Митридата рушилось всё подвластное ему царство и было разделено между многими *лицами*. В последнее время Колхидой правил Полемон³⁰⁰, а после его смерти правит супруга его Пифодорида³⁰¹, царствующая и над колхами, Трапезунтом, Фарнакией³⁰² и живущими выше нее варварами, о которых мы скажем после³⁰³.

Область мосхов, в которой находится *вышеупомянутое* святилище³⁰⁴, делится на три части, из коих одной владеют колхи, другою – иберы, третьей – армяне. В Иберии есть еще городок “Фриксон город”, нынешняя Идеесса, хорошо укрепленное местечко на границе Колхиды³⁰⁵. Возле Диоскуриады течет река Харес.

(19) К числу народов, собирающихся в Диоскуриаду, принадлежат и фтейрофаги [*вишнееды*]³⁰⁶, получившие *такое* имя от своей нечистоплотности и грязи. Недалеко *живут* и соаны³⁰⁷, несколько не лучше их в отношении чистоплотности, но превосходящие силой, пожалуй, даже первые (*из местных народов*) по силе и могуществу. По крайней мере, они господствуют над Диоскуриадой. У них есть

царь и совет из трехсот мужей, а войско они набирают, как говорят, даже в двести тысяч, ибо все население отличается воинственностью, *хотя бы и не было* в строю. Рассказывают еще, что у них потоки сносят золото и что варвары собирают его при помощи просверленных корыт и косматых шкур. Отсюда-то и сложилась, говорят, басня о золотом руне... если и иберов не называют одним именем с западными от золотых россыпей, которые находятся у тех и других³⁰⁸. Соаны употребляют яды для наконечников... удивительно мучают своим запахом даже раненых неотравленными стрелами. Прочие соседние народы, *живущие* у Кавказа, бедны и малоземельны, а албанский и иберский народы, которые именно и составляют главное население названного перешейка, также могут быть названы кавказскими, но занимают страну богатую и могущую иметь весьма густое население.

3. (1) И действительно, Иберия прекрасно заселена в большей части городами и хуторами, так что там встречаются и черепичные кровли, и согласное с правилами зодческого искусства устройство жилищ, и рынки, и другие общественные здания.

(2) Страна эта отовсюду окружена Кавказскими горами, ибо к югу, как я сказал, выступают богатые растительностью отроги *Кавказа*, охватывая всю Иберию и доходя до Армении и Колхиды, а в середине находится равнина, орошаемая реками, *из которых* самая большая – Кир; она берет начало в Армении, тотчас же вступает в сказанную равнину и, приняв в себе Арагон³⁰⁹, вытекающий из Кавказа, и другие притоки, по узкой речной долине изливается в Албанию; многоводной *рекой* пронесшись между нею и Арменией по богатым пастбищам и равнинам и приняв в себя еще большее количество рек, в числе которых находятся Алазаний, Сандобан, Ритак и Хан³¹⁰, – все судоходные, – *Кир* впадает в Каспийское море. Прежде он назывался Кором.

(3) Равнину населяют те из иберов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, а горную часть занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве; впрочем, они занимаются и земледелием и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч *воинов* как из своей среды, так и из тех *народов*.

(4) Есть четыре входа в их страну: один –

через колхидскую крепость Сарапаны и соседнее с нею ущелье³¹¹, через которое Фасис, сделавшийся вследствие извилин *русла* проходным при помощи ста двадцати мостов, бурно и стремительно несется в Колхиду, бороздя эти местности в дождливую пору множеством потоков; он берет начало в лежащих над *Иберией* горах, пополняясь многими ключами, а в равнинах принимает в себя и другие реки, в том числе Главк и Гипп³¹². Сделавшись полноводным и судоходным, он впадает в Понт и имеет при себе город того же имени и неподалеку озеро³¹³. Таков проход из Колхиды в Иберию, прегражденный скалами, укреплениями и реками, образующими овраги.

(5) Со стороны северных кочевников *ведет* трудный трехдневный подъем, а за ним узкая речная долина вдоль реки Арага, требующая четырех дней пути для одного; конец пути охраняет неприступная стена³¹⁴. Проход из Албании сначала *представляет* высеченную в скалах *тропинку*, затем *идет* через болото, образуемое рекою Алазанием, низвергающейся с Кавказа. Со стороны Армении *образуют* проход ущелья при Кире и при Араге³¹⁵; при этих реках выше их слияния лежат укрепленные города на скалах, отстоящих одна от другой стадиев на шестнадцать: при Кире – Гармозика³¹⁶, а при другой *реке* – Севсаморы³¹⁷. Этими входами воспользовался раньше Помпей, направившись из Армении³¹⁸ а после того Канидий³¹⁹.

(6) Жители страны делятся также на четыре рода: один из них, *считающийся* первым, – тот, из которого ставят царей, *выбирая ближайшего* по родству с прежним царем и старейшего по летам; второе *за ним* лицо творит суд и предводительствует войском; второй род составляют жрецы, которые ведают также спорными делами с соседями; к третьему роду относятся воины и земледельцы, к четвертому – простонародье, которое служит рабами у царей и доставляет все необходимое для жизни. Имущество у них – общее по родственному объединению; заведует и распоряжается им в каждом *родственном объединении* старейший³²⁰. Таковы иберы и их страна.

4. (1) Албаны более склонны к пастушескому образу жизни и ближе к типу кочевников, за исключением того, что они не дики, а вследствие этого и воинственны *лишь* в умеренной степени. Живут они между иберами и Каспийским морем, на востоке примыкая к морю, а на западе гранича с иберами³²¹; из остальных сторон северная ограждается Кав-

казскими горами, они высятся над равнинами и ближайšie к морю называются Керавнскими³²², а южную образует прилегающая Армения, в которой много равнин, но много и гор, как, например в Камбисене³²³, в которой армяне соприкасаются с иберами и с албанами.

(2) Протекающий через Албанию Кир и остальные реки, пополняющие его, способствуют производительности почвы, но *зато* затрудняют доступ к морю. Дело в том, что в обилии наносимый ил заполняет русло, так что лежащие в *устьях*³²³ островки соединяются с материками и образуют непостоянные мели, от которых трудно уберечься; это непостоянство еще увеличивают разливы от прибоа. Таким образом устье реки, говорят, разделилось на двенадцать рукавов, *из коих* одни закрыты, а другие мелки и не могут даже служить стоянкой для судов. Итак, несмотря на то, что берег на протяжении более шестидесяти стадиев омывается морем и реками, *вся эта* часть его *остаётся* неприступной, а наносы тянутся даже на пятьсот стадиев, образуя покрытый дюнами берег. Неподалеку впадает и Аракс, стремительно вытекающий из Армении. Те наносы, которые он двигает вперед, пролагая путь для своего течения, поглощает Кир.

(3) Быть может, впрочем, что такого рода людям вовсе не нужно море, ведь они не пользуются как следует даже и землей, которая производит всякие плоды, даже самые нежные, и всякие растения: есть даже вечно-зеленые. За землей нет ни малейшего ухода, но “все здесь родится несеянным на непаханной почве”³²⁴, как говорят бывшие там в походах³²⁵, рассказывающие о каком-то киклоповском образе жизни³²⁶ в *этих странах*: часто земля, засеянная однажды, приносит плод дважды или даже трижды, в первый раз даже пятидесятикратно, притом не находясь под паром и будучи вспахана не железным, но грубым деревянным плугом. Вся равнина орошается лучше вавилонской и египетской реками и другими водами, так что всегда сохраняет зеленеющий вид, а вследствие этого изобилует и пастбищами; кроме того, и воздух здесь лучше, чем там. Виноградники у них остаются совершенно невзрытыми и подрезываются через пятилетие, но, тем не менее, молодые лозы приносят плод уже через два года, а взрослые дают столько *плодов*, что большую часть оставляют на ветвях. Точно так же и животные у

них, как домашние, так и дикие, имеют хороший рост.

(4) Люди здесь также отличаются красотой и высоким ростом, но простодушны и чужды торгашеских наклонностей; они по большей части не употребляют даже монет и не знают счета дальше сотни, а производят мену товарами. И к остальным житейским потребностям они относятся беспечно: не знают ни точных мер, ни весов, и *одинаково* беззаботны в деле войны, гражданского устройства и земледелия. Впрочем, они сражаются и пешими, и на конях, в легком вооружении и в панцырях, подобно армянам³²⁷.

(5) Войска они выставляют больше, чем иберы: они вооружают шестьдесят тысяч пехоты и двадцать две тысячи всадников, – с каковыми силами вступили в борьбу с Помпеем. В войнах с внешними *врагами* им помогают кочевники, как и иберам, по тем же причинам; впрочем, иной раз *кочевники* нападают и на жителей, так что даже мешают им обрабатывать землю. Албаны сражаются дротиками и луками, имеют панцыри, большие щиты и шлемы из звериной кожи, подобно иберам³²⁸. В состав Албанской земли входит также и Каспиана, названная по имени каспийского народа, от которого *получило название* и море, и *который* теперь уже не существует³²⁹. Проход из Иберии в Албанию идет через безводную и неровную Камбисену³³⁰ к реке Алазонию³³¹. Сами албаны и их собаки чрезвычайно любят охоту не столько по искусству, сколько по страсти к ней.

(6) Отличаются *доблестями* и *их* цари; ныне над всеми царствует один *царь*, а прежде каждый народец с особым наречием имел своего царя; наречий же у них двадцать шесть вследствие отсутствия частых сношений одних с другими. В их земле водятся некоторые виды ядовитых пресмыкающихся, а также скорпионы и фаланги [ядовитые пауки]. От укушения одних из фаланг люди умирают со смехом, а от других – с плачем от тоски по родным.

(7) В качестве богов чтут они Солнце, Зевса и Луну, в особенности же Луну³³². Есть и святилище ее недалеко от Иберии. Жрецом служит наиболее уважаемое после царя лицо, стоящее во главе управления священной земель, обширной и хорошо населенной, а также во главе служителей храма, из которых многие вдохновляются и пророчествуют. Того из них, кто в более сильном экстазе блуждает один по лесам, жрец схватывает, сковывает

священной цепью и роскошно кормит в течение года; затем *этот человек* приводится для жертвоприношения богине, умащается благовониями и закаляется вместе с другими жертвами. Способ жертвоприношения таков: кто-нибудь со священным копьем, которым установлено убивать людей в жертву, выходит из толпы и опытной рукой наносит *обреченному* удар сбоку в сердце; когда *пораженный* упадет, отмечают разные приметы по его падению³³³ и объявляют их во всеуслышание; а когда труп отнесут в определенное место, все наступают на него *ногой* для очищения.

(8) Албаны весьма уважают старость не только своих родителей, но и посторонних; об умерших же заботиться и даже вспоминать *считается* грехом; однако они зарывают вместе с покойниками их имущество и поэтому живут в бедности, не имея ничего отцовского. Вот что *можно сказать* об албанах. Рассказывают, что Ясон с фессалийцем Арменом³³⁴ во время своего плаванья в землю колхов дошел до Каспийского моря, прошел Иберию, Албанию и многие части Армении и Мидии, как об этом свидетельствует святилище Ясона и другие многочисленные памятники. Армен³³⁵ же, *говорят*, происходил из Армении³³⁶, одного из городов, лежащих у Бибеидского озера между Ферами и Лариссой³³⁷; спутники его *будто бы* заселили Акилисену и Сиспиритиду³³⁸ до Калаханы и Адиабены³³⁹. От имени Армена, *говорят*, осталось и название Армении³⁴⁰.

5. (1) В *возвышающихся* над Албанией горах, по рассказам, живут амазонки³⁴¹. Феофан³⁴², участвовавший в походе с Помпеем и бывший у албанов, говорит, что между амазонками и албанами живут скифские племена гелы и леги³⁴³ и что там течет река Мермалда³⁴⁴ между этими *народами* и амазонками. Другие же, в том числе и Метродор Скепсийский и Гипсикрад³⁴⁵, также знакомые с этими странами, говорят, что амазонки живут рядом с гаргареями³⁴⁶ на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнскими³⁴⁷. Большую часть времени они *живут* сами по себе, исполняя все, что относится к земледелию, садоводству и уходу за скотом, особенно за лошадьми, а самые сильные из них ревностно занимаются охотой и упражняются в военных делах; у всех их с детства выжигается правая грудь, чтобы удобно было действовать рукой во всяком занятии, а особенно при метании копья; они вооружены луком, секирой и легким щитом, а из звериных шкур

делают себе шлемы, панцыри и пояса. Из *обычного образа жизни* исключаются у них два весенних месяца, в которые они поднимаются на соседнюю гору, отделяющую их от гаргареев. *Туда же* поднимаются и эти последние по старинному обычаю, чтобы вместе принести жертву и вступить в сношения с женщинами ради деторождения; *совершают они это* втайне и во мраке, кому с какою *женщиной* придется, и, сделав их беременными, отпускают³⁴⁸. Всех родившихся девочек амазонки удерживают у себя, а мальчиков относят на воспитание к гаргареям; каждый *из них* берет себе любого *мальчика*, считая его по неведению своим сыном.

(2) Мермод³⁴⁹, низвергаясь с гор, течет через страну амазонок, через Сиракены³⁵⁰ и лежащую между ними пустыню и впадает в Метиду. Гаргареи, говорят, пришли в эти места из Фемискиры³⁵¹ вместе с амазонками, а затем, отделившись от них, воевали с ними при помощи некоторых фракийцев и эвбейцев³⁵², зашедших сюда в блужданиях; потом, окончив войну с ними, заключили договор на вышеприведенном условии, так что имели только общность детей, а жили те и другие отдельно.

(3) Сказанию об амазонках выпала какая-то особенная судьба. В остальных *сказаниях* баснословное и историческое разграничены: *сказания* древние, неверные и чудесные, называются баснями, история же ищет истины, будь это древнее или новое *событие*, и чудесного или вовсе не допускает, или лишь изредка. Об амазонках же и прежде и теперь существуют одни и те же *сказания*, полные чудес и далекие от вероятия. В самом деле, кто может поверить, чтобы когда-нибудь составилось войско, город или народ из одних женщин без мужчин? И не только составилось, но и совершало походы на чужбину и покоряло не только ближние *земли*, дойдя даже до нынешней Ионии, но предпринимало и заморский поход до Аттики?³⁵³ Ведь это все равно, как если бы кто-нибудь стал говорить, что тогдашние мужчины были женщинами, а женщины – мужчинами. А между тем и теперь о них рассказывается то же самое, и своеобразность *сказаний* увеличивается тем, что древним *сказаниям* верят больше, чем нынешним.

(4) Так, существуют сказания об основании городов и названии их по имени *основательниц*, как, например, Эфеса, Смирны, Кимы, Мирины, указываются гробницы и другие памятники. Фемискиру, прилегающие к Фер-

модонту равнины и высящиеся над ними горы все называют амазонскими и говорят, что амазонки были прогнаны отсюда; а где они *находятся* в настоящее время – об этом говорят немногие, *да и то* бездоказательно и неправдоподобно, равно как и о царице амазонок Фалестрии³⁵⁴, которая, говорят, встрети-лась с Александром в Гиркании и вступила в связь для деторождения. Это *сказание* не всеми принимается: из такого большого числа писателей, наиболее стремящиеся к истине, *никто ничего* не говорит о нем, равно и пользующиеся наибольшим доверием не упоминают ни о чем подобном, да и передающие это сказание не согласны друг с другом; Клитарх³⁵⁵ утверждает, что Фалестрия прибыла к Александру от Каспийских ворот и Фермодонта³⁵⁶, между тем как от Каспийского моря до Фермодонта более шести тысяч стадиев.

(5) Точно так же и сказания, распространяемые ради прославления, хотя и признаются всеми, но выдумавшие их более имели в виду лесть, чем истину; таково, например, перенесение *имени* Кавказа на Индийские горы³⁵⁷ и близкое к ним восточное море с гор, возвышающихся над Колхидой и Евксином. Ведь эллины называли Кавказом *именно* эти горы, отстоящие от Индии более чем на тридцать тысяч стадиев, и к ним приурочили миф о сковавшем Прометее, так как для людей того времени это были самые крайние известные *горы* на востоке. Поход же Диониса и Геракла в Индию обличает позднейшее происхождение мифа, так как Геракл, по сказанию, освободил Прометея тысячи лет спустя. Для Александра, конечно, было более славы покорить Азию до Индийских гор, чем до угла Евксина и до Кавказа; но славное имя этой горы, представление о том, что Ясон со своими спутниками совершил весьма далекий поход до *земель, лежащих* близ Кавказа, и предание о том, что Прометей был прикован на краю земли на Кавказе, – *все это* навело историков на мысль, что они угодят царю, перенеся имя этой горы в Индию.

(6) Самые высокие части подлинного Кавказа суть самые южные, обращенные к Албании, Иберии и *областям* колхов и гениохов³⁵⁸. Живут там *народы*, которые, как я сказал³⁵⁹, сходятся в Диоскуриаду; сходятся же главным образом для *покупки* соли. Одни из них занимают вершины гор, другие живут под открытым небом в ущельях, питаются по большей части звериным мясом, дикорастущими плодами и молоком. Зимой горные вершины неприступны, а летом *люди* взбирают-

ся *на них*, подвязывая *подошвы* из сырой воловьей кожи с *железными* шипами, широкие, как литавры; *подвязывают* их по причине снегов и льдов. Спускаются же с гор, лежа на шкуре вместе с кладью и скользя вниз, что встречается также в Атропатийской Мидии³⁶⁰ и на горе Масии в Армении³⁶¹; там подвязывают под подошвы еще деревянные колесца с шипами. Таковы вершины Кавказа.

(7) Спускаясь в предгорья, *мы вступаем* в области, лежащие севернее, но с более умеренным *климатом*, так как они соприкасаются уже с равнинами сираков³⁶². Есть тут некие троглодиты [пещерники], живущие вследствие холодов в пещерах³⁶³; у них уже и хлеб *родится* в изобилии. За троглодитами *следуют* какие-то народы, называемые хамекитами и многоедами, и селения исадигов, могущих заниматься земледелием, так как живут они не совсем *еще* на севере.

(8) За ними следуют уже кочевники, *живущие* между Меотидой и Каспийским морем, *именно* набианы, панксаны и *затем* уже племена сираков и аорсов. Аорсы и сираки³⁶⁴, кажется, беглецы из среды живущих выше *народов...* и они севернее аорсов. Царь сираков Абеак, когда Фарнак владел Боспором, выставил двадцать тысяч всадников, царь аорсов Спадин³⁶⁵ – даже двести тысяч, а верхние аорсы еще больше, так как они владели более обширной страной и господствовали, можно сказать, над наибольшей частью Каспийского побережья, так что даже торговали индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидян и *перевозя* на верблюдах. Благодаря богатству, они носили золотые украшения. Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа и впадает в Меотиду³⁶⁶.

6. (1) Вторая часть [Северной Азии] начинается от Каспийского моря, у которого кончается первая. Это же самое море называется еще Гирканским³⁶⁷. Но следует прежде сказать об этом море и соседних с ним народах. Это – залив, вдающийся из Океана к югу³⁶⁸, сначала довольно узкий, но *затем* расширяющийся по мере углубления в *материк* и особенно в самой внутренней части, даже до пяти тысяч стадиев *ширины*. Плавание же до этой внутренней части, пожалуй, *будет еще* несколько длиннее, доходя почти уже до необитаемых *стран*. По словам Эратосфена, известный эллинам путь вокруг этого моря составляет вдоль *областей* албанов и кадусиев³⁶⁹ пять тысяч четыреста стадиев, *затем* вдоль *страны* анариаков, мар-

дов и гирканов³⁷⁰ до устья реки Окса четыре тысячи восемьсот, а отсюда до *реки* Яксарты – две тысячи четыреста. Впрочем, к *сведениям* об этой части *Азии* и столь отдаленных *странах* следует относиться осторожно, в особенности *когда дело идет о расстояниях*.

Для вступающего в *Каспийское море*³⁷¹ по правую руку обитают смежные с европейцами скифы и сарматы между Танаисом и этим морем, по большей части кочевники, о которых мы *уже* говорили, а влево – восточные скифы, также кочевники, на всем протяжении до восточного моря и до Индии. Древние эллинские писатели называли все вообще северные наро-

ды скифами и кельтоскифами³⁷², а еще более древние, различая их *по частям*, называли гиперборейцами³⁷³, савроматами³⁷⁴ и аримаспами³⁷⁵, живущих выше Евксина, Истра и Адрия, а живущих по ту сторону Каспийского моря называли одних саками³⁷⁶, других массагетами³⁷⁷, не имея *возможности* сказать о них ничего достоверного, хотя и рассказывали о войне Кира с массагетами³⁷⁸. Но вообще ни об этих *народах* не добыто исследованиями ничего достоверного, ни древние известия о персах и мидянах или сирийцах не пользовались большим *доверием* вследствие наивности писателей и любви их к сказкам.

Перевод В. В. Латышева

7. (1/508С) Наши современники называют даями³⁷⁹ кочевников, живущих на побережье Каспийского моря по левую руку для врывающегося в него и называемых также парнами³⁸⁰. Далее в промежутке лежит пустыня, а за нею Гиркания, у которой море уже расширяется до соприкосновения с Мидийскими и Армянскими горами³⁸¹. Форма этих гор лунообразна у подошв, которые, оканчиваясь у моря, образуют внутреннюю часть залива. Эти горные склоны, начиная от моря до вершин, на небольшом пространстве заселяет часть албанов и армян, а большую часть *занимают* гелы, кадусии, амарды, витии и анарики³⁸²... Однако большую часть побережья в горной стране занимают кадусии, на пространстве почти пяти тысяч стадиев, как говорит Патрокл³⁸³, который полагает также, что это море *по величине* равно Понтийскому. Местности эти бедны.

(3/509С). Через Гирканию протекают также реки Ох и Окс³⁸⁴ до впадения в море; из них Ох течет и через Несею³⁸⁵, некоторые говорят, что Ох впадает в Окс. Аристокл³⁸⁶ называет Окс величайшею из виденных им в Азии рек, за исключением индийских; он говорит также (заимствуя *это известие*, как и Эратосфен, у Патрокла), что она удобна для судоходства и что по ней многие индийские товары сплавляются в Гирканское море³⁸⁷, отсюда переправляются в Албанию и, *наконец*, по Киру и следующим за ним местностям перевозятся в Евксин...

(4) И об этом море, *т. е. Каспийском*, приписано много ложного из-за честолюбия Александра. Так как всеми согласно признано, что река Танаис отделяет Азию от Европы, пространство же между морем и Танаисом, составляющее значительную часть Азии, не

подпало под власть македонян, а между тем было признано, что Александр водил *туда* войско, так что, по крайней мере по народной молве, считался овладевшим и этими странами, – то поэтому Меотийское озеро, принимающее в себя Танаис, и Каспийское море соединяли в одно *целое*, называя озером и последнее и утверждая, что оба они сливаются друг с другом и одно составляет часть другого. Поликлет³⁸⁸ приводит даже доказательства того, что это море представляет собою озеро, *именно, что* в нем водятся змеи и вода его пресновата; а что оно не отделено от Меотиды, он доказывает тем, что в него впадает Танаис³⁸⁹. Из тех самых Индийских гор, из которых *текут* Ох, Окс и многие другие *реки*, вытекает и Яксарт и впадает, подобно им, в Каспийское море³⁹¹, находясь далее всех на севере. Эту-то реку называли Танаисом и прибавили доказательство того, что это *именно тот* Танаис, о котором говорит Поликлет: страна по ту сторону этой реки производит, по их словам, ель, и тамошние скифы употребляют еловые стрелы, а это, говорят, и есть доказательство того, что лежащая по ту сторону земля принадлежит к Евроне, а не к Азии, ибо верхняя и восточная Азия не производит ели. Но Эратосфен³⁹² утверждает, что ель растет даже в Индии и что Александр оттуда соорудил свой флот; Эратосфен пытается опровергнуть много и других подобных известий, но для нас достаточно уже сказанного о них.

8. (1/510С) Если от Гирканского моря идти на восток, то направо будут тянущиеся до Индийского моря горы, которые эллины называют Тавром³⁹³; начинаясь от Памфилии и Киликии, он до этих мест идет с запада непрерывной цепью, получая все разные и разные названия³⁹⁴. Северные части его заселяют, во-

первых, гелы, кадусии и амарды, как сказано выше, и некоторые из гирканцев³⁹⁵, затем народы: парфянский, маргианский и арийский³⁹⁶, *потом* пустыня, которую отделяет от Гиркании река Сарний³⁹⁷, если идти к востоку и *реке* Оху. *Часть горного хребта*, простирающаяся от Армении до этих местностей или немного не доходящая до них, называется Парахоатр³⁹⁸. От Гирканского моря до ариев считается около шести тысяч стадиев, а затем следуют Бактриана, Согдиана³⁹⁹ и, наконец, скифы-кочевники. Всю горную цепь, *идушую* от страны ариев, македоняне называли Кавказом⁴⁰⁰, а у варваров вершины, северные склоны Паропамиса Эмоды, Имай и другие подобные названия были даны отдельным частям⁴⁰¹.

(2) Слева против этих стран живут скифские и кочевые племена, занимающие всю северную сторону. Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями⁴⁰², живущих далее к востоку зовут массагетами и саками⁴⁰³, а прочих называют вообще скифами, но каждое *племя имеет* и частное *имя*. Все они ведут по большей части кочевую жизнь. Наиболее известны из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, именно: асии, пасканы, тохары, сакаравлы⁴⁰⁴, пришедшие с того берега Яксарта после саков и согдиев⁴⁰⁵; берегом этим владели саки. Одни из даев называются апарнами, другие ксандиями, третьи писсурами⁴⁰⁶. Апарны ближе всех прочих прилегают к Гиркании и к Каспийскому морю, а остальные народы простираются до страны, лежащей против Арии⁴⁰⁷.

(3) Между этими народами, с одной стороны – Гирканией, а с другой – Парфией до ариев, лежит обширная и безводная пустыня, через которую переходили народы в продолжительных странствиях, совершая вторжения в Гирканию Несаю и равнины парфян. Народы эти согласились платить дань, которая состояла в дозволении проходить через страны их определенное время и уносить с собою добычу. Если вторжения в страну совершались скифами против договора, возникала война, снова заключались соглашения и снова велись войны. Таков образ жизни и прочих номадов, состоящий в нападениях на соседей и затем в соглашениях.

(4/511C) Саки совершали походы, подобно киммерийцам и трерам⁴⁰⁷, то *в* более отдаленные *земли*, то *в* соседние. Так, они заняли Бактриану и завладели в Армении наилучшей

землей, которой оставили от своего имени и название Сакасены⁴⁰⁸; они доходили и до каппадокийцев и, в особенности, до соседних с Евксином, которых теперь зовут понтийскими⁴⁰⁹... Персидские полководцы того времени напали на них ночью, во время пира после грабежа и истребили их совершенно.

(5) Так рассказывают о саках одни. По словам других, Кир был побежден в походе против саков и бежал. Расположившись лагерем в этом месте, где он оставил свой багаж с большими запасами всего, в особенности вина, он отдохнул немного со своим войском, а затем к вечеру отправился дальше, как бы убегая, причем покинул за собою богатые шатры. Удалившись на надлежащее, по его мнению, расстояние, Кир остановился, между тем как саки напали на лагерь, покинутый людьми, но полный лакомых яств и напитков, и объелись там чрезмерно. Тогда Кир возвратился и захватил опьяневших и потерявших сознание саков, так что одни были убиты во сне и в беспомощности, другие поражены неприятельским оружием среди танцев и шумного пиршества, без всякого вооружения. Таким образом погиб почти весь отряд саков⁴¹⁰. Кир приписывал свою удачу воле божеств и посвятил тот день богу предков, назвавши его Сакея⁴¹¹. Где только есть храм этой богини, везде совершается и шумное празднество Сакея, продолжающееся день и ночь; участвующие в празднике одеты по-скифски, пьют вместе с женщинами и дерутся между собой и с женщинами.

(6/512C). Массагеты показали свою доблесть в войне с Киром, о которой повествуют многие, и к ним следует обратиться за сведениями⁴¹². О массагетах говорят и так, что одни из них живут в горах, некоторые на равнинах, иные в болотах, образуемых реками, другие *занимают* острова в *этих* болотах. Больше всего, говорят, река Аракс наводняет *эту* страну, разделяясь на многие рукава и изливаясь прочими устьями в другое, северное море, а одним только в Гирканский залив⁴¹³. *Массагеты* признают за божество только солнце и приносят ему в жертву лошадей⁴¹⁴. Каждый берет одну жену, но пользуются *они* также и чужими женами, *и притом* не тайком: сообщающийся с чужой *женой* вешает свой колчан на повозке и сообщается явно. Наилучшей смертью признается у них такая, когда дожившие до старости будут изрублены вместе с бараньим мясом и съедены вперемешку с ним. Умерших от болезни вы-

брасывают как нечестивых и достойных съедения зверями. Они – хорошие конные и пешие воины, вооружаются луками, ножами, панцырями и медными секирами, в битвах носят золотые пояса и *такие же* повязки. Коня у них – златоуздые и в золотых наплечниках. Серебра у них *вовсе* нет, железа мало, а медь и золото – в изобилии⁴¹⁵.

(7) Живущие на островах, не имея земли для посева, питаются кореньями и дикими плодами, носят одежды из древесных лык (ибо у них нет и скота) и пьют *сок*, выжимаемый из древесных плодов. Живущие в болотах питаются рыбою и одеваются в шкуры тюленей, поднимающихся вверх *по рекам* из моря. Горные жители тоже питаются дикими плодами, но держат и овец, *хотя* в небольшом количестве, так что даже не режут их, сберегая ради шерсти и молока. Одежду красят они посредством намазывания растительными соками, краски которых долго не линяют. Жители равнин, хотя и имеют *пахотную* землю, но не обрабатывают ее, а живут овцеводством и рыбной ловлей, подобно кочевникам и скифам. У всех таких *народов* есть сходство в образе жизни, о котором мне часто приходится говорить; их погребальные обряды, нравы и весь образ жизни сходны; каждый народ в отдельности коварен, дик и воинственен, в сношениях же с *другими* простодушен и не имеет торгашеской хитрости.

9. (3/516C) Говорят, что парны-даи⁴¹⁶ выходцы из области даев, живущих над Меотидой и называемых ксандиями или париями⁴¹⁷. Впрочем, нельзя назвать общепринятым мнение, что в числе живущих над Меотидой скифов есть даи...

11. (3/517C). В древности согдианы и бактрийцы⁴¹⁸ немного отличались от кочевников по образу жизни и нравам, но все-таки нравы бактрийцев были немного мягче. Однако и о них Онесикрит⁴¹⁹ рассказывает не особенно хорошие *вещи*: люди, совершенно истощенные старостью или болезнью, живыми выбрасываются нарочно для этой цели содержащим собакам, которые на туземном языке называются “погребателями”. Пространство снаружи стен главного города бактров чисто, а внутри – большая часть *города* полна человеческих костей. Этот обычай уничтожил Александр. Почти то же рассказывают и о каспиях: у них запираются и умерщвляются голодом родители, когда проживут свыше семидесяти лет. Этот обычай, хотя и скифский, не столь жесток и *даже* похож на закон кеосцев;

гораздо большей скифской жестокостью отличается обычай бактрийцев⁴²⁰...

12. (4/521C) От Тавра к северу отделяется много отрогов; один из них – так называемый Антитавр⁴²¹; ибо и здесь назывался так *отрог*, отделяющий *область* Софену⁴²² в долине, лежащей между ним и Тавром. По ту сторону Евфрата в Малой Армении вслед за Антитавром к северу тянется большая гора со многими разветвлениями; одну часть ее называют Париадром⁴²³, другую – Мосхийскими горами⁴²⁴, прочие – другими именами; эти горы охватывают всю Армению до иберов и албанов. Далее к востоку поднимаются другие *горы*, лежащие над Каспийским морем до Мидии Атропатийской и Великой⁴²⁵; все эти части гор называют Парахоатром⁴²⁶, равно как и *простирающиеся* до Каспийских ворот и еще далее на востоке соприкасающиеся с Арией...

14. (1/527C) Южные части Армении защищены Тавром⁴²⁷, отделяющим ее от всей *страны*, лежащей между Евфратом и Тигром и называемой Месопотамией, а восточные примыкают к Мидии Великой и Атропатене⁴²⁸. Северный предел ее составляют лежащие над Каспийским морем горы Парахоатра⁴²⁹, албаны, иберы и Кавказ, обнимающий эти народы и примыкающий к *горам* Армянским, а также и к Мосхийским и Колхидским до *так* называемых тибаранов⁴³⁰. С запада *граничат* эти же народы, а также Париадр⁴³¹ и Скидис⁴³² до Малой Армении и речной долины Евфрата, которая отделяет Армению от Каппадокии и Коммагены⁴³³.

(3/527C) ...Аракс, протекши к востоку до Атропатены⁴³⁴, поворачивает к северо-западу, протекает сначала мимо Азар⁴³⁵, потом мимо Артаксат⁴³⁶ – *оба эти* города в Армении – и, наконец, через Араксовскую долину изливается в Каспийское море.

(4/528C) В самой Армении есть много гор и плоскогорий, на которых с трудом растет виноград, *но есть также* и много долин, из *коих* одни плодородны умеренно, а другие – чрезвычайно; такова, например, долина Араксовская, по которой река Аракс течет в Албанские горы и *затем* впадает в Каспийское море, за нею *область* Сакасенская⁴³⁷, тоже граничащая с Албанией и рекой Киром, потом – Гогаренская⁴³⁸. Вся эта страна изобилует плодами, садовыми деревьями и вечно цветущими *растениями* и производит даже маслину. В состав Армении входят также области Фавена, Комисена и Орхистена⁴³⁹, доставляющая очень много конницы. Хорзена и

Камбисена⁴⁴⁰ – самые северные и наиболее покрываемые снегом *области Армении*, прилегающие к Кавказским горам, Иберии и Колхиде; говорят, что там при перевалах через горы часто целые караваны *путников* засыпаются снегом, когда его выпадает слишком много; на случай подобных опасностей *путники* имеют *при себе* палки, которые протыкают *сквозь снег* на поверхность для того, чтобы *иметь возможность* дышать, а также давать знать проходящим; таким образом они получают помощь, выкапываясь *из-под снега* и спасаются. В снегу, говорят, образуются полые ледяные глыбы, содержащие *в себе*, как бы в оболочке, хорошую воду, и даже рождаются в нем живые существа: Аполлонид⁴⁴¹ называет их дождевыми червями, а Феофан⁴⁴² – древесными; в них также заключается хорошая вода, которую пьют, разорвав их кожу. Предполагают, что происхождение *этих* животных таково же, как образование комаров из пламени и искр на пламенных заводах.

(5) Говорят, что Армения, первоначально имевшая небольшие размеры, была увеличена Артаксием⁴⁴³ и Зариадрием⁴⁴⁴, которые сначала были полководцами Антиоха Великого, а впоследствии, после его поражения, сделавшись царями – первый в Софене⁴⁴⁵, Акисене, Одомантиде⁴⁴⁶ и некоторых других *областях*, а второй в окрестностях Артаксат, – расширили *Армению*, отрезав себе части *земель* у окрестных народов, а именно: у мидян – Каспиану⁴⁴⁷, Фавнитиду⁴⁴⁸ и Басоропеду⁴⁴⁹, у иберов – склоны Париадра, Хорзену и Тогарену⁴⁵⁰, лежащую по ту сторону Кира, у хали-

бов и моссиников⁴⁵¹ – Каренитиду и Ксерксе-ну⁴⁵², которые граничат с малой Арменией или даже составляют ее части, у катаонов⁴⁵³ – Акилисену⁴⁵⁴ и область во Антитавру⁴⁵⁵, у сирийцев – Таронитиду⁴⁵⁶, так что все эти народы говорят теперь на одном языке.

(7/529С) Рек в Армении довольно много; наиболее известны впадающие в Понтийское море Фасис и Лик⁴⁵⁷ (Эратосфен вместо Лика неверно называет Фермодонт), в Каспийское – Кир и Аракс, в Красное – Евфрат и Тигр.

(13/531С) Полагают, что Аракс, по сходству с Пенеем⁴⁵⁸, назван спутником Армена⁴⁵⁹ – одноименно с этой *рекой*: ибо и Пеней сравнивается с Араксом потому, что он оторвал Оссу от Олимпа, прорвав Темпы⁴⁶⁰; так, по рассказам, и армянский Аракс в древности, спустившись с гор, широко разливался и образовывал озера в низменностях, не имея выхода, а Ясон по образцу Темпейской долины сделал прокоп, по которому ныне вода низвергается в Каспийское море; вследствие этого освободилась, говорят, от воды Араксовская долина, по которой река протекает до водопада⁴⁶¹. Этот рассказ о реке Араксе имеет некоторое вероятие, а геродотовский мало вероятен: он говорит⁴⁶², что Аракс, вытекая из области матиенов, разделяется на сорок рек и отделяет скифов от бактрийцев⁴⁶³. Его мнению последовал и Каллисфен⁴⁶⁴.

15 (р. 537 С.)... Тигран был потомком Артаксия⁴⁶⁵ и владел собственной Арменией (она граничила с Мидией и областями албанов и иберов до Колхиды и Каппадокии, что при Понте Евксинском)...

Книга XII

3. (1/541С) В Понте сделался царем Митридат Евпатор⁴⁶⁶; он владел страной, границей которой служила *река* Галис до тибаранов⁴⁶⁷ и армян, и по эту сторону Галиса областью до Амастрия⁴⁶⁸ и некоторых частей Пафлагонии; приобрел же он с западной стороны побережье до Гераклеи⁴⁶⁹, родины Гераклида, философа Платоновой школы⁴⁷⁰, а с другой стороны – до Колхиды и Малой Армении, каковые *области* и присоединил к Понту. Да и Помпей, победив его, овладел этой страной⁴⁷¹, заключенной в таких пределах. Местности подле Армении и Колхидскую область он разделил между действовавшими заодно с *ним* властителями, а остальные *области* разделил на одиннадцать общин и присоединил к Вифинии, так что из обеих *этих царств* образовалась одна провинция...

(6/542С) Гераклея – город с хорошей гаванью и вообще значительный; он высылал даже колонии: его колониями *были* Херсонес⁴⁷² и Каллатия⁴⁷³...

(13/546С) За устьем Галиса до Сарамены⁴⁷⁴ простирается Гадилонитида⁴⁷⁵, страна богатая, вся ровная и всем изобильная. В ней разводятся, между прочим, овцы с тонким и мягким руном, в каких по всей Каппадокии и Понту чувствуется очень большой недостаток; водятся также и газели, которых в других странах мало. Одной частью этой области владеют жители Амиса, а другую Помпей передал Дейотару⁴⁷⁶, равно как и окрестности Фарнакии и Трапезунтскую область до Колхиды и Малой Армении. Он назначил его царем и этих областей сверх унаследованной от

отца власти над одной из четырех областей галатов, именно над толистобогиями⁴⁷⁷. После смерти Дейотара из его владений возникли многие наследства.

(17/548С) За Сиденой⁴⁷⁸ находится укрепленный городок Фарнакия⁴⁷⁹ и затем эллинский город Трапезунт, до которого от Амиса морским путем около двух тысяч двухсот стадиев; затем отсюда до Фасиса почти тысяча четырехста, так что всего выходит от Святого⁴⁸⁰ до Фасиса около восьми тысяч стадиев или немного больше либо меньше. На этом берегу, если плыть от Амиса, прежде всего *встретится* Гераклов мыс⁴⁸¹, затем другой мыс – Ясоний и река Генет⁴⁸², далее городок Котиоры, из которого заселена Фарнакия, потом *лежащий* в развалинах Исхополь⁴⁸³, еще далее залив, при котором небольшие поселения Керасунт⁴⁸⁴ и Гермонаса⁴⁸⁵, затем недалеко от Гермонассы Трапезунт⁴⁸⁶ и потом Колхида; здесь где-то находится и селение, называемое Зигополем⁴⁸⁷. О Колхиде и лежащем за нею побережье уже сказано⁴⁸⁸.

(18) Выше Трапезунта и Фарнакии живут тибараны, халдеи и санны⁴⁸⁹, которых прежде называли макронами, и *лежит* Малая Армения⁴⁹⁰, близко к этим местам живут также апхаиты, прежние керкиты⁴⁹¹. Через эти места проходит Скидис, очень крутая гора, соединяющаяся с Мосхийскими горами⁴⁹², что выше Колхиды, и заселенная на вершинах гептакометами⁴⁹³, и Париадр⁴⁹⁴, тянущийся от местностей у Сидены и Фемискиры до Малой Армении и образующий восточный край Понта. Все жители этих гор крайне дики, но гептакометы превосходят *в этом отношении* прочих. Некоторые живут даже на деревьях или в башенках, почему древние называли их мосиниками от названия *таких* башен – мосинами⁴⁹⁵. Питаются они звериным мясом и орехами, нападают и на путешественников, спускаясь с горных вершин. Гептакометы истребили три помпеевых отряда, проходивших через *эту* горную страну; они поставили на дорогах чаши разведенного одуряющего меда, который вытекает из древесных ветвей, *а потом*, напав на людей, напившихся *этого* меда и потерявших сознание, легко перебили их⁴⁹⁶. Некоторые из этих варваров назывались также бизерами⁴⁹⁷.

(19) Нынешние халдеи в древности назывались халибами⁴⁹⁸. В их-то именно области лежит Фарнакия⁴⁹⁹, от моря получающая благосостояние посредством ловли пеламид⁵⁰⁰ (ибо рыба эта прежде всего ловится здесь), а

на суше *владеющая* рудниками, ныне только железными, а прежде и серебряными. Вообще в этих местах морской берег чрезвычайно узок: *над морем* сразу поднимаются горы, изобилующие рудниками и лесами, а возделываются *лишь* немногие места. Средства к жизни рудокопам доставляются рудниками, а поморянам ловлей рыбы, в особенности тунцов и дельфинов: эти последние, следуя за стадами рыб, *именно* мелких тунцов, самок тунцов и самих пеламид, тучнеют и легко ловятся вследствие того, что слишком близко подходят к берегу. Одни жители Фарнакии ловят дельфинов на приманку, режут на куски и употребляют большое количество их жира на всякие *потребности*.

(20) Я полагаю, что гализонами⁵⁰¹ Гомер называет халибов в каталоге после пафлагонцев⁵⁰²: “Одий и Эпистроф привели гализонов издалека, из Алибы⁵⁰³, откуда происходит серебро”⁵⁰⁴; или следует изменить чтение и читать: “издалека из Халибы”, или принять, что жители здешние назывались прежде не халибами, а алибами; пускай не говорят, что хотя в настоящее время можно назвать народ халдеями вместо халибов, но невозможно было в древности назвать алибов халибами, в особенности если принять во внимание те многочисленные изменения, какие претерпели имена, преимущественно у варваров... Деметрий Скепсийский⁵⁰⁵ также предполагает изменение названия алибов на халибов. Но так как он не понимает всего последующего, согласно с предыдущим, в особенности того, почему поэт называет халибов гализонами, то он отвергает это предположение. С нашим мнением мы сопоставим его мнение и мнения некоторых других и последуем им.

(21/550С) Одни *вместо ализонов* пишут “алазанов”, другие – “амазонок”, вместо “из Алибы” – “из Алопы” или “из Алобы”, называя ски-фов-алазонов, *живущих* выше Борисфена, каллипидов⁵⁰⁶ и другие имена, которые легкомысленно сочинили нам Гелланик⁵⁰⁷, Геродот и Евдокс⁵⁰⁸, а амазонок *помещая* между Мисией, Карией и Лидией, как полагает Эфор, вблизи его родины Кимы⁵⁰⁹...

(23) ...Но нельзя допустить того, опираясь на что Деметрий совершенно необудительно возражает лицам, утверждающим, что следует читать: “издалека из Халибы”. Согласившись с тем, что хотя в настоящее время у халибов нет серебряных рудников, но что они могли быть прежде, он отрицает, чтобы они были настолько знамениты и достойны упо-

минания, как железные⁵¹⁰. Но что же мешает, можно спросить Деметрия, тому, чтобы рудники были столь знамениты, как и железные? Неужели то обстоятельство, что обилие железа может доставить славу известной местности, а обилие серебра не может? Если бы даже серебряные рудники вошли в славу не во время героев, а в гомеровское время, можно ли на этом основании порицать выражение поэта?..

(24) Выше мы уже часто опровергали мнение Аполлодора⁵¹¹, высказанное им в «Троянском списке», необходимо и теперь высказаться против него. Он полагает, что нельзя помещать гализонов по ту сторону Галиса, потому что, говорит он, никакие союзники троянцев не приходили с той стороны Галиса. Итак, прежде всего мы спросим Аполлодора: что за народ гализоны по эту сторону Галиса, а также те, что «издалека, из Алибы, откуда происходит серебро»? Он не в состоянии ответить на этот вопрос. Потом, по какой причине он не допускает, чтобы союзники пришли с той стороны Галиса? Если действительно случилось так, что все союзники троянцев, кроме фракийцев, жили по эту сторону реки, то что мешает, чтобы, по крайней мере, одни, гализоны, пришли из страны, лежащей по ту сторону левкосирийцев⁵¹². Или неужели жители этих местностей и далее лежащих могли прийти оттуда для войны, как приходили, говорят, амазонки⁵¹³, треры и киммерийцы⁵¹⁴, и в то же время они не могли прийти в качестве троянских союзников? Амазонки не помогали троянцам потому, что Приам в союзе с фригийцами вел войну против них в то время, «когда пришли амазонки мужеподобные», как говорит сам Приам, «потому что и я был союзником и имел счеты с ними»⁵¹⁵. Напротив, помощь троянцам оказали, я полагаю, народы, пограничные с амазонками, не столь отдаленные, чтобы путь их оттуда был труден; к тому же они не состояли во враждебных отношениях с троянцами⁵¹⁶.

(26/553С) ...Аполлодор говорит, что Гомер не знал многих известных названий при Понте, как например, рек и народов, ибо иначе он назвал бы их. Такое заключение можно, пожалуй, допустить относительно некоторых весьма известных названий, как например, скифов, Меотиды и Истра; ибо иначе он не назвал бы только по признакам кочевников млекоедами и абиями, справедливейшими смертными, и еще дивными доителями кобылиц, умалчивая о скифах или савроматах или сар-

матах, если бы они действительно уже в то время так назывались у эллинов; упомянув о фракийцах и мисийцах, живущих у Истра, он не обошел бы молчанием самой реки, величайшей из всех рек, тем более, что он вообще склонен ограничивать местности реками; называя киммерийцев, он не пропустил бы Боспор или Меотиду⁵¹⁷.

(27/553С) Но за неупоминание местностей, не столь замечательных или не замечательных в тогдaшнее время или в данном отношении, кто станет упрекать поэта? Например, за реку Танаис, ничем иным не известную, кроме того, что она служит границей Азии и Европы. Тогдaшние люди не называли еще ни Азию, ни Европу особыми именами, и обитаемая земля еще не делилась, таким образом, на три материка⁵¹⁸, ибо в противном случае он где-нибудь назвал бы их вследствие чрезвычайной важности такого деления, как назвал он Ливию и ветер Либ⁵¹⁹, дующий из западных частей Ливии; но так как материка еще не были разделены, то и не было нужды в Танаисе и в упоминании о нем...

(28/555С) Итак, над окрестностями Фарнакии и Трапезунта живут тибарены и халдеи до Малой Армении. Последняя – страна достаточно плодородная. Ею, как и Софеной⁵²⁰, всегда владели собственные династы, то бывшие в дружбе с прочими армянами, то действовавшие самостоятельно. Они имели под своей властью и халдеев и тибаренов, так что их владычество простиралось до Трапезунта и Фарнакии. Митридат Евпатор, усилившись, стал владыкой и Колхиды, и всех этих местностей, которые уступил ему Антипатр, сын Сисида⁵²¹. Он так заботился об этих местностях, что соорудил в них семьдесят пять укреплений, в которые и положил наибольшую часть своих сокровищ. Самые значительные из этих укреплений были следующие: Гидара⁵²², Басгидаризы и Синория⁵²³, местечко, выстроенное на границах Великой Армении, почему Феофан и переименовал его в Синопия [Пограничное]. Вся горная область Париадра обладает многими удобствами, будучи богата водами и лесами и перерезываясь во многих местах отвесными ущельями и крутизнами; поэтому-то здесь и было сооружено большинство казнохранилищ и, наконец, при нашествии Помпея, Митридат спасся в эти окраины Понтийского царства и, заняв хорошо орошенную гору в Акилисене⁵²⁴ у Дастир⁵²⁵ (близко был и Евфрат, отделяющий Акилисене-

ну от Малой Армении), – пробыл здесь некоторое время, пока осадой не был вынужден бежать через горы в Колхиду и оттуда на Боспор. Помпей около этого места в Малой Армении основал город Никополь⁵²⁶, который существует и поныне и хорошо населен.

(29/556С) Малой Арменией правили то они, то другие *лица*, кого желали римляне, а в последнее время владел *ею* Архелай. Тибареями же и халдеями до Колхиды, Фарнакии и Трапезунта владеет Пифодорида⁵²⁷, женщина разумная и умеющая править делами. Она – дочь Пифедора Траллианского⁵²⁸, вышла замуж за Полемона⁵²⁹ и некоторое царствовала с ним вместе, а затем наследовала власть, когда он окончил свою жизнь среди так называемых

аспургиян⁵³⁰, *принадлежащих к числу варварских племен около Синдики*. От Полемона *у нее* было два сына и дочь; последняя была выдана замуж за Котиса Сапея⁵³¹, а когда он был вероломно убит, осталась вдовой с детьми от него; старший из них правит *страной*. Из сыновей Пифодориды один, *оставаясь* частным человеком, разделял с матерью труды правления, а другой недавно поставлен царем Великой Армении. Сама же *Пифодорида* сделалась женой Архелая и жила с ним до *его* смерти, а ныне вдовствует, владея как названными местностями, так и другими, еще более привлекательными, о которых мы сейчас скажем⁵³²...

Книга XIII

4. (3/625С) В наше время из числа пергамцев приобрели известность: *во-первых*, Митридат⁵³³, сын Менодота и Адобогиионы из рода галатских тетрархов, которая, как говорят, была и наложницей царя Митридата; поэтому, говорят, родственники и дали ребенку *такое* имя, намекая на то, что он родился от царя. Сделавшись другом божественного Кесаря, этот *Митридат* достиг таких почестей, что был назначен и тетрархом по материнскому роду и царем Боспора и *других областей*. Он был свергнут Асандром, умертвившим и царя Фарнака и захватившим Боспор.

(8/627С) Каллисфен⁵³⁴ говорит, что Сарды были взяты сначала киммерийцами⁵³⁵, потом трерами и ликийцами, что подтверждает, говорит он, и элегический поэт Каллин⁵³⁶, а позднее всего произошло взятие при Кире и Крезе⁵³⁷.

А так как Каллин говорит, что нашествие киммерийцев, при котором взяты были Сарды, было сделано на эсионеев, то последователи *Деметрия* Скепсийского предполагают, что эсионейми *здесь* по-ионически названы азионеи [т. е. жители Азии]...

Книга XIV

1. (40/647С) ...В древности магнеты⁵³⁸ были совершенно уничтожены киммерийским народом треров, долгое время прожив счастливо, а в следующем году *после этого* местностью завладели жители Милета⁵³⁹. Каллин упоминает о магнетах, как о живущих еще счастливо и успешно ведущих войну с эфесцами, а Архилох⁵⁴⁰, очевидно, уже знал постиг-

шее их бедствие: “я оплакиваю бедствия фазийцев, а не магнетов”. Отсюда можно заключить, что он жил позднее Каллина. Каллин упоминает о каком-то другом, более древнем нашествии киммерийцев, говоря: «теперь наступает войско грозных киммерийцев», где он разумеет взятие Сард.

Книга XV

1. (6/687С) [Мегасфен⁵⁴¹ говорит... что] скиф Иданфирс⁵⁴² совершил нашествие на Азию до Египта...

(8/688С) ...Эту сказку⁵⁴³ подтверждают и *рассказами* о Кавказе и Прометее: ибо и это *предание* перенесли сюда из Понта по ничтожному поводу: увидев священную пещеру в Паропамисадах, ее объявили местом мучений Прометея, сюда *будто бы* пришел Геракл для освобождения Прометея и здесь *именно* находится *тот* Кавказ, который эллины называли местом мучений Прометея⁵⁴⁴.

(56/710С) ...[Мегасфен] рассказывает⁵⁴⁵, что обитатели Кавказа открыто сообщаются с женщинами и поедают тела своих родственников; что *там* есть хвостатые обезьяны «скалокаталыцики», которые, карабкаясь по крутизнам, скатывают камни на своих преследователей; что большинство наших домашних животных водится там в диком состоянии; он рассказывает об однорогих конях с оленьей головой; *там есть будто бы* тростники – прямые в тридцать оргий вышины, а наклонившиеся к земле – в пятьдесят *оргий* длины, а

толщина *их такова*, что одни имеют в диаметре три локтя, а другие – вдвое больше.

(57/711С) Ближе к истине говорит Мегас-

фен, что *индийские* реки несут золотой песок и что из него уплачивается дань царю; это встречается и в Иберии⁵⁴⁶.

Книга XVII

3. (24/839С) ...Из трех материков *римляне* владеют почти целой Европой, кроме части ее по ту сторону Истра и приокеанских стран между Рейном и Танаисом. В Либии им подвластно все обращенное к нам побережье, а остальная часть ее необитаема или скудно заселена кочевниками. Равным образом и в Азии наше побережье все подчинено им, если не брать в расчет земель ахейцев, зигов и гениохов⁵⁴⁷, ведущих разбойническую и кочевую жизнь в тесных и скудных местностях. Материком в глубине *Азии* отчасти владеют сами *римляне*, отчасти – парфяне и живущие выше них варвары,

на востоке и на севере – индийцы, бактрийцы и скифы, затем арабы и эфиопы; но постоянно кое-что от них переходит к римлянам. Из всех этих земель, подвластных римлянам, часть находится под управлением царей, а другой владеют они сами, назвав провинцией, и посылают правителей и сборщиков дани. Есть также и некоторые свободные города, одни с самого начала присоединившиеся *к ним* мирным образом, а другие они сами освободили в знак отличия. Есть также под их властью некоторые династы, князьки [вожди племен] и жрецы; эти живут по отеческим законам.

Хрестоматия из «Географии» Страбона⁵⁴⁸

Из книги VII

Перевод П. И. Prozорова

... Древние эллины считали гетов и мисийцев, живущих у Истра, за фракийцев, а также и мисийских переселенцев из Фракии, живущих в Азии между фригийцами, лидийцами и троянцами; да и сами фригийцы – *не что иное, как* бриги, некий народ фракийского племени⁵⁴⁹, равно как и мигдоны, бебрики, медовифины, вифины, фины и мариандины⁵⁵⁰; но эти народы совершенно покинули Европу, кроме мисийцев, о которых упоминает и Гомер⁵⁵¹. Именно некоторые из здешних фракийцев и мисийцев вследствие благочестия воздерживаются от мясной пищи и брака; их-то *поэт* называет дивными доителями кобылиц, млекоедами и абиями⁵⁵², т. е. безбрачными, не имеющими сожителства с женщинами. Бедность же заставляет их быть справедливыми. Естественно и то, что впоследствии Замолкис⁵⁵³ убедил гетов следовать учению Пифагора, найдя их готовыми к восприятию философии. Нынешний Евксинский Понт прежде назывался Негостеприимным (*Ἀξενος*) вследствие дикости живущих при нем народов и *обычая* жителей Таврики убивать чужестранцев⁵⁵⁴. У скифов все было общее, даже жены, кроме мечей и чаш для питья; вследствие же своей бедности, они очень справедливы, так как несправедливость *происходит* от приобретения богатств и заключения торговых сделок, а между тем древние скифы были бедны. Об этом свидетельствуют и Гомер, и Геродот, когда он пишет о скифах,

воевавших с персидским царем Дарием, о довольстве их своим положением и простодушии. И царь гетов Дромихет, взяв в плен македонского полководца Лисимаха, участвовавшего некогда в походе Александра, отпустил его, предварительно показав ему бедность гетов и сказав, что с гетами, живущими в такой бедности, следует не воевать, а дружить⁵⁵⁵. Так как земля, лежащая между Евксинским Понтом и германцами, делится на две части, то в восточной части у Евксина живут геты, а в западной – даки, они же и даи⁵⁵⁶; отсюда и происходит употребительное у афинян рабское имя. Верхние части реки Истра, ближайшие к истокам, вплоть до порогов древние называли Данувием; этой частью река течет главным образом через Дакию; низовья же до Понта, в области гетов, называли Истром. Даки говорят на одном языке с гетами. Между *гетами* и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время как перешел за Истр *для похода* на скифов, был захвачен в *ловушку* и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды⁵⁵⁷. От острова Певки, образуемого устьями Истра, до устьев Тиря девятьсот стадиев, а от Священного (Ἱερόν) самого южного устья Истра до самого северного, которое служит основанием Певки⁵⁵⁸, имеющей форму треугольника, – 300 стадиев.

От Певки к востоку *по направлению* в открытое море отстоит на пятьсот стадиев остров Белый (Λευκί), посвященный Ахиллу⁵⁵⁹. *Далее идет* река Борисфен, потом к северо-востоку от реки Тиры река Гипанис, а перед ним лежит остров Борисфен⁵⁶⁰. В 200 стадиях вверх по Борисфену лежит одноименный с рекой город: он же называется Ольвией и *представляет собой* большой торговый порт, основанный милетянами. Между рекой Истром и Борисфеном прежде всего находится пустыня скифов⁵⁶¹, затем тирагеты, за ними язиги-сарматы и так называемые царские скифы⁵⁶². Вся северная страна от Германии до Каспийского моря, насколько мы ее знаем, представляет равнину. Роксоланы, живущие у Меотиды, воевали с военачальниками Митридата Евпатора под предводительством Тасия⁵⁶³. Устья реки Борисфена и остров Борисфен находятся в углу Тамиракского залива⁵⁶⁴, а река Каркинит⁵⁶⁵ впадает в угол соименного залива. Между этими двумя заливами лежит в виде полуострова Тавроскифия⁵⁶⁶, южная часть которой *представляет собой идущий по прямой линии* берег, Ахиллов Бег⁵⁶⁷. В местностях по Меотиде вследствие холодов не водятся ослы, так как это животное не выносит холода; быки одни от рождения безрогие, а у других отпиливают рога, ибо эта часть тела также не выносит холода; лошади *здесь* мелкие, а овцы – крупные. По проливу из Пантикапея в Фанагорию переезжают на повозках, так что тут бывает то канал, то сухой путь. Рыба, захваченная льдом, выкапывается и ловится орудием гангамой, особенно же осетры, величиной не уступающие дельфинам. Виноградные лозы зимой зарываются. Жары летом бывают очень сильны, быть может потому, что тела *жителей* не привыкли к ним, или потому, что в степи наступает безветрие, или же и потому, что плотный воздух нагревается более, подобно тому как в облаках *это* производят парелии. Сейчас же за островом Борисфеном к востоку на материке находится голая местность, называемая рощей, посвященная Ахиллу. Затем следует Ахиллов Бег, низменный полуостров, так как он *представляет собой узкую полосу земли* длиной около 1000 стадиев, *тянущуюся* к востоку; наибольшая ширина ее два стадия, наименьшая – 4 плетра; от материка, по ту и другую сторону перешейка, она отстоит на 60 стадиев морем; почва ее песчаная, вода колодезная. Посередине же перешеек имеет около 40 стадиев; оканчивается *полуостров* у мыса, называ-

емого Тамиракским, имеющего гавань. За мысом – обширный Каркинитский залив, вдающийся к северу приблизительно на 2000 стадиев до угла; залив этот также зовут Тамиракским, одним именем с мысом⁵⁶⁸. Здесь находится перешеек, *шириной в 40* стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим и Скифским. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка равна 350 стадиям. Гнилое озеро, как говорят, имеет в *ширину* 4000 стадиев и составляет западную часть Меотиды, ибо соединено с нею широким устьем; оно очень болотисто и едва судоходно для сшитых лодок, так как ветры легко открывают мели и затем снова наполняют их *водой*, так что эти болота непроходимы для более значительных судов, которые задерживаются здесь. Город Херсонес в Таврической *земле* прежде пользовался автономией, но *потом*, подвергаясь набегам варваров, принужден был взять себе в покровители Митридата Евпатора, желавшего идти на варваров, *живущих* выше перешейка до реки Борисфена и Адрия. Эти *походы* были подготовкой к *войне* с римлянами. Поэтому он, побуждаемый такими надеждами, охотно послав войско в Херсонес, стал воевать со скифами, подчинил их себе и сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему тогдашний его владелец Перисад⁵⁶⁹. С тех-то пор и доныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора. За бухтой Символов на Таврическом полуострове, обращенной к северо-западу, тянется Таврическое побережье, *обращенное лицевой стороной* к югу Евксина, длиной в 1000 стадиев, неровное, гористое и открытое для северных ветров. Далее – город Феодосия на Боспоре. В середине этого побережья есть мыс, носящий название Бараньего Лба, напротив Пафлагонии и мыса ее Карамбиса; расстояние же между Карамбисом и Бараньим Лбом – 2200 стадиев. От Феодосии до Пантикапы⁵⁷⁰, столицы боспорцев, вся страна, *на протяжении* 530 стадиев, отличается хорошей почвой и хлебородием. Город Пантикапея построен при устье Меотийского озера. Пантикапей, основанный милетянами, представляет собой холм, со всех сторон заселенный, в 20 стадиев. Два устья Танаиса отстоят одно от другого стадиев на 60. Есть здесь и город, соименный реке, самое большое торговое место у варваров после Пантикапея. Если от Пантикапея подняться к северу на 20 стадиев, то там лежит городок Мирмекий, за ним

деревня Парфений, в 40 стадиях от Мирмекия, от Пантикапея же в 60. У Пантикапея пролив, т. е. ширина Боспора, имеет 70 стадиев, а у Парфения, где самое узкое место пролива, – 20 стадиев. На азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Ахиллием⁵⁷¹. Длина озера от этого места до города Танаиса и до острова – 2200 стадиев; расстояние будет несколько больше 2200 стадиев, если плыть вдоль берега Азии, по правую сторону озера; если же плыть влево, вдоль европейского берега, то оно будет больше 7000 стадиев, так что окружность всего озера составляет почти 9000 стадиев; европейские берега его пустынные, а восточные заселены. Таврический Херсонес и по величине, и по виду похож на Пелопоннес; наибольшую часть его до перешейки и Каркинитского залива населяло скифское племя тавров⁵⁷²; вся эта страна, а также, пожалуй, и область за перешейкой до Борисфена, называлась прежде Малой Скифией⁵⁷³. Кроме горного побережья до Феодосии, вся остальная часть Таврического Херсонеса представляет равнину с хорошей почвой, чрезвычайно богатую хлебом: земля, вспаханная любым пахарем⁵⁷⁴, дает тридцатикратный урожай. Жители платили дань Митридату Евпатору. Отсюда, говорят, вывозился хлеб к эллинам. Рассказывают, что Левкон послал отсюда афинянам 150 тысяч медимнов хлеба⁵⁷⁵. В отличие от более северных кочевых народов эти жители полуострова специально назывались земледельцами⁵⁷⁶. У скифов и сарматов есть обычай холостить лошадей, чтобы сделать их более послушными; ибо лошади у них хотя и не велики, но очень горячи и неукротимы. В Скифии не водятся орлы; но здесь водится некое животное, так называемый “колос”⁵⁷⁷, по величине среднее между оленем и бараном, белое и быстротой бега превосходящее названных животных; во время питья оно ноздрями *втягивает воду* в голову и затем несколько дней сберегает ее здесь, так что легко может жить в безводных местах.

Из книги XI

(1) ...Колхида лежит между Мосхийскими⁵⁷⁸ и Кавказскими горами. От Киммерийского Боспора до острова Алопекии⁵⁷⁹ 2200 стадиев. На восточном берегу Меотиды есть река Большой Ромбит⁵⁸⁰, за ним Теофаний⁵⁸¹, далее Малый Ромбит⁵⁸², затем Аттикит⁵⁸³, далее Псат⁵⁸⁴ и, наконец, Вардан⁵⁸⁵; все эти реки текут из Конских⁵⁸⁶ и Кавказских гор. Киммерийский мыс на Меотиде некогда имел

большую силу, так что и Боспор по нему был назван Киммерийским. Далее в 20 стадиях селение Ахиллий, у которого самое узкое место Боспорского пролива, шириной в 20 стадиев. Напротив него в Европе лежит Мирмекий. Юго-восточное устье Боспора – Корокондама, а юго-западное – некая деревенька Пантикапейской земли, по имени Акра⁵⁸⁷. Длина Боспора – 70 стадиев. На азиатской стороне Боспора находятся значительные города Фанагория и Гермонасса⁵⁸⁸; есть там и приморский город Синдика, столица синдов. Столицей европейских боспорцев служит Пантикапей, а азиатских – Фанагория⁵⁸⁹. Гениохи, ахейцы и зигии⁵⁹⁰, населяя скудную землю, занимаются разбоем на Понтийском море, для чего имеют маленькие, легкие ладьи, которые можно взваливать на плечи и прятать в лесу, вследствие того, что здесь море, ограничиваемое скалами Кавказа, не имеет гаваней; эти ладьи называют “камарами”. Кавказский хребет окружает с севера два моря, Каспий и Понт, отделяя сарматов и меотов от иберов и албанов; он очень богат лесом. Юго-западный его отрог оканчивается у залива Евксина. Здесь лежит город Диоскуриада, который служит началом перешейки между Евксином и Гирканским морем⁵⁹¹; эта Диоскуриада есть торговый центр, общий для всех народов, живущих восточнее; в него сходятся, по рассказам, более 70 народностей, говорящих на разных языках. От реки Фасиса до Амиса и Синопы три дня плавания. Страна эта богата плодами, кроме меда, который горьковат на вкус. Страна мосхов состоит из трех частей: одну занимают колхи, другую – иберы, третью – армяны⁵⁹². К числу народов, для которых Диоскуриада служит торговым центром, принадлежат и фтирофаги [вшееды], называемые так вследствие нечистоплотности и грязи⁵⁹³. Нисколько не лучше фтирофагов в отношении чистоплотности и соаны⁵⁹⁴, у которых есть золотые россыпи, наносимые потоками; это золото соаны собирают при помощи просверленных корыт и косматых овечьих шкур. Отсюда-то и сложился миф об Эете, будто он имел некогда золотое руно. Река Кор⁵⁹⁵, берущая начало в Армении, приняв в себя Арагон, вытекающий с Кавказа, и другие притоки, по узкой речной долине входит в Албанию; многоводной рекой пронесшись между нею и Арменией по плодородным равнинам и приняв в себя большое количество рек, в числе которых находятся Алазаний, Сандобан, Ритак и Хан⁵⁹⁶, все судоходные, она впадает в Каспий-

ское море. Река Фасис, вытекающая из Армении, принимает в себя реки Гипп и Главк и впадает в Понт близ города того же имени⁵⁹⁷. Албаны населяют землю весьма плодородную, вроде киклоповской, о которой *поэт* говорит: “но она, не засеянная и не вспаханная”, приносит плод⁵⁹⁸. Виноградные лозы у них приносят плод, оставаясь невзрытыми и подрезываясь через пятилетие. Земля вспахивается не железным, но деревянным плугом и, раз засеянная, приносит плоды на второй и даже на третий год. Реки у них орошают земли, подобно Нилу и Евфрату; и вообще албанский ил не оставляет желать лучшего для усиления производительности почвы; говорить же следует именно так – ἡ χῆς, в женском роде⁵⁹⁹. Домашний скот у них также отличается плодородием. И сами *жители отличаются* красивой наружностью, высоким ростом и простотой нравов; некоторые из них, не зная нужды, не умеют даже считать, а умеющие – считают не дальше сотни. Близ Албании находится страна амазонок, неподалеку от гаргареев, у Кавказских гор; они всего два

месяца в году имеют сношения с гаргареями ради деторождения, десять же месяцев живут отдельно, сами по себе, упражняясь в военных делах; родившихся девочек они удерживают у себя, а мальчиков отдают гаргареям⁶⁰⁰. Об этом свидетельствует и Арриан, говоря, что Фаресман подарил Александру 500 амазонок⁶⁰¹. Самые высокие части Кавказа – самые южные, у Албании, Иберии и *областей* колхов и генихов. Вершины Кавказа зимой неприступны, а летом *люди* взбираются на них, подвязывая *подошвы* из сырой воловьей кожи, широкие, как тимпаны, по причине снегов и льдов; спускаются же *с гор*, лежа на шкурах вместе с кладью и скользя вниз, что встречается также в Атропатийской Мидии и на горе Масии в Армении; там подвязывают под подошвы еще деревянные колесцы с шипами. Путь вокруг Гирканского моря составляет вдоль *областей* албанов и кадусиев 5400 стадиев, *затем* вдоль страны ариаков, мардов и гирканов⁶⁰² до устья реки Окса – 3800; отсюда до *реки* Яксарты – 2400; остальные же *части его* до сих пор не известны.

Примечания

¹ [О *киммерийцах* см. Геродот I: 103. О походах киммерийцев в Малую Азию см. Геродот I: 15].

² Гомер. Одиссея XI: 15; 19.

³ [Гомер. Илиада XIII: 5. *Мисы* Гомера, позднейшие мезы (Moesi), часто смешиваются с малоазийским племенем мисийцев, населявших Мисию в Малой Азии). В древности, как и в новое время, распространено было мнение о том, что малоазийские мисийцы – фракийского происхождения, в пользу чего свидетельствуют и данные археологии, позволяющие говорить о проникновении фракийских племен на рубеже II–I тысячелетий до н. э. в Малую Азию. Но, по Геродоту (VII, 20 сл.), *мизийцы* – лидийского происхождения и говорят на смешанном лидийско-фракийском диалекте].

⁴ Об *Эратосфене* см. выше введение к его фрагментам].

⁵ [Современная Эльба].

⁶ [Современный Днестр].

⁷ Т. е. до местности между Азовским морем и северокавказским побережьем Черного моря. О меотах см. Псевдо-Скилак: 71].

⁸ [В западном Закавказье. О колхах см. Геродот II: 103 сл. и прим. к этому месту].

⁹ [Гиркания и Бактриана – провинции Персидского царства, расположенные к югу и юго-востоку от Каспийского моря. Парфяне – первоначально жители области к югу от Гиркании, подвластные персидскому царю, при Аршакидах (248 до н. э. – 226 н. э.) распространили свои владения и имя на всю территорию от Евфрата до Инда].

¹⁰ Ср. ниже III: 2, 12.

¹¹ [Мифическая столица Колхиды].

¹² [Гомер, как это явствует из Одис. XII: 59 сл., помещает Кирку не в Италию, а на Черном море. В Италию ее переносит версия сказания об аргонавтах, впервые представленная Гесиодом].

¹³ [Распространение перипла аргонавтов на западное Средиземноморье происходило следом за колонизацией Сицилии и Великой Греции. Ученая и поэтическая разработка этих сказаний производилась, в особенности в эллинистическую эпоху, по стопам Тимея из Тавромения (ок. 356 – ок. 260 до н. э., греческого историка, автора «Истории» в 38 или 43 книгах, в которой он изложил историю Сицилии с древнейших времен до смерти Пирра в 273 до н. э., включив сведения по Италии и Северной Африке. – А. Г.). Именно к нему и восходят упоминания об аргонавтах близ Керавнских (ныне хребет Кимара в Албании) гор, близ Адрии (так называемые Апсиртидские острова – по имени брата Медеи Апсирты) и Посидонии (Пестума) и на острове Эльбе. См. об этом схолии к Аполлонию Родосскому].

¹⁴ [*Кианеи* – скалы, расположенные у выхода из Босфора в Черное море (по-турецки – Урек-Якы), отождествленные с Симплегадами (‘сталкивающимися скалами’) уже в милетской версии сказания об аргонавтах, представленного в «Одиссее»].

¹⁵ [Эя – остров, на котором расположена Эя. См. об этом наименовании схолий Евстафия к «Илиаде» Гомера IX: 32].

¹⁶ [Планкты ‘блуждающие скалы’ обыкновенно отождествляются с Симплегадами, но первоначально представляли собой нечто особое и локализовались в Мессинском проливе. Отличие их от Симплегад состояло еще и в том, что Планкты нужно было миновать, пройдя мимо них, тогда как Симплегады – пройдя между ними].

¹⁷ [В отличие от Западного (Атлантического) океана за Геракловыми столпами (Гибралтарским проливом)].

¹⁸ [Об *аримаспах* см. Геродот III: 116; об Аристее из Проконнеса см. выше, введение к отрывку из его «Аримасией», а также Геродот IV: 16].

¹⁹ [Эфор – историк IV в. до н. э., автор несохранившейся «Истории»].

²⁰ Соответствующий отрывок из «Истории» Эфора в публикации В. В. Латышева сопровождается схематическим чертежом. – А. Г.

²¹ [Т. е. от наиболее удаленной к югу точки восхода солнца].

²² [Деметрий Скепсийский – греческий грамматик II в. до н. э.].

²³ [Аполлодор Афинский (ок. 180 – после 119 до н. э.) – греческий филолог, религиовед и хронолог, автор «Библиотеки». См. выше].

²⁴ [Неант Кизикский (III в. до н. э.) – греческий писатель, писавший преимущественно на исторические темы. Считался принадлежащим к школе Исократов].

²⁵ [Т. е. богине *Кибеле*, культ которой на горе Иде в Мисии был особенно знаменит в древности].

²⁶ [См. «Илиада» VII: 468; XXIII: 747].

²⁷ [В настоящее время считается доказанным, отчасти на основании приводимых Страбоном сообщений, что в основе IX и X песен «Одиссеи» лежит милетский эпос об аргонавтах. По океану аргонавты совершали возвратный путь по всем древним версиям (до Пиндара включительно), пока успехи географии не убедили в невозможности выхода из Черного моря в океан и не заставили легенду искать других путей для возвращения на родину корабля «Аргон», совершившего, по художественному смыслу сказания, кругосветное плавание].

²⁸ [О памятниках Ясона в Мидии автор говорит еще в XI: 13, 10; 14, 14].

²⁹ [О следах плавания аргонавтов в западно-средиземноморских водах см. выше Страбон I: 2, 9–10].

³⁰ [Другое чтение: *τάφιον* ‘у могильного камня Гармонии’].

³¹ Об основании *Полы* [город в Истрии, сохранивший это имя и по сие время] колхами автор упоминает еще в X: 1, 9; “сооружение же это [т. е. – Пола] древнее колхов, высланных Медеей, не выполнивших поручения и осудивших сами себя на изгнание”. Далее цитируются те же стихи Каллимаха. [Ср. также схолий к Ликофрон. Александрия: 1021].

³² [Версия сказания, ведущая аргонавтов вверх по Истру до разделения этой реки, впадающей вторым своим рукавом в Тирренское или в Адриатическое море, восходит к Тимею и использована Каллимахом и в особенности Аполлоном Родосским].

³³ [Имеется в виду “Малый Истр”, идентифицируемый с речкой Изонцо, впадающей близ Аквилеи].

³⁴ [См. «Одиссея» XII: 59 сл., а также схолий к этому тексту].

³⁵ [Исский залив – ныне Искендурун – глубокий залив в северо-восточном углу Средиземного моря].

³⁶ [Т. е. Средиземного].

³⁷ [Милетская колония на Кавказском побережье на месте совр. Сухуми].

³⁸ [Данные Эратосфена об измерении Понта изложены в отрывках из этого автора, где приводятся цитируемые Плинием (Естественная история V: 47; VI: 3) измерения от Боспора Фракийского до Меотиды].

³⁹ [Имеется в виду рационалистическая версия мифа, отмеченная впервые, может быть, уже у Гекатея Милетского, заставляющая аргонавтов

предпринимать пешее путешествие (или волок) от верховьев Фасиса до Океана].

⁴⁰ [Ученик Теофраста и глава школы перипатетиков, прозванный “физиком”, жил в конце IV – первой половине III в. до н. э.].

⁴¹ [Один из младших логографов, живший в V в. до н. э., автор «Истории Лидии» в 4 книгах].

⁴² [Имеется в виду персидский царь Артаксеркс I (465 – 425 до н. э.).

⁴³ Виды раковин.

⁴⁴ Мнение Стратона автор разбирает в § 5 и сл. Из этого разбора здесь приведен только отрывок § 7, прямо относящийся к Понту. [Салмидесс – фракийский прибрежный город на месте современного порта Мидиах в Румелии. Относительно песчаных наносов перед устьем Дуная, именуемых *Στήθη*, ср. Полибий IV: 41. *Скифская пустыня* – местность у реки Истра на западном берегу Понта, названная так моряками, вероятно, по вошедшему у греков в поговорку выражению *Σκυθῶν ἐρημία*. Ср. схолий к Аристофан. Ахаряне V: 704].

⁴⁵ [Ср. Страбон I: 3, 4].

⁴⁶ [*Фермодонт*, *Ирис* и *Сидена* – реки в Малой Азии, впадающие в Черное море, – ныне Термечай, Ешиль-Ирмак и Полеман-Чай. *Фемискира* – город, мифическая столица амазонок при устье реки Фермодонта].

⁴⁷ [Ср. Страбон I: 2, 39. Разбираемое представление Гиппарха, знаменитого греческого астронома, жившего во II в. до н. э., не столь уж неверно, ибо оно основано на реальных связях Истрии с рекой Истром посредством древнего перевалочного судоходства].

⁴⁸ [Т. е. жители Пиренейского полуострова. Страбон, как и другие древние авторы, связывает с переселением народов племенные и топонимические аналогии, объясняемые современной наукой единообразием лингвистического развития доиндоевропейской средиземноморской языковой среды].

⁴⁹ [*Кир* – современная Кура; *Мосхийские горы* – хребет Малого Кавказа в западной его части].

⁵⁰ [Представления об этническом родстве египтян и колхов восходят к Геродоту (II: 103 сл.), который вряд ли, однако, является их автором. Вслед за ним, с некоторыми вариантами, их повторяют другие писатели. Любопытные детали на этот счет дает Аполлоний Родосский (IV: 272 сл.).

⁵¹ [Из перечисленных племен *кары*, или *карийцы*, населяли юго-западную часть Малой Азии и, смешиваясь часто с лелегами, почитались, по отношению к глубокой древности, жителями обширных пространств Малой Азии и островов Эгейского моря (Страбон VII: 7, 2; VIII: 6, 15; XII: 8, 6 и т. д.); *треры* – племя, считавшееся родственным фракийцам и киммерийцам, нередко смешиваемое с последними и сопутствовавшее им в походах в Малую Азию (Страбон I: 3, 18; XIII: 1, 8; XIV: 1, 40); *тевкры* – фракийское племя, вместе с мисийцами переселившееся на рубеже II–I тысячелетий до н. э. в Малую Азию; Страбон производит их, как и мисийцев, с юга (XIII: 1, 48); *галаты* – галлы, переселившиеся в Малую Азию в III в. до н. э.].

⁵² [О *Мадии* или *Маде*, сыне Прототия, царя скифов (или киммерийцев) см. Геродот I: 103; *Коб*, вождь *треров*, ближе не известен; *Теарко* отождествляется с Тахаркой – последним царем XXV династии Египта; *Сесострис* – египетский фараон Рамсес II; *Псамметих I* – египетский фараон, основатель Саисской (XXVI) династии, царствовал в VII в. до н. э. – ок. 664–610 гг.].

⁵³ “Что Страбоном не могло быть написано *Κιμμερίων*, ясно из предшествующего, однако мно-

гие этого не заметили: без сомнения, он написал Σκοῦεν; см. Геродот I: 103” (Kramer). Это [чтение] принял в текст Мейнеке.

⁵⁴ [О *киммерийцах* и об их походах в Малую Азию см. Геродот I: 15; 103 сл.].

⁵⁵ [*Мероэ* – столица Эфиопского царства в одноименной области (именуемой также Нубия) на реке Ниле близ современного Шенди].

⁵⁶ [*Туле* – остров в Северном океане, находящийся, по данным знаменитого путешественника массалиота Питея, в шести днях плавания к северу от берегов Британии. По расчетам Гиппарха и Эратосфена (Плиний. Ест. ист. IV: 104), остров *Туле* лежал на полярном круге].

⁵⁷ [Другими словами, Страбон, основываясь на расчетах Гиппарха, полагает, что устье Днепра, Византий и Массилия лежат на одной параллели, – доказательство того, что действительное положение отдельных географических пунктов по отношению к экватору было в эпоху Страбона недостаточным известно].

⁵⁸ [Т. е. водоразделом].

⁵⁹ [*Демокрит* – знаменитый греческий философ (умер в 361 до н. э.), основатель атомистической теории строения мира. Разделение материков реками – Фасисом или Танаисом, о котором говорит Страбон, установилось еще со времен Анаксимандра, причем речь шла лишь о двух – Азии и Европе. Позднее различали также и Ливию, отделявшуюся от Азии рекою Нилом. Разделение материков перешейками – Кавказским и Суэцким – имеет в виду те же три материка или части света].

⁶⁰ [Т. е. по направлению к точке восхода солнца во время равноденствия].

⁶¹ В данном месте автор подтверждает мнение Эратосфена, приведенное выше в § 3 той же главы и упомянутое еще в § 5 при опровержении возражения Гиппарха. Ввиду того, что во всех трех местах мнение это высказывается почти в одних и тех же выражениях, мы сочли достаточным привести только одно место, а не все три.

⁶² Выше говорилось о климате и естественных произведениях стран, лежащих к югу от Каспия и Понта.

⁶³ [Т. е. в Керченском проливе].

⁶⁴ [Имеются в виду местности на берегах Боспора Фракийского].

⁶⁵ [*Тансак* – сирийский город (в Халибонитидской области на левом берегу реки Евфрата, современный Тифсах); *Каспийская гора* – вершина Кавказа в районе Сурамского перевала. В данном случае приводимые Страбоном расчеты Гиппарха приблизительно соответствуют действительности].

⁶⁶ [Одного взгляда на карту достаточно для того, чтобы убедиться в чрезвычайной смутности страбоновых представлений о географическом положении Азовского моря и течения Дона, а следовательно, и ошибочности вышеприведенных расчетов].

⁶⁷ [Страбон полемизирует в данном случае с географами, придерживавшимися мнения Тимея из Тавромения, опиравшегося на Питея, соответственно которому верховья реки Танаиса или его «северное устье» лежат на Северном океане (Балтийском море)].

⁶⁸ В следующем параграфе Страбон подвергает критике свидетельства Эратосфена и Полибия о числе полуостровов Европы: по мнению первого, всех полуостровов – три и на последнем из них живут все народы, что между Адриатическим “морем, Понтом и Танаисом, по мнению второго, всех полуостровов – пять, из коих последний – у Ким-

мерийского Боспора и устья Меотиды. Страбон соглашается относительно двух первых полуостровов, а остальные, по его мнению, требуют иного разделения.

⁶⁹ [*Роксоланы*, которых Страбон помещает так далеко к северу, – одно из сарматских племен, известное у более поздних авторов (Плиний. Ест. ист. IV: 80), которые помещают его к северо-западу от Меотиды. Имя их следует рассматривать как идентичное имени племени ревксиалов (Птолемей III: 5, 7) и как собирательное для некоторых других мелких племенных подразделений сарматов. В начале нашей эры, вероятно, под давлением аланов, роксоланы перемещаются к западу до Днестра, где и вступают в середине I в. н. э. в соприкосновение с римлянами].

⁷⁰ [О *савроматах* см. Геродот IV: 110 сл., Гиппократ. О воздухе...: 24 сл. Под *восточными скифами* Страбон понимает кочевые племена нижневолжских и среднеазиатских степей].

⁷¹ [О фракийском племени *гетов* см. Геродот IV: 93 и Фукидид II: 96; *тирегеты* или *тирагеты*, упоминаемые здесь Страбоном, – вероятно, ветвь племени *гетов*, помещаемая Птолемеем (III: 5, 25) к западу от реки Тирис, *бастарны* – германское племя, проникшее в III в. до н. э. на Балканы и оттесненное римлянами в I в. до н. э. за Дунай в область Днестра, где их, видимо, и локализует Страбон].

⁷² [Об *албанах* и *иберах* см. Страбон IX: 3–4].

⁷³ [*Перед устьем Дуная*, см. о нем Псевдо-Скимн: 790 сл.].

⁷⁴ [Представление о заливе у *Диоскуриады* (нынешнего Сухуми) основано на каком-то недоразумении].

⁷⁵ [См. подобное же сравнение у Гекатея, фр. 163].

⁷⁶ [Имеются в виду Геракловы столпы – Гибралтарский пролив].

⁷⁷ [Ср. выше, прим. к § 22].

⁷⁸ [*Фарнакия* – город, выстроенный понтийским царем Фарнаком на месте греческой колонии Керасунта. О реке Сидене см. Страбон I: 3, 7].

⁷⁹ [О названных племенах см. Страбон II: 5, 7; 9].

⁸⁰ [*Тавр* – горный хребет, разделяющий Малую Азию в направлении с юго-запада на северо-восток].

⁸¹ [*Имейская гора* или горы – западная часть Гималайского хребта].

⁸² [Об *иберах* и *албанах* см. Страбон XI: 3–4].

⁸³ [О трех последних из названных племен см. Страбон XI: 2, 12 сл.].

⁸⁴ [Названные племена населяли одноименные персидские провинции, расположенные к югу и юго-востоку от Каспийского моря].

⁸⁵ [О *тибаренах* см. Ксенофонт. Анабасис V: 5, 1 сл.].

⁸⁶ [См. Страбон I: 4, 2].

⁸⁷ [О *киммерийцах* и об их походах в Малую Азию см. Геродот I: 103 сл.; о *киммерийцах* гомеровского эпоса ср. схол. к «Одиссее» XI: 12 сл.].

⁸⁸ [О культе *Артемиды Таврополы*: Еврипид. Ифигения в Тавриде: 28 сл.].

⁸⁹ [Т. е. к востоку от устья реки Дуная].

⁹⁰ [О названных племенах см. Страбон II: 5, 9].

⁹¹ [*Посидоний Апамейский*, или Родосский (128–45 до н. э.), философ-стоик, историк и ритор, родом из сирийского города Апамеи, ученик Панэтия. На Родосе его слушал Цицерон. Автор «Истории» в 52 книгах, продолжатель Полибия].

⁹² [*Кимверы* – кельтское племя, совершившее вместе с тевтонами нападение на Италию в конце

II в. до н. э. и лишь с той поры известное греческим и латинским писателям, принявшим их за баснословных киммерийцев].

⁹³ [Сигамбры (у Страбона *сугамбры*) – одно из крупнейших древнегерманских племен на реке Рейне].

⁹⁴ [О *бастарнах* см. Страбон II: 5, 12; о *роксоланах*, с которыми жило рядом близ Дуная сарматское же племя *язигов*, см. Страбон II: 5, 7].

⁹⁵ [Одно из наиболее крупных германских племен, включавшее в себя многочисленные более мелкие племенные образования и жившее между Балтийским морем и Дунаем к востоку от Эльбы].

⁹⁶ [Геркинский лесом, а также Геркискими Альпами, которые и имеет в виду Страбон, упоминая о горах, в древности называлась лесистая и гористая местность к северу от верхнего течения реки Дуная, с весьма неопределенными границами].

⁹⁷ [О *тирегетах* см. Страбон II: 5, 12].

⁹⁸ [Рипейскими (а иногда и Гиперборейскими) горами в глубокой древности (см. Эсхил. Прометей: 805) назывались мифические горы (и в широком смысле – мифическая страна, расположенная на крайнем севере) у истоков больших европейских рек – Истра и Танаиса (Пиндар. Олимп. ода III: 13 сл.). В более позднее время это наименование довольно прочно закрепилось за Уральскими горами (начиная с Геродота IV: 13), хотя и в дальнейшем отмечаются колебания, позволяющие локализовать их далее к востоку (например, на Алтае). О гиперборейях вообще см. Геродот IV: 32].

⁹⁹ [Питей из Массилии (IV в. до н. э.), греческий путешественник и географ, совершивший, по словам Дикеарха (Страбон I: 4, 3; II: 1, 18 и т. д.), два путешествия в северные страны, из которых первое имело своей целью посещение Британии и острова Туле (оно было описано Питеем в его сочинении «Об океане»), а второе, состоявшее в исследовании северо-западных берегов Европы вплоть до северного устья реки Танаиса, – в его «Перипле». Опровержению фантастических сведений Питея о северных странах Страбон уделяет много труда в разных местах своей «Географии»].

¹⁰⁰ [Нереида, отождествленная с дочерью мифического царя Аттики Эрехтея, похищенная, но преданию, Бореєм].

¹⁰¹ [Софокл, фр. 870, предположительно из утраченной трагедии «Орейтия». См.: Софокл. Трагедии / Пер. Зелинского. Т. III: 419, а также стр. 373].

¹⁰² [О малоазийских *мисийцах* и нижнедунайских *мезийцах* и о фракийском происхождении этих племен см. Страбон I: 1, 10].

¹⁰³ Гомер. Илиада XIII: 3 сл.

¹⁰⁴ [О *гиппемолгах* (доителях кобылиц), *галактофагах* (млекоедах) и *абиах* Гомера см. «Илиада» XIII: 1 сл. и схолий Евстафия к этому тексту].

¹⁰⁵ [О *бастарнах* см. Страбон VII: 1, 1].

¹⁰⁶ [Поэт – Гомер («Илиада» XIII: 5 сл.)].

¹⁰⁷ [Абии собственно значит «неимущие», что и подчеркивается всеми комментаторами, как основание для имени, данного Гомером этому скифско-фракийскому племени. Посидониево толкование основано на сопоставлении *абиев*, якобы живущих без женщин, с амазонками, живущими без мужчин].

¹⁰⁸ Далее следует опровержение свидетельства Посидония, что фракийцы и, в частности, геты жили без женщин.

¹⁰⁹ [Аполлодор, грамматик II в. до н. э., автор сочинения «О кораблях» (Гомеров каталог). См. выше введение к выборке его фрагментов].

¹¹⁰ [Пафлагонцы – жители черноморской береговой области Малой Азии между Вифинией и Понтом, ограниченной реками: Парфением с запада и Галисом с востока].

¹¹¹ [Речь идет, видимо, о Гекатее Абдерском, фр. 5. *Киммерида* – второе название города Антандра в Мисии (Малой Азии), у подножия горы Иды, названного так будто бы потому, что он на протяжении ста лет (в VII в. до н. э.) находился в руках киммерийцев (Стефан Византийский под словом *Ἀνταδρόος*)].

¹¹² [Гомер. Илиада XIII: 5 сл.].

¹¹³ [Т. е. живущие на повозках].

¹¹⁴ [Гесиод. Каталог женщин, фр. 139. Перечисленные народы символизируют страны юга, запада и севера. В частности, лигии, или лигийцы, в данном случае, италийские и южноевропейские лигуры].

¹¹⁵ [Эсхил. Прометей освобожденный, фр. 198. См. также у Гесиохия под словом *ἰπλάκη*].

¹¹⁶ Геродот IV: 127.

¹¹⁷ [О *Хрисиппе*, стоическом философе III в. до н. э., см. введение к упомянутому здесь фрагменту из его «Жизнеописаний». О Левконе I см.: Демосфен. Против Лептина: 29].

¹¹⁸ [Вероятно, имеются в виду так называемые изречения Зороастра].

¹¹⁹ [Об *Анахарсисе* см.: Геродот IV: 76 сл.].

¹²⁰ [Об *Абарисе*, мифическом гиперборейском жреце и пророке см.: Геродот IV: 36].

¹²¹ [Гем – Балканский хребет, разделяющий Фракию и Мезию].

¹²² [Фракийский народ, ветвь племени гетов; жили на нижнем Дунае и были разбиты Александром Македонским в 335 г. до н. э.].

¹²³ [Об острове *Певке* в дельте Дуная см.: Аполлон Родосский IV: 304].

¹²⁴ [О царе *Сирме* и действиях Александра Македонского против *трибаллов* см. подробнее: Арриан. Анабасис I: 2].

¹²⁵ [Этот город, название которого источники не сообщают, находился на северном берегу Дуная, см.: Арриан. Анабасис I: 3].

¹²⁶ [О *Птолеме*, сыне Лага, сподвижнике и биографе Александра Македонского, царе Египта, см.: Плутарх. Александр: 46].

¹²⁷ [Поход диадоха *Лисимаха* (царствовал с 306 по 281 г. до н. э.), владения которого состояли из Фракии и Малой Азии до Тавра, против гетов и пленение его царем последних Дромихетом происходит на 291 г. до н. э.].

¹²⁸ Эти слова находятся не в «Республике», а в «Законах» (IV: 705).

¹²⁹ [Эфор (ок. 405–330 до н. э.) – автор «Истории» в 30 книгах].

¹³⁰ [Гесиод. Каталог женщин, фр. 189. «Землеописание», как и этот фрагмент, считается относящимся к III книге «Каталога женщин». Перенесение Гесиодом Финей к скифским берегам – древнейшее свидетельство северночерноморского маршрута аргонавтов по стопам милетской колонизации].

¹³¹ [Херил Самосский – поэт из Иассоса, современник и спутник Александра Македонского; о *саксах* см. прим. к Геродот IV: 6. *Асида* – параллельная поэтическая форма к обычной – Азия].

¹³² [Греки приписывали скифам и другие технические изобретения. Гелланик в новооткрытом фрагменте из оксиринхского папируса говорит об изобретении скифским царем Саневном железного оружия].

¹³³ Гомер. Илиада XVIII: 600.

¹³⁴ Гомер. Илиада XIII: 5.

¹³⁵ Страбон VII: 3, 2.

¹³⁶ [Секст Элий Кат – консул 4 г. н. э., см.: Веллей Патеркул. Римская история II: 103, 3, а также Corpus Inscriptionum Latinarum XI: 1421; XIV: 2801. Переселение гетов во Фракию было им произведено, вероятно, в бытность его правителем Македонии].

¹³⁷ [О *мезийцах* и *мисийцах* см.: Страбон VII: 3, 2].

¹³⁸ [Биребиста (Βοιρεβίστας), также Буребиста, вождь племени и основатель царства гетов, жил в эпоху Цезаря и Августа].

¹³⁹ [Дакийский пророк, о скитаниях которого см.: Иордан. История гетов XI: 67. Он содействовал царю Биребисте в осуществлении его замыслов и был обоготворен подобно Замолкису].

¹⁴⁰ Страбон VII: 3, 5. [О *Замолксисе* (Замлокисе), мифическом пророке гетов, отождествляемом иногда с Сабазием, см. еще Геродот IV: 95].

¹⁴¹ [Даки – гетские племена, населявшие просторства современных Валахии, Молдавии, Трансильвании и части Венгрии. Часть этой территории (к северу от Дуная) после покорения даков императором Траяном вошла в состав римской провинции Дакия].

¹⁴² [Даи – родственные скифам кочевые племена к востоку от Каспийского моря по рекам Маргис (Мургабу), Оксу (Амударье) и Яксарту (Сырдарье), известны у римских писателей под именем Dahae (Вергилий. Энеида VIII: 728; Ливий XXXV: 48; Тацит. Анналы XI: 10)].

¹⁴³ [Марис отождествляется с современной рекой Марош, являющейся, однако, притоком не Дуная, а Тиссы. О ней см. еще: Геродот IV: 49].

¹⁴⁴ [Тира – Днестр. Гетская пустыня находилась, вероятно, в приморской части современной Молдавии].

¹⁴⁵ [О походе Дария на скифов подробно и в другой версии см. в отрывках из Геродота].

¹⁴⁶ Страбон VII: 3, 8.

¹⁴⁷ [Об острове Певка (Сосновом) см. Страбон VII: 3, 8, а также Псевдо-Скимн: 785 сл. О *бастарнах* – германском племени на Дунае, см. Страбон II: 5, 12].

¹⁴⁸ [О семи устьях Дуная см. еще Рсевдо-Скимн: 773 сл.].

¹⁴⁹ [Упоминаемые Страбоном озера соответствуют современным озерам Сасык и Алибей].

¹⁵⁰ [Неоптолемову башню, по данным Страбона, следует искать близ современного поселения Балабанка у устья реки Днестра].

¹⁵¹ [Гермонактова деревня помещается Птолемеем (III, 10, 7) ошибочно, как показал Kiessling (RE, XV: 894 сл.), на расстоянии 100 стадиев к югу от Тиры. Деревня должна быть локализована, в соответствии с текстом Страбона, близ Неоптолемовой башни, на берегу небольшого озера Будаки, в древности сообщавшегося с морем].

¹⁵² [Никония – у Стефана Византийского. Никоний упоминается также у Птолемея (III: 10, 8) и Анонима (Перипл Понта Евксинского: 61), причем по ошибке вместо устья Тиры отнесен к устью Дуная, – город, по данным Страбона, долженствующий находиться на месте современного Овидиополя].

¹⁵³ [Офиусса идентифицируется с милетской колонией Тирой (на месте совр. Аккермана), но, вероятно, несколько отличен от нее по местоположению, чем и следует объяснить указываемое Страбоном расстояние в 20 стадиев].

¹⁵⁴ “Трудно сказать, каким образом следует объяснить слово πόλις... Хотя этот город Птолемей и Перипл Понта Евксинского отличают от Офиус-

сы, другие свидетели – Плиний (IV: 26) и Стефан Византийский утверждают, что тут отличие только в имени... (Kramer).

¹⁵⁵ [Об острове Белом (совр. Фидониси) см. Еврипид. Андромаха: 1260 сл.].

¹⁵⁶ [Борисфен (Днепр) и Гипанис (Южный Буг) имеют общее устье, образуя при впадении их в Черное море Бугско-Днепровский лиман].

¹⁵⁷ [Остров Березань, в имени которого звучит древнее название реки и одноименного греческого города].

¹⁵⁸ [Город Ольвия, как его называли местные жители, и Борисфен, в устах других греков, был основан в середине VII в. до н. э. и располагался на правом берегу Бугско-Днепровского лимана, близ современного села Парутино. О его истории и раскопках см.: В. В. Латышев. Исследование об истории и государственном строе древней Ольвии. – 1888].

¹⁵⁹ [О Гетской пустыне см.: Страбон XII: 3, 14, где автор ограничивает ее с востока рекой Тирой].

¹⁶⁰ [Язиги-сарматы, *метанасты*, или просто *язиги*, – одно из крупных сарматских племен, жившее первоначально у берегов Черного и Азовского морей, а во времена императора Клавдия переселившееся в Дакию и занявшее пространство между Дунаем и Тиссой. Называя их “царскими”, Страбон переносит на них геродотовский эпитет, прилагавшийся к одному из крупнейших скифских племен, с которыми, возможно, и следует генетически связывать язигов].

¹⁶¹ Обручи совершенно не известны и вполне допустима конъектура Маннерта: Γεφύροι, о которых см. Геродот IV: 8... (Kramer).

¹⁶² [О названных племенах см. Страбон II: 5, 12].

¹⁶³ [Атмоны ближе не известны; сидоны упоминаются также Валерием Флакком (Аргонавтика VI: 95), ввиду чего их следует идентифицировать с помещаемыми на Дунае в Лаврийской равнине синдами (Аполлоний Родосский IV: 322); Птолемей (II: 11, 10) помещает их к югу-западу от верхнего течения реки Вислы, примерно там, где для 14 г. до н. э. эпиграфически отмечены бастарны в столкновении с Марком Виницием (в Моравии)].

¹⁶⁴ [О *певкинах* см. Страбон VII: 3, 15].

¹⁶⁵ [О *роксоланах* см. Страбон VII: 2, 4].

¹⁶⁶ [Скилур, скифский царь, известный, кроме того, из надписи, найденной близ Симферополя, и по монетам города Ольвии, имеющим на себе его имя и изображение. Палак, его сын, упомянутый также в херсонесском декрете в честь понтийского полководца Диофанта, поднял в 20-х гг. II в. до н. э. на борьбу с Херсонесом и пришедшим ему на помощь Боспором большое количество скифо-сарматских племен Крыма и близлежащих степных пространств на материке].

¹⁶⁷ [Диофант – полководец Митридата Евпатора, выступивший на помощь Херсонесу против скифов].

¹⁶⁸ [Наглядное представление о вооружении сарматов дают изображения в керченском склепе Анфестерия].

¹⁶⁹ [Каркинитский залив сохраняет свое наименование и поныне].

¹⁷⁰ [Большой Херсонес – т. е. Крымский полуостров, в отличие от Малого Херсонеса – Гераклеяского полуострова].

¹⁷¹ [Ср. выше рассказ о лопнувшей от мороза гидрии в пантикапейском храме Асклепия (Страбон II: 1, 16)].

¹⁷² [Небольшая сеть круглой формы в виде сачка].

¹⁷³ [Наварх царя Митридата Евпатора, о см. еще: Аппиан. Митридатовы войны: 17, а также Страбон II: 1, 16. Упомянутые военные действия могли иметь место в начале 70-х гг. I в. до н. э.].

¹⁷⁴ [О климате Северного Причерноморья вообще ср. Геродот IV: 28. Этот же пример, в несколько ином изложении, выше: Страбон II: 1, 16].

¹⁷⁵ [Имеется в виду атмосферное явление мнимого солнца или кругов вокруг солнца].

¹⁷⁶ [*Атея* – скифский царь (сер. IV в. до н. э.), расширивший свои владения в юго-западном направлении. О его столкновениях с трибаллами: Фронтин. Стратегемы II: 4, 2 и Полибий VII: 44, 1; о его угрозах византийцам: Климент Александрийский. Строматы V: 5, 31. Упомянутый Страбоном поход Филиппа II против Атея имел место в 339 г. до н. э. О событиях этой войны, равно как и о дальнейшей судьбе Атея: Юстин IX: 2, 10].

¹⁷⁷ [Современное наименование – коса Тендеровская].

¹⁷⁸ [*Тамирака* – скифская гавань в южной части Каркинитского (Тамиракского) залива, соответственно локализации Птолемея (III: 5, 8). Локализуется предположительно у озера Бакал].

¹⁷⁹ [Имя это должно быть поставлено в связь со рвом (*τάφος*), выкопанным, по преданию, которое сообщает Геродот (IV: 3), скифскими рабами, а также со скифским поселением, упоминаемым Плинием (Естественная история IV, 85) и именовавшемся *Tarphae*].

¹⁸⁰ [Имеется в виду Перекопский перешеек].

¹⁸¹ [*Гнилое озеро* или *море* (иначе называемое заливом Сиваш) сохраняет это наименование и поныне].

¹⁸² [*Городок* и *гавань херсонесцев*, возможно, тождественны с “Прекрасной гаванью” (*καλὸς λιμήν*), упоминаемой в херсонесской присяге и локализуемой у Ак-Мечетской бухты].

¹⁸³ [Имеется в виду нынешний Гераклеийский полуостров].

¹⁸⁴ [Город *Херсонес*, колония Гераклеи Понтийской, основан в V в. до н. э.; развалины его находятся близ Севастополя на берегу Карантинной бухты].

¹⁸⁵ [Херсонесская богиня *Дева* отождествляется с Артемидой или Ифигенией (Геродот IV: 103). Упомянутый Страбоном культ Девы в Херсонесе известен также и из эпиграфики; мыс *Парфений* отождествляется с мысом Фиолент].

¹⁸⁶ [Вопрос о локализации древнего или так называемого страбоновского Херсонеса вызвал в историко-топографической литературе большие споры. Вернее всего, страбоновым Херсонесом должны быть признаны развалины пригородных поселений на Гераклеийском полуострове].

¹⁸⁷ [О *таврах* см. Геродот IV: 99 сл.].

¹⁸⁸ [*Бухта Символов* – современная Балаклавская бухта; *Ктенунт* отождествляется с большой Севастопольской бухтой].

¹⁸⁹ [*Аполлонид* – вероятный автор «Перипла Европы», живший предположительно между временами Митридата VI (132–63 до н. э.) и Страбона].

¹⁹⁰ Крамер отметил, что кодексы колеблются в начертании имени *Παρισάδης*, однако, так, что во многих местах выпадает Па. [Относительно “добровольной” передачи Перисадам V боспорского престола Митридату Евпатору см. С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ВДИ, 1938, № 3: 49 сл.].

¹⁹¹ [Греческий город, колония Милета, присоединенная к Боспорскому царству и отстроенная как порт при царе Левконе I (387–347 до н. э.)].

¹⁹² [О мысе *Карамбис* на пафлагонийском берегу Черного моря и о мысе *Бараний Лоб* в Крыму см. Страбон II: 5, 22].

¹⁹³ [О горе *Трапезунт* в Крыму упоминает лишь Страбон; о городе *Трапезунт* на малоазийском побережье см. Ксенофонт. Анабасис IV: 8, 22].

¹⁹⁴ [О горе *Киммерий* в Крыму в других источниках упоминаний нет].

¹⁹⁵ [О *Нимфее*, греческом поселении в 25 стадиях к западу от Пантикапея (отождествляется с археологическими остатками близ селения Эль-Теген на Керченском полуострове), см. еще: Эсхин. Против Ктесифонта: 171].

¹⁹⁶ [О названных боспорских царях из династии Спартокидов см. Диодор Сицилийский XII–XX].

¹⁹⁷ [Ср. Страбон VII: 4, 3].

¹⁹⁸ [Имеется в виду Перисад I (347–309 до н. э.)].

¹⁹⁹ [*Фанагория* – столица азиатской части Боспорского царства, город, основанный, по преданию, теосцем Фанагором в VI в. до н. э., локализуется в глубине Таманского залива, близ станицы Сенной].

²⁰⁰ [*Танаис* – милетская колония в устье одноименной реки, локализуется в своей древней части на городище близ станицы Елизаветовской, тогда как более поздний город, отстроенный по предполагаемому разрушению Танаиса в конце I в. до н. э. понтийским царем Полемоном, был расположен близ станицы Недвиговки].

²⁰¹ [*Мирмекий* – греческое поселение на берегу Керченской бухты в предместьях современного города].

²⁰² [Селение *Парфений*, по данным Страбона, должно быть локализовано у Ени-Кале, в самой узкой части Керченского пролива. Пункт этот упоминается также у Птолемея (III: 6, 4), как лежащий на берегу Меотиды].

²⁰³ [Селение *Ахиллий*, или *Ахиллово селение* у Стефана Византийского под словом *Ἀχιλλεύς*, упоминается также у Птолемея (V: 8, 5) и локализуется на археологическом остатке у начала Северной косы на Фонтановском полуострове].

²⁰⁴ [Об этом острове, представлявшем собой намыв в дельте реки Дона и называвшемся *Алопекия*: Страбон XI: 2, 3].

²⁰⁵ [Имеется в виду Перекопский перешеек; см.: Страбон XII: 4, 1].

²⁰⁶ [О локализации племени тавров ср.: Геродот IV: 99, где о них говорится как о жителях Крымских гор. Распространение имени тавров на скифов степного Крыма характерно для римского времени, к которому должно быть отнесено также известное из литературы и этнографии имя тавроскифы].

²⁰⁷ О Малой Скифии автор упоминает еще в VII: 5, 12/318C следующим образом: “За страной скордисков по Истру находится область трибаллов и мисийцев, о которых мы упомянули выше, и боюта так называемой Малой Скифии, что по эту сторону Истра; о них мы тоже упомянули”.

²⁰⁸ [О *Синдике* или *Синдской Гавани* см.: Псевдо-Скилак: 72].

²⁰⁹ [О хлебной торговле Боспора с Атикой в эпоху ранних Спартокидов: Демосфен. Против Лептина: 32; о вывозе соленой рыбы из Понта: Полибий IV: 38, 4].

²¹⁰ [Ср. сказанное о племени урги: Страбон VII: 3, 17, Геродот IV: 18].

²¹¹ [Ср. описание приготовления *гиппаки*, которую, вероятно, и имеет в данном случае в виду Страбон: Гиппократ. О болезнях IV: 20].

²¹² [Гомер. Илиада XIII: 6].

²¹³ [Гомер. Илиада XIII, 6].

²¹⁴ [Гипсикрат из Амиса (II–I вв. до н. э.), исторический писатель].

²¹⁵ [Царь Боспора второй половины I в. до н. э., о котором см.: Аппиан. Митридатовы войны: 120; Дион Кассий. Римская история XIII: 46].

²¹⁶ [Первые два из названных укреплений, видимо, не должны были быть далеки от Херсонеса, ибо название второго из них связывается с племенным наименованием Χαβαιοί. Что же касается Неаполя, то этот пункт, являвшийся столицей скифского царства в Крыму, засвидетельствован эпиграфически и археологически на территории современного Симферополя].

²¹⁷ [Евпаторий или Евпатория – близ современного одноименного города на западном побережье Крыма].

²¹⁸ О положении Ктенунта ср.: Страбон VII: 4, 2.

²¹⁹ [Это топографически не совсем ясное место может быть истолковано следующим образом: бухта, вход в которую херсонесцы засыпали, – современная Карантинная бухта, отделяющая Херсонес от мыса, где расположен Севастополь и где в глубине Севастопольской бухты находился порт Ктенунт. Укрепления со рвом на перешейке – видимо, укрепления между бухтами Севастопольской и Балаклавской, отделявшие Гераклеийский полуостров от остального Крыма].

²²⁰ [Фарнакия – город, построенный Фарнаком, царем Понта, дедом Митридата Евпатора, на месте древней колонии Синопы Керасунта. См.: Псевдо-Скимн: 911].

²²¹ [См. Страбон XI: 2, 12].

²²² [О разделении Азии на две части горами Тавра: Страбон II: 5, 31].

²²³ [Это место находится в противоречии с общей концепцией азиатской географии у Страбона, не считавшего ни Каспийское море, ни реку Танаис связанными с Северным океаном, вопреки мнению александрийских географов].

²²⁴ [Река *Кир* – современная Кура. *Албания* – область по западному побережью Каспийского моря, простиравшаяся от устья Куры и Аракса до Кавказского хребта, а с запада граничившая с Иберией (современной Грузией). Приблизительно соответствует по территории позднему Дагестану].

²²⁵ [Клитарх (IV в. до н. э.), историк, сопровождавший Александра Македонского в походе на Восток].

²²⁶ [Сообщение Посидония Апамейского, заимствованное Страбоном из его сочинения «Об Океане», касается Суэцкого перешейка (между Средиземным и Красным морями). *Пелусий* расположен у восточного (Пелусийского) рукава Нильской дельты].

²²⁷ [Океаном Посидоний называет Каспийское море, считавшееся, по распространенному в древности представлению, заливом Северного или Восточного (Индийского) океана. Восточный берег Азовского моря считался не более удаленным от Каспийского моря, чем черноморское побережье Кавказа].

²²⁸ [Колхидским морем Страбон называет часть Черного моря у кавказского побережья].

²²⁹ [Т. е. к Северному Кавказу].

²³⁰ [Каспийские Ворота – название ряда горных проходов вблизи Каспийского моря, один из которых был расположен в Северном Иране, другой идентичен с Дербентским проходом с Северного Кавказа в Закавказье по берегу Каспийского моря, а третий – с Дарьяльским проходом к северу от Тбилиси].

²³¹ [О *сарматах*: Псевдо-Скимн: 874 сл.].

²³² [Аорсы – значительное сарматское племя, подразделявшееся на несколько колен, имевших особые наименования, населяло пространство у западных и северных берегов Каспийского моря до низовьев Дона. К ним относятся, вероятно, также упоминаемые у Птолемея (VI, 14, 9) *аленорсы* – имя, через которое аорсы связываются с более поздними аланами. Их южные соседи – *сираки* (Птолемей V: 8, 12: *сиракены*; IOSPE, II: 423: *сирахи*) – жили между Азовским морем и Кавказом, не достигая черноморского побережья. Именем своим они связываются с закаспийской областью Сиракеной, откуда, может быть, происходят и в действительности].

²³³ [О *меотах*: Псевдо-Скилак: 71].

²³⁴ [Об *ахеях*, *гениохах*, *керкетах* см.: Псевдо-Скилак: 73–75; что касается зигов, то они отсутствуют у авторов до Страбона, но встречаются у Дионисия Периегета (стр. 684) и у более поздних авторов, что, однако, вряд ли позволяет отрицать их генетическую связь с язигами, о которых см. Страбон VII: 3, 17].

²³⁵ [О *макропогонах* у других авторов упоминаний не содержится. Возможно, что их следует связывать с макрокефалами и макронами, поскольку есть основания думать, что подобные наименования возникали не по этимологическому, а по чисто фонетическому сходству. Сопоставление это подкрепляется тем, что перед упоминанием о макронах (Страбон XII: 3, 18) Страбон называет Зигополь (§ 17), в таком же соседстве, как в данном случае зигов и макропогонов].

²³⁶ [Фтейрофаги, о которых Страбон упоминает еще раз ниже (§ 14) и которых называют Птолемей (V: 8, 12), перипл Псевдо-Арриана (27) и Плиний (VI: 14), локализуемые всегда на Кавказе, к северу от Диоскуриады, названы так, вероятнее всего, по фонетическому сходству их имени с этим греческим словом. Существует, однако, и другое соображение, которое необходимо привести: Геродот говорит, что будины φθειροτράχους, что могло бы быть переведено как «едят вшей», но, что на основании комментария Эрнста Штейна к этому месту, переводится как «питаются сосновыми шишками» (Геродот IV: 109). С другой стороны, кавказский Питиунт слыл в древности «городом сосновых шишек» (от λυτοβείς). Перипл Псевдо-Арриана (§ 56) называет в районе Питиунта «скифский народ, о котором упоминает историк Геродот, и говорит, что они едят вшей (φθειροτράχοντες)». Геродот упоминает в этой связи лишь о будинах. Зато Псевдо-Скилак помещает, как известно, соседей и родственников будинов – гелонов на Кавказе (§ 80), – свидетельство, восходящее к какому-либо древнеионийскому источнику, на котором, может быть, основывается сообщение Геродота о переселении живущих вместе с будинами невров (IV: 105). Не исключено поэтому, с одной стороны, что невры, будины, гелоны и фтейрофаги – близкие друг другу племенные образования, а с другой, все эти соображения позволяют думать, что наименование фтейрофаги, если оно не чисто фонетического происхождения, возникло именно в связи с представлением о поедаемых сосновых шишках].

²³⁷ [Т. е. в долине между цепями Большого и Малого Кавказа].

²³⁸ Феофан Митиленский (ум. после 44 г. до н. э.), историк, друг римского полководца и политического деятеля Помпея Гнея Великого (106–48 до н. э.), сопровождавший его в походах и описавший его деяния. – А. Г.

²³⁹ [Представление об истоках Дона на Кавказе покоится на древнем смешении представлений о Доне и Рионе (Фасисе), ибо у ионийских географов границей Европы и Азии был именно Фасис, когда он еще не был прочно отождествлен с Рионом и считался вытекающим, подобно Нилу и Танаису, из Океана. Сведения о совместных истоках Дона и Истра обязаны своим происхождением также весьма древнему, но особенно популярному в эллинистическую эпоху предстанию о том, что все большие европейские реки берут начало в Рипейских горах].

²⁴⁰ [О *Танаисе* – милетской колонии в устье реки Дона см. Страбон VII: 4, 5].

²⁴¹ [Назначенный Римом при Августе в конце I в. до н. э. царь Понта и Боспора, о судьбе которого см. Страбон XII: 2, 11, XII: 3, 29].

²⁴² [Об этом острове см. также Страбон VII: 4, 5].

²⁴³ [Страбон имеет в виду восточный берег Азовского моря].

²⁴⁴ [*Большой и малый Ромбиты* должны быть отождествлены с Ейским и Бейсугским (или Ахтарским) лиманами].

²⁴⁵ [*Тирамба* предположительно может быть локализована близ современного города Темрюка, со стороны Пересыпи].

²⁴⁶ [Реку *Антикут* или *Аттикит* (Птолемей V: 9, 4) отождествляют с северным (Азовским) устьем реки Гипаниса (Кубани), на основании текста Страбона (XI: 2, 9) и сопоставления этого имени с черкесским *addikeh* 'тусторонний', как называли себя сами северные черкесы, но свидетельству генуэзца Джорджо Интерьяно. Ср. Диодор Сицилийский XX: 22].

²⁴⁷ [Этот город *Киммерик*, о котором, называя его *Киммерием*, упоминают также Птолемей (III: 6, 5) и Плиний (VI: 18) как о пункте, находящемся на Таврическом полуострове "при устье" Боспора (в этом же смысле должно быть понято Страбоново "на полуострове" – VII: 4, 6), не должно смешивать с Киммерийским селением, упомянутым в XI: 2, 4 и локализуемым на Фонтановском полуострове к северу от Ахиллия. Связь Киммерика со рвом и валом, замыкавшим перешеек, заключается, вероятно, лишь в том, что валы и рвы, отгораживавшие Боспор от степных варваров, назывались "киммерийскими"].

²⁴⁸ [О *киммерийцах*: Страбон I: 3, 21; III: 2, 12 Геродот I: 15; 103].

²⁴⁹ [Об *Ахиллии* на азиатском берегу Боспора: Страбон VII: 4, 5].

²⁵⁰ [О *Мирмекии* и *Парфении*: Страбон VII: 4, 5. О Гераклии упоминает также Птолемей (III: 6, 4), помещая его на берегу Меотиды].

²⁵¹ [*Сатир I* (407–387 до н. э.), боспорский царь из династии Спартокидов. Правил в 433–389 до н. э. Наследовал основателю династии Спартоку I. См. Диодор XX: 22. *Памятник Сатира* – предположительно Горелая могила на Фонтановском полуострове].

²⁵² [*Патразй* локализуется предположительно на мысе Куку-Ода Фонтановского полуострова, *Корокондама* – у мыса Тузла Таманского полуострова].

²⁵³ [О поселении под названием *Акра* упоминает также Стефан Византийский под словом "Акра, помещая его в Скифии, и Птолемей (III: 5, 4) – у "Меотийского озера". Локализуется предположительно у мыса Такиль-Бурун на Керченском полуострове].

²⁵⁴ [Ср. Страбон XI: 2, 4. *Корокондамским озером* Страбон называет современный Таманский залив,

имевший в древности несколько другую конфигурацию].

²⁵⁵ [О *Фанагории*: Страбон VII: 3, 18].

²⁵⁶ [*Кепы* (Сады): Эсхин. Против Ктесифонта: 171; Зосим. Жизнь Демосфена].

²⁵⁷ [*Гермонасса* (см. также Псевдо-Скилак: 886) локализуется предположительно на мысе между лиманами Цукур и Кизил-Таш Таманского полуострова. *Апатур* (святилище *Афродиты Апатуры* – об этом эпитете см. Страбон XI: 2, 10) локализуется предположительно на мысе Дубовый рынок Темрюкского лимана на Таманском полуострове].

²⁵⁸ [Из этих слов следует, что *Фанагория* и *Кепы* должны были в древности находиться не на берегу залива, а на острове, образованном протоками устья Кубани, впадавшими в Таманский залив (Корокондамское озеро) севернее и западнее современной станицы Сенной].

²⁵⁹ [О *Горгиппии* под именем Синдской гавани см. Псевдо-Скилак: 72 и Псевдо-Скимн: 888. Их отождествляет и Стефан Византийский под словом Σύνδικος. По эпиграфическим данным, Горгиппия локализуется на месте современной Анапы].

²⁶⁰ [Этот пункт близ Горгиппии известен также только у Страбона].

²⁶¹ [Этот город засвидетельствован, кроме приведенных у Страбона наименований *Фанагорий* и *Фанагории*, также и как *Фанагория* (наиболее распространенная, начиная с Гекатея Милетского, форма; см. Гекатей, фр. 164), *Фанагора* (Дионисий Периегет: 552) и *город Фанагора* (Псевдо-Скилак: 72)].

²⁶² [Куль *Афродиты Апатуры* (или *Апатурии*) засвидетельствован эпиграфически на Боспоре: в Пантикапее, в Фанагории, в области синдов (на лимане Цукур), а также в степи (в местности Эски Кехир), недалеко от реки Кубани, что указывает на связь, скорее всего чисто ономимическую, этого греческого, может быть, теосцами занесенного, культа с местным женским божеством плодородия. Приводимая Страбоном легенда свидетельствует, кроме того, что мужским паредром этой богини было божество, отождествлявшееся с Гераклом].

²⁶³ *Тореатаи* – только у Страбона; *Торетай* – у Стефана Византийского и Дионисия Периегета (ст. 682), у Плиния – *Торетикй* (Ест. история VI: 5).

²⁶⁴ [Из названных Страбоном племен, определяемых им в качестве меотийских, эпиграфически засвидетельствованы: *дандарии*, *тореаты* / *тореты*, *доски* – в числе племен, подвластных Перисаду I. Остальные племена известны только из этого места Страбона].

²⁶⁵ [Это же племя, названное у Птолемея (V: 19, 17) астуриканцами, связано с именем боспорского царя Аспурга (8 г. до н. э. – 38 г. н. э.), вероятно, поселившего их на указанной Страбоном территории].

²⁶⁶ [Боспорские цари второй половины I в. до н. э.].

²⁶⁷ [Отсюда следует, что в I в. до н. э. древнее русло устья Кубани, впадавшей в Черное море к западу от Анапы, уже бездействовало и функционировали два других, впадавшие в Таманский (Корокондамский) залив и в Азовское море (близ города Темрюка)].

²⁶⁸ [*Синдика* – в данном случае не город, а страна – область синдов].

²⁶⁹ [Ср. Страбон II: 5, 31].

²⁷⁰ [Это название указывает на выгнутую форму их дниц. Ср. Евстафий. Схолии к Дионисию Периегету: 700, где камаритами называется самое племя].

²⁷¹ [Об отождествлении кавказских *ахеев* с древними ахейцами – ахийява египетских источников – см. примечание к Псевдо-Скилак: 75. Выведение же их из Ахайи-Фтиотиды (в Фессалии), а гениохов – из Пелопоннеса относится к разработке северочерноморской версии мифа об аргонавтах, развивавшейся под впечатлением колонизации берегов Боспора и Северного Кавказа].

²⁷² [Другие формы имен мифических вождей гениохов: *Cercius* и *Amphitus*].

²⁷³ [О бегстве Митридата VI Евпатора из Понта на Боспор через Кавказ, после поражения, нанесенного ему Помпеем Гнеем Великим при Дастире в 66 г. до н. э., см. Аппиан. Митридатовы войны: 102].

²⁷⁴ [О локализации *Корокондамы* см. Страбон XI: 2, 8].

²⁷⁵ [*Горгиппия*, столица Синдики, о которой см. Страбон XI: 2, 10].

²⁷⁶ [Об этом же пункте, называя его Патус, сообщает Псевдо-Скилак: 72. Птолемей (V: 8, 8) различает селение Бата и гавань. Бата локализуется где-то в районе современного Новороссийска].

²⁷⁷ [*Артемидор Эфесский* (II – I вв. до н. э.), географ].

²⁷⁸ [*Питиунт*, иногда называвшийся у поздних авторов, начиная со Страбона, «великим», греческая колония на границе области колхов и гениохов, локализуется на месте современной Пичунды].

²⁷⁹ [Милетская колония на месте современного Сухуми].

²⁸⁰ [Об *ахейях*, *зигах*, *гениохах*, *керкетах* и *фтейрофагах* ср. Страбон XI: 2, 1; о *мосхах* и *колхах* – Страбон XI: 2, 17 сл., а также Гекатей, фр. 188. О *соанах* см. Страбон XI: 2, 19].

²⁸¹ [Колония *Синопы*, на месте современного Трапезунда: Страбон XII: 3, 17 сл., а также Ксенофонт. Анабасис IV: 8, 22 сл.].

²⁸² [Эратосфен. Географика III: В, 73].

²⁸³ [Как явствует из сопоставления сказанного о *Каспийской горе* или *Каспийских горах* (II: 1, 39; XI: 8, 9), наименование это прилагалось к южной части Кавказского хребта, расположенной между Колхидой и Каспийским морем. О племени *каспицев*, населявших пограничные с Албанией области к юго-западу и югу от Каспийского моря, см. Диодор Сицилийский II: 2].

²⁸⁴ [См. Страбон XI: 2, 1].

²⁸⁵ [Под этими наименованиями известны горные хребты на северо-востоке Малой Азии к северу от верхнего течения реки Евфрата и до Малого Кавказа и между Малым Кавказом и Тавром].

²⁸⁶ [Город при устье реки Фермодонта (совр. Терме-Чай) на черноморском побережье Малой Азии].

²⁸⁷ [В действительности самая восточная точка кавказского побережья Черного моря лежит не у Сухуми (Диоскуриада), а к югу от Поты (Фасиса)].

²⁸⁸ [В действительности истоки реки Риона находятся не в Армении, а в Грузии (Иберии), на южном склоне главного Кавказского хребта. Ср. Страбон XI: 3, 4].

²⁸⁹ [Реки *Главк* и *Гипп* могут быть предположительно отождествлены с притоками Риона Квирилой и Цхенис-Цхали (Конская река)].

²⁹⁰ [На месте совр. железнодорожной станции Шорапани, при устье р. Квирилы, где сохранились остатки крепости эпохи раннего средневековья].

²⁹¹ [Имеется в виду дорога к верховьям р. *Куры* через Сурамский перевал].

²⁹² [Точная локализация *Фасиса* представляет значительные трудности. На основании этих слов

Страбона город должен быть помещен на пространстве между озером Палеостом и устьем Риона].

²⁹³ [Ср. Геродот II: 105].

²⁹⁴ [О *мосхах*: Страбон XI: 2, 18; Гекатей, фр. 188; Геродот III: 94; VII: 78].

²⁹⁵ [Имеется в виду местное курортное (вскармливающее доблестную молодежь, возвращающее воинственных юношей) божество, отождествленное греческими колонистами с Левкотеей и поставленное в связь с легендой о Фриксе и аргонавтах].

²⁹⁶ [Царь Боспора (63–47 до н. э.), сын Митридата VI Евпатора. Подробности о нем и его походах на Кавказ и в Малую Азию: Аппиан. Митридатовы войны: 113 сл.; Дион Кассий. Римская история XLII: 45].

²⁹⁷ [Сын Менодота, царь Пергама, получивший от Цезаря в 47 г. до н. э. власть над Боспором и погибший в войне за овладение им, борясь с Асандром: Страбон XIII: 4, 3; Дион Кассий. Римская история XLII, 41 сл.].

²⁹⁸ [Сообщение о походе Ясона до Мидии следует, вероятно, поставить в связь с древнемилетской версией сказания, выводящей аргонавтов по реке Фасису в Океан, несколько позднее отождествленный с Каспийским морем].

²⁹⁹ [Об этом своем предке, известном понтийском политическом деятеле римской ориентации, Страбон сообщает еще в XII: 3, 33].

³⁰⁰ [Царь Понта и Боспора: Страбон XI: 2, 11].

³⁰¹ [Пифодорида правил Понтом по смерти Полемона вплоть до 38 г. н. э.: Страбон XII: 3, 29; 31; 37; XIV: 1, 42].

³⁰² [О *Трапезунте* см. Страбон VII: 4, 3; о *Фарнакии* – VII: 5, 15].

³⁰³ Страбон XII: 3, 29 сл. [Святылище Левкотей, упомянутое в предшествующем параграфе].

³⁰⁴ [Этот пункт упоминается лишь у Страбона. “Фриксов город” идентичен, очевидно, с памятником похода Фрикса, на границе Колхиды и Иберии: Страбон I: 2, 39.]

³⁰⁵ [Ср. Страбон XI: 2, 1, 14].

³⁰⁶ [*Соаны* (также Страбон XI: 2, 14) ввиду их локализации на высотах Кавказа над Диоскуриадой и по созвучию имен отождествляются с позднейшими сванами].

³⁰⁷ [Из этого испорченного места следует, что Страбон ищет причину одноименности закавказских и пиренейских иберов в общей тем и другим славе золотоискателей].

³⁰⁸ [Река *Кир*, (также Страбон XI: 1, 5; 2, 17) отождествляется с совр. Курой, а Арагон по имени и положению должен соответствовать ее притоку Арагве].

³⁰⁹ [Из названных притоков Куры *Алазоний* на южном склоне Центрального Кавказа, упомянутый также Птолемеем (V: 12, 3) и Плинием (Ест. история VI: 29: *Olazanes*), отождествляется с современной рекой Алазанью; *Хан*, протекающий по Албании, отождествляется с совр. рекой Канак в Дагестане; *Сандобан* и *Ритак* упоминаются лишь у Страбона и отождествлению не поддаются].

³¹⁰ [Имеется в виду уже упоминавшаяся (XI: 2, 17) дорога через Сурамский перевал; там же – о крепости Сарапанах и ее локализации].

³¹¹ [Этому противоречит сказанное о верховьях реки *Риона* (XI: 2, 17). Там же см. о локализации и отождествлении рек *Главк* и *Гиппа*].

³¹² [Ср. Страбон XI: 2, 17 о локализации города Фасиса между устьем Риона, озером Палеостом и морем].

³¹³ [Имеется в виду путь по Военно-Грузинской дороге через Крестовый перевал и вдоль реки Арагвы – Арагона].

³¹⁴ [Имеются в виду те проходы из Албании (Дагестана и Азербайджана) по долине реки Куры и из Армении вдоль верхнего течения Куры и Аракса, по которым в настоящее время идут железнодорожные пути, соединяющие Тбилиси с Баку и Ереваном].

³¹⁵ [Этот пункт, именуемый Птолемеем (V: 11, 3; VIII: 19, 4) Армактика, а Равеннским Анонимом (II, 8) Армастика, назван у Плиния (Ест. история VI: 29) столицей Иберии, локализуется по эпиграфическим, археологическим и топонимическим данным к северу от Тбилиси на месте средневековой столицы грузинских царей – Мцхета].

³¹⁶ [Упомянутая крепость “при другой реке”, т. е. Арагве (Арагоне), охраняла дорогу через Сарматские ворота (Военно-Грузинскую дорогу). Локализуется по археологическим и топонимическим данным, связанным с группой развалин, именуемых Цикамури, и древним некрополем, называемым Самтавро].

³¹⁷ [65 до н. э.: Плутарх. Помпей: 34 сл. и Аппиан. Митридатовы войны: 103].

³¹⁸ [Публий Канидий Красс, римский офицер, участвовавший в парфянском походе Марка Антония в зиму 36 г. до н. э., проник из Армении на Кавказ и оружием принудил иберийских и албанских вождей к признанию римского верховенства: Дион Кассий. Римская история XLIX: 24, 1; Плутарх. Антоний: 34, 3].

³¹⁹ [В этой характеристике социального строя древней Иберии, сложившейся под влиянием представлений о кастовом характере индийского и арийского (в Зенд-Авесте) строя, сказывается зависимость Страбона от его источника, проникнутого подобными представлениями, выраженными также и в тенденции к сближению иберийского и древнемидийского быта (XI: 3, 3)].

³²⁰ [О границах Албании: Страбон XI: 1, 5].

³²¹ [Керавнскими Страбон называет северные отроги Кавказских гор, как явствует из XI: 5, 1].

³²² [Область Великой Армении на границах Иберии и Колхиды: Страбон XI: 4, 5, где отчасти определяется географическое положение этой области].

³²³ [Речь идет о совместном устье Куры и Аракса, имеющих весьма развитую дельту. В эпоху Страбона эти реки еще раздельно впадали в Каспийское море – у Сальянского мыса].

³²⁴ Гомер. Одиссея IX: 109.

³²⁵ [Между прочими – Феофан из Митилены: Страбон XI: 5, 1].

³²⁶ [Киклопы считались первоначальным населением острова Сицилии. Эти потомки Кроноса жили беззаботной жизнью диких скотоводов и земледельцев, получая сторицей за свои труды (Гомер. Одиссея I: 69; IX: 106)].

³²⁷ [Ср.: Страбон XI: 3, 3].

³²⁸ [Там же].

³²⁹ [О племенах каспиев: Страбон XI: 2, 15].

³³⁰ [О Камбисене: Страбон XI: 4, 1].

³³¹ [О реке Алазони, притоке реки Кира: Страбон XI: 3, 2 и 5].

³³² [Под видом Луны надо понимать какое-либо женское божество плодородия типа греко-малоазийской Гекаты].

³³³ [Ср. подобные же, приводимые Страбоном, обычаи у лузитанцев (III: 3, 6) и галлов (IV: 4, 5)].

³³⁴ [В попытке Страбона связать эпонима Армении Армена с мифом об аргонавтах и вывести его из Фессалии, тогда как Геродот устанавливает род-

ство армян с малоазийскими фригийцами (VII: 23), которых он, в свою очередь, производит из Фракии, скрывается стремление произвести армян от древнейшего греко-малоазийского пеласгического корня; ср. также Страбон XI: 14, 12].

³³⁵ [Вместо Армена повсюду (см. XI: 4, 2) другие читают: Армения].

³³⁶ [Город Армения, первоначально Ормения – в Фессалии].

³³⁷ [Феры и Ларисса – древние (пеласгические) города в Фессалии. Бибеидское озеро – там же, ныне озеро Карла].

³³⁸ [Акилисена и Сиспиритида – области Великой Армении. Первая из них упоминается также у Птолемея (V: 13, 13); в древнеармянской топонимике ей соответствует область Ekegheaz; вторая отождествляется с ассирийской Шуприя, область в восточной части бассейна Батман-Су].

³³⁹ [Калахена и Адиабена – области в Ассирии к востоку от верхнего течения реки Тигра, в бассейне ее притоков Лика и Капра].

³⁴⁰ [Об Армене, сыне Армения, из города Армении (Ормении) в Фессалии – эпониме армян: Страбон XI: 14, 12].

³⁴¹ [Об амазонках: Геродот IV: 110].

³⁴² [О Феофане Митиленском: Страбон XI: 2, 2].

³⁴³ [Упоминаются вместе и раздельно многими древними писателями. Птолемей (VI: 2, 5) отождествляет *легов* с кадусиями, а Плиний (Ест. история VI: 48) называет кадусиев гелами. Страбон упоминает о них еще в XI: 7, 1; 8, 1 вместе с другими кавказскими племенами, локализуя их на юго-западном берегу Каспийского моря].

³⁴⁴ [Река Мермадаль, вероятно, идентичная упоминающейся в следующем параграфе реке Мермод, отождествляется с современной рекой Арпа-Чай в Армении, притоком Аракса].

³⁴⁵ [Метродор Скепсийский (ок. 145 – 70 до н. э.), придворный Митридата VI Евпатора, казненный им за измену. От его исторических сочинений «Τὰ περὶ Τυράων», «Περὶ ἱστορίας» и др. сохранились незначительные отрывки. О Гипсикрате из Амиса см. прим. к Страбон VII: 4, 6].

³⁴⁶ [Дикое племя, упоминаемое Страбоном также и в следующем параграфе как прибывшее вместе с амазонками на Кавказ из малоазийской Фемискиры. Плиний (NH, VI, 22) называет их гегарами. И то и другое наименование звучит в современном чеченском “галгаи”, с которыми и должны быть отождествлены страбоновы *гургареи*].

³⁴⁷ [Ср. упоминание о *Керавнских горах* на Кавказе: Страбон XI, 4, 1].

³⁴⁸ [В связи с этими сообщениями Страбона о *гургареях*, *гелах* и *амазонках* должен быть поставлен рассказ Есвегия Кесарийского (Евангельское приуготовление VI: 10, 9 сл.) о том, что у кавказских гелов женщины исполняют мужские работы, в частности, занимаются обработкой земли. Картина половых отношений и система родства у *гургареев* и *амазонок*, по Страбону, соответствует тому, что наблюдается у примитивных племен на стадии группового брака].

³⁴⁹ [Вероятно, та же река, которую раньше Страбон называл Мермадаль].

³⁵⁰ Известны две *Сиракены*: 1) в Гиркании на реке Оке, куда населявшие ее сираки, или сирахи (родственные, вероятно, одноименному меотийскому племени, ср.: Страбон XI: 2, 1), могли попасть вместе со скифами во время походов последних в Персию в VII в. до н. э.; 2) в Великой Армении, в районе нынешнего озера Гокча, современная область Ширак. Совмещением в представле-

нии Страбона этих двух Сиракен и меотийских сираков следует, вероятно, объяснять то, что албанская река Мермадаль обратилась в армянскую реку Мермод, впадающую, к тому же, в Азовское море].

³⁵¹ [О городе Фемискире на реке Фермодонте: Страбон I: 3, 7].

³⁵² [Фракийцы и эвбейцы, воюющие совместно с гаргареями против амазонок, – легендарный мотив, который следует поставить в связь с сообщениями о фессалийцах (прибывших вместе с Ясоном) в Армении и Албании. См. выше, XI, 4, 8].

³⁵³ [О походе амазонок в Аттику и его причинах: Исократ. Панегирик: 67].

³⁵⁴ [Легендарная царица амазонок, явившаяся в Гирканию к Александру Македонскому в сопровождении трехсот прислужниц с целью иметь от него дитя (Диодор Сицилийский XVII: 78, 1, сл.). Рассказ этот уже в древности был признан легендарным, о чем, кроме комментируемого текста Страбона, свидетельствует известное место у Плутарха (Александр: 46), где перечисляются писатели, упоминавшие или отвергавшие эпизод с царицей амазонок в гостях у Александра].

³⁵⁵ [О *Клитархе*, писателе IV в. до н. э. и известном биографе Александра Македонского, упоминавшем об эпизоде с царицей амазонок в книге V своего сочинения «Об Александре», см. выше введение к фрагментам из названного сочинения].

³⁵⁶ [О Фермодонте, реке в Малой Азии: Страбон I: 3, 7].

³⁵⁷ [*Индийским Кавказом* или Паропамисом в древности нередко именовались вершины Гиндукуша и Памира, см. Арриан. Анабасис V: 5].

³⁵⁸ [Страбон имеет в виду вершины Эльбруса и Казбека, из которых первая хорошо наблюдается с черноморского побережья в районе Сухуми, что должно соответствовать области колхов и гениохов].

³⁵⁹ Страбон XI: 2, 16.

³⁶⁰ [*Мидия Атропатена* – область на северо-востоке Ирана, граничащая с Арменией, названная от имени Атропата, сатрапа Александра Македонского, основателя династии, независимой от Селевкидов].

³⁶¹ [Гора или горная цепь, упоминается также Птолемеем (V, 17, 2), помещающим ее в Месопотамии. Как часть горного хребта Тавра упоминается Страбоном (XI, 12; 4; 14, 12)].

³⁶² [О *сираках*, скифском племени к востоку от Азовского моря: Страбон XI: 2, 1].

³⁶³ [Говоря о *неких троглодитах*, Страбон имеет в виду то, что это наименование со времен Геродота прилагалось обычно к пещерным жителям побережья Красного моря и Верхнего Египта (Геродот IV: 183); известны были также троглодиты в Мезии на нижнем Дунае].

³⁶⁴ [О *сираках* – Страбон XI: 2, 1, об *аорсах* – сарматском племени, населявшем пространство между Азовским морем и Северным Кавказом, по соседству с сираками – Страбон XI: 2, 1].

³⁶⁵ [Упоминаемые Страбоном имена царей сираков и аорсов в других источниках не встречаются].

³⁶⁶ [Отожествляется с современным Манычем. В основе представления о реке *Ахардее* как о вытекающей с Кавказа и впадающей в Меотиду, лежит та же географическая несообразность, какая отмечена в отношении реки Мермода (Страбон XI: 5, 2), которую, может быть, Страбон в этом случае отождествляет с Ахардеем].

³⁶⁷ [О представлениях, связанных в древности с понятиями *Каспийское* и *Гирканское море*, ср. Аристотель. Метеорология II: 1, 10].

³⁶⁸ [О Каспийском море как о заливе океана и о противоречиях на этот счет у Страбона, см. примечание к Страбон XI: 1, 5].

³⁶⁹ [О племени *кадусиев* см. Ксенофонт. Киропедия V: 3, 24].

³⁷⁰ [О *гирканах* см. Ксенофонт. Киропедия V: 3, 24; *анариаки* – племя, жившее на южном берегу Каспийского моря, упоминаемое также Плинием (Ест. история VI: 36) и Птолемеем (VI: 2, 5), помещающими их рядом с кадусиями и гелами; Страбон упоминает о них и об их области ниже (XI: 7, 1; 8, 8); *марды* и *амарды* – племена, родственные и соседние гирканам. *Марды Персии* известны также Геродоту, как одно из основных древнеперсидских племен (I: 125); упоминаются они и в Армении (Птолемей V: 12, 9) и на черноморском побережье, в соседстве с ахеями (Плиний. Ест. ист. VI: 16)].

³⁷¹ [Страбон имеет в виду движение с севера на юг].

³⁷² [О термине *кельтоскифы*: Страбон I: 272].

³⁷³ [О *гиперборейях*: Геродот IV, 32].

³⁷⁴ [Об *аримаспах*: Геродот III: 116].

³⁷⁵ [О *савроматах*: Геродот IV, 110 сл.].

³⁷⁶ [О *саках*: Страбон VII: 3, 9].

³⁷⁷ [О *массагетах*: Геродот I: 215 сл.].

³⁷⁸ [Геродот I: 201 сл.].

³⁷⁹ [О скифском племени *даев*, между Меотидой и Каспийским морем, а также и к востоку от него: Страбон VII: 3, 12].

³⁸⁰ [Конъектура Джонса: *апарнами*. Ср. также Страбон XI: 9, 2].

³⁸¹ [Северо-восточные отроги Карадага].

³⁸² [О перечисленных племенах см. Страбон XI: 5, 1, и 6, 1].

³⁸³ Патрокл, управитель прикаспийских областей при Селевке I Никаторе (353–281/280) и его сыне Антиохе I Сотере. Затем был правителем Вавилона (Диодор Сицилийский XIX: 100), а после смерти Селевка был послан Антиохом в Малую Азию для борьбы с зарождавшимися там заговорами. Предпринял изучение Каспийского моря с помощью флота в целях организации торговли с народами Северной Индии. – А. Г.

³⁸⁴ [Окс – Амударья; Ох – Атрек].

³⁸⁵ [Область в Гиркании, упоминаемая также Птолемеем (VI: 10, 4) под названием Нигейя].

³⁸⁶ *Аристокл Касандрийский*, сопровождал Александра Македонского в его походах. После битвы при Иссе в 301 г. написал сочинение, одно из названий которого – «Об Александре». Исползовано Аррианом в качестве одного из главных источников при написании «Анабасиса». – А. Г.

³⁸⁷ [Имеется в виду древнее, ныне пересохшее, русло нижнего течения Амударьи – Узбой, соединявшееся с Каспийским морем].

³⁸⁸ *Поликлет* (уст. Поликлит) из *Лариссы*, автор «Деяний Александра» в 8 книгах. Возможно, идентичен с Поликлетом Ларисским, отцом Олимпиады, у которой с Демерием, захватившим Кирену, в 263 г. до н. э. родился сын Антигон Досон. – А. Г.

³⁸⁹ [Указание на то, что Поликлет, подобно некоторым другим древним авторам, смешивал Танаис с Волгой, получившей у авторов римского императорского времени – начиная с Птолемея – наименование Ра].

³⁹⁰ [*Индийскими горами* или *Индийским Кавказом* в древности называли центрально-азиатские горные цепи Памира и Гиндукуша (Паропамиса), из отрогов которых действительно берут начало многие большие азиатские реки].

³⁹¹ [Помещая устье реки Яксарта (Сырдарьи) на Каспийском море, Страбон соединяет с этим последним представление об Аральском море, в которое действительно впадает эта река].

³⁹² [Эратосфен, фр. III: В 67].

³⁹³ [*Тавром* (ср. Страбон XI: 1, 7) называется горная цепь, пересекающая Малую Азию в широтном направлении. Естественно, что для Страбона, принимающего деление Азии на две части – к югу и к северу от Тавра (см. выше XI, 1, 7), – по мере расширения знаний об азиатском материке также и горы, идущие по нему в широтном направлении, представлялись продолжением Тавра].

³⁹⁴ [Эти названия приведены несколькими строками ниже].

³⁹⁵ [О названных племенах см. Страбон XI: 7, 1].

³⁹⁶ [О *парфянах*: Страбон II: 5, 31; *маргианы* – собирательное наименование племен (дербики, парны, тапуры и др.), обитавших к западу от среднего течения Амударьи в области Маргиане, занимавшей южную часть позднейшей Хивы и юго-западную часть Бухары; *арики* – жители области Арианы, восточной части позднейшего Хорасана и западную часть Афганистана].

³⁹⁷ [Отождествляется с речкой Гюрген, в 40 км к югу от устья реки Атрека (Оха)].

³⁹⁸ [Горы под этим названием, отделяющие Парфию от пустынной Кармании, упоминает также Птолемей (VI: 2, 3), помещая их далее на юго-восток, чем это делает Страбон].

³⁹⁹ [Об этих областях и населяющих их племенах: Страбон II: 5, 31].

⁴⁰⁰ [См. Страбон XI: 7, 4].

⁴⁰¹ [Эти наименования, прилагавшиеся – первое к горным вершинам к западу от Паропамиса (Гиндукуша), второе – к восточной части Гималаев, а также вообще к азиатским горам к востоку от Памира и Гиндукуша, введены в эллинистическую географическую литературу Мегасфеном и восприняты Эратосфеном, у которого их позаимствовал Страбон].

⁴⁰² [См. Страбон VII: 3, 12].

⁴⁰³ [См. Страбон XI: 6, 2; 8, 4 и 6].

⁴⁰⁴ [Восточноскифские племена, населявшие степи Казахстана и Алтая].

⁴⁰⁵ [О *согдилах*: Страбон XI: 11, 3].

⁴⁰⁵ [О *даях*, как о племенах, включающем в себя различные более мелкие, в том числе и вышеуказанные, племенные образования: Страбон XI: 7, 1].

⁴⁰⁶ [О положении Арии: Страбон XI: 8, 1].

⁴⁰⁷ [О *киммерийцах* и *трерах* и их походах в Малую Азию: Страбон I: 3, 21].

⁴⁰⁸ [Область, граничащая с Албанией и рекой Курой по соседству с долиной Аракса, см. также Страбон II: 1, 14; 14, 4].

⁴⁰⁹ [Т. е. до территории Понтийского царства, занимавшего значительную часть Каппадокии в своих первоначальных границах].

⁴¹⁰ [Ср. рассказ Геродота об уловке Кира в войне с массагетами (I: 201 сл.)].

⁴¹¹ [О празднестве Сакеи, справлявшемся в честь богини Анаиты (вавилонская Иштар) и Хамана и напоминавшем Сатурналии: Дион Хрисостом IV: 66].

⁴¹² Подобные же сведения о массагетах дает Геродот (I: 215 сл.). Страбон, подобно Геродоту, называет их обычая общескифскими.

⁴¹³ [Араксом в данном случае Страбон вслед за Геродотом называет Амударью, названную им в XI: 6, 1 и других местах Оксом. *Северное море* в данном случае – Аральское, а устье реки, впадающее в Гирканский залив, – древнее устье Амударьи – Узбой,

впадавший в Балаханский залив, как полагают, еще в XII в.].

⁴¹⁴ [Эти слова, равно как и последующая характеристика обычаев массагетов, почти текстуально заимствованы из Геродота (I: 201 сл.). О соляном культе у восточно-скифских и кавказских племен см.: Геродот I: 201 сл., а также Ксенофонт. Анабасис IV: 5, 35].

⁴¹⁵ [Об употреблении металлов, в частности железа, у восточноскифских племен: Геродот I: 215].

⁴¹⁶ [*Апарны* – конъектура Джонса, см. Страбон XI: 7, 1].

⁴¹⁷ [Выше (XI: 8, 2) Страбон называет среди даев апарнов и ксандиев. Вероятнее всего, *парии* – те же апарны (парны)].

⁴¹⁸ [Об их локализации см. Страбон XI: 8, 1].

⁴¹⁹ [*Онесикрит из Астипалеи*, сподвижник Александра Македонского].

⁴²⁰ [Об обычае насильственного умерщвления стариков, известном у многих примитивных народов, см. также Геродот I: 216. О подобном же обычае на острове Кеосе см. Страбон X: 5, 6].

⁴²¹ [Горная цепь, отделяющаяся от пересекающего Малую Азию в широтном направлении Тавра и идущая через Каппадокию в северо-восточном направлении, к истокам реки Евфрата].

⁴²² [Область Великой Армении между Антитавром и верхним течением реки Евфрата].

⁴²³ [Горная цепь, пересекающая западную часть Великой Армении с юго-запада на северо-восток и образующая границу между Каппадокией и Малой Арменией. Упоминается у Птолемея (V: 13, 5)].

⁴²⁴ [Цепь Малого Кавказа].

⁴²⁵ [*Мидия* – одна из провинций Персидского царства, расположенная к югу от Армении и Каспийского моря, после македонского завоевания разделена на две части: примыкающую к Армении Мидию Атропатену и Великую Мидию].

⁴²⁶ [О горах *Парахоатра* см. XI: 8, 1, где Страбон придает этому названию более ограниченное значение; из сопоставления этих данных вытекает, что Парахоатром именовались горные цепи, идущие на известное расстояние вдоль западного и южного берегов Каспийского моря].

⁴²⁷ [О распространении наименования *Тавр* на горные цепи Передней и Центральной Азии, идущие в широтном направлении, см. Страбон XI: 1, 2 и 7].

⁴²⁸ [Об этих наименованиях см. Страбон XI: 2, 4].

⁴²⁹ [Об этих горах см. Страбон XI, 8, 1; 12, 4].

⁴³⁰ [Все эти названия гор прилагаются Страбон к цепи Малого Кавказа и его отрогам, причем *Армянские горы* представляют его восточную, *Мосхийские* – центральную и *Колхидские* – западную часть. О *тибаранах* (*тибаренах*) см. Ксенофонт. Анабасис V, 5, 1–3].

⁴³¹ [О горах *Париадра*: Страбон XI: 12, 4].

⁴³² [*Скидис* – наименование, прилагаемое Страбон к восточным отрогам малоазийского горного хребта Тавра, находящимся в Понте и на границе Малой Армении].

⁴³³ [Малоазийские области: *Каппадокия* – на северо-востоке Малой Азии от реки Галиса до Трапезунта; *Коммагена* – северо-восточная часть Сирии].

⁴³⁴ [Область, граничащая с Арменией с юга и названная в XI: 14, 3 Мидией Атропатеной].

⁴³⁵ [Город в Великой Армении к западу от Артаксат, ее столицы, идентичной с Азорой или Озрой Птолемея (V: 13, 17)].

⁴³⁶ [*Армянская Арташата* – город, основанный Артаксием в области горы Арарата на реке Араксе.

Развалины его находятся недалеко от Еревана. Птолемей (V: 13, 12) ошибочно локализовал Артаксату на Евфрате].

⁴³⁷ [О *Сакасенской области* или *Сакасене*: Страбон XI: 8, 4].

⁴³⁸ [Область на севере Армении, граничащая с Иберией. Стефан Византийский под словом *Τοῦαρηνή* помещает ее между восточной Иберией и Колхидой].

⁴³⁹ [Внутренние области Великой Армении. *Комисена* не должна быть смешиваема с упомянутой выше (XI, 9, 1) одноименной областью Парфии].

⁴⁴⁰ [*Хорзена* на границе Иберии, Армении и Колхиды в горах, вероятно, идентична Котарзене Птолемея (V: 13, 9); *Камбисена* – в тех же местах, что и Хорзена, но восточнее, граничит с Албанией. Название ее происходит от реки Камбиса (современная Иора), отождествляемой с Алазонием. См. также: Страбон XI: 4, 1 и 5; Стефан Византийский под словом *Καμβισινή*].

⁴⁴¹ [Об *Аполлониде*: прим. к VII: 4, 3].

⁴⁴² [О *Феофане* Митилеском: прим. к XI: 5, 1].

⁴⁴³ [Основатель армянской династии, один из сподвижников Антиоха Великого, возмущившийся против него в 188 г. до н. э. и ставший самостоятельным правителем. Укрывшийся у него от преследования римлян Ганнибал был строителем древней столицы Армении Артаксаты].

⁴⁴⁴ [О *Зариадрии*, наместнике Антиоха Великого и впоследствии самостоятельном правителе части Армении: Страбон XI: 14, 15].

⁴⁴⁵ [О положении *Софены*: Страбон XI: 12, 3].

⁴⁴⁶ [Область Великой Армении, соседняя с *Софеной*].

⁴⁴⁷ [О *Каспиане*, области племени каспиев: Страбон XI: 4, 5].

⁴⁴⁸ [Область на востоке Армении, часто ошибочно смешиваемая с расположенной во внутренней Армении *Фавеной*].

⁴⁴⁹ [Область Великой Армении, может быть, идентичная с областью *Васнуракан* к северо-востоку от озера Ван].

⁴⁵⁰ [О горах *Париадра*: Страбон XI: 2, 15; об областях *Хорзене* и *Тогарене*: Страбон XI: 2, 4].

⁴⁵¹ [О *халибах*: прим. к Гекатей, фр. 195, а также Страбон XII: 3, 19; о *моссиниках*: Ксенофонт. Анабасис V: 4, 1 сл.].

⁴⁵² [*Каренитида* – область на границе Великой и Малой Армении, между верховьями Куры и Евфрата; к западу по соседству с ней, в районе совр. Эрзерума, расположена *Ксерксена* (Дерсена)].

⁴⁵³ [Жители области Катаонии, в юго-восточной части Каппадокии].

⁴⁵⁴ [Об *Акилисене*, области Малой Армении, заселенной, по преданию, фессалийцами под предводительством Армена: Страбон XI: 12, 3].

⁴⁵⁵ [О горном хребте *Антитавре*: Страбон XI: 12, 2].

⁴⁵⁶ [Область на юге Малой Армении].

⁴⁵⁷ [Совр. Герменех-Чай, берущая начало в горах Малой Армении и впадающая в Черное море у разрушенной Помпеем Евпатории (Магнополь)].

⁴⁵⁸ [Река в Фессалии, совр. Саламбрия].

⁴⁵⁹ [Об Армене, спутнике Ясона, давшем имя Армении: Страбон XI: 4, 8].

⁴⁶⁰ [Узкая долина между горами Олимпом и Осой, местами превращающаяся в ущелье, по которой Пеней протекает в Эгейское море].

⁴⁶¹ [Аракс имеет около Карса и между Ордубадом и Мигри узкое и порожистое русло, которое можно принять за водопад].

⁴⁶² [Геродот I: 202]

⁴⁶³ [Геродот понимает в указанном месте под Араксом реку Окс (т. е. совр. Амударью). См. об этом прим. к указанному месту Геродота. За ним следует в этом невольно и Страбон, излагая рассказ Геродота о массагетах (XI: 8, 6)].

⁴⁶⁴ [О *Каллисфене*, писателе IV в. до н. э., сочинение которого об Александре имеет в виду Страбон, см. выше, во введении к его фрагментам].

⁴⁶⁵ [*Тигран Великий*, царь Армении и союзник Митридата VI Евпатора, царствовавший с 96 по 56 г. до н. э.; об *Артаксии*, основателе армянской династии: Страбон XI: 14, 5].

⁴⁶⁶ [В 113 г. до н. э.].

⁴⁶⁷ [Об этом племени: Страбон XI: 14, 1].

⁴⁶⁸ [На месте древней греческой колонии Сезама в Пафлагонии; город, выстроенный на рубеже IV–III вв. до н. э. – совр. поселение Амазера]].

⁴⁶⁹ [Колония Мегары *Гераклея Понтийская* на вифинском побережье при устье реки Лика (совр. Килий)].

⁴⁷⁰ [*Гераклид Понтийский*, ученик Платона: Страбон XIII: 1, 48].

⁴⁷¹ [В 66 г. до н. э.].

⁴⁷² [Город *Херсонес* в Крыму близ Севастополя: Страбон XII: 4, 2 сл.].

⁴⁷³ [На западном побережье Черного моря к югу от устья Дуная, на месте одноименной древней милетской колонии: Страбон VII: 5, 12; 6, 1].

⁴⁷⁴ [Область в Понте, занимавшая черноморское побережье у греческого города Амиса, на месте современного Самсуна].

⁴⁷⁵ *Гадилонитида* – область, названная по расположенному в ней городу Гадилону, между рекой Галисом и городом Амисом. Упоминается у Страбона также Газалунтида и соответствующий пункт Газелот (XII: 3, 25); может быть, с Гадилонотом тождествен упоминаемый Плинием (Ест. история VI: 6) Газел, локализуемый на левом берегу реки Галиса].

⁴⁷⁶ [Тетрарх азиатских галатов из галльского племени толестобиев, сын Думнорига, союзник Помпея в войне с Митридатом и в гражданской войне].

⁴⁷⁷ [Одно из трех племен, объединявших галатские тетрархии Малой Азии].

⁴⁷⁸ [*Сидена* – область в районе одноименной реки (ныне Полеман-Чай) на побережье Полемонова Понта в Малой Азии].

⁴⁷⁹ [О *Фарнакии*: Страбон XI: 2, 18].

⁴⁸⁰ [*Святое*, или *Святой мыс* – на азиатском берегу Босфора Фракийского при входе в Черное море].

⁴⁸¹ [*Гераклов мыс* и святилище между Амисом и Полемоном (Птолемей V: 6, 3; Арриан. Перипл Понта Евксинского: 20) – современный Чалты-Бурун].

⁴⁸² [О мысе *Ясоний*: Псевдо-Скилак: 88]. Аполлоний Родосский (II: 378) упоминает о *Генетейском мысе*; Псевдо-Скилак (88) говорит о *Генетской гавани*].

⁴⁸³ [Небольшой город при устье реки Мелантия близ Фарнакии].

⁴⁸⁴ [Колония Синопы у устья реки того же наименования, на месте современного поселения Керазун].

⁴⁸⁵ [Об этом небольшом поселении или, по словам Гекатея Милетского и Феопомпа, городке: Стефан Византийский под словом *Εριόνασσα*].

⁴⁸⁶ [О городе Трапезунте: Страбон VII: 4, 3].

⁴⁸⁷ [Об этом городе, наименование которого связывается с названием племени зигов, локализуемых Страбоном (XI, 2, 1) и другими авторами на

северокавказском побережье, Стефан Византийский под словом Ζυγοί].

⁴⁸⁸ [Страбон XI: 2, 16 сл.].

⁴⁸⁹ [О тибаранах (тибаренах): Страбон XI: 14, 1 и 4; Ксенофонт. Анабасис V: 5, 1–3; о халдеях, халдах или халибах: Страбон XII: 3, 19; Гекатей, фр. 195; о саннах (макронах): Ксенофонт. Анабасис IV: 8, 1–3; Гекатей, фр. 191].

⁴⁹⁰ [Малой Арменией называлась западная, малоазиатская часть Армении, ограниченная верховьями Евфрата на востоке, Понтом и Каппадокией на западе и на юге].

⁴⁹¹ [Аппаиты (керкиты) – дикое горное племя, жившее к югу от Трапезунта в отрогах хребта Скидиса].

⁴⁹² [О горах Скидиса: Страбон XI: 2, 15; 14, 1; о Мосхийских горах (Малом Кавказе): Страбон XI: 12, 4; 14, 1].

⁴⁹³ [О гептакометах – диком горном племени, родственном моссиникам и бизерам и жившем в горах Скидиса, к югу от Трапезунта и Фарнакии, см. еще Стефан Византийский под словом Ἐπτακομήται].

⁴⁹⁴ [О горном хребте Париадре: Страбон XI: 2, 15; 14, 5].

⁴⁹⁵ [О мосиниках (моссиниках) и образе их жизни, в частности и об упомянутых башнях-мосинах: Ксенофонт. Анабасис V: 4, 1–3, 8].

⁴⁹⁶ [Об этом меде: Ксенофонт. Анабасис IV: 8, 20 сл.].

⁴⁹⁷ [О бизерах (дизерах): Гекатей, фр. 190].

⁴⁹⁸ [О халибах: Гекатей, фр. 195, Ксенофонт. Анабасис IV: 7, 15 сл.].

⁴⁹⁹ [О городе Фарнакии: Страбон XI: 2, 18].

⁵⁰⁰ [Об этой рыбе и о ее ловле в Черном море: Страбон VII: 6, 2].

⁵⁰¹ [Народ, живший на северном берегу Малой Азии («Илиада» II: 856)].

⁵⁰² [Население черноморского побережья Малой Азии на пространстве между Вифинией и Понтом в одноименной местности].

⁵⁰³ [Алиба, по Гомеру, – город гализонов на южном берегу Черного моря, как полагают, в позднейшей Вифинии; по Гесирию, под этим словом, – в Троеде; по Гелланику (Стефан Византийский, под этим словом) – озеро в Понте].

⁵⁰⁴ [Гомер. Илиада: 856].

⁵⁰⁵ [О Деметрии Скепсийском, авторе комментария к гомеровскому каталогу кораблей см.: Страбон I: 2, 38].

⁵⁰⁶ [Об алазонах и каллипидах – скифских племенах в низовьях Днепра: Геродот IV: 17].

⁵⁰⁷ [Гелланик (ок. 485 – ок. 400 до н. э.), историк, автор сочинения «О скифах». См. о нем во введении к его фрагментам].

⁵⁰⁸ [Евдокс Родосский (III в. до н. э.), автор «Землеописания»].

⁵⁰⁹ [Город и залив на эолийском побережье Малой Азии (совр. Сандакели)].

⁵¹⁰ [О железных рудниках в земле халибов: Эсхил. Прометей прикованный: 31].

⁵¹¹ [Об Аполлодоре Афинском (ок. 180 – после 119 до н. э.) см.: Страбон I: 2, 38 и введение к отрывкам из приписываемой ему «Библиотеки»].

⁵¹² [Наименование, прилагавшееся к жителям восточной Каппадокии (потомкам хеттов), позднее – специально к племенам между нижним течением реки Галиса и Ирися, в северо-восточной части Каппадокии].

⁵¹³ [Об амазонках: Страбон XI: 5, 1 сл., Геродот IV: 110 сл.].

⁵¹⁴ [О трерах и киммерийцах и их походах: Страбон I: 3, 21].

⁵¹⁵ [Гомер. Илиада: III: 188].

⁵¹⁶ [В пользу соображений, высказанных Страбоном за отождествление гализонов и Алибы с халибами, говорит, помимо того, что их имя не может быть оторвано от имени реки Галиса, также и то обстоятельство, что в глубокой древности халибы отмечены на пространстве, значительно менее удаленном от западного берега Малой Азии, чем в более позднее время. По Геродоту (I: 28), халибы живут по эту сторону, т. е. к западу от Галиса. По Помпонию Меле, город Аμισ и Синопа лежали некогда в их области].

⁵¹⁷ Ср. Страбон VII: 3.

⁵¹⁸ [Разделение обитаемой земли на части света – Европу, Азию и Ливию, разграниченные реками Танаисом (или Фасисом) и Нилом, относится к эпохе Анаксимандра (610–547 до н. э.) и является одним из важнейших результатов географических обобщений древнеионийской школы].

⁵¹⁹ [Юго-западный ветер, наименование которого звучит в названии страны Либия: Геродот II: 25].

⁵²⁰ [О Софене, области Великой Армении, см. выше, XI, 12, 3 – 4; 14, 2; 5].

⁵²¹ [Один из царьков Малой Армении, ближе неизвестен].

⁵²² [Точное местоположение этой крепости неизвестно].

⁵²³ [Синория должна была находиться на границе Малой и Великой Армении, а Басгидаризы несколько к западу от нее, в Малой Армении].

⁵²⁴ [Об Акилисене, области Малой Армении: Страбон XI: 12, 3].

⁵²⁵ [Крепость в Акилисене на одноименной горе, идентичная с упоминающейся у Оросия (VI: 4, 3) mons Dastracus в Малой Армении].

⁵²⁶ [Город этот, основанный, по сообщению Аппиана, Селевком I Никатором, упоминается также у Плиния (Ест. история VI: 26)].

⁵²⁷ [Страбон XI: 2, 18].

⁵²⁸ О Пифодоре Страбон говорит (XIV: 1, 42/649C) следующее: «Город траллианцев [в Лидии] расположен на четырехугольной возвышенности... и управляется хорошо... зажиточными людьми, и некоторые лица из этого города всегда занимают первые должности в провинции и называются азиархами. В их числе был Пифодор, уроженец города Нисы, но переселившийся в Траллы вследствие знаменитости этого города и принадлежащий к немногим избранным друзьям Помпея. Он владел царским богатством более чем в две тысячи талантов. Оно было продано божественным Цезарем за дружбу Пифодора с Помпеем, но Пифодор выкупил его и оставил детям в не меньшем размере. Его дочь – Пифодорида, нынешняя царица Понта, о которой мы уже говорили».

⁵²⁹ [О Полемоне, царе Понта и Боспора в начале I в. н. э.: Страбон XI: 2, 11; 8].

⁵³⁰ [Об аспургианах на Боспоре и об эпизоде с Полемоном: Страбон XI: 2, 11; 3, 29].

⁵³¹ [Сына Риметалка, жившего в начале I в. н. э. Упоминание о нем: Овидий. Письма с Понта II: 95].

⁵³² См. §§ 30 и 37.

⁵³³ [О Митридате, сыне Менодота, назначенном Цезарем на боспорский престол в 47 г. до н. э., но погибшем в борьбе за него с захватившим власть по свержении с престола и умерщвлении царя Фарнака Асандром, см. еще Дион Кассий. Римская история XLII: 41–43].

⁵³⁴ [О Каллисфене, авторе жизнеописания Александра Македонского, откуда Страбон и заим-

ствуется эти сведения, см. выше, введение к его фрагментам].

⁵³⁵ [О взятии лидийской столицы *Сард* киммерийцами: Геродот I: 15].

⁵³⁶ [*Каллин* (VII в. до н. э.), элегический поэт; об описываемом им событии ср. Страбон XIV: 1, 40].

⁵³⁷ [Об осаде и взятии Сард Киром I: Геродот I: 77 сл.].

⁵³⁸ [Разумеются жители города Магнесии при Меандре на месте современного селения Инек-Базар].

⁵³⁹ [Разрушение Магнесии трерами имело место около 700 г. до н. э. Об этих событиях и о дальнейшей судьбе города: Геродот I: 161; III: 122; Диодор Сицилийский XI: 57].

⁵⁴⁰ [*Архилох* (VII в. до н. э.), ионийский лирический поэт].

⁵⁴¹ [*Мегасфен* (IV в. до н. э.), автор сочинения «Об Индии»].

⁵⁴² [Геродот (I: 103) приписывает предводительство скифским войском, совершившим поход через Переднюю Азию до Египта, царю Мадию, сыну Прототия. Царь *Иданфирс*, по его изложению (IV: 127), руководил военными действиями скифов против вторгнувшихся в Скифию полчищ персидского царя Дария I; о следах пребывания скифов в Сирии: Геродот I: 103].

⁵⁴³ О том, что Геракл был в Индии.

⁵⁴⁴ [Ср. выше (XI: 7, 4) сказанное Страбоном о перенесении греками переднеазиатской топонимики и связанных с нею мифологических представлений в Центральную Азию в связи с походами Александра Македонского и их осмыслением в литературе и науке. *Паропамисады* – собирательное наименование индийских племен, обитавших к югу от горного хребта Паропамиса – Гиндукуша].

⁵⁴⁵ Страбон относит эти рассказы к Индийскому Кавказу, но несомненно, что некоторые из них (например, первый) относятся к настоящему Кавказу.

⁵⁴⁶ То же известие Страбон повторяет в XV: 1, 69, ссылаясь уже не прямо на Мегасфена, а вообще на писателей.

⁵⁴⁷ [Об этих северокавказских и причерноморских разбойничьих племенах: Страбон XI: 2, 1, 12, 13, 14].

⁵⁴⁸ Из составленной в византийские времена «Страбоновской хрестоматии», представляющей собой не что иное, как сокращение его сочинения [с незначительными добавлениями, взятыми из «Географии» Птолемея], заимствованы только выдержки из специального описания Скифии и Кавказа. Текст взят из вышеуказанного издания Крамера со всеми отмеченными у него вариантами.

⁵⁴⁹ [Соображения Страбона о фракийском происхождении дунайских и западно-малоазийских племен и прежде всего гетов и мисийцев см. VII: 3 2 сл.].

⁵⁵⁰ [Северомалоазийские племена фракийского происхождения. О *мигдонах* см. VII: 3, 2; о *бебриках* – там же; о *медовифинах* – вероятно, отчасти идентичных малоазийским медам, – VII: 5, 13; о *вифинах* – VII: 3, 2; XII: 3, 3; о *финах* – XII: 3, 3; о *мариандинах* – VII: 3, 2; VIII: 3, 17; XII: 3, 4, 5, 9, 27].

⁵⁵¹ [О придунайских *месах* и малоазийских *мисийцах*: Страбон VII: 3, 10].

⁵⁵² [Об этих гомеровских эпитетах скифов см. Страбон VII: 3, 2 сл.; Евстафий. Схолии к «Илиаде» XIII: 1 сл.].

⁵⁵³ [О *Замолксисе* (Залмоксисе), гетском пророке и божестве, см. Страбон VII: 3, 5; XVI: 2, 39, а также Геродот IV: 94 сл.].

⁵⁵⁴ [О древнем наименовании Евксинского Понта *Негостеприимным*: Страбон VII: 3, 6; Пиндар Пифийская ода IV: 203].

⁵⁵⁵ [О *Дромихете* и об эпизоде с фракийским царем *Лисимахом*, попавшим к нему в плен: Страбон VII: 3, 8].

⁵⁵⁶ [О *даках-даях*, не идентичных скифскому племени *даев*, жившему за Азовским морем: Страбон VII: 3, 12].

⁵⁵⁷ [Об этом эпизоде, стоящем в противоречии с рассказом о скифском походе Дария у Геродота: Страбон VII: 3, 14].

⁵⁵⁸ [Об острове *Певке* (Сосновом) в устье реки Дуная: Страбон VII: 3, 15; Псевдо-Скимн: 785].

⁵⁵⁹ [Об острове *Белом*: Страбон VII: 3, 16].

⁵⁶⁰ [Об острове *Борисфене* (Березани): Страбон VII: 3, 17].

⁵⁶¹ [Составитель «Хрестоматии» контаминирует сообщения Страбона о Гетской пустыне между Истром и Тирой и сообщения других авторов (а также и самого Страбона (I: 3, 4) о *Скифской пустыне* на западном берегу Понта].

⁵⁶² [Составитель «Хрестоматии» переносит эпитет *царские*, прилагаемый Страбоном к язигам-сарматам, на *скифов*, в соответствии с Геродотом (IV: 20). Ср. Страбон VII: 3, 17].

⁵⁶³ [Подробности об этом эпизоде: Страбон VII: 3, 17 и в херсонесском декрете в честь Диофанта (IOSPE, I: 185)].

⁵⁶⁴ [Составитель «Хрестоматии» разделяет на два залива упоминаемый у Страбона (VII: 3, 18) *Тамиракский* (Каркинитский) залив и по ошибке помещает в него устье реки Борисфена с одноименным островом, ввиду повторения у Страбона описания этого залива и западного побережья Крыма в VII: 3; 19].

⁵⁶⁵ [Реку *Каркinit*, упоминания о которой нет в тексте Страбона, автор «Хрестоматии» заимствует у Птолемея, показывающего устье реки Каркinitа (III: 5, 2)].

⁵⁶⁶ [Этого наименования для Тавриды или Таврики также нет у Страбона. О *скифском племени тавров* и о термине *тавроскифы*: Страбон VII: 4, 2].

⁵⁶⁷ [*Ахилловым Бегом* все другие авторы, в том числе и Страбон (VII: 3, 19), называют песчаную косу в устье Бугско-Днепровского лимана (ныне коса Тендеровская). Автор «Хрестоматии» по ошибке переносит это наименование на Крымское побережье, исправляя, впрочем, эту ошибку несколькими строками ниже].

⁵⁶⁸ [Ср. выше другой вариант описания *Тамиракско-Каркинитского залива* и *Ахиллова Бега*. На перемещение *Ахиллова Бега* в Крым повлияло, вероятно, сообщение Птолемея о тавроскифах на Ахилловом Беге (III: 5, 10)].

⁵⁶⁹ [Ср. об этом прим. к Страбон VII: 4, 3].

⁵⁷⁰ [Далее автор употребляет более обычную форму – *Пантикапея* и, наконец, самую употребительную – *Пантикапей*].

⁵⁷¹ [О локализации вышеназванных пунктов см. прим. к Страбон VII: 4, 5].

⁵⁷² [О *таврах* как о *скифском племени* в противоречии с данными Геродота (IV: 99 сл.): Страбон VII: 4, 2].

⁵⁷³ О границах *Малой Скифии* и распространении наименования в позднеэллинистическую эпоху на области к югу от устья Дуная: Страбон VII: 4, 5; 12].

⁵⁷⁴ [Но можно перевести и «любим плугом»].

⁵⁷⁵ [В тексте Страбона (VII: 4, 6) приводятся цифры в 2 100 000 медимнов, которые были вывезены из одной только Феодосии. Ср. Демосфен. Против Лептина: 32 – о ежегодном ввозе хлеба с Боспора в Афины. На чем основывается цифра, приведенная «Хрестоматией», неизвестно].

⁵⁷⁶ [Ср. сказанное об этом наименовании в прим. к Страбон VII: 4, 6].

⁵⁷⁷ Греч. *κόλος* ‘тупорогий, безрогий’. – А. Г.

⁵⁷⁸ [О наименовании *Мосхийские горы* см. прим. к Страбон XI: 12, 4].

⁵⁷⁹ [Об этом острове в устье реки Дона (Танаиса): Страбон XI: 2, 3].

⁵⁸⁰ [Страбон в XI: 2, 4 говорит о заливе с таким названием; о реках *Большой* и *Малый Ромбит* сообщает Птолемей (V: 8, 2)].

⁵⁸¹ [Сообщение о реке *Теофании*, которая локализуется на восточном берегу Азовского моря и которую, может быть, следует отождествить с рекой Еей, содержится у Птолемея (V, 8, 2)].

⁵⁸² [О локализации заливов *Большой* и *Малый Ромбит*: Страбон XI: 2, 4].

⁵⁸³ [О реке *Аттикит*, заимствованной автором «Хрестоматии» у Птолемея (V: 8, 4) и реке Антикит Страбона (XI: 2, 4), см. прим. к указанным местам].

⁵⁸⁴ [О реке *Псат*, заимствованной автором «Хрестоматии» у Птолемея (V: 8, 4), и отождествляемой с рекой Фатом, упоминающейся у Диодора Сицилийского (XX: 22), см. прим. к последнему из указанных мест].

⁵⁸⁵ [Реку *Вардан*, отождествляемую с современной Кубанью, автор «Хрестоматии» заимствует также у Птолемея (V: 8, 5)].

⁵⁸⁶ [*Конские* (Гиппийские) горы, отождествляемые с северными отрогами Кавказа, автор «Хрестоматии» заимствует у Птолемея (V: 8, 14)].

⁵⁸⁷ [О локализации названных пунктов: Страбон XI: 2, 5 сл.].

⁵⁸⁸ [Об их локализации: Страбон XI: 2, 10; 11].

⁵⁸⁹ *Φαίναγορία* и так ниже.

⁵⁹⁰ [Страбон XI: 2, 14].

⁵⁹¹ [О соотношении названий *Каспийское* и *Гирканское* море: Страбон XI: 1, 7 и прим. к этому месту].

⁵⁹² [Ср. сообщение Страбона (XI: 2, 18) о разделении области *мосхов* на три части, ошибочной перифразой которой является это место «Хрестоматии»].

⁵⁹³ [См. прим. к Страбон XI: 2, 19].

⁵⁹⁴ [О локализации *соанов* и отождествлении их с позднейшими сванами, см. прим. к Страбон XI: 2, 19].

⁵⁹⁵ У Страбона Кир – река, прежде называвшаяся *Кором* и отождествляемая с Курой (XI: 3, 2)].

⁵⁹⁶ [Обо всех названных притоках реки Куры: Страбон XI: 3, 2].

⁵⁹⁷ [Об отождествлении названных рек и о локализации города Фасиса при устье одноименной реки см. прим. к Страбон XI: 3, 4].

⁵⁹⁸ [Гомер. Одиссея XI: 109. Ср. Страбон XI: 4, 3].

⁵⁹⁹ [Все словари и все цитируемые места дают нам мужской или средний род. По-видимому, это вид китайского лёсса].

⁶⁰⁰ [См. об истолковании сообщений об амазонках и гаргареях в прим. к Страбон XI: 5, 1].

⁶⁰¹ [Упомянув о хоресмийском царе *Фаресмане*, прибывшем с 1500 всадниками к Александру, Арриан (Анабасис IV: 15, 1) сообщает лишь о готовности царя Фаресмана служить проводником Александру в страну соседних с ним, якобы, колхов и амазонок: в то же время в другом месте (VII: 13, 1) Арриан, действительно, сообщает о подарке Александру мидийским сатрапом Атропатом сотни женщин, названных им амазонками].

⁶⁰² [Страбон (XI: 7, 1 сл.) называет анариакров и амардов. Амариакров и мардов упоминает Птолемей (VI: 2, 5). О локализации этих и других выше-названных племен см. прим. к указанному месту Страбона].

Источник: Strabonis Geographica / Rec. commentario crit. instr. G. Kramer. V. I–III. – Berolini, 1844–1852; Strabonis Geographica / Rec. A. Meineke. V. I–III. – Lipsiae, Teubngae, 1860–1866; Lipsiae, 1915–1925; Strabo. The Geography. With an Engl. transl. by H. L. Jones. Vol. I–VIII. Cambridge (Mass.) – London, 1911–1927; 1944–1961; Strabo. Geographie. Introd. par. G. Aujae et F. Lassevre. Texte etabli et trad. par G. Aujae. Vol. I–IX. – Paris, 1969–1981; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 4. Ср. новую, более вольную версию перевода: Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г. А. Стратановского. Под общей редакцией С. Л. Утченко. Редактор перевода О. О. Крюгер. – Л.: Наука, 1964; 2-е изд. – М.: Ладомир, 1994.

Диодор Сицилийский

Διόδωρος Σικελιώτης – Diodorus Siculus

Диодор Сицилийский (ок. 90 – 21 до н. э.), греческий историк. Родился в Агирии на Сицилии. В юности путешествовал по Европе, Малой Азии и Африке. Из Рима переехал в Александрию, где жил в 60 по 56 гг. Автор сочинения «Библиотека», иначе «Библиофика» или «Историческая библиотека» (*Βιβλιοθήκη*) в 40 книгах, посвященного всемирной истории. До нас дошли книги 1–5 и 11–20, от остальных – фрагменты. В произведение синхронно описана история Египта, Месопота-

мии, Индии, Скифии, Аравии, Южной Африки, эллинистических государств и Рима от легендарных времен до середины I в. до н. э. – до Галльской кампании Цезаря (поход против Британии в 54 г. до н. э.). Источники Диодора: по Ассирии и Мидии – вероятнее всего Ктесий, для Египта – Гекатей из Абдеры, для Индии – Мегасфен, Греции – Эфор и какой-то из историков Александра; использованы труды Иеронима из Кардии, Полибия, Посидония и, возможно, римских анналистов (Фа-

бия Пиктора и др.). Большинство источников указаны в самом сочинении, по преимуществу компилятивному. Однако, что касается Причерноморья и, в частности, Скифии, то здесь источники Диодора, скорее всего местные, не определены. Имеющиеся параллели с Геродотом в рассказах о военных походах скифов, их обычаях и происхождении далеки от тождества материала. Скорее всего, уни-

кальные сведения, сообщаемые Диодором, обязаны неким утраченным произведениям и оригинальным скифским преданиям. Писал Диодор на койне – общегреческом языке, сложившемся в 4 в. до н. э. на основе аттического диалекта с элементами ионического и во II пол. I тыс. н. э. распавшемся на ряд наречий, которые легли в основу современных диалектов греческого языка.

Диодор Сицилийский

Библиотека

Перевод П. И. Прозорова с дополнениями В. В. Латышева

Книга II

1. После этого он, царь Нин из Вавилонии, повел свои войска в Армению и привел в трепет местное население взятием нескольких городов. Барзон¹, их царь, понимая, что он не в состоянии сопротивляться, выступил навстречу врагу с подарками и выразил ему покорность. Нин² поступил со своей стороны великодушно, он оставил ему его власть над Арменией, потребовав лишь присылки вспомогательных отрядов и продовольствия для своего войска.

2. (1) Когда дела у Нина шли так удачно, он возымел горячее желание подчинить себе всю Азию от Танаиса³ до Нила. Поэтому он поставил сатрапом Мидии одного из своих друзей, а сам отправился в поход, покоряя азиатские племена, и в течение семнадцати лет сделался владыкой всех прочих *народов*, кроме индийцев и бактрийцев⁴. (2) Отдельные сражения и число всех покоренных не записал ни один писатель, а важнейшие из племен мы стараемся пробежать вкратце, следуя Ктесию Книдскому⁵. (3) Нин покорил из приморских и соседних с ними областей Египет и Финикию... подчинил своей власти Троаду, Геллеспонтскую Фригию, Пропонтиду, Вифинию, Каппадокию⁶ и припонтийские варварские племена, занимавшие области до Танаиса, овладел землей кадусиев и тапиров⁷, затем гирканцами и дрангами⁸, кроме того, дербиками, карманиями и хоромнеями⁹, затем борканиями и парфянами¹⁰, прошел также Персиду, Сусиану¹¹ и так называемую Каспиану¹², в которую ведет весьма узкий проход, называемый поэтому Каспийскими воротами¹³. (4) Он подчинил себе и многие другие, менее значительные племена, о которых долго было бы говорить.

43. (1) Теперь перейдем к скифам, населяющим соседнюю [с индийцами] страну. Они

сначала занимали незначительную область, но впоследствии, понемногу усилившись благодаря своей храбрости и военным силам, завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую славу и господство. (2) Сначала они жили в очень незначительном количестве у реки Аракса¹⁴ и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана¹⁵ и Меотийского озера¹⁶ и прочие области до реки Танаиса. (3) Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя – змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скифа, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами¹⁷. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой – Нап. (4). Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы, один палами, а другой – напами¹⁸. Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии и, направив военные действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской реки Нила¹⁹. (5) Поработив себе многие значительные племена, жившие между этими пределами, они распространили господство скифов с одной стороны до океана²⁰, с другой – до Каспийского моря и Меотийского озера; ибо это племя широко разрослось и имело замечательных царей, по имени одни были названы

саками, другие массагетами, некоторые ари-
масапами²¹ и подобно им многие другие. (6) Этими царями были переселены и многие другие покоренные племена, а самых важных выселений было два: одно из Ассирии в землю между Пафлагонией и Понтом, другое из Мидии, основавшееся у реки Танаиса; эти переселенцы назывались савроматами²². (7) Эти последние много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню.

44. (1) После этого, когда в Скифии случилось *однажды* междуцарствие, воцарились в ней женщины, отличавшиеся силою. У этих народов женщины, подобно мужчинам, приучаются к войне и нисколько не уступают им в храбрости; поэтому много великих подвигов было совершено славными женщинами не только в Скифии, но и в соседних с ней землях²³. (2) Например, когда персидский царь Кир, могущественнейший царь своего времени, со значительными силами двинулся походом в Скифию, то скифская царица перебила персидское войско и самого Кира захватила в плен и распяла²⁴. Составившееся *таким образом* племя амазонок отличалось такой храбростью, что не только опустошило много соседних стран, но и покорило даже значительную часть Европы и Азии. (3) Так как мы упомянули здесь об амазонках, то считаем не лишним рассказать и о них, хотя наш рассказ, быть может, вследствие своей невероятности, покажется похожим на сказку.

45. (1) Жил у реки Фермодонта народ под управлением женщин, которые наравне с мужчинами занимались военными делами. Говорят, что одна из них, имевшая царскую власть, отличалась мужеством и силой; (2) составив войско из женщин, она стала обучать его военному искусству и покорила кое-кого из соседей. Приобретая все более и более доблести и славы, она постоянно делала набеги на соседние племена и, возгордившись вследствие удач, провозгласила себя дочерью Ареса, а мужчинам предоставила пряжу шерсти и домашние женские работы; затем она издала законы, которыми женщин вызывала на воинственные состязания, а мужчинам предоставила смирение и рабство²⁵. (3) У детей мужского пола они калечили ноги и руки, чтобы сделать их непригодными к военной службе²⁶, а у девочек выжигали правую грудь, чтобы в пору половой зрелости она не

выдавалась и не мешала им; по этой причине *племя* амазонок и получило это название²⁷. (4) Отличаясь вообще умом и военными талантами, царица построила большой город при устье реки Фермодонта, по имени Фемискиру²⁸, выстроила славный дворец и, во время походов обращая большое внимание на дисциплину, сначала покорила всех соседей до реки Танаиса. (5) Совершив эти подвиги, она, как говорят, геройски окончила свою жизнь, мужественно сражаясь в одной битве.

46. (1) Дочь ее, унаследовавшая царство, в доблести подражала своей матери и в отдельных подвигах даже превзошла ее; девиц она с самого юного возраста приучала к охоте, каждый день обучала военному искусству (2) и установила пышные жертвоприношения Аресу и Артемиде, по прозванию Таврополе²⁹. Отправившись войною в страну за рекой Танаисом, она покорила все соседние племена вплоть до Фракии и, возвратившись домой с богатой добычей, построила великолепные храмы упомянутым богам и своим кротким управлением снискала себе величайшую любовь своих подданных. Затем она отправилась войной в другую страну, приобрела большую часть Азии и распространила свое владычество до Сирии³⁰. (3) После ее кончины родственницы, наследуя царскую власть, властвовали со славой и возвысили силу и славу племени амазонок...

47. (1) Так как мы представили описание обращенных к северу частей Азии, то считаем не лишним привести здесь и предания о гипербореях³¹. Из числа писателей, сообщающих древние предания, Гекатей³² и некоторые другие говорят, что на Океане против страны кельтов находится остров величиной не меньше Сицилии. Этот остров лежит на севере и населен гипербореями, названными так потому, что живут они дальше дуновения Борея; остров имеет прекрасную, плодородную почву, отличается благорастворением воздуха и дважды в год производит плоды. (2) Рассказывают, что на нем родилась Латона, вследствие чего из всех богов наиболее почитается там Аполлон. Жители его являются как бы жрецами Аполлона, потому что каждый день непрерывно воспевают его в гимнах и оказывают ему высочайшие почести. Есть на острове прекрасная роща, посвященная Аполлону, и достопримечательный храм шарообразной формы, украшенный множеством приношений; (3) есть также город, посвященный этому богу; большинство его обитателей

– кифаристы и постоянно в храме играют на кифаре и поют гимны в честь Аполлона, прославляя его деяния. (4) Говорят гипербореи на каком-то особом языке и очень дружелюбно относятся к эллинам, а в особенности к афинянам и делосцам³³; начало этой дружбы восходит к очень давним временам. Говорят, что некоторые из эллинов приезжали к гиперборейцам и пожертвовали в храм богатые приношения с надписями на греческом языке. (5) Точно так же и гиперборей Абарис³⁴, прибыв в древние времена в Элладу, возобновил дружбу и родство с делосцами. Говорят, что с этого острова луна кажется отстоящей от земли на весьма незначительное расстояние и

имеющей на себе несколько заметных земляных возвышенностей. (6) Рассказывают также, что бог является на остров через каждые девятнадцать лет, в течение которых оканчиваются орбиты движения созвездий; поэтому девятнадцатилетний период времени называется у эллинов метоновым годом³⁵. (7) Во время своего пребывания на острове бог играет на кифаре, устраивает хороводы по целым ночам от весеннего равноденствия до восхода Плеяд и радуется своим успехам. Царствуют в этом городе и заведуют священным участком так называемые Бореады, потомки Борея, у которых власть переходит из рода в род.

Книга III

33. (7) Итак, о троглодитах мы сказали достаточно; если же кто из читателей не поверит *нашим* рассказам вследствие странности и необычайности описанного образа жизни, то пусть он сопоставит мысленно климат в Скифии и Троглодитике³⁶; увидев их разницу, он перестанет не доверять рассказам.

34. (1) Различие климата наших стран от описанных так велико, что умеренная разница *прямо* невероятна. (2) В северных странах вследствие чрезмерного холода замерзают величайшие реки, причем лед выдерживает переходы войск и переезды нагруженных повозок, замерзают *также* и вино, и прочие жидкости так *крепко*, что их можно резать ножами; что еще удивительнее, конечности у людей отваливаются вследствие трения одежды, глаза слепнут, огонь не дает защиты *от холода*, медные статуи трескаются, и в некоторые времена года, как говорят, вследствие густоты туч в тех странах не бывает ни молнии, ни грома; *там происходят* многие и другие, еще более поразительные явления, невероятные

для незнакомых с *этими странами* и невыносимые для испытавших *их*... (5) Но тем не менее, обитатели обеих описанных стран не только не желают бежать от поражающих их чрезмерных бедствий, но, напротив, добровольно пресекают свою жизнь ради того, чтобы не быть вынужденными испытать другой образ жизни. (6) Так всякая страна, к которой привык, имеет *для него* какие-то природные чары... (7) Столь огромные различия разделяются не очень большим расстоянием одного места от другого: от Меотийского озера, у которого обитают некоторые скифы, живущие среди мороза и чрезмерных холодов, многие на нагруженных кораблях при попутном ветре на десятый день достигают Родоса, из которого на четвертый день приезжают в Александрию, а отсюда многие плывущие по Нилу на десятый день приезжают в Эфиопию; таким образом, от охлажденных частей вселенной до самых жарких частей не более двадцати четырех дней плавания для тех, кто совершает его непрерывно...³⁷

Книга IV

28. (1) Пока Геракл занят был этим [т. е. освобождением Атланта], оставшиеся амазонки, как говорят, собравшись у реки Фермодонта, немедленно двинулись поголовно с целью отомстить эллинам за все, что совершил Геракл в своем походе. Особенно же негодовали они на афинян за то, что Тесей увел в рабство их царицу Антиопу или, как некоторые пишут, Ипполиту. (2) Так как в походе амазонок приняли участие скифы, то собрались значительные силы, с которыми предводительницы амазонок, переправившись через Киммерийский Боспор, двинулись через Фра-

кию; пройдя значительную часть Европы, они пришли, наконец, в Аттику...³⁸

(4) ...Оставшиеся в живых амазонки, не пожелав возвратиться на родину, удалились вместе со скифами в Скифию и поселились вместе с ними...³⁹

40. (3) Говорят, что Пелий... предложил Ясону совершить подвиг, снарядив поход в Колхиду за знаменитым золотым бараньим руном. (4) В те времена Понт, окруженный варварскими и совершенно дикими народами, носил название Негостеприимного вследствие обычая туземцев убивать пристающих

к их берегам иностранцев. (5) Ясон, стремясь к славе и считая подвиг трудным, но не вполне невозможным, и понимая, что совершением его он достигнет большой известности, стал готовить поход...

43. (3) Герои прибыли во Фракию в царство Финея⁴⁰ и наткнулись там на двух юношей, которые в виде наказания были закопаны и подвергались беспрестанному бичеванию, это были сыновья Финея и Клеопатры... и были несправедливо подвергнуты отцом вышесказанному наказанию из-за дерзости и ложных наговоров их мачехи. (4) Финей, женившись на Идее, дочери скифского царя Дардана, и из любви к ней во всем ей угождая, поверил, что его сыновья причинили мачехе насилие и бесчестие, побуждаемые желанием угодить родной матери...

44. (2) Аргонавты освобождают сыновей Финея, убивают его самого и ставят на царство сыновей... (3) Когда же они [Финеиды] хотели подвергнуть мачеху позорной казни, аргонавты убедили их отказаться от такой мести, а отослать мачеху в Скифию к ее отцу и попросить его наказать ее за незаконный с ними поступок. (4) Когда это было сделано, скиф присудил свою дочь к смерти, а сыновья Клеопатры прославились между фракийцами своей сыновней любовью...

(7) [Говорят, что сыновья Финея, передав управление государством матери своей Клеопатре, приняли участие в походе героев]... Отправившись из Фракии и приплыв в Понт, они пристали к Таврической земле, не зная о суровости ее жителей⁴¹. У варваров, населяющих эту страну, был обычай приносить в жертву Артемиде Таврополе чужестранцев, которые приставали к их берегам. Говорят, что именно у них впоследствии Ифигения, поставленная жрицей упомянутой богини, приносила в жертву пленных⁴².

45. (1) Так как исследователи старались определить причины этого обычая убивать чужестранцев, то необходимо вкратце рассказать об этом, особенно ввиду того, что это отступление будет иметь связь с деяниями аргонавтов. Рассказывают, что у Гелиоса было два сына: Эет и Перс; из них Эет сделался царем в Колхиде⁴³, а брат его в Таврике, и оба отличались жестокостью. (2) У Перса была дочь Геката, которая отвагой и противозаконными поступками превосходила своего отца; она очень любила охоту и в случае неудач вместо зверей убивала людей; затем, приобретя опытность в составлении смертных ядов, она

открыла так называемый аконит⁴⁴ и испытывала силу каждого яда, примешивая его в пищу, даваемую чужестранцам. Обладая большой опытностью в таких делах, она прежде всего отравила своего отца и наследовала его власть, затем построила храм Артемиде, установила обычай приносить в жертву богине пристающих к берегу чужестранцев и *таким образом* прославилась своею жестокостью. (3) После этого она вступила в сожителство с Эетом и родила двух дочерей – Кирку и Медею, а также сына Эгиалея⁴⁵. Кирка, посвятив себя изучению всевозможных лекарственных зелий, открыла всякого рода свойства и невероятные силы корней. Немало, конечно, она заимствовала у своей матери Гекаты, но еще больше открыла сама, благодаря своим ревностным исследованиям, так что не оставила другим *женщинам* возможности превзойти ее в знании лекарственных зелий. (4) Будучи отдана в замужество царю сарматов (которых некоторые называют скифами), она прежде всего умертвила своего мужа, а затем, наследовав ему, совершила много жестокостей и насилий; над обоими подданными. (5) За это она была изгнана из своего царства, бежала, по свидетельству некоторых мифографов, к Океану и, заняв пустынный остров, поселилась здесь с сопутствовавшими ей женщинами; по словам же некоторых историков, она, покинув Понт, поселилась в Италии на мысе, который и доныне называется по ее имени Киркейским⁴⁶.

46. (1) Про Медею рассказывают, что она узнала от матери и сестры все свойства зелий, но отличалась совершенно противоположным характером: она постоянно спасала из опасностей приплывавших к их стране чужеземцев; то просьбами и ласками испрашивала она у отца пощаду обреченным на смерть, то сама, выпуская их из-под стражи, заботилась о безопасности несчастных, так как Эет, отчасти по своей собственной жестокости, отчасти по внушениям жены своей Гекаты, сохранил в силе обычай убивать чужестранцев. (2) Так как Медея все более и более противодействовала *жестоким* намерениям своих родителей, то Эет, как говорят, опасаясь злых умыслов со стороны дочери, отдал ее под свободный надзор; но Медее удалось убежать в священный участок Гелиоса, лежавший на берегу моря⁴⁷. (3) Как раз в это время аргонавты на пути из Таврики ночью приплыли к вышеупомянутому участку в Колхиде. Здесь они встретили Медею, блуждавшую по морскому

берегу, и, узнав от нее об обычае убивать чужестранцев, похвалили кротость девицы; затем, открыв ей свой план, в свою очередь узнали от нее, какой опасности подвергается она со стороны отца за свое сострадание к чужестранцам⁴⁸. (4) Когда *таким образом* их интересы оказались общими, Медея обещала содействовать им, пока они не приведут в исполнение предпринятый подвиг, а Ясон дал ей клятвенное обещание жениться на ней и иметь своею сожительницей до конца жизни. (5) После этого аргонавты, оставив стражу при корабле, ночью вместе с Медеей отправились за золотым руном. Теперь следует подробно рассказать и о нем, чтобы известно было все, что относится к настоящему рассказу.

4. Рассказывают, что Фрикс, сын Афаманта, спасаясь от козней мачехи, бежал со своею сестрою Геллой из Эллады. Когда они по некоему божественному провидению переправлялись из Европы в Азию на златорунном баране, девушка упала в море, которое по ней было названо Геллеспонтом, а Фрикс, отправившись в Понт, пристал к Колхиде и, согласно приказанию оракула, принес барана в жертву, а шкуру его посвятил в святилище Ареса. (2) После этого колхидскому царю Эту дано было предсказание, что он тогда окончит свою жизнь, когда приезжие чужестранцы увезут золотое руно. По этой-то причине, а вместе с тем и по природной жестокости, он приказал убивать чужестранцев с той целью, чтобы ни один чужестранец не осмелился вступить в его страну, когда повсюду разнесется молва о дикости колхов. Кроме того, он окружил священный участок стеной и поставил там многочисленную стражу из жителей Таврики. Поэтому-то и сложились у эллинов чудесные сказания. (3) Ходили слухи, что около святилища были огнедышащие быки, а руно охранял дракон; с тавров одноименное название было перенесено на стадо быков, а жестокость, проявлявшаяся в убийстве чужестранцев, дала повод к рассказам, будто быки эти дышали огнем; подобным же образом охранитель святилища назывался Драконом, а поэты перенесли это имя на чудесное и страшное животное. (4) К подобным же выдумкам относятся и рассказы о Фриксе. Одни говорят, что он переплыл через море на корабле, имевшем на носу изображение бараньей головы⁴⁹, и что Гелла, страдая от морской болезни, перевесилась через борт корабля и упала в море. (5) Другие рассказывают, что в то время, когда был захвачен Фрикс со своим вос-

питателем, гостил у колхов зять Эета, царь скифский, который, влюбившись в мальчика, получил его в подарок от Эета, полюбил как родного сына и оставил ему царство; воспитатель же его, которого звали Крием [‘бараном’], был принесен в жертву богам, а содранная с его тела кожа по местному обычаю была прибита к храму⁵⁰. (6) После, когда Эту дано было предсказание, что он тогда умрет, когда приплывут в его страну чужестранцы и увезут кожу Крия, царь, как рассказывают, окружил стеной святилище, поставил там стражу и, кроме того, позолотил кожу для того, чтобы она, благодаря своему блеску, была как можно тщательнее охраняема воинами. Каждому читателю предоставляется судить об этих сказаниях по собственному вкусу.

48. (1) Медея, как рассказывают, провела аргонавтов к святилищу Ареса, отстоявшему на семьдесят стадиев от города, который носил имя Сибариса и был столицей колхов⁵¹; подойдя ночью к запертым воротам, она окликнула стражей на таврическом наречии. (2) Когда же воины с готовностью отворили ей ворота как царской дочери, аргонавты, говорят, напав с обнаженными мечами, убили многих варваров, а остальных, испуганных неожиданностью, выгнали из священного участка и, захватив руно, поспешили с ним к кораблю. (3) Точно так же Медея ядом умертвила в священном участке баснословного неусыпного дракона, обвинившего руно, и вместе с Ясоном направилась к морю. (4) Когда разбежавшиеся тавры донесли царю о случившемся нападении, то, говорят, Эет, отправившись со своими телохранителями в погоню за эллинами, догнал их близ моря. Прямо с дороги вступив в сражение, он убил одного из аргонавтов – Ифита, брата Еврисфея (того самого, который давал поручения Гераклу), но затем, когда он с толпой сподвижников напал на других и стал слишком сильно теснить, то был убит Мелеагром. (5) Когда царь пал и эллины ободрились духом, колхи обратились в бегство, и большая часть их была перебита во время преследования; из числа же героев оказались ранеными Ясон и Лаэрт, затем Аталанта и так называемые Феспиады; говорят, что Медея в несколько дней исцелила их корнями и травами, и аргонавты, запасшись провиантом, отплыли обратно...

56. (1) Вообще, благодаря выдумкам трагических поэтов, относительно Медеи существует целый ряд разнообразных и несогласованных между собой сказаний; некоторые из же-

лания угодить афинянам рассказывают также, что она, захватив Меда, своего сына от Эгея, спаслась с ним в Колхиду. В то же время Эет, насильственно изгнанный из государства своим братом Персом, возвратил себе престол после того, как Мед, сын Медеи, умертвил Перса. После этого Мед, сделавшись могущественным, прошел значительную часть лежащей выше Понта Азии и занял названную впоследствии по его имени Мидию. (2) Однако мы считаем излишним и слишком долгим описывать все подробности, приводимые рассказчиками преданий о Меде, и потому прибавим *лишь*

конец рассказа об аргонавтах. (3) Немалое число как древних, так и позднейших писателей (между ними и Тимей) рассказывают, что когда аргонавты после похищения руна узнали, что Эет своими кораблями занял устье Понта, то совершили удивительный и достопамятный подвиг⁵²: проплыв вверх по реке Танаису до его истоков и перетащив в одном месте корабль по суше, они уже по другой реке, впадающей в Океан, спустились к морю и проплыли от севера к западу, имея сушу по левую руку; очутившись недалеко от Гадир [Гадеса], они вступили в ваше море...

Книга V

23. (1) Итак, относительно олова мы удовольствуемся сказанным, а теперь сообщим о *так* называемом электро⁵³. Против Скифии, лежащей выше Галатии, на Океане есть остров, называемый Басилией. На этот *остров* волны выбрасывают в изобилии *вещество*, называемое электром, нигде *более* во вселенной не встречающееся. О нем многие из древних писали мифы совершенно невероятные и изобличаемые действительностью. (5) Так как все создавшие этот миф ошиблись и изобличены впоследствии действительностью, то нужно держаться достоверных рассказов:

электр собирается на вышеупомянутом острове и привозится туземцами на противолечащий материк, по которому и перевозится в наши страны, как сказано выше.

32. (3) Жители северных стран, соседние со Скифией, чрезвычайно дики; говорят, что некоторые *из них* едят людей... (4). Так как их сила и дикость прославилась *повсюду*, то некоторые говорят, что именно эти народы под именем киммерийцев в древние времена прошли *войной* всю Азию, причем время скоро испортило это слово в наименование кимвров⁵⁴...

Книга IX

26. (2) К нему [т. е. Крезу] прибыли скиф Анахарсис⁵⁵, Биант, Солон и Питтак, которых он на пирах и в собраниях отличал величайшими почестями, показывая им свои богатства и могущество его власти. (3) В то время у образованных *людей* была в моде краткость речи; Крез, показав им благополучие своего царства и количество покоренных народов, спросил Анахарсиса, *как* старшего из мудрецов, какое из *живых* существ он считает храбрейшим. Анахарсис сказал, что самых диких животных, ибо они одни мужественно умирают за свою свободу. (4) Крез, полагая, что он ошибся и что на второй *вопрос* даст угодный ему ответ,

спросил, какое из *живых* существ считает он справедливейшим. Тот снова ответил, что самых диких животных, так как они одни живут по природе, а не по законам: природа же, по его словам, есть создание божества, а закон – установление человека, и справедливее пользоваться тем, что открыто богом, а не человеком. (5) *Тогда царь*, желая высмеять Анахарсиса, спросил, не *суть ли* звери мудрейшие *существа*? *Мудрец*, согласившись с этим, объяснил, что предпочитать истину природы *истине* закона есть основной признак мудрости. *Тогда царь* с насмешкой сказал, что его ответы основаны на скифском звероподобном воспитании.

Книга XII

31. (1) При архонте Феодоре в Афинах [438/7 г. до н. э.]... исполнилось сорок два года царствования на Киммерийском Боспоре царей, называемых Археанактидами; царскую власть получил Спартак⁵⁶ и царствовал семь лет.

36, 4. [При архонте Апсевде в Афинах, в 433/432 г. до н. э.]... умер царь боспорский Спартак после семилетнего царствования, ему наследовал Селевк и царствовал сорок лет.

Книга XIV

27. (7) С трудом пройдя вышеупомянутую страну, [эллины] прибыли к реке Кентриту⁵⁷

и, переправившись через нее, вступили в Армению; сатрапом ее был Тирибаз, с которым

они заключили договор и пошли через его область как друзья.

28. (1) Проходя через горы Армении, они были засыпаны массой снега и едва все не погибли. Вследствие движения воздуха, сперва снег понемногу начал падать из окружающей атмосферы, так что путники не встречали никакого препятствия к движению вперед; но потом, когда подул ветер, *снег* повалил сильнее и покрыл землю, так что уже нельзя было разглядеть ни дороги, ни вообще признаков местности. (2) Поэтому войском овладели уныние и страх, так как *воины* не хотели блуждать на погибель и не могли идти вперед вследствие массы снегов. При усилении непогоды поднялся ужасный ветер с сильным градом и дул прямо в лицо, так что все войско принуждено было остановиться: каждый, не будучи в состоянии выдерживать мук при движении, принужден был останавливаться где случится. (3) Лишенные всех необходимых *припасов*, *воины* провели этот день и *следующую* ночь под открытым небом в самом бедственном положении: вследствие массы непрерывно падавшего снега, все доспехи были им засыпаны, и тела мерзли от *чувствительного* на открытом воздухе мороза. Вследствие столь бедственного положения, *они* всю ночь провели без сна; некоторые, разведя огонь, получали от него помощь, а некоторые, переизнемогая от мороза, потеряли всякую надежду на нее, так как отморозили себе почти все конечности. (4) Когда прошла ночь, большинство вьючных животных оказалось погибшим и из людей многие умершими и немалое количество – не потерявшими еще сознания, но были не в состоянии двинуться с *места* вследствие отморожения членов; а некоторые и ослепли вследствие холода и блеска снега. (5) Они все погибли бы окончательно, если бы, пройдя немного, не встретили деревень, изобиловавших продовольствием. В них для скота были вырыты сходы, а люди входили по лестницам... скот кормился сеном, а для людей было большое изобилие всего необходимого для жизни.

29. Пробыв в *этих* деревнях восемь дней, эллины прибыли к реке Фасису; проведя там четыре дня, пошли через область хаев и фасианов⁵⁸. При нападении туземцев они победили их в стычке и многих перебили, а сами, захватывая хутора туземцев, наполненные добром, провели в них пятнадцать дней. (2) Поднявшись оттуда, в течение семи дней прошли так называемую Халдейскую область и при-

были к реке, по имени Гарпаг, шириною в четыре плетра. Оттуда, двигаясь по области скифинов, они прошли по ровной дороге, на которой в течение трех дней оправились, имея в изобилии все необходимое. После этого, двинувшись *вперед*, на четвертый день пришли к большому городу, называемому Гимнасией. (3) Из него начальник этих местностей заключил с ним договор и представил проводников к морю. Через пятнадцать дней, когда, придя на гору Хений, шедшие впереди увидели море, они чрезвычайно обрадовались и подняли такой крик, что бывшие в хвосте, предполагая нападение неприятелей, взялись за оружие. (4) Когда же все взойшли на место, откуда видно было море, то, воздев руки, благодарили богов, считая себя уже спасенными; снеся в одно место множество камней и сделав из них большие кучи, они посвятили варварские доспехи, желая оставить вечный памятник своего похода. Проводнику они подарили серебряную чашу и персидскую одежду; он показал им дорогу к макронам и удалился. (5) Эллы же, вступив в область макронов, заключили договор и в *подтверждение его* верности получили от них варварское копье, а сами дали эллинское: варвары сказали *им*, что этот *обычай* передан им от предков *как* величайший залог верности. Пройдя через их пределы, *эллы* вступили в страну колхов. (6) В нее собрались против них туземцы, но они одолели их в битве и многих убили, а сами, заняв укрепленный холм, стали опустошать страну и, принося на него добычу, отдыхали среди изобилия.

30. (1) В этих местах встречались во множестве борт, из которых добывались превосходные соты; но попробовавшие их подвергались странным припадкам: поевшие их теряли сознание и, падая на землю, уподоблялись мертвым. (2) А так как многие поели этого *меда* вследствие сладкого вкуса, то скоро оказалось множество упавших, как бы после поражения на войне⁵⁹. Поэтому войско провело этот день в унынии, пораженное странностью *случая* и множеством пострадавших; но на следующий день около того же часа все стали оправляться и, понемногу приходя в сознание, встали и чувствовали себя подобно выздоровевшим от принятого яда. (3) Оправившись в течение трех дней, они двинулись в эллинский Трапезунт, колонию синопцев, лежащую в области колхов. Проведя здесь тридцать дней, они нашли широкое гостеприимство у местных *жителей*, а сами совершили Гераклу и Зевсу-

спасителю жертвоприношение и гимнастическое состязание на том месте, где, по преданию, пристал *корабль* Арго и Ясон со своими спутниками. (4) Оттуда они послали своего предводителя Хейрисофа в Византии за судами и триерами: он говорил, что он дружен с византийским навархом Анаксибием. Итак, они послали его на лодке, а *сами*, взяв у трапезунтцев два гребных суденышка, стали грабить окрестных варваров на суше и на море. (5) Тридцать дней поджидали они Хейрисофа; но так как он не являлся, а продовольствие у людей истощалось, то они двинулись из Трапезунта и на третий день прибыли в эллинский город Керасунт, колонию синопцев; проведя в нем несколько дней, пришли к племени моссиников. (6) Варвары собрались *было* против них, но они одолели их в битве и многих перебили; когда же *варвары* сбежались в одно местечко, в котором жили они в семиэтажных деревян-

ных башнях, *эллины*, сделав непрерывные приступы, взяли его силой. Это местечко было главой прочих укреплений, и в нем жил царь их в самом высоком месте. (7) По исконному обычаю, он остается в нем всю жизнь и оттуда раздает приказания подданным. Воины говорили, что этот народ самый варварский из пройденных ими, что они совокупляются с женщинами у всех на виду, что дети самых богатых *родителей* кормятся вареными каштанами и что все с детства татуированы на спине и на груди. Эту область *эллины* прошли в восемь дней, а следующую, называемую Тибаренскую, – в три. Оттуда прибыли в эллинский город Котиоры, колонию синопцев...

31. (1) [При архонте Демострате в Афинах, в 393/392 г. до н. э.]... умер боспорский царь Сатир, сын Спартака, властвовавший сорок лет; власть его наследовал сын его Левкон на сорок лет.

Книга XVI

31. (6) [При архонте Диотиме в Афинах, в 354/353 г. до н. э.]... умер в Понте боспорский царь Левкон после сорокалетнего царствования; наследовавший ему сын его Спартак царствовал пять лет.

52. (10) [При архонте Каллимахе в Афинах, в 349/348 до н. э.]... умер понтийский царь Спартак, царствовавший пять лет; наследовавший ему брат его Парисад царствовал тридцать восемь лет.

Книга XVII

59. (В этой главе упоминается участие скифов в битве при Арбелах⁶⁰).

75. (3) Александр, вступив с войском в землю гирканов⁶¹, покорил в ней все города до так называемого Каспийского моря, которое иные зовут Гирканским. В нем, говорят, водится множество больших змей и всякого рода рыб, очень отличающихся по цвету кожи от наших..

77. (1) Когда Александр возвратился в Гирканию, к нему прибыла царица амазонок по имени Фалестрия, властвовавшая над страной между Фасисом и Фермодонтом. Она отличалась красотой и телесной силою и своею храбростью возбуждала удивление соплеменников. Оставив свое войско на границах Гиркании, она прибыла с тремястами амазонок, облеченных в боевые доспехи. (2) Когда царь, удивляясь неожиданному появлению и красоте *этих* женщин, спросил Фалестрию, по какой надобности она прибыла *к нему*, *Фалестрия* заявила, что явилась с целью иметь *от него* ребенка: (3) он, по ее словам, превзошел своими подвигами всех мужчин, а она сама выдается из *среды* женщин силой и храбростью; поэтому можно ожидать, что *дитя*, рож-

денное от двух первенствующих родителей, превзойдет доблестями прочих людей. Царь, очень обрадовавшись и приняв ее предложение, провел с *нею* тринадцать дней и *затем* отпустил ее на родину, почтив достойными дарами⁶².

81. По окончании этих дел и устройстве управления Дрангианы Александр выступил со своей армией против племени, ранее называвшегося аримаспами⁶³, которое именовалось теперь эвергетами и вот по какой причине: Кир⁶⁴, тот, который перенял власть от мидян к персам, был во время своего похода задержан в пустынной области, совершенно лишенный продовольствия; он очутился в очень тяжелом положении и видел, как его солдаты, мучимые голодом, поедали друг друга. Тогда аримасы доставили ему три тысячи повозок, наполненных продовольствием. Спасенный этой неожиданной помощью, Кир освободил их племя от всяких повинностей, почтил дарами за совершенные ими благодеяния и изменил их прежнее имя на эвергетов [благотетелей]. В эту-то область и явился Александр со своей армией; но был встречен обитателями дружелюбно и выразил им свое

расположение соответствующими дарами. Царь ответил такими же милостями на дружественный прием, оказанный ему гедрозий-

цами, соседями аримаспов. Он вручил Тиридату военное управление этими двумя народами.

Книга XX

22. [При архонте Гиеромнемоне в Афинах, в 310/309 до н. э.]... в Понте по смерти Парисада, царя Киммерийского Боспора⁶⁵, сыновья его Евмел, Сатир и Притан подняли между собою войну из-за власти. Старший из них, Сатир, получил власть от отца, царствовавшего тридцать восемь лет; но Евмел, вступив в дружеские отношения с некоторыми из соседних варварских народов и собрав значительные военные силы, стал оспаривать у брата власть. Сатир, узнав об этом, двинулся против него со значительным войском; перейдя через реку Фат⁶⁶ и приблизившись к неприятелям, он окружил свой лагерь телегами, на которых привез огромное количество провианта, затем выстроил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя. Союзниками Сатира в этом походе были греческие наемники в числе не более двух тысяч и столько же фракийцев⁶⁷, а все остальное войско состояло из союзников-скифов в количестве двадцати с лишком тысяч пехоты и не менее десяти тысяч всадников. На стороне Евмеда был царь фатеев (Φατέων)³ Арифарн с двадцатью тысячами конницы и двадцатью двумя тысячами пехоты. Когда произошло упорное сражение, Сатир, окруженный отборными воинами, завязал конную стычку со свитой Арифарна, стоявшей против него в центре боевого строя, и после значительных потерь с той и другой стороны принудил, наконец, варварского царя обратиться в бегство. Сначала Сатир бросился его преследовать, убивая всех попадавшихся на пути, но немного спустя, услышав, что брат его Евмел одолевает на правом фланге и обратил в бегство его наемников, он прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным; сделавшись вторично виновником победы, он разбил все неприятельское войско, так что для всех стало ясно, что и по старшинству происхождения и по храбрости он был достоин nasledовать отцовскую власть⁶⁸.

23. Те из воинов Арифарна и Евмела, которые уцелели в сражении, бежали в царскую крепость⁶⁹; она стояла у реки Фата, которая обтекала ее и, вследствие своей значительной глубины, делала неприступной; кроме того, она была окружена высокими утесами и огромным лесом, так что имела всего два иску-

ственных доступа, из которых один, ведущий к самой крепости, был защищен высокими башнями и наружными укреплениями, а другой был с противоположной стороны в болотах и охранялся палисадами; притом здание было снабжено прочными колоннами, и жилые помещения находились над водой. Ввиду того, что крепость была так хорошо укреплена, Сатир сначала опустошил неприятельскую страну и предал огню селения, в которых набрал пленных и множество добычи; затем он сделал попытку вторгнуться силой через проходы, причем со стороны передовых укреплений и башен принужден был с потерей многих солдат отступить, но с луговой стороны ему удалось овладеть деревянными укреплениями. Разгромив их и перейдя через реку, он начал вырубать лес, через который нужно было пройти к царской крепости. Когда эта работа быстро подвигалась вперед, царь Арифарн, опасаясь, что крепость будет взята приступом, стал обороняться мужественнее, так как все спасение заключалось в победе. Он расставил по обе стороны прохода стрелков, которые и стали без труда поражать воинов, вырубавших лес, так как последние, вследствие густоты деревьев, не могли ни предохранять себя от стрел, ни защищаться против стрелков.

Три дня воины Сатира рубили лес, с трудом и опасностями пролагая себе дорогу; на четвертый день они приблизились к стене, но, осыпаемые тучей стрел в тесной позиции, потерпели огромный урон. Предводитель наемников Мениск, отличавшийся и умом и храбростью, бросился через проход в стене и вместе со своими товарищами стал храбро атаковать укрепление, но был отражен превосходящими силами неприятеля. Сатир, увидев его в опасности, поспешил на помощь и, выдержав натиск неприятелей, был ранен копьем в руку. Почувствовав себя дурно вследствие раны, он возвратился в лагерь и при наступлении ночи скончался, пробыв царем всего девять месяцев после смерти отца своего Парисада. Начальник наемников Мениск, сняв ссаду, отвел войско в город Гаргазу⁷⁰ и оттуда по реке перевез останки царя в Пантикапей к брату его Притану.

24. Последний, устроив великолепные похороны и, положив тело в царскую гробницу, быстро явился затем в Гаргазу и здесь принял начальство над войском и царскую власть. Евмел завел было через послов переговоры относительно части государства, но Притан не обратил на них внимания и, оставив в Гаргазе гарнизон, возвратился в Пантикапей, чтобы упрочить свою власть. В это самое время Евмел при помощи варваров захватил Гаргазу и немало других городов и укреплений. Притан выступил против него с войском, но Евмел одержал победу над братом и, оттеснив его к перешейку близ Меотийского озера, принудил сдаться на капитуляцию, в силу которой Притан передал ему войско и отказался от царской власти. Прибыв затем в Пантикапей, где была постоянная резиденция боспорских царей, Притан попытался было вернуть себе власть, но потерпел неудачу и бежал в так называемые Сады, где и был умерщвлен. После смерти братьев Евмел, желая упрочить свою власть, приказал умертвить друзей Сатира и Притана, а также их жен и детей. Удалось спастись от него одному только Парисаду, сыну Сатира, очень молодому человеку: бежав из города верхом на коне, он нашел убежище у скифского царя Агара. Так как граждане выражали негодование по поводу убийства *царем своих* родственников, то *Евмел*, созвав народ на собрание, произнес речь в свою защиту и восстановил прежний образ правления; кроме того, он согласился на сохранение беспошлинности, которою пользовались жители Пантикапея при его предках, обещал освободить всех от податей и говорил еще о многом другом, желая расположить к себе народ. Скоро возвратив благодеяниями прежнее расположение всех *граждан*, он во *все* остальное *время* царствования правил своими подданными, согласно с законами, и возбуждал *к себе* немало удивление своими достоинствами.

25. Он постоянно оказывал услуги византийцам, синопейцам и большинству других эллинов, живших по *берегам* Понта. Так, когда каллатийцы, осажденные Лисимахом, очутились в бедственном положении вследствие недостатка продовольствия, он принял к себе тысячу человек, удалившихся вследствие недостатка в пище, и не только дал им безопасное убежище, но даже город для поселения, а кроме того, разделил на участки так называемую Псою и область. Для защиты плавающих по Понту он вступил в войну с народами,

обыкновенно занимавшимися пиратством, — гениохами, торетами и ахеями⁷¹ и очистил море от пиратов, за что и получил самый лучший плод благодеяния — похвалу не только в своем царстве, но *почти* по всей вселенной, так как торговые люди *повсюду* разнесли молву о его великодушии. Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую (чем прежде) известность. Он задумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пересекла его жизни. Пробыв на престоле пять лет и столько же месяцев, он скончался от несчастного случая: возвращаясь из Синдики⁷² в свою землю и спеша к какому-то жертвоприношению, он ехал ко дворцу на четверке лошадей; экипаж был четырехколесный и с крытым верхом; лошади чего-то испугались и понесли, а так как возница не смог удержать вожжей, то *Евмел*, опасаясь быть сброшенным в обрыв, попытался прыгнуть с *колесницы*, но при этом меч его попал в колесо, он был увлечен движением и тут же испустил дух.

26. Относительно смерти братьев Евмела и Сатира существуют прорицания, правда, несколько наивные, но тем не менее принимаемые на веру туземцами. Именно рассказывают, что оракул посоветовал Сатиру остерегаться мыши, чтобы она его когда-нибудь не убила. Поэтому Сатир никому из своих подданных — ни рабу, ни свободному — не позволял носить такое имя (*Μῦς*), кроме того, он боялся и домашних и полевых мышей, постоянно приказывал своим рабам убивать их и замазывать их норы. Таким образом, принимая по возможности все *меры*, которыми он думал предотвратить свой рок, он погиб от раны, нанесенной в мышцу (*μῦς*) руки. А Евмелу было предсказано остерегаться несущегося дома; поэтому он никогда не входил в дом сразу, пока его рабы не исследовали *прочности* крыши и фундамента. А когда он погиб от крытого экипажа, везомого четверкой, то каждый стал думать, что предсказание сбылось.

Сказанного о событиях на Боспоре будет достаточно.

100. (7) Одновременно с этими событиями⁷³ умер боспорский царь Евмел на шестом году царствования; наследовавший *его* власть сын *его* Спартак властвовал двадцать лет⁷⁴.

Примечания

¹ [Мифический царь Армении, известный лишь из этого эпизода].

² [Нин – мифический основатель ассирийской державы, сын бога Бела, эпоним города Ниневии. Упоминания о нем имеются лишь у греческих и латинских писателей, но не в ассирийских источниках. Некоторые из авторов, в том числе и Диодор, связывают его с царицей Семирамидой, в основе рассказов о которой находится вполне реальная ассирийская царица IX в. до н. э.].

³ [Танаис – Дон].

⁴ [Под индийцами автор понимает племена, жившие по Инду. Бактрийцы – жители, северной части современного Афганистана (область Балха)].

⁵ [Греческий историк и географ второй половины V в. до н. э. Автор «Истории Персии»].

⁶ [Троада, Геллеспонтская Фригия и Вифиния – области на северо-западе Малой Азии. Пропонтида – Мраморное море. Каппадокия – область в восточной части Малой Азии].

⁷ [О кадусиях см. прим. к Ксенофонт. Киропедия V: 3, 24. Тапиры, или тапирии (Страбон XI: 514) – племя, обитавшее в южной части Закавказья, к югу от реки Куры, по соседству с кадусиями].

⁸ [Гирканцы – обитатели южного побережья Каспийского моря, давшие название как самому морю, так и обитаемой ими области. Дранги – восточноиранский народ, живший на реке Этимандре (современный Гильменд) между древними провинциями Арией, Гедрозией, Карманией и Арахозией].

⁹ [Дербики – значительное племя, жившее на иранском востоке. Помпоний Мела (III: 39) локализирует его на «Скифском заливе», т. е. на Каспийском море у залива Кара-Бугаз. Кармании – обитатели позднейшей провинции Кармании между Гедрозией и Персидой (на северном берегу Персидского залива). Хоромнеи или хорамнеи – племя, помещаемое Томашеком (RE под словом Chorumnaei) в центральной части степных пространств Персидского царства. Диодорово известие о них восходит к Ктесию (История Персии X), сообщаящему, что хоромнеи столь быстры на бегу, что могут соперничать с ланями].

¹⁰ [Боркании или баркании – форма, параллельная к гирканиям-гирканцам. Парфяне, образовавшие впоследствии Парфянское царство с династией Аршакидов во главе, первоначально жили на юго-востоке от Каспийского моря, в области, граничившей с Карманией, Арией и Мидией].

¹¹ [Персида – область на восточном берегу Персидского залива с городом Персеполем в центре. Сузиана – область на берегу того же залива с городом Сузами – древней, столицей Элама].

¹² [Каспиана – область племени каспиев, жившего на западном побережье Каспийского моря, в современном Азербайджане].

¹³ Каспийские ворота – название ряда горных проходов, расположенных близ Каспийского моря. Первоначально это название прилагалось к горному проходу, расположенному в северном Иране к югу от Каспийского моря, через который прошел Александр Македонский при своем движении на Восток. Впоследствии это название было перенесено на Дербентские ворота – береговую полосу в районе Дербента, представляющую собой наиболее удобный проход с Северного Кавказа в Закавказье, и на Дарьяльское ущелье. В данном тексте подразумевается скорее всего первый из перечисленных проходов].

¹⁴ [Под Араксом здесь, возможно, надо понимать Яксарт – современную Сырдарью. Ср. прим. к Геродот I: 201].

¹⁵ [В древности широко распространено было представление о связи Каспийского моря с Океаном. Текст Диодора, впрочем, при всей его географической неопределенности позволяет, пожалуй, под Океаном разуметь если не настоящий Северный Ледовитый океан, то, по крайней мере, Балтийское море].

¹⁶ [Меотийское озеро – Ановское море].

¹⁷ [По Геродоту, скифы происходят от брака богини-девы с Гераклом (IV: 8)].

¹⁸ «Pali, скифское племя, не упоминается более, сколько известно, нигде, равно как и Narae. Однако, может быть, Pali скрываются в Плиний-вых (Ест. история VI: 7) Spaleis, а Narae его же Naraeis, а от них происходит и имя Νάρις, κόμη Σκυθίας, о которой упоминает Стефан Византийский» (Wesseling). [Плиний локализует своих спалеев и напеев в азиатской Скифии, к востоку от реки Танаиса, так что эта легенда, имеющая на себе определенный местный отпечаток, должна символизировать скифское продвижение с востока на запад. Ср. С. F. Hermann, RE под словом Naraeis и RE, PA: 939 под словом Scythae].

¹⁹ «О проникновении скифов вплоть до Египта упоминают Юстин (II: 3) и иначе Геродот (I: 105); которого из двух следует предполагать [лежащим в основе этого сообщения], не берусь определить» (Wesseling). [О проникновении скифов в Сирию до границ Египта см. прим. к Геродот I: 105].

²⁰ [Под восточным океаном Диодор скорее всего понимает Индийский океан].

²¹ [О саках см. Страбон VII: 3, 9; о массагетах см. прим. к Геродот I: 25 сл.; об аримаспах см. прим. к Геродот III: 16 сл.].

²² [О савроматах см. Геродот IV: 110 сл. и прим. к этому тексту. Наличие иранских элементов в именах собственных, равно как и в культуре и искусстве скифов, подмечено было давно. См.: В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. Ч. II. – 1882. Наиболее полно гипотеза иранского происхождения скифов выражена в кн.: М. И. Ростовцев Эллинизм и иранство на юге России. – Пг., 1918].

²³ [Гиппократ. О водах...: 24 и прим. к этому тексту. Под соседними землями Диодор, как видно из дальнейшего, понимает область массагетов, а также Малую Азию – классическую страну легендарных амазонок].

²⁴ [Имеется в виду рассказ о царице массагетов по имени Томирис и ее войне с персами, изложенный у Геродота (I: 205 сл.)].

²⁵ [Происхождение легенд об амазонках у греков не может считаться достаточно выясненным. Несомненно, оно связано, с одной стороны, с представлениями о скифах, савроматах и других степных народах, у которых, на памяти греков, могли еще сохраняться значительные пережитки матриархата, с другой же, легенды эти проистекают из культа Ареса, как божества плодородия, и его женской ипостаси – Артемиды. Превращение Ареса в божество войны могло повлечь за собой превращение женщин-прародительниц в женщин-воительниц. Несомненно также влияние оргиастического элемента религий Великой матери (Кибелы) и Артемиды на формирование представлений об амазонках].

²⁶ [О калечении мужчин у амазонок – легенде, связанной, по-видимому, с калечением домашних

рабов: Феофан, фр. 57; Гиппократ. Об искусстве: 101].

²⁷ [Эта этимология является наиболее распространенной у древних писателей; но имеются и другие. Ср. схол. к Гомер. Илиада III: 172].

²⁸ [Река Фермодонт отождествляется с современной рекой Терме-Чай, впадающей в Черное море к востоку от Самсуна; при устье ее находилась основанная, по преданию, амазонками Фемискира].

²⁹ [О культе Артемиды Таврополю см. прим. к Еврипид. Ифигения в Тавриде: 1457].

³⁰ [Нетрудно заметить, что география походов амазонок по Диодору совпадает с географией скифских и киммерийских походов по Геродоту. О походах амазонок в Грецию и на юг Малой Азии и о легендарных причинах этих походов см. Исократ. Панегирик: 67; Николай Дамасский. Собрание замечательных обычаев 3].

³¹ [О *гипербореях* и о колебаниях в их локализации на протяжении античности см. прим. к Геродот IV: 32].

³² «*Гекатей*, по происхождению абдерит, оставил сочинение о гипербореях; см. схол. к Аполлонию Родосскому II: 677; их упоминают и Клавдий Элиан (О животных XI: 1), и Плиний (Ест. история VI: 17)» (Wesseling). [О *Гекатее Милетском* и отрывки из его «Землеописания» см. выше].

³³ [О культе Аполлона Гиперборейского и о связи этого культа с дельфийским святилищем Аполлона см. схол. к Пиндар. Олимп. IV: 28].

³⁴ [О гиперборее *Абарисе*, мифическом жреце Аполлона, предпринявшем будто бы путешествие в Грецию в IV в. до н. э., см. Платон. Государство: 158; схол. к Платон. Государство: 600; Геродот IV: 36].

³⁵ [*Метонов год* или цикл назван так по имени афинского астронома Метона, время жизни которого точно не известно, заметившего, что 235 лунных месяцев соответствуют приблизительно 19 солнечным годам. Назначением цикла было согласование солнечного и лунного года].

³⁶ [*Троглодитами*, т. е. пещерными жителями, Диодор, а также Геродот (IV: 183), называют жителей африканского побережья Красного моря, вплоть до Верхнего Египта и Эфиопии].

³⁷ Ср. извлечение патриарха Фотия из V книги Агатархида.

³⁸ В происшедшей битве афиняне одержали верх; часть амазонок была перебита, а остальные изгнаны из Аттики [См. об этом Исократ. Панегирик: 67].

³⁹ [Ср. легенду о прибытии амазонок в Скифию у Геродота (IV: 110 сл.) в рассказе о происхождении савроматов].

⁴⁰ [Слепой прорицатель *Финей*, преследуемый по воле Зевса гарпиями за плохое обращение с собственными детьми, помещается на Геллеспонте или на фракийском берегу (Салмидесс) и расценивается как образ, символизирующий проникновение фракийских этнических элементов в Малую Азию. В сказании об аргонавтах его помещают чаще всего у Боспора Фракийского, где он предупреждает аргонавтов об опасности, грозящей им от сталкивающихся скал – Симплегад].

⁴¹ [Обычный маршрут аргонавтов в Понте пролегает вдоль малоазийского берега. Версия о северочерноморском – таврическом и скифском – маршруте, отвечающем колонизации северных берегов в Понте, известна лишь по скудным отрывкам и намекам в некоторых схолиях. Она связана с обратным плаванием аргонавтов по реке Танаису в Северный океан и впервые выражена у Гесиода, в

словах о жертвоприношении Фриком барана в Скифии].

⁴² «Сама Ифигения у Еврипида в одноименной драме (ст. 39 сл.) рассказывает о варварском обычае жертвоприношений и то же делает наш автор (II: 46). Кроме того, Псевдо-Орфей. Аргонавтика: 1073; Овидий. Письма с Понта II: 2, 57» (Wesseling). Жестокость тавров автор сам описывает (III: 43) такими словами: «[Арабы, называемые набатеями]... после того как александрийские цари сделали пролив доступным для плавания купцам, стали нападать на потерпевших кораблекрушение и, строя пиратские ладьи, грабили мореплавателей, подражая диким и незаконным поступкам понтийских тавров». [О *таврах* и о культе богини Артемиды Таврополю см. Геродот IV: 103].

⁴³ Ср. схол. к Аполлонию Родосскому III: 200; 242.

⁴⁴ Об *аконите*: Овидий. Метаморфозы VII: 407; Плиний. Ест. ист. XXVII: 2.

⁴⁵ «Другие называют его Апсиртом или Метопонтием, как Дикеоген в схол. к Еврипид. Медея: 167. По-видимому, наш автор имел источником Дионисия» (Wesseling).

⁴⁶ [Кирка в большинстве случаев, согласно «Одиссее» (X: 133 сл.), локализуется в Понте. Диодор, на основании Дионисия Скитобрахиона, излагает итальяскую версию легенды, известную впервые из Гесиода (Феогония: 1011 сл.)]

⁴⁷ «Аполлоний Родосский (III: 250) и Валерий Флакк (VI: 73) описывают Медею, занимающуюся священнодействиями в роце Гекаты. В самом деле, оба автора расходятся в порядке рассказа с Дионисием Милетским, которому обычно следует Диодор» (Wesseling).

⁴⁸ [Не трудно заметить, что в этом изложении образ Медеи приобретает черты, близкие Ифигении, с которой она действительно идентифицируется, как об этом свидетельствует Иоанн Цец в схолиях в Ликофрону (Александра: 174), из чего ясно, что Медея, как и Ифигения, в культовом отношении является разновидностью Артемиды].

⁴⁹ Ср. схол. к Аполлонию Родосскому I: 256.

⁵⁰ «Это мнение Дионисия Милетского в схол. к Аполлонию Родосскому I: 256; II, 1147; IV, 119» (Wesseling).

⁵¹ [*Столица Колхиды* – обычно Эя. Сибарис, как наименование места поселения, кроме этого случая, не известен за пределами Италии, но как мифический персонаж, связанный с культом Артемиды, известен также во Фригии].

⁵² [Эта версия возвратного плавания аргонавтов, восходящая к названному несколькими строками выше Тимею из Тавромения, автору «Истории Италии и Сицилии» (352–256 до н. э.), основана на использовании данных Питея из Массилии (середина IV в. до н. э.), плававшего вдоль западных и северных берегов Европы. Дикеарх (у Страбона) и более поздние авторы отвергали свидетельства Питея, как небылицы].

⁵³ [Под *электром* Диодор разумеет янтарь (и по словам Филемона: Плиний. Ест. ист. XXXVII: 11, 1, так назывался лучший сорт янтаря, происходящего из Скифии), получавшийся греками и итальянцами из северных стран, – как предполагалось, от устья реки Рейна и с берегов Северного океана (Балтийского моря). Упоминаемый Диодором остров *Басилия* («выше Галатии», т. е. Западной Европы в широком смысле) идентифицируется Плинием (XXXVII: 35; 61) то с островом Абалом, упомянутым якобы у массалиота Питея, посетившего эти места в середине IV в. до н. э., то с

островом Бальцией (IV: 95), отождествляемым в современной науке по признаку наличия янтаря с островом Эзелем (см. RE под словом Basileia 2), чаще же – со Скандинавским полуостровом вообще].

⁵⁴ [О киммерийцах и об их походах см. Геродот I: 15; 103. Что касается кельтского племени *кимвров*, ставшего известным лишь после его появления на границах римского мира в 113 г. до н. э., то об его отождествлении с киммерийцами – мифическими или историческими – раньше указанного времени говорить не приходится].

⁵⁵ [Анахарсис, о котором см. в особенности Геродот IV: 76 сл., будучи причислен к величайшим мудрецам древности, в числе которых он и прибыл якобы к лидийскому царю Крезу, излагает перед последним принципы стоической философии, вложенные в его уста Диодором].

⁵⁶ Настоящее имя царя было Спарток (Σπάρτοκος). [Спартак (Σπάρτακος), он же Спарток (Σπάρτοκος) – первая форма свойственна литературным источникам, в частности, ее употребляет Диодор, вторая представлена на монетах и в надписях, чем удостоверяется ее местное, диалектное происхождение, – имя фракийского кондотьера, служившего боспорским Археанактидам и захватившего в подходящий момент власть. Фракийскими являются и некоторые другие имена династии Спартокидов, как, например, Перисад, Комосария и др. См. V. Latyshev. Brevis conspectus historiae regni Bosporani // IOSPE, II: XVIII].

⁵⁷ [Данный отрывок представляет собой пересказ, иногда дословный, соответствующих мест «Анабасиса» Ксенофонта (IV: 4 сл.), с сокращениями и весьма незначительными отступлениями. Некоторые из этих отступлений (например, XIV: 30, 3) убеждают в наличии параллельного источника, по предположению Весселинга, это был Софенет, упоминаемый Стефаном Византийским как автор сочинения о походе Кира-младшего, его современника и сподвижника. Так как географическая номенклатура этого отрывка повторяет ксенофонову, лишь с некоторыми искажениями, оговоренными в примечаниях, – комментарием к этому изложению могут послужить примечания к эксперштам из «Анабасиса» Ксенофонта].

⁵⁸ «Имя первого народа испорчено. У Ксенофонта (IV: 421) имеются и называются Τάοχοι. Другие говорили Τάοι, по свидетельству Софенета у Стефана под словом Τάοχοι. Итак, должно писать τὴν Ταόχων или, может быть, что ближе подходит к вульгате, τὴν Τάων. Мне даже, кажется, можно думать, что Диодор в тех местах, где он отступает от Ксенофонта, предпочитает руководствоваться Софенетом» (Wesseling).

⁵⁹ Ср. Ксенофонт. Анабасис IV: 3, 2; Страбон XII: 3, 8; Клавдий Элиан. О животных V: 42; Прокций Кесарийский. Война с готами IV: 2; Плиний. Ест. ист. XXI: 13.

⁶⁰ [Битва при Арбелах произошла в 331 г. до н. э. между войском Александра Македонского и персидской армией царя Дария III, в составе которой сражались упомянутые скифы].

⁶¹ [О гирканах см. прим. к II: 2, 3].

⁶² [Диодор] обычно следует Клитарху. Я бы, конечно, предпочел, чтобы он устранил отсюда Фалестрию и амазонок. Ибо они представляют собой выдумку каких-то нелепых македонян, собиравших все ради славы своего царя, как это уже признали разумные мужи: Страбон (XI: 771), Плутарх (Александр: 691A / 46) и Арриан (Анабасис VII: 13, 291) (Wesseling). [Из Плутарха (Александр: 46), сообщającego о том, что Онесикрит в своей книге об Александре, написанной уже после смерти послед-

него, обратил скифскую царевну в амазонку, явствует с точностью, каким образом и из чего возникла эта легенда].

⁶³ [Об *аримаспах* см. Геродот III: 116 и прим. Диодор в отличие от Геродота, основывавшегося на Аристее из Проконнеса, локализует аримаспов-эвергетов в Средней Азии, на основании чего Wernicke (RE, II, 1: 826) считает, что в данном случае аримасы спутаны с ариапами].

⁶⁴ [Кир Старший (558–529 до н. э.)].

⁶⁵ [Годы царствования Сатира I, Левкона I и Спартока II неверно показаны Диодором, как выяснилось из найденного в 1877 г. в Пирее декрета в честь сыновей Левкона. По исправленному расчету, Сатир I царствовал, вероятно, от 407 до 387 г., Левкон I в 387–347, Спарток II и Перисад I (вместе) в 347–342 и Перисад I один в 342–309 гг. [Отмеченная Латышевым ошибка состояла в том, что в списке боспорских правителей, которым в качестве источника пользовался Диодор, не было указано, что сыновья Левкона I – Спарток II и Перисад I – первые пять лет правили совместно, а затем правил один Перисад].

⁶⁶ «Ни это название реки (Θάψιν), ни Θάτην, как говорится в некоторых свитках, не кажется правильным. Мы бы изменили порядок букв и восстановили бы Ψάθιν, каковую реку, впадающую в Метиду, указал Птолемей (V: 9, 141) по Палатинской и Коислинианской рукописям). [Река Фат (Θάτης, вариант Θάψις), может быть, идентичная птолемеевской Ψάθις и, во всяком случае, связанная топонимически с упоминающимися в дальнейшем изложении Диодора и в боспорских надписях фатеями (IOSPE II, 8: 15), племенем, подвластным боспорским царям, отождествляется иногда, без большой, впрочем, вероятности, с крымской рекой Салгиром, начинающейся в районе Симферополя или, что, может быть, имеет более оснований, с каким-либо из протоков нижнего течения реки Кубани].

⁶⁷ [Фракийцев Мюллер (см. об этом Kiessling, RE под словом Gargasa) предлагает заменить сираками, так как это более соответствует локализации им всего эпизода на азиатской стороне Боспора, на реке Кубани, которую он идентифицирует с Фатом. Однако, если представить, что битва произошла в Крыму, то фракийцы, неоднократно засвидетельствованные как противники и как союзники скифов, были бы вполне уместны].

⁶⁸ [Тактический разбор вышеописанного сражения см.: В. Д. Блаватский. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э. // ВДИ, 1946, № 1: 101 сл., где отмечается превосходство комбинированной скифской и греческо-македонской тактики, выражающейся в максимальном использовании вооруженной луками конницы].

⁶⁹ [Царская крепость (τὰ βασιλεία) представляла собой, вероятнее всего, что-либо вроде более поздних, так называемых готских, укреплений на высоких холмах типа Чуфут-Кале в районе Симферополя, где, может быть, и следует искать упомянутый в тексте укрепленный скифский город].

⁷⁰ «Такого города я никогда не встречал. Abr. Ortelius спрашивает, не Gerusa ли это Птолемея? Не берусь сказать...» (Wesseling). [Gerusa Птолемея, расположенная на реке Псате (V: 8, 24), у юго-восточного угла Азовского моря, локализуется в районе нынешнего Темрюка. Бек, Мюллер и другие отождествляют ее с диодоровой Гаргазой и, следовательно, реку Псат с Фатом (современная Кубань), чему, однако, противоречат сообщаемые Диодором топографические подробности, в частности, поросшие лесом горы у крепости фатеев. По-

этому будет благоразумнее воздержаться от дальнейших сопоставлений].

⁷¹ [О названных племенах см. Псевдо-Скилак: 68, 75, 76. Гениохи и ахеи должны быть локализованы на кавказском побережье к востоку от Синдики, за пределами Боспорского царства. Слава об этих племенах как о морских пиратах утверждалась еще с догреческих времен, поскольку ахеи греческими авторами упорно связываются с ахейцами Эгейского моря, а в таврах некоторые комментаторы «Одиссеи» хотят видеть потомков мифических лестригонов. Боспорским царям и в бо-

лее позднее время приходилось предпринимать серьезные действия против морских пиратов, засвидетельствованные эпиграфически (IOSPE, II: 309)].

⁷² [Порт в одноименной области скифского племени синдов, главный город которых часто идентифицируемый топографами-комментаторами с Синдской гаванью, именовался, может быть, начиная с более позднего времени, Горгиппией (на месте современной Анапы)].

⁷³ Речь идет о годе архонта Ферекла в Афинах, т. е. 304/3 г. до н. э.

⁷⁴ [Спартак IV, 303–284 гг. до н. э.].

Источник: Diodori bibliotheca historica / Rec. Fr. Vogel, C. Th. Fischer. V. I–VI. – Lipsiae, 1888–1906.; Diodorus Siculus. Bibliotheca historica. T. I–VI. – Stuttgart: Teubner, 1985–1991; Diodorus of Sicily, with an English translation by S. H. Oldfather. Vol. I–II – London, 1946–1957; Diodorus Siculus. Library of history. – Cambridge (Mass.), London, 1989; Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / Пер. И. Алексеева. Ч. 1–6. – СПб., 1774–1775; М., 1864; Диодор Сицилийский. Библиотека / Перевод П. И. Прозорова с дополнениями В. В. Латышева // В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 4.

Исидор Харакский

Ἰσίδωρος Χάραξος – Isidorus Charax

Исидор Харакский (ок. 66 г. до н. э. – нач. н. э.), греческий географ и историк. В своем сочинении «Парфянские стоянки» вкратце описал северный сухопутный маршрут периода войн между Парфянским царством и Римом. На пространстве от Антиохии до границ Индии – от Евфрата до современного Кандагара автор характеризует соответствующие более поздним караван-сараям станции, в том числе царские, созданные для удобства адми-

нистрации и торговцев и контролируемые Парфянским государством, и дает лаконичную характеристику их окрестностей. Судя по содержанию, маршрутная памятка Исидора Харакского составлена намного позже 26 г. до н. э., когда упомянутый в тексте парфянский царь Фраат IV (ок. 40 – 3 г. н. э.) подавил мятеж во главе с его братом Тиридатом, скорее всего – около начала новой эры.

Подробнее см.: Parthian Stations by Isidore of Charax. An Account of the Overland Trade Route between the Levant and India in the First Century B. C. The Greek Text with a Translation and Commentary by Wilfred H. Shoff. – London, 1914; Переиздание: Schoff W. H. Parthian stations by Isidore of Charax. – Chicago, 1972.

Исидор Харакский

Парфянские стоянки

Перевод Н. В. Журавлевой

Комментарии У. Шофа и Н. В. Журавлевой

1.	Месопотамия и Вавилония	171 скойн ¹
2.	Аполлониатида	33 скойна
3.	Халонитида	21 скойн
4.	Мидия	22 скойна
5.	Камбадена	31 скойн
6.	Верхняя Мидия	38 скойнов
7.	Мидия Рагиана	58 скойнов
8.	Хоарена	19 скойнов
9.	Комисена	58 скойнов
10.	Гиркания	60 скойнов
11.	Астауэна	60 скойнов
12.	Парфиена	25 скойнов
13.	Апаварктикена	27 скойнов

14.	Маргиана	30 схойнов
15.	Ария	30 схойнов
16.	Анава	55 схойнов
17.	Зарангиана	21 схойн
18.	Сакастан	63 схойна
19.	Арахосия	36 схойнов
	Всего	858 схойнов

7. Отсюда Мидия Рагиана, путь по ней содержит пятьдесят восемь схойнов. В ней десять деревень и пять городов. В семи схойнах Рага, которая является самым большим из городов Мидии, и Харакс. Именно в Харакс Фраат сначала переселил мардов². Здесь начало Каспийских гор³, за которыми находятся Каспийские ворота⁴.

8. Отсюда, после прохода через Каспийские ворота, начинается равнина и область Хоарена протяженностью в девятнадцать схойнов. В ней через четыре схойна город

Апамея. Кроме того, здесь четыре деревни, и в них стоянки.

10. Отсюда Гиркания, путь по ней – шестьдесят схойнов, в ней одиннадцать деревень, во всех них стоянки.

18. Отсюда Сакастан⁵, который также называется Паретакена⁶, земля скифов саков⁷, протяженностью в шестьдесят три схойна. Здесь города Барда, Мин, Палакенти и Сигал. Здесь же столица саков и поблизости расположен город Александрия. Деревень шесть.

Примечания

¹ Схойн – мера длины, по разным свидетельствам толковалась по-разному – приблизительно 5,5–6 км. Согласно Страбону (XI: 14, 1), схойн был равен 40 стадиям, но мог варьироваться от 30 до 60 стадий.

² Марды – воинственный народ, живший в горах Эльбурс; в период царствования Фраата I были подчинены парфянам. – У. III.

³ Каспийские горы – горы Эльбурс, простирающиеся с востока на запад к югу от Каспийского моря. – У. III.

⁴ Каспийские ворота – проход между Восточной и Западной Азией, через который главным образом осуществлялась вся торговля и все военные экспедиции. На этом отрезке горы Эльбурс далеко на юг углубляются в пустыню и, в то же время, пересекаются несколькими разломами, пройдя через которые, можно избежать длительного обхода по пу-

тыне. Наиболее удобным из проходов и являются Каспийские ворота, по которым вдоль реки Талар проложена современная железная дорога Тегеран – Сари. Название получили от имени племени каспиев, которое дало свое название также Каспийскому морю, известному греческим авторам как Гирканское море. – У. III.

⁵ Сакастан – современный Сейстан на границе Ирана и Пакистана, куда саков, прежде обитавших в Средней Азии, юечжи вытеснили ок. 100 г. до н. э. Саки в некоторой степени были зависимы от Парфянской монархии, а потому в индийской истории фигурируют как “индо-парфяне”. – У. III.

⁶ Паретакена – досл. ‘горная [страна]’. Упоминается у Геродота (I: 101) и Птолемея (VI: 4). – У. III.

⁷ Саки – кочевые племена, жившие в Средней Азии. Различалось несколько групп этих племен. Греки по традиции называли саков скифами. – Н. Ж.

Источник: Исидор Харакский. Парфянские стоянки / Пер. и комм. Н. В. Журавлевой // Древний Восток и античный мир: Труды кафедры истории Древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова. Вып. II. – М., 1999; Переиздание: Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. – СПб.: Алетейя, 2000.

Дионисий Галикарнасский

Διονύσιος Ἀλικαρνασσεύς – Dionysius Halicarnassensis

Дионисий Галикарнасский (II пол. I в. до н. э.), греческий ритор и историк. Родился в Галикарнасе в Малоазийской области Кария. В 30 году до н. э. приехал в Рим, где в 8 г. до н. э. окончил главное свое сочинение «Римские древности» («Ῥωμαϊκὴ ἀρχαιολογία») – историю Рима с мифических времен до I Пунической войны (264 г. до н. э.) в 20 книгах. Сохранились полностью книги I–IX, в значи-

тельной части книги X и XI – до 442 до н. э., остальные – в извлечениях. Кроме названного труда, до нас дошло несколько риторических сочинений Дионисия («О сочетании слов», «О древних ораторах» и др.), в которых обсуждаются такие авторы, как Фукидид, Демосфен и Платон. В трактате «О сочетании слов» рассматриваются вопросы надлежащего соединения слов и благозвучия.

Дионисий Галикарнасский

Римские древности

Перевод А. И. Малеина. Примечания Л. А. Ельницкого

Книга I

26. [Моссиники]... живут в деревянных свайных постройках, высоких, как башни, называя их моссинами¹...

89. ...Племя ахейцев², живущих вокруг Понта, само греческого происхождения, теперь самое жестокое из всех варваров.

Книга VII

70. ...Это [т. е. неизменяемость отеческих культов] в особенности заметно у варваров по многим причинам, которые теперь не время перечислять; долгий ряд веков до настоящего времени не мог достигнуть, чтобы или кель-

ты, или либийцы, или скифы, или индийцы, или вообще какой-нибудь варварский народ или перестал исполнять, или изменил что-нибудь в культе богов...

Книга XIV

1. Кельтийская страна... соприкасается... со скифским и фракийским племенем со стороны Борея и реки Истра³, который, вытекая с Альпийских гор и будучи величайшею из тамошних рек, протекает через весь северный материк и изливается в Понтийское море.

2. Кельтика... разделяется по середине рекой Рейном, по-видимому, величайшей после Истра из европейских рек. Часть по ту сторону Рейна, пограничная со скифами и фракийцами, называется Германией; она простирается до Геркинского леса и Рипейских гор⁴...

Примечания

¹ [О моссиниках и их образе жизни см. Ксенофонт. Анабасис V: 4, 1–3, 8 и прим. к этим текстам].

² [Об ахейцах или ахеях на Черном море см. прим. к Псевдо-Скилак: 75 и Диодор Сицилийский XX: 25].

³ [Кельтийские племена, занимавшие издавна значительные территории по верхнему течению Дуная, в III в. до н. э. распространились по Балканскому полуострову, проникли в Грецию и Малую Азию под именем галатов. Именно к этому

времени и относится отмечаемое Дионисием соприкосновение кельтов со скифскими и фракийскими племенами].

⁴ [Геркинский лесом у древних географов именуется пространство к северу от верхнего течения реки Дуная. Распространение Дионисием границ германских племен до Рипейских (т. е. обычно Уральских) гор указывает лишь на смутность его представлений о североευропейской географии и этнографии].

Источник: *Dionysi Halicarnasei antiquitatae Romanae / Ed. C. Jacoby. V. I–IV. – Lipsiae, 1885–1905; Дионисий Галикарнасский. Римские древности / Пер. И. П. Цветкова // ВДИ, 1948, № 1; ср.: Дионисий Галикарнасский. Римская археология // Античные теории языка и стиля. – М.-Л., 1936.*

Исигон Никеийский

Ἰσίγονος Νίκαιαῖος – Isigonus Nicaeensis

Исигон Никеийский (конец I в. до н. э. – I в. н. э.), греческий парадоксограф. Автор сочинений «Невероятные сказания» («Ἀλίστα») и «О греческих богах» («Περὶ Ἑλληνικῶν θεῶν»).

Исигон Никеийский

Невероятные сказания

Перевод и примечания В. В. Латышева

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

XIV. Гераклит говорит, что ни одна птица не перелетает через озеро в земле савроматов, а приблизившаяся умирает от запаха¹...

XXIX. Женщины савроматов не выходят замуж, если раньше не убьют врага².

XLIX. Из числа скифов так называемые андрофаги³ пьют из человеческих черепов, а кожу с головы врагов обрабатывают и делают из нее полотно. С остального туловища сдирают кожу вместе с ногтями и набрасывают на лошадей⁴.

Л. Савроматы через каждые три дня наедаются до пресыщения; женам во всем повинуются и сами носят женское платье. Если кто из врагов прибегнет к огню на очаге и замарает лицо угольями, то уже не обижают его, как домочадца. Девушку не прежде выдают замуж, чем она убьет врага⁵.

LXV. (1) Лигийцы⁶ сбрасывают с утесов своих родителей, когда они за старостью перестают быть полезными. (2) Царь их по смерти друга отрезает небольшую часть своего уха, по кончине более близкого лица отрезает больше, а когда умрет наиболее преданный из всех, [то целое ухо]⁷.

Примечания

¹ Ср. Каллимах: 100 f, 26; Антигон Каристский: 152; Сотийон: 22.

² [Ср. об обычаях савроматских женщин: Гиппократ. О воздухе...: 24].

³ [Андрофаги – людоеды. Об исседонском и массагетском обычае пить из черепов ср. Геродот IV: 26. Племенное наименование андрофаги (антропофаги), вероятнее всего, возникло не на почве людоедства у этого племени, а просто по фонетическому сходству скифского имени с греческим словом ἀνδρόφαγος; подобные случаи (см. прим. к Геродот IV: 18) известны применительно к Скифии и помечены наукой].

⁴ Ср. Плиний. Ест. ист. VII: 2, 12: “Об антропофагах-людоедах, живущих, как мы сказали, на десять дней пути выше реки Борисфена к северу, Исихон Никейский пишет, что они пьют из человеческих черепов, а кожи вместе с волосами носят на груди в виде полотенец. Он же рассказывает, что в Албании родятся люди с серо-синими глазами, с

самого детства седые и ночью видящие лучше, чем днем. Он же передает, что савроматы, живущие на десять дней пути выше Борисфена, постоянно принимают пищу через два дня на третий”.

⁵ Ср. Плиний. Ест. ист. VII: 2, 12; Николай Дамасский: 16.

⁶ [Имя *лигийцев* – лигуров, народа северо-западной Италии, переносится в данном случае на некое кавказское племя, отождествляемое с левкосирами, они же лигии. Подобное отождествление, основанное, видимо, лишь на фонетическом сходстве имен, допустил впервые, может быть, еще Эсхил в «Прикованном Прометее». См. Стефан Византийский под словом Κύα].

⁷ “Нечто подобное о таврах, скифском племени, рассказывает Николай Дамасский (19), и я не сомневаюсь, что переписчик, неразумно опустив то, что предшествовало, заставил нашего автора рассказывать о лигурах то, что говорилось о скифах” (Rohde).

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 4.

Иосиф Флавий

Ἰωσήφ Φλάβιος – Josephus Flavius

Иосиф-бен-Матафий (ок. 37 – ок. 100), еврейский военачальник и историк. Иосиф происходил из семьи священнослужителей, в возрасте 19 лет присоединился к фарисеям и стал влиятельным человеком в Иудее. Около 64-го года побывал в Риме, желая добиться от Нерона освобождения нескольких знатных евреев. По возвращении в Иерусалим обнаружил, что евреи готовятся восстать против римского правления, и, не испытывая энтузиазма, был вынужден к ним присоединиться. Иосифу была поручена оборона Галилеи – северной части Палестины, но его действия были малоуспешными, и, выдержав 47-дневную осаду в городе Нотапате, он в 67 г. попал в плен к будущему императору Веспасиану. Чтобы спасти себе жизнь и помочь соотечественникам после их неизбежного поражения, Иосиф предложил свои услуги Веспасиану и до конца войны был переводчиком у него и Тита и посредником между римлянами и евреями. После падения Иерусалима в 70 г. Иосиф отправился в Рим, получил римское гражданство, имя Флавий и пенсioen.

Иосиф известен написанными на греческом языке и дошедшими до нас трудами: «Иудейская война», или «История иудейской войны» в 7 книгах (о восстании 66-70 гг.), «Иудейские древности» – история евреев от сотворения мира до Иудейской войны в 20 книгах, двухтомный трактат «О древности иудейского народа, или Против Апиона» – в защиту иудейства от нападок александрийского грамматика Апиона, «Автобиография» и, что спорно, книга «О Маккавеях».

Произведения Иосифа Флавия были популярны уже в период поздней античности. Тогда же появился и перевод «Иудейских древностей» на латынь. Он приписывается либо Иерониму, либо его современнику Руфину Аквилейскому. В средневековой Европе «Иудейские древности» многократно переписывались в основном на латинском языке.

Первое печатное издание «Иудейских древностей» на греческом языке появилось в 1544 году. Первый русский перевод «Иудейских древностей» относится к 1781 году. Он был выполнен М. Мануйловым с французского перевода, а тот, в свою очередь, – с латин-

ской версии. С древнегреческого языка в 1900 году памятник перевел Г. Генкель. Этот перевод гораздо ближе к оригиналу, и его новей-

шие версии отличаются незначительными стилистическими правками, уточнениями и исправлениями.

Подробнее см.: Г. Довгяло, В. Федосик. Предисловие издателей // Иосиф Флавий. Иудейские древности. – Минск, 1991; Я. Л. Черток. Введение // Иосиф Флавий. Иудейская война. – 1900.

Иосиф Флавий

Иудейские древности

Перевод и примечания Г. Генкеля

Комментарии Г. Довгяло, В. Федосика

Книга I. Глава 6¹

1. У сыновей Ноя были потомки, в честь которых лица, завладевавшие какою-либо страной, называли ее население. У Ноева сына Яфета было семь сыновей. Последние расселились, начиная с гор Тавра и Амана до реки Танаиса², а по Европе до Гадиры³, занимая встречавшиеся по пути земли, до этого никем не занятые, и дали населению свои собственные названия. Именно родоначальником тех народов, которые теперь именуются у греков галатами, а вообще называются гомарейцами, был Гомар⁴; Магог же положил начало тому народу, который от него получил название Магога, а ими (греками) именуется скифами⁵. От сыновей Яфета – Явана и Мада произошли племена: от Мада – мадеи⁶, называющиеся у эллинов мидянами, а от Явана произошло имя Ионии и всех греков. Фовел положил начало фовелийцам, которые современниками нашими именуются иберами⁷. Мосохенцы, родоначальником которых является Мосох, носят теперь название каппадокийцев⁸, хотя существует еще указание и на их древнее имя: посейчас у них есть город Мазака⁹, указывающий сообразительным людям, что таким образом когда-то назывался и весь народ. Фирас же назвал тирянами подвластное себе

племя, имя которого греки переделали во фракийцев¹⁰. Вот все эти народы ведут свое происхождение от сыновей Яфета. Из трех сыновей Гомара Асханаз положил начало асханазийцам, которые называются теперь у греков регийцами, Рифат – рифатейцам, ныне пафлагонийцам, Форгам же форгамейцам, которых греки, кажется, называли фригийцами¹¹. У сына Яфета, Явана, было [также] три сына: Елисей, давший свое имя народу, которым он правил; это – теперешние эоляне; затем Фарс, родоначальник фарсийцев. Так в древности называлась Киликия¹², доказательством чего служит следующее: самый выдающийся главный город их носит название Тарса, причем они изменили в его имени букву тау на фиту. Хетим, наконец, завладел островом Хетимою (он теперь именуется Кипром), отчего все острова и большинство прибрежных пространств называются евреями Хетим¹³. Доказательством верности моего сообщения служит один из городов на острове Кипре; этот город до сих пор сохранил название Китиона, как именуют его те, кто переделал его имя на греческий лад, причем таким образом имя его не особенно сильно отличается от слова “Хетим”.

Книга V. Глава 1

22. ...Половина Манассиева колена получила участок от Иордана до города Дора, а в

ширину эта полоса доходила до Вифисана, который теперь называется Скифоподем¹⁴.

Книга VI. Глава 14

8. Когда на следующий день филистимляне принялись обыскивать трупы врагов, то они натолкнулись также и на тело Саула и его сыновей. Ограбив их, они отрубили им головы и послали затем по всей стране извещение о том, что враги их пали в битве. Взятое оружие они принесли в дар храму Астарты, а трупы неприятелей пригвоздили к крестам около стен своего города Вифсана, который теперь носит на-

звание Скифополя. Когда же жители галаадского города Иависса слышали о поругании, которому подверглись трупы Саула и его сыновей, то сочли невозможным и безобразным оставить эти трупы без погребения. Поэтому самые храбрые и бесстрашные мужи города (а тут имелось множество силачей и людей отчаянных) отправились в путь и, пройдя всю ночь, прибыли к Вифсану, подошли к стенам

вражеского города и, сняв тела Саула и его сыновей, повезли их к себе в Иависс, без того, чтобы враги смогли или осмелились воспрепятствовать им в этом. Затем жители Иависса устроили пышные похороны для этих трупов и

погребли их в самой красивой местности своих владений, в так называемой Аруре. В продолжение семи дней они с женами и детьми глубоко скорбели и плакали о царе и его сыновьях и не прикасались ни к пище, ни к питью.

Книга XII. Глава 8

5. ...Перейдя через Иордан, иудеи вступили в обширную равнину, при вступлении в которую лежит город Вифсана, носящий у греков имя Скифополиса. Вскоре затем они очутились в стране иудейской, вошли в нее и предались там веселью, песням и установленным

по случаю одержанных побед играм. Вместе с тем они принесли также благодарственные жертвы за благополучный исход своего предприятия и за спасение войска, потому что во время всех этих войн иудеи не потеряли ни одного человека.

Книга XIII. Глава 6

1. Лишь только Трифон узнал, чем окончилось предприятие Деметрия, он уже более не оставался верным Антиоху, но стал злоумышлять против него, решив убить его и самому овладеть царством. Однако пока его удерживал от приведения этого намерения в исполнение страх перед Ионатаном, который был дру-

гом Антиоху. Вследствие этого он хотел первоначально избавиться от Ионатана, а затем уже приняться и за Антиоха. Решив избавиться от первосвященника коварством и обманом, он отправился из Антиохии в Вифсану, носившую у греков название Скифополиса...

Книга XVIII. Глава 4

4. Тем временем Тиверий отправил Вителлию письмо, в котором просил его заключить дружественные сношения с парфянским царем Артабаном. Император опасался его враждебных действий, так как Артабан успел овладеть Арменией и мог подать повод к значительным осложнениям. При этом император указывал на то, что лишь в том случае может доверять Артабану, если он выдаст заложников и, главным образом, в числе их своего собственного сына. Вместе с этим письмом Вителлии Тиверий отправил значительные денежные подарки царям Иберии и Албании¹⁵, убеждая их немедленно начать войну с Артабаном. Цари, однако, воздержались от такой войны, но напустили на Артабана скифов¹⁶, предоставив последним свободный пропуск через свои владения и проход Каспийский. Таким образом, Артабан вновь лишился Армении, страна парфянская стонала под

ужасами войны, наиболее влиятельные лица были убиты, везде царило полное смятение и сын самого царя пал со многими тысячами войска в одной из битв. Вителлий был готов умертвить старика Артабана и с этою целью за большие деньги подкупил друзей и родственников царя, но Артабан понял, что этот замысел будет приведен в исполнение, так как он окружен массою влиятельных лиц, которые не остановятся ни перед чем. Он ясно сознавал, что все его родственники подкуплены и лишь коварным внешним образом выказывают ему преданность, которая у них впоследствии немедленно изменится, когда они перейдут на сторону врагов. Поэтому он решил спастись бегством в свои горные сатрапии. Тут ему удалось впоследствии набрать большое войско из даев и саков¹⁷, вступить затем в борьбу с противниками и вернуть себе власть¹⁸.

Источник: Иосиф Флавий. Иудейские древности. Сочинение в 20-ти книгах / Перевод и примечания Г. Генкеля. Предисловие и комментарии Г. Довгяло, В. Федосика. – СПб., 1900.

Иудейская война

Введение, перевод и примечания Я. Л. Чертка

Книга I. Глава 2

7. Затем он пошел на Самарию, где теперь расположен город Себаста, построенный царем Иродом, обвел ее валом и поручил осаду

двум своим сыновьям Аристовулу и Антигону. Так как последние тесно обложили город со всех сторон, то среди жителей его настал

такой страшный голод, что они вынуждены были питаться самым необыкновенным. В своей нужде они обратились за помощью к Антиоху Кизикену, который охотно откликнулся на их зов, но был побежден Аристовулом и Антигоном. Преследуемый братьями до Скифополиса, Антиох спасся бегством; победители же вернулись обратно к Самарии, сно-

ва заперли в ней жителей, покорили, наконец, город, срыли крепость до основания и жителей отвели в плен. Переходя от победы к победе и не давая охладеть охватившему их воинскому пылу, они двинулись с своим войском вперед до Скифополиса, разрушили этот город и опустошили всю страну по эту сторону Кармельского хребта.

Книга II. Глава 18

3. До этих пор иудеям приходилось бороться только с чужими нациями, но при своем нападении на Скифополь они столкнулись лицом к лицу с иудейским же населением этого города. Последнее из чувства самосохранения, подавив в себе чувство родства, перешло на сторону скифопольцев и выступило против своих же соотечественников¹⁹. Их усердие было, однако, слишком велико, чтобы не возбуждать подозрения. Скифопольцы действительно опасались, что они, пожелав загладить свою вину пред своими единоплеменниками, нападут на город ночью; ввиду этого они предложили иудеям, если они хотят подтвердить свой союз с инородцами и представить доказательство своей верности, то пусть они вместе с их семьями уйдут в загородную рощу. Иудеи, не подозревая никакой опасности, повиновались этому требованию. Чтобы ублажить их в их беспечности, скифопольцы два дня оставались в покое; но в третью ночь, улучив удобный момент, они напали на них в то время, когда они, ничего не подозревая, спали спокойным сном, и убили свыше тринадцати тысяч человек; вслед за этим они разграбили все их имущество.

4. Достойна повествования судьба Симона, сына небезызвестного мужа по имени Саул. Одаренный физической силой и отвагой, он и то и другое употреблял на зло своим единоплеменникам: ежедневно он врывался в лагерь иудеев, расположенный у Скифополя, и многих из них убивал; нередко он один приводил в бегство целые толпы людей, решая, таким образом, исход сражения. Но теперь его настигла заслуженная кара за братоубийство.

Книга III. Глава 9

7. Веспасиан, желая обозреть царство Агриппы (сам царь пригласил его к себе вместе с войском, для того, чтобы встретить их во всем великолепии своего дома, а с другой стороны, чтобы с помощью римлян укрепить свой шаткий престол), отправился из Кесареи приморской в Кесарею Филиппа (I: 21, 3, II: 9, 1). Здесь он дал своему войску двадцатидневный

В то время, когда скифопольцы окружили иудеев со всех сторон в роще и сыпали на них стрелами, Симон поднял свой меч и, не трогая никого из врагов, с подавляющей численностью которых он справиться не мог, в сильном возбуждении воскликнул: «От вас, скифопольцы, я получаю заслуженное возмездие за мои деяния – за ту дружбу к вам, которую я доказал убийством многих моих собратьев. Кто так тяжело прегрешил пред своим родным народом, для того вероломство со стороны чужих – справедливое воздаяние. Но мне не подобает принять смерть из рук врага – собственной рукой я прекращу свою обремененную проклятием жизнь. Только такая смерть может искупить мои преступления и доставить мне славу героя. Пусть никто из врагов не хвастает, что он убил меня и пусть никто не глумится над моим трупом». После этих слов он окинул свою семью (он имел жену, детей и престарелых родителей) взором, полным ярости и сожаления; первого он схватил отца за его серебристые волосы и пронзил его мечом; вслед за ним он убил свою мать, не выказывавшую ни малейшего сопротивления, а затем жену и детей, которые спешили почти навстречу его мечу для того, чтобы предупредить неприятеля. Умертвив таким образом всю свою семью, он стал на трупы убитых, высоко простер свою правую руку, чтобы не остаться скрытым ни для кого, и, чтобы сразу покончить с собою, воткнул себе меч глубоко в тело. Жаль было этого юношу, столь сильного телом и мощного духом, но его приверженность к инородцам заслужила такую участь.

другой стороны, он желал также воздать благодарность Агриппе за его гостеприимство и усмирением этих городов укрепить их за ним. Поэтому он послал своего сына, Тита, в Кеса-

рею для того, чтобы расположенное там войско перевести оттуда в Скифополь (самый большой в области десяти городов²⁰) близ Тивериады, и, сам отправившись туда, соединился с сыном.

Книга VII. Глава 4

Сарматы, напавшие на Мизию, принуждены возвратиться на родину.

3. Одновременно с только что упомянутым отпадением германцев в Риме получено было известие о возмущении скифов против римлян. Многочисленное скифское племя, сарматы, незаметно перешли через Дунай в Мизию и в огромном числе, распространяя повсюду панику неожиданностью своего нашествия, напали на римлян, истребили значительную часть тамошнего гарнизона, убили в кровавом побоище выступившего против них легата Фонтее Агриппу, после чего они разграби-

ли и опустошили всю покоренную страну. Веспасиан, услышав об этих событиях и об опустошении Мизии, послал для отмщения сарматам Рубрия Галла, который действительно множество из них уничтожил в сражениях, а остальных заставил бежать на родину. По окончании этой войны полководец позаботился о будущей безопасности того края: он снабдил его более многочисленными и более сильными гарнизонами, которые сделали невозможным для варваров переход через Дунай. Таким образом борьба в Мизии быстро разрешилась.

Глава 7

4. Об аланском народе я, как мне кажется, еще выше упомянул, как о скифском племенном, живущем на берегах Танаиса²¹ и Меотийского озера²². В то время они задумали предпринять хищнический набег на Мидию и еще более отдаленные страны и по этому поводу завязали переговоры с гирканским царем, ибо последний господствует над проходом, который царь Александр²³ сделал неприступным посредством Железных ворот²⁴. И вот, когда тот открыл им доступ, они многочисленными толпами напали на нечаявших никакой опасности мидян, опустошили густонаселенный, изобиловавший стадами край, не встречая нигде со стороны оробевшего населения никакого сопротивления. Царь страны Пакор бежал в страхе в непроходимые пусты-

ни, оставив все в их распоряжение; с трудом ему удалось выкупить у них за 100 талантов попавших к ним в плен свою жену и наложниц. Удовлетворяя свою разбойничью жадность беспрепятственно и даже без меча, они продолжали свой опустошительный набег до самой Армении. Царствовал здесь Теридат, который хотя и выступил им навстречу и дал им сражение, но тут сам чуть не попал живым в плен. Аланин издала накинул на него аркан и утащил бы его с поля брани, если бы царю не удалось вовремя перерубить мечом веревку и таким образом спастись. Варвары же, расвирепевшие еще больше от этой битвы, опустошили всю страну и с огромной массой пленников и добычи, награбленной ими в обоих царствах, возвратились обратно на родину.

Глава 8

7. Так говорил Элеазар. Но его мнение отнюдь еще не разделяли все присутствовавшие. Одни хотя спешили принять его предложение и чуть не возликовали от радости, так как смерть они считали великой честью для себя, но более мягкие охвачены были жалостью к своим женам и детям, а так как эти тоже видели перед глазами свою верную гибель, то они со слезами переглядывались между собой и тем дали понять о своем несогласии. Элеазар, заметив, что они уstraшены и подавлены величием его замысла, побоялся, чтобы они своими воплями и рыданиями не смягчили и тех, которые мужественно выслушали его слова. Ввиду этого он продолжал ободрять

их и, глубоко проникнутый величием охватившей его мысли, он повышенным голосом, устремив свой взор в плачущих, сам себя вдохновляя, начал говорить великолепную речь о бессмертии души. “Жестоко я ошибался, начал он, если я мечтал, что предпринимаю борьбу за свободу с храбрыми воинами, решившимися с честью жить, но и с честью умереть. Оказывается, что вы своей храбростью и мужеством несколько не возвысились над самыми дюжинными людьми, раз вы трепещете пред смертью тогда, когда она должна освободить вас от величайших мук, когда не следует медлить или ждать чьего-либо призыва. От самого раннего пробуждения сознания

в нас нам внушалось унаследованным от отцов божественным учением – а наши предки подкрепляли это и мыслью, и делом – что не смерть, а жизнь – несчастье для людей. Ибо смерть дарует душам свободу и открывает им вход в родное светлое место, где их не могут постигнуть никакие страдания. До тех же пор, пока они находятся в оковах брэнного тела и заражены его пороками, они, в сущности говоря, мертвы, так как божественное с тленным не совсем гармонирует. Правда и то, что душа может великое творить и будучи привязана к телу, ибо она делает его своим восприимчивым орудием, управляя невидимо его побуждениями и делами возвышая его над его смертной природой. Но когда она, освободившись от притягивающего ее к земле и навязанного ей бремени, достигает своей настоящей родной обители, тогда только она обретает блаженную мощь и ничем не стесняемую силу, оставаясь невидимой для человеческого взора, как сам Бог. Незрима она, собственно, во все время пребывания своего в теле: невидимо она приходит, и никто не видит ее, когда она опять отходит. Сама она неизменна, а между тем в ней же лежит причина всех перемен, происходящих с телом. Ибо чего только коснется душа, все то живет и процветает, а с чем она разлучается, то вянет и умирает – такова сила бессмертия, присущая ей. Наиболее верное доказательство того, что я вам говорю, дает вам сон, в котором души, нетревожимые телом, отдаваясь самим себе, вкушают самый сладкий покой в общении с Богом, Которому они родственны, повсюду летают и предвещают многое из грядущего. Как же можно бояться смерти, когда так приятен покой во сне? И не бессмысленно ли стремиться к завоеванию свободы при жизни и в то же время не желать себе вечной свободы? Уже в силу воспитания, полученного нами на своей родине, мы должны показать другим пример готовности к смерти. Но если мы тоже нуждаемся в чужих примерах, так взглянем на индусов, у которых можно научиться мудрости. Эти благородные мужи переносят земную жизнь нехотя, как отбытие какой-нибудь повинности природе, и спешат развязать душу от тела. Без горя, без нужды, а только из страстного влечения к бессмертному бытию, они возвещают другим, что намерены уйти от этого мира. Никто не препятствует им, а напротив, каждый считает их счастливыми и дает им поручения к умершим родственникам. Так твердо и незыблемо веруют они в общность

жизни душ. По выслушании этих поручений, они предают свое тело огню для того, чтобы как можно чище отделить от него душу, и умирают прославляемые всеми. Близкие им люди провожают их к смерти с более легким сердцем, чем другие своих сограждан в далекое путешествие: оплакивают они самих себя, умерших же они считают блаженными, так как те уже приняты в сонм бессмертных. Не стыдно ли вам будет, если мы покажем себя ниже индусов, если мы своей нерешительностью посраим наши отечественные законы, служащие предметом зависти для всего мира? Но если б даже нас издавна учили как раз противоположному, а именно, что земная жизнь – высочайшее благо человека, а смерть есть несчастье, то ведь настоящее наше положение требует, чтобы мы ее мужественно перенесли; ибо и воля Божия, и необходимость толкают нас на смерть. Бог, по-видимому, уже давно произнес этот приговор над всей иудейской нацией. Мы должны потерять жизнь, потому что мы не умели жить по Его заветам. Не приписывайте ни самим себе вины, ни римлянам заслуги в том, что война с ними ввергла всех нас в погибель. Не собственное могущество их довело нас до такого положения, но высшая воля, благодаря которой они только кажутся победителями. Разве от римского оружия погибли иудеи в Кесарее? В то время, когда последние и не помышляли об отпадении от римлян, среди субботнего праздника на них напала кесарийская чернь, которая избила их вместе с женами и детьми, не встречая ни малейшего сопротивления и не робея даже перед римлянами, которые только отпавших, подобных нам, объявили врагами. Мне, пожалуй, возразят, что кесарияне всегда жили в разладе с иудеями и, дождавшись удобного момента, выместили лишь старую злобу. Но что можно сказать о иудеях в Скифополисе? В угоду эллинам они подняли оружие против нас, вместо того чтобы в союзе с нами бороться с римлянами. Помогла ли им эта дружба и преданность эллинам? Вместе с семействами своими они были беспощадно умерщвлены ими. Так их отблагодарили за помощь. То, чего они не допускали нас причинять эллинам, постигло их самих, как будто они замыслили против них зло. Однако, слишком долго пришлось бы говорить, если бы я хотел перечислить все в отдельности. Вы знаете, что нет города в Сирии, где не истребляли бы иудеев, хотя последние были нам более враждебны, чем римляне. Дамаскинцы, например, не

имея даже возможности выдумать какой-либо благовидный повод, запятнали свой город ужасной резней, умертвив 18 000 иудеев вместе с женами и детьми. Число замученных на смерть в Египте превысило, как мы узнали, 60 000. Про все эти случаи можно по крайней мере сказать, что иудеи, живя в чужой стране, не находили того, что нужно для успешной борьбы против врага; но разве те, которые в своей собственной стране вели войну с римлянами, не обладали всеми средствами, которые в состоянии сулить несомненную победу? Оружие, стены, непобедимые крепости и мужество, бесстрашно смотревшее в глаза всем опасностям борьбы за освобождение, все сильнее воодушевляло всех на отпадение. Но все это, исполнявшее нас гордых надежд, выдержало лишь очень короткое время и послужило причиной величайших несчастий. Ибо все завоевано и досталось врагам, как будто оно было приготовлено для того, чтобы придать больше блеска их победе, а не чтобы содействовать спасению тех, которые обладали всем этим. Счастливы еще те, которые пали в бою, ибо они умерли сражаясь и не изменив свободе. Но кто не будет жалеть тех многих людей, которые попали в руки римлян? Кто для избавления себя от такой же участи не прибегнет к смерти? Одни из них умирали под пытками, мучимые плетью и огнем; другие, полусъеденные дикими зверями, сохранялись живыми для их вторичного пира на потеху и издевательство врагов. Но больше всех достойны сожаления те, которые еще живут; они каждый час желают себе смерти и не могут найти ее. А где великий город, центр всей иудейской нации, укрепленный столь многими обводными стенами, защищенный столь многими цитаделями и столь исполинскими башнями, – город, который еле окружила вся масса военных орудий, который вмещал в себе бесчисленное множество людей, сражавшихся за него? Куда он исчез этот город, который Бог, казалось, избрал своим жилищем? До самого основания и с корнем он уничтожен! Единственным памятником его остался лагерь опустошителей, стоящий теперь на его развалинах, несчастные старики, сидящие на пепелище храма, и некоторые женщины, оставленные для удовлетворения бесстыдной похоти врагов. Если кто подумает обо всем этом, как он может еще смотреть на дневной свет, если бы даже он мог жить в безопасности? Кто в такой степени враг отечества, кто так труслив и привязан к жизни, чтобы не

жалел о том, что еще живет на свете? О, лучше вы все умерли бы прежде чем увидели святой город опустошенным вражеской рукой, а священный храм так святотатственно разрушенным! Но нас воодушевляла еще не бесславленная надежда: быть может, нам удастся за все это отмстить врагу. Теперь же, когда и эта надежда потеряна, и мы так одиноко стоим лицом к лицу с бедой, так поспешим же умереть со славой! Умилосердимся над самими собою, над женами и детьми, пока мы еще в состоянии проявить такое милосердие. Для смерти мы рождены и для смерти мы воспитали наших детей. Смерти не могут избежать и самые счастливые. Но терпеть насилия, рабство, видеть, как уводят жен и детей на поругание, – не из тех это зол, которые предопределены человеку законами природы; это люди навлекают на себя своей собственной трусостью, когда они, имея возможность умереть, не хотят умереть прежде, чем доживут до всего этого. Мы же в гордой надежде на нашу мужественную силу отпали от римлян и только недавно отвергли их предложение сдаться им на милость. Каждому должно быть ясно, как жестоко они нам будут мстить, когда возьмут нас живыми. Горе юношам, которых молодость и свежесть сил обрекают на продолжительные мучения; горе старикам, которые в своем возрасте не способны перенести страдания. Тут один будет видеть своими глазами, как уводят его жену на позор; там другой услышит голос своего ребенка, зовущего к себе отца, а он, отец, связан по рукам! Но нет! Пока эти руки еще свободны и умеют еще держать меч, пусть они сослужат нам прекрасную службу. Умрем, не испытав рабства врагов, как люди свободные, вместе с женами и детьми расстанемся с жизнью. Это повелевает нам закон, об этом нас умоляют наши жены и дети, а необходимость этого шага ниспослана нам от Бога. Римляне желают противного: они только опасаются, как бы кто-нибудь из нас не умер до падения крепости. Поспешим же к делу. Они лелеют сладкую надежду захватить нас в плен, но мы заставим их ужаснуться картине нашей смерти и изумиться нашей храбрости”.

Источник: Иосиф Флавий. Иудейская война // Перевод с нем. Я. Л. Чертка, проверен по греческому тексту при содействии учителя древних языков Ф. Ф. Индры. С введением и примечанием переводчика. – СПб., 1900 г. Переиздание с пред. К. Ревяко, В. Федосика. – Минск, 1991.

О древности иудейского народа, или Против Апиона

Книга I

12. (60) Страна, которую мы населяем, расположена не на побережье, и мы не одобряем занятие торговлей и возникающее вследствие этого общение с другими народами. Наши города расположены в отдалении от моря, а в окрестностях земля, на которой мы живем, благодатная, и мы с усердием возделываем ее. Более же всего мы заботимся о воспитании детей, о сохранении законов, и наиважнейшим делом всей нашей жизни почитаем соблюдение в соответствии с ними исконного благочестия. Если же помимо сказанного принять во внимание и другие особенности нашего образа жизни, то станет ясно, что в древнейшие времена у нас не было ни единого повода вступать в общение с эллинами, – в отличие, например, от египтян, которые привозили от них и везли к ним свои товары, или от жителей побережья Финикии с их деловитостью и страстью к торговле, происходящей от свойственной им жажды приобретения. И никогда наши предки, в отличие от некоторых других, не занимались разбоем и грабежом⁵⁷, и не стремились воевать ради наживы, хотя в стране нашей людей, не лишенных отваги, великое множество. Так, финикияне, преодолевая по морю огромные расстояния, сами по торговым надобностям заплывали к эллинам и потому стали им известны, а через них – египтяне, и все те, от кого они доставляли эллинам товары. Мидийцы же, и затем персы заявили о себе завоеванием Азии, а последние предприняли даже поход на другой материк.

Фракийцы стали известны эллинам по причине соседства, а о скифах они узнали от тех, кто плавал в Понт. Вообще получилось так, что все жители побережий – на востоке или на западе – тем, кто имел желание что-либо написать, были известны лучше. А население областей, удаленных от моря, по большей части оказалось в неизвестности. Как видно, то же самое происходило и в Европе, если о городе Рима, который с незапамятных времен приобрел такое могущество и прославился в войнах деяниями столь великими, не упомянули ни Геродот, ни Фукидид, и ни один из их современников, но сведения о нем дошли до эллинов лишь многим позднее⁵⁸. О галлах и иберах настолько мало было известно тем, которые мнили себя правдивейшими писателями, что Эфор, один из них, полагал, будто иберы – это единый город, в то время как они населяют весьма обширную область на западе, а также и те, кто вздумал писать о каких-то неслыханных и несуществующих у них обычаях, как будто те по ним живут. Причина незнания об образе жизни этих народов в их общности, а сообщения о них недостоверных сведений – в желании историков казаться более осведомленными, чем остальные. Стоит ли удивляться, что наш народ большинству из них оставался неизвестным и что писателям он не дал повода к упоминанию о себе, поскольку проживает в таком удалении от моря и избрал для себя именно такой образ жизни?

Книга II

37. (262) Я не стану более говорить о лакедемонянах. Что же касается афинян, которые считали свой город открытым для всех, то Аполлоний просто не знал, как на самом деле они ко всему этому относились: ибо всякого, кто произнес о богах вопреки законам хотя бы слово, они наказывали беспощадно. В таком случае, отчего же, как не от этого, погиб Сократ? Город свой он врагам не предавал, никакого храма не грабил, но поскольку давал новые клятвы и, как иные утверждают, говорил не то в шутку, не то всерьез⁵⁹, что какое-то божество ему подсказывает, он был приговорен к смерти и принял чашу с ядом. Его обвинитель привлек его к суду за то, что он развращает юношей, наставляя их с презрением относиться к исконному государственному уст-

ройству и законам. Такая участь постигла Сократа, гражданина Афин. Был также и Анаксагор из Клазомен⁶⁰, который утверждал, что солнце само по себе есть раскаленная глыба; однако афиняне считали солнце богом, и уже приговорили было Анаксагора к смерти, если бы не всего лишь несколько камушков. И за поимку Диагора Мелосского⁶¹ была объявлена награда в один талант, потому что тот, как известно, позволил себе насмехаться над их мистериями. Также и Протагор⁶², если бы вовремя не бежал, был бы схвачен и казнен, потому что осмелился написать о богах нечто несогласное с общепринятым у афинян мнением. Впрочем, стоит ли удивляться тому, что они поступали так с достойнейшими мужами, если не щадили даже женщин? В свое

время они признали достойной смерти некую жрицу, когда кто-то обвинил ее в том, что она вводит в мистерии чужих богов⁶³. По их закону это было запрещено и в наказание тем, кто вводит чужеземное божество, полагалась смерть. Понятно, что люди, имеющие такой закон, принятые у других народов божества богами не считали. В противном случае, они не стали бы себя же ограничивать их числом. Итак, у афинян дела шли своим чередом⁶⁴. Но даже скифы, находящие удовольствие в убийстве людей и мало чем отличающиеся от диких зверей, – и те считали, что следует сохранять в чистоте собственные обычаи. Так, они умертвили Анахарсиса⁶⁵, восхищавшего эллинов своей мудростью, поскольку тот по возвращении от них оказался всецело пропитанным эллинским духом. И у персов также можно обнаружить множество случаев наказания людей смертью по той же причине. Причем о персидских законах Аполлоний, уж конечно, был самого высокого мнения, и даже ими восхищался, поскольку эллинам поневоле пришлось испробовать на себе их прославленное мужество и свойственное им единодушие в понятиях о божестве, – особенно когда те дотла сжигали их храмы и чуть было совсем их не поработили. Потому-то он и стал приверженцем всех персидских обычаев, насилуя чужих жен и оскоряя мальчиков⁶⁶. У нас же полагается смерть, даже если учинить подобное беззаконие и по отношению к бес-

словесному животному⁶⁷. А заставить нас отступить от этих законов не может ни страх перед победителями, ни желание подражать почитанию чужих святых. Мы воспитывали в себе не то мужество, которое нужно для ведения войны ради наживы, а то, с которым должно соблюдать собственные законы. Именно потому мы терпеливо переносим все прочие беды, и только когда нас заставляют нарушить наши законы, мы бесстрашно вступаем в жестокую войну и стойко переносим все несчастия, вплоть до самых страшных. Чего ради стали бы мы подражать чужим законам, если мы видим, что они не исполняются даже теми, кто сам их учредил? Ведь почему бы лакедемонянам не отказаться от полностью закрытого устройства своего государства и от презрительного отношения к браку, а элейцам и фиванцам – от своего противоестественного и уж слишком откровенного мужеложства? Так, всего того, что ранее признавалось у них полезным и прекрасным, пусть даже на деле им и не удалось избавиться от этого совершенно, они теперь не признают, но дополнительно вводят об этом законы, которые некогда обладали у эллинов такой силой, что даже богам приписывали мужеложство, а уж потом, естественно, допускали кровосмесительные браки с родными сестрами, тем самым оправдывая свой разврат в самых противоестественных и непристойных удовольствиях.

Примечания

¹ Шестая глава представляет по времени первую в древности обработку знаменитой генеалогической таблицы народов, помещенной в Библии. – *Перев.*

² *Аманом*, или *Абаном*, называется река, протекающая по живописной долине Антиливана и затем направляющаяся к городу Дамаску, чтобы наконец впасть в самое северное из дамасских озер. За быстрое течение и холодную воду река называется теперь Нахр-Барада ‘студеный поток’. По этой наиболее выдающейся реке Антиливана и самый хребет называется Аманом (Песн. 4:8). Более, однако, вероятным представляется нам признать в Амани ту юго-западную ветвь Тавра, которая ныне называется Альмадаг, а в классической литературе известна под именем *Amanus*. Предположение наше находит свое подтверждение также в том, что Тавр и Аман названы Иосифом Флавием вместе. Танаис – древнегреческое имя Дона, считавшегося границей между Азией и Европой. – *Перев.*

³ *Gadeir* (римск. *Gades*), ныне Кадикс – древняя финикийская колония, получившая свое имя якобы от семитского *geder* – ‘ограда’ (т. е. конец земли). На острове вблизи города возвышался во времена Страбона величественный храм Геракла, колонны которого были покрыты финикийскими

письменами. Тут же находился и древний оракул. – *Перев.*

⁴ *Гомар* является родоначальником киммерийцев, народа, жившего, по Гомеру (Одиссея XI: 14), в бессветной туманной мгле на севере от Понта Евксинского, западнее Дона. Галаты – кельтские племена, вторгшиеся в Малую Азию в 278-277 гг. до н. э., осели в местности Галатия. – *Перев.*

⁵ *Скифы* (VII–III вв. до н. э.) – народ североиранской ветви индоевропейской языковой семьи, родственны сарматам, массагетам, сакам; вытеснили из Северного Причерноморья киммерийцев. – *Перев.* [Ср.: “Хотя иногда так называют искусных полукочевых наездников, передвигавшихся к югу из придонских степей, скифы – это группа племен, которые жили к северу и к востоку от Черного моря. К VIII в. до н. э. они завоевали восточную Анатолию (Урарту) и северо-западный Иран (Мидию), вытеснив оттуда киммерийцев (Гомер). Их продвижение было остановлено ассирийцами при Саргоне II (722–705 гг. до н. э.), а в 676 г. они были разбиты Асархаддоном. Согласно Геродоту (I: 116; IV, 1), они господствовали на Ближнем Востоке в течение 28 лет (653–625 гг. до н. э.). Однажды они заключили союз с ассирийцами, чтобы освободить Ниневию (630), но позднее перешли на сторону вавилонян и, войдя в состав союзнических войск, захватили этот город в 612 г. до н. э. Египту при-

шлось откупиться от набега скифов в царствование Псамметиха I (664–610). Позднее Кир привлек их к участию в захвате Вавилона. Какие-то потомки скифских наемников обосновались в Беф-Сане, который называли Скифополем (Суд. 1: 27, LXX). Они продолжали контролировать торговлю к северу от Черного моря вплоть до I в. до н. э.; греки знали их как жестоких воинов, прославившихся необузданностью нравов, отраженной во 2 Мак. 4: 47, 3 Мак. 7: 5, 4 Цар. 10: 7. Знал Скифов и Павел (Кол. 3: 11). Скифы, известные как аскеназы (Быт. 10: 3; 1 Пар. 1: 6; Иер. 51: 27) или, согласно ассирийским источникам, ишкузы (Ishkuza), не оставили письменности. Однако археологические находки свидетельствуют о высокой культуре этого народа (Karmir Blur, “клад” в Зивие; широко распространенные характерные трехлопастные стрелы с зазубринами). – D. J. Wiesman. Скифы / Пер. Т. Бахуткиной // Новый библейский словарь. В двух частях. Ч. 2. Библейские реалии. – СПб., Мирт, 2001: 772].

⁶ *Мада, мадаи* – мидяне. *Мидия* – наименование племенного союза, а затем и державы, основанной пришлыми индоиранскими племенами к югу от Каспийского моря в IX – VIII вв. до н. э. Мидийцам удалось в конце VII – середине VI в. до н. э. создать громадную по территории державу от Капподокии на западе до границ с Индией на востоке. Затем она была захвачена персами и включена в состав Древнеиранской державы. – *Комм.*

⁷ *Иберы* – этническое название, обозначавшее в античных источниках восточногрузинские племена. В 65 г. до н. э. в Иберию вторглись римляне, но не утвердились и установили с иберами союзнические отношения. – *Комм.*

⁸ *Капподокция* – греческое название центральной части Малой Азии, где имели место частые этнические перемены. Древнейшее население, известное по письменным источникам, называло себя “хаттами”. С середины III тысячелетия до н. э. сюда проникли индоевропейские племена, которые, смешавшись с хаттами, стали именоваться хеттами. Их царство просуществовало до XII в. до н. э. и было уничтожено ветвью “морских народов”, выходцев с Балканского полуострова. В клинописных источниках их стали именовать мушки. Западные мушки создали Фригийское государство. Затем Капподокция была завоевана поочередно мидийцами (VI в. до н. э.) и державой Ахеменидов (V в. до н. э.). В IV в. до н. э. на короткое время стала независимой, затем вошла в состав державы Селевкидов, а с I в. до н. э. завоевана римлянами. – *Комм.*

⁹ *Мазака* – столица Капподокии; после смерти последнего царя Капподокии Архелая переименована в Кесарию (в честь императора Августа). – *Комм.*

¹⁰ *Фракийцы* – общее название группы индоевропейских племен, населявших в древности северо-восток Балкан и северо-запад Малой Азии. – *Комм.*

¹¹ *Фригийское* царство достигло наивысшего расцвета в VIII в. до н. э. в правление царей Гордия и Мидаса. – *Комм.*

¹² Это объяснение Иосифа Флавия совершенно неправильно. Главный город Киликии Тарс, лежащий на материке, довольно далеко от моря, смешивается Иосифом Флавием в этой книге (IX, 10, 2) с городом Тартессом богатой серебром и оловом испанской области Тартессиды. У Геродота (I, 168) рассказывается, что Тартесс был основан еще задолго до прибытия туда финикийцев выходцами из греческой области Фокиды. – *Перев.*

¹³ Ср.: Быт. 10: 4. Название этого народа упоминается в Септуагинте, у Евсевия и Иеронима, с незначительными фонетическими отличиями. – *Комм.*

¹⁴ *Скифополь* – Беф-Сан, Бет-Шан, Бен-Сан, Виф-Сан, Вифисан – город на юге Палестины в слиянии Израильской и Иорданской долин. Данное название было присвоено ему при скифах в конце VII в. до н. э. Этот город, существовавший с медного века и служивший египетским аванпостом в XV в. до н. э., скрывается в недрах 80-метрового холма Тель-эль-Хусн у деревни Бейсан, который содержит 19 археологических слоев. Ниже мы приводим лишь те фрагменты из сочинений Иосифа Флавия, которые с той или иной точки зрения характеризуют этот город и его население. – *А. Г.*

¹⁵ Албания находилась на территориях современных Азербайджана и Дагестана. – *Комм.*

¹⁶ Тацит в «Анналах» (VI: 33), описывая эти события, говорит не о скифах, а о родственниках им сарматах. – *Комм.*

¹⁷ У Тацита говорится о том, что Артабан II призвал на помощь скифов (Анналы. VI: 44). – *Комм.*

¹⁸ Более подробно эти события, связанные с борьбой за парфянский престол и Армению, изложены в «Анналах» Тацита (VI: 31–37, 41–44). По словам Тацита, именно Луцию Вителлию Тиберий поручил утвердить на парфянском троне римского ставленника. «Мне известно, – пишет Тацит, – что об этом человеке в Риме ходила дурная слава и что он оставил о себе позорную память, но провинциями он управлял с поистине древнею доблестью». Луций Вителлий позднее стал одним из приближенных императора Клавдия, ревностно помогал его супруге Мессалине в ее расправах над неудобными ей людьми, затем активно участвовал в осуждении своей покровительницы. – *Комм.*

¹⁹ В своей «Автобиографии» (§ 6) Иосиф вынужден сознаться, что скифопольские евреи были принуждены к этому коренными жителями.

²⁰ Область эта называлась Декаполисом (греческое слово, означающее десятиградье). Расположенные хотя в разных местах Иудейской земли, но населенные преимущественно чужеземцами: греками, римлянами и сирийцами, эти города после похода Помпея освободились от власти Маккавеев и образовали союз, существовавший еще около трех столетий после разрушения храма. В состав союза вошли города: Дамаск, Скифополь, Филадельфия, Рафана, Гадаа, Пелла, Герадза, Иппос, Дион и Каната. Число их, первоначально десять, впоследствии увеличилось.

²¹ Ныне Дон.

²² Азовское море.

²³ Македонский.

²⁴ Дербент.

²⁵ Фукидид (I: 5) говорит, что до времени Миноса разбой был почетным занятием. Ср. тж. Гомер. Одиссея III: 71 сл.

²⁶ Подобно Иосифу, позднейшие историки Полибий и Дионисий Галикарнасский указывают на отсутствие у древних греческих писателей всяких известий о Риме. Сведения о нем начинают проникать в греческую литературу около времени Пунических войн.

²⁷ Принятое чтение.

²⁸ Ок. 499–427 г. Своим спасением обязан Периклу.

²⁹ Современник Александра Великого, был известен как безбожник.

⁶² Протагор из Абдеры (V в.), один из известнейших греческих софистов. Его сочинения были публично сожжены.

⁶³ Ср. Плутарх. Демосфен и Цицерон: 41F. Пострадали за это жрицы Нинус и Феорида.

⁶⁴ Фраза не совсем ясна. В латинской версии переводчик совсем опустил ее. Другой вариант: “Потому афинское государство и погибло”.

⁶⁵ Происходил из царского рода, отправился в Грецию, чтобы послушать Солона, и преуспел в

философии. Желая по возвращении ввести у себя на родине греческие культы, поплатился за это жизнью (Геродот IV: 76).

⁶⁶ Об этом персидском обычае см. Геродот VI: 32. Также из сообщения Геродота (VIII. 105) можно заключить, что обычай кастрирования мальчиков был распространенным среди греков уже в глубокой древности.

⁶⁷ Преувеличение, однако см. Лев. 22: 24.

Источник: Иосиф Флавий. О древности иудейского народа, или Против Апиона //

Иосиф Флавий. О древности иудейского народа, или Против Апиона.

Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю / Пер. О. Л. Левинской.–

Москва-Иерусалим: Еврейский университет в Москве, 1994.

Дион Хрисостом

Δίων Χρυσόστομος – Dio Chrysostom

Дион Хрисостом (40–120), греческий философ и ритор. Родился в Прусе (совр. Бурса), в малоазийской провинции Вифиния, в знатной семье, получил блестящее риторическое и философское образование. Обучался у стоика Музония Руфа, но был близок и к учению киников. Жил в Риме при императорах дома Флавиев, но был изгнан Домицианом. Во время 14-летнего изгнания Дион вел жизнь бродячих философов-киников, зарабатывая на жизнь трудом и подражая им в бедности и неприязнательной простоте жизни. Вернулся в Рим в царствование Нервы и умер при Траяне, оставив 80 речей. Речи-диалоги Диона полны личных биографических моментов и общеполитических, но вполне доступных для среднего слушателя рассуждений. Блестящий софист, декламатор и ритор, он удостоился такой славы, что неоплатоник Синесий Киренский (впоследствии епископ Кирены), ожидая рождения сына, сочинил ему книжку под названием «Дион Хрисостом, или О жизни по его образцу», где восхваляет Диона как истинного философа, мыслителя, оратора и наставника в достижении высшей истины. Образцом для Диона были Гомер, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Демокрит, Зенон, Со-

крат, Платон, Аристотель, излюбленные авторы эллинистических римских поэтов и риторов, поэтому его сочинения пестрят примерами и цитатами из этих классических текстов, а Гомер, Сократ и Диоген оказываются примером для рассуждений Диона, восхвалявшего их простоту, бедность, мужество, “возвышенный образ мыслей” и полное отсутствие честолюбия. Представление об истинной красоте связано у Диона с моральным совершенством. Рассуждения о прекрасном поэте, прекрасном философе, прекрасном гражданине и прекрасном юноше неотделимы у Диона от выпадов против тиранов, древних и новых, Крития и Нерона, против потери гражданских доблестей в защиту гармонии красоты и добродетели. Тем не менее, радикальные антимонархические взгляды периода изгнания под ласковым воздействием императоров Нервы и особенно Траяна (последний стал для него воплощением идеала правителя) у Диона, категорически решавшего проблему рабства в пользу свободы, сменились лояльным монархизмом, а обрисованный Дионом в изысканных красках реальный, но далекий Борисфен оказался в итоге идеальной утопией.

Подробнее см.: А. Тахо-Годи. Дион Хрисостом // Античность в контексте современности.–

М., Изд-во МГУ, 1990, стр. 191-192; И. Нахов. Очерк истории кинической философии //

Антология кинизма.– М.: Наука, 1984, стр. 42-44.

Дион Хрисостом

Речи

VIII. Диоген, или О доблести

(32) ...А когда Геракл увидел, как усердно занимается гимнастическими упражнениями Бусирид, как он целыми днями ест и как чва-

нится своими успехами в борьбе, он бросил его оземь и распорол его тело, как слишком туго набитый мешок; он распустил пояс Ама-

зонки, соблазнявшей его и воображавшей, будто она одолевает его своей красотой; он овладел ею и показал ей, что он никогда не бу-

дет побежден красотой и никогда не отступит ради женщины от (33) своих подвигов¹.

Источник: Антология кинизма / Пер. М. Грабарь-Пассек. Прим. И. Нахова. – М.: Наука, 1984.

IX. О состязаниях (Истмийская речь)

(1) Однажды во время Истмийских игр² Диоген, живший в это время, по-видимому, в Коринфе, спустился на Истм. Однако он направился на празднество не с теми целями, как большинство пришедших туда, которые хотели поглазеть на участников состязаний, а кстати, и на славу полакомиться. Диоген же, я думаю, хотел поглядеть на людей и на их неразумие. Он знал, что характеры лучше всего раскрываются на общественных торжествах и празднествах, между тем как на войне и в лагерях люди более сдержанны из (2) страха перед опасностью. Кроме того, он полагал, что здесь они могут легче поддаться лечению – ведь и телесные болезни, когда они ясно проявятся, врачам легче исцелить, чем пока они еще скрыты; а те больные, которые не заботятся о том, чтобы побеседовать с врачом, скоро погибают. Поэтому-то Диоген и посещал (3) празднества. Он говорит в шутку, когда его порицали за “собачьи” повадки, – ведь за его суровость и придиричивость его называли псом, – что собаки действительно часто увязываются за хозяевами на празднества, но они никому не чинят никакого вреда, а лают и набрасываются только на злоумышленников

и грабителей; если же кто-нибудь, опьянев, заснет, то собаки не спят и охраняют его.

(4) Когда Диоген появился на празднестве, то никто из коринфян не обратил на него внимания, так как они часто видели его и в городе, и возле Крания; ведь люди не слишком-то интересуются теми, кто всегда у них на глазах и с кем, как они полагают, они могут общаться в любое время, когда им вздумается; а к тем, кого они видят только время от времени или кого они вообще никогда не видели, они сразу бросаются. Именно поэтому коринфянам всех меньше было пользы от Диогена (так же, как больные не хотят обращаться к врачу, живущему вместе с ними); они думали, что им хватит и того, что они видят его в своем городе.

(5) Что касается жителей других городов, то больше всего обращались к нему те, кто приходил издалека – из Ионии, Сицилии, Италии; были и пришедшие из Массилии и из Борисфена³; все они, правда, хотели, скорее, поглядеть на него и послушать его хотя бы короткое время, чтобы потом было что рассказывать, и вовсе не думали о том, как бы им самим стать лучше.

Источник: Антология кинизма / Пер. М. Грабарь-Пассек. Прим. И. Нахова. – М.: Наука, 1984.

XII. Олимпийская речь, или Об изначальном сознании божества

(6) Имея ее в виду, говорят, что сова любезна Афине, прекраснейшему и к тому же мудрейшему из божеств, – не даром у афинян сова даже удостоилась резца Фидия: он не счел ее недостойной стоять рядом с богиней, и народ это одобрил, между тем как Перикла и себя самого, по преданию, он изобразил на щите лишь тайком⁴.

(16) ...А ведь и теперь случилось так, что я только что проделал долгий путь от Истра через земли гетов и мисийцев, как их называет Гомер, пользуясь нынешним прозвищем племени. (17) Явился я к ним не как купец с товаром и не как иной войсковой поставщик с обозом или скотом, не прибыл я с посольством к военным союзникам, ни для торжественных поздравлений в окруженье свиты, беззвучно

вторящей моим молитвам. Нет, я “Без щита, без шелома и даже без дротика вышел”⁵, – (18) и вместе с тем и без всякого иного оружия. Так что меня изумляло, как это они выносили такое зрелище. Я ведь не опытный всадник, не меткий стрелок, не рубака в панцире и даже не кто-нибудь из легковооруженных без доспехов, не метатель дротиков или пращи, я не способен ни свалить лес, ни вырыть ров, ни накосить травы с вражеского луга под самым носом у неприятеля, не способен даже раскинуть шатер или возвести частокол, что умеют даже обозные, идущие за войском в качестве прислуги, – (19) так вот, во всем этом беспомощный, я оказался среди народа отнюдь не праздного и не имеющего досуга, чтобы слушать речи, совсем напротив! Люди

они рослые и горячие, словно скакуны перед канатом, которые от нетерпения в раже и пыле роют копытом землю. Там, хочешь не хочешь, повсюду видишь то мечи, то панцири, то копья и все кругом заполнено пиками, оружием, людьми в доспехах. (20) И вот я очутился один среди этих полчищ, беспечен и неловок, как не в меру мирный зритель военных действий: и телом слаб, и годами стар, и притом не поневоле являющийся в лагерь со зла-

тым жезлом и священным венком божества вызывать свою дочь, а желая сам увидеть воинов – одних, спорящих за власть и могущество, и других, сражающихся за свободу и отечество. Но вскоре, не убегая от опасности – да не подумает так никто! – а вспомнив о старом обете, я повернул сюда, к вам, полагая божественное выше и важнее человеческих дел, сколь бы значительны они ни были⁶.

Источник: Ораторы Греции / Пер. Н. Брагинской, М. Грабарь-Пассек. Прим. И. Ковалёвой, О. Левинской. – М.: Худ. лит., 1985.

XVIII. Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был

(31) А если он [Гомер] хотел воспеть именно гибель славных мужей, что же он обошел смерть Ахиллеса и Мемнона, Антилоха и Аякса и, наконец, самого Александра⁷? Отчего не описал поход амазонок и ту битву Амазонки и Ахилла, которая, по преданию, была так прекрасна и необычайна? (32) И в то же время он сложил рассказ о битве реки с Ахиллесом только для того, конечно, чтобы поразить слушателей, да еще изобразил поединок Гефеста и Скамандра и то, как боги обращают друг друга в бегство, одолевают друг друга и ранят, явно одержимый желаньем при нехватке предметов рассказать что-нибудь великолепное и захватывающее, тогда как еще очень много, причем важнейших, событий он оставил без внимания. (33) В таком случае либо придется признать Гомера столь скудоумным и скверно судящим в подобных вещах, что он предпочитает предметы сравнительно ничтожные и пустые и оставляет другим самые значительные и самые важные, либо согласиться, что он не умеет, как я и сказал, твердо стоять на лжи и проявлять свой дар сочинителя в том, истину о чем он хотел бы сохранить в тайне.

(47) И это тоже показалось мне правдоподобным, потому что и к дочери Клисфена, сикионского тирана, по преданию, сватался приезжий из Италии, и еще Гипподамию, дочь Эномая, взял в жены явившийся из Азии Пелоп, а Тесей женился на какой-то амазонке с берегов Фермодонта⁸, (48) и, по словам жреца, Ио тоже явилась в Египет как просватанная невеста, а вовсе не превращенная в корову и гонимая укусами овода.

(109) Дойдя до этого места, Гомер вконец изнемог, не зная, что делать со своим сочинительством, и пресытившись ложью; и вот он добавил еще какие-то погребальные игры,

уже совсем смехотворные, а потом приход в шатер к Ахиллу царя Приама, никем из ахейцев не замеченного, и выкуп тела Гектора. Но о том, как Мемнон и амазонки пришли на помощь троянцам, – о столь дивных и столь значительных делах он сказать не решился. Не рассказал он и о смерти Ахилла, и о взятии Трои: (110) видимо, он все же не посмел заставить давно усопшего Ахиллеса гибнуть сызнова, разбитых и бежавших ахейцев одерживать победы, а город, увенчанный славой, изобразить разоренным. И лишь те, которые пришли после, писали об этом уже не колеблясь, поскольку они сами были одурачены и обман успел упрочиться.

В действительности же дело было вот как. (111) После того как Гектор сразил Ахиллеса, пришедшего ахейцам на подмогу у кораблей, троянцы (как то бывало и прежде) расположились на ночлег поблизости от кораблей, чтобы устеречь ахейцев, ибо подозревали, что те скроются под покровом ночи. Гектор же удалился в город к родителям и супруге, радуясь свершенному им и оставив при войске Париса. (112) Сам Парис и дружина троянская уснули, что вполне понятно, так как были они утомлены, беды никакой не ждали и вообще все было благополучно. Как раз в это время Агамемнон с Нестором, Одиссеем и Диомедом сошлись на совет, а потом, храня молчание, стащили большую часть кораблей в море, поскольку понимали, что накануне они едва не погибли, а значит, и для бегства едва ли еще представится случай; к тому же уже сгорело довольно много кораблей, а не только корабль Протесилая. Сделавши это, ахейцы отплыли в Херсонес, оставив многих своих пленников и немало другого добра.

(113) С наступлением утра стало ясно, что произошло, и Гектор негодовал, досадовал и

брания Александра за то, что неприятель ушел у него из-под носа; а шатры троянцы сожгли и разграбили то, что осталось. Ахейцы же, посоветовавшись в безопасном месте – ведь у людей Гектора не было наготове кораблей, чтобы плыть за ними вдогонку, – все порешили возвращаться, потому что великое множество и притом лучших мужей уже сложили головы под Троей. Оставалась, однако, опасность, что троянцы, построив корабли, сейчас же двинутся против Эллады. (114) Вот почему Эллины вынуждены были остаться, пробавляясь, как и вначале, разбоем, с тем чтобы, когда Парису это надоест, как-нибудь замирился с ним и уйти по-хорошему. Как порешили, так и сделали, оставшись на противоположном от Трои берегу.

А тут к троянам из Эфиопии прибыл Мемнон, и с Понта им на помощь пришли амазонки и еще множество союзников, – они прослышали, что Приаму и Гектору сопутствует удача, а ахейцы почти все уничтожены, и вот одни стали приходить как друзья, другие – из страха перед могуществом троян, но все они, конечно, хотели помогать не побеждаемым и бедствующим, а победителям, одолевшим всех врагов. (115) Ахейцы послали к своим хоть за какой-то подмогой, потому что за пределами Эллады больше никто и ни в чем их не поддерживал. Но из дома прибыли только Неоптолем, сын Ахилла, еще совсем юноша, да Филоктет, отвергнутый прежде из-за его недуга, и еще подобного рода слабосильное и беспо-

мощное подкрепление. Ахейцы с их приходом немного перевели дух, вновь отплыли к Трое и возвели укрепление значительно меньше прежнего и не на прежнем месте на взморье, но заняв место повыше. (116) Одни корабли подошли поближе к укреплениям, а другие затаились, бросив якорь вдали от берега. А поскольку двигала ахейцами не надежда на победу, но, как я сказал, нужда заключить соглашение, то военные действия они вели не уверенно, а как-то двойственно, подумывая больше об отплытии домой. Так что в основном они устраивали засады да пускались наутек. И однажды в довольно жарком сражении, когда трояне рвались смести их оплот, Аянт был убит Гектором и Антилох пал от руки Мемнона, защищая своего родителя. (117) Но и сам Мемнон был ранен Антилохом и по дороге с поля боя скончался. В самом деле, ахейцам тут повезло, как никогда прежде: мало того что смертельно ранен был Мемнон, которого все так высоко ставили, – но и Амазонка, стремительно бросившаяся к кораблям и тцившаяся их поджечь, была сражена Неоптолемом⁹, который, стоя на корабле, дрался корабельною пикой, да еще и Александр тут же гибнет от стрелы Филоктета. (118) Так что трояне тоже приуныли, думая, что им никак не избавиться от войны и не видать больше победы. Да и Приам после гибели Александра стал уже не тот: он был бесконечно удручен и страшился за Гектора. Но положение ахейцев после смерти Антилоха и Аянта было и того хуже.

Источник: Ораторы Греции / Пер. Н. Брагинской, М. Грабарь-Пассек. Прим. И. Ковалёвой, О. Левинской. – М.: Худ. лит., 1985.

XXXVI. Борисфенитская речь, “произнесённая Дионом на своей родине”

(1) Мне довелось посетить город Борисфен летом; я приехал туда морем после моего бегства с родины, намереваясь, если будет возможно, пробраться через Скифию к гетам, чтобы увидеть своими глазами, как там живут люди. И вот однажды около полудня я бродил по берегу Гипанида: ведь сам город получил свое название от реки Борисфена, потому что она красива и широка, но лежит он на Гипаниде (там же, где находится нынешний город, было основано и первоначальное поселение) – несколько выше мыса, называемого мысом Гипполая, только на противоположном берегу; (2) этот мыс, остроконечный и каменистый, вклинивается, словно корабельный нос, между устьями обеих рек; реки, на-

чиная от этого места, образуют лиман, который тянется до самого моря примерно на двести стадиев; ширина обеих рек вместе взятых здесь тоже не меньше этого. Большая часть лимана заболочена, и при безветрии в ней господствует полное затишье, как в стоячих водах; лишь возле правого берега речное течение становится заметным, и, наблюдая это течение, моряки, входящие в лиман, определяют глубину воды. Здесь же, благодаря силе течения, река находит себе выход в море; иначе при сильном южном ветре, дующем против течения, в устье мог бы образоваться затор воды. (3) Весь окрестный берег болотист и порос густым камышом и деревьями; даже и в самом лимане растет много деревьев; они похо-

жи на мачты судов, и неопытные корабельщики подчас сбивались с пути, принимая их за корабли и держа на них курс. Здесь же находится множество солеварен, где закупают соль большинство варваров, а также греки и скифы, живущие в Херсонесе Таврическом. Обе реки впадают в море около крепости Алектор, принадлежащей, как говорят, супруге сарматского царя.

(4) Город борисфенитов по своей величине уже не соответствует своей былой славе, чему виной постоянные войны и разрушения. Ведь этот город, построенный очень давно, в самой гуще варварских племен и притом, пожалуй, наиболее воинственных, постоянно подвергается нападениям и не раз бывал захвачен врагами. Последнее и наиболее страшное разрушение он претерпел около ста пятидесяти лет тому назад. В ту пору геты захватили и этот город, и многие другие по левому берегу Понта до самой Аполлонии. (5) Поэтому положение греков, живших в этом краю, стало очень тяжким: некоторые города вовсе не были заселены заново, другие – едва-едва, причем по большей части в них поселились варвары. Немало городов в разных областях подвергалось захвату и разрушению, так как греческие поселения рассеяны повсюду.

Однако борисфениты после разрушения своего города снова, собравшись вместе, заселили его, по-видимому, согласно желанию скифов, которые хотели вести торговлю с греками, приезжавшими в эту гавань; когда город стал необитаем, греки перестали заезжать в него, так как у них не находилось земляков, у которых они могли бы остановиться; а сами скифы не сочли нужным, да и не сумели построить торговую пристань по греческому образцу.

(6) О том, что город пришлось восстанавливать после разрушения, свидетельствует плохая постройка зданий, а также и то, что весь город теснится на небольшом пространстве. Он пристроен к части старой городской стены, на которой уцелело еще несколько башен, но ни величия, ни мощи они городу не придают. Весь участок между башнями заполнен домами, так плотно притиснутыми друг к другу, что между ними даже проходов не остается. Их окружает невысокая стена, ненадежная и непрочная.

Еще несколько башен стоят очень далеко от нынешнего поселения, так что даже трудно представить себе, что они принадлежали к этому же городу. Таковы явные следы разру-

шений, а также и то, что в храмах нет ни одной статуи богов, сохранившейся в целости, – все они повреждены, как и изображения на надгробиях.

(7) Так вот, как я уже сказал, в тот день я совершал загородную прогулку, и меня догнали, выйдя из города, несколько жителей Борисфена, – они делали это нередко. Потом мимо нас промчался верхом Каллистрат, при скакавший откуда-то из-за города; но, отъехав недалеко, он сошел с коня, поручил его своему спутнику и подошел ко мне, весьма благопристойно держа руки под плащом; на поясе у него висел длинный меч – обычное оружие всадников, он носил шаровары, вообще был одет по-скифски, а на плечи у него был накинут короткий легкий черный плащ, как принято у борисфенитов; они предпочитают одеваться во все черное, по-видимому, следуя примеру одного скифского племени – меланхленов ('черных плащей'), которые, по моему мнению, получили это название от греков.

(8) Каллистрату было около восемнадцати лет, он был очень красив, высокого роста и имел в себе много черт ионийского типа. О нем говорили, что он храбр в бою и что он победил уже многих сарматов, одних убил, других взял в плен. Он живо интересовался и ораторским искусством, и философией, так что даже хотел пуститься в плавание вместе со мной. За все это он пользовался большим уважением среди своих сограждан, – впрочем, отчасти и за свою красоту: поклонников у него было много. Этот обычай – любовь к юношам – борисфениты унаследовали от коренных уроженцев своей греческой метрополии¹⁰; по-видимому, они и некоторых варваров приучили к тому же, – конечно, не к их благу, – тем более что варвары переняли это на свой варварский лад, в грубоватой форме.

(9) Зная, что Каллистрат очень любит Гомера, я завел с ним беседу об этом поэте. Правда, все борисфениты питают к нему особое пристрастие, вероятно потому, что они сами и в наше время воинственны, а может быть, и вследствие их преклонения перед Ахиллом¹¹; они почитают его чрезвычайно и воздвигли ему храмы – один на острове, названном его именем, другой в городе. Поэтому они ни о ком другом, кроме Гомера, ничего и слышать не хотят. И хотя сами они говорят по-гречески не совсем правильно, поскольку они живут среди варваров, но «Илиаду» почти все знают наизусть.

(14) Каллистрат остался недоволен моими словами и возразил: – Чужестранец, мы любим тебя и очень уважаем; иначе ни один борисфенит не стерпел бы того, что ты так отозвался о Гомере и Ахилле: Ахилл – для нас бог, как ты сам видишь, а Гомера “мы чтим почти наравне с богами”.

Тогда я, желая успокоить его и в то же время перевести нашу беседу на какой-нибудь иной предмет, для него полезный, сказал:

Прошу тебя простить мне,
А когда что суровое сказано ныне,
После исправим...¹²

Когда-нибудь в другой раз мы восхвалим и Ахилла и Гомера, – насколько, по моему мнению, он этого заслуживает за те свои мысли, которые правильны. (15) Но сейчас давай рассмотрим то, что сказал Фокид: мне кажется, что он прекрасно высказался касательно устройства города. – Пожалуйста, сделай это, – сказал Каллистрат, – ведь все, кого ты здесь видишь, очень хотели бы послушать тебя; оттого они и собрались здесь, у реки, хотя на душе у них не очень-то спокойно; ты ведь, наверное, Знаешь, что вчера в полдень скифы сделали набег, нескольких зазевавшихся стражей убили, а других, как видно, захватили в плен. Мы еще ничего точно не разузнали, так как скифы уже успели ускакать довольно далеко от города и притом в противоположном направлении.

(16) Дело действительно обстояло именно так: городские ворота были уже заперты накрепко, и на стене был поднят боевой знак. Однако все присутствующие были такими любителями послушать речи, настолько греками до мозга костей, что почти все горожане, уже вооруженные, сбежали сюда и хотели послушать, что я буду говорить.

И я, восхищенный их рвением, сказал: – Если хотите, может быть, мы пойдем в город и присядем где-нибудь? Ведь на ходу не всем удастся слышать то, о чем мы будем беседовать: тем, кто находится сзади, слушать неудобно, но они, проталкиваясь поближе, мешают и стоящим впереди. – (17) Едва я сказал это, как все ринулись к храму Зевса, где они обычно собирались на совет. Старейшие и наиболее уважаемые граждане уселись в круг на ступенях, а вся толпа стояла возле храма – перед ним была большая открытая площадь. Будь здесь философ, это зрелище доставило бы ему огромное удовольствие: все они выглядели точь-в-точь как те древние греки, которых описывает Гомер, длинноволосые и бородатые;

среди них был только один бритый, и за это все его порицали и ненавидели; говорили, что он придерживается этого обычая неспроста, а чтобы подольститься к римлянам и показать, что он им друг; таким образом, всякий мог видеть, насколько такое обличие позорно и ни в коем случае не подобает мужчинам.

(18) Когда все утихло, я сказал, что они, жители древнего греческого города, правильно поступают, желая послушать об устройстве и управлении городов.

(24) Я хотел развивать дальше мою основную мысль, когда один из присутствующих прервал меня громким возгласом. Он был самым старшим из них всех и пользовался величайшим уважением, но слова его были очень скромны: – Не сочти, чужестранец, – сказал он, – грубым и варварским поступком то, что я прервал тебя и помешал тебе продолжать твою речь. В вашем краю это, конечно, не принято, так как у вас нет недостатка в философских беседах и всякий может слушать речи многих ораторов о любом предмете; но для нас прямо-таки можно считать чудом, что к нам приехал ты; (25) ведь обычно к нам приезжают люди, которые только по называнию греки, а на деле еще большие варвары, чем мы сами; это – купцы и мелкие торгаши; привозят они нам всякие тряпки и скверное вино, да и от нас не вывозят ничего путного. Но тебя, наверное, сам Ахилл прислал к нам со своего острова; мы очень рады слушать все, о чем бы ты ни говорил. Однако мы думаем, что недолго ты пробудешь с нами, да и не желаем этого, – мы хотим, чтобы ты как можно скорее в добром здравии вернулся к себе домой! (26) Но так как ты в своей речи коснулся божественного миропорядка, то я чувствую, словно меня возносит ввысь какая-то божественная сила, и вижу, что и все присутствующие здесь рвутся послушать речь именно об этом предмете; ибо все, что ты сказал, показалось нам восхитительным и вполне достойным этой темы; это как раз то, о чем мы всего более хотели бы послушать. Что касается глубокого знания философии, то мы, конечно, им не обладаем, но, как ты знаешь, мы – любители Гомера, а кое-кто из нас – правда, немногие – и Платона; к ним можешь причислить и меня: я часто читаю его сочинения, насколько это мне доступно. Правда, тебе может показаться нелепым, что именно тот, кто больше всех граждан своей речью напоминает варвара, восхищается этим писателем, подлинно греческим, самым мудрым из всех, и

старается его изучать, – как если бы полуслепой человек, отворачиваясь от любого другого источника света, смотрел прямо на солнце.

(27) Вот как обстоит дело. Если хочешь доставить всем нам радость, отложи свою речь об обществе смертных людей, может быть, наши соседи завтра оставят нас в покое и мы не будем вынуждены мериться силами с ними, что нам постоянно приходится делать; поговори теперь с нами о божественном государстве, или о его строе – назови это как тебе угодно. Расскажи нам, где оно, каково оно, и при этом, насколько можешь, постарайся приблизиться к благородной свободе платоновской речи, что тебе, как нам показалось, только что удалось сделать.

Я не дерзнул бы, однако, бороться с героями древних Лет...¹³

Ведь, как говорит поэт, и Эврит напрасно вступил в бой с теми, кто был сильнее его¹⁴. Однако я не премину проявить в этом деле величайшее усердие.

Если даже мы многого и не поймем, то мы, во всяком случае, воспримем самый язык: он для нас привычен – ведь он звучит сходно с языком Гомера.

(28) Я был в восторге от простодушной искренности старика и ответил с улыбкой: – Дорогой Гиеросан! Если бы ты вчера, когда на вас напали враги, велел мне взяться за оружие и сражаться, как Ахилл, то я, конечно, исполнил бы твое первое желание и попытался сразиться за моих друзей, но, как бы я ни старался, второе твое желание – уподобиться Ахиллу – едва ли бы мог выполнить. Так и теперь я отвечу только на одну из твоих просьб и произнесу речь в меру моих сил, но

(29) Ответив ему так, я все же был сильно взволнован и собрался с духом, вызвав в памяти образы Платона и Гомера.

Примечания

¹ Одним из подвигов, которые надлежало совершить Гераклу, было овладение поясом царицы амазонок Ипполиты, дочери Ареса, для дочери Еврисфея.

² Данная речь была написана Дионом в изгнании, поэтому, говоря о судьбе Диогена, он имел, конечно, в виду и себя. Среди названных философов *Аристипп* – основатель гедонистической школы киренаиков, *Антисфен* – основатель кинической школы, *Евклид* – историк. После возвращения на родину вместе с другими наемниками, участвовавшими в походе Кира Младшего (401 г. до н. э.), Ксенофонт был осужден в 399 г. на изгнание и служил Спарте.

³ *Массилия* – совр. Марсель, *Борисфен* – наиболее значительная причерноморская греческая колония, которая была расположена на месте слияния Днепра (Борисфен) и Буга (Гипанис, Гипанид), более известна как Ольвия – у совр. села Парутино Николаевской области, Украина.

⁴ *Перикла и себя самого...* изобразил на щите лишь тайком. – Считается, что Фидий оставил портреты – свой и Перикла – в виде участников битвы греков с амазонками, изображенной на щите другой статуи – Афины Девственницы (Парфенос) из Парфенона. Тайком это было сделано потому, что изображение людей вместе с богами считалось кощунством.

⁵ *Без щита, без шелома...* – Илиада XXI: 50.

⁶ Дион вспоминает о своем путешествии в Да-

кию, к завоеванию которой готовилась в то время Римская империя (Вторая Дакская война). *Истр* – современный Дунай. *Геты* (лат. даки) – греческое название племени фракийского происхождения. *Мисийцы* – в период империи жители Мезии (в Северной Фракии), ставшей с 29 г. римской провинцией; Гомер называет мисийцами совсем другое племя – в Малой Азии.

⁷ *Ахиллес, Мемнон, Антилох, Апис, Александр*. – События, связанные со смертью этих героев, действительно не вошли ни в «Илиаду», ни в «Одиссею» – они описаны в поэме «Эфиопида», известной нам по пересказам позднейших авторов: царь эфиопов Мемнон, прибывший на помощь троянцам, убивает сына Нестора Антилоха и сам гибнет от руки Ахилла; Ахилла убивает стрелой Александр (т. е. Парис), Париса – Филоктет, а Аякс сам налагает на себя руки. Битву Амазонки (Пентесилей) и Ахилла также описывала «Эфиопида».

⁸ *Амазонка с берегов Фермодонта* – Антиопа, мать Ипполита. Амазонки жили якобы у сказочной реки Фермодонт близ Черного моря.

⁹ *Амазонка... сражена Неоптолемом...* – По обычной версии – Ахиллом.

¹⁰ *Метрополией* Борисфена был Милет.

¹¹ О культе Ахилла в Причерноморье см. «Плавание вокруг Понта Евксинского» Арриана.

¹² Гомер. Илиада IV: 362 сл.

¹³ Гомер. Одиссея VIII: 223.

¹⁴ Гомер. Одиссея VIII: 224 сл.

Источник: Поздняя греческая проза / Пер. М. Грабарь-Пассек. Прим. С. Поляковой. – М.: Худ. лит., 1961.

Плутарх Херонейский

Πλούταρχος Χαίρωνεύς – Plutarchus Chaeronensis

Плутарх Херонейский (ок. 45 – ок. 127) – греческий философ, педагог и биограф. Родился в городке Херонея в Беотии. В Афинах

изучал математику, риторику и философию. В молодости посетил Малую Азию, Египет, жил в Риме, где сблизился с соратником им-

ператора Веспасиана Луцием Местрием Флором и даже получил римское гражданство. При императоре Траяне был прокуратором провинции Ахайя. Возвратившись в Херонею, Плутарх создал своеобразную “домашнюю академию”, где в качестве лектора и воспитателя вместе с собственными сыновьями воспитывал и других молодых людей. Плутарх исполнял важные общественные должности, избирался архонтом и был удостоен звания почетного гражданина Афин, а в возрасте пятидесяти лет стал жрецом Аполлона в Дельфах.

Плутарх написал свыше 80 философско-дидактических трактатов, бесед и утешительных посланий, объединяемых в сборник под общим названием «Моралии» («Ἠθικά»), и 23 пары параллельных жизнеописаний выдающихся людей, из которых сохранились 22 пары, а также четыре единичных портрета.

Среди философско-дидактических трактатов особое место занимают «Греческие вопросы» и «Римские вопросы», где разбираются вопросы значения и происхождения различ-

ных обычаев греко-римского мира, в том числе культа.

В биографических произведениях морально-дидактические взгляды Плутарха нашли конкретное-образное выражение. Создавая биографии замечательных личностей ради воспитания на исторических примерах, Плутарх все же мало заботился о достоверности фактов, а потому обильно насыщал свои сочинения преданиями и анекдотами. Тем не менее, по причине утраты многих произведений, которыми Плутарх пользовался при написании своих трудов, его литературные портреты со временем приобрели и значение исторического источника.

Во многом благодаря Плутарху как талантливейшему компилятору греко-римская научная и литературная традиция в течение веков определяла европейскую мысль и литературу. Дидактические же идеи Плутарха оказали столь сильное воздействие на развитие европейской педагогики, что именно ему было приписано анонимное средневековое сочинение «О воспитании детей», пользующееся авторитетом и сегодня.

Подробнее см.: Античные писатели. Словарь. – СПб: Лань, 1999; Plutarchi vitae parallelae / Rec. Cl. Lindskog et K. Ziegler. V. I–IV. – Leipzig, 1969–1980; Plutarchi Moralia. V. I–VI. Lipsiae. – 1957–1974; Plutarch. Parallel lives. 11 Volumes / Translated by B. Perrin (Bi-lingual Text – Loeb Classical Library). – 1914–1926.

Плутарх

Сравнительные жизнеописания

Тесей

Перевод С. П. Маркиша, обработка перевода С. С. Аверинцева

Примечания М. Л. Гаспарова

1. Подобно тому как ученые мужи, трудясь над описанием земель, все ускользающее от их знания оттесняют к самым краям карты, помечая на полях: “Далее безводные пески и дикие звери”, или: “Болота Мрака”, или: “Скифские морозы”, или: “Ледовитое море”, точно так же и мне, Сосий Сенецион, в работе над сравнительными жизнеописаниями, пройдя чрез времена, доступные основательному изучению и служащие предметом для

истории, занятой подлинными событиями, можно было бы о поре более древней сказать: “Далее чудеса и трагедии, раздолье для поэтов и мифографов, где нет места достоверности и точности”. Но коль скоро мы издали рассказ о законодателе Ликурге и царе Нуме, то сочли разумным дойти и до Ромула, в ходе повествования оказавшись совсем рядом с его временем. И вот, когда я задумался, говоря словами Эсхила,

С подобным мужем выйдет кто на бой?

Кого послать? Кто с ним сравнится силой?¹ –

мне представилось, что с отцом непобедимого и прославленного Рима следует сопоставить и сравнить основателя прекрасных, всеми воспетых Афин. Я бы хотел, чтобы сказочный вымысел подчинился разуму и принял видимость настоящей истории. Если же кое-где он

со своевольным презрением отвернется от правдоподобия и не пожелает даже приблизиться к нему, просим благосклонного читателя отнестись со снисхождением к этим рассказам о старине.

26. По сообщениям Филохора и некоторых других, Тесей плавал к берегам Понта Евксинского вместе с Гераклом, помогая ему в войне против амазонок, и в награду за храбрость получил Антиопу. Но большинство историков – в том числе Ферекид, Гелланик и Геродор – утверждают, что Тесей плавал после Геракла, на своем корабле, и захватил амазонку в плен; это звучит более убедительно, ибо ни о ком из его товарищей по оружию не рассказывают, будто он взял в плен амазонку, а Бион говорит, что и та единственная была захвачена и увезена обманом. От природы амазонки мужелюбивы, они не только не бежали, когда Тесей причалил к их земле, но даже послали ему дары гостеприимства. А Тесей зазвал ту, что их принесла, на корабль и, когда она поднялась на борт, отошел от берега.

Некий Менеkrat, издавший историю вифинского города Никеи, пишет, что Тесей, завладев Антиопой, не сразу покинул страну амазонок. Среди его спутников было трое молодых людей из Афин, родные братья Эвней, Фоант и Солоэнт. Последний полюбил Антиопу и, скрывая свое чувство от всех прочих, доверился одному из товарищей. Тот поговорил с Антиопой, которая решительно отвергла искания влюбленного, но отнеслась к делу разумно и терпимо и не стала жаловаться Тесею. Солоэнт, отчаявшись, бросился в какую-то реку и утонул, а Тесей, узнав о причине его гибели и о страсти юноши, был чрезвычайно огорчен, и это горе напомнило ему об одном пифийском оракуле, который он счел соответствующим тогдашним своим обстоятельствам. Пифия в Дельфах повелела ему, как скоро в чужих краях его охватит неизбывная скорбь и уныние, строить на том месте город и оставлять в нем правителями кого-нибудь из своих людей. Вот почему, основав город, он дал ему имя Пифополя, в честь Аполлона, а ближней реке – Солоэнта, в память о юноше; начальниками и законодателями нового города он поставил братьев умершего и вместе с ними Герма, афинянина из сословия благородных. По нему одно из мест в городе было названо «Домом Герма», но пифополитанцы ошибочно прибавили лишний слог и говорят «Дом Гермеса», славу, принадлежащую герою, перенося на бога.

27. Таков был повод к войне с амазонками, которая, по всей видимости, оказалась делом отнюдь не пустячным, не женскою забавой. И верно, амазонки не разбили бы лагерь в самих

Афинах и не сражались бы совсем рядом с Пниксом и Мусеем², если бы сначала не овладели всей страной и не подступили безбоязненно к городским стенам. Что они, как сообщает Гелланик, пришли в Аттику, перебравшись через Боспор Киммерийский по льду, поверить трудно, но о том, что они стояли лагерем почти в Акрополе, свидетельствуют названия многих мест и могилы павших. Долгое время обе стороны медлили, не решаясь начать, но, в конце концов, Тесей, следуя какому-то прорицанию, принес жертву Ужасу³ и ударил на противника. Битва происходила в месяце боэдромионе, в память о ней и справляют афиняне праздник Боэдромии. Клидем, стараясь быть точным во всем, сообщает, что левое крыло амазонок растянулось до нынешнего Амазония, правым же они надвигались на Пникс вдоль Хрисы. С правым крылом афиняне и завязали бой, спустившись с Мусея, и могилы убитых находятся на улице, ведущей к воротам подле святилища героя Халкодонта, которые ныне зовут Пирейскими. В этой схватке афиняне отступили перед женщинами и были уже у храма Эвменид, когда другой их отряд, подоспевший от Палладия, Ардетта и Ликея, отбросил амазонок до самого лагеря, нанеся им большие потери. На четвертом месяце войны противники заключили перемирие благодаря посредничеству Ипполиты (Клидем называет подругу Тесея не Антиопой, а Ипполитой); впрочем, у некоторых историков говорится, что эта женщина пала от копья Молпадии, сражаясь рядом с Тесеем, и памятник подле храма Геи Олимпийской воздвигнут над ее телом. Нет ничего удивительного в том, что история блуждает в потемках, повествуя о событиях столь отдаленных. Так, например, нам рассказывают, что раненых амазонок Антиопа тайно переправила в Халкиду, и там они получили необходимый уход, а некоторые были похоронены близ места, теперь именуемого Амазонием. Но о том, что война завершилась мирным соглашением, свидетельствует и название соседствующего с храмом Тесея Горкомосия⁴, и жертвы, которые в древности приносили амазонкам накануне Тесей. Гробницу амазонок показывают у себя и мегаряне по дороге от площади к так называемому Русу, там, где стоит Ромбоид⁵. Сообщают также, что иные амазонки скончались близ Херонеи и были преданы земле на берегу ручья, который когда-то, по видимому, именовался Фермодонтом, а теперь носит название Гемона. Об этом говорит-

ся в жизнеописании Демосфена⁶. Кажется, что и Фессалию амазонки пересекли не без трудностей: их могилы еще и ныне показывают в Скотуссе близ Киноскефал.

28. Вот все об амазонках, что заслуживает упоминания. Что же касается рассказа автора

«Тесеиды»⁷ о восстании амазонок против Тесея, женившегося на Федре, о том, как Антиопа напала на город, как следом за нею бросились другие амазонки, жаждавшие отомстить обидчику, и как Геракл их перебил, – все это слишком похоже на сказку, на вымысел.

Сопоставление Тесея с Ромулом

30 (1). Вот и все, достойное упоминания, из тех сведений, какие нам удалось собрать о Тесее и Ромуле. Очевидно, во-первых, что один из них добровольно, без всякого принуждения, сам устремился навстречу великим подвигам, хотя мог спокойно править в Трезене, приняв по наследству царство отнюдь не безвестное, а другой, спасаясь от рабства, в котором он жил, и от наказания, которое ему грозило, сделался, как говорит Платон, мужествен от страха и отважился на великое дело по необходимости, боясь испытать самые худшие бедствия. Далее, главный подвиг второго – убийство одного тиранна, царя Альбы, а для первого и Скирон, и Синид, и Прокруст-Растягатель, и Коринет – всего только проба сил; убивая их и казня, Тесей освобождал Грецию от лютых тираннов, да так, что спасенные поначалу даже не знали имени своего спасителя. Первый волен был ехать морем, без всяких хлопот, не подвергаясь нападениям разбойников, второму невозможно было жить спокойно, пока не расстался с жизнью Амулий. Вот еще важное свидетельство в пользу Тесея: сам не претерпев никакой обиды, он поднялся на злодеев не ради себя, но ради других, а Ромул и Рем, пока злоба тиранна их не коснулась, были равнодушными свидетелями его бесчинств над всеми остальными. И если немалый подвиг – тяжело раненным выстоять в битве с сабинянами, сразить Акрона, одолеть многочисленных врагов, то всему этому можно противопоставить борьбу с кентаврами и с амазонками.

35 (6). И проступки Тесея, связанные с похищением женщин, также лишены благовидных оснований. Во-вторых, они были неоднократны: ведь он похитил и Ариадну, и Антиопу, и трезенянку Анаксо, а под конец Елену, отцветший – еще не расцветшую, старик, которому и о законных-то соитиях впору было уже забыть, – малолетнюю, не созревшую для соития. Во-вторых, трезенянки, спартанки и амазонки (не говоря уже о том, что они не были с ним обручены!) рожали детей нисколько не лучше, чем афинские женщины из рода Эрехтея или Кекропа, а это наводит на мысль,

что Тесеем руководили разнузданность и похоть. Ромул, во-первых, похитив без малого восемьдесят женщин, взял себе, говорят, только одну, Герсилию, остальных же разделил меж холостыми гражданами. Во-вторых, уважением, любовью и справедливостью, которыми затем были окружены эти женщины, он доказал, что его насильственный, несправедливый поступок был замечательным, мудрым деянием, направленным к объединению двух государств: и верно, ведь Ромул слил римлян с сабинянами, сплотил их в одно, открыв им источник будущего благополучия и могущества. О целомудрии и прочности, которые придал браку Ромул, о взаимной приязни супругов, свидетельствует само время: в течение двухсот тридцати лет ни один муж не решился покинуть жену, ни одна жена – мужа, и если особо любознательные из греков могут назвать имя первого отцеубийцы или матереубийцы, то у римлян каждый знает, что первым развелся с женой Карвилий Спурий, сославшись на ее бесплодие. О том, насколько правильны были установления Ромула, свидетельствуют, помимо их долговечности, сами последствия их: благодаря перекрестным брачным союзам цари разделили верховную власть, а народы – гражданские права. Напротив, браки Тесея не принесли афинянам ни дружбы, ни союза с кем бы то ни было, но лишь вражду, войны, убийства граждан и, наконец, потерю Афин; едва-едва, лишь благодаря состраданию врагов, к которым афиняне воззвали, словно к богам, и перед которыми благоговейно преклонились, им не пришлось разделить участь, выпавшую Трое по вине Александра⁸. Зато участь Гекубы не только грозила матери Тесея, но и постигла ее, оставленную и забытую сыном, если только пленение Этры – не вымысел, но ложь, каковою ему, этому пленению, и следовало бы оказаться вместе с большею частью остальных рассказней! Наконец, немалое различие и в преданиях о божественном вмешательстве: новорожденный Ромул был спасен при участии и явном благоволении богов, меж тем как полученное Эгеем предсказание ора-

кула, повелевавшего ему воздерживаться на чужбине от связи с женщиной, доказывает, видимо, что Тесей родился вопреки воле богов.

Источник: Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах.

Изд. второе, исправленное и дополненное Т. I / Перевод С. П. Маркиша, обработка перевода С. С. Аверинцева, примечания М. Л. Гаспарова. Издание подготовили С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. – М.: Наука, 1994.

Попликола

Перевод С. П. Маркиша, обработка С. С. Аверинцева

Примечания М. Л. Гаспарова

XIX. Выполняя свои обязательства, Порсена уже полностью прекратил военные действия, когда как-то раз римские девушки спустились к реке искупаться – в том месте, где берег, изгибаясь полумесяцем, делает течение ровным и тихим. Не видя рядом ни стражи, ни иных каких-либо посторонних глаз на суше или на воде, они испытали вдруг неодолимое желание переправиться через Тибр – такой быстрый и изобилующий глубокими омутами. Некоторые пишут, что одна из девушек, по имени Клелия, переплыла поток на коне, ободряя остальных. Когда они благополучно прибыли к Попликоле, тот не пришел в восторг от их поступка и даже не одобрил его, а был опечален тем, что прослышет менее добросовестным, нежели Порсена, и что причиной дерзости девушек сочтут коварство римлян. И вот, собравши беглянок, он всех отправил назад к Порсене. Об этом заранее узнали люди Тарквиния и, устроив засаду у переправы, превосходящими силами ударили на тех, кто сопровождал девушек. Провожатые, однако, стали защищаться, и дочь Попликолы,

Валерия, пробившись через самую гущу сражающихся, бежала, а вместе с нею – трое рабов, которые ее спасли. Прочие девушки, с немалой для себя опасностью, оставались среди бойцов, но Аррунт, сын Порсены, узнав о случившемся, тут же бросился на помощь римлянам и избавил их от смертельной опасности, обратив неприятеля в бегство. Когда девушек привели к Порсене, тот, взглянув на них, спросил, кто была зачинщицей побега и подбила на него остальных. Ему назвали Клелию. Порсена окинул ее взором благосклонным и веселым, велел привести из царских конюшен коня в богатом уборе и подарил его девушке. Это считают свидетельством своей правоты те, кто держится мнения, что Клелия одна переправилась через реку верхом. Но другие с ними не соглашаются, полагая, что этруск просто хотел почтить ее поистине мужскую отвагу. Там, где Священная улица начинает подниматься на Палатин, стоит конная статуя Клелии⁹, которую, однако, иные считают изображением Валерии.

Лукулл

По В. В. Латышеву

XIV... [Из речи Лукулла к войску во время осады Амиса в 71 г. до н. э.:] “Я именно того и желаю, сказал *Лукулл*, о том и стараюсь, оставаясь здесь, – чтобы Митридат снова усилился и собрал могущественное войско для того, чтобы мог противостоять нам и не бежать при нашем приближении. Разве вы не видите, что в тылу у него расстилается огромная, беспредельная пустыня, а вблизи *высит*ся Кавказ и множество глубоко изрезанных гор, которые могут скрыть и защитить десятки тысяч избегающих сражения царей...”

XVI. В войске Митридата был некий Олтак, властитель дандариев (дандарии – варварское племя из числа живущих по побережью Меотиды), отличавшийся на войне во всех случаях, где нужна сила и отвага, обла-

давший замечательным умом и, кроме того, приличный в обращении и услужливый. Постоянно споря с одним из соплеменных ему властителей о первенстве и завидуя ему, он обещал оказать Митридату важную услугу – убить Лукулла...¹⁰

XXIV. ...Махар¹¹, сын Митридата, владетель Боспора, послал ему [Лукуллу] венок ценной в тысячу золотых с просьбой о включении его в число друзей и союзников римлян...¹²

XXVI. ...[Во время осады Лукуллом Тигранокерт¹³ к Тиграну¹⁴:] собрались поголовным ополчением армяне и гордиены¹⁵, явились цари с поголовным ополчением мидян и адиабенов, пришло от моря, что при Вавилоне¹⁶, много арабов, и от Каспийского моря – мно-

жество албанов и их соседей иберов, прибыло также немалое количество из независимых племен, живущих по Араксу, из расположения или из-за даров...

XXXI... [В сражении близ Артаксат¹⁷, в войске Тиграна] было выстроено против Лукулла множество всадников и отборных отрядов, а перед ними – мардские конные стрелки

и иберские копьеносцы¹⁸, на которых Тигран полагался больше, чем на всех других наемников, вследствие их воинственности. Однако они не совершили ничего особенного: после непродолжительной перестрелки с римскими всадниками они не выдержали наступления пехоты и, в бегстве разделившись на две части, увлекли конницу к преследованию...

Сравнение Кимона и Лукулла

По В. В. Латышеву

III. Лукулл совершил важные военные подвиги: он первый перешел с римским войском через Тавр¹⁹... и подчинил... северные страны до Фасиса... Важным свидетельством этого служит то, что... Тигран и Митридат после Лукулла ничего другого не совершили; по-

следний, уже ослабленный и изнуренный предшествовавшей борьбой, ни разу не осмелился показать Помпею свою силу в открытом бою, но бежал на Боспор и там окончил свою жизнь²⁰.

Перикл

По В. В. Латышеву

XX... Перикл, вступив в Понт с большим и прекрасно снаряженным флотом, для эллинских городов выполнил все, о чем они просили, и вообще отнесся благосклонно, а окружаю-

щим варварским племенам и их царям и династам показал величину могущества афинян, бесстрашие и смелость, с которыми они плавали, куда хотели, и подчинили себе все моря²¹...

Сулла

По В. В. Латышеву

XI. Говорят, что в те самые дни, когда Сулла хотел двинуться с флотом от берегов Италии²²... Митридату, находившемуся в Пергаме, явилось много божественных знамений... так что народ пришел в трепет, а сам Митридат очень упал духом, хотя его дела шли тогда лучше всякого ожидания. Сам он, отняв

Малую Азию у римлян, а Вифинию и Каппадокию у местных царей, сидел в Пергаме, раздавая друзьям богатства, области и тирании, а из сыновей его один²³ в Понте и Боспоре без всякой помехи удерживал в своих руках старинную власть до необитаемых стран выше Меотиды...

Агесилай

Перевод К. П. Лампсакова

XVI. Перейдя через Геллеспонт, Агесилай двинулся по Фракии, не спрашивая на то разрешения ни у одного из варварских племен; он лишь отправил к каждому из них гонца с вопросом, желают ли они, чтобы он прошел через их страну как друг или как враг. Все приняли его дружелюбно и посылали ему для охраны столько людей, сколько было в их силах; одни лишь так называемые трошалы, которым и Ксеркс, как сообщают, должен был уплатить за проход через их землю, потребовали у Агесилая сто талантов серебра и столько же женщин. Но Агесилай, насмехаясь над ними, спросил: "Почему же они сразу не пришли, чтобы получить плату?" Он двинулся против них, вступил в сражение и обратил варваров в бегство, нанеся им тяжелые потери. С тем же вопросом он обратился к царю

Македонии; тот ответил, что подумает, а Агесилай сказал: "Хорошо, пусть он думает, а мы пока пойдем вперед". Царь удивился его смелости и, испугавшись, сообщил ему, что он может пройти по его стране как друг. Так как фессалийцы были в союзе с врагами Спарты, Агесилай стал опустошать их владения, посылал, однако, в то же время в Лариссу Ксенокла и Скифа с предложением дружбы. Оба они были схвачены и заключены в тюрьму. Все возмущались этим и полагали, что Агесилаю необходимо тотчас выступить и осадить Лариссу, однако он, сказав, что не хочет занять даже всю Фессалию ценою жизни хотя бы одного из этих двоих, получил обоим обратно, заключив мирное соглашение. Но этому, быть может, не стоит и удивляться: ведь когда в другой раз Агесилай узнал, что у Коринфа

произошла большая битва и со стороны спартанцев пало совсем немного, со стороны же противника – множество, он не проявил ни радости, ни гордости и лишь сказал с глубоко-

ким вздохом: “Горе тебе, Греция, что ты сама погубила столько людей, которые, если бы они еще жили, способны были бы, объединившись, победить всех варваров вместе взятых”.

Источник: Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. – Т. II / Изд. подготовили М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Маркиш. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Помпей

Перевод К. П. Лампсакова

XXX. Когда в Рим пришло известие, что война с пиратами окончена, а Помпей на досуге объезжает города, один из народных трибунов, Манилий, предложил закон о передаче Помпею всех провинций и войск, во главе которых стоял Лукулл, с прибавлением Вифинии (где наместником был Глабрион), для войны с царями Митридатом и Тиграном; за Помпеем должны были также сохраниться морские силы и командование на море на прежних условиях. Эта мера была не чем иным, как подчинением всей римской державы произволу одного человека...

XXXI. Действительно, его поступки вскоре показали это. Помпей всюду издавал распоряжения, созывал воинов, приглашал к себе подвластных римлянам правителей и царей и, проезжая через провинции, не оставлял неприкосновенным ни одного указа Лукулла: он отменял наложенные наказания, отнимал полученные награды и вообще ревностно старался во всем показать сторонникам Лукулла, что тот уже не имеет никакой власти...

XXXII. После этого Лукулл уехал, Помпей же, разделив весь свой флот для охраны моря между Финикией и Боспором²⁴, сам выступил против Митридата... Сам Митридат в начале сражения вместе с отрядом из восьмисот всадников прорвался сквозь ряды римлян, однако отряд этот быстро рассеялся, и царь остался всего лишь с тремя спутниками... [Они прибыли] в крепость Синору, где находилось множество царских сокровищ и драгоценностей. Митридат взял оттуда драгоценные одежды и роздал их тем, кто собрался снова вокруг него после бегства. Каждого из своих друзей царь снабдил смертоносным ядом, чтобы никто против своей воли не попался в руки врагов. Отсюда Митридат направился в Армению к Тиграну. Но после того как Тигран отказал ему в убежище и даже объявил награду в сто талантов за его голову, Митридат, миновав истоки Евфрата, продолжал свое бегство через Колхиду.

XXXIII. Между тем Помпей совершил вторжение в Армению, куда его приглашал молодой Тигран. Последний уже восстал против своего отца и встретил Помпея у реки Аракс. Эта река начинается в той же местности, что и Евфрат, но, поворачивая на восток, впадает в Каспийское море. Помпей и молодой Тигран шли вперед, захватывая города, встречавшиеся на пути. Однако царь Тигран, совсем недавно разбитый Лукуллом, узнав о мягком и добром характере Помпея, впустил римский караульный отряд в свой дворец, а сам в сопровождении друзей и родственников отправился к Помпею, чтобы отдаться в его руки. Когда царь верхом прибыл к лагерю, двое ликторов Помпея, подойдя к нему, велели сойти с коня и идти пешком, так как никогда в римском лагере не видели ни одного всадника. Тигран повиновался и даже, отвязав свой меч, передал им. Наконец, когда царь предстал перед Помпеем, он снял свою китару, намереваясь сложить ее к ногам полководца и, что самое постыдное, упасть перед ним на колени. Помпей, однако, успел схватить царя за правую руку и привлечь к себе. Затем он усадил его рядом с собой, а сына по другую сторону. Он объявил царю, что виновник всех прежних его несчастий – Лукулл, который отнял у него Сирию, Финикию, Киликию, Галатию и Софену. Землями же, которые еще остались у него, пусть он владеет, выплатив римлянам за нанесенную обиду семь тысяч талантов, а царем в Софене будет его сын. Эти условия Тигран охотно принял, и тогда римляне приветствовали его, как подобает царю, а Тигран, чрезвычайно обрадованный, обещал дать каждому воину по полмины серебра, центуриону по десяти мин, трибуну по таланту. Сын, напротив, сильно досадовал и когда его пригласили на угощение, заявил, что не нуждается в таких почестях со стороны Помпея, ибо может найти себе другого римлянина. Тогда Помпей велел наложить на него оковы и содержать в тюрьме для триумфа. Немного спустя Фраат, царь парфян, прислал к

Помпею послов, требуя выдачи молодого Тиграна как своего зятя и предлагая считать границей обеих держав Евфрат. Помпей отвечал, что Тигран больше родственник отцу, чем тестю, а что касается границы, то она будет установлена по справедливости.

XXXIV. Затем Помпей оставил Афрания²⁵ для охраны Армении, а сам, не видя иного выхода, направился преследовать Митридата²⁶ через земли, населенные кавказскими племенами. Самые многочисленные из этих племен – албаны и иберы; область иберов простирается до Московских гор²⁷ и Евксинского понта, а албаны живут к востоку до Каспийского моря. Албаны сперва согласились пропустить Помпея через их страну, но когда зима застигла римские войска в этой земле и римляне справляли праздник Сатурналий²⁸, а албаны, собравшись числом не менее сорока тысяч, переправились через реку Кирн²⁹ и напали на них. Река Кирн берет начало с Иберийских гор, принимает в себя Аракс, текущий из Армении, и затем впадает двенадцатью устьями в Каспийское море. Некоторые, однако, утверждают, что Кир не сливается с Араксом, но сам по себе, хотя и очень близко от Аракса, впадает в то же море³⁰. Помпей спокойно позволил варварам совершить переправу, хотя мог воспрепятствовать ей. Затем он напал на врагов и обратил их в бегство, многих перебив. Когда царь албанов через послов попросил пощады, Помпей простил ему обиду и, заключив мир, двинулся против иберов. Последние не уступали по численности албанам, но были гораздо воинственнее; они горели желанием показать свою преданность Митридату и прогнать Помпея. Иберы не были подвластны ни индийцам, ни персам; им удалось даже избежать власти македонян, так как Александр слишком быстро должен был отступить от Гиркании. Однако Помпей разгромил и их в большом сражении, перебив девять тысяч и взяв в плен больше десяти тысяч человек. После этого он вторгся в Колхиду. Здесь на реке Фасид его встретил Сервиллий во главе флота, который охранял Евксинский Понт.

XXXV. Преследование Митридата, который скрылся в области племен, живущих на Боспоре и вокруг Меотиды, представляло большие затруднения. Кроме того, Помпей получил известие о новом бунте албанов. В раздражении и гнев Помпей повернул назад, против них; он снова перешел реку Кирн – с трудом и подвергая войско опасности, ибо

варвары возвели на реке длинный частокол. Так как ему предстоял долгий и мучительный путь по безводной местности, он приказал наполнить водой десять тысяч бурдюков. Выступив против врагов, Помпей нашел их у реки Абанта³¹: уже построившимися в боевой порядок. Войско варваров состояло из шестидесяти тысяч пехотинцев и двенадцати тысяч всадников; однако большинство воинов было плохо вооружено и одето в звериные шкуры. Во главе войска стоял брат царя по имени Косид³², он, как только дело дошло до рукопашной, напав на Помпея, метнул в него дротик и попал в створку панциря. Помпей же, пронзив его копьем, убил на месте. В этой битве, как передают, на стороне варваров сражались также амазонки, пришедшие с гор у реки Фермодонта. Действительно, после битвы, когда римляне стали грабить тела убитых варваров, им попадались щиты и котурны амазонок, однако ни одного трупа женщин не было замечено. Амазонки³³ живут в той части Кавказа, что простирается до Гирканского моря, однако они не граничат с албанами непосредственно, но между ними обитают гелы и леги³⁴. С этими племенами они ежегодно встречаются на реке Фермодонте и проводят с ними вместе два месяца, а затем удаляются в свою страну и живут там сами по себе, без мужчин.

XXXVI. После этой битвы Помпей намеревался пройти до Каспийского моря, но вынужден был повернуть назад из-за множества ядовитых пресмыкающихся, хотя находился от моря на расстоянии всего трех дней пути. Затем он отступил в Малую Армению. Царям елимеев³⁵ и индийцев в ответ на их посольства Помпей отправил дружественные послания. Против парфянского царя, который совершил вторжение в Гордиену и разорял подвластные Тиграну племена, Помпей послал войско во главе с Афранием. Последний изгнал парфян и преследовал их вплоть до Арбетитиды.

XXXVIII. Из новой крепости Помпей прибыл в Амис. Здесь под влиянием своего безмерного честолюбия он совершил поступки, достойные порицания. Ведь прежде он сам издевался над Лукуллом за то, что тот, – хотя враг не был еще добит, – раздавал награды и почести, как обычно делают победители по окончании войны. А теперь, – хотя Митридат еще был владыкой на Боспоре и располагал боеспособным войском, – Помпей сам поступил точно так же: распорядился провинция-

ми (как будто с врагом уже было покончено) и раздавал награды, когда к нему во множестве являлись полководцы и властители; он награждал и двенадцать варварских царьков. В угоду последним Помпей захотел в ответной грамоте парфянскому царю обратиться к нему, величая титулом “царь царей”, как это делали при обращении остальные. Теперь им овладело бурное стремление захватить Сирию и проникнуть через Аравию к Красному морю, чтобы победоносно достигнуть Океана, окружающего со всех сторон обитаемый мир. Ведь и в Африке он первый дошел с победой до Внешнего моря, и в Иберии сделал Атлантический океан границей Римской державы, а незадолго до того, преследуя албанов, едва не дошел до Гирканского моря. Итак, Помпей решил снова выступить с войском, чтобы замкнуть Красным морем круг своих походов; кроме того, он видел, что к Митридату трудно подступиться с оружием и что при бегстве он опаснее, чем в сражении. Затем во главе большей части войска Помпей выступил в поход. Найдя еще не погребенные тела тех, кто пал во главе с Триарием в несчастном сражении с Митридатом³⁶, Помпей приказал похоронить их всех с почетом и пышностью (это упущение Лукула, видимо, особенно возбудило против него ненависть воинов). Афраний подчинил обитавших у подножья Амана³⁷ арабов, а сам Помпей между тем спустился в Сирию³⁸ и под предлогом отсутствия в ней законных царей объявил эту страну провинцией и достоинством римского народа. Помпей покорил также Иудею³⁹ и захватил в плен царя Аристубула. Что касается городов, то многие он основал, а многие освободил, подвергая наказанию тиранов, захвативших их. Больше всего времени он посвящал разбирательству судебных дел, улаживая споры городов и царей. Куда он сам не мог прибыть, он посылал своих друзей. Так, он послал трех посредников и третейских судей к армянам и парфянам, которые попросили его решить их спор об одной области. Действительно, слава его могущества была велика, но не меньшей была и слава справедливости и милосердия. Эта его слава покрывала большинство проступков его друзей и доверенных лиц, так как по натуре он был неспособен обуздывать или карать провинившихся. Сам же он оказывал такой ласковый прием всем, кто имел с ним дело, что обиженные легко забывали и прощали алчность и грубость его помощников...

XLI. В лагере не было готового возвышения для полководца и даже походного не успели соорудить (его обычно складывают из плотных кусков дерна), но воины поспешно, с чрезмерным усердием стащили в одно место вьючные седла и сделали из них возвышение. Помпей поднялся на него и сообщил воинам о смерти Митридата, который покончил с собой⁴⁰, после того как его собственный сын Фарнак поднял против него восстание. Фарнак овладел всем, что принадлежало его отцу, и написал Помпею, что он сделал это ради него и римского народа.

XLII. [После этого] Помпей... немедленно двинулся из Аравии и, быстро пройдя лежавшие на его пути области, прибыл в Амис и получил множество даров, привезенных от Фарнака, множество трупов царедворцев и труп самого Митридата...

XLV. Триумф Помпея был столь велик, что, хотя и был распределен на два дня, времени не хватило и многие приготовления, которые послужили бы украшению любого другого великолепного триумфа, выпали из программы зрелища. На таблицах, которые несли впереди, были обозначены страны и народы, над которыми справлялся триумф: Понт, Армения, Каппадокия, Пафлагония, Мидия, Колхида, иберы, албаны, Сирия, Киликия, Месопотамия, племена Финикии и Палестины, Иудея, Аравия, а также пираты, окончательно уничтоженные на суше и на море. В этих странах было взято не менее тысячи крепостей и почти девятьсот городов, у пиратов было захвачено восемьсот кораблей, тридцать девять опустошенных городов были заселены вновь. Кроме того, на особых таблицах указывалось, что доходы от податей составляли до сих пор пятьдесят миллионов драхм, тогда как завоеванные им земли принесут восемьдесят пять миллионов. Помпей внес в государственную казну чеканной монеты и серебряных и золотых сосудов на двадцать тысяч талантов, не считая того, что он роздал воинам, причем получившему самую меньшую долю досталось тысяча пятьсот драхм. В триумфальной процессии, не считая главарей пиратов, вели как пленников сына Тиграна, царя Армении, вместе с женой и дочерью, жену самого Тиграна, Зосиму, царя иудеев Аристубула, сестру Митридата, пятерых его детей и скифских жен; затем вели заложников, взятых, у албанов, иберов и царя Коммагены. Было выставлено множество трофеев, в целом равное числу побед, одержанных самим Пом-

пеем и его полководцами. Но что больше всего принесло славы Помпею, что ни одному римлянину еще не выпадало на долю, это то, что свой третий триумф он праздновал за победу над третьей частью света. До него и другие трижды справляли триумф, но Помпей получил первый триумф за победу над Африкой, второй – над Европой, а этот последний –

над Азией, так что после трех его триумфов создавалось впечатление, будто он некоторым образом покори́л весь обитаемый мир.

XLVI. Помпею тогда не было еще, как утверждают писатели, во всем сравнивающие и сближающие его с Александром, тридцати четырех лет; в действительности же возраст его приближался к сорока⁴¹.

Источник: Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. – Т. II / Изд. подготовили М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Маркиш. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Александр

XIV. Затем Александр с лучшей частью войска отправился в Гирканию. Там он увидел морской залив, вода в котором была гораздо менее соленой, чем в других морях. Об этом заливе, который, казалось, не уступал по величине Понту, Александру не удалось узнать ничего определенного, и царь решил, что это край Меотиды. Между тем естествоиспытатели были уже знакомы с истиной, и за много лет до похода Александра они писали, что Гирканский залив, или Каспийское море, – самый северный из четырех заливов Океана⁴².

XV. Из Гиркании Александр выступил с войсками в Парфию, и в этой стране, отдыхая от трудов, он впервые надел варварское платье, то ли потому, что умышленно подражал местным нравам, хорошо понимая, сколь подкупает людей все привычное и родное, то ли, готовясь учредить поклонение собственной особе, он хотел таким способом постепенно приучить македонян к новым обычаям. Но всё же он не пожелал облачаться полностью в индийское платье, которое было слишком уж варварски и необычным, не надел ни шаровар, ни кандия⁴³, ни тиа-ры, а выбрал такое одеяние, в котором удачно сочеталось кое-что от индийского платья и кое-что от персидского: более скромное, чем первое, оно было пышнее второго. Сначала он надевал это платье только тогда, когда встречался с варварами или беседовал дома с друзьями, но позднее его можно было видеть в таком одеянии даже во время выездов и приемов. Зрелище это было тягостным для македонян, но, восхищаясь доблестью, которую он проявлял во всём остальном, они относились снисходительно к таким его слабостям, как любовь к наслаждениям и показному блеску. Ведь, не говоря уже о том, что он перенес прежде, совсем незадолго до описываемых здесь событий он был ранен

стрелой в голень, и так сильно, что кость сломалась и вышла наружу, в другой раз он получил удар камнем в шею, и долгое время туманная пелена застилала ему взор. И все же он не щадил себя, а непрестанно рвался навстречу всяческим опасностям; так, страдая поносом, он перешел реку Орексарт⁴⁴, которую принял за Танаид⁴⁵ и, обратив скифов в бегство, гнался за ними верхом на коне целых сто стадиев.

XLIV. [После смерти Дария Александр] с отборнейшими силами вступил в Гирканию; увидев морской залив, показавшийся не меньше Понта, но имевший более пресную воду, чем в других морях, Александр не мог узнать о нем ничего определенного и предположил, что это, скорее всего, разлив Меотийского озера. Однако естествоиспытатели знали правду и уже за много лет до похода Александра объяснили, что это так называемое Гирканское или Каспийское море есть самый северный залив из числа четырех, вдающихся в сушу от внешнего моря.

XLV. Оттуда двинувшись в Парфию... и переправившись через реку Орексарт, которую он принял за Танаис, он разбил скифов и преследовал их на расстоянии ста стадиев, несмотря на страдания от поноса...

XLVI. Здесь прибыла к нему царица амазонок, как говорит большинство писателей, в том числе Клитарх, Поликлет, Онесикрит, Антигон и Истр; а Аристокбул, докладчик Харес, Птолемей, Антиклид, Филон Фиванский и Филипп Теангелийский и вместе с ними Гекатей Эретрийский, Филипп Халкидский и Дурис Самосский называют это вымыслом. Их мнения подтверждает, по-видимому, и сам Александр: все подробно описывая Антипатру, он говорит, что скифский царь предлагал ему в замужество свою дочь, а об амазонке не упоминает⁴⁶. Говорят, что много лет спустя, уже в царствование Лисимаха, Онесикрит

читал ему свою четвертую книгу, в которой было написано об амазонке; Лисимах, тихо улыбнувшись, сказал: “А где тогда был я?”

Впрочем, ни тот, кто не верит этому, не будет меньше удивляться Александру, ни верящий – больше.

Источник: Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т.. – Т. II / Изд. подготовили М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Маркиш. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Цезарь

[Цезарь] готовился к войне с парфянами, а после покорения их имел намерение, пройдя через Гирканию вдоль Каспийского моря и Кавказа, обойти Понт и вторгнуться в Скифию, затем напасть на соседние с Германией

страны и на саму Германию и возвратиться в Италию через Галлию, сомкнув круг римских владений так, чтобы со всех сторон империя граничила с Океаном⁴⁷.

Источник: Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т.. – Т. II / Изд. подготовили М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Маркиш. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Антоний

XXXIII. После заключения мира Антоний отправил в Азию Вентидия, чтобы остановить парфян, а сам, уступая желанию Цезаря, принял звание и должность жреца старшего Цезаря⁴⁸. И вообще они согласно и дружно решали важнейшие государственные дела, и лишь игры и забавы доставляли Антонию огорчения, потому что Цезарь неизменно брал над ним верх. В свите Антония был один египетский прорицатель, составлявший гороскопы, и, то ли в угоду Клеопатре, то ли без всякой задней мысли, он прямо, не стесняясь, говорил Антонию, что его счастье, как бы велико и блистательно оно ни было, Цезарем затмевается, и советовал держаться как можно дальше от этого юноши. “Твой гений, – говорил египтянин, – боится его гения, сам по себе он высокомерен и кичлив, но вблизи от него впадает в смирение и уныние”. И, сколько можно судить, происходившее подтверждало слова египтянина. В самом деле, передают, что когда они в шутку мечтали о чем-нибудь, кидали жребий или играли в кости, в проигрыше всегда оставался Антоний. Всякий раз, как они стравливали петухов или боевых перепелов, победа доставалась Цезарю. Антоний втайне об этом сокрушался; все чаще и чаще прислушивался он к речам египтянина и, наконец, покинул Италию, домашние свои заботы передав Цезарю. Октавия, которая тем временем родила дочку, проводила его до самой Греции. Зимую в Афинах, Антоний получил известие о первых успехах Вентидия, который разбил парфян, причем в сражении пали Лабие и лучший из полководцев царя Гирода⁴⁹ – Франипат. На радостях Антоний задавал грекам пиры и исполнял обязанности

афинского гимнасиарха. Оставляя дома знаки своей величайшей власти, он появлялся на людях в греческом плаще, в фекадах⁵⁰, с тростью гимнасиарха и, схватываясь с молодыми борцами, ловким приемом валил их наземь.

XXXIV. Готовясь выехать к месту военных действий, он украсил себя венком из ветвей священной маслины и, повинуясь какому-то оракулу, набрал в мех воды из Клепсидры⁵¹ и повез с собою. Между тем Вентидий встретил в Киррестике царского сына Пакора, снова наступавшего на Сирию с огромным войском, и разгромил врага, нанеся ему страшные потери. Одним из первых был убит сам Пакор. Победой этой⁵² – одною из самых прославленных своих побед – римляне полностью отомстили за гибель Красса и снова загнали парфян, потерпевших подряд три тяжелых поражения, в пределы Мидии и Месопотамии. Преследовать парфян далее рубежей Месопотамии Вентидий не захотел – он боялся зависти Антония, – но обратился против изменивших римлянам городов, привел их к покорности и осадил в Самосаде Антиоха, царя Коммагены. Антиох был согласен уплатить тысячу талантов и впредь подчиняться распоряжениям Антония, но Вентидий приказал ему отправить послов к самому Антонию, который был уже близко и не позволял своему полководцу заключать мир, желая хоть это единственное дело обозначить своим собственным именем, чтобы не казалось, будто все достижения на Востоке – заслуга одного Вентидия. Осада, однако же, затягивалась, неприятели за стенами Самосаты отказались от надежды на перемирие и стали защищаться с удвоенной силой, и Антоний, ничего не достигнув, в

стыде и раскаянии, был рад примириться с Антиохом, получив от него триста талантов. Произведя кое-какие незначительные перемены в Сирии, Антоний возвратился в Афины и послал Вентидия праздновать триумф, предварительно сам оказав ему заслуженные почести. Вплоть до нашего времени Вентидий остается единственным, кому довелось справить триумф над парфянами. Он был человек незнатного происхождения, но дружба с Антонием открыла ему путь к великим подвигам, и со славою пройдя этот путь до конца, он подтвердил уже и без того распространенное мнение, что Антоний и Цезарь более удачливы в войнах, которые ведут не сами, но руками и разумом своих подчиненных. И верно, полководец Антония Сессий⁵³ блестяще действовал в Сирии, а Канидий, которого он оставил в Армении, одержал верх и над армянами, и над царями иберов и албанов и продвинулся до Кавказа, так что имя Антония и молва об его могуществе прогремели среди варваров с новою силою.

XXXVII. Когда Фраат⁵⁴ умертвил своего отца Гирода и овладел царскою властью, многие парфяне бежали из отечества и среди них – Монес, человек видный и могущественный. Он искал прибежища у Антония, который, уподобив его судьбу судьбе Фемистокла, а собственную власть и великодушие – великодушию и власти персидских царей, даровал ему три города – Лариссу, Аретусуз и Тиераполь, который прежде назывался Бамбикой⁵⁵. Но затем парфянский царь прислал Монесу заверения в своей благосклонности, и Антоний охотно его отпустил с тайною целью обмануть Фраата. Антоний просил передать ему, что согласен заключить мир, если парфяне вернут знамена, захваченные при разгроме Красса, и уцелевших с того времени пленных, но сам, отправив Клеопатру назад, в Египет, выступил через Аравию в Армению⁵⁶, где римское войско встретилось с союзными царями, которых было великое множество, и первое место среди них принадлежало Артабазу Армянскому⁵⁷, выставившему шесть тысяч конницы и семь пехоты. Антоний устроил смотр. Римской пехоты было шестьдесят тысяч, ее поддерживала испанская и кельтская конница, числом десять тысяч, всех остальных союзников – вместе с конниками и легковооруженными – набралось тридцать тысяч. И такая исполинская сила, испугавшая даже индийцев за Бактрианой и повергнувшая в трепет всю Азию, пропала даром, как говорят – из-за

Клеопатры. И верно, думая лишь об одном – как бы провести зиму с нею вместе, Антоний начал поход раньше срока и далее действовал, ни в чем не соблюдая должного порядка, ибо уже не владел своим рассудком, но, во власти какого-то колдовства или же приворотного зелья, постоянно устремлял взоры к Египту и в мыслях держал не победу над врагами, но скорейшее возвращение.

XXXVIII. Прежде всего, ему следовало перезимовать в Армении и дать передышку войску, изнуренному переходом дом в восемь тысяч стадиев, а в начале весны, прежде чем парфяне снимутся с зимних квартир, занять Мидию, но Антоний не выждал надлежащего срока, а немедленно двинулся дальше, оставив Армению по левую руку, и, достигнув Атропатены, стал разорять страну. На трехстах повозках везли осадные машины, в том числе восьмидесятифунтовый таран, но если какая-нибудь из них получала повреждения, починить ее было невозможно, потому что во внутренней Азии нет леса нужной твердости и длины, и Антоний, которого этот обоз только обременял и задерживал, оставил его под охраною сторожевого отряда во главе со Статианом, сам же осадил большой город Фрааты, в котором находились дети и жены мидийского царя⁵⁸. В самом непродолжительном времени обнаружилось, какую громадную ошибку он совершил, бросив машины, и тогда, подступив к городу почти вплотную, Антоний начал насыпать вал, но работа шла медленно и очень трудно. Фраат с большим войском уже шел на выручку осажденным и, узнав об оставленных повозках с машинами, выслал сильный отряд конницы, которая зажала Статиана в кольцо и перебила десять тысяч римских солдат. Сам Статиан тоже погиб, машины варвары изломали и разбили. Кроме машин, в их руках оказалось множество пленных, и среди них – царь Полемон⁵⁹.

XXXIX. Эта неожиданная неудача в самом начале, разумеется, привела в глубочайшее уныние Антония и его людей, а царь Армении Артабаз счел дело римлян проигранным и, забрав всех своих, удалился, хотя главным виновником войны был именно он. Вскоре появились гордые победой парфяне. Они глумились над осаждающими и осыпали их угрозами, и Антоний опасался, как бы войско, томясь бездействием, не пало духом окончательно, а потому с десятью легионами, тремя преторскими когортами⁶⁰ и всею конницею отправился добывать продовольствие и корм

для лошадей – в надежде, что так скорее всего вынудит врагов принять открытый бой. После первого дневного перехода, наутро, Антоний увидел, что парфяне окружают расположение римлян и готовятся напасть на врага в пути, и поднял в лагере сигнал к битве⁶¹, но в то же самое время свернул палатки, словно намереваясь отступить, а не сражаться, и двинулся мимо варваров, выстроившихся полумесяцем. Римская конница получила приказ: как только тяжелая пехота приблизится к первым рядам парфян на полет стрелы, – немедленно гнать коней на врага. Парфян, стоявших при дороге, построение римлян до крайности изумило, и они настороженно следили за неприятельскими воинами, которые шли молча, спокойно, храня равные промежутки между рядами, и только потрясали на ходу копьями. Когда же прозвучала труба и римские конники повернули и с шумом ринулись в нападение, их натиск парфяне выдержали, хотя луки сразу оказались и бесполезны и бессильны – враги были слишком близко, но следом в дело вступила пехота, издавая оглушительные крики и грохоча оружием; тут и парфянские кони испугались, и сами всадники обратились в бегство, не дожидаясь рукопашной Антоний с жаром преследовал бегущих, питая немалые надежды этим сражением завершить войну полностью или, по крайней мере, в основном. Пехотинцы гнались за парфянами пятьдесят стадиев, конница – вдвое больше, но, подсчитав вражеские потери, обнаружили, что пленными противник потерял тридцать человек, а убитыми восемьдесят, и всех охватило чувство бессилия и отчаяния, всех угнетала страшная мысль, что победа дает им выигрыш, столь ничтожный, а поражение может снова отнять столько же, сколько отняло побоище у повозок. На другой день римляне вернулись в свой лагерь под Фраатами. По пути они встречают сначала небольшой вражеский отряд, потом врагов становится больше, и вот уже перед ними все парфянское войско – полное бодрости, словно бы и не ведающее, что такое неудача, оно вызывает неприятеля на битву, налетая то с одной, то с другой стороны, так что римляне насилу добираются до своего лагеря. После этого индийцы, совершив набег на лагерные укрепления, распугали и отбросили передовых бойцов, и Антоний, в гневе, применил к малодушным так называемую “десятичную казнь”⁶². Он разбил их на десятки, и из каждого десятка одного – кому выпал жребий –

предал смерти, остальным же распорядился вместо пшеницы выдавать ячмень.

XL. Впрочем, война была нелегкой для обеих сторон, а будущее представлялось еще более грозным. Антоний ждал голода, потому что уже тогда любая вылазка за продовольствием стоила римлянам многих раненых и убитых. А Фраат, зная, что для парфян нет страшнее мучения, как зимовать под открытым небом, опасался, что его люди просто-напросто разбегутся, если римляне проявят твердость и останутся на месте, – ведь осеннее равноденствие было уже позади и погода начинала портиться. И вот какую придумывает он хитрость. Во время столкновений с неприятелем, пытавшимся запастись хлебом или выходявшим из лагеря за иной какой-либо надобностью, знатнейшие из парфян уже не высказывали прежней враждебности, не старались отбить у врага все до последнего зерна, но расхваливали римлян за храбрость и несравненное мужество, которыми по достоинству восхищается даже их парфянский государь. Мало-помалу они стали подъезжать ближе, пускали коней шагом и бранили Антония: Фраат, дескать, жаждет заключить перемирие и спасти жизнь столь многим и столь отважным воинам, а Антоний не дает ему к этому ни малейшей возможности и упорно ждет появления двух лютых и могучих врагов – голода и зимы, от которых нелегко будет ускользнуть даже с помощью и под водительством парфян. Антонию часто доносили об этих разговорах, и, хотя новые надежды уже согревали его душу, он отправил послов к царю не прежде, чем расспросил тех, дружески расположенных варваров, отвечают ли их слова намерениям Фраата. То утверждали, что именно так оно и есть, просили оставить всякий страх и недоверие, и в конце концов Антоний посылает несколько друзей с прежним требованием вернуть знамена и пленных, – чтобы его не могли упрекнуть, будто он удовольствовался одним лишь благополучным бегством⁶³... Обсуждать это требование парфянин отказался, но обещал Антонию мир и безопасность, если он без промедлений отступит, и после сборов, которые заняли несколько дней, Антоний снялся с лагеря. И хотя он умел и убедительно говорить с народом и увлекать войско зажигательной речью, как мало кто из его современников, на этот раз стыд и сокрушение не дали ему сказать ни слова, и он поручил ободрить воинов Домицию Агенобарбу. Иные негодовали, усмотрев в этом знак

неуважения, но большинство сочувствовало Антонию, верно его понимало и потому считало своим долгом беспрекословно ему повиноваться.

ХLI. Антоний решил было возвращаться тем же путем – безлесным и равнинным, но один из его людей, родом мард, до тонкостей знакомый с обычаями и нравом парфян и уже доказавший римлянам свою верность в битве подле осадных машин, пришел к нему с советом держаться ближе к горам, которые поднимались по правую руку, и подставлять тяжелую пехоту на открытой равнине под удар огромной конницы и ее луков, ибо это как раз и замышлял Фраат, когда мягкими условиями перемирия побудил Антония снять осаду. Мард прибавил, что поведет римлян сам, более короткою дорогой и такими местами, где будет легче раздобыть необходимые припасы. Выслушав все, Антоний задумался. Ему не хотелось обнаруживать перед парфянами свое недоверие теперь, когда договор вступил в силу, но краткость пути, пролежавшего к тому же мимо населенных деревень, заслуживала всяческого предпочтения, и он потребовал у марда залога или поручительства. Тот предложил держать его в оковах, пока войско не вступит в пределы Армении. Антоний согласился, и два дня римляне шли в полном спокойствии. На третий день, когда мысль о парфянах перестала тревожить Антония и, воспрянув духом, он отменил меры предосторожности на походе. Мард, заметив недавно разрушенную запруду и убедившись затем, что воды реки, хлынувшие в пролом, затопили дорогу, которою им предстояло идти, понял, что это дело рук парфян – это они выпустили реку, чтобы затруднить и замедлить движение римлян. Проводник советовал Антонию быть настороже, потому что неприятель где-то совсем рядом. Антоний выстроил тяжелую пехоту в боевой порядок, оставляя в рядах бреши для вылазок копейщиков и пращников, как уже появились парфяне и стали развертываться, чтобы окружить врага и напасть со всех сторон сразу. Им навстречу выбежали легковооруженные, и, хотя многих сразили стрелы, не меньшими были потери и у парфян. Под градом копий и свинцовых ядер они отступили, затем снова бросились вперед, но тут кельтские всадники рассеяли их, ударив плотно сомкнутым клином, и более в тот день они не показывались.

ХLII. Это научило Антония, как нужно действовать и, усилив множеством копейщи-

ков и пращников не только тыл, но и оба фланга, он выстроил походную колонну прямоугольником, а коннице дал приказ завязывать с противником, но, обращая его в бегство, далеко не следовать, так что парфяне, в продолжение четырех следующих дней не имевшие над римлянами никакого перевеса – потери с обеих сторон были равны – приуныли, под предлогом надвигающейся зимы уже сами подумывали об отступлении.

На пятый день к Антонию явился один из начальников, Флавий Галл, человек решительный, опытный воин, и попросил дать ему побольше легко вооруженных пехотинцев из тылового охранения и сколько-нибудь всадников из головного отряда, чтобы исполнить многообещающий, как ему казалось, замысел. Антоний согласился, и Галл, отбив очередное нападение парфян, не вернулся сразу же под прикрытие тяжелой пехоты, как поступали римляне все последние дни, но завязал дерзкую рукопашную. Начальники тыла, видя, что он теряет связь с главной колонной, посылали к нему и звали назад, но безуспешно. Квестор Титий, как передают, пытался даже повертывать знамена силой и бранил Галла, крича, что он губит попусту много храбрых воинов. Галл тоже отвечал бранью и призывал своих оставаться на местах. Тогда Титий удалился, а Галл, ведя ожесточенный бой с врагом грудь на грудь, не заметил, как значительные силы парфян зашли ему за спину. Осыпaeмый стрелами отовсюду, он посылал просить помощи. Тут начальники тяжелой пехоты, среди которых был и Канидий, один из друзей Антония, имевший на него громадное влияние, совершили, сколько можно судить, грубую ошибку. Надо было сомкнуть ряды и двинуть против неприятеля всю боевую линию разом, а они отправляли подмогу мелкими отрядами, которые, один за другим, терпели поражение, и мало-помалу ужас и бегство охватили чуть ли не все войско, но в последний миг подоспел из головы колонны сам Антоний с воинами, и третий легион, стремительно пробившись сквозь толпу бегущих, встретится с противником и остановил преследование.

ХLIII. Убитых было не менее трех тысяч, и пять тысяч раненых товарищи принесли в лагерь. Принесли и Галла – с пробитою четырьмя стрелами грудью, но он уже не оправился от ран. Остальных же Антоний, со слезами на глазах, пытался ободрить, обходя палатки. Раненые радостно принимали его рукопожа-

тия, просили идти к себе, позаботиться о собственном здоровье, не сокрушаться так горько, называли его своим императором и в один голос говорили, что, пока он цел и невредим, – их спасение обеспечено. Вообще можно утверждать, что ни один из полководцев в те времена не собирал войска крепче, выносливее и моложе. Что же касается глубокого почтения к своему императору и соединенного с любовью послушания, что касается общей для всех – знатных и незнатных, начальников и рядовых бойцов – привычки ставить благосклонность Антония и его похвалу выше собственного спасения и безопасности, то в этом его люди не уступали и древним римлянам. К тому было много оснований, как уже говорилось раньше: знатное происхождение, сила слова, простота, широкая и щедрая натура, остроумие, легкость в общении. А тогда сочувствием к страдающим и отзывчивой готовностью помочь каждому в его нужде он вдохнул в больных и раненых столько бодрости, что впору было поделиться и со здоровыми.

XLIV. Но врагам, которые уже устали и готовы были отказаться от борьбы, победа внушила новое мужество. и бесконечное презрение к римлянам. Всю ночь они провели подле лагеря, под открытым небом, в ожидании, что палатки вот-вот опустеют и они смогут разграбить имущество бежавших. Наутро число парфян стало заметно расти, и в конце концов собралось не менее сорока тысяч всадников, ибо царь, на этот раз твердо уверенный в победе, прислал даже тех воинов, которые несли постоянную службу при его особе, сам он ни в одной битве участия не принимал. Антоний решил выступить перед солдатами и потребовал темный плащ, чтобы видом своим выразить больше жалости. Но друзья отговорили его, и он вышел в пурпурном плаще полководца и сказал речь, в которой хвалил победителей и срамил бежавших. Первые кричали в ответ, чтобы он не падал духом, вторые оправдывались и выражали готовность подвергнуться любой каре, какую он ни назначит, даже десятичной казни, – лишь бы только Антоний перестал гневаться и печалиться. Тогда Антоний воздел руки к небу и взмолился богам, если следом за бывалым его счастьем идет злая расплата, пусть падет она на него одного, а войску да будет дарована победа и спасение.

XLV. На другой день, усилив охрану еще более, римляне продолжали путь, и для пар-

фян, которые возобновили нападение, события приняли совершенно неожиданный оборот. Они думали, что идут за добычей, на грабеж, а не на битву, но были встречены тучею стрел, дротиков и свинцовых ядер и, увидевши врага полным воодушевления и свежих сил, снова утратили недавнюю решимость. Когда римляне спускались с какой-то крутой высоты, парфяне ударили на них и разили стрелами, меж тем как они медленно сходили вниз, но затем вперед выдвинулись щитоносцы, приняли легковооруженных под свою защиту, а сами опустились на одно колено и выставили щиты. Находившиеся во втором ряду своими щитами прикрыли их сверху, подобным же образом поступили и воины в следующих рядах. Это построение, схожее с черепичною кровлей, напоминает отчасти театральное зрелище, но служит надежнейшею защитой от стрел, которые соскальзывают с поверхности щитов⁶⁴. Видя, что неприятель преклоняет колено, парфяне сочли это знаком усталости и изнеможения, отложили луки, взяли за копья и подъехали почти вплотную, но тут римляне, издав боевой клич, внезапно вскочили на ноги и, действуя метательным копьем словно пикой, передних уложили на месте, а всех прочих обратили в бегство. То же повторялось и в следующие дни, зато переходы стали гораздо короче, и начинался голод: непрерывные столкновения с противником мешали добывать продовольствие, а с другой стороны, не хватало орудий для помола – большую часть их бросили, ибо множество вьючных животных пало, остальные же везли больных и раненых. Говорят, что за один аттический хеник⁶⁵ пшеницы давали пятьдесят драхм, а ячменный хлеб был на вес золота. Воины искали травы и коренья, но знакомых почти не находили и, поневоле пробуя незнакомые, натолкнулись на какую-то травку, вызывающую сперва безумие, а затем смерть. Всякий, кто ел ее, забывал обо всем на свете, терял рассудок и только переворачивал каждый камень, который попадался ему на глаза, словно бы исполняя задачу величайшей важности. Равнина чернела людьми, которые, склонясь к земле, выкапывали камни и перетаскивали их с места на место. Потом их начинало рвать желчью, и они умирали, потому что единственного противоядия – вина – не осталось ни капли. Римляне погибли без числа, а парфяне все шли за ними следом, и рассказывают, что у Антония неоднократно срывалось с уст: “О, десять тысяч!”

– это он дивился Ксенофону и его товарищам⁶⁶, которые, отступая из Вавилонии, проделали путь, еще более долгий, бились с неприятелем, превосходившим их силою во много раз, и, однако, спаслись.

XLVI. Итак, парфяне оказались не в силах ни рассеять войско римлян, ни хотя бы расстроить его боевой порядок, сами же не раз терпели поражение в боях и обращались в бегство, а потому снова стали приближаться с мирными речами к тем, кто выходил на поиски хлеба или корма для скота, и, показывая луки со спущенными тетивами, говорили, что сами они возвращаются и на этом кладут конец своей мести, но что небольшой отряд мидян будет провожать римлян еще два или три дня – не с враждебными намерениями, но единственно для защиты отдаленных деревень. К таким речам присоединялись ласковые приветствия и заверения в дружеских чувствах, так что римляне снова осмелели и Антоний задумал спуститься ближе к равнине, потому что путь через горы, как все говорили, был до крайности беден водою. Он уже готов был исполнить задуманное, когда к лагерю с неприятельской стороны прискакал какой-то человек по имени Митридат; это был двоюродный брат того Монеса, который пользовался гостеприимством Антония и получил от него в дар три города. Он просил, чтобы к нему вышел кто-нибудь, знающий по-парфянски или по-сирийски. Вышел Александр из Антиохии, близкий друг Антония, и парфянин, назвав себя и объяснив, что благодарностью за этот его приезд римляне обязаны Монесу, спросил Александра, видит ли он высокую цепь холмов вдалеке. Александр отвечал, что видит, и Митридат продолжал: “За этими холмами вас поджидает все парфянское войско. У их подножия начинается обширная равнина, и парфяне рассчитывают, что вы на нее свернете, поверив лживым уговорам и оставив горную дорогу. Что верно, то верно – горы встретят вас жаждою и другими уже привычными для вас лишениями, но если Антоний пойдет равниною, пусть знает, что там ему не миновать участи Красса”.

XLVII. С этими словами Митридат уехал. Антоний, выслушав донесение Александра, в сильной тревоге созвал друзей и велел привести проводника марда, который и сам держался того же мнения, что посланец Монеса. Даже вне всякой зависимости от неприятеля, говорил он, идти равниною тяжело, потому что хоженной дороги нет, направление едва

обозначено и, следовательно, ничего не стоит сбиться, в горах же никакие особые трудности их не ждут, и только на протяжении одного дневного перехода не будет воды. Итак, Антоний в ту же ночь повернул к горам, распорядившись взять с собою воды, но у большинства воинов никакой посуды не было, и они несли воду в шлемах, а некоторые – в кожаных мешках. Когда войско было уже в движении, об этом узнают парфяне, тут же, не дождавсь, вопреки своему обыкновению, рассвета, пускаются вдогонку и с первыми лучами солнца настигают хвост вражеской колонны. Римляне были истомлены бессонной ночью и усталостью – они уже успели пройти двести сорок стадиев, – и появление врага, которого они не ждали так скоро, повергло их в замешательство. Отбиваясь, они продолжали путь, и битва усиливала их жажду. Передовые между тем вышли к какой-то реке. Вода в ней была студеная и прозрачная, но соленая, негодная для питья: она мгновенно вызывала схватки в животе и еще сильнее распалила жажду. Мард предупреждал об этом заранее, но воины, оттолкнув выставленный караул, припали к воде. Подбегая то к одному, то к другому, Антоний умолял потерпеть еще совсем немного, ибо невдалеке другая река, со сладкою водою, и местность дальше сильно пересеченная, недоступная для конницы, так что враг окончательно оставит их в покое. Вместе с тем он подал знак прекратить сражение и распорядился ставить палатки, чтобы солдаты хотя бы передохнули в тени.

XLVIII. Римляне разбивали лагерь, а парфяне, как всегда в подобных обстоятельствах, быстро отходили, когда снова появился Митридат и через Александра, который вышел к лагерным воротам, советовал Антонию не мешкать, но сразу же после короткого отдыха вести войско к реке, ее берег, говорил Митридат, последний рубеж преследования, переправляться парфяне не будут. Пересказав это Антонию, Александр принес от него Митридату множество золотых кубков и чаш, а тот спрятал, сколько мог, под одеждою и уехал. Еще засветло римляне снялись с лагеря и тронулись дальше, и враги не тревожили их, но они сами сделали для себя эту ночь самую трудную и опасную из всех ночей похода. Солдаты стали убивать и грабить тех, у кого было серебро или золото, расхищали выюки с поклажей, а в конце концов, набросились на обозных Антония, ломали на части драгоценные столы и сосуды для вина и делили между

собою. Страшное смятение и тревога разом охватили войско – каждый думал, что напали враги и началось всеобщее бегство, – и тогда Антоний, подозвав одного из своих вольноотпущенников и телохранителей, по имени Рами, взял с него клятву, что, услышав приказ, он немедленно пронзит своего господина мечом и отрубит ему голову – не только попасть в руки парфян живым, но даже быть опознанным после смерти представлялось невыносимым римскому полководцу. Друзья залились слезами, но мард убеждал Антония не отчаиваться, ибо река уже близко. И верно, потянул влажный ветерок, воздух сделался прохладнее, становилось легче дышать, и затем, как говорил мард, само время показывало, что конец пути недалек: ночь была на исходе. Тут Антонию доложили, что замешательство вызвано алчностью и незаконными действиями своих же солдат, и, чтобы восстановить порядок и вновь обратить нестройную, разбушевавшуюся толпу в войско, он подал сигнал устраивать лагерь.

XLIX. Уже светало, солдаты понемногу успокаивались, и водворялась тишина. В это время стрелы парфян вновь обрушились на замыкающих, и легкая пехота получила распоряжение вступить в бой, а тяжеловооруженные опять прикрыли друг друга щитами и тем единственно отражали нападение лучников, которые на ближний бой не отваживались. Между тем голова колонны медленно двинулась дальше, и наконец впереди блеснула река. Развернув конников лицом к неприятелю, Антоний начал переправлять больных и раненых. Теперь, однако, и бойцы могли спокойно и не торопясь утолить жажду, ибо парфяне, едва завидев реку, спустили тетивы у луков и, на все лады восхваляя мужество римлян, призывали их ничего больше не опасаться. Итак, беспрепятственно перейдя реку и собравшись с силами, они продолжали поход, однако ж поверить парфянам до конца все еще не решались. На шестой день после заключительного сражения римляне пришли к реке Аракс, отделяющей Мидию от Армении. Она была с виду глубокой и бурной, а вдобавок разнесся слух, будто враги укрылись в засаде, чтобы ударить на них во время переправы. Когда же, благополучно достигнув противоположного берега, они ступили на армянскую землю, то, словно бы впервые увидевши сушу после долгих скитаний в открытом море, они целовали камни и песок, плакали от радости, обнимая друг друга. Идя

затем богатою, процветающею странною, они слишком много ели и пили после такой жестокой нужды и заболели водянкою и поносом.

L. Здесь Антоний устроил смотр своему войску и установил, что потеряно двадцать тысяч пехоты и четыре тысячи конницы. Не все пали в боях – больше половины унесли болезни. Выступив из лагеря под Фраатами, римляне находились в пути двадцать семь дней и одержали над парфянами восемнадцать побед, но все это были неверные, ненадежные победы, из-за того что преследовать разбитого неприятеля по-настоящему Антоний не мог. Последнее свидетельствует особенно убедительно, что неудачным завершением похода он был обязан Артабазу Армянскому. Если бы в его распоряжении оставались те шестнадцать тысяч всадников, которых привел из Мидии Артабаз, вооруженных почти так же, как парфяне, и привыкших бороться с ними, то римляне разбивали бы неприятеля в открытом бою, а армяне истребляли бегущих, и враги были бы уже не в силах столько раз оправляться после поражений. Естественно, что все были полны ярости и побуждали Антония расправиться с армянским царем. Но Антоний хорошо понимал, что войско его ослабело и нуждается в самом необходимом, а потому прислушался к голосу рассудка и ни словом не упрекнул Артабаза в предательстве, по-прежнему был любезен и оказывал царю подобающие почести. Впоследствии, однако, снова вступив в Армению, он многочисленными обещаниями и заверениями побудил Артабаза отдаться в его руки, но затем заключил под стражу, в оковах привез в Александрию и провел в триумфальном шествии. Этим он жестоко оскорбил римлян, видевших, что в угоду Клеопатре он отдал египтянам прекрасное и высокое торжество, по праву принадлежащее отечеству. Но это, как уже сказано, случилось позднее⁶⁷.

LI. А тогда, несмотря на суровую зиму и беспрестанные снегопады, он поспешил дальше и потерял в пути еще восемь тысяч. Расставшись с основными силами, Антоний, в сопровождении небольшого отряда, спустился к морю и в деревне под названием Белое селение – она лежит между Беритом⁶⁸ и Сидоном – ждал Клеопатру. Царица задерживалась, и Антоний, терзаемый мучительной тревогой, часто и помногу пил, но даже хмельной не мог улежать за столом – посреди попойки он, бывало, всакивал и выбегал на берег, поглядеть,

не плывет ли египтянка, пока, наконец, она не прибыла, везя с собою много денег и одежды для воинов. Некоторые, правда, утверждают, будто одежду Антоний получил от нее, а деньги солдатам роздал из собственных средств, но сказал, что это подарок Клеопатры.

ЛII. Тем временем вспыхнул раздор между царем Мидии и Фраатом Парфянским, начавшийся, как рассказывают, из-за римской добычи и внушивший индийцу подозрение и страх, что Фраат покушается на его престол. Поэтому он присылает послов к Антонию и зовет его к себе, обещая выступить на стороне римлян со всем своим войском. Новые и самые радужные надежды открывались Антонию (если в прошлый раз, чтобы одолеть парфян, ему не достало, по-видимому, лишь одного – многочисленной конницы, вооруженной луками и стрелами, то теперь она была в его распоряжении, и вдобавок без всяких просьб с его стороны, напротив, он еще оказывал услугу другому), и он уже готовился еще раз пройти через Армению, чтобы, соединившись с мидийцем у реки Аракс, открыть военные действия⁶⁹.

ЛIII. ...Антоний готовился двинуться из Сирии к мидийской границе. Окружавшие его льстецы горячо сочувствовали египтянке и бранили Антония, твердя ему, что он жестокий и бесчувственный, что он губит женщину, которая лишь им одним и живет. Октавия, говорили они, сочеталась с ним браком из государственных надобностей, подчиняясь воле брата, – и наслаждается своим званием законной супруги. Клеопатра, владычица огромного царства, зовется любовницей Антония и не стыдится, не отвергает этого имени – лишь бы только видеть Антония и быть с ним рядом, но если отнять у нее и это, последнее, она умрет. В конце концов, Антоний, до такой степени разжалобился и по-бабьи растрогался, что уехал в Александрию, всерьез опасаясь, как бы Клеопатра не лишила себя жизни, а мидийцу велел подождать до следующей весны, хотя ему и доносили, что Парфянская держава охвачена волнениями и мятежом. Несколько позже он все-таки посетил Мидию, заключил с царем дружественный договор, помолвил одну его дочь, еще совсем маленькую, за одного из своих сыновей от Клеопатры и возвратился назад, уже целиком занятый мыслями о междоусобной войне.

ЛIV. ...Еще одну волну ненависти Антоний вызвал разделом земель между своими деть-

ми, устроенным в Александрии и полным показного блеска, гордыни и вражды ко всему римскому. Наполнивши толпою гимнасий и водрузив на серебряном возвышении два золотых трона, для себя и для Клеопатры, и другие, попроще и пониже, для сыновей, он прежде всего объявил Клеопатру царицею Египта, Кипра, Африки и Келесирии при соправительстве Цезариона, считавшегося сыном старшего Цезаря, который, как говорили, оставил Клеопатру беременной: затем сыновей, которых Клеопатра родила от него, он провозгласил царями царей и Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоевана), а Птолемею – Финикию, Сирию и Киликию. Александра Антоний вывел в полном индийском уборе, с тиарою и прямою китарой⁷⁰. Птоломея – в сапогах, македонском плаще и украшенной диадемой кавсии⁷². Это был наряд преемников Александра, а тот, первый, – царей Мидии и Армении. Мальчики приветствовали родителей, и одного окружили телохранители – армяне, другого – македоняне. Клеопатра в тот день, как всегда, когда появлялась на людях, была в священном одеянии Исиды; она звала себя новою Исидой,

LV. Донося об этом сенату и часто выступая перед народом, Цезарь ожесточал римлян против Антония. Не оставаясь в долгу, Антоний посылал своих людей с ответными обвинениями. Важнейшие из них были таковы. Во-первых, отняв у Помпея Сицилию, Цезарь не выделил части острова ему, Антонию. Во-вторых, он не вернул суда, которые занял у Антония для войны с Помпеем. В-третьих, лишил власти и гражданского достоинства их общего соправителя Лепида и ныне сам распоряжается его войском, его провинцией и назначенными ему доходами. И, наконец, чуть ли не все земли в Италии он поделил между своими воинами, солдатам же Антония не оставил ничего. Оправдываясь, Цезарь заявлял, что Лепида он отрешил от власти за наглые бесчинства, что военною добычею готов поделиться с Антонием, если и тот поделится с ним своим завоеванием – Арменией, а что на Италию у солдат Антония никаких притязаний быть не может: ведь в их распоряжении Мидия и Парфия – земли, которые они присоединили к Римской державе, отважно сражаясь под начальством своего императора.

LXI. [В войне против Цезаря на стороне Антония] выступили подвластные цари Бокх Африканский, Тархондем – властитель Верх-

ней Киликии, Архелай Каппадокийский, Филадельф Пафлагонский, Митридат Коммагенский и царь Фракии Садал. Это лишь те, что явились сами, а войска прислали Полемон,

царь Понта, Малх, царь Аравии, и царь Иудейский Ирод, а также Аминт, царь Ликаонии и Галатии. Пришел вспомогательный отряд и от царя Мидийского⁷³...

Сравнение Деметрия и Антония

LXXXVIII (I). Полагаясь лишь на собственные силы и способности, [Антоний]... руками своих помощников и заместителей, сам нахо-

дясь далеко от театра войны, много раз побеждал парфян и отбросил прикавказских варваров к самому Каспийскому морю...

Источник: Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. / Подготовила С. П. Маркиш. Т. III. – М.: Наука, 1964.

Гай Марий

По В. В. Латышеву

XI. Некоторые говорят, что Кельтика вследствие ширины и величины страны от внешнего моря и северных широт поворачивает к востоку у Меотиды и соприкасается с Понтийской Скифией, и что там произошло смешение народов. Поднявшись оттуда, впрочем, не сразу и не непрерывно, а ежегодно в удобное время подвигаясь все вперед, они в течение многих лет прошли войной весь материк. Поэтому-то, независимо от многих частных названий, они называли свои полчища общим именем кельто-скифов⁷³. Другие говорят, что киммерийцы⁷⁴, сделавшись известными впервые древним эллинам, представляли собою незначительную часть целого, которая в качестве изгнанников или вследствие возмущения, теснимая скифами, перешла от Меотиды в Азию под предводительством Лиг-

дамиса⁷⁵, но что наибольшая и самая воинственная часть их, живущая у внешнего моря, занимает землю тенистую, лесистую и туманную повсюду, вследствие глубины и густоты дубрав, тянущихся до Геркинского леса, и живет под таким небом, где полюс⁷⁶, по-видимому, достигает большой высоты вследствие наклонения параллелей и отделяется лишь небольшим пространством от зенита, а дни, равные по величине ночам, делят время на равные промежутки; это дало Гомеру богатый материал для вымысла при описании «Некии»⁷⁷. Отсюда и произошло нападение на Италию этих варваров, называвшихся сначала киммерийцами, а в то время кимврами⁷⁸. Впрочем, эти сведения основаны скорее на предположениях, чем на прочных исторических данных.

Клеомен

По В. В. Латышеву

II. Говорят, что Клеомен участвовал и в философских рассуждениях еще в юности, когда Сфер Борисфенит⁷⁹ прибыл в Лакедемон и заботливо поучал молодежь и эфебов. Сфер был в числе первых учеников Зенона Китийского и, как кажется, полюбил мужественную нату-

ру Клеомена и воспламенил его честолюбие...

XI. Пополнив ряды граждан лучшими из периеков... [Клеомен] обратил внимание на воспитание юношества и так называемое “руководство”, большую часть которого составил ему находившийся еще в Спарте Сфер...

Нравственные рассуждения

По В. В. Латышеву

Пир семи мудрецов

5. ...Ардал⁸⁰, обратившись к Анахарсису⁸¹, спросил, есть ли у скифов флейтистки? Тот сразу сказал, что нет даже лоз.

Ардал снова спросил: “Но боги ведь есть у

скифов?” – “Конечно, – ответил он, – причем понимающие человеческий язык: не так, как эллины, думающие, что они говорят лучше скифов, и все-таки полагающие, что боги с большим удовольствием слушают костяные и деревянные инструменты”.

12. По окончании и этого разговора я предложил мужам сказать нам и о том, как следует вести дом; “ведь царствами и городами управляют немногие, а очаг и дом есть у всех нас”. Эзоп⁸², засмеявшись, сказал на это: “Нет, если ты в число всех включаешь и Анахарсиса: у него нет дома и он даже гордится тем, что он бездомный и живет на повозке, подобно тому, как о солнце говорят, что оно странствует на колеснице, посещая то ту, то другую сторону неба”. – “Поэтому-то, – возразил Анахарсис, – оно или единственное из богов, или преимущественно перед другими свободно, самостоятельно и властвует над всем, а само никому не подвластно, но царствует и правит. Только ты забыл, как превосходна по красоте и удивительна по величине его колесница: иначе ты не сравнил бы ее с нашими в шутку и на смех...”.

О суеверии

13. ...Разве не лучше было бы, чтобы галаты⁸³ и скифы совершенно не имели ни понятия, ни представления, ни рассказов о богах, чем признавали богов, находящих наслаждение в крови убиваемых людей и считающих это совершеннейшей жертвой и священнослужением?⁸⁴

Изречения царей и полководцев

Иданфирс

Скифский царь Иданфирс⁸⁵, против которого переправился [в Европу] Дарий, убеждал ионийских тиранов разрушить мост на Истре и удалиться; когда же они не захотели сделать это вследствие верности Дарию, он назвал их хорошими и неубегающими рабами.

Атей

Атей⁸⁶ писал Филиппу⁸⁷: “Ты властвуешь над македонянами, обученными воевать с людьми, а я – над скифами, которые могут бороться и с голодом и с жаждой”. Послов Филиппа он спросил, чистя коня: “Делает ли это Филипп?” Захватив в плен превосходного флейтиста Исмения, он приказал ему сыграть на флейте; между тем как прочие выражали удивление его игре, он с клятвой сказал, что с большим удовольствием слушает ржание коня.

Скилур

Скилур⁸⁸, оставивший восемьдесят сыновей, перед кончиной предлагал каждому связ-

ку дровишек, приказывая переломить ее; когда же все отказались, он сам, вынимая дровишки поодиночке, легко переломил все, объясняя сыновьям, что, действуя заодно, они останутся сильными, а разделившись и враждуя друг с другом, будут слабы⁸⁹.

О первоначальном холоде

16. Воздух повсюду один и тот же, но зима и холод не везде одинаковы: страны света холодны и сыры, другие – сухи и жарки, не случайно, а вследствие того, что сущность холода и сырости одна и та же. Так, большая часть суши тепла и безводна. Относительно же Скифии, Фракии и Понта путешественники рассказывают, что там есть большие озера и протекают многие глубокие реки...

Которые животные умнее, сухопутные или водяные

32. ...Рыбы, живущие в море, соприкасаясь с озерами или принимающим в себя реки, во время нереста поднимаются в реки, стремясь к спокойствию и тишине пресных вод; ибо тишь удобна для рождения, и вместе с тем в озерах и реках им обеспечена свобода от преследования, так что мальки остаются в живых. Поэтому огромное большинство рыб нерестится преимущественно в Евксинском Понте, так как в нем нет морских животных, кроме редко встречающегося тюленя и маленького дельфина, а кроме того, доступность рек, которых очень много и притом огромных впадает в Понт, представляет нерестящимся рыбам возможность спокойного и удобного соединения.

Об употреблении в пищу мяса

II. (3) ...Скифы, согдианы и меланхлены, геродотовым рассказам о которых не верят⁹⁰.

О противоречиях стоиков

20. ...Но сам Хрисипп⁹¹ в первой книге «Жизнеописаний» говорит, что “мудрец может охотно принимать царскую власть, извлекая из нее выгоду; а если он сам не может царствовать, то будет жить с царем и выступать в походы с царем, каков был Иданфирс Скифский⁹² или Левкон Понтийский⁹³. Я приведу и следующее его рассуждение, чтобы узнать, будет ли, подобно тому, как от самой нижней и самой верхней струны получается созвучие, так же согласна жизнь мужа, избирающего своей целью бездействие или малую деятельность, а затем едущего верхом со ски-

фами и занимающегося делами боспорских тиранов⁹⁴ по какой бы то ни было причине; он говорит: “что он будет и выступать в походы с властителями и жить с ними, мы рассмотрим впоследствии, – и немного спустя: – и не только с имеющими некоторое развитие и получившими воспитание и некоторые нравственные начала, как у Левкона и Иданфирса”: Некоторые ставят в вину Каллисфену⁹⁵, что он отплыл к Александру в надежде восстановить Олинф, как Аристотель восстановил Стагирь⁹⁶, и хвалят Эфора⁹⁷, Ксенократа⁹⁸ и Менедема⁹⁹, отклонивших предложение Александра; а Хрисипп ради обогащения стремглав посылает мудреца в Пантикапей и в Скифскую пустыню¹⁰⁰. Ибо он ясно показал, что делает это ради заработка и обогащения, “предполагая, что мудрецу особенно приличествуют три способа обогащения, – от царской власти, от друзей и третий затем от занятий софиста”.

Об общих понятиях против стоиков

7. ...”Будучи болен, мудрец платит жалование врачам, а из-за денег плывет к боспорскому властителю Левкону и отправляется к скифскому царю Иданфирсу”, как говорит Хрисипп¹⁰¹...

О музыке

14. ...Говорят, что в древности святыни из страны гипербореев посылались на Делос с флейтами, свирелями и кифарой¹⁰².

О судьбе римлян

11. ...Один муж¹⁰³ натиском одного войска присоединил к Римской державе Армению, Понт Евксинский, Сирию, Аравию, албанов, иберов до Кавказа и Гирканию¹⁰⁴, обтекаю-

щий вселенную Океан трижды видел его победителем... Преследуемых албанских царей он остановил у Каспийского моря...

...В то время как Марсийская война жгла Рим, Митридата задерживали войны с сарматами и бастарнами¹⁰⁵. Подозрительность и зависть отделили Тиграна от Митридата во время его славы, а после поражения соединили с ним для совместной гибели¹⁰⁶.

Об александрийских пословицах¹⁰⁷

I, 10. “В каждой стране свой закон” – эта пословица говорится вследствие того, что каждый народ имеет свои особые обычаи.

Стафилы (Στάφυλοι) почитают женщину, бывшую женой многих мужей. Горные массагеты вступают в половые сношения на дорогах¹⁰⁸. **Савроматы** на попойках продают дочерей. У **амазонок** ни одна девица не вступает в брак, если не убьет врага¹⁰⁹.

Тибарены после родов своих жен сами повязывают себе головы и ложатся в постель¹¹⁰.

У **керкетеев**¹¹¹ работники носят товары, пока кто-нибудь не купит их.

Эсседоны¹¹² съедают трупы своих родителей, кроме головы, а голову золотят. **Кавсианы**¹¹³ при рождении детей плачут, а при смерти кого-либо радуются.

Бакхирии¹¹⁴, если не выздоровеют от болезни, отдают себя на съедение собакам.

Оргемпей¹¹⁵ не имеют домов и не употребляют в пищу ничего одушевленного. У них и мужчины и женщины плешивы вследствие свойства воды, употребляемой для питья.

Тиссагеты¹¹⁶ жертвуют богам кости, а мясо съедают сами. **Тавроскифы**¹¹⁷ совершают человеческие жертвоприношения.

Примечания

¹ Эсхил. Семеро против Фив: 435, 395, 396 (контаминация).

² К западу и юго-западу от афинского акрополя: все перечисляемые ниже афинские места находятся там.

³ *Ужасу* – богу войны, спутнику Ареса, ибо он мешал афинянам начать сражение с амазонками.

⁴ *Горкомосий* – место заключения и оформления торжественных договоров в Афинах.

⁵ *Ромбод* – какое-то круглое здание (“ромб” по-гречески означает всякое круглое тело). “Памятник ее [Ипполиты на мегарском акрополе] имеет форму амазонского щита”, – пишет Павсаний (I: 41, 7).

⁶ Жизнеописание Демосфена: 19.

⁷ «*Тесеида*» – поэма (ближе не известна), упоминаемая Аристотелем (Поэтика: 8).

⁸ Александр – т. е. Парис, похититель Елены.

⁹ Плутарх выписывает эти слова из своего старинного источника: в действительности конная

статуя девушки (амазонки?) на Священной дороге исчезла уже к концу I в. до н.э., (Дионисий Галикарнасский, V, 35).

¹⁰ Следует рассказ о неудачном покушении Ол-така.

¹¹ [О *Махаре*: Плутарх. Сулла: XI].

¹² Во время осады Лукуллом Синопы в 70 г. до н. э.

¹³ В 69 г. до н. э. [*Тигранокерты* (по-армянски Тигранакерт) – город, основанный Тиграном II около 80 г. до н. э. и заселенный первоначально греческими выселенцами из Каппадокии и Киликии. Локализуется у Тельэрмена, в долине между горами Мазием и Нифатом, на левом притоке Евфрата Никефории (современный Хабур). Разрушенные Лукуллом, Тигранокерты были впоследствии восстановлены и служили столицей и укрепленным пунктом армянских царей с I по III вв. н. э.].

¹⁴ [О *Тигране II* (96–56 гг. до н. э.): Страбон XI: 14, 10; 15].

¹⁵ [Жители одноименной горной области на юге Великой Армении, между Тоспитидой (озеро Ван) и рекой Тигром. *Гордиены* отождествляются с кардухами: Ксенофонт. Анабасис IV: 4, 1].

¹⁶ [Имеется в виду Персидский залив].

¹⁷ В сентябре 68 г. до н. э. [Об *Артаксатах*, древней столице Армении: Страбон XI: 14, 2].

¹⁸ [Ср. Страбон XI: 3, 3].

¹⁹ [О горном хребте Тавре: Страбон XI: 12, 1–2].

²⁰ [Об этих событиях см. Аппиан. Митридатовы войны: 103 сл.].

²¹ Эта экспедиция была совершена весной или летом 444 г. до н. э.

²² В начале 87 г. до н. э.

²³ [Речь идет о его старшем сыне Махаре, отложившемся впоследствии от Митридата и принужденном покончить жизнь самоубийством в 65 г. до н. э., при приближении Митридата к Восточному Босфору: 13. Относится к 66 г. до н. э.]

²⁴ У Плутарха речь идет о Восточном Киммерийском – Керченском проливе.

²⁵ *Афраний* – сторонник и ближайший помощник Помпея, стал при его поддержке консулом 60 г., управлял от его имени Испанией в 55 г. до н. э. и участвовал на его стороне в битве при Фарсале в 48 г. до н. э.

²⁶ Поход относится к 65 г. до н. э.

²⁷ *Москхийские горы* – горная гряда в Западном Закавказье: Страбон, XI: 12, 4.

²⁸ В честь Крония или Сатурна существовало празднество, справлявшееся 17–19 декабря каждого года. У Плутарха речь идет о Сатурналии 66 г. до н. э.

²⁹ Река *Кири*, идентичная с Киросом Страбона, – совр. Кура.

³⁰ Мысль об отдельном устье Аракса в древности подтверждается и другими материалами. Ср.: Страбон XI: 4, 2.

³¹ Река *Абант*, номинативная форма Абас, находилась в западной части Албании, упоминается у Диона Кассия (37, 3). Некоторые идентифицируют с рекой Алазанием. Сообразуясь с маршрутом Помпея, Томашек отождествляет Абас с рекой Алджиган-Чай (RE, I, 1: 18).

³² *Косид* или *Косис* (основа “кос” –) – одно из албанских имен (антропонимов), к которому относятся имена Ориса (Оройса) и Зобера.

³³ Мифическая страна амазонок не имеет точной локализации. Как уже говорилось, об амазонках на Кавказе см. также: Страбон XI: 5, 1 и др.

³⁴ О скифских племенах *гелах* и *легах*, иногда отождествляемых друг с другом: Страбон XI: 5, 1. По другой версии, амазонки контактируют с гаргарами: Страбон XI: 5, 1.

³⁵ Судя по другим источникам, *елимеи* обитали на юге Ирана и были потомками древних эламитов, а в изучаемое время жили рядом с мидийцами, примыкая к ним с юга (устное сообщение Ю. Б. Юсифова).

³⁶ Речь идет о битве 67 г. при крепости Зеле в западном Понте.

³⁷ Горный кряж, расположенный между Сирией и Киликией.

³⁸ Речь идет о событиях 64 г. до н. э.

³⁹ Падение Иудеи произошло в 63 г. до н. э.

⁴⁰ Митридат умер в 63 г. до н. э.

⁴¹ В 61 г. до н. э. свой третий триумф Помпей справлял в возрасте 45-лет (Аппиан. Митридатовы войны: 102).

⁴² Согласно древнему космографическому представлению, Каспий имел связь с Северным океаном. Еще Геродот выступил против этого положения (I: 203). Как видно из этого отрывка, в антич-

ное время представление о связях Каспия с Северным океаном сохраняется.

⁴³ *Кандий* – долгополая верхняя одежда с рукавами.

⁴⁴ *Орексарт*, по-видимому, то же, что Яксарт, или нынешняя Сырдарья.

⁴⁵ *Танаид* – Нынешний Дон.

⁴⁶ [О связях легенды об Александре с легендой об амазонках: Арриан. Анабасис IV: 15, 1; VII: 13, 1].

⁴⁷ Здесь имеется в виду путь по южному, а затем и западному берегу Каспия; этот путь также проходил через Кавказские горы (может быть, через Дарьял) в южно-русские степи и далее на запад.

⁴⁸ *Марк Антоний* (83–31 до н. э.), знаменитый триумvir, сторонник Цезаря, в 50 г. до н. э. авгур и народный трибун, затем начальник конницы у Цезаря, консул 44 г. до н. э. (Бикерман Э. Хронология, с. 223). После смерти Цезаря вместе с Октавианом разбил республиканцев, но потерпел от него поражение при Акциуме в 31 г. до н. э. и покончил с собой. Упоминаемый в отрывке Авл Габиний – один из двух консулов 58 г. до н. э., в 57 г. до н. э. управлял Сирией.

⁴⁹ *Гирод* или *Ород II* (около 58–39 до н. э.), победил Красса в 53 г. до н. э.

⁵⁰ *Фекады* – белые башмаки, знак достоинства гимнасиарка – начальника гимнасиев.

⁵¹ *Клепсидра* – источник воды на акрополе.

⁵² Эта победа относится к 38 г. до н. э.

⁵³ Соратник Марка Антония *Гай Сосий* в 38 г. до н. э. был правителем Сирии и Киликии, в 34 г. до н. э. добился триумфа, в 32 г. до н. э. – консульства.

⁵⁴ Парфянский царь *Фраат IV* (40–3 гг. до н. э.).

⁵⁵ Ларисса, Аретуса и Тиераполь (*Бамбика*) – города, находящиеся в Сирии.

⁵⁶ В 36 г. до н. э. 117

⁵⁷ *Артабазд II* – царь Армении (55–34 гг. до н. э.) был союзником Красса, но после его гибели опять встал на сторону парфян, а парфянский царь “согласился на брак его сестры и своего сына Пако-ра” (Плутарх. Красс: 33).

⁵⁸ У Кассия речь идет о Прааспе (49, 25 и др.).

⁵⁹ *Полемон I* – царь Понта в 38–8 гг. до н. э.

⁶⁰ *Преторская когорта* – личная охрана командующего.

⁶¹ Красный плащ над палаткой полководца.

⁶² Аналогичная казнь была применена в войске Красса после поражения от Спартака: Красс “вновь вооружил разбитые части, но потребовал от их поручителей, что оружие свое они впредь будут беречь. Отобрав затем пятьсот человек-зачинщиков бегства и разделив их на пятьдесят десятков, он приказал предать смерти из каждого десятка по одному человеку – на кого укажет жребий. Так Красс возобновил бывшее в ходу у древних и с давних пор уже не применявшееся наказание воинов; этот вид казни сопряжен с позором и сопровождается жуткими и мрачными обрядами, совершающимися у всех на глазах” (Плутарх. Красс X).

⁶³ Парфянский царь Фраат IV был побежден значительно позднее, т. е. в 20 г. до н. э. императором Августом, который заставил Фраата вернуть знамена, захваченные у Красса.

⁶⁴ Такое построение римляне называли “черепахой”; оно использовалось как в обороне, так и при штурме вражеских укреплений.

⁶⁵ *Хеник* – греческая мера сыпучих тел, приблизительно 1,1 л.

⁶⁶ Речь идет об отступлении греческих наемников после гибели Кира Младшего в борьбе со своим братом Артаксерксом (401 г. до н. э.). Греки отсту-

пали под руководством историка и писателя Ксенофонта, описавшего все трудности пути в своем «Анабасисе».

⁶⁷ Триумфальное шествие Антония в Александрии относится к 34 г. до н. э.

⁶⁸ *Берит* – совр. Бейрут.

⁶⁹ Плутарх имеет в виду путь через Армению в Мидию (Плутарх. Антоний: 49).

⁷⁰ *Тиара* – головной убор мидийцев, персов, парфян и армян – шапочка из мягкой ткани, покрывающая макушку. Прямая тиара – царская корона в форме усеченного конуса.

⁷² *Кавсия* – широкополая войлочная шляпа у македонян.

⁷³ *Пафлагония* – страна в северной части Малой Азии, а *Ликаония* – область Малой Азии, примыкающая к Галатии с юга. Плутарх имеет в виду царя Иудеи Ирода Великого, которому евангельское предание приписывает избивание младенцев в Вифлееме, хотя Ирод умер за четыре года до рождения Иисуса Христа (см.: Плутарх. Сравнительные жизнеописания, 3, с. 473).

⁷³ [Об этом наименовании, прилагавшемся к племени кочевников среднеевропейских пространств: Страбон I: 2, 27].

⁷⁴ [О *киммерийцах* см. Геродот I: 103].

⁷⁵ [О *Лигдамисе*, вожде киммерийцев и треров, под водительством которого были взяты Сарды: Геродот I: 3, 21].

⁷⁶ [*Полюсом* Плутарх в данном случае называет пункт, соответствующий полюсу на небесной сфере, т. е. местоположению Полярной звезды].

⁷⁷ Одиссея XI.

⁷⁸ [О смещении наименований *кимвры* и *киммерийцы*: Страбон VII: 2, 2].

⁷⁹ В начале 87 г. до н. э.

⁸⁰ [Сын бога Гефеста, считавшийся изобретателем флейты. Ср. Павсаний II: 31, 4; Плутарх. О музыке 5].

⁸¹ [Об *Анахарсисе* вообще см. Геродот IV: 76 сл.].

⁸² [Полумифический автор греческих басен, живший, по свидетельству Геродота (II: 134), в первой половине VI в. до н. э.].

⁸³ [О *галатах*, кельтских племенах, проникших по Дунаю через Фракию в Малую Азию на протяжении III в. до н. э.: Страбон II: 5, 31].

⁸⁴ [Имеются ввиду человеческие жертвоприношения кельтским и скифским божествам, наподобие описанных у Геродота (IV: 62; 103)].

⁸⁵ [О царе *Иданфирсе* и этом эпизоде: Геродот IV: 120, 127, 133 сл.].

⁸⁶ [О скифском царе *Атее*: Страбон VII: 7, 8].

⁸⁷ *Филипп II*, отец Александра Великого (Македонского), правившего Македонией в период с 359 по 336 до н. э.

⁸⁸ [О скифском царе *Скилуре* (II–I вв. до н. э.), засвидетельствованном эпиграфически (IOSPE, I: 241), и о его 80 (или 50) сыновьях: Страбон VII: 4, 3].

⁸⁹ [Рассказ о связке дротиков (или прутьев) относится к числу “бродячих” сюжетов].

⁹⁰ [О *согдах* (*согдианах*) Геродот упоминает в III: 93; VII: 66; о *меланхленах* (черноризцах) – IV: 20; 107].

⁹¹ Известный представитель стоической школы, живший в III в. до н. э.

⁹² [О скифском царе *Иданфирсе*: Геродот IV: 120; 127; Страбон XV: 1, 6; Плутарх. Изречения царей и полководцев: Иданфирс].

⁹³ [*Левкон I*, архонт и царь Боспора (387–347 гг. до н. э.)].

⁹⁴ [Об этом титуле боспорских царей: Эсхин. Против Ктесифонта: 171].

⁹⁵ [Историк *Каллисфен Олинфский*, ученик Аристотеля, сопровождавший Александра Македонского в его походах, автор сочинения «Греческая история» в 10 книгах. См. о нем Арриан. Анабасис IV: 14; Плутарх. Александр: 52; Курций Руф VIII: 5].

⁹⁶ [О восстановлении города *Стагир*, родины Аристотеля, разрушенного Филиппом II и им же впоследствии восстановленного: Плутарх. Александр: 7; Диоген Лаэртский V: 4].

⁹⁷ [*Эфор* (ок. 405–330 до н. э.), автор «Истории» в 30 книгах].

⁹⁸ [*Ксенократ Халкидонский* (396–314 до н. э.), философ платоновской школы, преемник Спевсиппа по руководству Старой Академией, см.: Аристотель. О небе I: 10; Цицерон. Тускуланские беседы V: 10, 18].

⁹⁹ [*Менедем Эретрийский* (ум. ок. 275 до н. э.), ученик Платона, основатель эретрийской философской школы: Диоген Лаэртский II: 125 сл.].

¹⁰⁰ [Об этом выражении применительно к Скифии: схолии к Аристофан. Ахаряне: 704].

¹⁰¹ [См. Плутарх. О противоречиях стоиков: 20].

¹⁰² [О *гипербореях* и о связи мифа о них с культом Аполлона Делосского: Геродот IV: 32].

¹⁰³ Гней Помпей. Ср. Плутарх. Помпей.

¹⁰⁴ [См. об *Армении*: Страбон XI: 14; об *албанах* и *иберах*: Страбон XI: 3–4; о Гиркании: Страбон VII: 3, 12].

¹⁰⁵ [О *бастарнах*, германском племени на нижнем Дунае: Страбон VII: 3, 15].

¹⁰⁶ [Об армянском царе *Тигране II Великом*: Аппиан. Митридатовы войны: 84 сл.; Плутарх. Лукулл: 22 сл.; Дион Кассий. Римская история XXXV: 15 и т. д.].

¹⁰⁷ См. также «Пословицы Плутарха», которые употребляли александрийцы под заглавием «Собиратели пословиц».

¹⁰⁸ [Об обычаях *массагетов*, в частности, в области половых отношений: Геродот I: 216].

¹⁰⁹ [Ср. Геродот IV: 117, где этот обычай приписывается савроматским девушкам].

¹¹⁰ [Об обычае *кувады* у *тибаренов*: Аполлоний Родосский II: 1010 сл.].

¹¹¹ [О *керкетях* (*жеркетах*): Страбон XI: 2, 1].

¹¹² [Об *эсседонах* (*исседонах*) и ритуальном поедании ими трупов умерших родственников: Геродот IV: 26].

¹¹³ [Ср. сообщение об эксцентрическом поведении *моссиников*: Ксенофонт. Анабасис V: 4, 34].

¹¹⁴ [*Бакхирии*, может быть, идентичны названному у Псевдо-Скилака (83) экехириейцам, локализуемым им на Кавказе, южнее колхов].

¹¹⁵ [Обычаи и физические свойства *оргемицев* подтверждают их идентичность с аргипеями Геродота].

¹¹⁶ [О *миссагетах* упоминает Геродот (IV: 22); об их предположительной локализации см. прим. к указанному месту].

¹¹⁷ [О значении наименования *тавроскифы* применительно к скифам Крымского полуострова: Страбон VII: 4, 5].

Псевдо-Плутарх

Πλοῦταρχος – Plutarchus

Плутарх из Александрии, вымышленный греческий писатель, под именем которого сохранилось сочинение «О названиях рек и гор и об их произведениях» (кон. I – нач. II в. н.

э.). Ради отличия от известного ученого и писателя Плутарха Херонейского (ок. 45 – ок. 127), автора этого сочинения называют Псевдо-Плутархом или Лже-Плутархом.

Псевдо-Плутарх

О названиях рек и гор и об их произведениях

Перевод П. И. Прогорова

V. 1. **Фасис** – река в Скифии, протекающая мимо города [Фасиса]¹; прежде она называлась Арктуром, получив *это* название от того, что течет по холодным местностям, а переименована по следующей причине. Фасис, сын Гелиоса и Окиррой, дочери Океана, убил свою мать, застав ее на месте прелюбодеяния; но после этого он вследствие появления Эриний впал в бешенство и бросился в Арктур, который от него и получил название Фасиса².

2. В этой реке растет лоза, называемая белолистником; ее ищут во время мистерий Гекаты³ в самом начале весны, на рассвете при боговдохновенном пении пеана. Ревнивые мужья срывают эту лозу и разбрасывают вокруг брачного покоя, охраняя, таким образом, чистоту своего брака⁴. *Дело в том, что* если какой-нибудь нечестивец в пьяном виде слишком далеко зайдет в своей дерзости и войдет в *такое* место [где разбросан белолистник], то лишается здравого рассудка и тотчас же перед всеми признается во всем, что он незаконно совершил или намерен совершить. Присутствующие схватывают его, зашивают в кожу и бросают в так называемые “Уста нечестивых” (Στόμιον τῶν ἁσεβῶν): это – отверстие круглой формы, похожее на колодезь; спустя 30 дней оно выбрасывает брошенное в него *тело*, полное червей, в Меотийское озеро; тут вдруг налетают во множестве коршуны и растерзывают лежащий труп; так рассказывает Ктесипп во II книге «Описания Скифии»⁵.

3. [К Фасису] прилегает Кавказская гора, которая прежде называлась “ложем Борея” по следующей причине. Борей, страстно влюбившись в Хлориду, дочь Арктура, похитил ее, принес на один холм, называемый Нифантом⁶, и прижил с нею сына Гирпака, *впоследствии* наследовавшего престол Гениоха. *Поэтому* гора стала называться “ложем Борея”, а Кавказом была названа по следующему поводу. После борьбы гигантов Кронос, избегая угроз Зевса, убежал на вершину “Бореява ло-

жа” и скрылся там, превратившись в крокодила; [но Прометей], зарезав одного из туземцев, пастуха Кавказа, и исследовав расположение его внутренностей, сказал, что враги недалеко⁷.

Зевс, явившись *сюда*, отца связал плетеной шерстью и низвергнул в Тартар, а гору в честь пастуха переименовал в Кавказ, приковав к ней Прометея и заставив его терпеть мучения от терзавшего его печень орла за незаконный поступок с внутренностями *пастуха*⁸, – так рассказывает Клеант в III книге «Теомахий».

4. На Кавказе растет трава, называемая Прометеевой; по рассказу того же *Клеанта*, Медея, собирая и растирая ее, употребляла для отвращения неприязни отца.

XIV. 1. **Танаис** – река в Скифии; она прежде называлась Амазонской, потому что в ней купались амазонки, а переименована была по следующей причине. Танаис, сын Беросса⁹ и одной из амазонок, Лисиппы, будучи очень скромным, ненавидел женский пол, чтит только Ареса и с презрением относился к браку. Но Афродита вселила в него страстную любовь к *его собственной* матери; он сначала боролся со своей страстью, но затем, одолеваемый роковым мучением и желая остаться непорочным, бросился в Амазонскую реку, которая по его имени была переименована в Танаис¹⁰.

В этой *реке* встречается растение, называемое алинда¹¹, листья его отчасти похожи на капустные; туземцы растирают его, намазываются его соком и, согреваясь от *этого*, легко переносят холод; на их языке *этот* сок называется маслом Беросса.

В ней находят также камень, похожий на хрусталь и увенчанный *коронкой*, наподобие человека. Когда умрет царь, *туземцы* производят выбор *нового* у реки; кто найдет такой камень, тот сейчас же избирается в цари и получает скипетр покойного. Так рассказывает Ктесифонт¹² в III книге сочинения «О растении-

ях»; упоминает об этом и Аристобул в первой книге сочинения «О камнях».

К Танаису прилегает гора, на языке туземцев называемая Бриксаба¹³, что в переводе значит Бараний Лоб (Κριῦ μέτωπον). Названа она так по следующей причине: Фрикс, лишившись в Евксинском Понте своей сестры Геллы и этим, естественно, опечалившись, остановился на вершине одного холма. Когда же заметили его какие-то варвары и стали взбираться туда с оружием в руках, то золотунный баран, взглянув вперед и увидев приближающуюся толпу, человеческим голосом разбудил спавшего Фрикса и, взяв его на свою спину, привез к колхам. По этому-то случаю холм и назван был Бараньим Лбом.

В Танаисе растет трава, называемая на языке варваров Фрикса, что в переводе значит «злоненавистник». Она похожа на руту и обладает тем свойством, что пасынкам, владеющим ею, мачехи не могут принести никакого вреда. Она растет преимущественно у так называемой «Бореевой пещеры». Когда ее собирают, она холоднее снега, а когда на кого-нибудь злоумышляет мачеха, то трава вспыхивает пламенем; пользуясь этим признаком, люди, опасаясь вторых жен, избегают грозящих им бедствий; так рассказывает Агафон Самосский во II книге сочинения «О Скифии».

XXIII. 1. Аракс – река в Армении, получившая название от Аракса, сына Нила. Аракс, вступив в борьбу из-за власти со своим дедом Арбелом¹⁴, поразил его стрелой, но потом, преследуемый Эриниями, бросился в реку Бактр¹⁵, которая от него и переименована в Аракс, как рассказывает Ктесифонт в I книге сочинения «О Персии». Армянский царь Аракс во время войны со своими соседями-персами, когда бой слишком затянулся, получил предсказание, что он одержит победу, если принесет в жертву богам-отвратителям двух знатнейших девиц. Аракс, пощадив собственных доче-

рей из-за любви к ним, подвел к алтарю и принес в жертву красавиц-дочерей одного из своих подданных. Мнесалк, отец убитых девиц, был глубоко поражен этим, но затаил на время обиду, а затем, воспользовавшись случаем, убил из засады дочерей тирана, сам же, покинув родную землю, уехал в Скифию. Аракс, узнав о случившемся, бросился с горя в реку Галм¹⁶, которая по нем была переименована в Аракс.

В этой реке растет трава, называемая на туземном языке Араксой, что в переводе значит «девоненавистник», потому что, как только ее найдут девицы, она причиняет им кровотечение и высыхает.

Встречается в ней также черного цвета камень, называемый сикионом. Этот камень, когда получится человекоубийственный оракул, две девицы кладут на алтари богов-отвратителей и, когда жрец коснется его ножом, из него в изобилии истекает кровь. Совершив таким образом суеверный обряд, они с громкими воплями идут назад, принеся камень к храму, как рассказывает Дорофей Халдейский¹⁷ во II книге сочинения «О камнях».

К Араксу прилегает гора Диорф, названная так по имени рожденного землею Диорфа¹⁸, о котором существует следующее предание. Митра, желая иметь сына и питая ненависть к женскому полу, оплодотворил какую-то скалу, которая, сделавшись беременной, в определенный срок произвела мальчика, по имени Диорф. Возмужав, Диорф вызвал Ареса на состязание в доблести, но был убит им и по определению богов был превращен в соименную гору.

Растет у этой реки дерево, похожее на гранатовое; оно в изобилии производит плоды, имеющие вкус яблок, а видом похожие на виноградные гроздья. Если кто сорвет зрелый плод этого дерева и призовет Ареса, то плод зеленеет в руках, как рассказывает Ктесифонт в XIII книге сочинения «О деревьях».

Примечания

¹ Maussaucus, очень вероятно, предположил, что после лблв 'годов' выпало фйсв.

² [Этот этиологический миф, связывающий Фасис с Северной звездой (Арктуром), подтверждает высказывавшееся на основании других соображений предположение (см. Stengel. De Argonautarurn expeditione. – 1873: 20) о том, что во времена создания ионийского эпоса об аргонавтах мифическая река Фасис мыслилась на севере и отождествлялась с Доном раньше, чем с Рионом].

³ [Оргиастическое хтоническое божество, отождествлявшееся иногда с Артемидой или с Кибелой].

⁴ Аристотель. О чудесных слухах: 158.

⁵ [Этот миф, имеющий на себе налет восточных представлений о загробном возмездии грешникам, видимо, столь же произвольно связан Псевдо-Плутархом с Меотидой, как им было придумано имя Ктесиппа, на труд которого «О скифах» («Σκυθικά») он ссылается в подтверждение достоверности своего рассказа].

⁶ Это наименование, несомненно, идентично с Нифатом других авторов (Страбон XI: 12, 4; Евстафий. Схолии к Дионисию Периегету: 988) – наименованием горы в Армении, локализуемой между Тавром и Масием у истоков реки Тигра].

⁷ «Последующее показывает, что кое-что здесь выпало» (Hercher).

⁸ [В обоих мифах, объясняющих возникновение наименований “ложе Борея” и “Кавказ”, сквозит влияние мифов о Боре и Ориции, с одной стороны, и о Прометее – с другой. Их модификация – дело рук Псевдо-Плутарха, которым придуман и сочинитель Клеант, автор «Теомахий», на которые он ссылается как на свой источник].

⁹ [Это мифическое имя и в той же самой связи упомянуто у Плиния (Ест. история II: 231). Его пытались производить от финикийского *rhîr* ‘источник’ (см. RE под словом *Berosos*), а также связывали с борусками, помещенными Птолемеем (III: 5, 10) у Рипейских гор].

¹⁰ [Миф скомпонован Псевдо-Плутархом по образцу мифов об Ипполите, Адонисе и Таммузе].

¹¹ [Наименование это перекликается с топонимическим *Halinda*, засвидетельствованным для сарматского севера (GGM, II: 653), и, может быть, с наименованием реки Адонта у Птолемея (V: 8, 12)].

¹² [Автор, являющийся измышлением Псевдо-Плутарха].

¹³ Томашек (RE под словом *Brixaba*) не находит параллелей для этого имени в существующих языках. Возможно, что оно связано с упомянутыми у

Птолемея (III: 5, 10) борусками и Боризой (или Бериссой) в Понте (Стефан Византийский под тем же словом).

¹⁴ [Имя, известное из восточной мифологии: отец ассирийского царя Нина или сын Египта (*Abydos*, фр. 11–12; FHG, IV: 284 сл.)].

¹⁵ Река в Бактриане, приток Окса (Амударьи), отождествляется с совр. рекой Адирсиах. Из контекста явствует, однако, что, имея в виду реку Аракс, текущую на Кавказе через Армению и Албанию, Псевдо-Плутарх, сочетая ее с Бактром, думает об Оксе, также иногда называвшемся Араксом (Геродот I: 201 сл.).

¹⁶ [Наименование звучит в упоминающемся у Птолемея пункте Альмия или Гальмия (V: 9, 12) по верхнему течению реки Вардана (Кубани)].

¹⁷ [Дорофей Халдейский, писатель, вымышленный Псевдо-Плутархом].

¹⁸ [Как наименование горы, локализуемой в Армении, так и ее эпоним – вымысел Псевдо-Плутарха, но легенда, сопряженная с этими именами, имеет на себе печать мифа о рождении иранского божества Митры].

Источник: *Plutarchi libellus de fluviis / Recensuit et notis instruxit R. Hercher. – Lipsiae, 1851; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1.*

Дионисий Периегет

Διονύσιος Περιηγητής – Dionysios Periegetes

Дионисий Периегет, Александрийский (I–II в. н. э.), греческий географ. Родом из Александрии, Египет. Свое составленное гекзаметром «Описание населенной земли», иначе «Землеописание» («*Οἰκουμένης περιήγησις*») сочинил, как видно из имеющегося в тексте акростиха (109 сл., 513 сл.), при императоре Адриане (117–138).

В византийские времена поэма Дионисия была пересказана по-гречески в прозе. На латинский же язык ее перевел изысканным гекзаметром византийский ученый Присциан Кесарийский (V–VI вв.), автор самой объемной и самой авторитетной грамматики латинского языка «*Institutio de arte grammatica*» («Грамматические наставления») в 18 книгах.

По определению В. В. Латышева, поэтическое сочинение Дионисия, “лишенное утилитарного значения, рассчитано на то, чтобы служить занимательным чтением, оно объединяло реальные географические сведения с поэтическими и мифико-космографическими представлениями. Поэтому землеописание унащено различными подробностями об

Океане, его заливах, впадающих в него реках, и т. п.; отсюда же и “гомеровские” наименования причерноморских племен: гиппемолги, агавы, гиппоподы и др.

Карта расселения племен по Дионисию, восходящая, несомненно, к ионийским стихотворным периплам типа сочинений Скилака и Скимна, интересна тем, что, наряду с традиционным Боспором Киммерийским, киммерийцы показаны в числе северокавказских племен, что вполне согласуется с локализацией их на основании древневосточных данных.

Таким образом, землеописание Дионисия содержит, наряду с обычными для римского времени и сильно олитературенными географическими представлениями, отдельные своеобразные и древние черты, отражающие положение вещей, характерное для времен ионийской колонизации Понта”.

Сочинение Дионисия прокомментировано анонимом (см. здесь же) и византийским ученым Евстафием, епископом Солунским (1115–1193), и вкратце изложено Никифором Блеммидом (1197–1272) – см. ниже.

Подробнее см.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. – Л., 1925: 74 сл.; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1.

Дионисий Периегет

Описание населенной земли

Перевод И. И. Цветкова

Комментарии Л. А. Ельницкого

14–22. Границы материков. Европу от Азии отделяет посредине Танаис, который, катясь через землю савроматов, течет в Скифию и в Меотийское озеро на севере; южной же границей служит Геллеспонт, а более южный предел протянут через устье Нила¹. Другие разделяют землю по материкам. Возвышается некий перешеек, крайний предел азиатской земли, между Каспийским и Евксинским морями; его-то и приняли границей между Европой и Азией.

27–25. Океан. Повсюду несется течение неумоимого Океана² – одно и то же, но различающееся многими названиями: находящийся у крайних пределов локрийского Зефира называется западным Атлантом³, а вверху, на севере, где *живут* сыны неистовых аримаспов, он называется Ледовитым и Кронийским морем; другие называли его и Мертвым вследствие слабого солнечного освещения⁴: *солнце* редко светит над этим морем и почти постоянно скрывается в мрачных густых облаках...

47–50. Каспийский залив. Второй залив, небольшой, но важнейший *из всех* прочих, – тот, который, начинаясь с севера от Кронийского моря, несет свои глубокие волны в Каспийское море, которое другие называют Гирканским⁵.

142–168. Понт Евксинский. Этот пролив [Боспор Фракийский] уже всех прочих, которые находятся в волнистом море. По мифическому преданию, здесь безбожные Кианейские скалы, двигаясь *в море*, с шумом ударяются одна о другую. За ним широко открывается людям обширный Понт, образующий пространный залив к востоку; в этом море пути имеют косвенное направление, будучи всегда обращены к северу и востоку. А посредине с обеих сторон выдаются в море два мыса, один южный, называемый Карамбисом, другой – северный, возвышающийся над Европейской землей и называемый туземцами Бараньим Лбом; оба эти мыса сближаются друг с другом, хотя и не слишком близко, а на такое расстояние, какое грузовое судно проходит в три дня. Отсюда можно увидеть, что Понт состоит *как бы* из двух морей и по своей округлости похож на сгиб согнутого лука: правый берег представляет собой тетиву⁶, так

как описывает прямую линию, и только один Карамбис выходит за эту линию и смотрит к северу; вид же рогов представляет левый берег, который извивается двумя изгибами, похожий на рога лука. К северу от Понта разлились воды Меотийского озера, вокруг которого обитают скифы, бесчисленный народ; Меотиду называют матерью Понта, так как из неё выходит огромная масса воды Понта прямо через Киммерийский Боспор⁷, по которому живет много киммерийцев у холодной подошвы Тавра⁸.

298–320. Описание Северо-востока Европы. Недалеко от Рейна начинается священный Истр, текущий на восток до Евксинского моря, в которое он извергает всю пену своих волн, изливаясь пятью устьями у Певки. К северу от него на широком пространстве живет множество племен вплоть до устья Меотийского озера: германцы, саматы⁹, геты и бастарны, неизмеримая земля даков и храбрые аланы, тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Бег Ахилла¹⁰ и далее, живущие до устья самого озера. Выше их живет племя богатых конями агавов¹¹, а там – меланхлены, гиппемолги [доители кобылиц]¹², невры, гиппоподы [коненогие]¹³, гелоны и агафирсы. Здесь вливаются в Евксин широко разлившиеся воды реки Борисфена перед Бараньим Лбом, прямо против Кианеев. Там же воды Алдеска¹⁴ и Пантикапа шумят в двух местах в Рипейских горах¹⁵. При устьях их, недалеко от ледовитого моря, водится янтарь, приятно блестящий, подобно свету народившейся луны; а вблизи у холодных агафирсов¹⁶ можно увидеть и блестящие алмазы. Столько народов живет к северу от Истра.

541–553. Острова в Понте Евксинском. По левой стороне Евксина, против Борисфена, лежит в море знаменитый остров героев; его называют Белым, так как водящиеся здесь птицы¹⁷ – белого цвета. Здесь, говорит предание, блуждают по пустынным долинам души Ахилла и других героев. Такая награда дана Зевсом героям за доблесть: ибо доблесть получила вечную славу. Если же пройти прямо через Киммерийский Боспор, встретится другой обширнейший остров¹⁸, который лежит внутри Меотийского озера на правой стороне,

на нем – Фанагора и прекрасно построенная Гермонасса, в которых живут выходцы из Ионийской земли.

652–710. Народы за Танаисом и на Кавказе. Вблизи Меотийского озера живут сами метоты и савроматские племена¹⁹, славный род воинственного Ареса²⁰; они произошли от той могучей любви амазонок, которой они соединились некогда с савроматскими людьми, блуждая вдали от своей родины Фермодонта; от них-то родились воинственные потомки, обитающие в необозримом лесу, среди которого катится Танаис, впадающий в угол Меотиды и отрезающий Европу от Азиатской земли, так что на запад лежит Европа, а на восток Азия. Истоки его журчат вдали в Кавказских горах²¹, он же, широко разлившись повсюду, быстро несется по скифским равнинам; а когда он сильно взволнуется под дыханием Борея, увидишь *на нем* и лед, сплотившийся от мороза. Несчастны те, которые обитают в этой стране: вечно у них холодный снег и пронизывающий мороз; а когда настанет от ветров страшная стужа, своими глазами увидишь умирающих коней или мулов или пасущихся²² под открытым небом овец; даже сами люди, которые остались бы под теми ветрами, не уцелели бы невредимыми; но они, запрягши свои повозки, удаляются в другую страну, а свою землю оставляют на волю холодных ветров, которые, неистовствуя страшными порывами, потрясают землю и поросшие соснами горы. Столько-то народов живет по Танаису. С савроматами же, как соседи, живут синды, киммерийцы²³ и живущие вблизи Евксина керкетии, тореты и сильные ахейцы, которых некогда дуновения Нота и Зефира унесли от Ксанфа и идейского Симоента²⁴, когда следовали они с войны за воинственным царем. За ним живут, владея соседней землей, гениохи и зигии, чада земли пеласгийской; а по берегам самой дальней части Понта, за страной тиндаридов²⁵ живут колхи, выходцы из Египта, в соседстве с Кавказом, который у Гирканского моря поднимается крутыми горами. Здесь Фасис, катясь по поверхности Киркейской равнины, извергает в волны Евксина свои быстрые пенистые воды, получив свое начало у Армянской горы²⁶. К северо-востоку от него лежит перешеек между Каспийским и Евксинским морями. На нем живет восточный народ иберы, которые некогда

пришли с Пиренеев на восток и вступили в ожесточенную войну с гирканами, и большое племя камаритов²⁷, которые некогда гостеприимно приняли Вакха после Индийской войны и вместе с ленами²⁸ устроили священный хоровод, надев на грудь повязки и небриды [накидки из шкур лани] и крича: «Эвой, Вакх!» – Бог же возлюбил сердцем это племя и обычаи этой страны. За ними волнует Каспийское море. Я легко мог бы описать тебе и это море, хотя и не видал его отдаленных путей и не переплывал их на корабле, ибо я не живу на черных кораблях и не занимаюсь переданной отцом торговлей...

718–732. Описание Каспийского моря. Фигура всего великого Каспийского моря представляет собой закругляющуюся окружность; его, пожалуй, не переплывешь на корабле в три лунных круга [т. е. в три месяца]: столь велик этот трудный путь. Устремляясь снова на север, оно соединяется с течением океана²⁹. Это море представляет много и другого чудесного для людей, а также производит кристалл и темную яшму, страшную для эмпус и других приведений. Я расскажу *теперь* все о том, какие племена живут вокруг него, начав с северо-западной стороны. Первые – скифы, которые населяют побережье возле Кронийского моря³⁰, по устью Каспийского моря; потом унны³¹, а за ними каспийцы, за этими – воинственные албаны и кадусии, живущие в гористой стране; вблизи их – марды, гирканы и тапиры...

761–774. Народы Закавказья. Столько народов живет вокруг каспийских волн. Теперь обрати внимание на понтийские народы, *живущие* скученно к западу от колхов и Фасиса, вдоль берега Евксина до Фракийского устья, где Халкидская земля³². Сначала *живут* бизеры и вблизи *их* племена бехиров, макроны, филиры и те, которые имеют деревянные моссины³³. Вблизи их – богатые стадами тибарены; за этими *последними* населяют бесплодную и суровую землю халибы, искусные в обработке трудного железа; стоя при тяжкозвучных наковальнях, они никогда не прекращают труда и тяжелых забот. За ними расстилается простор Ассирийской земли, где воинственный Фермодонт посылает амазонкам с Армянской горы свою белую воду³⁴...

Схолии к «Землеописанию» Дионисия Периегета

Перевод и комментарии В. В. Латышева

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

7. ...Показав пределы Либии [границу Ливии и Азии по Нилу], Дионисий переходит к другим *материкам*, отделяя Азию от Европы. Границей обоих *этих материков* он называет скифскую реку Танаис, имеющую истоки на Кавказе, орошающую Сарматия и впадающую в так называемое Меотийское озеро в Скифии. А что он спускается с Кавказа, это говорится в следующих словах: «а истоки его в Кавказских горах», которые являются Рипейскимп *горами*³⁵. Некоторые говорят, что *его* истоки находятся в них и что приведенное выражение употреблено подобно *выражению* «Идейских гор»: Рипейские горы составляют, но их словам, часть Кавказа, как Гаргар и Лект – части Иды. Птолемей же *говорит*, что *эта река* течет из безымянных гиперборейских стран в Скифию и к савроматам, а Эсхил в «Прометее освобожденном» и Софокл в «Скифах» говорят, что им разделяются материки³⁶.

14. Показав пределы Либии, *поэт* переходит к другим *материкам*, отделяя Азию от Европы. Виновником этого он называет *Танаис*, который у туземцев называется Силисом. Танаисом *река* эта названа потому, что течет τεταμένους [растянуто, протяжно]. Артемидор говорит, что два устья Танаиса находятся на расстоянии семи стадиев. Одно из них впадает в Меотиду, а другое в Скифию³⁷.

15. ...*К северу*, т. е. к северным частям Европы, границей которых от южных служит река. Поэтому *поэт* представляет средней границей Геллеспонт, а южнее лежит Нил. Ибо эти реки находятся одна против другой. Танаис, протекая с севера, впадает в озеро...

20. *Перешеек протягивается*. Этот перешеек одни называют Кавказом, а другие – Тренской (Θρίνην) равниной; но лучше подразумевать восточную Иберию, которая находится между колхами и Албанией, разделяя Евксин и Гирканское море. *Поэт* говорит, что этот перешеек, т. е. находящийся между Каспийским морем и Евксином, отделяет Азию от Европы³⁸, оканчиваясь у Аравии и Египта.

21. *Евксина*. Евксин назывался Аксином [Негостеприимным], потому что был заселен по берегам пиратами и туда не приезжал ни один иностранец. Ныне он назван Евксином [Гостеприимным] по противоположению или, как некоторые говорят, потому, что Геракл,

изгнав оттуда пиратов, поселил каких-то гостеприимцев.

30. *А выше к северу*. Северное море называют Кронийским заливом, может быть, потому, что Крон способствует холоду, или по причине охлаждения: ибо холод приписывается Крону³⁹. Некоторые *объясняют название* Кронийского залива тем, что туда брошены половые органы Крона. Но лучше – по причине чрезмерного холода: ибо звездочеты говорят, что Крон холоден; а гиперборейский океан естественно охлаждается, не будучи согреваем близостью круга Зодиака. Кронийское море, упоминаемое поэтом Аполлонием *Родосским* [IV: 509], находится в самой внутренней части Ионического залива и называется так от острова Кронии...

А другие опять назвали и Мертвым. То и другое по причине холода в этих странах; ибо *море это* замерзает. Кронийским морем называется оно, как некоторые говорят, потому, что Крон иносказательно обозначает холод, а Мертвым – вследствие отдаленности солнца и большей близости его к южным странам; ибо вследствие отсутствия тепла живородящие *животные* перестают существовать; или называется *так* потому, что солнце там слабо бросает *свои лучи*, ибо оно *лишь* через большие промежутки времени оказывается над этим морем, т. е. приближается к нему...

47. *А второй небольшой*. Этот залив назван меньшим по сравнению с заливом, *начинающимся* от Гадир⁴⁰; но сравнительно с Персидским и Арабским заливами больше Гирканский, пополняющийся из Кронийского океана. Может быть, по неизвестным местам Каспийское море к северу должно быть помещено у Скифии, как *говорит* и Аполлоний *Родосский* о Медее: «собрала в каспийскую раковину» [III: 859]. Птолемей же говорит, что *это море* окружено землей наподобие острова⁴¹.

Но наиболее выдающийся. Разливаясь на небольшом *пространстве*, он все-таки значительнее других: *поэт* говорит это в смысле силы течения, как и в речи о нем говорит [стих 721]: «так велик этот неумолимый пролив».

74. *Живущие* в Азии галаты – выселенцы из Европы, как и *живущие* в Азии иберы – выселенцы из *живущих* в ней [т. е. в Европе]...

148. Вследствие сужения этого Понта естественно, что видны два лежащих далее широ-

ких моря. Направляются они к востоку, но имеют отклонение к северу и Меотиде, которая находится у конца Понта; и море кажется как бы рождающимся из нее. [Посередине же с той и другой стороны выдаются в Понт два высоких мыса, из коих] один внизу, к югу, [который называют Карамбисом], а другой вверху выдается к северу, это Бараний Лоб.

156. *Отсюда и...* Сказано в местном или временном смысле. После того, как приблизится открытый Понт, увидишь оттуда на расстоянии два моря и залива, между которыми лежит Бараний Лоб, наподобие лука. Иначе: от того, говорит *поэт*, что эти *мысы* выступают и сближаются друг с другом, Понт представляется состоящим из двух морей, т. е. делится на два залива, подобный луку. $\tau\acute{o}\rho\nu\phi$ говорит он *в смысле* окружности, а $\acute{\eta}\mu\iota\alpha\iota\ \tau\acute{o}\xi\omicron\nu$ – описательно в смысле лука, вследствие того, что к нему привязана тетива. И так он говорит, что *изгиб берега* похож на окружность лука, вследствие того, что таким образом выступают эти мысы. Представь себе, говорит он, что вся правая сторона составляет тетиву лука, кроме Карамбиса, а левая – *часть*, изогнутую к тетиве. Но скажет кто-нибудь: почему же правая сторона, кроме Карамбиса, более похожа на тетиву или левая, кроме Бараньего Лба, – на рога? Ведь то, что скажешь об одной стороне, подходит и к другой, так что *Понт*, похож не на лук, а на противоположащие рога двух луков. Тому следует возразить, что Периегет, предвидя это, прибавил слова “а один Карамбис” и потом о другой стороне следующее: “к северу воды Меотийского озера”, – как бы говоря: не только Бараний Лоб, но и озеро, которое, по словам Геродота [IV: 86], немногим уступает по величине самому Понту; так что в сравнении с изгибами левой стороны Карамбис мал и *потому Понт* не может быть похож на два рога двух луков, ибо изгиб по середине обеих сторон не одинаков, но есть только в некоторой части неполное сходство с видом тетивы⁴².

163. *И к северу от него.* Речь снова возвращается к Понту, и *поэт* говорит, что выше его находится Меотиде, вокруг которой живут меоты, родом скифы. Затем *говорится*, что у них озеро называется матерью Понта – *вполне* правдоподобно: ибо, пробегая через Боспор, оно щедро прибавляет *воды* в море и наполняет залив. Киммерийцы живут под выступом Тавра⁴³, который называется Херсонесом-Таврическим и прилежит к устью Меотиды с запада; в соседстве с ним живут многие скифские народы. Аполлоний *Родосский*,

обрисовывая Меотиду, вместе с высотой указывает и на вид ее, говоря: “над ней разрываются бури Борея” [II: 362].

166. *Ибо из нее неизмеримая вода Понта.* То есть, из нее вытекает вода Понта, или Понта и вода ее.

167. *Через Киммерийский Боспор.* Ибо вблизи находятся киммерийцы, живущие по перешейку, где Тавр; перешеек он называет тот, который, по некоторым, отделяет Азию от Европы. Киммерийцы названы многочисленными в собственном смысле, благодаря их многолюдству. Севернее острова⁴⁴, по Птолемею, *живут* аланы, гамаксобии и хуны⁴⁵.

168. *Под холодной подошвой Тавра* сказано вместо: у самого нижнего края Тавра. “Холодным” *поэт* называет Тавр потому, что он высок; ибо высокие местности отличаются стужей. “Подошвой” *сказано* вместо “нижней частью”, как в выражении “и подошвы Иды” вместо: крайние части внизу Иды. Есть киммерийцы и в других местах.

300. Истр несется до Евксинского Понта. Остров не нанесен на карту, так как окружен рекой, как говорит Аполлоний *Родосский* [IV: 309].

301. Певка – остров, образуемый Истром; о нем упоминает и Аполлоний *Родосский* [IV: 309]: “Истром ведь образуется некий остров, именем Певка”. Певка – треугольный остров, лежащий между устьями Истра. Птолемей называет и Истр семиуственным, подобно Нилу; точно так же и Географ [Птолемей III: 10; Страбон VII, 3: 15].

303. *До устья Меотийского озера.* До Меотиды, говорит *поэт*, ибо до нее живут скифы, как свидетельствует и Геродот [IV: 21], говоря: “Ибо за рекой Танаисом уже не Скифия”. Дионисий говорит это не в виде желания ограничить здесь всю вообще Скифию, *а только лежащую* к северу от Истра. Бастарны, германцы и все эти *народы* живут влево от Истра; тавры – в Скифии, в которой находится Ахиллов Бег⁴⁶, скифы – у Белого острова⁴⁷.

304. *Саматы.* Нужно было сказать сарматы, а не саматы; но сила метра вытолкнула р, как и в предыдущем: в *слове* Бретания по требованию метра *поэт* удалил одно т.

306. Ахиллов Бег получил свое название по следующей причине: когда Ифигению намеревались принести в жертву Артемиде в Авлиде, Артемиде похитила ее и послала в Скифию. Тогда влюбился в нее Ахилл и преследовал до некоторого места; и отсюда назван Ахиллов Бег.

309. *Здесь меланхлены.* Это названия народов; и, может быть, они получили названия по фактическим причинам. Об этих упомянул и поэт [Гомер], когда говорил о мисийцах⁴⁸. Другие предположили, что *меланхлены* названы так от одежды, иные – от пищи, а *еще* – от цвета кожи.

310. *Агафирсы.* Агафирс, сын Геракла, брат Гелона, от которых и народы получили названия.

311. Борисфен – река близ Понта, откуда и *припонтийские народы называются* борисфенитами, как говорит Менандр: “ибо разделял борисфенит” [фр. 883].

314. *Там и воды Алдсека и.* Это имена рек. Пантикап соединяется с Истром⁴⁹. Находится он в Европе. А Рипейские горы, из которых вытекают таковые реки, – в Скифии. *Διάνδῃα* значит отделенные друг от друга.

316. *При устьях их.* Рипейских гор, Скифии⁵⁰. Ледовитого моря, т. е. Кронийского океана, так называемого Мертвого (Νεκρῆς) моря. Янтарь родится не только в Эридане⁵¹, но и в Скифии, отличный от кельтского: первый называется ἡδοφαῖς, т. е. имеющий приятный блеск, а второй – χρυσανγῆς. Поэт говорит: “собирают слезу златоцветного янтаря”.

666. Некоторые *эпитет* “волнующегося” относят к Кавказу как принимающему большую массу снега или потому, что, когда Кавказ обвеивается северным ветром, эта река замерзает⁵².

Поэт предполагает Кавказ находящимся у Кронийского моря, считает его частями Рипейские горы и *думает*, что Кавказ – отрог Тавра.

672. *Племя ночующих в поле овец.* Желая обрисовать чрезвычайный холод этих мест, поэт сказал “ночующих в поле овец”; ибо мороз не действует на них, если зима не слишком сурова, как говорит Гесиод: но не на овец, ибо густа их шерсть, и не продувает ее сила ветра Борея [Труды и дни: 516: “И только не может стад он овечьих продуть, потому что пушисты их руна”].

681. Синды живут по Истру, как говорит Аполлоний [IV, 322].

685. *Аретиаду.* Или ведущему род от Ареса. Разумеет Дионисий Агамемнона; ибо он происходил от Пелопса и Гипподамии, дочери Эномая; а Эномай был сын Ареса. Смысл его слов такой: воинственнейшему Агамемнону, сыну

Ареса. Аспледонцы, разбитые бурей, под предводительством Иалмена заселили эти места, как *говорит* Ферекид⁵³. Другие же говорят, что мирмидоны, заблудившиеся *при возвращении* из-под Трои с Ахиллом, поселились там.

687. Харакс говорит, что аргонавты отплыли на многих кораблях, из которых один, заблудившись, был прибит к Меотиде. Плывшие на нем Телхис и Амфит, бывшие возницами Диоскуров, остались там и захватили власть; от них-то жившие там получили имя гениохов [возниц]. Оттуда же получил название лежавший там город Диоскуриада, о которой поэт сам говорит: “после земли тиндаридов”.

700. Нужно знать, что камариты назывались *так* от круглых судов, называвшихся камарами, на которых они занимались *морским* разбоем.

718. Этот поэт называет *Каспийское море* круглым, а Птолемей [Посидоний?] похожим на пращу. Это Гирканское море и Птолемей [VII, 5: 4], и Аристотель в «Метеорологии» [I, 13: 29; II, 1: 10 и прим.] представляют себе как бы островом, окруженным землей.

[Mullerus: 457]. До святилища Зевса Урия⁵⁴ или устья Понта от так называемого Священного пятиустья понтийской реки Истра 3640 стадиев, составляющих 485 миль.

От реки Борисфена, называемого также Днепром, до святилища Зевса Урия 5610 стадиев или 746 2/3 мили.

От Херсона⁵⁵ до святилища Зевса Урия 8900 стадиев или 1186 и 2/3 мили.

От Портмийской деревни⁵⁶, находящейся в конце европейских частей Понта [и в устье] Меотийского озера или Киммерийского Боспора, до святилища Зевса Урия 11 100 стадиев или 1480 миль.

От святилища Зевса Урия до города Амиса⁵⁷ 4460 стадиев или 621 и 2/3 мили. От Амиса до реки Фасиса 3802 стадия или 507 миль.

От реки Фасиса до устья Меотийского озера 4150 стадиев или 553 и 2/3 мили. Вся окружность Евксинского Понта, именно правых азиатских мастей Понта и левых, европейских, до Святилища⁵⁸ 20 587 стадиев или 3145 миль. А окружность Меотийского озера, в которое течет река Танаис, 9000 стадиев или 1200 миль.

Стадий имеет длину, равную гипподрому. Семь с половиной таких стадиев составляют одну милю⁵⁹.

О птицах

Перевод В. В. Латышева

22. ...О грипах ничего нельзя сказать определенного: говорят, что они водятся в болотах богатых аримаспов и собирают золото, выкапывая *его* из земли; а аримасы эти, говорят, имеют не по два глаза, а по одному каждый...

Примечания

¹ Этими словами Дионисий обозначает западные границы Азии: с Северной Европой Азия граничит по реке Танаису (Дону), на юге Европы ее границей (у берегов Малой Азии) является Геллеспонт (пролив Дарданеллы), и, наконец, с Либией (Африкой) Азия граничит по реке Нилу.

² Дионисий излагает весьма популярное в древности представление о том, что земля омывается со всех сторон океаном – в виде широкой реки, противоположный берег которой находится в потустороннем мире.

³ Или *Атлантическим* океаном по имени титана Атланта; *локрийский*, т. е. находящийся за Эпизефирскими Локрами на западном берегу Италии.

⁴ Наименование северного океана *Кронийским* или *Мертвым* связано с представлениями о находящихся в его пределах островах блаженных, где царствовал Кронос. Ср. эти же эпитеты по отношению к Адриатике в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (IV: 282 сл.).

⁵ Представление о *Каспийском море* как о заливе океана удерживалось вплоть до времен Страбона (II: 5: 18), хотя еще Геродот настаивал на том, что оно представляет собой замкнутый бассейн (I: 203). О соотношении наименований моря *Каспийским* и *Гирканским* см. Страбон I: 2: 17.

⁶ Сравнение Черного моря с изогнутым скифским луком отмечается впервые у Гекатея, фр. 163. См. об этом почти в тех же словах: Страбон II: 5, 22.

⁷ Ложное представление о том, что Черное море питается за счет Меотиды, разделяет также Полибий (IV: 39, 2).

⁸ Дионисий переносит название малоазийского горного хребта Тавра на Крымские горы (современная Яйла) и населяет подножие их киммерийцами (о которых см. Геродот I: 103), – и то и другое, несомненно, лишь на основании топонимических данных.

⁹ Т. е. сарматы, ср. язматы (по Эфору – савроматы) у Псевдо-Скилака (879).

¹⁰ Помещая тавров на Ахилловом Беге, Дионисий совершает ту же ошибку, что и составитель VII книги страбоновской хрестоматии.

¹¹ *Агавы* (ἀγᾱοὶ) в качестве эпитета, характеризующего гиппемолгов («дивных доителей кобылиц»), встречается у Гомера (Илиада XIII: 5), откуда их, несомненно, и берет Дионисий, обращая эпитет в племенное наименование.

¹² О *гиппемолгах* см. Илиада XIII: 5 и Страбон VII: 3, 3 сл., где доказывается, что под этим именем скрываются скифы.

¹³ *Гипноподов* называют в Сарматии или вообще на севере Европы также и некоторые другие поздние авторы – Плиний. Ест. ист. IV: 95 и Птолемей III: 5, 10; Томашек хотел видеть в них протофинское племя, названное так за употребление лыж.

¹⁴ Реку *Алдеск*, ближе не известную и упоминаемую лишь Дионисием, называет под именем Ардеск Гесиод (Теогония: 345), схолий же к этому ме-

сту Гесиода локализует названную реку в Скифии.

¹⁵ *Рипейские горы* у поздних авторов прочно связываются с Уралом, вследствие чего связь их с названными выше реками, впадающими в Черное море, основана на недоразумении и является плодом мифико-географических измышлений Дионисия, как это показывают отчетливо дальнейшие строки.

¹⁶ Помещая *агафирсов* где-то неопределенно на севере, Дионисий отступает от обычной локализации их в области современной Трансильвании.

¹⁷ Греческий текст дает слово κινώλετα; у всех греческих писателей (Каллимаха, Артемидора, Никандра) оно значит 'змея'. Парифраза заменяет это слово словами θηρία ἢ ὄρεα – 'животные или птицы'.

¹⁸ Представление о современном Таманском полуострове как об острове в дельте реки Кубани, имевшей два устья, из которых одно впадало в Черное, а другое – в Азовское море, отмечается уже у Псевдо-Скимна (890 сл.) и подразумевается в описании Страбона (XI: 2, 9 сл.).

¹⁹ Следовало бы думать, что Дионисий, говоря о племени *савроматов* во множественном числе, имеет в виду сарматские племена вообще, но, как явствует из дальнейшего, сообщаемые им об этих племенах данные относятся именно к легендам о савроматах. Ср. Геродот IV: 110 сл.

²⁰ [К *роду Ареса* Дионисий причисляет савроматов по женской линии, ибо потомством Ареса греки называли мифическое племя амазонок. См. Диодор Сицилийский IV: 16].

²¹ Опровержение взгляда, высказанного еще в ионийскую эпоху греческой географией и основанного в конечном счете на совмещении представлений о Танаисе и Фасисе как границе азиатского и европейского материков, содержится у Страбон XI: 2, 2.

²² Точнее: ночующих.

²³ Локализация *киммерийцев* между *синдами* и *керкетами* – северокавказскими племенами, в противоречии с тем, что о них говорилось ранее (167 сл.), наводит на мысль, что в данном случае источником Дионисия послужил какой-то перипл, сохранивший отголоски значительно более древних данных об исторических киммерийцах в Северном Причерноморье, которые жили на Кавказе.

²⁴ *Ксанф* (Скамандр) и *идейский* (т. е. берущий начало у горы Иды) *Симоент* – реки в Троаде.

²⁵ Имеется в виду милетская колония Диоскуриада, на месте нынешнего Сухуми, названная по имени Диоскуров (Кастора и Полидевка), именуемых также Тиндаридами по их отцу Тиндарею (Илиада III: 236).

²⁶ Об истоках Фасиса (Риона) в Армении можно заключить также из Страбона (XI: 14, 7), хотя в другом месте (XI: 3, 4) он правильно указывает ее верховья в горах Иберии (Грузии). Ошибка древних объясняется тем, что за истоки Фасиса принимались истоки притока Риона Квирилы, действительно вытекающей из Армении.

²⁷ Наименование образовано по своеобразным морским судам-камарам (ср. схолии Евстафия к этому месту), описанным у Страбона (XI: 2, 12), называющего владельцами этих судов ахеев, зигов и гениохов, которых и следует, очевидно, отождествлять с *камаридами* Дионисия.

²⁸ Т. е. вакханками, но имени которых названо одно из популярных аттических празднеств в честь Диониса – Ленеи.

²⁹ Относительно представлений о соединении Каспийского моря с Северным океаном см. выше, ст. 49 сл.

³⁰ Имея в виду так называемую Азиатскую Скифию, т. е. кочевнические племена в низовьях Волги, Дионисий упоминанием о *Кронийском море* (о значении этого названия см. прим. к ст. 48) расширяет понятие Скифии до пределов Северного океана.

³¹ Это место является одним из древнейших упоминаний об этом прикаспийском племени, покорившем в IV в. алан и объединившем под своим именем различные кочевнические племена южно-русских степей.

³² *Фракийское устье* – Боспор Фракийский (Константинопольский пролив), Халкидская земля – расположенный на севере Эгейского моря полуостров Халкидика, названный так по обилию на нем халкидских колоний.

³³ Т. е. моссиники, о которых см. Гекатей, фр. 192–193; Ксенофонт, *Анабасис* V: 4, 1 сл.; Псевдо-Скилак: 86 и Псевдо-Скимн: 900.

³⁴ [Локализация Дионисием Фермодонта на Кавказе перекликается с локализацией Гекатеем Милетским халибов на Фермодонте (фр. 105). Ср. относительно этого, а также и об Армянской горе комментарий Евстафия к Дионисию 694; 772].

³⁵ [Посредством отождествления Кавказа с Рипейскими горами схолиаст старается исправить ошибку Дионисия и ориентировать более правильно истоки реки Танаиса.

³⁶ [У Птолемея (V: 8, 1) приводимые в тексте схолия слова отсутствуют; Эсхил (Прометей освобожденный, фр. 190, 191) имел в виду в качестве границы Европы и Азии не Танаис, а Фасис – имя, которое, вероятно, в начальную эпоху греческой колонизации действительно прилагалось к реке Дону]. Ср. в «Прометее прикованном»: «Ты же, Ио, направься отсюда в земли кочевников-скифов, но держись от них в стороне, минуя их землю и иди к бурной реке, к Кавказским горам. Здесь встретишь ты амазонок, и они укажут тебе дорогу, и придешь ты к Киммерийскому проливу у Меотиды. Преодолеешь ты это море, а затем из Европы придешь в Азию». – А. Г.

³⁷ [Представление о существовании северного устья реки Танаиса на Скифском океане относится к мифико-географическим сведениям ионийцев, нашедшим поддержку в IV в. до н. э. у массалиота Питея в его «Перипле». Критику фантастических описаний Питея см. Страбон III: 4, 4; VII: 3, 1].

³⁸ «Тут выпало несколько строк, в которых речь шла о втором перешейке, которым отделяется Либия от Азии» (Müller).

³⁹ Ср прим. к Дионисию Периегету: 32.

⁴⁰ [Т. е. по сравнению с начинающимся от Гибралтарского пролива Средиземным морем, считавшимся в древности заливом Атлантического океана. Ср. о четырех заливах океана: Каспийском,

Персидском, Аравийском и Внутреннем (Средиземном) у Страбона (II: 5, 18)].

⁴¹ [О Гирканском море ср. примечание к ст. 42: «Вторым же Заливом я считаю Гирканский, наполняющийся из Кронийского залива. Опять-таки и относительно его мнения расходятся: ибо, включая Каспию в материк, Птолемей определял ее природу как природу острова, по противоположности. И, действительно, впадающие туда реки принимают морской вкус из-за качества земли, вследствие дикости места переделав по необходимости вкусовые качества воды. А, может быть, Кроний, продвигаясь невидимыми местами далее, создает Гирканское море»].

⁴² Объяснения уподобления Понта луку даны еще к ст. 157, 158 и 160.

⁴³ [О применении названия «Тавр» к Крымскому горному хребту ср. прим. к Дионисию Периегету: 50 и соответствующий схолий Евстафия].

⁴⁴ [*Островом* в данном случае именуется Таманский полуостров].

⁴⁵ [Названные племена, из которых *хуны* идентичны, несомненно, гуннам (уннам Дионисиева текста), упоминаются Птолемеем среди прочих племен Европейской Сарматии (III: 5, 10).

⁴⁶ [Относительно приурочения наименования *Ахиллов Бег* к южному или западному побережью Крыма см. прим. к Дионисию Периегету 306].

⁴⁷ [Для понимания возникновения этого представления, см. схолий Евстафия к Дионисию Периегету 306, где речь идет о культе Ахилла, живущего на *Белом острове* среди скифов].

⁴⁸ [Имени *меланхленов* у Гомера (XIII: 5) нет].

⁴⁹ Следовало сказать: с Борисфеном.

⁵⁰ [Схолиаст не понял, очевидно, что в тексте речь идет о мифических северных устьях названных выше рек, при которых находится янтарь, и отсылает читателя к Рипейским горам и берегу Северного океана вообще].

⁵¹ [*Эридан* в данном случае – Рейн].

⁵² [Речь идет о якобы вытекающей с Кавказских гор реке Танаис].

⁵³ [Для понимания смысла слов схолиаста ср. схолий Евстафия к Дионисию Периегету: 630].

⁵⁴ [На малоазийском берегу Босфора, километрах в 10 от выхода в Черное море. *Святылище Зевса Урия* (Попутного) основано, по преданию, Фриksom (т. е. связано с милетскими легендами об аргонавтах) и принадлежало византийцам. Оно упоминается также у Арриана (Перипл Евксинского Понта: 90)].

⁵⁵ [Т. е. от Херсонеса, близ современного Севастополя].

⁵⁶ [Под этим названием, перекликающимся с геродотовой «Киммерийской переправой», скрывается какой-либо из небольших пунктов при входе в Боспор Киммерийский (Керченский пролив): Акра на Крымском или Корокондама на Таманском побережье. См. о них Страбон XI: 2, 8].

⁵⁷ [Древний город на малоазийском побережье, к востоку от Синопы, на месте и нынешнего Самсуна].

⁵⁸ [Т. е. до святилища Зевса Урия при устье Босфора].

⁵⁹ [При длине мили 1479 м *стадий* схолиаста должен быть равен приблизительно 197 м].

Гарпократион

Ἄρποκρατίων – Harpocratiōn

Гарпократион (II в. н. э.). греческий грамматик. Уроженец города Александрии, Египет. Предполагают, что это о нем как учителе

Антонина Вера упоминает Капитолин (Жизнь Вера: 2). Гарпократион составил толковый словарь к 10 аттическим ораторам.

Гарпократион

Речения десяти ораторов

Абарис: имя собственное. Говорят, что *однажды* во время *распространившейся* по всей земле моровой язвы Аполлон дал обратившимся к его оракулу эллинам и варварам прощание, чтобы афинский народ совершил моление за всех. Когда многие народы прислали к афинянам посольства, говорят, и Абарис прибыл послом от гипербореев. Время его прибытия сообщается различно: Гиппострат¹ говорит, что он прибыл в LIII олимпиаду², Пиндар³ – что при лидийском царе Крезе, а прочие – что в XXI олимпиаду⁴.

Февдосия⁵: упоминает Демосфен в речи о беспопытности⁶. Это местечко, лежащее близ скифов, при осаде которого умер Сатир⁷.

Кепос⁸ [Сад]: упоминает Эсхин в речи про-

тив Ктесифонта. На Боспоре есть город, называемый Садам.

Длинноголовые (Макрокéφαλοι): упоминает Антифонт в речи о согласии. Так называется народ, о котором упоминает и Гесиод в III каталоге женщин⁹. Палефат в VII книге «Троянской истории» говорит, что длинноголовые живут в Лиии выше колхов¹⁰.

Нимфей: Эсхин в речи против Ктесифонта говорит: “Нимфей в Понте”. Кратер в IX книге «Сборника декретов» говорит, что Нимфей платил афинянам талант [дани]¹¹.

Скифики: Лисий в речи за Бакхия и Пифагора, если она подлинна. Скифики – некий род обуви. А Алкей в стихотворении VIII: “и подвязав скифики”.

Примечания

¹ “Разумеется Гиппострат, автор сицилийской истории, немногие сохранившиеся фрагменты которой собрал Müller (FNG, IV: 432). Последний предполагает, что Гиппострат был кротониатом, так как Ямвлих (Жизнь Пифагора: 32) упоминает его среди пифагорейцев. Этот же писатель и Абариса причисляет к последователям Пифагора (Dindorf).

² LIII олимпиада – 568 г. до н. э.

³ Фр. 193/270.

⁴ “Вся эта путаница, может быть, проистекала из хронологии Тимея, так как некоторые мало понимающие настолько путали эпохи, что ошибались на сто пятьдесят лет по сравнению с данными источника” (Dind.). XXI олимпиада – 692 г. до н. э.

⁵ [Т. е. Феодосия].

⁶ [Демосфен. Против Лептина: 33. О Феодосии см. еще Страбон VII: 4, 3, а также схолии Ульпиана к этой речи].

⁷ [Сатир I умер в 387 г. до н. э. О нем: Лисий. В защиту Мантифея: 4; Исократ. Банкирская речь: 3. Об обстоятельствах его смерти: В. В. Латышев.

Краткий очерк истории Боспорского царства. Пункт: 73 сл.].

⁸ [О локализации городка Кепы: Страбон XI: 2, 10. Ср. об этом пункте: Эсхин. Против Ктесифонта: 171; Псевдо-Скилак: 72; Псевдо-Скимн: 899].

⁹ Ср.: Страбон I: 43; VII: 299. [Об отождествлении макрокефалов с макропогонами и макронами (саннами): прим. к Страбон XI: 2, 1; о макрокефалах вообще см. также Псевдо-Скилак: 85 и Плиний. Ест. ист. VI: 11. Антифонт – аттический оратор V в. до н. э., принадлежавший к олигархической партии и принимавший активное участие в установлении правления совета четырехсот в 411 г. до н. э.].

¹⁰ [Либия, названная местом жительства макрокефалов, должна быть отождествлена с Либистикой, Лигией или Левкосирией, т. е. северной Каппадокией; см. Гекатей, фр. 350; Стефан Византийский под словом Λιβυστίνους].

¹¹ [О принадлежности Нимфея к Делосскому союзу см. еще жизнеописание Демосфена и прим. к ним].

Источник: Harpocratiōnis lexicon in decem oratores Atticos / Ex rec. Gr. Dindorfii. V. I–II. – Oxonii, 1853; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1.

Юстин Мученик

Ἰουστίνος – Justinus

Юстин (ум. в 166 г. н. э.), апологет христианства. Уроженец города Flavia Neapolis в Самарии, которая вместе с Иудеей и Галилеей

составляла римскую провинцию Палестину. В юности занимался греческой философией, затем принял христианскую веру и сделался

известен своими сочинениями как апологет христианства – против язычников и иудеев. Скончался мученической смертью в 166 г. н. э. и причтен к лику святых мучеников.

Юстин Мученик

Разговор с Трифоном иудеем

М. (3) ...Ибо нет вообще ни одного племени людей, ни варваров, ни эллинов, ни каким бы то ни было именем называемых или носящих название “живущих на телегах” или “бездомных”¹, или живущих в палатках и занимающихся скотоводством, – у которых не приносились бы моления и благодарения во имя распятого Иисуса Отцу и Творцу всего мира.

Примечания

¹ Имеются в виду причерноморские скифо-сарматы. Ср. соответствующую терминологию в эпическом языке (Гомер. Илиада XIII: 1 сл.) и древние схолии к Гомеру.

Источник: *Justini opera omnia* / Ed. Maury. – Venetia, 1747; В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // ВДИ, 1948, №1.

Квинт Эппий Флавий Арриан

Ἀρριανός – Arrianus

Арриан Квинт Эппий Флавий (ок. 87 – после 145), греческий историк, родился в малоазийском городе Никомедии в Вифинии. Ученик представителя этической философии Эпиктета (50–133), в память о котором написал «Беседы Эпиктета» и «Руководство по учению Эпиктета», и талантливый подражатель Ксенофонта (430–355 до н. э.).

До нас дошли почти полностью путевые записки Арриана «Объезд Евксинского Понта» (I – поездка Арриана по периметру Черного моря по поручению императора Адриана в 131 г.; II – о расстояниях между пунктами на побережье от Фракийского Босфора до Трапезунта; III – путешествие Арриана от Севастополя-Диоскуриады до Византии), «Плавание вокруг Эритрейского моря», или «Путешествие по побережьям Красного моря» вдоль берегов южной Аравии и Индии, географо-этнографический опус «Индия», историческое сочинение Арриана «Поход Александра» в 7 книгах («Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου» – «Анабасис Александра», написано ок. 165–168 гг.), 2

трактата о военном искусстве – «Тактика» (137 г.) и «Диспозиция, или Построение против аланов», а также трактат «Об охоте».

Другие произведения Арриана – «Дела после Александра» в 10 книгах, «История Парфии» в 17 книгах до Парфянской войны Траяна 113–117 гг., «История Вифинии» времен Никомеда III Еввергета (ок. 185 – 94 гг. до н. э.) в 8 книгах (до 75 г. до н. э.) и «Аланика» (о кампании 136 г., которую вел сам Арриан) – сохранились в виде выписок или всего лишь упоминаний, преимущественно у патриарха Фотия. Частью «Аланики» считают «Диспозицию против аланов». Полностью утрачены два труда по истории Сицилии и биография разбойника Тиллибора.

Главные источники «Похода Александра» – рассказы очевидцев – Птолемея, сына Лага, и Аристобула, сына Аристобула, чьи хроникальные записи о походе Александра за Дунай и о военной экспедиции на Восток оказались доступными лишь благодаря скрупулезному пересказу Арриана.

Подробнее см.: О. О. Крюгер. *Арриан и его труд «Поход Александра»* // Арриан. *Поход Александра* / Пер. М. Е. Сергеенко. – М., 1993.

Арриан

Поход Александра

Перевод М. Е. Сергеенко

Книга I

2. (1) Александр отослал эту добычу в приморские города, поручив распорядиться ею Лисании и Филоте. Сам он, перевалив через

Гем, пошел вперед на трибалов и прибыл к реке Лигину. Она отстоит от Истра, если идти по Гему, в трех днях пути. (2) Сирм, царь триба-

лов, давно уже зная о походе Александра, заранее отправил женщин и детей трибалов к Истру, велел им переправиться на один из островов на Истре. (3) Остров этот назывался Певка. На этот же остров сбежались задолго до приближения Александра фракийцы, жившие по соседству с трибалами; туда же бежал вместе со своими и сам Сирм. Большое же число трибалов кинулось назад, к той самой реке, от которой накануне выступил Александр.

3. (1) На третий день после этой битвы¹ Александр подошел к реке Истру. Это самая большая из европейских рек; она протекает через многие и многие земли, образуя границу между самыми воинственными племенами. Большинство из них племена кельтские; (2) в их земле Истр и берет свое начало. У самых истоков его живут квады и маркоманы, потом язиги², племя савроматов, и потом геты, дарующие бессмертие; потом большинство савроматов и потом скифы – до самого устья, до того места, где пятью рукавами³ Истр впадает в Евксинское море. (3) На Истре он застал пять военных судов, пришедших к нему из Византия по Евксинскому морю и по реке. Посадив на них лучников и гоплитов, он поплыл к острову, куда бежали фракийцы и трибалы, и попытался высадиться, но всюду, где бы ни пытались пристать корабли, их встречали варвары. (4) Судов же было мало, и войска на них немного; крутые берега мало где позволяли пристать, а река около острова, сдавленная в теснине, неслась с такой стремительностью, что стать на якорь было невозможно.

(5) Тогда Александр отвел свои суда и решил переправиться через Истр, чтобы напасть на гетов, живущих за Истром; он видел, что они во множестве собираются на берегу Истра, рассчитывая помешать его переправе (всадников у них было около 4000, а пеших воинов больше 10000). К тому же, ему очень хотелось побывать на той стороне. (6) Он сам сел на корабль, велел набить сеном меха, из которых делали палатки, и собрал тут же челноки, выдолбленные из одного дерева (их было великое множество, потому что береговое население ловит на Истре рыбу с этих челноков, ездит на них по реке друг к другу, и многие на них же занимаются разбоем). Собрав как можно больше этих челноков, он переправил на них столько войска, сколько было возможно при таких средствах переправы. Пере-

шло с Александром тысячи полторы всадников и около 4000 пехотинцев.

4. (1) Переправились ночью в том месте, где росли густые хлеба, за которыми и не видно было людей, подбиравшихся к берегу. На рассвете Александр повел пехоту через хлеба, приказав воинам держать сарисы наискось и раздвигать колосья, пригибая их. Так они вышли на пространство необработанное. (2) Всадники следовали сзади, пока фаланга не прошла через хлеба. Когда войско оказалось на целине, Александр сам повел конницу на правое крыло, а Никанору велел построить пехоту вытянутым прямоугольником. (3) Геты не выдержали и первого натиска всадников; невероятной казалась им дерзость Александра, который так легко, в одну ночь, не наводя мостов, переправился через величайшую из рек, ужасной – сомкнутая фаланга, неистовым – натиск всадников. (4) Сначала они бросились в свой город, отстоявший от Истра примерно на парасангу. Когда же они увидели, что Александр спешит со своей пехотой, идя вдоль реки, чтобы не оказаться пехоте в кольце и не попасть в ловушку, устроенную гетами, а всадники едут впереди, геты оставили свой плохо укрепленный город, забрав с собой на лошадях столько детей и женщин, сколько лошади могли увезти: они устремились как можно дальше от реки в пустынные степи. (5) Александр овладел городом и всем, что оставили геты. Он велел Мелеагру и Филиппу переправить эту добычу, сам же разрушил город и на берегу Истра принес жертву Зевсу-спасителю, Гераклу и самому Истру за то, что он позволил ему переправиться. Еще засветло он привел всех целыми и невредимыми в лагерь.

(6) Туда прибыли к Александру послы от других независимых племен, живущих возле Истра, а также от Сирма, царя трибалов. Пришли послы и от кельтов, живущих у Ионийского залива. Кельты народ рослый и мнения о себе высокого. Все сказали, что они пришли искать дружбы с Александром; все они заключили с ним союз. (7) Кельтов он еще спросил, чего в мире они больше всего боятся? Он надеялся, что его громкое имя дошло до кельтов и еще дальше, и они скажут, что больше всего боятся они именно его. (8) Ответ кельтов не соответствовал его надеждам. Жили они далеко от Александра, в местах непроходимых, видели, что ему не до них, и ответили, что боятся, как бы не упало на них небо. К Александру они отправили послов потому,

что восхищаются им, но не из боязни или ради выгоды. Александр назвал их друзьями,

заклучил с ними союз и отослал обратно, заметив только, что кельты хвастуны.

Книга III

8. (3) На помощь Дарию пришли инды, соседи бактрийцев, сами бактрийцы и согдиане. Предводительствовал ими всеми Бесс, сатрап бактрийской земли. Шли с ними и саки, – это скифское племя из тех скифов, которые живут в Азии, – они не подчинялись Бессу, а были непосредственными союзниками Дария. Предводительствовал ими Мавак; были это наездники, стрелявшие из лука. (4) Барсаент, сатрап Арахозии, привел арахотов и так называемых горных индов; Сатибарзан, сатрап Арии, привел ариев. Парфян, гирканов и тапуров – это все конники – привел Фратаферн. Мидянами командовал Атропат; с мидянами вместе были кадусии, албаны и сакесины. (5) Людьюми с побережья Красного моря распоряжались Оронтобат, Ариобарзан и Орксин. У сусианов и уксииев командиром был Оксафр, сын Абулита. Бупар вел вавилонян; с вавилонянами были вместе “выселенцы”, карийцы и ситакены. Над армянами начальствовал и Оронт и Мифравст, над каппадокийцами – Ариак. (6) Сирийцев из Келесирии и Междуречья вел Мазей. Говорят, что в войске у Дария было до 40 000 конницы, до 100 000 пехоты, 200 колесниц с косами и небольшое число слонов: голов 15, которых привели с собой инды с этого берега Инда.

11. (3) Войско у него построено было таким образом (план войскового расположения, составленный Дарием, был впоследствии, по словам Аристобула, захвачен): на левом крыле у него стояла бактрийская конница и вместе с ней дай и арахоты; рядом с ними персы, всадники и пехотинцы вперемежку; за персами сусии, и наконец кадусии. (4) Левое крыло выстроилось до самой середины всего войска. На правом стояли солдаты из Келесирии и Междуречья, а также мидяне, за ними парфяне и саки, затем тапуры и гирканы, затем албаны и сакесины – эти тоже до середины войска. (5) В середине же, где находился царь Дарий, стояли родственники царя, персы, “носители айвы”; инды, карийцы, именуемые “выселенцами” и марды-лучники. Уксии, вавилоняне, люди с Красного моря и ситаксны были поставлены в глубину. (6) Впереди на левом крыле против правого Александрова крыла находились: скифская конница, около тысячи бактрийцев и сотня колесниц с косами. Слоны и колесниц с 50 стояли около цар-

ской илы Дария. (7) На правом крыле впереди была выстроена армянская и каппадокийская конница и стояло 50 колесниц с косами. Эллыны-наемники стояли возле Дария, по обе стороны его и персов, бывших с ним: их выставили против македонской фаланги как единственных солдат, которые могли этой фаланге противостоять. (8) У Александра расположение войска было такое: правое крыло занимала конница “друзей”; впереди стояла царская ила со своим илархом Клитом, сыном Дропида, за ней ила Главкия, рядом ила Аристона, потом Сополида, Гермодорова сына, потом Гераклида, Антиохова сына, за нею Деметрия, сына Алфемена, рядом с ней воины Мелеагра, самой крайней из царских ил была та, которой командовал Гегелох, сын Гиппострата. Веси конницей “друзей” командовал Филота, сын Пармениона. (9) В македонской фаланге рядом с конницей находилась агема щитоносцев, а за ней прочие щитоносцы. Командовал ими Никанор, сын Пармениона. Рядом с ними стоял полк Кена, Полемократова сына; затем Пердикки, Оронтова сына; потом Мелеагра, Неоптолемова сына; затем полк Полиперхонта, сына Симмии; затем Аминты, сына Филиппа. Этим полком командовал тоже Симмия, так как Аминта был отправлен в Македонию набирать войско. (10) Левое крыло македонского войска занимал полк Кратера, Александрова сына (Кратер же командовал и всей пехотой на левом крыле). Рядом с ним находилась союзная конница под предводительством Еригия, сына Лариха. Рядом с ними на левом крыле стояла фессалийская конница, которой командовал Филипп, сын Менелая. Всем левым крылом командовал Парменион, сын Филоты; вокруг него стояли всадники из Фарсала, составлявшие цвет и большинство фессалийской конницы.

13. (1) Когда войска сошлись, стало видно, что Дарий со своим окружением: персами “носителями айвы”, индами, албанами, карийцами-“выселенцами” и лучниками-мардами стоят против Александра и царской илы. Александр двинул вправо свое правое крыло, а персы двинули на него свое левое крыло, которое заходило дальше Александрова правого фланга. (2) Уже скифские всадники подъезжали вплотную к передовым отрядам Александра, но Александр продолжал ид-

ти вправо и уже почти выходил за пределы того пространства, которое расчистили под дорогу персы. Дарий испугался, как бы македонцы не вышли на пересеченную местность, где его колесницы окажутся ни к чему, и приказал всадникам, выстроенным перед левым крылом, объехать неприятельское правое, которое вел Александр, и не дать ему возможности вести свое крыло дальше. (3) В ответ на это Александр приказал Мениду бросить на них находившуюся под его командой наемную конницу. Скифские всадники и бактрийцы, которые были к ним приданы, устремились на нее и отогнали назад, так как значительно превосходили числом маленький отряд Менида. Александр приказал бросить на скифов отряд Арсты, пэонов и чужеземцев; (4) варвары дрогнули. Другой отряд бактрийцев, подойдя ближе к пэонам и чужеземцам, заставил своих беглецов повернуть обратно; завязалась упорная конная схватка. Воинов Александра пало больше: варвары подавляли своей численностью, а кроме того, и сами скифы и лошади их были тщательно защищены броней. Несмотря на это, македонцы выдерживали натиск за натиском и, нападая отрядами, расстроили ряды врагов.

19. (1) Покончив с этим, Александр пошел дальше в Мидию, так как узнал, что Дарий находится там. У Дария был такой план: если Александр останется в Сузах и Вавилоне, то и он останется здесь в Мидии, поджидая, не возникнет ли в окружении Александра какой-нибудь заговор против него. Если же Александр бросится за ним, то он пойдет дальше в глубь страны, к парфянам, в Гирканию, вплоть до Бактрии, уничтожая все кругом и делая таким образом дальнейшее продвижение для Александра невозможным. (2) Женщин, всякое свое имущество и крытые повозки он отправил к так называемым Каспийским Воротам, а сам с войском, которое при данных обстоятельствах смогло стянуться к нему, оставался в Экбатане. Услышав об этом, Александр и отправился в Мидию. Вторгнувшись в землю паретаков, он подчинил их и назначил их сатрапом Оксафра, сына Абулита, сатрапа Суз. (3) Когда в пути ему сообщили, что Дарий решил идти ему навстречу и вновь сражаться и что к нему прибыли союзники – скифы и кадусии, он распорядился, чтобы выючные животные, их охрана и остальной обоз шли сзади, а сам с остальным войском, которое находилось в полной боевой готовности, пошел на врага. На двенадцатый

день он прибыл в Мидию. (4) Там он узнал, что у Дария боеспособного войска нет, что ни кадусии, ни скифы не пришли к нему на помощь, и что Дарий решил бежать. Тогда Александр пошел еще поспешнее. На расстоянии трех дней пути от Экбатан его встретил Бисфан, сын Оха, царствовавшего над персами перед Дарием. (5) Он сообщил Александру, что Дарий уже пятый день как бежал, захватив у мидян около 7000 талантов; конницы у него около 3000, а пехоты около 6000.

25. (3) Тут к нему пришли какие-то персы, которые сообщили, что Бесс надел высокую тиару и персидскую столу, называет себя не Бессом, а Артаксерксом, и говорит, что он царь Азии. К нему собрались персы, бежавшие в Бактрию, много бактрийцев, и он поджидает прихода скифов-союзников.

27. (4) Александр поставил над “друзьями” двух гиппархов: Гефестиона, сына Аминтора, и Клита, сына Дропида, и разделил полк “друзей” на две части: он не хотел вручить командование такой большой конницей, – тем более, что по своему значению и качествам она занимала в конном войске первое место, – одному человеку, хотя бы и самому близкому. Он пришел к народу, который в древности звался ариаспами, а потом был переименован в эвергетов, потому что они содействовали Киру, сыну Камбиза, в его походе на скифов. (5) Александр с уважением отнесся к тем, чьи предки помогли Киру. Убедившись, что их общественная жизнь вовсе непохожа на жизнь других местных варваров, что и они блюдут справедливость наравне с лучшими людьми Эллады, он оставил им их независимость и прибавил им соседней земли, сколько они захотят, – хотели же они немного, да и попросили не сами. Здесь он принес жертву Аполлону; заподозрив Деметрия, одного из телохранителей, в причастности к заговору Филоты, он арестовал его и телохранителем вместо Деметрия назначил Птолемея, сына Лага.

28. (8) При Бессе находились: персы, принимавшие участие в аресте Дария, около 7000 бактрийцев и дай, народ, живущий за Танаисом. Он опустошил земли у подножья Кавказа; пустыня, в которую он превратил область, лежавшую между ним и Александром, должна была, по его расчетам, удержать Александра от продвижения вперед. (9) Александр, однако, продвигался, правда с трудом, потому что лежал глубокий снег и не хватало самого необходимого, но тем не менее, он шел впе-

ред. Бесс, когда ему сообщили, что Александр уже близко, переправился через реку Окс; суда, на которых они переправились, сжег и ушел в согдийскую землю, в Навтаки. (10) За ним последовали Спитамен, Оксиарт с согдийскими всадниками и даи с Танаиса. Бактрийские всадники, узнав, что Бесс решил бежать, разошлись в разные стороны к себе по домам.

29. (2) Сам он пошел к реке Оксу. Окс течет с горы Кавказ; это самая большая река в Азии из тех, до которых доходил Александр со своим войском, кроме индийских: в Индии реки вообще самые большие. Впадает Окс в большое море в Гиркании. (3) Александр собирался приступить к переправе и увидел, что переправиться через эту реку нигде невозможно: шириной она была, по крайней мере, в 6 стадий, а глубина ее не соответствовала ширине; она была гораздо глубже, с песчанистым дном и таким сильным течением, что оно легко выворачивало колья, которые загоняли в дно, тем более, что они некрепко сидели в песке. (4) Положение особенно затруднял недостаток леса, а подвоз его издалека для сооружения моста потребовал бы очень долгого времени.

Александр велел собрать шкуры, из которых были сделаны палатки, набить их самой сухой травой, завязать и зашить так тщательно, чтобы вода не могла проникнуть внутрь. Эти набитые и зашитые меха оказались вполне пригодными для переправы, и за пять дней войско перебралось с ними на тот берег.

(5) Перед переправой через реку он отобрал среди македонцев людей пожилых и уже негодных к военной службе и отправил их домой вместе с фессалийцами, добровольно оставшимися у него на службе. Отправил он к ариям Стасанора, одного из “друзей”, приказав ему арестовать Арсака, сатрапа ариев (ему казалось, что Арсак замышляет против него), и занять его место.

(6) Перейдя через Окс, Александр спешно направился туда, где, по его сведениям, находился Бесс с войском. В это время к нему пришли от Спитамена и Датаферна сказать, что если он пошлет им хотя бы небольшой отряд с его начальником, то они схватят Бесса и передадут его Александру. Он и сейчас у них под стражей, хотя они еще и не надели на него цепей. (7) После такого известия Александр дал войску передохнуть и повел его медленнее, чем раньше, а Птолемею, сыну Лага, приказал спешить к Спитамену и Датаферну; он дал ему три гиппархии “друзей” и всех конных дротометателей, а из пехоты Филотов полк, хилиархию щитоносцев, всех агриан и половину всех лучников. Птолемей двинулся, как ему было приказано, и, проделав за четыре дня расстояние, которое положено проходить за десять дней, прибыл в лагерь, где накануне ночевал Спитамен со своими варварами.

30. (6) Александр, пополнив конницу местными лошадьми (у него пало много лошадей при перевале через Кавказ и во время похода к Оксу и за Оксом), пошел в Мараканды – это столица Согдианы. (7) Оттуда он двинулся к реке Танаису. Истоки этого Танаиса, который местные варвары называют еще, по словам Аристобула, Орксантом⁴, находятся тоже на горе Кавказ; впадает и эта река в Гирканское море⁵. (8) Должен быть еще другой Танаис, о котором историк Геродот (IV: 57) пишет, что это восьмая река у скифов: она вытекает из большого озера, а впадает в озеро еще большее; называется оно Меотийским. Некоторые говорят, что этот Танаис является границей между Европой и Азией; (9) по их мнению, Меотийское озеро выходит из глубины Эвксинского моря, и в это озеро и впадает Танаис, разделяющий Азию и Европу, подобно тому, как море между Гадирами и ливийскими номадами, живущими напротив Гадир, отделяет Ливию от Европы; по их же мнению, Ливия отделена от остальной Азии рекой Нилом.

Книга IV

1. (1) Несколько дней спустя⁶ к Александру пришло посольство от скифов, именуемых абиями⁷ (Гомер воспел их в своей поэме [Илиада XIII: 5], назвав справедливейшими людьми; они живут в Азии, независимы – в значительной мере благодаря бедности и справедливости), и также от европейских скифов; это самое большое племя, живущее в Европе. (2) С ними Александр отправил кое-кого из “друзей” под предлогом заключения дружбы; на-

стоящая же цель этого посольства была в том, чтобы познакомиться с природой скифской земли и узнать, велико ли народонаселение, каковы его обычаи и с каким вооружением выходит оно на войну.

(3) Сам он решил основать на реке Танаисе город, назвав и его своим именем. Место это показалось ему подходящим для города, который станет расти, будет превосходно защищен от возможного нападения скифов и ста-

нет для страны оплотом против набегов живущих за рекой варваров. (4) Что город станет большим, за это ручалось и обилие поселенцев, которых он хотел собрать здесь, и блеск его имени. И вот в это время варвары, живущие по соседству с рекой, захватили и перебили гарнизоны македонских солдат, стоявших по их городам, а города эти стали укреплять еще больше. (5) В этом восстании приняли участие и многие согдийцы, которых подняли те, кто захватил Бесса; они же привлекли на свою сторону и часть бактрийцев. Может быть, они действительно боялись Александра, а может быть, только ссылались, как на причину восстания, на приказ Александра обратиться всем начальникам этой страны в Зариаспах, самом большом городе; по их мысли, собрание это созывалось с целями недобрыми.

3. (6) В это время на берега Танаиса прибыло войско азиатских скифов; многие прослышали о восстании варваров, живущих за рекой, и собирались и сами напасть на македонцев, если восстание окажется действительно серьезным. Пришло известие о том, что Спитамен осадил гарнизон, оставленный в кремле Мараканд. (7) Александр отправил на Спитамена, Андромаха, Менедема и Карана, дав им около 60 всадников-“друзей” и 800 наемников, которыми командовал Каран; наемников же пехотинцев дал он около полутора тысяч. К ним прикомандировал он переводчика Фарнуха, родом ликийца; он хорошо знал язык местных варваров и вообще умел, по-видимому, с ними обращаться.

4. (1) ...Александр увидел, что скифы не уходят от реки (2) и даже пускают через нее стрелы (река была неширокой), причем, хвастаясь по варварскому обычаю, дразнят его, крича, что со скифами он схватиться не посмеет, а то придется ему узнать, какая разница между скифами и азиатскими варварами. В раздражении он решил перейти реку и напасть на них и стал готовить меха для переправы. (3) Когда, однако, намереваясь переправиться, он стал совершать жертвоприношения, то знамения оказались неблагоприятными. Его это очень раздосадовало, но все-таки от переправы он удержался. Скифы не оставляли его в покое. Александр опять принес жертву, собираясь перейти через реку, и прорицатель Аристандр опять сказал, что ему грозит беда. Александр ответил, что лучше ему пойти на смерть, чем, покорив почти всю Азию, стать посмешищем для скифов, как стал им когда-то Дарий, отец Ксеркса. Арис-

тандр ответил, что знамения, посылаемые божеством, он не может толковать по-другому, только потому что Александру хочется услышать другое.

(4) Меха для переправы были готовы; войско в полном вооружении стояло у реки, и машины по данному знаку стали метать стрелы в скифов, скакавших на лошадях по берегу. Некоторые были ранены; одному стрела пробила насквозь щит и панцирь, и он упал с лошади. Скифы испугались стрел, летящих на такое большое расстояние, и того, что богатырь их убит, и отошли немного от берега. (5) Александр, видя их смятение, начал переправу под звуки труб; он шел впереди, войско за ним следовало. Он распорядился, чтобы первыми на берег вышли лучники и пращники: они должны были камнями и стрелами удерживать скифов и не давать им приблизиться к выходящим на берег пехотинцам до тех пор, пока не переправится вся конница. (6) Когда все оказались на берегу, он пустил на скифов сначала одну гиппархию чужеземцев и четыре илы солдат, вооруженных сариссами. Скифы встретили их, окружили на своих лошадях, поразили – многие немногих – и скрылись беспрепятственно. Александр ввел между рядами всадников лучников, агриан и прочих легко вооруженных воинов, которыми командовал Балакр, и повел их на скифов. (7) Когда они сблизились, он приказал трем гиппархиям “друзей” и всем конным дротометелям броситься на скифов. Сам он поспешно повел остальную конницу, построив ее глубокими рядами; теперь взять ее в окружение, как раньше, скифы уже не могли: одновременно с нападением конницы, легковооруженные воины, перемешанные со всадниками, не давали скифам возможности увернуться и напасть снова. И тут у скифов началось поголовное бегство. (8) Их пало около тысячи, в том числе один из их предводителей, Сатрак; в плен взято было человек полтора. Врага преследовали стремительно, и воины замучились от сильной жары; все войско терпело жажду, и сам Александр на скаку пил воду, какая там была. (9) А была эта вода плохой, и у него началось сильное расстройство. Поэтому и не удалось догнать всех скифов; я думаю, что если бы Александр не заболел, то их всех бы перебили во время их бегства. Он же в чрезвычайно тяжелом состоянии был отнесен обратно в лагерь. Так исполнилось предсказание Аристандра.

5. (1) В скором времени к Александру явились послы от скифского царя с извинениями в том, что произошло: действовал ведь не скифский народ в целом, а шайки разбойников и грабителей; царь же готов исполнить все, что прикажет Александр. Александр ответил ему любезными словами: он доверяет ему, но ему кажется, что лучше не прекращать движения на врага и несвоевременно было бы его в данное время прекратить.

(2) Спитамен со своими воинами напал на маракандский кремль, охраняемый македонцами; они сделали вылазку, убили какое-то количество врагов, отогнали всех и без всякого ущерба для себя отступили в кремль. (3) Когда же Спитамену донесли, что уже приближается отряд, посланный Александром в Мараканды, он оставил осаду кремля и ушел на север Согдианы, Фарнух и его стратеги, торопившиеся изгнать его совсем из страны, следовали за ним до границ Согдианы и напали, вопреки здравому смыслу, на скифов-кочевников. (4) Спитамен, набрав еще около 600 скифских всадников, ободренный союзом со скифами, решил сразиться с наступающими македонцами. Став на равнине около скифской пустыни, он не захотел, однако, ни ждать вражеского нападения, ни самому напасть на врагов; всадники его только скакали вокруг пехоты и пускали в нее стрелы. (5) Они без труда ускользали от наседавших Фарнуховых воинов, потому что лошади у них были быстрее и на ту пору свежее; у Андромаха конница, бывшая все время в пути и не имевшая достаточно фуража, была изнурена. Скифы энергично нападали и на тех, кто удерживал позиции, и на тех, кто отступал. (6) Много людей было ранено стрелами, были и убитые, наконец войско, выстроившись квадратом, отошло к реке Политимету, где находился лес, куда не могли проникнуть стрелы варваров и где от пехоты было больше пользы.

(7) Каран гиппарх, ничего не сказав Андромаху, начал переходить реку, чтобы поместить конницу под ее прикрытием; пехота пошла за конницей, не получив на то никакого приказа; воины спускались в реку по обрывистым берегам, перепуганные и в полном беспорядке. (8) Варвары, заметив промах македонцев, стали вместе с лошадьми кидаться в реку с обеих сторон переправы. Одни преследовали тех, кто уже переправился через реку и отошел от нее; другие же, выстроившись фронтом против переправляющихся, сбрасывали их обратно в воду, или пускали в них

стрелы с флангов, или кидались сзади на входящих в реку. Македонцы, оказавшись в безвыходном положении, бросились к небольшому островку посреди реки. Скифы и воины Спитамена окружили их и всех перестреляли из луков; небольшое число, впрочем, взяли в плен, но и их всех убили.

6. (1) Аристобул рассказывает, что значительная часть войска погибла, попав в засаду, устроенную скифами, которые спрятались в зарослях и напали из своего укрытия на македонцев как раз в разгар схватки. Варвары воспользовались смятением и беспорядком в войске и перебили всех: спаслось не больше 40 всадников и человек 300 пехотинцев. Дело было в том, что Фарнух хотел передать командование македонцам, которые были с ним вместе отправлены, под тем предлогом, что он в военном деле человек несведущий и послан Александром больше для воздействия на варваров, чем для ведения войны; они же македонцы и “друзья” царя, (2) Андромах, Каран и Менедем не приняли, однако, командования, боясь, как бы не показалось, что они нарушают приказы Александра и своевольничают, а кроме того, в эту страшную минуту они хотели, в случае поражения, отвечать каждый только за себя, а не нести в качестве плохих военачальников ответственность за все.

11. (1) Анаксарх вел подобные речи; соучастники составленного плана одобрили его слова и заявили, что они тут же желают земно поклониться Александру; большинство македонцев, раздосадованных слышанным, хранили молчание, (2) Каллисфен прервал его: “Анаксарх, я считаю, что Александр достоин всяческой чести, которая подобает человеку; люди, однако, провели строгую границу между почестями, которые воздаются людям, и теми, которые воздают богам: им строят храмы, ставят статуи, выделяют для них священные участки, приносят жертвы и совершают возлияния, сочиняют в их честь гимны, а для людей пишут хвалебные песни. Особо важен обряд преклонения. (3) Люди, здороваясь, целуют друг друга, но божество пребывает высоко над нами, и прикасаться к нему кощунство. Поэтому мы величаем его, склоняясь перед ним; в честь богов устраивают хоры, в честь богов поют пеаны. Нет ничего удивительного в том, что разных богов, клянусь Зевсом, и чтят по-разному; героям воздают ведь тоже почести иные, чем богам. (4) Неподобает все это перемешать и привести в полный беспорядок, возводя людей на недостижимую высоту и ока-

зывая им преувеличенные почести, и в то же время низвергать и принижать, по крайней мере насколько это от нас зависит, богов, почитая их наравне с людьми. Александр ведь не вынес бы, если бы частному человеку присвоенны были поднятием рук или неправильным голосованием царские почести. (5) Еще справедливее будут боги в своем гневе на тех людей, которые присваивают себе божеские почести или соглашаются на их присвоение. Для Александра более чем достаточно быть и считаться самым храбрым из храбрецов, самым царственным из царей, из военачальников самым достойным этого звания. (6) И уж кому, как не тебе, Анаксарх, следовало бы сказать то, что говорю я, и помешать высказываниям противоположным: ты ведь живешь при Александре, чтобы приобщить его к образованию и мудрости. Не выступать с твоим словом подобало тебе, а вспомнить, что ты живешь советником не при Камбизе или Ксерксе, а при сыне Филиппа, ведущем род от Геракла и Эака; его предки пришли из Аргоса в Македонию и стали править ею не как насильники, а по закону. (7) И самому Гераклу при жизни его эллины не воздавали божеских почестей и стали чтить его как бога не сразу после смерти, а только потом, по приказу дельфийского бога. Если же человеку, который рассуждает в варварской стране, приходится иметь и варварский образ мыслей, то, прошу тебя, Александр, вспомни об Элладе, ради которой предпринял ты весь этот поход, пожелав присоединить Азию к Элладе. (8) Подумай: вернувшись туда, ты и эллинов, свободнейших людей, заставишь кланяться тебе в землю? или эллинов оставишь в покос и только на македонцев наложишь это бесчестие? или вообще почести тебе будут оказывать разные: эллины и македонцы будут чтить тебя, как человека, по эллинскому обычаю, и только варвары по-варварски? (9) О Кире, сыне Камбиза, рассказывают, что он был первым человеком, которому стали кланяться в землю, и с того времени персы и мидяне продолжают унижаться подобным образом. Следовало бы подумать, что этого Кира образумили скифы, люди бедные и независимые; Дария опять-таки скифы⁸; Ксеркса афиняне и лакедемоняне; Артаксеркса Клеарх и Ксенофонт со своими 10000 воинов, а Дария, нашего современника, Александр, которому земно не кланялись”.

15. (1) К Александру пришло опять посольство⁹ от европейских скифов; с ними были и послы, которых он сам отправил к скифам.

Скифский царь как раз умер, когда их послал Александр, и теперь царствовал его брат. (2) Посольство должно было сообщить, что скифы готовы сделать все, что скажет им Александр; ему поднесли от скифского царя дары, которые у скифов почитаются самыми драгоценными; царь готов выдать за Александра свою дочь ради укрепления дружественного союза. (3) Если Александр не удостоит скифскую царевну своей руки, то царь готов выдать за самых верных друзей Александра дочерей скифских сатрапов и прочих могущественных людей скифской земли. Царь и сам придет к Александру, если он ему это прикажет, чтобы от него самого услышать его распоряжения. (4) В это же время пришел к Александру и Фарасман, царь хорасмиев¹⁰, с конницей в полторы тысячи человек. Фарасман рассказал, что он живет по соседству с племенем колхов и с амазонками, и вызвался, если Александр пожелает, ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Евксинского моря, быть ему проводником и заготовить все необходимое для войска.

(5) Скифским посланцам Александр ответил ласково и так, как ему на то время было выгодно, но от скифских невест отказался. Фарасмана он поблагодарил, заключил с ним дружественный союз, но сказал, что идти к Понту для него сейчас несвоевременно. Он поручил Фарасмана персу Артабазу¹¹, которого поставил управлять Бактрией, и другим соседним сатрапам и отослал его обратно на родину. (6) Мысли его, говорил он, заняты теперь Индией; покорив ее, он овладеет всей Азией; овладев же Азией, вернется в Элладу и оттуда уже, через Геллеспонт и Пропонтиду, со всеми сухопутными и морскими силами ворвется на Понт. И он попросил Фарасмана отложить свою помощь, которую он предлагал сейчас.

(7) Сам он опять отправился к реке Оксу и решил идти обратно в Согдиану, получив донесение о том, что множество согдиан собрались по укреплениям и отказались повиноваться сатрапу, которого им поставил Александр. Когда он стоял лагерем возле Окса, то неподалеку от палатки самого Александра забил источник воды и рядом с ним другой источник, масляный. (8) Об этом диве сообщили Птолемею, сыну Лага, телохранителю, а Птолемея рассказал Александру. Александр по поводу этого явления принес все жертвы, какие были указаны прорицателями. Аристандр сказал, что масляный источник предвещает труды, но предвещает также и победу после трудов.

16. (1) Александр перешел с частью войска в Согдиану, а Полиперхонта, Аттала, Горгия и Мелеагра оставил в Бактрии, приказав им следовать за страной, чтобы и тут варвары не возмущались; начавшиеся уже восстания велено было подавить. (2) Бывшее при нем войско Александр разделил на пять частей: во главе одной он поставил Гефестиона, во главе другой – Птолемея, сына Лага, телохранителя; командование третьей поручил Пердикке; четвертым отрядом предводительствовали Кен и Артабаз; с пятым отрядом он сам пошел через эту страну к Маракандам. (3) Остальные действовали по своему усмотрению: покоряли силой собравшихся по укреплениям; принимали в подданство сдавшихся. Когда все войско, пройдя значительную часть согдийской земли, прибыло к Маракандам, он отправил Гефестиона с приказом вновь заселить города Согдианы, Кена же и Артабаза послал к скифам, так как ему донесли, что к скифам бежал Спитамен. Сам он с остальным войском прошел по той части Согдианы, которая была еще в руках восставших, и без труда покорил ее.

(4) Пока Александр был занят этим, Спитамен и несколько согдиан, бежавших с ним вместе в землю скифов-массагетов, набрали конный отряд в 600 массагетов и подошли к одной крепостце в Бактрии. (5) Ни фрурарх, ни его сторожевой отряд не ожидали вражеского нападения; солдат перебили; фрурарха взяли в плен и держали под стражей. Ободренные захватом крепостцы, они через несколько дней подошли к Зариаспам, но на город напасть не решились и ушли, захватив большую добычу.

(6) В Зариасапах оставалось по болезни несколько всадников-“друзей”; с ними были и Пейфон, сын Сосикла, ведавший царским двором в Зариасапах, и кифаред Аристоник. Узнав о набеге скифов (они уже оправались после болезни, могли ходить при оружии и садиться на коня), они взяли человек 80 наемных всадников, оставленных для охраны Зариаспа, кое-кого из “царских юношей” и бросились за массагетами. (7) Напав на ничего не подозревавших скифов, они в первой же стычке отняли у них всю добычу и перебили немалое число похитителей. Возвращаясь в беспорядке обратно, так как предводителя у них не было, они попали в засаду, устроенную Спитаменом и скифами, и потеряли 7 “друзей” и 60 наемных всадников. Аристоник кифаред пал там, сражаясь не как кифаред, а как доблестный воин. Пейфона скифы ранили и живым взяли в плен.

17. (1) Кратер, узнав о случившемся, стремительно пошел на массагетов. Они, узнав о его приближении, кинулись что было сил бежать в пустыню. Кратер, идя по пятам за отрядом Спитамена, настиг его недалеко от пустыни; с ним было теперь еще с тысячу всадников-массагетов. (2) Между македонцами и скифами завязалась жаркая схватка; победили македонцы. У скифов пало полтораста всадников. Остальные легко укрылись в пустыне, где македонцы не могли уже их преследовать.

(3) В это время Александр уволил Артабаза от должности сатрапа Бактрии (он сам просил об этом по старости) и на место его поставил сатрапом Аминту, сына Николая. Кена он оставил на старом месте с его отрядом, отрядом Мелеагра, сотнями четырехмя всадников-“друзей”, со всеми конными дротометателями и теми бактрийцами и согдианами, которыми командовал Аминта. Им всем было велено подчиняться Кену и остаться на зимовку в Согдиане, чтобы следить за страной и охранять ее; если же окажется, что зимой где-то бродит Спитамен, то устроить ему засаду и захватить его.

(4) Спитамен и его люди, видя, что македонцы всюду расставили свои гарнизоны и что бежать им некуда, пошли на Кена и его войско, решив, что тут как раз они и могут оказаться победителями. Придя в Габы – это неприступное место на границе между согдийской землей и скифами-массагетами, – они без труда убедили около 3000 скифских всадников вторгнуться вместе с ними в Согдиану. (5) Скифы эти жили в крайней бедности; не было у них ни городов, ни оседлого жилья; бояться за свои блага им было нечего, и потому склонить их на любую войну ничего не стоило. Кен, узнав о приближении Спитамена и его всадников, пошел ему навстречу с войском. (6) Завязалась жестокая битва, и македонцы победили; варваров-всадников пало в этой битве больше 800 человек, а у Кена человек 25 всадников и 12 пехотинцев. Согдиане, уцелевшие со Спитаменом, и многие бактрийцы покинули Спитамена во время бегства, пришли к Кену и сдались ему. (7) Скифы же массагеты, потерпев поражение, разграбили обоз бактрийцев и согдиан, воевавших вместе с ними, и бежали вместе со Спитаменом в пустыню. Когда до них дошла весть о том, что Александр собирается вторгнуться в пустыню, они отрезали Спитамену голову и послали ее Александру, чтобы этим поступком отвратить его от этого намерения.

Книга V

4. (1) О том, что Инд из азийских и европейских рек самая большая, кроме Ганга (это тоже индийская река), что истоки его находятся на этой стороне горы Парапамис, или Кавказ¹², что он впадает в Великое Индийское море, лежащее к югу, что у него два устья и оба, при впадении своем, илисты и мелки, подобно пяти устьям Истра, что Инд образует в индийской земле дельту, подобную египетской, и она на языке индов называется Паталы, – эти ми вполне достоверными сведениями об Инде ограничусь и я. (2) Гидасп, Акесин, Гидраот и Гифас – реки тоже индийские; они значительно превосходят величиной другие реки Азии, но они меньше, значительно меньше Инда – насколько сам Инд меньше Ганга. Ктесий (если можно сослаться и на Ктесия) пишет, что в самом узком месте берега Инда отстоят один от другого на 40 стадий, а в самом широком – на 100. Обычная же ширина его – средняя между этими двумя цифрами.

(3) Этот Инд Александр перешел со своим войском на рассвете и вступил в землю индов. В этой работе своей я ничего не пишу ни о законах, по которым они живут, ни о диковинных животных, которые обитают в этой стране, ни о рыбах и чудовищах, которые водятся в Инде, Гидаспе, Ганге и других индийских реках; не пишу ни о муравьях, добывающих для индов золото, ни о грифах, которые его стерегут. Все это рассказы, созданные скорее для развлечения, чем с целью правдивого описания действительности, так же как и прочие нелепые басни об индах, которых никто не станет ни исследовать, ни опровергать. (4) Александр и те, кто воевал вместе с ним, опровергли многие, – кроме тех, что выдумали сами. Они установили, что у индов – по крайней мере у тех, до которых дошел Александр с войском, а он дошел до многих, – золота нет вовсе, и жизнь они ведут вовсе не роскошную; они очень высоки ростом, многие в пять локтей или чуть пониже (в Азии это самые высокие люди); они чернее прочих людей, кроме эфиопов, и из всех тогдашних обитателей Азии самые воинственные и благородные. (5) Я не сравнил бы, говоря по совести, с индами даже древних персов, с помощью которых Кир, сын Камбиза, отнял у мидян власть над Азией, остальные же народы частью покорил, а частью подчинил себе с их же согласия. Персы были тогда бедны, жили в суровой местности, и обычаи их очень напоминали лаконские установления. И поражение, понесенное персами в скифской земле, я, по совести, не

знаю, чем объяснить: трудной местностью, какой-то ошибкой Кира или тем, что скифы там оказались лучшими воинами, чем персы.

5. (1) Гора Тавр делит Азию; она идет от мыса Микале¹³, находящегося против острова Самое, перерезает Памфилию и Киликию, доходит оттуда до Армении; от Армении же идет к Мидии, вдоль земли парфиев и хорасмиев; (3) в Бактрии она смыкается с горой Парапамис, которую македонцы, воины Александра, называли Кавказом, чтобы, как говорят, возвеличить Александра: тогда ведь оказывается, что Александр покорил и страны, лежащие по ту сторону Кавказа. Может быть, впрочем, гора эта является непосредственным продолжением скифского Кавказа¹⁴, как ее продолжением является Тавр¹⁵. Я поэтому и раньше назвал эту гору Кавказом и в дальнейшем буду называть ее этим именем. (4) Этот Кавказ простирается до Великого Индийского моря, лежащего к востоку. Реки Азии, заслуживающие упоминания, берут начало с Тавра или с Кавказа; одни из них текут, повернувшись на север, и впадают – некоторые в Меотийское озеро, а некоторые в так называемое Гирканское море, а оно есть залив Великого моря. (5) Другие текут к югу: это Евфрат, Тигр, Инд, Гидасп, Акесин, Гидраот, Гифас и прочие реки, находящиеся между ними и Гангом, которые тоже впадают в море или мелеют, заболачиваются и исчезают, как исчезает Евфрат.

6. (1) Рассматривая положение Азии, мы видим, что Тавр и Кавказ перерезают ее с запада на восток, и Тавр делит ее на две очень большие части: одна лежит на полдень в ту сторону, откуда дует нот; другая обращена на север, в ту сторону, откуда дует борея.

12. (2) Александр отобрал с собой агему “друзей”, гиппархию Гефестиона, Пердикки и Деметрия, конных бактрийцев, согдиан и скифов, даев, верховых лучников, щитоносцев из фаланги, отряды Клита и Кена, лучников и агриан и тайком пошел с ними далекой от берега дорогой, чтобы незаметно добраться до острова и до горы, откуда он решил переправляться. (3) Здесь ему ночью набили сеном меха, давно уже сюда доставленные, и тщательно их зашили. Ночью пошел проливной дождь, и это особенно помогло сохранить в тайне все сборы и приготовления к переправе, потому что бряцание оружия и громкие приказания заглушались раскатами грома и шумом ливня. (4) Сюда же еще раньше привезли ему в разобранном

виде много судов, тайком их опять сколотили и спрятали в лесу; в числе этих судов были и корабли в 30 весел. Перед зарей ветер стих и ливень прекратился. Конное войско взобралось на меха, пехота села на суда, сколько ее вместилось, и все направились к острову; наблюдательные посты, выставленные Пором, заметили их только тогда, когда они обогнули остров и были уже совсем близко от берега.

25. (1) Ему рассказали, что за Гифасом лежит богатая страна, что населяют ее люди, которые умеют хорошо обрабатывать землю и храбро воевать. Государство их благоустроено: народом управляют лучшие люди, которые не отдадут ни одного несправедливого приказания. Слонов там множество, и они превосходят остальных индийских слонов и своим огромным ростом, и своим мужеством. (2) Эти рассказы еще больше подстрекнули Александра в его желании идти дальше, но македонцы пали духом, видя, что царь их готов громоздить тяготы на тяготы и опасности на опасности. В лагере стали собираться сходки; те, кто был посмирнее, только оплакивали свою участь, но другие твердо заявляли, что они не пойдут за Александром, даже если сам он станет во главе их. Когда Александр узнал об этом, то, не дожидаясь, пока волнение среди солдат усилится и они вовсе упадут духом, он созвал военачальников и обратился к ним с такими словами:

(3) “Я вижу, македонцы и союзники, что не с прежним настроением пойдете вы со мной на опасную войну; я и созвал вас, чтобы или убедить вас и повести дальше, или убедиться вашими доводами и повернуть обратно. Если вы считаете, что все труды, понесенные до сих пор, были зряшными и я, ваш предводитель, заслуживаю только порицания, то мне вам сказать больше нечего. (4) А если этими трудами мы добыли себе Ионию, Геллеспонт, обе Фригии, Каппадокию, Пафлагонию, Лидию, Карию, Ликию, Памфилию, Финикию, Египет вместе с эллинской Ливией, часть Аравии, Келесирию и Междуречье? (5) Добыли Вавилон, Сузы, земли персов, мидян и те, которыми раньше управляли персы или мидяне и которыми теперь они не управляют, земли за Каспийскими воротами¹⁶, по ту сторону Кавказа, Танаис¹⁷, области по соседству с Танаисом, Бактрию, Гирканию и Гирканское море? Скифов мы загнали в их пустыню; Инд протекает теперь по нашей земле, Гидасп по нашей, так же как Акесин и Гидраот. Чего же медлите вы прибавить к нашим македонским владениям Гифас и племена, живущие за Гифасом? (6) Или вы боитесь, что другие варва-

ры смогут дать вам отпор? Но ведь одни из них добровольно покорились нам, другие бежали и были захвачены; беглецы отдали в нашу власть свои опустевшие земли, которые вручены нашим союзникам и тем, кто добровольно нам подчинился.

26. (1) “Целью же тягот и трудов для благородного человека являются, по-моему, опять тяготы и труды, если ими осуществляются дела прекрасные. Если же кто-либо жаждет услышать, где будет конец нашей войны, то пусть знает, что нам осталось недалеко пройти до реки Ганга и до Восточного моря. Оно же, утверждаю я, соединяется с Гирканским морем; Великое море обходит ведь всю землю. (2) Я покажу македонцам и нашим союзникам Индийский залив, сливающийся с Персидским, и Гирканское море, сливающееся с Индийским. От Персидского залива мы совершим на наших кораблях круговое путешествие в Ливию вплоть до Геракловых Столбов. Таким образом, вся Ливия от самых Столбов и вся Азия станут нашими; границами нашего государства будут границы, которые бог назначил земле. (3) Если же мы сейчас повернем назад, то за спиной у нас останется много воинственных народов: и за Гифасом вплоть до Восточного моря, и за ними к северу до самой Гиркании; а оттуда неподалеку находятся ведь и скифские племена. Можно бояться, что когда мы пойдем назад, то племена непокоренные поднимут восстание среди уже покоренных, но еще не подчиненных накрепко. (4) И тогда наши великие тяготы окажутся ни к чему или же потребуются опять с начала подвергать себя опасностям и нести новые тяготы. Крепитесь, македонцы и союзники! Людям, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладостно жить в доблести и умирать, оставляя по себе бессмертную славу. (5) Разве вы не знаете, что предок наш достиг такой славы, что стал богом или прослыл им (а ведь был человек) не потому, что неизменно проживал в Тиринфе, Аргосе, Пелопоннесе или Фивах. И Дионис понес немало трудов, а по сравнению с Гераклом он так изнежен! Мы же оставили за собой Нису и овладели Аорнской скалой, которую не мог взять Геракл. (6) Прибавьте еще остаток Азии к тому, что вы уже приобрели – малое к большому. Что совершили бы мы великого и прекрасного, если бы сидели в Македонии и считали, что с нас хватит жить спокойно: охранять свою землю и только отгонять от нее соседей – фракийцев, иллирийцев, трибалов и тех эллинов, которые нам враждебны.

Книга VII

1. (1) Когда Александр прибыл в Пасаргады и в Персеполь, ему очень захотелось спуститься по Евфрату и по Тигру до Персидского моря, увидеть впадение этих рек в море, как видел он впадение Инда, и поглядеть, каково это море. (2) Некоторые писали, что он задумал пройти морем вдоль большей части Аравии, мимо земли эфиопов¹⁸, Ливии, номадов¹⁹, по ту сторону горы Атлант и таким образом прибыть в наше Внутреннее море²⁰. Покорив Ливию и Карфаген, он, по справедливости, мог бы называться царем всей Азии. (3) Цари персов и мидян, управлявшие совсем малой частью Азии, несправедливо называли себя великими царями. Другие же говорят, что он хотел плыть отсюда в Евксинское море, к скифам и к Меотиде, некоторые – что в Сицилию и к берегам Япигии: его начинали беспокоить римляне, слух о которых расходился все шире.

10. (5) “А теперь я собирался отослать тех из вас, кто негоден к военной службе, и отослать так, чтобы дома им завидовали. Если же вы хотите уйти все, ступайте все, и придя домой, объявите, что Александра, своего царя, который победил персов, мидян, бактрийцев и саков; (6) покорил уксиев, арахов и дрангов, завоевывая Парфию, Хоресм и Гирканию до Каспийского моря, перешел через Кавказ за Каспийскими Воротами; переправился через Окс, Танаис, а затем и через Инд, через который никто не смог переправиться, кроме Диониса; переправился через Гидасп, Акесин и Гидраот, (7) и переправился бы и через Гифас, если бы вы не помешали; проплыл по Великому морю, спустившись туда по одному и по другому рукаву Инда; прошел через пустыню гадросов там, где раньше никто не проходил с войском; по пути присоединил еще Карманию и землю оритов в то время, как его флот шел от земли индов в Персидское море, – этого царя вы оставили в Сузах и ушли, бросив его под охраной побежденных варваров. Такое известие принесет вам, пожалуй, славу среди людей и милость от богов. Ступайте”.

13. (1) Гефестион испугался этих слов и против воли помирился с Эвменом, который охотно пошел на мир. На этом пути Александр, говорят, увидел равнину, отведенную для царских кобылиц. Геродот рассказывает, что долина эта называется Нисейской и кобылицы нисейскими. Раньше лошадей было около полутораста тысяч, но Александр за-

стал там немногим больше 50 000: большинство кобылиц было похищено разбойниками.

(2) Рассказывают, что Атропат²¹, сатрап Мидии, привел тут к нему сотню женщин; это были, по его словам, амазонки. Одеты они были как мужчины-всадники, только вместо копий держали секиры и легонькие щиты вместо тяжелых. Говорят, что правая грудь у них меньше; во время битвы она у них наружу. (3) Александр велел убрать их из войска, чтобы македонцы или варвары не придумали чего-либо в издевку над ними, но велел передать их царице, что он сам придет к ней, так как желает иметь от нее детей. Обо всем этом нет ни слова ни у Аристобула, ни у Птолемея, вообще ни у одного писателя, рассказу которого о таком исключительном событии можно было бы поверить. (4) Я же не думаю, чтобы племя амазонок сохранилось до времени, предшествующего Александру, а то Ксенофонт должен был упомянуть о них, упоминая и фасиан, и колхов, и другие варварские племена, по чьим землям эллины прошли, выйдя из Трапезунта или еще не дойдя до него. Здесь они наткнулись бы на амазонок, если бы амазонки тогда еще жили.

(5) Что вообще не существовало племени этих женщин, этого я не допускаю: столько и таких поэтов их воспевало. Известен рассказ о том, что к ним послан был Геракл, который привез в Элладу пояс царицы их Ипполиты, что афиняне, под предводительством Фезея, первые одержали победу над этими женщинами, пришедшими в Европу, и отбросили их назад. Битва между афинянами и амазонками изображена Миконам наравне с битвой между афинянами и персами. (6) И Геродот часто рассказывает о них, и те, кто произносил похвальное слово афинянам, павшим на войне, упоминали, как об одном из важнейших событий, о сражении афинян с амазонками. А если Атропат показал Александру женщин-наездниц, то, думаю, показал он ему каких-то варварок, умевших ездить верхом и одетых в одежду, которая считалась одеждой амазонок.

15. (4) Возвращаясь в Вавилон²², он встретил посольство от ливийцев: ему воспели хвалу и увенчали его как царя Азии. За ними пришли посольства из Италии, от бреттиев, луканов и тирренов. Говорят, прислали посольство и карфагеняне; пришли послы от эфиопов и европейских скифов; пришли кельты и иберы просить дружбы. Эллины и македоняне впервые услышали их имена и

увидели их одеяния. (5) Рассказывают, что они поручали Александру рассудить их взаимные споры. Тогда-то в особенности Александр и самому себе, и окружающим явился владыкой мира. Арист и Асклепиад, писавшие о деяниях Александра, говорят, что посольство к нему прислали и римляне. Александр, встретившись с этим посольством, осмотрел парадную одежду послов, обратил внимание на их усердие и благородную манеру держать себя, расспросил об их государственном строе – и предсказал Риму будущую его мощь. (6) Я сообщаю об этом, как о событии не безусловно достоверном, но и не вовсе невероятном. Следует, однако, сказать, что никто из римлян не упоминает об этом посольстве к Александру и о нем не пишут ни Птолемей, сын Лага, ни Аристовул, историки Александра, которым я наиболее доверяю. А кроме того, невероятно, чтобы Римское государство, пользовавшееся тогда наибольшей свободой, послало посольство к чужеземному царю, царствующему тем более так далеко от их родины, причем их к этому не вынуждал ни страх, ни расчет, а ненависть к тиранам и самому имени их была в них так сильна, как только может быть.

16. (1) Отсюда он послал Гераклида, сына Аргея²³, с кораблестроителями в Гирканию. Он велел ему рубить лес на гирканских горах и строить военные корабли с палубами и без палуб по эллинскому образцу. (2) Ему очень хотелось узнать, с каким морем соединяется море Каспийское, называемое и Гирканским: с Евксинским²⁴ или же Великое море, обойдя индов с востока, вливается в Гирканский залив; он открыл ведь, что Персидское, или так называемое Красное море, представляет залив Великого моря. (3) Никто еще не открыл, где начинается Каспийское море²⁵, хотя вокруг него живет немало племен и в него впадают судоходные реки: из Бактрии сюда течет Окс, самая большая из азийских рек, кроме индийских; пройдя через землю скифов, впадает в это море Яксарт. Большинство утверждает, что Аракс, текущий из Армении, впадает туда же. Это самые большие реки. (4) Есть много других, которые или впадают в них, или сами доходят до этого моря; некоторые из них были известны воинам Александра, прошедшим по этим землям; другие, находящиеся, вероятно, по ту сторону залива²⁶, в земле скифов-кочевников, совершенно неизвестны.

Источник: Арриан. Поход Александра /Пер. с М. Е. Сергеенко. – М., 1993.

Объезд Евксинского Понта

Перевод и примечания П. И. Прозорова

15. Мы проехали мимо следующих народов: с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, граничат колхи. Тот народ, который, по его словам, отличается наибольшей воинственностью и непримиримой враждой к трапезунтам, он называет дрилами, а по моему мнению, это – санны: они и до сих пор очень воинственны, непримиримые враги трапезунтцев и живут в укрепленных местечках; народ этот не имеет царей и с давнего времени обязан платить дань римлянам, но, благодаря разбойничеству, они платят взносы неаккуратно; впрочем, теперь, бог даст, они будут аккуратны, или мы выгоним их из страны. Рядом с ними живут макроны и гениохи; у них царь Анхиал. С макронами и гениохами граничат зидриты, они подвластны Фарасману. Рядом с зидритами – лазы; царем у лазов – Маласс, получивший свою власть от тебя. За лазами следуют апсилы²⁷; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца. С апсилами граничат абаски; у абасков царь Ресмаг; этот также получил свою власть от тебя. Рядом с абасками – саниги²⁸, в земле которых лежит Севастополь; царь санигов Спадаг получил царство от тебя.

25. Расстояния от Трапезунта до Диоскуриады, измеренные по рекам, приведены выше. Сумма расстояний от Трапезунта до Диоскуриады, ныне называемой Севастополем, составляет две тысячи двести шестьдесят стадиев.

26. Крепость Диоскуриада представляет собой конечный пункт римского владычества на правой стороне от входа в Понт. Но когда я услышал о смерти Котиса, царя Боспора Киммерийского, то позаботился описать тебе и путь до Боспора, для того чтобы ты, если бы задумал что-нибудь относительно Боспора, имел возможность обдумывать на основании точного знакомства с этим путем.

27. Итак, если двинуться из Диоскуриады, первая стоянка будет в Питиунте, на расстоянии трехсот пятидесяти стадиев. Отсюда сто пятьдесят стадиев до Нитики²⁹, где в древности жило скифское племя, о котором упоминает историк Геродот³⁰; он говорит, что этот на-

род ест вшей, и такая молва о них держится и до настоящего времени...

28. От Ахеунта сто пятьдесят стадиев до Гераклового мыса; отсюда сто восемьдесят до мыса³¹, где есть защита от ветров фраския и борея. Отсюда сто двадцать стадиев до так называемой Старой Лазики³²; отсюда сто пятьдесят стадиев до Старой Ахеи³³, а отсюда до гавани Пагр³⁴ триста пятьдесят; от гавани Пагр сто восемьдесят стадиев до Святого порта³⁵, а отсюда до Синдики триста.

Пришли мы, Прометей, взглянуть на бедствия
Твои и на страдания от оков.

Затем перечисляют, какие страны они прошли:

И двойную земли Европейской
И Азии великую границу Фасис³⁶.

30. Говорят, что объезд кругом Меотийского озера составляет около девяти тысяч стадиев³⁷. От Пантикапея до местечка Казека³⁸, лежащего при море, четыреста двадцать стадиев; отсюда двести восемьдесят стадиев до опустевшего города Феодосии³⁹; и это был древний эллинский город, ионический, колония милетцев; упоминания о нем имеются во многих литературных памятниках. Отсюда двести стадиев до покинутого порта скифотавров⁴⁰, а отсюда до Лампады⁴¹ в Таврической земле шестьсот стадиев. От Лампады до порта Символа⁴², также таврического, пятьсот двадцать стадиев. Отсюда сто восемьдесят стадиев до Херсонеса⁴³ Таврической земли; от Херсонеса до Керкинитиды⁴⁴ – шестьсот стадиев, а от Керкинитиды до Прекрасной Гавани, также скифской⁴⁵, еще семьсот.

31. От Прекрасной Гавани до Тамираки триста стадиев; внутри Тамираки есть небольшое озеро⁴⁶. Отсюда еще триста до устья озера; от устья озера до Эионов⁴⁷ – триста восемьдесят стадиев, а отсюда до реки Борисфена⁴⁸ – сто пятьдесят. Если плыть вверх по Борисфену, лежит эллинский город, по имени Ольвия⁴⁹. От Борисфена шестьдесят стадиев до небольшого, необитаемого и безыменного острова⁵⁰, а отсюда восемьдесят до Одесса⁵¹; в Одессе стоянка для кораблей. За Одессом находится гавань истрианов⁵², до нее двести пятьдесят стадиев; далее гавань исиаков⁵³, до которой пятьдесят стадиев. Отсюда до так называемого Узкого устья⁵⁴ Истра тысяча двести стадиев; местности, лежащие между ними, пустыни и безыменны⁵⁵.

32. Почти против этого устья, если плыть прямо в море с ветром апарктием, лежит остров, который одни называют островом Ахил-

29. От Синдики до так называемого Боспора Киммерийского и боспорского города Пантикапея пятьсот сорок стадиев, отсюда шестьдесят стадиев до реки Танаиса, которая, как говорят, отделяет Европу от Азии. Она вытекает из Меотийского озера и впадает в море Евксинского Понта. Впрочем, Эсхил в «Прометее освобожденном» границей Азии и Европы делает Фасис. По крайней мере, у него титаны с такими словами обращаются к Прометею:

ла, а другие – Бегом Ахилла, а третьи – по цвету – Белым⁵⁶. Есть предание, что его подняла [со дна моря] Фетида для своего сына и что на нем живет Ахилл. На острове есть храм Ахилла с его статуей древней работы⁵⁷. Людей на острове нет; на нем пасется только немного коз; их, говорят, посвящают Ахиллу все пристающие сюда. Есть в храме много и других приношений – чаши, перстни и драгоценные камни, а также надписи, одни на латинском, другие на греческом языке, составленные разными метрами в похвалу Ахиллу⁵⁸. Некоторые, впрочем, относятся и к Патроклу, потому что все желающие угодить Ахиллу вместе с ним почитают и Патрокла. Много птиц гнездится на острове – чайки, нырки и морские вороны в несметном количестве. Эти птицы очищают храм Ахилла: каждый день рано утром слетают они к морю, затем, омочив крылья, поспешно летят с моря в храм и окропляют его; а когда этого будет достаточно, они обметают крыльями пол храма.

33. Существуют следующие рассказы: из числа посетителей острова некоторые, приезжающие сюда нарочно, привозят с собою на кораблях жертвенных животных и одних из них приносят в жертву, а других отпускают живыми в честь Ахилла; другие пристают, будучи вынуждены бурей; эти у самого бога просят жертвенного животного, обращая к оракулу вопрос о животных, хорошо ли и выгодно ли принести в жертву то именно животное, которое они сами выбрали на пастбище, и при этом кладут достаточную, по их мнению, плату. Если ответ оракула (в храме есть оракул) будет отрицательный, они прибавляют плату; если и после этого последует отрицание, прибавляют еще, и, когда последует со-

гласие, они узнают, что плата достаточна. Животное при этом само останавливается и уже не убегает. Таким образом много серебра посвящено герою в виде платы за жертвы.

34. Ахилл, как рассказывают, является во сне одним после того, как причалит к острову, а другим еще во время плавания, когда они очутятся недалеко от него, и указывает, где лучше пристать к острову и где стать на якорь. А некоторые рассказывают, что Ахилл являлся им наяву на мачте или на конце реи, подобно Диоскурам⁵⁹; Ахилл только в тон, говорят они, уступает Диоскурам, что последние воочию являются плавающим повсюду и, явившись, спасают их, а Ахилл является только приближающимся уже к острову. Некоторые говорят, что и Патрокл являлся им во сне. Эти рассказы об острове Ахилла я записал, как слышал от лиц, которые или сами приставали к острову, или узнали от других; они не кажутся мне невероятными: я считаю Ахилла героем предпочтительно перед другими, основываясь на благородстве его происхождения, красоте, душевной силе, удалении из здешнего мира в молодых годах, прославляющей его поэзии Гомера и постоянстве в любви и дружбе, дошедшем до того, что он решился даже умереть после смерти своего любимца.

35. От так называемого Узкого устья Истра шестьдесят стадиев до второго устья, а отсюда до так называемого Прекрасного устья сорок стадиев; от Прекрасного до четвертого устья Истра, так называемого Нарака, шестьдесят стадиев; отсюда до пятого устья – сто двадцать, а отсюда до города Истрии⁶⁰ – пятьсот стадиев. Отсюда до города Томея⁶¹ триста ста-

диев, а от Томея до города Каллатии⁶² еще триста; здесь есть стоянка для кораблей. Отсюда до гавани карийцев сто восемьдесят; и земля, лежащая вокруг гавани, называется Карией⁶³. От гавани карийцев до Тетрисиады⁶⁴ – сто двадцать стадиев; отсюда до безлюдной местности Бизоны⁶⁵ – шестьдесят стадиев. От Бизоны до Дионисополя⁶⁶ восемьдесят стадиев; отсюда до Одесса⁶⁷ – двести; здесь есть корабельная стоянка.

36. От Одесса до подгорий Гема⁶⁸, простирающихся до Понта, триста шестьдесят стадиев; и здесь есть корабельная стоянка. От Гема до города Месембрии⁶⁹ девятьсот стадиев; корабельная стоянка. От Месембрии до города Анхиала⁷⁰ – семьдесят стадиев, а от Анхиала до Аполлонии⁷¹ сто восемьдесят. Все это эллинские города, лежащие в Скифии⁷², по левую руку для плывущего в Понт. От Аполлонии до Херсонеса⁷³ шестьдесят стадиев; тут корабельная стоянка. От Херсонеса до Авлеевой стены⁷⁴ двести пятьдесят стадиев, а отсюда до берега Тиниады⁷⁵ – сто двадцать.

37. От Салмидесса до Фригии⁷⁶ – двести стадиев... От Салмидесса до Фригии⁷⁷ – триста тридцать стадиев, а отсюда до Кианей – триста двадцать. Это те Кианеи, о которых поэты говорят, будто некогда они были блуждающими, и будто первым прошел между ними корабль Арго, который привез Ясона к колхам⁷⁸. От Кианей до святилища Зевса Урия⁷⁹, где устье Понта, сорок стадиев. Отсюда сорок стадиев до гавани так называемой Неистойой Дафны⁸⁰, а от Дафны до Византии⁸¹ восемьдесят. Вот что находится на пути от Киммерийского Боспора до Фракийского Боспора и города Византии.

*Источник: Арриан. *Объезд Евксинского Понта* / Пер. П. И. Прокурова. – В серийном издании: В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // *Вестник древней истории*, 1948, № 3.*

Диспозиция против аланов

Вступление, перевод и комментарии А. К. Нефёдкина

“Итак, война с иудеями в то время закончилась, а другая война была поднята от аланов (являющихся массагетами) Фарасманом, она сильно потревожила и Албанию, и Мидию, а Армению и Каппадокию лишь затронула, но затем, когда, с одной стороны, аланы дарами Вологеза были подкуплены и когда, с другой стороны, они были утрашены Флавием Аррианом, правителем Каппадокии, война прекратилась”, – так пишет о вторжении аланов в Закавказье римский историк Дион Кассий в изложении византийского монаха Ио-

анна Ксифилина (LXIX, 15, 1). Таким образом, в политическом плане вырисовывается такая картина. После парфянской войны Траяна (115-117 гг.) установился политический паритет между двумя противоборствующими державами. В Армению вместо римского префекта вернулся аршакидский царь. Вместе с тем усилилась Иберия, пользуясь ослаблением армян и дружбой с аланами. В самом конце 135 г. иберийский царь Фарасман II, видимо, для борьбы с Албанией призвал на помощь своих традиционных союзников ала-

нов, а албанский правитель, в свою очередь, обратился за содействием к династу Антропатены, вассалу Парфии. В результате чего аланы разгромили как албанов, так и мидян. Попытки армянского царя Вологеза II обратиться за содействием к Риму, которому номинально подчинялась Иберия, не привели к успеху; впрочем, он откупился от кочевников. Аланы в то же время вторгаются в Армению и Каппадокию. Легатом последней провинции был уже пятый год историк Флавий Арриан (131-137 гг.). Наместник действовал энергично. Сознавая угрозу вторжения и к тому же имея время, он стянул большую часть своих сил в одну армию, к которой добавил ополченцев. Всю армию Каппадокии Э. Риттерлинг оценивает в 23000 человек. Собранное же легатом войско насчитывало примерно 18000 человек. Так, по нашим очень приблизительным подсчетам, пехота Арриана насчитывает 15000 человек, из них 5000 дротикометателей и 1000 лучников; конница – 3200 всадников, из них лучников – 1000. Эта армия двинулась к восточной границе провинции, видимо, по существующим уже дорогам, ведь инженерные войска для прокладки пути не упоминаются. Полководец рассчитывал, что, найдя подходящую долину, шириной около 1 км, он построит войско в боевой порядок, перекрыв тем самым дорогу аланам. Происходит, выражаясь современным языком, демонстрация силы. Аланы, уже достаточно награбившие, не стали рисковать и бой не приняли.

В результате столкновения с аланами у нашего автора родился интерес к своим противникам. Вследствие чего появилось произведение, которое сам автор озаглавил «Аланика». Об этом сочинении ничего не известно, кроме упоминаний у патриарха Фотия и Иоанна Лида (Joannis Lydi De magistratibus populi Romani libri très / Ed. R. Wuensch. – Lipsiae, 1903). Часть исследователей считает, что «Диспозиция» входила в состав «Аланики».

* * *

(1) Пусть возглавляют все войско всадники-разведчики, построенные по два, с собственным командиром. А за этими – петрайские конные лучники, притом и эти по два, а ведут их пусть декурионы [десятники]. А за этими же пусть будут построены те, кто из алы, каковой название Аврианова. Пусть же вместе с ними будут построены те, кто из четвертой когорты ретов, префект которой Дафнес Коринфянин. А за этими – те, кто из алы, назва-

ние которой – колоны. Пусть же будут построены вместе с ними итурей, и как киренцы, так и те, кто из первой ретийской когорты. Всеми этими пусть руководит Деметрий. (2) А за этими пусть построятся кельты-всадники, также и они по два, а у этих пусть командует центурион, который при лагере.

(3) А за этими пешие пусть будут построены, имея перед собой поднятые значки, как италийцы, так и имеющиеся из киренцев. Всеми же пусть командует Пульхр, который руководит италийцами. Пусть же идут за этими пешие боспорцы, выставив от себя командиром Лампрокла, а нумидийцы, подчиненные Беросу, собственному префекту, – за этими. (4) Строй же пусть будет в четыре тяжеловооруженных воина. А впереди них самих пусть идут все лучники. Фланги же строя пусть охраняют с обеих сторон собственные всадники. За этими пусть идут отборные всадники, а за этими – всадники от легиона, (5) затем катапульты, затем значок пятнадцатого легиона, а около него легат легиона Валент и префект легиона, и трибуны, которым назначено, и центурионы, возглавляющие первую когорту. Опять же впереди значка пеших пусть будут построены дротикометатели. А самым пешим нужно идти, построившись по 4. (6) За 15 легионом пусть будет поставлен значок двенадцатого легиона, а около него и трибуны, и центурионы. И сей легион также пусть идет построенным по 4.

(7) За тяжеловооруженными пусть будут построены союзники: и те, кто из Малой Армении, и тяжеловооруженные трапезундцев, и колхи, и ризиане-копьеносцы. Пусть будут построены позади них апланы-пехотинцы. Командиром же всех союзников пусть будет Секундин, который апланами командует. (8) За этими обозы пусть следуют. Пусть же замыкает все войско ала даков и ее префект.

(9) Фланги же пехоты пусть приводят в порядок также и центурионы, при ней построенные, а для охраны пусть скачет вблизи с обеих сторон галльская ала, построенная в один ряд и еще всадники италийцев. Префект же их пусть наведывается на фланги.

(10) Командир же всего войска, Ксенофонт, пусть командует по большей части перед значками пехоты, но пусть он наведывается и ко всему строю и осматривает, как построенные идут, и притом не соблюдающих дисциплину в строй пусть возвращает, а идущих в порядке пусть хвалит.

(11) Вот так построенные пусть идут. Придя же в назначенное место, надо, чтобы вся

конница расположилась по периметру в квадратном строю, а разведчики были посланы на возвышенные места ради наблюдения за врагами. Здесь же, по сигналу, нужно вооружаться в молчании, а вооружившимся – в строй становиться. (12) Строй же пусть будет следующий. Каждое крыло пеших пусть занимает возвышенности местности, потому что в такой местности будет диспозиция. Пусть же будут построены позади правого крыла армяне с Васакком и Арбелом, занимающие самый край крыла, потому что все они являются лучниками. (13) А впереди них пусть будут построены пешие италийской когорты. Всеми же пусть командует Пульхр, который также руководит италийской когортой. И ему пусть будут поручены и сам Васак, и Арбел, как конница, так и пехота обоих.

(14) На левом крыле пусть будут построены и те, кто займет самую возвышенность крыла: и союзники из Малой Армении, и гимнеты трапезундцев, и ризиане-копьеносцы. Впереди же и этих также пусть будут построены двести апланов и сотня киренцев так, чтобы тяжеловооруженные являлись защитой впереди дротикометателей, а те – метали дротики с возвышенности поверх голов. (15) Все же правое крыло в середине пусть займет пятнадцатый пеший легион, заходящий за центр всего места, потому что эти [легионеры] являются более многочисленными по количеству, а остаток левого крыла пусть заполняют вплоть до вершины левого крыла пешие двенадцатого легиона. Пусть они будут построены по восемь, и плотное пусть будет у них соединение. (16) При этом в первых четырех шеренгах пусть стоят контоносцы, ведь у их контосов [копий] удлиненные и утончающиеся наконечники. И притом впереди стоящие пусть имеют эти [контосы] для защиты, с тем чтобы если к ним будут приближаться враги, то примерно на уровне груди коней поместить наконечники контосов; (17) ...а второстоящие, также и те, кто из третьей и четвертой шеренги, пусть выставят контосы для метания как придется, с тем чтобы и коней испугать, и наездника убить, а когда контос вонзится в щит, в катафракт, в панцирь⁸² и из-за большой гибкости наконечника загнетса, тогда ездок сделается бесполезным. (18) Поочередно пусть стоят шеренги копьеносцев. А девятой за ними пусть будет шеренга пехотинцев-лучников – те, кто из нумидийцев, киренцев, боппорцев и итуреев. (19) Машины же пусть стоят за каждым крылом и еще позади всей фа-

ланги, чтобы весьма далеко стреляли, когда враги приближаются.

(20) Вся конница, построенная вместе с алам и восемью отрядам, пусть стоит за пешими, частью за каждым крылом, чтобы тяжеловооруженные и лучники являлись защитой впереди них, а именно: два отряда, частью же за серединой фаланги, а именно: шесть отрядов... (21) Из них же все конные лучники пусть стоят вблизи фаланги, чтобы стрелять поверх нее, а все копьеносцы, или контоносцы, или меченосцы, или секироносцы – пусть присматриваются к флангам с обеих сторон и одновременно ожидают условленного сигнала. (22) Отборные же всадники пусть стоят возле самого Ксенофонта и еще от пеших из фаланги примерно около двухсот, телохранители, и все центурионы, построенные вместе с отборными, или командиры телохранителей и деканы отборных. (23) Пусть стоят около него [Ксенофонта]... сто легких копьеносцев, чтобы он навевывался ко всей фаланге, где он заметит какую-либо необходимость, туда бы он шел и помогал. (24) Пусть командует всем правым крылом вместе с конницей Валент, который является и легатом пятнадцатого легиона, а левым крылом – трибуны двенадцатого легиона. (25) Когда они так построятся, пусть будет молчание до тех пор, пока враги не приблизятся на расстояние выстрела; а когда они станут приближаться, тогда всем как можно сильнее и страшнее издать клич Эниалию и притом пускать стрелы и камни из машин и еще стрелы – из луков, а копьеносцы пусть метают копья, как легковооруженные, так и пельтасты. Также пусть несутся камни во врагов от союзников с возвышенностей, и вообще пусть метание будет отовсюду, как можно гуще, для замешательства коней и гибели врагов. (26) И есть надежда, что из-за невыразимого множества снарядов атакующие скифы⁸³ более и не приблизятся к пешей фаланге; а если все же приблизятся⁸⁴, то, оперевшись щитами и подперев их плечами, надо выдержать это нападение, как можно упорнее напирая на них, как можно сильнее, наиплотнейшей сомкнутостью трех первых шеренг; четвертая же шеренга пусть метает поверх голов копья, а третья пусть беспощадно разит или метает контосы и в лошадей, и в их всадников. (27) А когда враги будут отражены, то, если бегство станет очевидным, пусть расступятся именно пешие шеренги и атакуют всадники не целыми отрядами, но половинами их; первыми же пусть будут построены те, кто

первыми и станут атаковать. (28) Вторые же половины пусть последуют за атакующими также в строю, но не предаваясь полному преследованию, с тем чтобы, если бегство станет сильным, следовать за первой погоней своими неутомленными конями, а если со стороны врагов некий поворот случится, то напасть на повернувших⁸⁵. (29) Одновременно и армяне-лучники, атакуя верхом, пусть стреляют, чтобы не дать повернуться обратно бегущим, и копьеносцы-гимнеты бегом пусть следуют; и пеший строй пусть более не остается на своем месте, но выступает вперед быстрее, чем шагом, чтобы, если преследование столкнется с каким-то большим сопротивлением со стороны врагов, снова быть ему защитой впереди всадников.

(30) Вот такое пусть происходит, если после первого нападения бегство овладеет неприятелями, а если, повернув по кругу, они захотят проскакать за крылья, то надо растянуть еще на большие возвышенности крылья самих легковооруженных стрелков; поскольку я не признаю, что враги, увидев, как ослабли крылья от растяжения, когда-либо прорвутся через них и прорубят пехоту. (31) Итак, когда они окружают оба или одно крыло, то кони у них неизбежно станут поперек, и их контосы⁸⁶ – тоже поперек. Именно тогда пусть бросятся на них всадники, сражаясь более не метанием, но своими спатами⁸⁷, а иные – секирами. Скифы же, будучи незащищенными и коней имея незащищенных⁸⁸ [рукопись обрывается].

Источник: Арриан. Диспозиция против аланов / Введение, перевод, прим. А. К. Нефёдкина // *Para bellum. Воен.-ист. обозрение.* – СПб., 1998, № 3: 4–11; *Idem // Stratum Plus*, 1999, № 3: 173–188.

Тактика

4. (7) У римлян одни из всадников носят дротики и атакуют на аланский и савроматский манер, другие же имеют копья.

11. (1) Фаланга⁸⁹ строится в длину иногда реже, если позволяет местность и будет признано полезнее, а в глубину иногда гуще, если нужно будет самой густотой и натиском отразить врагов... (2) или опять, если нужно будет отбить атакующих, как и следует строить против савроматов и скифов.

16. (6) Клинообразный строй больше всего, как слышно, употребляют скифы и фракийцы, перенявшие у скифов...⁹⁰

35. (3) Скифские военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из

цветных лоскутьев, причем головы и все тело, вплоть до хвостов, делаются наподобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. (4) Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. (5) Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для различения атаки, и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой⁹¹.

44. (1) Упоминаются копейщики савроматов или кельтов.

История Парфии

Фр. 1. ...Арриан говорит, что парфяне при египетском царе Сесострисе и скифском Иандисе⁹² переселились из своей страны Скифии в занимаемую ими ныне область⁹³... (Фотий. Библиотека, кодекс 58).

История Вифинии

Фр. 30. ...Вифинцы, всходя на вершины гор, называли Зевса папа и его же – Аттисом (Евстафий. Схолии к Гомер. Илиада V: 408).

Фр. 52. ...они, будучи некоторыми образом хлебоедами и земледельцами, живя в домах и имея города, после того, как были разбиты фракийцами, изменили прежние обычаи и поклялись великими клятвами никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не основывать городов, не приобре-

тать драгоценного имущества, но сделать жилищами телеги, пищей же – звериное мясо, питьем и вместе с тем пищей – молоко, скота же держать не более, чем сколько можно перевозить при переселении из одной страны в другую; и с этого вот времени они вместо земледельцев стали номадами (Евстафий. Схолии к Дионисию Периегету: 669).

Фр. 53. Азию населяют абии-скифы, независимые из-за бедности и справедливости

(Евстафий. Схолии к Гомер. Илиада XIII: 1 сл.).

Фр. 54. Об этой реке [т. е. Ирисе] Арриан говорит следующее: у скифского царя Гема⁹⁴ был сын Эридий, по имени которого была названа Эридием понтийская река, впоследствии переименованная в более удобное название Ирис⁹⁵ (Евстафий. Схолии к Дионисию Периегету: 783).

Примечания

¹ [С трибаллами при реке Лигине, в 335 г. до н. э.].

² [*Сарматское племя язигов*, ранее жившее на Дону, Страбон (VII: 3, 17) помещает между Днепром и Дунаем. В правление императора Клавдия (41–54 гг. н. э.) язиги переселились на территорию Дакии].

³ [О пяти рукавах дунайской дельты: Арриан. Перипл Понта Евксинского: 33].

⁴ [Имеется в виду река Сырдарья, носившая в древности это имя, обычно звучащее как Яксарт (*Ἰαξάρτης*), и нередко смешивавшаяся с Танаисом и Араксом].

⁵ [В представлении древних Аральское море совмещалось с Каспийским (Гирканским), почему и считалось, что Сырдарья (Яксарт) и Амударья (Окс) впадают в Каспийское море: Страбон XI: 7, 4].

⁶ [Во время пребывания Александра на Яксарт].

⁷ [Арриан именует *абиями* азиатских скифов, известных у других авторов под именами даев, савков и др.].

⁸ [Имеется в виду предание (Геродот III: 105 сл.) о гибели персидского царя Кира-старшего (558–529 гг.) во время войны с массагетами, которых Арриан (Анабасис IV: 11, 9) называет скифами. О походе Дария (ок. 512 г. до н. э.) против европейских скифов: Геродот IV: 83 сл.].

⁹ [Зимой 329–328 гг.].

¹⁰ [*Хорасмии* – племя, родственное сакам и массагетам и жившее по нижнему течению реки Окса (Амударья) на территории позднейшего Хорезма: Геродот III: 93; Страбон XI: 8, 8. Царь хорасмиев *Фарасман* ближе не известен, имя его, однако, неоднократно засвидетельствовано в Персии, Иберии, Колхиде и Армении в качестве имени царьков и князей: Арриан. Перипл Понта Евксинского: 15; Прокопий. Война с персами I: 8, 3].

¹¹ [Правитель Западной Азии при Артаксерксе III, возмущившийся против своего царя в 356 г. до н. э. и нашедший убежище у Филиппа Македонского. По смерти Дария III (330 г. до н. э.) он получил от Александра Македонского Бактрию: Диодор Сицилийский XVI: 22; Страбон XII: 8, 15; Арриан. Анабасис III: 21].

¹² [Наименование, прилагавшееся в древности к горному хребту Гиндукуш, называвшемуся также, подобно Гималаям и Памиру, Индийским Кавказом: Страбон XI: 8, 1. В связи с этим и миф о Прометее Арриан переносит на Гиндукуш, ср.: Страбон XV: 1, 8].

¹³ [Мыс *Микале* – на западном берегу Малой Азии. Обычно начало Тавра указывают у южных берегов Ликии близ мыса Хелидония: Страбон XI: 12, 2].

¹⁴ [*Скифским Кавказом* Арриан называет собственно Кавказ – горный хребет между Черным и Каспийским морями].

Фр. 60. Фенагория, которую основал Фенагор Теосский, бежавший от насилий персов. Еще же Гермонасса по Гермонассе, жене некоего митиленца Семандра, когда он отвел в колонию некоторых эолян и умер при основании полиса, жена его овладела полисом и дала полису свое имя (Евстафий. Схолии к Дионисию Периегету: 549).

¹⁵ [На непосредственное соприкосновение Тавра с Кавказом другие авторы не указывают. Ср. Страбон XI: 12, 4 – о соединении Тавра с горами Армении].

¹⁶ [В данном случае под *Каспийскими воротами* (в отличие от Дербентского прохода, называвшегося иногда тем же именем) следует понимать проход из Мидии в Парфию и Гирканию через Каспийские горы к югу от Каспийского моря, которым прошел Александр Македонский, преследуя Дария III (Арриан. Анабасис III: 19)].

¹⁷ [Под *Танаисом* здесь надо разуместь Яксарт. Ср. выше, III: 30, 6].

¹⁸ [Под *эфиопами* (имя, вообще обозначавшее в древности все чернокожие племена от Атлантического до Индийского океана) здесь, в ограничительном смысле, следует понимать жителей страны по Нилу, к югу от Египта].

¹⁹ [Западноафриканские племена, жившие между побережьем Средиземного моря и Сахарой, близ горного хребта Атлас].

²⁰ [Речь идет о путешествии вокруг Африканского материка от Аравии до Гадеса (современного Кадикса в Испании). Предания о подобном путешествии, совершенном финикийскими мореплавателями по приказанию фараона Нехо, см. Геродот IV: 42].

²¹ [Персидский сатрап, ставший при Александре Македонском правителем Мидии, северо-восточная часть которой носила впоследствии его имя (Атропатена). См. о нем еще IV, 18 и Диодор Сицилийский XVIII: 3].

²² [Весной 324 г. до н. э.].

²³ [В 323 г. до н. э.].

²⁴ [Аристотель. Метеорология I: 13, 29 тоже толкует о подземном протоке около “пучин Понта”].

²⁵ [Замкнутость Каспийского бассейна была, тем не менее, известна уже Геродоту (I: 203)].

²⁶ [Т. е. к северо-востоку от Каспийского моря].

²⁷ О племени *апсилы* имеются, кроме того, упоминания у Плиния (Ест. история VI: 4, 14), локализирующего их близ Диоскуриады-Севастополя и у Стефана Византийского *Ἀψίλας*, называющего их скифским племенем, со ссылкой на Арриана.

²⁸ *Саниги* – у Стефана Византийского *Σαννίγαι* – скифское племя, Плинием упоминаются в числе многоплеменных подразделений племени генихов (VI: 4, 14) и локализируются между Севастополем (Диоскуриадой) и Питиунтом (Пицундой).

²⁹ Пункт из других источников не известный, находившийся, судя по указанному расстоянию, где-либо в районе современных Гагр.

³⁰ Геродот (IV: 109) упоминает о том, что будины *φθιροτρόφους*, что можно перевести, однако, как “поедают сосновые шишки”. О племени фтирофагов сообщает Страбон (XI: 2, 19).

³¹ По мнению К.Мюллера, идентичен Торетскому мысу Птолемея (V: 8, 8) и локализуется у гавани Туапсе или где-либо к югу от нее.

³² Пункт этот, локализующийся у современного Небуга, связывается (У Стефана Византийского Lazoi) с племенем лазов и, по мнению К.Мюллера, идентичен городу Таз (Ταζος) Птолемея, наименование которого он предлагает исправить на Lazoi.

³³ Названный Аррианом пункт должен быть идентичен птолемеевой деревне Ахея (V, 8, 8).

³⁴ Локализуется на месте современного Геленджика.

³⁵ По своему положению Святой порт должен соответствовать гавани Бата (Птолемей V: 8, 8; Страбон XI: 2, 14).

³⁶ Эсхил. Прометей, стихи 190-191.

³⁷ Эта же цифра содержится и у черпавшего из того же, что и Арриан, источника Страбона (VII, 4, 5).

³⁸ Пункт этот, помимо Арриана, упоминает в своем перипле безымянный автор, помещающий Казеку к западу от Киммерика, между последним пунктом и Феодосией. К.Мюллер, в согласии с Келлером и Тетбу де Мариньи, помещает Казеку на месте современного Таш-Качика.

³⁹ Характеристика Феодосии, как опустевшего города, в противоречии со свидетельствами других авторов первых веков н.э. (Страбон, VII, 4, 3; Плиний, IV, 20 и др.) и данными археологии, заставляет думать, что это свидетельство не относится ко времени Адриана.

⁴⁰ Перипл анонимного автора отождествляет названный "порт скифотавров" с Атенеом (Афинеом) – пунктом, другими авторами не упоминаемым и искомым на месте позднейшего Судака.

⁴¹ Пункт, кроме Арриана упоминаемый лишь анонимным периплом, отождествляемый с современным Биюк Ламбатом, где еще Дюбуа де Монпери видел остатки древних сооружений.

⁴² Отождествляется с позднейшей Балаклавой.

⁴³ Близ современного Севастополя.

⁴⁴ На месте современной Евпатории.

⁴⁵ Прекрасная Гавань должна соответствовать одноименному пункту Птолемея (III, 5, 2), помещаемому им, однако, между Ахилловым бегом и Тамиракой, и Прекрасной Гавани, упоминаемой в херсонесской присяге и локализуемой В. В. Латышевым у Ак-Мечети.

⁴⁶ Упомянутое озеро следует, вероятно, идентифицировать с озером Бакал на западном побережье Крыма к северо-западу от Евпатории.

⁴⁷ Собственно до берегов (отмелей), в которых следует видеть вместе с К.Мюллером выступы Тендеровской косы (Ахиллова Бега).

⁴⁸ Арриан имеет в виду устье Бугско-Днепровского лимана.

⁴⁹ О положении города Ольвии, находившегося на правом берегу Буга – Гипаниса (при его устье), а не Днепра – Борисфена сообщает Страбон (VII, 3, 17).

⁵⁰ Нынешний остров Березань, в названии которого звучит древнее имя реки Борисфена. См. Страбон, VII, 3, 17; 19.

⁵¹ Имеется в виду пункт, именуемый Птолемеем (III, 5) и Плинием (IV, 26; 82) Ордессом, локализуемый близ современного Очакова.

⁵² Локализуется в районе современной Одессы.

⁵³ Этот не упоминаемый другими авторами (за исключением анонимного перипла) пункт идентифицируется К.Мюллером с sinus Sangarius Плиния (IV, 26; 82) и локализуется у современного Малаго Фонтана, близ Одессы.

⁵⁴ Имеется в виду северное устье Дуная.

⁵⁵ По неведению или в силу позднего происхождения этой части текста перипла (ср. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 69), автор опускает реку и город Тиру у устья Днепра, на месте современного Аккермана.

⁵⁶ Арриан смешивает в данном случае остров Ахилла или Белый – современный остров Фидониси (Змеинный) перед устьем Дуная – с Тендеровской косой (Ахилловым Бегом) у устья Бугско-Днепровского лимана.

⁵⁷ О культе Ахилла на острове Белом: И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. – П., 1918.

⁵⁸ Ср. посвяительные надписи в честь Ахилла на острове Белом и Ахилла Понтарха, найденные на острове Белом и на Березани.

⁵⁹ Культ Диоскуров – божеств-охранителей моряков, являющихся им в минуту опасности.

⁶⁰ Также Истр или Истрополь (см. Геродот, II, 33; Страбон, VII, 6, 1) – греческий город, милетская колония, расположенная к югу от дунайской дельты (у Портицкого гирла), современное местечко Истере.

⁶¹ Обычно Τόμις и Τόμι, греческий город, милетская колония, на месте современной Констанцы. См. Страбон, VII, 5, 12).

⁶² Греческий город, милетская, позднее гераклеийская, колония. См. Страбон VII: 5, 12; ныне местечко Каллаты.

⁶³ Локализуется к северо-западу от мыса Шабла-Бурун.

⁶⁴ Также Тирисы или Тиризис, локализуется у современного мыса Калиакра.

⁶⁵ Локализуется у современной Каварны.

⁶⁶ Локализуется у современного Балчика.

⁶⁷ Греческий город, милетская колония, локализуется близ современной Варны.

⁶⁸ Имеется в виду мыс Эменех.

⁶⁹ Греческий город, колония Халкидона и Византия, на месте современного Миссиври.

⁷⁰ Колония города Аполлонии на месте современного Акиали.

⁷¹ Греческий город, милетская колония, частично расположенная на острове, локализуется у современного Сизаболи, см. Страбон VII: 6, I.

⁷² Понятие Скифии принимается в данном случае настолько расширительно, что выходит значительно за пределы западных границ Скифии (Малая Скифия) по Страбону VII: 4, 5.

⁷³ Этот Херсонес (т. е. мыс), у других авторов не упоминаемый, следует искать у мыса Баглар.

⁷⁴ В анонимном перипле (87) отождествляется с крепостью Тера и локализуется К. Мюллером у современного Атеболи.

⁷⁵ Страбон (VII: 6, 1) называет ее местностью аподлонийцев, локализуется у мыса Кури.

⁷⁶ Фракийский город на месте, современного городка Мидии.

⁷⁷ Отождествляется в анонимном перипле (87) с Филией; Стефан Византийский, говоря о Φιλίας, замечает, что оно пишется некоторыми Φινίας (Финей) и связывается, таким образом, с именем мифического провидца – персонажа сказаний об аргонавтах. Локализуется на месте современного поселения Филина у мыса Калионджик.

⁷⁸ См. Гомер. Одиссея XII: 59 сл.

⁷⁹ Принадлежавшее византийцам святилище Зевса Урия находилось на азиатском берегу Босфора близ входа в Черное море.

⁸⁰ Этот пункт, называемый также Амиком и связываемый с легендой о борьбе аргонавтов со знаменитым царем бебриков, отождествляется в анонимном перипле (89) с Состеной. Однако по-

следняя, по данным Плиния (IV, 18), должна находиться не на азиатском, а на европейском берегу Босфора.

⁸¹ Греческий город, колония мегарцев на месте позднейшей Византии – Константинополя.

⁸² Довольно неконкретно выглядит описание защитного вооружения аланов. Это, вероятно, связано с тем, что текст был написан до предполагаемого столкновения Арриана с врагами. Так, щит (у Арриана – *θυρεός*, т. е. овальный щит, лат. *scutum* ‘большой выпуклый щит легионера’), судя по изображениям, не является типичным оружием сарматов (ср.: Тацит. История, I, 79), хотя, возможно, он использовался в более раннюю эпоху: плетеные щиты роксолан упоминает Страбон (VII, 3, 17: *γέρρον*). Но, чтобы согнуться, пилум должен воткнуться, по крайней мере, в сплошное дерево. Панцири сарматов обычно чешуйчатые, о чем говорят и источники, и изображения, и археология. Арриан называет доспехи сарматов катафрактной или панцирем (катаφράκτο θώρακί), причем отсутствие артиклей при этих существительных, очевидно, говорит об абстрактных предполагаемых видах брони. Возможен и другой вариант перевода: “... а когда в щит, в покрытие панциря...” (так у Дж. де Вото). Однако, довольно нетипично выглядит отсутствие артиклей и союзов καί между данными словами. Такое строение фразы иногда встречается у Арриана именно при перечислении однородных членов предложения (Арриан. Тактика: 10, 8; 14, 5; 25, 7).

⁸³ В заглавии фрагмента враги Арриана названы аланами, а в тексте – “скифами” (*Σκύθαι* – § 26; 31). “Скифия” становится в I–II вв. не этнонимом, а топонимом (Кулаковский 1899: 8). Названия скифы – сарматы – аланы были взаимозаменяемыми. Эти два этнонима эквивалентны и у Арриана. Так, он два раза говорит о коннице савроматов и аланов (Арриан. Тактика, 4, 3; 7) а в третьем месте заменяет последнее название на скифов (Арриан. Тактика, 11, 2).

⁸⁴ В.Д. Блаватский, а вслед за ним А.М. Хазанов и В.А. Горончаровский полагают, что сарматские катафрактарии атаковали клином, ссылаясь при этом на Арриана (Блаватский 1954: 120, 122; Хазанов 1971: 74; Горончаровский 1993: 79). В частности, Арриан пишет (Арриан. Тактика, 16, 6): “Мы слышим, что именно клиновидными строями (ταῖς... ἐμφυλοειδέσι τάξεσι) скифы особенно пользовались (ἐχρήσθησαν) и фракийцы, научившись от скифов. А Филипп Македонянин и македонян обучал пользоваться (χρήσθαι) этим строем”. Ср.: Асклепидот (Тактика 7, 3): “Говорят, что клиновидные строи скифы и фракийцы изобрели, а позднее и македоняне использовали (ἐχρήσθησαν) их, как пригодные более, чем квадратные”; Элиан (Тактика, 18, 4): “Считают, что клиновидными строями скифы и фракийцы пользовались (ἐχρήσθησαν), а македоняне их использовали (ἐχρήσθησαν), когда Филипп этот вид ввёл”. Как полагает С.М. Перевалов, в этом контексте, судя по временным рамкам, скифы названы своим именем, ведь вряд ли в IV в. до н. э. речь шла о савроматах, непосредственно не соприкасавшихся с фракийцами (Перевалов 1997: 133). Действительно, все три тактика считали *Σκύθαι* в своем общем первоисточнике именно скифами. Это особенно ясно по сообщению Асклепидота. Однако, у Элиана и Арриана глагол *στ=ομαι* стоит в перфекте. Это может свидетельствовать и о том, что, по мнению данных авторов, скифы как использовали, так и продолжают в их время использовать клин. Скифами же тут названы сарматы. У собственно скифских конных лучников, не

переходящих врукопашную, клиновидный строй мог получиться, очевидно, вследствие того, что вождь с дружиной сражался впереди основной массы всадников. Очевидно, следует в сочинениях древних отличать геометрическое и военное значения слова “клин” (*ἔμβολον, cuneus*). У Геродота и Фукидида “клином” называется лишь таран триеры (Buckler 1985: 135)... Так строятся римляне из-за узости или пересеченности местности либо когда нужно войти в брешь. Видимо, треугольное построение чаще использовала конница, ведь и, по объяснению византийского дополнения середины X в. к тактике Элиана, пеший клин произошел от конного (Тактика, 47, 3). Этот строй удобен для маневрирования конницы на поле боя (Арриан. Тактика, 16, 7). Возможно, Арриан думал о нападении аланов разрозненным фронтом, ведь он отдает приказы сразу всему строю, не выделяя тех, на кого ударит клин первым.

⁸⁵ В этом сообщении обычно видят тактику ложного отступления. Такой прием характерен для легкой конницы кочевников, а не для катафрактов (Bachrach 1973: 8-9, 24; против: Перевалов 1997: 132).

⁸⁶ *Κοντός* ‘копье; рогатина’, лат. *contus* ‘тяжелое копье’. Здесь – обычное у античных авторов название пики – основного оружия сарматов. По мнению исследователей, пика сарматов, а значит и аланов, достигала 4-4,5 м, впрочем, А. М. Хазанов говорит и о меньшей длине – 3,4 м (Блаватский 1954: 117; Хазанов 1971: 50; 73). Однако сарматский катафракт, изображенный на серебряном сосуде из Косики, судя по пропорциям, имеет контос длиной примерно 2,7 м. Остатки копья в кургане 7 / 11 у хутора Ляпичева имеют 2,5 м в длину (Трейстер 1994: 180-181. Рис. 7-9; Хазанов 1971: 49). Свои контосы сарматы держали двумя руками: левой – впереди, правой – ближе к заднему концу. В. Д. Блаватский ещё в 1949 г. указывал на то, что при сильном ударе пикой, чтобы не вылететь из седла, всадник должен был развернуть свой торс на три четверти, левым плечом вперед, сгибая при этом ноги. Однако против этого выступили В. А. Горончаровский и В. П. Никоноров, говоря о том, что такую пику держали лишь в правой руке, тогда как в левой у всадников были поводья. Многочисленные же изображения конников, держащих пики в двух руках, они объясняли данью иконографии (Блаватский 1949: 97-98; Горончаровский, Никоноров 1987: 209-210). Впрочем, изображение из Косики ещё раз показало катафракта, держащего пику двумя руками, повернувшегося на три четверти и расставившего широко ноги, чтобы не вылететь из седла при ударе. Причем вожжи прикреплены у седла. Действительно, при такой посадке легко слететь с коня, придавая удару пики силу всего корпуса, поэтому можно согласиться с А.М. Хазановым, что контос всадник держал в правой руке и, соответственно, только ею наносил удар, тогда как левая лишь придерживала и направляла пику (Хазанов 1971: 49; ср.: Блаватский 1949: 97).

⁸⁷ *Σπάθη* – широкий клинок, лат. *spatha* – длинный кавалерийский меч. – А. Г.

⁸⁸ А. Босворт, опираясь на Плутарха, предлагает дополнить эту фразу “...нигде, кроме как по бедрам и животам” (Bosworth 1977: 235; ср.: Перевалов 1997: 131). Заметим, что подобные выражения Арриан не употребляет в своих сохранившихся произведениях, да и смешение бедер всадников и животов лошадей выглядит странно. Судя по изображениям и археологическим находкам, конский доспех был не очень распространен у сарматов (Ха-

занов 1971: 87; Горончаровский, Никоноров 1987: 209; Малашев 1988: 81-82). Хороший чешуйчатый панцирь также был довольно дорог и его имела лишь знать, о чем говорит Тацит (История, I, 79) указывая, что из 9000 роксолан лишь у вождей и знати было защитное вооружение (*Id principibus et nobilissimo cuique tegimen*). Хотя в § 17 Арриан указывает на панцири, которые, возможно, имелись у скачущих впереди, тогда как последующие всадники доспехов могли не иметь (ср.: Ростовцев 1914: 342). Легкость аланского вооружения отмечают Аммиан Марцеллин (XXXI: 2, 21: *armorum levitate*) и Дион Кассий (LXXI: 7, 5: *κουφότεροι*).

⁸⁹ [О построении фаланги см. прим. к Ксенофонт. Анабасис IV: 6, 6].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1.

Аппиан

Ἀππιανός – Appianus

Аппиан (ок. 98 – 170-е гг.), греческий историк. Родился в Александрии, где достиг высоких должностей в городском управлении. В начале правления императора Адриана (117–138) получил римское гражданство, был возведен в сословие всадников, переехал в Рим, служил адвокатом фиска, а впоследствии был назначен императором Марком Аврелием (161–180) и его соправителем Луцием Вером (161–169) на должность прокуратора Египта. Главное произведение Аппиана – «Ῥωμαϊκά» («Римская история») в 24 книгах, написанная в 160–165 гг. «Римская история» Аппиана, охватывая период от основания Вечного города до начала II в., разделена на книги по эпохам и территориям, составляв-

⁹⁰ [О скифско-фракийской тактике см. В. Д. Блаватский. Битва при Фате и греческая тактика IV в. // ВДИ, 1946, № 1: 101].

⁹¹ [Подобные военные значки, развившиеся из устрашающих врага изображений, известны у римлян, а также в более позднее время].

⁹² [Ближе не известен, у других авторов не упоминается].

⁹³ [Т. е. Парфию, к юго-востоку от Каспийского моря. О парфянах см. Страбон XI: 8, 1 и сл.]. Ср. Малала: 26; Кедрин: 36; Суда под словом Σῶτες; Юстин XLI: 1.

⁹⁴ [Фракийское имя – персонификация горного хребта Гема (Балкан)].

⁹⁵ [Одна из значительных рек Малой Азии, вытекающая из Антитавра и впадающая в Черное море близ Амиса (современный Ешиль-Ирмак)].

шим основной интерес Рима соответствующего времени: книга I – Царская, II – Итальянская, III – Самнитская, IV – история Галлии, V–VIII – войны Рима с Карфагеном, IX – Македонская, X – Эллинская, XI – Сирийская, XII – Митридатова, XIII–XVII – гражданские войны в Риме от Гракхов до Цезаря, XVIII–XXI – завоевание Египта, XXII – история империи от Августа до Траяна, XXIII – Дакийская, XXIV – Аравийская. До нас дошли целиком книги VI–IX и XI–XVII. Книги XVIII–XXIV известны лишь по названиям, а от остальных сохранились фрагменты. В плане нашей хрестоматии особое значение имеют книги XI («Сирийские дела») и, особенно, XII («Митридадовы войны»).

Подробнее см.: Л. Ю. Лукомский. «Римская история» Аппиана // Аппиан. Римские войны. – СПб., Алетейя, 1994; С. А. Жебелев. Аппиан и его «Гражданские войны» // Там же.

Аппиан

Римская история

Перевод и комментарии С. П. Кондратьева

Вступление

1. Начиная составлять римскую историю, я счел необходимым предварительно указать границы всех тех народов, над которыми властвуют римляне. Они следующие: у океана они властвуют над большей частью бреттанов, затем для плывущих через Геракловы столпы в этом море и объезжающих его кругом до этих же самых столпов очевидно, что они властвуют над всеми островами и материками, которые омываются этим морем. Из маврусиен, которые на правой стороне являются первыми, им подчинены все те, которые жи-

вут у моря, и различные народы ливийцев вплоть до Карфагена, и выше этих последних номады, которых римляне называют нумидами, а страну Нумидией, затем остальные ливийцы, которые живут вокруг Сиртов вплоть до Кирены, и мармарида, и аммонии, и те, которые живут вокруг озера Марейи (Μάρειαν), после этого лежит там большой город, который Александр воздвиг в преддверии Египта, наконец, сам Египет вплоть до восточных эфиопов, если плыть вверх по Нилу, и до Пелусия, если плыть по морю.

2. Если же изменить здесь направление плавания и продолжать круговой объезд, то на пути встречается Сирия Палестинская, а выше нее часть Аравии (μοῖρα Ἀράβιον); соседями жителей Палестины являются финикийцы у моря, выше финикийцев Койле-Сирия, и идет она вверх от моря до реки Евфрата, затем пальмирцы, и пустыня пальмирцев, прилегающая к самому Евфрату; затем земля киликийцев, прилегающих к сирийцам, и соседние с киликийцами каппадокийцы, и часть арменийцев, страну которых называют малой Арменией; у Евксинского Понта живут другие понтийские племена, которые являются подданными римлян. Сирийцы и киликийцы граничат с нашим морем, арменийцы же и каппадокийцы граничат с понтийскими племенами, а по направлению к материку – с так называемой Большой Арменией (ἐπὶ τὴν καλομένην Ἀρμενίαν), над которой римляне не господствуют и не получают от нее дани, но они [римляне] указывают им (δὲ αὐτοῖς) желательных для Рима царей. Если же от Каппадокии и Киликии спускаться в Ионию, то там есть большой полуостров, который образуется справа Понтом Евксинским, Пропонтидой и Геллеспонтом, а также Эгейским морем, слева же Памфилийским, или Египетским, морем (оно называется и так и так). Жители этой земли, обращенные к Египетскому морю, называются памфилами и ликийцами, а за ними идет Кария до Ионии; те же, которые прилегают к Евксину и к Пропонтиде и к Геллеспонту, называются галатами, вифинами, мисийцами и фригийцами; в центральной же области – писидами и лидийцами. Столько и такие народы живут на этом полуострове, и над всеми властвуют римляне.

3. Перейдя и этот рубеж, они властвуют также над другими народами вокруг Понта, над европейскими мисийцами¹ и над фракийцами, которые обитают вокруг Евксинского моря. За Ионией же находятся Эгейский залив (κόλπος) нашего моря и другой – Ионический (Ἰονίον) моря. За ним идут Сицилийский пролив и Тирренское море вплоть до Геракловых столпов. Такова длина римских владений от Ионии до океана, и вдоль этих берегов вот какие страны и народы подчинены римлянам: вся Эллада, Фессалия, македоняне, все другие прилегающие сюда народы фракийцев, и иллирийцев, и пеонов, наконец, сама Италия, являющаяся самой длинной из всех земель (ἐθνον), начинающаяся от Ионического моря, проходящая почти по всему берегу

Тирренского моря до кельтов, которых они сами (αὐτοί) называют галатами. Подчинены им и все племена кельтов, которые обращены к этому морю, и другие, которые обращены к Северному океану, а также те, которые живут по реке Рейну, вся Иберия и кельтиберы, простирающиеся до северо-западного океана и до Геракловых столпов. Относительно всех этих стран и о каждой в отдельности я изложу самые точные сведения, когда мое изложение дойдет до каждого народа. Пока мной достаточно сказано, сколь огромны границы, охватываемые державой римлян, если смотреть на них со стороны моря².

4. Если кто захочет пройти по сухопутным границам Римского государства, то первой встречается часть маврусицев, которые живут около западных эфиопов, затем другая часть Ливия, более жаркая и наполненная множеством диких зверей, доходящая до пределов восточной Эфиопии. Таковы границы римлян в Ливии, в Азии же – река Евфрат, гора Кавказ, царство Большой Армении, колхи, живущие у Евксинского моря, и остальные страны по берегам этого же моря. В Европе границей им служат, главным образом, две реки – Рейн и Истр; из них Рейн впадает в Северный океан, а Истр – в Евксинский Понт. Переступив же кое-где и эти реки, они властвуют над некоторыми кельтами (Κέλτων) за Рейном и над гетами за Истром, которых они называют даками³. Таковы их границы по материку, насколько возможно точно их описать.

9. Что же касается держав Азии, то ни одна из них в отношении подвигов и доблести не может сравниться даже с самыми малыми странами из европейских ввиду изнеженности и трусости их народов. Это докажет в дальнейшем эта моя работа; ведь при помощи битв римляне овладели таким количеством народов Азии, над которыми они властвуют еще и теперь, хотя за эти народы сражались македоняне; тогда как для завоевания Ливии и Европы римляне потратили много труда и сил. Если опять-таки сложить длительность господства ассирийцев, мидян и персов, этих трех величайших империй до Александра, сына Филиппа, то не хватило бы времени до тех девяти сот лет, сколько до настоящего времени продолжается власть римлян, а если взять размеры владений этих государств и сопоставить их с величиной владений римлян, я полагаю, что они не составят даже половины их; свидетельством этого служит то, что у римлян власть простирается от крайнего запада и об-

ращенного к западу океана до горы Кавказа и реки Евфрата, а через Египет – до живущих выше эфиопов и через страну арабов – к восточному океану. Таким образом, границей им служит океан и на восходе и на закате солнца; к тому же они господствуют над всем находящимся внутри морем и над всеми находящимися в нем островами, а на океане над бреттанами. У мидян же и персов самым большим морем был Памфилийский залив и один только остров – Кипр или, может быть, какой-либо другой небольшой в море около Ионии; а что касается Персидского залива (ибо владели они и им), то какую малую часть его составляет открытое море?

15. Вот каким образом распределены по книгам каждый из народов или по полководцам – внутренние войны. Последняя же кни-

га покажет и войско их [римлян], сколько они его имеют, и доходы, которые они получают с каждого народа, сколько они тратят на морские силы и остальное тому подобное. Следует, однако, чтобы пишущий о доблести этого народа начал с его происхождения. Кем же будучи, я написал это, знают многие, да и я сам уже раньше указал на это, а чтобы сказать яснее: я – Аппиан Александриец, дошедший до высокого положения у себя в отечестве и выступавший в Риме по судебным делам [как адвокат фиска] перед лицом государей (βασιλέων), пока они не удостоили меня быть их прокуратором (ἐπιτροπεύειν) [т. е. Марка Аврелия и Луция Вера]. А если у кого-нибудь есть интерес узнать обо мне и остальное, то у меня есть сочинение и относительно этого [автобиография].

Книга XI. Сирийские дела

57. Вот что узнал я относительно ранних предсказаний Селевку. Тотчас после смерти Александра он становится вождем конницы гетеров, которой при жизни Александра командовал Гефестион, а после Гефестиона Пердикка. После этого командования конницей он был назначен наместником Вавилонии, а после наместничества стал царем. Так как в военных делах он был очень счастлив, он получил прозвище Никатора (победителя). Я склоняюсь более к этому объяснению его прозвища, чем к тому, что дано оно ему за убийство Никанора. Телом он был крепок и велик; рассказывают, что при одном жертвоприношении Александром дикого быка, как-то вырвавшегося из пут, он один задержал и голыми руками поверг его на землю; в воспоминание этого на его статуях всегда изображаются рога. По всему пространству своего огромного царства он выстроил много городов: так, в честь своего отца он выстроил 16 Антиохий, пять Лаодикий в честь своей матери, – девять

носящих его собственное имя, четыре – в честь своих жен, три Апамеи и одну Стратоникею. Из них самыми знаменитыми даже теперь являются Селевкии, одна у моря, другая на реке Тигре, Лаодикея в Финикии, Антиохия под горой Ливаном и Апамея в Сирии. Другим городам он дал имена или по именам городов Эллады или Македонии, или по каким-либо своим деяниям, или же в честь царя Александра. Поэтому в Сирии и у варваров за Сирией внутри материка есть много имен городов эллинских и македонских – Берейя, Эдесса, Перинф, Маронея, Каллиполис, Ахайя, Пелла, Ороп, Амфиполь, Аретуса, Астак, Тегея, Халкида, Ларисса, Герейя, Аполлония, а в области парфян – Сотира, Каллиопа, Харита, Гекатомпил, Ахея, у индов – Александрополь, у скифов – Александресхата (Александрия крайняя). А в честь побед самого Селевка есть Никефорий в Месопотамии и Никополь в Армении, там, где она ближе всего подходит к Каппадокии.

Книга XII. Митридатовы войны

“Книга о Митридатовых войнах описывает борьбу с величайшим противником римлян на Востоке – понтийским царем Митридатом VI Евпатором. Последний развернул в Азии территориальную экспансию, захватил Вифинию, Каппадокию и Пафлагонию, вступил в союз с армянским царем Тиграном II Великим. Он воевал с Римом три раза: в 89-84 гг. Митридат захватил римскую провинцию Азия, разграбил Афины и был разбит Суллой в битве при Херонее; в 83-82 гг. ему удалось,

благодаря возникшим в Риме неурядицам, защититься от Суллы свои основные владения; в 74-64 гг. он потерпел решающее поражение и покончил с собой в 63 г.” [Лукомский 1994].

***

13. Так говорил Пелопид, послы же Никомеда, присутствовавшие тут для возражения, сказали: “Уже давно злоумышляя против Никомеда, Митридат послал Сократа с войском против его царства, хотя он держался спокой-

но и, как старший, законно обладал властью. Так поступил Митридат с Никомедом, которого вы, римляне, поставили царем Вифинии; а отсюда ясно, что это он сделал не столько против нас, сколько против вас. Равным образом, хотя вами издан приказ, чтобы цари Азии не переходили в Европу, он же подчинил себе большую часть Херсонеса. Все это достаточные доказательства его дерзкого отношения к вам, его враждебности и его неповиновения; но посмотрите, какие огромные у него приготовления, как будто к какой-то большой и уже объявленной войне, его собственного войска, так и его союзников, фракийцев и скифов, и всех ближайших племен. С царем Армении у него брачный союз, а к царям Египта и Сирии он все время посылает посольства, стараясь привлечь их на свою сторону. У него триста боевых палубных судов, и к ним он заготавливает еще другие, а за штурманами и за кормчими он разослал людей в Финикию и в Египет. Все эти приготовления, столь огромные, направлены, конечно, не против Никомеда, но против вас, о римляне, готовит все это Митридат, исполненный против вас гнева за то, что вы велели ему уйти из Фригии, которую он преступно, подкупив одного из ваших предводителей, купил себе, – вы признали всю несправедливость этого приобретения; он сердит и за Каппадокию, которая тоже вами была дана Ариобарзану; он боится вашей растущей силы и готовится под предлогом нападения на нас напасть, если сможет, на вас самих. Дело мудрости не ожидать, когда он сам захочет объявить вам войну, но обращать внимание больше на его дела, чем на его слова, и тому, кто ложно надел на себя маску дружбы, не выдавать верных и постоянных друзей и не оставлять без внимания, что ваше решение относительно нашего царства делает недействительным тот, кто в равной степени и для нас и для вас является врагом”.

14. Так сказали уполномоченные Никомеда. Тогда вновь Пелопид обратился в совет римских военачальников и заявил, что относительно прежних дел, если Никомед считает нужным на что-либо жаловаться, римляне произнесли уже свое решение; что же касается теперешних (ведь они произошли на ваших глазах, когда земли Митридата были разграблены, морские пути перерезаны и столь крупная добыча угнана), то они нуждаются не в словах и не в разбирательстве, но «вновь обращаемся мы к вам с предложением или запре-

тить подобные действия, или выступить на помощь Митридату, несправедливо обиженному, или, в конце концов, о представители римского народа, не мешайте ему защищаться и откажитесь от труда поддерживать того или другого». Так как Пелопид неоднократно повторял это, то хотя римские военачальники давно уже решили оказать помощь Никомену и только из притворства слушали эти решения, но все же смущенные словами Пелопида и дружественным союзом с Митридатом, остававшимся в силе, они долго колебались, какой дать ответ; наконец, они додумались до следующего хитроумного ответа: “Мы бы не хотели, чтобы и Митридат потерпел что-либо неприятное от Никомеда, но мы не потерпим, чтобы против Никомеда была начата война: мы считаем, что не в интересах римлян, чтобы Никомед потерпел ущерб”. Когда они вынесли такое решение и Пелопид хотел подвергнуть критике неясность этого ответа, они выслали его из совета.

15. Тут Митридат, как уже явно обиженный римлянами, послал с большим отрядом своего сына Ариарата на царство в Каппадокию. И Ариарат быстро захватил эту власть, изгнав Ариобарзана. Пелопид, вновь придя к римским военачальникам, сказал следующее: “Вы уже слышали, о римляне, какие обиды потерпел от вас царь Митридат, когда вы недавно отняли у него Фригию и Каппадокию; с другой стороны, то, что Никомед на глазах у вас причинил ему столько вреда, вы оставили без внимания. Когда мы напоминали вам о нашей дружбе и союзе, вы ответили нам, как будто не мы жаловались, а жаловались на нас, – сказав, что вы считаете вредным для дела римлян, если Никомед потерпит ущерб, – как будто бы он был обиженным. Вы дадите ответ римскому сенату за то, что произошло в Каппадокии; ведь из-за вас, которые с таким презрением отнеслись к нам и прибегли к таким софизмам в своих ответах, поступил так Митридат. Он отправит с обвинением против вас своих послов в ваш сенат, он вызывает вас, чтобы вы перед сенатом оправдались в своих действиях и раньше не предпринимали ничего и не начинали столь большой войны без воли римского сената, приняв во внимание, что Митридат царствует в своей наследственной стране, которая простирается на двадцать тысяч стадий в длину, и, кроме того, сам приобрел много пограничных земель: и колхов – племя, помешанное на войне, а из эллинов тех, которые живут на бе-

регу Понта, и варваров, живущих севернее их. Другими, готовыми на все, что только он прикажет, являются для него скифы, тавры, бастрены, фракийцы, сарматы и все, кто живет по Танаису, Истру и вокруг Меотийского озера. Царь Армении Тигран – ему тесть, а парфянский царь Арсак – друг. Кораблей у него большое количество, часть готовых, часть еще строящихся, и снаряжение, во всех отношениях заслуживающее внимания.

16. Совершенно правильно и то, что сказали вам недавно вифинцы о царях Египта и Сирии; вполне естественно, что не только они, если возгорится эта война, соединятся с нами, но и недавно приобретенная вами Азия, Эллада, Ливия, и большая часть самой Италии, которая, не вынося вашей жадности и корыстолюбия, уже сейчас ведет с вами непримиримую войну. Не имея сил еще закончить ее, вы пытаетесь начать новую с Митридатом, поочередно натравливая на него Никомеда и Ариобарзана. Вы говорите, что вы друзья и союзники, и носите такую маску, а обращаетесь с ним, как с врагом. Что ж! Еще и теперь, если что-либо заставило вас изменить свое отношение к происшедшим событиям, или запретите Никомеду обижать ваших друзей (и если вы это сделаете, то я вам обещаю, что царь Митридат окажет вам помощь и содействие против италийцев), или разорвите эту притворную с ним дружбу, или пойдете в Рим на суд”.

41. Отсюда [из Пирея] Архелай отправился в Фессалию через Беотию и собрал в Фермопилах остатки всего своего войска, с которым он сюда пришел, так же как и того, которое было у Дромикета. Он объединил и то, которое вторглось в Македонию с Аркафием, сыном царя (Митридата), которое тогда было наиболее сильным и полным, и всех тех, которых Митридат все время посылал на подкрепление; ведь он их посылал непрерывно. Всех их он собирал со всякой поспешностью. В это время Сулла сжег Пирей, который доставил ему еще больше неприятностей, чем город (Афины), не пощадив ни арсенала, ни верфей, ни какое-либо другое из прославленных строений. А затем он двинулся против Архелая, тоже через Беотию. Когда они подошли близко друг к другу, то те, которые недавно были у Фермопил, отошли к Фокиде; то были фракийцы, жители Понта, скифы, каппадокийцы, вифинцы, галаты и фригийцы и жители других стран, которые недавно были завоеваны Митридатом, – всего 120 000 человек. На-

чальники у них были над каждой частью свои собственные, над всеми же главнокомандующим был Архелай. Сулла вел с собою италийцев, тех эллинов или македонян, которые недавно перешли к нему от Архелая, а также кое-кого из соседних городов; все вместе они не составляли даже третьей части неприятельского войска.

Так сказал Сулла; Архелай тотчас же стал выводить гарнизоны отовсюду, а относительно остальных условий запросил царя. Сулла же, пользуясь в этих условиях передышкой, прошел, грабя страну энетов, дарданов, синтов, племен, соседних с македонянами, которые постоянно нападали на Македонию; этим он и войско свое упражнял, и одновременно обогащал его.

56. Когда прибыли послы от Митридата, которые согласились на все остальные условия, но возражали только против Пафлагонии, заявив, что Митридат “получил бы гораздо больше для себя, если бы стал вести переговоры с другим вашим полководцем, Фимбрией”, Сулла, рассердившись на такое сопоставление, сказал, что и Фимбрия понесет еще наказание и сам он, перейдя в Азию, посмотрит, нужно ли еще заключать мир с Митридатом или вести войну. Сказав это, он быстро двинулся через Фракию против Кипсел, а Лукулл послал вперед в Абидос: Лукулл уже прибыл к нему; не раз подвергаясь опасности быть захваченным морскими разбойниками, он собрал кое-какой флот из Кипра, Финикии, Родоса и Памфилии, опустошил много мест на неприятельском побережье и во время плавания попытал счастья против кораблей Митридата. Сулла из Кипсел, а Митридат из Пергама вновь сошлись для переговоров; оба они спустились на равнину с небольшой свитой, на виду у обеих войск. Речь Митридата состояла из напоминаний о дружбе и союзе с римлянами как лично его, так и его предков и обвинений против римских послов, против уполномоченных сената и военачальников за те обиды, которые они нанесли ему, вернув Ариобарзана в Каппадокию, отняв у него Фригию и оставив без внимания нанесенные ему Никомедом оскорбления. “И все это, – сказал он, – они сделали из-за денег, беря их попеременно то у меня, то от них. То, в чем можно было бы упрекнуть большинство из вас, римляне, это – корыстолюбие. Война была вызвана вашими военачальниками, и все, что я совершил для самозащиты, мне при-

шлось делать скорее по необходимости, чем по своему желанию”.

57. Так окончил речь Митридат. В свою очередь Сулла ему ответил: “Ты вызывал меня сюда совсем под другим предлогом, говоря, что охотно примешь то, что тебе будет предложено; но я, конечно, не побоюсь кратко ответить тебе на твои жалобы. В Каппадокию я лично вернул Ариобарзана, будучи наместником в Киликии: таково было решение римлян; ты со своей стороны послушался нас, хотя ты мог возражать и либо переубедить нас или уже больше не возражать, раз это было признано правильным. Фригию тебе дал Маний за взятку; значит, это ваше общее правонарушение. К тому же ты и сам вполне соглашаешься, что получил ее не законным путем, а при помощи подкупа. А так как Маний был и по другим делам уличен у нас в денежных преступлениях, то сенат аннулировал все его постановления. На основании этого решения он признал, что и Фригия была тебе дана противозаконно; и он постановил, чтобы Фригия не платила податей сенату, и сделал ее самостоятельной. Мы не находим возможным владеть тем, что мы завоевали, а на каком основании ты будешь владеть этим? Никомед же жалуется, что ты подослал к нему и Александра, чтобы убить его, и так называемого Хреста (Честного) Сократа, чтобы отнять власть; и вот он, ограждая себя ото всего этого, вторгся в твою страну; если же ты в чем-либо потерпел обиду, тебе нужно было отправить послов в Рим и ожидать ответа. Если же ты хотел поскорее оградить себя от Никомеда, то почему прогнал ты и Ариобарзана, ничем тебя не обидевшего? Изгнав его, ты заставил по необходимости присутствующих римлян вернуть его, а мешая его возвращению, ты зажег эту войну. У тебя издавна было это предreshено, и, надеясь, что ты будешь господствовать над всей землей, если победишь римлян, ты придумывал эти поводы, чтобы прикрыть свой план. Доказательством этому служит и то, что еще не воюя ни с кем, ты заключил союз с фракийцами, скифами и савроматами, что ты отправлял посольства к соседним царям, строил корабли, созывал и кормчих и штурманов.

69. Митридат, не раз уже на опыте познакомившись с римлянами, считал, что война, начатая им безо всякого повода и так скоро, и на этот раз будет особенно непримиримой; он поэтому позаботился обо всех приготовлениях, так как считал, что теперь столкновение будет

решающим. Остаток лета и целую зиму он заготавливал лес, строил корабли и готовил оружие и собрал в разных местах побережья до 2 000 000 медимнов хлеба. В качестве союзников к нему присоединились, кроме прежних войск, халибы, армяне, скифы, тавры, ахейцы, гениохи, левкосуры и те, которые живут на землях так называемых амазонок около реки Фермодонта. Такие силы присоединились к прежним его войскам из Азии, а когда он перешел в Европу, то присоединились из савроматов так называемые царские, язиги, кораллы, а из фракийцев те племена, которые живут по Истру, по горам Родоне и Гему, а также еще бастарны, самое сильное из них племя. Такие силы получил тогда Митридат из Европы. И собралось у него всего боевых сил, пехоты около 140 000, а всадников до 16 000. Кроме того, следовала за ним большая толпа проводников, носильщиков и купцов.

78. Когда Митридат плыл в Понт, его застигла страшная буря; от нее он потерял людей до десяти тысяч и около шестидесяти кораблей; остальные были разбросаны, куда кого буря занесла. Сам царь, так как его царский корабль был разбит бурей, перешел, вопреки советам друзей, на легкое судно морских разбойников; они невредимо доставили его в Синоп, а оттуда он отправился в Амис на буксире и отправил послов к своему зятю, Тиграну, царю Армении, и к своему сыну, Махару, правившему в Восторе, побуждая и того и другого оказать ему помощь. А к соседним с ним скифам он велел Диоклу отнести золото и много даров. Диокл же с этими дарами и со всем золотом перебежал к Лукуллу. Лукулл, ввиду своей победы, смело двигаясь вперед и подчиняя себе все, что попадалось ему на пути, грабил эту страну. Так как эта область была вообще богатой и долгое время не испытывала войны, то тотчас рабы здесь стали продаваться по 4 драхмы, бык по одной, пропорциональна была стоимость коз, овец, одежды и всего остального. Лукулл окружил и осадил Амис и Евпаторию, которую Митридат построил около Амиса и назвал по своему имени Евпаторией и считал своей резиденцией, а другим войском – Фемискиру, которая получила свое имя от одной из амазонок и находится на реке Фермодонте. Осаждавшие жителей Фемискиры выстроили против них башни, насыпали большие насыпи и вырыли подземные ходы столь большие, что в них под землей большими отрядами вступали друг с другом в рукопашный бой. Жители же Фемискиры

скиры, сделав сверху в эти ходы отверстия, пускали туда против работающих медведей и других диких животных, а также рои пчел. Те же, которые осаждали Амис, претерпевали другие трудности, так как жители Амиса сильно отбивались от них, часто выбегали из-за стен и вызывали на единоборство. Митридат посылал им большое количество продовольствия, оружия и войска из области кабиров, где он сам зимовал и собирал другое войско. И к нему собиралось до 40 000 пеших и 4000 конницы.

79. С наступлением весны Лукулл через горы двинулся против Митридата. У Митридата были выставлены передовые отряды, чтобы задерживать Лукулла и, тотчас же зажегши огонь, дать ему знать, если что-нибудь случится. Начальником этого сторожевого отряда был у Митридата человек из царского рода, по имени Феникс. Когда Лукулл стал приближаться, он, правда, дал знать Митридату огненным сигналом, но сам со своими силами перешел к Лукуллу. Лукулл, безбоязненно уже пройдя через горы, спустился к Кабире. Когда у него там произошла конная битва с Митридатом, он был побежден и ушел обратно в горы. Начальник же его конницы, Помпоний, был ранен и доставлен к Митридату. На вопрос царя: “Чем бы ты мог отблагодарить меня, если я не лишу тебя жизни?”, – он ответил: “Если бы ты был другом Лукулла, то очень многим; если бы ты остался Лукуллу врагом, то я не буду даже советовать”. Так ответил Помпоний; когда варвары требовали убить его, царь ответил, что он не проявит насилия против доблести, попавшей в тяжелое положение. Не раз он выводил войско, но, так как Лукулл не спускался для боя, он, перейдя перевал, пытался напасть на него. В это время некий начальник, скиф родом, по имени Олкаба, давно уже перебежавший к Лукуллу, спасший во время этой конной битвы многих и за это награжденный Лукуллом допущением к столу полководца, правом высказывать суждения и участвовать в тайных совещаниях, подошел к палатке Лукулла, когда тот в полдень отдыхал, и потребовал, чтобы его впустили. На поясе у него, как всегда, был надет обычный короткий кинжал. Так как его не допустили, он вознегодовал и сказал, что крайне важное дело заставляет его разбудить полководца; но слуги Лукулла ответили, что для Лукулла самое важное сейчас быть здоровым; тогда он тотчас же вскочил на коня и укакал к Митридату – потому ли, что он поку-

шался на Лукулла и ему показалось, что его подозревают, или под влиянием гнева, считая, что с ним поступили дерзко. Митридату он сообщил о другом скифе, по имени Собадак, что тот собирается перебежать к Лукуллу. Собадак был захвачен.

80. Лукулл же, избегая спускаться в равнину, пока враги превосходили его силой конницы, и не видя другого обхода, нашел в пещере охотника, знающего горные тропы, и, пользуясь им как проводником, по непроходимым дорогам прошел над головою Митридата и спустился вниз, избегая и здесь равнины из-за конницы, и стал лагерем, имея перед собою в качестве защиты овраг, по которому протекал ручей. Чувствуя недостаток в продовольствии, он послал за хлебом в Каппадокию, а с врагами вел все время перестрелку; но, когда несколько из царских отрядов бежало, Митридат, двинувшись из своего укрепленного лагеря, укорами заставил своих солдат повернуть назад и навел на римлян такой страх, что они бежали вверх, в горы, не замечая, что враги остались далеко позади, но каждый думал, что бегущий вместе с ним или следующий за ним позади является врагом: так сильно были они перепуганы. А Митридат разослал повсюду письменные извещения об этой победе. Большую часть своей конницы, при этом наиболее боеспособную, он велел поместить в засаде против тех, которые доставляли продовольствие Лукуллу из Каппадокии, надеясь, что, оказавшись без провианта, Лукулл испытывает то же, что он сам испытывал под Кизиком.

88. И вот Тигран удалился во внутренние части Армении, а Митридат устремился в Понт, где были еще остатки его царства, имея 4000 собственных воинов и взявши столько же других у Тиграна. Следом за ним двинулся и Лукулл; ему тоже пришлось уйти вследствие недостатка продовольствия. Предупредив его, Митридат напал на Фабия, оставленного здесь Лукуллом главнокомандующим, и, обратив его в бегство, убил 500 человек. Фабий освободил всех рабов, которые были у него в лагере, и в течение целого дня опять сражался с Митридатом; сражение шло с переменным успехом, пока не пришлось поспешно вынести из боя Митридата, пораженного камнем в колено и стрелой под глазом. После этого много дней сохраняли спокойствие: одни – вследствие страха за здоровье царя, другие – вследствие большого количества раненых. Ухаживали за Митридатом агары, скифское

племя, пользующиеся змеиным ядом для лечения и поэтому всегда бывшие при царе; к Фабию же прибыл Триарий, другой военачальник Лукулла, со своим войском и принял от Фабия и власть и звание. Немного времени спустя, когда Триарий и Митридат собирались вступить друг с другом в сражение, поднялся такой ураган, которого не помнят, сорвал у того и у другого палатки, подхватил багаж и вьючный скот и из людей некоторых сбросил в пропасть. Тогда оба они разошлись.

101. Митридат, оттесненный только со своей личной охраной к круче и бежавший, оказался с несколькими наемными всадниками и с тремя тысячами пехоты, которые тотчас последовали за ним в укрепление Синорегу, где у него было спрятано много денег. Он дал подарки и плату за год тем, которые бежали вместе с ним. С 6000 талантов он устремился к истокам Евфрата, чтобы там перейти в область колхов. Быстро двигаясь и день и ночь, он уже на четвертый день перешел Евфрат, в течение трех следующих он стоял на месте и вооружал тех, кто был с ним или к нему подходил. Затем он вторгся в Хотенейскую Армению; там он прогнал хотенейцев и иберов, хотевших помешать ему стрелами и пращами, и перешел реку Апсар. Иберов, живущих в Азии, одни считают предками, другие – колонистами европейских иберов, третьи же – только одноименным с ними племенем: у них ничего нет общего ни по нравам, ни по языку. Митридат перезимовал в Диоскурах – этот город колхи считают доказательством того, что Диоскуры плыли вместе с аргонавтами. Там Митридат задумал не малое дело, и не такое, на которое мог бы решиться человек, находящийся в бегстве: он задумал обойти кругом весь Понт и скифов припонтийских и, перейдя Меотийское болото, напасть на Боспор и, отобрав страну, где властвовал сын его, Махар, оказавшийся по отношению к нему неблагодарным, вновь оказаться перед римлянами и воевать с ними уже из Европы, тогда как они будут в Азии, поставив между собою и ими тот путь, который, как считают, был назван Боспором (“путем быка”), потому что его переплыла Ио, когда она, обращенная ревностью Геры в корову, должна была бежать.

102. Как ни фантастичен был план, за который ухватился Митридат, однако он стал прилагать старания его выполнить. Он прошел через земли скифских племен, воинственных и враждебных, частью договариваясь

с ними, частью принуждая их силою: так, даже будучи беглецом и в несчастии, он вызывал к себе почтение и страх. Он прошел мимо гениохов, (дружески) принявших его; ахейцев же обратил в бегство и преследовал. Говорят, что когда ахейцы возвращались из-под Трои, они бурей были занесены в Понт и много страдали от варваров, как эллины; они послали на родину за кораблями, но так как на них не обратили никакого внимания, они рассердились на все эллинское племя, и всех эллинов, которых брали в плен, они стали убивать по обычаю скифов, – сначала, в гневе, всех, с течением же времени только самых красивых из них, а потом тех, на кого падет жребий. Вот что рассказывают о скифских ахейцах. Когда Митридат вступил в область Меотиды, над которой много правителей, то все они приняли его (дружески), ввиду славы его деяний и его царской власти, да и военная сила его, бывшая еще при нем, была значительна; они пропустили его и обменялись взаимно многими подарками; Митридат заключил с ними союз, задумав другие, еще более удивительные планы: идти через Фракию в Македонию, через Македонию в Пэонию, и затем вторгнуться в Италию, перейдя Альпийские горы. Для укрепления этого союза он отдал замуж за наиболее могущественных из них своих дочерей. Когда его сын Махар узнал, что он совершил столь огромный путь в столь короткое время и прошел через столько диких племен и через так называемые “скифские запоры”, до тех пор для всех непроходимые, он отправил к нему послов, чтобы оправдаться перед ним, якобы он по необходимости служит римлянам; но, узнав, что Митридат находится в крайнем гневе, он бежал на мыс (Херсонес), находящийся в Понте, сжегши корабли, чтобы отец не мог его преследовать. А когда Митридат послал против него другие корабли, он, предупредив его, лишил себя жизни. Всех его друзей, которых он сам дал ему, когда тот уходил управлять этой страной, Митридат казнил; тех же из приближенных своего сына, которые служили ему как личному другу, он отпустил невредимыми.

108. Когда прекратилась его болезнь [нарывы на лице] и у него уже собралось войско – 60 отборных отрядов по 600 человек в каждом и много прочего войска, равно и корабли и укрепленные места, которые его предводители взяли за время его болезни, он направил часть своего войска против фанагорийцев в другой торговый пункт около устья с тем, что-

бы и с той и с другой стороны держать вход в своих руках. Помпей в это время был еще в Сирии. Тут один из фанагорийцев, Кастор, подвергнутый некогда телесному наказанию царским евнухом Трифоном, напал на Трифона, когда он входил в город, убил его и стал призывать народ вернуть себе свободу. Хотя их крепость была уже занята Артаферном и другими сыновьями Митридата, они обложили вершину горы деревом и подожгли его. Артаферн, Дарий, Ксеркс, Оксатр, сыновья Митридата, и Эвпатра, его дочь, испугавшись пожара, сдались в плен и позволили увести себя. Из них только Артаксерксу было лет 40, остальные же были красивыми юношами. Но дочь Митридата, Клеопатра, оказывала сопротивление. Отец, восхищенный смелостью ее духа, послав много бирем, вырвал ее из рук врагов. И те укрепления поблизости, которые были недавно захвачены Митридатом, под влиянием такого смелого поступка фанагорийцев отложились от Митридата, а именно: Херсонес, Феодосия, Нимфей и все другие по берегу Понта, очень удобные в военном отношении. Митридат, видя частые отпадения и относясь подозрительно к войску, считая его ненадежным из-за трудностей похода и тяжести податей, равно и вследствие недоверия войска к полководцам, терпящим неудачи, послал при посредстве своих евнухов своих дочерей к скифским правителям в жены, прося возможно скорее прибыть к нему с войском. Он послал 500 человек из своего войска, чтобы проводить их. Они же едва отъехали от ставки Митридата, убили везших девушек евнухов из-за всегдашней вражды к евнухам, имевшим силу у Митридата, а девушек отвезли к Помпею.

109. Потеряв столько детей и укрепленных мест и лишенный почти всего царства, уже являясь совершенно небоеспособным, и не рассчитывая добиться союза со скифами, Митридат тем не менее даже тогда носился с планом не ничтожным или соответствующим его несчастьям: он задумал, пройдя через область кельтов, с которыми он для этой цели давно уже заключил и поддерживал союз и дружбу, вместе с ними вторгнуться в Италию, надеясь, что многие в самой Италии присоединятся к нему из-за ненависти к римлянам; он знал, что так поступил и Ганнибал, воюя в Испании, и вследствие этого был особенно страшен римлянам; он знал, что и недавно почти вся Италия отпала от римлян вследствие ненависти к ним и была в долгой и ожесточенной вой-

не с ними и вступила в союз против них со Спартаксом – гладиатором, человеком, не имевшим никакого значения. Принимая все это в соображение, он намеревался двинуться в область кельтов. Но хотя этот план, может быть, оказался бы для него блестящим, но его войско колебалось вследствие, главным образом, самой грандиозности этого предприятия; не хотелось им также отправиться в столь длительное военное предприятие, в чужую землю и против людей, которых они не могли победить даже на своей земле. О самом Митридате они думали, что, отчаявшись во всем, он предпочитает умереть, совершив что-либо значительное, как прилично царю, чем окончить свои дни в бездействии. Но пока они оставались при нем и сохраняли спокойствие: ведь даже в несчастиях царь являл себя не как человек ничтожный и презренный.

110. Таково было положение всех дел. Фарнак, которого Митридат из всех своих детей ценил выше всех и часто заявлял, что он будет преемником его власти, составил заговор против отца, то ли испугавшись этого похода и возможности потери всей власти – он считал, что еще теперь можно получить прощение от римлян; если же отец пойдет походом на Италию, то власть будет потеряна везде и совершенно, – или же потому, что у него были другие мотивы и соображения. Когда его соучастники были схвачены и подвергнуты пытке, Менофан убедил Митридата, что не следует, собираясь уже в поход, казнить еще так недавно столь ценимого им сына; он сказал, что подобные перемены – результат войны, с прекращением которой и все остальное придет в порядок. Убежденный им, Митридат согласился на прощение сына. Но Фарнак, испугавшись какого-либо нового проявления гнева отца и зная, что войско боится этого похода, ночью пришел прежде всего к римским перебежчикам, стоявшим лагерем ближе всего к Митридату, и, преувеличив ту опасность для них, которая им грозит, если они пойдут на Италию, о которой они и сами хорошо знали, и дав им много обещаний, если они останутся с ним, довел их до решения отпасть от отца. Склонив их на свою сторону, Фарнак той же ночью разослал (своих сторонников) по другим, близко находящимся лагерным стоянкам. Когда он договорился и с этими, то с наступлением утра сначала перебежчики подняли военный клич, а за ними подхватили этот крик те, которые стояли близко. И флот ответил им такими же возгласами. Может

быть, и не все знали, в чем дело, но они все были склонны к переменам, не обращая внимания на <возможное?> несчастье, но рассчитывая всегда на выгоду от переворота. Другие же, не зная о заговоре и полагая, что все уже изменили и что они остаются в одиночестве и вызовут к себе презрение со стороны большинства, стали кричать вместе с другими скорее из страха и необходимости, чем по доброй воле. Митридат, проснувшись от их крика, послал спросить, чего они хотят. Они, не скрываясь, заявили: “Хотим, чтобы царем был его сын, молодой вместо старого, отдавшегося на волю евнухам, убившего уже многих своих сыновей, предводителей и друзей”.

111. Узнав об этом, Митридат вышел, чтобы переговорить с ними. Большое число из его личной гвардии перешло к (римским) перебежчикам. Они же отказались их принять, прежде чем они в доказательство своей верности не сделают что-либо непоправимое в знак верности, намекая тем на личность Митридата. И вот они успели убить коня Митридата, когда он бросился бежать, и, считая себя уже победителями, объявили Фарнака царем; кто-то вынес из храма плоский стебель, и Фарнака увенчали им вместо диадемы. Видя все это с высокого открытого места, Митридат стал посылать к Фарнаку одного за другим вестников, требуя для себя права свободного и безопасного выхода. Так как никто из посланных не возвращался, то он побоялся, как бы его не выдали римлянам, и, воздав похвалу своей личной охране и друзьям, которые еще оставались при нем, он отпустил их к новому царю; некоторых из них войско по недоразумению убило. Сам Митридат, открыв тот яд, который он всегда носил с собою в мече, стал его смешивать. Тогда две его дочери, еще девушки, которые жили при нем, Митридатис и Нисса, сосватанные одна за египетского царя, другая за царя Кипра, заявили, что они раньше выпьют яд; они настойчиво этого требовали и мешали ему пить, пока не получили и не выпили сами. Яд тотчас же подействовал на них, на Митридата же, хотя он нарочно усиленно ходил взад и вперед, яд не действовал вследствие привычки и постоянного употребления противоядий, которыми он всегда пользовался как защитой от отравлений; они и сейчас называются “Митридатовым средством”. Увидав некоего Битита, начальника галлов, Митридат сказал: “Большую поддержку и помощь твоя рука оказывала мне в делах войны, но самая большая мне будет помощь, если ты теперь

прикончишь мою жизнь; ведь мне грозит быть проведенным в торжественном шествии триумфа, мне, бывшему столь долгое время самодержавным царем этой страны, я не могу умереть от яда вследствие глупых моих предохранительных мер при помощи других ядов. Самого же страшного и столь обычного в жизни царей яда – неверности войска, детей и друзей – я не предвидел, я, который предвидел все яды при принятии пищи и от них сумел уберечься”. Битит почувствовал жалость к царю, нуждавшемуся в такой помощи, и выполнил его просьбу.

112. Так умер Митридат, в шестнадцатом колене потомок персидского царя Дария Гистаспа, в восьмом – того самого Митридата, который отпал от македонян и захватил власть над понтийским царством. Он прожил 68 или 69 лет, из них 57 лет он был царем. Власть перешла к нему, когда он был сиротой. Он подчинил себе соседние варварские народы, и из скифов ему повиновались многие; с римлянами он упорно вел 40 лет войну, в течение которой он часто овладевал Вифинией и Каппадокией; он сделал вторжение в Азию, Фригию, Пафлагонию, Галатию и в Македонию; напав на Элладу, он совершил много великих деяний; над морем он властвовал от Киликии до Ионийского моря, пока, наконец, Сулла не запер его опять в его родовом царстве, после того как Митридат потерял войско в 160 000 человек. Испытав даже столь жестокое поражение, он без большого труда вновь был готов к войне. Он вступал в сражения с лучшими из предводителей; хотя он потерпел поражение от Суллы, Лукулла и Помпея, но часто он и над ними имел большие преимущества и победы. Люция Кассия, Квинта Оппия и Мания Аквилія он взял в плен, возил с собою по всем городам, пока, наконец, первого он не казнил, так как он был виновником войны, а двух последних вернул Сулле. Он одержал победы над Фимбрией, Муреной, консулом Коттой, Фабием и Триарием. Духом он, даже в несчастиях, был велик и не поддавался отчаянию. Он не оставлял ни одного пути, чтобы не попытаться напасть на римлян, даже будучи побежденным. Он вступал в соглашения с самнитами и кельтами, отправлял посольства и к Серторию в Иберию. Раненный часто врагами или по злому умыслу кем-либо другим, он даже в этом случае не прекращал (предприятия), хотя и был уже стариком. Действительно, ни один из заговоров от него не скрылся, даже последний, но, по собственной воле

оставив его без внимания, он погиб от него: так низкая душа, получив прощение, оказывается неблагодарной. Он был склонен к убийству и свиреп по отношению ко всем; он убил свою мать и брата и из своих детей трех сыновей и трех дочерей. Телом он был крупен, насколько можно судить по оружию, которое он послал в Немею и в Дельфы; крепок настолько, что до самого конца ездил верхом, мог кидать копья и проезжать в день тысячу стадий, меняя на известных расстояниях лошадей. Он правил колесницей, запряженной сразу 16 лошадьми. Он любил эллинскую культуру, поэтому он знал и выполнял эллинские религиозные обряды; любил и музыку. Будучи столь благоразумен и вынослив, он имея только одну слабость – в наслаждениях с женщинами.

113. Так умер Митридат, получивший прозвище Евпатора и Диониса. Римляне, узнав об этом, торжественно отпраздновали это событие, считая, что избавились от очень тяжелого врага. Фарнак же послал на триреме труп своего отца Помпею в Синопу, а также тех, кто взял в плен Мания, и многих заложников, сколько у него было от эллинских и варварских городов, прося, чтобы Помпей предоставил ему одному либо наследственное царство, или царство Боспорское, которое и его брат Махар получил от отца их Митридата. Помпей устроил пышные похороны телу Митридата и его слугам поручил похоронить его в царской усыпальнице и положить в Синопе в царской гробнице, восхищаясь его великими подвигами, считая его лучшим из царей своего времени. Фарнака, избавившего Италию от больших затруднений, он сделал другом и союзником римлян и дал ему Боспорское царство, кроме области Фанагорийской: фанагорийцев он сделал свободными и автономными, так как первыми именно они, когда Митридат стал крепнуть и заготавливал себе корабли и другое войско и держал в своих руках укрепленные пункты, решились восстать против него и тем подали пример другим отпасть от него и оказались, таким образом, виновниками гибели Митридата.

114. Сам Помпей, одной этой войной уничтожив могущество морских разбойников и великого царя и счастливо проведя сражения, – если не считать Понтийской войны, – с колхами, албанцами, иберийцами, армянами, мидийцами, арабами, иудеями и другими восточными народами, раздвинул власть римлян до Египта. В самый же Египет он не пошел,

хотя там происходило восстание против царя и царь Египта призывал его, посылая ему подарки, деньги и одеяние для всего войска. Не пошел он, или боясь силы еще процветающего царства, или остерегаясь зависти врагов, или предостерегающего указания прорицания, или по другим основаниям, которые я изложу, рассказывая о египетских делах. Из завоеванных народов он одних оставил автономными за оказанную военную помощь, других он подчинил римлянам, а третьих передал под власть царей, отдав Тиграну Армению, Фарнаку Боспор, Ариобарзану Каппадокию и все другие области, о которых я сказал раньше. Антиоху из Коммагены он отдал Селевкию и все другие области Месопотамии, которые он захватил во время набега. Он назначил и тетрархов над галло-греками, – это нынешние галаты, соседи Каппадокии, – Дейотара и других, над Пафлагонией Аттала, а над колхами Аристарха. В Команы он назначил великим жрецом богини Архелая, так как эта власть равна царской, а фанагорийца Кастора назвал другом римского народа. И другим он дал много земель и денег.

115. Он основал города: в Ближней Армонии – Никополь, в память одержанной победы в Понте – Евпаторию, которую основал сам Митридат Евпатор и по своему имени назвал Евпаторий; когда она перешла на сторону римлян, он ее опустошил и разрушил. Помпей же ее восстановил и назвал Магнополем. В Каппадокии он восстановил город Мазак, вконец разрушенный войною. Много других городов, разрушенных или поврежденных войною, он отстроил и в Понте, и в Палестине, и в Келесирии, и в Киликии, где он, главным образом, и поместил морских разбойников, и город, который издревле назывался Солами, ныне стал Помпейюполь. В Талаврах, городе, где Митридат имел свою сокровищницу для утвари, было найдено две тысячи кубков из так называемого оникса, украшенных золотом, много чаш и больших сосудов и рогов для питья, украшенных лож и кресел, конской сбруи, нагрудников и седел, – все они были украшены драгоценными камнями и золотом. Их прием из-за большого количества затянулся на тридцать дней. Некоторые из вещей были времени Дария Гистаспа, другие из царства Птолемея – те, которые Клеопатра оставила кеосцам, а кеосцы отдали Митридату. Некоторые же заказал сам Митридат и собрал их сюда, так как он был любителем красоты и в утвари.

116. В конце зимы Помпей роздал награды войску, на каждого воина по 1500 аттических драхм и соответственно больше их начальникам; говорят, что всего было (роздано) 16 000 талантов. Сам он, спустившись к Эфесу, поплыл в Италию и поспешил в Рим, отпустив в Брундизии все войско по домам. Этим в высшей степени демократическим поступком он поразил римлян. Когда он приближался к Риму, жители постепенно выходили навстречу ему, дальше всех молодежь, а за ней люди разного возраста, кто насколько мог, а сверх всех и сенат, удивляясь его подвигам: ведь никто еще никогда не побеждал столь могущественного врага, не захватывал столько и столь великих народов и не доводил власть римлян до пределов Евфрата. С блеском и славой, как никто до него, имея от роду всего 35 лет, он в течение двух дней совершил триумф над многими народами из Понта и Армении, Каппадокии и Киликии, из всей Сирии; тут были и албанцы, и гениохи, и скифские ахейцы, и восточные иберийцы. Он привел в гавани 700 целых кораблей, а в торжественном шествии триумфа двигались колесницы, и носилки, украшенные золотом, и другие вещи, пестро разукрашенные, и ложе Дария Гистаспа, и трон самого Митридата Евпатора. Он велел нести и его скипетр и изображение в 8 локтей величиной, сделанное из литого золота, и серебра в чеканной монете 75.100 000 драхм; двигалось бесконечное число повозок с оружием и носами кораблей и огромное количество пленных и морских разбойников; никто из них не был закован и все шли в их национальных одеждах.

117. Впереди колесницы самого Помпея шли те, которые были сановниками, детьми или военачальниками побежденных царей; одни из них были пленниками, другие даны в качестве заложников – всего 324. Тут был и Тигран, сын Тиграна, и пять сыновей Митридата: Артаферн, Кир, Оксатр, Дарий и Ксеркс, и его дочери Орсабарис и Эвпатра. Шел и властитель колхов Олфак, и иудейский царь Аристобул, и правители киликийцев, и царственные женщины скифов, три предводителя иберов и два – албанцев, а также Менандр из Лаодикеи, бывший у Митридата начальником конницы. Тех же, которых тут не было, несли в изображениях, представлявших Тиграна и Митридата, как они сражались, были побеждены и бежали. Было изображено, как был осажден Митридат и как он в тиши ночной бежал. А в конце было показа-

но, как он умер, и были нарисованы его дочери-девушки, которые предпочли умереть вместе с ним; были нарисованы и его сыновья и дочери, умершие раньше его; тут же были изображения варварских богов в их местных одеяниях. Несли также и плакат, на котором было написано: “Кораблей с медными боевыми носами взято в плен 800; городов основано в Каппадокии 8, в Киликии и Келесирии 20, в Палестине – ныне называемая Селевкида. Побеждены цари: Тигран армянский, Арток иберийский, Ороз албанский, Дарий мидийский, Арега – набатей, Антиох из Коммагены”. Вот что гласила эта надпись. Сам же Помпей ехал на колеснице, украшенной драгоценными камнями, в одеянии, как говорят, Александра Македонского, если только это правда; кажется, он нашел его в сокровищах Митридата: кеосцы получили его от Клеопатры. За его колесницей следовали воевавшие вместе с ним его полководцы – одни верхом на конях, другие пешком. Поднявшись на Капитолий, он не казнил никого из пленных, подобно другим, справлявшим триумфы, но на государственный счет отослал их на родину, кроме лиц царского рода. Да и из них один только Аристобул был немедленно убит, а впоследствии Тигран. Таков был его триумф.

118. Так римляне подчинили себе Вифинию и Каппадокию и все соседние с ними племена, живущие до Евксинского Понта, воюя с царем Митридатом приблизительно в течение 42 лет. Во время этой же войны они в стремительности победы захватили и те места Киликии и Сирии, которые им никогда не принадлежали: Финикию и Келесирию, Палестину и центральные земли до Евфрата, никогда не принадлежавшие Митридату; на них наложили дань – на одних немедленно, на других немного позже. Пафлагонию, Галатию, Фригию и соседнюю с Фригией Мисию и, сверх этого, еще Лидию, Карию, Ионию и все другие места Азии, которые прилегают к Пергаму, древнюю Элладу и Македонию они отняли от Митридата и вновь забрали себе; на большинство из этих стран, которые раньше им не платили податей, они наложили дань. Главным образом из-за этого, как мне кажется, они считали эту войну великою, победу в этой войне называют великою, и Помпея, который командовал в этой войне, они и до сих пор на своем языке зовут “Великим”, вследствие большого количества племен, которые он победил и присоединил, и вследствие длительности войны (она тянулась 40 лет), смелости и выносливости са-

мого Митридата, который, как убедились они, во всем способен был с ними померяться.

119. Часто у него было собственных кораблей больше 400, всадников иногда до 50 000 и пешего войска – 250 000, всяких военных машин и метательных орудий – соответственно этому; в союзе с ним были цари и правители Армении и скифов, живущих у Понта, у Меотийского болота и от него по берегам в направлении к Фракийскому Боспору. Он имел сношения и с сильными людьми из римлян, тогда особенно восстававших друг на друга и поднявших восстание против римлян в Иберии; он заключил союз дружбы с кельтами (галлами), собираясь даже этим путем напасть на Италию; он наполнил все море от Киликии до Геркулесовых столбов морскими разбойниками, которые сделали все пути между городами недоступными для сношений и непроезжими и вызвали повсеместно тяжелый голод. Вообще ничего доступного человеческим силам он не пропустил, чтобы своими действиями или планами, так сказать, “не навязать” им это великое движение, которое поднялось тогда с востока до запада, и заставить их воевать с ним вместе или против него, подвергаться нападениям пиратов или страдать от соседства с ним. Настолько одна эта война была велика и разнообразна. Ее окончание принесло римлянам величайшую выгоду: благодаря ей они раздвинули пределы своего владычества от крайнего запада до реки Евфрата. Нет возможности расчленить весь этот рассказ по отдельным племенам, так как действия происходили все вместе и переплетались друг с другом. То, что даже при таких условиях можно было выделить, распределено по существующим частям работы.

120. Фарнак же стал осаждать Фанагорию и соседние с ней города по Боспору, пока, наконец, фанагорийцы, побуждаемые голодом, не вступили с ним в сражение и не были побеждены в битве. Фарнак не причинил им никакого вреда, но, заключив с ними союз дружбы и взяв заложников, удалился. Немного спустя он взял Синопу; задумывая захватить Амис, он вступил в войну с римским военачальником Кальвином, в то время как Помпей и Цезарь пошли войной друг против друга, пока, наконец, Асандр, его личный враг, не изгнал его из Азии, так как римляне

были заняты в других местах. Он вступил в сражение и с самим Цезарем, – когда тот, победив Помпея, возвращался из Египта, – около горы Скотия, где его отец победил римлян, бывших под начальством Триария. Победенный, он бежал с 1000 всадников в Синопу; Цезарь, не имея времени, не преследовал его, но послал против него Домиция. С ним Фарнак заключил мир, передал ему Синопу и был отпущен со своими всадниками. Он велел убить коней к большому неудовольствию всадников и, взойдя на корабли, бежал в Понт; собрав каких-то скифов и савроматов, он захватил Феодосию и Пантикапей. Когда же Асандр по вражде к нему вновь напал на него, то всадники Фарнака, не имея лошадей и не умея сражаться пешим строем, были побеждены, а сам Фарнак, геройски сражаясь один, был убит, покрытый ранами, 50 лет от роду и процарствовав над Боспором 15 лет.

121. Так и Фарнак потерял свою власть, и его царство Гай Цезарь дал Митридату Пергамскому, который с большим рвением помогал ему в Египте; теперь эти обе страны стали дружественными, и каждый год сенат назначает в Понт и Вифинию правителя; что касается владений, которые Помпей отдал другим, то Гай Цезарь, хотя и упрекал их владельцев за то, что они сражались против него в союзе с Помпеем, все-таки сохранил за ними, кроме жреческой должности в Команах, которую он взял от Архелая и передал Ликомеду. Но немного спустя все эти земли, как и те, которые были даны во владение Каем Цезарем или Марком Антонием другим лицам, были обращены в римские провинции с того времени, как божественный Август захватил Египет; для этого требовался лишь незначительный предлог. Так как в результате Митридатовой войны римская власть и распространилась на берега Евксинского Понта и до песков пустынь перед Египтом, от Иберии у Геркулесовых столбов до Евфрата, то и эта победа справедливо названа великой, и начальствовавший в ней Помпей получил прозвание “Великого”. Так как они владели и Ливией, простиравшейся до Кирены (самую же Кирену царь Апион, побочный сын рода Лагидов, оставил им по завещанию), то в кругу земель по Средиземному морю им осталось завладеть только Египтом.

Источник: Аппиан. Римская история / Пер. С. П. Кондратьева. Комментарии С. П. Кондратьева, Е. М. Штаерман, Т. Д. Златковской // Вестник древней истории, 1946, № 2-4; Аппиан. Римские войны. – СПб.: Алетей, 1994.

Дополнительные ссылки В. В. Латышева на «Римскую историю» Аппиана

Кроме того, что мы выписали, у Аристида⁴ 562; II: 12, 45, 227); *объезд Кавказа и Каспийские ворота* (I: 393); *Танаис и Меотийское озеро* (I: 395); *скифы* (II: 306, 383; III: 404); *скиф Анахарсис* (II: 432); *Каспийское море* (III: 145).

и в схолиях упоминаются: *гиперборей* (I: 82); *Фасис и Гирканское море* (I: 208); *Фасис* (I: 83, 356, 385); *местность между Гадирами и Фасисом*; *Истр или Фасис* (II: 485); *саки* (I: 334); *Евксинский Понт* (I: 384); *Понт* (I:

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1.

Примечания

¹ Под *мисийцами* Аппиан понимает жителей римских провинций Верхней и Нижней Мисии на нижнем Дунае (Птолемей. География III: 9, 60).

² Аппиан имеет в виду не только Средиземное море, но также и Западный и Северный океаны (в понимании эллинистической географии – с присоединением современного Бискайского залива к Северному океану), на берегах которых, как им было показано выше, лежат границы Римской империи.

³ Об этническом тождестве *даков* и *гетов*: Страбон (VIII: 3, 13).

⁴ *Алий Аристид* (117 – ок. 185), греческий ритор. Родился в мисийском городе Адрианах, много путешествовал, жил преимущественно в Смирне (совр. Измир, Турция). В дошедших до нас речах, изданных вместе со схолиями в 3 томах, часто и

преимущественно в фигуральном смысле Аристидом используются образные выражения скифского происхождения, например: “Некоторые цари переселялись с места на место и разнились от скифов-кочевников лишь тем, что ездили не в кибитках, а на колесницах” («Хвалебная речь Риму»); “Филипп взял тридцать два города и устроил фракийским эллинам Скифскую пустыню” («Первая союзническая речь»); “Персы в походе на скифов, как казалось, потерпели неудачу, потому, что не могли найти их”; “Не говорю о скифах, как они победили бегством персов!” («За четырех мужей»); “Автор нашел у скифов неожиданный пример того, что и убегающие побеждают, т. е. что бегство является способом победы. О скифах говорится, что они бегством побеждали неприятелей” (схолий к этому месту) и т. п. – А. Г.

Лукиан Самосатский

Λουκιανὸς Σαμοσατεύς – Lucianus Samosatensis

Лукиан (120/125 – ок. 190), греческий ритор, софист и сатирик. Родился в бедной сирийской семье в Самосатах, главном городе области Коммагена в Сирии, на берегу Евфрата. Родители отдали сына на обучение к скульптору, но мальчик от него бежал, чтобы стать ритором. Изучив греческий язык, Лукиан сделался судебным оратором в Антиохии, административном центре Сирии, и примкнул к эпидиктическому или софистическому направлению, которое возглавлял софист Полемон в Смирне. Как странствующий ритор Лукиан исходил Малую Азию, Грецию, Македонию, Италию и Галлию, произнося речи в торжественных случаях, чаще всего в Олимпии. К этому периоду изсохранившихся его произведений относятся софистические декламации о тираноубийцах, о Фаларисе, о лишенном наследства, «Похвала мухе», «Спор букв» и др. Занявшись философией, Лукиан увлекся платоником Нигрином, а поселившись в Афинах, стал проводить свои новые воззрения в шутливых сатирических диалогах. Диалоги издавна служили целям философии, особенно у академической школы; но величественную их серьезность и хитрую диалектику Лукиан оживил остроумием ко-

медии. Первоначально он предназначал диалоги для устного произнесения и лишь позже стал их издавать для более широких кругов читателей. Блестящим периодом его сатирической деятельности было время Марка Аврелия и Коммода, особенно 162–165 гг. Достигнув старости, он снова сделался рецитатором, оповестив об этой перемене в “прологе” о Геракле. В это время написаны им речи о Дионисе, Зевксисе, Геродоте, «Похвала отечеству», «О печали» и др. Связи с высокопоставленными лицами доставили Лукиану выгодную должность в Египте, где он и умер. По позднейшему преданию, он был растерзан собаками, но собаки, вероятно, должны быть поняты не в прямом смысле: это скорее докучавшие ему киники (гр. κύων, κύων ‘собака’ и ‘киник, философ кинической школы’). Сочинений с его именем сохранилось 82, в том числе более 10 подложных, которым недостает неподражаемого остроумия и легкого стиля Лукиана. “Скифские” сюжеты для Лукиана – дополнительный источник ярких этических идей и образов, нарочито абстрагируемых от исторической действительности. Сугубо “скифские” диалоги «Скиф, или Гость» и «Токсарис» изобилуют именами и этнографи-

ческими деталями, которых и вовсе нет в античной традиции. Этого рода “сведения” – произвольный вымысел Лукиана в ходе раз-

мышлений в духе скифских и фракийских преданий, представленных в сохранившихся и не дошедших до нас источниках.

Подробнее см.: Б. Л. Богаевский. *Лукиан, его жизнь и произведения* // *Лукиан. Собрание сочинений. В 2 т. / Пер. под ред. Б. Л. Богаевского.* – М. -Л., 1935.

Лукиан Самосатский

Диалоги

По В. В. Латышеву

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Гера и Латона

Гера (*Латоне*)... А из твоих детей одна¹ ведет себя хуже мужчины, носится по горам и, наконец, удалилась в Скифию, и все знают, что она там и убивает иностранцев, подражая самим скифам – людоедам...²

Скиф, или Гость

1. Анахарсис не первый прибыл из Скифии в Афины, руководимый желанием познакомиться с эллинской образованностью: раньше его прибыл Токсарис³, муж мудрый, отличавшийся любовью к прекрасному и стремлением к благороднейшим знаниям, но происходивший не из царского рода и не из “колпаконосцев”⁴, а из толпы простых скифов, каковы у них так называемые “восьминогие”, т. е. владельцы пары быков и одной повозки. Этот Токсарис даже не возвратился в Скифию, а умер в Афинах и немного спустя даже был признан героем; афиняне приносят ему жертвы как иноземному Врачу⁵: это имя получил он, будучи признан героем. Быть может, не лишним будет объяснить причину этого наименования, а также включения в число героев и признания его за одного из Асклепиадов⁶, чтобы вы узнали, что не одним скифам свойственно превращать людей в бессмертных и посылать к Замолксису, но что и афинянам можно обоготворять скифов в Элладе...

3. Вспомнил я о нем вот почему. Токсарис был еще жив, когда Анахарсис, только что высадившись, шел в Афины из Пирея; как иностранец и варвар, он испытывал еще сильное смущение, ничего не зная, пугаясь малейшего шума и не зная, что с собой делать; он понимал, что все видевшие его смеются над его убожеством, не находил никого, кто бы знал его язык, и вообще уже раскисал в своем путешествии и решил, только взглянув на Афины, немедленно отправиться назад, сесть на корабль и ехать обратно в Боспор, откуда для него уже не далек был путь домой в Скифию.

При таком настроении Анахарсиса встречается с ним, поистине как добрый гений, Токсарис уже в Керамике⁷. Сначала его внимание привлекла одежда его родины, а затем ему уже не трудно было узнать и самого Анахарсиса, происходившего из знатнейшего рода, одного из первых в Скифии. А Анахарсису откуда можно было бы признать в нем земляка, когда он был одет по-эллински, с выбритой бородой, без пояса и без оружия, уже владея языком и вообще казался одним из туземных жителей Аттики?! Так преобразило его время. (4) Но Токсарис, обратившись к нему по-скифски, спросил: “Не ты ли Анахарсис, сын Давкета?”⁸ Анахарсис прослезился от радости, что встретил человека, говорящего на его языке и притом знавшего, кто он был в Скифии, и спросил: “А ты, друг, откуда знаешь нас?” – “Да ведь и сам я, – отвечал Токсарис, – происхожу оттуда, из вашей земли, а имя мое – Токсарис, но я не настолько знатного рода, чтобы мог быть тебе известен”. – “Неужели ты, сказал Анахарсис, тот самый Токсарис, о котором я слышал, что некто Токсарис из любви к Элладе покинул в Скифии жену и маленьких детей, уехал в Афины и живет там, уважаемый лучшими людьми?” – “Да, – сказал Токсарис, – я тот самый, если обо мне еще говорят у вас”. – “Итак, – сказал Анахарсис, – знай, что я сделался твоим учеником и соревнователем овладевшей тобою страсти – видеть Элладу... Но ради Меча⁹ и Замолксиса, наших отеческих богов, возьми меня, Токсарис, будь моим руководителем и покажи все лучшее в Афинах...”

Зевс трагический

42. ...разные *народы* имеют разные верования: скифы приносят жертвы мечу, фракийцы – Замолкису...

Анахарсис, или О гимназиях

6. **Солон.** Совершенно естественно, Анахарсис, что такого же рода занятия [т. е. гимнастические] кажутся тебе чуждыми и далеко не похожими на скифские обычаи, все равно как и у вас, должно быть, есть много предметов обучения и занятий, которые показались бы странными нам, эллинам, если бы кто-нибудь из нас присутствовал при них, как ты теперь присутствуешь при наших занятиях.

11. **Анахарсис.** ...А у нас, скифов, если кто ударит кого-либо из равных, или, напав, повалит на землю, или разорвет платье, то старейшины налагают за это большие наказания, даже если обида будет нанесена при многих свидетелях, а не при таком множестве зрителей, какое, по твоим словам, бывает на Истме и в Олимпии.

14. **Анахарсис.** ...Однако, Солон, я прибыл к вам из Скифии, проехав такое пространство суши и переправившись через обширный и бурный Евксинский Понт, именно с той целью, чтобы изучить эллинские законы и познакомиться с вашими обычаями...

16. **Анахарсис.** ...Кроме того, я не могу уже выносить знойных и пламенных лучей солнца, падающих на обнаженную голову; свой колпак я решил снять еще дома, чтобы не казаться одному среди вас иностранцем по внешнему виду.

18. **Анахарсис.** ...Откуда бы мне, блуждающему кочевнику, жившему на повозке и переезжавшему из одной земли в другую, а в городе никогда не жившему и даже доньше его не видавшему, рассуждать о государственном устройстве и учить оседлых жителей, уже столько времени благоустроено живущих в этом древнейшем городе?...

34. **Солон.** ...Вам простительно жить постоянно с оружием: жизнь в открытых местах легко допускает злоумышления, а врагов у вас очень много, и неизвестно, когда кто-нибудь, напав, стащит спящего с повозки и убьет; затем недоверие друг к другу людей, живущих по своему произволу, а не по законам, также делает постоянно необходимым оружие, чтобы близок был защитник в случае нападения...

О печали по умершим

21. ...Эллин сжигает своих покойников... а скиф съедает их...¹⁰

Долговечные

10. ...Скифский царь Атей¹¹, сражаясь с Филиппом у реки Истра¹², пал, имея более девяноста лет от роду.

17. ...Асандр, получивший от бога Августа вместо титула этнарха титул царя Боспорско-

го¹³, в девяностолетнем возрасте никому не уступал в конной и пешей битве; когда же он увидел *своих*, переходивших во время битвы на сторону Скрибония¹⁴, то, воздержавшись от пищи, умер, прожив 93 года¹⁵.

Экклесия богов

9. ... Поэтому-то скифы и геты... не обращая на нас никакого внимания, сами раздают бессмертие и выбирают в боги, кого захотят,

тем же самым способом, каким и раб Замолкис¹⁶, как-то тайком пробравшись сюда, написался к числу богов.

Токсарис, или Дружба

Перевод П. И. Прозорова

1. **Мнесипп.** Что говоришь ты, Токсарис? Вы, скифы, приносите жертвы Оресту и Пилладу и считаете их богами?

Токсарис. Приносим, Мнесипп, приносим, но вовсе не считаем их богами, а *просто* хорошими людьми.

Мнесипп. *Значит*, у вас есть обычай и хорошим людям после их смерти приносить жертвы, как богам?

Токсарис. Не только *это*, но мы даже чтим их праздниками и торжественными собраниями.

Мнесипп. Чего же вы ищете от них? Ведь, конечно, вы приносите им жертвы не ради *снискания* их благосклонности, раз они мертвы?

Токсарис. Быть может, не худо *было бы*, если бы и покойники были к нам благосклонны. Но мы полагаем, что и для живых полезнее будет, если мы будем помнить о лучших людях, и *потому* чтим умерших: мы думаем, что в таком случае многие захотят у нас сравняться с ними.

2. **Мнесипп.** Этот взгляд совершенно правилен. Но за что же именно вы приравниали к богам Ореста и Пилада, тем более, что для вас они пришельцы и, что всего важнее, *даже* враги? Ведь когда тогдашние скифы после крушения корабля схватили их и отвели для принесения в жертву Артемиде, они, напав на тюремщиков и одолев стражу, убили царя, захватили жрицу и, похитив даже самую статую Артемиды, отплыли назад, насмеявшись над скифской общиной¹⁷; если вы за это почитаете их, то, пожалуй, многих заставите подражать им. Обратитесь теперь сами к древнему времени и рассудите, хорошо ли будет для вас, если в Скифию придет много Орестов и Пиладов? Мне кажется, что таким образом вы сами очень скоро можете сделаться нечестивцами и безбожниками, если и остальные боги таким же способом удалятся из вашей страны. Затем, вероятно, вместо всех богов вы обоготворите людей, являющихся с тем, чтобы их вывезти, и святотатцев будете чтить жертвами, как богов. (3) Если же вы не за это чтите Ореста и Пилада, то скажи же, Токсарис, какое другое добро сделали они вам, за которое вы, прежде не считавшие их богами, теперь, напротив, принесением жертв признали богами и приводите жертвенных животных к тем, которые тогда сами чуть не были принесены в жертву? Ведь это может показаться смешным и противным древним обычаям.

Токсарис. Даже и те *деяния* этих мужей, которые ты привел, Мнесипп, заслуживают похвалы. В самом деле, они вдвоем решились на такое смелое предприятие и, удалившись на такое расстояние от своей *страны*, приплыли в Понт, который тогда был еще не известен эллинам, кроме тех, которые на *корабле* Арго совершили поход в Колхиду¹⁸; они не были поражены страшными рассказами о нем, не испугались его прозвания – он назывался “негостеприимным”, вероятно, потому, что кругом его жили дикие племена – и, буду-

чи захвачены, оказались столь мужественными и не удовольствовались только своим спасением, но сначала отомстили царю за оскорбление и захватили Артемиду, а затем уже поплыли назад. Разве все это не заслуживает удивления и божеских почестей у всех, кто только прославляет доблесть? Однако мы не эти подвиги Ореста и Пилада имеем в виду, почитая их как героев.

4. **Мнесипп.** Так скажи же, пожалуйста, какой другой славный и божественный подвиг совершили они? Что *касается* плавания и путешествия, то я мог бы указать тебе многих торговых людей, имеющих больше права на божеские почести, чем они, и, главным образом, финикиян, которые ездят не только в Понт или до Меотиды и Боспора, но плавают по всем местам эллинского и варварского моря. Ведь они ежегодно поздней осенью возвращаются домой, обрыскав, так сказать, все берега и все побережья. Считай же их богами на том же основании, несмотря на то, что большая часть их – торгоши и, при случае, продавцы соленой рыбы.

5. **Токсарис.** Выслушай же, чужак, и посмотри, насколько мы, варвары, умнее судим о хороших людях: *у вас* в Аргосе и в Микенах нельзя увидеть даже славной гробницы Ореста и Пилада, а у нас построен даже храм им обоим вместе, как это и следовало, потому что они были товарищи; *у нас* приносятся им жертвы и воздаются все прочие почести. *А то обстоятельство*, что они были чужеземцы, а не скифы, нисколько не мешает им считаться славными; ведь мы не исследуем, откуда происходят доблестные люди, и не завидуем, если они сделали добро, не будучи *нашими* друзьями; воздавая хвалу их деянием, мы считаем их своими по делам. А всего более поразило нас и считается достохвальным в этих мужах именно то, что, по нашему мнению, они были самыми лучшими в мире друзьями и как бы установили прочим людям законы о том, как следует делить с друзьями всякую судьбу и пользоваться почетом со стороны лучших из скифов. (6) Наши предки записали на медной доске все, что они совершили вместе или один ради другого, поставили ее в храме Ореста и установили закон, чтобы эта доска была первым предметом изучения для их детей и чтобы они выучивали на память написанное на ней. Таким образом, каждый из них скорее мог бы забыть имя своего отца, чем не знать деяний Ореста и Пилада. Кроме того, в ограде храма можно видеть нарисованные древними картины,

изображающие то же самое, что написано на доске: как Орест плывет со своим другом; как затем, когда его корабль разбился о скалы, он схвачен и приготовлен к жертвоприношению, и как Ифигения приступает уже к священнодействию; напротив, на другой стене, нарисовано, как Орест, освободившись уже от оков, убивает Тоанта и многих других скифов и, наконец, как они отплывают с Ифигенией и богиней; скифы тщетно хватаются за находящийся уже в движении корабль, цепляются за руль и пытаются взобраться *на палубу*, но после напрасных усилий одни из них израненные, другие из боязни ран вплавь направляются к земле. Здесь-то именно лучше всего можно видеть, какую великую любовь обнаружили они друг к другу при столкновении со скифами: живописец изобразил, что ни тот, ни другой не обращает внимания на врагов, нападающих на него самого, а отражает устремляющихся на друга, старается подставить себя под стрелы впереди его и пренебрегает опасностью умереть, лишь бы спасти друга и собственным телом принять предназначенные другу удары. (7) ...Итак, знай, что скифы не признают ничего выше дружбы, что скиф ничем так не гордится, как участием в трудах и опасностях друга, а равно и нет у нас большего позора, как показаться изменником в дружбе. Поэтому-то мы и чтим Ореста и Пилада, оказавшихся лучшими *в том, что у скифов считается благом*, и отличившихся дружбой, *т. е.* тем, что мы ставим выше всего; за это мы дали им название *Кораков*¹⁹, что в переводе на ваш язык приблизительно значит “божества – покровители дружбы”.

8. **Мнесипп.** Следовательно, Токсарис, скифы были не только искусными стрелками и превосходили других в военном деле, но, кроме того, отличаются наибольшим умением говорить убедительно: по крайней мере, и мне, до сих пор думавшему иначе, самому теперь кажется, что вы вполне справедливо воздаете Оресту и Пилладу божеские почести. Не знал я также, друг мой, что ты прекрасный художник: ты очень живо изобразил нам находящиеся в храме Ореста картины, борьбу и раны, полученные одним ради другого. Я только никогда не думал, что у скифов так высоко ценится дружба, потому что на основании как остальных слухов о них, так и того, что они поедают своих умерших родителей, я предполагал, что они, как люди негостеприимные и дикие, постоянно пребывают во вражде, гневе и распри, а дружбы у них не

бывает даже между самыми близкими людьми.

9. **Токсарис.** Я не стану спорить теперь с тобой о том, превосходим ли мы эллинов справедливостью и почтением к родителям; но что скифские друзья гораздо вернее эллинских и что дружба имеет больше почта у нас, чем у вас, – это легко доказать... Насколько мы уступаем *вам* в рассуждениях о дружбе, настолько превосходим в требуемых ею обязанностях. (10) Поэтому, если *тебе* угодно, сделаем теперь таким образом: древних друзей, каких нам или вам можно было бы указать в старые *времена*, оставим в покое, так как в этом отношении вы, пожалуй, одержите верх, выставив много достойных доверия свидетелей в лице поэтов... а выберем наудачу по несколько человек из наших современников, расскажем их деяния, я – скифские, а ты – эллинские, и кто из нас одержит в этом верх и укажет лучших друзей, тот и сам будет победителем и свою *страну* провозгласит *победительницей* по окончании прекраснейшего и почетнейшего состязания; я, кажется, гораздо охотнее согласился бы потерпеть поражение на поединке и дать на отсечение правую руку (что служит у скифов наказанием)²⁰, чем быть признанным относительно дружбы ниже другого, а тем более эллина, будучи сам скифом.

11–34. (Собеседники решают, чтобы каждый рассказал по пяти подвигов дружбы. Первым рассказывает Мнесипп подвиги эллинов).

35. **Токсарис...** Итак, я начну сейчас же, нисколько не заботясь, подобно тебе, об изяществе выражений: это не в обычае скифов, особенно когда дела говорят громче речей...

36. Я расскажу тебе о многих убийствах, войнах и *случаях* смерти за друзей, чтобы ты знал, как ничтожны ваши подвиги в сравнении со скифскими... У нас ведутся постоянные войны, мы или сами нападаем на других, или выдерживаем нападения, или вступаем в схватки из-за пастбищ и добычи; а тут-то именно и нужны хорошие друзья. Поэтому мы и заключаем самую крепкую дружбу, считая ее единственным непобедимым и несокрушимым оружием.

37. Сначала я хочу рассказать тебе, каким образом мы приобретаем себе друзей: не на пирушках, как вы, и не потому, что *известное лицо является* нашим ровесником или соседом; но, увидев какого-нибудь человека хорошего и способного на великие *подвиги*, мы все устремляемся к нему, и то, что вы *делаете* при

браках, мы делаем при приобретении друзей: усердно сватаемся за него и во всем действуем вместе, чтобы не ошибиться в дружбе или не показаться неспособным к ней. И когда какой-нибудь избранник сделается уже другом, тогда *заключается* договор с великой клятвой о том, что они и жить будут вместе и в случае надобности умрут один за другого. И мы *действительно* так и поступаем; с того времени, как мы, надрезав пальцы, накапшем крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведаем *этой крови*, взявшись вместе *за чашу*, ничто уже не может разлучить нас²¹. В союзы дозволяется вступать, самое большее, *трем лицам*, потому что, кто имеет много друзей, тот кажется нам похожим на публичных блудниц, и мы думаем, что дружба такого *человека*, разделенная между многими, уже не может быть столь прочной.

38. Я начну с недавних *подвигов* Дандамиса. Именно Дандамис, когда друг его Амизок²² в схватке с савроматами был уведен в плен... впрочем, сначала я поклянусь тебе нашей клятвой, так как я условился об этом вначале. Итак, клянусь Ветром и Мечом²³, что не скажу тебе, Мнесипп, ничего ложного о скифских друзьях.

Мнесипп. В твоей клятве я не очень нуждался; впрочем, ты хорошо сделал, что не поклялся ни одним из богов.

Токсарис. Что ты говоришь? Разве Ветер и Меч, по-твоему, не боги? стало быть, ты не знаешь, что для людей нет ничего выше жизни и смерти? Поэтому, когда мы клянемся Ветром и Мечом, то клянемся именно потому, что Ветер есть виновник жизни²⁴, а Меч причиняет смерть.

Мнесипп. Если таковы причины *клятвы*, то у вас наберется, пожалуй, немало и других таких богов, как Меч, например, стрела, копье, цукута, петля и т. п.; ведь этот бог – смерть – многообразен и представляет бесчисленное множество путей, ведущих к нему.

Токсарис. Видишь, к каким судейским уловкам при твоём искусстве спорить прибегаешь ты, перебивая и искажая мои слова; а ведь я хранил молчание во время твоей речи.

Мнесипп. Я больше не сделаю этого, Токсарис: ты вполне основательно упрекнул меня; поэтому продолжай спокойно говорить, как будто бы меня и не было при *твоих* речах, – так я буду молчать.

39. **Токсарис.** Шел четвертый день дружбы Дандамиса и Амизока с тех пор, как они выпили крови один другого. *Вдруг* напали на на-

шу землю савроматы *в числе* десяти тысяч всадников, а пеших, говорят, явилось втрое больше этого. А так как их нападение было непредвиденным, то они всех обращают в бегство, многих храбрецов убивают, других уводят живыми, кроме тех, кому удалось спастись вплавь на другую сторону реки, где у нас была половина войска и часть телег; так стояли мы тогда, не знаю, вследствие какого плана наших вождей, на обоих берегах Танаиса. И вот сейчас же стали они угонять добычу, хватать пленных, грабить палатки, захватывать телеги, большая часть которых попала в их руки вместе с людьми, стали на наших глазах позорить наших наложниц и жен, а мы горевали *при виде этих* бедствий.

40. Когда повели Амизока, также попавшего в плен, то он, будучи крепко связан, стал громко звать по имени своего друга, напоминая ему о крови и чаше. Услышав это, Дандамис немедленно на глазах всех переплывает к неприятелям; савроматы с поднятыми дротиками бросились, чтобы пронзить его; но он закричал: “Зирин”, – а кто произнесет это слово, того они не убивают, но принимают как пришедшего для выкупа. И вот, будучи приведен к их начальнику, он стал просить выдачи друга, а тот требовал выкупа *и сказал*, что не отпустит *Амизока*, если не получит за него большого *выкупа*. Дандамис ответил ему: “Все, что у меня было, разграблено вами; но если я, обобранный донага, могу уплатить что-либо, то я готов вам подчиниться; приказывай, что хочешь; а если желаешь, возьми меня вместо него и делай со мной, что тебе угодно”. Савромат ответил ему: “Нет нужды удерживать всего тебя, тем более, что ты пришел со *словом* зирин; поэтому уплати нам часть того, что у тебя есть, и уводи *с собой* друга”. Дандамис спросил, что же *он* хочет получить, а тот потребовал *его* глаза. Дандамис тотчас же позволил выколоть их; когда они были выколоты и савроматы *таким образом* получили уже выкуп, тогда он взял Амизока и пошел назад, опираясь на него; переплыв вместе реку, они беспрепятственно возвратились к нам.

41. Это происшествие ободрило всех скифов, и они перестали считать себя побежденными, видя, что неприятели не отняли величайшего из наших благ, что у нас оставался еще благородный образ мыслей и верность друзьям. В то же время оно сильно напугало савроматов при мысли о том, с какими людьми придется им сражаться в правильном бою, хо-

тя они тогда и одолели при неожиданном нападении; поэтому с наступлением ночи они, покинув большую часть скота и предав огню телеги, быстро отступили. Однако Амизок не захотел долее оставаться зрячим при слепоте Дандамиса и ослепил самого себя; они оба живут спокойно и со всякими почестями получают пропитание от скифской общины...

43. Выслушай *теперь* и о другом не менее достойном *лице*, Белитте, родственнике этого Амизока. Когда он увидел, что лев стащил с коня его друга Баста (они вместе охотились), уже обхватил его, вцепился в горло и терзает когтями, то он, также соскочив с коня, напал сзади на зверя и старался отвлечь его *от друга*, раздражая его против себя, оттаскивая, просовывая пальцы между его зубами и пытаясь, насколько это было возможно, спасти Баста от укусов; наконец, лев, оставив последнего уже полумертвым, бросился на Белитту, надел и умертвил его; но он, умирая, успел, по крайней мере, так сильно ударить льва мечом в грудь, что они умерли все вместе. Мы похоронили их и насыпали два кургана *один к другому*, один над друзьями, а другой, напротив *первого*, над львом.

44. В-третьих, я расскажу тебе, Мнесипп, о дружбе Макента, Лонхата и Арсакома. Этот Арсаком влюбился в Мазею, дочь боспорского царя Левканора²⁵, будучи отправлен к нему послом по поводу дани, которую постоянно платили нам боспорцы²⁶, а тогда просрочили почти на три месяца. Увидев за обедом Мазею, высокую и красивую девушку, он полюбил ее и начал грустить. Поручение относительно дани было уже исполнено, царь дал ему ответ и уже устроил для него прощальный пир; а в Боспоре есть обычай, чтобы женихи за обедом сватались за девушек и объявляли, кто они такие и почему просят быть принятыми в брачное свойство. Так и на этом обеде случилось много женихов, царей и царевичей: был Тиграпат, властитель лазов²⁷, Адирмах, правитель земли махлиев²⁸, и многие другие. Каждый из женихов должен объявить, что он приехал свататься, и потом обещать, спокойно возлежа среди остальных; по окончании же обеда он должен потребовать чашу, сделать возлияние на стол и свататься за девушку, осыпая себя *при этом* похвалами, насколько каждый может похвастать или благородством происхождения, или богатством, или могуществом.

45. Итак, когда многие сделали по этому обычаю возлияние, попросили *руки девушки* и

перечислили свои царства и богатства, тогда Арсаком после всех потребовал чашу, но не сделал возлияния, – потому что у нас не в обычае выливать вино, а напротив это считается кощунством, – выпил ее залпом и сказал: “Царь, отдай мне в замужество свою дочь Мазею, потому что я далеко превосхожу этих и богатством и владениями”. Левканор, зная, что Арсаком беден и *происходит* из простых скифов, удивился и спросил его: “А сколько у тебя, Арсаком, стад или телег? Ведь в этом заключается ваше богатство”. – “У меня нет ни телег, ни стад, отвечал *Арсаком*, но есть два верных и добрых друга, каких нет ни у кого из скифов”. Тут подняли его на смех за эти *слова* и с презрением решили, что он пьян. Адирмах, получивший предпочтение перед прочими *соискателями*, на другое утро должен был отвезти свою невесту в страну меотов к махлиям²⁹.

46. Между тем Арсаком, возвратившись домой, рассказал своим друзьям, как он был опозорен царем и осмеян на пиру за то, что казался бедняком. “А ведь я, – сказал он, – объяснил *ему*, каким великим богатством обладаю, именно вами, Лонхат и Макент, и вашей дружбой, которая гораздо лучше и прочнее могущества боспорцев. Но когда я доказал ему это, он издевался и смеялся над нами, а невесту отдал увезти Адирмаху, махлию, потому что у него, как говорили, есть десять золотых чаш, восемьдесят четырехместных колесниц, множество овец и быков. Таким образом, он предпочел хорошим людям стада животных, бесполезные кубки и тяжелые колесницы. Я вдвойне опечален, друзья мои, – и потому, что люблю Мазею, и потому, что обида, *нанесенная* среди стольких людей, глубоко поразила меня; я думаю, что и вы обижены одинаково *со мной*, потому что на долю каждого из вас приходится третья часть обиды, если только мы со времени нашего союза живем как один человек и делим как горести, так и радости”. – “Этого мало, возразил Лонхат: каждый из нас оскорблен всецело, если тебе нанесена такая обида”.

47. “Итак, сказал Макент, как же нам поступить в настоящем случае?” – “Разделим между собой дело мести, ответил Лонхат: я обещаю Арсакому принести голову Левканора, а ты должен возвратить ему невесту”. – “Пусть будет так, – сказал тот: – А между тем ты, Арсаком, ввиду того, что после этого нам, вероятно, понадобится войско и придется воевать, останься здесь, собирай и заготавливай

оружие, коней и военную силу в возможно большем количестве. Тебе очень легко будет набрать много *войска*, так как ты и *сам муж* доблестный, да и у нас немало родственников, а в особенности, если ты сядешь на воловью шкуру”. Так решили они, и Лонхат сейчас же, как был, отправился к Боспору, а Макент – к махлиям, оба верхом; Арсаком же, оставшись дома, стал подговаривать сверстников вооружать войско, составляемое из родственников, и наконец, сел и на шкуру.

48. Обычай *садиться* на шкуру заключается у нас в следующем: если кто-нибудь, потерпев от другого обиду, захочет отомстить *за нее*, но увидит, что он сам по себе недостаточно силен *для этого*, то он приносит в жертву быка, разрезывает на куски его мясо и варит *их*, а сам, разостлав на земле шкуру, садится на нее, заложив руки назад, подобно тем, кто связан по локтям. Это считается у нас самой сильной мольбой. Родственники *сидящего* и вообще все желающие подходят, берут каждый по части лежащего тут бычьего мяса и, став правой ногой на шкуру, обещают, сообщая со своими средствами, один – доставить бесплатно пять всадников на своих харчах, другой – десять, третий – еще больше, иной – тяжеловооруженных или пеших, сколько может, а самый бедный – только самого себя. Таким образом, иногда у шкуры собирается большая толпа, и такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве³⁰. Так поступил и Арсаком; у него собралось около пяти тысяч всадников, а тяжеловооруженных и пеших вместе двадцать тысяч.

49. *Между тем* Лонхат, никому не известный, прибыл в Боспор, явился к царю, занятому каким-то государственным делом, и объявил, что пришел от скифской общины, а *кроме того* имеет и личное важное дело. Получив *от царя* разрешение говорить, он сказал: “Скифы просят о том, что всякому известно и ежедневно *повторяется*, именно, чтобы ваши пастухи не переходили на равнину, а пасли стада в пределах каменистой местности; относительно разбойников, которых вы обвиняете в том, что они делают набеги на вашу страну, *скифы* отвечают, что они не высылаются по общему решению, но каждый из них занимается грабежом на свой страх ради прибыли: если кто-нибудь из *них* попадется, то ты сам властен наказать его. Вот что поручили мне скифы.

50. *А от себя* я сообщу тебе, что против вас готовится сильное нападение со стороны Арсакома, сына Марианта, который недавно был у тебя в качестве посла и теперь, как кажется, негодует на тебя за то, что не получил от *тебя* *руки* дочери, которой просил; вот уже седьмой день, как он сидит на шкуре и у него собралось немало войска”. – “Я и сам слышал, – ответил Левканор, – что собирается войско при помощи шкуры, но не знал, что оно составляется против нас и что ведет его Арсаком”. – “Да, – продолжал Лонхат, – оно готовится против тебя, но Арсаком мне враг и досадует на меня за то, что наши старейшины предпочитают меня ему и что я во всех отношениях кажусь лучше его. Итак, если ты обещаешь мне другую свою дочь, Баркетиду, – ведь я ничем не окажусь недостойным вас, – то я вскоре принесу тебе его голову”. – “Обещаю”, – сказал царь, чрезвычайно испугавшийся, потому что узнал причину Арсакова гнева да и вообще всегда побаивался скифов. “Поклянись же, – сказал *тогда* Лонхат, – что ты исполнишь условие и не откажешься *от него?*” Когда тот после этого поднял *руку* к небу и хотел дать клятву, Лонхат возразил: “Не здесь, чтобы кто-нибудь из зрителей не догадался, в чем мы даем клятву; войдем в этот храм Ареса³¹, запрем двери и произнесем клятву так, чтобы никто не услышал нас; ведь если Арсаком узнает что-нибудь об этом, то он, чего доброго, убьет меня раньше войны, уже имея вокруг себя немалый отряд”. – “Войдем, сказал царь, – а вы станьте как можно дальше и пусть никто не входит в храм, кого я не позову”. Когда они *вошли туда*, а телохранители отошли в сторону, *тогда* Лонхат, обнажив меч, а другой рукой зажав рот *царю*, чтобы он не *мог* крикнуть, ударил его в грудь, а затем, отрубив его голову и держа ее под плащом, пошел из храма как бы продолжая разговор с царем и крича ему, что скоро возвратится, как будто бы тот за чем-то послал его. Придя таким образом к тому месту, где оставил на привязи коня, он вскочил на него и ускакал в Скифию. Погони за ним не было, потому что боспорцы долгое время не знали о случившемся, а когда узнали, то подняли спор из-за престола.

51. Таким образом Лонхат исполнил *данное* Арсакому обещание, принеся ему голову Левканора. А Макент, услышав на пути о случившемся в Боспоре, прибыл к махлиям и, первый сообщив им известие об убиении царя, сказал: “Адирмах, государство призывает тебя, как царского зятя, занять престол;

итак, ты отправляйся вперед и возьми в руки власть, явившись среди их неурядиц, а девица пусть следует за тобой на колеснице; таким образом ты легче привлечешь на свою сторону большинство боспорцев, когда они увидят дочь Левканора. Я родом алан и прихожусь ей родственником с материнской стороны, потому что Левканор взял замуж Мاستиру из нашего рода. И вот теперь я прибыл к тебе от братьев Мастиры, живущих в Алании, с советом как можно скорее отправиться в Боспор и не допустить, чтобы власть перешла к незаконнорожденному брату Левканора Эвбиоту, который к скифам постоянно питает сочувствие, а к аланам – вражду”. Так говорил Макент, по одежде и по языку похожий на алана, потому что и то и другое у аланов одинаково со скифами, только аланы не носят таких длинных волос, как скифы³². Но Макент и в этом уподобился им, подстригши волосы настолько, насколько они у алана должны быть короче, чем у скифа; поэтому-то и поверили, что он родственник Мастиры и Мазеи.

52. “И теперь, Адирмах, продолжал он, я готов или ехать вместе с тобой на Боспор, если тебе угодно, или остаться здесь, если *это* нужно, и сопровождать молодую девушку”. – “Я именно это и предпочел бы, ответил Адирмах, чтобы ты, как родственник, вез Мазею; ведь если ты вместе с нами отправишься на Боспор, то нас будет только одним всадником больше, а если бы ты повез мою жену, то заменил бы мне многих”. Так они и сделали: Адирмах уехал, поручив Макенту везти девственную еще Мазею; Макент днем вез ее на колеснице, но с наступлением ночи посадил на коня (он устроил так, что за ними следовал еще один всадник), вскочил на него и сам и продолжал путь уже не вдоль Меотиды, но повернул внутрь страны, оставив Митрейские горы³³ вправо, дал в это время девице отдохнуть и на третий день прискакал из *страны* махлиев в Скифию. Конь его по окончании скачки постоял немного и издох.

53. Вручив Мазею Арсакому, Макент сказал: “Прими и от меня обещанное!” Когда же тот, пораженный этим неожиданным зрелищем, стал изливать свою благодарность, Макент ответил: “Перестань отделять меня от себя: благодарить меня за то, что я сделал, было бы все равно, как если бы моя левая *рука* стала благодарить правую за то, что она лечила ее раненую и нежно заботилась о ней во время ее страданий. Поэтому смешно было бы и с нашей стороны, если бы мы, издавна соединив-

шись и слившись, насколько возможно было, в одно *существо*, стали бы еще считать великим *делом*, что часть *нашего существа* оказала какую-нибудь услугу всему телу; ведь она, как часть целого, получившего услугу, действовала ради самой себя”. Так ответил Макент Арсакому на выражение его благодарности.

54. Адирмах, услышав об обмане, не явился уже на Боспор, потому что там уже царствовал Эвбиот, призванный от савроматов, у которых он жил, – а возвратился в свою страну, собрал большое войско и через горы вторгнулся в Скифию. Немного спустя напал и Эвбиот, ведя с собой поголовное ополчение эллинов и приглашенных на помощь аланов и савроматов в *количестве* двадцати тысяч. Когда Эвбиот и Адирмах соединили свои войска, то всего оказалось девяносто тысяч, в том числе одна треть конных стрелков. А мы (я тоже участвовал в этом походе, обещав тогда на шкуре сотню своекоштных всадников), собравшись в числе немногим меньше тридцати тысяч вместе со всадниками, под предводительством Арсакома выжидали нападения. Заметив их приближение, мы двинулись *им* навстречу, выслав вперед конницу. После долгого и упорного сражения наши стали подаваться, фаланга начала расстраиваться и, наконец, все скифское войско было разрезано на две части, из которых одна обратила тыл, но так, что поражение не было явным и ее бегство казалось отступлением; да и аланы не осмелились далеко преследовать; другую часть, меньшую, аланы и махлии окружили и стали избивать, бросая отовсюду тучи стрел и дротиков, так что наш окруженный отряд оказался в очень бедственном положении и многие стали уже бросать оружие.

55. В этом отряде оказались и Лонхат и Макент; они сражались в первых рядах и оба были уже ранены: Лонхат – копьем в бок, а Макент – секирой в голову и дротиком в плечо. Заметив это, Арсаком, находившийся в другом нашем *отряде*, счел постыдным уйти, покинув друзей; он пришпорил коня, вскрикнул и понесся с поднятым мечом сквозь неприятелей, так что махлии даже не выдержали стремительного порыва, но расступились и дали ему дорогу. Добравшись до друзей и призвав всех остальных, он бросился на Адирмаха и, ударив мечом около шеи, разрубил его до пояса. Когда он пал, разбежалось все махлийское войско, немного спустя – аланское, а за ними *побежали* и эллины, так что мы вновь одержали победу и прошли бы большое прост-

ранство, избивая их, если бы ночь не прекратила дела. На следующий *день* пришли от неприятелей послы с мольбой о заключении с нами дружбы, причем боспорцы обещали платить двойную дань, махлии – дать заложников, а аланы взялись за это нападение подчинить нам синдианов, издавна враждовавших с нами. Мы согласились на эти условия, потому что прежде всех так решили Арсаком и Лонхат, и таким образом был заключен мир, причем они распоряжались всем делом.

Вот, Мнесипп, на какие *подвиги* решаются скифы ради своих друзей!

56–60. (Рассказ Токсариса о благородном поступке его друга Сисинна в Амастрии. Затем Токсарис продолжает).

61. Я расскажу тебе еще пятый подвиг, совершенный Абавхом, и этим кончу. Этот Абавх однажды пришел в город борисфенитов³⁴ с женой, которую очень любил, и двумя детьми, из которых один был мальчик, еще грудной, другая – семилетняя девочка. Вместе с ними путешествовал друг его Гиндан, страдавший от раны, полученной во время пути от напавших на них разбойников: во время борьбы с ними он был поражен в бедро, так что не мог даже стоять от боли. Ночью во время их сна – а им случилось остановиться в верхнем этаже – вспыхнул сильный пожар; все *выходы* были отрезаны, и пламя охватило дом со всех сторон. Проснувшийся в это время Абавх оставил своих плачущих детей, оттолкнул уцепившуюся за него жену, приказав ей

спасаться самой, и, схватив друга, спустился вниз и успел прорваться в *таком месте*, где еще не все было уничтожено огнем; жена его с ребенком на руках бросилась за ним, приказав девочке идти за собой, но, наполовину обгорев, выронила из рук ребенка и едва перескочила через пламя, а вместе с ней и девочка, также насилу спасаясь от смерти. Когда впоследствии кто-то упрекнул Абавха за то, что он бросил жену и детей, а вынес Гиндана, он ответил: “Детей мне легко снова приобрести, да и неизвестно еще, будут ли они хороши, а другого такого друга, как Гиндан, который много раз доказывал мне свою любовь, я не нашел бы в течение долгого времени”.

62. (Мнесипп, выслушав рассказ Токсариса, предлагает ему дружбу).

63. Токсарис. Хорошо. Так и сделаем.

Мнесипп. Но, Токсарис, нам не надо ни крови, ни меча для закрепления нашей дружбы: настоящее слово и одинаковость стремлений гораздо надежнее той чаши, которую вы пьете, ибо подобные *связи*, по моему мнению, основываются не на принуждении, а на доброй воле.

Токсарис. Я одобряю это. Итак, будем друзьями и товарищами, ты для меня здесь в Элладе, а я для тебя – если ты когда-нибудь приедешь в Скифию.

Мнесипп. Будь уверен, что я не задумаюсь заехать еще дальше, если буду надеяться встретить таких друзей, каким ты, Токсарис, показался нам из твоих слов.

Примечания

¹ Т. е. Артемиды.

² [О культе Артемиды Таврополи в Северном Причерноморье и о легендарном обычае убийства в жертву ей иностранцев (эллинов) см. Еврипид. Ифигения в Тавриде: 28 сл.].

³ [Скифский мифический мудрец и врач, прибывший, как и Анахарсис, в эпоху Солона в Афины. Упоминается лишь у Лукиана в нескольких диалогах, в том числе в специально ему посвященном – «Токсарис, или Дружба» (см. ниже)]. Считать этот образ историческим лицом нет никаких оснований. – А. Г.

⁴ [Буквально ‘носитель пилоса’ – головного убора, отличавшего на востоке прежде всего служителей Великой Матери – Кибелы, культ которой широко засвидетельствован и в Северном Причерноморье. Речь идет, очевидно, о представителях жречества – геродотовых энареях].

⁵ [В отличие от широко почитавшегося в Греции Аполлона-врача].

⁶ [Т. е. потомков бога Асклепия – фракийского божества с целительными функциями, культ которого распространился в Греции уже в историческую эпоху.].

⁷ [Квартал в Афинах].

⁸ [Ср. Геродот IV: 76, где Анахарсис назван сыном Гнура, внуком Лика, правнуком Спаргапита].

⁹ [О культе меча у скифов см. Геродот IV, 62 и прим.].

¹⁰ [Имеется в виду предание, дошедшее до нас через Геродота (I: 216; IV: 20) и сообщающее об обычае исседонов и массагетов поедать трупы убитых ими стариков из своего племени, сваренные вместе с мясом животных].

¹¹ [Об Атее, жившем в середине IV в. до н. э., объединившем под своей властью ряд скифских племен и расширившем владения в юго-западном направлении, см. Страбон VII; 3, 18; Юстин IX: 2].

¹² [В 339 г. до н. э. Об этой битве: Фронтин. Стратегемы II: 4, 20; Полибий VII: 44, 1].

¹³ [Полководец Фарнака II, возмущившийся против своего царя и захвативший боспорский престол, на котором он впоследствии и был утвержден императором Августом. Царствовал на Боспоре в 47–17 гг. до н. э.].

¹⁴ [Претендент на боспорский престол, появившийся, по свидетельству Кассия Диона (LIV: 24), уже после смерти Асандра, в 14 г. до н. э. См. об этом: В. В. Латышев. Краткий очерк истории Боспорского царства. Повтор. 98 сл.].

¹⁵ [Об Асандре см. IOSPE (Latyschew), II, Пред.:

35 сл.; V. Voigt. De Asandro Bospori rege. – Киев, 1894].

¹⁶ [Замолксис называется здесь рабом по чисто этническому признаку: племенное наименование *гет* в эпоху Римской империи было синонимом раба].

¹⁷ [Подробности мифа об Оресте и Пиладе в Тавриде и о похищении ими статуи Артемиды см. Еврипид. Ифигения в Тавриде: Пролог. Культ этих героев другими источниками в Северном Причерноморье не засвидетельствован].

¹⁸ [Т. е. аргонавтам].

¹⁹ Это название, как и имя Токсариса, более нигде не засвидетельствованы, а потому и здесь речь должна идти о вымысле Лукиана. – А. Г.

²⁰ [Обычай, не подтверждаемый другими источниками].

²¹ [Этот обычай побратимства у скифов может быть иллюстрирован известным изображением на золотой пластинке из кургана Куль-Оба с фигурами двух сидящих и тесно прижавшихся друг к другу людей, пьющих из одного ритона].

²² [Эти и прочие имена исторически не засвидетельствованы].

²³ [О клятве мечом и о культе меча у скифов ср. выше, L u c, Scyth. sive host. 3 и прим. Клятва божеством ветра, равно как и культ его в Скифии, другими источниками не подтверждается].

²⁴ [Лукиан развивает представления, свойственные фракийцам, среди которых культ ветров был широко распространен. Хтонические культы ветров и жертвоприношения Анемону как жизненно-му дыханию, известны и в разных местах Греции. См. схол. к Аполлонию Родосскому I: 826.].

²⁵ Имена *Левканора* и упоминаемого ниже *Эвбиота*, без сомнения, вымышлены, так как они не встречаются ни в надписях, ни на монетах. Имя *Левканор* представляет собой видоизменение царского боспорского имени *Левкон*, а *Эвбиот* образовано по примеру гомеровых *абиев*].

²⁶ [Уплата дани скифским царям и временное политическое им подчинение засвидетельствованы для Ольвии и Херсонеса, а стало быть, не исключены и для Боспора].

²⁷ [О племени *лазов*, во II в. н. э. известных еще только лишь в северном углу Колхиды, см. Арриан. Перипл Понта Евксинского: 15].

²⁸ [Эти, не известные из других источников, *махлии* должны быть сопоставлены с арриановыми *махелонами*, названными им рядом с *лазами* (Арриан. Перипл Понта Евксинского: 15). Создается впечатление, что Лукиан черпал свою эрудицию оттуда же, откуда и Арриан].

²⁹ [В действительности *махлии-махелоны* должны быть локализованы не в стране *меотов*, т. е. на Северном Кавказе, а значительно юго-восточнее – в Закавказье, на севере Колхиды].

³⁰ [Описанный обычай не может быть целиком отвергнут как выдумка Лукиана, поскольку он находится в соответствии с подобными же обычаями других примитивных племен, у которых действует закон кровной мести].

³¹ [О культе *Ареса* на Боспоре свидетельствует его изображение на монетах Пантикапея, а о храме *Ареса* в Пантикапее – посвятельная надпись: IOSPE, Π: 47].

³² [См. длинные волосы у скифов на изображениях ваз из курганов Куль-Обы и Чертомлыка.].

³³ [*Митрейские горы* из других источников не известны. Речь идет, очевидно, о *Μιθριάδου ὄρη*, находящейся за Гиппийскими горами (Птолемей V: 8, 17–25), которую считают идентичной отсутствующей у Птолемея земле *дандариев*, служившей последним местом убежища Митридата. В таком случае, *Митрейские горы* следовало бы отождествить с Гиппийскими].

³⁴ [Т. е. в Ольвию, называвшуюся также *Борисфеном*: Страбон VII: 3, 17].

Источник: В. В. Латышев. Древние писатели о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1.

Полиэн

Πολύαινος – Polyænus

Полиэн (II в. н. э.), греческий ритор и писатель. Родом из Македонии. Жил в Риме при императорах Марке Аврелии и Луции Вере, которым в 162 г. посвятил свое произведение «Стратегемы», или «Военные хитрости» («Стратήγηματα») в 8 книгах, в котором собрал из сочинений преимущественно греческих историков, многие из которых утрачены, около 900 примеров военных действий из истории разных народов. Основные источники Полиэна – Эфор (что касается Причерноморья), Плутарх, Дуриса Самосский (Боспор периода

Левкона I, Сатира I и Перисада I, т. е. 389/388–310/309 гг. до н. э.), которому следовал и Диодор Сицилийский. Рассказывая о скифских женщинах, Полиэн следует херсонесской исторической традиции, представленной именем местного историка Сирика. «Стратегемы» Полиэна написаны грубым военным языком, изобилующим вульгаризмами и стилистическими погрешностями. Использованные фрагменты зачастую перефразированы Полиэном до неузнаваемости и изложены в присущем ему стиле.

Полиэн

Стратегемы, или Военные хитрости

Перевод В. М. Клембровского

Книга V

23. Тинних¹ следующим образом освободил от осады Февдосию Понтийскую², осажден-

ную соседними тиранами и подвергавшуюся опасности быть взятой. Отправившись из Ге-

раклей на круглом корабле с одной триерой и взяв с собой, сколько можно было, воинов, трех трубачей и три челнока-однодеревки, в каждом из которых мог поместиться только один человек, *Тинних* отплыл ночью и, приблизившись к городу, спустил *на воду* челноки, посадил на каждый по одному трубачу и приказал *им*, разъехавшись друг от друга на умеренное расстояние, поданному с триеры и с круглого *корабля* сигналу, трубить одному за другим с небольшими промежутками, так чтобы звуки казались идущими не от одной трубы, а от нескольких. Они затрубили, оглашая звуками труб воздух в окрестностях города; осаждавшие, предположив, что явился значительный флот, ушли в беспорядке, по-

кинув караулы. *Тогда* *Тинних* подплыл к *Февдосии* и освободил ее от осады.

44. (1) Мемнон³ во время борьбы с боспорским тираном Левконом⁴, желая разузнать о величине неприятельских городов и о числе их жителей, послал на триере в качестве посла к Левкону византийца Архибиада⁵, под предлогом переговоров о дружбе и связях гостеприимства, и вместе с ним отправил олинфского кифареда Аристоники⁶, в то время пользовавшегося наибольшей славой у эллинов, для того чтобы посол мог познакомиться с численностью населения в то время, как они мимоходом будут приставать к берегам, кифаред станет показывать свое искусство и жители поспешно будут собираться в театры.

Книга VI

9. (1) Левкон, нуждаясь *однажды* в деньгах, объявил, что думает чеканить новую монету и что каждый должен принести к нему свои наличные деньги для того, чтобы они были перечеканены и, *таким образом*, остались годными. Подданные принесли ему *все*, что у них было; тогда он наложил новый штемпель и на каждой монете надписал двойную *против прежней* стоимость; таким образом он выручил *в свою пользу* половину собранных денег, не причинив убытка никому из граждан⁷.

2. Левкон, узнав *однажды*, что многие из его друзей и граждан составили против него заговор, созвал всех купцов и попросил у них займы все деньги, сколько у кого было, говоря, что ему выдают врагов. Когда же купцы с полной готовностью одолжили деньги, он собрал их во дворец, открыл составленный гражданами заговор и попросил купцов быть его телохранителями, так как они получают свои деньги *только в том случае*, если спасут его. И действительно, купцы, желая спасти свои деньги, вооружились и сделались одни его личными телохранителями, другие — стражами дворца. *Тогда* Левкон при помощи их и наиболее преданных ему друзей схватил и перебил участников заговора, упрочил за собой власть и отдал *купцам* деньги.

3. Левкон, узнав *однажды* во время войны

с гераклеяцами⁸, что некоторые из триерархов изменяют ему и намерены перейти *на сторону неприятеля*, схватил их и сказал, что слышал невыгодные для них толки, но, конечно, не поверил им; *при этом* он приказал им оставить службу, для того, чтобы в случае поражения их не сочли его виновниками, и *на место* их назначил других триерархов. Родственникам подозреваемых он вручил власть и управление селами, показывая *тем* благосклонность к ним. По окончании войны Левкон сказал, что справедливость требует предать заподозренных суду, для того, чтобы его недоверие к ним не казалось неосновательным. Когда те пришли в здание суда вместе со *своими* родственниками, Левкон окружил их вооруженной силой и приказал всех их перебить.

4. *Однажды* гераклеяцы выступили против Левкона с многочисленным флотом и стали делать высадки в его стране где заблагорассудится; Левкон, видя, что его войска действуют нерадиво и не препятствуют *высадкам врагов*, для противодействия высадке поставил впереди гоплитов, а позади их — скифов⁹ и во всеулышание приказал последним в случае, если гоплиты будут действовать вяло и позволят врагам высадиться, стрелять в них и убивать. Услышав это, гоплиты мужественно стали препятствовать врагам высаживаться.

Книга VII

37. Понтийский царь Перисад¹⁰ в одной одежде строил войско, в другой — вступал в битву с врагами, в третьей — обращался в бегство в случае надобности: ставя *войско* в строй, он хотел быть видным для всех, в опас-

ности *не хотел* быть видным никому из врагов, *наконец*, во время бегства *не желал* быть узванным ни своими, ни врагами.

44. (1) Скифы перед сражением с трибаллами приказали земледельцам и коневодам по-

казаться вдали с табунами лошадей, когда узнают, что они вступили в сражение с врагами. Те так и сделали. Трибаллы, увидев вдали огромное количество людей и лошадей и столбы пыли и *слыша* поднявшиеся крики, вообразили, что верхние скифы¹¹ идут на помощь их *врагам*, и в ужасе обратились в бегство¹².

(2) Скифы сделали набег на Азию. Скифянки *во время их отсутствия* вступили в связи с рабами и прижили детей. Рабы не приняли *своих* господ при их возвращении. Произошла война. Рабы стройными рядами с оружием в руках выступили против *господ*; *тут* один

скиф, испугавшись их отчаянной решимости сражаться, посоветовал *своим* бросить доспехи и луки, а идти на рабов с поднятыми бичами; скифы, подняв бичи, устремились вперед, и *рабы*, не вынеся *тяжести* сознания своего рабства, тотчас бросились бежать¹³.

46. Тавры¹⁴, скифское племя, предпринимая войну, всегда перекапывают дороги в тылу и, сделав их непроходимыми, вступают в бой; *делают они это для того*, чтобы, не имея возможности бежать, *необходимо* было победить или умереть.

Книга VIII

55. Меотиянка Тиргатао¹⁵ вышла замуж за Гекатея, царя синдов, которые живут немного выше Боспора¹⁶. Этого Гекатея, низложенного с престола, *снова* посадил на царство боспорский тиран Сатир¹⁷, *причем* выдал за него свою прежнюю жену. Гекатей, любя меотиянку, не решился погубить ее, а заточил ее в сильной крепости и приказал жить под стражей; но Тиргатао успела бежать, обманув стражу. Приверженцы Гекатея и Сатира с большим рвением принялись искать ее, опасаясь, чтобы она не склонилась к войне меотов; но поиски были напрасны: меотиянка, идя по пустынным и скалистым дорогам и днем скрываясь в лесах, а по ночам продолжая путь, пришла, наконец, к так называемым иксоматам¹⁸, где были владения ее родственников. Не застав в живых своего отца, она вступила в брак с его преемником и склонила иксоматов к войне. Приведя с собой многие из воинственных племен, живших вокруг Меотиды, она сильно опустошала набегами принадлежащую Гекатею Синдику, а также причиняла вред и царству Сатира, так что оба они принуждены были искать мира, послав просьбы и дав в заложники сатинова сына Метродора¹⁹. Тиргатао согласилась примириться, но *ее противники*, примирившись, не сдержали клятвы. Именно Сатир уговорил двух своих друзей совершить покушение на жизнь Тиргатао, явившись к ней под видом просителей. Когда те бежали к ней и Сатир стал требовать *их выдачи*, то Тиргатао, чтя право убежища, часто посылала к Сатиру письма, желая спасти людей, прибегнувших к ее защите. Но эти последние ухудшили случай напасть на нее: в то время, как один стал говорить с ней о важных будто бы делах, другой обнажил меч и совершил покушение, не

удавшееся потому, что пояс *Тиргатао* отразил удар. Сбежавшиеся телохранители обоих подвергли пыткам; они сознались в замысле пославшего их тирана. *Тогда* Тиргатао снова начала войну, умертвив заложника, и подвергла страну всем ужасам грабежа и резни, пока сам Сатир не умер с отчаяния; сын его Горгипп, наследовав престол, сам явился к *Тиргатао* с просьбами и богатейшими дарами и тем прекратил войну²⁰.

56. Амага, жена Медосакка²¹, царя сарматов, живших на Понтийском побережье, видя, что муж ее предается роскоши и пьянству, по большей части сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям. Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии, так что и жившие на Таврическом полуострове херсонесцы, обижаемые царем соседних скифов, попросили ее принять их в число союзников²². Амага сначала послала *скифскому царю* приказание прекратить свои набеги на Херсонес; когда же скиф не послушался, то *она* выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом, дала каждому по три лошади и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадиев, внезапно явилась ко двору *царя* и перебила всех *стражей*, *стоявших* у ворот. Скифы пришли в смятение от неожиданности и вообразили, что нападающих не столько, сколько они видели, а гораздо больше. Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонесцам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо и, помня *печальную* кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров.

Эксерпты Полиэна из «Флорентийского кодекса тактиков»

19. Левкон, построив впереди гоплитов, поставил за ними других из скифов, во всеулышание приказав им, если гоплиты будут медлить, тогда стрелять и убивать их. Узнав об этом, гоплиты мужественно сразились и победили врагов²³.

7. Тинних во время осады приморского города, желая освободить его от осады, выехал в море на единственном бывшем у него корабле, посадил на разные челноки по одному человеку с одним трубачом, расставил их на умеренное расстояние и приказал по данному им сиг-

налу трубой трубить одному за другим с промежутками, чтобы звуки получались не от одной трубы, а от многих. Таким образом, осаждающие, предположив прибытие значительного флота, оставили город и ушли²⁴.

8. Скифы перед сражением с трибаллами приказали земледельцам и коневодам показаться вдали с табунами лошадей, когда узнают, что они вступили в битву. Враги, увидев их и приняв за множество конных и пеших воинов, бежали²⁵.

Примечания

¹ [Гераклейский наварх Тинних ближе не известен].

² [О древней Феодосии см. Страбон VII: 4, 3 сл.; о борьбе боспорского царя Сатира и его преемников за обладание Феодосией см. схол. Ульпиана к Демосфену. Против Лептина: 33].

³ Уроженец острова Родоса, известный впоследствии полководец персидского царя Дария III, умерший в 333 г. при осаде Митилены. О войне его с Левконом I у других авторов известий нет].

⁴ [Все эпизоды, связанные с именем тирана, или царя Левкона, следует относить к Левкону I, царю Боспорского государства (389/388–349/348 до н. э.), который завершил завоевание Восточного Крыма и территории Прикубанья и впервые выпустил золотые монеты в г. Пантикапей].

⁵ [Ближе не известен].

⁶ [Аристоники из Олинфа, придворный кифаред Филиппа II и Александра Македонского, умер в 328 г. до н. э.; в его память, по приказу Александра, в Дельфах была воздвигнута колонна].

⁷ [Ср. аналогичные рассказы: Аристотель. Экономика II: 2, 8].

⁸ [Речь идет, по-видимому, о той самой войне с гераклейцами, во время которой действовал наварх Тинних (см. выше V: 23), когда Гераклея пыталась воспрепятствовать захвату Феодосии боспорскими царями (при Сатире и его преемнике Левконе I)].

⁹ [О боспорских вооруженных силах, состоявших из сформированных по греческому образцу гоплитов и из скифской (или фракийской) конницы, см. еще Диодор Сицилийский XX: 22 сл.].

¹⁰ [Вероятно, Перисад I, правивший с 347 по 309 г. до н. э. на Боспоре и названный у Полиэна «понтйским» по ошибке или в том же самом

смысле, как и Феодосия названа «понтйской» в рассказе о Тиннихе (V: 23)].

¹¹ [Т. е. скифы из областей, расположенных по верхнему течению реки Днепра. Этот любопытный факт, указывающий на то, что скифские земледельцы и коневоды не присутствовали в строю, свидетельствует об известном имущественном и социальном расслоении скифского общества].

¹² [Ср. Фронтин. Стратегемы: 2, 4, 20].

¹³ Ср. Геродот IV: 3; Юстин: 3, 5, 1 сл.

¹⁴ [О таврах, жителях Крымских гор, как о племени не скифском, см. Геродот IV: 99 сл.; о таврах как о скифском населении Таврического полуострова (тавро-скифах) см. Страбон VII: 4, 2 сл.].

¹⁵ [Имя Тиргатао перекликается с засвидетельствованным у Геродота скифским именем Таргитай (IV: 5)].

¹⁶ [Гекатей, царь синдов, ближе не известен].

¹⁷ [Сатир I, отец Левкона I].

¹⁸ [Об иксоматах (также иксібатах и язаматах), сарматском племени, соседившем с синдами, см. Гекатей Милетский, фр. 166].

¹⁹ [Ближе не известен].

²⁰ [О Горгииппе ср. IOSPE, II, введ.: XX [Краткий очерк истории Боспорского царства. Повторка: 76].

²¹ [Имена, исторически другими источниками не засвидетельствованные].

²² [Об отношениях жителей города Херсонеса со скифами Крыма и с сарматскими племенами: Страбон VII: 4, 3 сл., а также в херсонесском декрете в честь Диофанта, IOSPE, I: 185].

²³ [Оригинал этого рассказа, с опущенными здесь деталями, см. Полиэн VI: 9, 4].

²⁴ [Оригинал, с опущенными здесь деталями, см. Полиэн V: 23].

²⁵ [Оригинал см. Полиэн VII: 44, 1].

Источник: *Polyaeni strategematon, libri VIII / Rec. E. Woelfflin, I. Melber. – Lipsiae, I–IV. – СПб., 1842; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2; Полиэн. Стратегемы / Пер. с греч. под общ. ред. А. К. Нефедкина. – СПб., 2002.*

Клавдий Гален

Κλαύδιος Γαληνός – Claudius Galenus

Клавдий Гален (129/131 – ок. 201), один из величайших врачей и анатомов древности. Родился в Пергаме, в малоазийской провинции Мисия, в семье архитектора Никона. После изучения философии у сторонников стои-

ческой, платоновской, перипатетической и эпикурейской школ с 17 лет обучался врачебному искусству и анатомии в Пергаме, Смирне, Коринфе, а затем в Ликии, Палестине и Александрии. В 158 г., возвратившись в Пер-

гам, занял место врача при гладиаторах. Здесь и позже он исследовал анатомию и физиологию, широко пользуясь также опытами над обезьянами. Во время смуты 164 г. Гален уехал в Рим, где приобрел известность удачной врачебной практикой и лекциями по физиологии. В 167/168 г. он возвратился было в Пергам, но вскоре был призван императорами Марком Аврелием и Луцием Вером в Аквилею, а по смерти последнего Марк Аврелий пригласил Галена сопровождать его в Германию, от чего тот отказался, оставшись в Риме медиком Коммода. Значительная часть сочинений Галена, написанных к тому времени, погибла вследствие пожара 191 года. Гален оставался в Риме при императорах Пертинак-

се и Септима Севере, а умер то ли в Риме, то ли Пергаме. Систематизировав представления античной медицины в виде универсального учения, Гален, главным образом через латинские и арабские переводы, оказал огромное влияние на развитие медицины – вплоть до начала нового времени. Его данные о функциях спинного мозга были полностью оценены только в XIX в., а его открытия в диссекции костей и мускулов дали термины, которыми пользуются до сих пор. Гален написал не менее 350 сочинений, по большей части медицинского и отчасти философского содержания. Но из 183, дошедших до нас под его именем, лишь 138 считаются подлинными.

Клавдий Гален

Увещание к изучению искусств

7. (I/13K) ...Ты видишь, что ничто не препятствует скифу Анахарсису возбуждать к себе удивление и называться мудрецом, хотя он был родом варвар. Когда его однажды кто-то упрекнул в том, что он варвар и скиф, он ска-

зал: “Мне позор – отечество, а ты – отечество”. *Этим* словами он превосходно поразил человека, ровно ничего не стоящего и только чванившегося своим отечеством.

О составных частях тел

II: 5 (I/618K) ...Итак, египтяне, арабы, индийцы и все *вообще* племена, живущие в жаркой и сухой *стране*, имеют волосы черные, трудно растущие, сухие, курчавые и ломкие, а те, которые в противоположность этим населяют страну сырую и холодную, *именно* иллирийцы, германцы, далматы, савроматы и

все скифское *племя* – умеренно растущие, тонкие, прямые и рыжие.

6 (I/627K) ...У кельтов, германцев и всего фракийского и скифского племени кожа холодна, влажна и поэтому мягка, бела и лишена волос...

О сохранении здоровья

I: 10 (VI/51K) ...У германцев нехорошо воспитываются дети. Но мы теперь пишем это не для германцев или других каких-либо диких людей или варваров, ровно как не для медведей, кабанов, львов или каких-либо других зверей, а для эллинов и для тех, которые по происхождению варвары, но стремятся к эллинскому образу жизни. Кто из нас допустил бы, чтобы у наших соплеменников несли младенца немедленно по рождении, еще теплого, к речным волнам и здесь, как говорят *это* о германцах, подвергали испытанию его природные силы и вместе укрепляли тело,

погружая в холодную воду, подобно раскаленному железу¹. Ведь всякому ясно, что если младенец выдержит *такое испытание* без вреда, то он выкажет и свою природную крепость и приобретет *новую* от закаливания холодом; всякий знает также, что если внешний холод преодолит прирожденную теплоту *младенца*, то он должен тотчас умереть. Итак, какой же *человек* разумный, не совершенно дикий и не скиф решится подвергнуть свое дитя такому испытанию, в котором неудача *влечет за собой смерть*, и притом без всякой важной пользы от такого испытания?...

К Главкону о врачевании

II: 12 (XI/142K) ...В Александрии очень многие страдают слоновой болезнью², благодаря пище и жаркому климату *этой* страны. В Германиях же и Мисиях³ эта болезнь наблю-

дается чрезвычайно редко, а у питающихся молоком скифов почти никогда не замечается. Напротив, в Александрии случаи ее очень многочисленны благодаря пище: *жители* ее

употребляют в пищу ячменную кашу, чечевицу, улиток и много соленой рыбы, а некоторые также ослиное мясо и другую подобную *пищу*,

производящую густые и черно-желчные соки; вследствие же теплоты окружающего *воздуха* движение их направляется к коже...

О противоядиях две книги

I, 1 (XIV/1K) [Что значит противоядие и откуда ведет происхождение «зверское»]. Врачуящие болезни лекарства, не прикладываемые снаружи, а принимаемые внутрь, врачи называют противоядиями. Различаются вообще три вида их: одни предлагаются против смертоносных зелий, другие – против так называемых ядовитых животных, третьи помогают в болезнях, происходящих от дурного питания; некоторые, *впрочем*, пригодны во всех трех случаях, как например, так называемое «зверское», изобретенное врачом Андромахом⁴ и отодвинувшее *на второй план* «митридатовское», названное так тоже по имени изобретателя. Дело в том, что этот Митридат⁵, подобно нашему Атталу, старался познать опытом почти все простые зелья, противоположные ядовитым, испытывая их свойства на приговоренных к смертной казни преступниках. Итак, он узнал, что некоторые из них особенно пригодны против тарантулов, некоторые – против скорпионов, а иные – против

ехидн. И против смертоносных зелий – одни против аконита, другие – против морского зайца⁶, третьи – против каких-либо прочих. Смешав все это, Митридат составил одно снадобье, надеясь иметь *в нем* защиту против всяких губительных *средств*. Впоследствии Андромах, главный врач Нерона, одно прибавив, другое отняв, составил так называемое «зверское» противоядие, примешав к прочим *составным частям* значительное количество мяса ехидн, которое не входило в состав «митридатовского зелья». Поэтому против укушения ехидн «зверское» лучше «митридатовского», а против других ядов «митридатовское» не хуже или даже против некоторых и лучше...

9 (XIV/154K) ...[Митридатово зверское]. Это *средство* постоянно употреблял царь Митридат для предохранения *себя* от яда. Поэтому, будучи захвачен римлянами, он дважды принял яд и не мог умереть; *тогда он* убил себя мечом⁷...

Посвященная Пизону книга о «зверском противоядии»

16 (XIV/283 K). ...Говорят, что и известный великий воитель Митридат, не принимавший «зверского *противоядия*», так как его еще не было, а принимавший другое противоядие, состоявшее из смеси многих *зелий* и получившее название от его имени, – оно называется «митридатовским», – благодаря приобретенной от него нечувствительности организма не мог умереть от принятого яда. Именно, когда он во время войны с римлянами, потерпев поражение от Помпея и находясь в отчаянном положении, пытался умереть

без болезни от яда, то, выпив значительную дозу ядовитого зелья, он сам не умер, а дочери, очень желавшие из любви к нему умереть вместе с ним и выпившие тот же яд, погибли очень скоро⁸. Так как смерть не приходила вследствие того, что яд не мог действовать благодаря принимавшемуся раньше противоядию, он призвал одного из *своих* друзей, по имени Бистока⁹, и приказал пронзить себя мечом. Таким образом, исполнив железом дело яда, он принудил себя умереть насильственной *смертью*.

Афоризмы Гиппократы и объяснения к ним Галена

43. ...Сам *Гиппократ* говорит, что амазонки прижигают правую грудь для того, чтобы вследствие большего притока питательных *соков* в ближайшую руку она делалась более сильной, так как от природы и она слаба⁹...

Примечания

¹ [То же о германцах и скифах передает Соран из Эфеса (2 в. до н. э.) (Гинекология: 81)].

² [Сущность этой болезни Гален излагает (140K) в следующих словах: «вот таково происхождение болезни, которую называют слоновой. Начинается иногда и перенесение такового сока в другие части тела, именно те, которые слабее всех других и яв-

ляются обязательно на этом члене жилы, полные крови, черной и густой. И насколько она чернее и гуще, настолько хуже болезнь...»].

³ [Имеются в виду римские провинции Верхняя и Нижняя Германия и Верхняя и Нижняя Месия; последние расположены на нижнем Дунае, на территории современных Югославии и Болгарии].

⁴ [Главный врач императора Нерона, славившийся своими микстурами ядов, употреблявшими в качестве противоядий и под названием Theriaca Andromachi, известными в медицине вплоть до настоящего времени].

⁵ [Имеется в виду Митридат VI Евпатор, царь Понта и Боспора (120–63 гг. до н. э.).]

⁶ Морской заяц, *Aplysia* – род морских брюхоногих моллюсков подкласса заднежаберных. Длина тела до 40 см. Головных щупалец 2 пары, из которых задняя по форме напоминает заячьи уши (отсюда название). Тонкая пластинчатая раковина покрыта мантией. В мантийной полости располо-

жены железы, выделяющие ядовитую окрашенную жидкость. – БСЭ.

⁷ [По версии Аппиана, был убит, во исполнение его просьбы, Бититом, предводителем кельтов (Митридатовы войны: 111)].

⁸ [Idem].

⁹ [У Аппиана он называется Бититом (Βίτιτος). См. прим. 7].

⁹ [У Гиппократ (О воздухе...: 27) речь идет о прижигании скифскими кочевниками плеч, рук и т. д., а также савроматскими девушками правой груди – для укрепления тела; об амазонках же он не упоминает вовсе].

Источник: В. В. Латышев. Древние писатели о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 1.

Клавдий Элиан

Κλαυδίας Αἰλιανός – Claudius Aelianus

Клавдий Элиан (170/175–235), римский писатель-парадоксограф, писавший по-гречески. Уроженец города Пренесте (Praeneste, совр. Палестрина) в Латии (Лациуме), к востоку от Рима. В Пренесте занимал пост первосвященника. Из письменного наследия Клавдия Элиана до нас дошли: трактат «О природе животных», или «О животных» («Περὶ ζῴων ἰδιότητος», лат. «De natura animalium») в 17 книгах, «Пестрые рассказы» («Ποικίλη ἱστορία», лат. «Varia historia») в 14 книгах и «Письма поселян» («Ἐπιστολαὶ ἀγροίκαι»). В первом собраны естественнонаучные курьезы, в частности, сведения об умственных способностях животных, свидетельствующих о

мудрости природы, явленной в неразумных существах (конях, слонах, собаках, змеях, пчелах, дельфинах и пр.), в «Пестрых рассказах» – исторические анекдоты и всевозможные происшествия из жизни людей, а в 20 письмах поселян – развлекательные литературные описания на темы новоаттической комедии и риторики IV в. до н. э. Утраченными оказались назидательные письма Элиана, сочинения о провидении и пр. в духе стоицизма, памфлет на императора Элагабала и др. Писал Элиан, подражая Ксенофону, на изысканном аттическом диалекте греческого языка, за что получил прозвище Медоречивый (Μελίγλωστος).

Клавдий Элиан

О животных

По В. В. Латышеву

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

II, 16. Животное таранд... меняется вместе с шерстью и принимает тысячи различных цветов, так что поражает зрение. Водится он в Скифии, хребтом и величиной похож на быка. Скифы обтягивают его шкурой свои щиты и считают ее надежной защитой от копий¹.

II, 53. У мисийцев быки возят тяжести и лишены рогов. Говорят, что скот бывает там безрогим не от холода, а по природной особенности этих быков, и доказательство этому налицо: и в Скифии бывают быки, не лишенные рогов. Я знаю также свидетельство одного писателя, что в Скифии водятся и пчелы, ничуть не страдающие от холода, и что скифы даже привозят к мисийцам на продажу не привозной, а добываемый у них самих мед и туземный воск². Если я говорю несогласно с Геродотом³, то пусть он не прогневается на меня: со-

общающий это писатель утверждает, что он передает достоверный рассказ, а не слух, ни на чем не основанный.

IV, 7. Мне известно, что один скифский царь (имя его я знаю, но опускаю нарочно: какая мне от него польза?) имел кобылицу, обладавшую всеми достоинствами, какие от коней требуются и свойственны им, имел также и рожденного ею жеребца, отличавшегося от других прекрасными качествами. Царь, не находя возможности ни случить кобылицу с другим жеребцом, который был бы достоин ее, ни свести своего жеребца с другой, достойной получить от него оплодотворение, по этой причине свел их между собой; но они, лаская друг друга и обнаруживая взаимное расположение, тем не менее не сходились друг с другом. Когда животные оказались таким обра-

зом умнее замысла скифа, он прикрыл обоих плащами, и *таким образом* они совершили это незаконное и несправедливое дело. Но когда оба животные увидели, что они сделали, то искупили смертью свой грех, бросившись с крутизны⁴.

IV, 9. Большинство рыб весной обнаруживает половые инстинкты и по большей части устремляется *для этой цели* в Понт: ибо в нем есть природные убежища и ложа; кроме того, он свободен от *хищных* животных, какие водятся в море: в нем скитаются только мелкие и бесильные дельфины; в нем нет полипов, не рождаются и морские раки и не водятся омары; а эти *животные* губительны для мелкой рыбешки⁵.

V, 27. ...Аристотель говорит, что в стране невров быки имеют рога на плечах⁶... Александр Миндийский говорит, что понтийские овцы жиреют от очень горькой полыни...⁷

V, 42. ...Мне известно, что в понтийском Трапезунте получается мед из букса; он отличается тяжелым запахом и здоровых людей одуряет, а на эпилептиков производит благотворное действие...⁸

V, 43. Аристотель говорит⁹, что у реки Гипаниса водится животное, называемое однодневкой: оно рождается на рассвете и умирает, когда солнце начинает склоняться к закату.

VI, 44. ...Лисицы ловят дроф в Понте следующим образом: они оборачиваются, припадают к земле и поднимают хвост наподобие шеи птицы; обманутые дрофы приближаются как бы к птице своей породы, но как только птица подойдет близко к лисе, последняя оборачивается, изо всей силы бросается на нее и весьма легко схватывает.

VI, 60. Массагеты, как говорит Геродот¹⁰, вешают перед собой колчан, и затем мужчина открыто общается с женщиной, хотя бы все их видели, не обращая на это никакого внимания...

VI, 65. У так называемого Конопия (местечко у Меотиды) волки живут в верной дружбе с рыбаками и моряками, так что, посмотрев на них, скажешь, пожалуй, что они не отличаются от сторожевых собак. Если эти волки получают свою долю морской добычи, то у них бывает мир и согласие с рыбаками, а в противном случае они разрывают и уничтожают сети и, *таким образом*, подвергают их наказанию за неполучение своей доли¹¹.

IX, 15. ...Говорят, что скифы к яду, которым намазывают стрелы, примешивают для приправы человеческую сукровицу, собирающуюся поверх крови... что знают им отстоем

(?)¹². Для засвидетельствования этого достаточно сослаться на Теофраста¹³.

IX, 59 extr. ...Евксинский Понт изобилует множеством рыб, потому что в нем не водятся хищники; в нем попадаются кое-где тюлени и очень мелкие дельфины, но от всех других *животных* тамошние рыбы вполне безопасны¹⁴.

X, 40. В Скифской земле водятся рогатые ослы; их рога выдерживают аркадскую воду, так называемую стиксову, а все другие сосуды она разрывает, хотя бы они были сделаны из железа. Говорят, что один из таких рогов был поднесен Сопатром Александру Македонскому; последний, как слышно, удивившись *этому рогу*, принес его в дар Аполлону Пифийскому в Дельфы и велел вырезать следующую надпись: "Тебе, Пеан, посвятил Александр Македонский этот рог скифского осла, чудную вещь, которая не была побеждена чистым течением лусейского Стикса и выдержала силу его воды"¹⁵.

XI, 1. Род гипербореев и воздаваемые ими Аполлону почести воспевают и поэты, прославляют и *прозаические* писатели, в том числе Гекатей, не Милетский, а Абдерский... [Из его описаний] только следующее подходит к нашему сочинению. Жрецами названного божества служат сыновья Борея и Хионы¹⁶, числом трое, по природе братья, ростом по шести локтей. Когда они совершают в честь названного *бога* установленное священнослужение в обычное время, с так называемых у них Рипейских гор прилетают необозримые по величине тучи лебедей; облетев кругом храма и как бы очистив его своим полетом, они потом спускаются в ограду храма, отличающуюся огромной величиной и необычайной красотой. В то время, как певцы запойут туземные песни в честь бога, а кифаристы присоединяют к хору чрезвычайно гармоничную игру, тут вместе с ними запевают и лебеди; они поют очень согласно и никогда нигде не издают ни одного нестройного или несогласного с пением звука, как будто получив такт от регента хора и спевшись с местными творцами священных напевов. Затем по окончании гимна они удаляются, исполнив обычную службу в честь божества; таким образом, вышеназванные, так сказать, крылатые хороводы целый день воспевают бога.

XI, 29. Говорят, что в Понте овцы не имеют желчи...¹⁷

XII, 34. ...Скифы за недостатком дров варят всех *животных*, которых приносят в жертву, на их *собственных* костях¹⁸.

XVI, 33. ...Аристотель говорит, что у быков в стране невров рога и уши вырастают из одного и того же места и связаны между собой... Приведем еще и следующее *известие* сына Никомахова¹⁹: он говорит, что у будинов, живущих кругом Кариска²⁰, не рождаются белые овцы, но что все они черные²¹.

XVII, 17. Аминта в сочинении, озаглавленном «Переходы»²², говорит, что в Каспийской земле есть много стад быков и табунов лошадей и что они бесчисленны. Он прибавляет еще и то, что в известные периоды времени там появляются в бесчисленном множестве мыши, и в доказательство *этого* приводит *факт*, что, хотя тамошние неиссякающие реки текут с большой быстротой, однако мыши неустрашимо переплывают их, взяв в зубы хвосты друг друга и составляя таким образом цепь, доказывая этим, что такая связь является у них самой прочной для переправы через реку. Выйдя из реки на поля, говорит Аминта, они обгрызают посевы, влезают на деревья и поедают спелые плоды, *причем* перегрызают даже ветви, так как их зубы достаточно крепки для этого. Для защиты от нашествия мышей и *от причиняемого ими* вреда каспии падают хищных птиц, которые поэтому также налетают целыми тучами, схватывают мышей и таким способом избавляют каспиев от голода.

Что касается каспийских лисиц, *то* их число так велико, что они не только появляются в хижинах, стоящих на полях, но приходят даже в города; в дома лисица является вовсе не с тем, чтобы причинить вред или стащить *что-нибудь*, а *совсем* как ручная: они ласкаются и виляют хвостами *не хуже* наших собачонок. Мыши, составляющие местное зло у каспиев, величиной бывают не меньше египетских ихневмонов²³; они дики и страшны и обладают столь крепкими зубами, что могут перегрызать и поедать даже железо...

XVII, 32. Я слышал, что в Каспийской земле есть огромное озеро²⁴, в котором водятся большие рыбы, называемые «остроносыми»²⁵. Они достигают даже восьми локтей длины. Каспии ловят их, посыпают солью и готовят соленые или сушат, *затем* навьючивают на верблюдов и везут в Экбатаны²⁵. Вырезав жир из этих рыб, они делают из него мазь и со-

леные продают, а рыбьим маслом, очень жирным и не вонючим, мажут; внутренности рыб они вынимают, варят и выделывают из них клей, очень годный к употреблению: он все склеивает очень крепко, держится *на всем*, к чему прилипнет, и очень прозрачен на вид. Он так скрепляет все, что им ни склеят, что, если даже мочить его десять дней, он не распустится и даже не отстанет. Даже мастера изделий из слоновой кости употребляют его и выделывают прекраснейшие вещи.

XVII, 33. Существует рассказ, что у каспиев водится птица величиной с самого большого петуха, пестрая и разукрашенная многими цветами²⁷. Летает она, как слышно, навзничь, подтянув ноги к шее и как бы поддерживая себя ими; кричит она, как щенок; летает не высоко в воздухе, а около земли, не будучи в состоянии поднять себя на высоту.

Каспийская также, или скорее индийская (говорят, что она водится и там и здесь), еще следующая птица: величиной приблизительно с гуся, с плоской и маленькой головой и длинными ногами; цвет оперенья смешанный, пестрый: спинка расцвечена пурпуром, подбрюшье окрашено в самый чистый и красивый червлёный цвет, а голова и шея белые. Кричит она по-козьему.

XVII, 34. Каспийские козы очень белы, рогов не имеют, ростом малы и тупоносы. Верблюдов здесь очень много, самые крупные достигают величины самых больших лошадей и покрыты прекрасной шерстью: их шерсть очень нежна, так что по мягкости не уступает даже милетской шерсти. Сделанные из нее платья носят жрецы и самые богатые и знатные из каспиев.

XVII, 38. В Каспийском море есть, говорят, острова, на которых водятся разные птицы, между прочим, одна, отличающаяся следующими признаками: величиной она бывает, говорят, с гуся, видом превосходит и благородного гуся и прочих, ноги имеет похожие на журавлиные; спинка окрашена в очень чистый червлёный цвет, подбрюшье зеленое, а шея белая, с рассыпанными как бы крапинками шафранного цвета; длиной она не менее двух локтей; голова небольшая и продолговатая, клюв черный; крик ее похож на лягушечий.

Пестрые рассказы

II, 41. ...Про Клеомена, *царя* лакедемонского²⁸, говорят не только то, что он был пьяницей, но приписывают ему и тот *чисто*

скифский порок, что он стал пить цельное вино. И Анахарсис, говорят, очень много выпил у Периандра²⁹, привезя с собой с родины эту

способность: ведь именно скифам свойственно пить цельное вино.

III, 39. ...Меоты и савроматы [употребляли в пищу] просо...³⁰

IV, 1. Колхи хоронят покойников в кожах: зашивают их и вешают на деревьях³¹.

V, 7. Скифы кочуют по своей собственной земле; но Анахарсис, как умный человек, со-

вершил более отдаленное путешествие: он прибыл в Элладу, и Солон встретил его с удивлением³².

VI, 13. ... У эллинов упоминаются как продолжавшиеся по векам и *переходившие* к потомству следующие тирании: Гиерона в Сицилии, Левконидов в Боспоре³³ и Кипселидов в Коринфе.

Из неизвестных книг

Фр. 135. *Некто*, по имени Дионисий, по занятиям купец, часто совершавший из корыстолюбия многие отдаленные плавания и пробравшийся далее Меотиды, купил там колхидскую девушку, которую похитили махлии⁷, одно из тамошних варварских племен (Суда, под словами κοῦφῆ, δολιχεύουσι).

Примечания

¹ Аристотель. О чудесных слухах: 30; Антигон Каристский XXV (31).

² [О пчелах: Аристотель. Истории о животных V: 22, 8, что, может быть, частично относится и к скифам. Под *мисийцами* скорее всего следует понимать жителей римских провинций Верхней и Нижней Месии на Балканах].

³ [Геродот IV: 29; ср.: Аристотель. Истории о животных VIII: 28].

⁴ [Этот анекдот в более краткой редакции: Аристотель. Истории о животных IX: 47, но имя скифского царя, с которым он связывается, нигде не названо].

⁵ [Ср. Аристотель. Истории о животных VIII: 13].

⁶ [Сочинение Аристотеля, которое имеет в виду Клавдий Элиан, неизвестно; у других авторов подобные упоминания не встречаются].

⁷ [Ср.: Теофраст. О растениях; Плиний. Ест. ист. XI: 37].

⁸ [Займствовано из: Аристотель. О чудесных слухах: 18. О действии этого меда на эпилептиков Аристотель, однако, высказывает совершенно противоположное мнение. Сообщение о вредных свойствах трапезунтского меда восходит, вероятно, к известному рассказу Ксенофонта (Анабасис IV: 8, 20)].

⁹ Истории о животных V: 19.

¹⁰ Геродот I: 216. [Сообщение об общности женщин у масагетов, со ссылкой на Евдокса Родосского, см. еще Диоген Лаэртский IX: 11, 83].

¹¹ См. Аристотель. Истории о животных IX: 36, [где этот анекдот передается в более сжатом виде. Что же касается отсутствующего у Аристотеля и названного Клавдием Элианом в начале этого отрывка пункта – *Конопия*, в устье Меотиды, то это, скорее всего, искаженный и ошибочно перенесенный на Меотиду Каноп (современный Абукир) при устье реки Нила].

¹² [Место испорчено].

¹³ См. Аристотель. О чудесных слухах: 141 [Теофраст, рассказывая в своей «Истории растений» о ядах, которыми скифы намазывают свои стрелы, ничего не говорит при этом о человеческой крови. О примешивании человеческой крови при изготовлении скифами яда для стрел из крови ехидны сообщает в вышеназванном отрывке Псевдо-Аристотель].

¹⁴ [Ср. Аристотель. Истории о животных VIII, 13, к которому восходит это сообщение].

¹⁵ [Этот рассказ, заимствованный из сочинения

Филона Гераклеяского «О чудесах» (ВДИ, 1947, № 3 (21): 278), написанного во второй половине III в. до н. э., приводится также у Иоанна Стобейского (I: 41, 52)].

¹⁶ [Дочь Борея и Оритии, мать Евмолпа – мифического фракийского певца и жреца, считавшегося основателем элевсинских мистерий].

¹⁷ [См.: Теофраст. История растений IX: 17, 4, откуда заимствовано это сообщение].

¹⁸ [Ср. об этом более пространный рассказ: Геродот IV: 61].

¹⁹ [Т. е. того же Аристотеля, отцом которого был физик Никомах].

²⁰ [Вероятно, следует сопоставить с пунктом Κάριςκα (Теофилакт VIII: 8, 7) или Securisca (Itm. Ant.: 221) в Нижней Месии].

²¹ [Сочинение Аристотеля, из которого Клавдий Элиан заимствует эти сведения, неизвестно].

²² *Аминт*, бематист (сожитель) и сподвижник Александра Македонского. См.: Nicolai. Griech. Literaturgesch., II: 164.].

²³ [Животное вроде ласки, поедающее яйца крокодилов].

²⁴ [Т. е. Каспийское море].

²⁵ [Речь идет, видимо, об осетрах].

²⁶ [Город в Великой Мидии, древняя столица мидийских царей – современный Хамадан].

²⁷ [Имеется в виду фазан].

²⁸ [О Клеомене I (520–491 гг. до н. э.) ср. Геродот VI: 84].

²⁹ [Коринфский тиран (625–585 гг. до н. э.), см.: Атенея X: 50 /437f.].

³⁰ [Об употреблении *проса* в пищу *каллипидами* – скифским племенем на нижнем Днепре, см. Геродот IV: 17].

³¹ [См. об этом подробнее: Аполлоний Родосский III: 200 сл. Схолиаст Аполлония Родосского указывает при этом на Нимфодора Сиракузского (III в. до н. э.), автора книги «О чужеземных обычаях», как на источник этих сведений. У него же, видимо, позаимствовал свое сообщение и Клавдий Элиан].

³² [См. Плутарх. Солон: 5; Диодор Лаэртский: 1, 8, 101 сл.; Лукиан. Анахарсис: 6 сл.].

³³ [Т. е. потомков царя Левкона I, боспорского правителя из династии Спартокидов, правившего в 389/388–349/348 гг. до н. э., сына Сатира I].

³⁴ [Это наименование, упоминаемое многими древними авторами, начиная с Геродота (IV: 178; 180), принадлежит либийскому племени, локализуемому на североафриканском побережье у Мало-

го Сирта. Клавдий Элиан употребляет его, очевидно, по недоразумению, может быть, смешав с упоминаемыми Аппианом (Перипл Понта Евксинско-

го: 50 сл.) махелонами, жившими на кавказском берегу, рядом с гениохами. См., однако: Лукиан. Токсарис: 7].

Источник: Aeliani De natura animalium libri XVII. Varia historia. Epistulae / Rec. R. Hercher. V. I–II. – Lipsiae, 1864–1866; Claudii Aeliani Varia historia / Ed. M. R. Dielts. – Leipzig, 1974; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2; Элиан Клавдий. Пестрые рассказы / Пер. С. В. Поляковой. – М., 1963; 1995.

Павсаний Периегет

Παυσανίας Περιηγητής – Pausanias Periegeticus

Павсаний Периегет (ок. 115 – после 180), греческий писатель. Родился, по одним данным, в местности, близкой к горе Сипил в Лидии, Малая Азия, по другим – в окрестностях Магнесии, гористой области Фессалии, на северо-востоке Эллады. Посетил Италию, Сардинию, Корсику, Сирию, Аравию и Вавилон. В 160–180 гг. составил «Описание Эллады», или «Объезд Греции» («Περιήγησις τῆς Ἑλλάδος», лат. «Descriptio Graeciae») в 10 книгах, где описал Аттику, Коринф, Лакедемон, Мессену, Элиду, Ахею, Аркадию, Беотию и Фокиду. Это сочинение Павсания – единственный целиком сохранившийся образец перигезы (путевых записок) и самое об-

стоятельное описание Греции, какое оставила античность. Около половины объема труда занимают исторические, мифологические, парадоксографические и географические excursus. Наряду с личными впечатлениями, Павсаний использовал литературные и исторические сочинения: Гомера, Гесиода, Геродота, а также не дошедшие до нас произведения историка Истра, географов Полемона и Артемидора, поэта Риана и др. Особенное внимание автор уделил памятникам архитектуры и искусства Средней Греции и Пелопоннеса, напоминающим о величии древней Греции, и великим современникам – Адриану, Антонину Пию, Героду Аттику.

Павсаний

Описание Эллады

Книга I

По В. В. Латышеву

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

21. (5) ...Здесь (т. е. в святилище Асклепия в Афинах), кроме других даров, посвящен сарматский панцирь. Взглянув на него, можно сказать, что варвары способны к искусствам ничуть не менее эллинов. У савроматов¹ нет железа, ни добываемого ими самими, ни привозного²; ибо они менее всех местных варваров вступают в сношения с иностранцами. Но они нашли способ восполнить этот недостаток: на копьях у них костяные острия вместо железных, луки и стрелы деревянные, а наконечники стрел также костяные³; на попавшихся им врагов они накидывают арканы и затем, повернув лошадей, опрокидывают захваченных арканами. Панцири делают они следующим образом: каждый из них держит много лошадей, так как земля их не разделена на участки и ничего не производит, кроме дикой растительности, так как они ведут кочевой образ жизни. Лошадей они употребляют не только для войны, но и приносят в

жертву туземным богам и употребляют в пищу⁴. Их копыта они собирают, очищают, разрезают и делают из них нечто вроде змеиной чешуи. Кому не случилось еще видеть змей, тот, наверное, видал еще зеленые сосновые шишки: итак, с бороздками, виднеющимися на сосновой шишке, можно, пожалуй, безошибочно сравнить то, что делается из копыт; эти пластинки они просверливают, сшивают лошадиными и бычачьими жилами и употребляют в качестве панцирей, которые ни красотой, ни крепостью не уступают эллинским⁵: они выдерживают даже удары копий и мечей в рукопашном бою.

24. (6) ...Аристей Прокопесский говорит в своей поэме, что грипы⁶ сражаются за золото с аримаспами, живущими выше исседонов, и что золото, которое стерегут грипы, производит земля; аримаспы, по его словам, – все одноглазые от рождения, а грипы – звери, похожие на львов, но с крыльями и орлиным клювом.

31. (2) В Прасиях⁷ есть храм Аполлона; сюда приносятся, говорят, начатки от гипербореев: гиперборейи передают их аримаспам, аримаспы – исседонам, от них скифы привозят их в Синоду, отсюда они несутся эллинами в Прасии, наконец, афиняне перевозят их на Делос; начатки эти спрятаны в пшеничной соломе и никому не известны.

32. (1) Горы у афинян – Пентелик... Парнес... и Гиметт, доставляющий наилучший корм для пчел после Алазонской земли. У

алазонов обычно и пчелы отпускаются на луга вместе с другими животными, и их не держат запертыми в ульях.

43. (1) ...Я знаю, что, по словам Гесиода в «Каталоге женщин», Ифигения не умерла, но по воле Артемиды стала Гекатой. Согласно с этим Геродот пишет, что тавры⁸, живущие в соседстве со Скифией, приносят потерпевших кораблекрушение в жертву деве⁹ и эту деву называют Ифигенией, дочерью Агамемнона.

Книга II

3. (10) Евмел говорит, что Гелиос дал Алсею Асопскую область, а Эту – Эфирскую и что Эет перед отъездом в Колхиду поручил свою землю Буну¹⁰...

Книга III

16. (7) Местность, называемая Лимнеем¹¹, посвящена Артемиде Ортии. Деревянная ее статуя, говорят, – та самая, которую некогда Орест и Ифигения выкрали из Таврики¹²; лакедемоняне говорят, что статуя была привезена в их землю, потому что Орест царствовал и там. И мне кажется, что их предание правдоподобнее афинского¹³; в самом деле, на каком основании Ифигения оставила бы статую в Бравроне?.. Имя таврической богини по настоящее время остается до такой степени знаменитым, что из-за нее спорят живущие у Евксинского Понта каппадокийцы; утверждая, что статуя находится у них, спорят также и те лидийцы, у которых есть святилище Артемиды Анеитиды... [В Спарте] за статуей от приносившихся ей в Таврике [человеческих] жертвоприношений оставалось свойство наслаждаться человеческой кровью.

19. (7) ...Из всех храмов, построенных по этой дороге¹⁴, самым древним является святилище Ареса, стоящее на левой стороне дороги; статую, говорят, привезли сюда Диоскуры из Колхиды¹⁵. Ареса называют здесь Теритом – от Теро, которая считается кормилицей Ареса. Очень может быть, что название Терита заимствовано от колхов, так как эллины не знают аресовой кормилицы Теро; мне кажется, однако, что прозвание “Терит” [т. е. зверский] дано Аресу не от кормилицы, а потому, что, выступив в бой, нельзя иметь чувства кротости к врагу, подобно тому, как у Гомера сказано об Ахилле: “как лев, о свирепствах лишь мыслит”¹⁶.

(11) Я приведу здесь рассказ об Елене, передаваемый, как мне известно, кротонцами и подтверждаемый гимерийцами. Есть в Евк-

синском *Понте* против устьев Истра посвященный Ахиллу остров, называемый Белым (Λευκή) и имеющий в окружности двадцать стадиев; он весь покрыт густым лесом и наполнен дикими и ручными животными; на нем находится храм Ахилла с его статуей. Первым, как рассказывают, посетил этот остров кротонец Леоним¹⁷. *Дело было так*: когда у кротонцев завязалась война с италийскими Локрами и последние по родству с Локрами Опунтскими призывали на помощь в сражениях Аянта, сына Оилеева, то Леоним, предводительствовавший кротонцами, напал на врагов с той стороны, где, как он слышал, стоял пред ними Аянт. Тут он был ранен в грудь и, страдая от раны, прибыл в Дельфы; но пифия послала его на Белый остров, сказав, что там явится ему Аянт и исцелит рану. Впоследствии *Леоним*, возвратившись с Белого острова исцеленным, рассказывал, что видел Ахилла, Аянта Оилеева и *Аянта Теламонова* и что с ними были Патрокл и Антилох; что Елена живет с Ахиллом и велела ему [т. е. Леониму] ехать в Гимеру к Стесихору и объявить ему, что он лишился зрения вследствие гнева Клены. Стесихор по этому случаю сочинил «Палинодию».

24. (7) Между развалинами [города Ласа в Лаконике] есть святилище Афины, по прозвищу Асийской, построенное, по преданию, Полидевком и Кастором по возвращении из Колхиды, ибо у колхов тоже было святилище Афины Асийской. Об участии сыновей Тиндарея в походе Ясона я знаю наверное, а о почитании Афины Асийской у колхов¹⁸ пишу на основании сообщения жителей Ласа.

Книга IV

34. (12) ...В эллинских реках не водятся опасные для людей чудовища, как в Инде и египетском Ниле, кроме того, в Рейне, Истре, Евфрате и Фасисе: там водятся животные, чрезвычайно падкие до человеческого мяса, по виду похожие на германских и меандрских сомов за исключением более черного цвета и силы, – в этом сомы им уступают.

35. (12) ...Геродот, как известно, говорит, что в реку Гипанис впадает источник горькой воды. Как же нам не верить справедливости этого свидетельства, когда и в наше время в тирренской Дикеархии известен теплый источник, до такой степени едкий, что, протекая через свинцовые трубы, в течение немногих лет растворил этот свинец.

Книга V

7. (7) ...Говорят, что дикая маслина принесена в Элладу Гераклом из земли гипербореев, народа, живущего выше ветра Борея. Ликийец Олен в гимне в честь Ахеи первый сочинил, что Ахея прибыла на остров Делос из земли этих гипербореев. Затем Меланоп Кимейский в песне в честь Опис и Гекаерги говорил, что они прибыли от гипербореев на Делос еще

раньше Ахеи. Но Аристей Проконнесский, который также упоминает о гипербореев, может быть, имел о них более подробные сведения от исседонов, о путешествии к которым он говорит в своей поэме.

11. (6) ...Про Геракла рассказывают и то, что он, убив орла, который на Кавказе мучил Прометея, и самого Прометея освободил из оков.

Книга VIII

28. (2) ...Реки Истр, Рейн, Гипанис, Борисфен и вообще такие, которые замерзают в зимнее время, по моему мнению, правильно было бы называть холодными: они текут по землям, большую часть времени покрытым

снегом, и самый воздух, их окружающий, наполнен холодом...

43. (6) Антонин Второй¹⁹ наказал и германцев, самое воинственное и многочисленное из варварских племен в Европе, и народ савроматский, ибо они первые начали войну и обиды.

Книга IX

34. (8) ...Впоследствии, когда возвратился из Колхиды, по одним, сам Фрикс, а по другим – Пресбон, сын Фрикса от дочери Эета²⁰, то сыновья Терсандра предоставили Атаман-

ту и его потомкам владеть домом Атаманта, а сами... сделались основателями Галиарта и Коронеи.

Книга X

5. (7) ...Местная [т.е. дельфийская] уроченка Био²¹ (Βιού), сочинившая гимн дельфийцам, говорит, что прорицание в [Дельфах] устроили для бога пришельцы из страны гипербореев, Олен и другие; Олен был, по ее словам, и первым прорицателем и первый изоб-

рел гекзаметр. Био пишет следующим образом:

Здесь устроили добропамятное прорицалище сыны гипербореев Пагас и дивный Агией.

Перечислив затем остальных гипербореев, поэтесса в конце гимна называет Олена:

И Олен, который был первым пророком Феба
и первый из древних сочинил эпическую песнь.

Примечания

¹ [Имена *сарматы* и *савроматы* для Павсания, как и для многих других авторов эллинистическо-римского времени, синонимичны].

² [В действительности железо широко засвидетельствовано в восточноевропейских странах, т. е. не только у племен Причерноморья, но и в областях, тяготеющих к Балтике и Белому морю на рубеже II–I тысячелетий до н. э. См.: Ю. В. Готье, *Очерки истории материальной культуры Восточной Европы*. I. М., 1925: 134 сл.].

³ [Костяные наконечники копий в сарматских курганах до чрезвычайности редки (встречаются

костяные футляры для железных наконечников), костяные наконечники стрел известны чаще, но и они являются редкостью по сравнению с бронзовыми и железными. Бедность металла и обилие костяных наконечников копий и стрел более характерны для культуры племен средней и северной полосы Восточной Европы второй половины I тысячелетия до н. э. (так называемые Дьяковская и Ананьинская культуры). См. А. В. Арциховский. *Введение в археологию*. – М., 1947: 71 сл.].

⁴ [О жертвоприношениях коней в Скифии и на Кавказе см. Геродот IV: 62; Ксенофонт. *Анабасис*

IV: 5, 35 сл. Курьезный анекдот о поедании скифами конины: Пиндар, фр. 203].

⁵ [Сарматские чешуйчатые панцири из роговых, костяных или бронзовых пластинок засвидетельствованы археологически неоднократно, см. E. Minns. Scythians and Greeks. – Cambridge, 1913: 234, рис. 131].

⁶ [Грипы – грифы или грифоны, крылатые чудовища с львиным туловищем и орлиной головой, были излюбленным мотивом изображений и орнаментики в переднеазиатском, скифо-сарматском и греческом искусстве. См. Б. Б. Фармаковский. Архаический период в России // МАР, 1909, вып. 37].

⁷ [Дем в Аттике, на юго-восточном берегу, близ Коронейского мыса].

⁸ Геродот IV: 103.

⁹ [О культе богини-девы в Херсонесе в Крыму и об отождествлении этой богини с Артемидой и Ифигенией: Страбон VII: 4, 2].

¹⁰ См. выше Евмел, фр. 2 [Homeri opera / Ed. Th. Alien, v. V. – Oxonii, 1912]; схол. к Пиндар. Олимп. XIII: 74.

¹¹ В Спарте.

¹² [Об этой легенде см. подробнее Еврипид. Ифигения в Тавриде: 1446 сл.].

¹³ [Аттическое предание, изложенное (Еврипид. Ифигения в Тавриде: 1446 сл.) состояло в том,

что статуя Артемиды была перевезена в Браврон в Аттике и помещена в находившемся там храме Артемиды].

¹⁴ Ведущей из Спарты в Терапну.

¹⁵ [Диоскуры считались участниками похода аргонавтов. О святилищах Ареса в Колхиде, откуда, по преданию, происходила статуя: Аполлоний Родосский II: 1265 сл.].

¹⁶ Гомер. Илиада XXIV: 41. Перевод Н. И. Гнедича.

¹⁷ [Версия, близкая изложенной у Павсания: Конон: 18 (Фотий. Библиотека, кодекс 186)].

¹⁸ [Культ Афины (которую в Греции должны были называть Асийской) засвидетельствован в местечке Афинах (современная Атина) на черноморском берегу Малой Азии к востоку от Трапезунта, у границ Колхиды: Арриан. Перипл Понта Евксинского: 6].

¹⁹ [Имеется в виду римский император Марк Аврелий Антонин (161–180 гг. н. э.), ведший войны с маркоманами, даками и сарматами, которых Павсаний называет савроматами].

²⁰ [Другая версия о потомстве Фрикса и дочери царя Колхиды Эета Халкиопы: Аполлоний Родосский II: 1140 сл.].

²¹ О поэтессе Воi9 с отрывками из стихотворений см.: RE под словом Воiо.

Клавдий Птолемей

Κλαυδίας Πτολεμαῖος – Claudius Ptolemaeus

Клавдий Птолемей (ок. 100 – ок. 178), греческий астроном, математик, географ. Жил в Александрии. Наиболее известные работы Птолемея – «Великое математическое построение астрономии» (арабизированное название «Альмагест») в 17 книгах, включая звездный каталог, и «География» («Γεωγραφικά»), где даны координаты около 8100 названий мест – городов, островов, гор, рек и пр., включая номенклатуру Сарматии и Кавказа, нередко, правда, в искаженном виде.

Как астроном Птолемей продолжил утраченные исследования основателя научной астрономии Гиппарха (II в. до н. э.), а как географ следовал трудам Эратосфена, Посидония, Страбона и Марина Тирского, который к 120 г. н. э. собрал воедино географические сведения из античных периплов и итинерариев. «География» Птолемея сопровождалась

атласом из 27 карт: 10 региональных карт Европы, 4 карты Африки, 12 карт Азии и сводная карта всего известного к тому времени мира. Книга завоевала такой авторитет, что даже столетие спустя после путешествий Христофора Колумба и Магеллана, которые ниспровергли основные положения «Географии», все еще выходили карты в стиле Птолемея. Некоторые из его ошибочных представлений настойчиво повторялись и на картах XVII–XVIII вв.

Птолемей написал также трактат по оптике в 5 книгах, который сохранился в латинском переводе с арабского, трактат по теории музыкальных ладов в продолжение трудов Аристоксена (II пол. IV в. до н. э.), и непрерываемый трактат по астрологии «Апотелесматика» в 4 книгах, называемый обычно «Тетрабиблос» – «Четверокнижие».

Клавдий Птолемей

География

По В. В. Латышеву. Перевод И. П. Цветкова

Книга III

Глава 5. Карта Европы, VIII. (1) Европейская Сарматия¹ ограничивается на севере Сарматским океаном² по Венедскому заливу³ и частью неизвестной земли. Описание такое;

за устьем реки Вистулы⁴, которое находится под 45° долготы – 56° широты следует

устье реки Хрона ⁵ под	50°	– 56°
устье реки Рубона ⁶ под	53°	– 57°
устье реки Турунта ⁷ под	56°30′	– 58°30′

устье реки Хесина⁸ под 58°30' – 59°30'

Береговая линия, которая составляет конец известного моря, по параллели, проходящей через Туле⁹, находится под 62° – 63°.

Предел же Сарматии по меридиану, проведенному через истоки реки Танаиса¹⁰, находится под 64° – 63°.

С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой, частью Германии, лежащей между ее истоками и Сарматскими горами¹¹, и самими горами, о положении которых уже сказано.

Южную границу составляют: язиги-метанасты¹² от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата, которая находится под 46° – 48°30', и соседняя Дакия около той же параллели до устья реки Борисфена, и далее береговая линия Понта до реки Каркинита.

Положение этой береговой линии таково:

(2) Устья реки Борисфена ¹³	57°30' – 48°30'
устье реки Гипаниса ¹⁴	58° – 48°30'
Роща Гекаты, мыс ¹⁵	58°30' – 47°30'
перешеек Ахиллова Бега ¹⁶	59° – 47°40'
западный мыс Ахиллова Бега, который называется Священный мыс ¹⁷	57°50' – 47°30'
восточный мыс, называемый Мисаридой (καλέϊται Μισαρίδης) ¹⁸	59°45' – 47°30'
Кефалонес ¹⁹	59°45' – 47°50'
Прекрасная гавань ²⁰	59°30' – 47°45'
Тамирака ²¹	59°20' – 48°30'
устье реки Каркинита	59°40' – 48°30'

За этим устьем следует перешеек²², отделяющий Херсонес Таврический²³; береговая его линия у Каркинитского залива находится под 60°20' – 48°20', а у озера Бики²⁴ – под 60°30' – 48°30'.

(3) Восточную границу Сарматии составляют: перешеек от реки Каркинита, озеро Бика, береговая линия Меотийского озера до реки Танаиса, самая река Танаис, наконец меридиан, идущий от истоков Танаиса к неизвестной земле до вышесказанного предела²⁵.

(4) Эта сторона Сарматии имеет такое описание: за перешейком, находящимся у реки Каркинита, следует у Меотийского озера

Новая крепость ²⁶	60°30' – 48°40'
устье реки Пасиака ²⁷	60°20' – 48°50'
город Лиан ²⁸	60° – 49°15'
устье реки Бика	60°20' – 49°30'
город Акра ²⁹	60°30' – 49°40'
устье реки Герра	61° – 49°50'
город Кремны ³⁰	62°30' – 49°45'
мыс Агар ³¹	63° – 49°40'
устье реки Агара ³²	62°30' – 50°30'
роща, Рыболовля Бога ³³	62°40' – 51°15'
устье реки Лика ³⁴	63° – 51°50'
город Гигрей ³⁵	63°30' – 52°30'

устье реки Порита ³⁶	64°30' – 53°
деревня Кария (Καροία) ³⁷	65° – 53°30'
западное устье реки Танаиса ³⁸	66°20' – 54°10'
восточное устье	67° – 54°30'
поворот реки ³⁹	72°30' – 56°
истоки реки ⁴⁰	64° – 58°

За ними вышесказанный предел неизвестной земли, находящийся под 64° – 63°.

(5) Сарматию пересекают и другие горы [кроме Сарматских], между которыми называются:

Певка гора ⁴¹	51° – 51°
Амадокские горы ⁴²	55° – 51°
гора Бодин ⁴³	58° – 55°
горы Аланские ⁴⁴	62°30' – 55°
горы Карпатские, как сказано	46° – 48°30'
Венедские горы ⁴⁵	47°30' – 55°
Рипейские горы ⁴⁶ , середина коих	63° – 57°30'

(6) Часть реки Борисфена у озера Амадоки⁴⁷ лежит под 53°30' – 50°20', а самый северный исток реки Борисфена под 52° – 53°.

Из рек, текущих ниже Борисфена, река Тира⁴⁸ отделяет части Дакии и Сарматии, начиная от поворота, находящегося под 53° – 48°30', до конца под 49°30' – 48°30'.

Река Аксиак⁴⁹ также протекает через Сарматию немного выше Дакии до гор Карпатских.

(7) Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды – по всему Венедскому заливу; выше Дакии – певкины и бастерны⁵⁰; по всему берегу Меотиды язиги⁵¹ и роксоланы⁵²; далее за ними внутрь страны – гаммаксобии⁵³ и скифы-аланы⁵⁴.

(8) Менее значительные племена, населяющие Сарматию, следующие: около реки Вистулы, ниже венедов – гитоны⁵⁵, затем финны⁵⁶, далее сулоны⁵⁷, ниже их – фругундионы⁵⁸, затем аварины⁵⁹ около истоков реки Вистулы; ниже их омброны⁶⁰, далее анартофракты⁶¹, затем бургионы⁶², далее арсиеты⁶³, сабоки⁶⁴, пингиты⁶⁵ и биессы⁶⁶ возле Карпатских гор.

(9) Восточнее вышесказанных племен живут: ниже венедов – галинды⁶⁷, судины⁶⁸ и ставаны⁶⁹ до аланов; ниже их – игиллионы⁷⁰, затем кистобоки⁷¹ и трансмонтаны⁷² [загоры] до Певкинских гор.

(10) Затем побережье океана у Венедского залива занимают вельты⁷³, выше их – оссии⁷⁴, затем – самые северные – карбоны, точнее их – кареоты исалы⁷⁵; ниже этих – геллоны⁷⁶, гиппоподы⁷⁷ и меланхлены⁷⁸, ниже их – агафирсы, затем аорсы и пагириты⁷⁹, ниже их – савары⁸⁰ и боруски⁸¹ до Рипейских

гор; затем – акибы⁸² и наски⁸³, ниже их – вибионы и идры; ниже вибионов до аланов стурны, а между аланами и гамаксобиями – карионы⁸⁴ и саргати⁸⁵; у поворота реки Танаиса – офлоны и танаиты, за ними – осилы⁸⁶ до роксолан; между гамаксобиями и роксоланами – ревканалы⁸⁷ и эксобигиты⁸⁸; затем между певкинами и бастернами – карпианы⁸⁹, выше них – гевины⁹⁰, далее бодины⁹¹. Между бастернами и роксоланами живут хуны⁹², а ниже соименных гор амадоки и навары⁹³.

(11) Возле озера Бики живут тореккады⁹⁴, а по Ахиллову Бегу – тавро-скифы; ниже бастернов около Дакии – тагры, а ниже их – тирагеты.

(12) Ниже поворота реки Танаиса расположены:

Александровы алтари ⁹⁵ под	63°	– 57°
Кесарева алтари ⁹⁶	68°	– 56°30'
и между устьями лежит город Танаис	67°	– 54° 30'.

(13) Внутри страны в речных долинах лежат города: по реке Каркиниту:

Каркина город ⁹⁷	59°30'	– 48°45'
Торокка ⁹⁸	58°30'	– 49°
Пасирида ⁹⁹	58°30'	– 49°10'
Оркаб ¹⁰⁰	58°30'	– 49°15'
Тракана ¹⁰¹	58°30'	– 40°45'
Навар ¹⁰²	58°30'	– 50°

(14) По реке Борисфену:

Азагарий ¹⁰³	56°	– 50°40'
Амадока ¹⁰⁴	56°	– 50°30'
Сар ¹⁰⁵	56°	– 50°15'
Серим ¹⁰⁶	57°	– 50°
Метрополь ¹⁰⁷	56°30'	– 49°30'
Ольвия или Борисфен	57°	– 49°

Выше реки Аксимака:

Ордесс	57°	– 48°30'
--------	-----	----------

15. По рукаву¹⁰⁸ Борисфена:

Леин город ¹⁰⁹	54°	– 50°15'
Сарбак ¹¹⁰	55°	– 50°
Ниосс ¹¹¹	56°	– 49°40'

Выше реки Тиры около Дакии:

Карродун ¹¹²	49°30'	– 48°40'
Метоний ¹¹³	51°	– 48°30'
Клепидава ¹¹⁴	52°30'	– 48°40'
Вибантаварий ¹¹⁵	53°10'	– 48°40'
Эракт ¹¹⁶	53°30'	– 48°40'

(16) В устье реки Танаиса лежит остров Алопекия¹¹⁷ или Танаис под 66°30' – 53° 30'.

Глава 6. Карта Европы VIII. (1) Границы Херсонеса Таврического составляют: перешеек, простирающийся от Каркинитского залива до озера Бики¹¹⁸, затем последовательно

берега Понта, Киммерийского Боспора и Меотийского озера, по следующим описаниям:

(2) За перешейком у реки Каркинита¹¹⁹ в Понте лежат:

Евпатория город ¹²⁰	60°45'	– 47°20'
Дандака	60°45'	– 47°20'
гавань Символов	61°	– 47°15'
мыс Парфений	60°40'	– 47°
Херсонес	61°	– 47°
Ктенунт гавань	61°15'	– 47°10'
Бараний Лоб, мыс	62°	– 46°40'
Харакс ¹²¹	62°	– 46°50'
Лагира ¹²²	62°30'	– 47°
Мыс Коракс ¹²³	63°	– 47°
Устье реки Истриана ¹²⁴	63°10'	– 47°10'
Феодосия	63°20'	– 47°20'
Нимфей	63°45'	– 47°30'

(3) В Киммерийском Боспоре:

Тириктака ¹²⁵	63°30'	– 17°40'
Пантикапея	64°	– 47°55'
мыс Мирмекий	64°	– 48°30'

(4) По Меотийскому озеру:

Парфений	63°30'	– 48°30'
Зенонов Херсонес ¹²⁶	63°	– 48°45'
Гераклий ¹²⁷	62°	– 48°30'

(5) Внутри Таврического Херсонеса лежат следующие города:

Тафр ¹²⁸	60°40'	– 48°15'
Тарона	62°20'	– 48°15'
Постигия	63°	– 48°15'
Пароста ¹²⁹	61°30'	– 48°10'
Киммерий	62°	– 48°
Портакра ¹³⁰	61°50'	– 47°40'
Бион ¹³¹	62°50'	– 47°45'
Илурат ¹³²	63°20'	– 47°45'
Сатарха ¹³³	61°15'	– 47°20'
Бадатий ¹³⁴	61°30'	– 47°30'
Китей	62°15'	– 47°30'
Тазос ¹³⁵	62°40'	– 47°30'
Аргода ¹³⁶	61°45'	– 47°15'
Табана ¹³⁷	62°20'	– 47°15'

Глава 10. Крата Европы IX. (1) Нижняя Мисия ограничивается с запада вышеупомянутой частью реки Киабра¹³⁸, с юга – частью Фракии, простирающейся от Киабра через гору Гем до предела у Понта, который лежит под 55° – 44°40', с севера – вышеупомянутой частью реки Данубия¹³⁹, от реки Киабра до Аксиуполя¹⁴⁰ и остальной частью Дуная, называемой Истром, до впадения в Понт. Поворот Истра и города Диногетии¹⁴¹, как сказано, находится под 53° – 46°40'.

(2) Затем устья Истра идут в таком порядке: первое разделение на устья у города Новодуна¹⁴² под 54°50' – 46°30'; затем самый южный рукав обтекает остров, называемый Певкой¹⁴³ и находящийся под 55°20' – 46°30', и

впадает в Понт так называемым Священным устьем, или Певкой¹⁴⁴, находящимся под $56^{\circ} - 46^{\circ}15'$. Самый северный рукав разделяется под $55^{\circ} - 46^{\circ}45'$, и северный рукав, образовавшийся от этого разделения, в свою очередь, разделяется под $55^{\circ}30' - 47^{\circ}$.

Затем южный проток, образовавшийся от этого разделения, исчезает недалеко от впадения в Понт, а северный образует озеро, называемое Тиаголой¹⁴⁵ и лежащее под $55^{\circ}40' - 47^{\circ}15'$, а затем впадает в Понт устьем, которое также называют Тиаголой или Пустым¹⁴⁶ и которое лежит под $56^{\circ}15' - 47^{\circ}$.

Южный проток, образовавшийся от второго разделения, в свою очередь, делится надвое под $55^{\circ}20' - 46^{\circ}45'$, и северный рукав, происшедший от этого разделения, впадает в Понт так называемым Северным устьем, которое лежит под $56^{\circ}20' - 46^{\circ}45'$, а южный опять разделяется под $55^{\circ}40' - 46^{\circ}30'$, и южный проток, образовавшийся от этого разделения, впадает в Понт так называемым Наракийским устьем, которое находится под $56^{\circ}10' - 46^{\circ}20'$. А северный снова делится под $56^{\circ} - 46^{\circ}40'$, и происшедший от этого нового разделения северный проток впадает устьем Псевдостомом, лежащим под $56^{\circ}15' - 46^{\circ}30'$, а южный впадает устьем, которое называется Прекрасным¹⁴⁷ и лежит под $56^{\circ}15' - 46^{\circ}30'$.

(4) Западную часть Нижней Мисии населяют трибаллы, а в восточной части ниже устья Певки живут троглодиты, а по устьям певкины...

(7) Поморье от самого северного устья Истра до устьев реки Борисфена и область внутри материка до реки Гиераса¹⁴⁸ занимают гарпии¹⁴⁹ ниже тирагетов-сарматов и бритологи выше певкинов.

Описание этого поморья следующее: за устьями Борисфена, которые находятся, как сказано, под $57^{\circ}30' - 48^{\circ}30'$:

устья реки Аксиака	57°	$- 48^{\circ}$
город Фиска (Цэукз) ¹⁵⁰	$56^{\circ}40'$	$- 47^{\circ}40'$
устья реки Тиры ¹⁵¹	$56^{\circ}20'$	$- 47^{\circ}40'$
деревня Гермонактова	$56^{\circ}15'$	$- 47^{\circ}30'$
город Гарпис ¹⁵²	56°	$- 47^{\circ}15'$

8. Города внутри материка и в этой области следующие: по реке Гиерасу¹⁵³:

Заргидава ¹⁵⁴	$54^{\circ}40'$	$- 47^{\circ}45'$
Тамасидава ¹⁵⁵	$54^{\circ}20'$	$- 47^{\circ}30'$
Пироборидава ¹⁵⁶	$54^{\circ}30'$	$- 47^{\circ}$

Между реками Гиерасом и Тирой:

Никоний ¹⁵⁶	$56^{\circ}20'$	$- 48^{\circ}10'$
Офиусса ¹⁵⁷	56°	$- 48^{\circ}$
Тира город	56°	$- 47^{\circ}40'$

К Нижней Мисии¹⁵⁸ в сказанной части Понта прилежат острова:

так называемый остров

Борисфенида	$57^{\circ}15'$	$- 47^{\circ}40'$
и Ахиллов или Белый остров ¹⁵⁹	$57^{\circ}30'$	$- 47^{\circ}50'$

Книга V

Глава 8. Карта Азии II. (1) Азиатская Сарматия ограничивается с севера неизвестной землей; с запада – Европейской Сарматией до истоков реки Танаиса¹⁶⁰ и самой рекой Танаисом до впадения ее в Меотийское озеро, а также восточной частью Меотийского озера, от Танаиса до Киммерийского Боспора; положение этой части следующее:

(2) За устьем реки Танаиса:

Паниардис ¹⁶¹	$67^{\circ}30'$	$- 53^{\circ}30'$
устье реки Марубия ¹⁶²	68°	$- 53^{\circ}$
Патарва	68°	$- 52^{\circ}30'$

(3) Устье реки Большого Ромбита $68^{\circ}30' - 52^{\circ}$

устье реки Теофания ¹⁶³	$68^{\circ}30'$	$- 51^{\circ}40'$
город Азара ¹⁶⁴	$68^{\circ}30'$	$- 51^{\circ}20'$

(4) Устье реки Малого Ромбита $69^{\circ} - 50^{\circ}30'$

Аксабитийская коса ¹⁶⁵	68°	$- 50^{\circ}$
Тирамба ¹⁶⁶	$69^{\circ}40'$	$- 49^{\circ}50'$

устье реки Атикита ¹⁶⁷	70°	$- 49^{\circ}20'$
город Геруса ¹⁶⁸	70°	$- 49^{\circ}$

устье реки Псатия	$69^{\circ}30'$	$- 48^{\circ}45'$
Матета	69°	$- 48^{\circ}30'$

(5) Устье реки Вардана ¹⁶⁹	68°	$- 48^{\circ}20'$
Мыс Киммерий ¹⁷⁰	$66^{\circ}30'$	$- 48^{\circ}30'$

Апатур	$66^{\circ}20'$	$- 48^{\circ}15'$
Ахиллий при устье Боспора ¹⁷¹	$64^{\circ}30'$	$- 48^{\circ}30'$

Фанагория	$64^{\circ}30'$	$- 47^{\circ}50'$
Корокондама	$64^{\circ}15'$	$- 47^{\circ}30'$

(7) С юга азиатская Сарматия ограничивается частью Евксинского Понта, простирающейся отсюда до реки Корака¹⁷², и пограничной чертой Колхиды, Иберии и Албании, идущей отсюда до Гирканского, или Каспийского моря; описание этой стороны такое:

(8) За Корокондамой в Понте опять:

Гермонасса	65°	$- 47^{\circ}30'$
Синдская гавань	$65^{\circ}30'$	$- 47^{\circ}50'$
деревня Синда ¹⁷³	66°	$- 48^{\circ}$
гавань Бата ¹⁷⁴	$66^{\circ}30'$	$- 47^{\circ}40'$
деревня Бата	$66^{\circ}20'$	$- 47^{\circ}30'$
устье реки Холодной ¹⁷⁵	$66^{\circ}40'$	$- 47^{\circ}30'$
деревня Ахея ¹⁷⁶	67°	$- 47^{\circ}30'$

(9) Залив Керкетиды ¹⁷⁷	$67^{\circ}30'$	$- 47^{\circ}20'$
город Таз ¹⁷⁸	68°	$- 47^{\circ}30'$

мыс Торетский ¹⁷⁹	68°	$- 47^{\circ}$
город Амписалида ¹⁸⁰	$68^{\circ}30'$	$- 47^{\circ}15'$

устье реки Бурки ¹⁸¹	69°	$- 47^{\circ}15'$
Инантия ¹⁸²	$69^{\circ}40'$	$- 47^{\circ}10'$

(10) Устье реки Техиря¹⁸³ $69^{\circ}40' - 47^{\circ}$

Картерон Теихос
[Сильная Крепость]¹⁸⁴ 70° – 46°50'
устье реки Корака 70°30' – 47°
затем предел у боковой границы Колхиды¹⁸⁵.

(11) Следующий за ним [предел] идет по границе Иберии; здесь находятся:

Сарматские ворота¹⁸⁶ 77° – 47°

затем предел вдоль Албании до Гирканского моря, где

устье реки Соаны¹⁸⁷ под 86° – 47°

(12) С востока Азиатская Сарматия ограничивается начинающейся отсюда частью Гирканского моря, в которой за устьем реки Соаны, положение которого указано, находится:

устье реки Алонта¹⁸⁸ под 86°30' – 47°40'

устье реки Удона¹⁸⁹ 87° – 48°20'

устье реки Ра¹⁹⁰ 87°30' – 48°50'

Она ограничивается также и Скифией, простирающейся вдоль реки Ра до поворота¹⁹¹, находящегося под 85° – 54°, и вдоль идущего отсюда меридиана до неизвестной земли.

(13) Есть еще другой поворот реки Ра¹⁹², приближающийся к повороту реки Танаис, положение которого таково: 74° – 56°. Выше этого поворота сливаются две реки¹⁹³, текущие от Гиперборейских гор¹⁹⁴, слияние их имеет такое положение: 79° – 58°30', истоки более западной из них лежат под 70 – 61°, а восточной 90° – 61°.

(14) Сарматия прорезывается еще другие горы, называемые Гиппийскими и Керавнскими¹⁹⁵, и гора Корака¹⁹⁶, которой оканчиваются горы, идущие через Колхиду и Иберию и называемые Кавказскими, а также отрог их, который идет к Гирканскому морю и называется также Кавказом.

(15) Крайние части Гиппийских гор имеют такое положение: 74° – 54° и 81° – 52°
Керавнских 82°30' – 49°30' и 84° – 52°
Корака 69° – 48° и 75° – 48°
Кавказа 75° – 47° и 85° – 48°
кроме того, Александровы Столбы¹⁹⁷
лежат под 80° – 51°30'
Сарматские ворота 81° – 48°30'
Албанские ворота¹⁹⁸ 80° – 47°

(16) Сарматия занимают в местностях, прилегающих к неизвестной земле, сарматы-гипербореи¹⁹⁹, ниже их – сарматы царские²⁰⁰, народ модоки²⁰¹ и сарматы-конееды²⁰², а еще ниже их – закаты²⁰³, свардены²⁰⁴ и асеи²⁰⁵; затем вдоль северного поворота реки Танаиса – многочисленный народ периербиды²⁰⁶, а вдоль южного – народ яксаматы²⁰⁷. Города:

Эксополь²⁰⁸ 72° – 55°40'
Наварис²⁰⁹ 70° – 55°
Танаис 67° – 54°20'

(17–25) Ниже сварденов живут хениды²¹⁰, а на восток от реки Ра – фтирофаги [вшееды]²¹¹, матеры²¹² и страна Несиотида [Островная]²¹³; затем под яксаматами – сиракены²¹⁴, а за сиракенами между Меотийским озером и Гиппийскими горами – псесии²¹⁵, затем те-меоты²¹⁶, ниже их тирамбы²¹⁷, потом астуриканы²¹⁸, далее до горы Корака арихи²¹⁹ и зинхи²²⁰, за упомянутыми горами Корака – ко-напсены²²¹, метибы²²² и агориты²²³, ниже сиракенов, между рекой Ра и Гиппийскими горами, – страна Митридата²²⁴, под ней – меланхлены²²⁵, затем сапотрены²²⁶, а ниже этих – скимниты²²⁷, потом амазонки; между Гиппийскими и Керавнскими горами – сураны²²⁸ и саканы²²⁹; между Керавнскими горами и рекой Ра – ориней²³⁰, валы²³¹ и сербы²³², а между горой Кавказом и Керавнскими горами – туски²³³ и дидуры²³⁴; вдоль Каспийского моря – уды²³⁵, олонды²³⁶, исонды²³⁷ и герры²³⁸; под горными хребтами по обеим сторонам Киммерийского Боспора – боспораны, а вдоль Понта – ахеи, керкеты, гениохи и сванно-колхи²³⁹; за Албанией – санареи²⁴⁰.

(26) Города и деревни называются такие: по малому Ромбиту:

Азараба²⁴¹ 70° – 50°30'

(27) По реке Псатию:

Авхида²⁴² 70°40' – 49°40'

(28) По реке Вардану:

Скопел²⁴³ 68° – 48°

Суруба²⁴⁴ 72° – 48°20'

Корусия²⁴⁵ 73°40' – 48°30'

Эбриапа²⁴⁶ 75°20' – 48°30'

Серака²⁴⁷ 77° – 48°40'

29. По реке Бурке:

Кукуда²⁴⁸ 70° – 47°45'

30. По реке Тессирию:

Батраха²⁴⁹ 71° – 47°30'

31. По реке Кораку.

Наана²⁵⁰ 73°30' – 47°15'

32. В горных хребтах: города

Абунис²⁵¹ 73° – 48°

Насуния²⁵² 74° – 48°

Альмия²⁵³ 75° – 48°

Книга VI

Глава 2. (5) ...Западную часть [Мидии] близ Армении занимают каспии, ниже которых лежит Маргиана²⁵⁴ вдоль всей ассирийской стороны, а поморье – кадусии, гелы и дрибики²⁵⁵, за которыми тянутся в глубь ма-

терика земли амариаков и мардов²⁵⁶. Соседние с областью кадусиев земли занимают кардухи²⁵⁷...

Книга VII

Глава 5. (2) Часть нашей обитаемой земли ограничивается... с севера соединяющимся океаном, окружающим Бретанские острова и самые северные части Европы, так называемым Дукалидонским²⁵⁸ и Сарматским, и неизвестной землей, прилежащей к самым северным Странам Великой Азии, к Сарматии, Скифии и Серике.

(3) Из морей, охватываемых обитаемой землей, наше море с соединяющимися с ним заливами, за исключением Адриатического залива, Эгейского моря, Пропонтиды, Понта и Меотийского озера, изливается в океан только через Гераклов пролив²⁵⁹, образуя морской пролив вроде перешейка, подобно Херсонесу²⁶⁰.

(4) А Гирканское, или Каспийское море отовсюду окружено сушей²⁶¹ подобно острову по обратному сравнению.

...

(6) А с Европой соединяется [Азия] посредством перешейка между Меотийским озером и Сарматским океаном на переходе реки Танаиса.

(9) Подобным образом из морей, о которых было сказано, что они окружены сушей, первое по величине опять Индийское²⁶², второе – наше, третье – Гирканское, или Каспийское.

(10) Далее, из более замечательных заливов... шестой залив Понта... восьмой – Меотийского озера²⁶³...

Книга VIII

Глава 10. Карта Европы VIII. (1) Восьмая карта Европы включает *Европейскую* Сарматия и Таврический Херсонес. Параллель, *проходящая* через ее середину, относится к меридиану, как 11 к 20²⁶⁴.

(2) Ограничивается эта карта с востока Боспором Киммерийским, Меотийским озером и рекой Танаисом, за которым Азиатская Сарматия; с юга – Понтийским морем, частью нижней Мисии, Дакией и областью язигов-метанастов [переселенцев]; с запада – так называемыми Сарматскими горами, Германией и рекой Вистулой, с севера – Венедским заливом Сарматского океана и еще неизвестной землей.

(3) Из более известных городов Сарматии Тамирака имеет самый длинный день в 16 равноденственных часов и отстоит от Александрии к западу *на одну* пятнадцатую часть равноденственного часа.

Навар имеет самый длинный день в 16 часов 15 минут и отстоит от Александрии к западу *на одну* восьмую часа.

Ольвия, или Борисфенида, самый длинный день имеет в 16 часов 5 минут и отстоит от Александрии к западу на 1/5 часа.

(4) *Из городов* Таврического Херсонеса Феодосия имеет самый длинный день в 15 часов 50 минут и отстоит от Александрии к востоку на 1/5 часа.

Пантикапей самый длинный день имеет в 15 часов 55 минут и отстоит от Александрии к востоку на 1/4 часа.

Глава 18. Карта Азии II. (1) Вторая карта Азии включает Сарматия, *находящуюся* в Азии. Параллель, проходящая через ее середину, относится к меридиану, как 7 к 12.

(2) Ограничивается эта карта с востока Скифией и частью Каспийского моря; с юга – частью Евксинского Понта, Колхидой, Иберией и Албанией; с запада – Европейской Сарматией, Меотийским озером и Боспором Киммерийским; с севера – неизвестной землей.

(3) Из известных в Сарматии городов Гермонасса самый длинный день имеет в 15 часов 50 минут и отстоит от Александрии к востоку на 1/3 равноденственного часа.

(4) Инантия имеет самый длинный день в 15 часов 50 минут и отстоит от Александрии к востоку почти на половину часа.

(5) Танаис самый длинный день имеет в 17 часов 10 минут и отстоит от Александрии к востоку на 1/26 часа.

(6) Тирамба имеет самый длинный день в 16 часов 12 минут и отстоит от Александрии к востоку на 1/10 часа.

(7) Наварис самый длинный день имеет в 17 часов 15 минут и отстоит от Александрии на 1/3 часа.

Глава 19. Карта Азии III. (1) Третья карта Азии включает Колхиду, Иберию, Албанию и Великую Армению. Параллель, проходящая через ее середину, относится к меридиану, как 14 к 15.

(2) Ограничивается эта карта с востока частью Гирканского моря и также частью Мидии, с юга – Месопотамией и Ассирией, с запада – Каппадокией и частью Евксинского Понта, с севера – Азиатской Сарматией.

(3) Из известных городов в Колхиде Диоскуриада имеет самый длинный день в 15 равноденственных часов 45 минут и отстоит от Александрии к востоку на $1/3$ и $1/5$ равноденственного часа.

(4) Фасис имеет самый длинный день в 15 часов 30 минут и отстоит от Александрии к востоку на половину и третью часть часа.

(5) Из городов Иберии Артанисса имеет самый длинный день в 15 часов 35 минут и отстоит от Александрии к востоку на один час.

(6) Армактика самый длинный день имеет

в 15 часов 25 минут и отстоит от Александрии на один час к востоку.

(7) Из городов Албании Гангара (или Гетара) самый длинный день имеет в 15 часов 30 минут и отстоит от Александрии к востоку на $1/4$ часа.

(8) Албана самый длинный день имеет в 15 часов 30 минут и отстоит от Александрии к востоку на 25 минут.

(9) Оссика самый длинный день имеет в 15 часов 27 $1/2$ минут и отстоит от Александрии к востоку на $1/8$ часа.

Примечания

¹ [Понятие *Сарматии*, лишь приблизительно соответствующее понятию Скифии эпохи Геродота, установилось к началу н. э. (первое упоминание: Помпоний Мела II: 4). Ср. Иероним превоситер. Измерение провинций (Hieronymus. Demens. prov. // Riese A. Geographi Latini Minores. Neilbronn, 1878): 11, где Сарматия ограничивается с востока горами Тавра (Урала), с запада рекой Борисфеном, с севера Океаном (Балтийским морем), а с юга – провинцией Понтом, включая в себя, таким образом, всю восточноевропейскую равнину и Кавказ. Разделение Сарматии на Европейскую и Азиатскую впервые отмечается у Птолемея].

² [*Сарматскому океану* соответствует Балтийское море, именовавшееся ранее Скифским или Амальхийским океаном (ср. Нес. Adb., fr. 6a; Плиний. Ест. ист. IV: 27)].

³ [*Венедскому заливу* Птолемея соответствует часть Балтийского моря у Рижского залива (и самый залив), побережье которого было заселено племенами венедов, вельтов и др. (ср.: С. Müller. Ptol. Geogr., II, 1: 412)].

⁴ [Современная Висла].

⁵ [Cronius у Аммиана Марцеллина (XXII: 8, 38) отождествляется с современной рекой Преглус (см.: Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемею. – 1899: 19). Карл Мюллер (Müller. Ptol. Geogr.: 412) отождествляет ее с рекой Неманом, у устья которой находится местечко Кроник. Ср.: Ф. Браун. Разыскания в области готославянских отношений, I. – 1899: 47 сл.].

⁶ [Эта река (наименование которой возникло, быть может, по ассоциации с с Роданом – Эриданом (Рона – Рейн), ср. Аполлоний Родосский IV: 627) отождествляется с современным Неманом, см.: Кулаковский. Карта...: 19].

⁷ [Отождествляется с рекой Виндавой; ср. Müller. Ptol. Geogr.: Кулаковский. Карта...: 19].

⁸ [По своему положению соответствует Западной Двине. По Мюллеру, отождествляется с рекой Пернов].

⁹ [*Туле* Птолемея отождествляется с северной частью Британии (Шотландией). См.: Кулаковский. Карта...: 11].

¹⁰ [Истоки реки *Танаиса* (Дона) искали в древности то на западе Европы, то на Кавказе. Страбон опровергает эти мнения и указывает ее истоки на севере (XI: 2, 1 сл.), в чем ему следует и Птолемей].

¹¹ [*Сарматские горы*, положение которых определено в II: 11, 4, соответствуют средневропейским отрогам Карпатских гор].

¹² [В эпоху Птолемея *язиги-метанасты* (переселенцы) занимали пространство между Дунаем и Тиссой, по соседству с даками].

¹³ [Совместное устье *Борисфена* и *Гипаниса* (Днепра и Буга) подробнее всего описано в: Страбон VII: 3, 17].

¹⁴ [Птолемея показывает устье реки *Гипаниса* не к западу (как оно есть на самом деле), а ошибочно, на полградуса к востоку от устья реки Борисфена].

¹⁵ [*Роцца Гекаты*, как именуемое рощей священное место, посвященное Ахиллу (Страбон VII: 3, 19), быть может, частично идентична с Гилеей Геродота (IV: 18)].

¹⁶ [Имеется ввиду (в западной части ныне размытый) перешеек косы Тендеровской, расположенной к востоку от устья Днепра и в древности имевшей, видимо, значительные размеры – 1200 стадиев по Аноним. Перипл Понта Евксинского: 84].

¹⁷ [Аноним. Перипл Понта Евксинского: 84 отождествляет *Священный мыс Ахиллова Бега* с Рощей Гекаты].

¹⁸ *Μισαρίς* обычно *Nysaris* (так) [*Μισαρίς* ed. Arg. Карл Мюллер полагает, сопоставляя со Страбон VII: 3, 19, что слова *καλεῖται Μισαρίς* должно изменить в *καλεῖται Ταμυράκις*; но этой конъектуре препятствует то, что Птолемей ниже упоминает *Ταμυράκη* [мыс Мисарида у других авторов не засвидетельствован].

¹⁹ [Упомянута в качестве острова: Плиний. Ест. ист. IV: 93; Аммиан Марцеллин XXII: 8, 40; ср. также Страбон VII: 4, 1. Может быть отождествлен с островом Каробай при устье реки Каланчак].

²⁰ [О положении *Прекрасной гавани* (Καλὸς λιμὴν), ошибочно перенесенной Птолемеем на значительное расстояние к западу, см. прим. к Страбон VII: 4, 2].

²¹ [Этот пункт, в действительности расположенный на восточном конце Ахиллова Бега (Страбон VII: 3, 19; ср., однако, Latyshev // IOSPE, II, карта № 2), также ошибочно локализован Птолемеем].

²² [Имеется в виду Перекопский перешеек].

²³ [От Сарматии].

²⁴ [На основании слов Плиния (Ест. история IV: 84), связывающего озеро Бику (Bugei) с Каркинитским заливом, а задней стороной с Меотидой, озеро это должно быть отождествлено с Сивашем].

²⁵ [Собственно, к востоку от него].

²⁶ [Сближается с Неаполисом других авторов (Страбон VII: 4, 7) и надписей (IOSPE, I: 214 сл.) и локализуется близ города Симферополя в Крыму].

²⁷ [Это наименование, не засвидетельствованное другими авторами, Мюллер (Müller. Ptol. Geogr.: 416), изменяет на "Аксиака" соответственно чтению некоторых рукописей и ввиду отождествления его с речкой Ашиш-Утлук. Ср.: Ф. Браун. Разыскания...: 225].

²⁸ [Этот отсутствующий у других авторов пункт Браун (там же) локализует у современного Геническа].

²⁹ [Локализуется у местечка Горелая на обрывистом берегу восточной части Утлукского лимана].

³⁰ [Этот пункт, упомянутый Геродотом (IV: 110) в качестве эмпория на берегу Меотиды, локализуется у современного Ногайска на реке Обычной].

³¹ [Это наименование связывается с именем племени агаров (Аппиан. Митридатовы войны: 88) и с именем скифского царя Агара, упомянутого Диодором Сицилийский (XX: 24, 3). Ср. также (Диодор Сицилийский III: 1), где упоминается местность Агария].

³² [Отождествляется с речкой Берда, впадающей у современного Бердянска].

³³ [Отождествляется с совр. Белым Сараем (Müller. Ptol. Geogr.: 418)].

³⁴ [Отождествляется с речкой Кальмиусом (Кулаковский. Карта...: 19)].

³⁵ [Наименование этого пункта, локализуемого по положению у реки Кривой, перекликается с названием реки Гиргис или Сиргис (Геродот IV: 123)].

³⁶ [Отождествляется с рекой Миус (Кулаковский. Карта...: 19)].

³⁷ [Пункт под близким этому наименованием, также связываемый с карийской (милетской) колонизацией, упоминается на западном берегу Черного моря: Арриан. Перипл Понта Евксинского: 35].

³⁸ [Ср. описание устья реки Тауаиса (Дона): Страбон XI: 2, 2].

³⁹ [Речь идет о большой излучине реки Дона у города Калача].

⁴⁰ [Истоки Дона, большинством древних авторов указываемые в Рипейских горах, помещены Птолемеем значительно севернее этих гор (по его локализации). Ср. также выше прим. к III: 5, 1].

⁴¹ [Наименование, связанное с именем племени певкинов (бастарнов – ср.: Страбон VII: 3, 15) и прилагаемое Птолемеем к восточным отрогам Карпат].

⁴² [Эти горы, помещаемые к западу от среднего течения реки Днепра и связанные с фракийского происхождения наименованием племени амадоков, города и озера Амадоки, реально могут соответствовать лишь северо-восточному краю Волынского-Подольской возвышенности].

⁴³ [Это наименование связывается с упоминаемым у Птолемея (III: 5, 10) именем племени бодинов, которых трудно оторвать от геродотовых будинов. Томашек (Tomaschek, RE, V: 592), видит в нем славянское "водины", т. е. люди, живущие у воды; топографически оно может относиться лишь к Валдайской (или вообще Среднерусской) возвышенности, хотя и трудно предполагать у Птолемея или у его источника реальное знакомство со столь отдаленными от моря областями Сарматии].

⁴⁴ [Отождествляются с Донецким краем].

⁴⁵ [Эти горы, помещенные Птолемеем к востоку от среднего течения реки Вислы, ассоциируются с

именем венедов (вендов Тацита) – одного из наиболее древних западнославянских племенных наименований. Отождествлены они могут быть, несмотря на их северное положение (объясняющееся указанной связью их имени с именем Венедского залива, у которого Птолемей помещает племя венедов), с северными отрогами Карпат].

⁴⁶ [Эти горы, хотя они и локализованы Птолемеем значительно западнее, чем следовало бы, и помещены у верховьев реки Танаиса (истоки этой реки помещены севернее: § 1), могут быть отождествлены на основании связанной с этим именем древней легендарной традиции с Уральскими горами].

⁴⁷ [Должно быть отождествлено с группой озер и болот (так называемые Пинские болота) в верховьях реки Припяти].

⁴⁸ [Таким образом, река Тира (Днестр) составляет продолжение западной границы Сарматии, начало которой отмечено в § 1 по реке Висле и Сарматским (Карпатским) горам].

⁴⁹ [Эту реку (Плиний IV: 82 дает Asiaces) Ю. Кулаковский (Карта...: 17) отождествляет с одной из речек (по Томашеку – Тилигул: Tomaschek, RE, IV: 2625), берущих начало в отрогах Карпат и впадающих в Тилигульский лиман, ныне отделенный от моря песчаной косой].

⁵⁰ [О певкинах Птолемея и их расселении: Кулаковский. Карта...: 21].

⁵¹ [Часть *язигов* под именем язигов-метанастов Птолемей локализует в Дакии (ср. выше, § 1)].

⁵² [О *роксоланах*, в чьем имени, по мнению некоторых новейших ученых, впервые звучит имя Русь (Рос), см. еще Orelli. Inscr. selectae: 750].

⁵³ [Это имя, представляющее собой ученую этимологизацию какого-либо из варварских племенных наименований типа гомеровых галактофагов и гиппемолгов, встречается у авторов римского времени].

⁵³ [Отождествление *аланов* со *скифами* указывает на широкое распространение имени аланов в Причерноморских степях во II в. н. э. и на их ассимиляцию со скифо-сарматами].

⁵⁴ [В этом имени, встречающемся у Тацита (Германия: 43) и известном уже, по словам Плиния (Ест. история IV: 99), Питею из Массилии, хотя видеть древнейшее упоминание тевтонов или готов: Кулаковский. Карта...: 23].

⁵⁵ [Это племя, известное также под именем Fenni, отождествляется с позднейшими финнами; Птолемей помещает финнов в число незначительных племен, хотя они в действительности занимали обширную территорию на севере Европы].

⁵⁶ [Ближе не известны; сопоставляются с борами, упоминаемыми у Зосима (Новая история: I: 31); Müller. Ptol. Geogr.: 424].

⁵⁷ [Сопоставляются (Müller. Ptol. Geogr.: 424) с бургундами (Плиний. Ест. ист. IV: 99 – Burgundiones). У Агафия Миринейского (О царствовании Юстиниана V: 11) называются вместе с кутургурами, утургурами т. д.].

⁵⁸ [У Плиния (Ест. ист. IV: 99) – Varini, относимые к числу германских племен].

⁵⁹ [У Страбона (IV: 1, 8), Тита Ливия (Периохи: 68 – Teutonis et Ambronibus castra) и других авторов упоминаются под именем амбронов вместе с тевтонами в связи с событиями 113 г. до н. э.].

⁶⁰ [Сопоставляются (Müller. Ptol. Geogr.: 424) с упомянутыми Цезаря (Записки о галльской войне VI: 25) анартиями, которые называются вместе с даками как часть первого из названных племен].

⁶¹ [Ближе не известны. Сопоставляются П. Шафариком (Slavische Altertumer. I: 207) с локализу-

емыми Птолемеом в Германии висбургиями (II: 11, 10].

⁶² [Ближе не известны. Фонетически наименования их может быть сопоставлено с названием пункта Арисква (Птолемей II: 11, 14) в Германии, хотя Tomaschek (RE, III: 1277) считает их даками, а П. Шафарик (Там же: 206) – славянами].

⁶³ [Ближе не известны. Могут быть сопоставлены с кистобоксами, на основании чего Томашек (RE, III: 1277) считает их даками (см. ниже, § 9)].

⁶⁴ [Это имя П. Шафарик (Там же: 207) сопоставляет с позднейшими наименованиями Пина (приток Припяти) и Пинск].

⁶⁵ [Должны быть признаны идентичными биефам, называемым Птолемеом (III: 8, 3) в Дакии, локализуются П. Шафариком (Там же: 208) как часть только что названного племени, у местечка Biecz в Галиции].

⁶⁶ [Быть может, голядь русской летописи (под 1058 г.). См. Кулаковский. Карта...: 23; по Кисслингу (Kiessling, RE, VII: 606) – племя славянского происхождения].

⁶⁷ [У других авторов нет. По Кисслингу (Kiessling, RE, VII: 606) – славянского происхождения. Ср., однако: Franke, RE, VII, 2: 563 сл.; Ю. Кулаковский (Карта...: 23) связывает их с позднейшей Судавией в Восточной Пруссии].

⁶⁸ [Сопоставляется со “словени”, “славени”: Шафарик. Там же: 208].

⁶⁹ [Ближе не известны. Возможно, сопоставимы с язвингами (Иордан: 23)].

⁷⁰ [У Плиния (Ест. история VI: 19) под именем котобаков названы в числе сарматских племен у реки Танаиса. Аммиан Марцеллин (XXII: 8) упоминает о них наряду с аланами. У границ Дакии их помещает Дион Кассий (Римская история LXXI: 12). См. о них Ф. Браун. Разыскания...: 146 сл.].

⁷¹ [Вероятно, соответствуют трансюгитанам Аммиана Марцеллина (XVII: 12, 12), локализуемым в современной Трансильвании. П. Шафарик сопоставляет их с загарами, упомянутыми Евстафием в схолиях к Дионисию Периегету (302), поименная последние как “загоры”, т. е. живущие за горами. Ср., однако, Ф. Браун. Разыскания...: 163 сл.].

⁷² [П. Шафарик (Там же: 555) сопоставляет с позднейшим названием Вильна].

⁷³ [Упомянуты (Плиний. Ест. история XXXVII: 39) на о. Эзеле (Osiliae insulae)].

⁷⁴ [Ближе не известны. Фонетически могут быть сопоставлены с каратами, скифским племенем, локализуемым Птолемеом (VI: 13) на реке Яксарт].

⁷⁵ [Наименование этого племени П. Шафарик (Там же: 302) сопоставляет с именем реки Салы, впадающей в Рижский залив. С другой стороны, напрашивается сопоставление с племенем спалы (Плиний. Ест. ист. VI: 22; Иордан: 4), локализуемым на реке Танаисе. Еще более интересны салы (Плиний. Ест. ист. VI: 14), локализованные в Колхиде и отождествляемые со страбоновыми фтирофагами (XI: 2, 1). Для этого последнего отождествления небезынтересно соседство с ними гелонов (ВДИ, 1947, № 4: 209)].

⁷⁶ [О *гелонах* (Псевдо-Скилак: 80) на Кавказе, а по более поздним свидетельствам локализуемых между Доном и Волгой: Геродот IV: 108 сл., по словам которого имя их у греческих авторов покрывало также и будинов].

⁷⁷ [Это племя, локализуемое первоначально в Скифии (Дионисий. Перипл: 310), переносится за-

тем на острова Северного океана (Плиний. Ест. ист. IV: 95)].

⁷⁸ [Упомянутое вместе с гелонами на Кавказе (Псевдо-Скилак: 79), это племя локализуется другими авторами на севере Скифии. Наиболее подробно о нем: Геродот IV: 20. У Птолемея упомянуты дважды, см. еще V: 8].

⁷⁹ [Отождествляются с эпигиритами, локализуемыми на Северном Кавказе: Плиний. Ест. ист. VI: 16].

⁸⁰ [Сопоставляются (Шафарик. Там же: 212) с северянами и локализуются к северу от Чернигова].

⁸¹ [Отождествляются (Müller. Ptol. Geogr.: 429) с робасками, упомянутыми Плинием (Ест. ист. VI: 14) на севере Европы. Schafarik видит отзвук этого имени в наименовании города Боровска (I, 212)].

⁸² [Быть может, сопоставимы с племенем Accisi (Плиний. Ест. ист. VI: 21)].

⁸³ [Среди племен, живущих по Танаису, у Плиния (Ест. ист. VI: 19) упоминаются Naevasaе, имеющие, быть может, нечто общее с *насками* Птолемея].

⁸⁴ [Сопоставляются с каронами, перешедшими на западный берег Танаиса (Плиний. Ест. ист. VI: 22)].

⁸⁵ [Сопоставляются с сагартями (Геродот I: 125) и упоминаются у Птолемея (VI: 2) в описании Мидии. П. Шафарик слышит отзвук этого имени в наименовании города Сергача (Там же: 303)].

⁸⁶ [Сопоставляются с апсилами, кавказским племенем, поименованным у Стефана Византийского под словом Ἀψίλοι].

⁸⁷ [Ближе не известны; вероятно, должны быть сопоставлены с роксоланами (ревксиналами) декрета в честь Диофанта: IOSPE, I: 185].

⁸⁸ [Сопоставляются с наименованием озера и реки Биг (Буг); см. выше, § 2].

⁸⁹ [Сопоставляются с карнидами (Аноним. Перипл Понта Евксинского: 480) и с карпами многих позднейших авторов (Jul. Noopog., p. 40), локализуемыми на нижнем Дунае; см. Ф. Браун. Разыскания...: 175].

⁹⁰ [К. Мюллер видит в этом наименовании испорченное имя гелонов (Müller. Ptol. Geogr.: 431)].

⁹¹ [Сопоставляются с будинами Геродота (IV: 109); см. о них выше, § 5, при упоминании о горе Бодин].

⁹² [Это место представляет собой самое раннее упоминание о тюркском племени гуннов, с которыми сопоставляется это имя в Европе (Кулаковский. Карта: 24). Ср. также тюркское наименование реки Урал (Δαίξ) у Птолемея (VI: 14, 20)].

⁹³ [Сопоставляются с неврами Геродота (IV: 17), а также с наименованием пункта Наварум (ниже, § 13) и Наварис в Азиатской Сарматии (V: 8)].

⁹⁴ [Ближе не известны. К. Мюллер сопоставляет их с упомянутыми у Плиния (Ест. ист. IV: 89) эноэкадиями и относит к ним ниженазванный пункт Торокку (Müller. Ptol. Geogr.: 431)].

⁹⁵ [Подобные алтари (Плиний. Ест. ист. VI: 49) упоминаются в Индии и на реке Яксарт. Как полагает Томашек (Tomaschek, RE, II: 1463), они упомянуты здесь вследствие совмещения представлений о Яксарте и Танаисе].

⁹⁶ [Об алтаре, посвященном императору Августу при устье реки Борисфена, упоминает Аммиан Марцеллин (XXII: 8, 40)].

⁹⁷ [Ср. выше, § 2; локализуется при устье реки Каланчак (ср. RE, XI: 470). Ср., однако, Ф. Браун. Разыскания...: 222].

⁹⁸ [Фонетически сопоставима с упомянутыми выше торрекадами, локализуется Ф. Брауном (Ра-

зыскания...: 222) у села Торгаевки по реке Каланчаку].

⁹⁹ [В этом наименовании следует видеть отголосок исчезнувшего у Птолемея наименования геродротовой реки Гипакири, идентичной реке Каркиниту – современный Каланчак; см.: Плиний. Ест. ист. IV: 84].

¹⁰⁰ [Локализуется Ф. Брауном (Разыскания...: 223) у села Нижние Сероготы, известного своим курганным некрополем].

¹⁰¹ [Ближе не известна. Локализуется у села Большая Белозерка: Ф. Браун. Разыскания...: 223].

¹⁰² [Упоминается Плинием (Ест. ист. IV: 84); по расчету К. Мюллера (Müller. Ptol. Geogr.: 432), локализуется у современной Лепетихи; по Ф. Брауну (Разыскания...: 223), – у села Балки на реке Конке].

¹⁰³ [Ближе не известен. Томашек (Tomaschek, RE, IV: 2637) локализует этот пункт предположительно у днепровских порогов. Ср. Кулаковский. Карта: 29].

¹⁰⁴ [Связывается с наименованием Амадокские горы и Амадокское озеро, о которых см. выше, §§ 5–6; локализуется Ф. Брауном (Разыскания...: 103) у села Большая Знаменка (Белозерский городок)].

¹⁰⁵ [Ближе не известен. Локализуется предположительно при устье реки Припяти (КЕ, III, 2, ст. 32)].

¹⁰⁶ [Ближе не известен. Локализуется Кречмером (Kretschmer, RE, II, 2: 1727) при слиянии рек Сейма и Снови].

¹⁰⁷ [Этот пункт, по расчету К. Мюллера (Müller. Ptol. Geogr.: 434), принятому многими авторами, может быть локализован на месте современного Киева (в соответствии с находками кладов римских монет) или где-либо между Киевом и Черниговом; однако Ф. Браун (Разыскания...: 212) помещает его близ устья Днепра, у деревни Белозерки, на месте древнего городища].

¹⁰⁸ [Речь идет, быть может, не о рукаве Днепра, а о Южном Буге (Hermann, RE, I, 2: 2433 под словом Sarbascon)].

¹⁰⁹ [Фонетически (а также и по положению), быть может, соответствует упомянутому в § 4, вслед за устьем реки Аксиака, пункту Лиан (Λείανον); локализуется у нынешнего Кривого Рога (Браун. Разыскания...: 213)].

¹¹⁰ [Ближе не известен. Локализуется Брауном (Разыскания...: 213) при устье реки Илгульца у села Никольского].

¹¹¹ [Локализуется, по находкам монет римского времени, у современного города Чернобыль: Кулаковский. Карта...: 27].

¹¹² [Это кельтическое наименование имеет аналогии на территории Паннонии и Винделиции. Локализуется Ф. Брауном (Разыскания...: 207), по расчету расстояния, у современного Каменца-Подольского].

¹¹³ [Ближе не известен. Локализуется, по расчету расстояний, у совр. Могилева-Подольского; см. Кулаковский. Карта...: 26; ср. Браун. Разыскания: 207].

¹¹⁴ [Этот пункт, с окончанием, характерным для наименований городов Дакии, ближе не известен. Ср. Кулаковский. Карта...: 26; локализуется Ф. Брауном у села Студеного в Подолии (Разыскания...: 206)].

¹¹⁵ [Пункт носит кельтическое наименование, подобно вышеназванному Карродуну (Müller. Ptol. Geogr.: 334); локализуется по Ф. Брауну у современной Балты (Разыскания...: 206)].

¹¹⁶ [Ближе не известен. Локализуется на месте современного Тирасполя (Кулаковский. Карта...: 26), а по Ф. Брауну – у Ананьева на Тилигуле (Разыскания...: 206)].

¹¹⁷ [О локализации острова и о его населении см. Страбон XI: 2, 3; упоминается у Дионисия (Перипл: 533) и у Плиния (Ест. ист. IV: 87). Идентифицируется с островом Черепаха, недалеко от устья реки Дона].

¹¹⁸ [Сиваш: Птолемей III: 5, 2].

¹¹⁹ [Птолемей в этом случае переносит ошибочно реку Каркинит, вероятно, благодаря совмещению ее названия с именем города Каркинитиды (см. Геродот IV: 55), с материка (см. выше, III: 5, 2 и прим.) на Крымский полуостров. Под *перешейком* понимается Перекопский перешеек].

¹²⁰ [Вероятнее всего, идентична с построенным Диофантом (Страбон VII: 4, 7) укреплением Евпаторий. См., впрочем, Brandis, RE, XI: 1161, где диофантов Евпаторий локализуется к востоку от Херсонеса и предполагается, что в Крыму было два одноименных пункта].

¹²¹ [Отождествляется с таврским (позднее римским) укреплением на мысе Ай-Тодор. О его раскопках и эпиграфических находках: IOSPE, I: 2, 208 сл.; М. Ростовцев // ИАК, 1911, вып. 40: 5 сл.; Блаватский // ВДИ, 1938, № 2: 321 сл.].

¹²² [Упоминается, может быть, еще у Плиния (Ест. ист. IV: 85; по конъектуре – Lagirani); локализуется предположительно где-либо в районе Ливадии].

¹²³ [Локализуется предположительно на мысе Аю-Даг].

¹²⁴ [Отождествляется приблизительно с одной из небольших речек, впадающих в море в районе Алушты].

¹²⁵ [Об этом пункте, упоминаемом у Плиния (Ест. ист. IV: 85) под именем Tractari (см. также у Стефана Византийского под словом Τυρτάκη) и локализуемом у мыса Камыш-Бурун на Керченском полуострове, см. В. Гайдукевич // МИА СССР, 1941, вып. 4].

¹²⁶ [Локализуется на мысу Казактип (Müller. Ptol. Geogr.: 416, 439)].

¹²⁷ [По Страбону, *Гераклий* должен был находиться по соседству с Мирмекием (VII: 4, 5). Птолемей ошибочно относит его на значительное расстояние к северо-востоку].

¹²⁸ [Связываемый с племенем тафриев Страбона (VII: 4), равно как и с расказом Геродота (IV: 3) о рве (τάφρος), вырытом потомками скифских рабов, пункт этот упомянут также у Плиния (Ест. ист. IV: 87) и Помпония Мелы (II: 1, 3). Ср. также у Стефана Византийского (под словом Τάφραι), связывающего это наименование с племенем сатархеев].

¹²⁹ [Сопоставляется с упомянутым у Плиния (Ест. ист. II: 210) Паразином в Крыму, земля которого целебна для ран].

¹³⁰ [Быть может, пункт этот следует сопоставить с Акрой, упомянутой у Страбона (VII: 4, 3) и Плиния (Ест. ист. IV: 86) и локализуемой у мыса Такиль-Бурун].

¹³¹ [Ближе не известен. Локализуется предположительно к северу от Феодосии].

¹³² [В этом наименовании следует, быть может, подозревать искаженный отзвук имени известного царя скифов Скилура].

¹³³ [Сопоставляется с именем племени сатархеев, засвидетельствованных эпиграфически (IOSPE, I: 244) и упомянутых у Плиния (Ест. ист. IV: 87), Помпония Мелы (II: 1, 3) и Стефана Византийского под словом Τάφραι; локализуется в северном Крыму].

¹³⁴ [К. Мюллер (Müller. Ptol. Geogr.: 440) читает это наименование как Палакий – пункт, упомянутый у Страбона (VII: 5, 7) и локализуемый где-либо в центральном или западном Крыму].

¹³⁵ [Ближе не известен. Локализуется в юго-восточной части полуострова].

¹³⁶ [Сопоставляется с Ergoga у Анонима Равеннского (IV, 3) и наименованием племени Orgosuni у Плиния (Ест. ист. IV: 85)].

¹³⁷ [Быть может, отождествима с Teagines Анонима Равеннского (IV, 3)].

¹³⁸ [См. Птолемей III: 9, 1. Иначе Цебер, правый приток Дуная, сохранивший и поныне свое наименование (Цибрика)].

¹³⁹ [Под этим именем впервые у Цезаря (Записки о галльской войне VI: 25)].

¹⁴⁰ [Город, именовавшийся ранее Гераклея и находящийся при впадении реки Чернавода в Дунай. Как явствует из текста, во времена Птолемея наименование Данубий прилагалось к верхнему течению Дуная вплоть до названной выше реки. Нижнее же течение сохраняло древнее наименование Истр].

¹⁴¹ [Упоминается в Itin. Ant., 225, 5; локализуется на правом берегу Дуная против Галаца (Tomaschek, RE, IX: 654). Есть, однако (см. там же), и другие попытки локализации].

¹⁴² [На левом берегу Дуная – современный Изакча].

¹⁴³ [Современный остров Пикчина (или остров Св. Георгия) в дельте Дуная. О нем и его населении: Страбон VII: 3, 15. Ср., однако, наблюдения Ф. Брауна (Разыскания...: 184 сл.) над изменениями в дельте Дуная и его предположения о локализации острова Певки].

¹⁴⁴ [Отождествляется с современным Георгиевским устьем].

¹⁴⁵ [Может быть отождествлено с одним из озер на острове Летея; по Киперту (Müller. Ptol. Geogr.: 459) – озеро Ялпук].

¹⁴⁶ [Соответствует Псилонстому, упомянутому у Плиния (Ест. ист. IV: 79) и отождествляется с современным Килийским гирлом].

¹⁴⁷ [Отождествляется с современным Сулинским гирлом].

¹⁴⁸ [Упоминается также у Аммиана Марцеллина (XXXI: 3, 7: Gerasus); отождествляется (Müller. Ptol. Geogr.: 469) с современной рекой Серет, а по Ф. Брауну (Разыскания...: 205) – с рекой Прут].

¹⁴⁹ [Отождествляются их с карпиями или карпидами Эфора (Müller. Ptol. Geogr.: 469), упомянутыми Псевдо-Скимном (41) со слов этого автора на нижнем Дунае. По Ф. Брауну (Разыскания...: 175) – дакийского происхождения; Птолемей (III: 5, 10) упоминает о них вторично под именем карпианов].

¹⁵⁰ [К. Мюллер исправляет на Ἰσάκη – согласно: Аноним. Перипл Понта Евксинского: 87 – и локализует у совр. Люстдорфа (Müller. Ptol. Geogr.: 469)].

¹⁵¹ [Устье реки Днестра (Тирь) подробнее всего описано: Страбон VII: 3, 16].

¹⁵² [Сопоставляется с гарпиями (карпами), в области которых и локализуется; отождествляется Ф. Брауном (Разыскания: 174) с совр. Эскиполисом].

¹⁵³ [См. III: 10, 7].

¹⁵⁴ [Локализуется предположительно в области карпов на реке Прут: Ф. Браун. Разыскания...: 205].

¹⁵⁵ [Локализуется на реке Прут и отождествляется с селом Карпиняни: Ф. Браун. Разыскания...: 205].

¹⁵⁶ [Мюллер локализует этот пункт, отождествляемый Ф. Брауном с деревней Карпешти (Разыскания...: 205), руководствуясь фонетическим сходством наименований, на реке Прут, названной Пирет у Геродота (IV: 48)].

¹⁵⁷ [У Плиния (Ест. ист. IV: 82) синоним города Тирь. Ср., однако, Псевдо-Скилак: 68 и Страбон VII: 3, 16, где речь идет и о ее локализации].

¹⁵⁸ [Восточная граница провинции Нижней Мессии простиралась первоначально лишь до устья Дуная, но уже при Нероне к ней была присоединена трансдунайская территория по побережью вплоть до города Ольвии, оставшегося, однако, вне провинции].

¹⁵⁹ [Об этом острове, ошибочно локализуемом Птолемеем в районе Бугско-Днепровского лимана, о его действительной локализации и о связанном с ним культе Ахилла см. подробнее всего: Арриан. Перипл Понта Евксинского: 32].

¹⁶⁰ [Об истоках реки Танаиса, помещаемых Птолемеем под 63° северной широты, см. выше, III: 5, 1].

¹⁶¹ [Ближе не известен. Локализуется у города Кагальника].

¹⁶² [Соответствует реке Magassus, упомянутой у Аммиана Марцеллина (XXII: 9), и отождествляется с современной рекой Кагальник. Ср., впрочем, рассуждения Германа (Hermann, RE, XXVIII: 2052), сопоставляющего это наименование с Мермодом Страбона (XI: 5, 2) и отождествляющего его с Манычем].

¹⁶³ [Упоминается у Аммиана Марцеллина (XXII: 8) и отождествляется с совр. речкой Бейзуг, ныне не достигающей Азовского моря, а пропадающей в песках; ср., однако, Forbiger, Handbucn d. alt. Geographie, II: 454, который отождествляет ее с Бей].

¹⁶⁴ [Должна быть сопоставлена с одноименным пунктом (Страбон XI: 14, 3), локализуемым в Армении. Отождествлению не поддается].

¹⁶⁵ [Быть может, о ней упоминает Страбон (XI, 2, 4) как о мысе за Малым Ромбитом. Отождествляется с мысом Чельбаш или с косой Долгой].

¹⁶⁶ [О локализации этого пункта, названного по имени племени тирамбов (§ 17–25), см. Страбон XI: 2, 4. Ср.: Латышев // IOSPE, II, карта № 2].

¹⁶⁷ [Об этой реке и об ее отождествлении см.: Страбон XI: 2, 4, где она названа Антикет, а также прим. к Диодору Сицилийскому XX: 22].

¹⁶⁸ [Ближе неизвестна. Предположительно отождествляется с упомянутой у Диодора Сицилийского (XII, 2) Гаргазой и локализуется на Таманском полуострове у современной Пересыпи (ср. RE, XIII: 1285)].

¹⁶⁹ [Это наименование, переданное у Аммиана Марцеллина (XXII, 8) как Todordanes, должно признать тождественным Гипанису (Кубани) других авторов].

¹⁷⁰ [Сопоставляется с селением Киммерик Страбона (XI: 2, 5), локализуемым на Таманском полуострове к западу от устья реки Кубани – на Фонтановском полуострове].

¹⁷¹ [Иначе Ахиллово селение с храмом Ахилла. О его локализации см. Страбон XI: 2, 6].

¹⁷² [Эта река, принимаемая Птолемеем за линию границы между Сарматией и Колхидой, должна быть, вероятно, идентифицирована с рекой Гиппом (Арриан. Перипл Понта Евксинского: 13), отождествляемой с современным Кодором. См. ВДИ, 1938, № 2: 315 сл.].

¹⁷³ [Под этим наименованием скрывается, очевидно, не упоминающаяся у Птолемея Горгиппия, отождествляемая (Стефан Византийский под сло-

вом Σύνδικος) с Синдиком, центром области синдов. См. Страбон XI: 2, 14].

¹⁷⁴ [Об этой гавани под именем Патус упоминает Псевдо-Скилак (72); а под именем Пагра, вероятно, и Арриан (Перипл Понта Евксинского: 28); см. о ней Страбон XI: 2, 14, который, подобно Птолемею, имеет в виду также и одноименное селение].

¹⁷⁵ [Реку под этим наименованием упоминает Арриан (Перипл Понта Евксинского: 8), однако она должна быть локализована на юге Колхиды. Перипл Анонима упоминает на Северном Кавказе реку Псахасий, которая, может быть, и должна быть сопоставлена с рекой Психр (Холодной) Птолемея].

¹⁷⁶ [В то время как Страбон и более древние авторы говорят лишь о побережье или области ахеев (см. о них прим. к Страбон XI: 2, 14), Перипл Анонима (§ 58) называет в качестве определенного пункта (гавани) “Старую Ахею”, которая и должна быть отождествлена с птолемеевой деревней Ахей].

¹⁷⁷ [Имя этого, другими авторами не упоминаемого, залива не может быть оторвано от имени племени керкетов, локализуемых на северокавказском побережье Черного моря. См. о них: Псевдо-Скилак: 73].

¹⁷⁸ [В этом, другими авторами не засвидетельствованном, имени позволительно видеть испорченное Лаз, что поставило бы этот пункт в связь со Старой Лазикой, упомянутой Перипле Анонима: 58].

¹⁷⁹ [Это наименование должно быть сопоставлено с именем племени торетов, упоминаемых многими авторами и локализуемых на северокавказском берегу Черного моря, рядом с керкетамп. См. о них у Псевдо-Скилака (74), называющего в земле торетов также пункт Торик, город и гавань].

¹⁸⁰ [Локализуется (Tomaschek, RE, II: 1890) при устье реки Жахи у форта Головинского и сопоставляется с именем собственным Ὀμψάλκος, не редким в боспорской эпиграфике; ср. IOSPE, II: 103, 186, 442 сл.].

¹⁸¹ [Это же имя звучит в упомянутой у Арриана (Перипл Понта Евксинского: 18) речке Боргис. Отождествляется (Tomaschek, RE, II: 1918) с современной речкой Мзымта близ Адлера].

¹⁸² [Этот ближе не известный пункт локализуется (Tomaschek, RE, V: 732) на кавказском берегу Черного моря, у современных Гагр].

¹⁸³ [Эту реку, быть может, следует отождествить с рекой Тарсура у Арриана (Перипл: 13), которая в таком случае у Птолемея помещена севернее, чем следует].

¹⁸⁴ [Локализуется предположительно у мыса Искурии. См. Mannert. Geographie d. Griechen u. Röm., IV. – 1820: 390].

¹⁸⁵ [Имеется в виду северная граница Колхиды, ср. выше, § 7].

¹⁸⁶ [“Сарматскими воротами” у авторов римского времени именуется центральный проход через Кавказский хребет, – нынешняя Военно-Грузинская дорога. Их упоминает под названием “Кавказские ворота” Плиний (Ест. ист. V: 27) и описывает Страбон (XI: 3, 5)].

¹⁸⁷ [Отождествляется с современной рекой Сулак, впадающей в Каспийское море к северу от Махачкалы: Mannert. Geographie...: 415].

¹⁸⁸ [Отождествляется с рекой Терек: A. Forbiger. Handbuch d. alten Geographie, II: 454].

¹⁸⁹ [Отождествляется с рекой Кумой: Forbiger. Handbuch...: 455].

¹⁹⁰ [Наименование реки Волги, известное у финских племен (мордовское Raw; см. Ф. Браун.

Разыскания...: 84): упоминается под этим именем также у Аммиана Марцеллина XXII: 8].

¹⁹¹ [Быть может, имеется в виду изгиб в западном направлении у Енотаевска].

¹⁹² [У города Волгограда].

¹⁹³ [Т. е. Волга в ее верхнем течении и Кама].

¹⁹⁴ [Под этим наименованием, связанным с представлением о северных пределах Европы и Азии и почти лишенным конкретного содержания, следует понимать северные отроги Уральских гор, возвышенности Карелии и т. п.].

¹⁹⁵ [Реально этим именам могут соответствовать возвышенности, тянущиеся от северных предгорий Кавказа в восточном направлении к Волге, – Ставропольское плато, находящее свое продолжение в Надманычской гряде].

¹⁹⁶ [Северокавказское предгорье: Forbiger. Handbuch...: 453].

¹⁹⁷ [Александр Македонский, как известно, на Кавказе не был. Ср. легенду о столпах Сизостриса у Геродота (II: 103)].

¹⁹⁸ [Под Албанскими воротами следует понимать проход из Албании в Иберию (из Дагестана в Грузию) по реке Алазону (современная Алазань, приток Куры), о котором упоминает Страбон (XI: 3, 5)].

¹⁹⁹ [Под этим именем Птолемей объединяет ближе не известные ему северные народности между Доном и Волгой и к северо-востоку от Волги].

²⁰⁰ [Это наименование, происхождением своим обязанное “царским скифам” Геродота (IV: 20), известно Страбону и прилагается им к сарматам, жившим между Днестром и Доном, в их нижнем течении. Птолемей же локализует своих “царских сарматов” значительно севернее и восточнее].

²⁰¹ [Имя это сопоставлено с упомянутыми при описании Европейской Сарматии амадоками, Амадокскими горами и т. д. (см. III: 5, 5 и др.); племя модоки идентифицируется с имодохами (модаками) Плиния (Ест. ист. VI: 21); по Мюллергоффу (Müllenhoff. Deutsche...: 97) – кавказского происхождения].

²⁰² [Этот эпитет (гиппофаги), вероятно, литературного происхождения, как и гиппемолги, гиппоподы и др.: Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde: 97].

²⁰³ [Встречаются на карте Певтингера под именем зараты к северо-западу от Каспийского моря. Птолемей упоминает о них вторично (VI: 14, 10)].

²⁰⁴ [Это локализуемое на западном берегу Волги племя имеется также под именем сардеты на карте Певтингера в области Боспора].

²⁰⁵ [По Томашеку (Tomaschek, RE, IV: 154) – ветвь аланского племени, чье имя связывается с именем мифической горы Асея на Кавказе (Константин Багрянородный. О церемониях II: 48)].

²⁰⁶ [Это ближе не известное племенное наименование (Περίερβιδοι) может быть сопоставлено с именем собственным Πάτερρος, эпиграфически засвидетельствованным на Боспоре (IOSPE, II: 367)].

²⁰⁷ [Племя под именем иксибатов известно уже Гекатею Милетскому (фр. 166); см. еще: Полиэн VIII: 55].

²⁰⁸ [Этот наиболее удаленный по течению реки Дона пункт – на что указывает его имя – локализуется близ станицы Нижне-Чирской].

²⁰⁹ [В VIII: 10, 3 упомянут как Наварон; локализуется по Германну (Hermann, RE, XXXII: 1896) у совр. Ростова-на-Дону (ср. RE, IV, 2: 2168)].

²¹⁰ [Подобно сварденам, относимы к кавказским народностям: Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde: 97].

²¹¹ [Несмотря на локализацию Птолемея, не могут быть оторваны от Кавказа, в причерноморской части которого помещены Аррианом (Перипл: 27), Страбоном (XI, 2, 19), а может, и Псевдо-Скилаком (80 – под именем гелонов)].

²¹² [Отождествимы с упомянутым Овидием (Скорбные элегии II: 191) одноименным народом, называемым им вместе с колхами, на основании чего матери также относятся к племенам Сев. Кавказа: Müllenhoff. Deutsche...: 97].

²¹³ [Сопоставляется с пунктом Несий на северокавказском берегу Черного моря, помещаемым Аррианом (Перипл: 27) у Гераклова мыса. О локализации этих пунктов см. прим. к указанному месту перипла].

²¹⁴ [Должны быть сопоставлены с сираками Страбона (XI: 2, 1 и др.), локализуемыми между Кавказом и Каспием, а также с упоминаемым ниже пунктом Серакой, равно как и с Сиракеной – областью Великой Армении].

²¹⁵ [Упомянуты у Стефана Византийского под словом $\Upsilon\eta\sigma\sigma\alpha\iota$ и засвидетельствованы эпиграфически (IOSPE, II: 6, 36); локализуются к востоку от Азовского моря].

²¹⁶ [Без сомнения, племя $\Theta\alpha\kappa\epsilon\acute{\iota}\tau\alpha\iota$ в надписях называется $\theta\alpha\tau\epsilon\iota\varsigma$ или, по конъектуре Бека, – $\Theta\alpha\tau$ ($\epsilon\iota\varsigma$) $\text{Μα}\iota\omega\tau\alpha\iota$; см. IOSPE, II: XIV].

²¹⁷ [См. выше (§ 4) пункт Тирамба, связанный с именем этого племени и сопоставляющийся с именем реки Тиры и его производными. Ср. Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde: 110].

²¹⁸ [Сопоставляются с аспургианами – племенем в восточной части Боспора, упомянутым у Страбона (XI: 2, 11), помещенным на карте Певтингера и засвидетельствованным эпиграфически (IOSPE, II: 29, 431)].

²¹⁹ [Это имя с незначительными вариантами упоминается у Страбона в качестве названия одного из меотийских племен и у Аммиана Марцеллина (XXIII: 3, 33 – Arinchi). Локализуется на Северном Кавказе: Tomaschek, RE, III: 1225].

²²⁰ [Это племя отождествляет с синдами Евстафий (Схолии к Дионисию Периегету: 680); оно содержится также, несомненно, в несколько искаженном имени Zigni у Плиния (Ест. ист. VI: 19), а также, вероятно, у Аммиана Марцеллина (XXIII: 3, 33); ср. Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde: 89].

²²¹ [Северокавказское племя, вероятно, идентичное племени Colofeni, помещенному на карте Певтингера].

²²² [Должны быть сопоставлены с упомянутыми выше матерями, локализуемыми на восточном берегу Меотиды: Müller. Ptol. Geogr.: 904].

²²³ [Отзвук этого имени, сходного с именем пагириты (Птолемей III: 5, 10; ср. Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde: 98), Томашек слышит в имени черкесского рода Эгеруко и локализует агоритов по верхнему течению реки Кубани (Tomaschek, RE, I: 886)].

²²⁴ [Отождествляется с областями северокавказского побережья, занятого дикими и воинственными племенами генихов, зигов и др., через которые прошел во время бегства от Помпея и где укрывался понтийский царь Митридат: Страбон XI: 2, 13].

²²⁵ [О меланхленах на Кавказе, где, вопреки локализации Птолемея, следует искать это племя, см. Псевдо-Скилак: 79; Мюлленгофф отождеств-

ляет их с позднейшими манралами – менгрелами (Müllenhoff. Deutsche...: 96)].

²²⁶ [Равным образом северокавказская народность, передвинутая Птолемеем к востоку; ср. Hermann, RE, I, 2: 2356].

²²⁷ [Должны быть сопоставлены (а принимая во внимание постоянно отмечаемые у Птолемея переносы номенклатуры как в пределах Сарматии, так и из Сарматии в “Скифию за горами Имаем”, т. е. в Центральную Азию, – также идентифицированы) с упомянутыми Птолемеем же самнитами (VI: 14, 10) и со скимнами Анонима Равеннского (169)].

²²⁸ [Сопоставляются с упомянутыми выше (§ 16) сварденами или соварденами. Локализируются в Закавказье: Müllenhoff. Deutsche...: 97].

²²⁹ [Должны быть признаны идентичными упомянутому у Плиния (Ест. ист. VI: 29) племени Sacasani; имя это должно быть сопоставлено также с областью Армении Сакасенной, лежащей на Араксе (Страбон XI: 7, 2 и др.). Локализируются в Закавказье к востоку от Колхиды].

²³⁰ [Также эриней. Ближе не известное наименование, подобно другим упомянутым выше и ниже, относящееся, вероятнее всего, к сев.-вост. Кавказу].

²³¹ [Имя это должно быть идентифицировано с упомянутыми у Плиния (Ест. ист. VI: 19) галами (Hali), локализуемыми на Северном Кавказе к востоку от Меотиды: Müllenhoff. Deutsche...: 49, 97].

²³² [Подобно предшествующим – кавказская народность. Ср., впрочем, K. Kretschmer, RE, II, 2: 1669, который считает их кочевниками на пространстве между Кавказом и Волгой. Их северокавказская принадлежность засвидетельствована Плинием, упоминающим, видимо, именно их под именем Sernis в ряду меотийских племен (Ест. ист. VI: 19); ср. Müllenhoff. Deutsche...: 49, 97].

²³³ [Это имя может быть сопоставлено с именем племени Turcae или Turcae у Помпея Мелы (II: 1, 14), локализуемого на Дону].

²³⁴ [Упомянуты у Плиния (Ест. ист. VI: 29) и локализируются на Северном Кавказе; ср., впрочем, Tomaschek, RE, IX: 436, где их имя сопоставляется с наименованием Дидоэты в Грузии, у истоков реки Сулак].

²³⁵ [Имя это, звучащее в названии реки Удон (Кумы) в форме удины (Udini), известно также Плинию (Ест. ист. VI: 38 сл.), а в форме утии (ви-тии) – Страбону (XI: 7, 1), ссылающемуся на Патрокла, наварха Селевка Никатора. Локализируются на кавказском побережье Каспийского моря, где они присутствуют на карте Певтингера под именем Otio Scythae; ср. Müllenhoff. Deutsche...: 97].

²³⁶ [Имя это К. Мюллер исправляет на алонты (Ἀλόντοι) и производит его от наименования реки Алонта (Терек) (Müller. Ptol. Geogr.: 920); оно должно быть сопоставлено с Ὠνύνα – городом у Каспийского моря, упомянутым Стефаном Византийским под этим словом].

²³⁷ [Отзвук этого имени Hermann, RE, XVIII: 2227 слышит в наименовании реки Соаны (см. выше, § 11), которое он исправляет на Сонда, в соответствии с современным Сонча (приток Терека); локализуется между Кавказом и Каспием].

²³⁸ [Сопоставляются с именем реки Герр в Албании (Птолемей V: 11, 2) и локализируются у Каспийских ворот (Дербентского прохода): Kiessling, RE, XIII: 1273].

²³⁹ [Имя это следует отождествить с засвидетельствованным Страбоном (XI: 2, 14) именем соанов (соседей колхов), локализуемых в горах Западного Кавказа под Диоскуриадой и отождествляемых с предками позднейших сванов].

²⁴⁰ [Должны быть сопоставлены с анареями (VI: 10, 14), отнесенными Птолемеем к Заалтайской Скифии. По примеру других, перенесенных Птолемеем с Кавказа на восток наименований, отождествляются с последними и локализуются на Северном Кавказе: Hermann, RE, I, 2: 2229].

²⁴¹ [Это, равно как и другое, близкое ему, наименование Азара (см. § 3), ближе не известно. Мюллергоф считает эти наименования иранскими по происхождению, на основании наличия одноименного пункта в Сузиане (Müllenhoff. Deutsche... III: 114)].

²⁴² [Это наименование Томашек сопоставляет с современным названием черкесской крепости Аух на реке Фари, притоке Лабы (Tomaschek, RE, IV: 2268)].

²⁴³ [Это локализуемое у устья реки Кубани наименование сопоставляется с совр. местным именем Копыл (ст. Копыльская): K. Kretschmer, RE, V, 2: 583].

²⁴⁴ [Локализуется К. Мюллером на притоке Кубани Ангале, близ Краснодара (Müller. Ptol. Geogr.: 920); ср. RE, VII, 2: 927].

²⁴⁵ [Ближе не известна. Локализуется Маннертом у современной станицы Усть-Лабинской (Mannert. Geographie: 365)].

²⁴⁶ [Ближе не известна. Локализуется у станицы Кавказской (Mannert: 365)].

²⁴⁷ [Ближе не известна. Локализуется в верховьях реки Кубани у станицы Прочной (Mannert. Geographie: 365)].

²⁴⁸ [Ближе не известна. Локализуется на кавказском побережье Черного моря близ Адлера (Mannert. Geographie: 390)].

²⁴⁹ [Ближе не известна и точной локализации не поддается. Томашек локализует ее в области генихов, к северу от горы Корака, т. е. в предгорьях Северного Кавказа (Tomaschek, RE, V: 144)].

²⁵⁰ [Ближе не известна. Локализуется на р. Кодоре у Сухуми: Mannert: 365].

²⁵¹ [Томашек связывает это имя с каким-либо населенным пунктом в области керкетов или дандариев, т. е. в предгорьях Сев. Кавказа (Tomaschek, RE, I: 127)].

Источник: *Claudii Ptolemaei Opera quae exstant omnia* / Ed. I. L. Heiberg. Vol. I–III. – Lipsiae, 1898–1907; *Claudii Ptolemaei Geographia* / Ed. C. Muller, C. T. Fischer. Vol. I–II. – Paris, 1883–1901; В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // ВДИ, 1948, № 2.

²⁵² [Локализуется в горах Западного Кавказа у истоков реки Кодор].

²⁵³ [Локализуется на верхней Кубани, в совр. Кабарде (Tomaschek, RE, II: 1589)].

²⁵⁴ [Древнеперсидская провинция (зап. часть Бактрии), частично соответствующая территории современного Туркменистана; упоминание, в связи с ее границами, об Ассирии – плод недоразумения или искажения текста].

²⁵⁵ [Вероятно, идентичны с дербаками Страбона (XI: 8,8), локализуемыми на юго-восточном берегу Каспийского моря; ср. Forbiger: 595].

²⁵⁶ [У Страбона анариаки и амарды – племена на юго-восточном побережье Каспийского моря (XI: 7, 1 и прим. к 8, 8)].

²⁵⁷ [Племя это в эпоху Страбона именовалось гордиеями. Отождествляются с современными курдами, ср. Forbiger: 602].

²⁵⁸ [Это наименование Северного океана связывается с именем северобританского племени каледониев – Dicaledonii у Аммиана Марцеллина (XXVII: 8, 5); упомянутое Птолемеем еще раз (II: 3, 1) это название восходит, может быть, к периплу Питея или к какому-либо на нем основанному источнику. См. Hübner, RE, V: 1347].

²⁵⁹ [Геракловы столпы других авторов – совр. Гибралтарский пролив].

²⁶⁰ [По обратному сравнению, употребленному Птолемеем также и в следующем параграфе].

²⁶¹ [Птолемей, подобно Геродоту, знает о том, что Каспийское море – замкнутый бассейн. Ср., однако, распространенное в древности представление о Каспийском море как о заливе Океана у Псевдо-Аристотеля (О мире: 3) и Страбона (II: 5, 3)].

²⁶² [Индийский океан представляется Птолемеем бассейном, который со всех сторон ограничен берегами Азии и Ливии].

²⁶³ [Ср. рассуждения Страбона о морях как о заливах океана (II, 5, 18)].

²⁶⁴ [Птолемей хочет этим сказать, что Европейская Сарматия вместе с Таврическим полуостровом в меридиональном направлении почти вдвое обширнее, чем в широтном].

Элий Геродиан

Ἀέλιος Ἡρῳδιανός – Aelius Herodianus

Элий Геродиан по прозвищу Τεχνικός ‘искусный, умелый, опытный; искусный ритор’ (II пол. II в. н. э.), греческий грамматик. Родился в Александрии. При императоре Марке Аврелии (161–180) переселился на родину отца в Рим. Из грамматических сочинений Геродиана дошло до нас в целости только одно – «Об особенных выражениях» («Περὶ μονήρους λέξεως»). А остальные, в том числе главное – «Об общей просодии» («Περὶ καθολικῆς προσῳδίας») в 21 книге – были известны лишь по выдержкам у позднейших грамматиков. Но благодаря Августу Ленцу, который, по слову В. В. Латышева, “с изумительным усер-

дием” исполнил кропотливейший труд воссоздания сочинений Геродиана из сохранившихся остатков, творения Геродиана вновь приобрели желанную, хотя и несовершенную полноту.

Отец Элия Геродиана – Аполлоний Дискос (Ἀπολλώνιος Δύσκολος – Apollonius Dyscolus ‘Нелюдимый’, I пол. II в. н. э.), греческий грамматик, жил в Риме, позднее в Александрии. Первым привел греческую науку о языке в систему, составившую основу позднейшей школьной грамматики. Сохранились четыре сочинения Аполлония Дискола: «О синтаксисе» в 4 книгах, «О местоимениях», «О наречи-

ях», «О союзах». В названных и других многочисленных трудах Аполлоний развивал учение об ударении, просодии и морфологии, применяя в своей лингвистической теории принцип аналогии (Аристарх Самофракийский, Кратет из Малл).

Аполлоний и Геродиан были самыми выдающимися языковедами периода Римской империи. Схоластическая грамматика поздней-

ших времен зиждется на фундаментальных идеях именно этих авторов.

Что касается отрывков, имеющих интерес и значение в наших целях, то они по преимуществу извлечены из лексикона «Ἑθνικά» византийского ученого Стефана Византийского (XII в.), на соответствующие места которого здесь даются однотипные ссылки.

Подробнее см.: A. Thierfelder. *Beiträge zur Kritik und Erklärung des Apollonios Dyscolus.* – Leipzig, 1935.

Элий Геродиан

По В. В. Латышеву. В извлечениях А. И. Малеина

Об общей просодии

Книга II

I, 22, 14¹. **Гемикины** [полупсы] – Стеф. Виз. под словом Ἡμίκορες.

26, 27. **Исседон** – Стеф. Виз. под словом Ἰσσηδόνης; ср. II, 527, 4.

28, 6–20. Слово Ἀμαζών имеет долгое α. Это женское имя у Фермодонта, как говорит Эфор². Некоторые производят это название от отсутствия груди (τινὲς ἀπὸ τοῦ ἑστερῆσθαι μαζῶν); но такое производство невероятно. Фемистагор в «Золотой книге» говорит: “В Алове, называемой ныне Ликией, что у Эфеса, женщины, единодушно отказавшись от обычных женских занятий и подпоясавшись поясами, стали заниматься всеми мужскими делами; между прочим, они ἦμον, т. е. жали с этими поясами; поэтому и названы Ἀμαζόνες – ‘жнущие с поясами’; или потому, что они выжигали одну грудь ради стрельбы из лука, или потому, что не ели лепешек, а змей, скорпионов, ящериц и черепах; иные же производят название от матери Амазон (Ἀμαζοῦς)... А слово ἀλαζών – ‘надменный’ имеет долгое α и острое ударение на последнем слоге; как название смежного со скифами народа³ сохраняет ω в косвенных падежах для отличия.

34, 23. **Макроны** – Стеф. Виз. под словом Μάκρωνες.

Книга II

45, 10. **Языг** (Ἰαζος) – Стеф. Виз. под словом Ἰάζυρες.

47, 15. **Филиры** – Стеф. Виз. под словом Φίλυρες; ср. II, 231, 13.

48, 15. **Бизер** – Стеф. Виз. под словом Βύζηρες.

49, 20. **Бехир** – Стеф. Виз. под словом Βέχειρ; ср. II, 431, 17; 748, 8, 11.

49, 20. **Сапир** или **саспир** – Стеф. Виз. под словом Ζάπειρες; ср. II, 578, 25.

52, 28. **Матой**, так в древности скифами называлась река Истр⁴. Матой же по гречески значит ‘грязный’. Ср. Стеф. Виз. под словом Δάνουβις.

53, 10. **Ребас** – Стеф. Виз. под словом Ρήβας.

56, 11. **Тирас**, город и река у Понта Евксинского, как говорит Полигистор. Читается же и Тирис⁵. См. Стеф. Виз. под словом Τύρας.

58, 10. **Хирады** – Стеф. Виз. под словом Χοιράδες.

58, 29. **Диоскуриада** – Стеф. Виз. под словом Διοσκουριάς.

58, 35. **Афродисиада** – Стеф. Виз. под словом Ἀφροδισιάς.

Книга III

59, 19. **Дай** – Стеф. Виз. под словом Δάαι.

62, 9. **Скиф** – Стеф. Виз. под словом Σκύθαι. Ср. II, 678, 24; 690, 3; 691, 8.

62, 19. **Сак** – Стеф. Виз. под словом Σάκαи. Ср. I, 54, 21; II, 678, 29.

66, 8. **Санниг** – Стеф. Виз. под словом Σαννίγαι.

68, 33. **Апасиак** – Стеф. Виз. под словом Ἀπασιακαί.

69, 6. **Карамбик** – Стеф. Виз. под словом Καραμβύκαи.

- 69, 8. **Павсарк** – Стеф. Виз. под словом Παυσάρκαι.
 69, 30. **Апсил** – Стеф. Виз. под словом Ἀψίλαι.
 70, 7. **Иам** – Стеф. Виз. под словом Ἰάμαι и Ἰαμοί. Ср. 170, 18.
 70, 8. **Бастарн** – Стеф. Виз. под словом Βαστάρναι.
 70, 19. **Борисфен** – Стеф. Виз. под словом Βορυσθένης. Ср. II, 406, 28; 436, 31; 483, 11; 866, 63.
 71, 3. **Акесин**⁶ – река Танаис. Ср. Стеф. Виз. под словом Τάναις.
 71, 10. **Аракс** – Стеф. Виз. под словом Ἀράξης. Ср. 159, 13.
 72, 9. **Типанис** – Стеф. Виз. под словом Τιπανίσαι. Ср. II, 436, 2.
 72, 14. **Иксибат** – Стеф. Виз. под словом Ἰξιβάται.
 72, 16. **Сармат** – Стеф. Виз. под словом Σαρμάται. Ср. 289, 41: Σαρματία ἢ Χώρα.
 72, 18. **Сирмат** – Стеф. Виз. под словом Συρμάται.
 72, 24. **Харимат** – Стеф. Виз. под словом Χαριμάται.
 73, 4. **Матикет** – Стеф. Виз. под словом Ματυκέται.
 73, 6. **Эвергет** – Стеф. Виз. под словом Εὐεργέται.
 73, 8. **Тиссагет** – Стеф. Виз. под словом Θυσσαγέται.
 73, 9. **Торет** – Стеф. Виз. под словом Торέται.
 73, 10. **Миргет** – Стеф. Виз. под словом Μυργέται. Ср. II, 552, 14.
 75, 1. **Меот** – Стеф. Виз. под словом Μαιῶται. Ср. 106, 20.
 78, 3. **Яксарт** – река Танаис. Ср. Стеф. Виз. под словом Τάναις.

Книга IV

- 87, 11. **Данубий** – Стеф. Виз. под словом Δάνουβις. Ср. II, 489, 19.
 88, 24. **Халкида** – Стеф. Виз. под словом Χαλκίς.
 92, 37. **Метрополь** – Стеф. Виз. под словом Μητρόπολις.
 93, 17. **Себастополь** – остров⁷ в Понте; он же Диоскуриада и раньше Эя – Стеф. Виз. под словом Διοσκουρίᾱς.
 95, 17. **Гиркания** – Стеф. Виз. под словом Ὑρκανοί.
 95, 23. **Гипанис** – Стеф. Виз. под словом Ὑπανις.
 96, 5. **Упоминается Тибаренида**.
 96, 18. **Пиэнида** – город колхов. Ср. Стеф. Виз. под словом Πυῆνις.
 97, 14. **Напис** – Стеф. Виз. под словом Νάπις.
 98, 23. **Неврида** – Стеф. Виз. под словом Νευροί.
 99, 7. **Тирис** – Стеф. Виз. под словом Τύρας. Ср. I, 56, 11; II, 864, 12.
 102, 28. **Фасис** – Стеф. Виз. под словом Αἴσις. Ср. II, 221, 10.
 102, 35. **Кавкасида** – Стеф. Виз. под словом Καύκασος. Ср. I, 209, 9; II, 531, 17.
 103, 31. **Апсиртида** – Стеф. Виз. под словом Ἀψυρτίδες.
 105, 21. **Каркинитида** – город скифский – Стеф. Виз. под словом Καρκινίτις.
 106, 1. **Сфрагитида** – мыс в Скифии. Ср. Стеф. Виз. под словом Σφρακτίρια.
 106, 2–9. **Халкитида**, есть и страна в Скифии, как говорит Гермий в периегесе⁸. Ср. Стеф. Виз. под словом Χάλκις.
 106, 20. **Меотский** народ – скифское племя и Меотийское озеро, которое, говорят, было названо и т. д. Ср. Стеф. Виз. под словом Μαιῶται.
 106, 27. Слово **Скифида** (Σκυθίς) двусложное с острым ударением на конце, как Персида (Περσίς).

Книга V

- 114, 26. **Гипербореи** – Стеф. Виз. под словом Ὑπερβόρειοι. Ср. I, 308, 21; II, 590, 10.
 117, 26. **Травхений** – Стеф. Виз. под словом Τραυχένιοι.
 117, 27. **Тирмений** – Стеф. Виз. под словом Турμένιοι.
 118, 19. **Абий** – Стеф. Виз. под словом Ἀβιοί. Ср. II, 174, 14.
 119, 14. **Дандар** – Стеф. Виз. под словом Δανδάριοι.
 121, 12. **Кадусий** – Стеф. Виз. под словом Καδούσιοι.
 130, 26. **Парфиэи** – Стеф. Виз. под словом Παρθυαῖοι. Ср. 145, 1.
 132, 27. **Халдеи** – Стеф. Виз. под словом Χαλδαῖοι. Ср. 142, 24.

136, 20. **Боспорий** – Стеф. Виз. под словом Βόσπορος. Ср. I, 228, 1; 11, 483, 15 сл.; 878, 32.

Книга VI

139, 8. **Хулиба** (Χάλυβος): у Гекатея Χάλυβες. Из Стеф. Виз. под словом Χάλυβες. Ср. II, 177, 5; 286, 13; 603, 15.

141, 8. **Абасгский** народ в Скифии. Стеф. Виз. под словом Σαννίγαι.

141, 10. **Гиппемолгский** народ скифский от того, что они доят кобыл (ἵπλους ἀμέλγειν). Ср. Стеф. Виз. под словом Μελάγχλαινοι.

142, 12. **Гед** – Стеф. Виз. под словом Ἠδοί.

142, 20. **Синдский** народ, живущий на юг от Меотийского озера. Некоторые ставят острое ударение на конце, что неверно. Ср. Стеф. Виз. под словом Σίνδοι, ср. схол. к Аполлонию Родосскому IV: 321.

143, 27. **Лаз** – Стеф. Виз. под словом Λάζοι. Ср. Λαζική – I, 316, 25.

144, 11. **Сет** – река в Скифии, как говорит Филостефан. [Ср. II, 947, 22].

145, 1. **Парф**⁹ – Стеф. Виз. под словом Παρθυαῖοι.

147, 27. **Дакийский** народ, который называется и **дайским**, – Стеф. Виз. под словом Δακία.

150, 23. **Амадок** – Стеф. Виз. под словом Ἀμάδοκοι.

151, 10. **Моссиник** – Стеф. Виз. под словом Μοσσύνοικοι.

152, 8. **Синдик**¹⁰ – город, смежный со Скифией. Стеф. Виз. под словом Σύνδικος. Ср. II, 445, 3.

152, 24. **Халибдикийский** – Стеф. Виз. под словом Χάλυβες.

156, 2. **Кол** – Стеф. Виз. под словом Κῶλοι.

Книга VII

170, 18. **Иам** – Стеф. Виз. под словом Ἰαμοί.

175, 24. **Ахарн** – Стеф. Виз. под словом Ἀχανοί.

177, 4. **Фринский** (Φρῦνος) – народ скифский¹¹.

177, 25. **Меланхлен** – Стеф. Виз. под словом Μελάγχλαινοι.

179, 27. **Токсианский** – народ таврический, который называется также **токсиями**. Стеф. Виз. под словом Τόξιοι.

180, 2. **Аспургиан** – Стеф. Виз. под словом Ἀσπουργιανοί.

181, 15. **Скифеи** – Стеф. Виз. под словом Σκυθηνοί.

181, 16. **Хабарен** – Стеф. Виз. под словом Χαβαρηνοί.

184, 2. **Будин** – Стеф. Виз. под словом Βουδῖνοι.

184, 7. **Либистин** – Стеф. Виз. под словом Λιβυστῖνοι.

185, 20. **Гелон** – Стеф. Виз. под словом Γελωνός. Ср. 861, 26.

186, 24. Слово **χοραξός** как прилагательное имеет острое ударение на последнем слоге, а как название народа – не на последнем. Это **колхский** народ вблизи **колов**. Гекатей в описании Европы¹².

187, 24. ...**Поп** (πόπος)¹³; скифы называют попами находящиеся у них кмирчики¹⁴.

188, 20. **Исеп** – Стеф. Виз. под словом Ἰσηπος.

188, 22. **Аримаспский** народ гипербореев – Стеф. Виз. под словом Ἀρμασποί.

Книга VIII

193, 10. **Невр** – имя народа.

193, 18. **Фрөдро**с – существительное. Это – народ скифский, фрору́с – прилагательное¹⁵. Ср. II, 3, 43.

194, 23. **Апсар** – Стеф. Виз. под словом Ἀψυρτίδες.

196, 26. **Каспапир** – Стеф. Виз. под словом Κασπάπυρος.

202, 4. **Гелур** – Стеф. Виз. под словом Ἐλουροι.

202, 12. **Апатур** – Стеф. Виз. под словом Ἀπάτουρον.

204, 23. **Герр** – Стеф. Виз. под словом Γέρος.

207, 1. **Травский** – близкий к кельтам народ, которых эллины называют **агафирсами**¹⁶.

207, 30. **Агафирс** – Стеф. Виз. под словом Ἀγάθυρσοι.

207, 34. **Аорс** – Стеф. Виз. под словом Ἀорσοι.

- 208, 10. **Псесс** – Стеф. Виз. под словом Ψησσοί.
209, 19. **Кавказ** – Стеф. Виз. под словом Καύκασος.
211, 1. **Кардесс** – Стеф. Виз. под словом Καρδησσός.
211, 3. **Херронес** – Стеф. Виз. под словом Χερρόνεσος.
213, 21. **Иалис** – Стеф. Виз. под словом Ἰαλυσός.
222, 17. **Амаранты** – Стеф. Виз. под словом Ἀμαραντοί.
225, 23. **Мосх** – Стеф. Виз. под словом Μόσχοι.
226, 15. **Таох** – Стеф. Виз. под словом Τάοχοι.
226, 23. **Аррех** – Стеф. Виз. под словом Ἀρρηχοί.

Книга IX

- 228, 1. **Боспор** – Стеф. Виз. под словом Βόσπορος.
231, 15. **Гениох** [возница]; есть же и народ у Кавказа. Страбон в одиннадцатой *книге*. Ср. Стеф. Виз. под словом Ἠνιοχία.

Книга X

- 238, 1. **Патрасис** – Стеф. Виз. под словом Πάτρασος.
240, 38. **Гаргарей** – Стеф. Виз. под словом Γαργαρεῖς. Ср. II, 889, 13; 39.
245, 18. **Теос** – Стеф. Виз. под словом Τέως.
247, 4. **Халиб** – Стеф. Виз. под словом Χάλυβες. Ср. II, 177, 5; 286, 13; 603, 15.

Книга XI

- 257, 19. **Олинна** – Стеф. Виз. под словом Ὀλιννα.
260, 15. **Элевтеры** – Стеф. Виз. под словом Ἐλευθεραί.
262, 5. **Фемискира** – Стеф. Виз. под словом Θενίσκυρα.
265, 6. **Акра** – Стеф. Виз. под словом Ἀκρα.
267, 6. **Асса** – Стеф. Виз. под словом Ἀσσα.
271, 18. **Эя** – город Колхиды (из Феогнид: 102, 19); см. Стеф. Виз. под словом Αἶα.
281, 13. **Геликсия** – Стеф. Виз. под словом Ἑλίξιοια.
285, 23. **Дия** – Стеф. Виз. под словом Δία.
289, 27. **Ольвия** – Стеф. Виз. под словом Ὀλβία.
290, 2. *Скифия упоминается среди имен областей и городов, в конце XI книги, которые имеют острое ударение на втором слоге от конца.*
292, 19. **Феодосия** – Стеф. Виз. под словом Θεοδοσία.
295, 14. **Албания** – Стеф. Виз. под словом Ἀλβανία.
295, 31. **Армения** – Стеф. Виз. под словом Ἀρμενία. Ср. II, 454, 21; 877, 25.
2 98, 1. **Тибарения** – Стеф. Виз. под словом Τιβαρηνία.

Книга XII

- 313, 12. **Певка** – Стеф. Виз. под словом Πεύκη.
315, 4. **Анариака** – Стеф. Виз. под словом Ἀναριακή.
315, 13. **Псевдартака** – Стеф. Виз. под словом Ψευδαρτάκη.
316, 12. **Скифский** вид обуви. Ср. Стеф. Виз. под словом Σκύθαι.
316, 13. **Абика** – понтийская область.
316, 16. **Колика** – область у Кавказа. Ср. Стеф. Виз. под словом Κῶλοι.
316, 20. **Таврика** – Стеф. Виз. под словом Ταυρική, выпустив слова ἥς οὐ πολὺ – Ἑρμώνασσα и в конце ὁ οἰκίτωρ-φασί.
316, 25. **Лазика Древняя** – местечко, как *говорит* Арриан. Ср. Стеф. Виз. под словом Λαζοί.
325, 4. **Корокондама** – Стеф. Виз. под словом Κοροκονδάμη.
325, 10. **Крема** – Стеф. Виз. под словом Κρέμη.
329, 28. **Стамена** – Стеф. Виз. под словом Σταμένη.
332, 16. **Гогарена** – Стеф. Виз. под словом Γογαρηνή.
340, 22. **Тафры** – Стеф. Виз. под словом Τάφραι.
341, 4. **Фанагора** – Стеф. Виз. под словом Φαναγόρεια. Ср. 1, 280, 8; 341, 4; 374, 24; II, 896, 13.

Книга XIII

- 359, 1. **Гагий**¹⁷ – Стеф. Виз. под словом ᾿Αγιον.
360, 17. **Портмий** – Стеф. Виз. под словом Πορθμία.
361, 27. **Амиргий** – Стеф. Виз. под словом Ἀμύργιον.
366, 6. **Зефирий** – Стеф. Виз. под словом Ζεφύριον.
369, 14. **Нимфей** – Стеф. Виз. под словом Νύμφαιον.
369, 26. **Рипей** – Стеф. Виз. под словом Ῥιπαῖα.
373, 26. **Мирмекий** – Стеф. Виз. под словом Μορμήκιον. Ср. II, 460, 4; 552, 19.
378, 15. **Кита** – Стеф. Виз. под словом Κύτα. Ср. 283, 8; 389, 40.
389, 8. **Апатур** – Стеф. Виз. под словом Ἀπάτουρον.
393, 36. **Аргос** – Стеф. Виз. под словом Ἄργος.

Книга XIV

- 397, 24. **Мар** – Стеф. Виз. под словом Μᾶρες.
401, 6. **Хус** (Хоῦς) – Стеф. Виз. под словом Хоῖ¹⁸.

Об орфографии

- II, 483, 15 сл. **Боспор** – Стеф. Виз. под словом Βόσπορος. Ср. I, 136, 20.
II, 527, 4. **Исседоны** – Стеф. Виз. под словом Ἰσσηδόνες.
II, 534, 6. Гераклид Понтийский говорит, что **киммерийцы** живут ниже Понта¹⁹... Протея Зевгматит²⁰ пишет Χεμῆριοι [зимние], ибо у них всегда зима. Некоторые называют их Κεμῆριοι от κέμμερος ‘мгла’²¹. *Есть* и скифское племя **киммерийцы**²².
II, 552, 14. **Миргеты** – Стеф. Виз. под словом Μυργέται.

Примечания

¹ Ссылки на Геродиана даются по изданию Августа Ленца, в том I которого вошел труд «Об общей просодии», а в том II – «Об орфографии». При ссылках римская цифра указывает том, первая арабская – страницу, а вторая – строку.

² [Более подробно сообщение Эфора об амазонках на реке Фермонте в Малой Азии см.: Диодор Сицилийский II: 45; см также: Страбон XI: 5, 4].

³ [О скифском племени алазонов на нижнем Днепре см. Геродот IV, 17; ср. Страбон XII: 3, 12: рассуждения о том, что правильнее писать “алазоны”, чем “ализоны” и “амазоны”].

⁴ [Это не наименование, со ссылкой на Страбона, приводится в схолиях Евстафия к Дионисию Периегету: 298. Отсутствие этого наименования в сохранившемся тексте Страбона объясняется (Brandis, RE, VIII: 2104) за счет лакун VII книги. Вместо ἁῖος Брандис предлагает читать αἰῖος, т. е. ‘счастливый’, и толкует это наименование подобно общеизвестной этимологии наименования Черного моря – εὐξεινός].

⁵ [Это чтение засвидетельствовано у Псевдо-Скилака: 68].

⁶ [На это отождествление указывает и Стефан Византийский, ссылаясь на Никанора, грамматика II в. н. э. *Аксин* – река в Индии, впадающая в Инд и отождествляемая с современным Ченабом].

⁷ [Наименование Себастополя – Диоскуриады островом у других авторов не засвидетельствовано. Отождествление этого города с мифической Эей, столицей царя Эета (иногда отождествляемой также с позднейшим Археополем-Николаевым), подтверждает Никанор: Стеф. Виз. под словом Γάναξ].

⁸ [Это, восходящее к Гермию Метимнскому, автору IV в. до н. э., известие относится, вероятнее всего, к Кавказу, точнее, к области халибов – племени, наименование которого также тесно связано с представлением о меди. Ср. Tomaschek, RE, VI: 2090, 12].

⁹ [Т. е. парфянин].

¹⁰ [Более обычная форма – Синдика (Συνδική), наименование, прилагавшееся не только к городу, но и ко всей области синдов. Ср. Страбон XI: 2, 10 сл.].

¹¹ [“Φρῦνος я добавил из схолий Евстафия к Дионисию Периегету: 752, каковое место, видимо, взято из Стефана Византийского” (Lentz)].

¹² [То же самое у Стеф. Виз. под словом Κοραζοί из описания Азии у Гекатея. Εὐρώπη А. Ленц, видимо, написал здесь вместо Азии по ошибке].

¹³ “λόλος из Феогида: 158 я перенес сюда под влиянием Lehrsia’s a. De Arist.: 119, издание II” (Lentz)].

¹⁴ [Поздние глоссарии объясняют λόλος как дрионское (древнесалийское, пеласгическое – т. е. доиндоевропейское) наименование богов и духов: λόλος – δαίμονες. Ср. Большой этимологик: 823, 32; Ликофрон. Александра: 943].

¹⁵ Φρῦρος и φρουρός см. Евстафий. Схолии к Дионисию Периегету: 752: Φρῦρος – скифский народ для отличия от φρουροί, каковое слово, имея острое ударение на конце, обозначает ‘стражи’ (Lentz). [Об этом скифском племени ближе ничего не известно. Возможно, что его следует отождествить с упомянутым у Птолемея (География III: 5, 8) племенем фругундионы в западной части Европейской Сарматии].

¹⁶ “Из *Стефана Византийского* исправлено в *Litt. Centralbl.*, 1864, № 50, стр. 200” (Lentz).

¹⁷ [Святое].

¹⁸ [“Хоῦς я добавил сам вследствие собственного имени Хоῦς у Стеф. Виз., у которого надо писать не Хоῖ, а Хоῖ” (Lentz)].

¹⁹ [Т. е. в Каппадокии, в районе Синопы. О пребывании киммерийцев в Малой Азии и об их следах там, см.: Lehmann-Haupt, RE, XXI: 407 сл.].

²⁰ [Грамматик Протей из сирийского города Зевгмы ближе не известен].

²¹ [Различные этимологизации имени киммерийцев: Евстафий. Схолии к Гомер. Одиссея XI: 14].

²² [Ср. Страбон I: 3, 21 и прим. – о трерах и скифах как о “киммерийских” народах].

Источник: Herodiani Technici reliquiae / Collegit, disposuit, emendavit, explicauit, praefatus est Aug. Lentz. Vol. I–II. – Lipsiae: Teubner, 1867–1870; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2.

Оппиан Корикский

’Οππιανός Κορυκίος – Oppianus Corycius

Оппиан Корикский (II вв. н. э.), греческий поэт. Родом из города Корика в Киликии, жил при Марке Аврелии (161–180) и Коммодe (161–192), которым дидактическую поэму «О рыболовстве» («Ἀλιευτικά») в 5 книгах. Умер в тридцатилетнем возрасте.

Оппиан Корикский

О рыбной ловле

I, 595–613. Когда икроносные рыбы весной наполняются детородным веществом, и одни из них спокойно остаются каждая на своем месте, в своих обычных обиталищах; но многие, собравшись, устремляются по одному общему пути в Евксинский Понт, чтобы там родить детенышей. Этот залив преснее всякого другого моря¹, будучи пополняем бесчисленными многоводными реками; в нем удобные и многопесчаные пристани, изобильные кормы, тихие берега, полые скалы, илистые пещеры, тенистые косы и вообще все, что особенно любят рыбы; в нем не водится ни страшных чудовищ, ни каких-либо губительных для рыб животных, ни враждебных мелкой рыбешке полипов, крабов или морских раков. Водятся в нем немногочисленные дельфины, но тоже более безопасные, чем другие

породы морских животных, и безвредные. Поэтому это море чрезвычайно любимо рыбами и они очень спешат плыть туда.

IV, 504–513. Стада пеламид – родом из Евксинского моря и происходят от сердитых самок тунцов. Последние, собравшись там, где Меотида соединяется с морем, у болотистого устья и покрытых водой зарослей камыша переносят тяжелые родовые муки; часть икры, которую встретят при плавании, они поедают, а другая часть, оставшись в камышах и тростнике, своевременно производит стада пеламид; последние, как только попадают в волны и научатся плавать, спешат в другие области моря и пожелают оставаться там, где родились, несмотря на свою ничтожную величину.

¹ [О пресноте воды Черноморского (а также и Каспийского) бассейна см. Аристотель. Истории о животных VIII: 19; Полибий IV: 40, 9 сл.; Страбон I: 3, 4].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2.

Оппиан Апамейский

’Οππιανός Ἀπαμεύς – Oppianus Apamensis

Оппиан Апамейский (II–III вв. н. э.), греческий поэт. Родом из города Апаimei, Сирия. Жил при императоре Каракалле (186–217), которому посвятил дошедшую до нас дидактическую поэму «Об охоте» («Κυνηγетικά») в 4 книгах. Второе сочинение Оппиана Апамейского – поэма «Птицеловство» («Ἰξευτικά») – сохранилось лишь в прозаическом пересказе Евтекния.

Оппиан Апамейский

Об охоте

I, 171–172: в перечислении лучших пород лошадей, между прочим, упоминаются “кони скифские” и “армянские”¹.

I, 373: в подобном же перечислении лучших пород собак упоминаются “савроматские псы”.

I, 397: рекомендуется для улучшения пород собак скрещивать, между прочим, “сарматского пса” с “иберийской самкой”.

II, 138–144. ...С обеих сторон многошумного моря противоположные одна другой реки спускаются изобильным течением: с одной

стороны Истр, рассекая белоснежные удила Борея, грозно шумит повсюду в Скифии, катясь по утесам и омываемым волнами мысам, а с другой стороны из Ливии далеко шумящее море страшится разбивающихся о него волн священного египетского потока².

Примечания

¹ [О скифских и иллирийских лошадях, отличающихся своей выносливостью, см. Арриан. Об охоте: 23, 3].

² [Имеется в виду река Нил. Ср. Страбон XI: 2, 2, где разбираются мнения о диаметральной противоположности течения рек Тананса и Нила].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2.

Юлий Полидевк

Πολυδεύκης – Julius Pollux

Юлий Полидевк, лат. Поллукс (II пол. II в. н. э.), греческий софист и лексикограф. Уроженец Навкратиса в Египте, ученик ритора Адриана. Благодаря расположению императора Коммода (180–192) получил кафедру софистики в Афинах, где преподавал риторику до конца жизни. Из его произведений в позднейшей переработке сохранился лишь лексикон под заглавием «Ономастикон» («Ὀνομαστικόν») в 10 книгах, посвященный императору Коммоду. Этот своего рода энциклопедический справочник, построенный по тематическому принципу: книга I – о богах и царях, II –

о людях, их жизни, физиологическом строении и пр., III – о родстве, гражданских отношениях и т. д. Местами ономастикон напоминает учебник риторики: здесь между прочим приведены 52 выражения, служащие для восхваления правителя, 33 ругательства в адрес сборщика податей и среди прочего цитаты из более ранних авторов – Аристофана Византийского, Эратосфена, Памфила и др. – с краткими пояснительными замечками. По названиям известны еще несколько трудов Юлия Полидевка: «Διάλεξις», «Λαλιά», «Μελέται», «Ἐπίλαμιος», «Ῥωμαϊκος», «Λόγος» и др.

Юлий Полидевк

Ономастикон

По В. В. Латышеву

I, 138. (О варварском вооружении) К этому следует причислить и варварское *вооружение*: македонскую сариссу... и скифские секиры (σαγάρεις)¹...

II, 62. (О различии глаз) (1) ...Прилагательное “одноглазый” употреблено у Геродота² относительно имеющих от природы один глаз, как, например, киклопов³ и аримаспов...

IV, 60. (О музыкальных инструментах, изобретенных разными племенами) ...пятиструнный изобретен скифами и связывался сыромятными ремнями, а плетрами служили козьи копыта⁴...

IV, 76. (Виды музыкальных инструментов) ...Скифы, и между ними в особенности андрофаги⁵, меланхлены и аримаспы дуют в кости орлов и коршунов, наподобие флейт⁶...

V, 26 (Об охотничьих снарядах) ...Сети опускные, полевые и дорожные⁷ должны де-

латься из египетского, фасианского, карфагенского или сарбийского льна⁸. Геродот говорит⁹, что фасианский, т. е. колхидский, лен называется у эллинов сардонским...

VI, 25. Скифский способ питья¹⁰.

VII, 48. Понтийская соленая рыба¹¹.

VII, 62. Фасианские птицы.

VII, 59. (Виды одежд) ...Антифан в «Скифах» сказал: “все одетые в шаровары и хитоны”... (ср. X, 168: Антифан же в «Скифах» или «Таврах», шаровары и т. д.).

VII, 70. (О кожаных одеждах) Были и кожаные одежды... сисирна – кожаный хитон, волосатый, с рукавами, употребляется скифами.

VII, 88. (Виды обуви) ...“Аргосские” башмаки, всякому очевидно, придуманы аргосцами, как “скифские”, – скифами и “родосские” – родосцами...

Примечания

¹ [Сарисса (σάρισσα; также σάρισα) – длинное копье, бывшее предметом вооружения в македон-

ской фаланге (Полибий II: 69, 9); сагара (секира) как предмет вооружения массагетов, изготовлен-

ная из бронзы (меди), упомянута у Геродота (I: 215); как об оружии моссиников и амазонок о ней упоминает Ксенофонт (Анабасис IV: 4, 16; V: 4, 13). Бронзовое секирообразное орудие у скифов археологически не засвидетельствовано. Ближе всего под это понятие подходят бронзовые секирообразные топоры закавказского типа, так называемое “амазонские” или “киммерийские”].

² Геродот IV: 27.

³ [Титаническое племя, по Гесиоду (Теогония: 624 сл.), – дети Урана и Геи; населившие, по Гомеру (Одиссея I: 69; IX: 106), остров Сицилию].

⁴ [Речь идет, вероятнее всего, об инструменте типа кифары или лиры, иногда изображающейся с пятью струнами, или, может быть, о восточном инструменте с грифом фригийского происхождения, называвшемся *пандура* (позднее бандура). Обломки и украшения из слоновой кости музыкального инструмента типа кифары были найдены в Керчи].

⁵ [Людоеды].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2.

⁶ [Ср. Плутарх. Моралии VII: 5, где Анахарсис отрицает наличие у скифов флейт и флейтисток, ввиду отсутствия виноградных лоз (т. е. вина и пиршеств). Ср. также схоласт. к Аристотель. Аналитика вторая II].

⁷ О различного рода сетях: Полидевк. Ономастикон V: 27: “различие же имен в употреблении для охоты состоит в том, что полевыми называют устанавливаемые на равнинах и ровных местах, дорожные же на дорогах; опускаемые не меньше их величиной, по виду же подобны головной сетке, заканчиваясь острием”.

⁸ Ср. Ксенофонт. Об охоте II: 4.

⁹ Геродот II: 105.

¹⁰ [См. об этом Анакреонт, фр. 63; схоласт. Евстафия к Гомер. Одиссея XV: 85].

¹¹ [См. о черноморской соленой рыбе и о вывозе ее в средиземноморские страны Полибий IV: 38].

Дион Кассий Кокцеян

Κάσιος Δίων Κокκιανός – Cassius Dio Cocceianus

Дион Кассий, Кассий Дион Кокцеян (Коккеан, Коккеян) (155/164–229/235), греческий историк. Родился в Никее, Вифиния, в семье Кассия Африкана, наместника Далмации и Киликии и сенатора при Марке Аврелии. В правление Коммода Дион стал членом римского сената, при императоре Пертинаксе – претором (194 г.), служил наместником в Африке, Далмации и Паннонии, избирался консулом, а в 229 году – консулом вторично, вместе с императором Александром Севером. Но в том же году отошел от дел и вернулся в Никею. Автор «Римской истории» («Ῥωμαϊκὴ ἱστορία», лат. «Historia Romana») в 80 книгах

на греческом языке, изложенной по принципу анналов, т. е. по годам (по консулам) – от основания Рима (753 до н.э.) до Александра Севера (229 г.). До нас дошли полностью книги XXXVI–LIV (68–10 гг. до н. э.), в сокращенной книге LV–LX (9 до н. э. – 46 н. э.), частично книги XVII, LXXIX, LXXX, остальные – в сокращенных пересказах византийских авторов Ксифилина и Зонара (I пол. XII в.), благодаря которым Дион прослыл “византийским Ливием”. Кроме «Римской истории», Дион составил утраченные ныне жизнеописание историка Арриана иopus о снах и знамениях в царствование Септимия Севера.

Дион Кассий

Римская история

По В. В. Латышеву

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

XXXVI, 50. (1) Тогда [Митридат] поспешил к Тиграну¹, но, послав к нему передовых, не встретил сочувственного приема, так как Тигран заподозрил, что в восстании, поднятом его сыном Тиграном², Митридат, пришедшийся дедом последнему, был главным подстрекателем, и поэтому не только не принял его, но даже приказал схватить и заключить в оковы его передовых. (2) Обманувшись в своих надеждах, Митридат обратился в Колхиду, а оттуда сухим путем прибыл к Меотиде и Боспору и, действуя на одних убеждением, на других силой, подчинил себе эту страну. Сын его Махар, владевший ею в то время и ставший на

сторону римлян, до того был поражен его прибытием, что не осмелился даже явиться ему на глаза; Митридат убил его через близких к нему лиц, обещав им прощение и деньги³. (3) Между тем Помпей послал за ним погоню, но так как он успел раньше бежать за Фасис, то Помпей основал город в том месте, где одержал победу⁴, и отдал его раненым и престарелым воинам; вместе с ними добровольно поселились многие из окрестных жителей и живут до сих пор, называясь никополитами и принадлежа к Каппадокийской области.

51. (1) Так действовал Помпей; между тем Тигран, сын Тиграна, вместе с некоторыми

знатными людьми, недовольными правлением старика, бежал к Фраату⁵ и убедил его вторгнуться в Армению, так как тот раздумывал, что ему следует предпринять вследствие заключенного с Помпеем перемирия. (2). Они дошли до Артаксат, покоряя всю пройденную область, и напали на этот город, так как старик Тигран, испугавшись их, бежал в горы. Но когда оказалось, что для осады Артаксат нужно время и вследствие этого Фраат, оставив часть своих сил сыну, возвратился в свою страну, то Тигран-отец выступил против лишившегося союзников сына и разбил его. (3) Последний, обратившись в бегство, сначала направился было к деду своему Митридату, но, когда узнал, что он также разбит и скорее нуждается в помощи, чем может помочь кому-нибудь другому, подчинился римлянам. Помпей, взяв его в проводники, выступил в Армению против его отца⁶.

52. (1) Последний, узнав об этом и испугавшись, тотчас выслал к нему парламентеров и выдал послов Митридата. Когда же вследствие противодействия его сына ему были предъявлены неумеренные условия и Помпей все-таки перешел через Аракс и приблизился к Артаксатам, (2) Тигран сдал ему город и добровольно явился в его лагерь, одевшись средним образом по сравнению и с прежним достоинством, и с теперешним унижением для того, чтобы показаться Помпею одинаково достойным уважения и жалости: (3) он снял свой белый хитон и пурпуровую мантию, но оставил тиару и повязку. Помпей через посланного ликтора приказал ему спешиться (ибо он приближался с очевидным намерением въехать верхом, по местному обычаю, в самое укрепление), но когда он вошел пешком, сбросив диадему, и, пав на землю, приветствовал как царя, то Помпей, увидев это, почувствовал жалость (4) и, встав с места, поднял его, повязал повязкой, посадил на ближайшее кресло и обратился с утешительной речью, в которой высказал, между прочим, что он не только не потерял Арменского царства, но и приобрел дружбу римлян. Этими словами Помпей расположил к себе Тиграна и пригласил его на обед.

53. (1) Сын, сидевший с другой стороны Помпея, не встал перед отцом и ничем другим не выразил своего почтения и даже не явился по приглашению на обед, чем и заслужил величайшее презрение со стороны Помпея. (2) На следующий день Помпей, выслушав их, отдал старшему все унаследованное им царст-

во, а приобретенные им самим земли (именно, между прочим, части Каппадокии и Сирии, Финикию и смежную с Арменией небольшую область Софаненскую) отнял у него и, кроме того, потребовал денег; младшему же он отделил одну Софаненскую область⁷. (3) Так как именно в ней оказались царские сокровища, то юноша изъявил на них притязание и, не получив удовлетворения (ибо Помпею неоткуда было иначе получить условленные деньги), пришел в негодование и задумал бежать. Предупрежденный об этом, Помпей отдал его под стражу без оков и послал хранителям сокровищ повеление выдать все деньги его отцу. (4). Так как они отказались повиноваться, говоря, что юноша, за которым уже считалась эта область, должен сам дать им это повеление, то Помпей послал его к укреплениям; Тигран, найдя их запертыми, приблизился и против собственного желания приказал их отпереть; но когда хранители все-таки не оказали повиновения под тем предлогом, что он не добровольно, а по принуждению дал им это приказание, Помпей рассердился и заключил Тиграна в оковы. (5) Таким образом старик получил сокровища; Помпей остался на зимовку в области у реки Кирна⁸, разделив войска на три отряда и получив от Тиграна много разных припасов и денег гораздо больше условленной суммы. (6) Вследствие этого и его немного спустя записал в число друзей и союзников, а сына под стражей отправил в Рим.

54. (1) Однако ему не удалось перезимовать спокойно. Орис, царь албанов, живших выше Кирна, с одной стороны, желая угодить другу своему Тиграну-младшему, а с другой, и главным образом, боясь вторжения римлян в Албанию, при том полагая, что, во всяком случае, ему удастся что-нибудь сделать, если он зимой врасплох нападет на римлян, стоявших лагерем не в одном месте, выступил против них под самый праздник Кроний⁹. (2) Сам он двинулся против Метелла Целера¹⁰, у которого был Тигран, другой отряд послал против Помпея и третий против Луция Флакка, командовавшего третьей частью войска, с той целью, чтобы они, будучи все одновременно приведены в смятение, не могли помочь друг другу. (3) Однако нигде ничего не удалось: самому ему Целер нанес жестокое поражение, а Флакк, видя невозможность оборонять широкую окружность рва именно вследствие ее величины, выкопал внутри другой ров и, дав врагам заметить свой притворный страх, за-

манил их *таким образом* внутрь внешнего рва: (4) здесь, неожиданно бросившись на них, он многих перебил в схватке, а многих во время бегства. В то же время Помпей, узнав о произведенной варварами попытке *нападения* на других, внезапно двинулся навстречу выступившим против него и, разбив их, немедленно поспешил прямо против Ориса. Захватить его не удалось, так как он, будучи отбит Целером и получив известия о неудачах других, обратился в бегство, (5) но зато Помпей перебил много албанов, застигнув их врасплох при переправе через Кирн¹¹. После этого он по настоятельной их просьбе заключил перемирие: ему очень хотелось отомстить им вторжением в их собственную землю, но ввиду зимнего времени он охотно отложил войну.

XXXVII, 1. (1) Вот что совершил тогда Помпей, а в следующем году, в консульство Луция Котты и Луция Торквата¹², он воевал как с албанами, так и с иберами. С последними он принужден был вступить в борьбу раньше (чем с албанами) и против *всякого* ожидания. (2) Живут они по обеим сторонам Кирна, гранича, с одной стороны, с албанами, а с другой – с армянами. Царь их Арток, боясь, чтобы *Помпей* не обратился и против него, послал к нему посольство под предлогом *выражения* дружбы, а *в то же время* стал готовиться напасть на него среди мира и потому неожиданно. (3) Однако Помпей проведаль и об этом и первый вторгнулся в его область прежде, чем он успел достаточно приготовиться и занять крайне трудный проход. *Помпей* успел дойти до *самого* города, называвшегося Акрополем¹³, прежде чем Арток узнал об его приближении. (4) Этот город лежал у самого ущелья, с одной стороны... тянулся Кавказ: здесь *город* был укреплен для защиты от вторжений. Испуганный Арток вовсе не имел времени изготавиться к бою; перейдя через реку, он сжег мост (5), а гарнизон укрепления, видя его бегство и притом потерпев поражение в бою, сдался *Помпею*. Овладев таким образом проходами, Помпей поставил в них стражу и, двинувшись оттуда, покорил всю *область* по эту сторону реки.

2. (1) Когда он собирался уже перейти через Кирн, Арток посылает к нему *послов*, прося мира и обещая добровольно *построить* ему мост и доставить провиант. (2) Он исполнил и то и другое, намереваясь подчиниться, но когда увидел, что *Помпей* переправился, то в испуге бежал к *реке* Пелору¹⁴, текущей также в

его владениях: кому он мог помешать переправиться, того *самого он* привлек *против себя* и бежал. (3) Увидев это, Помпей пустился за ним в погоню, догнал и разбил: прежде чем стрелки его успели сделать свое дело, *Помпей* бросился на них и в одну минуту опрокинул. (4) После этого Арток, перейдя через Пелор и предав пламени мост и на этой *реке*, бросился бежать, а из воинов его одни погибли в бою, другие – при переправе вброд через реку. (5) Многие, однако, рассеялись по лесам и несколько дней держались, пуская стрелы с деревьев, которые *там* очень высоки, но потом, когда деревья были вырублены, также погибли. Тогда Арток снова вошел в сношения с Помпеем и прислал ему дары. (6) Когда же Помпей принял дары для того, чтобы Арток, надеясь на перемирие, не ушел куда-нибудь дальше, но даровать ему мир не соглашался иначе, как *под условием*, если Арток предварительно пришлет ему своих детей в заложники, то последний медлил некоторое время, (7) пока римляне, *воспользовавшись тем*, что Пелор летом сделался проходимым в этом месте, не переправились через него без труда, в особенности при отсутствии всякой помехи. Тут уже *Арток* прислал *своих* детей к Помпею и вслед за тем заключил договор.

3. (1) После этого Помпей, узнав, что *река* Фасис недалеко и решив вдоль нее спуститься в Колхиду и оттуда отправиться в Боспор против Митридата, двинулся в задуманном направлении (2) и прошел *через земли* колхов и их соседей, действуя то убеждением, то страхом. Узнав здесь, что путь по материку идет *через земли* многих неизвестных и воинственных племен, а морской *путь еще* затруднительнее вследствие отсутствия гаваней в *этой* стране и *суровости* ее обитателей, (3) приказал флоту сторожить Митридата, чтобы и его самого не допускать никуда выплыть и отрезать ему подвоз провианта, а сам обратился против албанов, но не кратчайшим путем, а через Армению, чтобы захватить их врасплох и посредством этой уловки, кроме перемирия. (4) Он перешел вброд через Кирн, где он сделался проходимым вследствие летней жары, приказав переправляться по течению коннице, затем обозу и, наконец, пехоте, для того, чтобы кони своими телами ослабили силу течения, а из обоза если что-нибудь все-таки опрокинется, то натолкнулось бы на сопровождавших с обеих сторон *людей* и не было унесено *течением* дальше. (5) На пути оттуда к реке Камбису¹⁵ он не потерпел никакого вреда от

неприятелей, но сильно пострадал со всем войском от жары и вследствие нее от жажды, хотя и прошел большую часть пути ночью: проводники, выбранные из пленных, повели их не по самой удобной дороге; (6) впрочем, и река пришлось им не к стати: чрезвычайно холодная вода ее, выпитая ими в большом количестве, многим повредила. Не встретив и здесь никакого сопротивления, *римляне* пришли к реке Абанту¹⁶, неся с собой только воду, так как прочие *припасы* они получали добровольно от туземцев и вследствие этого нисколько не обижали их.

4. (1) Уже после переправы через реку было получено ими известие о приближении Ориса¹⁷. Помпей, желая завлечь его в битву прежде, чем он узнает количество римлян, для того, чтобы он не отступил, заметив их многочисленность, (2) выстроил впереди всадников, объяснив им, что нужно будет делать, а остальным приказал позади всадников встать на колени, прикрыться щитами и соблюдать полную тишину, так чтобы Орис заметил их присутствие не прежде, чем вступит в рукопашную. (3) И действительно, он, полагая, что перед ним одни всадники, и отнесшись к ним с презрением, сразился с ними и, когда они вскоре обратились в притворное бегство, яростно пустился преследовать; но пехотинцы, вдруг поднявшись и расступившись, дали своим безопасное бегство сквозь свои ряды, а врагов, неосторожно увлекшихся преследованием, встретили с *оружием* и многих окружили. (4) Они стали рубить окруженных, а всадники, обскакав справа и слева, ударили с тыла на *тех, которые оказались* вне оцепления. Те и другие многих перебили на месте, а прочих, бежавших в леса, сожгли, приговаривая: "Ио, Крони, Крони!" – с намеком на прежнее их нападение.

5. (1) Совершив это и сделав набег на страну, Помпей даровал мир албанам и заключил через послов договоры с некоторыми другими из обитателей Кавказа до Каспийского моря, у которого оканчивается этот хребет, начинающийся от Понта...

XXXVII, 10. (4) ...В консульство Марка Цицерона и Гая Антония²... Митридат не только не причинил уже никакого вреда римлянам, но и сам себя погубил...

11. (1) Сам Митридат не падал духом под бременем несчастий; более веря своим желаниям, нежели силам, он задумывал, пользуясь пребыванием Помпея в Сирии, пробраться через Скифию к Истру и оттуда вторгнуться

в Италию; (2) будучи деятелен от природы и испытыв много неудач, но много и удач, он полагал, что для него нет ничего недостижимого или безнадежного; в случае же *новой* неудачи он предпочитал погибнуть вместе со своим царством, сохраняя *прежнюю* высоту духа, нежели, лишившись царства, жить в унижении и бесславии. (3) Такими замыслами он укреплял себя: ибо чем более слабели его физические силы, тем более он укреплялся силой ума, так что даже телесная слабость уменьшалась от высоких помыслов. (4) Но зато другие его сподвижники по мере того, как римляне усиливались, а Митридат ослабевал (кроме других *причин слабости*, землетрясение, сильнейшее из всех когда-либо бывших, разрушило у него многие города), стали менять свое настроение, в войске замечалось брожение, и некоторые даже захватили кое-кого из детей Митридата и отвезли к Помпею.

12. (1) Вследствие этого *Митридат* одних уличал и наказывал, других в гневе схватывал *только* по подозрению, никому уже не доверял и убил по подозрению одного из оставшихся сыновей. Видя это, сын его Фарнак, с одной стороны, боясь отца, с другой, рассчитывая получить от римлян царскую власть (ибо он был уже *вполне* возмужалым), составил против него заговор. (2) Но, будучи открыт вследствие того, что многие и явно и тайно старались разузнавать все его действия, он был бы немедленно наказан, если бы телохранители имели хотя малейшее расположение к старику; но теперь Митридат, хотя отличавшийся величайшей мудростью во всех царских делах, не понял, что ни оружие, ни множество подданных ни для кого не имеют никакого значения без дружественного с их стороны расположения и что, напротив, чем у кого их больше, тем труднее с ними справляться, если они не хранят верности. (3) Фарнак с приготовленными заранее людьми и с посланными отцом для его захвата (ибо он без всякого труда привлек их на свою сторону) двинулся прямо против отца. Узнав об этом, старик, бывший тогда в Пантикапее, выслал против сына нескольких солдат, намереваясь и сам последовать за ними; (4) но Фарнак скоро переманил и этих *людей*, тоже не любивших Митридата, захватил добровольно *сдавшийся ему* город и сделался виновником смерти отца, бежавшего во дворец.

13. (1) *Митридат* сделал попытку сам покончить с собой и, предварительно умертвив ядом своих жен и остальных детей, выпил *его*

остаток, но не мог убить себя ни им, ни собственноручно мечом: (2) яд, хотя и смертельный, не подействовал на него, так как он закалил себя ежедневными большими приемами противоядий; а удар меча оказался слабым вследствие того, что рука его обессилела от старости и испытанных несчастий и вследствие приема яда, хотя и недостаточно крепкого. (3) Итак, когда он оказался не в состоянии убить себя и чересчур долго медлил, на него бросились те, которых он послал против сына, и своими мечами и копьями ускорили его гибель. (4) Таким образом, Митридат, испытавший разнообразнейшие превратности своей великой судьбы, даже жизнь покончил не простым путем: он поневоле захотел умереть и, сделав попытку самоубийства, не был в состоянии *довести ее до конца*, но отчасти ядом, отчасти мечом сделался самоубийцей и в то же время был убит врагами¹⁹.

14. (1) Фарнак, посолив его тело, отослал к Помпею как доказательство совершившегося *факта* и предал ему самого себя и *свое* царство. Помпей не только не надругался над Митридатом, но и приказал похоронить его в семейной усыпальнице: полагая, что его вражда угасла вместе с душой, он уже не гневался напрасно на мертвеца; (2) однако Боспорское царство он подарил Фарнаку в награду за *это* нечестивое убийство и записал его в число друзей и союзников.

(3) Итак, Митридат погиб, и все его царство было покорено, кроме немногих *пунктов*, а именно: стражи, еще и в то время охранявшие некоторые укрепления вне Боспора, не сдали их немедленно, – не потому, чтобы задумывали сопротивляться Помпею, а из боязни, чтобы кто-нибудь не захватил сокровищ, которые они оберегали, и не свалил на них вины; поэтому они выжидали, желая все показать самому Помпею. Итак, когда все это было покончено, Фраат держал себя спокойно и *дела в Сирии и Финикии устроились, Помпей обратился против Арета*...²⁰

XLII, 9. (2) ...Фарнак, лишь только узнал, что между Помпеем и Цезарем возгорелось междоусобие, начал стремиться к возвращению себе отцовского царства... и захватил много местностей...²¹

45. (1) Клеопатра еще долее бы задержала Цезаря в Египте или немедленно отправилась бы вместе с ним в Рим, если бы Фарнак не вызвал бы и оттуда Цезаря, к великой его досаде, и не помешал бы спешить в Италию. (2) Он был сын Митридата и владел Боспором Ким-

мерийским, как сказано *выше*; задумав возвратить себе все отцовское царство, он поднял восстание во время самого междоусобия Цезаря и Помпея, и так как римляне были тогда заняты собственными делами, а потом были задержаны в Египте, (3) то он без труда подчинил себе Колхиду и всю Армению в отсутствие Деиотара²² и покорил некоторые города Каппадокии и Понта, приписанные к Вифинской области.

46. (1) При таких его действиях Цезарь сам не двинулся из Египта, ибо Египет еще не был вполне устроен, и он имел некоторую надежду одолеть Фарнака через других и послал Гнея Домиция Кальвина²³, поручив ему Азию и... войска. (2) Последний, присоединив к себе Деиотара и Ариобарзана²⁴, двинулся прямо на Фарнака, бывшего в Никополе, также им захваченном. Когда Фарнак, испуганный приближением Домиция, выразил готовность заключить перемирие для переговоров, последний, возымев к нему презрение, не дал перемирия и, вступив в битву, потерпел поражение. (3) После этого он удалился в Азию, так как не имел достаточных сил для борьбы с *Фарнаком* и, *кроме того*, приближалась зима. Фарнак же, возгордившись *победой*, присоединил другие области в Понте, после упорного сопротивления взял и разграбил Амис, перебил в нем всех взрослых и поспешил в Вифинию и Азию с теми же надеждами, как его отец; (4), но, получив в это время известие о возмущении Асандра²⁵, которого он оставил правителем Боспора, не продолжал своего наступательного движения. Именно Асандр, как только получил известие, что Фарнак ушел от него далеко вперед, и понял, что если даже ему удастся в данное время скрыть *свои замыслы*, то все-таки впоследствии дело не окончится благополучно, восстал против него, имея в виду угодить римлянам и получить от них власть на Боспоре.

47. (1) Услышав об этом, Фарнак двинулся *было* против него, *но* напрасно: получив известие, что Цезарь находится *уже* в пути и спешит в Армению, он возвратился и встретился с ним при Зеле. Дело в том, что Цезарь после кончины Птолемея и поражения Домиция не считал ни приличным, ни полезным свое пребывание в Египте и поэтому двинулся *оттуда* и с большой быстротой прибыл в Армению. (2) Приведенный в ужас варвар, гораздо более испуганный его быстротой, нежели *количеством* войска, раньше столкновения несколько раз посылал вестников, пытаясь избежать

предстоящей битвы примирением на каких бы то ни было условиях. (3) Он выставял *на вид* как другие *заслуги*, так в особенности то, что не стал на сторону Помпея, и надеялся склонить Цезаря к перемирию, так как он спешил в Италию и Африку, а после его удаления снова без труда поднять войну. (4) Проникнув в его намерения, Цезарь благосклонно принял первое и второе посольство, чтобы напасть на врага более неожиданно вследствие надежды на мир, а когда явилось третье посольство, он осыпал *Фарнака* разными упреками, в особенности же за то, что он оставил своего благодетеля Помпея, (5) и, не откладывая *дела*, в тот же день, прямо с дороги сразился с *Фарнаком*; на некоторое время он был приведен в замешательство конницей и косами, но затем одолел врага тяжелой пехотой²⁶. Фарнак бежал к морю и затем хотел силой пробиться в Боспор, но Асандр задержал его и убил²⁷.

48. Цезарь... (3) *снова* подчинил все области, которые Фарнак отрезал у римлян и их союзников, и все возвратил прежним владельцам, кроме некоторой части Армении, которую подарил Ариобарзану. (4) Он вознаградил свободой амисенцев, дал Митридату Пергамскому тетрархию в Галатии с именем царя и позволил ему воевать с Асандром, чтобы, победив его, отнять у него и Боспор за то, что он оказался изменником другу.

XLIX, 24. Зимой в консульство Геллия и Нервы²⁸ Публий Канидий Красс, предприняв поход против здешних [т. е. кавказских] иберов, победил в бою царя их Фарнабаза²⁹, привлек его к союзу и, вторгнувшись вместе с ним в соседнюю Албанию, победил албанов и царя их Зобера³⁰ и обошелся с ними подобным же образом...

LIV, 20. Около этого же времени³¹ было много и других смут... (3) В Далмации и в Иберии были кратковременные восстания... Во Фракии сначала Марк Лоллий, помогая Риметалку, дяде и опекуну детей Котиса, разбил бессов, а потом Гай Луций за ту же вину, одолев, отбросил за Истр савроматов...³²

LIV, 24. В следующем году³³ консулами были Марк Красс и Гней Корнелий... (4) В Боспоре Киммерийском произошло восстание. Некто Скрибоний³⁴, выдававший себя за внука Митридатова и уверявший, что он получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в замужество супругу его, по имени Динамию, которой было передано мужем управление государством и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой

Митридата, и стремился овладеть Боспором. (5) Проведав об этом, Агриппа послал против него Полемона, царя прилежащей к Каппадокии части Понта. Полемон уже не застал в живых Скрибония, так как боспорцы раньше убили его, узнав о его замысле; когда же они и ему оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву (6) и одержал победу, но не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти и на них походом. Тогда они положили оружие и сдались Полемену; Динамия сделалась его женой, очевидно, по решению Августа.

LVIII, 26. (1) Около этого же времени³⁵ Артабан Парфянский по смерти Артакса³⁶ отдал Армению сыну своему Арсаку и *затем*, так как от Тиберия не последовало никакого наказания за этот *поступок*, пытался овладеть Каппадокией и стал надменнее обращаться с парфянами. (2) Поэтому некоторые из них отложились и отправили к Тиберию послов с просьбой дать им царя из числа заложников. *Тиберий* послал было им Фраатова сына Фрата, а когда он умер в дороге, – Тиридата³⁷, также происходившего из царского рода. (3) Для того чтобы он как можно легче получил царскую власть, *Тиберий* послал Митридату Иберскому³⁸ письменный приказ вторгнуться в Армению, чтобы Артабан, помогая сыну, удалился из собственной земли. Так и случилось, но Тиридату недолго пришлось сидеть на престоле: Артабан призвал на помощь скифов и без труда изгнал его. (4) Таковы были дела в Парфии; Армению получил Митридат, как кажется, сын Митридата Иберского и брат следующего за ним иберского царя Фарасмана.

LIX, 12. (2) В это время³⁹ [Гай Калигула] по решению сената подарил Соэму область арабов-итуреев, Котису – Малую Армению, а потом и часть Аравии, Риметалку – владения Котиса и Полемонову сыну Полемену – царство его отца⁴⁰...

LX, 8... [В 41 г. н. э. Клавдий] отпустил на родину для занятия престола Митридата Иберского⁴¹, которого Гай вызвал в Рим и заключил в оковы. (2) Другому Митридату, ведшему свой род от знаменитого *Митридата Евпатора*, он подарил Боспор⁴², а Полемену дал взамен его одну область Киликии.

Ер., LXIX, 15. Так кончилась Иудейская война⁴³. Другая война была поднята из земли албанов, по происхождению массагетов, Фарасманом⁴⁴; она сильно потрясла Мидию, кос-

нулась также Армении и Каппадокии, но затем прекратилась вследствие того, что албаны были подкуплены дарами Вологеса⁴⁵, а с другой стороны, побоялись правителя Каппадокии Флавия Арриана⁴⁶.

(3) Когда Фарасман Иберский с супругой прибыл в Рим, *Адриан* увеличил его область, позволил принести жертву в Капитолии, поставил его конную статую на Марсовом поле и смотрел на военные упражнения самого *Фарасмана*, его сына и других знатнейших иберов.

Ер., LXXI, 14. [Император Марк Аврелий] ...сатрапа Тиридата, произведшего возмущение в Армении, убившего царя гениохов и поднявшего меч на Вера, когда тот упрекал его за эти поступки, не казнил, а только сослал в Британию...

Ер., LXXI, 19. [Император] Марк народы, посылавшие к нему посольства, принимал не все на одинаковых условиях... (2) Так как язиги оказывались очень полезными для него, то он сложил многие из наложенных на них *обязательств*... и позволил им сноситься с роксоланами через Дакию всякий раз, когда ее правитель дозволит им *это*.

Ер., LXXV, 3. В это время⁴⁷ скифы хотели было поднять войну, но их удержала гроза с дождем и молнии, неожиданно упавшие на них во время совещания и убившие трех лучших между ними мужей.

LXXVIII, 5, 4. Восьмого апреля [217 г.], когда Антонин [Каракалла] выехал из Эдессы в Карры и на дороге сошел с коня для естественной надобности, Марциалий, приблизившись как бы с целью что-то сказать *ему*, поразил *его* маленьким мечом и немедленно бросился бежать; ему удалось бы скрыться, если бы он *догадался* бросить меч; (5) а то он был узнан именно по мечу и убит ударом копья одним скифом⁴⁸ из свиты Антонина. Этот скиф был при Антонине не только в качестве союзника, но некоторым образом и в виде телохранителя; (6) ибо Антонин скифов и кельтов, не только свободных, но и рабов, отняв от мужей и жен, вооружил и имел при себе, доверяя им более, нежели *собственным* воинам; он давал им разные награды, отличал званием сотников и называл львами...

Примечания

¹ [Тигран II Великий, царь Армении (96–56 до н.э.).]

² [В 66 г. до н. э.; Тигран II был зятем Митридата VI Евпатора].

³ [В 65 г. до н.э. По другой версии (Аппиан. Митридатовы войны: 102), Махар покончил жизнь самоубийством].

⁴ [Никополь в Малой Армении у истоков реки Галиса, на месте совр. селения Эндерез. См.: Страбон XII: 3, 8; Аппиан. Митридатовы войны: 101, 105].

⁵ [Фраат III (Арсак XII) – царь Парфии (70–58 до н. э.).]

⁶ [В 66 г. до н. э.].

⁷ [Иначе Софена – область Великой Армении, расположенная между хребтами Антитавром и Масием, по левому берегу верхнего Евфрата. См. Страбон XI: 12, 3].

⁸ [Иначе Кира – современной реки Куры].

⁹ [Сатурналии, праздновавшихся 17 декабря: Плутарх. Помпей XXXIV].

¹⁰ [Квинт Цецилий Метелл Целер был легатом Помпея в 66 г. до н. э. и претором в 63 г. до н. э.].

¹¹ [Ср. Плутарх. Помпей XXXIV].

¹² [689 г. от основания Рима = 65 г. до н. э.].

¹³ [Гармозика Страбона (XI, 3, 5), Армактика (Армастика) Птолемея (V: 10, 3) и других авторов; древнегрузинская Армази, близ нынешнего Тбилиси].

¹⁴ [Эта, не упоминаемая другими авторами, река Иберии отождествляется предположительно с современной рекой Лори, притоком Куры].

¹⁵ [Река в Албании (Помпоний Мела III: 5; Плиний. Ест. ист. VI: 15), отождествляемая с совр. Иорой, впадающей в Алазань при слиянии ее с Курой].

¹⁶ [Река в Албании (Плутарх. Помпей: 35), отождествляемая с Алазоном (Алазнью) Страбона и других авторов. Ее, быть может, следует отождествлять с рекой Албаном Птолемея (современной речкой Сумгаит-Чай), ср.: Tomaschek, RE, I, 18].

¹⁷ [Ср. Плутарх. Помпей XXXV, по версии которого албанами предводительствовал брат Ориса Косис].

¹⁸ 691 г. Рима = 63 г. до н. э.

¹⁹ [Ср. Аппиан. Митридатовы войны: 111, где излагается другая версия, соответственно которой Митридат был заколот Бититом, предводителем служивших у него кельтов, по его собственной просьбе].

²⁰ [Арета I, царь Аравии Петреи, современник Помпея, пришедший в столкновение с римлянами в Иудее в 64 г. до н. э., еще до смерти Митридата: Аппиан. Митридатовы войны: 107; Плутарх. Помпей XXXIX сл.].

²¹ 48 г. до н. э.

²² [Галатский тетрарх, действовавший на стороне римлян против Митридата, был награжден сенатом царским титулом и Малой Арменией, присоединенной к его владениям. Во время гражданской войны был на стороне Помпея и участвовал в битве при Фарсале в 48 г. до н. э.].

²³ [Консул 53 г. до н. э. Во время гражданской войны был сторонником Цезаря и командовал центром его армии в битве при Фарсале. В 47 г. до н.э. командовал римскими военными силами в Азии].

²⁴ [Ариобарзан III, прозванный “благочестивым и другом римлян” (51–42 до н. э.), каппадокийский царь, сын и наследник Ариобарзана II Филопатора, во время гражданской войны стоял на стороне Помпея, но затем был помилован Цезарем].

²⁵ [Один из военачальников Фарнака, возмущившийся против своего повелителя и впоследствии (после битвы при Зеле, в 47 г. до н.э.) нанесший ему поражение и захвативший боепорский престол, на котором он удержался до 17 г. до н.э.].

²⁶ [Об этой битве (47 г. до н.э.) Цезарь рапортовал сенату своими знаменитыми словами: *veni, vidi, vici*].

²⁷ [Ср. Аппиан. Митридатовы войны: 120, где говорится, что Фарнак умер в пятидесятилетнем возрасте от раны, полученной им в бою с Асандром].

²⁸ 718 г. Рима = 36 г. до н.э.

²⁹ [Ближе не известный преемник упомянутого выше (XXXVII: 2, 1) царя Артока].

³⁰ [Ближе не известный преемник упомянутого ранее (XXXVI, 54, 1) царя Ориса].

³¹ 739 г. Рима = 15 г. до н.э.

³² [О сарматах (которых и имеет в виду Дион Кассий) на Дунае см. Страбон VII: 3, 2; ср. также Птолемей III: 7, 1, где упоминается сарматское племя язигов-метанастов, помещаемое им между Дунаем и Тиссой и проникшее за Дунай при императоре Клавдии].

³³ 740 г. Рима – 14 г. до н.э.

³⁴ [См. о нем Лус. Масгр.: 17; ср. IOSPE, II: XXXVI].

³⁵ В 35 г. н.э.

³⁶ [Артакий II, сына Артабаза, царя Армении в 34–20 гг. до н.э.].

³⁷ [Об этом претенденте на парфянский престол см. еще D i o., LXIX, 27, а также Гас, Апп., II, 58, VI, 31 сл.].

³⁸ [Царь Иберии в эпоху Августа, отец и предшественник на иберийском престоле] упоминаемых ниже Фарасмана и Митридата].

³⁹ В 39 г. н.э.

⁴⁰ [Полемон II, сын Котиса и дочери Полемона I Антонии Триены (см. IOSPE, II: 42; PIR, III, 57 – 59, №№ 405 – 406; Дион в данном случае ошибается (царствовал в Понте и на Боспоре с 38 по 41 г. н.э.).

⁴¹ [См. выше, LVIII, 26].

⁴² [Митридат VII (на Боспоре – III), сын (по другим предположениям, внук) Аспурга и Динамии, царствовал на Боспоре в 41–45 гг. н.э.].

⁴³ В 135 г. н.э.,

⁴⁴ [Об этом Фарасмане, царе Иберии, упоминается у Арриана (Перипл Понта Евксинского: 15); своим предполагаемым происхождением от массагетов, не подтверждаемым другими авторами, албаны обязаны, может быть, лишь тому обстоятельству, что и то и другое племя локализуется у реки Аракса. При этом Аракс массагетов – Сырдарья (Яксарт других древних авторов) смешивается с кавказским Араксом].

⁴⁵ [Вологес II, царь Парфии (122–149 гг. н.э.).

⁴⁶ [Флавий Арриан, римский историк и географ, бывший легатом Каппадокии в 136 г. н.э.].

⁴⁷ 196 г. н.э.

⁴⁸ [Бытование племенного наименования «скифы» в III в. н.э. в Причерноморье засвидетельствовано эпиграфически: IOSPE. II, 423].

Источник: Casii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum quae supersunt / Ed. U. Th. Boissevain. Vol. I–V. – Berolini, 1895–1931; Дион Кассий. Римская история // Поздняя греческая проза. – М., 1961; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2.

Климент Александрийский

Κλεομένης Ἀλεξανδρίνος – Clemens Alexandrinus

Тит Флавий Климент Александрийский (ок. 150 – 211/220), христианский философ, богослов и писатель. Родился в языческой семье, возможно, в Афинах, и очень рано обратился в христианство. После продолжительных странствий обосновался в Александрии, где учился в катехетической школе у Пантена, став его преемником на посту пресвитера, преподавателя и руководителя школы. В период гонений на христиан при императоре Севере (202–203) бежал в Малую Азию, поручив школу 18-летнему Оригену. О его последующей жизни и странствиях практически ничего не известно. Главные из сохранившихся сочинений Климента Александрийского – «Увещание к эллинам» («Λόγος προτρεπτικός πρὸς Ἑλληνας»), «Краткие объяснения» («Ὑποπόμωσεις»), «Строматы» («Στρωματεῖς», досл. «Ковер из лоскутков») в 7 книгах, «Педагог» («Παδγωγός») в 3 книгах и гомилия «Какой богач спасется?», в которых Климент

пытался через рациональное осмысление тайн христианской веры привести читателя к истинному «гносису», т. е. к такому состоянию духовного совершенства, к которому нас призывало Слово Божье и в котором человек, освободившийся от страстей, через любовь к Богу уже на земле заложит основания небесного блаженства. Гимн Христу, которым завершается «Педагог», – одно из первых произведений христианской поэзии, а «Строматы» оправдали замысел автора и являются и сегодня ценнейшим источником по античной философии. По причине сомнений в ортодоксальности некоторых идей Климента Александрийского, его имя неожиданно было исключено из церковных календарей Климентом VIII (1536–1605), папой Римский с 1592, под руководством которого была проведена ревизия основных богослужебных книг и опубликована исправленная версия Вульгаты.

Климент Александрийский

Увещательная речь к эллинам

2, 24 (с. 20, Pott.). Да будут многие блага скифскому царю, кто бы не был [Анахарсис]. Этот *царь* своего соотечественника [т. е. Анахарсиса], подражавшего в Скифии кизикскому священнослужению матери богов¹ при звуках тимпана и кимвала, как некоего менагирта², повешенного за шею, застрелил из лука – *как человека, который* сам сделался женоподобным в Элладе и стал учителем женской болезни³ для прочих скифов⁴...

29 (р. 25 Р.) ...Да получают многие блага кариийцы, которые приносят ему [т. е. Аполлону] в жертву собак. Скифы пусть не перестают жертвовать ослов⁵, как говорят Аполлодор и Каллимах: “Феб услаждается гиперборейскими жертвами ослов”, – и он же в другом месте: “услаждают Феба тучные жертвы ослов”.

42 (р. 36 Р.) ...Племя тавры, живущие на Таврическом полуострове, кого ни захватят у себя из иностранцев, потерпевших кораблекрушение на море, тотчас приносят в жертву Таврической Артемиде; эти жертвоприношения Еврипид выводит на сцену в трагедии⁶...

46 (р. 40 Р.) ...В старину скифы поклонялись мечу⁷, арабы – камню, персы – реке...

64 (р. 56 Р.) ...Очень многие племена, как мне кажется, воткнув в землю один меч, приносят ему жертвы как Аресу; это в обычае у скифов, как говорит Евдокс во второй книге «Землеописания». Из числа скифов савроматы, как говорит Гикесий (Ἰκέσιος)⁸ в сочинении «О мистериях», почитают меч...

Педагог

III, 3, 24 (р. 267 Р.) ...Племена кельтов и скифов носят длинные волосы, но не употребляют украшений; густые волосы варвара внушают страх, а их рыжий цвет, похожий на кровь, грозит войной. И те и другие из этих варваров ненавидят роскошь: достоверными свидетелями этого германец представит Рейн, а скиф – повозку. Иногда, *впрочем*, скиф пренебрегает и повозкой: ее величина кажется

варвару богатством, и, оставив роскошь, скиф живет дешево в доме самодовлеющем и более легком, чем повозка: взяв коня и сев на него, скиф несется, куда хочет; мучимый голодом, он требует пищи у коня, и последний предоставляет *ему* свои жилы и отдает господину все, что имеет, – свою кровь; *таким образом*, конь является для кочевника и средством передвижения и пищей.

Строматы

1, 14, 59 (р. 350 Р.) ...Седьмым [мудрецом] одни называют Периандра Коринфского, другие – скифа Анахарсиса, третьи – критянина Эпименида...

I, 15, 72 (р. 359 Р.). Скифом был и Анахарсис, о котором пишут *как* о выдающемся из многих эллинских философов. О гиперборейцах рассказывает Гелланик [фр. 96], что они живут выше Рипейских гор и что они учатся справедливости, не употребляя в пищу мяса, но питаясь древесными плодами; шестидесятилетних *стариков* они выводят за ворота и убивают [собственно скрывают]⁹...

I, 16, 75 (р. 362 Р.)... [Идейские дактилы¹⁰ Келмис...] и Дамнаменей первые открыли железо на Кипре: другой идей, Делас, изобрел сплав меди, а по словам Гесиода – скиф¹¹...

I, 21, 133 (р. 399 Р.) ...На предчувствие всегда обращали внимание великий Пифагор, гиперборей Абарис и Аристей Проконнеский...

IV, 8, 62 (р. 591 Р.). Я знаю савроматских женщин, которые занимаются военным де-

лом не меньше мужчин, и других – сакских, которые наравне с мужчинами стреляют из луков назад, притворяясь бегущими. Я знаю также, что женщины вблизи Иберии занимаются мужским делом и трудом, даже при наступлении родов не оставляют никакой работы, но часто во время самого ревностного труда женщина рождает и, подняв младенца, несет домой. Женщины здесь нисколько не меньше мужчин стерегут дома, охотятся и стерегут стада¹³.

IV, 26, 172 (р. 642 Р.)... Гиперборейские и аримасповские города и Елисейские поля суть обители праведных¹⁴...

V, 5, 31 (р. 664 Р.). Аристокрит в первой книге посвященного Гераклеодору сочинения Ἀντιδοξοῦμενα упоминает об одном письме следующего содержания: “Царь скифский Атей византийскому народу: не вредите моим доходам, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды”. Варвар иносказательно намекнул *здесь* на войну, которую намеревался им объявить.

Схолии к «Увещательной речи»

2, 29 (р. 25 Р.). *Гипербореям*. Гипербореи – скифское племя, называемое так потому, что имеет жительство выше самых северных частей, откуда дует Борей; они приносят ослов в жертву Аполлону.

4, 53 (р. 47 Р.). *Амазонок*. Скифское племя мужественное и мужеподобное, соседнее с колхами¹⁵.

4, 54 (р. 48 Р.). *Митридат Понтийский*. Царь скифский¹⁶.

9, 88 (р. 72 Р.). *Ни один киммериец*. Говорят, что у киммерийцев (живущих на крайнем севере) солнце, вступая в созвездие Рака, видно на горизонте днем и ночью, а вступая в созвездие Козерога, совсем не показывается у них над землей, и день бывает такой, как у нас время дня до восхода солнца.

Примечания

¹ [Т. е. богини Кибелы; Анахарсис приобщился к культу Кибелы в городе Кизике, во время своего путешествия в Грецию (Геродот IV: 76)].

² [Т. е. жреца малоазийского соляного (или лунарного) божества Мена, бывшего паредром Кибелы, отождествлявшегося с Аттисом и другими божествами плодородия.

³ [Носителями этой “женской болезни”, ниспосланной, по преданию, на скифов Афродитой Уранией, храм которой в Аскалоне они разграбили, Гесиод (Теогония: 105) называет энареев – евнухов, жрецов и прорицателей].

⁴ “Историю эту передает Геродот (IV: 76), где он говорит, что имя царя, которое опустил Климент, было Савлий. Упоминает об этом также Диоген Лаэртский (Анахарсис) и Иосиф (Иудейские древности II; а также Против Апиона II: 37), чтобы не говорить о других” (Potter; см.: Dindorf IV: 15).

⁵ [Легенда о жертвоприношениях скифами (или гипербореями) ослов Аполлону – иранского происхождения; ср. Simm. Rhod., fr. 2].

⁶ См. Еврипид. Ифигения в Тавриде.

⁷ [О поклонении скифов мечу (или Аресу в образе меча): Геродот IV: 62].

⁸ Ἰκέσιος. Писатель, из другого места не известный.

⁹ [Ср. рассказы об убийстве стариков у массагетов: Геродот I: 216; IV: 26].

¹⁰ [Мифические великаны, изобретатели железа, легенда о которых связана с культом Реи-Кибелы на горе Иде, в Малой Азии, а также на островах Крите и Кипре].

¹¹ [Ср. ВДИ, 1947, № 1: 315 – о скифском паре Саневне, изобретателе железа].

¹² Аполлоний (I: 146) упоминает о Диоскурах, но не об Асклепши.

¹³ [Геродот IV: 114; Николай Дамасский, фр. 3; 16; Гиппократ. О воздухе: 24; Страбон XI: 5, 1 сл.].

¹⁴ [Об аримаспах как о “гиперборейском”, т. е. потустороннем, народе, см. Стефан Византийский под словом Ἀριμασπῶν].

¹⁵ Этот схолий относится к следующим словам: “я знаю огонь, убеждающий и врачующий суеврие; если захочешь избавиться от заблуждения, просветись, что огонь спалил храм в Аргосе вместе со жрицей Хрисидой и второй храм Артемиды в Эфесе после амазонок...”

¹⁶ К словам автора: “Птолемей же четвертый назывался Дионисом: а Митридат Понтийский тоже Дионисом”.

В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2.

Дионисий Византийский

Διονύσιος Βυζάντιος – Dionisius Byzantius

Дионисий Византийский (II – нач. III в. н. э.), греческий писатель и географ. По данным лексикона «Суда» (X в.), является автором различных эпических произведений, а также географического сочинения «Ἀνάπλους Βοσπόρου» – «Плавание по Боспору [Фракийскому]». Согласно Р. Гимериху, это оно написано незадолго до взятия Византия Септимием Се-

вером в 195–196 г. н. э. По содержанию стоит в одном ряду с «Землеописанием» Дионисия Периегета и «Периплом Понта Евксинского» Флавия Арриана. Данные, касающиеся Северного Причерноморья, проливают свет на историю ионийской колонизации северных берегов Малой Азии и Черного моря.

Дионисий Византийский

Плавание по Боспору

2. Началом же – началом и рассказа и природы *этих* мест – является море, Понт Евксинский, по величине самое большое из *всех* других, если не сравнивать их с внешним морем¹. Одно же над ним простирается Меотий-

ское озеро, которое по памяти, передаваемой *еще* из древних *времен*, называлось матерью и кормилицей Понта²; периметр его равен восьми тысячам стадиев³, а диаметр двум тысячам; окончанием же его является река Тана-

ис, граница двух материков, вытекающая из области, не населенной вследствие льда; устье же у нее узкое по так называемому Киммерийскому Боспору; принимает же ее целиком Понт и, огромный, он омывает оба материка. Вокруг него по побережью находятся эллинские города, которые после основания Византия⁴ заселили некоторые из эллинов, за морем же живут многочисленные и великие варварские народы. Обращаясь в море, он делается почти *пресноводным* озером⁵, и множество впадающих в него рек с того и другого материка опресняют его резкую природу. Кончается же он Фракийским Боспором и через устье впадает в *Пропонтиду*.

3. Это *устье* является бурным проливом, длиной в 120 стадиев, шириной же, где он всего уже, четыре стадия. В нем нет морских зверей, или потому, что, как гласит предание, Геракл очистил Понт, или также ввиду стремительности *течения* моря; он не течет прямо, но разрезается частыми параллельными выступами мысов, вследствие чего происходят и частые водовороты и сильные удары морских волн; ибо течение, приводимое в волнение на небольшом *пространстве* и сдавленное узким промежутком между материками, катится со стремительностью и шумом⁶...

7. Относительно мыса, который *мы* называем Боспорием⁷, существуют два сказания: ибо одни говорят, что бык, загнанный сюда жалом стрекала, переплыл пролив, расположенный посередине, другие же, вспоминая более сказочные предания, *говорят*, что Ио, дочь Инаха, гонимая ревностью Геры, здесь переправилась в Азию; да будет дана вера из этих сказаний более божественному: ибо мне кажется, что местное значение не настолько бы могло иметь силу, чтобы из-за него Боспор был бы назван один Киммерийским, другой – Фракийским, если бы не произошло нечто большее, чем местная история; таким образом, это имя унаследовано им вследствие памяти о происшедшем здесь⁸.

14. На спуске к морю *находятся* два храма: Геры и Плутона; от них ничего не осталось, кроме названия. Один из них сожгли персы, ходившие с Дарием походом против скифов, мстя во имя царя за то, в чем обвиняли город⁹, храм же Плутона – македонец Филипп, когда он осаждал город¹⁰, разобрал из-за потребности в лесе...

40. Там, где крутой склон поворачивает к морю, *находится* Палинормик¹¹; назван же он оттого, что к нему вторично пристали, ког-

да сначала основатели *колонии* пристали *сюда*, затем, выплыв в *море*, опять вернулись: это-то происшествие и дало месту имя.

41. Немного же за ним – храм Птолемея Филадельфа; византийцы почтили его как бога, получив большую выгоду от великодушия его и уважения к городу: ведь *им он* подарил область в Азии и много мириад хлеба, и оружие, и деньги.

42. Идущее следом место называется Дельфин и Каранда¹²; причина же названий следующая: *тут* жил один муж по имени Халкис¹³, родом византиец, а по *своему* искусству кифаред, ничуть не хуже *в этом искусстве* самых высших. К нему, когда он, одетый в *свое пышное* одеяние, громко пел свой ном, из моря приплыл дельфин и, склонив *свой* слух к звукам песни и остановившись на отмели моря, вне воды, подняв взор кверху, чтобы воспринять всю песню так, чтобы для полноты внимания ему не мешало волнение в глубине... Живший же по соседству пастух Каранда, по зависти или из ненависти к Халкису, а может быть, и из желания выгоды, устроил засаду на выплывшего спокойно из моря *дельфина* и вышедшего на сушу вследствие очарования удовольствием музыки, ударив его *копьем*, убил; но ему не удалось присвоить добычи: ибо Халкис пышно хоронит *своего* слушателя; *этим* же местам дал имена Дельфина и Каранда, первого почитая *этой* памятью, а второму мстя за его *поступок*.

43. Отсюда *идет* мыс, образующий небольшой залив; основание же его и подошва – скала в глубине *моря*, называется Термастис¹⁴...

44. За ним идет ровный берег, *обращенный* в сторону ветра нота...

45. К нему примыкает Скифское место: ибо говорят, что сюда пристал скиф по имени Тавр, переселявшийся из своей страны; он, как говорят, приплыв в Крит, обесчестил Пасифаю, дочь Миноса; отсюда *пошел* миф *и о ее* любви к *быку* и о ее рождении¹⁵.

49. После же Архия¹⁶ поднимается высокая и круто спускающаяся в глубину скала; выдаваясь на конце мыса, она первая воспринимает на себя всю ярость моря, поражаемая бурным морем. На вершине же ее установлен Морской Старец; одни называют его Нереем, другие же – Форкисом, иные же – Протеем, некоторые же – отцом Семистры, а есть, которые говорят, что он был тем, кто дал Ясону и бывшим с ним разъяснение их плавания и был путеводителем при проходе ими *теснин*¹⁷...

50. Соседним же с ним является Парабол¹⁸, так как рыбная ловля представляет здесь опасность вследствие неровности морского дна: ибо течение, спускаясь к скалистому берегу моря, непокрытому и обнаженному, делает рыбную ловлю поистине неразумной и, за редкими исключениями, неудачной.

51. Отсюда *идут* Калам¹⁹ и Битиада²⁰; первое *место* названо так от большого количества [тростника], Битиада же – *потому что* лежит в глубине, как бы покрытая скалистыми выступами холмов, названная от *морской* глубины по подобию. На ней – лавр, как гласит предание, растение Медеи, *дочери* Эета...

57²¹. За храмом Дианы Диктинны плавание бурное и очень беспокойное вследствие постоянного волнения; место же называется Пирриас-Кион²², как мне кажется, вследствие подобия, которое это море имеет с собакой, но, как утверждает речь большинства, *такое название дано* от собаки пастуха, бегавшей по этому берегу и лаявшей на тех, которые вследствие силы течения имели необходимость плыть около края берега. Тут также наиболее узкая часть пролива, разделяющая два материка; здесь также, говорят, был *совершен* переход Дарием, ибо здесь самосец Андрокл построил мост на Боспоре²³. Среди исторических памятников это место сохраняет кресло, вырубленное в скале, ибо на нем, говорят, сидел Дарий как зритель и моста и перехода войска...

65. После Комарод²⁴ следует возвышенный берег, суровый, и выдолбленные скалы, выдающиеся из моря, которых древние называли Бакхиями за то, что вокруг них при поднявшемся волнении волны как будто безумствуют в вакхической пляске...

66. За *этим* же возвышенным берегом спускается и расстилается дальше залив, в котором есть порт Питека, который, как говорят, был царем варваров, населявших эту местность, и был проводником при переправе в Азию Астеропея вместе с его сыновьями. За ним идет следом крутой и отвесный берег...

67. Отсюда следует берег, склоняющийся к заливу, названному Εὐδιον Καλόν²⁵, который окружает берег, отделенный настолько ничтожным пространством от моря, что хотя по природе он является континентом, но по виду кажется островом.

68. Тотчас за ним идет залив, названный Фармакиадой от колхидянки Медеи, которая в этом месте оставила ящички со снадобьями²⁶; это место очень красиво и очень удобно

для рыбной ловли и наиболее пригодно как пристань кораблей; до самого берега море глубоко и вполне безопасно от ветров; *оно* привлекает к себе очень много рыб. *Тут* густые леса и далеко идущие в глубь рощи всякого рода, и луга расстилаются *здесь*, как будто, думаю, земля спорит с морем; вся его окружность осеняется лесом, поднимающимся над самым морем; посередине леса в залив бесшумно течет река...

87. От Кианей на восток открывается огромный Понт до пределов, не охватываемых взором и не доступных нашим глазам...

88. За Анкирским мысом²⁷ есть Башня колхидянки Медеи, круглая скала, поднимающаяся отвесно.

92. За Хелами²⁸ идет так называемый Гиерон²⁹, [т. е. святилище (Fanium)], воздвигнутый Фриксом, сыном Нефелы и Атаманта, когда он плыл к колхам; хотя им владели византийцы, но *по существу* он – общее убежище для всех плавающих. Над храмом идет стена в виде круга; в середине ее – крепость, которую опустошили галаты, как и многие другие места Азии. Обладание же святилищем было предметом споров, так как многие предъявляли притязание на владение им, в то время, как они властвовали на море, но больше всех старались его присвоить себе как свое наследственное место халкедонцы; однако на самом деле обладание этим храмом всегда оставалось за византийцами, некогда ввиду их господства *на море* и их местной силы – ведь они владели морем, *имея* много кораблей – и опять-таки потому, что выкупили *его* от Каллимета, начальника войск Селевка.

93. В Святилище стоит бронзовая статуя, *произведение* древнего искусства, имеющая образ мальчика, с *молитвенно* протянутыми руками³⁰. Приводится много причин, почему эта статуя изображена в таком виде: одни говорят, что это есть знак опасности для плавающих, отвращающий их от неразумия плавания, полного опасностей, и показывая радость возвращения для возвращающихся и любовь к родителям; ибо и то и другое происходит не без страхов; другие говорят, что некогда мальчик, блуждая по берегу, пришел тогда, когда корабль уже отплыл, и что он, потеряв надежду на спасение, воздел руки к небу, и что бог, услышав мольбу мальчика, вернул корабль в гавань; иные говорят, что при *наступившем* великом спокойствии моря, когда прекратилось всякое дуновение ветра, *какому-то* кораблю пришлось долго *здесь*

задержаться и что моряки *уже* стали страдать от недостатка питья; и вот наверху явилось видение, повелевающее, чтобы наварх принес в жертву *своего* сына, ибо другим способом он не может получить ни продовольствия, ни попутного ветра; когда наварх был вынужден неизбежностью и готов был принести в жертву мальчика, мальчик протянул *свои* руки, и бог, тронутый жалостью ввиду нелепой казни ребенка и ввиду его юного возраста, снял с *алтаря* ребенка и послал попутный ветер. Пусть эти *рассказы* и противоположные им считаются достоверными как кому нравится.

94. К Святилищу подходит и идет следом затем мыс, названный Аргироником³¹ потому, что будто бы был куплен за большие деньги.

95. После следуют и соприкасаются с ним места, названные Ложем Геркулеса и Нимфей, а затем так называемый Безумный Лавр, у которого, говорят, обитал царь бебриков Амик, превосходивший всех людей своего времени в кулачном бою, если бы только он не был побежден Поллуксом, сыном Юпитера и Леды; во *время* колхидской экспедиции он, вызвав на бой, вступил в состязание с Поллуксом и погиб от руки этого же Поллукса и был наказан за жестокость к иноземцам, и выросло растение – знак его безумия, более божественное, чем может познать человеческий ум: ибо если кто внесет этот лавр на пир, то *всех* сотрапезников он заразит подобным безумием и наполнит смятением. Это, конечно, по опыту я узнал, что природа при *помощи* этого лавра передала бессмертной памяти преступность этого царя.

96³². [За ним (т. е. Безумным Лавром)] *идет* очень глубокий залив Мукапорис³³; назван

же он] от имени какого-то *из* царей Вифинии; гавань в нем очень хороша. За ним *идет* горный мыс “Клюв Орла” – имя, *данное по его* форме, весь же он очень скалист, и море даже у самого берега очень глубоко. Затем *идут* залив по имени Амик и Гронихия, высоко *расположенная* равнина; в нем же [т. е. в заливе] ловля крупной морской рыбы.

97. Следом *идут* Палоды³⁴, названные так по сходству с находящимися у Византия.

98. Затем *идет* залив Катангий, привлекающий к себе рыб, как никакой другой, даже больше, если нужно, ничего не скрывая, говорить правду, единственный дающий хорошую охоту на берегу халкедонцев; ибо остальные *места* настолько отличаются от европейских, насколько море от земли. За ним же – мыс Оксиррой³⁵.

99. За ним длинный и ровный берег, называется Гаванью Фрикса³⁶.

109. Над морем же лежит равнина, с наклоном к берегу; названа же она Хрисополь³⁷; как говорят некоторые, *название дано потому, что* во время господства персов они сюда собирали золото, идущее им как *дань* с городов; большинство же *говорит*, что *тут* могила Хриса, сына Хрисейды и Агамемнона; ибо будто бы он, убегая в страхе перед Эгистом и Клитемнестрой, прибыл сюда, имея намерение переправиться в область тавров, к своей сестре Ифигении: ведь Ифигения была уже жрицей Артемиды, но, тяжело захворав, он оставил этому месту наименование по своему имени; но возможно, что оно так названо вследствие высоких достоинств гавани, так как *люди любят* сравнивать с золотом все удивительное.

Примечания

¹ [Т. е. с океаном, называвшимся “внешним” в отличие от “внутреннего” Средиземного моря: Страбон II: 5, 18].

² [В отношении этого эпитета ср. Геродот IV: 86].

³ [По Страбону (II: 5, 23) – 9 000 стадиев].

⁴ [Основанного согласно традиции, переданной Евсевием, в 658 г. до н. э.; ср. Геродот IV: 144].

⁵ [Представление о том, что вода в Черном море, вследствие большого количества впадающих в него рек, была весьма пресной, пользовалось распространением и доверием в древности: Полибий IV: 39].

⁶ [Об истечении Азовского моря в Черное через Боспор Киммерийский и Черного моря в Эгейское через Боспор Фракийский и Пропонтиду: Там же].

⁷ [Современное название этого мыса, отделяющего бухту Золотой Рог от Мраморного моря, – Сарай-Бурну].

⁸ [Боспор значит буквально “переправа быка”. Возникновение этого наименования древнегреческое предание связывает с легендой об Ио (Эсхил. Прометей прикованный: 732 сл.), потому что последняя была обращена Герой в белую телку: Аполлодор. Библиотека II: 1, 3].

⁹ [В 513 г. до н. э.; месть персов была вызвана, вероятнее всего, колеблющейся позицией или открытой изменой византийцев (Геродот IV: 144). Возможно, что основанием для нее послужило и разрушение воздвигнутых Дарием памятных столпов, о которых Геродот сообщает в IV: 87. Однако, поскольку ни Геродот, ни другие древние авторы не приводят факта, отмечаемого Дионисием, быть может, разрушение храма Геры относится к более позднему времени].

¹⁰ [Филипп II осаждал Византий в 340 г. до н. э.: Диодор XVI: 76].

¹¹ [Это место отождествляется с местностью, носящей в настоящее время наименование Фындык-лы: GGM, II: VIII)].

¹² [Современное наименование местности – Каридата].

¹³ [Кифаред Халкис ближе не известен. Однако связываемая Дионисием с этим именем легенда имеет параллели в сообщении Геродота о полумифическом поэте-кифареде Арионе из Мегимн, жившем при дворе Перияндра (I: 23 сл.)].

¹⁴ [Современный мыс Кабатач. Ср. RE, V: 747].

¹⁵ [О Минотавре].

¹⁶ [Отождествляется с местностью, носящей ныне наименование Орта-Кой; см. RE, V, 747].

¹⁷ [Из этих слов явствует, что “Морской старец”, отождествляемый с вышеназванными морскими и титаническими божествами, покровитель мореплавателей, отождествлялся также с Финеем – персонажем мифа об аргонавтах, о котором: Аполлоний Родосский II: 178 сл.].

¹⁸ [‘Неразумное дело’].

¹⁹ [‘Тростник’].

²⁰ [‘Укрытие’. Отождествляется с современным Куру-Чешме; RE., V: 747].

²¹ Дальнейший текст сохранился только в латинском переводе.

²² [‘Рыжий пес’. Отождествляется с местностью, именуемой в настоящее время С умели Гиссар; см. RE, V, 748].

²³ [Ср. Геродот IV, 85 сл.],

²⁴ [На месте современного турецкого селения Еийкой].

²⁵ [‘Красивое затишье’].

²⁶ [Фармакиада – бухта Терапия, Εὔδιον Καλόν – Терапия-Сера; RE, V: 750].

²⁷ [Ныне мыс Нум-Бурну].

²⁸ [Отождествляется с современным мысом Киреч Бурну; RE, V: 750].

²⁹ [Святынище Зевса Урия (Попутного), о котором см. Арриан. Перипл Понта Евксинского: 25, 4; Аноним. Перипл Понта Евксинского: 90; отождествляется с позднейшим турецким укреплением Иорос Калеси].

³⁰ [Это изображение отождествляют с Эротом: Филострат. Картины I: 12, 3].

³¹ [Или Аргиронием (Прокопий. О постройках: 9), современный Маджар-Бурну].

³² Дальнейший текст сохранился в греческом подлиннике.

³³ [Отождествляется с заливом, современное наименование которого Бейкос; RE, V: 753. Быть может, испорченное Амикуполис].

³⁴ [‘Болото’].

³⁵ [‘Быстрыми волнами омываемый’].

³⁶ [Отождествляется с заливом, называемым ныне Калиндче; RE, V, 753].

³⁷ [‘Золотой город’. Пункт на азиатской части Боспора, против Византия, являвшийся удобным местом переправы на европейскую сторону пролива. См. Ксенофонт. Анабасис VI: 6, 38].

Источник: *Dionysii Byzantii Anaplys Bospori una cum scholiis X saeculi edidit et illustravit R. Gingerich. – Berolini, 1927; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2.*

Диоген Лаэртский

Διογένης Λέρτιος – Diogenes Laertius

Диоген Лаэртский, или Лаэртий (III–IV вв. н. э.), греческий историк философии. Уроженец города Лаэрти в Киликии, хотя некоторые утверждают, что прозвище Лаэртий – всего лишь эпитет. Диоген – автор дошедшей до нас сборника по истории греческой философии в 10 книгах под общим названием «Жизнь и взгляды философов» («Φιλόσοφων βίον καὶ δόγματα συναγωγή»). Произведение построено в хронологическом порядке: книга I посвящена Фалесу, богу плодородия, и мудрецам; II – Анаксимандру, Анаксимену, Анаксагору, Сократу и младшим сократистам; III – Платону; IV – его ученикам; V – Аристотелю и его слушате-

лям; VI – Антисфену и кинической школе; VII – старой Стое: Зенону Кифеонскому, Клеанфу, Хрисиппу; VIII – Пифагору и пифагорейцам; IX – Гераклиту, школе элеатов, раннему атомизму, Протагору, Пиррону из Элиды и Тимоону Флийскому; X – Эпикуру и эпикурейцам. Принято считать, что информацию Диоген брал из вторых, а то и с третьих рук, но поскольку его источники по преимуществу утрачены, труд Диогена, насыщенный биобиблиографическими подробностями, несмотря на пестроту изложения (особенно во фрагментах из его утерянной книги «Πόλιμτρος»), сам приобрел ценность первоисточника.

Диоген Лаэртский

Жизнь и взгляды философов

I, 8. Скиф Анахарсис

101. Скиф Анахарсис был сын Гнура и брат Кадуида¹, царя скифского; мать его была гречанка; поэтому он владел обоими языками. Он писал о скифских и эллинских обычаях, о средствах к дешёвой жизни и восемьсот стихов о военных делах². Отличаясь свободой

речи, он подал повод к образованию пословицы о “скифской манере речи”. Сосикрат говорит, что он прибыл в Афины в сорок седьмую олимпиаду при архонте Евкрате³. Гермипп рассказывает, что, придя к дому Солона⁴, он приказал одному из слуг доложить Солону,

что к нему пришел Анахарсис, желая посмотреть на него и, если можно, сделаться его гостем. (102) Слуга, доложив, получил от Солона приказание передать Анахарсису, что отношения гостеприимства завязываются *каждым* на своей родине. Тогда Анахарсис, подхватив, сказал, что сам он [т. е. Солон] теперь на родине и *поэтому* ему следует заключать связи гостеприимства; изумившись *этой* сообразительности, Солон принял его и сделал величайшим другом. Впоследствии, возвратившись в Скифию, *Анахарсис* показался уничтожающим отечественные обычаи, питая большое пристрастие к эллинским, и *за это* был застрелен братом на охоте и скончался, сказав, что благодаря своему разуму он не вредимо возвратился из Эллады и вследствие зависти погиб в родной *земле*. Некоторые говорят, что он был убит при совершении эллинских мистических обрядов⁵. У нас есть в честь его *следующая эпиграмма*:

(103). “Анахарсис, после многих странствий прибыв в Скифию, стал всех убеждать жить по эллинским обычаям; но, пока он имел еще на устах неоконченное слово, пернатая стрела быстро унесла его к бессмертным”⁶. Анахарсис сказал, что виноградная лоза приносит три кисти: первую – удовольствия, вторую – опьянения, третью – отвращения. Он же выразил удивление тому, что у эллинов состязаются художники, а судят *их* не художники. На вопрос, как можно не сделаться пьяницей, он сказал: “Если иметь перед глазами безобразия пьяных”. Он выражал удивление и тому, что эллины, издавая законы против обидчиков, почитают атлетов за то, что они бьют друг друга⁷. Узнав, что корабль имеет в толщину четыре пальца, он сказал, что на столько плывущие *в нем* удалены от смерти⁸. (104). Масло он называл средством

для возбуждения бешенства, потому что намазанные им атлеты бесятся друг на друга. “Каким образом, – говорил он, – запрещающие ложь лгут в лавках открыто?” Он выражает также удивление тому, что эллины при начале *пира* пьют из малых чаш, а насытившись – из больших. Под его изображениями подписывается: “Сдерживать язык, желудок и половые органы”⁹. На вопрос, есть ли у скифов флейты, он ответил: “Даже лоз нет”¹⁰. На вопрос, какие корабли безопаснее, сказал: “Вытащенные *на берег*”. Он говорил, что с величайшим удивлением видел у эллинов то, что дым они оставляют на горах, а дрова свозят в город. На вопрос, кого больше, живых или умерших, он сказал: “А плавающих куда ты кладешь?” Порицаемый *одним* аттическим гражданином за свое скифское происхождение, он сказал: “Мне позор – отечество, а ты – *своему* отечеству”¹¹. (105). На вопрос, что у людей хорошо и дурно, он сказал: “Язык”. Он говорил, что лучше иметь одного друга, стоящего много, чем многих, ничего не стоящих. Площадь он называл определенным местом для взаимного обмана и корыстолюбия. Оскорбленный юношей на пиршестве, он сказал: “Юноша, если ты в молодости не переносишь вина, то в старости будешь носить воду”. Для практического употребления он изобрел, по свидетельству некоторых *писателей*, якорь и гончарный круг¹². Он написал следующее письмо:

“Анахарсис Крезу¹³.

Царь лидийский, я прибыл в *страну* эллинов для изучения их нравов и занятий. В золоте я нисколько не нуждаюсь, для меня достаточно возвратиться в Скифию лучшим человеком. Я прибыл в Сарды, душевно желая прийти тебе по нраву”¹⁴.

IV, 4. Кратес

(23) Кратес, умирая... оставил... и знаменитых учеников, между прочим, Аркесилая... и

Биона Борисфенита¹⁵, впоследствии от своей секты получившего название Теодория¹⁶.

IV, 7. Бион

46. Бион был родом борисфенит; от каких родителей он происходил и от каких занятий обратился к философии, – он сам объяснил Антигону. Именно, на вопрос его: “Кто ты и откуда? Где твой город и родители?”¹⁷ – Бион, заметив, что его успели оклеветать, говорит ему: “Отец мой был отпущенник, вытиравший себе нос локтем (*этим* он намекал на торговца соленой рыбой), родом борисфенит,

имевший не лицо, а клеймо на лице, знак жестокости его господина, а мать *была такая*, какую мог взять за себя такой человек, – из *публичного* дома. Потом отец за какой-то проступок при сборе податей был продан со всем домом и с нами; меня, как недурного собой мальчика, покупает один ритор; перед смертью он оставил мне все свое имущество, (47) и

я, предав огню его сочинения и все разорвав, приехал в Афины и занялся философией.

*Вот и порода и кровь, каковыми тебе я хвалюсь!*¹⁸

Вот моя биография. Поэтому пусть Персей и Филонид перестанут рассказывать ее: знакомься со мною от меня самого”.

И действительно, Бион был вообще человек изворотливый, ловкий софист и давал много случаев желавшим научиться философии; в некоторых отношениях он любил величие и легко поддавался надменности. Он оставил множество записок, а также полезные и важные изречения...

Следуют примеры изречений.

(51) ...Сначала он не любил учения акаде-

миков, пока слушал Кратеса¹⁹; затем сделался последователем учения киников, взяв трибон (рубище) и суму; ибо что другое обратило его к твердости духа? Затем он перешел к теодоровскому учению, послушав атеиста Теодора, излагавшего свои мудрствования во всевозможных видах; после он слушал перипатетика Теофраста...

Следует характеристика Биона.

(58) Бионов было десять... третий этот самый философ, четвертый – абдерит, ученик Демокрита и математик, писавший на аттическом и ионическом наречиях²⁰; он первый сказал, что есть некоторые страны, в которых шесть месяцев продолжается ночь и шесть месяцев день...

VII, 6. Сфер.

Клеанта... слушал после Зенона и Сфер Боспорский²¹, который, достигнув значительных успехов в науках, отправился в Александрию к Птолемею Филадельфу...

Далее следует рассказ об одном случае из жизни Сфера при дворе Птолемея и перечень его сочинений.

IX, 11. Пиррон

83. ... Массагеты, как говорит и Евдокс в первой книге землеописания, имеют общих жен, а эллины – нет...

Примечания

¹ [У Геродота (IV: 76) он назван братом царя Савлия, который впоследствии его убил; у Лукиана Самосатского (Скиф, или Гость: 4) – сыном Давкета].

² [См. выше известные под именем Анахарсиса апокрифические письма].

³ [Т. е. около 594 г. до н. э.].

⁴ [Ср. аналогичный, но более подробный рассказ: Плутарх. Солон: 5].

⁵ [По версии, переданной Геродотом, он был застрелен из лука Савлием при совершении праздника в честь богини Кибелы, матери богов].

⁶ Эпиграмма содержится в Anth. Graeca / Ed. Fr. Jacobs. Vol. I: 333, № 92.

⁷ [Ср. Дион Хрисостом. Речь к Александрийцам: 44].

⁸ [Ср. этот же анекдот в древней схолии к Гомеру. Илиада XV: 628].

⁹ [Ср. Ферекид. Теогония, фр. 113].

¹⁰ [Ср. Пир семи мудрецов VII: 5].

¹¹ [Ср. этот анекдот в более пространном изложении: Гален. Увещание: 7].

¹² [Как изобретатель плуга и якоря Анахарсис представлен еще у Платона (О государстве X: 3 / 600A). Изобретателем якоря и гончарного круга считал его Эфор (Страбон VII: 3, 9). Страбон, однако, подвергает это сообщение сомнению, со ссылкой на Гомера, знавшего, по его словам, уже о гон-

чарном круге. Ср. также схол. к Аполлонию Родосскому: 1276].

¹³ [Ср. ниже приписываемое Анахарсису письмо, также адресованное лидийскому царю Крезу].

¹⁴ [См. Диодор Сицилийский IX: 26, 2; о пребывании Анахарсиса в Малой Азии следует заключить также из Геродот IV: 76].

¹⁵ [О философе Бионе Борисфените (т. е. Ольвиополите), жившем в середине III в. до н. э., преимущественно при дворе македонского царя Антигона Гоната (277–239 до н. э.), см. в следующем отрывке. О нем упоминают также Цицерон. Тускуланские беседы III: 26; Гораций II: 2, 60; Атеней: 591].

¹⁶ [Т. е. последователя философа Теодора, главы ветви киренской школы, получившей название теодоровской: Диоген Лаэртский II: 97 сл.].

¹⁷ Гомер. Одиссея I: 170; XXIV: 298.

¹⁸ Гомер. Илиада VI: 211; XX: 241: 41 (Перевод Н. И. Гнедича).

¹⁹ [Философ, ученик Полемона и наследник его в Академии; жил и учил в Афинах, в начале III в. до н. э.].

²⁰ [Относится к первой половине IV в. до н. э., видимо, идентичен с упомянутым у Страбона (I: 2, 21) Бионом астрологом; ср. Hültsch, RE, V: 487].

²¹ [Александрийский философ, живший при первых двух Птолемеях (в середине III в. до н. э.).

В. В. Латышев. Известия древних писателей
о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2.

Ориген Ὠριγένης – Origenes

Ориген (184/185–253/254), греческий богослов и философ. Родился в Александрии, в Египте, учился в катехистической школе Климента Александрийского, изучал философию в школе неоплатоника Аммония Саккаса, из которой вышел также Плотин. После смерти отца – мученика Леонида – и конфискации имущества содержал семью, преподавая грамматику и риторику. В 202–215 руководил Александрийской катехетической школой. Мучимый юношескими плотскими вожделениями, Ориген оскотил себя, буквально последовав Евангелию: Мф 19¹² ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскотены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит. Ориген много путешествовал, посетил Рим, Аравию, Грецию; в Антиохии его слушала Юлия Маммея, мать будущего императора Александра Севера. На рубеже 230-х годов, живо участвуя в богословских спорах, кардинально разошелся во взглядах с епископом Александрийским Димитрием. В 231 г. Ориген получил сан священника из рук епископов Кесарии и Иерусалима, но Димитрий не признал этого посвящения, а синод, созданный в Александрии, осудив учение Оригена, приговорил его самого к изгнанию. В Кесарии Палестинской Ориген основал свою школу катехизы и посвятил себя литературной и проповеднической деятельности. Во время гонений при Деции (ок. 200–251) Ориген был заключен в тюрьму и подвергнут пыткам. Скончался в Тире, Финикия.

Неоспорима заслуга Оригена в изучении текста еврейской Библии и ее греческого перевода – Септуагинты. Его критическое издание Библии «Гексаплы» (шесть столбцов которого содержали еврейский оригинал, четыре основных версии греческого перевода и комментариев), а также бесчисленные схолии и толкования Святого Письма принесли Оригену авторитет основателя библейской филологии. Основы христианского вероучения и метод богословия Оригена изложены в трактатах «О началах» («Περὶ ἀρχῶν») в 4

книгах, «Против Цельса» («Κατὰ Κέλσου», 249 г. – в защиту христианства перед лицом языческих оппонентов-платоников) в 8 книгах, «О молитве», «Увещание к мученичеству», гомилиях, беседах, письмах и пр. Ориген отстаивал убеждение, что сотворение мира Богом – не единовременное деяние, а акт, длящийся вечно: прежде этого мира были и после него будут другие миры. Суть доктрины Оригена заключали в себе коррелирующие с этим постулатом платоновская идея предсуществования душ и выдвинутая Оригеном идея апокатастасиса (ἀποκατάστασις ‘восстановление; возвращение; посвящение, приношение’) – неизбежного и полного спасения всех душ и духов, включая дьявола, – их просветления и соединения с Богом. Что касается посмертных мук ада во искупление грехов, то они временны. Одним из ключевых в Оригеновой доктрине перманентного единения телесного, душевного и духовного с божественным явилось понятие богочеловека. Следуя Филону Александрийскому, Ориген развивал учение о трех смыслах Библии – “телесном” (буквальном), “душевном” (моральном) и “духовном” (философско-мистическом). Теологические воззрения Оригена были официально осуждены в Риме в 399 г., а в 543 г. император Юстиниан издал эдикт «Против оригенизма» и выступил инициатором созыва II Константинопольского собора (553 г.), который осудил Оригена как еретика. Еретическим было признано, прежде всего, учение Оригена о предсуществовании душ и апокатастасисе. Усилия Юстиниана привели к полной или частичной утрате сочинений Оригена, написавшего, согласно Евсевию, 2000 книг, а по Епифанию – 6000. В результате наука располагает лишь трактатом «О началах» в выдержках у Фотия и в латинской переделке Руфина и извлечением из трудов Оригена под названием «Φιλοκαλία» («Благолюбие, или Любовь к прекрасному»), которое составили каппадокийцы епископ Кесарии Василий Великий (330–379) и Григорий Назианзин, иначе Богослов (330–390).

Ориген Против Цельса

I, 1. ... Следует сказать... что подобно тому, как если бы кто прибыл к скифам, имеющим безнравственные обычаи, и, не имея возможности возвратиться, принужден был жить сре-

ди них, то он, естественно, по закону истины и вследствие беззакония скифов, заключил бы договор со своими единомышленниками, вопреки принятым у них обычаям; так перед су-

дом истины языческие уставы о кумирах и безбожном многобожии являются обычаями скифов и еще нечестивее скифских...

16. Я удивляюсь, каким образом Цельс поставил одрисов, самофракийцев, элевсинцев и гипербореев в число древнейших и мудрейших народов, а иудеев не удостоил принять ни в число мудрых, ни в число древних... Но гомеровских млекоедов, галатских друидов и гетов он называет мудрейшими и древними... хотя от них вряд ли сохранились письменные памятники; только евреев, поскольку от него зависит, он исключает и из древности и из мудрости...

III, 31. [Цитируются слова Цельса]. “Никто не признает богом гиперборея Абариса, который имел такую способность, что мог носиться на стреле”¹.

V, 27. ...Пусть [желающий] возвестит нам... и справедливы ли, например, скифские законы об умерщвлении отцов²... Пусть Цельс скажет нам... и каким образом не благочестиво было бы уничтожить, например, существующие у тавров законы о принесении иностранцев в жертву Артемиде³...

V, 34. ...У скифов считается прекрасным употребление в пищу людей⁴...

V, 36. ...Цельс говорит, что вовсе не неправедно поступает каждый, желающий соблюдать свои обычаи; и согласно ему следует, что скифы не совершают ничего неправедного, когда по отеческим обычаям употребляют в пищу людей...

V, 41. Цитируются слова Цельса... “По моему мнению, нет никакой разницы называть Зевса Всевышним или Зеном, или Адонаем, или Саваофом, или Аммуном, как называют его египтяне, или Папаем, как скифы⁵. Точно также некоторые народы не могут быть святее других и потому, что обрезаются: это ведь делают египтяне и еще раньше их колхи...”

V, 46. ...Пусть и скифы говорят, что Паппай – бог, стоящий над всеми; но мы с ними не согласимся: мы признаем стоящего над всеми бога, но не называем этого бога собст-

венным именем Паппая, как это приятно получившему в удел пустыню скифов, и народ их, и язык⁶...

V, 47. Причина обрезания иудеев не одинакова с причиной обрезания египтян или колхов; почему следует считать их обрезание не одинаковым⁷...

VI, 39. Затем по отношению к пользующимся некоей магией и волшебством и называющим варварские имена некоторых божеств Цельс говорит следующее: они поступают подобно морочащим одними и теми же предметами тех, кто не знает, что названия их иные у эллинов и иные у скифов. Затем он, заимствуя у Геродота⁸, излагает, что “Аполлона скифы зовут Гонгосиром (Γονγούσιρον), Посейдона – Тагимасадом (Θαγίμασαδα), Афродите – Аргимпасой (Ἀργίμπασαν), и Гестию – Табита. Всякий, кто может, исследует, не лжет ли в этом Цельс вместе с Геродотом, так как скифы не имеют одинаковых с эллинами представлений о чтимых богах. Ибо какая вероятность, что Гонгосиром называется у скифов именно Аполлон? Я не думаю, что в переводе на греческий язык “Гонгосир” имеет то же значение, что “Аполлон”, или что Аполлон на скифском языке означает Гонгосира; точно так же и об остальных названиях никто не скажет того же. Ибо эллины называли так чтимых у них богов, отправляясь от иных оснований и значений, нежели скифы...

VII, 62. Обратим также внимание на следующие слова [Цельса]: “Остановимся тут: не выносят вида храмов, жертвенников и кумиров.. Это ведь не скифы, не либийские номады, не безбожные серы и не другие преступнейшие и беззаконнейшие племена⁹...”

63. На это следует сказать, что если скифы, либийские номады, серы, которых Цельс называет безбожными, и другие преступнейшие и беззаконнейшие племена, а также и персы не выносят вида храмов, жертвенников и кумиров, то их нетерпимость к этим предметам не одинакова с нашей к ним нетерпимостью...

О началах

II, 9. (5) [Один рождается среди евреев...], другой – у греков... иной опять у эфиопов... или у скифов, у которых отцеубийство совер-

шается как бы по закону, или у тавров, где иностранцы приносятся в жертву¹⁰...

Скифы упоминаются еще в IV: 16; 23.

Примечания

¹ [Этот миф об Абарисе изложен также Ямвлихом (О Пифагоровой жизни: XIX, 90 сл.) и Порфирием (Жизнь Пифагора: 29)].

² [Имеются в виду предания об обычаях массагетов: Геродот I: 216].

³ То же самое: Василий Великий, Григорий Богослов. *Филокалия*: 22.

⁴ [Речь идет о ритуальном каннибализме массагетов и исседонов: Геродот I: 216; IV, 26].

⁵ [Этот эпитет Зевса, эпиграфически засвиде-

тельствующий в Малой Азии, для скифов подтверждается Геродотом (IV: 59)].

⁶ То же самое: Василий Великий, Григорий Богослов. *Φιλοκαλία*: 17. [Геродот, как и Ориген, в другом месте (V: 41) пишет Папай через одно л, равно как и отождествляющие это божество с Атисом Диодор (III: 58) и Арриан (История Вифинии, фр. 30)].

⁷ Ср.: Ориген. Против Цельса: 55; Василий Великий, Григорий Богослов. *Φιλοκαλία*: 17. Об обычаях обрезания у колхов: Геродот II: 104].

⁸ Геродот IV: 59.

⁹ [Геродот удостоверяет отсутствие у скифов храмов, алтарей и культовых статуй всех божеств, за исключением Ареса (IV: 51); в противоречии с этим, в другом месте (IV: 53) он сообщает о святилище матери богов (по другому чтению – Деметры) на Гипполаевом мысе].

¹⁰ [Ср.: Ориген. Против Цельса V: 27].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 2.

Дексипп

Δέξιππος – Publius Herennius Dexippus

Дексипп, лат. Публий Геренний Дексипп (ок. 210 – после 270), греческий историк. Родился в Афинах в старой аристократической семье. Занимал высокие должности в Афинах, в 262–263 гг. избирался архонтом; исполнял обязанности жреца. В 267 г. оборонял Афины от герулов. Основное сочинение Дексиппа – «Хроника» («Χρονικά») в 12 книгах – написанная по образцу Фукидида всеобщая история с древнейших времен до императора Клавдия II

(270 г.). Ее впоследствии продолжил Евнапий. В работе под названием «Скифика, или Скифская история» («Σκυθικά») описал готские войны 238–270 гг. Труд под названием «После Александра, или История диадохов» («Τὰ μετὰ Ἀλεξάνδρου») в 4 книгах буквально повторял соответствующую часть «Анабасиса» Арриана. Из писаний Дексиппа сохранились только фрагменты у Иордана, Георгия Синкелла, Зосима, Стефана Византийского и др.

Дексипп

Летопись

Фр. 14. При них (т. е. при Максиме и Бальбине¹) карпы воевали с мисийцами²; к тому времени относится начало скифской войны и разрушение Истрии³ или, как говорит Дексипп, Истрийской общины... [Юлий Капитолин. Максим и Бальбин XVI: 3].

Фр. 16а. Скифы, называемые готами⁴, большой массой переправившись при Деции через реку Истр, подвергли опустошению подвластную римлянам страну; они победили миссийцев, бежавших в Никополь. Высту-

пивший против них Деций⁵, как рассказывает Дексипп, перебил их тридцать тысяч, но затем был разбит в битве, так что потерял взятый ими Филиппополь и множество фракийцев было перебито. При возвращении скифов в свои пределы этот самый Деций-богоборец снова напал на них, но был убит вместе с сыном ночью при Абрите⁶, или так называемом Темброниевом форуме, и скифы возвратились домой со множеством пленников и добычи... [Георгий Синкелл. Хронография: 376а].

Скифская история

Фр. 17b. [Из сочинения Дексиппа... Осада Маркианополя] Маркианополь⁷. Местные жители говорят, что это имя дала городу сестра императора Траяна. Скифы, полагая, что этот город можно взять силой, воздержались от немедленного нападения и стали наносить перед стеной возможно большее количество камней, чтобы, насыпав их целые кучи, можно было пользоваться ими в изобилии: они думали, что таким образом на стене произойдет большое избиение и, так как враги больше будут заботиться о защите, чем о противодействии, то они легко возьмут город. Между тем у горожан заранее было заготовлено все нужное на время осады, и Максим, муж из рода Риметалка, занимавшийся философией и в то время готовый

исполнять обязанности не только вождя, но и доброго солдата, ободрял всех и советовал в то время, как неприятели будут кидать камни руками, воздерживаться от сопротивления и, стоя под бойницами, защищать себя, выставя щиты и все, что может прикрыть и отбить вражеские удары. Когда варварам показалось достаточным количество заготовленных камней, они густой толпой рассыпались вокруг стены и одни стали метать копья, другие поражали камнями стоявших на бойницах; снаряды металась так часто, что их непрерывный полет можно было сравнить с самым густым градом. Осажденные по мере возможности охраняли себя и стену, но воздерживались от сопротивления, как им было приказано. Когда у

варваров без всякого важного результата истощился запас камней, а также и дротики и стрелы и вместе с тем исчезла надежда взять город без всякого труда, они впали в уныние и по зову вождей отступили и расположились станом недалеко от города, тем более, что время было уже около заката солнца. Спустя несколько дней они снова приблизились и, обступив кругом стену, стали пускать метательные снаряды. Тут Максим объявил осажденным, что настало время нападения. Оно произошло так. Воодушевленные предыдущим безуспешным наступлением варваров, горожане подняли крик и сразу начали метать камни и дротики. Так как варвары стояли тесно сплоченной массой и, не ожидая возможности встретить какое-либо сопротивление сверху, не были защищены как следует, а, кроме того, были поражены частыми ударами и притом сверху, то, при густой толпе неприятелей, горожане даже при желании не могли давать промахов. Итак скифы, пораженные силой и не в состоянии оказать сопротивления мисийцам, благодаря бойницам и прикрытию щитов, не устояли под их ударами и, не имея возможности выдерживать дольше, удалились без всякого успеха. [Exc. de strat. в Кодексе Афонской горы у: Wescher. Poliorcetica: 296–298].

Фр. 19. [Из сочинения Дексиппа. Осада Филиппополя]... Филиппополь. Этот город находится на границе Фракии и Македонии и лежит на реке Гебре. Основателем его был, как говорят, македонский властитель Филипп, сын Аминты⁸, от которого произошло и название города. К этому-то городу, как древнейшему и весьма значительному, скифы приступили с целью осады. Воевали они следующим образом: держа щиты над головами для защиты от бросаемых сверху снарядов, они обходили вокруг города, высматривая, где бы по тонкости и низкости стен можно было пробить их или взобраться на них по приставленным лестницам. Затем они сначала шли на приступ с метанием дротиков и стрел, а стоявшие сверху мужественно отражали нападения, где приближались враги. Потом они делали попытки проникнуть в самый город, утвердив лестницы и осадные орудия. Последние состояли из крепко сколоченных в виде четырехугольника бревен и представляли собой машины, похожие на домики; натянув над ними кожи, чтобы обезопасить себя от всяких бросаемых сверху снарядов, они приближались к городским воротам, выставив перед собой щиты и передвигая машины на колесах и рычагах; в

то же время некоторые, приподнимая длинные бревна, окованные железом во избежание поломок при ударе, пытались разбить ими стену; другие приставляли лестницы, из которых одни сколочены были по прямой лании, а другие были на колесах и сгибались в обе стороны; эти последние, приблизив к стене, разгибали при помощи канатов, прикрепленных к вершинам лестниц, чтобы выпрямить и прислонить к стенам. Иные придвигали к стене деревянные башни на колесах, чтобы, приблизившись, бросить с них помосты и устроить переход по ровному месту. Таково было у них изобилие осадных орудий. Но фракийцы со своей стороны не имели недостатка в средствах для отражения каждого орудия: одни из орудий вместе с людьми разбивали они огромными взовыми камнями, другие сжигали факелами, серой и смолой; по лестницам они скатывали положенные поперек бревна и камни, которые своим сильным напором при падении ломали щиты подвизавших и самые лестницы. Не достигнув никакого успеха при помощи машин, враги впали в уныние и на совете о том, следует ли продолжать войну, решили насыпать высокий вал к городу, чтобы можно было сразиться, стоя в уровень с врагами. Вал этот строили они так: сносили бревна из окрестных построек и, выставив перед собой щиты, сбрасывали эти бревна в ров и стоймя и рядами, как где случится. Сделав это, они наносили земли и всякого мусора между обоими краями рва и таким образом ускорили возрастание насыпи. Фракийцы, видя эту работу и понимая, что насыпь устраивается против них, вколотили бревна, прикрепили к ним доски и таким образом воздвигли на стене высокий оплот; к этому они придумали еще следующее: ночью, в самое тихое время, спустили со стены на веревке смелого и мужественного человека, дав ему нести к насыпи зажженный факел и сосуд со смолой, серой и т. п. веществами. Он подложил огонь к поддерживавшим насыпь бревнам и, когда они стогорели, вся насыпь разом рухнула. Потерпев и в этом неудачу, скифы придумали перебить ненужный выючный скот и тех пленных, которые были удручены или болезнью, или старостью; перебив их, они свалили трупы в ров и сверху наносили всякого мусора. На третий день трупы раздулись и придали насыпи немалую высоту. Но фракийцы, пробив часть стены на величину узкой калитки, через это отверстие каждую ночь сносили к себе насыпанную землю. Варвары, испытывая неудачу во

всех своих выдумках, решили отступить. Таков был конец осады скифов.

Фр. 21. (Из сочинения Дексиппа. Осада Сиды]. Скифы осаждали Сиду, – это один из городов Ликии⁹. Так как в стенах города были в изобилии всякие запасы и множество людей не ленились принимались за дело, то скифы стали строить осадные машины и подводить их к стене. Но осажденные находили средства для отражения их, сбрасывая сверху все, что могло помешать осаде. Тогда скифы построили деревянные башни равной высоты со стеной и подкатили их на колесах на близкое расстояние. Эти башни одни обшили спереди тонким листовым железом, спускавшимся по брускам на большое пространство, другие – кожами и другими несгораемыми материалами. Но горожане придумали против этого следующее: они вы-

ставили стоймя большие доски там, где неприятели намеревались подкатить машины, к доскам прикрепили поперечные бруссы и помост и посредине их прорубили дверцы, в каждую из которых мог пролезть человек по грудь, для того чтобы эти люди, стоя выше неприятелей, могли отражать их сверху. Сделав это, они спустились сверху и развешивали кругом бурки и шкуры, чтобы такие завесы, возгораясь с трудом, своей мягкостью задерживали вонзавшиеся в них снаряды, не отражая их силой удара. Затем с обеих сторон были сделаны попытки к нападению и завязался жестокий бой; и так как скифы понапрасну тратили время и потеряли всякую надежду на успех, то и отступили.

Фр. 22. О посольстве скифов (готов) ютунгов к императору Аврелиану см.: Dindorf I: 190–198.

Примечания

¹ 238 г. №. э.

² *Мисийцы* – население римских провинций Верхней и Нижней Месии].

³ [*Истрия* или *Истр* – древняя милетская колония к югу от устья Дуная, на месте совр. поселения Истере; см.: Арриан. Перипл Понта Евксинского: 35].

⁴ [О готах и распространении их имени на сармато-славянские племена, именуемые у Дексиппа и других поздних авторов, вплоть до Константина Багрянородного, скифами, см. прим. к Птолемею. География III: 5, 8. Ср.: Ф. Браун. Разыскания в области гото-славянских отношений, т. I. – 1899: 18 сл.].

⁵ 249–251 гг. н. э.

⁶ [Укрепленный пункт в Нижней Месии (Малой Скифии), близ современного селения Енибазар. Упомянутое в тексте событие относится к 251 г.].

⁷ [Значительный город в Нижней Месии к западу от Одессы, основанный императором Траяном, на месте современной Девны].

⁸ [Филипп II (359–336 гг. до н. э.)].

⁹ [Город под этим названием находится не в Ликии, а в Памфилии, на побережье, к западу от устья реки Мелас (на месте современного селения Эски Адалия); в Ликии же известен укрепленный пункт Сидима, к северу от устья реки Ксантос, на месте современного Тортуркар-Гизар, упоминается у Плиния (Ест. ист. V: 101) и у Птолемея (География V: 3, 5)].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, №2.

Агатемер, сын Ортона (III/IV в. н.)

Краткое землеописание

По В. В. Латышеву

3. Границы материков... Азии и Европы, по мнению древних, река Фасис и перешеек до Каспия, а по позднейшим – Меотийское озеро и река Танаис.

7. Тимосфен¹, автор периплов... говорит... что на окраинах земли живут народы... со стороны апарктия² скифы за Фракией, со стороны борея³ – Понт, Меотида, сарматы, со стороны кекия⁴ – Каспийское море и саки.

9. За Эгейским морем находится Геллеспонт... затем Пропонтида оканчивается у Халкидона и Византия, где узкий пролив, от которого начинается Понт; затем Меотийское озеро...

10. ...Береговая линия моря с заливами нашей обитаемой земли имеет в общем итоге 139 072 стадия, включая сюда Меотийское

озеро, обмер которого – 9 000 стадиев⁵; устье же его, Киммерийский Боспор, имеет 78 стадиев⁶.

11. Береговая линия Понта имеет 23 083 стадия⁷... 13. Гирканское, или Каспийское море, лунообразное, а по некоторым – продолговатое, простирается на 22 000 стадиев⁸; а ширина устья – 4 стадия.

18. Ширина обитаемой земли... от Александрии до Танаиса 18 056 стадиев (местности, лежащие выше к северу от устьев Танаиса, неизвестны) по следующему измерению: ... (от Сигея) до устья Понта 2 500 стадиев; до мыса Карамбис 2 800 стадиев; до устья Меотиды 2 500 стадиев; до Танаиса 2 200 стадиев⁹.

19. Иначе, от города до города... всего от Александрии до Танаиса 18 690 стадиев¹⁰.

Примечания

¹ [Автор ближе не известен].

² [С севера].

³ [С северо-северо-востока].

⁴ [С северо-востока].

⁵ [Эту же цифру приводит Страбон II: 5, 23; VII: 4, 5].

⁶ [По Страбону, наиболее широкое место (устье) Боспора имеет 70 стадиев, наиболее узкое – 20].

⁷ [По Страбону (II: 5, 22), Черное море в окружности имеет 25 000 стадиев].

⁸ [Страбон исчисляет известный ему путь вдоль

берегов Каспийского моря с запада (от Албании) на восток до устья реки Яксарта (явно при этом смешивая восточную его часть с Аральским морем) в 12 600 стадиев].

⁹ [Страбон (XI: 2, 4) исчисляет расстояние от устья Танаиса до Киммерика на берегу Боспора, вдоль восточного берега Меотиды, равным 2 320 стадиев].

¹⁰ [По Страбону (I: 4, 2; VII: 4, 3 сл.), приблизительно 18 000 стадиев].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, №2.

Ямвлих Халкидский

Ἰάμβλιχος – Jamblichus

Ямвлих (ок. 245 – ок. 330), греческий философ. Родился в Халкиде Сирийской. Образование получил в Александрии, затем обосновался в пригороде Антиохии, столицы Сирии, и основал там свою философскую школу. Комментатор сочинений Платона и Аристотеля, исследователь пифагорейской философии числа. «Свод пифагорейских учений» Ямвлиха состоял из девяти трактатов, из которых сохранились «Жизнь Пифагора» («Περὶ Πυθαγόρου αἰρέσεως» – «О Пифагоровой школе», или «Περὶ τοῦ Πυθαγόρου βίου» – «О пифагорейской жизни»), «Протрептик, или Увещание к философии», «О науке общей математики» и «О Никомаховом “Введении в арифметику”»;

не сохранились трактаты о физических числах, этическое учение о числах, о музыке, о геометрии и об астрономии.

Главным источником двух книг Ямвлиха о Пифагоре и пифагорейцах считается сочинение «О пифагорейской жизни» перипатетика Аристоксена, который был учеником пифагорейца Ксенофила из Халкиды и, кроме того, общался с сицилийским тираном Дионисием Младшим, который не только слышал о пифагорейцах, но и знал некоторых из них. В описании жизни Пифагора и его последователей Ямвлих, следуя традиции, доверяет преданиям, которыми окружен обожествленный образ ученого.

Подробнее см.: В. Б. Черниговский. Пифагор и пифагорейская школа в изображении Ямвлиха // Ямвлих. Жизнь Пифагора / Издание подготовил В. Б. Черниговский. Издание второе, переработанное и дополненное. – М.: Алетея – Новый акрополь, 1998.

Ямвлих

Жизнь Пифагора

Перевод В. Б. Черниговского

Книга I

VI. (28) Однако деяния, совершенные им [Пифагором] впоследствии, вызывают еще большее удивление. Ибо когда философия уже достигла большого распространения и он стал предметом удивления всей Эллады, а лучшие и наиболее преуспевшие в философии люди приезжали на Самос и желали приобщиться к его учению, его же самого сограждане принуждали участвовать во всех посольствах и общественных мероприятиях, он, видя, как тяжело, повинаясь законам отечества, заниматься одновременно философией и что вследствие этого все прежние философы прожили жизнь на чужбине¹, обдумав все это наедине с собой и отойдя от общественных дел,

уехал по этой причине, но, как говорят некоторые, из-за отвращения к невежеству тогдашних жителей Самоса, в Италию, считая своим отечеством страну, где есть множество легко поддающихся обучению людей.

... (29) Поначалу он [Пифагор] жил в прославленном городе Кротоне, имея много последователей (рассказывают, что при нем было шестьсот человек, побужденных им не только к занятиям философией, которой он обучал, но и, как говорят, приобщившихся к образу жизни, который он предписывал вести; (30) эти последние были философами, а многие просто слушателями, и поэтому их называют «акусматики», так что на одной толь-

ко самой первой и общедоступной беседе, которую, как говорят, он провел сразу после приезда в Италию, присутствовало более двух тысяч человек, и воздействие Пифагора на них было столь сильным, что они уже не ушли домой, но вместе с женами и детьми построили некий огромный “дом совместного слушания” и сами организовали общину в той местности, которую все называют Великой Грецией², и, приняв от Пифагора законы и предписания, никогда не преступали их, словно это были божественные установления. Все сообщество пребывало в единодушии, торжественно прославляемое и считающееся в глазах окружающих счастливым. Имущество, как было сказано, они сделали общим и вслед за тем причислили Пифагора к богам как некоего благого и человеколюбивейшего демона³, одни называя его Пифийцем, другие – Аполлоном из страны гиперборейцев⁴, третьи – Пеаном⁵, четвертые – одним из населяющих Луну демонов⁶, пятые – одним из Олимпийских богов, говоря, что он явился в человеческом образе для пользы и исправления жизни смертного рода, чтобы благосклонно одарить смертную природу спасительной искрой счастья и любознательности, и большее благо, чем то, которое было даровано богами через Пифагора, не являлось и не явится когда-либо⁷...

XIX. (90) Вообще же стоит посмотреть, какое множество способов обучения находил Пифагор и в зависимости от природы и способностей каждого человека передавал ему соответствующую долю мудрости. Ярчайший же пример следующий. Когда к нему пришел Абарис, скиф из страны гиперборейцев⁸, незнакомый с эллинским образованием, непосвященный и уже достигший преклонного возраста, Пифагор не стал приобщать его к своему учению с помощью разнообразных видов умопознания, но вместо пятилетнего молчания и стольких же лет слушания лекций и других испытаний сразу подготовил его к слушанию основоположений и с помощью одного своего сочинения, «О природе», и другого, «О богах»⁹, в кратчайший срок обучил его. (91) Ведь Абарис прибыл из страны гиперборейцев, где он был старшим и самым опытным в богослужении жрецом Аполлона, направляясь из Эллады в свою страну, чтобы положить в гиперборейский храм в дар богу собранное золото¹⁰. Оказавшись же по пути в Италии и увидев Пифагора, он тщательно сопоставил его вид с обликом бога, которому служил, и,

убедившись, что перед ним не кто иной как Аполлон, и не просто человек, похожий на Аполлона, но воистину он сам¹¹, что жрец определил глазами по его величественному виду и умом – по тем отличительным признакам, которые познал раньше при служении Аполлону, отдал Пифагору стрелу, с которой отправился в путь из храма, надеясь, что она будет ему полезной при преодолении преград, которые встретятся во время столь долгого странствования. Ибо он, сев на нее, преодолевал непроходимые места – реки, озера, болота, горы и другое и, как передают, обращаясь к ней со словами, производил очищения, изгонял чуму, отводил бури от городов, заслуживающих того, чтобы им была оказана помощь¹². (92) В самом деле, мы знаем, что Лаккедемон после произведенного им в этой земле очищения уже не заражался чумой, тогда как прежде эта болезнь часто поражала его из-за тяжелого воздуха в том месте, где он расположен: над ним возвышаются Тайгетские горы, рождающие сильное давление¹³. Абарис также очистил и Кнос на Крите. Приводят и другие примеры Абарисовой способности очищать. Пифагор же, приняв стрелу и не удивляясь ей и даже не спросив, почему тот дарит ее, но ведя себя так, как будто он действительно бог, и в свою очередь, отведав Абариса в сторону, показал свое бедро из золота, безобманную примету¹⁴, перечислив ему одно за другим все, что хранится в храме Аполлона у гиперборейцев, и представив тем самым убедительное подтверждение правильности уподобления его Аполлону, прибавил, что он пришел для служения и делания добра людям, а образ человека принял для того, чтобы они не смущались и не стали бы избегать обучения у него, почувствовав отчуждение к высшему существу. Затем он велел Абарису остаться и помогать ему исправлять души учеников; золото же, которое тот собрал, приобщить к имуществу его учеников, которые под влиянием его речей поступали таким же образом, дабы укрепить основоположение, гласящее «у друзей все общее», делом. (93) Когда он остался вследствие происшествия, которое мы только что описали, Пифагор в сжатом виде изложил ему учение о природе и о богах и вместо искусства наблюдения за внутренностями жертвенных животных научил его способности предвидения с помощью науки чисел, полагая, что она – более ясная, более возвышенная и более родственная числам богов¹⁵. Пифагор также дал Абарису и другие соответствующие его

природе наставления. Но вернемся к тому, о чем шла речь: к тому, как Пифагор стремился исправить нрав каждого человека по-разному, в зависимости и от природы, и от возможностей этого человека. Итак, все его подобные приемы в памяти людей не сохранились, да и о тех, что сохранились, рассказать нелегко. (94) Мы приведем лишь немногие и самые известные образцы пифагорейского метода обучения и сохранившиеся воспоминания об образе жизни этих Мужей.

XXIII. (103) Важнейшим же способом обучения у него был способ обучения посредством символов. Ведь этот способ, оттого что он был древнейшим, применялся и почти всеми эллинами, но в исключительно разнообразных формах преобладал он у египтян. По той же причине обнаружил бы и у Пифагора великое радование об этом способе тот, кто ясно расчленил бы образы пифагорейских символов и постиг их сокровенный смысл, увидев, сколь много правильного и истинного содержится в них, если обнажить и освободить их от иносказательности и сродниться путем простого и незамысловатого изложения смысла с величием души этих философов и их превышающей человеческое понимание божественностью. (104) Ведь и те, кто непосредственно принадлежал к школе, особенно самые старшие и жившие в одно время с Пифагором, а также учившаяся у Пифагора-старца молодежь, то есть Филолай и Еврит, Харонд и Залевк, Брисон и Архит-старший, Аристей и Лисид, Эмпедокл и Замолксис, Эпименид и Милон, Левкипп и Алкмеон, Гиппас и Фимарид¹⁶ и все те, которые были их современниками, – множество разумных и выдающихся мужей, свои рассуждения и беседы друг с другом, воспоминания и заметки, сами сочинения и все, что было ими издано, большинство из которого сохранилось до наших дней, не стремились посредством обиходных, банальных и для всех остальных привычных выражений сделать понятными для предварительно не подготовившихся слушателей, чтобы те могли сказанное ими постичь сразу, но, согласно предписанному им Пифагором умолчанию о божественных таинствах, прибегали к загадочным для непосвященных способам выражения и скрывали с помощью символов истинный смысл своих диалогов и сочинений. (105) И если бы кто-нибудь собрал эти символы сами по себе, не раскрыв их смысла и не снабдив их серьезным толкованием, излагаемое показалось бы читателям смешным и по-

хожим на старушечью болтовню, полным вздора и пустословия. Но если эти символы будут раскрыты сообразно их природе и станут для многих вместо темных ясными и чистыми, они уподобятся каким-то велениям и оракулам Аполлона, и обнаружат достойный удивления ум, и вселят в истинных любителей учености божественное вдохновение. Стоит упомянуть немногие из них, чтобы дать более ясное понятие о подобном способе обучения: “Мимоходом не следует ни входить в храм, ни вообще поклоняться богам, даже если окажешься возле самых дверей”¹⁷; “Приноси жертвы и молись босым”¹⁸; “Избегая торных дорог, ходи тропинками”¹⁹; “О пифагорейских вещах без света не говори”. Таков, в общих чертах, был способ его обучения посредством символов.

XXVIII. (134) Вслед за этим уже не в общих чертах, но взяв отдельно каждую его добродетель²⁰, украсим словом деяния его, вытекающие из этих добродетелей. Начнем же сперва, как водится, с богов, и постараемся показать его благочестие, и явим себе самим удивительные деяния, проистекающие от благочестия, и украсим их словом. Одним из подтверждений этого благочестия пусть будет тот пример, который мы уже и прежде упоминали, а именно тот, который доказывает, что он познал, какова была его душа и откуда она вошла в тело, и представил ясные доказательства своих прежних воплощений. А вот другой после него: переходя однажды реку Несс вместе со многими своими друзьями, он обратился к ней с приветствием, и река довольно громко и отчетливо ответила: “Здравствуй, Пифагор!” Кроме того, он в один и тот же день был в Метапонте, в Италии, и в Тавромении, в Сицилии, и разговаривал со своими друзьями из того и другого города на глазах толпы, что подтверждают почти все авторы, между тем как города эти находятся друг от друга на расстоянии многих стадий по суше и по морю, непреодолимых даже за очень много дней. (135) То, что он показывал бедро из золота гиперборейцу Абарису, догадавшемуся, что Пифагор – Аполлон Гиперборейский, чьим жрецом был Абарис, считается несомненной истиной, а не обманом, и всем известно. Приводят постоянно и без расхождений тысячи других примеров деяний этого человека, еще более удивительных и обнаруживающих его божественную природу: и сбывшиеся предсказания землетрясений, и быстрые прекращения им чумы, мгновенные остановки бурь,

града и ливней, и умиротворение морских и речных волн, для того чтобы друзья могли легко переправиться. Переняв это искусство от Пифагора, нечто подобное и во многих местах делали Эмпедокл из Акраганта, Эпименид Критский и Абарис Гиперборейский...

(140) Подтверждение правильности своих взглядов они находят в том, что первый, кто изрек это, был не простой человек, но бог. И одна из акусм звучит так: “Кто ты, Пифагор?” – “Аполлон Гиперборейский”. Доказательством этому служит то, что Пифагор, присутствуя на состязаниях, когда вставал, приоткрыл золотое бедро, и то, что он забрал у Абариса Гиперборейского дары и стрелу, при помощи которой тот передвигался. (141) Об Абарисе же говорят, что он пришел из страны гиперборейцев, собирая золото для храма Аполлона и предсказывая мор. Останавливался он в святилищах, и никто не видел, чтобы он пил и ел²¹. Говорят, что в Лакедемонне он принес отворотные жертвы и поэтому в Лакедемонне с той поры никогда не было мора. И вот, забрав у этого Абариса стрелу, без которой тот не мог находить дорогу, Пифагор сделал его своим другом. (142) А в Метапонте, когда какие-то люди молились, чтобы им досталось то, что находилось на подплывавшем судне, Пифагор сказал им: “Достанется вам мертвец”. И оказалось, что судно, действительно, везло мертвеца. А в Сибарисе Пифагор, взяв в руки толстую ядовитую змею, затем отпустил ее, и точно так же в Тиррении он брал в руки ма-

ленькую змею, укус которой был смертелен. В Кротоне же, как говорят, он гладил белого орла, а тот сидел спокойно. Когда кто-то захотел послушать его, он сказал, что не будет говорить, пока не появится какое-нибудь знамение, и после этого в Кавлонии появилась белая медведица. А человека, собиравшегося сообщить ему о смерти сына, он опередил, сказав о ней сам. (143) И о Миллии из Кротона²² Пифагор вспомнил, что тот прежде был Мидасом, сыном Гордия, и Миллия отправился на материк, чтобы совершить на могиле обряд согласно указаниям Пифагора. Рассказывают также, что человек, купивший дом Пифагора и все перерывший в нем, с одной стороны, никому не осмелился сказать, что он в нем видел, с другой стороны, в наказание за это прегрешение²³ он, совершая святотатство в Кротоне, был схвачен и казнен, так как увидел, как он взял отвалившуюся от статуи золотую бороду. Эти сведения достоверны, достоверны и другие в этом роде. Поскольку относительно Пифагора нет разноречий и невозможно, чтобы об одном человеке все говорили одинаково, полагают, что разумно воспринимать сказанное им как слова существа высшей природы, а не просто человека. Да и загадочное изречение указывает на это. (144) Ибо есть у пифагорейцев такое изречение: Есть человек двуногий, и птица, и третье, другое. Под третьим подразумевается Пифагор. Таков он был благодаря своему благочестию, и молва о нем соответствовала истине.

Примечания

¹ Имеются в виду мудрецы Анахарсис, Солон и Фалес. Анахарсис, будучи скифом, большую часть жизни провел в Афинах, Солон, недовольный порядками, установившимися в результате захвата власти Писистратом, покинул Афины и много лет провел в странствиях по Малой Азии, Фалес же, по сообщению Диогена Лаэртского (I: 27), обучался у жрецов в Египте и долгое время не жил в родном Милете.

² Так назывались греческие колонии в Сицилии и Южной Италии, особенно вокруг Тарента.

³ По утверждению Гесиода, в человеколюбивых демонов, покровительствующих людям и оберегающих их, превратились души совершенных людей «золотого века», по утверждению же Платона, “все гении представляют собой нечто среднее между богом и смертным”, они выступают “истолкователями и посредниками между людьми и богами, передавая богам молитвы и жертвы людей, а людям наказания богов и вознаграждения за жертвы. Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью” («Пир»). Пифагор мыслится Ямвлихом именно в этом смысле как человеколюбивый демон-посредник между миром богов и людей, посланный богами в помощь людям и возвещающий им волю богов.

⁴ Страна гиперборейцев, мифического народа, жившего на севере, считалась местом, которое

Аполлон периодически посещал и в котором он жил с осени до весны, гиперборейцы же считались слугами и жрецами Аполлона. Под Пифийцем также подразумевается Аполлон.

⁵ *Пеан* – согласно Гомеру, врачеватель богов (Илиада V: 401), позднее был отождествлен с богом Асклепием, врачевателем людей. Таким образом, пифагорейцы и сам Ямвлих считали Пифагора как бы врачевателем человеческих душ и потому отождествляли его с Пеаном.

⁶ По словам Евсевия (Приготовление к Евангелию IV: 5, 2), боги населяют небо и эфир вплоть до Луны, демоны – лунную область и воздух, души – Землю и подземный мир. Порфирий утверждает, что те души, которые отделились от мировой души, населяют обширное пространство под Луной и являются добрыми демонами (О воздержании от животной пищи II: 38).

⁷ В восприятии Ямвлиха, душа Пифагора является спутницей Аполлона и послана на землю его руководящей волей (§8) с определенной миссией (исправление человеческого рода и улучшение его качества). Как уже говорилось выше (комментарий №15), Ямвлих в понимании судьбы и назначения Пифагора следует платоновскому мифу из «Федра» (246 E-248 C).

⁸ *Абарис* – легендарная и очень популярная среди греческих мифографов, историков и философов фигура, представитель и посланец священного народа гиперборейцев, красочную картину жизни которого рисует Пиндар в X Пифийской оде (ст. 29-47). Об Абарисе писали Геродот, Гекатей Абдерский, Платон, Диодор Сицилийский, Гераклит Понтийский (диалог «Абарис, или О душе»), Гимерий и даже еще в IV в. н. э. Нонн Панополитанский. Вместе со скифом Залмоксисом, Аристеем из Проконнеса считался учеником Пифагора и чудотворцем. [В этом переводе было *Абарид*, по правилу, что “греческое имя передается на русский по родительному падежу, в котором дана основа слова”, но мы восстановили *Абарис* – как Анахарсис, Залмоксис, Токсарис. – А. Г.].

⁹ Диоген Лаэртский приводит название трех сочинений, автором которых якобы был Пифагор, и в их числе – «О природе» (VIII: 6). В действительности же Пифагор, если исходить из смысла и характера его учения, ничего не писал.

¹⁰ Диодор Сицилийский изображает Абариса как своего рода эмиссара, прибывшего с острова гиперборейцев на Делос для возобновления старинной дружбы народа Аполлона, к которому он принадлежал, с жителями острова Делос, на котором родился Аполлон и где он особенно почитался (11: 47). Торжественное же прибытие Абариса в Афины описывает Гимерий в своих «Эклогах» (XXV: 5).

¹¹ См. выше VI: 30, где жители Кротона отождествляют Пифагора с Аполлоном из страны гиперборейцев. То, что отождествление имело место, сообщает и Элиан в «Пестрых рассказах» (II: 26), ссылаясь на Аристотеля. О том, что душа Пифагора была спутницей Аполлона, см. 11: 8 и №15. Об особенных душах, являющихся детьми Аполлона и потому искусных в мантике и совершении таинств, рассказывает Прокл в Комментариях к «Тимею» Платона (III: 159, 24-31).

¹² Стрела была символом и атрибутом Аполлона, потому что он – бог солнечного света, убивающего своими лучами темные силы земли, воплощением которых был Пифон. Солнечный свет действует на этот мир, словно удар стрелы, и один из основоположников стоицизма Клеанф прямо называл солнце ударом, так как оно «всякий раз на восходе вознаест свои лучи, как бы ударяя ими мир» («*Stoicorum veterum fragmenta*» I, фр. 502).

Солнечные же лучи несутся по воздуху, словно стрелы, и потому старший жрец Аполлона Абарис передвигается по воздуху с помощью стрелы, которая одновременно и фетиш, и символ Аполлона. Солнечный свет обладает очищающей и животворящей функцией, и потому Абарис с помощью стрелы солнечного бога производит очищения и исцеления (ввиду этой своей функции, бог Аполлон часто отождествлялся с богом врачевания Асклепием или Пеаном, на что, между прочим, указывает и сам Ямвлих, говоря в VI: 30, что кротонцы называли Пифагора Аполлоном из страны гиперборейцев и Пеаном). О стреле Аполлона, которую имел при себе Абарис, сообщают и Геродот (IV: 36), и Пиндар (фр. 271), Платон же в «Хармиде» (158B) называет Абариса вместе с Залмоксисом «заклинателем от болезни».

¹³ Ср. XXVIII.

¹⁴ Сцена демонстрации Пифагором золотого бедра в подтверждение своей божественной природы типична для литературы о нем. Ср.: Диоген Лаэртский VIII: 11 и Порфирий. Жизнь Пифагора: 28.

¹⁵ Имеется в виду не астрология, а так называемая

мая мистическая арифметика, или наука о божественных числах и числовой природе богов.

¹⁶ *Филолай из Кротона* – один из самых знаменитых пифагорейцев старшего поколения; главное сочинение – «О природе», где он изложил свое учение о космосе, в центре которого – мировой огонь («Очаг» Вселенной), вокруг которого вращаются по кругу Антисемля, Земля и остальные светила много занимался проблемами музыки и искал в геометрических фигурах отображение свойств богов. (Фрагменты ранних греческих философов, I: 432–446.) *Еврит из Тарента* – ученик Филолая, занимался вопросом, какое число свойственно той или иной вещи, тому или иному живому существу (число лошади, человека и т. д.). *Харонд из Катаны* – с малой долей вероятности, старший современник Пифагора, законодатель. *Залевк из Локр* – о нем см. VII: 34 и №58. *Бриссон* – ближе неизвестен и не упоминается больше даже самим Ямвлихом в каталоге пифагорейцев в конце книги. *Архит-старший* – больше никем не упоминающийся современник и ученик Пифагора (не смешивать со знаменитым Архитом, современником и другом Платона). *Аристей* – второй схолярх, преемник Пифагора (см. XXXVI, 265). *Лисид* – см. XVII: 75 и №131. *Эмпедокл* – см. XV: 67 и №111. *Залмоксис* – скиф, раб Пифагора, а позднее проповедник его учения о бессмертии души среди гетов, причисленный ими к богам после смерти. *Эпименид* – критский мудрец и ясновидящий, обладавший способностью излечивать от любой порчи, как телесной, так и душевной. Под его именем ходило множество сочинений («Теогония», «Оракулы», «Очищения» и др.). Хотя по времени не мог быть учеником Пифагора, древние и в том числе Ямвлих считали его таковым (см. ниже XXVIII: 135; XXXII: 222). *Лимон* – известен лишь тем, что в его доме были сожжены пифагорейцы во время мятежа против них (XXV: 249). *Левкипп* – ближе неизвестен. *Гилпас* – см. XVIII: 81 и №140. *Алкмеон* – автор сочинения «О природе», был довольно самостоятельным мыслителем и не во всем следовал Пифагору, основной предмет интересов – медицина. Подробнее о нем см.: Фрагменты...: 267–273. *Фимарид с Пароса* – открыл метод эпантемы (нахождение по одному из слагаемых всех остальных), в основном занимался числовыми исследованиями. Ямвлих упоминает его ниже в XXVIII: 145 и в XXXIII: 239.

¹⁷ В «Протрептике» Ямвлих толкует этот символ весьма отвлеченно; смысл его толкования сводится к тому, что знание о божественном нельзя строить на основании частичного и случайного.

¹⁸ В «Протрептике» Ямвлих толкует этот символ так: знание о богах должно быть не грубым, а тонким и духовным.

¹⁹ Т. е. следуй не мнениям толпы, а мнениям немногих понимающих (Порфирий. Жизнь Пифагора: 42).

²⁰ Шесть видов добродетелей пифагорейцев: благочестие (ὁσιότης); мудрость (σοφία); справедливость (δικαιοσύνη); благоразумие (σωφροσύνη); мужество (ἀνδρεία); дружба (φιλία). Четыре из них (мудрость, справедливость, благоразумие, мужество) – традиционные.

²¹ О том же самом сообщает и Геродот (IV: 36).

²² В XXXI рассказывается о том, как Миллий был казнен Дионисием за отказ открыть тайну одного из пифагорейских запретов.

²³ Т. е. за то, что перевернул все вверх дном в доме Пифагора, а не за то, что умолчал о том, что там видел.

Источник: Ямвлих. Жизнь Пифагора / Изд. подготовил В. Б. Черниговский. Изд. II, перераб. и доп. – М.: Алетея – Новый акрополь, 1998; Ямвлих. О Пифагоровой жизни. – М.: Алетея, 2002.

Евсевий Кесарийский, Памфил

Εὐσέβιος Καισαρεύς, Πάμφιλος – Eusebius Caesariensis, Pamphilus

Евсевий Кесарийский, Памфил (260/ 265 – 338/341), греческий богослов и писатель, историк христианства, именуемый “отцом церковной истории”. Родился в греческой семье в Палестине, образование получил в Кесарии, где учился у пресвитера Памфила, вместе с которым редактировал библейские рукописи в основанной Памфилом библиотеке в Кесарии и написал трактат в защиту Оригена в 6 частях и имя которого принял после его мученической казни в 310 г. Пережив гонения на христиан в Палестине, вновь вернулся в Кесарию. В 313/314 г. избран епископом Кесарии Палестинской. В 320-е годы был приближен к императорскому двору Константина Великого, первого царя-христианина, стал его доверенным лицом и написал похвальные речи к двадцатилетию (326 г.) и тридцатилетию (336 г.) его правления. Евсевий, прежде склонявшийся к субординационизму в трактовке отношения Бога Сына к Богу Отцу, на обвинение в ереси ответил отречением и активным участием в борьбе против арианства. Предшественники Евсевия – богословы Климент Александрийский, Ориген, Папий Иерапольский, историки Егезипп, Юлий Африкан и

др. Основные сочинения Евсевия – «Приготовление к Евангелию» («Προπαρασκευὴ εὐαγγελική») в 15 книгах, «Церковная история» («Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία») в 10 книгах, «О жизни Константина» в 4 книгах, алфавитный справочник упоминаемых в Библии городов, местностей, стран и водоемов «Ономастикон» («Ὀνομαστικόν»), который позже был издан в переработанном виде на латинском языке Иеронимом Стридонским (ок. 342–420), переводчиком Библии с еврейского языка на латынь («Вульгата» была им закончена в 405 г.). К сожалению, утеряна «Хроника» («Χρονικά») Евсевия, представлявшая собой всеобщую историю с древнейших времен до 324 г., содержание которой некоторым образом компенсируют его «Хронологические таблицы и очерк истории эллинов и варваров» – об истории халдеев, ассирийцев (вместе с медами, лидийцами и персами), евреев, египтян, греков и римлян, снабженные таблицами (в параллельных колонках) от рождения Авраама (2016/2015 г. до н. э.) до 303 г. н. э. с замечками об основных событиях мировой, а в особенности “священной” истории.

Евсевий Кесарийский, Памфил

Евангельское приуготовление

По В. В. Латышеву

I, 4. (6) Очевидный показатель пользы, проистекающей из его (т. е. Спасителя нашего) слов, ты можешь увидеть, представив себе, что обычаи всех народов, даже те, которые прежде были дикими и варварскими, облагорожены не когда-либо прежде искони веков и не кем-либо из знаменитых прежде лиц, а только из его слов и распространившегося по всей вселенной учения его; так, ни принявшие его учения персы не вступают в браки с матерями, ни скифы не едят людей благодаря дошедшему и до них слову Христа, ни другие варварские племена не сообщаются безнравственно с дочерьми и сестрами... не выбрасывают умерших родственников собакам и хищным птицам делавшие это прежде; не предадут стариков повешению, как прежде, не едят мяса самых дорогих покойников по старинному обычаю, не приносят людей в жертву демонам, как богам, по примеру предков, не режут самых близких под предлогом благочестия.

(7) Такие и бесчисленные подобные им обычаи оскверняли прежде человеческую жизнь: говорят, что массагеты и дербики считали самыми несчастными родственников, умерших естественной смертью, и в предупреждение этого резали их и угощались состарившимися близкими; тибарены сбрасывали со скал живыми состарившихся ближайших родственников, гирканы и каспии: первые выбрасывали хищным птицам и собакам живых, вторые – умерших; скифы зарывали живыми в могилу и резали на кострах тех, кого особенно любили умершие; бактрийцы также выбрасывали стариков живыми на съедение собакам¹.

II, 6. (2) Зачем мне говорить тебе о гиперборейских женщинах? Они назывались Гиперорхой и Лаодикой и похоронены на острове Делосе в храме Артемиды, находящемся в святилище Аполлона Делосского².

IV, 16. (12) Совершенно естественно достопочтенный Климент в «Увещательной речи к

эллинам» [III: 42]... также оплакивает человеческие заблуждения в следующих словах: “Племя тавры, живущие на Таврическом полуострове, кого ни захватят у себя из иностранцев, потерпевших кораблекрушение на море, тотчас приносят в жертву Таврической Артемиде; эти жертвоприношения Еврипид выводит на сцену в трагедии”³.

IV, 17. (4) Если на Родосе, на Саламине и других островах... у фракийцев и скифов доказано существование в древние времена вдохновенного демонами⁴ человекоубийства, продолжавшегося до времен спасителя нашего, то разве нельзя вполне основательно сказать, что все они тогда были порабощены злыми демонами и прекращение столь великих зол в жизни совершилось не раньше, чем воссияло учение нашего Спасителя, ибо глас истории свидетельствует, что это продолжалось до времен Адриана и прекратилось при нем; а это было именно то время, в которое спасительное учение укреплялось во всем человечестве.

VI, 10. (29) Все амазонки не имеют мужей, но подобно бессловесным животным раз в го-

ду, около весеннего равноденствия, переходят свои границы и соединяются с соседями, считающими это за праздник; зачав от них, они возвращаются и по необходимости в одно время бывают беременны по закону природы; рожденных мальчиков они выбрасывают, а девочек воспитывают; они воинственны и преданы физическим упражнениям.

(31) В Верхней Сарматии, в Скифии, у всех народов на северной стороне Понта, во всей Алании, Албании, Отене, Савнии и в Хрисе⁵ нельзя видеть ни менялы, ни ваятеля, ни живописца, ни зодчего, ни землемера, ни декламатора, ни чтеца поэтических произведений...

IX, 11. (70) Упоминается обычай амазонок “устранять одну из грудей”.

IX, 41. (1) Я нашел и в сочинении Абидосца об ассирийцах⁶ следующее о Навуходоносоре: “Мегасфен говорит, что Навуходоносор, превосходивший силой Геракла, совершил поход на Ливию и Иберию и, покорив их, поселил часть их жителей на правой стороне Понта”⁷...

Хроника

По В. В. Латышеву

Извлечения и перевод А. И. Малеина

Книга I

Col. 23, 6 Schoen. / Col. 24 fr. Graeca. От корабля же того⁸ (в том месте), в котором он остановился на пути в Армении, и ныне осталась некоторая малая часть, (словно) останки на горах Кордуэв (Κορδουαίων)⁹, в стране армянцев, как говорят, и некоторые, отскабливая нефть (горную смолу), которой был обмазан корабль, относили ее домой для исцеления и отвращения некоторых недугов (болезней, болей), наподобие амулета... [Синкелл: 55, 16 – 56, 3].

Col. 31, 35 / Col. 32. И когда они, уже подняв паруса, хотели ехать на судне в Армению, неожиданно мореплаватели (туда) прибыли (прибывали) по воле бога (т. е. по руководству Бога) [Евсевий. Приуготовление: 9, 12; ср. Синкелл: 70, 2–15].

Col. 33, 16 Schoen. Корабль, занесенный в страну Армению, стоял и из своих досок составлял спасительное средство (помощи) населяющим страну...

Приложение IV. Краткая хронография¹⁰

[Перечисление границ святейших патриарших и апостольских престолов]. Первый престол верховного апостола Петра... от Ра-

венны и до Фессалоники, склавов¹¹, аваров¹² и скифов, до реки Данубия, обнимает церковные границы епископов...

Приложение VI: Латинские эксцерпты Барбара, после Скалигера¹³

P. 180 (cod. fol. 46) ...Сыны Гамера¹⁴, сына Иафета, третьего сына Ноя: Асханат¹⁵, от которого сарматы...

P. 181 (fol. 5a)... А сии суть племена от Иафета, третьего сына Ноя. От Мидии вплоть до Сперии, простираясь со стороны океана до

Аквилона¹⁶ так: мидяне, албаны, гарганы¹⁷, эрреи, армены, амазоны, колы¹⁸, корзины, деннаги¹⁹, каппадоки, пафлагонцы, мариандины, табарины²⁰, халлиры, моссоники, сарматы, савробаты²¹, меоты, скифы, таврии²², фраки, бастарны...

Р. 182 (fol. 5b)... Провинции же тех народов суть следующие: Мидия, Албания, Амазония²³, Армения малая и великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Индия, Ахея, Боспорина²⁴, Меотия²⁵, Деррис, Сарматия, Таврианния²⁶, Бастарния, Скифия...

Р. 183 (fol. 6a)... Вместе сорок провинций Иафета: Албания, Амазония, Армения, Каппадокия, Пафлагония... Галатия, Колхида, Индия, Италия, Боспорина, Меотия... Деррис, Сарматия, Таврианния, Бастарния... Скифия, Фракия, Македония...

Р. 185 (fol. 9b) ...И сын Арам сына Сима, сына Ноя, он же и Гул, от которого происходят лидии, и Гатер, откуда гасфинии, и Мосох²⁷, откуда моссинии²⁸...

Р. 186 (fol. 9b) и Абимеил²⁹, откуда гирканий...

И Гебал³⁰, откуда скифии...

И Гуир, откуда армении...

Р. 187 (fol. 10a). Имена же провинций сыновей Сима суть следующие: Персида со всеми подчиненными, племенами... Иргания³¹.

Р. 188 (fol. 10a). Племена же, которые рассеял Господь Бог по лицу всей земли по языкам их во дни Фалека и Эктама, брата его, при построении башни, когда смешаны были языки их. Суть же следующие....

ХIII. Каспианы.

XIV. Албаны.

XXXII. Армении.

XXXIII. Ибиры³².

XXXIV. Бибраны.

XXXV. Скифы.

XXXVI. Колхи.

XXXVII. Санны³³.

XXXVIII. Боспораны.

LIII. Сарматы.

Р. 189 (fol. 13a)... У сарматов два соседних племени: амаксобии и греко-сарматы³⁴...

Р. 190 (fol. 13a)... Албаны же за воротами каспианов³⁵... и за Каппадокией по правую сторону – армении, вирры и вирраны. По левую же скифы, колхи и боспораны. Санны же, которые называются саннигами³⁶, которые и до Понта простираются, где соединение Апсара и Севастополя и Кавсолимин³⁷ и Фасис река вплоть до Трапезунта простираются те племена...

Р. 191 (fol. 14a) ...Кавказ и скифии...

Р. 192 (fol. 14b) ...Рек названо по именам сорок: ... (12) Фермод³⁸... (15) Борисфен... (23) Данубий... (35) Истр³⁹...

Р. 206 (fol. 29b) ...Жил же Навуходоносор, судя всю землю от Каспийских ворот до пределов Гераклии, Египет и всю Иудею, подчиняя себе Понт, всю Азию и всю землю римскую, – 19 лет.

Слово Василевсу Константину

по случаю тридцатилетия царствования

Перевод Санкт-Петербургской духовной академии

Пересмотрен и исправлен В. В. Серповой

Примечания А. Калинина

Пролог похвального слова Константину

13. Теперь покажем и объясним причину, по которой таковое Божье Слово снизошло к человекам. Безумные люди не размыслили, что Оно имеет власть на небе и на земле, что Оно родилось из высочайшего Отчего божества, как бы из самого источника, а потому всегда присуще миру, и что Оно являет ясные знаки своего промысления и попечения о людях, не размыслили об этом, и досточтимое имя Бога приложили к солнцу, к луне, к самому небу и звездам. И тут не остановились, но, обоготворив земную природу, земные плоды и различные роды телесной пищи, сделали себе идолами Деметру, Кору, Диониса и других, подобных им. И на этом еще не остановились, но вздумали назвать богами самые помыслы своего ума и выражающее их слово, и свою мысль назвали Афиной⁴⁰, а слово Гермесом⁴¹,

силы же, через которые приобретаются познания, наименовали Мнемозиной⁴² и Музами⁴³. И тут не остановились, но возрастая более и более в постыдном нечестии, обоготворили даже собственные страсти, от которых надлежало отвращаться, и которые надобно было исцелять воздержанием, и самое свое пожелание, страстную и необузданную болезнь душ, также части и члены тела, влекущую к срамным делам и постыдным удовольствиям, наименовали Эротом⁴⁴, Приапом⁴⁵, Афродитой⁴⁶ и другими сродными сим именами. И на этом еще не остановились, но смотря только на рождение тел и привязавшись только к смертной жизни, обоготворили подверженных смерти людей и, после обыкновенной кончины их, дали им имена героев и богов, в том предположении, что бессмертная божествен-

ная сущность бродит около могил и гробниц. И тут не остановились, но святое имя Божье присвоили также различного рода бессловесным животным и самым ядовитым пресмыкающимся. И на этом еще не остановились, но, обделывая дубы, обтесывая камни, выкапывая из земли металлы, медь, железо и другие вещества, делали из них изваяния (τύποι) жен, изображения мужей, формы зверей и пресмыкающихся и стали поклоняться им. Даже и тут не остановились, но то же имя богов приложили и к лукавым демонам, которые, скрываясь в идолах и мрачных ущельях, лакомятся жертвенными возлияниями и куреньями. И тут не остановились, но какими-то чарами запретного волшебства, беззаконными и заклинательными песнями и наговорами привлекли к себе в помощники темные, летающие в воздухе силы и обоготворили одни тех, другие других смертных людей. Сыны эллинов почтили наименованием героев и богов Диониса, Геракла, Асклепия, Аполлона и некоторых других мужей⁴⁷, египтяне называли богами Гора⁴⁸, Исиду⁴⁹, Осириса⁵⁰ и подобных им, которые тоже были людьми. По богатству мудрости, хвалясь изобретением геометрии, астрономии и арифметики, эти мудрецы сами по себе не умели и не могли ни взвесить, ни рассчитать, в какой мере сила Божья отличается от природы смертной и неразумной, а потому не усомнились наименовать богами всех отвратительных чудовищ, всякого рода животных, ядовитых, пресмыкающихся и диких зверей. Финикийцы называли богами Мелькаароса (Μελκάρου)⁵¹, Сороса (Ούσωρον)⁵² и других смертных, бывших некогда людьми самыми бесчестными, арабы – какого-то Дусариса (Δουσαρίν)⁵³ и Овдоса (Οὔδον)⁵⁴, геты – Замолксиса (Ζαμόλξις)⁵⁵, киликийцы – Монсиоса (Μονσιον), фиванцы – Амфиарая (Αμφιαρεύς)⁵⁶, вообще, одни обоготворили тех, другие других, нисколько не изменивших смертной своей природы и бывших просто людьми. Все же вместе – египтяне, финикийцы, эллины и прочие освящаемые лучами солнца смертные воздавали божеское почтение и разным частям мира, и стихиям, и произрастающим из земли плодам. А что еще удивительнее – признавая своих богов нарушителями целомудрия, мужеложниками, похитителями жен, поклонники их, тем не менее, наполняли все города, селения и деревни храмами статуями и жертвенниками и, подражая примеру богов, губили свои души. Судя по их словам, как случается слышать, боги и дети богов – герои суть де-

моны добрые, а на деле выходило совершенно противное, ибо противное они украшали противным, подобно тому, как если бы кто, желая указать другому на солнце и небесные светила, не поднимал очей вверх, но протягивал руки вниз, к земле, опускал их на пол, и небесных сил искал в пыли и грязи. Таковы-то именно этого рода люди: по своему безумию и обольщению злых демонов, они верят, что находящееся превыше небес (ἐπὲρ κεῖνα οὐρανόν) и над миром, духовное существо Божье пребывает где-то долу, в рождении тел, в страстях и разрушении смертных. Они дошли до такого безрассудства, что в жертву богам приносили даже самое милое, – что в неистовстве и иступлении, не щадя природы, закаляли даже однородных и любимых детей. А может ли быть что-либо безумнее, как приносить в жертву людей, и все города, все свои дома осквернять кровью соплеменников? Между тем, не свидетельствуют ли об этом сами сыны эллинов, и памятниками этого не наполнена ли вся их история? Финикийцы каждый год приносили любимое и однородное дитя в жертву Кроносу⁵⁷, ему же в шестой день месяца Метэгитиона⁵⁸ закаляли людей и на Родосе; а в Саламине, в одном храме аргонидской Афины и Диомеда⁵⁹, какой-либо преследуемый человек обегал трижды вокруг жертвенника, и потом жрец, пронзив ему копьем чрево, сжигал его на горящем костре. Много таких человекоубийств происходило и в Египте: в Гелиополе, например, ежедневно приносили три человеческие жертвы, пока, узнав об этой жестокости, царь Амосис⁶⁰ не приказал заменять их столькими же восковыми изображениями. На острове Хиос жертвоприношение омадийскому⁶¹ Дионису состояло в расчленении человека, тоже делалось и в Тенедосе⁶², да и в Лакедемоне⁶³ жертвой Ареса⁶⁴ бывал также человек и на Крите совершали подобные человекоубийства в честь Кроноса⁶⁵, а Афине сирийская Лаодикия⁶⁶ ежегодно приносила в жертву деву, которую теперь заменяют ланью. Равным образом, человеческими же жертвами умилоствовали своих богов ливийцы и карфагеняне⁶⁷, да и думатинцы в Аравии всякой год закаляли в жертву отрока и погребали его под жертвенником. Сверх того, история свидетельствует, что все вообще эллины, перед выступлением в поход, приносили в жертву людей⁶⁹, тоже делали фракийцы и скифы⁶⁸, а афиняне упоминают о принесенных в жертву дочерях Леоса⁷⁰ и Эрехтея⁷¹. Да и ныне, кто не знает, что в великом городе, (т. е. Риме) в пра-

здник латриарского Зевса закапывается человек⁷²? Справедливость этого засвидетельствовали и известнейшие философы. Диодор⁷³, сделавший сокращенное описание библиотек, говорит, что ливийцы торжественно приносили в жертву Кроносу двести благороднейших отроков, и к этой жертве присоединяли не менее трехсот других. А писатель римской истории Дионисий⁷⁴ повествует, что в Италии именно сами Зевс и Аполлон требовали себе человеческих жертв от так называемых аборигенов (αβοριγνηών), и что те, которых касалось это требование, приносили богам часть всех плодов, а если они не приносили в жертву людей, за то подвергались различным бедствиям, и до тех пор не видели конца злу, пока не обрекали себя на десятину, умертвив же и принеся жертву десятого из людей, были причиной запустения своей страны. Столькими-то бедствиями пожирался прежде весь род человеческий! Однако зло этим не ограничилось, он подвергался и другим бесчисленным и самым тяжким страданиям, потому что все народы Ойкумены, – греки и варвары, как бы возбуждаясь демонской силой, мучились страшной и самой жестокой болезнью. Люди не имели никакого взаимного общения и сношения, там и здесь, растерзав общую природу великого тела, они разошлись по отдельным углам земли и враждовали между собой при помощи законов и политических учреждений. Мало того, они начали свирепствовать одни на других сильными разбоями, так что всегда и всю жизнь проводили в сражениях и войнах, поэтому никто не смел выезжать из дома, не вооружившись по-неприятельски; даже земледельцы, в полях и селениях носившие мечи⁷⁵, старались более в деле приготовления себе

оружия, нежели земледельческих орудий, и считали подвигом добродетели ловить и поработать соседей. И этого мало, в памятниках, составленных ими о своих богах, заимствуя повод к постыдной и незаконной жизни, они растлили свои тела и души всеми родами невоздержания. И этого мало, преступив уставы природы, они простерлись за пределы невыразимой срамоты и совершали над собой дела, до невероятности бесстыдные: мужи на мужех студ содеявуще, и возмездее, еже подобаше прелести их (жен), в себе восприимлюще (Рим. 1,27), как говорит священное Писание. И этого мало, извратив в себе естественные понятия о Боге, они думали, что все здесь происходит без промысла и попечения Божьего, а потому бытие и состояние мира приписали слепому случаю и неизбежному року. И этого мало, предположив, что их души уничтожатся вместе с их телами, они проводили жизнь зверскую и чуждую жизни и, не исследуя сущности своих душ, не ожидали ни оправдания на суде Божьем, ни награды за добродетель, ни наказания за жизнь неправедную. Многоразличными видами зла и зверства поработочены были уже и целые народы: одни имели преступное и самое незаконное соитие со своими матерями, другие женились на своих сестрах, иные растлевали своих дочерей⁷⁶, некоторые убивали приходивших к ним иностранцев⁷⁷, те питались человеческой плотью, эти, удавив веревкой старцев, съедали их⁷⁸ либо еще живыми бросали псам. У меня неостанет времени для исчисления всех зол древней, обладавшей человеческим родом болезни. Таких и подобных им зол было бесчисленное множество.

Источник: Евсевий Памфил. Жизнь Константина / Перевод Санкт-Петербургской духовной академии, просмотрен и исправлен В. В. Серповой. Примечания А. Калинина. – М.: Labarum, 1998.

Жизнь Константина

Перевод Санкт-Петербургской духовной академии

Пересмотрен и исправлен В. В. Серповой

Примечания А. Калинина

Книга I

8. О том, что он покорил почти всю вселенную. Напротив, наш василевс только начал управлять в тех летах, в которых Македонский умер, и жил вдвое больше последнего, а период своего царствования протекал в три раза долее него. Укрепив войско кроткими и мудрыми уставами богопочтения, он ходил

войной на британцев и людей, живущих к западу среди океана⁷⁹, равно как покорил всю Скифию⁸⁰, лежащую к самому северу и разделенную на множество разных варварских народов, потом распространил свою империю до отдаленнейшего юга, до Блеммии⁸¹ и Эфиопии⁸² и не чуждым себе приобретением почи-

тал также Восток⁸³. Разливая светлые лучи благочестия до концов всей Ойкумены, до последних пределов Индии⁸⁴ и кругом на жителей целой земли, он держал под своей властью всех местных правителей, народных вождей и сатрапов⁸⁵ над варварскими племенами, которые охотно, с любовью и радостью посылали ему свои дары и считали высокой честью пользоваться его знакомством и дружбой, так что для воздаяния ему почестей выставляли у себя живописные его изображения, воздвигали статуи и Константина знали и провозглашали, как единственного над всеми автократора⁸⁶. До таких-то пределов царским его словом с совершенной свободой звучало благовестие о чтимом им Боге.

35. Избиение римлян по велению Максенция. Такими дерзостями жестокой тирании его стеснялись все: простолюдины и начальники, знатные и незнатные. Как ни спокойны были они, как ни переносили горькое рабство, – не могли избавиться от кровавой жестокости тирана. Например, однажды, под каким-то незначительным предлогом, он предал народ на убийство своим копьеносцам⁸⁷, и целые тысячи римлян пали среди города не от скифов или варваров, но от копий и оружия сограждан. А скольких сенаторов он допустил убить по навету, чтобы завладеть имуществом каждого из них, – и перечислить невозможно. Под разными, выдуманскими предлогами, убиты были весьма многие из них.

Книга II

53. О том, что христиан принимали варвары. Но что говорить об этом? Теперь торжествуют над ними и варвары, которые в то время принимали наших беглецов и сохраняли их в самом человеколюбивом плену, даруя им не только жизнь, но и безопасность в делах веры. Таким образом, ныне римский народ носит всегдашнее пятно, каким тогда заклеили его христиане, изгнанные из римского мира и убежавшие к варварам.

61. О том, как по поводу мыслей Ария в Александрии возникли споры. Так точно, уподобляясь громогласному вестнику Божьему, взывал василевс посредством своей грамоты ко всем епархам и, отклоняя подданных от демонского заблуждения, побуждал их к принятию истинной веры. Но тогда как он радовался этому, молва возвестила ему о немаловажном, возникшем в церквях беспокойстве: пораженный таким известием, он начал придумывать врачевания. Дело состояло в следующем. Укращаясь прекрасной жизнью, народ Божий

пользовался уважением, извне не возмущал его никакой страх, так что торжественный и глубочайший мир, по благодати Божьей, повсюду ограждал Церковь. Но зависть не упускала из виду наших благ: она проникла в недра Церкви и бродила среди самых собраний святых, она-то поссорила епископов и, под предлогом (защиты) божественных догматов, возбуждала между ними несогласие и раздоры. Вслед за этим, будто от искры, воспламенился великий пожар и, начавшись как бы с главы, с Церкви александрийской, распространился по всему Египту, Ливии и за пределы Фиваиды. Этот пожар истреблял уже и прочие епархии и города, так что не одни предстоятели Церквей, как видно было, вступали друг с другом в словесные прения, но и народ разделялся: одни уклонялись к одной стороне, другие – к другой⁸⁸. Вид этих событий доведен был до такого неприличия, что божественное досточтимое учение подверглось самым оскорбительным насмешкам даже на языческих зрелищах.

Книга III

7. О вселенском Соборе, на который собрались епископы из всех народов. Итак, первенствующие служители Божьи из всех Церквей, наполнявших Европу, Ливию и Азию, собрались в одно место. Один молитвенный дом, как будто распространенный самим Богом, вмещал в себе сирийцев и киликийцев, финикийцев и аравийцев, жителей Палестины и египтян, фиванцев, ливийцев и прибывших из Месопотамии. Присутствовал на Соборе даже епископ персидский, не был отвергнут им и епископ скифский⁸⁹. Понт и Галатия, Памфилия и Каппадокия, Азия и Фригия представили также

избранных. Встретились здесь даже фракийцы и македоняне, ахейцы, эпирцы и жители стран еще дальнейших. Вместе с прочими заседал на Соборе и знаменитейший епископ самой Испании. Не был на нем по причине своей старости только предстоятель царственного города, а потому вместо него присутствовали исполнявшие его должность пресвитеры. Такой-то, связанный узами мира венок, представляющий в наше время образ лика апостольского, принесен единственным от века василевсом Константином Христу Спасителю, как богоприличный дар за победу над врагами и мятежниками.

Книга IV

5. Покорение скифов, побежденных знаком Креста Спасителя нашего. Нужно ли даже и мимоходом говорить о том, как покорил он римскому владычеству племена варварские, как он первый возложил иго власти на скифов и савроматов, не привыкших к рабству, и заставил их против воли признать римлян своими господами. Прежние архонты платили скифам дань, римляне служили варварам ежегодными взносами. Для василевса такое состояние государства было нестерпимо, победителю казалось унижительным платить то же, что платили его предшественники. Поэтому, с твердой надеждой на своего Спасителя подняв победный трофей и устремившись против них, он в короткое время покорил всех, именно: одних, которые возмутились, усмирил вооруженной рукой, других сделал кроткими посредством благоразумных посольств, вообще, не знавшую законов и зверскую жизнь их переменял на жизнь разумную и законную. Вследствие сего скифы начали служить римлянам⁹⁰.

Источник: Евсевий Памфил. Жизнь Константина / Перевод Санкт-Петербургской духовной академии, просмотрен и исправлен В. В. Серповой. Примечания А. Калинина. – М.: Labarum, 1998, с. 215-269.

6. Покорение савроматов, по случаю восстания рабов. Савроматов же сам Бог привел к ногам Константина, смилив хвастливость варварского их высокомерия так: когда восстали против них скифы, то, для отражения врагов, господа вооружили своих слуг. Одержав победу над скифами, рабы обратили оружие против своих повелителей и выгнали всех их из жилищ. Тогда савроматы ни в ком больше не находили себе спасения, как в одном Константине. По привычке спасать людей, он принял всех их в пределы римской земли и способных носить оружие присоединил к своим войскам, а другим для пропитания отвел земли, которые они должны были обрабатывать. Эти новые подданные сами сознавались, что несчастье послужило им во благо, ибо теперь наслаждались они римской свободой, вместо варварской, дикой жизни. Так-то Бог подчинил ему различные племена варваров.

Церковная история

Перевод Санкт-Петербургской духовной академии

Книга III

1. Таковы были события в Иудее. Святые же апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей земле. Фоме, как повествует предание, выпала по жребию Парфия, Андрею – Скифия, Иоанну – Асия, там он жил, там в Эфесе и скончался; (2) Петр, по-видимому, благовествовал иудеям, рассеянным по Понту, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Асии.

Под конец жизни он оказался в Риме, где и был распят головой вниз: он сам счел себя достойным такой казни. (3) Надо ли говорить о Павле, возвещавшем Христово Евангелие от Иерусалима до Иллирика и пострадавшем при Нероне в Риме. В точности так рассказано у Оригена в III томе его Толкований на Бытие.

Книга V

5. Рассказывают, что брат его, кесарь Марк Аврелий, перед сражением с германцами и сарматами оказался в безвыходном положении, так как войско его обессилело от жажды. Воины так называемого Мелитинского легиона с верой, которая с того времени и доньше поддерживала их в сражениях с неприятелем, опустились, по нашему молитвенному обыновению, на колени и обратились с мольбой к Богу. (2) Зрелище для врагов было удивительное, но то, что, по рассказу, постигло их тут же, было еще удивительнее: страшная гроза обратила врагов в бегство и погубила их; ливень, хлынувший на воззавших к Богу, вос-

становил силы всего войска, бывшего на краю гибели. (3) Рассказ об этом есть и у писателей, далеких от нашей веры, но излагающих те же события; есть и у наших. Историки со стороны признают чудо, но, в нашей вере ничего не понимая, отрицают, что оно произошло по нашим молитвам. Наши, сроднившиеся с истиной, передают факты просто и бесхитростно. (4) Один из них, Аполлинарий, говорит, что легион, по молитве которого произошло чудо, получил от императора наименование, которое по-латыни означает “молниеносный”. (5) Свидетельствует об этом и почтенный Тертуллиан, обратившийся к римскому сенату с Апо-

логией нашей веры, уже упомянутой. Он передает этот рассказ, подтверждая его доказательствами и более сильными и убедительными; (6) по его словам, до сих пор ходят письма Марка, императора весьма разумного, в которых он свидетельствует, что его войско в Германии почти погибало без воды и спаслось молитвами христиан. По его словам, император грозил смертью нашим обвинителям. (7) За-

ключает Тертуллиан такими словами: “Что это за законы, которые применяют против нас только безбожные, жестокие правители? Их не соблюдал Веспасиан, хоть и победитель иудеев; частично зачеркнул их Траян, запрещая разыскивать христиан; их не подтвердили ни Адриан, который вмешивался во все, ни император, прозванный “Благочестивым”. Пусть думает об этом кто как хочет”.

Книга VIII

14. Сын его, Максентий, тиранически правил в Риме; сначала он, желая понравиться народу и польстить ему, притворился, будто держится нашей веры, приказал своим подданным прекратить гонение на христиан и, изображая себя благочестивым, принял вид правителя доступного и более кроткого, чем предыдущие. (2) На деле он оказался не таким, каким, думалось, он будет. В каких только нечестивых делах он себя ни обнаружил: грязь и всяческое распутство, разврат и растление; он разлучал законных супругов, издевался над женщинами позорнейшим образом и отсылал их обратно к мужьям. И обижал он не простых, неизвестных женщин, но преимущественно жен сенаторов, занимавших в сенате первые места. (3) Все – простой народ и магистраты, славные и безвестные – трепетали его и страдали от его жестокой тирании. Люди, однако, оставались спокойны и переносили горькое рабство; не было избавления от забрызганного кровью жестокого тирана. По какому-то ничтожному предлогу он отдал народ на избиение своей охране; тысячи римлян были перебиты в центре города – не

скифами и варварами, а копьями и всяким оружием своих сограждан.

17. (3) “Император кесарь Галерий Валерий Максимин, непобедимый, август, великий понтифик, великий победитель германцев, великий победитель Египта, великий победитель Фиваиды, великий пятикратный победитель сарматов, великий (двукратный) победитель персов, великий (двукратный) победитель карпатов, великий шестикратный победитель армян, великий победитель Мидии, великий победитель Адиабены, трибун в двадцатый раз, император в девятнадцатый, консул в восьмой, отец отечества, проконсул, (4) и император кесарь Флавий Валерий Константин, благочестивый, благополучный, непобедимый, август, главный великий понтифик, трибун в пятый раз, император в пятый раз, консул, отец отечества, проконсул, и император кесарь Валерий Ликиниан, благочестивый, благополучный, непобедимый, август, великий понтифик, трибун в четвертый раз, император в третий, консул, отец отечества, проконсул, – жителям своих провинций желаем здравия”.

Книга IX

10. Перевод указа тирана в пользу христиан с латинского языка на греческий (копия). (1) “Император кесарь Гай Валерий Максимин, победитель германцев и сарматов, благочестивый, счастливый, непобедимый, август. Верим, что каждому известно и ясно, если он

мысленно вернется к прошлому, что мы всячески и неизменно заботились о благе жителей наших провинций и стремились обеспечить им то, что для них наиболее выгодно, что относится к общему их благу, что соответствует общей пользе и приходится по душе каждому”.

Источник: Евсевий Памфил. Сочинения. Т. 1. Церковная история. – СПб., 1858; Евсевий Памфил. Церковная история. – М., 1993.

Ономастикон

268. Вифсан (Βιθσάν), из коего не изгнало иноплеменников колено Манассиино; это есть Скифополь, известный город Палестины; Писание зовет его и домом Сан, что значит “дом врага”.

Латинская Версия Иеронима Стридонтского

268. Бетсан (Bethsan); из этого города колено Манассиево не могло изгнать прежних жителей; теперь называется Скифополь, известный город Палестины, называемый в Писании иногда домом Сан, что переводится “враг”.

Евсевий Памфил. Ономастикон // Православный Палестинский Сборник. Т. XIII, вып. I, 1894.

Примечания

- ¹ Ср. Порфирий. О воздержании от мясной пищи IV: 24. [О перечисленных племенах и их обычаях см. Геродот I: 216; IV: 71 сл. (массагеты и скифы); Страбон XI: 11 (дербики, каспии, гирканы и бактрианы)].
- ² [Легенда о названных гиперборейских девах, представлявших собой второе посольство (после Аргии Опиды) гипербореев в Дельфы: Геродот IV: 33, 35].
- ³ [Еврипид. Ифигения в Тавриде: 28 сл.].
- ⁴ [Т. е. ритуального].
- ⁵ [Под *Верхней Сарматией* надо понимать области на среднем Дунае и к востоку от него, занятые сарматскими племенами; наименование *аланы* распространялось в поздние века Римской империи на значительную часть восточных областей Северного Причерноморья; об *Албании* на Северном Кавказе: Страбон XI: 4, 1 сл.; об *Отене*: Асиний Квадрат. Парфянские дела III, фр. 8; *Савния* ближе не известна; *Хриса* – область внутренней Индии, соответствующая современной Бирме и северной части области Пегу].
- ⁶ [*Абидосец* (Ἀβιδηνός) – греческий историк неопределенного времени, написавший утраченную историю Ассирии. Фрагменты: FHG, IV: 278].
- ⁷ [Т. е. на кавказском берегу; речь идет о легендарном походе Навуходоносора II (605–562) в Иберию (Испанию), сочиненном для объяснения омонимичности западных иберов (испанцев) и восточных (предков современных грузин)].
- ⁸ [Т. е. Ноева ковчега].
- ⁹ “Коркурσιών – кодексы, исправил А. v. Gutschmid”. [*Кордузи* – жители Кордуэны или Гордиены, области Великой Армении между Тигром и оз. Ван].
- ¹⁰ Ср. Schoene. Praef.: XIII сл.
- ¹¹ [Т. е. славов, славян].
- ¹² [Об *аварах* (обрах), племени, родственном гуннам и появившемся в V в. н. э. на Дунае: Меландр: р. 400 сл.].
- ¹³ Из парижской рукописи вновь изданные. Ср. Schoene. Praef.: XV сл.
- ¹⁴ [Или *Гомера* Библии (Исход X: 1 сл., см.: ВДИ, 1947, № 1: 265), отождествляемого с гимирами (киммерийцами) клинописных памятников].
- ¹⁵ [*Ашкеназ* Библии (*Ишкуза* клинописных текстов) отождествляются в новой литературе со скифами. См.: ВДИ, 1947, № 1: 265. Совр. *ашкеназы* – субэтническая группа евреев, выходцев из средневековой Германии, говорящих на идиш].
- ¹⁶ [С юго-востока на северо-запад].
- ¹⁷ [Ближе не известны; могут быть сопоставлены с гаргареями Страбона (XI: 5, 1 сл.), а также с гаргенаями Птолемея (География VI: 16), локализуемыми в центрально-азиатских степях].
- ¹⁸ [Может быть, *колхи*; *колы*, как незначительное племя западного Кавказа и область Кюлика известны Гекатею (фр. 186) и Псевдо-Скилаку (78)].
- ¹⁹ [Быть может, должны быть сопоставлены с *Δαυναεῖοι* или *Βενναεῖοι* – народностью Передней Азии; не исключено также, что в этом наименовании кроется *Κορμαεῖοι* (Страбон XI: 12, 2)].
- ²⁰ [Быть может, западнокавказские тибарены, известные уже Ксенофону] (Анабасис V: 5, 1 сл.).
- ²¹ [Вероятно, савроматы].
- ²² [Сопоставимы с тафриями (тавриями) Страбона (VII: 3, 18)].
- ²³ [Видимо, имеется в виду область по реке Фермодонту, считавшаяся средоточием легендарного народа амазонок].
- ²⁴ [Т. е. Восторское царство].
- ²⁵ [Этим именем, видимо, обозначена область к востоку от Азовского моря].
- ²⁶ [Видимо, Херсонес Таврический (Крымский полуостров), что явствует из сопоставления с упомянутыми выше тавриниями].
- ²⁷ [Западнокавказские мосхи, известные Гекатею Милетскому (фр. 188)].
- ²⁸ [*Моссинии* или *моссины* других древних авторов, локализуемые к востоку от Трапезунта: Ксенофонт. Анабасис V: 4, 2 сл.].
- ²⁹ [Абимаил Библии, область Южной Аравии].
- ³⁰ [Область к югу от Мертвого моря].
- ³¹ [Гиркания, что явствует из сопоставления с названными гирканами].
- ³² [Т. е. иберы].
- ³³ [Они же макроны, известные уже Гекатею Милетскому: фр. 191].
- ³⁴ [Под этим именем, может быть, следует понимать те прибрежные племена, которые у Геродота (IV: 17) названы эллино-скифами (миксэллины)].
- ³⁵ [Т. е. Каспийские ворота древних авторов, современный Дербентский проход из Закавказья в Дагестан].
- ³⁶ [Это племя (*санниги*) упоминается в качестве скифского племени, соседнего с абасгами (абхазцами) у Стефана Византийского под словом Σαννύγαι].
- ³⁷ [Быть может, *Καλὸς ποταμός* или *Καλὸς λιμήν*, упоминаемые на кавказском побережье: Арриан. Перипл Понта Евксинского: 8].
- ³⁸ [Вероятно, малоазиатский Фермодонт, о котором см. Страбон VII: 3, 6].
- ³⁹ [О сосуществовании этих двух наименований реки Дуная в первые века н. э., применительно к разным ее частям: Птолемей. География III: 10, 1 сл.].
- ⁴⁰ *Афина* – греческая богиня, дочь Зевса и Метиды, покровительница войны, ремесла, науки.
- ⁴¹ *Гермес* – греческий бог, сын Зевса и Майи. Покровитель торговли, скота, странников, воров и плутов, вестник богов.
- ⁴² *Мнемосина* – богиня памяти, дочь Урана и Геи.
- ⁴³ *Музы* – девять греческих богинь: Эрато, Эвтерпа, Каллиопа, Клио, Мельпомена, Полигимния, Терпсихора, Талия, Урания, дочери Мнемосины от Зевса, покровительницы наук и искусств.
- ⁴⁴ *Пьяный Геракл*, побежденный Дионисом – любимейший сюжет афинской сатирической драмы.
- ⁴⁵ *Приап* – фаллический бог.
- ⁴⁶ Жизнь Константина III: прим. 51: Скрытая аллюзия к известному месту Апокалипсиса. Евсевий соотносит грядущее избавление от Антихриста во время второго пришествия с настоящим для него избавлением от императоров-гонителей.
- ⁴⁷ *Геракл*, *Асклепий* и *Дионис* в самих мифах о них называются людьми, впоследствии получившими божественное достоинство. Но даже таких общепризнанных в греческой мифологии людей, ставших богами или звездами или созвездиями гораздо больше, чем называет Евсевий. Например, список, который приводит Гигин в «Мифологии» включает восемнадцать имен, в том числе, помимо этих троих, знаменитого Пана. С Аполлоном (как и с Зевсом) сложнее, хотя встречаются егемеризмы на его счет и у древних писателей – о смерти и могиле Аполлона говорит Порфирий (Жизнь Пифагора: 16.).
- ⁴⁸ *Гор* – египетский бог, сын Исиды и Осириса. Евсевий называет его человеком по двум причинам – как отождествляемого с Аполлоном и как

сына смертного Диониса и Исиды (один из вариантов происхождения – см. Геродот. История, II, 144, 156.) о котором Геродот рассказывает как о последнем боге – правителе Египта.

⁴⁹ *Исида* – египетская богиня, отождествляемая с Деметрой.

⁵⁰ *Осирис* – египетский бог, отождествлявшийся с Дионисом. Скорее всего Евсевий считает их людьми именно по отождествлению с греческими богами, о которых существовали подобные сказания. Так, он ничего не говорит о Аммене-Зевсе и о Ра-Гелиосе, из тех же богов, которых он называет почитаемыми у греков людьми, двое совпадают с египетскими.

⁵¹ *Мелькарт*, или *Милькарт* ‘царь города’ – описательное название Баала Тирского; умирающий и воскресающий бог; отождествлялся с Гераклом; видимо, именно по признаку смертности Евсевий считает его обожествленным человеком. Особенно почитался в Тире и Карфагене.

⁵² По надписям известны несколько сходные по звучанию финикийские божества – Сакун и Сад (или Сид – CD), но кого конкретно имеет в виду Евсевий, не понятно.

⁵³ *Душара* – в древнеарабской мифологии верховное божество государства Набатей, умирающий и воскресающий бог.

⁵⁴ Вероятнее всего, имеется в виду Аваддон ‘погибель’, в иудаистической мифологии олицетворение смерти. В христианской традиции именуется Апполион, т. е. – губитель.

⁵⁵ Уже Геродот (История IV: 94–96) рассказывает о почитании гетам Замолксиса и о том, что этот Замолксис был рабом Пифагора и затем, освободившись, вернулся на родину и проповедовал там о бессмертии души. Также он рассказывает о хитрости, с помощью которой Замолксис заставил соплеменников себе поверить. Весь рассказ носит совершенно баснословный характер и сам же Геродот сомневается в его истинности.

⁵⁶ *Амфиарай* – греческое местное божество, герой и знаменитый прорицатель, участник Калидонской охоты и похода Семерых против Фив, после поражения стал бессмертным по воле Зевса. О почитании фиванцами Амфиарая говорит Геродот (История VIII: 134.), но не одни фиванцы почитали его как бога, так, например, Павсаний сообщает о его храме в Аттике (Описание Эллады I: 34, 1–5).

⁵⁷ Человеческие жертвоприношения у финикийцев не были связаны с греческим Кроносом. Эти слова Евсевия основаны на мифе, обосновывающем эти жертвоприношения и приводимым Филоном Библиским и Порфирием, которые говорят о жертве Кроноса своему отцу Урану своего сына Йеуда в момент катастрофы. Известно, что финикийцы почитали и боялись бога неба; они строили храмы и приносили жертвы только местным божествам – покровителям города.

⁵⁸ *Метагитион* (Μεταγίτιον), август-сентябрь афинского календаря. Любопытно, что Евсевий не пользуется собственно родосским названием этого месяца – Карвсиос, но не пользуется и общераспространенным названием месяца по юлианскому календарю.

⁵⁹ *Диомед*, сын Тидея и Диопилы – герой, участник похода Эпигонов и Троянской войны.

⁶⁰ *Амасис*, египетский царь (569–526 гг. до Р.Х.).

⁶¹ Возможно, следует читать оместийскому.

⁶² Ср. Порфирий. О воздержании от мясной пищи II: 55 (FHG, IV: 408 Didot). И там же: “На Хиосе приносили в жертву Дионису молодого челове-

ка, растерзывая его, и – на Тенедосе, как говорит Евелпид Каристийский” (II: 7).

⁶³ *Лакедемон* – старое название Спарты.

⁶⁴ *Арес* – бог войны.

⁶⁵ О человеческих жертвоприношениях на Крите (правда, относя их к Зевсу) говорят также Климент Александрийский (Протрептика III: 42, 5.), Атеней (VII: 375f–376a).

⁶⁶ Город в Малой Азии, основан Антиохом II и назван в честь сестры Лаодики.

⁶⁷ Имеется в виду общеизвестный финикийский культ Молоха (от mlk – царь), почитание которому сочеталось с жертвоприношением детей.

⁶⁸ См., напр. миф об Ифигении, которую должен был принести в жертву Агамемнон перед походом на Трою и множество других мифов, явно связанных с человеческими жертвоприношениями. Из исторических времен Геродот (III: 11) рассказывает, как были принесены в жертву дети Фанеса, одного из греческих наемников в Египте самими этими наемниками; Плутарх сообщает о принесении в жертву трех пленных персов перед Саламинским сражением Дионису Оместу (Фемистокл: 13).

⁶⁹ См. Геродот IV: 62.

⁷⁰ *Леой* – один из афинских героев-эпонимов, по преданию сын Орфея, давший имя филе Λεωνίς; для прекращения поветрия принес в жертву богам своих трёх дочерей.

⁷¹ *Эрехтей* – легендарный царь Афин. Его дочери – Прокрида, Креуса, Хтония и Орития. Аполлодор приводит совершенно иную версию их жизни, замужества и смерти (Мифологическая библиотека III: 15, 1–4).

⁷² Ср. с человеческим жертвоприношением Зевсу Ликейскому (Павсаний. Описание Эллады VIII: 38, 7).

⁷³ *Диодор Сицилийский* (ок. 90–21 до н. э.), его сочинение из 40 книг называлось «Историческая библиотека», поэтому Евсевий говорит о том, что он сделал сокращенное описание библиотек.

⁷⁴ *Дионисий Галикарнаасский* (I в. до н. э.), ритор и историк, автор «Римских древностей» в 20 книгах.

⁷⁵ Известно, что в начале царствования Диоклетиана земледельцы, жившие в Галлии, сделав между собою заговор, взялись за оружие и грабили на дорогах. Они присвоили себе наименование багаудов. Об этом свидетельствуют Орозий, Евтропий и Мамертин в похвальном слов Максимиану. Из этих слов Евсевия можно заключить, что такой род разбойничества происходил почти во всей римской империи.

⁷⁶ Это место отнюдь нельзя отнести только к обычаям персов и египтян, женившихся на своих сестрах. Например, философия стоиков (!), – казалось бы, наиболее этически обоснованное учение, – в целях бесстрастия, к которому должен стремиться желающий стать мудрым, рекомендовала кровосмешение: “Зенон, изложивши повествование об Иокасте и Эдипе, говорит, что не страшно жить с матерью”; “А Хрисипп в «Государстве» говорит буквально следующее: “Я одобряю практику, которая и теперь еще с полным правом существует у многих, когда мать рождает детей от сына, отец от дочери и единокровный брат от родной сестрицы” (Секст Эмпирик. Против ученых XI: 191–192.)

⁷⁷ Кроме многочисленных упоминаний такого обычая у фракийцев и скифов Геродотом, ср. с удивительными словами у Овидия о жертвоприношениях Зевсу-Ксению в Амафунте на Крите:

Возле ворот их стоял Юпитера-Гостеприимца
Злом омраченный алтарь.

Как завидит пришелец, что пятна

Крови на камне его, он думает:

тут убивают

Богу телят-сосунов

да двухлетних овец амафунтских.

Путник сам жертвой бывал

Метаморфозы, X, 224-228.

⁷⁸ Обычай убийства и поедания стариков (или просто поедания умершего) также несколько раз описан Геродотом для разных племен.

⁷⁹ Евсевий имеет в виду пиктов и скоттов, во время похода против которых умер Констанций Хлор, отец Константина. Видимо, после смерти отца он сам закончил этот поход. Возможно также, что Константин прибыл к отцу еще в самом начале похода, до переправы в Британию и тогда участвовал во всем отцовском походе.

⁸⁰ Имеется в виду война с готами в 322 г. Евтропий упоминает о нескольких сражениях, в которых Константин разгромил готов (Краткая история от основания Города X: 7, 1) Также Секст Аврелий Виктор упоминает о победе над полчищами готов и сарматов (О цезарях ХLI: 13-14). Фотий, пересказывая Филосторгия, также упоминает о переселении готов в Мизию в правление Константина (Краткое изложение «Церковной истории» Филосторгия II: 5). Иордан сообщает при этом, что вспомогательный отряд, выставленный готами против Лициния, стал одной из причин победы Константина. После войны этот отряд (40 000 чел.) был оставлен императором на службе и получил впоследствии название федератов. (Иордан. О происхождении и деяниях гетов: 111-112). Выражение «вся Скифия», которое позволило Э. Гиббону чрезвычайно резко отозваться об исторической ценности сочинения Евсевия, конечно, не стоит понимать буквально, но, во-первых, оно вполне приличествует панегирику, писавшемуся в то время, когда память о походах Константина была еще жива и никакой речи о попытке фальсификации быть не могло, а во-вторых, такое обобщение было вполне распространено в исторической традиции античности. Цезарь в «Записках о Галльской войне» позволяет себе подобное же выражение о завоевании «всей Германии».

⁸¹ *Блеммий* – эфиопское племя, тревожившее пределы империи и во времена Диоклетиана, который, отодвинув пределы империи к Элефантине, приказал заключить с ними договор о регулярной выплате денег под условием прекращения набегов (Прокопий Кесарийский. Война с персами I: 28-33.)

⁸² В данном случае Евсевий называет завоеванием отражение нападений варваров, правда, не совсем понятно, что он имеет в виду, так как до нас не дошло никаких сведений о пребывании Константина в Египте, соседями которого были эти варварские племена. Возможно, риторически очерчивая всю империю, которая была под властью Константина, он просто указывает крайние пределы его власти. Возможно также, что Константину или его подчиненным пришлось отражать очередные набеги воинственных блеммиев, наконец, возможно, Евсевий имеет в виду порядок, который установил Диоклетиан в отношениях империи с ними, и который Константин утвердил.

⁸³ Евсевий имеет в виду распространение власти Константина над восточной частью империи после победы над Лицинием, а не внешние приобре-

тения. Почти во все время правления Константина империя не вела войн с Персией, и лишь в конце своего правления император начал поход против персов, но в начале этого похода умер.

⁸⁴ Как и почти на всем протяжении истории Евсевия, при упоминании Индии следует понимать «внутреннюю» Индию, т. е. царство омиритов (Абиссиния).

⁸⁵ В Персии Ахеменидов сатрап это правитель провинции. Здесь Евсевий намеренно употребляет анахронизм для украшения своего сочинения, обычно мелких правителей во времена Евсевия называли царьками.

⁸⁶ То есть преторианцам.

⁸⁷ Патриарх Фотий (Кр. изл. «Церковной истории» Филосторгия II: 5) говорит о подобном в более ранние времена: «В царствование Валериана и Галлиена скифы в несметном количестве, переправившись через Истр, вступили в пределы римской империи, прошли большую часть Европы, проникли в Азию, Галатию и Каппадокию и, взяв многих пленников, в числе которых были и некоторые клирики, с богатой добычей возвратились домой. Это-то плененное благочестивое общество, общаясь с варварами, не мало их обратило к благочестию, и вместо языческого образа мыслей научило принять христианский».

⁸⁸ По рассказу Сократа (I: 6), после спора Александра с Арием выяснилось, что его мнение поддерживают и многие другие епископы, уже не из подчиненных ему. Созомен уточняет при этом, что после собора, на котором Арий и его приверженцы были отлучены, Арий стал посылать письма за пределы Египта с просьбой примирить его с Александром, в том числе отправил такое письмо Евсевию Никомидийскому, который его горячо поддерживал. После того, как Александр и тогда отказался принять Ария в общение, если он не изменит свои взгляды, Арий начал широкую пропаганду среди простого народа, выпустил свою книгу «Талия», где в стихотворной форме излагал свои взгляды. Затем он обратился к Павлину Тирскому, Евсевию Памфилу и к скифопольскому епископу Патрофилу со странной просьбой разрешить ему служение в отдельном храме (в Александрии – ?), на что те ответили согласием (вопреки всем канонам) с условием примириться с Александром. В этой странной обстановке очевидного неканонического давления Александр также был вынужден писать послания в оправдание произведенного им отлучения и для разъяснения взглядов Ария.

⁸⁹ Скорее всего, имеется в виду Феофил Готский.

⁹⁰ Скорее всего, здесь под скифами Евсевий имеет в виду готов. Известно, что готы издавна получали стипендию от империи. Так, Иордан, сообщает об отнятии у них стипендии в правление императора Филиппа (244-249 гг.) (О происхождении и деяниях гетов: 89). Он же рассказывает о призвании готов в качестве федератов Константином (Там же: 111-112). Также Созомен (Церковная история: I: 8) упоминает о победе Константина над готами. Кроме того, Иордан упоминает о переселении в империю вандалов при Константине: «у Константина они испросили для себя Паннонию и, построив там селения, служили по императорским декретам в течение приблизительно 60 лет» (О происхождении и деяниях гетов: 115).

Сократ Схоластик

Σοκράτης Σχολαστικός – Socrates Scholasticus

Сократ Схоластик (ок. 380 – после 439), греческий историк. Родился и если не всю жизнь, то значительную ее часть прожил в Константинополе. Изучал грамматику, риторику, библейскую экзегезу, отлично знал латинских авторов. Приписываемый Сократу титул “Схоластик” дает многим издателям и ученым повод видеть в нем “адвоката”. «Церковная история» является единственным его произведением. Она была написана по инициативе некоего “божьего человека” Феодора в 430-х гг., то есть к концу эпохи Феодосия Младшего (408–450). Широко признается, что «Церковная история» увидела свет немного раньше сочинений современных Сократу историков Эрмия Созомена и Феодорита

Кирского. Книги приурочены к событиям одного или нескольких правлений: I – эпоха Константина Великого (307–337), II – Констанция II (337–361), III – Юлиана II Отступника (361–363) и Иовиана (363–364), IV – Валентиниана I (364–375) и Валента II (364–378), V – Феодосия Великого (378–395), VI – Аркадия (395–408), VII – Феодосия Младшего (408–450). Основные источники – сочинения Афанасия Александрийского, Евсевия Кесарийского, Григория Назианзина, Евагрия Понтийского и других писателей, исторический труд Руфина Аквилейского, а также устная традиция, в частности, воспоминания новацианина Авксанона о Никейском соборе.

Подробнее см.: Кривушин И. В. Сократ Схоластик и его «Церковная история» // Сократ Схоластик. Церковная история. – М.: Росспэн, 1996.

Сократ Схоластик

Церковная история

Книга I

6. Итак, отступники у нас суть Арий, Ахилл, Анфалис, Карпон, другой Арий, Сармат, Евзой, Лукий, Юлиан, Мина, Элладий, Гайй, а с ними Секунд и Феона, называвшиеся прежде епископами. Изобретенные же и высказываемые ими, вопреки священному Писанию, положения суть следующие: Бог не всегда был Отцом; было время, когда Он не был Отцом. Не всегда также было и Слово Божие, но родилось из небытия; потому что Бог, существуя как Бог, сотворил Его не сущего из не сущего; следовательно, было время, когда Его не было. Сын есть создание и творение: Он и по существу не подобен Отцу, и по природе не есть истинное Слово Отца, истинная Его мудрость, но есть одна из Его тварей и порождений. Рожденный и Сам собственным Словом Бога и мудростью в Боге, которою Бог сотворил и все, и Его, Он есть Слово и Мудрость по злоупотреблению имен. Таким образом, по природе Он, как и все разумные существа, превратен и изменчив: Слово отчуждено, обособлено и отделено от существа Божия. Отец неизглаголим для Сына; потому что Сын и не знает Его совершенно, с точностью, и не может видеть Его в совершенстве. Да Он не знает, что такое и собственная Его сущность. Сын сотворен для нас, чтобы чрез Него, как чрез

орудие, Богу сотворить нас. Его и не было бы, если бы Бог не восхотел дать бытие нам. Итак, спросите их: может ли Слово Божие превратиться, как превратился дьявол? Они не побоятся сказать: да, может, потому что природа его, по свойству бытия рожденного и превратного, превратна.

8. ...“Первенствующие служители Божии из всех церквей, наполнивших Европу, Ливию и Азию, собрались в одно место. Один молитвенный дом, как будто распространенный самим Богом, вмещал в себе сириян и киликийцев, финикиян и аравитян, жителей Палестины и египтян, фивян, ливийцев и прибывших из Месопотамии. Присутствовал на Соборе даже епископ персидский, не доставало на нем и епископа скифского¹. Понт и Галатия, Памфилия и Каппадокия, Азия и Фригия представили также избранных. Встретились здесь даже фракийцы и македоняне, ахеяне, эфирцы и жители стран еще дальнейших. Вместе с прочими заседал на Соборе и сам знаменитейший епископ Испании. Не был на нем, по причине своей старости, только предстоятель царственного города, а потому присутствовали и занимали его место подвластные ему пресвитеры. Такой-то, связанный узами мира венок, представляющий в наше время образ лика апос-

тольского, принесен единственным от века царем Константином Христу Спасителю как богоприличный дар за победу над врагами и мятежниками. И во времена Апостолов, как свидетельствует слово Божие, собрались “люди набожные, из всякого народа под небом” (Деян 2: 5). Между ними были “Парфяне, и Мидяне, и Еламиты, и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии, Понта и Асии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, прилежащих к Киринее, и пришедшие из Рима, Иудеи и прозелиты, критяне и аравитяне” (Деян 2: 9-11). Но если чего не доставало им, то именно того, что не все они были из служителей Божиих; между тем как в настоящем собрании находилось множество епископов, – числом более трехсот, а сопровождавших их пресвитерам, диаконам, чтецам и многим другим и числа не было. Из служителей Божиих одни знамениты были словом мудрости, другие украшались строгостью жизни и подвижничеством, а иные отличались мерностью нрава. Были между ними и такие, которых уважали за долголетие; были и другие, блиставшие юностью и бодростью душевной, были также лица, еще недавно вступившие на поприще служения. Всем им, по повелению царя, щедро выдавалось каждодневное содержание”. Так говорит Евсевий о съехавшихся на Собор епископах.

18. *Как царь Константин, разрушив капища язычников, в разных местах создал много церквей.* После сего царь, показывая еще более заботливости о делах христиан, совершенно отверг богослужение язычников. С этого времени запретил он единоборство и начал вносить в храмы (богов) собственные изображения. А когда язычники говорили, что Нил поднимает свои воды и орошает Египет, повинувшись Серапису, потому что нилометр вносили они в храм Сераписа, то Константин приказал перенести его в церковь александрийскую. И хотя языческая хвастливость утверждала, что, по воле разгневанного Сераписа, Нил не поднимет вод своих, однако же наводнение и в следующем году, и после того было, как и теперь. Таким образом, самое дело показало, что разлив Нила зависит не от языческого обряда, а от воли Промысла. В то самое время сделали набег на Римскую землю варвары, то есть сарматы и готы, но предложения царя касательно церквей не нашли в этом никакого препятствия. Он показал приличную заботливость о том и другом деле. Веруя в трофей христианства, варваров разбил он столь сильно, что отнял у них право на получение и того золота, какое обыкновенно

выдавали им прежние государи². Мало того, претерпев неожиданное поражение, они тогда в первый раз приняли спасавшую Константина христианскую веру³. А между тем созидал он и другие церкви, и одну у так называемого мамврийского дуба, где, по свидетельству священного Писания, Авраам принял в гости ангелов. Узнав, что у мамврийского дуба поставлены жертвенники и приносятся языческие жертвы, царь укорял в своем послании кесарийского епископа Евсевия и повелел жертвенник испровергнуть, а подле дуба создать дом молитвы. Другую церковь приказал он построить в Илиополисе финикийском по следующей причине: жители Илиополиса в древности имели у себя законодателя; какого был он нрава, не знаю, хотя его нрав виден уже из нравственности города. Отечественный закон повелевал быть у них общим женам. Поэтому дети в их стране носили значение неопределенное, ибо между родителями и детьми не было никакого различия. Дев отдавали они для любодеяния приходившим туда иностранцам. И этот обычай шел у них из древности. Все это царь старался уничтожить. Истребляя мерзость постыдных дел законом честности, он привел это племя к самосознанию, построил ему церкви, приказал рукоположить епископа и священный клир, и таким образом умерил злонравие илиополисцев. То же почти сделал он и в Афаке ливанской, то есть, разрушив капище Афродиты, истребил совершавшиеся там невыразимо бесстыдные пороки. А что уже говорить о том, как он изгнал из Киликии пифонского демона, приказав разрушить до основания дом, в котором этот демон имел пребывание? Любовь царя к христианству была столь велика, что перед наступлением персидской войны, устроив из пестрой ткани палатку, представлявшую подобие церкви, он приказал носить ее за войском, как некогда делал Моисей в пустыне, чтобы в местах самых пустынных иметь удобо-приготавливаемую храмину для молитвы. Впрочем, война тогда далеко не пошла; страх, внушаемый царем, скоро угасил ее. А что царь заботился и об основании городов и что городами сделал многие селения, как, например, Дрепану городом, соименным матери, а палестинскую Констанцию, по имени своей сестры Констанции, – о том писать здесь, думаю, неуместно, ибо мы не предполагали перечислять дела царя, не относящиеся к христианству, но намерены были упоминать только о тех, которые касались церквей. Итак, славные подвиги царя в ином роде, как предметы, требующие особен-

ного занятия, я оставляю другим, которые могут описывать их; и мне пришлось бы молчать, если бы в Церкви не возникло разделений и беспокойств. Когда предмет не представляет событий, говорить не нужно. Но так как диалектика и суетное обольщение возмутили и рассеяли апостольскую веру христианства, то, чтобы события в Церквях не пришли в забвение, — я счел долгом передать их в сочинении, ибо сведение о них, вознаграждаясь похвалою от многих других, и самого сведущего делает осматрительнее; оно научает его не колебаться, когда в рассказ вкладывается какое-либо пустословие.

22. Но между доброю пшеницею обыкновенно растут и плевелы, потому что добрых любит подстерегать ненависть. Немного ранее времени Константина, к христианству истинному начало прививаться христианство язычествующее, как к пророкам прививались лжепророки, к апостолам — лжеапостолы; ибо тогда к христианству манихей принаравливал учение языческого философа Эмпедокла, о чем Евсевий Памфил хотя и упомянул в седьмой книге своей «Истории», но не рассказал подробно. Посему я считаю необходимым восполнить пропущенное, ибо тогда будет известно, кто был манихей и откуда, что отважился на такую дерзость. Один скифский сарацин⁴ имел у себя женою пленницу из верхних Фив. Ради нее поселившись в Египте и получив египетское образование, он начал вводить в христианство мнения Эмпедокла и Пифагора, именно утверждал, что есть два начала: доброе и злое, подобно тому, как Эмпедокл злое называл враждою, а доброе — дружбою. Учеником этого скифянина был Будда, прежде называвшийся Теревинфом. Будда переехал в Вавилонию, населенную персами, и стал рассказывать о себе много удивительного, говоря, что родился от девы и воспитан в горах. Он написал четыре книги и одну из них назвал книгою о таинствах, другую — евангелием, третью — сокровищем, четвертую — главами. Некогда показывая вид, что совершает тайные посвящения, Будда низвержен был духом и таким образом погиб. Одна женщина, у которой имел он пристанище, погребла его и, взяв его деньги, купила на них семилетнего ребенка, по имени Куврик. Впоследствии, отпустив это дитя на волю и научив грамоте, она умерла и оставила ему все деньги Теревинфа и книги, которые написал он, воспитываясь у скифянина.

Вольноотпущенный Куврик взял все это и, переехав в Персию, переименовал свое имя, стал называться Манесом, а книги Будды, или Теревинфа, людям, которые были обманываемы им, выдавал за свои. Содержание этих книг, судя по их словам, было христианское, а по догматам — языческое, ибо манихей, как безбожник, убеждал чтить многих богов, учил поклоняться солнцу, вводил судьбу, уничтожал в нас свободу и, следуя мнениям Эмпедокла, Пифагора и египтян, явно преподавал превращение тел одних в другие. Не допускал он также, что Христос был во плоти, но называл его призраком, отвергал закон и пророков, а себя называл утешителем, что все чуждо православной церкви, даже в своих посланиях дерзал именовать себя Апостолом. Но за такие обманы манихей подвергся достойному наказанию по следующей причине. Сын персидского царя впал в болезнь, и отец, как говорится, готов был ворочать камни, лишь бы спасти сына. Услышав о манихее и думая, что его чудеса истинны, он пригласил его к себе, как Апостола, и надеялся, что этот апостол спасет его сына. Манихей пришел к царю с видом притворства и царское дитя взял на руки. Но царь, заметив, что оно на его руках умерло, заключил Апостола в узы и готов был казнить его. Однако же манихей убежал в Месопотамию и спасся. Несмотря на это, персидский царь, узнав о месте его пребывания, приказал схватить его и, содрав с него кожу, набить ее соломой и выставить у городских ворот. Это мы говорим не вымыслы, но приводим то, что прочитали в сочинении Архелая, епископа Касхары, одного из городов Месопотамии. Архелай говорит, что он сам лично состязался с манихеем и вышеизложенное внес в описание его жизни. Итак, когда добрые процветают, ненависть, повторяю, любит подстерегать их. Но какова причина, по которой благой Бог попускает это? Та ли, чтобы показать чистоту догматов Церкви и смирить присоединяющуюся к вере гордость, или иная, — решить трудно и отвечать долго, исследовать этот вопрос теперь не время. Нам не следует ни раскрывать догматов, ни входить в трудные рассуждения о промысле и суде Божиим: мы должны, по силам, излагать историю событий в недрах Церкви. Теперь сказано, каким образом незадолго до времен Константина родилось манихейское богослужение; возвратимся же к временам нашего повествования.

Книга II

9. Составив в то время такую клевету, они на первый раз нарекли александрийским епис-

копом Евсевия, прозванного эмесским. А кто он был, о том рассказывает присутствовавший

тогда на Соборе Георгий лаодикийский. Георгий в своем сочинении о Евсевии говорит, что он происходил от благородных родителей, живших в Эдессе месопотамской, и с малолетства читал Священное Писание, потом у одного прибывшего тогда в Эдессу учителя слушал греческие науки, и наконец, изучал толкования Священного Писания, изложенные Патрофилом⁵ и Евсевием, из коих один был предстоятелем церкви в Кесарии, другой – Скифополисе⁶. После того, в бытность его в Антиохии, случилось низложение Евстафия, обвиненного Кирилом берийским в савеллианстве. Затем Евсевий остался было у Евфрония, преемника Евстафия, убегая (предложенного ему) священного сана, удалился в Александрию и там занимался философией. Возвратившись потом в Антиохию, он вошел в знакомство с преемником Евфрония Плакитом. В это время Евсевий константинопольский наименовал его епископом Александрии, однако он не отправился туда, потому что народ александрийский весьма любил Афанасия, но был послан в город Эмессу. Когда же эмессцы восстали против его рукоположения, ибо, под предлогом любви к математике, Евсевий говорил нелепости, то он принужден был бежать и удалился в Лаодикию, к тому самому Георгию, который так много говорит о нем, а Георгий, отправив его в Антиохию, посредством Плакита и Наркисса успел снова доставить ему место в Эмессе, где однако же он опять подвергся нареканию в единомыслии с Савеллием. Впрочем, о судьбе его Георгий пишет гораздо обширнее и в заключение присовокупляет, что, отправляясь против варваров, царь взял его с собою и что им совершены были некоторые чудеса. Вот все, что я заимствовал из сказания Георгия о Евсевии эмесском.

43. *О севастийском епископе Евстафии.* А Евстафию, епископу севастийскому в Армении, даже не позволяли они и оправдываться, потому что за ношение неприличной священному сану одежды он еще прежде низложен был родным своим отцом, епископом Кесарии каппадокийской Евлалием. Надобно заметить, что вместо Евстафия поставлен был епископ Мелетий, о котором мы скажем ниже. Но Евстафий и после того, на бывшем из-за него Соборе в Ганграх пафлагонских, осужден был за то, что, низложенный уже Собором кесарийским, он делал многое вопреки церковным правилам: например, не допускал вступать в брак и учил воздерживаться от разных родов пищи, а потому многим брачным запрещал жить вме-

сте и внушал, избегая собраний церковных, иметь общение в домах; под предлогом богопочтения отвлекал рабов от господ; сам нося философский плащ, приказывал и последователям своим надевать какую-то странную одежду; женам предписывал стричься; учил также, избегая положенных постов, поститься в воскресенье; запрещал совершать молитвы в домах людей брачных; приказывал уклоняться, как от греха, от благословения и общения с пресвитером женатым, хотя бы он вступил в брак по закону, быв еще мирянином. Многое подобное этому делал и учил Евстафий, и за то на Соборе в Ганграх пафлагонских, как сказано, низложен был, и его учение анафематствовано. Впрочем, это происходило впоследствии, а тогда, по низложении Македония, на престол константинопольский возведен акакианами Евдоксий, которому епископство антиохийское казалось второстепенным. Акакиане забыли, что этот поступок их противоречил принятому ими же мнению, ибо, низложив Драконтия за переход его из Галатии в Пергам, они не рассудили, что, поставляя (на кафедру константинопольскую) Евдоксия, который тогда переменил места уже в другой раз, нарушают тем собственное свое правило. После сего, читанное в Константинополе исповедание веры с дополнениями, в виде поправок, послали они в Аримин, повелев, согласно с указом царя, отправлять в ссылку тех, кто под ним не подписывается; известили также о своих деяниях как других, единомышленных себе епископов востока, так и скифопольского епископа Патрофила, который из Селевкии отправился прямо в свой город. Тогда же, по возведении Евдоксия на епископский престол столицы, освящена была великая церковь, известная под именем Софии, что случилось в десятое консульство Констанция и третье кесаря Юлиана, в пятнадцатый день месяца февраля. По восшествии на константинопольский престол, Евдоксий прежде всего высказал пресловутую свою мысль, что Отец не чтителен, а Сын чтителен. Когда же по этому случаю произошло смятение, он сказал: “Не смущайтесь моим выражением, ибо Отец не чтителен, поскольку никого не чтит, а сын чтителен, поскольку чтит Отца”. Как скоро Евдоксий сказал это, смятение конечно прекратилось, зато, вместо смятения, по всей церкви распространился смех. Об этом изречении Евдоксия и доселе вспоминают со смехом. Вот какими софизмами занимались и разделяли Церковь ересеначальники! И таков был конец Собора константинопольского!

Книга III

25. *О том, что македониане и акакиане, собравшись в Антиохии, подтвердили исповедание никейское.* Впрочем, дела христиан не успокоились, ибо предстоятели разных исповеданий непрестанно докучали царю в надежде получить от него позволение – действовать против тех, которых считали они своими противниками. Во-первых, так называемые македониане поднесли ему свиток, прося изгнать из церквей исповедников неподобия и места изгнанных отдать им. Этот просительный свиток представили: Василий анкирский, Сильван тарсийский, Софроний помпеопольский, Пасиник зильский, Леонтий химанский, Калликрат клавдиопольский и Феофил катавальский⁷. Царь принял свиток, но отпустил их без ответа, сказав только следую-

щее: “Я ненавижу вражду, а сохраняющих единомыслие люблю и уважаю”. Услышав об этом, прочие оставили свою страсть к состязанию, что и было целью царя. Тогда же открылся беспокойный нрав акакиан и ясно обнаружилось, что акакиане всегда держались стороны сильнейшей, ибо, съехавшись в Антиохию сирийскую, они вошли в сношение с Мелетием, который незадолго пред тем отделился от них и признал единосущие. Это сделали они потому, что видели, какое уважение оказывал ему царь, находившийся тогда в Антиохии. Составив с общего согласия свиток, акакиане исповедали в нем единосущие и, подтвердив им никейскую веру, представили его царю. В этом свитке заключается следующее:

Книга IV

8. ...“Когда росоносный хор веселых нимф остановится на богато украшенных улицах города и стена делается жалкой оградой бани, тогда бесчисленные племена кочующих народов, дикие, блестящие, наделенные буйной силой, перейдут с мечом прекрасные воды Истра и опустошат страну Скифскую и поля Мисийские, но, достигнув Фракии, с надеждой показать над ней свое неистовство, найдут там конец своей жизни и судьба их свершится”.

12. *О том, что последователи Македония, вынуждаемые насильственными мерами царя, отправили послов к Либерию римскому и подписали исповедание единосущия.* Преследуя исповедников единосущия, гонители в то же время нападали и на македониан, которые, быв теснимы более страхом, нежели насилием, отправляли к своим единомышленникам из города в город посольства с объявлением, что непременно нужно бежать к брату царя и к римскому епископу Либерию и что лучше принять их исповедание, нежели иметь общение с приверженцами Евдоксия. Итак, они посылают Евстафия Севастийского, который часто был низлагаем, Сильвана тарсийского из Киликии и Феофила из Костовал, города также киликийского, с повелением касательно веры не отделяться от Либерия, но вступить в общение с римской Церковью и признать веру в единосущие. Взяв с собой грамоты разномыслящих в Селевкий, посланные прибыли в древний Рим, но царя не видели, потому что он был занят в Галлии войной с сарматами⁸, и вручили послание Ли-

берию. Либерий отнюдь не хотел было принимать их, говоря, что они принадлежат к арианской стороне и, как отвергшие никейскую веру, не могут быть приняты Церковью. Но те отвечали, что они раскаялись и признали истину, что они давно уже отрекались от исповедников неподобия, что Сына исповедуют во всем подобным Отцу и что признаваемое ими подобие ничем не отличается от единосущия. После сего Либерий потребовал от них исповедания письменного, и они представили ему свиток, в котором между прочим изложили и никейское исповедание веры. Посланий, написанных соборно отцами смирнскими, что в Азии, писидийскими, исаврийскими, памфилийскими и ликийскими, по причине их длинноты, я здесь не помещаю, а свиток, представленный Либерию сопровождавшими Евстафия послами, есть следующий: ...

28. Около того времени живущие во Фригии новациане перестановили празднование пасхи. Я расскажу, как это случилось, упомянув наперед, каким образом у народов Фригии и Пафлагонии возымело силу точное правило Церкви. Новат был пресвитером римской церкви и отделился, когда епископ Корнилий принял в общение верных, принесших жертву идолам во время гонения, воздвигнутого на Церковь царем Децием. Отделившись по этой причине, он единомышленными себе епископами рукоположен был во епископа и писал ко всем Церквам, чтобы принесших жертву идолам не допускать к таинствам, но подвергать покаянию, а разрешение их предоставлять Богу, могущему и имеющему власть

отпускать грехи. Получив такие послания, христиане по епархиям о содержании их судили “каждый по-своему”. Так как Новат объявил, что не должно допускать к таинствам людей, сделавших после крещения какой бы то ни было смертный грех, то одним изложение такого правила показалось слишком строгим и жестоким, другие принимали его, как постановление справедливое и законное. Между тем, как этот вопрос был предметом исследования, явилось послание епископа Корнилия, которым возвещалось прощение всем согрешившим после крещения. Когда, таким образом, с обеих сторон выходили постановления, одно другому противные, и каждое ссылалось на какое-нибудь основание в Божественном писании, то та и другая сторона, как обыкновенно бывает, обращалась к тому, к чему особенно склонялась и прежде. Любители греха, имея в виду данное тогда разрешение, пользовались им впоследствии при всяком грехе. Но народ фригийский, по-видимому, воздержаннее других народов. Фригийцы даже редко и клянутся. У скифов и фракийцев превосходит раздражительность, живущие к восходу солнца рабствуют силе пожелательной, а пафлагонцы и фригийцы не имеют сильного стремления ни к тому, ни к другому, ибо и доселе не заботятся ни о ристалищах, ни о зрелищах. Посему они и все, настроенные подобно им, как мне кажется, легко могли согласиться с тем, что писал в то время Новат. Известно, что прелюбодеяние считается у них за страшное преступление, да и вообще можно доказать, что фригийцы и пафлагонцы живут строже, чем люди какого бы то ни было другого раскола. Полагаю, что и между жителями стран западных у людей, слушавших Новата, было подобное же основание. Впрочем, хотя Новат и отделился от точного учения (православной Церкви), однако праздника пасхи не перенес, но как совершали ее в западных областях, так совершал и он, а тамошние христиане постоянно, с давних времен, как только приняли христианство, совершают пасху после равноденствия. Во время гонения, воздвигнутого на христиан царем Валерианом, Новат принял мученическую смерть, и получившие от него имя фригийские новациане, уклонившись от допущенного им в этом отношении согласия с западными, почти тогда же изменили время праздника пасхи. Небольшое число необразованных новацианских епископов во Фригии составили собор в селении Паза, где находятся источ-

ники реки Сингары, и постановили соблюдать время иудейского праздника опресноков и праздновать пасху в одно время с иудеями. Это рассказал мне один глубокий старец, называвший себя сыном пресвитера. Он говорил, что на бывшем соборе присутствовал и сам вместе с отцом, и что там не было ни епископа константинопольских новациан, Агелия, ни Максима никейского, ни предстоятеля никомидийского, ни даже котвейского, а эти-то новациане главным образом и управляли своим исповеданием. Так было в то время. Но немного позднее новацианская Церковь по случаю того собора разделилась. Впрочем, об этом скажем в своем месте, а теперь надобно перейти к тому, что тогда же происходило на западе.

31. О смерти Валентиниана. После сего в связи с нападением сарматов на римскую империю, царь выступил против них с огромными силами. Услышав о таких силах, варвары не решились противостоять, но, отправив к нему посольство, просили мира на условиях. Когда же послы вошли и открылось, что наружность их не соответствовала достоинству звания, то царь спросил: “Неужели таковы и все сарматы?” Послы отвечали, что к нему пришли знатнейшие из сарматов. Тогда Валентиниан исполнился негодования и сильно закричал: “Несчастлива римская империя, если она дошла до того, что и такой ничтожный, варварский народ не хочет наслаждаться своей независимостью, но берется за оружие, попирает римские пределы и осмеливается вступать с нами в войну”. Этим криком он так надорвал себя, что открылись все его вены и разорвались артерии. Таким образом, истекши кровью, царь умер в крепости, называемой вергенийской, после третьего консульства Грациана и Эжития, в 17 день месяца ноября, на 54-м году жизни и 13-м царствования. В шестой день по смерти царя Валентиниана, войска в италийском городе Акинике провозгласили царем одноименного с отцом малолетнего сына его Валентиниана. Когда же это было объявлено, цари вознегодовали – не на то, что брат одного и племянник другого сделался царем, а на то, что он возведен на престол без их согласия, между тем как они думали возвести его сами. Впрочем, оба они признали его царем, – и молодой Валентиниан заступил место своего отца. Надобно заметить, что он родился у царя от Юстины, на которой он женился еще при жизни первой своей супруги Севиры – по следующей причине.

Юст, отец Юстины, при Константине бывший правителем пикинской области, видел во сне, будто он из правого бока родил императорскую порфиру. Этот сон рассказан был многим и наконец дошел до ушей Констанция. Констанций изъяснил сновидение так, что от Юста родится царь, и послал умертвить его. Но у Юста осталась сирота девица, дочь Юстина. По прошествии некоторого времени она сделалась известной супруге царя Валентиниана, Севире, и часто посещала царицу. Короткость между ними возросла до того, что они вместе мылись. Увидев Юстину, когда та мылась, Севира пленилась красотой девицы и сказала о ней царю, что девица, дочь Юста, дивно красива, и что сама она, хотя женщина, пленилась ее благообразием. Царь скрыл в сердце слова жены и решился жениться на Юстине, не оставляя и Севиры, от которой родился у него Грациан, незадолго перед тем провозглашенный царем. Итак, Валентиниан издал закон и объявил по городам, что всякий, кому угодно, может иметь двух законных жен. Этот закон вышел прежде их брака. Потом он женился на Юстине и родил от нее Валентиниана Младшего и три дочери: Юсту, Грату и Галлу. Две из них остались девицами, а на Галле впоследствии женился царь Феодосий Великий, от которой была у него дочь Плацидия. Аркадия же и Гонория родил он от первой своей супруги Плацидии. Но о Феодосии и его детях скажем в своем месте.

36. *О том, что веру во Христа приняли тогда и сарацины, находившиеся, под управлением женщины Мавии, и что в епископы себе избрали они благочестивого и правоверного монаха Моисея.* Тогда как царь выехал из Антиохии, сарацины, бывшие прежде союзниками римлян, теперь под предводительством женщины

Мавии, царствовавшей по смерти своего мужа, отложились от них. В то время на восток сарацинами все было опустошаемо, но промысл Божий остановил их следующим образом. Некто по имени Моисей, а по происхождению сарацин, проводя в пустыне монашескую жизнь, прославился благочестием, верой и чудодействами. Сарацинская царица Мавия просила его в епископы своему народу с условием прекратить войну. Услышав об этом, римские полководцы сочли приятным делом заключить мир на таких условиях и тотчас приказали сделать, что следовало. Моисея взяли и из пустыни привели в Александрию для дарования ему священства. Но когда он представлен был управлявшему в то время церквами Люцию, то уклонился от рукоположения, сказав: “Я считаю себя недостойным священства, если же и полезно это для дел общественных, то не Люций возложит на меня руку, потому что десница его полна крови”. Люций сказал, что следует не оскорблять, а прежде научиться от него догматам веры, но Моисей отвечал: “Теперь рассматриваются не догматы, а твои поступки с братьями; они ясно показывают христианское достоинство твоих догматов. Христианин не бьет, не бранит и не враждует, ибо враждовать рабу Господню не прилично, а твои дела вопиют устами живущих в ссылке, отданных зверям, брошенных в огонь. Видимое очами ведь сильнее доказывает, нежели принимаемое слухом”. Когда Моисей высказал это и подобное этому, приставники отвели его на границы империи, чтобы он принял рукоположение от сосланных. Таким образом, Моисей был рукоположен, и сарацины прекратили войну. Мавия с того времени сохраняла с римлянами мир, так что свою дочь выдала замуж за римского военачальника Виктора. Это – о сарацинах.

Книга V

1. *О том, как по смерти Валента, при падении готов на Константинополь, народ, пользуясь помощью сарацинов, управляемых Мавией, выступил против них.* После того, как царь Валент скончался неизвестной смертью, варвары снова подступили к самым стенам Константинополя и начали опустошать его предместья. Досадуя на это, народ воору-

жился чем попало, и выступил против них; супруга царя Доминика, всем выходящим против врагов выдавала из царской казны жалованье, какое положено было и воинам. Гражданам помогали и немногие союзные сарацины, посланные Мавией, о которой мы упоминали выше. Таким образом, народ вступил в сражение, и варвары отошли далеко от города.

Книга VI

12. Немного спустя, в Константинополь опять, по совету Феофила, приезжал кипрский епископ Епифаний и привез с собою запретительное определение против Оригеновых книг,

которым не отлучил самого Оригена, а только отверг его сочинения. Пристав близ церкви святого Иоанна, отстоявшей на семь миль от города, и вышедши из корабля, он сделал со-

бране и, рукоположив диакона, немедленно прибыл в город. Из угождения Феофилу, не согласившись на приглашение Иоанна, он оставился для жительства в частном доме и, созвав приезжих епископов, прочитал им запретительное определение против сочинений Оригена и прибавил: “Я ничего не могу сказать против них, но мне и Феофилу показалось нужным подвергнуть их запрещению”. Некоторые, из уважения к Епифанию, подписали это определение, но большая часть отказалась. Из числа последних был и епископ Скифии, Феотим, давший Епифанию следующий ответ: “Епифаний! Я не согласен оскорблять и древнего мужа, если он скончался в благочестии; не смею приступить к поносному делу и изгнать то, чего не отвергали наши предки, особенно когда мне известно, что в книгах Оригена нет никакого худого учения”. Тут он принес одну Оригенову книгу, прочитал ее и показал, что в ней содержится изложение учения Церкви, а потом прибавил: “Порицатели этих книг, сами не замечая, порицают и то, о чем в них говорится”. Вот что отвечал Епифанию знаменитый своим благочестием и святостью жизни Феотим.

21. *О кончине Иоанна в изгнании.* Иоанн

скончался на пути в ссылку, именно в Команах при Евксинском Понте, в четырнадцатый день месяца сентября, в следующее консульство, то есть седьмое Гонория и второе Феодосия [Прим.: Сначала Иоанн Златоуст был отправлен в г. Кукуз в Армении, где он провел большую часть своей ссылки. Позже император решил перевести его еще дальше – в Питиунт на Черном море. Во время долгого изнурительного переезда Иоанн умер в сентябре 407 г.]. Он был, как и прежде сказано, по строгому воздержанию, более склонен к гневу, нежели к ласковости, и, воодушевляемый воздержанием, во всю свою жизнь смело говорил истину. Но удивляюсь, почему при таких подвигах воздержания он в своих беседах учил пренебрегать воздержанием. Так, несмотря на то, что на Соборе епископов постановлено было, чтобы от падших после крещения только однажды принималось было покаяние, он дерзнул сказать: “приступай, хотя бы ты калялся и тысячу раз”. За такое учение порицали его многие даже из близких к нему людей, а особенно епископ новацианский Сисинний, который против этих слов Иоанна написал и сочинение, где сильно нападал на него. Но это было еще прежде.

Книга VII

18. По смерти персидского царя Исдигерда, который не делал тамошним христианам никаких притеснений, царство наследовал его сын, по имени Вараран и, побуждаемый волхвами, стал жестоко гнать христиан, подвергая их, по персидскому обычаю, различным казням и пыткам 16. Теснимые нуждой, персидские христиане прибегли к римлянам с просьбой, чтобы они не дали им погибнуть. Епископ Атик благосклонно принял просителей, всячески старался, сколько можно помочь им и об их положении довел до сведения царя Феодосия. Между тем, в это же время римляне имели и другие причины питать неудовольствие на персов, потому что персы не хотели возвратить золотокопателей, которых они взяли у римлян за известную плату, и сверх того отняли товары у римских купцов. К этим-то неудовольствиям присоединилась еще жалоба римлянам со стороны персидских христиан. Персидский царь тотчас отправил послов с требованием выдачи беглецов, а римляне отнюдь не выдавали их не только потому, что хотели покровительствовать им, как просителям, но и потому, что готовы были все сделать в защиту христианства. Они решились лучше воевать с персами, чем

попустить погибнуть христианам. Итак, мир был прерван и возгорелась жестокая война, о которой кратко рассказать я считаю не неблагоприятным. Римский царь первый выслав часть войска под предводительством вождя Ардавурия, который, вторгшись чрез Армению в Персию, опустошил одну из ее областей, по имени Азазину. Против него выступил с персидским войском вождь персидского царя Нарсес, но, побежденный в сражении с римлянами, обратился в бегство. Тут он понял, что для него полезнее будет неожиданно вторгнуться в римские владения через Месопотамию, где границы не охраняются войсками, и таким образом отомстить римлянам. Однако это намерение Нарсеса не утаилось от римского вождя; последний, опустошив быстро Азазину, сам пошел в Месопотамию. Тогда Нарсес, хотя собрал и много войска, не в силах был однако вторгнуться в римские провинции и, пришедши в принадлежащий персам пограничный город Нисибис, послал из него сказать Ардавурию, чтобы он условился с ним насчет войны и определил место и время для битвы. Но пришедшим Ардавурий отвечал: “Объявите Нарсесу, что римские цари будут воевать не тогда, когда

ты захочешь...” Между тем, думая, что перс вооружился всеми силами, царь в подкрепление выслал весьма большое войско и надежду брани возложил совершенно на Бога. А что за свою веру он тотчас же получил от Бога благодеяние, видно было вот из чего. В то время, как жители Константинополя беспокоились и сомневались касательно исхода войны, некоторым лицам, шедшим в Константинополь по своим нуждам, явились около Вифинии Ангелы Божии и приказали возвестить жителям Константинополя, чтобы они не падали духом, молились и верили Богу, что римляне будут победителями, ибо сами, говорят, посланы от Бога для распоряжения сею войной. Слух об этом не только оживил город, но сделал смелее и воинов. Между тем, когда война из Армении, как я сказал, перенесена была в Месопотамию, римляне, осадив персов, засевших в городе Нисибисе, и устроив деревянные башни, двигавшиеся посредством какой-то машины, подвели их к стенам и убили многих из тех, которые, сражаясь на стенах, старались защититься. Персидский царь Вараран, узнав, что и подвластная ему страна Азазина опустошена, и войска его, заключившиеся в городе Нисибисе, осаждены, готовился было сам со всеми силами идти против римлян, но, устранившись множества препятствий, обратился с прошением помощи к сарацинам, над которыми тогда начальствовал Аламундар, человек храбрый и воинственный. Последний, приведя с собою многие тысячи сарацин, говорил персидскому царю, чтобы он смело надеялся, и обещал в непродолжительном времени представить ему римлян пленниками и передать Антиохию сирийскую. Но это обещание не исполнилось, потому что Бог навел на сарацинов безотчетный страх. Вообразив, что на них наступает римское войско, они пришли в смятение и, не зная куда бежать, бросились вооруженные в реку Евфрат, где погибло их около десяти тысяч человек. Это было так. А римляне, осаждавшие Нисибис, услышав, что персидский царь ведет с собою множество слонов, испугались и, сжегши все осадные машины, возвратились в свои границы. Сколько после того было сражений, как другой римский вождь, Ареовинд, в единоборстве с мужественнейшим из персов убил его, как Ардавурий заманил в засаду семь храбрых персидских вождей и умертвил их, или каким образом еще вождь римский Вициан разбил остальных сарацин, — все это я думаю пройти молчанием, чтобы не слишком удалиться от своего предмета.

45. *О том, что епископ Прокл убедил царя перенести тело Иоанна из ссылки в Константинополь и положить в церкви Апостолов.* Спустя немного времени после сего епископ Прокл своим благоразумием утешил и возвратил в Церковь тех, которые отделились от нее по случаю низвержения епископа Иоанна. А как сделал он это, я скажу. Тело Иоанна погребено было в Киманах, но Прокл убедил царя, в тридцать пятый год по низложении Иоанна, перенести его в Константинополь, и с великой честью, при всенародном торжестве, положил в церкви, соименной Апостолам. Этим отделившиеся приверженцы Иоанновы были тронуты и присоединились к Церкви. Упомянутое событие произошло в шестнадцатое консульство царя Феодосия в двадцать седьмой день месяца января [438 г.]. При сем не могу не удивляться, как зависть, преследовавшая, по смерти, Оригена, пощадила Иоанна. Ориген, спустя почти двести лет после кончины, отлучен был Феофилом, а Иоанн в тридцать пятый год после кончины принят в общение Проклом. Столько-то Прокл своим нравом превосходил Феофила. Впрочем, как это всегда бывало и бывает, люди умные понимают.

46. Вскоре после перенесения тела Иоаннова, именно в то же консульство, двадцать первого числа месяца июля скончался и епископ новацианской церкви Павел. В день своего погребения он все многообразные секты соединил некоторым образом в одну церковь, ибо все они сопровождали тело его с псалмопением до самой могилы, равно как и при жизни был он всеми любим за правоту свою. Так как перед кончиной Павел сделал нечто достойное памяти, то рассказ об этом, для пользы читателей, я нахожу нужным прибавить к своей истории. Что никогда не отступая от обычаев подвижнической жизни, он хранил их даже в болезни и не переставал ревностно совершать молитвы, о том я умолчу, боясь, как бы рассмотрение сего обстоятельства, не помрачило достопамятного, как я сказал, и весьма полезного его поступка. Какой же это поступок, сейчас скажу. Приближаясь к смерти, он созвал всех священников подвластных себе Церквей и сказал им: “позаботьтесь назначить кого-либо епископом, пока я дышу, чтобы после в ваших Церквях не произошло смятения”. Но они начали просить его, чтобы он не предоставлял им права решить это дело, ибо каждый из нас, говорили они, имеет свой образ мыслей, и мы никог-

да не наречем одного и того же, а потому к тебе обращаемся, – назначь сам, кого хочешь. Так дайте же мне, сказал Павел, письменное обещание, что изберете именно того, кого я сам назначу. Как скоро пресвитеры сделали это и подписались, он поднялся на постели и тайно от присутствующих написал имя Маркиана, который был в сане пресвитерском и учился у него подвижнической жизни, а теперь находился в отсутствии. Потом сам приложил печать на бумаге и, приказав сверх того запечатать ее старшим из пресвитеров, отдал эту бумагу Марку, который был новацианским епископом в Скифии, а тогда находился в городе, и сказал ему следующее: “Ес-

ли Бог благоволит, чтобы я оставался еще в этой жизни, ты возвратишь мне этот залог в сохранности, а когда Ему угодно переселить меня в другую жизнь, ты здесь найдешь, кого назначаю я после себя епископом”. Сказав это, он скончался. На третий день после кончины Павла, пресвитеры, в присутствии многочисленного народа, открыли эту бумагу и, нашедши в ней имя Маркиана, все провозгласили его достойным и, нисколько не медля, послали взять его. Посланные, употребив невинную хитрость, взяли Маркиана в Тиверииополисе фригийском и, рукоположив, в двадцать первый день того же месяца возвели его на престол. Но довольно об этом.

Примечания

¹ *Скифия* – римская провинция у устья Дуная (совр. Добруджа).

² *Сарматы* – кочевое племя, жившее в Северном Причерноморье, готы – германское племя, также обитавшее в Северном Причерноморье. Сарматы и готы были разгромлены на Дунае в 332 г. Константин поселил сарматов в придунайских провинциях и в Северной Италии, а германцев – в Паннонии.

³ Интересно, что первыми распространителями христианской веры среди варваров оказались сосланные в балканские и придунайские провинции арианские епископы.

⁴ *Сарацин* – араб, житель Аравийского полуострова.

⁵ *Патрофил*, епископ скифопольский – другие упоминания: I, 35; II, 38-40, 43.

⁶ *Скифополис* – город в Самарии (центральная Палестина).

⁷ *Помпеополь* – город в Пафлагонии, *Зела* – город в провинции Еленопонт [северное побережье Малой Азии], *Комана* [Химана] – город к востоку от Зелы, *Клавдиополь* – город в Вифинии, *Костовал* – город в Киликии.

⁸ Война с *сарматами* и с германскими племенами аламан и франков продолжалась до 374 г.

Источник: Socratis Scholastici Historia ecclesiastica / Ed. J.-P. Migne // PG, t. 67. – Paris, 1859; Socrates. Historia ecclesiastica / Ed. R. Hussey, Vol. I–III. – Oxford, 1853–1860; Сократ Схолостик. Церковная история. 2-е изд. – Саратов, 1911; – М.: Росспэн, 1996.

Феодорит Кирский

Θεόδωρος – Theodoretus Cyrensis

Феодорит, епископ Кирский (ок. 393 – 457/458), один из греческих отцов церкви, выдающийся теолог, историк и писатель. Родился, вероятно, в Антиохии (совр. Антакья, Турция), в христианской семье. Получил хорошее и всестороннее образование, христианское и эллинское. Был чтецом в Антиохии, а после смерти матери роздал все свое наследство и удалился в одну из обителей. Будучи избран в 423 г. епископом Кира, маленького и почти пустынного городка неподалеку от Антиохии, немало ездил по Востоку, активно участвовал в догматической борьбе и на Эфесском соборе 449 года заочно, как отъявленный несторианин, был “лишен всякого служения, всякой чести и всякой степени священства”. Приговор был закреплен императорским указом. С осужденными воспрещалось всякое общение, “как в городе, так и в поле”, под угрозой всегдашнего изгнания. Сочинения Феодо-

рита, наравне с сочинениями Нестория и с книгами Порфирия против христиан, было приказано публично сжигать, запрещалось их хранить и читать. Но римские легаты, не подписав соборных определений, бежали из Эфеса. Перед отъездом они получили от Флавиана, Евсевия и Феодорита обращения к римскому престолу. Расчет на помощь Рима оправдался. Римский собор восстановил Феодорита, жившего в это время в удаленном Апамейском монастыре, в епископском достоинстве, а на Халкидонском соборе 451 года Феодорит был восстановлен на своей Кирской кафедре – и “всякое сомнение на счет боголюбнейшего Феодорита разрешилось”. В последующие годы Феодорит, по-видимому, сторонился от церковных событий, хотя еще в 453 году его к этому особым посланием призывал папа Лев.

Феодорит – один из самых замечательных экзегетов древности. Им написаны толкования

на на всех пророков, на Песнь Песней, на все послания апостола Павла, а в форме вопросов и ответов – на избранные трудные места Восьмикнижия и исторические книги Ветхого Завета, построенные на основе историко-грамматического анализа текста с учетом разночтений и еврейского оригинала. К числу популярных произведений Феодорита относится его книга против язычников «Врачевание эллинских недугов, или Познание Евангельской истины, из греческой философии», десять больших слов «О промысле» и не дошедшие до нас сочинения «Против магов» и «Против иудеев». Всю свою жизнь споря о вере, Феодорит написал множество трактатов полемического характера, проповедей, посвящений и писем и вошел в историю как один из самых талантливых, плодovitых и разносторонних греческих писателей, хотя он и не был эллином по рождению.

Первым большим историографическим опытом Феодорита явилась «История боголюбцев», написанная в первой половине 440-х годов. Это 36 житий подвижников, в том числе трех женщин, совершавших свой путь на Востоке, в Сирии. У него изображены живые люди, а не типические образы. В последую-

щем Феодоритову «Историю боголюбцев» переписывали дословно. Величайшую ценность представляет «Церковная история» Феодорита в 5 книгах. Она начинается “безумством” Ария и кончается “кончиною достохвальных мужей Феодора и Феодота” (еп. антиохийского), приблизительно в 428–429 гг. Написана она около 449–450 гг., но нужно думать, что работать над ней и собирать материалы Феодорит начал много раньше. Феодорит продолжает Евсевия и ставит себе задачу “описать опущенное”. В качестве источников Феодорит пользовался трудами Евсевия Кесарийского и особенно Руфина, вероятно, Филосторгия, но вряд ли имел под рукой книги своих современников Сократа и Созомена. Еще один крупный труд Феодорита – «Свод еретических басней» в 4 книгах, составленный уже после Халкидонского собора. Здесь нового материала у Феодорита немного, развития ересей у него не видно вовсе, так как он стремился дать законченные и неподвижные типы заблуждений, и потому-то у него получилась не история, а систематизированное описание ересей – сводный образ темного царства лжи, восстающего против Царства Божия.

Подробнее см.: Г. В. Флоровский. *Блаженный Феодорит // Феодорит, еп. Кирский. Церковная история.* – СПб., 1853. Переиздание: М.: Роспэн; Правосл. т-во «Колокол», 1993.

Феодорит Кирский

Церковная история

Перевод Санкт-Петербургской духовной академии

Книга I

1. *Цель истории.* Живописцы, изобразив древние события на досках и стенах, конечно, доставляют удовольствие зрителям и то, что давно совершилось, сохраняют надолго в свежей памяти. Но историки, вместо досок употребляя книги, а вместо красок цветность слов, делают память минувшего еще прочнее и тверже, потому что искусство живописца сглаживается временем. Для этого все, что осталось не внесенным в историю церкви, и я постараюсь описать: ибо равнодушие к славе дел знаменитых и забвение сказаний полез-

нейших почитаю преступным. Этим-то именно многократно возбуждали меня к настоящему труду и некоторые из моих друзей. Впрочем, соразмеряя этот труд со своими силами, я боюсь взяться за него и только в уповании на щедрого Подателя благ приступаю к тому, что выше сил моих. Итак, Евсевий Палестинский, начав историю от св. Апостолов, описал события церковные до царствования боголюбивого Константина, а я конец его сочинения поставлю началом моих повествований¹.

Книга IV

34. *О константинопольском монахе Исаакии*². Говорят, что Исаакий, имевший там монашескую келью, увидев проходившего с войском царя, так восклицал к нему: “Куда идешь, царь, воюющий против Бога и не пользующийся Его помощью? Ведь Он-то и

подвиг против тебя варваров – за то, что ты изощрил много языков на богохульство, а славославящих Бога изгнал из святых храмов. Перестань воевать против Него – и Он оставит эту войну; возврати паствам превосходных пастырей – и ты легко получишь победу.

Если же предпримешь войну, не сделав ничего этого, то на опыте узнаешь, как бедственно прать против рожна, потому что и сам не воротишься, и потеряешь войско". Но раздраженный царь сказал ему: "Ворочусь и убью тебя, будешь мне отвечать за ложные предсказания". А он, нисколько не убоившись угрозы, воззвал: "Убей, если откроется ложность моих слов".

35. *О смелости скифского епископа Вретаниона*. И Вретанион³, сиявший всякою добродетелью и властью архипастыря правивший городами всей Скифии, воспламенял свой дух ревностью и обличал Валента в искажении догматов и в беззакониях относительно святых. Он с божественным Давидом вопиал: "буду говорить об откровениях Твоих пред царями и не постыжусь" (Пс 118/119: 46).

36. *О походе Валента против готов и о том, как он был наказан за свое нечестие*. Презрев советы всех этих превосходных мужей, Валент послал войско в битву, а сам, оставшись в одной деревне, ожидал победы. Но воины, не вынесшие напора варваров, обратились в бегство и, преследуемые, были убиваемы. Одни поспешно бежали, а другие из всех сил преследовали. Когда варвары достигли той деревни, где Валент, услышав о поражении, старался спрятаться, то подложили огонь и, вместе с селением, сожгли самого противника благочестия. Такое-то еще в здешней жизни получил он наказание за свои злодеяния⁴.

37. Откуда готы заимствовали арианское заблуждение?⁵. Я думаю, стоит труда показать незнающим, как варвары заразились болезнью арианства. Когда готы перешли Истр и заключили с Валентом мир, бывший в то время ненавистный Евдоксий внушал царю убедить их, чтобы они вступили с ним в общение; ибо этот народ давно уже озарился лучами богопознания и воспитывался в их апостольских догматах. Одинаковый образ мыслей, говорил он, сделает мир более прочным. Похвалив такое намерение, Валент предложил начальникам готов согласиться с ним в догматах, но они сказали, что не решатся оставить учение предков. В то время у них был епископ Ульфилла, которому они чрезвычайно верили, и его слова считали за нерушимые законы. Смягчив его убеждениями и склонив деньгами, Евдоксий расположил его дать мыслям варваров такое направление, чтобы они вошли в общение с царем. Убеждая Ульфиллу, он говорил, что вражда возгорелась из-за честолюбия, а в догматах нет никакого различия. Поэтому-то готы и до сих пор говорят, что Отец больше Сына, впрочем, не соглашаются называть Сына тварью, хотя и находятся в общении с теми, которые называют Его так. Вообще, они не всем оставили учение предков, ибо и Ульфилла, убеждая их войти в общение с Евдоксием и Валентом, говорил, что в догматах нет различия, но что разделение произведено пустой распрей.

Книга V

4. *О Евсевии, епископе Самосатском*. Не достигнув власти над церквами, Аполлинарий стал открыто проповедовать измышленное им учение и объявил себя вождем ереси. Сам он жил большей частью в Лаодикии, а в Антиохию еще прежде рукоположил Виталия – мужа прекрасной жизни, воспитанного в апостольских догматах, но впоследствии заразившегося болезнью аполлинарианства. Между тем того Диодора, о котором я упомянул прежде и который во время сильнейшей бури спас корабль церкви от потопления, божественный Мелетий поставил пастырем Тарса и ему же поручил церковь киликийскую, а святительское попечение об Апамее возложил на Иоанна⁶, который происходил от знатного рода, но более славился собственными доблестями, чем заслугами предков. Иоанн равно украшался и словом и жизнью и во времена бурные управлял обществом единомысленных, в чем помог ему достопочтенный Сте-

фан. Теперь же этого самого Стефана божественный Мелетий поставил на другое поприще. Узнав, что Германикия заражена губительным учением Евдоксия, он послал того мужа в Германикию, как врача-целителя, послал именно его потому, что он прошел всю греческую мудрость и был воспитан в божественном учении. И Мелетий не обманулся в своей надежде: духовным своим учением Стефан и волков превратил в овец. Возвратился из ссылки также и великий Евсевий, и епископом в Беровэ поставил славившегося тогда Акакия, в Иерополис – Феодота, которого подвижническая жизнь и донныне всеми восхваляется, в Колхиду – Евсевия, а в наш Кир – Исидора. Оба последние были мужи дивные, украшавшиеся божественною ревностью. Говорят, что и того Евлогия, подвизавшегося за апостольские догматы и вместе с Протогеном сосланного в Антиною, он рукоположил в пастыри Эдессы, так как угодник Божий Вирса

в то время уже умер. Евлогий же обратил внимание на общника своих подвигов Протогена и в лице его подарил врача-целителя болезновавшему тогда городу Каррам⁷. Из числа епископов, рукоположенных божественным Евсеем, последним был Марис, поставленный в Долиху, а Долиха была немногочисленное и небольшое местечко, в то время страдавшее болезнью арианства. Чтобы этого достохвального и сиявшего многими видами добродетелей Мариса утвердить на святительском престоле, Евсей сам отправился в Долиху. Но когда он ехал, одна женщина, страдавшая болезнью арианства, с кровли дома бросила в него черепицу и ею раздробила ему голову, от чего он скоро и перешел в лучшую жизнь. Умирая, Евсей обязал клятвою всех, при нем присутствовавших, не подвергать виновную никакому наказанию, потому что подражал своему Господу, который молился за распинателей, говоря: "Отче, отпусти им, не ведают бо что творят" (Лук. 23, 34), и сослужителю своему Стефану, который, быв осыпаям тучею камней, вопил: "Господи, не постави им греха сего" (Деян. 7, 39). Такою – то кончиной заключил великий Евсей ряд столь разнообразных своих подвигов⁸. И бежав от фракийских варваров, он не избежал от рук нечестивых еретиков, но именно от них принял мученический венец. Все это случилось по возвращении епископов. Между тем Грациан узнал, что варвары, сжегшие Валента, опустошают Фракию, и потому, оставив Италию, переехал в Паннонию.

5. *О господстве Феодосия*. Около того времени жил Феодосий и славился как знаменитостью предков, так и собственным мужеством. По поводу этих достоинств, преследуемый завистью со стороны людей, стоявших на той же степени чести, он имел свое местопребывание в Испании, где и родился и получил воспитание. В тогдашних обстоятельствах царь не знал, что ему делать с варварами, которые, возгордившись одержанной ими победой, никак не уступали и почитали себя победителями. Чтобы наконец остановить это зло, он решилсяверить начальство над войском Феодосию и потому, тотчас же вызвав этого мужа из Испании, провозгласил его военачальником и с собранным на ту пору войском послал против варваров. Ограждаемый верою, Феодосий бодро выступил в поход и, по прибытии во Фракию, заметив, что варвары стягиваются к одному пункту, поставил свое войско в боевой порядок. При самой первой

встрече они, не выдержав натиска, смешались, показали тыл, обратились в бегство и с ожесточением были преследуемы. Много тогда перебито их, потому что они были убиваемы не только от римлян, но и друг от друга. Когда таким образом большая часть варваров легла на месте, а меньшая, перебравшись через Истр, успела скрыться, этот отличный военачальник, разместив свое войско по близлежащим городам, сам со всевозможною поспешностью отправился к царю Грациану – возвестить ему о своих трофеях. Но такое событие слишком изумило царя, так что слово Феодосия казалось ему даже невероятным. Притом завистники продолжали еще пускать свои стрелы и говорили, что Феодосий сам убежал, а войско погубил. Тогда победитель просил послать на место сражения самих его противников; пусть они увидят множество побитых варваров. "Впрочем, о числе последних, – говорил он, – не трудно узнать и по добыче". Уступив этим словам, царь послал усмотреть дело на месте и довести себе.

6. *О воцарении Феодосия и о виденных им снах*. Отличный этот военачальник, оставшись при царе, видел дивный сон, который послан ему, очевидно, самим Богом всяческих. Ему представилось во сне, будто предстоятель антиохийской церкви, божественный Мелетий, возложил на него царскую порфиру и главу его украсил царским же венцом. Увидев это ночью, Феодосий поутру сказал о том кому-то из своих приближенных. Сон ясен, заметил последний, в нем нет ничего загадочного или двусмысленного. Между тем по прошествии весьма немногих дней возвратились наследники Феодосиева дела и говорили, что варваров побиты многие десятки тысяч. Тогда царь увидел, как он хорошо сделал, избрав Феодосия военачальником, и потому, возведши его в царское достоинство, отдал ему державу областей Валентовых. После сего Грациан отправился в Италию и Феодосия послал в ту часть империи, которая была ему вверена. Как скоро он принял царство, тотчас и прежде всего позаботился основать его на согласии церквей и повелел, чтобы епископы подвластной ему империи съехались в Константинополь, ибо это только часть ее страдала от арианской заразы, а Запад оставался свободным от сей болезни: там дети Константина, старший Константин и младший Констанс, сохраняли веру своего отца неприкосновенной, да и после них опять западный царь Валентиниан соблюдал чистоту благочестия.

Примечания

¹ «Церковная история» Евсевия, епископа Кесарийского (260–340 гг.), “отца церковной истории”, охватывает события с начала новой эры до 324 года н. э. Последним событием, упоминаемым Евсевием, является поражение Лициния.

² Вероятно, это Исаакий, который выступал против Иоанна Златоуста.

³ Вретанион (Бретанион) был главой всех церквей провинции Малая Скифия (устье Дуная), хотя находился в ранге епископа. По сложившейся традиции, епископ города Томы, центра провинции, был также не только главой всей церкви, но и единственным представителем от нее на Вселенских соборах. Обличения Вретаниона относятся к 369 (372?) г., когда Валент приезжал в Томы, желая склонить его к арианству и сотрудничеству с властями.

⁴ Валент погиб 9 августа 378 г. в битве при Адрианополе. Христианские авторы рассматривали

его смерть как заслуженное наказание: обратив готов в арианство и обреки их тем самым на вечные муки в адском огне, он сам был ими сожжен.

⁵ С христианством в районе Подунавья готы впервые столкнулись в середине III века. Ульфилла, первый готский епископ, перевел на готский язык Библию (фрагменты этого перевода сохранились). Для готов арианство было намного понятнее, чем никейский символ, потому что оно, в сущности, напоминало обычную иерархию (триаду) верховных божеств.

⁶ Иоанн занимал пост префекта Константинополя в 381 г.

⁷ Об этих людях см. “Историю боголюбцев” Феодорита.

⁸ В православной церкви память Евсевия отмечается 22 июня, а в католической на день раньше.

Источник: Феодорит, еп. Кирский. Церковная история. – СПб., 1853. Переиздание: М.: Росспэн; Правосл. т-во «Колокол», 1993.

Афанасий Александрийский

Ἀθανάσιος Ἀλεξανδρινός – Athanasius Alexandrinus

Афанасий Александрийский (ок. 295 – 373), церковный деятель и богослов. Родился в Александрии. С юных лет благодаря своей одаренности и искренности находился под покровительством епископа Александрийского Александра, который ввел его в свой дом и сделал секретарем. Афанасий сопровождал епископа Александра на Никейский собор 325 г., на котором было опровергнуто учение Ария и арианской ереси и принят термин *ὁμοούσιος* ‘единосущный’, утвердивший тождество сущности Бога Сына (Иисуса Христа) сущности Бога Отца и истинную божественность Сына. Активность Афанасия в соборных и последующих дебатах имела два противоположных следствия: в 328 г. Афанасий был избран епи-

скопом Александрийским, а с 335/336 г. по обвинению со стороны Евсевия, арианствующего епископа Никомидийского, и его сторонников императоры многократно низлагали Афанасия с епископства и отправляли в ссылку. Свое служение Афанасий все-таки благополучно завершил в Александрии, упокоившись на посту епископа. Главными сочинениями Афанасия считаются четыре слова против ариан (356–359), житие св. Антония, несколько трактатов и проповедей. Афанасия считают также одним из авторов «Символа веры», сформулированного на Никейском вселенском соборе и переработанного в 362–374 гг. (Никео-Константинопольский «Символ веры»).

Афанасий Александрийский

По В. В. Латышеву

Извлечения и перевод А. И. Малеина

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Речь против эллинов

23... И скифы не принимают богов персов, персы же не принимают богов сиров...

25. Скифы, называемые тавриями¹, приносят так называемой у них “Деве” (Παρθένῳ)² в жертву потерпевших кораблекрушение и вообще всех эллинов, которых захватят, до такой степени нечестиво обращаясь со своими ближними и изобличая таким образом жесто-

кость своих богов; ибо они закалывают тех, кого Провидение вырвало из опасностей моря, становясь почти против Провидения, ибо благодетяние его они скрывают в своей звероподобной душе. А другие, возвратившись с войны и одержав победу, разделяют затем пленных на сотни и, выбирая из каждой по одному, закалывают Аресу столько людей,

сколько выберут по одному в каждой сотне³. Но не только скифы, в силу врожденного вар-

варам зверства, совершают подобные гнусные деяния...

Речь о воплощении Слова

51. Кто из людей мог пройти когда-нибудь столь большое пространство и проникнуть и к скифам и эфиопам, или персам, или армянам, или готам, или к тем, которые, по расска-

зам, живут по ту сторону Океана, или к живущим выше Гиркании, как Господь всех... Иисус Христос.

История ариан к монахам⁴

60. ...Ариане и скифов жесточе...

Примечания

¹ [Афанасий имеет в виду племя тавров, по Геродоту (IV: 99 сл.), не скифского происхождения, однако, именую их тавриями, он позволяет нам сопоставить это наименование с известным через Страбона (VII: 3, 19) именем племени тафриев, связываемых со рвом (τάφρος), вырытым через Перекоп потомками скифских рабов (Геродот IV: 3). Имя этих тафриев или тафров, отождествляемых у Стефана Византийского под словом Тάφραι с сатархейями (см. IOSPE, I: 244), восходит, видимо, к тем

же таврам; точнее, и то и другое наименование является греческой этимологизацией варварского имени].

² [О таврской богине “Деве”, отождествляемой с Ифигенией и Артемидой, см. Геродот IV: 103, а также «Херсонесскую присягу»: Латышев. Ровтiкá, 1909: 145 сл.].

³ [Ср. Геродот IV: 62].

⁴ Эта книга Афанасия в начале испорчена, и поэтому подлинное греческое заглавие неизвестно.

Источник: *Patrologiae cursus completus. Series Graeca* / Ed. J.-P. Migne. Vol. XXV–XXVI. S. P. N. Athanasii Alexandrini opera omnia. Vol. I–II. – Paris, 1857; Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, №2.

Либаний

Λιβάνιος – Libanius

Либаний (314–393), греческий ритор. Родился в Антиохии на Оронте в знатной семье, обедневшей в результате конфискации имущества при Диоклетиане (римский император, 284–305). Обучаясь риторике (329–334), снискал уважение заучиванием наизусть речей Демосфена, Исократы, Эсхина и Элия Аристиды. С 336 г. продолжил учебу в Афинах, где затем и сам стал преподавать риторику. Однако из-за интриг уехал из Афин (340 г.), чтобы преподавать риторику в Константинополе, Никее и Никомерии (344–348 гг.). Там он одержал победу над афинским оратором Химерием. Это послужило причиной его вызова в Константинополь, где он встретился с ритором Фемистием и был удостоен чина квестора (помощника консула в финансовых и судебных делах). В 354 г. Либаний переехал в Антиохию, где вплоть до своей смерти руководил риторической школой. Школу Либания закончили Василий Великий, Теодор из Мопсуэстии и Иоанн Златоуст. Эти и другие факты изложены Либанием в автобиографии «Жизнеописание, или О своей судьбе», написанной в 374–390 гг., и письмах 355, 357–365 и 387–393 гг., а также в его би-

ографии, составленной Евнапием. Из огромного наследия Либания полностью или частично доступны: 64 речи, 51 декламация, 1544 письма (с Либанием переписывались Аммиан Марцеллин, Фемистий и Юлиан Отступник), стихи. Либанием были составлены также пособия по риторике: «Вступительные упражнения» («Προϋμνίστατα»), включающие в себя анекдоты, рассказы, похвалы, описания, сравнения, и «Переложения речей Демосфена», а также учебник по ведению переписки («Ἐπιστολικάιοι χαρακτήρες»), считающийся не вполне подлинным. Учебный характер имела и декламация Либания «Защита Сократа», составленная как бы в ответ на «Обвинение Сократа» (393/392 до н. э.) софиста Поликрата. Каноном школьного чтения в Византии стала хрестоматия из произведений Либания, получившего прозвище Мало-го Демосфена.

В мировоззрении Либания исследователи отмечают некоторые парадоксы: будучи ярким приверженцем язычества и резко выступая против разрушения языческих святынь, Либаний в то же время с уважением относился к христианству и, по мнению некото-

рых, был тайным христианином; сознавая себя эллином и почитателем греческой культуры, Либаний демонстрировал презрение к

римлянам и римской культуре, заявляя даже о своем незнании латыни, хотя сам переписывался на изысканном латинском языке.

Либаний

По В. В. Латышеву

Извлечения и перевод А. И. Малеина

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Речь V. Артемида

Речь V: 32. ...Когда люди приносили ей в жертву людей, считая, что ее надо почитать величайшими жертвами за величайшие благодеяния, она изменила закон, так как и у тех, у кого она за подобное почитается кровью, она почитается живой кровью. Сама же она и человеколюбива и эллинолюбива. Поэтому она пришла к эллинам, оставив скифов¹.

41. ...Этот обширный город [Антиохия] стал бы принадлежать скифам и был бы разграблен в давний поход, если бы она, взяв брата², не обратила врагов в бегство стрельбой из лука, когда они уже занимали эти Флегры.

Войска же у нас, могущего принять наступающих, не было. Они же, скифы, как подобало поражаемому, с криком отступили, не вынося двух стрелков...

Речь XII. К Юлиану императору консулу

(37) ...Пришедшим от скифов, верность которых в клятвах он испытал, он приказал возвратиться и наблюдать за войной.

(38) Упоминаются гипербореи и вспомогательные войска скифов во время персидской войны Юлиана.

Речь XXIV. О мщении за Юлиана

(12) Перешли³ Истр савроматы, не устранившись непобедимого войска⁴ старейшего, разграбили цветущий во всем народ иллирийский, перенесли в свою страну великое богатство, дело долгого времени.

(15) Погибло у нас двадцать пять общин⁵. Одни из людей погибли вне стен, другим же, истратившим все съестные припасы, после голодной смерти не пришлось даже получить

погребения. Но родственники, принеся их на стену, сбрасывали несчастных нагими вниз. Подобное натворили скифы, всегда дрожащие при слухе о римском военном искусстве.

(30) ...Ибо они, люди тяжелые и внушившие страх обитателям самого Рима⁶, и притом отстоя на путь столь многих дней, являются тебе советниками в заботе о мщении. По совершении его скифы не будут более насильничать.

Речь LIX. К императорам Константу и Констанцию царственная речь

(89) Все мы знаем то, что эту часть империи окружают два величайшие народа варваров: с одной стороны скифы, распространившиеся над Истром, а с другой – беспокоящее многолюдие персов. Из них последние, дерзая, ничего не достигают, первые же и не начинали двигаться... Что именно заставило скифов, народ кровожаднейший и посвященный Аресу, считающий спокойствие за несчастье, полюбить мир, сложить оружие и считать нашего царя наравне с собственными, хотя он далеко находится от Истра и строит свои войска против других... Это можно бы узнать, если сопоставить с теперешней безопасностью от скифов их прежние набег, на которые нельзя было взирать и от которых спастись было возможно при исполнении единой мольбы. А она заключалась в том, чтобы

лед на Истре не был настолько крепок, чтобы можно было перейти по нему....

(92–93) Некогда вышло скифское войско, чтобы соединиться с римским отрядом и противостать могуществу персов, чтобы власть первых сохранить непоколебимой, а владычество вторых сокрушить. И что еще важнее: они выступили в поход не для того только, чтобы отделаться от обязанности, и, как оказалось, не отступили при нужде, по добровольному коварству, и, варвары, увидев приближение варваров, не изменили намерения от этого зрелища... но, как бы сражаясь за собственную страну, несколько не отличались по своим ревностным действиям от пригласивших их. И причиной этого следует считать не природные их качества, а мудрость

царя, который из неверных сделал их верными, из непостоянных надежными, из врагов союзниками и одним замыслом доставил себе

оплот против персов, обезлюдил немалую часть скифской земли и сделал врагами по мыслям объединенных названием⁷.

Декламация «В защиту Демосфена»

Моя кафедра, как кажется, нисколько не отличается от скифской пустыни и тамошних жертв, где оратору, с позолоченными рогами и с венками, надо ждать, когда придет готовый принести его в жертву⁸.

Декламация «Речь коринфян»

Еще если бы вы⁹ были полчищем скифов или кочующих варваров, какими-нибудь таврами или меланхленами, которые живут наподобие зверей, незнакомы с человеческими установлениями и не единоклюны по своей природе, но живут совместно диким и насиль-

ственным образом: если, будучи таковыми, вы осадили Потидею, то не сделано ничего ужасного. И от скифов даже спасались греческие гости, и у самих скифов засвидетельствованы подобные пиршества, сами же они заводили и у тех греческий стол.

Письма

192. ...Но они всего тягостнее при победе, подобно скифам, ибо они побеждают бегством. Но тем доставляла это жизнь на повозках.

429. Фемистий¹⁰... при речи которого даже скифы стали бы кроткими.

1042. Мне кажется, что, даже прибыв к лютейшим скифам, Пелагий¹¹ добился бы от них кротости.

Примечания

¹ [Имеется в виду культовая легенда о перенесении Орестом из Тавриды, по наущению богини, статуи Артемиды Тавропопы в Браврон в Аттике или Артемиды Ортии в Лимнею в Спарте (Павсаний III: 16, 17)].

² [Т. е. Аполлона].

³ «Савроматы, соединившиеся с квадами и перешедшие Данубий, нанесли в местах, прилегающих к нему, жестокое поражение [римлянам], раздраженные несправедливым убийством своего царя, некоего Габиния. Все это рассказывает Аммиан (XXIX: 6)» (Olearius).

⁴ «Ибо Валентиниан держал в этих местах не только паннонский и месийский легионы, которые были уже разбиты савроматами, как передает Аммиан (XXIX: 6), но и сам он имел при себе огромные войска» (Olearius).

⁵ «Что все последующее должно относиться к набегам гуннов, алан и других народов Азиатской Скифии на Фракию и соседние местности, ясно из того, что эти бедствия называются *τελευταία*, ибо это те волнения, среди которых лишился жизни Валент, после смерти которого через небольшое время была написана эта речь, как мы сказали вы-

ше, и потому, что немного дальше все это приписывается *Σκύταις κοινά*. То, что он говорит, что во время этих волнений погибло *двадцать пять общин*, полагаю, что этот термин он употребляет в смысле провинция, в каковом смысле слово *ἔθνη* употребляет Евсевий I:1; Жизнь Константина: 28 и Дион у Зонары в истории Антонина» (Olearius).

⁶ «Он имеет в виду скифов, которые дошли до того, что нападали на Константинополь, чем, можно сказать, навели страх на самый Рим. Может быть, однако, в этом месте под *Ῥώμη* должно понимать *δεύτερα* или *νέα Ῥώμη*, каковым именем писатели этого века повсюду называют Константинополь» (Olearius).

⁷ «Ибо и те и другие, как скифы, так и персы, для римлян были варвары, соединенные одним этим именем» (Reiske).

⁸ [Жертвенных животных в древности нередко украшали гирляндами цветов и золотили им рога].

⁹ Т. е. афиняне, которых коринфяне обвиняют в нечестии.

¹⁰ [Ритор IV в. н. э.].

¹¹ [Епископ лаодикейский, живший в IV в. н. э. в эпоху императоров Валента и Валентиниана].

Источник: *Libanii opera* / Ed. R. Foerster. Vol. I–VII. – Lipsiae, 1903–1913; Речь Либакия / Пер. С. Шестакова. Т. 1–2. – Казань, 1914–1916.

Епифаний

Ἐπιφάνιος – Epirhanios

Епифаний, епископ Саламинский (310 / 315–403), греческий христианский писатель. Родился в Бесандукке, поблизости Элевтераполя, в Палестине. Образование получил в Александрии, где, будучи монахом, постиг греческий, латинский, сирийский, коптский и ев-

рейский языки. Возвратившись в Бесандук, устроил монастырь. В 367 г. избран епископом кипрского города Саламина (Констанция). Яростно боролся против последователей учения Оригена и всех, кого подозревал в приверженности к какой-либо ереси. Этой борьбе

посвящены его сочинения «Ἀγκυρωτός» (376 г., о Троице и Святом Духе) и «Πανάριον», или «Κατὰ αἱρέσεων» («Хлебный ларь (Ящик мудрости)», или «Против ересей» 374–377) в 3 книгах, в котором Епифаний, изложив и опровергнув 80 религиозных учений, в виде заключения предлагает «Краткое и истинное слово о вселенской вере и Апостольской Церк-

ви». Под именем Епифания в качестве введения к этому сочинению сохранилось «Краткое изложение» («Ἀνακεφαλαίωσις») этого труда, которое, как полагают, Епифанию не принадлежит. Помимо этого, Епифаний составил своего рода библейские справочники «О мерах и весах» («Περὶ μέτρων καὶ σταθμῶν»), «О двенадцати камнях» («Περὶ τῶν ἱβ' λίθων») и др.

Епифаний

Слово якорное

113. У Сима рождаются сыны и сыны сынов до того времени, когда разделены были языки, и рассеяны по языкам, коленам и царствам; а имена их суть следующие: елимеи, пеоны, лазы¹ коссесуи², гасфены³, палестинцы, индийцы, сирийцы, арабы, кеианы, арианы, масирелии, гирканцы, магусеи, троглодиты, ассирийцы, германцы, лидийцы, месопотамиты, евреи, килены, бактрийцы, адиабены, камии, саракены, скифы, хионы⁴, гимнософисты, халдеи, парфяне, эноты⁵, кордилены⁶, массены, финикияне, мадиенеи, коммагены, дардании, эламасы, кедрусии, эламиты, армянцы, киликийцы, египтяне, каппадокийцы, финикияне, понтики, мармарида, бионы (Βίονες)⁷, карийцы, халибы, псиллиты, лазы, моссины, иберы, фригийцы. У второго сына Хама были сыны и сыны сынов в числе тридца-

ти двух до того же самого разделения языков: ...псиллиты, моссины...

...У третьего сына Иафета сыны и сыны сынов в числе пятнадцати до того же самого разделения языков: мидяне, гарганы, армянцы, арреи (Ἀρρεοί)⁸, амазоны, коллы (Κόλλοι)⁹, корзены (Κορζηνοί)¹⁰, бенеагены¹¹, галаты, пафлагонцы, мариандены, тибарены, халибы, моссины, кол-хи, меласхены, савроматы, меоты, скифы, тавры, фракийцы, бастерны, иллирийцы... Если же где-нибудь имя народа или острова вставлено дважды, в уделе одного и потом другого, по общим пределам или по совершившимся со временем выселениям, или по присвоению Хама, который получил большой удел и захватил нечто из части Сима, – то пусть никто этому не удивляется и не сомневается.

Против ересей

Краткое изложение

...В первой части первой книги изложено 20 религиозных сект, которые суть следующие: варварство, скифство, эллинство, иудейство.

Скифство, от дней Ноя и последующих до

построения башни и Вавилона и в *следующее* за *построением* башни время немного лет, т. е. до Фалека и Рагаба¹², которые, направившись в Европейскую часть света, присоединились к Скифской стране и ее народам¹³...

Книга I. Часть 1

(4 / р. 5с) ...После потопа, когда ковчег Ноев остановился на горах Араратских, между армянцами и кардиеями, на горе, называемой Лубар, там впервые после потопа устраивается поселение людей и там пророк Ной насаждает виноградник и делается жителем этого места...

(5 / р. 6с) ...В пятом поколении после потопа, когда люди снова умножились от троих сыновей Ноя... распространяясь и идя вперед от гор Лубара и пределов Армении, т. е. страны Араратской, они вступили в равнину Сенаар... Там на совещании они принимают решение совместно построить башню и город.

От страны Европейской направились в Азию, они все получили от того времени наименования скифов...

(7 / р. 8с) ...Чтущие меч из числа скифов савроматы и из числа фракийцев Одриса, родоначальника, от которого производится род фригийцев.

(9 / р. 11б) ...В те времена известен был у эллинов Инах, у которого была дочь Ио, называемая также Аттидой, по имени которой называется и нынешняя Атика. От нее же получил название и Боспор, с которым одно имя носит город на Евксинском Понте, называемый Боспором¹⁴...

39. Против сетиан. (8 / р. 288d) ...И так возникла башня и Вавилон. С этих пор рассеялись по всей земле племена и языки. И так как семьдесят два мужа, строившие тогда башню, по смешении языков рассеялись и вместо одного языка, который знали, вдохновленные волей Божией получили каждый свой особый язык, то отсюда и возник доньше

продолжающийся состав говоров; так, желающему можно найти родоначальника каждого языка; так, например, Иован получил эллинский язык, и от него имеют прозвание ионийцы, владеющие древним языком эллинов, Тера – фракийский, Мосох – язык моссиникский... и так распространилось в мире преемство каждого языка.

Книга II

54. Против оригениан. (50 / р. 576с) *Приводятся для сравнения*: “Скиф, нещадно рассекающий члены какого-то врага для его уничтожения”.

96. Против манихеев. (83 / р. 703с) Симу выпал жребий в ширину, *именно*: Палестина, Финикия, Келе[-Сирия], Коммагена, Киликия, Каппадокия, Галатия, Пафлагония, Фракия, Европа, Родопы, Лазия, Иберия, Каспия и Кардия до Мидии к северу. Отсюда этот предел ограничивает владения Иафета к северу...

70. О расколе авдиан. (14 / р. 827ab) ...Сам старец Авдий подвергся изгнанию, будучи сослан царем¹⁵ в пределы Скифии вследствие восстания народов и сделанного царю епископами доноса. Пребывая там, не могу сказать сколько лет, и идя вперед, в самую внутренность Готтии, он огласил христианским учением многих готтов, и с тех пор в самой Готтии возникли монастыри, общежитие, обеты девства, юности и строгое подвижничество...

Книга III. Краткое истинное слово о вселенской вере и Апостольской Церкви

10 (р. 1091с)... Говорят, что в Мидии есть шесть различных религиозных сект, а сколько их в Эфиопии, у персов, или в Парфии, или в Эламиде, или в Каспии, или в Германской стране, или в Сарматии, или сколько в давнидах¹⁶, или у зикхов, амазонов, лазов, иберов, боспорян, или гелов, или серов, или других народов различий в обычаях, философии, рели-

гиозных сектах, – бесчисленное множество различий... У гелов, напротив, совершающие дурные поступки восхваляются их законами...

13 (р. 1094б)... Есть опять в Элладе и другие мисийцы, называемые абиями, питающиеся кобыльим молоком и вообще населяющие дику страну¹⁷...

К Диодору, епископу Тирскому, сочинение о двенадцати камнях, бывших на одеяниях Аарона

(6 / IV: 225–233 Dind.) Камень яспис... другой похож на лед. Мифотворцы говорят, что он служит лекарством от призраков. Его находят у иберов и гирканских пастухов, живущих в Каспийской земле...

Камень лигирий... первый вид называется

таласситом (морским), второй – розовым, третий – природным, четвертый зовется ханнием, а пятый – беловатым. Находятся они во внутренней части варварской Скифии...

Камень агат... он также встречается в Скифии...

О двенадцати камнях, вставленных в наперснике первосвященника¹⁸

(С. 234б)... Гиацинт цветом красноват, а находится во внутренней части варварской Скифии. Скифией древние обыкновенно называют всю северную страну, где живут готты и давны¹⁹. Там, во внутренней пустыне великой Скифии, есть ущелье, чрезвычайно глубокое, людям недоступное, с обеих сторон обрамленное скалистыми горами, так что если кто-нибудь нагнется сверху с вершин гор, как бы со стен, то не может разглядеть дна ущелья, ибо оно вследствие глубины покрыто тьмой, как бы некая бездна. Туда насильно

посылаются живущими по соседству царями осужденные преступники. Зарезав ягнят и сняв с них шкуру, они бросают их сверху, со скал, в бездну ущелья, и камни прилипают к этим тушам. Орлы, живущие наверху в скалах, привлеченные запахом мяса, спускаются и выносят наверх ягнят с прилипшими камнями. Когда они съедят мясо, камни остаются на вершинах гор, а осужденные, заметив, куда вынесены туши орлами, уходят туда и таким образом приносят камни...

О двенадцати драгоценных камнях

Древний перевод сочинения

О камне ясписе

IV: 186 Dind. ...Другой сорт, который похож на лед, сочинителями баснословных сказаний выдается за лекарство от призраков. Оно открыто иберами²⁰ и пастухами гирканцев, которые живут у Каспийской земли и озера. Есть и другой яспис, называемый опалом, похожий на снег или морскую пену, или если смешать кровь с молоком, как обыкновенно пьют массагеты...

О камне лигирии

IV: 190 Dind. ...Самый лучший камень гиацинт называется таласситом [морским], так как представляет сходство со спокойным морем. Есть и другой, называемый родией, иной – опал, иной опять – перилевтий. Эти камни находятся в глубине варварской Скифии. Скифией древние обыкновенно называют всю северную страну, где живут готы и давны (Gothi et Dauni)²¹, а также венны (Venni)²² и арии (Arii)²³ до пределов германцев и амазонок²⁴. Итак, там, в пустыне внутри этой великой Скифии, есть глубочайшее ущелье, совершенно недоступное людям, так как оно с обеих

сторон обрамлено скалистыми горами. Если кто сверху, с вершин гор, как со стен, посмотрит на дно ущелья, то не может разглядеть его, но из глубины, как бы из некоей бездны, поднимается густой туман. Итак те, которые посылаются пребывающими вблизи царями отыскивать эти камни, для исполнения порученного им необходимого дела закалывают ягнят и, сняв шкуру, сбрасывают их сверху со скал в эту неизмеримую пропасть ущелья, причем камни, как говорят, прилипают к мясу освежаванных ягнят. Орлы, пребывающие вверху на скалах, привлеченные запахом мяса, спускаются вниз и, вытащив освежаванных ягнят, пожирают их, причем камни остаются на вершинах гор. Осужденные, которые при помощи этой хитрости направляются для добывания вышесказанных камней, замечают, куда снесены орлами туши ягнят, идут туда и, найдя камни, приносят их царям...

О камне агате

...Этот камень также встречается в Скифиях²⁵...

Примечания

¹ “Большинство из этих народов, расположенных вне жребия Сима, относятся к части Иафета, например пеоны, которые считаются живущими в Европе. *Лазы*, если и находятся в Азии, однако помещаются вне κλῆρος Сима, ибо они колхи” (Petavius V: 341 Dind.).

² “От Коссеи, области Персиды, если не ошибаюсь, от которой Κοσσαῖοι, как пишет Стефан. У Евсевия читается Κοσαῖοι” (Petavius, там же).

³ “Такого имени не нахожу нигде, но есть близкое по названию – аспии, народ Индии” (Petavius, там же).

⁴ “*Хиониты*, соседи персов; по Аммиану, указываются Ortelius’ом” (Petavius, там же).

⁵ “Может быть, энеты, или генеты, народы Пафлагонии” (Petavius, там же).

⁶ “*Кордулы* – название порта у Евксина, близ Колхиды” (Petavius, там же).

⁷ “Βιονες. Ничего не нахожу, что могло бы объяснить это место, если не читать Ἰωνες” (Petavius, там же).

⁸ “Ἀρρεοί. Плиний упоминает Аррену, область Великой Армении. У Стефана из Страбона есть “Ἀρρηλοί, живущие у Меотиды” (Petavius, там же).

⁹ “Κόλλοι. Стефан называет Κόλοι, соседящих с Кавказом; от них область Колика” (Petavius, там же).

¹⁰ “Κορζηνοί. Пиши Ὀρσηνοί. Ибо есть Ὀρσηνὴ – по Птолемию, часть Малой Армении” (Petavius, там же).

¹¹ “Что поставить вместо бенеагенов? Ничего другого не имею, если не Κοιναγενοί, которых автор поместил выше в жребии Сима. Но, как упоминает автор немного ниже, в разных владениях упо-

минаются одни и те же области и народы” (Petavius, там же).

¹² Ср. Исход XI: 18 сл.

¹³ Ср. Prooem., р. XC; Против ересей I: 8, 3; Ер., v. I: 344 Dind.

¹⁴ См. примечание Petavius’a (V: 24 изд. Dind., [а также Эслил. Прометей прикованный: 729 сл.].

¹⁵ Констанцием. Об *Авдии* и авдианах ср.: Беликов. Христианство у готов (Приложение к ПС). 1886; и *отдельно*: Казань, 1887: 42 сл.

¹⁶ “Автор заставляет призадуматься – кого он разумеет под давнидами. Ибо, думаю, нельзя этого относить к давнам, народу Италии. Ведь зинхи или зикхи помещаются Аррианом у Понта Евксинского в Азиатской Сарматии. Нельзя сказать, гелы то же ли, что гелоны, или нет. Геллы, однако, в панегирике Максимиану Мамертина считаются каким-то народом, как замечает Ortelius” (Petavius).

¹⁷ “Абии и мисийцы не больше заслуживают зачисления в число ересей и сект, чем все другие народы того мира, из которых одни имеют разные языки, другие отличаются от остальных обычаями и образом жизни” (Petavius).

¹⁸ Другая редакция предыдущего сочинения.

¹⁹ [Должны быть идентичны давнидам (Против ересей III: 10); и те и другие, может быть, соответствуют дакам более ранних авторов или “данубиям”, которых упоминает Caesarius. Dial. II: 110].

²⁰ “Область этих народов Евстафий называет Иберией Эоей; ее называют и Азиатской для отличия от Иберии Европейской, а именно Испании. Ныне мы знаем их под именем георгиан” (Dind.).

²¹ “Эпитома Анастасия: οἱ Γόθοι καὶ Λαύνεις и пропускает другие здесь упомянутые народы. Ви-

димо, должно читать не Dauni, но даги или дасы и в греческом восстановить Δάαι или Δάσαι” (Dind.).

²² “Плиний (IV: 12) в Европейской Сарматии помещает некое Ваннианское царство. См. также Тацит. Анналы XII. Что если восстановить Hunni? Агафий помещает гуннов вокруг Меотийского озера” (Dind.).

Источник: *Epiphanii episcopi Gonstantiae opera* / Ed. Gr. Dindorfius. Vol. I–V. – Lipsiae, 1859; J.-P. Migne. Vol. XLI – XLIII]; Епифаний Кипрский. Творения / Пер. с греч. Ч. 1–5. – М., 1863–1865; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, №2.

Гимерий

Ἡμέριος – Himerius

Гимерий (ок. 315 – 386), греческий софист. Родился в Прусе – совр. Бурса, Турция. Жил в Афинах, преподавая риторику, а также в Константинополе – при дворе императора Юлиана (332–363, император с 361 г.). Из его

²³ “Может быть, Abii – народы, которые, по словам Птолемея, живут в северных частях Скифии” (Dind.).

²⁴ “Речь идет об амазонках у Танаиса” (Dind.).

²⁵ “У географов – две Скифии: Европейская и Азиатская” (Dind.).

собрания речей (λόγοι διάφοροι) патриарху Фотию известны были 71, но до нас сохранилось только 24 в целом виде и 10 в неполном, а кроме того, 36 извлечений (ἐκλογαί), сделанных Фотием.

Гимерий

Речь 25. К Комету Урскию

(2) Говорят, что мудрец Абарис¹ был родом гиперборей, а по языку эллин; по одежде и внешнему виду – скиф, но чуть только пошевелит языком, – его слова казались исходящими из среды Академии² и самого Ликея³...

(4) Абарис прибыл в Афины вооруженный луком, с висящим на плече колчаном, облаченный в хламиду; на чреслах был золотой пояс, штаны были натянуты от ступней до ягодиц...

Примечания

¹ Абарис – мифический житель Гипербореи, прорицатель и жрец Аполлона, посетивший Элладу. Обходился без пищи и летал на волшебной стреле, подаренной ему Аполлоном: Ямвлих. О Пифагоровой жизни: XIX, 90 сл.; Порфирий: Жизнь Пифагора: 29; Гарпократион. Речения десяти ораторов. – А. Г.

² Академия – сад Академа близ Афин, на берегу

Кефиса, где учил Платон (427–347 до н. э.); так именовалась и философская школа Платона. – А. Г.

³ Имеется в виду перипатетическая школа, основанная Аристотелем в 335 г. до н. э. и получившая от близлежащего храма Аполлона Ликейского название Ликей (греч. Lykeion); просуществовала 8 столетий. – А. Г.

Текст: *Himerii sophistae declamationum quae supersunt... Optimo et XXII orationum unico codice accurate excussa emend. Fr. Dübner. – Paris: Didot, 1849; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, №2.*

Евнапий

Εὐνάπιος – Eunapius

Евнапий (347 – после 414), греческий софист и историк. Родился в Сардах (совр. Сарт) в Малой Азии, городе у сев. подножья горы Тмол, в 80 км на северо-восток от Смирны (совр. Измир). В отрывках известны два сочинения Евнапия: «Жизни философов и софис-

тов» («Βίοι φιλοσόφων καὶ σοφιστῶν») и «Продолжение истории Дексиппа» («Ἡ μετὰ Δέξιππου ἱστορία χρονική», или «Χρονική ἱστορία») в 14 книгах – история Римской империи от смерти Клавдия II в 270 г. до 404 г.

Евнапий

Продолжение истории Дексиппа

По В. В. Латышеву

Фр. 37. Император Валент, отдыхавший от домашних и внешних дел, получает известие,

что где-то близко уже находится отборный отряд скифов, которых Прокопий раньше вы-

звал себе на помощь у скифского царя¹. Говорили, что наступающие держат себя надменно, с презрением относятся ко всем, кого видят, беспечны и дерзки вследствие беззащитности и со всеми обращаются очень заносчиво и буйно. Император, быстро отрезав им обратный путь в Скифию, поймал как бы в сети и приказал сдать оружие. Они сдали, обнажив свое презрение только потряхиванием волос. Император разослал их по разным городам, приказав держать на свободе под надзором. Во всех, кто их видел, возбуждали презрение их тела, чересчур вытянутые в высоту, слишком тяжелые для ног и суженные в талии, как насекомые по словам Аристотеля². Жители городов, принимая их в свои дома и узнавая их бессилие, принуждены были смеяться над своими неверными *о них* представлениями. Скифский царь потребовал выдачи этих молодцов. Дело было щекотливое и не соответствовавшее доводам справедливости: царь скифский говорил, что дал их императору согласно условиям союза и клятвы, а Валент отвечал, что Прокопий – не царь, а сам он не давал клятвы. Когда скифский царь упомянул имя Юлиана, говоря, что дал их по родству с ним Прокопия, и прибавил упоминание о достоинстве посланников, император возразил, что и послы подлежат наказанию и находящиеся налицо задерживаются, как неприятели, если являются на помощь неприятелю. Из-за этих причин вспыхнула скифская война, которая, как ожидали, по важности вступающих в борьбу народов и величине приготовлений, должна была принять широкие размеры и представить весьма различные несчастья и непредвиденные случайности, но благодаря энергии и предусмотрительности императора была приведена к твердому и безопасному концу.

Фр. 41. Так как никто не может сказать ничего определенного о том, откуда вышли уны, где они находились и как прошли всю Европу и оттеснили скифское племя, то я в начале этого сочинения изложил сведения, заимствованные из древних писателей, сопоставляя по правдоподобным соображениям, а современные известия взвешивая с точностью, чтобы не составить сочинения из одних вероятностей и чтобы изложение наше не уклонилось от истины....

Фр. 42. Побежденные скифы были истреблены уннами, и большинство их погибло³; одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при

их избиении; другие, собравшись вместе и обратившись в бегство, числом немного менее двухсот тысяч самых способных к войне, сошлись.... Двинувшись и став на берегах Истра, они издали простирали руки с воплями и криками и протягивали молитвенные ветви, прося позволения переправиться через реку, оплакивая свои бедствия и обещая присоединиться к союзникам. Начальники римских отрядов на берегах объявили, что без воли императора ничего не могут сделать. Дело было доведено до сведения императора. В царском совете произошло большое разногласие и высказано было много мнений за и против, наконец царь решил в пользу скифов. У него была некоторая ревность к соцарствующим, которые были дети его брата, как сказано об этом раньше⁴; они решили разделить царство между собою, не доложив дяде о разделе. Как по этой причине, так и в надежде умножить силу римлян столь значительным дополнением, он приказал принять скифов, предварительно сложивших оружие. Но еще раньше получения от царя позволения на переправу самые смелые и дерзкие скифы решились переправиться силой и при этом насилии были изрублены. Однако истребленные этот отряд были отрешены от должностей и опасались даже за жизнь свою за то, что истребили неприятелей. Влиятельные при императоре и имевшие огромную силу люди смеялись над их воинственностью и распорядительностью и говорили, что они не имеют понятия о политике. Император из Антиохии предписал им прежде всего принять людей непригодного к военному делу возраста, препроводить их в римские владения и держать бережно в качестве заложников, затем стать на берегу и способных носить оружие скифов принимать и доставлять им суда для переправы не прежде, чем они сложат оружие и будут переправляться безоружными. Но из получивших такое приказание один влюбился в белого и красивого лицом мальчика из переправившихся, другой был тронут хорошенькой женщиной из числа пленниц, третий пленился девушкой; иных привлекло богатство даров, льняные ткани, мохнатые с обеих сторон ковры. Коротко говоря, каждый из них думал только о том, чтобы пополнить дом рабами, поместить пастухами и удовлетворить свое сладострастие. Побежденные постыднейшей и противозаконнейшей страстью ко всему этому, они приняли скифов с оружием, как бы старинных благодетелей и спасителей. А последние, без труда достигнув такого успеха и полу-

чив счастье в бедствии своей родины, – так как скифские пустыни и пропасти они променяли на римские владения, – тотчас обнаружили свое грубое варварство в вероломстве и измене. Непригодный к войне возраст, перевезенный раньше, с большим тщанием и заботливостью был рассеян исполнителями этого приказа среди разных племен. Мальчики уже носили царские знаки, а женщин можно было видеть одетыми роскошнее, чем прилично пленницам. Дети их и рабы в благорастворенном климате выросли и возмужали не по годам, и подраставшее вражеское поколение было весьма многочисленно. Древние мифы говорят, что в Беотии и Колхиде из посеянных драконовых зубов вместе с посевом вырастали вооруженные люди. Наше время вывело на свет и этот миф, осуществило его и заставило видеть воочию. Едва только дети скифского племени были рассеяны, подобно зубам, по римским владениям, как всюду распространилась их ярость, бешенство и буйство, когда они преждевременно вошли в мужской возраст. Цветущая силой и мужеством часть скифов, немедленно подняв восстание против тех, которые приняли их к себе, вместо борьбы с изгнавшими, отважилась на большие ужасы и жестокости, нежели какие они потерпели сами. Вся Фракия и смежные с ней Македония и Фессалия так известны и так прославлены, что для описания их не осталось больше и слов; но эти области, столь обширные, столь многочисленны, цветущие и славные силой населения вероломное и нежданное восстание скифов, внезапно вспыхнувшее и разлившееся тотчас после переправы, довело до такого разорения и так измучило бедами, что вошедшие в пословицу “грабежи мисийцев” оказались золотом в сравнении с тогдашними напастями Фракии. Решив поднять восстание, когда не было достаточной военной силы для сопротивления, варвары оказались весьма страшными по своей многочисленности сравнительно с незащищенными и безоружными людьми и своим беспощадным отношением к побежденным лишили жителей области всего. Дошло до того, что скифы столько же ужасались имени уннов, сколько римляне – скифов. Лишь весьма немногие и известные наперечет города сохранились и доселе остаются в целости благодаря стенам и укреплениям; а страна по большей части разорена и вследствие этой войны остается необитаемой и непроходимой. Император, как только узнал об этих несказанных бедствиях, заключил с персами необходимый

мир и упрекал самого себя, раскаиваясь в принятии скифов. Вскипев гневом и устремив все свои помыслы к войне, он высылает вперед сарацинскую конницу для сопротивления варварам. Последние делали набеги уже на самый Константинополь и, обложив стены, тревожили жителей, не видя никакого противника для открытой борьбы и потому предаваясь всяким неистовствам. Но судьба в то время явно дала отличный способ военных действий при таких обстоятельствах.

Фр. 43. Император принял их и дал им имущество и землю, надеясь иметь в них мужественных и несокрушимых защитников против тамошних вторжений уннов.

Фр. 46. Император Валент в то время, как скифы делали набеги на Македонию, прибыл в столицу и отовсюду собирал военные силы как бы для совершения великого и необычайного подвига.

Фр. 60. При Феодосии, в первые годы его царствования, когда скифский народ был изгнан уннами из своей страны, переправились к римлянам начальники племен, отличавшиеся достоинством и родом. Возгордившись почестями, оказанными им императором, и видя, что все лежит под их властью, они начали между собой немаловажную распрю: одни требовали довольствоваться настоящим счастливым положением и пребывать в нем, другие – соблюдать данную дома клятву и не нарушать заключенных тогда условий. Эти условия были весьма бесчеловечны и свирепостью превосходили даже обычаи варваров: они состояли в том, чтобы строить всякие козни против римлян и всякими средствами и хитростями вредить принявшим их к себе – хотя бы испытывали от них величайшие благодеяния, – дабы овладеть всей их страной. Из-за этого-то и возникла у них распря; они разделились на две партии, из коих одна последовала худшему мнению, другая – лучшему, но каждая из них все-таки скрывала причину своего недовольства. Император не переставал осыпать их почестями: они обедали за его столом, жили в его палатах и получали щедрые дары; ибо тайна их распри нигде не выносилась на свет и не обнаруживалась. Вождем боголюбивой и святой стороны был Фрабит, человек молодой по летам, но лучший из людей по добродетели и любви к правде: он открыто чтит богов по исконному обычаю, не допускал никакого притворства для обмана и ниспровержения других, но проявлял в жизни открытую и чистую душу, считая ненавистным, подобно вратам ада,

кто на душе скрывает одно,
а вещает другое⁵.

Он тотчас попросил себе в жены римлянку, чтобы не совершать никаких насилий ради физической потребности. Царь разрешил ему брак; отец девушки (она воспитывалась еще под властью отца) был удивлен предложением Фрабита и считал за счастье иметь такого зятя. Из единоплеменников Фрабита лишь немногие, уважавшие благочестие и добродетель юноши, пристали к его мнению и сплотились вокруг него, а большинство, и притом наиболее сильные, твердо держались раз принятого решения и дошли до неистовства, трепеща от страстного желания исполнить замысел; во главе их стоял Эриульф, человек полусумасшедший и превосходивший других бешенством. Однажды император предложил им пышное и роскошное пиршество; тут скифы оправдали пословицу, гласящую, что “правда в вине”, и Дионис обнаружил во время попойки скрываемый ими замысел. Пир прерывается в беспорядке⁶, пирующие в смятении и беспокойстве выбегают из дверей. Фрабит, по своей чрезвычайной доблести полагая, что прекрасный и справедливый поступок покажется еще прекраснее и богоугоднее, если совершится

скоро, не ожидая другого времени, обнажил меч и пронзил им бок Эриульфа. Он пал мертвым в то самое время, когда мечтал об исполнении преступного замысла...⁷.

Фр. 68. Многоизгибистый – часто изворачивающийся в изгибах Евнапий: «этот страшный и многоизгибистый змей, как бы околдованный нашептыванием Медеи и усыпленный душой, предал себя»⁸.

Фр. 77. Субармахий: это был начальник телохранителей, более всех других верный евнуху Евтропию. Он пил вина больше, нежели мог вместить; на все-таки его желудок, благодаря привычке и сильным, свойственным юности телесным упражнениям, все переносил и естественным путем выделял жидкости. Выпив или не выпив, он всегда был пьян, но умел скрывать свое опьянение: хотя и ходил шатаясь, но старался не падать, по молодости, и удерживался на ногах. Он был царского рода, настоящий колх из живущих выше Фасиса и Фермодонта и превосходный стрелок, если бы не подстреливало его самого излишество неги.

Фр. 87. При царице Пульхерии... законы были не только слабее и тоньше паутины, как говаривал скиф Анахарсис, но рассеивались и разносились легче всякого праха....

Примечания

¹ Речь идет о событиях 366 г. Под скифами следует понимать готов.

² Аристотель. Истории о животных: I, 2.

³ Описывается первое появление гуннов к западу от Азовского моря в 370 г.

⁴ В потерянной части труда.

⁵ Слова Ахилла: Гомер. Илиада IX: 312. Перевод Н. И. Гнедича.

⁶ Ср. другую версию фрагмента: Когда же им был предложен... обильный и роскошный пир, они

оправдали правдивую пословицу, гласящую: “в вине правда Диониса”. Поэтому и самого бога правильно называют Освободителем (Δυαῖον), как не только освобождающего от горестей, но раскрывающего и уничтожающего покровы тайн. И тогда, когда во время попойки обнаружился их замысел, они в беспорядке покидают пир.

⁷ О Фрабите ср. еще фр. 80, 82, 85.

⁸ Сказано об Евтропии или о Руфине.

Источник: *Eunapius. Fragmenta // Historici Graeci minores / Ed. G. Dindorf. Vol. I. – Lipsiae, 1870; Eunapius. Χρονική ἱστορία / Ed. Imm. Bekker // CSHB, Bonn, 1829; Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Mullerus. Vol. IV. – Paris, 1868; Евнапий. Жизни философов и софистов / Пер. с греч. // Е. В. Дарк, М. Л. Хорьков // Римские историки IV века. – М.: Росспэн, 1997; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, №2.*

Маркиан из Гераклеи Понтийской (IV–V вв.)

Μαρκιανός – Marcianus

Объезд внешнего моря¹. Книга I

(4) ...Река Танаис отделяет Европу от Азии... в северной части, впадая в Меотийское озеро, которое изливается в Понт, называемый Евксинским... (5) ...Морское побережье Европы начинается от реки Танаиса... (6) ...Из трех морей по величине... третье – Гирканское. (7) Из величайших заливов первый –

Гангетский²... шестой – Понт... восьмой – Меотийское озеро³...

15 extr. Персидский залив противолежит Каспийскому морю, называемому также Гирканским, и, сузив лежащую между ними землю, образует большой перешеек Азии.

Книга II

(31) Великая Германия ограничивается с севера так называемым Германским океаном, с востока – Сарматскими горами [частью Сарматии] за горами [до] верховья реки Вистулы и самой этой рекой...

(38) Европейская Сарматия⁴ ограничивается с севера Сарматским океаном по Вендскому⁵ заливу и частью неизвестной земли с востока – перешейком [от реки Каркиниты], озером Бикой и частью Меотийского озера до реки Танаиса, затем самой рекой Танаисом и еще [полуденником] от истоков реки Танаиса до неизвестной земли; с запада – рекой Вистулой, Великой Германией за Сарматскими горами и самими горами; с юга – язигами-метанастами от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата, затем Дакийей до устья реки Борисфена и начинающимся отсюда побережьем Евксинского Понта до угла Каркинитского залива. Итак, общее описание таково; частное же описание Сарматии мы расположили лишь в общих чертах, не прибавляя числа стадий вследствие того, что почти не известен точный объезд этого северного океана, приближающегося на севере к неизвестной земле, которая лежит выше Меотийского озера, будучи мало известна огромному большинству людей, тем более, что и Протагор⁶, по-видимому, опустил число этих стадий. По этим же причинам и описание местностей будет изложено только по устьям рек.

(39) За устьями реки Вистулы следуют устья реки Хрона; а за рекой Хроном далее находятся устья реки Рудона. Эти реки изливаются в Вендский залив, который начинается от реки Вистулы, простираясь на огромное пространство. За рекой Рудоном находится устье реки Турунта; а за рекой Турунтом следует река Хесин и ее устье. За рекой Хесином находится неизвестный Гиперборейский океан, прилежащий к Гиперборейской неизвестной земле. По реке Хесину живут агафурсы, народ Европейской Сарматии. Реки Хесин и Турунт текут с вышележащих гор, которые называются Рипейскими горами и лежат внутри материка между Меотийским озером и Сарматским океаном. Река же Рудон течет из Аланской горы; у этой горы и вообще в этой области живет на широком пространстве народ алан-сармат, в земле которых находятся истоки реки Борисфена, впадающей в Понт. Землю по Борисфену за аланами населяют так называемые европейские хуны⁷.

(40) Длина Сарматии составляет 7 700 стадий, ширина – 7 650. В ней народов 56, значительных городов 53, значительных гор 9, значительных рек 4, значительных мысов 3, значительных гаваней 3, значительных заливов 4, именно вышесказанный Вендский залив и три других...

Примечания

¹ [Ввиду того, что перипл Маркиана основан преимущественно на тексте Птолемея, разъяснения в отношении географических имен см. в примечаниях к Птолемею].

² [Гангетским заливом в древности назывался Бенгальский залив].

³ [Маркиан рассматривает Черное море как залив Средиземного, а Азовское – как залив Черного моря].

⁴ Составлено по Птолемею (География III: 5) и Протагору.

⁵ У Птолемея везде читается – Венедский.

⁶ [Автор «Измерения населенной земли», преимущественно парадоксографического содержания, известный по Фотию (Библиотека, кодекс 188); наиболее раннее упоминание о нем – данный текст, в связи с чем его относят предположительно к III в. н. э.: W. von Christ, W. Schmid, O. Stählin. *Geschichte der griechischen Litteratur*. II, 2. – 1924: 803].

⁷ [Гунны].

В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // ВДИ, 1948, №2.

Филосторгий

Φιλοστόργιος – Philostorgius

Филосторгий (ок. 365 – после 425), греческий историк. Родился в Бориссе в Каппадокии. На двадцатом году жизни для продолжения образования (юридического или духовного) прибыл в Константинополь, где познакомился с арианом Евномием, горячим сторонником которого был до самой смерти.

Написал «Церковную историю» («Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία») в 12 книгах, охватывавшую период от возникновения арианства (300 г.)

по 425 г. Из этого сочинения сохранилось несколько фрагментов в «Библиотеке» патриарха Фотия (кодекс 40), в «Суде» и других памятниках. Филосторгий был приверженцем арианства и евномианства, поэтому Фотий, будучи ортодоксом, оценивал Филосторгия предвзято, резюмируя, что его труд – скорее живописная и риторичная похвала еретикам, клевета и порицание православных, чем история.

Филосторгий

Церковная история

Книга II

5. Филосторгий говорит, что около этого времени¹ Урфила² из живших за Истром скифов (которых древние называли гетами, а наши современники называют готами) переселил на римскую землю большое количество людей, изгнанных с родины за благочестие. Этот народ обратился в христианство следующим образом. В царствование Валериана и Галлиена³ большое полчище скифов, живших за Истром, перешло на римскую землю и опустошило набегами большую часть Европы. Перейдя также в Азию, они прошли через Галатию и Каппадокию, захватили множество пленных как других, так и из числа избранных в клир и возвратились восвояси с большой добычей. Благочестивая часть пленных, вступив в общение с варварами, немалое их количество обратила к благочестию и приготовила к восприятию христианства вместо эллинской религии. В числе этих пленных были и предки Урфилы, родом каппадокийцы из окрестностей города Парнасс, из деревни Садаголтины. Этот-то Урфила был предводителем выселения благочестивых и первым их епископом; поставлен он был [в епископы]

следующим образом: будучи послан начальником своего народа во времена Константина вместе с другими в качестве посла (ибо и эти варварские племена были подвластны царю), он был рукоположен Евсевием и бывшими с ним епископами для живущих в гетской земле христиан⁴ и имел о них попечение в разных отношениях, а кроме того, изобрел для них азбуку и перевел на их язык все священное писание, кроме книг Царств, так как они заключают в себе рассказы о войнах, а народ готский был войнолюбив и скорее нуждался в узде для своей страсти к битвам, чем в поощрении к этому. А между тем книги Царств могли произвести такое влияние, так как пользовались величайшим уважением и склоняли верующих к служению богу. Царь поселил этот перешедший народ в разных местностях Мезии, где кому хотелось, и относился к Урфиле с величайшим уважением, так что часто даже называл его “Моисеем нашего времени”. Филосторгий очень превозносит этого мужа и пишет, что как он, так и паства его были приверженцами его еретического учения [т. е. арианства].

Книга III

8. Река Евфрат берет свое явное начало из Армении, где находится гора Арарат, еще и ныне так называемая армянами, на которой, по словам священного писания, остановился ковчег; от него, говорят, и поныне сохраняются немалые остатки дерева и гвоздей. Отсюда-то и вытекает

Евфрат сначала в виде маленькой речки, а в дальнейшем течении постепенно увеличивается, объединяя под одним именем множество впадающих в него рек. Пройдя Великую и Малую Армению, он течет далее, прорезая сначала Сирию, носящую специальное название Евфратской...

Книга IX

17. Живущие за Истром скифы вследствие нашествия на них уннов поднялись с родины и переправились мирно на римскую землю⁵. Эти унны – вероятно, тот народ, который древние называли неврами⁶, они жили у Рипейских гор, из которых катит свои воды Танаис, изливающийся в Меотийское озеро.

Переселившиеся скифы, сначала скромно относившиеся к римлянам, обратились к разбойничеству, а затем подняли жестокую войну. Валент, узнав об этом, выехал из Антиохии и, достигнув Константинополя, двинулся во Фракию. Вступив в битву с варварами и потерпев большой урон, он обратился в стремительное бегство. В отчаянном положении, не зная, что делать, он с немногими спутника-

ми скрылся в одном из стоявших в поле строений, наполненном сеном. Преследовавшие его варвары предали огню это строение, подобно прочим, лежавшим на их пути, ничуть не подозревая присутствия императора. Так погиб Валент⁷, потеряв вместе с тем важнейшую и лучшую часть Римской державы. Варвары под предводительством Фритигерны безбоязненно опустошили всю Фракию...

19. Император Феодосий, сразившись с варварами при Сирмии (куда он прибыл, по требованию обстоятельств, немедленно по вступлении на престол) и победив их в битве, с блестящим триумфом возвратился оттуда в Константинополь⁸...

Книга XI

8. Филосторгий говорит, что одни из гуннов, сначала подчинив себе и опустошив значительную часть Скифии, лежащей за Истром, а затем перейдя через замерзшую реку, вторглись своими полчищами в Римскую землю и, пройдя по всей Фракии, разграбили всю Европу; другие же, жившие восточнее, перейдя через реку Танаис и вторгнувшись в восточные области, через Великую Армению ворвались в так называемую Мелитину. Отсюда они напали на Евфратскую область, проникли до Келесирии и, пройдя через Киликию, произвели невероятное избиение людей...

Ко всему этому присоединился Трибигильд, родом скиф из так называемых ныне готов; ибо эти скифы делятся на множество разных племен. Он, имея под начальством варварскую силу, пребывая во фригийском городе Наколии и имея титул комета, изменил дружественные отношения к римлянам на враждебные и, начав с Наколии, захватил множество фригийских городов и произвел большое избиение людей. Высланный против него военачальник Гаина, тоже варвар, предал победу, замышляя сделать то же самое с римлянами. Оттуда Трибигильд, как бы избегая Гаины, вторгся в Писидию и Памфилию и опустошил их. Затем, ослабленный, в свою очередь, многими неудобствами местностей и стычками с исаврами, он спасся на Геллеспонт и, переправившись во

Фракию, немного спустя был убит⁹. Гаина после своей измены возвратился в Константинополь с титулом военачальника и замыслил подчинить его себе. Но некая вооруженная небесная сила, показавшаяся тем, которые стремились напасть на город, и устранившая их своим появлением, защитила город от взятия, а открытых заговорщиков предала человеческому правосудию, и произошло большое их избиение. Гаина был поражен таким ужасом, что тотчас, с наступлением ночи бежал из города с кем мог из своих приверженцев, силой прорвавшись сквозь стражу у ворот. А так как Фракия опустела и не могла ни доставить какого-либо продовольствия, ни выдержать нового опустошения, то Гаина отправился в Херсонес, намереваясь переправиться оттуда в Азию на плотах. Когда это намерение сделалось известно императору, против него был послан военачальник Фравит, родом гот, а по религии эллин, верный римлянам и весьма искусный в военном деле. В то время, как Гаина высылал вперед свое войско для переправы на плотах, Фравит напал на них со своим флотом и весьма легко истребил всех пливших на плотах. Гаина, совершенно отчаявшись в спасении, бежал в верхнюю Фракию; здесь немного времени спустя некоторые из уннов напали на него и убили. Посоленная голова его была привезена в Константинополь.

Книга XII

2. В вышесказанные времена Аларих, родом гот, собрав военные силы в верхних частях Фракии, совершил нашествие на Элладу и взял Афины¹⁰, а затем подчинил македонян

и соседних далматов. Он совершил также нашествие на Иллирию и, перейдя через Альпы, вторгнулся в Италию...

Отрывок

Леонтий, епископ Триполи Лидийского¹¹, был родом из мисийцев, живущих у Истра,

которых Гомер называет “бойцами рукопашными”¹² [«Суда» под словом Λεόντιος].

Примечания

¹ Это приложено к рассказу о смерти Константина в 337 г.

² “Об Ульфиле (как другие называют этого епископа готов) и о готах, как и когда они стали христианами см. Сократ Схоластик IV: 33; Созомен II, 6; VI: 37, Феодорит IV: 37” (Migne). Ср. Великов. Христианство у готов. – Казань, 1887.

³ 253–268 гг.

⁴ Великов: 51 сл.

⁵ “О скифах или готах, побежденных гуннами и бежавших к римлянам, см. Сократ Схоластик IV: 33–34; Созомен VI: 37; о походе против них Валента и его гибели: Сократ Схоластик IV: 38, Созомен VI: 39–40”... (Migne).

⁶ [Это замечание Филосторгия, являющееся не более, чем ученым домыслом, имеет под собой изве-

стную реально-историческую почву в том смысле, что гунны, племя, вышедшее из степей Центральной Азии, в своем движении на Запад увлекли за собой значительные контингенты из числа сарматских, аланских и протославянских племен, а к числу последних иногда относят и геродотовых невров (IV, 17), имя которых, однако, уже не было живо в эпоху Римской империи].

⁷ В 378 г.

⁸ “Тут Филосторгий ошибается, ибо Феодосий был провозглашен императором в Сирмии, и он же, направившись в Македонию, победил готов у Фессалоники. Прав Филосторгий вместе с другими писателями в том, что относит победу Феодосия над готами к тому времени, когда он был уже провозглашен императором. Ибо неправ Феодорит,

который говорил, что это произошло до провозглашения его императором (V: 5). Прогнав варваров, Феодосий вернулся в Константинополь и тотчас восстановил церкви гомоусианам [т. е. единосущникам (православным)], в конце 380 г., как говорит Яс. Gothofredus in locum" (Migne). – Правил Феодосий в 379–395 гг.

⁹ [Зосим (V: 13 сл.) показывает, что Гаина в этой войне не был предателем; см. о нем еще Сократ Схоластик VI: 62; Феодорит V: 32; о Трибигильде см. также Созомен VIII: 4, 2].

¹⁰ [В 395 г.].

¹¹ Филосторгий (VII: 6) считает этого Леонтия современником императора Юлиана.

¹² Гомер. Илиада XIII: 5.

Источник: Patrologiae cursus completus. Series Graeca. Vol. LXV, 1858; Philostorgius. Historia Ecclesiastica // MPG, 65; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, №2.

Олимпиодор

Ὀλυμπιόδωρος – Olympiodorus

Олимпиодор (I пол. V в.), греческий историк. Уроженец города Фивы, Египет. Посвятил Феодосию II Младшему (ок. 401–450), с 408 г. императору Византии – Восточной

Римской империи, 22 книги исторических сказаний, охватывавшие события 407–425 гг. Отрывки из них сохранились в «Библиотеке» патриарха Фотия (кодекс 80).

Олимпиодор

Исторические сказания

Фр. 27. Историк говорит, что он слышал от некоего Валерия, принадлежавшего к знати, известие о серебряных кумирах, посвященных богам для отвращения нашествия варваров. Во дни царя Констанция¹, говорит он, когда Валерий управлял Фракией, получено донесение, что найден клад. Валерий, придя на указанное место, узнал от тамошних жителей, что это место священо и что в нем посвящены кумиры по старинному обряду. Он донес об этом царю и получил письменный приказ взять объявленное. Итак, когда это место было раскопано, найдены три кумира, сделанные из цельного серебра; они лежали по

варварскому обычаю, подбоченившись обеими руками, одеты были в пеструю варварскую одежду, головы имели косматые и обращены были к северу, т. е. к стране варварской. Недолго спустя после взятия этих кумиров, всего лишь через несколько дней, готское племя первое совершает набег на всю Фракию, а немного позднее и унны и сарматы намеревались напасть на Иллирию и на самую Фракию; ибо посвященные кумиры лежали между Фракией и Иллириком; по-видимому, число кумиров – три – служило закланием против всякого варварского народа.

¹ 353–361 гг.

Источник: Historici Graeci minores / Ed. G. Dindorf. Vol. I. – Lipsiae, 1870; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, №2.

Эрмий Созомен

Ἑρμίας Σωζομένος – Hermias Sozomenus

Эрмий Созомен, уст. Гермий (375 – после 447), греческий историк. Родился, предположительно, в селении Вефилия (совр. город Бейтин), недалеко от Газы, Палестина, в христианской семье. Прозвище Саламинский, а точнее, Саламанский, для некоторых исследователей свидетельствует якобы о происхождении его рода из города Саламин (Констанция) на Кипре, но на самом деле это всего лишь патроним от имени его деда Саламана. Получил юридическое образование в финикийском городе Берите и после поездки в Италию в 425 г. переехал в Константинополь, где работал то ли адвокатом, то ли стряпчим, по причине че-

го в «Библиотеке» патриарха Фотия он назван схоластиком. Как сочинитель начал с составления краткой церковной истории от Рождества Христова до низвержения римского императора Публия Лициния Эгнация Галлиена (253–268), но это его сочинение до нас не дошло. В 439–447 гг. написал «Церковную историю» («Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία») в 9 книгах, которая, по замыслу, должна была охватить 324–439 гг. – от начала самодержавного правления Константина I по 17-й год правления Феодосия II, но фактически труд заканчивается 415 годом. В качестве образца для своего произведения Созомен, наряду с «Церковной

историей» Евсевия Кесарийского (260/265 – 338/340), использовал, вероятно, одноименный труд своего современника Сократа Схоластика (ок. 380 – после 439), чье сочинение ох-

ватывает приблизительно тот же период (307–450 гг.), однако география описываемых событий у Созомена значительно шире.

Подробнее см.: Краткое сведение об Эрмие Созомене и его Церковной истории // Созомен. Церковная история. – СПб., 1851.

Эрмий Созомен

Церковная история

Перевод Санкт-Петербургской духовной академии

Книга I

6. *О том, что и отец Константина допускал распространяться имени Христову; а Константин Великий сделал то, что оно проникло всюду.* Итак, в странах империи, управляемых Константином, Церкви удоставались благодеяний внимательного и единовластного государя и, наслаждаясь миром, ежедневно распространялись. Впрочем, от гонений и смещения Бог охранял их и прежде этого, только иным образом; ибо, тогда как в прочей вселенной они были гонимы, один отец Константина, Констанций, позволял христианам безбоязненно исповедовать свою веру. В самом деле, я узнал, что он сделал нечто удивительное и достойное истории. Желая испытать, кто из придворных христиан был добр и благонадежен, он созвал всех их и объявил, что если они решатся приносить жертвы и служить Богу вместе с ним, то останутся при нем и будут состоять в том же достоинстве; а когда откажутся, то выйдут из дворца, благодаря и за то, что не подверглись еще наказанию. После сего христиане разделились на двое, – одни изменили вере, а другие настоящему предпочли божественное. Узнав это, последних, пребывших верными Всеблагому, стал он почитать своими друзьями и советниками, а от первых, как от людей малодушных и льстецов, отвратился и лишил их своей беседы; ибо понимал, что те никогда не могут быть преданными царю, которые с такою готовностью изменили Богу. Отсюда видно, что в областях за пределами Италии, то есть у галатов, британцев и жителей около гор Пиренейских к западу до Океана, исповедовать христианство не почиталось делом незаконным еще при Констанции. А когда эту самую часть империи наследовал Константин, дела Церкви в ней возвеличились и того более. Ибо, как скоро Максентий, сын Геркула, был умерщвлен, и участок его перешел к Константину, – все тамошние жители начали слу-

жить Богу безбоязненно, и благочестие распространилось около рек Тибра и Эридана, который у туземцев называется Падом, также около Аквилы, в которую, по рассказам, перетянут был и спасся в море тирренском корабль Арго. Известно, что Аргонавты, убегая от Аэты, на обратном пути плыли не теми же местами, но, переехав Скифское море, по тамошним рекам прибыли в пределы италийские и, перезимовав здесь, построили город, прозванный Гемоном. Когда же настало лето, они, при содействии туземцев и посредством машины, тянули Арго по земле чрез сорок стадий и потом спустили его в реку Аквилу, которая сливается с Эриданом, а Эридан впадает в море италийское. Вообще, после сражения при Кивалах, Дарданцы, Македоняне и жители по реке Истру, также вся Эллада и Иллирия поступили под власть Константина.

8. *Исчисление добрых дел, которые совершил Константин, дав христианам свободу, построив им храмы и исполнив другие общественные предприятия.* Когда же власть над римскою империею соединилась в одном Константине, он торжественною грамотою объявил живущим на востоке подданным, чтобы они чтили христианскую Веру и служили Богу усердно, а Богом признавали только того, кто – действительно Бог и во всякое время обладает великою силою: ибо ревнующим об этом Он любит подавать в обилии все блага; так что какое бы ни было их предприятие, они всегда оживляются благими надеждами, тогда как согрешающие против Всеблагого, вообще и в частности, в военное и в мирное время, подвергаются всяким бедственным случайностям. Константин не из тщеславия, а по чувству благодарности утверждал, что Бог, сподобив его быть способным слугою Своей воли, от моря британского провел до стран восточных, чтобы христианская вера возрастала и те, которые ради служения Богу пребыли твердыми

в своем исповедании и мученичествах, торжественно приняли почести. Объявив это и рассказав множество других причин, которыми думал привести подданных к вере, он отменил все, что было определено или сделано касательно богопочтения при гонителях Церкви, и особым законом дал свободу тем, кто за исповедание Христа присужден был к переселению либо на острова, либо в другие места против желания, кому назначено было трудиться в рудокопнях, при общественных постройках, в гинекеях, в прядильных, или кто причислен к судебным домам, где прежде не служил. Лишенных же чести избавил он от бесчестия и исключенным из какого-нибудь воинского отряда отдал на произвол – или возвратиться к тому званию, в котором кто был, или вести жизнь без должностей, в почетной отставке. А возвратив всем прежнюю свободу и обычные достоинства, он возвратил также и имущество. Но если имущество взято было после лиц, осужденных на смерть, то право наследия приказал он перенести на ближайших в роде; где же таковых не окажется, – наследовать местной церкви и, частный ли человек владеет чем-либо из этого имения, или общество, – вещи обладаемые отдать, а о тех, которые либо купили их, либо получили в дар от казны, он обещал, сколько возможно и как следует, озаботиться. Это-то, сказали мы, угодно было царю, утверждено законом и немедленно приведено в надлежащее исполнение. С того времени христиане как бы совершенно овладели правительственными должностями римской империи; а язычникам запрещено было приносить жертвы, обращаться к оракулам и таинствам, поставлять идолов и совершать языческие празднества. Изменились также и многие древнейшие по городам обычаи: например, у Египтян ниломер, которым означает возвышение нильских вод, с того времени вносим был уже не в известные языческие храмы, а в христианские церкви. Равным образом у римлян тогда в первый раз запрещено было зрелище единоборства; а у Финикиян, живших в Ливане и Илиополисе, прекратилось обыкновение бесчестить дев, прежде чем они совокупятся с мужьями, с которыми, бывало, сочетались законным браком по испытании первоначально беззаконного смешения. Что же касается до молитвенных домов, то одни из них, имевшие достаточную величину, были исправлены, другие превосходно отделаны и распространены в высоту и широту, а где их вовсе не было, там они построены с основания.

Издержки на это доставлял царь из царских сокровищниц, написав епископам городов и правителям областей, чтобы они приказывали, что им будет угодно, а другие слушались и усердно служили священникам. При благоденствии империи, возрастала и вера. После войны с Ликинием, Константин имел такой успех в войнах с иноплеменниками, что одолел и савроматов, и так называемых готов, которым наконец, в виде милости, даровал мир. Этот народ обитал в то время за рекою Истром. Быв сам воинственен, как по многочисленности, так и по рослости телесной, он всегда упражнялся в искусстве владеть оружием и, победив других варваров, только в римлянах нашел себе противников. Говорят, и в этой войне, посредством знамений и сновидений, Бог удостоил Константина особенного своего промысления. За то, одерживая победы во всех случавшихся тогда войнах, он, как бы состязаясь в щедрости с Христом, платил за них усердием к вере и внушал подданным одну ее чтить и признавать спасительною. Отделив от податной земли каждого города определенную часть, он повелел сбор с нее отдавать местным церквям и клирам, и узаконил, чтобы этот дар имел силу во все времена. Приручая воинов чтить Бога, как чтил Его сам, он отметил оружие их символом креста, во дворце устроил молитвенный дом и возил с собою сделанную наподобие церкви палатку, когда выступал с войском против врагов; так что даже во время пребывания в пустыне ни сам он, ни его войска не оставались без священного дома, в котором надлежит славословить Бога, молиться Ему и приобщаться св. Тайн; ибо за ним следовали и священники, и диаконы, приписанные к походной церкви, и по чину церковному исполняли свои обязанности. С того времени и римские легионы, которые теперь называются числами, устроили каждый собственную свою палатку и получили особых священников и диаконов. В день, называемый Господним, который евреи почитают первым днем седмицы, а язычники посвящают солнцу, также в день пред субботою, узаконил он – закрывать судебные места, оставлять все занятия и служить Богу посредством молитв в общественных молитвенных собраниях. День Господень Константин чтит потому, что он был днем воскресения Христова из мертвых, а другой потому, что он был днем Христова распятия; ибо к божественному кресту хранил царь великое благоговение, как по причине содействия, оказанного ему крестом в сражениях с

врагами, так и по причине данного ему касательно креста божественного знамения. В самом деле, он даже издал закон, которым отменялась в судах бывшая прежде в употреблении у римлян крестная казнь, и когда чеканилась монета, либо писались его изображения, повелел неизменно означать на них и помещать этот божественный символ, о чем и доныне свидетельствуют его портреты, с образом креста. Константин старался служить Богу всем, а особенно изданием законов. Видно, например, что он запретил распутство и развратные связи, которые до того времени не были преследуемы наказанием, что всякий, если захочет обратить внимание, заметит из постановленных касательно сего порока законов. Рассматривание подобного предмета вполне здесь кажется было бы неуместно: теперь, кроме сказанного, необходимо упомянуть о законах относительно достоинства и твердости веры, так как это составляет часть Церковной Истории. Начнем же говорить об этом.

15. *О ереси Ария, откуда она получила начало и кого увлекла; также о возгоревшемся из-за нее между епископами раздоре.* Но хотя чрез это и чрез все другое вера процветала; однако же Церкви были возмущаемы, – и причина состояла в спорных рассуждениях: под видом, то есть, благочестия и совершенного раскрытия понятий о Боге, христиане делали предметом исследования то, чего прежде не исследовали. Эти рассуждения начал в египетской Александрии пресвитер Арий. Считавшись некогда ревностным в деле вероучения и помогая Мелетию в его нововведениях, он потом оставил Мелетия, и александрийским епископом Петром рукоположен был в диакона, а вскоре опять извержен им из Церкви за то, что, когда Петр отлучал приверженцев Мелетия и не допускал их крещения, он порицал эти действия и не хотел успокоиться. Впоследствии Петр принял мученическую смерть, – и Арий, испросив прощение у Ахилла, снова получил позволение диаконствовать, даже удостоен пресвитерства. После сего имел о нем хорошее мнение и Александр.

Сильно любя диалектику, – ибо не чужд был, говорят, и этих знаний, – Арий высказывал нелепые выражения, так что дерзнул изречь в Церкви следующую, никем прежде не высказанную мысль: “Сын Божий произошел из не-сущего, и было время, когда Его не было. По самопроизволению Он способен ко злу и добродетели. Он есть создание и тварь”. Вероятно, много и другого говорил Арий, когда

подтверждал свои мнения и рассуждал о каждом из этих вопросов. Некоторые, слыша подобные выражения, начали порицать Александра, зачем он, вопреки долгу, терпит нововведения в догмате. Александр, признав за лучшее в деле сомнительном дать волю говорить той и другой стороне, чтобы устранить мысль о принуждении и примирить спорящих убеждением, сел, как судья, вместе с клириками, и ввел обе стороны в состязание. Но в словесных спорах обыкновенно всякий старается одержать победу. Арий защищал высказанные им положения; а прочие доказывали, что Сын единосущен и совечен Отцу. Было и другое заседание, и рассуждали о тех же вопросах, но спорившие опять не сошлись между собою. Так как рассматриваемый предмет казался еще сомнительным, то сперва колебался несколько и Александр, похваливая иногда одних, иногда – других: но, наконец, присоединившись к стороне тех, которые утверждали, что Сын единосущен и совечен Отцу, он приказал, чтобы и Арий, оставив противоречия, мыслил таким же образом. Однако же Арий не слушался, тем более, что около него было уже много епископов и клира, которые думали, что он говорит правильно. Поэтому Александр отлучил от Церкви как его самого, так и клириков, державших в догмате его сторону. А держали его сторону в александрийской епархии пресвитеры: Анфала, Ахилла, Карпоний, Сарматий, Арий и диаконы: Евзой, Макарий, Иулий, Мина и Элладий. К этим лицам присоединилась также не малая часть народа, одни, думая, что так и должно мыслить о Боге, а другие, – что и со многими случается, – сожалел о них, как о людях, обиженных и без суда отлученных от Церкви. При таком положении дел в Александрии, стоявшие за Ария рассудили, что (им) нужно наперед сыскать благорасположение городских епископов, и потому отправили к ним посольство. Они излагали им письменно свою веру и просили их, – если точно так должно мыслить о Боге, – объявить о том Александру, чтоб он не притеснял их; а если не так, – научить, как надобно веровать. И эта мера немало помогла им; ибо, когда упомянутое учение распространилось почти между всеми, – везде и у всех епископов возник тот же самый вопрос, и одни писали Александру, чтобы он не принимал единомышленников Ария, пока они не отрекутся от своего верования, а другие просили его не делать этого. Видя, что к стороне Ария присоединяются весьма многие лица, почтен-

ные по внешнему образу доброй жизни и сильные по убедительности слова, особенно же предстоятель никомидийской Церкви, Евсевий, муж ученый и уважаемый при дворе, Александр написал ко всем епископам, чтобы не сообщались с ними. Вследствие сего та и другая сторона воспламенилась еще большим рвением, и, как обыкновенно бывает, спор сделался сильнее прежнего; ибо приверженцы Евсевия, несколько раз просившие Александра и не удовлетворенные им, сочли себя обиженными и, вознегодовав на него, еще ревностнее начали защищать Ариево учение. Они созвали собор в Вифинии и писали ко всем епископам, чтобы единомышленников Ария, как людей правомыслящих, епископы приняли в общение и расположили к тому же Александра. Но когда, несмотря на это, их старание не имело вожделенного успеха, потому что Александр не уступал, то Арий обратился к тирскому епископу Павлину, к правителю палестино-кесарийской Церкви Евсевия Памфилову и к скифопольскому епископу Патрофилю и просил у них позволения себе и своим приверженцам собирать преданный им народ, так как прежде они имели сан пресвитеров. А в Александрии был, как и теперь есть, обычай, что пресвитеры, под властью одного над всеми епископа, владели особенными церквами и собирали в них народ отдельно. Упомянутые епископы, снесшись с другими епископами Палестины, согласились на прошение Ария и позволили им собираться, как прежде, – с тем, однако же, чтобы они подчинялись Александру и никогда не противились иметь с ним мир и общение.

21. *О том, что постановил созванный против Ария собор, как осудил он Ариевых приверженцев и сжег Ариево сочинения; также об архиереях, не хотевших согласиться с собором, и об установлении Пасхи.* Надобно знать, что собор признал Сына единосущным Отцу; а тех, которые говорили, что было время, когда Его не было, что прежде, чем Он родился, Его не было, что Он произошел из несущего, или из другой ипостаси, либо сущности, что Он удобопревращаем или изменяем, – тех отлучили и объявили чуждыми вселен-

ской Церкви. Это определение подписали: Евсевий Никомидийский, Феогнис Никейский, Марис Халкидонский, Патрофил Скифопольский и Секунд Птолемаидский из Ливии. Но Евсевий Патрофилов сперва несколько колебался, а потом рассмотрел его и также подписал. Собор отлучил Ария вместе с единомышленниками и положил не принимать его в Александрии. Мало этого; он запретил и те самые выражения, в каких высказывались его мнения, и книгу его об этом предмете. Характер этой Фалии, как я слышал, но не читал, – бессвязность, по которой она походит на сотадийские песни. Надобно заметить, однако же, что Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский, приняв символ веры, не согласились на низложение Ария и не подписали соборного определения об этом. Несмотря на то, что царь назначил Арию ссылку и, как всем епископам, так и народу письменно повелел считать его и единомыслящих с ним за людей нечестивых и, если найдется какое-либо написанное ими сочинение, предавать его огню, так чтобы о нем и введенном от него учении, даже и помину не было. А кто будет замечен в утайке, кто тотчас же не объявит и не сожжет, тот в наказание подвергнется смерти и уголовной казни. Разослал он по городам и другое послание против Ария и его единомышленников. Евсевию же и Феогнису повелел выехать из городов, в которых они епископствовали. А Никомидийской церкви написал, чтобы она держалась веры, переданной собором, чтобы в епископы избирала православных и им повиновалась, упомянутых же предала забвению; и кто будет хвалить их или согласно с ними мыслить, тому угрожал наказанием. В этом послании он обнаружил и другую причину своего гнева на Евсевия, – именно ту, что Евсевий и прежде уже держался стороны тирана, а Константину строил козни. По силе этой царской грамоты, как Евсевий, так и Феогнис лишены церковей, которыми они управляли; – Никомидийскую церковь принял в свое управление Амфион, а Никейскую – Христ. По решении вопроса о догмате, собору угодно было постановить, чтобы и праздник Пасхи совершался везде в одно время.

Книга II

6. *О том, по какому случаю при Константине христианство распространилось по всей вселенной.* Когда таким образом Церковь начала распространяться во всей Римской империи, христианская вера проникла и к са-

мым варварам. Теперь уже приняли христианство и народы, жившие при Рейне, и Кельты, и обитавшие близ океана, отдаленные галты; а готы, и сопредельные с ними поколения, обитавшие по берегам реки Истра (Ду-

ная), еще прежде исповедали Христову веру; в настоящее же время сделались более кроткими и образованными. Поводом к принятию христианского учения почти для всех варваров служили бывшие по временам войны римлян с иноплемениками при Галлиене и следовавших за ним царях; ибо, когда бесчисленные толпы различных народов, выходя их Фракии, опустошали Азию, а другие варвары в иных местах делали то же с соседними римлянами; тогда попадалось им в плен и оставалось у них много и христианских священников. А так как эти пленники нередко исцеля-

ли тамошних больных и очищали одержимых демонами, произнося только имя Христово и призывая Сына Божия, притом вели жизнь неукоризненную и добродетелями побеждали (наносимые) себе оскорбления; то, удивляясь жизни и чудесным действиям этих мужей, варвары стали приходить к благой мысли, что они умилоствуют Бога, если будут подражать людям, казавшимся лучшими, и служить Ему так же, как эти последние. Таким образом, избирая их в руководители своих действий, они были научаемы, удостоивались крещения и причислялись к Церкви.

Книга VI

21. *Исчисление мест, в которых господствовало никейское учение; также о вере скифов и вожде этого народа, Ветранионе.* То же случилось тогда и у Озройцев, даже у Каппадокиян, которые на свою долю получили божественную двоицу – Василия, епископа кесарийского, и Григория Назианзина. Напротив, Сирия и пограничные области, особенно же город Антиохия, страдали от неустройства и возмущений. В этих областях было более ариан, владевших церквами, хотя немало и христиан Церкви кафолической, которых называли евстафианами и павлианами, ибо ими, как выше сказано, управляли Павлин и Мелетий. Последние, тогда как вся антиохийская Церковь едва не сделалась арианствующею, с трудом держались против ревности царя и лиц, имевших при нем силу. Где Церквами управляли люди мужественные, там только, по-видимому, народ не изменял прежних своих мыслей. В самом деле, по такой именно причине и скифы остались, говорят, с тою же верою. Этот народ имеет много городов, селений и крепостей. Его митрополия – Томис, город большой и богатый, лежащий у моря, на левом берегу, при входе в так называемый Евксинский Понт. Там и доныне господствует древний обычай в церквах всего народа быть одному епископу. В описываемое время управлял ими Ветранион. Царь Валент приехал в Томис и, когда, пришедши в церковь, по обыкновению, начал убеждать Ветраниона, чтобы он вступил в общение с епископами противной ереси, последний, весьма мужественно и смело высказав государю свои мысли в пользу учения никейских отцов, оставил его и перешел в другую церковь, а за ним последовал и народ. Народу же тогда было почти весь город, который сошелся в надежде видеть царя и в ожидании каких-нибудь ново-

стей. Оставшись один с своею свитою, Валент сильно раздражен был таким оскорблением и, взяв Ветраниона, приказал отвести его в ссылку. Потом, однако же, вскоре позволил ему возвратиться, ибо видя, что скифы ропщут за изгнание своего епископа, боялся, думая, как бы они не затеяли новостей. А он знал, что этот народ мужественен и по местному своему положению нужен римской империи, потому что охранял ее от пограничных с тою страной варваров. Итак, Ветранион в этом случае явился выше усилий государя. По свидетельству самых скифов, он был муж вообще добрый и отличался святостью жизни. От таких причин гнев царя испытывали все клиры, кроме клиров в Церквах западной империи; потому что над тамошними римлянами царствовал Валентиниан, который одобрял учение Никейского собора и весьма благоговейно чтит Бога, так что не вводил никаких новостей в церковном законодательстве, хотя государь был отличный и способность свою управлять империею оправдал самым делом.

36. *О вооружении против сарматов и о смерти Валентиниана в Галлии. Провозглашение Валентиниана Младшего. О гонении на иереев и о речи философа Фемистия, действием которой Валент сделался человеколюбивее к несогласовавшим с собою христианам.* Но об этом пусть всякий рассуждает и говорит, как ему кажется. Потом на некоторые места империи сделали набег сарматы, и Валентиниан должен был идти на них войною. Услышав, однако же, о приготовлении и многочисленности римского войска, это варварское племя прислало послов и стало просить мира. Видя их, царь спросил: неужели сарматы все таковы? – и когда они отвечали, что находящиеся налицо и составляющие посольство суть благороднейшие из них, то он

исполнился гнева и с громким криком сказал: как бедственно положение наших подданных и как несчастно в глазах наших римское правительство, если и варварский народ, сарматы, из которых эти носят титул благородных, не довольствуясь жизнью в пределах своей страны, дерзнули сделать набег на управляемую мною империю и даже мечтают воевать с римлянами! Долго пламеня гневом и таким образом крича, он от чрезмерного напряжения привел свою внутренность в такое сотрясение, что жилы и артерии в нем изорвались, и из них полилась кровь, от чего в одной галльской крепости он скончался, прожив около пятидесяти четырех лет, а процарствовав с особенно великою славою тринадцать. В шестой день по кончине отца, войско провозгласило царем юнейшего и соименного ему сына; а вскоре это избрание подтверждено было также мнением Валента и брата его Грациана, хотя сначала они досадовали, что знаки царской власти возложены на него войском без их согласия. В это время Валент, живя в Антиохии сирийской, еще более негодовал на христиан, несогласовавших с ним в мнениях о Боге, жестоко притеснял их и преследовал. Но философ Фемистий, произнеся пред ним речь, доказал ему, что разногласию церковных учений удивляться не должно, что оно умереннее и слабее, чем у язычников, которых мнения разнообразны, и что при множестве догматов, несогласие касательно их необходимо производить также много споров и ссор. Сверх того, может быть, и Богу угодно, чтобы Его не легко познавали и имели о Нем разные мнения, чтобы, сознавая недоступность совершенного ведения о Боге, каждый тем более боялся Его, и из того, сколь далеко кому удалось взойти, заключал сам собою, как Бог и сколь велик Он.

37. *О варварах за Истром, что изгнанные гуннами, они пришли к римлянам и сделались христианами; также об Ульфиле и Афанарихе, что случилось с ними, и о том, откуда они заимствовали арианство.* После таких слов Фемистия царь сделался как-то человеколюбивее и не с прежнею жестокостью подвергал православных наказаниям. Впрочем гнев его не совсем бы пощадил, по крайней мере духовных, если бы привзошедшее попечение о делах общественных не отвлекло его от занятий этого рода. готы, обитали прежде за рекою Истром и владычествовали над другими варварами. Но быв изгнаны так называемыми гуннами, они подошли к пределам рим-

ской империи. Народ гунны, говорят, не были известны ни прежним приирийским фракийцам, ни самим готам. Сходясь своими границами, они не знали один другого потому, что между ними лежало величайшее озеро и что каждый, населяя свой берег, почитал его концом земли, за которым уже – море и беспредельное пространство вод. Но случилось, что один, укушенный оводом вол перешел чрез озеро и что за ним следовал пастух, который, на другой стороне увидев землю, возвестил о том своим единоплеменникам. А иные рассказывают, что дорогу, по поверхности закрытую водою, показал гуннам олень, за которым они гнались. Подивившись стране, отличавшейся умеренностью воздуха и богатством плодов, они тогда возвратились и возвестили царю своего народа о том, что видели. Первый опыт войны их против готов был в малых силах, но потом, вооружившись всем своим могуществом, они разбили своих соседей и взяли всю их землю. Быв преследуемы, готы вступили в пределы римской Империи и, перешедши реку, отправили послов к Царю с обещанием, что впредь будут помогать римлянам в войнах, и просили дозволения поселиться на их земле по желанию. Главным лицом этого посольства был готский епископ Ульфила. Так как все вышло согласно с их желанием, то они стали селиться по Фракии, но вскоре потом, возмущившись одни против других, разделились на две части, из которых одною управлял Афанарих, а другою – Фритигерн. Возгорелась междоусобная война, в которой Фритигерн, испытав неудачу, просил римлян помочь себе. Когда же царь решился помогать ему и повелел стоявшим во Фракии войскам поддерживать его своим оружием, – он, снова сразившись, одержал победу и готов Афанариховых обратил в бегство. А чтобы отблагодарить Валента и доказать ему дружбу во всем, принял общение в его исповедании и подвластных себе варваров убедил согласиться с ним в образе мыслей. Впрочем, не это одно, кажется, было причиною, что все помянутое племя доныне предано арианскому учению. Тогдашний готский святитель Ульфила сперва ни в чем не разногласил с кафолическою Церковью, да и после, в царствование Констанция, хотя по неосмотрительности, думая, и присутствовал с Евдоксием и Акакием на соборе константинопольском, однако же в общении постоянно находился с иереями, державшимися веры отцов никейских. Но когда он прибыл в в Константинополь по слу-

чаю посольства, то предстоятели арианской ереси, рассуждая с ним о догматах, говорят, обещались ходатайствовать пред царем об успехе его дела, если он примет их образ мыслей. И тут то, побуждаемый ли необходимостью, или действительно подумав, что так мыслить о Боге лучше, Ульфила и сам вступил в общение с Арианами, и все племя отторг от кафолической Церкви; потому что наставляемые им, как учителем в благочестии, и познакомившиеся чрез него с более кроткими правилами жизни, готы легко верили ему во всем и были убеждены, что в его словах и делах нет ничего худого, но что все служит к пользе ревностной их веры. Он даже показал им весьма много опытов своей добродетели, — с одной стороны, подвергаясь опасностям за учение, когда упомянутые варвары исповедовали еще веру языческую, — с другой, сделавшись для них первым изобретателем письмен и переводчиком священных книг на отечественный язык. Итак, эта-то вообще была причина, почему варвары при Истре имели арианский образ мыслей. В то же время многие христиане, из числа подвластных Фригитерну, умерли за Христа мученическою смертью; ибо Афанарих, досадуя, что и его подданные, под влиянием убеждений Ульфилы, принимают христианство, и что тем самым отечественная вера их упраздняется, подверг многих различным казням, — одних, державших мужественно защищать свое учение, предал на истязания, а других, не позволив им и оправдываться, прямо умертвил. Говорят, что лица, которым это приказано было от Афанариха, поставили на колесницу один истукан и возили его по домам всех, объявивших себя христианами, повелевая поклоняться ему и приносить жертвы. И те дома, в которых отказывались совершать предписываемое поклонение, были сожигаемы вместе с людьми. Слышал я, что тогда случилось нечто, еще поразительнее этого. Многие, как мужчины, так и женщины, из которых одни вели с собою детей, а другие несли новорожденных младенцев, питая их своею грудью, когда язычники хотели заставить их силою принести жертву, скрылись под сень тамошней церкви, и как скоро она была зажжена, все в ней сгорело. Впрочем, готы скоро пришли к взаимному единомыслию и, возмущившись, начали злодействовать во Фракии и опустошать ее города и селения. Услышав об этом, Валент дознал опытом, сколь важную сделал он ошибку; ибо думая, что они и себе и импе-

рии будут полезны, а для неприятелей, как народ всегда вооруженный, страшны, он вознерадел о римских легионах и, вместо обыкновенного пополнения войск рекрутами по римским городам и селениям, требовал от них денег. Обманувшись в своей надежде, царь оставил Антиохию и быстро приехал в Константинополь. По этому случаю гонение на несогласовавшихся с ним христиан остановилось. Между тем по смерти Евзоя, на его кафедру возведен был и предводительствовал над арианами Феодор.

38. *О сарацинской царице Мавии и о том, что, при разрыве союза сарацин с римлянами, мир между ними восстановлен рукоположенным для сарацинских христиан епископом Моисеем. Также об измаильтянах, сарацинах и их божествах, и о том, что у них введено христианство патриархом их Зокомом.* В это самое время, по случаю смерти сарацинского царя, мирный договор сарацин с римлянами был расторгнут. Супруга его Мавия, вступив в управление народом, начала опустошать города Финикии и Палестины, и свои опустошения простерла до стран египетских, лежащих в так называемой Аравии, по левой стороне Нила, когда плывешь против его течения. Этой войны нельзя было почитать легкою, хотя ее вела женщина. Борьба, говорят, происходила упорная и со стороны римлян неодолимая, так что предводитель финикийских войск должен был звать себе на помощь главного военачальника всей стоявшей на востоке конницы и пехоты. Этот военачальник, смеясь над его приглашением, запретил ему участвовать в битве, и, утроив войска, сам пошел на Мавию, но, обращенный в бегство, едва спасся содействием палестинских и финикийских легионов; ибо последний, видя, что он в опасности, счел делом безрассудным, согласно с его повелением, оставаться вне сражения, но поспешно противопостав варварам, дал ему время уйти с большею безопасностью, сам же потом начал отступать и, при отступлении, отстреливаясь, своими стрелами отражал нападавших неприятелей. Многие из тамошних жителей и доныне вспоминают об этом. А сарадины то сражение воспевают в песнях. Такая тяжелая война заставила римлян отправить к Мавии посольство с предложением мира. Но Мавия, говорят, отвечала послам, что она, напротив, совершенно откажется от мирных договоров с римлянами, если для ее подданных не будет рукоположен в епископа некто Моисей, любомудрствовав-

ший тогда в ближайшей пустыне, – муж, прославившийся святостью жизни, божественными знаменами и чудесами. Обратившись к царю и известив его об этом, воеводы взяли Моисея и привели его к Лукию. Но Моисей, в присутствии начальства и стекшегося народа, сказал: я не могу достойно носить имя и сан Архиерея. Если же Богу угодно даровать мне это и несмотря на мое недостойнство, то все, однако, свидетельствуюся Творцом неба и земли, что своих рук, обогранных кровию и оскверненных убийством святых мужей, ты на меня не возложишь. На это Лукий возразил ему: ты поступаешь несправедливо, отворачаясь от меня, когда еще не знаешь моей веры и прежде чем научился ей. А если узнал ее от клеветников, то послушай лучше меня самого и будь судиею слов моих. Но твоя вера кажется мне слишком ясною, отвечал Моисей. Свидетели того, какова она, суть епископы, пресвитеры и диаконы, страдающие в изгнании и рудокопнях. Такие признаки богопочтения, знаешь, вовсе чужды Христа и людей, православящих Бога. Когда эти слова Моисей запечатлел клятвою, что от руки Лукиевой священства не примет, то римские правители, отвергнув Лукия, повели Моисея к епископам, находившимся в ссылке. Руковоженный ими, он возвратился к сарацинам и, примерив их с римлянами, остался у них священнодействовать и многих обратил в христианство. А прежде исповедников христианства находилось там очень мало; ибо это племя происходило от сына Авраамова Измаила и получило его имя. Древних сарацинов, по прародителю их, действительно, называли измаильтянами; но чтобы изгладить улику незаконного рождения и неблагородство матери Измаиловой Агари, которая была рабынею, измаильтяне стали называться сарацинами, как будто бы, то есть, они произошли от жены Авраамовой Сарры. Имея такое происхождение, все они, подобно евреям, обрезаются, воздерживаются от свиного мяса и соблюдают много других еврейских обычаев. А что в жизни управляются не все теми же законами, – это надобно приписать времени и смешению их с пограничными племенами; ибо Моисей, живший спустя после того много времени, дал законы только вышедшим из Египта. Между тем пограничные с ними народы, быв сильно преданы заблуждениям, вероятно, исказили отечественный образ жизни Измаиловой, которым древние евреи до Моисеева законодательства пользовались одним, как

законом не писанным. В самом деле, сарацины чтили одних и тех же с соседями богов, одни и те же воздавали им почести и усваивали названия. В этом сходстве их веры с соседнею открывается причина изменения законов их отечества. Очень могло быть, что, по прошествии долгого времени, одно забыли они, а другое ввели у себя. Но потом некоторые из них, встретившись с Иудеями, узнали о своем происхождении и, возвратившись к среднему себе, приняли еврейские обычаи и законы. С того времени многие между ними и донныне живут по-иудейски, а некоторые, незадолго до настоящего царствования, начали христианствовать и Христову веру приняли чрез обращение с обитавшими вблизи иереями и монахами, которые, любознательствуя в прилежащих к той стране пустынях, славилась доблестью жизни и чудодействиями. Рассказывают, что тогда обратилось к христианству даже все их племя и именно по случаю крещения патриарха их Зокома. Быв бездетен и привлекаясь славой одного монаха, он пришел побеседовать с ним и стал жаловаться ему на свою участь; потому что у сарацинов, да, кажется, и у всех варваров, чадородие весьма уважалось. Монах, убедив его сохранять присутствие духа, помолился и, прощаясь с ним, сказал ему, что он будет иметь сына, если уверует во Христа. Это обещание Бог оправдал самым делом: у Зокома родился сын, – и он, приняв крещение сам, крестил и всех своих единоплеменников. С того времени это племя, говорят, начало благоденствовать и, размножившись, сделалось страшным для Персов и прочих сарацинов. Вот все, что узнали мы об обращении сарацинов в христианство и о первом епископе их.

39. *О том, что, по удалении Лукия, Петр возвратился из Рима и стал управлять египетскими церквами; также о походе Валента на запад против скифов.* По городам ревнители учения Никейского собора снова начали воодушевляться, особенно же сделались мужественными египетские Александрийцы. По возвращении Петра из Рима с грамотою Дамаса, подтверждавшего его рукоположение и Никейский Символ, они отдали ему церкви; а изгнанный Лукий поплыл в Константинополь. Впрочем, царь Валент, вероятно, развлекаемый заботами, не нашел времени отмстить за него, потому что, прибыв в Константинополь, заметил в народе сильное к себе подозрение и ненависть: причина была та, что варвары, опустошив Фракию, проник-

ли до самых предместий столицы и, не встречая отпора, решались уже лезть на стену. Это раздражало жителей города, и вина падала на царя, что он не выступает, но откладывает войну. Притом полагали, что царь-то и привел неприятелей, а наконец, когда дано было зрелище в ипподроме, стали явно кричать, что он не заботится об общем деле, и требовали оружия, говоря, что сами пойдут сражаться. Разгневанный этим, Валент вооружился против варваров, но вместе грозил и народу, что по возвращении накажет его как за настоящее оскорбление, так и за прежнюю преданность тирану Прокопию.

40. *О святом монахе Исаакии, предсказавшем смерть Валента и о том, что Валент, убегая с поля битвы, спрятался в солому и там сгорел.* Когда Валент выступил из Константинополя, то один монах Исаакий, муж и по всему доблестный, а особенно неустрашимый в деле Божием, подошедши к нему, сказал: царь! отдай православным, сохраняющим предание отцов никейских, отнятые у них церкви, — и ты победишь врага. Но Валент, разгневавшись, приказал взять его и держать в узах, пока сам не возвратится и не накажет дерзкого. Не отдав церквей, государь, ты не возвратишься, отвечал на это Исаакий. Так и случилось. Когда царь вышел с войском, то готы начали отступать. Преследуя их, он пошел уже Фракию и прибыл в Адрианополь.

Но, находясь невдалеке от варваров, которые стояли лагерем в безопасном месте, и не составив плана, где и как расположить войско, слишком поспешил битвою. Поэтому конница его тотчас была рассеяна, а пехота обращена в бегство, сам же он, в сопровождении немногих воинов, был преследуем неприятелями, на бегу соскочил с лошади, и вошедши в какую-то хижину или башню, спрятался в ней. Варвары гнались за ним, с намерением умертвить его, но, находясь вблизи, проскакали мимо, ибо не подозревали, что он там скрывался. Когда уже большая часть их миновала это место и проезжали только не многие отсталые, то некоторые из бывших с царем воинов начали стрелять в этих проезжавших. А они тотчас закричали: здесь Валент. Услышав это, скакавшие вблизи, сами завопили и своим воплем дали знать как передним, так и задним о том, что слышали. Таким образом в короткое время услышали и самые дальние неприятели, и все стеклись в одно место. Окружив хижину и разложив около ее множество горючих веществ, они все это зажгли. Пламень, раздуваемый случившимся тогда сильным ветром, мгновенно обхватил весь материал, а потом, сообщившись всему, что находилось в хижине, истребил и царя и бывших с ним. Валент умер, имея от роду около пятидесяти лет. Царствовал же он с братом тридцать лет, да после него три года.

Книга VII

1. *О том, что римлянам, теснимым от варваров, подана помощь Мавиею, что к одержанию победы содействовали некоторые из народа и что Грациан повелел веровать, как кто хочет.* Так-то случилось умереть Валенту. После сего варвары, надменные победою, опустошали всю Фракию и наконец сделали набег на предместье Константинополя. В столь бедственных обстоятельствах римлянам принесли великую пользу не многие из союзных с ними сарацин, присланных Мавиею, и весьма многие из народа; ибо как скоро супруга Валента, Доминика, выдала им из государственной казны условленное жалование, они, вооружившись, как кому случилось, выступили навстречу врагам и, противустан им, отогнали их далеко от города. Между тем Грациан, вместе с своим братом управлявший всею Римскою империєю, не одобряя дяди за его нерасположение к разномыслившим с ним христианам, позволил возвратиться в отечество всем, которые при нем

за веру осуждены были на изгнание, и дал закон, чтобы все, кроме манихеев и последователей Фотина и Евномия, безбоязненно веровали, как хотят, и делали церковные собрания.

2. *О том, что Грациан в соправители себе избрал Феодосия, родом Испанца, и что восток, за исключением Иерусалима, владели ариане; также о соборе Антиохийском, и о состоянии тогдашнего предстоятельства в церквях.* Размыслив, что необходимо отражать варваров, которые, живя около Дуная, нарушали спокойствие Иллирии и Фракии, и в то же время присутствовать в областях западных, — особенно потому, что тамошних жителей разоряли алеманы, Грациан, в бытность свою в Сирмии, сделал участником в правлении Феодосия, родившегося в Иберии и жившего около Пиренейских гор, — человека, знаменитого по своим предкам и часто отличавшегося в войнах, так что, и прежде воцарения, он, по суду подданных, почитался

способным к царствованию. В то время восточными Церквями, за исключением Иерусалима, владели еще единомышленники Ария; а македониане, и особенно те, которые жили в Константинополе, после договора с Ливерием, не многим чем отличались от христиан, следовавших учению отцов никейских, так что по городам смешивались с ними, как с единомыслящими, и находились во взаимном общении. Но после изданного Грацианом закона некоторые из епископов этой ереси, возымев смелость, завладели церквями, которых лишились при Валенте, и, собравшись в Антиохии Карийской, определили, что должно называть Сына не единосущным, а подобосущным Отцу, как называли Его прежде. Поэтому одни отделились и стали собираться особо; а другие, сделав такое определение, осудив их за сопротивление и любовь к спорам, отступили от них и в учении еще тверже соединились с теми, которые следовали постановлениям Никейского собора. Впрочем, из епископов, в то время по закону Грациана возвратившихся из ссылки, которой подверглись в царствование Валента, иные нисколько не заботились о предстоятельстве, но, предпочитая согласие народа, просили епископов Ариевой ереси не удаляться и несогласием не рассекать Церкви, которую Бог и апостолы предали единою, а любовь к спорам и к предстоятельству разделила на многие. Таких мыслей был и Евлалий, епископ города Амасии, что в Понте. Возвратившись из ссылки, он, говорят, нашел свою церковь под предстоятельством одного из арианских епископов, у которого, впрочем, в городе не было и пятидесяти человек последователей. Заботясь о соединении всех, Евлалий предложил ему первенствовать и сообща управлять Церковью – с тем, что в награду за согласие он будет иметь предстоятельство. Но тот не согласился, только не долго, однако же, начальствовал и над теми не многими, которые у него были, потому что и они соединились с прочими.

4. *О царствовании Феодосия Великого, и о том, как он от Асхолия, епископа Солунского, принял святое крещение, и что писал к тем, которые веруют не по определению Никейского собора.* Около этого времени, так как на западе алеманы тревожили еще жителей Галлии, – Грациан возвратился в отцовскую часть империи, которую оставил в управление себе и своему брату, а Иллирию и на востоке подвластные области поручил Феодосию. Военные дела окончились по желанию –

и у него против алеманов, и у Феодосия против варваров, живущих по Дунаю. Феодосий одних победил в сражении, других, искавших дружбы римлян, принял в союзники и, взяв от них заложников, прибыл в Солун. Здесь он заболел, но, быв наставлен в таинственном учении здешним епископом Асхолием, принял крещение и выздоровел. Так как Феодосий происходил от христианских родителей, следовавших постановлениям Никейского собора, то очень тогда обрадовался Асхолию, который держался тех же постановлений, славился добрыми делами и, кратко сказать, был украшен всеми добродетелями священства. Обрадовался он и тому, что иллирийцы вообще не разделяли Ариевых мыслей. Расспрашивая о других народах, он узнал, что до Македонии все Церкви единомышленны, что Бога-Слово и Святого Духа чтут они наравне с Отцом; а области, находящиеся отсюда на восток, волнуются, так что народ разделяется на различные ереси, и особенно в Константинополе. Рассудив, что лучше предварительно объявить свои мысли о Боге, дабы неожиданное повеление веровать, вопреки убеждению, не показалось насилием, они из Солуни дал закон народу константинопольскому, ибо был уверен, что из Константинополя, как из главного города всей подвластной ему империи, его писание скоро сообщится и прочим городам. А в этом писании он объявлял свое желание, чтобы все веровали, как вначале предал римлянам верховный из Апостолов Петр, и как тогда учили римский епископ Дамас и александрийский Петр, – чтобы кафолическою называлась Церковь только тех христиан, которые признают Святую Троицу равночестною, и чтобы думающие иначе носили имя еретиков, были уничижаемы и ожидали себе наказания.

19. *Достойное истории перечисление обычаев у различных народов и Церквей.* Такого-то было разногласие касательно празднования сего праздника. И мне кажется, что Виктор, тогдашний епископ римский, и Поликарп Смирнский весьма мудро решили возникший в древности об этом спор: ибо когда западные иереи думали, что не должно уничижать предания Петра и Павла, а азийские утверждали, что надобно следовать евангелисту Иоанну, то упомянутые епископы с общего согласия определили, чтобы те и другие, празднуя Пасху по своему обычаю, не отделялись от взаимного общения. Они весьма справедливо думали, что безумно было бы христи-

анам, согласным в главных пунктах верования, разделяться между собою из-за обычаев; ибо во всех Церквах, хотя они исповедуют одно и то же учение, нельзя найти одних и тех же по всему сходных преданий. Известно, что в Скифии много городов, но у всех скифов – один епископ; между тем как у других народов священствуют епископы иногда и в селениях, что заметил я у аравлян и кипрян, у фригийских новациан и монтанистов. Диаконов у римлян еще и доньше не более семи, потому что римляне имеют в виду число рукоположенных Апостолами, между которыми находился первомученик Стефан; а у других число их не определено. Сверх того, в Риме каждый год только однажды поют «Аллилуия», именно в первый день пасхального праздника; так что многие римляне даже клянутся тем, чтобы им сподобиться услышать или петь эту песнь. Там же ни епископ, ни другой кто, не говорит в церкви поучений; а у Александрийцев проповедует один только городской епископ, – обычай, которого прежде не было и который вошел, говорят, с того времени, как Арий, будучи пресвитером, начал беседовать о предметах веры и вводить новости. У Александрийцев странно и то, что при чтении Евангелия епископ не встает, чего у других я и не видывал и не слыхивал. Там эту священную книгу читает один архидакон, между тем как в других местах диаконы, а во многих Церквах одни священники, в знаменитые же праздники епископы, как, например, в Константинополе в первый день Пасхи. И предшествующую этому празднику, так называемую четырехдесятницу, в которую народ постится, одни считают в шесть недель, например иллирийцы и христиане, живущие на западе, вся Ливия и Египет с Палестиною, другие – в семь, как жители Константинополя и окрестных мест до Финикии. В продолжении этих шести или семи недель некоторые постятся три недели с промежутками, другие три недели сряду пред праздником, а иные только две, как, например, последователи Монтана. Не везде то же время и тот же образ даже для церковных собраний. Известно, что одни собираются и в субботу, равно как в первый день субботы, что бывает в Константинополе и почти повсюду; но в Риме и Александрии не так. У Египтян во многих городах и селениях собираются вечером в субботу и, уже пообедав, приобщаются таинств. Не все также совершают одни и те же молитвы и псалмопения или чтения, и не в одно и то же время. Например

так называемый апокалипсис Петра, который древними признан был за совершенно подложный, в некоторых церквах Палестины, как мне известно, читается же еще и доньше однажды в год, в великий пяток, когда народ с особенным благоговением постится в память спасительных страданий; а известный ныне под именем апостола Павла апокалипсис, которого не признавал никто из древних, одобряется весьма многими монашествующими. Некоторые утверждают, что эта книга найдена в настоящее царствование; ибо говорят, что в Тарсе киликийском в доме Павловом, по Божию указанию, открыт был под землею мраморный ковчег, а в нем помянутая книга. Но когда я спрашивал о том, то пресвитер церкви Тарсийской Киликс сказал, что это ложь. Киликс был человек уже многолетний, о чем свидетельствовали и его седины; однако же он говорил, что о подобном у них событии не знает, и подозревает, не выдумка ли то еретиков. Но довольно об этом. По городам и селениям есть много и других обычаев, свято соблюдаемых воспитанными в них людьми, из уважения к лицам, которые вначале передали их или впоследствии сохраняли. Надобно думать, что то же случилось и относительно упомянутого праздника, по поводу которого я изложил эти сказания.

24. О победе царя Феодосия над Евгением. Когда все было готово к войне, Феодосий объявил царем младшего сына своего Гонория, а Аркадий был еще прежде объявлен, и, оставив обоих в Константинополе, сам с войском поспешно отправился с востока в западную империю. Вслед за ним пошло и множество союзников из варваров, живших по Дунаю. Говорят, что, выехав тогда из Константинополя и достигши седьмой мили, он молился Богу в тамошней церкви, которую выстроил в честь Иоанна Крестителя, просил, чтобы исход войны был благополучен и для него, и для войска, и для всех римлян, и призывал себе в помощь Крестителя. Испросив этого, Феодосий отправился в Италию и, напав на Альпы, взял первое сторожевое место. Когда же, перешедши высоту ущелья, от готов уже был спускаться, – вдруг увидел пред собою поле, покрытое конным и пешим войском, а недалеко сзади множество неприятелей, стоявших на высоте горы. Как скоро первые перешедшие войска столкнулись с стоявшим в нем неприятелем, завязалась жестокая и сомнительная битва. Царь еще при переходе войск заметил, что ему с ними, при всем даже

желании, человеческими средствами спастись невозможно, если нападут с тылу неприятели, занявшие высоту. Посему он повергся на землю и слезно молился, – и Бог, как показало событие, скоро внял его молитвам; ибо начальники отрядов, занимавших возвышение, послали сказать ему, что они будут его помощниками, если он удостоит их почестей. Тогда царь, поискав и не нашедши бумаги и чернил, взял дощечку, которую случайно держал один из предстоявших, и написал, что они получают от него важные и приличные места в войске, если исполняют обещание. На этом условии те действительно перешли на сторону царя. Впрочем, когда еще ни та, ни другая сторона не уступала, и битва в поле была равносильна, вдруг подул чрезвычайно сильный, противный неприятелям ветер, какого никогда прежде не бывало, и расстроил ряды их. Бросаемые римлянами стрелы и копья, как будто они ударялись во что-нибудь твердое, он отражал назад в тела бросающих и, вырывая из рук их щиты, с грязью и пылью обращал на них же. Лишенные таким образом оружия, весьма многие из них тут же были побиты, а другие, спасшись на время бегством, скоро были переловлены. Тогда Евгений, повергшись к ногам царя, молил его о пощаде, но в то самое время, как он умолял, был обезглавлен одним из воинов. А Арбогаст, после сражения предавшись бегству, сам на себя наложил руки. Говорят, что в то время, как происходило это сражение, в храме Божиим, находящемся в предместье на седьмой миле, где молился царь, выступая на войну, один бесноватый, восхищенный на воздух, поносил Иоанна Крестителя, ругался над ним, как над обезглавленным, и восклицал: ты побеждаешь меня и устрояешь козни моему войску. Присутствовавшие при том, так как, естественно, всеи очень хотелось услышать и сказать что-нибудь нового о войне, быв изумлены этим, записали тот день и скоро от бывших в сражении узнали, что сражение случилось именно в замеченный день. Так-то, говорят, происходило это.

26. *О святом Донате, епископе Еврийском, и Феотиме, архиепее скифском.* В то же время во многих местах вселенной было много и других славных епископов. Таким, например, почитался Донат, епископ города Еврии в Эпире. Местные жители свидетельствуют, что он совершил вообще много чудес, и в особенности чудо умерщвления дракона, который скрывался при большой дороге, около

места, называемого Хаметефира, и похищал овец, коз, волов, лошадей и людей. Не с мечом или копьем, и не с каким-либо другим оружием вышел он против этого зверя; но когда тот почувствовал его приближение и поднял голову, чтобы напасть на него, он перстом изобразил пред ним в воздухе знамение креста и плюнул. Слюна попала зверю в рот, и он издох. Мертвое тело его показывало, что это животное по величине было не меньше пресмыкающихся, которые водятся, говорят, в Индии. Действительно, местные жители, как я слышал, вытащили его на ближнее поле восемью волами и сожгли, чтобы он гниением не заражал воздуха и не причинил смертоносной болезни. Этому Донату гробницею служит называющийся по его имени, знаменитый молитвенный дом, близ которого находится многоводный источник, прежде не существовавший и открытый Богом по его молитвам; ибо то место было совершенно безводно. Говорят, однажды он зашел сюда во время путешествия, и когда находившиеся с ним страдали от недостатка воды, он стал копать землю рукою и молиться. По его молитве тотчас проторгся обильный ключ воды, и с тех пор не иссякает. Свидетели тому – жители еврийской деревни Исории, в которой это случилось. В то же время церковью Томиса и прочей Скифии управлял Феотим, родом скиф, человек, воспитанный в любомудрии, которого придунайские варвары гунны, дивясь его добродетели, называли римским Богом, потому что и в самом деле видели от него опыты дел божественных. Рассказывают, например, что однажды он путешествовал по тамошней стране варваров и встретил несколько туземцев, шедших в Томис. Бывшие с ним стали плакать, полагая, что они будут убиты, но он, сошедши с лошади, начал молиться, – и варвары миновали их, не заметив ни его самого, ни спутников его, ни лошадей, с которых они сошли. Так как жители той страны своими частыми набегами разоряли скифов, то Феотим этих, по природе звероподобных людей, приучил к кротости, угощая их и по дружески предлагая им подарки. От того один варвар, предполагая, что он богат, вознамерился коварно пленить его. С этой целью приготовил он аркан и стоял, опершись на щит, как обыкновенно делывал, разговаривая с неприятелями, потом, подняв правую руку, хотел забросить на него веревку, чтобы увлечь его к себе и к своим единоплеменникам; но во время этого самого действия рука

его осталась протянутою в воздухе, и не прежде освободилась от невидимых уз, как когда Феотим, по ходатайству других, помолился за варвара Богу. Говорят, что этот епископ постоянно носил длинные волосы – с тех пор, как начал прилежно изучать любомудрие. Он

держался простого образа жизни, вкушал пищу не в одно и то же время, но когда чувствовал голод или жажду; ибо, философу и в этом случае свойственно, кажется, уступать нужде, а не прихоти.

Книга VIII

1. *О преемниках Феодосия Великого и о том, как убит префект Руфин, также об архиереях великих городов, о разногласии еретиков и о новацианском епископе Сисинии.* Таким образом, значительно возвысив Церковь и прожив около шестидесяти лет, а процарствовав шестнадцать, Феодосий скончался. Преемниками своей власти оставил он старшего сына Аркадия над народами восточными, а Гонория над западными. Оба они касательно веры были единомысленны отцу. Над римскою Церковию начальствовал тогда, после Дамаса, Сирикий, над константинопольскою Нектарий, над александрийскою Феофил, над антиохийскою Флавиан, а над иерусалимскою Иоанн. В это время на Армению и некоторые части восточной империи сделали набег варвары гунны. Сказывали, что для возмущения империи тайно навел их префект востока Руфин, подозреваемый, кроме того, в стремлении к тирании. И по этой причине они вскоре был умерщвлен; ибо, когда войско возвращалось с войны против Евгения и царь по обычаю встречал его пред Константинополем, воины, не думая много, умертвили Руфина. Это было также поводом к усилению веры, ибо державные победы отца своего над тиранами приписывали благочестию; потому-то Руфин, злоумышлявший против их владычества, так легко и низложен. Они не только соблюдали права, дарованные церквам прежними царями, но присоединили к ним и собственные дарствования. Смотря на это, подданные из язычников охотно обращались в христианство, а из еретиков переходили в католическую Церковь. Бывшие же в ереси Ария и Евномия, по прежде сказанным причинам, разногласия даже и между собою, ежедневно уменьшались; ибо многие из них, противореча одни другим, начинали думать, что они мыслят о Боге неправо, и присоединялись к единоверным с Державными. А константинопольским последователям Македония вредило в это время то, что у них не было епископа; ибо с царствования Констанция, когда Евдоксий и его единомышленники ли-

шили их церковей, до царствования настоящего они оставались при одних пресвитерах. Новациане же, хотя некоторых между ними и смущал возбужденный Савватием вопрос о Пасхе, большею частью наслаждались спокойствием в своей Церкви; ибо, как исповедники единосущной Троицы, они не были подвержены, подобно всякой другой ереси, ни наказаниям, ни узаконениям, – даже в то время доблестью своих предстоятелей приведены еще к большему единомыслию, потому что, после предстоятельства Агелиева, управлялись мужем добрым Маркианом. А по кончине его, что случилось недавно, около нынешнего времени, епископство над ними принял Сисиний, муж чрезвычайно красноречивый, весьма сведущий в науках философских и в священном Писании, а в состязаниях находчивый до того, что даже славившийся и занимавшийся этим Евномий часто отказывался от разговоров с ним. Да и по жизни был он чист и стоял выше клеветы. Что же касается до образа жизни, то, смотря на роскошь его и прихотливость, незнающие не верили, чтобы, живя столь роскошно, он мог соблюдать воздержание. Нравом Сисиний был приятен и любезен в обращении, а потому нравился как епископам католической Церкви, так и властям и людям ученым. Шутить с приятностью и принимать шутки, в том и другом случае не быть обидчивым, остроумно и с быстротою отражать вопросы, – имел он великую способность. Например, на вопрос, для чего, будучи епископом, моется он два раза в день, Сисиний отвечал: для того, что в третий раз не успеваю. Так как он постоянно носил одежду белую, то кто-то из католической Церкви пошутил над ним. Но тот спросил: скажи же мне, где сказано, что надобно одеваться в одежду черную? И когда этот задумался, он, подхватив, сказал: да ты не в состоянии будешь доказать это; а меня убеждает и премудрый Соломон говоря: да будут одежды твои всегда белы, – и сам Христос, по словам Евангелия, явившись в ризах белоснежных и таким же показав Апостолам Моисея и Илию.

Это изречение Сисиния я нахожу также остроумным. В Константинополе проживал епископ Анкиры Галатийской, Леонтий, отнявший церкви у тамошних новациан. Сисиний отправился к нему с просьбою возвратить их. Но тот не только не отдавал, а еще порицал новациан, как не достойных иметь церковные собрания, говоря, что они уничтожают покаяние и человеколюбие Божие. Тогда Сисиний сказал: “Однако же никто так не раскаивается, как я”. – “Как же это?” – спросил Леонтий. – “Так, что видел тебя”, – отвечал Сисиний. Припоминают много и других остроумных его изречений. Есть, сказывают, довольно и написанных им не без изящества речей. Однако же больше хвалят его за устную беседу, потому что он отвечал отлично и способен был восхищать слушателя как голосом, так и взором и необыкновенно приятным лицом. Но чтобы показать, каков был этот муж, какие имел он природные способности, воспитание и образ жизни, довольно сказано.

14. *О злобе Феофила, и об Епифании, как он, прибыв в Константинополь, старался возмутить народ против Иоанна.* Скрывая это в уме и приготавлиаясь, Феофил писал к епископам городов и в своем послании осуждал сочинения Оригена. Рассудив же, что будет весьма полезно для него к соучастию в замышляемом деле склонить саламинского в Кипре епископа Епифания, мужа уважаемого за жизнь и славнейшего из всех современников, он начал искать его дружбы, хотя прежде порицал его за мнение, что Бог имеет человеческий образ, и, как бы раскаявшись и узнав правоту дела, написал ему, что держится одинаковых с ним мыслей, и клеветал на сочинения Оригена, как виновника такого учения. Епифаний, с давних пор не любивший сочинений Оригена, легко поверил посланию Феофила и в собрании кипрских епископов запретил чтение Оригеновых книг; потом написал определение об этом и другим епископам и константинопольскому, убеждая их созвать соборы и утвердить то же самое. Феофил видел, что нет никакой опасности следовать Епифанию, имевшему многих читателей, которые из уважения к добродетельной его жизни, дивились образу его мыслей, и потому, собрав подведомых себе епископов, постановил почти то же, что и Епифаний. Но Иоанн попечение об этом не считал достойным внимания и на послания Епифания и Феофила смотрел как на дело второстепенное. Между тем люди из властей и клира, имевшие неприязнь к Ио-

анну, осведомились, что Феофил заботится о низвержении его, и, тщательно содействуя александрийскому епископу, старались о созвании в Константинополе великого собора. Узнав об этом, Феофил стал еще деятельнее и приказал египетским епископам отправиться морем. О том же просил он письменно Епифания и других восточных и торопил их отъездом, а сам отправился сухим путем. Чрез несколько времени Епифаний, отплыв из Кипра, первый прибыл в предместье Константинополя на седьмой миле и, помолившись в здешней церкви, отправился в город. Чтобы почтить его, Иоанн вышел к нему навстречу со всем клиром. Но Епифаний ясно дал разуметь, что верит клеветам на Иоанна; ибо, быв убеждаем остановиться в церковных зданиях, не согласился и избегал свидания с Иоанном, а между тем, созывая частно живших в Константинополе епископов, показывал им определение против Оригеновых сочинений, и некоторых убедил подписать его. Впрочем большая половина их отказалась, а скифский епископ Феотим даже явно порицал Епифания, говоря, что неблагочестиво – оскорблять давно скончавшегося, хульствовать против суда древних и отвергать одобренное ими. При этом он вынес одно из сочинений Оригена, прочитал его и, показав, что прочитанное полезно Церквам, сказал: неблагоприятно поступают люди, клеветующие на это; они подвергаются опасности поносить и то, о чем здесь говорится. Иоанн между тем все еще сохранял уважение к Епифанию и убеждал его совершать богослужение и жить вместе с собою. Но тот отвечал, что не будет ни жить, ни молиться вместе с ним, если он не осудит сочинений Оригена и не изгонит Диоскора и его спутников. Поелику же Иоанн считал несправедливым сделать это прежде суда, и отказался; то враги его устроили так, чтобы при имеющем быть собрании в церкви, соименной св. Апостолам, явился Епифаний и всенародно осудить Оригеновы сочинения и Диоскора с братиею, держащегося его мнений, а вместе с тем оклеветал бы и епископа города как их единомышленника. Об этом-то они заботились; ибо таким-то образом думали привести его в неприязнь у народа. В следующий день Епифаний, имея ввиду эту цель, уже приближался к церкви, но встречен был посланным от Иоанна Серапионом; обо (Иоанн) знал об устроенном накануне заговоре и через Серапиона высказал Епифанию, что так поступать и не справедливо, и не полезно для него само-

го, что, возбудив тревогу или возмущение в черни, он подвергнется опасности как виновник происшедшего беспокойства. Этим только остановлено было его предприятие.

25. *О том, что, при худом положении церковных дел, худо шли и дела мирские, также нечто о военачальнике Гонория Стилихоне.* В это время, как и всегда, можно было замечать, что при разногласии иереев, подвергалось смятением и волнению самое государство. Гунны, перешедши Истр, опустошили Фракию; а исаврийские разбойники, собравшись во множестве, злодействовали в городах и селениях даже до Кари и Финикии. Сверх того, военачальник Гонория Стилихон, муж, пользовавшийся такою силою, какою едва ли кто пользовался когда-нибудь, и имевший влияние на молодых людей из римлян и вар-

варов, вошел в враждебные отношения с правительством Аркадия и, замыслив привести во взаимное столкновение оба двора, выхлопотал у Гонория достоинство римского военачальника вождю готов Алариху и направил его против иллирийцев. С своей же стороны, послав вперед новопоставленного префекта Иовия, обещал сам подоспеть с римскими воинами, чтобы тамошних подданных привести также под власть Гонория. Аларих, взяв своих подчиненных из варварской земли близ Далмации и Паннонии, где проживал сам, пошел в Эпир и, пробыв здесь не мало времени, возвратился в Италию; потому что Стилихон, намеревавшийся, по условию, выступить, удержан был грамотою Гонория. Так шли здесь дела.

Книга IX

4. *О персидском союзе, о Гонории и Стилихоне и о событиях в Риме и Далмации.* В это время персы, подвигнутые к войне, заключили с римлянами столетний союз; а военачальник Гонория, Стилихон, подозреваемый в стремлении провозгласить восточным царем сына своего Евхерия, убит был воинами в Равенне. — Задолго до этого времени, еще при жизни Аркадия, заведши вражду с его полководцами, Стилихон старался воспламенить войну между самими империями и, с этою целью выхлопотав достоинство римского военачальника готскому вождю Алариху, убедил его занять Иллирию. Послав туда предварительно Иовия, которого сделал префектом Иллирии, он условился поспешить к нему и сам с римскими войсками, чтобы туземных жителей привести под власть Гонория. Аларих, вместе с своими готами вышедши из варварской страны близ Далмации и Паннонии, где жил, вступил в Эпир, но пробыв здесь долгое время, ничего не сделал и возвратился в Италию; ибо Стилихон, хотевший, согласно с условием, отправиться, удержан был грамотою Гонория. По кончине Аркадия, Гонорий, из любви к племяннику, намеревался тотчас же ехать в Константинополь и поставить там верных блюстителей безопасности царя и царства; ибо, считая племянника за сына, он опасался, как бы по молодости не потерпеть ему чего-нибудь и не сделаться предметом козней. Гонорий собирался было уже в путь, но Стилихон убедил его остаться в Италии, говоря, что его присутствие там необходимо, потому что недавно какой-то Константин за-

думал в Арелате стремиться к тирании. Сам между тем, взяв скипетр, называемый у римлян Лавором, и грамоту царя, позволявшую ему отправиться на восток, намеревался выступить с четырьмя легионами войска. Тогда разнесся слух, что он злоумышляет против царя и, имея сильных соумышленников, готовит тиранию своему сыну. Воины возмутились и убили префектов Италии и Галлии, военачальников и других, занимавших при дворе важные должности. — Убит был ими в Равенне и сам Стилихон. Это был муж, превосходивший своим могуществом всех когда-либо бывших сановников, и имевший, так сказать, на своей стороне всех римлян и варваров. — Так-то погиб Стилихон, подозреваемый в злоумышлении против царского дома. Убит был и сын его Евхерий.

5. *О различных, воевавших против римлян народов, из которых одни, с помощью Божию, были побеждены, а другие даже сделались их данниками.* Около того же времени случилось гуннам стоять лагерем во Фракии. Вдруг они постыдно обратились в бегство, бросив весьма многих из своих товарищей, тогда как никто не нападал на них и не преследовал их. Потом предводитель живших около Истра варваров, Ульдис, переправившись с многочисленным войском чрез эту реку, расположился лагерем на границах Фракии, взяв измению мизийский город Кастрамартис и, делая набеги на остальную Фракию, по высокомерию не хотел заключить союза с римлянами. Когда префект фракийских войск переговаривал с ним о мире, он указал на восходя-

щее солнце и сказал, что покорить всю им освещаемую землю для него, если бы вздумалось, не будет стоять большого труда. Но между тем, как он делал такие угрозы и произвольно назначал дань, объявляя, что только под этим условием согласится на мир с римлянами, в противном же случае пусть ждут войны, – в такой крайности Бог показал, как много печется Он об этой империи. Спустя несколько времени, между слугами Ульдиса и начальниками отрядов его войска зашла речь о римском государстве и о человеколюбии римского царя, – сколь высокими, то есть, и многими почестями награждает он отличных и добрых людей. Конечно, не без воли Божией почувствовав в себе сильное желание таких почестей, те начальники отрядов перешли к римлянам и вместе с своими подчиненными вступили в их лагерь. Тогда Ульдис едва спасся, убежав на другой берег реки, при чем потерял много людей, особенно же так называемых скиров. – До настоящего события этот варварский народ был довольно многочислен. Но, не поспевая за прочими во время бегства, одни из варваров были перебиты, другие, оставшиеся в живых, перевязаны и отправлены в Константинополь. Чтобы, собравшись во множестве, они не решились на что-либо, правительству пришла мысль рассеять их. Поэтому некоторые из них были проданы за ничтожную цену, а некоторые и даром отданы в рабство, под тем только условием, чтобы они никогда не являлись ни в Константинополь, ни вообще в Европе, но от известных себе мест отделены были морем. Затем оставалась еще значительная часть не проданных и размещена была на жительство по разным местам. Многих я видел в Вифинии близ горы Олимпа; живут они рассеянно и обрабатывают находящиеся там холмы и долины.

12. *О Феодосии и Лагодии; о вандалах и свевах; также о смерти Алариха и бегстве тиранов Константина и Константа.* После сего противники, усиленные вспомогательными отрядами, взяли в плен Дидима и Верениана, вместе с их женами, и сослали их, а впоследствии и умертвили. Братья же сосланных Феодосиол и Лагодий, жившие в других областях, удалились из отечества и укрылись – Феодосиол в Италии у царя Гонория, а Лагодий на востоке у Феодосия. Устроив таким образом дела и оставив военную стражу для охранения входа в Испанию, Констант возвратился к отцу. Он не позволил охранять его ис-

панцам, которые просили о том, основываясь на древнем обычае, что и было впоследствии причиною гибели туземцев; ибо по падении могущества Константинова, варварские народы, то есть вандалы, свевы и аланы, ободрившись, завладели входом и взяли много крепостей и городов испанских и галльских вместе с прославленными от тирана правителями. Между тем видя, что кажется все идет по желанию, Константин возвел сына своего Константа из кесарей в цари и намеревался завоевать Италию. Перешедши коттийские Альпы, он вступил в лигурийский город Верону, но, собираясь переправляться через Иридан (По), узнал о смерти Алариха и возвратился прежним путем. Алариху, которого, как Гонориева военачальника, подозревали в намерении подчинить Константину весь запад, случилось быть убитым тогда, когда он, по обычаю, предшествовал государю, возвращавшемуся с какой-то процессии. За избавление свое от явного злоумышленника, царь, тотчас же сойдя с лошади, всенародно принес благодарное молебствие Богу. Между тем Константин, продолжая бегство, занял Арелат. С ним соединился и бежавший также из Испании сын его Констант; ибо по падении могущества Константинова, вандалы, свевы и аланы, узнав о плодородии и великом богатстве Испании и пользуясь беспечностью поставленной Константом стражи для защиты входа в нее, ободрились и поспешно заняли Пиренейские горы.

13. *О Геронтии, Максиме и войске Гонория; также о пленении и умерщвлении Геронтии и жены его.* В это время Константину сделался врагом отличнейший из его полководцев Геронтий. Нашедши годным для видов тирании слугу своего Максима, Геронтий облек его в царскую одежду и приказал ему оставаться в Тарраконе, а сам двинулся с войском против Константина, стараясь на пути убить сына его Константа, бывшего в Виенне. Когда Константин узнал о всем касающемся Максима, то полководца своего Эдовиха послал за Рейн искать помощи у франков и алеманов, а сыну своему Константу вверил защиту Виенны и прочих лежащих в окружности городов. Геронтий дошел до Арелата и осадил этот город. Но, спустя несколько времени, против тирана отправлено было Гонориево войско, которым предводительствовал отец царя Валентиниана Констанций. Тогда Геронтий с немногими воинами тотчас обратился в бегство; ибо большая часть его отряда пе-

решила на сторону Констанция. Испанские же воины, презирая его за бегство, положили убить его и, собравшись, окружили дом, в котором он остановился. Геронтий, с одним другом своим Аланом и несколькими слугами стреляя с верхней части дома, убил около 300 воинов. Когда же не стало стрел, слуги вышли тайно из дома и разбежались. Мог бы таким же образом спастись и Геронтий, но, удержанный любовью своей жены Ноннихии, не захотел. Поутру воины подложили к дому огонь, и запершимся в нем не оставалось более надежды на спасение. В такой крайности

Геронтий отсек голову другу своему Алану, который сам хотел этого, а затем – и своей жене, которая со слезами и стонами подставляла себя под меч, желая умереть лучше от руки мужа, чем попасть во власть других, и умоляя его об этом последнем даре. С таким-то мужеством, достойным своей веры (она была христианка), умерла эта женщина и навсегда оставила память о себе в потомстве. Что же касается до Геронтия, то он трижды ударял себя мечом и, все еще не получив смертельной раны, наконец извлек кинжал, который носил при себе, и им пронзил свое сердце.

Источник: Созомен. Церковная история. – СПб., 1851.

Стефан Византийский

Στέφανος Βυζάντιος – Stephanus Byzantius

Стефан Византийский (V–VI вв.), греческий лексикограф. Единственный труд “грамматика” Стефана Византийского – лексикон «Этника» («Ἔθνικα», лат. «Ethnica») в 55 книгах. Это своего рода упорядоченный по алфавиту географо-этнографический справочник об известных в древности народах ойкумены. Лексикон содержит объяснения наименований местностей и народов и крылатых выражений, их орфографии, склонения, этимологии – с привлечением цитат из античных авторов и сведений исторического и мифологического характера, в том числе преданий о чудесах, предсказаниях и пр. Оригинальная версия лексикона Стефана Византийского дошла до нас, по-видимому, в виде единственного фрагмента (от Δύμη до Δότιον и статья Ἰβηρία) в одном из парижских кодексов. Основная часть фрагментов «Этники» сосредоточена в сочинениях Константина Багрянородного «Об управлении империей» (глава 23) и «О фемах». Сокращенная версия лексикона выполнена то ли малоизвестным автором Гермодором (Ἑρμόδορος), то ли “несколькими эпитоматорами и при этом в различной мере” (В. В. Латышев) в 525–535 гг. и посвящена императору Юстиниану I (527–565). В качестве источника автор использовал труды историков Гекатея, Феопомпа, Александра Полигистора (все утрачены), Полибия, географов Птолемея, Страбона, Павсания, алек-

сандрийских грамматиков, в частности Геродота, комментаторов Гомера и др. и современные автору данные о странах и народах. Последние по времени авторы, на которых ссылается Стефан Византийский, – Дексипп (ок. 210 – после 270) и Маркиан (IV–V вв.), что дает повод считать Стефана младшим современником последнего. Впервые сочинение Стефана Византийского было издано Мануцием Альдусом в Венеции в 1502 г. под названием «Περὶ πόλεων» («О городах»), затем – Джакомо Гроновио в Лионе в 1694 г. по-гречески и по-латински («De urbibus»). На русский язык перевод выполнен с изданий Вильгельма Диндорфа и др. в 4 томах (Лейпциг, 1849) и Августа Майнеке (том I. Берлин, 1849). К настоящему времени, помимо специальной выборки В. В. Латышева, выпущены по-русски санкт-петербургским ученым Максимом Михайловичем Холодом сохранившаяся часть буквы D, а на основе других отрывков – буква E.

От лексикографа Стефана Византийского отличают носившего то же имя автора VII в. – последнего александрийского комментатора Платона и Аристотеля. В правление императора Ираклия (610–641) он был приглашен из Александрии в Константинополь (откуда прозвище Византийский) для преподавания в высшей школе и составил дошедший до нас комментарий на трактат Аристотеля «Об истолковании».

Подробнее см.: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 3: 312; О. Р. Бородин. Развитие географической мысли // Культура Византии. IV–I-я пол. VII вв. – М., 1984: 457.

Стефан Византийский

Этника, или Описание племен

По В. В. Латышеву. Перевод П. И. Прозорова

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Абии – скифское племя. Гомер о них говорит¹: “млекоедов и абиев, справедливейших смертных”. Александр в «Описании Евксинского Понта», по свидетельству Диофанта, объясняет их название тем, что они живут у реки Абиана²; а справедливыми Гомер назвал их за то, что они не пожелали идти вместе с амазонками против Азии³, или они называются так потому, что не живут оседлой жизнью, а на телегах переезжают с места на место. Дидим называет их фракийским племенем⁴, а Эсхил называет габиями⁵ с γ в «Освобожденном Прометее»: “затем придешь ты к габиям, народу самому справедливому и гостеприимному из всех смертных, где ни плуг, ни землекопный заступ не режут почвы, но сами собой нивы в изобилии приносят смертным средства к жизни”. Подобным образом говорят Филостефан и другие; но на самом деле они скифы. Большинство комментаторов говорят, что слова “млекоедов” и “абиев” представляют собой эпитет агавов, причем одни объясняют его в смысле “не прибегающие к насилию” (поэтому и “справедливейшие”), другие – в смысле “бездомные”, потому что жизнь их не похожа на нашу, наконец, третьи – словом ὀνοβίων, т. е. «однолучники», потому что они – стрелки.

Агафирсы (Ἀγάρφουροι) – народ за Гемом. Название получили или от Агафирса, сына Гераклова, или, как думает Лисандр, от тирсов (θύρσων) Диониса. Ударение – тяжелое... называются и агафирсиями притяжательно или народно...

Святое (Ἅγιον) – местность Скифии, где, по свидетельству Полигистора, почитался Асклепий.

Атира... есть и в Скифии (Σκυθίας)⁶ река Атира, как говорит Нимфодор.

Эя – город колхов, построенный Эетом, отстоящий от моря на триста стадиев; его обтекают две реки, Гипп и Кианей, образуя из него полуостров; кажется, наоборот, от имени города образовано имя Эета: как от Ἀσία – Ἀσιάτης, так от Αἴα – Αἰάτης и Αἰήτης. Имя жителей – Αἰαῖος, как [от Γάζα] – Γαζαῖος, женский род Αἰαία.

Акра – шестая [т. е. шестой город этого имени] в Скифии.

Алазон – племя, соседнее со скифами...⁷

Алан – гора в Сарматии⁸.

Албания – страна около восточных⁹ иберов.

Алопекия – остров¹⁰. О нем, упоминает Страбон в XI книге¹¹. Название жителей – Ἀλωπεκίεύς как Οἰχαλίεύς от Οἰχαλία.

Амадоки – скифское племя¹², о котором упоминает Гелланик в сочинении «О Скифии». Земля их называется Амадокией.

Амазонки – женское племя у Фермодонта, как говорит Эфор; ныне их называют савроматидами¹³. “О них рассказывают, что физической силой они превосходят мужчин, и объясняют это климатическими свойствами местности, которая будто бы обыкновенно производит женщин, более сильных и рослых, чем мужчин; но я думаю, что общие всем свойства заключаются уже в самой природе, так что приведенная причина не основательна. Более правдоподобна та, которую приводят их соседи: савроматы еще в незапамятные времена отправились походом в Европу, но все погибли там, и женщины их остались одни... когда у них мальчики подросли, то восстали против женщин, но когда последние одолели, то мужское население убежало в густые заросли и там погибло; опасаясь мести со стороны младших, женщины постановили переломать у них члены и всех сделать хромыми¹⁴. Назывались они также савропатидами, потому что растаптывали ящериц и ели их, или савроматидами потому, что жили в Савроматской Скифии...

Амаранты, по-гречески с ударением на последнем слоге, колхидское племя, из страны которого течет Фасис, почему и называют Фасис амарантским¹⁵.

Амиргий – равнина саков: Гелланик в сочинении «О Скифии». Название жителей – Ἀμύργιος¹⁶, как говорит тот же писатель.

Анариака – город у Каспийского моря, о котором упоминает Страбон¹⁷; имя жителей – Ἀναριάκαι как от λέσχη – λέσχης, от ἀράχνη – ἀράχνης. В нем, говорят, дается прорицание во время сна¹⁸.

Антандр – город под горой Идой... Аристотель говорит, что он назывался Эдонидой вследствие того, что в нем поселились фра-

кийцы эдоны, или Киммеридой от киммерийцев, населявших его в течение ста лет...¹⁹

Антиохия. Насчитывается десять городов с этим именем, но на самом деле их больше... десятый в Скифии...²⁰

Аорсы – народ [скифский], о котором упоминает Страбон в XI книге²¹; прилагательное имя народа то же самое.

Апасиаки, племя массагетов. Страбон в одиннадцатой книге и Полибий в десятой книге: апасиаки – кочевники, живут между Оксом и Танаисом.

Апатур – святилище Афродиты в Фанагории. О нем говорит Страбон в XI книге²²: “про-исхождение этого имени объясняют так: при нападении гигантов *Афродита*, призвав на помощь Геракла, скрыла его в одной пещере и, впуская каждого из гигантов по одному, обманом предавала их Гераклу для умерщвления”²³. Гекатей знает залив Апатур в Азии; название по месту *Ἀτάουρος*, но также и *Ἀταουρίτης*; может быть еще *Ἀτατούριος* и *Ἀταουρεύς*.

Аракс – река в Армении и другая в Фессалии: ибо так назывался Пеней от глагола *ἀράσσει* [разорвать]. Местное название – “Аракс-ийская вода”.

Аргос... восьмой город этого имени – Аргос Орестов в Скифии...²⁴

Аресов остров близ Колхиды на Понте. Скимн говорит о нем в описании Азии. Имя народа – *Ἀρεῖος*, произведенное от одного из двух [слов, входящих в состав названия].

Арианы²⁵ – народ, соседний с кадусиями: Аполлдор во II книге.

Аримаспы – племя гипербореев²⁶, притяжательное название *Ἀριμάσπειος*.

Армения – страна вблизи Персии, названная так от Армена родосца, как говорит Антипатр в III книге сочинений «О Родосе». Жители называются армениями, как говорит Евдокс в I книге «Землеописания»: “армения – родом из Фригии, и в языке их есть много фригийского”²⁷; у них добывается камень, служащий для вырезывания и просверливания печатей”. *Ἀρμενία* – также форма женского рода у Ксенофонта. Есть и Арменийская гора у начала Гиркании, как говорит Дионисий: “извергает быструю пену, получив начало от Арменийской горы”²⁸.

Аррехи – племя меотов. Страбон в одиннадцатой книге²⁹.

Аспургианы – племя из числа живущих у Меотийского озера³⁰. Страбон в одиннадцатой

книге³¹, “к ним принадлежат и аспургианы, живущие между Фанагорией и Горгиппией”.

Асса... есть и деревня в Скифии³². Жители называются *Ἀσσαῖοι*....

Астерусия – гора в южной части острова Крита, обращенная к морю; от нее и лежащий у Кавказа синдский город назван Астерусией³³, так как туда была послана критская колония; жители называются *Ἀστερουσιανοί*, *Ἀστερουσιεῖς* и *Ἀστερούσιοι*.

Аханы – народ около Скифии; они же называются ахарнами у Феопомпа.

Афродисиада, город... восьмой – приморский в Скифии, удобный для пиратства³⁴...

Ахиллов Бег, остров за Таврикой³⁵; есть и остров Ахиллов или, как некоторые его называют, Белый; есть и селение того же имени при устье Меотиды³⁶... Имя жителей *Ἀχιλλεῖωτης* и *Ἀχιλλεΐτης*, может быть и *Ἀχιλλεῖοδρομίτης*.

Апсилы – скифское племя, соседнее с лазами, как свидетельствует Арриан в «Объезде Евксинского Понта»³⁷.

Апсиртиды – острова на Адриатическом море³⁸, получившие название от Этова сына Апсирта, убитого на одном из них сестрой Медеей. Жители их называются *Ἀψυρτεῖς* и *Ἀψυρτοί*. Есть и на Евксинском Понте местность Апсар, прежде называвшаяся Апсиртом³⁹. Артемидор в «Сокращенной географии» рассказывает и про город и остров Апсирт.

Бастарны – народ, живущий над Истром. Дионисий в «Землеописании» говорит⁴⁰: “Многие племена одно за другим живут до устья Меотийского озера: германцы, саматы, геты и бастарны”.

Бехир – скифское племя...⁴¹

Боавлия – город в Скифии⁴². О нем упоминает Писандр в двадцать шестой книге.

Борисфен – город и река Понта у Меотийского озера и реки Танаиса; так же назывался и Геллеспонт раньше Геллы; есть эллинский город к западу (от Гипаниса?), милетская колония, которую другие называют Борисфеном, а сами жители Ольвией; [он лежит против Гипполаева мыса?], который образуют Борисфен и Гипанис⁴³; гражданин – *Βορυσθενίτης*, а форма женского рода – *Βορυσθενίτις* не от названия города, а от реки...

Боспор – город Понта у Киммерийского залива, по свидетельству Филона, и пролив того же имени, названный от Ио [дочери Инаха, как пишет] Эсхил в «Скованном Прометее»: “Будет у смертных навеки великая слава о

твоем странствовании, и именем *его* назван будет Боспор”⁴⁴. [Страбон же в одиннадцатой *книге*⁴⁵ «Географии» пишет следующее: “все подвластные владыкам Боспора называются боспорианами, и столицей европейских служил Пантикапей, а азиатских – Фанагорий”. Флегонт в пятнадцатой *книге* «Олимпиад» также свидетельствует, что Боспор подчинялся власти боспорианского царя Котиса⁴⁶, которому Цезарь повелел носить и диадему и подчинил ему города, в числе которых он считает и самый Херсон⁴⁷. Есть два места, называемых Боспорами, одно – так называемый Киммерийский, вблизи Херсона, в котором была и столица боспорианов, а другое – в Византии]... Есть и другой Боспор – индийский. Название жителей – Βοσπόριος, Βοσποριανός, Βοσπορανός и Βοσπορηνός, ибо пишется двояко – через α и через η, как Τιβαρανός и Τιβαρηνός; говорится также Βοσπορίτης и Βοσπορκός – притяжательное. Софокл в первом «Финее» пишет в предпоследнем слого притяжательного имени дифтонг: “ни боспорийская вода у скифов”.

Будины – скифское племя, называемое так потому, что кочуют (δινεύειν) на телегах, влекомых быками (Βούς), ибо скифы – народ кочевой⁴⁸. О них упоминает Парменон Византийский в первой *книге* «Ямбов».

Библ – город в Финикии... название жителей Βύβλιος и [в женском роде] Βυβλιάς. Есть и скифское племя, называемое библии...

Бизеры – народ в Понте⁴⁹; есть и Бизерская гавань.

Гаргарей – народ, который вступает в половые сношения с амазонками, как говорит Страбон в XI *книге*⁵⁰. Женский род – Γαργάρης по правильному образованию, как Μεγάρης, а в местной форме – Γαργαρανή.

Гелон – город в Европейской Сарматии, названный по имени Гераклова сына Гелона, брата Агафирса; жители называются так же; ударение острое на последнем слого. Город этот – деревянный, лежащий в стране будинов, великого народа, по словам Геродота⁵¹. У них водится странное животное, называемое тарандом: оно меняет цвет своей шерсти сообразно месту, где находится, благодаря этому свойству его трудно ловить, потому что цвет его шерсти меняется сообразно со свойствами местности. Это явление странно, потому что только хамелеон и полип меняют цвет кожи. Величиной это животное с быка, а формой головы походит на оленя, как свидетельст-

вует Аристотель в пятой *книге* сочинения «О чудесных слухах»⁵².

Герр – местность и река вблизи Борисфена⁵³; житель, называется

Горгиппия – город в Синдикее⁵⁴; название жителей Γοργιπλεύς.

Готфы – народ, живший прежде в области Меотиды; впоследствии они переселились во внешнюю Фракию (ἐκτὸς Θράκης), как сказано у меня в статье о Византии⁵⁵. О них упоминает Парфений Фокейский.

Гогарена – местность между странами колхов и восточных иберов. Название народа – Γογαρηνός.

Дак – скифское племя; они кочевники, называются так же *дасами*, с буквой σ.

Дакия – страна близ Борисфена. Жители ее – *даки*, которых мы называем *даями*: “*Гетами* называют живущих у Понта в восточной части страны, а *даями* – живущих в противоположной части, со стороны Германии и истоков Истра”⁵⁶. И у аттиков встречаются имена рабов Δάοι и Γέτα.

Дандарии – народ около Кавказа, как говорит Гекатей в описании Европы⁵⁷.

Данубий или **Данусий** – река Истр, прежде называвшаяся **Матоем**⁵⁸, первое название получил он, когда скифов постигла беда. Ματόας по-гречески значит ‘безвредный’, так как при частых переправах через него *скифы* не терпели никаких бед, а Δάνουσις в переводе значит как бы “виновник неудачи”.

Дия – город... седьмой в Скифии у Фасиса...⁵⁹

Диоскуриада... город у Понта, названный также Севастополем; прежде, по свидетельству Никанора, он назывался Эей⁶⁰. Гражданин – Διοσκούριεύς.

Дрилы – поселение в Понтийской области, недалеко от Трапезунта, как говорит Ксенофонт в пятой *книге* «Анабасиса»⁶¹.

Элевтеры – город... есть и другой на реке Истре в Понте, названный так потому, что Ясон и его спутники, спасшись бегством от Эета, там освободились от страха...⁶²

Эликсия, остров гипербореев, не меньше Сицилии, под рекой **Карамбиком**. Островитяне называются **карамбиками** от реки, как говорит Гекатей Абдерский.

Гелуры – скифское племя⁶³; о них упоминает Дексипп в XII *книге* «Хроник».

Гептакометы [Семисельники] – варвары, живущие на горе Скидесе; некоторые из них назывались также бизерами⁶⁴.

Гермонасса – небольшой остров⁶⁵ с городом при Киммерийском Боспоре, основанным ионянами, по свидетельству Периегета⁶⁶. Скимн называет его также Германией⁶⁷; Страбон в VII книге называет деревню Гермонакта⁶⁸; Менипп в «Объезде двух морей» говорит, что это – местечко Трапезунта. Гекатей и Феопомп называют его городом. От Гермонассы название жителей Ἑρμωνασσῆες или Ἑρμωνάσιοι, как Συρακόσιοι.

Эвергеты [благодетели] – скифское племя, по Страбону⁶⁹; называлось также аримаспами. Так они названы потому, что у них во время бури нашли спасение аргонавты со своим кораблем⁷⁰.

Зефирий... есть и местечко в Скифии⁷¹...

Зиги – у Азиатского Боспора; Страбон в одиннадцатой книге⁷²; им, кажется, принадлежит и Зигополь близ Трапезунта; о нем упоминает Страбон в двенадцатой книге⁷³. От Ζυγοί прилагательное – Ζυγανός.

Геды – скифское племя. Гекатей в описании Европы⁷⁴.

Гемикины [полупсы]⁷⁵ – народ недалеко от массагетов и гипербореев. Симмий в «Аполлоне» говорит: “видел я странное племя мужей гемикинов: у них на красивых плечах собачья голова, снабженная крепкими челюстями; лают они, как собаки, и не понимают славной речи других смертных”. Также Гесиод⁷⁶.

Гениохия – страна у Кавказа; жители – **гениохи**; о них Страбон в одиннадцатой книге⁷⁷.

Фемискира / Темискира – город, лежащий против⁷⁸ Фермодонта; так же называется и страна. Жители – Θεμισκύριοι, говорится и Αεμισκύρειαι.

Февдосия – приморский таврический город. Страбон в VII книге⁷⁹. Название жителей: Θεοδοσιανός и Θεοδοσιεύς.

Тиссагеты / Фиссагеты – народ у Меотийского озера, по свидетельству Геродота⁸⁰.

Изабаты – народ у Меотиды; Эфор называет их савроматами⁸¹.

Язиги – европейский народ, как говорит Маркиан в «Перипле»⁸².

Илаис – город на острове Родосе, в Скифии⁸³ и на Адриатическом море. Гражданин – Ἰαλύσιος и Ἰηλύσιος и в женском роде Ἰαλυσιάς.

Иамы – племя скифское. Гекатей в описании Азии⁸⁴.

Иамы – племя в Скифии⁸⁵..., как рассказывает Александр в «Описании Евксинского Понта».

Иксибаты – народ у Понта, соседний с Синдикой⁸⁶. Гекатей в описании Азии.

Исеп – скифское племя⁸⁷. Гекатей в описании Европы.

Исседоны – скифское племя⁸⁸. Гекатей в описании Азии. Алкман один называет их эсседонами. У других писателей встречается второй слог через ε. Встречается и трехсложное название “исседы”. Есть и город Исседон.

Кадусии – народ между Каспийским морем и Понтом: Страбон в одиннадцатой книге⁸⁹.

Карамбики – народ гипербореев, от реки Карамбики, как говорит Гекатей Абдерский.

Кардесс – город в Скифии. Гекатей в описании Европы⁹⁰. Жители называются Καρδήσιος и Καρδήσσεύς.

Каркинитида – город скифский. Гекатей в описании Европы⁹¹; жители – Καρκινῖται.

Каспийское море; от него происходят названия: каспии, Каспийская гора, каспийские мужи, Каспийская страна и Каспий. Каспийское море называется также Гирканским: некоторые, *впрочем*, различают эти моря: “внешнее море большинство варваров называет океаном, жители Азии – великим морем, а эллины – Атлантическим морем”⁹²... От Κασπία происходит Κασπιανός, как Καρδιανός.

Катанны⁹³ – народ у Каспийского моря. Гекатей в описании Азии.

Кавказ – гора, которую называют и Паропамисом⁹⁴, величайшая из гор Азии; *прилагательное* название народов – Καυκάσιος и в женском роде Καυκάσια о стране; откуда Καυκασιανός, как Κασπιανός и средний род Καυκάσιον. Говорится также и ι: Καύκασις, откуда Καυκασίτης, как Ὀασίτης от Ὀασις.

Кораксы – племя колхов, вблизи колов. Гекатей в описании Азии. Кораксийская стена и Кораксийская страна.

Корокондама – деревня близ Синдики. Артемидор в XI книге сочинения Γεωγραφούμενα. Название жителей Короконδαμίτης и Короконδαμίτης.

Крема – город Понта⁹⁵. Флегонт в восьмой книге «Хроник». Название жителей – Κρημῆσιος, как Ἰθακήσιος⁹⁶.

Кросса – город у Понта⁹⁷. Гекатей в описании Азии. Название жителей – Κροσσαῖος [и] в женском и среднем роде.

Киты – город колхидский, родина Медеи; есть и другой город того же имени в Скифии. Называется также Китея; например, у Ликофрона⁹⁸: “который, придя в Китею Лигистийскую” (либистины – это народ, соседний с колхами). Житель – Κυταῖος, откуда еще Κυ-

ταιεύς [как *говорит* Аполлоний]: “Башни узрите вы китейца Эета”⁹⁹; женский род Κυταιάς. Говорится также Κυταις от Κυταῖος. Некоторые *говорят*, что есть два *города* Киты: этот и в Европе¹⁰⁰. Есть также критский город Китей.

Колы – народ у Кавказа: Гекатей в описании Азии¹⁰¹. Подгорья Кавказа называются Кольскими горами, а страна *называется* Κωλική.

Конопа... Есть и Конопий¹⁰² на Меотийском озере, где, говорят¹⁰³, волки, получая пищу от рыбаков, стерегут *их* добычу; а если заметят, что их обижают, то портят и сети, и рыбу их...

Лазы – скифское племя; по свидетельству Арриана¹⁰⁴, есть и местечко Старая Лазика.

Либистины – народ, соседний с колхами, как *говорит* Диофант в *сочинении* «Политика» («Πολιτικά»); женский род – Λιβυστίνη.

Меоты – весьма сильное и многочисленное скифское племя; женский род [Μαιώτις] как, например, Μαιώτις Λίμνη [Меотийское озеро], которое, по рассказам, названо *так* потому, что служит кормилицей Евксинского Понта. Есть и некая рыба мαιώτης. Употребляется и притяжательное Μαιωτικός.

Макрокефалы [длинноголовые] – *народ* близ колхов: “ибо полупсы, длинноголовые и пигмеи...”¹⁰⁵

Макроны – нынешние санны: Страбон в двенадцатой книге¹⁰⁶; Гекатей в *описании* Азии¹⁰⁷; Аполлоний во второй *книге*.

Мары – народ, соседний с моссиниками. Гекатей в *описании* Азии¹⁰⁸.

Матикеты – скифское племя. Гекатей в *описании* Европы¹⁰⁹.

Меланхлены [черноризцы] – скифское племя: Гекатей в *описании* Европы¹¹⁰. Названы *так* по *одежде*, которую носят, как гиппемолги потому, что доят кобылиц, а моссиники – по жилищам.

Метрополь – [город]... седьмой у моссиников, живущих у Понта, восьмой в Скифии¹¹¹...

Моссиники – народ, о которых *говорит* Евдокс в первой *книге* «Землеописания». Притяжательное – Μοσσυνοικικός.

Мосхи – племя колхов, соседнее с матиенами. Гекатей в *описании* Азии¹¹².

Миргеты – скифское племя: Гекатей в *описании* Европы¹¹³. В некоторых *сочинениях* Геродиана неправильно пишется через γ (Γοργετών).

Мирмекий – городок в Таврике: Страбон в одиннадцатой *книге*¹¹⁴. Геродиан пишет через дифтонг и с обложенным ударением на пред-

последнем слоге. Прилагательное, если *писать* через дифтонг, – Μορμηκειεύς, а если через ι – Μορμήκιος. Артемидор называет его Μορμηκία.

Напис – деревня в Скифии¹¹⁵; житель Ναλάτης или Ναλίτης, деревня и собирательное Ναλίται.

Невры – народ в Сарматии: Дионисий в сочинении «Περίήγησις»¹¹⁶; и страна – Неврида¹¹⁷. Называются также Νευρίται.

Никония – город в Понте при устьях Истра: Страбон в седьмой *книге*¹¹⁸. Имя жителей – Νικωνιάτης, как Ῥιθυμνιάτης.

Нимфей – таврический город между столицей Пантикапеем и Феодосией, как *говорит* Страбон¹¹⁹. Название жителя может быть Νιμφαιεύς, как Ἦραιεύς, но употребляется в форме Νυμφαίτης; а νυμφαῖος – притяжательное от слова “нимфы”.

Нисы – *называются* многие города... восьмой на горе Кавказе¹²⁰...

Ольвия... вторая – город в Понте¹²¹.

Пантикапей – очень большой город, столица прибоспорского края; основан сыном Эета (Αἰήτου παῖδός)¹²², получившим это место от скифского царя Агаета (Ἀγαήτου)¹²³ и назвавшим город по имени мимотекущей реки Пантикапа¹²⁴. Гражданин – Παντικάπαιεύς; говорится и Παντικάπαιάτης¹²⁵; есть также Παντικάλέυς, образованное как бы от Παντικάλη, как от Σινόλη – Σινωλεύς; форма Παντικάλη встречается у Евстохия.

Святылище Девы – место и мыс перед боспорским городом Херсонесом, как *говорит* Страбон: “названы по имени какого-то божества и мыс, и храм, и статуя Парфении, имеющий сто стадиев¹²⁶...”

Парфиен – народ, прежде *живший* в Скифии, а потом бежавший или переселившийся к мидянам и получивший такое название у мидян от свойств принявшей их земли – болотистой и богатой ущельями; или вследствие их бегства, так как у скифов беглецы называются πάρθοι¹²⁷. *Народ* называется и Πάρθοι, и Πάρθοι, и Παρθυαῖοι, а страна – Παρθυαῖα, Παρθηνή и Παρθηνός.

Патрасис – понтийский город, как *говорит* Гекатей в *описании* Азии¹²⁸; имя жителей – Πατρασύτης, Πατράσυος и Πατρασυεύς.

Павсарки – народ под Кавказом¹²⁹.

Певка [Сосновый] – остров на Истре; жители – Πευκηνοί¹³⁰.

Понт, в частности **Евксинский**; название жителей – Πόντιος, Ποντία и Ποντιάς и притяжа-

тельное Ποντικός. Есть и область Понт Полеонский¹³¹.

Портмия и Портмий – селение при устье Меотийского озера¹³². Название жителей – Πορθμῆες; как Σουνεῖς, и Πορθμίτης.

Пиенида – город колхов¹³³; название жителей – Πηνιῖτης, по правилу *имен*, оканчивающихся на ις.

Ребас – река у Понта¹³⁴; есть и страна с *этим названием*, откуда имя жителей Ῥηβαῖοι.

Рипей – гора гипербореев¹³⁵; прилагательное Ῥιπαῖος, от которого производится Ῥιπαεῖς.

Саки – народ; так называют скифов от доспека [τό σάκος ‘щит’], потому что они изобрели (εὑραντο) его¹³⁶. Женский род Σακίς.

Санниги – скифское племя, живущее в соседстве с абасгами¹³⁷.

Сапиры – народ Понтийской области, ныне называемый через β – сабирами¹³⁸.

Сарматы – скифское племя; страна их – Сарматия; *есть* и Сарматская гора¹³⁹.

Савроматы – скифское племя; Σαυρομάτις *означает* и женщину и страну.

Сиэгатурги – народ, о котором Маркиан в описании Сарматии¹⁴⁰.

Синды – к югу от Меотийского озера; некоторые говорят, что и синдское племя есть от расль меотов...¹⁴¹

Скифы – фракийское племя¹⁴²; прежде назывались Νομάοι, а скифами *названы* от имени Гераклова сына Скифа, по некоторым же от σκύεσθαι [сердиться], потому что *они* очень сердиты. Итак *говорится* Σκυθία и по-ионически Σκυθήν, Σκυθικοί и Σκυθικά; *говорится* и Σκυθικάι – это род обуви, как Персикаί. *Есть и форма прилагательного* Σκύθης, как, например, Σκύθης ὄμιλος [скифская толпа]¹⁴³, Σκύθην εἰς οἶμον [в скифскую страну]¹⁴⁴ и Σκύθης σίδρος [скифское железо]; отсюда ἀποσκυθίσαι [железом срезать волосы]. Звательный падеж Σκύθα, как Πέρσα, но есть и Σκύθη; женский род Σκυθίς, *говорится также* Σκύθαῖαν, как κηρύκαῖαν, и σκυθίζειν [жить по-скифски].

Скифены – народ, *живущий* недалеко от макронов, как *говорит* Ксенофонт в четвертой книге «Анабасиса»¹⁴⁵.

Соаны – храбрый народ (ἔθνος ἀνδρεῖον)¹⁴⁶..., как *говорит* Страбон в одиннадцатой книге: “вблизи и соаны”¹⁴⁷.

Стамена (Σταμῆνη) – город халибов. Гекатей в описании Азии¹⁴⁸. Название жителей – Σταμεναῖος и Σταμένιος.

Синдик – город с гаванью, смежный со Скифией. Некоторые называют его Горгишпой¹⁴⁹.

Сирматы – *то же, что* савроматы, как *говорит* Евдокс в первой книге: “вблизи Танаиса живут сирматы”¹⁵⁰.

Сфактерия... есть и **Сфагитида** (Σφαγίτις), мыс в Скифии¹⁵¹...

Тамирака – город в Европейской Сарматии¹⁵²; название жителей – Ταμυρακηνός.

Танаис – город одноименный с рекой: Страбон в седьмой книге¹⁵³. Называется также Ἐμπόριον, как *говорит* Александр Полигистор: “При впадении Танаиса в Меотийское озеро построен эллинский город Танаис, который называется также Ἐμπόριον. Гражданин – Ταναίτης, в женском *rode* Ταναίτις. Некоторые *полагают, что эта* река – *та же, что* Акесин и Яксарт¹⁵⁴, но что многие варварские имена эллинизировались, как *говорит* Никанор.

Таохи – народ во внутренней части Понта¹⁵⁵; так же *называется* и страна. Некоторые называют их **таями**; как *говорит* Софенет в «Анабасисе».

Таркиния... есть и гиперборейское племя таркинеи¹⁵⁶, у которых грипы стерегут золото, как *говорит* Гиерокл в сочинении «Φιλίστορες» («Занимательные истории»).

Тарра... есть и другой город Тарра у Кавказа, колония критян¹⁵⁷...

Таврика – большой и очень замечательный остров, имеющий много народов и *своим* положением запирающий *кругом* Меотийское озеро; неподалеку от него лежит небольшой остров Алопекия. К Таврике прилегают два острова: Фанагора и Гермонасса¹⁵⁸. Говорят, что там Осирис, запрягши быков, вспахал землю, и от *этой-то* пары быков (ταύρου) получил имя народ. Житель – Ταυρικάς, как Ἀττικός. Некоторые называют его Танаисом, другие – Алопекией, третьи – Меотидой.

Тафры (Τάφραι) и в единственном числе **Тафра** (Τάφρη) – страна у Меотийского озера, которую окружили рвами рабы, вступившие в связь со *своими* господами во время долговременной войны у скифов, когда господа их воевали с фракийцами или *живущими* по эту сторону Истра, как *рассказывает* Каллистрат в третьей книге... эту страну-де заселили саторхеи. Жители – саторхеи¹⁵⁹.

Теос – город в Ионии... Есть и другой город в *стране* дирбеев в Скифии, в котором, говорят, есть озеро, изобилующее рыбами; от них в хорошую погоду плавает на поверхности столько жира [*собственно* масла], что его черпают руками в лодку и употребляют в дело.

Тибарения – страна у Понта, прилегающая к халибам и моссиникам; имя жителей – Τιβα-

ῥανοί и Τιβαρηνοί, женский род Τιβαρηνίς. Эфор в пятой книге говорит, что “Тибарены поставили целью своих стремлений забаву и смех и считают это величайшим блаженством. Соседи их – халибы и народ левкосиров”¹⁶⁰.

Типанисы – народ у Кавказа. Гекатей в *описании Европы*¹⁶¹.

Токсин и токсианы – народ таврический¹⁶². Геродиан в седьмой книге.

Тореты – народ понтийский. Аполлодор во второй книге сочинения «О земле».

Травхении – народ у Понта Евксинского, соседний с синдами.

Травсы – город кельтов; народ, который эллины называют агафирсами.

Трафа (Τράφη)¹⁶³ – город у Понта. Название жителей – Τραφαῖος.

Тиенида – город колхов¹⁶⁴, от реки Тиениды. Название жителей – Τιηνίτις.

Тира – город и река при Евксинском Понте; от Τύρας имя жителей должно бы быть Τυράτης, но Полигистор город и реку называет Τύρας, а жителей – Τυρανοί; есть и Τυρίτης, как бы от Τύρις; город назывался еще Офиуссой.

Тиритака – понтийский город. Название жителей – Τυριτακάιος и Τυριτακηνός по обычному образованию¹⁶⁵.

Тирмении – скифский народ, весьма преданный мореплаванию; в переводе значит “изгнанники”.

Гилея – понтийская страна, иначе называемая Ἀβική, т. е. ‘Полесье’¹⁶⁶. Александр в «Описании Понта».

Гипанис – река и город между Понтом и Меотийским озером. Александр Полигистор говорит, что Гипанис, разделяясь на два рукава, одну часть воды изливает в Меотийское озеро, а другую в Понт¹⁶⁷. Геродот в четвертой книге¹⁶⁸ говорит, что в него впадает некий горький источник и делает речную воду негодной для питья. Название жителей – Ὑπανίτης, как Ταναίτης.

Гипербореи – народ. Протарх говорит, что Альпы называются Рипейскими горами и что все живущие выше Альпийских гор носят имя гипербореев. Каллимах же говорит, что *гипербореи* тождественны с аримаспами. Дамаст в сочинении «О народах» говорит, что выше скифов живут исседоны, еще выше этих – аримаспы, за аримаспами *находятся* Рипейские горы, с которых дует Борей и никогда не сходит снег, а за этими горами живут гипербореи до другого моря¹⁶⁹. Другие *говорят* иначе. Гелланик пишет Ὑπερβόρειοι с дифтонгом.

Фанагория – город, названный от имени Фанагора, как говорит Гекатей в *описании Азии*¹⁷⁰. Остров называется Фанагорой и Фанагорией; есть еще торговое место Фанагории, среднего рода. Имя жителей по обычному образованию должно бы быть Φαναγορεύς, как Ἀλεξανδρεύς, однако, преимущественно употребляется Φαναγορείτης.

Фарнакия – понтийская страна и город близ Трапезунта. Имя жителя – Фарнакеύς от слов Φάρνακος.

Фасис – город Эи¹⁷¹ у реки Фасиса в Колхиде; основан милетянами. Имя жителей должно было бы быть Φασίτης, как Ὀασίτης, Μεμφίτης, или Φασιάτης с плеонастическим α, как *действительно* и говорят; имя жителей – Φασιάτης, *притяжательное* – Φασιατικός и Φασιανός, как *говорит* Аристофан в «Судах»; женский род – Φασιανή, а в среднем роде – Φασιανόν νότος (фасийская чаща). Есть и другая река Фасис на Тапробане¹⁷².

Фтирофаги [вшееды] – народ... Страбон в одиннадцатой книге¹⁷³.

Филиры – народ у Понта, названный по имени Кроновой матери Филиры. Женский род Φιλυρίς и Φιλυρηίς с плеонастическим η. Может быть также Φιλυρίτης от Φιλύρη.

Хабарены – народ. Евдокс в первой книге «Землеописания» *говорит*: “Называются ведь и хабаренами живущие вокруг халибов; они едят сырыми груди чужих женщин, которыми случится им овладеть, а детей угощают”.

Халдеи... есть и халдеи – народ вблизи Колхиды¹⁷⁴. Софокл в «Тимпанистах» *говорит*: “и колх, и халдей, и сирийский народ”. Однако *люди* более сведущие говорят, что они живут около Вавилона...

Халкида... [5] есть и город Халкида в Скифии¹⁷⁵, граждане которого *называются* Χαλκίται и область – Χαλκίτις, как *говорит* Гермий в сочинении «Περὶ ἡγῆσις».

Халибы – племя у Понта на реке Фермонте, о коих *говорит* Евдокс в первой книге: “из земли халибов вывозится железо, которое хвалят за *пригодность* к закаливанию”. Их Гомер называет гализонами в каталоге после пафлагонцев¹⁷⁶: “Один и Эпистроф предводительствовали гализонами, *пришедшими* издалека от алибов, где родится серебро”; здесь или написание изменено из “издалека из Халибы”, или люди назывались сначала алибами вместо халибов. Притяжательное *говорится* также с δ – Χαλυβδικός. Ликофрон *говорит*: “хадибдийским мечом”¹⁷⁷. Страна называется

Χαλυβική; жители у Гекатея называются также халибоями: “с халибоями к югу граничат армении”¹⁷⁸.

Хариматы – народ у Понта. Палефат в седьмой книге сочинения «Τρωικά» говорит: “к керкетам примыкают мосхи, и хариматы владеют Парфением до Евксинского Понта”. Также Гелланик в «Основаниях народов и городов»: “Выше керкетов (Κερκετέων) живут (οἰκεῦσι) мосхи и хариматы, ниже гениохи, а выше кораксы” (κάτω δ' Ἦνίοχοι, ἄνω δὲ Κораζοί)¹⁷⁹.

Херронес... есть и третий город в Таврике. Геродот в четвертой книге¹⁸⁰: “Племя тавров занимает землю до так называемого Скалистого полуострова”. Имя жителей этого города Χερρωνησίτης¹⁸¹.

Хои – народ вблизи бекиров. Гекатей в описании Азии: “до сих пор земля бекиров, а с ними рядом живут хои”; и опять: “до этих хоев”; и опять: “с хоями к востоку граничат диэры”¹⁸².

Хирады – город моссиников. Гекатей в описании Европы (Εὐρώπη)¹⁸³ говорит: “с тибаренами к солнечному восходу граничат моссиники, а у них город Хирады”¹⁸⁴. Имя жителей – Χοιραδεύς.

Псевдартак – холм в Скифии за так называемой Святой горой... Название по месту – Ψευδάρτακας, и по правильному образованию говорится Ψευδάρτακηνός по образцу соседних названий.

Псессы – народ Тавринии. Аполлодор во второй книге сочинения «О земле» говорит: «Затем Гермонасса и Кепы [город], а третий – народ псессов»¹⁸⁵.

Обарены – часть Армении, прилегающая к реке Киру, которая течет параллельно Евфрату. О них упоминает и Квадрат в шестой книге сочинения «Παρθικά»: “у реки Кира живут обарены и отены, составляющие значительную часть Армении”.

Олинна – город у Каспийского моря¹⁸⁶. Название жителей Ὀλινναίος, как от Πέλιννα – Πελινναίος.

Отена – область Армении. Квадрат в третьей книге сочинения «Παρθικά» говорит: “Царь Армении Пакор, находясь в это время у Артаксат и Отены в Армении”. Название жителей приводит он же во второй книге: “вокруг реки Кира живут обарены и отены, составляющие значительную часть Армении”.

Примечания

¹ Гомер. Илиада XIII: 6.

² [Упомянутая, со ссылкой на Александра Полигистора, река у других авторов не засвидетельствована и является, скорее всего, выдумкой, в порядке ученой реконструкции, произведенной Александром Полигистором для объяснения происхождения имени гомеровых абиев. Ср. Thraemer, RE, I: 7].

³ [Об амазонках на юге и на западе Малой Азии существует много разнообразных легенд. «Илиада» (III: 188; IV: 186) упоминает их во Фригии и в Ликии; рассказы, переданные Диодором о военных передвижениях амазонок, обнаруживают с несомненностью, в качестве исторического зерна, легшего в их основание, предания о походах киммерийцев и скифов в VII в. до н. э.].

⁴ [По общепринятому в поздней античности мнению (ср. Страбон VII: 3, 2 сл.), абии – скифы; однако в глубокой древности граница между скифским и фракийским миром была не очень отчетлива: достаточно напомнить о том, что киммерийцы идентифицировались нередко с фракийскими трепами. Птолемей (VI: 15, 3) помещает абиев на севере Скифии, Аммиан Марцеллин (XXIII: 25) – к северу от Гиркании. По Арриану (Анабасис IV: 1, 1) их послы прибыли к Александру для заключения договора о дружбе].

⁵ [У других авторов подобное написание не встречается; наименование “габии” может быть сопоставлено с упоминаемым Плинием именем племени габры (Gabri), локализуемого на Кавказе].

⁶ “Σικελίας Casaubonus, каковая конъектура вследствие упоминания Нимфодора, очень вероятна”. [Река во Фракии между Селимбрией и Византием, отождествляемая с современной рекой Кара-

су, впадающей у местечка Бююк-Гекемше, где в древности помещался одноименный реке населенный пункт (Плиний IV: 46); Tomaschek, RE, II: 2074, допускает, что это наименование, применительно к Скифии, является поэтической формой для имени Тира].

⁷ [Собственно, алазоны; по мнению Геродота (IV: 17) и Страбона (XII: 3, 21), скифское племя, живущее на Днепре между эллино-скифами и скифами-пахарями].

⁸ [По координатам, сообщаемым для нее Птолемеем (III: 5, 5), эта полумифическая гора (или горы) может быть реально отождествлена лишь с Доинецким краем].

⁹ [Т. е. кавказских, в отличие от испанских (пиренейских) иберов].

¹⁰ [Локализуется в дельте реки Дона, а по координатам Птолемея (III: 5, 15), называющего этот остров так же, как и реку, – Танаисом, – к югу от нее, в Азовском море].

¹¹ Страбон XI: 2, 3.

¹² [Это фракийское – по Павсанию (I: 4, 4) гиперборейское – имя, встречающееся у Птолемея (III: 5, 5; 10; 13) в качестве наименования горы, озера и племени, Томашек (Tomaschek, RE, I: 1711) толкует как “посетители сырого мяса” и сопоставляет их с андрофагами Геродота (IV: 18)].

¹³ [О реальных основаниях связи савроматов с легендой об амазонках см. теперь Б. Н. Граков // ВДИ, 1947, № 3: 100 сл.].

¹⁴ “По-видимому, все это изложение взято из Эфора” (Meineke).

¹⁵ Аполлоний Родосский III: 1220.

¹⁶ [Геродот называет саков неоднократно амиргскими скифами (I: 53; VII: 64; IX: 113), и, по его локализации этого племени, Амиргий Гелла-

ника должен был находиться в горах к северо-востоку от Бактрианы. Имя это как племенное наименование должно быть сопоставлено с “хумаваргскими скифами” Накширустемской надписи: ВДИ, 1947, № 1: 279].

¹⁷ Страбон XI: 7, 1.

¹⁸ [Упоминание об инкубации, связанной с хтоническим культом, подкрепляет сопоставление наименований Анариака – анариаки, известность которых зиждилась на этом оракуле, с санареями (анареями) Птолемея (V: 8, 25) и энареями Геродота (I: 105). См. об этом подробнее: ВДИ, 1948, № 2: 100].

¹⁹ [О наименовании древнемисийского города Антандра, на берегу Пропонтиды Эдонидой и Киммеридой упоминает также Плиний (V: 23), без указания на столетнее господство киммерийцев. Под последними должны быть понимаемы фракийцы (треры или упоминаемые Аристотелем эдоны). Появление их в Мисии может быть отнесено к VIII–VII вв. до н. э. Сочинение Аристотеля, из которого заимствовано это сообщение, неизвестно].

²⁰ [Вероятно, имеется в виду Антиохия Маргиана (Александрия) Птолемея (VI: 10, 4), отождествляемая с современным Мервом].

²¹ Страбон XI: 5, 1; XI: 5, 8.

²² Страбон XI: 2, 10.

²³ [Истолкование эпитета Афродиты Апатуры (засвидетельствованного также эпиграфически: IOSPE, II: 19, 352) как “обманщицы” является не более чем греческой этимологизацией местного наименования. Относительно упомянутого мифа о Геракле и гигантах, а также о возможной его интерпретации на золотом фаларе, найденном близ станицы Сиверской, см.: А. А. Спицын. Фалары южной России // ИАК, вып. 29: 24 сл.].

²⁴ [Город под этим именем, основанный, по преданию, Орестом, находился в Македонии (Орестиде) или в Эпире, см.: Страбон VII: 7, 8].

²⁵ [Локализуется к югу от Каспийского моря; племенное наименование, в котором звучит имя позднейших иранцев].

²⁶ [Имя этого мифического народа, жившего по преданиям, опозитизированным Аристеем из Проконнеса в его поэме «Аримаспея», к северу от скифов, толкуется как иранское (по Геродоту – скифское – IV: 27) в значении “одноглазые”, но также и в других значениях. Не исключено, что оно означает “одногрудые” и в этом случае аримасы могут быть поняты как разновидность амазонок, для чего имеются подтверждения в изображениях на краснофигурных вазах].

²⁷ [Выведение происхождения армян от их греческого эпонима Армена, родом с острова Родоса или из Фессалии (Страбон XI: 4, 8), относится к позднеэллинистической эпохе и обязано своим происхождением азиатским грекам или эллинизированным “ученым” армянам. На малоазийские параллели армянского языка и культуры указывали по лингвистическим данным также и некоторые современные ученые (RE, II: 1181), но наиболее обоснованным мнением, подкрепленным многочисленными археологическими данными, является то, по которому древние и современные армяне являются потомками урартийцев. См. Я. А. Манданян. Краткий обзор истории древней Армении. – М.-Л., 1943; Б. Пиотровский. История и культура Урарту. – Ереван, 1944].

²⁸ Дионисий Периегет: 693.

²⁹ Страбон XI: 2, 11.

³⁰ [Засвидетельствованы эпиграфически: IOSPE, II: 29, 431].

³¹ Страбон XI: 2, 11.

³² [Фонетически сопоставляется (Tomschek, RE, II: 1740) с асеями Птолемея (V: 9, 16)].

³³ [Ни синдский город с подобным наименованием, ни какое-либо другое близкое этому местное наименование в области Северного Причерноморья из других источников не засвидетельствованы. Основанная критскими ветеранами из состава войск Александра Македонского Астерусия находилась у Индийского Кавказа (Гиндукуша) и упомянута Плинием (VI: 92)].

³⁴ [Из других источников пункт с подобным именем в Северном Причерноморье не засвидетельствован. Быть может, имеется в виду упомянутая Птолемеем (III: 11, 7) Афродисиада на Херсонесе Фракийском].

³⁵ [По данным древних авторов вплоть до Птолемея (III: 5, 2), Ахиллов Бег является не островом, а полуостровом, точнее – длинной песчаной косой, соединяющейся посредине с материком].

³⁶ [Имеется в виду Страбонов Ахиллий (или Ахиллова деревня) (VII: 4, 5; XI: 2, 6) на азиатском берегу Босфора, против селения Мирмекий, расположенного на Керченском полуострове, к западу от города Керчи].

³⁷ Арриан. Перипл Понта Евксинского: 15.

³⁸ [Острова Херсо и Осеро близ иллирийского побережья; их древние наименования должны были звучать близко к современным и так же, как Апсар на Кавказе, по созвучию с именем брата Медеи Апсирта послужили основанием для связи их с мифом об аргонавтах, распространявшимся по путям греческой колонизации].

³⁹ Арриан. Перипл Понта Евксинского: 7.

⁴⁰ Дионисий Периегет: 303.

⁴¹ [Бехиры других авторов (Гекатей, фр. 190; Псевдо-Скилак: 84) – кавказское племя, локализующееся на юго-восточном берегу Черного моря между макронами и экехерийцами].

⁴² [Из других источников не известна; Томашек, толкующий это наименование как “Бычья деревня” (RE, III, 576), считает его измышлением Писандра].

⁴³ Много вероятнее предложил А. Воеckh, CIG, II: 86. Об этой конъектуре см., что сказано мной в книге «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии» (стр. 24, № 4). Ср. также, что предложил Карл Мюллер в издании Птолемея (т. 1: 433).

⁴⁴ Эсхил. Прометей прикованный: 730 сл.

⁴⁵ Страбон XI: 2, 10.

⁴⁶ [Имеется в виду Тиберий Юлий Нотис II (123–131 гг. н. э.). Ср. IOSPE, II: XLVII].

⁴⁷ [Т. е. Херсонес в Крыму, близ современного Севастополя].

⁴⁸ [Эти северо-восточные соседи скифов, локализующиеся между Волгой и Доном в их среднем течении, идентичны у многих греческих писателей (Геродот IV: 109) гелонам. Ср. Псевдо-Скимн: 863 сл., где со слов Эфора в числе северных соседей скифов вместо будинов называются гелоны].

⁴⁹ [Вероятно, идентичны дизерам: Гекатей, фр. 190].

⁵⁰ Страбон XI: 5, 1 сл.

⁵¹ Геродот IV: 108 [Ср. сказанное выше в прим. к слову “будины”].

⁵² [Псевдо-Аристотель. О чудесных слухах: 30].

⁵³ [Трудно локализуемые ввиду путаницы в Геродотовых данных (IV: 19, 20, 47, 53, 56, 71) о наименованиях, на основании которых река Герр может быть отождествлена с первым рукавом Днепра в его нижнем течении, или с речкой Молочная, или Конские воды, впадающей в Азовское море. Местность же Герр, в которой, по словам Геродота,

находился царский некрополь, локализуется по расчетам расстояний где-либо в Приднепровье, ниже порогов, а по другим признакам – в области Полтавской курганной группы; ввиду того, что одноименные реку и племя называет на Кавказе у Каспийского моря Птолемей (V: 8, 17–25; V: 11, 2), вся эта топонимика должна указывать диапазон распространения племени герров, входившего, судя по данным Геродота, в состав “царских скифов”. Ср. ВДИ, 1948, № 2: 100 сл.].

⁵⁴ [На месте современной Анапы; есть основания думать, что в глубокой древности город носил наименование Синдской гавани (ср. Псевдо-Скилак: 72), которое долго удерживалось за его портом по переименованию города в Горгиппию (по имени одного из Спартокидов)].

⁵⁵ Эти книги называются Βυζαντιακοί. Мейнеке думает, что отсюда нельзя заключить, что Стефан писал историю Византии. Подобным образом выразился Страбон (VIII: 6, 16): ἐροῦμεν δὲν τοῖς Καρικοῖς, т. е. в той части труда, в которой трактуется о Кари. [Это свидетельство, выводящее готов из Причерноморья, является лишним подтверждением того факта, что крымские готы, о происхождении которых было столько споров, с готами-германцами не имеют ничего общего, кроме имени, присвоенного себе во II–III вв. н. э. некоторыми из сарматских племен].

⁵⁶ [Эта цитата является перифразой Страбона текста (VII, 3, 12), где говорится о разделении Гетской земли между гетами и даками и высказывается предположение (основанное вряд ли на чем-нибудь большим, чем простое фонетическое сходство) о том, что даки в древности должны были именоваться даями].

⁵⁷ [Фр. 161; засвидетельствованы эпиграфически (IOSPE, II: 6, 344) и локализируются к востоку от Азовского моря].

⁵⁸ Это из нашего писателя повторил Евстафий к в схолиях к Дионисию Периегету: 298, но по ошибке приписал это Страбону (сожалеем, что опустили это в своем месте: ВДИ, 1948, № 1: 293). “Сам же Географ [Страбон] говорит и то, что Истр некогда назывался Матоем, что у эллинов означает ‘безвредный’ и что часто переправлявшиеся через него скифы не терпели никакой беды; когда же с ними некогда произошло несчастье, он был перетолкован как Данубий или Данусий, что должно означать ‘бывший виновником их неудачи’; то есть обвиненный через это имя, данное ими на их языке, как оказавшийся виновным в их несчастье”. Видно, что Евстафий слова, написанные Стефаном, сохранил несколько полнее, чем они существуют ныне. [О том, что Данубий, наименование, прилагавшееся к реке Дунаю кельтскими племенами, жившими по его верхнему течению, постепенно распространилось на все протяжении реки, видно из слов Птолемея (III: 10, 1), поясняющих, что от впадения реки Киабра до устья Дунай именовался Истром еще во II в. н. э. Форма Данусий более древними источниками не засвидетельствована].

⁵⁹ [Это наименование для Кавказского побережья из других источников не известно; Томашек (RE, V, 1: 292) объясняет его присутствие у Стефана Византийского искажением имени Эя. С другой стороны, Дия прочно засвидетельствована Плинием (IV: 86) на Керченском полуострове и локализуется близ Камыш-Буруна].

⁶⁰ [Отождествление Диоскуриады с Эей, из других источников не известно, должно быть приписано Никанору Александрийскому, автору сочинения «О переименованиях»].

⁶¹ Ксенофонт. Анабасис V: 2.

⁶² [Наименование, связанное с эпитетом Артемиды (и Великой Матери) – Элевтера, прилагавшееся к многогрудому куротрофному божеству, святилища которого обладали нравом убежища для рабов. Местоположение этого пункта, обладавшего, несомненно, и другим наименованием, переводом или истолкованием которого является приводимое Стефаном Византийским, ближе не известно].

⁶³ [Чаще *герулы* – наименование германского племени; однако о том, что под этим именем скрывались скифо-сарматские элементы, свидетельствует, помимо Дексиппа, и Зонара (Анналы XII: 24)].

⁶⁴ [Дикое горное племя в районе Трапезунта и Фарнакии; под вторым из названных имен они известны уже Гекатею (фр. 190)].

⁶⁵ [Островом, по примеру многих других древних авторов, называет Стефан Византийский в данном случае Таманский полуостров, отделяющийся от материка дельтой реки Кубани. На нем, предположительно, у Цукурского лимана, близ станицы Вышестеблеевской (судя по археологическим находкам), располагалась древняя Гермонасса].

⁶⁶ Дионисий Периегет: 552. “То, что Евстафий (см. выше к Дионисию Периегету: 549) приводит как слова Арриана, без сомнения надо отнести к Стефану” (Meineke).

⁶⁷ [В сохранившемся ямбическом землеописании, приписывавшемся Скимну, этот город называется Гермонассой (Псевдо-Скимн: 886)].

⁶⁸ Страбон VII: 3, 16. Ἐρμόνασσα и Ἐρμόναστος – два разные поселения.

⁶⁹ Страбон XV: 2, 10; “Затем [Александр] прибыл от дрангов к эвергетам, которых так назвал Кир, и к арахотам. Затем перешел через Паропамисады ко времени захода Плеяд...”

⁷⁰ [Объяснение причины наименования аримаспов эвергетами, приводимое Стефаном Византийским, основано на двойном недоразумении: и страбоновы эвергеты и арриановы (Анабасис III: 27, 4; IV: 6, 6) ариаспы-эвергеты (которых отдельные авторы по сходству наименований путают с аримаспами) жили между Дрангианой и Арахозией, т. е. в восточном Иране и вдалеке от путей аргонавтов. По свидетельству Страбона и Арриана, наименование “эвергеты” получено этим племенем от Кира Старшего за благодеяния, оказанные им его войску].

⁷¹ [Ближе не известно].

⁷² Страбон II: 5, 31; XI: 2, 1.

⁷³ Страбон XII: 3, 17.

⁷⁴ [Фр. 159; быть может, идентичны эдонам, помещаемым Плинием (VI: 50) в закаспийских степях. Должны быть также сопоставлены с фракийскими (македонскими) эдонами (Страбон VII: фр. 11)].

⁷⁵ [Фантастическое “гиперборейское” племя, о котором со ссылкой на неизвестное произведение Гесиода упоминает Страбон. Из Гесиода позаимствовал их, вероятно, и Симмий Родосский. Имя “гемикины” является, скорее всего, перетолкованием на греческий лад какого-либо варварского племенного наименования].

⁷⁶ Ср. Страбон I: 2, 35; VII: 3, 6.

⁷⁷ Страбон XI: 2, 12.

⁷⁸ [Собственно, при устье названной реки, на малоазийском берегу Черного моря].

⁷⁹ Страбон VII: 4, 4.

⁸⁰ Геродот IV: 22.

⁸¹ [Также иксибаты и язматы древних авторов].

⁸² [Маркиан. Перипл: 38; сарматское племя – язиги-сарматы Страбона (VII: 3, 17), жившее по среднему течению Днепра и соответствовавшее царским скифам Геродота].

⁸³ [Из других источников не известен].

⁸⁴ [Гекатей, фр. 167].

⁸⁵ [Иамы Александра Полигистора, заимствованные им, быть может, не из Гекатея, а из какого-либо другого источника, не находят себе других параллелей в сохранившихся данных. Это имя следует, вероятно, сопоставить с наименованием горы Имай, прилагавшимся к Гималаям или к Алтайским горам, и отнести племя иамов к числу азиатских народностей].

⁸⁶ [Ср. выше под словом Ἰαζαβάται].

⁸⁷ [Hermann, RE, 2058 предлагает читать “город” вместо “племя”. Так как фонетическое сходство заставляет сопоставить это имя с именем племени исседонов, то в таком случае Исеп следует признать идентичным упоминаемому ниже (под словом Ἰσσηδόνες) городу Исседон].

⁸⁸ [Это племя, локализуемое Геродотом (IV: 25) “к востоку от плешивых”, помещается Hermann’ом, по фонетическому сходству, на реке Исети].

⁸⁹ Страбон XI: 6, 1.

⁹⁰ [Гекатей, фр. 157].

⁹¹ [Гекатей, фр. 153; на месте современной Евпатории в Крыму].

⁹² Цитата взята из сочинения Фаворина «Пестрые истории» («Πανδοταίῃ ἱστορίαι»); она повторяется также под словом Ὠκεανός. Здесь она или неуместна, или неполна.

⁹³ “Или это название испорчено, или это сокращение надо перенести перед Καταονία” (Meineke).

⁹⁴ [Под этим именем (также Парапамис) понимается Индийский Кавказ (современный Гиндукуш)].

⁹⁵ [Быть может, тот же город, который в рукописях Птолемея (III: 5, 4 называется Κρήνη [ср. также Кремны Геродота (IV: 20) на Азовском море].

⁹⁶ Ср. Müller, FHG, III: 605 к фр. 9: “город неизвестный, если не то же, что Κρόμνα”.

⁹⁷ [Ближе не известен. Наименование это фонетически может быть сопоставлено с Кросеей – местностью в Халкидике (Геродот VII: 123)].

⁹⁸ Ликофрон. Александра: 1312.

⁹⁹ Аполлоний Родосский II: 403.

¹⁰⁰ [Помимо колхидских Кит (или Китея), отзвук имени которых хотят слышать в позднейшем Кутаиси, и помимо Китеи “Лигистийской” (т. е. северно-каппадокийской), имеется еще Китей з Крыму на Керченском полуострове, между Феодосией и Нимфеем (Псевдо-Скилак: 48)].

¹⁰¹ Гекатей, фр. 186.

¹⁰² [Относительно локализации этого пункта см. прим. к Аристотель. Истории о животных IX: 36].

¹⁰³ Аристотель. Истории о животных IX: 36; Антигон. Свод невероятных рассказов: 33.

¹⁰⁴ Арриан. Перипл Понта Евксинского: 28.

¹⁰⁵ Ср. Müller, FHG, II: 339.

¹⁰⁶ Страбон XII: 3, 18.

¹⁰⁷ [Гекатей, фр. 191].

¹⁰⁸ [Гекатей, фр. 192].

¹⁰⁹ [Гекатей, фр. 156].

¹¹⁰ [Гекатей, фр. 154].

¹¹¹ [Пункт в Скифии с этим названием отмечен Птолемеом на Днепре, выше Ольвии; его необходимо сопоставить с упомянутым у Геродота (IV: 53) святилищем Деметры или Матери (богов) на Гип-

полаевом мысе (т. е. между устьями Днепра и Буга)].

¹¹² [Гекатей, фр. 188].

¹¹³ [Гекатей, фр. 155].

¹¹⁴ Страбон XI: 2, 6.

¹¹⁵ [Это не поддающееся локализации наименование связывается, однако, с легендой о происхождении скифов, изложенной у Диодора, в соответствии с которой один из сыновей Скифа, потомка Зевса и местной богини, назывался Нап (II: 43, 3); этим подтверждается, с одной стороны, местный характер использованной Диодором легенды, а с другой – удостоверяется вероятность племенного наименования напитки или напаты в Скифии].

¹¹⁶ Дионисий Периегет: 310.

¹¹⁷ [Область племени невров, одного из прото-славянских племен, по мнению многих современных славистов, локализуется, по данным Геродота (IV: 17, 51 и др.), у истоков реки Днестра (Тиры)].

¹¹⁸ Страбон VII: 3, 16.

¹¹⁹ Страбон VII: 4, 4.

¹²⁰ [Имеется в виду Индийский Кавказ, где, по преданию, в области племени нисеев расположен город Ниса (у горы Мер), основанный Дионисом и знаменитый своей священной виноградной лозой (Страбон XV: 1, 7)].

¹²¹ [При устье рек Днепра и Буга].

¹²² Αἰήτου παιδός. “Имя сына пропало; не представляется определенным и Αἰήτου. Ср. Boekh. Inscr., II: 98, где предполагается Ἀγαήτου” (Meineke).

¹²³ [Имя этого царя, не будучи засвидетельствовано другими источниками, может быть сопоставлено с именем скифского царя Агара, которое передано Диодором (XX: 24) и происходит от племенного наименования агары].

¹²⁴ [Наименование Пантикапея, как и отождествляемой обычно с рекой Конкой реки Пантикапа, является греческой адаптацией каких-то местных наименований].

¹²⁵ Παντικάλαίτης X. Παντικάλαίτης вероятным образом исправил Eckhel, как на монетах, так и в надписи: Boekh, GIG, 2123, 8 (=Latyshev // IOSPE, II: 358).

¹²⁶ Слова Страбона (VII: 4, 2) совершенно искажены эпитоматором, как отметил Мейнеке. [Речь идет о святилище Девы (Артемиды-Ифигении) на мысе Парфений близ Херсонеса Таврического, по недоразумению причисляемого Стефаном Византийским или его эпитоматором к числу боспорских городов, если только источник Стефана не восходит к тому времени, когда Херсонес действительно находился под властью боспорских царей (на рубеже н. э.)].

¹²⁷ Ср. схолий Евстафия к Дионисию Периегету: 1039: “Парфов же и парфянами называют некоторые и говорят, что это скифское племя, переселившееся в бегстве к мидянам, отчего они и называются таким образом, поскольку скифы зовут парфами беглецов”. [Парфяне, аналогичное происхождение имени которых и принадлежит к скифскому племени удостоверяет также Юстин (XLI: 1), занимали первоначально пустынную область к юго-востоку от Каспийского моря, а затем, по воцарении парфянской династии Аршакидов (около 250 г. до н. э.), расширили свои владения вплоть до Евфрата].

¹²⁸ [Гекатей, фр. 198].

¹²⁹ [Ближе не известны].

¹³⁰ [Отождествляется обычно с островом Пикчина в дельте Дуная. Певкинами Страбон называет живших на острове бастарнов (VII: 3, 15)].

¹³¹ [Греки называли Черное море Евксинским (Гостеприимным) Понтом – от древнеперсидского Ахшайна (что должно было означать Черное море, – см. С. Я. Лурье. Геродот. 1947: 107); в более поздние времена это море часто именовалось просто Понтом. Наименование это в эллинистическую эпоху получила, кроме того, припонтйская часть Северной Каппадокии, именовавшаяся Понтийским царством или просто Понтом. После Митридатовых войн, когда царство это было передано триумвиrom Антонием Полемону I, сыну Зенона, названная область стала именоваться Полемоновым Понтом].

¹³² [Этот пункт, упоминающийся также «Перипле Понта Евксинского» Анонима (69) как лежащий на европейском берегу Боспора Киммерийского против Ахиллия (на Таманском полуострове), должен соответствовать упоминаемому у Геродота (IV: 12) «Киммерийским переправам»].

¹³³ [Ближе не известен].

¹³⁴ [Незначительная, но широко известная в древности, благодаря неоднократным упоминаниям в «Аргонавтике» Аполлония Родосского и у других авторов, речка на вифинском берегу при выходе из Босфора в Черное море (совр. Рива). Плиний (VI: 4) называет ее Resos, по имени фракийского героя эпохи Троянской войны, что, несомненно, указывает на фракийское происхождение этого наименования].

¹³⁵ [Локализация этих мифических гор, из которых, по данным легендарной космографии, вытекали крупнейшие восточноевропейские реки, так же неустойчива, как и локализация самих гипербореев. Однако, благодаря связи этого наименования с легендой об аримаспах, навеянной рассказами о впечатлениях торговцев, пользовавшихся караванными путями из Ольвии на Скифский Восток, наименование Рипейские горы теснее всего увязывается с Уралом].

¹³⁶ [Саками в древнеперсидских надписях именуются скифы вообще. Греческие авторы и, в частности, Геродот (VII: 67) саками называют африканских скифов, локализуемых в центральноазиатских степях к северо-востоку от массагетов].

¹³⁷ [Это племя у Арриана (Перипл: 15) и Анонима (Перипл: 51) локализуется в районе Себастополь (Диоскуриады), с ним должна быть также сопоставлена область и населенный пункт Стеннитика (Аноним. Перипл: 56) к северу от Питиунта (Нитика Аррианова перипла)].

¹³⁸ [Речь идет о сасирах – племена, жившем к югу от Колхиды на реке Акамписе (Чорох), известных уже Геродоту (I: 104), помещающему их между Колхидой и Мидией (Персией)].

¹³⁹ О тексте ср. сказанное мной в ЖМНП, август 1892, фил. отд., стр. 67. [Или Сарматские горы; по данным Птолемея (II: 11, 6), они соответствуют западным отрогам Карпат – гористой местности, тянувшейся в меридиональном направлении от истоков Вислы до Дуная].

¹⁴⁰ [В сохранившемся тексте Маркианова перипла сиягатурги не упоминаются, не известны они и из других источников].

¹⁴¹ [Это – мнение Страбона (XI: 2, 11)].

¹⁴² [Мнение об общем происхождении скифских и фракийских племен со ссылкой на Гомера см.: Страбон VII: 3, 2, сл.].

¹⁴³ Эсхил. Прометей: 415.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ [Ксенофонт. Анабасис IV: 7, 18].

¹⁴⁶ После ἀνδρείων, видимо, выпало название страны, которую населяли соаны.

¹⁴⁷ Страбон XI: 2, 19.

¹⁴⁸ [Гекатей, фр. 196]. «Σταρμένεια говорится Псевдо-Скилака: 87 (в кодексе Ἀρμένεια, что исправил Halsenius)» (Meineke).

¹⁴⁹ [Также Синдика. Относительно отождествления ее с Горгиппией и о ее локализации см.: Стефан Византийский под словом Γοργίππεια].

¹⁵⁰ [Имя сирматы (вместо сарматы), отождествляемое Евдоксом с савроматами, засвидетельствовано также у Псевдо-Скилака (68), причем они помещены среди народов Европы, тогда как о савроматах речь идет у него в описании Азии (Псевдо-Скилак: 70). Однако локализует и тех и других он равно на Танаисе].

¹⁵¹ По мнению Hermann'a, RE, III A, 2: 1680, производящего это наименование от σφαγή (заклание), речь идет о мысе Парфении близ Херсонеса, где, по преданию, в честь Артемиды приносились в жертву пленники].

¹⁵² [Локализуется в Крыму на берегу Каркинитского (Тамиракского) залива, сохранившего и поныне это наименование].

¹⁵³ Страбон VII: 4, 5.

¹⁵⁴ [С Яксартом (Сырдарьей) Танаис смешивался неоднократно историками Александра, переносившими кавказскую географическую номенклатуру в Центральную Азию, к Индийскому Кавказу. Этой же тенденцией следует объяснять появление в Европейской Скифии к востоку от реки Пантикапа реки Акесина, отмечаемой Плинием (IV: 83), которую Tomaschek и Hermann, RE, I: 1164, ищут в бассейне Азовского моря, тогда как вообще под этим именем известен Ченаб, приток Инда (Диодор Сицилийский II: 37); в результате подобной путаницы географических представлений о двух Кавказах Птолемей помещает при устье Танаиса «Александровы алтари» (III: 5, 12)].

¹⁵⁵ [Т. е. в северо-восточной Каппадокии на границе Армении: Ксенофонт. Анабасис IV: 4, 18].

¹⁵⁶ [Этот народ, идентичный по указанному легендарному мотиву аримаспам, из других источников не известен; поскольку сочинение Гиерокла касалось Индии и центральных областей Азии, таркинеев следует поместить где-либо к северу от Индийского Кавказа].

¹⁵⁷ [Эту колонию критских ветеранов Александра, подобно вышеназванной Астерусии, следует искать где-либо на пути Александра Македонского в Азию].

¹⁵⁸ [Все перечисленные «острова» могут быть названы таковыми лишь в том условном смысле, какой древние прилагали к местностям, заключенным между морем и руслом реки, между двумя реками и т. п.].

¹⁵⁹ [Страна под этим именем – очевидно, область у Перекопского перешейка, ибо именно там, соответственно описанию Геродота, был выкопан ров потомками «слепых». Последнее наименование с помощью глоссы схолиаста к Аристофану (Всадники: 963) раскрывается как этником, благодаря чему геродотовы «слепые» (τυφλοί) должны быть отождествлены с тафрами Калистрата (тафриями Страбона VII: 3, 19), которые, в свою очередь, вероятно, идентичны сатархеям, топонимически засвидетельствованным в Крыму Птолемеем (III: 6, 5, наряду с Тафром); засвидетельствованы они также и эпиграфически (IOSPE, I: 244); подробнее об этом см. ВДИ, 1948, № 2, стр. 99].

¹⁶⁰ [Это место из «Истории» Эфора более просто изложено у Псевдо-Скимна: 900 сл.].

¹⁶¹ [Гекатей, фр. 162].

¹⁶² [Ближе не известны; вероятнее всего, что это этимологически весьма прозрачное наименование (τόξον 'лук') измышлено Геродианом].

¹⁶³ “Τράφη то же самое, как думает Holstänius), что выше Τάαροι или Τάφρη” (Meineke).

¹⁶⁴ [Вероятно, идентичен упомянутой выше Пениде].

¹⁶⁵ [Локализуется в Крыму, на Керченском полуострове, у мыса Камыш-Бурун].

¹⁶⁶ [Скифское наименование Геродотовой Гилеи (IV: 19), приводимое Александром Полигистором, должно быть поставлено в связи с засвидетельствованными Птолемеом акибам (или, по чтению некоторых рукописей, принятых в издании Мюллера, абиками – III: 5, 10) – племенным наименованием, которое, в свою очередь, перекликается с упомянутой у Стефана Византийского под словом Ἀβιοι рекой Абианом. Не было бы ничего удивительного, если бы вся эта номенклатура, имеющая под собой в той или иной форме реальную почву, послужила основой для имени гомеровых абиев].

¹⁶⁷ [Устанавливая, таким образом, ошибочно общие истоки для Гипаниса-Буга и Гипаниса-Кубани].

¹⁶⁸ Геродот IV: 52.

¹⁶⁹ [Мифическое имя гипербореев связывается, однако, с совершенно реальной культовой практикой, а именно, с процессией приношения гиперборейских даров (хлебных колосьев) Аполлону Делосскому. Путь этих даров (о которых сообщает легендарные подробности Геродот IV: 34 сл.) может быть прослежен до Эноса на фракийском побережье – важного перевалочного пункта хлебной торговли с северными (в том числе и со “скифо-гиперборейскими”) странами. Культ Аполлона Гиперборейского и связанные с ним обряды принесения гиперборейскими хлебных злаков в дар делосскому храму уходят своими корнями в крито-микенскую эпоху, чем удостоверяется значительная древность импорта хлебных злаков из северных стран в Элладу].

¹⁷⁰ [Гекатей, фр. 164].

Источник: *Stephani Byzantii Ethniconum quae supersunt / Ex recensione Aug. Meinekii. T. I. – Berolini, 1849; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 3: 312–330; М. М. Холод. Стефан Византийский и его «Этника» // Европа. Международный альманах. Вып. 3. – Тюмень, 2003 (Перевод книги IV: 27–64); М. М. Холод. Страницы из византийской лексикографической литературы: Стефан Византийский // Клио (СПб.), 2003, № 2 (21) (Перевод книги V: 26–32).*

Псевдо-Арриан

Ἀρριάνος – Arrianus

Писатель, скомпилировавший «Перипл, или Обезд Евксинского Понта» в V в. н. э., в отличие от историка и географа Квинта Эппия Флавия Арриана (ок. 87 – после 145), обычно именуется Псевдо-Аррианом. В основу своей компиляции Псевдо-Арриан положил следующие четыре сочинения: 1) «Перипл обитаемого моря Европы, Азии и Ливии...» (338–335 гг. до н. э.), известный как перипл Псевдо-Скилака; 2) сокращение перипла Мениппа (II пол. III в. до н. э.), выполненное Маркианом из Гераклеи Понтийской (IV–V вв. н. э.); 3) стихотворное землеописание – так называемый ямбический перипл начала I в. до н. э., приписывавшийся Скимну Хиосскому (I пол. II в. до н. э.), иначе называ-

¹⁷¹ [Эя, в данном случае, – наименование области на юге Колхиды или “острова” при устье реки Фасиса; см. схол. к Аполлонию Родосскому III: 1093].

¹⁷² [Остров Цейлон].

¹⁷³ Страбон XI: 2, 19.

¹⁷⁴ [Имеются в виду халды-халибы (уарарты), о которых см. подсловом Χάλυβες].

¹⁷⁵ [Пункт этот и одноименную область, известные лишь из этого отрывка «Землеописания» Гермия Метимнского, Томашек локализует в районе Ольвии (Tomaschek, RE, III, 2: 2090), полагая, что через названную гавань в древнейшую эпоху производился вывоз меди и бронзовых изделий из Скифии; однако все, что известно о древней торговле металлом в Причерноморье, равно как и самое наименование пункта и прилежащей к нему области, заставляют искать ее скорее на Кавказе, в земле халибов].

¹⁷⁶ Гомер. Илиада II: 856.

¹⁷⁷ Ликофрон. Александра: 1109.

¹⁷⁸ [Гекатей, фр. 195; вопрос о взаимоотношении наименований “гализоны”, “алибы” и “халибы” подробно обсуждает Страбон (XII: 3, 20 сл.)].

¹⁷⁹ Κερκεταίων и οἰκοῦσι рукописи исправил Meineke. Он же предложил κάτω δ’ Ἠνίοχοι, ἀνω δὲ Κораῖοι, сравнив с Псевдо-Скилак: 73–76.

¹⁸⁰ Геродот IV: 99.

¹⁸¹ [Херронес и херронеситы – аттическая форма вместо Херсонес, херсонеситы].

¹⁸² [Гекатей, фр. 190].

¹⁸³ Может быть, Ἀσίς (см. Гекатей, фр. 193).

¹⁸⁴ [Гекатей, фр. 193].

¹⁸⁵ [Меотийское племя, засвидетельствованное эпиграфически: IOSPE, II: 6; 36].

¹⁸⁶ [Этот пункт связывается Нерманн’ом (RE, XVII, 2: 2487) с племенем олонды (Птолемей V: 8, 17–25) в качестве их поселения и локализуется им на реке Алонте (Терек)].

емый периплом Псевдо-Скимна, и, главным образом, 4) «Перипл Понта Евксинского» Флавия Арриана. По заключению издателя перипла Псевдо-Арриана Карла Мюллера, отрывки из этих сочинений приводятся почти без изменений; от себя он прибавил лишь перевод греческих мер на римские и иногда современные названия местностей (Geographi Graeci Minores / Ed. C. Mullerus. Vol. I. – Paris, 1855: CXV–CXVIII). С этим согласны и В. В. Латышев и Л. А. Ельницкий, которых у Псевдо-Арриана особенно привлекает поздняя топонимическая и этническая номенклатура, соответствующая положению вещей в IV–V вв. н. э.: “Из него становятся известными «готские» и «гуннские» названия некото-

рых северокавказских и крымских географических пунктов, а его замечания с готско-таврском языке проливают свет на истинный характер этнических элементов и культурных явлений позднеантичного Причерноморья, известных под именем готских. Он содержит, кроме того, некоторые подробности, в частности наименования ряда населенных пунктов в восточном Крыму и на побережье между Днестром и Дунаем, отсутствующие в других источниках”.

Нумерация глав перипла Псевдо-Арриана в публикуемой ниже выборке дана по двум взаимодополняющим изданиям Карла Мюллера (Geographi Graeci Minores / Ed. C. Muller. Vol. I. – Paris, 1855: 402–423; Fragmenta Historicorum Graecorum / Ed. C. Muller. Vol. V. – Paris, 1870: 174–184): номера параграфов по второму из них, где помещена третья часть сочинения, обнаруженная позже в одной из рукописей Британского музея, прибавлены через косую.

Псевдо-Арриан

Объезд Евксинского Понта –

обоих материков, или местностей по берегам Азии и по берегам Европы в таком порядке: объезд Вифинии Припонтийской; объезд Пафлагонии; объезд двух Понтов¹; [объезд] европейских частей [Понта Евксинского]²

Перевод Э. Н. Штерна с дополнениями В. В. Латышева

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

17³ *extr.* От Тимен до Карамбиса, высокого и большого мыса, 120 стадиев, 16 миль.

18⁴. Напротив Карамбиса в Европе лежит огромнейший мыс, обрывистая со стороны моря высокая гора, называемая Бараньим Лбом и отстоящая от Карамбиса на сутки плавания.

33⁵. От Котиора до окрестностей Полемония⁶ прежде жил соседний с ними народ тибарены, всячески старающиеся смеяться, признавая это благополучием.

35⁷. От Фарнакии, прежнего Керасунта, до окрестностей Котиора прежде жил народ, называвшийся моссиниками, по обычаю, законам и делам совершенно варварский; говорят, что все они живут в деревянных, очень высоких башнях и всегда все делают открыто; царя же своего, скованного и запертого в башне, где он занимает самое верхнее помещение, прилежно стерегут; стерегущие его смотрят за тем, чтобы он все приказывал делать по закону; если же он преступит закон, то, говорят, налагают на него величайшее наказание, не давая ему пищи.

36 *extr.* Трапезунт – город эллинский, колония синопцев, лежащий при море.

37. От Трапезунта до острова Аретиады и Фарнакии, прежнего Керасунта, прежде жил народ, называвшийся макронами, или длинноголовыми.

38⁸. От Трапезунта до порта Гисса, ныне называемого Сусармиями⁹, 180 стадиев, 24 мили. От Сусармий до реки Офиунта, где открытая стоянка для умеренного количества

судов, 90 стадиев, 12 миль. Эта река Офиунт отделяет область колхов от Тианники¹⁰. От реки Офиунта живут народы двух Понтов, а соседние земли заняты разными варварскими племенами. От реки Офиунта до так называемой Холодной реки 30 стадиев, 4 мили.

39¹¹. От реки Холодной до реки Прекрасной, ныне называемой Прекрасным укреплением¹², 30 стадиев, 4 мили. От Прекрасного укрепления до реки и гавани, называемой Ризием, 120 стадиев, 16 миль. От Ризия до реки Аскурна (Ἀσκουρνα)¹³ 30 стадиев, 4 мили. От реки Аскурна до реки Адинея (Ἀδινῆον, [τὸν] ἥδη λεγόμενον Ἀδινόν)¹⁴, ныне называемой Адиемом, 60 стадиев, 8 миль; здесь есть умеренная открытая стоянка для судов. От реки Адинея до местечка Кордил¹⁵ 100 стадиев, 13 1/3 мили. От Кордил до местечка Афин 80 стадиев, 10 2/8 мили; здесь стоянка для судов. Есть ведь и на Понте Евксинском местечко, называемое Афинами, в котором есть и эллинское святилище Афины, откуда, как мне кажется, явилось и название этого местечка; есть в нем и покинутое укрепление; стоянка может в летнюю пору принимать немного судов и доставлять им защиту от ветра Нота и самого Евра; стоящие на якоре суда безопасны, пожалуй, и от Борея, но не от Апарктия и не от ветра, называемого в Понте Фраскием, а в Элладе – Скироном.

40¹⁶. От Афин до реки Загатиса 7 стадиев. От Афин до реки Притана 40 стадиев, 5 1/3 мили; на ней есть и дворец Анхиала. От реки Притана до местности Армена¹⁷ 24 стадия, 3

1/3 мили. От местности Армена до реки Пиксита 66 стадиев, 8 2/3 мили. От реки Пиксита до реки Архабиса 90 стадиев, 12 миль. От Архабиса до реки Апсара 60 стадиев, 8 миль.

41¹⁸. Говорят, что местечко Апсар в древности называлось Апсиртом, ибо здесь Апсирт был убит Медеей; показывается и гробница Апсирта. Впоследствии название было искажено окрестными варварами, как искажены и многие другие. Так, и каппадокийский город Тианы, говорят, назывался Тоаны по имени Тоанта, царя [тавров], который, преследуя Ореста и Пилада, по преданию, дошел до этой страны и здесь умер от болезни.

42/1¹⁹. От реки Архабиса до реки Офиунта прежде жил народ, называемый эххирийцами (а ныне живут махелониигениохи²⁰, от реки Апсара до реки Архабиса прежде жили так называемые бизеры (а ныне живут зидриты).

43/2²¹. От реки Апсара до судоходной реки Акамписиса 15 стадиев, 2 мили. От реки Акамписиса до реки Глубокой (Βαθύν) 75 стадиев, 10 миль. От реки Глубокой до реки Кинаса (εἰς Κίνασον)²² 90 стадиев, 12 миль. От реки Кинаса до судоходной реки Исиса 99 стадиев, 12 миль. Акамписис и Исис судоходны, и по утрам на них дуют сильные ветры. От реки Исиса до так называемого Могра (или Нигра) плавание кораблям 90 стадиев, 12 миль.

44/3²³. Эта река Фасис течет из Армении²⁴, вблизи нее живут переселившиеся из Иберии в Армению иберы²⁵. При входе в реку на левой стороне Фасиса лежит основанный милетянами греческий город, называемый Фасисом, в который, как говорят, сходятся шестьдесят племен, говорящих на разных языках²⁶; в их числе, говорят, приезжают варвары из Индии и Бактрианы. Между ними²⁷ варварская страна Кораксика, к которой примыкает так называемая Колика, где ныне народ меланхленов²⁸ и колхов.

45/4²⁹. Река эта судоходна на протяжении 100 стадиев, 4 мили. На ней есть большой город по имени Эя, откуда происходила Медея.

46/5³⁰. Имея чрезвычайно легкую воду, Фасис течет поверх морской воды и не смешивается с ней; если зачерпнуть ее сверху, то она очень пресна, а если кто опустит кувшин в глубину, то солон. Впрочем, весь Понт имеет гораздо более пресную воду, чем внешнее море; причиной этого являются реки, количество и величину которых невозможно и определить. Доказательством пресноты – если нужно доказательство для явлений, воспринимае-

мых чувством, служит то, что жители побережья пригоняют к морю все свои стада и поят в нем, животные пьют с очевидным удовольствием, и есть молва, что это питье им даже полезнее пресного. Цвет воды в Фасисе особенный, как у воды, насыщенной свинцом или оловом; но, отстоявшись, она делается чрезвычайно чистой. Поэтому у входящих с моря в Фасис не принято брать с собой воду; когда они уже вступают в речное русло, отдается приказ вылить всю находящуюся на судах воду; в противном случае, по поверью, плавание бывает неблагоприятно. Вода Фасиса не гниет, но остается неиспорченной даже более десяти лет, разве только изменяется в более пресную.

47/6³¹. От реки Фасиса до судоходной реки Хариента [Прелестной] 90 стадиев, 12 миль. От реки Хариента до судоходной реки Хоба 90 стадиев, 12 миль. От реки Хоба до реки Сигамы³² (называемой и Зиганием) 210³³ стадиев, 28 миль. От Зигания до реки Тарсуры (ныне называемой Моха) 120 стадиев, 16 миль. От реки Тарсуры до реки Гиппа (ныне называемой Лагумпсой) 150 стадиев, 20 миль. От реки Гиппа до реки Астелефа (Ἀστέλεφον³⁴) [ныне называемой Еврипом; вход судов]³⁵ 30 стадиев, 4 мили. От реки Астелефа до города Диоскуриды, имеющего гавань, ныне называемого Севастополем, 135 стадиев, 18 миль.

48/7³⁶. От Диоскуриды, или Севастополя, до реки Апсара прежде жил народ, называвшийся колхами, переименованный в лазов³⁷.

49/8³⁸. Мы миновали следующие племена. Рядом с трапезунтцами, как говорит и Ксенофонт, живут колхи и те, которых он называет весьма воинственными и весьма враждебными трапезунтцам; он называет их дриллами, а мне кажется, что этот народ – санны. Они ведь и весьма воинственны еще доныне, и весьма враждебны трапезунтцам, и живут в укрепленных местечках, и не подчинены царям; прежде они были данниками римлян, но теперь вследствие разбойничьего образа жизни не платят дани аккуратно. За колхами живут махелоны и гениохи. Царь у них Анхиал.

50/9³⁹. Народ же гениохов – смешанный. Некоторые же говорят, что они названы гениохами от Амфистата и Тельхия, возниц (ἡνιόχων) Полидевка и Кастора, ибо считается, что они прибыли во время похода вместе с Ясоном, в этих же местах поселились, как гласит предание, будучи покинуты своими. За гениохами же выше лежит море, называемое Каспийским, имеющее вокруг себя племена вар-

варов, питающиеся кониной; а близ него находятся пределы мидян⁴⁰.

51/10⁴¹. Рядом с махелонами и гениохами живут зидриты; они подвластны Фарасману; рядом с зидритами живут лазы, а царь лазов – Маласса, который получил престол от тебя. Рядом с лазами живут апсилы, а царь апсиров – Юлиан; этот получил престол от твоего отца. С апсилами граничат абасги, и царь у абасгов Римага, и этот получил престол от тебя. С абасгами рядом живут санниги; в их *области* и находится Севастополь. Царь саннигов Спадага получил престол от тебя.

52/11⁴². И до Апсара плыли мы в восточном направлении по правой *стороне* Евксина. Апсар же показался мне пределом Понта по длине: ибо оттуда уже плавание наше было на север до Хоба [реки и выше Хоба] до Сигама. От Сигама поворотили мы в левую сторону Понта до реки Гиппа. От реки же Гиппа до Астелефа и Диоскуриады мы уже явно плыли вдоль левой стороны Понта, и плавание наше направлялось к солнечному закату. Когда мы поворачивали от Астелефа на Диоскуриаду⁴³, то увидели гору Кавказ, по высоте ближе всего *подходящую* к Кельтийским Альпам. И показывалась *нам* одна вершина Кавказа – имя вершины Стробил, – где, по мифическим сказаниям, Прометей был повешен Гефестом по приказанию Зевса.

53/12⁴⁴. Таков путь плывущих от Византия вправо до Диоскуриады, каковая крепость служит пределом римского владычества [на правой стороне] от входа в Понт. Когда же я получил известие о смерти Котиса (Κότις)⁴⁵, царя так называемого Боспора Киммерийского, то позаботился описать тебе и морской путь до Боспора, для того чтобы тебе, *в случае*, если ты задумаешь что-либо насчет Боспора, возможно было обсудить дело на основании подробных сведений и об этом пути.

54/13⁴⁶. Исполняя *это*, я изложу остальное так. Если отправиться из Диоскуриады Севастополя, первая стоянка может быть в Питиунте; от Севастополя, где стоянка кораблям, 350 стадиев, 46 2/3 мили.

55/14⁴⁷. До этого места простирается Понтийское царство варваров в Тибарении, Саннике и Колхиде⁴⁸, а соседние области принадлежат автономным варварам.

56/15⁴⁹. От Питиунта до области Стеннитики (некогда называвшейся Триглитом) 150 стадиев, 20 миль; в ней прежде жил скифский народ, о котором упоминает историк Геродот: он говорит, что они едят вшей; и в самом деле,

та же самая молва про них идет еще и в настоящее время. От Стеннитики до реки Абаска 90 стадиев, 12 миль. От реки Абаска до реки Брухонта⁵⁰ (ныне называемого Мизигом) 120 стадиев, 16 миль. От Брухонта до реки Несиса, в котором имеешь и Гераклеийский мыс (называемый Пикситом), 60 стадиев, 8 миль. От реки Несиса до реки Масетика 90 стадиев, 12 миль. От реки Масетика до реки Ахеунта (которая доступна для судов) 60 стадиев, 8 миль. Эта река Ахеунт (называется Басий и) отделяет зихов от санихов. У зихов царь Сталемфлас; и он получил престол от тебя.

57/16⁵¹. Итак, от реки Ахеунта до реки Абаска живут санихи.

58/17⁵². От реки Ахеунта до Гераклеийского мыса (ныне называется Пустынным) 150 стадиев, 20 миль (От Гераклеийского мыса до мыса⁵³, на котором и теперь находится укрепление, называемое Бага, 10 стадиев, 17 1/3 мили). От этого мыса до мыса, у которого есть защита от ветра Фраския и Борея (где ныне находится так называемая Левая), 80 стадиев⁵⁴, 10 2/3 мили. От Лево́й до так называемой Старой Лазики [в которой находится так называемая ныне Никопсис, близ которой река, ныне называемая Псахапсис⁵⁵ 120 стадиев, 16 миль. От старой Лазики до Старой Ахеи (в которой и река, ныне называемая Топсида) 150 стадиев, 20 миль.

59/18⁵⁶. Итак, от Старой Ахеи до Старой Лазики и затем до реки Ахеунта прежде жили народы, носившие имена: гениохи, кораксы, колики, меланхлены, махелоны, колхи и лазы, а ныне живут зихи.

60/19⁵⁷. От старой Ахеи до гавани Пагры (ныне называемой гаванью Гептала) 350 стадиев, 46 2/3 мили.

61/20⁵⁸. От гавани Пагры до Старой Ахеи прежде жили *так* называемые ахейцы, а ныне живут зихи.

62/21⁵⁹. От гавани Гептала до гавани Святой (ныне называемой гаванью Гиерия или Никасин) 180 стадиев⁶⁰, 24 мили. От Святой гавани, или Никасин до Синдики [или Синдской гавани, ныне называемой Эвдусией (Евдусией)] 290 стадиев, 40 миль.

63/22⁶¹. Итак, от Синдской гавани до гавани Пагры прежде жили народы, называвшиеся керкеты или ториты (Τορίται)⁶², а ныне живут *так* называемые эвдусианы (евдусианы), говорящие на готском или таврском языке⁶³.

64/23⁶⁴. За Синдской гаванью следует селение, называемое Корокондама, лежащее на перешейке или узкой *полосе* между озером и

морем. За ней находится Корокондамское озеро, ныне называемое Описсас, образующее очень большой залив в 530 стадиев, 84 мили. Если въехать в самое озеро и плыть вокруг берега в город Гермонассу, то будет 440 стадиев, 58 2/3 мили⁶⁵.

65/24⁶⁶. Итак, от Гермонассы до Синдской гавани вдоль Меотиды живут некие люди, называемые народом синдов, от которых страна эта называется Синдикой. Эти синды – варвары, но нравами кротки. За синдами же находятся керкеты, называемые также торитами, справедливый и добрый народ и весьма опытный в мореходстве. От керкетов же соседнюю с ними землю занимают ахейцы, которые, как говорят, будучи эллины родом, называются, оварварившись, ахейцами. Ибо, говорят, есть предание, что некогда орхоменская дружина Иалмена, плывя на всех судах от Илиона, под действием танаисского⁶⁷ ветра против воли попала в Понтийскую варварскую страну; поэтому-то, они, говорят, преданы чужеземным обычаям и незаконны и по нравам более всего суровы к эллинам. (Ахейцы) многочисленны и враждебны керкетам.

66/25⁶⁸. От Гермонассы, если выплыть из залива, до устья озера Меотиды и селения Ахиллова 515 стадиев, 68 2/3 мили.

67/26⁶⁹. Если же плыть прямым путем от Синдики в Боспор, называемый Киммерийским, в город Боспора Пантикапей, то будет 540 стадиев, 72 мили.

68/27. Всего, если плыть вдоль берега от святилища Зевса Урия до устья озера Меотиды или Ахиллова селения, 12 487 стадиев, 1653 1/3 мили [читай 1665].

69/28⁷⁰. От Ахиллова селения, которое лежит на конечном пункте Азии и при проливе у устья озера Меотиды или Танаиса, до селения, лежащего напротив на конечном пункте Европы, называемого Портмием и лежащего также при проливе у устья озера Меотиды, ширина устья 20 стадиев, 2 2/3 мили.

70/43⁷¹. Эта река Танаис, говорят, отделяет от Азии Европу и вытекает из озера Меотиды, а впадает в море Евксинского Понта. Впрочем, Эсхил в «Освобождаемом Прометее» делает реку Фасис границей Европы и Азии. У него титаны говорят Прометею, что «Пришли мы, Прометей, взглянуть на бедствия Твои и на страдания эти от оков».

Затем они перечисляют, сколь великую прошли страну: «Где двойной предел Европейской земли и Азии, великий Фасис». Озе-

ро Меотиды, говорят, имеет в окружности около 9 000 стадиев, 1 200 миль.

71/44⁷². Меотийское озеро, говорят, равно половине Понта.

72/45⁷³. У реки Танаиса, которая служит границей Азии, разделяя материк на две части, первыми живут сарматы, занимая пространство в 2 000 стадиев, составляющих 250 миль. Далее за сарматами живет племя меотов, называемое иазаматами, по свидетельству Деметрия⁷⁴ (от которых и Меотийское озеро получило название); по словам же Эфора, это племя называется савроматами; с этими савроматами, говорят, вступили в связь амазонки, пришедшие когда-то после битвы при Фермодонте; от них савроматы названы женоуправляемыми.

73/46⁷⁵. Затем следуют Фанагоров город и город Кепы [Сады].

74/47⁷⁶. Потом Гермонасса и Фанагория, которую, по преданию, некогда заселили теосцы; и гавань Синдская, населенная эллинами, пришедшими из соседних местностей⁷⁷. Эти города лежат разбросанно на острове, тянущемся вдоль Меотиды до Боспора и представляющем пространную равнину, которая недоступна частью вследствие болот и рек, а также топей, находящихся по ту сторону, частью же благодаря морю и озеру. При выходе из устья лежат: город Киммериды, названный так от варваров-киммерийцев, но основанный тиранами боспорскими, и Кеп⁷⁸, основанный милетянами. Таковы местности на азиатской стороне.

75/49⁷⁹. На европейской же стороне при самом устье Меотийского озера самым крайним является Пантикапей, названный столицей Боспора. Выше этих мест лежит варварская Скифия, граничащая с необитаемой и неизвестной всем эллинам землей. По Истру первыми живут, по словам Эфора, карпиды, затем пахари и невры до новой пустыни, необитаемой вследствие холода. А к востоку, если переправиться через Борисфен, живут скифы, населяющие так называемое Полесье⁸⁰; сверху граничат с ними земледельцы, а затем следует опять обширная пустыня; за ней обитает племя скифов-андрофагов, а далее опять пустыня. По ту сторону Пантикапы живет племя лимнеев и многие другие, не различающиеся собственными именами, а просто называемые кочевыми; они очень благочестивы, так что ни один из них никогда не обидит живого существа; по словам Эфора, они перевозят свои жилища и питаются кобы-

лым молоком, по скифскому обычаю. Они живут, имея общее имущество, и совместно. Он говорит, что и мудрый Анахарсис происходил из кочевников, и именно из наиболее благочестивых, и что некоторые перешли в Азию и поселились там; их называют саками. Самыми славными *Эфор* называет племена савроматов, гелонов и третье, называемое агафирсами. Далее лежит получившее свое имя от меотов Меотийское озеро, в которое впадает Танаис, по словам Гекатея Эретрийца, вытекающий из реки Аракса, а по известию Эфора – из какого-то озера, пределы которого неизвестны; впадает же он двумя рукавами в так называемую Меотиду и в Киммерийский Боспор.

76/50⁸¹. Устье озера⁸² называется Боспором. От местечка Портмия или устья Меотийского озера до городка, по имени Мирмекиона (Μυρμηκῶνα)⁸³, 60 стадиев, 8 миль. От Мирмекиона до Пантикапея, важного боспорского города⁸⁴, 25 стадиев, 3 1/3 мили; он имеет обширную гавань и верфи. По прямому пути от Боспора до устья Меотийского озера или Танаиса 60 стадиев, 8 миль. А от города Пантикапея до города Тиристаки 60 стадиев, 8 миль; от города Тиристаки до города Нимфея 25 стадиев, 3 1/3 мили; от Нимфея до деревушки Акры 65 стадиев, 8 2/3 мили; от Акры до города Кит, раньше называвшегося Кидеаками [?]⁸⁵, 30 стадиев, 4 мили.

Итак, от Афинеона до Кит живут скифы. Затем следует Киммерийский Боспор.

От Кит до города Киммерика 60 стадиев, 8 миль; там есть стоянка для кораблей, защищенная от западных ветров. Напротив него в море, в недалеком расстоянии от материка, два скалистых, не очень больших острова. Всего от устья Меотийского озера до Киммерика 300 стадиев, 40 миль, а от города Пантикапея до Киммерика 240 стадиев, 32 мили.

77/51⁸⁶. От Киммерика до деревни Казека, лежащей у моря, 180 стадиев, 24 мили. От Казека до Февдосии, опустевшего города, имеющего и гавань, 280 стадиев, 37 1/3 мили; и это был древний эллинский город, колония милетян; о нем есть упоминания во многих сочинениях. Ныне же Февдосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда⁸⁷, т. е. Семибожный. В этой Февдосии, говорят, жили некогда и изгнанники из Боспора.

78/52. От Февдосии до пустынной гавани Афинеона⁸⁸ или гавани скифо-тавров 200 стадиев, 26 2/3 мили; здесь спокойная стоянка для кораблей. От Афинеона, или гавани ски-

фо-тавров, до Лампады 600 стадиев, 80 миль; там стоянка для кораблей. От Лампады до высокой горы Бараньего Лба, мыса Таврической земли, 220 стадиев, 29 1/3 мили.

79/53⁸⁹. В эту местность Таврики, по некоторым преданиям, некогда прибыла похищенная из Авлиды Ифигения. Тавры народ многочисленный; ведут они образ жизни горцев и кочевников, по свирепости – варвары и убийцы, умиловляющие своих богов злодеяниями.

80/54⁹⁰. Так называемый Таврический Херсонес⁹¹ пограничен с ними; на нем греческий город, основанный гераклеотами и делосцами, вследствие данного гераклеотам, жившим в Азии по эту сторону Кианей, совета оракула заселить вместе с делосцами Херсонес [полуостров].

81/55⁹². От Бараньего Лба до таврической же гавани Символа, называемой также *гаванью* Символов, – 300 стадиев, 40 миль; здесь спокойная гавань. От гавани Символа до города Херронеса или Херсонеса в Таврической земле, колонизованного понтийскими гераклеотами, 180 стадиев, 24 мили; здесь пристань и хорошие гавани.

82/56⁹³. Береговая линия Таврического Херсонеса, от гавани Афинеона до Прекрасной гавани, в объезде составляет 2 600 стадиев, 346 2/3 мили, а от деревни Портмитиды, лежащей на крайнем пункте Европы при входе в Меотийское озеро или в Танаис, до Херсона⁹⁴ 2 260 стадиев, 301 1/3 мили; от Боспора или Пантикапея до города Херсона 2 200 стадиев, 293 1/3 мили.

83/57. От Херсона до так называемой Коронитиды, или Керкинитиды, 600 стадиев, 80 миль; от Коронитиды, или Керкинитиды, до скифской гавани Прекрасной в Херсонесской земле 700 стадиев, 93 1/3 мили. От Прекрасной гавани до реки Истра или Данубия опять обитают скифы. За Прекрасной гаванью начинается залив, называемый Каркинитским и простирающийся до Тамираки; он имеет в длину 2250 стадиев, 300 миль; если же не объезжать его вдоль берегов, но прямым путем переплыть устье, то всего 300 стадиев, 40 миль. Внутри Тамираки есть небольшое озеро.

84/58. От мыса Тамираки тянется Ахиллов Бег, весьма длинная и узкая береговая полоса, простирающаяся вдоль пролива на 1200 стадиев или 160 миль, а в ширину имеющая 4 плетра; концы ее имеют вид островов; от материка она отстоит на 60 стадиев, 8 миль. По середине ее истмовидный (т. е. узкий) пере-

шеек соединяет с материком (или с твердой землей), простираясь в длину на 40 стадиев, 5 1/3 мили. Если проплыть от Тамираки мимо вышеупомянутого Бега до другой косы Ахиллова Бега, называемой Священной рощей Гекаты⁹⁵, *получаются* упомянутые 1200 стадиев или 160 миль. От Священной же рощи Гекаты до судоходной реки Борисфена, ныне называемой Данаприем, 200 стадиев, 26 2/3 мили.

85/59⁹⁶. Эта река Борисфен полезнее всех других; она *изобилует* большими рыбами и производит много хлебных растений и пастбища для скота. Ее течение, как говорят, судоходно дней на сорок плавания, а в верхнем течении она несудоходна и недоступна, ибо плавание невозможно вследствие снегов и льдов.

86/60⁹⁷. При слиянии двух рек, Гипаниса⁹⁸ и Борисфена, существует город, прежде называвшийся Ольвией, а потом снова названный у эллинов Борисфеном⁹⁹; его основали милетяне во время мидийского владычества; от моря до него 240 стадиев плавания вверх по реке Борисфену (ныне называемой Данаприем; *это расстояние составляет 32 мили*).

87/61¹⁰⁰. От реки Борисфена до весьма маленького, пустынного и безыменного островка¹⁰¹ 60 стадиев, 8 миль; от этого весьма маленького, пустынного и безыменного острова до Одесса 80 стадиев, 10 2/3 мили; от Одесса до местечка Скопелов 160 стадиев, 21 1/3 мили; от Скопелов до гавани истрианов 90 стадиев, 12 миль; от гавани истрианов до гавани исиаков 90 стадиев, 12 миль; от гавани исиаков до местечка Никония 300 стадиев, 40 миль; от местечка Никония до судоходной реки Тиры 30 стадиев, 4 мили.

88/62. Эта река Тира, будучи глубока и *представляя* хорошие пастбища для скота, доставляет торговцам много рыбы на продажу и безопасна для плавания грузовых судов. *На ней* лежит соименный ей город Тира, колония милетян.

89/63¹⁰². Всего от реки Борисфена до реки Тиры 810 стадиев, 108 миль, а от Херсона до реки Тиры 4110 стадиев, 548 миль; а географ Артемидор¹⁰³ от города Херсона до реки Тиры вместе с объездом Каркинитского залива ставит 4200 стадиев, или 589 1/3 мили. От реки Тиры до Неоптолемовых¹⁰⁴ 120 стадиев, 16 миль; от Неоптолемовых до Кремнисков¹⁰⁵ 120 стадиев, 16 миль; географ же Артемидор говорит, что от реки Тиры до Кремнисков 480

стадиев, 64 мили. От Кремнисков до Антифиловых¹⁰⁶ 330 стадиев, 44 мили. От Антифиловых до так называемого Голого устья реки Истра 300 стадиев, 40 миль. *Здесь живут* фракийцы и бастарны-пришельцы.

90/64¹⁰⁷. Почти напротив Голого устья Истра, если плыть с северным ветром прямо в открытое море, лежит остров, который одни называют островом Ахилла, другие – Бегом Ахилла, третьи по цвету – Белым.

91/65¹⁰⁸. На нем водится множество ручных птиц, и он *представляет* для приезжающих благолепный вид; с него нельзя видеть земли, хотя он отстоит от материка *только* на 400 стадиев (53 1/3 мили), как пишет, по крайней мере, Деметрий¹⁰⁹.

92/66¹¹⁰. Говорят, что этот остров Фетида подняла *из моря* для своего сына и что Ахилл живет на нем. На нем есть и храм Ахилла и статуя древней работы; люди на нем не живут; пасутся только немногие козы, которых, как говорят, пристающие туда посвящают Ахиллу. Ведь и другие многие дары посвящены в храме, *как-то*: чаши, перстни и драгоценные камни. Все это посвящено Ахиллу *в виде* благодарственных приношений; *есть* и надписи, написанные одни на латинском, другие на греческом языке разными метрами и *содержащие в себе* прославления Ахилла.

93/67¹¹¹. От так называемого Голого устья Истра до второго его устья 60 стадиев, 8 миль. От второго устья до Прекрасного устья 40 стадиев, 5 1/3 мили. От Прекрасного устья до Нарака (так называют четвертое устье Истра) 60 стадиев, 8 миль. От Нарака до пятого устья Истра, называемого “Священным”, 120 стадиев, 16 миль. Отсюда начинаются прилежащие к Понту части Фракии и границы фракийцев. Все же раньше названные племена – варварские.

94/68¹¹². Эта река Истр, называемая также Данубием, вытекает из западных стран и впадает *в море пятью* устьями; разделяясь на два русла, она течет и в Адрий. Она хорошо известна до земли кельтов и летом всегда сохраняет *много воды*: ибо зимой она прибавляется и пополняется выпадающими дождями и, как говорят, всегда получает притоки от снега и тающих льдов, но и летом точно так же имеет ровное течение. В ней, по слухам, лежит много значительных по величине островов; из них лежащий между морем и устьями – не меньше острова Родоса; он называется Певкой [Сосновым] вследствие изобилия растущих на нем сосен. Затем за ним лежащий в от-

крытом море вышеупомянутый Ахиллов остров.

95/69¹¹³. От Священного устья реки Истра до города Истра 500 стадиев, 66 2/3 мили.

96/70¹¹⁴. Этот город Истр получил *свое* имя от реки. И этот город основали милетяне, когда войско варваров-скифов, гнавшее киммерийцев из Боспора, перешло в Азию.

112/86¹¹⁵. ...[Милетяне] выслали из Ионии множество колоний в Понт, который, прежде называвшийся Негостеприимным вследствие нападений варваров, благодаря им получил прозвание Гостеприимного.

117/91. Всего от Священного устья реки Истра до святилища Зевса Урия, или устья Понта, 3640 стадиев, 485 1/3 мили. От реки Борисфена, называемой также Данаприем, до святилища Зевса Урия 5600 стадиев, 746 2/3 мили. От Херсона до святилища Зевса Урия 8900 стадиев, 1186 2/3 мили. От деревни Портмии, лежащей на краю европейских час-

тей Понта, на устье Меотийского озера или так называемого Киммерийского Боспора, до святилища Зевса Урия 11 100 стадиев, 1480 миль.

Говорят, что путь вдоль европейских берегов Понта равен объезду азиатских частей Понтийского моря.

118/92. От святилища Зевса Урия до Амиса 4660 стадиев, 621 1/3 мили; от Амиса до реки Фасиса 3802 стадия, 507 миль; от реки Фасиса до устья Меотийского озера или Ахиллова селения 4025 стадиев, 536 2/3 мили; так что выходит от святилища Зевса Урия до устья Меотиды 12 487 стадиев, 1665 миль.

В общем итоге весь объезд Евксинского Понта, *т. е.* правых частей Понта вдоль Азии и левых частей Понта вдоль Европы, от святилища Зевса Урия составляет 23 587 стадиев, 3145 миль.

Кроме того, объезд Меотийского озера составляет 9000 стадиев, 1200 миль.

Примечания

¹ [Т. е. Понта Полемонова и Понта Каппадокийского – причерноморских областей Малой Азии, границы которых простирались от реки Ириса (совр. Ешил-Ирмак) и до Колхиды].

² [Ввиду того, что в основе этого лежит почти не подвергшийся изменением перипл Арриана, а также имеются отмеченные всякий раз в примечаниях заимствования из снабженных в данном издании подробным комментарием периплов Псевдо-Скилака и Псевдо-Скимна, см. соответствующие примечания. Настоящий же текст будет снабжен примечаниями лишь в тех случаях, когда он содержит оригинальные, отсутствующие у упомянутых выше авторов, сведения].

³ Из Мениппа и Арриана: 20.

⁴ Из Псевдо-Скимна: 953 сл.

⁵ Из Псевдо-Скимна: 915 сл.

⁶ [Город на берегу Черного моря, близ древнего поселения Сиды и при устье реки Сидена (совр. Полемон-Чай), выстроенный царем Полемоном II – столица так называемого Полемонова Понта].

⁷ Из Псевдо-Скимна: 901–911.

⁸ Из Арриана: 8 и Мениппа.

⁹ [Это наименование, известное как Сузармена Прокопию Кесарийскому (Война с готами IV: 2), отождествляется с современным селением Сюрменех к востоку от Трапезунта].

¹⁰ [По побережью в западном направлении].

¹¹ Из Арриана: 8, кое-что из Мениппа.

¹² Имя лагеря или укрепления, лежащего у этой реки, автор неудачно переносит на самую реку (Müller).

¹³ Ἀσκούρον у Арриана, без сомнения, правильное.

¹⁴ Ἀδιήων у Арриана; поэтому вместе с Hudsonius'ом я предпочел бы читать Ἀδιήων, [τὸν] ἥδη λεγόμενον Ἀδιήων (Müller).

¹⁵ [Пункт, упомянутый также у Плиния (VI: 11) под именем Кордула, а также, вероятно, у Птолемея (V: 6, 10) в качестве поселения, расположенного внутри страны].

¹⁶ Из Арриана: 8 и Мениппа.

¹⁷ Местности Ἀρμένης у Арриана нет. [Пункт под таким названием (Армен) существовал на пафлагонском берегу к западу от Синопы (Арриан. Перипл: 21), на месте современного Ак-Лимана].

¹⁸ Из Арриана: 7.

¹⁹ Из Мениппа.

²⁰ § 42 в Cod. Vat. 143 написан несколько иначе и обрывается после слова “гениохи”.

²¹ Из Арриана: 8.

²² “εἰς Κίνασον. Кодекс Арриана: ὁ Ἀκίνασις πὸ ἃ Ἀκίνασον. Название этой реки больше нигде не упоминается” (Müller).

²³ К. Мюллер полагает, что § 44 взят из Псевдо-Скимна, стихи которого он попытался восстановить следующим образом: “Фасис река имеет течение, несущееся из Армении, вблизи него теперь живут иберы, некогда вышедшие из Иберии. Подходящему к реке слева от Фасиса встречается лежащий тут город милетцев, по-гречески называемый Фасисом, куда собирались шестьдесят племен, различных по языкам. В числе их, говорят, собирались некоторые варвары из Индии и Бактрианы. Между ними варварская страна Кораксика, земля, примыкающая к ней, называемая Колика, теперь племя меланхленов и колхов”.

²⁴ [Распространенное в древности, разделявшее также и Страбоном (XI: 2, 17) заблуждение, основанное на том, что за верховья реки Фасиса принимался приток Риона Квирила, действительно вытекающий с армянского нагорья и впадающий в Рион у Шорапани].

²⁵ [Из Иберии, т. е. с Пиренейского полуострова; под Арменией в данном случае понимается Закавказье вообще].

²⁶ [Ср. Страбон XI: 2, 16, где речь идет о семидесяти народностях, сходящихся в Диоскуриаду].

²⁷ [Т. е., очевидно, между Колхидой и Арменией; о локализации кораксов см. Псевдо-Скилак: 77].

²⁸ [О меланхленах на Кавказе известно также еще только из Псевдо-Скилака: 79, если не считать

Птолемея (V: 8, 17–25), помещающего их к северу от Кавказа, у подножия Гиппийских гор].

²⁹ Из Псевдо-Скилака: 81.

³⁰ Из Арриана: 10.

³¹ Из Арриана: 13–14, к которым компилятор прибавил кое-что от себя.

³² [Арриан: 13 – Сингам].

³³ “στ’”. Расстояние примерно 65 стадиев. То, что Арриан в своем источнике нашел, произошло, может быть, из ο’ (70)” (Müller).

³⁴ “Αστέλεφον. Кодекс Арриана: ’Ατέλαφον и потом ’Ατέλαφον, также ниже, в § 11: ἐλ ’Ατέλαφον, но кодекс Анонима последовательно: ἀπὸ τοῦ ’Αστέλεφον” (Müller).

³⁵ Слов этих у Арриана нет.

³⁶ Из Мениппа.

³⁷ [Племя лазов еще во II в. н. э. было известно как весьма незначительное, связывающееся с местностью Старая Лазики (Арриан: 15, 28). Птолемей локализует их к югу от Фасиса (V: 10, 5). Однако в IV–V вв. н. э. имя этого племени, родственного керкетам (см. RE, VIII, 1: 260; XII, 1: 1042), распространилось на всю Колхиду, именовавшуюся у ранневизантийских писателей Лазикой].

³⁸ Из Арриана, § 15.

³⁹ Из Псевдо-Скимна.

⁴⁰ К. Мюллер попытался составить стихи, повсюду слабые. Они не дают ничего для перевода, за исключением того, что после слова “смешанный”, по-видимому, выпали две ямбические стопы.

⁴¹ Из Арриана: 15.

⁴² Из Арриана: 16.

⁴³ Ср. прим. к Арриан: 16.

⁴⁴ Из Арриана: 26.

⁴⁵ Κότον – кодекс, исправил К. Мюллер.

⁴⁶ Из Арриана: 27.

⁴⁷ Из Псевдо-Скимна.

⁴⁸ [Положение вещей, характеризующееся этими словами, заимствованными из эллинистического источника, не соответствовало действительности уже в первые столетия н. э.].

⁴⁹ Из Арриана: 27.

⁵⁰ “μίζυρον. Μίζυρον? Современная Мзымта. Однако кодекс имеет: εἰς Μίζυρ ποταμὸν τὸν λεγόμενον Βροῦχοντα” (Müller).

⁵¹ И из Мениппа.

⁵² Из Арриана: 23.

⁵³ Этого мыса Арриан не упоминает.

⁵⁴ “Арриан от Гераклеяского мыса до мыса Левой считает 180 стадиев, и в этом он прав; Аноним из того же расчета должен был указать 170 стадиев (180 – 10), но не известно, в силу какой ошибки дает только 80; что здесь нет ошибки переписчика, ясно из суммы расстояний в § 27 “ (Müller).

⁵⁵ Слова, заключенные в скобки, отсутствуют у Арриана. Νίψα упоминает Константин Багрянородный (Об управлении империей: 42. “Ψάχαψ (Χάψαψ?) – река, о которой Аноним говорит, что она находится по соседству с Никопис, на наших картах именуется Шапсуком” (Müller).

⁵⁶ Из Мениппа.

⁵⁷ Из Арриана: 28.

⁵⁸ Из Мениппа.

⁵⁹ Из Арриана: 28.

⁶⁰ “στάδιοι ρλ’”. Так, Аррианов кодекс. 24 римских мили предполагают 180 стадиев. Сходным образом в следующих строках имеются στάδιοι οκ’ (290), тогда как 40 миль составляют 300 стадиев, что имеет и Арриан. Аноним, имевший перед глазами несколько источников, смешал различные данные; ибо это ок вряд ли могло получиться от ошибки переписчика” (Müller).

⁶¹ Из Мениппа.

⁶² Τορίται. Так и в § 24. У Арриана и других называются Τορέται, у Страбона (XI: 2, 11) – Τορεῖται” (Müller).

⁶³ [Эвдусианы или эвлусианы (см. Прокопий Кесарийский. Война с готами IV: 4) должны быть идентичны гуннам-утургурам, ибо под этим именем Прокопий помещает их царство на берегах Черного и Азовского морей от Питиунта и до Нижнего Дона; в связи с этим чрезвычайно любопытным является замечание Анонима об их “готском и таврском” языке, не имевшем, разумеется, ничего общего с древнегерманскими диалектами].

⁶⁴ Может быть, из Мениппа.

⁶⁵ [Аноним опускает здесь (переноса в Европу – см. § 73 сл.) Фанагорию и Кепы – пункты, лежавшие на левом берегу Корокондамского озера, для плывущих в Гермонассу (ср. Страбон XI: 2, 9 сл.) и несомненно упомянутые в источнике Анонима].

⁶⁶ Из Псевдо-Скимна.

⁶⁷ Ср. Прокопий. Война с готами IV: 475, 1: “ветер, который дует оттуда, называют танаисским” (Müller). Он же попытался составить стихи, которые не дают ничего для перевода, за исключением того, что, по мнению К. Мюллера, автор прозаической парафразы, видимо, не понял стихотворного текста и неправильно отождествил керкетов с торитами.

⁶⁸ Из Мениппа.

⁶⁹ Из Арриана: 29.

⁷⁰ Из Мениппа, как кажется К. Мюллеру.

⁷¹ Из Арриана: 29.

⁷² Из Псевдо-Скилака: 69.

⁷³ Из Псевдо-Скимна: 874–885.

⁷⁴ [Каллатийского, географа III–II вв. до н. э.; ср. Псевдо-Скимн: 117].

⁷⁵ Из Псевдо-Скилака: 72.

⁷⁶ Из Псевдо-Скимна: 886–899.

⁷⁷ [Повторение в §§ 73–74 описания азиатской части Боспора, данного уже выше в § 63 сл. объясняется, может быть, тем, что в перипле Псевдо-Скимна предполагается плавание в противоположном направлении, с запада на восток; заимствуя из него описание местностей у устья Танаиса, Аноним, таким образом, невольно был увлечен назад].

⁷⁸ [Несомненно, то же самое, что и упомянутые несколькими строками выше Кепы].

⁷⁹ Из Псевдо-Скимна: 835–873.

⁸⁰ [Возможно, что именно этих скифов Полесья (Абики) в глубокой древности греки именovali абиями, ср. Стефан Византийский под словом Ὑλαία].

⁸¹ Из Мениппа.

⁸² [Т. е. Меотиды (Азовского моря)].

⁸³ См. Лев Диакон IX: 6, 150, где упоминается о Мирмекионе на основании перипла Арриана, в котором, однако, ничего не говорится о Мирмекионе. К. Мюллер предполагает, что Лев пользовался каким-то другим периплом, который, подобно данному, носил имя Арриана. Он же считает также, что, быть может, ту же форму этого имени нужно поставить у Псевдо-Скилака: 68, где в рукописи читается Μυρμηκόν.

⁸⁴ “Не знаю, не следует ли писать: πόλιν ἐπιστημοντήν καὶ Βόσπορον. Если это чтение отвергнуть, то в следующих строках будет πλέοντι ἔπλο [Пантикалаίου ἤτοι] Βοσπόρου. Ибо, что известно, Пантикапей назывался также Боспором... И наш автор сам ниже говорит: ἀπὸ Βοσπόρου ἤτοι Παντικάλαίου [§85], что следовало принять во внимание уже и для этого места” (Müller).

⁸⁵ [В наименовании “Кидеаки” или “Кидея” (если принять поправку К. Мюллера), являющемся,

по свидетельству Анонима, первоначальной формой последующего “Кита”, “Китей” – имени, перенесенного милетскими колонистами с Боспора Фракийского (см. Дионисий Византийский: 21), – звучит, вероятно, местное наименование этого пункта].

⁸⁶ До слов “...сочинениях” из Арриана.

⁸⁷ [Tomaschek (RE, I, 1: 22) читает Ἀβδάρβα и разъясняет это слово из осетинского awd ‘семь’].

⁸⁸ “Ἀθηναίων. Это имя известно только из нашего автора; второе название есть у Арриана” (Müller). [Этот пункт, упоминаемый лишь у нашего Анонима, локализуется предположительно на месте современного Судака. Ср. В. В. Латышев // IOSPE, II, карта № 2].

⁸⁹ Из Псевдо-Скимна: 828–834.

⁹⁰ Из Псевдо-Скимна: 822–827.

⁹¹ Судя по контексту, Аноним имеет в виду так называемый “Малый Херсонес”, или современный Гераклевский полуостров].

⁹² Из Арриана и Мениппа.

⁹³ О § 82 и следующих К. Мюллер замечает: “Эти перечисления заимствованы из какого-либо другого перипла” [т. е. не из Арриана].

⁹⁴ [Т. е. Херсонеса].

⁹⁵ [Для локализации этого пункта ср. Птолемей III: 8, 2].

⁹⁶ Из Псевдо-Скимна: 813–819.

⁹⁷ Из Псевдо-Скимна: 804–812.

⁹⁸ К ὕλαριν на полях рукописи приписан ской: “Некоторые говорят, что на реке Гипанисе есть животное, называемое «быстрое», которое в один и тот же день рождается и умирает”. Ср. обширное примечание К. Мюллера (GGM, I: 417). [Об этом же животном (насекомом) сообщает подробнее Аристотель (Истории о животных V: 19, 14), называя его “однодневкой” или “поденкой”. Ср. также Элиан. Истории о животных V: 43. Необходимо отметить, что Аноним путает в данном случае Гипанис-Буг с Гипанисом-Кубанью, к которой относится рассказ Аристотеля].

⁹⁹ [О соотношении названий Ольвия и Борисфен (применительно к городу) ср. Страбон VII: 3, 17].

Источник: *Geographi Graeci Minores* / Ed. C. Mullerus. Vol. I. – Paris, 1855: 402–423; *Fragmenta Historicorum Graecorum* / Ed. C. Mullerus. Vol. V. – Paris, 1870: 174–184; В. В. Латышев. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* // ВДИ, 1948, № 4: 276–239.

Неизвестный автор

“Это сочинение неизвестного автора составлено, – согласно В. В. Латышеву, ссылающемуся на Карла Мюллера, – не раньше V в.

¹⁰⁰ §§ 87 и 89: “Об отрезке берега, находящемся между Борисфеном и Тирой (Днестром), Аноним передает больше, чем Арриан, который упоминает на нем только Одесс, порты истрианов и исиаков, за которыми на расстоянии 200 стадиев находятся ἔρημα и ἀνώνυμα. И это было правильно в век Арриана; Аноним, не обращая внимания на хронологию, упоминает Скопелы, Никоний, башню Антифила, Кремниси и местечко Антифила” (Müller).

¹⁰¹ [Имеется в виду нынешний остров Березань, заселенный в древности и упомянутый также у Страбона (VII: 3, 19) без имени, а у Птолемея (III: 10, 8) названный Борисфенидой или Левкой].

¹⁰² Из Псевдо-Скимна: 799–803.

¹⁰³ [Из Эфеса, II–I вв. до н. э., автор «Географии» в 11 книгах, откуда, вероятно, и заимствован весь этот отрывок с описанием берега от Тиры до Истра].

¹⁰⁴ У Страбона (VIII: 3, 16) есть πύργος Νεοπτολέμου καλούμενος.

¹⁰⁵ [Этот пункт упоминается также у Плиния (IV: 26) вместе с Макрокремнийскими горами. К. Мюллер (GGM, I: 418) считает возможным идентифицировать Кремниси с Гермонактовым селением, локализуемым в этой местности и упомянутым у Страбона (VII: 3, 16) и у Птолемея (III: 10, 7)].

¹⁰⁶ [Этот пункт у других авторов не упоминается и ближайшей локализации не поддается. К. Мюллер (GGM, I: 419) предположительно ставит с ним в связь помещаемый Птолемеем к югу от Гермонактова селения населенный пункт Гарпис].

¹⁰⁷ Из Арриана: 32.

¹⁰⁸ Из Псевдо-Скимна: 792–796.

¹⁰⁹ Ср. выше, § 72.

¹¹⁰ Из Арриана: 32.

¹¹¹ До “16 миль” из Арриана: 35.

¹¹² Из Псевдо-Скимна: 774–791.

¹¹³ Из Арриана: 35.

¹¹⁴ Из Псевдо-Скимна: 767–772.

¹¹⁵ Из Псевдо-Скимна: 731–737.

Изложение земпеописания в сокращении

II. О разделении населенной земли

3. Вся населенная земля разделяется на три материка; Азию, Ливию и Европу. Разделение *делается* перешейками или проливами. Границы материков суть... Азии от Европы – перешеек¹, который от отдаленнейшего угла Меотийского озера простирается до Северного моря; по этому перешейку протекает река Танаис...

IV. О европейских народах

9. Истр, берущий начало неподалеку от истоков Рейна и до города Новиодуна называе-

мый Данубием², отделяет Германию от народов, живущих ниже...

10. К Германии за рекой Вистулой прилежит Сарматия, обнимающая большую область и многие племена и другого материка... ограничивается в Европе Меотийским озером. Затем, за перешейком Таврического полуострова (который выступает, образуя с Азией пролив, называемый Киммерийским Боспором), она захватывает часть Понта до реки Борисфена.

11. Под самой западной частью Сарматии находится Дакия, спускающаяся к югу за язигами-метанастами и ограничиваемая Истром, а ниже остальных частей к востоку лежит Нижняя Мезия; она также захватывает и значительную часть страны, *лежащей* выше Истра, и обнимает все побережье от Борисфена до города Месембрии.

VI. О народах азиатских

19. В Азии народы таковы. Сарматия, растилающаяся *выше* сказанным образом за перешейком и Танаисом, ограничивается меридианом, пересекающим надвое длину Каспийского моря, затем, обойдя *побережья* Меотиды и Понта до отдаленнейшего угла³, посредине материка доходит до Каспия. За ней к востоку лежит Скифия; она вначале не очень расширяется, а на востоке – чрезвычайно; она почти соприкасается с Индией. За всей Скифией находится Серика, составляющая самый восточный предел известной *земли*.

20. Ниже Сарматии у Понта лежит Колхика, а у Каспия – Албания, а между этими *областями* лежит Иберия...

21. Далее, ниже Иберии и части Албании, лежит Армения...

IX. О величайших горах

28. Величайшие из гор в Азии – Имай, Эмодские и Кавказские; эти и Рипейские, говорят, выше всех *прочих гор*... В Европе величайшие *горы*, говорят, Сарматские и Альпийские, если кто-либо взял бы их в сравнении с *остальными*...

X. О величайших реках

29. ... Из остальных азиатских рек, впадающих в разные моря, Яксарт, Окс, Римм (Ῥίμμος)⁴, Ра⁵, Кир и Аракс изливаются в Каспийское море, а Фасис, Фермодонт и Сангарий – в Понт. Они имеют устья почти в тех же местах, где и истоки.

30. Из европейских *рек* первое место по справедливости может занять Истр, который, вытекая из западных стран и проходя столько племен и областей, впадает в Понт. Затем самые большие *реки*: Борисфен, Вистула, Танаис и Рейн...

XIII. О длине и ширине всей населенной земли

39. ...Ширина [населенной земли] по меридиану, проводимому через Гиппийские горы⁶ Сарматии, тридцать две тысячи пятьсот стадиев, *или* 4333 мили.

XIV. О длине и ширине морей на земле

41. Длина Понта от Том до устья Фасиса 6200 стадиев, *или* 826 миль, а ширина от Фанагории на Боспоре до устья Галиса, где Понт наиболее широк, 2500 стадиев, *или* 320 миль.

42. Длина Каспийского моря от устьев Кира, который вытекает из Армении, до устьев Яксарта 8200 стадиев, *или* 1094 мили, а наибольшая ширина 2500 стадиев, *или* 334 мили.

45. Это великое море, обтекающее всю землю, носит общее имя океана, но по частям имеет разные наименования. Именно весь океан, *находящийся* на севере, называется Арктическим, *или* Северным, а в нем более восточная *часть* – Скифским океаном, а западная – Германским и Бретанским; этот самый океан в совокупности называется и Кроныйским морем, и Ледовитым, и Мертвым...

46. Омываемая этими океанами земля разделяется на три части перешейками, лучше всего разделившими вселенную, *именно* на Европу, Азию и Ливию. Границы... Азии... с Европой – река Танаис, впадающая в Меотийское озеро, которое, *в свою очередь*, изливается в Евксинский Понт... Некоторые же разделяют вышеназванные материки перешейками, *именно* Европу от Азии – *перешейком, находящимся* между Каспийским морем и Понтом...

Примечания

¹ [Слово это (ἰσθμός) автор землеописания употребляет здесь в условно-географическом значении].

² [Ср. об этом Птолемей XII: 10, 1, по которому наименование Данубий простирается до города Аксиуполя].

³ [Т. е. до кавказского побережья].

⁴ [В схолии Евстафия к Гомеру (Одиссея XXIV: 465) Ῥίμμος – река, вытекающая с Риммийских гор

и впадающая в Каспийское море между Волгой и Уралом (Птолемей VI: 14, 2; 4). Риммийские горы отождествляются (Hermann, RE, I A, 1: 1286) с возвышенностью Общий Сырт; Римм же, по его мнению, можно отождествить с Большим или Малым Узнем].

⁵ [Т. е. Волга].

⁶ [Отроги Северного Кавказа: Птолемей V: 8, 14, 15].

Приск Панийский

Πρίσκοϛ Πάνιτης – Priscus Panites (Panin'ius)

Приск (V в.), ритор, софист и историк, писавший по-гречески. Родился во фракийском городе Панион, лат. Паний (Πάνιον, лат. Panium). В 448 г. Приск участвовал в посольстве Максимиана, отправленном императором Византии (Восточной Римской империи) Феодосием II (401–450) к гуннскому царю Аттиле. При императоре Восточной Римской империи Маркиане (ок. 392–457) в 452 г. Приск сопровождал Максимиана также в Аравию и Египет. По данным лексикона «Суда», наследие Приска включает «Риторические упражнения», письма и «Византийскую историю»

(«Ἱστορία Βυζαντιακή») в 8 книгах. До нас дошла ее первая часть под заглавием «Готская история» («Ἱστορία Γοτθική»). Историческое произведение Приска, предположительно, охватывало период от прихода к власти Аттилы до воцарения в Византии Зенона, то есть с 433 по 474 г. «Готская история» Приска послужила одним из важнейших источников утраченной 12-томной «Истории готов» Кассиодора Сенатора (485/487–578/585), которая сохранилась в сокращении остготского историка VI в. Иордана («О происхождении и деяниях гетов», доведена до 551 г.).

Приск Панийский

Готская история

По В. В. Латышеву

1. Руа¹, царь гуннов, решив вступить в войну² с амилзурами³, итимарами, товосурами, бисками (Βοίσκις)⁴ и другими народами, жившими по Истру и прибежавшими под защиту римлян, посылает Эслу⁵, обыкновенно служившего ему при распрях с римлянами, угрожая нарушить раньше заключенный мир, если они не выдадут всех перебежавших к ним. Римляне предположили послать посольство к уннам; быть послами выразили желание Плинта и Дионисий, из коих Плинта⁶ был родом скиф, а Дионисий⁷ – фракиец; оба они предводительствовали войсками и исправляли у римлян консульскую должность. Но так как предполагалось, что Эсла возвратится к Руе раньше этого посольства, то Плинта послал вместе с ним одного на своих родственников Сенгилаха⁸, чтобы уговорить Руя вести переговоры с ним, а не с другими римлянами. Когда же Руя скончался⁹ и царская власть над уннами перешла к Аттиле и Бледе¹⁰, римский сенат решил отправить Плинту послом к ним. По утверждении этого решения императором Плинта выразил желание, чтобы вместе с ним отправился послом Эпиген¹¹, пользовавшийся величайшей славой за свой ум и занимавший должность квестора. Когда его избрание также состоялось, они оба отправились послами и прибыли в Марг¹²; это был город иллирийских мезийцев, лежавший на реке Истре против крепости Констанции, расположенной на другом берегу; сюда собрались и царские скифы¹³. Они устроили съезд вне города, сидя на конях, так как у варваров не было в обычае ве-

сти совещания спешившись; поэтому и римские послы, заботясь о своем достоинстве, явились к скифам с соблюдением этого же обычая, чтобы не пришлось беседовать одним на конях, а другим – пешими...¹⁴ что римляне не только на будущее время не будут принимать прибегающих из скифской земли, но выдают и перебежавших уже вместе с римскими военнопленными, прибывшими в свою страну без выкупа, если не будет дано по восьми золотых за каждого беглеца приобретшим их во время войны; римляне обязуются не вступать в союз с варварским народом, поднимающим войну против уннов; ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для уннов; договор должен соблюдаться и оставаться в силе, с тем чтобы со стороны римлян ежегодно уплачивалось по семисот литр золота царским скифам (а раньше сумма дани равнялась тремстам пятидесяти литрам¹⁵). На этих условиях римляне заключили договор с уннами и, поклявшись отеческой клятвой, обе стороны возвратились восвояси. Перебежавшие к римлянам были выданы варварам, в том числе и дети Мама¹⁶ и Атакам¹⁷ из царского рода, которых получившие распяли во фракийском укреплении Карсе¹⁸ в наказание за бегство. По заключении мира с римлянами Аттила и Бледа обратились к покорению народов, обитавших в Скифии, и вступили в войну с соросгами¹⁹.

1b. Скифы осаждали Наисс²⁰, иллирийский город на реке Данубе²¹. Говорят, что основателем его был Константин, который воз-

двиг и соименный себе город у Византия. Варвары, желая взять этот многолюдный и укрепленный город, делали всевозможные попытки. Так как горожане не осмеливались выступать для битвы, то осаждающие с целью устроить своим полчищам легкий переход через реку построили на ней мост с южной стороны, с которой она обтекает город, и подвели к стене машины, именно прежде всего лежащие на колесах бревна вследствие удобства их для подвоза; стоявшие на них люди стреляли в защитников, находившихся на брустверах, причем люди, стоявшие на обоих краях, толкали ногами колеса и подвозили машины куда нужно, чтобы возможно было стрелять с прицелом через проделанные в прикрытиях окна; ибо для того, чтобы стоявшим на бревнах людям можно было сражаться безопасно, эти машины прикрывались плетнями из прутьев с кожами и шкурами для защиты как от прочих снарядов, так и от огненосных, которые бросали в них враги. После того, как было построено таким образом большое количество орудий против города, так что защитники на брустверах принуждены были податься и отступить перед множеством метательных снарядов, стали подвозиться и так называемые бараны. Это также очень большая машина: это было бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к другому брусьями и имевшее острый наконечник и покрывки, устроенные вышеуказанным образом, для безопасности рабочих. Именно люди сильно натягивали его канатами с заднего конца в противоположную сторону от предмета, долженствовавшего получить удар, и затем отпускали, так что от силы удара уничтожалась вся подвергшаяся ему часть стены. Стоявшие на стенах защитники в свою очередь бросали заранее для этого приготовленные тележные²² камни, когда орудия подвозились к оgrade, и некоторые из них разбили вдребезги вместе с людьми, но против множества машин сил их не хватало. Осаждавшие подвозили и лестницы, так что город был взят после того, как в иных местах стена была разбита баранами, а в других стоявшие на брустверах принуждены были отступить перед множеством машин, и варвары пробрались в город через разбитую ударом барана часть ограды, а также и по лестницам, которые подвозились к не упавшей еще части стены²³.

2. Когда скифы во время ярмарки напали на римлян²⁴ и многих перебили, римляне отправили к ним послов, обвиняя их во взятии

укрепления и пренебрежении к перемирию. Скифы отвечали, что в этом деле они не были зачинщиками, а только оборонялись; ибо епископ города Марга, явившись в их землю и обыскав находящиеся у них царские гробницы, похитил положенные в них сокровища; и если римляне не выдадут его, а также и беглецов, согласно договору, – ибо у римлян было еще огромное количество их, – то они начнут войну. Когда же римляне отвергли справедливость этого обвинения, то варвары, настаивая на верности своих слов, не захотели передавать на суд возникшие недоразумения, а предпочли войну и, переправившись через Истр, опустошили по реке множество городов и укреплений, в числе которых взяли и Виминаций²⁵, город иллирийских мезийцев. После этого, когда некоторые стали говорить, что следует выдать епископа маргского, чтобы из-за одного человека не навлекать опасности войны на всю римскую державу, то этот человек, подозревая возможность своей выдачи, тайно от горожан пришел к врагам и обещал предать им город, если скифские цари дадут ему приличную награду. Они отвечали, что осыплют его всякими благами, если он приведет в действие свое обещание. Обменявшись рукопожатиями и клятвами в исполнении сказанного, он возвращается на римскую землю с варварским полчищем и, посадив его в засаду против берега, ночью поднимает его условным сигналом и предает город врагам. Когда Марг был опустошен таким образом, множество варваров еще более возросло²⁶.

3. При императоре Феодосии Младшем²⁷ унский царь Атила, собрав свое войско, послал к императору письмо²⁸ с требованием, чтобы к нему немедленно были высланы беглецы и взносы дани, которые не были выданы под предлогом этой войны, а для улаживания вопроса о будущей дани были присланы к нему послы для переговоров; он прибавил, что если римляне будут медлить или готовиться к войне, то он даже при желании не в состоянии будет удержать скифские полчища. Прочитав это, царедворцы сказали, что никоим образом не выдадут прибежавших под их защиту, но с ними вместе выдержат войну, и решили послать послов для разрешения недоразумений. Когда до Атилы дошло решение римлян, он в гневе стал опустошать римскую землю и, разрушив несколько укреплений, приступил к огромнейшему и многолюдному городу Ратарию²⁹.

4. Феодосии послал консуляра Сенатора³⁰ в качестве посла к Аттиле. Он, даже нося имя посла, не решился прибыть к уннам сухим путем, а отплыл к Понту и городу Одессу³¹, в котором пребывал и высланный ранее военачальник Теодул³².

5. После битвы римлян с уннами при Херсонесе³³ был заключен мирный договор при посредстве посла Анатолия³⁴. Они помирились на том, чтобы уннам были выданы беглецы и дано было шесть тысяч литр золота, согласно прежним условиям; ежегодная дань была условлена в две тысячи сто литр золота; за каждого римского военнопленного, бежавшего и перешедшего без выкупа в свою землю, должно быть выдаваемо по оценке двенадцать золотых, а в случае неуплаты принявшие беглеца обязаны выдавать его; римляне не должны принимать ни одного варвара, бежавшего к ним. Римляне притворялись, что добровольно заключают такой договор; но на деле они, благодаря необходимости и отчаянному страху, который обуял их начальников, стремились к заключению мира и готовы были принять всякое, даже самое тягостное требование; поэтому они согласились на условия дани, весьма для них тяжкие, так как их доходы и царские сокровища были растрачены не на дело, а на бесцельные зрелища, безрассудную пышность, распущенные удовольствия и другие расходы, которых ни один благоразумный человек не выдержал бы даже при благоприятных обстоятельствах, не говоря уже о тех, кто пренебрегал пробиоружием. Поэтому они повиновались требованиям дани не только со стороны скифов, но и прочих варваров, живших на границах римских областей³⁵...

8. Когда евнух Хрисафий³⁶ уговорил Эдекона убить Аттилу³⁷, император Феодосии и магистр Марпиалий³⁸ на совещании о предстоящих делах решили отправить послами к Аттиле не только Бигилу, но и Максимина³⁹ с тем, чтобы Бигила, под видом исполнения должности переводчика, делал все, что прикажет ему Эдекон, и Максимин, ничего не знавший об их замысле, передал письмо императора. Относительно посылаемых лиц в нем было написано, что Бигила – переводчик, а Максимин выше Бигилы по достоинству, из знатного рода и очень близок к императору; затем император писал, что не следует Аттиле, нарушая перемирие, высаживаться на римскую землю; “а беглецов, сверх выданных уже, и отправил к тебе семнадцать, так как

других нет”. Таково было содержание письма; кроме того, Максимину было приказано сказать на словах Аттиле, что не следует ему требовать, чтобы к нему приходили послы высшего достоинства, так как это не делалось ни при его предках, ни при других владельцах Скифии, а бывали послами первый попавшийся солдат или вестник; что для разрешения недоразумений следовало послать к римлянам Онегесия⁴⁰, так как Аттиле неприлично было бы после опустошения Сердики⁴¹ прибыть в нее с лицом консульского звания. Максимин просьбами убедил меня сопутствовать ему в этом посольстве. И вот мы, совершая путь вместе с варварами, приезжаем в Сердику, отстоящую от Константинополя на тринадцать дней пути для хорошего пешехода. Остановившись здесь, мы сочли приличным пригласить на обед Эдекона с сопровождавшими его варварами. Купив у туземцев овец и быков и зарезав их, мы приготовили обед. Когда во время пира варвары стали восхвалять Аттилу, а мы – императора, Бигила сказал, что несправедливо сравнивать бога с человеком, разумея под человеком Аттилу, а под богом – Феодосия. Унны обиделись на это и, понемногу разгораясь, стали сердиться. Мы перевели разговор на другой предмет и старались любезностью смягчить их гнев. Когда мы встали после обеда, Максимин почтил Эдекона и Ореста⁴² подарками, именно шелковыми одеждами и индийскими камнями. Орест, выждав удаления Эдекона, говорит Максимину, что он человек умный и прекрасный, так как не пренебрег им, как царедворцы; ибо они без него приглашали Эдекона на обед и оказывали почет дарами. Так как его речь показалась нам ничего не знавшим, неясной и мы спросили, каким образом и когда именно он был обижен, а Эдекон почтен, он вышел без всякого ответа. На следующий день мы дорогой сообщили Бигиле, что нам сказал Орест. Бигила отвечал, что Орест не должен обижаться, не получая одинаковых с Эдеконом почестей, так как он только прислужник и писец Аттилы, а Эдекон, как известный храбрец на войне и природный унн, многим превышает Ореста. Сказав это и переговорив наедине с Эдеконом, он позже говорил нам, вправду или притворно, что передал ему наш разговор и едва успокоил его, так как он пришел в гнев от сказанного. Прибыв в Наисс, мы нашли этот город лишенным населения, так как он был разрушен неприятелями; лишь в священных обителях оставалось не-

сколько одержимых болезнями. Мы остановились немного выше реки на чистом месте, так как весь берег был покрыт костями убитых на войне. На следующий день мы прибыли к Агинтею, предводителю расположенных в Иллирии войск⁴³, находившемуся недалеко от Наисса, с тем, чтобы сообщить ему распоряжения императора и взять беглецов: он должен был передать пятерых из семнадцати, о которых было написано Аттиле. Мы переговорили с ним и упросили передать, уннам пятерых беглецов; он обласкал их и отпустил с нами. Переночевав и от пределов Наисса направив путь к реке Истру, мы вступили в узкую долину, имевшую много поворотов, извилин и обходов; здесь на рассвете, когда мы думали, что идем к западу, восход солнца оказался против нас, так что незнакомые с положением долины закричали от удивления, как будто бы солнце шло по обратному пути и представляло явление, противное естественному. На самом же деле, вследствие извилин местности, эта часть дороги была обращена к востоку. После трудной дороги мы вышли в болотистую равнину. Варвары-перевозчики приняли нас и перевезли через реку *Истр* на челноках-однодеревках, которые они изготовляют сами, срубая деревья и выдалбливая их. Они приготовились не ради нас, а уже раньше перевезли толпу варваров, которая встретила нас по дороге, так как Аттила хотел перейти на римскую землю под предлогом охоты. Это было для царственного скифа приготовлением к войне под тем предлогом, что не все беглецы были ему выданы. Переправившись через Истр и пройдя с варварами около семидесяти стадиев, мы принуждены были ждать в одной равнине, пока Эдекон со своими спутниками не возвестил Аттиле о нашем прибытии⁴⁴. Вместе с нами остановились и провожавшие нас варвары. В сумерки, когда мы сидели за ужином, послышался топот приближающихся к нам коней. Это прибыли два скифа с приказанием отправиться к Аттиле. Мы предложили им сначала поужинать с нами, и они, сойдя с лошадей, получили угощение, а на другой день показывали нам дорогу. Когда мы в девятом часу дня⁴⁵ прибыли к шатрам Аттилы, которых было у него очень много, и хотели поставить наши шатры на холме, случившиеся тут варвары не позволили этого, так как шатер самого Аттилы стоял в низине. Когда мы остановились, где указали скифы, к нам пришли Эдекон, Орест, Скотта⁴⁶ и другие знатные у них лица с вопросом,

с какой целью явилось наше посольство. Пока мы удивлялись этому странному вопросу и пересматривались друг с другом, они продолжали настаивать на ответе. Наконец, мы сказали, что император приказал объяснить эту цель Аттиле, а не другим; тогда Скотта с сердцем отвечал, что таково приказание их повелителя, — ибо они не пришли бы к нам ради своего любопытства. Мы отвечали, что нет такого обычая относительно послов, чтобы они, не представившись лично тем, к кому посланы, посредством других лиц были допрашиваемы о цели посольства, и что это не безызвестно и самим скифам, часто посылавшим посольства к императору; что мы должны получить равное тому, что получали скифы у нас и иначе не скажем цели нашего посольства. Тогда они уехали к Аттиле, но затем вернулись без Эдекона и сообщили нам все, из-за чего мы были посланы, приказывая при этом как можно скорее удалиться, если мы не имеем сказать ничего другого. Этими словами мы были приведены в большее еще недоумение, каким образом стало известно принятое втайне решение императора; мы признали, однако, полезным ничего не отвечать насчет цели посольства, если не добьемся приема у Аттилы; поэтому мы сказали, что было ли целью нашего посольства сказанное скифам, или что-либо другое — об этом должен узнать их повелитель и что мы не будем разговаривать об этом с другими. Тогда они приказали нам тотчас удалиться. Во время приготовлений к пути Бигила стал бранить нас за ответ, говоря, что лучше быть уличенными во лжи, нежели удалиться ни с чем. “Если бы мне удалось поговорить с Аттилой, — сказал он, — то я легко убедил бы его прекратить вражду с римлянами, так как я подружился с ним во время посольства при Анатолии”. Поэтому Эдекон к нему расположен и под видом посольства и речей, которые должны быть сказаны так или иначе, или истинно, или ложно, он найдет предлог переговорить относительно плана, принятого ими против Аттилы, и принести золото, в котором нуждался Эдекон, по его собственным словам, для раздачи подчиненным ему людям. Бигила не знал, что уже был предан Эдеконом. Дело в том, что Эдекон, или коварно давший свое обещание, или испугавшийся, чтобы Орест не довел до сведения Аттилы то, что он сказал нам в Сердикe после пирa (когда он обвинял Эдекона в том, что он без него вел переговоры с царем и с евнухом), — донес Аттиле о составленном против

него заговоре и о количестве золота, которое должны были выслать римляне, а также выяснил и цель нашего посольства. Когда поклажа была уже навьючена на животных, и мы по необходимости хотели попытаться двинуться в путь в ночное время, пришли некоторые варвары и сказали, что Атила приказал нам подождать ввиду ночного времени. В ту самую деревню, из которой мы поднялись в путь, пришли какие-то люди с быком и с речными рыбами, присланными от Атилы. Мы поужинали и легли спать. С наступлением дня мы надеялись получить от варвара что-либо благосклонное и любезное; но он снова прислал тех самых людей с приказанием удалиться, если мы не имеем сказать, кроме известного им. Мы, ничего не отвечая, стали готовиться в путь, хотя Бигила настоятельно советовал сказать, что у нас есть и другие заявления. Видя Максимиана в большом унынии, я взял Рустиция⁴⁷, знавшего варварский язык и прибывшего с нами в Скифию (не в составе посольства, а по какому-то делу к Констанцию, родом италиоту, которого полководец западных римлян Аэций прислал к Аттиле в качестве секретаря)⁴⁸, и, придя к Скотте (так как Онегесия в то время не было), обратился к нему и через переводчика Рустиция сказал, что он получит от Максимиана множество даров, если выхлопочет ему аудиенцию у Атилы, так как его посольство будет полезно не только римлянам и уннам, но и Онегесию, который хочет идти к самому императору для разъяснения возникших между нашими народами недоразумений и по прибытии получит величайшие дары. Поэтому он, Скотта, должен в отсутствие Онегесия оказать нам, а еще более брату, содействие в добром деле. Я говорил ему, что, как мне сообщили, Атила слушается и его, до что сказанное о нем не будет заслуживать доверия, если мы не узнаем на опыте его силу. Скотта, прервав меня, сказал, чтобы мы не сомневались, что и он говорит и действует у Атилы одинаково с братом, и, тотчас вскочив на коня, поскакал к шатру Атилы. Возвратившись к Максимиану предававшемуся унынию вместе с Бигилой и крайне расстроенному положением дел я передал ему свой разговор со Скоттой и полученный от него ответ и прибавил, что нужно приготовить дары для передачи варвару и обдумать, что мы ему скажем. Оба они, вскочив (я застал их лежащими на траве), похвалили мой поступок, отозвали назад людей, уже выступивших с вьючными животными, и стали об-

суждать, как будут приветствовать Аттилу и как передадут ему дары императора и те, которые привез сам Максимин. Пока мы занимались этим, Атила пригласил нас через Скотту, и вот мы явились к его шатру, охраняемому кругом толпой варваров. Получив позволение войти, мы застали Аттилу сидящим на деревянном кресле. Мы стали немного поодаль трона; Максимин, приблизившись, приветствовал варвара и, передав ему письмо императора, сказал, что император желает доброго здоровья ему и окружающим его. Атила ответил пожеланием римлянам того же, чего они ему желают, и тотчас обратился к Бигиле, обзывая его бесстыдным животным и спрашивая, с какой стати он пожелал явиться к нему, зная решение его и Анатолия о мире, причем было сказано, чтобы к нему не являлись послы прежде, чем все беглецы не будут выданы варварам. Когда же Бигила ответил, что у римлян нет беглецов из скифского народа, так как все бывшие уже выданы, Атила, еще больше рассердившись и осыпав его бранью, крикнул, что он посадил бы его на кол и отдал на съедение хищным птицам, если бы не показалось нарушением посольского устава то, что он подверг бы его такому наказанию за бесстыдство и дерзость его слов; он прибавил, что у римлян есть много беглецов из его племени и приказал секретарям прочесть их имена, записанные на хартии. Когда они прочитали всех, он приказал Бигиле удалиться без всякого промедления, прибавляя, что он пошлет вместе с ним и Эслу сказать римлянам, чтобы они выслали к нему всех варваров, перебежавших к ним со времен Карпилеона (сына Аэция, римского полководца на Западе), бывшего у него заложником; ибо, говорил он, он не допустит, чтобы его рабы выступали в битву против него, хотя бы они и не могли быть полезны вверившим им охрану своей земли: в самом деле, — говорил он, — какой город или какое укрепление, которым он вознамерился овладеть, спасены ими? Возвестив императору его решение относительно беглецов, послы должны тотчас возвратиться с известием, желают ли римляне выдать их, или берут на себя войну из-за них. Приказав раньше Максимину подождать, чтобы через него ответить императору на его письмо, он потребовал дары. Передав их и возвратившись в наш шатер, мы стали обсуждать каждое слово Атилы. Когда Бигила выражал удивление тому, что Атила, показавшийся ему во время прежнего по-

сольства человеком кротким и спокойным, теперь так грубо бранил его, я высказал предположение, не внушили ли Аттиле нерасположение к нему некоторые из варваров, пировавших вместе с нами в Сердике, сообщив, что он называл римского императора богом, а Аттилу – человеком. Максимин признал это предположение вероятным, так как он не принимал участия в заговоре, который евнух составил против варвара; но Бигила оставался в недоумении и, как мне казалось, не мог уяснить себе повода, по которому выбралил его Аттила: он не думал, чтобы Аттиле были сообщены слова его в Сердике, – как он позднее нам рассказывал – или заговор, так как никто другой из посторонних, вследствие убившего всех страха, не решался вступать в беседу с ним, а Эдекон во всяком случае должен был хранить тайну по причине клятвы и неизвестности дела, чтобы и самому, как у частнику таких бесед, не быть признанным заговорщиком и не подвергнуться смертной казни. Пока мы были в таком недоумении, вдруг явился Эдекон и, отведа Бигилу в сторону от нашего собрания и притворяясь говорящим правду, ради задуманного им плана просил принести золото для раздачи людям, которые придут вместе с ним для исполнения дела, а затем ушел. Когда я полюбопытствовал узнать, что говорил Эдекон, Бигила постарался обмануть меня, будучи обманут сам, и, скрыв истинную причину, сказал, что ему было сообщено самим Эдеконом, будто Аттила сердится и на него из-за беглецов: следовало или получить всех их, или прийти к нему послом из самой высшей знати. Пока мы беседовали об этом, явились некоторые из людей Аттилы и сказали, чтобы ни Бигила, ни мы не покупали ни римского пленника, ни раба из варваров, ни лошадей, ни чего-либо другого, кроме съестных припасов, пока не будут разрешены недоразумения между римлянами и уннами. Это было сделано варваром умно и искусно, так что Бигила легко мог быть изобличен в своем замысле против него, не умея объяснить причины, по которой он привез золото, а мы под предлогом ответа, который будет дан до делам нашего посольства, должны были ждать Онегесия, чтобы он мог получить дары, которые мы сами хотели дать и которые прислал император. Он со старшим сыном Аттилы⁴⁹ в это время был послан к акатирам⁵⁰, народу скифского племени, подчинившемуся Аттиле по следующей причине. У этого народа было много начальников по коленам и ро-

дам; император Феодосий послал им дары для того, чтобы они по взаимному соглашению отказались от союза с Аттилой и предпочли союз с римлянами. Но посланный с дарами роздал их не по порядку каждому из царьков народа, так что Куридах⁵¹, старший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежавших ему даров, призвал Аттилу против своих соправителей. Последний не замедлил выслать большую силу и одних перебил, а других склонил к подчинению; затем он пригласил Куридаха для участия в праздновании победы; но тот, заподозрив злой умысел, ответил, что трудно человеку явиться перед лицом бога: ведь если даже на солнечный диск нельзя посмотреть пристально, то как может кто-либо невреждимо лицезреть величайшего из богов? Таким образом, Куридах остался на родине и сохранил свою власть, между тем как весь остальной народ акатирский подчинился Аттиле. Желая поставить своего старшего сына царем этого народа, он и послал Онегесия для устройства этого дела. Поэтому-то и нам он, как сказано, приказал подождать, а Бигилу отправил вместе с Эслою в римские владения под предлогом отыскания беглецов, а на самом деле для доставки золота Эдекону.

Когда Бигила двинулся в путь, мы оставались на месте один день после его отъезда, на следующий день отправились с Аттилой в северную часть его страны. Проехав некоторое пространство вместе с варваром, мы свернули на другую дорогу по приказанию наших проводников-скифов, объяснивших, что Аттила должен заехать в одну деревню, в которой он хотел жениться на дочери Эскама⁵²; хотя он уже имел множество жен, но хотел еще взять и эту, по скифскому обычаю. Оттуда мы продолжали путь по ровной дороге, пролежавшей по равнине, и встретили судоходные реки, из коих самыми большим после Истра были Дрекон, Тигас и Тифесас⁵³. Мы переправились через них на челноках-однодеревках, употребляемых прибрежными жителями, а остальные реки переплывали на плотах, которые варвары возят с собой на повозках для употребления в местах, покрытых разливами. В деревнях нам доставлялось продовольствие, притом вместо пшеницы – просо, а вместо вина – так называемый по-туземному “мед”⁵⁴; следовавшие за нами слуги также получали просо и напиток, добываемый из ячменя; варвары называют его “камос” (κάμιν)⁵⁵. Совершив длинный путь, мы под ве-

чер расположились на ночлег у одного озера с годной для питья водой, которой пользовались жители близлежащей деревни. Вдруг поднялась буря с вихрем, громом, частыми молниями и сильным дождем; она не только опрокинула нашу палатку, но и покатила все наши пожитки в воду озера. Перепуганные разбушевавшейся стихией и всем случившимся, мы покинули это место и впотьмах, под дождем, потеряли друг друга, так как каждый обратился на ту дорогу, которую считал для себя легкой. Добравшись до хижин деревни, — ибо оказалось, что мы все двинулись разными путями по одному направлению, — мы собрались вместе и с криком стали разыскивать отставших. Выскочившие на шум скифы зажгли тростник, который они употребляют как горючий материал, осветили местность и спрашивали, из-за чего мы кричим. Когда бывшие с нами варвары ответили, что мы испугались бури, они позвали нас к себе, оказали гостеприимство и обогрели, зажигая множество тростника. Правившая в деревне женщина, оказавшаяся одной из жен Бледы, прислала нам съестных припасов и красивых женщин для компании, согласно скифскому обычаю почета. Этих женщин мы угостили предложенными нам кушаньями, но от общения с ними отказались и провели ночь в хижинах. С наступлением дня мы обратились к розыскам своих пожитков и, найдя все, частью на том месте, где остановились накануне, частью на берегу озера и частью даже в воде, собрали вместе. Этот день мы провели в деревне, просушивая все пожитки; ибо буря прекратилась, и солнце ярко светило. Обрядив также лошадей и остальных вьючных животных, мы пришли к царице, приветствовали ее и предложили ответные дары, именно три серебряные чаши, красные кожи⁵⁶, индийский перец, финики и другие лакомства, которые дорого ценятся, потому что не встречаются у варваров; затем мы удалились, пожелав ей благополучия за ее гостеприимство. Совершив семидневный путь, мы остановились в одной деревне, по приказанию провожавших нас скифов, так как Аттила должен был заехать в нее по пути, и нам следовало ехать позади него. Здесь мы встретились с людьми из западных римлян, также прибывшими в качестве послов к Аттиле. В числе их были: Ромул⁵⁷, удостоенный почетного звания комита, правитель Норикской области Промут⁵⁸ и предводитель воинского отряда Роман; с ними был Констанций, кото-

рого Аэций послал к Аттиле в качестве секретаря” и Татул⁵⁹, отец эдеконова спутника Ореста. Последние двое путешествовали с названными лицами не в составе посольства, а по личным отношениям, именно: Констанций — благодаря завязанному еще в Италии знакомству с этими лицами, а Татул — по родству, так как сын его Орест был женат на дочери Ромула⁶⁰...

Съехавшись с ними на дороге и выждав, чтобы Аттила проехал вперед, мы последовали за ним со всей его свитой. Переправившись через какие-то реки, мы приехали в огромное селение, в котором, как говорили, находились хоромы Аттилы⁶¹, более видные, чем во всех других местах, построенные из бревен и хорошо выстроганных досок и окруженные деревянной оградой, опоясывавшей их не в видах безопасности, а для красоты. За царскими хорами выдавались хоромы Онегесия, также окруженные деревянной оградой; но она не была украшена башнями, подобно тому, как у Аттилы. Неподалеку от ограды была баня, которую устроил Онегесий, пользовавшийся у скифов большим значением после Аттилы. Камни для нее он перевозил из земли неонов⁶², так как у варваров, населяющих эту область, нет ни камня, ни дерева, и они употребляют привозной материал. Строитель бани, привезенный из Сирмия⁶³ пленник, ожидавший освобождения за свое искусство, неожиданно попал в беду, более тяжкую, чем рабство у скифов: Онегесий сделал его банщиком, и он служил во время мытья ему самому и его домашним. При въезде в эту деревню Аттилу встретили девицы, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками шедших с обеих сторон женщин, находилось по семи и более девиц, певших скифские песни; таких рядов женщин под покрывалами было очень много. Когда Аттила приблизился к дому Онегесия, мимо которого пролежала дорога к дворцу, навстречу ему вышла жена Онегесия с толпой слуг, из коих одни несли кушанья, другие — вино (это величайшая почесть у скифов), приветствовала его и просила отведать благожелательно принесенного ею угощения. Желая доставить удовольствие жене своего любимца, Аттила поел, сидя на коне, причем следовавшие за ним варвары приподняли блюдо (оно было серебряное). Пригубив также и поднесенную ему чашу, он отправился во дворец, отличавшийся высотой от других строений и

лежавший на возвышенном месте. Мы остановились в доме Онегесия по его просьбе, – так как он уже возвратился с сыном Аттилы, – и пообедали, причем нас принимали его жена и родственники, так как он сам не имел времени пировать с нами: он тогда впервые после возвращения увиделся с Аттилой и докладывал ему об устройстве дела, для которого был послан, и о несчастьи, случившемся с сыном Аттилы, которой упал с коня и сломал себе правую руку. После обеда, покинув дом Онегесия, мы разбили шатры вблизи дворца Аттилы для того, чтобы Максимин, в случае надобности пойти к Аттиле или переговорить с другими приближенными к нему лицами, не был разделен большим расстоянием. Мы провели эту ночь на том месте, где остановились. С наступлением дня Максимин послал меня к Онегесию, чтобы передать ему дары, которые давал он сам и которые прислал император, и чтобы узнать, где и когда он желает с ним переговорить. Придя вместе с несшими дары слугами, я ждал (так как двери были еще закрыты), чтобы кто-нибудь вышел и доложил о нашем прибытии.

Пока я в ожидании прогуливался перед оградой хором, ко мне подошел какой-то человек, которого я принял за варвара по скифской одежде, но он приветствовал меня по-эллински, сказав “χαῖρε”, так что я удивился, как это скиф говорит по-эллински. Представляя разноплеменную смесь, скифы, кроме своего варварского языка, легко изучают и унский или готский, а также и авсонский⁶⁴, если у кого из них есть сношения с римлянами, но мало кто из них говорит по-эллински, кроме пленников, увезенных из Фракии и иллирийского побережья. Но этих последних встречные легко узнавали по изорванным одеждам и нечесанным головам, как попавших в худшую участь; а этот был похож на богатого скифа, так как бил хорошо одет и острожен в кружок. Ответив на его приветствие, я спросил, кто он, откуда пришел в варварскую землю и почему принял скифский образ жизни. Он ответил вопросом, зачем я пожелал это узнать. Я сказал, что причиной моего любопытства был его эллинский язык. Тогда он с улыбкой сказал, что он родом грек, но по торговым делам приехал в Виминаций, мезийский город на реке Истре, прожил в нем очень долгое время и женился на очень богатой женщине, но лишился своего состояния при завоевании города варварами и, благодаря своему прежнему богатству, был выбран

самим Онегесием при дележе добычи; ибо пленников из числа зажиточных после Аттилы выбирали себе избранные скифы, вследствие свободы выбора из множества пленных. Отличившись в происшедших впоследствии битвах с римлянами и акатирским народом и отдав своему хозяину-варвару, по скифскому обычаю приобретенные на войне богатства, он получил свободу, женился на варварской женщине, имеет детей и, разделяя трапезу с Онегесием, считает свою настоящую жизнь лучше прежней⁶⁵...

Пока мы так разговаривали, один из домохозяев подошел и отворил ворота ограды. Я подбежал и спросил, что делает Онегесий, прося доложить ему, что я желаю нечто сказать от имени пришедшего от римлян посланника. Тот отвечал, что я, немного подождя, встречу с ним самим, так как он собирается выходить. И действительно, спустя немного времени я увидел его выходящим, подошел к нему и сказал, что римский посланник приветствует его и что я принес от него дары вместе с золотом, присланным от императора; а так как посол желает с ним повидаться, то где и когда ему угодно будет переговорить. Онегесий приказал своим людям принять золото и подарки, а меня просил доложить Максиминову, что он тотчас придет к нему. Итак, возвратившись, я сообщил, что идет Онегесий; и он тотчас пришел в нашу палатку. Поздоровавшись с Максиминем, он выразил благодарность за дары ему и императору и спросил, зачем он его пригласил. Максимин ответил, что настало время, когда Онегесий приобретет среди людей большую славу, если он, придя к императору, своим умом уладит недоразумения и установит согласие между римлянами и уннами; ибо отсюда не только произойдет польза для обоих народов, но он и дому своему доставит всякие блага, так как и сам он и потомки его навсегда будут пользоваться милостями императора и его рода. Онегесий спросил, что он может сделать в угождение императору или каким образом через него могут быть разрешены недоразумения? Максимин отвечал, что, отправившись в Римскую империю, он сделает угодное императору, а недоразумения разрешит, если исследует их причины и устранит их по уставам мирного времени. На это Онегесий возразил, что он скажет императору и окружающим его только то, чего желает Аттила; или римляне думают, продолжал он, настолько ублаготворить его, чтобы он изменил своему владыке, пренебрег

полученным в Скифии воспитанием, женами и детьми и не считал рабство у Аттилы выше богатства у римлян. Полезнее будет, если он, оставаясь на родине, смягчит гнев владыки в случае, если он рассердится на римлян, чем если приедет к нам и навлечет на себя обвинение, что он сделал не то, что угодно Аттиле. Сказав это и пригласив меня приходить и говорить с ним о том, что мы желаем от него узнать, — так как постоянные посещения его Максимином, как лицом высшего достоинства, были бы неприличны, — он удалился. На следующий день я пришел ко двору Аттилы с дарами для его жены, по имени Креки; от нее он имел троих детей, из которых старший стоял во главе акатиров и прочих народов, живших в припонтийской Скифии. Внутри ограды было множество построек, из которых одни были из красиво прилаженных досок, покрытых резьбой, а другие — из тесаных и выскобленных до прямизны бревен, вставленных в деревянные круги; эти круги, начинаясь от земли, поднимались до умеренной высоты⁶⁶. Стоявшими у двери варварами я был впущен к жившей здесь жене Аттилы и застал ее лежащей на мягком ложе; пол был покрыт войлочными коврами, по которым ходили. Царицу окружало множество слуг; служанки, сидевшие против нее на полу, вышивали разноцветные узоры на тканях, которые накидывались для украшения сверх варварских одежд. Приблизившись к царице и после приветствия передав ей дары, я вышел и отправился к другим строениям, в которых жил сам Аттила, чтобы подождать, когда выйдет Онегесий: он уже вышел из своего дома и находился у Аттилы. Стоя среди всей толпы, — так как я был уже известен стражам Аттилы и окружавшим его варварам, и потому никто мне не препятствовал, — я увидел шедшую массу народа, причем на этом месте поднялся говор и шум, возвестивший о выходе Аттилы; он появился из дворца, выступая гордо и бросая взоры туда и сюда. Когда он, выйдя с Онегесием, стал перед дворцом, к нему стали подходить многие, имевшие тяжбы между собой, и получали его решение. Затем он возвратился во дворец и стал принимать прибывших к нему варварских послов.

Пока я ждал Онегесия, Ромул, Промут и Роман, прибывшие из Италии послами к Аттиле по делу о золотых чашах⁶⁷, в присутствии констанциева спутника Рустиция и Константиола, уроженца подвластной Аттиле области пеонов, вступили со мной в разговоры,

спросили, отпущены ли мы, или принуждены оставаться. Я сказал, что именно об этом хочу спросить Онегесия и потому жду у ограды, а затем, в свою очередь, спросил, дал ли им Аттила благоприятный и дружественный ответ по их посольскому делу. Они отвечали, что он решительно не изменяет своего мнения и объявляет войну, если ему не будут высланы Сильван⁶⁸ или кубки. Пока мы удивлялись безумию варвара, посол Ромул, человек опытный во многих делах, прервав наши речи, сказал, что величайшее счастье Аттилы и происходящее от счастья могущество слишком возвышают его самонадеянность, так что он не терпит справедливых речей, если не признает их выгодными для себя. Никогда никому из прежних владык Скифии или даже других стран не удавалось столько совершить в короткое время, чтобы владеть и островами на океане, и, сверх всей Скифии, даже римлян иметь своими данниками. Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию. Когда кто-то из нас спросил, каким путем может он прийти в Персию, Ромул сказал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что уннам безызвестен этот путь, так как они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления, вследствие случившейся тогда другой войны. Таким образом пришли тогда в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза⁶⁹. Перешедшие говорили тогда, что они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию⁷⁰. Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятелей, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы⁷¹, отправившись оттуда⁷²... дней пути прибыли на родину. Так и узнали они, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии⁷³. Итак, Аттила, в случае

желания пойти на нее походом, не понесет больших трудов и не совершит длинного пути, так что покорит и мидян, и парфян, и персов и принудит их к уплате дани; ибо он располагает военной силой, против которой не устоит ни один народ. Когда мы выразили желание, чтобы он пошел против персов и обратил на них оружие, Константиол сказал, что он боится, чтобы Аттила, легко подчинив и персов, не возвратился владыкой вместо друга; теперь от римлян привозится ему золото ради его почетного звания, а если он подчинит парфян, мидян и персов, то он уже не потерпит, чтобы римляне присваивали себе его власть, но открыто признает их своими рабами и предъявит к ним более тяжкие и невыносимые требования. Почет, о котором упомянул Константиол, состоял в звании римского полководца, ради которого Аттила принял от императора имя прикрывающей (ἐλικάλυπτος) дани (?)⁷⁴, так что сборы высылались ему под именем столовых денег, выдаваемых полководцам. Итак, Константиол говорил, что после покорения мидян, парфян и персов Аттила сбросит с себя это имя, которым римляне желают его называть, и звание, которым, как они полагают, они оказали ему почет, и принудит называть себя вместо полководца царем. Ведь он уже раз сказал в сердцах, что для того [т. е. императора] его слуги – полководцы, а его полководцы равны по чести с римскими императорами. Недолго спустя последует и увеличение настоящего его могущества. Знамение этого дал сам бог, открывший Аресов меч, который считался священным и чтился скифскими царями, как посвященный владыке войн, но еще в древние времена исчез, а затем был вновь найден при помощи коровы⁷⁵.

Каждый желал сказать что-либо о настоящем положении дел, но так как в это время вышел Онегесий, то мы отправились к нему и предложили вопрос о том, что нам интересно было узнать. Он, переговорив сначала с некоторыми варварами, поручил мне узнать от Максимиана, кого из людей консульского достоинства римляне пришлют в качестве посла к Аттиле. Придя в палатку, я доложил, что было мне сказано, и условился с Максиминианом, что следует отвечать на вопрос варвара, а затем возвратился к Онегесию и заявил, что римляне желали бы, чтобы он прибыл к ним для переговоров о недоразумениях, но что если это не удастся, то император пришлет посла, какого сам захочет. Он попросил меня

тотчас позвать Максимиана и, когда он явился, повел его к Аттиле. Немного спустя Максимиан вышел и сказал, что варвар желает, чтобы послом был либо Ном⁷⁶, либо Анатолий, либо Сенатор, а другого, кроме названных лиц, не примет. На ответ его, что не годится, приглашая людей к посольству, выставляя их подозрительными перед императором, Аттила сказал, что если они не согласятся исполнить его желания, то придется разрешить недоразумения силой оружия. Когда мы возвратились в палатку, пришел Орестов отец с известием, что Аттила приглашает вас обоих на пир, который начнется в девятом часу дня. В назначенное время мы явились на обед вместе с послами от западных римлян и остановились на пороге против Аттилы. Виночерпии подали нам, по туземному обычаю, кубок, чтобы и мы помолились, прежде чем садиться. Сделав это и отведав из кубка, мы подошли к креслам, на которых следовало сидеть за обедом. У стен комнаты с обеих сторон стояли стулья. Посредине сидел на ложе Аттила, а сзади стояло другое ложе, за которым несколько ступеней вело к его постели, закрытой простынями и пестрыми занавесями для украшения, как это делают эллины и римляне для новобрачных. Первым рядом пирующих считались сидевшие направо от Аттилы, а вторым – налево, в котором сидели и мы, причем выше нас сидел знатный скиф Берих. Онегесий сидел на стуле вправо от царского ложа. Против Онегесия сидели на стульях два сына Аттилы, а старший сидел на его ложе, но не близко к отцу, а на краю, смотря в землю из уважения к отцу. Когда все было приведено в порядок, пришел виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Приняв его, он приветствовал первого по порядку; удостоенный чести приветствия встал с места; садиться следовало лишь после того как, пригубив кубок или выпив, Аттила отдавал его виночерпию. Севшему оказывали таким же образом честь все присутствующие, беря кубки и после приветствия отпивая из них. У каждого был один виночерпий, который должен был входить по порядку после выхода виночерпия Аттилы. После того как удостоился почести второй гость и следующие, Аттила почтил и нас таким же приветом по порядку мест. После того как все были удостоены этого приветствия, виночерпии вышли, и были поставлены столы после стола Аттилы для каждого трех или четырех гостей или даже большего числа; таким образом, каждый имел возмож-

ность брать себе положенные на блюда кушанья, не выходя из ряда седалищ. Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего, кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным. Когда были съедены кушанья, наложенные на первых блюдах, мы все встали, и вставший не возвращался к своему креслу прежде, чем каждый гость из первого ряда не выпил поданный ему полный кубок вина, пожелав доброго здоровья Аттиле. Почтив его таким образом, мы сели, и на каждый стол было поставлено второе блюдо с другим кушаньем. Когда все взяли и этого кушанья, то снова встали таким же образом, выпили и опять сели. При наступлении вечера были зажжены факелы, и два варвара, выступив на средину против Аттилы, запели сложенные песни, в которых воспевали его победы и военные доблести; участники пира смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о войнах, ободрялись духом, иные, у которых телесная сила ослабела от времени и дух вынуждался к спокойствию, проливали слезы. После пения выступил какой-то скифский шут [дословно – поврежденный рассудком скиф] и начал молоть всевозможный вздор, которым всех рассмешил. После него вошел маврусиец Зеркон⁷⁷: Эдекон убедил его приехать к Аттиле, чтобы при его посредстве получить обратно свою жену, которую он взял в варварской земле, будучи в тесной дружбе с Бледой; он покинул ее в Скифии, когда был послан Аттилой к Аэцию в виде дара. Но он обманулся в этой надежде, так как Аттила рассердился за то, что он возвратился в его землю. На этот раз он пришел во время пира и своим видом, одеянием и странной смесью произносимых им слов (он смешивал с авсонским языком унский и готский) всех развлекал и во всех возбудил неугасимый смех, кроме Аттилы. Последний оставался неподвижным не менялся лице и ни-

каким словом или поступком не обнаруживал своего веселого настроения. Только когда самый младший из сыновей, по имени Эрна, вошел и встал около него, он потрепал его по щеке, смотря на него нежными глазами. Когда я выразил удивление тому, что он не обращает внимания на других детей, а к этому относится ласково, сидевший рядом со мной варвар, понимавший по-авсонски и предупредивший, чтобы я никому не передавал его слов, объяснил, что кудесники предсказали Аттиле, что его род падет, но будет восстановлен этим сыном. Пока гости проводили ночь в пире, мы потихоньку вышли, не желая слишком долго засиживаться за попойкой.

С наступлением дня мы пришли к Онегесию, говоря, что нас нужно отпустить и не заставлять понапрасну тратить время. Он сказал, что и Аттила хочет нас отослать. Немного спустя, он стал совещаться с избранными людьми о желаниях Аттилы и составлять письмо для передачи императору в присутствии секретарей и Рустиция, уроженца Верхней Мезии, взятого в плен на войне, и, благодаря своему образованию, служившему варвару при составлении писем. Когда он вышел из собрания, мы обратились к нему с просьбой об освобождении жены Силлы и детей ее, обращенных в рабство при взятии Ратиарии. Он не отказал в их освобождении, но хотел выдать их за большую сумму денег. Когда мы стали умолять его пожалеть их участь, приняв во внимание прежнее их благополучие, он сходил к Аттиле и отпустил женщину за пятьсот золотых, а детей отослал в виде дара императору. В это время и Крека, супруга Аттилы, пригласила нас отобедать у Адамия, заведовавшего ее делами. Придя к нему с несколькими избранными лицами из туземцев, мы встретили радушное гостеприимство. Адамий почтил нас ласковыми словами и приготовленными кушаньями. Каждый из присутствующих по скифской учтивости вставал и подавал нам полный кубок, затем, обняв и поцеловав выпившего, принимал кубок обратно. После обеда мы возвратились в нашу палатку и легли спать.

На следующий день Аттила снова пригласил нас на пир, и мы по-прежнему пришли к нему и стали пировать. На ложе вместе с ним сидел уже не старший сын, а Оэбарсий, дядя его по отцу. В течение всего пира, ласково разговаривая с нами, он просил нас передать императору, чтобы он дал Констанцию (который был послан к нему Аэцием в качестве секрета-

ря) жену, которую обещал. Дело в том, что Констанций, прибыв к императору Феodosию вместе с отправленными от Атиллы послами, обещал устроить нерушимый мир римлян со скифами на долгое время, если император даст ему богатую жену. Император согласился на это и обещал выдать за него дочь Сатурнина, известного богатством и знатностью рода. Но этого Сатурнина приказала убить Афинаида, или Евдокия (она называлась обоими этими именами⁷⁸). Привести в исполнение обещание императора не допустил Зенон, бывший консул, имевший под своей властью большую рать исавров⁷⁹, с которой он во время войны охранял даже Константинополь. Тогда, начальствуя над военными силами на Востоке, он вывел эту девушку из-под стражи и обручил ее с одним из своих приближенных, неким Руфом. После ее отнятия Констанций просил варвара не оставить без возмездия нанесенного ему оскорбления и дать ему в жены или отнятую девушку, или другую, которая принесла бы приданое. Поэтому-то во время пира варвар и поручил Максимину передать императору, что Констанций не должен быть обманут в поданной ему надежде, так как царю не приличествует лгать... Такое поручение дал Атила, потому что Констанций обещал дать ему денег, если за него будет сговорена жена из очень богатых у римлян домов.

Выйдя с пира, по прошествии трех дней после этой ночи мы были отпущены с приличными дарами. Вместе с нами Атила послал и Бериха сидевшего выше нас на пиру, мужа из числа избранных и начальника многих селений в Скифии, в качестве посла к императору, очевидно желая чтобы и он, как посол, получил дары от римлян. Когда мы во время пути остановились в одной деревне, был пойман некий скиф, перешедший с римской земли на варварскую в качестве лазутчика; Атила приказал посадить его на кол. На следующий день, когда мы проезжали через другие деревни, были приведены два человека из скифских рабов со связанными назади руками, убившие своих господ на войне; их обоих распяли на бревнах с перекладинами, привязав головами. Пока мы ехали по Скифии, Берих сопровождал нас и казался человеком спокойным и ласковым. Когда же переправились через Истр, он стал относиться к нам враждебно из-за пустячных предлогов, сообщенных ему служителями. Прежде всего он отнял коня, которого раньше подарил Макси-

мину. Дело в том, что Атила приказал всем своим приближенным оказать Максимину любезность дарами, и каждый прислал ему коня, в том числе и Берих. Приняв несколько коней, Максимин отослал остальных обратно, желая умеренностью показать свое благоразумие. Этого-то коня отнял теперь Берих и не хотел ни ехать, ни кушать вместе с нами, так что заключенные нами в варварской земле связи продолжались только до сих пор (?)⁸⁰. Оттуда через Филиппополь мы двинулись по направлению к Адрианополю. Остановившись здесь на отдых, мы вступили в разговор с Берихом и упрекнули его за молчание, говоря, что он сердится на нас без всякой нашей вины. Успокоив его и пригласив на угощение, мы двинулись дальше. На дороге встретились с Бигилой, возвращавшимся в Скифию, и, сообщив данный Атилой ответ на наше посольство, продолжали обратный путь. По прибытии в Константинополь мы думали, что Берих сменил свой гнев на милость; но он оставался верен своей дикой натуре, продолжал враждовать и обвинял Максимиана в том, что будто бы он в Скифии говорил, что военачальники Ареобинд⁸¹ и Аспар⁸² не имеют никакого значения у царя, и отнесся к ним с презрением, избличая их варварское легкомыслие.

КНИГА IV

Когда Бигила, продолжая путь, прибыл в те места, где в ту пору случилось быть Атиле, его окружили подготовленные для этого варвары и отняли деньги, которые он вез Эдекону. Его самого привели к Атиле, и последний спросил его, зачем он везет столько золота? Бигила сказал, что взял его из предусмотрительности о себе и своих спутниках, чтобы не потерпеть неудачи в посольстве по недостатку продовольствия или по неимению лошадей или нужных для перевозки багажа вьючных животных, которые могли погибнуть в продолжительном путешествии; кроме того, у него заготовлены были деньги и для покупки пленных, так как многие лица в римской земле просили его выкупить своих родственников. На это Атила сказал: "Нет, скверное животное (он назвал так Бигилу), ты не уйдешь от суда благодаря своим выдумкам, и не будет у тебя достаточного предлога для избежания наказания, так как у тебя денег больше, чем надо для твоих расходов, для покупки лошадей и вьючного скота и для выкупа пленных, в котором я уже отказал, когда ты

приезжал ко мне с Максиминим". Сказав это, он приказал заколоть мечом сына Бигилы, тогда впервые сопутствовавшего ему в варварскую землю, если он не скажет раньше, кому и с какой целью везет он деньги. При виде юноши, ведомого на смерть, Бигила залился слезами и с воплями вскричал, что меч истине должен быть занесен на него, а не на юношу, ни в чем не повинного. Нисколько не медля, он рассказал задуманное им с Эдеконом, евнухом и императором и при этом беспрестанно умолял, чтобы его убили, а сына отпустили. Аттила, узнав из сказанного Эдеконом, что Бигила ни в чем не солгал, приказал заключить его в оковы, пригрозив, что не освободит его прежде, чем он не пошлет сына и принесет ему в виде выкупа за себя еще пятьдесят литр золота. Итак, Бигила остался в оковах, а сын его возвратился в римскую землю. Затем Аттила послал Ореста и Эслу в Константинополь⁸³.

9. Посланный к нему [т. е. Аттиле] Феодосием-младшим в качестве посла Приск, между прочим, сообщает следующее. Переправившись через огромные реки, именно Тисию, Тибисию и Дрикку, мы прибыли на то место, где некогда Видикула, храбрейший из готов, пал жертвой коварства сарматов. Оттуда мы вскоре достигли деревни, в которой пребывал царь Аттила: деревни, говорю я, похожей на весьма обширный город, в которой мы нашли деревянные стены, построенные из полированных досок, скрепления которых так искусно были заглажены, что даже при внимательном рассмотрении едва можно было заметить соединения досок. Там видны были просторные пиршественные залы и очень красиво расположенные портики. Площадь опоясывалась заборами на огромном протяжении, так что само пространство указывало на царский двор. Таково было местопребывание царя Аттилы, владевшего всей варварской страной; это обиталище он предпочитал взятым городам⁸⁴.

10. Хотя Аттила обладал таким характером, что всегда полагался на великие удачи, однако ему придавал еще более самоуверенности найденный меч Марса, всегда считавшийся священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что он был найден по следующему случаю. Некий пастух, увидев одну из своих коров хромающей и не находя причины такой раны, в беспокойстве пошел по кровавым следам и, наконец, пришел к мечу, на который неосторожно наступила пас-

шаяся на траве корова; выкопав меч, он тотчас принес его к Аттиле. Обрадованный этим подарком, он по свойственному ему высокомерию решил, что он поставлен владыкой всего мира и что через Марсов меч ему вручена власть во всех войнах⁸⁵.

14. Анатолий и Ном со спутниками⁸⁶, переправившись через Истр, проехали до реки Дренкона и вступили в Скифию; ибо Аттила из уважения к ним встретил их в этой местности, чтобы не утомлять их длинной дорогой. Сначала он говорил надменно, но потом прельстился множеством даров и, смягченный почтительными речами, поклялся хранить мир на прежних условиях, удалиться из ограничиваемой Истром римской области и не беспокоить больше императора из-за беглецов, если только римляне не будут снова принимать других беглецов от него. Он отпустил и Бигилу, получив пятьдесят литр золота, которые привез ему сын, прибывший в Скифию вместе с послами; кроме того, он отпустил без выкупа множество пленников, чтобы доставить удовольствие Анатолию и Ному. Одарив их конями и звериными мехами, которыми украшаются царские скифы, он отпустил их и вместе с ними послал Констанция, чтобы император привел в исполнение данное ему обещание...

23. [Смерть Аттилы. См. Иордан: 49].

25. Римляне пришли в Колхиду и завязали войну с лазами⁸⁷; затем римское войско возвратилось восвояси, и царедворцы стали готовиться к новой войне, обсуждая вопрос о том, продолжать ли войну, двинувшись прежним путем, или через Армению, прилегающую к Персидской земле, предварительно склонив на свою сторону через посольство парфянского монарха; ибо им казалось затруднительным объехать морем неприступные места, так как в Колхиде не было гаваней. Гобаз⁸⁸ со своей стороны тоже отправил посольство к парфянам, но также и к римскому императору. Парфянский монарх, ввиду возникшей у него войны с уннами, по прозванию кидаритами (Κιδάριταις)⁸⁹, отклонил просьбу обратившихся к нему лазов⁹⁰.

26. Гобаз отправляет посольство к римлянам. Римляне ответили присланным от Гобазы послам, что они воздержатся от войны, если или сам Гобаз сложит власть, или отнимет царство у сына, так как нельзя им обоим владеть над страной, вопреки старинному уставу. Остаться царем в Колхиде одному из двух, т. е. Гобазу или его сыну, и этим пу-

тем прекратить войну предложил Евфимий, имевший достоинство магистра; славным своим умом и красноречием он получил от императора Маркиана⁹¹ заведывание государственными делами и был его руководителем в большинстве хорошо обдуманных дел. Он пригласил и писателя Приска к участию в правительственных заботах. Из предоставленных ему на выбор решений Гобаз предпочел уступку царства своему сыну, а сам сложил знаки своей власти и послал к римскому владыке послов с просьбой, чтобы при единоличном владычестве над колхами он уже не поднимал оружия ради гнева на него. Император повелел ему перейти на римскую землю и отдать отчет в своих намерениях. Гобаз не отказался прибыть, но потребовал, чтобы Дионисий⁹², ранее присланный в Колхиду вследствие раздоров с ним самим, поручился за то, что с ним не сделают ничего дурного. Поэтому Дионисий послан был в Колхиду, и они вошли в соглашение относительно разногласий⁹³.

28. Когда скиф Баламер нарушил мир и опустошил многие римские города и земли, римляне отправили к нему послов, которые упрекали его за восстание и условились вносить ему ежегодно триста литр с тем, чтобы он не совершал больше набегов; ибо он говорил, что его полчища подняли войну вследствие недостатка в продовольствии⁹⁴.

30. ...Около этого времени⁹⁵ к восточным римлянам прислали послов сарагуры, уроги и оногуры⁹⁶, племена, выселившиеся из родной земли вследствие враждебного нашествия сабиров⁹⁷, которых выгнали авары⁹⁸, в свою очередь изгнанные народами, жившими на побережье океана [и покинувшими свою страну вследствие туманов, поднимавшихся от разлития океана, и появления множества грипов⁹⁹: было сказание, что они не удалятся прежде, чем не пожрут род человеческий; поэтому-то, гонимые этими бедствиями, они напали на соседей, и так как наступающие были сильнее, то последние, не выдерживая нашествия, стали выселяться]. Так и сарагуры, изгнанные с родины, в поисках земли приблизившись к уннам-акатирам и сразившись с ними во многих битвах, покорили это племя и прибыли к римлянам, желая приобрести их благосклонность. Император и его приближенные, обласкав их и дав подарки, отправили их назад.

34. После пожара города при императоре Льве¹⁰⁰ Гобаз прибыл с Дионисием в Констан-

тинополь, одетый в персидское платье и окруженный телохранителями по мидийскому обычаю. Царедворцы, приняв его, сначала сделали ему выговор за восстание, но потом отпустили ласково: он подкупил их лстивыми речами и тем, что носил знаки своего христианства¹⁰¹.

35. Скифы и готы, вступив в войну и разделившись, с обеих сторон готовились к приглашению союзников¹⁰²; в том числе пришли и к восточным римлянам. Аспар полагал, что не следует помогать ни тем, ни другим, а император Лев хотел подать помощь скифам. Он послал иллирийскому военачальнику предписание послать им надлежащую помощь против готов¹⁰³.

36. Около этого времени прибыло от сыновей Атилы к императору Льву посольство, желавшее разъяснить причины существовавших раньше несогласий и говорившее, что следует им заключить мир и, по старинному обычаю сходясь с римлянами на Истре, предлагать на продажу свои товары и брать взамен те, в которых у них встретится надобность. Пришедшее с этой целью посольство возвратилось безуспешно; ибо император не пожелал, чтобы унны, причинившие так много вреда его земле, пользовались римскими торговыми уставами. Сыновья Атилы, получив данный через посольство ответ, рассорились между собою: Денгизих¹⁰⁴ по возвращении послов без всякого успеха желал поднять войну против римлян, а Эрпах отказывался от приготовления к ней, так как его отвлекали местные войны [Exс. de leg., p. 44 Par., 160 – 161 Nieb.].

37. Сарагуры после нападения на акатиров и другие племена выступили доходом против персов. Сначала они приблизились к Каспийским воротам, но, найдя их занятыми персидской охраной, перешли на другую дорогу, по которой пришли к иберам, и стали опустошать их страну и тревожить набегами поселения армениев; вследствие этого персы, опасаясь этого нашествия сверх завязавшейся у них раньше войны с кидаритами¹⁰⁵, отправили к римлянам посольство с просьбой дать им денег или людей для охраны укрепления Юроипаах¹⁰⁶. Эти послы говорили то, что уже и раньше часто говорилось ими в посольствах, именно, что римская земля остается невредимой благодаря тому, что они выдерживают битвы и не позволяют наступающим варварским народам проходить через свою землю. Но им был дан ответ, что всякий дол-

жен защищать свою землю и заботиться об ее охране, и с этим они двинулись в обратный путь без успеха [Ехс. de leg., р. 44 Par., 161 – 162 Nieb.].

38. Когда Денгизих поднял войну против римлян и стоял на берегу Истра, узнавший об этом сын Орнигискла (Ὀρνιγίσκλου)¹⁰⁷, который начальствовал стражей на фракийском берегу, послал к нему некоторых из своих приближенных с вопросом, по какой причине они готовятся к битве. Денгизих, отнесшись с презрением к Анагасту (Ἀναγάστου)¹⁰⁸, отправил его посланных ни с чем и дослал сказать императору, что если он не даст земли и денег ему самому и следующему за ним войску, то он начнет войну. Когда его послы пришли во дворец и передали порученное им, император отвечал, что он готов сделать все, если они прибыли с изъявлением покорности, ибо он радуется прибытию посланных от врагов для заключения союза [Ехс. de leg., р. 44–45 Par., 162 Nieb.].

39. Когда Анагаст, Басилиск¹⁰⁹, Острий и некоторые другие римские военачальники заперли готов в одном низменном месте и осадили их¹¹⁰, то скифы, угнетаемые голодом вследствие недостатка продовольствия, отправили к римлянам посольство передать, что они сдаются с тем, чтобы владеть землей и повиноваться во всем, чего пожелают римляне. Военачальники отвечали, что донесут императору об их посольстве, но варвары сказали, что они желают устроить соглашение с ними из-за голода и не могут вынести большого промедления. Тогда предводители римских сил, посоветовавшись между собой, обещали доставлять им продовольствие до разрешения дела императором, если они разъединятся подобно тому, как разъединено и римское войско: таким образом, говорили они, легко будет заботиться о них, так как военачальники будут иметь дело с доставшимися им по жребию лицами, а не со всеми, и из видов честолюбия всячески будут соревноваться в доставке им припасов. Скифы охотно приняли сообщенное им через послов предложение и разделились на столько частей, на сколько были разделены и римляне. Тогда Хелхал, родом из уннов, служивший офицером у начальников аспаровых полков, пришел к доставшейся им по жребию варварской части и, пригласив выборных готов, которых было в этой части больше других, начал говорить им такие речи, что император дает им землю, но не для их пользования, а для нахо-

дящихся между ними уннов. Ибо они, не занимаясь земледелием, подобно волкам нападают и расхищают их пищу, так что они [т. е. готы], состоя в положении рабов, трудятся для доставления им продовольствия, хотя готское племя всегда было враждебно уннам и еще предки клялись избегать союза с ними; поэтому сверх лишения своего достоинства они оказывают презрение к клятвам предков. Сам же он, хотя и гордится своим унским происхождением, но из любви к справедливости сообщил им это и дал совет, что следует делать. Готы, взволнованные этими речами и полагавшие, что Хелхал сказал это из расположения к ним, сплотились и стали избивать находившихся между ними уннов; это послужило сигналом к жестокой схватке между обоими народами. Узнав об этом, Аспар, а также и начальники прочих отрядов выстроили свои войска и стали убивать всех попадавшихся варваров. Скифы, поняв коварный обман, стали отзывать друг друга и двинулись против римлян. Люди Аспара успели раньше уничтожить доставшуюся им часть варваров; для остальных военачальников сражение оказалось не безопасным, так как варвары бились до того мужественно, что уцелевшие из них прорвались сквозь римские полки и таким образом избежали осады¹¹¹.

41. У римлян и лазов была сильнейшая вражда с племенем сваннов, καὶ σφόδρα ἐς τὴν τοῦ σήματος τῶν Σουάννων συνισταμένων μάχην¹¹². Когда персы также вознамерились воевать с ним из-за укреплений, которые были отняты сваннами, он отправил посольство с просьбой, чтобы император прислал ему вспомогательный отряд из числа солдат, охранявших границы подвластных римлянам армений, для того, чтобы благодаря их близости иметь готовую помощь и не подвергаться опасности в ожидании прибытия помощи издалека, или не стесняться расходами по их прибытии, если случится, что война затянется, как это было уже раньше. Дело в том, что, когда была прислана помощь с Гераклием¹¹³, а персы и иберы, выступившие против него войной, были тогда отвлечены другими народами..., отослал вспомогательный отряд обратно, затрудняясь доставлением ему продовольствия, так что при нападении парфян ему пришлось снова призвать римлян. Последние обещали прислать ему вспомогательный отряд и лицо, которое будет им предводительствовать; но в это время прибыло и персидское посольство с известием, что унны-кидариты разбиты ими и город их Балаам взят присту-

пом. Они возвестили о победе и по-варварски прихвастывали, желая выставить на вид величину имеющих у них сил. Но император отослал их немедленно, будучи более озабочен событиями в Сицилии¹¹⁴.

42. В этом году¹¹⁵ император Лев вооружил и отправил большой флот против Гизериха, властителя над афрами... Главным начальником этого флота он назначил Василиска, брата императрицы Берини, уже исправлявшего консульскую должность и часто побеждавшего скифов во Фракии¹¹⁶.

43. Около этого же времени, при начале войны скифов с восточными римлянами, во

Фракии и на Геллеспонте произошло землетрясение¹¹⁷...

“К фрагментам Приска по не вполне определенной конъектуре присоединено следующее место «Суды»” (Dind.):

2. Тростниковые плетни. “Лазы, выкопав ямы и воткнув в ямы копыя, прикрыли сверху эти ямы тростниковыми плетнями и древесными ветвями, не имевшими прочного основания, но проваливавшимися под грузом тяжести; сделав над ними насыпи, распахав землю с обеих сторон и засеяв ее пшеницей, они обратили римлян в бегство”¹¹⁸.

Примечания

¹ [Он же Ругас (Иордан. Гетика: 35, 180) и Роил (Феодорит. Церковная история V: 36), дядя Атиллы с отцовской стороны].

² В 433 г. н. э.; о племенах: Иордан. Гетика: 24.

³ [У Иордана названы ахильдзурами].

⁴ [Быть может, родственное бойам припонтийское племя, первоначально пользовавшееся независимостью, а затем во избежание подчинения Руе ставшее под покровительство римлян].

⁵ [Гунн, служивший при дворе Руи и Атиллы и неоднократно употреблявшийся для переговоров в Константинополе].

⁶ (Скиф, т. е. из числа гуннско-готских племен; консул 419 г.).

⁷ [Консул 429 г. и *magister militum per Orientem*; в 453 г., будучи в Константинополе, добивался участия в посольстве к гуннам].

⁸ [Консул 419 г. К гуннам отправился в 434 г.].

⁹ [В 434 г.].

¹⁰ Также Вледа, брат Атиллы (видимо, старший), царствовал вместе с ним над частью гуннских племен и убит по его приказанию в 447 г.].

¹¹ [Комит и *magister memoriae* при дворе Феодосия II, один из составителей «*Codex Theodosianus*»].

¹² [Крепость в Верхней Мезии, на римско-дакийской границе; отождествляется с развалинами, носящими ныне наименование Кустар, близ селения Дубракива в Югославии. Ср.: Г. С. Дестунис. Сказания Приска Панийского. – СПб., 1861: 19, прим. 4].

¹³ [“Царскими скифами” Приск называет правящую часть гуннов, т. е. Атиллу и его дружину, осуществлявшую господство гуннов над другими припонтийскими и придунайскими племенами. Возможно, что при употреблении этого наименования немалое значение имеет идущая от Геродота через Страбона (VII: 3, 17) традиция именовать “царскими” скифами (или сарматами) часть племен, представлявшую непосредственную опору царя. Ср.: Дестунис. Сказания...: 19, прим. 5].

¹⁴ [Пропуск в тексте].

¹⁵ [Литра – римская либра = 327,5 г].

¹⁶ [Высокопоставленный гунн, вероятно, сын вождя, ранее перешедший со своим отрядом на сторону римлян].

¹⁷ [Ранее бежавший от преследования царя Руя (Seeck, RE, V, 2: 1888)].

¹⁸ [Также *Carsum* (GIL, III, 1352), отождествляется с современным селением Гершова в Добрудже (RE, III, 2: 1616)].

¹⁹ [Одно из числа “гуннских”, т. е. подчиненным гуннам, племен; упоминается также у Иордана (Гетика: 24, 126); должны быть сопоставлены с названными ниже сарагурами]. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 47–48 ed. Par., 166–169 Niebuhr.

²⁰ [Значительный город в Верхней Мезии, в области Дардания; см. след. прим.].

²¹ [Название реки испорчено: река, на которой лежит Наисс (современный Ниш) называется Нишава].

²² [Т. е. по величине и весу достаточные для того, чтобы загрузить телегу].

²³ Exc. de leg., p. 305–306 ed. Par. Поместить этот фрагмент на это место предложил R. Roesler // JfOeG, 1869: 844, относя его к 441 г.

²⁴ В 442 г.

²⁵ Крупный город Верхней Мезии на берегу Дуная при впадении реки Марга (современной Моравы)].

²⁶ Exc. de leg., p. 33–34 Par., 140–141 Niebuhr.

²⁷ [Феодосий II (408–450 гг.)].

²⁸ В 442 г.

²⁹ [Также *Raetiaria*, значительный город Верхней Мезии на правом берегу Дуная, римская пограничная крепость и стоянка дунайского флота, центр области *Dacia Riponsia*, локализуется на месте современного селения Арчер в Болгарии]. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 34 Par., 141 Niebuhr.

³⁰ “Сенатор был консулом в 436 г. К какому году относится это посольство, сказать трудно. *Valesius* полагает, что оно, вероятно, должно быть помещено раньше херсонесского сражения, которое упоминается во фр. 5” (Müller).

³¹ [Древнегреческая колония на месте современной Варны в Болгарии].

³² Exc. de leg., p. 48 Par., 169 Niebuhr.

³³ [Столкновение имело место в 447 г. на Херсонесе Фракийском].

³⁴ В 447 г. [Консул 440 г. Будучи отмечен в *Not. Dign.* с 438 г. в качестве *magister utriusque militiae per Orientem*, с 446 г. он находился в Константинополе в качестве “патриция” и *magister militum praesentalis*; дважды возглавлял посольство к Атилле].

³⁵ Exc. de leg., p. 34–35 Par., 142–145 Nieb.

³⁶ [Евнух при дворе Феодосия II, прозванный *Tzuma*, титуловался *primicerius sacri cubiculi*, а позднее *spatharius*; оказывал большое влияние на государственные дела].

³⁷ Об этом см. фр. 7. То, что здесь рассказывается, относится к 448 г. [Эдекон – гот, бывший тело-

хранителем Атилы; будучи послан для переговоров в Константинополь, он согласился по наущению Хрисафия убить Атиллу, но затем изменил и предал заговор гласности].

³⁸ [Flavius Areobindus Martialis был в 448 г. *magister officiorum*].

³⁹ [Один из приближенных императора Феодосия II; о его дипломатической деятельности см. введение к отрывкам из Приска].

⁴⁰ [Влиятельный придворный Атилы, брат Скотты, придворного и посла гуннов в Константинополе в 447 г.].

⁴¹ [На месте современной болгарской столицы Софии; фракийское наименование этого поселения – Triaditza].

⁴² [Приближенный Атилы и его секретарь, по прозвищу “римлянин”, житель Пеонии (Паннонии) на реке Саве)].

⁴³ [Известен лишь в качестве лица, исполнявшего указанную в тексте должность *magister militum per Illyricum*].

⁴⁴ [Перейдя Истр, посольство Максимиана двигалось на северо-восток, в область, носящую название Малой Валахии (в Румынии), где и следует полагать местонахождение тогдашнего лагеря Атилы; ср.: Дестунис. Сказания...: 37, прим. 45].

⁴⁵ [В три часа пополудни].

⁴⁶ [Гунн, один из влиятельных придворных Атилы, которого он посылал в 447 г. в Константинополь].

⁴⁷ [Римлянин, родом из Мезии, побывавший в плену у гуннов].

⁴⁸ [Этот италийский Константин не должен быть смешиваем с другим Константином, родом из Галлии, который был также прислан Аэцием к Атилле для исполнения секретарских обязанностей. Их различает сам Приск в этом же отрывке, в части, опущенной В. В. Латышевым. См. Дестунис. Сказания...: 49].

⁴⁹ [По имени Эллаком].

⁵⁰ [Также аказиры – наименование, в котором, может быть, звучит имя геродотовых агафиров].

⁵¹ [Известен лишь из настоящего текста].

⁵² [Ближе не известный гунн; ср. об этом имени соображения Дестуниса (Сказания...: 45, прим. 55)].

⁵³ [Все эти три реки трудно локализуемы; они принимаются Томашеком за одну и отождествляются иногда с Тиссой (Тифесас), большей же частью с современной речкой Бега (RE, IV A: 941; V: 1706); имя последней из названных рек (Тифесас) сопоставляется также с латинским наименованием реки *Tibiscus*, которая отождествляется с рекой Темеш].

⁵⁴ [Этот факт должен служить указанием на то, что в числе гуннских были, несомненно, и славянские племена].

⁵⁵ Что *κίμος*, который обычно считается нашим квасом, был уже в употреблении по время Диоклетиана, доказывает эдикт о ценах: *CIL*, III, suppl., fasc. 3: 1931.

⁵⁶ О красных кожах см. объяснение Г. С. Дестуниса (Сказания...: 47, прим. 59).

⁵⁷ [Тесть Ореста, посланный Аэцием к Атилле в 448 г.].

⁵⁸ [По другому чтению – Примут].

⁵⁹ [Прибывший для совершения бракосочетания своего сына с дочерью Ромула].

⁶⁰ Далее выпущено изложение причины этого посольства, как не имеющее отношения к Скифии.

⁶¹ [Где находилась эта столица Атилы, в точности не известно. Судя по описанному выше маршруту, при всей его смутности, речь должна идти

скорее всего о восточной Венгрии. Ср. Дестунис. Сказания...: 50, прим. 65].

⁶² [Т. е. из Паннонии, находившейся под властью Атилы].

⁶³ [Значительный город Нижней Паннонии, на левом берегу реки Савы, на месте современного поселения Митровиц].

⁶⁴ [Т. е. латинский].

⁶⁵ Дальнейший разговор автора с этим греком выпущен.

⁶⁶ См. объяснение Г. С. Дестуниса (Сказания...: 60, прим. 75), [понимающего круги как венцы сруб и считающего данное место текста испорченным].

⁶⁷ [Сущность этого дела изложена выше, в части, опущенной Латышевым. См. Дестунис. Сказания...: 481].

⁶⁸ [Начальник монетного стола в Риме. См. выше в опущенной Латышевым части отрывка: Дестунис. Сказания...: 48].

⁶⁹ [Эти ближе не известные гуннские вожди, пытавшиеся завоевать царство Сасанидов, совершили свой поход, видимо, еще в начале V в.; хотя Seeck (RE, III, 41) относит его к середине этого века].

⁷⁰ [Путь гуннов лежал, таким образом, через Азовское море, а затем через Кавказ по Дарьяльскому ущелью – “Сарматские ворота” древних авторов].

⁷¹ [Эта деталь, несомненно связанная с явлениями, наблюдавшимися в нефтеносных районах (в данном случае на Апшеронском полуострове), указывает на то, что обратный путь гуннов шел в обход Кавказа с востока].

⁷² [Пропуск в тексте].

⁷³ Ср. об этом походе уннов примечания Г. С. Дестуниса (Сказания...: 62. сл.).

⁷⁴ [Нужно думать, что в слове *ἐπικαλύπτοντος* три последние буквы – диттография, откуда следует перевод: “имя, скрывающее <понятие> дани”].

⁷⁵ Ср. фр. 10,

⁷⁶ [Консул 445 г., комит и *magister officiorum*, пользовался большим влиянием при дворе Феодосия II, являлся другом Хрисафия и был в действительности послан к Атилле, вместе с Анатолием, вероятно, в 449 г. Ср. Ensslin, RE, XVII, 1: 845 сл., прим. 4].

⁷⁷ См. фр. 11.

⁷⁸ Супруга Феодосия II. Убийство Сатурнина, согласно «Хронике» Марцеллина Комеса, относится к 444 г.

⁷⁹ [Дикое разбойничье племя, обитавшее в южных отрогах малоазийского Тавра; исагры принимались на службу восточными императорами в качестве телохранителей].

⁸⁰ [Т. е. до границы империи].

⁸¹ [Он же Марциал, о котором см. выше, в начале этого отрывка].

⁸² [Флавий Ардабур Аспар, гуннско-готского происхождения, родственник Плинты, консул 434 г. и полководец, командовавший варварскими силами империи в предприятиях на западе и на востоке].

⁸³ Exc. de leg., p. 48–71 Par., 169–212 Nieb.

⁸⁴ Иордан. Гетика: 34. Это должно присоединить к тому, что находится во фр. 8, p. 303, 14.

⁸⁵ Культ меча у скифов подробно описан у Геродота (IV: 62). Отрывок взят из Иордан. Гетика: 35. Более коротко это рассказано во фр. 8, p. 314, 16.

⁸⁶ Ср. о них фр. 13. Относится это к 449 г.

⁸⁷ В 456 г.

⁸⁸ [Шарь лазов, правивший совместно со своим сыном. См.: Seesk, RE, VII, 2, 1548; ср.: Дестунис. Сказания...: 83, прим. 107].

⁸⁹ [Т. е. носителями восточного головного убора, именовавшегося *kíbaris* или *πίλος*, ср. со скифами “в остроконечных шапках” персидских надписей: ВДИ, 1947, № 1: 279].

⁹⁰ Exc. de leg., p. 73–74 Par., 217 Nieb.

⁹¹ [Преемник Феодосия II на константинопольском престоле (450–457 гг.).]

⁹² [См. выше, фр. 1].

⁹³ Exc. de leg., p. 41 Par., 155–156 Nieb.

⁹⁴ См.: Tillemont, III: 373, который считает, что рассказанное событие должно относиться, вероятно, к 461 г. [Нужно думать, что оно относится к значительно более раннему времени и названное в отрывке скифское имя должно быть сопоставлено с именем царя гуннов Баламбера (Иордан. Гетика: 24), подчинившего себе около 375 г. часть готских племен]. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 74 Par., 217–218 Nieb.

⁹⁵ В 463 г.

⁹⁶ [Эти ближе не известные племена должны быть локализованы где-либо в районе Кавказа, ибо именно там свидетельства греческих и латинских авторов помещают изгнанных аvarами из их родины сабиров; ср. след. прим.].

⁹⁷ [Локализуемое к югу или к востоку от Урала родственное гуннам племя, именуемое у позднейших авторов *Σάβιροι*, откуда, вероятно, происходит и наше наименование Сибири. Прокопий (Война с персами II: 29) фиксирует это племя (по изгнанию его аvarами) в северокавказских степях].

⁹⁸ [Происходящее из пространств между Уралом и Алтаем родственное гуннам племя аvarов, проникшее после падения гуннского могущества в Восточную Европу и продвинувшееся постепенно до Венгрии: русской летописи известно под именем обры, вошедшим у славян в поговорку].

⁹⁹ Относительно фрагмента, заключенного в скобки, см. примечание Г. С. Дестуниса (Сказания...: 87, прим. 111). [Ср. рассказ Геродота о переселении неvров (IV: 105)].

¹⁰⁰ [457–474 гг.].

¹⁰¹ “Во фр. 26 мы читаем, что Гобаз, которому приказали прийти ко Льву, прежде, чем подчиниться, потребовал, чтобы к нему прибыл Дионисий и представил заверение, что Гобаз не потерял

ничего враждебного. Мы отнесли это к 456 г. как на основании упоминания императора Маркиана, так и по положению эксцерптов. Напротив, данный фрагмент, поскольку он принадлежит ко времени, более позднему, чем пожар города (2 сентября 465 г.), должен относиться к концу 465 г. или, скорее, к 466 г. и не может быть соединен с тем, что рассказывается во фр. 26, как правильно установил Tillemont, t. VI, 389: 133” (Müller). Отрывок взят из Exc. de leg., p. 43–44 Par., 160 Nieb.

¹⁰² Около 466 г.

¹⁰³ Exc. de leg., p. 44 Par., 160 Nieb.

¹⁰⁴ [Также Dintzic (Иордан. Гетика: 53, 272), сын Аtilлы, царствовавший после его смерти над небольшой частью племен, бывших подвластными его отцу].

¹⁰⁵ Об этой войне см. фр. 31–33.

¹⁰⁶ [Ближе не известно; по другому чтению – Уроисах].

¹⁰⁷ Ἀρνεγίσκλου Иордана, Ἀνεγίσκλου Иоанна Антиохийского (фр. 306). Ниже тот же человек называется Ἀνάγαστος. Magister militum в 447 г., выступавший против Аtilлы].

¹⁰⁸ [Сын вышеназванного Орнигискла, magister militum в 467 г., выступавший против готов].

¹⁰⁹ [Шурин императора Льва I, консул 465 г., magister militum в 476 г.].

¹¹⁰ Около 467 г.

¹¹¹ Exc. de leg., p. 45–46 Par., 162–164 Nieb.

¹¹² “Classen полагает, что словом μάχην, которое находится в обоих явно испорченных местах, указывается собственное имя вождя сваннов. Tillemont (VI: 401) предполагал, что должно читать ἐς τὴν κατὰ τοῦ Σήματος (т. е. вождя лазов)... μάχην” (Müller). События, здесь рассказанные, вместе с Tillemont’ом К. Мюллер относит к 468 г. Ср. прим. к этому фрагменту у Г. С. Дестуниса (Сказания...: 97 сл., прим. 124).

¹¹³ [Сын Флора, родом из Эдессы, восточноримский полководец 450–460 гг.].

¹¹⁴ Exc. de leg., p. 46 Par., 164–165 Nieb.

¹¹⁵ В 468 г.

¹¹⁶ Феодорит. Церковная история V: 179.

¹¹⁷ Евагрий. Церковная история II: 14.

¹¹⁸ “Bernhardy приписывает это место Приску и считает, что оно сокращено «Судой»” (Dind.).

Источник: *Geographi Graeci Minores* / Ed. C. Mullerus. Vol. 1. – Paris, 1855: 69–110; *Fragmenta Historicorum Graecorum* / Ed. C. Müller. Vol. IV. – Paris, 1868: 69–110; *Historici graeci minores* / Ed. L. Dindorf. Vol. I. – Lipsiae: Teubner, 1870: 275–352; *Priscus Panites. Fragmenta* / Ed. Imm. Bekker et B. G. Niebuhr // *Corpus scriptorum historiae byzantinae* / Ed. B. G. Niebuhrii. – Bonnae, 1829: 137–228; C. D. Gordon: *The Age of Attila: Fifth-century Byzantium and the Barbarians*. – University of Michigan Press, 1960; *Excerpta de legationibus* / Ed. C. de Boor. – Berolini, 1903; Сказания Приска Панийского / Пер. Г. С. Дестуниса // Уч. зап. II отделения Академии наук, кн. VII, вып. 1. – СПб., 1861; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 4: 244–267.

Гесихий Александрийский

Ἡσύχιος Ἀλεξανδρίνιος – Hesychius Alexandrinus

Гесихий Александрийский, уст. Гезихий (V в. н. э.), греческий грамматик и лексикограф. Переработал энциклопедический словарь Элия Диогениана из Гераклеи, дополнив его глоссами из гомеровских словарей Апиона и Аполлония Софиста¹.

Завершая свой труд посвящением другу Евлогию, составитель называет свой словарь «Περιεργολένγητες», что предположительно толкуется как «Словарь для бедных студентов»². В этом лексиконе, составленном в алфавитном порядке, Гесихий истолковал ред-

кие слова, встречающиеся в литературе, и выражения из греческих диалектов. Единственный сохранившийся список лексикона Гесихия,

по-видимому, сокращен по сравнению с оригиналом, но вместе с тем он содержит явные позднейшие вставки.

Гесихий Александрийский

Лексикон

ἀβακῆς – и архитектурное название, которым, как говорят скифы, обозначают мужа.

ἀβί – под, говорится у скифов (?).

ἄβιε – значит “бросали” по-скифски (?).

абии – не имеющие луков, не воинственные, не насильники, не несправедливые, и название народа³.

ἀγαυοί – блестящие, светлые; славные, видные. Есть и скифское племя, называемое агавы, как, например, говорит поэт: “и агавов, доителей кобылиц”⁴.

ἄγλου – лебедь по-скифски.

ἄδιγός – гусеница по-скифски.

Анахарсис – какая-то рыба; и имя собственное.

ἄγος – ум по-скифски.

ἀποσकुθίσαι – значит обрезать кругом [волосы].

Аргимпасу (Ἀργίπασαν) – небесную Афродиту, называемую так скифами⁵.

Ахиллову вершину⁶ – остров Ахилла, называемый Белым (есть и Ахилловы Бега⁷ около этого острова).

Борисфен – Геллеспонт⁸; есть [и] река.

Боспор – так назывался не только Скифский, но и Фракийский.

βουλενή – это слово встречается у Ксанфа. Он говорит, что амазонки, родив мальчика, собственноручно выкалывали ему глаза⁹.

Гитосира¹⁰ – так называют Аполлона скифы.

ἐφέστιοι – отступники от скифского царя¹¹.

θάψινον¹² – желтое от дерева тапса (фапса), которым красят в светлый цвет шерсть и волосы на голове; некоторые называют его скифским деревом; и река, у которой растет это дерево, называется Тапсом¹³; есть и корень, называемый **θαπσία**.

Яксарт – река Танаис¹⁴; это – река в Скифии, впадающая в Меотийское озеро.

гипака – скифское кушанье из кобыльего молока (ἵππου γάλακτος); по другим – кислое кобылье молоко, которое употребляют в пищу скифы; его пьют и едят в сгущенном виде, как говорит Феопомп¹⁵ в своей третьей книге...

ἱππημολγῶν – гоняющих или доящих лошадей, вследствие употребления их молока в пищу¹⁶.

истрианиды – скифские одеяния¹⁷...

Истр – река, называемая также Данубием.

конопля – скифское курение, которое имеет такую силу, что приводит в пот всякого предстоящего. Это – растение, похожее на лен, из которого фракиянки делают платья. Так говорит Геродот¹⁸. Его семя курят.

карабэс – скифские дома. Некоторые же называют так навьюченные повозки.

кардианцы (Καρδιανοί)¹⁹ – так называются эллины у скифов вследствие того, что они разграбили эллинский город Кардию²⁰.

келхонаейцы – скифский народ; или келхи²¹.

кервэриоι – слабые; называют и киммерийцев керберийцами; и город одни называют Керберией, другие – Киммерией, иные же Кимме...; есть в подземном царстве Керберийское место.

кескефы – народ (с)индский²².

киммерийская богиня – мать богов²³.

киммерийцы – скифы; и народ у океана²⁴.

кораксы – род скифов...

Колийская [страна] – сицилийская (Σικηλική)²⁵.

производящее лотос племя²⁶ – одни разумеют Фракию, другие – Египет, иные – Скифию.

Меотийское озеро – в Элладе.

μελίπον²⁷ – какой-то скифский напиток из меда, сваренного с водой и какой-то травой.

μήσπλη – луна у скифов.

мошины – брустверы; башни; и народ скифский.

мошиницкие хлебницы²⁸ – Дидим разумеет понтийские; ибо мошиники живут в Понте; поэт называет так деревянные лотки.

мошиницкие – большие деревянные лотки, так что на них можно месить и муку; а находятся в Понте...

горматы (ὄρματα) – мужеубийцы; скифы²⁹.

παγάη – собака по-скифски³⁰.

пеламида – πηλαμύς – рыба в Понте.

море Реи – у Адриатического залива, где почитается (Рея; и) Боспор.

Рипы – скифские горы, откуда дует ветер Борей³¹.

сагарис – топорик с одним лезвием [колчан, плуг].

саки – скифы³².

σάκαια – скифский праздник (ἡ Σκυθικὴ ἑορτή)³³.

σάκυνδάκη – скифское платье.

σάναντιν – так называют женщину-пьяницу скифы.

σαλέρδης – название рыбы; по другим – вид соленой рыбы; другие говорят, что так называется припонтийскими народами рыба коракин [род сельди?].

Синдида – Скифия (Σινδὶς ἢ Σκυθία); и публичная женщина.

синдская расщелина³⁴ – [половой орган] женщины.

синды – народ индийский (Ἰνδικόν) [?] ³⁵. Там есть город, называемый Синдской гаванью.

скидики (σκιδικαί) – Полемон говорит, что у Гермодора написано: “обувь же носить свободную, скидики белые и кожаные”³⁶.

скифы – так назывался какой-то род.

скиф ослиное пиршество – пословица о гнушающихся на словах, а на деле стремящихся к чему-нибудь: некто, увидев мертвого осла, сказал присутствовавшему скифу³⁷...

скифские – какая-то обувь³⁸.

скифское дерево – горючее; некоторые разумееют тапсию³⁹.

скифский – Кратин назвал скифским Гиппоника за то, что он был рыжий; и дерево, которым женщины красятся в белокурый цвет и красят шерсть.

по-скифски ручник – скифы, обдирая головы забираемых в плен врагов, употребляли их вместо ручников.

скифская пустыня⁴⁰ – поговорка, распространившаяся от бежавших из Эфеса скифов; ибо они сделали это, испуганные и смущенные духом; однако она употребляется относительно покидаемых кем-либо.

солимами⁴¹ – это народы скифские,

фаранд – похожее на оленя животное, шкуры которого скифы употребляют на одежду.

Тавро – Артемида у тавров.

травс – скифское племя, которое рождающихся порицает, а умирающих прославляет⁴².

Тирис – река, впадающая в Борисфен⁴³.

свинья – свиная мазь; ибо скифы употребляют для намазывания свиное и телячье сало.

фасианы – какие-то птицы; а некоторые называют так понтийцев⁴⁴.

Фасис – река у колхов.

фавды – роды скифские.

халибы – народ в Скифии, где добывается железо.

Халибдика – в Скифии, где железные рудники.

Примечания

¹ Apollonius Sophista. Lexicon Homericum / Ex. rec. Immanuel Bekker. – Berlin 1833; 1967.

² W. Christ. Griechische Literaturgeschichte. Bd. I–II, T. 1–2, 1912–1924: 874, прим. 1.

³ Гомер. Илиада XIII: 6.

⁴ Гомер. Илиада XIII: 5.

⁵ См. Геродот IV: 59. Кодексы имеют Ἀρτιήσας (см. прим. Schmidt’a).

⁶ TGF (Nauck)2, fr. adesp. 202.

⁷ Еврипид. Ифигения в Тавриде: 436.

⁸ [Стефан Византийский под словом Βορυσθένης также указывает на приоритет наименования Борисфен для Геллеспонта. Tomashek, RE, III, 739, считает это поэтической выдумкой. Однако перенесение “боспорской” топонимики с Боспора Фракийского на Боспор Киммерийский является фактом, позволяющим предполагать возможность переноса фракийского(?) наименования Геллеспонта “Борисфен” ионийскими греками первоначально на днепровско-бугский лиман, а затем и на реку Днепр].

⁹ [Ср. легенду о калечении ног мужчинам у амазонок, изложенную у Гиппократ (О переломах и о членах: 101)].

¹⁰ Геродот IV: 59.

¹¹ Schmidt признает выражение темным.

¹² Ср. Сапфо, фр. 167.

¹³ [Река, которую имеет в виду Гесихий, Фат Диодора Сицилийского (XX: 23), Пеатис Птолемея (V: 8, 2), отождествляется с меотийским устьем реки Кубани (в древности также Гипанис)].

¹⁴ [Отождествление Яксарта с Танаисом должно быть отнесено на счет историков и географов Александра Македонского, о чем прямо свидетельствует Плиний (VI: 49). Это заблуждение было рассеяно, вероятно, лишь Эратосфеном (ср. Hermann, RE, IX, 1: 1184)].

¹⁵ Ср. Феопомп. История Филипа: 51.

¹⁶ Гомер. Илиада XIII: 5; Каллимах. К Артемиде: 252.

¹⁷ [Для разъяснения этого названия могут быть указаны еще Ἰστριανὰ ξείρα – скифские туники, а также Ἰστριανὰ ῥόσολα – культовые маски, поданные лицам скифских рабов].

¹⁸ Геродот IV: 74–75.

¹⁹ Καρδία Schmidt, Καρδιανοί Pearso, что принял Schmidt в малом издании.

²⁰ [Значительный город, милетско-клазоменская колония на западном берегу Херсонеса Фракийского. О разграблении его скифами более ничего не известно].

²¹ [Ближе не известны, если только это не испорченное “колхи”].

²² [У других авторов керкеты (в имени которых современные ученые угадывают имя позднейших черкесов), локализуемые близ северокавказского побережья Черного моря, фигурируют как близкие соседи синдов, но нигде не названы племенем, им непосредственно родственным. Ср. Псевдо-Скилак: 73].

²³ [“Киммерийской богиней” Кибела названа здесь, вероятнее всего, в ее хтонической ипостаси].

²⁴ [Т. е. мифический народ (как выше названные керберийцы), на рубеже загробного мира].

²⁵ “Σκυθική – Meineke. Phil., XII: 611” (Schmidt). Это исправление вполне правильно: ср. Гекатей, фр. 186.

²⁶ “Trag. inc, fr. 186, возможно, Эсхил” (Schmidt в малом издании).

²⁷ “μελίσιον Плутарх. Моралии: 672В; Кориолан 3; 578, 8” (Schmidt). Плутарх (Моралии: 672В = Засольные вопросы VI, 2) говорит так: “И доныне те из варваров, которые не производят вина, пьют μελίσιον, придавая сладкий вкус при помощи опьяняющих и терпких корней”.

²⁸ “Аристофан. фр. XVI: р. 1123” (Schmidt).

²⁹ “Интерпретаторы относят это к Геродоту (IV: 110), где ныне издают αἰορλάται и οἰορλάται” (Schmidt).

³⁰ “По-парфянски Pagga значит щенок (κυνίδιον). Без прибавки свистящего звука говорили παγαίν (если η – не артикль) вместо πλάκα. Это Гесикий перевел как κίνα ή σφίγξ. См. Геродиан. Об общей просодии: 345, 9: π. δῆρ.; Cutrius. Etym.: 128. Ниже будем иметь еще σκαμαία... κύων” (Schmidt).

³¹ “Эсхил, фр. 66” (Schmidt).

³² Геродот VII: 64.

³³ Casaubonus ad Ath. VII: 494, 19 Schweigh, = [XIV: 639c]: “в глоссах Гесикия Sacala называется какой-то скифский праздник, и сами скифы называются сакеями, но скорее должно верить вавилонянину Беросу, который праздник Sacaеа или Sacaеогитм приписывает своим соплеменникам. Дион Хрисостом (Речь IV. О царской власти) упоминает ἡ τῶν Σακκῶν ἑορτή и приписывает его персам” и т. д. (Müller к Ctes., fr. 16, р. 33 // Herod., ed. Firmin Didot). Ср. прим. Schmidt’a.

Источник: *Hesychii Alexandrini Lexicon post Ioannem Albertum / Rec. M. Schmidt. Vol. IV. – Jenae, 1858–1868; Hesychii quae supersunt / Ed. Flach. – Lipsiae, 1882; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 4: 267–271.*

³⁴ Hippon., fr. 68a (Bergk, PLG4, 484).

³⁵ “Должно исправить или на Σινδικόν с Sobrerus’ом или с Фотием (512: 18) на Σκυθικόν” (Schmidt).

³⁶ “Видимо, муж образованнейший [Гермоген], когда говорил о скификах, отметил себе редкое написание: ибо обычно и правильно пишется Σκυθικά” (Preller у Müller’a FHG, III, 147 к Полемон, фр. 96. Ср. сказанное там о Гермодоре. Σκυθικά исправляет Albertus, сравнивая с Алкеем у Фотия (525, 6). Форма с δ – македонская” (Schmidt).

³⁷ “Выпали слова: пиршество тебе, о скиф! Тот же посмотрел сперва с презрением. Потом же после многих хлопот стал пиршествовать”, которые сохранил App., provv., IV, 74: 453” (Schmidt). См. Пиндар, фр. 203.

³⁸ См. Алкифрон, фр. 103; Фотий: 525, 6; Harp., 168, 20.

³⁹ См. Сапфо, фр. 167 и выше под словом θάψινον; ср. также схол. к Феокрит II: 88.

⁴⁰ “Аристофан. Ахарняне: 704; Эсхил. Прометей: 2. Ср.: App. provv., VI: 75, р. 453; Leutsch к Mac, Prov., VII: 66, р. 208” (Schmidt).

⁴¹ Гомер. Илиада VI: 184; 204. [Древний малоазийский, позднее исчезнувший народ, отождествляемый с писидами или исаврами. Гомер, по словам Страбона, помещал его на берегу Океана].

⁴² [Травсы, по Геродоту (V: 4), одно – из фракийских племен, по соседству с гетами].

⁴³ “Река называлась и Τύρας и Τύρις: Стефан Византийский под словом Τύρας” (Schmidt) [Более обычно Тирас (Днестр)].

⁴⁴ [Точнее – колхов, живших при устье реки Фасиса].

Зосим

Ζόσιμος – Zosimus

Зосим (конец V в.), греческий историк. Имел титул комита и был государственным чиновником. Автор «Новой истории» («Ἱστορία νέα», лат. «Historia nova») в 6 книгах, которую написал около 498 г. и в которой вкратце пересказал историю Римской империи от Августа (кон. I в. до н. э.) до прихода к власти Диоклетиана (284–305), а последующий период – до взятия Рима Аларихом I (410) – описал более подробно. Главными источниками Зосима во второй части повествования по-

служили произведения римского императора Юлиана Отступника (361–363) и историков Евнапия и Олимпиодора. Будучи выразителем идеологии старой римской языческой аристократии, Зосим одной из главных причин разложения Римской империи считал падение традиционной нравственности и распространение христианства при императорах Константине I и Феодосии I. Сочинение Зосима как источник использовали Евагрий Схоластик и Иоанн Антиохийский.

Зосим

Новая история

Книга I

20... [Филипп]¹ выступил походом на карпов², уже опустошивших побережья Истра. В происшедшем сражении варвары не выдержали нападения и, сбежавшись в одно укрепление, подверглись осаде. Видя, что их воины, рассеявшиеся в разные стороны, снова со-

брались, они ободрились и, выйдя из укрепления, напали на римский лагерь, но, не выдержав натиска мавров³, завели переговоры о перемирии, на которое Филипп легко согласился и отступил⁴...

23. Когда дела вследствие крайней беспеч-

ности Филиппа пришли в полное расстройство, скифы⁵, перейдя через Танаис⁶, стали опустошать *разные* местности во Фракии. Выступив против них, Деций⁷ одержал победу во всех битвах⁸, взял даже часть захваченной ими добычи и пытался отрезать им возвращение на родину, намереваясь совершенно истребить их, чтобы они не могли снова собраться и напасть. (2) Итак, поставив Галла⁹ с достаточными силами на берегу Танаиса, он сам с остальным *войском* пошел *на варваров*. Дела его шли удачно, но Галл, решившись изменить ему, вошел в сношение с варварами, приглашая их к участию в замыслах против Деция. Когда они весьма охотно приняли приглашение, Галл остался на страже на берегу Танаиса, а варвары, разделившись на три части, поставили первый отряд в одном месте, перед которым расстилалось болото. (3) Когда Деций истребил большинство их, приблизился второй отряд, но также был обращен в бегство; тогда появились вблизи болота немногие люди из третьего отряда. Когда Галл подал Децию сигнал двинуться на них через *это* болото, последний, неосторожно выступив, вследствие незнания с местностью, завяз в грязи вместе со своим войском и, отовсюду осыпаясь дротиками варваров, погиб вместе с окружающими, ибо никто не мог спастись бегством. Таков был конец Деция после прекрасного царствования¹⁰. (24) Галл получил власть, объявив вместе с собой царем (βασιλέα)¹¹ своего сына Волузиана, и чуть не кричал, что Деций с войском погиб вследствие его замысла. Благодеяние варваров *при нем* очень увеличилось: (2) Галл не только позволил им возвратиться на родину с добычей, но и обещал ежегодно давать им некоторую сумму денег и предоставил возможность увести *с собой* пленных, особенно тех, которые происходили из знатных фамилий и большинство которых были захвачены при взятии фракийского *города* Филиппополя.

26. Во время беспечного правления Галла скифы сначала тревожили соседние с ними народы, а затем, двигаясь дальше, опустошили *все* области до самого моря, так что ни один из подвластных римлянам народов не остался нетронутым ими, и всякий, можно сказать, неукрепленный город и большинство укрепленных стенами были ими взяты...

27. При таком положении дел... снова готы, бораны¹², уругунды¹³ и карпы стали опустошать европейские города, подчиняя себе все, что осталось *от прежних разгромов*...

28. Когда скифы в полном спокойствии владели всем, что захватили в Европе, а также перешли уже и в Азию и опустошили области до Каппадокии, Питиунта и Эфеса, начальник пеонийских войск Эмилиан¹⁴, возбудив, насколько было возможно, мужество своих солдат, не смевших противостать силе варваров, и, напомнив *им* о достоинстве римлян, неожиданно выступил против находившихся там варваров. (2) Уничтожив большинство их, он затем переправил войско в их землю, неожиданно истребил все, что попало *на пути*, и, вопреки всякому ожиданию освободив подвластные римлянам области от свирепости варваров, был избран местными войсками в императоры...

...Таковы были дела в прирейнских областях. (31) *Между тем* бораны, готы, карпы и уругунды (племена, живущие по Истру), не оставили неопустошенной ни одной части Италии и Иллириды¹⁵, всем завладевая без всякого противодействия. Бораны попытались даже переправиться в Азию и легко устроили это при посредстве жителей Боспора, скорее из страха, чем из расположения давших им суда и показавших путь при переправе. (2) Пока у них были цари, получавшие власть *по праву наследства* от отца к сыну, то вследствие дружбы с римлянами, правильно организованных торговых сношений и ежегодно посылаемых им императорами даров они постоянно удерживали скифов, желавших переправиться в Азию. (3) Когда же по исчезновении царского рода¹⁶ во главе правления стали недостойные и потерянные люди, то, боясь за себя, они предоставили скифам проход через Боспор в Азию, переправив их на собственных судах, которые они взяли обратно, и возвратились домой¹⁷. (32) Когда скифы стали опустошать все, *что было* на пути, жители побережья Понта удалились вглубь страны и в лучшие укрепления, а варвары прежде всего напали на Питиунт, окруженный огромной стеной и имевший весьма удобную гавань. Когда Суксесиан¹⁸, стоявший во главе местного гарнизона, выступил с бывшими там силами и прогнал варваров, то скифы, опасаясь, чтобы гарнизоны других укреплений, узнав *об этом* и соединившись с питиунтским отрядом, не уничтожили их окончательно, захватили какие могли суда и с величайшей опасностью удалились домой, потеряв под Питиунтом многих из своих. (2) Жители *побережья* Евксинского Понта, спасенные, как мы рассказали, искусными дей-

ствиями Сукессииана, надеялись, что скифы, отбитые сказанным способом, никогда больше не *осмелятся* переправиться. Но когда Валериан¹⁹ отозвал Сукессииана, дал ему должность при дворе и вместе с ним занялся делами Антиохии и ее заселением, скифы снова взяли у боспорцев суда и переправились в *Азию*. (3) Удержав суда и не позволив боспорцам, как прежде, возвратиться с ними домой, они пристали вблизи Фасиса, где, как говорят, было построено святилище фасианской Артемиды²⁰ и дворец Эета. Сделав безуспешную попытку взять святилище, они пошли прямо на Питиунт. (33) Без малейшего затруднения взяв *это* укрепление и вырезав бывший в нем гарнизон, они двинулись дальше. Раздобыв большое количество судов и воспользовавшись для плавания пленными, умевшими грести, они при тихой погоде, простоявшей почти все лето, подступили с моря к Трапезунту, большому и многолюдному городу, имевшему, кроме местных солдат, десять тысяч других. (2) Начав осаду, они даже во сне не надеялись взять *силой* город, обнесенный двумя стенами, но, узнав, что солдаты преданы лени и пьянству, не всходят даже на стену и не упускают ни одного случая понежиться и попить, они приставили к стене в доступном месте заранее приготовленные для этого бревна и, небольшими кучками взобравшись по ним ночью, взяли город; одни из солдат, пораженные внезапным и неожиданным нападением, бежали из города через другие ворота, а другие были перебиты неприятелями. (3) Взяв город таким способом, варвары овладели бесчисленным множеством сокровищ и пленных; ибо почти все окрестные жители собрались в этот город, как в безопасное убежище. Истребив храмы и жилища и *вообще* все, что служило к украшению или увеличению *города*, а затем опустошив и *всю* его область, варвары возвратились на родину с огромным количеством кораблей²¹.

34. Соседние скифы, увидев привезенные богатства, возымели желание совершить *не что* подобное и стали заготавливать суда, воспользовавшись при их постройке помощью бывших у них пленников или *людей*, прибывших с торговыми целями. Они не признали возможным совершить экспедицию одинаковым с боранами способом, как продолжительную, трудную и по опустошенным уже местностям. (2) Выждав зимнего времени, они оставили Евксинский Понт влево, причем сухопутные силы пошли параллельно *с судами* по

берегам через удобные места, миновали по правую руку Истр, Томи и Анхиал и пристали к Филеатинскому озеру²², лежащему у Понта на западном повороте к Византию. Узнав, что местные рыбаки с имевшимися у них лодками спрятались в прилегающих к озеру болотах, *варвары* мирным путем привлекли их на свою сторону, посадили *на суда* сухопутную рать и двинулись к переправе через пролив между Византием и Халкидоном. (3) Хотя в самом Халкидоне и *затем* до святилища у устья Понта была стража, значительно превышавшая *численностью* напавших, но одни из солдат удалились, якобы желая встретить посланного императором военачальника, а другие пришли в такой ужас, что при *первом* слухе *о нашествии* бежали без оглядки. После этого варвары переправились и, взяв Халкидон без всякого сопротивления, овладели деньгами, оружием и разной утварью в огромном количестве.

35. *Затем* они пошли на Никомедию²³, огромный и благоустроенный *город*, пользовавшийся широкой известностью по богатству и благоденствию во всем. Так как ее жители, заранее узнав *о нашествии*, успели спастись бегством, то варвары, захватив сокровища, какие только могли, изумились изобилию найденных *богатств* и всячески чтили и ублажали Хрисогона²⁴, давно склонявшего их пойти на Никомедию. (2) Совершив набег на Никею, Киос, Апамею и Прусу²⁵ и поступив подобным образом в этих *городах*, они устремились на Кизик, но не могли переправиться через реку Риндак²⁶, широко разлившуюся вследствие больших дождей, и отступили назад. Предав пламени Никомедию и Никею и сложив добычу на повозки *и* суда, они стали думать о возвращении на родину, положив таким образом конец второму нашествию.

36. Валериан, узнав о событиях в Вифинии, вследствие недоверия не решался поручить ни одному из военачальников защиту против варваров и, послав Феликса охранять Византий, сам прошел от Антиохии до Каппадокии...

37. При таком положении дел на Востоке, когда все было безвластно и беспомощно, скифы, вступив в соглашение и сплотившись воедино из всякого племени и рода, одной частью своих полчищ опустошали Иллирию и разоряли в ней города, а другая часть заняла Италию и дошла до Рима...

38. Испуганный всем этим, Галлиен²⁷ возвратился в Рим, чтобы распорядиться ведением войны, принесенной скифами в Италию...

39. Когда скифы опустошили Элладу, взяли приступом самые Афины и уже заняли Фракию, Галлиен выступил на борьбу с ними.

40. При таком положении дел на Востоке Галлиен, занятый войной со скифами, получает известие, что начальник всей конницы Авреол, поставленный в городе Медиолане стеречь проход Постума в Италию, задумал измену и стремится к присвоению верховной власти. Испуганный этим, Галлиен немедленно отправился в Италию, передав главное начальство в войне со скифами Маркиану, человеку весьма искусному в военном деле. (2) Между тем как последний удачно вел войну, Галлиен по пути в Италию делается жертвой следующего замысла... [следует рассказ о смерти Галлиена и Авреола].

42. В это самое время остальные скифы, обогранные предыдущими удачными набегами, соединившись с герулами, певками²⁸ и готами и собравшись у реки Тиры, впадающей в Понт, построили шесть тысяч (ἑξακισχίλια)²⁹ судов и, сев на них в количестве трехсот двадцати тысяч человек, двинулись по Понту. Нападение на укрепленный стенами город Томы было отбито; пройдя вперед, они напали на мезийский город Маркианополь, но тоже неудачно, и затем с попутным ветром двинулись дальше. (2) Когда они достигли узкого пролива Пропонтиды, множество кораблей не в состоянии были справиться с быстротой течения, и поэтому суда сталкивались друг с другом и неслись по волнам в полном беспорядке, так как кормчие покинули рули; вследствие этого некоторые суда потонули вместе с экипажем, другие разбились пустыми, причем погибло большое количество людей и судов. (43) Поэтому варвары удалились из теснин Пропонтиды и поплыли на Кизик, но должны были отступить от него без всякого успеха. Миновав затем Геллеспонт, они были занесены течением до Афона и, исправив там свои суда, осадили Кассандрию³⁰ и Фессалонику. Они придвинули к стенам осадные машины и едва не взяли эти города, но, узнав о приближении императора, удалились внутрь страны и опустошили все селения по Доберу³¹ и Пелагонии³². (2) Потеряв там три тысячи людей, в стычке с конницей далматов, они с остальными силами вступили в борьбу с императорской армией. Когда произошло сражение и с обеих сторон пали³³, римляне отступили, но затем, неожиданно напав на варваров

по неизвестным им дорогам, истребили пятьдесят тысяч человек. Часть скифов, объехав морем Фессалию и Элладу, стала опустошать тамошние местности, не имея возможности нападать на города, успевшие позаботиться о стенах и прочих средствах защиты, но захватывая всех, кто попадался в полях.

45. Когда Египет таким образом подпал под власть пальмирцев, оставшиеся в живых после битвы Клавдия³⁴ со скифами при Наиссе³⁵, выдвинув вперед повозки, двинулись в Македонию, но вследствие недостатка продовольствия, мучимые голодом, гибли вместе с упряжными животными. Римская конница, встретив их при их движении вперед, многих перебила, а остальных отбросила на Гем. (2) Окруженные римскими войсками, они потеряли немалое количество людей, но, когда после разделения пехоты и конницы император решил, чтобы пехота сражалась с варварами, произошло жаркое сражение, в котором римляне обратили тыл и многие были убиты; но появившаяся вовремя конница умерила тяжесть понесенного поражения. (46) Когда скифы двинулись вперед и римляне следовали за ними, варвары объехали морем Крит и Родос, но не сделали ничего достойного внимания и возвратились. Затем все они подверглись заразной болезни и одни погибли во Фракии, другие в Македонии. (2) Уцелевшие от нее или были зачислены в римские легионы, или получили там землю и занялись земледелием...

48. Аврелиан³⁶, укрепив свою власть, выступил из Рима и пошел на Аквилею, а оттуда двинулся к пеонийским племенам, узнав о нападении на них скифов³⁷. Разослав лазутчиков с извещением, чтобы в города свозился хлеб, скот и вообще все, что могло быть полезно неприятелям, он надеялся этим увеличить грозивший им голод. (2) Когда варвары переправились и в Пеонии произошло нерешительное сражение, наступившая ночь сделала победу сомнительной для обеих сторон; ночью варвары перешли реку и с наступлением дня завели переговоры о перемирии.

49. Император, узнав, что аламаны и соседние с ними племена намереваются вторгнуться в Италию, и, естественно, заботясь более о Риме и окружающих его местностях, направился в Италию, оставив в Пеонии достаточные силы для ее защиты...

53. Когда Тацит вступил на римский престол и получил власть³⁸, скифы, переправившись через Меотийское озеро и Понт, совершили набег до Киликии. Выступив про-

тив них, Тацит одних победил и истребил сам, а других передал назначенному начальником дворца Флориану и двинулся в Европу... *[следует рассказ о смерти Тацита и о гражданской войне между Флорианом и Пробом]*.

64, 2. ...Когда обе стороны изготовились к

войне, Флориан, прибыв в Тарс, решил стать здесь лагерем, оставив неоконченной победоносную борьбу против боспорских скифов...

71. ...[Проб], приняв скифское племя бастернов, изъявившее ему покорность, поселил их во фракийских местностях, и они стали жить по римским обычаям...

Книга II

21. Константин, узнав, что савроматы, живущие у Меотийского озера, переправившись на судах через Истр, опустошают подвластную ему землю, повел против них войска. Варвары выступили против него под предводительством своего царя Равсимода³⁹. Сначала савроматы приступили к городу⁴⁰, снабженному достаточным гарнизоном; поднимающаяся от земли вверх часть стены его была построена из камня, а верхняя часть была деревянная. (2) Поэтому савроматы, рассчитывая без всякого труда взять город, если сожгут деревянную часть стены, стали подпускать огонь и стрелять в стоявших на стене. Когда же стоявшие на стене поражали варваров сверху стрелами и камнями и убивали их, Константин приблизился, напал на варваров с тыла, многих перебил и еще большее число взял живыми, так что остальные обратились в бегство. (3) Равсимод, потеряв большую часть своих полчищ, сел на суда и переправился через Истр с намерением снова опустошить римскую область. Услышав об этом, Константин последовал за ним, также переправившись через Истр, и напал на варваров,

сбежавшихся на один холм, покрытый густым лесом. Он многих убил, в том числе и самого Равсимода, и многих взял живыми, а остальную часть, протянувшую руки, принял под свою власть и с большим количеством пленных возвратился в столицу.

31, 5. ...Когда скифский род Таифалов⁴¹ сделал набег в количестве пятисот всадников, [Константин] не только не сразился с ними, но, потеряв большую часть своего войска и увидев, как они опустошали область до самого рва, был рад, что спасся бегством.

33. Константин, изменяя прекрасно установленное, разделил единое царство на четыре области: одному наместнику он передал весь Египет... Восток до Месопотамии, кроме того Киликию, Каппадокию, Армению и все поморье от Памфилии до Трапезунта и укреплений на Фасисе, ему же поручил он и Фракию, ограничиваемую Мезией до Асема⁴² и Родопой до города Топера⁴³... (2) Другому поручил Македонию, Фессалию... сверх того иллирийцев, даков, трибаллов и пеонов до Балерии⁴⁴, а кроме того Верхнюю Мезию...

Книга III

1. После такого поступка с Цезарем Галлом сам Константин из Пеонии переправился в Италию⁴⁵. Видя, что подвластные римлянам области повсюду отняты варварскими нашествиями, что франки, аламаны и саксы заняли уже сорок лежащих по Рейну городов и самые города разорили, а жителей их в бесчисленном количестве захватили в плен с неисчислимым богатством добычи, а квады и савроматы безбоязненно совершают набеги в Пеонию и Верхнюю Мезию... приняв все это в соображение и не зная, что делать, он полагал,

что один не в состоянии будет помочь столь печальному положению дел...

2, 2. ...Устроив таким образом дело с Юлианом, сам Констанций отправился в Пеонию и Мезию и, уладив там дела с квадами и савроматами, обратился на Восток...

10, 2. Прибыв в Реты⁴⁵, откуда берет начало Истр и, минуя Норик и всю Пеонию, а кроме того даков, фракийских мезийцев и скифов, впадает в Евксинский Понт, [Юлиан] заготовил речные суда и сам с тремя тысячами двинулся вперед по Истру⁴⁷...

Книга IV

5, 2⁴⁸. ...[Прокопий] вместе со всеми домашними бежал к Евксинскому Понту и оттуда, сев на корабль, переправился в Херсонес Таврический. Пробыв там некоторое время, он заметил, что жители его не заслуживают

никакого доверия, и, боясь быть выданным лицам, прибывшим искать его, видя шедшее мимо грузовое судно, вверил ему себя и домашних и достиг Константинополя еще ночью...

7, 2. ...[Прокопий] послал некоторых знатных лиц к предводителю скифов, живших выше Истра. Последний прислал ему *в качестве* союзников десять тысяч человек цветущего возраста. Другие варварские племена также собрались, чтобы принять участие в замысле *Прокопия*..

10. Император Валент после кончины Прокопия многих казнил и еще большее количество *лиц* наказал конфискацией имущества.

К походу против персов явилось препятствие в том, что отряд живших выше Истра скифов беспокоил римские границы. Выслав против них достаточную силу, он удержал их от движения вперед и, принудив сдать оружие, распределил их по своим городам, лежащим при Истре, приказав держать их на свободе под надзором. Это были те *люди*, которых предводитель скифов послал в качестве союзников к Прокопию. (2) Поэтому *предводитель* просил императора отпустить их, говоря, что выслал их по просьбе тогдашнего владыки; но Валент не обратил никакого внимания на его просьбу: он говорил, что эти *люди* были посланы не к нему и взяты не как друзья, а как враги. Эта причина раздула скифскую войну⁴⁹. (3) Император, узнав, что скифы намереваются сделать набег на римские пределы и для этой цели уже собрались все с величайшей готовностью, расставил войско по берегу Истра, а сам поселился в Маркианополе, величайшем из фракийских городов, и заботился о военных упражнениях солдат и, главным образом, о том, чтобы у них не было недостатка ни в каком провианте. (4) Он назначил начальником двора Авксония⁵⁰, отпустив от двора за старостью Салюстия, уже во второй раз исполнявшего эту должность. Авксоний, несмотря на предстоящую столь важную войну, действовал справедливо при взыскании податей, не допуская, чтобы кто-либо был обременяем, вопреки закону и долгу, и на множестве грузовых судов подвозил продовольствие для войск по Евксинскому Понту к устьям Истра, а оттуда на речных судах развозил в склады лежащих по реке городов, так что все нужное для войска было наготове. (11) Когда все это было устроено еще зимой, с началом весны император выступил из Маркианополя и, переправившись вместе с охранявшими Истр войсками, напал на варваров в их собственной земле. (2) Последние не осмелились противостать в открытом бою, а спрятались в болота и оттуда тайком совершали нападения. *Тогда император* приказал

войскам стоять на месте, созвал, сколько было, рабов и людей, которым была поручена охрана обоза, и обещал давать определенную сумму золота всякому, кто принесет голову варвара. (3) Немедленно все, возбужденные надеждой на прибыль, рассыпались по лесам и болотам, убивали встречных варваров и, показывая головы убитых, получали установленную *плату*. Когда таким образом погибло большое количество *варваров*, остальные стали просить у императора перемирия. (4) Последний не отверг просьбы, и *таким образом* состоялся договор, не постыдный для римского достоинства: было решено, чтобы римляне владели в полной безопасности *всем* тем, чем владели прежде, а варварам было запрещено переправляться *через Истр* и вообще нападать когда-либо на римские владения.

20. Императору Валенту представились с разных сторон многие войны... (3) При таком положении дел на жившие выше Истра скифские племена напало некое варварское племя, раньше не известное и тогда внезапно появившееся. Их называли уннами⁵¹; *остается неизвестным*, следует ли называть их царскими скифами, или *признать* за тех курносых и бессильных людей, которые, по словам Геродота⁵², жили по Истру, или они перешли в Европу из Азии. Я нашел и такое известие, что Киммерийский Боспор, занесенный илом из Танаиса⁵³, дал им *возможность* перейти сухим путем из Азии в Европу. (4) Явившись вместе с конями, женами, детьми и всем имуществом, они напали на живущих выше Истра скифов. Они совсем не могли и не умели вступать в правильную битву (да и как *могли бы сделать это люди*, не могущие даже твердо стоять на ногах, а живущие и спящие на лошадях?), но делая объезды, вылазки и своевременные отступления, выстрелами *из луков* с лошадей перебили бесчисленное множество скифов. (5) Делая это непрерывно, они довели скифов до такого *отчаянного* положения, что оставшиеся в живых, покинув свои жилища, предоставили их для жительства уннам, а сами в бегстве переправились на другой берег Истра и, простирая руки, умоляли, чтобы император принял их, обещая исполнять *все* обязанности верных и надежных союзников. (6) Когда начальники гарнизонов в *лежащих* на Истре городах представили этот вопрос на волю императора, Валент позволил принять *скифов*, если они предварительно сложат оружие. Начальники отрядов и низшие военные чины, переправившись *за Истр*

с тем, чтобы препроводить варваров без оружия в римские пределы, занялись исключительно выбором красивых женщин, охотой на взрослых мальчиков для гнусных целей и приобретением рабов или земледельцев и, обратив внимание только на это, пренебрегли всем другим, что относилось к общественной пользе, вследствие чего большинство *варваров* незаметно переправилось с оружием. (7) Лишь только вступили они на римскую землю, как забыли свои мольбы и клятвы, и вся Фракия, Пеония⁵⁴ и области до Македонии и Фессалии наполнились варварами, опустошавшими *все* на своем пути. (21) При виде величайшей опасности, грозившей этим областям, поспешили к императору с известием о случившемся. Последний, уладив по возможности дела с персами, поспешно отправился из Антиохии в Константинополь и оттуда хотел двинуться во Фракию на войну с перебежавшими скифами...

22. Император Валент, видя, что скифы уже опустошают всю Фракию, решил сначала выслать против скифской конницы прибывших с ним с Востока и весьма искусных в кавалерийских битвах [сарацинов]. (2) Последние, получив приказ от императора, стали выезжать небольшими группами из ворот Константинополя и, поражая дротиками отсталых скифов, ежедневно приносили много голов *убитых*. Скифы, видя трудность борьбы с быстротой их коней и меткостью дротиков, задумали перехитрить сарацинское племя: спрятавшись в засаду в низменных местах, они решили напасть по трое на одного сарацина. (3) Но и эта попытка не удалась, так как сарацины, благодаря скорости и понятливости своих коней, имели возможность убегать при виде большого количества нападающих, но в свою очередь нападали на отсталых и поражали их дротиками. *Вследствие этого* произошло такое избиение скифов, что они в отчаянии предпочли лучше переправиться *обратно* за Истр и предаться уннам, нежели всем погибнуть от *рук* сарацинов. Когда они покинули окрестности Константинополя и ушли дальше, императору представилась возможность провести вперед свое войско. (4) Когда он раздумывал, каким образом следует вести *эту* войну при нашествии такого множества варваров... Севастиан⁵⁵, покинув Запад... прибыл в Константинополь. (23) Валент, узнав об этом и зная доблести Севастиана в военном деле и во всех делах государственных, избирает его полководцем и вверяет

ему главное начальство в войне... (4) *Севастиан*, дав своим *солдатам* такую подготовку во всех военных делах, стал занимать укрепленные стенами города, всячески заботясь о безопасности своего войска, постоянно нападал из засад на фуражные отряды варваров и то истреблял их, застигая обремененных множеством добычи и овладевая этой добычей, то резал пьяных или купающихся в реке. (5) Когда он истребил большую часть варваров при помощи таких хитростей и оставшая *часть* перестала выходить на фуражировку из страха перед *таким* полководцем, против него возбуждается величайшая зависть. Она породила ненависть, *а* следствием ее *явилась* клевета перед императором, к которой побуждали дворцовых евнухов *люди*, отставленные от должностей. (6) Когда император таким образом был увлечен к неосновательным подозрениям, Севастиан советовал ему оставаться на месте и не выступать дальше вперед, говоря, что нелегко вести открытую войну с такими полчищами и следует объездами и неожиданными нападениями затягивать время до тех пор, пока варвары, доведенные до отчаяния недостатком продовольствия, или сдадутся, или выйдут из подвластных римлянам местностей, предпочитая лучше предаться уннам, чем погибнуть в страшных мучениях, которые обыкновенно бывают следствием голода.

24. Между тем как он давал такие советы, его противники просили императора выступить на войну со всеми силами, так как варвары будто бы совершенно уже погибли и император без труда одержит победу. Когда это худшее мнение одержало верх, – так как *сама* судьба вела дела к худшему, – император вывел все войско в полном беспорядке на битву. (2) Варвары, напав на него врасплох и одержав в битве решительный перевес, перебили почти всех поголовно. Император с немногими *людьми* спасся бегством в одну неукрепленную деревню; но варвары, отовсюду обложив деревню *горючим* материалом и подложив огонь, сожгли бежавших в нее вместе с жителями, так что никто не мог даже отыскать трупа императора⁵⁶...

25. Когда император Феодосий пребывал в Фессалонике, многие отовсюду стекались *туда* с общественными и частными нуждами и, получив удовлетворение, удалялись. *Между тем* большое количество живших выше Истра скифов, именно готов, таифалов и других племен, раньше ведших одинаковый с ними

образ жизни, переправившись *через Истр*, принуждено было беспокоить бывшие под властью римлян города, вследствие того, что множество уннов заняло обитаемые этими племенами области; император Феодосии стал готовиться со всем войском к войне. (2) Вся Фракия была уже занята вышеупомянутыми племенами, и гарнизоны городов и местных крепостей не смели выйти даже недалеко из-за стен, не говоря уже о рукопашных схватках в открытом поле. Тогда Модар⁵⁷, происходивший из скифского царского рода, но незадолго *перед тем* перебежавший к римлянам и за выказанную верность получивший начальническую должность в войске, незаметно для варваров поднялся со своими солдатами на один ровный и покрытый землей холм, растянутый в длину и имевший у подошвы большие ровные пространства; узнав через лазутчиков, что на расстилавшихся под холмом равнинах все неприятели, воспользовавшись богатствами, найденными в полях и неукрепленных деревнях, лежат пьяными, *Модар* тихо приказывает солдатам захватить с собой только мечи и щиты, бросив остальные, более тяжелые доспехи, и, оставив обычный сомкнутый строй, *врасыпную* напасть на варваров, уже совершенно предавшихся неге. (3) Когда это было исполнено, солдаты, напад на варваров незадолго до рассвета, всех их перебили, причем одни даже не пришли в сознание, другие были изранены, приходя в себя, и все были истреблены разными способами. Когда не осталось в *живых* ни одного мужчины, *солдаты Модара* сняли оружие спавших, *затем* устремились на женщин и детей и взяли четыре тысячи повозок и пленных столько, сколько можно было везти на стольких повозках, исключая следовавших за ними пешком и отдохавших на них попеременно, как в обычае *у варваров*. (4) Когда полководец таким образом воспользовался удобным случаем, Фракия, которой грозила самая печальная участь, на время успокоилась после столь неожиданной гибели *пребывавших* в ней варваров⁵⁸.

26. Когда унны, как я рассказал *выше*⁵⁹, сделали нашествие на живущие за Истром племена, скифы, не выдержав их набегов, еще в царствование Валента обратились с просьбой принять их во Фракию *с условием*, что они будут исполнять обязанности союзников и подданных и повиноваться всем повелениям императора. (2) Тронутый этими словами, Валент принял их, но, полагая, что будет

иметь надежный залог их верности, если прикажет воспитывать их детей, еще не достигших возмужалости, где-нибудь в другой стране, выслал на Восток большое количество мальчиков и поставил Юлия *следить* за их воспитанием и охраной...

34⁶⁰. Император Грациан назначил начальником расположенных в Иллирийской области военных отрядов Виталиана, человека, совершенно неспособного справиться с затруднительным положением дел. (2) Во время его командования две части живших за Рейном германских племен, одна под предводительством Фритигерна⁶¹, а другая под начальством Аллотей⁶² и Сафрака⁶³, нападая на кельтские племена, поставили императора Грациана в необходимость предоставить им возможность покинув Кельтику и переправившись через Истр, занять Пеонию и Верхнюю Мезию: у него был расчет и старание освободиться на время от постоянных их набегов. (3) Переправившись на этих условиях через Истр и намереваясь через Пеонию перейти в Эпир, затем переправиться через Ахелой и напасть на эллинские города, они решили сначала запастись продовольствием и устранить Атанариха⁶⁴, начальника всего царского рода скифов, чтобы не иметь с тыла никакой помехи своему намерению. (4) Итак, напад на него, они без всякого труда выгнали его из занятой им области. Атанарих бежал к Феодосию... Последний благосклонно принял его вместе с бывшими с ним варварами, выйдя далеко вперед из Константинополя, и, когда Атанарих немедленно после этого умер, похитил его царским погребением. (5) Роскошь погребения была столь велика, что все варвары были поражены ее чрезмерностью, и скифы, изумленные великодушием императора, возвратились домой и перестали беспокоить римлян, а все прибывшие вместе с покойным стали усердно охранять берег и надолго воспрепятствовали варварам делать набеги на римлян. В то же время судьба послала Феодосию и другие удачи: (5) он отразил скиров и карпов⁶⁵, соединившихся с уннами, и, победив в бою, принудил переправиться назад за Истр и занять свои области...

35. Так император Феодосии, казалось,правлял неудачи. Между тем Идотей⁶⁶, собрав огромные полчища не только из соседних с Истром племен, но и из весьма отдаленных и неизвестных, стал наступать со всеми *этими* полчищами и хотел переправиться через реку; но начальник фракийской пехоты

Промот, выступив навстречу сухим путем и на речных судах, совершил такую резню, что и река наполнилась трупами, и павших на суше нелегко было пересчитать⁶⁷...

38. ...Около того же времени появилось за Истром некое скифское племя, неизвестное всем тамошним кочевникам; местные варвары называли их гротингами⁶⁸. Будучи в *большом* количестве, имея надлежащее вооружение и, кроме того, отличаясь телесной силой, они легко прошли лежавшие по дороге варварские земли, появились на самом берегу Истра и потребовали дозволения переправиться через реку. (2) Промот, которому было вверено начальство над местными войсками, растянул войска по берегу реки на возможно большее расстояние и старался заградить доступ варварам. Вместе с этим он избрал и другой путь, *именно* следующий. Созвав из понимающих варварский язык несколько лиц, которым он решил особенно довериться в подобном деле, он предоставил им завести с варварами переговоры об измене. (3) Последние потребовали у *варваров* значительную сумму денег за выдачу римского полководца *вместе* с его войском. Когда варвары сказали, что у них не хватит такой суммы, подосланные полководцем, чтобы внушить доверие к своим словам, настаивали на *своем* первоначальном предложении, не допуская *возможности* сколько-нибудь уменьшить прибыль. Наконец, *обе стороны* сошлись на известной сумме, было заключено тайное условие касательно измены и решено было, чтобы одну часть платы предатели получили немедленно, а остальная была сбережена до времени победы. Когда они определили и способ, каким следовало подать сигнал, и время, в которое следовало привести в исполнение измену, *мнимые изменники* сообщают полководцу о том, что варвары с наступлением ночи примутся за дело и совершат переправу против римского войска. (5) Итак, варвары, посадив самую цветущую часть своих полчищ на однодеревки, приказали ей переправиться первой и напасть на спящих еще солдат; затем было приказано воинам средних сил присоединиться к первым, когда они уже начнут нападение, а за ними *должны были* переправиться все наименее пригодные люди, чтобы порадоваться достигнутым уже успехам.

39. Полководец Промот, предупредоженный обо всем этом посланными для измены, приготовился *разрушить все* планы варваров: он поставил корабли носами друг к другу, по три судна в глубину, и, позаботившись о возможно большей длине их линии, занял речной берег на двадцать стадиев с тем, чтобы заградить переправу врагам на таком *пространстве*, а остальных встретить уже при попытке переправиться на однодеревках и потопить всех встречных. Так как ночь была безлунная, то варвары не могли узнать о приготовлениях римлян; они принялись за дело и в полном молчании и тишине стали садиться на однодеревки, полагая, что римляне вовсе не знают об их планах. (2) Когда были поданы сигналы, мнимые изменники, заранее всё сообщив полководцу и сделав соответственные приготовления распоряжения, на больших кораблях с силачами-гребцами поплыли против них и стали топить все, что попадалось *навстречу*, причем никто из падавших *в воду* не мог спастись, вследствие тяжести вооружения. (3) Однодеревки, ускользнувшие от плывших на кораблях и попавшиеся судам, вытянутым по длине реки, гибли вместе с людьми, будучи поражаемы чем попало, так что никто не мог перейти за заграждение из римских судов. *Таким образом*, произошло страшное избиение *варваров*, какого раньше еще не бывало в морской битве; река наполнилась трупами и оружием, которое по материалу могло оставаться на поверхности воды; если же кое-где некоторые оказались в состоянии пробиться вплавь, то они гибли, попадая *в руки стоявших* на берегу реки пехотинцев. (4) Когда *таким образом* был истреблен весь цвет варварских *полчищ*, солдаты бросились на добычу, стали уводить детей и женщин и овладели обозом. Тогда полководец Промот пригласил находившегося неподалеку императора Феодосия и сделал его свидетелем удачи. (5) Последний, увидев множество пленных и массу добычи, отпустил пленных на свободу и любезно наградил их дарами, располагая их таким ласковым обращением к переходу на его сторону, так как они могли быть ему полезны в войне с Максимом. Промот остался во главе охранных войск во Фракии, выказав свою пригодность к вышешложаемой войне из засады...

Книга V

21, 6. ...Гаин⁶⁹... с остальными *воинами* бежал к Истру, найдя Фракию опустошенной предыдущими нашествиями и разграбляя *все*

на *своем* пути. Боясь, чтобы другое римское войско, последовав за ним, не напало на бывших с ним немногочисленных варваров, и по-

дозрительно относясь к сопровождавшим его римлянам, он всех их перебил, пока они не провели его плана, а с варварами переправился за Истр, намереваясь возвратиться на родину и прожить там остальную жизнь.

22. Таково было намерение Гаина; но Ульд, предводительствовавший в то время уннами⁷⁰, считая небезопасным допустить варвару, имеющему собственное войско, иметь жительство за Истром и вместе с тем думая угодить римскому императору его преследованием, стал готовиться к борьбе с ним; собрав свои полчища, он выступил против него. (2) Гаин, не имея уже возможности ни возвратиться к римлянам, ни иначе избежать угрожающего ему нашествия, вооружил своих и пошел против уннов. Войска неоднократно вступали между собой в схватки, и отряд Гаина в нескольких битвах отразил врагов, но когда многие из них пали, то был убит и сам Гаин после упорной и мужественной борьбы.

Примечания

¹ [Марк Юлий Филипп Араб, римский император (244–249)].

² [У Птолемея (III: 5, 10) *карпианы* (по соседству с певкинами и бастарнами) – племя, жившее между Дунаем и Карпатами].

³ [Они же маврусии – жители североафриканской Мавритании, составлявшие конницу в римском войске].

⁴ «Описание этой экспедиции Филиппа против карпов восходит, видимо, к «Скифике» Дексиппа (ср. Euagr., HE, V: 24)» (Mendelssohn). Эта экспедиция совершена в 245–247 гг.

⁵ «Эти эксцерпты о готах, хотя и очень небрежные, можно отнести к «Скифике» Дексиппа. Ср. Моммсен, РИ, V, 219: 1» (Mendelssohn).

⁶ «Эту ошибку Зосима, который, конечно, прочтя в источнике, что местожительство готов было вокруг Танаиса, из-за своей поспешности удержал это имя во всем своем рассказе, – отметил уже Wesseling, Itin. Arton. Aug.: 225» (Mendelssohn). [Под Танаисом разумеется Дунай].

⁷ [Гай Мессий Квинт Траян Деций, римский император (249–251)].

⁸ «Филиппополь, взятый готами (см. Синкелл I: 705, 14; Аммиан Марцеллин XXXI: 5, 17), сам Зосим упоминает в I: 24, 2» (Mendelssohn).

⁹ [Кай Вибий Требониан Галл, военачальник в войсках Деция и после его гибели римский император (251–253)].

¹⁰ В 251 г.

¹¹ «Т. е. Цезарем. Та же ошибка, видимо, и у Дексиппа. Ср. Синкелл: 705, 29» (Mendelssohn). Галл правил в 251–253 гг. [Он был убит, вместе со своим сыном, собственными солдатами, перешедшими на сторону Эмилиана].

¹² [Упоминаемое лишь у Зосима «готское» племя на Дунае, совершавшее походы вплоть до Малой Азии по черноморскому побережью вдоль Кавказа].

¹³ [Племя, быть может, идентичное с Птолемеями (III: 5, 10) фругундионами или бургинионами, называемыми им в числе прочих протославянских племен на Дунае].

29. Стилихон получил от кого-то известие, что Аларих, покинув Эпир и перейдя теснины, запирающие проход из Пеонии к венецам, стал лагерем у города Эмоны, лежащего между верхней Пеонией и Нориком⁷¹. Стоит упомянуть о *преданиях*, относящихся к этому городу, и о начале его заселения. (2) Говорят, что аргонавты, преследуемые Эетом, пристали к *месту* впадения Истра в Понт и признали удобным подняться по этой *реке* против течения и проплыть по ней на веслах и с попутным ветром до тех пор, пока они не очутятся ближе к морю. (3) Приведя в исполнение свое решение и добравшись до этого места, они оставили память о своем прибытии, основав город, и *затем*, поставив Арго на катки и протаскив ее *на пространстве* четырехсот стадиев до моря, пристали к берегам Италии, как рассказывает поэт Писандр, обнявший, можно сказать, всю мифологию под заглавием браков героев с божествами⁷².

¹⁴ [Будучи правителем Паннонии (Пеонии) и Мезии в правление императора Галла, Эмилиан был провозглашен подчиненными ему войсками императором в 253 г. и убит ими же по прошествии нескольких месяцев].

¹⁵ [Т. е. Иллирика].

¹⁶ [Имеется в виду династия Тибериев Юлиев, правившая на Боспоре в 71–262 гг.].

¹⁷ В 252 г.

¹⁸ [Начальник римского гарнизона в Питиунте при императоре Валериане, впоследствии префект претория (упомянут также у Григория Тавматурга (Migne. Patr. Graeca X: 1037)].

¹⁹ [Римский император (253–260)].

²⁰ [Фасианскую богиню, именуемую Зосимом Артемидой, Арриан отождествляет с Реей Кибелой (Перипл: 91)].

²¹ В 256 г.

²² [Это озеро, названное так по городу Филее, иначе именовалось Делькос, современное Деркос, у мыса Кара-Бурун на фракийском берегу Черного моря].

²³ [Столица Вифинии, на берегу Мраморного моря, на месте современного Измида].

²⁴ [Ближе не известный готский вождь].

²⁵ [Города Вифинии на побережье Мраморного моря].

²⁶ [Одна из крупнейших малоазийских рек, современная Адирна, к нападению от устья которой расположен был город Кизик].

²⁷ [260–268 гг.].

²⁸ Глава 42 эксцерпирована в «Суде» под словом Σκύται. Ἐρούλους – в «Суде». Дексипп в «Хронике» пользуется иногда формой Ἐλουροί, откуда произошло вышеприведенное название; есть и другие, также пользующиеся этой формой, ср. Gelzer, JPhTh., 1884: 318 сл. Однако, Αἰρούλος у Синкелла (I: 717, 9; 720, 15), который также следовал Дексиппу. «Πεύκας – Πευκέστας «Суда», Peuci Claud.: 6, 2, что происходит также из Дексиппа. Πευκίτου – Casaubonus» (Mendelssohn) [Герулы известны также под именем гелуров (Стефан Византийский под

словом "Ελουροι), а певки должны быть идентичны Страбоновым певкинам (VII: 3, 15) – бастарнам, жившим на острове Певке в устье Дуная].

²⁹ "ἐξ ἀκισχίλια: ἐνακόσια в «Суде». ἐς или ὡς δις χίλια Casaubonus, сопоставляя с Claud.: 6, 5, что, как кажется, должно принять, ср. Wietensheim-Dahn., I: 557, 4. Также «duo navium milia» у Аммиана (XXXI: 5, 15) должно, видимо, месте с Моммсенем (РИ, V, 219, 226) произвести отсюда" (Mendelssohn).

³⁰ [Иначе Потидею, город и крепость на полуострове Паллене в Македонии].

³¹ [Область с одноименным городом в Пеонии (современный Дойран)].

³² [Область и одноименный город (в древности Гераклея Линкестиды) в северной Македонии близ современного Варна].

³³ "Stephanus указал на лакуну. Выпало πολλῶν παρτολλῶν или нечто подобное" (Mendelssohn).

³⁴ [Марк Аврелий Клавдий II, римский император (268–270)].

³⁵ Совр. город Ниш в Сербии. Битва была в 269 г.

³⁶ 270–275 гг.

³⁷ "Это настолько небрежно описано Зосимом, что можно сомневаться, подразумевает ли он первое вторжение ютунгов (Дексипп, фр. 24; FHG, III, 682) – каково мнение Wietensheim'a, I², 558 сл. и других – или вандалов (Дексипп, FHG, III, 685). Думаю, что вместе с Schiller'ом (I: 852) должно подразумевать вандалов" (Mendelssohn).

³⁸ В 275 г.

³⁹ В 322 г.

⁴⁰ [Кампону в Нижней Ианионии: Optatian. Porphyg. VI (XXII): 14 сл.].

⁴¹ [Упоминается также у Аммиана Марцеллина (XVII: 13, 19) и у Евтропия (VIII: 2) как "готское" племя на среднем Дунае].

⁴² [Приток Дуная, вытекающий с Гема (Балкан), совр. река Осем с крепостью Ансам у ее устья].

⁴³ [Добера, о котором см. выше, I: 43].

⁴⁴ [Часть Паннонии, выделенная Галерием в особую провинцию и названная им так в честь жены].

⁴⁵ В 355 г.

⁴⁶ [Т. е. в Рецию или в Ретийские Альпы].

⁴⁷ В 361 г.

⁴⁸ В IV: 4–9 Зосим рассказывает о мятеже, поднятом Прокопием, родственником Юлиана, против Валентиниана и Валента.

⁴⁹ Ср. Евнапий, фр. 37.

⁵⁰ [Gorrector Tusciae в 362 г.; vicarius Asiae в 365 г.; в 367 г. заступил место упомянутого ниже Салюстия Секунда в должности praefectus Orientis].

⁵¹ "Евнапий, фр. 41; Wietensheim-Dahn II²: 14 сл. То, что Зосим передает о происхождении гуннов, переписано им из Евнапия, "составившего все это из старинных сведений на основании вероятности и логики" (более точное изложение, которое там же обещает Евнапий, определенно никогда не появлялось, ибо упоминаемое Фотием второе издание, без сомнения, вышло из рук какого-либо христианского книжника)" (Mendelssohn).

⁵² "Ср. прим. к Геродот V: 9" (Mendelssohn).

⁵³ "Ταναΐδος: Ὑάνιος (река Кубань) – так написал или должен был написать Зосим. Если же он сам поставил Танаис, то, значит, он небрежно эксперпировал источник, в котором было видно, что они некогда жили за Танаисом (ср. Агафий V: 11)" (Mendelssohn). Об этом ср. Евнапий, фр. 42.

⁵⁴ "Παιονία: Μυσία хотел бы Reitemeier. Однако, кажется, это имя, совершенно неподходящее, Зо-

сим добавил по своему обычаю, и потому не нужно ничего менять. Евнапий, фр. 42" (Mendelssohn).

⁵⁵ [Комит и один из военачальников Юлиана во время персидской войны; в 377 г. перешел из Италии к императору Валенту и был назначен им главным военачальником против готов (Аммиан Марцеллин XXXI: 11, 2–4)].

⁵⁶ В 378 г. См. Филосторгий IX: 17; Сократ Схоластик IV: 34; 35; 38; Феодорит IV: 32.

⁵⁷ [Гот, magister militum во Фракии в 379 г.; позже, может быть, также magister praesentalis, см. W. Ensslin. Zum Heermeisteramt des spätrömischen Reiches // Klio, XXIV (1930–1931): 139].

⁵⁸ В 379 г.

⁵⁹ См. Зосим IV: 20.

⁶⁰ В главе 34 "изложение очень запутано по вине самого Зосима, который нечаянно смешал дела аламанов (ср. Mommsen, ed. Iordani: 95, 9), нападавших на Галлии и готов" (Mendelssohn). Ср. об этом Schiller II: 399 сл.

⁶¹ [См. о нем: Сократ Схоластик IV: 33].

⁶² [Ближе не известный готский военачальник].

⁶³ [Знатный гот, опекун молодого царя Видерика: Иордан. Гетика XXVI: 134].

⁶⁴ [См. о нем: Сократ Схоластик IV: 33].

⁶⁵ [Идентичны с упомянутыми выше (I: 27) карпами, ср. также Птолемей III: 5, 10].

⁶⁶ [Гот, предводитель готингов (см. ниже); упомянут также у Claudian. De VI cons. Non.: 623 сл.; связанные с его именем события относятся к 386 г., который был также, видимо, годом его гибели. Ср. RE, XVII: 2].

⁶⁷ В 386 г. Ср. Schiller II: 404.

⁶⁸ "Γροθίγγους – Salmasius к v. Probi: 18, 2 и Valesius к Amm., XXXI: 3, 5, Προθίγγους U.; ср. Zeuss.: 407, 1; 422" (Mendelssohn). [Также грейтунги – племя, принадлежавшее к числу так называемых остготов, упомянутых также в SHA, Claud.: 6, 2; Евтропий II: 153; по Аммиану Марцеллину (XXXI: 3, 1), называющему имя их царя Видерика, они были соседями алан].

⁶⁹ О Гаине см. Зосим IV: 57; V, 7; 13 сл. [Также Гаина (Сократ Схоластик VI: 5–6; Созомен VIII: 4, 1–6), гот, поступивший на римскую службу в качестве простого солдата, но быстро возвысившийся до предводительства вспомогательными варварскими силами].

⁷⁰ "Гуннов Зосима и Филосторгия Сократ заменяет римлянами" (Mendelssohn).

⁷¹ [На правом берегу реки Савы (современный Лайбах)].

⁷² "Reitemeier правильно заметил, что это предание как Зосимом, так и Созоменом (I: 6) заимствовано из Олимпиодора (из Созомена Niceph. Call., HE, VII: 50). Между тем Олимпиодор почерпнул его от Писандра. Что это не тот древний Писандр Камиренский, что вслед за другими (ср. Bernhardy. Innere Geschichte der Griechischen Literatur, II³, 1: 375) думал и Iepp. Quaest. Frideric, Aug. Taur., 1881: 16 сл.) или RFC, X: 887 сл. и APh, suppl., XIV: 153 – видно из самого упоминания Эмоны, так как Эмона была основана только Августом. Более древняя версия легенды (Р 1 i п., III, 128) вместо Эмоны называет Навпорт. Таким образом, Писандр заимствовал этот рассказ от какого-либо более древнего мифографа или поэта, но вместо Навпорта, города, в III в. н. э. почти забытого, он подставил соседнюю и цветущую Эмону" (Mendelssohn).

Источник: Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova. Ed. L. Mendelssohn. – Lipsiae, 1887; В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 4: 274–288.

Прокопий Кесарийский

Προκόπιος Καίσαρεῦς – Procopius Caesariensis

Прокопий из Кесарии (ок. 500 – после 565), византийский писатель и историк. С 527 г. секретарь и советник Велисария (ок. 504 – 565), сановника полководца императора Юстиниана I Великого (482/483–565, имп. с 527). В 527–531 г. вместе с Велисарием участвовал в ирано-византийской войне. В 532 г. в Константинополе был свидетелем восстания Ника. В 533–536 гг. участвовал в покорении Велисарием королевства вандалов в Северной Африке, а в 536–540 гг. – в войне с остготами в Италии. В 541 г. побывал в разоренной персами Антиохии – столице византийской про-

винции Сирии. В 542 г. в Константинополе был свидетелем чумы. Затем находился в Италии до 546 г. Написал историю войн Юстиниана в 8 книгах (I–II книги – «Война с персами» в Месопотамии и Закавказье, III–IV – «Война с вандалами» в Северной Африке, V–VIII – «Война с готами» в Италии), панегирик «О постройках Юстиниана» и памфлет «Тайная история» императорства Юстиниана. Как писатель Прокопий опирался, прежде всего, на свой собственный опыт, а в «Войне с персами» до 527 г. – на Приска Панийского, армянские и персидские источники.

Подробнее см.: А. А. Чекалова. Прокопий Кесарийский: Личность и творчество // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод, статья, комментарии А. А. Чекаловой. – М.: Наука, 1993.

Прокопий Кесарийский

Война с персами

Перевод и комментарии А. А. Чекаловой

Книга I

III. Впоследствии персидский царь Пероз начал войну из-за пограничных земель с гуннским племенем эфталитов¹, которых называют белыми. Собрав внушительное войско, он выступил против них. (2) Эфталиты являются гуннским племенем и называются гуннами, однако они не смешиваются и не общаются с теми гуннами, о которых мы знаем, поскольку не граничат с ними и не расположены поблизости от них, но соседствуют они с персами у северных их пределов, там, где у самой окраины Персии есть город по имени Горго. Здесь из-за пограничных земель они обычно воевали друг с другом. (3) Они не кочевники, как другие гуннские племена, но издавна живут оседло на плодородной земле. (4) Они никогда не вторгались в землю римлян, разве что вместе с мидийским войском. Среди гуннов они одни светлокожи и не безобразны на вид. (5) И образ жизни их не похож на скотский, как у тех. Ими правит один царь и обладают они основным на законе государственным устройством, живя друг с другом и с соседями честно и справедливо, ничуть не хуже римлян или персов. (6) Но богатые из них приобретают себе дружину, порой до двадцати человек, а то и больше, члены которой навсегда становятся их сотрапезниками, разделяя и все их богатства, так как в данном случае имущество у них

становится общим. (7) Когда же тот, у кого они являлись дружинниками, умирает, эти мужи по существующему у них обычаю живыми ложатся с ним в могилу.

(8) В то время как Пероз находился в походе против гуннов, при нем был отправленный к нему василевсом Зиномом посол по имени Евсевий. Эфталиты, создавая у неприятеля ложное впечатление, будто они, испугавшись его нашествия, обратились в бегство, устремились в некое место, которое со всех сторон было окружено обрывистыми горами, сплошь покрытыми густой чащей раскидистых деревьев. (9) Желавшему продолжить там свой путь казалось, что по середине [долины] шла широкая и дальняя дорога, которая, однако, не имела выхода, но заканчивалась, упираясь в образуемый горами круг. (10) Пероз, не подозревая никакого коварства, не думая о том, что он движется по вражеской земле, неосмотрительно вел преследование. (11) Немного гуннов бежало впереди него, большинство же их, укрывшись в теснине, оказались в тылу неприятельского войска, но до поры старались не показываться ему с тем, чтобы, пройдя в глубь засады и оказавшись как можно дальше в горах, оно не могло повернуть назад. (12) Мидийцы по некоторым признакам уже почувствовали опасность, но из-за страха пе-

ред Перозом сами хранили об этом молчание, однако очень просили Евсевия убедить царя, далекого от мысли о собственном несчастье, вместо того, чтобы предаваться столь несвоевременной безрассудной смелости, посовещаться и подумать, нет ли какого-нибудь средства к спасению. (13) Тот, представ перед Перозом, ни словом не обмолвился об опасности, но начал с басни о том, как лев однажды повстречал козла, который блеял, привязанный на невысоком месте. Горю желанием его съесть, лев устремился туда, чтобы схватить его, но угодил в очень глубокую яму, в которой по кругу шла узкая, не имеющая выхода, дорожка. Хозяева козла сделали ее нарочно, привязав сверху козла, чтобы он послужил льву приманкой. (14) Услышав это, Пероз испугался, как бы мидийцы, преследуя врагов, не причинили себе вреда; дальше он уже не пошел и, оставаясь на месте, начал обсуждать положение. (15) Гунны, следуя теперь за ними открыто, охраняли проход, чтобы никто из неприятелей не мог устремиться назад. (16) Тогда персы, ясно уже осознав, в какую беду они попали, сочли положение безвыходным и потеряли всякую надежду на спасение. (17) Царь эфталитов, послав к Перозу некоторых из своих людей, тяжело порицал его за неразумную храбрость, которая чуть бессмысленно не погубила его самого и весь персидский народ, но при этом заявил, что гунны пощадят их всех, если Пероз соизволит упасть перед ним ниц как перед своим владыкой и поклясться ему по древним отеческим обычаям, что никогда больше персы не пойдут войной на племя эфталитов. (18) Услышав это, Пероз стал совещаться с сопровождавшими его магами, спросив их, следует ли ему выполнить то, что требуют враги. (19) Маги ответили ему, что в отношении клятв пусть он поступает, как ему угодно, что же касается второго требования, пусть он искусно обманет врага. (20) Ибо есть у персов обычай каждый день приветствовать восход солнца земным поклоном. (21) Поэтому для встречи с царем эфталитов нужно точно уловить момент начала дня и, повернувшись к восходящему солнцу, упасть ниц. Таким образом он может избежать грядущего позора от такого поступка. (22) Пероз дал клятвы относительно мира, приветствовал врага согласно наставлению магов и, сохранив в целостности мидийское войско, довольный, возвратился домой.

IV. Немного времени спустя он, презрев клятвы, решил отомстить гуннам за нанесен-

ное ему оскорбление. (2) Собрав со всей земли и персов, и их союзников, он повел их на эфталитов. Он оставил дома лишь одного из своих сыновей, по имени Кавад, который в то время был еще отроком, всех же остальных, числом около тридцати, повел с собой. (3) Эфталиты, узнав об его походе, вознегодовали на обман врага и порицали своего царя за то, что он отдал персам судьбу своей родины. (4) Тот, смеясь, спрашивал, что он отдал из того, что им принадлежало: землю ли, оружие ли или что-нибудь еще из всех их богатств. (5) Они ответили, что ничего, кроме счастливого случая, от которого, бывает, зависит и все остальное. (6) Они горели желанием идти навстречу нападавшим, но царь в ту пору не позволил им это сделать. Он твердо стоял на своем, говоря, что о нашествии пока нет определенных сведений, ибо персы еще находятся на своей собственной земле. (7) Но, оставаясь на месте, царь сделал следующее. На равнине, по которой персы собирались вторгнуться в пределы эфталитов, он, отмерив большое пространство, велел вырыть глубокий и довольно широкий ров, оставив при этом посередине немного земли, достаточной для проезда десяти лошадей в ряд. (8) Поверх этого рва он положил тростник, на который насыпал земли, скрыв таким образом ров извне. Толпе гуннов царь приказал при отступлении уплотнить свои ряды и медленно продвигаться по тому месту, где земля не была выкопана, остерегаясь того, чтобы самим не попасть в ров. (9) У вершины знамени он повесил соль; на ней в свое время Пероз дал клятву, презрев которую он теперь двинулся походом против гуннов. (10) Пока царь эфталитов слышал, что враги находятся на собственной земле, он ничего не предпринимал. Когда же от лазутчиков ему стало известно, что те прибыли в город Горго, расположенный у самой границы Персии, и, выступив оттуда, уже идут на эфталитов, он, оставшись с большей частью войска с внутренней стороны рва, послал немногих своих людей, чтобы они показали неприятелям на поле издали, а как только они будут замечены, бежали бы изо всех сил назад, памятуя об его приказании относительно рва, когда они окажутся возле него. (11) Они так и поступили. Приблизившись ко рву, они уплотнили свои ряды, прошли это место и присоединились к остальному войску. (12) Персы, не подозревая никакого коварства, начали что было сил преследовать их по совершенно ровному полю, исполненные воин-

ственного пыла против врагов, и поэтому все низверглись в ров, (13) не только находившиеся впереди, но и те, которые следовали за ними, так как они, совершая, как я сказал, преследование в сильном возбуждении, вовсе не заметили бедствия, постигшего бывших впереди, и, падая на тех вместе с конями и копьями, они, как и следовало ожидать, убивали их и губили самих себя. (14) Среди них оказался и Пероз со всеми своими сыновьями. Говорят, что перед тем, как рухнуть в эту пропасть, он, предчувствуя гибель, снял висевшую у него в правом ухе жемчужину, необычайную по своему блеску и чрезвычайной величине, и бросил ее, чтобы впредь ее уже никто не носил, ибо отличалась она редкой красотой и подобной ей не было раньше ни у одного царя. (15) Но, по-моему, этот рассказ недостоверен: неужели Пероз, попавший в такую беду, мог заботиться о чем-то еще. Мне кажется, что во время этого бедствия у него было отсечено ухо, и жемчужина каким-то образом исчезла. (16) Василевс римлян очень хотел выкупить ее у эфталитов, но ему это не удалось, так как варвары не смогли ее найти, хотя и потратили на поиски немало усилий. Говорят, однако, что эфталиты впоследствии нашли и продали ее Каваду. (17) Заслуживает особого рассказа то, что говорят об этой жемчужине персы. Может быть, кому-то это повествование и не покажется совсем невероятным.

(32) Так погиб Пероз и все персидское войско. Тот, кто не свалился в ров, попал в руки врагов. (33) С тех пор у персов существует закон, запрещающий вести на чужой земле стремительное преследование врага, даже если тот бежит от них изо всех сил. (34) Те персы, которые не пошли в поход вместе с Перозом и остались в своей земле, избрали себе царем младшего сына Пероза Кавада, единственного оставшегося в живых. (35) Тогда персы оказались данниками эфталитов и были ими до тех пор, пока Кавад, укрепив свою власть, не счел нужным впредь платить им ежегодную дань. Два года находились персы под властью этих варваров.

V. Впоследствии Кавад, помимо того, что правил, прибегая к насилию, ввел в государственную жизнь свои новшества и, между прочим, издал закон, предписывающий, чтобы женщины у персов были общими. Это многим пришлось совсем не по душе. Поэтому они восстали против него, отрешили его от власти и, заключив в оковы, держали под

стражей. (2) Царем они избрали себе брата Пероза Власа, поскольку, как было сказано, у Пероза больше не осталось потомков мужского рода, а у персов не в обычае возводить на царство частного человека, разве что царский род совершенно прекратится. (3) Влас, приняв власть, собрал знатных персов и стал совещаться с ними относительно участи Кавада, ибо большинству не хотелось, чтобы этот человек был казнен. (4) Много было высказано мнений в пользу того и другого предложений. Тогда вышел один из влиятельных персов, по имени Гусанастан, по чину ханаранг (у персов это как бы стратиг), имевший под своим управлением отдаленные области Персии, расположенные на границе с землей эфталитов, и показал нож, которым персы обычно подрезают ногти и который имеет длину с человеческий палец; а ширину – меньше трети пальца. (5) “Видите, – сказал он, – как короток этот нож. Его, однако, вполне достаточно, чтобы совершить сейчас дело, с которым, да будет вам известно, любезные персы, немного спустя не смогут справиться и двадцать тысяч одетых в панцири мужей”. (6) Так он сказал, намекая на то, что если они не уничтожат Кавада, то тот, оставшись в живых, вскоре доставит персам немало хлопот. (7) Но они совсем не хотели предавать смерти человека царской крови и решили заключить его в крепость, которую называли Замком забвения. (8) О том, кто попадал сюда, закон запрещал в дальнейшем упоминать, и смерть была наказанием тому, кто произнесет его имя. Потому-то этот замок и получил у персов такое название. (9) Лишь однажды, как гласит «История армян», закон о Замке забвения был у персов нарушен и вот каким образом.

VI. (10) Кавад, никем не замеченный, вместе с Сеосом прибыл к гуннам-эфталитам. Их царь выдал за Кавада свою дочь и вместе с ним как с зятем послал против персов весьма значительное войско. (11) Персы с этим войском сражаться решительно не захотели, но бежали кто куда. (12) Прибыв в область, которой управлял Гусанастан, Кавад сказал кому-то из приближенных, что сделает ханарангом того человека, который первым из персов явится к нему в этот день с желанием служить ему. (13) Произнеся это, он тотчас раскаялся в своих словах, так как вспомнил о законе, предписывающем персам не жаловать должности лицам посторонним, но только тем, кому данная почесть подобает по праву рода. (14) Его взволновало, как бы тот, кто

первым явится к нему, не оказался бы не состоящим в родстве с теперешним ханарангом, и ему пришлось бы, чтобы сохранить справедливость, нарушить закон. (15) Такие мысли овладели им, но судьба распорядилась так, что ему удалось быть справедливым, не нарушив при этом закон. Ибо первым пришел к нему молодой человек по имени Адергудунвад, приходившийся родственником Гусанастаду и отличавшийся особыми дарованиями в военном деле. (16) Он первый обратился к Каваду как к владыке, простерся перед ним ниц как перед царем и просил распоряжаться им по своему усмотрению как своим рабом. (17) Без особого труда Кавад овладел дворцом и, захватив Власа, покинутого своими защитниками, ослепил его тем способом, каким персы обычно ослепляют преступников: кипятят масло и еще кипящее заливают его в широко открытые глаза или же, накалив докрасна иглу, пронзают ею глазное яблоко. И впредь он держал Власа, управлявшего персами в течение двух лет, под стражей. (18) Гусанастада он предал смерти, а вместо него назначил на должность ханаранга Адергудунвада. Сеосу же он тотчас пожаловал чин адрастадаран салана; это означало, что он стал главным над всеми должностными лицами, а также над всеми войсками. (19) Сеос был первым и единственным, кто имел эту должность: ни прежде, ни впоследствии никто на нее не назначался. Кавад укрепил свою власть и незыблемо хранил ее. Ибо в проницательности и деятельности он не уступал никому.

VII. Некоторое время спустя Кавад, не имея возможности вернуть царю эфталитов деньги, которые он был ему должен, попросил римского автократора Анастасия одолжить ему эту сумму. Тот, собрав на совещание некоторых из своих придворных, спросил у них, нужно ли ему это делать. (2) Они не советовали ему вступать в эту сделку, указывая, что невыгодно укреплять дружбу [исконных] врагов с эфталитами и что гораздо выгоднее [для римлян] ссорить их между собой. (3) Поэтому Кавад безо всякой иной причины решил начать войну со всей поспешностью и, предупреждая молву о своем появлении, вторгся в Армению. Много награбив в результате набега, он неожиданно подошел к расположенному в Месопотамии городу Амиде и приступил к его осаде, хотя уже была зима. (4) Амидяне, жившие в мире и при благоприятном течении дел, не имели у себя солдат и вообще не были подготовлены к войне, однако

они нисколько не хотели уступать неприятелю и, сверх ожидания, стойко переносили опасности и нужду.

(5) Был у сирийцев в это время некий праведник по имени Иаков, который ревностно предавался религии. Много лет назад он уединился в местечке Ендиелон, расположенном в дне пути от Амиды, чтобы там без каких-либо помех он мог предаваться благочестию. (6) Местные жители, идя навстречу ему в его стремлении, обнесли его убежище изгородью, но не сплошной, а с промежутками между планками, так, чтобы проходящим можно было видеть его и беседовать с ним. (7) Сверху ему сделали небольшой навес, защищавший его от дождя и снега. С давних пор этот человек жил здесь, не отступая ни перед жарой, ни перед стужей. Питался он кое-как растениями, да и те привык употреблять не каждый день, а с большими промежутками времени. (8) Этого Иакова увидели некоторые из эфталитов, совершавших набеги на окрестности. Тотчас натянув луки, они хотели поразить его стрелами. Но руки у всех них оцепенели, и они уже не могли действовать луками. (9) Когда слух об этом, облетев все войско, дошел до Кавада, он захотел убедиться во всем своими собственными глазами и, увидев, так же как и находившиеся при нем персы, пришел в великое изумление и стал умолять Иакова отпустить варварам их вину. Одним лишь словом отпустил он им их прегрешения, и страдания людей прекратились. (10) Кавад предложил Иакову просить у него чего он только ни пожелает, думая, что он попросит у него много денег, и с некоторым хвастовством добавил, что ни в чем ему не будет отказа. (11) А тот попросил пожаловать ему тех людей, которые в ходе этой войны, спасаясь бегством, явятся к нему. Кавад эту просьбу полностью исполнил и в качестве гарантии дал охранную грамоту. Как и следовало ожидать, многие стекались сюда отовсюду и здесь спаслись, ибо дело это получило большую огласку. Вот что там произошло.

VIII. (11) Когда Ареовинд узнал, что на них идет Кавад со всем своим войском, он, покинув лагерь, вместе со всеми своими людьми обратился в бегство и буквально бегом отступил к Константине. (12) Прибыв вскоре сюда, враги захватили опустевший лагерь вместе с его богатствами. Отсюда они спешно двинулись против другого римского войска. (13) Между тем воины Патрикия и Ипатия, встретив восемьсот эфталитов, шедших впереди

персидского войска, почти всех их перебили. (14) Ничего не разузнав о Каваде и о персидском войске, они, чувствуя себя победителями, с тем большим спокойствием предались обычному образу жизни. Сняв оружие, они стали готовить себе завтрак, час которого уже подошел. (15) В этом месте протекал ручей, и римляне начали обмывать в нем мясо для приготовления пищи. (16) А некоторые, страдающие от жары, сами стали в нем мыться. Из-за этого вода в источнике замутилась и мутной потекла дальше. Узнав о приключившемся с эфталитами несчастье, Кавад быстро двинулся на врагов. (17) Увидев помутневшую воду источника и догадавшись о том, что происходит, Кавад понял, что противники не готовы к сражению, и приказал мчаться на них что было сил. Тотчас персы оказались перед ними, еще занятыми едой и невооруженными. (18) Римляне не выдержали этого нападения и, уже совсем не думая об отпоре, бежали куда мог. Одни из них, попав в плен, были убиты; другие же, взобравшись на возвышавшуюся там гору, в великом страхе и смятении валились с ее утесов. (19) Говорят, что ни один отсюда не спасся, Патрикий же и Ипатий сумели бежать в самом начале боя. Затем Кавад со всем войском вернулся домой, так как враги-гунны напали на его землю, и долгое время он вел войну с этим племенем в северной части своей страны. (20) Между тем подошло и остальное римское войско, но не совершило ничего примечательного, потому что не было над ним единого главнокомандующего, но все военачальники были равны между собой, один противоречил предложениям другого, и никак они не хотели стоять лагерем вместе. (21) Келер со своими людьми, перейдя реку Нимфий, совершил набег на Арзанену. (22) Эта река расположена очень близко от Мартирополя, а от Амиды отстоит приблизительно стадий на триста. Разорив тамошние местности, римляне вскоре вернулись назад. Набег этот продолжался недолго.

IX. (5) Когда римляне еще не расположились здесь лагерем, но находились недалеко от Амиды, некий крестьянин, который обычно тайком ходил в город и за большие деньги продавал Глону птицу, хлеб и плоды, явившись к стратигу Патрикию, пообещал сдать ему в руки Глона с двумястами персами, если взамен ему можно будет надеяться на вознаграждение. (6) Патрикий, пообещав, что он получит все, что пожелает, отпустил от себя этого человека. Тот, сильно порвав на себе одеж-

ду и притворившись заплаканным, вошел в город. (7) Явившись к Глону, он стал рвать на себе волосы, говоря: “Нес я тебе, владыка, из селения все, что было хорошего, как вдруг встретились мне римские солдаты (ведь они ходят по здешним местам небольшими шайками и грабят бедных крестьян); страшно избив меня и отняв все, что я нес, эти разбойники ушли; издавна у них существует закон – персов бояться, а несчастных земледельцев грабить. (8) Прошу тебя, господин, защити и себя, и нас, и персов. Если ты отправишься на охоту в окрестные места, неплохая будет у тебя добыча. Эти проклятые занимаются грабежами, шляясь по четыре или пять человек”. Так он сказал. (9) Глон, поверив этому человеку, стал спрашивать его, сколько персов, по его мнению, будет достаточно для этой цели. (10) Он сказал, что пятидесяти будет вполне достаточно, ибо он никак не встретит на пути более пяти человек, но чтобы не случилось ничего неожиданного, хорошо повести с собой сто человек, а если взять воинов и вдвое больше, то будет лучше всего, так как не бывает человеку вреда от излишка. (11) Итак Глон, отобрав двести всадников, велел этому человеку показывать им дорогу. (12) Но тот стал уверять Глона, что лучше послать его на разведку и если он увидит, что римляне бродят в тех же местах, он сообщит об этом, и тогда поход персов будет произведен вовремя. Глону его слова показались надежными и он, отпустив его, велел ему идти. (13) Тот, придя к Патрикию, обо всем рассказал ему. Патрикий послал с ним двоих из своих копьеносцев, а также тысячу солдат. (14) Крестьянин скрыл их в гористой и лесистой местности возле деревни Филасамон, отстоящей от Амиды на сорок стадий. Велев ждать его в этой засаде, он бегом поспешил в город. (15) Сказав Глону, что добыча готова, он повел его вместе с двумястами воинами к засаде неприятеля. Когда они прошли то место, где залегли в засаде римляне, он тайно от Глона и всех персов поднял римлян из укрытия и показал им их врагов. (16) Персы, увидев, что они [римляне] движутся на них, были поражены такой неожиданностью и не знали, что им предпринять. Они не могли ни отступить, так как в тылу у них оказались неприятели, ни бежать в другую сторону, ибо там была вражеская земля. (17) Построившись, как могли при данных обстоятельствах, для боя, персы стали отражать напавших, но, намного уступая им числом, потерпели поражение, и все вмес-

те с Глоном погибли. (18) Когда сын Глона узнал об этом, он, в глубоком страдании и гневе, оттого, что не мог защитить отца, сжег храм св. Симеона, служивший местом пребывания Глону, (19) хотя ни Глон, ни Кавад, ни кто-либо другой из персов не решались ни разрушить, ни причинить иного вреда постройкам в самой Амиде или вне ее. Я же вернусь к прежнему повествованию. (20) Итак, римляне, заплатив деньги, получили назад Амиду спустя два года после того, как она была захвачена врагами. Когда они оказались в городе, стала явной их нерадивость и упорство персов при перенесении нужд. (21) Измерив количество съестных припасов и подсчитав полчище ушедших отсюда варваров, они поняли, что продовольствия в городе осталось дней на семь, хотя Глон и его сын давно уже давали персам хлеба намного меньше, чем требовалось. (22) Римлянам же, которые, как я сказал, были оставлены в городе, они, с тех пор как неприятели начали осаду, решили совсем ничего не давать, и те сначала ели непривычную пищу, а затем коснулись самых отвратительных вещей и наконец стали есть человеческое мясо. (23) Узнав таким образом, что они оказались полностью обмануты варварами, полководцы стали упрекать воинов за их нетерпение, так как они проявили непокорность, и в то время, как можно было взять в плен такое количество персов и сына Глона, и сам город, римляне, дав врагам деньги, навлекли на себя большой позор, взяв Амиду у персов за деньги. (24) Затем персы, поскольку у них затянулась война с гуннами, заключили с римлянами мирный договор. Произошло это на седьмом году войны. Со стороны римлян его заключил Келер, со стороны персов – Аспевед. (25) Так, как я рассказал, окончилась война, начавшаяся между римлянами и персами. Теперь я приступаю к рассказу о том, что случилось у Каспийских ворот.

Х. Киликийский горный хребет Тавр сначала проходит по Каппадокии, Армении и так называемой Персоармении, затем по земле албанцев и ивиров, а также других обитающих здесь племен, либо независимых, либо подвластных персам. (2) Он тянется на огромном пространстве, и если идти все дальше и дальше, этот горный хребет предстанет широкой и высокой громадой. (3) Кто пройдет через пределы ивиров, встретит среди теснин узкую тропу, простирающуюся на пятьдесят стадий. (4) Эта тропа упирается в круто поднимающееся и совершенно непроходимое ме-

сто. Дальше не видно никакого прохода, если не считать как бы сотворенных природой ворот, которые издревле назывались Каспийскими. (5) Далее идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами, страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей. (6) Здесь поселились почти все гуннские племена, занимая пространство до озера Меотиды. (7) Когда эти гунны нападают на земли персов или римлян, то они едут на свежих лошадях через эти ворота, о которых я сейчас упомянул, не делая никаких объездов и не встречая никаких крутых подъемов, кроме тех пятидесяти стадий, которые, как сказано, ведут в пределы Ивирии. (8) Двигаясь какими-либо другими проходами, они должны преодолевать большие трудности и не в состоянии пользоваться одними и теми же лошадьми; ибо им поневоле приходится делать большие объезды, и при этом по крутизнам. (9) Когда на это обратил внимание Александр, сын Филиппа, он выстроил в названном месте настоящие ворота и воздвиг укрепление. С течением времени многие им владели, в том числе Амвазук, родом гунн, друг римлян и василевса Анастасия. (10) Достигнув глубокой старости и собираясь умирать, этот Амвазук, отправив к Анастасию доверенных лиц, просил дать ему денег, за что он обещал отдать римлянам укрепление и Каспийские ворота. (11) Так как василевс Анастасий не умел, да это и не было в его привычке, делать что-либо необдуманно, рассудив, что ему невозможно содержать там солдат, в месте пустынном и лишенном всех жизненных удобств, где не было по соседству ни единого подвластного римлянам племени, он велел передать Амвазуку большую благодарность за его расположение, но самое предложение признал для себя неприемлемым. (12) Немного времени спустя Амвазук умер от болезни, а Кавад, силой изгнав детей Амвазука, завладел воротами.

(13) После заключения мирного договора с Кавадом, василевс Анастасий выстроил в местечке Дара хорошо укрепленный и весьма заслуживающий упоминания город, назвав его своим именем. (14) Он отстоит от города Нисибиса на расстоянии девятиста восьми стадий, а от границы, которая отделяет земли римлян и персов, самое большее на двадцать восемь стадий. (15) Персы очень хотели помешать его строительству, но сделать этого никак не могли, потому что были втянуты в трудную войну с гуннами. (16) Но как только

Кавад ее закончил, он отправил к римлянам послов по поводу того, что они выстроили город так близко от его границ, хотя это было запрещено заключенным ранее между персами и римлянами договором. (17) Тогда Анастасий, то применяя угрозы, то уверяя Кавада в дружбе и одаряя его крупными денежными подарками, хотел успокоить его и отвести его обвинения. (18) Этот василевс построил и другой подобный город в пределах Армении, очень близко от границ Персоармении. Когда-то это была деревня, но, получив от василевса Феодосия достоинство и название города, [это поселение] с тех пор называлось его именем. (19) Анастасий же окружил его очень крепкой стеной, причинив таким образом персам ничуть не меньше тревоги, чем постройкой Дары: ибо оба эти города были укреплениями, очень удобными для нападения на их страну.

XII. После этого, хотя Кавад горел желанием вторгнуться в пределы римлян, он никак не мог сделать этого, ибо встретил следующее препятствие. (2) Живущие в Азии ивиры поселились у самых Каспийских ворот, расположенных к северу от них. Налево от них, к западу, находится Лазика, направо, к востоку – племена, подвластные персам. (3) Ивиры – христиане и лучше всех известных нам народов хранят уставы этой веры, но издревле они находятся в подчинении у персидского царя. (4) Каваду же вздумалось насильственно обратить их в свою веру. Он потребовал от их царя Гургена, чтобы он выполнял все те обряды, которых придерживаются персы, и, помимо прочего: ни в коем случае не предавать земле тела умерших, но всех их бросать на съедение птицам и псам. (5) Поэтому Гурген решил перейти на сторону царя Юстина и просил его дать твердое обещание, что римляне никогда не отдадут ивигов под власть персов. (6) Василевс Юстин очень охотно дал ему такое обещание и отправил племянника прежнего василевса, Анастасия, патрикия Прова с большими деньгами в Боспор, чтобы, склонив дарами войско гуннов, послать их на помощь в качестве союзников ивирам². (7) Боспор – город приморский; кто впадает в так называемый Понт Евксинский, для того он находится налево, а от Херсона, самого отдаленного города римской земли, он находится на расстоянии двадцати дней пути. Расположенные между Херсоном и Боспором местности заняты гуннами. (8) Жители Боспора издревле жили независимо, но недавно они отдали себя

под власть василевса Юстина. (9) Однако Пров возвратился оттуда, не достигнув своей цели, и василевс отправил в Лазику военачальника Петра с небольшим количеством гуннов, чтобы он, насколько возможно, помог Гургену. (10) В то же время и Кавад послал против Гургена и ивигов весьма значительное войско во главе с военачальником, родом персом, имеющим сан вариза, по имени Вой. (11) Увидев, что у него недостаточно сил, чтобы выдержать нашествие персов, ибо помощь римлян была невелика, Гурген со всеми знатными ивирами бежал в Лазику, захватив с собой жену и всех своих сыновей и братьев, старшим из которых был Пераний. (12) Оказавшись в пределах Лазики, они там остановились и, защищенные узкими горными проходами, стали сопротивляться врагам. (13) Преследовавшие их персы не сделали здесь ничего значительного, так как та же труднодоступная местность оказалась препятствием для их нападения.

XIII. (9) После этого василевс Юстиниан, назначив Велисария стратигом Востока, приказал ему выступить против персов. Собрав значительное войско, Велисарий пришел в Дару. (10) Прибыл от василевса и Гермоген³, чтобы вместе с ним руководить военными действиями. Он имел звание магистра. Раньше он был советником Виталиана, когда тот выступил против василевса Анастасия. (11) Василевс послал Руфина в качестве посла, которому велел, пока он не даст ему знать, оставаться в Иераполе у Евфрата. Ибо уже и с той, и с другой стороны распространялись частые слухи о мире. (12) Вдруг кто-то сообщил Велисария и Гермогену, что персы собираются вторгнуться в римскую землю с намерением захватить город Дару [июль 530 г.]. (13) Услышав об этом, они приготовились к сражению следующим образом. Недалеко от ворот, обращенных к городу Нисибису, на расстоянии полета брошенного камня они вырыли многоколенный ров. Вырыт он был не по прямой линии, но следующим образом. (14) В середине был выкопан недлинный прямой ров, с каждой его стороны под прямым углом были выведены траншеи, а от их краев вновь по горизонтали прорыли длинные рвы. (15) Немного времени спустя пришли персы большим войском и стали лагерем в местечке Аммодии, расположенном в двадцати стадиях от города Дары. (16) Среди их военачальников были Питиакс и одноглазый Варесман. Над всеми ними один был поставлен в качестве

главнокомандующего, перс родом, по своему положению мирран (так персы называют эту должность), по имени Пероз. (17) Он, тотчас послав к Велисарию, велел приготовить ему баню, поскольку завтра ему угодно в ней помыться. (18) Поэтому римляне начали с большим рвением готовиться к бою, уваренные, что на следующий день предстоит сражение.

(19) С восходом солнца, видя наступающих на них врагов, они построились следующим образом. Край прямого левого рва, который подходил к поперечной траншее, вплоть до находившегося здесь холма занял Вуза с многочисленной конницей и герул Фара с тремястами своими соплеменниками. (20) Направо от них, снаружи рва, в углу, образованном поперечной траншеей и прямо идущим рвом, стояли Суника и Эган, массагеты родом⁴, с шестьюстами всадниками с тем, чтобы они в случае, если отряды Вузы и Фары обратятся в бегство, двинулись наискось и, оказавшись в тылу у неприятеля, быстро смогли помочь находившимся там римлянам. На другом крыле всадники были выстроены подобным же образом. (21) Край прямого рва занимали многочисленные всадники, которыми командовали Иоанн, сын Никиты, Кирилл и Маркелл; с ними были Герман и Дорофей; в углу, который был в правой стороне, были поставлены те шестьсот всадников, которыми командовали массагеты Симма и Аскан, для того чтобы, как сказано выше, в случае бегства отряда Иоанна, они, двинувшись отсюда, зашли бы в тыл персам. (22) Вдоль всего рва стояли отряды всадников и пешее войско. Позади них, в самой середине, находились воины Велисария и Гермогена. (23) В таком порядке стояло римское войско, состоявшее из двадцати пяти тысяч воинов, войско же персов состояло из сорока тысяч всадников и пехотинцев. Все они выстроились по порядку, в одну линию, устроив свою фалангу по фронту возможно глубже. (24) Долгое время ни те, ни другие не начинали сражения, но персы с удивлением смотрели на искусное расположение войск римлян, и, казалось, недоумевали, что им делать в таком положении.

XV. Между тем Кавад отправил другое войско в подвластную римлянам Армению. Оно состояло из персоармян и сунитов, соседей аланов. С ними было три тысячи гуннов, так называемых савиров, воинственнейшего племени. (2) Командующим всеми ими был поставлен Мермерой, перс родом. Когда они оказались в трех днях пути от Феодосиополя,

они стали лагерем в области персоармян, готовясь к вторжению. (3) В то время стратигом Армении был Дорофей, муж разумный и испытанный во многих войнах. Сита же имел должность стратига в Византии и был поставлен во главе всего войска Армении. (4) Оба они, узнав, что в Персоармении собирается войско, тотчас послали двух своих телохранителей с тем, чтобы они, разведав все о неприятельских силах, уведомили бы их. (5) Эти двое, проникнув в лагерь варваров и тщательно все высмотрев, отправились назад. (6) По дороге в одном из тамошних местечек они неожиданно встретились с враждебными гуннами. Один из римлян, по имени Дагарис, был ими схвачен и связан, другому удалось бежать и обо всем рассказать стратигам. (7) Те, вооружив все войско, внезапно напали на лагерь врага. (8) Варвары, пораженные неожиданностью, уже не думали о сопротивлении, но бежали, кто куда мог. Римляне, многих убив и разграбив лагерь, тотчас же вернулись назад.

XVI. Так обстояли тогда дела у римлян. Персы же, хотя Велисарий победил их в битве под Дарой, не хотели удаляться отсюда, пока Руфин, явившись к Каваду, не сказал ему следующего: "Послал меня к тебе, о царь, брат твой принести тебе его справедливые жалобы на то, что персы, не имея никакой законной причины, вошли в его земли с оружием в руках. (2) А ведь царю, столь великому и мудрому, более подобает превращать войну в мир, чем при полном мире и благополучии причинять и самому себе и своим соседям ненужное беспокойство. (3) Исполненный этих надежд, я и прибыл сюда, чтобы в дальнейшем оба государства пользовались благами мира". Так сказал Руфин. (4) Кавад в ответ заявил: "О сын Сильвана! Не пытайся обращать вину на нас, ибо ты больше, чем кто-либо другой, знаешь, что вы, римляне, являетесь главными виновниками всего этого замешательства. Для блага как персов, так и римлян мы заняли Каспийские ворота, силой изгнав оттуда варваров после того, как римский автократор Анастасий, как ты сам знаешь, не захотел, хотя и мог, купить за деньги это место с тем, чтобы не было необходимости держать там войско и тратить на это большие деньги для вашей и нашей пользы. (5) С того времени мы, поставив там многочисленное войско, которое мы и поныне содержим, доставили вам возможность жить в этой стране, не подвергаясь опустошительным набегам со стороны тамош-

них варваров, и владеть своими землями с полным спокойствием. (6) Но вам как будто этого мало, вы построили большой город Дару как крепость против персов, хотя в договоре, который был заключен Анатолием с персами, это было определенно запрещено. В результате этого персам по необходимости приходится нести бремя бедствий, страдая от войны и тратясь на содержание двух войск: одного, чтобы массагеты не могли безбоязненно грабить и опустошать земли наши и ваши; другого, чтобы не допускать ваших вторжений. (7) Когда мы недавно упрекали вас в этом и требовали от вас одного из двух: либо посылать войска к Каспийским воротам от обоих наших государств, либо разрушить город Дару, — вы не вняли сказанному, но решили более враждебным поступком усилить свои козни против Персии, если только мы верно помним относительно строительства в Миндуе. И теперь римлянам предоставляется выбор; хотят ли они мира или предпочитают войну в зависимости от того, согласятся они на наши справедливые требования или не примут их. (8) Персы не сложат оружия до тех пор, пока римляне не будут вместе с нами по всей справедливости добросовестно охранять Каспийские ворота или разрушат город Дару". (9) Сказав так, Кавад отпустил посла, дав понять, что он не прочь получить от римлян деньги и таким образом устранить все поводы к войне. (10) Обо всем этом Руфин по возвращении в Византий доложил василевсу. Немного времени спустя прибыл туда и Гермоген. Прошла зима, а с нею закончился четвертый год единодержавного правления василевса Юстиниана.

XXI. (11) У римлян и у персов издавна существует правило содержать за счет казны лазутчиков, которые обычно тайком идут к неприятелям, чтобы тщательно все высмотреть, а затем по возвращении доложить об этом властям. (12) Многие из них, как и следует ожидать, из чувства расположения к соплеменникам изо всех сил стараются быть им полезными; другие же открывают все тайны неприятелю. (13) Вот и тогда один из таких лазутчиков, посланный персами к римлянам, явился к василевсу Юстиниану и рассказал ему многое из того, что делается у варваров, в том числе и то, что племя массагетов, замышляя зло против римлян, собирается в скором времени вступить в пределы персов, а затем оно хочет соединиться с войском персов с намерением двинуться оттуда на землю рим-

лян. (14) Услышав об этом и зная на деле преданность к нему этого человека, василевс щедро одарил его деньгами и убедил пойти в войско персов, которое осаждало Мартирополь, и объявить находящимся там варварам, что эти массагеты, купленные за деньги василевсом римлян, собираются в ближайшее время двинуться на них. (15) Так тот и сделал и, придя в лагерь варваров, объявил ханарангу и другим вождям, что войско враждебных им гуннов в скором времени прибудет к римлянам. (16) Услышав это, персы устремились и не знали, что им делать в подобных обстоятельствах. (17) В это время случилось так, что Кавад тяжело заболел. Призвав к себе одного из персов из числа самых близких к нему людей, по имени Мевод, он начал беседовать с ним относительно Хосрова и царской власти, говоря, что опасается, как бы персы не поспешили отменить что-либо из того, что им решено. (18) Мевод предложил ему оставить выражение своей воли письменно и уверил его, что персы никогда не осмелятся им пренебречь. (19) Тогда Кавад открыто объявил о своем желании, чтобы царем персов был поставлен Хосров. Это письмо написал собственноручно сам Мевод, и Кавад тотчас покинул этот мир [8 сент. 531 г.].

(20) После того, как были совершены все полагающиеся по обычаю погребальные обряды, Каос, опираясь на существующий у персов закон, пытался занять царский престол, но Мевод помешал ему в этом, говоря, что никто не должен вступать на престол самовольно, но только по избранию знатных персов. (21) Каос предоставил решение этого дела лицам, облеченным должностью, предполагая, что с этой стороны ему не будет никаких препятствий. (22) Когда все знатные персы собрались для решения этого вопроса, Мевод прочитал письмо, где Кавад выражал свою волю относительно Хосрова; тогда все присутствующие, вспомнив о высоких достоинствах Кавада, тотчас объявили царем персов Хосрова.

(23) Таким образом Хосров пришел к власти. Что же касается Мартирополя, то Сита и Гермоген, беспокоясь за город, но не имея никакой возможности отразить грозившую ему опасность, послали к врагам несколько человек. Они, явившись перед лицом военачальников, сказали следующее: (24) "Сами того не ведая, вы являетесь нарушителями (а этого бы вам не следовало) и воли персидского царя, и благ мира, и пользы обоих наших государств. Ибо в данный момент здесь присутствуют по-

слы, направленные василевсом к персидскому царю для того, чтобы устранить все возникшие разногласия и заключить с ним мир. Поэтому как можно скорее поднимайтесь и уходите с земли римлян, предоставьте послам действовать так, как будет выгодно обеим сторонам. (25) А в том, что действительно совершится и в ближайшее время, мы готовы дать вам в качестве заложников людей самых именитых". Так сказали послы римлян. (26) Случилось так, что в это же время прибыл к персам посланец из царского дворца с известием, что Кавад умер и что Хосров, сын Кавада, поставлен царем над персами и что дела в стране пришли в смутное состояние. (27) Поэтому военачальники охотно выслушали речи римлян, ибо они боялись и нападения гуннов. Римляне тотчас дали им в качестве заложников Мартина и одного из телохранителей Ситы, по имени Сенекий. Персы же, сняв осаду, немедленно удалились⁵. (28) Вскоре гунны вторглись в пределы римлян, но персидского войска они уже там не нашли, и после кратковременного набега все они вернулись домой.

XXII. (15) Тогда у товарищей Руфина по посольству возникло против него сильное подозрение, и они оклеветали его перед василевсом на том основании, что Хосров, послушав-

шись Руфина, согласился на все, о чем он его просил. (16) Но василевс не стал из-за этого относиться к нему с меньшим расположением. Спустя некоторое время он опять отправил того самого Руфина вместе с Гермогеном послом к Хосрову. И тотчас обе стороны согласились заключить между собой договор на следующих условиях: и те, и другие отдают те местности, которые за время этой войны они отняли друг у друга; военная власть в Даре упраздняется, ивирам предоставляется на их усмотрение – или оставаться в Византии, или вернуться к себе на родину. Из них оказалось много таких, которые остались здесь, и таких, которые вернулись в родные края. (17) Таким образом был заключен так называемый вечный мир. Шел уже шестой год правления Юстиниана [532 г.]. (18) Римляне возвратили персам Фарангий и крепость Вол и заплатили деньги, а персы вернули римлянам укрепления в Лазике. Они отдали римлянам и Дагариса, получив взамен него одного человека не из простых. (19) Этот Дагарис впоследствии не раз изгонял гуннов, вторгавшихся в пределы римлян, побеждая их в сражении. Ибо был он исключительно талантливым воином. Так, как мною рассказано, и та, и другая сторона утвердила мирный договор.

Книга II

I. (1) Немного времени спустя Хосров, узнав, что Велисарий начал приобретать для василевса Юстиниана и Италию, уже больше не мог обуздать себя, и ему хотелось найти какой-нибудь предлог, чтобы под благовидной причиной нарушить договор. (2) Посоветовавшись по этому делу с Аламундаром, он велел ему придумать повод к войне. (3) Тот, обвинив Арефу в том, что он чинит ему насилия в пограничных областях, напал на него, несмотря на мир, и под этим предлогом начал производить набеги на землю римлян. (4) Он заявил, что, действуя так, он не нарушает существующего между персами и римлянами договора, поскольку ни та, ни другая сторона при заключении договора о нем не упоминала. (5) Это в самом деле так и было. Ибо в договорах никогда не упоминалось о сарацинах по той причине, что они всегда подразумевались, когда речь шла о персах и римлянах. (6) Земля, из-за которой возник спор у сарацин, называется Страта и расположена она к югу от города Пальмиры. На ней нет ни деревьев, ни посевов, поскольку она совершенно иссушена солнцем, но издавна она служила пастбищем

для разного рода скота. (7) Арефа утверждал, что эта земля является римской, ссылаясь при этом на ее название, которым с древних времен ее все именуют (на латинском языке Страта значит мощеная дорога). Он прибегал также к свидетельствам старейших людей. (8) Аламундар не считал нужным спорить относительно названия местности, но утверждал, что по существующему здесь издревле закону владельцы стад вносили ему плату. (9) Поэтому василевс Юстиниан поручил патрицию Стратигию, начальнику царской казны, человеку мудрому и знатному, а также Суму, командующему воинами в Палестине, разобрать этот спор. (10) Сум приходился братом Юлиану, который незадолго до этого отправлялся с посольством к эфиопам и омиритах. (11) Один из них, а именно Сум, считал, что римляне не должны отдавать эту землю. Стратигий же просил василевса не давать персам предлога к войне, которой они жаждут, из-за какой-то ничтожной и ничего не стоящей земли, совершенно пустынной и бесплодной. Василевс Юстиниан держал по этому поводу со-

вет, и в разбирательстве этого дела прошло много времени.

(12) Царь же персов Хосров заявил, что договор нарушил Юстиниан, который недавно проявил большую враждебность по отношению к его дому тем, что, несмотря на договор, попытался привлечь на свою сторону Аламундара. (13) По его словам, Сум, прибыв к Аламундару под предлогом разбирательства возникшего спора, старался обольстить его обещанием большой суммы денег с тем, чтобы он перешел на сторону римлян. Он предъявил и письмо, которое Юстиниан якобы написал по этому поводу Аламундару. (14) Он также утверждал, что Юстиниан отправил письмо к некоторым из гуннов, побуждая их вторгнуться в землю персов и опустошить насколько возможно тамошние земли. Это письмо, говорил он, гунны вручили ему сами, когда явились к нему. (15) Предъявив такие обвинения римлянам, Хосров решил расторгнуть мирный договор с ними. Но был ли он прав, говоря так, я не могу сказать⁶.

III. (28) После смерти Ситы василевс направил против армян Вузу. Тот на своем пути туда отправил к армянам посланника с обещанием примирить всех армян с василевсом и предлагая, чтобы кто-нибудь из видных армян прибыл к нему для переговоров по этому поводу. (29) У остальных армян не было оснований доверять Вузе, и они не хотели принимать его предложений. Но был среди них один Аршакид по имени Иоанн, отец Артавана, находившийся с ним в большой дружбе. Доверяя Вузе как другу, он вместе со своим зятем Вассаком и еще несколькими людьми отправился к нему. Прибыв и остановившись на ночь в том месте, где они должны были на следующий день встретиться с Вузой, они почувствовали, что попали в окружение римского войска. (30) Зять Иоанна Васак всячески уговаривал того воспользоваться бегством. Когда же он не смог его убедить, то, оставив его там одного, вместе со всеми остальными тайком от римлян ушел назад той же самой дорогой. (31) Найдя Иоанна одного, Вуза убил его. Тогда армяне, потеряв всякую надежду на соглашение с римлянами и не имея возможности превзойти василевса в войне, явились к персидскому царю во главе с Васаком, человеком очень энергичным. (32) Первые из них, представ перед Хосровом, сказали следующее: “О владыка, многие из нас Аршакиды, потомки того Аршака, который не был чужим для парфянских царей, когда власть над пер-

сидским государством находилась в руках парфян. Это был славный царь, ни в чем не уступавший своим современникам. (33) Теперь же мы пришли к тебе как беглые рабы, ставшие ими, однако, не по собственной воле, но в значительной степени по принуждению, на первый взгляд, из-за Римской державы, на деле же – по твоему решению. (34) Ибо позволяющий тому, кто хочет поступать несправедливо, сам поистине является виновником свершившегося. Чтобы можно было проследить весь ход событий, мы начнем со времени более раннего. (35) Итак, Аршак, последний царь наших предков, добровольно отказался от своей власти в пользу римского автократора Феодосия с тем условием, чтобы все, кто до конца времен будут принадлежать к его роду, пользовались полной свободой и, кроме того, никогда не платили никаких налогов. (36) И мы пользовались этим договором до тех пор, пока вы не заключили этот знаменитый мирный договор. Если бы кто-нибудь назвал его всеобщим бедствием, думается нам, он не ошибся бы. (37) Ибо с тех пор тот, кто, о царь, на словах тебе друг, а на деле – враг, пренебрегая и друзьями, и врагами, разрушил и привел в беспорядок мир человеческий. (38) В этом ты и сам скоро убедишься, когда ему удастся полностью подчинить себе западные народы. Чего он только не сделал из того, что было ранее запрещено? Чего он не подверг потрясению из того, что было хорошо устроено? (39) Разве не обложил он нас податью, которой раньше не было? Разве не обратил он в рабов наших соседей цанов, бывших до того независимыми? Разве не поставил он римского архонта над царем несчастных лазов, совершив таким образом недостойный поступок, противоречащий самой природе вещей и нелегко объяснимый словами? (40) Разве не послал он своих военачальников к жителям Боспора и не подчинил своей власти город, совершенно ему не принадлежавший? Разве не заключил он военный союз с царством эфиопов, о котором римляне никогда раньше не слыхали? (41) Более того, он покорил и омиритов, завоевал Красное море, присоединил к Римской державе землю финикиян. (42) Не будем уже говорить о страданиях ливийцев и италийцев. Всей земли мало этому человеку. Ему недостаточно властвовать над всеми людьми. (43) Он помышляет о небе и рыщет в глубинах океана, желая подчинить себе какой-то иной мир. (44) Что же ты медлишь, о царь? Почему тебе стыдно нарушить этот про-

клятый договор? Уж не потому ли, что ты хочешь стать его последней жертвой? (45) Если ты хочешь знать, каким может быть Юстиниан по отношению к тем, кто уступает ему, перед тобой наш пример и пример несчастных лазов. (46) Если же ты хочешь знать, как он обходится с людьми, ему не известными и не причинившими ему ни малейшего вреда, вспомни о вандалах, готах и маврусиях. (47) Но мы еще не сказали главного. Разве он, о всемогущий царь, не прилагал стараний к тому, чтобы, несмотря на мир, обманом привлечь на свою сторону твоего раба Аламундара, отняв его у твоего царства? Разве он не пытался во вред тебе сделать своими союзниками гуннов, которые до тех пор ему даже не были известны? Никогда еще не совершалось поступка более недостойного. (48) Так как он, как нам кажется, чувствует, что покорение им Запада уже близится к концу, он уже готовит наступление на Восток. Ибо ему осталось побороть только персидскую державу. (49) С его стороны мир уже нарушен, и он сам положил конец “вечному миру”. (50) Ибо не те нарушают мир, кто первыми поднимают оружие, а те, кто уличены в злодеяниях по отношению к соседям в период мирного договора. (51) Обвинение обычно предъявляется тому, кто начал первым, даже если он потерпел неудачу. Как пойдет эта война, ясно всякому. Ибо, как правило, одерживают верх над врагами не те, которые подают повод к войне, а те, которые их отражают. (52) Более того, борьба не будет идти с равными силами. У римлян большая часть солдат находится на краю света, а из двух лучших полководцев одного, Ситу, мы, явившись сюда, убили; Велисария же Юстиниан больше никогда не увидит, ибо, пренебрегши своим господином, он остался там, где заходит солнце, сам властвуя над италийцами. (53) Так что, если ты пойдешь на врага, тебе никто не будет противостоять, а в нас, само собой разумеется, ты найдешь людей, к тебе расположенных, и надежных проводников (благодаря хорошему знанию местности) для твоего войска”. (54) Услышав такие слова, Хосров остался доволен и, собрав всех, кто только отличался знатностью, изложил им, что написал Витигис и что сказали армяне, и стал с ними совещаться, что им предпринять. (55) Много было высказано мнений и за, и против. В конце концов они решили, что с наступлением весны им следует начать войну с римлянами. (56) Была осень, шел тринадцатый год правления авто-

кратора Юстиниана [539 г.]. (57) Римляне ничего не подозревали и не думали, что персы нарушат так называемый вечный мир, хотя до них доходили слухи, что Хосров ставит их василевсу в вину его успехи на Западе и выдвигает те обвинения, о которых я только что упомянул.

IV. В это время появилась комета, величиной вначале примерно с высокого человека, затем намного больше. Ее хвост был направлен к западу, голова – к востоку. Она следовала за самим солнцем. (2) Солнце находилось тогда в созвездии Козерога, а она – в созвездии Стрельца. Одни называли комету мечом-рыбой, поскольку она была очень длинной и очень острой вверху, другие же окрестили ее бородатой. Видна она была более сорока дней. (3) Люди, в этих делах сведущие, резко расходились во мнениях, каждый по своему толкуя, что предвещает эта комета. Я же пишу о том, что было, предоставляя каждому судить, как ему хочется, исходя из того, что произошло. (4) Тотчас же огромное войско гуннов, переправившись через Истр, вторглось в Европу, наводнив всю ее. Это часто случалось и раньше, но никогда прежде не обрушивалось на жителей этих мест столько несчастий и таких огромных бед. Варвары грабили все подряд от Ионийского залива вплоть до предместий Византия. (5) Они разорили тридцать два укрепления в Иллирии, а город Кассандрию (в древности она, насколько нам известно, звалась Потидеей) они взяли силой, хотя раньше они никогда не брали приступом городов. (6) Со всей добычей, имея при себе сто двадцать тысяч пленных, они удалились домой, не встретив нигде никакого сопротивления. (7) Впоследствии они часто появлялись в этих местах, причиняя римлянам неисцелимые беды. (8) Они взяли штурмом и Херсонес. Осилив находившихся на стене защитников и переправившись во время прилива через укрепление, которое находилось у так называемого Черного залива, они оказались внутри длинных стен и неожиданно напали на находившихся в Херсонесе римлян. Многих они убили и почти всех обратили в рабство. (9) Небольшой их отряд, перейдя пролив между Систом и Авидосом, опустошил азиатские земли и сразу же вернулся в Херсонес. Затем вместе с остальным войском и всей добычей они возвратились домой. (10) Во время другого вторжения они ограбили иллирийцев и фессалийцев и попытались взять штурмом укрепление в Фермопилах. Но так как нахо-

дившийся внутри стен гарнизон защищался очень храбро, гунны начали искать обходные пути и неожиданно нашли тропинку, которая вела на возвышающуюся здесь гору. (11) Таким образом, истребив почти всех эллинов, кроме жителей Пелопоннеса, они удалились. (12) Немного спустя персы, нарушив мир, причинили много ужасных бедствий римлянам на востоке, о чем я сейчас и начну свой рассказ. (13) Велисарий, взяв в плен Витигиса, короля готов и италийцев, привез его живым в Византий. А я перейду к тому, как персидское войско вторглось в земли римлян.

Х. (16) Так сказали послы. Услышав это, Хосров продолжал настаивать, что мирный договор нарушил василевс Юстиниан. И причины войны перечислил, которые тот подал (к войне); некоторые из них заслуживали внимания, другие были ничтожными и вымышленными безо всяких оснований. Более всего он стремился показать, что главной причиной войны послужили письма, написанные Аламундару и гуннам, как об этом я рассказал раньше. (17) Но римлянина, который бы вторгся в персидскую землю или проявлял бы враждебные действия, он не мог ни назвать, ни указать. (18) Послы, однако, с одной стороны, снимали обвинения с Юстиниана, приписывая вину тем или иным его подчиненным, с другой стороны, опровергали сказанное, утверждая, что все происходило не так, как говорилось. (19) В конце концов Хосров потребовал от римлян много денег, но при этом твердил, чтобы они не надеялись, что, дав деньги в настоящий момент, они укрепят таким образом мир навеки. (20) Ибо дружба, заключенная между людьми за деньги, по большей части кончается, как только истратятся деньги. (21) Поэтому римлянам следует ежегодно давать персам установленную сумму. “На этих условиях, – сказал он, – персы будут сохранять с ними крепкий мир и будут сами охранять Каспийские ворота и больше не будут выражать недовольствие из-за города Дары, поскольку они будут сами получать за это плату”. (22) “Итак, – сказали послы, – персы хотят сделать римлян своими подданными и получать с них дань”. (23) “Нет, – сказал Хосров, – напротив, в дальнейшем римляне будут иметь в лице персов собственное войско, выплачивая им установленную плату за помощь. Ибо, когда вы ежегодно даете золото некоторым гуннам и сарацинам, вы не как подданные платите им дань, но с тем, чтобы они охраняли вашу землю от грабежей. (24)

Много было сказано друг другу подобных речей Хосровом и послами, и наконец они пришли к согласию, что Хосров, получив в данное время пятьдесят кентинариев золота, впоследствии имея ежегодно еще по пять кентинариев дани, не будет больше причинять им никакого зла и, взяв от послов заложников во исполнение этого соглашения, уйдет со всем войском в родные края. А послы, направленные сюда василевсом Юстинианом, окончательно закрепят на будущее условия договора о мире.

XV. В это время Хосров повел свое войско в Колхиду, поскольку его побуждали к этому лазы по следующей причине. (2) Лазы изначально жили на землях Колхиды, являясь подданными римлян, не платя им, однако, податей и никак иначе не выражая им повиновения, кроме того, что, когда у них умирал царь, римский василевс посылал знаки власти тому, кому предстояло занять престол. (3) И он вместе со своими подданными тщательно охранял границы земли, чтобы враждебные гунны гор Кавказа, соседствующего с ними, не прошли через Лазику и не вторглись в земли римлян. (4) Несли они охрану, не получая от римлян ни денег, ни войска. С римлянами они никогда не отправлялись в походы, но всегда вели морскую торговлю с римлянами, живущими у моря. (5) Нет у них ни соли, ни зерна, никаких других благ; продавая невыделанные шкуры, кожи и добытых на войне рабов, они приобретают себе все необходимое. (6) Когда произошли события, касающиеся царя ивилов Гургена, о чем я рассказал в предшествующем повествовании, римские солдаты расположились в стране лазов, чем эти варвары были очень недовольны и больше всего военачальником Петром, которому ничего не стоило оскорбить всякого встречного. (7) Этот Петр был родом из Арзанены, которая расположена по ту сторону реки Нимфий и издавна подвластна персам. Еще мальчиком он был взят в плен василевсом Юстином, когда после захвата Амиды Юстин вместе с войском Келера вторгся в персидскую землю. Пользуясь большим расположением хозяина, он стал посещать грамматиста. (8) Сначала он был у Юстина писцом, но когда после смерти Анастасия Юстин овладел державой ромеев, Петр стал военачальником и как никто другой предался жажде наживы, проявляя во всем полную тупость...

(31) Хосров, обрадовавшись этим речам, согласился помочь лазам и стал спрашивать у

послов, можно ли отправиться в земли Колхиды с большим войском. (32) Он сказал, что слышал раньше из многих рассказов, будто страна эта и для легковооруженного воина труднопроходима, будто горы ее необыкновенно круты и на большом пространстве она покрыта густыми лесами из громадных деревьев. (33) Те же стали его уверять, что дорога по стране станет доступной для всего персидского войска, если рубить деревья и бросать их в труднопроходимые теснины. (34) Сами они дали согласие быть для персов проводниками и взять на себя бремя забот, необходимых для персов в этом деле. Это обещание прельстило Хосрова, он начал собирать большое войско и готовиться к походу, не сообщив о своем намерении никому из персов, кроме тех только, с кем он обычно советовался по секретным делам; и от послов он потребовал, чтобы те никому не сообщали о происходящем; он делал вид, что собирается в Ивирию, чтобы уладить тамошние дела: народ гуннов, говорил он, обрушился там на персидскую державу.

XVI. В это время Велисарий, прибывший в Месопотамию, стал отовсюду собирать войско, а сам послал кое-кого в персидские пределы на разведку. (2) Желая здесь отразить врагов, если они вновь вторгнутся в землю римлян, он приводил в порядок и обмундировывал своих солдат, бывших по большей части голыми и невооруженными и приходивших в ужас при одном имени персов. (3) Возвратившись назад, лазутчики утверждали, что никакого вторжения врагов в настоящее время не будет. Хосров, занятый войной с гуннами, пребывает где-то в другом месте. (4) Услышав об этом, Велисарий решил тотчас со всем войском вторгнуться во вражескую землю. (5) Прибыл и Арефа с большим сарацинским войском. Василевс между тем, написав послание, велел им как можно быстрее вторгнуться в землю врагов. (6) Собрав всех военачальников в Даре, Велисарий сказал следующее: “Я знаю, что все вы, соратники, испытаны во многих войнах, и собрал я вас сюда не для того, чтобы, напомнив об этом или сказав слова поощрения, устремить ваш дух против врагов (думаю, что вы не нуждаетесь в словах, побуждающих к отваге), но чтобы, посоветовавшись между собой, мы скорее бы решили, что, по нашему мнению, лучше и выгоднее для дел василевса. (7) Война обычно идет успешно, в первую очередь, благодаря рассудительности. Необходимо, чтобы те, кто держит

совет, были в своем суждении совершенно свободны от страха и почтительности. (8) Ибо страх, поражая тех, кого он охватил, не дает возможности разуму выбрать лучшее решение, почтительность же, скрывая то, что показалось лучшим, ведет к высказыванию противоположного мнения. (9) Поэтому, если вам кажется, что великий царь или я уже приняли решение относительно настоящих дел, то пусть ничто подобное не приходит вам на ум. (10) Ибо он, находясь далеко от происходящих событий, не в состоянии согласовать дела с обстоятельствами. Поэтому нет ничего страшного, если, пойдя против его решения, мы сделаем то, что окажется полезным его делу. (12) Я же лишь человек, и, прибыв сюда из западных стран после долгого отсутствия, могу не заметить чего-нибудь важного. (13) Так что следует вам, не опасаясь ничуть моего мнения, прямо сказать то, что принесло бы пользу и нам самим, и василевсу. (14) Вначале мы прибыли сюда, соратники, чтобы помешать совершиться какому-либо вражескому вторжению в наши земли. Теперь же, поскольку наши дела оказались лучше, чем мы надеялись, можно нам посовещаться относительно вторжения в их землю. (15) Поэтому будет справедливо, я думаю, чтобы, собравшись для этого, каждый сказал бы, ничего не утаивая, что ему кажется лучшим и выгодным”.

XXVI. В следующем году [544 г.] Хосров, сын Кавада, в четвертый раз вторгся в землю римлян, двинув войско в Месопотамию. (2) Это вторжение было совершено Хосровом не против Юстиниана, василевса римлян, и не против кого-либо другого из людей, но исключительно против Бога, которому единому поклоняются христиане. (3) Ибо, когда после первого нашествия Хосров отступил, потерпев неудачу под Эдессой, и его самого, и его магов охватило глубокое уныние: они считали, что были побеждены Богом христиан. (4) В своем стремлении рассеять это уныние Хосров грозился у себя во дворце, что всех жителей Эдессы обратит в рабство и приведет в персидские пределы, а город превратит в пастбище для овец. (5) Итак, оказавшись со всем войском около Эдессы, он послал некоторых из сопровождавших его гуннов к городской стене, возвышавшейся над ипподромом, приказав им не причинять никакого иного вреда, но только отнять стада овец, которые пастухи, собрав в большом количестве, разместили у самой стены, понадеявшись на силь-

ное укрепление, стоявшее на очень крутом подъеме, и, кроме того, считая, что враги не осмелятся так близко подойти к стене. (6) Итак, варвары уже начали захватывать стада, но пастухи оказывали им сильное сопротивление. (7) На помощь гуннам пришло много персов. Варварам уже удалось отогнать одно стадо, но тут римские солдаты и горожане, выйдя из города, вступили в рукопашный бой с врагами, и стадо само собой вновь вернулось к пастухам. (8) Один из гуннов, сражавшийся впереди других, больше всех причинял римлянам неприятностей. (9) Тогда какой-то крестьянин, метнув камень из пращи, попал ему в правое колено. Тот тотчас же свалился с коня головой вниз, и это еще больше воодушевило римлян. (10) Битва, начавшаяся рано утром, кончилась среди дня. Те и другие разошлись, и каждая сторона считала, что она одержала верх в сражении. (11) Римляне ушли за свои стены, а варвары стали лагерем, расположившись от города в семи стадиях.

(23) На восьмой день осады Хосров решил возвести напротив городской стены насыпной холм. Он приказал нарубить в окрестностях массу деревьев с сучьями и листвой и положить их в форме четырехугольника перед стеной в том месте, куда бы из города не могли долететь стрелы. Поверх этих деревьев он велел насыпать как попало побольше земли, а затем еще навалить массу камней, не тех, что годятся для постройки, но высеченных попросту, и заботиться только о том, чтобы холм как можно быстрее поднялся на большую высоту. (24) Он приказал также положить между землей и камнями длинные бревна, с тем чтобы придать сооружению большую прочность. Он опасался, как бы оно, по мере возвышения, не оказалось неустойчивым. (25) Римский военачальник Петр (он оказался в то время здесь вместе с Мартином и Перанием), желая отогнать работающих над этим сооружением, послал против них имевшихся в его распоряжении гуннов. (26) Те, внезапно появившись, многих из них поубивали, причем особенно отличился один из копьеносцев, по имени Аргик. (27) Он один убил двадцать семь человек. Однако поскольку в дальнейшем варвары стали тщательно охранять работников, никому уже нельзя было выходить против них. (28) Когда по мере приближения к стене строители оказались там, куда достигали стрелы, римляне, начавшие уже упорно защищаться, стали пускать в них камни из пращей и стрелы из луков. Поэтому варвары

придумали следующее. (29) Перед строителями агесты (так римляне на латинском языке называют это сооружение) они начали постоянно вывешивать на длинных шестах достаточно толстые и широкие прикрытия из козьей шерсти, которые называются киликийскими. (30) В результате ни зажигательные стрелы, ни другие снаряды не могли их достать, но, отброшенные назад занавесом, так там и оставались. (31) Тогда римляне, охваченные великим страхом, в большом смятении отправили к Хосрову послов, а вместе с ними и Стефана, знаменитого врача своего времени. Он как-то раньше избавил от болезни Каада, сына Пероза, который наградил его за это великим богатством. (32) Когда он вместе с другими явился к Хосрову, то сказал ему следующее: “Издревле все считают человеколюбие истинным признаком хорошего царя. (33) Поэтому тебе, о могущественный царь, совершающему убийства и сражения, поработавшему города, суждено в будущем получить много прозваний, но имени доброго ты никогда не будешь иметь. (34) Между тем из всех городов Эдессе менее всего надлежало бы видеть от тебя что-либо худое. (35) Ибо отсюда происхожу я, который, совершенно не ведая будущего, воспитал тебя и посоветовал твоему отцу назначить тебя своим преемником. Таким образом, для тебя я оказался главным виновником твоего воцарения, а для моей родины – источником теперешних бедствий. (36) Ибо люди по большей части сами навлекают на себя многие несчастья, которые с ними случаются в будущем. (37) Однако, если у тебя осталась хоть какая-либо намять об оказанных мною тебе услугах, не причиняй нам больше никакого зла, воздай мне эту награду, за что ты, о царь, получишь возможность не считаться самым жестоким”. Так сказал Стефан. (38) Хосров же соглашался только тогда уйти отсюда, когда римляне выдадут ему Петра и Перания за то, что они, являясь рабами, полученными им по наследству, осмелились сражаться против него. (39) Если же римлянам это не в радость, то пусть выбирают одно из двух: либо заплатить ему пятьсот кентинариев золота, либо принять в город некоторых из доверенных ему лиц, которые, разыскав все богатства города, все золото и серебро, которое окажется, доставят ему, оставив остальное во владении хозяев. (40) Такие оскорбительные слова сказал Хосров, надеявшийся без особого труда взять Эдессу. Послы, поскольку им показалось невыполнимым то, че-

го потребовал Хосров, в глубокой печали возвратились в город. (41) Когда они вошли внутрь укреплений и сообщили о том, что сказал Хосров, весь город преисполнился смятением и плачем.

XXVIII. (12) Немного времени спустя сарацинские вожди Арефа и Аламундар начали между собой войну, одни, безо всякой помощи как со стороны римлян, так и со стороны персов. (13) Во время одного набега Аламундар взял в плен одного из сыновей Арефы, когда тот пас лошадей, и тотчас принес его в жертву Афродите. Отсюда можно заключить, что Арефа не предавал персам интересы римлян. (14) После этого они со всеми своими войсками вступили в сражение друг с другом. Люди Арефы одержали решительную победу и, обратив врагов в бегство, многих из них убили. Арефа чуть было не взял живыми в плен сыновей Аламундара, однако, все же не взял. Так обстояли тогда дела у сарацин. (15) Между тем стало ясно, что царь персов Хосров заключил с римлянами перемирие с коварной целью, надеясь захватить их, благодаря этому миру, врасплох, причинив им ужасное зло. (16) Ибо на третьем году этого перемирия он задумал следующую хитрость. Было среди персов два брата: Фабриз и Исдигусна, оба занимавшие у них высокие посты, но по складу характера самые негодные из всех персов и имевшие славу как наиболее искусные во всякой низости. (17) Задумав внезапным нападением захватить город Дару и выселить из Лазики всех колхов, разместив на их месте персов, Хосров избрал себе в помощники для выполнения того и другого предприятия этих людей. (18) Ему казалось, что будет удачной и ценной находкой, если он присвоит Колхиду и упрочит обладание ею, поскольку, по его расчету, это во многих отношениях окажется полезным для персидской державы. (19) Ибо и Ивирией он сможет владеть в дальнейшем совершенно спокойно, поскольку им не у кого будет искать спасения на тот случай, если они восстанут против него. (20) Ибо с тех пор, как знатнейшие из этих варваров вместе с царем Гургеном задумали отпасть, как было сказано мной раньше, персы не позволяли им иметь своего царя, ивиры же подчинялись им против своей воли, и между теми и другими царило большое подозрение и недоверие. (21) Было ясно, что ивиры крайне недовольны и, если им представится какой-нибудь благоприятный случай, они в ближайшее время восстанут. (22) Кроме того, персидская держава навсегда

избавится от опустошительных набегов соседствующих с Лазикой гуннов, которых ему [Хосрову] будет легче и без особого труда насылать на римскую державу, когда ему только заблагорассудится, ибо Лазика не что иное, как передовое укрепление против живущих на Кавказе варваров. (23) Но более всего, он надеялся, будет персам выгоды из-за обладания Лазикой потому, что, двигаясь из нее, они смогут совершать набеги и посуху, и по морю на местности, расположенные у так называемого Понта Евксинского, покорить Каппадокию и соседствующие с ней Галатию и Вифинию и затем, не встречая ни от кого сопротивления, внезапным набегом захватить Византий. (24) Поэтому Хосров и хотел подчинить своей власти Лазику, но на лазов он меньше всего полагался. (25) Ибо с того времени, как римляне удалились из Лазики, большинство лазов были самым решительным образом настроены против персов. Дело в том, что среди всех других народов персы отличаются исключительным своеобразием, и по своему характеру и образу жизни они чрезвычайно жестоки. (26) Их законы неприемлемы ни для кого из людей, а их повеления совершенно невыполнимы. В сравнении же с лазами отличие их образа мысли и жизни особенно ощутимо, поскольку лазы более всех других людей преданы христианству, в то время как религия персов прямо противоположна их вере. (27) Кроме того, в Лазике совсем нет соли, равно как и хлеба, вина и других земных благ. (28) Все это ввозится к ним на судах римлянами, живущими у морского побережья, и лазы приобретают эти товары не за золото, а за кожи, рабов и все то, что у них здесь в излишке. (29) Естественно, что, лишённые всего этого, они в дальнейшем пребывали в сильном раздражении. Хосров знал об этом и поэтому спешил самым надежным образом предупредить их восстание. (30) Пока он обдумывал эти планы, ему казалось, что самым выгодным будет устранить как можно скорее царя лазов Гуваза, выселить оттуда лазов всем племенем и затем разместить в этой стране персов и какие-либо другие народы.

XXIX. (14) Река Воа вытекает из пределов армян, живущих около Фарангия, недалеко от пределов цанов. Сначала она довольно долго течет направо, будучи неширокой и для кого угодно легко преодолимой, вплоть до того места, где по правую сторону находятся границы Ивирии, а прямо – заканчивается Кавказский хребет. (15) Тут живет много различ-

ных племен, в том числе аланы и авасги, являющиеся христианами и издревле находящиеся в дружбе с римлянами, затем зихи, а за ними гунны, которые называются савирами⁷. (16) Когда же река доходит до того места, где находятся границы Ивирии и Кавказа, то тут в нее вливается много других водных потоков и она становится много шире и течет, получив отсюда название Фасиса вместо Воа; с этого места она судоходна вплоть до так называемого Понта Евксинского, куда она и впадает. Тут по обеим ее сторонам расположена Лазика. (17) Но только лежащая по правому ее берегу страна заселена местным населением, вплоть до пределов Ивирии. (18) Все селения лазов находятся здесь, на этой стороне реки, и тут издревле построены ими городки, в том числе самый укрепленный из них Археополь, Севастополь и крепость Питиунт, а у самых границ ивиров Сканда и Сарапанис. Самые значительные города здесь Родополь и Мохирис. (19) По левому берегу реки границы Лазики простираются на расстояние одного дня пути для не обремененного тяжестью пешехода, но эта земля совершенно безлюдна. По соседству с этой страной живут римляне, которые называются понтийскими. (20) В пределах Лазики, там, где нет никаких поселений, василевс Юстиниан уже в мое время выстроил город Петру, (21) где Иоанн по прозвищу Цив учредил монополию, как мной рассказано раньше, оказавшись виновником отпадения лазов. (22) К югу от города Петры сразу же находятся границы римлян. Здесь расположены весьма многолюдные места: так называемый Ризей, Афины и многие другие вплоть до Трапезунда. (23) Когда лазы вели Хосрова, они, перейдя реку Воа и имея по правую сторону Фасис, подошли таким образом к Петре, поступая так якобы из опасения, что придется переходить реку Фасис с большим трудом и огромной тратой времени, на самом же деле – из-за нежелания показывать персам свои жилища. (24) Ибо Лазика и с той, и с другой стороны реки одинаково труднопроходима. (25) По обеим сторонам этой местности поднимаются очень высокие скалы, на большом пространстве образующие здесь ущелья. Римляне, говоря по-гречески, называют такие проходы клисурами. (26) Поскольку тогда Лазика не охранялась, персы со своими проводниками очень легко достигли Петры.

(27) Теперь же Гуваз, узнав о походе персов, наказал Дагисфею послать туда кого-нибудь с тем, чтобы они тщательно охраняли

ущелье, расположенное ниже реки Фасис, но ни в коем случае не снимая осады до тех пор, пока не захватят и Петру, и находящихся в ней персов. (28) Сам же он со всем войском колхов двинулся к границам Лазики, чтобы всеми своими силами охранять имеющиеся там теснины. (29) Задолго до этого ему удалось заключить союз с аланами и савирами⁸, которые за три кентинария согласились не только вместе с ним охранять от опустошения землю лазов, но и так обезлюдить Ивирию, что в дальнейшем персы не смогут двигаться отсюда. Он пообещал, что эти деньги даст василевс. (30) Сам он, сообщив василевсу Юстиниану о заключенном им договоре, просил его прислать варварам деньги и как-то помочь до крайности разоренным лазам. (31) Он говорил, что и ему самому казна задолжала жалование за десять лет, так как он, причисленный к придворным силенциариям, не получил отсюда ничего с того времени, как Хосров вступил на землю Колхиды. (32) Василевс Юстиниан намеревался исполнить его просьбу, но, занятый в это время другими делами, не успел послать деньги в надлежащее время⁹. Вот что предпринимал Гуваз.

XXX. (23) Гуваз же, даже узнав о том, что произошло у римлян под Петрой и у теснин, не поддался страху и не оставил того ущелья, которое он охранял, считая, что здесь для него – самая огромная надежда на спасение. (24) Он понимал, что хотя персы, оттеснив римлян по ту сторону Фасиса, смогли пройти через ущелье и оказаться в Петре, то этой части земли лазов они не были в состоянии причинить никакого вреда, ибо не имели возможности перебраться через Фасис, тем более что у них не было и судов. (25) Эта река здесь глубже любой другой и необычайно широка. (26) Течение ее настолько стремительно, что, впадая в море, она долго течет, не смешиваясь с морской водой. Плавающие в этих местах могут иметь совершенно пресную воду даже в открытом море. (27) Кроме того, по северной стороне реки лазы во многих местах построили сторожевые крепости, чтобы неприятель, даже если он переправится через реку, не смог высадиться на их земле. (28) Между тем василевс Юстиниан послал племени савиров условленную сумму денег, одарив Гуваза и лазов другой. (29) Задолго до этого он отправил еще одно значительное войско, которое туда еще не дошло. Командующим им он назначил Рекитанга, человека разумного и опытного в военном деле. Так обстояли там дела.

Война с вандалами

Перевод и комментарии А. А. Чекаловой

Книга III

II. Когда на Западе царствовал Гонорий, варвары захватили его землю. Кто они были и как они это совершали, сейчас будет рассказано. (2) В прежнее время готских племен было много, и много их и теперь, но самыми большими и значительными из них были готы, вандалы, визиготы и гепиды. В прежнее время, правда, они назывались савроматами¹⁰ и меланхленами. Некоторые называли эти племена гетами. (3) Все эти народы, как было сказано, отличаются друг от друга только именами, но во всем же остальном они сходны. (4) Все они белы телом, имеют русые волосы, рослые и хороши на вид; у них одни и те же законы и исповедуют они одну и ту же веру. (5) Все они ариане и говорят на одном языке, так называемом готском; и, как мне кажется, в древности они были одного племени, но впоследствии стали называться по-разному: по именам тех, кто были их вождями. (6) Этот народ издревле жил по ту сторону Истра. Затем гепиды заняли местности вокруг Сингидуна и Сирмия, по ту и другую сторону реки Истра, где они пребывают и в мое время.

III. Вандалы прежде жили около Меотиды. Страдая от голода, они направились к германцам, называемым теперь франками, и к реке Рейну, присоединив к себе готское племя аланов¹¹. (2) Потом, двинувшись оттуда под предводительством Годигискла, они поселились в Испании, которая является первой страной Римской державы со стороны океана. Тогда Гонорий заключил соглашение с Годигиском о том, что вандалы будут жить там, не причиняя вреда стране. (3) Так как у римлян существовал закон, что те, которые сами не пользовались своей собственностью в течение тридцати лет, не могут требовать ее обратно от тех, кто ею завладел, и в силу давности теряют право выступать на суде с жалобой, Гонорий издал закон, чтобы в течение всего того времени, которое вандалы проведут в пределах Римской державы, не действовал пункт о применении тридцатилетней давности. (4) Когда дела на Западе обстояли таким образом, Гонорий скончался от болезни. Еще до того, как это случилось, вместе с Гонорием царскую власть разделил Констанций, муж сестры Аркадия и Гонория Платидии; однако, вступив на престол, он прожил только несколько дней, тяжело захворал и умер еще при

жизни Гонория, не имев возможности ни сказать, ни сделать чего-либо достойного: слишком коротко было время, в течение которого он был василевсом. (5) Сын этого Констанция, Валентиниан, только что отнятый от груди, воспитывался при дворе Феодосия, и римские придворные избрали василевсом одного из дворцовых воинов по имени Иоанн. (6) Это был человек кроткого нрава, одаренный разумом, но в то же время способный к решительным действиям. (7) Пять лет своей власти он провел в благоразумной умеренности, не слушал донощиков, никого не умертвил по приговору, ни у кого не отобрал имущества; против же варваров ему не удалось сделать ничего значительного, так как с Византием он был во вражде. (8) Сын Аркадия Феодосий послал против этого Иоанна большое войско под начальством Аспара¹² и Ардавурия, сына Аспара; он лишил Иоанна власти и передал царскую власть Валентиниану, совсем еще мальчику. (9) Валентиниан, захватив Иоанна живым, велел отправить его на ипподром Аквилей, отрубить ему одну руку, провезти его перед народом посаженным на осла и, заставив испытать множество оскорблений от слов и действий мимов, казнил. Так Валентиниан получил власть над Западом. (10) Его мать Платидия вырастила и воспитала этого василевса в распущенной неге и роскоши, и поэтому он с детства предавался всяким порокам. (11) Он по большей части общался со знахарями и с теми, кто гадают по звездам; он безумно предавался любовным связям с чужими женами, ведя незаконный образ жизни, хотя жена его была исключительной красавицей. (12) Поэтому он не только не вернул державе что-либо из того, что было раньше отторгнуто, но и потерял Ливию, да и сам погиб. (13) Когда же он умер, то его жена и дети оказались пленниками. Несчастье, постигшее Ливию, произошло следующим образом.

IV. (16) Среди римских сенаторов был некто Максим, из рода того Максима, которого Феодосий-старший, лишив захваченной им незаконно власти, предал смерти; по этому поводу римляне справляют ежегодный праздник, получивший свое название в честь победы над Максимом. (17) У Максима-младшего была жена, очень скромная и отличавшаяся исключительной красотой. Поэтому Валенти-

ниана охватило желание вступить с ней в связь. (18) Так как выполнить это с ее согласия оказалось для него невозможным, он задумал нечестивое дело и привел его в исполнение. (19) Пригласив Максима во дворец, он начал играть с ним в шахматы. Проигравший должен был уплатить в виде штрафа назначенную сумму золота. (20) Василевс выиграл, и, получив в качестве залога перстень Максима, послал с ним в дом Максима, повелев сказать его жене, что муж приказывает ей как можно скорее явиться во дворец приветствовать василису Евдоксию. (21) Она, увидев подтверждение слов в перстне Максима, села в носилки и прибыла в царский дворец. (22) Те, кому василевс поручил выполнение своего дела, внесли ее в помещение, находившееся очень далеко от женской половины. Здесь Валентиниан против ее воли произвел над ней насилие. (23) Вернувшись домой после нанесенного ей поругания, она жестоко страдала от случившегося с ней несчастья и в слезах проклинала Максима как давшего повод к тому, что произошло. (24) Конечно, Максим был чрезвычайно огорчен этим происшествием и тотчас же принялся замысливать нечто против василевса. Видя, что Аэций возымел исключительную силу, так как он только что одержал победу над Атилиой¹³, вторгнувшись с огромным войском массагетов и других скифов в пределы Римской державы, он подумал, что Аэций окажется препятствием в задуманном им деле. (25) Поразмыслив, он решил сначала устранить Аэция, не придав никакого значения тому, что в нем была вся надежда римлян. (26) Так как все евнухи, окружавшие василевса, были расположены к нему, Максим при их посредстве убедил василевса, что Аэций готовит государственный переворот. (27) И только потому, что Аэций обладал силой и доблестью, а не на каком-либо другом основании, Валентиниан приказал его убить. (28) Тогда один римлянин произнес прославившую его замечательную фразу. Когда василевс спросил его, хорошо ли он сделал для себя, убив Аэция, он ответил, что он не может знать, хорошо ли это или нет, но что очень хорошо знает, что василевс левой рукой отрубил себе правую.

(29) После смерти Аэция Атила¹⁴, не имея равного себе противника, беспрепятственно разорял всю Европу и, подчинив себе оба царства, заставлял их платить себе дань, и каждый год василевсы посылали ему деньги. (30) В то время как Атила осадил Аквилею¹⁵, го-

род большой и многолюднейший, расположенный на берегу моря над Ионийским заливом, с ним произошел следующий счастливый случай. (31) Не имея возможности взять этой крепости ни силой, ни каким-либо иным способом, он уже, говорят, хотел отказаться от осады, продолжавшейся весьма длительное время, и приказал войску со всей поспешностью готовиться к отступлению, чтобы на следующий день подняться отсюда с восходом солнца. (32) На другой день, когда поднималась заря, варвары, сняв осаду, начали готовиться к отходу, как вдруг увидели, что аист, гнездо которого, где он обычно кормил птенцов, располагалось на одной из башен городских стен, внезапно поднялся оттуда со своими детенышами. (33) Отец-аист летел, а его маленькие аистята, еще не вполне оперившиеся, то летели рядом с ним, то сидели на спине отца. Так они улетели далеко от города. (34) Увидев это, Атила, человек очень сообразительный и умевший истолковывать всякое явление, приказал войску оставаться на том же самом месте, сказав при этом, что птица никогда понапрасну не улетела бы отсюда со своими птенцами, если бы не предчувствовала, что с этим местом в скором времени случится что-то неладное. (35) И вот, говорят, войско варваров вновь приступило к осаде, а немного спустя та часть стены, где находилось гнездо аиста, безо всякой причины неожиданно рухнула, и врагам удалось в этом месте войти в город. Так Аквилея была взята штурмом. Вот что происходило у Аквилеи.

V. (18) Вандалов и аланов Гизерих разделил на отряды, поставив во главе каждого из них не менее восьмидесяти лохагов, которых он назвал хилиархами [тысячниками] создавая таким образом впечатление, что на службе у него было до восьмидесяти тысяч человек. (19) Говорят, однако, что число вандалов и аланов в прежние времена не превышало пятидесяти тысяч. (20) Затем, лишь благодаря рождению у них детей и присоединению к ним других варваров, они дошли до такого многолюдия. (21) Но имена аланов и других варваров, кроме маврусиев, были поглощены именем вандалов. (22) Тогда же, после смерти Валентиниана, Гизерих покорил себе маврусиев и каждый год с наступлением весны совершал вторжения в Сицилию и Италию и там одни города поработил, другие разрушил до основания и разграбил все; когда же страна оказалась лишенной и людей, и ценностей, он стал совершать набеги на области Восточного цар-

ства. (23) Он подверг разграблению Иллирию, большую часть Пелопоннеса и остальной Греции, а также прилегающие к ней острова. Затем он вновь возвращался в Сицилию и Италию, разорял и грабил одну область за другой. (24) Говорят, что как-то, когда Гизерих сел уже на корабль в Карфагенской гавани и паруса были подняты, кормчий спросил его, против какого народа он велит плыть? (25) Тот в ответ сказал, что, разумеется, против тех, на кого прогневался Бог. Так безо всякого основания он нападал на кого придется.

XI. (6) Этот Соломон был евнухом, он лишился срамных мест не по злему умыслу какого-то человека, но по какой-то случайности, когда был еще в пленках. Кроме того, были еще Киприан, Валериан, Мартин, Алфия, Иоанн, Маркелл и Кирилл, о котором я упоминал раньше. (7) Конницей командовали Руфин и Эган¹⁶, принадлежавшие к дому Велисария, Варват и Папп; пехотой – Феодор, которому было прозвище Ктеан, Терентий, Заид, Маркиан и Сарапис. (8) Иоанн, бывший родом из Эпидамна, который теперь называется Диррахий, был поставлен во главе всех начальников пеших войск. (9) Из всех них один Соломон был родом с Востока, с самых крайних пределов Римской державы, где теперь находится город Дара; Эган был родом из массагетов, которых теперь называют гуннами. (10) Остальные полководцы почти все происходили из Фракии. (11) За ними следовало четыреста герулов, которыми командовал Фара, и приблизительно шестьсот союзных варваров из племени массагетов, все – конные стрелки. (12) Ими командовали Синний и Вала, весьма одаренные храбростью и твердостью характера. (13) Для этого войска потребовалось пятьсот кораблей; из них ни один не поднимал больше пятидесяти тысяч медимнов, но и не меньше трех тысяч. (14) На этих кораблях плыли тридцать тысяч моряков, по большей части египтяне и ионяне, а также и киликийцы. Начальником над всеми этими кораблями был назначен один – Калоним из Александрии. (15) Были у них и длинные корабли, приспособленные для морского боя, в количестве девяноста двух; у них было по одному ряду весел и сверху они имели крышу, чтобы находившиеся тут гребцы не поражались стрелами врагов. (16) Нынешние люди называют эти суда дромонами, ибо они могут плыть очень быстро. На этих судах было две тысячи византийцев, одновременно и гребцы, и воины; и не было на них ни одного лишнего человека. (17)

Был послан с ними и Архелай, имевший сан патрикия и бывший уже эпархом двора в Византии и Иллирии; тогда он был назначен эпархом войска: так называется заведующий расходами армии. (18) Главнокомандующим над всем василевс поставил Велисария, вновь возглавлявшего войско Востока. (19) За ним следовало много копьеносцев и щитоносцев; все это были люди, хорошо знавшие военное дело и испытанные в боях. (20) Василевс вручил ему грамоту, которая давала ему право поступать, как он сочтет нужным, и все его действия получали такую же силу, как совершенные самим василевсом. Таким образом, эта грамота давала ему права царской власти. (21) Велисарий был родом из Германии, которая расположена между Фракией и Иллирией. Таковы были тогда дела.

XII. (6) Весь флот следовал за кораблем главнокомандующего. Затем он пристал к Перинту, который теперь называется Гераклеей. Здесь войско провело пять дней, так как василевс одарил стратига большим количеством коней из своих табунов, которые у него пасутся по всей Фракии. (7) Отплыв отсюда, они пристали к Авидосу. В то время, как им пришлось пробыть здесь четыре дня из-за отсутствия ветра, произошел следующий случай. (8) Два массагета в состоянии крайнего опьянения убили одного из своих товарищей, посмеявшегося над ними. Массагеты больше всех других людей любят крепкое вино. (9) Велисарий тотчас обоих этих воинов посадил на кол на холме, находившемся недалеко от Авидоса. (10) Когда остальные, в том числе и родственники казненных, выражали крайнее недовольство и говорили, что они пришли на помощь римлянам не для того, чтобы подвергаться наказаниям и подчиняться римским законам (по их законам за убийство полагается иное отпущение), а вместе с ними подняли шум, обвиняя своего предводителя, и римские солдаты, которым не хотелось нести ответственность за свои проступки, Велисарий, собрав массагетов и все остальное войско, сказал следующее: (11) “Если бы моя речь была обращена к тем, кто в первый раз идет на войну, долго мне пришлось бы говорить, сколько пользы и помощи оказывает справедливость в одержании победы над врагом. (12) Только те, кому не известны превратности судьбы в подобной борьбе, могут думать, что весь исход войны зависит от силы их рук. (13) Вы же, которые не раз одерживали победы над врагами, нисколько не уступавшими вам в силе и обла-

давшими огромной храбростью, вы, которые часто подвергались испытаниям в столкновениях с противниками, вы, думаю, хорошо знаете, что люди только сражаются, а судьбу сражений решает Бог, дающий силу тому или другому сопернику. (14) Итак, при таком положении дел хорошее состояние тела, умение пользоваться оружием и всякие другие меры предосторожности на войне надо считать значительно менее важными, чем справедливость и выполнение своего долга перед Богом. (15) То, что может оказать помощь нуждающимся, должно, конечно, быть особенно чтимым. (16) Первым же доказательством справедливости является наказание убивших несправедливо. Если необходимо судить о том, что справедливо и что несправедливо, и исходить при этом из поступков по отношению к ближним, то для человека нет ничего дороже жизни. (17) И если какой-либо варвар считает, что он заслуживает прощения за то, что он в пьяном виде убил ближнего, то тем, что он пытается оправдать свою вину, он, конечно, еще более усиливает необходимость признать его виновность. (18) Ведь и вообще напиваться пьяным настолько, чтобы недолго думая убивать близких, нехорошо, а тем более в походе, ибо и самое пьянство, даже если оно не соединено с убийством, заслуживает наказания; обида же, нанесенная сородичу, в глазах всех, кто обладает разумом, заслуживает гораздо большего наказания, чем обида постороннему. (19) Вот вам пример, и вы можете видеть, каков результат таких поступков. (20) Нельзя незаконно давать волю рукам, похищать чужое имущество: я не буду смотреть на это снисходительно и не буду считать своим товарищем по боевой жизни того из вас, кто, будь он страшен врагу, не может действовать против своего соперника чистыми руками. (21) Одна храбрость без справедливости победить не может”. (22) Так сказал Велисарий. Все войско, услышав такие слова и видя перед глазами посаженных на кол, пришло в невыразимый страх и решило дальше жить благопристойно, понимая, что не избежать большой опасности, если они будут уличены в совершении какого-либо беззакония.

XVII. Велисарий, выстроив свое войско для сражения, двигался с ним к Карфагену. Он отобрал триста своих щитоносцев из числа самых храбрых и поручил команду над ними Иоанну, ведавшему расходами его личного дома; римляне называют таких лиц “оптионами”. (2) Родом он происходил из Армении,

был человеком в высшей степени разумным и храбрым. Велисарий приказал Иоанну идти впереди войска на расстоянии не менее двадцати стадий и, если они заметят какое-либо движение со стороны неприятелей, спешно дать ему знать, чтобы римскому войску не пришлось вступать в сражение без подготовки. (3) Союзным же массагетам он велел продвигаться слева от войска на таком же или немного большем расстоянии. Сам он с отборным отрядом шел в тылу войска. (4) Он подозревал, что Гелимер, идя из Гермियोны следом за ними, в скором времени нападет на них. С правого фланга войску не грозила никакая опасность, так как оно шло близко от берега. (5) Морякам он дал указание все время следовать за войском и сильно от него не отставать, если же поднимется сильный попутный ветер, то, спустив большие паруса, плыть на малых, которые называют долонами, если же ветер прекратится совсем, грести изо всех сил.

XVIII. В тот день Гелимер приказал своему племяннику Гибаунду с двумя тысячами вандалов опередить остальное войско и двигаться по местности, расположенной слева, с тем расчетом, чтобы Аммата из Карфагена, Гелимер с тыла, а Гибаунд слева, сойдясь вместе, без особого труда окружили неприятельское войско.

(2) В этом тяжелом случае мне пришлось подивиться мудрости божественной и человеческой. Бог, далеко провидя будущее, по своему усмотрению определяет, как идти делам; люди же, совершают ли они ошибки или должным образом все обдумывают, не знают, когда что-либо случается, ошиблись ли они или поступили правильно; они делают это для того, чтобы открыть путь судьбе, ведущей к тому, что было предрешиено ранее. (3) Если бы Велисарий организовал поход, не приказав Иоанну идти впереди войска, а массагетам двигаться на левом фланге войска, нам невозможно было бы спастись от вандалов. (4) Однако и при таких планах Велисария, если бы Аммата явился точно в назначенное время, а не прибыл на четверть дня раньше срока, дела вандалов никогда не были бы в таком ужасном положении. (5) Но Аммата прибыл в Децим около полудня, когда мы и войско вандалов были далеко от этого места; он совершил ошибку не только в том, что прибыл в неуказанное время, но также и в том, что, приказав основным силам вандалов по возможности скорее двигаться к Дециму, оставив их в Кар-

фагене, сам с небольшим числом и не самых доблестных воинов вступил в бой с отрядом Иоанна. (6) Он убил двенадцать храбрейших воинов, сражавшихся в первых рядах, но пал и сам, проявив себя в этом деле как прекрасный воин. (7) После гибели Амматы поражение вандалов было полное, и, убегая что есть сил, они сеяли страх в рядах тех, что шли из Карфагена в Децим. (8) Двигались они безо всякого порядка, выстроенные не так, как подобает для сражения, но отрядами, и то небольшими, по тридцать или двадцать человек. (9) Увидев стремительно бегущих вандалов из отряда Амматы и полагая, что преследующих много, они, повернув обратно, бросились бежать вместе с ними. (10) Иоанн и его люди, убивая всех, кто им попадался, достигли самых ворот Карфагена. (11) Избиение вандалов на этих семидесяти стадиях было таково, что, увидев количество трупов, можно было бы подумать, что число их врагов доходило до двадцати тысяч человек.

(12) В это же самое время Гибамунд со своими двумя тысячами прибыл на равнину Галон, которая отстоит от Децима на сорок стадий влево от дороги, ведущей в Карфаген; место совершенно пустынное, безлюдное, без деревьев и безо всякой другой растительности, поскольку соленая вода не позволяет здесь родиться чему-либо другому, кроме соли. Тут они наткнулись на гуннов и были все истреблены. (13) Среди массагетов был человек, отличавшийся исключительной храбростью и силой, но командовавший небольшим отрядом. От отцов и предков он получил почетное право первому нападать на врагов во всех походах гуннов. (14) Любому другому массагету было запрещено первому нападать в сражении или убивать врага прежде, чем кто-либо из этого дома начнет бой с неприятелями. (15) Когда войска противников оказались недалеко друг от друга, этот человек, погнав коня, один остановился вблизи войска вандалов. (16) Вандалы, то ли пораженные его отвагой, то ли подозревая коварную уловку со стороны врагов, не решались двинуться с места и поразить этого человека. (17) Думаю, что они, никогда не испытав массагетов в бою, но зная понаслышке, что это племя очень воинственно, попросту устрешились опасности. (18) Вернувшись к своим соплеменникам, этот гунн сказал, что Бог послал им этих иноплеменников как готовое праздничное угощение. (19) И действительно, вандалы не выдержали их на-

тиска, расстроили свои ряды и, совершенно не думая о защите, все позорно погибли.

XIX. Ничего не зная о случившемся, мы шли к Дециму. Увидев весьма подходящее место для лагеря на расстоянии тридцати пяти стадий от Децима, Велисарий возвел надежное укрепление и, поместив в него всю пехоту, созвал войско и сказал следующее: (2) “Соратники, наступает момент решительного боя, я чувствую, что враги идут на нас; из-за условий местности наши корабли находятся очень далеко от нас; вся надежда на наше спасение заключена в силе наших рук. (3) Нет здесь для нас ни дружественного города, ни крепости, положившись на которую мы могли бы чувствовать уверенность в собственной безопасности. (4) Однако, если мы проявим храбрость, вполне возможно, что мы в войне победим врагов; если же окажемся малодушными, то нам ничего не остается, как позорно погибнуть побежденными. (5) У нас много преимуществ, которые дадут нам одержать победу: справедливость дела, с которой мы идем на наших неприятелей (ибо мы пришли сюда, чтобы вернуть себе то, что нам принадлежит), а также ненависть вандалов к своему тирану. (6) Помощь Божья всегда бывает с теми, кто выступает за правое дело, воин же, враждебно настроенный к своему правителю, не способен проявлять достойную храбрость. (7) Кроме того, все это время мы воевали с персами и скифами; вандалы же с того времени, как завладели Ливией, не видели ни одного врага, если не говорить о нагих маврусиях. (8) А кто же не знает, что во всяком деле упражнение ведет к опытности, а бездеятельность к неумению? Укрепление, из которого нам придется продолжать военные действия, сделано у нас прекрасно. (9) Мы сможем оставить здесь оружие и все остальное, чего нам не унести, и идти дальше, а если мы вернемся сюда, мы не испытываем недостатка в необходимом. (10) Я молю, чтобы каждый из вас, помня о своей личной доблести и об оставленных дома близких, шел бы на врага с чувством презрения к нему”.

(11) Сказав так и помолившись, Велисарий оставил свою жену и укрепление под охраной пехоты, с конницей же двинулся вперед. (12) Он считал это время невыгодным для того, чтобы начинать сражение всем войском; он хотел сначала в перестрелке и мелких стычках конницы испытать силу неприятеля и только тогда вступить в сражение всем войском. (13) Послав вперед архонтов федератов, он с остальным войском и своими личными

копьеносцами и щитоносцами двигался следом. (14) Когда федераты и их архонты оказались в Дециме, они увидели тела убитых двенадцати своих товарищей из отряда Иоанна, а рядом с ними тела Амматы и некоторых вандалов. (15) Услышав от местных жителей рассказ обо всем случившемся, они были огорчены и не знали, куда им теперь идти. Когда они пребывали в подобном недоумении и с вершины холмов осматривали расстилающуюся перед ними страну, с юга показалось облако пыли, а затем и множество вандальских всадников. (16) Тогда они послали к Велисарию, прося его как можно скорее прибыть сюда, поскольку, говорили они, на них навалились враги. Мнения архонтов разделились. (17) Одни хотели идти на наступающих врагов, другие говорили, что для этого у них недостаточно сил. (18) Пока они спорили между собой, варвары под предводительством самого Гелимера приближались к ним; они двигались дорогой, которая находилась между той, по которой шел Велисарий, и той, по которой шли массагеты, сразившиеся с Гибаmundом. (19) Поскольку местность по ту и другую сторону дороги была холмистой, они не могли видеть ни поражения Гибамунда, ни укрепления Велисария, ни тем более дороги, по которой двигался отряд Велисария. (20) Когда вандалы и римские федераты оказались близко друг от друга, оба войска охватило чувство соперничества, кто из них скорее займет самый высокий из находившихся там холмов. (21) Он казался удобным для расположения, и те, и другие предпочитали вступить в бой с неприятелем отсюда. (22) Опередив римлян, вандалы захватили холм, оттеснили врагов и, получив преимущество, обратили их в бегство. (23) Отступая, римляне достигли местечка в семи стадиях от Децима, где находился копьеносец Велисария Улиарис с восемьюстами щитоносцами. (24) Все думали, что отряд Улиариса, приняв их, построится и пойдет с ними на вандалов; однако, соединившись, и те, и другие сверх ожидания что есть сил бросились бежать и стремительно вернулись к Велисарию.

(25) И тут я не могу сказать, что случилось с Гелимером, как это он, имея в руках победу, сам добровольно отдал ее неприятелю. Разве что и наши безрассудные поступки следует отнести к воле Бога, который, решив, что с человеком должно произойти несчастье, прежде всего накладывает свою руку на его разум и не позволяет, чтобы ему на ум пришло что-нибудь толковое. (26) Если бы он немедленно начал преследование, я думаю, сам Велисарий не выдержал бы его натиска, и все наше дело совершенно погибло. (27) Столь огромно было число вандалов и таков был страх, навешенный ими на римлян. Если бы он, с другой стороны, сразу же двинулся к Карфагену, он легко истребил бы весь отряд Иоанна, воины которого по одному и по двое расхаживали по равнине и обирали лежавшие трупы. (28) Он спас бы и город со всеми его богатствами, завладел бы нашими судами, находившимися неподалеку, и отнял бы у нас всякую надежду на обратное возвращение и победу. Но он ничего из этого не сделал. (29) Медленно спускаясь с холма, он, оказавшись на равнине, увидел труп брата и предался плачу и стенаниям; занявшись его погребением, он упустил столь благоприятный для него момент, вернуть который он уже никак не смог. (30) Велисарий же встретил бегущих, приказал им остановиться, привел их в надлежащий порядок, глубоко их пристыдил, а затем, услышав о смерти Амматы и о преследовании вандалов Иоанном, разузнав все, что было нужно, о местности и о неприятеле, быстрым маршем двинулся на Гелимера и вандалов. (31) Варвары, уже потерявшие строй и не готовые к бою, не выдержали их нападения и бросились бежать изо всех сил, потеряв многих убитыми. К ночи сражение закончилось. (32) Вандалы бежали не в Карфаген и не в Византию, откуда они пришли, но на равнину Буллы, по дороге, ведущей в Нумидию. (33) Отряд Иоанна и массагеты в сумерки вернулись к нам. Узнав обо всем случившемся и сами рассказав о своих действиях, они вместе с нами заночевали в Дециме.

Книга IV

I. (1) Увидев, что все вандалы собрались вместе, Гелимер повел свое войско на Карфаген. (2) Оказавшись поблизости от него, они разрушили водопровод, замечательное сооружение, по которому шла вода в город; простояв там некоторое время лагерем, они удалились, так как никто из неприятелей не выступил

против них. (3) Бродя по тамошним местам, они стерегли дороги, полагая, что таким образом они осаждают Карфаген; при этом они не совершали грабежей и не опустошали земли, но заботились о ней, считая ее как бы своей. (4) В то же время они питали надежду на измену со стороны как самих карфагенян, так и рим-

ских солдат, исповедовавших арианскую веру. (5) Они послали и к предводителям гуннов с обещанием, что они увидят со стороны вандалов много хорошего, и просили их стать им друзьями и союзниками. (6) Гунны и раньше не обнаруживали большой преданности делу римлян, так как прибыли к ним союзниками не по доброй воле (они не раз говорили, что римский стратиг Петр¹⁷ дал им клятву и таким образом заманил в Византий, впоследствии же сам ее нарушил). Поэтому они охотно внимали речам вандалов и соглашались вместе с ними обратить оружие против римского войска, когда примут участие в сражении. (7) Обо всем этом Велисарий подозревал (он получил эти сведения от перебежчиков), но, поскольку круг городских укреплений не был еще полностью завершен, он считал, что в данное время римлянам выступать против врагов преждевременно и приводил все внутри города в как можно больший порядок. (8) А одного карфагенянина, по имени Лавр, уличенного в измене и разоблаченного его домашним секретарем, он посадил на кол на одном из холмов перед городом, вследствие чего другие пришли в ужас и воздержались от попытки измены. (9) Что же касается массагетов, то ежедневными подарками, угощением и всякого рода лестью он склонил их к тому, чтобы они рассказали ему об обещаниях Гелимера, если они предадут во время сражения. (10) И варвары признались, что у них нет никакой охоты принимать участие в битве; они говорили, что боятся, как бы после победы над вандалами римляне не отказались отправить их назад в их родные места, принудив их состариться здесь, в Ливии, и окончить тут свои дни; да и что касается добычи, у них большое сомнение, как бы римляне не отняли ее у них. (11) Тогда Велисарий дал им твердые заверения, что, если вандалы будут побеждены в войне, он тотчас же возвратит их домой со всеми пожитками и захваченной добычей. На этих условиях он получил от них клятвенное обещание, что они со всем рвением до самого конца будут помогать римлянам в войне.

(12) Когда все было приведено в полный порядок и стены завершены, Велисарий, созвав все свое войско, рек следующее: (13) “Не знаю, римляне, нужно ли обращаться со словами увещания к вам, недавно одержавшим над врагами столь блестящую победу, что благодаря вашей доблести и этот Карфаген, и вся Ливия оказались в вашей власти, ибо совершенно излишне словами побуждать вас к доблести, по-

скольку мысли победителей меньше всего склонны к слабости. (14) Я лишь считаю уместным напомнить вам: если теперь вы будете действовать храбро, оставаясь похожими на самих себя, то для вандалов быстро придет конец надеждам, у вас же отпадет надобность воевать. (15) Итак, вне сомнений, вы выступите в предстоящее сражение с большой решимостью. Сладко людям, когда они видят завершение своего труда. И пусть никто из вас не подсчитывает численности этой толпы вандалов. (16) Война обычно решается не числом людей, не ростом их, но душевной доблестью. Прежде всего я хотел бы, чтобы вами овладело чувство уважения к себе – этот результат совершенных подвигов. (17) Позорно человеку, имеющему разум, быть хуже, чем он есть на самом деле, и в глазах людей считаться недостойным своей природной доблести. Что же касается врагов, то я убежден, что страх и память о понесенных несчастиях заставят их быть трусливыми; страх будет пугать их тем, что было, воспоминание же отнимет надежду на то, что дело улучшится. (18) Злая судьба тотчас поработает мысли того, кто подпал под ее власть. А то, что теперь у нас борьба идет за нечто более важное, чем раньше, я вам сейчас докажу. (19) В предыдущей битве, если бы дела наши пошли плохо, опасность заключалась бы в том, что мы не захватили бы чужой земли; теперь же, если мы не победим в сражении, мы потеряем свою. (20) Насколько легче ничего не приобрести, чем лишиться того, что имеешь, настолько наше беспокойство теперь, в столь важный для нас момент, сильнее, чем было раньше. (21) Если прежде нам удалось выиграть битву при отсутствии пехоты, теперь, с Божьей помощью, идя на бой со всем войском, я надеюсь одержать победу над главными силами врага и овладеть его лагерем. (22) Имея уже, можно сказать, в руках исход войны, не откладывайте его из-за небрежности, чтобы вам не пришлось потом искать ускользнувший от вас благоприятный случай. (23) Отложенная на более поздний срок судьба войны не всегда представляет такой исход, какой соответствует условиям данного времени, особенно если война затягивается по воле тех, кому она исключительно благоволит. (24) Те, кто упускают представляющийся им благоприятный случай, обычно навлекают на себя Божье возмездие. Если же кто-нибудь думает, что враги, видя жен своих и детей и все самое для себя дорогое в наших руках, вдруг воспрянут духом и проявят в этот опасный миг отвагу выше своих

сил, тот судит неверно. (25) Ибо гнев, чрезмерно возникающий в душе из-за самого дорогого, обычно подрывает ту силу, которая есть у людей, и не дает им как должно пользоваться обстоятельствами. Приняв все это во внимание, вам следует с большим презрением идти на врагов”.

II. Произнеся такие слова, Велисарий в тот же день выслал вперед всех всадников, кроме пятисот, а щитоносцев и знамя, которое римляне называют “бандум”, он поручил Иоанну Армянину, приказав, если представится случай, вести перестрелку. (2) Сам он на следующий день последовал за ним с пешим войском и с пятьюстами всадниками. (3) Массагеты же, посоветовавшись между собою, решили делать вид, что они честно держатся своего обещания, данного как Гелимеру, так и Велисария, но сражения на стороне римлян не начинать, и до выяснения дела не нападать на вандалов; когда же положение того или другого войска окажется плохим, тогда вместе с победителями напасть и преследовать побежденных. Вот как было тогда решение варваров. (4) Римское войско застало вандалов ставшими лагерем у Трикамара, отстоявшего от Карфагена на расстоянии ста сорока стадий. (5) Там, находясь друг от друга на большом расстоянии, войска провели ночь. Когда была уже глубокая ночь, лагерю римлян явилось следующее знамение. (6) На остриях их копий возникло яркое пламя, и им казалось, что сильным огнем охвачены сами копья. Это чудо явилось не многим, но тех, кто его видел, оно поразило страхом, поскольку они не знали, как его истолковать. (7) Такое же чудо явилось римлянам в Италии много времени спустя. Но тогда, уже наученные опытом, они были убеждены, что это знамение победы. Когда же, как сказано, это произошло впервые, они были поражены и в великом страхе провели ночь.

III. Произнеся такие побуждающие к сражению речи, Гелимер и Цазон стали выводить на бой вандалов, и приблизительно во время завтрака, сверх ожидания римлян, занятых приготовлением себе пищи, они явились и выстроились вдоль берега реки с намерением вступить в сражение. (2) Река, протекающая здесь, хотя и не пересыхает, но настолько ничтожно ее течение, что она от живших там людей не получила никакого имени, но называлась просто потоком. (3) Приготовившись, как позволили обстоятельства, римляне стали переходить на другой берег этой реки и развернули свой боевой строй следующим образом: (4)

левое крыло занимали Мартин, Валериан, Иоанн, Киприан, Алфия, Маркелл и все архонты федератов; на правом крыле находились Папп, Варват и Эган, а также все предводители конных отрядов. (5) В центре был поставлен Иоанн, имея при себе щитоносцев и копьеносцев Велисария, а также войсковое знамя. (6) Сюда вовремя прибыл и Велисарий с пятьюстами всадниками, покинув медленно продвигавшуюся сзади пехоту. (7) Гунны же все выстроились в другом месте, они и прежде имели обычное не смешиваться с римским войском, а тогда, имея намерение, о котором сказано выше, они не захотели становиться в ряд с остальными силами. Вот каков был боевой строй у римлян. (8) И то, и другое крыло войска вандалов занимали тысячники, каждый командуя своим отрядом, в центре же находился Цазон, брат Гелимера, в тылу выстроилось войско маврусиев. (9) Сам Гелимер объезжал все ряды, отдавая приказания и возбуждая смелость. Еще раньше всем вандалам был отдан приказ не пользоваться в этом бою ни копьями, ни другим метательным оружием, а полагаться только на мечи.

(10) Прошло немало времени, и, поскольку никто не начинал сражения, Иоанн, с согласия Велисария, отобрав немногих из своего окружения, перешел реку и напал на центр неприятеля. Цазон, встретив их здесь встречным ударом, начал их преследовать. (11) Римляне, отступая, вернулись к своему войску, вандалы же, в своем преследовании дойдя до реки, не решились перейти ее. (12) Вновь взяв большое число щитоносцев Велисария, Иоанн напал на отряд, окружавший Цазона, и, вновь отраженный оттуда, ушел к римскому войску. (13) И в третий раз, взяв с собой почти всех копьеносцев и щитоносцев Велисария и захватив войсковое знамя, Иоанн совершил нападение с громким криком и шумом. (14) Так как варвары мужественно сопротивлялись, пуская в ход только мечи, то завязалась жестокая битва, и многие лучшие вандалы были убиты, в том числе сам Цазон, брат Гелимера. (15) Тогда все римское войско пришло в движение и, перейдя реку, напало на врагов; начиная с центра, оно великолепным образом обратило врагов в бегство, ибо каждая из войсковых частей без труда обращала в бегство стоявших против нее. (16) Видя это, массагеты, согласно бывшему у них уговору, начали преследовать вандалов вместе с римским войском. Преследование, однако, было непродолжительным. (17) Вандалы, спешно вернувшись в свой лагерь, держа-

лись спокойно; римляне же, не считая, что они достаточно сильны, чтобы вести с ними бой на валу, ограбив трупы врагов, на которых они находили золото, удалились в свой собственный лагерь. (18) В этом сражении было убито из римлян менее пятидесяти, а из вандалов приблизительно восемьсот.

Х. Приняв командование войсками в Ливии, Соломон пребывал в нерешительности, как ему действовать, поскольку, как сказано выше, маврусии восстали и все привели в расстройство. (2) Было получено известие, что варвары истребили всех солдат в Бизакии и Нумидии и все в этой области грабят и растаскивают. (3) Особенно же и самого Соломона, и весь Карфаген взволновало то, что произошло в Бизакии с массагетом Эганом и фракийцем Руфином. (4) Оба они пользовались особым уважением как в доме Велисария, так и в римском войске; один из них, Эган, был зачислен в копьеносцы Велисария, другой же, как наиболее мужественный, обычно держал в строю знамя полководца; таких лиц римляне называли бандофорами. (5) Оба они командовали конными отрядами в Бизакии; когда они увидели, что маврусии все разоряют у них на глазах и всех ливийцев обращают в рабство, они со своими отрядами подстерегли в ущелье везших и гнавших добычу маврусиев, самих их убили и отобрали всех пленных. (6) Когда слух об этом дошел до варварских предводителей, они уже поздно вечером направились против них со всем их войском Куцину, Есдиласу, Юрфуту и Медисиниссу, находившихся недалеко от этого ущелья. (7) Конечно, римляне, поскольку их было немного и попали они в узком месте в окружение многих десятков тысяч врагов, оказались не в состоянии защищаться от нападавших, так как всякий раз, как они поворачивались для отступления, враги неизменно поражали их с тыла дротиками в спину. (8) Тогда Руфин и Эган с немногими своими людьми взбежали на находившуюся неподалеку скалу и стали оттуда отбиваться от варваров. (9) Пока у них была возможность стрелять из лука, враги не осмеливались вступать с ними в рукопашный бой, но только метали копья. Когда же стрелы у них истощились, маврусии пошли на них врукопашную, и они по необходимости начали защищаться мечами. (10) Варвары подавляли их числом, и Эган, весь израненный, тут же пал. Руфина же, захватив в плен, стали уводить. (11) Но тут один из предводителей маврусиев Медисинисса, испугавшись, как бы он, убежав от них, вновь не до-

ставил им хлопот, снес ему голову и, захватив ее с собой домой, показал своим женам, ибо она представляла собой удивительное зрелище, отличаясь громадным размером и необычайно пышными волосами. (12) Так как ход моего рассказа дошел до этого места, то невольно приходится вернуться назад и рассказать, откуда племена маврусиев пришли в Ливию и как они там поселились. (13) Когда евреи удалились из Египта и были возле границ Палестины, то Моисей, тот мудрый муж, который был их вождем, умер во время этого пути, и руководство принял на себя Иисус, сын Навина, который ввел в Палестину этот народ и, проявив на войне доблесть большую, чем свойственно человеческой природе, овладел этой страной. (14) Подчинив все местные племена, он легко захватил их города и прослыл совершенно непобедимым. (15) Тогда вся приморская страна от Сидона до границ Египта носила название Финикии (16) и над нею издревле, как согласно повествуют все, кто описывал древнейшую историю Финикии, стоял один царь. (17) Племена, жившие тут, были очень многочисленными: гергесии, иевусеи и другие, носившие разные имена, которыми их называют в истории евреев. (18) Когда эти народы увидели, что пришлый военачальник непобедим, они поднялись из отчих мест и удалились в Египет, расположенный на границе с ними. (19) Не найдя там места, достаточного для размещения, поскольку население Египта с древних времен было многочисленным, они направились в Ливию. (20) Они выстроили там много городов и овладели всей Ливией вплоть до Геракловых столпов. Там они и живут до сего времени, пользуясь финикийским языком. (21) В Нумидии они выстроили укрепление, где теперь находится город Тигисис, сохранивший доныне свое имя. (22) Там около большого источника были воздвигнуты две стены из белого мрамора, и на них вырезана надпись на финикийском языке, гласящая: “Мы – беглецы от разбойника Иисуса, сына Навина”. (23) До них в Ливии жили и другие племена, которые из-за того, что они обосновались тут с незапамятных времен, назывались автохтонами. (24) Поэтому-то и Антея, их царя, который в Клипее боролся с Гераклом, называли сыном земли. (25) Некоторое время спустя и те, которые с Дидоной бежали из Финикии, прибыли сюда к поселившимся в Ливии соплеменникам. Они охотно разрешили им основать Карфаген и им владеть. (26) Со временем сила карфагенян умножилась, и город стал многочис-

ным. (27) Когда у них возникла война с соседями, которые, как было сказано, раньше них пришли из Палестины и теперь называются маврусиями, карфагеняне их победили и заставили жить вдали от Карфагена. (28) Затем римляне, оказавшись в военном отношении сильнее всех, заставили маврусиев поселиться на самом краю обитаемой в Ливии земли, а карфагенян и остальных ливийцев сделали своими подданными и обложили налогами. (29) Впоследствии, одержав много побед над вандалами, маврусии завладели так ныне называемой Мавретанией, простирающейся от Гадира до границ Цезарии, так и большей частью остальной Ливии. Вот каким образом маврусии поселились в Ливии.

XXVII. На следующий день Гонтарис отослал Антале голову Ареовинда, но денег и солдат решил ему не давать. (2) Антала был страшно возмущен, что он не получил ничего, о чем было условлено, а узнав о данных Ареовинду клятвах и о том, как Гонтарис с ним поступил, он пришел в негодование. (3) Ему казалось, что тот, кто нарушил такие клятвы, не будет добросовестным ни по отношению к нему, ни по отношению к кому-либо другому. (4) Хорошенько поразмыслив об этом деле, он предпочел взять сторону василевса Юстиниана; поэтому он отступил от Карфагена. (5) Узнав, что командующий войсками Бизакция Маркентий бежал на один из близлежащих островов, он отправил к нему рассказать обо всем, что произошло, и, обещав ему неприкосновенность, убедил прийти к себе. (6) Маркентий находился с Анталой в его войске, солдаты же, которые были расквартированы в Бизакции и оставались преданными василевсу, охраняли город Гадрумет. (7) Между тем солдаты Стоцы, числом не менее тысячи, узнав о происходящем, вместе со своим предводителем Иоанном перебежали на сторону Гонтариса. (8) Тот охотно принял их в город. Среди них было пятьсот римлян, около восьмидесяти гуннов, а все остальные были вандалами. (9) И Артаван, получив клятву в неприкосновенности, явился

во дворец со своими армянами и обещал, что будет повиноваться приказаниям тирана. (10) Втайне, однако, он решил убить Гонтариса и сообщил о задуманном своему племяннику Григорию и копьеносцу Арташиру. (11) Подбадривая его на это дело, Григорий сказал ему: “Тебе одному, Артаван, представляется возможность достигнуть славы Велисария и, более того, ее превзойти. (12) Ибо он прибыл сюда с весьма значительным войском, получив от василевса много денег, имея при себе и много полководцев, следовавших за ним, и много советников, с таким флотом, о каком мы никогда и не слышали, с многочисленной конницей и оружием, — одним словом, все было для него приготовлено так, как достойно Римского государства. (13) При всем этом он с большим трудом вернул Ливию римлянам. (14) Теперь это все настолько погублено, что можно было бы считать, что никогда и не было в нашей власти, исключая то, что победа Велисария принесла римлянам большой ущерб и в людях, и в средствах, а в довершение всего сделала их неспособными охранять собственное добро. (15) Возвращение всего этого теперь василевсу зависит только от твоей решимости, твоих помыслов, твоей ловкости. (16) Вспомни, что ты искони принадлежишь к роду Аршакидов; подумай, что людям благородного происхождения всегда и всюду подобает проявлять доблесть. (17) Ты уже совершил много удивительных подвигов во имя свободы. Будучи еще юным, ты убил правителя армян Акакия и римского полководца Ситу, за что стал известен царю Хосрову и вместе с ним ходил на римлян. (18) Столь великий, ты не должен оставить без внимания, что власть у римлян находится у пьяной собаки; покажи же и теперь, дорогой, что и прежде свои подвиги ты совершил в силу своего благородного происхождения и доблести души. Я же и этот вот Арташир тебе поможем, насколько будет в наших силах, во всем, в чем ты пожелаешь”. (19) Так сказал Григорий, еще больше побудив Артавана к убийству тирана.

Проконий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод, статья, комментарии А. А. Чекаловой. – М.: Наука, 1993.

Война с готами

Перевод С. П. Кондратьева

Книга V

В таком-то положении находились у римлян дела в Ливии. Теперь я перейду к описанию войны с готами, предварительно расска-

зав, что было у готов и у римлян до этой войны. Одновременно с Зеноном, царствовавшим в Византии, власть на Западе принадлежала Ав-

густу, которого римляне ласково, как ребенка, называли уменьшительным именем Августула, так как императорский престол он занял совсем голым. До него мудро правил его отец Орест, человек очень большого ума. Несколько раньше римляне приняли в качестве союзников скиров, аланов и другие готские племена, которым за это время со стороны Алариха и Атилы пришлось испытать много того, что рассказано мною в предыдущих книгах [III: IV, 30 и сл.]. И насколько за это время военное положение варваров окрепло и пришло в цветущее положение, настолько значение римских военных сил пало, и под благопристойным именем союза они испытывали на себе жестокую тиранию со стороны этих пришлых народов: не говоря уже о том, что последние бесстыдно вымогали у них против их воли многое другое, они в конце концов пожелали, чтобы римляне поделили с ними все земли в Италии. Они потребовали от Ореста, чтобы из этих земель он дал им третью часть, и, видя, что он не проявляет ни малейшей склонности уступить им в этом, они тотчас убили его. В их среде был некий Одоакр, один из императорских телохранителей; он согласился выполнить для них то, на что они заявили претензию, если они поставят его во главе правления. Захватив таким образом реальную власть (тиранию), он не причинил никакого зла императору, но позволил ему в дальнейшем жить на положении частного человека. Передав варварам третью часть земель, он тем самым крепко привязал их к себе и укрепил захваченную власть на десять лет.

3. ...В это время Аталарих, предавшись безграничному пьянству, впал в болезнь и в полный маразм. Поэтому и Амалазунта колебалась, не зная, что ей делать; видя, до какой степени безумия дошел ее сын, она не могла положиться на его добрую волю, а с другой стороны, в случае смерти Аталариха она не считала, что и жизнь ее самой в будущем останется в безопасности, так как она была ненавистна самым важным из готов. Поэтому, чтобы спастись самой, она захотела передать власть над готами и италийцами императору Юстиниану. Случилось, что с Деметрием и Гипатием прибыл в Италию один из сенаторов, Александр. Когда император услышал, что корабль Амалазунты стал на якорь в гавани Эпидамна, сама же она медлит, хотя прошло много времени, он послал Александра, чтобы он высмотрел, в каком положении находятся все дела Амалазунты, и дал ему

знать. Официально император отправил Александра в качестве посла, беспокоясь о положении около Лилибея (об этом я уже рассказывал в прежних книгах [IV: V, 11 сл.], а также потому, что десять гуннов, бежавших из лагеря в Ливии, прибыли в Кампанию, и Улиарий, начальник охраны в Неаполе, с полного согласия Амалазунты принял их к себе; кроме того, готы, воевавшие около Сирмии с гепидами, обошлись с городом Гратияной, находящимся на границе Иллирии, как с вражеским. Жалуясь на это, он написал письмо Амалазунте и с ним послал Александра. Когда он прибыл в Рим, он оставил там духовных лиц, чтобы они вели дела, из-за которых они прибыли, сам же отправился в Равенну и, тайно сообщив Амалазунте слова императора, открыто вручил ей его письма. В этих письмах говорилось следующее: “Крепость в Лилибее, принадлежащую нам, ты захватила силой и владеешь ею и сейчас; варваров, беглецов из моего лагеря, ты приняла к себе и не думаешь даже сейчас их вернуть, а с моей Гратияной ты поступила недопустимо и недостойно тебя. Ввиду всего этого тебе следует подумать, чем все это может окончиться”. Когда Амалазунта прочла переданные ей письма, она ответила следующее...

5. В это время огромной славой пользовался Велисарий ввиду недавней своей победы над Гелимером и вандалами. Узнав о том, что постигло Амалазунту, император тотчас решил начать войну; это был девятый год его царствования. И Мунду, главнокомандующему в Иллирии, он приказал двинуться в Далмацию, бывшую под властью готов, и попытаться захватить Салону. Мунд был родом варвар, но исключительно предан интересам императора и очень сведущ в военном деле. Велисария же император послал с флотом, дав ему из кадровых солдат и союзников четыре тысячи и из исавров приблизительно три тысячи. Начальниками были прославленные Константин и Бесс из Фракии и происходивший из царского дома иберов Пераний из Иберии, пограничной с мидийцами; он уже давно пришел к римлянам в качестве перебежчика вследствие ненависти к персам. Кадровыми всадниками командовали Валентин, Магн и Иннокентий, пехотой – Геродиан, Павел, Деметрий и Урсичин; начальником исавров был Енн. В качестве союзников следовало двести гуннов и триста мавров. Над всеми главнокомандующим был Велисарий, который имел с собой много прославленных пре-

торианцев, копьеносцев и щитоносцев. Отправился с ним и сын его жены Антонины от первого брака, Фотий; он был еще молод и первый пух бороды украшал его лицо, но он отличался замечательным разумом и обладал физической силой большей, чем соответствовало возрасту. Император дал Велисария инструкцию делать вид, что он направляется в Карфаген; когда же он прибудет в Сицилию, то высадится там под предлогом какой-то необходимости и попытается захватить остров; если возможно будет подчинить его себе без труда, то завладеть им и уже не выпускать из своих рук; если же встретятся какие-либо затруднения, то плыть спешно в Ливию, не дав никому заметить подобного плана.

10. ...В той части укреплений, которые прилежали к морю и где держали караул не варвары, а иудеи, воины не могли воспользоваться лестницами, а потому и подняться на стены. Эти иудеи были особенно ненавистны своим неприятелям: ведь это они были виновниками, помешавшими Велисария взять город без боя, и поэтому у них не было никакой надежды на спасение. Хотя город был уже взят, они продолжали храбро сражаться и, сверх ожидания, сопротивлялись натиску неприятелей. Когда наступил день и некоторые из перешедших стены двинулись на них, то и они, поражаемые с тыла, стали обращаться в бегство. Неаполь был взят с боем. Через ворота, которые были уже открыты, вошло в город все римское войско. Те, которые были поставлены у ворот, обращенных на восток, так как у них нигде не было под рукой лестниц и так как эти ворота остались совершенно без охраны, сожгли эти ворота: на этой стене не было никого, так как стража обратилась в бегство. Тут произошло страшное избиение. Все, охваченные гневом, особенно те, у которых брату или родственнику суждено было погибнуть в битве под стенами, избивали всякого попадавшегося им навстречу, не щадя возраста; врываясь в дома, они обращали в рабство детей и женщин, грабили; особенно отличались массагеты, которые не чтили даже храмов и многих бежавших туда захватили в плен, пока Велисарий, повсюду проходя, не запретил таких насилий и, созвав всех, не произнес следующей речи: “Так как бог дал нам стать победителями и достигнуть столь великой славы, отдав в наши руки город, который до сих пор считался неприступным, то и нам необходимо не быть недостойными такой милости, но человеколюбивым отношением к побеж-

денным показать себя по справедливости одолевшими их. Не проявляйте к неаполитанцам бесконечной ненависти и вражду к ним не продолжайте за пределы войны. Ведь никто из победителей не продолжает ненавидеть побежденных. Убивая их, вы не освобождаетесь на будущее время от неприятелей, но будете наказывать смертью своих же подданных. Поэтому дальше не делайте этим людям зла и не давайте своему гневу полной свободы. Ведь позорно оказаться победителями своих врагов и явно быть слабее своего гнева. Все их богатства да будут вам наградой за вашу доблесть, но жены с детьми да будут возвращены их мужьям. Пусть побежденные поймут на самом деле, каких друзей лишились они по своему неразумию”. Сказав это, Велисарий отдал неаполитанцам женщин и детей и всех остальных пленных, не испытывавших никакого насилия, и примирил с ними своих воинов. Так пришлось неаполитанцам в один этот день сделаться пленниками и вновь получить свободу, вновь приобрести самое ценное из своего имущества: ведь те, которые имели золото или другое что-либо ценное, давно уже спрятали их, зарыв в землю, и так как враги этого не знали, они, получив назад свои дома, смогли скрыть от них и свои богатства. Так окончилась осада, затянувшаяся приблизительно на двадцать дней. Взятых здесь готов, числом не меньше восьмисот, не причинивших никакого зла, Велисарий оставил при себе и держал их в не меньшем почете, чем своих воинов.

16. Велисарий укрепил кругом всю территорию Рима вплоть до реки Тибра. И когда он все привел в надлежащий порядок, то многих из своих щитоносцев и копьеносцев, среди которых были массагеты Зантер, Хорсоман и Эхсман, и другое войско он дал Константину и велел идти в Этрурию, чтобы подчинить эти местности. Бессу он дал знать, чтобы он овладел Нарнией, бывшей самым укрепленным городом в Этрурии. Этот Бесс был родом гот из числа тех, которые в древности жили во Фракии и не последовали за Теодорихом, когда он повел оттуда народ готов на Италию. Это был человек энергичный и очень хорошо знающий военное дело; прекрасный полководец, он сам мог очень искусно проводить военные предприятия. Этот Бесс при полном согласии жителей занял Нарнию, а Константин без всякого труда подчинил своей власти Сполитион (Сполето), Перузию и другие маленькие укрепления: этруски добровольно принимали

его в свои города. Поставив гарнизон в Споитии, он сам с остальным войском остался в Перузии, бывшей главным городом Этрурии, и спокойно выжидал. Услыхав об этом, Вигитис направил против него во главе войска Унилу и Питзу. Константин выступил против них и вступил в бой в предместье Перузии. Так как варвары превосходили численностью, то вначале битва была нерешительной, но затем римляне, превосходя их своим искусством и доблестью, обратили врагов в бегство и во время их беспорядочного отступления они истребили их почти всех, а их предводителей, взятых в плен живыми, они послали к Велисария. Когда об этом услышал Вигитис, он не захотел больше оставаться в Равенне, где его задерживали Марций и его войско, еще не пришедшие из Галлии. В Далмацию он послал с большим войском Азинария и Улигизала, чтобы они удержали Далмацию во власти готов, и поручил им, привлекая на свою сторону войско местных варваров из местечек вокруг Свабии (Свевии), вместе с ними двинуться на Далмацию и к Салонам. Вместе с ними он послал много длинных (военных) кораблей, чтобы они могли осадить Салоны с суши и моря. Сам же он поспешил со всем войском двинуться к Риму против Велисария, ведя с собой не меньше ста пятнадцати тысяч пехи и конных; из них было много конных, одетых в кольчуги.

27. Вот что сделали готы на третий день, после того как они были отбиты при штурме стен. Дней двадцать спустя после того, как они взяли Порт, город и гавань, прибыли Мартин и Валериан, приведя с собой тысячу шестисот всадников. Большинство из них были гунны, славяне и анты, которые имеют свои жилища по ту сторону реки Дуная, недалеко от его берега. Велисарий был обрадован их прибытием и считал, что в дальнейшем им нужно перейти в наступление против врагов. И вот, на другой день он приказывает одному из своих телохранителей, человеку смелому и деятельному, по имени Траяну, взяв из щитовосцев двести всадников, идти прямо на варваров и, подойдя очень близко к их укреплениям и поднявшись на высокий холм (он ему указал его), держаться спокойно. В случае если неприятель двинется против них, он приказал не давать им вступать в рукопашный бой или браться за мечи или дротики, а пользоваться только луками; когда же он увидит, что их колчаны опустели, то без всякого стыда обратиться в бегство и из всех сил бегом

вернуться в укрепления. Дав такие поручения, он держал наготове метательные машины и специалистов около них. Выйдя с двумястами из Саларийских ворот, Траян двинулся на неприятельский лагерь. Пораженные неожиданной вылазкой, готы двинулись из лагерей, вооружившись каждый чем попало. Воины, бывшие с Траяном, взойдя на холм, который им указал Велисарий, отражали оттуда варваров, поражая их стрелами. И их стрелы, так как они попадали в большую толпу, всегда поражали или человека, или коня. Когда же у них истощились все запасы стрел, они из всех сил помчались назад, а на них наседали преследовавшие их готы. Когда они оказались близко от стен Рима, то приставленные к этому люди стали пускать во врагов из машин стрелы, и испуганные варвары приостановили свое преследование. Говорят, что в этом деле у готов погибло не меньше тысячи. Немного дней спустя Велисарий послал Мундиду, другого из своих телохранителей, и Диогена, людей исключительно хорошо знавших военное дело, с тремястами щитовосцев, приказав им делать то же, что и первым. И они действовали тем же способом. Когда неприятели двинулись против них, то им удалось тем же способом порубить их не меньше, если не больше, чем в первом деле. Послав в третий раз с тремястами всадников своего телохранителя Оилу, чтобы сделать с врагами то же самое, он и на этот раз получил тот же результат. В этих трех, как мною сказано, вылазках он убил приблизительно четыре тысячи человек.

Враги считали это вообще несчастным случаем и проявлением злой судьбы, именно то, что, будучи в большом количестве, они терпят поражение от небольшого отряда неприятелей, выступивших против них, а с другой стороны, сами, нападая на них небольшими отрядами, ими избиваются. Римляне же открыто восхваляли умение и предусмотрительность Велисария, само собой разумеется, очень им удивлялись, но в частных беседах его близкие спрашивали его, основываясь на чем в тот день, когда он, побежденный врагами, должен был от них бежать, высказывал твердую уверенность, что он победит их на войне силой в открытом сражении? И он сказал, что в самом начале, вступив в сражение с небольшим отрядом, он заметил, какая разница между тем и другим войском, так что если вступить в сражение, сохраняя пропорциональное соотношение сил, то многочислен-

ность врагов не может причинить вреда его малочисленному войску. Разница в том, что почти все римляне и их союзники гунны являются хорошими стрелками из луков верхом, а из готов с этим делом никто не знаком, но их всадники привыкли пользоваться только дротиками и мечами; их же стрелки сражаются пешими и вступают в бой, прикрытые рядами тяжеловооруженных воинов. Поэтому их всадники, если идет не рукопашный бой, не имея чем защищаться против врагов, пользующихся луками, легко ими поражае-

мые (стрелами), гибнут, а пехотинцы никогда не могут произвести нападения на всадников. Вследствие этого, утверждал Велисарий, варвары в этих столкновениях побеждаются римлянами. Готы же, принимая во внимание такие странные несчастья, происходящие с ними, уже в дальнейшем не подходили к стенам Рима небольшими отрядами и не преследовали врагов, вызывавших и беспокоивших их; они только отгоняли их на известное расстояние от укреплений.

Книга VI

1. После этого римляне уже не решались подвергаться опасности сражения всем войском, но, как и прежде, они делали внезапные конные вылазки и по большей части побеждали варваров. Выходили также и пехотинцы с той и другой стороны, но не большими боевыми фалангами, а небольшими отрядами, сопровождая всадников. Как-то раз Бесс при первом натиске ворвался в ряды врагов с копьем в руке и убил трех из славнейших всадников готов, а остальных обратил в бегство. В свою очередь Константин, выведя поздно вечером гуннов на Нероново поле и увидав, что враги подавляют их своей численностью, сделал следующее. С прежних времен здесь находился большой стадион, на котором в древности сражались гладиаторы Рима; старинные жители города построили вокруг этого стадиона много разных зданий и поэтому, что и естественно, повсюду в этом месте образовались узкие проходы. И вот тогда-то Константин, не имея возможности ни одолеть такой большой толпы готов, ни отступить, не подвергаясь большой опасности, приказав всем гуннам сойти с коней, сам пеший вместе с ними стал в одном из здешних узких проходов. И отсюда, поражая безопасно для себя стрелами врагов, они убили многих. Поражаемые ими готы некоторое время выдерживали: они надеялись, что как только в колчанах гуннов не окажется больше стрел, они без всякого труда окружат их и, связав, отведут их в свой лагерь. Когда же массагеты, бывшие отличными стрелками, посылая свои стрелы в большую толпу врагов, попадали ими почти каждый раз то в одного, то в другого неприятеля, то готы, заметив, что у них погибло больше половины, на закате солнца, не зная, что им делать, устремились в бегство. Массагеты, преследуя их, так как они прекрасно умели стрелять из лука даже на полном скаку, все

так же искусно поражали их во время бегства в спину. Таким образом, в Рим Константин вернулся с гуннами уже ночью.

4. ...Там есть храм апостола Павла, отстоящий от укреплений Рима на расстоянии четырнадцати стадий; мимо него протекает река Тибр. Там нет никаких укреплений, но из города до самого храма идет галерея и много выстроено разных других зданий вокруг него; все это делает данное место не очень доступным. Кроме того, готы питают какое-то почтение к этим святым местам. Ни один храм обоих апостолов – Петра и Павла – в течение всей этой войны не подвергся с их стороны какому-нибудь оскорблению, так что священники в этих храмах могли совершать, как они привыкли, свое служение. В этом месте Велисарий приказал Валериану, взяв с собою всех гуннов, устроить на берегу Тибра укрепленный лагерь, чтобы у них могли здесь пастись безопасно лошади, да и готы должны были бы в большей степени воздерживаться уходить очень далеко от своего лагеря. Он так и стал делать. Когда же гунны остановились там лагерем, как было приказано главнокомандующим, Валериан вернулся в город. Сделав все это, Велисарий сохранял спокойствие, не начиная общего сражения, но приготовившись защищаться со стен всеми силами, если кто-нибудь двинется на них с враждебными намерениями. И некоторым из римских плебеев он доставлял хлеб. Мартин же и Траян, пройдя ночью через неприятельские укрепления и придя в Террацину, отправили Антонину с немногими воинами в Кампанию, сами же, захватив в этих местах укрепления, делали оттуда нападения и, совершая внезапные набеги, теснили тех из готов, которые заходили в эти места. Магн и Синфуэс в короткое время вновь воздвигли укрепление, лежавшее в развалинах, и когда они сами оказались в безо-

пасности, они стали причинять тем больше неприятностей врагам, так как их укрепление было недалеко от лагерей готов: они делали частые набеги, неожиданно нападая на тех варваров, которые провозили мимо них продовольствие; это продолжалось до тех пор, пока Синфуэс в какой-то битве не был ранен копьем в правую руку; оно перервало ему мышцы, и он оказался уже неспособным к войне. Со своей стороны, и гунны, устроив, как сказано, лагерь по соседству с готами, причиняли им не меньше неприятностей, так что сами готы стали уже страдать от голода: они уже не могли с прежней безопасностью подвозить се-

бе продовольствие. Также и моровая язва поразила их и многие из них умерли, особенно в лагере, который они, как мною выше было указано, в последнее время устроили около Аппиевой дороги. Немногие из них, оставшиеся в живых, удалились в другие укрепления. То же самое испытали и гунны, поэтому и они вернулись в Рим. Вот что происходило здесь. Прокопий же, прибыв в Кампанию, собрал там не меньше пятисот воинов и, заполнив хлебом большое количество судов, стоял в готовности. Немного позже прибыла к нему и Антонина и вместе с ним стала заботиться о флоте.

Книга VII

6. ...Узнав об этом и считая это великим несчастьем, император тотчас же назначил префектом претории для Италии Максимиана с тем, чтобы он был главнокомандующим над военными начальниками и доставлял воинам все, что нужно. С ним он послал флот, на корабли которого он посадил войско из фракийцев и армян. Начальником фракийцев был Геродиан, а во главе армян стоял Фаза, родом ибер, племянник Перания. Вместе с ним плыло и немного гуннов. Поднявшись со всем флотом из Византии, Максимин прибыл к Эпиру в Элладе. Там он без всякого основания остановился, теряя дорогое время. Он был совершенно неопытен в военном деле, поэтому труслив и крайне медлителен. Затем как начальника пешего войска император послал Деметрия, который и раньше совершал походы с Велисарием, командуя пешими легионами. Этот Деметрий, пристав к Сицилии, услышал, что Конон и неаполитанцы терпят очень тяжелую осаду, так как у них полный недостаток продовольствия; он решил возможно скорее двинуться к ним на помощь, но сделать это он был не в силах, так как войско у него было малочисленное и вообще весьма неважное. Тогда он придумал следующее: собрав в Сицилии возможно большее число кораблей и наполнив их хлебом и всяким продовольствием, он заставил неприятелей думать, что на кораблях плывет большое войско. Как оказалось, враги так и подумали. Они считали, что против них идет большое войско, заключая это из того, что, по их сведениям, из Сицилии плывет против них большой флот. И если бы Деметрий решился сразу идти прямо к Неаполю, думаю, он испугал бы врагов и спас город, так как никто не выступил бы против него. Но он сам, испугавшись опасности,

решил совсем не приставать к Неаполю, а поплыл в гавань Рима и там спешно стал набирать солдат. Они же, разбитые варварами и чувствовавшие перед ними большой страх, решительно отказывались идти с Деметрием против Тотилы и готов. Поэтому он был принужден идти в Неаполь только с теми, которые прибыли с ним из Византии. Был тут другой Деметрий родом из Кефалении, старый моряк, очень опытный в морских делах и опасностях. Он участвовал вместе с Велисарием в его походах на Ливию и Италию и настолько прославился своей опытностью, что император назначил его наместником Неаполя. Когда варвары начали осаждать это место, он, будучи человеком несдержанным на язык, очень часто оскорблял Тотилу и позволял себе говорить чересчур много лишнего. Когда стало ухудшаться и без того их плохое положение и быстрыми шагами приближалась к осажденным гибель, он решился с согласия Конона один сесть тайно на маленький челнок и отправиться к начальнику войска Деметрию. Сверх вероятия, прибыв благополучно и встретившись с Деметрием, он очень его ободрил и побудил к данному предприятию. Тотила же, услышав, что это за флот, держал наготове очень много быстроходных судов "дромонов". Как только враги пристали к берегу в этом месте, недалеко от Неаполя, Тотила, появившись внезапно, поверг их в ужас и всех обратил в бегство. Многих из них он убил, очень многих взял в плен живыми; бежали только те, которые с самого начала сумели вскочить в корабельные шлюпки; в числе их был и сам военачальник Деметрий. Все корабли со всем их грузом и экипажем варвары захватили в свои руки. Там они нашли и Деметрия-наместника. Отрезав ему язык и

обе руки, они не убили его, но, покалечив его таким образом, разрешили ему идти куда он хочет. Такое возмездие понес Деметрий за свое злоречие и распущенность языка по отношению к Тотиле.

11. Вот каким образом произошло взятие Тибура. Велисарий же, придя со всем войском в Равенну, собрав бывших там готов и римских воинов, сказал следующее: “Не в первый раз теперь, воины, дела, совершенные доблестью, уничтожаются трусостью негодных людей. Искони, попросту говоря, это присуще человеческим делам, и развращенность негоднейших людей имела достаточно сил, чтобы низвергнуть и окончательно погубить великие деяния прекрасных мужей. Так и теперь разрушилось дело императора. И он так сильно заботится исправить все эти погрешности, что окончательное одоление персов он поставил ниже, чем здешние дела, и решил вновь послать меня к вам, чтобы исправить и залечить те раны и беды, которые нанесены военачальниками его воинам или готам. Чтобы никто не делал никогда никаких ошибок, это не свойственно человеку, неестественно и противно природе, но ошибки эти поправлять вполне надлежит императору, и это в данном отношении вполне достойное утешение для тех подданных, кого он любит. Этим вам будет возможно не только избавиться от всех наших бедствий, но уразуметь благоволение к вам императора и им насладиться. А что другое может быть для человека дороже? Что поставит он выше всякого богатства? А так как именно для этого я и прибыл к вам, надо, чтобы и каждый из вас употребил все усилия, чтобы вновь к вам вернулось проистекающее отсюда благополучие. Если есть у кого из вас родственники или друзья, находящиеся у этого узурпатора Тотилы, вызовите их возможно скорее, сообщив им решение императора, таким образом вы приобретете себе все блага мира и милости великого императора, ведь я сюда прибыл не для того, чтобы все время воевать, и не очень охотно стал бы я врагом подданных императора. Если же они и теперь, считая для себя унижительным выбрать для них же лучшее, пойдут против нас, то и мы, как бы нам этого ни хотелось, будем обращаться с ними как с врагами”. Так сказал Велисарий. Но к нему не явился никто из врагов: ни гот, ни римлянин. Затем Велисарий посылает своего телохранителя Торимута с некоторыми из тех, кто прибыл с ним, и Виталия с иллирийским отрядом в Эмилиеву область и велит ему

попытаться захватить ее укрепленные пункты. С этим войском Виталий подошел к Бононии и, взяв по добровольной сдаче несколько укреплений, спокойно задержался там. Немного времени спустя все иллирийцы, которые участвовали с ним в походе, внезапно, не испытав и не услышав ни о каких неприятностях, тайно ушли оттуда и вернулись домой. Отправив к императору послов, они просили простить их, говоря, что они таким образом вернулись домой не вследствие чего-либо другого, как только потому, что им, прослужившим в Италии долгое время, жалованье выплачивалось очень плохо и казна много им задолжала. Случилось же в это время, что войско гуннов напало на иллирийцев, забрало в плен и обратило в рабство их жен и детей. Узнав об этом, они, мучимые голодом в Италии, и ушли. Вначале император гневался на них, но затем он их простил. Узнав об уходе иллирийцев, Тотила послал войско против Бононии с тем, чтобы захватить там Виталия и бывших с ним. Но Виталий и Торимут, устроив засаду шедшим на них врагам, многих из них убили, остальных же обратили в бегство. В этом деле один из знатных иллирийцев, по имени Назар, начальник иллирийского отряда, проявил против врагов исключительную храбрость и геройство. Таким образом Торимут вернулся назад к Велисария в Равенну.

12. Не имея сил помочь осажденным, Велисарий послал в Византию Иоанна, племянника Виталиана, взяв с него самые страшные клятвы, что он приложит всякое старание вернуться возможно скорее; он послал его с тем, чтобы он умолял императора послать им сюда большое войско и придать много денег, а также оружия и лошадей. Он должен был сказать, что солдат у него очень мало, да и те не хотят сражаться, говоря, что казна должна им большие суммы и что у них ничего нет. Так это и было на самом деле. Сверх того Велисарий написал письмо императору, гласившее следующее: “Мы прибыли в Италию, о могущественнейший император, без людей, без копей, без оружия и денег. Не имея всего этого в достаточном количестве, я думаю, никто и никогда не мог бы вести войну. Проехав сплошь всю Фракию и Иллирию, мы набрали солдат страшно мало, жалких, никогда не державших оружия в руках и совершенно неопытных в военном деле. Я не вижу, чтобы те, которые оставались здесь, были всем довольны; они исполнены страха перед врагами, и ум их поработен мыслью о постоянных поражениях;

они не просто бегут от врагов, но бросают коней и кидают оружие. Получить денежные доходы с Италии нам невозможно, так как давно уже она захвачена врагами. Поэтому, не заплатив вовремя жалованья солдатам, мы не можем им приказывать. Наши долги отнимают у нас право резко разговаривать с ними. Знай и то, государь, что из числа тех, которые служили тебе, большая часть теперь оказалась перебежчиками к неприятелю. Если нужно было только послать Велисария в Италию, то все у тебя готово для войны: я ведь опять уже среди италийцев. Если же ты хочешь победить на войне своих врагов, то нужно приготовить и все остальное снаряжение. Я думаю, что, не имея, по крайней мере, помощников и нужных средств, никто не может считать себя военачальником. Поэтому прежде всего можно послать ко мне сюда моих телохранителей и щитоносцев, а затем большое количество гуннов и других варваров, которым надо немедленно же дать денег”.

14. Был некто Хильбудий, близкий к императорскому дому, в военном деле человек исключительно энергичный и настолько чуждый жажды стяжательства, что вместо величайших богатств он не приобрел никакого состояния. На четвертом году своей единодержавной власти император, назначив этого Хильбудия начальником Фракии, поставил его для охраны реки Истра, приказав ему следить за тем, чтобы жившие там варвары не переходили реку. Дело в том, что жившие по Истру варвары, гунны, анты и славяне, часто совершая такие переходы, наносили римлянам непоправимый вред. Хильбудий настолько был страшен варварам, что в течение трех лет, пока он был облечен званием военачальника, не только никто из варваров не осмеливался перейти Истр для войны с римлянами, но сами римляне, неоднократно переходя под начальством Хильбудия в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров. Спустя три года после своего прибытия Хильбудий, по обычаю, перешел реку с небольшим отрядом, славяне же выступили против него все поголовно. Битва была жестокая; пало много римлян, в том числе и их начальник Хильбудий. После этого река навсегда стала доступной для переходов варваров по их желанию и римская область – совершенно открытой для их вторжения. Таким образом, оказалось, что все могущество Римской империи в этом деле совершенно не может равняться доблести одного человека.

Спустя некоторое время анты и славяне рассорились между собой и вступили в войну. Случилось так, что в этой войне анты были побеждены врагами. В этом столкновении один славянин взял в плен юношу, едва достигшего зрелости по имени Хильбудия, и отвел его к себе домой. С течением времени этот Хильбудий оказался очень расположенным к своему хозяину и в военном деле очень энергичным. Не раз подвергаясь опасностям из-за своего господина, он совершил много славных подвигов и смог добиться для себя великой славы. Около этого времени анты сделали набег на Фракийскую область и многих из бывших там римлян ограбили и обратили в рабство. Гоня их перед собою, они вернулись с ними на родину. Одного из этих пленников судьба привела к человеколюбивому и мягкому хозяину. Сам же этот пленник был очень коварным и способным обмануть любого встречного. Так как при всем желании он не находил никаких средств вернуться в римскую землю, он придумал следующее. Придя к хозяину, он рассыпался в похвалах его милосердию, утверждая, что за это ему от бога будет много всяких благ, что сам он ни в коем случае не окажется неблагодарным своему добрейшему господину, и что если хозяин захочет послушать его добрых советов, которые он очень хорошо обдумал, то в скором времени он сделается обладателем большой суммы денег. У одного славянского племени на положении раба находится Хильбудий, бывший военачальник римлян, скрывающий от всех варваров, кто он такой. Если ему будет угодно выкупить Хильбудия и доставить его в землю римлян, то вполне естественно, что он получит великую славу и очень много денег от императора. Такими речами римлянин тотчас убедил своего хозяина и вместе с ним отправился к славянам. У этих народов был заключен мирный договор, и они без страха общались друг с другом. И вот, предложив хозяину Хильбудия большую сумму, они купили этого человека и с ним быстро вернулись домой. Когда они вернулись к себе, на свое местожительство, купивший стал его спрашивать, правда ли, что он Хильбудий, римский военачальник? Он не отказался рассказать все, как было, и со всей откровенностью изложил по порядку всю свою жизнь, что он сам родом ант, что, сражаясь вместе со своими родичами со славянами, бывшими тогда их врагами, был кем-то из неприятелей взят в плен, теперь же, придя в родные земли, он в дальней-

шем, согласно закону, будет уже свободным. Заплативший за него деньги остолбенел, лишившись даже речи от изумления, и впал в величайший гнев, потеряв столь великую надежду на выгоду. Но римлянин, желая его утешить и скрыть истину, чтобы не сделать своего возвращения домой более затруднительным, продолжал настаивать, что этот человек тот самый римский Хильбудий, но что он, находясь в среде варваров, боится открыть все, когда же окажется в римской земле, не только не будет скрывать правды, но, естественно, будет гордиться этим именем. Вначале все это делалось тайно от остальных варваров.

Когда же этот слух, распространяясь в народе, стал достоянием всех, то по этому поводу собрались почти все анты, считая это дело общим и полагая, что для них всех будет большим благом то, что они – хозяева римского полководца Хильбудия. Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы. Они считают, что один только бог, творец молнии, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу, и когда им вот-вот грозит смерть, охваченным ли болезнью, или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания. Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они часто меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек (хитонов), ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут в сражение с врагами. У тех и других один и тот же язык, достаточно варварский. И по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый и не совсем

черный, но все они темнокрасные. Образ жизни у них, как у массагетов, грубый, без всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они неплохие и совсем не злобные, но во всей чистоте сохраняют гуннские нравы. И некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племена называли спорами (“рассеянными”), думаю потому, что они жили, занимая страну “спорадно”, “рассеянно”, отдельными поселками. Поэтому-то им и земли надо занимать много. Они живут, занимая большую часть берега Истра, по ту сторону реки. Считаю достаточным сказанное об этом народе.

Собравшись, как сказано выше, анты заставили этого человека признать, как они хотели, что он Хильбудий – римский военачальник. Они грозили, что накажут его, если он будет это отрицать. В то время, когда все это происходило, император Юстиниан, отправив некоторых лиц послами к этим варварам, предлагал им поселиться в древнем городе, по имени Туррис, расположенном у самого берега реки Истра. Этот город построил римский император Траян, но он уже издавна был покинут, так как местные варвары его постоянно грабили. Император Юстиниан соглашался одарить их этим городом и окружающей его областью, так как искони она принадлежала римлянам, обещает, что будет жить с ними, всячески стараясь сохранить мир, и даст им много денег с тем только, чтобы на будущее время они клятвенно обещали соблюдать с ним мир и всегда бы выступали против гуннов, когда те захотят сделать набег на римскую империю. Варвары все это выслушали, одобрили и обещали сделать все это, если он восстановит начальником римского вождя Хильбудия и даст ему жить вместе с ними, утверждая, как они и задумали, что этот человек и есть Хильбудий. Возымев надежды на столь высокое положение, уже и сам этот человек пожелал быть им и утверждал, что он Хильбудий, римский военачальник. Его, отправленного с этой целью в Византию, Нарсес захватил на своем пути. Встретившись с ним и найдя, что он обманщик (хотя он говорил на латинском языке и искусно притворялся, узнав уже наперед многое из того, чем можно было воспользоваться в качестве примет Хильбудия), он заключил его в тюрьму и принудил рассказать все дело. После этого отступления возвращаюсь к продолжению своего рассказа.

Книга VIII

1. Все то, о чем я до сих пор рассказывал, я написал, насколько это было возможно, с таким расчетом, чтобы разделить содержание и распределить его по книгам в соответствии со странами, где приходилось вести военные действия. Эти книги уже вышли в свет и распространены повсеместно в Римской империи. Но отныне в своем рассказе я не буду придерживаться этого порядка. К изданным мною произведениям, уже совершенно законченным, я не могу присоединить описание новейших событий, но обо всем том, чему суждено было совершиться в течение этих войн, равно и о войне против мидийского племени, о войнах о которых я уже писал раньше в прежних книгах, я напишу и в этой книге обо всем, что случилось нового. Таким образом, рассказ мой о событиях по необходимости будет “пестрой” всеобщей историей. В моих прежних книгах изложено уже все то, что произошло до четвертого года того пятилетнего перемирия, которое было заключено между римлянами и персами. В следующем затем году большое полчище персидского войска вторглось в землю Колхиды. Во главе их стоял некто, по имени Хориан, родом перс, человек очень опытный во всех военных делах; за ним в качестве союзников следовало много варваров из племени аланов. Когда это войско прибыло в область Лазики, которая называется Мохересис, оно остановилось, став лагерем на удобном месте. Протекает там также река Гишпис, небольшая и несудоходная, но доступная для перехода и для всадников, и для пехотинцев. На правом берегу ее они поставили укрепленный лагерь, но не у самого берега, а довольно далеко в стороне. Чтобы читающие эти строки могли вполне ясно представить себе все места в области лазов и то, какие племена живут в этой стране, и чтобы читатели не были принуждены слушать все эти рассказы, как будто сражаясь с какими-то теньями, мне показалось вполне современным описать в этой части своей книги, как и какие люди живут по так называемому Евксинскому Понту. Я хорошо знаю, что и более древними писателями все это описано, но я думаю, что все то, что ими сказано, не вполне точно¹⁸. Некоторые из них называли соседей трапезунтцев или санами (мы их теперь называем тзанами), или колхами, назвав лазами других, к которым еще и теперь применяется это имя. На самом деле не верно ни то, ни другое. Тзаны, находясь очень далеко от берега моря, живут рядом с армянами в середине ма-

терика. Между ними и морем вздымаются цепи высоких гор, трудно проходимых и совершенно отвесных, большая область, искони бывшая пустынной и безлюдной, русла горных рек, из которых трудно выбраться, непроходимые пропасти и холмы, покрытые густыми лесами. Все это отделяет тзанов от берега, не давая им права считаться приморским народом. Что же касается лазов, то невозможно, чтобы они не были колхами, так как они живут по берегу реки Фасиса: как это бывает и у многих других племен, они только имя колхов переменили на имя лазов. Но, помимо этого, многие века, которые протекли со времени тех, кто раньше писал об этих вопросах, внеся новое в положение дел, могли изменить то, что было прежде, в силу ли переселения племен, в силу ли следовавшей одна за другой перемены властей и названий; поэтому я счел крайне важным все это точно расследовать и изложить, а не те всем известные мифические легенды или древние сказания, не заниматься расследованием, в каком месте Евксинского Понта, по словам поэтов, был прикован Прометей; я ведь полагаю, что между историей и мифологией большая разница. Но я хочу точно изложить и историю названий и описать материальную культуру и отношения, какие доныне присущи каждой из этих местностей.

2. Этот Понт начинается от Византии и Калхедона (Халкидона) и кончается в земле колхов. Если плыть по нему, держась правого берега, то здесь по его берегам живут вифинцы и соседние с ними гонориаты и пафлагоняне, у которых, кроме других приморских местечек, есть города Гераклея и Амастрис. За этими племенами идет Понтийская область до города Трапезунта и его границ. Затем идет ряд небольших приморских городков, в том числе Синоп и Амис, а поблизосги от Амиса так называемый Фемискур и река Фермодонт, где, говорят, был военный лагерь амазонок. Об амазонках я буду писать немного ниже. Границы Трапезунта простираются до поселка Сусурмен и до местечка, носящего название Ризей, которое отстоит от Трапезунта на расстоянии двух дней пути вдоль берега по направлению к Лазике. Раз я упомянул о Трапезунте, то не следует пропустить возможности указать на то, что там встречается особенность, совершенно противоречащая общераспространенным представлениям, а именно: мед во всех этих местностях около Трапезунта бывает горьким, опровергая, таким образом.

только в этом месте общее мнение о сладости меда. Направо от этих мест сплошь высятся горы страны тзанов, по другую сторону которых живут армяне, подданные римлян. Из этих гор тзанов вытекает река, называемая Боас, которая, протекая по густым и обширным зарослям и по холмистой¹⁹ местности, проходит очень близко от страны лазов и впадает в Евксинский Понт, но уже не носит имени Боаса. Дело в том, что, подходя к морю, он теряет свое имя и приобретает в этих местах другое название, которое он получает в силу следующих физических свойств. Местные жители в остальном его течении называют его Акамписис (“неуклонным”) по той причине, что там, где он смешивает свои воды с водами моря, он не меняет своего течения: со столь огромной силой и быстротой он впадает в море, вызывая сильное волнение и бурное течение; вливаясь очень далеко в море, он делает недоступным плавание к этим местам. Те, кто плавают в этих местах Понта, направляясь ли прямо в страну лазов или снявшись оттуда и направляясь в открытое море, не могут плыть ближайшим путем; они не в состоянии пересечь течения реки, но, свернув в этом месте очень далеко в открытое море, они плывут почти посередине Понта и только таким образом могут избавиться от силы этого течения. Вот что я хотел сказать о реке Боас,

3²⁰. Над этой страной лежит горный хребет Кавказа. Эти Кавказские горы вздымаются так высоко, что их вершин не касаются ни дожди, ни снегопады: они выше всяких туч. Начиная от середины и до самой вершины они сплошь покрыты снегом; предгорья же их и у подошвы очень высоки, их пики ничуть не ниже, чем у других гор. Отроги Кавказских гор, обращенные к северо-западу, доходят до Иллирии и Фракии, а обращенные к юго-востоку достигают до тех самых проходов, которыми живущие там племена гуннов проходят в землю персов и римлян; один из этих проходов называется Тзур, а другой носит старинное название Каспийских ворот. Всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы; это – племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов. Этим свой рассказ о Кавказском хребте я считаю оконченным.

Тут живут гунны, так называемые сабиры, и некоторые другие гуннские племена. Говорят, что отсюда же вышли амазонки и разбили свой лагерь около Фемискура на реке Фермо-

донте, как я говорил немного выше, там, где теперь находится город Амис. Теперь в окрестностях Кавказского хребта нигде не осталось ни воспоминания, ни имени амазонок, хотя и Страбон²¹ и другие писатели много рассказывают о них. Мне кажется наиболее верным относительно амазонок мнение тех, которые утверждали, что никогда не существовало такого “отдельного” племени храбрых женщин и что законы человеческой природы не могли быть нарушены только в области Кавказского хребта; они говорили, что огромное войско варваров двинулось из этих мест на Азию со своими женами; став лагерем у реки Фермодонта, варвары мужчины, оставив здесь своих жен, стали бродить, грабя и опустошая большую часть земель Азии. Когда против них поднялись жившие здесь народы, они были все перебиты, и никто из них, ни один человек, не вернулся в лагерь к своим женам. Эти женщины в дальнейшем под влиянием страха перед окружающими их жителями и вынужденные к этому недостатком продовольствия приняли волей-неволей мужской облик, надев на себя оружие и воинские доспехи, оставленные мужчинами в лагере; вооружившись таким образом, они доблестно совершили много славных подвигов, так как их толкала на это необходимость. Это продолжалось до тех пор, пока они все не погибли. Я и сам думаю, что это было так, что амазонки шли походом вместе со своими мужьями, основываясь на том, что происходило фактически и в мое время: обычаи, дошедшие до позднейших потомков, являются отражением природных свойств и привычек предков. Так ведь гунны не раз делали набеги на Римскую империю и вступали в рукопашный бой с теми, кто выходил против них: конечно, некоторым из них приходилось здесь пасть убитыми. После удаления варваров, подбирая и осматривая тела убитых, римляне находили среди них и тела женщин²². Ведь другого женского войска нигде, насколько известно, не было найдено ни в одном месте – ни в Азии, ни в Европе. Да и поскольку нам известно по слухам, и горы Кавказа никогда не были лишены мужского населения. Вот что хотел я рассказать относительно мужского населения. Вот что я хотел рассказать относительно амазонок.

За Апсилиями и за вторым краем этого “полумесячного” залива по берегу живут абасги, границы которых простираются до гор Кавказского хребта. Эти абасги издревле были подданными лазов, начальниками же искони

веков они имели двух из своих соплеменников: из них один властвовал над западной частью их страны, другой занимал восточную. Эти варвары еще в мое время почитали роци к деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами. Со стороны своих властителей из-за их корыстолюбия эти племена испытывали неслыханные вещи. Дело в том, что оба эти царя замеченных ими красивых и лицом и фигурой мальчиков без малейших угрызений совести отнимали у родителей и, делая евнухами, продавали в римские земли тем, кто хотел купить их за большие деньги. Родителей же этих мальчиков тотчас же убивали для того, чтобы кто-нибудь из них не попытался в будущем отомстить царю за несправедливость по отношению к их детям и чтобы царь не имел в числе своих подданных людей, для него подозрительных. Таким образом, красота их сыновей осуждала их на гибель; эти несчастные погибали, имея несчастье родить детей, обладавших роковой для них и смертоносной красотой. Поэтому-то большинство евнухов у римлян и главным образом в царском дворце были родом абасги. При ныне царствующем императоре Юстиниане все отношения у абасгов облеклись в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру, и император Юстиниан, послав к ним одного из императорских евнухов, родом абасга, Евфрата именем, решительно запретил их царям на будущее время лишать кого-нибудь из этого племени признаков мужского пола, железом насилуя природу. С удовольствием абасги услышали этот приказ императора. Получив смелость в силу такого приказанья императора, они уже решительно воспротивились таким действиям своих властителей. А до этого времени каждый из них боялся, как бы ему не стать отцом красивого сына. Тогда же император Юстиниан воздвиг у абасгов храм Богородицы и, назначив к ним священников, добился того, чтобы они приняли весь христианский образ жизни. В скором времени абасги, низложив своих царей, решили жить на свободе. Так шли дела здесь.

4. За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгов и аланов. По берегу же Понта Евксинского утвердились зехи. В древности этим зехам римский император назначил царя, теперь же эти варвары ни в чем уже не повинуются римлянам. За ними живут сагины; приморской же частью их страны издревле владели римляне. Для их устрашения они выстроили два

приморских укрепления: Севастополь и Питиунт, находящиеся друг от друга на расстоянии двух дней пути, и с самого начала держали здесь военный гарнизон. В прежнее время, как я сказал [II, 16], легионы римских войск занимали все города по побережью от Трапезунта до страны сагинов: теперь же у них оставались только эти два укрепления, в которых еще в мое время стояли гарнизоны. Но когда персидский царь Хосров был призван лазами в Петру, он очень хотел послать сюда персидское войско, с тем чтобы оно захватило эти укрепления и само заняло их своим гарнизоном. Когда об этом заблаговременно узнали римские солдаты, то, предупреждая врагов, они сожгли дома и до самого основания разрушили стены и, без малейшего промедления сев на суда и переправившись на противолежащий материк, ушли в город Трапезунт. Правда, они причинили ущерб Римской империи разрушением этих крепостей, но этим же они доставили ей и большую пользу, потому что враги не смогли завладеть этой страной; не достигнув никакого результата вследствие разрушения крепостей, враги вернулись в Петру. Вот какие дела были здесь.

За сагинами осели многие племена гуннов. Простирающаяся отсюда страна называется Евлисия; прибрежную ее часть, как и внутреннюю, нанимают варвары вплоть до так называемого Меотийского болота и до реки Танаиса (Дона), который впадает в “болото”. Само это “болото” вливается в Евксинский Понт. Народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами. Дальше, на север от них, занимают земли бесчисленные племена антов. Рядом с теми местами, откуда начинается устье “болота”, живут так называемые готы тетракситы; они немногочисленны и тем не менее не хуже многих других с благоговением соблюдают христианский закон. [Танаисом местные жители называют и то устье, которым начинается от Меотийского болота Танаис и, простираясь, как говорят, на двадцать дней пути, впадает в Понт Евксинский, и даже тот ветер, который дует тут, они называют Танаитой]. Принадлежали ли эти готы когда-нибудь к арианскому исповеданию, как и все другие готские племена, или в вопросах исповедания веры они следовали другому какому-нибудь учению, этого я сказать не могу, так как и сами они этого не знают, да и не задумывались над этим: но донныне с душевной простотой и великой безропотностью чтут свою веру. Неза-

долго перед этим, а именно когда исполнился двадцать один год единодержавного правления императора Юстиниана, они прислали к Византию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы, потому что тот, который у них был священнослужителем, незадолго перед тем умер: они узнали, по их словам, что и абасгам император прислал священника. Император Юстиниан, очень охотно исполнив их просьбу, отпустил их. Эти послы вследствие страха перед гуннами-утигурами открыто, в присутствии многочисленных слушателей, говорили довольно туманно, из-за чего они пришли, и ничего другого не объявили императору, кроме просьбы о назначении священнослужителя, но в беседе, совершенно тайной, встретившись с глазу на глаз, они изложили все, насколько Римской империи будет полезно, если соседние с ними варвары будут находиться в вечных распрях друг с другом. Каким образом и поднявшись откуда осели здесь тетракситы, я сейчас расскажу.

5. В древности великое множество гуннов, которых тогда называли киммерийцами, занимали те места, о которых я недавно упоминал, и один царь стоял во главе их всех. Както над ними властвовал царь, у которого было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур. Когда их отец окончил дни своей жизни, оба они поделили между собою власть и своих подданных каждый назвал своим именем. Так и в мое еще время они именовались одни утигурами, другие кутригурами. Они все жили и одном месте, имея одни и те же нравы и образ жизни, не имея общения с людьми, которые обитали по ту сторону “болота” и его устья [Керченского пролива], так как они никогда не переправлялись через эти воды, да и не подозревали, что через них можно переправиться; они имели такой страх перед этим столь легким делом, что даже никогда не пытались его выполнить, совершенно не пробуя даже совершить этот переезд. По ту сторону Меотийского болота и его впадения в Евксинский Понт, как раз на этом берегу и живут с древних времен так называемые готы-тетракситы, о которых я только что упоминал; значительно в стороне от них осели готы-визиготы, вандалы и все остальные племена готов. В прежние времена они назывались также скифами, так как все те племена, которые занимали эти местности, назывались общим именем скифов; некоторые из них назывались савроматами, меланхленами (“черноридцами”) или каким-либо другим именем.

По их рассказам, если только это предание правильно²³, однажды несколько юношей киммерийцев, предаваясь охоте с охотничьими собаками, гнали лань: она, убегая от них, бросилась в эти воды. Юноши из-за честолюбия ли, или охваченные азартом, или их побуждала к этому какая-либо таинственная воля божества, последовали за этой ланью и не отставали от нее, пока вместе с ней не достигли противоположного берега. Тут преследуемое ими животное (кто может сказать, что это было такое?) тотчас же исчезло (мне кажется, оно явилось только с той целью, чтобы причинить несчастье живущим там варварам); но юноши, потерпев неудачу в охоте, нашли для себя неожиданную возможность для новых битв и добычи. Вернувшись возможно скорее в отеческие пределы, они тотчас же поставили всех киммерийцев в известность, что для них эти воды вполне проходимы. И вот, взявшись тотчас же всем народом за оружие, они перешли без замедления “болото” и оказались на противоположном материке. В это время вандалы уже поднялись с этих мест и утвердились в Ливии, а визиготы поселились в Испании²⁴. И вот киммерийцы, внезапно напав на живших на этих равнинах готов, многих из них перебили, остальных же обратили в бегство. Те, которые могли бежать от них, снявшись с этих мест с детьми и женами, покинули отеческие пределы, перейдя через реку Истр, оказались в землях римлян. Сначала они причинили много зла живущему здесь населению, но затем с соизволения императора они поселились во Фракии. С одной стороны, они сражались вместе с римлянами, являясь их союзниками и получая от императора, как и другие воины, ежегодное жалованье и нося звание “федератов”: так называли их тогда римляне этим латинским словом, желая, думаю, тем показать, что готы не были ими побеждены на войне, но заключили с ними договор на основании известных условий. Условия, касающиеся военных дел, по-латыни называются “федера” (foedera), как я это указывал раньше в прежних книгах [III: II, 4]. С другой стороны, часть этих же готов вела с римлянами и войны без всякого основания со стороны римлян, до тех пор, пока не ушла в Италию под начальством Теодориха. Таков ход событий в истории готов.

Перебив одних, заставив других, как я сказал выше, выселиться из страны, гунны заняли эти земли. Из них кутригуры, вызвав своих жен и детей, осели здесь и до моего еще време-

ни жили на этих местах. И хотя они ежегодно получали от императора большие дары, но тем не менее, переходя через реку Истр, они вечно делали набеги на земли императора, являясь то союзниками, то врагами римлян. Утигуры со своим вождем решили вернуться домой, с тем чтобы в дальнейшем владеть этой страной одним. Недалеко от Меотийского болота они встретили так называемых готов-тетракситов. И сначала готы, устроив преграду из своих щитов против наступавших на них готов, решились отражать их нападение, полагаясь на свою силу и на крепость своих позиций [Перекопский перешеек]; они ведь были самыми сильными из всех тамошних варваров. Кроме того, начало устья Меотийского болота, где в то время обосновались готы-тетракситы, образует залив в виде полумесяца, окружая их почти со всех сторон и поэтому дает для наступающих против них один и при этом не очень широкий путь. Но потом (так как ни гунны не хотели тратить здесь на них время, ни готы никак не могли надеяться с достаточным успехом сопротивляться такой массе врагов) они вступили друг с другом в переговоры, с тем чтобы, соединив свои силы вместе, совершить переход; они решили, что готы поселятся на противоположном материке у самого берега пролива, там, где они живут и теперь, и, став на дальнейшее время друзьями и союзниками утигуров, будут жить там все время, пользуясь с ними равными и одинаковыми правами. Вот каким образом основались здесь готы. Так как кутригуры, как я уже сказал, остались в землях по ту сторону болота на запад, то утигуры одни завладели страной, не доставляя римлянам никаких затруднений, ибо по месту жительства они совершенно не соприкасались с ними: между ними жило много племен, так что волей-неволей им не приходилось проявлять против них никаких враждебных действий.

За Меотийским болотом и рекой Танаисом большую часть лежащих тут полей, как мною было сказано, заселили кутригуры-гунны. За ними скифы и тавры занимают всю страну, часть которой еще и ныне называется Таврикой; там, говорят, был храм Артемиды, главной жрицей которого некогда была Ифигения, дочь Агамемнона. Говорят, однако, что и армяне в своей так называемой Келесенской области имели такой храм, а скифами в то время назывались все тамошние народы; доказывают они это тем, о чем я в ходе своего исторического изложения рассказывал относительно

Ореста и города Команы [I: 17, 13 сл.]. Но пусть относительно этого каждый придерживается своего собственного мнения; ведь многое, что случилось в другом месте, а иногда и вовсе нигде не случалось, люди любят присваивать себе, выдавая за исконные родные обычаи, негодую, если не все следуют их точке зрения. За этими племенами расположен приморский город по имени Боспор, не так давно ставший подчиненным римлянам. Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор тоже подчинен римлянам, то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов. Два других небольших городка поблизости Херсона, называемые Кепы и Фанагурис, издревле были подчинены римлянам и такими были и в мое время. Но недавно некоторые из варварских племен, живших в соседних областях, взяли и разрушили их до основания. От города Херсона до устьев реки Истра, которую называют также Дунаем, пути дней десять; все эти места занимают варвары. Река Истр течет с гор страны кельтов и, обойдя северные пределы Италии, протекает по области даков, иллирийцев, фракийцев и впадает в Евксинский Понт. Все же места отсюда, вплоть до Византии, находятся под властью римского императора. Такова окружность Понта Евксинского от Калхедона (Халкидона) до Византии. Но какова величина этой окружности в целом, этого я точно сказать не могу, так как там живет такое количество, как я сказал, варварских племен, общения с которыми у римлян, конечно, нет никакого, если не считать отправления посольств. Да и те, которые раньше пытались произвести подобное измерение, ничего не могли сказать нам в точности. Одно только ясно, что правая сторона Понта Евксинского, т. е. от Калхедона (Халкидона) до реки Фасиса, имеет в длину пятьдесят два дня пути для человека налегке. Делая вполне возможное заключение, можно было бы сказать, что и другая, левая часть Понта не намного меньше.

8. ...В этом римском войске был некто Артабан, родом из персо-армян, который много раньше перебежал к армянам, подданным римлян, не просто, но убийством ста двадцати воинственных и крепких персов, дав римлянам речительство в своей преданности. В то время Валериан был начальником римских войск и Армении. Придя к нему, Артабан просил дать ему пятьдесят римлян. Получив просимое, он пошел на укрепление, лежавшее в

пределах персо-армян. Это укрепление занималось ста двадцатью персами. Они приняли его с его спутниками, так как еще не было ясно, что он, перейдя на сторону врагов, замыслил государственный переворот. Он же, убив этих сто двадцать персов и разграбив все те богатства, которые были в этом укреплении (а их было очень много), вернулся к Велисарии и к римскому войску. Этим он доказал римлянам свою верность и в дальнейшем входил в состав их войска. Во время этой битвы Артабан, взяв с собой двух римских воинов, вышел на середину между двух войск, куда явились и некоторые из врагов. Устремившись на них, он тотчас же поразил копьем одного из персов, выдающегося и доблестью духа и силою тела, и, сбросив с коня, поверг его на землю. Один из варваров, стоявший рядом с павшим, нанес мечом Артабану рану, но не смертельную, в голову, в области уха, но другой из спутников Артабана, родом гот, поразил этого самого человека, рука которого еще лежала на голове Артабана, в левую сторону под ребра и отправил на тот свет. Тогда тысяча отборных персов, испуганные их гибелью, стали отступать и поджидать Хориана с другим войском персов и аланов и в скором времени соединились с ними. Тем временем под начальством Губаза и Дагисфея подошла к своим всадникам пехота, и с обеих сторон начался рукопашный бой. Тут Филегаг и Иоанн, полагая, что у них не хватит сил, чтобы выдержать наступление варварской конницы, особенно потеряв надежду на силы лазов, соскочили с коней и заставили всех римлян и лазов сделать то же самое. Образовав возможно более глубокую фалангу, они, все пешие, единым фронтом стояли против врагов, выставив против них копья. Варвары, не зная, как им быть (они не могли ни делать отдельных налетов, так как их противники были пехотинцами, ни привести в беспорядок их фалангу), поскольку их кони, испуганные остриями копий и шумом щитов, поднимались на дыбы, обратились к метанию стрел, подбодряя себя надеждой, что благодаря массе стрел они очень легко обратят врагов в бегство. То же самое стали делать и римляне вместе с лазами. Так как с обеих сторон пускалось очень много стрел, то и с той и с другой стороны пали многие. Персы и аланы пускали стрелы в гораздо меньшем числе, чем их противники. Но большинство их попадало в щиты и отскакивало от них. В этом сражении суждено было погибнуть начальнику персов Хориану. Кем был поражен этот вождь, нико-

му не было известно. По воле некоей судьбы одна из стрел, выделившись из целой тучи, вонзилась в нижнюю часть шеи и тотчас же окончила дни его жизни. По причине смерти одного этого человека исход сражения был предрешен, и победа склонилась на сторону римлян. Как только Хориан упал с коня на землю лицом вниз, варвары быстро бежали в укрепление, а римляне вместе с лазами, идя следом за ними, убили многих, надеясь взять неприятельский лагерь прямо с налета. Но тут один из аланов, выдающийся смелостью духа и силою тела и исключительно искусно умеющий посылать стрелы той и другой рукой, стал в самом узком месте прохода в лагерь и оказался, сверх ожидания, непреодолимой преградой для наступающих. Но Иоанн, сын Фомы, подойдя к нему очень близко, внезапно поразил его копьем, и таким образом римляне и лазы овладели лагерем. Из варваров очень многие были убиты тут же, остальные же удалились в отечественные пределы, как кто мог уйти. Так закончилось вторжение персов в пределы Колхиды; другое же их войско, подкрепив гарнизон в Петре большим количеством продовольствия и всеми остальными запасами, тоже удалилось.

9. ...За пределами апсилиев, при входе в пределы абасгов, есть место следующего рода: высокая гора, начинающаяся от Кавказского хребта и все понижающаяся, заканчиваясь как бы лестницей, тянется вплоть до самого Евксинского Понта. У подножия этой горы еще в древности абасги выстроили очень сильное укрепление, по величине наиболее значительное. Здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов, которые ни в коем случае не могут преодолеть неприступность этого места. Есть один только проход, ведущий в это укрепление и в остальную страну абасгов, по которому нельзя идти людям даже по двое в ряд. Так что нет ничего удивительного, что приходилось идти туда один за одним, друг за другом, пешими и то с трудом. Над этой узкой тропой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от лагеря до самого моря. Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди, говорящие здесь по-гречески, называют его Трахеей – сурово-кремнистым. И вот римское войско пристало к берегу между пределами абасгов и апсилиев; высадив воинов на сушу, Иоанн и Улигаг двинулись пешим строем, а моряки на легких судах всем флотом следовали за войском вдоль берега. Когда же они подошли

очень близко к Трахее и увидели над собой вооруженных и в боевом порядке абасгов, стоявших над этой тропой, о которой я только что говорил, вдоль всего обрыва, они остановились в большом недоумении, не зная, как им выйти из настоящего положения. Наконец Иоанн, глубоко поразмыслив, нашел средство выйти из этого бедственного положения следующим образом. Оставив тут Улигага с половиною войска, он сам с остальными вновь сел на корабли. На веслах они обогнули место, где Трахея подходит к берегу, и тем самым оказались в тылу у неприятелей. Подняв знамена, они пошли на врагов. Абасги, увидя врагов, нападающих на них с двух сторон, уже не стали смотреть на возможность защищаться и не сохраняли своего боевого строя, но в полном беспорядке обратились в бегство и стали отступать с этого места все дальше и дальше. Страх, а поэтому и растерянность так сковали их, что они не могли сообразить ни о выгоде для них их родных гористых местностей, ни того, что они легко могли здесь пройти. Преследуя их с двух сторон, римляне захватили и убили очень многих из них. Вместе с бегущими они бегом дошли до их укрепления и нашли ворота еще открытыми. Сторожа не решились заложить ворота, принимая еще своих, убежавших сюда. И вот, преследующие, смешавшись с бегущими, ворвались в ворота, одни, гонимые жаждой спасения, другие – стремлением захватить укрепление. Найдя ворота еще открытыми, они все вместе устремились в них. Сторожа у ворот не могли ни отделить абасгов от неприятелей, ни закрыть ворота – так толпа давила на них. Таким образом абасги, с радостью почувствовавшие себя внутри своих стен, оказались взятыми в плен вместе со своим укреплением. Но и римляне, полагавшие, что они победили врагов, оказались здесь перед еще большей трудностью. Так как дома абасгов были многочисленны, отстояли друг от друга на близком расстоянии и, кроме того, были окружены со всех сторон своего рода стеною, то абасги, взойдя на них, защищались изо всех сил, поражая врагов в голову, охваченные, с одной стороны, опасением и страхом перед римлянами, а с другой – жалостью к своим женам и детям и чувством безвыходности своего положения, пока римляне не додумались поджечь дома. И вот, подложив огонь со всех сторон, они наконец одержали победу. Правитель абасгов Опсит с небольшим отрядом сумел бежать и удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кав-

казского хребта. Остальным досталось на долю или вместе с горевшими домами обратиться в пепел, или попасть в руки неприятелей. Римляне взяли в плен жен начальников со всем их потомством; стены укрепления они разрушили до основания и всю страну опустошили жестоко. Так окончилась попытка абасгов отпасть. А у апсилив произошло вот что.

11. ...Случайно в этом войске римлян было несколько варваров из племени сабиров; находились они здесь по следующей причине. Сабирь являются гуннским племенем; живут они около Кавказских гор. Племя это очень многочисленное, разделенное, как полагается, на много самостоятельных колен. Их начальники издревле вели дружбу одни с римским императором, другие – с персидским царем. Из этих властителей каждый обычно посылал своим союзникам известную сумму золота, но не каждый год, а по мере надобности. Так вот и тогда император Юстиниан, призывая своих сторонников из сабиров на войну и прося прислать союзные отряды, отправил к ним некоего человека с деньгами. Ввиду того, что враждебные им племена занимали все пространство между ними и римлянами и идти в Кавказские горы особенно с деньгами представлялось далеко не безопасным, этот человек, прибыв к Бессу в римский лагерь, где они находились, осаждая Петру, послал к сабирам людей с извещением, чтобы они возможно скорее прибыли к нему за получкой денег. Варвары, выбрав троих из своих начальников, с небольшим отрядом отправили их в область лазов. Прибыв туда, они вместе с римлянами приняли участие в этом нападении на стены Петры. Когда они увидели, что римляне при сложившихся обстоятельствах не знают, что делать, и попали в безвыходное положение, они придумали такое приспособление (машину), какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том, и в другом государстве было всегда, да и теперь есть, большое количество инженеров. Часто в течение всего времени и те и другие пользовались таким сооружением для разрушения стен в местностях неровных и трудно доступных, но никому из них не пришла такая мысль, которая явилась тогда у этих варваров. С ходом времени у людей появляются новые мысли и новые изобретения для их предприятий. И в данное время сабирь придумали соорудить таран, но не так, как он обычно сооружается, а введя в него новшества следующего рода. На эту машину они не положи-

ли ни прямых, ни поперечных бревен, но, сплетя толстые ветки, всюду приделали их вместо бревен; прикрыв машину шкурами, они сохранили форму тарана, подвесив на свободно двигающихся веревках посередине, как обыкновенно, одно только бревно, заостренное и покрытое железом, как острие стрелы, чтобы часто бить им в стены укрепления. И настолько легким сделали они это сооружение, что не было никакой нужды в людях, находящихся внутри его, чтобы тащить или толкать его, но человек сорок, которые должны были, поднимая кверху, раскачивать бревно, и бить им в стену, находясь внутри этой машины, прикрытые кожами, могли без всякого труда нести этот таран на плечах. Варвары сделали три таких машины, взяв бревна с железом из тех таранов, которые римляне приготовили и не могли придвинуть к стене. Теперь же, человек сорок римских воинов, выбранных из самых храбрых, войдя вовнутрь каждой из этих машин, без труда поставили эти орудия рядом со стеной. По ту и другую сторону каждой машины стояли другие воины, в панцирях, прикрыв головы со всей тщательностью шлемами, держа в руках шесты, концы которых были снабжены железными крючьями. Это было сделано с той целью, чтобы, когда удары тарана в стену расшатывают ряды камней, можно было растаскивать этими шестами рассыпающиеся камни и откидывать их. Римляне принялись за дело, и стена уже стала качаться от частых ударов. Те, которые стояли по обеим сторонам машины, своими шестами с крючьями вытаскивали из кладки сооружения те камни, которые уже расседились, и откидывали их. Казалось, что город вот-вот будет взят. Но персы придумали следующее. Деревянную башню, которая давно у них была сделана, они оставили над стенами и наполнили ее самыми воинственными из своих воинов, одев их в панцири и покрыв голову и остальное тело кожаными доспехами с набитыми железными шипами. Наполнив сосуды серой, асфальтом и другим снадобьем, которое мидяне называют “навфа” – нефть, а эллины – “маслом Медеи”, поджегши их, они стали бросать на эти машины с таранами. Они чуть было все не сгорели. Но те, которые, как я сказал, стояли рядом с этими машинами, своими шестами (о них я только что упоминал), непрерывно подхватывая сосуды, бросаемые со всех сторон, и очищая от них крышу машин, тотчас же сбрасывали их на землю. Они начинали уже думать, что не смогут долго выдер-

жать такую работу, так как огонь, чего только ни касался, тотчас же все сжигал, если его немедленно не сбрасывали.

13. Мермероес, боясь как бы за этот промежуток времени не случилось чего плохого с Петрой и оставленными там персами, поднялся всем войском и двинулся туда; самое время года, следовавшее за зимою, побуждало его к этому. Узнав в пути о случившемся, он отказался от этого намерения, зная, что по эту сторону Фасиса нет никакого другого местечка, кроме Петры, где бы жили лазы. Повернув назад и захватив проходы из Иберии в Колхиду, там где Фасис представляет возможность переправы, он перешел его вброд, равно как и реку по имени Рион, которая тоже в этом месте была несудоходной; оказавшись, таким образом, на правом берегу Фасиса, он двинулся со своим войском на Археополь, который был первым и самым значительным городом у лазов. Его воины за небольшим исключением были все всадниками, и за ними следовало восемь слонов. Стоя на них, персы собирались, как с башен, поражать врагов в головы. И вполне законно всякий может удивиться выносливости персов в военном деле и их инженерному искусству, так как они ведущую из Иберии в Колхиду дорогу, бывшую вследствие покрытых лесом обрывов и непроходимой чащи зарослей в ужасном состоянии, покрытую лесами столь густыми, что раньше, казалось, по ней нельзя пройти даже пешему налегке, – сделали настолько ровной, что не только вся их конница прошла по ней без всякого труда, но они могли вести с собой в походе по этой дороге и слонов в любом количестве. Пришли к ним сюда и их союзники гунны из числа так называемых сабиров в количестве двенадцати тысяч. Но Мермероес, боясь, чтобы при такой численности эти варвары не только не перестали по доброй воле повиноваться его приказаниям, но не совершили бы какого-либо насилия над самим персидским войском, позволил четырем тысячам из них идти вместе с ним походом, остальных же, богато одарив деньгами, отпустил на родину. Римское войско состояло из двенадцати тысяч, но оно не было собрано в одном месте. В Археополе в качестве гарнизона было оставлено три тысячи под начальством Одонаха и Бабы; оба они были люди опытные в военном деле. Остальное же войско стояло лагерем по эту сторону устья реки Фасиса с тем намерением, чтобы, снявшись отсюда, всеми силами идти на помощь туда, где появилось бы неприятельское вой-

ско. Во главе этого войска стоял Бенил и Улигаг. Вместе с ними был и Вараз, из Персоармении, недавно прибывший из Италии. За ним следовало восемьсот тзанов. Бесс же, как только взял Петру, больше уже не хотел подвергаться трудам, но, удалившись в область Понта и Армении, всячески заботился собрать доходы со своей провинции, и такой своей мелочностью он вновь погубил дело римлян. Если бы он тотчас же после победы, как я говорил, и по взятии Петры пошел в пределы лазов и иберов и, захватив находящиеся там теснины, укрепил их, то, по моему мнению, персидское войско не могло бы пройти в область лазов. Теперь же этот военачальник, не захотев взять на себя этого труда, чуть ли не своими руками отдал врагам Лазику, мало обращая внимания на гнев императора. Император Юстиниан обычно прощал все ошибки своим погрешившим начальникам, и поэтому не раз они были уличаемы в незаконных деяниях как в своей личной жизни, так и в государственных преступлениях.

14. Археополь лежит на очень обрывистом холме; мимо этого города течет река, сбегаящая с гор, которые нависают над городом. Нижние ворота его, дорога из которых ведет вниз по склону к подножию холма, не являются вполне недоступными, но дорога, ведущая к ним с равнины, на подъеме является неровной. Верхние же ворота, выходящие на обрыв, являются совершенно недоступными. Местность перед этими воротами покрыта густой зарослью, которая простирается на большое пространство. Так как живущим в этом городе неоткуда получать воду, кроме как из реки, то те, которые основали здесь город, провели две стены до самой реки, чтобы им было возможно безопасно отсюда черпать воду. Мермероес именно тут и решил всеми силами штурмовать стену и упорно проводил следующим образом намеченный им план. Прежде всего он велел сабирам делать много стенобитных машин, которые можно было бы людям носить на плечах; обычные машины он никоим образом не мог пододвинуть к укреплениям Археополя, так как они были расположены на подъеме горы. Он слышал, какие машины были сделаны союзными с римлянами сабирами около стены Петры немного раньше, и, подражая тому, что ими было там изобретено, он из этого опыта хотел извлечь для себя пользу. Они стали делать то, что он им приказал, и скоро сделали много стенобитных орудий, таких же, какие сделали для римлян недавно,

как я рассказывал, союзные с ними сабиры. Затем к той части города, которая стоит на отвесных скалах, он послал так называемых доломитов, поручив им всеми силами стараться беспокоить находящихся на этой стороне неприятелей. Эти доломиты, варвары, живущие среди персов, никогда не были подданными персидского царя. Поселившись в горах, отвесных и совершенно недоступных, с древних времен вплоть до наших дней они оставались независимыми; и только соблазненные платой, они пошли с персами, когда те отправились в поход против своих врагов. Все они пехотинцы, у каждого меч и щит, и в руках три дротика.

Они умеют очень хорошо и быстро лазить по стремнинам и по вершинам гор, как будто они бегают по гладкой равнине. Поэтому Мермероес поручил им штурмовать стены в этом месте, сам же он со всем остальным войском, со стенобитными орудиями и со слонами двинулся к нижним воротам города. И вот персы и сабиры, пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий, которыми они, можно сказать, закрыли здесь небо, почти добились того, что под их напором римляне готовы были оставить верх укреплений. Со своей стороны и доломиты, бросая свои дротики со скал, находившихся вне укреплений, еще в большей степени, чем первые, причиняли врагам затруднения. Со всех сторон дела римлян были плохи, везде грозили им опасности, и они испытывали самые тяжелые бедствия.

Тогда Одонах и Баба, желая или показать личную храбрость, или испытать воинов, или под влиянием какого-то божественного наития, оставили наверху укреплений только очень немногих воинов, которым они велели отражать от стен штурмующих, всю остальную массу созвали к себе и обратились к ним с кратким поощрительным словом, сказав так: "Товарищи воины! Вы видите наше теперешнее опасное положение, в какой нужде мы находимся. Но нам менее всего следует поддаваться малодушию перед этими бедами. Людям, которые отчаялись в спасении, есть одна только возможность спастись — не надеяться ни на какое спасение; ведь тех, кто чересчур любит жизнь, по большей части неизменно постигает гибель. В наших трудных обстоятельствах нам нужно принять во внимание следующее: пока мы защищаемся от врагов здесь, за укреплениями этих стен, как бы мы смело ни сражались, дело нашего спасения не на очень твердом основании. Битва, в которую

мы вступаем издалека, ни у кого не оставляет возможности проявить свою личную храбрость и по большей части находится во власти случая. Всякий же раз, когда происходит рукопашный бой, результат его зависит от воодушевления, а вместе с храбростью является и победа. Помимо этого, воины, достигшие успеха в столкновении, когда им приходилось сражаться за укреплениями, можно считать достигали не очень большого успеха, так как в данный момент, правда, им удавалось отразить от себя врагов, но на другой день опасность появлялась снова с той же силой и через короткое время, потерпев поражение, они погибают, что и естественно, со всеми своими укреплениями. Те же, кто победил врагов в рукопашном бою, на все остальное время избавившись от опасности, будут пользоваться полной безопасностью. Подумав об этом, пойдемте же на врагов со всей решимостью, полагаясь на высшую помощь, питая благоприятные надежды именно вследствие выпавшего нам теперь отчаянного положения. Бог по большей части спасает тех, которые уже совсем не имеют надежды на спасение своими собственными силами”.

С такими словами увещания Одомах и Баба обратились к своим воинам. Затем они открыли ворота и бегом вывели свое войско, оставив внутри города немногих по следующей причине. Накануне один из лазов, очень знатный в этом племени и обитавший в Археополе, завел переговоры с Мермероесом относительно предательства своей родины. Мермероес сказал ему, что ничем другим он не доставит персам большего удовольствия, как если во время штурма стен он тайно подожжет помещения, где был сложен хлеб и другой провиант. Он поручил ему это, считая, что произойдет одно из двух: или римляне, обратив все свое внимание на тушение пожара и занятые им, дадут персам возможность перейти стены, или же, сражаясь на стенах, желая отразить персов, они оставят без внимания эти горящие здания; и если таким образом сгорит хлеб и другие запасы, то они, персы, без большого труда в короткое время возьмут Археополь осадой. С этой целью и поручил Мермероес данное дело этому лазу; он согласился и обещал, что точно выполнит поручение, когда увидит, что штурм достиг полной силы, и, как только сможет, незаметно подложит огонь под эти здания.

16. В то время как у римлян и у персов шли в Византии переговоры, вот что случилось в

стране лазов. Царь лазов Губаз был на стороне римлян, так как он знал, что ему за то, что он принял участие в заговоре на жизнь Хосрова, грозила смерть, как я об этом рассказывал в предыдущих книгах [II: 29, 2]. Но из других лазов большинство относилось плохо к римлянам, терпя большие насилия от римских воинов; особенно они были раздражены против начальников войска. Поэтому большинство их склонялось на сторону мидян, не потому, чтобы они были восхищены персами, но потому, что они стремились при их содействии избавиться от власти римлян, предпочитая из бед те, которых еще не было. Был в числе лазов человек, не последний по известности именем Феофобий. Он самым тайным образом вступил в переговоры с Мермероесом и соглашался сдать ему Уфимерей. Мермероес, воспламеняя его великими надеждами, побуждал его на это дело, твердо пообещав, что он будет одним из самых близких друзей царя Хосрова, а у персов на памятниках на вечные времена будет записан за это благодеяние, а затем, прибавил он, “за это ты будешь велик и славой, и богатством, и могуществом”. Окрыленный всем этим, Феофобий еще горячее принялся за дело. В это время у римлян и у лазов не было никакой свободы сношений; напротив, персы с полной свободой ходили по всем этим местам, а из римлян и лазов одни скрывались у реки Фасиса, а другие прятались, захватив Археополь или какое-либо другое укрепление в этой местности. Сам Губаз, царь лазов, мог быть покойным, только держась на вершинах гор. Поэтому Феофобий без большого труда смог исполнить данное Мермероесу обещание. Придя в укрепление, он стал говорить лазам и римлянам, находившимся здесь в гарнизоне, что все войско римлян погибло, что все дело царя Губаза и окружающих его лазов проиграно, что вся Колхида стоит на стороне персов и что ни у римлян, ни у Губаза нет ни малейшей надежды вернуть себе власть над этой страной. До сих пор, говорил он, все военные действия вел один только Мермероес, приведя с собой семьдесят тысяч отборных персидских воинов и имея большое количество варваров сабиров; теперь же пришел сюда и сам царь Хосров с несказанным войском, только что соединился с ними, так что в дальнейшем не хватит для такого войска всей земли колхов. Такими чудесными рассказами Феофобий поверг в великий страх тех, кто занимал эту крепость в качестве гарнизона, и они не знали, что им делать. Они

стали умолять его, во имя бога его отцов, заклиная его, чтобы он, насколько у него есть силы, помог им в их теперешнем положении. Он им обещал, что согласен принести от Хосрова твердые обещания личной безопасности, но с тем, что они сдадут персам крепость. Когда люди согласились на это, он тотчас ушел и, вновь явившись к Мермероесу, все передал ему. Мермероес, отобрав из персов людей самых известных и выдающихся по храбрости, отправился вместе с ними в Уфимерей с тем, чтобы, дав твердые обещания находящимся там в гарнизоне относительно их имущества и личной безопасности, занять эту крепость. Так персы овладели укреплением Уфимереем и вполне закрепили за собой власть над страной лазов. И не только одну страну лазов подчинили себе персы, но и Скимнию, и Сванию, и таким образом для римлян и для царя лазов все эти места от Мохерезиса вплоть до Иберии в силу этого стали недоступны. Отражать врагов и удерживать их наступление уже не могли ни римляне, ни лазы, так как они не решались ни спуститься с гор, ни выйти из укреплений и сделать на врагов нападение.

17. ...По истечении зимы [552/553 г.] прибыл к Хосрову Исдигусна со всеми деньгами и доложил ему, о чем он договорился. Получив деньги, Хосров без промедления утвердил перемирие, но ни в коем случае не пожелал отказаться от Лазики. На эти деньги, раздав их в качестве подарка гуннам-сабирам, он набрал их большое число и с несколькими персами тотчас отправил к Мермероесу. Ему он приказал вести дело со всей энергией и для этого послал ему много слонов. Выступив со всем персидским и гуннским войском на Мохерезиса, Мермероес двинулся на крепости лазов, ведя с собой слонов. Римляне нигде не выступали против него в открытом сражении, но спокойно держались у устья реки Фасиса, под начальством Мартина, чувствуя себя в полной безопасности, хорошо защищенные крепкой позицией. К ним пришел и царь лазов Губаз. По воле судьбы это мидийское войско не сделало ничего плохого ни римлянам, ни лазам. Прежде всего, узнав, что в одной из крепостей находится сестра Губаза, Мермероес повел туда войско с тем, чтобы каким бы то ни было способом взять ее. Поскольку находящиеся там в гарнизоне защищались очень решительно и сама природа помогала им неприступностью положения, варвары должны были удалиться, ничего не сделав. После этого персы со всем своим рвением устремились на абасгов.

Но римляне, занимавшие гарнизоном Тсиби-лу, захватили проход, очень узкий и окруженный отвесными горами, как я говорил об этом раньше [гл. 10], и при таких обстоятельствах совершенно непроходимый, и остановили сильнейшее продвижение персов. Поэтому, не имея возможности заставить уйти стоящих против него врагов, Мермероес повел войско назад и тотчас же направился к Археополю с целью его осадить. Но, напрасно попытавшись взять его укрепления штурмом, потерпев в этом неудачу, он и здесь повернул назад. Римляне преследовали отступающих врагов и в неудобном для персов месте многих убили; в их числе пал и начальник сабиров. Около его трупа закипел сильный бой, и к сумеркам персы одолели противников и обратили их в бегство, а сами удалились в Кутаис и в Мохерезис. Вот что было сделано здесь римлянами и персами.

18. ...Не имея возможности за время этого перемирия прийти к разрешению противоречий, возникших между ними, они вновь собирались начать военные действия. Так как гепиды боялись Римской империи (они были уверены, что римляне будут помогать лангобардам), они решили привлечь к себе на помощь некоторых из гуннов. Поэтому они послали к властителям кутригуров, которые жили тогда у Меотийского болота, и просили их помочь им провести совместно с ними войну против лангобардов. Кутригуры тотчас же послали гепидам двенадцать тысяч человек, во главе которых среди других стоял Хиниалон – человек, исключительно хорошо знавший военное дело. Так как гепиды в данный момент были очень стеснены присутствием этих варваров, – срок нужный для войны еще не наступил: оставался еще целый год перемирия, – то они убедили их за это время сделать набег на земли императора, устроив таким образом мимходом из-за своей неготовности к войне коварное и враждебное нападение против римлян. Поскольку римляне внимательно охраняли переправу через Истр в Иллирии и во Фракии, гепиды, переправив этих гуннов через Истр на противоположный берег в своей области, направили их на римские владения. Они опустошили здесь почти все местности, император же Юстиниан придумал сделать следующее. Отправив послов к правителям гуннов-утигуров, которые жили по ту сторону Меотийского болота, он упрекал их и называл несправедливым их бездействие по отношению к кутригурам: бездеятельность, когда хо-

тят погубить друзей, нужно считать в числе самых несправедливых поступков. Ведь, говорил он, кутригуры, являющиеся вашими ближайшими соседями, отнеслись к вам с полным пренебрежением, несмотря на то, что сами они ежегодно получают от Византии крупные суммы денег, никоим образом не хотят отказать от нанесения обид римлянам и ежедневно делают набеги и грабят их без всякого стеснения. А они, утигуры, не участвуя в этом, не получают никакой выгоды и не делят добычи с кутригурами, а в то же время они игнорируют, что римлянам наносится вред, хотя издревле они являются самыми близкими друзьями римлян. Указав все это утигурам и богато одарив их деньгами, кроме того, напомнив, сколь много даров и раньше часто они получали от него, император Юстиниан убедил их немедленно двинуться походом на оставшихся кутригуров. Пригласив себе на помощь из живших рядом с ними готов, которых называли тетракситами, две тысячи воинов, они всем народом перешли реку Танаис. Начальствовал над ними Сандил, человек очень разумный и опытный в военных делах, достаточно известный своей силой и храбростью. Перейдя через реку, они вступили в рукопашный бой с многочисленным войском кутригуров, вышедшим против них. Так как они очень храбро отбивались от нападения, то битва затянулась надолго, наконец утигуры, обратив в бегство врагов, многих убили. Лишь немногие бежали и спаслись, кто как мог. Забрав в качестве рабов их детей и жен, враги вернулись домой.

19. Так эти варвары сражались тогда друг с другом, как я рассказывал. Когда опасность войны у них достигала уже критического момента, римлянам удалось воспользоваться удивительно счастливым обстоятельством. Те римляне, которые находились под властью кутригуров на положении рабов, говорят, в числе многих десятков тысяч, скрывшись во время этого сражения с возможной поспешностью, ушли оттуда, никем не преследуемые, и вернулись в родную землю, получив от чужой победы для себя выгоду в том, что является самым дорогим. А император Юстиниан, послав военачальника Аратия к Хиниалону и к другим гуннам, велел объявить им что произошло в их земле, и, предложив им деньги, уговорить их возможно скорее уйти из земли римлян. Узнав о нападении утигуров и получив от Аратия большие деньги, варвары согласились не производить больше убийств, не обращать

никого из римлян в рабство и не делать ничего другого неприятного римлянам и так удалиться отсюда, как если бы они шли здесь через страну, занятую друзьями. Они договорились и о том, что если эти варвары будут в состоянии, вернувшись в свою страну, там основаться, то и в дальнейшем они сохранят верность римлянам; если же им остаться там будет невозможно, то они снова вернутся в землю римлян, и император одарит их какими-либо местами во Фракии, с тем чтобы они, поселившись здесь, в дальнейшем были подручными римлянам (федератами) и со всей тщательностью оберегали страну от всех других варваров. Но и из тех гуннов, которые были побеждены в сражении и успели бежать от утигуров, две тысячи перешли в землю римлян вместе со своими детьми и женами. Во главе их, кроме других, стоял Синний, который много лет назад воевал под начальством Велисария против Гелимера и вандалов. Они обратились с просьбой о защите к императору Юстиниану. Он принял их с полной охотой и велел поселиться в местечках Фракии. Когда узнал об этом Сандил, царь утигуров, он пришел в сильное раздражение и гнев: ведь этих кутригуров, родственников ему по крови, мстя им за обиду, нанесенную ими римлянам, он выгнал из их родных пределов, а теперь они, принятые самим императором, поселились на землях римлян и будут жить еще лучше, чем прежде. Поэтому он отправил к императору послов с упреками за такой поступок, не вручив им никакого письма, так как и до сих пор гунны совершенно безграмотны, не слышат ничего о науках и не занимаются ими, нет у них даже и простых учителей²⁵, и дети растут у них, не изучая грамоты. Эти послы, как это бывает у самых варварских народов, должны были устно передать императору то, что их царь поручил им сообщить императору. И, представ перед лицом императора Юстиниана, они заявили, что, вместо письма, их устами говорит их царь Сандил следующее: “В детстве слышал я одну поговорку и помню ее, и если я что-либо из нее не забыл, то эта поговорка такова. Говорят, что дикий волк мог бы, как это ни трудно допустить, переменить свою волчью шкуру, но характера своего он никогда изменить не может, поскольку природа его ему этого не позволяет. Вот что, – говорит Сандил, пользуясь поговорками, – слышал я еще от стариков, таким иносказательным словом намекавших на человеческие отношения. Знаю это и я сам, научившись на опыте, насколько можно было

научиться варвару, живущему в полях: пастухи берут себе собак еще щенками и заботливо воспитывают их дома; собака – животное очень ценное и преданное тем, кто его кормит, и самое памятливейшее на оказанное ему добро. Делается это пастухами с той целью, чтобы в случае, если волки кинутся на стадо, эти собаки отразили их нападение, являясь хранителями и спасителями стад. И я думаю, что так все это делается повсюду на земле. Никто из всех людей не видал, чтобы собаки злоумышляли против стада, или чтобы волки когда-либо его защищали, но природа как бы дала определенный характер собакам, овцам и волкам. Думаю я, что и в твоей империи, где может происходить очень много различных вещей, может быть даже самых удивительных, такая перемена нигде произойти не может. Или покажите моим послам нечто подобное, чтобы я на пороге старости узнал что-либо из необычного; если же везде неизменно бывает одно и то же, то тебе не следует оказывать гостеприимство племени кутригуров, создавая себе такое, думаю я, подозрительное соседство; ведь тех, которых ты не мог выносить, когда они были далеко от твоих границ, ты теперь хочешь поселить на одной земле. Немного пройдет времени, и они покажут римлянам свой истинный свойственный им характер. Да и, кроме того, не будучи врагами, они не перестанут злоумышлять против Римской империи в надежде, что даже побежденные они получают от тебя лучшее положение, чем имели раньше; ни тем более, будучи друзьями, не будут стоять за римлян, отражая тех, кто захочет совершать набеги на вашу землю, из страха, что, проведя дело блестяще по воле судьбы, они увидят побежденных ими находящимися у вас в лучшем положении, чем они сами. Так и мы: живем мы в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной, а этим кутригурам дается возможность надеяться хлебом, они имеют полную возможность напиваться допьяна вином и выбирать себе всякие приправы. Конечно, они могут и в банях мыться, золотом сияют эти бродяги, есть у них и тонкие одеяния, разноцветные и разукрашенные золотом. А ведь эти же кутригуры в прежние времена обращали в рабство бесчисленное количество римлян и уводили их в свои земли. Этим преступникам не казалось, между прочим, недопустимым делом требовать от них рабских услуг: они считали вполне естественным бить их бичами, даже если бы они ни в чем и не провинились, и даже

подвергать смерти, одним словом, применять к ним все, на что дает право господину-варвару его характер и полная его воля. Мы же своими трудами и опасностями, где мы рисковали нашей жизнью, избавили этих пленных соотечественников ваших от властвующей над ними судьбы, мы вернули их родителям, они были теми, за кого мы взяли на себя всю тяжесть войны. И вот, в ответ на поступки как со стороны нас, так и со стороны этих разбойников по отношению к вам, вы поступили как раз обратно тому, чего мы заслужили: мы продолжаем жить среди нашей прежней наследственной бедности, а эти кутригуры поделили пополам владение страной с теми, которые избегли рабства у них, спасенные нашей доблестью”. Вот что сказали послы утигуров. Император, всячески обласкав их и утешив массой даров, в скором времени отправил назад. Вот что было тогда.

21. Так шли военные дела в каждой отдельной области. Война же с готами была вот в каком положении. Когда император вызвал Велисария в Византию, как мною рассказано в предшествующих книгах [VII: 35], он держал его в большом почете и даже после смерти Германа он не захотел послать его в Италию, но, считая его начальником восточных сил, он держал его при себе, поставив во главе своих императорских телохранителей. По служебному положению Велисарий был первым среди всех римлян, хотя некоторые из них были раньше его записаны в списки патрициев и возвысились до консульского кресла; но даже и в этом случае все уступали ему первое место, стыдясь ввиду его доблести пользоваться своим законным правом и на основании его выставлять свои права. Это очень нравилось императору. Иоанн, сын Виталиана, зимовал в Салонах [VII: 40, 11]. Поджидая его, отдельные начальники римского войска в Италии в течение этого времени оставались в бездействии. Так окончилась зима, а с ней пришел к концу шестнадцатый год войны с готами, которую описал Прокопий.

С наступлением нового [551/552] года Иоанн имел в виду покинуть Салоны и со всем войском двинуться возможно скорее против Тотилы и готов. Но император запретил ему это делать и приказал ждать на месте, пока не прибудет к нему евнух Нарсес. Он решил его назначить начальником в этой войне с диктаторскими полномочиями. Почему императору было угодно так сделать, определенно никто этого не знал: ведь мысли императора узнать

невозможно, если нет на то его воли. То же, что в народе говорили в качестве догадок, я расскажу. У императора Юстиниана явилась мысль, что другие начальники римского войска меньше всего захотят слушаться Иоанна, заявляя, что они ничуть не ниже его по служебному достоинству. Поэтому император боялся, как бы они, высказывая несогласие с его мнением, или даже по зависти сознательно вреда, не привели в расстройство весь план. Но я слышал от одного римлянина (это был один из римских сенаторов) вот еще какой рассказ, когда я был в Риме. Так вот, он говорил, что во время правления Аталариха, внука Теодориха, стадо быков как-то уже к ночи шло в Риме через площадь, которую римляне называют Форумом Мира. Здесь находится храм Мира, еще в древние времена пораженный молнией. Перед этой площадью есть древний водоем, и около него стоит медный бык, думаю, работы афинянина Фидия или Лисиппа. В этом месте стоит много статуй, созданных этими двумя ваятелями. Тут стоит и другое произведение Фидия; на это указывает надпись, находящаяся на статуе. Тут же стоит и «Телка» Мирона. Древние римляне охотно украшали Рим лучшими произведениями Эллады. И вот этот римский сенатор говорил, что один из быков этого стада, кастрированный, отстав от других, вошел в этот водоем и стал над медным быком. Случайно проходил здесь один человек, родом этруск, в общем казавшийся простым; сообразив то, что здесь произошло, он сказал (этрусски и до моего времени отличаются даром предсказаний и толкований), что будет время, когда евнух победит владыку Рима. Тогда этот этруск и его речи вызвали смех. Люди любят смеяться над предсказаниями раньше их выполнения; не опровергнутые никаким другим доказательством, на основания только того, что они еще не совершились и что нет полной уверенности в том, что они сбудутся, они считают их похожими на какую-то смешную сказку. А теперь, прилагая это знамение к тому, что совершилось, они удивляются. Может быть, поэтому Нарсес был назначен военачальником против Тотилы, или потому, что мысль императора провидела будущее, или потому, что судьба повелела совершиться этому. И вот Нарсес был послан, получив от императора значительное войско и большие деньги. Когда он со своими спутниками достиг середины Фракии, то, прервав на некоторое время путь, он задержался в Филиппополе, поскольку войско гун-

нов, напав на Римскую империю, все грабило и опустошало, ни у кого не встречая сопротивления. Когда же одни из них двинулись к Фессалонике, а другие к Византии, он, с трудом освободившись отсюда, двинулся дальше.

22. В то время как Иоанн в Салонах ожидал Нарсеса, а Нарсес, связанный нашествием гуннов, двигался с крайней медлительностью, Тотила, узнав о назначении Нарсеса и ожидая его войска, делал вот что. Всех оставшихся в живых римлян и некоторых из римских сенаторов он поселил в Риме, оставив других в Кампании. Он велел им как можно лучше заботиться о городе, дав им понять, что он будто бы раскаивается в том, что он сделал до этого во вред Риму; ведь он сжег большую часть его, особенно находящуюся на северном берегу Тибра. Но они, находясь в положении почти рабов и лишенные всяких средств, не были в состоянии сделать не только что-либо в интересах общественной жизни, но даже и того, что необходимо лично для них самих. Но будучи из всех, кого мы только знаем, людьми, наиболее любящими свой город, они прилагали все старания поправить древние памятники отцов и сохранить их, дабы ничего не исчезло из древнего великолепия Рима. И хотя они долгие века испытывали на себе господство варваров, они все-таки сохранили сооружения города и большинство из его украшений, какие только было возможно: такую длительность дало этим произведениям искусство их творцов, что, ни столь продолжительное время, ни их заброшенность не могли их разрушить. Среди них и памятники начала римского рода; так, корабль Энея, основателя города, сохранился до этого времени, представляя зрелище, можно сказать, совершенно необычайное. Те, которые выстроили гавань и верфь посередине города у берега Тибра, туда поставили этот корабль и там его сохраняют. Какого он вида, я сам, видевший его своими глазами, сейчас расскажу. Этот корабль с одним рядом весел и очень длинный: в длину имеет сто двадцать футов, в ширину двадцать пять, а в высоту он имеет столько, сколько нужно для того, чтобы грести веслами. Что касается дерева, из которого он сделан, то бревна его совершенно ничем не скреплены между собою, но как и отдельные деревья, из которых сделан корабль, они не связаны между собою никакими железными скрепами: все они сделаны цельными, из одного материала, что удивительно и видеть, и слышать, и что, насколько известно, существует только в одном судне.

Киль, сделанный из одного ствола, идет от кормы до носа, образуя удивительным образом небольшой изгиб, какой нужен для трюма корабля, а затем вновь чудесным образом поднимается прямо кверху до палубы. Все толстые дуги, приделанные к килю (одни поэты называют их “дриохами”, “дубовыми державами”, а другие – “номеями”, “водилами”), каждая в отдельности цельными доходят от одной стенки корабля до другой. Загибаясь и с той и с другой стороны, они образуют очень красивый изгиб, так, чтобы можно было по ним выгнуть трюм корабля. Может быть, природа на случай такой необходимости согнула эти деревья и приспособила уже раньше их искривление к этой цели, или выпуклость этих балок была приведена к нужной форме искусством рук человеческих или каким-либо другим способом. Сверх этого, доски, идя от кормы корабля до другого его края, каждая будучи цельной, прибиваются железными гвоздями к балкам – только для этой цели и употребляются гвозди – для того, чтобы образовать стену. Выстроенный таким образом корабль представляет необыкновенное зрелище. Обычное явление, что люди не могут в ясных словах изложить большей части тех творений, которые являются странными с общей точки зрения, и лишь только тогда, когда подобные вещи они усвоят себе и сделают общепонятными, они находят и слова для их выражения. И из этого дерева ничего не сгнило, не имеет вида трухлявого, но во всех своих частях корабль является свежим, как будто он только что вышел из рук мастера, который его сделал, кто бы он ни был, и стоит крепким, даже, на мой взгляд, вызывая удивление таким чудом. Но достаточно о корабле Энея.

26. ...Нарсес, снявшись лагерем из Салон, двинулся против Тотилы со всем римским войском, бывшим очень большим. Он вез с собою очень много денег, полученных им от императора. На эти деньги он намеревался собрать значительное войско и снабдить его всем необходимым для войны, а также заплатить всем воинам, бывшим в Италии, все прежние долги; император задолжал им за долгое время, не доставляя им из казначейства, как принято, установленного жалованья. Этим способом он думал оказать воздействие на мысли и настроение тех, которые перебежали на сторону Тотилы, так чтобы они, привлеченные этими деньгами, изменили свой выбор и передумали, на чьей стороне им быть. И в прежнее время император Юстиниан относился к этой

войне с большим вниманием, но в последний момент он приготовился к ней с удивительной тщательностью. Когда Нарсес увидал, что ему суждено быть начальником этой войны в Италии, он проявил чувство гордости и честолюбия, приличествующее хорошему полководцу: он сказал, что будет служить императору, раз он это ему приказывает, только в том случае, если ему не будет отказано взять с собой хорошие боевые силы. И действительно, он получил от императора Римской империи достойные такого высокого имени деньги, отборных воинов и оружие для ведения этой войны; и сам он, проявляя неутомимую энергию, собрал значительное войско. Он вывел из Византии большое количество римских воинов, кроме того, собрал многих из жителей Фракии и Иллирии. Вместе с ним шел и Иоанн со своим собственным войском и с войском, оставленным его тестем Германом. Затем король лангобардов Аудуин, побужденный к этому со стороны императора Юстиниана большими денежными подарками и во исполнение договора о союзе, послал ему в качестве союзного отряда лучших воинов, отобрав из своих приближенных две тысячи пятьсот человек, за которыми в качестве служителей следовало больше трех тысяч воинственных бойцов. Следовало за Нарсесом и из племени эрулов больше трех тысяч, все всадники; начальником их, наряду с другими, был Филемут. Было очень много и гуннов, и Дагисфей со своими приближенными, по этой причине освобожденный из заключения; также и Кавад, имевший при себе многих персов-перебежчиков, сын Зама и внук персидского царя Кавада, о котором я рассказывал в предыдущих книгах [I: 23], что он благодаря старанию ханаранга (Адергудунбада) бежал от своего дяди Хосрова и много лет тому назад прибыл в пределы римлян. Был с ним и Асбад, юноша по возрасту, родом из гепидов, исключительно энергичный, имевший при себе четыреста своих соплеменников, выдающихся в военном деле воинов. Был в его войске и Аруф, родом эрул, но с детских лет полюбивший образ жизни римлян и взявший замуж дочь Маврикия, сына Мунда. Он сам был очень воинственен и среди своей дружины и своих приближенных имел многих из племени эрулов, людей очень прославленных в опасностях войны. Иоанн, по прозвищу Фагас (“обжора”), о котором я не раз упоминал в предыдущих книгах, стоял во главе отряда римлян, людей храбрых и воинственных. Нарсес был человеком в высшей

степени щедрым и всегда готовым оказать помощь нуждающимся; снабженный императором большими средствами, он тем более смело выполнял то, что, по его мнению, казалось важным. И в прежнее время многие начальники и простые воины видели в нем своего благодетеля. Поэтому, когда он был объявлен главнокомандующим в войне против Тотилы и готов, каждый с полной готовностью стремился идти с ним в поход; одни из них хотели отплатить за прежние милости, другие мечтали, что и естественно, получить от него великие блага. Особенно к нему были расположены эрулы и другие варвары; выдавшие с его стороны по отношению к себе исключительные милости.

27. В то время как происходило все это, имел место следующий случай. Был некий Ильдигисал [VI: 35, 19], родом лангобард; о нем я упоминал в прежних своих книгах: он был врагом Аудуина, короля этих варваров, так как Аудуин силой завладел королевским достоинством, принадлежавшим ему, Ильдигисалу, по происхождению. Поэтому Ильдигисал бежал из родных пределов и прибыл в Византию. Когда он прибыл сюда, император Юстиниан принял его очень благосклонно и поставил его начальником одного из отрядов дворцовой (палатинской) стражи, которые называются “схолами”. За ним следовало из племени лангобардов не меньше трехсот отличных бойцов. Они прежде жили все вместе во Фракии. Этого Ильдигисала Аудуин просил императора Юстиниана выдать ему как другу и союзнику римлян, желая, чтобы он заплатил ему за его дружбу предательством по отношению к просящему защиты. Император никоим образом не хотел его выдавать. Впоследствии этот Ильдигисал стал жаловаться, что ему оказывают меньше почета и дают на содержание меньше, чем это соответствует его достоинству и блеску римского имени. И по всему было видно, что он очень этим обижен. Это заметил Гоар, видный человек из готов; это был давнишний пленник римлян в этой войне, пришедший сюда из Далмации, когда еще король готов Витигис вел войну с римлянами. Это был человек гордый и очень энергичный, не желавший подчиняться ярму, наложенному на него судьбою. Когда после поражения Витигиса готы решили отпасть, подняв оружие против императора, то и он, явно уличенный в том, что участвует в государственном перевороте, был арестован и наказан изгнанием в Антиною, в Египет, и долгое время нес это наказание. Впоследствии император,

сжалившись над ним, вернул его в Византию. Этот Гоар, увидя Ильдигисала охваченным гневом по причине, о которой я сказал, непрерывно подстрекал его и убеждал воспользоваться возможностью бежать. Они договорились, что уйдут из Византии. Когда этот план пришелся им по душе, они внезапно скрываются в сопровождении немногих и, прибыв в фракийский город Апрон, соединяются с бывшими здесь лангобардами. Воспользовавшись императорскими конюшнями, они взяли отсюда большое количество лошадей и двинулись дальше. Когда император узнал обо всем этом, он разослал извещение об этом по всей Фракии и Иллирии и приказал всем начальникам и воинам, сколько у них есть силы, выступить против этих беглецов. Прежде всего небольшой отряд гуннов, так называемых кутригуров (они, как я рассказывал немного выше [19, 7], выселились из своих пределов и, получив от императора разрешение, поселились во Фракии), вступил в бой с беглецами. Победенные в сражении, некоторые из них пали, другие же, обращенные в бегство, не стали дальше преследовать беглецов, но остались тут. Таким образом, Ильдигисал и Гоар со своими спутниками прошли всю Фракию без помех с чьей бы то ни было стороны. Оказавшись в Иллирии, они нашли там римское войско, собранное с большой тщательностью, чтобы их уничтожить. Над этим войском в числе других начальников были Аратий, Рекифанг, Леониан и Аримуф. Они целый день ехали верхом. Прибыв в сумерках в какое-то лесистое место, они остановились тут, чтобы поужинать и провести здесь ночь; простым воинам эти начальники приказали устроить все остальное и позаботиться об их конях и освежиться в протекающей мимо этого места реке, чтобы отряхнуть с себя усталость от дороги. Сами же они, взяв каждый с собой по три и по четыре телохранителя, пошли в сторону, в укромное место к реке, чтобы напиться воды: их, как и следовало ожидать, мучила сильная жажда. Гоар и Ильдигисал со своим отрядом были неподалеку и, выслав разведчиков, узнали об этом. Внезапно напав на них, когда они пили воду, они всех их убили и тем обеспечили для себя в дальнейшем весь последующий путь, получив возможность ехать, куда они хотели, более безопасно. Ведь солдаты, оставшись без начальников, не знали, что им делать, и, приведенные в полное замешательство, ушли назад. Так Гоару и Ильдигисалу удалось бежать и прийти в пределы гепидов.

30. Вот как шли тут дела. И та и другая сторона стала готовиться к столкновению. Нарсес, собрав около себя войско на небольшом пространстве, обратился к нему со следующими словами, возбуждая их к сражению: “Для тех, кто идет на борьбу с врагом, равным по силам, нужны были бы, конечно, и увещевания и поощрения, побуждающие к решимости, чтобы в этом по крайней мере отношении, превосходя врагов, они вполне сознательно и по своему желанию покончили с войной. Вам же, воины, которым предстоит бой с людьми, много слабейшими, сильно отличающимися от вас и по доблести, и по численности, и по всему остальному своему снаряжению, думаю, не нужно ничего другого, как при божьем покровительстве вступить в бой. Многими молитвами добившись его помощи, с полным презрением к врагу вы одержали победу над этими разбойниками; будучи издавна рабами великого государя, они оказались беглыми его рабами; выбрав себе из этой кучи мусора самого заурядного тирана, они позволили себе долгое время беспокоить своими грабежами Римскую империю. Если только у них есть разум, у них даже мысли не могло бы явиться, чтобы решиться теперь выступить против нас. Сами себя приговорив к смерти своей неразумной смелостью и обнаруживая сумасшедшую дерзость, они решаются навлечь на себя явную смерть. Они не могут надеяться на лучшее или ждать, что, может быть, с ними произойдет нечто неожиданно благоприятное сверх всякого чаяния, но сам бог определенно ведет их к наказанию за все содеянное ими прежде. Если свыше кому-нибудь назначено какое-либо испытание, те сами своей волей идут к этому наказанию. Помимо этого, вы идете на этот бой, подвергаясь опасности ради государства, хорошо организованного, они же, стараясь стряхнуть с себя узду законов, стремятся к государственным переворотам, и, не думая, что они могут что-либо из того, чем владеют, передать своим наследникам, но хорошо зная, что все погибнет вместе с ними, живут надеждами только на сегодняшний день. Так что они достойны полного презрения. Тех, кто не связан ни законом, ни хорошим государственным управлением, покидает и всякая доблесть. И победа над ними естественно предрешена: она ведь обычно сопутствует доблести”. Таковы были слова Нарсеса, Тотила же, видя своих готов с изумлением смотрящих на стройное и решительное римское войско, в свою очередь, созвав их, сказал им:

“Я созвал вас, сотоварищи по оружию, чтобы в последний раз обратиться к вам со словами увещевания. Я думаю, что после этой битвы не нужно уже будет никаких речей поощрения: в этот день целиком решится исход войны. Действительно, и нас, и императора Юстиниана измучили и истощили все ваши силы те труды, битвы и несчастья, в которых нам пришлось жить очень долгое время. Мы устали от этих тяжких условий войны, так что, если мы победим врагов в сегодняшнем сражении, готам уже не придется больше вновь начинать войны, но обе стороны будут в достаточной мере иметь в понесенном в данном случае поражении вполне приличный предлог для того, чтобы ничего больше не делать. Потерпев в чем-либо тяжкие удары, люди никогда не решаются вторично идти на это дело. Если же необходимость усиленно толкает их на это, то в мыслях своих они протестуют, как бы “поднимаясь на дыбы”, так как души их приведены в ужас памятью о понесенных несчастьях. Слыша такие слова, воины, проявите всю свою доблесть и силу; не откладывайте на другое время всю вашу решимость, с болью в сердце почувствуйте всю необходимость данного момента, не берегите своего тела для другой опасности. Не щадите ни оружия, ни коней; ведь в будущем они вам не понадобятся. Уничтожив все остальное, судьба сохранила нам на этот день самую высшую надежду. Закаляйте же свою храбрость и проявляйте неустрашимость. У кого надежда, как теперь у нас, висит на волоске, она не позволяет себе покачнуться ни на малейший момент времени. Если упустить благоприятную минуту представившегося случая, то, конечно, бессмысленно будет все последующее старание, как бы исключительно велико оно ни было: по самой сущности своей не нужна запоздалая доблесть, так как по миновании необходимости, она, конечно, становится несвоевременной и бесполезной. Итак, я думаю, вы должны приложить все усилия, чтобы возможно лучше использовать представляющийся вам бой, а затем получить возможность пользоваться благами, проистекающими отсюда. И прежде всего помните, что в настоящее время самое губительное для вас – это бегство. Бегут люди, покидающие свой строй не по какой-либо другой причине, а только для того, чтобы сохранить себе жизнь. Но если следствием бегства является очевидная смерть, то тот, кто смело бьется, находится в гораздо большей безопасности, чем устремившийся в бегство. Что же касается этой толпы

неприятелей, собранной из людей самых разных народов, мы ее по справедливости должны презирать. Этот союз людей, собравшихся отовсюду из-за жажды жалованья, не отличается ни верностью, ни спокойной силой, но, состоя из людей разных племен, он, конечно, и в мыслях своих не единоклубен. Не думайте, что эти гунны, лангобарды, эрулы, нанятые за бог знает какие огромные деньги, будут сражаться за них до последнего издыхания. Не настолько уж для них дешева жизнь, чтобы считать ее на втором месте после денег. Я хорошо знаю, что они сознательно уже хотят быть достаточными трусами, только делая вид, что сражаются, или потому что они получили плату, или выполняя тайные приказы своих вождей. Ведь люди не только то, что имеет отношение к войне, но даже и то, что вообще считается самым приятным, если все это приходится делать не по доброй воле, но насильно, или за плату, или по другой какой-нибудь необходимости, обыкновенно считают для себя не очень желательным и благодаря принуждению относятся к этому с отвращением. Так вот, исполненные такими мыслями, со всем воодушевлением двинемся на врагов в решительный бой”.

31. Вот что сказал Тотила. Войска готовы были вступить в бой и были выстроены следующим образом. И с той и с другой стороны они стояли друг против друга непрерывным фронтом, образуя очень глубокую и по возможности длинную фалангу. Левый фланг римского войска занимали Нарсес и Иоанн, опираясь на холм; с ними был цвет римского войска. За

тем и другим, помимо остальных воинов, следовало большое количество телохранителей и щитоносцев, а из варваров – гунны, отобранные по своей доблести. На правом крыле стояли Валериан и Иоанн Фагас вместе с Дагисфем; здесь были поставлены остальные римские войска. Пешие стрелки из легионов, набранных в империи, приблизительно в числе восьми тысяч, были поставлены на обоих флангах. В центре фаланги Нарсес поставил лангобардов и племя эрулов и всех остальных варваров, велел им сойти с коней и поставив их пешими для того, чтобы в случае если они проявят трусость в битве или сознательно устроят предательство, они не могли сразу обратиться в бегство. Край левого крыла римского фронта Нарсес построил в виде угла, поставив там тысячу пятисот всадников. Пятистам он приказал, в случае если римляне станут отступать, тотчас же идти им на помощь, а тысяче он велел, как только неприятельская пехота вступит в дело, тотчас же зайти ей в тыл и поставить ее в опасное положение. Таким же образом расположил против врагов все свое войско и Тотила. И, обходя свои ряды, он подбодрял их и призывал к смелости выражением лица и словами. То же делал и Нарсес, показывая поднятые на шестах браслеты, ожерелья и отделанные золотом уздечки и многое другое, что подстрекает смелость во время опасности. Некоторое время ни те, ни другие не начинали сражения, но спокойно стояли одни против других, ожидая наступления врагов.

Источник: Прокопий Кесарийский. Война с готами. О построениях / Пер. С. П. Кондратьева. – М.: Арктос, 1996.

Тайная история

Перевод и комментарии А. А. Чекаловой

II. (26) Когда Хосров, сын Кавада, вторгшись в землю Колхиды, совершил все то, о чем я уже рассказывал раньше, включая и захват Петры, мидийское войско понесло большие потери как в результате военных действий, так и по причине неудобств местности. Ибо, как я уже говорил, Лазика – страна труднопроходимая и состоящая сплошь из отвесных скал. (27) К тому же на них [персов] напал мор, погубив значительную часть войска, а многим воинам довелось погибнуть от недостатка провианта. (28) Тогда же некие лица, идя сюда из Персии, объявили, что Велисарий, победив Наведа в битве при Нисибисе, подвигается вперед; он взял после осады

крепость Сисавранон и захватил в плен Влисаху с восемьюстами персидскими всадниками; что им послано еще одно войско римлян во главе с Арефой, предводителем сарацин, которое, перейдя реку Тигр, разграбило всю тамошнюю землю, никогда ранее не подвергавшуюся разорению. (29) Случилось так, что Хосров послал гуннское войско²⁶ против армян, подданных римлян, с тем чтобы римлянам, занятым военными действиями против него, было бы не до того, что происходит в Лазике. (30) И вот уже другие вестники сообщили, что этим варварам встретился Валериан и римляне, с которыми они вступили в схватку, но потерпели от них страшное поражение, и

большинство из них оказалось истреблено. (31) Услышав об этом, персы, и без того измученные бедствиями, претерпеваемыми ими в Лазике, и опасаясь, кроме того, как бы им при возвращении не наткнуться на неприятельскую армию среди утесов и чащоб и всем в беспорядке не погибнуть, беспокоясь также о безопасности своих жен и детей и самой отчизны, — все, кто составлял лучшую часть мидийского войска, стали бранить Хосрова, упрекая его в том, что он, нарушив клятвы и человеческие законы, во время перемирия без всякого предлога вторгся в землю римлян, нанеся таким образом оскорбление государству, древнему и наиболее почитаемому среди прочих, превзойти которое в войне было ему совершенно не под силу. И они уже собирались учинить переворот. (32) Придя от этого в замешательство, Хосров нашел следующий выход из беды. Он прочел им послание, которое василиса незадолго до этого написала Завергану. (33) Послание гласило: “О том, что я, считая тебя преданной нашим интересам, благосклонна к тебе, о Заверган, ты знаешь, ибо ты недавно являлся к нам с посольством. (34) Итак, ты поступишь согласно моему мнению о тебе, если ты убедишь царя Хосрова придерживаться мира в отношении нашего государства. (35) За это я обещаю тебе многие блага со стороны моего мужа, который ничего не предпринимает, не посоветовавшись со мной”. (36) Огласив это письмо, Хосров с упрёком спросил именитых персов, считают ли они истинным государством то, которым управляет женщина, и тем самым сумел сдерживать возмущение мужей. (37) Тем не менее, и после этого он уходил оттуда в большом трепете, думая, что силы Велисария окажутся им помехой. Но, не встретив никого из врагов, он, довольный, возвратился в родные пределы.

VI. А теперь я примусь за рассказ о том, что за люди были Юстиниан и Феодора и каким образом они погубили дела римлян. (2) В то время как в Византии власть автократора находилась в руках Льва, трое юношей-крестьян, родом иллирийцев, Зимарх, Дитивист и Юстин из Бедерианы, чтобы избавиться от нужды и всех сопутствующих ей бед, с которыми им вечно приходилось бороться дома, отправились на военную службу. (3) Они пешком добрались до Византия, неся за плечами козьи тулупы, в которых у них по прибытии в город не находилось ничего, кроме прихваченных из дома сухарей. Занесенные в сол-

датские списки, они были отобраны василевсом в придворную стражу, ибо отличались прекрасным телосложением. (4) Впоследствии Анастасий, перенявший царскую власть, начал войну с народом исавров, поднявшим на него оружие. (5) Он направил против них значительное войско во главе с Иоанном по прозвищу Кирт [“горбатый”]. Этот Иоанн за какую-то провинность заточил Юстина в узилище с намерением предать его смерти на следующий день, но совершить это помешало явившееся ему между тем видение. (6) По словам стратига, во сне к нему явился некто громадного роста и во всех прочих отношениях гораздо более могущественный, нежели обычный человек. (7) И это видение приказало ему освободить мужа, которого он в тот день вверг в узилище. Поднявшись ото сна, он не придавал значения ночному видению. (8) С наступлением следующей ночи ему показалось, что он во сне вновь слышит слова, услышанные им ранее. Но и тогда он не подумал исполнить повеление. (9) И в третий раз явившись к нему во сне, видение грозило уготовить ему страшную участь, если он не выполнит приказанного, и добавило при этом, что впоследствии, когда его охватит гнев, ему чрезвычайно понадобятся этот человек и его родня. (10) Так довелось тогда Юстину остаться в живых, а с течением времени этот Юстин достиг большой силы. (11) Ибо василевс Анастасий поставил его во главе придворной стражи. Когда же василевс покинул этот мир, он сам в силу власти, которой располагал, достиг царского престола, будучи уже стариком, близким к могиле. Чуждый всякой учености, он, как говорится, даже не знал алфавита, чего раньше у римлян никогда не бывало. (12) И в то время, когда в обычае было, чтобы василевс прикладывал собственную руку к грамотам, содержащим его указы, он не был способен ни издавать указы, ни быть сопричастным тому, что совершается. (13) Но некто, кому выпало быть при нем в должности квестора, по имени Прокл, вершил все сам по собственному усмотрению. (14) Но, чтобы иметь свидетельство собственноручной подписи василевса, те, на кого это дело было возложено, придумали следующее. (15) Прорезав на небольшой гладкой дощечке контур четырех букв, означающих на латинском языке “прочитано”, и обмакнув перо в окрашенные чернила, какими обычно пишут василевсы, они вручали его этому василевсу. (16) Затем, положив упомянутую дощечку на документ и взяв руку васи-

левса, они обводили пером контур этих четырех букв так, чтобы оно прошло по всем прорезам в дереве. Затем они удалялись, неся эти царские письма.

(17) Так обстояло у римлян дело с Юстином. Жил он с женщиной по имени Луппикина. Рабыня и варварка, она была в прошлом куплена им и являлась его наложницей. И вместе с Юстином на склоне лет она достигла царской власти.

(18) Юстин не сумел сделать подданным ни худого, ни хорошего, ибо был он совсем прост, не умел складно говорить и вообще был очень мужиковат. (19) Племянник же его Юстиниан, будучи еще молодым, стал заправлять всеми государственными делами и явился для римлян источником несчастий, таких и столько, о подобных которым от века никто никогда и не слыхивал. (20) Он с легкостью отваживался на незаконное убийство людей и разграбление чужого имущества, и ему ничего не стоило погубить многие мириады людей, хотя они не дали ему для этого ни малейшего повода. (21) Он не считал нужным сохранять прежние установления, но ему то и дело хотелось все изменить, т. е. он был величайшим разрушителем того, что хорошо устроено. (22) От той моровой язвы, о которой я рассказывал в прежних книгах, при всем том, что она поразила всю землю, спаслось не меньше людей, чем оказалось тех, кому суждено было погибнуть, либо потому, что их [спасшихся] хворь не коснулась, либо потому, что они выздоровели, когда им случилось заболеть. (23) Но от этого человека никому из римлян не удалось ускользнуть, ибо, подобно любому другому ниспосланному небом несчастью, обрушившемуся на весь человеческий род, он никого не оставил в неприкосновенности. (24) Одних он убивал безо всякого основания, других, заставив бороться с нуждой, сделал более несчастными, чем умершие, и они молили о самой жалкой смерти, лишь бы прекратить свое бедственное существование. А у некоторых вместе с богатством он отнял и жизнь. (25) Помимо того что ему оказалось пустячным делом разрушить Римскую державу, он сумел овладеть еще Ливией и Италией, и все ради того, чтобы, наряду с теми, кто уже раньше оказался в его власти, погубить обитателей и этих мест. (26) Не прошло и десяти дней по достижении им власти, как он убил, вместе с некоторыми другими, главу придворных евнухов Амантия без какой-либо причины, разве лишь за то, что тот сказал ка-

кое-то необдуманное слово архиерею города Иоанну. (27) С тех пор он стал самым страшным человеком на свете. Затем он спешно послал за узурпатором Виталианом, предварительно дав тому ручательство в его безопасности, и принял вместе с ним участие в христианских таинствах. (28) Тем не менее вскоре, заподозрив его в том, что тот нанес ему оскорбление, он беспричинно убил его во дворце вместе с его близкими, отнюдь не считая препятствием для этого принесенные им ранее столь страшные клятвы.

VII. Как я уже рассказывал в прежних книгах, народ издревле делился на две части. Перетянув на свою сторону одну из них, венетов, которым случалось и ранее ревностно ему содействовать, он сумел все привести в смятение и беспорядок. И подобным образом он довел государство римлян до полного изнеможения. (2) Однако не все венеты сочли подобающим для себя следовать желаниям этого человека, но лишь те из них, которые являлись стасиотами²⁷. (3) Но даже и эти, когда зло зашло далеко, оказались людьми благоразумнейшими. (4) Ибо они грешили гораздо меньше, чем позволяли им обстоятельства. Не пребывали в бездействии и стасиоты прасинов и творили преступления, как только им представлялась такая возможность, хотя их-то как раз постоянно наказывали. (5) Но это постоянно лишь придавало им решимости. Ибо люди, когда их несправедливо обижают, обычно бывают склонны к безрассудству. (6) Итак, в то время как Юстиниан возбуждал и явно подстрекал венетов, вся Римская держава была потрясена до самого основания, словно ее постигло замлетрясение либо наводнение, или как будто бы все ее города оказались захваченными врагами. (7) Ибо все и всюду было приведено в смятение, и ничто не осталось таким, каким было прежде, но и законы и государственное устройство, приведенные в расстройство, превращались в полную свою противоположность.

(8) Стасиоты прежде всего ввели некую новую моду в прическе, ибо стали стричь волосы совершенно иначе, чем остальные римляне. (9) Они совершенно не подстригали усы и бороду, но постоянно следили за тем, чтобы те были у них пышными, как у персов. (10) Волосы на голове они спереди остригали вплоть до висков, а сзади, словно массагеты²⁸, позволяли им свисать в беспорядке очень длинными прядями. По этой причине такую моду называли гуннской.

(11) Далее, что касается одежды, то все они сочли нужным отделять ее красивой каймой, одеваясь с большим тщеславием, чем это соответствовало их достоинству. (12) А такие одежды они могли приобретать отнюдь не дозволенным способом. Часть хитона, закрывающая руку, была у них туго стянута возле кисти, а оттуда до самого плеча расширялась до невероятных размеров. (13) Всякий раз, когда они в театре или на ипподроме, крича или подбадривая [возничих], как это обычно бывает, размахивали руками, эта часть [хитона], естественно, раздувалась, создавая у глупцов впечатление, будто у них столь прекрасное и сильное тело, что им приходится облекать его в подобные одеяния, между тем как следовало бы уразуметь, что такая пышная и чрезмерно просторная одежда еще больше изобличает хилость тела. (14) Накидки, широкие штаны и особенно обувь у них и по названию и внешнему виду были гуннскими.

(15) Поначалу почти все они по ночам открыто носили оружие, днем же скрывали под одеждой у бедра небольшие обоюдоострые кинжалы. Как только начинало темнеть, они сбивались в шайки и грабили тех, кто [выглядел] поприличней, по всей агоре и в узких улочках, отнимая у встречных и одежду, и пояс, и золотые пряжки, и все прочее, что у них было. (16) Некоторых же во время грабежа они считали нужным и убивать, чтобы те никому не рассказали о том, что с ними произошло. (17) От них страдали все, и в числе первых те венеты, которые не являлись стасиотами, ибо и они не были избавлены от этого. (18) По этой причине большинство людей впредь стало пользоваться медными поясами и пряжками и носить одежду много хуже той, что предписывал их сан, дабы не погибнуть из-за любви к прекрасному, и еще до захода солнца они, удалившись с улиц, укрывались в домах. (19) Так как преступления продолжались, а стоящая над народом [городская] власть не обращала на злодеев никакого внимания, дерзость этих людей постоянно возрастала. (20) Ведь преступления, если им предоставить полную свободу, обычно переходят все границы, поскольку даже те злодеяния, которые подвергаются наказанию, не могут быть полностью искоренены. (21) Ибо по своей природе большинство легко склоняется к греху. (22) Так обстояло с венетами.

VIII. Такие-то вещи совершались и в Византии и в прочих городах. Подобно некой болезни, это зло, начавшись здесь, распрост-

ранилось по всей Римской державе. (2) Василевса [Юстина] это совсем не беспокоило, поскольку он ничего не замечал, хотя сам был очевидцем того, что постоянно творилось на ипподроме. (3) Был он на редкость слабоумен и поистине подобен вьючному ослу, способному лишь следовать за тем, кто тянет его за узду, да то и дело трясти ушами. (4) Юстиниан это и делал и все остальное привел в смятение. Как только он захватил власть при своем дяде, он тотчас же принялся радеть о том, чтобы безрассудно истратить общественные средства, как будто он был их полновластным владельцем. (5) Огромное количество государственных ценностей он отдавал гуннам, которые то и дело являлись к нему, и в результате земля римлян оказалась подверженной частым вторжениям. (6) Ибо, отведав римского богатства, эти варвары уже были не в силах забыть сюда дорогу.

XI. Как только Юстиниан достиг царской власти, он сумел тотчас же привести все в расстройство. То, что ранее было запрещено законом, он ввел в государственную жизнь; то же, что существовало и вошло в обычай, уничтожил, словно он для того и принял царский облик, чтобы изменить облик всего остального. (2) Существовавшие должности он упразднил и для управления государственными делами ввел те, которых не было. Так же поступил он с законами и с солдатскими списками, побуждаемый к этому не соображениями справедливости или полезности, но стремясь лишь к тому, чтобы все выглядело по-новому и несло бы отпечаток его имени. А все то, что он был не в состоянии изменить, старался по крайней мере связать со своим именем.

(3) Он никогда не мог насытиться грабежом богатств и умерщвлением людей. Но, разграбив дома многих состоятельных людей, он искал новые [жертвы], тотчас же отдавая ранее награбленное каким-нибудь варварам или тратя на бессмысленное строительство. (4) Сгубив безо всякого основания мириады людей, он тотчас начинал замышлять погибель еще большего числа. (5) В то время как римляне жили в мире со всеми народами, он, снедаемый жадностью убийства и не зная, куда себя от этого деть, начал срамливать всех варваров между собой и, без какой-либо нужды призвав гуннских вождей, с неуместной щедростью предоставил им огромные деньги, объявляя это неким залогом дружбы. Это, как было сказано, он делал уже в царствова-

ние Юстина. (6) Те же, мало того, что увозили деньги, посылали других вождей своих соплеменников с их людьми, наказав совершить набег на земли василевса, с тем чтобы и они могли купить мир у того, кто желает продавать его так бессмысленно. (7) И те тотчас принимались за разорение Римской державы и тем не менее получали плату от василевса. За ними и другие тотчас начинали грабить несчастных римлян, а вслед за грабежом в качестве награды удостоивались царской щедрости. (8) Короче говоря, все они, не упуская ни одного удобного случая, являлись поочередно и растаскивали все подряд. (9) Ибо у этих варваров было множество групп вождей, и война, начавшись из-за неразумной щедрости, кружила волнами и никак не могла достигнуть конца, но вечно начиналась сызнова. (10) Поэтому ни одного места, ни одной горы, ни одной пещеры, ни чего-либо другого на римской земле не оставалось неразграбленным, причем многим местам случалось подвергнуться разграблению не менее пяти раз. (11) Впрочем, об этом и о том, что было совершено мидийцами, сарацинами, склавинами, антами и другими варварами, мной рассказано в предшествующих книгах. Но, как я сказал в начале этой книги, здесь мне необходимо рассказать о причине случившегося.

(12) Хотя он [Юстиниан] отдал Хосрову за мир множество кентинариев, он по собственной воле сам оказался виновником того, что этот мир был нарушен, ибо он изо всех сил старался привлечь на свою сторону Аламундара и гуннов, находившихся в союзе с персами, о чем я, думаю, ничего не утаивая, рассказал в соответствующих местах моего повествования. (13) В то время, как он навлек на римлян бедствия мятежей и войн, самолично разжигая пламя и заботясь лишь об одном: чтобы разными способами переполнить землю людской кровью и награть побольше денег, – он замыслил еще одну страшную бойню для своих подданных следующим образом.

XVIII. (13) Италия, которая не менее чем в три раза обширнее Ливии, повсеместно обезлюдела еще в большей степени, нежели та. Отсюда ясно примерное число погибших и в ней. (14) Причина произошедшего в Италии уже изложена мной раньше. Все преступления, совершенные им в Ливии, он [Юстиниан] повторил и здесь. (15) Послав так называемых логофетов, он тотчас поставил все вверх ногами и испортил. (16) Власть готов до этой войны распространялась от земли галлов до

границ Дакии, где находится город Сирмий. (17) Со времени, когда в Италию прибыло войско римлян, большая часть Галлии и Венетии оказалась в руках германцев. (18) Сирмием и прилегающей к нему областью завладели гепиды; и вся эта земля, вообще говоря, совершенно лишилась обитателей. (19) Одних погубила война, других – болезни и голод, эти естественные спутники войны. (20) На Иллирию же и всю Фракию, если брать от Ионийского залива до пригородов Византия, включая Элладу и область Херсонеса, почти каждый год с тех пор, как Юстиниан стал владеть Римской державой, совершали набеги и творили ужаснейшие дела по отношению к тамошнему населению гунны, склавины и анты. (21) При каждом набеге, я думаю, здесь было умерщвлено и поработчено более двадцати мириад римлян, отчего вся эта земля стала подлинно Скифской пустыней.

(22) Такие бедствия произошли за время войны в Ливии и в Европе. На восточные же пределы римлян от Египта до персидских границ все это время непрерывно совершали набеги сарацины и постоянно до такой степени их разоряли, что все эти земли стали совсем малолюдными, и, я думаю, никому и никогда не окажется под силу пересчитать тех, кто таким образом погиб. (23) Персы и Хосров, четырежды вторгнувшись в остальные римские владения, разрушали города, а людей, которых застигали в захваченных городах и в каждой захваченной местности, одних убивали, других уводили с собой. Таким образом землю, на которую они обрушивались, оставляли безлюдной пустыней. (24) А с тех пор, как они вторглись в земли Колхиды, до сего дня постоянно погибают и они сами, и лазы, и римляне.

(25) Однако ни персам, ни сарацинам, ни гуннам, ни склавинскому племени, ни каким-либо другим варварам не случалось уходить из римских пределов без потерь. (26) Ибо в пору вторжения, а еще более во времена осад и сражений им приходилось сталкиваться с огромным противодействием, и погибало их ничуть не меньше, чем римлян. (27) Так не только римляне, но и почти все варвары почувствовали на себе страсть Юстиниана к кровопролитию. (28) Хосров, конечно, тоже был скверного нрава, но, как сказано у меня в соответствующих местах моего повествования, все поводы к войне давал ему Юстиниан. (29) Он не считал нужным выждать подходящего времени для задуманного дела, но все затевал не вовремя: в мирное время и в пору перемирия он

постоянно злокозненно вынашивал поводы для войны с соседями, а во время войны, безо всякого основания падая духом, по причине корыстолюбия, чрезмерно медленно совершал необходимые для дел приготовления и вместо заботы о них размышлял о возвышенном, излишне любопытствуя о природе божества, не прекращая войны из-за кровожадности и склонности к убийствам и вместе с тем не имея возможности одолеть своих врагов вследствие того, что вместо должного по своей мелочности занимался пустяками. (30) Поэтому в то время, как он царствовал, вся земля постоянно переполнялась кровью человеческой, как римлян, так и почти всех варваров.

XXI. (26) Так обстояли у римлян дела с архонтами. И часто бывало, что, когда вражеское войско гуннов поработало и грабило Римскую державу, стратеги Фракии и Иллирии решали напасть на них при их отступлении, но затем отказывались от своего намерения, увидев послание Юстиниана, запрещающее им нападать на варваров, поскольку те необходимы римлянам как союзники, например, против готов или против иных врагов. (27) В итоге эти варвары грабили и поработали тамошних римлян как враги, а затем как друзья и союзники римлян с пленниками и прочей добычей отправлялись домой. (28) Часто некоторые из тамошних крестьян, снедаемые тоской по своим детям и женам, попавшим в рабство, объединившись, убивали многих из уходящих варваров и умудрялись отобрать у них коней и всю добычу, однако затем им приходилось испытать большие трудности. (29) Ибо некие, посланные из Византия лица считали справедливым без тени сомнения подвергать их пыткам, увечить и накладывать на них денежное взыскание, пока они не отдадут всех отобранных у варваров коней.

XXIII. Прежде всего, издревле существовал обычай, чтобы каждый, кто владеет Римской державой, не единожды, но многократно прощал всем подданным то, что они задолжали казне, чтобы у тех, кто испытывает нужду и не знает, откуда ему выплатить эти недоимки, не висела вечно петля на шее и чтобы не давать сборщикам податей предлога для вымогательства по отношению к тем, у кого подати полностью уплачены и никаких долгов не имеется. Этот же человек за тридцать два года не сделал для подданных ничего подобного. (2) Поэтому обедневшие были вынуждены бежать и никогда уже больше не возвращаться. (3) А вымогатели терзали самых доб-

ропорядочных людей, выдвигая против них обвинение, будто они с давних пор платят подать меньше той, которой обложена их земля. (4) И эти несчастные боялись не только того, что будут обложены новым налогом, но и возможности того, что окажутся отягощены совершенно несправедливыми налогами за такое множество лет. (5) И поэтому многие действительно отдавали свое [достояние] либо вымогателям, либо казне и уходили [куда глаза глядят]. (6) Далее, несмотря на то что мидийцы и сарацины разграбили большую часть Азии, а гунны, славяне и анты – всю Европу, разрушив до основания одни города и тщательнейшим образом обобрав другие посредством денежных контрибуций; несмотря на то что они увели в рабство население вместе со всем его достоянием и своими ежедневными набегами обезлюднили всю землю, он ни с кого не снял податей, сделав единственное исключение для взятых приступом городов, и то лишь на год. (7) Но даже если бы он, подобно василевсу Анастасию, решил на семь лет освободить от подати взятые [врагом города], я думаю, он и тогда бы не сделал того, что [учитывая обстоятельства] ему следовало бы сделать, поскольку Кавад ушел [из римской земли], не причинив даже малейшего вреда постройкам, между тем как Хосров, предав огню, разрушал все до основания и причинял к тому же больше страданий своим жертвам. (8) И для этих людей, с которых он снял [эту] до смешного малую часть подати, и для всех остальных, принимавших на себя удары мидийского войска, при том что и гунны, и варвары-сарацины постоянно грабили земли Востока, а варвары в Европе ежедневно и беспрестанно совершали то же самое по отношению к тамошним римлянам, василевс этот тотчас оказывался страшнее всех варваров. (9) Ибо, как только уходили враги, хозяева земель немедленно бывали опутаны синоной, эпиболэ и диаграфэ. (10) Что это за названия и что они означали, я сейчас объясню.

(11) Владельцев имений вынуждали снабжать продовольствием римское войско пропорционально размерам наложенной на каждого из них подати, причем поставок требовали не столько, сколько необходимо было в данное время, но сколько можно было [взять] и сколько решено было взыскать, не принимая во внимание, имеется ли на их земле то, что с них требуют. (12) И этим несчастным приходилось поставлять провизию и солдатам, и их лошадям, покупая все это за гораздо

большую плату, иной раз в отдаленной части страны, а затем доставлять туда, где в то время случалось быть войску и сдавать его ведающим поставками, отмеривая не так, как принято у всех людей, но так, как тем заблагорассудится. (13) Таков порядок того, что именуется синоной, которая вытягивала все жилы у землевладельцев. (14) Ибо им приходилось уплачивать ежегодную подать не менее чем в десятикратном размере, учитывая то, что они должны были не только снабжать войско, как было сказано, но уже в довершение всех подобных бед часто доставлять хлеб в Византий, поскольку не один лишь тот, кого прозвали Варсима, отваживался на такой тяжкий грех, но еще до него, – Иоанн Каппадокийский, а впоследствии те, которые переняли у Варсимы достоинство этой должности.

(15) Так, в общем, обстояло дело с синоной. Что касается эпиболэ, то это слово означает некую неожиданную гибель, внезапно поразившую землевладельцев и с корнем вырвавшую у них всякую надежду на жизнь. (16) Ибо подать с земель, оказавшихся заброшенными или неплодородными, владельцам которых и крестьянам случилось либо вовсе погибнуть, либо, покинув отчужденную землю, скрываться от постигших их из-за этого бед, они [властвующие] сочли приемлемым переложить на тех, кто еще не совсем погиб.

(17) Таково было значение слова эпиболэ, особенно распространившегося, как и следовало ожидать, именно в это время. Что до диаграфэ, то, выражаясь кратко, суть ее заключалась примерно в следующем. (18) Необходимость заставляла всегда, и особенно в такие времена, подвергать города многочисленным тяжелым взысканиям. Поводы к наложению их и способы их взимания я в настоящем рассказе опущу, дабы рассказ мой не затянулся до бесконечности. (19) Эти взыскания оплачивали землевладельцы, пропорционально размерам подати, налагаемой на каждого из них. (20) Их бедствия, однако, этим не кончались; напротив, когда мор охватил всю ойкумену и не миновал Римскую державу, истребив большую часть крестьян, и земли, как и следовало ожидать, оказались вследствие этого обезлюдившимися, он [Юстиниан] не оказал никакой милости их владельцам. (21) Ибо он ни разу не освободил их от ежегодной подати, взыскивая не только то, что было наложено на каждого из них, но и долю их погибших соседей. (22) Сверх того, они должны были выносить и все прочее, только что упомянутое мной, веч-

но обременявшее тех, кому выпало несчастье быть землевладельцем. И в довершение всего им приходилось держать на постое воинов, размещенных в наилучших и роскошнейших комнатах, прислуживать им, а самим жить в плохоньких и заброшенных домишках.

XXVII. Совершенное Юстинианом столь обширно, что для рассказа о нем не хватило бы и всей вечности. (2) Но мне будет достаточно выбрать из всего этого лишь немного, благодаря чему и будущим поколениям станет совершенно ясен весь нрав этого человека: что был он лицемером и не тревожился ни о Боге, ни о священнослужителях, ни о законах, ни о народе, хотя напоказ он заботился о нем. Ни к чему не было у него почтения, не думал он ни о выгоде для государства, ни о том, чтобы совершить для него что-нибудь полезное, или о том, чтобы его дела могли получить какое-то оправдание, и не шло ему на ум ничего, кроме того, чтобы захватить все имеющиеся на свете богатства. Начну же я со следующего.

(3) Назначил он александрийцам архиеерея по имени Павел. Тогда власть в Александрии была в руках некоего Родона, финикийца по происхождению. (4) Он [Юстиниан] наказал ему со всем тщанием содействовать Павлу во всех делах, с тем чтобы ни одно из его требований не осталось невыполненным. (5) Он полагал, что подобным образом ему удастся привлечь александрийских еретиков на сторону Халкидонского собора. (6) Был некто Арсений, родом палестинец, который оказался в числе самых близких и нужных людей василисы Феодоры. Достигнув вследствие этого большого влияния и огромных денег, он дошел до сана сенатора, хотя и являлся отъявленным мерзавцем. (7) Был он самаритянином, но чтобы не утратить своего влияния, он решил принять имя христианина. (8) Однако отец его и брат, полагаясь на его влияние, продолжали жить в Скифополе, придерживаясь отеческой веры, и с его ведома творили по отношению к христианам невыносимые преступления. (9) Поэтому граждане, восстав против них, подвергли их обоим самой жалкой смерти. Вследствие этого на жителей Палестины обрушились многие беды. (10) Тогда ни Юстиниан, ни василиса не причинили ему никакого вреда, хотя именно он оказался главным виновником всего недовольства. Однако они запретили ему впредь появляться при дворе, ибо из-за него им постоянно досаждали христиане. (11) Этот Арсений, думая угодить василевсу, немного времени спустя отправился вместе с Павлом в

Александрию, чтобы помогать тому во всем, особенно же содействовать в деле обращения александрийцев. (12) Ибо он уверял, что в то время, как ему выпало несчастье не быть допущенным ко двору, он преданно внимал всем христианским догматам. (13) Это вызвало неудовольствие у Феодоры, ибо, как сказано мной в прежнем повествовании, она делала вид, что в этом она идет против василевса. (14) Когда они оказались в Александрии, Павел передал в руки Родона некоего диакона по имени Псой, чтобы предать его смерти, заявив, что он один является ему помехой в исполнении поручения василевса. (15) Родон же под влиянием посланий василевса, а были они частыми и весьма настойчивыми, решил подвергнуть пыткам этого человека. Истерзанный муками, тот вскоре умер. (16) Когда это дошло до василевса, то он, под сильнейшим и настойчивым воздействием василисы, сразу же возложил вину за все на Павла, Родона и Арсения, словно позабыв все свои поручения, данные им

этим самым людям. (17) Назначив на должность архонта Александрии Либерия, мужа патрикия из Рима, он направил в Александрию и несколько видных священнослужителей для расследования этого дела. Среди них был и архидиакон Рима Пелагий, представитель архиепископа Виталия, возложившего на него это поручение. (18) И когда убийство было доказано, они тотчас отрешили Павла от священнического сана. Родону же, бежавшему в Византию, василевс отсек голову, а богатства его отписал в казну несмотря на то, что этот человек предъявил тринадцать писем, которые написал ему василевс, понуждая, строго настаивая и приказывая поддерживать все требования Павла и ни в чем ему не препятствовать, чтобы он смог по своему усмотрению выполнить его решения. (19) А Арсения Либерий по повелению Феодоры посадил на кол, богатства же его василевс решил отписать в казну, хотя мог упрекнуть его единственно в том, что он общался с Павлом.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод, статья, комментарии А. А. Чекаловой. – М.: Наука, 1993.

Примечания

¹ Самоназвание *эфталитов* – хиониты. Это народ индоевропейского (иранского происхождения), говорил на одном из восточно-иранских (сакских) диалектов. Несколько хионитских царей носило имя Эфтал, отсюда и возникло название эфталиты. Сходство звучания хион и гунн, видимо, и объясняет тот факт, что византийские историки называют хионитов (эфталитов) белыми гуннами. К началу V в. хиониты (эфталиты) завоевали земледельческие оазисы за Амударьей и создали могущественную державу на обширных пространствах Средней Азии, Афганистана, северо-западной Индии и части восточного Туркестана. Их основная территория – Тохаристан и восточный Афганистан. Ядро эфталитов составляли воинственные кочевые племена, подвергшиеся влиянию городской культуры. См.: Ghirshmann. Les Chionites–Hephthalites. Le Caire, 1948: XII–XIII, 66, 115; F. Altheim. Geschichte der Hunnen. Bd. I. Berlin, 1959: 41–56. Экскурс об эфталитах Прокопия является одним из пяти этнографических экскурсов, содержащихся в его «Войнах». Скорее всего, он основан на достоверных свидетельствах, хотя во внешней форме этого эссе сказалось влияние Фукидида, а описание пира у эфталитов напоминает рассказ о пиршестве Аттилы, сохранившийся во фрагментах сочинения Приска Панийского (фр. 8).

² О миссии к гуннам (впрочем, безрезультатной) младшего племянника императора Анастасия патрикия Прова сообщает и Псевдо-Захария (XII: 7). Целью этой миссии, возможно, было не столько склонить гуннов на помощь грузинам, сколько настроить их против персов: А. А. Vasiliev. The Goths in the Crimea. Cambridge (Mass.), 1936: 70.

³ Этническая принадлежность *Гермогена* не вполне ясна. Иоанн Малала называет его скифом, на основании чего можно делать самые разные предположения о его действительном происхожде-

нии. Одни исследователи считают его гунном (Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VI siècle. P., 1901: 108; J. Bury. History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian (A. D. 395 to A. D. 565). Vol. 2. N. 1. – London, 1931: 87; R. Guiland Recherches sur les institutions byzantines. T. 2. Berlin; Amsterdam, 1967: 141), другие – готом (южнорусским или франкским: B. Rubin. Das Zeitalter Justinians. Bd. I. Berlin, 1961: 280), третьи – человеком, в чьих жилах смешалась готская и римская кровь (E. Stein. Histoire du Bas-Empire. T. 2. – Bruxelles; Paris; Amsterdam, 1949: 287). Некогда Гермоген был советником Виталиана, затем, удостоившись звания магистра официий, принял участие в совместном с Велисарием руководстве византийским войском во время войны с Ираном. Не раз Гермоген отправлялся к иранскому шаху для ведения переговоров (Малала: 445, 452, 471). За свои успехи по службе Гермоген был удостоен звания консула и патрикия (R. Guiland. Recherches...: 141).

⁴ Т. е. гунны. Прокопий называет гуннов массагетами, по всей видимости, на том основании, что гунны занимали области, населявшиеся в более отдаленные времена массагетами. Ср.: Война с готами IV: 4, 8, где историк именует расположившихся у Меотиды гуннов киммерийцами.

⁵ События, имевшие место у Мартирополя, Прокопий описывает на основе устной традиции, во всяком случае не как очевидец, ибо как секретарь Велисария он находился тогда с ним в Константинополе. В то время как Иоанн Малала воспринимает действия у Мартирополя как несомненный успех Ситы и Гермогена, победивших персов в сражении благодаря примененной ими военной хитрости, Прокопий объясняет снятие персами осады города политическими переменами в Ктесифоне и дипломатическими успехами Юстиниана, которо-

му удалось ввести в заблуждение гуннов. В данном случае, видимо, сказалась тенденция историка умалить значение Ситы, сменившего Велисария в качестве командующего войсками на Востоке.

⁶ Показательно, что Прокопий не отрицает попыток Юстиниана склонить на свою сторону Аламундара и гуннов. А в «Тайной истории» он прямо упрекает императора в подобных действиях (XI: 12). Между тем, на наш взгляд, это еще одно свидетельство дипломатических усилий Юстиниана не допустить войны Византии с Ираном.

⁷ К северу от лазов вдоль Черного моря и до Азовского моря обитали абазги, зихи (Война с готами IV: 24, 2), сагины и гунны-утригуры; по другую сторону Кавказского хребта – аланы и гунны-сабиры (савиры).

⁸ Союз с гуннами-сабирами был действительно очень важен, поскольку это был народ воинственный и хорошо знавший осадное дело (Война с готами IV: 2, 27–33; 14, 4–5).

⁹ Это очередной выпад против Юстиниана, не обеспечившего союз с сабирами и аланами.

¹⁰ *Савроматы*, или *сарматы*, не являлись германским племенем. Здесь Прокопий, как это нередко с ним бывало, использовал географический принцип, назвав один народ именем другого, зачастую обитавшего на той же территории задолго до этого. Ср. название гуннов массагетами (Война с персами I: 21, 13 сл.).

¹¹ *Аланы* – ираноязычные племена сарматского происхождения. Обитали в Нижнем Поволжье, Южном Приуралье, Подонье, Северном Прикаспии, Предкавказье и южных районах Северного Причерноморья. Об их местопребывании в Предкавказье Прокопий упоминает в «Войне с персами» (II: 29, 15). Часть аланов участвовала в великом переселении народов, в ходе которого они в IV в. действительно присоединились к вандалам и в начале V в. вместе с ними двинулись на Запад, прошли через Галлию и расселились в Испании.

¹² *Аспар* – алан, видный византийский военачальник, *magister militum praesentalis* 431–471 гг., консул 433 г. Обладал настолько огромной властью, что смог обеспечить в 457 г. императорский трон своей креатуре – Льву. См.: J. R. Martindale. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. – Cambridge, 1980: 164–169.

¹³ Имеется в виду повелитель гуннов Атила (435/440–453). Сражение, о котором говорит здесь

Прокопий, – это известная битва на Каталаунских полях (451 г.), в которой Атила потерпел поражение от римлян во главе с Аэцием и находившихся с ними в союзе вестготов, предводительствуемых Теодорихом I (418–451).

¹⁴ Здесь Прокопий допускает ошибку, ибо Атила умер раньше Аэция, жизнь которого оборвалась в 454 г. (в самом деле в результате убийства, совершенного по вине Валентиниана III). См.: J. R. Martindale. The Prosopography...: 28. Показательно, однако, что в известном согласии с Прокопием находится Иоанн Малала (Хронография: 359), согласно которому Атила был убит телохранителем, подкупленным Аэцием.

¹⁵ Взятие Аквилеи Атилой произошло в 452 г. Рассказ Прокопия об этом событии восходит, по всей видимости, к устной былинной традиции гунно-туркских племен.

¹⁶ О предводителе гуннов Эгане Прокопий неоднократно упоминал в «Войне с персами» (I: 13, 20).

¹⁷ Речь идет о том самом Петре, который был в одно время с Велисарием, копьемосцем Юстиниана (Война с персами I: 18, 6). Видимо, с тех пор между ними развилось известное соперничество, которое в 542 г. привело к тому, что Петр оклеветал Велисария перед Юстинианом (Тайная история: IV, 4). Этому Петру Прокопий и ставит в вину возможное предательство гуннов.

¹⁸ Ксенофонт., Анабасис IV: 8, 22; Арриан. Перипл: XI.

¹⁹ Другое чтение: «лесистой».

²⁰ Ср.: Иордан. Гетика: 52 сл.

²¹ Ср.: Страбон X: 5; XII: 3, 21.

²² Ср.: Плутарх. Помпей: 15.

²³ Никифор Каликл XI: 48; Иордан. Гетика: 123.

²⁴ Это событие падает на 428 год. Ошибку данного указания можно легко установить по Аммиану Марцеллину (XXI: 3). Переход гуннов через Дон был в 376 году, прежде чем вестготы перешли через Дунай. Ср. Иордан: 24.

²⁵ По другим рукописям: «азбуки».

²⁶ Речь идет о союзных с персами племенах гуннов.

²⁷ *Стасиоты* – букв. «мятежники», наиболее активные сторонники фракций ипподрома.

²⁸ Под *массагетами* Прокопий имеет в виду гуннов, занимавших области, населявшиеся в более отдаленные времена массагетами (Война с персами I: 21, 13).

Агафий Миринейский

Ἀγαθίας Μύρινα, Σχολαστικός – Agathias Scholasticus, Myrinaeus (Smyrnaeus)

Агафий Миринейский, Схоластик (ок. 536 – ок. 582), византийский историк и поэт. Родился в Мирине (Смирне, совр. Измир), в Лидии, на западе Малой Азии. Образование получил в Александрии и Константинополе, где после служил адвокатом (*σχολαστικός*, отсюда и прозвище). Некоторое время провел в Александрии, откуда вернулся в 554 г. Автор сочинения «О царствовании Юстиниана», или «История» («Ἱστορία») в пяти книгах – продолжение истории Прокопия Кесарийского, посвященное событиям 552–558 гг., комментарии к «Описанию Эллады» Павсания, эпиграмм, сонетов и написанных в гекзаметрах

маленьких стихотворений под общим названием «Лавровые книги», или «Дафниака» («Δαφνιакὸν βιβλίον»), изобилующих элементами эротических мифов и волшебных сказок. При описании истории Юстиниана следовал Прокопию Кесарийскому, а при изложении персидских событий использовал персидские памятники, специально для него переведенные. В «Палатинской антологии» в 15 книгах (980 г.) приведено около ста эпиграмм Агафия: эпитафии, сатиры, обращения к богам, дружеские диалоги, эротические надписи. Как поэт испытывал влияние Нонния из Панополь. Умер в Константинополе.

Агафий Миринейский О царствовании Юстиниана

Перевод М. В. Левченко

Введение

(25) ...Но и это почти все найдешь в истории Прокопия: (26) каким образом внутренний мятеж в Византии был поднят против императора и, приняв размеры величайшего бедствия, поразили общество; набеги гуннов, которые в это время вторглись и причинили Римской империи величайшие бедствия, опу-

стошив Иллирик, Фессалию и большую часть Европы и даже часть Азии, когда они перешли Геллеспонт; (27) как самым плачевным образом были опустошены Хосровом Сурон, город в Сирии, Веррия и Антиохия у реки Оронта, равным образом, как происходила осада Эдессы...

Книга I

2. Когда они [враги], таким образом, не потерпели никакого ущерба, он [Нарсес] применил некую варварскую военную уловку, особенно употребляемую гуннами: приказал своим, повернув назад, беспорядочно отступать, как будто они охвачены паникой и бегут, и тем завлечь варваров как можно дальше от леса на равнину. А он уже позаботится об остальном. И они сделали так и побежали. Франки же, обманутые притворным бегством и вообразив, что паника настоящая, тотчас беззаботно нарушают фалангу и, выскочив из леса, начинают их преследовать. Первыми вылетают всадники, а за ними следуют сильнейшие и быстрее из пеших, и все, не щадя себя, несутся, чтобы поскорее захватить самого Нарсеса и с малой затратой сил положить желанный конец войне. Так они, забыв о всяком порядке, беспорядочно и без всяких предосторожностей неслись вперед, радуясь и ободряя себя надеждой; римляне же, бросив поводья, бежали все дальше. Можно было сказать, что они бежали, действительно объятые паникой. Когда же варвары оказались

рассеянными по равнине и удалены от леса на значительное расстояние, тогда внезапно, по сигналу, данному Нарсесом, римляне, повернув лошадей, бросились на своих преследователей и начали гнать назад беспощадно и истреблять приведенных в замешательство неожиданностью. Так бегство превратилось в преследование. Конные варвары, поняв нависшую над ними опасность, поспешно бежали снова в лес, в свой лагерь и к своей радости спаслись. Пешие же бесславно истреблялись, не будучи в состоянии даже протянуть руку для своей защиты, подавленные внезапной переменой обстановки и как бы обезумевшие. Итак, все полегли разбросанно, подобно стаду свиней или овец, изрубленных жалким образом. Когда таким образом было убито свыше 900 храбрейших людей, остальные отступили и вернулись к своим вождям, считая, что они отнюдь не будут в безопасности, прежде чем не присоединятся к остальному войску. Нарсес же, вернувшись в Равенну и устроив там все наилучшим образом, перешел в Рим и перезимовал там.

Книга II

2. Когда совершились эти дела и собрано было много добычи, уже прошла весна и наступило летнее время, Левтарис, один из вождей, пожелал возвратиться домой и использовать [награбленное] богатство. Поэтому послал к брату гонцов сказать, чтобы и он как можно скорее возвращался назад, распрощавшись с войной и превратностями судьбы. Бутилин, однако, даже клятвой обязался готам, что он будет воевать с ними против римлян, и потому они его чтили и даже обещали избрать своим королем. Он решил, что нужно оставаться и условленное довести до конца. Итак, он остался и приготавливался к войне.

Левтарис же со своим ополчением немедленно отправился обратно с тем намерением, что, когда он безопаснейшим образом вывезет добычу и вернется домой, тотчас же пошлет войско обратно предохранить его от опасности. Но ему не пришлось осуществить задуманное, и брату он также совершенно не мог оказать помощи. Когда он возвращался домой, завершая обратный путь, до страны Пиценума нигде не было встречено сопротивления. Когда он пришел туда, то расположился лагерем у города Фана и по обыкновению выслал немедленно разведчиков и наблюдателей до трех тысяч человек, которые должны были разве-

дать не только дальнейший путь, но и отразить врагов, если бы те где-нибудь появились. Артабан же и Улдах-гунн вместе с римским и гуннским войсками оказались в сборе в городе Пизавре и расставили засады в проходе. Заметив разведчиков на самом побережье Ионического залива и их продвижение по побережью, они вышли из города и набросились всеми силами на них, прекрасно построившись, и многих убили, изрубив мечами. Некоторые [из алеманов], взобравшись на обрывистые вершины побережья, а затем сброшенные с покатости, стремительно падали в море и погибали, уносимые шумящими волнами. Морской берег здесь поднимается и образует как бы холм, не во всех частях проходимый и доступный, который для тех, кто поднялся на его вершину, отнюдь не представляет легкого спуска, но большей частью является скользким, обрывистым и наклонным к скалистому берегу. Другие, увидев множество так погибающих, естественно, обратились в беспорядочное бегство и, с громким криком и воем добравшись до своего войска, наполнили все шумом и смятением, как будто римляне уже ворвались [в лагерь]. Левтарис, приготавливаясь к сражению, поднял войско, и, тотчас схватив оружие, франки построились в огромную и растянутую в длину фалангу. Когда они так стояли и ничего другого им не приходило в голову в данный момент, большинство пленных, оставленных без охраны, воспользовались должным образом бездеятельностью неприятелей. Они быстро разбежались по ближайшим крепостям и из добычи, сколько было возможно, захватили.

13. Часть готов в количестве семи тысяч вооруженных людей, которые во многих мес-

тах оказывали помощь франкам, полагая, что римляне не успокоятся, но немного спустя нападут на них, тотчас отступила в укрепление Калепсы. Место было сильнейшим и укрепленным, так как было расположено на высокой горе, а у самой вершины со всех сторон поднимались и протягивались обрывистые скалы, так что туда врагам легкого доступа не было. Собравшиеся здесь готы считали, что они будут в безопасности и отнюдь не хотели сдаваться римлянам, но решили всеми силами сопротивляться, если кто нападет на них. Подстрекал их и побуждал к этому варвар по имени Рагнарис, хотя и не одного с ними рода и племени; он был из так называемых витторов (витторы – гуннское племя), но так как он был ловок, и во всем хитер, и способен любым образом захватить себе власть, то он управлял массой и думал возобновить войну, чтобы благодаря этому стать еще более известным. Итак, Нарсес тотчас со всем войском двинулся на него и затем, так как не мог сразу приблизиться к укреплению и рисковать в трудно доступном месте, то начал осаду и окружил [крепость] со всех сторон, чтобы ничего не было подвезено находящимся внутри и чтобы они не могли выходить безопасно куда желают. Но от этого варвары мало терпели вреда. Они были полностью обеспечены, так как все необходимое продовольствие и наиболее ценное имущество уже было свезено в эту неприступную крепость. Однако они были недовольны римской осадой и считали позором быть заключенными и стесненными надолго в тесном пространстве, поэтому часто совершали нападения на врагов, чтобы прогнать их оттуда, если смогут, но ничего не сделали достойного упоминания.

Книга III

5. Лазы – народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Среди народов, находящихся под чужой властью, я не видел никакого другого, столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямою нравов. Впрочем, в старину жители [Лазики] были совершенно незнакомы с благами, которые приносит море, они не слышали даже названия корабль, пока туда не при-

был известный [корабль] Арго. В настоящее же время колхи совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоду из торговли. Их, наконец, никак нельзя назвать варварами, и не так они живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку. Так что если отбросить “медных быков” [легенды], рождение людей землей и прочие баснословные и невероятные сказки, которые выдуманы поэтами об Айете, то настоящее положение вещей там можно признать гораздо лучшим, чем раньше. Таковы лазы. Естественно, они считали, что им нанесена невыносимая обида, что они несправедливо лишены своего

царя. Римляне же по наущению Мартина приготовились немедленно всеми силами напасть на персов, осадив Оногурис¹. Местность эта свое имя получила в старину, когда, по всей вероятности, гунны, называемые оногурами, в этом самом месте сразились с колхами и были побеждены, и это имя в качестве монумента и трофея было присвоено туземцами. Теперь же большинством оно называется не так, но по имени воздвигнутого тут храма святого Стефана, который, говорят, первым выдержал добровольное состязание за людей, приверженных к христианству, и был побит камнями его противниками. Но нам, думаю, ничто не мешает воспользоваться старым названием, что и больше подобает истории. Итак, римское войско готовилось к походу против Оногуриса. Главные виновники убийства особенно на этом настаивали, надеясь легко овладеть этим укреплением, а также на то, что император, даже узнав об их обмане, не очень на них разгневается, и конечным успехом с них будет снято всякое обвинение. Итак, военачальники и войска, расположившись лагерем в Археополе, готовили так называемые черепахи и машины для метания огромных камней и другие подобные орудия для штурма стен, если это понадобится. Черепаха – сооружение, сплетенное из прутьев, с кровлей, непроницаемое вследствие частоты прутьев, со всех сторон прикрывающее входящих в него людей. Сверху и со всех сторон сооружение покрывают шкурами, чтобы оно было крепче и защищало от копий. Люди же внутри, находясь в безопасности, незаметно подвигают его, куда хотят. Когда же оно придвигается к башне или стене, находящиеся в нем подкапывают землю и, вынимая ее, обнажают фундамент, а затем, непрерывно работая ломом и молотом, подрывают и расшатывают основание. Так римляне готовились к осаде.

17. Когда, после совершения этого жестокого убийства и выполнения преступного замысла, разгоряченные их страсти улеглись и гнев утих, тогда, рассмотрев совершенное ими, они начали задумываться и поняли, какой жребий ими брошен, а именно, что в ближайшее время придут римляне для отмщения, а они не смогут выдержать их нападения.

Поэтому открыто отпав [от римлян], они перешли на сторону персов и послали посольство, добиваясь, чтобы те приняли их под свою защиту и немедленно оказали бы им по-

мощь, как своим подданным. Известие это, сообщенное римским военачальникам, вызвало у них гнев и величайшее огорчение. Но они никак не могли немедленно отомстить мисимиянам, поглощенные еще более важными заботами, так как Нахогаран уже вел 60 тысяч вооруженных людей к Острову, который в то время занимали Мартин и Юстин, сын Германа. Наемники же из гуннов, которых называют савирами (у римлян находился отряд – около двух тысяч тяжело вооруженных, которыми предводительствовали Баимах, Кутилзис и Илагер, знаменитейшие у них люди), расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей, чтобы по обыкновению тревожить врагов, которые, как предполагалось, должны были здесь проходить, и затруднять им переход, делая его более опасным. Нахогаран же, после того как узнал, что савиры занимают эти места, тотчас послал против них отряд в три тысячи отобранных из вспомогательных дилимнийских войск с предписанием – он был заносчив и кичлив – всех истребить и не оставлять в тылу у него, когда он будет идти в бой. Дилимиты – это весьма многочисленное племя, обитающее по соседству с Персидской страной, на среднем течении реки Тигра. Их можно причислить к самым воинственным народностям. Они не являются стрелками или сражающимися издали. Они носят копье и сариссы, меч, свисающий с плеча, маленький кинжал, привязанный к левой руке, защищаются большими и малыми щитами. Их нельзя назвать ни легко вооруженными, ни гоплитами и тяжеловооруженными войсками. В случае необходимости они издали мечут копья и сражаются врукопашную. Они хороши в столкновении с неприятельской фалангой и сильным натиском могут прорывать густые неприятельские ряды, опытни в перестройке боевого порядка и в приспособлении к любой случайности. Они легко взбираются на высокие холмы, занимают возвышенности и с величайшей быстротой, если это нужно, убегают назад и, снова повернувшись, с ожесточением теснят и преследуют врагов. Искушенные и весьма опытные во всех видах боевых действий, они наносят врагам весьма тяжелые удары. Уже давно приученные к войне, они издавна сражаются под знаменем персов, но не по принуждению, как подданные. Ибо они свободными живут по своим законам и не привыкли подчиняться насилию и чьему-либо произволу.

18. Итак, этот отряд дилимнитов с наступлением ночи двинулся против савиров, предпочитая напасть на них, еще спящих, и таким образом легче истребить их всех. И я полагаю, они не ошиблись бы в своей надежде, если бы судьба их не обманула. Когда они шли в этот поход, им случайно в темноте и безлюдии попался один колх. Они за него жадно ухватились и принудили его стать проводником к савирам. Это поручение он весьма охотно исполнил и шел впереди их. Когда же он достиг густого леса, он постепенно собрался с духом и от них отделился. Ему удалось избежать преследования. Предупредив врагов, он быстро добрался до савиров и нашел их всех лежащими на земле и крепко спящими. “О, несчастные, – закричал он громко и пронзительно, – вы сейчас погибнете”. Когда они с трудом пробудились, он объявил им, что враг сейчас нагрянет. Они с шумом вскочили, вооружившись, вышли за укрепления из кольев и, разделившись на две части, устроили засаду, оставив без охраны вход в ограду лагеря, а равным образом и хижины, построенные из кольев и шкур. А дилимниты, сделав огромный крюк по незнакомству с местностью, все же до рассвета добрались до лагеря гуннов. Уверенные, на свое горе [что их не ждут], они вторгаются в лагерь, собираются внутри и, выступая молчаливо, без всякого шума, чтобы не догадались гунны и не поднялись, начинают метать копья в их убежища и хижины, рассчитывая перебить спящих и уже считая дело поконченным. Между тем, савиры, выскочив с двух сторон из засады, внезапно набрасываются на них. Они же, пораженные этим внезапным неожиданным ударом, когда надежды их сменились отчаянием, приведенные в беспорядок, не знали, что им предпринять. Ибо им, сбившимся на небольшом пространстве, было нелегко спастись бегством. Не могли они точно распознать, кто их враги, так как пришлось бороться и с ночью и со страхом. Поэтому тотчас же они были истреблены савирами, не оказав даже попытки к сопротивлению. Восемьсот человек погибло в лагере. Остальные, с трудом выбравшись из него, блуждали беспорядочно, не зная, куда идти. Им казалось, что они убежали далеко: на самом же деле, сделав круг, они возвращались обратно и попадали в руки врагов. Так прошла вся ночь. Утром, когда рассвело, оставшиеся в живых дилимниты, узнав дорогу, бросились прямо в персидский лагерь, при-

чем савиры и теперь не переставали их преследовать и наседать на них сзади.

Между тем военачальник Бабас, который уже давно командовал римскими войсками, находящимися в Колхиде, в это время ночевал в Археополе и, когда началась суматоха и вокруг раздался крик, не зная, что делается, но сохраняя хладнокровие, молча скрывался внутри. Когда же солнце осветило вершины гор, он быстро разобрался в происходящем, а именно, что савиры гонят дилимнитов. Тогда и он, выскочив из укрепления с отрядом, который оказался у него под рукой, учинил им немалое побоище, так что едва тысяча добралась до Нахогарана.

21. Была сооружена чрезвычайно крепкая внешняя ограда, которая могла служить внешним укреплением для стены и выдерживать первый натиск неприятеля. Военачальники справедливо боялись за стену, так как она была построена из дерева и из-за ветхости была разрушена в нескольких местах. Поэтому они выкопали глубочайший круговой ров, который так был наполнен водой, вышедшей из берегов, что она скрывала заостренные копья, густо набитые во рву, и делала их незаметными. Так как они направили туда воду из озера, которое называют малым морем и которое имеет исток в Евксинский Понт, то легко заполнили водой весь ров. Большие грузовые суда, прибоем волн и течением Фасиса весьма близко придвинутые к стенам, имели высоко поднятые лодки, подвешенные к самой верхушке мачт и крепко закрепленные, так что они значительно превышали высоту башен. Наверху расположились воины и моряки, отобранные из наиболее смелых и воинственных, с луками и пращами. Были поставлены там и дальнострельные орудия для их активного применения. Кроме того, на реке, с той и с другой стороны, стояли суда под начальством Валериана. Снаряжены они были совершенно одинаково и предназначались для сопротивления врагам, поражаемым с той и с другой стороны с более возвышенных мест в случае их приближения. Чтобы корабли, находящиеся на реке, не были легко повреждены кем-либо, Дабрагез, ант-таксиарх, и некий гунн, лохаг, по имени Элмингир, по приказанию военачальников снарядили десять легких судов с двойной кормой, заполнили их своими оруженосцами и, пройдя как можно дальше вверх по реке, охраняя ее с величайшей тщательностью, наблюдали со всех сторон за переездом, плавая то по середине реки, то приближаясь к

тому или иному берегу, и тогда случилось нечто радостное и приятное, как на войне и в боевом столкновении. Несколько дальше от того места, где были расположены указанные суда, стояли два грузовых тридцативесельных корабля, которые, как я выше указывал, были захвачены персами, имея на борту гоплитов мидян: они были привязаны канатами к берегу. Ночью, когда все на них спали, поднялась сильная буря и растянула канаты. Давлениемдвигающихся судов канаты обоих кораблей

были внезапно порваны. И так как не могли быть использованы весла и рулевым веслом судно не могло быть направлено, как должно, то течение подхватило их. Неуправляемые и беспомощные, суда были быстро отнесены к римлянам, которыми начальствовал Дабрагез. Увидев их, последние с радостью их захватили, будучи обрадованы неожиданным приобретением, в особенности потому, что корабли, которые раньше ушли от них пустыми, вернулись, заполненные людьми.

Книга IV

13. Весной римские военачальники собрались и решили идти на мисимиян. Бузе же и Юстину было приказано остаться у Острова для охраны этого пункта и для заботы обо всем. Послано было против неприятеля около четырех тысяч пехоты и конницы, среди которых были и мужи, пользующиеся величайшей известностью, и среди них – Максенций и Феодор, вождь отряда цаннов, оба воинственные и таксиархи. Так они начали поход. Предполагалось, что немного позже к ним присоединится и Мартин как будущий военачальник, чтобы поход даже на короткое время не был лишен вождя. Начальство над всеми войсками, пока они будут проходить через подвластную территорию, было передано армянину Боразу и Фарсанту – колху, которые ни военной доблестью, ни другими достоинствами не превосходили прочих участников, но некоторым даже уступали, ибо Бораз числился в разряде лохагов, другой же был вождем служившей при императорском дворце тагмы колхов, звание [его] – магистр, название же тагма получила по имени служивших в ней варваров. Но он не имел ни такого благоразумия, ни такого авторитета, чтобы управлять уверенно римским войском.

Итак, это войско с наступлением лета пришло в страну апсильцев. Когда оно хотело продвинуться дальше, то препятствием ему явился персидский отряд, там собранный. Ибо, узнав о приготовлениях римлян и о том, что они идут на мисимиян, персы, выступив из Иверии и городков, расположенных вокруг Мухиризиса, двинулись на римлян, предупредив их в занятии местности, чтобы оказать там помощь мисимиянам. Поэтому римляне, находясь в укреплениях апсильцев, старались протянуть время, пока не истечет срок жатвы; идти же в боевом строю против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опас-

ным. Итак, каждое войско оставалось на месте; ни одно из них не делало даже попытки продвинуться дальше, но они взаимно наблюдали друг за другом и выжидали, кто двинется первым. Были у персов также вспомогательные войска из гуннов-савиров. Этот народ, и величайший и многочисленный, весьма жаден и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим. В прежней войне они сражались против персов, когда в ночном бою истребили большое число напавших на них дилимнитов, как об этом я выше рассказывал. Когда же военные действия были закончены, они были отпущены римлянами, получив условленную плату, и перешли на сторону тех, кто немного раньше были их ожесточенными врагами, те ли самые или другие, но во всяком случае из этого народа, посланные в качестве союзного войска.

14. Из них около пятисот савиров помещались на каком-то возвышенном пункте, далеко отстоящем от остального войска. Когда Максенций и Феодор хорошо разведали, что они, отложив оружие, находятся в беззаботном состоянии, то тотчас послали против них триста всадников. Окружив незаметно стены (они были не очень высоки, так что можно было видеть лицо стоящего внутри всадника), подойдя, как я сказал, к стенам со всех сторон, они стали поражать варваров метательными копьями, камнями, стрелами и всем, что попадалось под руку. Те, вообразив, что врагов больше, чем было на деле, пораженные неожиданностью, даже не думали о защите.

Не было возможности и для бегства, так как они находились внутри стен. Итак, все находящиеся там были быстро перебиты. Только сорок человек чудесным образом, при помощи рук и ног взобравшись на стены, бросились в разные стороны и скрылись в ближайшем дремучем лесу. Но римляне и там не прекращали их преследовать. Как только об этом были извещены персы, они тотчас послали отряд всадников в две тысячи человек в безукоризненном боевом порядке. Римляне же, уступая им в численности и как бы удовлетворенные совершившимся, поспешно отступили и оказались в безопасности в укреплении, из которого вышли, гордясь славным деянием и скорбя только о Максенции, так как он был весьма тяжело ранен каким-то варваром, скрывшимся в лесу. Положенный на носилки, он был спасен сверх ожидания. Тотчас же после ранения спутники, подняв его, быстро унесли оттуда, прежде чем враги нагрянули массой. Когда же те явились и напали, тогда римляне убежали по какому-то другому пути, увлекая за собой преследователей, и дали [другим римлянам] возможность, хотя с трудом, доставить его до укрепления.

15. Между тем Юстин, сын Германа, послал одного из своих таксиархов, гунна по происхождению, по имени Эльминзура из Острова в Родополь с двумя тысячами всадников. Этот Родополь был городком колхов, а в то время занят был персами. Взят он был гораздо раньше Мермероем, который поместил в нем персидский гарнизон. Я обхожу молчанием, каким образом это произошло, так как это ясно описано Прокопием. Когда Эльминзур туда явился, ему помогла счастливая судьба. Персидский гарнизон в то время случайно находился вне города; большинство же жителей рассыпалось по разным местам. Войдя в него безо всякого труда и подчинив город своей власти, он произвел разведку окружающей местности и истребил до одного всех встретившихся персидских солдат. Что же касается местных уроженцев и обывателей, то, так как он знал, что они скорее благодаря внешнему давлению, чем по собственному вероломству перешли на сторону персов, то он позволил им жить в отечественном городе, ради большей гарантии взяв заложников, и урегулировал там все должным образом. Так, Родополь был возвращен в прежнее состояние, вернулся к отечественным правам и подчинился римскому императору. Этим летом не произошло больше ничего, достойного упоми-

нания. Когда наступила зима, персы, тотчас же снявшись с лагерей, отступили снова в Котайсий и Иверию с целью там зимовать, отказавшись тем самым на длительное время от помощи мисимиянам. Ибо отечественными установлениями и нравами у них не допускается предпринимать зимой продолжительные и трудные заграничные военные походы. Римляне же, освободившись от преграждающих путь персов, продолжали свой поход в сторону мисимиян. Когда они дошли до так называемого укрепления Тибелия, отделяющего страну мисимиян от апсильцев, прибыл Мартин, чтобы принять команду и руководить всем войском. Но некая приключившаяся с ним там тяжелая болезнь помешала осуществлению его намерения. Поэтому он остался там, чтобы немного позднее возвратиться в страну колхов и в ее крепости. Войско же тем временем продолжало продвигаться вперед, руководимое прежними командирами. Прежде всего оно решило еще раз испытать настроение мисимиян, не возвратятся ли они добровольно к более благоразумным намерениям, признав своих прежних правителей, не раскаются ли они в совершенных ими преступлениях, сдавшись римлянам без боя и возвратив все деньги, похищенные у Сотериха. Итак, отобрав, насколько это было возможно, самых разумных людей из апсильцев, [римские начальники] посылают их в качестве послов. Мисимияне же были далеки от того, чтобы отказаться от своего упорства и новыми деяниями загладить безрассудство старых. Мало того, эти преступные люди, обремененные злодеяниями, находящиеся во власти злого демона, заслуживающие всякого бранного наименования, которое им могло присвоить справедливое негодование, отбросив и нарушив общечеловеческие законы, немедленно убили послов, хотя они были апсильцами, их соседями, близкими им по образу жизни, хотя они и не знали и не принимали участия в том, в чем те обвиняли одинаково римлян и Сотериха, но желали только сделать дружеский без всякого упрека совет, могущий принести им выгоду.

27. Когда он (Исдигерд) умер, Вараран, сын, став у власти, выступил против римлян, но так как полководцы, бывшие на границах, приняли его дружественно и кротко, то он тотчас отступил, не начав войны с пограничными жителями и не причинив никакого вреда их полям. После двадцатилетнего царствования он передал власть Исдигерду, одному

из своих сыновей, который правил семнадцать лет и четыре месяца. После него был объявлен царем Пероз, муж безрассудно смелый и воинственный и к тому же тогда исполненный горделивыми мыслями. Суждениями осмотрительными и осторожными он отнюдь не обладал, но больше было в нем заносчивости, чем благоразумия. Он погиб в походе против эфталитов не столько, полагаю, вследствие силы врагов, сколько вследствие собственного безрассудства. Когда ему подобало осторожно продвигаться по неприятельской стране, предвидя скрытые засады и заранее остерегаясь их, он, пренебрегая этим, быстро попал в засаду, в ямы и рвы, которые были вырыты на равнине на огромном пространстве и предназначены для засады, и бесславно окончил свою жизнь на двадцать четвертом году царствования, побежденный гуннами (ибо эфталиты – гуннское племя).

28. Итак, он часто в этом беззаконно погрешал: естественно, сатрапы открыто негодовали и считали этот позор нетерпимым. Это обстоятельство явилось причиной заговора и лишения его власти. Организовав заговор и восстав поголовно, они лишили его царской власти на одиннадцатом году правления и бросили в Крепость забвения, а царскую власть передали Замасфу, который также был сыном Пероза и пользовался репутацией кротости и справедливости. Поэтому они решили, что все у них хорошо устроено и что в дальнейшем в общественной и частной жизни они будут жить легко и удобно. Но Кавад немного спустя убежал или, как говорит Прокопий, вследствие хитрости, примененной женой, предпочитавшей самой умереть вместо него, или использовав другой способ; так или иначе, он вырвался из тюрьмы и убежал к эфталитам в качестве просителя их царя. Тот,

взвесив мысленно различные внезапные превратности судьбы, принял его весьма благосклонно, не переставал его утешать, устраняя подавленность духа прежде всего ласковыми словами, соответствующим убеждением направляя его мысль к лучшему, к этому добавляя роскошную трапезу, часто провозглашая здравицу в честь его, одаряя роскошными одеждами и выполняя все обязанности гостеприимства. Немного спустя даже дочь его вышла замуж за гостя. Дав ему войско, достаточное для похода, отослал к своим, чтобы он восстановил прежнее свое благополучие, уничтожив противников. Людские дела обычно расстраиваются происшествиями, противными задуманным планам. Нечто подобное случилось и теперь. Участь Кавада колебалась между различными, самыми противоположными крайностями и притом в достаточно короткий промежуток времени. Ибо из царя он сделался сначала подсудимым узником, а когда ускользнул из темницы – беглецом и просителем, из просителя же и чужестранца – зятем царя и его интимнейшим другом. Скоро, вернувшись к отечественным обычаям, он возвратил [себе] верховную власть без труда и опасностей, будто никем не занятую и переходящую по наследству, как бы никогда ее не лишаясь. Ибо Замасф добровольно оставил царский трон и предпочел оставить верховную власть, пользуясь ею в течение четырех лет, и отказаться от роскоши и честолюбия, предпочитая власти частную жизнь, соединенную с безопасностью, и, таким образом, предупредил неизбежность [добровольным решением]. Кавад же, сделавшись могущественнее прежнего, был верховным властителем еще 30 лет сверх одиннадцати, так что он правил, облеченный царской властью, в течение срока одного года.

Книга V

11. Когда это случилось, произошли в столице и другие события, наполнившие ее шумом и смятением, и не менее тягостные, чем те, о которых я рассказывал. Я сейчас изложу, каковы они были, а раньше коротко упомяну о более раннем.

Народ гуннов некогда обитал вокруг той части Меотидского озера, которая обращена к востоку, и жил севернее реки Танаиса, как и другие варварские народы, которые обитали в Азии за Имейской горой. Все они назывались гуннами, или скифами. По племенам же в отдельности одни из них назывались котригура-

ми, другие утигурами, некоторые – ультизурами, прочие вуругундами. Спустя много столетий они перешли в Европу, или, действительно, ведомые оленем, как передает басня, или вследствие другой случайной причины, во всяком случае перешли каким-то образом Меотидское болото, которое раньше считалось непроходимым, и, распространившись по чужой территории, причинили ее обитателям величайшие бедствия своим неожиданным нападением.

Таким образом, изгнав прежних обитателей, они заняли их страну, но, кажется, в ней

не очень долго прожили и, как говорится, погибли поголовно.

Ультизуры и вуругунды считались могущественными и были знамениты во времена императора Льва и живших в то время римлян. Мы же, живущие ныне, их не знаем и, думаю, никогда не узнаем или потому, что они, может быть, погибли, или же переселились в отдаленнейшие местности. Однако в тот год, когда моровая язва напала на город (Константинополь), некоторые племена гуннов оказались существующими и к тому же весьма страшными. Гунны все-таки спустились на юг и обитали недалеко от берегов Дуная, там, где им было это желательно. Когда наступила зима, река, как обычно, покрылась льдом и замерзла на такую глубину, что могла быть перейдена и пешими и конными войсками. Заберган, вождь гуннов, называемых котригурами, переведя значительное конное войско [по реке], как по суше, очень легко вступил на территорию Римской империи. Найдя тамошние местности лишенными обитателей, он без всяких препятствий проник внутрь [страны] и, быстро пройдя Мизию и Скифию, вторгся во Фракию. Там он разделил войско и одну часть его направил в Грецию, чтобы она произвела нападение на все незащищенные гарнизоны места и их опустошила. Другую же часть войска послал во Фракийский Херсонес.

12. Части Херсонеса, обращенные на восток, юго-восток и юг, протянулись вдоль Геллеспонта. Он обтекает его почти весь, и тот почти окружается его изгибами, соединяясь с континентом только небольшим перешейком в 40 стадий, мешающим ему стать островом. Через этот перешеек проведена стена, доведенная с той и другой стороны до моря. Внутри за ней размещены Ародимада, Тескос и Кибарис. В самом отдаленном от них пункте, у самого пролива и морских изгибов, расположен Сест, город, часто упоминаемый в поэзии и знаменитейший, думаю, не по какой другой причине, как только по причине светильника Сестской горы и любви и смерти Леандра. Недалеко от него расположен и другой городок, незначительный, некрасивый и ничем не привлекательный, по имени Каллиполь. Окрестности его украшают поля, гавани, обилие древесных зарослей и текучих вод. Земля хорошо орошаема и плодородна, изобилует продовольствием. Эти городки и обширную площадь ограждает стена, чтобы помешать проникновению туда врагов. Тогда Заберган, претисполненный надеждами, замыслил разру-

шить стену, проникнуть внутрь и подчинить себе даже море. Он строил мечты, что там у него будет множество кораблей, и что он отправится в Азию через очень узкий пролив, весьма удобный для переправы и не тревожимый сильными волнами, и что он тотчас же разорит Абидос и тамошнюю таможню, где взимают десятину. Охваченный такими безрассудными помыслами, он послал в Херсонес войско, достаточное для этого предприятия. Сам же с семьей тысячами устремился прямо на Константинополь, опустошая поля и покушаясь на города, везде внося хаос и замешательство. Настоящая причина похода была варварская несправедливость и страсть к обогащению. Предлогом же и прикрытием он выставил вражду против утигуров. Ибо некто по имени Сандилх, гунн, вождь этого племени, был другом римлян и их союзником. Поэтому император относился к нему с благосклонностью, почитал его и часто посылал ему подарки. Котригуры же, как обойденные и оскорбленные явным пренебрежением и очевидным презрением, решили предпринять этот поход, чтобы показать, что и они умеют внушать страх и достойны внимания, показать, что и они не спускят обидчику.

17. “Не из страха, о мужи, и не из желания побудить вас к бодрости, как это обычно делается перед битвами, пришел я, а чтобы выступить с соответствующим словом. Я бы казался забывшим то, что мне известно по опыту, если бы перед римскими солдатами, испытанными в постоянных боях, которые разрушили, можно сказать, государства величайших народов, теперь бы стал выступать с какими-то увещаниями, призывая отбросить страх перед бродячими бандами и притом гуннами и котригурами. Но так как вижу в вас больше, чем подобает, высокомерия и самоуверенности, то счел я не бесполезным напомнить вам о вашей прежней скромности. Всякая чрезмерность должна быть избегаема разумными людьми, даже если она направлена к похвальной цели. Превозноситься в такой степени прежними подвигами и в дальнейшем себе обещать всегда такой же успех – значит изгонять благоразумие и склоняться к заносчивости. А тем, кто дойдет до такого безумия, что не допускает в душе никакой умеренности, даже если речь идет о почтении к божественному промыслу, нужно, однако, обратить внимание и на то, что хотя варвары воинской храбростью и доблестью далеко ниже нас, однако они превосходят нас числом. И если взвесим преимуще-

ства каждой стороны, то различие придет к равенству. Поэтому разве не позорно для нас, сражающихся в равных условиях, проявлять такое безрассудство и несдержанность и не считаться ни со временем, ни с порядком, ни с внезапными капризами судьбы? Никто, как полагаю, не победит врагов физической силой, если нет налицо разумного плана и обдуманности. Каким образом я, дошедший до такой седины, что по старости уже не пригоден к военному делу, могу принимать участие в стычках и сражениях, если не буду поддерживаем правильностью своих решений и благоразумием? Поэтому, если помощь старости укрепляется разумным и направленным на должное решением и приводит к полезному, восполняя благоразумием недостатки возраста, то разве эти качества не будут тем более полезны вам, присоединяясь к юности и телесной силе? Несчастья, происходящие от какой-либо случайности или ошибки, могут быть исправлены правильным размышлением, которое помогает приспособляться к обстоятельствам и исправлять ошибки. Если же несчастье произойдет по ошибочности нашего замысла, благодаря тому, что мы взяли за дело менее обдуманно, чем надлежало, откуда, я спрашиваю, искать лекарства и спасения, если начало, порождающее обычно все остальное, нас обманывает? Но, быть может, кто-нибудь будет удивляться неожиданности моего выступления. В то время, как подобает возбуждать и укреплять вашу уверенность в себе и бодрость духа, я, наоборот, подрываю и уменьшаю их, навязывая вам обдумывание, страх и делаю надежды сомнительными”.

20. Но в то время все казалось гуннам безнадёжным и им не приходил в голову какой-нибудь способ отражения врага. Из них было убито около 400 [человек]; из римлян никого, немногие были только ранены. С трудом и хан гуннов Заберган, и бывшие с ним добрались, к своей радости, до стоянки. Римские лошади, утомленные преследованием, явились главной причиной спасения гуннов. Иначе они были бы перебиты в тот день поголовно. Когда в большом беспорядке гунны ворвались в свою стоянку, то привели этим в замешательство все остальное войско, как будто ему угрожала неизбежная гибель. Слышался сильный вой варваров: они резали себе даже щеки ножами, выражая тем, по обычаю, свою горесть. Римляне же с Велисарием возвратились к своим, закончив дело успешнее, чем надеялись, причем успешный исход дела зависел от мудрости

вождя. Варвары же после поражения тотчас снялись с лагеря и начали поспешно отступать из Мелантиады. Велисарий, хотя, несомненно, и мог нанести им больший удар и даже добить их, преследуя людей, уже охваченных паникой, так как их отступление напоминало бегство, тем не менее тотчас же после победы возвратился в столицу, и не по своему желанию, а по приказанию императора. Когда распространилась весть об этой победе и весь народ воспевал его и превозносил на собраниях всеми похвалами, как спасенный им самым очевидным образом, то это уязвило и оскорбило многих из начальствующих, охваченных завистью и враждой – этими ужасными пороками, всегда уничтожающими самое лучшее. Поэтому они клеветали на этого мужа, обвиняя его в заносчивости и в том, что он добивается популярности толпы и имеет в виду другие надежды. По этим причинам очень скоро [дело] дошло до того, что он не был увенчан полной славой и не был удостоен должного почета за свои славные деяния. Вся слава победы у него каким-то образом выскользнула из рук, осталась без награды, навсегда преданная молчанию. Уже древними мудрецами было показано и доказано, какой ущерб наносится государству, когда ослабляется предприимчивость лучших умов, когда они не получают похвалы и должного почета, когда недооценивается и пренебрегается [все выдающееся], будь то воинские подвиги или литературные дарования, или что-либо другое имеющее величайшее значение. И каждый легко может убедиться в этом из ежедневных фактов. Гунны же вначале опасались преследования и в большом беспорядке выбрались за так называемые длинные стены. Когда же они узнали, что Велисарий отозван и никто другой их не преследует, то отступали уже медленнее.

21. Между тем, другая часть варварского войска, направленная к Херсонесу, часто нападала на стены, придвигая лестницы и другие осадные орудия, но постоянно была отбиваема находящимися внутри римлянами, оказывающими ожесточенное сопротивление. Возглавлял их Герман, сын Дорофея, еще совсем юноша, едва достигший возмужалости, но отличающийся военачальническим духом, и приобретший опыт, далеко превышающий его возраст. Он родился в иллирийском городе, называемом некогда Бедериана, а затем названный Первой Юстинианой. Император Юстиниан, появившийся в нем на свет, естественно, украсил родной город разными сооружениями и из

неизвестного сделал его счастливым и дал ему собственное имя. Происходивший из этого города Герман был ему весьма дорог. Когда [Герману] было восемь лет от рождения, Юстиниан привез его в столицу и окружил величайшими заботами, так как тот посещал и школы грамматиков, и другие училища, приобрел и латинское образование. Когда же достиг возмужалости, тотчас послали его в Херсонес начальствовать над расквартированными там войсками, чтобы у него порывы и подвижность юности и стремление к славе с самого начала реализовались в достойных, соответствующих и общественно необходимых делах, а не направлялись на нелепые порывы, волнения димов и конские ристания, различаемые цветами, куда большей частью направляется юношество и там развращается, если не будет занято каким-либо более полезным делом.

Когда в это время гунны осаждали и беспокоили Херсонес, этот юноша неустанно работал над отражением их нападений и изобретал всякие способы для отражения врага. И сам он по своим природным способностям очень удачно находил полезное и очень легко внимая совету находящихся при нем испытанных в боях воинов, подсказывающих ему то, что нужно было делать. Когда у варваров уже ничего не оставалось, чтобы они могли предпринять как для осады, так и для штурма стен, они решили испытать еще один способ – смелый, безрассудный, полный опасности, и, таким образом, или быстрее овладеть местностью, или же отказаться от дальнейших попыток и возвратиться к своим. Они собрали огромное количество тростника, самого длинного, крепкого и толстого и, окропив стебли и увязав их веревками и шерстью, изготовили множество плотов. Сверху поперек они наложили прямые деревянные бревна, как скамьи для гребцов, но не везде, а только по краям и посередине. Скрепив их самыми крепкими узлами, они соединили и связали между собой как можно прочнее так, чтобы три или четыре образовали один плот, имеющий достаточное пространство для помещения четырех гребцов, и чтобы они способны были выдержать тяжесть помещенного там груза и не затонули вследствие недостаточной величины. Таким образом они построили не менее 150 плотов. Чтобы увеличить их плавучесть, передние их части немного округлили и загнули назад наподобие носа, и, подражая бортам корабля и парапетам, приладили с каждой стороны колки для весел и устроили нечто вроде передней

и задней частей корабля, где не было весел и скамеек для гребцов.

22. Все это, насколько было возможно, они устроили основательным образом, а затем скрытно спустили в море, около западного берега залива, который весь поворачивает к городу Эпосу. На эти плоты взошло 600 воинов, на тростниковые основы набросали как можно больше соломы и, неумело гребя, далеко отделились от земли, весьма хорошо вооруженные и готовые к бою. Они надеялись, незаметно выплыв в море, легко преодолеть пространство, обогнуть край стены, протянутой до моря, и в дальнейшем уже безбоязненно добраться до внутреннего пространства, не защищенного ничем, кроме Геллеспонта. Когда Герман узнал через разведчиков, что этот тростниковый флот скоро появится, он посмеялся, естественно, над безрассудством врагов, но очень обрадовался, так как это могло ему принести несомненную пользу. Тотчас же двадцать легких кораблей с многочисленными веслами, с двойной кормой он наполнил воинами, одетыми в панцири, со щитами и луками, вооруженных крюками, посадил на них гребцов и рулевых и скрыл их за мысом, выдвигающимся в море, поместив их в засаде, чтобы они не могли быть замечены издали. А когда варвары прошли и обогнули выдающуюся в море и прилегающую к морскому берегу часть стены, повернули внутрь и быстро устремились вперед с большой самоуверенностью, тогда и римские суда были спущены и двинулись им навстречу и, так как течение им способствовало, при быстром движении они носами обрушились с большой силой на камышовые плоты, а те, отброшенные большой силой течения назад, носились и крутились по волнам, так что гребцы не могли на них удержаться.

Многие, выброшенные в волны, погибли; другие же, по необходимости оставшиеся на них, не знали, что предпринять. Те, кто удерживался на них, были чрезвычайно тревожимы силой морского течения, которое было умеренно и невелико для судов и лодок, но было чрезвычайно сильно для тростниковых плотов вследствие их легкости. Когда волны поднимались высоко, они взлетали с ними, когда же они опускались, то и они вместе с ними увлекались вниз. Поэтому люди на них даже не пытались сражаться, а только старались удержаться и устоять. Когда варвары находились в таком критическом положении, римляне не использовали это благоприятное обстоятельство, нападая и наскакивая на неприятеля

лей как в морском сражении. Таким образом они сбросили многих врагов в море, сами прочно удерживаясь в своих судах, многих избили, поражая врукопашную мечами. Когда плоты от них отдалялись, нападали на них с длинными копьями, рассекая поочередно носами и гарпунами все связи, соединяющие тростник, и распуская все соединения. Как только связи тростника рассекались, он разваливался, и морем беспорядочно разбрасывало его во все стороны. Гунны же, лишаясь дна в своих суденышках, во множестве погружались в бездну и погибали от непривычной стихии. Так они погибли все. Никто из них не возвратился на землю.

23. Римляне, тотчас же собрав оружие врагов, какое еще плавало на поверхности, и, возвратившись на прежнее место, доставили всему войску величайшее наслаждение и радость, празднуя счастливый успех. Поэтому все, собравшись вместе, решили использовать для дальнейшего благоприятную перспективу этого успеха. Спустя немного дней, с оружием в руках они произвели внезапную вылазку за стены и напали на остальную толпу варваров, огорченную и подавленную недавним поражением. Тогда Герман, как юноша, который не мог еще вполне владеть собой и обуздывать порывы своей природы, охваченный сверх меры жаждой славы и геройства, не заботясь о благоразумии и безопасности, неустрашимо напал на неприятелей и подвергался опасности, сражаясь как рядовой солдат, а не как полководец, воодушевляя и приказывая, так что был ранен стрелой в бедро, и немногого недоставало, чтобы он был вынужден удалиться из боя. Но требование момента и значение предпринятого им дела заставили его преодолеть боль, и он только тогда прекратил и сам сражаться, и воодушевлять других, когда причинил врагу громадный урон и перебил многих из них. Тогда только закончилась битва и римляне возвратились в свои укрепления, не считая ни разумным, ни безопасным надолго затягивать рукопашное сражение с врагом, сильно уступая ему в численности. Варвары тем не менее были приведены в такое замешательство – частью видом обломков своих судов, бросаемых волнами, частью неожиданной вылазкой, произведенной римлянами, что в тот же день очистили местность, прилегающую к Херсонесу, и присоединились к Забергану и его войску, побежденные к побежденным. Те же, которые раньше были посланы в Грецию, также не совершили почти ничего до-

стойного упоминания, не только не произведя нападения на Истм, но даже не смогли перейти Фермопилы, так как их занимал римский гарнизон. Поэтому и они отступили и направились во Фракию, чтобы здесь присоединиться к своим соотечественникам и вместе возвратиться домой. Тем не менее Заберган и его войско похвалялись, что они уйдут только тогда, когда получат от римлян такое же количество золота, как и утигуры. Они грозили немедленно перебить пленных, если те в ближайшее время не будут выкуплены родственниками. Император послал им столько золота, сколько считал достаточным для выкупа пленных и для того, чтобы они мирно очистили территорию. Варвары действительно возвратили как многих других, так и стратига Сергия, сына Вакха. Был захвачен даже он, вследствие неблагоприятного стечения обстоятельств, и находился среди пленных.

Так они с трудом прекратили свой грабеж и направились домой, соединившись немного спустя с пришедшими из Греции.

24. Столичным жителям такое соглашение казалось низким, позорным и недостойным свободных людей. В особенности казалось нетерпимым то, что враги, подойдя так близко к столичному городу и насмеявшись над ним, не только не были истреблены поголовно, но даже унесли с собой золото, как благодарственный дар, как будто мы сами провинились. Замысел же императора предусматривал нечто большее, как показали события, развернувшиеся немного позднее, так что обвинявшие его раньше потом осыпали похвалами, удивлялись ему, как самому предусмотрительному и сообразительному [правителю]. Ибо он решил всеми способами добиться того, чтобы поссорить и столкнуть врагов между собою, чтобы они уничтожили друг друга. Чтобы это скорее произошло, пока Заберган совершал медленный путь со своими, он послал письмо к Сандилху, другому гуннскому вождю, своему федерату и наемнику. Содержание его было следующее: “Если ты, зная замысел котригуров, сознательно бездействовал, то я, естественно, по справедливости удивляюсь как твоему вероломству, так и самому себе за то, что недостаточно распознал твои замыслы и ошибся в суждении о тебе. Если же ты действительно до настоящего времени не знал, то это простительно. Но ты нам докажешь свое незнание предшествующего единственно тем, что не будешь проявлять небрежности в дальнейшем. Ибо они пришли сюда не с тем наме-

рением и целью, чтобы опустошить мои владения (хотя, быть может, это и было побочной задачей похода), но желая доказать на деле, что мы обманулись, пренебрегая ими, предпочтя довериться тебе, хотя они имеют преимущество и более храбры. Они считают нетерпимым, если кто-либо будет считать себя равным или соперником утигуров или только их немного превосходящим; с трудом соглашаются на свое очень значительное превосходство над ними. Поэтому они прекратили опустошение Фракии только тогда, когда унесли золото, которое мы ежегодно обычно жаловали тебе в качестве субсидии. И нам легко было или совершенно их уничтожить, или, по крайней мере, отправить домой без удовлетворения их домогательств. Но мы допустили и то и другое, чтобы испытать тебя. Если ты человек разумный и действительно храбрее их и не уступишь похищающим твое добро, то хоть теперь не будь ниже себя. Теперь представляется благоприятная возможность заставить врага ответить и, одержав победу, получить причитающееся тебе вознаграждение, как бы доставленное тебе им самим. Если же ты предпочтешь спокойствие, получив такое оскорбление, из-за боязни, как полагаю, или будешь предаваться постыдному бездействию, то ты, добрый человек, будешь лишен субсидии. Мы ее будем давать ему и на дальнейшее отложи свои помыслы и научись уступать более храбрым. Да будет тебе известно, что договоры, заключенные с тобой и твоим народом, будут перезаклучены с ним. Было бы безрассудством входить с побежденными в сообщество бесчестия, когда подобает сближаться с победителями”.

25. Прочитав это письмо при помощи переводчика, Сандилх пришел в ярость и не мог сдержать своего гнева, но в тот же день бросился мстить кутригурам за причиненное ему оскорбление. Да и каким образом заносчивая

душа варвара, всегда стремящегося к наживе, могла равнодушно отнестись к таким словам? Подняв свое войско, он сначала внезапно напал на неприятельскую территорию, поразив неожиданностью нападения ее обитателей, и обратил в рабство большое количество захваченных им женщин и детей. А затем неожиданно встретил возвращающихся из Фракии и только перешедших Дунай и, перебив множество, отобрал все деньги и всю добычу. Те же, которым удалось ускользнуть, когда с трудом добрались до своих и присоединились к ним, вступили в войну с ним. И затем в течение долгого времени были заняты взаимной борьбой, усиливая вражду между собой. То делали набеги и захватывали добычу, то вступали в открытые бои, пока почти совершенно не уничтожили друг друга, подорвав свои силы и разорив себя. Они даже потеряли свое племенное имя. Гуннские племена дошли до такого бедствия, что если и сохранилась их часть, то, будучи рассеянной, она подчинена другим и называется их именами. Такую жестокую кару они понесли за прежнее свое вероломство.

Впрочем, окончательное крушение и гибель этих племен произошли позднее, и об этом мною будет рассказано в надлежащем месте ради соблюдения последовательности событий. Когда же борьба еще свирепствовала и о ней стало известно Византии, тогда только там узнали и громогласно объявили о благоразумии императора и правильности его решения. Когда варвары истребляли друг друга, он, сам не прибегнув к оружию, победил их только своей мудростью при любом исходе борьбы и лишил их всякой надежды на будущее. Когда они страдали, поглощенные внутренними бедствиями, то, естественно, уже и не помышляли о походах против римлян, а большинство последних даже не знало, в какой земле они оказались.

Примечание

¹ Крепость Оногурис находилась в Самтредском районе недалеко от Телефиса.

Источник: Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. – М.: Арктос–Вика-пресс, 1996.

Евагрий Схоластик

Εὐάγριος Σχολαστικός – Evagrius Scholasticus

Евагрий (536/537–594/600), историк церкви. Родился в Епифании (Сирия), жил в Антиохии, где служил адвокатом – отсюда его прозвище Схоластик. Состоял в дружбе с патриархом Григорием (569–594), которого

успешно защищал перед императором Мавриkiem и Константинопольским собором (588). При императоре Тиверии (578–82) получил должность квестора, а при Маврикии (582–602) – почетного префекта. Евагрий составил

сборник посланий, писем и распоряжений для патриарха Григория, а также сборник речей, включая панегирик императору Маврикию и его сыну Феодосию. Ни одно из его сочинений не дошло до наших дней, кроме «Церковной истории» (иначе «Духовная история») в шести книгах, охватывающей события начиная с Эфесского собора (431) и кончая двенадцатым годом правления императора Маврикия (593/594). «Церковная история» Евагрия написана как продолжение соответствующих трудов Евсевия Кесарийского, Созомена, Феодорита Киррского и Сократа

Схоластика. Этот труд очень важен для истории религиозных споров V–VI веков, несторианства, евтихианства и монофизитства. Среди источников Евагрия хроника Евстафия Антиохийского, труды Прокопия Кесарийского, Менандра Протиктора, Иоанна Епифанийского и Иоанна Малалы, которого он называет Иоанном Ритором. Полагаясь на этих авторов, Евагрий проявляет достаточную критичность. В духовном плане Евагрий ортодоксален и строго следует установлениям Халкидонского собора, однако не торопится осуждать еретиков.

Подробнее см.: Paul Lejay. *Evagrius Scholasticus* // *The Catholic Encyclopedia*. Vol. V. – 1909–1997.

Евагрий Схоластик

Церковная история

Перевод Санкт-Петербургской духовной академии в редакции В. В. Серповой

Книга I

17. В эти времена скифский¹ царь Атилла² воздвиг ту войну, о которой столь много говорили и которую столь обстоятельно и красноречиво описал ритор Приск, с величайшей занимательностью рассказывая, как Атилла напал на восточные и западные области империи, сколько каких взял и покорил городов и после каких дел переселился из этой жизни. В царствование того же Феодосия случилось величайшее и страшное землетрясение почти в целой вселенной и превосходящее все прежние землетрясения; так что в столице обрушились многие башни и повалилась длинная, так называемая херсонская стена, на некоторых же местах разверзлась земля и поглотила множество селений. Вообще, неисчислимы были бедствия на суше и на море: там высохли источники, богатые водой; а здесь явилось множество воды, которой прежде не было; кое-где сами собой с корнями исторгались из земли деревья и, громадно скучившись, получали вид гор; море выбрасывало мертвую рыбу и поглотило множество лежавших на нем островов; стоявшие на море корабли вдруг очутились на суше, потому что волны отступили назад. Это бедствие поразило многие места Вифинии, Геллеспонта и обеих Фригий и довольно долго повторялось на земле, хотя уже не с такой силой, как в самом начале; но ослабевало мало-помалу, пока совсем не прекратилось.

18. В эти времена Феодосий присылал управлять Антиохией Мемнония, Зоила и Каллиста, мужей украшавшихся нашей верой.

Мемноний, со всем изяществом и великолепием, с самого основания перестроил³ так называемый у нас Псефион и посередине его оставил открытый двор. Зоил построил императорский портик, стоящий с южной стороны портика Руфина и сохранивший его имя до нашего времени, хотя постройки в нем по случаю разных повреждений сменились. А Каллист воздвиг великолепное и блистательное здание, которое и у древних и у нас называется портиком Каллиста и находится перед тем местом, где бывает судопроизводство, прямо против площади, на которой стоял прекрасный дом, предназначенный для жилища дуумвирам. После сих мужей прислан был в Антиохию предводитель восточных войск Анатолий⁴, который, соорудив портик, называемый портиком Анатолия, украсил его различными материалами. Эти сведения, конечно, посторонние; но для людей любознательных будут не неприятны.

19. В те времена царствования Феодосия, когда над Римом владычествовал Валентиниан⁵, в Европе происходили непрерывные возмущения, которые Феодосий подавлял, высылая морем и сушей великие массы сухопутного и морского войска⁶. Подобным образом одолевал он и высокомерие персов, когда царствовал над ними Исдигерд⁷, отец Варарана⁸, или, по мнению Сократа⁹, сам Вараран; так что через посольство их даровал им мир¹⁰, который продолжался до двенадцатого года царствования Анастасия¹¹. Об этом повествуют и другие; но в сокращенном виде весьма зани-

мательно рассказывает и епифанский сириец Евстафий, описавший также взятие Амиды. Тогда же, говорят, процветали поэты – Клавдиан¹² и Кир¹³. Последний достиг самой высокой степени префекта, каковое достоинство

наши предки называли придворной префектурой¹⁴. Был он и вождем западных войск в то время, как Карфагеном овладели вандалы, под предводительством Гензериха¹⁵.

Книга II

1. То, что происходило во времена Феодосия, мы заключили в первой книге; а теперь поставим перед зеркалом истории славного римского автократора Маркиана и прежде всего расскажем, кто он был, откуда и каким образом вступил на римский престол; а потом пересмотрим события его времени. Маркиан, как повествуют о нем многие и между прочими ритор Приск, был сыном одного воина, родом фракийца. Намереваясь вступить в звание своего отца, он шел в Филиппополь, чтобы там приписаться к воинскому отряду, и на пути встретил распростертое по земле тело недавно убитого человека. Остановившись перед ним, – потому что между прочим был очень добр, а особенно человеколюбив, – он скорбел об этом событии и долго оставался на том месте, желая отдать долг покойнику. В это время некоторые видели его и донесли на него фелиппольскому начальству. Начальство взяло его и допрашивало о смертоубийстве. Но тогда как догадка и вероятность одерживали уже верх над истиной и отрицанием, обвиняя этого человека в убийстве, и он должен был подвергнуться казни как человекоубийца, Божий промысел нечаянно указал действительного убийцу, который, за свой поступок положив голову, подарил через то жизнь Маркиану. Столь чудесно спасшись от смерти, Маркиан пришел в канцелярию тамошнего воинского отряда, и объявил желание внести свое имя в его список. Воинские чины, дивясь этому мужу и справедливо предполагая, что со временем он будет велик и достославен, с удовольствием приняли его и причислили к себе, не как последнего, чего требовал воинский устав¹⁶, но имя Маркиана, называвшегося еще Августом, внесли в список на степень одного недавно умершего воина, по имени также Август. Таким образом, его имя предварило название наших царей, которые облакаясь в порфиру, титулуются августами¹⁷: точно как бы имени его не хотелось оставаться без достоинства, и как бы достоинство искало того самого названия, которым оно скрепляется, чтобы имя собственное и нарицательное было одно и то же, и чтобы одним словом обозначилось как достоинство, так и название. Случилось и дру-

гое обстоятельство, могущее предзнаменовать царствование Маркиана. Он под предводительством Аспара¹⁸ сражался с вандалами и, когда Аспар был сильно разбит последними, – в числе многих других попал в плен и вместе с прочими пленниками выведен был в поле для назначенного Гензерихом¹⁹ смотра. Военнопленные собрались, и Гинзерих, сидя на возвышенном месте, радовался при виде многочисленной их толпы. А они проводили время, кто как хотел; потому что стража по приказанию Гинзериха сняла с них оковы. При этом случае одни делали то, другие – другое; Маркиан же, сидя на земле, под жгучим, вопреки времени года, зноем солнечных лучей спал. В эти минуты, спустившийся с высоты орел и летевший прямо по отвесной линии от солнца отбрасывал от себя тень на подобие облака и через то доставлял прохладу Маркиану²⁰. Удивленный таким явлением, Гинзерих метко заключил, что имеет быть, и, призвав к себе Маркиана, освободил его от плена, только связал страшной клятвой, что по восшествии на престол он останется верен вандалам и не поднимет против них оружия, – что Маркиан, по сказанию Прокопия²¹, действительно и исполнил²². Но оставив стороннее, возвратимся к предположенному предмету. Маркиан был и перед Богом благочестив, и к подданным справедлив, почитая богатством не то, что спрятано, и не то, что собрано в виде податей, а только то, что может удовлетворить нуждающихся и обезопасить состояние людей обогатившихся. Страшным делало его не перенесение наказания, а опасение, что он накажет. Посему и власть получил он не как наследие, а как награду за добродетель: царство вверено ему по единодушному мнению Сената и всех других правительственных мест, согласно с желанием Пульхерии²³, с которой как с правительницей он вступил в брак, но которой не познал, потому что она оставалась девой до старости. Это произошло, когда еще автократор римский Валентиниан не подтвердил избрания своим мнением, которое он дал после, будучи побуждаем к тому добродетелью избранного. Маркиан хотел, чтобы от всех приносилось бы Богу общее чествование, чтобы произ-

веденное нечестием смешение языков снова благочестиво возвратилось к единству и чтило Бога через одно и то же славословие.

14. В то же время, при начале войны скифов²⁴ с восточными римлянами, испытали землетрясение Фракийская земля и Геллеспонт, Иония и так называемые острова Кикладские, так что на островах Книде и Ко разрушены были многие здания. По сказанию Приска, тогда же в Константинополе и в стране Вифинской лились страшные дожди, так что в продолжении трех или четырех дней вода из облаков стремилась рекой, горы снесены в долины, от наводнения гибли целые селения; а на озере Боанском, лежащем недалеко от Никоидии, от нанесенного туда всякого рода хлама образовались острова. Впрочем, все это происходило несколько после.

16. Вследствие посольства западных римлян, римским царем сделан Анфимий²⁵, за которого прежний царь Маркиан отдал свою дочь. Между тем, военачальник Василиск, брат жены Льва, Верины, был отправлен с са-

мыми отборными войсками против Гензериха²⁶. Ритор Приск²⁷ подробно рассказывает об этом, равно и о том, что Лев, как бы в награду за свое возвышение, коварно умертвил Аспара²⁸, который доставил ему власть, и детей его, Ардавурия и Патриция, которого, чтобы приобрести себе благоволение Аспара, незадолго перед тем сделал Кесарем. По умерщвлении Анфимия, управлявшего Римской империей пять лет, при посредстве Рекимера провозглашен был царем Оливрий); а за ним взошел на престол Гликерий³⁰, которого низверг Непот³¹, управлявший империей пять лет, Гликерия же рукоположивший в епископы далматскому городу Салоны. Непот потом и сам был низвергнут Орестом³², после которого воцарился сын его Ромул³³, по прозванию Августул, последний автократор Рима, царствовавший спустя тысячу триста три года после царствования (первого) Ромула. При нем Одоакр³⁴ овладел верховной властью империи и, отвергнув наименование императора, провозгласил себя королем.

Книга III

2. Такой образ жизни вел Зенон при начале своего царствования. А между тем его подданные и на востоке и на западе терпели величайшие бедствия; ибо с одной стороны опустошали все кочевые варвары³⁵, с другой множество гуннов, или древних массагетов³⁶ делали набеги на Фракию, без всякого сопротивления переходя Дунай; остальное же с насилием, по обычаю варваров, отнимал сам Зенон³⁷.

25. Против Зенона восстал Теодорих³⁸, родом скиф. Собрав свои войска во Фракии, он отправился в поход против Зенона и, опустошив все, что ни встречалось ему, почти до пролива Понтийского, едва не овладел столицей. Он, конечно, и овладел бы ею, если бы некоторые из самых приближенных к нему людей, будучи подкуплены³⁹, не замыслили умертвить его. Узнав о злодейском замысле своих подданных, он отправился в обратный путь; но, спустя немного времени, присоединился к числу отошедших (из этой жизни). Я расскажу и то, как он умер. По обычаю варваров, перед его шатром было повешено копьё. Однажды, для упражнения телесных сил он приказал привести себе лошадь и, по привычке обходиться без конюха, сам бросился на нее. Но лошадь – неукротимая и ретивая – в то время, как Теодорих еще не успел сесть на нее верхом, став на дыбы, начала пятиться назад. Тогда Теодорих, борясь с ней, и, однако, не смея оса-

дить ее уздой, чтобы не упасть, сидел на седле не твердо и, качаясь туда и сюда, наткнулся на острие копья так, что оно вошло в него и ранило его в бок. От этого он слег в постель и через несколько дней скончался от раны.

27. Тот же Евстафий пишет, что Зенон строил множество козней теще своей Верине⁴⁰ и наконец выслал ее в Киликию. Впоследствии же, когда Илл устремился к верховной власти, Верина переселилась в так называемую Папириеву крепость и там скончалась. Дела Илла весьма красноречиво описал Евстафий. Он рассказывает, как Илл избегал замыслов Зенона и как Зенон отдал Илла на смерть тому, кого поручено было умертвить самому Иллу⁴¹, – в возмездие за неудачу в отсечении ему головы; как он, желая скрыть свои замыслы против Илла, объявил его начальником восточных войск; и как Илл, приняв к себе в дружбу Леонтия, знатного человека Марса и Пампрепия, жил в восточных областях. Потом Евстафий рассказывает о происходившем в Тарсе Киликийском провозглашении Леонтия и о том, чего достигли они своим тиранством, когда против них с войском римским⁴² и чужеземным выслан был Теодорих⁴³, родом гот, человек, у римлян знаменитый. Евстафий же очень искусно описал и то, что Зенон подверг некоторых людей страшной казни, за их приверженность к се-

бе⁴⁴ и что Теодорих, заметив устроенные Зеноном против себя козни, пошел на старейший Рим⁴⁵. Другие же говорят, что он принял этот поход по совету Зенона и, одержав в битве верх над Одоакром⁴⁶, покорил Рим под свою власть и назвал себя царем.

35. К настоящему повествованию, согласно с данным нами прежде обещанием, не уместно присоединить в нашей истории рассказ и о других достопамятных происшествиях из времен Анастасия. Родственник Зенона, Лонгин, прибыв в свое отечество, как было сказано выше, стал открыто готовиться к войне с автократором. Но, несмотря на то, что он там и сям собрал множество войска, в котором находился и Конон, бывший епископ епархии в сирийской Апамее, который как исавр ополчился с исаврами, война была окончена: ополчившиеся с Лонгином исавры побиты все до одного; а головы Лонгина и Феодора скифом Иоанном⁴⁷ были отосланы в столицу. Император приказал воткнуть их на копья и выставить в так называемых Сиках, лежащих против Константинополя: византийцам, терпевшим много зла от Зенона и исавров, приятно было такое зрелище. Другой же Лонгин, по прозванию Селинунций, главная опора заговора, и с ним Инд, были взяты Иоанном, по прозванию Горбатый, и отосланы к Анастасию живыми⁴⁸. Это обстоятельство весьма много ободрило как императора, так и византийцев, когда по большой константинопольской дороге и через конское ристалище торжественно проводили Лонгина и Инда, скованных и по рукам и по ногам железными цепями. С тех пор дары, называвшиеся исаврийскими, стали вносить в царскую казну. Они состояли в золоте, которое ежегодно отвешивалось варварам весом в 5000 литров⁴⁹.

43. Против Анастасия восстал Виталиан⁵⁰, родом фракиец. Опустошив Фракию и Мизию до городов Одессы и Анхиала, он пошел к столице с бесчисленным множеством гуннов. Император выслал против него Ипатия. Когда же тот был выдан своими воинами, попал в плен и отпущен за большой выкуп⁵¹, начальство над войском получил Кирилл. Битва сперва находилась в сомнительном положении. Потом, после многократных перемен нападения и отступления, когда Кирилл начал было уже одолевать, неприятель снова сделал натиск, – и римские войска произвольно дали тыл. Таким образом, Виталиан, в Одессе взяв Кирилла в плен и истребляя все огнем и мечом, дошел до так называемых Сиков, с той единственной мечтой, что возьмет самую столицу и овладеет царством. В Сиках он раскинул свой шатер. Тогда император выслал против него с морскими силами Марина Сирийца, о котором мы упомянули выше. Оба войска стали одно против другого, имея позади себя одно – Сики, другое – Константинополь, и сначала оставались спокойны. Потом, после нескольких стычек и перестрелок между тем и другим войском, у так называемых мест Вифарии завязалась упорная морская битва, – и Виталиан, поворотив корму и оставив многих из своего войска, обратился в бегство. За ним и прочие его сообщники побежали с такой поспешностью, что на другой день не осталось ни одного врага ни у Анаплы, ни у столицы⁵². После того Виталиан, как говорят, спокойно жил несколько времени в Анхиале. Между тем сделало набег и другое племя гуннов, прошедшее Каспийскими воротами. Тогда же, в третий уже раз, во время бурной ночи Родос потерпел страшное землетрясение.

Книга IV

22. Тот же писатель повествует, что и авазги в то время, сделавшись более кроткими своих нравах, приняли христианскую веру и что император Юстиниан посылал к ним одного придворного евнуха, родом авазга, по имени Евфрата⁵³, с повелением никому в этом народе не оскотплять себя, так как этим делается насилие природе. Из них-то большей частью избирались прислужники к императорским опочивальням, которых обыкновенно зовут евнухами. Тогда же Юстиниан построил у авазгов храм Богородицы и дал им священников. С тех пор они стали точнейшим образом знать учение христианское⁵⁴.

23. Тот же писатель рассказывает, что обитатели Танаиса, – а Танаисом туземцы зовут пролив, идущий из Меотийского болота в Евксинский Понт, – просили Юстиниана, чтобы он прислал к ним епископа. Юстиниан заботливо исполнил их просьбу и с великим удовольствием послал к ним иерея⁵⁵. Прокопий же очень красноречиво повествует, что на римскую землю во времена Юстиниана сделали набег готы⁵⁶ со стороны Меотиды⁵⁷, что в Греции происходили страшные землетрясения: что потрясены были Беотия⁵⁸, Ахайя⁵⁹ и места, лежащие около залива Крисейского⁶⁰, и бесчисленное множество селений и городов

разрушены до основания, – что на многих местах земли появились расселины, которых края где-то снова сходились, а где-то так и остались.

5. Тот же Прокопий пишет, что Хосров, узнав об удачном покорении под римскую власть областей Африки и Италии, воспламенился сильной завистью и, что-то поставив в обвинение римлянам⁶¹, говорил, что они поступили вероломно и нарушили заключенный мир. Юстиниан прежде всего послал к Хосрову послов⁶² – убедить его, чтобы он не нарушал взаимного бесконечного мира и не преступал договоров, но чтобы рассмотрел (возникшие) недоумения и порешил их дружественным образом. Но Хосров, внутренне возмущенный завистью, не принял никаких условий и с огромным войском вступил в римские владения на 13 году управления Юстинианом римской империей⁶³.

Далее Прокопий описывает, как Хосров взял и разрушил лежащий у берегов Евфрата город Сур, показав на деле совсем не то, в чем условился с его жителями, то есть, дозволив себе всякого рода несправедливости и не сдержав ни одного условия, и таким образом овладев городом более через хитрость⁶⁴, чем силой

оружия; рассказывает также, как предал он огню Берию⁶⁵ и потом пошел на Антиохию, когда в этом городе епископствовал Ефремий, который, впрочем, оставил его, потому что ни в чем не достигал своей цели. Говорят, (Ефремий) спас церковь и окружающие ее здания, украсив их священными приношениями с тем намерением, чтобы они служили для них выкупом⁶⁶. Прокопий описывает также и с чувством изображает, как Хосров взял Антиохию и совершенно разорил ее огнем и мечом⁶⁷, как потом он был под смежным с Антиохией городом Селевкией и у предместья Дафны и как, наконец, отправился против Аппамеи, где в то время занимал епископский престол Фома, муж весьма сильный словом и делом. Он благоразумно дозволил себе, вопреки церковному постановлению⁶⁸, смотреть вместе с Хосровом на бег лошадей в конском ристалище, стараясь всячески обласкать и укротить персидского царя. Хосров спросил Фому, хотел ли он видеть его в своем городе, – и Фома сказал, говорят, сущую правду, что весьма неохотно видит его у себя. Хосров, говорят, удивился такому ответу и за правду достойно превознес этого мужа похвалами⁶⁹.

Книга V

1. Таким-то образом Юстиниан, возбудив везде смятения и тревоги и при конце жизни получив достойное этих дел возмездие, перешел в преисподние судилища; а сын его сестры Юстин, которому доверено было хранение дворца и который поэтому на латинском языке называется куропалатом⁷⁰, облекся после него в порфиру. Между тем, ни о смерти Юстиниана, ни об избрании Юстина никто, кроме приближенных его, не знал, пока сам он не явился на конское ристалище, чтобы сделать со своей стороны и принять от других то, что прилично царю. Так как это событие ни в ком не возбудило посягательств, то он возвратился во дворец. Первое его повеление было – отпустить к своим престолом собранных отовсюду иереев, чтобы они проходили обычное служение, не вводя ничего нового в веру. И такое дело его достойно похвалы. Но по жизни своей он был беспорядочен: совершенно утопал в роскоши и постыдных удовольствиях; был страстный любитель чужого имущества, так что все употреблял как средство для незаконной корысти и не боялся Бога даже в раздате священннх степеней, которые продавал кому случалось, открыто полагая их предме-

том торговли⁷¹. Будучи же одержим двумя пороками – наглостью и малодушием, он, во-первых, вызывает к себе своего родственника Юстина⁷², который пользовался у всех великой славой как по своей опытности в делах воинских, так и по другим достоинствам, – и в то время находился на Истре, удерживая от переправы аваров. А авары – племя скифское, жившее в кибитках и кочевавшее на равнинах по ту сторону Кавказа. Убежав от соседей своих турок, которые нападали на них, они пришли к Босфору; потом, оставив берег так называемого Евксинского Понта, где по всему пространству обитают варварские народы (хотя были здесь города, крепости и гавани, построенные римлянами, когда в этих местах поселялись либо неспособные к службе воины, либо получали оседлость высылаемые царями переселенцы), шли вперед, сражаясь на пути со всеми варварами, пока, наконец, достигли берегов Истра и отправили посольство к Юстиниану⁷³. Оттуда-то отозван был Юстин – как бы для получения того, что следовало ему по взаимному договору с Юстинианом-самодержцем; ибо, так как оба они по блеску внешней жизни были близки друг к

другу и обоим им, по-видимому, равно могло принадлежать царство, то после многих переговоров было решено между ними, чтобы тот, кто взойдет на царство, отдал второе место другому и этим вторым местом в царстве отнял право на преимущество у всех прочих.

11. Как скоро Юстин услышал об этом, то, не размышляя ни о чем здраво и не умея перенести бедствия по-человечески, от необузданной гордости и надменности перешел прямо к болезни сумасшествия и бешенству и уже не понимал ничего, что происходило. Тогда управление государством принял на себя Тиверий, родом фракиец, занимавший при Юстине первые должности. Некогда Юстин посылал его с многочисленным войском против аваров; но так как его воины не вынесли даже и взгляда варваров, то он едва не попал в плен, и только промысел Божий, сверх чаяния, спас его и сохранил для римского престола, который от безумных предприятий Юстина подвергался опасности – пасть вместе с целым государством и толикую власть передать варварам.

14. Неправедно собранные деньги употребив на нужды (государства), Тиверий приготовил все потребное для войны и, сделав правильно набор с народов, живущих как по ту сторону Альп, около Рейна, так и по сю сторону, именно с массагетов и других скифских племен, с паннонцев и мизийцев, с иллирийцев и исавров, он собрал такое войско из этих храбрых людей, что образовал ополчение почти в 150 тысяч отличных всадников, и прогнал Хосрова, который, тотчас после взятия Дары, следующим летом устремился в Армению и оттуда имел покушение на главный город каппадокийцев и первенствующий между тамошними городами – Кесарию. Хосров до того презирал римскую империю, что, когда кесарем отправлены были к нему послы, не удостоил даже допустить их к себе, а приказал им следовать за собой до Кесарии – там, говорил, подумаю я об их посольстве. Но, увидев против себя римское войско под начальством Юстиниана, брата того Юстина, который бесчеловечно убит был (царем) Юстином, – увидев, что это войско тщательно вооружено, что трубы издают грозные звуки, что знамена подняты для битвы, что каждый воин жаждет сражения и в отличном своем убранстве дышит рвением, что конница – такая и столь многочисленная, о какой ни один царь никогда и не думал, он при этой неожиданности и нечаянности долго изумлялся, глубоко взды-

хал и уже не хотел начинать войны. Но между тем, как Хосров откладывал, медлил и тратил время, притворяясь, будто желает сражения, на него напал предводительствовавший правым крылом скиф Курс, и так как противопоставленные ему персы не могли выдержать его нападения, но открыто оставляли строй, сильно поразил их. Потом устремился он на сторожевой отряд, где Хосров и целое войско имели свои припасы, и овладел всеми царскими сокровищами и всем обозом, на глазах самого Хосрова, который все еще продолжал терпеть, думая, что для него невыносимее собственное отступление, чем нападение Курса. Овладев таким образом великим богатством и добычей и ведя с собой вьючных животных с теми самыми грузами, которые на них были, и в том числе со священным огнем – богом Хосрова, Курс и его воины обскакали персидское войско с веселыми песнями и прибыли к своим около того времени, когда зажигают свечи и когда соратники их оставили уже свои ряды, потому что ни Хосров, ни сами они не начинали сражения, а только происходили легкие перестрелки или, как обыкновенно бывает, два войска мерялись битвами воинов один на один. Между тем Хосров зажег ночью множество огней и приготовился к ночной битве, – и так как римское войско стояло двумя лагерями, то он в глухое время ночи напал на ту часть его, которая расположена была севернее, а как это войско от внезапности и нечаянности нападения отступило, обратился на близлежащий город Мелитину, который оставался без стражи и без граждан, и, опустошив его огнем, приготовился к переправе через Евфрат. Но римские войска соединились и погнались за ним. В таких обстоятельствах, опасаясь за личное свое спасение, сам он сел на слона и переправился через реку, а находившиеся с ним воины в большом количестве были поглощены рекой. Захватив трупы их, он поспешно удался. Потерпев это крайнее наказание за дерзость свою в отношении к римлянам, Хосров с остатками своего войска прибыл в восточные области и стал просить перемирия, чтобы никто не нападал на него. Но Юстиниан, со всем своим войском вступив в пределы персидского царства, провел там все зимнее время, и никто не беспокоил его; а при наступлении лета, без всякой потери своих воинов, возвратился домой и благополучно, с великой славой, провел лето на границе (той и другой империй).

20. Притом Маврикий сражался с отличнейшими из персов, именно с Тамхосровом и Адаарманом, предводительствовавшими отличным войском. Что, как, почему и где сделано было им, о том пусть пишут другие, а может быть напишем и мы, – только в ином труде, потому что настоящее сочинение имеет в виду преимущественно свой предмет повествования. Тамхосров пал в сражении не от мужества римского войска, но от одного благочестия и веры в Бога, воодушевлявшей стратега. Обратился в бегство и Адаарман, будучи разбит в сражении наголову и потеряв много своих воинов – от измены Аламундара, который, предводительствуя кочующими варварами, не хотел перейти через реку Евфрат и сразиться с Мавриkiem, потому что в его войске были также кочующие варвары. Между тем, по быстроте коней многие считают их непобедимыми. Они неуловимы, где бы ни были заперты; а при отступлении неприятеля всегда опережают их. Потому-то и Теодорих, предводительствуя скифскими народами, не выдержал даже первых стрел врага, но вместе со своими воинами обратился в бегство.

24. При помощи Божьей и события церковной истории сохранены для нас писателями в непрерывной последовательности. До Константина сказание о них доведено Евсевием Памфилом, а от Константина до Феодосия Младшего – Феодоритом, Созоменом и Сократом, чего продолжением может служить заключающееся в настоящем нашем труде. Равным образом и древняя, как священная, так и внешняя история, старанием мужей трудолюбивых, сохранена непрерывной. Первый начавший писать историю был Моисей, который, – что, несомненно, доказано людьми, исследовавшими это, – описал деяния от начала мира и изложил их верно, как узнал о них, беседуя с Богом на горе Синайской. За ним следовали потом мужи, предуготовлявшие путь нашей вере, и все дальнейшее заключили в книгах божественного Писания. Большую также и для всего полезную историю написал и Иосиф. А о том, что баснословно или действительно случилось с эллинами и древними варварами, как эти последние сражались одни против других и против эллинов, и обо всем ином, что совершилось с того времени, как люди, по сказаниям, начали существовать, написано и у Харакса, и у Фепомпа, и у Эфора, и у других бесчисленных историков. Дела римлян, обнимающие собой историю целого мира, то есть что происходило, когда

римляне либо разделялись между собой, либо действовали против других народов, – эти дела их описаны в труде Дионисия Галикарнасского, который провел свою историю от так называемых аборигенов до эфирца Пирра. Далее же описывал события у них Полибий Мегалополитский, продолжавший свое повествование до взятия Карфагена. Всему этому Аппиан дал потом отдельный порядок, то есть сказания о каждом событии собрал в одно место, хотя бы это событие совершалось и во времена разные. А что таким же образом происходило после них, описали в своих сочинениях Диодор Сицилийский (до Юлия Цезаря) и Дион Кассий (до Антонина, уроженца эмесского). То же изложил и Геродиан, которым деяния доведены до смерти Максима. А софист Никострат, родом из Трапезунда, начав описывать деяния от времени преемника Гордианова Филиппа, ведет свое повествование до Одената Пальмирского и до постыдного похода Валериана против персов. Весьма много потрудился по этому предмету и Дексипп, начавший свою историю от скифских (войн) и окончивший ее царствованием преемника Галлиена Клавдия. Он же сохранил для потомства и то, что сделали Карпы и другие варварские народы, воевавшие в Элладе, Фракии и Ионии. Евсевий, взяв за начало время от Октавиана, Траяна и Марка, продолжил свою историю до смерти Кара. Об этих же временах написали нечто Арриан и Асимий Квадрат; а о последующих – до царей Гонория и Аркадия – повествовал Зосима. Затем сведения, что было после них, собраны ритором Приском и другими. Все это Евстафий Епифанийский весьма хорошо свел в две книги: в одной изложил историю до взятия Трои, а в другой – до 12 года царствования Анастасия. А Прокопий ритор изложил то, что произошло с того времени до Юстиниана. Последующие же затем в связи рассказали Агафий ритор и мой согражданин и родственник Иоанн, доведя свои сказания до бегства Хосрова Младшего к римлянам и до восстановления его на царстве, когда Маврикий, нимало не колеблясь, принял к себе беглеца по-царски и при помощи больших денег и войск весьма скоро возвратил ему престол. Впрочем, эти последние истории еще не изданы в свет. О тех же событиях и мы, если всевышний промысел благоволит, впоследствии скажем, что нужно.

Книга VI

10. После сего царь наградил войско деньгами, потом, возвратив Германа и других, призвал их к суду. Все они были приговорены к смерти; однако ж царь не только не допустил потерпеть им что либо неприятное, но еще удостоил их почестей. Между тем, как это происходило, авары дважды доходили до так называемой длинной стены, опустошили и разграбили Сингидон, Анхиан, всю Грецию и другие города и крепости все истребляли и предавали огню, потому что войско большей частью находилось на Востоке. Наконец, царь посылает первого из своих телохранителей, Андрея – расположить войско к принятию прежних лохагов и других начальников.

21. Сделавшись обладателем своего царства, Хосров послал Григорию крест, богато украшенный золотом и драгоценными камнями, в честь победоносного мученика Сергия. Он пожертвован был (в церковь) супругой Юстиниана Феодорой, а похищен из церкви в числе прочих сокровищ, как уже сказал я, Хосровом. Послал Хосров и другой золотой крест, написав о нем греческими письменами следующее: “Сей крест посылает Хосров, царь царей, сын Ормизды. Когда, по внушению дьявола и злодейским замыслам несчастного Варама и бывших с ним всадников, вступили мы в пределы римской империи; тогда и гибельный Задеспрам, перейдя с войском в Нисибис, стал подговаривать нисибских всадников к восстанию и измене нам, а я, между тем, послал свою кавалерию вместе с ее начальником в Хархас. Но так как слышно было, что святой, всечестный и именитый Сергий всем подает по прошению, то, полагаясь на его милость, мы в 9-й год нашего царствования, в 7-й день месяца января стали просить его (и дали обет), что, если всадники умертвят Задеспрама или возьмут его живого, от нас всечестному имени Сергия посвящен будет золотой, украшенный камнями крест и отошлетя в его дом. И вот в 9 день месяца февраля действительно принесли нам голову Задеспрама. Видя, что наше прошение исполнилось, и не желая, чтобы в этом отношении оставалось место недоумению, мы этот устроенный нами крест, вместе с крестом, который дому Сергия пожертвован римским царем Юстинианом, а во время разрыва между двумя государствами принесен сюда Хосровом, царем царей, сыном Кавада, нашим отцом, и найден между нашими сокровищами, посы-

лаем в дом св. всечестного Сергия”. С согласия царя Маврикия, приняв эти кресты, Григорий весьма торжественно внес их в священный храм мученика. Спустя немного Хосров для того же освященного храма прислал и другие дары – со следующей греческой на золотом дискосе надписью: “Я, Хозрой, царь царей, сын Ормизды, делаю надписание на сем дискосе не для зрения людского и не для того, чтобы из моих только слов узнано было величие всечестного твоего имени, но ради истины начертания и в знак памяти о многих милостях и благодеяниях, которые получил я от тебя; ибо почитаю счастьем для себя, что мое имя могу начертать на священных твоих сосудах. Будучи в Верамаисе, я молил тебя, святой, чтобы ты подал мне помощь и даровал, чтобы Сира зачала во чреве. Хотя Сира – христианка, а я – язычник, какового супружества наш закон не позволяет нам, однако ж, по преданности моей к тебе, я ради нее пренебрег и законом и с каждым днем более и более приближал и приближаю ее к себе предпочтительно пред всеми моими женами. Итак, я возымел намерение просить твою благость, святой, чтобы она зачала во чреве, – и просил и дал обет, что, если Сира зачнет, то носимый ею крест я пошлю в дар всечестному твоему дому. Это имели в виду я и Сира. Но чтобы в память твоего имени, святой, удержать этот крест, мы положили вместо него послать цену его, простирающуюся не далее 4500 статиров миллиарисиев, – послать именно 5000 статиров. С того времени, когда я просил тебя об этом и так размышлял, до отъезда нашего в Росохозрон, не прошло более 40 дней, как ты, святой, не потому, чтобы я был достоин, но по твоей благости, явился мне в ночном видении и трижды сказал, что Сира будет иметь во чреве, а я в том же видении трижды отвечал тебе: “Хорошо”. И так как ты исполняешь прошения, то Сира с того дня не стала знать обычного женщинам. Я усомнился бы в этом, если бы не верил твоим словам – не верил, что не является женское именно по действию твоей святости и по твоей готовности исполнять прошения. Из этого я узнал силу видения и истину твоих слов. С того времени положено мной и тот самый крест и цену его послать во всечестной твой дом с повелением – из цены его сделать дискос и потир для божественных Тайн, также крест для водружения его на честной трапезе и кадильницу, – все это из золо-

та, – и украшенную золотом гуннскую завесу; а сколько миллиарисиев останется от этого, то пусть принадлежит св. твоему дому, чтобы по своему благоволению, святой, ты во всем, и особенно в этом прощении помогал нам – мне и Сире, чтобы все под твоим покровительством дарованные нам плоды твоей благодати, согласно с моим желанием и желанием Сиры,

приходили к совершенству и чтобы я и Сира, живя в этом мире, надеялись на твою силу и продолжали в тебя веровать”. Эти слова приношений Хосрова то же значат, что пророчество Валаама; человеколюбивый Бог все так премудро устрояет, что и язык Эллинов приносит спасительные изречения.

Примечания

¹ Византийские историки, часто не имевшие возможности различать народы, сменявшие друг друга с большой скоростью в эпоху Великого переселения народов, идентифицировали их по месту жительства, связанного с более стабильной эпохой античности. Это отнюдь не только “подражание” античности, но и стихийно появившийся остроумный способ, необходимый для понимания, о чем идет речь. В данном случае речь идет о *гуннах* (Феофан так их и называет). Гунны перед своим появлением в Европе на западной границе своих владений имели Причерноморье, где греки традиционно (начиная с Геродота) помещали скифов.

² *Атилла* правил с 434 по 453 гг. Единично (после убийства своего брата Бледы) с 444/445 г.

³ В то время вошло в обычай, чтобы консул Сирии, для снискания благорасположения к себе антиохийцев, построил в Антиохии какое-нибудь общественное здание.

⁴ *Анатолий* – видный государственный деятель. Занимал пост магистра *militum per Orientem* в 441 г. Трижды отправлялся послом к Атилле, участвовал в заседаниях IV Вселенского (Халкидонского) собора.

⁵ *Валентиниан III* (425–455 гг.)

⁶ Правление Феодосия II было одним из самых тяжелых в смысле внешних опасностей. Удачная война 420–422 гг. с Персией, борьба с самозванцем Иоанном, захватившим власть в Риме после смерти Гонория (423–425 гг.), неудачная попытка отвоевывания захваченной вандалами Африки в 443 г., тяжелейшая война с гуннами 441–443 гг.

⁷ *Исдигерт* (Исдигерд II), сын Шапура I, правил с 399 по 421 г., проводил политику покровительства в отношении христиан (Сократ Схоластик. Церковная история VII: 8) и находился в дружественных отношениях с империей.

⁸ *Вараран* (Бахрам V) правил с 421 по 438/439 г. Резко изменил политику своего отца, начал преследование христиан и войну с Византией (421–422).

⁹ Сократ Схоластик. Церк. история VII: 18.

¹⁰ Мир, заключенный в 422 г., в том числе гарантировал свободу вероисповедания персидским христианам: Сократ Схоластик. Церк. история VII: 20.

¹¹ То есть до войны 502–506 гг.

¹² *Клавдиан*, родом грек, прославился своими стихотворениями на латинском и греческом языках.

¹³ *Кир* – родом египтянин из Панополиса. Он своими стихотворениями понравился особенно супруге Феодосия, императрице Евдокии, и был возведен Феодосием в сан префекта претории; удостоен также почетного консульства и причислен к сословию патрициев. Потом, когда императрица Евдокия, оставив дворец, отправилась в Иерусалим, Кир был рукоположен в епископы Смирны.

¹⁴ Имеется в виду должность префекта прето-

рии Востока (эпарх двора) – глава гражданского управления префектуры Востока, включавшей пять диоцезов (Египет, Восток, Понт, Азия, Фракия). Феофан рассказывает о нем следующее: “...Кир, начальник города и преторианцев, муж чрезвычайно умный и к делам способный, построил городские стены и возобновил весь Константинополь; почему византийцы, когда он сидел на конском ристалище вместе с василевсом, кричали: “Константин создал – Кир возобновил!” Василевс рассердился, что о Кире так говорили, и под тем предлогом, что он сочувствовал язычникам, лишил его власти, а имение взял в казну. Кир прибегнул к Церкви и сделался монахом. Тогда василевс, сжалившись над ним, приказал рукоположить его в Смирненские епископы в Азии. Жители Смирны встретили его перед Богоявлением и, подозревая в преданности язычеству, хотели убить его в церкви, но он, войдя в церковь и собираясь говорить к народу, воскликнул: “Мужи, братья! Рождество Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа да почитается в молчании, ибо одним лишь слухом зачалось Слово Божье во Святой Деве. Ему слава во веки, аминь!” Народ возрадовался, прославил Кира, и он епископствовал над ними благочестиво” (Летопись византийца Феофана. – М., 1884–1887: 76).

¹⁵ В 435 г.

¹⁶ Как сообщает Прокопий: “По закону, солдатское жалованье выплачивается не всем подряд одинаково, но молодым и только что начавшим военную службу плата была меньше, уже испытанным и находящимся в середине солдатских списков – выше. У состарившихся же и собирающихся оставить солдатскую службу жалованье было еще более высоким, с тем чтобы они впоследствии, живя уже частной жизнью, имели для существования достаточно средств, а когда им случится закончить дни своей жизни, они в качестве утешения смогли бы оставить своим домашним что-то из своих средств” (Прокопий Кесарийский. Тайная история XXIV: 2–3).

¹⁷ Феофан рассказывает, что в дальнейшем Маркиан участвовал в персидской войне 420–421 гг. в качестве простого воина: “Придя в Ликию, он впал в болезнь и был оставлен в городе Сидим, проживая где, познакомился с двумя братьями, Юлием и Татианом, которые приняли его в свой дом и приютили. Однажды, отправляясь на охоту, они взяли его с собой; устав, легли они в полдень поспать, Татиан, пробудившись, увидел, что Маркиан лежит против солнца, а огромнейший орел, спустившись над ним, распростер крылья и своей тенью закрыл его от солнечных лучей. Увидев это, он разбудил брата и показал ему чудо. Долго дивились они дружеской услужливости пернатого, наконец разбудили Маркиана и сказали ему: “Если ты когда-нибудь будешь василевсом, какую милость нам окажешь?” Тот отвечал им: “Что я за че-

ловек, чтобы со мной могло это случиться?” Они еще раз повторили свой вопрос, и Маркиан отвечал: “Если это Бог пошлет мне, то я буду величать вас отцами моими”. Тогда дали они ему двести монет и сказали: “Ступай в Константинополь и вспомни о нас, когда Бог возвысит тебя”. (Летопись византийца Феофана: 82).

¹⁸ Имеется в виду экспедиция византийско-римских войск (командовал ими знаменитый Бонифаций) против Гензериха в 432 г. Маркиан поступил на службу в федераты к Аспару и Ардавурию (старшему) и прослужил у них 15 лет, видимо, по возвращении из Ликии. Имея двести монет, подаренных ему, он мог поступить уже в федераты, так как федераты экипировались за свой счет. Судя по рассказу Феофана, который вскользь упоминает “одно из сражений” и Прокопия (вставившего рассказ об этой стычке вставляет в повествование о делах в Западной Римской Империи), складывается впечатление, что византийцы были лишь небольшим отрядом, присланным на помощь Бонифатию, при этом основная армия Аспара и Ардавурия находилась еще на Сицилии. Маркиан после своего освобождения направился именно туда и, скорее всего, в составе этой же армии участвовал в неудачной попытке остановить гуннов под предводительством Атиллы во Фракии. Хотя, как Прокопий выражается, несколько ниже рассказа о знаменитом касательно Маркиана: “Победив тогда в сражении Аспара и Бонифатия...” (Война с вандалами I: IV, 12). Но это не может быть точным свидетельством в пользу сражения Гензериха со всей армией Ардавурия и Аспара. Ведь собственно армией командовал Ардавурий, отец Аспара, и неупоминание его здесь также говорит в пользу того, что это действительно была небольшая стычка.

¹⁹ Гензерих – знаменитый король (гех) вандалов. Правил с 428 по 477 г. Именно им была завоевана Ливия. Он также установил законное престолонаследие, срыл все городские стены в Африке, а также организовал ополчение вандалов: Прокопий. Война с вандалами I: III, 27–36; V: V, 18–19.

²⁰ См. прим. 17, 22.

²¹ Прокопий Кесарийский. Война с вандалами I: IV, 11.

²² Весь эпизод с орлом и Гензерихом почти дословно заимствован из Прокопия Кесарийского (Война с вандалами I: IV, 2–8).

²³ Пульхерия вызвала Маркиана из Фракии тайком, до разглашения известия о смерти Феодосия.

²⁴ Не совсем понятно, какую войну имеет в виду Евагрий. Это может быть как война с паннонскими готами Валамира (Иордан. О происхождении и деяниях готов: 270–272) или его брата Теодемира (Иоанн Антиохийский: 90), в ходе которой готы опустошили Иллирик и захватили Диррахий. Но, скорее всего – учитывая именование “скифы” – имеется в виду вторжение одного из сыновей Атиллы во Фракию в 469 г.

²⁵ Анфимий был прямо назначен императором Львом и правил в 467–472 гг. После смерти Майориана Рекимер заместил престол Либием Севером, который правил в 461–465 гг. Затем престол два года оставался незанятым: Рекимер, видимо, не имел своей кандидатуры на престол и предоставил римскому Сенату отправить делегацию в Константинополь. Анфимия короновали 12 апреля 467 г.

²⁶ Здесь разумеется поход против африканских вандалов, нападавших на Римскую империю под предводительством Гензериха в 468 г. Этот поход – одно из самых широко задуманных военных пред-

приятый до Юстиниана. Планировалось одновременно произвести нападение из Египта сушей, Марцелин из Далмации высадился в Сардинии, а сам Василиск с основными силами огромного флота должен был нанести главный удар. Но, благодаря подкупу, он поставил флот под удар брандеров Гензериха и погубил все предприятие (Прокопий Кесарийский. Война с вандалами I: VI, 1–25).

²⁷ См. фр. 42.

²⁸ Прокопий так пишет об этом: “...василевс Лев незадолго до этого убил во дворце Аспара и Ардавурия, так как у него было подозрение, что они злоумышляют против него, собираясь его умертвить” (Прокопий Кесарийский. Война с вандалами I: V, 27). Феофан же так объясняет эти подозрения: “В сем году император Лев отправил, для военных нужд, во Фракию Зенона, предводителя Восточных войск (магистр милитум Востока – А.К.), и зятя своего, повелев придать ему в помощь часть из собственной стражи, которые, по наущению Аспара, чуть было не истребили Зенона, если бы он, предведомленный о злоумышлении, не бежал в Сердику, город Фракийский, и тем не спасся. С этих пор Аспар навлек на себя подозрение василевса Льва (Летопись византийца Феофана: 92).

²⁹ После провала экспедиции против вандалов Рекимер убил (или организовал убийство) в Сардинии Марцелина, не признававшего власти ставленников Рекимера и остававшегося верным Восточной империи. Затем он поднял открытый мятеж против Анфимия, после пятимесячной осады взял Рим (11 июля 472 г.) и приказал своему родственнику Гундобаду казнить бывшего императора (Иордан. О происхождении и деяниях готов. СПб, 1997: 316, прим. 570). “Тогда Лев, по случаю беспокойств, возникших в Риме, послал туда Оливрия, супруга Плацидия, провозгласив его авторитетом. Рекимер же, прожив по убийству Анфимия только три месяца, скончался от болезни, а за ним последовал и Олибрий, тоже от телесного недуга” (Летопись византийца Феофана: 93). Олибрий умер 23 октября 472 г. Его возведение на престол, кроме всего прочего, имело своей целью умиротворение Гензериха, давно настаивавшего на кандидатуре родственника (Олибрий был женат на Плации, дочери Евдоксии и внучке Феодосия Младшего, ее сестра была замужем за Гонорихом, сыном Гензериха).

³⁰ Гликерий – император в Западной империи (с 5 марта 473 г. по 24 июня 474 г.). Был возведен на престол Гундобадам, племянником Рекимера и преемником своего дяди по командованию федератами. Не признанный императором Восточной империи Львом, Гликерий был низложен Непотом. Иордан говорит, что он стал то ли епископом в Римском порту (239), то ли в Салоне (241) (Иордан. О происхождении и деяниях готов: 241).

³¹ Юлий Непот, племянник патриция Марцелина (Иордан. О происхождении и деяниях готов, стр. 106), император с 474 по 475 гг. Был свергнут в августе 475 г. Орестом, начальником федератов. “Этот же Орест (в ответ на попытку отправить его в Галлию – А.К.), приняв командование над войском и выступив из Рима на врагов, пришел в Равенну, где задержался и поставил императором сына своего Августула. Когда Непот узнал об этом, он бежал в Далмацию (откуда был родом – А.К.) и там, сложив с себя власть, стал частным человеком. (Иордан. О происхождении и деяниях готов: 241). Был убит в 480 г., уже по приказу Одоакра. Слова Евагрия о том, что он правил пять лет, – не ошибка. Восточная империя не признавала Августула до смерти Непота.

³² *Орест* – впервые он появляется на страницах записей Приска как “слуга” и писец или нотариус Атиллы. После свержения Непота, 28 августа 476 г. был убит Одоакром, а через несколько дней (5 сентября) его сын был низложен (Иордан. О происхождении и деяниях готов, стр. 319, прим. 588).

³³ *Ромул Августул* правил с 31 октября 475 г. по 5 сентября 476 г. Не был признан императором Зеноном. После своего низложения был оставлен жить частным человеком в “Лукулланском укреплении в Компании” (Иордан. О происхождении и деяниях готов: 243). Аноним Вalezия (Anon. Vales.: 38) сообщает, что “Молодость и красота последнего императора тронули Одоакра, и он даровал ему жизнь, пожаловал шесть тысяч солидов и выслал в Кампанию с разрешением “свободно жить” вместе с родственниками”. Малх сообщает, что взамен этого Ромул должен был воздействовать на сенат с тем, чтобы отправляемое в Константинополь посольство высказалось об отмене императорской власти на Западе и о признании Одоакра в качестве зависимого от Империи гет’а.

³⁴ *Одоакр* – скир, или руг, или гот. Поступил на службу в федераты еще при Рекимере. При Оресте стал одним из самых популярных и могущественных военачальников среди федератов. Пользуясь тем, что Орест не выполнил обещания войску о разделе земли, захватил власть. “Они (федераты – А.К.) потребовали от Ореста, чтобы из этих земель он дал им третью часть, и, видя, что он не проявляет ни малейшей склонности уступить им в этом, они тотчас убили его. В их среде был некий Одоакр, один из императорских телохранителей; он согласился выполнить для них то, на что они заявили претензию, если они поставят его во главе правления. Захватив таким образом реальную власть (тиранию), он не причинил никакого зла императору, но позволил ему в дальнейшем жить на положении частного человека. Передав варварам третью часть земель, он тем самым крепко привязал их к себе и укрепил захваченную власть на десять лет” (Прокций Кесарийский. Война с готами I: 1).

³⁵ Никаких больших войн с персами в это время не было: видимо, Евагрий имеет в виду обычные набеги арабов, принявшие значительные размеры вследствие борьбы с Иллом и Леонтием, и вызванные этим обстоятельством беспорядки.

³⁶ Каких-либо значительных набегов гуннов или других кочевых племен в это время не было и быть не могло, во всяком случае по сообщению Иордана, даже места, занимаемые некогда гуннами заняли гепиды (Иордан. О происхождении и деяниях готов: 264). Скорее всего, Евагрий имеет в виду многочисленные столкновения с фракийскими готами Теодориха Триариуса и паннонскими готами Теодориха Тиудимира. Хотя в хронике Иешу Стилита уже Анастасий говорит послам Кавада, что у него войны с гепидами и блеммями, так что, возможно, Евагрий имеет в виду набеги именно этих племен (Иешу Стилит. Сирийская хроника: 20 // Пигулевская Н.В. Месопотамия на рубеже V-VI вв. ТИВ, т. 31, 1940: 135).

³⁷ Как пишет об этом Малх: “Севастиан (фаворит Зинона – А.К.) всем торговал, как на рынке; не позволял, чтобы при царском дворе что-нибудь делалось не за деньги. Все должности он продавал; вырученные деньги частью брал себе, частью давал царю. Кто подбавит к цене, того и предпочтут. Ни одно дело при дворе не производилось без взятки. Если Зенон давал какую-нибудь должность людям, находившимся при нем, то Севастиан, как торговец должностями, покупал ее у них за безделицу и продавал другим дороже, а украденное да-

вал Зинону” (Византийские историки Девксипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр патриций, Меландр, Кандид, Ноннос и Феофан византиец, переведенные с греческого С.Дестунисом. – СПб., 1860: 241, отрывок 11).

³⁸ Имеется в виду Теодорих Триариус, гот, начавший свою службу еще при Аспаре и унаследовавший после Аспара командование над федератами. Формальным поводом к войне против Зенона было требование выдать наследство Аспара, которому Теодорих приходился родственником, и назначить Теодориха магистром милитум. Не получив ничего, он опустошил Фракию и овладел Адрианополем, после чего Лев согласился на его требования и был заключен мир. (Малх Филадельф. фр. 2. // Византийские историки...: 230–232). Во время переворота, устроенного Василиском, Теодорих принял сторону узурпатора. После восстановления на троне Зинона опять осадил столицу (477 г.). Зенон попытался противопоставить ему Теодориха Тиудимира, но готы помирились между собой. Их союз продлился недолго, вскоре Зенон опять поссорил Теодорихов, обласкав Теодориха Тиудимира. В ответ на это последовал третий поход на Константинополь (481 г.), который, видимо, и имеет в виду Евагрий. Кроме того, по сообщению Малха, Теодорих предлагал свою помощь в борьбе против Маркиана и просил впустить его в город (Малх Филадельф. фр. 21 // Византийские историки...: 272–273).

³⁹ “Он (Зенон – А.К.) отправил Пелагия с большой суммой денег для выдачи их частью Теодориху, частью готскому войску и для ободрения их в получении от него немалых подарков. Пелагий частью угрозами, частью обещаниями, частью наконец множеством денег, насытив природную алчность варваров заставил их удалиться” (Малх Филадельф. фр. 21 // Византийские историки...: 273).

⁴⁰ Феофан так рассказывает об этом: “В сем году магистр Илл присоветовал царю Зенону изгнать из города свекровь свою, Верину. Под каким-то предлогом он усладил ее в Халкидон, откуда вскоре потом в крепость Папурий, к Маркиану и Леонтии, дочери ее. Но Верина писала к дочери сувоей, Ариадне, прося возвращения из ссылки. Царица обратилась с просьбой к Зенону, но тот отвечал ей: “Проси об ней патрикия Илла”. Ариадна призвала Илла и просила его со слезами, но он не согласился, сказав: “Ты хочешь поставить другого царя на место своего мужа”. Тогда Ариадна разгневалась и сказала царю: “Либо Иллу оставаться во дворце, либо мне”. Царь отвечал: “Разумеется тебе. Делай с Иллом, что можешь!” (Летопись византийца Феофана, стр. 101). Кандид Исавр сообщает кое-что, проливающее свет на то, почему Ариадна была вынуждена просить за мать Илла: “Некоторый алан хотел убить Илла: поразив его, он объявил, что Эпиникий, домашний человек Верины, побудил его к убийству Илла. Эпиникий был выдан Иллу, и когда ему были обещаны забвение преступления и награда, то он объявил злоумышления Верины против Илла. Зенон выдал Верину Иллу, который послал ее в одну крепость в Киликии и содержал под присмотром” (Византийские историки...: 478).

⁴¹ Феофан так рассказывает об этом покушении: “Замыслив убить его, она (Ариадна – А.К.) поручила спальнику Урвикию приискать кого-нибудь на то. И когда он всходил по лестнице ипподрома, то схоларий, по имени Спаникий, подговоренный на совершение убийства, занес было уже меч над головой его, но мечник магистра, подскочив, принял удар в плечо свое; однако же, конец

меча отрубил правое ухо Иллу. Зенон приказал казнить убийцу, уверяя магистра Илла, что он ничего не знал о происшедшем, в самом же деле он только не успел в намерении своем” (Летопись византийца Феофана, стр.101). Иешу Стилит несколько иначе рассказывает об этом покушении: “Зенон же, зная что он (Илл – А.К.) фальшив и жаждет власти, приказал одному из воинов его убить. Много дней тот, которому это было приказано, искал и не находил случая сделать это тайно. Наконец, он встретил Иллуса внутри двора, извлек меч и поднял его, чтобы поразить его, но сейчас же один из воинов, следовавших за Иллусом, поразил его ножом в руку, и выпал меч из его руки и обрезал ухо Иллусу. Зенон, для того чтобы не открылся обман его против Иллуса, тотчас приказал отнositельно воина, чтобы ему сняли голову без допроса. Это обстоятельство особенно заставило Иллуса предполагать приказанное Зеноном” (Иешу Стилит. Сирийская хроника: 13 // Пигулевская. Месопотамия...: 132-133).

⁴² Римской частью войска командовал Иоанн Скиф. Иешу Стилит, например, вообще упоминает только его (Сирийская хроника: 15-17// Пигулевская. Месопотамия...: 133).

⁴³ Имеется в виду знаменитый Теодорих Тиудимеров или Амал. Феофан рассказывает о нем так: “В сем году Февдерих (Теодорих – А.К.), сын Валамеров (тридинционная ошибка, Теодорих приходился Валамеру племянником), сделался известным между варварами и ромлянами как человек храбрый, умный и не чуждый образования; ибо он, находясь заложником в Византии, посещал лучших учителей, между тем как отец его, после сыновей Атиллы, повелевал готами в царствование Льва. Зенон, призвав его из Фракии в Византию, сделал консулом и военачальником фракийским и послал его с Иоанном Скифом против Илла” (Летопись византийца Феофана, стр. 103). Этот поход произошел в 484 г.

⁴⁴ Про подобные поступки Зенона Феофан, например, рассказывает следующее: “Он приказал без всякой вины отобрать имение у Патрикия, ученого, благочестивого, мудрого и добродетельного мужа, а его самого посадить в темницу и в ней стражам лишить его жизни. Узнав о случившемся, Аркадий, начальник города, стал порицать императора, который, когда донесли ему об этом, приказал убить его при входе во дворец; однако Аркадий, предупредомленный о том, бежал в церковь и таким образом исторгнут из челюстей смерти, но дом его был обращен в государственную собственность” (Летопись византийца Феофана, стр. 106). Малала рассказывает также об убийстве Пелагия по темному предсказанию о том, что после его смерти будет царствовать силенциарий. Также укоризны Аркадия он приписывает именно этому случаю (XV: V). Так как Пелагий имел сан патрикия, скорее всего, Феофан принял титул за имя, тем более что ниже он сам упоминает имя Пелагия.

⁴⁵ В 486 и 487 гг. Теодорих по неизвестной причине предпринимал походы по Фракии и угрожающе подходил к Константинополю. Поход его в 487 г. окончился предложением императора направиться в Италию.

⁴⁶ Теодорих дважды разгромил войска Одоакра – в конце сентября 489 г., в сражении на Веронских полях и 11 августа 490 г. на р. Адде (Иордан. О происхождении и деяниях готы: 264).

⁴⁷ Иоанн Скиф после захвата мятежных исавров в 497 г. выдал их для казни жителям, страдавшим от их набегов. Поэтому они были казнены не в Константинополе. Иоанн Скиф за эту победу был

удостоен консульства на 498 г.

⁴⁸ Лонгин был захвачен только в 498. Иоанн Кирт (Горбатый) был удостоен за это консульства на 499 г.

⁴⁹ Эти выплаты были установлены императором Зиноном в награду за свое восстановление на престоле.

⁵⁰ Виталиан, сын Патрикиола, участвовал в войне с персами в 503–506 гг. (Иоанн Антиохийский: 103; Захария VII: 13, 137). Занимал должность комита федератов (Летопись византийца Феофана, стр. 123). Евагрий пропускает первый поход Виталиана на Константинополь. По свидетельству Феофана, первый поход закончился договоренностью о созыве собора в Ираклии Фракийской в присутствии Папы Римского, также было договорено о восстановлении на своих престолах Македония и Флавиана. “Ормизд, епископ Римский, по настоянию Теодориха, приверженного к Виталиану, отправил послами епископа Евдия и архидьякона Виталиана на собор, назначенный в Ираклии. До двухсот епископов из различных стран собралось было, но, осмевшие беззаконным царем и Тимофеем, епископом Константинопольским, принуждены были разойтись, ничего не сделав” (Летопись византийца Феофана, стр.126). В 516 г. Анастасий лишил Виталиана звания магистра армии во Фракии и передал этот пост Руфину. В ответ на это Виталиан двинул свой флот к Константинополю. Та часть рассказа, где Евагрий сообщает о битвах с Ипатием и Кириллом, относится к первому походу Виталиана.

⁵¹ Феофан пишет, что Ипатий был отправлен из плена не за выкуп, но “...патриций Секундиан, зять Анастасия по сестре, а отец Ипатия, пал к ногам Виталиана и упросил его со многими слезами возратить ему сына, заключенного в Мезии” (Летопись византийца Феофана, стр. 125-126).

⁵² Причиной поражения флота Виталиана Малала называет применение огненосных судов (402 – 409).

⁵³ *Евфрат* – препозит священной спальни. Прокопий называет его “главой придворных евнухов” (Тайная история: 29, 13).

⁵⁴ Прокопий Кесарийский. Война с готами IV: 3. Этому рассказу противоречит другой его собственный рассказ: “Тут живет много различных племен, в том числе аланы и авазги, являющиеся христианами и издревле находящиеся в дружбе с римлянами...” (Война с персами II: 29, 15).

⁵⁵ Прокопий Кесарийский. Война с готами IV: 4. Прокопий называет их готами-тетракситами.

⁵⁶ Не совсем понятно, о каком набеге идет речь. Прокопий упоминает о задержке Нарсеса во Фракии в 551/552 г. в связи с набегом гуннов (Война с готами IV: 21). Возможно, что к этому же набегу относится другое упоминание о набеге гуннов, где также указывается как место их жительство Меотидское озеро (Война с готами IV: 19), а возможно, что Прокопий имеет в виду два разных набега. Смущает здесь то обстоятельство, что как Прокопий, так и Евагрий вполне могли перепутать готов и славян, но готов и гуннов оба автора прекрасно различают. У Прокопия есть и другое упоминание, уже о вторжении славян (Война с готами IV: 25), где, правда, не упоминается Меотида, но по сравнению с предыдущим отрывком он гораздо более полон, поэтому к нему гораздо более подходит выражение “красноречиво повествует”, чем к простому упоминанию о набеге. Кроме того, в той же главе, как и у Евагрия, находится описание землетрясения, что также свидетельствует в пользу этого отрывка. Так что, скорее всего, Евагрий упомина-

ет об этом набеге и только ошибочно помещает в свое сообщение упоминание о Меотиде.

⁵⁷ Местность около Каспийского моря.

⁵⁸ Местность в центральной Греции.

⁵⁹ Область на севере Пелопоннеса, так же называлась провинция диоцеза Иллирик, включавшая в себя всю Элладу. Но здесь имеется в виду географическая Ахайя, так как административная область включала в себя Беотию.

⁶⁰ Крисейский, или Коринфский залив – залив, отделяющий с севера Пелопоннес от материковой Греции. Все место про землетрясение – прямая цитата из Прокопия Кесарийского, который в числе разрушенных городов упоминает Херонею, Коронею и Навпакт (Война с готами IV: 25).

⁶¹ По словам Прокопия (Война с персами II: 1, 12–15), поводом к войне послужили сношения Юстиниана с Аламундаром и соседними с Персией гуннами. Еще более подогрели желание Хосрова начать войну послы Витигиса (Война с персами II: 2, 1–11) и армян (Война с персами II: 3, 32–56), побуждавшие его напасть на Византию.

⁶² Зимой 539/540 г. Посольство возглавлял Анастасий (Война с персами II: 4, 14–26).

⁶³ Весной 540 г.

⁶⁴ Прокопий называет этот город Суроном (Война с персами II: 5, 8–26). Хитрость Хосрова заключалась в том, что после договоренности с городской делегацией о выкупе он отправил несколько знатных персов вместе с делегацией, возвращающейся в город. По приказу Хосрова эти персы помешали страже закрыть ворота и город был взят и разрушен до основания.

⁶⁵ Война с персами II: 7, 4–13.

⁶⁶ Евагрий имеет в виду намерение Ефремия откупиться от Хосрова, и под “них” скорее всего следует разумеать антиохийцев, во всяком случае так трактуется это место Евагрия Чекалова (прим. 53 к II), рассказ Прокопия также звучит несколько туманно: “Один из послов, Юлиан, со всей решимостью запретил давать врагам деньги и таким образом выкупать города Василевса. Кроме того, он донес Герману на архиеерея Ефремия, будто тот предлагает старания к тому, чтобы отдать город Хосрову.... Антиохийский же епископ Ефремиус, опасаясь нашествия персов, удалился в Киликию” (Прокопий Кесарийский. Война с персами II: 7, 16–17).

⁶⁷ Прокопий Кесарийский. Война с персами II: 8, 1–35.

⁶⁸ Имеются в виду правила 15, 45, 63 Карфагенского поместного собора. Запрещение это связано, во-первых, с азартным характером этих зрелищ, во-вторых, с безобразным поведением партий ипподрома во время состязаний. Кроме того, состязания часто предшествовали представлениям мимов, имевшие часто непристойный характер. Евагрий в данном случае одобряет не нарушение церковных постановлений епископом, а труды его в защиту своей паствы.

⁶⁹ Прокопий Кесарийский. Война с персами II: 11, 24–32. Правда, Прокопий не упоминает о присутствии епископа Фомы на ипподроме.

⁷⁰ Как пишет об этом Феофан: “В этом году, 14 ноября 14 индиктиона воцарился Юстин, племянник Юстиниана, венчанный патриархом Иоанном, бывшим схоластиком. Юстин был родом фракиец, человек великодушный, во всех делах поступающий правильно, любитель построек. Имел он жену, именем Софию, которую также короновал как августу. Будучи благочестив, Юстин украсил церкви,

созданные Юстинианом, великую церковь и апостолов и другие церкви и монастыри и одарил их сокровищами и всякими доходами. Юстин был весьма православен. И послал авву Фотина, пасынка патриция Велисария, умирить все церкви в Египте и Александрии и дал ему для этого полномочия ко всем лицам и делам, т. е. стоящим в связи с его миссией” (Летопись византийца Феофана, стр. 185). Сам Юстин был сыном сестры Юстиниана, Вигилиции. Его жена, София – племянница Феодоры.

⁷¹ Слухи о плохом правлении Юстина дошли даже до св. Григория Турского: “И вот, после того как в городе Константинополе умер император Юстиниан, власть в империи получил Юстин, человек жадный, презиравший бедных и грабивший сенаторов. Он так был скуп, что приказал сделать железные сундуки, куда он складывал целые таланты золотых монет” (История франков IV: 40).

⁷² Юстин, сын Германа, знаменитого сотрудника Юстиниана.

⁷³ Авары, по свидетельству Менандра, вступили в прямые сношения с империей, появившись на берегах Дуная около 558 г. Императору Юстиниану дважды удается направить их против врагов империи – гуннов и антов. Но в 562 г. вопрос о поселении на территории империи всплывает снова. (Менандр, фр. 4, 5, 6, 7). “Юстиниан принял посольство аваров, которые требовали, чтобы им было позволено осмотреть землю, куда их племя могло бы переселиться. Вследствие донесения полководца Юстина, василевс имел намерение поселить этот народ в земле герулов, то есть там, где перед этим жили герулы. Эта земля называется Второй Паннонией. Василевс изъявил на то согласие, если только авары охотно там поселятся. Но авары были так привязаны к своей земле, что и не думали поселяться вне Скифии. Это дело осталось без движения. При всем том полководец Юстин отправил в Византию аварских послов и дал знать василевсу, чтобы тот подольше задержал их в городе. Он успел привязать к себе одного авара, по имени Икунимона, который выдал ему тайну, что авары одно говорят, а другое думают, что они употребляют самые умеренные слова и прикрывают кротостью обман, что под видом, будто хотят перейти по эту сторону Истра для утверждения дружбы с римлянами, они на самом деле умышляют совсем другое и намерены, если только удастся им переправиться через реку, напасть на римлян со всеми силами. Узнав это, Юстин писал василевсу о задержании аварских послов в Византии, потому что авары не решатся перейти реку, пока послы их не будут отпущены. Между тем как Юстин действовал таким образом, он также заботился и об охране переправы через реку. Он поручил Вону, начальнику дворцовой стражи, оберегать реку. Послы аварские, не достигнув цели своего приезда в Византию, получили от василевса обычные подарки, купили все для себя необходимое, между прочим и оружие, и были отпущены. Однако же василевс дал Юстину тайное повеление каким-нибудь образом отнять у них оружие. Полководец, приняв послов на обратном пути, исполнил данное ему повеление. Отсюда началась между римлянами и аварами вражда, которая уже давно тлела под спудом; поводом к ней в особенности было то, что не тотчас отпущены посланники, тогда как Ваян очень часто приказывал им возвратиться; но василевс, зная хорошо замыслы Ваяновы, всеми мерами так устраивал обстоятельства, чтобы послы задержаны были в столице” (Менандр, фр. 9).

Источник: Евагрий Схоластик. Церковная история / Перевод Санкт-Петербургской духовной академии, пересмотрен и исправлен В. В. Серповой. Прим. А. Калинина. – М.: Экон. обр., 1997.

Феофилакт Симокатта

Θεοφύλακτος Σιμοκάττης – Theophylactus Simocatta

Феофилакт Симокатта (после 580 – после 641), греческий историк и писатель. Родился в Александрии. Состоял в родстве с наместником Египта Петром. Получил риторское образование, владел сирийским и персидским языками, занимался юриспруденцией, богословием и алхимией. Около 610 г. оказался при дворе императора Ираклия (ок. 575–641) в Византии, где дослужился до референдария. Сочинения: «История правления императора Маврикия», или просто «История», где описываются в основном война Византии против Персии в 580-е годы и война против славян и аваров в 590-е гг., т. е. события 582–602 гг., от воцарения византийского императора Маврикия до его убийства при за-

хвате власти узурпатором Фокой; «Естественнонаучные вопросы», или «Вопросы физики»; философско-богословский трактат «О предустановленных сроках человеческой жизни» и 85 вымышленных посланий от имени исторических и мифических персонажей, которые часто переписывались в виде книг под названием «Письма».

«История» Феофилакта является как бы продолжением одноименного сочинения византийского историка Менаандра Протиктора, составленного в 583–584 гг. и охватывающего события 558–582 гг., но в ее основе лежат, по общему убеждению, документальные журналы о военных действиях и городская константинопольская хроника.

Подробнее см.: Н. Пигулевкая. Феофилакт Симокатта и его «История» // Феофилакт Симокатта. История / Перевод С. П. Кондратьева, прим. К. А. Осиповой. – М.: АН СССР, 1957; 1970.

Феофилакт Симокатта

История

Перевод С. П. Кондратьева в редакции К. А. Осиповой

Примечания К. А. Осиповой

Книга I

1. (1) Когда суждено было императору Тиверию изменить жребий дальнейшей жизни своей¹ и он должен был подчиниться общему закону человеческого существования, так как его поразила болезнь черной желчи (так обычно называют ее врачи, дети Асклепия), императором был провозглашен Маврикий².

3. (1) Приступая теперь к началу моего исторического рассказа и описания войны с варварами, я прежде всего вспомню войну с аварами³ и вызванное ею волнение, так как из военных дел она была наиболее примечательной и по порядку событий самой ранней. (2) И действительно, немало тогда осмелились они совершить в юношеской своей дерзости. Родом они были гунны, жили по берегу Истра, племя самое вероломное, ненасытное из всех кочевников. (3) Овладев весьма значительным городом, они отправили посольство к императору Маврикию. Это был Сирмий, город, постоянно упоминаемый и восхваляемый ромеями, живущими в Европе. (4) Город этот был взят незадолго до того времени, когда император Маврикий, облекшись в императорскую порфиру и воссев на троне кесарей, принял на себя заботы о Ромейском государстве.

(5) Как это произошло, ясно рассказано прославленным Менаандром⁴. Я не имею ни времени, ни охоты повторять снова в своем изложении со всеми подробностями в длинных описаниях уже прекрасно рассказанное и, как делают поэты, с упреком указывать на недостатки. (6) Когда город оказался в руках гуннов, было заключено перемирие, чтобы военные действия прекратились, наступил мир и каждый мог спокойно заниматься своими делами. (7) Условия для ромеев были самые унижительные: после ряда столь тяжких несчастий, словно судьи какого-то состязания, они преподнесли варварам в качестве славных даров за блестящий подвиг восемьдесят тысяч золотых и обязались каждый год через купцов вносить эту сумму серебром и разноцветными одеждами. (8) Но это перемирие продержалось не больше двух лет, ибо каган, называемый так у гуннов, стал вести себя гордо и презрительно по отношению к ромеям; еще до нарушения мира дошел до него слух, что у ромеев воспитываются звери, удивительные по росту и величине тела, и он просил императора дать ему возможность увидеть их. (9) Император старался возможно скорее

удовлетворить его желание и послал к нему из слонов, которых он держал у себя, самое красивое животное, чтобы тот мог полюбоваться. (10) Едва взглянув на этого слона, детище Индии, каган тотчас же прекратил зрелище и приказал вернуть животное вновь кесарю, не могу сказать, пораженный ли удивлением или желая показать, как мало он его испытал; если бы я знал, то не скрыл бы этого. (11) Он надоедал кесарю, требуя, чтобы тот велел сделать и прислал ему золотое ложе: так высоко вознесся он, видя, как судьба подняла его теперь на самую вершину счастья. Император истинно по-царски велел сделать этот подарок и отправить ему. (12) Он же, ведя себя с еще более вызывающей наглостью, полный гордости, как бы оскорбленный этим недостойным его подарком, велел отправить назад к императору золотое ложе как дешевый и лишенный всякой красоты дар, проявив тем еще большую свою хвастливую наглость. (13) Более того, он потребовал, чтобы сверх восьмидесяти тысяч золотых ромеи уплачивали ему ежегодно еще по двадцать тысяч⁵. Император ему в этом отказал. Тогда гунн презрел все договоры и пустил свои клятвы по ветру.

4. (1) И тотчас же, подняв трубу, любезную битвам, он стал собирать свои силы. Он внезапно напал и захватил город Сингидун⁶ бывший неукрепленным, лишенный всякого военного снаряжения, так как благодаря миру вся Фракия пребывала в полной беззаботности: ведь мир не располагает к бдительности и не внушает прозорливости. (2) Большинство жителей города проводило время вне стен, в полях, ибо жатва заставляла их так поступать; наступило уже лето, и они собирали свои богатства с полей, чтобы иметь возможность прожить. Их и стал преследовать враг. (3) Но не без боя взял варвар город: сильное столкновение произошло в воротах города, и многим аварам суждено было погибнуть, и одержали они, как говорится, Кадмову победу⁷. Враги опустошили и ограбили много других соседних городов. Их они взяли безо всякого труда: непредвиденным было это несчастье, нежданно-негаданно оно свалилось на них. (4) Взяв Августы⁸ и Виминакий⁹ (это были известные города, находившиеся в ведении префекта Иллирии), он тотчас отправился с войском дальше, разграбил Анхиал¹⁰ и все окружающие поселки предал опустошению. (5) Но здание с горячими источниками он приказал не разрушать. До нас дошел слух, будто в этих банях мылись жены кагана

и, как плату за это, просили его не разрушать здания бань. Говорят, что эти воды были полезны для моющихся и содействовали их здоровью¹¹. (6) Когда прошли три месяца, ромеи отправили послов к кагану и просили его через этих уполномоченных о прекращении войны. Они послали Эльпидия, одного из сенаторов, бывшего правителем Сицилии и занимавшего должность претора (это положение у ромеев считается очень высоким). (7) В спутники ему дали Коментиола, выдающегося среди личной охраны императора; такого человека ромеи по-латыни называют скрибонном. Оба они прибыли к кагану в Анхиал и, как было им поручено, просили о перемирии. (8) Но он не умерил своих преступных деяний; напротив, с еще большей наглостью грозил, что строит так называемые “Длинные стены”¹². В то время как Эльпидий молча спускал ему эти речи и не обращал внимания на его спесь. (9) Коментиол с чувством высокого достоинства стремился охранять римскую свободу, подобно тому как берегут в тереме незапятнанной какую-нибудь скромную, благородную госпожу от развратной лести. В присутствии аваров, бывших со своим каганом, он произнес следующую, исполненную благородства речь:

5. (1) “Ромеи полагали, каган, что ты чтить родных богов, клятвы дружбы, общую хлеб-соль, что стыдишься ты изменить слову, скрепленному рукопожатием, что никогда не отказываешься ты от заключенных договоров и не отвергаешь скрижаль с записью мира; они думали, что, кроме всего этого, ты помнишь о многих дарах императора, о щедрости ромеев, что ты никогда не забудешь о благодеяниях твоим предкам и оказанном им гостеприимстве, – только это выражение и можно употребить; что ты не потерпишь, чтобы кто-либо другой из твоих подчиненных наносил обиды ромеям. (2) Ведь следует, чтобы вожди были благоразумнее своих подданных да и считались такими; чтобы, насколько они превосходят их могуществом, настолько же они выдавались и нравственными достоинствами. (3) Поэтому-то в силу порожденного миром дружеского расположения ромеи не помнят ранее совершенных тобою великих и многих обид и, выделяясь из всех народов исключительным человеколюбием, не поднимают оружия в стремлении причинить тебе вред. (4) Намного выше поставили они будущее спокойствие и, несмотря на ваши прежние, с такой заносчивостью нанесенные оби-

ды, отказались от возмездия. (5) Но ты презрел все, что относится к достоинству и доблести, и так как для законности глаза твои слепы, ноги твои спотыкаются на путях благоразумия и прозорливости и нельзя отмерить тебе достойной кары за содеянное тобою при жизни, а твое желание, дерзко увлекающее тебя, является тебе богом, то ромеи не забудут о прежней своей храбрости, но, конечно, поднимутся против тебя величайшей войной и совершат великое избиение. (6) И они предпочитают войну миру, если враг не хочет оставаться спокойным. Какой народ на земле когда-либо сражался с большей славой, чем ромеи, за свободу, за честь, за отечество, за своих детей? Если самые обычные птицы для того, чтобы не быть побежденными и не уступить друг другу, ведут ожесточенный бой и бешено кидаются друг на друга, что, полагаешь ты, сделают ромеи, будучи племенем самым воинственным и обладая царством самым знаменитым? К нему не так-то легко отнестись с презрением, разве, может быть, при самом начале его существования. (7) Но гордись тем, что до сих пор наши дела были в дурном положении; хвалиться тем, что сделано правильно, конечно, гораздо более заслуживает одобрения. Гордость дурными своими поступками – это удел глупого хвастовства, и она не должна считаться делом, ведущим к доброй славе. (8) Ты совершил большие подвиги, если учесть ничтожность твоего положения. Но очень еще велика сила ромеев, забота императора, помощь подчиненных племен, преимущественно в денежных средствах; кроме того, из всех племен вселенной мы наделены величайшим, а потому и непобедимым достоинством – благочестием. (9) Ты только что выразил желание двинуться против всего этого, но не подумал, что из этого выйдет. Какую добрую славу приобретешь ты у своих соседей, оказавшись по отношению к ромеям столь неблагодарным? И в дальнейшем какое еще останется речательство твоей верности? (10) Ты оскорбил своих богов, нарушил клятвы, преступил договоры; зло терпят от тебя те, которые тебе благодетельствовали; не действуют на тебя дары, способные вызывать уважение. Оставь нас в покое. Не используй во зло благоприятный для тебя момент и перестань вредить тем, кто ничем не обидел тебя, имея несчастье быть с тобою соседями. (11) Как самое главное для тебя, почувствуй почтение к этой ромейской земле, к нашему извечному месту жительства: она была тебе спасительным при-

бежищем, она приняла тебя, когда ты был изгнанником, тебя, чужеземца и пришельца, поселила в своих пределах, когда часть твоих соплеменников, оторвавшись от своего народа, как осколок, была заброшена сюда. (12) Не нарушай же прекрасный союз гостеприимства; пусть люди везде рассказывают о твоём человеколюбии; иначе ты можешь внушить всем отвращение к благочестию, как к причине несчастий. Если ты жаждешь денег, то у римлян они уже готовы для тебя: ромейский народ жаден до славы, и сокровищем для него служит великодушие и щедрость. (13) Есть в твоей власти земля, большая и широкая; обитатели ее не живут в тесноте, а [для вас], вновь прибывших, нет никакого недостатка во всех удовольствиях жизни. (14) Возвращаясь же в свои земли – ведь и эту страну дали тебе в подарок те же ромеи – и не выводил свои силы из ее пределов. (15) Ведь ветры, как бы стремительно они ни налетали, не причиняют вреда крепкому и высокому дереву, с густой листвой, с могучим стволом, с живыми корнями, дереву, дающему широкую тень, которое питают и времена года и воды, орошают каналы, омывают и наделяют жизненной силой небесные дожди. (16) Те же, кто в своей неумеренной дерзости переступали свои границы, всегда несли то или другое заслуженное наказание, уже не имея сил переносить позор более нестерпимый, чем самые несчастья”.

6. (1) Когда Коментиол окончил свою речь, бывшую столь жестоким упреком для варвара, закипела кровь у кагана и волной поднялся у него в груди великий гнев; от ярости все лицо его стало пунцовым; в глазах у него, ставших шафранного цвета, загорелось пламя безумия, и по его взгляду было ясно, что не будет пощады послам; брови его устремились высоко кверху и грозно поднялись чуть ли не выше лба. Над Коментиолом нависла из-за его речи величайшая опасность. (2) Отвергнув всякое уважение к званию послов, этот варвар подверг Коментиола позорному заключению, надел на него оковы, ноги его велел всунуть в деревянные узкие колодки и приказал разрушить палатку посла; по местному закону это угрожало наказанием смертью. (3) На следующий день, когда гнев его успокоился, самые могущественные из аваров обратились к кагану с настойчивыми советами, убеждая своего вождя не издавать непреложного приказа о казни Коментиола, и предложили ему ограничиться заключением послов в тюрьму

и оковы. Каган согласился на это и, подвергнув их такому бесчестию, отправил к императору, неожиданно подарив им жизнь и спасение.

(4) На следующий год Эльпидий был назначен для посольства с той же самой целью. Он был отправлен к аварам и, явившись к кагану, просил отправить вместе с ним к императору посла для новых переговоров о мире, а также о том, чтобы к платежам были прибавлены еще другие двадцать тысяч золотых. (5) Каган одобрил это предложение и вместе с Эльпидием отправил к кесарю в качестве посла Таргития, человека видного в племени аваров. Они оба прибыли к императору и заключили договор и соглашение на условиях, чтобы ромеи к восьмидесяти тысячам золотых вносили ежегодно еще двадцать тысяч золотых, а если они не сделают этого по своей небрежности, то с ними вновь будет война. (6) Таким образом, казалось, договор был вновь заключен и в войне наступило перемирие¹³. Но через некоторый короткий промежуток времени благо этого мира было нарушено и вновь на ромеев напало племя аваров, но не открыто, а еще более обманным и преступным образом.

7. (1) Они подослали племя славян, и огромное пространство римских земель было опустошено¹⁴. Славяне дошли вплоть до так называемых “Длинных стен”, прорвавшись через которые, на глазах у всех произвели страшную резню. (2) Император в страхе защищал “Длинные стены” и вывел сюда из города все бывшее при нем войско, создавая из него в спешном порядке как бы самое надежное укрепление вокруг города. (3) Вот тогда-то Коментиол со славой выполнил свою обязанность начальника армии: наступая на Фракию, он отогнал полчища славян. Он дошел до реки, называемой Эргиния¹⁵, и, неожиданно напав на славян, подверг варваров сильному избиению. (4) За это, опять назначенный императором главнокомандующим, он вновь был направлен против них. Он показал блестящий пример ромейской доблести и получил титул, который ромеи называют презентий, даваемый за военное командование¹⁶. (5) Затем в конце лета, собрав силы ромеев, он двинулся к Адрианополю¹⁷ и встретился там с Ардагастом, который вел по этим местам большие отряды славян и огромные толпы пленных с богатой добычей. Переждав ночь, рано утром он продвинулся к укреплению Ансину¹⁸ и смело вступил в сражение с варвара-

ми. (6) Врагам пришлось отступить, они обратились в бегство, и он гнал их до самой Астики¹⁹. Этот подвиг ромеев дал пленным возможность увидеть светлый день. Стратиг их воспел победную песнь и воздвиг трофей.

8. (1) С наступлением осени варвары, не считаясь с военным союзом, вновь стали нарушать перемирие. (2) Я не уклонюсь от своего повествования, рассказав о причине этого. Был некий скиф, носивший прозвище Боколабра (если кто хочет совершенно ясно понять это прозвище, то я сейчас истолкую это имя, переведя его на греческий язык. (3) Переделав скифское слово на эллинский язык, мы получим толкование: маг, что то же самое, что священнослужитель). Этот человек совершил тогда безрассудный поступок, который быстро должен был подвергнуть его опасности. (4) Он вступил в связь с одной из жен кагана и, попавшись на приманку кратковременного удовольствия, подверг себя великой угрозе гибели. И вот, боясь, как бы не было открыто его преступление и как бы ввиду явных улик ему не подвергнуться страшным мучениям, он подговорил семерых из гепидов, подданных [аваров]²⁰, и с ними устроил побег к своему родному племени. (5) Это были гунны, жившие на востоке, по соседству с персами, которых большинство более привыкло называть тюрками. (6) И вот, когда он переправлялся через Истр, направляясь к городу ливидинов²¹, он был захвачен ромейскими начальниками, поставленными для охраны Истра. Он открыл им свое происхождение, назвал место, где он прежде жил, и рассказал о том удовольствии, которое гнало его оттуда. (7) Когда своим рассказом о несчастье он внушил доверие, предводитель ромеев направил его к императору. Полагают, что из-за этого мир с ромеями был поколеблен и открыто начались военные действия, а тут еще в императорскую столицу явился Таргитий в качестве посла, с тем чтобы получить от ромеев ежегодную денежную дань, которая, в силу договора, каждый год собиралась здесь для кагана. (8) Это вызвало справедливый гнев императора, понимавшего, что авары подвергают его очевидному глумлению: с одной стороны, у него требовали ежегодной дани и всякого рода даров и доходов как бы за сохранение мира, а с другой – не обращали на это внимания, опустошали Европу и делали города ее безлюдными. (9) Поэтому Таргитий был сослан на остров Халкитиду на шесть месяцев под строгий надзор – столь продолжительное время продолжал

пылать гнев императора, который грозил, что издаст приказ о казни посла. (10) Приспешники кагана подвергли опустошению все соседние области скифов и мисийцев, захватили много соседних городов, в том числе Ратерию, Бононию, Акис, Доростол, Залдапы, Паннасы, Маркианополь и Тропей²². (11) Взятие их доставило ему много затруднений: пришлось положить много труда, пока эти укрепления перешли в его руки. Правда, ему сильно помогло огромное воодушевление всего наступавшего войска, появляющееся обычно при неудачах противника. Тогда император назначил Коментиола стратигом и поставил его главнокомандующим во время этого похода.

9. (1) Но так как рассказ о гуннах, живущих по Истру, явился как бы началом моей истории, то пусть на струнах моего изложения раздадутся звуки сказаний о том, что было совершено против персов. Собираясь описывать мидийскую войну, я вновь вернусь теперь ко времени провозглашения Маврикия императором. (2) Да не проникнется никто ко мне чувством нерасположения за то, что я снова возвращусь к ранее бывшим событиям: ведь я буду рассказывать не о тех же самых событиях, даже если я направил свой корабль исторического повествования назад, к тем же самым временам. (3) Ведь то, что соприкасается с рассказанным, не требует для себя узды до тех пор, пока вставки этих совершенно другого характера рассказов не начнут запутывать читателя. (4) Кончался первый год правления императора Маврикия после той знаменитой и всюду воспеваемой войны с персами, во время которой во главе мидийских войск стоял Тамхосро²³, а Иоанна, которого ромеи называли и Мистаконом (ему было дано такое прозвище за длинные усы), император отозвал от командования армянскими войсками и поставил во главе всех ромейских сил на востоке²⁴. (5) Как только новый главнокомандующий возложил на себя бремя восточных забот, он тотчас же двинулся туда, где река Нимфий сливает свои воды с Тигром. В этом самом месте разыгралось сражение; со стороны ромеев предводителем войск был Иоанн, начальником же персидской армии был хардариган. (6) Это – парфянское наименование высокого звания, ибо для персов приятнее называться по занимаемой ими должности; они словно считают недостойным себя носить те имена, которые даются им при рождении. Они более восхищаются дарами сча-

стья, чем наименованием, данным им, согласно закону, их отцом при самом их рождении из чрева матери. (7) И вот Иоанн расположил все войско, разделив его на три части: сам он принял начальство над центром боевого строя, Курса, своего помощника, он поставил на правом фланге, Ариульфа – на левом. Вот как была разделена на три части вся боевая сила. Точно так же было построено и персидское войско. (8) Когда трубы запели свою военную песню и расстояние между боевыми рядами вражеских армий стало сокращаться, началось сражение. Ромеи повели наступление с двух сторон: в центре – Иоанн, с левого крыла – Ариульф, и они были уже победителями стоящих против них вражеских сил. (9) Курс же не вступил в бой: он завидовал Иоанну из-за его удач во всех предприятиях и полагал, что если сейчас тот проведет бой счастливо, то приобретет большую славу. И вот персы стали уже отступать, боясь, как бы враги не стали наступать на них с еще большей стремительностью. (10) Но ромеи, видя, что Курс и бывшее с ним войско уклоняются от сражения, показали тыл неприятелю и перешли в местность, расположенную более высоко. (11) Персы воспользовались их отступлением и, как только увидели, что конница ромеев попала в тяжелое положение вследствие бегства, а также из-за крутизны и трудности прохода к укрепленному лагерю, храбро нападали на ромеев и многих из них убили. С трудом ромеям удалось уйти от варваров к своим укреплениям. На этом закончилась война и наступила осенняя пора.

12. (1) Начальник мидийских сил, осадив крепость Афумон²⁵, пытался ее взять. Узнав об этом, ромейский таксиарх подошел близко к реке Нимфию, стремясь захватить крепость Акбас²⁶. (2) Но это укрепление было неприступным и непреодолимым для осады. Эта крепость была расположена на вершине горы, с обеих сторон которой были обрывистые спуски, а задняя часть горы представляла глубокую пропасть, так что оставался только один единственный ход спереди, укрепленный сложенными в груды камнями. (3) Когда стратиг предпринял атаки на эту крепость, то осажденные зажгли по всему кругу стен огненные сигналы, давая знать тем, которые вместе с хардариганом осаждали Афумон, какой опасности они подвергаются, – так персидский вождь договорился с жителями Акбаса. (4) Как только забелел день, на самом рассвете персидское войско, выстроив ряды, стало на-

ступать на ромеев²⁷; бой начали те, которые соскочили с коней, и, непрерывно пуская стрелы, варвары одолели ромеев. (5) Тучею стрел они закрыли от противников свет божий. Этот народ умеет обращаться с луками, и главная сила его заключается в оперенных стрелах. (6) Ромеи были оттеснены и заперты в одной части горы, так как враги, наступая, оттесняли их. Тут некоторые из ромейских воинов спрыгнули с кручи, которая обращена в сторону реки Нимфия; спуск здесь не простирался до бездонной глубины. Иные из ромеев были взяты в плен варварами. (7) Те же, которые спустились к подошве горы, избегли опасности и, сверх ожидания, спаслись. Переправившись через реку Нимфий, они объединились в лагере с ромейским отрядом.

(12) Шел второй год правления Маврикия²⁸, зимою император был провозглашен консулом. Вступив на императорскую колесницу, он явил замечательное зрелище: везли императора не кони, не мулы, не слоны – везли его люди, самое почетное в мире звание, которое так гордо звучит. (13) Поднявшись на колесницу, он предоставил своим подданным право на свои сокровища. Жители города, получив право на императорские богатства, шумными хвалами прославили кесаря: перед ними воссиял золотой день праздника и дал им безмерную радость.

13. (1) В наступившем году Иоанн был снят с командования, так как он оказался неспособным выступить против персидского войска, хотя и получил на свою долю гораздо больше военных сил. (2) На его место был назначен Филиппик, и император дал ему звание стратига. Это был человек ловкий и очень близкий родственник императора: он был мужем Гордии, сестры императора. (3) После своего назначения он в качестве главнокомандующего отправился в Монокарт²⁹, недалеко от горы, называемой Аисума³⁰. Там он стал лагерем и начал набирать людей в войско; с наступлением осени он расположился у реки Тигра. (4) Затем, используя помощь многочисленных крепостей, достиг места, называемого Кархарома³¹. Задержавшись там, он узнал, что хардариган собирается подняться на гору Изалу у крепости Майакарири³². (5) Поэтому ромейский вождь ушел из этих мест и остановился на равнине, соседней с Нисибисом³³; расположившись лагерем на возвышенности, он со всем войском спустился в персидскую землю и овладел большой добычей. (6) Немного времени спустя местный

крестьянин дал знать хардаригану о нашествии ромейского войска. Вот что он ему рассказал: сам он будто бы блуждает в горах, увлекаемый напрасными надеждами, а ромейское войско опустошает персидскую землю. (7) Хардариган повернул назад и пытался устроить против ромейского войска засаду. Но стратиг собрал свои силы и стал лагерем у горы Изалы, так как эти места для достигших их представляют прекрасное убежище, и всю добычу поместил в укреплении, выбранном очень предусмотрительно. (8) После этого он двинулся к реке Нимфию, неся с собой славное начало своего командования³⁴. И вновь Филиппик решил напасть на мидийскую землю и опустошил область Беарбаес³⁵. Когда начальник персидского войска услышал об этом, он двинул против него конницу. Но большая часть конницы во время этого похода погибла. (9) Говорят, что ромеи, удивленные быстротой прибытия варваров, поспешно удалились из мидийской земли, разделив все войско на две части. (10) Те, которые были с главнокомандующим, двинулись к укреплению Сисарбанону, а оттуда к Равдию³⁶. Другая же часть войска, заблудившись по дороге к Феодосополю³⁷, перенесла много трудностей. Эта местность, как я слышал по рассказам, безводна и пустынна до реки, называемой Абора³⁸. (11) Таким образом, ромеи подверглись, казалось, неминуемой опасности: они совершенно были лишены воды, а что для войска может быть тяжелее этого? Поэтому они приняли относительно пленных самое жестокое решение и убили всех, мужчин и женщин; (12) детям же они сохранили жизнь, сжалившись над юным их возрастом. Но и те вскоре погибли от недостатка воды. Таким образом, претерпев великие бедствия, ромеи достигли Феодосополя.

14. (1) Филиппик, смело задумывая широкие планы, на следующий год направил свой удар на Арзаненскую область³⁹ и взял оттуда богатую и славную добычу. (2) Шла молва, что стратиг был очень предан наукам и черпал свои военные познания из книг древних мудрецов. Свое искусство мудрого командования он заимствовал от Сципиона, наиболее прозорливого и знаменитого своим командованием вождя. (3) По словам тех, которые своими историческими произведениями воздвигли как бы некие божественные памятники в святилище памяти, когда карфагенский вождь Ганнибал опустошал европейские владения римлян, Сципион Старший⁴⁰, прервав

войну на родине, смело вторгся в карфагенскую землю и заставил своих врагов почувствовать ярмо великих бедствий. (4) Когда Ганнибал услышал о несчастном положении карфагенян, он вернулся к себе на родину, испытывав изменчивость судьбы на том, что случилось с ним. И, по-видимому, подобный этому план был и у Филиппика. Но намерение это осталось далеко не выполненным. (5) Случилось, что главнокомандующий захворал, так как тяжелая болезнь поразила его тело⁴¹. Поэтому он направился в Мартирополь⁴², поручив войско тагматарху Стефану (прежде тот был телохранителем у императора Тиверия), а ипостратигом всех войск он поставил гунна Апсиха⁴³. (6) Таким образом, стратиг из-за болезни был неспособен к бою. Хардариган же, собрав все свои силы, напал на только что упомянутый мною город Тивериополь, который прежде назывался Монокартом. В минувшем году стратиг обновил его обветшалые стены и, предусмотрительно предвидя будущее, укрепил его. (7) Явившись к этому укреплению, персидский военачальник не был в состоянии его завоевать. Поэтому он напал на предместье Мартирополя и сжег храм пророка Иоанна, находившийся в 12 милях к западу от города. (8) Там был фронтистерий людей, проводящих жизнь в философских занятиях. Эти люди называются также монахами. Для них главным делом было раньше смерти покинуть свое тело, заживо умереть и, благодаря этому мудрому безумию, духовно еще более возвыситься. Варвар уничтожил до основания и это здание. (9) На следующий день, снявшись отсюда, он двинулся в местечку Зорбанду⁴⁴ и приказал своим подчиненным ни в коем случае не покидать укрепленного лагеря; на восьмой день он вернулся в свои пределы. (10) А ведь казалось, что, производя большие грабежи, он собирается вторгнуться в римские владения и отнять у ромеев славу подобных подвигов. Филиппик, поправившись, распустил свое войско (уже зимняя пора являла все свои признаки)⁴⁵ и отправился в Византию, с тем чтобы приветствовать императора.

15. (1) Когда началась весна⁴⁶ и теплая пора пришла на землю, Филиппик уехал из столицы. Когда он прибыл в Амиду⁴⁷, персы отправили к нему посольство с предложением почетно закончить эту войну: они предлагали ромеям за деньги получить перемирие. Направлен был к ромейскому военачальнику сатрап Мебод⁴⁸. (2) И вот перс прибыл к ромеям;

стратиг устроил по этому случаю собрание, созвав тагматархов, лохагов, ипаспистов и наиболее видных лиц из состава войска. Когда все сошлись на собрание, перс начал так свою речь:

(3) “Почтенные враги (да не смутит никого из слушающих такое начало речи посла: если вы измените свое отношение, то и я тотчас же переменю свое обращение к вам). Возьмитесь за орудия мира; отвергнув войну, проститесь с копьем и мечом – прошло уж их время! Вместо походов возьмитесь за мирную свирель, пусть кругом раздаются пастушеские напевы. (4) Персидский царь предан миру и гордится тем, что он первый предлагает сбросить с себя бремя войны. Любовь к миру – это свойство царей; тиранам прилично стремиться к распрям и ссорам. (5) О мужи, вы, которые придерживаетесь одинакового с нами образа мыслей! Пусть прекратятся беспрестанные войны. Кровью своей напоили мы землю, не раз видали мы смерть; ведь война, как я по крайней мере утверждаю, – это творец смерти, древнейший ее образец, наставник и предводитель человеческих бедствий, учитель, сам себя научивший. (6) Кое-кто любит деньги! Но на войне, то победители, то побежденные, мы становимся по отношению к богатству и бедности ее игрушкой и, меняясь сами в различных превратностях войны, мы, как земля, что приносит и теряет плоды, вечно переживаем на войне такие же перемены. Кое-кто из лучших людей радовался золоту! Вместе с удовольствием он получал основание к подозрительности. (7) Что во время войны является более ненадежным, чем деньги? Они непрерывно и непосредственно переходят от одного к другому, а от другого к третьему; и для владевшего ими они – словно сон, которого нет, когда спящий проснется, словно угар от вчерашней попойки. (8) Вы, ромеи, издавна уже свободно предаетесь войне; научитесь же теперь предаваться миру: персы вас вызывают отказаться от многослезной войны. Кем было положено начало ошибки, тому прилично и позаботиться об ее исправлении. 9. Пусть эти слова, полные человеколюбия, не породят в вас дерзости. Не был поражен страхом персидский царь, когда недавно войско ромеев дерзнуло опустошать мидийскую землю, не из-за него отказывается он от встречи на поле брани; напротив, он предлагает ромеям купить себе перемирие за большие деньги и принести ему блестящие дары. (10) Нет ведь закона, чтобы преступные зачинщики войны ус-

покоились, не понеся никакого наказания. Эта уплата сможет и гнев персов успокоить, и осадить стремительную дерзость ромеев, возбужденную звуками военных труб”.

(11) Он собирался еще далее продолжать свою речь, но ромеи подняли свист, грозя послу смертью, и своими криками произвели такое волнение, будто они испытали нечто ужасное от этих слов варвара; ведь ромеи считали себя вправе гордиться недавними своими подвигами: они вторглись в пределы персидской державы, овладели добычей, обманули хардаригана. (12) Стратиг распустил собрание, и перс ничего не достиг своими речами. Прошло несколько дней, и вот пришел в лагерь к стратигу один из тех, кто блистает принадлежностью к священническому званию в Нисибисе, и стал говорить публично те же самые речи, что и Мебод. (13) Вследствие

этого стратиг переслал с гонцом императору эти речи персов в письменном виде. Император, ознакомившись с письмами главнокомандующего, тотчас же своим императорским повелением отменил все эти речи, приказав Филиппику прекратить переговоры о таком позорном для ромеев перемирии как не соответствующие величию ромейского народа. (14) Выполняя то, что было предписано императором, стратиг двинулся походом на Мамбрафон. Так вновь разгорелась война. (15) Собрав воинов, военачальник спросил их, идут ли они в задуманный поход с душами, оваянными мужественным стремлением. Когда все войско ответило ему утвердительно и все, принеся клятвы, подтвердили его надежды, то Филиппик, снявшись отсюда лагерь, направился к городу Бибасу, мимо которого протекает река Арзамон⁴⁹.

Книга II

1. (1) На другой день он перенес укрепленный лагерь на более возвышенные места равнины, устроив его слева от подошвы горы Изала. Эта горная местность является чрезвычайно плодородной; на ней родится очень много винограда для приготовления вина, и она приносит бесчисленное количество самых разнообразных плодов. Гора Изала заселена многочисленным населением, и жители ее — люди хорошие. Но эта гора вечно была спорным местом и подвергалась нападениям с обеих сторон, так как уже рядом с нею проходит вражеская граница. (2) Однако убедить жителей покинуть эту спорную область нельзя было ни угрозами, ни лаской, хотя соседние с ними персы неоднократно грабили эту область и устраивали там резню. (3) Недалеко от этой горы Изала поднимается другая гора, носящая название Аисума. Эта гора Аисума поднимается отвесно, достигая очень большой высоты. Книзу она разделяется на два предгорья. (4) Первым из них является гора Изала. Она круто поднимается здесь вверх, а затем, немного снизившись, вытянув свой хребет в виде волнистой линии ряда возвышенностей, доходит почти до реки Тигра. И она могла бы сомкнуться с Восточными горами, иначе называемыми Кавказом, если бы их не отделила друг от друга неведомая нам воля творца. (5) Сюда привел и расположил в укрепленном лагере свое войско ромейский полководец, имея в виду, что от персидской реки Бурона до Арзамона нет воды и неприятельское войско должно было выбрать одно

из двух: (6) или оно останется неподвижным и удовольствуется охраною своих собственных границ, или, наоборот, попытавшись двинуться на латинян, оно вследствие трудности перехода и жажды будет ослаблено, и его конница быстро погибнет, так как силы ромеев не позволят варварам черпать воду из реки Арзамона. На третий день и персидское войско узнало, что ромеи находятся на реке Арзамоне.

2. (1) Хардариган же дошел до такого высокомерия, что встречал сообщения об этом ироническим смехом, как будто речь шла о совсем незначительном деле. Но когда эти вести все громче и определеннее стали распространяться среди персидского войска, они заволновали и обеспокоили неприятелей. (2) Тогда сатрап обратился к служителям волшебства, требуя от магов по [различным] признакам предугадать будущее, и хотел знать прорицания женщин, одержимых пифийским наитием и воображающих, что они беременны от демонов. (3) И вот, одержимые демонами предсказывали, что за мидянами останется победа, что после битвы персы уведут с собою в свою землю ромеев и что счастье переменится. И персидское войско от этих предсказаний воодушевилось и исполнилось задора. (4) Снявшись лагерем с реки Бурона, они двинулись на ромеев. Они вели за собой огромное число верблюдов, навьючив на них мехи с водой, с тем чтобы ромеи, отняв у них возможность пользоваться водой, даром природы, не привели их легко к окончательной

гибели. Они были охвачены такими надеждами на удачу, что уже заранее везли с собой в большом количестве кандалы, частью сделанные из дерева, частью из железа. (5) Со своей стороны, стратиг дал приказ ромейскому войску не трогать того, что добыто потом и кровью местными крестьянами; он вынес такое постановление, щадя [бедность] их крестьянского положения. На следующий день он снарядил для выслеживания неприятельского войска отборных людей и по указанию лохага Сергия, которому было поручено командование гарнизоном в Мардисе⁵⁰, он назначил на это дело Огира и Зогома: они были филархами союзных с ромеями сил; на латинском языке их обычно называли сарацинами⁵¹. (6) И вот, посланные сгратигом, они захватили нескольких человек из неприятельского войска, подвергли их пытке и узнали, что хардариган стоит лагерем на прежнем месте. Наступил седьмой день в коловращении семидневной недели; законодателем Моисеем он был назван субботой. (7) Когда ромейскому войску дано было знать об этом, стратиг предположил, что неприятель попытается произвести нападение на следующий день, имея в виду, что ромеи почитают этот день днем отдохновения и уважают святость этого установления. И действительно, на другой день рано утром явились в лагерь соглядатаи и сообщили стратигу, что персидское войско приближается.

3. (1) Филиппик выстроил ромейское войско тремя боевыми отрядами. Командование левым крылом он поручил Иelifреду (он был архонтом Эмесы)⁵²; вместе с тем во главе тех же сил он поставил гунна Апсixa. На правом крыле он поставил таксиарха Виталия. (2) Командование центром взял на себя стратиг и в том же звании [привлек к себе] Ираклия, отца императора Ираклия⁵³. (3) Таким же образом было построено и персидское войско: правым крылом командовал перс Мебод, левым – Афрат, которого считали племянником сатрапа, командование же центральным отрядом взял на себя сам хардариган. (4) Когда неприятельское войско стало приближаться, поднимая целую тучу пыли, Филиппик велел вынести образ Богочеловека, о котором издавна до настоящего времени идет молва, будто создан этот образ Божественным промыслом, а не выткан руками ткача и не нарисован красками художника. (5) Поэтому у ромеев он прославляется как нерукотворный и почитается как богоравный дар Господень; подлин-

нику его ромеи поклоняются с трепетом, как таинственной святыне. (6) Сняв с него все священные покрывала, стратиг быстро нес его по рядам воинов и тем внушил всему войску еще большую и неотразимую смелость. Затем он остановился в центре, неудержимыми потоками изливая слезы (он знал, что реки крови прольются при этом столкновении), и обратился к войску со словами поощрения. (7) И сила проникновенных слов его была такова, что у смелых она увеличила решительность, а у вялых и медлительных возбудила готовность к бою. Тотчас загрели трубы, и их призывная мелодия еще больше вдохновила войска к сражению. (8) Тем временем стратиг отослал святой образ господень в Мардис к Симеону, занимавшему в это время епископский престол в Амиде; случайно тот находился в это время в крепости. (9) Все бывшие в этот день в укреплении молились и, стараясь умиловить бога, со слезами служили молебны, чтобы ромеи вышли из этого боя победителями. (10) Лохаги, командиры отрядов, и даже хилиархи, собравшись, умоляли главнокомандующего перейти в тыл армии; они боялись, как бы этот бой не был связан для них с еще большей опасностью, если сам стратиг разделит с ними все его тяготы. (11) “Неожиданные, – говорили они, – бывают превратности на войне, так как свойственны ей быстрые перемены и разнообразные случайности; по природе своей она вся состоит из перемен, и единственно, что в ней неизменно, это неизвестность относительно будущего; полученное по воле судьбы несчастье бесконечными способами может изменить добытое счастье и удачу”. (12) Этими словами они убедили стратига переменить место и не стоять на передовой линии. Равнина, на которой развернулся бой, называлась Солахон⁵⁴, получив свое наименование от какого-то соседнего укрепления. (13) Отсюда был родом Феодор, который у византийцев имел прозвище Зитонумий, – у ромеев он занимал должность магистра. Равным образом отсюда же был и тот Соломон, императорский евнух, который вел карфагенскую войну в Ливии, когда на императорском престоле восседал и правил Юстиниан. Об этом рассказано у историка Прокопия в его обширном сочинении⁵⁵.

4. (1) Когда фаланги персидского войска пришли в соприкосновение с ромеями, таксиарх Виталий быстро разгромил стоявший против него неприятельский отряд, выступив с большей смелостью, чем другие войска.

Вместе с тем он произвел и огромное избиение врагов и завладел военным обозом персов, который ромеи обычно на местном языке называют тульдом. (2) Таким образом, победившая часть войска занялась добычей. Стратиг находился в затруднении и был охвачен гневом, видя такое нарушение военной дисциплины. (3) Но тотчас же он принял следующий разумный план: он снял со своей головы шлем (а он был особенный и всем известный) и надел его на Феодора Иливина – тот был из охраны стратига. Затем он приказал ему поражать мечом всех охотившихся за добычей. Это приказание, будучи выполнено, принесло очень большую пользу для водворения боевого порядка. (4) Воины подумали, что сам стратиг обходит ряды и тех, кто занят грабежом, наказывает за это нарушение дисциплины; поэтому они вновь обратились к военным действиям и принялись за боевые труды. Стоявший против них неприятельский отряд, будучи ими рассеян, устремился к своему центру; этой частью персидского войска командовал сам хардариган. (5) Вследствие присоединения бежавшего левого крыла персов их центральный строй стал глубже, и ромеям трудно было выдержать наступление неприятельских сил, если бы их всадники, соскочив с коней, не вступили в рукопашный бой с врагами. (6) Фаланги центра вели бой с равными силами, и сражение у них затягивалось, так что от стоящих друг против друга отрядов сохранились, можно сказать, одни только остатки, так как вся поверхность земли была покрыта телами павших воинов. (7) Не было видно конца этому бедствию, когда некое божественное провидение осудило [на гибель] иноземное войско и дало ромеям решительную победу; по рядам ромеев пролетел голос, громко приказывающий им разить неприятельскую конницу. Ромеи повиновались этому приказанию и победили стоящие против них в центре силы. (8) Ромейское войско считало, что этот голос исходил от лохага Стефана, и после сражения ромеи спрашивали, сам ли Стефан предпринял военную хитрость. (9) Но он опроверг это и великою клятвою поклялся, что ему даже на ум не приходил такой искусный прием нападения; он не хотел из всего этого извлекать для себя славы и божеское соизволение считать собственной прозорливостью. (10) Наконец, третий отряд ромеев, то есть их левое крыло, привел в беспорядок стоящий против него неприятельский фланг и жестоко преследовал уцелевших

вплоть до Дары⁵⁶, местечка, отстоящего от места сражения на расстоянии двенадцати миль. (11) После того как ромеи овладели столь блестящими военными трофеями, варварское войско, видя свое бессилие, обратилось в бегство. Бежавшая армия со своим военачальником спаслась от опасности на каком-то холме в глубине персидских владений. (12) Когда ромейское войско услышало, что некоторые из неприятелей находятся в отчаянии на этом холме и дрожат от страха перед победителями, оно тотчас окружило укрепление и предложило неприятелям сдаться. Но последние, готовые к смерти в своем отчаянии, только гневно поднимали брови. (13) Поэтому ромеи переоценили их силы: они не знали, что хардариган, поднявшись на этот холм, сильно боялся грозившей ему опасности. (14) Дело в том, что хардариган, оставшись без провианта и мучимый голодом, мог продержаться на этом холме три-четыре дня. В такой страх ввергло персидского военачальника это непредвиденное им поражение. Такие перемены, происходящие сверх ожидания, приводят в смущение: ведь с изменением хода дел меняются и направление мыслей.

5. (1) Когда ромейские войска вернулись к стратигу, Стефан подвергся сильному обвинению за то, что он не забрал в плен оставшихся. На эти упреки главнокомандующего он возразил речью, вполне достойной вождя. Он сказал: (2) “Я умею соблюдать меру в победе и опасаюсь избытка счастья; судьба ненавидит все худое и не выносит удачи, занесшейся выше, чем нужно”. Таким образом, персы, найдя спуск свободным, не спеша сошли со своей возвышенности; (3) они последовали за ромеями, шедшими назад и собиравшимися около укрепления. Вследствие этого многие были убиты и больше тысячи взято в плен; они были отправлены в Византию. (4) Еще до начала этого боевого столкновения хардариган велел персидским воинам разрезать их кожаные мехи [с водой]. Этим приказом он хотел вызвать в мидийцах большую храбрость и решимость подвергаться опасности. Естественно, он хотел им этим показать, что если они не пойдут на величайшие опасности, то для них погибла всякая возможность получить воду, так как ромейское войско держало под своей властью реку Арзамон и, не щадя своих сил, охраняло ее течение. (5) Но этот легкомысленный поступок не довел его до добра. Признак глупости – рассчитывая на удачный исход судьбы, подвергаться крайним опасностям и, как ни-

щенского подаяния, ожидать хороших последствий от прежде совершенных ошибок. Раз начало было нелепое, то и конец будет иметь исход, вполне соответствующий всему предыдущему. (6) Этот приказ погубил многих уже побежденных персов: встретив на пути источник, они слишком неумеренно напились и подверглись великому бедствию, так как чрево их не выдержало такой массы влившейся в него воды. (7) Хардариган, придя под стены Дары, настойчиво добивался возможности войти туда, но горожане, равно как находившиеся в гарнизоне персы, отказывались открыть ему ворота: персидский закон не позволяет принимать к себе трусов, бросивших свои щиты. (8) Они подвергли хардаригана всевозможным поношениям и, прибавив к его несчастью много оскорблений, стыда и позора, заставили его удалиться домой. (9) День уже клонился к вечеру, как вдруг по лагерю ромеев распространилось смятение и потекли слухи, что персидское войско получило дополнительные силы и при этом такие, что они немедленно двинутся на укрепленный ромейский лагерь. (10) И вот Ираклий, отец императора Ираклия, и еще один из военачальников, сев на коней и вооружившись, поскакали, разыскивая повсюду варварское войско. Они прибыли к тому холму, на котором недавно ночевали бежавшие с хардариганом войска. (11) Они быстро поднялись на его вершину и с этого высокого сторожевого пункта осмотрели всю округу на очень большое расстояние; неприятельского войска нигде не было видно. Доведя эту разведку до конца, когда уже не могло быть никакой ошибки, они вернулись в ромейский лагерь.

6. (1) На этом пути в одном месте они увидели боровшегося со смертью ромейского воина, пронзенного четырьмя дротиками. (2) Одна мидийская стрела пробила верхнюю губу, проникнув глубоко через шлем и застряла в нем. Другая стрела, вонзившись снизу в нижнюю губу, шла почти под прямым углом к первой, так что его язык был пересечен этими двумя сходящимися остриями стрел как бы краями расходящегося циркуля, вследствие чего этот герой не мог закрыть рта. (3) На левой руке у него висело вонзившееся копье, а в бедре торчало острие другого мидийского дротика. Оно было для него своего рода надгробным памятником его доблести. (4) Воины, окружавшие Ираклия, увидав героя, истекающего своей благородной кровью, пораженные его блестящей храбростью, положили его на

коня и доставили в укрепленный лагерь. (5) Там они извлекли и удалили стрелы, торчавшие в его теле; вытащить же копье, которое было у него в боку, они не решались: эти люди, испытанные в искусстве Хирона и Махаона, тихо говорили между собой, что если извлечь это копье, то вместе с ним выйдет и его душа. (6) Но этот македонянин, этот Леонид по мужеству или Каллимах, или Кинегир⁵⁷, услышав такие разговоры врачей, спросил, за ромейским ли войском осталась победа. Стоявшие около него подтвердили ему это, сказав, что латиняне воздвигли победный трофей, и поклялись ему в справедливости своих слов великими клятвами. (7) Когда он узнал, что чаша весов военного счастья у ромеев легко поднялась, у персов же, наоборот, под тяжестью поражения низко упала, он испустил вздох радости: это сообщение было для него великим утешением и послужило ему облегчением в его страданиях. (8) В дальнейшем он спокойно стал ожидать смерти и знаками ласково просил смотревших на него, ничего не боясь, извлечь из его бока персидское копье, о котором шло так много разговоров: ведь, покидая этот свет, он из всего, что есть в подлунном мире, не сможет унести с собою в качестве напутствия ничего более приятного, чем [известие о победе]. (9) Говорят, что этот герой значился в списках квартопарфян – так назывались те воины, которые стояли постоянным лагерем в сирийском городе Верое⁵⁸. Когда из его бока было извлечено это смертоносное копье, то вместе с ним отлетела великая и благородная душа этого героя. Должен ли я сказать, говоря языком поэтов, что спешила она достигнуть полей елисейских? Но торжественность восхвалений его стыдно мне пятнать вымыслами.

(10) На следующий день стратиг произвел смотр всему войску, щедро наградил раненых; золотое и серебряное украшение было ответным даром за доблесть их духа, и степени перенесенных опасностей соответствовала важность вознаграждения. (11) Одному высокое звание было наградой за его смелость, другому – персидский конь, прекрасный по виду, отличный в сражениях; иной получил серебряный шлем и колчан, а другой – щит, панцирь и копье. Одним словом, ромеи столько получили богатых даров, сколько в их войске было людей. (12) Среди дня стратиг закончил смотр; он отправил по городам и близлежащим укреплениям раненых, чтобы они там лечились и успокоили острые боли своих ран

смягчающими средствами лекарств, чудесным даром Асклепия. (13) Сам же он, взяв с собой все остальное войско, вторгся в пределы мидян, и все те районы, которые персы ранее непредусмотрительно оставили открытыми, были жестоко опустошены ромеями. Ничто не могло противиться стремительному наступлению ромеев, и на горе себе встречались с ними противники.

7. (1) И вот ромейский стратиг со своим войском появился внезапно в Арзаненской области⁵⁹, подобно урагану морскому или всесокрушающей молнии, и более жестоко, чем когда-либо, расправился с персидской державой. Жители Арзанены скрылись в подземных пещерах; у нас среди народа были распространены рассказы, что у них глубоко под землей выстроены жилища, сооруженные в виде пещер. (2) До тех пор для них самих эти подземные убежища служили удобным местом спасения. Кроме того, жители Арзанены считали, что в этих подземельях хорошо хранить хлеб, пшеницу и ячмень. (3) Прошло немного времени, и те, которые на короткий срок могли обмануть ромеев, были ими обнаружены, так как пленные указали подземные убежища и тайное сделали явным. (4) Ромеи разыскивали по звукам [голосов] тех, которые скрылись под землей; эти отзвуки были для них самым верным знаком, приводившим их к тайникам скрытых под землею пещер. (5) И вот жители Арзанены были выведены наверх из глубин земли, совместно с ними хранившей тайны, и наступил для них “день рабства”⁶⁰, чтобы этой печальной фразой закончить мое повествование об их горестной судьбе. (6) После того как ромеи положили конец своим трудам по разыскиванию того, что было скрыто во тьме Эреба, и жившие там варвары не избегли самой тяжелой судьбы, ромеи двинулись к укреплению Хломарону⁶¹. На другой день на их сторону перешли два человека, братья и по рождению, братья и по образу мыслей. (7) Одному из них было имя Маруфас, другому – Иовий. Оба они были вождями Арзанены. Когда они перешли [к нам] и удостоились приветливого взгляда главнокомандующего, они в дальнейшем приложили все усилия заслужить его расположение. (8) Так как обычно во многих случаях слово предшествует делу, то сначала они обратились к стратигу с несколькими словами приветствия, а затем, желая выразить свое расположение, произнесли следующее: (9) “Если ты, полководец, хочешь закрепить за ромея-

ми Арзанену, мы покажем тебе некоторые места, неприступные из-за укреплений. Выстроить там опорный пункт побуждает [тебя] само благоразумие”. Таковы были первые слова варваров, обращенные к стратигу. (10) Эти слова были по душе и вождю: он был уже одержим мыслью выстроить укрепленный лагерь в этих местах – до тех пор из-за нерешительности и неосведомленности ему приходилось откладывать столь неотложное дело. (11) Когда же стратиг услышал такие речи, он, как будто найдя неожиданный клад, с полной готовностью послал своего ипостратига Ираклия, отправив вместо с ним и тех, кто указал ему это укрепление.

8. (1) Ираклий отправился в путь⁶²; в это время хардариган направился против ромеев, собрав множество людей, неопытных в военном искусстве, чуждых звукам военных труб; кроме того, он собрал большое количество вьючных животных и верблюдов и с ними двинулся вперед. Но все это было лишь внешностью без истинного содержания, тенью несуществующих вещей, подобно тому как на сцене выводятся какие-нибудь обманчивые образы чудовищ. (2) В таком виде он встретился с отрядом Ираклия, совершавшим свой путь с целью разведки и осмотра этих мест. (3) За Ираклием следовало двадцать человек. Они не были одеты в доспехи, так как не знали, что им предстоит встретить. Ни шлемы не прикрывали их головы, ни панцирь не защищал груди, чтобы железом отразить железо, – не было этой охраны тел, идущей вместе с охраняемым и ему сопутствующей; славный подвиг заставил их ослабить свою бдительность, а победа героев, сильных духом, не умеет учить осторожности. (4) Заметив все это, Ираклий под видом смелого выступления притворно устремился вперед. Но когда его хитрость была раскрыта и враги стали приближаться, собираясь вступить в рукопашный бой, Ираклий с окружающим его отрядом ушел на какой-то высокий холм. (5) Когда неприятельский отряд всею силой ринулся на них, они перешли на другой холм, а с этого – на третий; этими переменами мест и постоянными переходами они обманывали враждебные замыслы неприятелей. Ночью Ираклий направил к Филиппику вестника, дав ему знать о нашествии врагов. (6) Как только стратиг, приняв этого посланца в своей палатке, услышал, что варварское войско на другой день собирается предпринять нападение, он собрал все войско, рассеянное здесь отдель-

ными отрядами и занятое разграблением Арзанены, и приказал, чтобы трубач затрубил призыв к сбору. (7) Загремела труба, и все воины поспешно стали собираться к лагерю. Некий человек, Заберта, так по крайней мере произносилось его прозвище (это был тот, кому было поручено заботиться о гарнизоне крепости Хломарона), тайно выйдя из крепости и осторожно пробираясь, бесшумно следовал в тылу ромейской армии; оказавшись на фланге ромейского войска, он бежал и соединился с отрядом хардаригана. (8) И вот этот персидский перебежчик показал дорогу своим единоплеменникам и провел их в тыл ромейской армии. Он указал им спокойное место, служившее преградой для наступления врагов благодаря дающему полную безопасность укреплению. словно некий посредник, вызывающий к себе почтение, посередине шел глубокий овраг и разделял оба войска; варвар создавал, что персам не выдержать, если победоносное ромейское войско, не имея перед собою преграды, плотными рядами двинется на них, и что они под свежим впечатлением понесенных несчастий не будут в состоянии выдержать даже вида неприятельских сил. (9) Поэтому Заберта развернул строй на противоположной стороне по краю оврага. А овраг этот шел посередине между ними, как естественный ров, добрый страж, охраняющий и то и другое войско. И ромеи и варвары, стоя по его краям, потратили немало времени. (10) Ромейское войско стремилось преодолеть этот ров, горя желанием вступить в рукопашный бой. Но поскольку персидское войско отражало нападения ромеев, так как овраг в этом оказывал им содействие, то на известное время взаимное убийство было предотвращено. (11) После этого персы очутились у ромеев за спиной; не дав им заметить своего тайного движения, они тайно перешли туда ночью, обойдя овраг, и благодаря этому обходному движению оказались в тылу у ромеев. Персы могли вполне безопасно стать лагерем на вершинах хребта, где стоял Хломарон. (12) Поэтому ромеям пришлось, снявшись оттуда, рыть себе ров у подошвы горы. И настолько близко расположенными друг от друга оказались оба войска, что до них доходили голоса из другого лагеря и они совершенно ясно различали ржание лошадей. Вследствие этого же ромеи отказались и от осады Хломарона: в дальнейшем для них уже не представлялось возможности удержаться под его стенами.

9. (1) На следующий день, в первую ночную стражу, когда сон особенно крепок, непобедимый страх охватил стратига и, доведя его до безумия, заставил обратиться в бессмысленное бегство. (2) И вот, как только его охватил этот страх, не имея сил выдержать приступа испуга, он быстро удалился, не сообщив об этом отступлении никому из следовавшего за ним войска: (3) до такой степени дошел его страх перед неприятельской армией, хотя силы мидийцев были совершенно не равны ромейским и войско варваров было сильно ослаблено голодом. (4) Тем более, что прибыл сюда стратиг Афумона, бывшего в этот момент под властью ромеев. Вследствие этого на ромеев обратились все ужасы и страхи, смятение и растерянность. И это было непоправимое бедствие, так как ночь была безлунная, когда охватило их это безумие. (5) Ромеи стали разбегаться, с большой опасностью совершая свое отступление по непроходимым тропинкам, а почему нужно было отступать, оставалось непонятным. Со своей стороны варвары недоумевали, что задумывают ромеи, и схватку с ними считали для себя едва ли возможной. (6) И вот войска шли по оврагу, бывшему между обоими лагерями, и терпели невыразимые бедствия; так как ночь была безлунная, вьючные животные скатывались в этот ров и гибли. (7) Ромеи, то собравшись толпами, давили друг друга, то, стараясь развернуться, толкали других и их самих толкали при поворотах, так что им не представлялось никакого выхода из поразившего их несчастного стечения обстоятельств. Вот какие бедствия повлек за собой бессмысленный поступок стратига. (8) И, клянусь всем святым, если бы те, которые возили обоз из лагеря и были на службе у варваров, в этот день подняли крик, что будто бы персидское войско преследует их и готово начать избиение, то все бы ромейское войско окончательно погибло. Я думаю, что, пожалуй, не осталось бы даже вестника такого несчастья. Столь великое бедствие породило для них это несчастное безумие. (9) Когда утренний рассвет разогнал тьму, ромейское войско с трудом вышло на прямую дорогу и дошло до Афумона. Тут воины стали поносить стратига и в глаза издеваться над ним. (10) Персидское войско следовало за ними медленно и осторожно и не дерзало вступить с ними в открытое сражение: ему и в ум не приходило, что неприятельское войско поражено таким ужасом. (11) Воины шли за ромейским арьергардом и поражали

стрелами, как будто спокойно били в цель, задние ряды ромейского войска – столь велико и беспорядочно было бегство латинян. (12) Между прочим, варварской стрелой был поражен и один из мулов, несших на себе носилки стратига, и тотчас же из-за этого произошло замешательство: молва разнесла, будто бы уже и весь обоз захвачен вражеской рукой. После этого неприятельские стрелы стали летать во всех направлениях и наносили ромеям большой урон. (13) Однако персы не очень наседали на бегущих ромеев, может быть, из-за страха, а может быть, потому, что полагали, не устраивают ли ромеи какой-либо хитрости и не замышляют ли какого-нибудь коварства под видом бегства. (14) Когда к полудню все собрались к стратигу, полились на Феодора оскорбления и издевательства, так как в сущности на него была возложена обязанность наблюдения за укреплением. Он же, предавшись безделью, пренебрег всяким трудом, что и привело к такому несчастью. (15) Персами был захвачен и весь ромейский обоз, и они овладели им к великой своей радости – этим они избавились от голода, который тяжело мучил их, словно какой-то неумолимый тиран. (16) Стратиг же, совершив с величайшей опасностью переправу через реку Нимфий, тем завершил свое отступление и таким образом с полным позором ушел из персидской земли. На другой день он удалился в Амиду, потеряв много войска, так как персы уничтожили арьергард ромейской армии. (17) В ожидании стратиг стал лагерем под горой Изала; заброшенные старинные укрепления, развалившиеся от времени и войны, он восстановил; из них одно называлось Фатахон, другое – Алалис. Он поставил в них гарнизон, пытаясь с его помощью удержать в своей власти гору Изала. Затем он передал войско Ираклию, сам же, потонув в волнах горя, отказался от ведения военных действий.

10. (1) Ираклий, приведя в порядок тяжелооруженное войско, двинулся походом, держась небольших возвышенностей горного хребта Изала; даже более того, он направился вдоль берегов Тигра, который, беря свое начало на севере персидской земли, пересекает владения ромеев, петляя и извиваясь, и этими изгибами своего течения как бы удваивает длину своего пути. (2) Он огибает и часть горы Изала и при своем возвращении охватывает так называемую крепость Фаманон. Затем спокойным течением он проходит через Мелабасские горы⁶³ и плавно поворачивает на юг.

(3) Мелабасские горы принадлежат уже Мидии. После этого можно видеть Кардучские горы⁶⁴, как сообщают нам географы, давая внушающее доверие описание. (4) И вот Ираклий, покинув Фаманон, двинулся в южные части Мидии; всю эту землю он опустошил, переправившись через Тигр и, двигаясь с войском в глубь страны, предал огню все, что только было замечательного на этой земле. Затем он вернулся в ромейские пределы, укрывшись в Феодосииополе, и вновь соединился с теми, кто оставался около Филиппика. (5) Когда все это, вопреки предположениям, закончилось благополучно, стратиг распустил войско из лагеря. Уже наступало время зимы, и войску выплачивалось ежегодное жалованье. (6) Но как только весенняя пора вызвала рост трав, ковром покрывающих землю, стратиг дал две трети ромейского войска Ираклию, отцу императора Ираклия, а остальные отдал Феодору Туравдинскому и Андрею (это был переводчик из сарацинского племени, пришедшего на помощь ромеям) (7) и поручил им, производя набеги и вторжения, вновь подвергнуть опустошению персидское государство. Сам стратиг чувствовал себя больным и не был в состоянии принять участие в военных походах. (8) В этом же году Коментиол пришел в Анхиал⁶⁵ и стал собирать там войско: сделав тщательный отбор, он отделил наиболее сильных от слабой части войска. Затем он разделил их на три части и двинул против варваров тремя отдельными отрядами. (9) Начальником правого отряда он велел быть Мартину, лохага Каста поставил во главе второго крыла, центр же войска стратиг взял на себя. Численность боеспособного войска составляла шесть тысяч; остальные четыре из-за трусости и душевной негодности были небоеспособны; им стратиг поручил охранять так называемый укрепленный лагерь и обоз. (10) Каст, выступив со своим отрядом, обошел всю левую сторону этой области и дошел до Залдап и до гор Гема⁶⁶. И вот, совершенно неожиданно для варваров, на рассвете он стремительно совершил набег на их страну и, застав их не подготовленными к защите, покрыл славою свое оружие и унес оттуда прекрасные трофеи, а большую часть варваров истребил. (11) Свою доблесть он украсил великой добычей. Увезти ее он поручил одному из своих телохранителей. О, если бы он этого не делал! Ведь собравшиеся на другой день варвары отняли у него эту добычу! (12) В свою очередь Мартин, двинувшись к предместьям

города Томиса⁶⁷, через переводчиков узнал, что там находятся каган и аварское войско. И вот ромеи устроили засаду и немедленно предприняли смелое нападение. Словно из бездн моря, предстала перед варварами смерть, словно каким-то морским приливом внезапно поглощено было неприятельское войско. (13) Сверх всякого ожидания, каган, как некую счастливую находку, благополучно нашел себе спасение, обратясь в бегство – спасительный остров на озере дал убежище варвару. А если бы он был взят в плен, славный выкуп за его жизнь получили бы ромеи! Величайшая и самая страшная опасность обрушилась на плечи варваров. Как стало известно от тех, что перешли на сторону аваров, он вернулся только на пятый день, и это была сущая правда. (14) Рано утром Мартин вернулся туда, куда накануне стратиг велел собраться; спешно явился сюда же и Каст, соединившись с Мартином. Величайшую силу приобрели благодаря своей удаче войск и, объединившись, еще более укрепили свою неуязвимость.

11. (1) Что же касается Коментиола, то он, забыв уговор, не выполнил ни одного из соглашений, заключенных несколько дней тому назад, и никак не проявил себя; он не пошел к Касту и Мартину, чтобы ударить в тыл неприятельскому войску и принять участие в воздвижении трофея. (2) В народе обвиняли некоего Рустикия, начальника одного из отрядов, что он подсказал стратигу мысль отнестись без надлежащего внимания к своему выступлению и не идти навстречу Мартину и Касту ввиду того, что исход предприятия неясен и достижимо оно с большими трудностями; он ссылаясь на мысль, высказанную императором, который настойчиво советовал не действовать так и не подвергаться таким опасностям. (3) Кончилось тем, что стратиг согласился с доводами Рустикия, и важное дело было заменено бездельем. Узнав, что стратиг двинулся к Маркианополю, Мартин и Каст явились туда к нему. С началом светового круговращения солнца Коментиол со всем своим войском ушел в укрепленный лагерь, где он оставил нескольких человек из ромейского войска. (4) После этого он передвинул свой лагерь к теснинам Гема, следуя по холмам и высоким горным долинам. Это место называется местными жителями Сабуленте Каналион⁶⁸. Попытаемся же описать его силами красноречия, представив ясную его картину. (5) Это – прекрасное место: ле-

жит оно на возвышенности; его местоположение – склон высоких гор; равнина простирается, вся покрытая цветами, как пышный сад перед дворцом царей. Луга зеленеют на ней – радость и наслаждение для глаз. (6) Есть здесь тенистые места отдохновения и чащи рощ в своей тени скрывают вступившего, давая путникам чудесное убежище в полуденную пору, когда обжигаются лучами солнца даже недра земли. Сладко смотреть на эти места, но нелегко о них говорить. (7) В этом месте текут обильные воды; того, кто хочет пить, они не огорчают чрезмерным холодом своих потоков; тому, кто хочет освежиться, они не причиняют неприятности своим, как я бы сказал, чрезмерно изнеживающим обхождением. И путников, пришедших любоваться этим местом, встречают своим более мелодичным, чем где-нибудь, пением птицы, скрывающиеся в молодых ветвях деревьев; они поют, и песни их – гореусладные, миротворящие, сердцу забвение бедствий дающие; они поют, и песни их приносят путникам утешение в горестях. (8) Плющ, мирт и смилак в прекраснейшей гармонии с цветами всех других родов в несказанном изобилии создают для обоняния роскошь ароматов; они одаряют своими запахами посетителя, как будто по какому-то высшему уставу гостеприимства, поднося путникам все эти, словно заранее приготовленные, благовонные дары очарования. (9) На этом месте накануне стратиг разбил лагерь и оставался здесь в течение следующих трех дней. Около же деревянного моста на соседней реке он приказал начальнику отряда Мартину с раннего утра выслеживать войско аваров и наблюдать – не перешло ли неприятельское войско реку, а Касту велел, идя горными переходами, следить за движением неприятелей и постараться узнать их намерения – не собираются ли они идти против них походом. (10) Когда Мартин заметил, что неприятельское войско готово уже вскоре перейти через реку, он быстро возвратился назад и соединился с войсками Коментиола. (11) Каст же перешел реку, спустившись ниже по течению, и, двигаясь по другому берегу, встретился с передовыми отрядами противника и всех изрубил с великою силою. (12) Совершив такие подвиги, он, по замыслу некоего злого демона, оказался не в состоянии использовать благоприятное стечение обстоятельств. Он не соединился с Коментиолом, но направился к деревянному мосту и хотел идти следом за Мартином. (13) Так как ему не

удалось выполнить этот план, то с заходом солнца он заночевал на этом месте. А на следующий день здесь остановилось на ночевку неприятельское войско и стало переходить по деревянному мосту на другой берег, так как иначе поток этот нельзя было перейти. Река эта очень глубока и, своим быстрым и бурным течением подхватывая вступающих в нее, она препятствует переправе. (14) Так как Каст все старался пробраться домой и всячески маневрировал около [неприятельского войска], то вооруженная толпа врагов столкнулась с ним; несчастной для него оказалась эта встреча, и не мог он применить никакой хитрости.

12. (1) Каст обливался потом; не зная, что делать, он пал духом; несчастное стечение обстоятельств предвещало великие беды. (2) Тотчас же рассеялся его строй, и, гонимые трусостью, все устремились в разные стороны; как зайцы или олени, стремящиеся избежать козней охотника, они стали прятаться по горным долинам, быстро скрываясь в рощах. (3) Некоторые из ромейских воинов были взяты в плен аварами и подверглись нестерпимым истязаниям, претерпев самые страшные пытки, которые когда-либо были придуманы. Им грозили самой ужасной смертью, если они не выдадут, куда мог бежать и скрыться Каст. (4) Поэтому они, согласившись между собою, почти пальцем указали на Каста, скрывавшегося в чаще леса, подобно стволу, обвитому виноградными лозами. Таким образом, таксиарх был взят живым в плен и оказался блестящей добычей врагов. Вместе с Кастом была окружена и захвачена неприятелями большая часть ромейского отряда. (5) Война получила еще больший размах и разгорелась еще сильнее. Словно из каких-то темниц бедствий, каган выпустил на ромеев огромное войско, чтобы оно опустошило всю Фракию. (6) Производя опустошения, неприятельское войско быстро двинулось через Месемврию⁶⁹ несмотря на героическое сопротивление: враги убили пятьсот стражей этого города, которые стояли гарнизоном в укреплении. (7) Таксиарх Ансимут, предводительствовавший пешим войском, расположенным во Фракии, как только заметил, что надвигается войско аваров, собрал все свое войско и укрылся за “Длинными стенами”. (8) Сам он находился в арьергарде своего отряда, побуждая своих скорее двигаться в глубь страны. Это обстоятельство и отдало его живым в руки варваров – он был взят в плен и оказался легкой добычей передовых непри-

ятельских отрядов, ибо этот несчастный не имел охраны у себя в тылу. (9) Вскоре затем каган двинул на Фракию и остальную часть своих сил и совершил вторжение в очень многих местах; войска же, бывшие с Коментиолом, вели военные действия неудачно. Поэтому ромеи скрывались по лесам Гема, неприятельское же войско имело возможность широко распространиться по многим областям Фракии. (10) На третий день Коментиол собрал в свою начальническую палатку всех лохагов и хилиархов, а также виднейших из простых воинов и сообщил им, что он хотел бы сделать. (11) На следующий день, созвав всадников и пешее войско на собрание, он ободрял и убеждал присутствующих не подставлять врагам под удары своих спин и выше всего ставить доблесть и славу.

13. (1) Тогда один из хилиархов с ворчанием выступил на середину и открыто порицал предложение стратига, говоря, что отступить будет полезнее и для самого войска, и для стратига. В своей речи он привел следующие доводы. (2) “Люди, опытные в военном деле, отважные духом, но тогда только, когда благоприятный случай помогает и когда счастье содействует нашим намерениям! Воины, у которых общая опасность и единое спасение! (3) Насколько скверное дело трусость, настолько и чрезмерная смелость заслуживает порицания. Осторожность есть лучший пример разумности, так как обдуманность не есть позор, а благоразумие является украшением. (4) Но раньше, чем какое-либо из моих слов выйдет из моего сердца, своей матери, их рождающей, и, словно повивальной бабкою, будет воспринято вашими ушами, отступитесь немного от доверчивости к словам стратига. Пусть ваши уши не будут глухи к словам тех, кто желает дать вам совет, чтобы уста говорящего не были заперты, встретив препятствие, и чтобы вы не позабыли моих слов раньше, чем вернетесь домой. (5) Доверие имеет силу само по себе, и сила эта не является откуда-либо приобретенной; поставленная цель пользуется им, как рулем, и куда хочет, туда и направляет служащих. (6) Стратиг побуждает нас, воины, двинуться против неприятелей и велит идти нам против врагов – небольшому отряду против многочисленного войска, и это тогда, когда погиб Каст. (7) Вы сами мне свидетели, не так уж все вы хороши, чтобы смело идти в бой, – можете обижаться, если я скажу вам в глаза немного правды. Я лично притворную похвалу уважаю меньше, чем спра-

ведливый упрек, так как дела не следуют рабски за восхвалениями. (8) Разве незадолго до того сам стратиг не поручил охрану укрепленного лагеря тем, которых он считал неспособными к открытому сражению? Таких людей четыре тысячи, и можно почти сказать, что этих отбросов столько же, сколько передовых бойцов, что неспособная к бою толпа равна по количеству смелым воинам, что здоровая часть по числу близко подходит к убогой. (9) Я умолчу уж о том, сколько душевной силы и бодрости взяли у нас недавние неудачи, сколько надежд на решающую помощь сотоварищей отняли у нас враги. И, если я не ошибаюсь, это следствие не столько наших недавних успехов, сколько тех неудач и несчастий, которые мы только что потерпели. (10) Многих из варваров предал смерти Каст и забрал себе большую добычу, но на другой же день отобрали ее назад варвары. И вот вам самое позорное послесловие: самого его захватили враги, воинов его взяли живыми и справили над ним славный триумф. Не удалось Касту спрятаться в лесу. (11) А ведь кагана укрыл остров, расположенный среди болота, не выдал он Мартину скрывшегося там, но, словно какую-нибудь святыню, сохранил от глаз непосвященных. (12) Эти наши незначительные недавние подвиги радуют и императора, но пока, не узнав еще о наших теперешних несчастиях, он не может послать нам на помощь новых вспомогательных отрядов. (13) Я уверен, что поражения, испытанные недавно, повсюду заставят неприятелей действовать более осмотрительно, и эти несчастья возвратят им в дальнейшем осторожность и безопасность. (14) Достаточно много сказано, воины, относительно того, что будет нам полезно. Желаю, чтобы судьба дала мне ошибиться в моем мнении и сама дала нам в руки свою помощь”.

(15) Произнеся такие недостойные речи, хилиарх своими словами нагнал на всех страх. Войско сидело недвижимо, как в остолбенении. Тогда быстро поднялся один старый воин и, громким голосом браня хилиарха, просил собрание разрешить ему сделать возражения на его слова. (16) Когда войско дало согласие и, подняв руки, велело ему говорить, он, заклиная всех и вызывая своими стариковскими слезами уважение к словам своим, начал говорить так:

14. (1) “Воины-ромей, если только делами своими вы не опозорите своего имени! Храбрые воины, если только в своих телах вы не

сите еще мужественные души! Хоть наш хилиарх, гремя высокими словами и внес сумятицу, однако дела действительней слов и не допускают такого пустозвонства; своими словесными уловками он не запугает нас, как детей. (2) Я лично прежде всего охотно спросил бы его: во имя самой правды, перед кем ты так разглагольствуешь, хилиарх? Уж не хочешь ли ты обманывать деревенских жителей, у которых вместо мечей – лопата, вместо панциря – кожаная накидка, вместо коня гордого, с высокою гривой – быки пахотные, слуги крестьян, знающие только свое дело? (3) Почему ты счел это собрание за сборище женщин и, признав за нами другой пол, оскорбил нашу природу? В своей речи ты смеешь позорить других, а сам так бесстыдно ведешь себя по отношению к нашему собранию. Или ты думал, что не на глазах у мужчин ты произносишь свои отвратительные речи? Или ты не понимаешь, что присуствуешь на собрании римского народа, гордящегося своей решительностью, сильного своим оружием, испытавшего не раз опасности и предусмотрительно умеющего позаботиться о том, что будет ему полезно? Почему это у тебя малые несчастья так затмили силу великих подвигов? (4) Хоть бы постыдился ты врагов, которые ведь не пали духом при понесенных несчастьях. Тот, кто еще недавно, уподобившись болотной лягушке, бежал на остров под ненадежную защиту вод, теперь мужественно двигает войска против нас, подбодряет тех, кто получил раны и убеждает их к этим ранам получить от врагов еще большие в качестве лекарства, дающего успокоение от великих страданий. (5) Видимо, он позабыл понесенные раньше несчастья. И неизбежно не будет иметь удачи тот, кто надеется, что сможет забыть свои неудачи. (6) Каким образом ромей дошли до такого могущества и незначительное обладание одним городом обратили в столь великую империю. Я думаю, по крайней мере, потому, что были они сильны духом, горели сильным желанием, были смелыми и охотно подвергались опасностям. И за подлинную смерть считали они – умереть бесславно. (7) Если бы дух их был приблизительно такой, как у нашего хилиарха, они не овладели бы Европой, не подчинили бы себе Ливии, не посылали бы сборщиков податей в Азию, не приобрели бы Нила – слугу, возящего в летнее время богатство Египта по городам римским и своими баржами обращающего море в сушу. (8) И что за странное ты сделал

заклучение! Не придут к нам, говоришь ты, больше вспомогательные войска? А кто же дал тебе право быть провозвестником таких предсказаний? Или, быть может, от какой-нибудь пифии ты получил пророчество о нашей трусости? Трусость, сверх всего прочего, любит прибегать к такому самовосхвалению: он будто бы пророк, самостоятельно обучившийся этому искусству, он всегда готов отложить дело, сам внезапно на это решаясь. (9) Я в изумлении, если варвары уже несутся к “Длинным стенам”, а император не бодрствует в то время, когда по городу катятся волны такого шума и смятения. (10) Есть, воины, один непобедимый помощник – это смелость и величие духа: он делает возможным то, что всем кажется невозможным, и тому, что для простой толпы кажется страшным, отдается он с наибольшей храбростью. (11) Пусть же сегодня каждый из нас идет в сражение, охваченный энтузиазмом, наложим на наши подвиги печать великой славы; я, по крайней мере, не хочу унижать наших деяний и не буду называть храбрость дерзостью, а жажду подвигов – глупым легкомыслием. (12) Вот что говорю я, старик, сам не раз бывавший в опасностях. Если кто-либо другой держится того же мнения, пусть действует так же; если же он против, то пусть разрешит мне согреть этим мнением свою душу; ведь прекрасное не у всех встречает одинаково благосклонный прием и правильное не у всех вызывает одинаковое внимание. Ведь доблесть – вещь высокая, трудная и не всякому доступная или в силу его низости, или ввиду отсутствия у него стремления к лучшему”.

15. (1) Когда старик произнес перед собранием такие речи, он зажег всех и побудил к наступлению, возбудив у лучших неудержимое стремление, а более слабых стегая своей речью, как бичом, и преодолевая их трусость. (2) Сильный крик всколыхнул собрание, и весь театр загремел от восхвалений: все были поражены величиим души и ума этого старого воина. Тотчас же все, как бы охваченные единым душием братских намерений, уйдя по окончании собрания, приступили к вооружению. (3) И вот они спустились с горы Гема к Калвомунтису и Ливидургу⁷⁰ с намерением вступить в сражение и заметили невдалеке кагана, стоящего спокойно лагерем: безо всякой предусмотрительности он разбил свои палатки приблизительно в четырех милях, так как вся его орда была рассеяна по Фракии. (4) И вот Коментиол, приведя в порядок все войско

и выстроив его в единый боевой строй, дал знак к выступлению. Он дает приказ двигаться к Астике, провести ночь настороже, а на следующий день напасть на кагана, подобно урагану, и при столкновении произвести возможно большее избиение. (5) Но какая-то злая судьба решила нарушить все эти точно начертанные планы военачальников: подобно трутню, она истребила все соты его благих намерений и похитила весь мед трудов стратига, собиравшего его, как пчела, с великим старанием. (6) Когда солнце показало тыл печально-мрачной ночи и сияние прекраснейшего и светозарного светила было подавлено и устранено могуществом ночи, одно из выючных животных свалило набок положенный на него груз. (7) Случилось, что хозяин этого животного шел впереди. Следовавшие позади, видя, что это животное так плохо тащит взваленную на него поклажу, стали кричать его хозяину, чтобы он вернулся и поправил этот непорядок. (8) Это послужило поводом к замешательству, и само собой вышло, что воины стали двигаться назад; большинство, услышав крик, превратно истолковало его, ложно поняв то, что там хотели сказать; им показалось, что это знак к отступлению, как бывает, когда внезапно появляются враги и нарушают этим все предположения. (9) Войско охватило великое смятение, а от этого произошел сильный шум; всякий зашедший далеко стал кричать, чтобы возвращались назад, и каждый советовал друг другу, говоря на своем родном языке, повернуть назад: “Торна, торна!” – кричали они в величайшем смятении, как будто ночная битва неожиданно завязалась у них за спиной. (10) Вследствие этого весь боевой строй рассыпался, как рассыпаются струны на лире. Вследствие этого каган вторично избежал опасности – на этот раз на более сильной – и со всех ног бросился бежать из этих мест, где он привык было держаться. Он перешел на другое место и еще более удивительным образом, чем в первый раз, счастливо спасся от врагов. (11) Приблизительно то же делало и ромейское войско; получилось, таким образом, взаимное бегство; какой-то ложный страх охватил ромейское войско и несуществующая опасность приводила его в смятение. (12) Но даже и при этом было убито много аваров, хотя для обоих войск это столкновение было неожиданным, ибо, когда некоторые из ромейских воинов повернулись против неприятелей, они с блестящей доблестью и успехом вступили в бой с

врагами. (13) Когда каган во второй раз пришел в себя от замешательства, он, чтобы загладить пятно позора от этих двух поражений, собрав варварское войско, напал на ромейские города и захватил в свои руки крепость Аппиарию⁷¹. Мне кажется не лишним рассказать, как это произошло, и вставить этот маленький эпизод в непрерывный ход моего исторического изложения.

16. (1) Был один воин – имя ему было Бусас; это был прекрасный боец и из числа героев, выдающихся своими подвигами, он был наиболее славным своей доблестью. Он всегда первым бросался в опасное дело, как только слышал звуки боевой трубы. (2) В это время он жил в той крепости. И вот Бусас решил верхом отправиться в луга, прилегавшие к этой крепости, а затем проехать и дальше с тем, разумеется, чтобы поохотиться с большим успехом. (3) Вследствие этого варвары захватили в плен Бусаса и сам охотник стал добычей. Взяв его в плен, они стали грозить ему, что поразят его копьем. Он же стал просить их не делать этого, а лучше за хороший выкуп сохранить ему жизнь; ведь для варваров не будет никакой выгоды умертвить Бусаса и презрительно отказаться от блестящих даров. (4) Варвары приняли его предложение и не отказались от такой сделки. И вот они ведут пленника к крепости и через глашатая объявляют находящимся в укреплении, что на их глазах зарежут Бусаса, если во имя дружеских чувств те не выкупят его за большие дары. (5) В свою очередь, и Бусас заклинал ромеев не презреть его, жизнь которого теперь колеблется на весах смерти и спасения; он умолял взаимно оказать ему милость; крича и плача, он указывал на свои геройские дела, которые он выполнил для римлян с величайшими для себя опасностями. (6) При этом он перечислял свои подвиги, показывая свои раны, являвшие как бы картину понесенных трудов, и обнажил перед ними для большей ясности знаки неприятельских ударов; во имя того, что он перенес, он молил тех, перед которыми он так заслужил, чтобы они избавили его от ужасных страданий. (7) Но они не согласились на это – их совратил один человек, о котором в народе не без насмешек говорили, что он связан с женою Бусаса некими тайными радостями. И вот они без уважения отослали от себя варваров. (8) Попав в еще большую опасность, Бусас стал умолять варварское войско на короткое время отложить его казнь и, как плату за эту отсрочку, обе-

щал предать варварам крепость. Он полагал, что прежде всего должны испытать чашу страданий те, которые забыли долг благодарности, что раньше они должны получить свою долю в его бедствиях за свою бесчеловечность, чтобы [наказание] за их неблагодарность по отношению к нему предшествовало [его смерти]. (9) Когда враги получили заявление об этих его обещаниях, они с еще большей радостью склонились к человеколюбию; они клятвенно подтвердили Бусасу, что сохраняют невредимым, не казнят его, но подарят ему возможность умереть естественной смертью, когда она захочет порвать нить его жизни; что они не причинят ему насильственной, нарушающей естественные законы смерти, если он выполнит на деле свое обещание. (10) Тогда Бусас стал учить аваров строить одно осадное орудие, так как до сих пор они совершенно не знали употребления подобных машин, и приучал их к стрельбе из гелеполю⁷². (11) Немного времени спустя стены крепости лежали разрушенными, и Бусас отомстил за бесчеловечность [ромеев], научив варваров страшному искусству осады городов. В дальнейшем неприятели без всякого труда завоевали многие из ромейских городов, воспользовавшись этим хитрым сооружением как образцом для дальнейших построек. (12) И вот, когда каган напал на Верою⁷³, он потерял много времени и трудов и в конце концов, несмотря на все усилия, отступил, не получив лавров победы, так как жители города сражались против него очень мужественно; однако они купили себе мир за какую-то незначительную сумму денег: в этом каган нашел достаточный повод для оправдания своей неудачи, чтобы скрыть ее перед другими.

17. (1) Он осадил и Диоклетианополь⁷⁴, подвергнув его тесной осаде; но и жители города, в свою очередь, оказали сильное сопротивление и не дали ему безбоязненно напасть на город. Они поставили по стенам катапульты и другие защитные орудия, так что варвары не могли подойти близко к стенам и немедленно вступить в рукопашный бой. (2) Каган должен был отступить, полный гнева, испытывая то, что, по пословице, пришлось испытать волку: напрасно он разевал пасть – надежды его не исполнились. Он тотчас же перешел к Филиппополю⁷⁵ и, окружив его, пытался взять. (3) Жители города защищались очень решительно и многих из варваров поранили из-за стен и бойниц, так что каган, воздав хвалу недоступности этого места и доблести за-

щитников, без всякого выкупа прекратил с ними войну. (4) Ранним утром пройдя через леса так называемой Астики, он напал на Адрианополь и подверг его сильному штурму; но жители и этого города оказали сильное сопротивление. (5) В это время по Византии начались разговоры о том, что Каст и Ансимут взяты в плен, и по всему городу пошел великий шум. Некоторые из народа, люди глупые и горластые, положение которых было не очень высокое и мозги незавидные, совершенно открыто бранили императора; составив против него оскорбительные песни, они в издевательских выступлениях мелодично распевали об этих несчастях, приписывая случившееся не несчастной судьбе, а его глупости. (6) Но вся эта брань не вызвала раздражения у императора: душа его не рождала гнева и не пылала огнем отмщения. (7) Получив за Каста очень богатый выкуп, враги возвратили его, как это помнят еще наши старики, и в этом им вполне можно верить.

(8) Император направил теперь свои заботы против этих врагов и готовился двинуть против них большие силы. Стратигом он поставил Иоанна, который в народе обычно назывался Мистаконом. (9) В качестве ипостратига был назначен Дроктон, которому был поручен отдельный военный отряд. Он был родом лангобард, человек физически очень сильный и в военном деле очень талантливый. (10) Прибыв к Адрианополю, они заставили варваров снять осаду, и на другой день война была закончена – в открытом бою ромеи победили варваров и нанесли им решительное поражение. Ипостратиг Дроктон одолел врагов при помощи хитрости. (11) Притворным бегством он навел врагов на мысль, будто его фланг отступает, испугавшись своего противника. А затем он сам перешел в наступление; враги показали тыл, и он уничтожил всех, кто только попался ему. (12) В полдень авары бежали, рассеявшись в разные стороны, и в стремительном бегстве неслись куда придется. Стратиг не преследовал врагов; он мудро сохранял меру счастья и остерегался, как это и естественно, доводить благополучие до крайнего предела. (13) Счастье любит внезапно меняться и является вещью ненадежною: “победа меж смертных превратна”, по словам Гомера, которые я позволяю себе вставить в свой исторический рассказ⁷⁶.

18. (1) За это же время Ираклий вновь вторгся в персидские пределы, и мидян постигло не раз испытанное ими несчастье⁷⁷. (2)

Явившись туда, он напал на какое-то очень сильное укрепление, грозно возвышавшееся на высокой скале. Ипостратиг стал сооружать гелеполы и другие осадные машины. (3) В свою очередь и персы противопоставили этим военным приготовлениям свои особые хитрости: они стали ткать что-то похожее на хитоны. Набрав волос и сплетя из них нити основы, они ткали очень длинные хитоны, крепко набивали их соломой и, набив, спускали висеть на стене. На них они принимали удары стенобитных снарядов и благодаря мягкости этого отражающего приспособления смягчали силу ударов от снарядов. (4) Многие из этих снарядов пролетали над крепостью, а другие падали в самое укрепление. Ираклий не давал никакой передышки в своих нападениях, день и ночь сменяя участвовавших в этом деле. (5) Одни, только что участвовавшие в работе, благодаря смене войска получали отдых, другие, принимавшие участие с ними в этом деле, в свою очередь поднимались и становились на их место, а у этих их тяготы принимали третьи. (6) Поэтому защитники укрепления окончательно выбились из сил и ослабла их военная доблесть. Вот каким путем было взято это укрепление и перешло во власть ромеев. А когда оно было взято, стратиг поставил в нем гарнизон.

(7) Войска, бывшие с Феодором и Андреем, отстроили другое укрепление, Матэарон⁷⁸, обвалившееся от старости. Недалеко от него находится крепость Беиудаес⁷⁹. В то время как Феодор был занят постройкой, к нему пришли местные крестьяне, убеждавшие его двинуться против Беиудаеса, заявляя ему, что в этой крепости находится недостаточный гарнизон. (8) Окружающие Феодора и Андрея задумали тотчас же претворить эти слова в дело и, переночевав, решили двинуться туда большими переходами. (9) У них было решено напасть на Беиудаес ночью, но, не сумев выполнить свой план, они подошли к укреплению при криках первых утренних петухов. Местные жители заранее заметили нападение ромеев и без страха ожидали их, надеясь на неприступность местоположения. Затем, осмелев и полагаясь на высоту скалы, они стали выглядывать из-за укреплений и бросать стрелы и копья, отражая врагов. (10) Был единственный вход в это укрепление, трудно проходимый с оружием в руках; дорогу к этому входу охраняла башня, выдвинутая перед укреплением, покоящаяся словно на каких-нибудь адамантовых камнях или на чем-то

еще более устойчивом по природе. (11) И вот ромеи, сойдя с коней, подступили к этой скале, и состязание было начато метанием стрел из луков. Для тех, кто находился в крепости, защитой против врагов служили отчасти камни, отчасти катапульты; они бросали свои снаряды с огромной сторожевой башни и, видя далеко вокруг благодаря ее высоте, поражали неприятельское войско. (12) Так как ромейское войско было этим задержано, то некоторые смельчаки из ромеев, сомкнув свои щиты, стали медленно продвигаться и, в смелости видя всю славу своего доблестного поступка, шли впереди следовавшего за ними войска. Не обращая внимания на сыпавшиеся на них со скалы удары, они устремлялись все дальше и дальше и оттеснили со скалы неприятельское войско. (13) Осажденные, покинув помогавшую им скалу и войдя в укрепление, дали возможность подняться сюда остальному ромейскому войску. Овладев укреплением скалы, ромеи с необыкновенной силой осадили крепость. (14) Находящиеся в крепости, стоя у бойниц, были не в состоянии прогнать вражеское войско, не имея возможности выдержать бесконечное количество стрел, и, собравшись все вместе, внезапно вместо своих лиц показали им спины. (15) Был один человек, по имени Сапир⁸⁰, физической силой похожий на восплаемого у Гомера Тидея⁸¹, разумом же превосходящий и этого Тидея (духом он был Геракл, и даже, если кто-нибудь превосходил его силой, я не задумываясь поставлю Геракла на второе место по доблести, так как у меня нет другого сравнения); этот Сапир, захватив с собой заостренные кольца, вставил их в стену и с их помощью поднялся кверху. (16) Воткнув один кол в паз стены башни (крепость была выстроена из твердого камня), он встал ногой на этот кол, потом, воткнув, как какую-нибудь шпору, другой кол, встал на него другой ногой, затем, крепко держась за выступающие камни руками, он так хитроумно собирался совершить восхождение. (17) Так как осажденные не могли выдержать столь многочисленных падающих на них стрел, то этот храбрый Сапир уже крепко держался за зубец стены. И укрепление было бы взято при первом этом натиске, если бы не появился внезапно некто из персидского войска и, схватив один из больших камней, лежавших перед укреплением, не столкнул вместе с ним этого храброго героя со стены. (18) Сапир покатился вниз вместе с этим камнем, “в прах рухнулся вниз головой и, упавши на

темя и плечи, в песок погрузился глубокий”, по гомеровскому описанию этого несчастья⁸². Однако он не разбился насмерть: товарищи по боевой жизни приняли его, раненного, на свои щиты и спасли: железные наконечники копий и стрел покололи его очень мало. (19) Но он с упорством захотел снова приняться за то же дело и опять быстро стал подниматься кверху, словно цепкими щупальцами схватившись и крепко держась за зубцы стены. (20) Но его противник-перс учинил против него второй, как две капли воды похожий коварный поступок: так как недавно под ударами римлян этот зубец распался, то он толкнул его, заставив вместе с ним скатиться вниз и этого героя. (21) И вот этот смелый, готовый на всякую опасность воин скатился вниз, держа в своих объятиях эту бойницу, как дорогую любовницу. Со страхом смотрели сотоварищи на этого дерзновенного мужа и применили к нему те же средства спасения, как и в первый раз. (22) И вот раненый, уцелев от этого второго падения, с радостью бросается в третий раз на этот подвиг, как будто какая-то непобедимая божественная сила толкала его на это трудное дело. (23) Поднявшись, наконец, и вступив на самый венец укрепления, он извлек меч и убил того самого перса – хищника своей доблести и, срубив с плеч его голову, бросил в ряды осажденных. Увидя происшедшее, ромеи воспрянули духом и ринулись в опасность. (24) Один из братьев этого Сапира (он был из них по возрасту старший), явившись свидетелем доблести брата, тотчас же почувствовал желание соревноваться с ним; повторив подвиг брата, он поднялся сам, затем за ним – третий, а за этим – очень многие другие. (25) Таким образом, захватившие укрепление спустились на веревках и разбили ворота, так что могло войти туда и все остальное ромейское войско. Итак, оказавшись более сильными, чем враги, они овладели крепостью и одних из них убили, других сохранили и назначили им судьбу пленных. Увезя отсюда богатства в качестве добычи, они оставили сторожевой отряд в укреплении. (26) С наступлением зимы Филиппик возвратился в Константинополь, оставив стратигом Ираклия. Тут Ираклий стал наказывать тех, которые ушли из римского войска. И тех, которые, сказав “прости” трудам, без толку переходили то туда, то сюда, он приводил в разум, применяя к ним пытки.

Книга III

5. (1) В это время были совершены против мидян деяния, вполне заслуживающие описания. Прибавим же к нашим сладкогласным повествованиям и эти красивейшие эпизоды, как некое ожерелье из драгоценных камней, очам разума услаждение, для ушей, так сказать, радость и увеселение. (2) Есть укрепление, имя которому Гилигердон; оно было выстроено в глубине мидийской земли, в местности, называемой Бизая, недалеко от города Бендосабор; в нем есть тюрьма – варвары называют ее Летою⁸³. (3) Как земля для бога, так это место служило для царского гнева, и если бы кто назвал эту крепость юдолью несчастья, не ошибся бы в истинном ее наименовании. Сюда заключаются те, кто попадает в сети царского гнева, будь ли то его подданные или военнопленные. (4) Когда Юстин-младший⁸⁴ правил Ромейской империей, персидский царь покорил город, называемый Дара⁸⁵. И вот по воле царя жители Дары стали обитателями этого укрепления. (5) Жили там и кадасины⁸⁶, одно из варварских племен Мидии, а равно и другие, которым выпало на долю испытать тяжелую судьбу, и всему этому стечению несчастных людей крепость давала приют. (6) И разноплеменных людей общие несчастья объединяют в согласную семью; и тех, кого и происхождение, и закон, и язык разобщил, соединяет общность страданий, вызвав единомыслие братством неизбежных бедствий. (7) Зачинщики этого храброго дела были жители Дары. Быстро схватив первое попавшееся оружие, они убили сторожей. Когда избиение разгоралось все сильнее и сильнее, так как войско, охранявшее крепость, было велико, ромеи одержали верх. Они увели с собой из крепости своих товарищей по несчастью и, испытав много бедствий и причинив их сами, возвратились в ромейскую землю⁸⁷.

(8) В то время как ромеи были свидетелями таких блестящих триумфов, у них готовился еще бой под Мартирополем, как я уже раньше сказал об этом. Во время этого боя Марузас, персидский военачальник, пал и были взяты в плен командиры двух флангов, а голова военачальника Марузаса была отправлена в Византию. (9) Филиппик все еще не признавался ромейским войском и был лишен звания стратига. Воины не хотели принять к себе в качестве полководца того, кто недавно у Арзамона проявил свою храбрость и военные способности; ведь толпа бывает всегда пере-

менчивой и быстро поддается чувству ненависти. (10) Когда Филиппик все еще находился среди поселков Киликии, письмами императора он был вновь направлен в Сирию. Там с трудом он был принят ромейским войском; примирил вождя с войском Григорий, занимавший в то время архиепископский престол в Антиохии⁸⁸. (11) В это время был захвачен персами Мартирополь⁸⁹, но не в соответствии с законами войны, а хитростью и изменой, к чему обычно скрытно прибегают те, которые не могут добиться победы над противником в открытом бою. (12) Это предательство осуществил Ситтас. Перебежав к персам, он подготовил их вооружить четыреста человек из варварского войска, сделать вид, что они собираются перейти на сторону ромеев, и таким образом явиться в город. (13) После этого тот же Ситтас убедил горожан принять к себе варваров как перешедших на сторону ромеев. Когда произошло это неожиданное несчастье, варвары захватили город. (14) Узнав об этом, Филиппик двинулся походом к Мартирополю и стал около города укрепленным лагерем. В ответ на это двинул сюда свои войска и персидский царь, назначив командующим Мебода, сына Сурена⁹⁰, – высокие звания у персов переходят от отца к сыну. (15) Так как у Мебода было недостаточно сил, то персидский царь послал еще Афраата, которому, было поручено ведение войны с Арменией. Когда началось сражение, ромеи были разбиты, оказавшись не в состоянии достигнуть поставленной цели, и победа осталась за варварами⁹¹. (16) К тем персам, которые стояли гарнизоном в Мартирополе, прибавились новые силы, и город усиленно охранялся ими. Что касается Филиппика, то он тотчас же был снят с командования, и стратигом император назначил Коментиола.

6. (1) Стратиг тотчас же прибыл к персидской границе и около Нисибиса (так называлась прежняя Антиохия в Мигдонии) вступил с персами в бой у так называемого Сисарбана⁹². (2) Едва бой начался, как Коментиол показал тыл, и затем началось страшное бегство, которое в полную силу продолжалось вплоть до Феодосополя. Но здесь Ираклий, отец императора Ираклия, показал в высшей степени выдающуюся военную храбрость и, безусловно, заслужил в этом бою славу военной доблести. (3) Был убит начальник персов, тот Афраат, о котором было сказано выше (Мебод еще в битве против Филиппика был

убит ромейской стрелой). Так как вследствие бегства персов слава победы перешла к ромеям, то, естественно, они сняли с убитых варваров оружие, которое стало достоянием победителей. (4) На следующий день ромеи подошли к их лагерю и овладели им. Как доказательство своей победы, они послали императору из своих трофеев золоченые мечи, персидские тиары и пояса, покрытые драгоценными камнями (они украшены у них жемчугом), послали они и боевые знамена, которые ромеи на своем родном языке называют банда. (5) Император, получив от стратига эти победные приношения, очень радовался и веселился. Он велел устроить конные состязания и разрешил народу пляски и веселье, как это обычно бывает у ромеев, когда они справляют праздники⁹³. (6) Так как в своем изложении я окончил рассказ об Афраате, теперь я перейду к деяниям ромеев под Сванией, посадив эти новые цветы на лугах истории. Так ведь и художники, закончив главные и наиболее яркие части своих произведений, не прекращают работу, пока не отделают на своих картинах все до мельчайших деталей. (7) Шел же восьмой год правления императора Маврикия, когда Варам⁹⁴, предводитель персидских войск, с большими силами варваров был направлен персидским царем Хормиздом⁹⁵ против Свани. Так как вторжение персов было неожиданным, последовало то, что было заслужено небрежностью. (8) Свания была жестоко опустошена, и зло было невыносимым; не было никого, кто стал бы ее предводителем, так как вся Колхида была лишена военного командования, как сирота без своего попечителя; на востоке грозно вздымались волны войны. (9) Дело в том, что, когда гунны, живущие на севере восточных областей (персы обыкновенно называют их тюрками⁹⁶), были, как говорится, наголову разбиты Хормиздом, царем парфян, Варам перенес войну в Колхиду. (10) Поэтому значение персидского царства поднялось настолько высоко, что гунны были обложены данью со стороны вавилонян, тогда как прежде эти же гунны заставляли мидян заплатить им под предлогом сохранения спокойствия сорок тысяч золотых⁹⁷. (11) Когда таким образом правительство тюрков обогатилось золотом персов, все это племя предалось великой роскоши: они выковывали и чеканили себе золоченые ложа, столы, кубки, кресла и подставки, делали из золота конские украшения и полное вооружение себе и все то, что приходит на ум в опьянении богат-

ством. (12) Впоследствии, когда тюрки нарушили договор и потребовали взноса денег в большей сумме, чем было установлено, причем это увеличение было очень тяжелым, и так как персы не желали нести этой добавочной дани, началась война. (13) Тут персы одержали блестящую победу⁹⁸, а вместе со счастьем потекли назад и богатства. Обложенные данью персами, тюрки лишились и тех богатств, которые у них были собраны раньше. (14) Вновь расцвели дела персов, и Хормизд мог воздвигнуть свои славные трофеи. В качестве добычи он забрал золотые ложа, столы и кресла, конские украшения и все то, взять что считается честью для новых захватчиков. (15) Когда дела с тюрками устроились у него, как ему хотелось, поскольку для персов миновала опасность войны со скифами, он простер свой меч и над Сванией. (16) Прославленный войной против тюрков, Варам обратился против Свани; овладев блестящей добычей и отправив ее в вавилонскую область, он направился с войском к реке Араксу, которую варвары называют Эрасом. (17) Услыхав о случившемся, император поручил Роману ведение войны. После того как стратиг прибыл в Колхиду, которую на обычном языке называют Лазикой, и посоветовался с местным иерархом, он двинулся с войском в самую Албанию⁹⁹.

7. (1) Услыхав о прибытии ромеев, Варам очень обрадовался. Он хотел сражения с ними, полагая, что ему всегда будет улыбаться счастье. (2) Поэтому, перейдя соседнюю реку, он стал отступать к Канзаку¹⁰⁰, как будто увлекая за собой римлян в глубь Персии. (3) Роман, заметив это, очень хотел отступить назад, действуя в своей предусмотрительности так, как будет полезнее. Когда среди войска поднялся ропот недовольства и оно, негодуя, требовало дальнейшего наступления, стратиг разумными словами успокоил поднявшиеся волны солдатской дерзости. (4) Кроме того, он послал пятьдесят вооруженных воинов выследить передвижение врагов. Они встретили двух персидских лазутчиков, одетых в ромейскую одежду. Последние обманули, как баранов, взявших их в плен и, убедив, что они ромеи, спасли себя от опасности. (5) Они также убедили ромеев в справедливости своих слов, обещая пробраться ночью по какой-то обходной тропинке и показать им неприятельское войско, лежащее на своих подстилках без всякой охраны. (6) Воины, на гибель себе, охотно приняли это предложение и, обманутые этим

обещанием, были живыми взяты в плен персами и подвергнуты пытке. Отвечая на поставленные вопросы, они все открыли Вараму: и как ромейское войско не решилось войти в персидскую землю, и как мало в нем боевых сил. (7) Когда они были взяты в плен, трое из них спаслись и сообщили Роману об этом несчастье. А в это время Варам, перейдя через реку, вновь опустошил ромейскую землю, а предводитель ромеев вновь отступил. (8) Заметив это, варвары напали на ромейские войска. Стратиг Колхиды, собрав войско, стал допытываться, каково настроение у ромейских воинов и хватит ли у них мужества для сражения. (9) Так как ромейское войско было охвачено воодушевлением и решимостью к бою, ромейский стратиг отделил самых сильных воинов от ленивых и медлительных и боеспособных взял с собой, а остальным велел охранять лагерь. (10) Его боевая сила достигала десяти тысяч; двум тысячам из них полководец велел двинуться вперед. Они встретились с выступившей вперед персидской фалангой и, храбро сражаясь, всю ее истребили, так как там были отвесные кручи, которые сделали для варваров отступление безнадежным. (11) Началось настоящее преследование варваров, продолжавшееся вплоть до персидского лагеря, так что даже Варам был поражен исходом этого дела. Передовой отряд ромеев вернулся к своим главным силам. (12) Когда это стало известно ромейскому стратигу, Роман, хотя ромейское войско и стремилось скрестить свое оружие с мидийцами, все же предпочел спокойствие и не вступил в сражение из страха перед бесконечным множеством собранных здесь варваров. Но, не имея возможности сдерживать уздой повиновения подчиненное ему войско, воспламененное недавними подвигами, он велел войску вооружаться к бою. Одновременно против него выступило и варварское войско. (13) Оба войска остановились на равнине Албании; их боевые ряды разделял глубокий рукав реки Аракса. Отряды, стоящие по берегам на той и на другой стороне реки, протекавшей между ними, обменивались друг с другом [вызывающими] речами. (14) На третий день к Роману явился вестник от персидского войска, вызывая ромеев на сражение и предлагая им дать возможность персам перейти реку, иначе варвары предоставят такую же возможность ромеям. (15) Тогда Роман, облеченный всей полнотой власти над ромейским войском, созвав собрание всего войска, счел нуж-

ным спросить у воинов, что, по их мнению, будет полезно для битвы. Они посоветовали стратигу дать возможность врагам перейти через реку. На следующий день слова были претворены в дело. (16) Немного времени спустя оба войска приготовились к бою. Когда Варам попытался прибегнуть к военной хитрости, против его ухищрений Роман пустил в ход свою прозорливость. (17) На пятый день и ромеи и мидийцы вооружились к бою. Их войска были расположены тремя отрядами. Ромейский отряд стал теснить находящийся против него центр варварского войска. Тогда, боясь, как бы ромеи не обрушились всеми своими силами, Варам перебросил сюда подкрепления с левого фланга. (18) Когда вследствие этого его левый фланг оказался слабее стоящих против него ромейских сил, волна жестокого избиения прошла по рядам персов, и дела у Варама пришли в крайне тяжелое положение: все войско парфян обратилось в бегство, а ромеи с великою для себя славою далеко преследовали их. Так закатилось счастье Варама вместе с его самомнением. (19) Тогда в одних возобладало стремление к бегству, у других, так сказать, возросла смелость. С убитых персов ромеи сняли доспехи, а их тела, не удостоившиеся чести погребения, тут же стали добычей диких зверей¹⁰¹.

9. (1) Но прежде чем я начну подробнее рассказывать о том, что было совершено Варамом и что случилось, когда Хосрову-младшему пришлось искать убежища, я вернусь в своем повествовании ко времени правления Юстина-младшего, немного отступив назад в своем рассказе. (2) Таким образом, я расскажу о причинах этой старинной персидской войны. В то же время я избавлюсь от пропусков, что немало украсит картины моего исторического рассказа.

(3) После того как император Юстиниан после тридцатидевятилетнего правления державой ромеев переселился туда, где нет скорби и печали¹⁰², преемником его по управлению делами явился Юстин-младший¹⁰³; он был племянником императора Юстиниана. (4) И вот, на седьмом году правления Юстина-младшего¹⁰⁴, по легкомыслию императора нарушили договор с персами, и счастливое время мирного существования было нарушено и уничтожено: в жизнь ромеев и мидийцев вторглась война, этот источник бедствий, основной нарушитель жизни; и если бы кто-либо назвал ее причиной гибели человеческих

дел, тот не ошибся бы и дал бы ей точное имя. (5) Этот мирный договор, заключенный между ромеями и персами, был нарушен и расторгнут по великой глупости императора. Отсюда пошло у ромеев изначальное зло. (6) Ромеи обвиняли в этом персов и всюду провозглашали их виновниками войны, говоря, что они подстрекали к отпадению гомеритов¹⁰⁵ – это было индийское племя, подчиненное ромеям; так как они не поддались на уговоры, то им пришлось претерпеть много тяжелого от нападений персов, и из-за этого, по их словам, был нарушен мир между персами и государством ромеев. (7) Кроме того, сердясь на них, ромеи говорили, что когда тюрки впервые отправили к ним послов, то персам удалось подкупить аланов деньгами, чтобы они убили шедших через их область к ромеям послов и тем добились затруднения в их сношениях¹⁰⁶. (8) Поэтому ромеи с большой охотой взялись за эту войну, и из-за этих ничтожных и легко устранимых недоразумений они сами себе придумали повод для великих бедствий; эта жажда войны не принесла им никакой пользы. (9) Со своей стороны индийцы, заявляя всюду, что ромеи – виновники и зачинщики этой войны, выставляли против них следующие обвинения: прежде всего, что ромеи подчинили себе Армению, находившуюся в области, которая считалась подчиненной персам, и стали действовать деспотически, убив Сурена, назначенного персидским царем климатархом Армении¹⁰⁷. (10) Затем они жаловались, что ромеи не желают им платить ежегодно по пятьсот фунтов золота, как было установлено и на что согласился по договору император Юстиниан¹⁰⁸, – ромеи считали недостойным для себя быть обложенными такой данью со стороны персидского царя. (11) А дело, по их словам, обстояло не так, но золото это выдавалось в качестве общей уплаты за охрану тем гарнизонам, которые сторожили их общую границу, для того чтобы необузданные силы бесчисленных соседних племен не имели возможности наводнять эти места и оба государства были избавлены [от опустошений].

17. (1) И вот, возложив на себя венец владык, Хормизд в своей хвастливой надменности уничтожил то, что было в обычае, а именно – отказался послать извещение о своем провозглашении, считая императора Тиверия не равным и не достойным себя. (2) Император предложил Хормизду прекратить войну и заключить договор о мире на равных для обеих

сторон условиях; он же, обойдясь с послами с великой гордостью, открыто требовал от римлян дани¹⁰⁹, настаивая на том, чтобы Армения и Иверия были под его властью и чтобы ромеи сами на это согласились, чтобы кесарь в дальнейшем не требовал от него возвращения Дары, хотя его отец Хосров хотел заключить мир с ромеями на равно приемлемых для обеих сторон условиях и считал правильным вернуть Дару под власть ромеев. (3) Когда императору Тиверии стала ясной такая наглость Хормизда, то с наступлением лета¹¹⁰, вновь собрав войско, Маврикий предпринял вторжение в Персию, послав Романа и Теодориха, а равно и Мартина на ту сторону Тигра, чтобы разграбить мидийскую землю. (4) Они напали с большим отрядом войска и опустошили все плодородные и наиболее цветущие области Персии; проводя все летнее время в избиениях персов, они жестоко разорили посевы и насаждения мидийских областей. (5) Ромейский главнокомандующий с наступлением зимы удалился в Кесарию в Каппадокии. Когда же вновь наступило лето¹¹¹, он опять прибыл на восток и явился со всем войском к ромейскому городу Киркенсию. (6) Затем он поспешил проникнуть в Вавилонию через пустыни Аравии, с тем чтобы обмануть неприятеля и скрыть от него свое предприятие таким хитрым ходом. (7) В этом походе его сопровождал правитель здешних кочевников-варваров по имени Аламундар¹¹²; говорят, что он же дал знать персидскому царю о походе ромеев. И естественно. Ведь племя сарацин – самое неверное, готовое служить то одному, то другому, умом грубое и в отношении честности и благоразумия совершенно ненадежное. (8) Поэтому персидский царь направил главный удар на город Каллиник¹¹³, назначив начальником войска даровитого полководца по имени Адормаан. (9) Когда, таким образом, Аламундар, наподобие трутня, уничтожил мед в ульях пчел, иными словами, перевернул все планы Маврикия, напрасными оказались передвижения ромеев и весь их поход на мидян; они спешно возвратились назад, чтобы потушить пожар собственных своих бедствий. (10) И вот ромейский вождь, предав огню те барки с продовольствием, которые следовали за ним по реке Евфрату, сам с отборными отрядами возможно скорее двинулся к городу Каллинику. (11) Когда парфянские отряды вступили с ним в рукопашный бой, ромейское оружие одержало верх. Последовало бегство

персов, в результате чего приостановились эти насильственные действия.

18. (1) В следующем году вождь мидийцев Тамхосро, собрав большие силы мидийского войска, двинулся к Константине¹¹⁴. И в этом году произошла более сильная, чем какая-либо другая известная битва между ромеями и парфянами. (2) Полководец мидийцев, сражаясь в первых рядах войск, расстался с жизнью от удара копьем; варварское войско плохо повело бой, и ромеи одержали победу. Варварам пришлось вернуться в свою страну, вместе с поражением унося с собой позор. (3) Стратиг, укрепив все, что внушало опасность в крепостях, вернулся в Византию¹¹⁵. Так как императора Тиверия постигла общая для всех нас участь – конец жизни, Маврикий, как блестящую и заслуженную награду за свои подвиги, получил власть над империей ромеев¹¹⁶; законно облеченный ею, он сложил с себя свое прежнее звание. (4) То, что было потом совершенно ромеями и персами, я уже описывал в прежних книгах. Таким образом, я могу теперь идти непрерывным путем повествования и, обогнув немного отступающий рассказ, направиться к непосредственно следующей и легко обозримой мете на нашем ристалище; здесь я сделаю маленькое отступление, чтобы упомянуть в середине рассказа о том, что произошло в это время с Варамом. (5) Но прежде я считаю нужным рассказать, откуда он родом, каково его происхождение, как он поднимался по ступеням судьбы, как он мало-помалу совершал свои подвиги, – рассказать все это коротко, чтобы весь дальнейший рассказ был связным и законченным.

(6) Слышал я от одного вавилонского священнослужителя, очень хорошо знакомого с государственными актами царских пергаментов, что Варам был родом из так называемой Разакенской области, из рода Миррама, что он был тот самый тиран, который был причиной низложения жестокого Хормизда. (7) Он говорил, что у мидян есть семь родов, которые ведают делами, требующими прозорливости и считающимися наиболее важными; что они

получили это право по древнему закону и что иначе дела идти не могут. (8) Говорят, что один род – Арсакидов¹¹⁷ – имеет право на царскую власть, и он возлагает на царя царскую диадему, второй стоит во главе военных дел и назначает военачальников, третий ведает государственными делами, (9) четвертый разрешает споры относительно мятежей и среди нуждающихся в водворении порядка, пятый является руководителем конницы, следующий за ним ведает сбором податей с царских подданных и наблюдает за царской казной, седьмой заведует изготовлением оружия и военного одеяния; считается, что этот закон был введен в персидском царстве Дарием, сыном Гистаспа¹¹⁸. (10) Говорят, что Варам происходил из дома Миррама, из рода Арсакидов, и вначале был зачислен в отряд царских телохранителей и немного спустя, командуя отрядом конницы, ходил походом вместе с Хосровом, сыном Кавада, когда вавилоняне осадили и взяли Дару – скипетр Ромейской империи был тогда в руках Юстина-младшего. (11) Вместе с персидским царем Хосровом-старшим Варам совершил вторжение и в Армению; прославившись своими подвигами на войне, он немного времени спустя был назначен главнокомандующим персидского войска. (12) За короткое время судьба столь высоко подняла его, что он получил звание даригбедума царского стола (ромеи называют его куропалатом). Из-за этого им овладело великое безумие и вследствие своих побед над тюрками он исполнился великими и неудержимыми желаниями, чреватými стремлениями к власти. (13) Как искру под пеплом скрывая свое желание причинить огорчение царю Хормизду, он хитро приводил в ярость войско, придумывая, что будто бы персидский царь гневается на свою армию, грозит даже смертью вавилонскому войску за поражение, понесенное им в битве у Свани. (14) Он сообщал ему и выдуманные постановления Хормизда, в силу которых якобы уменьшались сравнительно с обычаем раздачи войскам из царских запасов. Из-за этого в войске росло возмущение и расшатывалась дисциплина.

Книга IV

3. (1) И вот Зоараб (это был один из вождей дилимнитского племени¹¹⁹), а также Сарам-младший, который в это время числился среди копьеносцев военачальника, а впоследствии был начальником телохранителей царя Хосрова, стремясь к другому положению и жаждая переворота, составили между собой

заговор, скрепленный взаимными клятвами. Они убили ферохана, явившись внезапно ночью, когда решительно никто не мог его защитить. (2) После этого все бросились грабить имущество военачальника. На пятый день пришло к персидскому царю известие о том, что недавно случилось с главнокомандую-

щим. (3) Пораженный непрерывным ростом несчастий, Хормизд уехал из Мидии, в которой жил, и направился в Ктесифон¹²⁰. Собрав оставшиеся силы, он позаботился, насколько возможно, поставить вокруг себя охрану. (4) Узнав о случившемся, жители подчиненных царю городов, чрезвычайно потрясенные переменами, не знали, что и делать: неожиданный и невероятный слух обычно приводит души в смущение, а затем, поразив слушателей, производит полную неразбериху в их мыслях. (5) На третий день произошло вот что: некий Биндой, сын Аспабеда¹²¹, по происхождению близко связанный с персидским царем Хосровом, закованный в цепи, сидел в тюрьме, несправедливо наказанный Хормиздом. Его брат Бестам вывел его из-под ареста, причем никто ему в этом не помешал. (6) Когда Биндой, наконец, избавился от несчастий и обрел покой, толпа воинов из войска ферохана, ворвалась в третьем часу во дворец и застала там Хормизда¹²². (7) Он сидел на царском троне в роскошной царской одежде. На его голове была золотая тиара, украшенная драгоценными камнями, – вделанные в нее, они сияли блеском рубинов; она была обильно осыпана жемчугом, словно весеннее поле, так что глаза зрителей, пораженные блеском драгоценных камней, можно сказать едва сами не обращались в камни, не будучи в силах вдоволь на них насмотреться. (8) Его царские шаровары, шитые золотом, вышли из рук искусного ткача. Его верхняя одежда была так роскошна, как только могло требовать стремление к пышности. Царь спросил Биндою: как удалось ему уйти из-под стражи? Что это за дерзкая суматоха и что означает эта толпа воинов, так близко его окружающая? (9) Он же во всеуслышание, обращаясь к царю, стал бранить и поносить Хормизда, и ничто не могло заставить его замолчать, но вследствие беспорядка дерзость его речи оставалась безнаказанной. (10) Так как никто не поднимал ропота против Биндою и не нашлось никого, кто из уважения к царскому достоинству упрекнул бы его за это, то Хормизд спросил важных лиц, бывших там, нравится ли им происходящее. (11) Когда все подняли крик против Хормизда, Биндой, взяв за руку Хормизда, свел его с трона, сорвал с его головы диадему и отдал его под стражу телохранителям. (12) Так совершенно изменилась судьба Биндою, а Хормизд за то, что он сделал, понес наказание, поняв, что не следует обижать тех, которые тебе не сделали ничего плохого. (13) Его сын Хосров,

услыхав, что Хормизд лишен царской власти, покинул те места, где он обычно жил, и в страхе перед постигшими Хормизда опасностями бежал в Азербайджан, подумывая, как бы и его не коснулись последствия этого несчастья¹²³. (14) Но Биндой выследил движение Хосрова; и вот, когда Хосров был у него в руках, он, взвесив положение дел, счел нужным, чтобы тот вернулся и занял царский престол. (15) Таким образом, Хосров, приняв в качестве залога своей безопасности клятву верности, вернулся во дворец. На другой день Хормизд, послав из своей тюрьмы вестника, заявил, что он хотел бы сделать сообщение, которое принесет пользу персидскому государству, и просил явиться к нему сатрапов и занимающих высшие должности и считающихся знатными, а также всех царских телохранителей. Он говорил, что его заявление касается немаловажных дел. (16) Когда об этом было дано знать знатнейшим из варваров, было назначено собрание во дворце. Хормизда привели из тюрьмы, чтобы он объяснил цель своего заявления. Когда все созванные столпились во дворце, Хормизд, став посреди- не, так начал свою речь.

4. (1) “Присутствующие! Если бы вы не были причиной несчастий своего царя, вам, конечно, не пришлось бы видеть его выступающим среди толпы с защитительными речами в качестве пленника. О вы, ныне гордые враги мои, а совсем еще недавно подданные, со страхом повиновавшиеся мне. (2) О вы, зрители всего этого! Не являться бы вам сегодня сюда исполнителями и свидетелями таких преступлений! Если позволят мне слезы, я произнесу речи, которые будут снова сопровождаться слезами. (3) Я вижу, как вы наслаждаетесь несправедливостями, рукоплещете, скрежещете зубами, вижу на лицах ваших одновременно издевательство и лицемерие, слышу безудержный смех и непрерывные оскорбления и, если я не ошибаюсь, вы даже всеми чтимый закон царской власти обратили в детскую игрушку. (4) Вот я здесь перед вами, тот, кого недавно еще вы почитали, как бога, и которого теперь, как пленника, стегают розгами; тот, кто недавно был облечен в пурпур, теперь стоит перед вами в гнилых лохмотьях; кто в роскоши был украшен золотом и жемчугом, теперь страдает под тяжестью железных цепей и подвергается глумлению. (5) Раньше волосы его были убраны и умащены благовониями, ныне он позорно обезображен: спутаны его волосы от грязи и

пыли, от соли слез огрубело лицо его; тот, кому раболепно служили и готовили десятки тысяч блюд, ныне живет голодный, можно сказать, лишенный хлеба насущного. (6) Кто жил во дворцах с золочеными потолками, роскошествовал на золотых ложах, облакался в дорогие одежды, ныне заключен к тюрьму, брошен на голую землю, не имея даже лоскута дешевого одеяния. (7) Мало того, что вы сегодня безбожно поступили по отношению ко мне, я вижу, вы в грязь затоптали славу и честь также и моих предков, которым вам следовало бы воздавать бессмертные почести, а их потомкам поклоняться, как богам. (8) Но, так как у вас ниспровергнут закон природы, установленные права устранены силою, монархический образ правления затоптан в прах, уничтожены всякое право и управление, забыта благодарность как воздание за услуги в течение прежней жизни, я не забуду о своем царском долге, но, побуждаемый расположением и любовью ко всему своему народу, изложу то, что будет полезно для всего персидского государства. (9) Вы, сатрапы, и все, кто собрался здесь в царских палатах, примените всю силу своих постановлений против насильственного захвата власти, не допустите, чтобы в дальнейшем подвергалась унижению держава столь высокая и могущественная, столь древняя и грозная для всех людей вселенной. (10) Если вы этого не сделаете, вы разрушите великое царство, заставите упасть воздвигнутые великие трофеи, вы низвергнете с высоты величайшую славу, вы дадите разгромить непобедимую монархию и в результате всего этого вы, персы, лишитесь великого счастья, когда сила и свобода ваши будут уничтожены, когда законы, касающиеся права царской власти, будут устранены узурпатором. (11) Мятеж есть начало беспорядка, все беспорядочное порождает анархию, анархия же, берущая свое начало из незаконного захвата, – начало распада; она ведет к многовластию, все добрые установления прошлого превращает во зло; разрушив единство и гармонию управления незаконностью власти и разногласиями мятежа, она позволяет все испытывать и совершать тем, кто стремится к насильственному захвату. (12) Корабль царства, управляемый многими веслами, может быть потоплен небольшим утесом, торчащим из моря, если примутся за работу кормчего многие с различными стремлениями, когда каждый будет стремиться направить корабль в своих личных интересах. (13) Если вы не

уничтожите захватчиков власти, вы отдадите государство в рабство, станете игрушкой для других племен и вследствие неупорядоченности вашей жизни вам выпадет жребий быть легко завоеванными. (14) Варам еще твердо стоит на своих ногах, еще горд своим оружием, еще полон надменности; идя войной, он занес над Персией свой нож. Пусть он умрет и станет добычей диких зверей, пусть труп его не удостоится погребения в могиле и да не скроется в глубинах земли его гнусная душа. Да не венчает царская диадема голову Хосрова. Не царственной он души, не украшен он мыслями правителя, его образ мышления не соответствует царскому достоинству. (15) Не сдержан он в своих стремлениях, безумен в гневе, нет человеколюбия в его глазах, не умеет он показать себя достойным уважения, руководясь законами разума. По характеру он высокомерен, предан страстям и любит удовольствия; сравнительно со своими желаниями, все остальное он ставит на второе место, не думает о том, что будет полезно, не принимает во внимание добрых советов, отвергает все честное и благородное, им владеет алчность, любит он ссоры и войну и не желает слышать о мире. (16) Сейчас в своей речи я предлагаю вам выбрать царем хорошего юношу, который является моим сыном; он по природе – брат Хосрова, но не брат ему по образу мыслей. (17) Разве я не привел дела персов в отличное состояние, когда, стоя у кормила государственного корабля, с величием духа правил Вавилонией? В доказательство моих слов можно привести тюрок, которые платят нам дань, дилимнитов, склонивших перед нами и свое оружие и свои выи; ромеев, потерявших знаменитые города и оплакивающих теперешнюю свою судьбу, так как лишились они своих прежних успехов. (18) Все это сделал я, испытав многие трудности в условиях, когда счастье переменчиво и непостоянно. В вашей воле – держаться ли того направления, которое вам принесет пользу, или же, презрев прекрасное, отвергнуть мои последние заботы и предаваться печали в раскаянии за недавние ошибки, совершая которые, вы сами колебались, как вам поступить”.

5. (1) Когда Хормизд закончил свою речь с ее упреками и поучениями, перс Биндой, разразившись неумеренным смехом, послал к черту¹²⁴ Хормизда и все его высказывания, а затем, став посредине, обратился к собранию с следующими словами: (2) “О вы, дорогие мои соплеменники и союзники и враги тира-

нии, если вы еще не хотите выносить предписывающих вам законы тиранов. И теперь еще этот тиран, став частным человеком, продолжает свои беззакония. (3) Он облакает себя правом властных слов, пытается вам приказывать и, выступая с простой речью, говорит вам, как царь; он законодательствует со своей кафедры, обвиняет вождей, высказывает нарекания на государственный строй, назначает для вас будущего монарха (4) и считает, что все у него в руках, – даже щедро сыплющий своими видениями сон не может одарить этим тех, кого он хочет обмануть. Он даже не может понять, насколько не подходит роль советника, высказывающего свои мнения, тому, кто устроил так неудачно собственные дела. (5) Откуда возьмет он твердое и заслуживающее доверия доказательство своих слов? Или он хитро придумал ручаться нам своей судьбою, желая увидеть нас такими же, как и сам он, – в цепях и в тюрьме, – и невинных сделать соучастниками тех же несчастий; ведь мы, находясь под его деспотической властью, не участвовали в его прегрешениях. (6) И как у него повернулся язык говорить о насилии, у него, который ни одного закона персов не оставил без насильственного изменения, кто правил как злейший разбойник, кто свою царскую власть изгадил насилием, кто все время своего правления отметил дождем убийств, кто, можно сказать, осушил Тигр, запрудив его телами казненных, кто в изобилии покрыл все могилами, кто меч свой наполнил кровью, кто создал безлюдие, чтобы, оградив малолюдством свои беззакония, на вечные времена получить право совершать насилия! (7) Только по-детски может рассуждать тот, кто не мог решить, что полезно в его собственных делах. Ступай прочь, Хормизд, со своими глупостями! Не философствуют, играя софизмами, деспоты после своего низложения, не законодательствуют, став подданными, не дают советов приговоренные к смерти. (8) И так как в дальнейшем тебе нельзя уже проявлять своего деспотизма над подданными, ты, несчастный, решил проявить свою злобу против своих детей и постарался обидеть старшего в пользу младшего; чтобы не было отдыха в его беззакониях.

(9) Ты говоришь, что тюрки платят нам дань, но сделано это не твоими трудами и не твоей прозорливостью. Это дело предвидения [вождей], это сделали своей смертью персы и славная доблесть предводителей. (10) Города и крепости, говоришь ты, нам отдали ромеи,

но не поверят тебе в этом персы: дела не согласуются с твоими словами. Разве они не стоят лагерем под открытым небом, смеясь над войной с нами, разве, врываясь, не производят они многократных избиений и не рассыпали своих фаланг по всей персидской земле? А из-за твоей любви к войнам никого не осталось, кто бы помешал им в этом. (11) Твои сокровищницы полны золотом, но и слезами полны города и чертоги, поля, долины и усадьбы. Для того чтобы и ты был исполнен этим несчастным благополучием, затопленный этими богатствами, судьба всех должна объединиться в одном несчастье. (12) Исчезни же отсюда и понеси наказание за свои беззакония. Гибель одного человека да будет учительницей добронравия, и для последующих поколений да послужит это в высшей степени правильным и спасительным законом. Провозглашение царем не дает права на наглую роскошь, но свидетельствует о незапятнанном превосходстве управления”.

6. (1) Собрание все время поднимало шум против Хормизда, оскорбляя его и не давая ему свободно говорить. Воспылав жестоким гневом, все свирепо глядели на него, раздражаясь все сильнее и сильнее, удивляясь, как глубоко вкоренилась в нем чванливая спесь и дерзость. (2) В порыве раздражения они вывели на середину сына Хормизда, этого несчастного юношу, и, потворствуя стремлениям своего гнева, убили его на глазах отца. (3) Не оттаиваясь на этом в своей жестокости, они привели жену Хормизда и, начиная с низа живота растерзали ее на части, и жесток был суд меча над ее телом. (4) Так на этом знаменитом собрании окончилась жизнь этой женщины с ее несчастным сыном, как будто в каком-то театре, дав тему для трагедии: а Хормизд, став непосредственным свидетелем этого несчастного события, затем получил еще на свою долю ослепление – это было добавлением ко всем его бедствиям. (5) Раскалив железные иглы и долгое время продержав их на огне, они вонзили их в самый зрачок глаза и, со страшными мучениями лишив таким образом раскаленным железом Хормизда зрения, навсегда осудили его на вечную ночь. Они боялись, как бы он не убежал и не доставил затруднений персидскому государству, глубоко в душе храня память о том, что было сделано Кавадом¹²⁵, когда он потерял скипетр над персидской землей. (6) Этот Кавад был отцом Хосрова-старшего, некогда царствовавшего над персами. Так как это был человек, склон-

ный к убийствам и запятнанный кровью, и власть захватил силою, и царство персидское обратил в деспотию, то персы отстранили его от власти и, заключив в тюрьму, вскормили его на лоне несчастий. (7) Его жена часто и настойчиво ходила к нему, постоянно заботливо ухаживала за ним и, своими советами поддерживая его дух, убеждала разумно переносить эти действия злосчастной судьбы. (8) Стоявший во главе крепости, который в то же время был тагматархом и начальником гарнизона, влюбился в эту женщину. Услышав об этом, Кавад велел этой женщине разделить ложе с начальником гарнизона, воспользовавшись в этом море бедствий всяким представляющимся для спасения утесом. (9) После этого охрана ослабла, суровость наблюдения уменьшилась и вследствие потери бдительности надзор над арестованным стал производиться так, как свойственно рабам. Тогда Кавад, воспользовавшись такой выгодной для него переменной своего тяжелого положения и надев на себя одежду жены, вышел из тюрьмы, оставив там свою жену, одетую в его одежду. (10) Захватив с собой самого видного из своих друзей, Сеоса, он направился к племени гуннов, которых наша история неоднократно называла тюрками. Затем, принятый самым дружеским образом царем эфталитов¹²⁶ и собрав весьма значительные силы, победив в сражении своих противников, он вновь взял власть в свои руки и возвратился во дворец. (11) И вот Кавад по законам дружбы ответил Сеосу взаимным даром благодарности, блистательно наградив его высшими должностями, а со своими врагами, поступившими с ним так жестоко, со всей суровостью кроваво расправился. Так вот сатрапы персов, припомнив все это, лишили Хормизда зрения.

9. (1) Когда царь мидийский отправил такое письмо узурпатору Вараму, тот отовсюду стал собирать войска. Он набирает новое войско, вызывает тех, которые были в Азербайджане, тех, которые жили в областях по реке Забу, а также со всей поспешностью требует отряды, стоявшие лагерем под Нисибисом. (2) Когда созданные им войска собрались в одно место, он щедро роздал им деньги, а затем тут же назначил начальников, приказав Сараму быть командиром на правом крыле, Замерду – стоять во главе войск левого крыла, а Биндою велел взять на себя центр и наблюдать за арьергардом. (3) Поднявшись из своего дворца, персидский царь пришел на какую-то рав-

нину, по которой протекала река, разделяя два войска. (4) По берегам этой реки стояли войска обоих противников, и Хосров с Варамом обменивались многими речами с самого восхода до позднего вечера; но слова были напрасны, и так как нигде и ни в какой мере этим мирным переговорам не было суждено получить удовлетворительного завершения, то разразилась война, предвосхищавшая великие бедствия. (5) Начались быстрые набеги, метание копий и стрел – эти излюбленные на войне способы завязать сражение. Варам возвел ров и построил все, что служит для безопасности боевых сил. (6) Хосров же, не рискуя выстроить лагерь на равнине, в течение дня всячески явно показывал, что собирается вступить в сражение, с наступлением же ночи уводил свои силы в город и сторожил их там, держа взаперти. Прошло немного времени, и вследствие этого на войско Хосрова напало уныние. (7) Варам же, когда выяснилась робость стоящей перед ним силы, смело решил в дальнейшем не укрываться от боя; он не считал возможным допустить, чтобы его обвиняли в применении обмана, те, кого можно было победить открыто, и чтобы грязь коварства запятнала его триумф. (8) Предположив, что некоторые [из воинов] сочувствуют намерениям узурпатора, Хосров казнил их. На другой день он увидал, что его войска пали духом. Поэтому он решил бежать, подготовив сначала бегство своих жен. (9) При таком положении дел на седьмой день, так как Хосров уклонялся от открытого боя, Варам задумал произвести нападение на войска Хосрова в безлунную ночь. (10) В первый момент все были сильно поражены, затем внезапно раздался страшный шум. Враги сначала истребляли вьючный скот, а затем принялись уничтожать союзников Хосрова. Когда многие были убиты, настроение его войска изменилось, войско перешло на сторону Варамы и соединилось с его отрядами. (11) Не имея сил перенести столь большого несчастья, со всей быстротой ног, какая у него только была, Хосров бежал от этой великой и неожиданной опасности с несколькими, весьма немногочисленными телохранителями¹²⁷.

10. (1) Изгнанный из своего царства, он покинул Ктесифон и, переправившись через реку Тигр, колебался, не зная, что ему делать, так как одни советовали ему направиться к восточным скифам, которых мы привыкли называть тюрками, другие же – уйти в Кавказские или Атрапейские горы и там спастись

свою жизнь. (2) Раздумывая над этими советами, он был в нерешительности. Вполне естественно он положился в своем бегстве на бога, владыку всего сущего. Возрев на небо и убедившись в своем сознании в истинности творца мира, он отверг ложных богов. Не возлагая уже больше надежд на Митру, он тем самым смягчил всю остроту немедленно грозящей ему опасности и, переменяв веру, изменил к лучшему и свою судьбу. (3) Отпустив поводья и отбросив от себя искусно сделанные вожжи, он предоставил самому коню выбрать себе дорогу и направить всадника, доверив богу решение своей судьбы. Так представился благоприятный случай для быстрого приведения дел в порядок. (4) Эта царская лошадь повезла своего беглеца-всадника в пустыню. Перейдя через нее и проехав вдоль реки Евфрата, он прибыл к укреплениям Аббарону и Анафону – они находились во власти персов и платили им подати. Уйдя оттуда, Хосров прибыл в окрестности города Киркенсия¹²⁸. (5) Проведя ночь на расстоянии десяти миль от города, он отправил вестников в Киркенсий и дал знать о своем прибытии. Он сообщил об испытанных им недавно превратностях судьбы и о том, что решил бежать под покровительство императора; желая добиться возвращения домой, он просил дать ему союзное войско из ромеев. Наступила третья стража ночи, когда вестники подошли к воротам. (6) Когда послы сообщили стражам ворот, ведущих через стены внутрь города, то те, кому было поручено охранять ворота, быстро пошли к начальнику крепости и со всей поспешностью кратко сообщили ему о происшедшем. (7) Начальнику гарнизона было имя Проб. Ранним утром Проб пригласил Хосрова в город, принял его с почетом и любезностью, к его женам, имевшим при себе грудных детей, проявил особенное человеколюбие, а его телохранителей и окружавшую его свиту – их с Хосровом было тридцать человек – он устроил в высшей степени прилично. (8) На другой день Хосров, царь персов, попросил у Проба позволения послать кесарю письменное извещение и, написав свое царское письмо, отправил его ромейскому самодержцу через посредство Проба. (9) На другой день Проб уведомил Коментиола, который как главнокомандующий находился в Иерополе, о пребывании у него Хосрова; он послал к нему и письма от Хосрова к императору, написанные им с мольбой о помощи. Получив такие извещения, сообщенные ему в Иерополе Пробом, Ко-

ментиол поручил одному из скороходов доставить их императору. (10) Услыхав об этом, император Маврикий проникся радостью и окрылился великими надеждами; сломав персидские печати, он пожелал прочитать то, что было написано в самом этом послании. (11) Просьба персидского царя была высказана в следующих выражениях; я приведу здесь это прошение буквально в неприкрашенной форме его выражений, чтобы в простоте его слов мы как в зеркале могли увидеть его безыскусственную искренность...

12. (1) В то время как у кесаря шло обсуждение этой просьбы, переданной через послов Хосрова, Варам старался привлечь на свою сторону обходительностью и угодничеством сатрапов и виднейших лиц из Вавилонии. Захватив весь царский обоз, который бросил персидский царь Хосров; он сам направился во дворец¹²⁹. Выделив из войска лучших в военном деле людей, он послал их на розыски и приказал привести к нему связанным Хосрова. (2) В выполнении приказания Варама их постигла неудача, но им попался в руки Биндой, который пользовался особыми милостями Хосрова, царя персов. Со всякими оскорблениями заковав его в цепи, они на седьмой день привели его к Вараму. (3) Варам, желая добиться царской власти у персов, воспаленный любовью к ней, не раскрывал тайных планов своей души, боясь, как бы не уличить себя в том, что именно из-за этой цели им было сделано все то, что он совершил; (4) он хотел получить эту власть по решению собрания и быть провозглашенным властителем при помощи какого-то узаконенного насилия¹³⁰. Подобным путем он пытался представить свою царскую власть совершенно безупречной, а свое предприятие – неспособным вызвать злоумышления. (5) Что этот хитрый человек опрометчиво ни делал и ни задумывал, он не мог убедить [других] в том, что ему хотелось; сердился он и на магов, высказывавшихся против него. Так как его стремление никак не получало завершения, он решил действовать открыто. (6) Дело в том, что у персов был великий местный праздник, праздновать который в честь неба им предписывал очень древний и чтимый ими закон¹³¹. Надев царскую диадему, он сам себя провозгласил царем и возлег на золотое ложе, а варварам, бывшим под Мартирополем, велел крепко держать охрану крепости и совершенно не обращать внимания на Хосрова. (7) Этот приказ Варама стал известен ромеям, осаж-

давшим город: тот, кто нес этот приказ узурпатора, был взят в плен. (8) Между тем Хосров прибыл в так называемый Иерополь, и стратиг Коментиол не оставил его, тогда лишенного царской власти, без знаков высокою почета¹³²; так было решено императором Маврикием, и его приказ был приведен в исполнение. Поэтому Коментиол вышел навстречу Хосрову к так называемому местечку Бедамасу и, создав ему царственную обстановку, окружил его великолепною свитой телохранителей. (9) На девятый день Хосров послал к

персам, стоявшим гарнизоном в Мартирополе, своего вестника, сатрапа по имени Мирагдун, сообщая им о последних событиях и постигших его несчастьях. Он говорил, что им не следует держаться так враждебно в стенах города, так как великодушие императора заставило персов сложить оружие и обратило в друзей. (10) С другой стороны, Бестам¹³³, один из знатнейших персон, был послан из Армении в Азербайджан с приказанием, прибыв туда, постараться подчинить ему находящихся там персов.

Книга V

1. (1) Испытав неудачу в стремлении добиться расположения ромеев, Варам, создав собрание и сообщив ему о положении дел, назначил военачальников из знатнейших лиц, проявивших особенное превосходство в доблести, чтобы действовать на удачу Хосрова ответной предусмотрительностью и восстановить свое благополучие. (2) Поэтому он отправил Мирадурина с большим войском к крепости Анафону, находящейся у Киркенсия на Евфрате. В Нисибис же и в соседнюю с ним Аравию он послал Задеспрата, который недавно последовал на войну с фероханом. (3) Итак, Задеспрат, покинув Вавилон, отправил вестников к Солхану в Нисибис, предупреждая его о своем прибытии. (4) Солхан, услышав от вестников о невыносимом чванстве Задеспрата, на следующий день созвал собрание и велел вестникам, ничего не боясь, изложить в присутствии собравшихся все то, с требованием чего они прибыли. (5) Повинуясь приказанию, они рассказали все, что поручил им пославший их. В собрании поднялся шум, все бранили Варама; Солхан подверг вестников всякому поношению и бесчестию, затем он с мучениями заключил их в оковы и отправил к Хосрову. (6) Хосров, прельщая Солхана всяческими обещаниями, усиленно просил его использовать наилучшим образом посещения подобных лиц, сам же Хосров в душе чувствовал себя очень неуверенно, боясь этого похода узурпатора. (7) Его охватили религиозный страх и суеверное богопочтение; он вновь склонился умом и сердцем к творцу всего сущего и обратился с мольбами к чтимому среди мучеников Сергию, к которому обычно отправляют свои посольства и кочевые народы, чтобы он помог ему в этих трудах. (8) Как начатки своих трофеев, он обещал принести ему в дар преславный знак страданий господних – так называется крест – и сделать его из чисто-

го золота, украсив жемчугом и блестящими индийскими камнями. Такой порыв благочестия, по необходимости вызывающего о помощи, внушил ему данный момент. (9) А между тем Солхан совершил удивительное и наиболее достойное упоминания в нашей истории деяние: силою своего разума он уничтожил вождя вражеского войска¹³⁴. Назначив Росаса, которого среди персов называли также Хормиздом, начальником конного отряда, он послал его к двигавшемуся против них войску, усиленно убеждая добиваться успеха предприятия хитростью. (10) Росас, со всем тщанием следуя указаниям Солхана, направился к неприятельскому войску. На другой день Задеспрат появился около Хархаса (это было местечко, богатое всякого рода плодами и в то же время многолюдное)¹³⁵; с наступлением ночи он заночевал в его окрестностях. (11) Боясь, как бы враги внезапно не напали на него, он предусмотрительно окружил себя стражей. И вот, трусливо укрывшись в какой-то крепости, выстроенной на возвышенном месте из отборного камня, насколько можно было заключить по внешнему виду, он заснул. (12) Когда Росас оказался недалеко от лагеря главнокомандующего, он узнал место, где тот провел всю ночь, и, взяв проводника, подошел ближе. Приблизившись к укреплению, он велел одному из воинов пойти вперед, с тем чтобы сказать полководцу, что к нему сейчас явится вестник от Варама и что он привел к нему дополнительное войско. (13) Оказавшись в полночь рядом с укреплением и обманув стороживших воинов тем, что заговорил на их родном языке, он просил через них сообщить военачальнику то, что они услышали от него. Эти несчастные, с радостью приняв сообщение, передали его слова Задеспрату, как будто считая это событие крайне счастливым и достойным радостного возбужде-

ния. (14) Задеспрат был еще в нетрезвом виде, и винные пары лишь наполовину улетучились из его головы; разбуженный от сна, он небрежно выслушал их слова и, приказав персам соблюдать спокойствие и уверенность, велел открыть ворота крепости. Этим он сам причинил себе немедленную и, можно сказать, добровольную смерть; его неразумие было причиной его гибели. (15) Войско, пришедшее с Росасом, ворвавшись в крепость, дало полную волю своим мечам. Военачальник, неожиданно-негаданно увидав перед собой пропасть, убежал под крышу дома и просил у захвативших крепость даровать ему спасение. Когда же они стали грозить уничтожить огнем этот дом, он сошел к неприятелям. (16) Тогда его противники отрубили у него голову и, разграбив всю крепость, вернулись к Солхану, принеся ему голову Задеспрата и все то, что судьба позволила им хитростью унести с собой.

2. (1) Узнав, что ромейское войско очень недовольно Хосровом за то, что он накануне так плохо командовал, и что оно страстно желает боя, Варам с наступлением рассвета снялся с лагеря и направился в места труднопроходимые, находящиеся высоко в горах и непроезжие для конницы. (2) После этого [и ромеи] перешли на равнину, расположенную поблизости, где находится городок Канзак¹³⁶, а Варам, снявшись с лагеря, перевел свои войска в другие места, хитро задумывая измотать ромеев и тем ослабить их стремительное наступление. (3) Но ромеи, узнав об уходе Варама и упорно преследуя его, стали лагерем поблизости от неприятелей. Затем они подошли к реке Бларафу¹³⁷ и, переночевав здесь, с наступлением дня они встретились на широкой равнине. (4) Ромейские вожди, построив свои войска в боевой порядок, обратились к воинам со многими хорошими пожеланиями. Они подготовили бойцов к бою, поставив их тремя фалангами. Паролем ромеев, который они передали и которому научили также союзных варваров, было обращение к Богоматери-Деве; они боялись, как бы, не различая их по племени, они не уничтожили вместо врагов своих же союзников, а в сумятице боя им невозможно было разбираться относительно даже самых близких к ним лиц. (5) Итак, произошла невероятная вещь, ибо даже для халдеев имя Марии оказалось спасительным. И Варам со своей стороны расположил свои местные силы тремя отрядами; в центре боевого строя командовал сам узурпатор, предводите-

ли союзного войска стояли во главе отрядов того и другого крыла. (6) Кроме того, он поставил и слонов, чтобы эти индийские чудовища, словно некие передовые бастионы, двигались перед конницей, а самых храбрых из своих воинов посадил на этих животных. Так он готовился к битве. Но и другое войско не было лишено помощи этих диких животных. (7) Хосров, окруженный свитой своих телохранителей в пятьсот человек, объезжал ряды. Когда оба войска увидали друг друга, сразу же поднялись кверху знамена и укрепились на ветру, зазвучали кругом трубы, яростно призывая к бою; всюду поднялось таинственное боевое воодушевление, стало сокращаться расстояние между войсками, теряя обычные для него границы. (8) Когда перешли к рукопашному бою, Варам оставил центр своего войска и перешел на левое крыло. Естественно, придав здесь много мужества сражающимся, он нанес жестокое поражение стоявшей против него фаланге, внезапно подвергнув ее ожесточенному натиску огромной боевой силы. (9) Ромеи, разбитые на этом участке, обратились в бегство, не имея возможности выдержать наступавшее на них войско. Заметив это, Нарсес приказал войскам понемногу посылать подкрепления и пополнять ими ряды воинов, не имеющих уже сил сражаться; тем самым он остановил бегство ослабевшего отряда. (10) В это время Варам, двинувшись против центра ромейских сил, пытался обратить Нарсеса в бегство. Но Нарсес, не обращая никакого внимания на слонов, отразил натиск Варама, напал на центр стоявшего против него войска и сильным ударом рассеял его стройные ряды. (11) Вследствие этого заколебались и остальные силы Варама, и Нарсес, одолев их и оказавшись победителем, стал сбивать неприятельских всадников с их коней, а пеших поражал копьями. (12) Когда ромеи повели энергичное преследование и избиение повсеместно было в полном разгаре, шесть тысяч вавилонян бежали на какой-то холм и стали думать, как им спастись. Но ромейское войско, окружив этот холм, одолело отряд беглецов. Многих из них, взяв в плен, привели связанными к Хосрову. (13) Некоторых из них персидский царь отдал на суд мечей, других же отдал растоптать слонам. Узнав, что некоторые из взятых в плен принадлежат к племени тюрок, он, прославляя мощь ромеев, отправил их к императору Маврикию в качестве первых победных даров. (14) На лбу у этих пленников был

вырезан знак страданий господних. У исповедующих христианскую религию он называется крестом. Император стал спрашивать у варваров, что означает этот знак. (15) Они ответили, что получили его от матерей: когда у живших на востоке разразилась сильная моровая язва, то, по настойчивому совету некоторых из христиан, они острием накололи на лбу мальчиков этот знак. Так как варвары не отвергли этого предложения, то те получили спасение от этого совета.

13. (1) Ромейский император послал Хосрову просимых им телохранителей. Вспомнив о прежде оказанной ему большой помощи, персидский царь послал в дар преславному среди мучеников Сергию крест, сделанный из золота и украшенный драгоценными камнями, (2) который некогда захватил в качестве добычи при взятии города Хосров, сын Кавада, и хранил во дворце персидских царей еще в то время, когда императорский скипетр был в руках императора Юстиниана. К этому кресту сверху Хосров приделал другой крест из червонного золота, обозначив на нем причину этого посвящения. (3) Вместе с этим сокровищем он отправил в так называемый Варварикон и письмо, написанное по-гречески¹³⁸. На этом письме стояла также и царская подпись. Письмо это было составлено в следующих выражениях – я не буду менять ни одного слова, как было в подлиннике.

14. (1) На третий год он опять стал умолять Сергия, который в персидской земле считался самым могущественным и исполнителем молений, дать ему сына от Сейрем. Когда немного спустя исполнилось для него то, о чем он просил, он, как полагается, вновь оказал почет дарами своему благодетелю. Он послал письмо, написанное по-гречески; в этом письме было вот что, слово в слово:

(2) “Великомученику Сергию – Хосров, царь царей. Я, Хосров, царь царей, сын Хосрова, послал эти дары вместе с блюдом не для людского зрелища, не для того, чтобы из моих слов было познано величие чтимого имени твоего, но потому, что понята мною истина совершившегося, потому что увидел я милость твою и благодеяние, которые я заслужил от тебя; и счастьем для себя считаю я, что имя мое значится на святых сосудах твоих. (3) Находясь в Бертемансе, я просил у тебя, святитель, прийти ко мне на помощь, чтобы зачала Сейрем во чреве своем. Дело в том, что Сейрем – христианка, я же язычник; а закон наш не позволяет нам невозбранно иметь женой хри-

стианку. (4) Но вследствие моего к тебе глубокого почтения я презрел этот закон и среди всех своих жен я день за днем имел и имею общение с ней. И поэтому я решил просить твоей милости, чтобы она зачала во чреве своем. (5) Я просил и решил, что, если зачнет Сейрем, я пошлю в твой чтимый храм тот крест, который носила она. Вследствие этого я и Сейрем имеем следующий план: чтобы в память имени твоего, святитель, сохранить у себя этот крест, (6) мы решили вместо его цены, не превышающей двенадцатой доли четырех тысяч трехсот статоров, послать тебе пять тысяч статоров. (7) С того времени, как в сердце своем я возымел к тебе такую просьбу и так сам с собою решил, не успел я еще прийти в Росонхосрон, не прошло еще и десяти дней, как ты, святитель, не потому, чтобы я был достоин этого, но по твоей благодати ко мне, ночью явился мне в видении и сказал, что уже третий месяц Сейрем беременна. (8) И я в том же видении трижды ответил тебе: “Во благо! Во благо! Во благо!” И во имя святости твоей и твоей милости, во имя преславленного имени твоего, во имя того, что ты являешься лучшим заступником в наших мольбах, с того самого дня Сейрем не видала того, что обычно бывает у женщин. (9) Я сам не сомневался в этом и веровал в слова твои, поскольку свят ты и являешься истинным нашим заступником. И так как с этого дня не повторялись ее месячные, из этого понял я всю силу видения и истину сказанного тобою. (10) Тотчас послал я и самый крест, и цену его в твой чтимый храм, приказав сделать в эту цену одно блюдо и одну чашу для таинства божественного причащения. Кроме того, послал я крест, который должен быть прикреплен к чтимому престолу, и кадильницу – все из золота, и завесу гуннской работы, украшенную золотом. (11) Все же остальные деньги я велел оставить в священном храме твоем, чтобы по милости твоей ты пришел бы, святитель, на помощь нам, мне и Сейрем, во всем, а особенно в этой просьбе. И то, что случилось для нас благодаря твоему предстательству, в силу твоей милости к нам и доброты, да исполнится оно вполне по молитве моей и Сейрем, чтобы и я, и Сейрем, и все живущие в этом мире надеялись на твою мощь и силу и на тебя полагались”.

15. (1) Варам, не попав в руки Хосрова, избежал огромной опасности¹³⁹. Дело в том, что персидский царь всех, имевших отношение к узурпатору, предал смерти, – даже самого

Биндою как дерзнувшему поднять руку против царя он утопил в глубинах Тигра¹⁴⁰. (2) Перемирие же между ромеями и персами соблюдалось с одинаковой справедливостью, и так действительно славно для ромеев закончилась эта великая персидская война¹⁴¹. (3) Я не хочу обойти молчанием и того, что, как говорят, Хосров, весьма опытный в таких отнимающих много времени пустяках, как учение о звездах, предсказал о ходе войны. (4) Когда знаменитый стратиг армянских войск Иоанн посмеялся над его распущенностью, считая, что не следует государю быть грубым в своем обращении и иметь извращенные душевные стремления, говорят, варвар вот что сказал стратигу: (5) “Если бы я не был во власти тяжелых обстоятельств, никогда ты бы не осмелился, мой милый стратиг, бросить насмешки в лицо великого среди людей царя. Но так как ты весьма гордишься настоящим положением дел, выслушай, что богам угодно устроить в будущем. (6) Знай хорошо, что на вас, на ромеев, вновь нахлынут бедствия. Вавилонское племя будет властвовать над государством ромеев трижды семь круговых лет. Затем в течение пяти семилетий вы, ромеи, будете держать под своей пятой персов. (7) Когда это пройдет, то для людей наступит сплошной ясный день, наступит долгожданный конец власти и государство станет жить лучшим образом”. (8) Немного времени спустя и Проб, на которого было возложено бремя забот как на архиеерея халкидонского, услышал от Хосрова удивительные вещи. (9) Когда император Маврикий послал его в Ктесифону к Хосрову, персидский царь в самый полдень вызвал его во дворец, обливаясь потом, и просил священнослужителя показать ему икону Богоматери. (10) Иерей принес ее образ, написанный на доске, и показал его персидскому царю. Воздав поклонение иконе, Хосров сказал иерею, что сама подлинная Богородица явилась ему и сообщила, что дарует ему победы Александра Македонского; и это было тогда, когда Хосров на обратном пути в свое царство и силами и помощью императора одолел всех захватчиков. (11) Рассказывал Проб и о том, что в Ниневии есть остатки той башни, которую люди пытались построить в Вавилоне, и что кирпичи ее, как об этом повествует пророк Моисей, очень старательно обожжены на огне. (12) Я по ходу изложения, насколько было возможно, дошел до конца рассказа о персидской войне. Да вернется опять мое перо, плававшее в море чернил, к изложению

событий в Европе, дабы пристать к намеченной гавани и, нося в качестве груза замечательнейшие из событий, порадовать наш слух наиболее замечательными известиями.

16. (1) Как только положение на востоке озарилось веселым светом дня и, говоря, как в мифах, языком Гомера, заря уже не вставала с варварского ложа и совсем отказалась называться розоперстою, ибо меч в тех местах уже не окрашивался алою кровью, император стал как можно скорее переводить войска в Европу и готовился двинуться к Анхиалу – он получил известие, что войско аваров собирается явиться сюда. (2) Пока варварское войско еще только ожидалось, император производил приготовления. Знатнейшие из сенаторов умоляли кесаря выбрать стратига для этой войны и отказаться от намерения совершить этот поход самолично. (3) Так как они его не убедили, то вождь священных отрядов просил императора отказаться от намерения стать главнокомандующим и на другого возложить тяготы такой борьбы. Но поскольку и этой просьбе император не оказал достаточно внимания, сама императрица с детьми, заклиная, умоляла супруга-кесаря изменить свое решение. (4) После того как и ее просьба не вызвала на его лице согласия и не сумела убедить его, император Маврикий вышел из дворца и прошел полтора парасанга – у византийцев это место называется Евдом. (5) И как раз в этот день произошло величайшее затмение солнца. Это был девятый год правления императора Маврикия¹⁴². Разразились страшные бури, поднялся сильнейший южный ветер, так что пучины моря извергали вместе с камнями потоки грязи. (6) Император, услышав, что к нему прибыл перс Долазас, возвратился в столицу. Проводя, как полагается по чину, прием посольства, он вновь занялся делами своего похода. (7) Желая узнать какое-либо божественное откровение, которое сопутствовало бы ему в походе, он провел ночь в самом большом храме веры нашей, выстроенном императором Юстинианом; этот храм был воздвигнут во имя Премудрости Божьей¹⁴³. (8) Так как ночью ему не явилось никакого видения, он вместе с народом молился целый день в храме Богородицы перед городом; он провел там весь день, говея и исповедуясь, и причастился к пиршеству Богочеловека. Этот храм называется Пиги¹⁴⁴. (9) На другой день император, двинувшись оттуда, прибыл к так называемому Евдому. На шестой день он прибыл к Регию¹⁴⁵. Там собра-

лось бесконечное число нищих, они требовали у императора какого-либо подаяния. (10) Император милостиво позвал собравшиеся толпы вовнутрь находившегося там дворца и, раздав достаточное количество мелкой серебряной монеты, успокоил вызванные бедностью страдания собравшейся толпы. Наутро он приказал трубам возвестить о выступлении в поход. (11) Отсюда он прибыл в Рамф, его телохранители шли впереди его. Боевой строй вытянулся в длину, и император радовался виду проходивших перед ним в торжественном шествии войск. Главная ударная сила шла в конце. Древко креста Христова было высоко поднято на золотом копье и двигалось впереди императора и окружавшего его войска. (12) Во втором часу дня огромное живот-

ное (это был вепрь) бросилось на кесаря. Конь императора, испуганный стремительным падением зверя, взбесившись, старался сбросить с седла своего всадника-императора. (13) Но император, как искусный наездник, крепко натянул поводья, заставив коня против воли стать послушным; так как с глаз коня исчезло то, что внушало ему страх, он успокоился и стал вновь послушен узде. (14) Вепрь, не подвергаясь нападению, с непреодолимой силой безнаказанно промчался мимо войска. Когда зверь исчез, император осенил свое чело крестным знамением, как обычно это делают христиане при необычных для себя явлениях, и продолжал свой путь, удивляясь невероятным событиям, случающимся с ним на этом пути.

Книга VI

1. (1) И вот, прибыв в Селимврию, император собирался отплыть на кораблях в Перинф, который в новейшее время обычно называют Гераклеей. Здесь были готовы быстрые суда с соответственным для них оснащением, вполне подходящим для императорского похода. (2) В самом начале плавания на них налетел ужасный ураган с проливным дождем, из-за неукротимых ветров последовало такое волнение, что гребцы и рулевые, бросив свои весла, прекратили грести, оставив корабли на произвол судьбы. Император со своим пятидесятивесельным кораблем совершенно неожиданно спасся, избежав кораблекрушения, и пристал к Даонию. (3) Император переночевал в этом местечке, а утром при хорошей погоде, сев на коня, прибыл в Гераклею. Войдя там в храм мученицы Гликерии, он воздал какое только мог почитание священному месту и пожертвовал деньги, с тем чтобы части храма, сожженные и разрушенные аварами, были вновь роскошно отстроены; затем, приведя в боевой порядок войско, он вышел из города. (4) Пройдя четыре парасанга, с заходом солнца он стал лагерем на склоне горы, у какого-то местечка, очень людного и богатого запасами продовольствия. В этом месте император решил копать ров для укрепления. (5) Когда свита императора стала устанавливать, как требовал порядок, около императорской палатки сторожевые посты, раздались крики какой-то женщины, они непрерывно звучали все сильнее и сильнее – ее мучали родовые боли. (6) Один из телохранителей императора вышел, чтобы прекратить эти дикие крики. В тот мо-

мент, когда он вошел в помещение и стал расспрашивать о причине ее криков, женщина родила. Рожденный ребенок оказался уродом. (7) У него не было ни глаз, ни ресниц, ни бровей, и безобразным образом он был лишен рук. А к бедру у него прирос рыбий хвост. И вот, увидав это чудовище, телохранитель повлек к императору отца, мать и ребенка. (8) Император, увидав это чудо, спросил родителей, отчего могло это произойти, но, ничего не узнав от них, прекратил это зрелище, а чудовище велел уничтожить. Мать этого уроды была отпущена, а ребенок зарублен мечом.

2. (1) На следующий день император двинулся дальше, и, пройдя два парасанга по направлению к местечку, называемому Энат¹⁴⁶, он велел разбить лагерь и провести ров. Тут самый лучший из императорских коней, блистающий золотой сбруей, упав и разорвав себе живот, внезапно издох. (2) Поняв из всего этого, что дела его имеют плохие предзнаменования и будут очень тяжелыми, император был крайне опечален и, смущенный происшедшими событиями, проникся страхом относительно будущего. На другой день, когда император продолжал путь, ему встретилось стадо оленей. (3) Свита императора стала поражать животных стрелами и копьями. Большая часть этого стада оленей была ранена, и, естественно, охотящиеся устремились в упорное преследование. (4) Перед заходом солнца одна особенно быстроногая лань в своем бегстве повернула в сторону от места охоты. Все остальные прекратили преследование, но один из телохранителей императора и другой, гепид родом, продолжали погоню. (5) Когда эта лань

со всей своей быстротой бросилась в какую-то заросль и скрылась в чаще деревьев, то и эти двое бросились за нею дальше, в охотничьей горячке желая добиться своей цели. (6) Тут гепид, увидев юношу верхом на златоуздом коне, одетого в блестящую одежду и подпоясанного золотым поясом с прекрасными украшениями, убил несчастного, совершив это страшное преступление в каком-то овраге. (7) Так вместо оленя этот телохранитель сделался добычей злостного нападения со стороны своего же человека. Повод для этого был при нем; его золотое украшение стало для него льняною петлей и сетью охотничьей – сотоварищем разукрашенным и спутником коварным. (8) В первую стражу ночи убийца вернулся в лагерь. Император и его свита, не видя нигде телохранителя, были очень взволнованы неизвестностью о его судьбе. (9) Блуждавшего всюду коня убитого телохранителя нашел местный земледелец и привел его в лагерь. Предположив, что этот человек и является виновником убийства, император решил подвергнуть его пытке.

(10) На другой день трое людей из племени славян, не имеющие никакого железного оружия или каких-либо военных приспособлений, были взяты в плен телохранителями императора. С ними были только кифары, и ничего другого они не несли с собой. (11) Император стал их расспрашивать, какого они племени, где назначено судьбой им жить и по какой причине они находятся в ромейских пределах. (12) Они отвечали, что по племени они славяне, что живут на краю западного Океана, что каган отправил к ним послов с тем, чтобы собрать военную силу, и прислал почетные дары их племенным владыкам. (13) Дары они приняли, но в союзной помощи ему отказали, настойчиво указывая на то, что их затрудняет дальность расстояния. А их отправили к кагану в качестве заложников, как бы в доказательство того, что это путешествие длится пятнадцать месяцев. Но каган, забыв все законы по отношению к послам, решил чинить им всякие затруднения при возвращении. (14) Они слышали, говорили они, что ромейский народ и по богатству и по человеколюбию является, так сказать, наиславнейшим; поэтому, обманув [кагана], они выбрали удобный момент и удалились во Фракию. (15) Кифары они носят потому, что не привыкли облекать свои тела в железное оружие – их страна не знает железа, и потому мирно и безмятежней проходит у них жизнь, что они игра-

ют на лирах, ибо не обучены трубить в трубы. Тем, для кого война является вещью неведомой, естественно, говорили они, более усиленно предаваться музыкальным занятиям. (16) Выслушав их рассказы, император пришел в восхищение от их племени, и самих этих варваров, попавших в его руки, он удостоил милостивого приема и угощения. Удивляясь величине их тел и красоте членов, он направил их в Гераклею¹⁴⁷.

3. (1) На третий день к нему прибыли послы из столицы с просьбой сената к императору – они поставили своей целью добиться возвращения императора из этого дальнего похода. Но император, не обратив внимания на это посольство, велел послам возвращаться назад. (2) На четвертый день император повел войско дальше. Переход был трудный, так как при наличии достаточно большого войска им пришлось иметь дело с узким мостом и местность встретила им болотистая и труднопроходимая. Поблизости были истоки реки, которую окрестные жители называют Ксирогипсом¹⁴⁸. (3) Когда при переходе произошло замешательство в войсках, около моста поднялся шум и неожиданно среди массы войск послышался крик, так как некоторых в толкотне толпа толкнула вниз; император соскочил с коня и, взяв в руки жезл, самолично стал наводить порядок: он велел толпе не напирать и дал возможность ровно и легко двигаться, установив для воинов безопасное прохождение с небольшими интервалами. (4) Таким образом, император, оставаясь у этого места целый день без еды и питья, дал возможность благополучно пройти войску по этому узкому и трудному проходу. Когда солнце склонилось уже к закату, он велел разбить лагерь в двух милях от этого моста. (5) На следующий день он остановился укрепленным лагерем около Анхиала и, промедлив тут пятнадцать дней, возвратился в столицу, услышав, что туда прибыло посольство от персидского царя. (6) На третий день в столицу явились также послы из Кельтийской Иверии; на современном языке они называются франками; от лица этих послов говорили Бос и Бетт. (7) Их послал к императору правитель этого племени (имя ему было Теодорих¹⁴⁹) по вопросу о войне с каганом, предлагая заключить союз с ромеями на условии ежегодной уплаты денег и получения даров. (8) Император милостиво принял послов и одарил их богатыми дарами, но предложил франкам заключить с ним союз без всяких уплат: он не

мог переносить, что варвары все время требуют с ромеев дани. (9) Каган стал требовать от кесаря увеличения договорной суммы взносов; когда же император не обратил внимания на эти речи варвара, каган тотчас решил начать против него войну. Поэтому он приказал славянам построить большое число легких судов, чтобы подготовить переправу через Истр¹⁵⁰.

4. (1) Жители Сингидуна своими частыми набегами разрушали работы славян, предавая огню все, что было ими заготовлено для устройства переправы. (2) Вследствие этого варвары осадили Сингидун. Город был уже доведен до крайне тяжелого положения и имел весьма слабые надежды на спасение. (3) Как вдруг на седьмой день каган приказал варварам прекратить осаду и явиться к нему. Послушавшись его приказа, варвары сняли осаду с города, взяв с него в качестве выкупа две тысячи золотых дариков, выложенный золотом стол и одежду. (4) Каган, пройдя пять парасангов, стал лагерем под городом Сирмием, а толпы славян стали готовить из дерева челноки, чтобы каган мог на них переправиться через реку, называемую Саос¹⁵¹. (5) Он торопился с этим походом, они же, согласно его приказу, изо всех сил старались доставить ему возможность переправы: страх перед поставленными над ними начальниками заставил их это сделать. Когда эти легкие суда были сделаны и переданы кагану, варварское войско перешло через соседнюю реку. (6) Каган, приводя в порядок свои военные силы, велел части их быстро двинуться вперед и навести на ромеев ужас стремительностью своего нашествия. (7) На пятый день он направился к Бононии. Император назначил стратигом войск в Европе Приска, дав ему под начальство новонабранные войска. Приск, выбрав себе ипостратигом Сальвиана и вооружив тысячу всадников, приказал занять раньше горные теснины, ведущие к укреплениям¹⁵². (8) Заняв горные проходы Проклианы¹⁵³ и разбив укрепленный лагерь, он оставался там. На пятый день, находясь вне укреплений, он столкнулся с передовыми отрядами варваров, но, заметив, что его отряд уступает по силе вражескому, отступил, вновь ища безопасности за стенами укреплений. (9) Варвары, появившись у горных проходов, задержались в своем дальнейшем движении, так как стоявшее против них у самого входа в теснины ромейское войско являлось помехой в их дальнейшем продвижении. Поэтому здесь между ро-

меями и варварами произошло сильное столкновение. (10) Битва шла целый день; много варваров было убито, и ромейский ипостратиг одержал верх. Наступила первая ночная стража; варварское войско возвратилось к кагану и сообщило ему о результате столкновения. (11) Утром каган послал туда Самура, дав ему под начальство восемь тысяч человек. Ромеи не пришли в изумление от наступающего на них войска, но, стиснув зубы, непоколебимо держались в своих рядах. Варвары были побеждены, и каган удалился с поля битвы со своими войсками. (12) Но и Сальвиан, пораженный огромной численностью неприятельских войск, во вторую стражу ночи, покинув горные проходы, вернулся к Приску.

5. (1) Каган, проведя три дня в местности перед укреплениями, на четвертый день узнал, что ромейское войско бежало. На пятый день, на самом рассвете, он двинулся в путь и прошел через трудные места горных проходов. На третий день после этого он оказался в так называемом Сабуленте Каналион. (2) Затем он подошел к Анхиалу. Снявшись оттуда и оказавшись у храма мученика Александра, он без всякой нужды предал его всепожирающему пламени; пройдя затем три мили, он встретился с разведчиками, посланными ромейским стратигом. (3) Тут варвар, применив пытки, стал выведывать, какова была цель пленников, и старался до конца выяснить поводы их разведки; он гневался, что не может узнать от них правды, так как они отделивались от него всякими вымыслами. (4) В конце пятого дня он перенес лагерь к Дризиперам¹⁵⁴ и пытался так или иначе осадить город. Но так как горожане смело держались против него, то на седьмой день варвар решил строить гелеполы. (5) Великое смятение охватило город, и, так как все их надежды на спасение казались невероятными, они перешли к показной смелости: открыв ворота города, они грозили принять бой с варварами лицом к лицу, хотя город и был достаточно сильно укреплен. (6) Однако это их смелое выступление было чисто внешним и не пошло дальше грозных слов; охваченные трусостью, они не выходили из города. Но каким-то божественным промыслом неприятельское войско было удержано от нападения. (7) Среди дня кагану показалось, что собираются бесчисленные фаланги ромеев, выходят из города и стремительно располагаются по равнине, пылая жаждой сражаться и умереть в боевом строю. С радостью каган решил тотчас же отступить.

А ведь это было только видимостью, только устрашением зрения и поражением чувств. (8) На пятый день каган появился у Перинфа; ромеи называют его Гераклеей. Внезапно увидев неприятельское войско, Приск не стал откладывать момента столкновения. (9) Однако, вступив с войском кагана в бой, он тотчас показал неприятелю тыл, вследствие огромного количества противостоящего ему войска, не имея возможности оказать в бою нужное сопротивление. И вот вместе с пешим войском ромейский стратиг удалился в Дидимотих¹⁵⁵. (10) Затем, прибыв в Тзурулл¹⁵⁶, он превратил город в убежище для своих войск. Варвары, осадив Приска, усиленно штурмовали город. (11) Услыхав об этом, император пришел в уныние, боясь печального конца, и испытал величайшее смущение при известии о случившемся. Наступил четвертый день, и он придумал план, свидетельствующий о его находчивости. (12) Призвав к себе одного из телохранителей, он велел ему добровольно отдаться в руки варваров и сказать им, что он несет к Приску императорское письмо; [он хотел] чтобы варвары, захватив его как некое неожиданное сокровище, прочли и узнали сообщаемые в нем важные известия, чтобы они испугались и, обманутые им, решили двинуться домой. Это письмо гласило следующее:

(13) “Приску, славному стратигу обоих войск Фракии. Попытка проклятых варваров совершенно не беспокоила наше благочестие – напротив, она заставила нас проявить еще большую заботу об их гибели. (14) Твоя прославленность должна знать, что при злых предзнаменованиях, с позором и многочисленными потерями предстоит кагану удалиться в ту страну, которая была ему предназначена ромеями. Поэтому твоя прославленность вместе со счастливейшим войском будет держаться в городе Тзурулле и заставит проклятых аваров блуждать вокруг него. (15) Ибо морем мы послали корабли и войско, чтобы они напали на их семьи и обратили их в рабство как военнопленных и чтобы проклятый вождь аваров был принужден из-за этого с позором и великим ущербом вернуться в свою землю из пределов нашей державы”.

(16) Этот подставной вестник выполнил то, что ему было приказано. На седьмой день он был захвачен варварами и охотно передал им императорское послание. Каган, узнав с помощью переводчика содержание письма, поддавался обману и, охваченный страхом, заклю-

чил с Приском договор за уплату незначительной суммы золота, а затем с возможной поспешностью возвратился в свою страну. Власть этого обмана, с необыкновенной силой охватившая варвара, гнала его домой.

6. (1) С наступлением поздней осени стратиг распустил свой лагерь и вернулся в Византию. Ромеи, не занятые военной службой, рассеялись по Фракии, добывая себе продовольствие по деревням. (2) С наступлением весны¹⁵⁷ стратиг был отправлен императором к Истру, чтобы племена славян, встретив с его стороны помеху в переправе через Истр, волей-неволей оставили Фракию в покое. Император не раз говорил Приску, что варвары не будут держаться спокойно, если ромейское войско не будет со всей тщательностью сторожить Истр. (3) Приск взял на себя командование конными силами, а во главе пеших войск императором был поставлен Гентзон. Таким образом, в середине весны ромейское войско собиралось около Гераклеи. (4) На седьмой день стратиг велел сняться с лагеря. Подвергнув тщательному обследованию союзные войска и закончив подсчет сил, он произвел раздачу годового жалованья. (5) Двинувшись оттуда, он после четырех остановок в укрепленных лагерях подошел к Дризиперам. Промедлив в этом месте пятнадцать дней, он через двадцать остановок явился в Доростол. (6) Каган по слухам узнал о походе ромеев и поэтому отправил послов к Приску. Когда эти послы прибыли к Приску, то Кох (это был один из варваров) от имени всех послов выступил с такими словами: (7) “Что это значит, бессмертные боги? Для тех, которым было так свойственно говорить о своем благочестии, выполнение нечестивых дел стало столь легким! Ромеи нарушили мир, нарушили святость договоров; смыта соль договорная, уничтожено уважение к слову верности, погибла клятва, посредник между людьми. (8) Истр видит военное зрелище – укрепленный лагерь и железом опоясанного Приска, незадолго перед тем, как невесту, приведшего мир к аварам и ромеям. Грешешь ты, кесарь, тайно замышляя незаконную войну. Не царское это предприятие, недостойное императора намерение – разбойничий это план, явно проклятое народом действие. (9) Или сложи прекрасный царский венец, или не позорь достоинства своего высокого звания. Вы научили варваров низости. Мы не знали бы нарушения клятв, если бы в вас не нашли учителей лжи. Никогда во время войны не желали вы покоя,

никогда очи мира не видали вас отказавшимися от битв. (10) Воюя, ты нарушаешь правду, заключая договор, ты готовишь несчастья, и можно ли еще верить, будто любишь ты спокойствие от военных бурь? Проникнись, стратиг, уважением к тому человеколюбию, которое мы вчера к тебе проявили. Мы сохранили вас невредимыми как будущих друзей, а не врагов. О человеколюбие, полное печали и опасности! (11) Те, которые получили от нас спасение, теперь готовят нам безбожное возмездие. Идут на нас войной, равно и на богов. Сокрушается крепость клятв, более сильный совершает насилие над более слабым, хитрости предоставлена свобода действий, лжи доверено руководство, и преступление явно ведет войну. (12) Если ты, стратиг, уважая [наши силы], изменишь свое мнение, твои неприятности ограничатся лишь стыдом; иначе же ты получишь возмездие, которое, как некий учитель, вместе с несчастьями приведет тебя и к раскаянию". (13) Такая речь произвела на войско очень тяжелое впечатление, но Приск отнесся снисходительно к дерзости варваров и позволил им высказать эти слова. (14) Поэтому, не допустив возражений на их дерзость, он сказал, что война предпринята против славян и что при этом остаются в силе клятвы и договоры с аварами, равно как и война с гетами.

11. (1) В этом году в пригородных местностях родились удивительные уроды: мальчик с четырьмя ногами, другой – с двумя головами. Те, которые тщательно записывали исторические происшествия, утверждали, что появление таких чудищ не предвещает городам ничего хорошего. (2) Эти уроды, показанные императору Маврикию, были затем преданы уничтожению. Затем император снял Приска с должности главнокомандующего, а вождем ромейских войск сделал своего брата Петра. (3) Приск об этом ничего еще не знал. Поэтому, снявшись с войсками, он перешел через реку; войска отказывались дальше оставаться в варварской стране – они боялись, как бы варвары, внезапно восстав, не унесли их добычу. (4) Каган, услышав об уходе ромейского войска, очень удивился. Затем он отправил послов к Приску, желая узнать о причине обратного похода. Приск, насколько было возможно, убедительными словами обманул кагана. (5) Дня через три Приску было дано знать, что каган хочет напасть на ромейские земли и что он приказал толпам славян переправиться через Истр; в страшном гневе он ед-

ва мог перенести, что ромейские войска покрыли себя столь великой славой. (6) Таргитий и наиболее знатные из варваров советовали кагану не затевать войны с ромеями; они говорили, что он сердится на них несправедливо. (7) И Приск с большой находчивостью отправил кагану посла (имя ему было Феодор), по своим природным дарованиям человека ловкого и остроумного, по специальности – врача, умевшего свободно говорить. Он пришел к кагану в сознании своей силы. (8) Варвар, полный гордости вследствие сопутствовавших ему удач, держал себя очень надменно; он говорил, что является владыкой всего племени и что, где бы ни сияли лучи солнца, нет никого, кто бы осмелился ему сопротивляться. (9) Поэтому ромейский посол, обладавший большими знаниями в истории, осадил хвастливого варвара, приводя примеры из прежних веков – ведь бывает очень кстати рассказать эпизоды из истории. И вот он сказал: "Выслушай, каган, один древний и очень мудрый рассказ". Такое вступление склонило варвара к вниманию, и рассказ продолжался без всяких затруднений: (10) "Говорят, что Сесострис¹⁵⁸ был человеком очень счастливым и самым славным среди египетских царей. В старинном рассказе говорится, что он блистал богатством, а его военные силы были совершенно непобедимы. (11) От всего этого он, так сказать, настолько опьянел, что, сделав себе золоченую колесницу и украсив ее драгоценными камнями, восседал на ней. Не пожелав иметь в упряжке ни лошадей, ни мулов, Сесострис наложил ярмо повозки на шеи побежденных им царей и заставил этих несчастных тащить на себе колесницу по площади. (12) А так как египетский царь не соблюдал умеренности в своем счастье и не раз открыто оскорблял побежденных в их несчастном положении, то, говорят, во время великого и славного праздника, когда собралась большая толпа египтян, один из царей, на которых было наложено ярмо колесницы, не захотел тащить повозки, но часто оборачивался назад и смотрел на движение колес. (13) Когда ход влекомой ими колесницы стал неровным, так как не было согласного усилия людей, поставленных для этого, египетский царь спросил того, кто часто оборачивался назад: "Человек, что ты все время оборачиваешься назад и с любопытством глядишь на колеса? Что хочешь ты так жадно исследовать?". (14) Тот ответил Сесострису с глубокой мудростью: "Повергнут я в изумление тем, как движутся ко-

леса: не прямо и гладко это движение, но те их части, которые были высоко, вновь оказываются на земле, и в свою очередь бывшие низко после снова поднимаются вверх”. (15) И говорят, что эти слова отучили Сесостриса от чрезмерного самомнения и он приказал снять с плеч царей ярмо, а впоследствии выезжал на мулах. “Да будет это тебе, каган, уроком: нет ничего более непостоянного, чем счастье”. (16) Каган, удивившись кротости этого человека, умерил свою гордость, прекратил дерзкие выходки и настроился на мирный лад. Поэтому после продолжительного молчания он сказал, обращаясь к Феодору: (17) “Умею я властвовать над своим пылом, когда волны его поднимаются чересчур высоко; умею я и пустить в ход свой гнев, но тогда, когда раздражение бывает своевременным. Я примиряюсь с Приском, Феодор. Пусть и он станет мне искренним другом. Пусть каган не останется лишенным доли добычи. Ведь он вторгся в мою землю и совершал незаконные нападения на моих подданных. Пусть же и

плоды удачи будут общими”. (18) С такими дружественными и разумными предложениями он отправил Феодора к Приску. Явившись к Приску, Феодор передал ему речи варвара; на другой день Приск созвал собрание воинов и убеждал ромеев поделиться добычей и с варварами. (19) Ромейские воины, и раньше не очень разбиравшиеся в вопросах, касавшихся пользы, тут восстали против стратига. Но стратиг многими изворотливыми, соответствующими данным обстоятельствам речами убедил свои войска дать варвару что-либо из добычи. (20) В силу этого ромеи отдали кагану военнопленных варваров, лишив его доли в другой добыче, и на этом закончили споры. Каган с удовольствием принял возвращенных ему варваров и разрешил ромеям пройти через его землю. (21) Итак, ромеи отдали даром кагану пять тысяч варваров и вернулись в Дризиперы. А стратиг прибыл в Византию. За все это Маврикий бранил Приска и упрекал его в легкомыслии и ошибках, считая, что он безрассудно отдал варвару добычу.

Книга VII

4. (1) На шестой день Петр для разведки послал отряд, состоявший из тысячи человек. Они наткнулись на десять сотен булгар¹⁵⁹. (2) Так как между ромеями и каганом был мир, то варвары двигались без всяких предосторожностей. Ромеи по указанию стратига пустили в ход против варваров копья. Булгары отправили к ним послов; через них они передали, что отказываются от битвы, и убеждали ромеев не нарушать мира. (3) Начальник отряда отправил этих послов к стратигу, находившемуся от этого места в восьми милях. Петр, отвергнув мирные переговоры, приказал своему передовому отряду, вступив в рукопашный бой, мечами истребить варваров. (4) Булгары, приготовившись, как у них в обычае, к битве, тесными рядами вступили в рукопашный бой и, защищаясь с большим героизмом, заставили ромеев обратиться в бегство. (5) Немного времени спустя после этого варвары, медленно и не раз оборачиваясь назад, ушли, “тихо колено коленом сменяя”, чтобы мне в своем историческом изложении процитировать что-либо из песен Гомера¹⁶⁰; они боялись, как бы к побежденным не подошли вспомогательные силы и, объединившись, вновь не начали сражения. (6) Потерпев неудачу в своем намерении, Петр, совлекши одежды с таксиарха передового отряда, приказал, как раба, наказать его бичом. В это

время варвары явились к кагану и подробно рассказали о происшедшем. Варвар направил к Петру послов и жестоко порицал его за то, что он нарушает мир. (7) Петр обманул послов убедительными словами и сослался на то, что он не знал об этом печальном обстоятельстве. С помощью блестящих даров, предоставив в виде возмещения часть добычи, он вновь убедил варвара остаться с ним в дружеских отношениях. (8) На четвертый день Петр с войском подошел к берегу протекавшей поблизости реки и, выбрав двадцать человек, послал их, перейдя реку, выследить движение врагов. (9) Но, переправившись через реку, они все попали в плен. Это произошло следующим образом. Обычно те, которые назначаются в разведку, совершают переходы ночью, а днем спят. (10) Эти разведчики, совершив накануне большой переход, устали и поэтому в предрассветных сумерках решили отдохнуть в каких-то ближайших зарослях. (11) В третьем часу дня, когда они все спали и не поставили никого сторожить, к этой заросли явились варвары. Соскочив с коней, славяне решили немного передохнуть, а также дать некоторый отдых и своим коням. (12) Вследствие этого случайно были обнаружены ромеи. Взятые живыми в плен, несчастные были подвергнуты допросу с требованием рассказать, что задумывают ромеи. Отчаявшись в своем

спасении, они рассказали все. (13) Тогда Пирагаст (так звался глава этого племени варваров), взяв крупные силы, направился к переправам через реку и скрылся в лесах, словно какая-то невидимая кисточка винограда¹⁶¹.

7. (1) С наступлением весны¹⁶² Приск тронулся в путь из Византии. Затем, собрав все войска у Астики и произведя смотр и подсчет сил, он нашел, что большое число ромеев погибло. (2) Он хотел выяснить все ошибки Петра перед императором Маврикием, однако некоторые из его советников убедили его скрыть эти погрешности. (3) Затем после пятнадцати остановок он перешел реку Истр, и на четвертый день стратиг с войском явился в Верхние Новы¹⁶³. Узнав об этом, каган отправил послов к Приску и старался узнать причину прибытия ромеев. (4) Стратиг ответил ему, что эти места очень хороши для охоты, очень удобны для конницы и богаты водою. Тогда каган предложил ромеям пойти в другие земли; он указал, что Приск нарушает договор и незаметно разрывает мир. (5) На возмущение Приска, что это ромейская земля, варвар ответил, что оружие и законы войны отняли у ромеев право на нее. И говорят, что когда у кагана шли с ним споры по поводу этой земли и они обменивались такими речами, Приск обидел кагана оскорбительным замечанием, заявив, что тот – беглец с востока. (6) Раз мне пришлось говорить о скифах, живущих около Кавказа и распространившихся до севера, я считаю нужным упомянуть о совпадающих с данным временем событиях из жизни этих великих народов и включить их в мою историю как дополнительный рассказ. (7) Когда наступило лето этого года, тот, которого турки на востоке почетно называли каганом, отправил к императору Маврикию послов, направив с ними письмо, в котором были описаны с великими восхвалениями все его победы¹⁶⁴. (8) Начало этого письма слово в слово было следующее: “Царю ромеев каган, великий владыка семи племен и повелитель семи климатов вселенной”¹⁶⁵. Разбив наголову вождя племени абделов (я говорю о тех, которые называются эфталитами), этот каган победил их и присвоил себе власть над ними. (9) Сильно возгордившись этой победой и сделав Стемвис кагана своим союзником, он поработил племя аваров. Пусть никто не думает, что я рассказываю, будучи мало осведомлен, и не считает, что речь идет о тех аварах, которые, как варвары, жили в Европе и в Паннонии (они прибыли в эти места много

раньше времен императора Маврикия). (10) Живущие по Истру варвары ложно присвоили себе наименование аваров. Откуда они родом, я пока еще не буду говорить. После того как авары были побеждены (я опять возвращаюсь к своему рассказу), одни из них бежали и нашли убежище у тех, которые занимают Тавгаст. (11) Тавгаст – известный город, от тех, кого называют тюрками, он находится на расстоянии 1500 миль и сам расположен по соседству с Индией. Те варвары, которые живут около Тавгаста, являются племенем очень сильным и многочисленным, а по своей величине не могут быть сравнимы ни с одним из других народов, обитающих во всей вселенной¹⁶⁶. (12) Другие из аваров, вследствие поражения низведенные до более унижительно-го положения, остались жить у так называемых мукри. Это племя является самым близким к жителям Тавгаста; оно очень сильно в боевых столкновениях как вследствие ежедневных упражнений, так и вследствие твердости их духа в опасностях. (13) Совершил каган и другое предприятие и подчинил себе людей племени огор. Это одно из самых сильных племен в силу своей многочисленности и благодаря военным упражнениям в полном вооружении. Они живут на востоке, там, где течет река Тил, которую турки обыкновенно называют Черной¹⁶⁷. (14) Древнейшими вождями этого племени были Уар и Хунни. Поэтому и некоторые из этих племен получили название уар и хунни.

8. (1) Когда император Юстиниан занимал царский престол, некоторая часть племен уар и хунни бежала и поселилась в Европе. (2) Назвав себя аварами, они дали своему вождю почетное имя кагана¹⁶⁸. Почему они решили изменить свое наименование, мы расскажем, ничуть не отступая от истины. (3) Барселт, унугуры, сабиры¹⁶⁹ и, кроме них, другие гуннские племена, увидав только часть людей уар и хунни, бежавших в их места, прониклись страхом и решили, что к ним переселились авары. (4) Поэтому они почтили этих беглецов блестящими дарами, рассчитывая тем самым обеспечить себе безопасность. Когда уар и хунни увидели, сколь благоприятно складываются для них обстоятельства, они воспользовались ошибкой тех, которые прислали к ним посольства, и сами стали называть себя аварами; говорят, среди скифских народов племя аваров является наиболее деятельным и способным. (5) Естественно, что и до нашего времени эти псевдоавары (так было

бы правильно их называть), присвоив себе первенствующее положение в племени, сохранили различные названия: одни из них по старинной привычке называются уар, а другие именуются хунни. (6) Рассказав возможно короче о том, что касается псевдоаваров, я перейду к дальнейшему изложению хода истории. Когда племя огор было окончательно побеждено, каган предал вождя племени колхов на истребление мечу.

(7) Из этого племени во время войны было уничтожено триста тысяч человек, так что непрерывным рядом убитых была покрыта дорога на расстоянии четырех дней пути. (8) Когда победа столь явно улыбнулась кагану, у тюрков началась междоусобная война. Один человек по имени Турум, по роду близкий кагану, задумав государственный переворот, собрал большие силы. (9) Когда в битве перевес оказался на стороне этого захватчика власти, каган отправил посольства к другим трем великим каганам. Их имена следующие: Спарзевгун, Кунаксолан и Тупдик. (10) Когда все войско собралось у Икара (это местечко окружено большими равнинами)¹⁷⁰ и когда в этом же месте противники выступили против них и геройски сражались, пал в этой битве сам захватчик власти, и союзные силы заставили противников обратиться в бегство. Произошла большая резня, и каган вновь стал владыкой своей земли. (11) Сообщение о всех этих победах каган и послал императору Маврикию через послов. Этот Икар находится на расстоянии четырехсот миль от так называемой Золотой горы. (12) Эта гора по своему положению обращена на восток, а “золотой” она именуется местными жителями потому, что на ней в изобилии растут плоды; кроме того, она богата дикими зверями и вьючным скотом. У тюрков был закон предоставлять Золотую гору¹⁷¹ в распоряжение главного кагана. (13) Двумя очень важными вещами гордится народ тюрков: они говорят, что с самых древних времен, с начала их жизни, они никогда не видали у себя мора и что в их стране землетрясение было редкостью. Только Бакаф, некогда построенный уннугурами, был разрушен землетрясением, и Согдиана испытала на себе и мор, и землетрясение. (14) Тюрки превыше всего чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю, и называют его богом. (15) Ему в жертву они приносят лошадей, быков и мелкий скот и своими жрецами ставят тех, которые, по их мне-

нию, могут дать им предсказание о будущем. (16) В это же самое время племена тарних и котзагиров (они были из числа уар и хунни) бежали от тюрков и, прибыв в Европу, соединились с теми из аваров, которые были под властью кагана. (17) Говорят, что и племя забендер было родом из народа уар и хунни. Эта дополнительная военная сила, соединившаяся с аварами, исчислялась в десять тысяч человек.

9. (1) Закончив благополучно гражданскую войну, каган тюрков стал приводить в порядок свои дела; он заключил договор с жителями Тавгаста, чтобы, добившись прочного спокойствия, безмятежно установить свою власть. (2) Климатарх Тавгаста называется “таисан”, что на эллинском языке означает “сын бога”. Власть в Тавгасте никогда не нарушается мятежами – только наследственность дает там право на звание вождя. У этого племени поклоняются идолам, но законы справедливы, и жизнь исполнена добродетели. (3) Там есть обычай, род закона, чтобы мужчины никогда не носили золотых украшений, хотя они и обладают большим количеством серебра и золота вследствие широкой и очень выгодной торговли. (4) Границей Тавгаста является река. Эта река издавна разделяет два очень больших племени, совершенно противоположные друг другу: у одних одежды черные, у других – шафранного цвета. (5) Еще в наши времена, когда ромейский трон занимал Маврикий, племя черноодежных напало на носивших красную одежду; переправившись через реку, оно вступило с ними в бой и затем, оставшись победителями, захватило власть над всей этой страной. (6) Варвары говорят, что этот Тавгаст основал Александр Македонский, когда он покорил себе бактрийцев и Согдиану, предав огню двенадцать мириад врагов. (7) В этом городе жены повелителя имеют повозки, сделанные из золота; в каждую из них впрягается молодой бык с великолепными и дорогими украшениями из золота и драгоценных камней; даже сбруя этих быков украшается золотом. (8) Правитель, властвовавший в Тавгасте, имел семьсот жен. Жены наиболее знатных лиц Тавгаста пользуются серебряными повозками. Есть предание, что и другой город, находящийся на небольшом расстоянии, был выстроен тоже Александром; варвары называют его Хубдан¹⁷². (9) Когда умирает правитель страны, жены оплакивают его, обрив голову наголо и надев черную одежду; у них есть за-

кон, по которому они никогда не должны покидать его могилу. Город Хубдан разделяют две большие реки, по берегам которых растут кипарисы. (10) У этого племени много слонов. Варвары часто встречаются по торговым делам с индийцами; говорят, что индийцы, живущие здесь к северу, по цвету кожи белые. (11) Червей, из которых получают нити для тканей серов, здесь очень большое количество разного цвета, и в уходе за ними варвары проявляют большое искусство. (12) Чтобы мне не увести своего рассказа далеко в сторону от поставленной мною цепи, я кончаю свои замечания относительно скифов, живущих в Бактриане, Согдиане и на Черной реке.

10. (1) Я возвращаюсь теперь опять к тому, что было совершено Приском. На десятый день прибыли послы и явились в палатку стратига. От них Приск услышал, что варвар разрушил стены Сингидуна и принудил живший там народ, покинув свои дома, переселиться во вражескую землю. (2) Без малейшего промедления Приск отплыл по реке и пристал к гавани острова Синги; он расположен на течении реки Истра и находится на расстоянии тридцати миль от Сингидуна¹⁷³. (3) Перекинув на этот остров свои силы, Приск выстроил быстроходные суда, которые в народе обычно называются дромонами, и на них двинулся к Константиоле¹⁷⁴. В этих местах он встретился с каганом, и тут у стратига произошли следующие переговоры с каганом по поводу Сингидуна. (4) Варвар, находясь на берегу реки, давал свои ответы; Приск вел с ним беседу, находясь на судне. Говорят, что эту беседу начал каган и сказал, обращаясь к Приску: (5) “Что вам тут нужно, ромей, особенно здесь, в моей земле? Почему вы двигаетесь за пределы положенного? Чужим стал для вас Истр, и шум его волн враждебен вам. Мы добыли его себе оружием, поработили своим копьем. Прекрати, Приск, бессмысленные поступки. Не нарушай спокойствия, которого с трудом добились вы ценою больших даров. Почтительно отнесись к договорам, побойся нарушить неприкосновенность клятв. (6) Пусть благоразумная обдуманность предшествует действиям. Да не придется нам после понесенного несчастья совещаться, принесет ли пользу намеченное предприятие. Прежде чем решать, надо подумать. Ты злоупотребляешь неосмотрительной стремительностью. Предприятие оборачивается против того, кто вначале его плохо обдумал. (7) Ты, стратиг, начинаешь войну, как вор. Мир и союзные от-

ношения ты опорочил, присягая, как друг, и, как враг, коварно замышляя войну. Или откажись от мира, или не нарушай спокойствия”. (8) А затем варвар сказал следующее – его подлинные слова: “Пусть бог рассудит между каганом и императором Маврикием! Да будет отмщение и воздаяние от бога!”

11. (1) В свою очередь, отвечая кагану, Приск сказал так: “Ты, милейший, совершаешь несправедливость против города Сингидуна! Зачем, разрушив его стены, ты настойчиво требуешь, чтобы несчастные его жители переселились к тебе? Сам незаконно захватывая, ты жалуешься, что тебя обижают; насильничая, ты всем уши прожужжал, что тебе угрожают ромей. (2) Перестань мучить народ, так много пострадавший от тебя. Откажись от города, на который, как волны морские, катятся непрерывные бедствия. Пожалей много раз тобою ограбленный город. Положи, наконец, предел своей жадности. Дай ей передохнуть. Научи ее мудро знать меру. Укажи, где она наконец остановится. Думаю, что для ее удовлетворения не хватит многих миров. (3) Неопределенное стремление не имеет непоколебимой силы. То, что нельзя удовлетворить, не является твердым и надежным. То, что не отмерено мерою, когда ты его присваиваешь, не может считаться твоею собственностью: необъятное не приобретаемо. Бунтует то, что непримиримо. (4) Положи границу своей страсти, неудержимый свой голод излечи насыщением. Ненасытен глаз человеческий и всегда, словно какой-нибудь больной, желает он нового. Возмещаются людям дела их, удачи судьбы отзываются переменами. Нет ничего более текучего, чем счастье. У победы – быстрые крылья и скользят стопы триумфов. По природе своей трофеи побед не бессмертны. (5) Сегодня ты видишь день в розовых красках, смеющимся, в шафранного цвета одеждах, весь, можно сказать, светлый и сияющий. На завтра его же увидишь ты сумрачным, подернутым темной пеленой, закутанным в непроглядный мрак и, говоря кратко, потемневшим до отвращения от сплошных облаков”. (6) После этого каган в гневе, резко прервав беседу, с угрозой заявил, что он разрушит много городов. Покинув берег, где он сидел, варвар вернулся в свою палатку. А Приск, вызвав к себе Гудуина и отдав под его команду ромейское войско, велел ему идти на помощь Сингидуну. (7) И вот Гудуин отплыл к Сингидуну. Город Сингидун омывают две реки – Саос и Драос¹⁷⁵.

Когда стоявшие у Сингидуна варвары увидели подплывшие войска ромеев, они поставили перед городом свои повозки и стремились защитить ими город, как военным частоклом. (8) Но, не выдержав стремительного наступления ромеев, а кроме того, боясь городских жителей, варвары обратились в бегство. Так Приск спас несчастный народ. На другой день ромеи стали восстанавливать стены города. (9) От этого каган пришел в раздражение, загорелось сердце его, и он отправил послов к Приску с заявлением об открытом расторжении договора¹⁷⁶. На десятый день, собрав свои войска, он под призывные звуки труб двинулся походом к Ионийскому заливу.

12. (1) В этих местах находится область Далмация. И вот после достаточного количества привалов варвар прибыл в Бойки¹⁷⁷. Окружив город стенобитными орудиями, он разрушил сорок укреплений. (2) Услыхав об этих ужасах, стратиг вооружил две тысячи отборных воинов под начальством Гудуина и послал его выследить, что делают враги. Гудуин, взяв с собой отборные силы из тяжеловооруженного войска, отправился в путь. (3) Гудуин избегал горных дорог и совершал свой путь по трудно проходимым местам и по неизвестным тропинкам, чтобы не попасться на глаза врагам и, привлекая к себе внимание неприятелей, не попасть в крайне тяжелое положение. Оказавшись поблизости от варваров, он увидел с незаметного для них сторожевого пункта проходящую мимо большую толпу народа. (4) Тогда, послав тридцать человек пешком, он велел им выследить врагов. Ромеи совершали свой путь по окольным дорогам. И вот ко второй страже ночи они, выследив неприятельское войско, спрятались в засаде, словно в каком-нибудь закоулке. (5) Когда миновали уже признаки полуночи, скрытые в лесах ромеи храбро напали на спящих врагов. (6) Встретив на расстоянии двух миль трех сильно пьяных людей, они живыми захватили их в плен и после основательного допроса, насколько было возможно, узнали все намерения врагов. Надев на них оковы, ромеи живыми отправили их к Гудуину. (7) Таксиарх Гудуин, узнав от них, что каган собрал и отправил для охраны добычи две тысячи тяжеловооруженных воинов, обрадовался этому известию. И вот он скрылся в каком-то овраге. (8) С наступлением дня варвары остались здесь охранять добычу, Гудуин же, зайдя им в тыл, со всеми своими силами напал на них с оружием в руках и всех погубил; сам он

остался невредимым, а захваченную добычу с чувством глубокой гордости отправил к Приску. (9) Каган, узнав о неудаче, впал в большое уныние. Затем и ромеи, и варвары провели здесь свыше восемнадцати месяцев, держась у берегов Истра, но не совершили ничего, достойного описания¹⁷⁸. (10) Когда наступил девятнадцатый год¹⁷⁹, императору было предсказание, обещающее в будущем общее для всего мира несчастье. Некий муж, в подвижничестве отрешившийся от здешнего мира, углубленный в созерцание тайн и обрекший себя на затворничество, с обнаженным широким мечом бегом пробежал в таком вооружении от Форума (это одно из самых замечательных мест города) вплоть до входа во дворец, предсказывая, что император вместе со своими детьми погибнет от меча. (11) А летом, как гласит молва, Геродиан открыто предсказал императору Маврикию несчастный исход жизни; этот муж настойчиво уверял, что все, что он предсказывал, дал ему познать божественный голос.

13. (1) В это же самое время каган, ценный у авторов за свои достоинства, собрав войска, двинулся на Фракийскую Мезию, затем он приступил к городу Томису. Узнав об этом, Приск вышел на помощь городу, находившемуся под угрозой. (2) И вот ромеи и варвары стали лагерем около города Томиса и, несмотря на зимнее время, не уходили из лагеря¹⁸⁰. С наступлением весны у ромеев начался голод¹⁸¹. (3) В канун великого христианского праздника, когда они праздновали Страсти и Воскресение Бога-Спасителя, а голод все сильнее терзал ромеев, по некоему чудесному промыслу каган отправил к ромеям послов. С его стороны последовало достойное предложение прекратить у ромеев голод. (4) Приск недоумевал и не доверял этому необычному предложению. Но, дав друг другу взаимные клятвенные подтверждения, ромеи и авары установили пятидневное перемирие и стали без страха вести дела друг с другом. Каган предоставил голодающим ромеям целые повозки продовольствия. (5) Такое проявление человеколюбия со стороны варваров вплоть до нашего времени считается одним из самых чудесных дел. На четвертый день, когда ромейское войско в изобилии получило все самое необходимое для жизни, каган отправил к ним послов, прося у Приска дать ему индийских пряностей. (6) Стратиг охотно удовлетворял просьбу варвара, послав ему перцу, индийского листу, кассии и так называемого

коста¹⁸². Варвар, получив дары ромеев, был крайне доволен этими пряностями. Поэтому он не вел никаких военных действий, пока у ромеев не окончился всеобщий великий праздник. (7) Враги спокойно жили по соседству друг с другом, и не было страха ни у того, ни у другого войска. Когда же этот праздник окончился, каган через послов потребовал, чтобы войска разошлись по своим местам. Так варварское войско отделилось от ромеев. (8) На шестой день, услышав, что Коментиол собирается двинуть войско к Никополю¹⁸³, каган, собрав свои войска, выступил против Коментиола. Услышав о приближении кагана, Коментиол удалился в Мезию и разбил свои палатки у Зикидибы. (9) На седьмой день он прибыл к городу Иатру¹⁸⁴. Варвар остановился в двадцати парасангах от ромеев. Среди ночи ромейский стратиг тайно отправил посла к кагану, а затем велел ромейскому войску вооружиться, но сообщил об этом как-то мимоходом; он не сказал, что с утра им предстоит вступить в бой. (10) Ромейские воины, полагая, что вождь приказал им взяться за оружие не для битвы, надели себе на грудь железные рубашки – им казалось, что стратиг хочет сделать войску смотр. (11) Когда солнце своими лучами осветило землю, ромеи увидели хорошо выстроенное войско варваров, готовящееся немедленно совершить нападение. Войска, бывшие с Коментиолом, стали порицать своего полководца, считая его виновником этого столь неожиданно наступившего беспорядка. Поэтому поднялся страшный шум, варварское же войско остановилось от ромеев на расстоянии двух миль.

14. (1) Заметив, что варвары задерживаются с нападением, ромеи все быстро вооружились и построились. И то, что у них раньше из-за невнимания и небрежности было плохо предусмотрено, этот благоприятный случай дал возможность выправить. (2) Но Коментиол нарушил строй, передвигая войска то из центра на левый фланг, то перекидывая отряды с левого фланга на правый. Благодаря этим постоянным переменам строя он был виновником большого беспорядка. (3) Из-за всего этого в рядах ромейского войска произошло большое волнение. К тому же правому крылу своего войска полководец отдал тайный приказ собирать свой обоз и тотчас же готовиться к бегству. Те, кому было приказано, немедленно это выполнили и бросились бежать. (4) При виде этого и среди остальных войск ромеев начался беспорядок. К заходу

солнца ромеи разбили укрепленный лагерь на расстоянии двух миль от врага и здесь остановились. Авары же не двинулись с того места, где были накануне. (5) В полночь стратиг, выбрав отборных воинов под видом передового дозорного отряда, тайно велел им бежать. Затем утром Коментиол, можно сказать, весь с ног до головы закованный в железо, сделал вид, что за четыре мили отсюда он собирается устроить охоту. Под этим предлогом он со всех ног бежал оттуда. (6) В полдень войско стало размышлять над безумным поступком Коментиола и, поняв замысел стратига, приняло решение бежать. Войско перешло ближайшую реку и на расстоянии сорока миль от лагеря обратилось в беспорядочное бегство. (7) Поскольку это отступление шло без всякого руководства, воины были охвачены паническим страхом. Выступившие затем варвары переправились через реку, называемую Истр. Когда враги стали наступать далее, все ромейское войско охватил страх и полное замешательство. (8) Началось страшное бегство всех ромейских сил. Затем варвары заняли укрепления, бывшие ключами горных проходов – на своем родном языке ромеи обычно называют их клисурами. (9) Вместе с тем были убиты многие из ромеев. Но когда избиение ромеев стало чересчур значительным, их войско, составив фалангу, силою отбросило варваров. Авары ввиду силы и стремительности этого наступления ушли с горных переходов. (10) Таким образом, ромеи с великими опасностями вновь овладели проходами. Коментиол после своего позорного бегства прибыл к Дризиперам и, подойдя к воротам города, потребовал, чтобы его впустили и дали горячей воды для омовения. Но жители города оскорбительными словами и камнями прогнали этого трусливого стратига. Поэтому Коментиол направился к “Длинным стенам”. (11) Когда ромеи вскоре опять стали отступать, варвары подошли к Дризиперам, разрушили город и уничтожили храм Александра, славнейшего среди мучеников, предав его всепоглощающему огню. (12) Найдя могилу мученика, обложенную серебром, они безбожно ободрали серебро и надругались над телом, лежавшим в раке. Возгордившись этими победами, они предались пирам, с пышностью возлежа на ложах.

15. (1) В эти дни господствующий над всеми народами Иисус, в которого мы верим, унаследовавший от Отца власть над всей вселенной и владеющий всею землею от края до

края, явил кагану свидетельство своего царственного могущества. (2) Все войска варваров подверглись внезапно поразившему их мору – это было неумолимое бедствие, не поддававшееся никаким лечебным средствам, как бы хитро они ни были придуманы. Таким образом, каган получил достойное наказание за то, что он оскорбил мученика Александра. У семи его сыновей при очень высоком жаре и воспалении покрылись нарывами детородные члены, и в один и тот же день они окончили свою жизнь. (3) Так каган несчастливо праздновал свои счастливые победы: вместо пеанов и песнопений, гимнов и рукоплесканий, вместо согласного пения хоров и шумных волн смеха он получил слезы и рыдания, неутешную печаль, невыносимое горе наказания. Поражен он был воинством ангелов, и явен был нанесенный удар, но сонм врагов остался незримым. (4) Когда Коментиол прибыл в столицу, прибыли вместе с ним туда и страхи. Весь город гудел в шуме и смятении, рисовались в предположениях всякие опасности, злые предзнаменования будущей судьбы представлялись каждому в его фантазии и, можно сказать, наяву он видел страшные сны. (5) И до такого бедствия дошло положение дел в Византии, что жители уже подумывали покинуть Европу и переселиться в Азию, сделав Халкидон местом нового своего поселения. (6) Город Халкидон находится по ту сторону пролива, против столицы, и является для византийцев хорошо расположенной военной базой. (7) Тогда император, собрав своих телохранителей, которых ромеи называют экскувиторами, и произведя набор войска, отправил их на охрану “Длинных стен”. Большие отряды войск дали ему византий-

ские демы¹⁸⁵. (8) На восьмой день сенат стал убеждать кесаря отправить к кагану посольство. Император, вызвав к себе Гарматона, назначил его послом и отправил к кагану. (9) И вот Гарматон отправляется в Дризиперы, неся большое количество даров. Но каган, оплакивая постигшее его бедствие, проливал обильные слезы о смерти своих сыновей и жалкой гибели своего войска. (10) Десять дней пробыл там ромейский посол, и не мог его принять для переговоров каган: острым было горе его и неутешной печаль. Наконец, на двенадцатый день посол был введен в палатку варвара. (11) Посол угодливыми словами льстил варвару, но каган отказывался принять императорские дары; он, можно сказать, повторял стихи из трагедии: “Дары врагов не есть дары, нет пользы в них”¹⁸⁶. Но посол многими речами убедил варвара почувствовать удовлетворение от этих даров. (12) На другой день варвар заключил мир¹⁸⁷ и стал думать о возвращении. Каган не раз говорил буквально следующее: “Пусть бог будет судьей между Маврикием и каганом, между аварами и ромеями”. (13) Он обвинял императора в том, что тот разрушил мир. И эти слова не были совсем несправедливыми. Действительно, ромеи, нарушив мир и завязав войну, подверглись вышеуказанным несчастиям: недостойное начало в конце концов всегда приведет к тяжелым последствиям. (14) Ромеи и авары договорились, что Истр является их пограничной рекой, но против славян дается право переходить эту реку. В силу договора вносятся еще другие двадцать тысяч золотых. На этом была окончена война между ромеями и аварами.

Книга VIII

1. (1) В это же самое время персидский царь Хосров попытался нарушить мир. Причиной этого, в глазах варвара, было следующее. В Аравии живет много различных племен, которых в народе обычно называют сарацинами. (2) Из этих племен некоторые находились в союзе с ромеями¹⁸⁸. Одна их часть, двинувшись в Персию во время мира, совершила набег и разграбила часть Вавилонской области. Из-за этого Хосров был в большом затруднении. (3) Поэтому император Маврикий отправил послом в Персию Георгия, который прежде был начальником по сбору налогов с восточных городов; ромеи называют его префектом претория. (4) Хосров, громко жа-

луясь на происшедшее, сурово отнесся к послу и заставил его долгое время пробыть в варварской стране. Подвергаясь недружелюбному обращению, Георгий провел много дней в Персии, не получая приглашения в царский дворец. (5) Так как положение дел у Хосрова было беспокойное, то, конечно, у царя было сомнение, стоит ли в данный момент начинать войну с ромеями. И вот вавилонский царь принял Георгия во дворце. (6) Тогда Георгий, воспользовавшись благоприятным моментом, стал убеждать варвара, в силу военного союза не нарушать мирных отношений с ромеями. Таким образом, “волей-неволей”, как говорится у поэтов, Хосров избрал мир и

спокойствие¹⁸⁹. (7) Все случившееся посол подробно передал императору. Но изложение всей этой беседы имело для Георгия неблагоприятный конец. Говоря с императором, Георгий употребил такое выражение: “В присутствии сатрапов персидский царь сказал следующее: “из уважения к достоинствам посла я согласен решить вопрос о войне”. (8) Услыхав это, император рассердился на посла, и для Георгия эта беседа во время почетного для него посольства оказалась опасной. И действительно, речь, построенная в неподходящих выражениях, может доставить произносящим ее большие несчастья. (9) Вернемся теперь к событиям в Европе. Когда каган по заключении мира, уходя домой, перешел через Истр, ромейские войска, бывшие во Фракии, отправили послов к императору Маврикию, обвиняя стратига Коментиола в измене. (10) По этому поводу в столице произошло большое волнение; император назначил Коментиола и послал третейских судей. Когда состоялось это судебное заседание и император всячески ходатайствовал перед послами за Коментиола, обвинение не встретило поддержки, и Коментиол вновь был назначен стратигом. (11) С наступлением лета он выехал из города, и так как ромеи после ссоры примирились со стратигом, Коментиол вновь набрал тяжеловооруженное войско, двинулся с ним к реке Истру и в Сингидуне соединился с Приском¹⁹⁰.

2. (1) На четвертый день войска были созваны на собрание, и после речи Приска мир между аварами и ромеями оказался нарушенным. Дело в том, что император Маврикий в письме приказал стратигам нарушить договор. (2) Когда, таким образом, мир явно был нарушен, ромеи двинулись к Виминакию – этот остров находится посредине Истра. На этом острове Коментиол решил объявить себя больным. (3) Когда ромеи переправились с острова на материк, каган получил известия о движении ромеев. Поэтому варвар, собрав свои силы, опустошил ромейскую землю, своим же четырём сыновьям, оставшимся у него в живых, он передал войска и поручил охранять переходы через Истр. (4) И вот сыновья варвара, согласно поручению, пытались охранять переходы Истра, ромеи же, связав себе плоты, одновременно переправились через реку. Когда на ее берегу завязалась битва, ромеи одолели стоящие против них неприятельские силы. (5) А Коментиол вместе с Приском продолжали оставаться в Виминакии. У него

было заранее решено: ни под каким видом не вступать в сражение с врагами, и переубедить его в этом было невозможно; открыв себе медицинским ножом жилы на руке, он вследствие потери крови, под этим предлогом, а по существу из-за трусости, был небоеспособным. (6) Когда ромеи переправились через Истр и выстроили там укрепленный лагерь, Приск не покидал острова: он не хотел без Коментиола вступать в решительное сражение. Так как ромеи остались без командования, варвары налетели на их лагерь со всех сторон. (7) Ромеи отправили послов в Виминакий к стратигам и указали им на свое опасное положение. Хотя Приск и отказывался приступить к военным операциям без Коментиола, но так как натиск варваров был очень сильным, удалось убедить Приска оставить Коментиола и самому приняться за заботы об этих опасностях. (8) Таким образом, Приск покинул остров и явился в ромейский лагерь. На другой день он приказал, чтобы суда, покинув берега Истра, были отправлены в Виминакий. (9) Приск боялся, как бы ромеи, если эти суденышки будут у них стоять около берега реки, не стали часто переезжать на остров и вследствие ухода таких маленьких групп ромейские силы постепенно не становились бы все малочисленнее, а укрепления ромейского лагеря не остались без достаточной охраны. (10) Так как варвары настойчиво стремились к бою, то на четвертый день ранним утром Приск приказал ромеям вооружиться и, выстроив насколько было возможно, свои войска тремя фалангами, принял первые нападения врагов. (11) Не имея луков, ромеи вступили с неприятелями в бой копьями с близкого расстояния. Авары поставили свои войска пятнадцатью отдельными отрядами; ромеи же, боясь за свой лагерь, стояли сплошной линией, готовые принять бой со всех сторон, и тем самым обеспечивали лагерь большую безопасность. Битва вначале шла очень вяло. (12) Когда же солнце стало склоняться к закату, наметился и исход боя, и чаша весов этого сражения склонилась на сторону ромеев; в то время как ромеев было убито только триста человек, из аваров погибло четыре тысячи. С наступлением ночи ромеи вернулись в лагерь.

3. (1) На третий день варвары вторично стали готовиться к бою. Со своей стороны Приск, насколько был в состоянии, выстроил в боевой порядок свое войско и с утра вышел на сражение. (2) Он построил силы ромеев са-

мым лучшим образом, разделив их на три отделения; он побуждал их сражаться как можно храбрее, затем, постепенно вытягивая фланги, окружить аваров так, чтобы варварское войско оказалось словно в какой-то котловине, и варвары, попав в середину, подверглись неожиданному уничтожению. (3) Таким-то образом варвары попали в эту засаду, и силы стоящих против них врагов истребили из них девять тысяч. С заходом солнца победоносное войско вернулось в лагерь. (4) На десятый день стратиг услышал, что варварское войско вновь пошло в наступление. Среди дня, вооружив и построив как следует ромейское войско, Приск двинулся в бой. (5) Он вновь построил свое войско тремя фалангами, варвар же, выстроив одну фалангу, двинулся на Приска. Приск, выбрав на этой местности самое удобное расположение и используя себе в помощь направление ветра, с возвышенности ворвался в ряды аваров, а двумя своими фалангами нанес врагам решительный удар. (6) В этих местах находилось озеро – в его воду он и загнал варваров. Поэтому варвары, оттесненные к бушующим его волнам и на свое несчастье видя его перед собой, позорно в нем потонули. (7) Множество их, в том числе и сыновья кагана, погибли в этом озере, а Приск одержал одну из самых блестящих своих побед. В этом сражении погибло пятнадцать тысяч варваров. (8) Сам каган, спасшись с великой для себя опасностью, направился к реке Тиссу¹⁹¹. На тридцатый день варвар собрал войско. Он стал в четвертый раз готовиться к наступлению. Услыхав об этом, стратиг ромеев Приск отправился походам к реке Тиссу. (9) Таким образом, определился день битвы и для той и для другой стороны. Когда наступил назначенный срок, на самом рассвете Приск выстроил свое войско, но переменил места его частей: левый фланг фаланги он сделал правым, а отряд центра он поставил на левом крыле. Варвар же вооружил и поставил свое войско двенадцатью отрядами. (10) Ромеи вели битву с большой доблестью и победили варваров в этой борьбе; в том сражении погибло много врагов. Эта победа принесла ромейскому войску еще большую славу. (11) Отобрав из своего войска четыре тысячи, Приск велел им переправиться через Тисс и выследить движения неприятелей. Посланные полководцем, они переправились через реку. Там они напали на три местечка гепидов. Эти варвары, ничего не зная заранее, устроили пир и справляли какой-то местный

праздник. (12) Сосредоточив все свои помыслы на пьянстве, они всю ночь провели пируя. В этот день, еще в предрассветной тьме, когда шли последние часы ночи, ромеи напали на опьяневших варваров и произвели страшную резню: они уничтожили тридцать тысяч варваров¹⁹². (13) Овладев множеством пленных, они вновь переплыли через реку и в неприкосновенности передали Приску свою добычу. На двадцатый день варвар вновь собрал силы у этой реки. Поэтому Приску пришлось снова вернуться сюда. И в этом месте произошла самая большая и замечательная битва. (14) Варвары, разбитые, можно сказать, наголову, в этот день были потоплены в волнах реки. Вместе с ними погиб и очень большой отряд славян. (15) После поражения варварское войско было взято в плен, из них аваров было захвачено три тысячи, остальных варваров – шесть тысяч двести и славян восемь тысяч. На этих пленных были надеты оковы, и стратиг послал захваченных варваров в качестве добычи в город Томис.

4. (1) Тогда каган, прежде чем император узнал о чем-либо случившемся, отправил послов к Маврикию, пытаясь получить назад пленников. (2) Маврикий, пораженный угрозами варвара и обманутый их словами, приказал Приску возвратить кагану взятых в плен аваров. Таким образом, варвары были выданы из Томиса кагану. (3) Коментиол, как будто пробудившись от какого-то долгого сна, решил избавиться от болезни. Поэтому он отправился в Девы и, желая пройти так называемой Траяновой военной дорогой¹⁹³, собрал там некоторых из местных жителей и потребовал, чтобы они дали проводника; он торопился провести зиму в Византии. (4) Местные жители отсоветовали Коментиолу идти этой тропой. Придя в гнев, двоих из тех, которые ему это говорили, он велел казнить. Тогда жители Нов сказали Коментиолу, что нет у них человека, который смог бы показать ему этот путь, но что за двенадцать миль отсюда остался еще глубокий старик ста двух лет от роду; они утверждали, что он знает военную дорогу императора Траяна. (5) Отправившись в эти места, стратиг Коментиол велел этому старику стать его проводником. Старик сильно колебался и выражал неудовольствие; он предупреждал стратига, что это тяжелое предприятие, подробно рассказывая ему о трудности пути, о бывающих там холодах, о том, насколько дик этот путь: ведь по этой дороге не ходили вот уже лет девяносто. (6) Но стратиг

настаивал, не слушая старика. Дурное решение одержало верх, и ромейские войска приступили к этому переходу. (7) И вот случилось, что в эти дни ударил необычайно сильный мороз, все покрылось глубоким льдом, а так как еще поднялся сильный и резкий ветер, то многие из ромейского войска погибли; погибла и большая часть вьючных животных. (8) В крайне плачевном состоянии Коментиол с трудом добрался до Филиппополя. Там он провел все зимнее время, а с наступлением весны отправился в Византию¹⁹⁴. Летом император Маврикий вновь назначил его стратигом. (9) На девятнадцатом году царствования императора Маврикия¹⁹⁵ у ромеев и варваров не произошло ничего замечательного. На двадцатом году¹⁹⁶ император Маврикий назначил своего родного брата Петра стратигом войск в Европе. (10) Перед этим торжественно была отпразднована свадьба Феодосия, сына императора, которому отец выбрал в жены дочь Германа, человека очень знатного и очень видного из числа сенаторов¹⁹⁷. (11) Немного дней спустя после этой свадьбы, зимою, в Византии почувствовался недостаток хлеба. Когда разразился этот голод и через сорок дней наступил праздник Рождества великого Бога Иисуса, которого по всей вселенной народы почитают под именем Христа, народ поднял мятеж против императора. (12) Обычно государь встречает этот праздник вместе с народом. И вот, когда государь вместе с толпами народа молился в храме, некоторые из толпы, желавшие государственного переворота, стали поносить Маврикия и бросали в него камнями. (13) Маврикий приказал своим телохранителям пригрозить нападающим железными дубинками (на языке ромеев они называются дистриями) и сделать вид, что они хотят напасть на них, но на самом деле не нападать. Герман же, закрыв хламидою Феодосия, через Илары¹⁹⁸ (так называется одно место в городе) увел его с места молебствия и спас.

5. (1) Император также был охраняем своими телохранителями и не дал нарушить церковную службу. Затем он и все отправились в храм Богородицы, который почитающие его византийцы называют Лакерны¹⁹⁹. (2) Этот храм почитается весьма священным и пользуется в городах наибольшим почитанием; говорят, что здесь в золоченом ковчеге был положен покров Девы Марии, которую одни мы, ромеи, чтим как Богородицу. (3) Поэтому император по обычаю отстоял в этом храме свя-

тую обедню, а затем отбыл во дворец. На другой день, приведя в разум небольшими наказаниями наиболее видных из мятежников, он выслав их из города. (4) Но это изгнание продолжалось недолгое время. Очень скоро император, забыв об обиде, дал разрешение высланным вернуться в столицу.

(5) Стратиг же Петр, собрав войска, двинулся к Истру. Он прибыл в Паластол²⁰⁰ и, построив лагерь, там провел всю летнюю пору. С наступлением осени²⁰¹ стратиг передвинулся к холмам Дардании²⁰². Слышал он, что у так называемых Катаракт собрались силы аваров и что туда направляется с войском Апсих. (6) Когда туда прибыли ромеи, стратиг Петр вступил во взаимные переговоры с Апсихом, ипостратигом аварских войск. Апсих пытался получить в свою власть от ромеев так называемые Катаракты. (7) Так как стратиг отказывался от заключения мира на этих условиях, войска той и другой стороны разошлись, и каган удалился в так называемой Константиоле, ромеи же вернулись, собираясь остаться во Фракии. (8) С наступлением лета²⁰³ до императора Маврикия дошел слух, что каган умышленно затягивает войну, чтобы, когда разойдутся ромейские войска, каким-либо быстрым движением напасть на Византию. (9) Поэтому он приказал стратигу оставить Адрианополь и перейти через Истр. (10) Тогда Петр стал готовить поход против славян и написал Воносу. Это был один из телохранителей императора, человек очень видный, которого обычно в народе называют скрибоном. (11) Он в это время должен был помогать стратигу Петру. В этом письме было требование, чтобы он приготовил суда для перевозки ромейских войск через реку. (12) Ипостратигом боевых сил Петр назначил Гудуина. Гудуин, переправившись через реку, острием меча погубил множество врагов и захватил большое количество пленных, чем приобрел великую славу. Ромеи старались вновь переправиться через реку на свою сторону, но Гудуин некоторое время препятствовал им в этом. (13) Тем временем каган, получив известие о набегах ромеев, направил сюда Апсиха с войском и приказал истребить племя антов²⁰⁴, которые были союзниками ромеев.

6. (1) При таких обстоятельствах авары в большом числе отпали и спешно, как перебежчики, перешли на сторону императора. Слухи об этом привели кагана в замешательство; его охватил страх, он и упрашивал их и придумывал много различных средств, чтобы вернуть

себе назад отпавшие силы. (2) Когда наступила осень²⁰⁵, император Маврикий настойчиво требовал от Петра, чтобы ромейские войска провели зиму во владениях славян. Но сами ромейские войска были очень недовольны таким планом императора как из-за малой надежды на добычу, так и из-за недостатка лошадей. Кроме того, их пугало бесчисленное множество варваров, которые, как волны, заливали всю страну на той стороне Истра. Так как стратиг признавал власть императорского приказа над своими действиями, среди войск вспыхнул сильный мятеж. (3) В частых письмах Маврикий настаивал, чтобы Петр заставил ромеев поступить таким образом, ромей же держались другого мнения и решительно отказывались от этого. Тем временем они переправились через реку и, когда это произошло, прибыли в Паластол, охваченные величайшим гневом. (4) Петр остановился в десяти милях от лагеря. Стратиг, негодуя на свои войска, смотрел на это как на бессмысленное безумие и не считая возможным для себя находиться вместе со своим войском. (5) На третий день он обратился к Гудуину и сказал, что он будто бы видел во сне, как ему было прислано императорское письмо, а в заглавии письма буквально было следующее: (6) “Владыка наш Иисус Христос, истинный Бог и божественная милость, стоящий во главе всех церквей, ис-

полняет все, чего недостает, на благо всем и в настоящее время вновь ставит владыку над этим новым (Римом)”. Петр был в недоумении и печали; охваченный всяческим волнением, он беспокоился и горевал, не зная, к чему приведут все эти ночные видения. (7) Да и Гудуин, пораженный и этим мятежом войск и вещими указаниями сновидений, не мог ничего сказать. На другой день войска снялись с лагеря и, минуя Асим (так называлось укрепление), остановились в Куриске, откуда они собирались переправиться в места, где стояли палатки варваров, ибо немного уже успокоились в своей заносчивости. (8) За эти дни они стали строить лодки. Но в это время начались проливные дожди, и вместе с ними ударили холода. Из-за этого воины вновь подняли мятеж, не желая переправляться через реку. (9) Они отправили к Петру, который жил от лагеря на расстоянии двадцати миль, в качестве послов восемь ромеев, в числе которых был и Фока, самый жестокий тиран. Они требовали отвести войска домой и там провести зимнее время. (10) Но император прислал письмо, где настойчиво добивался, чтобы Петр перешел через реку и с войсками вступил в неприятельскую землю, с тем чтобы ромей добывали там средства для пропитания войск и тем дали возможность прекратить их снабжение из государственных запасов.

Примечания

¹ Император Тиверий умер 14 августа 582 г.

² Провозглашение Маврикия императором состоялось 13 августа 582 г. Маврикий происходил из знатного рода каппадокийского города Арависсо. Покинув в 539 г. родной город, он прибыл в Константинополь, где поступил на государственную службу, начав с незначительной должности нотариуса. Пользуясь покровительством кесаря Тиверия, он в 573 г. получил звание комита экскувиторов и одновременно комита федератов с поручением сформировать армию из задунайских “варварских” племен. С 577 по 582 г. был магистром войск Востока. О Маврикии см.: Н. В. Пигулевская. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. – М.–Л., 1946: 62–67; P. Goubert. Byzance avant l'Islam, t. I. – Paris, 1951: 31–48.

³ Родиной аваров считается северный Китай, где они были известны под именем жуан-жуан. К началу VI в. авары заняли значительную территорию к востоку от Каспийского моря (области в бассейне Амударьи и Сырдарьи). После того как в середине VI в. авары были покорены тюрками, часть их – по данным Менаандра, 20 тыс. (Menander Protector. Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes / Ed. C. de Boor, Pars I. – Berolini, 1903: 197) – бежала на запад в прикавказские области, откуда они вошли в сношения с Византией. Следует, однако, отметить, что Менаандр употребляет по отношению к европейским аварам и другое название – οὐαρχονίται “вархониты” (Exc. de legat.: 205). Это

же имя в слегка измененной форме οὐάρ καὶ χουρνι употребляет и Симоката (VII: 8, 6), считающий европейских аваров “псевдоаварами” (οἱ ψευδᾶβαροι). В результате переговоров с посольством кагана Баяна в 558 г. Юстиниан использовал военные силы аваров для охраны дунайской границы от “варварских” вторжений на основе ежегодной выплаты аварам денежной дани. В 561–562 гг. авары распространились в областях по Нижнему Дунаю. Новое посольство Баяна добивалось от Византии земель для поселения. Юстиниан предложил аварам занять землю герулов и гепидов (Паннонию), но в этот период авары были еще недостаточно сильны для борьбы с этими народами. Авары продолжали продвигаться на запад и вошли в соприкосновение с франками. После смерти Юстиниана Византия изменила политику в отношении аваров. Юстин II воспротивился их непомерным требованиям и отказался от уплаты дани. Авары вступили в союзные отношения с франками, а позднее с лангобардами. После того как союзные войска аваров и лангобардов разгромили в 567 г. гепидов и лангобарды вместе с покоренными гепидами переселились в Италию (568), авары заняли Паннонию, за исключением города Сирмия, важного стратегического пункта на р. Саве (совр. г. Митровица в Югославии), который был захвачен Византией. Настойчивые требования аваров о возвращении Сирмии, города, принадлежавшего ранее гепидам, привели к войне (579–582). После двухлетней осады (580–582) Сирмий был взят аварами. Об ава-

рах, их взаимоотношениях с Византией см. Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.–Л., 1941: 91–101; А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах в VI–VII вв. // ВДИ, 1946, № 1: 26 и сл.; М. В. Левченко. Византия и славяне в VI–VII вв. – ВДИ, 1938, № 4: 40; L. Hauptmann. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars pendant la seconde moitié du VIe siècle // Byzantion, IV, 1927–1928: 137–170; G. Moravcsik. Byzantinoturcica, t. I. – Budapest, 1942: 141 и др.

⁴ Menander Protector. Excerpta de legationibus Romanorum ad gentes /Ed. C. de Boor, Pars I. – Berolini, 1903: 170–221, 442–447.

⁵ С этим требованием посольство кагана прибыло в Константинополь в мае 583 г.

⁶ Сингидун (Σιγγιδών) был расположен при впадении реки Савы в Дунай, на месте современного Белграда. Об истории города см. Ф. Баришич. Византиски Сингидунум // Сборник радова Византологички институт САН, кн. 3, Београд, 1955: 1–14. Город был взят аvarами летом 583 г.

⁷ Выражение “кадмова победа” (Καδμεία νίκη) употребляется в значении “победы, купленной дорогой ценой”. Ср. “Пиррова победа”.

⁸ Αὐυόρσται – византийская крепость на Дунае, стоявшая в устье современной реки Огоста в Болгарии.

⁹ Βιζνιάκιον – главный город древней Мезии, совр. Чаир около города Костолаца в Югославии.

¹⁰ Ἀρχαῖος – город на побережье Черного моря, совр. Поморие в Болгарии.

¹¹ Теплые минеральные источники, известные в этом районе со времен Римской империи (Aquae Calidae), существуют здесь и поныне. Это – курорт Бургасские минеральные ванны, находящийся в 16 км к северо-западу от болгарского порта Бургас.

¹² “Длинные стены” (τά μακρά τεῖχη) были построены при императоре Анастасии в 512 г. для защиты столицы от вражеских вторжений. Они шли от Мраморного моря до Черного в 40 км от столицы и имели протяженность в 420 стадий (ок. 80 км). Их конечными пунктами были Силимврия и Деркос.

¹³ 584 г.

¹⁴ Вторжения славян в византийские провинции к югу от Дуная могут быть документально засвидетельствованы с конца V в. (М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V–VI вв. // Византийский сборник, М.–Л.: 37 и др.). По этому вопросу существует большая научная литература. Из последних работ необходимо отметить следующие: История Болгарии. – М., 1954, т. I, гл. 2; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953; А. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах в VI–VII вв. ИДИ, 1946, № 1; Н. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.–Л., 1941: 91–108; М. В. Левченко. Византия и славяне в VI–VII вв. // ВДИ, 1938, № 4; Б. Т. Горянов. Славяне и Византия в V–VI вв. н. э. // Исторический журнал, X, 1939; Б. Т. Горянов. Славянские поселения VI в. и их общественный строй. ВДИ, 1939, № 1 и др. Важное значение имеет вопрос о взаимоотношениях славян и аvarов. Известно, что с появлением аvarов на Дунае (середина VI в.) часть славянских племен оказалась подчиненной аvarами. Было бы, однако, неправильно утверждать, что славяне полностью потеряли свою независимость, и аvarы приобрели решающую силу в борьбе с Византией. Аvarам удалось подчинить лишь славянские племена, жив-

шие на Среднем Дунае (Паннония), в то время как славяне, населявшие области по Нижнему Дунаю, оставались самостоятельными. Последние исследования утверждают, что даже под господством аvarов паннонские славяне не утратили своей племенной принадлежности и сохранили свою самобытность и культуру.

¹⁵ Эргиния – левый приток р. Гебра (Марицы), совр. Ергене.

¹⁶ Имеется в виду термин magister militum praesentalis.

¹⁷ Ἀδριανού πόλις – город во Фракии, совр. Одрин в европейской части Турции.

¹⁸ Ἀντισίον – крепость близ Адрианополя.

¹⁹ Ἀστική – местность во Фракии к северу от р. Гебра (Марицы) между Адрианополем и Филиппополем, совр. Пловдив.

²⁰ *Гепиды* – восточногерманская народность, родственная готам. В начале VI в. гепиды занимали области по берегам Тиссы и Дуная в его среднем течении. В 567 г. гепиды были разгромлены союзными войсками лангобардов и аvarов.

²¹ ...ἐπὶ τὴν Λιβιδίνων πόλιν – по предположениям, Симокатта имеет в виду столицу гуннских племен, живших между Доном и Дунаем (совр. г. Лебедин Киевской области).

²² Πατρία (совр. Арчар), Βονόνηια (совр. Видин), Ακός (совр. Видровград близ Неготина в Югославии), Δορόστολος (совр. Силистра) – византийские крепости на Дунае; Ζαλδαλά – крепость в Нижней Мезии к западу от Одесса (совр. г. Варна в Болгарии); Μαρκιανού πόλις – главный город Нижней Мезии, находившийся к западу от Одесса на месте современного болгарского села Девна; Παννασσά – крепость к западу от Маркианополя; Τρόβαιον – современное румынское селение Адамкиси, восточнее Силистры.

²³ Ταρχοοσρό. Это не собственное имя, как понимает его Симокатта, но один из употреблявшихся в Иране почетных титулов, в котором сочетались имя Хосрова и персидское tahrn – сила. См. об этом А. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. – Copenhagen, 1944: 410.

²⁴ Иоанн Мистакон, фракиец по происхождению, сменил Маврикия на посту магистра войск Востока в 582 г., когда Маврикий был вызван в Константинополь. До этого назначения он возглавлял византийские войска в Армении. Назначение Иоанна Мистакона на пост главнокомандующего произошло после 14 августа 582 г. – времени вступления Маврикия на престол. М. Higgins. The Persian War of the Emperor Maurice (582–602). – Washington, 1939.

²⁵ Ἀφουρίον, Φουρίον – персидская крепость в провинции Арзанене к северу от г. Мартирополя. Ныне Фум на р. Илудже. Е. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. – Bruxelles, 1935: 30, 34.

²⁶ Ἀκβας, Ἀκβας, Ὀκβας – крепость на р. Нимфий (совр. Батмансу), к востоку от Мартирополя.

²⁷ Это сражение имело место весной 583 г.

²⁸ Второй год Маврикия – с 14 августа 582 г. по 13 августа 584 г. Следовательно, Филиппик был назначен главнокомандующим после 14 августа 583 г.

²⁹ Μονόκαρτον – город в провинции Осроене. В честь императора Тиверия был назван Тивериополем (Τιβεριοπόλις) после победы византийских войск над персами в 581 г. Е. Honigmann. Die Ostgrenze...: 24.

³⁰ Αἰσοῦνας ὄρος – возвышенность к северу от г. Константины, ныне известная под именем Карад-

жа-Даг, с которой берут начало многие мелкие притоки Тигра, а также р. Аборы.

³¹ Καρχαρῶσαν – селение на правом берегу Тигра к юго-востоку от г. Амиды. Его название – транскрипция сирийского наименования “римская крепость” – karka romiae (Н. В. Пигулевская. Византия и Иран...: 70).

³² Μαῖακαρίρι (сир. “холодные воды”) – укрепление, расположенное в западной части возвышенности, которую Симокатта называет “горой” Изала (Ἰζαλάς).

³³ Νισίβις, Nisibin – один из крупнейших городов Ближнего Востока, центр провинции Бет-Арабае (Βεαρβαῖς – I: 13, 8). См. о нем Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. – М.–Л., 1956: 50–64.

³⁴ Осенью 583 г.

³⁵ См. прим. 33.

³⁶ τὸ Ζισαυράνων (у Симокатты ошибочно τὸ Ζισαρβάνων), Ῥαβδιος, Ῥάβδιον, Τουράβδιος – укрепления к северо-востоку от Нисибиса.

³⁷ Θεοδοσίῳ πόλις (Решайн) – город в провинции Осроене.

³⁸ Ἀββόρας, Ἀβόρας, Ἀβώρας (совр. Хабур) – приток Евфрата.

³⁹ Арзанена (Ἀρζανηνή) – персидская провинция, западной и южной границей которой были нижнее течение р. Нимфия и Тигр до впадения в него р. Зирма (совр. Джерм).

⁴⁰ Публий Корнелий Сципион Африканский Старший (ок. 235–183 гг.).

⁴¹ Весной 584 г. Все события, связанные с деятельностью Филиппика на посту главнокомандующего до его болезни, относятся к 583 г.

⁴² Μαρτυρόπολις (Майферкат) – центр византийской провинции Софанены.

⁴³ Согласно “Стратегикону” Псевдо-Маврикия, источнику, датируемому первым десятилетием VII в., византийская армия на рубеже VI–VII вв. состояла из отрядов, имевших наименование тагм (τὸ τάγμα или ἀριθμός, βάνδον), численностью от 200 до 400 человек (Strategicon I: 4 // Arriani *Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim* / Ed. Joannes Schefferus. – Upsaliae, 1664). Командир тагмы назывался тагматархом (ταγματάρχος) или комитом, трибуном. Тагма состояла из более мелких подразделений, которыми командовали гекатонтархи (командиры сотен), декархи (командиры десятков) и т. д. Одним из мелких подразделений тагмы был лох (λόχος), возглавляемый лохагом. Из тагм формировались более крупные отряды – миры (μοῖρα) или хилиархии, во главе которых стояли мирархи (иначе дуксы, хилиархи). Мира насчитывала от 2 до 3 тыс. человек. Наконец, миры объединялись в три меры (μέρος): правая, средняя и левая, по 6–7 тыс. воинов. Один из мерархов (стратилатов), командовавший средней мерой, являлся ипостратигом, вторым лицом после главнокомандующего – стратига (Strategicon I: 3–4). Лучшей частью византийского войска были тагмы федератов и оптиматов (Ю. А. Кулаковский. К вопросу о фемах Византийской империи // *Изборник Киевский*, посвященный Т. Д. Флоринскому. – Киев, 1904: 96–118; Е. Ч. Скржинская. История Олимпиадора // *Византийский временник*, VIII, 1956: 247, прим. 36). Оптиматы несколько отличались от всех остальных частей. Тагмы оптиматов не подлежали ограничению в отношении их численного состава. Несколько тагм оптиматов составляли подразделение, соответствовавшее мире других частей. Их командиры назывались таксиархами (Strategicon I: 3).

⁴⁴ Ζόρβανδον – селение близ Мартирополя.

⁴⁵ Зима 584 г.

⁴⁶ Весна 585 г.

⁴⁷ Ἀμῖδα, ныне Диарбакир на Тигре – один из наиболее крупных торговых центров и важный укрепленный пункт византийской провинции Верхней Месопотамии (Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V–VI вв. – М.–Л., 1940: 33, 98 сл.).

⁴⁸ Μεβόδης ὁ Πέρσης. Симокатта считает это имя собственным. Однако есть основания предполагать, что “Мевод” – искаженное “мобед”, персидски обозначавшее одно из высших жреческих званий (Пигулевская. Византия и Иран...: 72).

⁴⁹ Ἀρζάμων – приток р. Абора к юго-западу от Мардаса.

⁵⁰ Μάρδες, Μάρδης, ныне Мардин – город и крепость к северо-западу от Дары.

⁵¹ Симокатта имеет в виду арабское княжество Гассанидов, занимавшее области к юго-востоку от Дамаска. Приняв христианство в его монофизической форме, Гассаниды с начала V в. активно участвовали в войнах в качестве союзников Византии.

⁵² Ἐμεσα – город в Сирии, совр. Хомс.

⁵³ Ἡράκλειος, ὁ Ἡράκλειου πατήρ происходил из Армении. Был ближайшим сподвижником Маврикия в войне с персами при Тиверии, сыграл заметную роль в войне с Ираном и в последующие годы. С 598 г. назначен Маврикием на пост экзарха Африки.

⁵⁴ Лето 585 г. Ζολάχων – крепость и равнина к западу от Дары.

⁵⁵ Прокопий Кесарийский. Война с вандалами II: 11, 12.

⁵⁶ τοῦ Δάρας – важнейший стратегический пункт на границе с Ираном к северо-западу от Нисибиса. Дара получила новое название Анастасиополь (Ἀναστασίου πόλις) после того, как в 507 г. город был заново отстроен и укреплен императором Анастасием. О перестройке города см. Пигулевская. Месопотамия...: 42–43.

⁵⁷ Леонид (Λεωνίδης) – спартанский царь, павший в битве при Фермопилах в 480 г. до н. э. (Геродот VII: 224); Каллимах (Καλλιμαῖος) – афинский полемарх, убитый в Марафонской битве в 490 г. до н. э. (Геродот VI: 109–111); Кинегир (Κυνέγειρος) – афинянин, павший в том же сражении (Геродот VI: 114).

⁵⁸ Βερόια – город в Сирии, ныне Халеб.

⁵⁹ Летом 585 г.

⁶⁰ Ср. Гомер. Илиада VI: 463: δοῦλιον ἦμαρ.

⁶¹ Осенью 585 г. Χλομαρῶν φρούριον – персидская крепость в провинции Арзанене.

⁶² Походы Ираклия датируются 586–587 годами.

⁶³ διὰ τοῦ Μελαβασῶν ὄρος – возвышенность на левом берегу Тигра к востоку от впадения р. Нимфия в Тигр.

⁶⁴ Крепость Θαμανών и Кардухские горы (τὰ Καρδοῦχια ὄρη) находились к северу от нижнего течения современной реки Хабур, левого притока Тигра.

⁶⁵ В 587 г. – Симокатта возвращается к описанию войны в Европе.

⁶⁶ ἐπὶ τῇ Αἰῶνι τῷ ὄρει – Гемос, Балканские горы, совр. горный массив Стара-Планина в Болгарии.

⁶⁷ εἰς τὰ περὶ Τόμα τὴν πόλιν – город в провинции Скифии на побережье Черного моря, ныне румынский порт Констанца.

⁶⁸ Σαβουλέντε Κανάλιον – местность в окрестностях г. Анхиала, называемая некоторыми византийскими авторами “Анхимальское поле” (κάμπος Ἀγγιάλου).

⁶⁹ τῆς Μεσημβρίας – город на побережье Черного моря, ныне Несебыр в Болгарии.

⁷⁰ ἐπὶ Καλβοῦντις καὶ Λιβιδουρῶν – крепости в районе Анхиала и горячих источников (Aquaе Caludae) на пути в Маркианополь.

⁷¹ τὴν Ἀπλιάρειαν – крепость на Дунае в Нижней Мезии. Ю.А. Кулаковский выражал сомнение, чтобы взятие ее произошло в это время, так как она была сильно удалена от места военных действий. По его мнению, крепость была взята в начале описываемого похода (История Византии, т. II. – Киев, 1912: 452).

⁷² Гелеполи (ἐλέπολις) – изобретенные Деметрием Полиоркетом (337–283) боевые башни, использовавшиеся при осаде крепостей.

⁷³ Βερόν в Фракии – важный стратегический пункт на пересечении дорог в Филиппополь и Адрианополь. Совр. г. Стара-Загора в Болгарии.

⁷⁴ Διοκλετιανού πόλις – город во Фракии, в районе Филиппополя и Верои.

⁷⁵ Φιλίππου πόλις – главный город провинции Фракии, ныне Пловдив в Болгарии.

⁷⁶ Гомер. Илиада VI: 339.

⁷⁷ Симокатта снова переходит к событиям войны с Ираном.

⁷⁸ Ματζάρων – пограничное укрепление, находившееся между Тигром и крепостью Равдий.

⁷⁹ Βεϊουδαές – см. Пигулевская. Византия и Иран...: 74.

⁸⁰ У Симокатты Σάλερ – собственное имя. Однако не лишено оснований предположение, что в данном случае речь идет о человеке из гуннского племени сабиров. См. Р. Goubert. Byzance avant l'Islam, t. I: 101, n. 5.

⁸¹ Τυδεΐ (Τυδεύς) – мифологический герой, участник похода “семерых против Фив”, отец Диомеда.

⁸² Гомер. Илиада V: 586.

⁸³ Имеется в виду персидская крепость “Замок забвения”, о которой подробно рассказывает Прокопий Кесарийский (Война с персами I: 5, 7). Крепость Гилигердон находилась в 10 милях от совр. Шутшара, где и теперь существует одноименное селение (Пигулевская. Византия и Иран...: 78–89).

⁸⁴ Византийский император Юстин II (565–578).

⁸⁵ Дара была взята персами в 573 г.

⁸⁶ Καδασηνοί – в сирийских источниках кудишайты (кудишайе), народность, жившая в районе городов Нисибиса и Дары (Пигулевская. Месопотамия...: 92).

⁸⁷ Осенью 588 г.

⁸⁸ Григорий, патриарх Антиохийский, незадолго до этого вернулся из Константинополя. В Антиохии против него было возбуждено обвинение в безнравственности и недостойном расходовании государственных средств. Димы требовали лишения Григория его высокого сана. Однако в Константинополе, где рассматривалось это дело, он сумел оправдаться. Выполняя поручение императора воздействовать на армию с целью примирения ее с главнокомандующим, Григорий созвал в апреле 589 г. представителей войска в местечке Литарбы (совр. el-Athreb) в 55 км от Антиохии, где и произошло примирение Филиппика с войском.

⁸⁹ Мартирополь был взят персами в середине мая 589 г.

⁹⁰ Μερόβην Σουρήνα τὸν υἱόν... – знатная фамилия Сурен издавна стояла во главе персидской армии.

⁹¹ Около 1 июля 589 г.

⁹² После 1 июля 589.

⁹³ В конце 589 г.

⁹⁴ Βαράμ, Vrahm (арм.), Vahram, Vahran Tchoben (перс.). Вторжение персов в Сванию началось в середине мая 589 г.

⁹⁵ Ὀρίσδα, τοῦ τὸν Περσῶν βασιλέως – шаханшах Ирана Хормизд IV (579–590).

⁹⁶ Речь идет о тюркских племенах, живших на северо-восточной границе Ирана, в бассейне Аму-дарьи.

⁹⁷ Поход тюрков против Ирана произошел на 11-м году Хормизда (со 2 июля 588 г. по 1 июля 589 г.).

⁹⁸ Каган тюрков Шава был убит, а его сын попал в плен. Победа персов завершилась разграблением столицы тюрков – г. Далка (июль–август 588 г.).

⁹⁹ ...ἐπὶ τὴν Ἀλβανίαν – Албанией у древних авторов называлась область в Северном Азербайджане, по нижнему течению рек Куры и Аракса.

¹⁰⁰ ...ἐπὶ τὸν Κάνζακον (иначе Схиз, Шиз) – город в Азербайджане к юго-востоку от современного г. Мераге: Пигулевская. Сирийские источники...: 42.

¹⁰¹ Достоверность рассказа Симокатты о походе Варама в Сванию подвергал сомнению Ю. А. Кулаковский (История Византии, т. II: 509–512). Пигулевская (Византия и Иран...: 82) предполагает, что в основе этого сообщения Симокатты лежали неотчетливые сведения о военных мероприятиях персов против “хазар” на Кавказе, вызывавших ответные действия со стороны Византии.

¹⁰² Юстиниан I (527–565).

¹⁰³ Юстин II (565–578).

¹⁰⁴ 572–573 гг.

¹⁰⁵ τοὺς Ὀμηρίτας – химьяриты, оседлая арабская народность, занимавшая территорию юго-западной так называемой “Счастливой” Аравии (Йемен). Игравший важную роль в развитии торговых связей стран Средиземноморья с Востоком, Йемен был ареной длительной борьбы византийского и персидского влияний. Стремясь укрепить позиции в Йемене и Эфиопии, важнейших опорных пунктах своей политики на Ближнем Востоке, Византия использовала испытанный метод – христианизацию. Когда в начале VI в. в Йемене возникло движение против христианства и верх стали одерживать языческие и иудейские группировки, Византия выступила в качестве тайного инициатора нападения Эфиопии на Йемен. Государство химьяритов было подчинено эфиопам и некоторое время продолжало оставаться в сфере влияния Византии. Однако недовольство господством эфиопов привело к союзу значительной части химьяритской знати с Ираном. В 575 г. в результате военной экспедиции Ирана эфиопы были изгнаны из страны, и Йемен превратился в персидскую провинцию: Пигулевская. Византия на путях в Индию. – М.–Л., 1951: 215–335.

¹⁰⁶ Тем не менее, византийское посольство избежало опасности и успешно выполнило свою миссию.

¹⁰⁷ В 571 г. в Персидской Армении вспыхнуло восстание против господства Ирана, возглавленное Варданом Мамиконяном. Формальным поводом восстания были религиозные мотивы, а именно – протест против постройки храма огня в г. Двине, центре Персидской Армении. Иранские войска были разбиты восставшими, и ставленник Ирана Сурен казнен. С целью подчинения Персидской Армении создавшимся положением воспользовалась Византия, что послужило одной из причин войны, описываемой Симокаттой (История армянского народа, ч. 1. – Ереван, 1951: 99–100; Пигулевская. Сирийские источники...: 88–90).

¹⁰⁸ Имеется в виду договор 562 г. При заключении мира Юстиниан уплатил деньги вперед за семь лет. Юстин II отказался от уплаты дани.

¹⁰⁹ Хормизд требовал выплаты той дани, которая была установлена договором 562 г.

¹¹⁰ Лето 579 г.

¹¹¹ Лето 580 г.

¹¹² Симокатта имеет в виду главу арабского княжества Гассанидов, занимавшего области к юго-востоку от Дамаска. Приняв христианство в его монофизической форме, Гассаниды с начала V в. активно участвовали в войнах в качестве союзников Византии. Об Аламундаре см.: Пигулевская. Арабы VI в. по сирийским источникам // Труды второй сессии ассоциации арабистов 19–23 октября 1937 г. – М. – Л., 1941: 49–70.

¹¹³ *ἐν τῇ Καλλιόνικον πόλιν* – город на левом берегу Евфрата в его среднем течении, совр. Ракка.

¹¹⁴ Июнь 581 г.

¹¹⁵ Маврикий возвратился в Константинополь весной 582 г. Его победы были отмечены в столице пышным триумфом.

¹¹⁶ 14 августа 582 г.

¹¹⁷ Арсакиды принадлежали к так называемым шахрдарам, “царям”, высшему сословному рангу, непосредственно подчиненному главе династии Сасанидов – шаханшаху, “царю царей” (Пигулевская. Византия и Иран...: 208).

¹¹⁸ *Дарий I Гистасп* (552–485 гг.) – древнеперсидский царь, представитель династии Ахеменидов. Сообщение Симокатты о наследовании высших государственных должностей иранской родовой знатью является справкой исторического характера и не отражает реального положения в Иране конца VI в. Несмотря на то, что родовая знать сохраняла в этот период свое привилегированное положение, в действительности она была лишена фактической власти и значения. Гражданское и военное управление государством было сосредоточено в руках лиц, назначавшихся и смещавшихся шахом, которому принадлежала вся полнота власти. О системе государственного управления в Иране VI в. см.: Пигулевская. Византия и Иран...: 206–217.

¹¹⁹ *τοὶ Διλιμίτικοι ἔθνοες* дилимиты (дайломиты), населяли области на южном побережье Каспийского моря.

¹²⁰ *Κτησιθών* на Тигре, столица сасанидского Ирана.

¹²¹ *Βινδοῦν... τὸν Ἀσπαβέδου υἱόν* – следует понимать “сын спахбеда”. Спахбед – одно из высших военных званий в Иране VI в. (Пигулевская. Византия и Иран...: 217). Биндой был братом жены Хормизда IV, следовательно, дядей Хосрова по матери.

¹²² 6 февраля 590 г.

¹²³ *Ἀδραβιγάνων* – Азербайджан. Персидские и арабские источники несколько иначе объясняют бегство Хосрова. В арабском изложении сообщается, что Хосров бежал в Азербайджан, когда над Хормиздом нависла непосредственная угроза. После ослепления Хормизда Хосров со своими сторонниками вернулся в Ктесифон. По персидской версии, Варам еще до низложения Хормизда приказал отчеканить монеты с изображением Хосрова II. Узнав об этом, Хормизд пришел в ярость, и Хосрову пришлось бежать.

¹²⁴ В греческом тексте – *αλεσκόρακις*.

¹²⁵ *Кавад I* – шаханшах Ирана (486–531).

¹²⁶ *Эфталиты* – народ гуннского происхождения, относимый источниками к так называемым “белым гуннам”, – термин, применявшийся к группам народов, связанных с гуннами, но этнически от них отличных. Эфталиты, как и гунны, были выходцами из Китая, где в III–IV вв. были известны под именем хоа. К середине V в. они заняли области по северо-восточной границе Ирана (бассейн Амударьи). В 60-х годах VI в. эфталиты были покорены тюрками (Пигулевская. Сирийские источники...: 33–34, 47–49; R. Ghirschman. Les Chio-

nites-hephtalites. Le Caire, 1948; H. W. Haussig. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker // Byzantion, XXIII, 1953: 327–328, 346.

¹²⁷ 28 февраля 590 г.

¹²⁸ Анонимная сирийская хроника сообщает, что Хосров шел через Перозшабор, Анафон, Хит и Киркенсий (Н. В. Пигулевская. Анонимная сирийская хроника о времени Сасанидов // Зап. Инта востоковедения АН СССР, Л., 1939, т. VII: 63).

¹²⁹ В Ктесифоне.

¹³⁰ *συννόμῳ βίᾳ τινί... Другое чтение – σύν νόμῳ, οὐ βίᾳ* “по закону, а не насилием”.

¹³¹ Имеется в виду Навруз, персидский весенний праздник в честь бога Ормузда, продолжавшийся в течение 11 дней. По древнему обычаю, персидские цари торжественно отмечали этот праздник, считая его началом своего царствования. Поэтому не случайно, что именно это время Варам решил использовать для своего официального вступления на престол. Сопоставление хронологических данных восточных авторов (Фирдоуси) с византийским календарем приводит к выводу, что событие имело место 9 марта 590 г.

¹³² В марте 590 г.

¹³³ Дядя Хосрова по матери, брат Биндоа.

¹³⁴ 7 января 591 г.

¹³⁵ *Χαρχάς, Χάρχας* – крепость близ Нисибиса. Ее название происходит от сирийского *карка* ‘крепость, укрепленное место’. Слово это сохранилось в некоторых названиях: Кархароман – *Karka Romiae*, Карка-де-бет – Селох (Пигулевская. Города Ирана...: 138–139).

¹³⁶ См. прим. 100.

¹³⁷ *Βλάραθος* – приток Тигра.

¹³⁸ Крест был послан Григорию, патриарху Антиохийскому, для возложения на гробницу Сергия в храме Сергия Русафского. Этот храм, построенный среди пустыни, пользовался особым почитанием среди христиан Ближнего Востока.

¹³⁹ После поражения Варам бежал к тюркам, где приобрел влиятельное положение. Впоследствии, в результате происков Хосрова, он был убит.

¹⁴⁰ Первое время по водворении Хосрова II в Ктесифоне Биндой и Бестам занимали высокое положение. Биндой был особенно близок Хосрову и играл первую роль при дворе. О его смерти существуют различные версии. В отличие от Симокатты, персидские источники утверждают, что он был казнен Хосровом в отместку за гибель его отца, Хормизда. В Анонимной сирийской хронике рассказывается о бегстве Биндоа в Азербайджан, откуда он был возвращен Хосрову и предан казни (Пигулевская. Анонимная сирийская хроника: 64). Бестам, получивший от Хосрова в управление несколько провинций, после казни Биндоа поднял восстание. Он выступил против Хосрова со значительными силами, составленными из тюркских, армянских и дайломитских войск. Военные действия продолжались несколько лет, и Хосрову удалось добиться победы лишь после того, как в 595 г. Бестам был убит.

¹⁴¹ Мир был заключен осенью 591 г. Византии были возвращены города Дара и Мартирополь, к ней также перешла часть Персидской Армении. Иран отказался от всех денежных поступлений, которые ранее Византия ежегодно выплачивала своему соседу.

¹⁴² Хронология войны Византии против славян и аваров в последнем десятилетии VI в. служит предметом давней дискуссии (см. J. Bury. The Chronology of Theophylactus Simocatta // The Engl. Hist. Review, 3, 1888: 310–315; G. Labuda. Chronologie des guerres de Byzance contre les avares et les

slaves a la fin du VII s. // Byzantinislvica, XI, 2, 1950: 167–172; Н. W. Haussig. Theophylakts Exkurs...: 400–413). Затмение солнца произошло 19 марта 592 г. 9-й год правления Маврикия – с 14 августа 590 г. по 13 августа 591 г.

¹⁴³ Храм Софии.

¹⁴⁴ ο δὲ νεὸς πρὸς τὴ Πηγὴ – имеется в виду загородный монастырь Богоматери “Источника”, находившийся близ городских ворот того же названия.

¹⁴⁵ Ῥήγιον – городок на побережье Мраморного моря в 12 км от Константинополя.

¹⁴⁶ Ῥάμφος, Σηλυμβρία, Ῥράκλεια (Πέρινθος), Δαόνιον, Ὑεγάτον – селения на побережье Мраморного моря.

¹⁴⁷ Сомнительность этого рассказа очевидна. Любопытно, однако, отметить в этом сообщении Симокатты элементы некоторой идеализации славян в противоположность Прокопию (З. В. Удальцова. Прокопий Кесарийский и его история войн с готами // Прокопий Кесарийский. Война с готами. – М., 1950: 48 сл.).

¹⁴⁸ Ἐπρόρυπος – река во Фракии.

¹⁴⁹ Имеется в виду Теодорих II (587–613), король Бургундии и Австразии, вступивший на престол в 595 г. после смерти своего отца Хильдеберта II (ок. 570–595). Последнее обстоятельство послужило исходным пунктом для датировки событий Г. Лабудой, считающим 595 год началом войны Византии против славян и аваров (Chronologie des guerres...: 171). Эта точка зрения критикуется Б. Графенауером, который утверждает, что упоминание о Теодорихе в данном месте хронологически несостоятельно и является либо позднейшей глоссой, либо ошибкой Симокатты. Таким образом, все события, связанные с первым походом Маврикия к Анхиалу, Б. Графенауер относит к 592 г.

¹⁵⁰ Славяне были известны своим умением сооружать переправы. По данным “Стратегикона” Псевдо-Маврикия, они строили своеобразные плавающие мосты, называемые *πλωτάς* плотами (Strategicon IX: 16). Ср. Ю. А. Кулаковский. Славянское слово “плот” в записи византийцев // Византийский временник, VII, 1900: 112–117; Н. В. Пигулевская. Имя “рус” в сирийском источнике VI в. н. э. // Сб. “Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия”. – М., 1952: 48.

¹⁵¹ Ζάος – Сава, приток Дуная.

¹⁵² Этот поход аваров датируется 593 годом.

¹⁵³ Προκλιανή – перевал через Балканы в Нижней Мезии по пути в Маркианополь.

¹⁵⁴ Δριζήτερα – город во Фракии.

¹⁵⁵ Διδυμότειχον – город во Фракии.

¹⁵⁶ Τζουρουλλόν – город во Фракии, северо-западнее Гераклеи, совр. Чорлу в европейской части Турции.

¹⁵⁷ Весна 594 г.

¹⁵⁸ Σέσωστρις, Σώστρις, Σεσόστρις – греческая транскрипция имени легендарного египетского царя, часто упоминаемого античными авторами (Геродот, Диодор, Лукан, Страбон, Плиний). Ему приписывалось завоевание Азии, значительной части Европы, Нубии, Эфиопии и пр., а также введение законов и многих обычаев у египтян. Существует предположение, что в образе Сесостриса нашли отражение исторические фигуры двух одноименных египетских фараонов XII династии – Сенусерта I (1880–1934) и Сенусерта III (1887–1849). (В. И. Авдеев. Военная история древнего Египта, т. I. – М., 1948: 75).

¹⁵⁹ Проблема происхождения и древней истории болгар посвящена большая литература. Последние выводы советской исторической науки по этому вопросу даны в “Истории Болгарии”, т. I, стр. 54–59; см. также Д. Ангелов, М. Андреев. Ис-

тория на българската държава и право. – София, 1955; История на България, т. I. – София, 1954: 57–86.

¹⁶⁰ Ср.: Гомер. Илиада XI: 547.

¹⁶¹ ...οἷά τις ἐπιφυλλίς ἀθεώρητος – выражение поговорочного характера. Ἐπιφυλλίς – небольшая виноградная кисть, прикрытая листьями. В переносном смысле слово употребляется в значении всего дурного. Ср. Аристофан. Лягушки: 91.

¹⁶² Весна 596 г.

¹⁶³ Νόβαι – один из наиболее крупных городов и мощный укрепленный пункт на Дунае в Нижней Мезии, находившийся в 3 км к востоку от современного болгарского города Свиштов. Ныне селение Стаклен. Νόβαι αἰάνω – Верхние Новы стояли на месте современного села Бранице, восточнее г. Голубаца в Югославии.

¹⁶⁴ Датой посольства тюрок Маврикию обычно считается 598 год (Moravcsik. Byzantinoturcica, I: 41–43; Пигулевская. Византия на путях в Индию: 209). Иная точка зрения высказана Хауссигом, полагающим, что рассказ Симокатты о завоеваниях тюрок составлен на основе материалов двух тюркских посольств в Константинополь, имевших место в 583 и 600 гг. (Haussig. Theophylakts Exkurs...: 276, 383–384).

¹⁶⁵ Греческое слово κλίμα имело значения: “склон”, “наклонение неба к полюсу”, “страна света”, “широта”, а также “область”, “местность”, “страна”. В Византии слово κλίμα могло употребляться для обозначения определенного административного района, округа, откуда производный термин климатарх. Употребление выражения “семь климатов” можно сопоставить с обычным для восточных народов представлением о разделении всей обитаемой земли на семь областей. С этим связано и употребление титула “повелитель семи климатов”.

¹⁶⁶ Название Ταυγάστ относилось: 1) к Северному Китаю в целом (ср. Тагбач, Таугач, Тамгач – обычное обозначение Китая в тюркских источниках); 2) к главному городу Северного Китая (J. A. Boodberg. Theophylactus Simocatta on China // Harvard Journ. of Asiat. Stud., 3, 1938: 223–243).

¹⁶⁷ Τίλ имеется в виду р. Тарим в Северо-Западном Китае.

¹⁶⁸ Ουάρ καὶ Χουννί. Х. В. Хауссиг, разбирая вопрос о происхождении европейских аваров, считает, что настоящий рассказ Симокатты заимствован им из не дошедшей до нас статьи исторического труда Менандра, который отождествляет европейских аваров с так называемыми вархонитами (οὐαρχωνίται). Под “уар” Симокатты – этническим наименованием, встречающимся в ряде армянских, тюркских и китайских источников, следует подразумевать народность, занимавшую области в Северном Афганистане в районе г. Кундуз. Термин “хунни” относится к гуннским племенам, осевшим в Бактрии (Haussig. Theophylakts Exkurs...: 304–305, 345–362, 413–429).

¹⁶⁹ Βαρσῆλι καὶ Οὐνονούροи καὶ Σαβίροι – гуннские племена, жившие на Северном Кавказе. Оногуры первоначально селились по рекам Сырдарье, Или, Чу. Продвигаясь на запад, часть их осела на Северном Кавказе, другие же, пройдя вдоль северных берегов Черного моря, вторглись в Дакию, Мезию, Фракию. Местом расселения сабиров был Дагестан.

¹⁷⁰ Ἰκάρι – местечко в юго-западной части бассейна р. Тарим.

¹⁷¹ “Золотая гора” (Χρσοῦν ὄρος), называемая Менандром Ἐκτέλ (Excerpta de legationibus...: 207), Ἐκτάγ (там же: 193), – резиденция кагана тюрок, находилась близ г. Куча, к северу от р. Тарим.

¹⁷² Χουβδάν, Χουμαδάν. По мнению ряда исследователей, этим словом источники обозначали город Чанган, столицу Китая (Пигулевская. Византия на путях в Индию: 211; А. С. Moule. Christians in China before the year 1550. 1930: 45, 48). Хауссиг (Theophylaktis Exkurs...: 391–394) полагает, что слово “хубдан” не относилось к какому-либо определенному китайскому городу, но означало резиденцию китайского императора вообще.

¹⁷³ ...εις Σίγγαν την νησον. По данным югославских исследователей, этот остров находился поблизости от селения Винче под Белградом (Ф. Баршич. Византиски Сигиндунум: 11, прим. 46).

¹⁷⁴ ...ἐπὶ τὰ Κωνσταντιόλα – селение на Дунае недалеко от Сингидуна.

¹⁷⁵ Симокатта допускает неточность. В данном случае речь может идти о Саве и Дунае, так как Драва впадает в Дунай значительно выше Сингидуна.

¹⁷⁶ 596 г.

¹⁷⁷ ...εις τας λεγομένας Βόγρεις – город в провинции Далмации. Этот поход аваров датируется 597 годом.

¹⁷⁸ С 598 г. до осени 599 г.

¹⁷⁹ Девятнадцатый год правления Маврикия с 14 августа 600 г. по 13 августа 601 г.

¹⁸⁰ Осада Томиса продолжалась в течение осени 599 – зимы 600 г.

¹⁸¹ Весна 600 г.

¹⁸² Κασία – корица; κόστος – корень растения, вывозимого, как и “индийский лист”, из Индии (Пигулевская. Византия на путях в Индию: 97, 106–107).

¹⁸³ Νικόπολις – город в Нижней Мезии, стоявший близ современного селения Стари Никип в Болгарии.

¹⁸⁴ Ἰατρός – город в Верхней Мезии, стоявший при впадении реки того же названия (совр. р. Янтра) в Дунай..

¹⁸⁵ Димы представляли собой организации населения, создававшиеся по территориальному принципу (по городским кварталам). Димы возглавлялись старейшинами, носившими различные названия: димархи, диойкеты, приматы, архигеронты и т. д. Обладая широкими военными, хозяйственными и религиозными функциями, димы в V–VII вв. играли выдающуюся роль в политической жизни Византии (А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции (τά μέρη) в V–VII вв. // Византийский сборник, М.–Л., 1945; М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V–VII вв. // Византийский временник, I, 1947; Н. В. Пигулевская. К вопросу о борьбе демонов в ранней Византии // Византийский временник, V, 1952; Н. В. Пигу-

левская. Византия и Иран...: 129–164, 169–175; М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточно-Римской империи IV в. // Уч. зап. Уральского ун-та, XI, 1952; Ф. И. Успенский. Партии цирка и димы в Константинополе // Византийский временник, I, 1894.

¹⁸⁶ Ср. Софокл. Аида: 665, 685; Еврипид. Медея: 618.

¹⁸⁷ Мир был заключен в начале лета 600 г.

¹⁸⁸ Симокатта имеет в виду княжество Гассанидов. См. прим. 51, 112.

¹⁸⁹ Рассказ Симокатты о посольстве Георгия в Иран является вставкой, хронологически не соответствующей с предшествующим изложением: посольство имело место весной – летом 592 г.

¹⁹⁰ Лето 600 г.

¹⁹¹ Κατά τόν Τισσόν γίνεται ποταμόν.

¹⁹² Эта цифра явно преувеличена.

¹⁹³ Траянова военная дорога соединяла Новы с Филиппополем.

¹⁹⁴ Зима 600/601 г. – весна 601 г.

¹⁹⁵ Девятнадцатый год правления Маврикия с 14 августа 600 г. по 13 августа 601 г.

¹⁹⁶ Двадцатый год – с 14 августа 601 по 13 августа 602 г.

¹⁹⁷ Свадьба состоялась зимой 601 г. Феодосию было в это время 16 лет (род. 26 сентября 585 г.).

¹⁹⁸ ...δια τών λεγομένων Ἰλαράς. Это здание находилось в районе квартала на Золотом Роге и принадлежало сестре Маврикия Гордии.

¹⁹⁹ ...ον Λακέρνας αλοκαλοῦσι (ряд чтений – Βλαχέρνας) – храм Богоматери Влахернской в квартале Влахерн, находившемся в северной части Константинополя, между Золотым Рогом и городской стеной.

²⁰⁰ Παλάστωλον – укрепление на правом берегу Дуная близ устья современной реки Вит в Болгарии, к западу от г. Никополя.

²⁰¹ Осень 601 г.

²⁰² Дардания – одна из провинций префектуры Иллирика.

²⁰³ Лето 602 г.

²⁰⁴ Анты – восточнославянские племена, населявшие в IV–VI вв. Среднее Поднепровье и Поднепровье. Вместе с другими славянскими племенами на рубеже V–VI вв. начали борьбу с Византийской империей, завершившуюся заселением Балканского полуострова славянами (П. Н. Третьяков. Восточно-славянские племена: 153–184; Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь // DLB, 1939, № 1; М. Ю. Брайчевский. Об антах Псевдо-Маврикия // Советская этнография, II, 1953; В. В. Мавродин. К вопросу об антах Псевдо-Маврикия // Советская этнография, II, 1954).

²⁰⁵ Осень 602 г.

Источник: Феофилакт Симокатта. История / Перевод С. П. Кондратьева, прим. К. А. Осиповой. Вступ. ст. Н. Пигулевской. – М.: АН СССР, 1957; Переиздание: Феофилакт Симокатта. История / Перевод С. П. Кондратьева в редакции К. А. Осиповой. Примечания К. А. Осиповой. – М., 1970.

Феофан Исповедник

Θεοφάνης Ὁμολογητής – Theophanes Confessor

Феофан Исповедник, реже Сигрианский или Византиец (752/760–817/820), греческий историк. Родился в Византии в семье Феодоты и Исаака, служившего при Константине V (741–775) стратигом фемы Эгейского моря. После смерти отца воспитывался под

покровительством императора. При Льве IV (775–780) Феофан был назначен стратором и вскоре получил титул спафария. Его брак с Мегало, дочерью византийского патрикия Льва, был недолгим, и после смерти Льва IV супруги расстались, чтобы посвятить себя мо-

нашеской жизни. Феофан основал несколько монастырей. Развалины одного из них, игуменом которого был сам Феофан, сохранились до наших дней на побережье Мраморного моря у Сигриана, между Кизиком и устьем Риндака. Феофан принимал участие в VII Вселенском соборе в Никее (787 г.), но его имени нет среди ста тридцати игуменов и архимандритов, подписавших акты собора. С возрождением в 815 г. при Льве V (813–820) иконоборчества наступил переломный момент в жизни Феофана: его приверженность иконопочитанию обошлась ему в 815/816 г. заключением в тюрьму и затем, видимо, в начале 818 г., ссылкой на остров Самофракию, где он и умер. Греческая церковь причислила его к лику святых как исповедника (ὁμολογητής). Свое основное сочинение – «Хронографию» («Χρονογραφία») Феофан составил как продолжение оставшейся незаконченной всемирной хроники своего друга Георгия Синкелла (ум. в 810 г.), по просьбе последнего. «Хронография» Феофана охватывает 284–813 гг. – от правления Диоклетиана до падения императора Михаила I Рангаве и вступления на престол Льва V Армянина.

Сочинение Феофана ценно благодаря уникальности материала, заимствованного из не сохранившихся ранних источников, и обширности сведений по истории эпохи перестройки византийского государственного аппарата, упорной борьбы империи с арабами, возникновения Первого Болгарского царства, первого периода иконоборчества. В своем труде Феофан, как и его современник патриарх Никифор, автор «Бревиария», или «Краткой истории» («Ἱστορία σύντομος»), использовал «Большой хронограф» («Μέγας χρονόγραφος», конец VIII в.), от которого сохранились фрагменты, «Хронику» Траяна Патрикия, оканчивающуюся 713 годом, а также константинопольскую городскую хронику и устную традицию. Сочинение Феофана было излюбленным источником последующих хронистов. На латинский язык «Хронографию» перевел папский библиотекарь Анастасий в 70-х годах IX в. Этот перевод, дошедший до нас в рукописях более древних, чем оригинал, имел такое же значение для средневековой хронографии на Западе, как греческий подлинник на Востоке.

Подробнее см.: И. С. Чичуров. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Текст, пер., комм. – М., 1980.

Феофан Исповедник

Хронография, или Летопись

от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта

Перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского

Комментарии И. С. Чичурова

Год от сотворения мира 5788 / от Рождества Христова 288. Первый год епископства Евсевия в Риме... Между тем случилось с кесарем Констанцием, сверх всякого чаяния, следующая изменчивость судьбы: в продолжении шести часов в один и тот же день видели его и побежденным и победителем, именно: сначала аланы бурным потоком напали на войско Констанция и гнали его до самых стен города; сам он сзади следовал за бегущим войском; ворота были заперты, и ему невозможно было войти внутрь стен; уже враги простерли руки схватить его. Как вдруг с одной стены спустили веревки, на которых и подняли его. Очутившись на стенах, он ободрил войско, вышел против алан и одержал над ними блистательную победу. Так что шесть тысяч положил их на месте.

Год 5818/318¹. В сем году великий² Константин³ воевал против⁴ германцев, сарматов⁵ и готфов⁶ и силою Честного Креста одержал над ними великую победу, опустошил их земли и привел в совершенное рабство.

Год 5820/320⁷. В сем году благочестивый Константин⁸ переправился за Дунай, построив на нем каменный мост и покорил скифов⁹.

Год 5853/353. Первый год правления Юлиана, императора Римского. В сем году, по множеству грехов наших, начал царствовать Юлиан Отступник, получив самодержавие. Ослепленный победами над варварами, он присвоил себе одному власть и, возложив на себя венец еще до кончины Констанция, бесстыдно предался эллинским обычаям. Константиций кончил жизнь, сильно раскаиваясь как в убийстве родных, так равно в отложе-

нии от Православия и в освобождении отступника...

Год 5854/354. В сем году нечестивый Юлиан издал закон, запрещавший христианам обучаться эллинским наукам.

Год 5860/360. В сем году Валентиниан-старший, при живой жене Севере, матери Грациана, противозаконно женился на Юстине, красоту которой засвидетельствовала сама Севера и представила мужу; от Юстины он имел Валентиниана-младшего, которого по смерти отца, войско провозгласило царем; кроме того, еще трех дочерей: Юсту, Грату и Галлу; на сей последней женился Феодосий великий вторым браком, и от нее родилась ему Пладидия; Аркадий же и Гонорий родились от первой жены, Пладиллы. Валентиниан издал закон беззаконный, по которому позволялось желающему иметь в одно и то же время двух жен. Нечестивый Валент также имел двух дочерей, Анастасию и Кароссу, во имя которых построил он две купальни и водопровод и теперь называемый Валентинским... Между тем Валент¹⁰, воюя против готфов, провел зиму в Маркианополе¹¹.

Год 5866/366. Тогда же, по настоянию Василия, Мелетия и прочих защитников благочестия, Григорий Богослов занял константинопольский престол, и если бы он не поспешил своим учением, то весь город заразился бы ересью Ария и Евномия, потому что они овладели было всеми уже церквями, кроме церкви мученика Анастасия, и имели епископом своим Димофила. В это же время всюду славились Григорий Нисский и Петр, братья Василия, Оптим в Писидии и Амфилохий в Иконии. Валент отправил в изгнание Варса, епископа Эдесского, и Пелагия Лаодикийского, как защитников православия. Валентиниан порицал брата Валента за его злочестие и отказал ему в помощи против готфов, говоря: “Несправедливо было бы помогать человеку, восстающему на Бога”.

Год 5867/367. В сем году скончался Валентиниан на восемьдесят четвертом году от рождения и одиннадцатом царствования. Кончина его так случилась: Савроматы, народ малорослый и жалкий, восстали было против него¹², но, побежденные, прислали просить мира. Валентиниан спросил их послов: “Ужели все савроматы такого жалкого роста?” – “Ты видишь из них самых лучших”, – отвечали они. Тогда Валентиниан громко воскликнул: “Ужасное положение Римского царства, доставшегося Валентиниану, если саврома-

ты, столько презренные, восстают против римлян!” От напряжения и сильного всплеска руками разорвалась у него жила, от чего очень много вытекло крови, и он умер в одной галльской крепости 17 января, индиктиона 3-го. Так как сын его Грациан не был при нем, а Валент жил в Антиохии, то войско, находившееся там, где умер великий Валентиниан, провозгласило Августом сына его, четырехлетнего Валентиниана, в присутствии матери его Юстины, в Паннонии. Узнав об этом, Грациан брата своего оставил соцарствовать с собою, но возгласивших казнил разными муками за то, что поступили без его соизволения. Валент¹³ же послал против готфов полководца Траяна, но тот, побежденный ими, со стыдом возвратился. Когда Валент укорял его в слабости, то тот отвечал: “Не я побежден, государь, но ты, ратующий против Бога и передававший варварам помощь его”. Валент многих умертвил из-за одной начальной буквы, которой по гаданиям должно было начинаться имя его преемника по царствованию, между прочими и Феодора, первого патриция.

Год 5869/369. В сем году Мавия, царица сарацинская, причинив много беспокойств римлянам, просила мира, причем умоляла поставить ей для христианствующих подданных ее епископом Моисея, одного из пустынножителей. Хотя император охотно исполнил это, но Моисей не согласился принять рукоположение от арианина Луция и требовал от кого-либо из православных, в изгнании находящихся, что и сделано. Взяв его с собою, Мавия многих сарацин сделала христианами. Говорят, что и она сама была христианка, и притом римлянка; будучи взята в плен, она красотой своей пленила царя сарацинского и таким образом достигла престола. Созомен много повествует о сем народе, о его происхождении, названии, также о том, что каждый в нем по тринадцатом году обрезывается. Далее, готфы, теснимые гуннами, прислали просить помощи у царя Валента чрез посредство епископа своего Евфила, арианина, водившегося при Констанции с арианами Евдоксием и Акакием. Он-то готфов научил арианству. Готфы распадались на две части: одною начальствовал Атанарик, а другою Фритигерн. Последний был побежден, но, получив помощь Валента, в свой черед победил Атанарика. Питая признательность за это к Валенту, он еще более утвердил готфов в арианстве.

Год 5870/370. Первый год правления Персидского царя Арсавила. В сем году готфы

опять вторглись в землю Римскую и опустошили много областей, Мизию, Фракию, Македонию, Ахайю и целую Элладу, всего до двадцати... Валент, находясь в Антиохии и услышав о готфах, прибыл в Константинополь. Византийцы поносили его как немужественного и убегающего войны. Святой монах Исакий, схватив за узду лошадь Валента, ехавшего уже на войну, сказал ему: "Куда ты спешишь, царь, воюющий против Бога и в нем имеющий сопротивника?" Разгневанный царь велел взять его под стражу и грозил ему смертью, когда возвратится, как некогда Ахав Михею. Впоследствии находившиеся при нем говорили, что он приказал совершить гадания об успехе предстоящей войны. Сразившись с готфами, был побежден, бежал с немногими и укрылся в одной хижине: варвары окружили его, зажгли дом, и все бывшие в ней сгорели. Говорят, что божественный Исакий, находясь под стражею, по Божию внушению и чистоте души, почувствовал смрад от сгорающего Валента, и тут же предсказал присутствующим смерть его задолго до того, как пришло известие о случившемся на войне. Одержав эту победу и сжегши Валента, готфы, ободренные своими успехами, жестоко опустошали предместья Константинополя. Но Мавия, царица сарацинская, прислала свое войско, с которым и с обитателями города Домника, супруга Валента, прогнала варваров. Услышав о случившемся, Грациан Август поспешил из Паннонии будто на помощь и, облекши багряницей Феодосия, на место Валента провозгласил царем и отправил его на войну против готфов. Патрикий Траян пишет в своей истории, что скифы сами себя называют на своем языке готфами...

Год 5898/398. В сем году царица Евдоксия приказала поставить серебряную свою статую на месте, называемом Питтакия, близ церкви святой Ирины. Начальник города, приверженец манихейской ереси и эллинских обычаев, учредил пред колонною рукоплескания, песни и пляски, что производило большой шум и огорчало епископа, не позволяя ему спокойно совершать божественную литургию и часто прерывая поющих. Священный Иоанн обратил к нему обличительное слово, а тот возбудил Евдоксию против Иоанна, якобы он негодует на почести, воздаваемые статуе императрицы; отсюда опять ненависть против Иоанна, опять гнев. Тогда-то он произнес слово, которое начинается так: "Паки Иродия бесится". Это произвело совершенную вражду ца-

рицы против него, следствием коей было вторичное низложение и заточение. Народ сжег церковь, и многие подверглись опасности из-за Иоанна. Он¹⁴ был изгнан из города¹⁵, сослан в Кукуз¹⁶, а оттуда перемещен в Питиунт¹⁷. Прибыв в Команы, город Армении, он скончался о Господе...

Год 5908/408. Первый год правления Варарана, царя Персидского, а в Александрии епископа Кирилла. В сем году иудеи схватили христианское дитя в Имме, будто для игры, и в посмеяние кресту повесили на нем и замучили. Узнав о сем царь, наказал их, как следует.

Год 5916/416. Первый год епископства Иоанна в Антиохии... В Персии Маруфа, епископ Месопотамский, исцелил постом и молитвою беснующегося сына царя Исдегерда, от чего Исдегерд возымел великое благоволение к христианам.

Год 5918/418. В сем году, по смерти Исдегерда, Вараран, сын его, вступил на престол и тотчас открыл гонение против благочестия и отправил к Феодосию послов с требованием выдать беглецов. Римский император не согласился выдать их, чем нарушено перемирие и началась жестокая война. Феодосий послал с римским войском полководца Ардавурия, а Вараран с персидскою силою военачальника Арсеса, которому помогало бесчисленное множество сарацин. Ардавурий проник до самой Персии, опустошил область так называемую Арзану и пришел в Месопотамию; персидский полководец также явился в Месопотамию и остановился близ Евфрата. Вообразив, что римское войско напало на них, персы, по Божию попущению, до того поражены были страхом, что во всем вооружении бросились в реку и таким образом до ста тысяч погибло в волнах. На остальных напали римляне и истребили их, в том числе и десяти тысячный полк так называемых бессмертных с вождами их. Так Христос наказал персов за то, что они несправедливо убили многих благочестивых христиан.

Год 5921/421. Первый год епископства Сисинния в Константинополе. В сем году император Феодосий, хотя оружием и победил персов, но, движимый великою добротою и щадя кровь живущих в Персии христиан, возлюбил мир, для заключения которого отправил послом патрикия Илиона, которого особенно уважал, и Анатолия, военачальника на Востоке. Вараран, сознавая свою слабость, охотно принял послов и таким образом окончилось гонение против христиан. Император

Феодосий, воздавая благодарение Богу за толикие благодеяния, не переставал восхвалять его песнопением, имея в этом соучастницами сестер своих, сохранявших девство в продолжение всей жизни.

Год 5922/422. В сем году Филипп, священник Сидский, пишет историю христиан в тридцати шести книгах, в которой сильно нападает на Сисинния за то, что Сисинний предпочтен в епископстве Филиппу, равно как и Проклу. Вскоре после сего Сисинний умер.

Год 5931/431. Первый год епископства Ювеналия в Иерусалиме. В сем году Валентиниан, не только не мог удержать за собою Британии, Галлии и Испании, но потерял и западную Ливию, область африканскую, следующим образом. Были два полководца, Аэций и Бонифаций, которых Феодосий по просьбе Валентиниана прислал ему в Рим. Бонифаций сделан был правителем западной Ливии, но Аэций, завидуя ему в том, донес на него, будто он помышляет об отпадении и хочет завладеть Ливиею. Так говорил он Пладиции, матери Валентиниана, а Бонифацию писал следующее: “Если за тобою пришлют, то ты не ходи. Тебя оклеветали, и цари хотят извести тебя хитростью”. Бонифаций, получив это письмо, поверил Аэцию, как искреннему другу, и когда за ним прислали, он не пошел. Тогда цари начали смотреть на Аэция, как на человека благорасположенного к ним. В это время¹⁸ в северных странах за Дунаем¹⁹ жили готфы²⁰ и многие другие великие народы, между коими следующие четыре важнейшие были: готфы, визиготфы, гипеды и вандалы²¹, различные только по имени, отнюдь же ничем другим, и говорившие одним языком. Все они приняли Ариево зловерие²². Перешедши при Аркадии и Гонории²³ через Дунай, поселились они в земле Римской: гипеды, от которых после отделились лонгигбарды и авары, заняли места около Сингидона²⁴ и Сермия²⁵, а визиготфы с Аларихом²⁶, опустошив Рим, отступили в Галлию и утвердились в ней. Что до готфов, то они занимали Паннонию, потом, с позволения Феодосия-младшего на 19-м году его царствования переселились во Фракийские края, где жили пятьдесят восемь лет и овладели Западной империей. Вандалы же, присоединив к себе алан и германцев, что ныне франки, перешли под предводительством Модигискла реку Рейн, поселились в Испании, которая лежит в Европе первой от Западного океана. Бонифаций, страшась римских императоров, перешел из

Ливии в Испанию и соединился с вандалами. Наследши по смерти Модигискла на престоле сыновей его Гонтарима и Гизериха, он склонил их разделить западную Ливию на три части, с тем чтобы каждый из них управлял третьею частью, в том числе и он, всем же вместе стоять против общего врага. Условившись таким образом, вандалы переправились через пролив и поселились в Ливии от Океана до Триполиса близ Киренеи, а визиготфы, вышедши из Галлии, овладели Испаниею. Некоторые из сенаторов римских, друзья Бонифация, открыли Пладиции ложное обвинение Аэция, показав при том ей самое письмо его к Бонифацию, которое этот переслал к ним. По кончине Гонтария Гизерих сделался один государем вандалов. Тогда Бонифаций, взяв назад слово свое, начал воевать против вандалов, предводительствуя большим войском, пришедшим к нему из Рима, и под начальством Аспара из Византии. В сражении с Гизерихом римское войско было разбито, после чего Бонифаций, отправившись с Аспаром в Рим, открыл истину и тем уничтожил всякое подозрение. Но Африка осталась под властью вандалов. Тогда же Маркиан, служивший воином под начальством Аспара, взят был в плен живым Гизерихом; это тот самый Маркиан, который после сделался императором.

Год 5942/442. Первый год епископства Анатолия в Константинополе и Максима в Антиохии. Встретив в Сицилии, как мы уже сказали, Гизериховых послов, войско римское остановилось выждать повелений царя. Между тем скиф Аттила, сын Омнудия, человек храбрый и гордый, удалив старшего брата своего, Бледу, присвоил одному себе власть над скифами, которых называют также уннами, и напал на Фракию; это обстоятельство в особенности побудило Феодосия поспешить заключить с Гизерихом мир и вывести войско свое из Сицилии. После того он отправил Аспара со вверенною ему силою, а с ним Ареовинда и Аргалискла, против Аттилы, который покорил уже Ратиарию, Нассу, Филиппополь, Аркадиополь, Констанцию и множество других городов и, разбив полководцев римских, захватил бесчисленное множество пленных и добычи. Одержав такие победы, он раздвинул свое владычество от одного моря до другого, от Понта до Каллиполя и Систа, покорил себе все города, кроме Адрианополя и Ираклеи, называвшейся прежде Перинфом, и уже приближался к крепости Афире. Поэтому Феодосий принужден был отправить по-

сольство к Аттиле, предлагая ему шесть тысяч литр золота, если он удалится и, сверх того, обязываясь ежегодно платить тысячу литр, если он заключит с ним мир. Когда римское войско возвратилось с войны против Аттилы, то в непродолжительном времени Феодосий умер, 20 июня, индиктиона 3-го. Между тем блаженная Пульхерия, пока никто еще не знал о смерти императора, послала за Маркианом, мужем сколько умным, столько же и скромным, притом уже довольно пожилых лет и способным к делам, и когда он явился к ней, сказала ему: “Так как император скончался, то я избираю тебя из всего сената как достойнейшего прочих. Дай мне слово, что ты уважишь девство мое, которое обещала я Богу, и я провозглашу тебя царем”. Маркиан обещал, и Пульхерия, призвав патриарха и сенат, объявила его римским императором.

Год 5943/443. Первый год правления римского императора Маркиана. В сем году благочестивый Маркиан, по воле Божьей провозглашенный самодержцем, возвратил всех сосланных в заточение... Впрочем, избрание Маркиана по воле Божьей в императоры стоит того, чтобы описать его с самого начала. В прежнее время, именно в войну с персами, Маркиан служил простым воином, на которую отправился из Эллады со своим полком. Пришедши в Ликию, он впал в болезнь и был оставлен в городе Сидиме, где проживая познакомился с двумя братьями, Юлием и Татианом, которые приняли его в свой дом и приютили. Однажды, отправляясь на охоту, они взяли и его с собою; устав, легли они в полдень уснуть; Татиан, пробудившись, увидел, что Маркиан лежит против солнца, а огромный орел, спустившись над ним, распростер крылья и тенью своею закрыл его от лучей солнечных. Увидев это, он разбудил брата и показал ему чудо. Долго дивились они такой дружеской услужливости пернатого, наконец разбудили Маркиана и сказали ему: “Если ты когда-либо будешь царем, какую милость нам окажешь?” Тот отвечал им: “Что я за человек, чтобы со мною могло это случиться?” Они еще раз повторили свой вопрос, и Маркиан отвечал: “Если это Бог пошлет мне, то я буду величать вас отцами моими”. Тогда дали они ему двести монет и сказали: “Ступай в Константинополь и вспомни об нас, когда Бог возвысит тебя”. Маркиан ушел, присоединился к арианам Ардавирию и Аспару, служил с ними пятнадцать лет, сделался их домашним другом, отправился с Аспаром в Африку против Гизе-

риха и в одной битве попался в плен. Гизерих заключил пленных на собственном своем дворе и с верхнего жилья смотрел за ними. Раз в полдень, наклонившись из окна, увидел Маркиана спящего и орла, который, летая над ним, распростер крылья и осенял ими Маркиана. В этом Гизерих видел особенный Божий промысл, и потому тотчас послал за Маркианом и узнал от него, что он друг Аспаров; он провидел в нем будущего царя и потому не хотел убить его, рассуждая, что воле Божьей никто противиться не может; но взял с него клятву не воевать против вандалов, если Богу угодно будет даровать ему царство. Таким образом Маркиан получил свободу и безопасно возвратился в Византию. Вскоре затем Феодосий скончался, и он, как мы сказали, провозглашен был императором и показал себя добрым ко всем своим подданным. Между тем Аттила повел войско на Валентиниана, римского императора, за то, что тот не выдал за него сестры своей, Гонории, дошел до города Аврелии, сразился с Аэцием, полководцем римским, был побежден и, потеряв большую часть войска своего при реке Лигере, со стыдом ушел назад. Вспомнив о благодеянии, оказанном ему некогда в Ликии, Маркиан послал за Татианом и Юлием и, объявив их отцами, Татиана поставил начальником столицы, а Юлию поручил в управление область Ливийскую.

Год 5945/445. Первый год правления персидского царя Перокса²⁸, а в Александрии епископа Протерия. В этом же году в Александрии возобновлены были Диоклетиановы бани, а Аттила сжег город Аквилею.

Год 5946/446²⁹. Первый год епископства Василия в Антиохии. В сем году римский император Валентиниан, завидуя чрезмерной силе патриция и полководца своего Аэция, коварным образом умертвил его при помощи Ираклия, одного из евнухов. В это время Аттила готовился воевать против Маркиана, отказавшего ему в дани, положенной при Феодосии. Между тем влюбился он в одну прекрасную девушку, и, праздуя с нею брак свой, слишком напился, и от чрезмерного истечения крови ноздрями и ртом во время глубокого сна окончил жизнь свою³⁰. Дети его, наследовавшие по нем столь огромное владение, погубили оное несогласиями между собою; восточные же римляне в царствование Маркиана наслаждались совершенным миром, правосудием и веселием. Это были времена, по благодати царя, истинно золотые, и во

всех отраслях правления разливалось спокойствие.

Год 5961/461. В сем году император Леон отправил большой вооруженный флот против Гизериха, владетеля Африканского; этот Гизерих по кончине Маркиана много зла причинил землям, подвластным римлянам, грабил, брал в полон и разрушал города. Выведенный этим из терпения, Леон собрал со всего Восточного моря сто тысяч судов, наполнил их войском и оружием, и отправил против Гизериха. Говорят, что он³¹ употребил на сие вооружение сто тридцать тысяч ассов золота. Военачальником и предводителем флота³² поставил Василиска³³, брата царицы Верины³⁴, который занимал уже консульское достоинство³⁵ и часто побеждал во Фракии скифов³⁶. К нему присоединилось немалое войско от Запада, и он в морских сражениях много потопил кораблей Гизериха, и мог бы овладеть самым Кархидоном. Но, подкупленный подарками и многими деньгами Гизерихом, уступил добровольно ему победу, как повествует фракиянин Персик.

Год 5965/465. В сем году император Леон венчал на царство Леона, сына Зинова и Ариадны, дочери своей, а своего внука, и объявил его царем. По кончине же Оливрия, Рекимера и Майорина, провозглашен был императором Италии Гликерий, муж знаменитый, которого, спустя пять месяцев, лишил престола далматинец Непотиан, но и сам царствовал короткое время, потому что согнан был с престола Орестом, коему наследовал сын его, Ромул, по прозванию Августул, царствовавший только два года: он сделался императором Италии спустя тысячу триста три года после Ромула, основателя Рима. Замечательно, что Западная империя, получившая свое начало от Ромула, Ромулом же и окончилась. После того Одоакр, родом готф, воспитанный в Италии, покорил при пособии варварского войска царство и принял название царя, ввел в оном устройство по своим отечественным законам и владел десять лет престолом. Местопребывание свое имел он в Равенне, приморском городе Италии, богатом и красивом.

Год 5966/466. В том же году скончался в Византии от болезни император Леон и оставил по себе царем Леона, сына Зинова и Ариадны, которого еще в детстве назначил преемником себе. Кончина его последовала в январе, 12 индиктиона, а в феврале Леон, по внушению Верины и Ариадны, присутствуя на конском ристалище, уступил царский венец

отцу своему Зинову; но Леон-младший разделял престол с отцом своим Зином только десять месяцев и умер от болезни. Зинон же один царствовал семнадцать лет и два месяца, включая в то число и двадцать месяцев тиранства Василиска. В тяжелое время правил царством Зинон³⁷: в самом начале его сарацины ворвались в Месопотамию, гунны³⁸ во Фракию и причинили большой вред государству, между тем как царь предавался неистовым удовольствиям и вообще действовал беззаконно.

Год 5967/467. Первый год правления императора Зинова, а в Антиохии епископа Петра. Между тем Пероз предпринял поход против гуннов нефталитян³⁹ и, прогнав, преследовал их; но гунны, бежав через тесные ущелья, рассеялись по горам вправо и влево и, очутившись в тылу, вдруг окружили беспечных. Пероз, стесненный отовсюду, просил мира. Царь нефталитский отвечал, что он готов сделать это, если только Пероз повергнется перед ним на колени и поклянется никогда впредь не воевать против нефталитян. Принужденный сделать это, он с большим бесчестьем возвратился и, стыдясь такого унижения, нарушил клятву и пошел опять против гуннов.

Год 5968/468. Первый год епископства в Александрии Тимофея Елуря. В том же году Пероз, начав снова воевать против белых гуннов или нефталитян, погиб со всем войском. Выкопав глубокий ров, они прикрыли его хворостом и засыпали землею, а сами, отступив за него, выжидали. С тем вместе гунны выслали несколько воинов навстречу неприятелям, наказав им тотчас обратиться в бегство и, пробираясь по узкой дорожке человек за человеком, скрыться. Персы, не подозревая никакой опасности, сильно преследовали их и вдруг все, с самим Перозом и детьми его, попали в ров и погибли. Тут Пероз, видя свою неизбежную судьбу, вынул из правого уха жемчужину чудесной белизны, величины и чрезвычайной цены, которую всегда носил, забросил ее, чтоб после него никому не досталась, потому что необыкновенно красива была и подобной ей никогда ни один царь не имел. Так погиб Пероз со всем войском своим. Не участвовавшие в этом походе провозгласили царем своим меньшего сына Перозова, Кавада. Варвары два года повелевали персами, собирая с них дань. Кавад, во зло употребляя власть свою, издал закон, чтоб жены были общие; за это персы лишили его престола, свя-

зали и посадили под стражу, а царем сделали Власия, иначе Вала, брата Перозова, потому что у Пероза не было другого сына. Жена Кавада прислуживала ему в заключении его. Смотритель темницы влюбился в нее, как в красавицу. Кавад присоветовал жене отдаться этому человеку, только бы можно было как-нибудь убежать из заточения. Сделав так, жена свободно приходила к Каваду и заботилась об нем. Между тем один из друзей Кавада, по имени Сеос, дал знать ему через жену его, что у него в известном месте приготовлены для него кони и люди. Кавад, когда наступила ночь, уговорил жену отдать ему свое платье, а самой одеться в его и сидеть в темнице. Таким способом он ушел из заключения и, вскочив на коня, прибыл с Сеосом к гуннам нефталитам, которых царь выдал за него дочь свою, а потом, дав ему большое войско, отправил против персов. Стражи, видя жену в платье Кавада, несколько дней не сомневались, что это сам Кавад в темнице. Но Кавад, вторгнувшись с войском гуннов в Персию, без всякого труда овладел царством, Власия, или Вала, ослепил и заключил в темницу и, таким образом, как человек умный и деятельный, удержал царство за собой и царствовал в нем одиннадцать лет.

Год 5976/476. Первый год епископства Феликса в Риме. В сем году, июня 27, индиктиона 7, Леонтий вступил в Антиохию как царь и поставил Лилиана начальником претории, потом оттуда отправился воевать отечественский город Халкиду. Зинов же послал Иоанна Скифа с величайшею силою на суше и на море против Илла и Леонтия. В происшедшем жестоком сражении Илл и Леонтий были побеждены и бежали в крепость Папурий с магистром Пампрепием, которого почитали чародеем. В это же время Иоанн захватил Иллового брата, Трокунда, отправившегося было для призвания варваров, и отрубил ему голову. Илл и Леонтий четыре года оставались в осаде, обманываемые чародеем, магистром Пампрепием. Узнав же о плене Трокунда, они изрубили в куски Пампрепия как обманщика и бросили за стену.

Год 5977/477. Первый год епископства Петра Монга в Александрии. В сем году Февдех, сын Валамеров, сделался известным между варварами и римлянами как человек храбрый, умный и нечуждый образования; ибо он, находясь заложником в Византии, посещал лучших учителей, между тем как отец его, после сыновей Аттилы, повелевал готфа-

ми в царствование Леона. Зинов, призвав его из Фракии в Византию, сделал консулом и военачальником Фракийским и послал его с Иоанном Скифом против Илла. Стеснив Илла и Леонтия в крепости Папурии, он оставил Иоанна продолжать осаду, а сам возвратился к Зинону. Отсюда отправился во Фракию, а из нее подступил с войском к Византии и только из сострадания, как уверяют, к городу удалился во Фракию; потом, убеждаемый Зиновом, отправился в Италию, где, разбив в большом сражении Одоакра, возложил на себя в Равенне царские знаки. Он победил также много других варваров и покорил себе вандалов, не обнажив даже меча против них. Это случилось после кончины Гизериха и похода в Рим, которым овладел, равно как и всем западом.

Год 5988/488. Первый год правления персидского царя Кавада. В сем году Иоанн Скиф, после продолжительной осады, взял, наконец, Лонгина, бывшего магистра, Лонгина Селинунтского, Афинодора и прочих бунтовщиков и, отрубив им головы, отправил оные к императору Анастасию в Византию. Анастасий, совершая конские ристалища, в знак торжества показывал головы мятежников и в оковах приведенных исаврийцев. Головы, воткнутые на колья, выставлены были в Сиках напоказ всему народу, и множество исаврийцев было переселено во Фракию. Иоанна же Скифа и другого Иоанна – Кирта он пожаловал консулами и осыпал другими почестями...

Год 5994/494⁴⁰. В том же году в Иллирию и Фракию вторгались (и возвращались назад) так называемые булгары⁴², о которых никто до того ничего не знал.

Год 5997/497. В сем году император Анастасий послал с большою властью против персов войско, составленное из готфов, бессов и других фракийских народов, под предводительством восточного военачальника и наместника Ариовинда, сына Далагаифа, бывшего первым консулом. По отцу он был внук того Ариовинда, который при Феодосии Младшем прославился в битвах с персами; Далагаиф же родил его от Диагисфеи, дочери Ардавурия, сына Аспара, о котором сказано прежде; с Ариовиндом отправлены были и многие другие полководцы, между коими особенно замечательны: Патрикий, Ипатий, сын Секундина и сестры царя Анастасия, и Фарасман, отец Зуны, родом лаз, кроме того, прежде упомянутый Роман, присоединившийся к

войску из Ефратисии, Юстин, бывший потом императором, Зимарх и некоторые другие, принадлежавшие к войску, собравшемуся в Эдессе, городе осроенском, и Самосатах, городе евфратисийском, и сопровождавшему Ипатия и Патрикия, занимавшихся очищением города Амиды от стражи персидской. Ариовинд с Романом, Асуандом, начальниками отрядов и другими, остановившись станом, напал на Кавада, находившегося в ту пору в Нисибисе, и, сражаясь с персами с переменным счастьем, выгнал его из этого города и заставил его отступить на значительное пространство. Он в одной схватке погубил величайшего персидского полководца; скиф, убивший этого перса, принес к Ариовинду меч и ожерелье его, которое, как замечательный памятник победы, отослали к императору. Видя, что персидское войско уступает римским полководцам, Кавад, собрав несравненно многочисленнейшее войско, двинул его против римлян и тем заставил Ариовинда поспешно отозвать Ипатия и Патрикия от Амиды к себе на помощь; но последние из зависти отказались тронуться с места своего, а потому Ариовинд хотел было уже возвратиться в Византию, однако Аппиан Египтянин, помощник его по начальству над войском, заведывавший продовольствием и наблюдением за всеми, едва склонил его остаться. Когда, таким образом, римские полководцы разномыслили между собою, Кавад, придя в Нисибис и узнав об их нерешительности, с многочисленным войском, разделенным на небольшие отряды, наводнил, так сказать, всю Римскую страну и опустошил ее до самых пределов Сирии, отправляя между тем часто послов к Ариовинду о мире и предлагая кончить войну денежною сделкою. Особенно устремлял он нападения на то место, где находился Ариовинд, но безуспешно; напротив, сверх всякого чаяния, Ариовинд разбил его в сражении. Узнав, что и Глой, защищавший Амиду, неизбежно должен погибнуть, он с большою потерей отступил другим путем, не думая о заложниках, которых оставил у Ариовинда в обеспечение мира, и, вопреки условию, удержал у себя известного заслугами своими Алипия и Василия Эдесинца. По удалении его с войском за пределы, так как приближалась уже зима, римские полководцы, перессорившись между собою, пошли для занятия зимних жилищ по городкам Евфратисии, Осроены, Месопотамии, Сирии и Армении.

Год 6000/500. В сем году император Анастасий оградил стенами Дару, большое и крепкое место в Месопотамии, на границе римских и персидских владений, построил в нем церкви, кладовые для хлеба, водоемы и портики и назвал эту крепость Анастасиополем; кроме того, построил в нем также две общественные купальни и дал права города.

Год 6005/505. Первый год епископства Тимофея в Константинополе, Иоанна в Иерусалиме и Севера в Антиохии. В сем году православные, жившие в Скифии, Мизии и прочих странах, просили Виталиана, сына Патрикиула, графа федератов, двинуть войско против нечестивого Анастасия. Он двинулся и истребил многие десятки тысяч воинов, сражавшихся за Анастасия, перехватил все золото, посланное на содержание их, оружие для сражения, продовольствие и тому подобное. Говорят, что он в одной битве поразил шестьдесят пять тысяч царского войска, предводимого Ипатием, сыном двоюродной сестры Анастасия, и патриция Секундина, который попался в плен и содержался под стражею... Когда Аламундар, небольшой сарацинский владетель, крестился, то нечестивый Север подослал к нему двух епископов, с тем чтобы передать ему свою заразу. Но по Божьему промыслу он крестился у православных, принимающих собор, а потому, когда епископы Северовы старались отклонить его от истинного учения, то Аламундар чудно обличил их таким представлением: “Сего дня, – сказал он им, – получил я известие, что архангел Михаил только что умер”. И когда те заметили ему, что это невозможно, тогда владетель сарацинский возразил им: “Как же могло случиться, что, по вашему мнению, Бог простой распят за нас, если бы Христос не имел два естества, когда и ангел не умирает?” Таким образом, Северовы епископы со стыдом оставили его. Кавад же некоторым христианам в Персии подсек жилы в коленных суставах, и они все-таки после этого ходили.

Год 6006/506⁴². Первый год епископства Ормизды в Риме. В сем году Виталиан, заняв всю Фракию, Скифию и Мизию⁴³, со множеством гуннов и булгар покорил Анхиал⁴⁴ и Одиссополь⁴⁵, равно как поразил Кирилла, военачальника⁴⁶ фракийского и, опустошая все⁴⁷, дошел до самого Константинополя; здесь, падая этот город, остановился в Сосфение. Анастасий, как только узнал об этом, послал к нему сенаторов просить мира. Он дал клятву вместе с сенатом, что возвратит епис-

копов, заточенных в Ираклию Фракийскую. Но Виталиан требовал еще сверх того, чтобы в том же поклялись и все начальники военных школ, а Македоний и Флавиан, несправедливо изгнанные, получили бы обратно престолы свои, равно и все прочие епископы; наконец, чтобы созван был собор в присутствии папы Римского и всех епископов, на котором были бы разобраны общим судом все обиды, нанесенные православным. Царь, сенат, прочие начальники и весь народ присягнули и подтвердили – быть по сему, после чего мир заключен и Виталиан возвратился домой. При этом патриций Секундиан, зять Анастасия по сестре, а отец Ипатия, пал к ногам Виталиана и упросил его со многими слезами возвратить ему сына, заключенного в Мизии. Ормизда, епископ Римский, по настоянию Февдериха, приверженного к Виталиану, отправил послами епископа Еводия и архидиакона Виталиана на собор, назначенный в Ираклии. До двухсот епископов из различных стран собралось было, но, осмеянные беззаконным царем и Тимофеем, епископом Константинопольским, принуждены были разойтись, ничего не сделав. Нечестивый царь нарушил условия и тайно дал знать папе Римскому, чтобы он не приходил, а к Виталиану отправил послание для отправления в Рим к папе с приглашением его на составляющийся в Ираклии собор. Весь народ и сенат громко упрекали царя в клятвопреступлении, на что беззаконный бесстыдно отвечал тем, что существует закон, допускающий царю в нужде нарушать клятву и обманывать. Вот вам истый последователь махихейских правил.

Год 6007/507. В сем году Виталиан, раздраженный клятвопреступлением Анастасия, много зла причинил как войску его, так и целому государству: убивал, грабил, отнимал оружие и, в поругание, продавал каждого воина за одно пуло.

Год 6008/508⁴⁸. В сем году гунны, называемые савирами⁴⁹, проникли за Каспийские врата⁵⁰, вторглись в Армению, опустошили Каппадокию, Галатию и Понт и остановились почти у самой Евхайты. Святой Македоний, с большой опасностью спасаясь от них, прибыл в Гангру. Узнав о том, Анастасий строго приказал содержать его под стражею и, как говорят, подсылал было к нему убийцу. Но он умер в Гангре и положен во храме святого мученика Каллиника, мощи коего подавали многие целения. Уверяют, что Македоний, уже умерший, осенил сам себя крестным зна-

мением. Феодор, один из находившихся при нем, видел его во сне так говорящего к нему: “Слушай, поди к Анастасию и скажи ему, что я отхожу к отцам моим, коих соблюл веру, но не перестану молить дотоле Господа, пока ты не придешь, и тогда мы предстанем пред суд Божий”.

Год 6013/513⁵¹. Первый год епископства Епифания в Константинополе и Тимофея в Александрии. В сем году, по случаю войны, снова возникшей между римлянами и персами, Юстин⁵² отправил послов с дарами к Зилингу⁵³, царю⁵⁴ гуннов, который склонился на его предложение и обещал клятвенно, по обычаю отцов, воевать с ними против персов. Кавад⁵⁵ тоже послал к нему с своей стороны послов, и царь гуннов согласился и с ним. Известясь об этом, Юстин сильно огорчился. Зилингд отправил в помощь персам двадцать тысяч войска против римлян. Юстин послал сказать персидскому царю Каваду, что Зилингд поклялся помогать римлянам за большие подарки и готов изменить персам, и потому лучше им, помирившись, жить в дружбе, как братьям, и не дать этим псам играть собою⁵⁶. Тогда Кавад спросил наедине Зилинга, получил ли он дары от римлян за вспоможение им против персов? Гунн отвечал: “Да”. Разгневанный Кавад убил его, а потом ночью послал большое войско персов для истребления его воинов, подозревая, что царь их пришел к нему с коварным намерением. Кто успел бежать, тот только и воротился в свою сторону.

Евфрасий Антиохийский исключил было из книги поминальной Халкидонский собор и имя Ормизды, папы Римского, но потом пришел в страх и проповедовал четыре собора.

Кавад, царь Персидский, пожелал назначить после себя опекуном дома своего Римского императора, потому что ему не хотелось, чтобы после него царствовал старший сын его, как требовал того закон персидский, ни второй, у которого выколот был один глаз; но отец любил Хосрова, родившегося ему от сестры Аспенда. По этому случаю он прислал послов к Юстину в Византию. Царь, созвав сенат для совета, не согласился на то; квестор Прокл, муж умный и проницательный, доказал всем, что под этим скрывается злоумышление и предательство против римлян.

Год 6015/515. Первый год епископства Евфрасия в Антиохии. В сем году отпал от Кавада, царя Персидского, Цаф владетель лазов, которого он сильно любил и доставил ему са-

мый престол. Он прибыл в Византию к Юстину, просил окрестить его в христианскую веру и потом объявить царем лазов. Император принял его с радостью, просветил и назвал своим сыном, в заключение женил его на римлянке Валерии, внучке патриция Ома, которую и взял он с собою в свою землю. Юстин провозгласил его царем лазов, надел на него венец, облек в белую царскую хламиду с золотой пластинкою спереди, на которой начертано было иглой изображение императора Юстина, также белую тогу с золотыми каймами, и опять с изображением императора; далее, красные сапоги его были украшены, по обычаю персов, драгоценными камнями, равным образом и пояс на нем был тоже золотой, усеянный жемчугом. Получив от царя богатые дары, с радостью возвратился он в свою землю. Узнав об этом, Кавад послал императору Юстину сказать: “В то время, когда между нами дружба и мир, ты, однако же, поступаешь со мною, как враг, принимая к себе тех, которые испокон состояли под властью персов”. Император отвечал ему: “Мы не принимали и не привлекали никого из твоих подданных, но Цаф, пришедши сам в наше государство, бросился к ногам нашим и просил избавить его от ненавистного ему языческого верования, нечестивых жертв и обмана демонского, присоединить к Богу, творцу всех, и сделать христианином. Крестив его, мы отпустили в страну его”. С этого времени началась вражда между римлянами и персами.

В том же году омириты учинили злодейское покушение на святого Арефу и обитателей города Негры; тогда же случилась война эфиопского царя Елесвая с омиритами, победившими его.

Год 6016/516. Первый год епископства Иоанна в Риме. В сем году Февдериx, управляя Римом и будучи арианином, заставил папу Иоанна отправиться к императору Юстину и ходатайствовать, чтобы не принуждали ариан отступать от ереси своей, в противном случае и Февдериx решится на то же с православными в Италии. Иоанн, прибыв в Византию и получив приглашение патриарха, Епифания, не пошел к нему, пока Епифаний не уступит первого места Римскому папе. Этот же Иоанн со всеми епископами вступил в сношение, но с Тимофеем Александрийским никоим образом не сошелся. Кавад, персидский царь, сын Пероза, приказал в один день захватить многие десятки тысяч манихеев с епископом их Индазаром и персидскими се-

наторами, державшимися того же учения. Манихеи воспитывали третьего сына его, по имени Фтасуарса, которого родила ему дочь его Самвики, и, напоив его своим учением, внушили ему следующее: “Отец твой уже состарился, и если случится ему умереть, то верховные маги сделают царем которого-нибудь из братьев твоих, потому что могущество их очень велико; мы же мольбами своими можем склонить отца твоего удалить их от престола и возвести тебя на оный и, таким образом, ты всюду можешь потом утверждать учение манихеев”. Он согласился на их предложение, если только будет когда-либо царствовать. Узнав об этом, царь Кавад созвал народное собрание, с тем чтобы, как говорил он, сделать царем Фтасуарса, в которое приказал явиться также всем манихеям с епископом их, женами и детьми, равно как архимагу своему Глоназу с прочими магами и, наконец, христианскому епископу Визану, которого любил как отличного врача. Тут, обратившись к манихеям, сказал им: “Я люблю учение ваше и еще при жизни своей хотел бы препоручить царство мое и сыну моему Фтасуарсу как последователю вашему. А потому отделитесь теперь от прочих и примите его!” Они ободрившись, смело стали отдельно. Кавад подал знак войску напасть на них, и все были изрублены острием меча с епископом их перед глазами верховного мага и христианского епископа, затем отдал повеление по всему государству истреблять манихеев, где только схватят их, также предавать огню имущество их или отбирать в царскую казну, а книги жечь. Между тем благочестивый император Юстин управлял государством мудро и мужественно и разослал по всем городам указы, в коих повелевалось наказывать всех, производящих беспорядки и убийства, успокоил константинопольский народ и большой страх внушил к себе, также венчал супругу свою, Феодору, царским венцом, чтоб и она вместе с ним царствовала. Патриция Ипатия, сына Секундина, поставил военачальником Востока для охранения восточных пределов от набегов персов и сарацин; в заключение и он крепко преследовал манихеев и многих из них наказал.

Год 6020/520⁵⁷. Первый год правления императора Римского Юстиниана, Иоанна, епископа Иерусалимского, и Евфраимия Антиохийского. В том же году присоединилась к римлянам некоторая жена из гуннов, называемых сивирами, варварка, по имени Боа-

рикс⁵⁸, вдова, под властью которой находилось сто тысяч гуннов; она управляла ими в странах гуннских по смерти мужа своего Валаха⁵⁹. Кавад склонил двух царей⁶⁰ других гуннских племен, живших далее во внутренних краях⁶¹, по имени Стиракса⁶² и Глониса⁶³, помогать ему в войне против римлян. Когда они проходили с двадцатью тысячами войска в Персию через владения царицы Боарикс, она напала на них и поразила наголову. Одного из них, именно Стиракса, полонила и отослала в оковах к царю в Константинополь⁶⁴, а другого, Глониса, убила в сражении. Таким образом сделалась она союзницей и другом царю Юстиниану.

В том же году⁶⁵ царь⁶⁶ гуннов⁶⁷, обитавших близ Боспора, Гордас⁶⁸, присоединился к императору, сделался христианином и просветился, а император принял его⁶⁹, осыпал большими дарами и отправил в собственную его страну охранять римские пределы и город Боспор, названный так потому, что гунны ежегодно платили римлянам дань вместо денег быками. Юстиниан отправил туда же [арифм ромейских стратиотов]⁷⁰ и трибунов⁷¹ для охранения этого города и собирания положенной дани с гуннов. [В этом городе происходила оживленная торговля⁷² между ромеями и гуннами.]⁷³ Царь гуннов, сделавшийся христианином, возвратясь в свою землю, пришел к брату своему, рассказал ему о любви императора и щедрости его, равно как и о том, что он крестился. Он собрал истуканов, которым гунны поклонялись, и перелил их, потому что они были серебряные и электровые⁷⁴. Гунны рассердились и, сговорившись с братом его, убили его, а на его место поставили царем брата его Муагера⁷⁵. Боясь, чтобы римляне не взыскали за него, вдруг напали на город Боспор и убили трибуна в нем Далмация с воинами его. Услышав о сем, император отправил туда консула⁷⁶ Иоанна, внука Иоанна Скифа, сына патриция⁷⁷ Руфина, с значительным вспомогательным войском из скифов⁷⁸, к которому присоединились вожди: Годилла из Одиссополя и Вадурий⁷⁹. Гунны, узнав о том, бежали и исчезли; таким образом в Боспоре воцарился мир, и римляне управляли им уже без всякой опасности.

Год 6021/521. 21-го марта, индиктиона седьмого, Аламундар Зекикис, царек сарацинский, вторгнулся в пределы империи и опустошил первую Сирию до самых пределов Антиохийских, именно по так называемый Литарг и владения Скафатов. Он совершил

много убийств, сжег предместья Халкидона, поместье Сермию и весь заповедный (охотничий) край. Узнав об этом, римские экзархи вышли против него. Сарацины и персы слыша это, захватили добычу и пленных и бежали через внутренний рубеж. В апреле месяце, того же 7-го индиктиона, подоспело вспомогательное войско, посланное императором сухим путем из Фригии, которую зовут Ликокранитской. Царь отозвал патриция Ипатия, сына Секундинова, и назначил предводителем Восточных полков Велисария. 12-го мая прибыл в Антиохию магистр Гермоген, муж разумный, которого император Юстиниан отправил послом к персидскому царю для заключения мира. В месяце июне самаритяне и иудеи в Палестине венчали царским венцом какого-то Юлиана. Они, подняв оружие против христиан, грабили, убивали и производили пожары. Бог предал их в руки Юстиниана, который истребил всех их, а возмутителя Юлиана обезглавил. Хосров принял магистра Гермогена, посланного с дарами и предложением о мире, а в июле месяце, 7-го индиктиона, взял и самые дары, но мира не заключил, потому что самаритяне, бежавшие к нему, отклонили его, обещаясь предать ему всю страну свою и Палестину и уверяя, что они располагают пятьюдесятью тысяч войска, из иудеев и самаритян состоящего. Полагаясь на них, Хосров не принял мира, собирався при помощи их взять самый Иерусалим, в котором хранилось бесчисленное множество золота и драгоценных камней. Предлогом к отказу послужили ему и рудники в Арменских горах, которые доставляли прежде и римлянам и персам по таланту, теперь же пользовались ими одни римляне. В послании своем к Юстиниану упоминал он еще и о других некоторых предметах. Оказалось потом, что все это произвели самаритяне, а потому на возвратном пути из Персии их остановили в Амидии. Между ними находилось пятеро знаменитейших и богатых мужей; они отданы были Велисарию и на допросе во всем признались ему.

В том же году дукс Палестины поссорился с одним начальником сарацин, подвластных Риму. Этот начальник, боясь его, отступил во внутренние пределы. Проведав о том, Аламундар сделал нападение, схватил его и убил, а жен и детей его полонил и возвратился назад. Когда весть о том дошла до дуков Финикийских, Аравийских и Месопотамских, равно как и самого начальника племени, то они

погнались за ним; Аламундар скрылся от них в пределы Индии⁸⁰, в которые еще никто из римлян не проникал. Они захватили его палатки и отвели в плен множество сарацин, мужей, жен и детей, а римлян, в плену томившихся, освободили, взяли верблюдов, овец, волов, много шелку и всяких одежд, сожгли четыре персидские крепости и возвратились домой с великою победою.

В том же году, 8-го индиктиона, император Юстиниан поднял великое гонение на эллинов и всякую ересь, причем имущество их велел отбирать в казну. Тогда же обвинили докладчика Македония и наместника Асклипиодота, из коих последний из страха обратился к истинной вере и затем умер. Сверх того, взяты были илиополец Пигасий с детьми его, и на пути допрошен патриций Фока, сын Кратеров, квестор Фома и другие, что навело большой страх на всех. Царь издал повеление, чтобы эллинствующих не допускать в государственную службу, ни еретиков, но одних только православных христиан; первым дана была отсрочка для размышления на три месяца. В марте, 8-го индиктиона, прибыли в Антиохию посланные в Персию консул и магистр Гермоген и военачальник и патриций Руфин. Пришедши в Дару, они дали знать о себе персидскому царю, чтобы он принял их. Между тем как они жили в Даре, где недалеко от города имел свой стан и военачальник Востока, Велисарий, равно и прочие начальники римские, Миран, главный предводитель персидского войска, с царским сыном и прочими полководцами персидскими, стянув в Нисибис, в июне месяце, 8-го индиктиона, большие силы, напали на них тремя разными отрядами. Римские вожди, предупрежденные о том, устремились вместе с магистром в прекрасном порядке против персов, и произошла большая битва и страшное поражение. Римляне перерубили и уничтожили персов и взяли главное их знамя. Миран, царский сын и еще немногие спаслись бегством в Нисибис. Римляне одержали великую победу. Известия о том, персидский царь велел явиться к себе одному лишь патрицию Руфину с комитом Александром. Представ перед ним в августе месяце, они долго совещались с ним и наконец, постановив мирные условия, воротились спокойно к себе.

Год 6026/526. В том же году начались Вандальские войны и Велисарий занял Африку...

Год 6031/531⁸¹. Первый год епископства Вигилия римского, Феодосия Александрий-

ского. В этом году поднялись болгары. Два князя⁸² со множеством болгар и друнгом⁸³ вторглись в Скифию и Мисию в то время как в Мисии начальствовал войсками Юстин, а в Скифии Баударий⁸⁴. Эти полководцы двинулись против болгар, решились на битву; и пал в битве вождь Юстин; и назначен был вместо него Константин, сын Флоренция. И дошли болгары до пределов Фракийских. И вышел против них полководец⁸⁵ Иллирика Акум гунн, которого царь воспринимал от крещения. И римские войска, оцепив болгар со всех сторон, стали их рубить и избili многое множество, и отняли всю добычу, и рубили наголову, умертвив и двух князей болгарских. И когда победители возвращались с радостью, напали на них другие болгары⁸⁶ и поймали на аркан бегущих Константина, Акума и Годиллу. Из них Годилла кинжалом перерезал аркан и убежал; а Константин и Акум были взяты живые. Константина болгары выдали на выкуп за 1000 номисм⁸⁷, и он возвратился в Константинополь, Акума же повели в свое отечество⁸⁸ вместе с другими пленниками.

В том же году Хосров, царь Персидский, взял Антиохию Великую в Сирии и взошел в Апамею и другие города.

Год 6032/532. В этом году появился в римских пределах Мунд, происходивший из племени Гепидов, сын Гисма. История Мунда такова. По смерти отца Мунд пришел к Ригу, своему деду по матери, владельцу Сирмийскому. Узнав об этом, владелец Рима Теодорих послал к Мунду приглашение, вследствие которого Мунд отправился к Теодориху и жил при нем в качестве его воинского сподвижника. После смерти Теодориха Мунд пришел к реке Дунаю и просил императора Юстиниана принять его под свою державу. И пришел в Константинополь, где царь оказал очень любезный и почетный прием ему и сыну его, и отпустил их, назначив Мунда военачальником Иллирика. И в то время, когда Мунд находился в Иллирике, пришли туда болгары в великом множестве, и, напав на них, Мунд всех их разбил. И из числа пленных послал в Константинополь их вождей⁸⁹ и многих других болгар, и показывали их с торжеством на ипподроме. И настал глубокий мир во Фракии, ибо гунны⁹⁰ не дерзали уже переходить через Дунай. А пленников болгарских царь⁹¹ послал в Армению и в Лазику, и были включены они в число рядовых воинов⁹².

Год 6033/533. Первый год епископства Павла Александрийского. В этом году, т. е. в

14 году царствования Юстинианова, Персидский царь Хосров сделал четвертое нападение на римскую землю. Хосров взошел сначала в страну Комагинов и оттуда думал идти в Палестину и Иерусалим и ограбить тамошние сокровища. Ибо слышал, что страна та обильна, а жители богаты золотом. А римляне несколько не помышляли идти для противоборства персам, но, запершись в крепостях, хотели оборонять их и спастись сами, как кто сможет. Узнав об этом, Юстиниан послал против персов Велисария, только возвратившегося с запада. Велисарий на курьерских конях с большою быстротою прибыл в Евфрастию. Юст, племянник царский, и Вутц, начальник восточной армии, находились тогда в Иерополе, как в месте убежища. Услышав о прибытии Велисария, они письменно приглашают его прибыть к ним и оберегать Иерополь. Велисарий сильно посмеялся над ними, заявляя в ответном письме, что несправедливо было бы охранять один город и позволять варварам безопасно расхаживать по римской стране и опустошать царские города. Вы хорошо знаете, что лучше погибнуть мужественно, чем спастись, уклоняясь от боя. Последнее нужно назвать не спасением, а скорее предательством. Лучше идите быстрее в Европу⁹³; собрав оттуда все войско, я надеюсь при помощи Божьей одолеть неприятеля.

Под влиянием таких речей Велисария начальники ободрились. Юста с небольшим гарнизоном оставили в Иерополе, а прочие пошли в Европу.

Хосров, узнав, что Велисарий и все римское войско ополчаются в Европе, остановился и не решался идти дальше. И послал книжника Аvezдана, мужа разумного, разведать, каков полководец и каков лагерь; а предложом для этого посольства служили жалобы, якобы царь Юстиниан не послал в Персиду послов для переговоров о мире. Велисарий, узнав, что идет посольство, сам, выбрав 600 великорослых и красивых воинов, вышел из лагеря охотиться. А Диогену, копьеносцу, и Адулию Армянину с 1000 всадников приказал перейти реку, как будто для разведания брода. Когда же Велисарий узнал, что посол уже близко, то приказал раскинуть палатку в пустынном, как бы случайном месте для остановки. Между тем своих разноплеменных воинов фракийцев, иллирийцев, готфов и елу-ров, а также вандалов и маврусийцев Велисарий разместил по обеим сторонам палатки, а еще более рассеял по равнине. Воины эти не

стояли на одном месте, как на службе, но бродили туда и сюда, как охотники, и, по-видимому, как люди праздные и свободные от дела, собрались смотреть посла Хосровова. Они были препоясаны, имели веселые лица и носили топоры и алебарды. Аvezдан явился пред Велисария, говорил, что Хосров огорчается тем, что Юстиниан, вопреки условию, не прислал к нему послов для переговоров о мире и тем вынудил его, Хосрова, воевать против римлян. Велисарий, не придавая никакого значения этим словам, возражал, что Хосров – виновник войны; если бы он желал мира, то не пошел бы искать его в чужую землю, но, оставаясь в своей стране, ожидал бы послов. Сказав это, Велисарий отпустил посла. Сей последний, возвратясь к Хосрову, говорил, что, по его наблюдению, полководец чрезвычайно разумный и мужественный, а воины таковы, каких он нигде не видал, ибо в них собрана красота всех народов. Посол советовал Хосрову не вступать в битву с воинами Велисария, чтобы в случае поражения не погубить все персидское царство, если он сам, зайдя в римскую страну, не найдет места для бегства. Да и победить не важно, потому что придется победить римского полководца, и не более того. Тогда Хосров, по слову Аvezдана, вознамерился немедленно возвратиться восвояси. Но Хосров боялся переправляться через реку, так как римляне сторожили переправу. Посему после многого раздумья он послал просить Велисария, чтобы тот отвел воинов, стороживших реку, и таким образом обеспечил персам беспрепятственное отступление. Велисарий тотчас же послал к Хосрову послов, одобряя его за отступление и обещая, что скоро придут царские посланники для утверждения мира. Хосров просил Велисария обеспечить ему безопасный проход через римскую землю. И Велисарий послал к нему Иоанна Эдесского, мужа знаменитейшего, заложником его безопасного прохождения чрез Римскую страну. И римляне более хвалили Велисария за благоразумное поведение в этом деле, чем за то, что он привел в Византию двух пленных царей – Гелимера и Витигеса. И действительно, достойно повествования и похвалы то обстоятельство, что, когда все римляне боялись и скрывались в крепостях, а Хосров с большим войском находился среди римской державы, один человек, на почтовых прибывший из Византии, выступил против царя персов, а Хосров, сверх ожидания, был

обманут его мудростью и ни с чем возвратился восвояси.

Год 6039/539. В этом году взят Рим готфами. И папа Вигилий прибыл в Константинополь и, принятый от царя с великой честью, обещался устроить соединение кафолической церкви и анафематствовать три главы. И столько папа был почтен царем, что, возгордившись, под видом епитимии отлучил Мину, епископа Константинопольского, на 4 месяца от церковного общения; а Мина отвечал ему такую же епитимиею. Между тем царь, разгневавшись на Вигилия за епитимию и за отказ исполнить свое соглашение относительно церковного соединения, приказал схватить его. Папа, испугавшись царского гнева, прибежал к жертвеннику мученика Сергия в обители Хормиздовой. Будучи силою извлекаем оттуда, папа схватился за столбы, поддерживавшие жертвенник, и ниспроверг их, будучи тяжел и велик телом. Царь, раскаявшись, принял в свою благосклонность папу Вигилия, а Вигилий, по просьбе Августы Феодоры, принял в общение Мину, патриарха Константинопольского 29 июня в день св. апостолов.

Год 6043/543. В этом году в апреле, индиктиона 4, послан был кувикуларий Нарсес в Рим с поручением вести войну против готфов, завладевших Римом. Ибо после того как Велисарий владел Римом, опять вошли в силу и захватили Рим готфы.

Год 6044/544. В августе месяце прибыли победные вестники и триумфы из Рима от Нарсеса, кувикулария и экзарха римского. Ибо, сразившись с Татилюю, вождем готфским, Нарсес разбил его на голову, и взял Рим, и убил Татилу, и окровавленные одежды его вместе с украшенною дорогими камнями камилавкою прислал в Константинополь. И повергнуты были эти трофеи к ногам царя в секрете⁹⁴.

Год 6050/550. В том же году⁹⁵ появился в Византии странный народ, называемый аварами, и весь народ вышел смотреть их, ибо никогда не видали такого народа. Авары носили длинные волосы, откинутые назад, связанные бечевками и заплетенные в косу⁹⁶, а в остальном наружностью своею они походили на прочих гуннов. Авары, убежав из своей страны, пришли в области Скифии и Мисии⁹⁷ и отправили к Юстиниану послов с просьбою о принятии их (т. е. на земли, принадлежащие империи).

В феврале месяце была смертность людей от опухоли в паху (βομβυς); особенно помирали молодые, так что живые не успевали хоронить умерших. И продолжалось эта смертность от месяца февраля до месяца июля.

Год 6051/551⁹⁸. В том же году появилось во Фракии великое множество гуннов⁹⁹ и славян, и повоевали они Фракию, и многих убили и взяли в плен. Взяли в числе других военачальника Сергия¹⁰⁰, сына Вакха-старшего¹⁰¹, и воеводу Едерма, сына Калоподия¹⁰², славнейшего кувикулария¹⁰³ и препозита¹⁰⁴. И нашедши, что стена Анастасиева¹⁰⁵ в некоторых местах пала от землетрясений, проникли за нее и попленили до Дрипия¹⁰⁶ и Нимф¹⁰⁷ и Хитукомея¹⁰⁸; и все (т. е. обитатели предместий Константинополя) бежали в город¹⁰⁹ со своим имуществом. Узнав об этом, царь¹¹⁰ собрал земское ополчение¹¹¹ и послал к Длинной стене. И вступив в битву, многие погибли там из римлян и из схоляриев¹¹². Потом по приказанию царя были увезены находившиеся в предместьях вне города серебряные киворы и святые трапезы серебряные¹¹³; и держали стражу во всех воротах стены Феодосиевой¹¹⁴ школы протикторы¹¹⁵, родовые воины¹¹⁶ и весь синклит¹¹⁷. Царь, видя, что варвары напирают, приказал выйти против них патрицию Велисария вместе с синклитиками¹¹⁸. Велисарий забрал коней из дворца, и с ипподрома, и из богоугодных домов, и у всякого человека, где только был конь, и, вооружив народ, направился к Хитукомису, и устроил ров, и начал ловить кое-кого из варваров и убивать. И приказал рубить деревья и тащить позади ополчения¹¹⁹, и произошла от ветра большая пыль, которая летела на варваров. Варвары, думая, что против них стоит большое войско, побежали и переместились на сторону св. Стратоника в Декатон¹²⁰. Затем, узнав от согладатаев, что на стенах Константинопольских стоит большая стража, перешли на сторону Курулла¹²¹, и Аркадиополя¹²², и св. Александра Цупарского¹²³, и стояли там до святой Пасхи¹²⁴. После Пасхи вышел царь и с ним все граждане столицы в Силивию¹²⁵ для возобновления Длинной стены [где провались варвары¹²⁶]. И стоял царь в Силивии до августа месяца, равно и варвары блуждали вне города до августа. Между тем царь приказал устроить двухъярусные корабли¹²⁷, чтобы встретить варваров при обратной переправе их через Дунай и сражаться с ними. Узнав об этом, варвары через посла просили о позволении им безопасно переправиться

чрез Дунай. И послал царь Юстина¹²⁸, племянника своего и куропалата¹²⁹, обеспечить варварам свободный пропуск.

Год 6054/554¹³⁰. В том же году был взят Безиполь¹³¹ гуннами¹³². И послал царь военачальника Маркелла и своего племянника с множеством войска¹³³, чтобы освободить город и Персиду¹³⁴.

В апреле месяце был взят Анастасиополь фракийскими гуннами.

Год 6055/555. В том же году, в месяце.... пришли победные вестники из Рима от патриция Нарсеса, возвещающие, что он взял крепкие города готфов Верону и Бриксию.

Тогда же возвратился из Персии и магистр Петр, заключив мирный договор на 7 лет относительно Лазики и восточных провинций.

В том же месяце¹³⁵ приходили послы от Аскила¹³⁶, государя¹³⁷ ермихионов¹³⁸; – это народ, живущий среди варваров¹³⁹, вблизи Океана.

Год 6056/556. В этом году в месяце октябре, индиктиона 11, отправился царь Юстиниан на богомолье в город Мириотелов, или что тоже Термион в Галатии.

В ноябре месяце прибыл к Византию Арефа патриций и филарх сарацинский, доложить царю о том, кто из его сыновей после его смерти должен владеть его филархией, а также и о том, что делает в тамошних краях Авор, сын Аламундара.

Год 6064/564¹⁴⁰. В этом году римляне и персы нарушили мир и опять возобновилась Персидская война из-за того, что Гомеритские инды [т. е. жители Химьяра – страны в Южной Аравии. – Ю. III.] прислали дружественное посольство к римлянам и со своей стороны царь отправил магистриона Юлиана с сакрою [т. е. с договорною священной грамотою] к Арефе, царю эфиопскому. Юлиан шел к Арефе от Александрии рекою Нилом и Индийским морем и был принят у царя Арефы с великою радостью, ибо Арефа дорожил дружбою царя римлян. – Возвратившись сам Юлиан рассказывал, что во время аудиенции царь Арефа был голый и на чреслах имел льняную златотканную одежду, обтягивавшую мускулы, а на чреве накладку из драгоценных камней; а на плечах по пяти обручей, а на руках золотые запястья, а на голове льняную златотканную повязку, от обеих узлов которой спускались четыре шнурка. Престол же царя был таков: четыре слона были заложены в четырехколесный экипаж, на котором возвышалась эстрада, обитая золотыми листьями,

подобно той колеснице, на какой ездят начальники епархий. Царь стоял на этом возвышении, держа позлащенный щит и два золотых дротика. Все члены царского синклита стояли с оружием и пели музыкальные мелодии. Римский посол, будучи представлен, поклонился и получил от царя Арефы приказание встать и приблизиться к нему. Приняв императорскую сакру, царь Арефа поцеловал печать, на которой было грудное изображение императора, а получив дары, и очень возрадовался. Прочитав грамоту, Арефа нашел в ней предложение вооружиться против царя персидского и губить соседнюю с Эфиопиею страну персов, и на будущее время не вступать в соглашение с персами, но производить торговлю подвластной ему страны Гомеритской рекою Нилом чрез Египет и Александрию. Тотчас же царь Арефа, ополчившись в присутствии римского посла, воздвиг войну против персов, послав впереди себя сарацин. Затем пошел и сам в Персидскую область и опустошил всю подвластную персам страну, находящуюся в тех пределах. – Взяв в руки голову посла Юлиана, царь Арефа дал ему целование мира и отпустил его с большою сохранностью и со многими дарами.

Была и другая причина, возмущившая Хосрова (против римлян). В то время гунны, которых мы обыкновенно называем турками¹⁴¹, отправляют к Юстину¹⁴² посольство через страну аланов¹⁴³. Испуганный этим, Хосров воспользовался тем предлогом, якобы армяне, возмущившись против него, нашли себе прибежище у Юстина и требовали их выдачи. Еще римский царь ежегодно платил 500 литр¹⁴⁴ золота, чтобы персы держали гарнизон в пограничных крепостях¹⁴⁵, чтобы варвары¹⁴⁶ своими набегами не разоряли того и другого государства. Таким образом крепости содержались на общий счет. Но Юстин нарушил мирное условие, говоря, что унижительно римлянам платить дань персам. Отсюда-то и началась оная великая война персов с римлянами. И Юстин послал против персов своего родственника, патриция Мартина¹⁴⁷, назначив его воеводою востока.

Год 6065/565. Первый год епископства Иоанна Иерусалимского. В том же году была большая битва между персами и римлянами у Саргофы, – и победили римляне.

Год 6066/566. Первый год Персидского царя Хормизда. В этом году¹⁴⁸ пришли авары в страны придунайские, и, узнав об этом, царь¹⁴⁹ послал против них Тиверия¹⁵⁰, коми-

та экскувитор¹⁵¹. И в сражении с ними Тиверий был побежден, ибо нечаянно был захвачен варварами¹⁵² и, потеряв многих воинов, отступил.

Хормизд, царь Персидский, назначив воеводою Артабана, послал его переправиться чрез Евфрат и пустошить страну римлян. А сам Хормизд, собрав войска, пошел против римлян, осаждавших Нисибис. Мартин, узнав об этом, оставил Нисибис и отступил в пределы римские. А Артабан, направившись к Антиохии и опустошив предместья города, проник в Келесирию. И таким образом Артабан, обремененный большою добычею, возвратился в страну свою. Самодержец Юстин был поражен ходом дел, отрешил Мартина от воеводства и назначил воеводою Архелая. Между тем Артабан завладел Дарою и после того отступил. Юстин, подавленный тяжестью бедствия, заболел помешательством и стал просить мира у Хормизда, который и согласился на перемирие только на один год.

Год 6072/572. Первый год епископства Евлогия Александрийского. И отправил Тиверий к царю персидскому послов, возвещая по обычаю о своем воцарении. И не захотел царь персидский продолжить перемирия. Тогда Тиверий собрал большую силу и, не жалея царских сокровищ, устроил лучшие армии и назначил воеводою востока некоего Юстиниана. Сей последний, взяв войско, направляется к Даре. Ополчаются тут же неподалеку и персы под предводительством Мехосроя. Когда же войска были готовы к битве, воеводы вступают в переговоры и заключают обоюдное условие, чтобы в течение 4 лет римляне и персы не пустошили востока, а ограничили поле военных действий одною Армениею.

Год 6073/573. В этом году царь персидский, взяв свои войска, направился на Армению. Римский воевода, услышав, что царь персидский самолично идет на войну, потерял присутствие духа. Ибо боязнь напала на полчище римское. Поэтому Юстиниан произнес речь к войску и вместо боязни возбудил мужество. Началась битва. Персы пускали целую тучу стрел, так что затмевали лучи солнечные, а римляне, укрываясь от стрел щитами, пошли на рукопашный бой. Когда римляне надвинулись густым строем, персы не могли выдержать. И обращается вспять вавилонское полчище, и многое множество гибнет. В руках победителей остается и персидский обоз, и царская палатка, и вся драгоценная утварь. Римляне забирают и слонов и по-

сылают к Тиверии эту знаменитую и царскую добычу. Царь персидский, не терпя стыда, издает закон, чтобы на будущее время никогда царь персов лично не выходил на войну. Римское войско пользовалось персидскими неудачами, и проникло во внутренности Персии, и учинило в Персиде большое пленение и грабеж, и достигло даже до середины Гирканского моря. А когда наступила зима, то римляне не вернулись восвояси, но перезимовали в Персиде.

Год 6074/574. Год первый епископства Иоанна Константинопольского. Царь Тиверий, купив рабов-язычников, устроил из них полк под своим именем, одев и вооружив 5000, и дал им воеводою Маврикия, комита федератов, а его помощником – Нарсеса. И послал их против персов. В последовавшей затем большой войне римляне решительно одолели и отобрали у персов города и страны, которые те завоевали при Юстиниане и Юстине. Маврикий, по возвращении в Константинополь, был принят царем с великою честью, и праздновал Тиверий триумфы по поводу победы Маврикия, и принял его в зятя, выдав за него дочь свою Константину. Точно так же и за воеводу Германа царь выдал дочь свою Хариту и возвел обоих зятьев в достоинство кесарей.

Августа 14, индиктиона 15, царь, вкусив рыжих шелковичных ягод, красивых, но вредных, заболел чахоткою, и, сбираясь умирать, пригласил патриарха Иоанна вместе с синклитом и войсками в трибунал, и, будучи внесен на носилках, уже не мог говорить сам, но при посредстве чтеца объяснил полезное для дел народа римского, и Маврикия, своего зятя, нарек царем. Все восхвалили царское определение и царя Маврикия, и Тиверий, возвратившись, помер на своей постели. Царствовал он 3 года 10 месяцев и 8 дней.

Год 6075/575. Первый год царствования Маврикия Римского. В этом же месяце (апреле) авары, которые незадолго пред сим захватили Сирмий, значительный город Европы, присылают к самодержцу Маврикию послов с просьбою к 80 000 золота, ежегодно получаемого ими от Римлян, прибавить еще 20 000. Царь, желая мира, согласился на это. Просил также (властитель аваров) прислать к нему посмотреть индийское животное слона. Царь отправил к кагану самого большого слона, и тот, посмотрев, отослал его обратно к царю. Просил также каган прислать к нему золотую кровать. Царь послал и ее; каган и ее отослал

обратно, не обратив на нее большого внимания; затем каган просил к 100 000 (ежегодной платы) прибавить еще 20 000.

Когда же царь не согласился на это, то каган, ополчившись, разрушил город Сингидон и завладел многими другими городами, принадлежащими к Иллирийской префектуре. Взял также и Анхиал и угрожал, что разрушит и Длинные стены. Царь отправил к кагану послов патриция Елпидия с Коментиолом. И варвар согласился заключить мир на договорных условиях.

На востоке царь назначил воеводою Армении Иоанна Мустакона. Он, пришедши к реке Нимфии, в том месте, где она сливается с Тигром, вступает в битву с кардаригом (кардариг – это у персов не собственное имя, но важный чин персидского воеводы), и одолевают римляне варваров. Но Крус, помощник воеводы, по зависти и ненависти к военачальнику, обращается в бегство; видя его, побежали и прочие римляне и едва спаслись за лагерными окопами. Была и другая битва, но в ней уже римляне были побеждены и многие из них побиты.

Год 6076/576¹⁵³. В этом году, месяца-декабря 20, индиктиона 2, царь нарекается консулом; по этому случаю он раздарил в столице много сокровищ.

Царь назначает Филиппика воеводою востока, выдав за него в замужество сестру свою Гордию. Филиппик, направившись в персидские пределы, приблизился к Нисибису и, внезапно вторгшись в Персиду, забрал большую добычу. Узнав это, кардариг, воевода персидский, устроил засаду и хотел подстеречь римское войско. Но Филиппик, препроводив добычу в безопасное место, горным путем проник в страну мидов, опустошил многие области Мидии и возвратил под римскую державу.

Между тем каган не замедлил обманом разрушить мир. Ибо вооружил против Фракии славянские народы, которые доходили до Длинных стен, учиняя великий грабеж. Царь, выведши из столицы дворцовую гвардию и ополченцев¹⁵⁴, приказал им охранять Длинные стены. А Коментиола¹⁵⁵ назначил воеводою и, вручив ему войско, отправил его против варваров. Коментиол нечаянно напал на варваров, множество их перебил, остальных прогнал. А достигши до Адрианополя¹⁵⁶, встретился с Андрагастом, который вел множество славян с добычею, и, напав на него, добычу отнял и одержал великую победу.

Год 6077/577. В этом году Филиппик, взяв войско, устремился в страну Персидскую и, овладев Арзаною, получил великую добычу и навел страх на персидские полчища. Но, по случаю болезни, Филиппик удалился в Мартирополь, поручив своему племяннику обязанности воеводы, а Стефана назначив боевым генералом. Между тем Кардаган, дошедши до Мартирополя, сжег все предместья города и возвратился назад. А больной Филиппик отправился в Константинополь, и войска возвратились без ущерба восвояси.

Год 6078/578. В этом году Филиппик, вышед из царствующего города, совершает поход к городу Алаге, и, собрав воинов, вопрошает их, охотно ли они идут на войну. Когда же римляне клятвенно уверили его в своей готовности воевать, направляется к Арзабу. Услышав об этом, Кардаган расхохотался, думая, что ему рассказывают какое-нибудь сновидение. И, призвав магов, спрашивает, за кем будет победа. Эти служители демонов сказали, что персы получают от богов победу. Ликуют по этому случаю персы, утешаясь обещаниям магов; и тотчас же готовят ножные колодки из дерева и железа, чтобы забивать в них пленных римлян. Между тем римский воевода заповедывал римлянам щадить труды земледельцев, чтобы правосудие Божье, ненавидящее неправду, не отдало победу варварам. При наступлении следующего дня воевода посылает двух сарацинских филархов, и они захватывают живьем нескольких персов, от которых и получается сведение о движениях врагов. Пленники говорили, что в воскресный день варвары хотят напасть на римлян. Филиппик ранним утром разделил войско на три фаланги и пошел навстречу врагу. А сам, взяв богомужный образ, который римляне зовут нерукотворенным, объезжал ряды и укреплял воинов божественною силою. И, став позади строя с оным священным оружием в руках, воевода с великими слезами умолял Бога и получал себе споборниками небесные воинства. Когда же началась битва, то Виталиан таксиарх, всех смелее ринувшись вперед, разорвал фалангу персов и захватил обоз. Римляне начали хлопотать уже около военной добычи. Увидав это, Филиппик испугался, как бы и остальные воины, бросившись за добычей, не вышли из строя, а между тем варвары, вернувшись назад, могли бы погубить их; в предупреждение этого Филиппик, надев свой шлем на Феодора Иливина, послал его поражать мечом тех, ко-

торые хлопочут около добычи. Видя его и думая, что это сам Филиппик, воины, бросив добычу, возвратились к битве. Битва тянулась уже несколько часов, когда послышался приказ воеводы поражать копьями персидских коней. Когда так и стали делать римляне, то обратилось в бегство персидское войско, и римляне одержали великую победу, и многих убили, да еще и ограбили. На следующий день, собрав свои силы, Кардариг опять вступает в битву. И в другой битве опять побеждают римляне и избиваются многие персы. Взято в плен живых персов 2000 и отослано в Константинополь. Кардариг убежал в Дару, и персы провожали его ругательствами. Между тем Филиппик оставил для наблюдения за варварами Ираклия, (отца Ираклия, впоследствии самодержца) бывшего тогда подвоеводою, а воинов, получивших на войне раны, распустил для лечения по городам; затем, взяв с собою войско, Филиппик идет в Вавилонию и осаждает крепость Хлонароп. Между тем Кордариг собрал, – вместо воинов, – поселян с подъяремными животными, и, имея при себе такую нестройную толпу, распускал слух, что идет в поход, и чрез неприступные места в безлунную ночь пробирается в тыл к римлянам, не смея стать с ними лицом к лицу. Филиппик, объятый неуместным страхом, оставил осаду крепости и безрассудно обратился в бегство. Узнав это, римляне бросились бежать, подвергаясь большим опасностям в местах неудобопроходимых. Была к тому же и безлунная ночь. Когда взошло солнце, римляне почувствовали себя освобожденными от беды. И, нагнав воеводу, ругали его самыми скверными ругательствами. Но персы, считая бегство римлян притворным, не осмелились преследовать их. Что же касается до Ираклия, то он, переправившись чрез Тигр, предал огню значительные селения мидийской страны и возвратился к Филиппику с большою военною добычею.

Год 6079/579. В этом году каган аварский, нарушив мирные договоры, страшно повоевал Мисию и Скифию, опустошив города Ратиаргу, и Конопию, и Акис, и Доростол, и Зарпаду, и Маркионополь. Между тем Коментиол прибыл в Анхиал и, сделав разбор войску, отделил испытанных воинов от неопытных, и плохому войску, бывшему в числе 40 000, приказал стеречь окопы, и с шестью тысячами избранных пошел против варваров, поручив две тысячи Касту, две тысячи Мартину, а две тысячи оставив при себе. Каст напра-

вился к Зарпаду и Гемусу, и, нашедши варваров беспечных, многих перебил, и, отбив много добычи, поручил беречь ее копьеносцу. Мартин, направившись к городу Томи, нечаянно напал на кагана и умертвил многих из его дружины, так что сам каган искал себе спасения в бегстве. Одержав знаменитую победу, Мартин возвратился к воеводе в то место, где он обещался ожидать своих сподвижников. Между тем Коментиол, объятый робостью, отступил к Маркионополю. Каст и Мартин, не нашедши воеводы, соединили свои отряды и пошли в ущелья Гемские. Мартин, видя, что каган перешел на ту сторону реки, возвратился к воеводе. А Каст, переправившись чрез реку, разбил ближайший к нему отряд аваров и затем не стал думать уже ни о мерах предосторожности, ни об отступлении к воеводе. На следующий день каган, заняв переправы (чрез реку), отрезал Касту отступление. Тогда войско пошло в разброд, и каждый, сколько было силы, искал спасения в бегстве через лес. Некоторые были пойманы варварами и показали, где скрывался Каст; авары живьем забрали и Каста и ликовали и веселились. Каган после этого направился к югу, прошел через Фракию и подошел к Длинным стенам. Коментиол, скрывавшийся в лесах Гемских, вышел оттуда вместе с Марином и застал кагана совершенно не готовым к битве, так как множество варваров рассеялось по Фракии; Коментиол подступил к кагану в первую стражу ночи и имел в своих руках отличное средство поправить дела, если бы только какая-то злая судьба не испортила его предприятия. С одного лошака упал вьюк: погонщик, поправляя вьюк закричал хозяину лошака на родном наречии: “Торна, торна, фратре!” Хозяин лошака не слышал этого крика, но солдаты слышали и, думая, что на них напали враги, обратились в бегство, крича множеством голосов: “Торна, торна!” (т. е. воротись, воротись!). Каган, со своей стороны, объятый великим страхом, также бежал, как конь без узды. И можно было видеть, что авары и римляне бежали друг от друга, и никто не преследовал. Каган, впрочем, собрав силы снова осадил Апирию. Случайно взяв в плен Бусу, осадного механика, каган собирался убить его. А Буса обещал уплатить немало денег, если каган подарит ему жизнь. Связав Бусу, авары поставили его перед городом. И Буса просил горожан выкупить его, рассказывая, сколько он пострадал из-за города. А один гражданин убеждал толпу не делать это-

го; говорили, что этот гражданин сожительствова-
вал с женою Бусы. Как бы то ни было, но
просьба Бусы была отвергнута с пренебреже-
нием, тогда он пообещал кагану предать ему
город и, построив осадную машину, которую
называют бараном, овладел городом. А варва-
ры, узнав осадное искусство, поработили мно-
жество и других городов и возвратились с
большою добычею. Византийцы, узнав, что
Каст взят в плен варварами, начали сильно
поносить Маврикия и открыто его злослови-
ли.

Около этого же времени Ираклий, отец
Ираклия (впоследствии царя), напал на пер-
сидскую крепость и взял ее; равно и Феодор
взял крепость Мозорун. Потом оба пошли на
Бейюды и так как крепость была сильна, то
один воин по имени Сапфир, устроив колья и
утвердив их в пазах между камнями, взобрал-
ся вверх. Когда он был уже на вершине стены,
один перс столкнул его вниз. Сапфир летит
вниз, но воины подхватывают его щитами.
Опять он осмеливается на то же дело, и опять
сталкивается с укрепления. Опять римляне
подхватывают его щитами, и опять он берется
за то же предприятие. Наконец, поднявшись
на верх стены, он обезглавил перса и, подняв
вверх его голову, исполнил римлян смелости.
Многие стали подражать герою и стали взби-
раться на стену по кольям; и крепость сдалась
римлянам, которые одних персов убили, дру-
гих вместе с крепостною аммунициею взяли в
плен, а самую крепость предали огню. Фи-
липпик тотчас же отправился в Византию, ос-
тавив Ираклия вождем римлян. Пришедши
же в Тарс и узнав, что царь назначил и послал
Приска воеводою востока, Филиппик пишет
Ираклию, чтобы он оставив войска, отпра-
вился в Армению к Нарсесу и объявил о при-
бытии Приска. Дело в том, что самодержец
приказал Филиппику сократить царское жа-
лованье войску на четвертую долю, ибо Мав-
рикий страдал недугом скупости. А Филип-
пик, опасаясь, чтобы это распоряжение не бы-
ло поводом к мятежу и к появлению какого-
либо узурпатора, не послушался царя, тем бо-
лее, что оставлял должность военачальника.
Приск, прибыв в Антиохию, приказывает во-
инам собраться к Монокарту, приглашает ту-
да же и Германа, начальника города Эдессы,
вместе с епископом; вместе с ними Приск
пришел в лагерь, намереваясь отпраздновать
с ними Пасху. Начальники войска встретили
Приска за 2000 шагов от лагеря со знамени-
ми, но Приск, вопреки обыкновению, не со-

шел с коня и не употребил обычных приветст-
вий. Отсюда началась всеобщая ненависть к
Приску, ибо толпа не терпит публичных ос-
корблений. После праздника Приск торжест-
венно объявил царские грамоты. Толпы сол-
дат сбегаются к палатке воеводы иные с меч-
ми, иные с камнями, иные с дрекольем.
Приск испугался и, вскочив на коня, бегст-
вом спасся от опасности. А воины, разорвав
его палатку, разграбили весь его багаж. Меж-
ду тем Приск удалился в город Констанцию,
где врачи лечили его от ран и ушибов, какие
он потерпел, когда толпа бросала в него кам-
нями. И посылает Приск епископа уговорить
войско и обещается убедить самодержца ни-
чего не убавлять из положенного солдатам
жалованья. А воины епископа прогнали с
укоризнами и провозгласили воеводою Гер-
мана, против его воли, подняв его на щит, и
царские статуи ниспровергали, и портреты
обезображивали, и хотели было пойти на мя-
теж и грабить окрестные города, если бы Гер-
ман не удержал их великими увещеваниями
и вразумлениями. Приск о всем случившемся
донес царю, и царь снова назначил Филиппи-
ка воеводою востока, а Приск снова возвра-
тился в Константинополь. Между тем воины
обязали друг друга клятвами отнюдь не слу-
жить царю Маврикию; а варвары радовались
римским несчастьям. Тогда царь послал к
войску Аристовула, куратора царских двор-
цов, чтобы он присягою и дарами расстроил
мятеж, в чем Аристовул и успел. По прекра-
щении мятежа началась жестокая война меж-
ду римлянами и персами около Мартирополя.
Римляне благодаря своей силе и военному ис-
кусству победили персов, и был убит персид-
ский воевода Варуза. Было взято в плен 3000
живых персов, в том числе и начальники пер-
сидских полков. Только тысяча персов уцеле-
ла и, пережив много опасностей, возврати-
лась в Персиду. Римляне послали к само-
держцу много военных трофеев и всех плен-
ников с знаменами.

Год 6080/580. В этом году в месяце сентяб-
ре, индиктиона 6, лонгобарды воздвигли вой-
ну против римлян, и маврусийские народы в
Африке сделали большую тревогу.

А в Персии есть тюрьма, называемая Заб-
вение; в этой тюрьме персидский царь заклю-
чил многих узников из различных народов
вместе с пленниками города Дары. Эти по-
следние, отчаявшись в своей свободе, восста-
ли против тюремных стражей и, убив Манусу

и захватив его сестру, прибыли в Византию. И царь с великою радостью принял их.

А Филиппика с трудом признало войско в звании воеводы. В битве римлян с персами при Мартирополе римляне были побеждены. И самодержец опять отрешил Филиппика от воеводства и послал воеводою востока Коментиола. Когда Коментиол находился у Нисибиса, а персы у Сарбана, то началась между ними битва. Во время этой битвы Ираклий, отец Ираклия, действовал удачно и убил воеводу персов. После поражения воеводы, побежали персы, и преследовали их римляне. И взяли много добычи, забрали и обоз, и много трофеев послали в Византию. А самодержец увеселял столицу зрелищами и празднествами на ипподроме и торжествовал победы.

Хормизд¹⁵⁷, назначив воеводою Варама, посылает его в Сванию с огромными войсками. Варам нечаянно напал на Сванию, и турки были разбиты персами, и так хорошо пошли дела Хормизда, что он стал брать с турок 40 000 золота, тогда как прежде сам платил им столько же. Когда Варам, прославившийся в этой войне, направил свой поход к Араксу, то Маврикий, узнав об этом, назначает воеводою Романа и отправляет в Сванию с войском. Роман, придя в Лазику и достигнув так называемой реки Фасиса, направляется в Албанию. Варам, услышав о прибытии римского войска, смеялся этому; он желал померяться с ним искусством, потому что никогда прежде не воевал с римлянами. Переправившись через ближайшую реку, он пошел, как бы заманивая римлян во внутренние области Персии. А Роман разделил римское полчище: неопытных оставили в обозе, а 10 000 избранных воинов взял с собою и пошел на варваров. Две тысячи воинов, по приказанию Романа, должны были идти впереди (в авангарде). Они, натолкнувшись на персидский авангард, обратили его в бегство и целиком истребили. Ибо во время бегства персы попали в ущелье и, запертые там, были все перебиты. А римляне достигли до лагерного окопа персов, так что Варам был поражен этим. Услышав об этом, Роман воодушевляет свое войско и располагает лагерь в равнине Албанской. Варам покушался похитить победу хитростью, но неудачно, ибо Роман был разумен и нельзя было его перехитрить. Когда оба войска сразились, то множество варваров было убито, и римляне одержали величайшую победу; а варвары, обобранные и лишенные погребения, стали пищею для зверей. Персид-

ский царь, услышав об этом и не терпя стыда, послал Вараму женскую одежду и лишил его воеводства. Варам вследствие этого становится совершенно в новые отношения к царю, и замышляет бунт, и взаимно оскорбляет царя письменно, надписав послание так: *“Хормизду, дочери Хосрововой, Варам посылает следующее”*. И собрав войска, Варам стал говорить, что Хормизд негодует на воинов за то, что они поражены римлянами, – а также предъявлял подложные письма, писанные якобы Хормиздом, об уменьшении жалования воинам; Варам припоминал также воинам о бесчеловечии и кровожадности Хормизда, о его скупости и жестокости, о том, как он радуется убийствам и не любит мира, – как он ввергал в узы вельмож и иных обезглавливал мечом, иных топил в Тигре, – как он заставлял персов вести большие войны, чтобы они погибали и не бунтовали против него. Такими словами возбудив войско, Варам возжег против Хормизда большой бунт. И, дав присягу Вараму, все определяют низложить Хормизда. А Хормизд, вооружив повара своего Ферогана, послал его с войском против Варама. Варам, со своей стороны, старался внушить Ферогану и его войскам, что персы не должны поднимать оружия против персов. Приводил им на память суровость Хормизда; его несправедливость, кровожадность, любовь к убийствам, неверность, высокомерие и склонность к насилиям. Признав справедливость этих внушений, воины Ферогановы переходят на сторону Варама. Убив Ферогана, они соединились с Варамом и устремились к Ктесифону.

Хормизд держал в тюрьме некоего Биндою, очень значительного сановника. Когда дела находились в большом замешательстве, Бездан, брат Биндою, проник в тюрьму и освободил брата своего Биндою. Собрав множество поселян и горожан, братья в 3 часу дня вошли во дворец. И, найдя Хормизда сидящего на престоле в царском величии, всячески обругали его.

А Биндой, схватив Хормизда, сорвал с головы его диадему, посадил его в тюрьму и убеждал Хосрова воссесть на отеческий престол. Между тем Хормизд из тюрьмы послал вестника персам, прося позволения высказать нечто полезное для Персии. И вот на другой день собрался во дворце синклит персидский со множеством народа, и приведен был Хормизд связанный. Хормизд убеждал персов, что не следует так дурно обращаться с царями и припоминал, как он заставил турок

платить дань Персии, а римлян – желать мира, как он взял Мартирополь, припоминал и доблести своего отца. Говорил также, что Хосров не должен быть царем как несправедливый, ненасытный, кровожадный, подозрительный, обидчик и друг войны; указывал на то, что у него есть младший сын и советовал лучше его возвести в цари. Биндой возражал Хормизду, поставляя в вид его преступления и всех вооружил против Хормизда. Привели в собрание жену Хормизда и сына и на глазах самого Хормизда палачи рассекли их пополам. Потом ослепили Хормизда и отвели его в тюрьму. Хосров до некоторой степени почитал отца в тюрьме, доставляя ему всякое удовольствие. Но Хормизд отвечал на это ругательствами и попираля ногами то, что было присылаемо царем. Тогда Хосров, рассердившись, приказал лесными прутьями засечь отца до смерти. Это огорчило персов и возбудило в них ненависть против Хосрова. Между тем Хосров, собрав войско и выйдя из дворца, сразился с Варамом на поле при реке Зеве, где Варам имел укрепленный лагерь. И, подозревая, что некоторые из вельмож склоняются на сторону Варама, Хосров умертвил их. Войско взбунтовалось, и Хосров с немногими предается бегству, а все остальные присоединились к Вараму.

Хосров недоумевал, куда бежать, ибо иные советовали ему направиться к туркам, а другие – к римлянам. Тогда Хосров сел на коня, опустил поводья и приказал всем следовать туда, куда пойдет конь. Конь направился к римским областям и прибыл к Керкесию. Хосров отправляет послов, объявляя римлянам о своем прибытии. Случилось, что тут был патриций Проб, который и принял Хосрова и письменно сообщил царю о его приключениях. Со своей стороны, и Варам отправил послов к императору, прося его не помогать Хосрову. Царь Маврикий предписывает воеводе Коментиолу принять Хосрова в Иерополе и оказывать ему почет и услужение, добавляющие царю.

Год 6081/581. Первый год персидского царя Хосрова. В этом году царь Маврикий усыновил Хосрова, царя персов, и послал к нему своего родственника Дометиана, епископа Мелитинского, вместе с Нарсесом, поручив сему последнему предводительство на войне. Дометиан и Нарсес, взяв с собою Хосрова и все римские войска, вторгаются в Персиду. Узнав об этом, Варам собрал бывшие при нем войска и поставил лагерь на месте, называе-

мом Александрина, имея в виду не допустить идущие из Армении войска соединиться с Нарсесом. Ибо Маврикий приказал армянскому военачальнику Иоанну Мустакону, собрав войско, соединиться с Нарсесом, чтобы общими силами воздвигнуть войну против Варама. Ночью соединились все римские силы и в боевом порядке двинулись на Варам. Варам, испугавшись, стал лагерем около горы. Началась страшная битва, и Нарсес, несмотря на индийских зверей, прорвал среднюю фалангу варваров. После этого и прочие фаланги Варама ослабели и последовало великое бегство этого тирана. Нарсес, неудержимо преследуя, истребил персов. А 6000 живыми и связанных привел к Хосрову. Хосров всех их умертвил копьем, за исключением случившихся тут турков¹⁵⁹, которых послал в Византию. У турок на лбах было наколото черными точками изображение креста, и спросил их самодержец, по какому случаю они носят это знамение. Турки отвечали, что когда-то давно была в Турции зараза и живущие там христиане посоветовали сделать это, и с того времени страна получила освобождение от заразы¹⁶⁰.

Войско римское, захватив палатку и обоз Варама вместе со слонами, представило все это Хосрову. А Варам бежал во внутренние области Персии. Таким образом и кончилась война против него. Хосров, увенчавшись великою победою и получив опять свой престол, сделал для римлян угощение и подарки по случаю победы. Нарсес, собираясь восвояси, говорил Хосрову: “Помни, Хосров, настоящий день. Римляне дарят тебе царство”. Хосров, опасаясь еще коварства своих подданных, просил у Маврикия для своего охранения тысячу римлян. Маврикий, оказывая великую любовь к варвару, исполнил его прошение. Таким образом и закончилась Персидская война с римлянами.

Год 6082/582. В то время, как на востоке господствовал глубокий мир, взволновалась война в Европе. Поэтому самодержец Маврикий перевел войско с востока во Фракию.

Год 6083/583¹⁶¹. В этом году при начале весны, когда полки вступили во Фракию, вышел с ними и Маврикий посмотреть следы варварских опустошений. Августа, патриарх и синклит убеждали царя не вести войну лично, а поручить ее воеводе, но царь не соглашался. Когда же он вышел на войну, было затмение солнца. Было и веяние противных ветров, именно сильный северный ветер. До-

стигши до Региума, царь обрадовал многих бедняков раздачею серебряных монет. Когда самодержец вышел на охоту, громадный кабан бросился на кесаря. Конь, испуганный страшным зрелищем, покусается сбросить кесаря; но сколько ни становился на дыбы, не мог сбросить седока; между тем кабан ушел совершенно целый и невредимый. Царь продолжал путь в Перинф по морю при дожде и противных ветрах; пловцы потеряли присутствие духа, и царская ладья носилась туда и сюда, пока, наконец, чудесным образом не спаслась в так называемом Даонии. В ту же ночь какая-то женщина родила и жалобно стонала: утром царь послал справиться об ней, и посланные увидели новорожденное дитя без глаз, без ресниц, без рук, без ног, а у чресл его плотно прирос рыбий хвост. В ту же ночь царский конь, украшенный золотою сбруею, нечаянно упал и расшибся. Царь, смущаемый всеми этими приметами, был печален. На другой день захвачены были римлянами три славянина¹⁶² без всяких железных доспехов, с одними только гуслями. Царь спрашивал, откуда они и где живут. Они отвечали, что они родом славяне, а живут у края западного¹⁶³ океана. Каган прислал к ним послов и дары их родоначальникам¹⁶⁴, чтобы они вместе с ним воевали против римлян. А начальники¹⁶⁵ славян послали их ответить кагану, что по причине дальности пути не могут прислать ему вспомогательного отряда. Эти славяне говорили, что они шли 18 месяцев¹⁶⁶, пока наконец попались в руки римлян. Они говорили, что носят гусли и не умеют облекаться в доспехи, потому что страна их не знает железа. Самодержец, подивившись их росту и похвалив их величавую наружность, отослал их в Гераклею¹⁶⁷. Прибыв в Анхиал и узнав, что в Византию пришли послы персов и франков, царь возвратился в свой дворец.

Год 6084/584. В этом году каган просил прибавки к деньгам, получаемым им по условию. Но самодержец не уважил слов варвара. Поэтому каган поднял войну, осадил Сингидон и стал лагерем у Сирмия. Самодержец назначает Приска воеводою Европы. А Приск, взяв себе в помощники Сальвиана, приказал идти вперед. Устремившись на варваров, римляне вступают в битву и побеждают. Каган, услышав о своей неудаче, собирает свои войска и сам идет на битву. Сальвиан, увидев множество варваров и смутившись, возвращается к Приску. Каган, узнав об отступле-

нии римлян, идет вперед к Анхиалу, то есть, к святому Александру, и предает его всепожирающему огню. Затем, перейдя к Дризиперам, каган покусается взять город, приготовив осадные машины.

Жители Дризипер показали тогда чрезвычайное мужество. Растворив настежь ворота, они угрожали, что будут сражаться с варварами, хотя сами были в крайнем ужасе. Но тогда приспели к ним на помощь некие божественные силы. Варварам казалось, что они среди белого дня видят римские войска, идущие с востока и готовые сразиться. Пораженные этим, варвары предаются внезапному бегству и удаляются к Перинфу.

Приск, который не мог даже и видеть множества варваров, обеспечил себя, забравшись в Цурульскую крепость. Варвар, однако, намеревался осадить Приска. Услышав об этом, Маврикий не знает, что предпринять, однако решается при помощи военной хитрости бороться против грубой толпы варваров. Царь великими дарами и обещаниями убеждает одного из экскувиторов добровольно попасться в плен варварам и вручает ему письмо к Приску следующего содержания: “Знаменитейшему воеводе Приску. Не бойся губительного предприятия варваров, потому что оно обернулось к их гибели. Знай, что каган с большим стыдом возвратится в землю, предоставленную ему римлянами. Да не обременится твоя знаменитость позадержать его у Цурула. Ибо мы посылаем морем корабли и пленяем семьи варваров. И принужден он со стыдом и ущербом отступать восвояси”. Каган, захватив и прочитав письмо, был озадачен и, заключив договор с Приском и помирившись на малых и ничтожных дарах, быстрыми переходами направился в страну свою.

Год 6085/585¹⁶⁸. Первый год епископства Амона Иерусалимского. В этом году самодержец Маврикий послал Приска со всеми римскими силами к реке Истру, чтобы воспрепятствовать славянским племенам переправляться чрез реку. Когда Приск пришел в Доростол¹⁶⁹, то каган, узнав об этом, отправил к нему послов¹⁷⁰, обвиняя римлян, что они подают первый повод к войне. А Приск возражал: я-де пришел не с варварами¹⁷¹ воевать, но послан императором против славянских народов.

Затем Приск, услышав, что Ардагаст выпустил толпы славян для грабежа, среди ночи переправился чрез Истр и нечаянно напал на Ардагаста¹⁷². Ардагаст, почуяв беду, вскочил

на неоседланного коня и едва мог спастись. Римляне, перебив множество славян, опустошив всю страну Ардагаста и забрав множество пленных¹⁷³, послали их в Византию при посредстве Татимера. Татимер, предаваясь пьянству и удовольствиям, совершал свое путешествие рассеянно и нерадиво. И вот на третий день¹⁷⁴ пути нападают на него толпы славян. Объятый робостью, Татимер в качестве беглеца ушел в Византию. Но бывшие с Татимером римляне мужественно сражались со славянами, сверх ожидания разбили варваров и сохранили для царя всю добычу¹⁷⁵, которую и доставили в Византию. Самодержец, обрадовавшись, вместе со всею столицею принес Богу благодарственные гимны.

Между тем Приск, напустив на себя смелость, проник во внутреннейшие страны славян. Проводником для римлян был некий гепид¹⁷⁶, муж христианской веры, предавшийся на сторону римлян, которые и одолели варваров. Гепид сказал, что Мусукий, властитель¹⁷⁷ варваров, находится только за 30 поприщ (30000 шагов)¹⁷⁸. Приск, воспользовавшись предательством гепида, среди ночи перешел реку и нашел Мусукия, обремененного вином; ибо он праздновал тризну по своему брату. Схватив Мусукия живым, Приск учинил великое убийство¹⁷⁹ между варварами. Захватив множество пленных, победители предались пьянству и неге. Тогда варвары, собравшись, напали на победителей и отплатили бы римлянам с лихвою за их прежнюю блестящую удачу, если бы не подоспел Генцон с римскою пехотою и в жестокой сече не отразил устремления варваров. А тех, кому вверена была стража, Приск посадил на кол.

Год 6086/586¹⁸⁰. В этом году Приск опять овладел Истром, и брал добычу со славянских народностей, и послал царю¹⁸¹ много пленных. А царь, послав Татимера к Приску, приказывает ему, чтобы римляне там же (т. е. за Дунаем) и зимовали¹⁸². Римляне, узнав об этом, возражали, что это неудобно по причине множества варваров и несносных морозов. Приск кроткими словами убеждал воинов перезимовать здесь и исполнить волю царя. Маврикий, услышав это, Филиппика, своего зятя, воеводу Востока, сделал комитом экскувиторов, полагаясь на него, потому что свою сестру выдал за него в замужество. Филиппик начал строить в Хрисополе обитель Пресвятой нашей Владычицы Богородицы и в обители дворец для приема царя Маврикия и детей его, а также устроить рыбные аквариу-

мы и сады для царского удовольствия; а в Константинополе создал дом, называемый “владенье Филиппиков”.

Год 6087/587. Царь¹⁸³ отставляет Приска от воеводства и назначает воеводою римского войска своего брата Петра. Прежде прибытия Петра Приск, собрав войско, переправился назад чрез реку (т. е. на южную сторону Истра)¹⁸⁴. Каган, узнав о переправе римского войска, очень удивился и послал к Приску спросить о причине переправы и получить часть добычи. А затем и сам каган заблагорассудил переправиться чрез реку¹⁸⁵; ибо он очень тяготился удачами римлян. Поэтому Приск посылает к кагану Федора, врача, украшенного остроумием и разумом. Федор, увидя, что каган много о себе думает и рассуждает довольно высокомерно (ибо каган грозно заявлял о себе, что он господин¹⁸⁶ всех народов¹⁸⁷), смирил гордость варвара старинным рассказом. “Послушай, каган, — сказал врач, — полезного повествования. Сесострис, царь Египетский, знаменитый и очень благополучный, блиставший богатством и непобедимый на войне, поработил много великих народов. Поэтому, возгордившись, устроил себе золотую, украшенную дорогими камнями колесницу, воссел на нее и приказал везти колесницу четырем побежденным царям, запряженным под ярмо. Когда при этом Сесострис торжественно стоял на колеснице, один из четырех царей постоянно оборачивался назад и смотрел на возвращающееся колесо. Сесострис спросил, зачем он смотрит назад, — и тот отвечал: “Смотри, как колесо непостоянно и круговратно; то, что было внизу, становитсяверху; и наоборот, то, что было вверху, становитсявнизу”. Сесострис понял смысл притчи и узаконил на будущее время не запрягать царей в колесницу”. Каган, выслушав этот рассказ и посмеявшись, сказал, что продолжение мира зависит от Приска, если он пожелает почтить кагана чем-либо из военной добычи¹⁸⁸. Приск отдал кагану пленных за право свободной переправы. А всю остальную добычу оставил при себе и безопасно переправился через реку. Каган, получив подарок, был очень рад. Приск возвратился в Византию, а Петр вступил в должность воеводы.

Год 6088/588. В этом году царь приказал воеводе Петру, чтобы третью часть царского жалованья римляне получали золотом, а третью часть оружием, а остальную треть всякого рода одеждою. Римляне, услышав это, взбунтовались. Воевода, испугавшись, поспе-

шил объяснить, что это неправда, и вместо того объявил другие бывшие у него царские грамоты, в которых заключил повеление, чтобы воины, храбро сражавшиеся и избавившиеся от опасностей, были отпускаемы на покой в города и содержимы на казенный счет, а чтобы дети воинов были записываемы на место их родителей. Такими утешительными речами Петр успокоил войско, и солдаты восхвалили кесаря. Все это Петр доложил царю.

Пришедши до Маркиополя, воевода посылает тысячу воинов в авангард. Они случайно наткнулись на славян, уносивших большую награбленную римскую добычу и обратили их в бегство. Варвары пленников резали, а остальную значительную добычу взяли с собою и опять возвратились в римские области.

Год 6089/589¹⁸⁹. В этом году, когда Петр воевода охотился, наскочил на него дикий кабан и придавил его ногу к дереву, отчего воевода болел долго и невыносимо-мучительно. А самодержец осыпал его грамотами ругательными и несносно-укоризненными. Ибо услышал, что славянские народы двигаются против Византии. В силу царских понуждений, Петр перешел в Новы. Бравые городские воины вместе с епископом представились воеводе. Увидев их и подивившись их вооружению и мужеству, воевода приказал им оставить город и соединиться с римской армией. Воины, составлявшие местную милицию для охраны города, не хотели этого сделать. Воевода рассердился и послал против них Генцона со множеством солдат. Городские милиционеры убежали в церковь и, заключив двери храма, засели внутри него. Генцон из благоговения к храму не приступал ни к каким действиям. Петр, разгневавшись, отрешает Генцона от начальства над войском и посылает Скрибона, приказывая ему с бесчестием привести к себе городского епископа. Но горожане, собравшись поголовно, с бесчестием выгнали Скрибона из города и, заперши городские ворота, возглашали хвалу царю Маврикию и ругательства воеводе. Так Петр и ушел оттуда со стыдом.

Для разведок воевода послал тысячу воинов вперед. Они встретились с толпою болгар¹⁹⁰ также в тысячу человек. Болгары ходили бесечно, надеясь на мирный договор, заключенный каганом, и когда римляне стали нападать на них, болгары посылают от себя семь человек с увещанием не нарушать мира. Услышав это, воины передового отряда до-

жили воеводе. Но воевода отвечал: “Если и сам самодержец приедет сюда, не дам им пощады”. Произошла битва, и римляне обращены в бегство. Впрочем, варвары не преследовали их, опасаясь, как бы после победы не подвергнуться напасти.

А воевода наказал жестоким бичеваньем начальника передового отряда. Узнав об этом, каган отправил послов к Петру, обвиняя его в начатии неприязненных действий и в том, что римляне без законной причины нарушили мир. Петр лстивыми словами настойчиво уверял, якобы эта стычка совершилась без его ведома, но что он вознаградит потерпевших вдвое за все убытки. Таким образом варвары получили все, отнятое у них, в двойном количестве и сохранили мир. А Петр двинулся в поход против Пирегаста, вождя славянского. Варвары, встретив римлян на берегу реки¹⁹¹, препятствовали их переправе. Римляне, стреляя с лодок, отогнали варваров; и во время их бегства Пирегаст получает рану пониже спины и умирает. Переправившись, римляне набрали много добычи и возвратились восвояси. Но так как проводники сбились с дороги, то войско попало в безводные места и бедствовало. Блуждая ночью, римляне достигают реки Илвакия¹⁹². Противоположный берег реки зарос кустарником, и варвары, скрываясь в нем, стреляли в черпающих воду. Потерпев большой ущерб, римское войско предалось бегству, не устояв пред варварами. Услышав об этом, Маврикий лишил Петра воеводства и опять назначил Приска воеводою во Фракии.

Год 6090/590. В этом году воевода Приск прибыл во Фракию и, пересчитав войско, нашел, что великое множество его погибло. Собрав наличные войска, Приск идет с ними к реке Истру в Новы. Каган, узнав об этом, отправил послов, спрашивая о причине нашествия. Приск отвечал, якобы он вышел поохотиться. Не следует, возражал каган, охотиться в чужой земле. Но Приск утверждал, что эта земля не чужая, напротив того, презрительно обозвал кагана беглецом с востока. Тогда варвар разрушил стену Сингидона и напал на землю римлян. Узнав об этом, Приск переправляется на остров Истра и на быстроходных лодках плывет в Констанцию к кагану, желая с ним вести переговоры. Каган прибыл на берег реки, а Приск говорил с кораблика. “Какое тебе, Приск, дело, – говорил каган, – до земли моей? Или ты хочешь обманом отнять ее из рук моих? Будет Бог судить

между мною и царем Маврикием. Взыщет из рук его кровь воинов римлян и воинов моих!” Приск отвечал: “Не один город римский покушался ты отнять у нас”. Каган возразил: “Подожди немного, увидишь и полсотни римских городов в рабстве у варваров”.

Приск, причалив на реке суда к Сингидону, осадил город, выгнал оттуда болгар и начал строить стену. Каган послал гонцов к Приску и, свидетельствуясь своими лжеименными богами, слагал на Приска вину совершившихся событий. С наступлением зимы оба врага разошлись восвояси.

Год 6091/591. В этом году каган, собрав свою силу, пошел на Далматию (Далмацию). И взяв Балбу и окрестные 40 городов, все их опустошил. Проведав об этом, Приск послал Гундуя (Гудуина) наблюдать за тем, что делается. Гундуй нашел варваров, идущих по местностям неудобопроходимым, и встретил двух варваров, отуманенных вином, расспросил у них и узнал, что каган вручил добычу двум тысячам вооруженных людей для препровождения восвояси. Проведав это, Гундуй скрывается в малой ложбине и, ранним утром напав в тыл проводникам добычи, всех их перебил, а добычу отнял и доставил Приску. Каган, узнав об этой неудаче, пошел во страну свою, а Приск тоже возвратился восвояси.

Год 6092/592. В этом году, индиктиона 3, в месяце марте Приск, взяв свои войска, идет к Сингидону. Каган, также собрав свою силу, нечаянно нападает на Мисию (Мезию) и покушается взять город Тамасию (Томис). Поэтому и Приск, оставив Сингидон, приблизился к кагану. Наступил праздник Пасхи, а римляне терпели голод. Услышав об этом, каган предложил Приску прислать к нему телеги для наполнения припасами, чтобы римляне весело совершили свой праздник. И действительно, каган наполнил и отослал римлянам 40 телег. Со своей стороны и Приск отдал варвара некоторыми индийскими произведениями, перцем и индийским листом, имбирем, и кассией, и еще кое-чем, чего желал варвар. В то время каган находился в Сермии и, получив подарки, был рад им. И пока продолжался праздник, дружили между собою римляне и варвары. И не было опасения ни в том, ни в другом войске. Когда же кончился праздник, разошлись римляне и варвары.

Маврикий послал на соединение с Приском Коментиола с пешим войском. Узнав об этом, каган ставит лагерь против Коментиола за 30 поприщ от его войска. Коментиол, по-

ставленный в затруднение, послал к кагану гонца. А некоторые говорят, будто бы Маврикий поручил Коментиолу предать римское войско врагам за беспорядки его.

В полночь приказал он войску вооружаться, не открыв воинам, что должно произойти сражение; воины, думая, что он приказал им вооружиться для военных упражнений, не вооружились, как надлежало. При рассвете варвары наступали, и великий страх и смятение овладели римлянами. Коментиол производил только беспорядки в рядах и был виновником неустойки их; и так римляне обратились в бегство. Варвары, найдя войско без полководца, беспощадно убивали всех. Коментиол в постыдном бегстве прибыл в Дризиперы; но граждане ругали его и камнями бросали, и тем прогнали от града. Варвары, подступив к Дризиперам, взяли город и сожгли храм святого Александра и гроб его среброкованный нечестиво ограбили, и над самым телом мученика ругались, и, собрав великую добычу во Фракии, как знаменитый народ, презирали римлян. Когда Коментиол прибыл в Византию, то произошло в городе величайшее смятение и отчаяние. Уже в страхе хотели оставить Европу и переселиться в Халкидон в Азию. Царь, взяв телохранителей и вооруженный простой народ, охранял большие стены, народные партии охраняли город; сенат советовал царю отправить посольство к хагану. Но Бог в отмщение за мученика Александра наслал на варваров мор и в один день убил семерых сынов хагана горячкою и опухолью в пахах и множество простого народа; и вместо победоносного торжества, пеанов и песней варвар проливал слезы и терзался неутешною печалью. Сенат просил царя отправить к варвару посольство в Дризиперы, которое смягчило бы его ласковыми словами. Варвар нехотя принял дары, хотя проливал неутешные слезы о потере сынов, но сказал послам: “Суди Бог между мною и царем Маврикием; он сам нарушил мир, а я отдаю пленных, получая от него за душу по одной монете”. Маврикий не согласился дать. Хаган просил половину за душу; и этого дать царь не согласился, не хотел даже выкупить их за четыре кератия. И хаган, разгневанный, всех убил и возвратился в свои пределы, наложив на римлян дань, сверх прежней других пятьдесят тысяч, притом обещались они не переходить за реку Истр. Из сего возникла великая ненависть к Маврикию, и начали осыпать его ругательствами: во Фракии народ также про-

клинал Маврикия, войско отправило к царю депутатов против Коментиола как учинившего предательство в войске; в числе сих депутатов находился Фока, который, разговаривая с царем на тайном совете, грубо противоречил ему, так что один из патрициев дал Фоке оплеуху и выщипал ему бороду. Но царь не принял обвинения против Коментиола и отпустил депутатов без успеха. Чрез это началось злоумышление против царя.

Год 6093/593. При Исакии св. Иерусалимском, Анастасии Антиохийском, в 1-м году. Царь между тем не принимал обвинений от Фракийского войска против Коментиола, и этот Коментиол с войском отправился к реке Истру и в Сингидоне соединился с Приском. Мир с варварами опять нарушен. Нарушив его, пришли они в Виминакий, большой остров на Истре. Хаган, услышав о том, немедленно собрал свои силы и пошел к пределам римским. Четырех сынов своих с особенными силами оставил охранять переправы через реку Истр. Но римляне, устроив лодки, переплыли через реку и под предводительством Приска начали войну с сыном хагана; между тем Коментиол заболел и остался на острове Виминакий. Сражение продолжалось уже несколько часов, и при захождении солнца со стороны римлян оказались убитыми триста человек, а варваров погибло четыре тысячи. Наутро с зарею опять устроили войска, вступили в сражение, и опять истреблено восемь тысяч варваров. Равным образом устроились и на третий день; римляне с высоты напали на варваров и обратили их в бегство, сталкивали с берегов в воду озера и многих потопили; в том числе утонули и дети хагана. Римляне увенчались знаменитою победою, но хаган, собрав великие силы, пошел против римлян; завязалось сражение, и римляне обратили в бегство варваров: эта победа их была самая знаменитая. Приск, отделив четыре тысячи, велел им переправиться чрез реку Тисс и осмотреть жилища варваров, которые, не зная ничего произошедшего, праздновали праздник и пили. Римляне, напав на них из засады, произвели великое кровопролитие: побили тридцать тысяч гепидов и других варваров и с великою добычею возвратились к Приску. Хаган, опять собрав силы, пошел к Истру; вступив в сражение, варвары были разбиты и потонули в глубинах реки, с ними погибло много славян. В плен взято три тысячи двести авар и две тысячи варваров; хаган отправил к Маврикию послов с прошением возвратить

пленных. Маврикий, еще не узнав о победах римских, написал Приску отдать хагану только варваров. Коментиол едва оправился от болезни, прибыв в Новы, искал путеводителей, которые вывели бы его на дорогу Траянову. Один старик, знавший эту дорогу, сказал, что она трудна и непроходима и от проливных дождей и зимы и потому что пролегает среди гор и снегов. Коментиол не послушался старца и пошел сею дорогою, но поелику сделался чрезвычайный холод и мороз, то многие погибли из римлян и из вьючных животных, и сам он едва спасся в Филиппополе. Здесь провели зиму, и Коментиол возвратился в Византию.

Год 6094/594¹⁹³. Царь опять назначил брата своего Петра военачальником Фракии: ибо услышал, что при водопадах¹⁹⁴ опять собираются многочисленные силы варваров под предводительством Апсиха¹⁹⁵. Петр послал к Апсиху посла для переговоров о мире. Но Апсих требовал от римлян уступки водопадов. Хаган же пошел против Констанции. Римляне пошли во Фракию и остановились в Адрианополе. Царь, узнав, что хаган идет на Константинополь, писал к Петру обратиться к Истру; между тем послал скрибона Вокоса с флотом переправлять войско. Петр отправил подначального (ипостратига¹⁹⁶) своего Гундуя на другой берег Истра, и они овладели великою добычею. Хаган немедленно послал Апсиха с великою силою истребить перевозчиков [гипотетический перевод И. С. Чичурова: хаган послал Апсиха с войском уничтожить племя антов¹⁹⁷], как союзников римских; от этого перевозчики¹⁹⁸, принадлежавшие варварам, перешли на сторону римлян. Между тем Маврикий, одумавшись и зная, что от Бога ничто не укроется, но всякому воздаст он по делам его, и взвешивая преступление свое против пленных, которых не выкупил, почел лучшим в этой жизни получить воздаяние за грехи свои, а не в будущей: итак, написав свои моления, отправил их по всем патриаршеским престолом, ко всем церквам в царстве своем, в монастыри по пустыням, и в Иерусалим, и в Лавры, послал при том деньги, свечи и ладан, чтобы за него помолились, и он получил бы возмездие в здешнем, а не в будущем веке. Ненавидел он и зятя своего Филиппика, потому что имя его начиналось буквою Ф. Филиппик всячески каялся царю, что он чисто служит ему и не имеет против его ни расчета, ни хитрости. Когда Маврикий молился Богу, чтоб он помиловал душу его, то в

одну ночь, возлежа, видел видение, что он стоит пред образом Спасителя при медных вратах дворца, и весь народ с ним предстоит; и вот глас от изображения великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, говорящий: подайте Маврикия; и служители правосудия, схватив его, поставляют на багряном амвоне; божественный глас говорит ему: “Где ты хочешь, чтоб я воздал тебе? здесь или в будущем веке?” Он, услышав это, отвечает: “Человеколюбче Господи, праведный судья! лучше здесь, нежели в будущем веке”. И божественный глас повелел предать воину Фоке и Маврикия, и жену его, и детей, и все родство его. Проснувшись, Маврикий призвал спальничего своего, послал его к Филиппику, зятю своему, чтобы со всею поспешностью привести его к царю. Филиппик, пробужденный, призвал жену свою и простался с ней так: “Прощай, жена, ты более не увидишь меня”. Она зарыдала и громким голосом спрашивала спальничего: “Заклинаю тебя Богом, скажи, для чего царь призывает его в такое время?!” Тот божился, что не знает и что царь вдруг, восстав от сна, послал его. Филиппик попросил приобщиться и, приобщившись, пошел к царю. Жена его Гордия, простершись на полу, плакала, рыдала и молилась Богу. Филиппик, вошедши в царскую опочивальню, пал к ногам царя; но царь говорил к нему: “Прости мне ради Бога, в чем я согрешил пред тобою. Доныне я ненавижу тебя”. И, приказав выйти спальничему, встал и упал к ногам Филиппика, говоря: “Прости мне: я верно знаю, что ты ничем не виноват предо мною, но скажи мне, знаешь ли ты в нашем войске какого воина, по имени Фока?” Филиппик, подумавши, отвечал ему: “Знаю одного, который недавно прислан был депутатом от войска и противоречил Вашему Величеству”. Царь спросил: “Каков он?” Филиппик отвечал: “Очень молод, смел и робок”. Маврикий сказал на это: “Если робок, то и убийца”, – и рассказал Филиппику откровение во сне. В эту ночь явилась на небе звезда, называемая кометою. А в следующий день с поспешностью возвратился Магистриан с ответом от святых отцов в пустыне, к которым был послан: “Бог, принимая твое раскаяние, спасает душу твою и вселяет тебя со святыми со всем домом; но ты лишаешься царства с бесчестием и с опасностью”. Слушая это, Маврикий прославлял Бога великою славою. При наступлении осеннего времени Маврикий приказал Петру провести зиму в земле славян; но воины восстали и

не хотели исполнить этого, по слабости лошадей, по великому опустошению той страны и потому, что варвары в великом множестве наводняли ту землю; они готовы были произвести всеобщий бунт. Военачальник, негодуя на воинов, подвергал их великим трудам; пошли проливные дожди, и сделалась жестокая стужа. Петр имел свое местопребывание в двадцати милях от войска. Маврикий беспрестанно беспокоил Петра, чтоб они перешли за Истр и приготовили бы себе на зиму съестные припасы из земли славян, чтоб не иметь нужды посылать им общественное продовольствие. Военачальник, призвав Гундуя, говорил: “Слишком тяжелы для меня царские приказы отвезти на зиму римлян в чужую страну: и не послушаться трудно; а еще опаснее послушаться. Сребролюбие ничего доброго не производит, но всегда было матерью всех зол. Зараженный им, император сам подвергает римлян величайшим бедствиям”. Потом, созвав рядона начальников войска, объявил им царскую волю. Они сказали, что войско не принимает того. И действительно, войско, узнав о сем, тотчас возмутилось: высшие начальники, оставя его, прибежали к своему военачальнику. Мятежные толпы, собравшись, провозгласили сотника Фоку экзархом и, подняв на щиты, поздравляли его. При сем известии Петр бежал и донес обо всем царю, царь же в таком затруднительном положении старался скрыть сии известия от народа. На другой день сделал конские игры, чтобы скрыть свою опасность. Но партия прасинов кричала: “Триавгустейший владыка Римлян! Константин и Коментиол страшат твой народ, что по грехам нашим будет управлять нами палач. Но Бог, сотворивший все, без кровопролития покорит всякого врага и противника и соплеменного и иноплеменного”. Царь вооружил их и, успокоив ласковыми словами, приказал им с начальниками своими охранять градские стены. В это время, когда царский сын с тестем своим Германом занимались псовой охотою в Каликратии, римляне прислали просьбы к Феодосию, чтоб он над ними царствовал или провозгласил царем Германа: а под властью Маврикия они жить не хотят. Маврикий, узнав о сем, призвал к себе сына; Коментиолу поручил охранение стен, а Германа и Феодосия сына обвинял как виновников несчастья. На оправдания Германа Маврикий сказал: “Герман, я имею две причины подозревать тебя – просьбы к тебе от народа и что народ пощадил табун лошадей

твоих в предместьях города: все прочие увели, а твоих не тронули. Герман: “Пощади от многословия, лучше умереть от меча”. Герман прибегнул в храм Богоматери у Кира. Царь тотчас послал евнуха Стефана взять Германа из церкви; как ни старался Стефан насильно вывести его, но оруженосцы Германа, противопоставши, вытолкали вон Стефана и с Германом прибегли в великую церковь. Между тем царь высек розгами сына своего Феодосия, думая, что Герман бежал по совету его, и послал телохранителей взять Германа из великой церкви. Герман уже хотел выйти и отдаться, но толпы народа не согласились на то, но великими ругательствами поносили царя: “Шкуру долой! Кто любит тебя, Маврикий, — маркионист”. Вследствие сего охранявшие стены оставили охранение и прасины сожгли часть дома Константинова, именуемую Лардом. Маврикий в глубокую полночь сбросил с себя царскую одежду, оделся в простую, сел на легкий корабль и бежал с женою, с детьми и с Константином. Чернь во всю ночь постыднейшими ругательствами ругалась над царем и смеялась над патриархом Кириаком. К тому же, возникла сильная буря на море, и самодержец с великою опасностью спасся. В ту же ночь мучили царя болезни в членосоставах, называемые кирагрою и подагрою. После этого послал он сына своего Феодосия с Константином к Хосрову, царю персидскому, напомнить ему о том, что сделал для него Маврикий, чтоб, в свою очередь, Хосров оказал благодеяние сыну его. Между тем Герман заслал к Сергию, начальнику прасинов, с предложением, чтобы они содействовали ему в восшествии на престол, обещаясь уважать партию прасинов, а его самого возвести в великие достоинства. Сергей открыл это знаменитейшим из своей партии; но они не приняли этого и отвечали: “Герман никогда не отстанет от приверженности своей к венецам”. Прасины, вышедши в Регио, перевозили великими похвалами тирана Фоку и убедили его прибыть в Евдомон. И так Фока послал секретаря Феодосия, который, войдя в великую церковь, читал к народу, чтоб патриарх, и народные партии, и сенат собрались в Евдомоне. Когда все собрались в Евдомоне, то патриарх Кириак потребовал от тирана исповедания православной веры и в безмятежии соблюдать церковь. Тиран предложил притворно Германа избрать в цари. Герман с тем же притворством отвечал, что он не желает этого; народы прославляли тирана, и язва провозглашена,

тиран сделался обладателем скиптров, бедствие восторжествовало над благополучием, и великие бедствия римлян пустили глубокие корни. Провозглашение тирана происходило в церкви святого Иоанна Крестителя. Пробыв здесь два дня, на третий день имел он въезд в царский дворец на царской колеснице. В пятый день венчал жену свою царицею; партии в этот день восстали одна против другой о первенстве места. Тиран послал успокоить партии сокромольника своего Александра, который поднял руку на Козму, начальника венецов, оттолкнул его и ругал. Венеты с негодованием кричали: “Убирайся, узнай обстоятельства: Маврикий еще не умер”. Тиран, услышав эти голоса, устремился к убиению Маврикия, послал воинов — и привели царскую фамилию в Халкидон, в пристань Европия; сперва при глазах родителя убили пятерых сынов его, чтобы растерзать сердце его убийством детей. Но Маврикий, с философским равнодушием взирая на несчастья, призывал Бога всячески и часто провозглашал: “Праведен еси, Господи, и праведны судьбы твои”. И так смерть детей была надгробною похвалою для отца, который оказал мужество в величайшем несчастье. Нянюшка украла было одного из сынов его и на место его представила собственного своего ребенка, но Маврикий не принял его, но взыскался своего. Говорят некоторые, что когда убили его, то истекло млеко с кровью, и все при этом зрелище горько заплакали. Таким образом царь, один став выше природы, окончил жизнь свою. С этого времени не прекращались различные и чрезвычайные несчастья в римском царстве. Хосров, царь персидский, нарушил мир, авары опустошили Фракию, два войска римских истреблены, и когда Ираклий, вступив на престол, сделал точный счет войску, то из всего множества воинов, которые находились при Маврикии, после Фоки нашел не более двух человек. Так-то избравшие тирана сами от него погибли.

Год 6096/596. В сем году, в декабре месяце, 7 числа, индиктиона 7, Фока давал консульские великие праздники. Между тем Хосров, собрав персидские силы великие, послал их против Римлян. Герман при сем известии утратился и только по необходимости начал войну; в сражении он был ранен, щитовосцы несли его до Константины, и римляне были побеждены. В одиннадцатый день Герман умер. Фока перевел войска из Европы в Азию, прибавил дань хагану и таким образом

надеялся удержать в мире народ варваров. Войска свои он разделил и одну часть послал к осаде Эдессы против Нарсеса под предводительством Монтия евнуха и вельможи своего. Хосров с силами своими пришел в Дару. Нарсес, оставя Эдессу, бежал в Иерополис. Хосров же встретил римлян в Арksamуне; окружив себя слонами, начал он сражение, одержал великую победу, взял в плен многих римлян и убил их. После таких успехов возвратился он в свою землю, отдав свое войско в управление Зонгою. Фока при сем известии рассвирепел на Леонтия и в железных оковах постыдно привел его в Византию, а военачальником послал брата своего Доментиола, оставя его в должности начальника пажей.

Год 6097/598. В сем году Хосров послал Кардарига и Рузмиоза на войну и взял многие римские города. Доменциол дал слово Нарсесу с великими клятвами, что он не потерпит никакой обиды со стороны Фоки, и таким образом отправил его к Фоке; а Фока, не сдержав данного слова, сжег его на огне. Римляне чувствовали от сего крайнее огорчение, потому что Нарсес был ужасом для персов и дети их трепетали при имени Нарсеса.

Год 6103/603. В сем году персы заняли Кесарию Каппадокийскую и много там тысяч пленили в ней. Ираклий, вступив на престол, нашел совершенный упадок в римском управлении. Европу опустошали варвары, Азию всю заняли персы, города пленили и римское войско на сражениях истребили. Смотря на это, он был в недоумении, что ему делать. Сосчитав войско и рассмотрев, спасся ли кто в тиранство Фоки из служивших при Маврикий, во всех провинциях он нашел только двоих.

Год 6105/605. В сем году персы взяли Дамаск и пленили много народу. Царь Ираклий отправил послов к Хосрову, чтобы не проливать безжалостно крови человеческой, положить налоги и написать мирные условия, но Хосров отпустил послов без успеха и даже не говорил с ними ни слова, надеясь совершенно поработить царство римское. Ираклий в это время женился на Мартине и провозгласил ее царицею, она венчана от Сергия патриарха во дворце.

Год 6106/606. В сем году персы войною взяли Иордан, Палестину и Святой Град и многих убили в нем руками жидов, как некоторые говорят, до девяноста тысяч. Жиды, покупая христиан, всякий по своему состоянию, убивали их. Захарию же, патриарха, с

Честным Животворящим Древом и с великим пленением отвели в Персию.

Год 6107/607. В сем году персы заняли весь Египет, Александрию и Ливию до самой Эфиопии и с великим пленом, с великою добычею и деньгами возвратились. Халкидона они не могли взять, но, оставя войско для осады, отступили.

Год 6109/609. В сем году Ираклий опять посылал послов к Хосрову персидскому с прошением о мире. Но Хосров опять отослал их с ответом: не будет вам пощады от меня, пока вы не отречетесь от распятого, которого называете Богом, и не поклонитесь солнцу.

Год 6110/610. В сем году авары вторглись войною во Фракию, и Ираклий посылал к ним просить мира. Хаган согласился. Царь вышел к нему навстречу за великую стену со всею царскою свитою со многими и великими дарами, взяв с него честное слово, для заключения между собою мирных условий. Но этот варвар, нарушив и условия и клятву, вдруг с яростью устремился на царя, который, утрапившись столь неожиданного нападения, бегом возвратился в город. Варвар, овладев царскими сокровищами и из свиты кого мог захватить, возвратился назад и многие места опустошил, сверх чаяния обманув всех надеждою на мир.

Год 6111/611. При Георгии, епископе Александрийском. В 1-м году. В сем году Ираклий через послов своих к варвару хагану жаловался на оказанные им злодеяния и уговаривал его к миру. Намереваясь воевать с персами, он хотел примириться с хаганом, который уважил мирные расположения Ираклия, изъявил свое раскаяние и обещался заключить мир. Послы, утвердив мирные условия, спокойно возвратились.

Год 6112/612. В сем году Хосров кровожадностью и налогами ожесточил иго свое у всех народов. Гордясь своими победами, он не мог уже положить границ своей жестокости. В сих обстоятельствах Ираклий с горячей ревностью к Богу, замирившись с аварами, думал перевести войско из Европы в Азию и с помощью Божию идти против Персии.

Год 6113/613. В сем году апреля 4, индиктиона 10, царь Ираклий, совершив праздник Пасхи, на второй день под вечер немедленно отправился в поход против Персии. По недостатку в деньгах он занял их из богатых домов, взял также из великой церкви паникадила и другие церковные сосуды, перелил в крупные и мелкие деньги и предоставил уп-

равление города сыну своему и Сергию, патриарху константинопольскому, и патрицию Вонозу, мужу разумному, во всех делах сведущему и испытанному. Писал также к хагану аварскому с просьбою помогать римскому государству, с предложением дружбы своей и назвал его опекуном своего сына. Отправляясь из царствующего града, он прибыл в так называемые Пилы, чтобы отселе продолжать свой поход на кораблях. В провинциях набрал войско и к нему присоединил новобранцев. Начал упражнять их и приучать к военным действиям; разделив войско на две стороны, приказал им делать ряды и бескровныя нападения друг на друга, приучал их к военному крику, к шуму и возбуждению, чтобы на войне они не пугались, но смело как бы на игрище шли против неприятеля. Сам царь с Нерукотворенным образом в руках, который оставлен для нас самым всеобещающим и творящим Словом без писания, так же как без семени родившимся, и полагаясь на сей богописанный отпечаток, он шел на сражение, дав клятву воинам вместе с ними сражаться насмерть и разделять с ними все опасности, как с собственными детьми. Он желал управлять ими не страхом, но любовью. Но, найдя в войсках беспечность, робость, беспорядок, неустойчивость, как в собранных из разных земель, он привел в одно стройное тело; и все согласно и единодушно воспевали силу и мужество царя; и он ободрял их следующими словами: “Вы видите, братья и дети, как враги Божьи попрали нашу страну, опустошили города, пожгли храмы, обагрили убийственною кровью трапезы безкровных жертв и церкви неприступные для страстей осквернили преступными удовольствиями”. Потом, вооружив войско для военных упражнений, поставил в две колонны, и явились трубы, фаланги из щитов, и в латах воины, ряды мужественно стояли, и царь велел им сделать вид сражения: пошли сильные приемы и взаимные столкновения, будто на действительной войне, представилось страшное зрелище без убийства и опасности, взаимные угрозы убийственные без кровопролития и обороты без необходимости, чтобы всякому занять безопасное место с доказательствами своего мужества среди безбедного побоища. Вооружив таким образом войско, он приказал воздерживаться от несправедливости и поступать благочестиво. Когда они пришли к границам Армении, толпа неприятельских наездников хотела тайно напасть на царя; но воины царские

встретили их, привели к Ираклию их предводителя связанного, а войско его преследовали и многих побили. При наступлении зимы царь обходил понтийские страны, и варвары подумали, что он здесь останется на зимних квартирах; но тайно от персов он обратился назад и вторгнулся в Персию. Варвары пришли в робость от сего неожиданного вторжения. Сарворос, военачальник персидский, с силами своими перешел в Киликию, чтобы отвратить Ираклия от Персии; но, боясь, чтоб царь не вторгнулся в Персию через Армению с опустошительным оружием, он растерялся в мыслях, что ему делать; однако же принужден был следовать за римским войском, думая напасть на него скрытно и захватить их в мрачную ночь; но ночь была полнолунная; он не успел в своем намерении и проклял прежде почтенную свою луну. К сему случилось лунное затмение. Поэтому убоялся Сарворос сойтись с Ираклием и ушел в горы, как серна, чтобы с высоты смотреть на искусство и мудрое предводительство римлян. Царь, видя робость его, остановился, полагаясь на выгоды своего местоположения, и с полным спокойствием вызывал его на бой. Персы часто скрытными тропинками сходили с гор, делали частные сшибки, но римляне всегда одерживали преимущество; войско их между тем приобретало более смелости, видя царя своего везде впереди и мужественно воюющего. Один перс незадолго пред сим перебежал к римлянам; а прежде того он ушел к персам, не сомневаясь, что они разобьют римлян. Но, увидев робость их, через десять дней возвратился к царю и с точностью описал ему упадок в духе варваров. Сарворос, не стерпя пребывания своего на горах, принужден был принять сражение и, разделив войско свое на три части, сошел вниз, чтобы рано на рассвете, до восхода солнечного, вступить в сражение. Царь, извествуясь о том и поставив войско свое на три фаланги, вывел против неприятеля. При восхождении солнца царь занимал место свое на восточной стороне к врагам, и блеском солнца ослепило персов, которые поклонились ему, как своему Богу. Царь дал вид своему войску, будто оно обратилось в бегство, и враги, оставя ряды фаланг, бросились стремительно преследовать их. Римляне, вернувшись, мужественно приняли их, обратили в бегство и многих истребили, прогнав их до горы, низвергли их в пропасти, загоняли в непроходимые места и таким образом dokonчили поражение; которые пали в пропасти, те

бродили там, как дикие козы; многих и живыми отвели они в плен; овладели всем лагерьм и всеми военными запасами. Римляне воздвигнув руки свои к небесам, благодарили Бога и единогласно с царем, доблестным предводителем, молились. И те самые, которые прежде не смели смотреть на пыль от ног персов, те самые теперь ограбляли их шатры, оставленные нетронутыми, как они были. Кто думал, что персы, народ непреодолимый, обратят тыл свой римлянам! Между тем, оставя войско с военачальником на зимних квартирах в Армении, сам царь возвратился в Византию.

Год 6114/614. В сем году марта 15, индиктиона 11, царь Ираклий, оставя столицу, с поспешностью прибыл в Армению. Хосров, царь персидский, послал Сарваназа с войском сделать вторжение в землю римскую. Ираклий между тем писал к Хосрову, предлагая или согласиться на мир, или он сам с войском своим вторгнется в Персию. Но Хосров не согласился на мир и не уважил слова, чтобы Ираклий осмелился приблизиться к Персии; но царь апреля 20 вторгнулся в Персию, после чего Хосров приказал Сарваразану возвратиться: и, собрав из всей Персии свои войска, поручил их Сайну с приказом наискорее соединиться с Сарваразаном и потом идти против царя. Ираклий же, призвав к себе все войско, возбуждал его увещательными словами: “Мужи, братья мои, возмем себе в разум страх Божий и будем подвизаться на отмщение за поругание Бога. Станем мужественно против врагов, причинивших много зла христианам; уважим величие римлян, чуждое порабощения, и станем против врагов, нечестиво вооружившихся; примем веру, убивающую убийства; представим себе, что мы теперь в земле персидской и бегство нанесет нам великие бедствия; отмстив за растление дев, за поругание над воинами, которых мы видели с отрезанными членами, и поболим об них сердечно. Опасность наша не без награды, но ведет нас к вечной славе. Станем мужественно, и Господь Бог споборет нам и погубит наших врагов”. Когда царь говорил такие и подобные назидания к войску, то один отвечал ему за всех: “Ты расширил наши сердца, государь, расширив уста свои на назидание. Слова твои изострили наши мечи и сделали их вдохновенными; мы окрылены твоими словами. Мы устыдимся, видя тебя впереди сражающихся твоих воинов, и следуем по всем твоим повелениям”. Потом царь с войском своим немед-

ленно шел во внутренние страны Персии и предавал их огню, равно как и села их. При сем случилось одно страшное чудо: среди пламенного лета воздух стал росоносен и прохладил римское войско, и все возымели добрую надежду. Ираклий, услышав, что Хосров находится в Газаке и при нем сорок тысяч отборного войска, устремился на него, послал вперед несколько сарацин, которые служили у него; эти сарадины встретили стражу, из которой некоторых убили, а других и с предводителем их связанных привели к царю. Хосров после того немедленно оставил город и войско и убежал. Ираклий, преследуя его, многих настиг и убил, а прочие бегущие рассеялись по разным местам. Царь, захватив Газак, город на востоке, в котором находился храм огня и сокровища Креза, царя Лидийского, взял все это и пошел на Дастагерд. Выйдя из Газака, занял Фивармос; здесь истребил он огнем храм огня и, сожегши весь город, преследовал Хосрова в теснинах лидийских. В сих-то трудных для перехода странах Хосров переменил одно место на другое. В сем преследовании Ираклий брал многие города и местечки. При наступлении зимы он советовался о зимних квартирах для войска своего; одни указывали на Албанию, другие советовали преследовать Хосрова. Царь приказал воинам очиститься святынею в продолжение трех дней, и потом, раскрыв святые Евангелия, нашел указание зимовать ему в Албании и тотчас направил путь свой в Албанию. В сем походе он вел с собою великое число пленных персов и встречал частые нападения от персидских войск, но с помощью Божьею над всеми одерживал победу. Зима уже делалась жестокою; холод становился несносный, но он, прибыв в Албанию с пятьюдесятью тысячами пленных, по сострадательному сердцу пожалел о них, освободил от оков и приложил попечение об успокоении их: все со слезами молились за него, чтобы быть ему освободителем Персии и истребить общего губителя Хосрова.

Год 6115/615. В сем году Хосров, царь персидский, послал полководцем Саравлана, мужа надменного великою гордостью, и поручив ему войско так называемых хосровигенов и перодитов, велел идти в Албанию против Ираклия. Войдя в границы Албании, они не осмелились пред лицом царя стать и воевать, но только заняли теснины, ведущие в Персию, надеясь отсюда сделать на него нечаянное нападение. Но Ираклий с наступлением

весны вышел из Албании ровными долинами, изобильными в продовольствиях, и так проходил в Персию, хотя по великому расстоянию путь его здесь был продолжительнее. Саравлагас шел лесинами как путем кратчайшим, чтобы упредить его в Персии. Ираклий ободрял свое войско и говорил: “Известно нам, братие, что персидское войско, переходя страны непроходимые, потеряло и обессилило лошадей своих; мы же со всею поспешностью пойдем против Хосрова, чтобы нечаянным нападением смутить его”. Но войско не соглашалось на это, особенно союзные лазы, абазы и ивиры, от чего подверглись великому бедствию, ибо Сарваразан, пользуясь этим случаем, послал все войско, собранное Хосровом, через Армению против Ираклия. Саравлагас же следовал за ним издали и не сражался, ожидая пока соединится с Сарваразаном, и тогда уже вступить в сражение. Римляне, узнав о наступлении Сарваразана, пришли в робость и, упав к ногам царя, со слезами раскаялись в злом своем послушании, признаваясь, как худо рабу не следовать воле своего господина. Они говорили: “Руку, государь, пока еще не погибли мы несчастные; слушаемся тебя во всем, что прикажешь”. Тогда царь поспешил сразиться с Саравлагом, пока он не соединился с Сарваразаном, и, делая на него набег и днем и ночью, привел его в робость; потом, оставя позади того и другого, с поспешностью шел против Хосрова. Двое из римлян перебежали к персам и уверили их, что римляне бегут от робости. Дошла до них и другая молва, что Саин, полководец персидский, идет к ним на помощь с другим войском. При сем известии Сарваразан и Саравлагас наперерыв старались сразиться с Ираклием, пока еще не подоспел Саин и не присвоил себе славы победы. Притом, поверив переметчикам, пошли против Ираклия и, приблизившись к нему, приготавливались, чтобы на другой день сразиться. Но Ираклий, пустившись в путь с самого вечера, шел во всю ночь и, остановившись далеко от них на значной долине, здесь и сам приготавливался. Варвары, думая, что он бежал от робости, без порядка пустились догонять его. Он, выйдя навстречу к ним, начал бой. Заняв лесистую возвышенность и сгустив около себя свое войско, с Божьею помощью он прогнал персов и, преследуя их по оврагам, великое множество истребил. Во время сих сражений пришел и Саин со своим войском, и его Ираклий разбил, много войска его истребил, а прочих рассы-

пал в бегстве, и главное знамя их взял. Сарваразан, соединившись с Саином, собрал спасшихся воинов и опять думал идти против Ираклия; но царь¹⁹⁹ пошел в страну гуннов²⁰⁰, в страны их непроходимые²⁰¹, по дорогам шероховатым и трудным. Варвары шли вслед за ними. Тогда лазы вместе с абазгами, убоявшись, отступили от римлян. Саин, обрадовавшись тому, с великим мужеством пошел на Ираклия. Царь, собрав войско, ободрял его словами и так увещевал: “Многочисленность да не смущает вас, братья. Если Бог похощет, то один прогонит тысячи. Итак, пожертвуем Богу собою за спасение наших братий; примем мученические венцы, чтобы и потомство нас похвалило и Бог воздал бы нам мзду”. Такими и подобными словами ободрил он войско и с ясным челом начал устроить войну; оба войска, сошедшись на близкое пространство, делали сшибки с утра до вечера. При наступлении вечера царь отступил, и варвары опять позади его следовали; потом, переменив дорогу, хотели обойти его, но зашли в болотистые места, рассыпались и пришли в великую опасность. Между тем царь, продолжая путь, пришел в страны персидской Армении. И поскольку эта страна находилась под властью персов, то многие сбежались к Сарваразану и увеличили войско его. При наступлении зимы этот народ рассеялся по своим домам, о чем узнав, Ираклий умыслил сделать в ночь внезапное нападение; по причине зимы варвары не имели никакого подозрения, и царь, выбрав, крепких лошадей и мужественнейших из войска, разделил их надвое и одних послал вперед против варвара, а сам за ними с прочими следовал позади. Во время ночи с поспешностью заняли они местечко Сальваны в 9-м часу. Находившиеся здесь персы, узнав о нападении, воспрянули и устремились против них, но римляне истребили их всех, кроме одного, который принес известие варвару, который, встав, сел на лошадь и нагой, необутый искал спасения в бегстве. Жен его и весь персидский цвет, правителей, сатрапов, отборных воинов, которые, взойдя на крыши домов, дрались, истребил огнем. Итак, одних он сжег, других убил, иные были окованы ручными цепями и, кроме Сарваразана, почти никто не спасся. Захватили тут оружие Сарваразана, золотой щит его, меч, копье, пояс золотой, униженный драгоценными камнями, и обувь его. С сей добычею пошел он против рассеявшихся по тем странам, которые, узнав о бегстве Сарваразана, разве-

жались куда могли; преследуя их, многих побил, других взял в плен, прочие со стыдом обратились в Персию. Царь с радостью, устроив здесь свой лагерь, провел зиму.

Год 6117/617. Амед, начальник Аравитян, девять лет. В сем году Хосров²⁰², царь персидский, поставил новое войско, набрав иностранцев, граждан и рабов, и всякого рода сброд, и отдал их под предводительство Саина, присоединив к тому девять тысяч оставшихся из фаланги Сарвароса, которых назвал носителями золотых копий. Это новое войско послал он противу царя; а Сарвароса²⁰³ с остальным войском²⁰⁴ послал против Константинополя, чтобы присоединить к себе²⁰⁵ западных гуннов, называемых также аварами²⁰⁶ [с булгарами²⁰⁷], склавами²⁰⁸ и гепидами²⁰⁹ и с ними идти к осаде Константинополя²¹⁰. Узнав об этом, царь разделил свое войско на три части, и одну часть послал для охранения города, другую поручив брату своему Феодору²¹¹, велел ему воевать против Саина²¹², а с третьєю частью сам пошел к лазам²¹³; в сей стране пригласил в союзники к себе турок восточных, называемых хазарами²¹⁴. Между тем Саин с новонабранным войском сошелся с Феодором, братом царя, и вооружался к сражению. Но с помощью Божьею молитвами всепетой Богородицы, при начале сражения вдруг град посыпался в лицо неприятелям и многих из них убил; между тем как на стороне римлян была совершенная тишина; они обратили персов в бегство и великое множество их побили, за что Хосров прогневался на Саина, который из отчаяния заболел и умер. Хосров приказал привести к себе труп Саина, набальзамированный солью, и мертвого подвергнул великим ругательствам. Хазары, перейдя Каспийские ворота²¹⁵, вторглись в страну Адраигана [в переводе И. С. Чичурова: Адраига²¹⁶] под предводительством²¹⁷ Зиевила²¹⁸, достоинством второго по хагане; и где они ни проходили, везде брали в плен персов, а города и села огню предавали. Царь, оставя землю лазов, соединился с ними. Зиевил, увидев его, подъехал к нему, целовал его в плечи и поклонился ему в виду персов, смотревших из города Тифлиса²¹⁹. Все войско турецкое, пав ниц на землю лбами²²⁰ и как бы пораженные величием царя, почли его честью, необыкновенною для других народов²²¹. Равным образом и начальники²²² их, взошедши на скалы, пали с тем же видом почтения. Зиевил представил царю сына своего, у которого пробивался первый пу-

шок на бороде²²³; он восхищался словами его и поражен был величественным видом его и мудростью; отобрав сорок тысяч храбрых воинов²²⁴, он поручил их царю как вспомогательное войско, а сам возвратился в страну свою²²⁵; с сим войском царь пошел против Хосрова. Сарварос между тем приступил к Халкидону²²⁶; авары из Фракии, подойдя к городу²²⁷, хотели взять его, придвинули к нему множество машин; они приплыли с Истра²²⁸ на бесчисленном множестве²²⁹ выдолбленных ладей²³⁰ и наполнили весь залив Кератский²³¹. В продолжение десяти дней осаждали они город и с моря и с твердой земли, но силою и помощью Божьею и заступлением пречистой Богоматери Девы были побеждены и с великою потерей на суше и на море, с великим стыдом возвратились, но Сарварос, обседа Халкидон, не отступал²³², но зимовал здесь, делая набег и опустошая противоположный берег²³³ и города, здесь лежащие.

Год 6118/618²³⁴. В сем году с сентября месяца вступил в Персию Ираклий с турками²³⁵ неожиданно зимою и тем привел Хосрова в отчаяние. Но турки, видя зиму и непрерывные нападения со стороны персов и не стерпя трудов, которые должны были разделять с царем, начали мало-помалу утекать и, наконец, все, оставя его, возвратились²³⁶. При этом случае царь так говорил к своим воинам: “Знайте, братие, что никто не хочет быть нашим союзником, как токмо один Бог и бессеменно родшая его мать, чтоб явить нам могущество свое и ниспослать помощь свою”. Между тем Хосров, собрав все свои силы, поставил над ними вождем Разату, мужа воинственного, храброго и послал его против Ираклия, который предавал огню и грады и села персидские, а пленных персов убивал мечом. 11 числа октября, 15 индиктиона, вступил он в страну Хамамфу, и дал отдых войску своему на одну неделю. Разата пришел в Гавзак²³⁷, стал в тылу Ираклия и следовал за римлянами, наслаждающимися впереди его всяким продовольствием, а он позади, как голодный пес, питался только от крупниц их, и поскольку он не находил никакого продовольствия, то скот его по большей части попадал. 1 декабря царь пришел к великой реке, так называемой Саве, и, перейдя ее, остановился у города Ниневии. Разата, следуя за ним, пришел к тому же перевозу и, пройдя три мили, нашел другой перевоз и переправился. Царь отрядил военачальника Ваанеса с избранными немногими воинами, который, встретив, знамя пер-

сидское, убил носителя его и принес к царю с головою врага и с золотым его мечом. Там же, многих побив, привел 26 человек живых, между ними и оруженосца Разаты; сей оруженосец объявил царю, что Разата хочет с ним сразиться, имея на то повеление от Хосрова, который послал к нему три тысячи воинов, но они еще не пришли. По сему известию царь послал наперед обозы, сам следовал за ними, высматривая место, удобное для сражения, пока еще не присоединились три тысячи; и, найдя выгодную равнину и сказав речь к войску, поставил его в боевой порядок. Разата туда же пришел, построился в три колонны и пошел против царя; 12 декабря, в субботу, произошло это сражение: царь впереди всех сошелся с военачальником персов, и силою Божьею и с помощью Богородицы низложил его, и сопровождавшие его обратились в бегство; царь встретился с другим и того положил; напал на него и третий, который нанес ему удар копьем в губу, но и этого он поразил; потом при звуке труб сошлись обе стороны, загорелась сильная брань, лошадь по имени Фалвас, она же Доркон, убита под царем пехотными воинами, которые копьем поразили ее в бедро; сам он получил много ударов мечами в лицо, но поскольку он покрыт был забралом из жил, то не получил вреда, и удары остались без действия. Разата пал на сражении, с ним три башенные вождя, почти все начальники и большая часть войска. Из римлян убито пятьдесят человек, многие ранены, из которых умерли только десятеро. Сражение кипело с самого утра до одиннадцати часов. Римляне взяли у персов 28 знамен, кроме изломанных, и, обобрав убитых, взяли латы их, шишаки и прочие вооружения; оба войска остановились одно от другого на два полета стрелы, ибо бегства не было. Римляне во время ночи напоили и накормили лошадей своих. Персидские всадники до седьмого часа ночи стояли над убитыми персами; а в восьмом часу они двинулись в свой лагерь и, сняв его, ушли и, уstraшенные, остановились у подошвы горы. Здесь римляне взяли много золотых ножей, золотых с драгоценными камнями поясов и золотой щит Разаты, из ста двадцати пластинок состоявший, и латы его также из золота, и скараманчу вместе с головою его, и ожерелья его, и седло также все золотое, взят был также живой Варсамизис, начальник иверов, которые находятся и под властью римлян, и под властью персов; сражение не останавливалось во весь день. Римляне побе-

дили, и это случилось единственно с помощью Божьею. Царь, ободрив войско, пошел против Хосрова и привел его в великий страх, так что сей вызывал Сарвароса из Халкидона от Византии; 21 числа декабря узнал царь, что войско Разаты, уцелевшее от сражения, соединилось с посланными от Хосрова тремя тысячами и за ним следует. Итак, придя в Ниневию, царь переправился чрез великую реку Саву, прежде нежели узнал об этом Хосров. Георгий во время ночи, проехав сорок восемь миль, овладел четвертым мостом на малой Саве и, найдя на крепостцах персов, взял их в плен. 23 декабря царь поспешил к мостам и перешел реку и остановился в домах Иесдема, дал отдых войску и скотам, и в том же месте провел праздник Рождества Христова. Хосров, услышав, что римляне овладели мостами, приказал персидскому войску, бывшему под начальством Разаты, со всею поспешностью предупредить царя и напасть на него. Они поспешили, перешли малую Саву в других местах и стали впереди царя, который пришел ко второму дворцу Хосрова, называемому Руза, и истребил его, подозревая, что враги хотят сразиться с ним на мосту Торна. Неприятели, увидя его, оставили мост и бежали. Беспрепятственно перейдя, царь занял другой дворец, называемый Веклалли, при котором находился также ипподром, и этот дворец царь истребил. Некоторые из армян, живших вместе с персами, пришли к царю и сказали, что Хосров со своими слонами и с войском остановился в пяти милях во дворце, называемом Дастагерд, в местечке Варафот, и приказал своему войску здесь собираться для сражения; там есть река неудобопроходная с узким мостом, дороги по причине домов тесны, и потоки гнилой воды делают их трудными. Царь, посоветовавшись с начальниками и с войском остановился во дворце Беклалли, в пристройке которого нашел он трех страусов откормленных, в другой пристройке около пятидесяти диких коз откормленных, в третьей сто онагров откормленных; все это подарил он войску. Первое число января они провели здесь: ибо нашли также овец, свиней и коров, которым не было числа. Все войско успокоилось, наслаждалось и прославляло Бога. Захватив пастухов, узнали от них точно, что Хосров под двадцать третье число декабря, получив известие, что царь перешел чрез мост на реке Торна, тотчас ушел из дворца в Дастагерде. Царь между тем другою дорогою перешел в другой дворец по имени Вердарх;

опустошил его, предав огню, и благодарили Бога, ради молитв Богородицы соделавшего столь чудные дела. Ибо кто ожидал, чтобы Хосров бежал от лица царя римского и, оставя дворец в Дастагерде, удалился в Ктесифон, хотя местопребывание его было в Дастагерде! В сем дворце римляне нашли триста римских знамен, взятых в различные времена, также запасы редких произведений, много алая и большие деревья алойные в восемнадцать литров, много шелку, перцу, полотна рубашечного сверх всякого числа, сахару, инбирю и много других вещей, нашли и серебро необделанное, одежды шелковые, ковры для постели и ковры цветные шитые, прекрасные и в великом множестве, — все это по тягости большею частью сожгли. Палатки Хосрова, занавески, употребляемые в походе, все сожгли, равно как и статуи его; в этом дворце нашли также страусов, диких коз, онагров, павлинов, фазанов в бесчисленном множестве; для охоты его тут находились львы, тигры огромные. К царю прибегнули также многие из пленных эдессинцев и александрийцев и от других градов великое множество. Царь отпраздновал в Дастагерде Богоявление, дав увеселения и отдых войску и опустошив чертоги Хосрова, здания великолепнейшие, чудные, удивительные, которые разрушил до основания, чтобы почувствовал Хосров, как больно было римлянам, когда он опустошал и сожигал их грады. Взятые были многие из прислужников дворца, и на вопрос, когда Хосров вышел из Дастагерда, они отвечали, что он за девять дней до пришествия вашего, услышав о приближении вашем, тайно приказал прорвать стену градскую подле дворца и таким образом поспешно ушел сам с женою и с детьми, чтобы не произвесть тревоги в городе; об этом узнали войска и начальники не прежде, как он был уже за пять миль от города. Тогда уже объявил он, чтобы они следовали за ним в Ктесифон. Прежде не мог он проехать пяти миль в день, а теперь в бегстве сделал двадцать пять миль; прежде жены и дети не могли видеть друг друга, теперь все бежали в куче и толкали друг друга. При наступлении ночи Хосров нашел убежище в хижине одного бедного земледельца, в которую едва мог пролезть и которую потом увидев, Ираклий крайне удивился. В три дня прибыл он в Ктесифон. За двадцать четыре года он получил предсказание от своих волшебников и астрологов, когда во времена Фоки осаждал Дару, что он погибнет, когда придет в Ктеси-

фон. Прежде не смел он пуститься на одну милю в эту сторону из Дастагерда, теперь прибыл сюда, но и тут не осмелился остаться, но, пройдя чрез мост на Тигре в город, по-нашему называемый Селевкией, по-персидски Гугдесир, здесь положил свои сокровища и остановился сам с женою своею Сиремою и с тремя другими женами, своими дочерьми; а прочих жен и детей, которых у него было много, отослал за сорок миль далее на восток, в укрепленное место. Некоторые из персов оклеветали пред Хосровом Сарвароса, что он предан римлянам и порицает его. Хосров послал своего оруженосца к Кардаригу, товарищу Сарваразана в Халкидон с повелением убить Сарваразана, и с войском персидским поспешить к нему на помощь в Персию. Несший сие повеление в Галатию был схвачен римлянами; и схватившие его тайно от персов привели его в Византию и предоставили его сыну царя, который, узнав истину от посланника, тотчас призвал Сарваразана; сей явился к царю, и царь дал ему письмо к Кардаригу, показал ему посланного; Сарваразан прочитал письмо, убедился в истине и тотчас переменял свои мысли, сделал мирные условия с царем и с патриархом, изменил письмо Хосрова, написав в нем приказ об избииении вместе с собою других сорока сатрапов, начальников; тысяченачальников, сотников и, приложив искусно печать, собрал вождей, пригласил и самого Кардаригу и, прочитав письмо, сказал ему: “Согласен ли ты сделать это?” Начальники, исполнившись ярости, провозгласили Хосрова лишенным престола, заключили с царем мирные условия и с общего согласия положили, выступить из Халкидона и возвратиться в свои страны, не причиняя никаких опустошений. Между тем Ираклий писал к Хосрову: я преследую, но и расположен вместе к миру; я не по воле своей огнем истребляю Персию, но ты сам к тому принудил меня; итак, хотя теперь бросим оружие и возлюбим мир; угасим огонь, пока еще не все пожжено. Так как Хосров и теперь не согласился на мир, то возникла против него великая ненависть у персов. Хосров набирал в войско свое всех людей господских, всю прислугу свою и жен своих и, вооружив их, всех послал для присоединения к войску Разаты, приказал им стоять у реки Арбы в девятнадцати милях от Ктесифона. Приказал он им, если царь захочет перейти через реку, тотчас перерубить мост. Царь седьмого числа января выступил из Дастагерда, прошел три дня и остановился

в 12 милях от Арбы-реки, где находился лагерь персов и содержались двести слонов. Он послал Георгия, бывшего начальника армянского, дойти до реки Арбы и узнать, есть ли на ней переправа; Георгий нашел, что перерубили мосты и нет переправы на Арбе, и возвратился к царю. Царь двинулся и пришел к Сиазуру, в продолжении всего февраля кругом жег города и окрестности их. В марте месяце, придя в местечко Варзан, семь дней здесь простоял, послав Мезезия, военачальника, для разъездов. К нему подъехал Гундавунас, бывший тысяченачальником в войске Сарвароса, с пятью другими: с тремя графами и двумя чиновниками. Георгий привел их к царю. Этот Гундавунас объявил царю необходимые дела, что Хосров, бежав из Дастагерда, заболел поносом и хотел венчать на царство Мардасана, сына своего, рожденного от Сиремы, и потому, переправясь через реку, привел с собою Мердасана и мать его Сирему и другого сына ее Салиароса, а первородного сына своего Сироиса, братьев его и жен оставил за рекою. Сироис, узнав, что отец его хочет венчать Мердасана, смутился и послал сомлечника своего к Гундавунасу объявить ему: “Приди за реку, чтобы я мог видиться с тобою”. Гундавунас убоился идти по причине Хосрова и отвечал ему: “Напиши мне чрез сомлечника твоего, если чего ты желаешь”. И Сироис написал ему: “Ты знаешь, как пострадала Персия от злого человека Хосрова, и теперь он хочет венчать Мердасана, а меня, первородного своего, оставил в презрении; если ты переговоришь с войском, чтоб они приняли меня, то я умножу жалованье их, заключу мир с римским царем, и мы проживем в благоденствии. Постарайся с твоим войском, чтобы я царствовал; за то я возвышу вас всех, приму вас в дружество свое, особенно тебя”. На сие отвечал я ему, что, если могу, переговорю с войском и постараюсь; что и переговорил уже с двадцатью графами, открыл им свое мнение, также равно как и другим начальникам и многим воинам. На сей ответ мой Сироис дал мне знать, чтобы я 23 марта с молодыми стрелками вышел к нему навстречу на мост на реке Тигре и чтобы мы приняли его в войско, дабы идти против Хосрова; что при Сироисе находятся два сына Сарваразана, сын Есдима, многие другие дети начальников, и сын Арама – все знаменитейшие; славно и хорошо, если они могут истребить Хосрова, если же не успеют, то все предадутся царю, и послал он к тебе, государь, потому что он уважа-

ет римского царя, который некогда спас Хосрова, а ныне претерпел от него великие бедствия и может быть за неблагодарность отца царь не поверит и сыну. Царь Ираклий отослал его назад к Сироису с предложением, чтобы он отворил темницы, освободил заключенных и пошел против отцеубийцы Хосрова, который хотел убежать, но не мог и попался в руки. Крепко оковав цепями руки его назад, на ноги и на шею наложили тяжелые железа и ввергли его в дом тьмы, который еще в юности устроил он и укрепил для хранения денег; здесь томили его голодом, подавая скудный хлеб и воду. Сироис при этом сказал: пусть ест золото, которое собирал напрасно, для которого многих уморил голодом и опустошил мир; он посылал сатрапов ругаться над ним и плевать на него; потом, приведя Мердасана, которого хотел венчать, пред глазами его убил, также убил пред ним и прочих детей его, и посылал всех врагов его ругаться над ним и заплевывать его. Продолжавший сии ругательства в течение пяти дней, Сироис приказал убить его стрелами, и таким образом в мучениях мало-помалу тиран испустил злую душу свою. После того Сироис писал к Ираклию и уведомил его о кончине проклятого Хосрова; заключил с ним вечный мир и выдал всех пленных христиан, томившихся в темницах во всей Персии с патриархом Захариєю и с Честным Животворящим Древом, взятым в Иерусалиме, когда Сарваразан овладел сим градом.

Год 6120/ 620. Мухамед вожь аравитян 9 лет. Адесир царь Персидский 7 месяцев. В сем году при наступлении весны царь, оставя свой царствующий град, отправился в Иерусалим с Честным и Животворящим Древом воздать благодарение Богу. Когда он прибыл в Тивериаду, то христиане жаловались ему на некоего по имени Вениамина, что он обижает их. Этот Вениамин был очень богат и принял царя и войско его. Несмотря на то, царь судил его: “Для чего ты, – сказал он, – обижаешь христиан?” Тот отвечал: “Обижаю их как врагов веры моей”. Он был иудеянин. Царь, получив его и убедив, крестил в доме Евстафия Неаполита, христианина, который также принял царя. Царь, придя в Иерусалим, восстановил патриарха Захарию, поставил Честное и Животворящее Древо на его место и, много возблагодарив Бога, выгнал евреев из города, повелев, чтоб они не смели приближаться к святому граду за три мили. Придя в Эдессу, он отдал церковь православным, кото-

рою овладели несториане от Хосрова. Прибыв в Иераполис он услышал, что персидский царь Сироис умер и сын его Адесир наследовал престол его, которым владел семь месяцев, но Сарваразан восстал против него, порази и владычествовал над персами два месяца. По убиении его персы избрали царицею Ворану, дочь Хосрова, которая владела престолом персидским семь месяцев. Ей наследовал Ормиздас, преследуемый сарацинами; после него царство персидское пребыло под властью аравитян даже поныне.

Год 6121/621. Мухамед вождь аравитян 9 лет. Ормизда царь персов 1-й год. В сем году окончил жизнь Мухамед, вождь и лжепророк сарацинский, избрав на место свое родственника своего Абубахара. Ужас всюду распространился. Обманутые иудеи при первом появлении его думали, что он есть ожидаемый ими Христос; некоторые из них, люди важнейшие, прилепились к нему, приняли его учение и отложились от Боговидца Моисея. Десять человек сделали это и оставались при нем до самой кончины его. Они же, увидев, что он ест верблюжину, узнали, что он не тот, за кого они приняли его, и, недоумевая, что им делать, уже не смели, несчастные, отстать от учения его, но внушали ему злодейские намерения против нас, христиан; они остались при нем. Здесь считаю необходимым сказать о происхождении его: он происходил из благороднейшего племени от Измаила, сына Араама. Низарос, потомок Измаила, почитается отцом сего племени: у него было два сына – Мундарос и Аравиас. От Мундароса произошли Курасос, Изос, Фелимес, Асадос и другие неизвестные; все эти жили в стране Мадиянитской, занимались скотоводством, и жилищем служили им хижины. За ними во внутренних странах жили и другие, но не из того племени, а от Ектана, называемые аманитами, то есть олифитами. Некоторые из них торговли верблюдами. Упомянутый Мухамед, как человек недостаточный, сирота, вздумал вступить к одной богатой женщине, родственнице своей по имени Хадиге как наемник для хождения за верблюдами и для торговли в Египте и Палестине. мало-помалу он делался смелее, сделал предложение женщине-вдове и женился на ней, получив за нею верблюдов и все ее имение. Приходя в Палестину, он познакомился с иудеями и христианами и заимствовал от них кое-что из писаний, но был одержим падучею болезнью. Жена, заметив это, очень опечалилась, что она, благородная,

связалась с таким больным и не только бедным, но и в падучей болезни находящимся. Но он старался утешить ее и говорил: я вижу видение одного ангела, называемого Гавриилом и, не вынося его лица, смешиваюсь и падаю. Она знала одного монаха, который по зловерию изгнан и жил там, рассказала ему все и имя ангела; монах для успокоения ее сказал ей: он сказал правду: этот ангел посылается ко всем пророкам. Она, выслушав слова лжеотца, первая поверила ему и проповедывала другим женщинам того же колена, что муж ее пророк. Эта весть от жен перешла к мужьям, сначала к Абубахару, которого он оставил своим наследником; и эта ересь утвердилась в странах Ефрибы, наконец разрешилась ужасными войнами. Сначала таилась она в скрытности в продолжение десяти лет, потом открылась войною десятилетней, наконец девять лет проповедывалась явно. Он учил своих подданных, что убивающий врага или врагом убитый вступает в рай, который, по словам его, составляли плотская пища, питье и наслаждение с женщинами: там реки вина, меду и млека, там женщины не такие, как здесь, но совсем иные; там наслаждение продолжительное и полное; учение его исполнено и прочего неистовства и глупости, но он хвалил сострадание друг к другу и помощь обижаемым.

Год 6123/623. При Абубахаре, вожде арабов. 1. При Модесте, епископе Иерусалимском. 1-й год. В сем году персы восстали друг против друга и воевали междуусобною бранью. В том же году царь индийский прислал Ираклию поздравления с победою над персами, и жемчугу, и много драгоценных камней. Мухамед уже умер, поставив четырех эмиров для войны против христиан из рода аравитян. Они подошли к селению, Мухеон называемому, в котором управлял Феодор Викарий, и отложили нападение на них до дня идолжертвования своего. Викарий, узнав об этом от Коразана Кутавы, собрал всех воинов с страж пустынных и, тщательно узнав от сарацина и день и час, в который хотели они напасть, сам сделал нападение на них в местечке Мофы, убил трех эмиров и множество простых воинов. Спасся только один эмир, по имени Халед, прозванный мечом Божиим. Некоторые из ближайших аравитян получали от царя жалованье небольшое, чтобы охранять проходы пустыни. В это время прибыл один евнух для раздачи жалованья воинам; аравитяне, по обыкновению, также пришли

получать свое жалованье, но евнух прогнал их и сказал, что государь его едва дает жалованье только воинам своим, а этим там и того менее. Оскорбленные аравитяне ушли к своим соплеменникам и сами привели их в страну Газу, как устье пустыни против горы Синойской, в страну очень богатую.

Год 6149/649. В сем году царь имел поход в Славянию, взял многих в плен и покорил под власть свою.

Год 6156/656. Абдерахман, сын Хиледа, пришел в Романию с войском и здесь зимовал, опустошил многие страны. С ним соединились славяне, перешли вместе в Сирию и поселились в окрестностях Апаimei в селении Скевокозоло.

Год 6169/669. В сем году мардаиты взошли на Ливан и владычествовали от горы Мавра до святого града, заняв все высоты Ливана; многие рабы и туземцы к ним сбежались, и в короткое время составилось их до многих тысяч. Узнав об этом, Мавиас и советники его сильно испугались, видя, что царство римское Богом ограждается, и послал он послов к самодержцу римскому просить мира, обещаясь платить царю ежегодную дань. Царь, приняв сих послов и выслушав их прошение, послал в Сирию с ними патриция Иоанна, по прозванию Питчигавдеса, как древнейшего гражданина, человека опытнейшего, одаренного великим разумом и совершенно владеющего языком аравийским, чтобы говорить с ними и условиться о мире. По прибытии его в Сирию Мавиас, собрав эмиров и корассинов, принял его с великою почестью. После многих переговоров между собою о мире, согласились письменно изложить условия его с клятвою давать ежегодно римскому государству со стороны агарян три тысячи золота, выдать восемь тысяч пленных и благороднейших коней пятьдесят. С обеих сторон постановили хранить между римлянами и аравитянами тридцатилетний повсеместный мир. Когда подписали сии две торжественные грамоты и разменялись ими между собою, то всезнаменитый посол с великими дарами возвратился к царю. Западные народы, и каган аварский, и тамошние цари, и правители, и касталды, и важнейшие особы от запада, узнав об этом, через посольства прислали царю дары и просили о соблюдении к ним мирных расположений. Царь, уступая просьбам их, утвердил и с ними владычный свой мир; и водворилось глубокое спокойствие и на востоке, и на западе.

Год 6171/671. В сем году в апреле месяце, индиктиона 1-го, скончался Мавиас, первый царь сарацинский. Он был вождем двадцать лет, эмиром двадцать четыре года; после него принял правление Изид, сын его. В это время²³⁸ народ болгарский вступил во Фракию. Здесь необходимо сказать о древности уннов²³⁹, болгаров и котрагов²⁴⁰. По ту сторону на северных берегах Евксинского Понта, за озером, называемым Меотийским, со стороны океана через землю сарматскую течет величайшая река Ател²⁴¹; к сей реке приближается река Танаис²⁴², идущая от ворот Ивирийских²⁴³ в Кавказских горах, от сближения Танаиса и Ателя, которые выше Меотийского озера расходятся в разные стороны, выходит река Куфис²⁴⁴ и впадает в Понтийское море близ Мертвых врат [у И. С. Чичурова транслитерация – Некропил²⁴⁵] против мыса Бараньего Лба²⁴⁶. Из означенного озера море, подобно реке, соединяется с Евксинским Понтом при Боспоре Киммерийском²⁴⁷, где ловят мурзулию и другую рыбу. На восточных берегах Меотийского озера за Фанагорию, кроме евреев²⁴⁸, живут многие народы. За тем озером выше реки Куфиса²⁴⁹, в которой ловят болгарскую рыбу ксист(он)²⁵⁰, находится древняя великая Болгария²⁵¹, и живут соплеменные болгарам котраги. Во времена Константина на западе [И. С. Чичуров трактует: Константина Западного²⁵²]... Кроват²⁵³, обладатель²⁵⁴ Болгарии и котрагов, скончался, оставив пятерых сынов, которым завещал никогда не расходиться: ибо таким только образом могли они всегда владычествовать и остаться непорабощенными от другого народа. Но в не продолжительном времени по кончине его пять сынов его пришли в несогласие и разошлись все, каждый с подвластным ему народом²⁵⁵. Старший сын, по имени Ватваян²⁵⁶, соблюдая завещание отца, поныне остался в земле своих предков²⁵⁷; второй сын, брат его по имени Котраг²⁵⁸, перешедший за Танаис, поселился насупротив старшего брата²⁵⁹; четвертый и пятый, перешедши за Истр, или Дунай, один, покорясь кагану аварскому, остался с народом своим в Паннонии аварской²⁶⁰, другой, пришедши в Пентаполис²⁶¹ при Равенне, покорился царям христианским²⁶². Потом третий по старшинству [по имени Аспарух²⁶³], перейдя Данаприс и Данассрис и остановившись у Ольги [И.С.Чичуров исправляет: дойдя до Огла²⁶⁴], реки, текущей севернее Дуная, поселился между первыми реками и сею последнею²⁶⁵, находя сию

страну отовсюду безопасною и непреодолимою: впереди она болотиста, с других сторон защищена реками, итак, народу, ослабленному чрез разделение, представляла великую безопасность от врагов²⁶⁶. Когда они таким образом разделились на пять частей и стали малочисленны, то хазары, великий народ, вышедший из Берзилии, самой дальней страны первой Сарматии [И. С. Чичуров уточняет: из глубин Берзилии, первой Сарматии]²⁶⁷, овладел всею Запонтийскою Болгариею до самого Понта [И. С. Чичуров исправляет: стал господствовать на всей земле по ту сторону (т. е. на европейском побережье) вплоть до Понтийского моря] и, сделав данником старшего брата Ватвайя (Батбаяна), начальника²⁶⁸ первой Болгарии, поныне получает от него подати²⁶⁹. Царь Константин²⁷⁰, услышав, что по ту сторону Дуная на Ольге реке [И. С. Чичуров исправляет: на Огле] вдруг поселился какой-то народ грязный, нечистый и делает набеги и опустошения во всех прилежащих к Дунаю странах, т. е. тех, которыми они овладели²⁷¹, и где прежде²⁷² жили христиане²⁷³, крайне обеспокоился. Он приказал всем легионам²⁷⁴ во Фракии перейти за Дунай [И. С. Чичуров: переправляться во Фракию], и двинулся на них с сухопутными и морскими силами, чтобы силою оружия выгнать их из занятых ими стран. Он расположил пехоту между реками Ольгою и Дунаем, корабли поставил у берегов реки [И. С. Чичуров: на суше, *прилегающей* к так называемому Оглу и Дунаю, он построил в боевом порядке пешее войско, а с другой – приказал кораблям стать на якорь поблизости от берега]. Болгары, увидав столь внезапное многочисленное войско и отчаявшись в спасении, убежали в прежде упомянутое укрепление и здесь искали безопасности. В продолжение трех или четырех дней они не смели выходить из этого убежища, а римляне по причине болот не начинали сражения; тогда скверный народ, полагая со стороны римлян трусость, сделался смелее. Царь страдал от жестокой подагры и принужден был возвратиться на юг для обычного пользования банями; при нем было пять *дромонов*²⁷⁵, и домашние сопровождали его [в Месемврию²⁷⁶]. Оставляя военачальников и войско, он приказал обходить и вызывать болгар из убежищ их и сразиться с ними, когда они выйдут; иначе стоять в своих лагерях и наблюдать за ними. Конные подумали, что царь бежит, и, объятые страхом, обратились в бегство, хотя никто не гнался за ними. Болгары, уже приме-

тив это, преследовали их, весьма многих истребили мечом, многих ранили, гнались за ними до самого Дуная, переправились чрез эту реку²⁷⁷ и, пришедши к Варне так называемой, близ Одисса²⁷⁸, увидели здесь плоскую землю, со всех сторон огражденную с тылу рекою Дунаем, с боков горными теснинами и Понтийским морем, овладели живущими здесь семью коленами²⁷⁹ славян и северян²⁸⁰ поселили от начала ущелья Берегава²⁸¹, а прочие [семь родов], обложив данью, поселили к югу и к западу до самой Аварии²⁸². Расширившись таким образом, они возгордились и начали нападать на лагеря и местечки, под властью римскою находившиеся, и людей уводили в плен: почему царь принужден был заключить с ними мир, согласившись платить ежегодную дань, к стыду римского народа, по множеству неудач его. Странно было слышать и дальним и ближним, что подчинивший себе данниками все народы на востоке, на западе, на севере и на юге, теперь сам должен был уступить презренному вновь появившемуся народу. Но царь, веря, что сие случилось по особенному Божьему промыслу, с евангельскою кротостью заключил мир²⁸³.

Год 6179/679. При Павле еписк. Константиноп. 1 год. В сем году в Сирии был голод, и многие пришли в римскую землю. Царь, пришедши в Армению, встретил мардаитов, эту медную стену Ливана, которую он разрушил. Он нарушил также мир, утвержденный с болгарам, и возмутил весь порядок условий, установленный отцом его, приказал коннице перейти во Фракию, желая сделать пленниками и болгар, и славян.

Год 6180/680. В сем году Юстиниан имел поход против славян и болгар; встретившись с болгарам, на настоящее время прогнал их. Пройдя до Фессалоники, он захватил великое множество славян – и силою оружия, а которые отдавались добровольно – и переселил их в страны Опсикия за Абидосом, но на возвратном пути, захваченный болгарам в тесных проходах, с великою потерей войска, со множеством раненых едва мог сам уйти.

Год 6183/683. В сем году Юстиниан набрал войско из переселенных им славян, всего тридцать тысяч, вооружил их и назвал войском запасным, излишним, поставив над ним начальником Невулону. Полагаясь на сие войско, он писал к аравитянам, что более не хочет сохранять письменно заключенного мира, и с запасными своими воинами и со всеми конными отрядами пошел к Севастополю

приморскому. Аравитяне притворялись, не принимая на себя вины, что они нарушили мир, но принуждены это делать по вине и опрометчивости царя с оружием, и сами пришли к Севастополю, свидетельствуясь пред царем, чтобы он не преступал условий, с клятвою положенных между обоими народами: Бог будет мздовоздаятелем и судьей виновному. Царь и слышать не хотел, но тем более спешил начать войну, и аравитяне, взяв мирную грамоту, привесили ее к длинному копью в виде фифляммы или хоругви, устремились против римлян под предводительством Мухамеда и сразились; в первый раз аравитяне разбиты, но Мухамед, тайно снесшись с вождем славян, союзником римским, послал к нему колчан, набитый деньгами и, обманув его многими обещаниями, уговорил перебежать к ним с двадцатью тысячами славян; так он продал свою измену. Тогда Юстиниан истребил всех оставшихся славян с женами, с детьми при Левкати, месте утесистом и приморском у Никоидийского залива.

Год 6186/686. Муамед делал нападения на Римскую землю, имея при себе переметчиков славян, которым известны были все местоположения, и многих взял в плен...

Год 6196/696. В сем году Азив, сын Хуниев, имел поход в Киликию и осадю разрушил крепость Сисион; настигнув его, брат царя Ираклий вступил с ним в сражение и убил у него двенадцать тысяч аравитян. Между тем Юстиниан²⁸⁴ жил в Херсоне и объявлял, что он опять будет царствовать. Жители тех стран, боясь подвергнуться опасности по причине царя, совещались или убить его, или отослать к царю²⁸⁵. Юстиниан, заметив это, как мог, убежал и, придя в Дарас²⁸⁶, просил свидания с хаганом Хазарским²⁸⁷, который принял его с великою честью и выдал за него сестру свою Феодору²⁸⁸. Вскоре потом, по просьбе своей и с позволения хагана хазарского, он переселился в Фанагорию и там жил с Феодорою. Услышав то, Апсимар послал к хагану послов и обещался дать ему великие дары, если он пришлет к нему Юстиниана живого; если не живого, то по крайней мере голову его. Хаган согласился на эту просьбу, отправил к Юстиниану телохранителей, будто злоумышление строится ему не от своих соплеменных [И. С. Чичуров: послал Юстиниану охрану под предлогом, как бы его собственные соплеменники не устроили против него заговор, а сам], между тем, приказал Папатце²⁸⁹, который от лица его находился при Юс-

тиниане, и Валгитцу (Балгитцу)²⁹⁰, начальнику Боспора, убить Юстиниана по первому знаку. Служитель хагана известил об этом Феодору; Юстиниан, узнав это, призвал к себе для тайного совещания Папатцу и удушил его на веревке; то же сделал он и с Валгитцем, начальником Восфора. Феодору тотчас отослал в Хазарию, а сам, тайно бежав в Фанагорию, пришел к устью реки [прибыл в Томы] и, найдя здесь готовую лодку, сел на нее, и, проплыв Асаду²⁹¹, дошел до Симвулона²⁹² близ Херсона; и, тайно послав в Херсон, вызвал Васвакурия и брата его, и Сальвана, и Стефана, и Моропавла с Феофилом и вместе с ним проплыл мимо Фароса Херсонесского. Когда уже проплыли таким образом Мертвые враты и устья Днепра и Днестра, то восстала буря, и все отчаялись в спасении своем. Но Миакес, домашний человек его, говорил ему: вот мы умираем, государь, обещайся Богу за спасение свое, если Он возвратит тебе твое царство, не мстить никому из врагов твоих. – Тот с гневом отвечал ему: если я пощажу кого-либо из них, то потопаи меня Бог в этом море. Без опасности избавился он от этой бури и вошел в реку Дунай. Здесь послал он Стефана к Тервелию²⁹³, владетелю Болгарии, просить содействия, чтобы возвратить ему свой наследственный престол, и за то обещал ему великие дары, обещал выдать за него дочь свою. Тервелий обещался во всем повиноваться ему и содействовать, с честью принял Стефана²⁹⁴ и двинул все²⁹⁵ подвластные ему народы болгар и славян²⁹⁶. В следующем году они с полным вооружением прибыли в царствующий град²⁹⁷.

Год 6198/698²⁹⁸. В сем году Юстиниан опять принял царство и, щедро одарив Тервелия и подарив ему царские утвари, с миром отпустил его. Апсимар, оставя город, бежал в Аполлониаду. За ним погнались, схватили и представили его к Юстиниану. Ираклий, также связанный, приведен был из Фракии со всеми военачальниками, которые с ним служили, и все они повешены на стенах. Потом послал розыски во все внутренние земли и замешанных и незамешанных всех убил, но Апсимара и Леонтия в оковах велел влачить по всему городу, и, между тем как совершались конские ристалища и он сидел под своим балдахином, притащили их и бросили к ногам его. До окончания игр он попирали их выи, а народ между тем кричал: на аспида и василиска наступил и попрали льва и змия. Потом он отослал их и на Собаьем рынке велел отру-

бить головы. Патриарха Каллиника, лишив зрения, изгнал в Рим, и на место его определил Кира, заточенного на острове Амастрисе, который предрек ему второе восстановление его. Бесчисленное множество и гражданских, и военных чиновников погубил он; многих потопил в море, бросая в мешках, иных приглашал на обед, и когда вставали от стола, то иных вешал, иных рубил, и великий страх овладел всеми. Он послал флот, чтобы привезти супругу свою из Хазарии, из которого многие корабли потонули вместе с людьми. Услышав об этом, хаган велел сказать ему: “Безумный, не лучше ль было бы для тебя прислать за женою своею два или три корабля, а не губить такого множества людей! Ужли ты думаешь взять и ее силою оружия? Вот и сын родился тебе, пришли и возьми их. Юстиниан послал Феофилакta, спальничего²⁹⁹, принял Феодору и Тиверия, сына ее, и венчал их царским венцом, и они соцарствовали ему.

Год 6199/699. В сем году Уалид овладел соборною святейшею церковью в Дамаске из зависти к христианам, проклятый, по чрезвычайной красоте сего храма. Он же запретил писать по-эллински общественные отчеты, но велел писать их по-арабски, потому что на этом языке нельзя написать ни единицы, ни два, ни тройцы, ни восемь с половиною или третью. Поэтому и поныне нотариусами у них служат христиане.

Год 6200/700. В сем году Юстиниан нарушил мир между римлянами и болгарами и, переведя конные отряды во Фракию и вооружив флот, пошел против болгаров и Тервеля. Прибыв в Анхиалос, флот свой поставил против крепости, а коннице приказал сойти с гор неожиданно и без всякой осторожности. Между тем войско, как овцы, рассеялось по полям для собирания травы; дозоры болгарские с гор приметили беспорядок в римской коннице и, как звери собравшись, вдруг напали на римское стадо и много взяли пленных, и лошадей, и оружия, не считая убитых. Юстиниан, укрывшись в крепости с прочими оставшимися, на три дня запер ворота. Но, видя упорство болгар, сам первый подрезал жилы у своей лошади и других заставил то же сделать. Потом, вместо трофеев прибыв к стенам оружие, ночью, сев на корабли, тайно отплыл и со стыдом возвратился в город.

Год 6203/703³⁰⁰. В сем году Уфман ходил войною в Киликию и на честное слово взял много крепостей. Отдал им Камахон со всеми прилежащими странами. Между тем Юсти-

ниан из памятозлбия послал в Херсон патриция Мафра с патрицием Стефаном, по прозванию Асмиктом³⁰¹, дав им большой вооруженный флот³⁰². Он вспомнил о злоумышлении, которое имели против него херсонесцы и восфорианы и прочие страны, и потому на счет жителей Константинополя: сенаторов, правителей, простых граждан (димотов)³⁰³ и должностных людей устроил флот из кораблей всякого рода: и быстрых, и трехпалубных, и огненосных, и рыбачьих, [вмещающих десять тысяч галиад³⁰⁴], и даже из хеландиев³⁰⁵, и, послав этот флот, велел истребить острием меча всех живущих в тамошних крепостях и никого не оставлять в живых. Он послал с ними Илью, оруженосца (спафария)³⁰⁶, который должен был остаться правителем Херсона. Они заняли сей город без всякого сопротивления, истребили всех острием меча, исключая отроков и детей, которых пощадили и взяли в рабство. Тудуна³⁰⁷ же, правителя Херсона, поелику он был от лица хагана, Зоила, первого гражданина и по месту, и по роду, и сорок других знаменитых и первенствующих в городе мужей, привязав к деревянным столбам, сжарили на огне; других двадцать человек, связав им руки назад, привязали к плотам, которые, наполнив камнями, потопили во глубине морской. Юстиниан, узнав об этом, весьма гневался, что спасли отроков, и приказал с поспешностью прислать их к нему. Флот отплыл в октябре месяце и при восхождении звезды, называемой Быком³⁰⁸, застигнутый бурей, едва-едва не весь потонул в море; погибших при сем кораблекрушении считали семьдесят три тысячи. Юстиниан слушал об этом без всякого соболезнования и даже радовался и в этой высочайшей степени сумасшествия с громогласными угрозами послал еще другой флот с приказанием срыть все и вспахать и не оставить следов стен, даже где мочились. Жители тех крепостей, услышав это, приняли свои предосторожности, поневоле должны были вооружиться против царя и послали к хагану в Хазарию просить войска для охранения своего. В сих обстоятельствах восстал Илья, оруженосец, и Вардан, изгнанник³⁰⁹, в это время вызванный из Кефалинии³¹⁰ и посланный с флотом в Херсон. Царь, известясь о том, с немногими быстрыми кораблями послал Георгия, патриция, по прозванию Сириянина³¹¹, генерал-сметчика (логифета геникона)³¹², Иоанна градоначальника (эпарха города)³¹³, и Христофора, начальника фракийских войск с тремястами воинов,

присоединив с ними Тундуна (Тудуна) и Зоила, чтобы привести Херсон в прежнее его положение, извиниться через посланца пред хаганом и привести к нему назад Илью и Вардана. Когда они прибыли в Херсон, то жители города не хотели вступить с ними в переговоры; уже на другой день только им одним позволили вступить в город и тотчас за ними заперли ворота. Генерал-сметчик с градоначальником изрубили мечом, а Тундуна с Зоилом и начальника фракийских войск с тремястами воинов отдали хазарам и отправили к хагану. Когда Тундун умер на дороге, то хазары в тризну ему убили фракийского начальника с тремястами воинов. Тогда жители Херсона изгладили имя Юстиниана и с прочих крепостей и провозгласили царем изгнанника Вардана-Филиппика³¹⁴. Узнав о том, Юстиниан еще более неистовствовал и убил детей оруженосца Ильи в объятиях матери, а ее принудил выйти замуж за повара своего индийца. Потом, снарядив другой флот, послал патриция Мавра, по прозванию Беза³¹⁵, дав ему для осады крепостей таран и всякие стенобитные орудия, и приказал стены Херсона срыть, весь город срыть и не оставить ни одной живой души и как можно чаще уведомлять о своих успехах. Без прибыл и уже сокрушил тараном башню Кентинаризийскую³¹⁶ и другую ближайшую, Сиагром³¹⁷ называемую, но пришли хазары, и война остановилась. Варданий убежал к хагану. Флот остался без действия, но не смел возвратиться к царю, а потому изгладили имя Юстиниана и сами провозгласили царем Вардана. Они просили хагана дать им в цари Филиппика. Хаган потребовал от них честное слово, что они не выдадут Филиппика и что он сам получит с каждого человека по одной монете³¹⁸; они тотчас исполнили его требование и получили Филиппика в цари. Когда флот медлил и письма не приходили, то Юстиниан, подозревая причину, взял с собою воинов Опсикия³¹⁹ и часть фракийских отрядов, пошел к Синопу³²⁰, чтобы лучше узнать дела в Херсоне. Смотря в отдаленные части моря, вдруг он увидел флот, идущий в направлении к городу, взревел, как лев, и сам поспешил к Константинополю. Филиппик предускорил и овладел городом; он же, прешедши в Даматрис, здесь остановился со своими. Филиппик тотчас послал Мавра патриция с Иоанном оруженосцем, по прозванию Стуфом, против Тиверия, Илью с отборными воинами в Даматрис против Юстиниана, и еще одного за Вас-

вакурием, искавших спасения в бегстве. Мавр с Стуфом, придя во Влахерны, нашли Тиверия, державшегося одною рукою за столбик святой трапезы жертвенника святой Богоматери, а другою рукою державшего честные деревья и на шее с мощами, а пред алтарем на ступеньках сидящую Анастасию, мать отца его, которая, упав к ногам Мавра, умоляла не убивать внука ее Тиверия, который ничего дурного не сделал. Между тем как она обнимала ноги Мавра и со слезами умоляла его, Стуф, войдя в алтарь, насильно вытащил его, взял у него честные деревья и положил на святом жертвеннике, мощи повесил себе на шею и, схватив отрока на паперти Каллиники, раздели его, растянули на древесной коре, как агнца, и перерезали горло, и приказали похоронить его в храме святых Бессребренников, называемом храмом Павлины. Схвачен был и Васвакурий, протопатриций и граф Опсикия, и убит. Илья же с войском здешним дал честное слово на безопасность Юстиниана, и все воины отделились, бежали от Юстиниана, оставя его одного, и приняли сторону Филиппика. Тогда Илья, оруженосец, с яростью устремился на Юстиниана, схватил его за шею и набедренным мечом, которым был опоясан, отрубил ему голову и чрез того же оруженосца послал ее в западные страны до самого Рима. Еще прежде царствования Филиппика в обители Калистрата был затворник провидящий, впрочем еретик, который вошедшему Филиппику сказал: “Тебе предлежит царство”. Тот смутился, а затворник говорил: “Если Бог повелевает, то что ты противоречишь? Но вот что скажу тебе: шестой собор худо составлен; итак, когда будешь царствовать, отвергни его, и царствование твое будет сильно и долговременно”. Филиппик дал ему клятву сделать это. Когда Леонтий принял царство после Юстиниана, то Филиппик пришел к затворнику, который ему сказал: “Не спеши, будешь царем”. Потом начал царствовать Апсимар, Филиппик опять пришел к нему, и он сказал: “Не спеши, царство ожидает тебя”. Филиппик поверил эту тайну одному своему другу; тот дал знать Апсимару, который высек его плетьюми, остриг, заключил в оковы и сослал в Кефалинию. Юстиниан, вступив на престол, вызвал его назад. Воцарившись, (Филиппик) сам созвал ложный собор из лжеепископов по слову лжеотца и затворника и отвергнул святой шестой вселенский собор. В то же время, дерзновенный, лишился зрения. Провождая совершенно безза-

ботную жизнь в своих чертогах и найдя здесь множество денег и драгоценных вещей, которые в продолжении многих лет собраны были прежними царями чрез опись имений в казну и под разными предлогами, особенно при последнем Юстиниане, все это расточил втуне, понапрасну, без всякой пользы. По разговорам его он почитался ученым и умным, а по делам, так жил неприлично царю и недостойно, в глазах всех казался ничтожным. К тому же был он еретик и прелюбодей. Патриарха Кира он отторгнул от церкви и поставил на место его единомышленного и подобного себе еретика Иоанна.

Год 6209/709³²¹. При Леоне Исаврском царе Константиноп. 1 год. В сем году воцарился Леон³²² родом из Германикии³²³, но по правде из Исаврии³²⁴. При царе Юстиниане³²⁵ со своими родителями³²⁶ переселился он в Мезимерию Фракийскую в первом году его царствования. Во втором же году его царствования, когда царь пришел туда с болгарами³²⁷, Леон встретил его с дарами, состоявшими в пятистах овцах. За сию услугу царь Юстиниан тотчас сделал его оруженосцем и обращался с ним как с искренним другом. За это возникла зависть, и его оклеветали пред царем, что он домогается престола. Сделано было исследование касательно его, и клеветники его постыдились. Но это слово с того времени у многих было на языке. Юстиниан не хотел вредить ему явно, но в нем осталось тайное подозрение к Леону, которого и послал он в Аланию с деньгами, чтобы возбудить аланов³²⁸ против Авазгии³²⁹, Лазики и Иверии. [В то время в Абасгии, Лазике и Иверии господствовали сарацины³³⁰.] Прибыв в Лазик, он спрятал свои деньги в Фасисе³³¹ и с немногими туземцами³³² пошел в Апсилию³³³ и, перейдя Кавказские горы, пришел в Аланию. Юстиниан, чтобы погубить его, послав, унес деньги из Фасиса. Аланы приняли оруженосца с великою честью и, поверив словам его, вторглись в Авазгию и многих пленили. Владелец авазгов³³⁴ дал знать аланам, что Юстиниан не нашел другого такого обманщика, как этот человек, которого бы мог послать, чтобы возбудить нас против вас, наших соседей. Он обманул вас и обещанием денег: ибо Юстиниан, прислав, взял их. Но выдайте его нам, а мы дадим вам за него три тысячи монет, и старинная дружба между нами да не разрушится. Но аланы отвечали: мы не из денег послушались его, но из любви нашей к царю. Авазги еще послали к ним: выдайте нам

его, и мы дадим вам шесть тысяч монет. Аланы, желая узнать страну авазгов, согласились взять шесть тысяч монет и выдать оруженосца, но наперед все ему открыли и сказали: ты видишь, что дорога в Римскую землю заперта и тебе негде пройти. Итак, мы употребим хитрость и согласимся выдать тебя и отпустить вместе с нашими людьми; мы осмотрим ущелья их, сделаем набег, истребим их с лица земли и сделаем все для наших выгод. Ответчики аланские ушли в Авазгию, согласились выдать им оруженосца и получили от них многие подарки. Авазги послали еще большее число ответчиков с великим количеством золота, чтобы взять оруженосца, которому тогда аланы сказали: “Эти люди, как мы уже говорили тебе, пришли взять тебя, и ты пойдешь в Авазгию; мы имеем с ними сообщение, и наши купцы всегда ходят туда. Впрочем, чтобы намерение наше не подверглось какому-либо нареканию, мы предадим тебя только по-видимому; но когда они двинутся в путь, мы подошлем тайно сзади, их убьем, тебя скроем, пока войско наше внезапно соберется в земли их”, — что и случилось. Ответчики авазгов, взяв оруженосца с людьми его, связали и ушли. Аланы с владельцем своим [Итак-сием] настигли их сзади, побили авазгов, оруженосца скрыли и вторглись внезапно в ущелья их, взяли великий плен и произвели великое опустошение в Авазгии. Юстиниан, услышав, что и без денег поручения его исполнены, послал письма к авазгам: “Если вы сохраните этого человека, нашего оруженосца, и без вреда доставите его к нам, то мы прощаем вам все ваши проступки”³³⁵. Они с радостью получили письма, опять послали в Аланию с предложением: мы отдаем вам в заложники наших детей; отдайте только оруженосца нам, а мы отправим его к Юстиниану. Но оруженосец не согласился на это и сказал: силен Господь отворить мне дверь для исхода, но в Авазгию не пойду. Через несколько времени римляне и армяне остановились лагерем в Лазике и осаждали Археополис³³⁶, но, проведая о приближении сарацин, они отступили; от них отделилось до двухсот человек и дошли до Апсилии и до Кавказа для добычи. Когда сарацины пришли к Лазик, то римское и армянское войско обратилось в бегство и прибыло к Фасису³³⁷. Между тем двести человек для грабежа остались на Кавказских горах и уже не знали, что им делать. Аланы, известясь о сем, что римлян на Кавказе великое множество и с радостью объявили оруженос-

цу: римляне приближаются, иди к ним. Оруженосец с пятидесятью аланами обходом [на круглых лыжах³³⁸] перешел снега Кавказские, в мае месяце нашел своих и с великою радостью спрашивал: “Где войско?” Они отвечали: “Когда сарацины вторглись в римскую область, то войско ушло назад, а мы уже не можем возвратиться в Римскую землю и потому идем в Аланию”. Он говорил им: “Что же мы теперь будем делать?” – “Через эту страну нам невозможно пройти”, – отвечали они. Но оруженосец сказал: “Разве не возможно пройти другим путем?” Была там крепость, именуемая Сидирос (Сдерон)³³⁹, которой хранителем был некто Фарасманий, подданный сарацинский, но мирно живший с армянами. Оруженосец, послав к нему, сказал: “Поскольку ты в мире с армянами, то пребудь в мире и со мною и пребудь под владычеством царства Римского; дай нам способы дойти до моря и переплыть в Трапезунт”. Поскольку Фарасманий не согласился сделать это, то оруженосец послал из своих и армян, которым приказал сделать засаду, и когда выйдут из крепости на работу, то взять из работников сколько смогут и овладеть воротами с наружной стороны, пока подоспеют к ним и прочие. Те отошли, сделали засаду, народ вышел на работы, и они вдруг сделали нападение, овладели воротами и многих захватили живыми. Фарасманий с немногими оставался в крепости; скоро пришел и оруженосец и предлагал Фарасманию отворить ворота в мире, но он не захотел и начал войну. Крепость была тверда, и взять ее не было возможно. Марин первый из Апсилы (из апсильцев)³⁴⁰ услышал, что крепость в осаде, смутился от страха и полагал великое войско у оруженосца, и с тремясками воинов пришел к нему и сказал: “Я спасу тебя до самого приморья”. Фарасманий, видя сии обстоятельства, сказал оруженосцу: “Возьми сына моего в заложники, и я соглашюсь быть в подданствеу царя”. Сей принял его сына и сказал: “Что ты за подданный царя, каким ты себя называешь, когда и окруженный так говорил с нами? Нам невозможно отступить отсюда, если не возьмем крепости”. Тогда Фарасманий сказал: “Дай мне честное слово”. Оруженосец дал ему честное слово, что он не причинит ему никакой обиды, но вступит в крепость с тридцатью воинами. Но, не сдержав сего слова, приказал с ним вступавшим тридцати воинам: “Вступая в крепость, вы овладейте воротами, пока войдут и прочие”. Что и случилось, и он приказал тог-

да зажечь крепость. Произошел великий пожар; семейства бежали, вынося с собою из имущества своего что только могли. Пробыв здесь три дня, он приказал срыть стены до основания, потом, двинувшись, пришел в Апсилью с Марином, первым в городе, и был принят апсилами с великою честью. Оттуда спустившись к приморью, переправился и прибыл к Юстиниану, который был уже убит, за ним ослеплен и Филиппик, и царствовал Артемий, который сделал его военачальником восточных стран. В царствование Феодосия и по изгнании Артемия, когда Римское государство пришло в замешательство и от набегов варварских, и от незаконных убийств Юстиниана, и от нечестивых дел Филиппика, сей Леон сражался за сторону Артемия против Феодосия. С ним был единомышленник и сподобник Артавазд, вождь армянский, которого он после воцарения своего сделал зятем своим, выдав за него дочь свою Анну, и его произвел в первые сановники двора.

Год 6220/720³⁴¹. В сем году сын хагана, владетеля Хазарии, ходил войною против Мидии³⁴² и Армении, и, найдя здесь Гараха, вождя сарацинского, убил его со всем его войском и, собрав добычу в Армении и Мидии, возвратился, наведя на аравитян великий ужас.

Год 6221/721³⁴³. В сем году Масалма (Маслама)³⁴⁴ ходил войною в землю турков³⁴⁵, и на происшедшем между ними³⁴⁶ сражении с обеих сторон пали многие; но Масалма устранился и бежал по пределам Хазарии [И.С.Чичуров: через горы Хазарии].

Год 6223/723³⁴⁷. В сем году Масалма ходил войною на Турцию³⁴⁸ и, перейдя за Каспийские ворота [И.С.Чичуров: достигнув Каспийских ворот], испугался и воротился назад.

Год 6224/724³⁴⁹. В том же году царь Леон³⁵⁰ сговорил дочь хагана, скифского³⁵¹ владетеля, за сына своего Константина³⁵²; обратив ее в христианскую веру, назвал Ириною³⁵³. Она, научившись божественным писаниям³⁵⁴, украшалась благочестием, и обличала их нечестие³⁵⁵.

Год 6241/741³⁵⁶. В январе месяце, третьего индиктиона, родился сын у царя Константина³⁵⁷, которого назвал он Леоном³⁵⁸, от дочери хагана Хазарского³⁵⁹.

Год 6250/750. В сем году Константин поработил славян македонских, а других отвел в плен.

Год 6254/754. Болгары возмутились против своих господ, преемственно происходив-

ших от одного поколения, убили их и поставили в правители мужа злонравного, по имени Телетчина, которому было около тридцати лет. Многие из бежавших славян прибегнули к царю, и он поселил их на Артанане. 17-го числа июня царь отправился во Фракию и послал туда флот по Евксинскому морю до десяти тысяч судов, из которых каждое тащило 12 лошадей. Телетчин, услышав о сем движении против него на суше и на море, принял в союзники двадцать тысяч из окружающих народов и поставив их в укрепленных местах, оградился безопасностью. Царь, придя, остановился на поле Ангилском. 30-го же июня, индиктиона 1-го, в пятый день недели, показался Телетчин со множеством войска, начали сражение и долго рубились, наконец Телетчин обратился в бегство. Сражение продолжалось с пятого часа утра до позднего вечера, и великое множество болгар истреблено, многие взяты в плен, иные сами приложились. Царь, восхищенный сею победою, праздновал ее торжественным вшествием в город. Во всеоружии со всем войском вступил он в город при радостных криках народа, влача в ручных цепях побежденных болгар, которых потом приказал гражданам перерубить вне Златых врат. Телетчина убили сами возмущившиеся болгары с прочими его начальниками и на место его поставили в правители Савина, зятя Кормезия, который давно был государем их. Но поскольку Савин тотчас отправил послов к царю и просил мира, то болгары сделали совет и сильно воспротивились Савину, говоря: из-за тебя вся Болгария должна прийти в порабощение у римлян. Произошло возмущение, и Савин убежал в крепость Месимврию и приложился к царю. Болгары поставили другого государя по имени Пагана.

Год 6255/755³⁶⁰. В сем году восстали против Авделлы два брата, начальники пустынь и Варафона, который послал против них войско из восьмидесяти тысяч и истребил их. В том же году турки³⁶¹ вышли из-за Каспийских ворот, сделали многие опустошения в Армении и с великою добычею назад возвратились... В том же году с начала октября месяца сделался великий и жестокий холод не только в нашей земле, но и на востоке, и на севере, и на западе, так что северная часть моря на сто миль от берега превратилась в камень на тридцать локтей³⁶² в глубину и то же было от Зикхии (Зинхии)³⁶³ и до Дуная, от реки Куфиса до Днестра и Днепра³⁶⁴ и до Мертвых врат, от всех прочих берегов до Месимврии и

Мидии³⁶⁵. Когда снег выпал на столь толстый лед, то толщина его увеличилась еще на двадцать локтей, и море приняло вид суши, и ходили, как посуху, по льду из Хазарии, Болгарии и от других приморских народов не только люди, но и дикие звери и домашние скоты. В феврале месяце 4-го индиктиона этот лед Божьим велением разделился на куски, подобно горам высоким, которые сильным ветром принесены к Дафнусии и к Иерону и в тесноте сгустились у города до Пропонтиды и до острова Абидоса, наполнили все море, чему мы сами были очевидцами, всходили на льдину человек тридцать товарищей и там играли. Находились там и дикие звери и домашние скоты, уже мертвые. Всякий мог пешком переходить из Софиан в город, от Хрисополиса до святого Маманта и до Галат – и беспрестанно. Одна льдина выдвинувшаяся ударила об лестницу Акрополиса и сокрушила ее. Другая, огромнейшая, ударила об стену, так что за этой стеной и дома потряслись. Эта льдина, которая поднималась выше стен городских, разошлась на трое и таким образом спасла город от Манган до Босфора. Все жители города мужчины, и женщины, и дети непрестанно смотрели на это зрелище и возвращались домой с плачем и со слезами в недоумении, что сказать об этом. В том же году в марте месяце видимы были звезды, падающие с небес в великом множестве, и все, смотря на это падение их, предполагали скончание настоящего века; при этом были столь великие жары, что пересохли даже источники. Царь призвал патриарха и сказал: какой вред для нас из того, если мы именуем Богородицу Христородицею? Патриарх, обняв царя, отвечал: “Помилуй, государь! да не придет тебе и на мысль такое слово: разве ты не видишь, как вся церковь проклинает имя Нестория и предает его анафеме?” Царь отвечал ему: “Я спросил только из любопытства; твое слово кончено”.

Год 6256/756³⁶⁶. В сем году турки опять вторглись в Каспийские врата, напали на Иверию, сразились с аравитянами³⁶⁷, и много погибло с той и другой стороны.

В том же году Паган, владетель Болгарии, отправил посольство к царю и просил с ним свидания, получил от него честное слово и прибыл к нему со своими Воиладами. Царь принял его в заседании и в присутствии Савина укорял их за беспорядки их, за ненависть к Савину, впрочем, по-видимому, сохранили мир. Но тайно царь послал в Болгарию и схва-

тил Севера, правителя славянского, который прежде причинил много бедствий во Фракии. Задержан был также Хрестин, переметчик из христиан, предводитель разбойников, которому в пристани святого Фомы отсекли руки и ноги, потом отдали врагам, и они, еще живого, взрезали его от пупа до грудной полости для наблюдения внутреннего устройства человека и наконец предали его сожжению. Вдруг царь, выступив из города, нашел ущелья без стражи по причине притворного мира, прошел Болгарию до Тунзы, и предав огню их хижины, какие встретил, со страхом возвратился назад, не сделав ничего важного.

Год 6265/765³⁶⁸. В сем году в мае месяце, индиктиона 12, Константин двинул флот из двух тысяч судов, состоящий против Болгарии, и, сам сев на русские [И.С.Чичуров исправляет: пурпурные] судна³⁶⁹, намеревался плыть к реке Дунаю (войти в реку Дунай)³⁷⁰, оставив при теснинах конных военачальников, чтоб они, пользуясь оплошностью болгар, вторглись в землю их. Уже он дошел до Варны, и оробел, и хотел назад возвратиться. Между тем болгары, видя его приготовления, и сами оробели и послали Вула и Цигана просить мира. Царь, увидев их, обрадовался и заключил мир, и они взаимно клялись: ни болгарам не делать нападения на Римские земли, ни царю не вступать в Болгарию ни под каким предлогом. Обе стороны дали друг другу письменные на это обязательства. Царь, оставив охранительные войска из всех легионов в крепостях, им построенных, возвратился в город. Октября, 18 индиктиона, царь получил из Болгарии известие от тайных друзей своих, что владетель Болгарии послал 12 тысяч войска под предводительством Воилы, увести в плен жителей Берзилии и переселить их в Болгарию. Чтобы не показать, что он предпринимает поход в Болгарию, тогда как пришли к нему посланники от владетеля Болгарского, в присутствии их он показывал вид, что готовится в поход против аравитян; почему переправил на другой берег знамена и военные снаряды; отпустив посланников и чрез лазутчиков узнав о выходе болгар, он с поспешностью двинулся со своим войском, к которому присоединил воинов из легионов фракийских и все избранное свое войско и таким образом составил восемьдесят тысяч. Придя в местечко Лифосорию, без звука военных труб напал на них, обратил в бегство и одержал великую победу. С великою добычею и со множеством пленных он с триумфом воз-

вратился в город и, во всем блеске войдя, называл эту войну благородною, потому что никто не сопротивлялся ему, не пролито христианской крови и не убито ни одного воина.

Год 6272/772. При Павле, епископе Константинополя, 1 год. 6 числа февраля месяца, 3 индиктиона, об масленицу, в воскресенье скончался Никита, евнух из славян, патриарх Константинопольский, и в следующее воскресенье великого поста рукоположен в патриархи Константинопольские Павел, почтенный чтец, родом из Кипра, муж отличный своею ученостью и делами с великими противоречиями по причине тогдашней ереси и с великими препятствиями.

Год 6275/775. В сем году Ирина, замирившись с аравитянами и пользуясь безопасностью, послала Ставракия, патриция и счетчика гипподрома, с великою силою против славянских народов; он прошел Фессалонику, Элладу, покорил всех и сделал данниками царства; он проник и в Пелопоннес и возвратился со множеством пленных и с великою добычею в Римское царство.

Год 6276/776. В сем году в январе месяце, индиктиона 7, возвратился Ставракий из земель славянских и праздновал свои победы на гипподроме.

Год 6291/791. В марте месяце, 7 индиктиона, Акамир, начальник славян в Берзилии, подушаемый жителями Эллады, хотел было увести сынов Константина и которого-нибудь из них провозгласить царем. Царица Ирина, узнав это, послала великого Феофилакта, оруженосца племянника своего, к патрицию Константину, отцу его, и приказала лишить их зрения, таким образом рассеяла злоумышленников своих. Во второй день святой пасхи царица возвращалась из храма святых апостолов на золотой колеснице, везомой четырьмя белыми конями, которых вели четыре патриция, Вардан, военачальник фракийский, Сисинний, военачальник, Никита, начальник школ, и Константин, сын Воилы; царица щедро бросала в народ деньги. В мае месяце она заболела и была почти при смерти; тут возникла ссора между евнухами. Аэций принял сторону Никиты, патриция и начальника школ, и восставал сильно против Ставракия, уверив даже царицу, что он домогается престола; она сильно прогневалась и напала на него во дворце Иерия, говоря, что он начинщик всех бунтов и мятежей и готовится себе скорую гибель. Но он оправдался и на

этот раз был безопасен. Никита патриций сердился на Аэция.

Год 6305/805. В сем году Круммос, вождь болгаров, отправил посольство к царю Михаилу о мире чрез Даргамира, желая утвердить договор, постановленный при Феодосии, сыне Адраминтина, и Германе патриархе с Комерсием, который тогда был повелителем Болгарии. В том договоре границею между обеими землями назначен Милеон Фракийский; положено давать платя и красных кож ценою на тридцать литров золота, а сверх того, с обеих сторон возратить взаимно беглецов, хотя бы они были злоумышленники против своих правительств; торгующим с обеих сторон выставлать свои товары за подписью и с печатями и вносить в общественные отчеты; он написал также угрозу царю: “Если ты не поспешишь утвердить мира, то по твоему же определению пойду осадю против Месимврии”. Царь, получив такое предложение, по внушению худых советников не принял мира. Из ложного благочестия, а более по невежеству глупые советователи утверждали, что не надлежало выдавать переметчиков, и в свидетельство приводили Евангельское слово Господа: приходящего ко Мне Я не изжену. В половине октября месяца Круммос окружил Месимврию с машинами и осадными орудиями, которые устроить научился по поводу Никифора, разорителя христиан. Во время похода своего он принял одного аравитянина, принявшего крещение, весьма опытного в механике, и поставил его в Адрианополе, впрочем, не сделав ему по достоинству никакого вознаграждения, ни благодеяния, но и жалованье ему уменьшил, и когда тот начал жаловаться, жестоко высек его. Обиженный пришел в отчаянье, убежал к болгарам и научил их всякому устройению военных машин. Крумма осадил город и, поскольку не было ему сопротивления, а городу помощи, по причине какого-то усыпления, целый месяц продолжая осаду, наконец взял его. 1-го числа ноября месяца царь, призвав патриарха, в сих тесных обстоятельствах советовался о мире. Здесь присутствовали митрополиты Никейский и Кирикский и прежние глупые советователи. Патриарх, митрополиты и сам царь предпочитали мир, но злые советники с Феодором, игуменом Студийским, отвергали его, говоря: с нарушением божественной заповеди не должно желать мира: ибо приходящего ко Мне не изжену, сказал Господь. Они не знали, что говорили и к чему клонились приведенные слова.

Во-первых, если б и никто не перебежал к нам, то заключением мира мы могли бы сохранить внутри двора находящихся, которых теперь выдали; во-вторых, если и перебежали некоторые немногие, несмотря на то надлежало бы лучше пещись о спасении большого числа особенно своих соплеменников, нежели обогащаться неверным и неизвестным. Богу приятнее, чтобы спасались многие, нежели немногие; но подвергать опасности большую часть для малой прибыли есть крайнее безумие. Притом, не пекущийся о домашних своих, по апостолу Павлу, отвергается от веры и хуже неверного судится. Где же теперь: “с ненавидящими мира бех мирен”? Или эти советники были умнее Павла и Давида? Кто теперь умнее Германа триблаженного, если б не по (гибельному), душегубительному своему мнению воспротивились миру злые глупые советники? Это случилось 1-го числа месяца ноября, как уже сказано. 4 числа того же месяца видна была комета в виде двух блестящих соединенных лун и опять разделившихся на разные виды и представляла образ человека без головы. На другой день пришло к нам печальное известие о взятии Месимврии и наполнило всех унынием от ожидания еще больших несчастий. Неприятели нашли в сем городе изобилие всего необходимого для продовольствия жителей и в тоже время взяли Делвет и нашли в них тридцать шесть медных сифонов и немалое количество морского извергаемого огня и множество золота и серебра.

В феврале месяце два христианина, бежавшие из Болгарии, донесли царю, что Круммос умышляет сделать внезапное вторжение во Фракию. 15 числа того месяца царь выступил из города и, по промыслу Божию, Круммос возвратился без успеха и с немалою потерей воинов. Царь, придя в Адрианополь и устроив в нем порядок, с радостью возвратился в столицу, войдя в обитель святого Тарасия и совершив поминовение его с царицею Прокопиею, поставил над святым гробом его балдахин ценою в девяносто пять литров. После взятия Месимврии царь отказал Круммосу в мире и, собрав войско из всех легионов, до весны приказал отправиться во Фракию; но ропот был всеобщий; особенно роптали каппадокиане и армяне. Царь сам с легионами выступил в мае месяце, и Прокопия сопровождала его до водопровода близ Ираклии. Войско, негодуя на сие, обратилось к злословию и ругательству против Михаила. 4 числа мая-месяца случилось солнечное затмение, когда солнце по на-

блюдениям стояло на двенадцатой степени Тавра, войско пришло в великий страх. Царь с военачальниками и войсками производил движения по Фракии, но не приближался к Месимврии, не предпринимал ничего другого к истреблению врагов, но просто полагался на пустые слова своих неопытных в войне советников, которые уверяли, что неприятель не осмеливается выйти против него и засел в своей земле. Но многочисленность соплеменных была жесточе варварского нападения; они, нуждаясь в необходимых потребностях, мучили жителей грабежами и нападениями. В начале июня месяца Круммос, вождь болгаров, выступил с своими войсками и не без страха взирал на многочисленность христиан. Он остановился лагерем в Версиникии в тридцати милях от царского лагеря, и Леон, патриций и вождь восточных сил, Иоанн, патриций и вождь Македонии, и Аплакис, слишком желавшие сразиться с неприятелем, удержаны были царем по внушению злых его советников. Между тем, когда в Константинополе архиерей совершал служение во храме святых Апостолов, некоторые злочестивые из проклятой ереси богоненавистного Константина сняли с петель врата в царские гробницы; народ по великому стечению и тесноте не обращал на то внимания, и вдруг с великим шумом отворили их, будто по какому-то божественному чудодействию; потом ворвались туда, припали к гробу заблудшего, призывали его, а не Бога: “Восстань, – говорили они, – и помоги погибающему государству”. Потому распространили молву, что он восстал верхом и пошел воевать против болгаров, – тот, который живет с демонами в тартаре. Градоначальник схватил их, и они сначала лгали, что врата к гробницам сами собою отворились; но, предстоя пред судилищем градоначальника и колеблясь в показаниях, до пыток открыли все свое злоухищренное дело; градоначальник, наказав их как следовало, водил их всенародно и заставил рассказывать вину своего наказания. Изобретатель всякого зла диавол внушал войскам, чтоб они не себя обвиняли за грехи свои, но православную, отцами переданную веру монахов, которые составляют училище божественной философии. Многие из сих сквернословящих по наружности только были христиане, а по сущности павликиане, которые, не смея явно открыть свое учение, под сим предлогом обманывали простаков, ублажали Константина, иудейски мудрствовавшего, как пророка и победителя

и принимали его злое учение к ниспровержению воплощенного домостроительства Господа нашего Иисуса Христа. 22 июня месяца христиане и болгары недалеко от Адрианополя устроились к сражению, от которого христиане сильно поколебались страхом, и враги такое преимущество одержали, что после первого удара увидели христиан бегущими. Круммос удивился этому, почитал случившееся какою-либо засадою и удерживал несколько времени своих от преследования. Но, увидя беспорядочное бегство, преследовал, побил великое множество воинов, взял обоз и с ним великую добычу. Царь, увлеченный бегущими, возвратился в город, проклинал и воинов, и начальников их, и поклялся сложить с себя корону царскую, и это сообщил он Леону, патрицию и военачальнику восточных стран, мужу благочестивому, храбрейшему, ко всему способному, который мог править царством; но Леон не соглашался принять царство, и царь, оставя его предводителем легионов, 24 июня прибыл в царствующий град с намерением сложить с себя власть, избрать другого царя, в чем не соглашались с ним его супруга и чиновники. Но святейший патриарх Никифор одобрил это намерение и ручался за спасение его и детей его, если таким образом передаст он кому-либо власть свою. Военачальники и войско, узнав о бегстве царя и не имея надежды, чтоб он царствовал над ними, посоветовались между собою и просили Леона, военачальника восточных стран, помочь общему делу и принять на себя благоустройство христиан. Он несколько времени усиленно отказывался, представляя себе и трудное состояние дел, и страшные набеги варваров, и сохраняя к царям данную присягу, право, без злоумышления. Но видя, что враг приступает к самому городу, написал и утвердил пред Никифором патриархом свое православное исповедание веры, прося молитв его и благословения к принятию царства. И взойдя на трибунал пред городом, признан был и военачальниками, и от воинов законнейшим царем римским, и в половине дня чрез золотые врата вошел в Константинополь и занял дворец. Между тем Михаил, услышав о провозглашении его, с Прокопиею, своею супругою, и с детьми прибежал в молитвенный дом у площади, и все они, остригшись, возложили на себя монашеские одежды. 11 числа июля месяца, шестого индиктиона, во второй день недели, наутро венчан был Леон патриархом Никифором на возвышенности в вели-

кой церкви; и приказал охранять днем и ночью градские стены; сам везде присутствовал, всех ободрял и советовал быть благонадежными, ибо Господь скоро сотворит чудеса заступлением пречистой Богородицы и всех святых и не попустит совершенно постыдиться за множество наших беззаконий. Круммос между тем, этот новый Сеннахирим, напыщенный своею победою, оставил брата своего с войском его осаждать Адрианополь, через шесть дней самодержавия Леона приступил с силою, с конями к царствующему граду, обошел его пред стенами от Влахерн до Златых врат, развивая свои войска, совершил свои скверные, демонские жертвоприношения на лугу у Златых врат пред морем и просил царя вколотить свое копье у сих врат, но царь не со-

гласился, и Круммос возвратился в свой шатер. Удивившись стенам градским и удивительному устройству в царском войске, он видел невозможность осадить город и обратился к переговорам; сначала он старался узнать расположение жителей. Царь, пользуясь сим случаем, хотел убить его копьем: но, за множество наших беззаконий, он не привел этого в исполнение по неспособности тех, на которых возложено сие дело; они хотя и ударили его, но не причинили смертного удара, и этот злодей, придя в еще большее неистовство, послал отряд к святому Маманту, сжег здесь дворец и, положив на колесницы медного льва с ристалища Идрийского дракона и мраморы изящнейшие, возвратился с сею добычею, осадил Адрианополь и взял его.

Примечания

¹ У Феофана 5818 г. от сотв. мира, т. е. 325/326 г. Под этим же годом упоминается о ссылке антиохийского патриарха Евстафия, низложенного на соборе в Антиохии. Дата собора спорна: существуют датировки 326, 330, 331 и 338 гг. Решающая же победа Константина I над готами приходится на 20 апреля 332 г. Известна надпись 320 г., возвещающая о победе Константина I над готами, на которую ссылается Е. Ч. Скржинская в комментарии к «Гетике» Иордана (*Скржинская. Иордан: 261*). [При перерасчете летосчисления от сотворения мира на новую эру переводчики исходили из разницы в 5500 лет, но фактически – и это необходимо учитывать повсеместно – разница применительно к датировкам Феофана составляет обычно 5493–5491 год. – А. Г.]

² Стереотипная формула титулатуры византийских императоров, употреблявшаяся в грамотах.

³ Император Константин I (306–337).

⁴ Рукопись *g* между словами *στρατῆβας* и *νίκην* ‘отправившись походом’ вставляет: “переправившись через Дунай, мост на нем там Константин Великий мост каменный на Дунае построил и одержал победу”. Возникло, возможно, в результате контаминации двух сообщений: о походе на готов под 325/326 г. и строительстве моста под 327/328 г. Впрочем, эта вставка, видимо, отсутствовала в авторском тексте «Хронографии», ибо ее нет и в переводе Анастасия (*Theoph. Chron. II: 85. 25–27*).

⁵ Византийский историк Зосим (V – нач. VI в.) упоминает сарматов в районе Азовского моря, нападавших на империю в 322 г. По А. А. Васильеву (*Готы: 289*), – это готы. В IV в. этноним “сарматы” употреблялся также в применении к конгломерату иранских народов в Паннонии (*Harmatta. Studies: 52*). Латинским авторам IV–VI вв. Аммиану Марцеллину, Орозию, Иордану известны сарматы за Дунаем по соседству с квадами (к северу от среднего течения Дуная, в верховьях Эльбы и Одера), в союзе с которыми они нападали на Паннонию (*Скржинская. Иордан: 233*).

⁶ В Северном Причерноморье готы появляются во второй половине II в. (*Altheim. Geschichte, I: 319*). Вестготы селились в Валахии, Молдавии и совр. Бессарабии, остготы – к востоку от Днестра до Дона, северная граница неопределенна (*Klein. Germanen: 35*). Владения вестготов и остготов разделял Днестр (*Altheim. Geschichte, I: 343*).

⁷ У Феофана 5820, т. е. 327/328 год. Феофан передает сообщение «Пасхальной хроники» VII в. (*Chron. Pasch., I: 527. 16–17*). В «Пасхальной хронике» говорится только о постройке моста и ничего не сказано о подчинении скифов. Упоминание Феофаном скифов сопоставимо с сообщением Иоанна Антиохийского (VII в.) об их покорении Константином I (Иоанн Ант., фр. 170).

⁸ Т. е. Константин I.

⁹ Имеются в виду готы, как это ясно из следующего пассажа «Хронографии»: “Патрикий Траян в своей истории говорит, что скифы на местном [названии] называются готами” (*Theoph. Chron I: 66, 2–3*). Распространение этнонима «скифы» на готов засвидетельствовано и для западной традиции, например, у Павла Диякона (*Римская история XI: 15*). А. А. Васильев допускает, что под скифами разумелись не только готы, нападавшие на империю, но и другие народности, участвовавшие в их набегах, особенно герулы (*Васильев. Готы: 266*).

¹⁰ У Феофана 5860, т. е. 367/368 г. Император Валент (364–378).

¹¹ Осенью 369 г. в Новиодуне между готами и Византией был заключен мир, по которому за империей оставались укрепления на левом берегу Дуная, а во владения готов входили земли, ограниченные частью вала Траяна в Бессарабии (между Днестром и Прутом), земли внутри вала (в районе совр. Галаца) и ряд крепостей к северу от Дуная (*Klein. Friedensschluss: 191*).

¹² У Феофана 5867, т. е. 374/375 г., точнее 375 г., так как на него приходится смерть императора Валентиниана I (364–375).

¹³ Император Валент. Около 370 г. под натиском гуннов прекратило свое существование государство остготов Германариха (*Wagner. Getica: 222*), простиравшееся на запад от Дона до Карпат и на север до Камы и Оки (*Altheim. Geschichte, I: 350*). В 375 г. гунны переходят границы Восточной Европы (там же: 57). В этом же году, с разрешения Валента, вестготы, теснимые гуннами, переправляются через Дунай. Валент предполагал расселить их на территории империи как военных поселенцев. Но после того как вожди вестготов были перебиты римским магистром Лупицином, военные действия возобновились уже к концу 376 г. (*История Византии, I: 177*). Решающее сражение между готами и империей произошло в 378 г. у Адрианополя в

восточной Фракии: войско под предводительством императора было разбито, а сам Валент погиб (СМН, IV, Р. 1: 26).

¹⁴ У Феофана 5898, т. е. 405/406 г. Константинопольский патриарх Иоанн Златоуст (398–404). Иоанн отправляется в изгнание 9 июня 404 г., сначала в Кукус, но в конце лета 405 г. покидает Кукус; в середине лета 407 г. его переводят в Питиунт, по дороге туда он умирает в Комане 14 сент. 407 г. (Campenhausen. Kirchengäter: 149, 151; ср.: Altaner–Stuiber. Patrologie: 323). В «Хронографии» под одним годом сведены события трех лет.

¹⁵ Т. е. из Константинополя.

¹⁶ Город в Армении, к концу IV в. входил в состав провинции Вторая Армения, к которой относились также города Мелитина, Арка, Арабис, Комана и Ариарат (Адонц. Армения: 89).

¹⁷ Совр. Пицунда.

¹⁸ У Феофана экскурс о готах помещен под 5931, т. е. 438/439 г. Источником этого фрагмента послужило повествование Прокопия Кесарийского о готах (Война с вандалами I: 2, 1–13).

¹⁹ Т. е. на левом берегу Дуная.

²⁰ «Готские племена» (Γοθικά) – конъектура издателя «Хронографии» К. де Боора, введенная им из текста «Истории войн» Прокопия. Все списки «Хронографии» дают чтение Γόθοι, что подкрепляется и переводом Анастасия: *erant autem Gothi tunc et gentes multae* (Theoph. Chron. II: 103. 21–22). Тем самым изменяется смысл фразы: «готы и многочисленные племена селились по ту сторону Дуная».

²¹ Иордан сообщает о переселении вандалов в Паннонию при Константине I. Е. Ч. Скржинская считает возможным их поселение между Тиссой и Дунаем в IV в. (Скржинская. Иордан: 149; ср. 89, 262 сл.).

²² Александрийский пресвитер Арий (IV в.) – родоначальник одноименной ереси, осужденной на I Вселенском соборе в Никее (325 г.). Готы признали христианство в арианском вероисповедании.

²³ Императоры Аркадий (395–408) и Гонорий (395–423).

²⁴ Совр. Белград.

²⁵ Совр. Срем.

²⁶ Аларих (ок. 370–410) захватил Рим в 410 г.

²⁷ По свидетельству Паперригопуло, древние византийцы считали в литре золота 72 номисмы, а в номисме 17 драхм.

²⁸ Следует читать Пероз. – А. Г.

²⁹ 5946 г. Феофана соответствует 453 г. – А. Г.

³⁰ Атила умер в 453 г., вскоре по возвращении в Паннонию, в ночь после брака, заключенного им с бургундской уроженкой Ильдикой; смерть его последовала либо от инсульта, либо от руки Ильдики, отомстившей этим за уничтожение своего народа. Его тело положили в три гроба: золотой, серебряный и железный; пленники, делавшие гробы, были умерщвлены. – А. Г.

³¹ Т. е. Лев I.

³² У Феофана 5961, т. е. 468/469 г.

³³ Василий был консулом в 465 г., императором – с января 475 по август 476 г.

³⁴ Императрица Верина, жена Льва I.

³⁵ Т. е. консул. В V в. консулат считался самой высшей должностью.

³⁶ Имеются в виду готы.

³⁷ Император Зинон (474–475, 476–491). У Феофана 5966, т. е. 473/474 г., но так как в этом же фрагменте сообщается о смерти Льва I в 12-й индикт, в январе, то это 474 г., точнее, ноябрь 474 г. Сообщение Феофана восходит к «Церковной истории» Евагрия (III: 2).

³⁸ Гуннский союз племен распадается после смерти Атилы в 453 г., часть гуннов возвращается в Северное Причерноморье (Moravcsik. Byzantinoturcica, I: 58). Неизвестно, кого называет гуннами-массагетами Евагрий, но, во всяком случае, не древних массагетов, оттеснивших в VIII в. до н. э. скифов за Дон. Из других авторов VI в. Прокопий называет массагетами кавказских гуннов и гуннов в византийском войске, участвовавших в персидских походах и завоеваниях Юстиниана I в Африке и Италии (там же: 494, 496), а Феофан Византиец – тюрок (там же: 540). Феофана использует этноним «гунны» в применении к гуннам в районе Кавказа и Меотиды, гуннам-савирам, аварам, болгарам, тюркам (516/517, 527/528, 539/540, 572, 625/626 и др. годы). Авары появляются в Византии в 558 г. (Moravcsik. Byzantinoturcica, I: 70), приблизительно в это же время империя вступает в контакты с тюрками (там же: 76), так что об их участии в набегах на Фракию 474 г. говорить не приходится. Это нельзя отнести и к гуннам, обитавшим у Азовского моря и на Кавказе. Раньше Византия познакомилась с болгарами как своими союзниками: в 480 г. император Зинон воспользовался их помощью в борьбе с остготами (там же: 108). Может быть, Евагрий, а вслед за ним и Феофан имели в виду именно остготов, опустошавших Фракию во второй половине V в.

³⁹ Эфталиты других авторов. – А. Г.

⁴⁰ У Феофана 5994, т. е. 501/502 г.

⁴¹ Появившись впервые в 480 г. как союзники Византии, болгары в конце V – начале VI в. опустошают северные пограничные области империи: в 493, 499 и 502 гг. они неоднократно вторгаются в Иллирик, Мизию и Фракию (Moravcsik. Byzantinoturcica, I: 108).

⁴² У Феофана 6006, т. е. 513/514 г. Основным источником, указанным К. де Боором, послужила «Хронография» Иоанна Малалы (VI в.) (Mal. Chron.: 402.3–403.3). Малала сообщает о захвате Фракии, Скифии, Мизии до Одисса и Анхиала в союзе с гунами и болгарами, затем о походе стратилата Фракии Ипатия против Виталиана, пленении Ипатия и его выкупе, возвращении Ипатия в Византий (Константинополь), назначении стратилатом Фракии Кирилла, сражении Кирилла с Виталианом, отступлении Виталиана, далее об осаде Виталианом Одисса, убийстве Кирилла и повторном походе Виталиана во Фракию и к Константинополю. Вторым источником «Хронографии» Феофана в этом фрагменте было, видимо, сокращение «Трехчастной истории» автора VI в. Феодора Чтеца VII–VIII вв. (145. 20–31; ср. 149. 28–31), не указанное издателем Феофана. Латинский компилятор «Истории» Феодора Чтеца Виктор, работавший над в Константинополе вскоре после 565 г., датирует сражение Ипатия и Виталиана 510 г. (143. 6–10), а не 513–514 г., как у Феофана.

⁴³ Скорее всего, это Нижняя Мизия.

⁴⁴ Совр. Поморие.

⁴⁵ У совр. Варны.

⁴⁶ Стратилат – полководец, командующий армией и подчиненных ему генералов (в ранний период эквивалент *magister militum*), а также командующих областью или фемой (Guilland. Institutions, I: 385; ср. р. 388).

⁴⁷ Рукопись *b* дает чтение *παρεδρέβων* «осаждая».

⁴⁸ У Феофана 6008, т. е. 516/517 г.

⁴⁹ Савиры (сабиры), обитавшие, вероятно, в Западной Сибири, между Алтаем и Уралом, были вытеснены оттуда аvaraми и переселились к северу от Кавказа; в VI в. савиры нападают на малоазийские провинции Византии и участвуют в византино-

персидских войнах то на стороне империи, то на стороне сасанидского Ирана (Moravcsik. Byzantinoturcica, I: 68).

⁵⁰ Как правило, Дербентский проход.

⁵¹ У Феофана 6013, т. е. 521/522 г. Этот рассказ дошел до нас, наряду с «Хронографией» Феофана, в «Хронографии» Малалы (414.17–415.21) и «Пасхальной хронике» VII в. (I: 615.4–616.6). Дата «Пасхальной хроники» – 325-я Олимпиада, 15-й индикт, консульство Флавия Симмаха и Флавия Боэция, т. е. 522 г. (Grumel. Chronologie: 244, 353), совпадает с датировкой Феофана 522 г.

⁵² Император Юстин I (518–527).

⁵³ К. де Боор принимает форму Ζιλγβί. Греческие списки «Хронографии» Феофана дают чтения Ζιλβ b, Ζιλγβιν y, Ζιλγβιν x, Ζιλγβιν z; 167.9: Ζιλγβ b, Ζιλγβις ef, Ζιλγβης m, Ζιλγβις x, Ζιλγδης z; 167.12: Ζιλγβ b, Ζιλγβι y, Ζιλγβι x, Ζιλγδης z; перевод Анастасия – Zelicben, Малала – Ζιλγβί, «Пасхальная хроника» – Ζιλγβί, Иоанн Никиусский – Ziligdes (Jean de Nikiou: 387).

⁵⁴ В греческом тексте – ῥήξ, в латинском переводе – rex.

⁵⁵ Шах Ирана Кавад (488–531).

⁵⁶ В обращении Юстина I к Каваду, по Иоанну Никиускому, говорится о том, что Зилгивин должен был по договору во время сражения перейти на сторону ромеев (Jean de Nikiou: 387).

⁵⁷ У Феофана 6020, т. е. 527/528 г., скорее 528 г., так как до этого говорится о единоличном воцарении Юстиниана I, которое приходится на 527 г. Источником этого фрагмента послужила «Хронография» Малалы (430.20–431.16). Феофан опускает характеристику Боарикс, сообщение о том, что она привела с собой двух сыновей, о дарах Юстиниана I Боарикс и о казни Стиракса. Феофан вносит уточнения в текст источника: Стиракс и Глона, по Феофану, цари «внутренних гуннов», и в Персию они шли через земли Боарикс. Гунны Боарикс сопоставимы с «внешними гуннами» Иоанна Никиусского (Jean de Nikiou: 390).

⁵⁸ Греческие рукописи «Хронографии» дают чтения Βοαρήξ et, Βοαρίζ f, Βοαρήξ xz; латинский перевод – Boazer. У Малалы чтение Βόα ῥήγισσα ‘царица Boa’ (Mal. Chron.: 430.20–22, 431.8). К. де Боор предпочитает слитную форму, хотя ничто не препятствует тому, чтобы читать имя у Феофана раздельно: Βόα ῥήξ ‘царица Boa’. Д. Моравчик дает тюркскую этимологию: Bo – ariq (Moravcsik, Byzantinoturcica, II: 108). Ф. Альтхайм отвергает ее, предлагая свою, основанную на тексте Иоанна Никиусского: эфиопская форма Wārāks, по Альтхайму, указывает на произношение β с придыханием и возводится им к среднеперсидскому (гр. Οὐαράκης, Οὐράχης; среднеперс. Varahrān, Bahrām с суффиксом k) (Altheim. Geschichte, II: 38). Доводы Альтхайма сомнительны: во-первых, неясно, почему следует отдать предпочтение форме, засвидетельствованной Иоанном Никиусским, во-вторых, Альтхайм упустил из виду, что сам Иоанн Никиусский указывает на «варварское» происхождение имени – «женщина, называемая на языке варваров Боарекс» (Jean de Nikiou: 390). Есть еще одно обстоятельство, ускользнувшее от внимания Альтхайма и Моравчика и позволяющее внести некоторую ясность, во всяком случае, в греческую традицию имени. Современник Малалы Прокопий в географическом описании Кавказа говорит о реке Боас (Βόας ποταμός), берущей начало поблизости от Цанских гор (Война с персами II: 29, 14), и ниже добавляет, что по течению этой реки живут гунны, называемые сабиры (II: 29, 15). Эта река – один из притоков (или истоков?) Фасиса (II: 29, 16). Таким

образом, имя царицы сабиров связывается с названием реки, у которой они обитали, и, может быть, происходит от него. Моравчик (отметим попутно отсутствие в его издании гидронима Боас) приводит также славянскую форму имени – Воарикс и форму английского перевода Иоанна Никиусского – queen Boa (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 108).

⁵⁹ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают только чтение Βαλάχ, что отличается от Βλάχ (Блах/Влах) Малалы (Mal. Chron.: 431.2). Βαλάχ – тюркское имя из Balaq/Malaq (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 85–86).

⁶⁰ В греческом тексте ῥήγας.

⁶¹ Слова «другого племени внутренних гуннов» отсутствуют у Малалы. Из сопоставления с Иоанном Никиусским (Хронография, комм. 61) можно заключить, что сабиры были «внешними» гуннами, а Стиракс и Глона – «внутренними». Впрочем, греческий текст допускает и другое толкование: «внутренние» гунны объединяли несколько племен, одно из них представляла Боарикс, другое – Стиракс и Глона.

⁶² Греческие списки «Хронографии» Феофана дают имя без разночтений Στύραξ; у Малалы – Τύραγξ (Mal. Chron.: 431.11). Стиракс – греческое имя, известное уже в античности, происходящее, скорее, от греческого στύραξ ‘копье’, чем от дигорского stur ‘большой’ (Zgusta. Personennamen: 412, § 1148; ср. 150, § 224)..

⁶³ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают имя без разночтений Γλώνης; у Малалы – Γλῶμ (Mal. Chron, 431.13).

⁶⁴ Т. е. Юстиниану I.

⁶⁵ Рассказ о гуннах Горды заимствован Феофаном у Малалы (Mal. Chron.: 431.16–433.2). Феофан опускает сообщение Малалы об основании Боспора Гераклом Испанским, о составе войска, посланного Юстинианом в Боспор («ромей, или италийцы, называемые испанцами»), обмене переплавленных гуннских идолов на милиарисии в Боспоре, заговоре не просто гуннов, но гуннских жрецов и пр..

⁶⁶ В греческом тексте – ῥήξ, в латинском переводе – rex.

⁶⁷ По Ф. Альтхайму, имеются в виду крымские гунны (Altheim. Geschichte, II: 20). Д. Моравчик допускает, что в этом случае под гуннами подразумеваются огуры в районе Меотиды (Moravcsik. Byzantium: 41).

⁶⁸ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают чтения Горδὰς etz, Хорδὰς d; перевод Анастасия – Gorda, Малала – Γρῶδ (Mal. Chron.: 431.17.). Д. Моравчик предлагает тюркско-венгерскую этимологию от Oγurda ‘друг огуrow’ и тюркскую от Qurt ‘волк’ (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 114). Китайское Juan-Juan соответствовало в древнетюркском Qurt, которое имело и значение ‘волк’; волк был тотемным зверем у тюркютов, в том числе западных; имя Qurt встречается в алтайских именах князей (Haussig. Exkurs: 355, 429 сл.).

⁶⁹ «принял его». В греческом тексте – ἐδέξατο, в латинском переводе – susceptus est (Theoph. Chron. II: 133.18). Может быть, не просто принял (при дворе), но принял от купели, т. е. был восприемником при крещении. По Иоанну Никиускому (Jean de Nikiou: 390) и Михаилу Сирийцу (Altheim. Geschichte, II: 19), Юстиниан I был крестным отцом Горды.

⁷⁰ Византийская армия состояла из двух элементов: провинциального ополчения и императорского войска. Последнее делилось на четыре корпуса (тагмы): 1) схола; 2) экскувиторы; 3) вигла

(или арифм); 4) гиканаты (Guilland. Institutions, I: 426; 563).

⁷¹ В IV в. трибун командовал схолой, перед 441 г. он становится комитом схол; в подчинении у domestika числ (τὸν νομάρχου), наряду с топотиритом и хартуларием, находились и трибуны, они соответствовали комитам других тагм (Bury. System: 53, 66).

⁷² В греческом тексте συναλλαγματα ‘сношения, договор, сделка’, в том числе торговые.

⁷³ Эта фраза отсутствует в переводе В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского.

⁷⁴ Электр, электрон (ἤλεκτρον) – янтарь; сплав из 80 % золота и 20 % серебра.

⁷⁵ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают чтения Μουαγέρην g; Малала – Μοῦγελ (Mal. Chron.: 432.12). Согласно Д. Моравчику, имя происходит от венгерского Mod’eri (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 192–193); возможно, – это вариант формы Magyar (idem. Byzantium: 41). По Иоанну Никиусскому, Муагерис крестился вслед за Гордой (Jean de Nikiou: 390).

⁷⁶ Собственно экс-консул, почетный титул, появляющийся при императоре Маркиане (450 – 457). Юстиниан I часто награждал им своих приближенных (Guilland. Institutions, II: 46 сл.).

⁷⁷ Титул был введен императором Константином I, он не связывался с исполнением какой-либо должности и мог совмещаться с другими титулами (Bury. System: 27–28; ср.: Bréhier. Institutions: 102–103; Guilland, Institutions, I: 24).

⁷⁸ У Малалы – готским (Mal. Chron.: 432.17), у Иоанна Никиусского – скифским и готским (Jean de Nikiou: 391).

⁷⁹ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают форму Βαδοῦριος в этом месте и Βαουδῆριος – в другом; в латинском переводе – Baudarius, Bandarius (Theoph. Chron. II: 141.13), Малала – Βαδοῦριος (Mal. Chron.: 432.21). Стратилат Фракии при Юстиниане I.

⁸⁰ В книге Н. В. Пигулевской «Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв.» дается такое пояснение о наименовании «Индия» византийскими историками: «Известно, что Индика, Индия у Малалы, у других византийских авторов этого времени обозначала не собственно Индию, а области Аравийского полуострова, часто Южную Аравию». – Ю. III.

⁸¹ У Феофана 6031, т. е. 538/539 г. Скорее всего, до весны 540 г., так как вслед за рассказом о нападении болгар под тем же годом помещено сообщение о вторжении Хосрова I в Сирию и захвате им Антиохии, что произошло весной 540 г. Повествование построено на соответствующем фрагменте «Хронографии» Малалы (Mal. Chron.: 437.18–438.20) с существенными изменениями: у Малалы речь идет о гуннах, у Феофана – о болгарях, согласно Малале, после этого набега наступает мир; по Феофану, походы гуннов-болгар прекратились позже (см. 539/540 г.). Д. Моравчик считает, что Малала под гуннами подразумевал болгар, и ссылается на это место в параграфе о болгарях в VII–X вв. (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 207, 234). Это – явное недоразумение, ибо Малала – автор VI в. и в своей «Хронографии» нигде прямо не называет болгар гуннами. Наряду с этим Малала применяет к болгарам другой архаизирующий этноним: о войске Ахилла у него сказано, что оно состояло из тех, кого «тогда называли мирмидонами, а теперь называют булгарами» (Mal. Chron.: 97. 20–21).

⁸² В греческом тексте – ῥήγες, в отличие от «Хронографии» Малалы, где речь идет лишь о «стратигах гуннов» (Mal. Chron.: 437.19), хотя ниже (438.8) Малала все же называет их ῥήγες.

⁸³ Друнг – до X в. военное подразделение в византийской армии, составлявшее 1/3 турмы (Dölger. Chronologisches: 328, прим. 3; ср.: Stadtmüller. Michael Choniates: 301–305). У Малалы друнг не упоминается. Вероятно, ближе всего к протографу латинский перевод Анастасия: moti sunt Vulgarum duo reges, Vulger scilicet et Droggo (с разночтением Velger в списке P; см.: Theoph. Chron. II: 141. 11 – 12), т. е. «напали два царя вулгар, а именно Вулгер и Дрогг, со множеством».

⁸⁴ Баударий (см. прим. 79) выступает здесь как стратилат Скифии, что нельзя понимать как продвижение по службе от стратига к стратилату..

⁸⁵ Слова «Константин, Годила и услышавший [об этом] стратилат» находим лишь в одном списке «Хронографии» Феофана (h). К. де Боор ввел их в критический текст «Хронографии», опираясь на аналогичную фразу у Малалы. Правда, в «Хронографии» Малалы фигурирует стратилат Констанций, а не Константин (Констант в списке g, Констанций у Анастасия), как у Феофана.

⁸⁶ Слова «и изнуренные стратилаты обратились в бегство. Булгары преследовали их» отсутствуют в списках e и m.

⁸⁷ Номисма – золотая монета, равнялась 12 серебряным милиарисиям, 72 номисмы составляли 1 литру; первоначально содержала около 24 каратов чистого золота (Schilbach. Metrologie: 162, 166, 181; ср. ниже прим. 144). Из-за красноватого оттенка называлась также иперпир. У Малалы 10 тысяч номисм (Mal. Chron.: 438.16).

⁸⁸ В греческом тексте – ἰδιος ‘свой, собственный’, относится, скорее всего, к Акуму – гунну по происхождению. Но, поскольку Акум среди болгар был у себя на родине, может быть, он был не просто гунном (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 59), а протоболгарином?

⁸⁹ В греческом тексте – ὁ ἡγούμενος. У Феофана А. М. 6032, т. е. 539/540 г. Источником послужил рассказ Малалы о походе Мунда (Mal. Chron., 451.10 – 15). Однако Малала говорит не о болгарях, но лишь о гуннах и множестве других варваров (там же: 451.11), о переправе гуннов через Дунай и ссылке пленных болгар в Армению и Лазик. По Малале, сражение произошло в консульство Деция. В правление Юстиниана I было только два консула Деция: Флавий Деций (Децитий) Младший в 529 г. и Флавий Деций Павлин Младший в 534 г. (Grumel. Chronologie, p. 354).

⁹⁰ Феофан называет болгар гуннами.

⁹¹ Т. е. Юстиниан I.

⁹² В греческом тексте – νομάρχου ἀριθμοί, что, видимо, тавтология. Речь идет об одном из подразделений императорского войска – «числах».

⁹³ Селение Европ на берегу Евфрата, где у Велисария находилась ставка. – Ю. III.

⁹⁴ Вероятно, без торжественной церемонии.

⁹⁵ У Феофана 6050, т. е. 557/558 г. Малала дает лишь одну фразу о вступлении послов в город (Mal. Chron.: 489.11–12), но, в отличие от Феофана, прямо называет аваров гуннами. Подробное повествование Менаандра Протиктора (4.3–5.2) об этом посольстве не содержит параллелей к Феофану.

⁹⁶ Важную черту внешности аваров (длинные, переплетенные волосы) отмечают современники событий – византийский историк Агафий (История I: 3, 4), сирийский хронист Иоанн Эфесский (Altheim. Geschichte, I: 89), латинский поэт Коррипп (Corripp. Laud. Just. min., Praef. 4–5, 111, 262–263).

⁹⁷ Имеется в виду Нижняя Мизия.

⁹⁸ У Феофана 6051, т. е. 558/559 г.; точнее, 559 г., так как в «Хронографии» Малалы (Mal. Chron.:

490.6), использованной здесь, нападение славян датируется 7-м индиктом, который приходится на 559 г. (Grumel. Chronologie: 245).

⁹⁹ По Д. Моравчику, гунны к западу от Азовского моря и в районе Дуная (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 232).

¹⁰⁰ Полководец Юстиниана I, неудачно действовавший в Африке и отозванный в Константинополь (Theoph. Chron. I: 207.30–210.23).

¹⁰¹ Вакха-старшего. Но у Феофана это единственный Вакх, без противопоставления его какому-либо другому Вакху.

¹⁰² Не исключено, что этот Калоподий идентичен спафарокувикулярию Калоподио – влиятельному лицу при дворе Юстиниана I, на которого жаловались прасины в восстание Ника. Судя по занимаемым должностям, он был евнухом.

¹⁰³ Кувикулярый, лат. кубикуларий (от лат. cubiculum) – дворцовая должность на службе в императорских покоях; ее занимали исключительно евнухи (Guilland. Institutions, I: 269).

¹⁰⁴ Препозит (от лат. praepositus) – в византийской иерархии начальник дворцовых евнухов и доверенное лицо императора (там же: 335 сл.).

¹⁰⁵ Сооружена ок. 512 г. императором Анастасием I (491–518) в 50 км от Константинополя, протяженностью ок. 75 км, от Мраморного моря (у Силиври) до Черного (у Деркоса). Называлась Длинными стенами (Janin. Constantinople: 262–263).

¹⁰⁶ Селение приблизительно в 15 км к западу от Константинополя, у моря, может быть, совр. Ай-ямадереси (там же: 445).

¹⁰⁷ Поселение в константинопольском пригороде, на пути от стены Анастасия.

¹⁰⁸ Эта деревня располагалась на дороге от Длинных стен к Константинополю.

¹⁰⁹ Т. е. в Константинополь.

¹¹⁰ Т. е. Юстиниан I.

¹¹¹ В греческом тексте δηποτεῖω ‘принадлежать к дему’, но античное значение глагола не соответствует контексту. К. де Боор переводит “вооружил многих из димотов” (Theoph. Chron. II: 737 под этим словом).

¹¹² Схола – один из корпусов императорского войска, к началу V в. Их было 7; некоторые из них набирались из иностранцев (Bury. System: 49). В обязанности *схолариев* (воинов схол) входила прежде всего охрана днем и ночью императорского Большого дворца, где для них предназначался специальный зал – триклиний схол; они должны были принимать участие и в парадах (Guilland. Institutions, I: 426).

¹¹³ Кивории.

¹¹⁴ Стены, построенные при императоре Феодосии II (408–450) в 413–447 гг., на расстоянии 1,5 км от стен Константина I, протяженностью немногим более 5,5 км; по Прокопию, расстояние между стенами Феодосия и Анастасия равнялось двум дням пути, по арабскому географу Ибн Хордадбеку – четырем дням. В Феодосиевой стене было 10 ворот (Janin. Constantinople: 265, 267).

¹¹⁵ Подразделение византийской армии, близкое к сколам; в VIII в. протикторы исчезают, вероятно, сливаясь со схолариями (там же: 433).

¹¹⁶ ἄριθμος.

¹¹⁷ Совет высших должностных лиц при императоре.

¹¹⁸ Синклитик – собственно член синклита, но синклит в узком смысле слова (государственный совет при императоре) следует отличать от совокупности синклитиков вообще – лиц сенаторского ранга, имевших право быть принятыми при дворе

и участвовать в церемониях и процессиях (Bury. System: 37 сл.).

¹¹⁹ Т. е. войском варваров. Ряд рукописей (*mx*) дает чтение αὐτοῦ, т. е. “его [Велисария] войском”.

¹²⁰ Декатон (букв. “десятое”) – поселение в 10 милях от Константинополя, на Via Egnatia между Гевдемоном и Регион (совр. Кючук-Чекмедже); в нем была церковь святого Стратоника – не путать с аналогичной церковью в Регион, приблизительно в 3 милях от Декатона (Janin. Constantinople: 445, carte VIII; ср.: idem. Geographie ecclesiastique: 478–479).

¹²¹ Крепость во Фракии, совр. Чорлу.

¹²² Фракийский город, древнее название Bergulae, переименован в честь императора Аркадия (395–408); совр. Люле-Бургаз.

¹²³ В Дризиперах (около совр. Карыштыран) существовала базилика, посвященная мученику Александру, известная также под названием “Святой Александр Зупарский” (Delehaeye. Saints de Thrace: 244, n. 3).

¹²⁴ Пасха в этом году приходилась на 13 апреля (Grumel. Chronologie: 245).

¹²⁵ Город на Мраморном море, поблизости от Гераклеи; совр. Силиври.

¹²⁶ Слова “где прорвались варвары” отсутствуют в переводе В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского; ср.: Мишулин. Отрывки: 270.

¹²⁷ В греческом тексте διάλρυμα – форма, засвидетельствованная всеми списками «Хронографии», но, видимо, надо исправить в διάλρυμος (слово διάλρυμα в других источниках не встречается), как предлагает К. де Боор (Theoph. Chron. II: 738), т. е. буквально “корабль с двумя кормами” (πρόμνη). Такой тип корабля не упоминается у Ф. Кукулеса (Κουκούλης. Βίος, V: 359–366; VI: 126–138), его нет и у Э. Арвейлер в разделе о категориях и типах кораблей. (Ahrweiler. Byzance: 408–418). Может быть, имеются в виду спаренные (сдвоенные) корабли? Г. Лиддел и Р. Скотт дают значение a ship double-prowed and double-stemmed, twin ship (Liddel – Scott. Lexikon, s. v.).

¹²⁸ Чтение рукописей группы у Ἰουστινιανόν ошибочно.

¹²⁹ В отличие от ранних куропалатов V в., в обязанности которых входил присмотр за материальным обеспечением императорского дворца, куропалат VI в. (один, а не несколько, как прежде) – высокий титул, не связанный с исполнением каких-либо обязанностей, вытекающих из значения слова; иногда обозначал преемника на троне и понимался как эквивалент кесарю (например, в случае с Юстинианом I, назначившим куропалатом своего племянника Юстина, будущего императора Юстина II); с VI по X в. титул жаловался только родственникам императора, причем не регулярно (Bury. System: 33 сл.).

¹³⁰ У Феофана 6054, т. е. 562 г., так как до этого говорится о пожаре в Константинополе, происшедшем 12 октября 10-го индикта, а 10-й индикт приходится на 562 г. (Grumel. Chronologie: 245). Видимо, нападение гуннов приходится на март – май 562 г., так как список с дает вариант “в том же месяце”, т. е. в марте.

¹³¹ Дефектное место. К. де Боор предлагает конъектуру Νόβαι ἢ πόλις (город в Мизии).

¹³² Неясно, какие гунны имеются в виду. Д. Моравчик помещает это известие в разделе о гуннах VI–VII вв. к западу от Азовского моря и в районе Дуная (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 232).

¹³³ В списке с чтение “со множеством воинов”.

¹³⁴ Т. е. Персию, но это не вяжется со смыслом контекста. У Анастасия только civitatem (Theoph.

Chron. II: 147.6). Удачна поправка издателя: *περιοκίδα* вместо *καὶ τὴν Περσίδα*, т. е. “город и окрестности”.

¹³⁵ Т. е. в июле. У Феофана 6055, т. е. 563 г.

¹³⁶ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают только чтение Ἀσκήλ, у Анастасия Ascelti regis с вариантом Ascelsti в списке P (Theoph. Chron. II: 148.20), вероятно, вследствие слитного прочтения греческого текста Ἀσκήλτοῦρηγός (вместо принятого в издании К. де Боора разделения Ἀσκήλ τοῦ ῥηγός), откуда латинское Asceltus. Слитное написание не исключено и для греческой традиции: на этом основана конъектура И. Маркварта – Ἀσκήλτο[ρ] ῥηγός, отождествившего Аскила со Скульптором (Sculptor), известным по Кориппу (Corripp. Laud. Just. min., III: 390; ср.: Marquart. Streifzüge: 354), что было принято Д. Моравчиком (Moravcsik, Byzantinoturcica, II: 75). Иное толкование у Г. Хауссига, не прибегающего к поправкам греческого текста: As-keḷ – это алтайское название местности, “город асов”, по аналогии с Саркелом, ошибочно перенесенное на имя вождя (Haussig. Exkurs: 424 и прим. 579).

¹³⁷ В греческом тексте – ῥήξ.

¹³⁸ *Гермихионы* (*ермихионы*), по Д. Моравчику, персидское название тюрков в VI в. из среднеперсидского Karmīr Xīōn ‘красный хион’. Тем самым Моравчик отождествляет кермихионов (Κερμυχίωνες), персидский эквивалент тюркам, по свидетельству Феофана Византийца, и ермихионов Феофана (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 158 сл.). Иначе у Г. Хауссига: *хион* – среднеперсидское обозначение варваров, живущих к северу от Окса, а первая часть этнонима известна как имя собственное у паннонских аваров, в протоболгарских надписях и в «Именнике болгарских князей». Согласно Хауссигу, речь идет об алтайских кочевых народах, обитавших на северо-восточной границе с Ираном, возможно, к востоку от озера Балхаш. Часть племени мигрировала на запад, в Европу (Haussig. Exkurs: 424 сл. и прим. 581; ср.: Altheim – Haussig. Hunnen: 19 сл.). Лучший, с точки зрения К. де Боора, список «Хронографии» (b) дает форму Ἐρμυχίωνων, введенную издателем в критический текст. В остальных списках засвидетельствованы варианты Ἐρμυχίωνων с, Ἐρμυχίωνων g, Ἐρμυχίωνων et, соотносящиеся с чтением Ермечиюногум в переводе Анастасия. Однако одна из рукописей латинского перевода (H) подтверждает различие Ἐρμυχίωνων греческого оригинала: Hermichionogum. Густое придыхание в греческом могло передавать звук kh, т. е. Ἐρμυχίωνες допустимо толковать как параллель к Κερμυχίωνες или Γερμυχίωνες, что говорит в пользу этимологии Моравчика.

¹³⁹ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают только чтение βαρβάρων; ср. barbarorum Анастасия (Theoph. Chron. II: 148.20). Издатель предлагает конъектуру Ἀβάρων, оставляя ее, впрочем, под вопросом. Принимая поправку К. де Боора, Г. Хауссиг основывает на ней локализацию гермихионов: авары в данном случае – население Западной Туркмении и киргизских степей к северу от нее, соответственно гермихионы – народ, живший среди аваров, они обитали в Согдиане и, более того, были одним из аварских племен, откочевавшим вместе с аварами на запад (Haussig. Exkurs: 424 сл. и прим. 581; ср.: Altheim – Haussig. Hunnen: 19 сл.). Построения Хауссига вызывают сомнения. Прежде всего конъектура де Боора необязательна: слова “племена, обитающего среди варваров, близости от океана” не лишены смысла и внутренне не противоречивы. Но если даже принять осторожно высказанное предположение де

Боора, мнение Хауссига остается спорным. Неясно, почему в аварях следует видеть обитателей Западной Туркмении и киргизских степей. Современные описываемым событиям византийские авторы помещают аваров в Восточном Приазовье и к северу от Кавказа: по Евагрию, авары – скифский народ в равнинах за/над Кавказом (Церковная история 196.6–8=V: 1), а Менандр Протиктор (4.3–6) помещает аваров, в рассказе об их первом посольстве в Константинополь в 558 г., где-то по соседству с аланами, т. е. в районе Северного Кавказа.

¹⁴⁰ У Феофана 6064, т. е. 571/572 г. Источником послужила «История» Феофилакта Симокатты VII в. (III: 9, 7–11). По Симокатте, персы подкупили аланов с тем, чтобы те убили послов турок, проходивших через земли аланов. В этом персов обвиняли ромеи. Симокатта датирует начало войны с персами седьмым годом правления Юстина II, т. е. 572 г., что совпадает с хронологией Феофана.

¹⁴¹ Слова “которых мы обычно называем турками” заимствованы Феофаном из другой книги «Истории» Симокатты (I: 8, 5; ср. III: 6, 9; IV: 6, 10). Турки, согласно Феофану Византийцу (VI в.), обитали к востоку от Танаиса (Theoph. Byz. 446.19–21).

¹⁴² Юстин II (565 – 578). Списки группы x дают чтения πρὸς τὸν Ἰουστιανόν, что ошибочно. У Анастасия – ad Iustinum. Цель посольства заключалась в том, чтобы убедить Юстина II не вступать в союз с аварами (Theoph. Byz., 446.21 – 447.7).

¹⁴³ Появление этнонима “аланы” в западных источниках при императоре Тиберии (42 до н. э. – 37 н. э., имп. с 14 н. э.) Ф. Альтхайм рассматривает как terminus ante quem для их первого проникновения в Предкавказье (Altheim, Geschichte, I: 60). В IV в., к моменту гуннского нашествия, аланы обитали не к западу, как предполагали ранее, а к востоку от Дона (там же, I: 342). Но формирование аланской материальной культуры (в частности, представленной аланскими катакомбными могильниками), видимо, следует относить к более позднему времени – V в. (Кузнецов. Аланские племена: 30). Аланы в VI в. локализуются на основании сведений Прокопия Кесарийского. По Ю. А. Кулаковскому, с юга аланы граничили со сванетами (Σουνίται), с запада – с племенем брухов. или врухов (Βρούχοι), которые отделяли их от авазгов, т. е. абхазцев, занимавших поморье, с востока – с гуннами-сабирами, которые владели восточным кавказским проходом” (Кулаковский. Аланы: 140). Картографируя катакомбные могильники, В. А. Кузнецов приходит к выводу, что в основную территорию аланов после V в. входила вся центральная часть Северного Кавказа от верховьев Кубани на западе до реки Аргун на востоке; что касается распространения аланов далее на восток, то Кузнецов отодвигает восточную границу до реки Сулак в Северном Дагестане, часть сармато-аланов помещает в Южном Дагестане на границе с Кавказской Албанией, принимая, в конечном счете, за восточный предел Дербентский проход (Кузнецов. Аланские племена: 30; 34–35). Решение вопроса о восточной границе аланских земель зависит от того, что понимать под Каспийскими воротами Прокопия. Кулаковский видит в них Дарьяльское ущелье (Кулаковский. Аланы: 139), с чем соглашается М. И. Артамонов (Артамонов. Очерки: 123). В. Ф. Миллер (Миллер. Этюды, III: 44–45), а вслед за ним и Кузнецов (см. выше) отождествляют Каспийские ворота Прокопия с Дербентом. Независимо от трактовки географии Прокопия нельзя упускать из виду свидетельство этого византийского историка, писавшего о множестве племен (наряду

с аланами) в этих районах, в том числе абасах, зихах, гуннах-сабирах (Прокопий. Война с вандалами II: 29, 15).

¹⁴⁴ *Литра* – греческое соответствие латинскому *libra*. В VI–VII вв. литра весила ок. 322 г, в VII–IX вв. – ок. 320 г (Schilbach. Metrologie: 166). Как денежная единица литра содержала 72 номисмы (ср. прим. 87).

¹⁴⁵ Крепости пограничных между Византией и Ираном областей в районе Кавказа.

¹⁴⁶ В применении к VI в., видимо, следует думать прежде всего о кавказских гуннах, в частности гуннах-сабирах (ср. выше прим. 49).

¹⁴⁷ У Феофилакта Симокатты и Евагрия – Маркиан.

¹⁴⁸ У Феофана 6066, т. е. 573/574 г. Сообщение Феофана сопоставимо с рассказом «Церковной истории» Евагрия (V: 11).

¹⁴⁹ Т. е. Юстин II.

¹⁵⁰ Тиверий I Константин, будущий император (578–582).

¹⁵¹ Эскувиты (эскувиты, или эскувиторы) – одна из частей императорской дворцовой гвардии, организованная, вероятно, при Льве I (457–474); подчинялась до VIII в. комиту эскуваторов (Bury. System: 57–58). Очевидно, аналогично комиту схол – званию, следующему за топотириком (заместителем) командующего тагмой схол (доместика схол); в тагме схолариев было 30 комитов (Guilland. Institutions, I: 432). С VIII в. во главе эскуваторов стоит доместик (Bury. System: 57–58; ср.: Guilland. Institutions, I: 428).

¹⁵² Перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского двусмыслен: Тиверий был побежден, “ибо нечаянно был захвачен варварами”, и отступил.

¹⁵³ У Феофана 6076, т. е. 583/584 г. Сведения о походе славян почерпнуты Феофаном из «Истории» Феофилакта Симокатты (I: 7, 1–6). Следуя за Симокаттой, переговоры можно датировать 582–583 гг., а нападение славян – 583/584 г., как это и у Феофана. Греческая традиция дает форму *хуғанос* / хаган – более правильную, чем *қаған* / каган. По Г. Дёрферу, тюркская иерархия выглядела следующим образом: бек – глава племени, хан – глава федерации племен, хаган – глава империи, большой федерации племен; если титул “хан” сохранялся постоянно в тюркских диалектах, то “хаган” засвидетельствован лишь в древнетюркском, а в среднетюркском заменяется на “хакан” (*хақан*) – обратное заимствование из персидского; титул, этимология которого спорна, вероятно, заимствован тюрками от их предшественников по господству в степях руан-руан (Doerfer. Elemente, III: 141–142, 164, 177–179). Западные авторы, например Павел Диакон, как параллель хагану дают *rex* (История лангобардов IV: 37). В переводе Анастасия добавлено: *chaganus Avarum* (Theoph. Chron. II: 155. 26–27).

¹⁵⁴ Ополчение формировалось из димов – византийских цирковых факций, или партий (Dagron. Capitale: 353–364; Cameron. Factions).

¹⁵⁵ Полководец императора Маврикия, принимавший участие в военных империи с аварами, славянами и персами; был убит узурпатором Фокой.

¹⁵⁶ Город в юго-восточной Фракии, совр. Одрин, назван в честь императора Адриана (117–138), в V – VI вв. входил в провинцию Гемимонт, располагался у слияния рек Хеброс (Марица) и Тунджа (Filippson. Das byzantinische Reich: 95, 107–108).

¹⁵⁷ Шах Ирана Хормизд IV (579–590). У Феофана 6080, т. е. 587/588 г., но так как в начале повествования о событиях года говорится о войне Византии с лангобардами в 6-й индикт, то, видимо,

588 г. (Grumel. Chronologie, p. 246). Источник фрагмента – «История» Симокатты (III: 6, 7–9)..

¹⁵⁹ У Феофана 6081, т. е. 588/589 г. Рассказ о турках заимствован у Феофилакта Симокатты (V: 10, 10–15), который использует архаизирующую этнонимику: турки у него названы “восточными скифами”.

¹⁶⁰ Список *d* дает вариант “был голод”; в латинском переводе – *pestilentia* “чума, зараза, повальная болезнь”.

¹⁶² У Феофана 6083, т. е. 590/591 г. Дату можно уточнить: Маврикий выступает в поход в начале весны, тогда же происходит и солнечное затмение – 30 марта 591 г. (Grumel. Chronologie: 461); поход был непродолжительным, поэтому встреча со славянами приходится, очевидно, на весну 591 г.

¹⁶² Известие о славянах почерпнуто Феофаном из «Истории» Симокатты (VI: 2, 10–16).

¹⁶³ Список *g* опускает *δυτικός* ‘западного’, – т. е. дает просто “у океана”.

¹⁶⁴ В греческом тексте – *τοῖς ἐθνάρξαις*, что Анастасий передает как *principibus gentis* (Theoph. Chron. II: 165.24).

¹⁶⁵ В греческом тексте – *οἱ ταξάρχαι*, транскрибированное Анастасием (165.24–25).

¹⁶⁶ По Симокатте, 15 месяцев (VI: 2, 13).

¹⁶⁷ Город во Фракии (совр. Монастир) на *Via Egnatia*; в V–VI вв. входил в провинцию Вторая Македония (Philippson. Das byzantinische Reich: 94, 105).

¹⁶⁸ У Феофана 6085, т. е. 592/593 г. Согласно Симокатте (VI: 6, 2–9, 15), Маврикий послал Приска на Дунай в начале лета (т. е. лета 593 г.); в середине лета войско собирается у Гераклеи; на седьмой день по прибытии в Гераклею там устраиваются учения войска; затем Приск направляется к Дризиперам, где проводит 15 дней, а оттуда идет в Доростол; таким образом, у Доростола Приск появляется в конце лета 593 г.

¹⁶⁹ Фракийский город.

¹⁷⁰ Симокатта (VI: 6, 7–12) называет имя главы этого посольства: Кох. Феофан опускает также пространную речь Коха, обращенную к Приску, в которой, в частности, говорится, что недавно Приск заключал мир между аварами и ромеями.

¹⁷¹ Списки группы *y* опускают фразу со слов “Я пришел” до слов “услышав о том”. Здесь ошибка писца, пропустившего строку (или две) между двумя союзами *ὅτι... ὅτι*. Рукописи *gx* и Анастасий дают чтение “с варварами” вместо “с аварами”.

¹⁷² Приск, если следовать Симокатте (VI: 7, 1), переправился через Дунай на двенадцатый день, видимо, после приезда в Доростол.

¹⁷³ Анастасий переводит *praedam copiosam captam* (II: 167.7), т. е. “захваченную большую добычу”. После победы над Ардагастом в византийском войске начались волнения из-за дележа трофеев; Приск успокаивает ромеев (VI 7, 6–16).

¹⁷⁴ По Симокатте (VI: 8, 4), на шестой день, вероятно, после победы над Ардагастом.

¹⁷⁵ По Симокатте (VI: 8, 7), в сражении со славянами отряд Татимера захватил в плен 50 славян.

¹⁷⁶ В переводе В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского этноним “гепид” переведен именем собственным Гипес, а названное ниже имя Мусукий транскрибировано как Музукий. – А. Г.

¹⁷⁷ В греческом тексте – *ῥήξ*, чему соответствует *rex* перевода Анастасия.

¹⁷⁸ В греческом тексте – *σημείον*, что равнозначно *μίλιον*; протяженность византийской мили точно установить не удается, в ранневизантийский период (особенно, когда речь шла о Балканах) пользовались римской милей (1480 м); для при-

близительных вычислений Э. Шильбах предлагает считать византийскую милю равной 1574,16 м (Schilbach. *Metrologie*: 32, 33–36). Таким образом, Мусукий, если верить Феофану, находился приблизительно в 48 км. Однако в источнике «Хронографии» употребляются не мили, а парасанги (Феофилакт Симокатта VI: 9,1), тем самым изменяется и расстояние. В парсанге 4 мили, его длина 6296,64 м (или 5920 м?) (Schilbach. *Metrologie*: 41 сл.), т. е., по Симокатте, до Мусукия было около 180 км. Скорее всего парасанги Феофилакта – дань античной традиции, а не реальное расстояние..

¹⁷⁹ Список *h* дает чтение $\phi\acute{\iota}\beta\omicron\nu$ вместо $\phi\acute{\iota}\nu\omicron\nu$, т. е. «напугав варваров».

¹⁸⁰ У Феофана 6086, т. е. 593/594 г. Источником послужила «История» Симокатты (VI: 10, 1–3), но он не говорит о том, что это был второй поход Приска к Дунаю.

¹⁸¹ Т. е. император Маврикий (582 – 602).

¹⁸² Сообщение о приказе императора зимовать за Дунаем у Феофилакта следует за известием о победе над Мусукием, т. е. Приск еще не переправлялся обратно за Паспирий.

¹⁸³ Император Маврикий. У Феофана 6087, т. е. 594/595 г. Феофан передает рассказ Симокатты (VI: 11, 2–21) с существенными изменениями (см. прим 185, 188).

¹⁸⁴ Здесь действительно через Дунай; заключенное в скобки добавлено переводчиками.

¹⁸⁵ Толкование Анастасия (*sique annem transire*) не помогает пониманию греческого текста. У Симокатты (VI: 11,5) ничего не говорится о дани за переправу; он сообщает о намерении хагана приказывать славянам перейти Дунай, а затем о посольстве Феодора, приводя при этом слова хагана о том, что ромеи прошли по его земле и нанесли ущерб его подданным (VI: 11,7–18).

¹⁸⁶ В греческом тексте – $\kappa\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\varsigma$ (ср. прим. 267 о титуле болгарских ханов $\kappa\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\varsigma$ Βουλγαρίας), в латинском переводе – *dominus* (Theoph. Chron. II: 168.11–12).

¹⁸⁷ В греческом тексте – $\xi\theta\nu\omicron\varsigma$, употреблявшееся в византийское время, как правило, по отношению к нехристианским «варварским» народам.

¹⁸⁸ По Симокатте (VI: 11, 18–20), Приск с трудом уговорил воинов поделиться с хаганом добычей; ромеи отдали аварам 5 тысяч пленных. Слова «а на усмотрение Приска [предоставляет], если он захочет чем-нибудь из добычи почтить хагана» отсутствуют в переводе Анастасия (Theoph. Chron. II: 168.25 – 28).

¹⁸⁹ У Феофана 6089, т. е. 596/597 г. Феофан значительно сокращает рассказ Симокатты (VII: 3, 1–5, 10), искажая при этом смысл оригинала. Согласно Симокатте (VII: 3, 1–10), Петр отправляется от Асима (крепости в Нижней Мизии) в Новы (город поблизости от Асима, на берегу Дуная); Феофилакт не говорит о том, что Петр вернул аварам добычу в двойном размере, но лишь о богатых дарах (VII: 4, 7).

¹⁹⁰ Вероятно, имеются в виду подвластные аврам болгары, нередко принимавшие участие в их походах на Византию (ср.: Moravcsik, *Byzantinoturcica*, I: 108), иначе трудно объяснить, почему болгары «полагались на мир с хаганом». Судя по топонимам Симокатты, действие разворачивалось в Нижней Мизии и, видимо, за Дунаем. Михаил Сириец, однако, сообщает, что император Маврикий поселил как федератов в Верхней и Нижней Мизии, а также в Дакии пришедших к нему болгар, совершивших позже (в 602 г.) набег на Фракию

(Altheim. *Geschichte*, I: 91; ср. II: 28 сл.). По Симокатте, болгар было 110 (VII: 4, 1).

¹⁹¹ По Симокатте, Петр посылает лазутчиков переправиться через соседнюю (может быть, с Дунаем?) реку (без названия), узнать о передвижении противника, но они были схвачены славянами, которые, узнав о планах Петра, устраивают засаду на переправах (VII, 4, 8–13).

¹⁹² Совр. Яломица. Дорогу к Иливакию ромеям показал какой-то варвар (так у Симокатты – VII: 5, 6). Греческие списки «Хронографии» дают формы $\eta\lambda\beta\alpha\kappa\acute{\iota}\alpha$ *f*, $\eta\lambda\beta\alpha\kappa\acute{\iota}\alpha$ *hm*x, $\eta\lambda\beta\alpha\kappa\acute{\iota}\alpha$ без придыхания *e*, $\eta\lambda\beta\alpha\kappa\acute{\iota}\omicron$ *g*; К. де Боор предпочитает вариант, засвидетельствованный Симокаттой, – $\eta\lambda\beta\alpha\kappa\acute{\iota}\alpha$; у Анастасия – *Helicium* (Theoph. Chron. II: 170.13).

¹⁹³ У Феофана 6094, т. е. 601/602 г. Феофан опускает немаловажные подробности «Истории» Симокатты (VIII: 5, 5–6, 1): Петр прибыл сначала в Паластол, где и провел лето, а с началом осени отправился в Дарданию; Маврикий узнал о решении аваров воевать с ромеями в конце лета.

¹⁹⁴ Совр. Железные ворота на Дунае.

¹⁹⁵ *Алсик* назван в «Хронографии» стратигом.

¹⁹⁶ *Ипостратиг* – еще в IX в. главнокомандующий войсками фемы (при условии, если титул стратига носил сам император); видимо, с VII в. термин означал и заместителя стратига (Guilland. *Institutions*, I: 385).

¹⁹⁷ Группа списков *fmxs* дает чтение $\tau\acute{\omega}\nu$ ναυτῶν ‘моряков’, рукопись *e* – $\tau\acute{\omega}\nu$ αὐτῶν ‘тех же самых’; первый вариант мог возникнуть в результате повторения ν перед $\alphaὐτῶν$; схожее написание ν и υ , вероятно, привело к превращению $\tau\acute{\omega}\nu$ Ἀντῶν в $\tau\acute{\omega}\nu$ αὐτῶν. К. де Боор включил в критический текст «Хронографии» чтение «Истории» Симокатты. Анастасий при переводе опустил этот фрагмент. Этимология этнонима “анты” спорна. М. Фасмер видит в нем иранское соответствие древнеиндийскому *antya* ‘находящийся на краю, на конце’, от *anta* ‘конец’; этнонимы с аналогичным значением – германское племя маркоманов и украинцы (Altheim. *Geschichte*, I: 94). Признавая эту этимологию наиболее вероятной из всех существующих, Ф. П. Филин все же дает новую: автор считает, что этноним тюркского (аварского) происхождения (тюрк. *ant* ‘клятва’, монг. *anda*, *and* ‘побратим’); по мнению Филина, славяне, побежденные аварами, были приведены ими к клятве племенных вождей на союзническую верность (Филин. Заметка: 268 сл. с обзором точек зрения). Ф. Альтхайм допускает распространение антов (или их части) в конце VI в. на запад до среднего течения Дуная (Altheim. *Geschichte*, I: 72). С этого момента этноним исчезает в византийских источниках, что Филин объясняет, исходя из предположенной им этимологии, распадом аваро-славянского союза, а следовательно, и исчезновением термина, обозначавшего союз (Филин. Заметка: 268 и сл.).

¹⁹⁸ Перевода В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского “перевозчиков” придерживается и А. В. Мишулин (Отрывки [*Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н. э.] // ВДИ, 1941, № 1: 276).

¹⁹⁹ Император Ираклий (610–641), армянского происхождения, сын экзарха Африки Ираклия (Кулаковский. История, III: 19, прим. 1; ср.: Ostrogorsky. *Geschichte*: 72). У Феофана 6115, т. е. 622/623 г., но так как счет по годам отстает от счета по индиктам, то следует прибавить один год – 623/624 г., точнее 624 г., поскольку Ираклий отправился из Кавказской Албании в Персию весной (Theoph. Chron. I: 309.4). Повествованием о правлении Ираклия начинается часть «Хронографии»,

условно называемая самостоятельной (ее непосредственные источники не сохранились); начиная с этого фрагмента, параллелью к сообщениям Феофана может служить «Краткая история» («Бревиарий») константинопольского патриарха Никифора (806–815).

²⁰⁰ Вопрос о том, кто подразумевается под гуннами в данном случае, спорен. Э. Герланд предполагает, что Ираклий отправился в земли сабиров (Gerland. Feldzüge: 358, прим. 4), но последнее свидетельство о них в византийских источниках относится к 578 г. (Moravcsik. Byzantinoturcica, I: 68). К тому же сабы, даже если они и продолжали существовать как самостоятельная народность, едва ли могли в VII в. оказать Византии существенную поддержку в ее борьбе с сасанидским Ираном. По Ю. А. Кулаковскому, император не переходил Кавказский хребет, он направился в области, заселенные саками, – Сакашен, Шакашен в северной части Утии (Кулаковский. История, III: 343–344), что неверно, так как саки исчезают уже в первые века нашей эры. Я. А. Манандян предлагает другое объяснение этому месту, считая его испорченным: вместо Οὐννων, по Манандяну, следует читать Σύννων; Ираклий отступал из Албании (из района Тарнаута) по евлах-шупинской дороге, через Шушу и Герюсы в область Сюнии (Манандян. Маршруты: 141). Однако серьезных оснований для конъектуры к тексту Феофана нет: греческая рукописная традиция и латинский перевод Анастасия дают единогласно чтение “гуннов” (с вариантом Οὐννων в списке g). Д. Моравчик, не определяя более точно этнической принадлежности этих гуннов, помещает их, весьма неопределенно, в районе Кавказа (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 232). Этноним “гунны”, так же как и “скифы”, широко применялся византийскими писателями вплоть до XV в., обычно как архаизм. В VI–X вв. гуннами называли в основном болгар, болгарских оногуров, утигуров и кутригуров, аваров (там же: 233–235), но в VII в. их не было на Кавказе. Между тем Феофан (вслед за Феофилактом Симокаттой) прилагает этноним “гунны” к тюркам (Theoph. Chron. I: 245. 14–15; ср.: Феофилакт Симокатта I: 8,5 и «Хронография», 572 г.), причем это упоминание гуннов – последнее перед анализируемым фрагментом. Смещение гуннов с тюрками восходит, возможно, к иранской традиции: по словам Симокатты, у персов принято называть восточных гуннов тюрками (III: 6,9; ср. о наименовании гуннов тюрками в северо-восточном Иране: Altheim. Geschichte, I: 85). Не исключено, что и здесь Феофан имел в виду тюрков, к союзу с которыми Ираклий стремился (см. «Хронография», 625/626 г.). Наконец, совсем, необязательно истолковывать выражение ἐπὶ τὴν τῶν Οὐννων χώραν в сугубо этнонимическом смысле, как земли какой-то конкретной гуннской народности. Феофан знал, что на Кавказе, к северу от Кавказа, в восточном Приазовье обитали гунны (см. «Хронография», 516/517, 572, 588 гг.). Тем самым Кавказ был страной гуннов вообще, и фразу ἐπὶ τὴν τῶν Οὐννων χώραν можно понимать топонимически, как синоним Кавказу (Чичуров. О кавказском походе: 261–266). Место не совсем ясно: все списки «Хронографии» дают чтение ταῖς τοῦτων δυσχωρίαις (= εἰαῖς y), что требует при себе предлога ἐν (отсюда конъектура К. де Боора κάν ταῖς τοῦτων δυσχωρίαις, оставившего, впрочем, в критическом тексте τὰς – δυσχωρίαις). Принятый издателем вариант распространяет управление предлога ἐπὶ не только на τὴν – χώραν, но и на τὰς – δυσχωρίαις. Перевод Анастасия – in regionem Hunnorum et per horum loca difficilia (Theoph. Chron. II: 192.22)

– неточен, так как под δυσχωρίαί, видимо, следует подразумевать горные проходы, ущелья, через которые Ираклий собирался пройти или в которых он хотел укрыться от преследования персов.

²⁰² Шах Ирана Хосров II Парвез (590–628). У Феофана 6117, т. е. 625/626 г.

²⁰³ Шахрвараз (Сарварос Феофана) – персидский военачальник.

²⁰⁴ Хосров вооружил две армии: одну – под командованием Шахина (Саина Феофана), другую – под предводительством Шахрвараза. Войско Шахина, в помощь которому Хосров дал 50 тысяч воинов из армии Шахрвараза, должно было помешать действиям Ираклия в Лазике, в то время как Шахрвараз получил приказ вступить в переговоры с аварами, болгарами, славянами и гепидами (Theoph. Chron. I: 315.7 – 10).

²⁰⁵ Ф. Баришич отказывается видеть в этом сообщении Феофана упоминание о союзе аваров и персов в 626 г.: персы, в отличие от аваров, не готовились к осаде; речь шла, скорее, о согласовании двух самостоятельных акций, чем о военном союзе; участие персов, по Баришичу, минимально – они вступили в сражение на пятый день осады, 2 августа; нападение на Константинополь явилось итогом агрессивной политики аварского хагана, а не результатом действий аваро-персидской коалиции; Феофан упрощает события (Barišić. Le siège: 390–391). Думается, веских причин для скептицизма Баришича нет. Если разделять сомнения исследователя, то рассказ Феофана в целом утратит смысл: почему Хосров посылает Шахрвараза к Константинополю именно в 626 г., а не раньше, коль скоро война Византии с персами началась уже в 622 г.; цель Хосрова ясна (отвлечь Ираклия от военных действий в Иране), как ясны и ответные меры византийского императора (разделение войска ромеев и поиски союза с турками). Последнее (переговоры с турками) оказалось весьма действенным: узнав о них, Хосров направляет послание Шахрваразу с приказом возвращаться на родину (Бревиарий, ок. 622 г.). Пассивность персов в осаде столицы не может служить аргументом, поскольку основная задача войска Шахрвараза состояла, вероятно, в том, чтобы помешать посланной Ираклием армии оказать помощь Константинополю. Наконец, синхронизация действий аваров и персов, что Баришич признает, сама по себе свидетельствует в пользу целенаправленности политики Ирана в данном случае.

²⁰⁶ Отождествление аваров с гуннами характерно не только для византийских авторов (Феофана, Симокатты, Малалы), но и для западных, в частности Павла Диакона (История лангобардов I: 27; II: 10; IV: 11, 26, 37; Римская история XVII: 23).

²⁰⁷ Участие болгар в осаде Константинополя 626 г. упоминается также Георгием Писидой (Giorgio di Pisidia. Bellum Avaricum: 197).

²⁰⁸ Σκλάβιος. Греческий этноним происходит от *slovène, откуда греческое Σλαβηνοί, но эта форма быстро перешла в Σκλαβηνοί, так как сочетание звуков σλ для греческого языка чуждо. Наряду с последней формой употреблялся и более редкая Σθλαβηνοί. Когда Σκλαβηνοί стали считать прилагательным, этноним приобрел форму Σκλάβοι, которая встречается уже у Малалы, в «Пасхальной хронике», у Георгия Писиды, наряду со Σκλαβηνοί, затем у Феофана и в «Чудесах св. Дмитрия Солунского» (Dölger. Ein Fall: 19, прим. 1; ср.; Голубцов. О термине “склавины”: 47 сл.). Славяне в это время занимали Далмацию, Верхнюю и Нижнюю Мизию, Дакию, Дарданию и часть Македонии (Στράτου. Βυζάντιον, т. I: 294 – 296; Dvornik. The

Slavs: 42). Вопрос о положении славян в аварском войске сложен. С. Станоевич, базируясь на сообщениях Феофана и Никифора (Бревиарий, 626 г.), приходит к выводу, что речь идет о свободных славянах, союзниках персов и аваров, которые шли на своих лодках с нижнего течения Дуная Черным морем к Константинополю (Станоевич. Византија, II: 24). Впрочем, Станоевич не исключает целиком возможности участия в осаде подвластных аварам славян. Как бы то ни было, по Феофану, Шахрвараз должен был объединить аваров с другими народами (болгарами, славянами и гепидами), но была ли необходимость в объединении аваров со славянами, если последние находились в безусловном подчинении у первых? Славяне составляли большую часть сухопутного (пешего) войска и флота, авары – кавалерии, согласно Ф. Баришичу (там же: 394), с чем согласен А. Пертузи (Giorgio di Pisidia. Poemi: 214).

²⁰⁹ Участие гепидов в осаде упоминается только Феофаном. В одном из западных источников мы встречаем гепидов еще во второй половине IX в. (Kos. Conversio: 132). Гунны, о которых Писидида говорит в описании осады Константинополя 626 г., отождествляются А. Пертузи с гепидами Феофана (Giorgio di Pisidia. Poemi: 214).

²¹⁰ Анастасий переводит *hanc unanimiter obsiderent* (Theoph. Chron. II: 195.31), т. е. «единодушно осадили его».

²¹¹ Феофор носил титул куропалата, жаловавшийся родственникам императора. В 628 г., после заключения мира с персами, Ираклий послал его освободить занятые персами византийские города (Theoph. Chron. I: 327.19–24).

²¹² Шахин (Саин Феофана) – один из полководцев Хосрова. В 626 г. потерпел поражение от византийской армии под командованием Феодора. Умер в том же году (Theoph. Chron. I: 315.22–24).

²¹³ *Лазика* – область на восточном побережье Черного моря, древняя Колхида.

²¹⁴ Подобно Феофану, турками называется хазар и патриарх Никифор (Бревиарий, ок. 622, 628–629 гг.). В рассказе об этих событиях Никифор пишет, что Ираклий послал дары властителю тюрков, а тот обещал заключить с ним союз (там же, ок. 622 г.). Во главе этого посольства, по Мовсесу Каганкатвацци, стоял некто Андрей (Каганкатвацци. История: 109). Согласно М. И. Артамонову, Ираклий заключил союз с Западнотюркским каганатом, но основную силу каганата в Европе составляли хазары; собственно тюркютов, видимо, было немного, чем и объясняется тот факт, что византийские и армянские источники называют союзниками Византии хазар; причину того, что византийские историки нередко именуют хазар восточными турками, Артамонов предполагает в известности хазар как подданных тюркютского каганата (Артамонов. История: 155 сл.; ср.: Moravcsik. Zur Geschichte: 87 и прим. 2).

²¹⁵ Здесь Дербентский проход. Дербентские укрепления были построены во второй половине VI в. сасанидским Ираном для защиты от нападений тюрков (Бартольд. Краткий обзор: 777).

²¹⁶ *Атропатена* – древняя Мидия, северо-западная провинция Персии – Южный (Иранский) Азербайджан. Рукописная традиция «Хронографии» засвидетельствовала следующие формы этого названия: Ἀδραῖγαν / Adrahigae A, Ἀδρονῖαν dy, Ἀδρονῖαν sine acc. c; у Никифора (Nic. Brev.: 17, 10) – Адорбадиган (Ἀδορβαδίανον), у Прокопия – Адарбиган (Ἀδαρβιγάνων – Proc. Bell. Pers., 259.27), у Феофилакта Симокатты (Th. Sim. Hist., 154.17, 165.16, 173.2) – Адрабиган (Ἀδραβιγάνων).

²¹⁷ В греческом тексте к Зиевилу прилагается титул стратига.

²¹⁸ Рукописная традиция «Хронографии» дает разночтения: Ζιέβηλ ds, Ζιέβηλ m, cf, Ζιέβηλ 316.5.11, Ζιενήλ e, sine acc. c; 316.11 Ζιέβηλ dz; у Анастасия в форме Zihebil (Theoph. Chron. II: 196.10, 13, 19, 21). У Мовсеса Каганкатвацци в рассказе об этих событиях фигурируют «наместник северного царя, именем Джебухаган, второй в царстве его» и племянник хагана Шад, посланный им на помощь Ираклию (Каганкатвацци. История: 110). Джебухаган армянского источника соответствует «эриставу Джибго» грузинских (Сумбат Давитисдзе. История и повествование о Багратионах: 29; Обращение Грузии: 44). Э. Шаванн отождествляет его с Джебухаганом, предводителем хазар, и отказывается видеть в Зиевиле Тунг-ябгу (T'ong jabgou), хагана западных тюрков, хотя и говорит, что оба лица действовали в одно и то же время и косвенно были причастны к смерти Хосрова II Парвеза (Chavannes. Documents: 256). Полководцем хазар называет Зиевила Д. Моравчик, приводя как параллель армянский и грузинский варианты имени (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 130 сл.). Против сопоставления Зиевила с хазарским ябгу-хаганом возражает Д. Данлоп, исходя скорее из армянских, чем из византийских источников. По Данлопу, вторым в хазарской иерархии после хагана был бек, но бек, согласно более поздним арабским источникам (Данлоп не дает на них ссылки), должен был происходить из другого (нежели хаган) рода, что противоречит сообщениям армянских авторов (Джебухаган – брат «царя севера»), кроме того, Данлоп считает несоместимыми высший титул (Джебухаган) и подчиненный ему (второй после хагана) в одном лице. По мнению Данлопа, Зиевил – не хаган Хазарии и не носитель хазарского титула (бек или ябгу, тем более что титул ябгу редко появляется в применении к хазарам), а правитель западных тюркютов, второй по отношению к хагану тюркютов вообще (западных и восточных); предположительно Данлоп отождествляет Зиевила с хаганом западных тюрков, известным по китайским историческим сочинениям, опубликованным Шаванном (Chavannes. Documents: 52), резиденция этого хагана располагалась к северу от Ташкента (Dunlop. History: 30 сл.). Ссылаясь на китайские источники и труд армянского историка VII в. Себеоса (точнее, Хосрова – см. Колесников. Иран: 26), Г. Хауссиг пишет, что Зиевил идентичен Тунг ши-ху, хагану северо-западных тюрков, правившему в Согдиане (Haussig. Exkurs: 307, прим. 86). Греческая форма Ζιέβηλ объясняется Хауссигом как контаминация тюркских слов *ġjebu* (= *yabgu*) и *ilīg* (= царь); в это время тюркюты произносили *yabgu* как *ġjebu*; соединение *yabgu* и *ilīg* в титуле хагана, правившего в Бактрии, встречается как в китайских источниках, так и в легендах монет; тюркское *ilīg* соответствует в Ζιέβηλ иранскому *šah* (там же: 434 сл.). Верхушка восточнотюркской иерархии, по свидетельству китайского историка Линг-ху Тэ-фена (583–666), выглядела следующим образом: ябгу, шад, тегин, се-ли (Sse-li-fa) и тудун; все должностные, делившиеся на 28 классов, были наследственными (Liu Mau-Tsai. Nachrichten: 8–9). Г. Дёрфер уточняет: за хаганом следовали один малый хаган (Klein-Khagan) и четыре младших хагана (Unter-Khagane), т. е. два шада и два ябгу, избравшиеся из сыновей или братьев хагана и назначавшиеся для управления областями (Doerfer. Elemente, III: 162); в целом верховная иерархия большого древнетюркского союза (т. е. восточных и западных

тюрков) состояла из шести человек, а малых союзов – из трех, т. е. хагана, ябгу и шада (там же, II: 396), Учитывая материал китайской средневековой историографии, вероятно, можно модифицировать отождествления Зиевила, предложенные Шаванном и Данлопом – Хауссигом: в большой федерации тюркских племен ябгу не был, строго говоря, вторым человеком после хагана (даже если не принимать во внимание малого хагана), поскольку в ней было два ябгу (левый и правый); тем самым отпадает сопоставление Зиевила с хаганом западных тюрков. На втором месте ябгу мог стоять в малом союзе тюрков, что, думается, дает основания видеть в Зиевиле ябгу-хагана западных тюрков Тунг ши-ху. Кстати сказать, наше предположение не противоречит этимологии Хауссига, коль скоро *Ziëvil* не является абсолютным соответствием ябгу-хагану – “хану-соправителю” (*Mit-Chan*), как его называют Альтхайм – Хауссиг (*Alt-heim – Haussig, Hunnen: 23, прим. 61*). М. А. Сейидов объясняет *уауу* из тюркского как “великий строитель, творец, творящий, повелитель” (Сейидов. Заметки: 113–114).

²¹⁹ Я. А. Манандян, вслед за Ю. А. Кулаковским, относит поход Ираклия на Кавказ к 627 г. (Манандян. Маршруты: 147; ср.: Кулаковский. История, III: 93 и сл.), хотя Феофан помещает рассказ о нем под 626 г. Последнюю дату принимают Г. Гельцер и Ш. Лебо (*Gelzer. Abriss: 948; Lebeau. Histoire, XI: 117–119*). М. И. Артамонов считает, что союз хазар с Ираклием был заключен в конце 626 г. (627 г., по Каганкатвази, маловероятен), а встреча византийского императора с Зиевилем у Тифлиса (Тбилиси) произошла в 627 г. (Артамонов. История: 146), несмотря на то, что Феофан сводит оба события под одним 626 г. Между прочим, Никифор сообщает о встрече у Тифлиса до повествования об аваро-славянской осаде Константинополя в 626 г. (Бревиарий, ок. 622 г.).

²²⁰ Появление в переводе фразы “и как бы пораженные величием царя” неясно.

²²¹ Феофан, очевидно, понимает это как церемонию проскинезы, введенную, согласно Прокопию, при византийском дворе Юстинианом I (Тайная история: 30, 21–26). Все подданные должны были распластываться ниц перед императором и целовать его ноги. Исключение составлял только патриарх. Эта церемония, как предполагает Р. Гийан, была заимствована у персидского двора (*Guilland. Institutions, I: 144*). Впрочем, Б. Н. Захoder, ссылаясь на арабские источники, пишет об аналогичной церемонии у самих хазар (Захoder. Свод: 143 и прим. 170). Никифор, описывая встречу Ираклия с Зиевилем, говорит, что василевс назвал властителя тюрков своим сыном, возложил ему на голову корону, устроил пир, подарив Зиевилу всю утварь с императорского стола в придачу с императорскими одеждами и обещал ему в жены свою дочь Евдокию (Бревиарий, ок. 622 г.).

²²² В греческом тексте – *οἱ ἄρχοντες*.

²²³ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают чтения *ἀρχιγένιον fhm*, *ἀρχιγένιον e*; конъектура Л. Тафеля *ἀρτιγένιον* (т. е. тот, у кого на подбородке пробивается пушок); Анастасий переводит *primogenitum* (первородженный); К. де Боор принимает вариант остальных рукописей – *ἀρχιγένιος*, переводя его как *lanuginosus* – “с пушком на подбородке” (*Theoph. Chron. II: 733 s. v. ἀρχιγένιον*). Классический греческий язык, видимо, не знал слова *ἀρχιγένιος*, во всяком случае, оно не засвидетельствовано у Г. Лидделла – Р. Скотта. Отправляясь от чтения, включенного де Боором в критический текст «Хронографии», М. И. Артамонов пред-

полагает, что здесь имеется в виду младший сын ябгу-хагана Мохошада Були-шад (Артамонов, История: 147), хотя прилагательное *ἀρχιγένιος* – едва ли достаточное для этого основание: безбородым мог быть и старший сын (ср. перевод Д. Данлопа *a beardless boy* – Dunlop. History: 30). О старшем сыне, Тардуш-шаде, говорит и Г. Хауссиг (*Haussig. Exkurs: 307 и прим. 86*). У Каганкатвази фигурирует лишь племянник хагана Шад (Каганкатвази. История: 110).

²²⁴ Никифор не определяет количества воинов, полученных Ираклием от хагана (Бревиарий, ок. 622 г.). Каганкатвази пишет о тысяче всадников, отправленных Джебуханом вместе с послом Ираклия Андреем на помощь василевсу (Каганкатвази. История: 110). Цифра Феофана подтверждается анонимной сирийской хроникой 1234 г. (Пигулевская. Иран: 268).

²²⁵ В грузинских источниках, напротив, сообщается о том, что “эристав Джибго” был оставлен Ираклием для осады Тифлиса (Сумбат Давитисдзе. История и повествование о Багратионах: 29; Обращение Грузии: 44).

²²⁶ Город на малоазийском берегу Босфора, напротив Константинополя; совр. Кадыкёй (*Honigmann. Synekdemus: 690.4*).

²²⁷ Авары подступили к длинным стенам 29 июня 626 г. Основные, современные событиям, источники – «Пасхальная хроника», написанная вскоре после 628 г., и историческая поэма Георгия Писиды «Аварская война». Себеос в рассказе об осаде Константинополя персами ничего не говорит об аварах (Себеос. История: 78). Для аваров 626 г. был критическим: с этого момента Аварский каганат практически исчезает с византийского горизонта (*Stratos. Avar's attack: 376*), хотя неизвестный автор правления Льва V Армянина (813–820) упоминает аваров, принимавших (на стороне болгар) участие в византино-болгарской войне 811 г. (*Grégoire. Un nouveau fragment: 423 et n. 3*).

²²⁸ По Никифору, славяне подошли к столице от устья реки Барбисс (Бревиарий, 626 г.). Вероятно, славяне следовали по такому маршруту: на лодках-однодеревках от устья Дуная они плыли Черным морем (*Grafenauer. Nekaj: 78*), а затем лодки были пронесены частично по суше, через Фракию к заливу Золотой рог (*Vernadsky. Ancient Russia: 198*), откуда они и подступили к городу. Как сообщает Кедрин (XI в.), большая часть этого флота была застигнута бурей в Черном море и погибла на обратном пути (*Cedr.-Skyl. Compend. I: 729.16–18*). Анастасий переводит: *navium sculptarum ex Istro multitudine infinita seu innumerabili delata* (*Theoph. Chron. II: 196.26–27*), т. е. речь идет о “бесчисленном множестве лодок”, спущенных с Дуная к Константинополю, что соответствует чтению одного из списков «Хронографии» (*m*), опускающего *εἰς* перед *σφάφη* и аналогичному фрагменту у Кедрина (*Cedr.-Skyl. Compend. I: 728.17–18*).

²²⁹ Согласно Ф. Баришичу, наряду со славянами нижнего течения Дуная (подвластными аварам) экипажи однодеревек состояли из гепидов и болгар (*Barišić. Le siège: 394 сл., прим. 2*).

²³⁰ Т. е. на лодки-однодеревки, каждая из которых вмещала до пяти человек (*Στράτον. Βυζάντιον, t. II: 535*).

²³¹ Длина залива – ок. 11 км, ширина – в среднем ок. 400 м.

²³² Шахрвараз покинул вместе с войском Халкидон и отправился в Сирию после поражения славян на море, т. е. 10 августа 626 г. (*Ostrogorsky. Geschichte³: 86; ср.: История Византии, I: 366*).

²³³ Слова “области и города на противоположном берегу” отсутствуют в рукописях *em*; вместо персидск. ‘противоположные’ список *f* дает Персикá, *d* – Ρωμικá, а Анастасий – *confinales* ‘сопредельные’.

²³⁴ У Феофана 6118, т. е. 626/627 г.; точнее, 626 г., так как поход датируется сентябрем.

²³⁵ С точки зрения Д. Моравчика и М. И. Артамонова, имеются в виду хазары (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 321; Артамонов. История: 155 сл.).

²³⁶ В «Хронографии» Феофана это последнее упоминание о турках-хазарах в связи с византийско-персидскими войнами. Означает ли это, что союз, заключенный Ираклием в 626 г. (см. прим. 219), распался в том же году? Расставаясь с Ираклием после встречи у Тифлиса, хазары, если следовать за Каганкатавци, обещали императору вернуться к Тифлису в 627 г. (Каганкатавци. История: 108). В начале тридцать седьмого года правления Хосрова II (т. е. в 627 г.) хазары действительно напали на Кавказскую Албанию и Азербайджан, причем их набег, как полагает А. И. Колесников, был приурочен к походу Ираклия на Ктесифон (Колесников. Иран: 84). Г. Хауссиг, опираясь на свидетельства Каганкатавци, датирует распад византино-тюркского союза 630 годом и объясняет его двумя причинами: во-первых, свержением и убийством западнотюркского хагана Тунг-ши-ху, а во-вторых, разгромом восточнотюркского хагана Хие-ли китайцами (Haussig. Exkurs: 308 и прим. 86). Между тем китайские источники, опубликованные Э. Шаванном, дают основания думать, что отношения между Ираном и тюрками (а они влияли и на характер византино-тюркских отношений) уже к 628 г. (году смерти Хосрова II) не ограничивались военными действиями. У китайских авторов мы находим известие, согласно которому ябгу западных тюрков убил Хосрова и послал к Шируйе, сыну Хосрова, вступившему на персидский престол, своих людей для присмотра за ним (Chavannes. Documents: 171). Разумеется, это сообщение нельзя использовать безоговорочно (Хосров был убит по приказу самого Шируйе), но его, думается, можно расценивать как отражение каких-то перемен в персидско-тюркских отношениях – возможно, прекращения войны. Видимо, о попытке заключения мира между персами и тюрками писал и Феофан. Под тем же годом, что и рассказ о совместном походе Ираклия и тюрков на Персию, Феофан излагает историю свержения Хосрова II, Хосров бежал в Ктесифон, заболел, он решает назначить преемником себе своего сына Марданшаха (Мердасан Феофана); об этом узнал старший сын Хосрова Шируйе (Сироз «Хронографии») и направил послание персидскому полководцу Гундаусу следующего содержания: “если ты уговоришь войско, чтобы оно приняло меня, я и увеличу плату ему, и заключу мир с василевсом ромеев и с турками, и мы прекрасно проживем” (Theoph. Chron. I: 325. 28–326.3). Слова “и с турками” отсутствуют во всех греческих списках «Хронографии»; К. де Боором они вставлены в критический текст из перевода Анастасия – *as Turcis* (там же, II: 203.21). Это место, к сожалению, осталось вне поля зрения Ю. А. Кулаковского (Кулаковский. История, III: 102), Я. А. Манандяна (Манандян. Маршруты: 153) и М. И. Артамонова (Артамонов. История: 149). Учитывая древность списков латинского перевода «Хронографии» и, как правило, точность передачи Анастасием смысла греческого оригинала, можно считать конъектуру де Боора оправданной. Но если это так и если Шируйе действительно собирался заключить мир с турками, то нельзя ли

связать с намерениями будущего персидского шаха внезапное отступление турок?

²³⁷ Обычно в этом переводе пишется Газак, традиционное же написание – Ганзак, Канзак – город в персидской провинции Атропатена. – Ю. III.

²³⁸ У Феофана 6171, т. е. 679/680 г. Столкновения Византии с болгарами продолжались в 681 г. (Кулаковский. История, III: 249 и 249, прим. 1; ср.: Ostrogorsky. Geschichte³: 106, прим. 1)..

²³⁹ Греческие списки «Хронографии» Феофана и перевод Анастасия дают следующие формы этнонима: Οὐνογουνδοῦρων *d*, Ὀνογουνδοῦρων *c*, Ὀνογουνδοῦρων *ya* (Ἰν *em*), Οὐνογουνδοῦροῦλαρον *z*, Onogundurensium *A*. Никифор говорит о Οὐνῶν καὶ Βουλγάρων, т. е. о гуннах и болгарях (Nic. Brev.: 33.13–14), хотя Лондонский список «Бревиария» сохраняет чтение Οὐνογουνδοῦρων (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 218; ср.: London Manuscript: 22). В сходной форме (Ὀνογουνδοῦροι) этноним появляется в трактате «О фемах» Константина Багрянородного (913–959), который пишет, что “оногундура” прежде называли” болгар (Офемах: 85, 31–32). Г. Хауссиг понимает “оногундур” как соединение двух племенных этнонимов – *Ονογ и *Qundur, приводя в подтверждение название татарского рода, известное еще в XVIII в., – Kundur (Haussig. Exkurs: 364, прим. 341). Д. Моравчик допускает, хотя и под вопросом, что оногундур – тюркско-булгарский вариант этнонима “оногуры” (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 218). Оногуры (дословно “десять племен”) упоминаются древнетюркскими надписями и китайскими источниками; они обитали в верховьях Яксарта, Или и Чу; часть их переселилась на запад (сначала к западу от Азовского моря, а затем в провинции Дакия, Мизия и Фракия); после распада гуннского союза племен Аттилы в 453 г. вернулись в Северное Причерноморье, часть оногуров осела на Северном Кавказе. По Хауссигу, оногуры образовали позднее ядро протоболгар; если оногуры были союзом десяти различных племен, то болгары – названием господствующего рода, причем не только у оногуров, но и у огузов; существование десяти болгарских племен в Дунайской Болгарии до IX в. засвидетельствовано «Бертинскими анналами» (Haussig. Exkurs: 363 сл. и прим. 340, 341). Д. Ангелов говорит об уногундурах и оногурах, как о родственных протоболгарам, но разных народах (Ангелов. Образоване: 192–194), следуя в этом за А. Бурмовым (Бурмов. Към въпроса за произхода: 335 сл.). Отождествление уногундуrow и оногуров Моравчиком (Moravcsik. Zur Geschichte: 73) принимает М. И. Артамонов (Артамонов. История: 167). Собственно говоря, этноним “уногундуры” встречается лишь дважды (в связи с рассказом Феофана о переселении болгар и в повествовании Никифора о восстании Куврата против аваров) и практически лишь в одном источнике – сочинении неизвестного автора, легшем в основу «Бревиария» Никифора и «Хронографии» Феофана. Константином Багрянородным этноним был заимствован, по всей вероятности, у Феофана, «Хронография» которого была ему хорошо известна (Moravcsik. Byzantinoturcica, I: 366). Тем самым, остаются сомнения, имеем ли мы дело в данном случае с реальной народностью (или вариантом этнонима), а не с изъятием рукописной традиции и следует ли читать “оногуры” вместо “уногундуры”.

²⁴⁰ Греческую форму Κότραγοι Анастасий передает как Contragenses (Theoph. Chron. II: 225.11). О родственности котрагов болгарам, наряду с Феофаном, пишет Никифор (Бревиарий, 679/680 г.). В V–VII вв. котраги жили в районе Азовского мо-

ря. Их отождествляют с кутригурами (Κουτρίγοροι) – гуннской народностью, обитавшей также у Азовского моря и находившейся в VI в. под господством аваров (Marquart. Chronologie: 79, 89; Idem. Streifzüge: 45, 503; Ангелов. Образоване: 194). По Ю. А. Кулаковскому, в правление Ираклия кутригуры объединились со своими соплеменниками утигурами под властью хана Куврата (Кулаковский. Аланы: 142).

²⁴¹ *Атель* – *Ātil* (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 78 сл.) – Итиль, древнее тюркское название Волги.

²⁴² *Танаис* – древнее название Дона. У Феофана Танаис – приток Волги и берет свое начало не из Рипейских (Уральских) гор, как у Птолемея, а от Ивирийских ворот, в чем Ю. А. Кулаковский видит отражение средневековых географических представлений (Кулаковский. Свидетельства: 377–378). Традиция кавказских истоков Танаиса засвидетельствована и у античных географов (Страбон приписывает эту точку зрения Феофану Митиленскому); она прослеживается также в сочинениях латинских авторов – Павла Орозия в V в. и Равеннского Анониме в VII в. (Чичуров. Экскурс: 73).

²⁴³ Ивирийские ворота – как правило, Аланский (Дар и-Алан) проход, Дарьял.

²⁴⁴ *Куфис* – древнее название Кубани. И. Маркварт, не аргументируя своего мнения, полагал, что здесь подразумевается Кама (Marquart. Streifzüge: 32, прим. 1). Учитывая сложный состав повествования о болгарях (географическое описание и экскурс), построенного на разнородных источниках, было бы правильнее предположить, что Куфис описания и Куфис экскурса – разные реки: в первом случае речь идет если не о Буге, то об одной из рек бассейна Буга и Днестра, упоминаемой Константином Багрянородным, во втором – о Кубани; смещение Кубани и Буга, очевидно, вызвано влиянием античной традиции, поскольку античные географы называли и Кубань, и Буг Гипанисом (Чичуров. Экскурс: 74). Видимо, в источнике описания упоминался Гипанис (Буг), отождествленный Феофаном с Гипанисом – Кубанью, коль скоро Буг Куфисом не назывался.

²⁴⁵ *Некропилы* – Каркинитский залив Черного моря, между северо-западным побережьем Крымского полуострова и устьем Днестра (Westberg. Fragmente: 98 сл.). Идентификация Куфиса описания с Бугом (или рекой бассейна Буга и Днестра) устраняет противоречие в локализации Некропил (если Куфис – Кубань, то Некропилы приходится перенести на восток к устью Кубани). Но Феофан хорошо знал расположение Некропил, судя по рассказу о бегстве Юстиниана II из Херсона и о зиме в Северном Причерноморье (см.: «Хронография», 704/705, 763 гг.).

²⁴⁶ Мыс Κρυὸν πρόβωλον ‘морда барана’. Болгарское издание византийских источников по истории Болгарии отождествляет мыс Баранья Морда с современным Таманским полуостровом (ГИИИ, III: 261, прим. 8), что неверно, так как мыс, согласно Феофану, находился недалеко от Некропил. Κρυὸν πρόβωλον – вероятно, видоизмененный античный топоним Κρυὸν μέτωλον (Бараний Лоб) – мыс на южной оконечности Крымского п-ва, неоднократно упоминаемый Страбоном (125, 309, 496, 545; ср.: Кулаковский. Свидетельства: 377).

²⁴⁷ Совр. Керченский пролив.

²⁴⁸ Рукопись *g* опускает Ἑβραίους; Ж. Гоар предлагает конъектуру Κιμμερίους или Ἰβήριους (киммерийцы или ивиры). Впрочем, в поправке Гоара нет необходимости: евреи появляются в Северном Причерноморье не позже I в. н. э. (Schürer. Juden:

200), о чем свидетельствуют надписи из Пантикапеи, Горгиппии, Танаиса. Агиограф Епифаний (конец VIII в.) говорит в «Хождении апостола Андрея» о евреях в Синопе, Амисе, Амастриде (Vita S. Andreae, col. 220A, 224B, 228C, 240C).

²⁴⁹ Здесь Кубань.

²⁵⁰ Протоболгарское название вида рыбы, которую ловили в Кубани, известно по авторам VII – VIII вв., возможно, идентично протоболгарскому берзитикон (βερζίτικον), встречающемуся в источниках X–XII вв. (Брун. Следы речного пути: 146 и сл.; ср.: Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 212 сл.).

²⁵¹ В. Златарский, Н. Я. Мерперт, А. П. Смирнов, М. И. Артамонов, Д. Оболенский, Д. Ангелов проводят восточную границу Великой Болгарии по Кубани, а западную – по Днепру. К. П. Патканов, И. Маркварт, Д. Моравчик сужают сферу протоболгарского племенного союза до Восточного Приазовья. «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора тоже не дают оснований отодвигать границу Великой Болгарии за Дон (Чичуров. Экскурс, 68, 77–80). А. Марик, опираясь на свидетельство Пространной редакции «Армянской географии», помещает протоболгар на Кубани, к северу от прибрежного города Никопсис, который он отождествляет с Нечепсухо (Maricq. Notes: 345). А. Коллауц, цитируя Захария Ритора, пишет о болгарях за Дарьялом (Kollautz. Abasgen: 22). Что касается названия Великая Болгария, то к нему, видимо, применимо наблюдение О. Н. Трубачева, по мнению которого обозначение народов и стран с компонентом “Великий”, “Великая” (Великая Греция, Великая Скифия и др.) относится к области вторичной колонизации (Трубачев, Славянские этнонимы: 51 и след.). По Михаилу Сирийцу, болгары в правление императора Маврикия пришли к Танаису из внутренних областей Скифии (Altheim. Geschichte, I: 90 – 91). Ф. Альтхайм считает, что протоболгары, подобно аварам или хазарам, пришли из северо-восточного Ирана (там же: 85). Ф. Альтхайм – Г. Хауссиг видят в оногурах VI в. протоболгар, покинувших под натиском аваров в середине VI в. восточные районы Кавказа и осевших в низовьях Кубани (Altheim – Haussig. Hunnen: 10 сл.). Таким образом, Великая Болгария Феофана, независимо от того, где локализуется их (протоболгар) прародина, – место вторичной колонизации.

²⁵² Издатели «Хронографии» до К. де Боора (Ф. Комбефис, Ж. Гоар) сомневались в сохранности рукописной традиции этого места. Греческое τοῦ εἰς τὴν δύσιν ‘который на западе’ Анастасий переводит qui in occidente regnavit ‘который правил на западе’ (Theoph. Chron. II: 225.29–30). Комбефисом была предложена конъектура (τοῦ εἰς τὴν δύσιν βασιλεύσαντος), аргументированная переводом Анастасия. Никифор в этом фрагменте пишет ὃς κατὰ τὴν δύσιν ἐτελεύτα ‘который умер на западе’ (Бревиарий, 679/680 г.), что послужило основанием для поправки Гоара: τοῦ εἰς τὴν δύσιν τελευτήσαντος. Однако τοῦ εἰς τὴν δύσιν можно понимать как несогласованное определение к Константину, т. е. Константин Западный. Существование такой формулы подтверждается анонимной краткой хроникой, изданной де Боором, где Константин назван ὁ εἰς τὴν δύσιν (Chron. brevis: 224.22). Перевод Анастасия, не подкрепляемый ни одним из списков греческого оригинала, мог возникнуть как результат самостоятельной трактовки текста переводчиком. Поскольку речь идет о византийском императоре, который правил (или умер) на западе, то в нем следует видеть императора Константа II (641–668), поселившегося в Сицилии с намерением перенести

столицу империи в Рим (Theoph. Chron. I: 348.4–6) и убитого в Сиракузах (там же: 351.14–15), а не Константина III (641) (ГИБИ, III: 261, прим. 13) или Константина IV (668–685) (ВИИН, I: 224). Константа называли также и Константином (Brooks. Constantine Pogonatus: 461–462; ср.: Ostrogorski. Konstantin Porfirogenit: 116–123).

²⁵³ У Феофана – Κροβάτου / Κοβράτου, что Анастасий передает как Crobatus, а Никифор – Κοβράτος (Бревиарий, 679/680 г.). Известны попытки отождествления Куврата с Кувером (фигурирует в «Чудесах св. Димитрия Солунского») – предводителем болгар, находившихся под властью аваров в VII в. (Успенский. История, I: 661; Нидерле. Древности: 60; ср. с. 143; Grégoire. Origine: 116 сл.; Lemerle. Migrations: 299). Эти попытки встретили возражения (Maricq. Notes: 337–355; Ostrogorsky. Geschichte³: 87, прим. 3, 5). Исследуя вопрос о датировке второй редакции «Чудес Димитрия Солунского», Ф. Баришич показывает: Кувер и Куврат действовали на разных территориях (первый – в северном Банате и южной Бачке, второй – к северу от низовой Дуная) и в разное время (Кувер – в 680–685 гг., Куврат – в правление императора Ираклия) (Баришич. Чуда: 131–136; ср. с. 152). Хронология Куврата восстанавливается гипотетично по сочинениям патриарха Никифора, Феофана, Иоанна Никиусского и по «Именнику болгарских князей». Датировки, предлагаемые О. Прицаком, внутренне противоречивы: основание Великой Болгарии относится к 635 г., а начало правления Куврата – к 605 г.; год смерти Куврата Прицак вычисляет, принимая свидетельство «Именника» о том, что Куврат правил 60 лет, и начиная счет с 605 г., т. е. 665 г. (Pritsak. Fürstenliste: 35 сл.). Критикуя хронологические выкладки Прицака, Альтхайм–Хауссиг датируют смерть Куврата временем между 663 и 668 гг., когда Константин II был в Италии, ссылаясь при этом на анализируемое место «Хронографии» Феофана (Altheim – Haussig. Hunnen: 12, прим. 14; ср. с. 13). Однако текст «Хронографии» не дает основания для такого заключения: согласно Феофану, Куврат умер «во времена Константина Западного», т. е. между 641 и 668 гг. Даже конъектура Ф. Комбефиса («Константин, который правил на западе») не привносит в текст временного значения: фраза остается лишь распространенным определением к Константину (а не обстоятельством времени, как истолковывают Альтхайм–Хауссиг), что подтверждается переводом Анастасия – temporibus ausem Constantini, qui in Occidente regnavit (Theoph. Chron. II: 225.29–30). В Златарский датирует смерть Куврата 642 годом (Златарски. История, I, 1: 145, 164, 176). Во всяком случае, в 641 г. Куврат был еще жив: по словам Иоанна Никиусского, болгарский хан играл не последнюю роль в заговоре императрицы Мартины против Константина III, сына Константина-старшего, сына Ираклия от первого брака (Jean de Nikiou: 460). Вариант имени, сохраненный списками «Хронографии» Феофана, Кроватос передает, с точки зрения Хауссига, алтайскую форму Qorobatu (дословно «князь червя»); *Quru/Qurt в имени народа или хана объяснимо как замена запретного (тотемного) Qurt в значении «волк» на обычное Qurt (червь), аналогичное китайскому Juan-Juan (Haussig. Exkurs: 430). Д. Немет, сомневаясь в приведенной выше этимологии, видит в форме qobrat повелительное наклонение от тюркского глагола qobran/qubran «собирать», засвидетельствованного коктюркскими и уйгурскими надписями; имя Куврат, по Не-

мету, означает «ты должен собрать [народ] снова» (Немет. Происходить: 171–174).

²⁵⁴ У Феофана κύριος, что соответствует κύριος Никифора (Бревиарий, 679/680 г.) и dominus в переводе Анастасия (Theoph. Chron. II: 225.30). Κύριος ‘господин’ – обычная форма обращения к византийскому императору (Dölger. Diplomantik: 131). Ни один из хронистов до Никифора и Феофана не употреблял этого титула в применении к варварским правителям, если не считать одного фрагмента у Феофилакта Симокатты, который называет так хагана аваров (257.5–6). Наиболее употребительная формула в отношении к иностранным властителям – архонт, а к болгарским – ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων ‘архонт от бога’, что находило себе соответствие в ὁ ἐκ θεοῦ βασιλεύς ‘василевс от бога’, как именovali византийского императора. Титул ὁ ἐκ θεοῦ ἄρχων был официально признан за болгарскими ханами, по мнению В. Бешевлиева, в 814 г., после заключения мира между Византией и Омуртагом (814–831); до этого же момента официально признанным титулом был κύριος (Beševliev. Κύριος: 294–295, 297 сл.).

²⁵⁵ Д. Ангелов убежден в легендарности рассказа Феофана о пяти сыновьях Куврата (Ангелов. Образоване: 197, прим. 19). В отличие от него, А. Марик не склонен категорически отрицать достоверность повествования Феофана, ссылаясь на свидетельство Пространной редакции «Армянской географии» (Maricq. Notes: 346 сл.).

²⁵⁶ В греческих рукописях «Хронографии» Феофана чтения Βατβαῖον *hy*, Βατβαῖον *d*, Βατβαῖον *sine ass. c*; у Анастасия – Bathahias, в «Бревиарии» Никифора – Βαῖανός (33.26). Тюркское байан ‘богатый’ часто употреблялось как имя собственное у тюркских ханов (Doerfer. Elemente, II: 259 сл.). Бат Феофана, видимо, следует понимать по аналогии с -бат в имени Кроват, что Г. Хауссиг переводит как ‘князь’ (Fürst) (Haussig. Exkurs: 430), т. е. ‘князь Баян’. В Златарский и Д. Ангелов отождествляют Батбаяна с известным по «Именнику болгарских князей» ханом Безмером (Златарски. История, I, 1: 164; ср.: Ангелов. Образоване: 196).

²⁵⁷ Д. Моравчик видит в онограх, упоминаемых Notitia episcopatum середины VIII в., болгар Батбаяна, оставшихся на территории Великой Болгарии (Moravcsik. Byzantium: 43 сл.). Материал же грунтовых могильников Балкарии, связываемый с болгарскими городищами Кисловодского района, позволяет В. А. Кузнецову говорить, хотя и осторожно, о возможности переселения болгар после распада Великой Болгарии не только на Дунай и Волгу, но и на юг, к Кавказу (Кузнецов. Аланские племена: 88), но это не отразилось в наших источниках.

²⁵⁸ Греческое Κότραυος Анастасий передает как Contragus (Theoph. Chron. II: 226.6). Д. Моравчик предполагает, что имя образовано от этнонима Κότραυος (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 165).

²⁵⁹ Т. е. за Доном, в его низовьях.

²⁶⁰ Для Феофана (автора начала IX в.) Паннония Аварская – анахронизм объясняемый, как полагают В. Златарский, общим источником «Хронографии» и «Бревиария» Никифора (Златарски. История, I, 1: 148). Впрочем, это необязательно: во-первых, наш хронист говорит о событиях 680 г., когда Паннония еще оставалась под властью аваров, а во-вторых, окончательно авары были разбиты лишь при Карле I (768–814). А. Коллауц ограничивает территорию, занятую аварами, междуречьем Дуная и Тиссы; к востоку от Тиссы сидели гепиды (Kollautz. Abaria: 4). В надписи Мадарского рельефа, с точки зрения В. Бешевлиева, упо-

минается дядя болгарского хана Тервеля (702 – 718), отождествляемый исследователем с Кувером «Чудес св. Димитрия Солунского» и четвертым сыном Куврата, осевшим в Паннонии (Beševliev, *Les inscriptions*: 226 сл.).

²⁶¹ Пентаполь (гр. Πεντάπολις «Пятиградье») – пять городов в районе Равенны: Анкона, Римини, Пезаро, Фано и Сенталия (Павел Диакон. История лангобардов II: 19).

²⁶² Под империей христиан Феофан мог подразумевать только Византию. Д. Моравчик говорит о Равеннском экзархате как о месте расселения части болгарских племен и о распространении на них власти империи (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, I: 108). Ю. А. Кулаковский сомневался в точности сведений «Хронографии» о болгарях в Италии (Кулаковский. Свидетельства: 378). Примечательно, что современник Феофана Павел Диакон, хорошо знавший Италию, говоря о событиях VII в., не упоминает болгар в Пентаполе. Напротив, Павел Диакон посвящает целый параграф истории переселения болгар в район Беневента: под предводительством вождя Альцека болгары пришли в Италию к королю лангобардов Гримуальду (662–671), который отправил их к своему сыну Ромуальду в Беневент, где они и осели в Сепине, Бовиане и Инзернии (Павел Диакон. История лангобардов V: 29). К сожалению, Павел Диакон не сообщает, откуда появились болгары Альцека. Д. Ангелов видит в них протоболгар, бежавших из Паннонии от притеснений аваров (Ангелов. Образоване: 205), хотя и не приводит аргументов в пользу этого предположения. По В. Златарскому, Альцек – пятый сын Куврата (Златарски. История, I, 1: 173). Отнесение Равенны к сфере влияния империи, о чем пишет и Никифор (Бревиарий, 679/680 г.), дает основание для датировки общего «Хронографии» и «Бревиария» источника: в 751 г., захваченная лангобардами Равенна была окончательно потеряна для Византии, так что экскурс о болгарях, вероятно, можно датировать серединой VIII в.

²⁶³ Большинство греческих списков «Хронографии» Феофана дают форму Ἀσπαρούχ, рукописи группы у – Ἀταρούχ, перевод Анастасия – Asparuch (Theoph. Chron. II: 226.12), в «Именнике болгарских князей» – Исперих, Есперих; Д. Моравчик приводит этимологию имени из тюркско-болгарского Esperüx / Ešberux (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II: 75 сл.). Ф. Альтхайм – Г. Хауссиг возводят предположительно к алтайскому *išparaq из išpara и oq (отряд всадников); имя Аспарух известно на Кавказе и в более раннее время по надписи времени правления императоров Веспасиана (69–79) – Адриана (117–138), найденной в Мххете (Ἀσπαρούχς πῑπτάχης), что объясняется Альтхаймом – Хауссигом из древнетюркского *İšparaq ‘тот, чье племя (oq) – всадники’ (Altheim – Haussig, *Hunnen*: 27, 49 сл.). Д. Немет склоняется к османотюркской этимологии, согласно которой имя Аспарух восходит к османотюркскому ispāri / äspāri / isbāri – сокол (Неметъ. Произхотътъ: 176–177). Хронология Аспаруха гипотетична: О. Прицак считает 691 г. годом смерти болгарского хана (Pritsak, *Fürstenliste*: 50 сл.); Альтхайм – Хауссиг относят начало правления Аспаруха ко времени между 663 и 668 гг., а 705 г. расценивают как terminus ante quem его смерти (Altheim – Haussig, *Hunnen*: 13); Моравчик останавливается на датировке правления Аспаруха 644–702 гг. (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II: 75).

²⁶⁴ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают следующие формы топонима: Ὀυκλον dh, Ὀυκλου sine асс. с. Несколько ниже (Theoph.

Chron. I: 358.13) рукописные чтения изменяются: Ὀγγλον dh, Ὀγλον f, Ὀχλον et; в списке с топоним не сохранился. В одном месте Анастасий переводит Onglon (там же, II: 226.13), в других – Hognlon (там же, II: 226.24, 29). Никифор, по изданию К. де Боора, употребляет форму Ὀγλον (Nic. Brev., 34.8), хотя Лондонский список «Бревиария», не использованный де Боором, сохраняет тот же вариант, что и большинство рукописей «Хронографии», – Ὀγγλον (London Manuscript: 9). По вопросу о происхождении топонима нет единого мнения. Некоторые исследователи (например, Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II: 213) считают его тюркским. В. Тыпкова-Заимова полагает, что тюркское aŋıl передавалось в славянском как жгълъ, а у византийских авторов – как ὄγγλος (Тыпкова-Заимова. Болгарско селище: 445). Другие (см., напр.: Шафарик. Древности: 263; Jireček. Geschichte: 129; Miklosich. Personen- und Ortsnamen: 223; Дуйчев. Славяни и първоболгари: 205–206; ср.: Он же. Рец. на London Manuscript: 257) отстаивают славянское происхождение от старославянского жгълъ ‘угол’. Н. Йорга и Н. Банеску понимали греческое ὄγγλος как транскрипцию латинского angulus (Diaconu. Localisation: 326), что маловероятно. Большинство исследователей принимает чтение ὄγγλος, в противоположность изданию сочинений Феофана и Никифора К. де Боору, остановившемуся на варианте ὄγγλος. В. Златарский замечает, что последняя форма не дает основания для отождествления ее со староболгарским жгълъ (Златарски. История, I, 1: 180). Однако почти все рукописи, за исключением et и в одном месте f, дают чтение ὄγγλος, а конструкция де Боора базируется на тексте Никифора без учета Лондонского списка «Бревиария». Принимая этимологию Златарского, П. Диакону подчеркивает, что Огос назывался так, согласно Никифору, «на их (т. е. болгар. – И. Ч.) языке» (Diaconu. Localisation: 327). Вместе с тем, для П. Диакону остались неизвестными разночтения Лондонского списка «Бревиария». Проблема локализации Огла также не нашла однозначного решения. К. Шкорпил видел противоречие в сообщениях Феофана и Никифора о местонахождении Огла: по Феофану, Огл – район современного Галаца, а по Никифору, – Николицилский лагерь у современной Исаки (Шкорпил. Материали: 165). Златарский помещал Огл Феофана и Никифора в северо-восточном углу современной Добруджи, на острове, носившем у античных географов название Певка (Златарски. История, I, 1: 184–185, 495–502; ср.: Брун. Черноморье, I: 50). «Реки севернее Дуная», по Златарскому – северные устья Дуная (Златарски. История, I, 1: 180). Впрочем, Златарский оговаривается: «нет сомнения, что часть орды еще оставалась в Бессарабии» (там же: 188). Ю. А. Кулаковский, сторонник славянского происхождения топонима (Огл – это «славянское имя Угол»), говорит об Огле как о местности, расположенной к северу от низовий Дуная (Кулаковский. История, III: 247). П. Мутафчиев сравнивает Огл с Буджаком в современной Бессарабии (Мутафчиев. История, I: 104–105; ср.: Bănescu. Ὀγγλος: 436–439). Д. Моравчик высказывается неопределенно: Огл – местность между дельтой Дуная и лежащими к северу от него реками (Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II: 213). Диакону отождествляет Огл с Валахией (Diaconu. Localisation: 329 сл.). «Армянская география» сообщает о том, что Аспарух поселился на острове Певка (Maricq. Notes: 343), как античные географы называли дельту Дуная (см., например, Страбон: 301, 305, 306; ср.: Кулаковский. История, III: 248,

прим. 1). Время появления Аспаруха в Огле точно неизвестно: Ф. Альтхайм – Г. Хауссиг считают, что болгарский хан был в Добрудже уже ок. 675 г. (Altheim – Haussig. Hunnen: 11, прим. 13); Диакону, ссылаясь на находки монет времени правления Константина IV на левом берегу Дуная и на сообщение Феофана о неожиданности (ἐξάπινα) появления болгар у Дуная, предлагает 677–678 гг. (Diaconu. Localisation: 325 сл.).

²⁶⁵ Греческие списки «Хронографии» Феофана группы у дают чтение βοιωτέρου... ποταμοῦ ‘реки севернее Дуная’. Феофан употребляет слово Ὀγλος с артиклем мужского рода, т. е. имеет в виду реку. Однако, как известно, Огл – местность. Это обстоятельство натолкнуло В. Бешевлиева на мысль о необходимости конъектуры: исследователь предложил перенести фразу βοιωτέρους τοῦ Δανουβίου ποταμοῦ, поместив ее между словами περάσας и καί, что означает “переправившись через Днепр и Днестр [реки севернее Дуная], дойдя до Огла” (Beševliev. Zur Chronographie: 35). Д. Моравчик счел поправку Бешевлиева удачной и принял в своем издании (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 213). Впрочем, сомнения Бешевлиева, видимо, были напрасны: в данном случае мы имеем дело не с изъясном рукописной традиции, как полагал болгарский историк, а с ошибкой самого Феофана, увидевшего (в отличие от Никифора) в Огле реку (Чичуров. Об одной конъектуре: 12–16).

²⁶⁶ Скорее всего, подразумевается продвижение хазар на территории, принадлежавшие прежде болгарам (Дуйчев. Обединението: 70).

²⁶⁷ Греческие списки «Хронографии» Феофана дают чтения Βερζήλιας *dhy*, Βερζήλιος *c*, Βερζήλιος *g*; К. де Боор исправляет в Βερζήλιας; в переводе Анастасия – Berziliae (Theoph. Chron. II: 226.19), у Никифора – Βερυλίας (Nic. Brev.: 34.14), в Лондонском списке «Бревиария» – Βερυλίας (London Manuscript: 9). И. Маркварт связывал название Берзилия с обозначением гуннской народности VI в. βαρσγίλτ – барсилы (Marquart. Chronologie: 87; Idem. Scirefzüge: 490; ср.: Németh. A honfoglalás: 314). По Михаилу Сирийцу, Берзилия была страной аланов (Altheim. Geschichte, I: 91; там же и немецкий перевод известия сирийского автора о завоевании хазарами Берзилии). М. И. Артамонов считает Берзилию идентичной современному Северному Дагестану (Артамонов. История: 130, 132). Я. А. Федоров и Г. С. Федоров распространяют название Берзилия, которое, по их мнению, произошло от имени одного из болгарских племен (барсилов – берсула), родственных хазарам, не только на Северный Дагестан, но и на весь северо-западный Прикаспий; кочевья этих племен в VI–VII вв. простирались до низовий Волги, где у барсилов, до прихода туда хазар, были свои зимовья. В сообщении Феофана Федоровы видят сопоставление первой Сарматии, т. е. северо-западного Прикаспия, включая степной Дагестан, с болгаро-хазарской Берзилией и локализируют эту область в степях низовий Терека и Сулака вплоть до северных отрогов предгорных хребтов, а не в районе современного Кайтака, как предполагают некоторые исследователи (Федоров – Федоров. Южная граница: 84; ср.: Заходер. Свод: 128). Локализация Федоровых базируется лишь на «Хронографии» Феофана. Между тем, Никифор (Nic. Brev.: 34.14 – 15) не ставит знака равенства между Берзилией и Сарматией (сарматами): племя хазар, по Никифору, обитало “поблизости от сарматов” (πλησίον τῶν Σαρμάτων).

²⁶⁸ В греческом тексте – архонт, у Анастасия – pryncers (Theoph. Chron. II: 226.21), у Никифора без титула (Бревиарий, 679/680 г.).

²⁶⁹ Хазары не могли взимать дань с Батбаяна до начала IX в. Видимо, подразумеваются приазовские болгары вообще.

²⁷⁰ Император Константин IV (668 – 685).

²⁷¹ Если рассматривать слова Феофана как указание на его собственное время (т. е. начало IX в.), что не исключается, то можно думать о вхождении земель к северу от нижнего течения Дуная в территорию Первого Болгарского царства к началу IX в.

²⁷² Т. е. к моменту болгарского нашествия.

²⁷³ Т. е. византийцы.

²⁷⁴ Первоначально термин “фема” (гр. θέμα) обозначал большое войсковое соединение. Позже название войсковой единицы “фема” перешло на территорию, занимаемую ею; фемы как области, на которые распалась Византийская империя, пришли на смену старым провинциям. В нашем случае “фема” означает военный отряд.

²⁷⁵ Дромон (гр. δρόμων) – тип длинного, с высокими бортами, одним или двумя рядами гребцов и экипажем до 200 человек военного корабля, который в византийское время (кон. V – нач. VI в.) пришел на смену античной триэре (Ahrweiler. Byzance: 410–414; ср.: Bréhier. Institutions, p. 407, 411 сл., 422). У Никифора упоминание дромонов отсутствует.

²⁷⁶ Совр. Несебыр. Еще до X в. встречается в источниках (Бешевлиев. Античная топонимия: 347; ср.: Снегаров. Епархийски описъци: 652–653).

²⁷⁷ Исследователи, отождествляющие Огл с Буджаком, считают, что Аспарух переправился через Дунай в Исаки; сторонники дунайской локализации Огла говорят о переправе в районе Силистры (Diaconu. Localisation: 332 сл.).

²⁷⁸ Одисс – древнегреческая (милетская) колония на берегу Черного моря у современной Варны (Honigsmann. Synekdemosis, 636.3; ср.: Велков. Бележки: 43–45). Название Варна встречается в источниках с VII в.; Варна располагалась к юго-западу от Одисса (Miller. Itineraria, col. 512–513; Ирек. Путевания: 81–82). И. Дуйчев толкует это место как “Врана река” (Дуйчев. Проучвания: 163–165). Этимологию топонима от славянского **вранъ** см.; Бешевлиев. Античная топонимия: 349.

²⁷⁹ Некоторые исследователи (Шафарик. Древности: 265; Златарски. История, I, 1: 198 – 199; Шкорпил. Материали: 167; Dujčev. Protobulgares, p. 146–147) согласны в том, что у Феофана идет речь о северах (северянах) и семи других славянских племенах. Г. Цанкова-Петкова допускает, что хронист говорит здесь о двух племенах: северах/северянах и племенах, которое называли “семь родов” (Цанкова-Петкова. Бележки: 325 – 328). По Ю. А. Кулаковскому, “Феофан дает имя “семи племен” славянскому населению области, занятой болгарями, и называет по имени одно племя – Северяне, Σεβέρεις, которое как бы противопоставляет тем семи” (Кулаковский. История, III: 248).

²⁸⁰ Этноним Σεβέρεις, Σεβέρις (Severes, Sebbirozi) связывают с азиатским племенем сауриах, с уральскими сабирами (в V–VI вв. они располагались уже к северу от Кавказа) и, конечно, с северянами на Десне, Сейме и Суле (Нидерле. Древности: 159 и прим. 5). С приходом болгар северы переместились ближе к Дунаю, в Делиорман и район Шумена (там же: 86; ср.: Шкорпил. Материали: 167). Л. Нидерле считает, что часть северов не переходила Дунай, а осталась в Валахии и что название “Северинский комитат” сохранило воспоминание о них (Нидерле. Древности: 91–92). Топоним “Севрани” (в Эпире) дает основание думать, что северы (какая-то их

ветвь) спустились в Грецию (ВММНЖ, I: 225, прим. 20). К. Шкорпил видит в северах славянское племя, подвергнувшееся тюркизирующему влиянию болгар и принявшее в период турецкого завоевания ислам, в конечном счете племя, потомки которого составляют современное турецкое население на Восточных Балканах (Шкорпил. Материали: 171). Д. Моравчик говорит о северах как о покоренных протоболгарами славянах (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 271). Разделение болгарами славянских племен на две группы (северов и семь родов), вероятно, отражало неоднотипный характер отношений, установившихся между славянами и болгарами. Северы, видимо, оставались независимыми, хотя и были расселены на территории Болгарии Аспаруха: они не платили дани, долгое время они жили под властью своего князя – в рассказе о событиях 764/765 г. Феофан упоминает архонта северов Славуна (Theoph. Chron. I: 436.14–16; ср. о независимости северов – Beševliev. Zu Theophanis Chronographia: 57). И. Дуйчев идет дальше в предположении, что племя северов при появлении болгар на Дунае завязало с ними союзнические отношения и, возможно, содействовало покорению болгарами других славянских племен и их расселению по полуострову (Дуйчев. Обединението: 73).

²⁸¹ Рукопись *у* дает чтение *Μερεγάβων*, у Анастасия – *Veragaborum*. Существует несколько локализаций ущелья Берегава. К. Иречек идентифицирует Берегаву с современным Чалкавашским (Ришским) ущельем (Jireček. Fragmente: 157). И. Дуйчев отождествляет ее с наиболее известным в раннее средневековье ущельем Върбишкият; болгары, согласно Дуйчеву, переселили северов, обитавших до этого времени к югу от прохода (ущелья) Берегава, к Черному морю (Дуйчев. Проучвания: 159 – 162; ср.: Он же. Обединението: 72). В. Бешевлиев сомневается, чтобы такое большое племя, как северы, могло поместиться на небольшой территории – в начале ущелья Берегава: они занимали всю область северных предгорий Балкан (Beševliev. Zu Theophanis Chronographia: 57). Переселенные к востоку северы должны были охранять границы Первого Болгарского царства с Византией.

²⁸² Л. Нидерле считал, что западная граница Болгарии Аспаруха доходила до реки Тимок (Нидерле. Древности: 84; ср. с. 69; ср.: Мутафчиев. История, I: 109). В. Златарский проводит западную границу по реке Искыр, далее по Врачанским горам на север к реке Огоста, по этой реке до села Хайредин и далее к Дунаю (Златарски, История, I, 1: 210). И. Дуйчев предполагает, что западная граница ко времени Аспаруха начиналась от отрогов Стара Планина, к западу от реки Тимок; подтверждение этому автор видит в сообщении Феофана о том, что западная граница доходила до Авари. Хотя Дуйчев и оговаривает гипотетичность (из-за скудости источников) наших знаний о юго-восточной границе Аварского каганата, он все же считает весьма вероятным, что в его состав к концу VII в. не входила древняя Верхняя Мизия (Дуйчев. Обединението: 71); тем самым Болгария Аспаруха занимала, по Дуйчеву, территорию двух Мизий – Верхней и Нижней. Южная граница, с точки зрения К. Шкорпила, шла по нижнему течению реки Тича (Камчий) (Шкорпил. Материали: 167).

²⁸³ В. Златарский датировал заключение мира 679 г. (Златарски. История, I, 1: 204), С. Рэнсимен, Г. Цанкова-Петкова – 680 г. (Runciman. History: 27; Цанкова-Петкова. Бележки: 336 – 346). Ю. Трифонов предложил 681 г. (Трифонов. Превитер: 213 – 214), что было повторено М. Войновым (Войнов. Първия допир: 467–476), Г. Остро-

горским (Ostrogorsky. Geschichte³: 106, прим. 1) и в «Истории Византии», I: 373.

²⁸⁴ У Феофана 6196, т. е. 704/705 г. Параллельный «Хронографии» Феофана и «Бревиарию» Никифора рассказ о ссылке Юстиниана II: Павел Дикон. Истории лангобардов VI: 31–32.

²⁸⁵ Императору Тиверию III Аспимару (698 – 705), который до вступления на престол был друнгарием морской фемы Кивиреотов (Theoph. Chron. I: 370.23–24; ср.: Guillard. Institutions, I: 535).

²⁸⁶ Наряду с формой, принятой в издании К. де Боора, – *Δαρῶς*, списки «Хронографии» дают варианты *Δαρὰς det*, *Δαρὰς sine acc. cf*; ср.: *Daras* у Анастасия (Theoph. Chron. II: 237.28). Практически рукописной традицией «Хронографии» засвидетельствована форма топонима Дарас (различия лишь в ударениях). Иначе у Никифора, где читаем *Δόρος* (Бревиарий, 704/705 г.). В двух списках городов, дошедших до нас в рукописях, начиная с XIII в., встречаем *Δάρης* или *Δαρὰς τὸ νῦν Τοῦρες* 'Дарас, а ныне – Таврес', но речь в них идет не о крымском Доросе, как первоначально предполагал А. А. Васильев (Васильев. Готы: 324, прим. 4), а о городе Дара, построенном в Месопотамии императором Анастасием I к востоку от Нисибиса (Vasiliev. Goths: 53, n. 5). На надписях более позднего времени появляется форма *Θεοδωρῶ* (Кулаковский. История, III: 286). Вопрос о происхождении названия остается невыясненным до настоящего времени. Известны греческая, готская, кавказская и кельтская этимологии. Д. Монперё пытался объяснить Дори (т. е. принимая чтение Никифора) из греческого *δόρυ* 'лес; лесистый'; А. А. Куник считал форму *Δόρυ* усеченной и предположительно производил ее от *Θεοδору* или же от имени корсунского мученика Агатодора / *Ἀγαθόδορος* (Васильев. Готы: 323 – 324). Однако этимологии Монперё и Куника оставляют без внимания форму топонима «Дарас». Куник возводил *Δόρος* также к готскому *Dōrant*, допуская, впрочем, что название могло быть и не готского происхождения; готская этимология была принята В. Томашеком, видевшим в *Δόρος* шведское *daurōns*, *daurō* 'ворота' (там же: 323); по мнению архимандрита Арсения и В. Г. Васильевского, Таврия в готском произношении звучала как Дори; Ф. Брун предполагал в Дори замену древнего названия Таврида готским словом *daur*, *daura* 'ворота'; Бруном же была предложена и армянская этимология (армяне, называвшие Малоазийский Тавр Доросом, могли перенести этот топоним на Крым), от которой он позже отказался (там же: 324 – 325). Васильев, признавая неудовлетворительность приведенных толкований, выдвинул две гипотезы (кельтскую и кавказскую), настоятельно оговаривая их предварительность. Дорос, по Васильеву, можно либо рассматривать как отражение кельтского *dūros* / *dūrus* 'крепость' (ср. этот же корень в *Octodurus*, *Durostorum*), либо сблизить его с осетинским дор 'камень', дуар – 'дверь; ворота', армянским *дурън/дъран* – 'дверь; ворота' (там же: 327–329; ср.: Vasiliev. Goths: 52 – 57). Но пока не собраны воедино все упоминания о Доросе (Мангупе в юго-западной Таврике) в византийских источниках, вопрос о происхождении топонима остается открытым.

²⁸⁷ Анонимная хроника X в. сохранила имя этого хагана: *Ἰβούρηρος Γλαβάνος* (Preger. Scriptores, I: 40.4); вторая часть имени, вероятно, передает тюркское *Yalbars*, *Jilbar(s)* (Dunlop. History: 173: n. 12). То обстоятельство, что Юстиниан II просил о встрече с хаганом, находясь в Дарасе, Ю. А. Кулаковский расценивает как свидетельство зависимости крымских готов от хазар в начале VIII в.; по Кулаковскому, свергнутый император знал о хазар-

ском наместнике, сидевшем в Дарасе (Кулаковский. История, III: 286). Собственно говоря, «Хронография» не дает оснований для категорических утверждений: Юстиниан II, скорее всего, искал свидания с хаганом за пределами Дараса. Буквальное понимание текста Феофана означало бы распространение власти на Крымскую Готию Хазарского каганата. Последнее не подтверждается прямыми свидетельствами источников. Хазарами Готия была завоевана лишь к концу VIII в. (Васильев. Готы: 186, 194–195, 199; ср.: Vasiliev. Goths: 87. 91–92). В церковном отношении Дорос, видимо, был подчинен Херсонской епархии, если судить по подписи епископа Георгия под актами Пятошестого Трулльского собора 692 г. (Васильев. Готы: 189–191), самостоятельная готская епархия засвидетельствована во второй половине VIII в. (Vasiliev. Goths: 80).

²⁸⁸ Ю. Д. Бруцкус ошибочно переносит имя хагана Ивузир Глиаван на эту его сестру (Бруцкус. Варяги и колбяги: 94).

²⁸⁹ Рукописные чтения имени Πατατζίν *h*, Πατατζυν *sine ass. c*, Πατατζίν *f*, Πατζήν *g*, что Анастасий передает как Paratzin, Никифор имени не сообщает, но говорит об этнической принадлежности Папаца, который, согласно ему, был «единоплеменником» хагана и хазарином (Бревиарий, 704/705 г.). По Ю. А. Кулаковскому, Фанагория в это время находилась под властью хазарского хагана (Кулаковский. История, III: 287).

²⁹⁰ Греческие формы: Βαλγίτζιν *f*, Βαλγίτζειν *em*, Βαλγίτζην *g*; у Анастасия – Balgitzin. Известна этимология, возводящая имя к тюркскому Bulgitsi / Bolgitsi, Balgichi в смысле «управитель» (Dunlop. History: 172, n. 8). В «Бревиарии» Никифора без имени, но Никифор пишет о том, что Валгиц (Балгиц) был архонтом «Скифского Боспора» (Бревиарий, 704/705 г.), разумея под скифами, вероятно, хазар. Ю. А. Кулаковский утверждает, что Боспор, подобно Фанагории, был в это время под властью хагана и имел хазарского наместника, т. е. Валгица (Кулаковский. История, III: 287 и прим. 2) хотя сам Феофан и не называет его тудуном; власть византийского императора Кулаковский считает несомненной лишь для Херсона.

²⁹¹ Греческие списки дают формы Ἀσάδα *dem*, Ἀσάδα *ch*, Ἀσάδα *g*, что Анастасий переводит *iuxta litora* «около берега» (Theoph. Chron. II: 238.8).

²⁹² Ю. А. Кулаковский отождествляет Символ с Балаклавой (Кулаковский. История, III: 287; ср.: Страбон: 308, 309).

²⁹³ Болгарский хан Тервель; по Д. Моравчику, годы его правления 702–719 (Moravcsik. Byzantinoturcica, II: 306), по О. Прицаку – 691–719 (Pritsak. Fürstenliste: 51). Вероятно, Юстиниан обратился за помощью не только к Тервелю. В прочтении В. Бешевлиева Мадарская надпись, приписываемая болгарским исследователем Тервелю, звучит следующим образом: «дядя мои не поверили беззосному императору (т. е. Юстиниану II. – И. Ч.) и ушли в Солунь и Кисины»; по Бешевлиеву, речь идет о событиях 704–705 гг., одним из дядев Тервеля был Кувер, известный по «Чудесам св. Димитрия Солунского» хан панонских болгар, с которым Юстиниан пытался, хотя и безуспешно, заключить союз (Beševliev. Les inscriptions, p. 226 сл.; cf. p. 224). Ср. рассказ Гевонда о сылке Юстиниана II: Юстиниан женится на дочери хазарского хагана, Тервель (в армянской транскрипции Трве) становится хазарским полководцем и погибает в сражении (Гевонд. История: 11; 136 – 137).

²⁹⁴ Перевод Анастасия: cum autem misisset Stephanum ad Terbellin, dominum Vulgariae, ut sibi auxilium praestaret ad optinendum parentale impe-

rium suum, repromisit ei plurima se dona daturum et filiam eius in mulierem accepturum ipsique in cunctis oboediturum et concursurum iureiurando pollicitus «когда он (Юстиниан) послал Стефана к Тервелю, господину Булгарии, чтобы он (Тервель) представил ему (Юстиниану) помощь для овладения его (Юстиниана) отцовской империей, он (Юстиниан) обещал ему (Тервелю), что даст много даров и возьмет его (Тервеля) дочь в жены, а ему (Тервелю) самому клятвенно обещал во всем подчиняться и спешествовать» (Theoph. Chron. II: 238.19–23).

²⁹⁵ Согласно одному из фрагментов Мадарской надписи, Тервель дал Юстиниану II 5 тысяч (Beševliev. Les inscriptions: 225), очевидно, воинов. Анонимная хроника X – нач. XI в. сообщает, что войско болгарского хана в этом походе насчитывало 15 тысяч человек (Preger. Scriptores, II: 244.9).

²⁹⁶ До середины IX в. византийские авторы отличают болгар от их данников-славян (например, Theoph. Chron. I: 359.517, 374.5–8, 436. 14–16; ср.: Nic. Brev., 76.22–30). С постепенной славянизацией протоболгар этноним «болгары» переходит на болгарских славян (Нидерле. Древности: 85).

²⁹⁷ Т. е. Константинополь.

²⁹⁸ У Феофана 6198, т. е. 706/707 г.

²⁹⁹ По мнению Р. Гийана, Феофилакт был не простым кувикулярием, но препозитом кувикуляриев. Кувикулярий (от лат. cubiculum) – дворцовая должность, в его обязанности входило служение императору и императрице; кувикулярии составляли непосредственную охрану императора и ночевали рядом с императорской спальней; набирались исключительно из евнухов (Bury. System: 120 – 122; Bréhier. Institutions: 128; Guillard. Institutions, I, p. 269). Как полагает Р. Гийан, с начала IX в. кувикулярий становится дворцовым титулом, не связанным с выполнением определенных обязанностей (Guillard. Institutions, I: 269).

³⁰⁰ У Феофана 6203, т. е. 711/712 г. В октябре флот уже отплыл из Херсона. Возможно, первая экспедиция была непродолжительной и приходилась на осень 711 г.

³⁰¹ К де Боор не был уверен в тождественности этого Стефана Асмикта Стефану, известному по рассказу Феофана о бегстве Юстиниана II из Херсона (Theoph. Chron. II: 708, №15–16).

³⁰² Согласно «Бревиарию» Никифора, Юстиниан II отправил в Херсон 100 тысяч воинов (Бревиарий, 711/712 г.).

³⁰³ Димоты – члены димов (цирковых партий), к ним относились лишь постоянные жители столицы (Janssens. Les bleus: 499 – 536; ср.: Дьяконов. Димы: 155–157; Dagron. Capitale: 353–364; ср.: Cameron. Factions: 13, 16, 24, 32, 39, 44 и особенно 117–119).

³⁰⁴ Т. е. вмещающих десять тысяч амфор.

³⁰⁵ Хеландий (от гр. ἑλκεύς, ἑλκεύς «угорь») – тяжелый военный корабль, вмещал 100 гребцов и 200 человек экипажа; вероятно, тождествен драмону (Ahrweiler. Byzance: 410–413; ср.: Bréhier. Institutions: 417).

³⁰⁶ Спафарий (от гр. σπῆθη «широкий меч») – военный титул восьмого ранга (Guillard. Institutions, I: 75). Спафария Илью (впоследствии убийцу Юстиниана II) патриарх Никифор называет «дорифором» (копьеносцем) Стефана Асмикта (Бревиарий, 711/712 г.).

³⁰⁷ По Г. Дёрферу, в обязанности *тудуна*, положение которого аналогично положению баскака Золотой Орды, входил контроль за управителями (Doerfer. Elemente, II: 397). Анонимный греческий словарь (Etymologicum Magnum) X в. дает как параллель тудуну гр. τοτοτηρητής «местоблюститель»;

наместник' (Et. Mag. 763.24). Смысл экспедиции Юстиниана II в Херсон Данлоп видит в стремлении императора сохранить свою власть над теми территориями, потеря которых грозит империи и которые оказались в руках хазар, а не в наказании херсонитов, собиравшихся выдать Юстиниана II Тиверию Апсимару, как об этом пишет Феофан (Dunlop. History: 174). Не отрицая распространения хазарского влияния в Херсоне, хотелось бы все-таки подчеркнуть сложность отношений между империей и ее северопричерноморской периферией. Как бы ни были ослаблены позиции Византии в Крыму, Херсон все же остается местом ссылки неугодных Константинополю лиц и в 695 г. туда изгоняют Юстиниана II. Феофан отмечает вынужденность контактов херсонитов с хаганом и объясняет ее жестокостью Юстиниана. Наконец, новый император (Вардан-Филиппик) провозглашается именно в Херсоне. Неоднозначна и роль хазар в анализируемом фрагменте: с одной стороны, хаган укрывает бежавшего из Херсона Юстиниана II и выдает за него свою сестру, с другой – соглашается выдать беглеца и поддерживает восставшего против Юстиниана Вардана. Конечно, в описании этих событий Феофаном нельзя не заметить желания хрониста, резко отрицательное отношение которого к Юстиниану II известно, представить императора главным и единственным виновником происшедшего.

³⁰⁸ Рукописи сохранили варианты *Taurourai f*, *taúrov ourá h*. Ф. Комбегис предложил поправку *ἀρκτοῦρά* – Арктура; у Анастасия – *Taurura*.

³⁰⁹ Вардан, армянин по происхождению (Каган-катваги. История: 254), был сослан на Кефалинию императором Тиверием III.

³¹⁰ Остров в Ионическом море к юго-западу от Итаки (Markl. Ortsnamen: 39).

³¹¹ Известны печати нескольких Георгиев в VII – IX вв.: комеркиария Карики, Лидии, Родоса и Херсонеса VII в.; главного комеркиария VII в.; кувикулария VII–VIII вв. и протоспафария, стратига Херсонеса VIII–IX вв. (Guiland. Institutions, I: 278; II: 51). Комеркиарий – чиновник, ведающий сбором налогов, в ведомстве логофета геникона (Bury. System: 88).

³¹² Геникон – финансовое ведомство и государственная сокровищница, куда стекались поступления от налогов и где хранились податные списки. Во главе геникона стоял *логофет*. Должность логофета геникона появляется, насколько известно, в правление Юстиниана II (Bréhier. Institutions: 257; ср.: Dölger. Finanzverwaltung: 19–24).

³¹³ *Эпарх города* – префект города (т. е. Константинополя). В столице эпарх обладал высшей властью после императора, в его руках была сосредоточена административная и судебная власть, он отвечал за сохранение порядка в городе, под контролем эпарха находились городские ремесленники, организованные в коллегии (Bury. System: 69 – 70; ср.: Guiland. Institutions, I: 5, 26).

³¹⁴ Д. Данлоп видит в свержении Юстиниана II и провозглашении императором Вардана свидетельство господства хазар в Крыму и их влияния на развитие событий внутри империи (Dunlop. History, p. 176).

³¹⁵ Бессы (вессы) – ветвь фракийского племени сатров; жили вдоль горного течения реки Хеброс (совр. Марица).

³¹⁶ А. Л. Бертъе-Делагард отождествлял ее с ближайшей к морю башней в Херсоне № 18 (Якобсон. Раннесредневековый Херсонес: 38 и прим. 3).

³¹⁷ По А. Л. Бертъе-Делагарду, башня № 17, так называемая башня Зиона (там же).

³¹⁸ Размер выкупа, согласно Ватиканскому списку «Бревиария», в сто раз больше: по сто номисм за человека (Бревиарий, 711/712 г.).

³¹⁹ Опсикион (от лат. Obsequium ‘императорская гвардия’) – фема в северо-западной части Малой Азии, к югу от Мраморного моря; северная часть фемы (древняя провинция Вифиния) была местом расселения малоазийских славян. Г. Острогорский датирует возникновение фемы правлением Ираклия (Ostrogorsky. Livre des Thèmes: 48 – 51). По Никифору, Юстиниан II и в этот раз обратился за помощью к Тервелю, который прислал ему 3000 воинов (Бревиарий, 711/712 г.).

³²⁰ Город в Пафлагонии, в центральной части южного побережья Черного моря, в античный период крупный торговый центр и морской порт, в средние века был вытеснен Трапезундом и потерял свое прежнее значение (Philippson. Das byzantinische Reich: 154). Никифор сообщает, что Юстиниан II дошел до прибрежной деревни Гингилисс (Бревиарий, 711/712 г.).

³²¹ У Феофана 6209, т. е. 716/717 г.; точнее, 717 г., так как Лев III в этом году вступает на престол. Рассказ о посольстве Льва на Кавказ дается ретроспективно, источник его не выявлен; неизвестны также параллели к повествованию Феофана в иноязычной (негреческой) литературе.

³²² Император Лев III (717–741), инициатор иконоборческой политики византийских императоров VIII–IX вв., чем в основном и объясняется негативная оценка его Феофаном.

³²³ Город в Киликии; совр. Мараш в южной Турции.

³²⁴ *Исаврия* – область на юго-востоке Малой Азии, напротив острова Кипр. Лев III при крещении принял распространенное среди исаврийцев имя Конон, что послужило Ю. А. Кулаковскому основанием для предположения об исаврийском происхождении Льва III (Кулаковский. История, II: 319). Впрочем, К. Шенком было показано, что Феофан, видимо, перепутал Германикию с Германикополем (совр. Эрменек) – городом в Исаврии и что слова “а по правде” являются позднейшей вставкой (Schenk. Kaiser Leon's Walten: 296–297; ср.: Ostrogorsky. Geschichte³: 129 и прим. 2). Обращает на себя внимание их отсутствие в латинском переводе Анастасия, где читаем: *genere Syrus* (Theoph. Chron. II: 251.32).

³²⁵ При Юстиниане II.

³²⁶ Отец Льва III, вероятно, был стратиотом (Кулаковский. История, III: 319 – 320).

³²⁷ Т. е. с Тервелем (Хронография, 704/705 г.).

³²⁸ Византийские авторы ничего не сообщают об аланах в течение целого столетия – с конца VI в. до конца VII в. Ю. А. Кулаковский связывает молчание византийских источников об аланах с их зависимостью от хазар; с точки зрения Кулаковского, эпицентр событий переместился на восток – от Кавказского прохода (Дарьяла), где селились аланы, к Каспийскому (Дербенту), через который хазары совершали набеги на персов и позже на арабов; тем самым аланы оставались в стороне от столкновений империи с сасанидским Ираном в VII в., чем и объясняется отсутствие упоминаний об этом народе. Повествование Феофана о посольстве Льва III на Кавказ рассматривается Кулаковским как свидетельство свободы аланов от власти хазар. И для VIII в. рассказ «Хронографии» остается единственным источником по истории аланов, хотя контакты Византии с аланами, вероятно, не прерывались, о чем говорит, по Кулаковскому, обращение аланов в христианство в начале IX в. (Кулаковский. Аланы: 142, 144). В VIII в. аланы

селились к северу от Кавказа, в долинах Кубани и Терека. На это время приходится сужение территорий аланских племен: если в V–VII вв. их земли простирались от Кубани до Дагестана, то в VIII–IX вв. аланы, вытесненные черными болгарами, теряют район Кисловодска (Кузнецов. Аланские племена: 30). По мнению В. А. Кузнецова, понятие “аланы” в раннее средневековье не только имело узко этническое значение, но и использовалось как собирательный термин для определения союза племен (там же: 74). В соответствии с этим Кузнецов выделяет три крупных локальных варианта аланской материальной культуры: западный – в верховьях Кубани, центральный – Кабардино-Балкария и восточный – Северная Осетия и Чечено-Ингушетия (Кузнецов. Локальный вариант: 149). В нашем случае речь идет, скорее всего, об аланах в верховьях Кубани.

³²⁹ *Абасги* (совр. абхазцы) называли себя *Afswa*; греческий этноним передает один из грузинских вариантов имени – *Abasq/Ar'haz*; с поздней античности народ распадается на три группы: абасги (от реки Псоу до Бзыби), саниты (от реки Бзыби на юг до Диоскуриады) и апсилы (у устья Кодори); в византийских источниках первое упоминание об абасагах находим у Феодорита Киррского (V в.) под 423 г. (Kollautz. *Abasgen*: 21–24). Абасагам принадлежали области вдоль черноморского побережья от Псоу на северо-западе до устья Ингури на юге (границы между Мингрелией-Имеретией и Абхазией); на севере и востоке Кавказский хребет, тянувшийся на северо-запад, отграничивал абасгов от равнин Кубани и Терека; Лазика, хотя и находилась за пределами древней и современной Абхазии, в VIII–X вв. принадлежала Абхазскому царству; название страны появляется впервые в VI в. (Kollautz. *Abasgia*: 42–44). Независимость от Византии абасги завоевали в 790 г., когда ими была захвачена и Лазика (Kollautz. *Abasgen*: 35).

³³⁰ М. Канар, анализируя фрагмент об аланах, пишет о признании лишь Лазикой господства арабов в правление императора Леонтия (695–698), абасги же (как и апсилы), с точки зрения Канара, “отложились” (от империи. – *И. Ч.*); смысл экспедиции Льва III как раз и заключался в том, чтобы до похода императора (Юстиниана II) в Лазику спровоцировать нападение аланов на абасгов (Canard. *L'aventure*: 354). Присутствие арабов в Абасгии вызывает сомнения и у С. Г. Зетейшвили (Зетейшвили. Сведения: 85), не подкрепляемые, впрочем, вескими доводами. Между тем, Феофан прямо говорит о власти арабов в Абасгии, Лазике и Иверии.

³³¹ *Фасис* – река (совр. Рион) и одноименный город (совр. Поти в устье Риона), но поскольку в греческом тексте «Хронографии» Фасис употребляется с артиклем мужского рода, то, очевидно, подразумевается река, а не город.

³³² По М. Канару, сопровождение Льва III состояло из армян, хотя слова Феофана не дают основания для такой трактовки: в «Хронографии» сказано только о местных жителях Фасиса.

³³³ *Апсилы* располагалась по течению реки Кодори, впадающей в Черное море к югу от Сухуми у мыса Искуриас (Кулаковский. История, III: 323, прим. 1; Canard. *L'aventure*: 354, прим. 2).

³³⁴ Годы правления абхазских князей известны, начиная со Льва I (735–786 или ок. 736–766/767 гг.); для остальных установлены в хронологическом порядке только имена (числом 9), последние из них – Димитрий I, Феодосий I, Констанций I и Феодор (Kollautz. *Abasgen*: 33–36). Не исключено, что в нашем случае речь идет о Феодоре, а может быть, и о Констанции I.

³³⁵ Ю. А. Кулаковский предполагает в этих “прегрешениях” грабежи абасагами торговых кораблей трапезундских купцов, которые торговали с кавказским побережьем (Кулаковский. История, III: 322, прим. 1).

³³⁶ По Прокопию, *Археополь* – город к северу от течения Фасиса, самый большой и укрепленный в Лазике (Война с персами II: 29, 17–18). Ю. А. Кулаковский отождествляет его с Даба Цвели (Старый город) у истоков реки Дзеврулы (Кулаковский. История, III: 322, прим. 2).

³³⁷ Здесь к реке Фасису.

³³⁸ *Киклоподы* (гр. *κυκλοπόδες*) – круглые снеготупы.

³³⁹ *Сидерон* сопоставляется с Цебельдой в долине верхнего Кодори, крепость в горном проходе Цебельда – Сухуми (Артамонов. История: 361; Kollautz. *Abasgen*: 34). Агафий сообщает древнее название Сидерона – Цахар (*Agach. Hist.*, 4, 16, 4).

³⁴⁰ Кавказское племя, обитавшее по течению реки Кодори, между лазами и абасагами, поддерживавшее оживленные связи с империей уже в правление императора Адриана (117–138) (Кулаковский. История, III: 323, прим. 1; ср.: Canard. *L'aventure*: 354, прим. 2).

³⁴¹ У Феофана 6220, т. е. 728/729 г.

³⁴² *Мидия* – античное название Персии, но речь, разумеется, идет о землях, занятых арабами.

³⁴³ У Феофана 6221, т. е. 729/730 г., но так как далее следует рассказ о соборе 7 января, т. е. 730 г., то поход Масламы, видимо, следует отнести к концу 729 г.

³⁴⁴ Арабский полководец, в 717 г. арабская армия под его командованием осадила Константинополь (там же, I, 395.18–19).

³⁴⁵ Имеются в виду хазары, а не тюрки на Северном Кавказе, как полагает Л. Брейе (*Bilderstreit*: 187).

³⁴⁶ Между арабами и хазарами.

³⁴⁷ У Феофана 6223, т. е. 731/732 г.

³⁴⁸ Т. е. в Хазарию.

³⁴⁹ У Феофана 6224, т. е. 732/733 г.

³⁵⁰ Лев III.

³⁵¹ Т. е. хазарского.

³⁵² Будущего императора Константина V Копронима (741–775).

³⁵³ Ее имя до крещения было, видимо, Чичек (Цветок), если она и упоминаемая схолиастом Константина Багрянородного хазарская августа – одно и то же лицо (Dunlop. *History*, p. 177, прим. 27; ср.: Moravcsik. *Byzantinoturcica*, II: 313).

³⁵⁴ Д. Данлоп считает, что здесь может подразумеваться не только греческий перевод Ветхого Завета, но и его древнееврейский оригинал; исследователь не исключает возможности изучения древнееврейского Ириной еще в Хазарии; намек на это он видит, в том, что Зонара называл Константина V “ни христианином, ни эллином, ни евреем, но совокупностью [всяческого] нечестия”. Это позволяет Данлопу говорить о распространении иудаизма у хазар уже ко времени женитьбы Константина V на Ирине (Dunlop. *History*: 177 сл.). Что касается обвинений Зонары, то в них, конечно, отразилась версия иудейского происхождения иконоборчества (Theoph. *Chron.* I: 401.29–402.9).

³⁵⁵ Имеется в виду иконоборчество Льва III и Константина V.

³⁵⁶ У Феофана 6241, т. е. 749/750 г.; точнее, 25 января 750 г. Первоначально индикт (от лат. *indictio*) означал налоговое обложение, позже значение перешло на год, в котором оно проводилось; установление индикта в 5 лет (пятилетний промежуток между годами налогового обложения) припи-

сывают императору Диоклетиану (284–305); пятнадцатилетний индикт был введен Константином I, причем точкой отсчета был сентябрь 312 г.; с IV в. индикт употребляется для датировки императорских грамот, датировка индиктом гражданских актов учреждена в 537 г. Юстинианом I; индикт мог обозначать как собственно период в 15 лет, так и каждый год этого периода, в последнем случае он давался в сочетании с порядковым числом (Grumel. *Chronologie*: 192–206).

³⁵⁷ Константина V.

³⁵⁸ Будущий император Лев IV (775–780), по прозвищу Хазарин.

³⁵⁹ Т. е. от Ирины.

³⁶⁰ У Феофана 6255, т. е. 763/764 г.; точнее, осень 763 г., так как ниже описываются суровые морозы, начавшиеся в октябре.

³⁶¹ Т. е. хазары.

³⁶² Известны малый (46,8 см) и большой (62,46 см) *локоть*. Большой, использовался, как правило, для измерения земли (там же: 20–21).

³⁶³ Список *g* дает чтение Ζηχίας, у Анастасия – Licchia (Theoph. Chron. II: 285.28). Речь, вероятно, идет об области расселения зихов: северо-восточное побережье Черного моря.

³⁶⁴ Один из ватиканских списков «Хронографии» (с) изменяет порядок перечисления рек: «реки Куфиса, Днепра и Днестра».

³⁶⁵ Здесь город на фракийском побережье Черного моря.

³⁶⁶ У Феофана 6256, т. е. 764/765 г.

³⁶⁷ В переводе Анастасия – cum Avaribus ‘с аварами’ (Theoph. Chron. II: 286.30). В рукописной традиции «Хронографии» этнонимы Ἀραβες и Ἀβαρες нередко заменяют друг друга (например, там же, I: 257.11, 303.6, 356.3, 357.24, 440.18).

³⁶⁸ У Феофана 6265, т. е. 774 г., так как на него приходится 12-й индикт.

³⁶⁹ В греческом тексте – ρούσια χελάνδια, что Анастасий передает как rubea chelandia (там же, II: 295.25). Хронист говорит об императорских хеландиях, украшенных пурпуром, составлявшим прерогативу византийского василевса.

³⁷⁰ Г. Ф. Чеботаренко, анализируя археологический материал поселения Калфа (Новоаненский район Молдавии; южная часть Прутско-Днестровского междуречья, в 4 км от впадения реки Бык в Днестр), разделяет его на два периода: славянский (II пол. VIII–IX в.) и болгарский (IX – нач. X в.); частичную смену археологических культур, например, в керамике, исследователь объясняет распространением «политической власти Первого Болгарского царства к северу от Дуная» (Чеботаренко. Калфа: 3, 12, 80, 87). Однако, судя по данному фрагменту, в VIII в. к территории Первого Болгарского царства относились низовья Дуная как к северу, так и к югу.

Источник: Theophanes Confessor. Chronographia / Ed. J. Classen, Imm. Bekker (Corpus scriptorum historiae byzantinae / Ed. B. G. Niebuhrii). – Bonn, 1839–1841; Theophanes. Chronographia. Vol. I–II / Ed. de Boor. – Lipsiae, 1883, 1885; Летопись Византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / В переводе с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. С предисловием О. М. Бодянского. – М., 1884; И. С. Чичуров. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Текст, пер., комм. – М., 1980.

Никифор Константинопольский

Νικηφόρος πατριάρχης – Nicephorus Patriarcha

Никифор (ок. 750 – 5 апр. 828), византийский церковный деятель, богослов и историк. Родился в Константинополе. Его отец, Феодор, служивший секретарем императора Константина V (718–775, соправитель с 720, имп. с 741, в 742–743 вне столицы), за почитание икон был сослан; мать, Евдокия, последовала за мужем добровольно. После смерти мужа она вернулась в Константинополь, вырастила сына и приняла монашеский постриг. Никифор получил светское образование. Стал крупнейшим богословом своего времени, несмотря на отсутствие в те годы возможности для получения систематического церковного образования. В 775–780 Никифор служил в императорской канцелярии под руководством Тарасия, патриарха Константинопольского с 784 г. В 787 г. как императорский советник выступал в защиту учения об иконах от имени императрицы Ирины (ок. 752–803, имп. 769–790 и 791–802, автократор 797–802) на VII Вселенском соборе в Никее. Через

несколько лет после собора Никифор оставил службу, поселился в Босфоре Фракийском, продолжая изучать богословие и стараясь вести жизнь безмолвия и молитвы. На свои средства он построил храм, основал монастырь. В 806 г., после кончины патриарха Тарасия, Никифор, еще будучи мирянином, был избран на его место. Тогда он принял постриг и священнический сан. После прихода к власти императора Льва V Армянина (813–820), иконоборца, поправшего волю созванного Никифором поместного собора для защиты иконопочитания, в 815 г. Никифор был отлучен от церкви собором иконоборцев и сослан на остров Проконнис в Мраморном море, где и умер. Перу Никифора принадлежат: «Бревиарий», или «Краткая история» («Ἱστορία σύντομος», лат. «Breviarium historicum», от смерти Маврикия в 602 году до 769 года), «Краткая хронография» («Χρονογράφικον σύντομον», лат. «Chronographia brevis», хронологический перечень, начинающийся от Адама, в котором

приведены имена библейских патриархов, царей иудейских и персидских, египетских Птолемеев, римских и византийских императоров с указанием времени их правления и перечислением особо важных событий всемирной истории, имевших место во время их царствования вплоть до 828 г.). В 870 г. папский библиотекарь Анастасий выполнил латинский перевод этих сочинений. Особой популярностью на Руси пользовалась хронография Никифора. До нас дошло 52 списка трех редакций ее церковнославянских переложений XIII–XIX вв. под названиями «Преподобного (или Пресвятого), отца нашего Никифора патриарха Константинограда летописец вскоре», «Никифора патриарха Царяграда

летописец», «Никифора патриарха Царяграда летописец вкратце изложен» и др. Древнерусские книжники при изложении труда Никифора использовали другие малые византийские хроники, сочинения Иоанна Малалы, Георгия Синкелла, Георгия Амартолла и, конечно же, Феофана Исповедника, с которым более всего совпадений в «Бревиарии» Никифора, поскольку оба они использовали один и тот же утраченный источник. В своих теологических сочинениях (три «Опровержения невежества и безбожной бессмыслицы нечестивой Маммоны [т. е. Константина V] против спасительного воплощения Слова Господа» и др.) Никифор защищает истинность взглядов иконопочитателей.

Подробнее см.: P. I. Alexander Patriarch Nicephorus of Constantinople. – Oxford, 1968; Е. Э. Липшиц. Очерки по истории византийского общества и культуры. VIII – I пол. IX в. – М.-Л., 1961; Е. К. Пюторовская. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – I пол. XIV в. – М.: Наука, 1987.

Никифор Константинопольский

Краткая история со времени после царствования Маврикия

Перевод и примечания Е. Э. Липшиц

Часть I

После того как император Маврикий был убит [601 г.] Фокой, осуществившим это, была захвачена императорская власть. Дела христиан были доведены им до таких бедствий, что многими распевалось, что, в то время как персы извне опустошают державу ромеев, Фока прилагает к этому еще более силы изнутри. Это сделалось невыносимым для ромеев. Поэтому тогдашние правители Ливии, которые набрались смелости благодаря большому расстоянию, а также и потому, что им была вручена Маврикием стратигия (это были два брата — Ираклий и Григорий), договорились послать совместно сыновей [610 г.] с обоюдным условием, чтобы тот из них, который прибудет вперед, если сможет, захватил бы императорскую власть. И вот они послали морем Ираклия, сына Ираклия, снарядив большой флот из судов, заполненных командами из афров и маврусиев. Никиту же, сына Григория, с многочисленным конным войском послали сушей. Ираклий, сопровождаемый счастливым жребием и нагруженный самыми благоприятными ветрами, опередил Никиту, благополучно приплыл в Византию и уже приблизился к захвату города. Крисп же, это был зять Фоки, который тогда занимал пост эпарха города и был могущественным среди императорских людей, был враждебно наст-

роен по отношению к Фоке, потому что был им всячески оскорбляем по причине низвержения его, Криспа, статуи. Дело в том, что как-то димоты из партий противоположных цветов, незаконно поставили ее наравне со статуей Фоки. И он вступил на путь коварства. Уверяя обманным образом Фоку, что он трудится в его пользу, и подтверждая, что Ираклий пришел на собственную погибель, он в то же время содействовал Ираклию к лучшему осуществлению [его целей]. И окружающие Фоку зрители и граждане восстали, ибо уже димоты из партии зеленого цвета [прасины] подожгли императорские помещения [кесарий] и возглашали о чужом царствовании. Но, узнав о сильном наступлении на них войск Ираклия, они покинули императора и перешли на их сторону. Некто по имени Фотий, который был оскорблен Фокой, так как его жену император некогда обесчестил, проникнув во дворец со множеством войска, тотчас же захватил Фоку, снял с него императорское облачение, закутал его в черные одежды, скрутив руки, связанные за спиной, и на судне вручил пленника Ираклию. Ираклий, увидев его, сказал: “Так-то, несчастный, ты правил государством”. Тот же ответил: “А ты намереваешься лучше управлять?” И сразу же Ираклий еще на корабле приказал под-

вергнуть Фоку казни мечом, затем отсечению членов, в том числе правой руки от плечевого сустава, и повесить их на копья, а тело его протащить к так называемому форуму Быка¹ и там его предать сожжению. [Ираклий] приказал, и Доментиола, брата Фоки, и Воноса, и Леонтия, хранителя императорской казны, до конца поддерживавшего Фоку, казнить. Так это и произошло.

Хосров же, персидский царь, собрав многочисленную армию, послал ее против ромеев, назначив начальником персидских сил Саита². Тот же, поспешив к Александрии, насильно захватил ее и поработил весь Египет; и также захватил весь Восток. Многих увел в неволю, других же умертвил беспощадным образом. И вот он так упрочился, что вслед за тем пошел со всеми войсками против города Халкидона, подвергнув его длительной осаде, приглашая в то же время императора вступить в переговоры. Император принял это предложение и переправился к нему сам в сопровождении императорской гвардии и свиты. Увидев его, Саит встал со своего кресла и бросился на землю ниц. Тот же с лодки, в которой он приехал, провозгласил ему приветствие и отдал ему дары. Тогда Саит сказал ему следующее:

“О, император, нужно, чтобы царства ромеев и персов не расходились в суждениях и никоим образом не противостояли друг другу, но сохраняли бы дружбу и договоры единоклубнейшим образом (это лучше и приятнее всего было людям издревле и ныне и способствует жизни, благополучию и законности) и чтобы договор оставался во всей силе и впредь. Ибо мы знаем, что никогда не появится государства, которое могло бы соревноваться, не оказавшись более слабым, с этими империями. И разве не грешно в то время, когда возможно руководствоваться разумом и взаимным пониманием и укреплять благосклонность и дружбу между собой, выступать с оружием друг против друга и вредить подданным несправедливым злом? Из-за чего же это происходит? Если бы вы установили согласие и мир, то это сделало бы и каждого из вас и других людей много счастливее и указало бы на пример, достойный удивления и подражания во всей жизни. Труд и забота изменяются для вас в радость и покой. Если же вы предпочитаете лучше пренебречь столь великим благом и отвергнете мир прочь и сочтете, что он вам не принесет пользы, и выберете вместо этого взаимное нерасположение и зло, то вы

станете виновниками многочисленных войн и породите то, что содействует дурному и отталкивающему, и тогда изведете великими трудами и потом, и убьете людей, и причините великий ущерб имуществу. И вообще, война явится для вас исходом, ведущим к великому злу. Подобным же образом и ныне вы можете видеть, что, когда я насильно вторгнулся в ромейскую землю, она увидела и претерпела страшнейшие [бедствия]. Поэтому вы оказались самым несчастливейшим и жалким из государств”. Так он клятвенно заверял, что стремится, чтобы ромейская и персидская державы пошли по пути установления мирных отношений.

Тот же изъявил свою готовность это сделать и объявил [это], но прибавил, что придаст этому веру, если таковы истинные намерения Хосрова. Но Саит сказал: “Если ты ко мне имеешь доверие, то тогда соизволь лучше сейчас послать своих представителей к Хосрову (я убежден, что и он сам, я хорошо знаю, присоединится к моему мнению), и заключите с нами договор и установите, чтобы вами мир впредь во все времена соблюдался прочно и нерушимо”.

Император же Ираклий, после того как он об этом узнал из благосклонных и обворожительных речей, обрадованный и очарованный, согласился все выполнить с готовностью и ревностью. И патриарх и высшие сановники, которых он призвал к совету, охотно присоединились к решению о выполнении этого дела. И сразу же были назначены посланными представителями Олимпий, занимавший должность эпарха претории, Леонтий, эпарх города, Анастасий, эконоом великого храма, который носит название Софии божественной мудрости, – самый достойный доверия в делах. Саит взял их и ушел назад из Халкидона, удаляясь в Персидскую страну. И в то время, как он подвигался по ромейской земле, он их вел с почетом и с достойным уважением (почестями), но когда же он вступил в Персию, он заковал их в железо и связанных привел к Хосрову. Хосров же, после того, как он узнал, что Саит признал Ираклия как императора и почтил, вместо того чтобы захватить его пленником и привести к нему (ибо об этом он мечтал и на это возлагал надежду), сильно вознегодовал на него и, наконец, содрал с него кожу, предал его неумолимой и насильственной смерти. Ромейских же послов отдельно каждого отдал под крепчайшую охрану, истязуя их величайшим образом.

Это немало омрачало правление императора. К тому же, в то время произошел также тяжелый голод в империи, потому что Египет перестал снабжать хлебом остальные (части), вследствие чего истощились многие императорские хлебохранилища. К тому же, и заразная эпидемия напала на горожан и поразила многих из них смертью. Из-за всего этого император был ввергнут в большое уныние и нужду. И он намеревался по этой причине направиться в Ливию. И тут же отправил вперед *кораблями* много золота, серебра и драгоценных камней. Немало из них, попав в большое волнение, было смыто и поглощено морской пучиной. И тогда граждане, проведавшие об этом, насколько это было в их силах, стали препятствовать ему. Патриарх же призвал его в храм и связал его клятвами, убеждая, насколько возможно, чтобы он не покидал столицы. Уступая им, хотя он и тужил о настоящих несчастьях, он поступил согласно их воле, хотя и неохотно.

Прошло некоторое время, и государь гуннского народа вместе со своими правителями и дорифорами прибыл в Византию, домогаясь у императора, чтобы принять христианство. Тот же охотно его принял, и ромейские архонты были восприемниками гуннских архонтов, а их жены – гуннских жен, и их окрестили в божественной купели. И также они были одарены императорскими дарами и были наделены званиями. Император удостоил саном патрикия их игемона (вождя) и благосклонно отпустил [их] в гуннскую страну.

[619 г.]. Через некоторое время после этого игемон аварских племен прислал представителя для переговоров о заключении мира к Ираклию. Ираклий этому очень обрадовался; он обменялся с ними подарками и затем послал в качестве своих представителей Афанасия патрикия, затем Косьму, занимавшего должность, именуемую квесторской, которые ему объявили императорскую волю. Авар же, притворяясь, под личиной дружбы, держался вкрадчиво и обольстительно, высказывался, что он друг ромеев, и изъявил готовность заключить с императором договор. Они же, возвратившись, доложили о его благорасположении императору. Очень обрадовавшись, он вознамерился отправиться в город Гераклею и встретиться с Аваром, как то было ими договорено. Он послал вперед театральные приспособления и приготовил все как следует для конских состязаний для приема его, а также позаботился о великолепных одеждах для не-

го и для свиты. После того отправился и остановился в городе Силимврии. Через три дня каган с большим числом аваров появился около Гераклеи. Отобрав некоторую часть из следовавших за ним, являвшихся наиболее отважными и воинственными, он послал их в чащу и заросли, поднимавшиеся вокруг так называемых больших стен, чтобы они тайно прошли по находящимся там густо заросшим возвышенностям и чтобы они захватили императора с тыла, с тем чтобы самому иметь в своем удобном расположении в центре оставшиеся у него [силы]³. Ираклий об этом проведал и, немало испугавшись случившегося, вопреки расчету, снял пурпурные одежды, переменяв их на жалкое и бедное платье, чтобы встречным показаться простолюдином, и, привязав императорский венец к руке, неблагоприятным образом тотчас же обратился в бегство и едва спасся в Византии. Авары же с воодушевлением бросились в погоню и обосновались лагерем на равнине, находящейся перед городом, именуемой Эбдомоном⁴. Отсюда же они распространились до моста через реку Барбисс и эти местности беспощадно разграбили, безжалостно уничтожая ромеев; императорские же одежды и уборы забрали, как и театральные приспособления и всех тех, кто был при них. Многих же из народа увели в плен рабами в свои пределы. Как единогласно говорили некоторые из бежавших из числа захваченных в плен, количество их всех достигало цифры двухсот семидесяти тысяч мужчин и женщин⁵.

Ираклий, испытывавший подобные затруднения и неполадки в делах общественных, не сумел наладить хорошо и дел домашних. Зная, что дело, которое он делает, неправильно и запрещено ромейскими законами, он соединился браком со своей племянницей Мартиной [613 г.]. Мартина была дочерью его сестры Марии; отцом же ее был Мартин, который был мужем Марии прежде Евтропия. И Ираклий родил от нее двух сыновей. Одного из них он назвал Флавием, другого Феодосием. Однако справедливость восторжествовала над нечестивцем. У старшего из сыновей шея была так поставлена, что он не мог оборачиваться. Младший же был лишен слуха и был глухонемым. За это нечестивое сожитие димоты цвета прасинов очень его ругали во время конских бегов. Сергей же, византийский патриарх, настойчиво поучал его в письме, чтобы он отказался от супружества с женой. Он же оправдывался, что “хотя это и хорошо

тобой сказано – ибо это так приличествует и патриарху и другу, которым ты как должно и воздал, но на нас же лежит последнее слово в делах”. В это же самое время были распроданы церковные сокровища для выплаты дани варварам.

И опять царь Хосров персидский пошел войной против ромеев; он назначил полководцем Сарбара, который опустошил всю восточную область⁶. Он захватил в святых местах животворное древо исцеляющего креста при тогдашнем патриархе Иерусалима Модесте. Персы же приготовились и поспешили подойти к Халкидону. Ираклий, приведенный [622 г.] в замешательство персами и аварами, а вместе с тем и голодом, мучившим ромейское государство, и заразительными смертельными болезнями, уничтожавшими его, призвал Сергия, патриарха города, так же как и архонтов и прочую часть народа, передал им своих детей, вручил патрикию Бону бразды правления и сделал попытку вторгнуться через Евксинский [Понт] и через Лазик в Персию. У него родился сын от жены его Мартины (ибо он ее увез с собой), которого он назвал Ираклием⁷. Там он послал дары к турецкому государю⁸, призывая его заключить союз против персов. Тот же принял их и обещал действовать в союзе. Узнав об этом, Ираклий направился к нему сам. Тот же, услышав о присутствии императора, устремился к нему навстречу с массой турок и, сойдя с коня, преклонился перед императором до земли⁹. То же сделала и вся толпа, находившаяся вместе с ним.

Император обрадовался, увидев выказанную ему честь, и объявил, что если дружба к нему так прочна, то пусть подойдет, чтобы приблизиться к нему, и назвал его своим сыном. Тогда тот обнялся с императором. Император же, обняв его, взял корону со своей головы и переложил ее на голову турка (и пригласил его на пир). И, возлежа на пиршестве, всю утварь и царские одежды и серьги, украшенные жемчугами, подарил ему. Так же и находившихся с ним архонтов собственноручно украсил подобными же серьгами. Но затем, опасаясь, чтобы он не склонился к тому же, что имело место с аваром, и чтобы сделать союз более прочным, он показал ему изображение своей дочери Евдокии и сказал ему: “Нас объединил бог, объявив тебя моим сыном. И вот это дочь моя и ромейская августа. Если ты поможешь мне и дашь вспомогательные войска против врагов, я ее отдаю тебе в

жены”. Тот же, пораженный красотой и прелестью портрета и восплаивший из-за него любовью к его оригиналу, еще более склонился к союзу. И сразу же передал архонта со множеством турок императору. И напав с ним на Персию, Ираклий сразу стал разрушать ее города и уничтожать храмы огня¹⁰. В одном из них он нашел, что Хосров обоготворил себя, изобразив самого себя сидящим на крыше храма, как бы на небе. Здесь были изображены и молния, солнце и луна; ангелы стояли вокруг него, и по желанию с помощью механических приспособлений гремел гром и шел дождь. Увидев эту мерзость, Ираклий ниспроверг ее на землю и превратил в прах. Хосров услышал об этом, а также и то, что и турки выступают в союзе с Ираклием, известил Сарбара письмом, чтобы он как можно скорее вернулся из ромейской страны и отомстил бы Ираклию, потому что он не может противостоять своими силами многочисленным силам Ираклия. Письмо же это было перехвачено и вручено Ираклию. Тот же, узнав это, когда оно было прочитано, уничтожил его и изготовил другое письмо, как бы посланное от Хосрова к Сарбару, и пометил его печатью Хосрова. Оно содержало следующее: “Ромейский кесарь заключил союз с турками и дошел до местности, именуемой Адорбадиган, и когда против него была послана армия, он и турки были разбиты, остающиеся же удрали. Не покидай поэтому ромейской земли, но осаждай Халкидон, чтобы поработить и опустошить ромеев”. И Сарбар, получив письмо, держал осаду.

Авары нарушили перемирие; Ираклий, прежде чем стал воевать с персами, подкрепил его дарами, посланными им, взял на себя обязательство уплатить им двести тысяч номисм, дав им заложниками одного из своих сыновей, по имени Иоанна, которого звали и Аталарихом, так как он был незаконнорожденным, от наложницы; Стефана, своего племянника, сына его сестры Марии, и Евтропия и еще другого Иоанна – сына патрикия Вона, также рожденного им от наложницы. Авары же собрались взять Византию и сразу же подожгли все предместья. Итак, как бы поделив между собой Фракийский Боспор, персы захватили его азиатскую часть, а авары уничтожали Фракийскую область. Другими словами, авары намеревались захватить Византию и подготовили механические стенобитные приспособления. Там были и деревянные башни и военные машины “черепахи”. Но по-

сле того как они пододвинули машины к стене, божественная сила неожиданно их разрушила и находящихся на них аварских воинов истребила. И так как множество славян следовало вместе с аварами и действовало в союзе с ними, они дали им знак, чтобы, как только они заметят факелы, зажженные на передней стене Влахерн¹¹, именуемой птерон [крылом], они сразу же подошли туда на лодках-однодеревках, чтобы вплавь пробраться, взволновать город и чтобы авары могли смело броситься со стен внутрь города. Это стало известно патрикию Бону, и он снарядил двухрядные [диеры] и трехрядные [триеры] весельные суда и в том месте, где был подан сигнал, вооружившись, пристал там. И также послал диеры к другому, противоположному берегу. И приказал сразу же дать огневой сигнал. Увидев знак, славяне от реки, именуемой Барбисс¹², устремились и пошли по направлению к городу. Те же налетели на них, загнали их в середину и сразу же опрокинули, так что и морская вода сильно окрасилась кровью. Среди трупов убитых оказались и славянские женщины. Увидев это, все варвары отказались от осады и возвратились к себе домой. Архиерей же города вместе с Константином императором отправились принести благодарственные молитвы богу в церкви Божьей Матери, сооруженной во Влахернах, и сразу же воздвигли стену и положили построить ограду у этого святого храма. Вот каким образом обстояли дела с аварами.

Хосров же, узнав, что Ираклий приблизился к столице персов, послал [627 г.] против него одного военачальника, по имени Ризату, благородного по происхождению и опытного в военном деле. Тот, придя на место, построил войска против императора, и встал перед своей фалангой, и вызвал [противника] на единоборство. Ираклий, так как он не знал никого из своего войска готового [к единоборству], вышел сам против варвара. Тот же, будучи опытным стрелком, пустил стрелу и задел верхнюю губу императора. Затем послал и другую стрелу и вонзил ее в лодыжку ноги. Сам же Ираклий подъехал верхом на лошади и, когда один из его копьеносцев отсек плечо Ризаты мечом и когда тот упал, поразил его копьем и сразу же отсек и его голову. В воодушевлении же после этой победы ромейское войско, видя смелость императора, напало мощным ударом на отступивших персов и нанесло им сильное поражение, преследуя их и убив большое число из них.

Персидские же архонты, когда они узнали, что ромейский император [628 г.] ради своего государства не пощадил собственной жизни, задумали вместе с Сироем, сыном Хосрова, убить Хосрова, так сильно презревшего свое государство. И вот они заточили его в одном из царских дворов, не давая ему пищи, предлагая ему золото и серебро и многие камни, говоря: “Чем наслаждался, и из-за чего безумствовал, и что страстно любил, то и получишь”. И когда так его извели голодом и уморили, тогда провозгласили сына его царем персов. Сирой сразу же отправил к Ираклию послов и послал ему дары, чтобы умиливать его. Кроме того, он присоединил и письмо к нему, в котором уговаривал его по божьей воле помириться и объединиться из-за обоих их государств и чтобы каждое из них успокоилось. Тот же ответил письмом на это, называя Сироя сыном, что он никогда не имел намерения лишать царя его сана. Поэтому не сделал этого и в отношении Хосрова, хотя он и усердно хлопотал о многочисленных бедствиях и для ромеев и для персов [сказал он], а если бы одержал над ним верх, то если бы он спасся, то стал бы [стремиться] к восстановлению его государства. Но бог, который знал его помыслы, воздал ему по достоинству кару, чтобы из-за него не произошло разорения многих; нас же привел к единению. О животворном же древе, которое Сарбар увез из Иерусалима, он сразу потребовал, чтобы оно было возвращено туда же; тот же обещался его отдать, если его где-нибудь случится обнаружить¹³. В отношении послов, которых Сайт увел обманом, Сирой сообщил, что Леонтий умер обычной смертью, других же Хосров распял на кресте, когда узнал, что Ираклий вторгнулся в Персию.

Вскоре после смерти Сироя персидским царством правил Кавозс, который также жил недолго и вскоре умер¹⁴; после него царствовал у персов Ормизда (Гормизд), который также послал послов к Ираклию, направив к нему собственного сына с деньгами и драгоценными дарами. Он писал в письме, что “так же, как говорят, ваш бог был отдан некогда старцу Симеону в объятия, так и я передаю тебе твоего слугу [раба], сына моего. Пусть ведает бог, которому ты поклоняешься, как ты будешь обращаться с ним”. Ираклий же принял его с большим почетом и затем, после смерти Ормизда, возвел на персидский престол.

Сарбар, услышав, что Хосров, Сирой, Кавозс и Ормизда умерли, удалился из ромей-

ской страны и написал в свое оправдание Ираклию, что не охотно, но по желанию поспавших его действовал против ромеев. Но искал представить себя на его суд, чтобы стать его слугой. И обещался, получив от императора подтверждение честным словом, что придет к нему из Персии и даст деньги, с помощью которых будет восстановлено то, что он сам разрушил в земле ромейской.

Тем временем как он это замышлял, сын Ормизда, в результате заговора, был убит, и Сарбар стал домогаться у императора персидской державы. Тот же дал ему согласие на это, и они условились друг с другом, что все то, что потеряли ромеи из-за персов, будет ромеям возвращено. И сразу же, согласно решению, вместе с заключением мира Сарбар отдал ромеям Египет и все восточные земли. С уходом находящихся там персов он послал животворное древо императору. Ираклий же Никиту, сына Сарбара, возвел в сан патрикия, а Нику, его дочь, выдал замуж за Феодосия, сына своего от Мартины. Григорию же, дочь Никиты, вызванную из Пентаполиса, соединил браком с Константином, императором ромеев; она была сосватана еще при жизни своего отца.

В то же самое время из Ятриба, так именуемого [это область счастливой Аравии], появились саракины, разграбили и подвергли нападению тамошние местности, лежащие поблизости. Ираклий отправил из Византии свою дочь Евдокию, отдавая ее, как обещал, за турка. Но так как он узнал, что турок убит, он приказал ей вернуться назад. И когда Ираклий находился в Персии, у него умерли два сына и две дочери. Он сам, взяв животворное древо, запечатанное (так, как оно было получено и сохранилось), отправил его в Иерусалим, и Модесту архиерею и его клиру показал его. Когда же они увидели, что печати не повреждены, то за то, что они не повреждены и сохранились невредимыми в оскверняющих и нечестивых варварских руках, возблагодарили бога благодарственным гимном. И иерарх принес ключи [от ковчега], которые у него оставались, и когда отворил его, все преклонились¹⁵. И после того как оно было здесь воздвигнуто, император сразу же отослал его в Византий. Сергей же, византийский патриарх, принял его и затем из Влахерн [храма Богоматери] с литаниями перенес в великую церковь [Софии], где его и водрузил. Был второй индиктион, когда это произошло.

В то же время Мария, сестра Ираклия, послала аварскому кагану деньги и выкупила своего сына Стефана. Соблазненный этими дарами, авар стал побуждать магистра Аниана [Антониана], чтобы и он прислал дары за освобождение других, которые были взяты заложниками. И так это и произошло.

В те же самые времена восстал вновь Куврат, родственник Органы, государь гунногундулов, против аварского хагана и весь народ, который находился вокруг него, подвергая оскорблениям, прогнал из родной земли. [Куврат] прислал послов к Ираклию и заключил с ним мир, который они сохраняли до конца своей жизни. И Ираклий послал ему подарки и удостоил его сана патрикия.

Когда прошло достаточное время, императорские архонты подговорили эпарха, чтобы привести большое число судов и скрепить их друг с другом, наподобие моста, и окружить стеной из веток, деревьев и растений залив, именуемый "Стенос", чтобы не было видно при проходе моря. Когда это дело было выполнено со скоростью, император верхом переправился через море, как через материк, к высокому берегу залива, именуемого Фидалийским, и, минуя прибрежную местность, через мост реки Барбисс вошел в Византий. Затем он короновал императором кесаря Ираклейона [638 г.].

Теперь еще нужно сказать о так именуемых гуннах и болгарах, об их происхождении и устройстве. Около Меотидского озера, по реке Кофине¹⁶, была расположена издревле известная великая Болгария и жили так называемые котраги, одноплеменные с ними. Во времена же Константина, который умер на Западе¹⁷, Куврат, бывший государем этих племен, умер, оставив пятерых сыновей, которым он завещал никаким образом не отделять друг от друга жилья и чтобы они добрым расположением друг к другу охраняли свою власть [государство. — *Е. Л.*]. Они же, мало заботясь об отеческом завещании, по прошествии недолгого времени отделились друг от друга, и каждый из них отделил себе свою часть народа. Из них первый сын, по имени Баян (*Baianos*), остался, согласно приказу отца, на родовой земле по сю пору. Второй, именуемый Котрагом, переправившись через реку Танаис, поселился напротив него; четвертый перешел через реку Истр в Паннонию, которая ныне находится под властью аваров, и поселился путем заключения союза среди местных племен; пятый же, обосновавшийся

в Равеннском Пентаполисе, стал подданным ромеев. Последний из них, третий брат, по имени Аспарух, перейдя реки Данапр и Данастр, поселился в местности около Истра, заняв удобную для поселения местность, называемую на их языке Оглом (Ὠγλον), неудобную и недоступную для врагов. Она ограждена с одной стороны впереди тем, что перед ней находятся теснины и болота, позади же она защищена стенами неприступных скал. Именно потому, что народ так разделился и расселился, племя хазар, жившее внутри области, именуемой Берилией (Βερυλίας)¹⁸, по соседству с Сарматией, часто нападало на него. И пройдя все области, лежащие за Понтом Евксинским, проникло через все земли до моря. И вслед за тем подчинило Баяна и заставило производить уплату дани.

Константин же, так как он узнал, что этот народ расставил шатры на Истре и что он подвергает опустошению расположенные по соседству земли, находящиеся под властью ромеев, переправил вооруженную армию во Фракийскую область и, вооружив также и флотилию, направился против этого народа, чтобы защититься.

Болгары, увидев многочисленность конницы и флотилии, пораженные вследствие неожиданности и безнадежности страхом, бежали в свои укрепления и оставались там четыре дня. Так как ромеи не могли вступить с ними в сражение вследствие неприступности места, они пришли в себя и приободрились. В то же время император заболел болезнью ног и, остро страдая, отплыл в город Месемврию для лечения; он приказал военачальникам и народу осадить укрепление и сделать сколько возможно для отомщения тому народу. Но так как кем-то была пущена молва, что император обратился в бегство, обеспокоенные этим, они, никем не преследуемые, стремительно обратились в бегство. Болгары, узнав об этом, стали их упорно преследовать и одних из тех, кого захватили, убили, многих же ранили¹⁹. Достигнув Истра у так называемой Варны, близ Одисса, и дойдя до лежащего выше материка, они увидели укрепленное и надежное положение этого места, со всех сторон огражденного рекой, и из-за его непроходимости расположились там. Они владычествуют и над живущими поблизости славянскими племенами и одних поставили для охраны от находящихся по соседству аваров, других же – для наблюдения над находящимися поблизости ромеями. Таким образом укрепив-

шись и возвысившись, они опустошали и нападали на области и города Фракии. Императору же, видевшему это, пришлось заключить с ними договор об уплате им дани²⁰.

И когда всюду наступил мир в ромейской державе, усилилась нечестивая ересь монофелитов, которая получила начало еще со времени [680 г.] императора Ираклия²¹. И было несогласие [раскол] в православной церкви. Узнав об этом, Константин собрал Вселенский собор²², который утвердил [решение] пяти предшествующих святых Вселенских соборов, всячески разъясняя о двух волях Христа Спасителя и двух природных силах, совершенных и в его божественности, совершенных и в его человечности, и предал анафеме одержимых ересью. И так в спокойствии и строгом порядке Константин закончил остаток жизни и на семнадцатом году царствования скончался [685 г.]. Останки его похоронили в царских усыпальницах в церкви святых апостолов.

Царствование же оставил он сыну своему Юстиниану, бывшему тогда в 16-летнем возрасте; Юстиниан принял царствование от отца, распорядившись с целью сохранения мира и установления прочного порядка в государстве, и все разрушил. Он разорвал и мир, заключенный с болгарами. Приведя конную армию во Фракийские области, он сразу же устремился против славян. Сделал набег до города Фессалоник, многих из тамошних людей из славянского народа захватил, одних – насильственным образом, других – обещаниями, переправил их через Абидос и поселил в так называемой Опсикийской области. Из них набрал в войско до 30 тысяч народа, и народ, который вооружил, стал именовать избранным войском. И поставил над ними архонта из числа благородных по имени Небула. Опираясь на них, он осмелился разорвать мир, заключенный отцом его, с саракинами. И ради этого переместил гоплитов, издревле стоявших войсками на горе Ливане. И вступил с саракинами в войну и дошел до Севастополя. Но саракины тоже открыли военные действия и вышли [сами] против них. Они говорили, что сохраняют мир прочным; если же сами ромеи намереваются его расстроить, то пусть бог будет судьей виновников. Но Юстиниан предпочитал войну; они, привязав письменный договор о мире к верхушке знамени, отдали приказ нести его впереди и направились против ромеев. Те же обратились в бегство, и названный особый

полк славян присоединился к саракинам и вместе с ними убивал ромеев. После этого, набравшись еще более храбрости, саракины стали опустошать Ромейское государство. Вот как обстояло с этим народом.

На государственные же должности он поставил мужей суровых и чрезвычайно жестоких: такими были евнух Стефан-перс, казначей императорской казны. Он оскорблял многих из подчиненных и дошел до того, что осмелился напасть на саму мать Юстиниана, наказав ее розгами по образцу того, как наказывают детей учителя; какого-то монаха Феодота, который прежде жил отшельником в так называемом узком проливе, во Фракии, поставил государственным казначеем, которого обыкновенно называют главным логофетом; своей чрезмерной жестокостью он не только выжимал деньги из своих подчиненных, которых он подвешивал на веревках и окуривал горячей соломой, но к тому же еще и других известных мужей подвергал конфискациям и убивал жестокими способами.

Некоего же патрикия Леонтия, происходящего из Исаврийской области и сделавшегося [695 г.] стратигом так называемого анатолийского войска, часто прославляемого многими, Юстиниан в течение трех лет держал узником. Затем же освободил из заточения и перебросил стратигом Эллады, принудив его в тот же день отправиться из Византия. К нему пришли среди ночи друзья его – Павел, некий монах, настоятель монастыря Каллистрата²³, ученый астроном и монах Григорий, игумен монастыря Флора, каппадокиец по происхождению, чтобы проводить его. Тот же, увидев их, взывал к ним, говоря: “Напрасно вы мне предвещаете царствование, потому что ныне я отсюда ухожу, и мне остается горький

конец жизни”. Они же закрывали ему путь, твердо доказывая, что если он не промедлит, то овладеет властью. Убежденный ими, он сразу же привел некоторых из [своих] оруженосцев в продолжение ночи и, выбрав себе оружие, отправился втихомолку к претории. Он дал знать, что пришел император, чтобы по своему усмотрению распорядиться относительно находящихся там: эпарх претория встретил его и открыл ворота. Он сразу же связал ему руки и ноги. Очутившись же внутри, Леонтий освободил всех заключенных и, вооружив их, устремился к так называемому форуму²⁴. Разойдясь оттуда во все части города, он велел кликнуть клич, чтобы все христиане пришли в храм Софии. И вследствие этого все множество народа в смятении поспешно собралось у крещальни церкви. Он же с монахами и другими из числа своих друзей вошли к Каллинику, тогдашнему городскому патриарху, и принудили его выйти и обратиться к народу с речью, что “сей день, его же сотвори господь”²⁵. И толпа стала бранить Юстиниана. И так все устремились на ипподром. С наступлением же дня привели к ним Юстиниана. И вследствие кликов толпы, чтобы подвергнуть императора [казни] мечом, Леонтий, щадя его кровь по причине любви к отцу его Константину, отрезал ему нос и язык и выслал его в город Херсон, по окончании еще [только] десятого года его царствования. Леонтий был провозглашен толпой императором. Стефана же евнуха и Федота монаха, из-за числящихся за ними дурных дел, хотя и против воли императора, схватили и, связав им ноги веревками, поволокли на так называемую площадь Быка, где и предали огню. Вот как обстояло дело в Константинополе.

Часть II

Кархедон²⁶ же, находившийся в Африке [под Африкой], прежде платившей подати, находясь под властью ромеев, тогда перешел под власть [697 г.] саракinov, будучи захвачен ими в результате войны. Леонтий, узнав об этом, вооружил весь ромейский флот и, назначив над ними стратигом патрикия Иоанна, опытного в военном деле, послал его против саракinov в Кархедон. Тот же, оказавшись там, находившихся в нем [Кархедоне] саракин своими военными действиями обратил в бегство и возвратил город ромеям; а также и все другие тамошние города освободил от власти этого народа и, оставив вооруженную

армию для охраны, остался там зимовать. Саракинский же император, узнав об этом, двинул против него большое войско, с помощью которого изгнал [698 г.] Иоанна с имеющимся у него ромейским флотом и снова захватил Кархедон и окружающие его города. Иоанн же поспешил отправиться к императору. Но когда он оказался на острове Крите, архонты вместе с массой войск подняли восстание, так как он никоим образом не хотел позора и страшился необходимости явиться к императору. Поэтому они стали бранить Леонтия, отступаясь от него, и голосовали за имя Апсимара, архонта Курикиотской армии, находя-

щейся в области Кивериотов, которого ромеи обычно именуют друнгарием, и прозвали его Тиверием. Тем временем город был охвачен заразной болезнью, которая в течение четырех месяцев погубила множество народа. Апсимар с имеющимся у него флотом направился в Византий и пристал против города в так называемых Сиках²⁷ [прибрежной приморской местности]. Некоторое время спустя он вступил в сражение с жителями города и в конце концов подкупил стражников на стене Влахерн и их архонтов и через них захватил город. Армия, которая вошла вместе с ним, расхитила имущество горожан. Леонтия же, процарствовавшего третий год, захватил, отрезал ему нос и приказал заточить в так называемый Делматский монастырь.

[704 г.] И вот что у них произошло. Юстиниан, так как он пребывал в Херсоне, отваживался открыто и часто выступать с речами, чтобы снова овладеть царством. Тамошние же горожане, усматривая в этом отношении для себя опасность, задумали его умертвить или в оковах отправить к Апсимару. Юстиниан, проведав об этом, бежал оттуда и пробрался в крепость, так называемую Дорос, расположенную в Готской области. И вот он попросил хазарского вождя (они их называют хаганами) принять его.

Хаган уступил просьбе, принял его с честью и, подружившись с ним, отдал ему в жены свою сестру Феодору. Юстиниан, с его согласия, прибыл в Фанагорию и жил там вместе с ней. Узнав об этом, Апсимар обратился с настоятельною просьбой к хазарскому архонту, обещая ему много денег и подарков, прислать Юстиниана, живого или его голову. Тот уступил многочисленным призывам и взялся их выполнить. Он послал людей будто бы для его охраны, под предлогом, чтобы он не стал жертвой заговора своих единоплеменников, в действительности же, чтобы он был под охраной и не убежал бы. И приказал своему архонту из числа своих единоплеменников, живущих при Юстиниане, а также и архонту Скифского Боспора выжидать, пока он им прикажет, а затем убить Юстиниана как можно быстрее. Но Феодоре об этом донес кто-то из отцовских слуг. Она посвятила мужа в этот замысел. Тогда Юстиниан призвал к себе того хазара и, уединившись с ним, задушил его в петле и тем же способом убил и босфорского архонта. Затем сразу же отослал свою жену Феодору к отцу; сам же выехал и прибыл в приморское селение, именуемое Томи. Там

пересел на судно с некоторыми другими людьми и, проплыв туда на судне, прибыл к городу Символу по соседству с Херсоном. И пристав к тамошней пристани, послал одного из своих товарищей в город, чтобы привести к нему Барасбакурия, его брата Салибу и некоторых других людей. И отплыв вместе с ними, пройдя через так называемые Некропилы [Мертвые ворота], он оказался у реки Истра. Оттуда послал из числа бывших с ним некоего Стефана к Тервелю, тогдашнему государю тамошних болгар, призывая его оказать ему содействие для обратного получения императорского престола, обещаясь дать ему многочисленные дары и свою дочь в жены. Тот охотно на все согласился, принял Юстиниана с великим почетом и, вооружив весь подвластный ему народ, вместе с ним направился к столице. И прибыв к стене Влахерн, в течение трех дней требовал у жителей города, чтобы они приняли своего императора. Они же, гнусно понося его, отсылали его. Тогда Юстиниан ночью вошел вместе с немногими сопровождающими его в город через водопровод и оттуда захватил город. Вскоре он обосновался во Влахернском дворце. Ираклия же, брата Апсимара, стратига анатолийских войск, и других архонтов и оруженосцев его Юстиниан повесил на дереве у стены. И захватя Апсимара, пребывавшего седьмой год на царствовании, и Леонтия, заковал их в железо и бросил в тюрьму. Затем же во время конских состязаний волочил их направо, волочил налево и попирали их ногами, а потом отослал в так называемый Кинегий²⁸, чтобы отсечь им головы. Тервелю же, болгарскому архонту, раскинувшему шатры за стенами Влахерн, Юстиниан выказывал большое внимание и, наконец, пришел к нему сам, накинул на него императорскую хламиду и провозгласил его кесарем; посадил его рядом с собой и приказал, чтобы народ преклонил колени перед ними обоими. Затем же, одарив богатыми подарками, отослал его назад.

Каллиника, городского патриарха, за то, что тот бесчестил его и провозгласил Леонтия, ослепил и отослал в Рим [705 г.]. Кира же, бывшего в заточении в Амастриде и пророчившего там ему второе царствование, поставил вместо него на патриаршество. И совершил множество убийств и злодеяний по отношению к подданным. Одних назначал на архонта и сразу посылал вслед за ними других и убивал; других еще призывал на обед и убивал ядом; других опять же выбрасывал в

мешках в пучину моря. По единогласной молве, он был для подданных крайне жестоким зверем. Затем послал в Хазарию за своей женой Феодорой и за своим сыном Тиверием, родившимся от нее. И венчал их на царствование. После того разорвал мир с болгарами и, приведя многочисленную армию [707 г.] с земли и моря во Фракийские области, выступил на войну с ними к городу Анхиалу. Но болгары неожиданно для войска, рассеявшегося по этой равнине для заготовки пропитания, напали и многих из них убили, других забрали в плен. И самого Юстиниана, оставшегося в городе Анхиае, осаждали три дня. Он же ночью пробрался на судно, бежал оттуда и снова вернулся в Византий. [708 г.] В то время как так обстояли дела, саракинский император послал большое количество вооруженных людей, назначив их полководцами Масалму и Солимана [называемых так на их диалекте] для осады города Тианы. Они же, оказавшись там, многократно вступали в бой, и хотя с помощью стенобитных машин и низвергли часть стены, но больше ничего достигнуть не были в силах, и намеревались возвратиться домой. Между тем Юстиниан послал во внутренние области и, собрав много народа из земледельцев и крестьян, приказал им отправиться к Тиане, чтобы прийти на помощь осажденным. Увидев, что они безоружны, саракины напали на них и одних перебили мечом, других захватили в плен. И поэтому они стали еще самоувереннее продолжать осаду Тианы. Осажденные, истощив все средства и не получив помощи от императора, отказались от борьбы – сдались на капитуляцию врагам и отправились в саракинскую страну. И с тех пор на будущее это придавало много смелости врагам грабить безбоязненно ромейские земли, и никто не мог им противостоять. Один отряд [часть из них] в количестве тридцати человек подошел к Хрисополю [это – приморское поселение, расположенное напротив Византия к восходу солнца] и тамошних жителей перебил и сжег корабли.

[710 г.] Юстиниан, имея в памяти происшедшее с ним из-за козней Апсимара в Херсоне, собрал очень многочисленные и разнообразные корабли, посадил на них счетом до 100 тысяч человек, обученных из наборов войск и еще из земледельческого и ремесленного люда, а также и из сената и из городского народа и, поставив над этим флотом начальником некоего Стефана патрикия, по прозванию Асмикта, послал его, приказав

казнить мечом всех людей, находящихся в областях Херсона и Боспора, а также и других областей. Илию же, своего оруженосца, отправил вместе с ним и велел поставить его архонтом Херсона, и еще и Вардана, армянина по происхождению, там оставить в изгнании. Стефан, переправившись туда через море, выполнил приказание. Нескольких же подростков сделал [разделил] пленниками среди бывшего с ним народа. Тондуна (тудуна) же, херсонского архонта, и Зоила, именуемого протополитом, и других сорок мужей, из числа наиболее известных, послал в цепях вместе с женами и детьми к Юстиниану. Прочих же семерых, из числа первых людей Херсона, привязав к деревянным копьям, предал сожжению. Двадцать же других начальников из других городов бросил в лодку и, привязав к ним много камней, пустил ее ко дну. Юстиниан же полагал, что Стефан распорядился более [милосердно] человеколюбиво, чем он приказал ему в отношении обращения с подростками, и велел ему срочно возвратиться. Тот же, согласно предписанию, отправился в путь в октябре месяце и во время жестокой бури потерпел кораблекрушение; насчитывают, что до семидесяти трех тысяч людей было потоплено, трупы выбрасывались морем от города Амастриды до Гераклеи. Юстиниан не огорчился этим нисколько, но еще более радовался и распорядился снова послать туда другой флот. Архонты тех областей, проведав об этой вести, защитились, насколько могли, своими силами и послали послов к хазарам, чтобы они прислали людей для защиты их и чтобы спасти оставшихся у них жителей. [711 г.] Узнав об этом, Юстиниан послал Георгия патрикия и Иоанна, городского эпарха, вместе с другими архонтами и войском до трехсот человек и передал им Тондуна (тудуна) и Зоила, чтобы поставить их снова на их архонтат, и распорядился привести к нему Илию. Когда они прибыли в Херсон, горожане допустили внутрь города только Георгия и сопровождавших его архонтов. Затем же заперли за ними ворота и Георгия и Иоанна казнили мечом. Оставшихся же за стенами воинов, так же как Тондуна и Зоила, передали пришедшим туда хазарам, чтобы переправить их к хагану. Хазары, приняв их, по дороге убили. Граждане города Херсона бранили, бесчестили и поносили Юстиниана и провозгласили императором сосланного туда Вардана. Юстиниан, узнав об этом, разгорелся величайшим гневом и умертвил детей Илии в объятиях матери, ее

же принудил к браку со своим поваром, индусом по происхождению и крайне безобразным. Затем же снова послал другой большой флот, поставив управлять им патрикия Мавра, и приказал ему разрушить город Херсон и всех находящихся в нем беспощадно умертвить. Тот, прибыв к Херсону, приступил к делу. Но хазарский народ неожиданно напал на него; город был спасен. Вардан же бежал и переправился к государю хазар. Патрикий Мавр был неспособен вести осаду и, опасаясь возвратиться к Юстиниану, присоединился к городу херсонитов. И они отреклись от Юстиниана и провозгласили императором Вардана, переименовав его в Филиппика. Они послали послов к хазарскому хагану, чтобы он к ним отправил и Вардана. Тот же подтвердил клятвами ромейскому народу о безопасности Вардана и взыскал с них деньги с каждого человека по сто номисм.

Юстиниан, по прошествии некоторого времени, заподозрил, что он ими предан. Поэтому он обратился к болгарскому архонту Тервелу и заключил с ними тогда союз. Тервел послал к нему около тридцати тысяч человек. Он, приняв их, переправил к своим и приказал вместе с так называемым войском Опсикия расположиться в долине, называемой Даматрийской. Сам же, взяв с собой своих архонтов и другое тяжеловооруженное войско, бежал в Понтийские области и дошел до приморской деревни, именуемой Гингилисса, чтобы обследовать, как обстоят его дела в Херсоне. После того как он провел там некоторое время и увидел, какой большой флот приплыл вместе с императором Филиппиком к Византии, он возвратился назад к оставленному им войску в Даматрийской [равнине]. Филиппик же без сражения вошел в город и снова послал Илью с вооруженной армией против Юстиниана. Илья клятвенно подтвердил бывшему с Юстинианом [войску – *Е. Л.*] о том, что оно будет в безопасности, а болгарскому войску обещал, что они невредимыми возвратятся домой. Самому же Юстиниану, находившемуся на шестом году своего второго царствования, отсек голову и послал ее к Филиппику. Филиппик получил ее и отослал в западные районы до Рима. Мавра же патрикия и Иоанна, императорского оруженосца по прозванию Струфа, отправил за сыном Юстиниана Тиверием. Они его захватили бежавшим в алтарь храма пресвятой Богородицы во Влахернах; ворвавшись туда, Иоанн вытащил его, державшегося за святой престол, не

считаясь ни со святостью алтаря, ни с обильными слезами его бабушки Анастасии. Защищая внучка, она сама оказалась вместе с ним в опасности. И Иоанн его зарезал, как бессловесную тварь, за стеной [на паперти] так называемого Каллиника и приказал похоронить в храме святых Анаргиров [бессеребренников], называемом храмом Павлины²⁹. Вслед за ним схватили и Варасвакурия и прочих архонтов Юстиниана и всех умертвили мечом.

Царствование Филиппика явилось нехорошим и легкомысленным; [712 г.] он предал анафеме отцов, участников VI Вселенского собора, так как не допускал боговдохновенно установленного ими догмата о двух волях и энергиях Христа. И нашел себе в этом деле помощников в Иоанне, тогдашнем архиерее города, и Германе, митрополите Кизика, и в других иереях и многих сенаторах.

Тем временем вооруженные полчища болгар внезапно напали на жителей Фракийского Боспора. И много народу – из числа поселян и прибывших туда ради развлечения и удовольствия из Византия – убили, других же забрали в плен и захватили много серебра и немало утвари, принадлежащей им. Набравшись храбрости, они распространили свои набеги до материковой стены города и дошли до так называемых Золотых ворот. Возвратившись оттуда, разгромили много селений во Фракии. Затем и саракинский народ напал на ромейскую страну и, совершив набег на большую часть ее, причинил также великий ущерб людям и имуществу, [713 г.] захватил Мидию и другие городские поселения. Филиппик же, празднуя день основания города и давая конские состязания, затем, после пира с друзьями, к полуденному времени забылся сном. И здесь-то против него был организован заговор. Некто Георгий по прозвищу Бураф, патрикий и полководец войск Опсикия, прибывший тогда во Фракию ради охраны этой области от нападения болгар, с ведения патрикия Федора, по прозванию Миакия, послал одного из своих подчиненных по имени Руфа с немногими войсками в Византий к Филиппику для осуществления заговора. Тот напал внезапно на дворец, захватил императора спящим, поднял его ото сна, привел на место конских бегов и там выколол ему глаза на втором году его царствования. На следующий же день (это был день праздника Пятидесятницы) весь городской народ собрался к святому храму Божьего Слова и провозгласил императором Артемия, бывшего грамматиком у Фи-

липпика из тех, кого на италийском языке называют асикритом, и переименовали его в Анастасия. Когда же прошло несколько дней, ослепили и Федора патрикия, а также и Георгия и сослали их в изгнание в Фессалонику. Анастасий же, имея заботу о военных делах, поставил архонтов, способных управлять ими. И вот, проведав о том, саракинский царь вооружился, намереваясь двинуться из города Синопа, послал Даниила патрикия, тогдашнего епарха столицы, будто бы чтобы вести переговоры о мире, в действительности же чтобы, будучи там, наблюдать, как они вооружаются против ромеев. Тот, возвратившись, сообщил, что для нападения на ромейское государство у этого племени имеется большое число войск, конницы и флота. [Император], услышав об этом, [приказал], чтобы каждый, кто сможет заготовить припасов, которых ему хватит на три года, оставался [в столице]; тот же, кто не будет их иметь, пусть удалится куда хочет. И заботливо обновил стены города и приготовил военные машины, а также снабдил город большим числом припасов и другим, что требуется на случай вражеского нападения.

И когда дошла молва, что саракинский флот прибыл из города Александра [Александрии] в Финикию для построения кораблей из кипарисового дерева, он выбрал быстроходные суда, и собрал туда войско из местности, именуемой Опсикий, и послал его к острову Родосу. И приказал собрать туда и другой, ромейский флот. Начальником их поставил Иоанна, диакона великой церкви, и счетчика казенных податей, которого, как известно, обычно называют главным логофетом, рассудительного и опытного, который и принял весь флот. Когда он прибыл на Родос и объявил приказанное, то нашел всех собравшихся послушными и с охотой готовыми к отплытию. Одни только опсикийские войска страшились такого путешествия. Они восстали из-за этого и стали бранить императора Анастасия, а Иоанна диакона умертвили мечом. Затем оттуда разошлись и остальные войска и уплыли каждое по своим домам. Опсикийское же войско также отправилось к себе и, оказавшись у Адрамиттия, выбрало там некоего Феодосия, по имени, сборщика казенных налогов, человека беспечного и простолюдина, и стали склонять их к царскому сану. Он же бежал и спрятался в горах. Тогда они его нагнали, принудили к царствованию, провозгласили [императором] и увезли с собой [715 г.].

Узнав об этом, Анастасий, укрепив предварительно Византию, выехал в город Никею в Вифинию и там утвердился. Идущее же за Феодосием войско собрало все опсикийское войско и многочисленные торговые суда и прибыло в упоминавшееся уже и прежде приморское поселение Хрисополь. Оттуда они давали ежедневно сражения горожанам. Сражения продолжались в течение шести месяцев. И в то время как флот Анастасия стоял у константинопольской пристани Неория³⁰, флот Феодосия, набравшись смелости, переправился к областям Фракии и завладел ими. Вследствие предательства каких-то изменников, бунтовщики через так называемые Влахернские ворота вошли в город и с наступлением ночи напали на дома горожан, причинив им большой ущерб. Находящихся же там архонтов вместе с тогдашним патриархом города Германом отослали, чтобы о происшедшем они сообщили самому Анастасию. Тот же попросил у них слова, что они ему не причинят какого-либо вреда, и, переодевшись в монашеское одеяние, отправился к Феодосию. Феодосий не причинил ему никакого вреда и отправил изгнанником в Фессалонику.

И после того стали сильные мятежи против императоров, и взяла верх тирания, которая, пренебрегая и империей, и столицей, привела в упадок дела, так что исчезло и преподавание литературы, и расстроилась дисциплина [военная. – Е. Л.]. Вследствие этого беспрепятственно происходили нападения врагов на ромейскую державу, и многие убийства и уводы людей, и опустошение городов. Отсюда произошло то, что и саракины устремились [718 г.] на самую столицу и послали через материк большое количество войск из различных подчиненных им племен, и конных, и пеших. Они также отправили и большой флот в количестве до тысячи восьмисот судов, поставив во главе его Масалму, как они его называют на своем диалекте. Узнав об этом, военные и государственные правители, ввиду неопытности Феодосия и неспособности его противостоять врагам, приступили к нему с уговорами освободить престол и, не потерпев вреда, стать частным человеком. Он отстранился от престола, процарствовав один год. Затем стали избирать жребием кандидатов на престол, и был выдвинут Лев патрикий, бывший тогда стратигом так называемого анатолийского войска. И, как это принято у императоров, он с торжественной процессией вступил через Золотые ворота в Византию и, очутившись в

великой церкви, там увенчал себя императорским венцом.

Саракинский же народ нападал на многие ромейские города. Они напали и на так называемый город Пергам и еще устроили ему осаду [717 г.]. Взяли они его по такой причине. Вследствие какой-то дьявольской выдумки находящиеся внутри города взяли беременную в первый раз женщину, да еще близкую к родам, разрезали ее и, вынув находящееся в ней дитя, сварили его в котле с водой, в которой освятили кисти правых рук готовящихся к сражению с врагами. Поэтому же они и приняли на себя гнев божий. Ибо их руки не могли схватить оружия, и враги из-за их бездействия взяли город без битвы. Заняв его, саракины отсюда захватили Абидосский пролив и переправились во Фракию. И забрав там много городских пунктов, они направились к столице, окружили ее валом [изгородью] и осадили ее. В течение тринадцати месяцев они держали ее в осаде, применяя разного вида многочисленные машины. К тому же, напал и саракинский флот под командой предводителя, именуемого на арабском языке Солиманом. Между тем как они проходили через пролив у Византия, шедшие сзади корабли, как защищающие с тыла, так и очень тяжело нагруженные множеством воинов и оружия, при небольшом подувшем ветре и обратном течении были вынуждены замедлить плавание. Увидев это, император сел на диеры, прорвался через них и сжег их огнем в количестве до двадцати кораблей. Весь же прочий флот, проплыв во Фракийский Боспор, стал на якорь у так называемой Сосфенийской пристани и там провел зиму. Между тем случилась суровая зима, так что в течение ста дней земли не было видно из-за массы выпавшего снега; вследствие этого немалое количество людей, коней, верблюдов и прочих животных пало. С приходом же весны его нагнал и другой саракинский многочисленный флот из Египта, которым руководил некто по имени Софиам, привезший большой груз хлеба и оружия. Прошло немного времени, и пришел еще и другой флот, прибывший из Африки, привезший многочисленное оружие и припасы; начальником его был некто по имени (посаракински) Иезид. Они, как говорят, предусмотрев вред, причиняемый изготовляемым ромеями огнем, отчаялись пройти в византийский проход и направились к Вифинской области, один – к так называемой гавани Прекрасного поля; другой – к утесам так называ-

емого Сатира. Египтяне же, приплывшие с ними ночью, взойшли на судовые лодки, вошли в Византий и стали славословить императора. После этого император отважился и послал огненосные суда против этих саракинских флотилий и сжег все их корабли. Нагруженные доставшейся добычей и бывшим на них оружием и припасами, суда возвратились к императору.

В это время патрикий Сергей, стратиг Сицилии, и жители западных областей отчаялись в помощи Византии и императора из-за нападений врагов и венчали своего императора и одного из подчиненных Сергия – по имени Василия – сына Григория, по прозванию Ономагула и переименованного в Тиберия. Император, услышав об этом, поставил Павла стратигом Сицилии, человека и верного, и из своих людей, и опытного в тактике, и послал его в Сицилию. Когда он прибыл туда, Сергей оттуда скрылся бегством к лонгобардам. Павел же собрал народ на острове и прочитал послание от императора, вследствие чего они пришли в повиновение [императору] и прославили императора, а Василия и подручных его архонтов передали ему в оковах. Взяв их, Павел некоего Георгия и других умертвил и головы их отослал императору; других же подвергнул наказаниям и многочисленным избиениям, отрезал им носы и выслал в изгнание в чужие края. Сергей же, выпросив себе обещание безопасности, явился к Павлу. И тогда на западе в делах установились мир и тишина.

Затем родился у императора сын, которого он назвал Константином. [718 г.]. Пятнадцатого же следующего месяца августа многочисленные войска саракинов, конница и флотилия отступили от столицы, и многие корабли были захвачены бурей и жестокими ветрами. Многие из них были прибиты к островам до самого Кипра, другие же вместе с людьми были низвергнуты в пучину моря.

Артемий, изгнанный в Фессалонику, снова пытался овладеть империей и предпринял действия в этом направлении. Он написал Сисиннию патрикию, по прозванию Рендакию, который находился в болгарской стране (посланный тогда императором, чтобы заключить с ними союз против саракинов), о том, чтобы он действовал согласно с ним и убедил бы болгар содействовать ему. Тот на это согласился. Он написал также Никите магистру по прозванию Ксилиниту, находящемуся в Константинополе, и еще патрикию Исою, началь-

нику так называемого императорского Опсикия, и Феоктисту, первому из императорских секретарей, который ими управлял в эти времена, и Никите, по прозванию Анфрака, начальнику стен, напоминая старую дружбу, чтобы они были верными и присоединились к нему и чтобы отперли город и приняли бы его как императора. О письмах сразу стало известно императору, и получивших грамоты он захватил, наказал побоями, и они признались. И Никите, имеющему достоинство магистра, и Феоктисту отсек голову, других же, немало изуверченных, выслал в изгнание, конфисковав имущество. Артемий же вместе с Сисиннием патрикием и болгарам дошел до Гераклеи и с ними вывел из Фессалоник чельны. Они их называют моноксилами. Император написал болгарам, чтобы они лучше соблюдали мир и выдали бы врагов. Болгары же оправдывались, просили прощения и обещали соблюдать мир. И Артемия с Фессалоникским архиереем и многими другими в оковах послали к императору; Сисиннию патрикию отсекли голову и ее тоже послали, а сами удалились к себе. Артемия же вместе с архиепископом император взял и казнил в так называемом Кинегии. Во время же совершения конских бегов головы зарубленных, насаженные на копья, были торжественно пронесены через ипподром. Всех же прочих наказал всякими увечьями, отсековением носов, конфискациями и изгнанием.

Так это совершил и призвал Германа, тогдашнего архиерея, и двадцать пятого числа месяца марта, третьего индиктиона [720 г.], в день Воскресения Христа Спасителя в так называемом Трибунале девятнадцати акувитов венчал на царство сына своего Константина.

Между тем, как это так происходило, император послал к правителю [732 г.] хазарского народа и пригласил его дочь для сговора в жены его сыну Константину.

Лев, после того как он правил империей двадцать четыре года, умер [741 г.], страдая тяжелой водянкой, и оставил преемником в управлении империей своего сына Константина... Достигнув, таким образом, собственной власти [746 г.], Константин через некоторое время пошел войной против страны сарацинов и захватил у них город Германикию Евфратской области. Тогда напала на столицу и на лежащие кругом селения и на те местности губительная болезнь, так что истребила весь населявший их человеческий род, и люди совершенно исчезли. Спаслись же по божьей во-

ле некоторые, которые далеко бежали из этих районов. И распространилась эта гибель в большой степени около Византия. Неожиданно появились противоестественные и чудовищные явления [крестообразные знаки на человеческих одеждах и на священном облачении, на дверях и на дверных косяках]. Эти явления породили великое волнение и всеобщее смятение, как будто бы это должно тотчас же означать гибель. Так что люди, полные страха, предавались фантазиям, и им казалось, что вместе с ними ходят какие-то чужие и отвратительные лица, и они затем приветствовали их, как знакомых, встречались с ними в дороге, а потом рассказывали другим, о чем говорили с ними. Другие видели и иные страшные видения, как люди пронзали друг друга мечами. И так многое и случилось. И спасшиеся были не в состоянии тела умиравших предавать погребению и совершать требуемый обряд погребения, ибо немногие погребали более многочисленных, чем они. Поэтому были выдуманы кем-то и изготовлены механические приспособления, настилались доски для погрузки на вьючных животных и на каком-либо обширном месте это приспособление выворачивалось; и так вываливали многие трупы неубранными и как попало. Еще применяли и повозки для вывоза множества мертвецов, которые везли на себе люди, так как им не могло хватить подъяремного скота. И не хватало всех могил, так что безводные ямы заполнялись трупами мертвецов. И пашни разрывали, и виноградники выкапывали, и сады раскапывали, чтобы сделать новые кладбища для необъятного количества тел. Из-за этого произошло и то, что у многих дома стояли совершенно запертыми. Продолжалось это несчастье около года и после того стало по большей части ослабевать. И понемногу, как эта зараза вначале возрастала, так и унялась. Это считалось правильно мыслящими проявлением божьего гнева из-за тогдашнего безбожного и нечестивого правительства и тех, кто соглашался с ним в несправедливой вере и дерзал накладывать руки на святые иконы ради насилия над Христовой церковью. И так как город стал почти лишенным жителей, Константин перевел и поселил в нем большое число народа из областей и с островов, находящихся под властью ромеев. Около этого же времени [747 г.] он послал флот против сарацинской страны, которым руководил тогдашний стратиг так называемого Кивиритского войска. Флот остановился у острова Кипра.

Туда сейчас же приплыла и саракинская флотилия из города Александра [Александрии]. Стратиг, узнав об этом наперед, внезапно напал на нее, огнем сжег саракинские корабли, захватил все и, одержав полную победу над врагами, возвратился к Константину.

После того у императора родился сын, [которого он назвал Львом. 750 г.] Тогда же и в Сирии произошло большое землетрясение, и произошло великое разрушение. Ибо из тех городов многие полностью были поглощены землей; у других же пострадали части. Иные же сдвинулись с возвышенных мест в лежащие под ними равнины и вместе со стенами своими и домами были сброшены целыми и передвинулись на расстояние до шести миль или немного около того от места своего построения. И еще некоторые говорили, что в земле месопотамской Сирии видна была трещина в две мили глубиной и выброшенная из преисподней земля, как бы песчаная и белая, и из нее вышла самка мула, предсказавшая человеческим голосом уничтожение арабов. Ибо через небольшой промежуток времени выросший по ту сторону пустыни многомиллионный народ сокрушил множество их без битвы.

После того Константин венчал на царство Льва и сразу же пошел [751 г.] войной против саракинов. И очутившись у города Мелитены, после осады взял его, много народу захватил в плен и, взяв оттуда большую добычу, возвратился. Тем временем умерла августа Мария, его жена. [752 г.] О том же, что вскоре произошло, достойном памяти, не считаю справедливым умолчать. Ибо тогда наблюдалось зрелище страшного и необыкновенно странного и чудесного воздушного явления, которое, как бы начавшись от соединения светильников, светилось в течение всей ночи и порождало у всех видевших его великое смущение и страх. Ибо им казалось, что все звезды сдвинулись со своего установленного места на небе и летели на землю. Оказавшиеся же у земли сразу рассыпались, не причиняя нигде ни малейшего вреда. Многие говорят, что это необыкновенное зрелище было видно по всей вселенной.

По прошествии же некоторого времени, после того как были видны [754 г.] эти звездные явления, скончался Анастасий, византийский патриарх. Константин же, вообще одержимый ненавистью к церкви и воюя против благочестия, движимый вражеским духом, собрал собор из иереев в количестве

трехсот тридцати восьми. [Его председателем был Феодосий, архиепископ города Эфеса.] Собор провозгласил архиереем города некоего Константина, облаченного в монашеское одеяние и бывшего епископом города Силлея. Собор установил определение веры, под которым подписались все дурно и нечестиво мыслящие, и провозгласил уничтожение святых икон. И, как несмышленные, предали их анафеме с площади. Вместе с тем предали анафеме и Германа, бывшего архиереем Византийским, и Георгия с острова Кипра, и Иоанна из Дамаска в Сирии, по прозванию Мансура.

Завершив это, Константин принялся строить во Фракии города [756 г.], в которых селил сирийцев и армян, которых заставил переселиться из города Мелитены и Феодосополя, приходя им на помощь в необходимом и щедро одаривая их. И вот болгары, увидев построение городов, потребовали от императора уплаты денег. Так как дань им не была уплачена, они пошли войной и напали на области Фракии и вскоре дошли до так называемой Длинной стены. Император, бросившись в бой, ответным ударом обратил их в бегство и сильным преследованием уничтожил многих болгар. Затем же с многочисленными силами воевал с ними на воде и на суше. Император имел корабли в количестве до пятисот, с которыми переплыл через Евксинский Понт и, войдя в Истр, выжег болгарские земли и немалое количество болгар захватил в плен. Сам же он вступил с ними в бой у так называемых Маркелл [это крепость, ближайшая к Болгарии], обратил их в бегство и многих из них перебил. Вследствие этого они ослабели и прислали послов для переговоров о мире, предложив заложников из числа собственных детей.

Прошло немного времени, и выходцы из склавинского племени, переселяясь со своей земли, перешли через Евксинское море. Их количество достигло до двухсот восьми тысяч человек. И они поселились у реки, именуемой Артаном.

В то время как это произошло, у гуннов и болгар происходило следующее. Они, объединившись друг с другом, убили происходивших из одной линии правителей, завладевших властью над ними, и поставили своим вождем по имени Телессия, мужа спесивого и выказывавшего юношескую дерзость. Этот народ, собрав вооруженных и боеспособных воинов, храбро напал на ближайшие ромейские земли и крепости. Константин, увидав

их отвагу и безбоязненность, послал через Евксинское море к Истру флот, нагруженный лошадьми в количестве до восьмисот судов и заполненный этим конным войском. Сам же он повел другое войско к городу Анхиалу. Против него выступил Телесий, имея союзниками немалое количество славян. Он понес поражение в битве и обратился в бегство. Многие из врагов из каждой части пали, немало же других из числа наиболее сановитых были взяты в плен живыми. Константин, победив в войне, удалился в Византий и захваченных в плен привел к гражданам и к димотам из так называемых цветов, чтобы они их собственноручно предали казни. Они же, взяв их за стенами, находившимися [со стороны] материка, умертвили. И взятая добыча торжественно показывалась во время зрелища конских соревнований. Вместе с ними были показаны и две золотые купели, которые были изготовлены в Сицилии, весом каждая до восьмисот литров золота.

Болгары, увидев неудачу Телессия, восстали против него и убили его, и поставили своим государем одного из бывших архонтов – его имя было Сабин (Савин). Он же, как только получил власть, послал послов к императору, прося у него прочного мира. Болгарам же не понравились его действия. Они были вне себя, резко ему возражали, полагая, что будут сразу же поработены ромеями. Испугавшись, Сабин бежал к императору. Император принял его хорошо и отослал некоторых из мужей, чтобы найти их жен и спрятавшихся сородичей и привести к Сабину. Тогда болгары изменили свои намерения и послали к императору с просьбой о мире. Он же их не принял и сразу же выступил с войском против них. Они укрепили тогда трудно проходимые места вокруг своих границ. И их государь, взяв слово с императора, явился вместе со своими архонтами к императору. Император принял их вместе с перебежавшим к нему Сабином, пристыдил за непорядки и за неприязнь, оказанную к Сабину, и заключил с ними мир.

Это происходило во время первого индиктиона. У императора родился еще один сын, которого он назвал Никитой. Около того же времени саракинский флот, направившийся из Африки, подошел к острову Сицилии. Но находящееся на нем войско отважно отразило врагов и отправило обратно не осуществивших того, на что они надеялись.

Во время же третьего индиктиона [765 г.] Константин вошел в Болгарию, потому что

болгары отрешили от власти архегона [начальника], поставленного Сабином, по имени Умара, чтобы провозгласить вместо него болгарина Токта, брата Баяна. Болгарские беглецы укрылись в лесах по реке Истру; немало из них было убито, среди них был умерщвлен и Токт и другие. Другой же их властитель, которого называют Кабаганом (Кампаганом), бежал в Варну и, когда уже думал спастись, был убит своими рабами. Тогда же Болгария была сожжена ромеями, так что многие поселения были опустошены и истреблены.

[766 г.] В том же году Константин пошел войной против болгар и вместе со своим войском приблизился к Болгарской земле и стал лагерем у так называемого Беригабского прохода. И вооружил флот, достигавший до двух тысяч шестисот кораблей, и послал на них множество моряков и воинов из морских стратигий и других областей, чтобы они подошли к городам Месемврии и Анхиалу и приблизились к Болгарии. И когда они подняли шум, болгары, увидев массу конницы и судов, обратились к императору с мирным предложением. После того как флот устремился к крутым берегам этого моря (ибо это место не имеет гаваней и крайне трудное для плаванья), поднялся сильный и жестокий ветер, который дул против них [то был северный ветер – борей]; он опрокинул суда на крутизну берегов, и из множества кораблей немалое количество потонуло в море. Очень взволнованный этим, император приказал архонтам закинуть в море сети, чтобы выловить трупы утонувших и предать земле. И затем возвратился в империю.

Во время пятого индиктиона произошли также бездождие и засуха, [766/67 г.] так что не оставалось и воздушной росы, и иссякли источники в ключах и из-за этого бездействовали и водоемы, и купальни. По этой причине Константин решил обновить водопровод, построенный императором Валентинианом и разрушенный аварами во времена императора Ираклия. И он собрал многочисленных мастеров, опытных в строительстве, из Ромейского государства и предоставил им большие средства из казенных денег, так что дело было выполнено. Константин, этот ненавистник Христа и златолюб, как новый Мидас, собирал все золото в свою сокровищницу. При налоговых взысканиях те, кто облагался налогами, насильственно принуждались продавать по дешевке плоды земли и, продавая за одну номисму по шестьдесят модиев хлеба и семьдесят

модиев ячменя, выменивать за всякую малость большое количество продуктов. Нерассудительные люди объясняли это изобилием плодов земли и процветанием дел, а предусмотрительные считали проявлением жадности, тирании и человеконенавистничества.

[768/769 г.] Во время седьмого индиктиона у Константина родился сын, которого он назвал Анфимом. Около того же времени Никита, патриарх города, обновил некоторые сооружения православной церкви, пострадавшие от времени; в расположенных же среди них зданиях, которые у ромеев называются секретами [и малом и большом], выскоблил иконы спасителя и святых, сделанные воском по дереву и мозаичными золотыми кубиками. Константин же отослал славянских архонтов и потребовал к себе христиан, захваченных ими в плен в прежнее время с островов Имбро-

са, Тенедоса и Самофракии, выменяв их на шелковые одежды. Число этих пленных достигало двух тысяч пятисот человек; и, призвав их к себе и понемногу одарив, отослал их, куда каждый хочет. [769 г.] Седьмого индиктиона, в апреле месяце, в святую субботу, Константин венчал на царство свою жену, Евдокию августу, и на завтра сыновей своих двоих – Христофора и Никифора – кесарями, Никиту же – нобилиссимом. Во время же императорской процессии, по обычаю православной церкви, совершили [церемонию] консульства и раздавали деньги пришедшим, начиная от дворца до церкви. Во время восьмого индиктиона Константин взял своему сыну Льву в жены Ирину из Эллады, и в декабре месяце венчал ее августой, и, обручив ее с сыном, совершил брак.

Примечания*

* См. выше новейшие и подробнейшие комментарии И. С. Чичурова к Феофану.

¹ *Форум Быка* был расположен в XI районе города по триумфальной дороге, шедшей от форума Тавра через Капитолий. Он был связан аркадами Эвбула с Экзакнием. Название его сохранилось в названии мечети Будрум-Джами и цистерны Будрум-Сарнычы. Место получило свое наименование от бронзового быка, который служил для сожжения преступников. Согласно Кедрину (I: 566), этот бык был привезен из Пергама; он представлял собой печь, в которой был сожжен мученик Антипа. Согласно же Кодику, бык был сооружен Валентином, препозитом имп. Констанция, на ипподроме. Это была мощная печь, сохранившаяся до времен Кодиана. Там император Юлиан сжигал многих христиан. Однако Кодиан пишет в другом месте, что на так называемом форуме Быка был построен огромный бронзовый бык. Это было место судилища преступников, и Юлиан сжег там многих христиан. Печь была оформлена в виде огромного быка... она существовала до времени Фоки. Ираклий же переплавил ее в оболы (медные монеты). О казни Фоки на форуме Быка сообщает Феофан (под 6102 г.) и Пасхальная хроника (Олимп. 397, 3). Об этом же быке упоминается и в описании четырнадцати городских районов Константинополя, составленном при имп. Феодосии II или вскоре после его смерти; см. Du Cange. *Constantinopolis Christiana*. – Lipsiae, 1820.

² Саит, или Саин – Шахин. Однако завоевание Египта приписывается Себеосом Хорейму, т. е. Шахрбаразу (Себеос: 99–100).

³ По Пасхальной хронике – в 10 часов утра (Chron. Pasch. 712: 14 сл.).

⁴ *Эбдомон* (лат. Septimum) – местность у столба, поставленного на седьмой миле от города, на полпути к Региуму, на берегу Пропонтиды.

⁵ У Георгия Монаха (659) – 70 тысяч человек.

⁶ *Сарбар*, по объяснению Михаила Сирийца, означает “дикий кабан”. У армянских писателей – Хорейм (Ю. Кулаковский. История Византии, т. II. – Киев, 1915: 42 сл.). Начало похода Шахрбараза в Египет относится, обычно, к 617 г.

⁷ *Ираклеон, Ираклон – Ираклий II* (626 – ?, имп. с 638, факт. в 641).

⁸ У Феофана – аварскому (Theoph. Chron.: 303); ср. о посольстве с упоминанием Андрея у армянского историка X в. Моисея Каганкатваца (История агван / Пер. К. Патканьяна. – СПб., 1861, гл. 10).

⁹ Встреча Ираклия с турецким ханом произошла под стенами осажденного ими Тбилиси (Theoph. Chron.: 316). Осада длилась два месяца. Оборону вели персидский военачальник и Стефан, царь Иверии, из рода Багратидов. Подробности см. у Моисея Каганкатваца. Назв. соч., гл. 14. В “Жизни и известии о Багратидах” Смбата, сына Давида имеется рассказ об осаде Тбилиси Ираклием. Ираклий оставил хазарского хана осаждать Тбилиси, а сам ушел в Персию. Согласно же Моисею Каганкатваца, начальник крепости кричал Ираклию со стены: “У тебя борода козла и шея злого козла”. Ираклий ответил на это угрозой: “Пришел козел с Запада и сокрушил рога восточному овну”. Ираклию приписывается сооружение храмов в Грузии (там же: 124–134); ср. Ю. Кулаковский, т. III: 346.

¹⁰ События эти относятся обычно ко второму походу Ираклия в Персию в 615 г., когда Ираклий, разрушив Карин и Двин и Нахичевань, устремился в Ганзак азербайджанский и разрушил капище великого Грата (огня).

¹¹ Влахернский дворец находился за пределами первоначальной стены города, в северо-западном углу, в верху Золотого Рога.

¹² *Барбиссе*. Ср. также осаду города Фомой Славянином (Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII–IX вв. // ВДИ, 1939, № 1).

¹³ Посольство Ираклия везло письмо, которое Никифор приводит в выдержке. Полный текст его приводится в Пасхальной хронике (Chron. Pasch.: 724–734). Там же сохранились отрывки из письма Ширсе. По сообщению Себеоса, Ширсе принял византийского посла Евстафия с большим почетом, “вторично утвердил условия мира и клятвенно подтвердил размежевание границ” (гл. 27: 107).

¹⁴ *Кавад* царствовал 6–8 месяцев и скончался в конце 628 или в начале 629 г.

¹⁵ Себеос же сообщает: “Крест оставался в богорасположенном городе до вторичного взятия Иеруса-

лима сыновьями Измаила. Тогда он бегством был перенесен в столичный город вместе со всей церковной утварью» (XXIX: 112; XXX: 118).

¹⁶ Река *Κυφισ* (Буг) впадает в конец Евксинского моря, поблизости от Некропил (Theoph.: 356–358) – Каркинитского залива Черного моря, между сев.-зап. побережьем Крымского п-ва и устьем Днепра (Westberg. *Fragmente*: 98 сл.).

¹⁷ Речь идет, очевидно, об умершем в Сицилии Константине II, племяннике Ираклия, правившем в 642–668 гг.

¹⁸ У Феофана Βερζήλιας, Βερζήλιος, Βερζίλιος, Βερζιλίας, лат. *Berziliae* (Theoph. Chron. II: 226.19) Огла значит река, текущая севернее Дуная (Theoph. 357–358)..

¹⁹ О вставке, имеющейся у Феофана в этом месте, статью Е. Э. Липшиц “Никифор и его исторический труд”. Никифор выпускает сообщение о постыдном для Византии характере договора.

²⁰ Никифор выпускает сообщение о том, что Юстиниан, на обратном пути захваченный болгарами в проходах, едва смог уйти с большими потерями (Theoph. под 6180 г.).

²¹ Официальное начало монофелитской ереси связывается с фактом, сообщаемым Сергием в письме к папе Гонорию: во время пребывания Ираклия в Армении его посетил Павел, глава ереси североан (монофизитов), и в диспуте с ним император упомянул и ο μία ἐνέργεια (единой природе)

Источник: *Nicéphori archiepiscopi Constantinopolitani opuscula historica* / Ed. C. de Boor. – Lipsiae:

Teubner, 1880; Никифора [патриарха константинопольского] Краткая история /

Перевод Е. Э. Липшиц // *Византийский вестник*. Т. III. – М., 1950; Творения Святого Отца нашего

Никифора, архиепископа Константинопольского. – Минск, 2001.

Христа – основе ереси монофелитов (К. J. Hefele. *Conciliengeschichte*. Bd. III: 123 сл.).

²² VI Вселенский собор 680–681 гг.

²³ Монастырь *Καλλιστράτα* – по Феофану (под 6259 г.) – был позднее разрушен до основания императором Константином V Копронимом.

²⁴ У Феофана – сразу к Софии.

²⁵ Пс 117/118 ²⁴Сей день (его же) сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!

²⁶ Карфаген.

²⁷ Эта часть города, входившая в XIV район Константинополя, получила свое название от σῦκκα, σῦκκη – фиговых деревьев у гавани. Позднее название Сики уступило место наименованию Пера, хотя последнее и относилось собственно к верхней, расположенной на горе, части города.

²⁸ *Κινεγίη* был построен в Византии Септимием Севером (146–211, рим. император в 193–211).

²⁹ Монастырь *святых бессребренников*, иначе Космы и Дамиана, т. е. безвозмездно лечащих святых, встречающийся под различными именами. Он часто называется монастырем Павлина – по имени его основателя – магистра Павлина, чаще же называется Космидионом. Он был расположен на северном конце Золотого Рога, близ дворца во Влахернах.

³⁰ *Неорий* – пристань, находившаяся в VI городском районе, простиравшемся от форума Константина до лестницы или моста переправы в Сики.

Фотий

Φώτιος – Photius

Фотий (810/820 – ок. 891), патриарх Константинопольский, теолог. Родился в семье ревностных христиан, его отец, спафарий Сергий, погиб мученической смертью в защиту икон. Состоя в родственных отношениях с императорским домом (брат его матери Ирины был мужем Марии, сестры августы Феодоры), занимал должность первого государственного секретаря в сенате и был учителем наследника престола Михаила III, будущего посланника к хазарам и просветителя славян Константина-Кирилла, богослова и писателя Арефы Кесарийского и др. В 845 или 855 г. Фотий участвовал в посольстве к арабскому халифу. Накануне этого путешествия Фотий, питавший глубокий интерес к античной классике, составил для своего брата Тарасия описание 280 прочитанных им книг, преимущественно философских и исторических. Этот сборник впоследствии получил название «Мириобиблион» («Множество книг»), или «Библиотека». Здесь много места уделено творчеству Геродота, Фукидида, Гелиодора, Ямвлиха, Аполлония Тианского, Василия Кесарийского, Феодорита Кирского, Лукиана и др. В 857 году соправи-

тель царя Михаила, Варда, удалил с Константинопольской кафедры патриарха Игнатия. По рекомендации епископов, Фотий, обладавший высоким благочестием и обширной ученостью, в течение 6 дней был посвящен в сан епископа, проведен по иерархическим степеням и возведен на патриарший престол. В 861 году был созван Собор для прекращения смут, на котором утверждено было низложение Игнатия и утверждение патриархом Фотия. Папа Николай I, послы которого присутствовали на этом Соборе, надеялся, утверждая Фотия патриархом, подчинить его своей власти, но, не получив ожидаемого, на Римском Соборе предал Фотия анафеме. В 864 году Фотий отправил архиепископа и священников для крещения болгар по их просьбе, а в 865 году – Кирилла и Мефодия для проповеди на славянском языке. В 867 году Василий Македонянин захватил императорский престол, умертвив императора Михаила, и Фотий, обличивший убийцу, был удален с патриаршего престола и заключен в монастырь под стражу. На его место был снова поставлен патриарх Игнатий. В 879 году, после смерти Игнатия, был созван

Собор, вновь признавший Фотия законным папством Церкви. Папа Иоанн, лично знавший Фотия, через послов объявил на Соборе об отмене всех прежних папских определений о Фотии. Собор же признал неприкосновенность Никео-Константинопольского Символа веры, независимость и равенство Западной и Восточ-

ной Церквей и обоих престолов. После смерти Василия I в 886 году его преемник Лев VI по ложному доносу обвинил Фотия в заговоре и низвел с кафедры, передав ее своему брату Стефану. Фотий же окончил свои дни в Армонийском монастыре, оставив после себя значительное теологическое наследие.

Подробнее см.: Фотий: Биографическая справка // Памятники византийской литературы IX – XIV вв. / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. – М., 1969: 39–47; Православный календарь на 2002 год, 6 февраля.

Фотий

Гомилия III. На нашествие варваров, или На нашествие росов¹

Перевод и комментарии П. В. Кузенкова

1. (5) Что это? Что за гнетущий и тяжкий удар и гнев? Откуда обрушилась на нас эта страшная гроза гиперборейская²? Что за сгустившиеся тучи горестей, (6) каких осуждений суровые скрежетания исторгли на нас эту невыносимую молнию? Откуда низвергся этот нахлынувший сплошной варварский град – не тот, что срезает пшеничный стебель и побивает колос, не тот, что хлещет по виноградным лозам и кромсает недозревший плод, и не ломающий стволы насаждений и отрывающий ветви – что часто для многих бывало мерой крайнего бедствия, – но самих людей тела плачевно перемалывающий и жестоко губящий весь род [человеческий]? Откуда или отчего излился на нас этот мутный отстой – что бы не сказать сильнее – таких и стольких бед? Разве не из-за грехов наших все это постигло нас? Разве не обличение это и не торжественное оповещение о наших проступках? Не знаменует ли ужас настоящего страшные и неподкупные судилища будущего?

2. (15) ...Горе мне, что продлилось пребывание мое – хотя и недолгое, – восклицаю я с Давидом псалмопевцем; продлилось так, что, взывая, я не был услышан и что вижу, как туча варваров затопляет кровью иссушенный грехами град наш. Горе мне, что я сохранен был для этих бед; что мы сделались посмешищем у соседей наших, поруганием и посрамлением у окружающих нас; (16) что коварный набег варваров не дал молве времени сообщить о нем, чтобы были обдуманы какие-нибудь меры безопасности³, но сама явь бежала вместе с вестью – и это в то время, как нападали оттуда, откуда [мы] отделены столькими землями и племенными владениями, судорожными реками и морями без пристаней. Горе мне, что вижу народ жестокий и дикий без-

наказанно обступившим город и грабящим пригороды, все губящим, все уничтожающим – поля, жилища, стада, скот, жен, детей, стариков, юношей – все предающим мечу, не слушая никаких воплей, никого не щадя. Погибель всеобщая! Как саранча на ниву и как ржа на виноградник, точнее – как вихрь, или буря, или ураган, или не знаю что еще, обрушившись на нашу землю, он погубил целые поколения жителей. (17) Блаженны те, кто пал жертвой кровавой руки варвара, ибо, погибнув, они тем скорее избежали переживания охвативших нас отчаянных бедствий; если бы отошедшие от всего этого [в мир иной] могли чувствовать, и они вместе со мною оплакивали бы еще остающихся, которые, наполнившись теми горестями, от которых непрерывно страдают, никак не избавятся от них и там, где ищут смерть, не находят ее. Ибо гораздо предпочтительнее один раз умереть, чем постоянно ожидать смерти, непрерывно оплакивая страдания ближних и сокрушаясь душою.

3. Где ныне василевс христоролюбивый? Где войска? Где оружие, [оборонительные] машины, полководческие советы и приготовления? Разве не нашествие других варваров⁴ перенесло и отвлекло на себя все это? И василевс выносит дальние труды за рубежами [империи], воинство отправилось с ним и разделяет тяготы, – нас же истощает губительное убийство, на наших глазах наступившее одних и уже наступающее других. Этот скифский народ⁵, жестокий и варварский, выползая из самых предвратий города, будто полевой зверь, объел окрестности его. (18) Кто же будет сражаться за нас? Кто выступит против врагов? Мы лишены всего, беспомощны со всех сторон... (19) ...О град царственный! Скопище каких бедст-

вий захлестнуло тебя! И происходящие из чресл твоих, и те, кто роскошно обустроился перед городской стеной – снискав жребий по варварскому закону пожираются недрами моря и пастью огня и меча. О добрая надежда всех! Какая гроза бедствий и множество ужасов, окружив со всех сторон, унизили твою знаменитую славу! (20) О град, царствующий едва ли не над всей вселенной, какое войско,

безначальное и рабским образом⁶ снаряженное, издевается над тобою, как над рабыней! О град, украсившийся добычей от многих народов, какой народ вздумал сам обогнуть тебя! О тот, кто водрузил множество трофеев в честь побед над врагами в Европе, Азии и Ливии, каким образом ныне направила на тебя копьё рука варварская и низменная, кичась пронести трофей победы над тобой!..

Гомилия IV. На нашествие росов⁷

Перевод и комментарии П. В. Кузнецова

1. (30) Знаю, что все вы понимаете, – как те, кто способен осознать отвращение Бога к людям, (31) так и те, кто к суждениям Господа относятся несколько более невежественно, – всё же всех вас я считаю усвоившими и уразумевшими, что напавшая на нас угроза и нагрянувший набег племени запятнали нас не иначе, как из-за гнева и негодования Господа Вседержителя. Ибо хотя, с одной стороны, Бог благ и превыше гнева и всяческой страсти, поскольку имеет природу превыше всякого материального состояния, занимающего по непреложному закону низшее положение, но, с другой стороны, справедливо можно было бы сказать, что Он гневается и негодует, когда какой-либо поступок, по достоинству осужденный на гнев и негодование, влечет для совершившего подобающее этому наказание – каковым образом и теперь обрушилось на нас попущенное несчастье, представив нам воочию обличение прегрешений. Ведь вовсе не похоже оно на другие набеги варваров, (32) но неожиданность нападения и невероятность стремительности, бесчеловечность рода варваров, жестокость нравов и дикость помыслов показывает, что удар нанесен с небес, словно гром и молния.

Оттого, что все вы сознаете это и горечь страдания и острота положения начертали в сердцах ваших причину несчастий, из-за этого я не стану молчать: но оттого, что и в вас имею я соочевидцев упомянутых схваток, именно из-за этого выступлю со справедливым обличением, разыгрывая перед вами трагедию тех событий, для которых сами мы из своих прегрешений соорудили сцену и вместе подготовили драму, превратив государство наше в театр всевозможных страстей. Ибо гнев Божий исходит из-за наших грехов, и материалом угрозы выступают дела грешников, а взысканием возмездия – неисправление проступков. Насколько странно и страшно нелепо нападение обрушившегося на нас

племени – настолько же обличается непомерность [наших] прегрешений; насколько, опять же, [это племя] незаметно, незначительно и вплоть до самого к нам вторжения неведомо – (33) настолько же и нам прибавляется тяжесть позора и превозносится торжество посрамлений, и бичи острее наносят боль. Ведь, право же, невыносимую кару представляет собой господство немощнейших и презренных над блистательными славою и неодолимыми по силе, доставляет горе неумолимое и память бедствий делает неизгладимой. Так подверглись мы бичеванию нашими беззакониями, опечалены страстями, унижены прегрешениями и ошеломлены злодеяниями, став поруганием и посрамлением у окружающих. Ибо те, кому некогда казался невыносимым один лишь слух о ромеях⁸, подняли оружие на саму державу их и потрясали руками, разъяренные, в надежде захватить царственный град, словно гнездо. Ведь они разграбили его окрестности, разорили предместья, свирепо перебили схваченных и безнаказанно окружили весь город – настолько превознесенные и возвеличенные нашей беспомощностью, (34) что жители не смели смотреть на них прямым и бесстрашным взором, но из-за чего приличествовало им тем мужественнее вступить с врагом в схватку, от этого они раскисали и падали духом. Ибо кровавые варварские убийства соотечественников должны возбуждать праведный гнев и требовать, положась на благие надежды, поспешить со справедливым возмездием; но спасшиеся, которые должны были отомстить за попавших в беду, струсив и испугавшись, обмякли, воображая в страданиях пленников собственное пленение. Ведь как только внезапный ужас проник в глубины сердца и болезнь воспалилась в язву, поток робости словно от какого-то источника и очага сердечной опухоли стал разливаться по всему телу и сделал парализованными члены тех, на кого возложены воен-

ные решения. Так сделались мы игрушкой варварского племени: угрозу их посчитали неодолимой, замысел – непосрамляемым и натиск – неотразимым. Ибо, где гнев Божий, там и рок; и когда Он отвращается, легко прокрадывается погибель, и тот, кого Он предаёт бичеванию, оказывается разорением от рук нападающих, (35) и, если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж.

2. Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчёт, народ, причисляемый к рабам, безвестный – но получивший имя от похода на нас, неприметный – но ставший значительным, низменный и беспомощный – но взошедший на вершину блеска и богатства⁹; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий¹⁰, имеющий дерзость [в качестве] оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника¹¹, такую толпой, столь стремительно нахлынул, будто морская волна, на наши пределы и будто полевой зверь объел как солому или ниву населяющих эту землю, – о кара, обрушившаяся на нас по попущению! – не щадя ни человека, ни скота, не стесняясь немоги женского пола, не смущаясь нежностью младенцев, (36) не стыдясь седин стариков, не смягчаясь ничем из того, что обычно смущает людей, даже дошедших до озверения, но дерзая пронзять мечом всякий возраст и всякую природу. Можно было видеть младенцев, отторгаемых ими от сосцов и молока, а заодно и от жизни, и их бесхитростный гроб – о горе! – скалы, о которые они разбивались¹²; матерей, рыдающих от горя и закалываемых рядом с новорожденными, судорожно испускающими последний вздох... Печален рассказ, но ещё печальнее зрелище, и гораздо лучше [о нём] умолчать, чем говорить, и достойно [оно] скорее свершивших, чем претерпевших. Ибо нет, не только человеческую природу настигло их зверство, но и всех бессловесных животных, быков, лошадей, птиц и прочих, попавшихся на пути, пронзала свирепость их; бык лежал рядом с человеком, и дитя и лошадь имели могилу под одной крышей, и женщины и птицы обгрялись кровью друг друга. Все наполнилось мертвыми телами: в реках течение превратилось в кровь; фонтаны и водоемы – одни нельзя было различить, так как скважины их были выровнены трупами, (37) другие являли лишь смутные следы прежнего устройства, а находившееся вокруг них заполняло оставшееся; трупы разлагались на полях, завалили дороги, рощи сделались от них более одичав-

шими и заброшенными, чем чащобы и пустыри, пещеры были завалены ими, а горы и холмы, ущелья и пропасти ничуть не отличались от переполненных городских кладбищ. Так навалилось сокрушение страдания, и чума войны, носясь повсюду на крыльях наших грехов, разила и уничтожала все, оказавшееся на пути.

3. Никто не смог бы выразить словами представшую тогда перед нами “Илиаду” бедствий. И кто, видя все это, не признал бы, что излилась на нас муть из чаши, которую наполнил гнев Господень, вскипевший от наших прегрешений? Кто, старательно обдумывая все это, не пойдёт через всю свою жизнь скорбя и печальясь вплоть до самого заката? О, как нахлынуло тогда все это, и город оказался – (38) ещё немного, и я мог бы сказать – завоеван! Ибо тогда легко было стать пленником, но нелегко защитить жителей; было ясно, что во власти противника – претерпеть или не претерпеть [это нам]; тогда спасение города висело на кончиках пальцев врагов, и их благоволением измерялось его состояние; и немногим лучше, скажу я, – скорее же, гораздо тягостнее – было не сдаваться городу, чем давно уже сдаться: ведь первое стремительностью испытания, возможно, сделало бы незаметной причину не сиюминутного пленения; второе же, затяжкой времени превознося человеколюбие противников – якобы, до сих пор [город] не пал из-за их милосердия – и присоединяя к страданию позор снисхождения, мучительней делает взаимное ощущение пленения¹³.

Помните ли вы смятение, слезы и вопли, в которые тогда весь город погрузился с совершенным отчаянием? Знакома ли вам та крошечная жуткая ночь, когда круг жизни всех нас закатился вместе с солнечным кругом, и светоч жизни нашей погрузился в пучину мрака смерти? Знаком ли вам тот час, невыносимый и горький, когда надвинулись на вас варварские корабли¹⁴, (39) дыша свирепостью, дикостью и убийством; когда тихое и спокойное море раскинулось гладью, предоставляя им удобное и приятное плавание, а на нас, бушуя, вздыбило волны войны; когда мимо города проплывали они, неся и являя плывущих на них с протянутыми мечами и словно грозя городу смертью от меча; когда иссякла у людей всякая надежда человеческая, и город устремился к единственному божественному прибежищу; когда рассудки объят трепет и мрак, а уши были открыты лишь

слухам о том, что варвары ворвались внутрь стен и город взят врагами¹⁵? Ибо неимоверность происшедшего и неожиданность нападения будто подталкивали всех выдумывать и выслушивать подобное, тем более, что такое состояние и при других обстоятельствах имеет обыкновение охватывать людей: ведь то, чего они особенно боятся, считают, не разбираясь, уже наступившим – хотя этого нет, – [40] а то, о чем они не подозревают, самоуправной мыслью устремляют прочь – хотя оно уже настигло их. Воистину, было тогда горе, и плач, и вопль; каждый сделался тогда неподкупным судьей собственных грехов, не сетующим – дабы избежать обвинения – на клевету обвинителей, не требующим внешних улик, не прибегающим к вызову свидетелей для «торжества над злокозненностью»; но каждый, имея прямо перед собою гнев Господень, признал свое преступление и осознал, что оказался посреди угроз за то, что вел себя безумно вне заповедей, и, испытанием печалей отвлеченный от наслаждений, настроился на жизнь целомудренную, и преобразился и [для того, чтобы] исповедоваться Господу стенаниями, исповедоваться слезами, молитвами, просьбами. Ибо способно, способно общее несчастье и ожидаемое переселение [в мир иной] заставить осознать пороки, и прийти в себя, и совершенствоваться к лучшему поступками.

Тогда... Когда же? Как только, оставшись безо всякой помощи и лишившись поддержки человеческой, мы воспряли душами, возложив упования на Мать Слова и Бога нашего, подвигая Ее уговорить Сына, Ее – умили-

вить прегрешения, Ее право откровенной речи призывая во спасение, Ее покров обрести стеною неприступною, Ее умоляя сокрушить дерзость варваров, Ее – развеять их надменность, (42) Ее – дать защиту отчаявшемуся народу, заступиться за собственное стадо; и пронося Ее облачение¹⁶, дабы отбросить осаждающих и охранить осажденных, я и весь город со мною¹⁷ усердно предавались мольбам о помощи и творили молебны, на что по несказанному человеколюбию, склонилось Божество, вняв откровенному Материнскому обращению, и отвратился гнев, и помиловал Господь достояние Свое. Истинно облачение Матери Божьей это пресвятое одеяние! Оно окружило стены – и по неизреченному слову враги показали спины; город облачился в него – и как по команде распался вражеский лагерь; обрядился им – и противники лишились тех надежд, в которых витали. Ибо как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря, и мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения¹⁸. Ибо Господь призрел не на грехи наши, но на покаяние, не беззакония наши вспомнил, но увидел сокрушение сердец наших и преклонил ухо Свое к исповеданию уст наших. (43) Неожиданным оказалось нашествие врагов – нечаянным явилось и отступление их; безмерным негодование – но выше разума и милость; невыразим был страх перед ними – презренными стали они в бегстве; Божий гнев они имели причиною для набега на нас – Божье человеколюбие нашли мы теснящим их, отражающим их натиск.

Источник: Древнейшие государства. – М., 2000.

Окружное послание Фотия, патриарха Константинопольского, к восточным архиерейским престолом, а именно – к Александрийскому и прочая

Ибо не только этот народ [болгары] переменил прежнее нечестие на веру во Христа, но и даже для многих многократно знаменитый и всех оставляющий позади в свирепости и кровопролитии, тот самый так называемый народ Рос – те, кто, поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись, подняли руки на саму Ромейскую державу! Но ныне, однако, и они переменили языческую и безбожную веру, в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя с любовью! поставив в положение подданных и гостеприимцев вместо не-

давнего против нас грабежа и великого дерзновения. И при этом столь воспламенило их страстное стремление и рвение к вере (вновь восклицает Павел: Благословен Бог во веки!), что приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают христианские обряды.

Христос же, истинный Бог наш, первый и великий Архиерей, добровольно принеший Себя в жертву за нас и отдавший кровь Свою за нас во искупление, да предоставит Вашей архиерейской и почтенной Главе оказаться сильнее наступающих отовсюду варварских

племен; и да позволит завершить жизненный путь в мире и спокойствии; и да удостоит снизить и вышний жребий в невыразимом ликования и веселье там, где жилище всех на-

слаждающихся, откуда бежала всякая боль, и стенание, и скорбь: в Самом Христе, истинном Боге нашем, Коему слава и сила во веки веков. Аминь!

Примечания

¹ Следует особо отметить, что имя нападавшего народа приводится только в заглавии и ни разу не упомянуто в самом тексте обеих гомилий. Вызывалось мнение, что Фотий считал оскорбительным для “чистой эллинской речи” само произнесение варварского имени. А. А. Васильев в связи с этим приводит место из «Алексиады» (X: 8), где Анна Комнина извиняется перед читателем за то, что ей приходится приводить варварские имена. Возможно и иное объяснение: во время произнесения проповедей в осажденном городе патриарх еще мог не знать, как именovali себя сами нападавшие, а в заглавии имя появилось позднее при составлении сборника.

² Гипербореяцами в античности именовались легендарные жители крайнего севера. В этом можно видеть указание того, что Фотию было известно откуда пришли нападавшие. Видеть в этом выражении чисто риторический прием кажется недостаточно обоснованным: слово “гипербореяский” имеет весьма устойчивое географическое значение, кроме того, оно вряд ли может быть синонимом понятий “суровый, страшный”, поскольку по античным представлениям, прекрасно известным Фотию, гипербореяцы считались пребывавшими в вечном блаженстве именно потому, что жили за пределами холодного северного ветра – Борея.

³ Эффективным способом борьбы с морскими нападениями на Константинополь с Черного моря была, как показал впоследствии опыт, встреча неприятельского флота у узкого входа в пролив Босфор, где скучившиеся многочисленные суда руси становились легкой мишенью для нескольких огненных триер; так в 941 г. уничтожил флот князя Игоря патрикий Феофан.

⁴ Речь идет о возобновившихся в то время (после обмена пленными в мае 860) враждебных действиях между Византийской империей и халифатом Аббасидов, причиной чего Фотий считает нападение арабов.

⁵ В слове “скифское” некоторые исследователи видят указание на именно славянское, а не скандинавское происхождение нападавших. Впрочем, этот античный этноним в византийской литературе приобрел характер довольно расплывчатого этногеографического термина и мог применяться как указание на любых варваров, причем не только из Северного Причерноморья; любопытно отметить, что “варварским и скифским наречием” во времена Фотия могла быть названа даже латынь: именно так именуется этот язык император Михаил III в послании к папе Николаю I, который был оскорблен таким высокомерием греков.

⁶ “Рабское” вооружение говорит о его примитивности в глазах византийцев. Ряд исследователей считают это место подтверждающим славянское происхождение нападавших, однако подобное заключение исходит из предпосылки слабого развития оружейного дела у древних славян по сравнению с другими народами, что едва ли можно признать обоснованным. Остановившись на термине “рабский”, В.Пери указывает на относящееся приблизительно к той же эпохе появление у лат. слова *sclavus/slavus* (“славянин”) значения “раб”; отметим, однако, что в византийской литературе

(в отличие от европейской и арабской) соотнесение славян с рабами не получило сколь-нибудь заметного распространения.

⁷ Дж. Уортли предположил, что вторая гомилия «На шествие росов» была произнесена Фотием в воскресенье 4 августа 860 г., через шесть с половиной недель после нападения во вторник 18 июня [Wortley J. The Date of Photius' Fourth Homily // BSl. 1970. Т. 31. Р. 50–53]. Впрочем, продолжительность осады Константинополя может быть определена лишь гипотетически.

⁸ Указание на вероятные контакты нападавших с империей до набега.

⁹ Нападавшие отступили, обремененные богатой добычей. Именно это позволило западным источникам (ХВ, послание папы Николая) описывать набег как удачный. Данные слова Фотия позволяют, кажется, рассеять сомнения исследователей, затруднявшихся относить упомянутые сообщения к данному походу, окончившемуся, как известно, гибелью русского флота во время бури.

¹⁰ Эпитет, который, казалось бы, мало подходит для славян; впрочем, в значении “бродячий, не сидящий на одном месте” он вполне мог быть употреблен в отношении руси, в то время резко расширившей зону своей активности и стремительно перемещавшейся по огромным пространствам Восточно-Европейской равнины. Долгое время важнейшим элементом власти русских князей было полкудье, которое могло восприниматься как постоянное перемещение с места на место, своего рода кочевание.

¹¹ Вся фраза выражает мысль о ничтожности нападавших, поэтому и такие эпитеты, как “не имеющий охраны, беспечный, небдительный”, следует понимать в смысле полного отсутствия у варварской толпы дисциплины и военного искусства, что должно было подчеркнуть позор поражения для ромеев, гордившихся порядком и организацией.

¹² Убийство младенцев, захваченных во время войны у врагов, практиковалось многими древними народами (ср. известный библейский пример: Пс. 136, 9). Об этом обычае славян, как о примере их жестокости, упоминает трактат Псевдо-Кесария, середина VI в. [Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л.А.Гиндин, С.А.Иванов, Г.Г.Литаврин. М., 1994. Т. I. С. 254].

¹³ Важное место, проливающее некоторый свет на обстоятельства осады, но не простое для перевода. Манго видит здесь указание на неудачный штурм города, после которого осажденным были предложены условия сдачи, так как “русские едва ли стали бы снисходительнее, если бы город не сдался на их милость”. Но, на мой взгляд, речь здесь идет о другом: осадив город, нападавшие не спешили со штурмом стен (добыча и без того была богатой), а надеялись выторговать выгодный выкуп. В этом и проявлялось их “милосердие”, и поэтому Фотий говорит о том, что в руках осаждавших находилась судьба города. Какие-то переговоры велись наверняка, но судить об их содержании на основании свидетельств Фотия не представляется возможным (речь скорее всего должна была

идти о крупной дани, как это случилось спустя полвека при Олеге).

¹⁴ Число судов нападавших, согласно источникам, было 200 или 360. У Фотия под “кораблями руси”, по всей вероятности, следует видеть не примитивные однодеревки-моноксилы (долбленые лодки, засвидетельствованные у славян еще в VII в.), а крупные морские лады, снаряжение которых на базе моноксил описывает Константин Багрянородный [УИ, 9.84–86 и прим. 2 на с. 307 – 308].

¹⁵ Как свидетельствует это место, византийцам не казалось невероятным взятие русью Константинополя – в то время крупнейшего и наиболее укрепленного города Европы. Здесь Фотий, кажется, описывает ночной штурм, предпринятый со стороны моря (с суши стены Константинополя совершенно неприступны).

¹⁶ Под упоминаемым здесь священным облачением обычно понимается св. риза или покров (омофорий) Пресвятой Богородицы.

Источник: журнал «Альфа и Омега» – сайт «Святоотеческое наследие», усердием Виталия Иноземцева, представившего материал на форум Андрея Кураева (pagez.ru).

Константин Багрянородный

Κωνσταντῖνος Πορφυρογέννητος – Constantinus Porphyrogenitus

Константин VII Багрянородный (905–959), византийский император (908–959) и ученый. Имя Порфирородный, или Порфирогенет означает ‘рожденный в Порфире’ – по названию палаты Большого дворца, где рожали императрицы. Этот титул получали все новорожденные младенцы действующих василевсов, но за Константином VII он закрепился как имя собственное.

Константин VII Багрянородный – сын императора Льва VI Философа, или Мудрого (род. в 866, годы правления 870–912) и его четвертой (не венчанной) жены Зои Карвонопсины. Будучи практически отстраненным от власти сначала по малолетству, а затем без формального повода регентами-соправителями – последовательно дядей Александром, матерью, тестем Романом I Лакапином (920–944) и его сыновьями Христофором, Стефаном и Константином, Константин VII Багрянородный усердно занимался постижением наук, литературы и ремесел, пока в декабре 944 г. Стефан и Константин, сыновья Романа I, предполагая захватить власть, свергли и сослали своего отца на остров Прот. Византийцы, собравшиеся у дворца, их не поддерживали и добились обратного – чтобы самодержцем был провозглашен отстраненный регентами Константин VII Багрянородный.

Приступив к реальному правлению при активной помощи жены Елены, дочери Романа I, Константин достиг выдающихся успехов

¹⁷ Фотий ни слова не говорит об императоре, которого едва ли возможно подразумевать в числе прочих горожан (“и вы все”). Это позволяет заключить, что Михаила не было в Константинополе до самого снятия осады. Иную версию событий излагает семейство хроник Симеона Логофета (см. раздел СЛ).

¹⁸ В качестве причины отступления врагов Фотий не упоминает ни о военном поражении (как БХ), ни о морской буре (как СЛ), подчеркивая неожиданность и необъяснимость снятия осады. Внешней причиной этого могла быть как весть о возвращении императора, так и осознание осаждавшими невозможности взятия хорошо укрепленного города, а возможно, и суеверный страх, охвативший язычников при виде величественной религиозной процессии. Руси уже досталась богатая добыча, и следовало позаботиться о ее сохранении.

как во внешней, так и во внутренней политике. Свой опыт и заботы государственного деятеля Константин обобщил в практическом руководстве «Об управлении империей» (лат. «De administrando imperio»), включительно с первоначальной версией труда – трактатом «О народах» («Περὶ ἐθνῶν»), написанном в 948–952 гг. для сына Романа и преподнесенном ему к его 14-летию («Κωνσταντίνου ἐν Χριστῷ βασιλεῖ αἰωνῶ βασιλέως Ῥωμαίων πρὸς τὸν ἴδιον υἱὸν Ῥωμανὸν τὸν θεοστεφῆ καὶ πορφυρογέννητον βασιλέα» – «Во Христе, царе вечном, василевса ромеев к сыну своему Роману, боговенчанному и багрянородному василевсу»). К этому времени Константин уже составил – сам или с помощниками – обобщающие сочинения «О фемах» («Περὶ τῶν θεμάτων τῶν ἀνηκόντων τῇ βασιλείᾳ τῶν Ῥωμαίων» – об административном устройстве империи) и «О церемониях византийского двора» (лат. «De ceremoniis aulae byzantinae»), а также «Жизнеописание Василия». Дед автора Василий I, которому посвящено сочинение, убив кесаря Михаила III Пьяницу, царствовал самодержавно с 866 по 886 год и стал основателем Македонской династии, правившей по 1056 г.

Под руководством Константина были составлены обширные сборники извлечений из исторических сочинений античных и ранневизантийских авторов, объединенные в 53 разделов. До нас дошли разделы «О посольствах» (лат. «Excerpta de legationibus»; вклю-

чал книги «О послах ромеев к племенам» и «О послах племен к ромеям»), «О добродетели и пороке» (его значительную часть занимает «История» Диона Кассия Кокцеяна, 160/165 – 235 гг.), «О заговорах против василевсов», «О полководческом искусстве».

Так случилось, что ряд исторических сочинений – Евнапия, Приска, Малха, Петра Патрикия, Менандра Протиктора и др. – были утрачены и в той или иной мере дошли до нас в трудах компиляторов, в том числе благодаря названному своду, составленному под руководством Константина Багрянородного. Все эти произведения содержат бесценные сведения об окружавших Византию народах, в том числе северных, которым Константин уделил особое внимание.

Трактат «Об управлении империей» был, предположительно, засекречен и потому дошел до нас в единственном списке, изготовленном в 1059–1081 гг. с обветшавшего оригинала по заказу кесаря Иоанна Дуки. Этим и объясняется то, что на трактат Константина нет ссылок ни у его современников, ни у исто-

риков более позднего времени. Возвращаясь к личности автора и его престолонаследника, следует вспомнить, что отпрыск императора извлек из «зеркала» урок по своему вкусу и решил любой ценой узурпировать власть. Представился удобный случай, и свекру-императору, злоупотреблявшему вином и нуждавшемуся в слабительном, его невестка Анастасия-Феофано, супруга Романа II, которая была дочерью харчевника, по уговору с мужем под видом целебного зелья дала смертельный яд. По версии Иоанна Скилицы, Константин, поскользнувшись, пролил большую его часть, но остальное кое-как выпил. По этой причине яд не убил его сразу, но императору все-таки стало плохо, и по пути из Олимпа (Малая Азия) в столицу он умер то ли от усугубившейся болезни, то ли от новой порции яда, поручив государственные дела сыну, а заботу о сыне – царскому евнуху. Возвращаясь, Роман II так и не удосужился воспользоваться поучениями отца и в 963 г. в возрасте 25 лет скончался, подорвав здоровье сомнительными удовольствиями.

Подробнее см.: Г. Г. Литаврин. Введение // Константин Багрянородный. Об управлении империей / Перевод Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 1991; С. Б. Дашков. Константин Порфирогенет // С. Б. Дашков. Императоры Византии. – М.: Красная Площадь, 1997; М. В. Бибииков. Историческая литература Византии. – СПб.: Алетейя, 1998; К. Рыжов. Все монархи мира. Древняя Греция. Древний Рим. Византия. – М., 2001.

Константин Багрянородный

Об управлении империей

Перевод Г. Г. Литаврина

Примечания Г. Г. Литаврина, М. В. Бибиикова, В. П. Шушарина, А. П. Новосельцева, В. К. Ронина, Е. П. Наумова, Б. Н. Флори, Т. М. Калининой, С. А. Иванова, О. В. Ивановой, О. А. Акимовой, В. А. Арутюновой-Фиданян, Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина, А. А. Зализняка, Л. И. Грацианской

1. О пачинакитах (πατρίνακίται)¹:

насколько полезны они, находясь в мире с василевсом ромеев

Итак, послушай, сын, то, что, как мне кажется, ты [обязан] знать; обрети разумение, дабы овладеть управлением. Ведь и всем прочим я говорю, что знание есть благо для подданных, в особенности же для тебя, обязанного печься о спасении всех и править и руководить мировым кораблем. А если я воспользовался ясной и общедоступной речью, как бы беспечно текущей обыденной прозой, для изложения предстоящего, не удивляйся ни сколько, сын мой. Ведь не пример каллиграфии или атикизирующего стиля, торжест-

венного и возвышенного, я старался представить, а заботился более, чтобы через простое и обиходное повествование наставить тебя в том, о чем, по моему мнению, тебе не должно пребывать в неведении и что легко тебе может доставить тот разум и мудрость, которые обретаются в длительном опыте.

Я полагаю всегда весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать отсюда к ним каждый год апокрисиария² с подобаю-

щими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров, т. е. заложников³, и апокрисиария, которые придут в богохранимый этот град⁴ вместе с исполнителем сего дела⁵ и воспользуются царскими благодеяниями и милостями, во всем достойными правящего василевса.

2. О пачинакитах и рóсах⁸

[Знай], что пачинакиты стали соседними и сопредельными также росам, и частенько, когда у них нет мира друг с другом, они грабят Рóсию⁹, наносят ей значительный вред и причиняют ущерб.

[Знай], что и росы озабочены тем, чтобы иметь мир с пачинакитами. Ведь они покупают¹⁰ у них коров, коней, овец и от этого живут легче и сытнее, поскольку ни одного из упомянутых выше животных в России не водилось¹¹. Но и против удаленных от их пределов врагов¹² росы вообще отправляться не могут, если не находятся в мире с пачинакитами, так как пачинакиты имеют возможность – в то время, когда росы удалятся от своих [семей], – напав, все у них уничтожить и разо-

Поскольку этот народ пачинакитов соседствует с областью Херсона⁶, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступить против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты⁷.

рывать. Поэтому росы всегда питают особую заботу, чтобы не понести от них вреда, ибо силен этот народ, привлекать их к союзу и получать от них помощь, так чтобы от их вражды избавляться и помощью пользоваться.

[Знай], что и у царственного сего града¹³ ромеев, если росы не находятся в мире с пачинакитами, они появиться не могут, ни ради войны, ни ради торговли, ибо, когда росы с ладьями приходят к речным порогам¹⁴ и не могут миновать их иначе, чем вытащив свои ладьи из реки и переправив, неся на плечах, нападают тогда на них люди этого народа пачинакитов и легко – не могут же росы двум трудам противостоять¹⁵ – побеждают и уstraивают резню.

3. О пачинакитах и турках¹⁶

[Знай], что и турок род весьма страшится и боится упомянутых пачинакитов потому, что был неоднократно побеждаем ими и предан

почти полному уничтожению, оттого турки всегда страшными считают пачинакитов и трепещут перед ними.

4. О пачинакитах, росах и турках

[Знай], что пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу

этого народа против них, когда они выступают на ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотами¹⁷ и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю¹⁸.

5. О пачинакитах и булгарах¹⁹

[Знай], что и булгарам более страшным казался бы василевс ромеев и мог бы понуждать их к спокойствию, находясь в мире с пачинакитами, поскольку и с этими булгарами соседят названные пачинакиты и, когда пожелают, либо ради собственной корысти, либо в угоду василевсу ромеев, могут легко выступить против Булгарии²⁰ и, благодаря своему

подавляющему большинству и силе, одолевать тех и побеждать. Поэтому и булгары проявляют постоянное старание и заботу о мире и согласии с пачинакитами. Так как [булгары] многократно были побеждены и ограблены ими, то по опыту узнали, что хорошо и выгодно находиться всегда в мире с пачинакитами.

6. О пачинакитах и херсонитах

[Знай], что и другой народ из тех же самых пачинакитов находится рядом с областью Херсона. Они и торгуют с херсонитами²¹, и исполняют поручения как их, так и

василевса и в России, и в Хазарии²², и в Зихии²³, и во всех тамошних краях, получая, разумеется, от херсонитов заранее согласованную плату за эту самую услугу, соответ-

ственно важности поручения и своим трудам, как-то: влаттии, прандии, харерии, по-яса, перец²⁴, алые кожи парфянские и другие предметы, требуемые ими, как о том каждый херсонит сумеет договориться с лю-

бым из пачинакитов при соглашении или уступит его настояниям. Ведь, будучи свободными и как бы самостоятельными, эти самые пачинакиты никогда и никакой услуги не совершают без платы.

7. О василиках²⁵, посылаемых из Херсона в Пачинакию

Всякий раз, когда василик переправится в Херсон ради подобного поручения, он должен тотчас послать [вестника] в Пачинакию и потребовать от них заложников и охранников. Когда они придут, то заложников оставить под стражей в крепости Херсона, а самому с охранниками отправиться в Пачинакию и исполнить порученное. Эти самые пачинакиты, будучи ненасытными и крайне жадными до редких у них вещей, бесстыдно требуют больших подарков: заложники до-

могаются одного для себя, а другого для своих жен, охранники – одного за свои труды, а другого за утомление их лошадей. Затем, когда василик вступит в их страну, они требуют прежде всего даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и своих родителей. Мало того, те, которые ради охраны возвращающегося к Херсону василика приходят с ним, просят у него, чтобы он вознаградил труд их самих и их лошадей.

8. О василиках, посылаемых из богохранимого града в Пачинакию с хеландиями²⁶ по рекам Дунай, Днепр и Днестр

[Знай], что и в стороне Булгарии расположен народ пачинакитов по направлению к области Днепра, Днестра и других там имеющих рек. Когда послан отсюда василик с хеландиями, то он может, не отправляясь в Херсон, кратчайшим путем и быстрее найти здесь тех же пачинакитов, обнаружив которых, он оповещает их через своего человека, пребывая сам на хеландиях, имея с собою и охраняя на судах царские вещи. Пачинакиты сходятся к нему, и, когда они сойдутся, василик дает им своих людей в качестве заложников, но и сам получает от пачинакитов их заложников и держит их в хеландиях. А затем он договаривается с пачинакитами. И, когда пачинакиты принесут василику клятвы по своим “заканам”²⁷, он вручает им царские дары и принимает “друзей”²⁸ из их числа, сколько хочет, а затем возвращается. Так-то нужно договариваться с ними, чтобы, когда у василевса явится потребность в них, они бы исполнили службу будь то против росов либо

против булгар, либо же против турок, ибо они в состоянии воевать со всеми ими и, многократно нападая на них, стали ныне [им] страшными. Ясно это также из следующего. Когда клирик Гавриил как-то был послан к туркам²⁹ по повелению василевса и сказал им: “Василевс заявляет вам, чтобы вы отправились и прогнали пачинакитов с мест их, а вы расположились бы вместо них, так как прежде там располагались, – дабы находиться близ царственности моей и дабы, когда я того пожелаю, я отправлял послов и вскорости находил вас”, – то все архонты³⁰ турок воскликнули в один голос: “Сами мы не ввяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем воевать с ними”³¹: страна [их] велика, народ многочислен, дурное это отродье. Не продолжай перед нами таких речей – не по нраву они нам”.

[Знай], что пачинакиты с наступлением весны переправляются с той стороны реки Днепра и всегда здесь проводят лето³².

9. О росах³³, отправляющихся с моноксилами³⁴ из России в Константинополь

[Да будет известно], что приходящие из внешней России³⁵ в Константинополь моноксилы являются³⁶ одни из Немогарда³⁷, в котором сидел Сфендослав³⁸, сын Ингора³⁹, архонта России, а другие из крепости Милиниски⁴⁰, из Телиуцы⁴¹, Чернигоги⁴² и из Вусеграда⁴³. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава⁴⁴, называемой Самбатас (Самватас)⁴⁵. Славяне же, их пак-

тиоты⁴⁶, а именно: кривитеины⁴⁷, лендзанины⁴⁸ и прочие Славинии⁴⁹, – рубят в своих горах⁵⁰ моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лед, вводят в находящиеся по соседству водоемы. Так как эти [водоемы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову. Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы

же, купив одни эти долбленки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти весла, уключины и прочее убранство... снаряжают их". И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичеву⁵¹, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трех дней, пока соединятся все моноксилы⁵², тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр⁵³. Прежде всего они приходят к первому порогу, нарекаемому Эссупи, что означает по-росски и по-славянски "Не спи"⁵⁴. Порог [этот] столь же узок, как пространство циканистирия⁵⁵, а посередине его имеются обрывистые высокие скалы, торчащие наподобие островков. Поэтому набегающая и приливающая к ним вода, низвергаясь оттуда вниз, издает громкий страшный гул. Ввиду этого росы не осмеливаются проходить между скалами, но, причалив поблизости и высадив людей на сушу, а прочие вещи оставив в моноксилах, затем нагие, ощупывая своими ногами [дно, волокут их], чтобы не натолкнуться на какой-либо камень. Так они делают, одни у носа, другие посередине, а третьи у кормы, толкая [ее] шестами, и с крайней осторожностью они минуют этот первый порог по изгибу у берега реки. Когда они пройдут этот первый порог, то снова, забрав с суши прочих, отплывают и приходят к другому порогу, называемому по-росски Улворси, а по-славянски Островуни праг, что значит "Островок порога"⁵⁶. Он подобен первому, тяжок и трудно проходим. И вновь, высадив людей, они проводят моноксилы, как и прежде. Подобным же образом минуют они и третий порог, называемый Геландри, что по-славянски означает "Шум порога"⁵⁷, а затем так же – четвертый порог, огромный, нарекаемый по-росски Аифор, по-славянски же Неасит, так как в камнях порога гнездятся пеликаны⁵⁸. Итак, у этого порога все причаливают к земле носами вперед, с ними выходят назначенные для несения стражи мужи и удаляются. Они неусыпно несут стражу из-за пачинакитов⁵⁹. А прочие, взяв вещи, которые были у них в моноксилах, проводят рабов в цепях по суше на протяжении шести миль³⁹, пока не минуют порог. Затем также одни волоком, другие на плечах, переправив свои моноксилы по сю сторону порога, столкнув их в реку и внеся груз, входят сами и снова отплывают. Подступив же к пятому порогу, называемому по-росски Варуфорос, а по-славянски Вулни праг⁶¹, ибо он образует большую заводь, и перепра-

вив опять по излучинам реки свои моноксилы, как на первом и на втором пороге, они достигают шестого порога, называемого по-росски Леанди, а по-славянски Веручи, что означает "Кипение воды"⁶², и преодолевают его подобным же образом. От него они отплывают к седьмому порогу, называемому по-росски Струкун, а по-славянски Напрези, что переводится как "Малый порог"⁶³. Затем достигают так называемой переправы Крария⁶⁴, через которую переправляются херсониты, [идя] из Росии, и пачинакиты на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома⁶⁵, а длину, с низа до того [места], где высовываются подводные скалы, – насколько пролетит стрела пустившего ее отсюда дотуда. Ввиду чего к этому месту спускаются пачинакиты и воюют против росов. После того как пройдено это место, они достигают острова, называемого Св. Григорий⁶⁶. На этом острове они совершают свои жертвоприношения, так как там стоит громадный дуб: приносят в жертву живых петухов, укрепляют они и стрелы вокруг [дуба], а другие – кусочки хлеба, мясо и что имеет каждый, как велит их обычай. Бросают они и жребий о петухах: или зарезать их, или съесть, или отпустить их живыми. От этого острова росы не (!) боятся пачинакита, пока не окажутся в реке Селина⁶⁷. Затем, продвигаясь таким образом от [этого острова] до четырех дней, они плывут, пока не достигают залива реки, являющегося устьем, в котором лежит остров Св. Эферий. Когда они достигают этого острова, то дают там себе отдых до двух-трех дней. И снова они переоснащают свои моноксилы всем тем нужным, чего им недостает: парусами, мачтами, кормилами, которые они доставили [с собой]. Так как устье этой реки является, как сказано, заливом и простирается вплоть до моря, а в море лежит остров Св. Эферий⁶⁸, оттуда они отправляются к реке Днестр и, найдя там убежище, вновь там отдыхают. Когда же наступит благоприятная погода, отчалив, дни приходят в реку, называемую Аспрос⁶⁹, и, подобным же образом отдохнувши и там, снова отправляются в путь и приходят в Селину, в так называемый рукав реки Дунай. Пока они не минуют реку Селина, рядом с ними следуют пачинакиты. И если море, как это часто бывает, выбросит моноксил на сушу, то все [прочие] причаливают, чтобы вместе противостоять пачинакитам. От Селины же они не боятся никого, но, вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная. От Дуная они прибывают в

Конопу⁷⁰, а от Конопы – в Констанцию⁷¹... к реке Варна⁷²; от Варны же приходят к реке Дичина⁷³. Все это относится к земле Булгарии. От Дичины они достигают области Месемврии⁷⁴ – тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание.

Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киавы и отправляются в полюдия, что

именуется “кружением (объездом)”⁷⁵, а именно – в Славинии вервианов⁷⁶, другувитов⁷⁷, кривичей⁷⁸, севериев⁷⁹ и прочих славян⁸⁰, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав. Потом так же, как было рассказано, взяв свои моноксилы, они оснащают [их] и отправляются в Романию⁸¹.

[Знай], что узы могут воевать с пачинакитами⁸².

10. О Хазарии⁸³, как нужно и чьими силами воевать [с нею]

[Знай], что узы способны воевать с хазарами, поскольку находятся с ними в соседстве, подобно тому как и эксусиократор Алании⁸⁴.

[Знай], что девять Климатов Хазарии⁸⁵ прилегают к Алании и может алан, если, ко-

нечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии.

11. О крепости Херсон и крепости Боспор⁸⁶

[Знай], что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу⁸⁷, к Климатам и к Херсону. Если

этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам⁸⁸, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов⁸⁹, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир.

12. О Черной Булгарии⁹⁰ и о Хазарии

[Знай], что так называемая Черная Булгария может воевать с хазарами.

13. О народах, соседствующих с турками⁹¹

[Знай], что к туркам прилегают следующие народы. С западной стороны от них⁹² – Франгия⁹³, с северной – пачинакиты⁹⁴, а с южной – ...Великая Моравия⁹⁵, т. е. страна Сфендоплока⁹⁶, которая совершенно уничтожена этими самыми турками и захвачена ими⁹⁷. Хорваты же соседят с турками у гор⁹⁸.

[Знай], что пачинакиты могут также нападать на турок, сильно разорять их и вредить им, как уже было сказано выше в главе о пачинакитах.

Обрати, сын, очи разума твоего на слова мои, познай, что я велю тебе, и ты со временем, будто из отцовских сокровищниц, сможешь извлекать богатства благоразумия и источать аромат мудрости. Итак, знай, что у всех северных народов стала как бы прирожденной жадность к деньгам и ненасытность, никогда не удовлетворяемая. Посему она требует всего, всего домогается и не имеет четких границ своим желанием, но вечно жаждет большего и взамен скромной пользы стремится

ся извлечь великую корысть⁹⁹. Поэтому должно неуместные их домогательства и наглые притязания отклонять и пресекать правдоподобными и разумными речами, мудрыми оправданиями, которые, как мы смогли постичь на опыте, могут быть вот какими.

Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки, либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских¹⁰⁰, – а подобное случается частенько, – послать им что-нибудь из царских одеяний или венцов¹⁰¹, или из мантий ради какой-либо их службы и услуги, тебе нужно отвечать так: “Эти мантии и венцы (а венцы у вас называются камелавкциями¹⁰²) изготовлены не людьми, не человеческим искусством измышлены и сработаны¹⁰³, но, как мы находим запечатленными словами заповедными в древней истории, когда Бог сделал василевсом Константином Великого¹⁰⁴, первого царствующего христианина, он послал ему через ангела эти мантии и венцы, которые вы называете камелав-

киями, и повелел ему положить их в великой божьей святой церкви, которая именем самой истинной мудрости божьей святою Софией нарекается¹⁰⁵, и не каждый день облачаться в них, но когда случается всенародный великий господний праздник. Из-за этого-то божьего повеления он убрал их; они подвешены над святым престолом в алтаре этого самого храма и явились украшением церкви. Прочие же царские одеяния и облачения разостланными положены поверх святого сего престола. Когда же наступает праздник Господа Бога нашего Иисуса Христа, патриарх берет из этих одеяний и венцов нужное и подходящее для случая и посылает василевсу, а тот надевает их, как раб и слуга божий, но только на время процессии, и вновь после использования возвращает их в церковь, и в ней сохраняются. Мало того, есть и заклание святого и великого василевса Константина, начертанное на святом престоле божьей церкви¹⁰⁶, как повелел ему Бог через ангела, что если захочет василевс ради какой-либо нужды или обстоятельства, либо нелепой прихоти забрать что-нибудь из них, чтобы употребить самому или подарить другим, то будет он предан анафеме и отлучен от церкви как противник и враг божьих повелений. Если же он вознамерится сам изготовить другое, подобное [этому], то пусть церковь заберет и это по требованию на сей счет всех архиереев и синклита¹⁰⁷. Не имеют права ни василевс, ни патриарх, ни кто-либо иной брать эти одеяния или венцы из святой божьей церкви. Великий страх да тяготеет над посягающими нарушить что-либо из сих божьих заповедей. Так, один из василевсов, по имени Лев, который взял себе жену из Хазарии¹⁰⁸, в припадке неразумной дерзости забрал один из этих венцов, когда не было Господнего праздника, и без согласия патриарха надел его. Тотчас пали карбункулы на лоб его, и, муками от них изнуренный, он жалким образом лишился жизни, до времени найдя смерть¹⁰⁹. Поскольку кара за такую дерзость последовала столь быстро, с той поры стало правилом, что василевс, прежде чем будет коронован, клянется и заверяет¹¹⁰, что он не дерзнет сделать или измыслить ничего противного до него установленному и с древних времен соблюдаемому. И тогда он венчается патриархом¹¹¹ и совершает и исполняет подобающее наступившему празднеству”.

Должно, чтобы ты подобным же образом проявлял попечение и заботу о жидком ог-

не¹¹², выбрасываемом через сифоны. Если кто-нибудь когда-нибудь дерзнет попросить и его, как многократно просили у нас, ты мог бы возразить и отказать в таких выражениях: “И в этом также [Бог] через ангела просветил и наставил великого первого василевса-христианина, святого Константина¹¹³. Одновременно он получил и великие наказания о сем от того ангела, как мы точно осведомлены отцами и дедами, чтобы он изготовлялся только у христиан и только в том городе, в котором они царствуют, – и никоим образом не в каком ином месте, а также чтобы никакой другой народ не получил его и не был обучен [его приготовлению]. Поэтому сей великий василевс, наставляя в этом своих преемников, приказал начертать на престоле церкви божьей проклятия, дабы дерзнувший дать огонь другому народу ни христианином не почитался, ни достойным какой-либо чести или власти не признавался. А если он будет уличен в этом, тогда будет низвержен с поста, да будет проклят во веки веков, да станет притчею во языцех, будь то василевс, будь то патриарх, будь то любой иной человек, из повелевающих или из подчиненных, если он осмелится преступить сию заповедь. Было определено, чтобы все питающие рвение и страх божий отнесли к сотворившему такое как к общему врагу и нарушителю великого сего наказа и постарались убить его, предав мерзкой [и] тяжкой смерти. Случилось же некогда, – ибо зло вечно выискивает местечко, – что один из наших стратигов¹¹⁴, получив всевозможные дары от неких иноплеменников, передал им взамен частицу этого огня, но, поскольку Бог не попустил оставить безнаказанным преступление, когда наглец вздумал войти в святую церковь божью, пал огонь с неба, пожрал и истребил его. С той поры великие страх и трепет обуяли души всех, и после этого никто более, ни василевс, ни архонт, ни частное лицо, ни стратиг, ни какой бы то ни было вообще человек, не дерзнули помыслить о чем-либо подобном, а тем более на деле попытаться исполнить либо совершить это”.

Но давай, впрочем, изменим тему. Разбери и узнай уместные и подходящие ответы на иной вид неразумных и нелепых домогательств. Если когда-либо народ какой-нибудь из этих неверных и нечестивых северных племен⁴² попросит о родстве через брак с василевсом ромеев, т. е. либо дочь его получить в жены, либо выдать свою дочь, василевсу ли в жены или сыну василевса, должно тебе откло-

нить и эту их неразумную просьбу, говоря такие слова: “Об этом деле также страшное заклятие и нерушимый приказ великого и святого Константина¹¹⁶ начертаны на священном престоле вселенской церкви христиан святой Софии: никогда василевс ромеев да не породнится через брак с народом, приверженным к особым и чуждым обычаям, по сравнению с ромейским устроением, особенно же с иноверным и некрещеным, разве что с одними франками. Ибо для них одних сделал исключение сей великий муж святой Константин, так как и сам он вел род из тех краев, так что имели место частые браки и великое смешение меж франками и ромеями. Почему же только с ними одними он повелел заключать брачные сделки василевсам ромеев? Да ради древней славы тех краев и благородства их родов. С иным же каким бы то ни было народом нельзя этого сделать¹¹⁷; а дерзнувший совершить такое должен рассматриваться как нарушитель отеческих заветов и царских повелений, как чуждый сонму христианскому – он предается анафеме. Выше было рассказано, как пресловутый ранее упомянутый василевс Лев незаконно и дерзко, вопреки согласию тогдашнего патриарха, взял и возложил венец – и немедленно был предан казни, достойной его дурного деяния. Осмелился он и эту заповедь святого того василевса, которую, как уже было рассказано, тот установил, начертав на святом престоле, счесть недостойной внимания, почитая ее ни во что, вследствие чего и поставил себя вне страха божия и заповедей его. Он заключил с хаганом Хазарии брачную сделку, взял его дочь в жены и навлек таким образом великий позор и на державу ромеев и на себя самого, ибо отменил обычаи предков и поставил их ни во что¹¹⁸. Впрочем, он был не правоверным христианином, а еретиком и иконоборцем. Потому-то из-за сих его противозаконных нечестивых деяний он в божьей церкви постоянно отлучается и предается анафеме, как преступник и ниспровергатель повелений и Бога и святого великого василевса Константина¹¹⁹. Как это можно подлинным христианам заключать с неверными брачные союзы и вступать с ними в родство, когда канон это запрещает и вся церковь считает это чуждым и враждебным христианскому порядку? Или: кто из державных, благородных и мудрых василевсов ромеев допустил [это]?”. А если [иноплеменники] возразят: “Но как же господин Роман василевс¹²⁰ породнился с булгарами, выдав собст-

венную внучку за господина Петра, булгарина¹²¹?” – то следует ответить так:

“Господин Роман василевс был простым и неграмотным человеком, не принадлежал ни к тем, кто с детства воспитан в царских дворцах, ни к тем, кто с самого начала следовал ромейским обычаям¹²²; он был не из царского и знатного рода, а поэтому он многое вершил деспотично и крайне самовластно, не повинуюсь при этом запретам церкви, не следуя заповедям и повелениям великого Константина. По разумению надменному и самовольному, добру неученому, следовать надлежавшему и хорошему не желавшему, как и блюсти обычаи, от отцов переданные, он дерзнул сделать упомянутое, лишь тот предлог благовидный при этом выставив, что столь великое число пленных христиан благодаря этому деянию было освобождено, что булгары являются христианами и единоверцами нашими¹²³, а кроме того, что выданная была дочерью не самодержца и законного василевса, а третьего и последнего [среди них], еще подчиненного и ни к какой власти в делах царства не причастного. Да и нет здесь отличий: той или иной из царских родственниц она оказалась, из далеких или близких царскому благородству [она была], ради общепользовного или какого иного дела [она выдана]; [и неважно, что] самого незначительного и не властвующего [она была дочерью]. Так как, вопреки канону и церковной традиции, вопреки повелению и заповеди великого и святого василевса Константина он совершил это, поэтому еще при жизни выше-названный господин Роман был крайне ненавидим, порицаем и поносим и советом синклита, и всем народом, и самою церковью, так что ненависть [к нему] под конец стала явной и после смерти точно так же подвергали его презрению, обвинению и осуждению, введшего как новшество это недостойное и неподобающее для благородного государства ромеев дело”¹²⁴. Поскольку каждый народ имеет различные обычаи, разные законы и установления, он должен держаться своих порядков и союзы для смешения жизней заключать и творить внутри одного и того же народа. Ибо подобно тому как любое живое существо вступает в сношения с ему едиnorodными¹²⁵, так и у каждого народа стало правилом вступать в брачные сожителства не с иноплеменниками и иноязычными, а с людьми того же рода и того же языка¹²⁶. Именно поэтому установилось и существует единомыслие друг с другом, взаимопонимание, дружеское общение и сожи-

тельство; чуждые же нравы и отличные узаконения обыкновенно порождают враждебность, ненависть и ссоры, что помогает возникновению не дружбы и единения, а вражды и раздоров. Ведь должно, чтобы желающие править по закону не соревновались в подражании дурно содеянному кем-либо по невежеству и сомнению, но держались славных дел тех, кто царствовал в согласии с законом и справедливостью, [чтобы] они имели пред собой благие образцы для примера и подражания и в соответствии с ними пытались и сами направлять все ими совершаемое. Поэтому из-за таких самовольных дел его – я имею в

виду господина Романа – постигший конец является достаточным примером для вразумления того, кто пожелает подражать его дурным поступкам.

Нужно, однако, вместе с прочим знать тебе, сын возлюбленный, и то, что способно при осведомленности об этом во многом содействовать тебе в совершении достойных удивления дел. А именно – [знать] опять-таки о различиях меж другими народами, об их происхождении, нравах, образе жизни, расположении и климате населенной ими земли, об ее внешнем виде и протяженности, как далее будет поведано подробнее.

25. Из истории блаженного Феофана Сигрианского

В том же году¹²⁷ Валентиниан¹²⁸ не только не смог спасти Британию, Галлию и Испанию, но потерял и Западную Ливию – таково название страны афров – при следующих обстоятельствах. Были два стратига, Аэций и Бонифаций¹²⁹, которых Феодосий¹³⁰ послал в Рим по просьбе Валентиниана. Однако, когда Бонифаций получил власть над Западной Ливией, Аэций из зависти оклеветал его, будто он задумал возмущение и стремится овладеть Ливией. Сказав также это Плакидии¹³¹, матери Валентиниана, Аэций пишет Бонифацию: “Если за тобой пошлют, чтобы ты явился, – отказывайся, так как ты оклеветан и василевсы хотят хитростью схватить тебя”. Прочтя это и, как родному сыну, доверяя Аэцию, Бонифаций, будучи вызван, не явился. Тогда василевсы сочли Аэция верноподданным. В то время готы¹³² и иные многочисленные народы обитали в наиболее верных областях, вплоть до Дуная. Особенно заслуживающими внимания из них являются готы, визиготы, гепиды¹³³ и вандалы¹³⁴, кроме как по имени ничем другим не различающиеся и говорящие на одном языке. Все они исповедуют зловерие Ария. При Аркадии и Гонории¹³⁵, перейдя Дунай, они поселились в земле ромеев¹³⁶. Гепиды же, из которых впоследствии выделились лонгиварды и авары¹³⁷, заселили места в округе Сингидуна¹³⁸ и Сермий¹³⁹. Визиготы, опустошившие с Аларихом Рим, ушли в Галлию и овладели ее населением¹⁴⁰. Готы же, обладавшие сначала Паннонией, через 19 лет царствования Феодосия Юного после его разрешения населили земли Фракии¹⁴¹ и, пробыв во Фракии 58 лет¹⁴², под водительством Февдериха, их патрикия¹⁴³ и консула¹⁴⁴, с позволения Зинова¹⁴⁵ захватили западное

царство. Что же касается вандалов, то они, соединившись с аланами¹⁴⁶ и германцами, ныне называемыми франками, и, перейдя реку Рейн под предводительством Годигискла, поселились в Испании¹⁴⁷, являющейся первой страной Европы начиная с Западного Океана. Бонифаций, в страхе перед василевсами ромеев, отплыв из Ливии, пришел в Испанию к вандалам, и, поскольку Годигискл уже умер, а властью располагали его сыновья Готфарий и Гизерих, он, склоняя их, обещал им разделить Западную Ливию на три части, чтобы каждый вместе с ним управлял одной третью и чтобы сообща отражать любого врага. На этих условиях вандалы, переправясь через пролив¹⁴⁸, заселили Ливию от Океана до Триполи, что у Кирены. Визиготы же, снявшись из Галлии, овладели и Испанией¹⁴⁹. Некоторые лица из ромейского сената, друзья Бонифация, сообщили Плакидии о лживости обвинения Аэция, показав и письмо Аэция к Бонифацию, ибо Бонифаций послал его им. Пораженная Плакидия ни в чем, однако, не обвинила Аэция, но отправила к Бонифацию увещательное клятвенное послание. Когда умер Готфарий, самодержцем вандалов стал Гизерих¹⁵⁰, Бонифаций же, получив послание, выступил против вандалов, после того как к нему прибыло большое войско из Рима и Византия во главе с Аспаром¹⁵¹. В состоявшемся сражении с Гизерихом войско римлян было разбито. Так, прибыв с Аспаром в Рим, Бонифаций был избавлен от подозрений, доказав истину. Африка, однако, оказалась в руках вандалов. Тогда и Маркиан¹⁵², бывший воином на службе у Аспара, а впоследствии василевсом, был живым взят в плен Гизерихом.

27. О феме Лагувардия¹⁵³, о ее принципатах¹⁵⁴ и архонтиях¹⁵⁵

Да ведомо будет, что в древние времена всею властью над Италией, т.е. над Неаполем, Капуей, Беневентом, Салерином, Амальфи, Гаэтой и всей Лагувардией¹⁵⁶, обладали ромеи, а именно, когда Рим был царственным городом. После же того, как царская власть перешла в Константинополь, все это было поделено на два царства¹⁵⁷; с того времени царствующий в Константинополе направлял двух патрикиев: один патрикий правил Сицилией, Калаврией, Неаполем и Амальфи, а второй патрикий сидел в Беневенте и правил Папией, Капуей и всем прочим. Ежегодно они платили василевсу определенную сумму для казначейства. Все эти ранее паименованные страны были населены ромеями. Однако во времена царицы Ирины¹⁵⁸ посланный туда патрикий Нарсес правил Беневентом и Папией, а папа Захария, афинянин, владел Римом. Случилось, что разгорелись войны в краях Папии, и патрикий Нарсес израсходовал на войско уплачиваемые в казну пакты¹⁵⁹, не послав вносимое им по норме. Нарсес сообщал:

“Я надеюсь, что скорее от вас будут посланы мне деньги, так как весь взысканный с этих мест взнос я израсходовал на разразившиеся войны, а вы, напротив, с этих мест требуете выплат”. Услышав об этом и разгневавшись, царица Ирина отправила ему веретено и прялку, написав ему: “Прими то, что тебе подобает. Ибо мы полагаем, что тебе более пристало прясть, чем, подобно мужу, с оружием в руках защищать, направлять и вести в бой ромеев”. Прочтя это, Нарсес ответил царице:

“Поскольку вы сочли меня столь же способным прясть и ткать, как и женщина, веретеном и прялкой, я напряду такую пряжу, что пока живы ромеи, они не смогут ее распутать”. Лагуварды¹⁶⁰ тогда жили в Паннонии, где недавно поселились турки¹⁶¹. Отправив им всевозможные плоды, патрикий Нарсес объявил им: “Идите сюда и взгляните на землю, текущую, как сказано, молоком и медом¹⁶², лучше которой, как я думаю, нет у Бога. И, если она понравится вам, поселитесь в ней и во веки веков будете благославлять меня”.

28. Рассказ о том, как был населен город, ныне называемый Венецией

Должно знать, что в древности Венеция была неким пустынным местом, безлюдным и болотистым. Теперь называющиеся венетиками были франками¹⁶³ из Аквилеи и прочих мест Франгии, и жили они на суше, напротив Венеции. Когда же Атиллы, василевс аваров¹⁶⁴, явился, разорил и погубил все Франгии, то все франки в ужасе перед василевсом Атилой начали спасаться бегством из Аквилеи и прочих крепостей Франгии, прибывать на безлюдные острова Венеции и возводить там хижины. Итак, когда этот василевс Атил-

ла разорил все пространство суши, дошел вплоть до Рима и Калабрии, оставя далеко в стороне Венецию, сбежавшиеся на острова Венеции люди, обретя безопасность и как бы стряхнув ужас, пожелали все поселиться там, что и сделали, живя там и поныне¹⁶⁵. После ухода Атилы, многие годы спустя, подобным образом явился король Пипин, который правил тогда Папией и прочими королевствами¹⁶⁶, ибо у этого Пипина были три брата¹⁶⁷, которые господствовали над всеми Франгиями и Славиниями¹⁶⁸.

29. О Далмации¹⁶⁹ и соседствующих с нею народах

[Знай], что василевс Диоклетиан очень любил Далмацию; поэтому, выведя людей из Рима вместе со своими домохозяевами, он поселил их в стране Далмации. Как переселенцы из Рима, они называются римлянами и носят это прозвание вплоть до сего дня¹⁷⁰. Так вот, сей василевс Диоклетиан построил также крепость Аспалаф и воздвиг в ней дворец, который невозможно описать ни словом, ни на бумаге и руины которого до нынешнего дня свидетельствуют о древнем благоденствии, хотя подточили его долгие годы¹⁷¹. Кроме того, построил тот же василевс Диоклетиан крепость Диоклею¹⁷², теперь находящуюся во владении Диоклетианов, отчего и прозвище “Диок-

летианы” осталось как название жителей той страны. Владение этих римлян простиралось до реки Дунай. Когда некоторые из них пожелали переправиться через реку и узнать, кто живет по ту сторону ее, то, переправясь, они нашли славянские безоружные племена, которые называются также аварами¹⁷². [Ранее же] ни эти люди не знали, что кто-нибудь живет по ту сторону реки, ни те, что кто-либо обитает по сию сторону. Поскольку же римляне застали аваров безоружными и к войне не подготовленными, они, пойдя войною, забрали добычу и полон и вернулись. С тех пор римляне установили две смены¹⁷³ и, отслужив от Пасхи до Пасхи, меняли свое [погра-

ничное] войско, так что в великую святую субботу они встречались друг с другом: одни – возвращаясь от укреплений, другие же – отправляясь на эту службу. Ибо близ моря, ниже той же самой крепости, есть крепость под названием Салона, размером в половину Константинополя¹⁷⁴, в коей все римляне сходятся, вооружаются, выступают отсюда и отправляются к клисуре¹⁷⁵, отстоящей от этой самой крепости на четыре мили, которая и ныне зовется Клиса¹⁷⁶, ибо затворяет [проход] идущим с той стороны. Оттуда же они уходят к реке. И так эта смена [войск] осуществлялась многие годы, и славяне по ту сторону реки, называемые также аварами, поразмыслив, сказали: “Эти римляне, которые переправлялись и взяли добычу, отныне не перестанут ходить против нас войной. Поэтому сразимся-ка с ними”. Засим славяне, они же авары, посоветовавшись таким образом, когда однажды римляне переправлялись, устроили засады и, сражаясь, победили их. Взяв их оружие, знамена и прочие воинские знаки и переправившись через реку, названные славяне пришли к клисуре. Увидев их, находившиеся там римляне, приметя также знамена и вооружение своих единоплеменников, сочли и их самих таковыми. Когда же названные славяне достигли клисуры, они позволили им пройти. Пройдя же, славяне тотчас изгнали римлян и овладели вышеупомянутой крепостью Салона¹⁷⁷. Поселясь там, с той поры они начали понемногу разорять римлян, живших в долинах и на возвышенностях, уничтожали [их] и овладевали их землями.

30. Рассказ о феме Далмация

Если знание – благо для всех, то и мы, усвоив познание о делах, не окажемся вдали от этого [блага]. Поэтому-то мы и делаем доступным для всех, кто будет жить после нас, изложение как об этих, так и об иных достойных деяниях, так, чтобы в результате достичь двойной пользы.

Итак, спрашивающие об утрате Далмации – как это она была захвачена народами славян – могут узнать [об этом] из следующего ниже. Но сначала необходимо поведать о ее положении. Издревле Далмация брала начало от пределов Диррахия¹⁸², а именно – от Антибари¹⁸³, и простиралась до гор Истрии, а в ширину достигала реки Дуная. Вся эта область находилась под властью ромеев, и эта фема являлась наиболее длительной из других западных фем. Но она была захвачена на-

Прочие же римляне находили спасение в крепостях побережья и ныне владеют ими, каковыми являются Декатеры, Раусий, Аспалаф, Тетрангурин, Диадоры, Арва, Векла (Бекла) и Опсары, жители которых и теперь называются римлянами.

[Знай], что крепость Раусий не называется Раусием на языке ромеев, но в силу того, что она стоит на скалах, ее именуют по-ромейски “скала-лава”, поэтому ее жители прозываются “лавсеями”, т.е. “сидящими на скале”. В просторечии же, нередко искажающем названия перестановкой букв и переменившем название и здесь, их называют раусеями. А эти же самые раусеи владели древней крепостью Питавра¹⁷⁸. В то время, когда славяне, живущие в феме, захватили прочие укрепления, они овладели также и этой крепостью. Одни были убиты, другие обращены в рабство. Сумевшие бежать и спастись поселились на обрывистых местах, там, где ныне находится крепость, которую они выстроили сначала небольшой, затем – заново – побольше; а после этого опять удлинили стены из-за совершавшегося понемногу расширения и увеличения числа [жителей], пока крепость [не достигла нынешних размеров]¹⁷⁹. Из людей, переселившихся в Раусий, упомянем следующих: Григорий, Арсафий, Викторин, Виталий, архидиакон Валентин, Валентин – отец протоспафария Стефана. С тех пор, как из Салоны они переселились в Раусий, минуло по сей день, т.е. до 7-го индикта 6457 г., 500 лет¹⁸⁰. В этой же крепости покоится св. Панкратий во храме св. Стефана, стоящем в центре самой крепости¹⁸¹.

родами славян следующим образом. Близ Аспалафа имеется крепость, которая именуется Салоной – строение василевса Диоклетиана, да и сам Аспалаф также воздвигнут Диоклетианом, и там находился его царский [дворец]. В Салоне же жили его мегистаны¹⁸⁴ и много простого народа. Крепость эта была главной во всей Далмации. Поэтому ежегодно из прочих крепостей Далмации конные стражи¹⁸⁵ собирались [здесь] и высылались из Салоны числом до тысячи для несения стражи на реке Дунай против аваров, ибо авары сделали своим местом пребывания противоположную сторону реки Дунай, где ныне турки¹⁸⁶, ведя кочевую жизнь. Отправляясь [туда] ежегодно, жители Далмации часто видели на той стороне реки скот и людей. Поэтому вздумалось им однажды переправиться и по-

выведать, кто же эти люди, живущие там. Итак, переправясь, они обнаружили одних аварских женщин и детей, тогда как мужчины и юноши находились в военном походе. Поэтому, совершив внезапное нападение, они захватили их в полон и без ущерба вернулись, доставив эту добычу в Салону. Затем, когда авары возвратились из похода и узнали о случившемся – в чем они пострадали, они взволновались, недоумевая, однако, откуда им нанесен удар. Поэтому решили подождать случая, чтобы из него узнать обо всем. Далее, когда, как обычно, были снова отправлены из Салоны таксеоты¹⁸⁷ (однако это были не те, что ранее, а другие, хотя они то же самое в отношении тех держали в помыслах), они переправились, [направляясь] против аваров, но так как те оказались собравшимися воедино, а не рассеянными, как прежде, не только ничего не сделали, но и претерпели самое ужасное. Ибо одни из них были убиты, а прочие были схвачены живыми, никто не избегнул рук [аваров]. Порасспросив пленных, кто они и откуда, и узнав, что от них они претерпели упомянутый удар, а также повыпытывав [у них] о достоинствах их земли и словно полюбив ее уже по слуху, авары заключили живых пленников в оковы, надели на себя их одежды, как носили их те, и, сев на коней, взяв в руки их знамена и прочие значки, которые те носили с собой, все поднялись в воинском порядке и двинулись против Салоны. Поскольку же при допросах они узнали и время, когда таксеоты возвращаются с Дуная (а это была великая и святая суббота), они прибыли как раз в этот день. Основная масса войска, когда они были уже где-то поблизости, затаилась, а около тысячи, которые имели для обмана коней и одежды далматинцев, вышли открыто. Жители крепости, признав свои значки и одеяния, зная также и день, в который те по обычаю возвращаются, открыли ворота и приняли прибывших с радостью. Авары, войдя, тотчас овладели воротами и, знаком осведомив о свершенном деле войско, приготовились к вторжению и нападению. Так они перебили всех жителей города, а затем овладели всей страной Далмацией и поселились в ней. Одни

городки у моря не сдались им, а были удержаны ромеями и то лишь потому, что средства для их жизни они добывают на море¹⁸⁸. Итак, увидев, что земля эта прекрасна, авары поселились на ней. Хорваты же жили в то время за Багиварией¹⁸⁹, где с недавнего времени находятся белохорваты¹⁹⁰. Один из родов, отделясь от них, а именно – пять братьев: Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват и две сестры: Туга и Вуга, – вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом – и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов¹⁹¹. В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых и считают аварами¹⁹². Прочие же хорваты остались у Франгии и с недавних пор называются белохорватами, т.е. “белыми хорватами”¹⁹³, имеющими собственного архонта¹⁹⁴. Они подвластны Оттону, великому королю Франгии (иначе – Саксии)¹⁹⁵, и являются нехристиами¹⁹⁶, вступая в родственные связи и дружеские отношения с турками¹⁹⁷. От хорватов, пришедших в Далмацию, отделилась некая часть и овладела Иллириком и Паннонией. Имели и они самовластного архонта, ради дружбы обменивавшегося лишь посольствами с архонтом Хорватии¹⁹⁸. В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной стране¹⁹⁹. Но франки настолько были жестоки к ним, что, убивая грудных детей хорватов, бросали их собакам. Не в силах вынести этого от франков, хорваты восстали против них, перебив архонтов, которых те им поставили. Поэтому против них из Франгии выступило большое войско. Семь лет длилась их война друг с другом, и наконец с трудом одолели хорваты. Они перебили всех франков и убили их архонта по имени Коцилин²⁰⁰. С того времени, оставаясь самовластными и независимыми, они попросили Рим о святом крещении. И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов²⁰¹...

31. О хорватах и о стране, в которой они живут в настоящее время

[Знай], что хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называвшихся “белыми”, которые обитают по ту сторону Турции, близ Франгии, и граничат со славянами – некрещены-

ми сербами²⁰². [Имя] хорваты на славянском языке означает “обладатели большой страны”²⁰³. Эти хорваты оказались перебежчиками к василевсу ромейцев Ираклию ранее, чем к этому василевсу Ираклию перешли

сербы, в то время, когда авары, пойдя войною, прогнали оттуда римлян, выведенных из Рима и поселенных там василевсом Диоклетианом. Поэтому-то они и прозывались римлянами, что были переселенцами из Рима в этих краях, а именно – в ныне именуемой Хорватии и Сербии. Когда упомянутые римляне были прогнаны аварами, в дни того же василевса ромеев Ираклия, их земли остались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне²⁰⁴. Эти хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга²⁰⁵. Василевс Ираклий, отправив [посольство], приведя священников из Рима и избрав из них архиепископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов²⁰⁶. Тогда у этих хорватов архонтом был уже Порг.

[Знай], что архонт Хорватии сначала, то есть с царствования василевса Ираклия, под-

властен как слуга василевсу ромеев и никогда не подчинялся архонту Булгарии²⁰⁷. Но и болгары не ходили войной против хорватов, кроме архонта Булгарии Михаила Бориса, который, отправясь против них для войны и не будучи в силах добиться успеха, заключил с ними мир, одарив при этом хорватов и получив дары от них. Однако эти самые хорваты никогда не платили пакта булгарам, хотя обе стороны частенько доставляли друг другу дары из благорасположения.

[Знай], что Великая Хорватия, называемая “Белой”, остается некрещеной до сего дня, как и соседние с нею сербы. Она выставляет еще меньше конницы, как и пешего войска, сравнительно с крещеной Хорватией, так что является более доступной для грабежей и франков, и турок, и пачинакитов. Она не обладает ни длинными судами, ни кондурами, ни торговыми кораблями, ибо лежит вдали от моря, – путь от тамошних мест до моря занимает 30 дней. А море, которого они достигают через 30 дней, называется “Черным”²⁰⁸.

32. О сербах²⁰⁹ и о стране, где они живут ныне

Да будет ведомо, что сербы происходят от некрещеных сербов, называемых также “белыми” и живущих по ту сторону Турции²¹⁰ в местности, именуемой ими Боики²¹¹. С ними граничит Франгия, а также Великая Хорватия, некрещеная, называемая также “Белой”²¹². Там-то и живут с самого начала эти сербы. Но, когда двое братьев получили от отца власть над Сербией, один из них, взяв половину народа, попросил убежища у Ираклия, василевса ромеев. Приняв его, сам василевс Ираклий предоставил ему в феме Фессалоники²¹³ как место для поселения Сервии, которая с той поры и получила это прозвание. Сербами же на языке ромеев обозначаются “рабы”, почему и “сервилами” в просторечии называется обувь рабов, а “цервулианами” – носящие дешевую, нищенскую обувь. Это прозвище сербы получили потому, что стали рабами василевса ромеев²¹⁴. Через некоторое время этим сербам вздумалось вернуться в свои места, и василевс отослал их. Но когда они переправились через реку Дунай, то, охваченные раскаянием, возвестили василевсу Ираклию через стратига, управлявшего тогда Белеградом²¹⁵, чтобы он дал им другую землю для поселения. Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов²¹⁶ были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались

безлюдными из-за аваров (они ведь изгнали оттуда римлян, живущих в теперешней Далмации и Диррахии), то василевс и поселил означенных сербов в этих странах. Они были подвластны василевсу ромеев, который, приведя пресвитеров из Рима, крестил их и, обучив их хорошо совершать дела благочестия, изложил им веру христианскую²¹⁷. Когда же Булгария находилась под властью ромеев, [булгары были в мирных отношениях с сербами]. Затем, когда умер сей архонт Серб²¹⁸, прибегнувший к [помощи] василевса, по наследству правил его сын, затем внук и так далее – архонты из его рода. Через некоторое время был в этом роду среди них Воисеслав, затем его сын Родослав, сын этого – Просигис²¹⁹ и его сын Властимир. Вплоть до этого Властимира булгары были в мирных отношениях с сербами, как соседи и люди сопредельных земель, дружески общаясь друг с другом, неся службу и находясь в подчинении у василевса ромеев и пользуясь его благодеяниями. В правление же этого Властимира Пресиам²²⁰, архонт Булгарии, пошел войной на сербов, желая покорить их, однако после трехлетней войны не только ничего не достиг, но и погубил множество своих воинов. После смерти архонта Властимира власть над Сербией унаследовали три его сына – Мунтимир, Строимир и Гоиник²²¹, поделившие страну. В их правле-

ние явился архонт Булгарии Михаил Борис, желая отомстить за поражение Пресиама, своего отца. Воюя [с ним], сербы оказались настолько сильнее, что взяли в плен сына Михаила – Владимира²²² с двенадцатью великими боиладами²²³. Тогда, конечно, сокрушаясь о сыне, Борис против воли заключил мир с сербами. Желая вернуться в Булгарию и боясь, как бы сербы не заманили его в засаду на пути, он попросил для своей безопасности детей архонта Мунтимира, Борена и Стефана²²⁴, которые и сберегли его невредимым вплоть до самых границ, то есть до Расы. В благодарность за эту услугу Михаил Борис дал им большие дары, и они взамен дали ему в качестве подарка двух рабов, двух соколов, двух собак и 80 штук меха, о чем булгары говорят как о пакте. Через недолгое время упомянутые три брата, архонты Сербии, выступили друг против друга, и, когда одолел один из них, Мунтимир, он, желая один располагать властью, схватил и отдал в Булгарию двух других. Только Петра, сына одного из братьев – Гоиника, он оставил возле себя и заботился о нем. Но Петр, бежав, прибыл в Хорватию, о чем будет рассказано несколько позже. Вышеупомянутый находящийся в Булгарии брат Мунтимира Строимир имел сына Клонимира, которому Борис дал в жены болгарку. В Булгарии у него родился Часлав. Мунтимир же, изгнав братьев и получив власть, породил трех сыновей: Прибеслава, Брана и Стефана, а после его смерти ему наследовал первый сын Прибеслав. Итак, через один год, выступив из Хорватии, упомянутый ранее Петр, сын Гоиника, отстраняет от власти своего двоюродного брата Прибеслава с двумя его братьями и сам принимает власть, а те, бежав, являются в Хорватию. Через три года Бран, придя для войны против Петра, был разбит им, попал в плен и был ослеплен²²⁵. По прошествии двух лет Клонимир, отец Часлава, также бежав из Булгарии, достиг Сербии и вступил с войском в одну из ее крепостей, Достинику, с намерением захватить власть²²⁵. Воюя против него, Петр убил его и управлял еще 20 лет, начав править в царствование Льва, блаженного и святого василевса²²⁶, подчиняясь и выполняя для него службу. Он заключил мир с Симеоном, архонтом Булгарии, так что даже и кумом его сделал. После же времени, в которое царствовал этот господин Лев, протоспафарий Лев Равдух, удостоенный после этого титулом магистра и должностью логофета дрома, а тогда бывший стратигон в Диррахии, оказался в Пага-

нии, находившейся в то время под властью архонта Сербии, с целью помогать советом и действовать самому архонту Петру в некоей службе и делах. Возревновав к сему, Михаил, архонт захлумов²²⁷, сообщил Симеону, архонту булгар, что василевс ромеев удостоил даров архонта Петра, чтобы он соединился с турками и выступил против Булгарии. Произошла в то время и битва при Ахелое между ромеями и булгарами²²⁸. Поэтому Симеон, будучи взбешен этим, послал против архонта Сербии Петра Сигрицу Феодора и известного Мармаина с войском, а с ними был и архонтопул²²⁹ Павел, сын Брана, которого ослепил Петр, архонт Сербии. Итак, булгары, коварно действуя против архонта Сербии и, вступив с ним в кумовство, скрепленное клятвой, что они не причинят ему никакого ущерба, обманом заманили его к себе и, немедленно связав, увели его в Булгарию. Он умер в тюрьме. Вместо него пришел [к власти] Павел, сын Брана, и правил три года²³⁰. А василевс господин Роман, имея в Константинополе архонтопула Захарию, сына Прибеслава, архонта Сербии, послал его с той целью, чтобы он стал архонтом в Сербии. Однако, уйдя и напав, он потерпел поражение от Павла. Тот схватил его и передал булгарам, где его держали в оковах. Затем, через три года, когда Павел враждовал с булгарами, [они] отправили Захарию, ранее посланного василевсом господином Романом, и тот, изгнав Павла, сам овладел властью над сербами. Захария тотчас вспомнил о благодеяниях василевса ромеев: он стал врагом булгар, не желая вообще подчиняться им, но склонный, скорее, быть под властью василевса ромеев. Так что, когда Симеон послал против него войско с Мармаином и Сигрицей Феодором, он их головы и оружие отправил с поля битвы к василевсу ромеев в качестве трофеев (ибо между ромеями и булгарами еще продолжалась война). Он никогда не прекращал направлять посольства к василевсам ромеев, как и архонты до него, будучи в подчинении и на службе у них. Но Симеон опять послал новое войско во главе с Книном, Имником и Ичбоклийей против архонта Захарии, отправив с ними также и Часлава. Тогда Захария, испугавшись, бежит в Хорватию. Булгары же известили жупанов, чтобы те прибыли к ним и приняли Часлава к себе архонтом. Вызвали они их с помощью клятвенных заверений, но довели [лишь] до первой деревни и, немедленно связав их, вступили в Сербию, забрали весь народ от мала до велика и увели в Булгарию. Некоторые, одна-

ко, бежав, ушли в Хорватию. Страна оказалась пустынной. Итак, в то время эти болгары вторглись в Хорватию во главе с Алогоботуром с целью войны, и все были перебиты там хорватами²³¹. Через семь лет Часлав, бежав от болгар с четырьмя другими, прибыл из Преслава²³² в Сербию, но обнаружил в стране лишь 50 мужчин, не имеющих ни жен, ни детей, занятых охотой и [так] кормивших себя. Овладев с ними страной, он сообщил об этом василевсу ромеев, прося его о защите и помощи, обещая нести службу и повиноваться его повелениям, как и архонты до него. И с тех пор василевс ромеев не переставал благодетельствовать его, так что и пребывавшие в

Хорватии, Булгарии и в прочих странах сербы, которых рассеял Симеон, услышав об этом, собрались к нему. Прибыло много беглецов из Булгарии и в Константинополь; василевс ромеев послал их к Чаславу, одев и облагодетельствовав. Благодаря богатым дарам василевса ромеев сплотив и заселив страну, как было прежде, он по-рабски подчинился василевсу ромеев, соединив эту страну и укрепясь в ней в качестве архонта с содействия василевса и в результате его больших благодеяний.

[Знай], что архонт Сербии изначально, то есть с царствования василевса Ираклия, по-рабски подчинен василевсу ромеев и никогда не был подвластен архонту Булгарии.

33. О захлумах и о стране, которую они ныне населяют²³³

[Знай], что страна захлумов находилась ранее во власти ромеев, я имею в виду римлян, которых василевс Диоклетиан переселил из Рима, как о них уже рассказано [нами] в повествовании о хорватах. Эта страна захлумов и была в подчинении у василевса ромеев, но, поработенная аварами, она была полностью опустошена, а ее население уничтожено. Ныне живущие там захлумы являются сербами, со

времен того архонта, который искал убежища у василевса Ираклия. Имя же захлумы они получили от горы – так называемого Хлума²³⁴, иначе говоря, на славянском языке захлумы означает “[живущие] за холмом”, ибо в этой местности имеется большой холм, на вершине которого находятся две крепости: Бона и Хлум, а за тем же холмом протекает река под названием Бона²³⁵, что означает “хорошая”.

35. О диоклетианах и о стране, которую они ныне населяют

[Знай], что страна Диоклея также прежде находилась во власти римлян, которых переселил из Рима василевс Диоклетиан (как рассказано [об этом] в истории о хорватах), и была в подчинении у василевса ромеев. Поработенная также аварами, и эта страна запустела и была вновь заселена при василевсе Ираклии, как и Хорватия, Сербия, страна захлу-

мов, Тервуния и страна Канали. Название Диоклея происходит от крепости в этой стране, которую воздвиг василевс Диоклетиан. Ныне это пустующая креость, по ею пору именуемая Диоклеей.

[Знай], что в стране Диоклее имеются большие населенные крепости: Градеты, Нуграде, Лондодокла.

36. О паганах, называемых также аренданами, и о стране, которую они ныне населяют²³⁶

[Знай], что страна, в которой теперь живут паганы, также ранее находилась во власти римлян, которых, переселив из Рима, василевс Диоклетиан расселил в Далмации. Сами же паганы происходят также от некрещеных сербов времени того архонта, который искал помощи у василевса Ираклия. Также поработенная аварами, и эта страна была опустоше-

на, а заселена снова при василевсе Ираклии. Паганами же они названы потому, что не принимали крещения в то время, когда были крещены все сербы. Ведь на славянском языке паганы означает “нехристи”, а на языке ромеев их страна называется Аренда²³⁷, поэтому их сами ромеи и именуют аренданами.

37. О народе пачинакитов

Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих²³⁸, будучи соседями и хазар, и так называемых узов²³⁹. Однако пятьдесят лет назад²⁴⁰ упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною

на пачинакитов, одоолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы²⁴¹. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне,

обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь и владеют этой страной, как сказано, вплоть до сего дня уже в течение пятидесяти пяти лет²⁴².

Да будет ведомо, что вся Пачинакия делится на восемь фем²⁴³, имея столько же великих архонтов. А фемы таковы: название первой фемы Иртим, второй – Цур, третьей – Гила, четвертой – Кулпей, пятой – Харабои, шестой – Талмат, седьмой – Хопон, восьмой – Цопон²⁴⁴. Во времена же, в какие пачинакиты были изгнаны из своей страны, они имели архонтами в феме Иртим Баицу, в Цуре – Куела, в Гиле – Куркутэ, в Кулпей – Ипаоса, в Харабои – Каидума, в феме Талмат – Косту, в Хопоне – Гиаци, а в феме Цопон – Ботана. После смерти этих власть унаследовали их двоюродные братья, ибо у них утвердились законы и древний обычай, согласно которым они не имели права передавать достоинство детям или своим братьям; довольно было для владеющих им и того, что они правили в течение жизни. После же их смерти должно было избирать или их двоюродного брата, или сыновей двоюродных братьев, чтобы достоинство не оставалось постоянно в одной ветви рода, но чтобы честь наследовали и получали также и родичи по боковой линии. Из постороннего же рода никто не вторгается и не становится архонтом. Восемь фем разделяются на сорок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда.

Должно знать, что четыре рода пачинакитов, а именно: фема Куарцикур, фема Сирукалпей, фема Бороталмат и фема Булацопон, – расположены по ту сторону реки Днепра по направлению к краям [соответственно] более восточным и северным, напротив Узии, Хазарии, Алании, Херсона и прочих Климатов. Остальные же четыре рода располагаются по сю сторону реки Днепра, по направлению к более западным и северным краям, а именно: фема Гиасихопон соседит с Булгарией, фема

Нижней Гилы соседит с Туркией, фема Харабои соседит с Росией, а фема Иабдиертим соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами²⁴⁵, деревленинами²⁴⁶, лenzанинами²⁴⁷ и прочими славянами. Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании – на шесть дней, от Мордии²⁴⁸ – на десять дней, от Росии – на один день, от Турции – на четыре дня, от Булгарии – на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе.

Да будет известно, что в то время, когда пачинакиты были изгнаны из своей страны, некоторые из них по собственному желанию и решению остались на месте, живут вместе с так называемыми узами и поныне находятся среди них, имея следующие особые признаки (чтобы отличаться от тех и чтобы показать, кем они были и как случилось, что они отторгнуты от своих): ведь одевание свое они укоротили до колен, а рукава обрезали от самых плеч, стрелять этим как бы показать, что они отрезаны от своих и от соплеменников²⁴⁹.

Должно знать, что по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку, имеются пустые крепости: первая крепость названа пачинакитами Аспрон, так как ее камни кажутся совсем белыми; вторая крепость Тунгаты (Тунгатаи), третья крепость Кракнакаты (Кракнакатаи), четвертая крепость Салмакаты (Салмакатаи), пятая крепость Сакакаты (Сакакатаи), шестая крепость Йайукаты (Гиайукатаи). Посреди самих строений древних крепостей обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение.

Должно знать, что пачинакиты называются также кангар, но не все, а народ трех фем: Иабдиирти, Куарцикур и Хавуксингила, как более мужественные и благородные, чем прочие, ибо это и означает прозвище кангар.

38. О родословной народа турок и о том, откуда они происходят

[Знай], что народ турок имел древнее поселение близ Хазарии, в местности, называвшейся Леведия²⁵⁰ – по прозвищу их первого воеводы. Этот воевода прозывался личным именем Леведия²⁵¹, а по названию достоинства его именовали воеводой, как и прочих после него. Итак, в этой местности, уже названной Леведией, течет река Хидмас, которая именуется также Хингилус. В те времена они не назывались турками, а именовались по не-

домой причине сабартами-асфалами²⁵². Турок было семь племен, но архонта над собой, своего ли или чужого, они никогда не имели; были же у них некие воеводы, из которых первым являлся вышеназванный Леведия. Они жили вместе с хазарами в течение трех лет, воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах. Хаган, архонт Хазарии, благодаря мужеству турок и их воинской помощи, дал в жены первому воеводе турок, называемому Леведией,

благородную хазарку из-за славы о его доблести и знаменитости его рода, чтобы она родила от него. Но этот Леведия, по неведомой случайности, не прижил детей с той хазаркой. Пачинакиты же, прежде названные кангар (а название кангар давалось у них в соответствии с благородством и мужеством), двинувшись на хазар войною и будучи побеждены, были вынуждены покинуть собственную землю и населить землю турок. Когда же между турками и пачинакитами, тогда называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, – они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу²⁵³, в которых ныне проживает народ пачинакитов. Через недолгое время упомянутый хаган, архонт Хазарии, сообщил туркам, чтобы они послали к нему Леведию, первого своего воеводу. Посему Леведия, явившись к хагану Хазарии, спросил о причине, ради которой хаган отправил посольство, [требующее], чтобы Леведия пришел к нему. Хаган сказал ему: “Мы позвали тебя ради того, чтобы избрать тебя, поскольку ты благороден, разумен, известен мужеством и первый среди турок, архонтом твоего народа и чтобы ты повиновался слову и велению нашему”. Отвечая хагану, тот произнес: “Твое отношение ко мне и твой выбор я высоко чту и изъявляю тебе подобающую благодарность, но поскольку я неспособен к такой власти, то не могу повиноваться. Есть, впрочем, иной, по-

мимо меня, воевода, называемый Алмуц и имеющий сына по имени Арпад. Лучше, чтобы один из них, либо этот Алмуц, либо его сын Арпад, стал архонтом и повиновался слову нашему”. Итак, довольный такой речью, упомянутый хаган дал Леведии своих людей и послал их с ним к туркам. Когда они беседовали об этом с турками, то турки предпочли, чтобы архонтом скорее оказался Арпад, чем его отец Алмуц, как более достойный, более желанный из-за его разума, рассудительности и мужества и способный к такой власти. Его-то они и сделали архонтом, по обычаю – “закану” хазар, подняв его на щите. До этого Арпада турки никогда не имели другого архонта, и с тех пор до сего дня они выдвигают архонта Туркии из этого рода. Через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания.

[Знай], что местность пачинакитов, в которой в те времена жили турки, именуется по названиям тамошних рек. А реки эти таковы: первая река под названием Варух, вторая река, именуемая Куву, третья река по имени Трулл²⁵⁴, четвертая река, называемая Брут, пятая река, именуемая Серет²⁵⁵.

39. О народе кабаров (κάβαροι)

Да будет известно, что так называемые кабары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против своей власти, и когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их [все-таки] одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками в земле пачинакитов, сдружались друг с другом и стали называться каба-

рами (κάβαροι). Поэтому и турок они обучили языку хазар, и сами до сей поры говорят на этом языке, но имеют они и другой – язык турок. По той причине, что в войнах они проявили себя наиболее мужественными из восьми родов и так как предводительствовали в бою, они были выдвинуты в число первых родов. Архонт же у них один (а именно на три рода кабаров), существующий и по сей день.

40. О родах кабаров и турок

Первый – этот, от хазар отколовшийся, вышеназванный род кабаров, второй – род Неки, третий – Мегери, четвертый – Куртугермат, пятый – Тариана, шестой – Генах, седьмой – Кари, восьмой – Каси²⁵⁶. Так, соединясь друг с другом, кабары вместе с турками поселились в

земле пачинакитов. После этого, позванные Львом, христолюбивым и приснопамятным василевсом, они переправились [через Дунай] и, воюя против Симеона²⁵⁷, наголову разбили его, наступая, дошли до Преслава²⁵⁸ и заперли его в крепости по названию Мундрага²⁵⁹, вер-

нувшись затем в собственную страну. В то время архонтом они имели Лиундику²⁶⁰, сына Арпада. Однако после того как Симеон вновь помирился с василевсом ромеев и обрел безопасность, он снесся с пачинакитами и вступил с ними в соглашение с целью нападения на турок и уничтожения их. Когда турки отправились в военный поход, пачинакиты вместе с Симеоном пришли против турок истребили целиком их семьи и беспощадно прогнали оттуда турок, охраняющих свою страну²⁶¹. Турки же, возвратясь и найдя свою страну столь пустынной и разоренной, поселились в земле, в которой проживают и ныне и которая именуется, как сказано, по вышеназванным наименованиям рек. А место, в котором прежде находились турки, именуется по названию протекающей там реки Этель и Кузу²⁶¹, где с недавнего времени расселяются пачинакиты. Итак, турки, гонимые пачинакитами, пришли и поселились в земле, в которой живут теперь. В этом месте имеются некоторые постройки, оставшиеся с древних времен: прежде всего – мост василевса Траяна²⁶², в начале Турции, затем – в трех днях [пути] от этого моста – Белеград²⁶³, в котором находится башня святого и великого василевса Константина, потом, по обратному течению реки²⁶⁴, тот знаменитый Сермий²⁶⁵, на расстоянии двух дней пути от Белеграда, а от сего места – Великая Моравия, некрещеная, которую опустошили турки и которой правил прежде Сфендоплок²⁶⁶.

Таковы древние постройки и названия местностей по реке Истр, а места выше них, которые охватывают все обиталище турок, они называют ныне по именам текущих там рек. Реки же эти следующие: первая река Тимисис,

вторая река Тутис, третья река Морисис, четвертая – Крисос и еще одна река Тиса²⁶⁷. Соседствуют с турками с восточной стороны булгары, где их разделяет река Истр, называемая также Дунаем, с северной стороны – пачинакиты, с более западной – франки, с южной – хорваты. Эти восемь племен турок²⁶⁸ не подчиняются собственным [особым] архонтам, но имеют соглашение сражаться вместе, со всем тщанием и усердием на реках, в какой бы стороне ни возникала война. Первым главою они имеют архонта из рода Арпада – последовательно, и двух других – гилу и карху, которые имеют ранг судьи. Каждый род имеет архонта.

Должно знать, что гила и карха суть не собственные имена, а достоинства.

Должно знать, что Арпад, великий архонт Турции, породил четырех сыновей²⁶⁹: первым Таркацуса, вторым Иелеха, третьим Иутоцуса, четвертым Залтаса.

Должно знать, что первый сын Арпада, Таокацус, породил сына Тевелиса, второй сын, Иелех, породил сына Эзелеха, третий сын, Иутоцус, породил сына Фалициса, нынешнего архонта, а четвертый сын, Залтас, породил сына Таксиса.

Должно знать, что все сыновья Арпада умерли, а внуки его, Фалис, Тасис и их двоюродный брат Таксис, живы.

Должно знать, что умер Тевелис и что имеется его сын Термацус – друг, недавно²⁷⁰ приходивший вместе с Булцусом²⁷¹, третьим архонтом и кархой Турции.

Должно знать, что Булцус карха – сын Кали²⁷² кархи и что имя Кали есть имя собственное, а карха – достоинство, как и гила, который выше кархи.

41. О стране Моравии

Да будет ведомо, что архонт Моравии Сфендоплок был мужественен и страшен соседним с ним народам²⁷³. Были у этого Сфендоплока три сына, и, умирая, он разделил свою страну на три части и оставил трем сыновьям [каждому] по одной части, первого определив великим архонтом, а двух других – подчиняться слову первого сына. Он убеждал их не впадать в раздор и не идти один против другого, показав им это на примере. А именно: принеся три палки и связав их, он дал их переломить первому сыну, а когда он не смог, дал второму, как затем и третьему. Потом, разъединив три эти палки, он раздал всем трем по одной. Взяв их и получив повеление сломать, они тотчас переломили их. Таким

примером он убедил их, сказав: “Если вы пребудете нераздельными, в единомыслии и любви, то станете неодолимыми и непобедимыми для врагов, а если среди вас случится раздор и соперничество, если вы разделитесь на три царства, не подчиненные старшему брату, то разорите друг друга и окажетесь целиком добычей соседних с вами врагов”²⁷⁴. После смерти этого Сфендоплока²⁷⁵, пробыв в мире один год, они впали в раздоры и вражду меж собою, затеяв междоусобную войну друг с другом. Турки, явившись, совершенно разгромили их и завладели их страной, в которой живут и ныне. Остатки населения рассеялись, перебежав к соседним народам, булгарам, туркам, хорватам и к прочим народам²⁷⁶.

42. Землеописание от Фессалоники до реки Дунай и крепости Белеград, до Турции и Пачинакии, до хазарской крепости Саркел, до Росии и до Некропил, находящихся на море Понт, близ реки Днепр, до Херсона вместе с Боспором, в которых находятся крепости Климатов; затем – до озера Меотида, называемого из-за его величины также морем, вплоть до крепости по имени Таматарха, а к сему – и до Зихии, Папагии, Касахии, Алании и Авасгии – вплоть до крепости Сотирiuполь

Должно знать, что от Фессалоники до реки Дунай, на котором находится крепость по названию Белеград, путь занимает восемь дней, если путешествовать не в спешке, а с отдыхом. Турки живут по ту сторону реки Дунай, в земле Моравии, а также по ею сторону, между Дунаем и рекой Савой. От понизовья реки Дунай, против Дистры²⁷⁷, начинается Пачинакия. Их места расселения простираются вплоть до Саркела, крепости хазар, в которой стоят триста таксеотов, сменяемых ежегодно. “Саркел” же означает у них “Белый дом”; он был построен спафарокандидатом Петроной, по прозванию Каматир, так как хазары просили василевса Феофила²⁷⁸ построить им эту крепость. Ибо известно, что хаган и пех²⁷⁹ Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел. Василевс, склоняясь к их просьбе, послал им ранее названного спафарокандидата Петрону с хеландиями из царских судов и хеландии катепана Пафлагонии. Итак, сей Петрона, достигнув Херсона, оставил хеландии в Херсоне; посадив людей на транспортные корабли, он отправился к месту на реке Танаис, в котором должен был строить крепость. Поскольку же на месте не было подходящих для строительства крепости камней, соорудив печи и обжегши в них кирпич, он сделал из них здание крепости, изготовив извести из мелких речных ракушек. Затем этот выше названный спафарокандидат Петрона, прибыв к василевсу после постройки крепости Саркел, сказал ему: “Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упустить их из своих рук, избери собственного стратига и не доверяй их протевонам²⁸⁰ и архонтам”. Ведь до василевса Феофила не бывало стратига, посылаемого [туда] из этих мест, но управителем всего являлся так называемый протевон с так называемыми отцами города. Итак, василевс Феофил, размышляя при сем, того или этого послать в качестве стратига, решил, наконец, послать вышеозначенного спафарокандидата Петрону как приобретшего знание местности и понимания дел отнюдь не лишенного, которого он и избрал страти-

гом, почтив чином протоспафария, и отправил в Херсон, повелев тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться ему. С той поры до сего дня стало правилом избирать для Херсона стратигов из здешних. Так совершилось строительство крепости Саркел. От реки Дунай до вышеуказанной крепости Саркел 60 дней пути. В пространстве этой земли имеются многочисленные реки, величайшие из них две – Днестр и Днепр. Имеются и другие реки, так называемая Сингул²⁸¹, Ивил, Алматы, Куфис²⁸², Богу²⁸³ и многие иные. В верховьях реки Днепр живут росы; отплывая по этой реке, они прибывают к ромеям; Пачинакия занимает всю землю [до] Росии, Боспора, Херсона, Сарата, Бурата²⁸⁴ и тридцати краев. Расстояние по побережью моря от реки Дунай до реки Днестр 120 миль. От реки же Днестр до реки Днепр 80 миль – так называемый “Золотой берег”²⁸⁵. От устья реки Днепр идут Ада-ры. Там есть большой залив, называемый Некропи-лы, по которому совершенно невозможно пройти. От реки Днепр до Херсона 300 миль, а в промежутке – болота и бухты, в которых херсониты добывают соль. От Херсона до Боспора расположены крепости Климатов, а расстояние – 300 миль. За Боспором находится устье Меотидского озера, которое из-за [его] величины все именуют также морем. В это Меотидское море впадает много больших рек; к северной стороне от него – река Днепр, от которой росы продвигаются и в Черную Булгарию, и в Хазарию, и в Мордию²⁸⁶. Самый же залив Меотиды тянется в направлении к Некропилам, находящимся близ реки Днепр, мили на четыре, и сливается [с ними] там, где древние, прорыв канал, проходили в море, отгородив [таким образом] находящуюся внутри всю землю Херсона и Климатов и землю Боспора, простирающуюся миль на тысячу или несколько больше²⁸⁷. Из-за множества истекших лет этот канал засыпался и превратился в густой лес, и имеются через него лишь два пути, по которым пачинакиты проходят к Херсону, Боспору и Климатам. С восточной стороны Меотидского озера впадает много всяких рек: река Танаис, текущая от крепости Саркел, Харакул, в которой ловится

берзитик; есть и иные реки, Бал и Бурлик, Хадир и прочие многочисленные реки. Из Метидского озера выходит пролив по названию Бурлик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха. Ширина этой переправы через пролив 18 миль. На середине этих 18 миль имеется крупный низменный островок по имени Атех. За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая

Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алалия. Вдоль побережья Зихии [в море] имеются островки, один крупный островок и три [малых], ближе их к берегу есть и другие, используемые зихами под пастбища и застроенные ими, – это Турганирх, Царваганин и другой островок. В бухте Спатала находится еще один островок, а в Птелеях – другой, на котором во время набегов аланов зихи находят убежище. Побережье от пределов Зихии, то есть от реки Никопсиса, составляет страну Авасгию – вплоть до крепости Сотиируполя. Она простирается на 300 миль.

43. О стране Тарон²⁸⁸

Впрочем, возлюбленный сын, достаточно рассказано тебе о северных скифах, знание

которых при случае окажется тебе полезным и пригодным во всех отношениях.

51. О том, каким образом был построен царский дромоний²⁸⁹, о протокаравах²⁹⁰ этого дромония и немало о протоспафарии фиалы²⁹¹

[Знай], что изначально у протоспафария фиалы была царская должность: этот протоспафарий держал и имел под собою всех гребцов царских аграриев, русиев и мавров, кроме аграриев августы, ибо аграрии августы, и русии и мавры, находились под управлением и властью начальника трапезы августы²⁹². Однако в царствование Льва, приснопамятного и мудрейшего василевса, новоотстроенные по царскому приказу дромонии имел этот протоспафарий фиалы под своей властью, как и гребцов этих дромониев. Поэтому вышеозначенный протоспафарий фиалы каждый день и каждый вечер по старому обычаю приходил и садился в фиале (поэтому-то он и назывался протоспафарием фиалы), решал, судил в соответствии с правом и улаживал тяжбы между гребцами с аграриев и с дромониев, им управляемых. И когда находил кого-нибудь, вопреки должному либо поступающего, либо обижającego кого-нибудь, либо проявляющего нерадение в своей службе, он крепко наказывал того плетью. И таким образом, как рассказано, все гребцы дромониев, как и аграриев василевса, русии и мавры, находились под рукою и надзором протоспафария фиалы. А что касается аграриев августы, и русиев и мавров, то они находились под рукою и наблюдением начальника трапезы августы, хотя отчет начальник трапезы делал об этих аграриях не августу, а василевсу.

После этого василевс избрал Подарена и Льва Армянина топотиритами²⁹³ царского

флота, а протокаравами своего дромония назначил упомянутого старца Михаила, бывшего тогда протэлатом дромония, а некогда служившего вторым элатом²⁹⁴ агрария христолюбивого деспота Василия; [назначил он] и другого Михаила, прозвище коего Варкала, который был прежде протэлатом на флоте друнгария и патрикия Евстафия, когда тот переправлял турок и громил Симеона, архонта Булгарии²⁹⁵. Впрочем, этот Симеон, архонт Булгарии, зная о прибытии на реку флота и о том, что флот должен переправить против него турок, соорудил лесы, то есть весьма прочные и крепкие канаты, чтобы турки не могли переправиться. И благодаря этой выдумке туркам не удалось переправиться с первой попытки. Тогда вышеупомянутый Михаил Варкала с двумя другими моряками, взяв свои щиты и мечи и храбро и быстро выскочив из хеландии, перерубили лесы, то есть канаты, и открыли проход туркам. Итак, турки, видя этого Варкалу и поражаясь его храбрости, – ведь он один, опередив двух моряков, первым разрубил канат, – заявили в удивлении, что ему подобает именоваться патрикием и быть главою флота. Услышав о мужестве этого Варкалы, василевс сделал его вторым элатом на царском дромонии. Затем, когда Подарен и Лев стали топотиритами, старец Михаил и этот Варкала были избраны протокаравами (царского) дромония.

53. Повествование о крепости Херсон

Когда Диоклетиан²⁹⁶ царствовал в Риме, а венценосцем и протевоним в стране херсонитов был Фемист, сын Фемиста, Савромат из боспориан, сын Крискорона, собрав сарматов, населяющих берега Меотиды, выступил против ромеев и, захватив страну лазов²⁹⁸ и победив тамошних, дошел до реки Галис²⁹⁹. Император Диоклетиан узнав об этом, а именно, что страна лазов и Понтика разорены, отправил туда войско, желая противодействовать сарматам. Экзархом войска был трибун Констант³⁰⁰. Прибыв к Галису с войском, Констант расположился там, препятствуя сарматам переправляться через Галис. Поскольку же Констант был не в состоянии соперничать с ними, он пришел к заключению, что никак иначе невозможно изгнать сарматов, если не отправить на войну против них и на разорение их семей кого-либо из соседящих со страной боспориан и Меотидским озером, чтобы, услышав об этом, Савромат отказался от войны. И он извещает об этом императора, чтобы тот отправил посланцев к херсонитам, поднял их против сарматов, поскольку они были их соседями, и чтобы они напали войной на их семьи, дабы Савромат, узнав, поскорее отказался от войны. Император Диоклетиан, услышав об этом, тотчас послал к херсонитам, побуждая их к союзу с Константином и к тому, чтобы, выступив в поход, они разорили страну боспориан и сарматов и пленили их семьи. Так как венценосцем и протевоним страны херсонитов был тогда Хрест, сын Папия, херсониты, охотно повинувшись слову императора, размышляли, впрочем, каким бы образом могли они захватить и город Савромата Боспор³⁰¹, и крепости на Меотиде³⁰². Собрав мужей из соседних крепостей, приготовив военные колесницы и поместив на них хироволистры, они оказались около города боспориан и, сделав засады в течение ночи, малыми силами завязали сражение с городом. Ведя битву у стен с рассвета до третьего часа дня, они прикинулись обращенными в бегство, не обнаруживая хироволистр, имевшихся в приготовленных колесницах. Разумеется, в Боспоре, посчитав, что херсониты, побеждаемые в силу их малочисленности, обратились в бегство, приободрившись, выступили, чтобы их преследовать. А херсониты, ненамного, как говорят, отступив, начали поражать преследователей-боспориан из хироволистр; нашедшиеся в засадах херсониты, поднявшись и окружив боспориан, перебили всех их и, вернув-

шись, захватили Боспор, а также крепости на Меотидском озере и все семьи савроматов и расположились в Боспоре, никого более не убивая, кроме продолжающих воевать, и, удерживая Боспор, охраняли его. Когда прошло несколько дней, Хрест, сын Папия, говорит женщинам-савроматкам: “У нас не было нужды воевать с вами, но так как Савромат отправился разорять страну ромеев, того-то ради мы, побуждаемые императором ромеев, как его подданные, напали на вас войной. Поэтому, если вы хотите жить в вашем городе, давайте отправим послов к вашему господину Савромату о том, чтобы он заключил мир с ромеями в присутствии наших послов и ушел оттуда. Тогда мы отпускаем вас и удаляемся в наш город, но так, впрочем, чтобы Савромат передал сначала сюда наших послов и известил нас через своих людей об условиях мира. Затем мы отпускаем вас и удаляемся. Но если Савромат задумает пуститься на какую-либо хитрость, например, замыслив запереть нас здесь и воевать против нас, и мы узнаем об этом через наших соглядатаев, то мы переедем вас всех от мала до велика и лишь тогда уйдем отсюда. Какая, однако, выгода Савромату, если погибнут вся его семья и город?” Слушавшие это жены Савромата постарались выполнить все с точностью. Итак, херсониты отправляют к Савромату вместе с боспорианами пять своих послов, извещая его о случившемся и об условленном. Когда послы прибыли к Савромату в район реки Галиса, они известили его обо всем совершенном херсонитами против боспориан. Он же, оказавшись в большом затруднении и желая будто бы, как говорят, чтобы послы херсонитов отдохнули с дороги, сказал им: “Так как вы устали, я хочу, чтобы вы отдохнули несколько дней, а затем я исполню все, сказанное вами... затем пойдите к людям из Рима, узнайте от них и убедитесь, что я правдив с вами и далек от обмана”. Когда херсониты ушли к Константу вместе с послами Савромата, они были расспрошены обо всем случившемся меж ними, известили также Константа обо всем совершенном ими в стране боспориан и на Меотидском озере – о том, как захватили семьи Савромата, и что в силу этой необходимости Савромат пошел на мир. Узнав об этом, Констант, однако, был очень огорчен. Он сказал херсонитам: “Какая мне польза от союза с вами, после того как я заключил договор при условии давать им столько золота?” Херсониты ему

отвечают: “Не печалься, повелитель, если хочешь, мы расстроим договор о дани”. Константин говорит им: “А как это возможно?” Херсониты отвечают ему: “Заяви со своей стороны Савромату: «Уже заключенные между нами соглашения обрели силу. Поскольку, впрочем, по твоей вине и я сделал затраты и большие расходы на войско [на пути] от Рима до этого места, возмести и ты мне это, и я отдам тебе все твои семьи и твой город»”. Обращенный Константин сообщил об этом Савромату. Савромат, узнав и крепко опечалась, извещает Константа, говоря так: “Не желаю ни давать чего-либо, ни получать, хочу только, чтобы ты послал ко мне херсонитов, чтобы я отправился отсюда”. Херсониты говорят Константу: “Не отпускай нас, пока не получишь всех пленных”. Тогда Константин извещает Савромата, заявляя: “Отправь ко мне всех пленных, которых имеешь, и я отпущу херсонитов”. Савромат, услышав об этом, против воли и желания отпустил пленных, которых имел, всех до единого. Итак, Константин получив обратно всех, оказавшихся добычей, задержал у себя двух послов херсонитов, а прочих отправил к Савромату. Савромат, взяв их, послал из страны лазов с собственными людьми, чтобы им были переданы и город Боспор, и их семьи. Сам же Савромат с его народом отправился в путь в полном порядке, чтобы херсониты спокойно передали семьи и удалились. Херсониты, приняв своих послов в Боспоре и узнав обо всем совершенном Константином и Савроматом, передали человеку Савромата и Боспор, и крепости на Меотиде, и все семьи без ущерба и в мире достигли страны херсонитов. Константин же, когда Савромат удалился из ромейских пределов, и сам снарядился в Рим и известил обо всем совершенном херсонитами императора, доставив и двух их послов, увидя которых, милостиво приняв и богато одарив, император сказал им: “Что хотите, чтобы я дал вам и вашему городу за такое благомыслие и помощь?” И те ответили императору: “Мы не хотим, повелитель, ничего иного, кроме единственной просьбы – чтобы от власти вашей были предоставлены нам приличествующая свобода и освобождение от налогов”. Император, охотно уступив их просьбе, щедро предоставил им права и свободы и полное избавление от налогов, отослав их с великими дарами в страну херсонитов, так как они оказались подлинными подданными императора ромеев. Константин также был весьма почтен у императора Диоклетиана как мужественно

отразивший войну савроматов. Став знатным и сановитым, он через недолгое время принял и царство ромеев, когда Диоклетиан снова удалился в Никомидию³⁰².

После того как Константин умер, в Риме царствовал Константин, его сын³⁰³. Когда он пришел в Византий³⁰⁴ и против него были некоторыми в Скифии³⁰⁵ затеян мятеж, он вспомнил сказанное его отцом Константином о благомыслии и союзной службе херсонитов и отправил в страну херсонитов послов, чтобы они выступили против страны скифов и сразились с восставшими против него. Венценосцем и протевом страны херсонитов был тогда Диоген, сын Диогена. Херсониты, охотно повинаясь повелению, приготовив со всем тщанием военные колесницы и хироволистры, достигли реки Истра и, переправившись через нее, сразились с повстанцами и победили их. Император, узнав о нанесенном ими поражении, повелел им отправиться на родину, а протевонам, призвав их в Византий и богато одарив, сказал так: “Поскольку и ныне вы добросовестно трудитесь ради нас, как и при благочестивых предках нашей божественности, то и мы, утверждая права свободы и избавления от налогов, уже данные вам в стране ромеев нашей царственной дланью, жалуем им также золотое изваяние с царской мантией и застежкой и золотой венец для украшения вашего города вместе с нашим документом о свободе и избавлении от налогов и вас, и ваших судов. Кроме того, по причине вашего благорасположения мы даем вам также золотые кольца с выбитыми [на них] нашими благочестивыми изображениями, с помощью которых вы, запечатывая при случае посылаемые нами нам донесения и просьбы, докажете нам, что послы являются подлинно вашими. К сему еще мы предоставляем вам ежегодно жилы и пеньку, железо и оливковое масло для изготовления ваших хироволистр и даем вам на ваше пропитание тысячу аннон, чтобы вы были стрелками из хироволистр, определив, что эти продукты и все обычно посылаемое мы должны ежегодно отправлять вам отсюда в страну херсонитов”. Херсониты, получая эти анноны и разделив их меж собою и своими сыновьями, снарядили [должное] число [воинов]. Таким образом, вплоть доныне их сыновья зачисляются в [это] число сообразно с состоянием стратии родителей. Почтенные тогда припасами и великими дарами боголюбивым императором Константином,

Диоген и его люди прибыли в страну херсонитов, доставив и божественные щедроты.

Через некоторое время после того, как это случилось, Савромат, внук Савромата, бывшего сыном Крискорона, воевавшего Лазику, собрав войско с Меотидского озера, поднялся на херсонитов, желая, как говорят, отомстить за оскорбление пленением, нанесенное ими его деду при императоре Диоклетиане. Херсониты, узнав об этом, – венценосцем и протевонном Херсона был тогда Виск, сын Суполиха, – и приготовившись к противоборству, сами встретились с Савроматом вне города, в местах, называемых Кафа, и, сразившись с ним, поскольку Бог помогал херсонитам, победили Савромата и прогнали его, поставив пограничные знаки в том самом месте под названием Кафа, где, сразившись, победили Савромата и где сам Савромат и оставшиеся у него люди принесли клятву, что никогда они не переступят ради войны установленные меж ними границы, но что каждая из стран владеет собственными местами, начиная от обозначенных пределов. Затем Савромат ушел в Боспор, а херсониты – к себе.

После того как это кончилось таким образом, через некоторое время снова другой Савромат, снаряжаясь и взяв с собою множество мужей с Меотидского озера, затеял войну против херсонитов. Перейдя клятвой утвержденные в Кафе первым Савроматом границы (что никогда никто из боспориан не дерзнет преступить их ради войны), пересек их сей Савромат, будто бы желая силой отнять у него землю выволить и получить обратно. Разумеется, херсониты – а венценосцем и протевонном страны херсонитов был в те времена Фарнак, сын Фарнака – также выступили против Савромата. Встретившись друг с другом в местах прежде названной Кафы, встали обе стороны на горах. Савромат, будучи велик ростом, был уверен в себе, бахвалился, понося херсонитов и полагаясь также на бесчисленное множество находившихся с ним. А Фарнак был мал ростом по сравнению с Савроматом и, видя толпу Савромата, порешил со своим войском, что он один сразится с Савроматом и не погубит бесчисленное множество людей. Итак, когда это решение было вынесено, Фарнак заявляет полчищу Савромата, говоря: “Какая надобность в том, чтобы произошла гибель такой толпы? Ведь не вы по собственному почину обратились к войне, а Савромат побудил вас. Посему возжелайте принудить его на поединок со мной, и если я с

Богом одолею его, вы уйдете в свои места без ущерба, а он сам и его город подчинятся мне; а если он одолеет меня, вы также уйдете в свои места, а он вступит в мои”. Толпа савроматов, с удовольствием приняв это, побудила Савромата на поединок с Фарнаком. Итак, Савромат, зная, что Фарнак очень мал ростом, а он сам весьма велик, возрадовался этому, уверенный в своей силе и в доспехах, которыми пользовался, будучи защищен [ими]. Когда так было решено, Фарнак говорит своему войску: “Когда я отправлюсь с Богом на поединок и вы увидите, что спина Савромата обращена к вам, а лицо – к своим людям, у меня же мое лицо – к вам, а моя спина – к врагам, все вы исторгните один крик, произнеся единогласно: А! а! – и не повторяйте крика”. Итак, когда оба отправились для поединка на равнину и поменялись местами так, что, когда Фарнак оказался на стороне Савромата, а Савромат – на стороне Фарнака, войско Фарнака издало единый крик: “А! а!” Савромат же, услышав этот звук, обернулся, стремясь узнать, что за крик случился в войске Фарнака. Когда Савромат повернул лицо назад, приоткрылась небольшая пластина его шлема, и Фарнак, тотчас подскакав, ударил копьем Савромата и убил его. Когда Савромат упал, Фарнак, сойдя с коня, отрубил ему голову. Оказавшись победителем в борьбе, он распустил воинство Меотиды, а людей из Боспора забрал как пленников, отняв их землю. Он поставил в Кивернике, далеко от страны херсонитов, пограничные знаки, оставя им земли лишь в сорок миль. Эти пограничные знаки остаются на месте и поныне, тогда как упомянутые первые пограничные столбы находятся в Кафе. Немногих из боспориан удержав у себя для земледелия, Фарнак позволил всем прочим, удостоив сострадания, уйти к боспорианам. Отпущенные Фарнаком за проявленные им к ним благодеяния и человеколюбие воздвигли в его честь стелу в Боспоре. С тех пор, впрочем, царство савроматов в Боспоре было уничтожено³⁰⁶.

После этих событий, когда венценосцем и протевонном страны херсонитов был Ламах, а над боспорианами царствовал Асандр, боспориане, исполненные великой злобой против херсонитов и совершенно неспособные угомониться от коварств, постоянно стремились отплатить каким-либо возмездием херсонитам за пленения. Итак, узнав, что Ламах имеет единственную дочь Гикию, а у Асандра есть сыновья, они хлопотали о заключении брака,

чтобы благодаря этому, безопасно наступая, отомстить стране херсонитов. Итак, они отправляют послов в страну херсонитов с увещаниями: “Поскольку мы знаем, что истинная любовь имеется между нами и мы бесхитростно относимся друг к другу, давайте породнимся меж собою, дайте нам в невестки дочь Ламаха, прота вашего, за сына Асандра, нашего господина, или возьмите его к себе в зятя, и мы будем знать, что верны друг другу, поскольку сын царя находится с вами”. Херсониты отвечают им так: “Мы не согласны отдать вам нашу дочь, если же вы хотите дать нам в зятя одного из сыновей Асандра, вашего царя, мы это принимаем, впрочем, так, чтобы сын Асандра, прибывший к нам, для того чтобы стать зятем, никогда не имел возможности попытаться вернуться в страну боспориан ради свидания либо беседы со своим отцом. Если же он даже помыслит об этом, сразу, в тот же час сам умрет”. Когда послы были отпущены, достигли страны боспориан и сообщили об этом, Асандр вновь отправил послов, говоря херсонитам: “Если вы говорите правду и заверяете меня в том, что Ламах согласен сочетать свою дочь с моим старшим сыном, то я пошлю его вам, чтобы он там стал зятем”.

Ламах же в те времена, как известно, славился большим Богатством в злате и серебре, рабами и рабынями, разным скотом и многочисленными владениями. Дом же его в четыре строения простирался в ширину и длину вплоть до нижних частей [города], называемых Сосы, где он имел собственные ворота в стене и четыре большие калитки для входа и выхода вместе с другими особыми воротцами, так чтобы из входивших в город его животных каждое стадо – коров, коней и кобыл, быков и телок, овец и ослов – входило через свои воротца и шло в свое стойло. Итак, херсониты упростили Ламаха, чтобы он взял в зятя сына Асандра. Когда Ламах согласился на их просьбу, прибыл в Херсон сын Асандра и женился на Гикии. Когда миновал небольшой срок в два года, Ламах умер, а мать Гикии умерла еще раньше. Поэтому Гикия по прошествии года после погребения отца, когда приближалась годовщина, желая устроить праздник в память своего отца (венценосцем и протевонем Херсона был тогда Зиф, сын Зифона), попросила знатнейших людей города, чтобы они без гордости вместе со всем народом согласились принять от нее вино, хлеб, оливковое масло, мясо, птиц, рыбу и прочее

потребное для празднества, дабы в день памяти Ламаха все горожане с женами и детьми и со всеми их семьями радовались и веселились, водили хоробыды каждый в своем доме и на площади и не брались вообще за какое-либо дело, заверив клятвенно горожан, что в течение всего времени своей жизни она каждый год в день памяти Ламаха будет давать им подобным образом все для праздника. Когда все было так устроено [и] подтверждено ею клятвенно, ее муж, сын Асандра, питающий втайне коварство и ищущий случая для предательства, узнав обо всем сказанном Гикией и утвержденном клятвой, удивился и похвалил Гикию за клятвенную заповедь как относящуюся должным образом к родителям, согласясь и сам. Как говорят, веселиться и совершать возлияния ради такого договора. Затем, когда прошел день памяти и праздник, он известил жителей Боспора через своего раба, сообщив им: “Я нашел способ, благодаря которому мы можем без труда овладеть Херсоном. Итак, вы с перерывами будете посылать мне по десять или двенадцать добрых парней, помимо гребцов на судне, как будто бы посылая мне дары. Когда же ваши суда, прибыв, причалат в Символе и будут там стоять, я пошлю и доставлю на конях в город приехавших парней и посланное вами”. Таким-то образом в течение двух лет из прибывавших время от времени с дарами боспориан, сын Асандра, чтобы не была ведома городу хитрость, переводил этих [людей] пешком из Символа, а через несколько дней, вечером, при всех, отпускал их наружу, как можно в более поздний час. Отойдя от места на три мили, когда спускался глубокий мрак, они возвращались и приходили к так называемому Лимону³⁰⁷, а оттуда на корабле он доставлял их в Сосы и через воротца, которые имел в стене, вводил их в свой дом, так, что никто не знал об этом, кроме трех его рабов-боспориан, единственных верных ему людей, одного – уходящего в Символ и извещающего, чтобы суда ушли, другого – возвращающего боспориан и ведущего в Лимон, третьего – доставляющего их на судне из Лимона в Сосы и возвращающего их в дом Ламаха. С их помощью он кормил их в кладовых дома, при неведении Гикии о коварстве, ожидая, как сказано, ежегодного дня памяти Ламаха, празднества всего города и отхода ко сну, чтобы восстать самому ночью и с боспорианами и со своими рабами сжечь город и перебить всех. Когда в течение двух лет в доме Гикии собралось до

двухсот боспориан и день памяти Ламаха был уже близок, случилось, что рабыня Гикий, горничная, бывшая у нее большой любимицей, была из-за провинности изгнана с глаз ее и заперта. В нижней части помещения, в котором рабыня была заперта, содержались боспориане. Когда рабыня сидела и пряла лен, вышло так, что катушка ее веретена свалилась и, покотившись, упала в глубокую дыру у стены. Встав, чтобы поднять ее, она увидела ее лежащей в глубокой дыре и, не будучи в состоянии вытащить ее из-за глубины, она была вынуждена оторвать от пола у стены одну плитку, чтобы достать катушку, и увидела через отверстие внизу, в нижнем помещении, толпу находившихся там мужей. Увидя, она ловко положила на место плитку, чтобы не было заметно людям внизу, и, тайно послав одну из рабынь, позвала госпожу свою, дабы она пришла к ней, так как она должна услышать и увидеть нечто важное. Гикия, смягченная Богом, пришла к рабыне, и когда она вошла одна в помещение и закрыла дверь, пав к ее ногам, рабыня сказала: “Госпожа, ты имеешь власть над негодной своей рабой. Но я хочу показать моей госпоже нечто странное и неожиданное”. Гикия сказала ей: “Говори без страха и покажи, что это такое”. Рабыня, подведя ее к стене и ловко подняв плитку, говорит ей: “Посмотри через отверстие, госпожа, на спрятавшуюся внизу толпу боспориан”. Гикия, увидев и поразившись этим делом, сказала: “Не праздное это наблюдение”. И заявляет рабыне: “Как ты расцениваешь это дело?” Рабыня же отвечает: “Воистину, по воле божией, госпожа, упала катушка с моего веретена и, покотившись, свалилась в эту дыру, а я, будучи не в состоянии ее достать, была принуждена оторвать плитку и тогда увидела их”. Та же повелела рабыне положить аккуратно плитку на ее место и, привлекая ее и обняв, поцеловала ее от души и сказала ей: “Ты ни в чем не повинна, дитя, да простится тебе проступок, ибо Бог восхотел, чтобы ты прегрешила, дабы коварство открылось нам. Смотри поэтому, изо всех сил сохраняй тайну и не осмеливайся никому на свете доверить ее”. Впрочем, она держала ее постоянно при себе, больше, чем ранее, как свою доверенную. Позвав двух из своих родственников, бывших особо верными ей, Гикия говорит им наедине: “Отправясь, соберите к себе втайне протевон и благородных людей города, и пусть они изберут трех верных мужей, способных хранить тайну и делать дело, и пусть

обяжут их все клятвенно, чтобы они исполнили у меня все, что я пожелаю просить их. Пусть они будут тайно присланы ко мне, ибо я имею нечто настоящее и полезное городу доверить им. Только поскорее делайте то, что я говорю вам”. Когда ее родственники ушли и втайне рассказали об этом протевонам, тотчас те избрали трех мужей, которых сами знали как верных людей и, связав их всех клятвой, что если они согласятся что-нибудь либо делать для Гикий, либо давать, то не откажутся от своих слов, но до конца исполнят обещанное ей ими. Когда они тайно ушли к Гикий, она приняла их и говорит им: “Можете ли вы заверить меня клятвой, что сделаете то, о чем я захочу попросить вас?” Они же ответили ей: “Воистину, госпожа, мы готовы, о чем бы ты ни попросила нас, заверить тебя, что до конца исполним твой приказ”. Тогда Гикия говорит им: “Поклянитесь мне, что если я умру, похороните меня посреди города³⁰⁸, и я скажу вам мою тайну. Видите, тяжкого чего-либо я не требую от вас”. Мужь, выслушав это, со всею готовностью заверили ее клятвенно, говоря: “Если ты умрешь, то мы похороним тебя посреди города и не вынесем тебя за стены”. Гикий, убежденная их клятвами, говорит им: “В ответ на вашу клятву и я, разумеется, открываю вам мою тайну. Так вот. Я желаю, чтобы вы знали, что мой муж, питающий природную злобу своего города, коварство и зависть против нас, введя втайне по частям толпу боспориан в мой дом, кормит до двухсот вооруженных людей без моего ведома о деле. Но Бог ныне по случаю открыл мне это. Итак, он, как кажется, имеет такую цель: когда я дам праздник городу в память моего отца и вы, отвеселившись, уснете, он ночью восстанет с имеющимися у него боспорианами и своими рабами, подожжет ваши дома и перебьет вас всех. Так вот – подходит день памяти моего отца, и должно в соответствии с моей клятвой дать вам по обычаю все для празднества, и у меня имеется все наготове. Пожелайте поэтому и вы все прийти в веселии, попросить и получить все с готовностью, чтобы он еще не помыслил, что мы знаем о деле и чтобы внезапно не началась гражданская война. Пожелайте поэтому открыто по обычаю веселиться, но умеренно, и водить хороводы на площадях, но заготовьте каждый в ваших домах дерево, вязанки и плотные факелы, так что, когда наедят вам ликования и танцы, вы прикинетесь, что уходите на отдых, а я также поскорее устану и повелю запереть свои калитки, и

вы тотчас в полном спокойствии с вашими рабами и рабынями, принеся всем домом дерево, вязанки и факелы, положите их к моим калиткам и воротцам и вокруг всего дома, вылив масло на дерево, чтобы скорее загорелось, и, когда я захочу и прикажу вам, тотчас бросите огонь, а сами с оружием встанете вокруг дома, чтобы где бы вы ни увидели выходящих из дома через двери, убивали их. Итак, уйдя, расскажите об этой тайне и подготовьте все, что я вам велела”. Горожане, услышав об этом от трех мужей, все быстро сделали согласно словам Гикии. Когда настал день поминовения, как будто веселясь, Гикия послала за мужами города, приглашая их брать все для празднества. Помогал и ее муж при этом и просил, чтобы им было дано побольше вина для веселья. Горожане, охотно получая все, радовались, как было им велено, и водили весь день хороводы. Когда же наступил вечер, горожане стали уставать и уходить в свои дома для отдыха, ибо пировали они всем домом. Гикия, приглашавшая всех своих людей в своем доме пить без оглядки, чтобы они, поскорее опьянев, ложились спать, только горничным своим повелела прясть и себя саму оградила от вина. Ибо, найдя порфирный кубок, она дала его своей горничной, знавшей о деле, и велела ей налить в него воды. А муж ее, видя порфирный кубок, не догадался, что она пьет воду. Когда же наступил вечер и горожане, как уже было сказано, устали, Гикия говорит своему мужу: “Так как мы навеселились, пойдем отдыхать и мы”. Муж ее, услышав, еще больше обрадовался и поспешил улечься, ибо не мог он сам сказать так же, чтобы не вызвать подозрения у жены о той хитрости, которую замыслил. Итак, Гикия повелевает запереть воротца и все калитки и принести ей ключи, как обычно. Когда это было сделано, она говорит своей доверенной горничной, знавшей о заговоре: “Поспеши с прочими горничными ловко забрать все мои украшения и золото и уложить все нужное и приготовьтесь, чтобы, когда я скажу вам, вы последовали за мною”. Они же, сделав все по ее приказу, были наготове. Когда ее муж будто бы лег, чтобы поскорее уснуть, а на деле чтобы поскорее встать для заговора против города, Гикия избегала ложиться, пока не заснет вся ее семья. Муж ее заснул от большого возлияния. Гикия, видя его спящим, ловко замкнула на ключ спальню и, заперев мужа, спустившись из дома со своими горничными, выйдя спокойно через калитки и закрыв их,

побудила горожан поскорее разжечь огонь вокруг дома. Когда огонь был зажжен и дом загорелся, если кто-нибудь из находившихся внутри оказывался в состоянии выпрыгнуть или вырваться, его убивали горожане. Так как весь дом вместе с людьми в нем сгорел до основания, Бог спас город херсонитов от козней боспориан. А Гикия, когда горожане хотели разрыть ее сгоревший дом и очистить место для строительства, не позволила этого, а, напротив, побудила весь город, каждого из горожан, носить и насыпать здесь всякие свои отбросы, чтобы весь ее дом был засыпан ими как служивший делу заговора против города. Поэтому до наших дней это место называется Дозором Ламаха.

Когда все это так кончилось, херсониты, понимая, сколь неизмеримо благодеяние, совершенное с помощью божией для них Гикией, и что она ничего решительно не пощадила из своего имущества, а важнее всего считала спасение города, воздвигли в награду за такое ее деяние две медные статуи на площади города, изображающие ее в юном возрасте, в каком тогда она находилась, и передающие своим видом величие ее благодеяния и любовь ее к горожанам, поскольку, будучи в юном возрасте, она оказалась столь разумной, что спасла с помощью Бога свое отечество. Тогда как на одной стеле они поместили ее скромно наряженной и открывающей горожанам все, связанное с заговором ее собственного мужа, на другой они представили ее действующей и ведущей борьбу с затеявшими заговор против города. На пьедестале статуи они описали все совершенные ею с помощью божией благодеяния для горожан. Если находится любитель прекрасного, он регулярно от времени до времени обтирает пьедестал статуи, чтобы можно было прочесть на нем о событиях и вспомнить о совершенном ею и о провале козней боспориан³⁰⁹.

Через некоторое время, когда венценосцем и протевонном страны херсонитов был Стратофил, сын Филомуса, Гикия, будучи весьма умна и желая испытать херсонитов и узнать, действительно ли они намерены исполнить клятвенное обещание и похоронить ее посреди города, сговорившись со своими рабынями, прикинулась сначала потерявшей ко всему интерес, а затем и умершей. Рабыни, обрядив ее, сообщили горожанам в таких словах: “Умерла госпожа наша, и в каком месте должно ее похоронить, укажите нам”. Херсониты, услышав, что умерла Гикия, и пораз-

мыслив, отнюдь не стремились соблюсти существо клятвы, а именно – похоронить ее посреди города, но подняв ее, вынесли для похорон за пределы города. Но когда ложе было опущено около могилы, Гикия, сев и оглядев всех горожан, сказала: “Таково-то ваше клятвенное обещание? Так-то вы все соблюдаете? Горе, однако, поверившему в верность херсонита!” А херсониты, видя исполненный ею над ними розыгрыш, крайне пристыженные совершенным предательством, всячески умоляли ее успокоиться, простить им грех и не бранить их более. Впрочем, они заверили ее повторной клятвой, что они похоронят ее не вне, а внутри города, что, конечно, потом и исполнили. Ибо когда она была еще жива, в месте, которое ей понравилось, они поставили ее гробницу, воздвигли еще одну медную статую и, позолотив, водрузили ее у ее могилы в качестве дополнительного заверения.

Должно знать, что вне крепости Таматарха³¹⁰ имеются многочисленные источники, дающие нефть.

Следует знать, что в Зихии, у места Паги, находящегося в районе Панагии, в котором живут зихи, имеется девять источников, дающих нефть, но масло девяти источников не одинакового цвета, одно из них красное, другое – желтое, третье – черноватое.

Да будет известно, что в Зихии, в месте под названием Папаги, близ которого находится деревня, именуемая Сапакси, что значит “пыль”, есть фонтан, выбрасывающий нефть.

Должно знать, что там есть и другой фонтан, дающий нефть, в деревне по названию Хамух. Хамух же – имя основателя деревни, старика. Поэтому та деревня так и называется Хамух. Отстоят же эти места от моря на один день пути без смены коня.

Следует знать, что в феме Дерзина³¹¹, близ деревни Сапикий и Дервини по названию Епископий, имеется источник, дающий нефть.

Должно знать, что в феме Цилиаперт³¹², под деревней Срехиавааракс имеется источник, дающий нефть.

Да будет известно, что, если жители крепости Херсон когда-либо восстанут или замыслят совершить противное царским повелениям, должно тогда, сколько ни найдется херсонских кораблей в столице, конфисковать вместе с их содержимым, а моряков и пассажиров херсонитов связать и заключить в работные дома. Затем же должны быть посланы три василика: один – на побережье фемы Армениаки, другой – на побережье фемы Пафлагония, третий – на побережье фемы Вукелларии, чтобы захватить все суда херсонские, конфисковать и груз и корабли, а людей связать и запирать в государственные тюрьмы и потом донести об этих делах, как их можно устроить. Кроме того, нужно, чтобы эти василики препятствовали пафлагонским и вукелларийским кораблям и береговым суденышкам Понта переплывать через море в Херсон с хлебом или вином, или с каким-либо иным продуктом, или с товаром. Затем также и стратиг должен приняться за дело и отменить десять литр, выдаваемые крепости Херсон из казны, и две [литры] пакта, а затем стратиг уйдет из Херсона, отправится в другую крепость и обоснуется там.

[Знай], что если херсониты не приезжают в Романию и не продают шкуры и воск, которые они покупают у пачинакитов, то не могут существовать.

[Знай], что если херсониты не доставляют зерно из Аминса, Пафлагонии, Вукеллариев и со склонов Армениаков, то не могут существовать.

Источник: Константин Багрянородный. Об управлении империей / Перевод Г. Г. Литаврина. – М.: Наука, 1991.

О фемах

Книга II

Первая область Фракийская

Первая область, лежащая на западе Европы, называется Фракийскою, где построен город Византия и находится столица Римского государства. По всему праву Европа начинается Византией, называемой теперь Константинополем, потому что она есть царственный город и выше всех прочих в мире, как преемница имени Великого Константина. Ее полагаю я в начало Европы, потому что Византия

составляет лучшую и важнейшую часть самой Фракии. Фракийская область недавно получила свое имя и начало, то есть, с тех пор, как Болгарский народ перешел Истр; до того же разделялась она на два царства, что показывают самые названия городов Месимврии и Силиврии, носящие имена царей, ими управлявших до раздвижения пределов Римских во все концы света. Когда же Римское влады-

чество распростерло на все концы земли свою сеть, так сказать, рассеяло всех и подчинило одной власти, тогда все принуждены были покориться одному и тому же игу. Но когда эта сеть стала гнить и раздираться, дела и названия приняли иной вид. Фракийская область была подчинена военачальнику и консилиарию или советнику.

Во время Константина Великого Фракией управлял проконсул Тавр, имевший под своим начальством 33 города, которыми заведовали воевода и консилиарий. Когда же сеть совершенно сгнила, как мы сказали, а варвары начали разрушать города, то и верховное управление Фракией распалось на несколько небольших частей; ибо Болгария, самый Истр и знаменитая гора Гем, простирающаяся даже до Понта, суть части Фракии, хотя теперь они сделались чужими. Впрочем, область Фракийская осталась под властью царя Константинопольского, служила ему и никогда не зависела ни от какого военачальника.

С тех же пор, как богоненавистный народ Болгарский перешел реку Истр, император принужден был, вследствие набегов Скифов и Болгар, возвести также и Фракию на степень области и дать ей военачальника. Переход же их через реку Истр последовал в конце царствования Константина Погоната; с тех пор имя их сделалось известным, а прежде называли их Оногундурами. Что до названия Фракии, то оно дано ей по имени царя Фрака, некогда

жившего и умершего в ней, или же она получила его от нимфы Титаниды, которая пришла с Кроном Долонга, почему и первобытное племя Фракийян называлось Долонгами. Об этом свидетельствует Грамматик Иерокл, написавший «Συνέκδημος», т. е., «Спутник», в коем, исчисляя племя Долонгов во Фракии, говорит: “Всех областей и городов, зависящих от Римского императора в Константинополе, первых 64, а вторых 935”.

Итак, началом Европы я полагаю Новый Рим, или Константинополь, царь городов и всего мира. Посему и область, называемую Фракией, поставили мы первую между Европейскими областями, так как и самый город, в древности Βυζάντιον (Византион, Византия), построен на земле Фракийской. Самая же Византия есть поселение мегарцев, лакедемонян и беотийцев, древнейших эллинов; вот почему жители ее основательно знают Дорийское наречие. Теперь скажем, какое было древнее устройство и название самых округов. Округ Фракийский или Европы заведует консилиариями, т. е. советниками, и имеет 14 городов: Евдоксиополь, Ираклию, Аркадиополь, Визии, Панион, Орни, Ганос, Каллиполь, Мирис, Салтики, Саваду, Афродизию, Апрос и Килию. Округ Родопский, с семью городами: Парфикополем, Ираклией на Стримоне, Эносом, Максимианополем, Серрами, Филиппами, Траянополем.

Третья область Стримонская

Эта область соединена с Македонской, и потому нигде не упоминается о ней в смысле области, напротив, она отнесена в разряд кли-

сур. Тут вместо Македонян живут Скифы, которых Юстиниан Ринотмет³¹³ поселил в горах Стримонских и их теснинах.

Двенадцатая область Херсонская

Херсон в древности не имел названия области, да и стольного города в нем не было, но кто владел Боспором, тот распоряжался как им, так и остальными краями, а потому и говорили, что жители Боспора повелевают другими. Вот что говорит об этом история. Боспор – город Понта близ Киммерийского залива, где находится и пролив; оба они названы так по имени Ионы, дочери Инаха, как пишет Эсхил в трагедии «Прометей»: “Будет у смертных вечная память твоего пути, и Боспор твоим именем наречется”.

Страбон же, в XI книге своей «Географии», пишет следующее: “Все жители Боспора, зависящие от туземных владетелей, называются боспорцами и в Европе имеют столицей

Пантикапей, а на азиатской стороне Фанагорий”. Тоже и Флегон в XV Олимпиаде говорит, что Боспор находился под властью царя Котиса, которому Цезарь позволил носить диадему и подчинил ему города, в числе которых был и Херсон. Два места известны под именем Боспора: один Киммерийский, близ Херсона, где было царство Боспорское, другой Византийский, как пишет Фаворин: “Пристань Византийская называется Боспором”. Об этом свидетельствует и надпись на столбе, находящемся по ту сторону пролива, на земле Хрисопольской; на нем утверждена мраморная юница, которая говорит следующее: “Я не имею вида быка Инахова, да и не по мне названо Боспором противолежащее

море; ибо сильный гнев Иры (Юноны) прогнал этого быка на Фарос; я же, мертвая Кекропка, супруга Хариса, и плыла с ним, когда он отправился сюда противостать Филипповым кораблям. Имя мое было тогда телица, теперь же жена Хариса, и я наслаждаюсь зрением обеих частей света”.

Источник: Об областях Римской империи: сочинение Константина Багрянородного // ЧОИДР, 1858, июль-сентябрь, кн. 3.

О церемониях Византийского двора

Книга II. Глава XV. Второй прием Ольги Русской

Девятого сентября, в среду состоялся прием, во всем сходный с вышеописанными, по случаю прибытия Русской княгини Ольги. Княгиня вошла со своими родственницами княгинями и избраннейшими прислужницами, причем она шла впереди всех других женщин, а они в порядке следовали одна за другою; она остановилась на том месте, где логофет обычно предлагал вопросы³¹⁴. Позади ее вошли апокрисиарии русских князей и торговые люди и стали внизу у завес; последующее совершилось подобно вышеописанному приему. Выйдя снова чрез сад, триклин кандидатов и тот триклин, в котором стоит балдахин³¹⁵ и производятся магистры, княгиня прошла чрез онопод и Золотую руку, т. е. портик Августея, и села там. Когда царь по обычному чину вошел в дворец³¹⁶, состоялся второй прием следующим образом. В триклине Юстиниана было поставлено возвышение, покрытое багряными шелковыми тканями, а на нем поставлен большой трон царя Феофила и сбоку царское золотое кресло. Два серебряных органа двух частей были поставлены внизу за двумя завесами, духовые инструменты были поставлены вне завес. Княгиня, приглашенная из Августея, прошла чрез апсиду, ипподром и внутренние переходы того же Августея и, вошедши, села в Скилах. Государыня воссела на вышеупомянутый трон, а невестка ее на кресло. Вошел весь кувуклий, и препозитом и остиариями были введены ранги; ранг I – зосты; ранг II – жены магистров; ранг III – жены патрикиев; ранг IV – жены протоспафариев служащих; ранг V – прочие жены протоспафариев; ранг VI – жены спафарокандидатов; ранг VII – жены спафариев, страторов и кандидатов. Затем вошла княгиня, введенная препозитом и двумя остиариями, причем она шла впереди, а за нею следовали, как сказано выше, ее родственницы-княгини и избраннейшие из ее при-

Харис этот был Афинский полководец. Жители, исковеркав его имя, назвали его Фосфорием, почему занимавшиеся описанием Византийских древностей привнесли в него другую басню, будто Филипп Македонский осаждал Византию.

служниц. Ей был предложен препозитом вопрос от имени Августы, и затем она вошла и села в Скилах. Государыня, встав с трона, прошла через лавсиак и трипетон, вошла в кенургий и через него в свою опочивальню. Затем княгиня со своими родственницами и прислужницами вошла через триклин Юстиниана, лавсиак и трипегон в кенургий и здесь остановилась для отдыха. Когда царь воссел с августою и своими багрянородными детьми, княгиня была приглашена из триклина кенургия и, сев по приглашению царя, высказала ему то, что желала.

В тот же день состоялся званый обед в том же триклине Юстиниана. Государыня и невестка ее сели на вышеупомянутом троне, а княгиня стала сбоку. Когда столы были введены по обычному чину княгини и сделали земной поклон, княгиня, немного наклонив голову на том месте, где стояла, села за отдельный стол с зостами по чину. На обеде присутствовали певчие церковей св. Апостолов и св. Софии и пели царские славословия. Были также всякие сценические представления. В Золотой палате состоялся другой званый обед; там кушали все апокрисиарии русских князей, люди и родственники княгини и торговые люди и получили: племянник ее 30 милларисиев, 8 приближенных людей по 20 мил., 20 апокрисиариев по 12 мил., 43 торговых человека по 12 мил., священник Григорий 8 мил., люди Святослава по 5 мил., 6 людей (из свиты) апокрисиариев по 3 мил., переводчик княгини 15 мил. После того как царь встал из-за стола, был подан десерт в ариститрии, где был поставлен малый золотой стол, стоящий обыкновенно в пектапиргии, и на нем был поставлен десерт на блюдах, украшенных эмалью и дорогими камнями. И сели царь, царь Роман Багрянородный, багрянородные дети их, невестка и княгиня, и дано было княгине на золотом блюде с дорогими

камнями 500 мил., шести приближенным женщинам ее по 20 мил. и 18 прислужницам по 8 мил.

Октября 18-го, в воскресенье, состоялся званый обед в Золотой палате, и сел царь с русами, и опять был дан другой обед в пентакувуклии св. Павла, и села государыня с баг-

рянородными детьми ее, невесткою и княгиню, и дано было княгине 200 мил., племяннику ее 20 мил., священнику Григорию 8 мил., 16 приближенным женщинам ее по 12 мил., 18 рабыням ее по 6 мил., 22 апокрисиариям по 12 мил., 44 купцам по 6 мил. и двум переводчикам по 12 мил.

Примечания

1. *Пачинакиты* – печенеги – тюрк. Весенек, др.-рус. Печенги, Печензи, венг. *besenyók*, лат. *Pizenasi*, арм. *Pacinak*, груз. *Pac'amg*, осет. *Bedzanag*. В начальном разделе трактата материал о печенегах относится к их истории в Подунавье, тогда как вопросы происхождения печенежских племен, их древней истории и взаимоотношений с другими племенами освещены в последующих главах (см. гл. 37 и сл.). В Северное Причерноморье тюркские племена печенегов перекочевали из Азии в конце IX в. под натиском, как полагают, тюркоязычных народов, в частности гузов (узов), двинувшихся в конце IX в. из Приаралья и бассейна Сырдарьи в Восточную Европу (Голубовский П. Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар: История южнорусских степей IX–XIII вв. Киев, 1884: 18 сл.). Близким соседом печенегов в заволжский период их истории был Хазарский хаганат (М. И. Артамонов. История хазар: 336 сл.; С. А. Плетнева. Хазары: 66 сл.; ср.: А. П. Новосельцев. Хазария: 20–32). Стремясь ослабить давление со стороны печенегов, хазары заключили союз с узами (торками). Разбитые узами (см. гл. 14), печенеги двинулись в Хазарию. Овладев причерноморскими степями, печенеги стали расширять зону своей активности. Об их появлении в Причерноморье источники впервые сообщают около 889 г. (Regin. Chron.: 131–132). Вытеснив в 90-е годы IX в. из Причерноморья мадьяр (гл. 37), печенеги в самом конце XI в. отеснили также уличей, живших в луке Днепра, на север – в Поросье (Плетнева. Печенеги: 214). С этими событиями связывается постройка близ Стугны хорошо укрепленного уличского города Пересеченья и разрушение славяно-тиверских городов в Приднестровье (Б. А. Рыбаков. Уличи // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV: 3–17; ср. также гл. 14). С разгромом тиверцев был завершен, как полагают исследователи, захват печенегами причерноморских степей (ср.: Boba I. Nomads, Northmen and the Slavs. Eastern Europe in the Ninth Century // Slavo-Orientalia. Wiesbaden, 1967. Bd. 2: 10). Деление печенегов на два объединения отражено, возможно, в сообщении Константина о границе между ними по Днепру. Восточное (левобережное) объединение тяготело к Хазарско-му хаганату, западное было больше связано с Болгарией и Византией. На рубеже IX–X вв. печенеги распространяются на Нижнее Подунавье. Зона распространения печенегов, описываемая Константином в начальных главах, сложилась, скорее всего, к началу X в. “Печенегия” (ср. гл. 42), согласно традиционному мнению, охватывала в конце IX – нач. X в. территорию от Дона до левого берега Дуная (Ф. И. Успенский Византийские владения на северном берегу Черного моря в IX–X вв. – Киев, 1889: 6, 11). Основная масса связываемых с печенегами археологических памятников IX–X вв. обнаружена в бассейне Дона (С. А. Плетнева Печенеги: 153–154). Согласно данным Константина, однако, к середине X в. область расселения печенегов простиралась от средней части Карпат до

излучины Дона (см гл. 42). По территории “Печенегии” протекали Днепр, Южный Буг, Днестр, Прут и Сирет. С востока к этой территории примыкали земли хазар и узов, с севера – древней Руси, с запада и юго-запада находились венгры, с юга – комитат Дристры, юго-восточная граница отделяла эту область от византийских владений в Крыму (П. Коледаров. Историческата география: 58). Одно из первых сообщений о печенегах в русских летописях относится к 915 г.: *Въ лто 6423. Приидоша печензи первое на Роуьскую землю и сътворише миръ съ Игорем, и приидоша къ Доунаевн*” (ПВЛ. Ч.1: 31). В I пол. X в. печенеги были объектом активной дипломатии Византии и Руси. Крупных столкновений с печенегами Византия не знала вплоть до XI в., хотя печенеги привлекались то на сторону Византии против болгар или русских, то на сторону Руси против Византии, Хазарии и Болгарии. Во втором десятилетии X в. Византия пыталась создать коалицию против Болгарии с участием печенегов. С этой целью к печенегам был отправлен в качестве посла херсонский стратиг Иоанн Богас (Вогас), возможно, печенежского происхождения (Gy. Moravcsik Byzantinoturcica. Bd. II: 92). Предположительно, печенеги участвовали в разгроме византийцев Симеоном при Ахелое 20 августа 917 г. (Божилев И. България: 52).

² Здесь посланник.

³ Этот заимствованный из латинского языка термин (лат. *obses*) употреблялся для обозначения заложников в византийских памятниках и до Константина Багрянородного.

⁴ Константинополь.

⁵ По Д. Моравчику, это куратор апокрисиария. Функции апокрисиария зависели и от ранга того, кого он представлял, и от ранга того, к кому он был послан. Различались светские и церковные апокрисиарии. Среди первых можно выделить царских и воинских посланников, среди вторых – патриарших, епископских, монастырских и т. п. В обязанности апокрисиариев входили и функции наблюдателей (Koev T. Die Institution der apokrisiarioi // EB, 1978, № 4: 57–61).

⁶ Оставшись в стороне от движения варваров (прежде всего гуннов), Херсон (античный Херсонес) в IV–V вв. сохранял значение восточного форпоста Восточно-Римской империи. Некоторый упадок Херсона в VII – первой четверти IX в. (прекращение выпуска собственной монеты, ослабление торговых связей с Константинополем) связывается как с распространением на Таврику власти хазар, так и с общим кризисом византийского города в эту эпоху. Согласно мнению ряда ученых, Херсон был вплоть до 833 г. “независимым” городом-государством, находившимся дружественных отношениях с Византией (И. В. Соколова. Администрация Херсона: 207–209). Вряд ли, однако, можно говорить о полной его независимости. Неоднократные военные экспедиции в Херсон при Юстиниане II свидетельствуют о большом значении, придававшемся городу в Константинополе и в

это время (И. С. Чичуров. Византийские исторические сочинения: 39-42, 62-65, 128-133). Во времена Константина Багрянородного Херсон играл видную роль в системе византийско-печенежско-хазарско-русских отношений. Часть печенегов, вклинившись в земли между Хазарией и подвластными ей крымскими городами, прервала их связи. Попытки хазар вытеснить оттуда печенегов потерпели неудачу (Плетнева. Печенеги: 213 сл.). С этой ситуацией связано сообщение Константина о “близости” печенегов к Херсону и об “окружении” ими Боспора. Ко времени составления сочинения Константина Херсон находился под властью византийской администрации. Возобновившаяся с 866/867 г. чеканка собственной бронзовой монеты продолжалась в Херсоне вплоть до конца X в.; тогда же в Херсоне функционировали чиновники византийского таможенного ведомства – коммерциарии: там обнаружены их печати X в. (И. В. Соколова. Администрация Херсона: 208).

⁷ Официальное название Херсонской фемы.

⁸ Политика Руси по отношению к печенегам не сводилась к постоянной конфронтации. К примеру, они участвовали в походах Игоря на Византию 943–944 гг. (ПВЛ. Ч. 1: 33).

⁹ Термин *Ῥωσία* как обозначение территории восточнославянского государства, соответствующее летописным наименованиям *Роушь* и *Роушьская земля*, впервые в византийской литературе встречается в сочинении Константина «О церемониях» (594. 18; 691. 1).

¹⁰ О русско-печенежской торговле: М. В. Левченко. Очерки: 201; Г. Г. Литаврин, А. П. Каждан, З. В. Удальцова. Отношения Древней Руси и Византии в XI – первой половине XII в. // *The Proceedings of the Congress of the Byzantine Studies*. Oxford, 1967; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси: 81–108.

¹¹ Археологические исследования показали, что скотоводство было важной отраслью сельского хозяйства Древней Руси: “Молочные продукты, в частности сыр, издавна входили в рацион питания восточных славян. Лошади и волы использовались в транспортных целях и как тягловая сила на пашне. Шкуры и кости животных использовались в кожевенном и косторезном ремесле. Соотношение костей домашних и диких животных почти во всех без исключения древнерусских археологических памятниках демонстрирует безусловное преобладание скотоводства по сравнению с охотой. Древнерусское стадо включало в себя крупный рогатый скот, лошадь, свинью, овцу и козу. Наиболее часто встречаются в раскопках кости крупного рогатого скота. Очевидно, именно это животное играло ведущую роль в мясной пище населения. Количество костей лошади, обнаруженных на древнерусских памятниках, в несколько раз уступает количеству костей крупного рогатого скота. Однако эти цифры, очевидно, отражают не реальное соотношение этих видов в стаде, а сокращение употребления конины в пищу в связи с распространением использования лошади на пашне и отчасти христианским запретом. Мелкий рогатый скот был менее многочислен, причем кости овец встречаются значительно чаще козых” (Археология СССР. Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985: 225–226).

¹² Кроме походов дружин князей Олега и Игоря на Византию (ПВЛ. Ч. 1: 33–34), Константин мог под отдаленными войнами росов подразумевать поход Игоря 943/944 г. в Закавказье.

¹³ Константинополя.

¹⁴ Описание днепровских порогов см. в гл. 9.

¹⁵ В гл. 9 Константин пишет, что росы, напротив, способны и проводить ладьи по водным путям и противостоять печенегам.

¹⁶ Термин “тюрк” зафиксирован письменными памятниками с VI в. для обозначения ряда народов: древние тюрки VI–VII вв., хазары IX в., мадьяры X–XI вв., вардариоты XI–XIV вв., сельджуки XI–XIII вв. и др. Поскольку этнонимы и этникины памятников при их переводе заменять нельзя, “переводя” этниконами языка перевода, было бы недопустимо в русском переводе сочинения Константина писать “тюрк”, имея в виду, что русский этникон “турки” ныне обозначает современное население Турции. Значения греческого этникона объясняют его генезисом. В начале знакомства соседей с кочевыми племенами севернее Согдианы последних стали называть собирательным именем тюрков (В. Н. Габашвили. Сведения: 46). Первое посольство западных тюрков появилось в Константинополе в 563 г., второе – в 568 г. В последнем находились согдийцы, от которых византийцам и стал известен термин “тюрк”. Он обозначал тогда кочевые племена севернее Согдианы (Габашвили. Сведения: 46). Эти обстоятельства делают понятным применение византийцами термина *τοῦρκοι* как этникона народов определенной территории и близких хозяйственно-культурных типов. В дальнейшем этникон *τοῦρκοι* стал отражать представление византийцев о хазарах и о мадьярах как об одном народе-этнотипе. Затем этникон *τοῦρκοι* стал обозначать мадьяр в отличие от других народов. Константин пользовался, судя по всему, тремя источниками информации о мадьярах: донесениями посла Гавриила (см. гл. 8), сообщениями мадьярских вождей Термачу и Булчу (может быть, также Дьюлы и Булчу), посетивших Константинополь предположительно около 948 г. (гл. 40; MABF: 85–86. 1.), и рассказами хазар из числа телохранителей императора (о них см.: MABF: 35. 1.). Сюжет информации о мадьярах данной главы близок к рассказу о миссии Гавриила (гл. 8). Но сведения о мадьярско-печенежских отношениях записаны из разных источников.

¹⁷ По мнению Д. Моравчика, употребление данного термина свидетельствует о том, что печенеги были совершенно независимыми, самостоятельными контрагентами в отношениях с империей.

¹⁸ Об отношениях печенегов и венгров ср.: DAI: 3.3; 8.21–22; 13.9–11; 38.55–57; 40.16–19. Запись этих сведений Константином осуществлена, несомненно, до 895 г. когда мадьяры перешли через Карпаты и начали осваивать Среднее Подунавье, так как о каких-либо нападениях печенегов на здешние места обитания мадьяр неизвестно.

¹⁹ От тюрк. *Bulgar*. Лат. *Bulgari*, *Bulgarii*, *Bulgares*, *Vulgares*, др.-сл. *Бѣлгаре*, *Бѣлгаре*, *Бѣлгары*, *Бѣлгари*, *Болгаре*, *Болгары*, *Болгари*. Славянские племена Подунавья получили имя “болгары” от тюрк. Аспаруха, вставшего во главе союзного государства, утвердившегося в 680–681 гг. между Дунаем и Балканами (Г. Г. Литаврин. Формирование и развитие: 140–148; Д. Ангелов. Проблемы предгосударственного периода на территории будущего Болгарского государства // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. – М., 1987: 14–15). Этникон “болгары” распространился затем – сначала как политоним – на все население государства (Литаврин. Формирование: 155, 158), утратив узко этнический смысл, чтобы ко второму десятилетию X в. стать этническим самоназванием (этнонимом) для всего, теперь уже славянского населения Болгарии (Д. Ангелов. Образоване на

българската народност. – София, 1981: 189 сл.; Литаурин. Формирование этнического самосознания: 70–74). В конце IX в. Болгария снова стала серьезным и могущественным противником Византии. Успешные военные действия вел против Византии болгарский царь Симеон (893–927 гг.), отодвинув далеко на юг болгаро-византийскую границу, заняв в 914 г. Адрианополь и став фактически хозяином на всем пространстве от Константинополя до Фессалоники. Он провозгласил себя “василевсом болгар”. Планировался брак дочери Симеона с малолетним тогда Константином Багрянородным (И. Божилов. Цар Симеон: 128 сл.). В ответ на усиление Первого Болгарского царства Византия стремилась создать антиболгарскую коалицию (R. Browning. Byzantium: 63 сл.) ввиду многочисленных походов болгар на Византию, вплоть до стен Константинополя (921, 922, 923–924, 924 гг.). В 925 г. Симеон принял титул “василевса ромеев и болгар” (Cambridge Medieval History. Vol. IV. Part. I: 508, прим. 3). Известна его печать с надписью “Симеон во Христе василевс ромеев” (Beševliev V. Die protobulgarischen Inschriften. – В., 1963: 330–331, прим. 89а). По всей вероятности, Симеон добился превращения в 926 г. архиепископства Болгарии в патриархат, независимый от Константинополя. Сын Симеона Петр заключил в 927 г. с Византией мирный договор. В середине X в. Византия продолжала платить Болгарии дань.

²⁰ Стратиг Херсона Иоанн Богас (Богас) имел приказ императрицы Зои направить печенегов против болгар (Georg. Mon. Cont.: 879.12–19, 882.3–20; Theoph. Cont.: 386.23–387.13, 389.20–390.21; Nic. Patr. Epist. Col. 72–76). По сообщению Николая Мистика, в 924–925 гг. печенеги готовились к вторжению в Болгарию (Nic. Patr. Epist. Col. 149–153).

²¹ О торговле с Херсоном см. гл. 53.

²² Тюрк. Qazar, лат. Chazari, Chasiri, кит. Kosa, Но-са, арм. N'azirk', сир. Nasar, перс. Nazar, араб. Nazar, слав. Хазары, Хозары, Казары, Козары, Косары. В VIII–XI вв. термин “Хазария” обозначает в византийских источниках страну народа хазар. Этноним “хазары”, впервые зафиксированный Стефаном Александрийским (610–641), является византийской передачей тюркского самоназвания хазар. В 860–861 гг. Византия пыталась ввести при дворе хагана христианство (посольство Константина-Кирилла). Во время войны с Симеоном в византийских войсках сражались и хазары. Хазарская проблема была острой для Древней Руси. Принятие правителем росов впервой половине IX в. хазарского титула “хаган” свидетельствовало не только об интенсивных русско-хазарских связях, но и об осознании независимости Руси, ее равноправия с хаганатом. В 932 г. Византия сумела направить аланского правителя против хазар, затем она попросила Русь вмешаться в эти события (Артамонов. История хазар: 363–364). Древние росы совершили успешное нападение на хазарский город Самкерц (либо предместье Керчи; либо – что менее вероятно – Тамань). В ответ на интриги империи хазары завоевали ряд Византийских приморских городов в Крыму, осадили Херсон. В итоге аланский союз империи потерпел неудачу: поход аланов на хазар 932 г. закончился поражением, византийские священнослужители были изгнаны из Алании. Византия отказалась от посягательств на Хазарию. С начала X в. на хазарскую степь интенсивно наступали печенеги; к середине X в. северные провинции Хазарии были уже заняты печенегами и даже номинально

не входили в состав хаганата. Решающий удар хазарам нанес Святослав во второй пол. 960-х годов.

²³ Политическое объединение группы адыгских племен, обитавших на побережье Черного моря между Кубанью и Никописом.

²⁴ Византийскому названию *влаттии* ‘пурпур’ (драгоценные ткани, главным образом шелковые) соответствовало славянское “паволоки”. *Прандии* ‘лента, тесьма, пояс, шнур’ – мелкий галантерейный товар: ленты, повязки, головные платки, покрывала, готовое для употребления изделие из ткани. *Харерии* – вид шелковой (персидской) ткани из Селевкии и других местностей. *Переи*, длинный и белый, в Византию привозили из Индии, как и корицу и кардамон.

²⁵ *Βασιλικός* ‘приближенный царя, придворный, царедворец’.

²⁶ Византийское тяжелое военное судно, вмещавшее 100–500 человек (H. Antoniadis-Bibicou Etudes d'histoire: 94). Согласно другому мнению, хеландия – лишь просторечное название дромония (H. Ahrweiler. Byzance: 411–417).

²⁷ Константин передает славянское слово; видимо, само это понятие, а, возможно, и нормы права были заимствованы печенегами у славян. Ср. также гл. 38.52. Впрочем, Д. Моравчик отмечает, что термин “закан” в качестве идиомы проник даже в средневековый греческий (он воспроизведен в словаре “Суда” X в.). [Ср. нгр. ζάκωνι ‘обычай’. – А. Г.]

²⁸ Понятие *друзья* использовалось византийцами для обозначения своих союзников.

²⁹ Единственное известное свидетельство о миссии клирика Гавриила. По предположению Д. Моравчика, она имела место после 927 г.

³⁰ Греческий термин *архонт* (ἄρχων) обозначал как знатных персон, имевших определенный титул и занимавших высокую должность (глава провинции, воинского подразделения, административного учреждения и т.п.), так и не имевших должности богачей, а также чужеземных правителей (болгарских царей, русских князей, племенных вождей кочевников и т.д.).

³¹ Д. Моравчик предлагает перевод: “Мы не поставим себя после печенегов”. Р. Дженкинз переводит: “Мы не поставим себя на путь печенегов”.

³² Курганы в южнорусских степях расположены беспорядочно: у печенегов не было постоянных зимовищ и кладбищ. Ориентировка скелетов в большинстве степных могильников головой на юго-запад – показатель зимних захоронений.

³³ Термин *Ῥῶς* у Константина обозначает народ или его часть; производные *Ῥωσῖα* – принадлежащую росам землю, *Ῥωσική* (букв. ‘по-росски’) – язык, на котором они говорят. Для Константина народ “росов” тождествен со скандинавами. Император последовательно противопоставляет росов славянам; славяне – пактиоты росов, что повторено дважды, росы исключены из перечней славяний; наконец, “росские” названия порогов имеют прозрачную скандинавскую этимологию. Понимая под “росами” скандинавов, Константин вместе с тем отчетливо связывает название с определенной социальной группой, противопоставленной массе славян. Он подчеркивает их правящее положение: славяне являются их пактиотами, “росы” собирают во время полюдь с них дань, имеют резиденцию в Киеве. Упоминание “всех росов”, которые выходят по осени из Киева в полюдь, указывает достаточно ясно на ту социальную группу, которую Константин имеет в виду, – великокняжескую дружину, которая, по сообщениям Повести временных лет, осуществляла полюдь. На неславянскую этническую принадлежность первоначаль-

чальной руси указывает и то, что этническая группа “русь” не включается древнерусским летописцем ни в один из трех перечней славянских “племен”, расселившихся по Восточно-Европейской равнине (ПВЛ. Ч. 1: 11, 13, 15). Социальное значение названия *Ῥῶς* находит поддержку в древнерусских источниках. Это привилегированная верхушка общества: славянская или скандинавская в Восточной Европе; военное сословие; торговая купеческая организация международного характера. Распространение понятия “русь” на полиэтнические дружины вело к быстрому размытию первоначально четко выраженной этнической приуроченности названия к скандинавам. В процессе консолидации разноэтнических территорий под эгидой великокняжеской власти возникло расширительное географическое понятие “Русь”, “Русская земля”, которое нашло отражение у Константина во встречающемся впервые в византийской литературе названии *Ῥωσία*. Таким образом, в употреблении Константином терминов *Ῥῶς* и *Ῥωσία* отражались три этапа эволюции названия “русь” на восточнославянской почве. Во-первых, он связывает росов со скандинавами, интегрированными в восточнославянское общество; во-вторых, именует тем же термином полиэтнические великокняжеские дружины; в-третьих, вводя хороним *Ῥωσία*, распространяет название на все территории, подвластные великому князю, сидящему в Киеве.

³⁴ *Моноксилы* (однодеревки) – долбленки, т.е. лодки, выдолбленные из одного бревна. Однако, судя по дальнейшему описанию, собственно долбленки использовались, по-видимому, в качестве килевой части более сложных конструкций типа поздней русской набойной ладьи-насада с наставными бортами из планок, пригодной для морских плаваний. Суда с клинкерной обшивкой использовались и викингими. Русская Правда выделяет 4 типа судов – морские ладьи, набойные ладьи, струги и челна – в зависимости от характера плавания (по морю или рекам) и его целей (торговые, военные). Длина крупнейшего скандинавского корабля эпохи викингов из Гокстада (середина IX в.) – 23,3 м с дубовым килем длиной 17 м. Согласно договору о дани, взимаемой Олегом с греков, в ладье помещалось 40 человек (ПВЛ. Ч. 1: 24). Походы “варваров” на моноксилах против Византии упоминаются в византийских источниках с сер. V в.

³⁵ Данное выражение допускает несколько толкований: 1) *внешняя Россия* – подчиненная росам территория славян со всеми перечисленными ниже городами, **внутренняя* (этого термина у Константина нет) – собственно Киев, откуда выходят “все росы” в полюдь; 2) *внешняя* и **внутренняя Россия* – два основных пункта пребывания росов: Немогад – Новгород, где сидел Святослав, и Киев, в котором Константин помещает “всех росов”; 3) гипотетическая **внутренняя Россия* – страна полян или Русь в узком смысле – Киевская, Черниговская и Переяславская земли; 4) *внешняя Россия* – Северная Русь с границей где-то между Новгородом и Смоленском; в этом случае перечисленные вслед за Новгородом Смоленск, Любеч, Чернигов, Вышгород входят во **внутреннюю Россию*; 5) наиболее убедительным представляется предположение А. Поппэ, что деление Руси на “внешнюю” и “внутреннюю” проводилось самими византийцами; т.е. **внутренняя Россия* – ближайшие к Византии земли Приднепровья, а *внешняя Россия* – отдаленная Новгородская земля (А. Poppe. *Rhosia* // SSS. 1972. Т. 4. Cz. 2: 496-497).

³⁶ Перечень древнерусских городов, поставляющих моноксилы росам, последовательно называет

центры, лежащие на Днепровском пути, от самого северного – Новгорода – по мере их приближения к Киеву. Это выделение части Днепровского пути к северу от Киева перекликается с выделением Константином “внешней”, т.е. дальней России.

³⁷ Общепринята интерпретация топонима **Немогадас* как Новгорода Великого.

³⁸ Употребление формы прошедшего времени указывает, что ко времени написания гл. 9 правление Святослава в Новгороде окончилось (после смерти Игоря осенью 944 г.).

³⁹ Киевский князь Игорь, сын Рюрика. Имя – скандинавского происхождения: В раннесредневековой Швеции имя Ингвар (Ingvarr) было распространено в династии конунгов из рода Инглингов.

⁴⁰ Смоленск.

⁴¹ Любеч.

⁴² Чернигов.

⁴³ Вышгород, в 15 км. выше древнего Киева на высоком берегу Днепра.

⁴⁴ Киев.

⁴⁵ *Σαμβάτας* – название Киева, встречается только здесь.

⁴⁶ Данники, подданные. Это разграничение славян и росов обусловило интерпретацию названия “русь” как социального термина.

⁴⁷ Кривичи – объединение восточных славян, занимавших, согласно Повести временных лет, верховья Днепра, Западной Двины и Волги, с центрами в Полоцке, Смоленске и Изборске. Кривичам приписываются длинные курганы VI-X вв., ареал которых совпадает с летописной территорией союза. На Смоленщине в X в. длинные курганы сменяются полусферическими, генетически связанными с древнерусскими курганами XI-XII вв.

⁴⁸ См. прим. 248.

⁴⁹ Термин *Склавинии*, *Славинии* впервые употреблен в византийских источниках в отношении поселившихся на Балканах славян в VII в. у Феофилакта Симокатты. Означал как район расселения славянского племени или племенного союза, так и особую догосударственную социально-политическую организацию славян. Во главе каждой Славинии стоял вождь – “архонт” или “рикс”, окруженный родоплеменной знатью.

⁵⁰ В северной части Днепровского пути, откуда доставляются моноксилы в Киев, т.е. на участке Новгород – Вышгород, есть лишь одна возвышенность – Валдайская на водоразделе Днепра – Западной Двины – Ловати – Волги: “Оковский лес”.

⁵¹ Летописный Витичев, Вытечев, Видичев, Вятечев, Видачев и др. Витичевский холм упомянут в Повести временных лет лишь под 1095 г. в связи с основанием на нем города Святополком Изяславичем. Раскопки Б. А. Рыбакова на холме открыты два городища. На северном, отождествляемом с Витичевым, жизнь прекратилась в XI в., по-видимому, в связи с основанием нового города. На нем обнаружены остатки башни, перекрытые слоями золы и земли, – по реконструкции Рыбакова, башня служила для световой сигнализации: Витичев охранял Днепровский брод.

⁵² Сбор моноксил в Витичеве, а не Киеве Д. Оболенский объясняет тем, что здесь караван поджидал суда из Переяславля, стоящего на р. Трубеж, которая впадает в Днепр в 50 км ниже Витичева.

⁵³ Император описывает путь вниз по Днепру, указывая: а) днепровские пороги как места, представляющие особые навигационные сложности (это сочинение Константина содержит единственное в раннесредневековой литературе их описание), и б) места стоянок кораблей, направляющих в Константинополь. Он называет семь днепров-

ских порогов. Их количество у авторов нового времени варьировалось от 9 до 12.

⁵⁴ *Эссуни, как принято считать, отражает славянское “не съпи”, соответствующее и приводимому Константином значению топонима. Опускание начального *v* объяснялось еще А. Бандури (A. Banduriius. Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae in quatuor partes distributae. P., 1711. Col. 173) его слиянием с конечным *v* предшествующего слова, т.е. восстанавливалась форма *Нессуни. Традиционно отождествляется со Старо-Кайдакким, упомянутым в форме Кодак (Кадак) в “Книге Большому Чертежу” (XVII в.). Этот порог – первый из девяти – находился в 18 км вниз от станицы Днепропетровская и состоял из нескольких уступов.

⁵⁵ Императорский манеж для конно-спортивных игр на территории Большого дворца в Константинополе. Точные размеры его неизвестны; предполагается, что его ширина достигала 70 м.

⁵⁶ Островной порог. Отождествляется с одним из двух следующих за Кодак порогов: Лоханским или Сурским, оба они включают ряд мелких островков. Поскольку эти пороги располагались на небольшом расстоянии друг от друга (ок. 500 м), не исключено, что они считались одним протяженным порогом.

⁵⁷ *Геландри соответствует др.-исл. gjallandi, др.-шв. gaellandi, причастию наст. вр. от глагола gjalla/gaella ‘громко звучать; звенеть’. Порог Звонец находился в 5 км от Лоханского.

⁵⁸ Вопрос об этимологии названия *Аифор остается открытым. Славянское название *Неясыть ‘Пеликан’ очевидным образом связано с позднейшим названием порога Ненасытен, Ненасытецкий, одного из самых опасных на Днепре, в 6,5 км ниже четвертого порога.

⁵⁹ Именно здесь погиб на пути из Византии Святослав. Киевские князья высылали к порогам охрану для сопровождения “гречников” – купцов, торговавших с Византией.

⁶⁰ В X в. употреблялись византийская (1574 м 16 см) и римская (1480 м) мили (E.Schilbach. Byzantinische Metrologie. – München, 1970: 32-36). Протяженность Ненасытецкого порога, по описаниям, около 2,5 км, что в несколько раз меньше указанной Константином длины: 6 византийских миль = 9 км.

⁶¹ Отождествляется с шестым днепровским порогом, носившим название Волнигский, Волниский и лежавшим в 14 км ниже Ненасытецкого.

⁶² Др.-рус. *вьрчичи* ‘кипящий, пузырящийся’ [ср. укр. вируючий ‘бурлящий’]. Локализация порога неопределенна. В. Томсен отождествляет его с Таволжанским, однако Таволжанский не является в полном смысле порогом и даже, как правило, не отмечался на картах.

⁶³ Обычно отождествляется с восьмым или девятым порогом, называвшимся соответственно Лишний и Вильный (Вольный).

⁶⁴ *Переправу Крария* принято отождествлять с засвидетельствованным с конца XVI в. названием брода Кичкас в 15 км ниже порога Вильный, последнего из днепровских порогов.

⁶⁵ Ширина ипподрома близ Большого императорского дворца составляла около или более 100 м. Ширина же Кичкаской переправы 150–180 м.

⁶⁶ *Остров Св. Григорий* – о. Хортица, лежащий в нескольких километрах ниже брода Кичкас. В Воскресенской летописи (под 1223 г.) назван Воряжским островом (ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7: 130). В последующее время постоянно использовался как русская база против половцев и монголо-татар

(ПВЛ. Ч. 1: 183-184 и др.). На острове обнаружены остатки древнерусского поселения X-XI вв.

⁶⁷ Отождествляется с р. Сулиной, центральным из трех рукавов дельты Дуная.

⁶⁸ *Остров Св. Эфений* традиционно отождествлялся с о. Березань напротив дельты Днепра. Другая гипотеза отождествляет о. Св. Эфений с западной частью Кинбурнского полуострова, которая в древности представляла собой остров, омываемый лиманом, морем и рукавом Днепра.

⁶⁹ Река в бассейне Днепра; ее название – *Аспрос “Белая” – было, вероятно, связано с наименованием приднепровского города Аспрокастра (Белгород-Днестровский). Во время написания трактата местность у р. Аспрос контролировалась печенегами: с наступлением весны их кочевья перемещались в этот район.

⁷⁰ *Конопа* – с. Летя в Сев. Добрудже (Румыния).

⁷¹ Совр. Констанца в Румынии.

⁷² *Река Варна* – ныне р. Провадия, устье которой находится в районе совр. Варны (античный Одессос).

⁷³ *Река Дичина* – совр. Камчия, ее устье – между Варной и Несебром.

⁷⁴ Совр. Несебр (Несебыр).

⁷⁵ *Полюдь* (πολύδια) означало объезд князем с дружиной подвластных ему территорий для сбора дани, а позднее и саму дань. Б. А. Рыбаков воссоздал маршрут полюдь по кольцу рек. Сначала сборщики полюдь отправлялись к ближайшему от Киева племени вервиан-древлян; сообщению о начале полюдь у древлян соответствуют и сведения летописи о взимании Игорем дани с древлян осенью, когда начиналось полюдь. Затем сборщики дани направлялись через Любеч по Днепру к дреговичам-другичам вплоть до Смоленска в кривичском Верхнем Поднепровье, затем по Десне к северянам-севериям и через Чернигов и Вышгород возвращались в Киев. Предполагаемый маршрут включает все пять городов, перечисленных в начале главы (Б. А. Рыбаков. Смерды // История СССР. 1979. № 2: 39-47; Он же. Киевская Русь: 318-329).

⁷⁶ Древляне, населявшие территорию между Днепром, Горынью и верховьями Южного Буга.

⁷⁷ Дреговичи, населявшие территорию между Припятью и Западной Двиной.

⁷⁸ См. прим. 47.

⁷⁹ Северяне поречья Десны, Сейма и Сулы.

⁸⁰ Константин не упоминает полян, населявших Среднее Поднепровье с центром в Киеве. В этом молчании императора видели свидетельство отождествления им полян и росов.

⁸¹ Распространенное в византийской литературе обозначение Византийской империи.

⁸² В русских летописях соответствует этнику торки – *торкы*, *торцы*, впервые упоминаемому в Повести временных лет под 985 г. Тюркские кочевые племена узов (огузов) населяли в X в. территории к северо-востоку от Каспийского моря, между Волгой и Аральским морем.

⁸³ О соседстве узов и хазар ср. гл. 37.

⁸⁴ *Аланией* византийцы называли как территорию расселения на Северном Кавказе ираноязычных племен – аланов, так и политическое образование, игравшее в начале X в. на северо-восточной периферии Византии роль ее аванпоста против хазар и кочевников южнорусских степей. До проникновения в Предкавказье, к началу гуннских нашествий IV в. аланы обитали к востоку от Дона (F. Altheim. Geschichte der Hunnen. – B., 1959. Bd. 1: 342). Формирование аланской материальной культуры приходится на V в., когда в зону их рас-

селения входила уже вся центральная часть Северного Кавказа от верховьев Кубани до пределов Дагестана (В. А. Кузнецов. Аланские племена. С. 30-35). С конца VI в. до конца VII в. византийские памятники молчат об аланах. В VIII в. единственным известием об аланах является сообщение Феофана (391. 5-395.2) о посольстве Льва III на Кавказ. Доказательство непрерывавшихся византийско-аланских связей – обращение аланов в IX в. в христианство. В VIII-IX вв. аланы, в силу давления черных болгар, потеряли часть территории в районе совр. Кисловодска. К X в. относят формирование средневековой ираноязычной аланской народности на территории от притока Кубани Урупа на западе до притока Терека – Аргуна на востоке. Выделились три варианта аланской материальной культуры: западный (верховья Кубани), центральный (Кабардино-Балкария) и восточный – в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии (В. А. Кузнецов. Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии // Уч. зап. Кабардино-Балкарск. НИИ. – Нальчик, 1959, Т. XVI: 149).

⁸⁵ В. А. Кузнецов локализует *Климаты Хазарии*, т.е. области, подвластные Хазарскому хагану, лишь в районе Нижнего и Среднего Прикубанья (В. А. Кузнецов. Алания в X-XIII вв.: 15 сл.). А. В. Гадло, напротив, считает что здесь имеется в виду более обширный район Сев. Кавказа, борьба за влияние в котором и определила характер алано-хазарских конфликтов (А. В. Гадло. Восточный поход: 60 сл.; Он же. Этническая история: 196-197).

⁸⁶ *Крепость Боспор* – город на месте совр. Керчи – прямой наследник античного города Пантикапей, основанного в первой половине VI в. до н. э. В античную эпоху эта милетская колония получила название Боспор Киммерийский, став центром Боспорского государства, разгромленного гуннами. Свидетельство Константина отражает хазарский период истории Боспора, когда в завоеванном в VIII в. городе сидел хазарский тудун.

⁸⁷ *Саркел* ‘белый дом, замок, дворец, крепость’ – город-крепость в излучине Дона, на левом берегу Старицы, на западном рубеже владений Хазарского хагана. Др.-р. Белая Вежа. Остатки Саркела лежат на дне Цимлянского моря в 15 км от берега. Раскопанная крепость имела форму четырехугольника размером 193,5 x 133,5 м с кирпичными стенами толщиной около 4 м и многочисленными башнями. Поперечная стена делила крепость на две части. Юго-восточная часть, не имевшая выхода наружу, была, вероятно, цитаделью с сооруженной в южном углу квадратной башней-донжонном (М. И. Артамонов. Саркел – Белая Вежа // МИА, 1958, № 62: 7–18). Город населяли хазары, из которых состоял гарнизон крепости, болгары, славяне, гузы. Раскопки свидетельствуют о развитых ремеслах и торговле. В 965 г. князь Святослав во время похода против хазар взял Саркел, ставший затем на какое-то время русской крепостью (В. Т. Пашуто. Внешняя политика: 93 сл.).

⁸⁸ Византия побуждала к нападениям на Хазарию прежде всего печенегов и аланов. В спровоцированном ею алано-хазарском конфликте 932 г. хаган с помощью наемников-узов разбил аланов и взял в плен их правителя. Победитель предпочел, однако, не устанавливать свое непосредственное господство в Алании: хаган принял пленника с почестями и даже женил своего сына на аланской царевне. В результате аланы на время даже возвратились к язычеству, изгнав христианских священников (М. И. Артамонов. История хазар: 363-364).

⁸⁹ Ю. А. Кулаковский видел в аланах, закрывавших хазарам проход от Саркела к Херсону и Климатам, особых, ‘‘припонтйских аланов’’.

⁹⁰ *Черная Булгария* известна также по Повести временных лет: согласно договору Игоря 944 г. с Византией, русский князь обязывал защищать ‘‘Корсунскую землю’’ (округ Херсона) от черных болгар, нападавших из Приазовья. Локализация спорна: область Кубани или междуречье Днепра и Дона. В материалах Комиссии АН СССР ‘‘Константин Багрянородный’’ высказано, однако, другое мнение: ‘‘Видно, что лежала (Черная Булгария) по соседству с Хазарией и притом ближе к Руси. Сельзта отождествлять (ее) с Волжской Булгарией (Ф. К. Брун. Черноморье, I: 31, 100) и с территорией Кубани, занятой аланами (Д. И. Иловайский)... Вернее думают Вестберг и Маркварт: (она находилась) между Днепром и Хазарией, занимая часть старинной области кутигуров или котрагов к западу от Танаиса’’ (Архив АН СССР. Ленингр. отд.-е. Ф. 126. Оп. 1. № 10). Действительно, как явствует из сообщений Константина, русы, направляясь в Таврику, проходили от Днепра путь через Черную Булгарию и Хазарию, что делает уязвимой волжскую локализацию Черной Булгарии.

⁹¹ Под *турками* понимаются венгры. Композиционно отрывок о ‘‘турках’’ и их соседях связан с гл. 40, но основное содержание гл. 13 представляет собой заключение к первой части труда, излагающее принципы имперской дипломатии, которым надлежит неукоснительно следовать в отношениях с ‘‘северными варварами’’. Весь ‘‘дипломатический раздел’’ Дженкинз считает наиболее поздней частью труда, датируя ее 952 г. (DAI. II: 7–8, 63).

⁹² Буквально: ‘‘с более западной стороны’’ – Франгия, а ‘‘с более северной’’ – печенеги.

⁹³ *Франгия* – бывшая империя Карла Великого. *Франгия* же, ‘‘в которой правит Оттон I’’, – это Саксия (гл. 30). Лиудпранд Кремонский писал, что под ‘‘франками’’ византийцы понимали ‘‘как латинян, так и немцев’’ (Liutpr. Legatio: 33). В комментируемом пассаже во Франгии следует видеть Восточно-франкское королевство, с которым венгры пришли в прямое соприкосновение с момента своего поселения на Паннонской равнине (История Венгрии. – М., 1971. Т. I: 104-105).

⁹⁴ Наука не располагает данными о каких-либо поселениях печенегов в конце IX–X в. к северу от венгров или даже о печенежских набегах на Паннонскую равнину через Северные Карпаты или в обход северных отрогов Карпат. Нет сведений и о том, что печенеги после ухода венгров в Паннонию вообще где бы то ни было с ними соседствовали.

⁹⁵ *Великая Моравия* – государство западных славян в бассейне Среднего Дуная, возникшее в конце VIII – начале IX в. и достигшее расцвета в 860-880-х гг. Во время написания трактата Великой Моравии уже не существовало: как сказано тут же в тексте несколькими строками ниже, это государство было разгромлено венграми. Жители бывшей Великой Моравии едва ли могли быть соседями венгров с юга. Принимая версию Р. Дженкинза о пропуске строки в этом месте, мы считаем, что Константин видел в южных соседях венгров хорватов – обитателей Хорватского королевства, что подтверждает текст гл. 40, где ‘‘Великая Моравия’’ помещена западнее Сермия на Саве (совр. Сремска Митровица), т.е. также южнее областей первоначального расселения венгров в междуречье Дуная и Тисы и в Задунавье (южнее Дравы).

⁹⁶ Святополк, правитель Великоморавского государства (871–894).

⁹⁷ См. прим. 95, а также главы 38, 40 и прим. к этим главам.

⁹⁸ Д. Моравчик, ссылаясь на труды Г. Фехера и Ф. Дворника, полагает, что хорваты, которые “соедятся с турками у гор”, являются не южными, а “северными (т. е., как видно, “белыми”) хорватами”, действительно жившими в то время к северу от Паннонской равнины (DAI. II: 63). Но не исключено, что в данном случае под хорватами Константин понимает население Чешского княжества, не зная этнического наименования его подданных (а поэтому и именуя их “хорватами”).

⁹⁹ Почти в тех же выражениях о “жадности” скифов (т. е. росов) к деньгам говорит и младший современник Константина Лев Диакон (Leon. Diac. Hist.: 77.4–10). Константин имеет в виду разного рода услуги, чаще всего военные (за мир, ненападение, за военную помощь и пр.), оказываемые Византии “северными народами”, которые, как говорит император, требовали взамен непомерно высокой платы (ср. гл. 4; 7).

¹⁰⁰ Скифскими народами византийские авторы X в. называли зачастую болгар, русских, венгров, печенегов. Поскольку Константин особо выделил здесь росов, венгров и хазар, то под “иными северными и скифскими” народами могут подразумеваться печенеги и узы.

¹⁰¹ Императорские одежды (не говоря уже о таких регалиях власти, как венец, скипетр и пр.) имели сакральное значение, в том числе их форма, материал и цвет. Так, употреблять ткани цвета пурпура как раз во время правления императоров Македонской династии под страхом смертной казни было запрещено всем подданным императора, светским и духовным; ткани этого цвета запрещено было продавать иностранцам и вывозить за границу (Византийская книга епарха VIII. № 1: 81 и комм. на с. 183 сл.). Лишение императора пурпурных одеяний означало отстранение его от власти, а облачение в них (например, узурпатора) указывало на фактическое обладание высшей властью или о претензиях на трон. Значительная часть императорского гардероба конституировалась еще в дохристианскую эпоху и имела отчасти персидское происхождение, так что ссылки Константина VII не на традиции и обычай, а на “божественное” происхождение одеяний – сознательная дипломатическая фикция (DAI. II: 63–64).

¹⁰² “Варвары” именовали просимую ими корону не *камелавкией*, а “стеммой”, хотя имели при этом в виду именно ту “камелавкию”, которую тогда носил император.

¹⁰³ Вновь сознательная фальсификация, так как и одежды, и регалии императора как предметы не имели наследственного характера и не передавались от императора-предшественника к его преемнику: они и подновлялись, и целиком заменялись трудом ремесленников императорских мастерских.

¹⁰⁴ Император Константин I Великий (324–337) принял крещение только перед смертью, так что говоря о его воцарении по воле божьей, Константин VII следует позднейшей христианской традиции, а не историческим фактам.

¹⁰⁵ Собор св. Софии в Константинополе. Лишь незначительная часть императорских инсигний и одеяний хранилась в этом храме, в основном же – в царском вестиирии (гардеробе) и хитоне (царской сокровищнице), а также тронном зале – Христотриклинии Большого императорского дворца. Выбор регалий и одеяний и самый ритуал облачения были зафиксированы в специальных церемониальных правилах этикета, систематизированных

почти одновременно с написанием труда “Об управлении империей” в царском обряднике – “О церемониях византийского двора” (Const. Porph. De caerem. I: 35) (DAI. II: 65–66).

¹⁰⁶ Престол (алтарь) св. Софии, стоявший в храме при Константине VII, был сооружен во времена Юстиниана I, в период между освящением св. Софии и смертью этого императора, в 536–565 гг. т. е. никак не был связан с Константином I. Данных о том, что на этот престол была перенесена какая-либо надпись, дошедшая от времени Константина Великого, нет. Сохранившиеся же свидетельства о надписи на алтаре св. Софии не имеют никакого отношения к трактуемому сюжету (DAI. II: 66).

¹⁰⁷ Сознательное преувеличение роли имперского синода (совета архиереев при константинопольском патриархе) и синклита (совета высшей знати при императоре) все с той же целью – внушить “варварам”, что император бессилен нарушить священные установления.

¹⁰⁸ Император *Лев IV Хазар(ин)* (775–780). Прозвище это он получил не потому, что женился на хазарке, а потому, что сам был сыном хазарки, на которой был женат его отец Константин V (741–775). Но и Константин V женился на дочери хазарского хагана по повелению отца – Льва III Исавра (717–741), будучи наследником престола, при заключении договора с Хазарским хаганатом в 732 г.

¹⁰⁹ *Константин V, муж хазарки*, умер в возрасте около 60 лет, по византийским понятиям – отнюдь не преждевременно. Умер не в дворцовой постели после длительной болезни, а во время военного похода против болгар. Лев IV умер действительно молодым, однако его репутация никак не могла в глазах византийцев X в. пострадать от воспоминаний о каком-либо его предосудительном браке. Его жена, афинянка Ирина, сторонница иконопочитания, была в качестве регентши юного Константина VI фактической правительницей империи. В 787 г. она восстановила (как оказалось, временно) иконопочитание, т. е. официально отреклась от политики, столь сурово осуждаемой Константином VII (История Византии. Т. 2: 60–64).

¹¹⁰ Первые достаточно определенные свидетельства о клятве коронуемого императора восходят лишь к началу IX в., а не ко времени, последовавшему сразу за правлением Константина V или Льва IV. Даже если признать подлинной клятвой обещания Михаила I (811–813), о которых сообщает Феофан, то и в этом случае в его “клятве” не говорилось ни слова о том, о чем пишет Константин VII (DAI. II: 66).

¹¹¹ Коронация могла быть осуществлена духовным лицом и более низкого ранга (DAI. II: 66).

¹¹² *Жидкий*, или *греческий огонь* – горючая смесь, основу которой составляла нефть. Секрет жидкого огня состоял не только в ингредиентах, но и в технологии его использования, а именно: в точном определении степеней подогрева герметически закрытого котла и давления нагнетаемого мехами воздуха. В нужный момент кран, запирающий выход из котла в сифон, открывался, к соплу подносился фитиль с открытым огнем, и с силой выбрасываемая горючая смесь, воспламенившись, извергалась на суда или осадные машины врага (G. Haldod, M. Byrne. A Possible Solution to the Problem of Greek Fire // BZ, 1977, Bd. 70: 91–99). Горючая смесь горела даже на воде, не позволяя спастись вплавь (залить ее можно было лишь уксусом – Liutpr. Antap: 84). В 941 г. при нападении князя Игоря на Константинополь его флот был уничтожен “греческим огнем” (ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1, вып. 1: 44–45). Резонно предположение авторов лондон-

ского комментария, что именно Русь во время переговоров о мире в 944 г. могла просить у Романа I, а затем, в 945-952 гг., у Константина VII предоставить ей данное оружие (DAI. II: 66), так как речь шла не только о мире, но и о военном союзе: русские должны были оберегать интересы империи в Крыму, и это давало им моральное право на обладание "греческим огнем".

¹¹³ Новелла № 63, запрещающая передавать это оружие иноземцам под страхом тяжчайшей кары, издана отцом Константина VII Львом VI, а не Константином Великим (P. Noalles, A. Dam. Les nouvelles de Leon VI le Sage. — P., 1944: 231-233).

¹¹⁴ *Стратиг* — в широком смысле слова военачальник, в узком наместник, правитель административного округа (фемы), соединявший в своих руках гражданскую и военную власть, а также коммендант отдельного города или крепости.

¹¹⁵ Константин под *неверными* и *нечестивыми* имеет в виду нехристианские народы.

¹¹⁶ Браки членов императорской семьи с иноземными правителями запретил Трулльский собор 691-692 гг. — через три с половиной века после смерти Константина I.

¹¹⁷ Сестра Константина VII по отцу Анна была замужем за Людовиком Слепым, а его сын Роман II с 944 по 949 г. был женат на Берте-Евдокии, побочной дочери Гуго Арльского.

¹¹⁸ Автор умалчивает о крещении перед браком хазарки — невесты Константина V, принявшей при крещении имя Ирины.

¹¹⁹ Лев IV был привержен иконоборчеству.

¹²⁰ Роман I Лакапин (920-944), тесть Константина VII, оттеснивший его от царствования. См. еще прим. 122.

¹²¹ После длительных болгаро-византийских войн при Симеоне и после смерти болгарского царя между преемником Симеона Петром (927-970) и Романом I был заключен мирный договор, скрепленный 8 октября 927 года браком Петра и дочери Христофора Марии, которая, поскольку Христофор был коронован весной 921 г., вряд ли была "порфирородной".

¹²² Роман I Лакапин происходил из города Лакапы в феме Ликанд. Его отец, армянский крестьянин Феофилант Авастакт, когда-то в бою спас жизнь императору Василию Македонянину и в знак благодарности с его стороны был зачислен в гвардию. Большинство армян Византии X-XI вв. — и у границ империи, и в ее восточных провинциях — исповедовали монофизитство. В православие Роман перешел, вероятно, перед поступлением на царскую службу. Будучи императором, от рабыни-скифянки Роман прижил сына Василия Нофа и, желая избавиться от возможных хлопот в будущем, повелел мальчика оскотить, чтобы он никогда не смог претендовать на царство. Этот Василий играл впоследствии весьма значительную роль в политике Византии при четырех преемниках отца и наряду со своей сводной сестрой Еленой оказался одним из самых стойких сторонников отверженного василевса Константина Порфирогенета.

¹²³ Ко времени женитьбы Петра на Марии-Ирине Болгария, принявшая христианство из Византии в 865 г., была уже более 60 лет христианской.

¹²⁴ Сын Константина VII Роман II (правда, несколько лет спустя после написания гл. 13) женился, однако, на Феофано, дочери харчевника.

¹²⁵ Константин комментирует один из канонов Трулльского собора: волк не сочетается с овцой (DAI. II: 69).

¹²⁶ Сам Константин VII был женат на армянке или, во всяком случае, на полуармянке Елене, дочери Романа I.

¹²⁷ 422 г.

¹²⁸ *Валентиниан III* — император Западной Римской империи (425-455).

¹²⁹ *Флавий Аэций* (ок. 390 — 454), полководец. В 451 г. разгромил Атиллу при Каталаунских полях. Убит императором Валентинианом III из опасения усиления его власти и авторитета. *Бонифаций* — полководец, наместник Африки.

¹³⁰ *Феодосий II* — император Восточной Римской империи (408-450), воспитатель Валентиниана III и его тестя.

¹³¹ *Галла Плакидия*, сестра императоров Аркадия и Гонория, жена императора Констанция.

¹³² Восточногерманские племена, в III в. отвоевавшие у римлян Дакию. Тогда же произошло разделение их племенного союза на остготов (Прокопий и Феофан называют их просто готами) и вестготов (визиготов). Приняли христианство арианского толка усердием Ульфила (Вульфилы, гот. Wulfila, ок. 311 — ок. 383), который в 341 в Константинополе епископом-арианином был возведен в сан "епископа готов". Ульфила считается изобретателем готского алфавита и автором перевода на готский язык большей части Библии.

¹³³ Германские племена, входившие в гуннский союз и переместившиеся с ним из Восточной Европы в Среднее Подунавье.

¹³⁴ Восточногерманские племена, переселившиеся с Балтийского моря на Средний Дунай. В IV в. поселились в Паннонии как федераты империи.

¹³⁵ *Аркадий* — император Восточной Римской империи (395-408); *Гонорий* — император Западной Римской империи (395-423). При них в 395 г. произошло разделение Римской империи.

¹³⁶ *Вестготы* поселились в Мезии как федераты империи около 382 г.

¹³⁷ Гепидское королевство в 567 г. было уничтожено союзом лангобардов и аваров. Ни те, ни другие не были ветвью гепидов.

¹³⁸ *Сингидун* — античный Сингидунум, совр. Белград. Область вокруг города была уступлена Юстинианом I племени герулов (Прокопий VII: 33, 13). Однако в том пассаже, на который опирается Феофан (III: 2, 6), Прокопий пишет, что гепиды владели окрестностями и Сермией, и Сингидуна.

¹³⁹ *Сермий*, или Сирмий — совр. Сремска Митровица (Югославия). Сермий был занят гепидами, поскольку, по словам Прокопия (VII: 33, 8), совершенно обезлюдел.

¹⁴⁰ Вестготы во главе с Аларихом восстали в 395 г. В 408 г. вторглись в Италию и в 410 г. разграбили Рим. В 412 г. ушли в Галлию и в 418 г. временно осели там.

¹⁴¹ Феофосий II допустил остготов во Фракию в конце 20-х годов V в.

¹⁴² Остготы ушли из Фракии в Италию в 488 г.

¹⁴³ Почетный титул.

¹⁴⁴ *Теодорих* — остготский король (ок. 454-526), основавший в 493 г. королевство в Сицилии.

¹⁴⁵ *Зинон* — император Восточной Римской империи (474-475 и 476-491). Возвел Теодориха в ранг патрикия и консула и толкнул готов на запад.

¹⁴⁶ Ираноязычные племена, обитавшие в Предкавказье, Прикаспии, Сев. Причерноморье. После разгрома гуннами их значительная часть ушла на запад с вандалами.

¹⁴⁷ Впервые вандалы попытались перейти через Рейн в 405 г., но были отброшены франками. В этом сражении пал король вандалов Годигизелк (Годигискл). Новым королем был избран его сын

Гундерих (Готфар), которому удалось 1 января 406 г. в районе Майнца перевести вандалов, аланов и свевов на левый берег Рейна. Пройдя через Галлию, эти племена в 409 г. временно осели в Испании. См. коммент. 22 к гл. 25.

¹⁴⁸ Переправа через Гибралтар состоялась в мае 429 г.

¹⁴⁹ Готские военные отряды из Галлии стали появляться в Испании с 421 г. Однако после ухода вандалов некоторое время в Испании не было иных варварских королевств, кроме свевского (на крайнем северо-западе страны). Вестготы начали завоевывать Пиренейский полуостров только во второй половине V в., особенно с 468 г.

¹⁵⁰ *Гизерих* – Гейзерих, король вандалов с 428 г. Бонифаций же вернул себе расположение правительства к началу 429 г. Из двух версий Поокопия. Феофан выбрал ту, по которой Гейзерих и Гундерих правили совместно вплоть до осады Гиппон-Регия, когда Гейзерих устранил брата. Но Прокопий же сообщает, что лично слышал от вандалов (III: 3, 34) и другое: Гундерих попал в плен к “германцам” еще в Испании и был распят.

¹⁵¹ Бонифаций больше года выдерживал осаду вандалов в г. Гиппон-Регий и ушел оттуда в июле 431 г. Флавий Аспар высадился в Африке в 432 г.

¹⁵² *Маркиан* – император Восточной Римской империи (450–457).

¹⁵³ *Фема Лангобардия* была образована в начале 90-х годов IX в., когда византийцы отвоевали всю Южную Италию (не считая Калабрии) до границ Папского государства. Понятие “фема Лангобардия” охватывало в X в., помимо Апулии и Лукании, прилегающие лангобардские герцогства и приморские города Неаполь, Амальфи и Гаэта. Иногда власть над фемами Лангобардия и Калабрия передавалась временно одному стратигу.

¹⁵⁴ Лангобардские герцогства Капуа-Беневенто и Салерно.

¹⁵⁵ *Архонтия* – пограничная административная область, признающая зависимость от империи, но сохраняющая автономию.

¹⁵⁶ Упоминание Лангобардии – анахронизм: лангобарды в Италии появились лишь в 569 г.

¹⁵⁷ Столица была перенесена в Константинополь в 330 г. Раздел империи произошел в 395 г., а то разделение власти в византийских владениях в Италии состоялось в период между образованием Равеннского экзархата (около 584 г.) и его ликвидацией лангобардами в 751 г.

¹⁵⁸ *Ирина, жена Льва IV*, ослепив сына, фактически правила империей в 780–802 гг.

¹⁵⁹ *Пакт* – арендная плата за наем земли, ежегодная подать, дань в имперскую казну.

¹⁶⁰ Объединение германских и негерманских племен, располагавшееся с V в. до 560-х годов в Паннонии (Павел. История лангобардов I: 22).

¹⁶¹ *Недавно* – лет 45–50 назад.

¹⁶² Библейский образ земли обетованной: Ис 3,8; 13,5; 33,3; Лев 20,24; Числ. 13,28; 14,8; 16,13–14.

¹⁶³ *Франк* (Φράγκος) – здесь житель Запада вообще, т.е. стран, некогда подвластных франкам.

¹⁶⁴ Речь идет, разумеется, о гуннах, которых часто смешивали с аvaraми.

¹⁶⁵ Первоначальное заселение лагуны связывается с разорением гуннами Аквилеи в 452 г. и в венецианских хрониках. Острова заселялись жителями окрестных мест из страха сначала перед гуннами, затем перед готами и лангобардами.

¹⁶⁶ *Пипин Младший* (777–810) – третий сын Карла Великого, король Италии (781–810).

¹⁶⁷ Имеются в виду бастард Карла Пипин Горбатый и его “законные” братья: Карл Младший (ум. 811), наследник престола, и Людовик Благочестивый (778–840), король Аквитании (781–814), император с 814 г.

¹⁶⁸ Константин имеет в виду славян вдоль всей восточной границы Франкской империи, над которыми Каролинги с конца VIII в. стремились утвердить свой военно-политический контроль.

¹⁶⁹ *Далмация* – римская, а затем византийская провинция Далмация, простиравшаяся вдоль Адриатического побережья от реки Раша в Западной Истрии до устья Албанской Дрины и уходила в глубь Балканского полуострова приблизительно до реки Савы. В результате варварских нашествий VI–VII вв. территория византийской Далмации сократилась до нескольких прибрежных городов-островов, перечисляемых ниже в этой главе.

¹⁷⁰ Стремясь отмежеваться от соседнего славянского сельского населения, жители далматинских городов-коммун определяли себя как Latini “латиняне”. Константин употребляет адекватный термин Ρωμαῖοι “римляне”, также вкладывая в него этническое содержание и подчеркивая отличие далматинцев от преемников власти римлян – ромеев-византийцев (Ρωμαῖοι).

¹⁷¹ Остатки дворца, построенного римским императором Диоклетианом (284, Диоклея, совр. Дукля в Черногории – 313), где он провел последние годы жизни после отречения 1 мая 305 г., сохранились на территории г. Сплатума (совр. Сплит), заложенного в VII в. в его разрушенных стенах беженцами из Салоны.

¹⁷² Город на родине Диоклетиана при слиянии рек Зеты и Мораши, центр провинции Превалис. В начале VII в. разрушен аvaraми и славянами. Лат. название области Doclea, сербское – Дукля. Ее славянское (сербское) население – дуклян – автор именует *Диоклетианами*.

¹⁷³ *Авары* – союз центральноазиатских племен монгольского, тюркского и иранского происхождения. В середине VI в. вторглись в степи Западного Прикаспия и далее – в Северное Причерноморье. В 558 г. в Византию прибыло их первое посольство, возглавляемое Кандихом. Империя использовала аваров для борьбы с враждебными ей черноморскими племенами (савирами). После 565 г. авары предприняли ряд походов в Центральную Европу, а в 567 г. в союзе с лангобардами разгромили гепидов и заняли их земли в Паннонии. В конце 560-х годов после ухода лангобардов в Италию и покорения аvaraми новых племен (в том числе и некоторых славянских) возникла обширная полиэтническая держава – Аварский хаганат с центром в Нижней Паннонии, откуда авары совершали набеги на славян, франков, баваров, лангобардов, а также на Византию, систематически – с 570-х годов. В 626 г. авары понесли сокрушительный урон под Константинополем, в середине VII в. были вытеснены из Северного Причерноморья, а с созданием в 680 г. Болгарского царства существенно ограничилась их власть и в Подунавье. В конце VIII – начале IX в. авары были окончательно разгромлены Карлом Великим в союзе со славянами. В дальнейшем авары были полностью ассимилированы народами Западного Причерноморья и Подунавья (S. Siadeczký-Kardoss. Avarica. Über die Awarengeschichte und ihre Quellen. – Szeged, 1986).

¹⁷⁴ *Салона* основана сиракузскими греками в IV в. до н.э. Подчинена римлянами в 78–76 гг. до н.э. Столица римской и ранневизантийской провин-

ции Далмация. Размеры Салоны преувеличены: Константинополь в VI-VII вв. насчитывал несколько сот тысяч жителей, тогда как в Салоне с окрестностями проживало не более 60 тыс. человек.

¹⁷⁵ Термин *κλεισόβρα* ‘ущелье’ здесь означает “пограничное укрепление” и одновременно “административное подразделение провинции”.

¹⁷⁶ *Κλεισιάς* ‘створка (двери, окна); плотина’.

¹⁷⁷ Согласно археологическим данным, в начале VII в. город Салоны действительно подвергся разграблению. По данным Константина – до воцарения Ираклия в 610 г. Согласно датировке последнего христианского надгробия городского некрополя – в 612-615 гг. Река, упоминаемая в рассказе, скорее не Дунай (авары и славяне перешли Дунай в конце VI в.), а Цетина, протекающая в нескольких километрах к юго-востоку от Салоны.

¹⁷⁸ *Πιταвра*, или Эпидавр был разрушен аvarами и славянами около 614 г.

¹⁷⁹ Создание крепости (старого города) *Ραυσίη* – Рагузы действительно происходило в три этапа: укрепления на утесах западной оконечности острова, первый городской квартал (Каштель); второй квартал (св. Петр) VIII в. на прилегающей территории и третий VIII-IX вв. (Пустиерна).

¹⁸⁰ 6457 г. от сотворения мира = 1 сент. 948 – 31 авг. 949 г. Падение Салоны отнесено здесь к 449 г.

¹⁸¹ С *церковью св. Стефана* связывают развалины церкви VI-XI вв. во дворе дубровницкой епископальной семинарии.

¹⁸² Южный предел Далмации после реформы Диоклетиана. Диррахий (слав. Драч, алб. Дуррес) основан в VII в. до н.э., в правление Диоклетиана – центр провинции Эпир. В начале IX в. стал столицей образованной тогда же одноименной фемы.

¹⁸³ *Антибари* (совр. Бар) основан романскими беженцами из Диоклеи в начале VII в.; в IX-X вв. – оборонительный пункт Византии на Адриатике. Находился напротив итальянского города Бари.

¹⁸⁴ Влиятельные, могущественные люди.

¹⁸⁵ Воины из свободных крестьян, наделяемые в месте службы земельными участками.

¹⁸⁶ Венгры вторглись в Среднедунайскую низменность в конце IX в.

¹⁸⁷ Воины сменных гарнизонов.

¹⁸⁸ Имеются в виду города, упомянутые в гл. 2.

¹⁸⁹ Бавария.

¹⁹⁰ См. прим. 193.

¹⁹¹ Рассказ о приходе хорватов в Далмацию и победе над аvarами восходит к хорватской легенде, подчеркивавшей инициативу самих предков далматинских хорватов в расселении и завоевании прав на Далмацию в борьбе с аvarами.

¹⁹² О длительном обитании аvarов на территории Хорватии свидетельствуют распространенные здесь топонимы с корнем *obr* (слав. обры).

¹⁹³ Этноним “белые хорваты” встречается в описании славянских племен во вводной части Повести временных лет: *хрѡватѣ бѣли, и серебѣ, и хрѣтѣ* (ПВЛ. Ч. 1: 11). Название “хорваты” мы находим в разных частях славянского мира. Но данные обоих предполагаемых источников Константина указывают на один и тот же район поселения: “белые хорваты” помещены у Франгии, как хронист определяет владения Оттона I, а точнее – за Багварией, т.е. их земля граничит с Баварией. Другой страной, с северными пределами которой граничит земля “белых хорватов”, является “Туркия”, т.е. Венгрия (“белые хорваты” живут “по ту сторону Туркии”). Наконец, третий ориентир – соседство “белых хорватов” с “некрещеными сербами”, т.е. сербами. Эти ориентиры показывают, что об-

ласть расселения “белых хорватов” может быть локализована лишь на территории Чехии.

¹⁹⁴ Упоминание, что хорваты имеют собственного князя, приводит к выводу, что Константин говорит здесь не о племенном союзе, а о государстве. Его сообщение, что “Белая Хорватия” подвергается нападениям печенегов (гл. 31), указывает на то, что границы этого государства заходили далеко на восток, захватывая польские и древнерусские земли. Столь обширным политическим объединением в середине X в. могло быть лишь Древнечешское государство.

¹⁹⁵ *Оттон I* – германский король (936–973), император (962–973). *Саксия* – Саксония, здесь обозначение Германии в целом. *Франгия* тождественна Саксии, что связано, вероятно, с представлением о преемственности германским родом позволяет полагать, что христианином был, очевидно, и отец Славника – современник Константина.

¹⁹⁶ Князь чехов Борживой принял христианство из Великой Моравии еще в начале 880-х годов. Князь “хорватов” Славник в 961 г., когда его посетил по дороге на Русь архиепископ Адальберт, был, несомненно, христианином, но указание Бруно Кверфуртского на его родство (очевидно, по матери) с германским королевским родом позволяет полагать, что христианином был, очевидно, и отец Славника – современник Константина.

¹⁹⁷ О родственных связях и дружеских отношениях “хорватских”, или чешских князей с “турками” (венграми) конкретных свидетельств нет.

¹⁹⁸ *Иллирик и Паннония* – Славония, занятая посавскими славянами, образовавшими там собственное княжество, вошедшее в состав хорватского государства при князе Томиславе (ок. 910 – 928).

¹⁹⁹ По договору 812 г., Византия, которой формально принадлежала Далмация, признала права Каролингов на земли, заселенные хорватами. После раздела Франкской империи и до конца 70-х годов IX в. князь Далматинской Хорватии подчинялся королю Италии.

²⁰⁰ О восстании далматинских хорватов против франков другие источники не сообщают. В настоящее время принята выдвинутая Э. Дюммлером точка зрения, что описанные здесь события связаны с известным по франкским источникам выступлением посавских славян во главе с Людевитом Посавским (819-823).

²⁰¹ Крещение хорватов было осуществлено, очевидно, в начале IX в. миссионерами из Аквилейского патриархата, чем можно объяснить и почитание в Хорватии аквилейских святых, франкские имена священников в хорватских грамотах IX-X вв. и связь хорватской епископии в Нине (конец 820-х – начало 860-х гг.) с Аквилеей и Римом.

²⁰² *Белые сербы* в середине X в. находились, видимо, в районе Верхней Вислы, и поскольку соседями “белых хорватов” названы Германское королевство с запада и “Туркия” с юга, естественно предположить, что ареал расселения *некрещеных сербов* совпадал с территорией Древнечешского государства.

²⁰³ Приводимая здесь этимология этнонима *хорваты* подтверждения не находит.

²⁰⁴ Это наиболее раннее и относительно достоверное описание поселения хорватов на Балканах.

²⁰⁵ *Порг*, или Порин – князь Борн, основатель древнейшего хорватского правящего рода.

²⁰⁶ Основа предания о крещении из Рима при Порине / Порге сохранена, но добавлено указание на определяющую роль в этом событии Ираклия. По данным археологии (особенности погребально-го ритуала), славяне Далмации в VII – начале IX в.

оставались в основном язычниками. Далматинская традиция сохранила полулегендарные свидетельства о привлечении “грубых народов” Далмации и их вождей к христианству в VII в., а папа Агафон в 680 г. уведомлял Константина IV о деятельности римских миссионеров среди славян, которых обычно идентифицируют с хорватами.

²⁰⁷ Константин умалчивает, что в начале IX в. хорватский князь был вассалом франкского императора. С середины IX в. Хорватия проводила самостоятельную политику и в действительности не подчинялась правителю Болгарии.

²⁰⁸ Здесь – Балтийское море (DAI. II: 130).

²⁰⁹ Константин приводит этноним *сербы* со вставным *л*, в соответствии со старосербской формой *Срьбли*. В латинских памятниках, как и позже в Византии, обычно употреблялась форма *Серви*, *Серби*. Использование этнонима в старосербской форме (с *л*) отразилось и в истолковании терминов *сервилы* и *цервулианы*, хотя они иного корня и иного происхождения.

²¹⁰ Венгерское государство середины X в.

²¹¹ Одни ученые отождествляют этот топоним с латинским наименованием современной Константины Чехии (“искаженное Богемия, страна бойев”), другие идентифицируют с названием бойков – этнической группой украинцев в Карпатах.

²¹² См. прим. 193, 202.

²¹³ Константин применяет территориальные понятия своего времени к эпохе Ираклия (610–641).

²¹⁴ Автор подбором слов подчеркивает зависимость сербов от империи: сербы – лат. *servi* ‘рабы’, *servili* ‘обувь рабов’.

²¹⁵ *Белеград* – Белград (Сингидун).

²¹⁶ Об этих племенах см. гл. 33–34.

²¹⁷ Крещение сербов при Ираклии в 610–641 гг. или 642–731 гг. было неглубоким и недолговременным; общую христианизацию сербов относят к 830–870-м годам.

²¹⁸ Имя сербского князя-родоначальника в других источниках не названо.

²¹⁹ *Вышеслав*, *Радослав* и *Просигой*.

²²⁰ *Пресиан* – болгарский хан (836–852).

²²¹ Об этих князьях ничего не известно.

²²² *Владимир* – болгарский князь (889–893).

²²³ *Боляре* – высшая болгарская знать.

²²⁴ *Борен* ниже назван Браном.

²²⁵ *Мунтимир* правил с 860-х годов до 891–892 гг.; *Прибислав* – после него, до 893–894 гг.; затем *Петр* – до 917 или 918 г.

²²⁶ 897–898 гг.

²²⁷ *Лев VI* – император Византии (886–912).

²²⁸ Князь захлумов Михаил Вышевич.

²²⁹ 20 августа 917 г. при Ахелое (Анхиаде) на черноморском побережье Фракии византийская армия была разбита Симеоном Болгарским.

²³⁰ Букв. ‘сын архонта’.

²³¹ С конца 917 или начала 918 до 920 или 921 г.

²³² Около 926 г.

²³³ Столица I Болгарского царства с 893 г.

²³⁴ Захлумье, Хум, Хумска земля славянских памятников и Chulm, Chulmia, Chelmania, Terra de Chelmo латинских простиралась на побережье от Дубровника до р. Неретвы, что соответствует юго-восточной части Герцеговины. На северо-востоке цепь гор отделяла страну захлумов от Сербии – отсюда, возможно, они и получили от своих соседей имя “захлумы”, т.е. живущие за холмом). На юго-востоке Захлумья граничила с Травунией, со стороны побережья от г. Стон до Неретвы и по среднему течению реки – с Паганией, а на северо-западе – с Хорватией.

²³⁴ Крепость *Хлум* – возможно, совр. Благай, к юго-востоку от Мостара. Гора, на которой находится Благай, раньше называлась Хлумом, как и сам город. Крепость *Бона* располагалась несколько ниже – на р. Буна.

²³⁵ Совр. Буна, левый приток Неретвы, впадающий в нее у Мостара.

²³⁶ *Паганы*, или неретвяне (Narentani), во многом отличались от других сербских племен, в том числе и от занимавших далматинское побережье. Жителей морских жуп Паганий были известны как опасные пираты, нападавшие на итальянские суда и препятствовавшие связям итальянских городов с Константинополем. Обуздать их пиратство не удавалось до конца X в. Иоанн Диякон сообщает, что в 830 г. венецианцы заключили мир с наганами и пытались обратить их в христианство (F. Raski. Documenta: 334). Однако такие попытки были безуспешны: христианство паганы приняли позже других южных славян, причем не с Запада, а из Византии. Нападения неретвян на итальянские суд не прекращались до конца X в.

²³⁷ *Аренда* – река Неретва (слав.), Нарента (итал.), Нарон (гр.).

²³⁸ Междуречье *Атиля* (Волги) и *Геиха* (Урала) как место расселения печенегов идентифицируется с междуречьем Волги Урала и Эмбы (В. В. Бартольд. Соч. Т. 5: 91, 204; С. А. Плетнева. Печенеги: 163; J. Marquart. Streifzüge: 78–79; V. Minorsky. Hudud al-'Alam: 313, 443 и др.).

²³⁹ Сведения о расселении печенегов содержит также так называемая «Анонимная записка о народах Восточной Европы» (II пол. IX в. // ZA. Т. II. Сз. 2: 11–13). Ее фрагмент с интересующими нас данными сохранился в сильном сокращении у географа начала X в. Ибн Русте (BGA. Т. 7: 143; ZA. Т. II. Сз. 2: 34 – текст, 35 – перевод), а в расширенном (и более точном, хотя и более позднем, чем у Ибн Русте) виде – у персидского географа XI в. Гардизи (В. В. Бартольд. Соч. Т. 8: 35 – текст, 56 – перевод). Согласно этому отрывку, край печенегов лежал на расстоянии 17 дней пути к нему мимо Аральского моря от Гурганджа (Ургенч, столица Хорезма в X–XIV вв., руины близ пос. Куна-Ургенч в Туркменистане). Они имели соседями на востоке – кыпчаков, на юго-западе – хазар и на западе – славян. Сама область печенегов занимала пространство в 30 дней пути. В конце IX в. часть печенегов перешла Волгу, их кочевья продвинулись далеко на запад и оказались пограничными хазарам и роменской группировке славян. *Узы* Константина – это, видимо, огузское население узаканных среднеазиатских областей.

²⁴⁰ 50 лет назад, т.е. в 898–902 гг.

²⁴¹ Сообщение о владениях узов (гузов) в междуречье Волги и Урала подтверждают географы X в. Истахри и Ибн-Хаукаль (BGA. Т. I: 9, 222; Т. II: 14, 393). На западе их соседями определены хазары и булгары (в нижнем и среднем Поволжье), на востоке – карлуки (Прибалхашье), на севере – кимаки (Прииртышье). Границей между гузами и кимаками назван Итиль (С. Г. Агаджанов. Очерки: 78–80). Известия о гузах содержит также отчет арабского путешественника Ибн Фадлана, проследовавшего через их земли на пути к волжским булгарам (А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана: 125–128).

²⁴² Известие о переселении печенегов в результате войн с гузами и хазарами на территорию мадьяр (“турок”) сопоставимо с сообщениями арабо-персидских географов X в. Истахри и Ибн Хаукаля, согласно которым печенеги завоевали земли “между хазарами и Румом” (Византией), отрезав

эти земли от владений русов (BGA. Т. I: 10; BGA. Т. 11/2: 15). Указания восточных авторов подтверждаются и русской летописью, и археологическими – на обширном пространстве от Дона до Прута (С. А. Плетнева. Печенеги: 163).

²⁴³ Наименования фем (“провинций”) печенегов после их переселения в бассейн Днестра представляют собой их племенные названия.

²⁴⁴ Обзор печенежских этнонимов, личных имен, названий крепостей и их языковых особенностей: J. Nemeth. Die Sprache der Petschenegen und Komanen // BÖN, P. Budapest, 1932: 50-51; Idem. Zur Kenntnis der Petschenegen // KCsA, 1922, 1/3: 219-224; Н. А. Баскаков. Тюркские языки. – М.: ИВЛ, 1960: 129).

²⁴⁵ Древнерусское племя уличей, проживавшее между Южным Бугом и Днепром.

²⁴⁶ Древнерусское племя древлян, занимавшее междуречье между Днепром и Горынью.

²⁴⁷ Судя по данным гл. 9, на севере территория *лендзян* захватывала, по крайней мере, бассейн южных притоков Припяти, так как *лендзяне* сплавляли монохилы в Киев (DAI. II: 35). Очерчиваемый район совпадает с ареалом распространения особого вида курганных захоронений, ограниченных бассейном верхней Припяти на севере, верховьями Днестра на юге, рекой Горынью на востоке и бассейном Западного Буга на западе. Установливаемые соответствия между результатами анализа письменных источников и археологии (В. В. Седов. Восточные славяне: 94–102) позволяют локализовать *лендзян* Константина на Волыни и отождествить с волынянами.

²⁴⁸ Мордва.

²⁴⁹ Ибн Фадлан отметил бедность и неустроенность кочевий печенегов, живущих среди гузов (Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана: 130).

²⁵⁰ Поселение мадьяр в Леведии датируют условно 700-750 гг., а описываемые в главе события с участием Леведии, Алмуца (Алмоша) и Арпада – последней четвертью IX в.

²⁵¹ *Леведия* (венг. *Леведи*) родился ок. 800 г., а во главе союза племен стоял в 930-е гг.

²⁵² Этники *сабарты* иногда отождествляют с арабским “ас-савардийа” Баладзури, арабского историка второй половины IX в. (ум. около 892 г.), с этником армянских источников “севордик” (народ VIII в, на р. Кура) и др.

²⁵³ Ср. ниже Этель и Кузу.

²⁵⁴ *Варух* – Днепр, Кузу – Буг, *Трулл* – Днестр.

²⁵⁵ *Брут* – Прут, *Серет* – Сирет, *Серет*.

²⁵⁶ *Ньек* – венг. ‘препятствие, защищающее границу; ограда, плетень, живая изгородь’ или башк. *Нагман*; *Медьер* – венг. ‘мужчина, человек, говорящий человек’; *Кюрт* – тюрк. ‘вьюга, снежные заносы’ или венг. ‘духовой инструмент из рога крупного скота’; *Дьярмат* – тюрк. ‘неутомимый’ или название башкир ‘Юрматы’; *Тарьян* – тюрк. таркан, тархан (военный предводитель); *Енё* – тюрк. ‘министр’ или племя башкир ‘Еней’; *Кер* – тюрк. ‘гигантский, огромный’ или венг. кер ‘кора; *Кеси* – тюрк. ‘остаток, часть, кусок, ветвь’ или имя башкирского рода “Кесе-Табын”.

²⁵⁷ 894 г.

²⁵⁸ Столица Болгарии с 893 г.

²⁵⁹ Крепость и один из религиозных центров Первого Болгарского царства и в языческую, и в христианскую эпохи – Мадара, совр. город в сев.-вост. Болгарии.

²⁶⁰ Венг. Левейте.

²⁶⁰ Мир с Византией был заключен в 895 г., поход Симеона и печенегов против мадьяр датируют летом 895 г.

²⁶¹ Ср. выше Ателкузу.

²⁶² Совр. Турну Северина, несколько ниже Железных ворот (венг. Сёреньвар).

²⁶³ *Белеград* – Белград (Сингидун).

²⁶⁴ Согласно древней традиции, Дунай, поворачивая назад, “тек” по Саве и впадал в Адриатическое море.

²⁶⁵ Совр. Сремска Митровица.

²⁶⁶ Святополк; см. гл. 13.

²⁶⁷ Кроме реки Тутис, остальные четыре легко идентифицируются с Темешем, Марошем (рум. Муреш), Кёрешем (рум. Криш) и Тисой.

²⁶⁸ Поскольку племен названо восемь, ясно, что в их число включены безоговорочно и кабары.

²⁶⁹ Венг. Таркачу, Юллё, Юташ (Ютоша), Золтан (Зулта), Тевел, Эзелё, Фаличи (Файс), Такшонь, Таш, Термачу (Тормаш).

²⁷⁰ Предположительно 948 г.

²⁷¹ Венг. Булчу. У Скилицы – Булосудис (237) В славянском переводе XIV-XV вв., воспроизводящем это сообщение в изложении Иоанна Зонары, – Волисуд (Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. Bd. I: 346; Bd. II: 107).

²⁷² Венг. Кал(и) юльше нигде не упоминается.

²⁷³ Ср. гл. 13.

²⁷⁴ “Завете Святополка” имеет параллель к басне Эзопа о крестьянине и рассказе Плутарха о скифском царе Скилуре, у которого было 80 сыновей. Франкские анналы знают лишь двух сыновей Святополка – Моймира и Святополка.

²⁷⁵ Святополк умер в 894 г., очевидно, в его первой половине, а война между его сыновьями началась в 898 г.

²⁷⁶ Поселения венгров имелись лишь на южной окраине этой территории. Упомянутые здесь “хорваты” – это, вероятно, население Восточной Чехии.

²⁷⁷ Болгарский город Дристра – античный Доростол (совр. Силистра).

²⁷⁸ Феофил, император (829–842). В период его правления были созданы фемы Пафлагония и Халдия в Южном Причерноморье.

²⁷⁹ Один из титулов реального правителя Хазарии в X в., который прежде именовался шадом, а в IX-X вв. в арабских и еврейских источниках называется малик, мелех ‘царь’. У Ибн Хаукаля встречается и в форме бак (BGA. Т. II/2: 390). Ибн Фадлан (писал в 921-922 гг.) называет его хаганом беком (Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. – М.-Л., 1939: 84) и заместителем хагана (халифа). Истахри и следовавший за ним во многих деталях Ибн Хаукаль (X в.) называют главного правителя Хазарии хаган-хазаром а его заместителя – малик хазар, “царь хазар”. (BGA. Т. I: 223; BGA. Т. 11/2: 389-390, 395; В. В. Бартольд. Соч. Т. 8: 58).

²⁸⁰ *Протево*н – букв. “первенствующий”.

²⁸¹ *Сингул* – Ингул или Ингулец.

²⁸² Реки Ивил и Алматы не идентифицированы. *Куфис* – Кубань (античный Гипанис).

²⁸³ *Бог* – Южный Буг.

²⁸⁴ *Сарат* – Сирет (Серет), *Бурат* – Прут.

²⁸⁵ Другие случаи такого обозначения побережья между устьями Днестра и Днепра неизвестны.

²⁸⁶ Принимаем конъектуру Томашека: *Мордиан вместо *Суриан рукописи.

²⁸⁷ Еще Геродот (IV: 3) сообщал о рве, тянувшейся от Таврских гор до Меотидского озера, вырытом потомками ослепленных скифских рабов. По мнению одних, свидетельство достоверно; на взгляд других, под словом *ров*, *канал* скрывается название Перекопского перешейка.

²⁸⁸ *Тарон* – третий гавар области Турубера (или Таврубера) Великой Армении.

²⁸⁹ Крупное военное судно, имевшее более 100 гребцов, помимо воинов на палубе.

²⁹⁰ Корабельная должность типа штурмана.

²⁹¹ *Фиала* – бассейн близ дворца, давший название зданию суда. *Протоспафарий фиалы* – судья моряков.

²⁹² Императрица для своих поездок имела свой придворный флот.

²⁹³ Командующий подразделением царского военного флота.

²⁹⁴ Заместитель протэлата.

²⁹⁵ Речь идет о событиях 895 г.: во время византийско-болгарской войны посланный на Дунай византийский военный флот переправил через реку союзных империи венгров, когда войска Симеона воевали против Византии во Фракии.

²⁹⁶ *Диоклетиан*, римский император 284–305 гг.

²⁹⁷ *Савромат* – имя по крайней мере четырех царей Боспора на протяжении более полутора веков (93/94 – 123/124; 173/174 – 210/211; 229/230 – 231/232; 275–276 гг.).

²⁹⁸ *Лазов* античные авторы, начиная с Мемнона и Плиния, помещают в Колхиде.

²⁹⁹ Совр. р. Кызыл-Ирмак в Турции, впадающая в Черное море.

³⁰⁰ *Констант* – Константин Хлор (ок. 250 – 306), трибун, император (305–306), отец императора Константина Великого.

³⁰¹ Пантикапей стал официально называться Боспором, вероятно, в IV в.

³⁰² 304 г.

³⁰³ *Констанций Хлор* умер 25 июля 306 г. в Эбо-раке (Йорке) после победы над пиктами. Его сына Константин, будущего Константина Великого, войско в тот же день провозгласило августом.

³⁰⁴ Константин заложил новую столицу (Константинополь) на месте древнегреческого Византия в 324 г., а освятил ее 11 мая 330 г. Известны его поход на Византий в январе 317 г. и его осада в 324 г.

³⁰⁵ Официальный список римских провинций 297 г. (*Nomina provinciarum omnium*: 4 = SC. II: 447) фиксирует Скифию как одну из провинций диоцезы Фракии; созданное в середине IV в. анонимное «Описание всего мира и народов» (*Expositio totius mundi et gentium*: 57 = SC. II: 448) там же помещает «варварское племя сарматов». «Список имен всех провинций» Полемиа Сильвия (449 г.) в Иллирике под № 6 называет провинцию «Скифия», а во Фракии под № 4 – провинцию «Нижняя Скифия» (SC. II: 416). Данное положение может объясняться тем, что этнонимы сармат и скиф с конца I в. взаимозаменяются.

³⁰⁶ Упадок Боспорского государства связывают с гуннским нашествием и датируют 370 годами.

³⁰⁷ Балаклавская, Карантинная или, что вероятнее, Песочная бухта.

³⁰⁸ С. Ю. Сапрыкин находит подтверждение просьбы Гикии захоронить ее в пределах города в

археологических источниках: на территории юго-восточной части Херсонеса имелся ряд богатых захоронений IV в. до н.э., перекрытых оборонительной стеной III в. до н.э. и попавших таким образом в черту более позднего города (С. Ю. Сапрыкин. Асандр и Херсонес: 50).

³⁰⁹ В гл. 53 упомянуты три статуи Гикии, описание, описание второй из которых, по В. А. Анохину, «полностью соответствует раннему монетному типу Девы защищающейся»; «версия, именующая статую божества Гикией, – добавляет он, – появилась, вне всяких сомнений, в позднее время как результат приспособления остатков языческих верований и «идолов» к новой христианской религии» (В. А. Анохин. Монетное дело Херсонеса: 76). На реверсе ряда херсонесских монет, начиная с выпуска, датируемого Анохиным 63–47 гг. до н.э. (Там же. Каталог. № 199), появляется тип «дева в рост с луком и копьем», варианты которого существуют непрерывно почти до конца античного чекана, т.е. до второй половины III в. н.э. (Там же. Каталог. №№ 204–212, 215–216, 228–229, 233–257, 261–265, 267–269, 273–276, 286–290, 296–308). Но поскольку реверс этого типа появляется, как отмечает и Анохин (Там же: 76), еще «при Фарнаке», сыне Митридата Евпатора, сближение монетного изображения божества (Девы) с почетным скульптурным изображением конкретного исторического лица представляется не совсем корректным.

³¹⁰ *Таматарха* – наследник античной Гермонассы на мысу Таманского п-ва (совр. станица Таманская). Городище с толщиной культурного слоя более 10 м, трапециевидной формы площадью 300 x 200 м, частично смытое водой, ограничено глубокими оврагами и высохшим соленым озером или бывшим заливом. К X в. город был густо заселен: кварталы застраивались примерно каждые 20 лет с заменой уличного мощения. В слоях хазарского периода есть находки и византийских монет, и импортной керамики (Плетнева. Хазары: 52–53).

³¹¹ Местность, известная также как Терцан, Дерган. Локализуется в Армении, между Келцином и Феодосиуполем (Эрзерумом).

³¹² Паиперт, известный из хроники Продолжателя Феофана (Theoph. Cont.: 404. 7).

³¹³ Юстиниан II Ринотмет (Безносый) (669–711, имп. в 685–695 и 705–711).

³¹⁴ *Вопросы*, предлагаемые логофетом, сводились к взаимным приветствиям.

³¹⁵ *Балдахин* или киворий над царским местом.

³¹⁶ Т. е. из Магнавы, где он принимал Ольгу, во внутренние покои.

³¹⁷ *Зоста* – дама при царице; на приеме Ольги их было две: зоста императрицы и зоста ее невестки.

Источники: Constantini Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gyorgy Moravcsik. Trans. R. J. H. Jenkins. Vol. I-II. Budapest, 1949; Washington, 1967. Baltimore, 1985, 1993; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М.: Наука, 1991; Constantino Porphyrogenito. De thematibus / Ed. A. Pertusi. – Citta del Vaticano, 1952; Об областях Римской империи: Сочинение Константина Багрянородного // ЧОИДР, 1858, июль-сентябрь, кн. 3; Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae Byzantinae / Rec. I. Reiske, Vol. I-II. – Bonnae, 1829–1830; Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора // Известия государственной академии материальной культуры. № 91. – М.: ОГИЗ, 1934; ср.: Е. Е. Голубинский. История Русской церкви. Т. I. 2-е изд. – М., 1901; Д. В. Айналов. Княгиня Ольга в Царьграде // Труды XII Археолог. съезда в Харькове. Т. III. – М., 1905.

Михаил Константин Пселл

Μιχαήλ Κωνσταντίνος Ψελλός – Michael Constantinus Psellus

Михаил Константин Пселл (1018 – после 1081/1096), византийский ученый и писатель. Родился в Никомедии либо в Константинополе в небогатой семье аристократического происхождения и при рождении был назван Константином. Воспитывался на греческой классике (риторика, философия и юриспруденция), и что касается обучения, то в этом особую признательность испытывал к матери, хотя та и не сумела продлить его образование из-за необходимости обеспечить приданое для его сестры. Едва успев освоить основной курс наук, нанялся на службу клерком к провинциальному судье, но после неожиданной смерти сестры возвратился домой в Константинополь, где смог продолжить занятия у Иоанна Мавропода, целеустремленного ученого и человека целостной натуры, под началом которого в юности обучались Иоанн Ксифилин (1010/1012–1075), будущий декан государственной высшей юридической школы, а затем константинопольский патриарх (1064–1075), и император Константин X Дука (ок. 1006–1067, имп. с 1059).

Преуспевающий в юриспруденции и политологии и обладающий редким даром адаптации, Пселл, работая некоторое время адвокатом и судьей, а затем императорским секретарем и одновременно профессором философии в Константинопольской академии, выступал в качестве надежного советника по вопросам государства и обслуживал длинный ряд правителей одиннадцатого века. При Константине IX Мономахе Пселл удостоился звания ипата философов и получил титул импертима и вестарха.

Случился, правда, и некоторый перерыв в его политической карьере, когда в конце правления Константина IX (1042–1055) вследствие угрожающего политического процесса, завершившегося судебной расправой, Пселл был вынужден уйти в Олимпийский монастырь поблизости Прусы в Вифинии. Постригаясь в монахи, Константин Пселл принял имя Михаил. Здесь он, – по настоянию товарища студенческих лет патриарха Константина Лихуда, который удерживал не очень усердного в соблюдении монашества Пселла в монастыре, – в значительной мере реализовал юношеский замысел написать историю своего времени. Пселл сознавал, что монашество не его призвание, и, когда опасность миновала,

вновь возвратился к мирской жизни, был приближен ко двору, при Константине X Дуке стал воспитателем будущего монарха Михаила VII Дуки Парасинака и даже занимал должность первого министра при Евдокии. Но, как оказалось, юношеская мечта о философе на троне впоследствии потерпела крах при защите границ империи против вторжения турков-сельджуков.

Основным занятием Пселла было исполнение должности профессора философии. Как ученый-теоретик Пселл пытался соединить философское учение Платона и христианское богословие в христианской интерпретации Вселенной.

Письменное наследие Пселла чрезвычайно объемно и многогранно. Это философские комментарии к теологическим, догматическим, полемическим, экзегетическим, гомилетическим и агиографическим произведениям, к Платону и Аристотелю, аллегории к Гомеру, парафраз «Илиады», собственные сочинения по философии, грамматике, риторике, лексикографии, музыке, медицине, естествознанию и праву, надгробные, защитительные, поздравительные речи, стихотворения, в том числе оды, сатиры и эпиграммы, около 500 писем и т. д.

Главное историческое сочинение Пселла «Хронография» состоит из 7 книг:

- I. Василий II (976–1025)
- II. Константин VIII (1025–1028)
- III. Роман III Аргиропул (1028–1034)
- IV. Михаил IV Пафлагонец (1034–1041)
- V. Михаил V Калафат (1041–1042)
- VI. Зоя и Феодора (1042), Константин IX Мономах (1042–1055), Феодора (1055–1056)
- VII. Михаил VI Стратиотик (1056–1057), Исаак I Комнин (1057–1059), Константин X Дука (1059–1067), Евдокия Макремволитиса (1067), Роман IV Диоген (1068–1071), Михаил VII Дука Парасинак (1071–1078).

Свой исторический труд Пселл писал в два приема. Первая и основная часть произведения представляет собой продолжение «Истории» Льва Диякона и охватывает период от вступления на престол Василия II до низложения Исаака I Комнина. Эта часть «Хронографии» написана довольно беспристрастно. Вторая, синоптическая часть сочинения составлена в период правления Михаила VII, и в ней автор, пишущий о современной ему поли-

тике, в которой сам активно участвовал, проявляет заметную заинтересованность и субъективность, что компенсируется обилием и точностью деталей византийской жизни.

Подробнее см.: J. M. Hussey. Introduction // Michael Psellus. Chronographia / Trans. E. R. A. Sewter. – New Haven: Yale University Press, 1953; Я. Н. Любарский. Историограф Михаил Пселл // Михаил Пселл. Хронография / Перевод и прим. Я. Н. Любарского. – М.: Наука, 1978; П. В. Белобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл; Я. Н. Любарский. Михайл Пселл: Личность и творчество. – Алетейя, 2001.

Михаил Константин Пселл

Хронография (976–1077)

Перевод и примечания Я. Н. Любарского

Книга I. Василий II

ХIII. Царь Василий порицал неблагоприятных ромеев и, поскольку незадолго перед тем явился к нему отряд отборных тавроскифских воинов¹, задержал их у себя, добавил к ним других чужеземцев и послал против вражеского войска. Те застали неприятелей врасплох, готовившихся не противника побить, а вина попить, многих убили, а остальных рассеяли, и поднялся среди мятежников бунт против самого Фоки.

ХХХI. Оградив царство от надменной и завистливой судьбы, он не только гладко вымостил дорогу власти, но перекрыл каналы, через которые утекали поступавшие деньги, никому ничего не давал, к старым сокровищам прибавляя новые, и потому приумножил богатства государства. Дворцовую казну он увеличил до двухсот тысяч талантов, а кто сможет достойно описать другие его приобретения! Все, чем владели ивиры и арабы, все сокровища кельтов, богатства скифской² земли, а вернее – всех соседних стран – все это он

собрал воедино и вложил в царскую казну³. Туда же он отправил и там хранил деньги, взятые у тех, кто против него восставал и был разгромлен. Когда же в специально построенных хранилищах не хватило места, он велел вырыть подземные лабиринты, наподобие египетских склепов, и в них спрятал немалую долю собранного. Сам, однако, он своими сокровищами не пользовался, и большая часть драгоценных камней, белоснежных, называемых жемчугами, и многоцветных, не вставлялись в короны и ожерелья, а лежали сваленные на полу. Совершая выходы и принимая должностных лиц, Василий облачался в пурпурное платье не ярких оттенков, а темное, и только несколько жемчугов свидетельствовали о его царском достоинстве. Проводя большую часть времени на войне, отражая варварские набеги и обороняя наши границы, он не только ничего не потратил из накопленного, но, напротив, приумножил свои богатства.

Книга II. Константин VIII

II. Сочинение, ему посвященное, так рисует этого мужа. Он был беспечного нрава и не слишком властолюбив, при сильном теле был труслив душой. Уже старик, не способный вести войну, он раздражался от любого дурного известия, и когда наши соседи-варвары поднялись против нас⁴, успокаивал их титулами и дарами, с восставшими же подданными расправлялся беспощадно и, если видел в ком бунтовщика и мятежника, наказывал без следствия и принуждал к повиновению не милостью, а жестокими и разнообразными пытками. Человек вспыльчивый, он легко поддавался гневу, верил любым наговорам, особенно если подозревал, что кто-то покушается на царскую власть, и карал за это сурово: злоумышленни-

ков он не подвергал опале, не изгонял и не заключал под стражу, а немедленно выжигал им глаза железом. Такое наказание он определял всем за проступки тяжелые и легкие, независимо от того, действительно человек виновен или только дал пищу для слухов, – ведь царь не заботился, чтобы наказание соответствовало преступлению, а хотел лишь избавить себя от беспокойства. Кара эта казалась ему самой легкой, и он предпочитал ее другим, так как она делала подвергшихся наказанию беспомощными существами. Он применял ее без разбору к людям большим и малым, а порой расправлялся и с церковнослужителями, не жалея даже епископов, ибо, поддавшись внезапной ярости, становился неумолим и глух к

любимым увещаниям. При такой вспыльчивости Константин, однако, не был лишен и сострадательности, не любил зрелища чужих несчастий и был добр к искавшим его сочувствия. Да и гнев его длился не долго, как у его брата Василия, а быстро проходил, и он горестно раскаивался в содеянном. При этом, если

кто-нибудь вовремя гасил его ярость, он воздерживался от наказаний и благодарил оставивших его. Когда же препятствий не оказывалось, гнев увлекал его ко злу, но при первых же извинениях Константин начинал терзаться, горячо обнимал пострадавшего, проливал слезы и оправдывался в жалостных речах.

Книга IV. Михаил IV

Поход царя на болгар

XLIII. Такие мысли мучили царя больше, чем телесные недуги, но эта беда была совсем иного рода: болезнь раздувала тело, а скорбь о случившемся, оказывая обратное действие, его истощала, и этими двумя несовместными напастьми он разрывался на части. Но еще прежде чем над варварами, одержал царь победу над своими близкими и соорудил трофей над родственниками, друзьями и самим собой, ибо немощь тела он одолел рвением души и, вручив себя Богу, снарядился к войне. Он определил цель и все сделал для ее осуществления: не двинулся в поход сразу и беспорядочно, но – я не стану перечислять все подряд – прежде подготовил войско и не повел на врага все свое воинство, не понадеялся на его величину, а выбрал лучших воинов и самых искусных военачальников и с ними выступил против скифов, при этом продвигался, соблюдая порядок, выстроив войско согласно правилам боевого искусства.

XLIV. Приблизившись к болгарским пределам, он расположился лагерем в удобном месте⁵ и сначала углубился в размышления, а потом принял решение вступить в сражение – дело почти невероятное, вызвавшее сомнения даже у тех, кто тогда был с ним. Ночью он страдал от болезни и едва мог дышать, а с наступлением утра сразу встал, как будто что-то придало ему новые силы, вскочил на коня, крепко уселся в седле и, уверенно управляя лошадью, поскакал, соединяя вместе отряды. Всем окружающим это показалось истинным чудом!

Бегство Алусиана к болгарам

XLV. Еще до начала войны произошло удивительное событие, которое можно сравнить разве что с подвигом императора. Дело в том, что самый приятный из сыновей Аарона, прежнего царя их племени, по имени Алусиан⁶, человек доброго нрава, светлого ума и приметного состояния, стал главной причиной победы императора, при этом сам он того не желал и цель имел противоположную. Однако Бог, направлявший его, повернул все иначе и обеспечил царю победу.

XLVI. Этот Алусиан не очень-то пришелся по душе императору, в совет доступа не имел и почестями был не избалован; ему было предписано оставаться в своем доме и являться в Византий не иначе, как по царскому повелению⁷. Алусиан был очень раздосадован и недоволен своим положением, но до поры до времени ничего изменить не мог. Когда же он узнал, что его народ из-за отсутствия истинного отпрыска царского рода поставил на царство мнимого и вымышленного наследника, то решился на весьма дерзкое предприятие: позабыв о детях, пренебрегая любовью жены и никого из них не посвятив в свои планы, вместе с несколькими слугами, которых он знал как отчаянных смельчаков, храбро двинулся из дальних восточных краев на запад, а чтобы не быть узанным и обнаруженным городскими жителями, переоделся с ног до головы, при этом сменил платье и никакой старой одежды на теле не оставил. Таким образом он приобрел вид наемного воина и ушел незамеченным.

XLVII. Мне рассказывал позже отец моего рассказа⁸ (этот человек хорошо знал и очень любил меня): “Он два или три раза подходил ко мне в столице, но ни я и никто другой, к кому он приближался, его не узнали”. Избегнул он и недремлющего ока Орфанотрофа и не попался даже ему, хотя его неожиданное исчезновение обеспокоило власти, которые его искали и старались задержать. Затем, если можно так сказать, незаметно для людских глаз он прибыл в болгарскую землю, но не сразу объявился перед всеми, а по очереди приходил то к одному, то к другому, заводил речь об отце, будто о постороннем ему человеке, перевозносил его род и мимоходом выяснял, предпочли бы мятежники истинного отпрыска мнимому, если бы вдруг обнаружился какой-нибудь из сыновей Аарона, или же не обратили на него внимания, поскольку всю власть получил уже самозванец.

XLVIII. Поняв же, что все отдают предпочтение бесспорному потомку перед сомнительным, он решился втайне назвать себя одному человеку, которого знал как горячего привер-

женца его рода, а тот припал к его коленям, поцеловал ноги, но затем, дабы не иметь уже никаких сомнений, попросил показать тайный знак – было это темное пятно на правом локте, покрытое густыми волосами. Увидев и его, он с еще большим пылом стал целовать его в шею и грудь, и они уже вдвоем принялись за дело: поочередно являлись то к одному, то к другому и еще шире распространили известие. В конце концов большинство склонилось в пользу родного семени, но единовластие как бы превратилось в многовластие, так как одни предпочитали этого, другие – того, но затем обе стороны заключили между собой союз, примирили предводителей, и те стали жить вместе и советовать друг с другом, хотя каждый из них и держал соперника на подозрении⁹.

XLIX. Но Алусиан предупредил злой замысел Долиана, неожиданно схватил его и отрубил ему нос и выколол глаза¹⁰ (то и другое кухонным ножом), и все скифское племя вновь подпало под единую власть. После этого Алусиан не сразу подался к императору, но собрал

войско, двинулся в поход, напал, потерпел поражение, спасся бегством и только тогда, поняв, что не так-то легко бороться с ромейским царем, и вспомнив о дорогих ему людях, тайно дал знать императору, что если сподобится царского благоволения и прочих милостей, то отдаст в его руки себя и все свое достояние. Император принял это предложение и вновь, согласно его желанию, вступил в тайные переговоры с болгаринном. В конце концов Алусиан приблизился к нашему войску вторично, якобы для сражения, но неожиданно оставил свой строй и перешел к императору¹¹. Самодержец удостоил его высшей чести¹² и отправил в Византий, а уже раздираемый враждой и еще не нашедший себе нового вождя народ обратил в бегство, победил и вновь надел на него ярмо, от которого тот только что избавился¹³; после этого Михаил в блеске и величии вернулся во дворец, ведя с собой многих пленных, в том числе людей весьма у них знатных и самого их мнимого князя с отрезанным носом и без глаз.

Книга V. Михаил V

XV. Взвалив на себя бремя единодержавной власти, этот странный муж никаких разумных мер для государства не придумал, но сразу стал своевольно все переставлять и перетасовывать; никого из людей вельможных не одаривал лаской взора или души, а только устрашал всех грозными речами. Подданных он хотел сделать беспрекословно послушными, большинство вельмож лишить принадлежащей им власти, а народу дать свободу, чтобы стражу его составило не малое число избранных, а многочисленная толпа. Охрану своей персоны он передал купленным им раньше скифским юношам – все это были евнухи, знавшие, чего ему от них надо, и пригодные к службе, которую он от них требовал; он смело мог положиться на их преданность, особенно после того, как удостоил их высоких титулов. Одни из них его охраняли, другие исполняли иные приказы.

XXV. Император предавался удовольствиям и был полон высокомерия, а весь город, – я имею в виду людей всякого рода, состояния и

возраста, – будто распалась гармония его тела, уже приходил по частям в брожение, волновался, и не осталось в нем никого, кто бы не выражал недовольства сначала сквозь зубы, но, тая в душе замыслы куда более опасные, не дал бы в конце концов волю языку. Когда повсюду распространился слух о новых бедах императрицы, город явил собой зрелище всеобщей скорби; как в дни великих и всеобщих потрясений все пребывают в печали и, не в силах прийти в себя, вспоминают о пережитых бедах и ожидают новых, так и тогда страшное отчаяние и неутешное горе вселились во все души, и уже на другой день никто не сдерживал язык – ни люди вельможные, ни служители алтаря, ни даже родственники и домочадцы императора. Проникся великой отвагой мастеровой люд¹⁴, и даже союзники и иностранцы – я имею в виду тавроскифов и некоторых других, которых цари обычно держат при себе, – не могли тогда обуздать своего гнева; все готовы были пожертвовать жизнью за царицу¹⁵.

Книга VI. Зоя и Феодора. Константин IX

Восстание росов (и мятеж Торника)

III. Царские церемонии они обставляли для сестер так, как это было в обычае и при прежних самодержцах. Обе царицы восседали на царском троне как бы в одну линию,

слегка отклонявшуюся в сторону Феодоры, рядом стояли равдухи, воины с мечами и племя тех, кто потрясает секирой на правом плече¹⁶, подальше – самые преданные царю люди

и распорядители; их окружала другая стража, рангом пониже первой, самой верной, все с почтительным видом и потупленными взорами; за ними располагался совет и избранное сословие, затем чины второй и третьей степени, выстроенные по рядам и на определенном расстоянии друг от друга. Тут все и происходило: разрешение тяжб, споры по казенным делам, назначение податей, прием послов, прения, соглашения и все прочее, что было предметом царских забот. Речи держали большей частью должностные лица, но при необходимости и сами царицы спокойным голосом отдавали приказания или отвечали на вопросы, иногда следуя наставлениям сведущих людей, иногда по собственному разумению.

Восстание Маниака

LXXVI. Этот Георгий Маниак не вышел сразу из носильщиков в полководцы и не так, чтобы вчера еще трубить в трубу и служить глашатаем, а сегодня уже командовать целым войском, но, как по сигналу, начал он медленно продвигаться вперед и постепенно, поднимаясь со ступени на ступень, достиг высших воинских должностей¹⁷. Однако стоило ему добиться успеха, как он тут же, украшенный победным венком, попадал в оковы; он возвращался к царям победителем и угождал в тюрьму, его отправляли в поход и отдавали под начало ему все войско, но по обе стороны его уже становились молокососы-военачальники, толкавшие его на путь, идти которым было нельзя, где все должно было обернуться и против нас, и против него самого. Он взял Эдессу, но попал под следствие¹⁸, его послали завоевывать Сицилию, но, чтобы не дать овладеть островом, с позором отозвали назад¹⁹.

LXXVII. Я видел этого человека и восхищался им. Природа собрала в нем все, что требовалось для полководца: рост его достигал чуть ли не десяти стоп²⁰, и окружающие смотрели на него снизу вверх, как на холм или горную вершину, видом он не был изнежен и красив, но как бы смерчу подобен, голосом обладал громовым, руками мог сотрясти стены и разнести медные ворота, в стремительности не уступал льву и брови имел грозные. Да и в остальном он был такой же, а молва еще и преувеличивала то, что было в действительности. И варвары опасались Маниака, одни – потому что своими глазами видели его и удивлялись этому мужу, другие – потому что слышались о нем страшных рассказов.

LXXVIII. Когда у нас отторгли Италию и мы лишились лучшей части империи, второй Михаил отправил его воевать с захватчиками и вернуть государству эту область (под Италией я сейчас имею в виду не весь полуостров, а лишь часть его, обращенную к нам и принявшую это общее наименование)²¹. Явившись туда с войском, Маниак пустил в ход все свое военное искусство и, казалось, что скоро он уже прогонит завоевателей и меч его послужит лучшей защитой от их набегов.

LXXIX. Когда же Михаила свергли и власть перешла к самодержцу Константину, которого я ныне описываю, новый царь должен был бы оказать Маниаку честь всякого рода посланиями, увенчать тысячами венков, уважить его иными способами, но он ничего такого не сделал, дал ему повод для подозрений и, таким образом, с самого начала потряс основы царства. Когда же Маниак сам о себе напомнил, подпал под подозрение и был уличен в мятежных замыслах, то и тогда Константин не обошелся с ним, как следовало бы, не притворился, будто ничего о его планах не знает, а ополчился на Маниака, как на открытого мятежника²².

LXXX. Царь послал людей к Маниаку с приказом не угодить полководцу, не смягчить и не наставить его на путь истинный, но, можно сказать, погубить его или же, говоря мягче, избранить его за враждебность и разве только что не высечь, не заключить в оковы и не изгнать из города. Возглавлял же посольство не человек, опытный в таких поручениях и состоявший долгое время на военной или гражданской службе, но один из тех, что с уличных перекрестков сразу попадают во дворец²³.

LXXXI. Когда этот человек высадился в Италии, Маниак уже начал мятеж и стоял во главе войска, и потому он с тревогой ожидал царского посланника. Тот же никак не предупредил его о мирных своих намерениях, да и вообще не известил о своем приходе, а незаметно для людских глаз явился к Маниаку и неожиданно предстал перед ним верхом на коне; при этом он не произнес и слова умиротворяющего, не сделал никакого предисловия, чтобы облегчить беседу, а сразу осыпал полководца бранью и пригрозил страшными карами. Воочию видя, как сбываются его подозрения, и опасаясь еще и тайных козней, Маниак вспылал гневом и замахнулся на посла, но не для того, чтобы ударить, а только испугать. Тот же, как бы на месте преступле-

ния уличив Маниака в мятеже, призвал всех в свидетели такой дерзости и прибавил, что виновному уже не уйти от наказания. Маниак и его воины решили, что дела плохи, поэтому они набросились на посла, убили его и, не ожидая уже ничего хорошего от императора, подняли мятеж.

LXXXII. К этому отважному и непревзойденному в воинской науке мужу стекались толпы народа, причем не только те, что по возрасту годились для военной службы, но стар и млад – все шли к Маниаку! Он, однако, понимал, что трофеи воздвигаются не числом, а искусством и опытом, и отобрал только самых испытанных в бою воинов, с которыми разорил многие города и захватил немало добычи и пленных; вместе с ними он незаметно для сторожевых постов переправился на противоположный берег, и никто не решился выйти ему навстречу. Все боялись Маниака и старались держаться от него подальше.

LXXXIII. Так обстояли дела с Маниаком. Самодержец же, узнав о смерти посла и безрассудстве мятежника, сколотил против него многотысячное войско, но позднее стал опасаться, как бы будущий военачальник после победы не возгордился своим успехом, не обратил против государя оружия и не учинил мятежа еще более грозного (ведь армия под его началом соберется огромная и к тому же только что разгромившая противника), и поэтому поставил во главе воинов не какого-нибудь доблестного мужа, а одного верного себе евнуха, человека, который никакими особыми достоинствами похвастаться не мог²⁴. С многочисленным войском тот выступил против узурпатора. Когда Маниак узнал, что на него движется вся ромейская армия, он не испугался ее численности, не утратился натиска, но, ни о чем уже, кроме мятежа, не помышляя, попытался застигнуть врага врасплох и неожиданно напал на него во главе легко вооруженных отрядов²⁵.

LXXXIV. В конце концов нашим воинам все-таки удалось построиться в боевые порядки, но и тогда они оказались скорее в роли зрителей, нежели соперников Маниака, а многим он даже и взглянуть на себя не позволил: слепил их, как молния, оглушал громом боевых команд, врвался в наши ряды и сеял ужас везде, где только появлялся. Благодаря своей доблести он сразу одержал верх над нашим воинством, но сам отступил перед высшим решением, смысл которого нам неведом. Когда Маниак приводил одни за другим в за-

мешательство наши отряды (стоило ему появиться, как сомкнутые ряды разрывались и строй воинов подавался назад) и весь строй уже распадался на части и приходил в смятение, в правый бок полководца вдруг вонзилось копьё, которое не только задело кожу, но проникло в глубь тела, и из раны тут же хлынул поток крови. Сначала Маниак вроде бы и не ощутил удара, но, увидев текущую кровь, приложил руку к месту, откуда она струилась, понял, что рана смертельна, и распрощался со всеми надеждами; сначала он сделал попытку вернуться в свой лагерь и даже отъехал на некоторое расстояние от войска, но, почувствовав слабость во всем теле, не смог управлять конем. Перед его глазами поплыл туман, он тихо, сколько позволяли силы, застонал, сразу выпустил из рук поводья, вывалился из седла и – о, скорбное зрелище! – рухнул на землю.

LXXXV. Но, и лежа на земле, внушал он страх нашим воинам, и они попридержали коней, опасаясь, как бы все это не оказалось уловкой. Но когда и почувствовавший свободу конь стал беспорядочно носиться по полю (коновода вблизи не оказалось), они все толпой кинулись к мертвому и, рассмотрев его, были поражены тем, сколько места занимало распростершееся на земле тело; отрубив Маниаку голову, они доставили ее начальнику войска. Многие потом приписывали себе убийство этого мужа и сочиняли по этому поводу разные истории, а поскольку доказать ничего нельзя было, утверждали даже, что на Маниака набросились какие-то неведомые всадники и обезглавили его. Немало сочинялось подобных историй, но доказательств ни для одной из них не было; так как у Маниака оказался рассечен бок, считают, что его поразило копьё, но кто нанес удар, остается неизвестным и ныне, когда я пишу это сочинение.

LXXXVI. Много зла претерпел этот муж, немало его и сам сотворил и такой смертью умер. Что же касается его армии, то отдельные отряды скрытно вернулись на родину, но большая часть перешла к нам. Еще до возвращения воинов самодержцу была послана голова мятежника, и он, будто схлынул окативший его морской вал, немного перевел дух, вознес благодарение Богу, а голову Маниака велел укрепить высоко над Великим театром, чтобы всем можно было издали видеть ее как бы парящей в воздухе.

LXXXVII. Когда войско вернулось (большинство воинов шли, украшенные победны-

ми венками) и раскинуло лагерь у стен города, самодержец решил устроить триумф в честь победы. Зная толк в зрелищах, умея торжественно обставить любое дело, он устроил эту процессию следующим образом: впереди, по его приказу, с оружием в руках, неся щиты, луки и копья, но без порядка и строя шли легковооруженные воины. За ними следовали отборные всадники – катафракты, наводящие ужас своим облачением и боевыми рядами, а затем уже мятежное войско – не в строю и не в пристойном виде, но все на ослах, задом наперед, с обритыми головами, с кучей срамной дряни вокруг шеи; дальше уже справлялся триумф над головой узурпатора, а за ней несли его облачение, потом шли воины с мечами, равдухи и потрясающие в своих десницах секирами²⁶ – вся эта огромная толпа двигалась перед полководцем, вслед ей ехал и он сам, приметный благодаря коню и платью, а за ним и вся свита.

LXXXVIII. В таком порядке совершалось шествие, а в это время самодержец, высокий и ослепительный, восседал перед так называемой Медной стражей у того самого божьего храма, который соорудил великий царь Иоанн, правивший после Никифора Фоки²⁷; сидя по обе стороны от него, наблюдали за триумфом и царицы. После окончания столь величественного шествия царь, сопровождаемый торжественными славословиями, с венком на голове отправился во дворец и, в соответствии с собственным нравом, больше уже не купался в лучах славной победы, а вновь стал скромн, как и прежде.

LXXXIX. Прекрасной и достойной всяческих похвал была эта черта у царя: он никогда не чванился успехами, хвастливо не разглагольствовал и, порадовавшись, сколько положено, снова становился прежним. Таким уж обладал он характером. В то же время не проявлял он и достаточной осторожности; напротив, как человек, после многих испытаний нуждающийся в отдыхе, он вел себя легкомысленно, поэтому и беды накатывались на него, как волны, одна за другой.

Восстание росов

XC. Не успели подавить мятеж, как началась война с варварами. Неисчислимо, если можно так выразиться, количество русских кораблей прорвалось силой или ускользнуло от отражавших их на дальних подступах к столице судов и вошло в Пропонтиду. Туча, неожиданно поднимавшаяся с моря, затянула

мглою царственный город. Дойдя до этого места, хочу рассказать, почему они без всякого повода со стороны самодержца пустились в плавание и двинулись на нас походом.

XCI. Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами²⁸. Когда умер вселявший в них ужас самодержец Василий, а затем окончил отмеренный ему век и его брат Константин и завершилось благородное правление, они снова вспомнили о своей старой вражде к нам и стали мало-помалу готовиться к будущим войнам. Но и царствование Романа сочли они весьма блестящим и славным, да к тому же и не успели совершить приготовлений; когда же после недолгого правления он умер и власть перешла к безвестному Михаилу, варвары снарядили против него войско; избрав морской путь, они нарубили где-то в глубине своей страны лес, вытесали челны, маленькие и покрупнее, и постепенно, проделав все в тайне, собрали большой флот и готовы были двинуться на Михаила. Пока все это происходило и война только грозила нам, не дождавшись появления росов, распрощался с жизнью и этот царь, за ним умер, не успев как следует утвердиться во дворце, следующий, власть же досталась Константину, и варвары, хотя и не могли ни в чем упрекнуть нового царя, пошли на него войной без всякого повода, чтобы только приготовления их не оказались напрасными. Такова была беспричинная причина их похода на самодержца²⁹.

XCII. Скрытно проникнув в Пропонтиду, они прежде всего предложили нам мир, если мы согласимся заплатить за него большой выкуп, назвали при этом и цену: по тысяче статиров³⁰ на судно с условием, чтобы отсчитывались эти деньги не иначе, как на одном из их кораблей³¹. Они придумали такое, то ли полагая, что у нас текут какие-то золотоносные источники, то ли потому, что в любом случае намеревались сражаться и специально выставляли неосуществимые условия, ища благоприятный предлог для войны. Поэтому, когда послов не удостоили никакого ответа, варвары сплотились и снарядились к битве; они настолько уповали на свои силы, что рассчитывали захватить город со всеми его жителями.

XCIII. Морские силы ромеев в то время были невелики, а огненосные суда³², разбросанные по прибрежным водам, в разных местах стерегли наши пределы. Самодержец стянул

в одно место остатки прежнего флота, соединил их вместе, собрал грузовые суда, снарядил несколько триер³³, посадил на них опытных воинов, в изобилии снабдил корабли жидким огнем, выстроил их в противоположащей гавани напротив варварских челнов и сам вместе с группой избранных синклитиков в начале ночи прибыл на корабле в ту же гавань; он торжественно возвестил варварам о морском сражении и с рассветом установил корабли в боевой порядок. Со своей стороны варвары, будто покинув стоянку и лагерь, вышли из противоположащей нам гавани, удалились на значительное расстояние от берега, выстроили все корабли в одну линию, перегородили море от одной гавани до другой и, таким образом, могли уже и на нас напасть, и наше нападение отразить. И не было среди нас человека, смотревшего на происходящее без сильнейшего душевного беспокойства. Сам я, стоя около самодержца (он сидел на холме, покато спускавшемся к морю), издали наблюдал за событиями.

XCIV. Так построились противники, но ни те, ни другие боя не начинали, и обе стороны стояли без движения сомкнутым строем. Прошла уже большая часть дня, когда царь, подав сигнал, приказал двум нашим крупным судам потихоньку продвигаться к варварским челнам; те легко и стройно поплыли вперед, копейщики и камнеметы подняли на их палубах боевой крик, метатели огня заняли свои места и приготовились действовать. Но в это время множество варварских челнов, отделившись от остального флота, быстрым ходом устремилось к нашим судам, Затем варвары разделились, окружили со всех сторон каждую из триер и начали снизу пиками дырять ромейские корабли; наши в это время сверху забрасывали их камнями и копьями. Когда же во врага полетел и огонь, который жег глаза, одни варвары бросились в море, чтобы плыть к своим, другие совсем отчаялись и не могли придумать, как спастись³⁴.

XCV. В этот момент последовал второй сигнал, и в море вышло множество триер, а вместе с ними и другие суда, одни позади, другие рядом. Тут уже наши приободрились, а враги в ужасе застыли на месте. Когда триеры пересекли море и оказались у самых челнов, варварский строй рассыпался, цепь разорвалась, некоторые корабли дерзнули остаться на месте, но большая часть их обратилась в бегство. Тут вдруг солнце притянуло к себе снизу туман и, когда горизонт очистился, перемести-

ло воздух, который возбудил сильный восточный ветер, взбуроздил волнами море и погнал водяные валы на варваров. Одни корабли вздыбившиеся волны накрыли сразу, другие же долго еще волокли по морю и потом бросили на скалы и на крутой берег; за некоторыми из них пустились в погоню наши триеры, одни челны они пустили под воду вместе с командой, а другие воины с триер продырявили и полузатопленными доставили к ближайшему берегу. И устроили тогда варварам истинное кровопускание, казалось, будто излившийся из рек поток крови окрасил море³⁵.

ХСVI. Разгромив таким способом варваров, царь покинул берег и победителем вернулся во дворец...

СLI. Царица Зоя³⁶ была слишком стара для общения с мужем, а в царе (император Константин IX Мономах, третий супруг Зои) бушевали страсти, и, так как его севаста³⁷ уже умерла, он, разглагольствуя о любви, парил среди фантазий и странных видений. От природы помешанный на любовных делах, он не умел удовлетворять страсть простым общением, но постоянно приходил в волнение при первых утехах ложа и потому полюбил некую девицу, которая, как я уже говорил раньше, жила у нас как заложница из Алании. Царство это – не очень-то важное и значительное и постоянно предоставляет Ромейской державе залогов верности³⁸. Девица, дочь тамошнего царя, красотой не отличалась, заботами о себе не была избалована и украшена только двумя прелестями: белоснежной кожей и прекрасными лучистыми глазами. Тем не менее, царь сразу пленился ею, забыл думать о других своих пристрастиях, у нее одной проводил время и пылал к ней любовью.

СLIИ. Пока царица Зоя была жива, он не очень-то проявлял свои чувства, предпочитал таиться и скрывать их, но когда Зоя умерла³⁹, он раздул пламя любви, распалил страсть и разве что не соорудил брачный чертог и не ввел туда возлюбленную, как жену. Преображение этой женщины было мгновенным и удивительным: ее голову увенчало невиданное украшение, шея засверкала золотом, руки обвили змейки золотых браслетов, на ушах повисли тяжелые жемчужины, и золотая цепь с жемчугами украсила и расцветила ее пояс. И была она настоящим Протеем, меняющим свой облик.

СLIИИ. Хотел Константин и увенчать ее царской короной, но опасался двух вещей: закона, ограничивающего число браков, и царицы

Феодоры, которая не стала бы терпеть такого бремени и не согласилась бы одновременно быть и царицей, и подданной. Поэтому-то он и не сподобил возлюбленную царских отличий, однако удостоил звания, нарек севастой, определил ей царскую стражу, распахнул настежь двери ее желаний и излил на нее текущие золотом реки, потоки изобилия и целые моря роскоши. И снова все расточалось и проматывалось: часть растрчивалась в стенах города, часть отправлялась к варварам, и впервые тогда аланская земля наводнилась богатствами из нашего Рима, ибо одни за другим непрерывно приходили и уходили груженные суда, увозя ценности, коими издавна вызывало к себе зависть Ромейское царство.

CLIV. Ромейский патриот и сын отечества, я и тогда лил слезы, видя, как пускаются на ветер все наши богатства: не меньше терзаюсь и теперь и все еще стыжусь за своего господина и царя. Ведь дважды, а то и трижды в год, когда к юной севасте приезжали из Алании слуги ее отца, самодержец публично показывая им ее, провозглашал ее своей супругой, именовав царицей, при этом и сам преподносил им подарки и своей прекрасной жене велел их одаривать.

CLV. Так вот тот самый лицедей, рассказ о котором я оборвал немного выше, и прежде был влюблен, когда не пользовался успехом (потому и учинил этот заговор) и когда им пользовался, а вернувшись из ссылки, возго-

релся к ней еще большей любовью. Я хорошо это знал, но полагал, что самодержец ни о чем не догадывается: я пребывал в сомнениях, но сам царь все поставил на свои места. Как-то раз я сопровождал самодержца, когда его несли к аланке, а в свите шел и этот влюбленный. Что касается девушки, то она тогда находилась во внутренних дворцовых покоях и стояла у решетчатой перегородки. Не успел царь обнять возлюбленную, как ему в голову пришла какая-то мысль, он был занят ею, а влюбленный бросал взгляды на девушку; глядя на нее, он слегка улыбался и всячески проявлял свою страсть. Самодержец, слегка подтолкнув меня в бок, сказал: “Смотри, негодяй все еще влюблен, случившееся не послужило ему уроком”. При этих словах мое лицо сразу покрылось краской, царь же прошел вперед, а тот с еще большим бесстыдством уставился на девушку. Но все его потуги оказались тщетными: самодержец, как я расскажу дальше, умер, севаста снова перешла на положение заложницы, а его страсть так и кончилась пустыми мечтаниями.

CLVI. Как и обычно в этом сочинении, я многое в своем рассказе опустил и потому снова должен вернуться к Константину. Но прежде я обращусь к Зое и, завершив повествование сообщением о смерти царицы, примусь за новый рассказ. Я толком не знаю, какой была она в юности, о том же, что мне известно с чужих слов, уже поведал выше.

Книга VII. Михаил VI. Исаак I Комнин

Восстание Комнина. Советы царю в связи с восстанием

Х. Я не стал ему поминать прошлого и сразу дал три совета. Зная, что Михаил находится в разладе с великим иерархом⁴⁰ и тот гневается на него, я прежде всего внушил царю мысль забыть о всех спорах и достичь с ним согласия, ибо в столь тяжких обстоятельствах сила патриарха возрастала и он мог бы оказать поддержку мятежникам, если бы царю не удалось безоговорочно привлечь его на свою сторону. Во-вторых, я посоветовал отправить к узурпатору послов, чтобы убедить его распустить свою армию: они должны были обещать ему все, что можно было отдать без опасений, посулить остальное на будущее и в то же время попытаться как-нибудь воздействовать на мятежное войско и рассеять его строй. Третий, последний совет был самым важным и существенным: стянуть полки с запада, собрать оставшиеся силы, пригласить на помощь союзников из соседних вар-

варских стран, укрепить находившееся на нашей службе чужеземное войско, поставить во главе его доблестного военачальника, образовывать побольше отрядов и со всех сторон защитить себя от наступающих полчищ. Царь одобрил мои советы.

Посылка войска против Исаака

XI. Затем, однако, он отверг первый из них (уже это обрекало царя на неудачу) и приготовился исполнить второй и третий. Второй, однако, так и не был осуществлен; западное же войско, оснащенное к войне, пополненное свежими силами союзников, разделенное на отряды и сведенное в боевые порядки, в полном снаряжении выступило против восточных полков. Противники разбили свои лагерь на небольшом расстоянии один от другого, пространство их разделяло небольшое, но ни одна сторона не делала попыток наступать, и

поле посредине оставалось пустым⁴¹. Численностью царские войска явно превосходили врагов, но уступали им в силе и построении, и – что самое важное и поразительное – строй мятежников оставался нерушим, их верность своему предводителю неколебимой, в то время как наше войско уменьшалось и распадалось и множество наших воинов ежедневно перебегало к восставшим. Что же касается командующего – мне незачем называть его по имени, – то он разрывался между теми и другими но, как мне представляется, на самом деле склонялся только в одну сторону.

ХII. Поэтому нас разбили с фронта и тыла, и поражение было предрешиено настроением военачальников еще до начала битвы. Однако отряды⁴² и оставшиеся у нас собственные воины ничего не знали о колебаниях командующего, и вот эти, как говорит поэт, “мужи Аревы, гневом горящие”⁴³, превосходно снаряженные, с самым лучшим оружием на поясе или в руках, выстроились перед вражеским войском, а потом, испустив боевой клич и бросив поводья, в неудержимом натиске устремились в бой. Наш правый фланг опрокинул их левый и далеко преследовал неприятеля.

ХIII. Когда их правый фланг узнал о случившемся, стоявшие там воины не стали дожидаться боевых криков и наступления врага, но сразу отошли и рассеялись из страха, как бы победители не обратились теперь против них и, вдохнув мужество в бегущих, не навалились на них всеми своими силами. Итак, правый фланг неприятеля тоже обратился в бегство, и полная победа осталась за нами⁴⁴. В самой гуще толпы, возвышаясь над бегущими и преследующими, как вкопанный стоял узурпатор. Несколько наших воинов (это были тавроскифы, числом не более четырех), заметили его и с двух сторон направили на Комнина свои копья. Удары, однако, припались на доспехи Исаака, и железо не коснулось его тела. Тавроскифы не смогли даже с места сдвинуть этого мужа, ибо с противоположных сторон его с такой же силой подпирали копьями и все время возвращали его тело в прежнее положение, не позволяя ему потерять равновесие и отклониться от центра. Исаак принял случившееся за добрый знак, что-де останется он недвижим, сколько бы ударов ни сыпалось на него с обеих сторон, и тут же приказал своему войску с удвоенной силой напасть на нас, завязать бой, обратить

противника в бегство и преследовать его как можно дальше⁴⁵.

ХIV. Известия о тяжком исходе битвы, одно другого печальнее, дошли до нашего слуха и привели царя в смятение и полное отчаяние. Быстро вызвать потерпевшее такое поражение западное войско было нельзя, достать свежее пополнение и новобранцев он тоже не смог, а командующий воинскими силами евнух Феодор, тот самый, которого царица Феодора сначала сделала проэдром, а потом назначила начальствовать над восточной армией, решительно отказался от командования не столько из страха перед вторым сражением, сколько потому, что переметнулся на другую сторону и втайне сговорился с Комнином.

ХХ. Когда Исаак согласился на наши требования и дал от себя еще и дополнительные обещания, мы сели на триеру и без промедления приплыли к тому месту, где он стоял лагерем⁴⁶. Встретили нас объятьями и приветствиями, и не успели мы увидеть Исаака, как к нам уже потянулась цепочка из первых людей войска, которые называли нас ласковыми именами, целовали наши лица и руки и со слезами на глазах уверяли, что по горло сыты братоубийственной резней и водружают венки на головы⁴⁷. Окружив со всех сторон, они привели нас к шатру своего правителя. Двор его был разбит под открытым небом. Они спешили, велели нам сойти с коней и ждать, а спустя некоторое время позволили нам войти в шатер без сопровождающих, ибо солнце уже зашло и Исаак не хотел, чтобы в царской палатке собиралось много народа.

ХХI. Мы вошли, и Исаак нас приветствовал. Сидел он на высоком кресле (вокруг располагалась немногочисленная стража) и одет был, скорее, как военачальник, нежели царь. Привстав с кресла, он предложил нам сесть и, даже не спросив о цели нашего прибытия, коротко изъяснил причины, заставившие его взяться за оружие. Потом он отпил из одного с нами кубка и отправил по палаткам, установленным невдалеке от его шатра. Мы вышли в недоумении, почему этот муж был столь скуп на слова и спросил у нас только, как прошло плавание и было ли спокойным море. Попрощавшись, мы разошлись по палаткам, но после короткого сна под утро снова сошлись и принялись обсуждать, как лучше вести переговоры с Исааком. Мы решили не предоставлять слова кому-нибудь одному, но сообща задавать вопросы и сообща выслушивать его ответы.

XXII. Пока мы беседовали, занялся день, и вынырнувший из-за горизонта сверкающий круг солнца поднялся в небо. Едва успело оно пройти полпути до зенита, как явились с приглашением первые люди совета, которые, будто стража, нас окружили и повели к своему предводителю. На этот раз нас доставили к шатру гораздо большему, которого хватило бы и для ромейского войска, и для союзников. Вокруг шатра стояло множество воинов, не праздных и беспорядочно толпящихся, но одни были подпоясаны мечами, другие потрясали железными секирами, третьи держали в руках копья; расположились они кругами, один за другим, на небольшом расстоянии друг от друга. Никто не произносил ни звука, но, сдвинув ноги, в оцепенении страха все напряженно смотрели на того, кто охранял вход в шатер. А был это начальник отряда телохранителей дука⁴⁸ Иоанн, муж не только храбрый, но деятельный и решительный, умевший красно говорить, а еще лучше молчать и думать про себя, от предков своих унаследовавший доблесть и мужество.

XXIII. Едва мы приблизились к входу, как Иоанн, велел нам остановиться, скрылся в царской палатке; вскоре он оттуда вышел и, не сказав нам ни слова, разом распахнул двери, чтобы поразить нас необычным и неожиданным зрелищем. Все, что мы там увидели, было по-царски величественно и внушало трепет. Прежде всего, мы чуть не оглохли от ликующих возгласов толпы. Кричали же воины не все вместе, а по рядам: закончив словословие, первый ряд давал знак начинать второму, тот следующему, и в результате в целом все получалось нестройно и неблагозвучно. Когда последний круг произнес свои словословия, воины закричали уже все разом и чуть не оглушили нас громом своих голосов.

XXIV. Шум постепенно умолк, и мы смогли рассмотреть, что происходило внутри шатра (когда распахнулась дверь, мы не вошли сразу, а встали поодаль, ожидая специального приглашения). Нам предстала следующая картина. Сам царь сидел на двуглавом кресле⁴⁹, высоком и отделанном золотом, опирал ноги на скамейку, и роскошные одежды сверкали на нем. Он гордо поднял голову, выпятил грудь, багрянец битвы румянил его щеки, глаза были сосредоточены и неподвижны и свидетельствовали о напряженной работе мысли; потом он поднял взор и, как бы уйдя от пучины, причалил в спокойной гавани. Воины несколькими кругами опоясывали Исаа-

ка. Внутренний и самый малочисленный из них был составлен из первых людей, доблестных отпрысков знатнейших родов, осанкой не уступавших древним героям. Эти отборные воины служили живым примером всем, стоявшим за ними. Их опоясывал второй круг, оруженосцы первых, бойцы передовой линии (некоторые заполняли следующие отряды), также лучшие из начальников полукругов, они стояли на левом фланге. Окаймляло их кольцо простых воинов и свободных. А дальше уже располагались союзные силы, прибывшие к мятежникам из других земель, италийцы⁵⁰ и тавроскифы, сам вид и образ которых внушали ужас. Глаза тех и других ярко сверкали. Если первые подкрашивают глаза и выщипывают ресницы, то вторые сохраняют их естественный цвет. Если первые порывисты, быстры и неудержимы, то вторые бешены и свирепы. Первый натиск италийцев неотразим, но они быстро переполняются гневом; тавроскифы же не столь горячи, но не жалеют своей крови и не обращают никакого внимания на раны. Они заполняли круг щита⁵¹ и были вооружены длинными копьями и обоюдоострыми секирами; секиры они положили на плечи, а древки копий выставили в обе стороны и как бы образовали навес между рядами.

LXVII. Почтив память усопшего назначением достойного мужа, царь сначала утихомирил восточных варваров (это дело не доставило ему больших хлопот), а потом со всем войском выступил против западных, которые в старые времена звались мисами, а нынешнее наименование получили позже⁵². Они обитали в землях, которые от Ромейской державы отделяются Истром, но неожиданно снялись со своих мест и перешли на наш берег. Причиной же для этого был народ гетов⁵³, которые с ними граничили, разоряли и грабили их страну и вынудили к переселению. Поэтому они, как по сути, перешли по замерзшему Истру на наш берег, всем народом навалились на наши границы и с тех пор не могли заставить себя жить в мире и оставить в покое соседей⁵⁴.

LXVIII. Хотя мисы телом не сильны и духом не отважны, сражаться и воевать с ними трудней, чем с каким-либо другим народом. Они не носят панцирей, не одевают поножей, не защищают головы шлемом, в руках не держат щита, ни продолговатого, какие, по рассказам, были у аргивян⁵⁵, ни круглого, и не вооружены даже мечами, имеют при себе

только копья, и это единственное их оружие. Они не разделяют войско на отряды, в сражениях не следуют никакой военной науке, не признают ни фронта, ни левого, ни правого флангов, не разбивают лагерей, не окружают их рвами, а, сбившись в кучу, сильные своим презрением к смерти, с громким боевым кличем бросаются на неприятеля. Если враг отступает, они обрушиваются на него, как башни, преследуют и безжалостно истребляют, но, если неприятельский строй выдерживает напор и не рассыпается под варварским натиском, сразу же поворачивают назад и спасаются бегством. При этом они отступают в беспорядке и рассеиваются кто куда: одни бросаются в реку, выплывают или тонут в водоворотах, другие скрываются от преследователей и исчезают в гуще леса, третьи придумывают еще что-нибудь. Разом рассеявшись, они потом снова отовсюду незаметно сходятся в одно место, кто с гор, кто из ущелий, кто из реки. Если они испытывают жажду и находят реку или родник, то набрасываются на воду и жадно пьют ее большими глотками, если же воды нет, то сходят с коней, мечами отворяют им жилы, выпускают из животных кровь, пьют ее вместо воды и таким образом утоляют жажду. Потом они разрубают на куски тело самого упитанного коня, собрав какое-нибудь топливо, разжигают костер, слегка подогревают на нем куски конины, сжигают их вместе с кровью и грязью и, подкрепившись таким образом, устремляются в первое попавшееся убежище и сидят там, как змеи в норах, а вместо стен служат им обрывистые кручи и глубокие пропасти.

LXIX. Все люди этого племени опасны и вероломны. Договоры о дружбе для них ничего не значат, и, даже поклявшись над жертвами, они не держат своего слова, ибо никакого божества, я не говорю уже о Боге, они не почитают: все, по их мнению, происходит само по себе, и смерть для них конец всякому существованию. Поэтому они с легкостью заключают мир, но, когда хотят воевать, сразу отказываются от договоров. Если ты берешь верх, они снова домогаются твоей дружбы, если же в сражении берут верх сами, то одних пленных убивают, других выводят на торжественную распродажу, за богатых запрашивают высокую цену, а если им ее не дают, предаются смерти и их.

LXX. Такой вот народ поставил себе целью изгнать из ромейских пределов царь Исаак и двинулся на врага с большими силами. У ми-

сов возникли внутренние разногласия, и на строение их менялось, но царь, не слишком им доверяя, повел свое войско против самого сильного их племени, непобедимого и неодолимого, и, приблизившись, вселил ужас в противника. Враги страшились самого Исаака и его армии, на царя, как на громовержца, не дерзали даже поднять глаз, а увидев плотно сомкнутые ряды его войска, разбежались. Только отдельными группами нападали они на нас и с громким воем устремлялись на неколебимых наших воинов. Но не смогли они ни одолеть нас с помощью засад, ни встретить в открытом бою и потому назначили сражение на третий день, а сами еще до вечера, бросив свои палатки и неспособных к бегству стариков и детей, рассеялись по труднодоступным местам. Согласно договоренности, царь выступил во главе построенного в боевые порядки войска, но ни одного варвара нигде не было видно, а от преследования царь отказался, во-первых, из страха перед скрытыми засадами, а во-вторых, потому что враги ушли уже за три дня до этого. Исаак разрушил их палатки, взял всю добычу, которую там нашел, и как победитель двинулся назад⁵⁶. Но не сопутствовала ему удача на обратном пути, страшная буря обрушилась на его войско, и многих своих воинов недосчитался тогда Исаак⁵⁷; тем не менее в столицу он вошел, украшенный победными венками.

LXXI. Насколько могу судить (а я хорошо знаю его душу), именно по этой причине врожденный нрав Исаака приобрел новые свойства: царь сделался более суров и начал на всех смотреть свысока. Свою родню он ничем больше не отличал от прочих людей, и даже брат его⁵⁸ должен был спешиваться уже у дальнего входа во дворец и являться к царственному брату, как было ему приказано, в виде, отнюдь не более торжественном, чем остальные. Обладая отменным нравом, какого я не встречал больше ни у одного человека, брат спокойно перенес перемену, не роптал на эти новшества, но с почтительным видом являлся к императору, когда тот звал его, большей же частью держался в тени и другим подавал пример, как следует менять свое поведение.

LXXII. Так перестроился характер царя, и кончился второй период времени. С этого момента начался третий. Царь страстно увлекался охотой, любил связанные с нею опасности и был прекрасным ловцом. Исаак легко скакал на коне, криками и улюлюканьем заставлял собаку нестись, как на крыльях, на-

стигал зайца на бегу, случалось, хватал его прямо руками, но и копьё не метал мимо цели. Еще больше увлекался он журавлиной охотой, не упускал в небе пернатого племени и доставал птиц даже из поднебесья. И удовольствие тогда воистину сливалось с чудом. Чудо оттого, что такую большую птицу, орущую ногами, как копьями, и уже скрывающуюся в облаках, настигала много меньшая. Удовольствие же доставляло падение журавля: он падал в предсмертном танце, переворачиваясь то вниз головой, то вверх брюхом.

LXXIII. Наслаждаясь обоими видами охо-

ты и не желая истощать своих огороженных угодий, царь иногда отправлялся поохотиться на просторе, где уже ничто не препятствовало ни бегу, ни полету. Пристанищем ему служила царская усадьба перед городом⁵⁹ на берегу моря, которой остался бы доволен любой охотник, только не этот царь. Встав рано утром, он охотился до позднего вечера. Не раз метал он копьё в медведей и кабанов, постоянно держал руку поднятой, а потому и ударила его в бок струя холодного ветра. В тот момент он почти не ощутил удара, но на следующий день уже бросила его в озноб горячка⁶⁰.

Книга VII. Михаил VII

VII. Царский блеск не заботит Михаила, и он хочет, чтобы его голову красил не венец, а образы добродетели. Не все слова, что нашептывают ему в уши, доходят до его сердца, но огорчительные известия так и не проникают вовнутрь, а в душе запечатлеваются только приятные. Примером ему служит отец, которого он много превосходит, хотя и утверждает, что во всем ему уступает. Скажу, однако, о главном, чему я даже и восхищаться не в силах: тяжело пришлось Михаилу и на востоке, и на западе (начало всем несчастьям положили его предшественники)⁶¹, и любой другой, даже самый стойкий, на его месте поддался бы напору бедствий и смирился бы со злом. А потом что? Лопнули бы скрепы державы, рухнула бы ее кровля, треснуло основание. Но твердость его души, неколебимость нрава вы-

держали напор, и если мы не причаляли в гавани, то все-таки качаемся на плаву и еще не унесены в открытое море.

IX. Я сокращаю свое повествование и потому не смог рассказать о многом: о его любви к жене, о том, какое дитя она ему родила, о его любви к обоим братьям, превосходным мужам, которых, однако, он сам много превосходил. Не стану воздавать царице хвалу за ее род, богатством и древностью превосходящий любой царский, хватит с нее нрава ее несравненного и красоты неподражаемой. А если, как говорится в трагедии, молчание красит женщину⁶², то оно – лучшее из ее украшений, ибо никто, кроме мужа, не слышал звука ее голоса, и без украшений она прекрасней, чем когда по необходимости их наделает⁶³.

Примечания

¹ *Тавроскифы* в византийских источниках – русские. В данном случае имеется в виду 6-тысячный отряд, посланный по просьбе Василия II киевским князем Владимиром, женившимся на сестре Василия и Константина Анне. Впервые русские в составе византийского войска появляются в начале X в. Упомянутый отряд – первые крупные силы русских на византийской службе.

² Под кельтами имеются в виду “западные” европейские народы. Скифами византийские авторы называли самые разные народы, граничившие с империей на севере.

³ Василий II был воинственным императором, который вел весьма активную внешнюю политику: расширил свои владения в Ивирии (Грузии) и Армении, воевал с арабами, покорил Болгарское царство. Пселл, однако, сообщает о войнах Василия только вскользь – эти сюжеты его интересуют менее всего.

⁴ При Константине имело место вторжение печенегов на территорию Болгарии.

⁵ Император остановился у Мосинополя.

⁶ Сведения Пселла неточны. Алусиан – сын не Аарона (который никогда не был болгарским царем), а царя Ивана Владислава (1015–1018).

⁷ Согласно Скилице (Скил.: 413), Алусиан был оклеветан перед императором, подвергнут штрафу и лишен поместья, принадлежавшего его жене.

⁸ “Отцом рассказа” Пселл называет человека, доставившего ему сведения для этой части его «Хронографии».

⁹ Соглашение Деляна и Алусиана должно было иметь место примерно в конце 1040 – начале 1041 г. Скилица рассказывает, что Делян пригласил Алусиана себе в соправители и дал ему 40-тысячное войско (Скил.: 413).

¹⁰ Алусиан устроил пир, позвал на него Деляна и расправился с ним.

¹¹ Другие историки (Скилица, Кекавмен) рассказывают о последнем этапе болгарского восстания иначе. Алусиан, будучи еще соратником Деляна, осаждая Солунь, потерпел поражение от византийского войска. Он учинил расправу над Деляном уже после этого поражения, а потом бежал к византийскому императору.

¹² Михаил дал Алусиану высокий титул магистра.

¹³ Войско Михаила вторглось во внутренние области Болгарии и подавило восстание с крайней жестокостью, о которой сообщается в ряде источников.

¹⁴ *Мастеровой люд* – дословно: “люди из эргастириев”. Эргастириями назывались ремесленные мастерские, служившие одновременно и лавками.

¹⁵ Согласно Скилице и Атталиату, первое возмущение произошло тогда, когда епарх города зачитал на площади царскую грамоту, объявляющую о низложении Зои. Атталиат пишет о резкой перемене настроения народа, который сразу вместо любви ощутил ненависть к Михаилу. “Не хотим царем Калафата, а хотим законную наследницу, матушку нашу Зою!” – раздался голос в толпе (Скил.: 418). “Помнем кости Калафату!” – закричала толпа. Епарху удалось спастись бегством. Восстание началось.

¹⁶ Так описательно Пселл, как и другие византийские авторы, называет воинов из варяго-русской дружины на службе у императоров.

¹⁷ Георгий Маниак, вероятно, турок по происхождению, служил на востоке империи и сделал себе карьеру еще при Романе III. Он был сначала стратигом небольшой восточной фемы, затем катепаном Нижней Мидии, получил последовательно титулы протоспафария, патрикия и магистра. В 1037 г. был назначен стратигом фемы Лонгивардия. Георгий Маниак одержал ряд побед над врагами Византии. Пселл неоднократно порицает в «Хронографии» и других сочинениях людей, “перепрыгивающих через ступени”. Постепенное продвижение по иерархической лестнице для писателя – несомненное достоинство.

¹⁸ Георгий Маниак (в то время стратиг приевфратских городов с резиденцией в Самосате) овладел Эдессой в 1031 г. Ни о каком “следствии” над Маниаком в этом случае другие источники не сообщают.

¹⁹ Георгий Маниак был отправлен в Сицилию для борьбы с арабами в 1038 г., командующим флотом в этой экспедиции был муж сестры Михаила IV – Стефан. Маниак одержал в Сицилии ряд побед, но рассорился со Стефаном, которого оскорбил “и словом, и делом”. В результате доноса Стефана Маниак был схвачен и в оковах отправлен в Константинополь.

²⁰ Рост Георгия Маниака, по Пселлу, достигал чуть ли не трех метров. Это явное преувеличение выдержано “в стиле” гиперболизированного портрета полководца. Огромную силу и страшный вид Маниака отмечает также и Атталиат (Аттал.: 19).

²¹ Под Италией Пселл в данном случае имеет в виду южную ее часть (Апулию и Калабрию), являвшуюся в то время византийской провинцией. По сведениям Скилицы (Скил.: 422), Маниака выпустил из тюрьмы еще Михаил V, а послала в Италию воевать с арабами уже императрица Зоя.

²² По сообщению Скилицы, Константина Мономаха натравил на Маниака Роман Склир (брат царской возлюбленной Склирены). Владения Романа Склира и Георгия Маниака были расположены по соседству, и их владельцы издавна между собой враждовали (Скил.: 427).

²³ Этим человеком был протоспафарий по имени Пард, который, по характеристике Скилицы (Скил.: 428), ничем хорошим не отличался и был обязан своим назначением только личному знакомству с царем. Пард должен был стать преемником Маниака.

²⁴ Это был севастофор Стефан.

²⁵ После убийства Парда Маниак по морю переправил свое войско в Болгарию и победоносно двинулся на Константинополь. Битва, в которой пал Маниак, произошла в расстоянии двухдневного перехода от Солуни (Аттал.: 18).

²⁶ Т. е. варяги или русские.

²⁷ *Медная стража* – вероятно, имеется в виду так называемая Халка – парадный вестибюль Большого дворца со стороны площади Августеон. Вблизи Халки находилась церковь Спасителя, основанная Романом I Лакапином и расширенная и роскошно украшенная Иоанном I Цимисхием.

²⁸ Утверждения Пселла о враждебности русских к Византии кажутся преувеличенными. До 1043 г. отношения Византии с Русью были (во всяком случае, внешне) вполне дружелюбны. Русские находились в составе так называемой варяго-русской дружины в Константинополе, служили в византийском войске, имели в столице империи собственное подворье. Это было время интенсивной торговли между двумя государствами. О добрых отношениях с Русью (вопреки Пселлу) прямо говорит Скилица (Скил.: 430). См.: Г. Г. Литаврин. Пселл о причинах похода русских на Константинополь в 1043 г. // ВВ, 27, 1967.

²⁹ Несколько иначе о причинах или, вернее, поводах этой войны рассказывает Скилица (Скил.: 430). В результате какой-то ссоры купцов в Константинополе был убит знатный русский. Узнав об этом, князь Владимир Ярославич немедленно собрал свое и союзное войско и, отказавшись принять извинения послов Мономаха, двинулся на Византию во главе 100-тысячной армии. Русские плыли на однодеревках. Атталиат пишет о 400 русских челнах.

³⁰ Как и в большинстве случаев, для обозначения денежных единиц Пселл пользуется античным наименованием. Под статиром, вероятно, имеется в виду византийская номисма – 1/72 золотого фунта.

³¹ По словам Скилицы, Константин Момах первый отправил послов к русским. Те, однако, потребовали выплатить по три литры золота на каждого своего воина (Скил.: 431).

³² *Огненосные суда* – корабли, снабженные так называемым “греческим огнем” – самовозгорающейся смесью, направляемой на врага из специальных сифонов.

³³ *Триера* – античное название быстроходного судна с тремя рядами гребцов. Почти весь византийский флот сгорел в результате пожара в 1040 г.

³⁴ По сообщению Скилицы (Скил.: 431), бой начал Василий Феодорокан, который с тремя триерами первый напал на русский флот, сжег семь судов и три потопил вместе с командой. После этого в бой двинулись остальные силы византийцев, но русские бежали, не приняв сражения.

³⁵ По сообщению Скилицы (Скил.: 431 сл.), русские, испугавшись греческого флота, выбросились на берег, где на них напали византийские воины. После битвы море выкинуло на берег многие тысячи трупов. Сведения о походе русских на Константинополь содержатся также в русских летописях. Согласно их данным, в походе принимал участие сам князь Владимир Ярославич, но фактическим его предводителем был некий Вышата. Во время битвы шесть тысяч русских было выброшено на берег. Они решили возвратиться на родину пешком, но по дороге потерпели поражение от византийского войска, 800 человек из них были взяты в плен, приведены в Константинополь и ослеплены. Оставшиеся на судах русские благополучно вернулись на родину.

³⁶ Будучи женой Романа III, Зоя, и ранее имевшая фаворитов, в свои пятьдесят с лишним лет вела себя подобно легендарной Мессалине. С Михаилом Пафлагоном она открыто лежала на одной кровати, и их нередко заставляли в таком виде придворные.

³⁷ Т. е. Склирена, умершая около 1045 г.

³⁸ Государство аланов на Северном Кавказе обладало политической самостоятельностью и в IX – XI вв. играло определенную роль в византийской дипломатии. Аланы еще в IX в. приняли христианство.

³⁹ Наиболее вероятная дата смерти Зои – 1050 г.

⁴⁰ Т. е. патриархом Михаилом Кируларием.

⁴¹ Царские войска состояли главным образом из македонян и находились под командованием одного из приближенных к царице Феодоре евнухов, domestika востока Феодора, которого Пселл упоминает ниже. Мятеежники обосновались в хорошо укрепленном лагере к северу от Nikei, царская армия – у горы Софон (вблизи Никомидии). Противники делали безрезультатные попытки склонить врага на свою сторону. В конце концов Феодор нехотя распорядился передвинуть лагерь к Петрое, примерно в трех километрах от лагеря мятежников. Его помощником был Аарон – брат Екатерины, супруги Исаака Комнина.

⁴² Имеются в виду отряды союзников.

⁴³ Гомер. Илиада III: 8.

⁴⁴ Сражение произошло 20 августа 1057 г. недалеко от Nikei, в месте под названием Полемон, или Аид. Иначе описан этот бой у Скилицы и Атталиата (Скил.: 494 сл.; Аттал.: 55). Сначала левый фланг императорских войск под командованием Аарона опрокинул правый фланг мятежников. Комнин готов был уже спастись в Nikeю, но положение исправил командовавший левым флангом мятежников Катакалон, который перешел в наступление и даже сумел ворваться в лагерь противника. Неизвестно, насколько прав в деталях Скилица (в этой части своей истории он явно благоволит к Катакалону Кекавмену), но Пселл при описании сражения, видимо, перепутал левый и правый фланги.

⁴⁵ Рассказ о случившемся с Исааком Комнином носит легендарный характер. В этой братоубийственной битве, которую Атталиат сравнивает с “вакхическим безумием”, большие потери понесли обе стороны. Пселл резко обрывает рассказ об этой битве, пропускает несколько эпизодов, и в результате сообщение о победе мятежного войска кажется неподготовленным. Вполне вероятно лакуна в тексте.

⁴⁶ Исаак Комнин в это время стоял лагерем у Никомидии. Послы прибыли к нему 25 августа.

⁴⁷ Мятеежники водрузили венки на головы в знак мира.

⁴⁸ Термином *дука* (от лат. *dux*) в Византии иногда обозначали военачальников отдельных отрядов.

⁴⁹ Кресло Исаака было украшено двумя позолоченными львиными головами.

⁵⁰ *Италийцы* – т. е. норманны.

⁵¹ Буквальный перевод.

⁵² Под *мисами* Пселл имеет в виду печенегов.

⁵³ Писатель пользуется античным наименованием: *геты* – здесь узы (торки).

⁵⁴ В 1046–1047 гг. печенеги под командованием Тираха, переправившись по льду Дуная, впервые вторглись в византийские земли.

⁵⁵ *Аргивяне* – жители Аргоса в Греции. Гомер так нередко именовал вообще греков.

⁵⁶ Исаак Комнин дошел до Триадицы (Софии), где к нему явились послы угров, с которыми он заключил мирный договор. После этого царь двинулся на печенегов. Последние тоже поспешили замирились с Комнином, и только одно печенежское племя во главе с Сельте оказало сопротивление византийцам. Сельте, однако, потерпел поражение, и его лагерь был razгромлен.

⁵⁷ Когда Исаак возвращался из похода, его войско около Ловеча застала буря (24 сентября 1059 г.), во время которой чуть не погиб сам император.

⁵⁸ Речь идет о младшем брате Исаака I Иоанне Комнине, отце будущего императора Алексея I Комнина. Иоанн получил от Исаака титул куропалата и был назначен им великим domestikom.

⁵⁹ Вблизи Онаратополиса, на азиатском берегу Пропонтиды.

⁶⁰ В истории Продолжателя Скилицы содержится фантастический рассказ об обстоятельствах смерти Исаака. Во время охоты царь погнался за кабаном, который, добежав до моря, скрылся в волнах. Исаак же был поражен «сверканием молнии» и замертво рухнул с коня (Продолжатель Скилицы, 108).

⁶¹ Время Михаила VII было периодом тяжелейшего внешнеполитического кризиса империи. Поражение при Манцикерте в 1071 г. практически открыло сельджукам беспрепятственный путь в Малую Азию. В этом же году норманны взяли Бари – последний оплот византийского господства в Италии – и начали наступление на Балканы. Одновременно усилился нажим на Византию со стороны кочевых народов – печенегов и угров.

⁶² Софокл. Аякс: 293.

⁶³ Жена Михаила VII – Мария или Марфа (по византийским источникам Аланская) – дочь грузинского царя Баграта IV, в будущем супруга императора Никифора Вотаниата, сменившего на престоле Михаила VII. О ее красоте с восхищением пишут и другие византийские историки.

Источник: Михаил Пселл. Хронография / Перевод и прим. Я. Н. Любарского. – М.: Наука, 1978.

Иоанн Скилица

Ἰωάννης Σκυλίτζης – Ioannes Skilitzes

Иоанн Скилица (после 1040 – после 1100), византийский чиновник, хронист. В своем сочинении называет себя друнгарием стражи и куропалатом, т. е. начальником дворцовой стражи, на основании чего его отождествляют с Иоанном Фракийским, который, по другим источникам, занимал эту должность, прежде исполнявшуюся членами императорской фамилии, в 1092 году.

Единственное известное сочинение Иоанна Скилицы – «Обзорение историй» («Σύνοψις ἱστοριῶν», лат. «Synopsis historiarum»), охватывающее 811–1057 гг. и сохранившееся в многочисленных списках, но долгое время остававшееся неизданным. Использовался же труд Скилицы по одноименной компиляции Георгия Кедрина (другое латинское название труда последнего – «Historiarum compendi-

ит» – «Собрание историй»), где текст Скилицы (или их общего источника) почти дословно повторяется. Особенно велика ценность той части истории Скилицы и Кедрина, которая относится ко второй половине X – первой по-

ловине XI в., так как их первоисточники утрачены. Принадлежность Скилице так называемого «Продолжения хроники Иоанна Скилицы», охватывающего 1057–1079/1080 гг., остается спорной.

Подробнее см.: Werner Seibt. Johannes Skylitzes: Zur Person des Chronisten // Jahrbuch der Österr. Byzantinistik. Bd. 25, 1976: А. П. Каждан. Из истории византийской хронографии X в. // Византийский временник, т. 20, М., 1961.

Иоанн Скилица

Обозрение историй

Перевод М. М. Копыленко

[О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия]

На четвертом году своего царствования, в месяце июне, 10 индикта, [Никифор Фока] выступил, чтобы обозреть города, расположенные во Фракии; когда он прибыл к так называемому Большому рву, он написал правителю Болгарии Петру, чтобы тот воспрепятствовал туркам переправляться через Истр и опустошать владения ромеев. Но Петр не подчинился и под разными предложениями уклонялся от исполнения этого. Тогда Никифор почтил достоинством патрикия Калокира, сына херсонского протевона, и отправил его к правителю Росии Свендославу¹, чтобы обещаниями даров и немалых почестей склонить его к нападению на болгар. Росы повиновались; на пятом году царствования Никифора, в августе месяце, 11 индикта, они напали на Болгарию, разорили многие города и села болгар, захватили обильную добычу и возвратились к себе. И на шестом году его царствования они опять напали на Болгарию, совершив то же, что и в первый раз, и даже еще худшее.

А народ росов, который вышеописанным образом покорил Болгарию и взял в плен Бориса и Романа, двух сыновей Петра, не помышлял более о возвращении домой. Пораженные прекрасным расположением местности, росы разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо остаться в стране и владеть ею. Особенно побуждал их к этому Калокир, который говорил, что если он будет провозглашен ими императором ромеев, то отдаст им Болгарию, заключит с ними вечный союз, увеличит обещанные им по договору дары и сделает их на всю жизнь своими союзниками и друзьями. Гордясь этими словами, росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу и дали послам [Цимисхия] который обещал заплатить все, обещанное им Никифором, ответ,

преисполненный варварской хвастливостью; ввиду этого стало необходимо решить дело войной. Итак, император тотчас посылает приказание переправить восточные войска на Запад; военачальником над ними он поставил магистра Варду Склира, дав ему титул стратилата, – на сестре Варды Марии он женился, еще будучи частным лицом, – и решил с наступлением весны сам выступить в поход. Росы и их царь Свендослав, услышав о походе ромейского войска, стали действовать совместно с поработанными уже болгарами и присоединили в качестве союзников пачинаков и турок, проживающих на Западе, в Паннонии. Собрав триста восемь тысяч боеспособных воинов и перейдя Гем, они стали опустошать огнем и грабежами всю Фракию; разбив свой стан недалеко от стен Аркадиополя, они ожидали там начала борьбы. Когда магистр Варда Склир узнал, что неприятель значительно превосходит его численностью войска – ведь у него было всего двенадцать тысяч воинов, – он решил победить бесчисленное множество врагов военными хитростями и искусством и превзойти их механическими приспособлениями; так это и случилось. Замкнувшись со своим войском внутри стен, как бы испугавшись, он оставался там, и хотя враги не раз хотели выманить его на решающее сражение, он не поддавался, наблюдая, как неприятель грабит и уносит все что ни попадя. Такое решение вызвало у варваров великое презрение: они полагали, что и в самом деле Склир заперся среди стен и удерживает там ромейские фаланги, боясь вступить в бой. Без страха разбрелись они кто куда, стали разбивать лагерь как попало и, проводя ночи в возлияниях и пьянстве, в игре на флейтах и кимвалах, в варварских плясках, перестали выставлять надлежащую стражу и не заботились ни о чем

необходимом. И вот Варда дождался подходящего момента и, присмотревшись хорошенько, как ему напасть на неприятелей, назначил день и час, поставил в ночное время засадные отряды в удобнейших местах, отправил с небольшими силами патрикия Иоанна Алакаса и приказал ему выйти вперед, вести наблюдение за врагами и постоянно сообщать ему, где они находятся. Разузнав это, *Иоанн* должен был сблизиться с варварами, напасть на них и, сражаясь, обратиться в притворное бегство, но не бежать во весь опор, отпустив поводья и сломя голову, а отступать в строю, медленно и где только возможно поворачиваться к противнику, биться с ним и поступать так до тех пор, пока он не будет завлечен к скрытым в засадах отрядам, а тогда расстроить ряды и бежать без всякого порядка. Варвары разделились на три части – в первой были болгары и росы, турки же и пачинаки выступали отдельно. *Иоанн* двинулся и случайно натолкнулся на пачинаков; выполняя полученный приказ, он изобразил медленное отступление, пачинаки же нападали, расстроив ряды; им хотелось поскорее уничтожить всех бегущих, но те то отступали строем, но поворачивались и сражались; путь их направлялся к стоявшему в засаде отряду. Очутившись среди своих, *воины Алакаса* бросили поводья и устремились в непритворное бегство. Пачинаки рассыпались без всякого порядка и бросились в погоню. Но вот появился неожиданно сам магистр со всем войском. Пораженные внезапностью, *пачинаки* прекратили преследование, но не бросились бежать, а остановились, ожидая нападения. Когда на них с огромным напором обрушился отряд магистра, а сзади *между тем* приближалась идущая в полном порядке остальная фаланга, немедленно погибли храбрейшие из скифов: поскольку фаланга расступилась на большую глубину, пачинаки окончательно оказались в засаде, а когда фаланги соединились, то окружение стало полным; *варвары* недолго сопротивлялись и, обращенные в бегство, почти все были истреблены.

Принудив их таким образом к бегству, Варда дознался от пленных, что остальные, еще не утомленные битвой *варвары* выстроились и ожидают сражения. Он устремился против них без промедления. Они же, узнав о неудаче пачинаков, предались унынию из-за внезапности бедствия, но затем собрались с силами и, создав беглецов, напали на ромеев, имея впереди всадников, а позади пеших вои-

нов. Но когда ромеи выказали себя непобедимыми и отразили натиск первого нападения конных врагов, те отступили, укрылись среди своей пехоты, укрепились там духом и стали ожидать приближения ромеев. И сражение стало как бы нерешительным, пока некий скиф, гордившийся размерами тела и неустрашимостью души, оторвавшись от остальных, не бросился на самого магистра, который объезжал и воодушевлял строй воинов, и не ударил его мечом по шлему. Но меч соскользнул, удар оказался безуспешным, а магистр также ударил врага по шлему. Тяжесть руки и закалка железа придали его удару такую силу, что скиф целиком был разрублен на две части. Патрикий Константин, брат магистра, спеша к нему на выручку, пытался нанести удар по голове другого скифа, который *хотел* прийти на помощь первому и дерзко устремился *на Варду*; скиф, однако, уклонился в сторону, и Константин промахнувшись обрушил меч на шею коня и отделил голову его от туловища; скиф упал, а *Константин* соскочил с коня и, ухватив рукою бороду врага, заколол его. Этот подвиг возбудил отвагу ромеев и увеличил их храбрость, скифы же были охвачены страхом и ужасом. Вскоре силы оставили их, и они показали спины, обратившись в позорное и беспорядочное бегство. Ромеи устремились за ними и наполнили равнину мертвыми телами; число пленных превысило количество убитых, и все захваченные, за немногими исключениями, были изранены. Никто из уцелевших не избежал бы гибели, если бы наступление ночи не остановило погоню ромеев. Из такого великого множества варваров только совсем немногие спаслись, ромеи же потеряли в сражении 25 человек убитыми, но ранены были почти все.

* * *

На втором году своего царствования *император* вознамерился предпринять поход против росов. Щедрость *помогла ему* набрать воинов; военачальниками были назначены мужи, прославленные рассудительностью и военной опытностью. Император позаботился и обо всем необходимом, чтобы войско не терпело ни в чем недостатка; снарядить поход было поручено Льву, который был в то время дунгарием флота, а после этого протовестиарием. Лев привел в порядок старые корабли, снарядил новые и приготовил внушительный флот. Наступила весна; все обстояло прекрасно, и *император*, вознеся молитвы к Богу, оставил

гражданам предписания и покинул столицу. Когда он прибыл к Редесту, ему повстречались два посланца скифов, которые под видом посольства прибыли для того, чтобы разведать силы ромеев. Когда они стали упрекать ромеев, утверждая, что терпят несправедливость, император повелел, отлично понимая причину их прибытия, чтобы они обошли весь лагерь, осмотрели ряды воинов, а после обхода и осмотра отправились назад и рассказали своему вождю, в каком прекрасном порядке и с каким послушным войском идет против них войною император ромеев. Отпустив таким образом послов, сам он выступил вслед за ними, имея около пяти тысяч пехотинцев облегченного вооружения и четыре тысячи всадников. Всему остальному множеству воинов было приказано медленно следовать за ним во главе с паракимоменом Василием. Перейдя через Гем, император внезапно вступил во враждебную страну и разбил лагерь поблизости от города Великой Преславы, где находился дворец болгарских царей. Эта неожиданность изумила скифов и повергла их в отчаяние. Калокир, зачинщик и виновник всех происшедших бедствий, который случайно здесь находился, услышав звук трубы, понял, что сам император прибыл и будет лично руководить войной. Втайне покинул он город и ускользнул в лагерь росов. Увидев его и узнав о прибытии императора, росы пришли в немалое замешательство. Но Свендослав приободрил их подходящими к таким обстоятельствам словами, и они, укрепившись духом, приблизились к ромеям и разбили лагерь. Императорское войско сосредоточилось между тем на равнине перед городом и неожиданно напало на врага, не ожидавшего ничего подобного: вне городских стен было застигнуто около восьми с половиной тысяч мужей, которые производили военные упражнения. Некоторое время они сопротивлялись, но затем утомились и бежали; и одни из них бесславно погибли, а другие укрылись в городе. Пока все это происходило, пребывавшие внутри города скифы узнали о непредвиденном появлении ромеев и об их столкновении со своими соратниками. Хватая оружия, какое кому случайно подвернулось под руку, они устремились на выручку своим. Ромеи встречали их беспорядочно движущуюся толпу и многих убивали. В силу этого варвары уже скоро не смогли устоять и обратились в бегство. Всадники же ромейской фаланги выдвинулись вперед и отрезали им дорогу в город,

перехватывая и убивая беспорядочно бегущих по ровному полю варваров, так что вся равнина наполнилась мертвыми телами и было захвачено бесчисленное множество пленных. Сфангел², который и возглавлял все войско, находившееся в Преславе (он считался среди скифов вторым после Свендослава), опасаясь, видимо, уже за судьбу города, запер ворота, обезопасив их засовами, взобрался на стену и поражал нападающих ромеев различными стрелами и камнями. Только наступление ночи прекратило осаду города. На рассвете прибыл проедр Василий со множеством войска, двигавшегося позади. Прибытие его явилось большой радостью для императора, который поднялся на какой-то холм, чтобы скифы его видели, и соединившиеся войска стали окружать город. Император обратился к *варварам*, уговаривая их отказаться от противодействия и спастись от совершенного истребления; они не соглашались сойти со стены. Справедливый гнев наполнил ромеев, и они приступили к осаде, отгоняя находящихся наверху стрелами и приставляя к стенам лестницы. И некий благородный воин, крепко держа в правой руке меч, а левой приподнимая над головой щит, первым устремился по одной из лестниц. Отражая удары щитом и защищая себя мечом от нападавших и от тех, кто старался ему воспрепятствовать, он поднялся на гребень стены, рассеял всех, кто там находился, и дал следовавшим за ним возможность безопасно подняться. Подражая ему, сначала некоторые, а потом многие *поступили таким же образом*, а скифы, одолеваемые их сомкнутым строем, стали прыгать со стены. Соревнуясь с первыми, и многие другие ромеи в различных местах взобрались по лестницам на стену. Приведенные в замешательство, скифы не заметили, как некоторые из ромеев, беспрепятственно достигнув ворот, открыли их и впустили свое войско. Когда город был таким образом взят, скифов, вынужденных отступать по узким проходам, стали настигать и убивать, а женщин и детей захватывали в плен. И Борис, царь болгар, был схвачен вместе с супругой и детьми; украшенного знаками царской власти, его привели к императору. Император человеколюбиво повелел, называя его царем болгар, отпустить всех пленных болгар, предоставив им свободно идти, куда кто захочет; он говорил, что прибыл не для того чтобы повергнуть болгар в рабство, но чтобы их освободить, и ут-

верждал, что одних только росов он считает врагами и относится к ним по-вражески.

Между тем восемь тысяч храбрейших скифов заняли хорошо укрепленную часть царского дворца, который находился посреди города, укрылись там на некоторое время и перебили многих воинов, попавших туда ради любопытства или тайно пробравшихся с целью грабежа. Узнав об этом, император повелел против них послать равносильный отряд, но отправленные действовали вяло и не отважились осадить их – не потому, что они боялись росов, но потому, что укрепление казалось им прочным и непреодолимым. Император легко разрешил затруднение: вооружившись, он сам устремился пешим впереди прочих воинов, которые при виде этого тотчас же схватили оружие и бросились за ним; каждый спешил опередить государя, и с военным кличем и шумом они кинулись на укрепление. Росы с ожесточением выдержали осаду, но *ромей*, зажегши во многих местах огонь, таким путем преодолевали сопротивление – не перенеся силы огня и ромейского оружия, *росы* попрыгали *со стен* и побежали; многие из них были уничтожены пламенем, многие брошены с крутизны, а прочих ожидали меч либо плен. Таким образом, весь город не устоял и был взят за два дня. Обретя и захватив его, император оставил в нем достаточный отряд, щедро снабдив его всем необходимым для существования и переименовал город, назвав его по своему имени Иоаннополем. Проведя там праздник святой Пасхи, он выступил на следующий день к Доростолу, который называется также Дристроу.

Когда Свендослав услышал о взятии Преславы, он пришел в замешательство, однако не оставил свои замыслы, а стал ободрять своих, призывая проявить себя свыше обычного доблестными мужами, и распорядился сделать все остальное, что было нужно. Умертвив всех болгар, находившихся в подозрении, числом около трехсот, он выступил против ромеев. Император же, заняв по пути некоторые города, поставил над ними стратигов и продвигался, опустошая многие укрепления и поселения, которые он отдавал на разграбление воинам. Когда разведчики сообщили о приближении каких-то скифов, он отрядил отобранных воинов, поставив над ними Феодора из Мисфии в качестве военачальника, и поручил ему, идя впереди войска, разузнать о числе врагов и дать знать об этом; если же будет возможно, то попытать их силу перестрел-

кой. Сам же *император* следовал позади, выстроив все войско в боевой порядок. Подойдя к врагам, Феодор и его воины стремительно напали на них. Росы, опасаясь засады, не двигались вперед; многие из них были ранены, некоторые пали, и они стали отступать. Рассеявшись по соседним горам и поросшим лесом лощинам, которые были глубоки и обширны, они по горным тропам добрались до Дристры. Количество их достигало семи тысяч, напавших же на них и обративших их в бегство ромеев было триста. Присоединившись к Свендославу, скифы подняли с места все множество его войска – а насчитывалось их триста тридцать тысяч – и разбили лагерь в двенадцати милях от Доростола, где с ожесточением и мужеством ожидали приближения императора.

Ромеи же, гордясь недавними победами, ожидали сражения, которое должно было решить все. Они надеялись, что им будет содействовать Бог, возлюбивший не зачинщиков несправедливости, но постоянно помогающий тем, который терпят обиду. Не только мужественные, но даже робкие и слабодушные, горячо стремясь к предстоящей битве, стали смелыми и отважными. И вот войска сблизились. И император, и Свендослав стали воодушевлять своих подходящими к случаю словами поощрения, зазвучали трубы, и возбужденные в равной степени войска столкнулись между собой. Натиск ромеев был при первой стычке так силен, что ряды варваров дрогнули и многие из них пали. Враги, однако, не отступили и не дали ромеям возможности перейти к преследованию – приободрившись, скифы снова кинулись с военным кличем назад на ромеев. В течение некоторого времени борьба была равной, когда же день стал склоняться к вечеру, ромей, поощряя друг друга и как бы закалившись от взаимных призывов, стали теснить левое крыло скифов и многих опрокинули своим непреодолимым напором. Росы пришли на подмогу пострадавшим, император же отправил на помощь тех, кто находился около него, и сам двинулся за ними с развернутыми императорскими знаменами, потрясая копьем, часто понукая шпорами коня и побуждая воинов боевым кличем. Завязалась жаркая схватка, и не раз менялось течение битвы (говорят, будто двенадцать раз приобретала борьба новый оборот); наконец росы, избегая опасности, рассеялись в беспорядочном бегстве по равнине. Преследуя и настигая бегущих, ромей их истребляли; мно-

гие были убиты, еще больше было захвачено в плен, те же, которые спаслись от опасности, укрылись в Доростоле.

Вознеся за победу молитвы победоносному мученику Георгию (ибо столкновение с врагами произошло в день, посвященный его памяти), император на другой день сам двинулся к Доростолу и, оказавшись там, стал укреплять лагерь. Однако осаду он не начинал, опасаясь, что росы удалятся на кораблях по реке, никем не охраняемой. Расположившись станом, он ждал прихода ромейского флота. Между тем Свендослав приготавливался выдержать осаду; находившихся у него пленных болгар, числом около двадцати тысяч, он, опасаясь их восстания, приказал заковать в колодки и в цепи. Когда прибыл флот, император приступил к осаде и неоднократно отражал вылазки скифов. В один из дней, когда ромеи рассеялись в вечернее время для принятия пищи, конные и пешие варвары, разделившись на две части, устремились из двух ворот города – из восточных, которые было приказано охранять стратопедарху Петру с фракийским и македонским войском, и из западных, к которым был приставлен сторожить Варда Склир с воинами Востока. Вышли они, выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились верхом на лошадях, в предшествующих же сражениях бились пешими. Ромеи встретили их с ожесточением, и завязался упорный бой. Борьба долго шла с равным успехом, наконец ромеи обратили варваров в бегство своей доблестью и, прижав к стене, многих перебили в этой стычке и всего более – всадников. Ни один из ромеев не был ранен, и только три лошади были убиты. Собравшись внутри стен, разбитые варвары провели наступившую ночь без сна и оплакивали павших в сражении дикими и повергающими в ужас воплями, так что слышавшим их казалось, что это звериный рев или вой, но не плач и рыдания людей. Едва наступило утро, все воины, рассеянные по различным укреплениям для их охраны, были созваны в Доростол; они сошлись быстро. Император же двинул все свои силы, вывел их на равнину перед городом и начал вызывать варваров на битву. Но так как они не вышли, он воротился в лагерь на отдых. И прибыли к нему послы из Константины и других крепостей, лежавших по ту сторону Истра; они умоляли простить им все плохое и отдавали себя и свои укрепления в его руки. Благосклонно приняв их, император послал занять крепости, а так-

же отправил войско, необходимое для их охраны. Когда наступил вечер, все ворота города открылись, и росы, будучи в большем, нежели прежде, числе, напали на ромеев, которые не ожидали этого ввиду приближения ночи. И казалось, что вначале они имели перевес, однако немного спустя ромеи взяли верх. Но когда был убит геройски сражавшийся Сфангел, эта потеря связала и ослабила их натиск. Тем не менее, в течение всей ночи и на следующий день до самого полудня они продолжали сильное сопротивление. Когда затем посланные императором силы отрезали варварам дорогу в город, росы, узнав об этом, ударились в бегство. Находя путь к городу перехваченным, они разбежались по равнине, где их настигали и умерщвляли. С наступлением ночи Свендослав окружил стену города глубоким рвом, чтобы нелегко было при наступлении ромеям приблизиться к городской стене. Укрепив таким способом город, он решил смело выдержать осаду. Когда же многие воины стали страдать от ран и надвигался голод, ибо необходимые запасы истощились, а извне ничего нельзя было подвезти из-за ромеев, Свендослав, дождавшись глубокой и безлунной ночи, когда с неба лил сильный дождь и падал страшный град, а молнии и гром повергали всех в ужас, сел с двумя тысячами мужей в челны-однодеревки и *отправился* за продовольствием. Собрав где кто мог зернового хлеба, пшени и прочих жизненных припасов, они двинулись по реке на однодеревках в Доростол. Во время обратного плавания они увидели на берегу реки многих обозных слуг, которые поили и пасли лошадей либо пришли за дровами. Сойдя со своих судов и пройдя бесшумно через лес, *варвары* неожиданно напали на них, многих перебили, а прочих принудили рассеяться по соседним зарослям. Усевшись снова в ладьи, они с попутным ветром понеслись к Доростолу. Великий гнев охватил императора, когда он узнал об этом, и он сурово обвинял начальников флота за то, что они не знали об отплытии варваров из Доростола; он угрожал им даже смертью, если нечто подобное повторится еще раз, и после того оба берега реки тщательно охранялись. Целых шестьдесят пять дней вел император осаду, и так как ежедневно происходившие стычки были бесплодны, он решил попытаться взять город блокадой и голодом. Ввиду этого он велел перекопать рвами все дороги, везде была поставлена стража, и никто не мог в поисках продовольствия выйти из города;

[сам же император] стал выжидать. Так обстояло дело с Доростолом...

* * *

...Внутри города скифов терзал голод, снаружи они терпели урон от стенобитных орудий, особенно в том месте, где охрану нес магистр Иоанн, сын Романа Куркуаса; находившийся там камнемет причинял им немалый вред. Выделив самых отважных воинов, имевших тяжелое вооружение, и смешав их с легковооруженными, *скифы* посылают их против указанного орудия, чтобы они постарались его уничтожить. Дознавшись об этом, Куркуас во главе сильнейших своих воинов поспешил на защиту *орудий*.

Оказавшись посреди скифов, он упал вместе с конем, который был ранен копьем, и погиб, изрубленный на части. Подоспевшие ромеи напали на росов, отстояли орудия в целости и оттеснили скифов в город.

Наступил июль месяц, и в двадцатый его день росы в большом числе вышли из города, напали на ромеев и стали сражаться. Ободрял их и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж по имени Икмор, который после гибели Сфангела пользовался у них наивеличайшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения. Видя, как он мужественно сражается, ободряет и воодушевляет других и приводит в замешательство ряды ромеев, Анемас, один из императорских телохранителей, сын царя критян Курупа, не смущаясь ростом этого мужа и не боясь его силы, воспламенил свое сердце яростью, заставил своего коня *несколько раз* прыгнуть в разные стороны, извлек висевший у бедра клинок, бешено устремился на скифа и, ударив его мечом в левое плечо повыше ключицы, перерубил шею, так что отрубленная голова вместе с правой рукой упала на землю. Когда скиф свалился, Анемас невредимым вернулся в свой стан.

Из-за этого подвига поднялся сильный шум, ибо ромеи радостно кричали по случаю победы, скифы же вопили нечто непонятное и утратили свое воодушевление. Ромеи усилили свой натиск, и те, обратившись в бегство, бесславно удалились в город. Немало было в этот день убитых – одни были растоптаны в тесноте, других же, настигая, перекололи ромеи. Если бы не наступление ночи, то и сам Свендослав не избежал бы плена. Спасшись от опасности и находясь за стенами, *скифы*

подняли великий плач из-за смерти Икмора. Снимая доспехи с убитых варваров, ромеи находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев.

Итак, война шла неудачно для варваров, а на помощь им не приходилось надеяться. Одноплеменники были далеко, соседние народы из числа варварских, боясь ромеев, отказывали им в поддержке; у них не хватало продовольствия, а подвезти его было невозможно, поскольку ромейский флот тщательно охранял берега реки. К ромеям же каждый день притекали, как из неисчерпаемого источника, всевозможные блага и постоянно присоединялись конные и пешие силы. Не могли варвары и удалиться, сев в свои челны, ибо выходы, как мы уже сказали, тщательно охранялись. Когда они собрали совещание, то одни советовали тайно удалиться ночью, другие – вернуться домой, попросив у ромеев мира и залогов верности, ибо нет другого пути к возвращению. Некоторые советовали предпринять и другие меры соответственно обстоятельствам, и все сходились на том, что следует окончить войну. Свендослав же убедил их решиться на еще одну битву с ромеями и – либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх? Совет Свендослава пришелся им по нраву, и все согласились встретить общими силами крайнюю опасность для их жизни. На рассвете следующего дня варвары поголовно выступили из города. Чтобы никому не было возможности спастись бегством в город, они заперли за собою ворота и бросились на ромеев. Завязалось ожесточенное сражение. Варвары бились отважно, и ромеи в тяжелых доспехах, изнуряемые жаждой и сожигаемые солнцем (был как раз самый полдень), стали поддаваться *натиску*. Узнав об этом, император прискакал на помощь со своими воинами и принял на себя главный удар, а утомленному солнцем и жаждой воинству приказал доставить мехи, наполненные вином и водой. Воспользовавшись ими, избавясь от жажды и зная и собравшись с силами, они стремительно и неистово бросились на скифов; те, однако, достойно их приняли. Пока император не заметил, что место битвы очень тесно, она

продолжалась с равным успехом. Но он понял, что по этой причине скифы теснят ромеев и мешают им совершать деяния, достойные их силы, и вот стратигам было приказано отойти назад на равнину, отодвинувшись подалее от города и делая при этом вид, будто они убегают, но на деле не бежать сломя голову, а отходить спокойно и понемногу; когда же преследователи будут отвлечены на большое расстояние от города, *им надлежит*, неожиданно натянув поводья, повернуть лошадей и напасть на врага. Приказание было исполнено, и росы, считая отступление ромеев настоящим бегством, с военным кличем устремились за ними, подбадривая друг друга. Но когда ромеи достигли назначенного места, они повернулись и отважно ринулись на врагов. Там завязалась жестокая битва, и случилось, что стратиг Феодор из Мисфии, конь которого был сражен пикой, упал на землю. В этом месте закипела упорная схватка, ибо росы порывались его убить, а ромеи старались защитить его. Этот Феодор, свалившись с лошади, схватил какого-то скифа за пояс и, двигая его силой своих рук во все стороны как небольшой легкий щит, прикрывался им от летящих в него копий, а сам, обороняясь таким образом, понемногу отступал, приближаясь к ромеям, которые оттеснили наконец скифов и спасли этого мужа от опасности. И хотя битва не была решена, оба войска закончили борьбу.

Видя, что скифы сражаются с большим жаром, нежели ранее, император был удручен потерей времени и сожалел о ромеях, переносивших страдания мучительной войны; поэтому он задумал решить дело поединком. И вот он отправил к Свендославу посольство, предлагая ему единоборство и говоря, что надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властелином всего. Но тот не принял вызова и добавил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает более жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть он и изберет, какой захочет. Ответив столь надменно, он с усиленным рвением готовился к бою. Отказавшись от вызова на поединок, император старался всеми способами отрезать варварам доступ в город. Он назначил для этого предприятия магистра Варду Склира с теми отрядами, которые тот возглавил, а патрикию Роману, который был сыном государя Константина, яв-

лявшегося сыном Романа Старшего, вместе со стратопедархом Петром было приказано с их силами напасть на врагов. И они ринулись на скифов и сражались упорно. Но и те сопротивлялись отчаянно. Долгое время борьба оставалась равной, и много было в сражении перемен и изменений. Но вот Анемас, сын критского эмира, повернул своего коня, сильно ударил его шпорами и с юношеской отвагой помчался на самого Свендослава. Разорвав вражеский строй, он нанес ему удар мечом в середину головы, сбросил с коня, но не убил, так как помешали бывшие на нем доспехи. Сам же Анемас был окружен и, подвергаясь со всех сторон нападению многих, погиб, геройски закончив жизнь и возбуждая великое удивление даже среди врагов.

Говорят, что ромеи получили тогда и божественное вспоможение. Ибо в тылу их поднялась буря и ударила в лицо скифам, не давая им возможности осуществить задуманное для битвы. И все ромейское войско увидело некоего мужа, который сражался впереди всех на белом коне, теснил врагов и приводил в беспорядок их строй; ни раньше, ни позже никто его не знал и потому его сочли Феодором, одним из победоносных мучеников. Император всегда прибегал к таким защитникам и заступникам против врагов, да и сражение это произошло в тот самый день, в какой всегда празднуется память *Феодора* Стратилата. И некая почитаемая в Византии жена имела о том знамение от высшей силы. За день до битвы она видела во сне, что стоит рядом с Богородицей и слышит, как та говорит, обращаясь к некоему воину:

“О досточтимый Феодор! Мой и твой Иоанн находится в опасности; поторопись же его выручить”. И когда взошло солнце, она поведала об этом соседям; таково было видение. А между тем скифы обратились в бегство, но, найдя городские ворота запертыми, бросились от Склира врассыпную по равнине и погибли без числа, растаптываемые своими же и избиваемые ромеями, а остальные почти все были изранены. Почитая мученика *Феодора* и желая воздать ему благодарность за помощь, император *впоследствии* повелел разобрать до основания церковь, где покоились святые его останки, и воздвигнуть на том месте большой и прекрасный храм, которому преподнес щедрые дары. Город же Евхания был переименован в Феодорополь.

Свендослав, используя все средства и во всем потерпев неудачу, не имея уже никакой

надежды, склонился к заключению договора. Он отправил к императору послов, прося залогов верности и внесения в число союзников и друзей ромеев, чтобы ему со всеми своими дозволено было удалиться невредимыми домой, а скифам, если пожелают, – безопасно приходить по торговым делам. Император принял послов и согласился на все, о чем они просили, произнеся известное изречение, что обыкновение ромеев состоит в том, чтобы побеждать неприятелей более благодеяниями, нежели оружием. После заключения договора Свендослав попросил о личной встрече и о беседе с императором; тот согласился, и оба, встретившись и поговорив, о чем им было нужно, *затем* расстались. По просьбе Свендослава император отправил посольство к пачинакам, предлагая им стать его друзьями и союзниками, не переходить через Истр и не опу-

стошать Болгарию, а также беспрепятственно пропустить росов пройти через их землю и возвратиться домой. Назначен был исполнить это посольство Феофил, архиепиев Евхаитский. *Пачинаки* приняли посольство и заключили договор на предложенных условиях, отказавшись только пропустить росов. Когда росы отплыли, император укрепил крепости и города на берегах реки и возвратился в ромейскую державу.

* * *

Когда Свендослав возвращался домой и проходил через землю пачинаков, то они заранее подготовили засаду и ожидали его. Подвергшись нападению, он и все его войско были совершенно истреблены. Пачинаки были раздражены тем, что он заключил с ромеями договор.

Примечания

¹ Написание имени Святослав по-гречески совпадает у Скилицы и у Льва различается лишь русская транскрипция.

² В Повести временных лет – Свенельд.

Источник: Ioannis Skylitzae Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. – Berolini; Novi Eboraci, 1973; Лев Диакон. История / Перевод М. М. Копыленко. Статья М. Я. Сюзюмова. Комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. Отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М.: Наука, 1988.

Никифор Вриенний

Νικηφόρος Βρυέννιος – Nicephorus Bryennius

Никифор Вриенний (1062–1137), византийский государственный деятель и историк. Родился в Орестее (Адрианополе) в аристократической семье, родоначальником которой также назвался Никифором и в 1057 г. был этнархом и префектом Каппадокии. Его прадед имел сан куропалата и известен в истории как военачальник, успешно противостоявший скифам и ослабивший их могущество. Дядя его командовал сильным легионом царских войск в Болгарии и Даррахии, но по случаю возникшей тогда борьбы партий, домогаясь престола вооруженной рукою, был разбит, взят в плен и ослеплен. В этом же самом сражении схвачен и лишен зрения отец Никифора Вриенния. Пришедший к власти и основавший новую династию византийских государей Алексей I Комнин удостоил четверовластника Никифора Вриенния звания кесаря и паниперсеваста¹ и выдал за него свою дочь Анну Комнину. По просьбе императрицы Ирины составил исторические записки,

охватывающие 976–1087 гг., т. е. период между царствованием Василия II Дуки и утверждением на престоле Алексея I Комнина. В заговоре Анны, задумавшей после смерти отца убить своего брата Иоанна и возвести на престол супруга решительности не проявил и был оставлен при дворе, тогда как Анну брат заточил в роскошных покоях при монастыре. Записки Никифора, которые Анна широко использовала в своем сочинении «Алексиада», считались утраченными вплоть до XVII века, когда в Тулузе в кодексе с древнейшим списком 15 книг «Алексиады» иезуит Петр Поссевин обнаружил какое-то древнее сочинение, длинное, но без надписания, без имени сочинителя и без начала. Как он в последствии убедился, это оказалось не «непомерно длинное предисловие» к подлинному списку сочинения Анны, а старательно переписанные рукой самой Анны записки Никифора Вриенния Кесаря, похищенные из Константинополя крестоносцами.

Подробнее см.: Краткие сведения о Вриеннии и его записках // Никифор Вриенний. Исторические записки (976–1087) / Перевод Санкт-Петербургской духовной академии [1858]. Отв. ред. и автор комментариев А. А. Калинин. – М.: Посев, 1997.

Никифор Вриенний

Исторические записки

Перевод Санкт-Петербургской духовной академии

Примечания А. А. Калинина

Предисловие

Цель этих записок – показать, что Алексей Комнин справедливо поступил, отняв у Вотаниата верховную власть. В них повествуется о возмущении Вотаниата против Михаила Дуки; о попытке Алексея предоставить престол Константину, брату Михаила Дуки, и другому Константину, сыну Михаила Дуки; о различных кознях против Алексея, и о том, что, подвергаясь опасностям, он содействовал возвышению неблаговременных властителей, но что, овладев престолом, предупредил и разрушил козни ненавистников и в сотоварищи управления царством принял юного Константина, подав ему надежду наследования престола; также о побуждении, по которому принято это сочинение, о его цели и образе изложения.

С восточной стороны государства против Михаила Дуки² восстает Никифор Вотаниат³ и, взяв верх, похищает царский престол. Ему, как мы сказали, вверено было управление восточными войсками и областями, а он тому самому, коего доверенностью пользовался, заплатил злом и сделал это по мысли и сговору некоторых негодных людей, вовсе не помышлявших о благе государства и не научившихся сохранять верность к тем, кому они должны были быть верными; весь же народ так, без размышления последовал их желанию; ибо между людьми зло обыкновенно бывает сильнее, чем добро. Да и то опять: толпа любит потешаться такими переворотами. И так на высоту царского престола возводится Вотаниат. В ранние годы своей жизни он обнаруживал много ума и силы в руке, но теперь, утомленный старостью и временем, истощивший некогда свое честолюбие на удалство и потерявший едва не всю живость деятельности, не имел уже сил достойно стоять на такой высоте. Когда же принял он царский скипетр и предпочтен был тому, кто имел на него естественное право (а таков был брат Михаила Дуки, Константин Порфирородный⁴); тогда Алексей Комнин⁵, видя всю неуместность этого порядка дел, так как тут и не уважен законный наследник, и не вспомнено право на престол рода Комниных, ради прежде царствовавшего дяди Алексея, Исаака

Комнина⁶, которого (тогда при воцарении) с таким желанием все единодушно возвели на престол и поставили над собой василевсом, так что казалось более справедливым быть избранным теперь кому-нибудь из тех, кто ведет род свой прямо от него, видя все это, Алексей Комнин скорбел, болезновал сердцем, сгорал ревностью по правде, всеми попранной, и не мог более переносить такого положения дел. Между тем как получавшие в то время жребий владычества, достигнув своей цели, помышляли только о своей выгоде, а гибель ромейского царства вменяли ни во что, – он с пронзенным сердцем, показывая благородство своей души, не мог при таком ходе дел оставаться в покое и терпеть, чтобы имеющий право на престол подчинялся другому, не имеющему на то права.

О том, как Комнин обращался к брату Михаила⁷ Дуки и своими усилиями и внушениями старался посадить на царском престоле Михайлова сына, как он, надев ему на ноги багряные сандалии, ввел его во дворец, как в то время, когда они проходили по главным улицам, народ будто одними устами громко кричал, что этого он не хочет иметь василевсом, и как упомянутое дитя, испуганное таким криком и уstraшенное словами народа, отвратилось душой от сделанного ему предложения (просило и Комнина оставить это намерение и не неволить его более), – обо всем том рассказ – в устах каждого, это подтверждают люди благомыслящие и все, кто не пил воды забвения и помнят бывшее. После этого Комнин решил идти к своей цели другим путем. Он привел юного Константина к Вотаниату и, напомнив последнему о естественном праве, принадлежащем этому дитяти по наследству, предложил ему благоразумный совет – поэкономнее пользоваться доставшейся ему властью, именно: принять благосклонно и с честью брата Дуки как брата прежнего его господина и василевса и дать ему титул лица царственного, на деле же управлять царством самому Вотаниату, до конца жизни, а потом возведет на престол этого наследника (то есть Константина, сына Михаила), могущего к тому

времени сделаться уже способным управлять царством.

Но и этот план не удался, и Комнин своей смелостью выиграл только то, что его стали подозревать – как Вотаниат с его приближенными, так и многие другие, особенно же два Вотаниатовы раба, Борил и Герман⁸, – люди наемные, незнатного рода, ничего не смыслящие в делах, касающихся общественного блага. Последние задумали уже погубить Комнина, а вместе с тем устроить гибель и порфирородному брату Дуки, что, когда лишится он такого охранителя и останется без всякой защиты, было бы уже весьма сподручно клеветникам. С этой целью они посылают Комнину указ, предписывающий ему удалиться из столицы. Но как только этот указ дошел до рук Комнина, он сам лично явился с ним к василевсу и объяснил ему все дело. Василевс, пристыженный чрезвычайным благородством и рассудительностью этого мужа и помнивший о многих героических его подвигах, потупил глаза и, браня составителей указа, отменил это дело. Итак, замысел о высылке тогда не осуществился. Но Вотаниат снова подчинился влиянию упомянутых рабов и, всячески вводимый в заблуждение частыми их наущениями и подстрекательством, задумал ослепить Комнина.

Впрочем, из уважения к справедливости и истине, не хотел он привести эту мысль в исполнение так прямо – с открытой бессовестностью, но изобрел иной способ подвергать невинного различным опасностям и под благовидным предлогом поставить его в затруднительные обстоятельства, чтобы потом вызвать против него обличение от лица самой истины. Для этого всякий раз, как встречалось какое-нибудь дело, требовавшее великого ума и сильной руки, или заставлявшее приняться за оружие, – дело, в совершении которого надлежало показать силу духа и подвергнуться неизбежной опасности, – тотчас выбор, преимущественно перед всеми, падал на Комнина, и такие великие и трудные дела всегда предлагались ему с той мыслью, что он – или послушается приказания и с героическим мужеством, по своему обыкновению, совершая какое-нибудь из подобных дел, падет среди мечей и, получив опасную рану, падет в битве, особенно если для предстоящего дела не дать ему достаточного количества войск; или, когда не послушается либо совершит дело не так, как будет предписано, – подаст повод

справедливо обвинить его и подвергнуть законной казни.

Между тем от Вотаниата отложились уже Вриенний⁹ и Васибеки¹⁰ – мужи, по происхождению благородные и знаменитые, не могли сносить, чтобы на царском престоле восседал тот, кто, как они знали, был, подобно им, изменником василевсу Михаилу и виновен в одном с ними преступлении. Прежде они возмутились против Михаила, а теперь тоже самое решились сделать и в отношении к Вотаниату, поэтому вооружились против него со множеством войск и немаловажными силами. Для отражения этих мужей, противником и вождем, по указу василевса, тотчас назначается Комнин, имевший тогда сан великого доместика¹¹.

И вот он выступает против них, отважно завязывает битву, схватывается с ними не один раз, но многократно, подвергая опасности свою жизнь, и, наконец, побеждает противников, приобретает славный трофей, берет в плен враждебных вождей и, приведя их в царственный город, отдает василевсу. Об этом знают все, и эти события переходят из уст в уста, так что нет ни одного благомыслящего человека, которому они были бы неизвестны. Никогда Комнину за эти и многие другие с истинным мужеством и героизмом совершенные им великие дела не было никакого воздаяния и возмездия; всегда, напротив, он замечал одну злую зависть, интриги и козни, как бы воздать ему за добро злом, вырвать у него глаза и погубить его, а вместе с ним стереть с лица земли и Порфирородного: тогда это было для него уже невыносимым. Потому, видя, что все его дела обращаются ему во зло, и помня, что некогда его дядя добровольно¹² передал другому свое наследство¹³ [...] нынешнему обладателю престола никто из царского рода не передал его, следовательно, в это наследие втиснулся другой – человек совсем посторонний, и вместе заботясь о собственной безопасности, как бы не потерпеть чего худого, ибо много уже было против него замыслов, он удалился из столицы и удалился в Адрианополь.

Обнаружив, что собранные там войска большей частью недовольны царствованием Вотаниата, а ему преданы, так как под его предводительством совершили много доблестных подвигов и заставляют его даже насильно провозгласить себя василевсом, Комнин пошел навстречу их желанию и объявил о своем наследственном праве на престол после своего

дяди. С этого времени он берет в свои руки скипетр правления, не имея однако же в мыслях лишиться участия в управлении Порфирородного, когда он придет в надлежащий и требуемый для управления возраст. Да и мог ли иначе поступить тот, кто прежде употреблял все средства для возведения на престол Михайлова брата? С этой целью он тотчас обручает с ним собственную дочь¹⁴, делает его участником в царствовании и в делах управления, дает ему право принимать обыкновенные приветствия и подписываться на грамотах красными чернилами, обещая ему через это в будущем царское достоинство и свидетельствуя, что имеет твердое намерение возвести его на царский престол, когда придет время, – когда он возбудит в народе доброе к себе расположение и погасит в нем прежнюю к себе неприязнь.

И этот план осуществился бы, если бы прежде вкравшаяся в Порфирородного тяжкая болезнь позволила ему взойти на такую высоту власти и не восхитила его вскоре из среды живых¹⁵. Да и сам Вотаниат, когда Алексей Комнин, сделавшись василевсом, подступил к столице, не восстал и не вооружился против него, но, признавая за ним принадлежащее ему по родству право на царство, сложил с себя власть без борьбы и не хотел оспаривать ее оружием и войной, когда внутри – в душе воевала против него совесть и поражала его с той и другой стороны, т. е. представляя ему неродственность с царским домом его самого и родство с ним Алексея Комнина¹⁶.

Итак, Комнин не иным каким-нибудь способом достиг царской власти, но путем права, потому что был кровным родственником дома Комниных¹⁷ и находился в близком родстве с Дуками. Взяв себе подругу жизни из рода Дук, он сочетал оба эти рода воедино и образовал из них как бы одно (родовое) дерево. Притом, отличающееся древностью, как говорят, достойной большого уважения. Поэтому, уважая древний дом Комниных и Дук и того, кто происходил из него, как, например, Алексея Комнина, почитая имеющим большее право на царство, чем кого другого, все охотно избрали его в василевсы. Ведь если бы кто захотел по истечении времени оглянуться назад, то нашел бы, что род Дук есть первая отрасль поколения великого Константина; потому что и тот первый Дука, принадлежавший к числу лиц, вслед за великим Константином оставивших древний чин и переселившихся в новый,

по крови был ближайшим его родственником, именно племянником, которого он возвел в сан дуки константинопольского. От него уже и все потомки его стали называться Дуками.

Таким образом Алексей возвратил своему роду царскую власть и, как сам возвысившись ею, так возвысив и ее, – поскольку множеством великих дел наполнил восток и запад, о чем свидетельствуют события, – перед смертью передал скипетр сыну своему Иоанну¹⁸, имевшему на то двойное право: то есть, по происхождению и от рода Комниных, в котором царская власть, как выше сказано, сделалась наследственной, и от рода Дук, благородным плодом которого была его мать¹⁹. Да и кто после Порфирородного, тогда уже умершего, мог иметь большее право на престол? Отсюда видно, что тот славнейший между василевсами Алексей за присвоение царского скипетра не только не заслуживает обвинения, но еще, по суду людей здравомыслящих, – должен быть почитаем как человек, достойный похвал, и представляем как добрый пример и образец для потомков, чтобы и другие, как только видят, что естественные их владыки не уважаются и что перешедшее к ним от предков право отнимается у них, вступались за тех, кто терпит несправедливость, и прилагали все старание к тому, чтобы защитить их и возвратить им то наследие, которого их лишают. Если где, по неблагоприятным обстоятельствам, они достигнуть этого не могут, то чтобы насилью притеснителя противопоставляли силу и изгоняли того, кто изгнал их из их наследия, не позволяя ему наслаждаться плодами злой своей изворотливости, так как несправедливо поступающие по отношению к другим не должны пользоваться тем, чего лишают других. Те, кто тогда понимали это иначе и не только не присоединились к Комнину или, что все равно, к Дуке для возвращения им наследственного права, но еще некоторым образом противодействовали им, не бросая оружия и не кланяясь природному их владыке, за которого скорее надлежало бы им поднять оружие, те какого не заслужили наказания! Они достойны были не только потери денег, имущества и всякого рода лишений, но и самой смерти, и притом смерти тяжкой и плачевнейшей. Иначе каким бы образом Бог сохранил первых от злостраданий, если бы последним не мерил той же мерой, какой они мерили? Так как они забыли естественное право и немилосердно действовали в отношении к природному своему властителю, то

справедливо и им испытать немилосердие свыше и как враждующим против самого Бога подвергнуться жестокой казни. А что это вступление на престол Алексея Комнина совершилось по мановению свыше и по Божьей воле, о том ясно свидетельствует состояние ромейского царства; ибо с того времени дела в нем пошли к лучшему и постоянно улучшаются донныне. Теперь, по благоволению и милости Божьей, как на востоке, так и на западе все идет удачно; добрые последствия явно указывают и на доброе начало.

Итак, из всех известных нам подвигов, ты, мудрейшая по уму и сердцу²⁰, предложила мне самый важный – описать деяния великого Алексея, который, приняв в управление ромейские области во времена трудные, когда дела ромеев находились в совершенном упадке и готовы были совсем расстроиться, – всецело восстановил их и возвысил до величайшей славы. Соединив мудрость с мужеством, и сказать нельзя, сколько трофеев доставил он ромеям быстротой своих действий; так что *своими подвигами* иных неприятелей обратил

в бегство, других поработил, а некоторых сделал ромейскими союзниками. Описание его деяний было бы трудно, превышало бы мои силы, и я отказался бы от этой работы, если бы не понуждала меня к тому геркулесова сила, внушающая мне этим кратковременным трудом хоть как-то возблагодарить за полученные мной величайшие блага. Да и чем другим мог бы я достойно воздать (Алексею) за все, что он воздал мне; когда бы обошел молчанием его деяния и попустил им покрыться глубоким мраком забвения? Если же мое слово не в состоянии будет высказать все, то да не подвергнется оно за это ни от кого порицанию; ибо не историю писать и не похвалы сплетать ему я намерен: это не без труда могло бы быть сделано даже со способностями Фукидида²¹ и с красноречием Демосфена²². Я приступаю к сему делу, имея в виду только подать некоторый повод другим, которые захотели бы описывать его деяния. Моему слову да будет имя лишь исторического материала. Но время уже нам начать.

Книга I

1. Одним из рода Комниных был знаменитый Мануил²³. Он служил посредником по случаю сношений и мирных условий между тогдашним скиптродержцем Василием²⁴ и Вардой Жестоким²⁵, тиранствовавшим многие годы и опустошившим едва не весь восток, и, стараясь соединить в одно целое разторженные части ромейского царства, очень умными и решительными своими действиями в самом деле соединил их²⁶. У этого Мануила было два сына, старший назывался Исааком, а младший – Иоанном²⁷. Оба они были еще очень малы, и потому отец их, заболев и заметив, что приближается к концу, вздумал того и другоговерить василевсу; ибо матери, охранительницы их жизни, лишились они давно. Возымев это прекрасное намерение, он осуществил его, действительно передал своих сыновей василевсу. Василевс, отличавшийся кротостью и умевший уважать благородство, – и сказать нельзя, как заботился об этих детях. Он поставил над ними педагогов (воспитателей) и педотривов (учителей), и одним приказал образовывать нрав юношей, а другим – учить их воинскому делу – искусно вооружаться, закрываться щитом от вражеских стрел, владеть копьем, ловко управлять конем, бросать стрелу в цель, вообще – знать тактику, то есть уметь как следует построить

фалангу, рассчитывать засады, приличным образом располагать лагерь, проводить рвы и все прочее, относящееся к тактике. Место для этих занятий отведено было в Студийской обители²⁸ – по двум причинам: во-первых, потому, чтобы они, подражая наилучшим мужам, и в добродетели усовершенствовались; во-вторых, потому, чтобы, находясь вне города, удобнее могли отправляться на охоту и заниматься оружием.

2. Когда же оба они достигли совершеннолетия – тотчас были причислены к придворным чинам; ибо у ромейских василевсов было в обычае – детей, принадлежащих вельможам и людям благородным, причислять к своей придворной свите²⁹. Затем немного прошло времени, как они достигли уже великих почестей, сделались епархами, начальниками фаланги и вождями. Так как этим столь знаменитым по происхождению юношам надлежало и браки устроить блистательные, то и это было для них сделано. Исаак женился на старшей дочери болгарского василевса Самуила³⁰, по имени Екатерина; а Иоанн – на дочери Алексея Харона, которому василевс вверил дела Италии, человека рассудительного и мудрого, могучего и смелого, который и прозвание получил от мужества, – ибо назван Хароном оттого, что на кого бы из противников

ни нападал, убивал его насмерть. Женившись на его дочери Анне, по матери происходившей от Далассинов – от тех знаменитых Адрианов и Феофилактов, Иоанн сделался отцом прекрасных детей. Из них пять были сыновья – Мануил, Исаак, Алексей, Адриан, Никифор, и три дочери – Мария, Евдокия и Феодора, которые оставались в живых до его смерти, ибо он при них окончил жизнь. Но об этом после; а теперь будем рассказывать, что следует.

3. Восходя от почестей к почестям, оба брата до конца сохранили единодушие: младший во всем повиновался старшему, а старший отдавал должную честь младшему. Когда же Исаак возведен был на высоту царскую, тогда брата почтил он саном куропалата³¹ и объявил его начальником западных войск, которого некогда называли domestikом схол, а теперь титулуют великим domestikом. Лишним делом было бы говорить об Исааке, как он получил царский скипетр, сколько и как управлял царством. Желаящие могут читать об этом в историях. Что же касается до Иоанна, то, получив, как уже сказано, начальство над западом, он в своих делах оставил незабвенный памятник и фракийцам, и македонцам, и иллирийцам, и болгарам, начальствующим и подчиненным. И не было никого, кто не испытал бы душевной доброты этого мужа. Кроткий и умеренный, как никто из людей, он привлек к себе сердца всех, будучи всегда скор на благотворение и медленен на наказание. Много и других доказательств добродетели Иоанна, но не меньшей доблестью было и отречение его от царства. Как это случилось, покажет следующее повествование.

4. На третьем году своего царствования, брат его и василевс, переехав за Пропонтийский пролив, проводил время в предместье городка Омората, часто ездил на охоту и занимался гимнастикой (для поправления здоровья). Но эта гимнастика нисколько ему не помогала: его схватила обычная болезнь – колотье в боку. Три дня он перемогался, но, наконец, почувствовав себя нехорошо, сел на царский дромон³² и переехал во дворец. Тут немедленно озаботила его мысль, кто будет после него царствовать. Всем предпочитал он брата как человека добродетельного и способного управлять делами государственными. Поэтому Иоанн тотчас был призван, – и василевс начал следующую увещательную к нему речь: “Любезнейший брат! Конец жизни моей приблизился и понуждает меня к исходу. Те-

бе надобно принять на себя дела общественные и кормило правления: это будет полезно, думаю, не только тем, кто одной с нами крови, но и всем находящимся под властью ромеям. Итак, возложив на себя диадему, пока я еще дышу, возьми в свои руки дела; ибо многие, как тебе известно, с завистью посматривают на римское царство”. Выслушав эти слова, Иоанн решительно отказался от управления государственными делами и готов был скорее все потерять, чем взять их на себя. Таково было его расположение³³. Напротив, жена его, узнав, что говорил он василевсу, огорчилась его отречением и, сев возле мужа, обратилась к нему со следующими словами: “Для чего это ты, господин мой, обнажаешь меч против самого себя и против тех, которые должны быть тебе дороги, и никакой не имеешь заботы ни об этих несчастных малютках, ни обо мне? Разве не знаешь, что кто бы другой ни получил бы власть над ромеями, – поспешит истребить весь род наш, надеясь через то прочнее утвердить за собой царство? Что это мы с тобою так обесмыслились, что себя и любезных детей подвергаем видимой опасности и отказываемся от ромейского царства – этого для всех драгоценного блага? Что за философия, столь вредная, и что за смиренничанье, столь неблагоприятное! Нет, если ты хоть сколько-нибудь мне веришь, – спеш, как можно скорее, склониться к советам василевса и брата, и возьми в свои руки дела правления”.

5. Сказав это и еще больше этого (ибо сильна была словом и делом), но, не убедив мужа, она обратилась к просьбе и стала умолять его со слезами и воздыханиями; видя же, что он не смягчается и ко всему бесчувственен, и отчаявшись в возможности убедить его, замолчала и предалась скорби, скрывая ее в своем сердце. Таким образом Иоанн отрекся от царства, и василевс, видя, что болезнь его усиливается, и не надеясь более убедить брата, обратил свой взор на Константина Дуку – человека, обладавшего великими дарованиями. Он тотчас призвал его и, поговорив с ним об общественных делах, возложил на него диадему и венчал его царским венцом, сняв с себя наперед порфиру и заменив ее ангельской схимой (монаха). После этого василевс отвезен был в Студийскую обитель; а Дука, приняв бразды правления, тотчас начал истреблять любостыжательность и вводить повсюду уверенность и справедливость, что и удалось ему. Видя, что весьма многие вдалились в непра-

восудие, он обратил свое внимание на судопроизводство. Не взирая в суде на лица и не уклоняясь, по Пророку, ни на десную, ни на левую, но шествуя царским путем, он для обидчиков являлся строгим и грозным и пресекал все ухищрения неправды, а к обижаемым был приветлив и милостив. Равным образом и в отношении к тому, кто воцарил его, не оказался он неблагодарным, ибо, когда Исаак, прежде собиравшийся умирать, по принятии монашеской жизни и одежды и по удалении в Студийскую обитель, поправился от своей болезни и совсем выздоровел, – Дука оказывал ему всякие почести, именовал его владыкой и василевсом, уступал ему даже председательство, когда тот посещал его, – а посещал он его часто. И не Исаака одного чтит он, но и всех его родственников – жену, дочь, брата и прочих. Прожив таким образом год со времени наречения Константина василевсом, Комнин умер.

6. Но, законно проправив ромейским царством в продолжение целых семи лет, Дука и сам скончался; царскую же власть после него приняла жена его Евдокия с детьми – Михаилом и Константином³⁴. Потом вскоре после смерти Дуки умер и куропалат, оставив, как было сказано, восьмерых детей: пятерых мужского и трех женского пола, которых всех мать воспитала хорошо и достойно их рода. Две ее дочери, еще при жизни отца, были выданы замуж за людей благородных и богатых: старшая Мария – за Михаила Таронитского, вторая после нее Евдокия – за Никифора Мелисинского, человека мудрого и дивного, который по отцу происходил от рода Мортиев; последнюю же из всех, Феодору, мать, уже после смерти отца, выдала за сына Диогена³⁵ – Константина, тогда как отец его уже получил скипетр ромейского царства, – за человека благородного и храброго, но с характером, как после оказалось, не совсем похвальным. Такова была судьба этих девиц. Из сыновей же старший, Мануил, еще при жизни отца начал служить в войске и, подражая подвигам своих предков, старался сделаться достойным их. Второй после него, Исаак³⁶, шел по следам своего брата. Третий, Алексей, отличался весьма многими достоинствами: лицо его цвело такой красотой, какой не видели ни в ком другом; он был всегда весел и полон добросердечия. Но что можно сказать о нем равносильное чистоте его нрава и доблестям его души? Это был многосторонний образец красоты физической и нравственной –

как бы некоторый прекраснейший дар (Богу), составившийся из двух противоположностей. Остроумный и деятельный больше всех, кого мы видали сами, он вместе отличался такой кротостью души, что, кажется, совсем неодолеваем был для движений гнева. Еще не дождавшись совершеннолетия, он упросил свою мать отпустить его вместе с братом на войну: и действительно следовал за ним в военных его походах и показал примеры доблести – носил щит, превосходно действовал копьем и скоро заставил говорить о себе всех. Но с рассказами о нем надобно немного подождать; пусть наше слово идет последовательно. Простираясь таким образом вперед, по порядку, оно встретится с его деяниями после того, как упомянет о двух прочих его братьях. Эти братья были Адриан и Никифор, тогда еще очень малолетние. Мать приставила к ним учителей и приказала преподавать им науки, входившие в круг воспитания.

7. Когда бразды правления принял Диоген Роман³⁷, – первый из братьев, Мануил, сделался очень близким к василевсу и возведен в протостраторы³⁸, а немного спустя, наименован и главнокомандующим над восточными войсками. Тогда, переправившись через Пропонтиду, он расположился в Галатии, потому что турки начали уже опустошать восточные области. Но сперва надобно рассказать по порядку, кто такие турки, откуда они сначала вышли и как потом сделались соседями ромеев. Первоначально они жили на севере, по ту сторону Танаиса и Босфора, неподалеку от кавказских гор³⁹. Этот народ, издавна независимый, питавшийся молоком, многолюдный и весьма воинственный, никогда не был поработен никаким другим народом. Когда Персия покорена была сынами Агари⁴⁰ и владычество сарацинов простерлось не только на Персию, Мидию, Вавилон и Ассирию, но и на Египет, Ливию и немалую часть Европы и когда затем потомки Агари, восставая одни против других, разделили огромное свое царство на многие меньшие, из которых одно досталось одному, другое другому, что ввергло этот народ в междоусобные войны, тогда сын Иамвраила, Магомет, бывший вождем персов, мидян и мавританцев (во дни царствования Василия) и воевавший с индийцами и вавилонянами, заметив, что его дела идут безуспешно, счел нужным отправить посольство к предводителю гуннов⁴¹ и просить у него помощи, а для успеха посольства отправил к нему с послами и дорогие подарки. Послы возвра-

тились и привели с собой три тысячи ратников, имевших своими предводителями Странголипа и Мукалета, сына Макеила, которые, переправившись через Аракс⁴² по мосту, защищенному с той и другой стороны башнями, вступили в Персию. Присоединив таким образом к своему войску этих наемных турок, Магомет напал сперва на предводителя арабов Писсария и легко обратил его в бегство; а потом, возвратившись в свою землю, поспешно стал вместе с союзниками готовиться к войне и против враждебных индийцев. Но турки начали требовать и докучать, чтобы он отпустил их домой, предоставив им только охранение моста на Араксе. Когда же Магомет не хотел того и готов был употребить насилие, — они, боясь, чтобы не случилось с ними какой беды, решились отложиться от него и удалились в пустыню карбонитскую, откуда, не смея по своей малочисленности вступить в открытый бой со столькими тысячами, делали набеги на земли сарацинов и производили грабежи и убийства.

8. Раздосадованный этим, Магомет собрал войско почти в двадцать тысяч и выслал его против турок под предводительством десятка вождей, известных между сарацинами по своему мужеству и благоразумию. Отправившись в поход, они подошли к Карбоните⁴³, но вступить в пустыню, по недостатку там воды и скудости в продовольствии, не сочли полезным, а расположились лагерем у входа в нее и соображали, как приступить к войне. Между тем Странголип, находившийся в глубине пустыни, узнав о вооружении против себя, посоветовался со своими и, найдя выгодным самому напасть ночью на агарян и персов, после двух дней ускоренной ходьбы, на третью ночь напал на них, тогда как они беспечно оставались в палатках и не ожидали никакой беды, и легко обратил их в бегство. Получив через это огромную добычу и завладев большим количеством повозок и лошадей, Странголип уже не хотел дальше оставаться в Карбоните и, подобно беглецу и разбойнику, делать нападения скрытно, но явно вышел в открытое поле; а между тем стали искать у него пристанища люди, за свои злодеяния боявшиеся смертной казни, также немалое число рабов и бродяг, питавшихся надеждой на хищничества, так что в короткое время около него собралась огромная сила, не меньше пятидесяти тысяч человек. Так шли его дела. А Магомет, негодуя на случившееся, десяти возвратившимся военачальникам грозил воинов, избег-

ших опасности, провести торжественно в женском платье, сам же стал готовиться дать отпор неприятелю.

9. Но воины, услышав о его угрозах, перешли к Странголипу. Итак, когда у Странголипа набралось такое множество всяких войск, он, соединив их, двинулся на Магомета, чтобы скорее порешить дело генеральным сражением. И Магомет, со своей стороны, вооружив сарацин, персов, кабиров и арабов и набрав войска около пятисот тысяч, с сотней вооруженных башнями слонов спешит, в свою очередь, противостать лицом к лицу Странголипу. Они действительно сошлись у так называемой Аспаха⁴⁴, и битва произошла жесточайшая: с обеих сторон пало много людей, пал и сам Магомет. Не стрелой был он поражен и не копьем; но, когда, сидя на коне, ободрял свой народ, конь под ним поскользнулся, с конем упал на землю, и сам он, сломав себе шею, умер. По смерти его бывшая с ним толпа персов перешла на сторону Странголипа — и Странголип немедленно от всех провозглашен был василевсом Персии. Провозглашенный василевсом, он посылает истребить стражу на мосту Аракса и зовет турок в персидскую землю. Когда таким образом путь в Персию был открыт и переход через Аракс сделался удобным, турки перешли туда почти всем народом, исключая тех, которых удержала на мосту любовь к родине, и, подчинив себе персов и сарацинов, сами стали властителями страны, а Странголипа наименовали султаном, что означает у них василевса василевсов и вседержителя. Странголип, отняв у персов и сарацинов всякое начальство и правительственные должности и передав их туркам, подчинил им всю Персию.

10. Так-то, получив власть над персами, турки стали соседями ромеев. Но, может быть, нужно еще сказать и о причинах, по которым они начали воевать с ромеями, несмотря на то что сначала боялись войны с ними и трепетали от одной молвы о доблестях трех предшествовавших василевсов, — разумею Никифора Фоку⁴⁵, Иоанна⁴⁶ и Порфирородного Василия⁴⁷, — ибо думали, что у ромеев сохраняется еще то же мужество и та же сила. Когда Странголип, сделавшись, как мы сказали, василевсом персов, стал обладателем большого богатства и многочисленного войска и смирил сарацинов, тогда народы, обитавшие прежде по соседству с персами и воевавшие с Магометом, сговорившись между собой, начали замышлять против персов войну.

Проникнув в их замысел, Странголип сам выступил против правителя Вавилон Писсария, разбив его не в одном сражении, умертвил и сделался полным властелином над вавилонянами; а против вождя арабов Кармеса выслал сына дяди своего, Кутлума, дав ему сильный отряд войска. Но тот, сразившись с арабами, был побежден и постыднейшим образом бежал. Возвращаясь оттуда и намереваясь пройти через землю мидян, он хотел расположиться станом вблизи Вааса, но, боясь владевших тогда Мидией ромеев, отправил посольство к правителю той страны (а правителем был тогда Стефан, дядя Константина⁴⁸, который пользовался особенным благоволением тогдашнего василевса⁴⁹ и назывался также Лихудием) и просил свободного пропуска, обещая не трогать страны и сохранить ее неприкосновенной. Но правитель, переговорив с послами и приняв их просьбу за трусость, собрал областное войско и сразился с турками, неопытный в военном деле с опытными; почему не только не сделал ничего замечательного, но был побежден в стычке, — причем пало много ромеев, да и сам он взят был в плен. Находясь в Бризиуме, Кутлум продал своего пленника, а сам, возвратившись к султану, оправдался в неудаче своего похода и как бы мимоходом заметил о Мидии, что эта страна весьма плодородна, а держится женщинами, намекая тем на сражавшихся с ним воинов. Воодушевленный этими словами, султан выслал против ромеев около двадцати тысяч войска, поставив над ним военачальником племянника Асана, прозванного Глухим, и, поручив ему как можно скорее добраться до мидийской области и, если она сама не сдастся ему, занять ее силой. С тех пор турки, начав войну с ромеями, продолжают ее до настоящего времени. Но обратимся к тому, о чем мы начали было рассказывать.

11. Мануил Куропалат⁵⁰, как сказано, был назначен от Диогена главнокомандующим над восточными войсками и, пребывая около Халтики, наблюдал за набегами турок. Тут получил он известие от лазутчиков, что к местечкам Армянской области подступает для грабежа множество турок, под предводительством Хрисоскула (Хризоскула), который происходил от султанского рода и потому полагал, что ему принадлежит власть над персами. Узнав об этом, он взял войско, выступил против турок и, нашедши их в движении рассеянном, как обыкновенно выходят для фуражировки, легко обратил в бегство, но, пресле-

дуя их, слишком приблизился к турецкому лагерю и попал в засаду. Долго защищался он и мужественно боролся: когда же римская фаланга⁵¹ обратилась в бегство, не мог долее держаться, и тоже предался бегству, но был окружен турками и взят в плен вместе с двумя своими зятьями, Мелиссинским и Тарронитским⁵². Тут же попались и некоторые другие ромеи. Приведенный к Хрисоскулу, он размышлял, как бы сделать что-либо достойное своего города, и действительно сделал нечто заслуживающее рассказа. Узнав, что его победитель отложился от султана и домогается владычества над персами, он решился подступить к нему с этой стороны. Посему, пришедши к нему, когда тот был один, начал испытывать его мысли и, когда узнал, что этот человек находится в большом страхе, не имея войска, достаточного для борьбы с султаном, стал говорить ему с участием, а смягчив этим суровость его чувства, воспользовался действием вкрадчивых своих слов для другой попытки. Если он ищет персидского царства, но не может противостоять его властелину, по неимению сильного войска, говорил Мануил, то ему никогда не достигнуть своей цели, пока он не перейдет на сторону ромейского василевса и не приобретет в нем себе союзника и помощника для исполнения задуманного дела. Хрисоскул склонился к его совету и, отдавшись его руководству, поспешно прибыл с ним в столицу. Таким образом победивший оружием был пленен хитростью речей. Это дело доставило куропалату великую славу — и оно действительно было достойно похвалы. Василевс благосклонно принял того и другого и почтил большими подарками.

12. С началом весны он выступил в поход против турок, ведя с собою и Хрисоскула; но, когда дошли они до Вифинии, куропалат, пораженный оталгией (болезнь в ушах), умер⁵³, оставив василевса в великой скорби; потому что он очень любил этого человека. Да и Хрисоскул едва не отправился за ним: горе до того одолело его, что он сам желал расстаться с жизнью. Так было с василевсом и Хрисоскулом. А мать куропалата, остававшаяся в столице, как скоро услышала о болезни сына, тотчас догадалась, что это была болезнь трудная и неизлечимая и, поспешно переправившись на азиатскую сторону, прибыла в митрополию Вофинии. Узнав здесь, что сыну хуже, она переправилась через гору, которая у туземцев зовется Азала, и нашла его в больнице одной обители в честь Богородицы (имя обите-

ли Беспечальная) у подошвы этой горы, при последнем издыхании. С ее приходом окружавшие куропалата подняли вопль, а он, видя, что пришла мать, торопливо встал с постели, обнял ее, стал целовать и, не имея сил при этом высказать ей что-нибудь, просил только удостоить его одной с ней могилы. Затем он тотчас лег и, спустя немного, умер; а доблестная и бодрая духом мать, отдав сыну священный долг и оплакав его как следовало, что лишилась такого сына-воина и вместе военачальника, немного успокоилась от своего горя и потом послала к василевсу славного своего Алексея, чтобы и тот находился с ним в походе. Прощаясь с матерью и проливая ручьи слез, Алексей как бы раздираем был двумя чувствами – любовью к матери и жаждой войны; потому что едва ли кто более его и любил войну, и привязан был к матери. Отправившись оттуда, он прибыл к василевсу в то время, как последний, остановившись у Дори-лей⁵⁴, собирал войско. Увидев его и вспомнив о несчастье, василевс начал плакать и расспрашивал его о матери, а в заключение побуждал возвратиться домой, говоря, что нехорошо оставлять мать без утешения в этой великой горести и к одной скорби прибавлять другую, то есть к смерти того – и твою долговременную отлучку. Так говорил василевс. Но Алексей силился остаться и следовать за василевсом в поход против варваров; только, высказывая это желание, он не убедил василевса: василевс приказал препроводить его к матери против его воли. Так он и отправился, а василевс, продвигаясь вперед, собирал ромейские войска и готовился к войне.

13. Достигнув Каппадокии, он созвал главнейших военачальников и, предложив им войти в совещание о войне, спрашивал о том, следует ли им вторгнуться в Персию и там схватиться с турками, или оставаться на своей земле и ожидать их прихода, ибо уже донесено было, что и султан вышел из Персии и спокойным, медленным шагом идет на ромеев. Тогда одни, более самонадеянные и склонные к лести, предлагали, что лучше не оставаться на месте, а идти вперед и схватиться с султаном в Ватане⁵⁵ мидийской; а магистру⁵⁶ Иосифу Трахониоту, начальствовавшему тогда над многими полками, и дукке⁵⁷ всего запада Никифору Вриеннию такие советы представлялись весьма ошибочными и опасными. Посему они умоляли василевса, если только можно, выждать и завлечь неприятелей к себе, а города округа укрепить и поля сжечь,

чтобы неприятель имел недостаток в продовольствии; если же нет, то по крайней мере дойти только до Феодосополя и, там остановившись лагерем, ожидать неприятелей, чтобы недостаток в вещах необходимых вынудил султана схватиться с ромеями на такой местности, которая представляет им выгоды боя.

Но это была песня для глухого, и советы льстецов одержали верх. Надлежало послушаться людей, доказавших уже свое мужество; а он внимал более льстецам, чем добрым советникам, гордясь прежними своими трофеями и высоко думая о них, что может, встретив турок, шедших для фуражировки отдельными отрядами, обратил их в бегство и многих из них перебил, а немало даже взял в плен⁵⁸. Этими-то, гордясь трофеями и надеясь более надлежащего на то, что имел при себе больше войска, чем сколько бывало у его предшественников, он со всем своим войском пошел прямо в Персию и направился против неприятелей.

14. Когда он достиг Манцикерта⁵⁹, с ним встретился Васибеки, ведущий с собой немало войск из Сирии и Армении. Это был человек отважный, сильный, но дерзкий и неуправляемый в порывах. Желая польстить василевсу, он на его вопрос не сказал ничего путного о том, что писал ему вестарх⁶⁰ Лев Диаванский, будто султан, узнав о походе (ромеев) и испугавшись их силы, оставил Персию и убежал в Вавилон. Положившись на эти слова, василевс разделил войско на две части и одну удержал на месте, а другую выслал к Хлеату, поставив над ней военачальником Иосифа Траханиота, мудрого в воинских делах советника и искусного полководца, но в то время вовсе не расположенного в пользу такого распоряжения и советовавшего василевсу все силы держать внутри своей земли и не разделять войска, так как неприятели находятся вблизи. Не убедив, однако же, василевса своими словами, он поднялся с полками и отправился к Хлеату. А город Хлеат находился во владении турок и был достаточно снабжен турецким гарнизоном. Не прошло еще трех дней, как турки уже сделали нападение на ромеев, вышедших для сбора сена, и одних побили, а некоторых взяли в плен. Как скоро донесли об этом василевсу, он тотчас позвал Васибеки и расспрашивал его о турках: кто такие здесь нападают и откуда они пришли. Тот, по обычной своей необдуманной дерзости, утверждал, что это просто толпа из Хлеата, вышедшая для грабежа. Таким образом

василевс остался в совершенном неведении, что султан с войском находится недалеко от его лагеря и хорошо управляет ходом войны. Желая завлечь василевса вперед и заманить его в свои сети, он выслал передовые отряды, которые подъезжали к границе ромейского стана и тотчас отбегали, делая вид, что обращаются в бегство. Делая это часто, они схватили некоторых начальников, из коих первым был схвачен Васибеки. Желая убедить василевса, что набегии эти делают не воины из персидского войска, а жители Хлеата, он испросил дозволение выйти за ограду стана, обнажил саблю, пришпорил лошадь и без всяких предосторожностей устремился на неприятелей; да и окружавшие его следовали не в порядке, а кому как случилось. Неприятели, заметив, что они несутся в беспорядке, притворились бегущими; но, когда увидели, что завлекли их далеко от границы стана, вдруг повернули коней и, напав на них порознь, разбили их наголову. Тут пало много воинов, так что почти не осталось, как говорится, и вестника, чтобы сказать о несчастье; тут же взят был в плен и Васибеки.

15. Когда донесено было василевсу, что Васибеки, выйдя за ограду стана, без порядка понесся на неприятелей, – он призвал Вриенния, дуку всего запада, командовавшего теперь левым крылом, и приказал, чтобы он с вверенным ему войском как можно скорее вышел и помог Васибеки, если с ним случится что-нибудь опасное, и поддержал его при отступлении, – ибо начал уже предчувствовать беду. Вриенний пошел и вывел войско за ограду, но, выйдя, никого не увидел – ни друзей, ни недругов. Потом, идя поспешно вперед, стал замечать, что неприятели расположились около холмов; а пройдя еще немного, нашел и мертвые тела и недоумевал, что бы такое могло случиться с Васибеки. В эту минуту наткнулся он на одного воина, еще дышавшего, и спросил его, куда девался Васибеки и что значит видимое здесь. Пока тот все рассказывал, турки стали собираться со всех сторон и намеревались окружить фалангу. Заметив это, дука стал убеждать воинов явить себя доблестными и не делать ничего унижительного, недостойного героического духа ромеев. Затем повернул фалангу лицом к лагерю и пошел в порядке, не обращая внимания на преследовавших. Подошедши же весьма близко к ограде, взял он часть фаланги и, приказав прочим оставаться на месте, внезапно понесся на преследовавших и легко обра-

тил их в бегство; но, когда заметил, что и другие из неприятелей стекаются в огромном числе, взял всех своих и опять начал отступать к фаланге.

Между тем турки надвинулись на него и окружили; он был уже ранен копьем в грудь и двумя стрелами в спину, но, подвизаясь героически, присоединился к фаланге и вместе с ней прибыл в лагерь. Придя к василевсу, он рассказал ему о случившемся и получил приказание оставаться в палатке и залечивать раны.

16. В ту пору он пошел в палатку. Но лишь только рассвело и солнце поднялось на горизонт, его немедленно позвали к самодержцу, – и он, не обращая внимания на раны, отправился. Тут в совете предложено было два решения: выйти на войну или держать войско внутри стана. Одни весьма умно полагали оставаться внутри ограды и обратно призвать полки от Хлеата; а льстецам показалось лучшим противное – потому ли, что они так и думали, сказать не могу, только советы худшие опять взяли верх.

Итак, войска были выведены, турки наступали с силой и в большом количестве. Произошло сражение – и в бою пало много турок, а еще больше ромеев. Ранен был во многие места тела и сам Вриенний, но, будучи искусен в воинском деле, сохранил в целостности большую часть своей фаланги. Видя, что турки сильно нападают, василевс сам вывел войска, как бы для сражения, и построил их перед оградой. Правое крыло вел Алиат, каппадокиец, человек близкий к василевсу, левое – Вриенний, а серединой управлял сам василевс; начальство же над задней частью войска поручено было сыну кесаря⁶¹, проэдру⁶² Андронику, командовавшему полками союзников и архонтов, человеку из знатного рода и отличному во всех отношениях; ибо он и по рассудительности был выше всех, и мужеством превосходил других, и хорошо знал воинское дело, но не очень был расположен к василевсу.

17. Видя, что василевс выстраивает войска не по фалангам и не по отрядам, и не желая попасть ромеям в руки, турки притихли⁶³. Султан⁶⁴, стоя где-то вдалеке, устраивал все нужное для войны, а самое дело битвы поручил евнуху, человеку у него весьма сильному, по имени Таранга, вверив ему значительнейшую часть войска. Таранга, разделив войско на много частей, устроил места засад, скрытно расположил в них отряды и приказал, обойдя ромейские полки со всех сторон, пус-

кать в них стрелы. Ромеи, видя, что их лошади падают, вынуждены были нападать на врагов, и когда те намеренно обращались в бегство, преследовали их, таким образом попадали в их засады и терпели много вреда. Когда же василевс, желая за всех принять на себя всю беду, медленно пошел вперед в той надежде, где найдет фалангу турок, сразится с ней и тем окончит войну, – турки рассыпались во все стороны. Но потом, стремительно обратившись назад, с криком напали на ромеев и обратили в бегство правое крыло их. При этом отступило и заднее войско (арьергард); а турки, окружив василевса, ударили на него со всех сторон. На защиту его устремилось было левое крыло, но не было допущено турками, которые, находясь в тылу царского отряда, окружили и это крыло, и принудили его к бегству. Будучи отрезан со всех сторон и лишен подкрепления, василевс обнажил меч на врагов, многих умертвил, а других заставил обратиться в бегство. Но, окруженный множеством неприятелей, получил рану в руку и, uznанный, кто он такой, отовсюду охвачен был врагами.

При этом стрела поразила его коня, – и он, повалившись, уронил с собою и всадника. Таким образом ромейский василевс (не знаю, по каким причинам так устроил божественный Промысел) делается пленником и, связанный, отводится к султану. При этом взята была в плен немалая часть и других военачальников; прочие же либо сделались добычей меча, либо спаслись бегством. Взяты были также и весь лагерь, и царский шатер, и казна, и драгоценнейшие из царских знаков, между которыми находилась и знаменитая жемчужина, называвшаяся Сиротой. Спасшиеся же от поражения рассеялись кто куда, спеша добраться до своей родины⁶⁵.

18. Спустя немного дней после того кто-то из убежавших с поля сражения первый возвестил в *столичном* городе о несчастье, за ним тотчас другой, затем третий, четвертый, – но никто не мог как должно объяснить дела; рассказывали только о несчастье, и каждый толковал по-своему: одни утверждали, что василевс убит, другие – что он взят в плен, третьи – что сами видели его раненым и поверженным на землю, а иные – что он был связан и отведен в стан врагов. Об этом доложили царице, – и немедленно позван в *столицу* кесарь, который, находясь в подозрении у василевса, проживал в Вифинии и занимался охотой. Еще не успел он прибыть, как царица

уже рассматривала в совете вопрос, что теперь делать. Все согласились оставить василевса, взят ли он в плен или убит, и управлять царством ей и ее “детям”⁶⁶. Дело еще не было решено, как присоединился к совету и кесарь. Он одобрил это государственное постановление и прибавил, что в царствовании должны участвовать оба правительственные лица – мать и старший из ее сыновей. Сын должен почитать свою мать, как родительницу, а мать вместе с сыном должна благоустраивать дела государства. Это понравилось и *избранному* василевсу Михаилу, и он легко согласился с желанием дяди. Но люди, желавшие поживиться за счет государственных дел и решить дело о царской власти по своим корыстным видам, стали одну подстрекать к единовластию, а другого спешили вооружить против матери.

19. Но еще не утихло это волнение, как начало возбуждаться и шуметь другое. Вождь персов, увидев ромейского василевса своим пленником, не возгордился удачей, но смирился таким счастливым для него исходом дела и воспользовался победой так умеренно, как никто не ожидал. Он утешал пленника, разделял с ним трапезу, освободил для него тех из узников, кого он хотел, а наконец, и самого отпустил из плена⁶⁷. Совершив с ним обряд мира и взяв с него клятвенные обещания, не унижительные для достоинства ромеев (ибо василевс готов был скорее умереть, чем принять условия примирения, недостойные его величия), он немедленно с какой только возможно пышностью и воинскими почестями препроводил его в пределы его царства. Это-то обстоятельство и сделалось источником зла и причиной многих несчастий. Получив неожиданно то, чего не надеялся, василевс несколько не сомневался, что беспрепятственно снова вступит в управление ромеями и, сделавшись для царицы как бы вестником о своем счастье после того величайшего несчастья, написал к ней собственноручно письмо о том, что с ним случилось. Тотчас же около дворца собрался народ и поднялся шум, причем одни удивлялись случившемуся, другие не верили. Царица колебалась, не зная, что предпринять, и, созвав приближенных к себе людей, предложила им свое недоумение.

20. ...Боясь за себя и за детей брата, чтобы не потерпеть чего-либо от Диогена, если Диоген тотчас примет правление, кесарь немедленно приблизил к себе дворцовых стражей. Этот народ прибыл из варварской страны, на-

ходящейся близ океана, и издревле отличался верностью ромейским василевсам, вооружаясь щитом и нося на плечах секиру⁶⁹. Итак, разделив этих стражей на две части, одним приказал он следовать за сыновьями и исполнять их приказания, а другим – идти за ним и под его водительством выполнить задуманное предприятие. Тогда бывшие при знаменитом Андронике и Константине (так звались два сына кесаря), обступив василевса (т.е. Михаила) и составив около него круг, повели его в верхние покои дворца и там, вслед за детьми кесаря, провозглашали самодержцем Михаила, а находившиеся при кесаре, ударяя в щиты, по варварскому обычаю издавая радостные крики и бряцая взаимно скрепляемыми мечами, направились к покоям царицы⁷¹. Услышав этот шум и крик, она накинула на голову покрывало и убежала в одну потайную комнату, походившую на пещеру.

Между тем как царица скрывалась в этом уголке, те, обступив вход в него, кричали и наводили на нее великий ужас; так что она умерла бы, может быть, если бы не вошел к ней кесарь и не рассеял ее страха. Он посоветовал ей уйти из дворца, чтобы не потерпеть от стражей чего-нибудь худого. Она согласилась и, спустившись к морю, взойшла на царский дромон и поплыла туда, где ей определено было жить, – т. е. к храму⁷², который сама соорудила во имя Богородицы, в предместье Стенос, находившемся при море. Потом, немного спустя, дано было ей новое повеление вступить в монашество, – что немедленно и исполнено. Так поступили с царицей.

21. А освободившийся из плена василевс Диоген считал для себя крайне печальным не получить снова верховной власти. Поэтому, рассылая по всем городам и селам нарочных, он собирал войска и запасался деньгами. Когда из множества стекшихся к нему людей составилась у него значительный отряд, он со всем своим войском занял прославляемый всеми город Амасию. Узнав об этом, приближенные к василевсу и кесарю стали думать, кого бы выставить для борьбы с Диогеном, и положили вверить ромейское войско младшему из сыновей кесаревых, человеку мужественному и отличавшемуся дивной остротой ума. Взяв войско, он выступил против Диогена и, подойдя к Амасии, сначала стянул полки и, тревожа противника стрельбой, всячески старался или взять город, или выгнать из него Диогена. В самом деле, находясь в стеснительном положении, Диоген вынужден

был вывести войско и сразиться с Дукой. Тогда схватились оба войска, и пало весьма много доблестных воинов как с той, так и с другой стороны. Наконец, когда Константин Дука отважно бросился на стоявших во главе и сделал натиск на их фалангу, воины Диогеновы обратились в бегство. При этом много пало защитников Диогена, сам же он убежал и с немногими заперся в одной крепостце. Этот первый успех воодушевил приверженцев василевса Михаила и положил начало гибели Диогена. Он и тогда уже попался бы в плен, если бы не следующий случай. Был в то время некто, по имени Хутатарий, производивший свой род из Армении, человек умный и мужественный. Получив от Диогена одну из самых важных правительственных должностей, когда Диоген был еще ромейским василевсом, он теперь, желая воздать ему благодарностью в его несчастье, привел к нему большое число ратников, советовал ему не унывать и обещал весьма много, но отклонял его от сражения с войсками Дуки Константина, а перевел в Киликию, в ущелья тамошних гор⁷³, где увеличил его войско, снабдил его оружием, дал денег и, во время войны с противником, обещал держать военные расходы.

22. По этому случаю василевсу Михаилу и кесарю опять настала надобность в советах, и члены синклита были собраны. Одним казалось лучше примириться с Диогеном и уступить ему часть верховной власти, другим же – воевать с ним и никак не допускать его вступить снова на престол. Сперва было принято предложение мира, и от василевса Михаила послана была к нему через послов грамота с обещанием забвения зла. Но Диоген, которому как будто приписывали какое-то зло, тогда как он не сделал ничего злого, по справедливости отверг такое предложение и не только не отказывался от царства, но и объявил себя крайне несправедливо оскорбленным. Так шло дело с Диогеном. Между тем ненавистник добрых людей воздвиг гонение на Комниных, – и вот как это было. Он нашел одного дерзкого на словах человека и, изощрив язык его, как змеиный, вооружил его против благородной матери Комниных. Сплетя некоторую клевету, порождение лжи, он составил подложное письмо от имени Комниной к Диогену и представил его василевсу⁷⁴. Василевс, не обратив внимания на то, кто такой обвинитель, тотчас же увлекся гневом. Собран суд, – и эта благородная, мужественная и мудрая жена позвана во дворец. Является. Но василевс сам

постыдился принять участие в рассмотрении дела; пришли же только судьи да госпожа, и глашатай позвал ее к суду. Мужественная и великодушная, она приступает со светлым лицом и, спокойно вынув находившуюся у нее под верхней одеждой икону Судии всяческих, с внушающим уважение видом и взором обращается к судьям и говорит: “Здесь предстоит теперь Судия мой и ваш; взирая на Него, произнесите мнение, не недостойное Судии, видящего тайное”. Выслушав это сильное слово, судьи были поражены страхом, и некоторые, порицая клевету, стали отказываться от участия в суде; ибо истина просияла (для них), как огонь, таившийся под пеплом. Но, тогда как одни питали в сердце своем страх Божий и болезновали духом спасения, другие, желавшие все делать в угоду сильным, остались строгими ее судьями. Впрочем, так как им невозможно было подтвердить клевету, а между тем они совестились державного, еще же более совестились того, кто устроил эту клевету, то, не произнося решительного суда, положили оставить дело в подозрении. Вот глупость! Какое тут подозрение, – смело мог бы сказать им кто-нибудь, – когда обвинитель говорит бессовестно, а обвиняемый отражает обвинение благородно, и когда один – бродяга, готовый, если нужно, продать правду и за обол, а другой – выше всякого подозрения и едва не краснеет пред самую правдой! Этим-то заключением окончено совещание, походившее чуть не на Каиафино, – и обвиненная с детьми сослана была на остров Принца⁷⁵.

23. Так поступили с Комниными. Между тем василевс Михаил и приверженцы кесаря, по возвращении в Константинополь дуки Константина, второго, как выше сказано, сына кесаря, который сражался с Диогеном и победил его, – отчаявшись уладить дело миром, рассуждали о том, как им противостоять Диогену.

Они боялись, чтобы, пользуясь теперь безопасностью и свободой, он не набрал войска еще больше прежнего, не собрал денег в округе антиохийском и не увеличил тем трудности победить его. Посему кесарь тотчас призывает к себе своего сына Константина и приказывает ему снова взять войско и выступить против Диогена. Когда же тот отказался, позван был старший сын Андроник и получил то же приказание – идти в поход. Послушный отцу, более чем кто другой, он тотчас приготовился к этому делу и в тот же день, простившись с василевсом и кесарем, переправился через

Халкидонский пролив. В окрестностях Халкидона провел он шесть дней, пока заготовлено было все нужное для похода, а потом, направляя оттуда путь к востоку, стал собирать войска. Поспешно собрав все, он пошел с ними к Киликии. Первой заботой Андроника было водворить согласие и единомыслие во всем войске. Достигнув этого своей справедливостью в отношении к каждому и дружеским обращением со всеми, он постановил для себя другую цель – действовать скрытно от неприятеля и пройти теснины киликийские прежде, чем Диоген узнает о его походе. И это исполнилось по его желанию: войска Андроника, прошедшие теснины и стремнины киликийские, все неожиданно предстали приверженцам василевса Диогена.

24. Узнав об их наступлении, и василевс вывел свои силы, а дело войны вверил армянину Хутатарю, о котором мы говорили выше, и подчинил ему почти все войско. Предводительствуя и конницей и пехотой, Хутатарий спешил занять выгодные места, но обманулся в своих надеждах; потому что domestik схол Андроник занял их прежде. Не преуспев в этом, он поставил свою фалангу прямо против неприятеля; а Андроник стал против него. Центром своей фаланги командовал сам он, левым крылом – франк Криспин⁷⁶, а правым – некто другой из вождей, подчиненных Андронику. Но прежде чем войска сомкнулись и дело дошло до схватки, франк, издавна ненавидевший василевса Романа и питавший к нему чувство мщенья, при виде неприятельской конницы, наперед сказал Андронику, что она обратится в бегство и, ударив своего коня нагайкой, вместе с окружавшими его устремился на неприятеля. От этого сильного нападения войско Хутатария обратилось в бегство, и преследовавшие его многих убили, а многих взяли в плен. Когда же конница таким образом была рассеяна, тогда и пехота, боясь быть окруженной и отрезанной, показала тыл и обратилась в бегство⁷⁷. Спаслись только скрывшиеся в горных ущельях или в лесных чащах; прочие же или пали, или были захвачены в плен. Так войско Диогена было разбито и рассеяно. Когда же Андроник после победы возвратился в свою палатку и в веселии сердца приносил благодарение Богу, новый счастливый случай увеличил его радость. Поспешно прискакал один всадник, привезший с собой кого-то из неприятелей и желал видеть военачальника. Выглянув из палатки, Андроник увидел предмет, крайне его обрадовавший, –

увидел, что к нему ведут связанного Хутатария. Во время бегства лишившись коня, он, как сам рассказал, засел в чащу и надеялся там укрыться: но кто-то из преследовавших заметил его и, схватив, хотел убить. Хутатарий стал упрашивать схватившего, и тот, видя слезы его, только снял с него одежду и, оставив раздетым в чаще, удалился. Потом увидел его другой и, заметив, что он прячется, тоже хотел лишить его жизни; но он объявил ему свое имя и просил отвести себя к военачальнику. Тогда воин, проворно посадив его на лошадь, привез к Андронику. Увидев из своей палатки, что привезли его нагим, Андроник вышел и взглянул на него милостивым оком; потом наготу его прикрыл приличной мужественному полководцу одеждой и держал его под стражей, но не в узах. Тронутый приветливостью к себе Андроника, Хутатарий объявил, что в той чаще, в которой схватили его, он спрятал драгоценный камень и просил послать с ним людей, чтобы принести его. Люди были посланы и принесли вещь, на которую стоило посмотреть: по величине камень этот был больше почти всех драгоценных камней, а блеском превосходил все камни самоцветные. Впоследствии Андроник подарил его царице Марии⁷⁸.

25. Между тем Диоген, несмотря на неблагоприятный ход дела, не впал в отчаянье, но ободрял своих и поддерживал в них надежду тем, что, по его словам, должна была скоро прийти к нему помощь из Персии, и сверх того отправил послов к Криспину, стараясь возбудить в нем неприязненное чувство против Андроника. Но узнав об этом, Андроник стал еще ласковее обращаться с Криспином, и таким образом Диогеново посольство сделал бе-

зуспешным. Вследствие же безуспешности этого посольства и замедления персидской помощи, бывшие на стороне Диогена, потеряв всякую надежду, вступили в сношения с Андроником и, получив от него уверение в своей безопасности, выдали ему василевса и сдали крепость. Люди, принадлежавшие к стороне дуки Андроника, схватили Диогена, сняли с него порфиру, надели на него монашеское платье и, в таком виде выведя его из крепости, с особенной радостью привели Андроника. Сострадая его бедствию, Андроник прослезился, подал ему руку и, введя его в свою палатку, разделил с ним трапезу⁷⁹. Лучше было бы, если бы здесь и положен был конец несчастьям этого человека; но ему нельзя было избежать стрел ненависти. Приближенные к василевсу Михаилу, собственное свое желание, прикрывая заботливостью о его лице, стали выражать ему опасение, как бы Диоген опять не затеял чего-нибудь и не подал василевсу повода к новым беспокойствам, а по сему отправили к одному из значительных тогда правительственных лиц письменное приказание выколоть глаза Диогену. Это весьма огорчило Андроника, тем более, что он пытался спасти Диогена и не мог: царские послы сильно на том настаивали. Писал он и к своему отцу, кесарю, убеждая его не соглашаться на совершение такого преступления, чтобы в противном случае не подпасть скоро приговору суда Божия. Так думал Андроник; но получившие предписание ослепили Диогена⁸⁰ и отправили его в созданный им же самим монастырь на остров Прот⁸¹. Лишенный глаз, Диоген жил недолго и умер после трехлетнего управления ромейским царством. Таков был конец Диогена!

Книга II

1. Таким образом стараясь возвысить благосостояние ромеев, начинавшее уже клониться к упадку, но необдуманно и неискусно принявшись за это, василевс Роман Диоген и сам пал, и с собой вместе уронил дела ромеев. А каким образом – отчасти видно было из прежнего рассказа, отчасти же уяснится дальнейшим.

Избавившись от Диогена, василевс Михаил вызвал куропалатиссу Анну, мать Комниных, которая, как указано выше, со своими сыновьями жила в ссылке, и посредством брачных союзов породнился с ней. Женатый сам сперва на Марии, дочери независимого правителя Иверии⁸², он племянницу ее, Ири-

ну, дочь аланского владетеля, выдал в замужество за старшего сына куропалатиссы, Исаака. Кесарь, видя, что племянник его не способен заниматься государственными делами, и сам с благородным рвением брался за них, и приблизил к василевсу евнуха Никифора, которого лъстиво называли уменьшительным Никифорица⁸³ и которому дан был титул логофета⁸⁴ почты. Этот человек был расторопен и деятелен, красноречив и опытен в делах, но скрытен и способен еще более запутывать делопроизводство, чем сколько Перикл, говорят, произвел запутанностей в Элладе. Кесарь тогда не знал, что приготовляет в нем врага самому себе.

2. Воспользовавшись легкомыслием василевса, Никифор совершенно привязал его к себе и убедил его не обращать внимания на дядю своего, кесаря. Кесарь сперва делал вид, будто не замечает, что делается, и продолжал заниматься делами; но когда увидел, что холодность к нему василевса увеличивается с каждым днем и что он держится исключительно логофета, счел нужным испытать его. И вот, под предлогом, что желает ехать в Малую Азию на охоту, он получил на то согласие василевса и, вместе с сыном своим Андроником переплыв через Пропонтидский залив, уехал в Азию во время осеннего поворота солнца. Другой же сын его Константин остался при василевсе, потому что был сделан протостратором; а это была должность важная и всегда давалась василевсами лицам только значительным. Своим замедлением в Азии кесарь надеялся уврачевать двоедушие василевса; ибо душа его ограничивалась двумя противоположностями – легкомыслием и коварством.

3. Итак, живя в Азии, кесарь делал вид, что с увлечением занимается охотой; а василевс Михаил, видя, что дела его государства находятся в стеснительном положении и на востоке и на западе (ибо турки, узнав о том, что случилось с Диогеном, и полагая, что вместе с тем разрушены договоры и условия, заключенные через него с ромеями, жгли и грабили весь восток; а взволновавшиеся скифы⁸⁵ делали набеги на Фракию и Македонию, так что этими двумя врагами опустошаема была почти вся Азия и Европа) – в таких стеснительных обстоятельствах уполномоченным военачальником в войне с турками назначил Исаака Комнина, которого недавно приблизил к себе через родство и сделал domestikом восточных схол. Взяв войска, Исаак⁸⁶ пошел по направлению к Каппадокии. Ему сопутствовал и брат его Алексей, в то время только еще подававший ромеям великие надежды, впоследствии же действительно принесший им важнейшую пользу. Тогда у него не было еще и пуха на бороде: но и до совершеннолетия он уже показывал более военачальнических доблестей, чем, по свидетельству ромейских историков, Сципион, когда он сопровождал полководца Эмилия в войне против македонянина Персея⁸⁷. Алексей помогал брату – ставил войска в строй, располагал заставы, представляя себя начальником фаланги и таким образом, еще не испытав войны, уже показывал военачальническую сообразитель-

ность. Придя в митрополию Каппадокии, то есть – в знаменитую Кесарию, они расположились лагерем около старого города и разрушившимися его стенами воспользовались вместо рва и ограды стана. Этот город давно уже почти весь погиб от землетрясения; уцелели только некоторые башни – для того, думаю, чтобы свидетельствовать о благоденствии древнего города. Расположившись здесь лагерем, они стали рассуждать, каким бы образом отразить набеги турок и прекратить разорение селений.

4. Этим заняты были они. Между тем, находившийся с ними франк Русель, принадлежавший к дружине Криспина и после смерти его управлявший его фалангой, старался найти благовидный предлог к осуществлению давно замышленной измены. И вот теперь случилось, что один из его фаланги сильно обидел некоторого туземца, и тот, придя к военачальнику, громко жаловался на несправедливость. Военачальник потребовал оскорбителя на суд.

Это-то событие и послужило Руселю предлогом к измене. Он расположил свой отряд вне общего лагеря, обещая снова возвратиться в лагерь, но в полночь, подняв кельтскую свою фалангу, бежал по направлению к Севастии. Когда на заре дали знать об этом Исааку Комнину, он положил вверить некоторую часть войска брату Алексею и послать его в погоню за Руселем. Но, между тем как производилось об этом рассуждение и собираемо было войско, лазутчики дали знать, что на ромеев идут в большом числе турки, что они расположились лагерем уже где-то неподалеку.

Тогда Исаак оставил преследование Руселя и стал готовиться к сражению, а брату приказал остаться внутри ограды и охранять лагерь. Неохотно принял он такое приказание и обещал остаться под тем только условием, если после будет отправлен против турок со значительными ромейскими фалангами.

5. Повинуясь брату, Алексей остался в лагере, а Исаак, снявшись, повел войска против турок и встретил их на границе Каппадокии. Произошло сражение. Но ромеи обратились в бегство, а сам он мужественно боролся с окружавшими его врагами; когда же ранен был под ним конь и, упав, уронил с собой всадника, он взят был в плен. Рассеяв войско ромеев, турки направили путь к их лагерю. Но когда они сделали на него напор, Алексей с неболь-

шим числом бывших при нем людей, попробовал отстоять его.

И действительно успел он дать отпор и спасти почти всех; зато сам подвергнулся опасности и едва не был взят в плен. Пробившись в середину неприятелей, он поразил копьем и убил одного напавшего на него воина; но потом был окружен врагами, которые со всех сторон бросали в него стрелы, и только вышняя десница сохранила его невредимым. Лошадь, на которой он сидел, во многих местах раненная стрелами, упала на землю вместе со всадником; но окружавшие Алексея, из любви к этому достойному любви человеку, соскочив со своих лошадей и мужественно отбиваясь вместе с ним, избавили его от опасности, хотя из пятнадцати человек только пять возвратились в лагерь, прочие же или были убиты, или взяты в плен. И возвратившись в лагерь, он не давал себе покоя, но, обходя вокруг всего стана, ободрял дух воинов, чтобы они не сделали чего-нибудь недостойного благородных ромеев. Так, пока был день, они стояли твердо и, удивляясь мужеству Алексея, прославляли его, простирали к нему руки и называли его своим благодетелем и спасителем. “Да здравствует, – говорили они, – юноша-спаситель, правитель, избавитель уцелевшего ромейского войска! Да здравствует он в теле едва не бестелесный!”⁸⁸ О, если бы нам еще наслаждаться твоими доблестными подвигами и тебе еще надолго быть хранителем общего нам блага!” Одобряя этими словами мужество юного вождя, они оставались в лагере, а он делал внезапные вылазки из стана и из числа нападавших врагов одних убивал, других прогонял. При наступлении же ночи, видя, что все готовятся, радовался, – как видно, в той мысли, что они приготавливаются к битве, и раздавал приказания своей прислуге.

6. Но тогда как другие при этом молчали, один благородный человек, отличавшийся от прочих и силой руки, и опытностью, по имени Феодот, сказал: “То, что теперь делается, не предвещает ничего доброго: с наступлением ночи все разбегутся”. Эти слова огорчили юношу, полагавшего, что все также благородны, как сам он. Однако же он пошел в палатку поужинать, потому что целый день ничего не ел. Но между тем как Алексей был еще в палатке и закусывал, воины его, тайно выйдя за стан, убежали. Когда ему было донесено, что все войско его убежало и остался он один с немногими, он потребовал коня и хотел по-

мочь делу – остановить бежавших. Но вместо коня едва нашли мула, на которого он сел и поспешил к выходу, чтобы занять его и удерживать внутри стана по крайней мере оставшихся. Однако же почти все уже успели уйти. Тогда вышел и сам он. Турки же, узнав о бегстве ромеев, быстро и в большом числе поспешили в погоню за ними, – и Алексей был бы взят в плен, если бы не Феодот, о котором мы сказали выше.

Услышав топот коней и поняв, что на них несется множество турок, он уговорил его свернуть несколько с дороги. Уклонившись в сторону и укрывшись в одном лесистом месте, они пробыли там, пока не прошло турецкое скопление; потом оттуда отправились по направлению к Дидимовой горе. Но, на этом пути встретившись с турками и испытав их нападение, они рассеялись и, так как была ночь, то и после не могли собраться в одно место, но каждый бежал куда попало. Тогда доблестный Алексей, оставшись один, достиг подошвы Дидимовой горы, и, так как мул его устал и не мог далее идти, он сошел с него и пошел на гору пешком и в латах, которых, по юношеской ревности, снять не хотел. К тому же один случай, живо сохранившийся в его памяти, как говорил он сам, не позволил ему сделать это: “Я слышал, – говорит, – как отец мой смеялся над одним воином, сложившим свое оружие”, – вот почему, и идя пешком, не снимал он лат. Удивительно, что и при большом кровотечении из носа с первой минуты, как начал идти пешком, всю ночь он и не снимал оружия, и не останавливался на дороге, пока не дошел до городка в Гавадони.

7. Когда же пришел сюда Алексей, все туземцы сбежались к нему и, видя, что плащ его покрыт кровавыми пятнами, вздыхали и плакали. Слух о его прибытии дошел до городских начальников, и они, явившись к нему, взяли его к себе и приняли с великой честью и радушием, доставили приличное такому лицу одеяние и всячески старались успокоить утомленное тело юноши, по своему обычаю принесли ему и зеркало, чтобы он посмотрелся. Но увидев зеркало, Алексей улыбнулся и тем изумил их: “Мужчинам, а тем более воинам, – говорил он, – не свойственно смотреться в зеркало; это прилично только женщинам, заботящимся о том, чтобы нравиться своим мужьям. Украшение воина – оружие и жизнь простая и чуждая неги”. Услышав такие слова от юноши, они дивились его умеренности и мудрости. Погостив у них три дня,

Алексей со своими приближенными, которые уже собрались к нему, пошел по направлению к Анкире; потому что один из воинов, пощажённых битвой, на расспросы Алексея о брате, назвал ему местечко, в котором будто бы жил убежавший от преследования Исаак. Считая это известие справедливым, он спешил увидеться с братом. Но этот вестник ушел, а Алексей дорогой удостоверился, что брат его в плену.

Обманувшись в своих надеждах, он печалился, скорбел, вздыхал и плакал, однако же не переставал продолжать свой путь.

8. Находясь в Анкире, Алексей всюду рассылал людей для сбора более полных сведений о брате, и от них услышал, сколько тысяч золота хотят за выкуп его брата те, у которых он содержался. Получив эти сведения, он не стал много горевать и поспешил в царственный город, чтобы там достать денег и выкупить брата. В короткое время собрав нужную сумму, он снова отправился в Анкиру и, чтобы скорее достичь этого города, ехал по целым дням, захватывая и большую часть ночи. К Анкире приехал он поздно вечером и, найдя городские ворота закрытыми, просил, чтобы их отворили. Но в крепости боялись, не из врагов ли кто хитрит, ибо турки еще недалеко стояли лагерем, – и потому требовали сказать, кто они. Спутники Алексея тотчас же сказали, кто он, – и спрашивавшим это известие, по особенному случаю, доставило тогда удовольствие, – да и не столько тогда, но и теперь *при воспоминании*. Между тем как Алексей Комнин ездил *в столицу*, чтобы собрать выкуп за брата, Исаак, боясь, что вдали от ромейских пределов ему труднее будет избавиться от плена, послал по окружным городам известие, что он в плену и что варвары требуют за него выкуп, и просил прислать ему сколько кто может, прежде чем они удалятся от ромейских границ, обещая присланное возвратить с процентами.

Многие из людей достаточных доставили ему деньги, и он отдал выкуп, а взамен недостающего оставил заложников и, освобожденный, отправился в митрополию Галатии, Анкиру.

И так случилось, что оба брата прибыли в город в один день. Исаак, придя прежде, отдыхал в одном помещении, находившемся над воротами. Сам он запер ворота и ключи держал у себя. Услышав же за воротами голос брата, вскочил с постели и, взяв ключи, побежал к воротам, отворил их и всех впустил в

город. Изумленный столь неожиданной встречей (потому что ничего не знал об этом), Алексей соскочил с лошади и, заключив брата в объятия, поцеловал его. В большой радости взошли они наверх и, тогда как один, ничего не евший целый день, ужинал, другой рассказывал, что потерпел он в плену. Таким образом, ужин их приправлен был и радостью, и слезами.

9. Дав себе и лошадям трехдневный отдых и узнав, что турки находятся далеко от ромейских пределов, они поднялись оттуда и поехали в царственный город. Переправившись через реку Сангарию, они двинулись к Никомидии и, когда проезжали через местечко, называемое Дектой, некто из близких к ним встретил их и пригласил в свой дом немного отдохнуть. Склонившись на приглашение этого человека, они заехали к нему и, сойдя с лошадей, поднялись в горницу. Там отдыхали они, а хозяин готовил обед, весьма довольный тем, что принимает таких гостей. Тогда как это происходило, случилось, что той стороной проезжало около двухсот вышедших для фуражировки турок, которые спешили далее, вовсе не заботясь о том, что здесь проходят ромеи.

Один бывший на своей пашне земледелец, увидев их и думая, что они принадлежат к свите приглашенных гостей, позвал их и обещал им показать великого домашнего, турки поехали и, узнав, что в этом местечке действительно гостит домашний с немногими людьми, поспешно окружили его жилье и заняли все выходы, грабить же не решались, боясь тех, кто находился внутри. Как только находившимся в доме сделалось известным это происшествие, более мужественные и бодрые вооружились, другие, – особенно разнородная и наемная толпа, – думали о бегстве, а тем, которые превосходили других ростом и телом и прежде много гордились перед войском, казалось лучше – отнюдь не схватываться с врагами, но бросить оружие и добровольно отдаться варварам, взяв с них клятву, что они с той минуты удержатся от убийств. При этом последнем мнении поднялся большой шум: одни одобряли его, а другие колебались. Тогда Алексей, успокоив волнение, начал говорить им следующее:

10. “Мне кажется, мужи, что, не попытавшись побороться с врагами, отдать самих себя в рабство на явную беду – значит обличить в себе трусость и быть исполненными всякого неразумия. Я думаю, что этого никогда не де-

лали не только благородные ромейские мужчины, но даже благородные и рассудительные женщины. Ведь кроме того, что в плену нам придется терпеть бедствия, мы таким поступком погасим даже сострадание к себе людей и лишимся похвал в будущем. Люди, мужественно сразившиеся и получившие смерть, достойную своего мужества, вызывают сожаление граждан простого звания, бывают прославляемы гражданами мудрыми и ублажаются от всех: а сами себя предавшие в рабство или в опасность не заслуживают никакого извинения и дают право всем почитать себя людьми низкими. Нам нужно иметь в виду то, чтобы или жить хорошо, или хорошо умереть: в этом теперь наше дело. Если вы мне сколько-нибудь верите, то у кого осталось рукопашное оружие, тот возьми его, – и станем у выхода, а у кого есть лук и стрелы, тот иди на кровлю. Все же рабочие и не умеющие сражаться, да и те, кто хотя и из военных⁸⁹, но не имеют лошадей, пусть садятся на мулов и становятся позади нас. Потом находящиеся наверху пусть бросают в неприятелей стрелы, а мы, отворив ворота⁹⁰, устремимся на них со всей быстротой коней. Когда враги отбегут и станут вдали от выходов, тогда находящиеся наверху пусть сойдут и, сев на лошадей, выступят и соединятся с прочими.

На пути же, *нападая на неприятеля*, пусть строятся они по правилам фаланги. Кроме того, всем нужно наблюдать, чтобы не разрывать строя и не рассеиваться, и когда мы будем наступать на врагов, пусть и они тихо следуют за нами, а когда враги устремятся на нас, пусть они остановятся. Потом, как только приблизимся к теснинам и соберемся в них все, тотчас сойдем с лошадей, – и я уверен, что неприятели не осмелятся приблизиться к нам!”

11. Это сказал Алексей, – и все с ним согласились: одни взойшли на кровлю и начали бросать стрелы, другие отворили ворота и стремительно напали на неприятелей. Пораженные таким неожиданным нападением, неприятели потеряли мужество и обратились в бегство; находившиеся же внутри ободрились этим – вышли все и пустились по дороге. Они действительно построились в фалангу, но поскакали быстрее, чем следовало. Между тем варвары, находясь уже далеко вне опасности и вспомнив о своем мужестве, стали убеждать друг друга возвратиться и идти на своих преследователей, тем более что число последних было, по-видимому, не выше двадцати. Итак,

возвратившись, они старались окружить их; а эти быстро отступили и, когда сблизилась со своими, снова стремительно понеслись вперед: варвары опять побежали и опять возвратились. Так несколько раз пробовали они *одолевать* друг друга. Наконец турки, видя, что ромеев и всех-то немного (ибо даже число строившихся в виде фаланги было не выше пятидесяти всадников), а сами они многочисленны, оставили тех (что были в бою), и направились на этих (составлявших фалангу) и, с варварским криком устремившись на них, стали бросать стрелы. Тогда, боясь, что строй их будет разорван, ромеи начали уже отступать и обращаться в бегство и все погибли бы, если бы оба брата (Алексей и Исаак Комнины), прибежав с немногими, не подали помощи всему отряду и не удержали бежавших, приказав им остановиться, если не хотят остаться без их помощи.

12. В эти минуты случилось нечто необычайное. В числе царских евнухов был некто, изумлявший своим ростом и силой. Смотревшие на него говорили друг другу: “Кто из врагов устоит против этого человека? Они все побегут от одного его взгляда и рева”. Случилось, что он находился в числе составлявших фалангу войск – именно тогда, как на нее устремились турки. Итак, когда все бросились бежать, – он, имея огромный рост и весь покрытый латами, измучил свою лошадь и вынужден был остаться один позади всех. Турки между тем наступали, а бывшие с Исааком и славным Алексеем готовились сделать им отпор. Тогда великан назвал по имени славного Алексея и стал призывать его на помощь. Алексей тотчас направился к нему и, прогнав встретившихся тут неприятелей, избавил его от опасности и тем дал урок как ему, так и другим, которые удивлялись его росту, что не громадность тела, не крепость силы, не рев и грубость голоса есть признаки наилучшего воина, а сила духа и терпение в преодолении трудностей. Так спас он этого человека. В то же время один алан из числа вступивших по найму в отряд благородного Исаака, по имени Арабат, видя, что варвары нападают с величайшей яростной и необычайной стремительностью и что братья *Комнины* одни с немногими воинами подвергаются опасности, и боясь, чтобы с каким-нибудь из них не случилось какой беды, приглашал товарища, по имени Хаскариса, из подручных Алексея Комнина, вместе с ним сойти с лошадей и ударить на врагов копьями⁹¹. “Стыдно будет, – сказал

он, – если в присутствии аланов мужи благородные и именитые подвергнутся опасности, срам падет тогда на весь аланский народ!” Так советовал Арабат; но Хаскарис отверг совет его, будто бы не столько благоразумный, сколько смелый, потому что, говорил он, “поступив так, они подвергнутся только опасности сами, не принеся тем никакой пользы. Здесь место открытое и ровное; но если ты сколько-нибудь веришь мне, – говорит, – то вот уже недалеко до теснин – дойдем туда и, сойдя с лошадей, сразимся мужественно. Этим мы и народ свой прославим, и окажем услугу начальникам”.

И так сказал Хаскарис; но Арабат, выбрав его по-варварски, тотчас, сошел с лошади и, ударив ее кнутом, чтобы она следовала за бегущими, начал сражаться пеший. Турки, пораженные необычайностью этого зрелища, недоумевали, что это делается. В руке Арабата было короткое копье: первого попавшегося он ударил этим копьем в грудь и сбил его с лошади. Один турок пустил в него стрелу и ранил ей правую его руку; но он вырвал стрелу из раны и ею же, как некогда Брасид⁹², отомстил варвару. Устрашенные таким его мужеством, варвары немного отступили. Пользуясь этим случаем, он вззошел на кровлю (какого-то строения) и оттуда поражал неприятелей стрелами. Между тем другие вступали уже в теснины, тогда варвары, оставив его, с величайшей стремительностью бросились на них. Но Алексей Комнин с немногими окружавшими его, обратившись на неприятелей, первый поразил одного из них, а Хаскарис, о котором мы прежде упомянули, ранил в спину другого.

Объятые великим страхом, турки оставили их и отступили; а ромеи, немного отойдя, спешили и остановились в безопасном месте. По наступлении ночи пришел к ним и тот алан, который прежде сошел с лошади. Таким образом все спаслись, – никто не был ни взят в плен, ни убит; и все спасшиеся благодарили своего спасителя и защитника, доброго Алексея. Отсюда через четыре дня придя в столицу, рассказали они в городе обо всем, что с ними случилось, и как спас их золотой юноша Алексей. Поэтому, когда он где проходил, все сбегались к нему и торжественно восхищались его доблестями.

14. Между тем как это таким образом совершалось, Русель свободно проходил по селам и городам между Галатией и Ликаонией и одни опустошал, другие убеждал к покорнос-

ти, а с иных брал деньги. Через это стал он силен и неудержим в своем стремлении.

К концу зимы возвратился и кесарь из Азии ко двору и, находясь при василевсе, предлагал ему приличные советы, следил за делами управления и, когда происходил суд, подавал свои мнения, восполняя недостаток опытности василевса. Но это не нравилось логофету: поэтому он придумывал все средства и употреблял все меры, чтобы скорее удалить кесаря. А так как ему нелегко было исполнить свое намерение, то он обращался к советам друзей и, не видя благоприятного времени, скрежетал зубами. Ему хотелось избавиться от страха, который наводил на него кесарь, и безбоязненно злоупотреблять слабостью василевса. Но, встречая везде неудачи, логофет наконец замышляет план – не столько умный, сколько замысловатый и лукавый: он снова вкрадывается в *доверие* к простодушному василевсу и внушает ему удалить от себя дядю кесаря, предлагая к тому средство – убедить его, чтобы он отправился в поход против Руселя. Что же отсюда? Василевс склоняется на его слова, призывает к себе дядю и объявляет ему эту тайну тихим и прерывающимся голосом; ибо, быв не свободен в речи, он обыкновенно так говаривал. Понимая замысел и хорошо зная как своенаравие затейника, так и доверчивость того, кто согласился на его затею, кесарь сначала советовал против мятежника послать сына своего Андроника; но когда василевс не переставал настаивать и, наконец, сказал: “Или мне надобно идти против него, или тебе”, – согласился и начал готовиться к походу. Приготовившись достаточно, переправился он в Азию и, собрав войска, пошел на неприятеля. Пройдя пределы Вифинии и узнав, что неприятель расположился лагерем у источников реки Сангария, он миновал Дорилею и продолжал подвигаться вперед. При известии об этом наступлении, и варвар также двинул свои силы. Оба неприятеля встретились около так называемого Зомпского моста и, став лагерем, готовились к битве. Поутру на другой день вывели они войска и расположили их следующим образом. Сам кесарь управлял центром ромейского войска, имея под своим начальством варваров, вооруженных щитами и секирами, которым всегда вверялось охранение царского дворца; правое крыло составляли наемные кельты, которыми предводительствовал один кельт по имени Папас; левым крылом командовал domestik схол Андроник, а задним от-

рядом (арьергардом) заведовал Никифор Вотианат, впоследствии ромейский василевс, имевший под своей командой фалангу фригийцев, ликаонян и асийцев. Видя, что ромейская фаланга так выстроилась, Русель и сам разделил свое войско на две части, из которых одну взял в свое распоряжение и повел ее медленно, а другой велел идти прямо против наемных кельтов⁹³. Когда эти были уже недалеко друг от друга, – наемники и неприятели начали переговариваться между собой, – и вдруг все наемное войско, под начальством Папаса, перешло к неприятелю и, соединившись, они пытались окружить войско кесаря. Сюда же с отборной частью своей фаланги прибыл и Русель. При этом нападении варваров произошла сильная битва, и многие пали с обеих сторон. Переломав копья, враги обнажили мечи и, сражаясь вблизи, друг другу наносили раны.

15. Когда битва таким образом шла, командовавший задним отрядом (арьергардом) видя, что наемники перешли к неприятелю и стараются окружить предводимую кесарем фалангу и что он должен подать помощь, он отступил со своими силами, хотя был человек храбрый, что доказал во многих случаях. Пользуясь этим, враги безбоязненно окружили войска кесаря. Находившиеся при нем варвары в продолжение некоторого времени стояли твердо, поражая неприятеля, они и сами были поражаемы им; но когда увидели, что на них нападают спереди и сзади, начали приходить в замешательство. Кесарь своим бесстрашием подкреплял их дух, и они держались сколько было сил; но вскоре изнемогли и уже не в состоянии были отражать нападавших; потому что большая часть из них была убита. Тогда он, не желая даже теперь спастись бегством, взят был в плен. Между тем, одолеваемый неприятелем, обратился в бегство и отряд Андроника. Но сам Андроник, хотя весь покрыт был ранами (ему нанесены были смертельные раны), все еще ездил и искал отца. Узнав же, что отец его взят в плен, он при всей возможности спастись, так как был уже вдали от стрел и места битвы, предпочел своему спасению подвергнуться за отца опасности и потому, поворотив лошадь, устремился в середину врагов и перебил многих из них мечом; а когда был уже недалеко от кесаря, сделался просто неудержимым и не походил на человека смертного, но казался бессмертным и бесплотным. Несмотря на то, что поражали его копьями, он был неустрашим: одних

убивал, других прогонял, стараясь пробиться туда, где находился плененный отец его. Враги, видя неудержимую стремительность юноши, сбежались все и одни стрелами, другие длинными копьями поражали его лошадь и его самого, пока наконец покрытый ранами конь повалился на землю вместе со всадником. Тогда варвары, окружив его, хотели сорвать с него шлем и мечом отрубить голову храброго мужа. Но кесарь, оттолкнув державших его, бегом устремился к нему, упал на своего храброго сына в изнеможении от множества ран и, дав знать варварам, кто это, спас от неминуемой смерти.

16. Таким был конец битвы между ромеями и изменниками кельтами около Сангарского моста. Возгордившись победой, варвар обошел прилежащие к Сангарию города и все покорил себе; потом, пришедши в Вионию (Бионию), где был кесарев дворец и довольно укрепленный замок, построенный у подошвы Софона, расположился отдыхать на тамошних полях и стал думать, как бы завоевать себе ромейское царство. Между тем кесарь был у него в чести, и, видя, что сын его, храбрый Андроник, сильно страдает от ран, окружил его всей заботливостью. Смотря на такие страдания своего сына, кесарь сокрушался скорбью, болезновал сердцем и стал просить Руселя отправить его в столицу. Русель согласился, потребовав однако в заложники старших сыновей Андроника и по прибытии их отправил отца домой. Там получил он надлежащее лечение, а Русель между тем сыновей его держал в крепости в качестве пленников. В это время сделали нечто достойное памяти дядьки их (сыновей). Часто ходил к ним один из тамошних земледельцев. Сблизившись с ним, они спросили его, знает ли он дорогу в Никомидию, и уверившись, что знает так хорошо, что даже ночью и не по дороге может пройти между горами и дойти до Никомии, задумали дело умное и вместе смелое – тайно через ворота вывести детей, когда стражи ночью уснут, и спасти их бегством. Проводником они избрали этого самого земледельца и убедили его к тому обещанием денег. Выбрав ночь темную и безлунную, похитив ключи от ворот, они выпустили его из крепости и велели ему ждать себя недалеко от ворот, а сами, оставаясь внутри, наблюдали за стражами. Когда же все они заснули, дядька старшего из сыновей, миловидного Михаила (имя дядьки было Леонтакий), евнух, человек расторопный, разбудил дитя, объяснил ему дело, отво-

рил ворота и вывел его, а другой дядька между тем сказал, чтобы и он поспешил разбудить и вывести своего мальчика. Тот действительно поспешил, но ему не посчастливилось. Когда он сходил вниз – на лестнице что-то затрещало. Услышав треск, стражи вскочили и стали разыскивать, что это такое... Дядька предварил их ответом, что дитя выходило помочиться; но они начали еще заботливей спрашивать и исследовать о Михаиле. Отчаявшись *в усилиях* и боясь, чтобы не поймали и того, который убежал, дядька, оставшись внутри, стал отвечать на вопросы громким голосом. Тогда находившиеся вне – дядька и проводник, – услышав смятение, схватили мальчика и, попеременно неся его на плечах (он был очень мал возрастом), побежали изо всех сил. И так они убежали, а стражи потребовали огня и вошли в комнату, в которой стояли кровати мальчиков. Когда же увидели, что кровать бежавшего пуста, тотчас, кто сколько мог, начали бить дядьку, стараясь узнать, где другой мальчик с его дядькой. Эти побои он вынес мужественно и ничего не сказал о своем замысле. Варвары дошли до такой ярости, что палкой перебили ему бедра. Надобно было видеть терпение этого евнуха, слабого телом, но с мужественной, как оказалось, душой, достойном похвал выше всякого выражения. Отчаявшись попытаться, варвары приготовили лошадей и послали погоню. Между тем как это происходило, добрый проводник, уподобляясь овце, бывшей некогда проводником Иакову, взяв этого нового Иосифа и умнейшего его дядьку, далеко уклонился от дороги и, взойдя на одну гору, заросшую лесом, наблюдал оттуда за своими преследователями: их они видели, а сами не были видимы. Когда же те преследователи, перейдя через гору Софон и дойдя до равнин Никомидии возвратились назад, беглецы, видя их возвращение, сошли ночью с горы и к рассвету пришли в Никомидию. Так удалось спастись одному из заложённых внуков кесаря. Но об этом после.

17. Узнав о поражении ромейского войска и о том, что взяты в плен оба – и дядя кесарь, и сын его, начальник войска Андроник, василевс Михаил был весьма озабочен и послал последнего из сыновей кесаря, Константина Дуку, о котором мы упоминали прежде, человека смелого и храброго, с приказанием переправиться через Пропонтиду и собрать оставшееся от битвы войско. Этот, не будучи в состоянии перенести равнодушно несчастье от-

ца и брата, скрежетал зубами как лев, и видно было, что он с усердием берется за дело. Вечером, простившись с василевсом, пошел он домой, чтобы приготовиться (в путь); но к полуночи сильно заболел и подвергся невыносимым страданиям: призваны были лучшие врачи; но их искусство не принесло никакой помощи больному, и к утру он скончался. Это было прибавлением к несчастьям кесаря.

Между тем варвар, получив еще больше смелости, задумал дело замысловатое, хотя, конечно, не о Господе. Это дело было – провозгласить ромейским василевсом кесаря и, обойдя с ним города, покорить их себе. Таким способом надеялся он снискать расположение и сильных людей столицы. Знаменитый кесарь сперва негодовал на это, сильно скорбел и, по поговорке, употреблял все меры, чтобы избежать этой драмы: но когда варвар двинул его на этот пост против его воли, он принялся за работу жертвенно, сносился тайно с жителями *столичного* города и почти всех расположил в свою пользу, потому что всеми был любим как человек, украшенный всевозможными доблестями и превосходивший честностью прочих людей того времени; и если бы не воспрепятствовало тому божественное промышление, легко овладел бы царским скипетром. Это обстоятельство побудило евнуха Никифора поусерднее взяться за государственные дела, чтобы уничтожить замыслы *Руселя и кесаря*; но, не надеясь на содействие ромейских войск, он отправил послов к туркам и убедил Артуха⁹⁴, находившегося тогда у восточных пределов *империи*, – предпринять против них войну, склонив его к тому деньгами и обещаниями. Артух (это был вождь сильный) выступил против них в поход с многочисленным войском.

18. Узнав, что турки выступили и что Артух с бесчисленным множеством войск идет против них, кесарь и Русель перешли через гребень горы, на которой находились крепость и поблизости царский дворец (название крепости было Метаволи), и, отыскав у подошвы Софона ровную и продолговатую долину, расположились на ней лагерем. Эту узкую долину избрали они, боясь, как бы небольшой отряд их не был окружен и истреблен многочисленным неприятелем; а вытекающая из Софона речка служила им вместо ограды. Артух быстро переправился через Сангарий и поспешил к Метаволи, но, не находя здесь кесаря и Руселя, вслед за ними и сам перешел тамошние теснины, потом, взойдя на верши-

ну горы, называемой Мароксос, расположился станом и оттуда наблюдал за неприятелем, стоявшим недалеко от места, которое известно под именем Трисеи. Артух тотчас начал нападать на них и сперва бросал стрелы с окрестных высот, потом, разделив свое войско на три отряда, пытался окружить дружину Руселя и кесаря. Но с тыла неприятели не могли подойти к ним, потому что препятствовала гора, с трех же прочих сторон турки сильно налегали и старались разорвать латинскую фалангу⁹⁵. Малочисленные ромеи, теснимые многочисленным войском турок и теряя лошадей, отовсюду поражаемых стрелами, решились наконец вдруг выйти против неприятелей, чтобы поразить их быстрым натиском конницы. Итак, собравшись все и сомкнувшись в ряды, они понеслись стремительно. Из этого вышло, что и неприятелей пало много, да и они, будучи окружены множеством турок, частью пали, а большей частью взяты были в плен. В числе последних находились также кесарь и Русель. Обрадованный победой, Артух возвратил Руселя его войскам, взяв с него выкуп, а с кесарем отошел по направлению к верхней Фригии. Узнав о случившемся, василевс Михаил послал выкупить кесаря. Варвар за большой выкуп отдал и его. Быв уже недалеко от столицы и боясь подвергнуться еще большему несчастью, кесарь переправился в Трахонисий, облекся в монашеский образ, приняв пострижение, и в таком виде явился к василевсу Михаилу. Увидев его, василевс притворился, что очень жалеет о нем.

19. Такой конец имели дела дивного кесаря⁹⁶. Что же касается до Руселя, то, вырвавшись из плена, он пошел в Понт и, заняв некоторые крепости, отсюда беспокоил понтийские города – Амасию и Новую Кесарию, опустошал их округи и принуждал давать себе дань. Узнав о том, василевс Михаил послал Никифора Палеолога к правителю Алании привести оттуда наемное войско. Никифор отправился туда и, собрав там около шести тысяч, пошел к Понту и старался удерживать Руселя от набегов. Аланы между тем потребовали условленной платы, – и Никифор, не имея чем заплатить, счел нужным сразиться с Руселем поскорее, прежде чем не разошлет это аланское войско. Но аланы настоятельно требовали платы и, так как Никифор не мог ее дать, почти все ушли от него назад – немногие только остались. Сразившись с этими, Русель обратил их в бегство и немалое число по-

бил, остальные же разбежались по городам Понта. Когда донесли об этом василевсу Михаилу, он призвал прекрасного юношу Алексея; ибо Промыслу было угодно, чтобы наконец открылась и его доблесть. Призванный к василевсу, он объявлен был стратопедархом⁹⁷ и полновластным вождем в войне против Руселя.

20. Алексей охотно принял предложение василевса; но мать его, услышав об этом, принуждала сына отказаться от этой власти, говоря, что война против Руселя требует не юношеского ума и силы, а мужа храброго, много изведавшего и многое сделавшего. Однако же Алексей сильными просьбами уговорил ее и, напутствованный ее молитвами, выступил, не получив от василевса ни денег на военные издержки, ни достаточного войска. Пройдя Понт Пафлагонский и прибыв в Амасию, он нашел здесь немногих спасшихся аланов, именно около ста пятидесяти, и, беспокоя с ними неприятеля, сколько раз ни нападал на него, всегда побеждал. Когда же остановил его набег, тогда, не ожидая уже с его стороны нападений, сам подступал к крепостям, которыми владел Русель, и, устроив засады, посылал отряды на добычу в их окрестности. Возбуждаемые этим, враги выходили и начинали преследовать грабителей, а он выбегал из засад и, занимая дороги, ведущие в крепость, преграждал им обратный путь. Отсюда происходило, что он почти всех их забирал живыми, потому что дороги в крепость были заперты. Повторяя это часто, он привел варвара в большое затруднение. Имея достаточные силы, Русель желал бы кончить с ним дело одним сражением; а стратопедарх, чувствуя недостаток в войске, – стараясь одолеть врага искусством стратегическим. Поэтому, когда тот сосредотачивал войско, этот показывал вид, будто намерен оставаться в покое; а спустя несколько дней тайно выступал и, находясь недалеко от неприятеля, ставил засады, делал частые набег и забирал военные транспорты. Когда возвещалось об этом варвару, он посылал туда на помощь воинов; но, попадая в засаду, они почти все были забиремы в плен живыми. Убивать же их Алексей считал преступным, так как они были христиане⁹⁸.

21. Эти часто повторявшиеся случаи сильно огорчали варвара; ибо какие города прежде повиновались ему и либо по страху, либо по благорасположенности давали дань, – теперь, не надеясь на его помощь, не давали ему ниче-

го. Поэтому, нуждаясь в деньгах, Русель задумал дело смелое, но, как оказалось впоследствии, неблагоприятное. Незадолго перед тем выступил из Персии Тутах⁹⁹ со множеством турок, чтобы опустошать ромейские области, и Русель решился сойтись с ним и взять его в союзники против стратопедарха. Итак, сперва он отправил к нему послов, а потом и сам пришел в лагерь турок, переговорил с Тутахом, взял с него слово и возвратился в крепость, обещая скоро опять прибыть к нему. Не узнав, что Русель ходил к Тутаху, стратопедарх и сам отправил к нему послов с богатыми дарами, напоминая ему о дружбе ромейского василевса с персидским государством и просил его прислать также от себя послов самых доверенных, потому что намерен был сообщить ему нечто секретное, что принесло бы ему немалую пользу. Обрадовавшись подаркам и узнав, кто такой Алексей, Тутах тотчас послал к нему самого доверенного человека. Когда посол пришел в Алексею, стратопедарх принял его ласково и так сблизился с ним посредством подарков и многократных бесед (ибо в беседе он был приятен больше, чем кто другой), что варвар возымел к нему величайшее расположение. После того Алексей стал говорить ему следующее: “Ромейский василевс и султан – друзья между собой, а Русель – враг обоим. Он опустошает ромейские области, не вторгается во владения турецкие. Теперь, видя, что пришел твой эмир, и боясь, как бы не погибнуть от обоих нас, он делает вид, что с любовью обращается к Тутаху, а между тем только выигрывает, когда он пройдет, – опять будет врагом турок, каким был и прежде. Поэтому, если я заслуживаю сколько-нибудь доверия, то пусть Тутах, как только придет к нему Русель, выдаст его мне за большие деньги. Отсюда он получит три весьма важные выгоды: возьмет много денег, войдет в близость с ромейским василевсом, которая будет для него весьма благодетельна, и, в-третьих, обрадует султана избавлением турок от врага.

22. Посол убедился словами стратопедарха и обещал убедить эмира исполнить желания Алексея. Он отправлен был с новыми дарами и объяснил все Тутаху, изобразив ему и ум стратопедарха, и любезность его в беседе, и щедрость в деньгах. Варвар пленился этим рассказом и совершенно поверил словам и предложению Алексея. Посему, когда пришел к нему Русель, он показал вид, что принимает его радушно, но, поужинав с ним,

схватил его и в узах отослал стратопедарху; взяв только заложников, пока будут выплачены условленные деньги. Алексей обрадовался этому, но денег не имел и в затруднении не знал, что делать; посему тотчас созвал собрание и пригласил на совет значительных людей города; когда же все собрались, начал говорить им так: “Мужи, приглашенные мной сегодня на совещание! Послушайте моих слов. Вы знаете, как этот варвар поступал со всеми городами Армении, сколько вынудил у вас денег, сколько опустошил местечек и как поступал с человеческими телами, подвергая их невыносимым мучениям по причинам ничтожным. Теперь настало время избавить нас от такого злосчастия, и вы не должны упускать того случая, чтобы, избегая дыма, не попасть в печь. По воле Божией и нашему старанию, вы видите теперь этого варвара в узах. Но взявший его в плен требует воздаяния, а у нас нет денег. Итак, необходимо, чтобы каждый из вас внес сколько-нибудь по мере возможности. Если бы василевс не был далеко или если бы варвар согласился на отсрочку, я постарался бы достать вознаграждение отсюда. Но вы сами видите, что ни то, ни другое невозможно; а между тем толпы турок сильно опустошают страну, пока эмир остается здесь, ожидая воздаяния. Поэтому, как я сказал, необходимо вам сложиться. Я обращаю свою речь к начальникам города. Все, сколько вы мне дадите, получите от василевса”.

23. Выслушав это, правители города, вознамерились возмутить народ; поднялся большой шум и крик: одни просто кричали, а другие громко выражали желание, чтобы Русель был освобожден, и что от него будто бы никто не потерпел ничего худого, а потому старались вырвать его из под стражи и отпустить на свободу. Иной, видя чернь в таком неистовстве и такой большой город – в волнении, может быть, испугался бы; но мужественный юноша, – разумею стратопедарха, – ничего не боясь, весь шум остановил движением руки и потом, как скоро все утихло, обратился к народу со следующими словами: “Амасийцы! Я удивляюсь, как легко вдаетесь вы в обман тем, которые обольщают вас и ценой вашей крови покупают личную свою выгоду, подвергая вас большим бедам; ибо установление тирании¹⁰⁰ какую пользу принесло вам, кроме убийств, уз, пыток и отсечения членов? Вы-то действительно терпели все это; а те, которые теперь, благоприятствуя варвару, возбуждают вас к такому буйству и шуму, остались не-

прикосновенными, да еще от царских щедрот получили награду за то, что ни себя самих, ни города не предали варвару, – о вас же ни разу не сказали ни одного слова. Точно так и теперь: они хотят учредить тиранию, чтобы, подавая тирану приятные надежды, самим сохраниться неприкосновенными и получить от василевса новые почести и награды; а когда произойдет что-нибудь неожиданное, постараются поставить себя дальше от места действий, весь же царский гнев обратят на вас. Но, если вы сколько-нибудь верите мне, предоставьте говорить возмущающим вас к мятежу, и пусть каждый из вас идет домой обсудить сказанное: тогда вы увидите, кто желает вам пользы”. Народ, выслушав эту речь, одобрил сказанное, и все разошлись.

24. Между тем стратопедарх, опасаясь, как бы люди сильные снова не возмутили народ и не исторгли Руселя, задумал дело весьма разумное и вместе человеколюбивое. Что же это за дело? Он призывает палача, разводит огонь, раскаляет железо, расprostирает Руселя на полу, приказывает ему жалобно кричать и стенать, как будто его лишают зрения. Русель повинуется и наполняет весь дом криком и стенаниями. Потом на его глаза накладывают целебный пластырь, а на пластырь – повязку; поутру же выводят его перед народом и показывают всем, как ослепленного. Таким действием стратопедарх прекратил всякое волнение. Избавившись от этой крайности, он помышлял теперь, как бы овладеть войском Руселя и занятыми им крепостями; но приближенные василевса, присланные к нему, понуждали его, взяв Руселя, возвратиться с ним в столицу. На это Алексей отвечал им: “Дурно будет, если мы, овладев одним тираном, оставим в покое других его приверженцев и уйдем отсюда; ибо *в таком случае* кто-нибудь из оставшихся непременно начнет тоже тиранствовать и снова возмутит города. Мне кажется, с тираном надобно уничтожить и тиранию и постараться, если возможно, овладеть крепостями”. Сказав это, он принялся за дело, и прежде всего стал сторожить дороги, чтобы ничто из необходимых потребностей не было тайно доставляемо в крепости, и сильно поражал всех, выезжавших для сбора хлеба и других жизненных припасов; а потом устраивал засады и некоторым из своих посылал на фуражировку. Тогда гарнизоны, выходя из крепостей и преследуя фуражиров, попадали на засады и были истребляемы. Делая это часто и разнообразно, он привел франков в

затруднительное положение; ибо назначал фуражировки то через четыре, то через пять дней, а иногда через день, или через два. Посему засевшие в крепостях, не зная, что делать, предали стратопедарху и себя самих, и крепости, а другие бросали их и обращались в бегство. Таким образом Алексей сделался обладателем всего. Пробыв несколько времени в Амасии, он успокоил все города и, восстановив глубокий мир, приобрел тем всеобщую любовь; потом, взяв с собой Руселя, выехал оттуда, сопровождаемый приветствиями и многочисленными благопожеланиями.

25. Тогда как, проезжая через Пафлагонию, стратопедарх находился недалеко от дома Феодора Докиана, человека благородного, богатого и кровного его родственника (ибо он был сын сестры отца его), Докиан, узнав о его приближении, далеко вышел к нему навстречу и приветствовал его; но, взглянув на Руселя и увидев лежавшую на глазах его повязку, опечалился и не удержался, чтобы не осудить стратопедарха за то, что он лишил зрения человека столь храброго и способного принести великую пользу ромеям. Алексей, всегда скромный, умевший держать дело в тайне и не вдруг показывать его на свет, кротко и ласково отвечал ему так: “Теперь не время, брат, объяснять причины, по которым он лишен зрения; но когда придем домой и останемся наедине, ты узнаешь все и тотчас избавишь меня от порицания”. Итак, они поспешили в дом, сошли с лошадей, стряхнули с себя пыль и, пока повар приготовлял ужин для гостя, сели закусить. После закуски, стратопедарх, взяв Докиана за руку, повел его в ту комнату, в которой содержался Русель, и приказал ему снять повязку. Русель тотчас же вскочил, сбросив повязку, смотрел всеми глазами и приветствовал Докиана. Этот последний, пораженный такой неожиданностью, встал, преисполнен был радостью и, обняв знаменитого Алексея, целовал его в уста, щеки и прекрасные глаза, а великую его выдумку называл вполне достойной тех, которые произвели на свет такого юношу, хвалил его драму и удивлялся искусной его скрытности.

26. Прогостив у Докиана три дня, стратопедарх расстался с ним и отправился по направлению к Понтийскому морю. Находясь близ Кастамона, он пожелал видеть дом своего деда; посему, приказав всем (своим спутникам) продолжать путь, сам с немногими свернул с дороги. Войдя в дом и найдя его совершенно необитаемым, он проливал слезы и

вздыхал, вспоминая о своих предках. Извлеченный отсюда силой, он отправился вслед за своими спутниками; потому что легко мог бы быть захвачен турками, если бы находившиеся при нем не поспешили увлечь его и не соединили с прочей его свитой. Когда проходил он теснины и спускался к морю у Гераклеи, встретил его Маврикс – человек незнатного происхождения, но расторопный и весьма хорошо знакомый с плаваньем по морю. Посему и ромейские василевсы считали его человеком нужным и делали ему большие подарки; так что через это он нажил великое богатство, имел множество рабов, из которых иные служили у него в качестве воинов, и выстроил себе великолепный дом. Этот-то человек, встретив Алексея, просил его зайти к нему в дом, и тот согласился. По прибытии в Гераклею, стратопедарх сперва отправился в нерукотворный храм Богоматери¹⁰¹ и там принес благодарственные моления Спасителю всех и Его Матери, а потом уже прибыл в дом Маврикса.

27. Но в то время, как он готовился отправиться в путь, получено было известие о приближении турецких фуражиров. Эта весть побудила его взяться за оружие гораздо скорее, чем, как говорят, побудила некогда Александра флейта Тимофея. Вооружившись и сев на коня, он отправился со своими *спутниками*. За ним следовали и воины Маврикса, люди в воинском искусстве опытные и храбрые, а начальником их был Михаил Вутумити, – чтобы сказать словами Гомера, – малый телом, но с воинственной осанкой. Турки увидели их издали и, заметив блеск их оружия и благоустроенность фронта, не могли выдержать неустойчивого их натиска и отчаянно побежали; а те, прогнав турок далеко от своих пределов и некоторых из них убив, возвратились. Стратопедарх был рад этой случайной победе на пути его и хотел остаться в пределах Гераклеи, чтобы, отражая выходивших на фуражировку турок, умножить тем свои трофеи и таким образом возвратиться в великий город пятикратно увенчанным¹⁰². Но письмо и одновесельное судно с гребцами, присланные от василевса, воспрепятствовали его намерению; ибо в письме повелевалось ему сесть на судно вместе с Руселем и немедленно плыть в столицу, потому что на дорогах турки делают засады. Он исполнил приказание и на судне поплыл в Пропонтиду. Во время его плаванья вдруг поднялся сильный ветер – Фраксий – и угрожал ему совершенным кораблекрушени-

ем, если бы видимо не спасла его мать Божия; ибо, как скоро он призвал ее на помощь, море тотчас же успокоилось, и он избежал этой беды.

28. Когда Алексей прибыл в столицу, василевс принял его с любовью, целовал радостно и, – повторю *собственные* его слова – сказал: “Хорошо, что прибыл тот, кто, после Бога, правая наша рука”. Это было первое от василевса воздаяние за его труды – благодарность василевса при первой встрече; впоследствии же был он награжден почестями и подарками. Между тем Русель находился в темнице под строгим караулом, и добрый во всех отношениях Алексей всячески заботился о нем, удовлетворяя многие необходимые его потребности и умеряя царский на него гнев. В таком положении были дела славного Алексея. В это время заплатил общий долг природе дука Антиохии протопроедр Иосиф Траханиот, – и тамошние дела пришли в такой беспорядок, что происшедшую тревогу, особенно когда начала возрастать тирания Филарета¹⁰³, с трудом мог остановить сын умершего Катакалон. Василевс Михаил избрал дукой Антиохии Исаака¹⁰⁴. Думая, что виновником сего возмущения был патриарх Эмилиан, Михаил приказал как можно скорее препроводить его в Константинополь. Логофет издавна уже питал к патриарху нерасположение и обещал Исааку награду от василевса, если только он изгонит патриарха из города. Прибыв в Антиохию, Комнин принят был там с величайшей честью как высшими сановниками, так и занимавшим патриарший престол. Вступив в город, он притворно угождал патриарху и, боясь народной любви к нему, обращался с ним дружески; ибо город разделился на две партии: одна держалась патриарха и искренне была ему предана, а другая угождала правителям. Итак, опасаясь возмущения, дука и не предъявлял царской грамоты, предписывавшей ему изгнать патриарха, и не открывал ничего, *устно* наказанного ему василевсом. А что придумывает? Притворяется больным, накладывает повязку на руки около плеч, распускает слух о своей болезни и приглашает врачей. Навещает его и патриарх, рассуждает с ним о его болезни и относительно нее принимает в нем участие. Причиной болезни, по-видимому, был завал в левой артерии. Посему врачам хотелось, чтобы больной выехал из города и избрал место, сообразное с его болезнью, чтобы, то есть, оно имело благоприятный воздух и больному до-

ставляло удовольствие. Тогда патриарх сказал, что у него есть такое место, и стал убеждать дуку, чтобы он тотчас выехал из города и поселился там. Тот выехал, а патриарх, проводив его, возвратился *в город*. Что же потом? Прошло два дня; патриарх снова приехал навестить больного. Увидев патриарха, больной на вопрос его о здоровье, отвечал: “По твоим молитвам, чувствую себя лучше; благорастворенность воздуха в этом месте приносит мне пользу”. Услышав это, патриарх обрадовался. Но между тем, как они еще беседовали между собой, некто пришел с известием, что недалеко оттуда залег заяц, – и врачи советовали *больному* выехать *на охоту*. Он притворился, будто не хочет; а патриарх, вовсе не зная замысла, стал убеждать его сесть на коня и отправиться на ловлю зайца. Тогда дука показал вид, что слушается его, но, сев на коня – будто с трудом, направил свой путь прямо в Антиохию. Прибыв в город, он запер ворота и послал к патриарху царскую грамоту, которой предписывалось ему отправиться в столицу; поэтому просил его, как можно скорее, ехать к морю. Патриарх досадовал и грозил причинить тяжкое зло, хотя и не мог сделать этого. Итак, отправившись против воли в Ладонию и пробыв там несколько дней, чтобы получить из Антиохии необходимое на дорогу, он поехал в Византию¹⁰⁵.

29. Избавившись от страха, внушаемого патриархом, Исаак взялся за дела общественные и старался подавлять возобновлявшиеся в городах возмущения. Но он не мог усмирить древнего врага христиан, который снова возбуждал мятежников – и притом по одной маловажной причине. Некоторые из лиц, начавших недавно возвышаться, подстрекаемые

завистью, вооружили народ против властей и самого дуки. Этого последнего заперли они в крепости и караулили входы, а на тех напали и нескольких из них умертвили. Другие же из бунтовщиков бросились грабить дома правителей, находившиеся близ крепости, и расхищали имущество их. Подвергшись такой неожиданной опасности, дука послал в соседние города за войсками. Войска вскоре собрались в достаточном количестве, и он искусно начал действовать сам против возмутителей. Разделив военные силы на многие отряды, дука приказал им занять тесные проходы и брать всех встречаемых, чтобы возмутители не могли соединиться и помогать одни другим. Когда это было исполнено, в Антиохии началось великое истребление возмутителей, и таким способом едва-едва подавлено было восстание. Подавив его, дука спешил привлечь к себе благосклонность антиохийцев. По прошествии же нескольких дней, получено было известие, что турки в большом числе идут в Сирию. Посему, взяв войско, он выступил. Ему сопутствовал также зять его по сестре, Константин¹⁰⁶, сын василевса Диогена. Но, встретившись с турками и вступив с ними в сражение, дука был разбит и, хотя мужественно сражался, однако же, получив много ран, взят был в плен, а Константин убит. Но антиохийцы тотчас же послали 20 000 золотых монет и, выкупив его *из плена*, старались излечить полученные им на войне раны. За это с того времени он питал к ним искреннее расположение и старался по возможности отплатить им благодарностью. В таком положении были дела в Антиохии; а что происходило *в то же время* на Западе, покажет следующая книга.

Книга III

1. В предыдущей книге говорилось о том, что случилось на Востоке после смерти василевса Диогена, какие происходили там беспокойства, измены и бунты, и как они тотчас же были подавляемы, каким образом величайшая из всех зол тирания, разумею Руселеву, достигшая высшего могущества и бывшая причиной многих бедствий для ромеев, уничтожена была Алексеем Комниным, когда он был еще слишком молод и имел должность стратопедарха над восточными войсками. Теперь же от событий, происходивших на Востоке, нам нужно перейти на Запад и рассказать о некоторых тамошних происшествиях, чтобы наша речь, развиваясь стройно и в по-

рядке, снова встретила с действиями Алексея Комнина.

Когда младший из сыновей знаменитого кесаря, Константин, муж доблестный, внезапно скончался, а старший – Андроник, доказавший геройство своей души в войне с Руселем и не пощадивший себя для спасения своего отца, так сильно был изранен, что от истечения крови едва достиг Византии, где благодаря величайшей заботливости о нем, хотя и получил облегчение от мучительных ран, но страдал грудью и, по мнению врачей, носил в себе водяную болезнь, в которой врачебное искусство отказывалось помочь больному, – когда все это происходило и кесарь

гражданскую жизнь переменял на монашескую, тогда василевс Михаил был тревожим бесчисленными заботами: скифы делали набег на Фракию и Македонию, славяне вышли из повиновения ромеям и опустошали Болгарию; были разграбляемы также Скупы и Наис; находились в бедственном состоянии Сирмий, земли, лежащие при реке Саве, и города при Истре до самого Виддина. С той же стороны отложились хорваты, и диоклейцы¹⁰⁷ злодействовали во всей Иллирии.

2. В таких обстоятельствах василевс Михаил был тревожим великим страхом и думал, кого бы избрать себе помощником в царствовании и предоставить ему второе, т.е. кесарское достоинство. Так как все его родственники скончались, то он обратил внимание на высших военачальников и между окружавшими его искал такого человека, который превосходил бы других опытностью в делах, умом и доблестью. В то время все при дворе и сам логофет почитал таким Никифора Вриенния, – о котором мы упомянули выше, – человека преданного Богу, верного в дружбе, сильного, предусмотрительного, осторожного в управлении войском и испытанного в борьбе с врагами. Посему он царской грамотой тотчас же был вызван из Одрис. Но прежде, чем этот муж прибыл в столицу, василевс сказал о том одному из сенаторов, родственнику своему по матери: это был Константин друнгарий, племянник прежде занимавшего патриарший престол Михаила, по прозванию Кируллария¹⁰⁸. Услышав о царском распоряжении, этот человек был недоволен им, ибо и сам давно мечтал о царствовании; посему на вопрос, какого он мнения о Вриеннии, сказал, что знает этого человека и хвалит, но предполагаемое ему назначение не совсем одобряет. “Ты или должен, – говорит, – добровольно передать ему царскую власть как мужу храброму, деятельному и предприимчивому, или, если не хочешь испытать это по неволе, оставь свое намерение – не принимай его в соучастники правления”. Такими словами он сильно устроил василевса, и без того робкого и, как говорят, боявшегося собственной своей тени.

3. Когда Вриенний прибыл, василевс Михаил переменял свое намерение и назначил его дукой всей Болгарии¹⁰⁹, чтобы через него обуздать усиливающихся славян. Находясь в Болгарии, Вриенний в короткое время до того смирил болгар, что они тотчас признали над собой власть ромеев и довольны были тем, что именно он управлял их делами. Между тем

хорваты и диоклейцы разоряли Иллирию, а франки завладели Италией и Сицилией¹¹⁰ и задумывали ужасы против ромеев. Посему Михаил вознамерился из Болгарии передвинуть Вриенния в Диррахий¹¹¹, бывший митрополией Иллирии и немедленно отправил к нему грамоту, в которой не столько приказывал, сколько просил его перейти в Иллирию. Вриенний прибыл туда, и все жители приняли его с радостью, потому что он был человек весьма приветливый и щедрый. Пробыв там немного времени, чтобы приготовиться к войне, он повел войска против диоклейцев и хорватов. Так как они устраивали свои лагеря в местах самых неприступных, то он старался сперва уничтожить эти преграды. Прежде всего, вооружив воинов, он провел их сквозь теснины. Но войско ужаснулось при мысли о возвращении через эти непроходимые места, посему он собрал множество туземных жителей и приказал им идти за войском с заступами, чтобы расчищать и расширять непроходимые дороги. Тогда воины охотно пошли на неприятелей и таким образом достигли того места, где находилась неприятельская армия. Напав на нее, Вриенний после жестокой битвы одержал совершенную победу. Итак, сделав все города, по-прежнему, данниками ромеев, взяв заложников и в каждой стране оставив достаточную стражу, он возвратился в Диррахий. Так как посылаемые из Италии корабли нападали на купеческие суда и грабили их, то он вознамерился обуздать и этих врагов; и действительно, тотчас отправив против них вооруженные триремы¹¹², многие из разбойничьих кораблей потопил, а другие взял в плен и таким образом совершенно расстроил эту (разбойничью) италийскую флотилию.

4. Таковы были достойные почестей и награда дела Вриенния. Но зависть не перенесла столь великих подвигов превосходнейшего мужа и возбудила язык клеветников, глаголющих мир с ближними своими, злая же в сердцах своих, как говорит божественный Давид (Пс 27: 3). Воспользовавшись легковерием василевса, они тайно говорили ему, будто Вриенний задумывает тиранию. Возбуждаемый их речами, василевс послал в Иллирию одного из самых преданных себе людей (это был Евстафий из Кашпадокии) с приказанием – под рукой разведать о сделанном донесении. Вриенний принял прибывшего самым радужным образом и так сблизился с ним, что последний открыл ему сущность дела и цель,

для которой василевс послал его. Услышав это, Вриенний был глубоко оскорблен и испугался; однако же не предался гневу, но сдержал себя и соображал, что ему делать. В это время возвратился в Византию, перед тем усердно сражавшийся со скифами, родной его брат¹¹³. Домогаясь у василевса награды за свои подвиги, он докучал логофету. Никак на него не обращали внимания и всегда отпускали его ни с чем; и он был тем сильно огорчен и скорбел. Прибыл и из Пафлагонии Васибеки, сын Флора, – с надеждой также получить от василевса какую-нибудь награду (ибо в воинских делах был муж доблестный); но и этот не достиг своей цели, а потому скорбел и печалился. Встретившись друг с другом, оба они вступили в разговор и начали сильно роптать на нещедность василевса и жестокость логофета. Плодом этой встречи и беседы было то, что они дали один другому клятву – придумать что-нибудь, что могло бы быть полезно и для них самих и для ромейского царства, храня однако же в тайне свои замыслы. Замыслы эти состояли в том, чтобы василевса, столь скупого и нерасчетливого, низвергнуть и ввести над ромеями власть мужу, украшенному истинными достоинствами, – пусть ромейские полководцы не будут игрушкой евнуха¹¹⁴. В этой мысли они рассудили как можно скорее вызвать из Иллирии Вриенния и сделать его начальником заговора.

5. Составив такой заговор, Иоанн Вриенний отправился домой в Адрианополь, а Васибеки остался в Византии. Спустя немного времени, один из варваров-бердышников, которым вверено было охранение царских палат, прибыл в Одрисы, – в так называвшуюся в старину Орестиаду, – а ныне Адрианополь. Придя в одну гостиницу и выпив там много вина, он высказал тайну, что логофет послал его с целью – обманом подойти к Вриеннию и умертвить его. Об этом было донесено Вриеннию; варвар тотчас же был схвачен и, подвергнутый пытке, волей-неволей признался, что действительно было так. Иоанн Вриенний приказал отрезать ему нос и немедленно отправил к брату письмо, которым склонил его к восстанию. Когда это письмо доставлено было ему в Диррахий, он в крайнем недоумении не знал, что делать: решиться на измену считал он делом страшным и могущим навлечь величайшие бедствия; а пренебречь всем и предать себя очевидной опасности находил не свойственным мужу доблестному, благородному и мужественному. Долго колебался

он в этих мыслях, а между тем письма брата непрестанно подстрекали его.

6. Таковы были обстоятельства Вриенния. В это время кесарь, видя, что сын его приближается к смерти и что после него останутся в самом юном возрасте его дети, естественно, старался найти попечителя о его доме. К этому побуждали его как сам Андроник, так и прекраснейшая из всех женщин, супруга его, соединявшая с внешней красотой красоту внутреннюю, сиявшая, кроме знатности рода, и чистотой добродетелей, и приятностью нрава. Родом она происходила по отцу от болгарского василевса Самуила, ибо была дочь сына его Трояна, а по матери – от Контостефанов, Аваллантов и Фокадов, мужей в древности знаменитых и обладавших великим богатством. Эта-то жена, отличавшаяся от всех женщин своим умом, не переставала упрашивать мужа об отыскании ее детям какого-нибудь покровителя и даже подала ему совет – сколько благоразумный, сколько же и полезный. Он состоял в том, чтобы старшую их дочь выдать замуж за Алексея Комнина. У них было три дочери, из коих младшую – Феодору с младенчества ее посвятили они Богу и обручили непорочному и бесстрастному Жениху¹¹⁵. Теперь им надлежало позаботиться о двух других, преимущественно же об упомянутой выше Ирине; ибо эта девица была исполнена прелестей, стояла красотой телесной и чистотой нрава. Мать высказала свою мысль о ее замужестве, а кесарь одобрил ее, а протовестарий¹¹⁶, то есть знаменитый Андроник, так обрадовался, что почти забыл о своей болезни. Ходившего иногда к нему Алексея Комнина однажды принял он наедине и спросил его: не хочет ли он жениться? – ибо прежде обрученная ему невеста, дочь Аргира, мужа именитого, богатого и обладавшего большим именем, умерла. Узнав о его желании, он тотчас же предложил ему родственный с собой союз. Благоразумный более чем всякий другой юноша, Алексей хотя и рад был услышать это предложение, заметил, однако же, что согласие на него зависит от воли его матери¹¹⁷. Тогда весь дом кесаря захлопотал: прекраснейшая из всех женщин привела в движение всех слуг и домохозяев.

Между тем василевсу было не по сердцу, что Комнин через брак соединяется родством с этим домом, да и мать Алексея, питавшая старинное нерасположение к кесарю и дому кесареву¹¹⁸, неохотно склонялась на это, равно и родной брат державного, Порфирород-

ный Константин, очень любивший мужественного Алексея, не соглашался на такой брак; ибо у него была старшая сестра, по имени Зоя, на которой он думал женить его. Но мудрейшая из всех женщин не испугалась столь великих препятствий; она не давала сна очам и веждам дремания, не жалела и денег, пока прекраснейшую девицу не обручила с прекраснейшим юношей. Отец немногим пережил их обручение и скончался, оставив любимую дочь в приятных надеждах. Но злые люди начали было опять одерживать верх, и брак легко мог быть расстроен, потому что они по-прежнему стали отравлять злом простосердечие василевса – так я называю его легкомыслие. Но Промысел все преодолел; ухищрения зависти рассеялись и разлетелись, как пчелы от дыма, и спустя немного, благополучно обрученные, явились прекраснейшими новобрачными. Как это произошло, скажем, когда приведет нас к тому предначертанная последовательность речи.

7. Иоанн Вриенний, о котором было упомянуто выше, видя, что брат его медлит, пятится назад и всеми силами старается избежать участия в восстании, соображал, как бы заставить его хотя бы против воли приняться за дело¹¹⁹. Уже он расположил в пользу своего замысла все чиновначалие города и, привлекая на свою сторону весь Адрианополь, часто призывал брата. Его действиям сопротивлялся Таракханиот, человек хотя еще молодой, но весьма сообразительный и умный более чем кто другой. Он писал василевсу и логофету и требовал от них вспомогательного войска, чтобы ему можно было подавить возгоравшееся уже восстание. Но те, либо по недостатку в военных силах, либо по беспечности относительно этого дела, не посылали ему никакой помощи. Таракханиот держался довольно долго; но, когда увидел, что и сам он, и все его единомышленники находятся в явной опасности, немного ослабил сильную свою настойчивость и, по предложению матери Вриенниев, Анны куропалатиссы, согласился соединиться с ее сыновьями узами родства: сестру свою Елену, которая блистала красотой и превосходила скромностью всех сверстниц, обручил с сыном брата Никифора и через то вступил с ними в союз.

8. Между тем василевс Михаил, не зная, как мне кажется, о соумышлении Василиаки с Вриеннием, назначил его дукой Иллирии и приказал ему, если можно, схватить Вриенния и в узах препроводить в Константино-

поль. Когда весть об этом дошла до Вриенния, он увидел, что ему не следует более медлить, и с поспешностью устремился домой (в Адрианополь). Итак, он выступил, ведя за собой небольшое войско. Но в то же самое время в Диррахий поспешал Василиаки, надеясь застать там Вриенния. Посему и вышло, что они встретились под Фессалониками, тогда как Василиаки успел уже занять город. Видя, что Вриенний ведет за собой небольшое войско и что он гораздо слабее его, Василиаки как бы забыл клятвы и договор с родным его братом и напал на него. Вриенний мужественно выдержал нападение и, убив многих воинов Василиаки, заставил его обратиться в бегство и запретиться в городе. Из города Василиаки выслал к нему послов и просил его возобновить клятвенный договор, заключенный им с его братом. Вриенний очень охотно принял это и утвердил условия. После того он двинулся к Адрианополю и встретился с братом, ведущим огромное войско. Иоанн имел при себе все полки македонские и фракийские с полковыми и фаланговыми их начальниками. С ним соединились также все власти городов, и он всех принимал ласково, потому что был человек внимательный и разговорчивый более чем кто другой. Итак, став лагерем, они начали готовиться к подвигам. Иоанну Вриеннию казалось, что не должно медлить и терять время. Поэтому, пришедши к брату со знаками царской власти, он стал принуждать его возложить их на себя. Когда же тот отказывался и требовал времени для размышления, Иоанн начал убеждать всех, если можно, принудить его к тому силой. Однако же твердость Вриенниева духа одержала победу. Вриенний объявил, что на следующий день он соберет гражданских правителей, воевод, полковых начальников и назначит совет с целью исследовать в общем собрании полезное для всех. Таким образом на этот день он сдержал порыв брата и правителей. Но наконец один случай побудил его и против воли покориться настойчивому их желанию.

9. Гарнизон Траянополя, желая сохранить преданность своему государю, запер городские ворота и взошел на крепостные стены, чтобы караулить город. Услышав об этом, многие из воинов Вриенния прибежали сюда, как на зрелище, безоружные. Тогда находившиеся в городе стали поносить их и упрекать в неверности, а стоявшие вне города отвечали им тоже ругательствами. Потом начали одни в других бросать пращами камни; а когда

весть об этом пришла в лагерь, *на место драки* сбежались войска еще более, и некоторые вздумали наскоро смастерить лестницы, грозясь тут же взять город. Когда весть об этом дошла до Вриенния, ему было весьма неприятно, что тогда как сам он еще медлил и устранился от тирании, воины его уже обнаруживают тиранию и при том в отношении к такому городу, в котором много хороших людей, и на первом, как говорится, шагу обагрят руки кровью соотечественников. Поэтому он тотчас послал удержать воинов от нападения. Посланные явились на место драки прежде, чем она превратилась в великую битву, и укротили ярость воинов. После того случая признано было нужным оставить близ городских стен достаточную стражу, чтобы *траянопольцы* не сделали ночью вылазки из города и не произвели в войске смятения. Исполнено было и это распоряжение. Тогда сын домогающегося теперь царской власти Никифора, Патрикий Вриенний, едва вышедший из детского возраста¹²⁰, мальчик живой и отважный, взяв с собой двух сверстников (это были Кацамунтий и Василий Куртикий, называвшийся также Иоанникием) пошел будто играть туда, где находились воины, которым вверена была стража вне города, и найдя, что все они бодрствовали, удостоил их похвалы, а потом, миновав их, приблизился к городу и ходил около стен, чтобы осмотреть и городской караул. Заметив же, что все поставленные от города стражи спят, он на обратном пути случайно нашел приготовленные наскоро лестницы и, приказав следовавшим за собой, чтобы они взяли их и притащили к городской стене, сам первый взшел на стену, а за ним взшли и прочие. Найдя же, что стражи действительно погружены в глубокий сон и не чувствуют, что вокруг них делается, они, обнажив мечи, окружили спящих, разбудили их и приказали им провозглашать ромейским василевсом Никифора. Тут, пораженные нечаянностью и видя перед собой беду, одни из них сами собой низверглись со стен, а другие исполняли приказание слабым и прерывающимся голосом (прерывался же голос их от страха). Тотчас узнали об этом и жители города и, предположив, что город уже взят, сбежались все – не с тем чтобы схватить оружие и обороняться (ибо уже отчаялись), а с той мыслью, что единственным средством к спасению остается им провозгласить ромейским василевсом Вриенния, что тотчас и сделано, – все начали приветствовать кликами Никифо-

ра и, простирая руки к стоявшим на стенах, умоляли их спасти город. Когда эти клики усилились, все войско сбежалось к городу и покушалось по лестницам взойти на стены. Но сын Вриенния удержал его стремление и приказал ему, стоя внизу, соединить свои клики с кликами жителей, находившихся внутри города.

10. Таким образом, Траянополь первый провозгласил Вриенния ромейским василевсом. Поутру собралось все войско вместе с воеводами и полковыми начальниками и, став у палатки Вриенния, требовало, чтобы он облекся в багряницу и надел красные сандалии. Не скоро и с трудом уступил он их требованию и, облекшись в эти одежды, объявил себя ромейским василевсом. Поднявшись оттуда, Никифор пошел в Адрианополь, и все города и селения, через которые проходил он, приветствовали его. Когда же войска вступили в город, все горожане приняли его весьма радостно. Сперва зашел он в храм Богоматери и, принеся благодарение Божьей Матери, отправился домой и стал думать о дальнейшем. Он созвал всех воевод и начальников, и предложил им рассмотреть, должно ли сделать покушение на столицу. Все решили не тотчас идти ему в Византию со всем войском, но послать кого-нибудь из воевод с достаточной силой и вместе отправить к державному послов для переговоров о мире и для вступления с ним в условия, а ко всем сановникам – грамоты с золотыми печатями, наполненные обещаниями почестей и величайших даров, и таким образом выведать их мысли.

11. Когда это было решено, Вриенний, почтив своего брата, магистра Иоанна, саном курупалата и объявив domestиком схол, послал его с достаточной силой в Византию и дал ему также немалую часть военачальников. Приняв войска, Иоанн отправился. За ним следовало немалое полчище и скифов – не чужих и наемных, но издавна бывших подданными ромейских государей. Подойдя к Константинополю, domestик схол стал лагерем и начал делать пробы. Находившиеся внутри города, негодуя на державного и вместе зная мужество и твердость Вриенния, уже стали было обнаруживать расположение, которое питали к нему внутренне: но враждебный демон это общее расположение скоро превратил в неприязнь, и вот по какому случаю.

12. Лагерь domestика схол находился против Влахернского дворца – на месте, которое называют Косьмидион и где воздвигнут боль-

шой и прекрасный храм во имя Чудотворцев Бессеребрянников¹²¹ и устроена крепость. Некоторые из слуг, а может быть, и из воинов, проскользая тайно через цепь, переходили мост перед городом, рыскали по частям Стеноса¹²², под предлогом собирания необходимого, и похищали все, что попадется. Но так как жители этого предместья, уходя отсюда, заблаговременно перенесли все в город; то, не находя в домах никакой добычи, они воспламенились гневом и решили сжечь их. Услышав об этом, domestik схол немедленно повелел удержать их от безумного предприятия и потушить пожар. Но это ни к чему не послужило; огонь поднимался уже высоко и пожирал все ему встречавшееся. В то время сгорело много прекраснейших пригородных зданий. Такое событие возбудило в жителях города гнев и изменило прежнее их расположение к Вриеннию. Итак, отчаявшись склонить город на свою сторону убеждением, начальник войска стал готовиться к осаде.

13. Между тем охранителями городских стен с суши василевс поставил родного своего брата Константина Порфирородного и Алексея Комнина, которые, по недостатку в войнах, ставили на стены кого попало и, вооружив домашних своих людей, сами оберегали и караулили город. В один день Алексей Комнин, заметив, что некоторые из воинов Вриенния, ходившие для фуражировки к побережью и возвращавшиеся в лагерь, отстали от своих, поспешно отворил ворота, выбежал со своим отрядом, напал на них и, прежде чем другие узнали о случившемся, взял в плен до двадцати человек и возвратился с ними в город. Молва о таком подвиге тотчас разнеслась повсюду и возбудила столь великую зависть в Константине, что он в глаза поносил Алексея Комнина, зачем он не пригласил его к участию в своем деле. Василевс, напротив, обрадован был его поступком и торжественно объявил ему благодарность. Такой поступок Комнина подал кесарю повод просить, чтобы совершен был брак дочерней его внучки с Алексеем — и он действительно был совершен тотчас, как скоро снята была осада города, что произошло следующим образом.

14. Командовавший войсками Вриенния, смотря на осаду города, как на пустую потерю времени, вознамерился, чтобы не мучить более войска, снять осаду. Однако же он стыдился, да и боялся, как бы по случаю отступления войско не разделилось. Итак, ему надобно было отыскать предлог, чтобы и снять

осаду, и не потерпеть от того никакого вреда. Находясь в этом раздумье, получил он известие, что множество скифов перешло Эмон¹²³ и, рассыпавшись по Херсонесу, опустошают его. Ухватившись за такой предлог, военачальник снял осаду и устремился на скифов. Встретившись с ними на возвратном их пути, он обратил их в бегство и весьма многих перебил, а иных в большом числе взял в плен и привел к брату. Взятые в плен представили ему случай к заключению со скифами мирных переговоров; ибо, дав знатных заложников, они получили от него своих пленных и обязались быть его союзниками.

15. Между тем как это совершалось, Никифор Вотаниат, один из мужественнейших вождей Востока, которого незадолго перед тем василевс сделал главнокомандующим восточных войск, открыто объявил давно замышляемое восстание¹²⁴. Узнав, что на Западе происходят волнения и что все города подчинились Вриеннию, он и сам собрал рассеянные по Востоку войска и, приняв (себе в товарищи) прибывшего тогда из западных областей Хрисоскула (он присоединился к ромеям уже давно, когда бразды правления были еще в руках Романа Диогена, как мы сказали выше), обходил города и подчинял их себе. Но между тем как все переходили на его сторону, Никифор Мелиссинский, производивший свой род от Вурциев и Мелиссинов, сохраняя верность тогдашнему самодержцу ромеев, объявил себя врагом Вотаниата. К нему пристал и Георгий Палеолог, вождь мужественный и в воинском деле весьма искусный. Недавно прибыв из Месопотамии, где жил со своим отцом, управлявшим Месопотамией, он решил также сохранить непоколебимую верность державному¹²⁵.

16. Итак, Вотаниат, когда на его сторону перешли все другие, двинувшись из Фригии, спешил в Вифинию и тайно посылал лазутчиков к начальникам столицы, обещая им великие почести и дары, если они помогут ему овладеть ромейским царством. В то время многие из синклита и из клира, более же всех патриарх Антиохийский Эмилиан, о котором упомянуто было выше, питали неприязнь к державному и к логофету, и искали удобного случая повести дела согласно со своими выгодами. Между тем василевс и логофет, не зная об этой внутренней войне, готовились к внешней и отправили посольство к правителю турок (а управлял ими Солиман, сын Кутулма¹²⁶), чтобы вооружить его против Вотаниа-

та. Заключив с ними союз, Солиман объявил войну Вотаниату, и с того времени стерег дороги, занял теснины и наблюдал за Вотаниатовыми войсками и движением. Но Вотаниат по прибытии в Котийон, узнав о действиях Солимана и не имея у себя довольно войска для борьбы с таким множеством врагов, придумал искусный план. Оставив прямой путь, на котором его ожидали, он ночью свернул с него и, не замеченный сторожевым отрядом, пробрался к крепости, лежащей близ реки Сангарии, которая называется Ацулой и отстоит от Nikeи миль на двести; а поворотив опять оттуда, успел дойти до Nikeи прежде, чем турки проведали о его движении. Узнав об этом тайном его переходе и о количестве его войска, они своим строем пошли вслед за ним, а вперед послали немногих всадников, чтобы мешать ему и замедлять поход его, но не совсем достигли *своей* цели. Посланные вперед догнали его недалеко от Nikeи и, устремившись на него с криком, пытались стрельбой преградить ему дорогу: но храбрые, хотя и немногочисленные полки Вотаниата противостояли туркам и выдержали их натиск. Впрочем, боясь, как бы турки своей многочисленностью не окружили и не взяли его в плен вместе с воинами, Вотаниат послал к ним Хрисоскула. Переговорив с ними и убедив их взять деньги и возвратиться назад, Хрисоскул через это доставил войску Вотаниата возможность безопасно идти к Nikeе.

17. Прибыв к предместью Nikeи, увидели они множество народа, построенного фалангами. Подумав, что это враги, намеревающиеся напасть на них, они отчаялись в спасении и едва не окаменели от страха; потому что сражаться против такого множества при своей малочисленности считали невозможным, а идти назад очень опасным. В таких обстоятельствах идут к ним послы с вопросом, кто они и чего хотят. В ответ на это фаланги единогласно провозгласили ромейским василевсом Вотаниата. Узнав о том и освободившись от страха, Вотаниат, столь дивно спасенный, вступил в Nikeю. Разделявших с ним измену было не более трехсот человек. Эти люди, под его предводительством совершив переход среди сетей и многих устроенных им засад, были сохранены невредимыми только силой Божьего Промысла. Бог и здесь показал, что когда Он дает, злоба бывает бессильна; а если не даст – суетны домогающиеся, суетны и многочисленные войска их, и засады, и наилучшим образом построенные фаланги, тщетны, бед-

ственны и вовсе невыполнимы самые искусные планы и соображения.

18. Как скоро в столице разнеслась весть о прибытии Вотаниата и о том, что никейцы приняли его с отверстыми объятиями, тотчас все начали говорить и рассуждать – как члены Синклита, так и духовенство, придумывая способ низложить василевса и воцарить себе Вотаниата; потому что уже многие тайно снеслись с ним и получили от него грамоты за золотыми печатями. Они решились наконец собраться в славном храме Божьей Премудрости (Софии), вооружить своих, вывести узников из тюрьмы и потом послать к не участвовавшим в заговоре городским властям, для приглашения их к общему делу. Начальниками заговора были Эмилиан, человек хитрый и вместе деятельный, способный и хотевший, более чем кто другой, привести народ в волнение, и с ним многие из Синклита. Они положили, до начала дела, принять в число своих соучастников также кесаря и послали к нему Михаила Вариса – человека, превосходившего многих и умом, и опытностью. Кесарь тогда находился во Влахернском храме, куда в то же время случилось прибыть и самому василевсу. Встретившись с кесарем поздно вечером, Варис объяснил ему дело и показал присланную от Вотаниата грамоту за золотой печатью, в которой он обещал кесарю величайшие дары и почести. Выслушав это, кесарь не задумался ни на минуту и сказал Варису, что он не пойдет против племянника и василевса. Но когда Варис хотел уже уйти, он отправил его к логофету, чтобы последний выслушал его и о том, что услышит, донес василевсу и устроил все, что должно.

19. Уходя, Варис подозревал к себе одного из своих и послал его объявить своим единомышленникам, что он схвачен и не в силах будет перенести бичи и пытки, но выскажет все, что знает. “Вам, – прибавил он, – надобно скорее определить, что для вас полезно”. Сказав это, он отведен был к логофету и объявил все, что знал; а логофет обо всем донес державному. В это время случился там и Алексей Комнин и, когда потребовали его мнения, предложил самый лучший совет: он сказал, что надобно поскорее послать воинов и схватить начальников заговора. Этот совет показался лучшим из всех и кесарю и логофету, но державному не понравился; ему казалось, что так как теперь время уже вечернее, то, если кого возьмут под стражу, в городе произойдет смятение и тревога. Так Промысел Божий омрачил ум дер-

жавного. Последний взятие под стражу отложил до завтра; а они, рано поутру¹²⁷ собравшись все в храме Божьей Премудрости, отворив бывшие в городе тюрьмы, вооружив осужденных и, кроме того, своих слуг и домашних, кто сколько имел, послали их к не участвовавшим в заговоре градоправителям и грозили сжечь дома тех, которые не явятся к ним и не примут участия в их замысле. В грамоте же, которую дали посланным, надписано было так: “Святейшие Патриархи, Синод и Синклит призывают вас в славный храм Божьей Премудрости”. И все сбежались – одни охотно, другие нехотя.

20. Когда об этом возведено было василевсу, он послал за Алексеем Комниным, и василевс спросил его, что должно делать в настоящем случае. Он предложил совет превосходнейший и полезнейший: сказал, что собравшаяся толпа не привыкла к военным действиям: это – рабочие, они не устоят, увидев людей вооруженных и готовых к битве; а потому против них надобно послать вооруженных бердышников – царскую стражу, под командой военачальника. Но державный, выслушав эти слова, отверг совет, не знаю, потому ли, что им овладел страх, или потому, что от избытка добродетели стоял уже выше окружающих его несчастий. Тогда еще возможно было подавить восстание и погасить огонь прежде, чем он разгорелся в величайший пожар; но василевс не захотел сделать этого.

21. Комнин снова побуждал его действовать и всячески ободрял, пока не услышал от него укоризны в жестокости. Наконец державный сказал ему следующее: “У меня давно была мысль отказаться от престола; посему я с радостью приму то, чего желал сам, когда Промысел присудил мне это помимо моей воли. Ты же, если хочешь, поставь вместо меня василевсом брата моего Константина”. Когда он сказал это, Комнин попросил у него письменного удостоверения в сказанном, – и державный тотчас приготовил грамоту и приложил печать. После того он отправился во Влахернский храм Богоматери, а Комнин, взяв грамоту, пошел к Константину и убеждал его следовать за собой во дворец, чтобы принять царскую власть. Но Константин, ослепленный юношескими помыслами, отказался, думая, что ему будет хорошо, если скипетр возьмет в свои руки Вотаниат, и поспешил явиться к нему прежде, чем он переправился через пролив. Так действовали тогда эти люди.

22. Узнав о возмущении в городе, Вотаниат поднялся из Никеи и пошел к столице. Прибыв в Константинополь, он послал отряд под начальством одного из довереннейших своих слуг, по имени Борил, занять василевсов дворец, а потом вскоре и сам направился к городу. Прибыв в Руфинианский дворец¹²⁸, он остановился, чтобы дожидаться василевского дромона и других приготовлений. К нему отправились Константин Порфирородный и Алексей Комнин, один – не предполагая того, что впоследствии пришлось ему испытать, а другой – предвидя и предсказав все, что потом совершилось. Василевс еще не подал руки и не сделал приветствия, как Комнин начал говорить новому державному следующее: “Ты знаешь, милостивый василевс, что этот Порфирородный, когда царствовал родной его брат, не получал от него ничего хорошего, но проводил всю жизнь как бы заключенным в мрачной темнице. Теперь он имеет добрую надежду, что мрак его жизни рассеется, и что в твое милостивое и отечески попечительное обо всех царствование он увидит чистейшее счастье”.

23. Вотаниат дал знак согласия на эти слова о Константине. Алексей опять начал говорить: “Ты знаешь, василевс, что я до конца остался преданным предшествовавшему тебе державному и, тогда как все склонялись на твое царствование, доньше был верен ему и не отправлял к тебе ни послов, ни писем. Посему, как без обмана соблюдал я верность ему, так ненарушимо сохраняю ее и тебе”. После того василевс похвалил Алексея и отпустил его. Узнав же, что посланные вперед овладели царским дворцом, Вотаниат вышел в намерении переплыть во дворец и, достигнув так противолежащего городу берега, где стояла на столбе каменная корова, взошел на царский дромон и при кликах и рукоплесканиях переправился к царскому дворцу.

24. Между тем василевс Михаил постригся и облекся в монашескую одежду в присутствии дочери кесаря, который, зная легкомыслие нового василевса и наглость окружающих его и видя, что теперь власть в руках рабов¹²⁹, боялся за своего племянника, как бы не потерпел он чего-либо необычайного, а для того посоветовал ему посвятить себя Богу. А управлявший тогда патриаршим престолом великий и славный Фома, зная чистоту этого мужа, причислил его к клиру и, спустя немного, рукоположил в митрополита Эфесского.

25. Овладев царским скипетром, Вотаниат, хотя приближался к старости, или лучше сказать, был уже стар и прежде вступал в два брака, однако еще женился на царице Марии. При вступлении Вотаниата на престол, царица Мария оставила дворец и поселилась в монастыре, который называется Петрион и находится близ Сидиры. Когда же Вотаниат, склонившись на убеждения кесаря, — о чем подробнее будет сказано после, — решился жениться на ней, тогда кесарь пригласил и ввел ее во дворец. Потом сделаны были приготовления к обручению, и василевс с царицею, как жених с невестой, стояли уже пред дверями святилища. Но долженствовавший обручить их (священник) одумался и стал опасаться низложения, потому что василевс Михаил Дука, муж Марии, и супруга Вотаниата от второго его брака были еще живы. Соображая это и понимая, какое сделал он зло, благословляя прелюбодеяние и вместе троеженство¹³⁰, он медлил с выходом из алтаря. Видя это и догадавшись, какая мысль озабочивает священника¹³¹, кесарь начал беспокоиться, что патриарх, услышав о том, не разрешит Вотаниата от прежнего брака и склонится на сторону Евдокии¹³². Не желая высказать своей мысли при окружавших его людях, он су-

мел взглянуть на своего внука, Михаила Дуку, и хотел взглядом дать ему понять то, чего не мог высказать. Этот юноша, видя медлительность священника и направленный на него самого пристальный взгляд кесаря, понял, что должно было сделать, и, тотчас приготовив другого священника для совершения обручения, до времени скрыл его, а сам, приблизившись к алтарю, позвал священника, отказывающегося совершить обручение. Когда же тот спросил, для чего зовут его, тогда Михаил, взяв его за одежды, тихо отвел оттуда и на его место поставил другого, который и совершил священнодействие. С того времени кесарь стал пользоваться особенным доверием царицы.

24. Между тем логофет, потеряв надежду на василевса и окружающих его, решился бежать к Вриеннию и, в бытность свою в Силимвриии переговорив с Руселем, который послан был туда с войсками от него и василевса Михаила, хотели, чтобы и он сопутствовал ему. Но Русель схватил его и в оковах отвел к Вотаниату. Сосланный на остров, называемый Окею¹³³, логофет был подвергнут бесчеловечным и безжалостным пыткам и спустя немного умер. Таков был конец царствования Михаила Дуки.

Книга IV

1. Получив таким образом царский скипетр, Никифор Вотаниат всячески старается привлечь к себе благорасположение граждан, особенно после того, как разведал о Вриеннии и о собранных им войсках; ибо знал Вриенния как человека воинственного, весьма щедрого и в то же время деятельнейшего. Потому-то он, точно как бы на охоте, ловил расположение граждан и, по соревнованию, оказывался более щедрым, чем сколько требовала расчетливость, а от того сделался виновником великих беспорядков в ромейском государстве. Ромейское государство имело два источника доходов, которыми весьма гордилось, черпая из них средства для раздачи наград вельможам и других заслуживавшим внимание лицам¹³⁴. Оба эти источника Вотаниат открыл для всех и щедро расточал из них дары без нужды. Вследствие того, высшие достоинства раздавались не отличившимся, не воинам и не тем, которые были причисляемы к Синклиту, либо другим, чем заслуживал внимание, а всякому, кто просил. То же самое было и с известными у ромеев оффициями; так что расходы стали далеко превышать доход. По

этой причине в короткое время оказался недостаток в деньгах; а недостаток их заставил подделывать монету и людям чиновным и должностным нередко отказывать даже в законных царских наградах. Так как наполнявший казначейство сбор денег с Азии отошел в чужие руки с той поры, как в ней утвердилось владычество турок, да и с Европы собирать их везде было трудно, а прежде безрассудно истрачивались, то в государственном казначействе произошло величайшее оскудение в деньгах. Таким образом Вотаниат, желая показаться щедрым и приобрести, как сказано, благорасположение города, употребил во зло свою щедрость.

2. Между тем Вриенний, находившийся в Одриссах, узнав, что случилось с василевсом Михаилом и как возмущился против него город, собрал все македонское и фракийское войско и, взяв с собою союзников, двинулся к Византии. Вотаниат проведал об этом и, опасаясь, как бы Вриенний, подступив к городу с таким войском, не заставил его оставить престол прежде, чем он успел утвердиться на нем, рассудил сперва послать к Вриеннию по-

слов, чтобы через них вступить с ним в переговоры и заключить условия, а потом для отражения его назначить усыновленного от царицы Марии Алексея Комнина, возведя его в сан доместика западных схол. Но так как Вотаниат не имел собственного войска, то отправил посольство к находившимся в вифинской Никее турецким вождям. Там стояли Масур и Солиман, дети Кутлума. Они тотчас же послали Вотаниату вспомогательного войска не менее двух тысяч, а вслед за тем готовили и другое. Прежде чем прибыли эти союзники в Византию, послы к Вриеннию уже отправились. Послами же были Константин Хиросфакки, имевший тогда сан проэдра, человек умный и сообразительный, отличавшийся всеми достоинствами, какими может украшаться муж государственный, и Стравороман, происходивший из Пентаполя фригийского, муж сильный и деятельный, возводивший род свой к предкам царя Никифора. Оба они, отправившись к Вриеннию, встретили его у Федосиополя, когда он, построив фалангу, был на походе. Еще издали завидев ряды воинов и красиво построенную фалангу, послы удивлялись как многочисленности, так и стройности войска и превозносили вождя его. Когда они подошли близко, начальники дружин донесли о них вождю. Тут Вриенний приказал остановиться войску и, взяв с собой избранных военачальников – вождей македонской и фракийской армии, командиров кавалерии и правителей, отошел с ними несколько от фаланги. Тогда все сошли с коней и стали в ряд; один Вриенний оставался на коне, который у него всегда был белый. Одежда на нем была не воинская, а царская и, казалось, придавала еще более красоты этому мужу, отличавшемуся прекрасной наружностью и сильным словом. Послы подошли к Вриеннию и сделали обычное послам приветствие. Державный, ответив им тоже приветствием, принял их благосклонно и потом просил объяснить причину их прибытия. Когда они сказали, что присланы своим державным для предложения мира и союза, Вриенний опять спросил их, на каких условиях просят они мира. Послы изложили все, что было им поручено от василевса. А говорил при этом Стравороман, который как кровный родственник государя был во главе посольства; другой же с ним был отправлен только с целью придать посольству большую силу как родственник царя по сватовству.

3. Содержание речи послов было следующее: “Я, – говорит василевс, – давно знал твоего отца как мужественного военачальника, одержавшего много побед над скифами; вместе с ним бывал я в походах и познакомился сперва как с дружинным товарищем. Не менее знаю я, что ты – достойный сын такого отца. Поэтому, возведенный Богом на царский престол, я хочу быть для тебя чадолюбивым отцом. Но будь и ты благодарным, а не неблагодарным моим сыном, забывающим о старческой моей немощи. Отныне ты будешь иметь вторую честь после царя, то есть честь кесаря, а в непродолжительном времени займешь, вместо меня, и царский престол”. Когда послы высказали это, Вриенний, несколько не задумавшись (ибо был проницателен более чем кто другой), тотчас отвечал, что он принимает эти условия, охотно соглашается на мир, прекращает междоусобную войну и принимает предложенную василевсом честь; но не хочет один воспользоваться благами мира, а желает доставить участие в них и своим сподвижникам, вождям, воинам и правителям: лишить их выгоды считает он делом нечестивым; было бы крайне своекорыстно, даже скажу более, бесчеловечно, ища своей пользы, отнимать ее у других. Итак, он не иначе согласится принять усыновление и достоинство кесаря, как обеспечив прежде вознаграждение этих последних. В заключение Вриенний выразил свое желание, чтобы василевс подтвердил своим согласием все, что он сообщил им, и потом, выйдя из города, в сопровождении патриарха прибыл к храму Архистратига вышних сил Михаила, находящемуся во фракийском местечке Дамокрании¹³⁵: там должно быть усыновление его, возведение в кесари и обычное возложение на него венца. Когда же послы спросили его, почему не желает он принять это посвящение в столице, Вриенний отвечал, что он не боится никого, кроме Бога, но из приближенных к василевсу не доверяет весьма многим.

4. После сего послы были отпущены и отправились. Однако в пути подверглись было они опасности со стороны встретившихся с ними лазутчиков, но были спасены благоразумием начальника их. Прибыв обратно, они донесли василевсу об условиях мира, и положено было, не теряя времени, выслать с войском доместика схол; потому что на предложенные условия василевс не возлагал никакой надежды. Итак, Комнин выступил, имея в своем распоряжении союзных турок, при-

бывших с василевсом Вотаниатом так называемых хоматинцев¹³⁶, небольшой отряд пришедших из Италии франков и фалангу воинов, именуемых бессмертными.

Здесь необходимо сказать, что это были за бессмертные. Василевс Михаил, или вернее – евнух Никифор логофет, видя, что восточное войско совершенно уничтожено оружием турок, старался всеми силами набрать новое войско. Для этого он собирал людей, рассеявшихся по Азии и служивших кое-где по найму, надел на них латы, дал им щиты, заставил носить шлемы и копья. Поставив над ними одного из вождей, человека умного и способного к обучению воинов (это был Константин Каппадокийский, человек, по своему происхождению близкий к василевсу Михаилу, вместе с ним воспитывавшейся и походивший на него нравом), он упражнял их и при его помощи научил всякому военному делу. Они могли уже твердо скакать на конях и ловко владели оружием. Но, дав им образование внешнее, Константин образовал, кажется, и их души. Желая приучить их к ловкости во время сражения, он снимал с древков острые наконечники и, разделив воинов на отряды, ставил их один против другого и приказывал им, со всей силой понуждая коней, нападать строй на строй и быстро бросать друг в друга копья¹³⁷. Тем, которые отважнее приступали к этому делу, причислял он к первому разряду воинов; а кто в подобных схватках отличался часто, тех называл бессмертными. Таким-то образом все, поступавшие в эту фалангу, стали носить название бессмертных.

5. Присоединив их к прочим войскам, Алексей выступил и расположился лагерем у реки, которая, не знаю, как называлась в древности¹³⁸, потому что названия часто изменяются, а ныне она, вытекая из фракийских гор, от туземцев получила имя Алмира. Близ нее на холме сооружена крепость, которой имя Каловрия. Расположившись здесь лагерем, Комнин не стал ни копать рва, ни устраивать ограды, ибо хотел не выжидать нападения неприятеля, но, если можно, победить его. С малым числом войска ему надлежало подвизаться против вождей многих, мужественных и опытейших, над которыми, как солнце над звездами, возвышался провозглашенный василевс. Поэтому, уступая неприятелю в числе и силе войск, domestik схол должен был приготовиться к поражению врагов не одной отвагой, но также размышлением и предусмотрительностью. От посланных

лазутчиков узнал он, что Вриенний расположился лагерем на полях Кидокта.

6. Между тем Вриенний, посетив вечером один находившийся вблизи храм Матери Бога Слова и совершив там все обычное, узнал, что неприятель стоит лагерем близ Каловрии; потому что некоторые из находившихся с Алексеем Комниным турок, отправившись ночью высмотреть неприятельское войско, попали в руки лазутчиков и, будучи приведены к Вриеннию, все рассказали ему. Итак, встав поутру, он приказал, чтобы все войско было в полном вооружении, и разделил его на отряды.

Вот в каком порядке выстроилось оно. Правым крылом командовал брат Вриенния Иоанн куропалат, которого он сделал domestikом схол. Эту фалангу составляли приведенные Маниаком¹³⁹ из Италии франки, значительное число фессалийских всадников и, сверх того, немалочисленный отряд так называемых дружин (наемных) – всего не менее пяти тысяч человек. Таков был состав правого крыла. Над левым начальствовал тарханийотянин Катакалон, отличавшийся и правилами жизни, и словом, и воинской сообразительностью. Эта фаланга состояла из отрядов македонских и фракийских в числе трех тысяч человек. Центральную же фалангу вел сам Вриенний, и в ней находилось все отборное и главное из фракийцев, македонцев и фессалийской конницы. Вне левого крыла было еще вспомогательное войско скифское, шедшее впереди на расстоянии двух стадий. Вриенний выстроил свое войско так, что вытянул фалангу во всю длину, и приказал, чтобы скифы, как только покажется неприятель и зазвучит военная труба, попытались с шумом и криком ударить на его тыл. Это-то и повелел он своим полководцам.

7. Узнав от лазутчиков, что неприятель уже близко, Алексей Комнин скрыл все свое войско в овраге, а сам взошел на холм и следил за движением неприятеля. Видя многочисленность врагов и опасаясь, как бы его войско, еще не сразившись с ними, не обратилось в бегство, Комнин придумал превосходный и весьма умный план – не допускать, чтобы оно увидело всех неприятелей разом. Особенно же беспокоило его то, что сражаться в этот день значило поступить вопреки воле царя; потому что накануне прислана была ему грамота, которой василевс предписывал не начинать сражения, не дождавшись прибытия отправленных уже на помощь турок. Между тем ждать не было никакой возможно-

сти, не завязывая с неприятелем битвы, когда дело доходило до рук; а отступить без сражения казалось поступком недостойным. Поэтому Алексей решился лучше или победить, или умереть в сражении, чем, боясь василевса, позволить себе малодушное и трусливое отступление. Осмотрев занимаемую неприятелем местность, он увидел с одной стороны открытую равнину, а с другой – множество холмов и оврагов; так что одна часть Вриенниевой фаланги была не видна, а другая видима. Вооружив свое войско, он разделил его на две части: сам принял начальство над отрядом бессмертных и над франками, а хоматинцев и турок отдал под начальство Константина Катакалона и поставил их против фаланги скифов.

8. Как скоро войска Вриенния спустились в овраги, Комнин указал своим воинам одно правое неприятельское крыло и велел ударить на него со всею стремительностью¹⁴⁰. Выскочив, как бы из какой засады, войско Комнина нечаянным нападением до того поразило врагов, что едва не обратило их в бегство. Но в это время вождь их Иоанн Вриенний вместе с немногими, обнажив свою саблю, поразил передового из бессмертных, а прочие тоже сделали с другими, и этим не только остановил свое войско, но даже обратил в бегство противников, и таким образом бессмертные все побежали. Между тем Алексей Комнин, находясь в это время в тылу неприятелей и предполагая, что за ним следует его фаланга, мужественно боролся, поражая всякого, кто попадал ему под руку. Но когда увидел, что его фаланга обратилась в бегство, подозвал к себе своих приближенных (а с ним было несколько лучших его воинов – числом до 6 человек) и предложил им отважный план – идти в тылу Вриенния и, смешавшись с его свитой, спокойно следовать за ним до тех пор, пока не подойдут к нему близко, а как скоро приблизятся, обнажить мечи и умертвить его, хотя бы при этом пришлось пасть и им вместе с Вриеннием. Во всяком случае, это будет лучше, чем подвергаться суду василевса за неповиновение ему. От такого намерения отклонил Алексея Феодот, о котором упомянуто было выше; он сказал, что подобное предприятие безрассудно и глупо, что, напротив, теперь надобно выйти из неприятельского войска и отправиться к своим, и что только тогда, когда соединится с ними, он может, если ему будет угодно, взять с собой известное количество товарищей и пуститься с ними на столь

опасное дело. Таков был исход действий на правом крыле!

9. На левом же скифы, лишь только завидели хоматинцев под начальством Константина Катакалона, тотчас с сильным криком и гамом устремились на них, быстрее, чем можно выговорить слово, обратили их в бегство. Кончив преследование их, они в порядке возвратились назад, а потом с великой быстротой устремились на охранявших тыл Вриенниева войска и, по обычаю наемников, ограбив убитых, захватив коней и добычу, уходили домой. От этого в рядах произошел беспорядок: некоторые так называемые у ромеев тулды¹⁴¹, испугавшись скифов, стали вбегать в ряды вооруженных воинов и произвели в них замешательство. Заметив это, Алексей Комнин, находившийся еще в Вриенниевом войске, закрыл лицо свое нависшими перьями шлема, потом у одного из конюхов взял Вриенниева коня, на котором красовались пурпурный чепрак и узда, покрытая золотой чешуей, и, захватив сверх того сабли, по обычаю возимые царями во время путешествия, тайно скрылся из среды Вриенниева войска. Находясь уже вне всякой опасности, послал он с этим конем глашатая – громко кричать, что Вриенний пал в битве. Это удержало многих от бегства, а иных заставило даже воротиться назад; ибо случилось, что, когда скифы, думая о добыче в войске Вриенния, лениво гнались за воинами Алексея Комнина, последние, видя, что никто их не преследует, недалеко отбежали, но в нерешительности бродили близко, и потому, когда глашатай показал им Вриенниева коня¹⁴² и сабли и с уверенностью объявлял о смерти Вриенния, они опять все собрались.

10. С этим совпало и другое обстоятельство. Немалый отряд турок, посланный василевсом на помощь, о чем он тогда извещал Комнина, прибыл сюда в то самое время, как завязалась битва и началось бегство. Увидев бегущих, они отыскивали domestika схол и, находясь с ним, советовали ему не терять мужества и выразили желание встретиться с неприятелем. Комнин взял их вождей, взошел с ними на один холм, с которого можно было видеть противников, и показал их оттуда. Турки заметили расстройство неприятельской фаланги, которая шла в совершенном беспорядке и продвигалась будто нехотя, как расслабленная; потому что все предались беспечности, как люди, уже одержавшие победу и обратившие неприятеля в бегство. В это вре-

мя преданные Вотаниату франки все приходили к нему и, сходя с лошадей, в знак верности, по отечественному своему обычаю, подавали ему руки¹⁴³, а прочие войска его фаланги стекались посмотреть на такое зрелище. Увидев все это, турецкие военачальники сошли с холма и разделили свое войско на три отряда: два из них они скрыли с засадой, а третьему велели враспынную напасть на неприятелей, но не на тех, которые построены в фалангу, а на небольшие отряды, и, гоня своих коней быстро, бросать копы и пускать более стрел.

11. За ними последовал и Алексей Комнин, успевший собрать столько из своего бежавшего войска, сколько позволяла ему краткость времени. При этом некоторые из бессмертных, опередив турок, проникли в середину неприятельской фаланги, и один из них нанес самому Вриеннию удар копьем в грудь. Но тут Вриенний, выхватив из ножен свой меч, рассек это копье пополам и, ударив поразившего его воина в ключевую кость, насквозь разрубил ему плечо вместе с панцирем. В ту же минуту с криком наскочили турки и начали метать стрелы, так что военачальники Вриенния от такой нечаянности пришли было в замешательство. Однако же, как люди, искусные в военном деле, они старались устроить свою фалангу и увещевали воинов быть мужами доблестными и не погубить славы, приобретенной победой. Восстановив порядок в своих рядах, сколько это позволяла краткость времени, они мужественно устремились на турок.

12. Турки же без оглядки побежали назад и влекли их к засадам, пока не поравнялись с первой из них; а поравнявшись, и сами обернулись. И находившиеся в засаде, быстро выскочив оттуда, начали со всех сторон бросать в неприятелей копы и нанесли немало вреда как лошадям, так и всадникам. Когда войско Вриенния от этого уже готово было обратиться в бегство, с величайшей быстротой прибежал на помощь domestik схол Иоанн куролат, упомянутый выше родной брат Вриенния. Увидев его, Вриенниевы воины стали отважнее наступать на турок, и турки снова дали тыл и не переставали бежать до тех пор, пока не навели преследовавших на другую засаду. Тут-то, когда от натиска турок уже все готовы были обратиться в бегство, пало весьма много людей, окружавших Вриенния. Заметив это, он немедленно поспешил на помощь: встречал многих преследовавших и

убивал их, а бежавших убеждал остановиться. Но на этот раз усилия его были напрасны: все обратились в бегство, оставив его одного с сыном и братом. Блистательно боролись они с турками и многих перебили; но, видя, что вся их фаланга рассеялась, и сами обратились в бегство. Турки преследовали их, и они должны были непрестанно оборачиваться назад и отражать их напор, пока конь, на котором сидел Вриенний, от усталости не отказался бежать. В таких обстоятельствах Вриенний пошел пешком, а брат и сын его то и дело оборачивались и отражали турок.

13. Но пока преследовавших было не слишком много, они могли успешно продолжать свое отступление; а когда неприятели сбежались в большом количестве и усталый конь Вриенния сделался негоден для пути, враги стали окружать их и забегать вперед. В это время сын и брат Вриенния оба с великим усилием устремились на врагов и двух из них поразили, а других заставили уйти, и на короткое время могли отступать безопасно. Но турки снова воротились еще в большем числе и с яростью напали на них. Тогда они опять поступили по-прежнему и с великим рвением пошли на турок. Однако же успех их мужества был уже не прежний. Иоанн куролат, свалив одного турка, схватился с другим, но от этой схватки у обоих пали кони вместе со всадниками. Сын провозглашенного василевсом, увлекшись преследованием врагов и поразив одного из турок, попал в середину их и никак уже не мог возвратиться к отцу, хотя долго пытался соединиться со своими. Став от этого смелее, турки еще с большей силой напали на Вриенния. Один из них обнажил свой меч и дерзко бросился на него; но Вриенний, обернувшись, ударил его мечом по руке, — и рука упала на землю вместе с саблей. Остальные же окружили Вриенния. Он мужественно защищался и поражал копьем нападавших на него спереди. Но тогда как работало его копье против других, первый турок, с отрубленной рукой, соскочив с коня, повис на его спине, — и Вриенний никак не мог направить саблю так, чтобы ударить ею укрывавшегося за его спиной турка. Между тем сошли с коней и прочие турки и убеждали Вриенния, чтобы не бросался сам на смерть, а предался своей судьбе. Впрочем, пока у Вриенния не устали руки, он не переставал наносить и получать удары; а когда наконец утомился, — добровольно уступил увещаниям врагов и таким образом попал в плен.

14. Варвары взяли Вриенния с великой честью и поехали к Алексею Комнину, отправив вперед вестников для донесения о пленнике. Между тем, как все это происходило, один из франков встретил брата Вриенниева и, найдя его в плачевном положении и пешим, посадил на своего коня и довез до Адрианополя. Спасся и сын Вриенния, пробравшись сквозь толпу врагов и ускользнув от стрел их. Когда они еще бежали, отец внушил ему по прибытии в Адрианополь сказать своей бабке и матери, чтобы они в случае, если не спасется его брат, собрали спасшихся после битвы воинов и убедили их не прежде сдаться василевсу, как получив от него письменное уверение, что он никого из них не лишит принадлежащего им достоинства и ни у кого не отнимет имени. Впоследствии это и сделано.

15. Когда Вриенния привели к Алексею Комнину, последний изумлен был видом и величием этого мужа – он действительно стоял того, чтобы властвовать. Комнин гордился тем, что борьба его была с вождем, имевшим крепкую руку, неустрашимую душу и твердый характер: ибо душа Вриенния была в самом деле геройская. И да не подумает кто, будто я говорю и пишу это пристрастно. Напротив, да будет известно каждому, что подвиги, добросердечие и благородство этого мужа превосходят всякое описание¹⁴⁴. Если бы настоящий рассказ не имел другой цели и не хотел бы подробно описывать доблести этого человека, то понадобилась бы вторая «Илиада». Над таким-то мужем, умевшим всегда ловко выйти из затруднительных обстоятельств, искусно устроить фалангу и сражаться с неприятелем, одержал победу Алексей Комнин, у которого не было еще и надлежащей бороды, а только пробивался и золотел пушок, ибо ему было...¹⁴⁵

16. Итак, Алексей Комнин взял Вриенния и пошел по направлению к Константинополю¹⁴⁶, отправив вперед известие к державному о своем пленнике, при сем послал ему пурпурные сандалии царствовавшего, униженные жемчугом и камнями. Обрадованный таким слухом, василевс отдал приказание вернейшему, какого только имел, и приближеннейшему к себе мужу (не знаю был ли то скиф или мизиец; имя его Борил), которого он возвел в сан протопроедра-этнарха¹⁴⁷, чтобы этот человек поехал и взял Вриенния, а domestiku схол Комнину велел, не вступая в Константинополь, отправиться к Адрианополю и, утвердившись там, начать войну против Василиаки;

ибо и этот последний успел усилиться, когда присоединилось к нему все иллирийское и болгарское войско. Кроме того, он имел еще под своим начальством варягов, которые были посланы с ним в Диррахий василевсом Михаилом. Ему покорилась также и митрополия Фессалии, так называемая Фессалоника. Это приказание царя огорчило Комнина: он надеялся, что василевс наградит его почестями и дарами, сообразно с его заслугами как человека, который подавил не какую-нибудь тиранию, но разрушил и покорил величайшее царство, поддерживавшееся столь многочисленным войском, столь славным вождем и доходами с такой обширной страны и стольких городов. Впрочем, хотя и с неудовольствием, он исполнил приказание.

17. Приняв Вриенния, Борил отвел его в одно местечко по имени Филопатион¹⁴⁸ и здесь ослепил, лишив через то ромейское государство и правительство такого человека, лучше которого уже не оставалось, исключая того, который одержал над ним победу. А Алексей Комнин, простояв около трех дней за городом (Константинополем), где он виделся и простился со своими, пошел к Адрианополю. При чем он взял от царя верительные грамоты с пурпурной подписью и золотыми печатями¹⁴⁹, ручаясь за то, что каждый из военачальников Вриенния останется при своем достоинстве, какое кто имел, и со своим имуществом, каким владел дотоле.

18. Спустя несколько дней, василевс вызвал к себе Вриенния, сжалился над его несчастьем и не только возвратил ему всю его собственность, но и осыпал его новыми почестями и дарами. Приглашены были и прочие начальники и спокойно переезжали в столицу. После того как Алексей Комнин вручил им грамоты василевса с золотыми печатями, василевс всех их принимал благосклонно, и одни из них взяты были Комниным для исполнения повелений василевса и отправились против Василиаки, а другие с женами и детьми, как выше сказано, переехали в столицу.

Пройдя Македонию и Вулер, Комнин достиг Стримона; переправившись через Стримон и оставив позади теснины между Струбицей и так называемой горою Мавр, прибыл в одно местечко, расположенное при реке, которая у туземцев называется Вардарий. Эта река, вытекая из гор новой Мизии и проходя через Скупы, течет между Струбицей и Стипием и надвое разрезает горы. Протекая несколько далее оттуда, она разделяет границы

Веррии и Фессалоники и, проходя между ними, впадает в море. Незадолго до того времени, она, оставив прежний свой путь, уклонилась в сторону на расстояние двух-трех стадий, так что на месте прежнего ее течения образовалось естественное углубление. Между этими двумя течениями Алексей Комнин расположился лагерем и объявил войскам, что остаток дня они посвятят отдыху, так как ночь предполагалось провести им без сна или спать вооруженными.

19. В самом деле, как человек проницательный и получивший достаточную опытность во время прежних своих действий, он предугадывал намерение неприятеля сделать на него нападение ночью, что действительно и случилось. К такому-то нападению Алексей готовился и рассылал повсюду лазутчиков. Так действовал он; а Васибеки, — когда перебежал к нему некто от Комнина изменнически и сказал, что если ему угодно напасть на Алексея, он предаст его спящего в палатке, — нисколько не задумываясь, приказал всем вооружаться. Тотчас все вооружились. Потом, как скоро солнце склонилось к западу, он подал знак трубами к выступлению и вышел из города. Оставив прямую дорогу, чтобы таким образом укрыться от того, от кого почти ничто не укрывалось, и перейдя так называемую Литу, он прибыл к реке, которую окрестные жители именуют Галиком; переправившись же через эту реку недалеко от крепости, называемой Аэнос, и перейдя находящийся там ров, шел уже открытым полем.

20. Однако же Васибеки не мог утаить своей цели. Едва только выступил он из города, лазутчики, видя густо поднимающуюся пыль, заключили о его выступлении и донесли о том доместику схол. Доместик приказал всем вооружиться и, приготовив коней, ждать знака, а между тем посылал одного за другим осведомляться о неприятеле. В это время прибыл к нему один из его свойственников — человек ему верный, одних с ним лет и вместе с ним воспитывавшийся, по имени Татикий, и сказал, что неприятели находятся недалеко. А когда Комнин спросил его, точно ли он уверен, что это Васибеки, тот утверждал, что даже слышал его голос, как он устанавливал фалангу и приказывал ей следовать за собой; мало того, даже пустил в него стрелу из лука. Тогда доместик приказал тотчас подать трубами знак к выступлению, а на месте лагеря зажечь фонари и восковые фитили.

21. В своей палатке он оставил бывшего при нем монаха-скопца, которому как человеку расторопному и ловкому мать Комнина поручила попечение о своем сыне. Комнин наказал ему не гасить лампы целую ночь; велел также и всем другим в прежних их палатках зажечь фонари и смоляные факелы, чтобы они горели до самого утра; а сам со всем вооруженным войском, выйдя из лагеря, оставился в одном лесистом месте.

22. Находясь недалеко от лагеря и видя, что его воины начинают грабить, Васибеки сам овладел палаткой доместика и думал, что таким образом всего достиг, что овладел и самим доместиком — остается взять его в плен и вести. Осмотрев же всю палатку и не найдя в ней никого, кроме монаха и горящей лампы, он с надменностью спросил: “Где картавый? (ибо Алексей не чисто выговаривал букву “р”). Приведите его сюда ко мне!” Упомянутый монах с клятвой утверждал, что не знает, где он. Тогда Васибеки, думая, что его обманывают, и, волнуемый то гневом, то радостью, засмеялся, по поговорке, сардонически, и приказал своим подчиненным изрезать палатку; а когда это было сделано, велел нагнуться под кровать доместика и искать, не там ли он спрятался; но так как и тут его не оказалось, заставил опрокинуть стоявшие в палатке ящики. Вот до чего доводит надменность, растлевающая разумную душу человека! Итак, потеряв надежду и перейдя к чувству противоположному (ибо тогда радость его сменилась печалью), он многократно ударял себя по бедру и говорил: “Беда мне, картавый обманул меня”. Не находя, над чем бы другим посмеяться в таком человеке, он только и твердил про этот малейший и невольный недостаток в произношении звука “р”.

23. Потом он вдруг громогласно закричал: “Военачальники! выходите из лагеря: неприятель находится вне его”. Голос Васибеки был так силен, что одним восклицанием мог встревожить целые фаланги. Но когда этот полководец выступал из лагеря, а воины его занимались еще грабежом, встретил его мужественный Алексей, шедший с немногими впереди своей фаланги. Заметив переднего вождя, устанавливавшего фалангу и подумав, что это был Васибеки, он тотчас бросился на него с обнаженным мечом и, ударив его по правой руке, державшей копье, отрубил три пальца, с которыми упало на землю и копье. Это сильно встревожило неприятельскую фалангу, и воины побежали, перегоняя друг

друга, хотя, кружась в беспорядке, они только мешали один другому.

24. Тут некто из Алексеева войска, каппадокиец по прозванию Гулий, узнав Васибеки, ударил его саблей по шлему, и сабля, переломившись у самой руки, упала. Видя это, Комнин стал было укорять воина, как он так неосторожен, что упустил из рук оружие; но воин тотчас показал рукоять и оправдался от укоризны. Подобным образом и один македонянин, по имени Петр, по прозванию Торний, вторгнувшись в середину неприятелей, перебил многих; а фаланга и не знала того, что делается, ибо битва происходила во мраке, и невозможно было видеть всех ее случайностей... Между тем Комнин продолжал нападать на стоявшую еще часть неприятелей, рубил и валил попадавшихся ему под руку, а потом снова возвращался к своим. В эту минуту некто из собственной его фаланги франков, видя, что он только лишь вышел из среды неприятелей, и думая, что то воин неприятельский, устремился на него и полетом своего копья чуть не свалил его, если бы только он не был самым крепким седоком на лошади. Когда же Комнин, обернувшись, пустился на него с мечом, тот вдруг узнал, на кого нападал, и стал униженно просить прощения, утверждая, что он нападал на него по неведению, а не по злому умыслу, и мужественный Алексей простил его.

25. Так как неприятели отчасти еще держались, то Комнин всеми силами старался разрушить и остальной порядок в их строе, а для того послал своей фаланге приказание, что бы она, нисколько не медля, шла к нему. Таково было дело, исполненное им ночью и с немногими. Когда же показалось солнце, сподвижники Васибеки хотя и старались установить своих воинов и сколько могли ободряли их, хотя к этому времени спешили возвратиться в свою фалангу и некоторые из тех Васибековых воинов, которые отстали от нее, занявшись грабежом в лагере, но, видя их, некоторые из фаланги доместика схол Алексея поскакали назад и, устремившись навстречу им, легко обратили их в бегство, прежде чем дело дошло до боя, и, взяв многих из них в плен, возвратились к своей фаланге.

26. Между тем двоюродный брат Васибеки Мануил, взойдя на один холм, воодушевлял стоявшую еще часть фаланги и громко кричал: "Этот день и победа принадлежат Васибеки!" Увидев его, Василий Куртий, македонянин из дома Вриенниев, погнался своего

коня и взбежал к нему на холм. Тот обнажил было против него свой меч, но этот ударил его палицей по шлему и, тотчас сбив с коня, привел его связанного к доместику схол, мужественному Алексею. В это время явилась и фаланга Комнина и заставила бежать уцелевшую еще часть Васибекова войска. Васибеки побежал, чтобы скорее занять город, а Комнин преследовал его; так что и к этому событию справедливо было бы применить стих Гомера, который говорит об Ахиллесе и Гекторе: храбрый бежал впереди, а гнался за ним еще храбрейший. В самом деле, Алексей обладал геройскою силой и духом и, происходя от родителей благородных, своими доблестями поднялся на высоту великой славы.

27. Итак, Васибеки заперся в городе, а Алексей Комнин расположился лагерем вне города и, желая сохранить своего противника живым, отправил к нему посла с уверением, что он не потерпит ничего худого, если сдаст ему себя и город. Послом у него был человек добрый и честный, сиявший доблестями подвижника; это – достопочтеннейший Симеон, настоятель Ксенофоновой обители на Афоне. Но сколько ни убеждал он Васибеки, убедить не мог. Поэтому Комнин начал вести переговоры с Васибековыми военачальниками и гражданами города, которые и сдали ему город, хотя сам Васибеки все еще держался в крепости, пока приближенные к нему, будучи вынуждены крайностью, не схватили его и не предали Комнину. После того, вступив в город, Комнин сделался обладателем великого Васибекова богатства. Отправив к василевсу вестников с донесением о взятии в плен Васибеки, сам он пробыл несколько дней в городе и, восстановив в нем порядок управления, со славными своими трофеями пошел назад.

28. Такие подвиги Алексея показали, что не слишком можно полагаться на счастье, когда оно льстит нам. Притом и Еврипид, думаю, хорошо сказал, что одно мудрое распоряжение побеждает много рук. Справедливость этих слов подтвердилась тогда именно для Васибеки и Алексея. Вот один человек, один ум в короткое время низложил славнейших ромейских вождей, превознесенных великой славой, уничтожил бесчисленное множество войск, улучшил и возвысил как гражданское состояние государства, очевидно падавшее, так и состояние обезнадеженных душ войска царского. Некоторые посланные василевсом лица встречают (пленного) Васибеки

между Филиппами и Амфиполем и, вручив Комнину грамоту василевса, ведут пленника в одно местечко, называемое Хемпиной, где находится прозрачный источник, и там выкалывают ему глаза. С того времени и источник этот носит имя источника Васибеки. А Комнина, когда он прибыл в Константинополь, василевс принял с честью, украсил его саном севаста¹⁵⁰ и ущедрил многими наградами.

29. В это время возвратился из Антиохии и брат его Исаак Комнин. Сведая о простоте василевса и о том, как нравятся ему сирийские ткани, он часто доставлял ему их и тем приобрел такую благосклонность, что получил от него в дар многие имения, в короткое время достиг достоинства севаста и имел покои в царском дворце. Василевс пользовался и его суждениями, и его приговорами; ибо он живо подмечал истину и способен был вразумительно выразить то, что следовало. Живя в царском дворце, он совершенно овладел простодушием царя и поставил его в полную зависимость от своего слова.

30. А Алексей Комнин опять отправился обозревать вверенную ему область. Находясь в Адрианополе и пробыв там несколько дней, он узнал о вооружениях скифского племени, собиравшегося опустошать пределы Болгарии. Поэтому, созвав все войско, состоявшее под властью префектов и военачальников, прибыл в Филиппополь и там, осведомившись, что скифы опустошают селения между Наисом и Скупамы, поспешно выступил против них. Но когда он прошел уже Сардику, — скифы, узнав о его выступлении, оставили добычу и пустились бежать, сколько было сил. Прогнав их оттуда, Алексей снова возвратился в Филиппополь, устроил состояние страны и ее городов, и в короткое время привлек к себе благорасположение всех; потому что, при своей щедрости, имел привлекательный нрав и умел приятнее всех людей вести беседу. Совершив все это, он возвратился в Византию, — и василевс принял его благосклонно.

31. Тогда как все это происходило, Никифор Мелиссинский, человек, как выше сказано, благородного происхождения и находившийся в родстве с Комниными (потому что женат был на сестре их Евдокии), проживал близ острова Коса и, привлеки на свою сторону турецкие войска и турецких военачальников, обходил с ними азийские города в пурпурных сандалиях — и граждане предавали ему, как царю, и себя, и свои города. Через это он невольно отдавал их туркам, — а отсюда

произошло, что турки в короткое время сделались обладателями всех азийских, фригийских и галатийских городов. Потом он с большим войском занял Nikeю в Вифинии и оттуда противодействовал власти ромейского василевса. Узнав об этом, Вотаниат призвал Алексея Комнина и приказывал ему, переправившись через Халкидонский пролив, вступить в войну с Никифором. Но Алексей отказался воевать с ним и поступил весьма рассудительно. В самом деле, он боялся легкомыслия василевса, равно как злости и зависти окружавших его лиц; он боялся, как бы не прогневать царя неудачей, при множестве турецкой военной силы очень возможной. Тогда злые люди нашли бы в этом предлог оклеветать его перед василевсом, будто то есть он проиграл сражение по чувству родства. Не успев склонить его после долгих убеждений и уважая твердость его мыслей, василевс приказал ему сдать войска протовестиарию: это был евнух Иоанн, служивший Вотаниату издавна, прежде его вступления на царство. Он был человек славолубивый больше, чем кто другой, и имел характер непостоянный.

32. Итак, переправившись через пролив в Хрисополь, Комнин сдал ему войска и большее число военных начальников. Огорченные этим, воины начальствовать над собой призывали Комнина, к которому давно привыкли; но он, не желая взять на себя такого дела по изъясненной выше причине, старался успокоить их. Сдав войска упомянутому евнуху и распроставшись с ними, он хотел уже возвратиться, но по молодости пожелал еще на расставании со своими воинами потешиться верховой ездой. И вот он, пустив поводья, проскакал такую дистанцию, какая полагалась в играх такого рода, и остановился. Потом и евнух Иоанн, как бы забывшись, ослабил также поводья и пустил своего коня пред всеми. Но тут поднялся громкий смех, и все в насмешку ему, заговорили: “Клу, клу”, — что обыкновенно прилагают к евнухам. Впрочем лица, окружавшие Комнина, тотчас остановили их.

33. После сего Алексей возвратился к василевсу и жил в царском дворце; а евнух со всеми военными силами двинулся против Мелиссинского и, пройдя пределы Вифинии, расположился лагерем близ одного замка, называемого Василеей и отстоявшего от Nikeи более, чем на сорок стадий. Там Палеолог и его племянник Куртикий советовали ему истребить все, что встретится до Nikeи, и, возвратившись по окраине озера, осадить замок

кира Георгия. Принявшись за это, они действительно тотчас овладели им. Потом, так как наступали дела опасные, нужен был совет, и все начальствующие в войске, собравшись в палатке евнуха, стали рассуждать, должно ли осадить Никею, или направиться в Дорилею и начать войну с султаном. Но об осаде Никеи как о деле невыгодном Георгий Палеолог и племянник его Куртикий молчали. Подметив это, некоторые из приближенных к евнуху Иоанну стали перешептываться к оскорблению их и высказывать неприятные им намеки. Тогда евнух громко объявил всем: “Василевс дал мне власть распоряжаться войсками, и что я определяю, тому и быть должно”.

34. Видя, что найдено лучшим идти войной на Никею и что все уже принимаются за оружие, Палеолог, как человек приобретший большую опытность в военных делах, предугадывал, что из этого выйдет, и потому начал смело говорить за себя и Куртикия: “Известно и нам, что василевс поставил тебя начальником над войсками, от того-то мы долго молчали; но теперь, усматривая предстоящую опасность и боясь угрожающего нам впоследствии и царского гнева, не можем более молчать. Знай же, что когда мы подступим к Никее и будем пробовать ее взять, отважнейшие из воинов получают раны, а некоторые и смерть; потому что находящимся в поле трудно бороться со стоящими на стенах. Между тем расположенные вне города турки, узнав об осаде его, тотчас выступают против нас, и мы, не будучи в состоянии разом сопротивляться и тем, которые станут нападать на нас со стен и выходить из ворот, и тем, которые устремятся против нас извне, должны будем обратиться назад. Тогда одни из нас, захватив своих раненых, уйдут – каждый по произволу в такое место, где бы удобно было лечить их; а другие, сокрушаясь и скорбя об умерших, ни к чему не будут нам полезны”.

35. Но казалось, они пели для глухого. Не обратив на них никакого внимания, евнух с войском отправился прямо к Никее и, подступив к стенам ее, требовал, чтобы все сдались. Осажденные, ожидая, что на помощь к ним придет войско извне, лгисто обманывали его и со дня на день откладывали сдачу. Георгий Палеолог не мог выносить такого безумного образа войны, ибо был весьма опытен и уже перед глазами видел наступающую опасность, а потому советовал евнуху снять осаду. Но евнух, приняв его слова за грезы, хотел, не столько по твердости характера, сколько по

незнанию дела, стоять на своем, пока, проведя о приходе турок, не принужден был отступить со стыдом.

36. Георгий Палеолог, будучи военачальником опытнейшим, с рукой и мыслью сильной, снова осмелился советовать евнуху отступить не как попало, но в порядке и надлежащей стройности. Когда он сказал это, евнух предоставил его воле все распоряжения. Тогда, установив войско в ряды и приказав всадникам ехать впереди, кроме немногих, которые должны были оставаться в засаде и подкарауливать врагов, он велел тяжеловооруженным и пешим идти позади тихим шагом, а сам с немногими, обходя то задний отряд, то правое крыло (ибо левое, защищенное озером, было вне опасности), прогонял забегавших вперед турок, пока не прибыл к Василеву и не расположился лагерем.

37. На пути туда им встретилось пространное поле, окруженное кирпичной оградой, имевшее немного входов. Когда всадники начали разъезжаться по направлению ко входам, турки, следовавшие позади и видевшие, что происходит, с сильнейшим криком понеслись и, бросившись на пешеходов, начали со всех сторон поражать их из луков. Пехота обратилась в бегство, а евнух, объятый страхом, не мог бежать и очутился один. В это время встретились с ним Куртикий и Палеолог: первый не удостоил его даже взглядом и внушал то же Палеологу; но последний, подойдя к нему, сказал: “Вот в какие обстоятельства поставил ты нас: не предсказывали ли мы тебе этого?” Евнух же в ответ стал умолять его: “Сжался надо мной, не дай мне попасть в руки агарян¹⁵¹”. Георгий ободрил его и сказал: “Ступай за мной”. Тут последовало на них сильное нападение турок, и евнух едва не лишился рассудка. Палеолог, поворотив коня и встретив нападающих, нанес удар одному из них, и тот упал на землю мертвый; видя это, и прочие несколько отступили. Тогда он обернулся и, видя, что евнух, как бы потеряв рассудок, был безгласен, ударил его слегка по щеке и сказал: “Не бойся”.

38. Между тем турки, несколько не медля, снова подступили, и Палеолог, обернувшись к ним с немногими всадниками (потому что место для большого числа было узко) бросился на турок. Варвары побежали и, так как многие из них были убиты, то остальные уже не вступали в бой, но стали в отдалении. После того Палеолог приказал латникам идти и расположиться лагерем, а сам со своими всад-

никами остался позади, пока все не перешли за ограду и не раскинули лагеря. Среди таких доблестных подвигов Палеолог однажды снял с себя шлем и вдруг ранен был в лоб стрелой. Не обращая однако же никакого внимания на рану и видя, что евнух мучается жаждой, а языком двинуть не может и только знаками умоляет помочь ему, оставил его тут под охранением четырех его слуг, а сам сошел по склону вниз и принес ему в шлеме воды. Утолив жажду, евнух несколько оживился и, называя Палеолога вторым богом, обещал усыновить его, если будет спасен, и утверждал, что обещаемое усыновление не ограничит одним именем, но сделает его наследником всего, что имеет, и будет заботиться о нем, как о собственном сыне. В ответ на это Палеолог сказал ему: “Для твоего спасения я со своей стороны сделал все, что было можно; твое же дело – исполнить впоследствии свое обещание”.

39. Случилось в то время, что некто Исаакий Контостефан упал с лошади и громко звал на помощь Палеолога. Узнав об этом от кого-то, Палеолог вверил евнуха собственным его слугам, а сам в сопровождении одного из своих слуг направился к тому месту, где, как говорили, был Контостефан. Увидев издали, что последний *лежит* с непокрытой головой и зовет на помощь, он притворился будто не за-

мечает его и как бы всматривается во что-то. Тот, узнав Палеолога, стал еще сильнее звать его; а он при виде приближающихся турок сообразил, что теперь нельзя больше притворяться, и потому, приблизившись к нему и глядя в другую сторону, спросил: не видел ли кто Контостефана? При этом Контостефан стал еще громче звать его. Тогда, подойдя к нему и приказав посадить его на коня, которого привел для него, Палеолог возвратился с ним. Прибыв к месту, где оставлен был евнух на руках своих слуг, он взял и его, и все они отправились в Еленополь, куда потом вступило и оставшееся войско.

40. Но лукавый евнух, забыв все услуги Палеолога, поспешил написать василевсу, что он потерпел неудачу от Палеолога и Куртикия. При вступлении в столицу Куртикий сказал Палеологу: “Вот посмотрим, сколько зла наделает нам этот евнух”. И действительно, когда они прибыли к дверям дворца, евнух, войдя вперед, шепнул привратнику, чтобы он не впускал их. Привратник тотчас исполнил приказание и, вытолкнув Палеолога, запер за ним дверь. С тех пор евнух за оказанные ему услуги не переставал коварствовать против Палеолога и всячески искал его погубить...

Примечания

¹ *Паниперсевастами* назывались верховные сановники при дворе византийских государей со времени Алексея Комнина, который в первый раз возвел в это достоинство родственника своего Михаила Тарронитского, а потом Никифора Вриенния. Лицо, облачаемое этим саном, допускалось к участию в управлении государством или в сопровителе василевсу. Паниперсевасту усваивались также особые одежды, особые сапоги и чепрак на коне *lutei coloris* ‘шафранных, золотисто-желтых цветов’.

² *Михаил VII Дука Паропинак* (1050 – ок. 1090, имп. 1067–1078, самодержец с 1071), старший сын Константина X Дуки и Евдокии Макремолитисы.

³ *Никифор III Вотаниат* (ок. 1001 – ок. 1081, имп. 1078–1081); против него объединились Комнины и Дуки (Анна Комнина. Алексиада II: подробно описываются события свержения с трона Никифора Вотаниата).

⁴ *Константин Порфирородный* (ок. 1074–?), брат Михаила VII Дуки, сопровитель Алексея Комнина (1081 – ок. 1091). Жених Анны Комниной.

⁵ *Алексей I Комнин* (ок. 1057–1118, имп. 1081–1118), сын Иоанна Комнина и Анны Далассиной.

⁶ *Исаак I Комнин* (ок. 1007–1061, имп. 1057–1059).

⁷ В греческом подлиннике это место Поссевин поясняет следующим дополнением: у Михаила Дуки, прежнего василевса, был брат Константин, со-

державшийся под стражей, и сын Константин – еще дитя.

⁸ *Борил и Герман* (судя по всему – славяне); по словам Анны Комниной, Борил даже сам помышлял о царстве, Герман же был “человек простоватый”. Борилу был пожалован титул протопродра и этнарха. Во время мятежа Комнина в 1081 году Борил сорвал золотую накидку со своего поверженного господина.

⁹ *Никифор Вриенний Старший* – отец или дед автора «Исторических записок». Мятеж этот произошел в 1077–1078 гг.

¹⁰ Мятеж Васибеки произошел в 1078 г.

¹¹ *Доместиками* в Риме первоначально назывались преторианские воины, имевшие обязанность охранять особу императора. Целый отряд их именовался схолой доместиков (Аммиан Марцеллин I: 26). Лицо, управлявшее ими, носило титул великого доместика или доместика схол. В более позднее время – высший воинский чин, главнокомандующий.

¹² Я. Н. Любарский предполагает, что отречение Исаака Комнина было в значительной степени подстроено Пселлом, убедившим василевса в неизбежности скорой кончины. Многие детали в рассказе самого Пселла это подтверждают – например, мнение царицы: “Нечего сказать, помог же ты нам своим советом, философ, неплохо ты нас отблагодарил, задумав, обратить самодержца к монашеской жизни” (Михаил Пселл. Хронография: 81).

¹³ Здесь в греческом тексте пропуск. Пропущенная мысль могла быть такова: “Комнин решил восстановить право своего рода на царский престол, зная притом, что...”

¹⁴ То есть Анну, ту самую, которая после смерти Константина, обрученного с ней жениха, выдана была за Никифора Вриенния и оставила нам свою летопись.

¹⁵ Алексей действительно возвел Константина в сан кесаря в 1081 году, когда захватил престол. Но в 1091 году низложил его и возвел в сан кесаря своего брата Иоанна. Видимо, он больше не нуждался в поддержке Дук. Кроме того, у него родился сын – наследник.

¹⁶ Судя по описанию Анны Комниной, Константинополь фактически был взят штурмом, после чего только страх и неспособность решительно действовать помешали Вотианигу последовать советам приближенных (например, Палеолога) и расправиться с занятыми грабежом сторонниками Алексея.

¹⁷ Несмотря на то, что Исаак Комнин власть захватил. Династические, кровно родственные взгляды Никифора Вриенния обусловлены, во-первых, целью его сочинения – оправдание захвата власти Алексеем Комниным; во-вторых, вообще взглядами крупного аристократа, для которого благородство происхождения имеет большое значение при оценке людей.

¹⁸ *Иоанн II Комнин* (1087–1143, имп. с 1118), сын Алексея Комнина. Любопытно, что Вриенний здесь обосновывает право на престол человека, который занял его вместо Вриенния. Его жена Анна Комнина подготовила переворот с целью добычи трона своему мужу. В решающий момент Вриенний просто не явился во дворец. После чего оставался верным слугой Иоанну Комнину, который оставил его при дворе, сослав свою сестру в монастырь.

¹⁹ Ирина Дукена, дочь кесаря Иоанна Дуки.

²⁰ Под этой метонимией Вриенний разумеет, без сомнения, супругу Алексея Комнина Ирину, которая, по словам Анны Комниной в предисловии к ее летописи, просила Вриенния описать события, предшествовавшие вступлению Алексея на престол, и тем освободить его от нареканий в похищении царской власти.

²¹ *Фукидид* – греческий историк. Его «Греческая история», как и труд Полибия, считался в Византии образцом писания исторических сочинений.

²² *Демосфен* – афинский оратор.

²³ *Мануил Комнин* – дед Алексея Комнина.

²⁴ *Василий II Болгаробойца* (958–1025, сопр. с 960, имп. с 963, факт. с 976).

²⁵ *Варда Склір* – полководец Иоанна Цимисхия, отличившийся в сражении при Доростоле. После смерти Иоанна всеслепным временщиком Василием Нофом был отправлен в почетную ссылку – назначен стратигот Месопотамии, после чего поднял мятеж, был разгромлен, бежал в Багдад (978 г.). Вернулся через 9 лет и после очередного поражения сдался на почетных условиях.

²⁶ Видимо, имеется в виду договоренность о прекращении Вардой Скліром мятежа после сражения у Авидоса 13 апреля 909 года.

²⁷ *Иоанн Комнин* – отец Алексея Комнина, куропалат и великий domestik при Исааке I Комнине.

²⁸ *Студийская обитель* находилась за городом близ Золотых ворот; возле этой обители лежала дорога в пригородное селение, куда василевсы выезжали на охоту и для гимнастических упражнений.

²⁹ С этого началась и карьера знаменитого Василия I Македонянина. Константин Порфирородный также упоминает о таком обычае.

³⁰ Видимо, Самуил Болгарский, главный противник Василия II, правитель с конца 970-х годов, царь после смерти царя Романа в конце 990-х годов. Умер в 1014 г., не выдержав страшного поражения его армии в сражении при Беласице.

³¹ *Куропалатом* в Восточной римской империи назывался министр двора. Во время торжественных выходов он имел в руке золотой жезл и непосредственно предшествовал василевсу. Один из первых по значению титулов византийской иерархии.

³² *Василевсов дромон* – лодка длинная и быстрая на ходу, строилась нарочно для плавания по константинопольскому проливу и Золотому Рогу, равно как и для загородных прогулок.

³³ Любопытно, что Пселл, иначе освещающий эти события, вообще не упоминает об этом предложении Исаака.

³⁴ К этим двум сыновьям Евдокии другие историки причисляют еще третьего Андроника: но ни из чего не видно, что он пережил своего отца.

³⁵ Имеется в виду *Роман IV Диоген* (1039–1072, имп. 1068–1071). См. прим. 37.

³⁶ *Исаак Комнин* – брат Алексея, также претендент на престол во время мятежа 1081 года.

³⁷ *Диоген Роман*, не происходивший из рода Дук, сделался василевсом потому, что Евдокия, по смерти первого своего супруга Константина, вступила во второй с ним брак. Пселл описывает, что сделано это было тайком от кесаря Иоанна Дуки, поэтому могущественный род встал в оппозицию к новому правлению. См. прим. 35.

³⁸ *Протостратор* – почетная и высокая должность при византийском дворе. Лицо, получившее это звание, заведовало царскими лошадьми, а во время путешествия василевса заботилось об удобствах его помещения при остановках и ночлегах. Начальник отряда страторов.

³⁹ Обитая на север от кавказских гор и по северным берегам Черного и Каспийского морей, турки были еще народом кочующим; позднее они перешли в срединную Азию и, поселившись близ северо-восточных пределов, получили имя туркоманов. Сюда-то присылал к ним своих послов Магомет и просил их помощи. (Прим. к 1-му изданию.)

⁴⁰ Имеется в виду завоевание Персии арабами в 634–637 гг. *Сыны Агари*, агаряне – потомки сына Агари Исмаила – исмаилитяне, магометане, арабы, турки. Агарь, служанка-египтянка в доме Авраама, по настоянию его жены Сары стала его наложницей, забеременела и родила Исмаила. В пустыне, куда она бежала от гнева Сары, ее встретил ангел и убедил смириться и вернуться. После рождения Сарой Исаака Агарь должна была оставить дом Авраама совсем. См. также прим. 151.

⁴¹ Традиционное название любых народов, кочующих в Северном Причерноморье, скифы. Кочующих в “срединной” Азии и в Прикаспийских степях – гунны.

⁴² Этот Аракс необходимо отличать от Аракса, впадающего в Каспийское море с азиатской стороны. Аракс, через который турки вступили в Персию, отделял это государство от Туркестана и назывался также Оксом (Аппиан I: 23).

⁴³ Вероятно, от *Κάρβας* – Карбас (киренское название восточного ветра).

⁴⁴ *Аспаха*, Аспагань или Испагань – знаменитый персидский город Исфаган при реке Сендеруе в провинции Герахе, бывший некогда столицей персидских царей около 72 лет.

⁴⁵ Никифор II Фока (912–969, имп. с 963).

⁴⁶ Иоанн I Цимисхий (ок. 925–976, имп. с 969).

⁴⁷ Василий II Болгаробойца (958 – 1025, сопр. с 960, имп. с 963, факт. с 976).

⁴⁸ Константин Лихудий – один из выдающихся приближенных Константина IX Мономаха. Впоследствии патриарх (1059–1065).

⁴⁹ Константин IX Мономах (ок. 1000–1055, имп. с 1042). Совершил, кажется, все для того, чтобы сделать действия турок успешными: сформировал вспомогательный грузинский отряд, значительно уменьшил и ослабил стратиотское ополчение.

⁵⁰ Имеется в виду Мануил Комнин.

⁵¹ Применение этого термина у Никифора очень туманно (как и у большинства византийских авторов этого времени). Анна Комнина сомкнутое построение этерии в сражении при Диррахии ни разу не называет фалангой. Никифор также никогда не относит этого термина к пехоте. Более того, часто слово “фаланга” выступает синонимом слова “отряд”. Но относится всегда к тяжелой кавалерии, которая (как это следует из нашего автора и Анны Комниной) в Византии, в отличие от Западной Европы того времени, сражалась в сомкнутом строю. Поэтому этот термин можно понимать как “построенный отряд тяжелой кавалерии”.

⁵² 1070 г. В результате неудачного похода Мануила Византийская империя потеряла Хоны и Манцикерт.

⁵³ 1071 г.

⁵⁴ Дорилея – город великой Фригии при реке Гермусе (Плиний L: 5, 29).

⁵⁵ Ватана, Батана – то же, что Экбатана, город древней Персии и Мидии при реке Евфрате. По свидетельству Исидора Харацейского, он был хранителем сокровищ, принадлежащих персидским царям. Совр. г. Хамадан в Иране. Упоминается в ассирийской клинописи 11 в. до н. э. как Аматана.

⁵⁶ Магистр – высокий чин, не связанный с исполнением определенных обязанностей.

⁵⁷ Дука, реже дук, дукс (лат. dux) сперва было названием должности и означало командующего корпусом войска; потом – почетным титулом и прилагалось к императорам и правителям областей, которые имели в своих руках военную и гражданскую; и, наконец, – наследственным титулом дуки (князя). Вриенний был дукой как действительный правитель западных областей Восточной Римской империи.

⁵⁸ Видимо, имеется в виду поход Романа Диогена в 1068 году.

⁵⁹ Манцикерт – город мидийский; греки называли его Феодосиополем.

⁶⁰ Вестарх – почетный титул правителя области.

⁶¹ Кесарем римские императоры со времен Августа называли то лицо, которое допускалось к царствованию или предназначалось к наследованию престола, и в последнем случае оно именовалось также *princeps juventutis* (Тацит. *Анналы* L: 1, 3). Кесарь отличался самой одеждой, потому что ему давалось право надевать багряницу, только без золота. Это установлено было в первый раз Адрианом (Ioh. Rosin. *antiquit. Roman.* L: 7, 13). Здесь имеется в виду кесарь Иоанн Дука.

⁶² Проздр – один из почетных титулов, которым греки награждали отличившихся в сражении.

⁶³ Сражение при Манцикерте произошло 19 августа 1071 года.

⁶⁴ Султан Алп-Арслан.

⁶⁵ Я. Н. Любарский считает, что одной из основных причин поражения византийской армии яви-

лось предательство Андроника Дуки, который вовремя не двинул резерв на помощь окруженному центру василевса. Кажется, однако, по описанию Вриенния, что против конных лучников-турок основная боевая сила византийцев – тяжелая кавалерия – оказалась слишком неповоротливой. Характерно, что василевс пытается найти вражескую фалангу – сомкнутый строй неприятеля, с которым можно сразиться. Также характерна удивительная похожесть описания сражения на описание боя Алексея Комнина против Никифора Вриенния Старшего – начиная с прибытия турок.

⁶⁶ Это решение совета вполне понятно, если учесть, что благодаря замужеству Евдокии власть ушла из рук Дук. С. Б. Дашков (*Императоры Византии*: 229) говорит, что Евдокия отказалась признать низложение Романа и предпочла уйти в монастырь. Но рассказ Пселла (который почти дословно повторяется у Вриенния) этому прямо противоречит, более того, говорит о насильственном поstriжении Иоанна Дуки после переворота.

⁶⁷ Впрочем, это дружелюбное расположение к ромейскому василевсу не воспрепятствовало султану, по тогдашнему обычаю варваров, употреблять царственного пленника вместо подножной скамейки для восхождения на престол.

⁶⁸ В греческом подлиннике здесь пропуск. Август Мейнеке, не решаясь восстановить греческий текст, пополняет недостающее следующей латинской фразой: *At Caesar non deliberationibus ducendis, sed actionibus repraesentandis rem obtineri certius ratus...* (Прим. к 1-му изданию.)

⁶⁹ Имеется в виду то ли англосакская часть этерии (наемная гвардия василевса), то ли вся этерия. Вриенний (как Анна Комнина и Пселл) именует этерию то как “те, которые носят мечи на плечах”, то как “вооруженные секирами”, при этом имея в виду соответственно англосакскую и русско-варяжскую ее части. “Издревле” Вриенния относится или ко всей этерии, или к русско-варяжской ее части, так как англосакская в значительном количестве появилась только в правление Константина X Дуки, после битвы при Гастингсе. По вооружению и способу боя это была очень хорошая тяжелая пехота, отряд которой достигал нескольких тысяч.

⁷⁰ Примерно с этого места – почти дословный пересказ Пселла.

⁷¹ Евдокия Макремволитиса (ок. 1028 – ок. 1096, императрица-регентша 1067, 1071).

⁷² Этот храм впоследствии сделался храмом монастыря, который в летописи Анны Комниной (1, 9) называется Пиперус.

⁷³ Киликия была страна самая гористая, ибо по всем направлениям прорезывалась скалистыми отраслями Тавра. Притом в Киликии было построено множество крепостей, которым по гористости местности, были непреодолимы. Поэтому киликийские ущелья совершенно обезопасили войска Диогена.

⁷⁴ Я. Н. Любарский в примечаниях к «Алексиаде» указывает, что у Анны Далассиной действительно была переписка с Романом Диогеном.

⁷⁵ Остров Принца лежит на Мраморном море в виду Константинополя. *Gyllius libr. 5, de Bosphoro Thracio*. Это название получил он, говорят, от того, что на него нередко удалялись дочери государей, избравшие жизнь отшельническую. Кедрин свидетельствует, что на этом острове Юстиниан-младший выстроил монастырь, который потом был местом заточения знаменитых особ женского пола. *Theorphan*: 405.

⁷⁶ *Криспин* – командир итальянских наемников, восставший против Романа еще в 1070 году.

⁷⁷ Одно из немногочисленных упоминаний о пехоте у Вриенния. Алексей Комнин людей, не имеющих коня, фактически приравнивает к безоружным и слугам.

⁷⁸ Жена василевсов Михаила VII Дуки и – позже – Никифора III Вотаниата.

⁷⁹ С. Б. Дашков считает Андроника злейшим врагом Романа (Императоры Византии: 233).

⁸⁰ Совершенно это совершенно варварским способом (С. Б. Дашков. Императоры Византии: 234).

⁸¹ *Остров Прот* – один из Принцевых островов.

⁸² По свидетельству Теца, иверы, авазги и аланы составляли один народ. Но это надо понимать не так, что эти названия были тождественны, а так, что упомянутые племена находились под главным правлением одного, именно иверского государя; аланы же и авазги управлялись его наместниками.

⁸³ Я. Н. Любарский и С. Б. Дашков считают, что *Никифорица* пренебрежительное прозвище, данное внуку за маленький рост.

⁸⁴ *Логофет* ‘исследователь причин’; в геральдике же константинопольского двора этот титул имел не одно и то же значение. В империи логофеты были двух родов: церковные и гражданские, заведовавшие государственным казначейством вообще, и частными отраслями государственных расходов. Отсюда произошли название логофет великий, или главный, логофет частных имуществ, логофет секретов, логофет стада, логофет воинского казначейства, логофет почты (логофет дрома).

⁸⁵ Видимо – печенег.

⁸⁶ 1073 г.

⁸⁷ Вриенний указывает здесь на победу Эмилия, описанную Ливием в книге XXXIV, когда усыновленный Эмилием Сципион, быв еще только семнадцатилетним, находился уже в войске своего отца.

⁸⁸ Интересно и очень характерно для Византии придавать воинским подвигам для защиты государства духовный смысл.

⁸⁹ Характерно отношение к воину, не имеющему коня, как к безоружному. После реформы Никифора II Фоки стратиготское ополчение как пехотное войско сошло со сцены – его ударной силой окончательно стали катафракты.

⁹⁰ Из этого описания следует, что дом был хорошо укреплен, что считается совсем не характерным для Византии XI века. Так, например, Кекамен советует занимать укрепленный акрополь. Да и вообще, для фемной знати, тесно связанной с городами и жившей в городах, укрепленное поместье вне города большая редкость. Хотя у Вриенния, что любопытно, упоминается еще и укрепленный замок Иоанна Дуки в Вифинии.

⁹¹ Оригинальное предложение, учитывая отношение к воину как к тяжеловооруженному всаднику. Видимо, план Арабата можно объяснить аланским способом боя.

⁹² Имеется в виду спартанский полководец времен Пелопонесской войны.

⁹³ *Кельты*, франки и т. п. означают у византийских писателей не национальность, а людей с запада вообще. Так же, как жители Причерноморья всегда будут скифы, а Месопотамии – вавилоняне.

⁹⁴ Этот Артух ниже называется Артаухом и, кажется, был одно и то же лицо с Тутахом, о котором упоминается далее и у Анны Комниной. Его считают Тутонаилом, родоначальником династии Артакидов. По свидетельству Аль-Макина, он в 488 г.

Хиджры, или в 1075 году по Р. Х. вместе с Тагодулом, умертвил никейского султана Солимана.

⁹⁵ Вриенний называет ее латинской – по латинянину Руселю.

⁹⁶ Впоследствии Иоанн Дука участвовал в перевороте Комниных: Анна Комнина рассказывает, что именно он подал совет, каким образом взять Константинополь.

⁹⁷ *Стратопедарх*, как видно из контекста и хода Вриенниевых записок, было имя должности, соответствующей фельдмаршалу, и означало почетный титул военного сановника, независимо от действительной его службы.

⁹⁸ До варварского разрушения Константинополя в 1204 году отношение к схизматикам – латинянам оставалось вполне дружественным.

⁹⁹ Этот Тутах выше называется Артухом.

¹⁰⁰ Т. е. сделать Руселя или его ставленника василевсом.

¹⁰¹ Это выражение в греческом подлиннике не очень точное, надо понимать о храме нерукотворной иконы Богоматери.

¹⁰² Это выражение заимствовано у древних греков, которые, для полного торжества состязателя на публичных (олимпийских или истмийских) играх требовали, чтобы он одержал победу пять раз. (Прим. к 1-му изданию)

¹⁰³ Наместник Эдессы, куропалат Филарет Вахамий.

¹⁰⁴ Исаак Комнин был дукой Антиохии в 1074 – 1078 годах.

¹⁰⁵ Данный эпизод, как и эпизод венчания Никифора Вотаниата, резко противоречит распространенной в либеральной науке точке зрения о “закабалении” государством Церкви.

¹⁰⁶ Этот *Константин* у других византийских историков называется Львом (Анна Комн.: 60, р. 271).

¹⁰⁷ *Отложение хорватов и диоклейцев* привело к так называемой сербской войне, о которой подробнее пишут Скилица (р. 851 сл.) и Анна Комн. (р. 40).

¹⁰⁸ Знаменитый патриарх *Михаил Кирулларий* был приемником Алексея, бывшего патриархом в правление Мономаха, Феодоры, Стратиготика и Исаака Комнина. О нем много говорят Бароний (Церк. ист. I) и Лев Аллаций (О греч. церкви). При нем произошло отложение Католической Церкви.

¹⁰⁹ Болгария, окончательно покоренная василевсом Василием Болгаробойцей, обращена в византийскую провинцию и стала управляться префектами под титулом дуков.

¹¹⁰ Имеется в виду завоевание норманнами Сицилии и Южной Италии, которое началось гораздо раньше правления Михаила VII и шло с переменным успехом вплоть до мятежа Георгия Маниака (1043 г.), после которого норманны быстро захватили все византийские владения в Италии. Последняя византийская крепость – Бари была захвачена еще в правление Романа IV Диогена (весной 1071 года).

¹¹¹ Диррахий был главным городом Македонии. Этот большой и многолюдный город лежал на восточном берегу Адриатического моря, прежде назывался Эпидамном (Плиний L: 3, 23). В Диррахий сослан был Цицерон и, живя там, хвалился благорасположением к себе его граждан (Лукан. Гражд. войны L: 6, 14).

¹¹² Антикизирующая традиция. Разумеется, имеются в виду не корабли с тремя рядами весел, а просто военные корабли.

¹¹³ Иоанн Вриенний.

¹¹⁴ Кроме чисто аристократического презрения полководцев к евноху, в этом сговоре ярко проявляется византийский взгляд на власть, как на служение и право подданных оспаривать власть законного правителя, если он не достоин этой власти. Любопытно, что при этом Вриенний ставит это право выше прав наследования, которым обосновывает захват Алексеем Комниным власти в своем предисловии.

¹¹⁵ В Византии существовал благочестивый обычай посвящать детей Богу. Такие дети, достигнув должного возраста, постригались в монахи. Обручить Небесному Жениху, собственно, и значит – постричь в монахи.

¹¹⁶ *Протовестарий* при византийском дворе был сановник, заведовавший царским гардеробом. Впоследствии эта должность получила значение столь важного титула, что василевс Михаил Палеолог украсил им родного своего внука Михаила Трахониата. [Я.Н.Любарский считает, что это была должность, зарезервированная для евнохов].

¹¹⁷ Известно, что Алексей очень почитал свою мать. Анна Комнина приводит его указ (после того, как стал василевсом) о выполнении ее приказов как своих собственных.

¹¹⁸ Именно Иоанн Дука был инициатором ссылки Анны Делассины.

¹¹⁹ Я. Н. Любарский считает, что Никифор Вриенний Старший с самого начала собирался захватить власть, и эти слова Вриенния – попытка оправдать отца или деда. Он обосновывает это тем, что ни у Анны Комниной, ни у Атталиата нет ничего об этих сомнениях Никифора. Но кажется вполне возможным, что Атталиат не знал этих подробностей, а Анна не сочла нужным подробно пересказывать труд мужа, о чем сама неоднократно говорит. В пользу сообщения Вриенния говорит и то, что Иоанн, а не сам Никифор, возглавил поход на Константинополь.

¹²⁰ В Византии этого времени было обычным рано отправляться на войну. По словам Анны Комниной, когда Алексей Комнин хотел участвовать в походе Романа Диогена на Манцикерт, ему было всего четырнадцать лет.

¹²¹ Космы и Дамиана.

¹²² *Стеносом* называлась, вероятно, та часть предместья Влахерн, в которой находился храм и монастырь Стенос.

¹²³ *Эмон* (Αἶμος), лат. Naemus – Гемос, Гем – горный хребет в сев. Македонии и Фракии, отделявший Мизию и Фракию – Балканы, болг. Стара Планина.

¹²⁴ Октябрь 1077 года.

¹²⁵ Георгий Палеолог так и остался противником Вотаниата. Анна Комнина рассказывает о его активном участии в мятеже 1081 года на стороне Комниных и Дук.

¹²⁶ Вриенний показывает здесь оставшееся в неизвестности происхождение иконийских султанов. Из его рассказа видно, что Солиман, называемый древним, от которого происходили турецкие правители провинций Ликаонии, Каппадокии и других, был не из рода верховных турецких султанов, но родился от Кутулма или Кутлума, который был двоюродным братом султана Тангроблека.

¹²⁷ 25 марта 1078 года.

¹²⁸ Руфинианский дворец византийских василевсов находился в Халкидоне, стоявшем на азийском или вифинском берегу пролива против Византии.

¹²⁹ По свидетельству Вриенния и Анны, Вотаниат, вступив на престол, вернул управление государственными делами двум своим рабам, которые

были самыми злыми врагами, особенно рода Комниных. Эти рабы были Борил и Герман.

¹³⁰ Третьи браки канонами Соборов были запрещены. См. Прав. III и VII собора Неокесарийского.

¹³¹ Еще один любопытный случай, свидетельствующий о «порабощении» Церкви государством. Василевс не стал венчать обычный священник.

¹³² То есть второй супруги Вотаниата.

¹³³ Остров Пропонтиды.

¹³⁴ Почти дословно эта же фраза приводится у Пселла. Имеется в виду повышение в чине и денежные награды.

¹³⁵ Об этом местечке или предместье упоминает Кантакузен (I: 3, 84). Оно находилось между Константинополем, Регием, Афирой и Силиврией, следовательно, во Фракии. Упоминаемый же здесь храм Архистратига вышних сил Михаила, кажется, был тот самый, который, по свидетельству Прокопия и Феофана, стоял на берегу Анапла и у пльвших из Понта оставался справа. Он построен был, говорят, Константином Великим, а возобновлен Юстинианом.

¹³⁶ Жители Хомы, как отдельный отряд упоминаются в «Алексиаде»

¹³⁷ Интересно, что такой способ боя византийских катафрактов более нигде не упоминается; видимо, это – учебное упражнение.

¹³⁸ Вриенний оговаривает этот вопрос, так как традиция в Византии требовала приводить географические названия и названия народов в старом эллинском или ромейском их звучании.

¹³⁹ *Георгий Маниак* – талантливый катепан Италии и Сицилии, долгое время успешно противостоял норманнам. Был вынужден поднять мятеж против Константина IX Мономаха. Во время победного сражения был убит, и войско его рассеялось.

¹⁴⁰ Сражение произошло в начале 1078 года.

¹⁴¹ *Тулда* – слово, употреблявшееся в воинской среде. Оно означало вьючных животных, носивших необходимые тяжести за войсками.

¹⁴² Анна Комнина описывает, как этот конь спас Алексею жизнь в сражении под Диррахием.

¹⁴³ То есть приносили клятву верности.

¹⁴⁴ Анна Комнина так рассказывает о поведении Вриенния после битвы: «Вриенний же, исполненный страха за свою жизнь, был похож на безумного и не нуждался ни в каком отдыхе. Каким же иначе мог быть человек, потерявши всякую надежду на жизнь? Тем не менее он сразу же подчинился желанию стратига. Так раб, особенно если он пленен на войне, быстро подчиняется любому приказанию» (Алексиада 1, 5) Но, возможно, что она просто следует традиции такого изображения поверженных претендентов на престол, которых принято изображать трусливыми и жалкими.

¹⁴⁵ Здесь в греческом подлиннике пропуск.

¹⁴⁶ Анна Комнина рассказывает интересный случай, произошедший по пути: «И вот оба вождя спешили. Алексей, как в постель, улегся на зеленую траву, а Вриенний положил голову на корни высокорослого дуба. Алексей заснул, а Вриенний, как говорится в сладостных стихах, «ласковый сон не покоил». Подняв глаза, он замечает виисящий на ветвях меч; не видя кругом ни единой души, избавляется от своего малодушия и, набравшись мужества, решает убить моего отца. И его замысел был бы вскоре приведен в исполнение, если бы этому не помешала высшая божественная сила, которая смягчила свирепость души Вриенния».

¹⁴⁷ *Протопрэдр* – титул, имевший почти такое же значение, как проэдр. По крайней мере, с ним не соединялось какого-нибудь особенного достоин-

ства, отличного от достоинства проэдра. Но, так как Борил был *протопроэдром-этнархом*, то последний титул должен был давать ему преимущество над прочими проэдрами в области.

¹⁴⁸ *Филопатион* описывается как прекрасное загородное место, сделанное с особенным искусством, орошаемое многими источниками, богатою всякою растительностью, обнесенное стеной и имевшее частное назначение для загородной прогулки лиц дома василевса, конюшню для выездов на охоту. В Филопатион выезжали через так называемые Золотые ворота. Внутри же его стен красовался увеселительный дворец.

Источник: Никифор Вриенний. Исторические записки (976–1087) / Перевод Санкт-Петербургской духовной академии [1858]. Отв. ред. и автор комментариев А. А. Калинин. – М.: Посев, 1997.

¹⁴⁹ Византийские василевсы подписывали свои указы пурпурными чернилами и скрепляли золотой печатью.

¹⁵⁰ *Севаст* был самым высоким лицом при дворе византийских василевсов, и только один кесарь, по праву наследника престола, стоял выше севаста. Этим титулом первый украшен был Алексей Комнин. Впрочем, взойдя на престол, сам Комнин жаловал некоторых своих вельмож еще высшим достоинством *паниперсеваста*, а другие получали просто сан *пансеваста*.

¹⁵¹ Характерно, что после завоевания турками Месопотамии и Сирии они тоже именуются сынами Агари – как ранее арабы. См. прим. 40.

Анна Комнина

Ἀννα Κομνηνή – Anna Comnena ~ Komnene

Анна Комнина (1083 – 1153/1155), историк, дочь Алексея I Комнина, византийского императора (1081–1118). После смерти отца и захвата власти Иоанном, ее братом, составила заговор с целью убить Иоанна и передать корону своему мужу Никифору Вриеннию. Заговор не удался ввиду дезертирства Никифора. Брат помиловал заговорщиков и возвратил ей конфискованное имущество. Вместе с матерью Ириной, сестрами Евдокией и Марией, дочерью Ириной, а также мужской и женской челядью Анна была поселена в роскошных покоях при константинопольском монастыре Благодатной Богородицы. Но монашеский сан Анна приняла только перед смертью. Никифор же, оставаясь при дворе, продолжал занимать высокое положение до самой смерти в 1136/1137 г. Находясь под домашним арестом, Анна сгруппировала вокруг себя кружок философов и предавалась занятиям философией и историей. Свое высокохудожественное произведение «Алексиада», посвященное памяти отца и написанное в подражание Го-

меру и Вергилию, Анна составила, завершая труд своего мужа Никифора Вриенния «Материалы для истории», откуда заимствовала тексты для своих глав 1-9 книги I и некоторые пассажи для книги II. От современных ей и более поздних источников (Михаил Атталиат, Продолжатель Скилицы, Иоанн Зонара, Михаил Глика, Феодор Скутариот, а также произведения западных писателей Вильгельма Апулийского, Альберта Аахенского, Малатерры, анонимная «Барийская хроника» и др.) сочинение опальной византийской принцессы отличается хронологической последовательностью, наличием датировок, обилием фактических деталей и трезвостью в оценке деятельности императора Алексея I Комнина, равно как и его союзников и противников. Для нас чрезвычайно важны сообщаемые Анной уникальные сведения по истории взаимоотношений и войн Византии с тюрками и славянами Юго-Восточной Европы, особенно касающиеся печенегов, узов, половцев и турок-сельджуков.

Подробнее см.: Я. Н. Любарский. Предисловие // Анна Комнина. Алексиада / Вступ. статья, перевод и комментарий Я. Н. Любарского. – М.: Наука, 1965.

Анна Комнина

Алексиада

Перевод и комментарий Я. Н. Любарского

Книга I

1. Мой отец, император Алексей, и до вступления на императорский престол принес большую пользу Ромейскому государству. Он начал службу еще при Романе Диогене¹. Алексей был замечательный человек, своим бесстрашием превосходивший всех окружаю-

щих. В возрасте четырнадцати лет он стремился принять участие в большой военной экспедиции против персов², которую предпринял император Диоген³; в своем неудержимом стремлении Алексей раздражался угрозами по адресу варваров и говорил, что в

битве напоит свой меч их кровью. Таким воинственным был этот юноша. Однако самодержец Диоген не разрешил ему следовать за собой, ибо мать Алексея⁴ переживала в то время глубокую скорбь: она оплакивала смерть своего первенца Мануила⁵, совершившего во славу Ромейской державы великие и удивительные подвиги. Диоген не хотел лишить последнего утешения эту женщину, которая еще не знала, где ей похоронить первого сына, а уже отправляла на войну второго⁶ и опасалась, как бы с юношей не случилось беды и смерть не настигла его в неведомом уголке земли. Поэтому Диоген заставил юношу Алексея вернуться к матери. Тогда, хотя и против воли, он был удален из рядов воинов⁷, но пришло время, и перед ним открылся широкий простор для подвигов. И действительно, о мужестве Алексея свидетельствовали его успехи в борьбе с Руселем⁸, которую он вел при императоре Михаиле Дуке⁹ после низложения императора Диогена.

Этот кельт¹⁰ был внесен в списки войска, но затем, чрезвычайно возгордившись своей счастливой судьбой, собрал вокруг себя значительные военные силы, в которые вошли частично его соплеменники, частично выходцы из различных других племен, и с этого времени превратился в грозного тирана¹¹. В тот момент, когда ромейское владычество колебалось, турки брали верх, а ромеи, как песок под ногами, отступали назад, Русель и напал на Ромейское государство. Русель обладал душой тирана, а тут печальное положение дел империи возбудило в нем стремление к тирании. Русель опустошил почти все восточные земли. И хотя на борьбу с ним были посланы многие полководцы, умудренные большим воинским опытом и прославившиеся мужеством, Русель взял верх над их многоопытностью. Русель то сам нападал, словно буря обрушиваясь на противника, то пользовался помощью турецких союзников. Не было возможности устоять перед его натиском: многие знатные люди оказались у него в плену, а их фаланги опрокинутыми.

5. Мое повествование подошло к моменту сражения этих двух храбрых мужей: Вриенния и моего отца Алексея (ни один не превосходил другого мужеством, ни один не уступал другому опытом). Теперь, когда противники установили боевые порядки своих войск, следует рассмотреть судьбу битвы. Оба мужа были прекрасны и благородны, их сила и опытность как бы находились в равновесии;

нам же следует посмотреть, куда судьба склонила чашу весов. Вриенний, полагаясь на военную мощь, рассчитывал, кроме того, на свою опытность и хорошее расположение боевых порядков, что же касается Алексея, то он почти не надеялся на войско и полагался лишь на силу своего искусства и военные хитрости.

И вот оба полководца увидели друг друга и поняли, что уже пришел час битвы. Узнав, что Алексей Комнин закончил продвижение и разбил лагерь в Калавре, Вриенний выступил против него. Свое войско он расположил таким образом. Он выстроил воинов на правом и левом флангах, поручив командование правым своему родному брату Иоанну¹². На этом фланге находилось пять тысяч воинов: италийцы, солдаты из отряда знаменитого Маниака¹³, фессалийские всадники и большая группа воинов этерии¹⁴. Левым же флангом командовал Катакалон Тарханиот¹⁵, который имел в своем распоряжении три тысячи хорошо вооруженных македонцев и фракийцев. Сам же Вриенний командовал центром фаланги, который состоял из македонцев, фракийцев и цвета всей знати¹⁶.

Все они сидели верхом на фессалийских конях¹⁷, их железные латы и шлемы на головах сверкали, кони поводили ушами; бряцание щитов, блеск щитов и шлемов наводили ужас. Находившийся в середине Вриенний, как Арей или древний гигант, на целый локоть возвышался над всеми, вызывая своим обликом изумление и страх. Вне строя, примерно на расстоянии двух стадий, расположились союзники – скифы¹⁸, вооруженные по-варварски. Был отдан приказ: после того как покажется противник и труба призовет к битве, скифам тотчас атаковать врага с тыла и изматывать его непрерывным дождем стрел; остальным, плотно сомкнутым в ряды, всей тяжестью обрушиться на врага. Такой приказ отдал Вриенний своим войскам. Тем временем мой отец Алексей Комнин осмотрел местность и часть войска поместил в лощинах, а часть – лицом к лицу с войском Вриенния. Приготовив к бою обе части войска – спрятанную и стоявшую на открытом месте, он окрылил словами и ободрил каждого воина. Алексей приказал расположенному в засаде отряду, после того как он окажется в тылу у противника, неожиданно напасть и всей силой ударить по правому флангу врага. Так называемых бессмертных и некоторых кельтов он оставил при себе и сам принял командование

над ними. Над хоматинцами же и турками он поставил начальником Катакалона¹⁹, приказав ему обратить все внимание на скифов и отбивать их удары.

Так обстояли дела. Как только войско Вриенния приблизилось к лощинам, по знаку моего отца Алексея с боевым кличем выскочили сидевшие в засаде воины. Своим неожиданным натиском они привели в замешательство противника и, поражая и убивая всех, кто попадался им под руку, обратили врагов в бегство. Однако Иоанн Вриенний, брат военачальника, “вспомнив бурную силу”, исполнился гнева, повернул коня, одним ударом поверг наземь преследующего его воина – бессмертного, остановил отступающую фалангу, выстроил ее и дал отпор врагу. Бессмертные в свою очередь бросились в беспорядочное и безудержное бегство, а преследующие воины разили их.

Тем временем мой отец врезался в гущу врагов и, мужественно сражаясь, одерживал верх везде, где только ни появлялся, ранил и убивал каждого, кто подступал к нему. Алексей продолжал бешено сражаться, надеясь, что за ним следуют воины, которые прикрывают его. Когда же Алексей увидел, что его фаланга разбита и уже рассеяна, он собрал вокруг себя самых мужественных воинов (а было их всего шестеро) и решил с обнаженными мечами пробиться к Вриеннию, дерзко напасть на него, а если нужно, то и умереть вместе с ним.

Однако один из воинов, Феодот, человек, с детства находившийся в услужении у моего отца, воспротивился этому намерению и выступил против такого рискованного замысла. И вот, переменив свое намерение, Алексей решил отойти на некоторое расстояние от войска Вриенния; он собрал лучших из обращенных в бегство воинов, построил их и принялся за дело. Но не успел мой отец еще отойти, как скифы с боевыми кликами стали теснить хоматинцев Катакалона. Они легко обратили их в бегство, а затем предались своему обычному делу – грабегам. Таково скифское племя: не разбив до конца неприятеля, не закрепив успеха, они, предаваясь грабегам, губят победу. И вот находившиеся в арьергарде войска Вриенния слуги в страхе перед скифами смешались с боевыми порядками. Непрерывный поток тех, кто бежал от скифов, вносил немалый беспорядок в боевой строй, и значки²⁰ смешались друг с другом. Пока все это происходило, мой отец Алексей, который,

как я уже сказала, еще находился в расположении войска Вриенния, вдруг видит, как один из конюшенных Вриенния ведет императорского коня, украшенного пурпурной попоной и позолоченными бляхами; рядом же, согласно императорскому ритуалу, бежит свита с ромфеями²¹.

Увидев это, Алексей спускает на лицо прикрепленное к шлему забрало и со своими шестью воинами (о них уже шла речь) стремительно на них нападает. Он повергает наземь конюшенного, захватывает императорского коня, захватывает также и ромфеи и незаметно выходит из расположения вражеского войска. Остановившись в безопасном месте, он послал громогласного глашатая, дал ему коня с золотыми бляхами и ромфеи, которые телохранители держат по обе стороны от императора, и приказал ему разъезжать по всему войску и кричать, что Вриенний пал.

Это известие заставило собраться отовсюду и вернуться многих рассеявшихся воинов великого domestika схол – моего отца, а других побудило к стойкости. Воины как вкопанные остановились там, где их застал голос глашатая, обратили назад свои взоры и были поражены неожиданным зрелищем. Что за странная была картина! Головы коней были обращены вперед, лица самих всадников повернуты назад, они не двигались вперед и не хотели повернуть назад, но были изумлены и приведены в недоумение всем происходящим. Скифы же, мечтая о возвращении и находясь уже на пути домой, не собирались продолжать преследование; очутившись вдали от обеих армий, они где-то блуждали со своей добычей. Распространяемая глашатаем весть, что Вриенний схвачен и убит, вдохнула мужество в недавних трусов и беглецов. Это известие казалось достоверным благодаря тому, что повсюду показывали коня с императорскими знаками, а ромфеи, можно сказать, возвещали о том, что находившийся под охраной Вриенний пал от неприятельской руки.

6. Затем судьба принесла следующее. К domestiku схол Алексею подошел отряд союзников-турок²². Узнав, что бой начался, и желая выяснить, где находится враг, турки вместе с моим отцом Алексеем Комниным поднялись на холм. Отец жестом указал им на неприятельское войско, а они смотрели на врагов как с наблюдательного пункта. Дела же неприятелей обстояли таким образом: сбившись в кучу, не соблюдая боевых порядков, они были настроены беззаботно и считали се-

бя вне опасности, словно победа была уже у них в руках. Они пребывали в беспечности главным образом из-за того, что франки из отряда моего отца, когда началось бегство, перешли к Вриеннию. Ведь когда франки соскочили с коней и протянули Вриеннию правые руки, выражая этим, как это у них в обычае, свою верность, со всех сторон стали стекаться воины, чтобы посмотреть на это зрелище. Как звук трубы, распространился по войску Вриенния слух о том, что уже и франки покинули архистратига Алексея и перешли к ним.

Турки наступали, не построившись в фаланги, а разделившись на отдельные отряды, находившиеся на известном расстоянии друг от друга. Каждому отряду было приказано гнать коней на врагов и осыпать неприятеля дождем стрел. С ними следовал и изобретатель этого маневра – мой отец Алексей, который собрал из числа рассеявшихся столько воинов, сколько ему позволили обстоятельства. В этот момент один из окружавших Алексея бессмертных, человек храбрый и дерзкий, погнав вперед своего коня, вырвался из рядов и во весь опор понесся на Вриенния. Он с силой вонзает копье в грудь Вриенния. Но тот быстро извлек меч из ножен, обрубил копье, пока оно еще не успело впитаться глубже, и со всего размаха нанес удар ранившему его воину. Вриенний попал в ключицу и отсек руку вместе со щитом.

Турки же, подходя один за другим, непрерывно осыпали войско тучей стрел. Воины Вриенния были ошеломлены неожиданным натиском, однако, собравшись и выстроив боевые порядки, они приняли тяжесть битвы, призывая друг друга к мужеству. Турки и мой отец после недолгого боя с противником стали изображать, будто они мало-помалу обращаются в бегство; постепенно заманивая врагов в засаду, они искусно увлекали их за собой. Достигнув первой засады, они повернулись и лицом к лицу встретили противника. По условному знаку из разных мест, словно рой ос, высыпали находившиеся в засаде всадники. Боевыми кликами, шумом и непрерывной стрельбой из луков они оглушили Вриенния и его воинов и ослепили их дождем падающих отовсюду стрел. Воины Вриенния не смогли устоять (все были уже изранены – и кони и люди), они склонили значок к отступлению и предоставили врагу возможность наносить удары им в спину. Но Вриенний, хотя он был чрезвычайно утомлен битвой и враг с силой теснил его, проявил мужество и при-

сутствие духа: направо и налево поражал он наступающих и одновременно умело и мужественно руководил отступлением. По одну сторону от него бился брат, по другую – сын; героически сражаясь, они казались тогда врагам настоящим чудом.

Конь Вриенния был утомлен и не мог ни бежать, ни преследовать, ибо до полусмерти был загнан непрерывным бегом. Сдержав коня, Вриенний, как некий отважный атлет, остановился, готовый к рукопашной схватке, и вызвал на бой двух доблестных турок. Один из них бьет копьем, но не успевает еще нанести сильный удар, как получает значительно более сильный удар от руки Вриенния. Вриенний отрубил мечом турку руку, которая вместе с копьем скатилась на землю. Но второй турок, соскочив со своего коня, как леопард, бросился к лошади Вриенния, пристроился у крупа и, крепко ухватившись за него, старался забраться на спину лошади. Вриенний вертелся, как зверь, стремясь пронзить турка мечом. У него, однако, ничего не выходило, потому что турок все время извивался за его спиной и избегал ударов. Когда же рука устала разить пустоту, утомился и сам атлет, он отдал себя в руки врагов.

Схватив его и, можно сказать, завоевав этим величайшую славу, они доставляют его Алексею Комнину, который, находясь недалеко от места пленения Вриенния, строил фаланги своих воинов и варваров и побуждал их к битве. Сначала они сообщили о пленении Вриенния через вестников, затем привели к стратигу его самого, являвшего собой поистине страшное зрелище как в битве, так и в плену. Получив таким образом в свои руки Вриенния, Алексей отправляет его к императору Вотаниату. Алексей не коснулся глаз пленника. Не таков был Комнин, чтобы преследовать своих противников, после того как они попали в плен: он считал, что само их пленение на войне вполне достаточное наказание. Поэтому он относился к пленным с человеколюбием, дружелюбием и уважением. Эти же чувства он выказал и Вриеннию. После пленения Вриенния Алексей проехал вместе с ним значительное расстояние, а когда они прибыли в место, называвшееся..., Алексей, желая добрыми надеждами вывести пленника из отчаяния, сказал: “Давай сойдем с коней, посидим и немного отдохнем”. Вриенний же, исполненный страха за свою жизнь, был похож на безумного и не нуждался ни в каком отдыхе. Каким же иначе мог быть человек, потеряв-

ший всякую надежду на жизнь? Тем не менее он сразу же подчинился желанию стратига. Так раб, особенно если он пленен на войне, быстро подчиняется любому приказанию.

И вот оба вождя спешили. Алексей, как в постель, улегся на зеленую траву, а Вриенний положил голову на корни “высоковолосого дуба”²³. Алексей заснул, а Вриенния, как говорится в сладостных стихах, “ласковый сон не покоил”²⁴. Подняв глаза, он замечает висящий на ветвях меч; не видя кругом ни единой души, избавляется от своего малодушия и, набравшись мужества, решает убить моего отца. И его замысел был бы вскоре приведен в исполнение, если бы этому не помешала высшая божественная сила, которая смягчила свирепость души Вриенния и заставила его доброжелательно отнестись к стратигу. Я часто слышала, как отец рассказывал об этом. Всякий может отсюда заключить, что Бог, словно драгоценность, охранял моего отца и предназначал его для более высокой участи, желая с его помощью вновь возвысить римский скипетр. Если же после этого с Вриеннием случилось нечто непредвиденное, то виной этому – приближенные императора, мой же отец в этом неповинен.

7. Так окончился поход против Вриенния. Но великому доместику – моему отцу Алексею – не суждено было вкушать покоя, а пришлось вступать в одно сражение за другим. Борил²⁵, варвар из числа наиболее приближенных к Вотаниату людей, выйдя из города навстречу великому доместику, моему отцу, принял у него Вриенния и сделал с ним то, что сделал²⁶. От имени императора он приказывает моему отцу выступить против Василяки, который также возложил на себя императорскую диадему и после Вриенния неудержимо раздувал мятеж на Западе²⁷. Василяки был мужем удивительным по своему мужеству, храбрости, смелости и силе. Обладая тираническими наклонностями, этот человек достигал высших должностей и титулов, одних помогая хитростью, другие узурпируя. После свержения Вриенния он стал его преемником и принял на себя всю его власть. Начав с Эпидамны (это главный город Иллирика), он подошел почти вплотную к городу фессалийцев²⁸, все покоряя на своем пути; Василяки сам себя избрал и провозгласил императором и вел куда ему заблагорассудится блуждающее войско Вриенния. Не говоря уже о других его качествах, этот муж вызывал восхищение своим ростом, силой рук, величественным

выражением лица; такие достоинства более всего привлекают грубый и воинственный народ. Ведь он не смотрит в душу человека и не обращает внимания на его добродетель, но удовлетворяется телесными достоинствами, восхищается смелостью, силой, быстротой бега и ростом, считая, что этих качеств вполне достаточно для багряницы и диадемы.

16. Роберт стянул к Бриндизи все свои военные силы: корабли и воинов. Кораблей было сто пятьдесят, количество воинов достигало тридцати тысяч²⁹. На каждом корабле находилось по двести воинов с оружием и лошадьми в расчете на встречу с вооруженными всадниками противника на другом берегу. С такими силами Роберт должен был направиться к Эпидамну, городу, который мы, по укоренившемуся ныне обычаю, называем Диррахием.

В его намерения входило из Гидрунта переправиться к Никополю³⁰, захватить Навпакт вместе с прилежащими землями и находившимися вокруг крепостями. Но так как пролив между этими пунктами был шире, чем между Бриндизи и Диррахием, он, выбрав более быстрый путь и легкое плавание, предпочел³¹ отплыть из Бриндизи³². Ведь стояла зима, солнце двигалось к южным кругам и, приближаясь к созвездию Козерога, сокращало продолжительность дня³³. Даже если бы он вышел из Гидрунта с началом дня, пришлось бы плыть ночью и, может быть, попасть в шторм. Чтобы избежать этого, Роберт решил на всех парусах отправиться из Бриндизи в Диррахий. Этим он сокращал длину пути, так как Адриатическое море в том месте сужается. Он не оставил сына Рожера наместником Апулии, как намеревался прежде. Не знаю, по каким причинам, но он переменял свое решение и взял его с собой. По пути к Диррахию Роберт снарядил отряд, который напал на хорошо укрепленный город Корфу³⁴ и некоторые другие наши крепости и захватил их. Ожидалось, что Роберт, взяв заложников из Лонгивардии и Апулии и обложив всю страну денежными поборами и данью, прибудет в Диррахий.

Дукой всего Иллирика был тогда Георгий Мономахат³⁵, назначенный на эту должность самодержцем Вотаниатом. Раньше он отказывался от назначения и вообще не соглашался на исполнение этой службы. В конце концов, однако, согласился из-за варваров-рабов самодержца (это были скифы Борил и Герман), которые испытывали к нему ненависть, по-

стоянно оговаривали его перед самодержцем и возводили на него всякую напраслину³⁶. Эти рабы до такой степени разожгли против него гнев императора, что Вотаниат, обращаясь к императрице Марии, сказал: “Я подозреваю в этом Мономахате врага ромейского государства”.

Об этом услышал алан³⁷ Иоанн – лучший друг Мономахата. Зная о ненависти скифов и их постоянных наветах, Иоанн явился к Мономахату, передал ему слова как императора, так и скифов и советовал ему позаботиться о своем спасении. Мономахат, будучи человеком умным, приходит к императору, смягчает лживыми словами его гнев и добивается службы в Диррахии. Отправляясь в Эпидамн, он получил письменный указ о назначении на пост дуки³⁸ и так как эти самые скифы – Герман и Борил – всячески старались ускорить его отъезд, на следующий день уехал из царственного города в Эпидамн и в область Иллирика.

Книга II

1. Желающих знать, откуда происходил самодержец Алексей и какого он был рода, я отсылаю к сочинениям моего кесаря⁴⁰. Оттуда же можно почерпнуть сведения и об императоре Никифоре Вотаниате.

Мануил – старший брат Исаака, Алексея и других детей Иоанна Комнина⁴¹ (моего деда со стороны отца) – был стратигом-автократором всей Азии; на эту должность он был назначен царствовавшим ранее императором Романом Диогеном⁴². Что же касается Исаака, то он получил власть дуки Антиохии⁴³: оба они вели многочисленные войны и соорудили немало трофеев в знак победы над противником. После них стратигом-автократором был назначен мой отец Алексей, которого царствовавший тогда Михаил Дука отправил против Руселя.

Император Никифор видел искусство Алексея в военных делах, до него дошли слухи о том, как тот, находясь со своим братом Исааком на Востоке, несмотря на юный возраст, участвовал во многих сражениях и показал себя доблестным воином; знал он и о том, что Алексей одержал верх над Руселем. Поэтому Никифор так же сильно, как и Исаака, полюбил Алексея; он прижимал к груди обоих братьев, ласково смотрел на них, а иногда достаивал совместной трапезы. Это воспламенило против них зависть, особенно со стороны двух уже упоминавшихся варваров-

Однако около места под названием Пиги³⁹ (там сооружен знаменитый среди храмов Византия храм моей госпожи Девы-Богоматери) он встречается с моим отцом Алексеем. Они увидели друг друга, и Мономахат начал взволнованно рассказывать великому domestiку: изгнанником он стал из-за Алексея и своей к нему дружбы; эти скифы Борил и Герман, которые на все взирают с вожделением, обрушили на него всю силу своей завистливой ненависти и изгоняют его под благовидным предлогом из круга близких и из милого ему города. Он подробно изложил печальную повесть о том, как его оболгали перед императором, и рассказал, что он вытерпел от этих рабов. Domestik Запада сделал все возможное, чтобы утешить Мономахата. Ведь Алексей умел облегчать отягченные горестями души. В конце концов Мономахат сказал, что Бог будет их судьей, попросил Алексея не забывать их дружбу и отправился в Диррахий, предоставив Алексею следовать в царственный город.

славян: я говорю о Борице и Германе. Они злились, видя расположение императора к братьям и то, что те остаются невредимыми под градом стрел ненависти, которые они в них мечут при каждом удобном случае.

Хотя подбородок Алексея еще не покрылся первым пухом, император, видя всесторонние успехи юноши, назначает его стратигом-автократором Запада и дает ему почетный титул проедра. Уже достаточно было сказано о том, какие трофеи он соорудил на Западе, скольких мятежников победил и доставил в плен к императору.

Это-то и не нравилось рабам и еще более распаляло огонь их зависти. Они недовольно ворчали, таили в себе злобу на братьев, часто доносили на них императору, иногда порицали их открыто, иногда клеветали через подставных лиц; они изо всех сил старались любыми способами уничтожить Комниных. Очувшившись в затруднительном положении, Комнины решили привлечь на свою сторону слуг женских покоев и через них добиться большей благосклонности императрицы. Ведь эти мужики обладали большим обаянием и знали немало средств, чтобы смягчить даже каменные сердца. В этом деле преуспел Исаак, которого еще раньше императрица избрала в мужья своей двоюродной сестре⁴⁴. Исаак отличался необычайным благородством в речах и делах и был очень похож на моего отца. Его

дела шли хорошо, и Исаак горячо заботился о брате; насколько Алексей помогал ему раньше в устройстве этого брака, настолько он стремился теперь не допустить, чтобы его брат отдалился от императрицы. Говорят, Орест и Пилад⁴⁵ были такими друзьями и так любили друг друга, что во время сражения не обращали внимания на наступающих на них врагов, а защищали друг друга от нападающих; каждый спешил, подставив грудь, принять на себя удары стрел, направленные на другого. Так же вели себя и Комнины. Каждый из братьев стремился первым принять на себя все опасности, но в то же время награды, почести, короче говоря, все удачи, выпадавшие на долю одного, другой считал своими собственными. Такую любовь питали они друг к другу. Так позаботилось божественное провидение об Исааке.

Прошло немного времени, и слуги женских покоев начинают убеждать императрицу усыновить Алексея. Она соглашается с ними, и, когда в назначенный день оба брата явились во дворец, императрица, по установившейся издавна для этих случаев форме, усыновляет Алексея⁴⁶. Благодаря этому великий domestik западных войск избавился на будущее от многих забот. С тех пор оба они часто являлись во дворец, совершали, как и полагается, преклонение перед императором⁴⁷ и немного погодя проходили к императрице. Это еще более разжигало зависть к ним. Комнины имели много случаев убедиться в этом, боялись попасть в ловушку и лишиться защиты. Поэтому они изыскивали средство, благодаря которому с божьей помощью смогли бы обеспечить себе безопасность. Перебрав совместно с матерью много различных способов, часто и подолгу размышляя об этом, они нашли единственный путь, который, насколько это в силах человека, может привести к спасению: они хотели, воспользовавшись благоприятным предложением, явиться к императрице и раскрыть ей свою тайну. Нося в себе тайный замысел, они никому не открывали своих намерений; они, как рыбаки, боялись спугнуть добычу раньше времени. Дело в том, что Комнины задумали побег, однако остерегались рассказывать о нем императрице, предполагая, что она из страха за императора и за них самих поспешит сообщить об этом Вотаниату. Поэтому они отказались от этого замысла и выработали новый план, ведь они умели весьма искусно пользоваться всеми возможностями, которые были в их распоряжении.

2. Император, неспособный по старости иметь детей, боялся неизбежной смерти и заботился о преемнике. В то время находился при дворе некий Синадин, уроженец Востока; он происходил из знатного рода, был человеком красивой внешности, глубокого ума и большой силы; Синадин был еще очень молод и ко всему приходился родственником императору⁴⁸. Предпочитая этого человека всем другим, император намеревался оставить его преемником престола и передать ему как отцовское наследство свою власть. Это были недобрые намерения. Ведь император мог обеспечить себе безопасность до конца дней своих и вместе с тем поступить по справедливости, оставив самодержавную власть сыну императрицы Константину, которому эта власть принадлежала как наследство от деда и отца. Этим он вызвал бы к себе еще большее доверие и расположение императрицы. Однако старик забылся, замыслил несправедливое и опасное деяние и сам призвал несчастье на свою голову.

Императрица услышала, как люди шептались об этом, и опечалилась, предвидя опасность для своего сына. Находясь в отчаянии, она никому не открывала причину своего горя. Это не укрылось от Комниных и, полагая, что настал удобный случай, которого они искали, братья решили пойти к императрице. Начать беседу Анна Далассина велела Исааку, а его брат Алексей должен был при этом присутствовать. Когда они явились к императрице, Исаак обращается к ней со следующими словами: “Ты выглядишь не так, как вчера и третьего дня; видно, госпожа, тебя обуревают тяжелые раздумья, и ты словно ищешь, кому бы открыть свою тайну”. Хоть и не хотела она обнаружить свои заботы, все же с глубоким вздохом ответила: “Не нужно задавать вопросы людям, живущим на чужбине⁴⁹, ведь жизнь на чужбине сама по себе для них достаточный источник страданий. Что же касается меня, то, увы, одна беда постигает меня вслед за другой, и что еще ждет меня в ближайшем будущем!” Братья отошли в сторону и больше не возобновляли своих речей; потупив взоры и сложив руки, они постояли немного в задумчивости и, совершив обычное преклонение, в сильном волнении отправились домой.

На следующий день они вновь приходят, чтобы поговорить с ней. Увидев, что императрица смотрит на них веселее, чем прежде, они оба подходят к ней и говорят: “Ты – наша госпожа, мы – твои преданные рабы, готовые ра-

ди твоей царственности на все, что угодно: оставь заботы, которые удручают тебя и грызут твою душу”. Этими словами они приобрели доверие императрицы, сняли с себя всякое подозрение и узнали ее тайну; ведь Комнины были людьми зоркими и проницательными, способными из скупых речей извлечь затаенную в них мысль.

Братья тотчас приняли сторону императрицы, красноречиво и открыто объявили себя ее доброжелателями и обещали ревностно содействовать ей всякий раз, когда потребуются их помощь. Комнины с большой готовностью обещали ей, следуя апостольской заповеди, радоваться ее радостям и принимать как свои ее печали⁵⁰. Они просили, чтобы императрица считала их своими друзьями и земляками – людьми из одной с ней земли. К этому они прибавили следующее: если ей самой или самодержцу поступит донос от завистников, пусть Мария не скроет его, чтобы им невольно не попасть в западню врагов. Об этом просили они императрицу и призывали ее не терять присутствия духа, говоря, что с божьей помощью они окажут ей деятельную поддержку и благодаря их содействию ее сын Константин не лишится власти. Комнины пожелали скрепить соглашение клятвами, ибо из-за завистников нельзя было терять времени.

Братья избавились от великой печали, успокоились и с этого времени с более веселыми лицами вели беседы с императором. Оба они, а особенно Алексей, умели притворяться и скрывать тайный замысел. Зависть к ним разгоралась в огромный пожар, но все наветы на них императору, благодаря заключенному ранее соглашению, становились им известны. Комнины узнали, что двое этих могущественных рабов собираются устранить их. Поэтому они перестали, как раньше, ходить во дворец вместе, а каждый являлся в свой день. Это решение было мудрым и достойным Паламеда: если один из них в результате тайных козней могущественных скифов был бы схвачен, другой смог бы бежать, и не попали бы они оба в западню, расставленные варварами.

Таково было их намерение, но развернувшиеся события опрокинули их предположения, и Комниным удалось взять верх над теми, кто злоумышлял против них. Как это произошло, ясно покажет дальнейшее повествование.

3. Когда турки овладели Кизиком, самодержец, узнав о взятии города, сразу же призвал Алексея Комнина. Это был день, когда во

дворец должен был идти Исаак. Видя брата, вопреки их соглашению явившегося во дворец, Исаак подошел к нему и спросил, что привело его туда. Алексей тотчас же изложил причину своего прихода: “Потому, – сказал он, – что самодержец призвал меня”. И вот они вдвоем вступили во дворец и совершили обычное преклонение.

Так как приближалось время завтрака, император приказал им немного подождать с делами и разделить с ним трапезу. Их развели, один сел по левую сторону стола, другой – по правую, так что братья оказались друг против друга. Через некоторое время, внимательно наблюдая за окружающими, они заметили, как те с мрачным видом перешептываются между собой. Предположив, что рабы что-то замышляют против них и что опасность уже близка, Комнины обменивались тайными взглядами, не зная, что предпринять.

Братья давно ласковыми речами, знаками уважения и всяческим милостивым обхождением расположили к себе всех слуг императора и даже повара заставили приветливо смотреть на себя. К этому повару пришел один из слуг Исаака Комнина и сказал; “Сообщи моему господину о захвате Кизика, оттуда пришло письмо с известием об этом”. Подавая кушанье на стол, повар шепотом передал Исааку сообщение слуги. Исаак же в свою очередь, почти не двигая губами, сообщил это известие брату. Алексей, человек наблюдательный и горячий, на лету схватил это сообщение. Оба они вздохнули с облегчением, избавившись от владевшего ими страха. Придя в себя, они стали размышлять о том, какой держать им наготове ответ, если их кто-нибудь спросит о Кизике, и что уместно посоветовать императору, если тот потребует их совета.

Пока братья раздумывали об этом, император, решив, что они ничего не знают, сообщил им о взятии Кизика. Однако Комнины уже были готовы облегчить душевные страдания императора, причиненные опустошением городов, и подняли павший дух самодержца, утверждая, что город легко может быть возвращен, и внушая ему добрые надежды. “Только, – говорили они, – пусть благоденствует твое владычество, а завоевателей города постигнут в семь раз большие беды, чем те, которые они сами причинили”. Они привели в восхищение императора; отпустив братьев с пира, он без забот провел остаток дня.

С этого времени Комнины вменили себе в обязанность являться во дворец и еще более ублажать лиц, окружавших императора. Они старались не доставлять своим противникам ни малейшего повода, не давать им никакого предлога для вражды; напротив, они хотели всем внушить любовь к себе и заставить в мыслях и в речах держать их сторону. Они старались еще больше расположить к себе императрицу Марию и утверждали, что живут и дышат только ради нее.

Исаак, благодаря тому что был женат на сестре императрицы, мог весьма свободно разговаривать с Марией. Равно и мой отец по праву кровного родственника, а еще больше по причине славного усыновления, имел доступ к императрице; при этом он не вызывал никаких подозрений и сводил на нет зависть недоброжелателей. Для Алексея не являлись тайной ни ненависть к нему рабов-варваров, ни чрезвычайное легкомыслие императора. Комнины старались не потерять расположения императрицы и не сделаться, таким образом, добычей врагов. Ведь легкомысленные нравы изменчивы и, как воды Еврипа⁵¹, подвержены приливам и отливам.

4. Рабы видели, что события развиваются вопреки их желаниям, что погубить Комниных не так-то легко, ибо расположение к ним императора растет с каждым днем. Поэтому, мысленно перебрав различные способы, они в конце концов избрали новый путь. Какой же именно? Они собирались как-нибудь ночью, без ведома императора, призвать к себе Комниных, устранить их на основании заведомо ложного обвинения и выколоть им глаза. Это не укрылось от Комниных. После долгих размышлений братья пришли к выводу, что опасность близка, и решили, что у них одна лишь надежда на спасение – восстание, прибегнуть к которому вынуждают обстоятельства. Ведь что толку ждать, пока их глаз коснется раскаленное железо, погасив в них свет солнца? Такая тайная мысль засела им в душу.

Вскоре Алексей получил приказ ввести в город часть войска, которое должно было выступить против агарян⁵², разоривших Кизик (Алексей был тогда доместиком Запада). Воспользовавшись этим благовидным предлогом, он письмами вызвал всех преданных ему военачальников вместе с их войсками. Вызванные Алексеем военачальники поспешили в столицу. В то время некий человек, по наущению одного из слуг, а именно Борила, явился

во дворец и спросил императора, в согласии ли с его волей великий доместик вводит все военные силы в царственный город. Император тотчас вызвал к себе Алексея и спросил, соответствует ли этот донос действительности. Алексей не отрицал того, что часть войска собирается по его приказанию, но решительно отвергал, что все оно целиком стекается со всех сторон в столицу. “Войско, – сказал он, – расположено в разных местах, и его отряды, получив приказ, отовсюду движутся сюда. Люди же, видя, как отряды прибывают из различных частей Ромейской державы, были обмануты этим зрелищем и решили, якобы здесь по уговору собирается все войско”. И хотя Борил приводил много разных доводов против этих слов, Алексей, который говорил убедительнее, склонил всех на свою сторону. Герман же – человек простоватый – не слишком нападал на Алексея.

Так как их наветы на доместика не произвели впечатления на императора, рабы выбрали безопасное время (дело было вечером) и стали готовить Комниным засаду. Вообще рабы по природе своей враждебны господам, когда же козни против господ им не удаются, они, приобретя власть, выступают против своих сотоварищей-рабов и становятся невыносимыми. Что их нрав и характер именно таковы, Алексей Комнин убедился на примере упомянутых рабов. Ведь они ненавидели Комниных отнюдь не из любви к императору. Борил, как утверждали некоторые, сам мечтал о троне, Герман же был его сообщником и ревностно помогал ему строить козни. Они обсуждали друг с другом свои планы и способы привести их в исполнение и уже открыто высказывали то, о чем раньше говорили вполголоса.

Их беседу подслушал один человек, родом алан, по сану магистр⁵³, который издавна был близок к императору и принадлежал к числу его домашних⁵⁴. В среднюю стражу ночи⁵⁵ он выходит из дворца, бежит к Комниным и сообщает обо всем великому доместику. Некоторые же утверждают, что магистр явился к Комниным отнюдь не без ведома императрицы. Алексей приводит магистра к матери и брату. Выслушав это ужасное известие, они решили сделать явным то, что до тех пор сохранялось в тайне, и с божьей помощью позаботиться о своем спасении.

Книга III

3. ...Моя мать, императрица Ирина, была в то время еще очень юной: ей не исполнилось тогда и пятнадцати лет. Она была дочерью Андроника, старшего сына кесаря, происходила из знатной семьи и возводила свой род к знаменитым Андронику и Константину Дукам⁵⁶. Она была подобна стройному, вечноцветущему побегу, части и члены ее тела гармонировали друг с другом, расширяясь и сужаясь где нужно. Приятно было смотреть на Ирину и слушать ее речи, и поистине нельзя было насытить слух звучанием ее голоса, а взор ее видом. Лицо ее излучало лунный свет; оно не было совершенно круглым, как у ассирийских женщин, не имело удлиненной формы, как у скифянок, а лишь немного отступало от идеальной формы круга. По щекам ее расстился луг, и даже тем, кто смотрел на нее издали, он казался усеянным розами. Голубые глаза Ирины смотрели с приятностью и вместе с тем грозно, приятностью и красотой они привлекали взоры смотрящих, а таившаяся в них угроза заставляла закрывать глаза, и тот, кто взирает на Ирину, не мог ни отвернуться, ни продолжать смотреть на нее. Я не знаю, существовала ли на самом деле воспетая древними поэтами и писателями Афина, но мне часто приходится слышать, как передают и повторяют следующее: не был бы далек от истины тот, кто назвал бы в то время императрицу Афиной, которая явилась в человеческом облике или упала с неба, окруженная небесным сиянием и ослепительным блеском. Еще более удивительным ее качеством, которого нельзя найти ни у какой другой женщины, было то, что она могла одним своим взглядом смирить дерзость мужей и вдохнуть мужество в людей, охваченных страхом. Уста ее большей частью были сомкнуты, и, молчащая, она поистине казалась одухотворенной статуей красоты, живым изваянием гармонии. Во время же речи ее рука, двигаясь в такт словам, обнажалась до локтя, и казалось, что ее пальцы и руки неким мастером выточены из слоновой кости. Зрачки ее глаз напоминали спокойное море и светились синевой морских глубин. Белки ее глаз блистали вокруг зрачков, распространяя необоримую прелесть и доставляя взору невыразимое наслаждение. Таков был облик Ирины и Алексея.

Как я говорила, мой отец, придя к власти, взял на себя труды и тяготы войны, так что матери оставалось лишь наблюдать за битва-

ми со стороны; ее он сделал госпожой, а сам как раб повторял и исполнял отданные ею приказания. Император чрезвычайно любил свою мать и ни в чем не отступал от ее воли (вот каким любящим сыном был Алексей!). Свою десницу сделал он слугой желаний матери, подчинил слух ее голосу и принимал или отвергал все то, что принимала или отвергала его мать. Положение было таково, что он обладал только внешними признаками власти, она – самой властью. Она издавала законы, распоряжалась и управляла всем, а он лишь утверждал ее письменные и устные распоряжения, первые – рукой, вторые – голосом; он был для нее, как говорится, инструментом власти, а не самим властителем. Он был доволен всем, что она решала и определяла, не только потому, что подчинялся ей как матери, но и потому, что считался с ней как со знатоком искусства властвовать. Ведь Алексей был убежден, что она во всех областях достигла совершенства и намного превосходит людей своего времени умом и умением вести дела.

8. Таким был пролог царствования Алексея, ведь в это время его едва ли можно было с полным правом назвать самодержцем, ибо самодержавная власть им самим была отдана матери. Пусть кто-нибудь другой, следуя правилам энкомия⁵⁷, воздаст хвалу отечеству этой удивительной матери и ее роду, который она вела от знаменитых Адриана Далассина и Харона⁵⁸, и пусть он направит ладью своего повествования по морю достоинств ее предков. Мне же, пишущей историю, следует характеризовать ее не по роду и крови, а по нраву, добродетели и тем качествам, которые должны интересовать историка. Вновь возвращаясь к матери Комниных, следует сказать, что ее достоинства могли сделать честь не только женщинам, но и мужчинам, и сама она была украшением человеческой природы. Она изменила к лучшему и привела в похвальный порядок женскую половину дворца, которая с момента пришествия к власти известного Мономаха⁵⁹ и до самого воцарения моего отца пребывала в разврате и предавалась распутству. Можно было видеть, как во дворце тогда установился похвальный распорядок, ибо императрица отвела определенное время для исполнения божественных гимнов, для трапезы и для приема чиновников и сама служила всем примером в соблюдении этого

распорядка; дворец в это время, казалось, скорее походил на святой монастырь.

Такой была эта необыкновенная и поистине святая женщина. Как солнце превосходит звезды, так и она своим целомудрием превосходила издавна прославленных и воспетых женщин древности. А какими словами описать ее жалость к беднякам и щедрость к нуждающимся? Ее дом был пристанищем для всех бедных родственников, для всех чужестранцев. Священников и монахов она особенно почитала, приглашала их к себе обедать и никогда не садилась за стол без монахов. Ее наружность, зеркало ее души, говорила о почтении к ангелам и страшила самих демонов; люди неразумные и падкие до наслаждений не смели даже взглянуть на нее, а целомудренным она казалась ласковой и приветливой. Она знала меру сдержанности, серьезности, так что ее сдержанность не переходила в дикую свирепость, а мягкость – в распущенность и невоздержанность; скромность была свойственна ей как раз в той степени, в какой человеколюбие соединяется с величием души. Она была склонна к размышлениям и постоянно обдумывала новые замыслы – не губительные, как шептались некоторые, для общего блага, а, напротив, спасительные, которые должны были в прежней целостности возродить идущее к гибели государство и, насколько можно, восстановить пришедшее в упадок благосостояние. Занимаясь управлением государством, она нимало не пренебрегала монашескими занятиями и большую часть ночи пела священные гимны, истощая себя бодрствованием и усердной молитвой. Утром же, иногда со вторыми петухами, она приступала к управлению государством, занималась приемом государственных чиновников, разбирала просьбы обращающихся за помощью; секретарем у нее был Григорий Генесий. Если какой-нибудь оратор пожелал бы сочинить на эту тему энкомий, каких бы только древних знаменитых и славных своей добродетелью людей обоего пола не оттеснил бы он на второе место, для того чтобы, как это принято у составителей энкомиев, эпихейремами, энтимемами, сравнениями с другими людьми превознести до небес ту, которую хвалит. Однако рамки исторического сочинения не дают такой возможности его автору, поэтому, если я, ведя речь об этой императрице, о великом говорю не так, как оно того заслуживает, пусть не скажет слова осуждения никто из тех, кто знает ее добродетель, величие во

всем и остроту ума. Мне же следует вернуться в своем повествовании назад, ибо, говоря об императрице, я немного отклонилась от темы.

Итак, управляя, как я уже говорила, империей, она не посвящала весь свой день мирским заботам, но исполняла положенные уставом службы в святом храме мученицы Феклы⁶⁰, храме, который построил ее деверь самодержец Исаак Комнин по следующей причине.

Когда вожди даков⁶¹, не желая соблюдать мир, в давние времена заключенный с ромеями, вероломно нарушили его и это стало известно савроматам⁶² (древние их называли мизийцами), последние также не пожелали спокойно оставаться в своих пределах (прежде они жили на землях, которые отделяет от Ромейской державы река Истр). И вот савроматы внезапно снялись со своих мест и переселились на нашу землю. Причиной их переселения была непримиримая вражда гетов⁶³, которые граничили с ними и совершали на них разбойничьи набеги. Вот почему они, дождавшись времени, когда Истр покрылся льдом⁶⁴, как по суше перешли по нему через реку всем народом, перебрались на нашу сторону, всей своей тяжестью навалились на наши пределы и стали безжалостно грабить соседние города и земли. Услышав об этом, император Исаак решил занять Триадицу⁶⁵; так как он к этому времени успел сорвать направленные против него планы восточных варваров⁶⁶, то и это дело ему удалось совершить без особого труда. Исаак собрал все свое войско и отправился по дороге на Триадицу с целью изгнать савроматов из ромейских пределов. Он выстроил боевые порядки и во главе всего войска выступил против варваров. Когда последние увидели его, в их лагере начались раздоры. Исаак же, не слишком доверяя противнику, во главе сильной фаланги набросился на самую сильную и стойкую часть войска варваров, которые пришли в ужас от вида приближающегося императора и его войска. Варвары не осмелились даже взглянуть на этого громовержца, а, увидев сомкнутый строй его войска, рассеялись в разные стороны. Отступив немного, они предложили ему сразиться на третий день, но в назначенное время снялись с лагеря и обратились в бегство. Исаак, прибыв на место их лагеря, разрушил палатки, забрал обнаруженную там добычу и победителем отправился в обратный путь.

Книга V

2. ...Алексей неоднократно терпел на войне поражения, бесчисленное число раз вновь нападал на кельтов и, наконец, с божьего соизволения, вернулся, увенчанный победой⁶⁷. Вскоре император, однако, узнал, что на него надвигается туча других врагов (я имею в виду скифов)⁶⁸. И вот по тем же причинам начался новый сбор денег (Алексей в то время находился в столице). На этот раз Лев еще более бесстыдным образом оскорбил самодержца. Усиленному обсуждению подвергся тогда вопрос о святынях, и Лев стал учить, что мы должны почитать святые иконы не относительно, а служебно⁶⁹. Некоторые его доводы имели благовидные основания и были достойны человека, носившего сан епископа, другие же были совершенно неправильны, и я не знаю, приводил ли он их из вражды к императору или же по невежеству. Ведь он не мог ясно и точно высказать свою мысль, ибо был совершенно неискусен в словесности. Лев под влиянием подстрекавших его злобных людей, коих немало было тогда в государстве, стал нагло клеветать на императоров, несмотря на то что император просил его переменить свое мнение об иконах, отказаться от ненависти к нему, обещая отдать святым церквям еще более ценную утварь и сделать все необходимое для возмещения ущерба (а ведь Алексея уже освободили от вины наиболее достойные члены синода, которых приверженцы халкидонца называли лъстецами). Поэтому он был осужден и лишен должности⁷⁰.

3. ...Между тем германский король, сдерживая данные самодержцу обещания, готовился вступить в Лонгивардию. Узнав об этом, Роберт спешил прибыть в Рим, чтобы объединиться там с папой и не дать германцу достичь цели. Когда папа дал свое согласие, они оба выступили против германца. В это время торопившийся напасть на Лонгивардию король получил сведения о самодержце, о том, что тот потерпел сокрушительное поражение, что одна часть его воинов стала жертвой вражеских мечей, другая рассеялась во все стороны, что сам он подвергся большой опасности; храбро сражаясь, получил несколько тяжелых ран и сверх ожиданий спасся благодаря своей отваге и мужеству. Поэтому король повернул назад и отправился на родину, почитая победой уже то, что без надобности не подверг себя опасности.

Итак, король отправился домой. Роберт же, прибыв в его лагерь, не пожелал сам продол-

жать преследование, а выделил большую часть своего войска и послал его в погоню за германцем. Сам же он, забрав всю добычу, вместе с папой направился в Рим. Он утвердил папу на его престоле и сам получил от него благословение. Затем Роберт вернулся в Салерно, чтобы отдохнуть от тяжелых воинских трудов.

4. Вскоре к нему явился Боэмунд, на лице которого было написано поражение. Как его постиг этот удар судьбы, я сейчас расскажу. Помня наставления отца, да и вообще будучи человеком воинственным и храбрым, Боэмунд вступил в упорную борьбу с императором. Со своим войском, а также с отборными ромейскими воинами и правителями захваченных Робертом областей и городов (отчаявшись в успехе самодержца, они безоговорочно перешли на сторону Боэмунда), он через Ваинитию прибывает в Янину. Прежде всего он велел вырыть ров среди находящихся за городом виноградников, расположил все войско в удобных местах, а свою палатку разбил внутри города. Он осмотрел стены и, увидев, что акрополь крепости находится в плохом состоянии, не только поспешил, насколько было возможно, исправить его, но построил также еще один хорошо укрепленный акрополь в другой части стены, где ему показалось удобным. Вместе с тем Боэмунд подверг грабежу соседние земли и города.

Узнав об этом, самодержец немедленно собрал все свое войско, в мае месяце поспешно выступил из Константинополя и подошел к Янине. Когда же настал час битвы, Алексей увидел, что его войско не составляет и ничтожной части сил Боэмунда. Зная из опыта войны с Робертом, как трудно выдержать первый натиск кельтской конницы, он счел необходимым послать сначала небольшое число отборных пельтастов, чтобы завязать перестрелку с врагом. Он хотел таким путем получить представление о военном искусстве Боэмунда и, вступая в мелкие стычки, выяснить общую ситуацию, чтобы затем уже с уверенностью выступить против кельтов...

5. ...Призвав к себе стратигов, начальников и всех своих родственников, Алексей открыл совет и стал спрашивать мнение каждого. Затем он изложил им свой план, заключающийся в том, чтобы передать все отряды родственникам. Главнокомандующими же он назначил Никифора Мелиссина и Василия Куртикия, которого называли также Иоаннаки (это знатный муж, родом из Адрианополя,

знаменитый своим мужеством и военным искусством). Алексей передал им не только отряды, но и все императорские знамена. Он приказал построить войска таким строем, какой применял в предыдущих битвах, и велел сначала обстрелять передовые ряды латинян, а затем всему войску с боевым криком броситься на врага. Уже сойдясь щитом к щиту с врагом и вступив в рукопашный бой, они должны были обратить тыл и сделать вид, что стремительно отступают к Ликостомии. В то время как император отдавал эти приказания, неожиданно по всему войску раздалось ржание коней. Изумление охватило всех присутствующих, но император и вообще люди проницательные расценили это как доброе предзнаменование.

Отдав такие распоряжения, Алексей оставил войско справа от крепости Ларисса, а сам дождался захода солнца, приказав нескольким доблестным мужам следовать за ним, прошел через Ливотанийское ущелье, обогнул Ревеник и через так называемую Аллагу подошел с левой стороны к Лариссе. Он осмотрел местность и, заметив низину, засел там в засаде вместе со своими спутниками. Когда император, торопясь, как выше говорилось, устроить засаду, уже собирался войти в Ливотанийское ущелье, начальники ромейских отрядов выделили часть своих воинов и отправили их против кельтов, чтобы отвлечь на себя врага и не дать ему возможности выследить императора. Эти воины, спустившись на равнину, напали на кельтов, долгое время вели бои и отступили лишь тогда, когда ночь уже не позволяла сражаться. Император же, прибыв в назначенное место, приказал всем спешиться, опуститься на колени и держать коней за уздечки. И сам он, найдя кустик чебреца, склонился к нему и, держа в руках узду, пролежал вниз лицом остаток ночи.

6. С восходом солнца Боэмунд увидел построенные в фаланги ромейские отряды, царские значки, копья, усаженные серебряными гвоздями, и коней, покрытых царскими пурпуровыми седлами. Тогда он и сам, как смог, выстроил против них свое войско и, разделив его на две части, встал во главе одной из них, а командование другой поручил Бриену (это знатный латинянин, которого называли также “коннетаблем”). Построив таким образом войска, он вновь поступает по своему обычаю: считая, что в том месте, где он увидел царские знамена, находится и самодержец, увлеченный ложной догадкой Боэмунд с быстротой

молнии бросается на врага. Ромеи после недолгого сопротивления обратили тыл, и Боэмунд погнал их в своем неудержимом натиске так, как уже было описано раньше.

Тем временем император, видя, как далеко бегут его отряды и как неудержимо преследует ромейские отряды Боэмунд, предположил, что Боэмунд уже находится на значительном расстоянии от своего лагеря. Он сел на коня, приказал сделать то же самое своим воинам и подъехал к лагерю Боэмунда. Войдя туда, он убил многих оказавшихся там латинян и взял добычу. Затем Алексей посмотрел на преследователей и отступающих и увидел, что ромеи очень естественно изображают отступление, а Боэмунд и за ним Бриен их преследуют. Император подозревал славного стрелка Георгия Пирра и других доблестных мужей, выделил большой отряд пельтастов и приказал им быстро последовать за Бриеном, но, настигнув его, не вступать в рукопашный бой, а непрерывным дождем стрел издали осыпать коней. Они сделали это и, приблизившись к кельтам, стали не переставая метать стрелы в их коней, так что всадники оказались в отчаянном положении. Ведь любой кельт, пока он сидит на коне, страшен своим натиском и видом, но стоит ему сойти с коня, как из-за большого щита и длинных шпор он становится неспособным к передвижению, беспомощным и теряет боевой пыл. Как я полагаю, именно на это и рассчитывал император, отдавая приказ поражать стрелами не всадников, а коней. И вот, кельтские кони стали падать на землю, а воины Бриена закружились на месте. От этого громадного круговорота поднялся до неба большой и плотный столб пыли, который можно сравнить лишь с павшей некогда на Египет крошечной тьмой: густая пыль застилала глаза и не давала узнать, откуда летят стрелы и кто их посылает.

Отправив трех латинян к Боэмунду, Бриен сообщил ему обо всем случившемся. Послы прибыли к Боэмунду, когда он с несколькими кельтами стоял на островке реки Саламврия, ел виноград и спесиво хвастался. Его слова передаются из уст в уста и служат предметом насмешек до сих пор; коверкая по-варварски слово “Ликостомий”, он несколько раз повторил: “Я загнал Алексея в волчью пасть”. Вот до какой степени самомнение ослепляет людей, не давая им видеть, что происходит у них перед глазами.

Когда Боэмунд выслушал сообщение послов Бриена и узнал о хитрости самодержца, кото-

рый обманом одержал победу, он, как и следовало ожидать, огорчился, но не пал духом (таким был этот муж). И вот несколько специально отобранных кельтов-катафрактов Боэмунда поднялись на холм, расположенный напротив Лариссы. Ромейские воины заметили их и возгорелись страстным желанием напасть на кельтов, самодержец удерживал их от этой затеи. Тем не менее много воинов, которые собрались из разных отрядов, поднялись на холм и напали на кельтов. Они, однако, тотчас обрушились на ромеев и убили около пятисот воинов. Затем император, догадавшись о месте, через которое должен был пройти Боэмунд, отправил туда своих доблестных воинов вместе с турками и Мигидином во главе, но Боэмунд, когда те приблизились, напал на них, вышел из боя победителем и преследовал их до реки.

7. На рассвете следующего дня Боэмунд вместе с сопровождавшими его графами, а в их числе был и Бриен, переправился через упомянутую уже реку. Вблизи Лариссы он увидел болотистое место и нашел поросшую лесом долину между двумя холмами, под названием “Дворец Доменика”, которая оканчивалась узким проходом (его называют клисурой); через этот проход он вошел в долину и разбил там лагерь. На другое утро к нему подошел со всем войском фалангарх Михаил Дука – мой дядя по материнской линии, человек выдающегося ума, красотой и ростом превосходивший не только своих современников, но и вообще всех живших когда-либо на земле (изумление охватывало каждого, кто смотрел

на него). Мой дядя обладал неподражаемым искусством предвидеть события, принимать нужные решения и претворять их в дело.

Согласно приказу самодержца, войско Михаила не должно было целиком входить в устье клисуры, ему надо было расположить воинов снаружи отрядами, а затем, выбрав искусных стрелков из числа турок и савроматов⁷¹, ввести их туда, однако запретить пускать в ход какое-либо оружие, кроме стрел. Когда они вошли в долину и на конях набросились на латинян, оставшиеся снаружи, одержимые воинским пылом, стали оспаривать друг у друга право войти в теснину. Боэмунд же, искусный военачальник, приказал своим воинам стоять сомкнутым строем, огородить себя щитами и не двигаться с места. Протостратор⁷², со своей стороны, видя, что его воины один за другим исчезают и входят в проход, вошел туда и сам. Боэмунд увидел их и, говоря словами Гомера, “радостью вспыхнул, как лев, на добычу нежданно набредший”⁷³. Своими глазами видя воинов с протостратором Михаилом, Боэмунд со всем войском в неудержимом натиске набрасывается на них, и они тотчас обратили тыл. Уза (его имя происходит от названия племени), человек, прославившийся мужеством и умеющий, как говорится у Гомера, “справа и слева держать щит, бычьей обтянутый кожей”⁷⁴, вышел из ущелья, направился вправо и, резко обернувшись назад, ударил первого подвернувшегося ему латинянина. Тот сразу же вниз головой рухнул на землю...

Книга VI

3. Между тем император вернулся в царицу городов, где от него не укрылись сплетни, которые распространяли о нем на перекрестках и в закоулках. Слушая их, Алексей терзался душой, ибо не сделал и сотой доли того, что возводили на него злые языки. Ведь он прибег к этой мере в период крайней нужды, когда мир сотрясаясь и Алексей попал в затруднительное положение из-за того, что императорская казна была пуста. Он считал это займом, а не грабежом и злым умыслом тирана, как утверждали клеветники. К тому же у Алексея было намерение после успешного окончания предстоящих ему войн отдать церквям взятые у них ценности.

Вернувшись в царицу городов, он не мог снести того, что стал предметом разговоров людей, вкривь и вкось толкующих его поступки, поэтому созвал во Влахернском двор-

це собрание и великий синедрион, желая предстать там сначала в качестве обвиняемого и, таким образом, оправдать свои действия. И вот собрался весь синклит, военачальники и священническое сословие, которые с нетерпением ожидали, чем станет заниматься это большое собрание. А состоялось там не что иное, как расследование клеветнических слухов относительно императора. На этом собрании присутствовали попечители святых монастырей, перед ними находились книги (называемые “бревиями”), в которых были записаны сокровища каждого храма. Внешне казалось, что сидящий на троне император был судьей, на самом же деле он сам собирался предстать перед следствием. И вот стали выяснять, какие пожертвования святым обителям издавна совершались разными лицами и что затем было оттуда взято, в том числе са-

ним самодержцем. Когда же стало очевидным, что ничего не было взято, кроме золотых и серебряных украшений с гробницы императрицы Зои и другой немногочисленной и почти не употреблявшейся для службы утвари, самодержец открыто объявил себя обвиняемым и предложил любому из присутствующих быть его судьей. А через некоторое время он уже другим тоном сказал:

“Я застал государство, окруженное со всех сторон варварами, не имевшее сил оказать сопротивление врагам, которые наседали на него. Вы знаете, какие опасности я пережил, едва не став жертвой варварского меча. Ведь враги, наступавшие со всех сторон, во много раз превосходили нас своей численностью. Вам известно о вторжениях персов и набегах скифов, и вы не забыли о копьях, которые точили против нас в Лонгивардии. Не было ни денег, ни оружия, а круг наших владений сузился, можно сказать, до неделимого центра. В то же время вы знаете, насколько с тех пор увеличилось наше войско, как оно было обучено, собрано отовсюду и спаяно в единое целое. Вы также знаете, что для всего этого потребовалось много денег, что все взятое в церквях было, как говорил знаменитый Перикл, “употреблено на необходимые цели” и истрачено ради поддержания вашей чести. А если некоторым недовольным кажется, что я поступил вопреки канонам, то в этом нет ничего удивительного. Ведь мы знаем, что и царственный пророк Давид, поставленный перед той же необходимостью, вкусил вместе со своими воинами святых хлебов, хотя и не позволено было мирянину касаться пищи, предназначенной для священнослужителей. Кроме того, следует заметить, что священные каноны в некоторых случаях допускают продажу священной утвари ради выкупа пленных. Если же я, в то время как наша земля была поработана и висела угроза захвата городов и самого Константинополя, вынужден был посягнуть на небольшое количество утвари, являющейся священной, и воспользоваться ею для освобождения пленников, то этим я не доставил зложелателям никакого повода для сколько-нибудь обоснованных обвинений”. После этих слов он переменял характер своей речи, объявил себя виновным и стал осуждать самого себя. Затем он приказал вновь раскрыть бривии, чтобы стало ясным, сколько утвари было взято. Алексей сразу же распорядился, чтобы чиновники податного ведомства выплачивали секрету Антифонита

значительную сумму денег. Это и до сих пор остается незыблемым, ибо там находится гробница упомянутой императрицы. Он приказал также каждый год из императорской сокровищницы выплачивать Халкопратийской церкви такую сумму, которой бы хватило на жалование людям, певшим в божественном храме Богоматери.

4. В это время был раскрыт заговор против самодержца, составленный вождями синклита и высшими командирами войска. Об этом донесли самодержцу, и нашлись обвинители, которые уличили соучастников этого заговора. Хотя козни заговорщиков были раскрыты и по закону им полагалось тяжкое наказание, самодержец предпочел не подвергать их этому наказанию, а только конфисковать имущество и сослать главных виновников, ограничив этим кару за участие в заговоре.

Но пусть мой рассказ вернется туда, откуда он отклонился. Когда самодержец был возведен Никифором Вотаниатом в должность доместика, он взял в число приближенных к себе слуг некоего манихея Травла. Он удостоил его святого крещения и сочетал браком с одной из служанок императрицы. У Травла было четыре сестры. Узнав, что они вместе с остальными изгнаны из своих жилищ, лишены всего имущества и заключены под стражу, он очень огорчился и, не будучи в силах стерпеть это, стал раздумывать, каким образом ему избавиться от власти самодержца. Его супруга, узнав о намерениях мужа и видя, что он собирается бежать, сообщила об этом тому, кто ведая делами манихеев. Ее донос не остался тайной для Травла, который созвал к себе вечером всех тех, кому успел открыть тайну. Родственники Травла собрались у него и отправились в Белятово (это городок, расположенный на вершине холма, который возвышается над находящейся у Белятово долиной). Найдя город совершенно лишенным жителей, они сочли его как бы своей собственностью и обосновались в нем. Оттуда они ежедневно совершали набеги, достигали даже своего родного Филиппополя и возвращались с большой добычей.

Но Травл не ограничился этим: он заключил договор с обитавшими в Паристрии скифами⁷⁵, привлек на свою сторону правителей Главиницы, Дристры и прилежащих к ним областей, обручился с дочерью одного знатного скифа, стараясь всеми силами досаждать самодержцу вторжениями скифов. Император ежедневно получал сведения о Травле и в

предвидении будущего старался письмами и обещаниями привлечь его на свою сторону, ибо предчувствовал то зло, которое может причинить ему этот человек. Алексей даже составил и отослал хрисовул, гарантирующий Травлу безопасность и полную свободу. Но “не научился рак прямо ходить”. Каким он был раньше, таким остался и теперь: старался привлечь на свою сторону скифов, еще большее их число приглашал к себе из их мест и грабил все соседние земли.

11. ...Как я говорила с самого начала, Алексей, отправляя войско властителю Никеи Абуль-Касиму, имел целью не избавить его от опасности, а добыть победу для самого себя. Но судьба не благоприятствовала этому. Дела самодержца сложились следующим образом. Когда посланные им воины прибыли к городку, названному по имени кира Георгия, турки немедленно открыли им ворота. Воины поднялись к зубцам стены, находящейся над восточными воротами, составили знамена и скипетры, сопровождая свои действия боевыми криками. Находившиеся за стеной были уstraшены и, решив, что пришел сам самодержец, ушли оттуда. Тогда ромейское войско возвратилось в царственный город, ведь силы ромеев были недостаточны для того, чтобы встретить ожидаемое нашествие персов из внутренних областей Турецкого царства.

12. Между тем султан, который ожидал возвращения Чауша, понял, что тот медлит, и узнал обо всех поступках последнего: о том, как Чауш хитростью изгнал Харатика из Синопа, принял святое крещение и, облеченный властью дуки Анхиала, был отправлен самодержцем на Запад. Это очень раздосадовало и огорчило султана. И вот он решает отправить Бузана с войском против Абуль-Касима и передать с ним для самодержца письмо относительно брачного союза. Это письмо содержало следующее: “Я слышал, о император, о твоих делах: о том, как ты, только приняв власть над империей, с самого начала был вовлечен в многочисленные войны, о том, что скифы стали готовиться выступить против тебя, когда ты не успел еще утихомирить латинян, о том, что эмир Абуль-Касим нарушил твой договор с Сулейманом и опустошает всю Азию до самого Дамалиса. Если же ты желаешь, чтобы Абуль-Касим был изгнан из этих областей и чтобы Азия и Антиохия перешли под твою власть, отправь ко мне свою дочь в невесты моему старшему сыну. Если ты это сделаешь, то в будущем не встретишь на своем пути ни-

каких препятствий; благодаря мне с помощью войск, которые я тебе отправлю, ты легко добьешься своих целей не только на Востоке, но и в Иллирике и на всем Западе, и никто впредь не осмелится выступить против тебя”. Это о персидском султানে.

13. ...император Алексей был истинно святым человеком; как в отношении своей добродетели, так и речи, он был, можно сказать, высшим жрецом всяческого благочестия. Он был выдающимся учителем нашей догмы, обладал рвением и речью апостола и хотел обратиться в нашу веру не только кочевников-скифов, но и всю Персию, а также варваров, которые населяют Египет и Ливию и справляют таинства Магомета.

14. Однако достаточно об этом. Я желаю рассказать о нападении на Ромейскую державу, которое было страшнее и грандиознее предыдущего, и возвращаю свой рассказ к началу⁷⁶, ибо вражеские нашествия, подобно морским волнам, следовали одно за другим. Одно из скифских племен⁷⁷, которое подвергалось постоянным грабежам со стороны савроматов⁷⁸, снялось со своих мест и спустилось к Данувии. Скифам нужно было заключить договор с жившими по Данувии племенами, и они с общего согласия вступили в переговоры с их вождями: Татушем, по прозвищу Хали⁷⁹, Сеславом и Сацой⁸⁰ (нужно упомянуть имена этих предводителей, хотя они и оскверняют мою историю). Первый из них владел Дристрой, остальные – Вичиной⁸¹ и другими городами. Заключив с ними договор, скифы свободно переправились через Данувий, стали грабить соседние земли и захватили несколько городков. В дальнейшем, немного утихомирившись, они стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу.

Между тем манихей Травл со своими товарищами и теми единомышленниками, которые захватили городок на холме Белятово и о которых я раньше рассказывала подробнее, узнав о действиях скифов, произвели на свет то, что давно вынашивали в себе: они заняли крутые дороги и теснины, пригласили к себе скифов и стали грабить территорию Ромейского государства. Ведь манихеи по своей природе весьма воинственны и, как псы, постоянно жаждут упиться человеческой кровью.

Получив об этом известие, император Алексей приказал взять войско и выступить против скифов доместику Запада Бакуриани, которого он знал как человека, вполне способного руководить войском, строить его в фа-

ланги и весьма искусного в боевых маневрах. Вместе с ним должен был отправиться Врана, также человек весьма воинственный. Бакуриани подошел к скифам тогда, когда они, пройдя через теснины, расположились лагерем у Белятово. Видя многочисленность врага, он воздержался от битвы, считая, что лучше в настоящее время без боя сохранить в целости свое войско, чем потерпеть поражение в бою со скифами и понести большие потери. Однако это решение не понравилось отважному и дерзкому Вране. Доместик, дабы на него не пало подозрение, что он из трусости откладывает битву, уступил настояниям Враны, приказал всем воинам вооружиться, построил их в боевые порядки, взял на себя командование центром фаланги и выступил против скифов. Так как ромейское войско не составляло и малой части вражеских сил, все воины пришли в ужас от одного вида противника. Тем не менее они напали на скифов; в сражении многие из них были убиты, пал и получивший смертельную рану Врана. Доместик яростно сражался, с силой набрасывался на врага, но удавился о дуб и тотчас же испустил дух.

Узнав об этом, самодержец стал оплакивать павших: каждого в отдельности и всех вместе. Более всего горевал он, проливая потоки слез, о смерти доместика, ведь Алексей горячо любил этого человека, еще до того как стал императором. И тем не менее Алексей не пал духом от поражения: он призвал к себе Татикия, снабдил его большой суммой денег и отправил в Адрианополь с приказом заплатить воинам годовое жалованье и собрать отовсюду военные силы, чтобы, таким образом, вновь сколотить сильное войско. Умбертопулу же он приказал оставить в Кизике сильный гарнизон и с одними кельтами немедленно явиться к Татикию.

Татикий, увидев латинян вместе с Умбертопулом, воспрянул духом и, так как ему и самому удалось собрать сильное войско, тотчас выступил против скифов. Подойдя к окрестностям Филиппополя, он располагается лагерем на берегу реки, которая протекает у Блисна⁸². Когда же Татикий увидел скифов, возвращающихся из набега с большой добычей и многочисленными пленниками, он, не успев еще сгрузить в лагере снаряжение, выделил из своего войска сильный отряд и послал его против скифов. Затем он вооружился сам, приказал облачиться в доспехи всем своим воинам, построил фаланги и выступил вслед за посланным отрядом. Заметив, что

скифы с добычей и пленниками соединились с остальным скифским войском на берегу Гебра⁸³, Татикий разделил свое войско на две части, приказал на обоих флангах поднять боевой клич и с воинственными возгласами и громкими криками напал на варваров. В завязавшейся жестокой битве большинство скифов было убито, но многие рассеялись в разные стороны и спаслись. Забрав всю добычу, Татикий победителем вступил в Филиппополь.

Расположив там все войско, он стал раздумывать, с какой стороны и каким образом следует ему вновь напасть на варваров. Зная, что их силы неисчислимы, Татикий разослал во все стороны наблюдателей, чтобы от них постоянно получать сведения о скифах. Возвратившись назад, наблюдатели сообщили, что великое множество варваров находится у Белятово и опустошает окрестности. Татикий ожидал прихода скифов, но, не имея достаточно сил, чтобы противостоять такой массе врагов, находился в полном смятении чувств и не знал, что предпринять. Тем не менее он оттачивал свое оружие и вдохновлял войско к битве. Между тем к Татикию явился некто, кто сообщил о приближении варваров, утверждая, что они находятся уже недалеко.

Татикий сразу же взял оружие, вооружил все войско, немедленно переправился через Гебр, расположил по отрядам фаланги, выстроил их для битвы и сам принял командование центром боевого строя. Варвары со своей стороны тоже выстроились в принятый у скифов боевой порядок и установили свои войска для сражения; они, казалось, искали битвы и как бы вызывали на бой противника. Однако оба войска пребывали в страхе и оттягивали схватку: ромеев смущало численное превосходство скифов, скифы же с опаской посматривали на одетых в латы ромеев, на их знамена и сверкающие, как звезды, доспехи. Только дерзкие и отважные латиняне желали первыми вступить в бой и точили на врагов свои зубы и оружие. Однако их сдерживал Татикий, человек уравновешенный, обладавший даром предвидеть события. Оба войска стояли на месте, каждое выжидало, когда другое придет в движение, и ни один воин ни с той, ни с другой стороны не осмеливался выехать на середину. Когда солнце уже клонилось к закату, оба полководца вернулись в свои лагеря. То же самое повторялось два следующих дня: полководцы готовились к бою, ежедневно выстраивали боевые порядки, но ни один не ос-

меливался вступить в бой. На третье утро скифы отступили. Когда Татикий узнал об этом, он сразу же погнался за скифами, как говорится, “пеший за лидийской колесницей”⁸⁴. Скифы, однако, успели до него пройти через

Сидиру⁸⁵ (это название одной долины), а Татикий, не застав их там, со всем своим войском вернулся в Адрианополь. Он оставил там кельтов, велел воинам отправляться по домам, а сам с частью войска вернулся в столицу.

Книга VII

1. С наступлением весны главный военачальник скифского войска Челгу (Τζελγου) прошел через расположенную по Данувию долину (он вел за собой примерно восьмидесяти-тысячное смешанное войско, состоявшее из савроматов, скифов и немалого числа дакских воинов, вождем которых был Соломон⁸⁶), и принялся опустошать города. Челгу подошел к самому Хариополю, захватил там большую добычу и явился в место под названием Скотин. Когда об этом узнали Николай Маврокатакалон и Вебециот, получивший это имя от названия своей родины⁸⁷, они вместе со своими войсками прибыли в Памфил⁸⁸. Видя, что поселяне – жители прилежащих областей, – гонимые сильным страхом, собираются в городах и крепостях, оба полководца вышли из Памфила и прибыли вместе со всем войском в городок под названием Кули⁸⁹. За ними двинулись скифы; поняв, куда “метит” ромейское войско (это выражение принято у солдат), они, можно сказать, пошли по его следам.

С наступлением дня Челгу, намереваясь вступить в битву с Маврокатакалоном, построил свое войско. Маврокатакалон же, желая осмотреть варварское войско, вместе с несколькими военачальниками поднялся на гребень возвышающегося над равниной холма. Видя множество варваров, он, хотя и страстно желал боя, решил повременить со сражением, ибо сознавал, что ромейское войско не составляет и малой части варварских сил. Вернувшись назад, Маврокатакалон вместе с командирами войска и самим Иоаннаки⁹⁰ стал раздумывать, следует ли им нападать на скифов. Все военачальники побуждали Маврокатакалона начать бой. Он и сам был склонен к такому решению и поэтому, разделив войско на три части, приказал поднять боевой клич и завязал сражение с варварами. Много скифов было ранено, не меньше убито. Сам Челгу, мужественно сражавшийся и приводивший в замешательство целые фаланги, получил смертельную рану и испустил дух. Большинство же скифов во время отступления попадали в реку, которая протекает меж-

ду Скотином и Кули, и, давя друг друга, утонули.

Одержав блестящую победу над скифами, военачальники императора вернулись в столицу. Они получили от Алексея дары и титулы в соответствии со своими заслугами и отправлялись назад вместе с братом самодержца Адрианом Комниным, который был тогда назначен великим domestikом Запада.

2. Изгнанные, таким образом, из областей Македонии и Филиппополя, скифы вновь вернулись на берега Истра, обосновались там и принялись грабить нашу землю с такой свободой, как если бы она была их собственностью. Это стало известно императору. Он не мог стерпеть, чтобы скифы жили в ромейских пределах, и к тому же опасался, как бы они вновь не проникли через теснины⁹¹ и не нанесли нам еще большего ущерба, чем раньше. Поэтому, хорошо вооружив войско, Алексей прибывает в Адрианополь⁹², а оттуда выступает к Лардею⁹³, который расположен между Диамболем и Голоей⁹⁴. Назначив командующим Георгия Евфорвина, он морем направляет его в Дристру. Самодержец же задержался в Лардее на сорок дней, в течение которых отовсюду собирал войско. Набрав значительную армию, он стал раздумывать, не следует ли ему пройти через теснины и вступить в бой со скифами. “Нельзя, – говорил Алексей, – давать скифам передышки”. Император рассудил совершенно правильно и принял во внимание обычаи варваров: ведь скифские набеги, в какое время года они бы ни начались, не прекращались в следующем и, случаясь, например, летом, не кончались осенью или даже зимой. Это бедствие не было ограничено кругом одного года, в течение нескольких лет скифские набеги приводили в волнение Ромейское государство, я же упомянула лишь о некоторых из них. В рядах скифов не было раскола, несмотря на то, что император неоднократно пытался тем или иным способом привлечь их на свою сторону. Ни один скиф тайно не перешел к императору; настолько непреклонны были они в то время.

Никифор Вриенний и Григорий Маврокатакалон (последнего император за сорок ты-

сяч выкупил из скифского плена) никоим образом не соглашались на войну со скифами в Паристрии. Напротив, Георгий Палеолог, Николай Маврокатакалон и другие цветущие юноши настоятельно побуждали императора пройти через Гем⁹⁵ и сразиться со скифами в Паристрии. С ними заодно были и два сына самодержца Диогена: Никифор и Лев, которые родились в Порфире уже после того, как их отец вступил на престол, и потому были прозваны “порфирородными”. Порфира – это здание императорского дворца, четырехугольное с пирамидальной крышей; выходит оно к морю у пристани, в том месте, где находятся каменные быки и львы⁹⁶; пол его выложен мрамором, стены облицованы драгоценным камнем – не обычным и широко распространенным, а таким, какой прежние императоры привозили из Рима. Камень этот почти весь пурпурного цвета и по всей поверхности, как песчинками, усеян белыми крапинками. Благодаря ему, думается мне, и назвали наши предки это здание Порфирой.

Но возвращаюсь к своему рассказу. Когда труба громкими звуками уже побуждала всех выступить против скифов по дороге через Гем, Вриенний, который всеми силами безуспешно старался отвлечь самодержца от этого предприятия, сказал ему наставительно: “Знай, император, если ты перейдешь через Гем, то узнаешь, чьи кони резвей”. Его спросили, что означают эти слова, и он пояснил: “Когда все обратятся в бегство”. Хотя этому мужу за его мятеж и выкололи глаза, тем не менее его по праву признавали весьма искусным стратегом и умелым полководцем. Тех, кто желает подробнее узнать о том, как этот упомянутый нами Вриенний из-за своего мятежа или бунта против самодержца Вотианата был лишен глаз и как его, когда он был еще зрячим, захватил Алексей Комнин, в то время domestikos западных и восточных войск, и передал Борилу, я отсылаю к великому кесарю⁹⁷. Ведь кесарь, ставший зятем Алексея уже после того, как этот последний взял в свои руки скипетр Ромейского государства, приходился сыном⁹⁸ Вриеннию.

Дойдя до этого места своей истории, я испытываю душевное смятение и преисполняюсь скорбью. Ведь кесарь обладал мудрым умом и проявлял необычайную рассудительность в речах. Сила, быстрота, телесная красота – все прекрасные качества души и тела сочетались в нем и украшали собой этого мужа. Только одного такого, во всех отношени-

ях выдающегося человека, произвела природа и создал Бог. Как Гомер воспел Ахилла среди ахейцев, так можно было бы воздать хвалу и моему кесарю, блиставшему среди рожденных под солнцем людей. Будучи выдающимся знатоком военного дела, кесарь не пренебрегал науками: он читал все книги, погружался в изучение всех областей знания и почерпнул оттуда немало мудрости как нашей, так и не нашей. Позднее он и сам обратился к сочинительству и по приказу госпожи моей матери (я говорю об императрице Ирине) набросал достойное упоминания и чтения произведение, где изложил историю деяний моего отца, совершенных прежде, чем он взял в свои руки бразды правления. В этой книге он подробно повествует о Вриеннии, правдиво рассказывает о несчастьях своего отца и описывает подвиги свекра; он не допускает никакой лжи в рассказах о них, хотя одному был близок по свойству, другому – по крови. Об этом я упоминала в предыдущих главах своей истории.

Скифы заметили, что Георгий Евфорвин с большим войском и флотом движется против них по Истру. Эта река стекает с западных гор, проходит через водопады и пятью устьями впадает в Евксинский Понт. Большая и многоводная, она протекает по обширной равнине и повсюду судоходна: по ней плавают самые большие груженные суда. У этой реки не одно название: в верховьях, у истоков, она именуется Данувием, в низовьях, у устьев, принимает название Истр. И вот со скифской стороны увидели, что по реке плывет Георгий Евфорвин, и узнали о приближении самодержца с большим войском по суше. Сочтя невозможным сражаться одновременно против того и другого врага, скифы стали искать способ избежать грозившей им опасности. Они отправляют с посольством сто пятьдесят человек, которые должны были предложить Алексею мир, вместе с тем в своей речи угрожать ему и, если самодержцу будет угодно согласиться на их просьбы, пообещать по первому требованию явиться к нему на помощь с тридцатью тысячами всадников. Однако самодержец разгадал обман скифов. Он понял, что делают они это предложение лишь с целью избежать нависшей угрозы и, как только окажутся в безопасности, сразу же разожгут из искры ненависти большой пожар. Поэтому император не принял предложения скифов.

Во время беседы с послами к самодержцу подошел один из писцов – некий Николай – и

на ухо шепнул ему: “Сегодня, император, жди солнечного затмения”. Император сомневался, но Николай клятвенно заверил, что не лжет. Тогда самодержец со своей обычной сообразительностью обратился к скифам со словами: “Пусть Бог нам будет судьей; если сегодня на небе появится какое-нибудь знамение, да будет оно для вас знаком, что я по справедливости отвергаю ваше весьма подозрительное предложение; значит, ваши фалангархи просят о мире без серьезных намерений. Если же знамения не будет, то это послужит доказательством ошибочности моей догадки”. Не прошло и двух часов, как солнечный свет затмился и весь диск, закрытый луной, стал невидим⁹⁹. Скифы были поражены; самодержец передал их Льву Никериту (это евнух, с детства воспитанный среди воинов, человек весьма уважаемый) с приказом под усиленной охраной доставить их в царственный город. Никерит с большой охотой отправился в Константинополь.

Но варвары только и мечтали об освобождении: по прибытии в Малую Никею¹⁰⁰ убили ночью стражей, которые небрежно стерегли их, и извилистыми тропами вернулись к тем, кто их отправил с посольством. Никерит, которому еще с тремя воинами едва удалось спастись, прибыл к самодержцу в Голою.

3. Когда император узнал о случившемся, он стал опасаться, как бы эти послы не подняли всю скифскую армию и не напали на него. Он не нуждался, как некогда Атрид Агамемнон, во сне, который побудил бы его к битве¹⁰¹, – напротив, Алексей сам горячо стремился к сражению и, пройдя с отрядами через Сидиру, разбил лагерь у Вичины (это – река, стекающая с соседних гор)¹⁰². В тот день многие воины, отправившись для добычи провианта, отошли на большое расстояние от лагеря и были убиты или взяты в плен. Утром самодержец быстро прибывает в Плиску, а оттуда поднимается на холм, называемый “Симеоновым”¹⁰³ (местные жители зовут его также “Скифским булевтерием”). И вновь воины, которые в поисках провианта удалились на большое расстояние от лагеря, попали в беду.

На следующий день император подошел к реке, протекающей вблизи Дристры, примерно в двадцати четырех стадиях от нее, сложил снаряжение и расположился лагерем. Но скифы неожиданно напали с другой стороны на императорский стан, убили большое число легковооруженных воинов и захватили в плен многих мужественно сражавшихся ма-

нихеев. Во время нападения в войске поднялась большая паника, и беспорядочно бегущие всадники обрушили императорскую палатку. Недоброжелателям самодержца это показалось дурным предзнаменованием. Однако император силами одного из отрядов своего войска отогнал подальше от палатки напавших на него варваров, дабы они вторично не подняли паники в его лагере, затем тотчас же сел на коня, успокоил волнение и в полном порядке выступил с войском по дороге на Дристру (это самый знаменитый среди приистрийских городов), чтобы атаковать город с помощью гелепол.

Принявшись за дело, император окружил город, разрушил с одной стороны стену и со всем войском вступил в Дристру. Два акрополя упомянутого города находились в руках родственников Татуша, сам же он еще раньше покинул Дристру, чтобы заручиться поддержкой куманов и вместе с ними вернуться на помощь скифам. Уходя, он сказал на прощанье своим людям: “Мне точно известно, что император намеревается осадить крепость. Когда он появится на равнине, займите до него самый высокий и удобный холм и разбейте там лагерь. Тогда самодержец не сможет спокойно осаждать крепость: он будет беспокоиться за свой тыл и бояться вас. А вы непрерывно, ежедневно и еженощно высылайте против него воинов”.

Самодержец сообразил, что ему нужно делать, оставил осаду акрополей, отошел оттуда, расположился лагерем у речки, протекающей вблизи Истра, и стал раздумывать, следует ли ему напасть на скифов. Палеолог и Григорий Маврокатакалон стояли за то, чтобы отложить битву с печенегами, и советовали силой овладеть Большой Преславой. “Скифы, – говорили они, – увидят, что мы при оружии и движемся в таком порядке, и не отважатся вступить с нами в битву. Если же всадники осмелятся на бой без повозок¹⁰⁴, то, как вы хорошо знаете, они потерпят поражение и у нас на будущее будет прекрасно защищенное укрепление – Большая Преслава”.

Преслава – это знаменитый город, расположенный на Истре¹⁰⁵; некогда он носил не такое варварское имя, а назывался по-эллински Мегалополем и был таковым не только по названию. Но с тех пор как болгарский царь Мокр¹⁰⁶, его потомки и, наконец, последний представитель болгарской династии (как у иудеев Седекия¹⁰⁷) Самуил¹⁰⁸ стали совершать набеги на западные земли, этот город

приобрел двойное имя: к сохранившемуся греческому названию “большой”¹⁰⁹ добавилось славянское слово, и он стал повсюду называться “Большая Преслава”. “Из такого убежища, – говорили сторонники Маврокатакалона, – мы ежедневно будем обстреливать скифов из луков, будем непрерывно наносить им ущерб и не позволим врагам выходить из лагеря ни за провизией, ни за другими необходимыми припасами”.

В то время, как произносились такие речи, сыновья Диогена Никифор и Лев (они были молоды и еще не испытали горечи поражения) сошли с коней, разнуздали их, прогнали ударами в просо и сказали: “Ничего не опасайся, император, мы сами обнажим акинаки и растерзаем скифов”. Император, человек отважный, предпочитавший всегда первым вступить в бой, не принял во внимание доводов тех, кто пытался отговорить его. Поручив Георгию Куцомиту позаботиться об императорской палатке и обо всем снаряжении, он отправил его в Ветрин¹¹⁰, а войску приказал не зажигать в тот вечер светильников и вообще никаких огней, держать коней оседланными и бодрствовать до восхода солнца. Наутро Алексей выступил из лагеря, разделив войско, построил боевым строем фаланги, объехал и осмотрел армию. Затем он занял место в центре строя, где находились близкие ему по крови и свойству: брат Алексея Адриан, командовавший тогда латинянами, и другие благородные мужи. Левым флангом командовал кесарь Никифор Мелиссин – муж сестры Алексея; правым предводительствовали Кастамонит и Татикий; союзниками – савроматы Уза и Караца. Император выделил шесть воинов, которым поручил охрану своей особы и приказал следить за ним и ни на кого больше не обращать никакого внимания; это были двое сыновей Романа Диогена, имевший давний боевой опыт Николай Маврокатакалон, Иоаннаки, предводитель варягов Намбит и Гул, находившийся еще в услужении у отца Алексея.

Скифы тоже встали в боевые порядки, – ведь они обладают врожденным искусством воевать и строить ряды, – устроили засады, по всем правилам тактики “связали” свои ряды, огородили свое войско крытыми повозками, как башнями, а затем поотрядно двинулись на самодержца и стали издали метать стрелы в наших воинов. Тогда самодержец, построив войско применительно к порядку наступающих отрядов, распорядился, чтобы

гоплиты не выходили вперед и не нарушали сомкнутого строя до тех пор, пока скифы не окажутся на расстоянии, удобном для рукопашного боя, а подождали бы того момента, когда пространство между двумя движущимися друг на друга войсками сократится до “уздечки”, и лишь затем разом бросились на врагов.

Во время этих приготовлений вдалеке показались скифы, двигавшиеся со своими крытыми повозками, женами и детьми. Разразилась битва, длившаяся с утра до вечера; произошла большая резня, в результате которой с той и с другой стороны пало немало воинов. Пал в тот же день и получивший смертельную рану сын Диогена Лев, ибо, налетев на скифов, он дальше чем следует позволил себя увлечь к их повозкам. Брат императора Адриан, которому было доверено командование латинянами, увидев, сколь неудержим скифский натиск, во весь опор бросился к скифским повозкам и после мужественной схватки вернулся назад в сопровождении лишь семи воинов, остальные были либо убиты, либо взяты в плен скифами. Победа еще не склонялась ни на ту, ни на другую сторону, и оба войска продолжали упорно сражаться, когда вдали показались скифские лохаги¹¹¹ во главе тридцатитысячного войска; ромеи, не имея сил сопротивляться столь многочисленному врагу, повернули назад.

Тогда император вышел из рядов войска и остановился; в одной руке у него был меч, в другой он, как знамя, держал омофор Богородицы¹¹². Он стоял, окруженный двадцатью мужественными всадниками, среди которых находились Никифор – сын Диогена, протостратор Михаил Дука – брат Августы, а также ближайшие слуги. К Алексею подбежали три пеших скифа, двое схватили с обеих сторон за узду коня, а третий уцепился за правую ногу императора. Алексей тотчас отрубил руку одному из скифов, на другого замахнулся акинаком и грозным криком обратил его в бегство; скифа же, который держался за его ногу, он ударил по племю. Не со всей силы, не со всего размаха ударил Алексей, император опасался, как бы меч не отскочил в сторону и не поразил его самого в ногу или коня его; не хотел император стать легкой добычей для врагов. Поэтому он, с большой осторожностью двигая рукой, быстро наносит скифу второй удар. Ведь Алексей в своих действиях, словах и движениях руководствовался разумом, не поддавался гневу и не позволял ув-

лечь себя никакой страсти. Император еще первым ударом сшиб шлем со скифа, и теперь меч поразил обнаженную голову врага. Скиф, не издав ни звука, упал на землю. Протостратор же, видя беспорядочное бегство ромейских отрядов (фаланги были уже прорваны, и все воины в панике бежали), говорит: “Зачем, император, ты еще здесь задерживаешься? Зачем ты рискуешь жизнью и пренебрегаешь спасением?” Алексей ответил: “Лучше умереть в мужественном бою, чем сохранить жизнь ценой позора”. На что протостратор: “Если бы это сказал обыкновенный человек, честь ему и хвала. Но ты – император, и твоя смерть – несчастье для всего мира. Почему не изберешь ты для себя лучшую участь? Ведь спасшись, ты снова вступишь в бой и добьешься победы”.

Самодержец, видя нависшую над его головой опасность (скифы дерзко наступали на него), отказался от всяких благих надежд и сказал: “Настало время и нам с божьей помощью позаботиться о спасении. Мы, однако, не пойдем той же дорогой, что и беглецы, иначе встретим врагов, когда они будут возвращаться после погони за нашими воинами. Но, – тут император указал рукой на скифов, которые стояли на краю строя, – набросимся на них так, как будто бы, только что родившись, собираемся тут же умереть. С божьей помощью мы проберемся в тыл скифского строя и двинемся по другой дороге”. Произнеся эти слова и ободрив своих людей, он сам как огонь налетает на скифов и ударяет первого встретившегося ему воина. Тот тотчас вывалился из седла. Прорвав таким образом сомкнутый скифский строй, император со спутниками вышел в тыл скифам. Так действовал император. С протостратором же случилось следующее: его конь, поскользнувшись, упал, и он сам рухнул на землю. Один из его слуг немедленно отдал ему своего коня. Протостратор догнал самодержца и уже не отступал от него ни на шаг – так он любил Алексея.

В этой невообразимой сумятице, когда одни бежали, другие преследовали, скифский отряд вновь нагоняет императора. Мгновенно обернувшись, Алексей ударил преследующего его скифа и убил, как утверждали очевидцы, не только его, но и нескольких других врагов. Один скиф, подъехав со спины к Никифору Диогену, собрался было уже нанести удар. Увидев это, самодержец крикнул Диогену: “Посмотри назад, Никифор!”. Поспешно обернувшись, Никифор ударил скифа в ли-

цо. Император рассказывал (я сама слышала), что ему никогда не приходилось видеть в человеке столько стремительности и ловкости. “Если бы в тот день, – говорил он также, – я не держал в руках знамени, то убил бы скифов больше, чем растет волос на моей голове”. И это не было пустым бахвальством, ибо скромность Алексея не знала предела. Ход беседы и существо дела вынуждали отца иногда в кругу близких рассказывать нам о своих делах; да и это он делал только по нашему настоянию. Но никто никогда не слышал, чтобы самодержец хвастался чем-нибудь перед посторонними.

Сильный ветер и атаки печенегов не позволяли императору прямо держать знамя. Один скиф, схватив обеими руками длинное копье, нанес Алексею удар в ягодицу, и хотя копье не оцарапало кожи, тем не менее причинило Алексею невыносимую боль, которая не покидала его в течение многих лет. Все это заставило императора свернуть знамя и спрятать его от людских глаз в кустиках чебреца. За ночь он благополучно добрался до Голои, а днем достиг Боруя и остановился там с намерением выкупить пленников.

4. Во время битвы, когда ромейские отряды, потерпев поражение, обратились в бегство, Палеолог упал на землю и потерял коня. Он оказался в совершенно беспомощном положении; понимая, какая нависла над ним опасность, он стал искать глазами коня и вдруг увидел одетого в священническую одежду проедра Халкидона Льва, о котором я уже упоминала выше¹¹³. Лев отдал ему своего коня, он вскочил на него и пустился в бегство; этого святого мужа ему больше не удалось увидеть. Лев обладал открытой душой и являл собой истинный образ епископа, но был излишне простоват и не всегда умел соизмерять с рассудком свое усердие. Поэтому-то и постигла его, как говорилось раньше, та беда, из-за которой он лишился престола. Палеолог всегда отличал и высоко чтил этого мужа за его выдающуюся добродетель. Я не могу сказать, сподобился ли Палеолог божественного явления благодаря своему беспредельному доверию к этому мужу или же в данном случае проявился некий другой тайный замысел providения относительно епископа¹¹⁴.

Преследуемый печенегами, Палеолог заехал в болотистое и заросшее место, где встретил отряд в сто пятьдесят воинов, который был со всех сторон окружен скифами. Видя безнадежность своего положения и не имея

сил сопротивляться столь многочисленному врагу, они доверились Палеологу, так как с давних пор знали его мужество и непоколебимый дух. Палеолог посоветовал им напасть на скифов и оставить всякую мысль о спасении, дабы, как я полагаю, обрести спасение. “Нужно, – сказал он, – скрепить это решение клятвой, чтобы наша воля была единой, чтобы никто не оставался в стороне во время атаки на скифов и чтобы каждый из нас считал своим личным делом общее спасение и общую опасность”. Стремительно поскакав на врага, Палеолог ударяет первого встретившегося ему противника. Оглушенный ударом, скиф рухнул на землю. Но остальные воины атаковали нерешительно, поэтому одни из них были убиты, а другие, как зверь в логово, вернулись в густые рощи и скрылись там в поисках спасения. В тот момент, когда вновь преследуемый печенегами Палеолог достиг одного холма, под ним пала раненая лошадь; сам он, однако, спасся и поднялся на находившуюся вблизи гору. В поисках дороги – а найти ее было не так-то легко – Палеолог блуждает там в течение одиннадцати дней, в конце концов встречает одну женщину, вдову воина, и некоторое время пользуется ее гостеприимством. Сыновья этой женщины, воины, сами спасшиеся от опасности, показали ему дорогу. Вот что случилось с Палеологом.

Между тем скифские военачальники решили умертвить захваченных пленных, однако народ не позволил им этого сделать, так как желал продать пленных за деньги. Когда такое постановление было принято, Мелиссин письмом известил о нем императора. И хотя Мелиссин сам был пленником, тем не менее он приложил немало усилий, чтобы заставить скифов принять это решение. Император, который в то время находился еще в Боруе, вытребовал из царицы городов большую сумму денег и выкупил пленных.

5. В это время к Истру подходит Татуш с куманами, которых ему удалось привлечь на свою сторону. Видя столь большую добычу и такое множество пленников, куманы сказали скифским военачальникам: “Мы оставили родину, проделали столь длинный путь и пришли вам на помощь, чтобы делить с вами как опасности, так и победы. Мы выполнили свой долг, и вы не можете отправить нас назад с пустыми руками. Ведь мы не преднамеренно явились после окончания битвы, и виноваты в этом не мы, а император, поспешивший начать бой. Поэтому если вы не разделите с на-

ми всю добычу, то мы станем вашими врагами, а не союзниками”. Скифы на это не согласились. Куманы не стерпели отказа, и разразилась жестокая битва, в результате которой скифы были наголову разбиты и с большим трудом добрались до так называемой Озолимны. Теснимые куманами, они долгое время пробыли там, не решаясь пуститься в путь.

Озеро, которое мы теперь называем Озолимной, очень велико в поперечнике и окрестности и по своим размерам не уступает ни одному из озер, отмеченных когда-либо географами. Оно расположено за Ста холмами¹¹⁵, и в него впадают широкие и очень красивые реки. По озеру плавают много больших грузовых судов, и уже по одному этому можно заключить, какова его глубина. Озолимной же оно называется не потому, что от него исходят дурные и тяжелые испарения, а потому что некогда к этому озеру подошло гуннское войско (этих гуннов на простонародном языке называют узами), которое расположилось на его высоких берегах. Поэтому озеро и называли Узолимной (с добавлением, как я полагаю, буквы *v*¹¹⁶). Ни у одного из старых авторов нельзя найти сведений о том, что гуннское войско собиралось в этом месте, но при самодержце Алексее все отовсюду стекались туда и дали месту такое название. Такова история этого озера¹¹⁷, которую я впервые сейчас поведала с целью показать, как в результате многочисленных походов самодержца Алексея многие места стали называться или его именем, или же именем врагов, которые в этих местах собирались. То же самое известно о царе Александре Македонском, по имени которого названы Александрия в Египте и Александрия в Индии; точно так же по имени одного из его воинов – Лисимаха – названа Лисимахия. Ничего нет удивительного, что и император Алексей, соперник Александра, переименовывал различные места и при этом использовал названия племен, которые собирались там или приходили по его зову, а в некоторых случаях в память совершенных им подвигов давал и свое имя¹¹⁸. Вот те несколько замечаний об упомянутой выше Озолимне, которые я сделала в соответствии с задачами исторического сочинения. Куманы, ощущая недостаток в провианте, возвращаются тем временем на родину, чтобы запастись провизией и снова выступить против скифов.

6. Между тем император, находясь в Боруе, стягивает туда войска и вооружает пленников¹¹⁹, всех остальных воинов. В это время

к самодержцу является на обратном пути из Иерусалима граф Фландрский¹²⁰, который дает ему принятую у латинян клятву¹²¹ и обещает по прибытии домой отправить на помощь Алексею пятьсот всадников. Самодержец оказал ему большие почести и отправил графа, довольного, на родину. Затем самодержец покинул Боруй и со вновь собранным войском прибыл в Адрианополь. Скифы же, пройдя по узкой долине, расположенной между Голоей и Диамболом, разбили свой лагерь около Маркеллы. Самодержец, зная о действиях куманов и ожидая их возвращения, страшился и опасался их прихода. И вот Алексей призвал к себе Синесия, снабдил его хрисовулом и отправил к скифам с приказом воспрепятствовать дальнейшему продвижению варваров, задержать их в пределах занятой ими ранее области и, если только противники согласятся заключить мир и выдать заложников, щедро снабдить их всем необходимым. В намерения императора входило воспользоваться помощью скифов в борьбе против куманов в том случае, если куманы подойдут к Истру и попытаются продвинуться дальше. Если бы скифы не согласились на это предложение, Синесий должен был бы покинуть их и вернуться назад. Упомянутый Синесий прибыл к скифам и, соответствующим образом обратившись к ним, убедил их заключить договор с императором. Находясь у скифов, Синесий всем им выказывал большое почтение и избегал подать какой бы то ни было повод для обиды.

Между тем вернулись назад куманы, готовые вступить в бой со скифами. Они не нашли скифов на прежнем месте и, узнав, что те, пройдя клисуры, прибыли в Маркеллу и заключили мирный договор с императором, попросили разрешения пройти через клисуры и напасть на скифов. Но император, уже заключивший договор со скифами, не дал им на это согласия, сказав: “Не нужна мне ваша помощь, берите причитающуюся вам плату и возвращайтесь назад”. Алексей милостиво обошелся с куманскими послами, щедро их одарил и отпустил с миром. Этот поступок Алексея придал смелости скифам, которые нарушили договор и, вновь принявшись за свои бесчеловечные деяния, стали опустошать прилежащие города и земли. Ведь вообще все варвары обладают непостоянным нравом и по природе своей неспособны соблюдать договоры. Видя это, Синесий вернулся к им-

ператору, приняв на себя роль вестника скифского своенравия и вероломства.

Скифы заняли Филиппополь, и император, который знал об этом, оказался в чрезвычайно тяжелом положении, ибо у него не было сил сразиться с таким множеством варваров в открытом бою. Однако Алексей всегда искал выход из тяжелого положения и никогда не падал духом в трудных обстоятельствах. И теперь решил он попытаться нанести урон врагу, обстреливая его войско и устраивая засады. Он догадывался, какими местами и городами скифы собираются овладеть утром и, предупреждая приход варваров, сам занимал их накануне вечером. Если же ему становилось известно, что скифы намерены захватить какое-либо место вечером, он заранее занимал его утром. При каждом удобном случае обстреливал скифов и, устраивая засады, издали вел бой с врагом, стремясь не дать ему овладеть крепостями.

И вот оба противника – самодержец и скифы – подошли к Кипселлам. Ожидаемое наемное войско еще не прибыло, и самодержец, который хорошо знал подвижность скифской армии и видел, что она стремительно приближается к царице городов, оказался в чрезвычайно тяжелом положении. Не имея сил бороться с таким множеством варваров, он, как говорится, выбрал из всех зол меньшее и решил заключить новый мирный договор. Он отправил послов с предложением мира, и скифы сразу же пошли навстречу его желанию. Еще до заключения мирного договора к Алексею явился перебежчик Неанц. Затем император послал Мигидина за продовольствием, которое тот должен был доставить из соседних областей. Позднее в битве около... сын этого Мигидина стремительно набросился на печенегов, но был пойман и схвачен скифянской, и железным серпом его затащили к скифским повозкам. По просьбе Мигидина император выкупил отрубленную голову его сына. Отец невыносимо мучился в течение трех суток, а затем ударил себя в грудь камнем и умер.

Недолго скифы соблюдали мирный договор; как псы, они вскоре вновь набросились на свою блевотину¹²³. Покинув Кипселлы, они прибыли в Тавроком¹²⁴ и, оставшись там на зиму¹²⁵, стали грабить окружающие селения.

7. С наступлением весны¹²⁶ скифы из Таврокома переходят в Хариополь. Император, который находился в то время в Булгарофиге,

без промедления выделил большую часть войска, включил в нее всех своих отборных воинов и даже так называемых “архонтопулов” (на лицах этих юношей только появлялся первый пушок, но их боевой натиск был неудержим) и приказал им с тыла напасть на скифов, находящихся на своих повозках.

Отряд архонтопулов был впервые образован Алексеем. Так как из-за легкомыслия прежних императоров у Ромейского государства вовсе не было войска, Алексей собрал отовсюду сыновей павших воинов, обучил их обращению с оружием и искусству боя и назвал архонтопулами, то есть сыновьями “архонтов”¹²⁷. Он назвал их так, чтобы самое имя вызвало в памяти юношей благородство и мужество их родителей, чтобы они “вспомнили бурную силу” и проявили еще большее мужество, когда обстоятельства потребуют от них смелости и отваги. Таким был, коротко говоря, отряд архонтопулов, насчитывавший две тысячи воинов; точно так же у лаконцев был некогда образован так называемый “священный полк”¹²⁸.

И вот эти новобранцы-архонтопулы, построенные в боевой порядок, двинулись против варваров. Однако скифы, засевшие в засаде у подножия холма, подстерегли их и, увидев, что архонтопулы устремились к их повозкам, с неудержимой силой бросились на врага. В рукопашной схватке пало около трехсот беззаветно сражавшихся архонтопулов. Еще долгое время горестно оплакивал их император и, проливая горячие слезы, называл каждого из них по имени, как будто они лишь были в отлучке.

Одержав победу над противником, печенеги прошли через Хариополь и направились к Апросу, опустошая все на своем пути. Прибегнув к своему старому методу, император опережает печенегов и до них входит в Апрос; ведь, как я неоднократно говорила, у Алексея не было войска, нужного для открытого боя с противником. Императору было известно, что скифы с восходом солнца отправляются в набеги за продовольствием. Призвав к себе Татикия, о котором я упоминала во многих местах моего сочинения, Алексей приказал ему взять с собой самых храбрых отроков¹²⁹, отборных воинов среди ближайших – своей личной охраны и всех латинян, – подстеречь утром отправившихся за фуражом скифов и, когда те подалее отойдут от лагеря, стремительно броситься на варваров. Татикий ис-

полнил приказ, убил три сотни врагов и большое их число привел в плен.

Что же происходит дальше? К императору прибыло около пятисот отборных всадников, посланных графом Фландрским, которые доставили ему в подарок сто пятьдесят отборных коней. Кроме того, всадники продали Алексею тех коней, которые были им не нужны. Император Алексей с почестями принял латинян и сделал им немало подарков. В это время с Востока пришло сообщение о том, что правитель Никеи Абуль-Касим, которого персы обычно называют сатрапом, а турки, ныне владеющие персидской территорией, именуют эмиром, готовится захватить Никомидию. Поэтому император отправил всадников для защиты этой области.

8. В это время Чакан¹³⁰, хорошо осведомленный о многочисленных неудачах императора на Западе и о его постоянных войнах с печенегами, решил воспользоваться удобным случаем и обзавестись флотом. Встретившись с одним жителем Смирны, он поручил ему как человеку, имеющему в этом деле большой опыт, сооружение пиратских судов. Снарядив большое число кораблей и сорок боевых челнов, Чакан посадил на них опытных воинов, вышел в море, пристал к Клазоменам и с ходу овладел городом. Оттуда он двинулся к Фокее и приступом захватил ее. Из Фокеи он отправил посланца к куратору Алопу¹³¹, которому было поручено управление Митиленой, и грозил страшно покарать его, если он не уйдет из города; при этом Чакан говорил, что заботится о судьбе Алопа и лишь по этой причине предупреждает его о тех ужасах, которые придется ему испытать, если он не покинет Митилену. Алоп испугался угроз Чакана и, сев ночью на корабль, направился в царственный город.

Когда это стало известно Чакану, он без всякого промедления выступил из Фокеи и с ходу овладел Митиленой. Расположенная на мысе острова Мифимна не покорилась Чакану. Когда об этом узнал император, он тотчас на кораблях отправил туда большое войско и укрепил город. Чакан же, не обратив никакого внимания на Мифимну, отплыл прямо к Хиосу и с ходу им овладел. Когда самодержцу стало это известно, он послал против Чакана сильный флот и большое число воинов, начальником которых был назначен Никита Кастамонит. Никита двинулся в путь, завязал бой с Чаканом, но сразу же потерпел поражение; при этом Чакан захватил многие корабли

ли Кастамонита. Когда о случившемся с Кастамонитом известили императора, он снарядил другой флот и назначил его дукой Константина Далассина – своего родственника по материнской линии, человека весьма воинственного¹³². Высадившись на Хиосском берегу, Далассин тут же приступил к осаде крепости и упорно сражался, торопясь захватить город до прибытия Чакана из Смирны. Обстреливая стены из многочисленных гелепол и камнеметных орудий, он разрушает участок стены между двумя башнями. Когда находившиеся в городе турки увидели это, они убедились в силе ромейского натиска и стали на ромейском языке взывать к милосердию господ.

Однако воины Далассина и Опоса не хотели ничего слушать; они стремились проникнуть в крепость, хотя оба полководца и старались удержать их, ибо опасались, как бы воины не захватили в городе всю добычу и деньги, которые хранил там Чакан. Они говорили: “Вы слышите, как турки громко славословят самодержца, и видите, что они уже покорились нам. Поэтому не входите в город и не учиняйте жестокой расправы над турками”. Когда после захода солнца наступила ночь, турки соорудили новую стену вместо разрушенной и навесили на нее с внешней стороны тюфяки, кожи и всевозможную одежду, чтобы хоть сколько-нибудь ослабить силу ударов летящих камней.

Чакан снарядил имевшийся у него флот, собрал около восьми тысяч турок и двинулся сушей к Хиосу, в то время как флот следовал за ним вдоль берега. Когда об этом узнал Далассин, он посадил на корабли большое число своих воинов во главе с Опосом, приказал командирам флота выйти в море и посоветовал Опосу вступить в бой с Чаканом, если встретит его во время переправы. Чакан же, оставив материк, направился прямо к Хиосу. Опос встретил его в середине ночи. Увидев, что тот новым способом выстраивает свои корабли (сделав громадную цепь, Чакан связал ею все суда, чтобы обратившиеся в бегство не смогли уйти, а стремившиеся вырваться вперед не нарушили боевого строя), Опос испугался и, не решившись даже приблизиться к врагу, повернул кормило и направился назад к Хиосу. Чакан велел морякам без усталости гребти и по всем правилам военной науки стал преследовать Опоса. Когда они оба уже приближались к Хиосу, Опос первый успел ввести свои корабли в Хиосскую гавань (она еще

раньше была захвачена Далассином). Чакан же проплыл мимо этого уже упомянутого причала и подвел свои корабли к стене крепости. Все это происходило в четвертый день недели. На следующий день он ссадил с кораблей всех воинов, сосчитал и переписал их.

Далассин, обнаружив небольшой городок вблизи гавани, засыпал ров, который выкопал ранее, спустился к городку, выкопал новую глубокую траншею и расположил в ней воинов. На следующий день оба войска вооружались и готовились выступить друг против друга. Ромеи, которые получили приказ Далассина не нарушать сомкнутого строя, неподвижно стояли на месте. Чакан же приказал большей части варваров в сопровождении немногочисленного отряда всадников двигаться на ромеев.

Увидев это, латиняне с длинными копьями наперевес поскакали на варваров. Но те стали метать стрелы не в кельтов, а в их коней; поражая своими копьями латинян, турки убили большинство из них, а остальных ранили и загнали в ров. Оттуда латиняне в безрассудном порыве бросились к кораблям. Видя бегущих без оглядки кельтов, ромеи испугались, немного отступили назад и остановились у стены упомянутого уже городка. Благодаря этому варвары смогли спуститься к берегу и захватить несколько кораблей. Увидев это, моряки отчалили, отошли от берега и встали на якоря, ожидая дальнейших событий. Но Далассин приказал им плыть вдоль западного берега острова, подойти к Волиссу и поджидать там его прибытия (Волисс – это городок, расположенный на мысе острова). Однако несколько скифов явились к Чакану и сообщили ему о плане Далассина. Поэтому Чакан послал пятьдесят разведчиков, которые должны были немедленно поставить его в известность, когда флот Далассина будет готов к отплытию. В то же время он отправил к Далассину послание с предложением о встрече. Чакан, возможно, желал обсудить условия мира, ибо, как мне кажется, он совершенно отчаялся в победе, видя мужество и отвагу Далассина.

Далассин известил его, что на следующий день подойдет к краю лагеря, чтобы каждый из них смог высказать свое мнение и выслушать другого. Варвар не встретил отказом это предложение. Утром оба полководца сошлись в одном месте, и Чакан, назвав Далассина по имени, таким образом начал беседу: “Знай, что я тот самый юноша, который некогда со-

вершал набеги на Азию и храбро сражался, но по своей неопытности был обманом взят в плен известным Александром Каваликой¹³³. Александр отдал меня в качестве пленника самодержцу Никифору Вотаниату, который сразу же возвел меня в сан протоновелиссима¹³⁴ и щедро одарил. За это я обещал верно служить ему. Однако с тех пор, как бразды правления взял Алексей Комнин, все нарушилось. Сейчас я явился сообщить тебе причину своей вражды к императору. Пусть самодержец узнает об этом и, если он хочет прекратить возникшие между нами распри, пусть полностью вернет все то, на что я имею право и чего был лишен. Если же тебе угодно, чтобы наши дети соединились браком, пусть будет составлено об этом письменное соглашение по обычаям ромеев и варваров. А после того, как все упомянутые условия будут выполнены, я при твоём посредничестве верну самодержцу все острова, которые я своими набегами отторгнул от Ромейской державы, и, заключив с ним договор, вернусь на родину”.

Однако Далассин, которому был хорошо известен коварный нрав турок, увидел во всем этом лишь одни пустые отговорки и отложил до поры до времени исполнение просьбы Чакана. Вместе с тем он изложил Чакану свое мнение о нем и сказал: “Ты не исполнишь своих обещаний и не передашь мне островов, да и я без согласия самодержца не могу согласиться с теми требованиями, которые ты предъявляешь к нему и ко мне. Но пусть выслушает твои предложения великий дука Иоанн, брат жены императора, который со всем флотом и в сопровождении многочисленного сухопутного и морского войска уже подходит сюда. Можешь быть уверен, что при его посредничестве ты заключишь мир с императором”.

В свое время самодержец послал этого Иоанна Дуку с большим войском в Эпидамн, чтобы он приложил все силы для защиты Диррахия и вместе с тем вступил в войну с далматами. Дело в том, что Бодин, человек весьма воинственный и исполненный коварства, не пожелав оставаться в пределах своей страны, ежедневно совершал набеги на ближайшие к Далматил села и присоединял их к своим владениям.

Иоанн Дука пробыл в Диррахии одиннадцать лет¹³⁵, за это время он отвоевал у Вукана (Вулкана)¹³⁶ многие крепости и многих далматов привел в плен к императору. Наконец, вступив в упорный бой с Бодином, он захва-

тил в плен его самого. Много раз имел самодержец случай убедиться в воинственном духе и военном искусстве Иоанна Дуки и знал о его готовности исполнить любой приказ императора. В борьбе с Чаканом самодержец нуждался именно в таком человеке; поэтому он вызвал его из Диррахия, назначил великим дукой флота и с многочисленным сухопутным и морским войском отправил против Чакана.

Позднее я расскажу о том, в какие сражения с Чаканом вступал Иоанн и из каких опасных положений вышел победителем.

Далассин ожидал Дуку и в беседе с Чаканом дал ему понять, что возлагает все надежды на приход Иоанна. Чакан же, кажется, ответил словами Гомера: “Но приближается ночь, покориться и ночи приятно”¹³⁷. Чакан обещал Далассину доставить на рассвете много съестных припасов. Все это, однако, было лишь хитростью и обманом. И Далассин не ошибся в своих подозрениях. Утром Чакан тайком спустился к берегу и, пользуясь попутным ветром, отправился в Смирну, чтобы набрать там большое войско и вновь вернуться на Хиос. Но Далассин почти не уступал Чакану в хитрости: вместе со своими воинами он сел на имевшиеся у него корабли и прибыл на них в Волисс. Там он добыл себе корабли, соорудил гелеполы, дал отдых своим воинам, набрал новых и вернулся туда, откуда ушел. Он завязал жестокий бой с варварами, разрушил стену и, в то время как Чакан находился еще в Смирне, захватил город, а затем, воспользовавшись тихой погодой, со всем флотом направился прямо к Митилене.

9. Такие меры против Чакана принял самодержец. Когда Алексей узнал, что скифы вновь наступают на Русий, расположились лагерем у Поливота¹³⁸, он немедленно вышел из Константинополя и прибыл в Русий. Вместе с ним отправился перебежчик Неанц, втайне вынашивавший против него злой умысел; с Алексеем находились также Канц и Катран – оба эти мужа питали горячую любовь к императору и отнюдь не были новичками на войне. Завидев издали большой отряд скифского войска, Алексей вступил с ним в бой. Много ромеев пало в битве, некоторые были взяты в плен и убиты скифами, но немалое их число благополучно добралось до Русия. Но это была всего лишь битва со скифами, вышедшими в набег за провизией.

Когда же к императору подошли латиняне, которых называют маниакатами¹³⁹, он вос-

прянул духом и решил вступить в рукопашный бой со скифами. Так как обе армии находились на небольшом расстоянии друг от друга, император, желая начать сражение, не решился приказывать подать трубой сигнал к бою. Он призвал к себе Константина – слугу, в чьи обязанности входил уход за императорскими соколами¹⁴⁰, велел ему взять тимпан, бить в него с вечера до утра и, обходя расположение войска, возвещать, что всем следует привести себя в состояние боевой готовности, ведь самодержец решил вступить наутро в бой со скифами без сигнала трубы. Между тем скифы ушли из Поливота, достигли места, называемого Гадос, где и разбили свой лагерь.

Вот какие меры принял самодержец в тот вечер. На рассвете он разделил войско, построил его по фалангам и выступил против скифов. До начала битвы, когда войска еще стояли на своих местах, Неанц поднялся на близлежащий холм, якобы для того чтобы осмотреть скифский строй и доставить самодержцу сведения о его расположении. Но сделал он нечто прямо противоположное. На своем языке Неанц стал советовать скифам расположить рядами свои повозки и не опасаться самодержца, который и так удручен предыдущим поражением и уже готов обратиться в бегство, ибо испытывает недостаток в воинах и союзниках. Сказав это, Неанц спустился к самодержцу.

Однако один полуварвар, зная скифский язык, понял обращенные к скифам слова Неанца и обо всем сообщил императору. Когда об этом поставили в известность Неанца, он потребовал улики. Полуварвар смело вышел на середину и стал обличать его. Тогда Неанц на виду у императора, стоя в окружении фаланг, внезапно выхватил меч и отсек голову этому человеку. Как мне кажется, желая убийством доносчика отвести от себя обвинения, содержащиеся в доносе, он еще более обнаружил свою вину. Почему же он иначе не вытерпел улики? Видимо, Неанц потому осмелился на такой риск и совершил поступок, вполне достойный варварской души, поступок, настолько же подозрительный, насколько и дерзкий, что желал вырвать язык, изобличавший его коварство. Однако император сразу не наказал варвара, не покарал Неанца, как он того заслуживал, но подавил гнев в своем сердце, ибо не хотел раньше времени спугнуть зверя и внести замешательство в ряды воинов. Он сдержался и совладал со своим гневом; ведь он и раньше, по прежним по-

ступкам Неанца, а также по другим признакам, предчувствовал предательство этого человека, к тому же судьба битвы была в то время “на мечном острие распростерта”¹⁴¹. Вот почему император до поры до времени подавил клокочущее в его груди негодование и не смог в тот момент решить, что ему сделать. Вскоре Неанц подъехал к императору, спрыгнул с лошади и попросил у него другого коня. Алексей тотчас же дал ему лучшего коня с императорским седлом. Неанц вскочил на него и, так как в это время оба войска уже пошли на сближение друг с другом, сделал вид, что бросился в бой со скифами, но обратил острие копья назад, перешел к своим сородичам и сообщил им немало сведений о расположении войска императора. Скифы воспользовались его наставлениями, вступили в жестокий бой с самодержцем и наголову разбили его войско.

Император, видя, что ромейские фаланги разбиты и все воины бегут, оказался в отчаянном положении. Не пожелав бессмысленно подвергать опасности свою жизнь, он во весь опор поскакал к реке, протекающей около Русия. Там он сдержал коня и вместе с несколькими отборными воинами стал, как мог, отбиваться от преследователей. Нападая на врагов, он многих из них убил, но то и дело сам получал удары. В это время, спасаясь от врагов, с другой стороны к реке подошел Георгий, прозванный Пирром. Самодержец, строго обратившись к Пирру, подозвал его к себе. Видя стремительный натиск скифов, чье число увеличивалось с каждым часом (на помощь им прибывали все новые подкрепления), Алексей оставил там Георгия с остальными воинами и приказал ему, экономя расходы силы, сдерживать скифов до его возвращения. Быстро повернув коня, он переправился на другой берег реки и прибыл в Русий. Император собрал всех спасшихся бегством воинов, которых застал там, всех жителей, пригодных по возрасту для военной службы, и даже крестьян с их повозками и приказал им как можно быстрее выйти из города и встать строем на берегу реки. Все произошло быстрее, чем слово сказывается, и Алексей, построив их рядами, вновь переправился через реку и вернулся к Георгию, хотя его так трепала лихорадка, что у него зуб на зуб не попадал.

Когда все скифское войско собралось, оно увидело двойной строй ромеев и мужественно сражающегося самодержца. Зная отвагу Алексея, одинаково храброго в победах и по-

ражениях, зная неудержимость его натиска, скифы остановились на месте, не решаясь вступить в схватку. Самодержец тоже не двигался вперед – его мучила лихорадка, к тому же еще не все рассеявшиеся воины собрались; он медленно объезжал на коне свои ряды, проявляя отвагу перед лицом врага. Случилось так, что оба войска, не двигаясь с места, простояли до вечера и с наступлением ночи без боя возвратились в свои лагеря: противники испытывали страх друг перед другом и не смогли решиться на битву. Тем временем воины, рассеявшиеся кто куда после предыдущего сражения, мало-помалу вернулись в Русий; большинство из них вообще не приняло никакого участия в сражении. Уклонившись от боя, через область под названием Аспр¹⁴² пришли тогда в Русий Монастра, Уза и Синесий – мужи любезные Арею и весьма воинственные.

10. Самодержец, мучимый, как я говорила, лихорадкой, ненадолго прилег отдохнуть, чтобы восстановить силы. Однако он не мог лежать спокойно и все обдумывал, что следует ему сделать на другой день. В это время к нему явился Татран¹⁴³ (этот скиф неоднократно переходил к самодержцу и вновь возвращался домой; Алексей каждый раз прощал его, и скиф горячо полюбил императора за его долготерпение. Поэтому Татран был предан императору и старался ему угодить). Он сказал: “У меня есть подозрение, император, что скифы завтра окружают нас, а затем постараются вступить с нами в бой, поэтому предупреди их намерение и на рассвете выстрой войско за стенами города”. Император похвалил скифа, принял его совет, собираясь осуществить этот план с восходом солнца. Переговорив с Алексеем, Татран отправился к скифским вождям и сказал им следующее: “Не кичитесь победой над самодержцем; видя малочисленность нашего войска, не обманывайте себя благими надеждами выиграть бой. Неодолима сила властителя, к тому же с минуты на минуту ожидается прибытие большого наемного войска. Если вы не согласитесь на мир с императором, ваши тела расклюют хищные птицы”. Вот что сказал скифам Татран.

Так как скифы ежедневно и еженощно совершали опустошительные набеги на наши земли, самодержец решил захватить их коней, которые в большом количестве паслись на равнине. Он призвал к себе Узу и Монастру и приказал им вместе с отборными всадниками пройти по тылам у скифов, к утру достичь

равнины и захватить коней, весь остальной скот и самих пастухов. Император советовал им ничего не опасаться, “ибо, – говорил он, – вы легко сможете выполнить мой приказ, пока мы будем с фронта биться со скифами”. И Алексей не ошибся в своих расчетах: его слова были немедленно претворены в дело.

В ожидании нападения скифов император не сомкнул глаз и не вздремнул ни на минуту. В течение всей ночи он призывал к себе воинов, особенно лучников, подолгу беседовал с ними о скифах, подстрекал их, можно сказать, к бою, давал полезные советы для предстоящей на следующий день битвы и учил натягивать лук, пускать стрелу, время от времени осаживать коня, опять отпускать поводья и, когда нужно, соскакивать с лошади. Вот чем занимался в течение ночи Алексей. Затем он ненадолго уснул.

На рассвете все скифские военачальники переправились через реку, видимо, стремясь вступить в бой; таким образом, подтверждалась догадка самодержца (он умел хорошо предвидеть события, ибо приобрел большой опыт в непрерывных сражениях, которые чуть ли не ежедневно затевали против него враги). Алексей немедленно вскочил на коня, приказал подать трубой сигнал к бою, выстроил фаланги и сам встал перед строем. Видя, что скифы движутся с еще большей стремительностью, чем раньше, он сразу же приказал опытным лучникам сойти с коней и, наступая на скифов в пешем строю, непрерывно метать в них стрелы. За лучниками последовала остальная часть строя и сам самодержец, командовавший центром войска. Они отважно бросились на скифов, и завязалась жестокая битва. Видя сомкнутый строй ромейского войска и мужественно сражающегося самодержца, скифы, изнемогшие под градом стрел, пришли в ужас, повернули назад и, стремясь переправиться через реку, побежали к своим повозкам. Во весь опор неслись преследовавшие их ромейские воины: одни из них копьями наносили удары в спины скифов, другие метали стрелы. Многие скифы, не успев еще достичь берега реки, убитыми пали на землю, а многие в паническом бегстве попали в речные водовороты и, не сумев из них выбраться, захлебнулись. С наибольшим мужеством сражались в тот день домашние слуги¹⁴⁴ императора; они были поистине неутомимы. Самодержец, проявив в этот день наивысшую доблесть, победителем вернулся в свой лагерь.

11. Император отдыхал в лагере в течение трех дней, затем покинул его и явился в Цурул. Самодержец не собирался в ближайшем будущем уходить оттуда, поэтому он вырыл в восточной части городка ров, куда мог упрятать все войско, поставил там императорскую палатку и сложил все снаряжение. Скифы в свою очередь тоже подошли к Цурулу, но, услышав, что самодержец занял город до них, переправились через реку, текущую по равнине вблизи этого городка (на местном языке она называется Ксирогипс)¹⁴⁵, и разбили лагерь между рекой и городком. Таким образом, скифы находились снаружи и окружали город, а император оказался внутри и, можно сказать, был осажден в Цуруле.

Наступила ночь; как говорит гомеровская Каллиопа¹⁴⁶, “все – и бессмертные боги и коннодоспешные мужи спали”, но самодержца Алексея “сладостный сон не покоил”¹⁴⁷. Он бодрствовал и вынашивал планы, каким образом своим искусством одолеть дерзость варваров. Он видел, что городок Цурул выстроен на крутом холме, а все варварское войско расположилось внизу на равнине. Не имея достаточных сил, чтобы осмелиться в открытую сразиться с таким множеством варваров, он придумывает весьма хитрый план действий. Забрав у жителей города их повозки, он снимает с них кузова, а колеса с осями поднимает наверх, подвешивает их в ряд с внешней стороны стены и канатами привязывает к зубцам. Не успел его замысел созреть, как тотчас был претворен в дело. В один час на стены были навешены колеса, будто ряд соединенных осями кругов, один возле другого.

Поднявшись утром, император вооружился сам, вооружил воинов, вывел их из-за стены и выстроил лицом к лицу с варварами. Получилось так, что наши воины стояли у тех участков стены, где были подвешены колеса, а противник расположился в одну линию напротив. Сам император занял место в центре строя и посоветовал воинам следующее: когда труба подаст сигнал к бою, им надлежит сойти с коней, пешим строем медленно двигаться на противника и, непрерывно пуская в дело лук и стрелы, стараться вызвать атаку скифской фаланги; увидев, что скифы поддаются на провокацию и уже направляют на них своих коней, воины должны обратиться в бегство, затем, немного отклонившись в сторону, бежать одни влево, другие – вправо и уступать дорогу врагу до тех пор, пока тот не приблизится к городской стене. Воинам, стояв-

шим на стене, он приказал, как только ромейский строй разделится, обрубить мечами канаты и обрушить вниз колеса с осями.

Все было сделано в соответствии с приказом императора. Скифские всадники закричали по-варварски и разом бросились на наших воинов, которые, не торопясь, пешим строем наступали на них (лишь один император был среди них на коне). Ромеи, медленно перебирая ногами, двинулись назад и, в соответствии с замыслом самодержца, сделали вид, что отступают, а затем, чего уже никто от них не мог ожидать, разомкнули строй и как бы открыли варварам прямой путь к городу. Скифы вошли в проход, образовавшийся между двумя фалангами, и на них со свистом стремительно понеслись колеса, на локоть отскакивая от стены. Они ударялись о стену ободами и, как пущенные из пращи, с огромной скоростью скатывались в гущу варварской конницы. Стремительно падая вниз под воздействием силы тяжести, набирая скорость благодаря покатости места, колеса подсекали голени коней, подкашивая им передние или задние ноги, в зависимости от того, куда приходился удар, и сбрасывали всадников. Колеса непрерывно одно за другим низвергались на врагов. Ромеи с двух сторон бросились на скифов; всюду завязались жестокие схватки. Одних варваров убили пущенные ромеями стрелы, других поразили копья, а большую часть стремительно несущиеся колеса столкнули в реку, где они и утонули.

На следующий день император заметил, что оставшиеся в живых скифы вновь готовятся к бою. Зная боевой дух своих воинов, Алексей приказал им вооружиться. Взяв оружие и построив в боевой порядок войско, он подошел к склону холма, повернул свои фаланги лицом к скифам и стал ждать случая завязать с ними бой. Сам император занял место посреди войска. В разразившейся жестокой битве ромейские фаланги вопреки ожиданиям одержали победу и стали неудержимо преследовать варваров. Когда самодержец увидел, что преследователи уже на значительное расстояние удалились от города, у него появились опасения, как бы сидящие в засаде враги внезапно не напали на ромеев, не повернули назад скифов и, соединившись с ними, не нанесли поражения ромейскому войску. Поэтому Алексей непрерывно выезжал к своим воинам и приказывал им сдерживать коней и дать им отдых. Таким образом разошлись в тот день оба войска: скифы бежали, а ликующий император славным по-

бедителем вернулся в свой лагерь. Разбитые наголову скифы расположились лагерем между Булгарофигом и Малой Никеей.

Так как уже приближалась зима¹⁴⁸, самодержец решил вернуться в царственный город, чтобы отдохнуть от многочисленных битв и дать отдых большей части своих воинов. Он разделил свое войско, отобрал для дальнейшей борьбы с врагом наиболее храбрых воинов и назначил командовать ими

Иоаннаки и Николая Маврокатакалона, о которых я неоднократно говорила выше. Он приказал им расположить во всех городах силы, нужные для охраны, и вывести из всей страны пехотинцев вместе с повозками и влекущими их быками. Император решил вступить весной в еще более жестокую войну со скифами и поэтому заранее принимал необходимые меры. Устроив все таким образом, он вернулся в Византий.

Книга VIII

1. Самодержцу стало известно, что скифские военачальники отправили часть своего войска против Хировакх¹⁴⁹ и что появление варваров ожидается с минуты на минуту. Император, человек весьма деятельный и всегда готовый ко всякого рода неожиданностям, не позволил себе и недели отдыха во дворце; он, даже не вымывшись в бане, не стряхнув с себя пыль войны, немедленно собрал воинов, охранявших город, и новобранцев – всего около пятисот человек, всю ночь вооружал их, а утром вышел из Константинополя и тогда же объявил о своем выступлении против скифов родственникам, свойственникам и прочим высокородным особам, принадлежавшим к военному сословию. Это происходило в пятницу мясопустной недели¹⁵⁰. Через своих посланцев Алексей отдал им следующий приказ: “Я выступил из города, ибо узнал о стремительном продвижении скифов к Хировакхам. Вам надлежит явиться ко мне на сырной неделе¹⁵¹. Я предоставлю вам для небольшого отдыха время между мясопустной пятницей и сырным вторником, так как не хочу, чтобы вы сочли мой приказ суровым и неразумным”.

Император немедленно отправился прямо к Хировакхам, вошел в город, запер ворота и забрал ключи. Всех преданных ему слуг он расставил у бойниц, приказав им, не смыкая глаз, сторожить стены города, чтобы никто не смог туда подняться и, перевесившись через стену, вступить в переговоры со скифами. Скифы же, как и предполагалось, прибыли на рассвете к Хировакхам и расположились на гребне холма, примыкающего к городской стене. Из их числа отделилось около шести тысяч воинов, которые в поисках провианта рассеялись в разные стороны и даже достигли Деката, находящегося примерно в десяти стадиях от стен царицы городов (поэтому, я думаю, этот город так и назывался)¹⁵². Остальные скифы оставались на месте. Император

поднялся на предстенное укрепление и стал осматривать равнину и холмы, желая удостовериться в том, что на помощь варварам не движется новое войско и что скифы не устроили засады против тех, кто попытался бы на них напасть. Император не только не заметил никаких военных приготовлений со стороны скифов, но, напротив, увидел, что скифы во втором часу¹⁵³ дня собираются обедать и отдыхать. Смотря на несметное множество варваров, Алексей не осмеливался вступить с ними в открытый бой; в то же время его мучило сознание, что скифы могут опустошить всю страну и даже подойти к стенам царственного города, а он в это время, ради того чтобы изгнать их, покинул столицу. И вот он призвал к себе воинов и, испытывая их, сказал: “Нечего бояться многолюдного скифского войска! С надеждой на Бога в сердце вступим в бой со скифами. И если только наша воля будет единая, мы, я уверен, наголову разобьем противника”. Воины решительно было отказались и возмутились его словами, и поэтому Алексей, еще больше пугая их и вместе с тем склоняя на риск, заявил: “Если ушедшие за провиантом скифы возвратятся назад и соединятся с оставшимися, над нами нависнет грозная опасность. Ведь скифы или овладеют городом и обрекут нас на смерть, или же, не обращая внимания на нас, подойдут к стенам столицы, расположатся у ее ворот и закроют нам вход в царственный город. Лучше рискнуть, чем трусливо умереть. Я уже выхожу из города: кто хочет, пусть следует за мной в гущу скифов, а кто не может или не хочет, пусть не высовывается за ворота”.

После этого император вооружился и немедленно вышел из города через ворота, ведущие к озеру. Обогнув стену, он чуть отклонился от нее и поднялся на холм в тылу у врага. Ведь Алексей прекрасно понимал, что в лобовую атаку на скифов за ним не пойдет ни один воин. Он выхватил копье, врезался в гу-

щу скифов и ударил первого встретившегося ему врага. Воины Алексея также не уклонились от боя, многих скифов убили, других взяли в плен. Затем со свойственной ему хитростью Алексей приказывает воинам облачиться в скифские одежды и сесть на скифских коней; своих же коней, значки и отрубленные головы скифов он поручил преданным воинам, приказав им доставить все это в крепость и ждать там его возвращения.

Отдав такие распоряжения, Алексей со скифскими знаменами и облаченными в скифские одежды воинами спускается к реке¹⁵⁴, протекающей вблизи Хировакх, предполагая, что через нее должны будут переправиться скифы, возвращающиеся после набега. Последние заметили воинов Алексея, приняли их за своих и без страха приблизились к ним; в результате одни скифы были убиты, другие захвачены в плен.

2. С наступлением вечера (дело было в субботу) император, ведя за собой пленных, возвращается в Хировакхи. Он пробыл там весь следующий день, а в понедельник¹⁵⁵ утром вышел из крепости. Он разделил войско, поставил впереди воинов, несущих скифские знамена, а за ними – пленных скифов, которых вели местные жители. Другим местным жителям император велел нести насаженные на копья отрубленные головы скифов и таким образом совершать путь. Немного поодаль под ромейскими значками следовал император вместе со своими воинами.

В утро мясопустного воскресенья¹⁵⁶ всегда готовый к ратным делам Палеолог раньше других вышел из Византии. Зная подвижность скифских отрядов, он не пренебрег в пути мерами предосторожности и выделил нескольких находившихся при нем слуг, которым приказал, двигаясь на некотором расстоянии впереди остального войска, осматривать равнины, леса и дороги, а если покажутся какие-нибудь скифы, быстро вернуться и сообщить об этом. Слуги вышли вперед, увидели скифские знамена и одетых в скифские одежды воинов на равнине Димилия, вернулись назад и сообщили о приближении скифов. Палеолог немедленно вооружился. Вслед за ними явился другой вестник, сообщивший, что на некотором расстоянии от так называемых скифов показались ромейские значки, а за ними – воины. Принесшие эту весть были и правы и не правы: шедшее позади войско и казалось и было ромейским, и им предводительствовал император, но и те, что, одетые

по-скифски, двигались впереди, тоже были ромеями, только в скифских одеждах. Они оделись так по приказу самодержца, чтобы уподобиться по внешнему виду скифам и, как я уже говорила, ввести в заблуждение настоящих скифов. С другой стороны, император воспользовался скифским снаряжением для обмана наших, чтобы ромейские воины, встретившись с его отрядом, решили, что натолкнулись на скифов и испугались. Это была невинная воинская шутка, хотя она и преследовала цель возбудить страх. Ведь ромеи, не успев еще испугаться, уже успокоились бы, заметив императора. Таким безобидным образом самодержец пугал встречных. Но если в ком это зрелище возбудило страх, то Палеолог – он всех превосходил своей опытностью и знал, как любит Алексей изобретать всевозможные хитрости, – сразу же распознав уловку Алексея, быстро успокоил себя и других воинов.

Вслед за Палеологом из Константинополя устремилось множество родственников и близких императора. Они торопились, как им самим казалось, выполнить договор и явиться к самодержцу. Ведь, как уже говорилось раньше, было условлено, что они прибудут к Алексею в сырную неделю, следующую за мясопустной. Не успели они, однако, выйти из города, как император сам вернулся туда с трофеем. Встретившись с Алексеем, они, наверное, не поверили бы, что император один добыл такой трофей и столь быстро одержал победу, если бы своими глазами не увидели насаженные на острия копий головы скифов и не узрели того, как ведут одного за другим в оковах, со связанными за спиной руками тех варваров, которых пощадили мечи. И действительно, быстрота, с которой свершился этот поход, была удивительна. Я знаю также, что Георгий Палеолог бранил и порицал себя (об этом рассказывали мне очевидцы) за то, что опоздал к битве и не был рядом с самодержцем, заслужившим столь великую славу неожиданной победой над варварами. Георгий страстно желал разделить славу Алексея.

В отношении же самодержца, можно сказать, наглядно осуществились слова известной песни «Второзакония»: “Как бы мог один преследовать тысячу и двое прогнать тьму?” [XXXII: 30]. Ведь император Алексей чуть ли не один противостоял в тот день огромному множеству варваров и до самого победного конца мужественно выносил на себе всю тяжесть битвы. Если учесть, сколько и какие

воины были у императора, если сопоставить военную хитрость самодержца, его находчивость, силу и смелость с числом и мощью варваров, станет ясно, что император один завоевал победу.

3. Таким образом, Бог неожиданно даровал победу властителю. Увидя вступающего в город императора, жители Византия ликовали и восхищались быстротой, смелостью и искусством, с которым было совершено это предприятие. Радуюсь неожиданной победе, они пели, танцевали и славили Бога, пославшего им такого спасителя и благодетеля. И лишь Никифор Мелиссин страдал душой, не мог, как это свойственно людям, перенести чужой славы и сказал: “Эта победа для нас – радость без выгоды, а для врагов – печаль без урона”.

Между тем бесчисленное множество скифов, рассеявшихся по всему Западу, подвергало грабежу наши земли, и никакие поражения не могли обуздать их беспредельную дерзость. То там, то здесь захватывали они городки на Западе, не щадили селений, находящихся вблизи царицы городов, и даже доходили до места под названием Вафис-Риак¹⁵⁷, у которого воздвигнут храм величайшего из мучеников – Феодора¹⁵⁸. Множество людей ежедневно приходило туда для поклонения святому, а по воскресеньям благочестивые богомольцы толпами являлись в этот святой храм и, располагаясь вокруг него, в притворе или во внутренней части¹⁵⁹, проводили там дни и ночи. Однако натиск скифов настолько усилился, что желающие поклониться мученику, опасаясь внезапных набегов скифов, даже не решались открыть ворота Византия.

Такая напасть с Запада постигла самодержца на суше. Но и на море он не чувствовал себя спокойно, ибо подвергался большой опасности из-за Чакана, который вновь соорудил флот и совершал набеги на Приморские области. Все это мучило и терзало императора, и заботы одолевали его со всех сторон.

Алексею сообщили, что Чакан соорудил еще больший флот в прибрежных областях, разорил острова, которыми владел раньше, начал подумывать о наступлении на западные земли и через послов посоветовал скифам захватить Херсонес¹⁶⁰.

Кроме того, Чакан не давал наемникам, явившимся к Алексею с Востока (я говорю о турках), соблюдать договор с самодержцем и сулил им всяческие блага, если они оставят самодержца и перейдут к нему, как только он

достанет ячменя¹⁶¹. Император знал об этом и, так как его дела на суше и на море находились в весьма тяжелом положении и суровая зима¹⁶² заперла все выходы (из-за сугробов нельзя было даже открыть двери домов – никто не помнил, чтобы когда-нибудь навалило столько снега, как в тот год), он приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемное войско.

Когда же наступило весеннее равноденствие, тучи перестали грозить войной и море смирило свой гнев, император, на которого с обеих сторон наседали враги, решил направиться в приморские области, дабы обороняться от врагов на море и одновременно бороться с ними на суше. Он сразу¹⁶³ же отправил кесаря Никифора Мелиссина и приказал ему быстрее, чем слово сказывается, прибыть в Энос. Алексей еще раньше в письме поручил Мелиссину собрать как можно большее число воинов, причем призвать на службу не ветеранов (их он прежде распределил по западным городам для охраны наиболее важных крепостей), а новобранцев из числа болгар и кочевников (их в просторечии называют влахами)¹⁶⁴ и тех, кто пешие и конные явятся к нему из всех других областей. Сам же Алексей вызвал к себе из Никомидии пятьсот кельтов, посланных ему графом Фландрским, выступил из Византия вместе со своими родственниками и быстро прибыл в Энос. Затем он сел в лодку и поплыл по реке¹⁶⁵, осматривая ее русло и берега. Выбрав место, где удобней всего можно было расположить войско, он вернулся. Ночью Алексей собрал военачальников и рассказал им о реке и об обоих ее берегах. “Давайте, – сказал он, – завтра переправимся через реку; вы осмотрите равнину и, может быть, не сочтете вовсе непригодным для лагеря то место, которое я вам покажу; там и надо будет разбить палатки”.

Все согласились с ним. Наутро Алексей первым переправился на другой берег, и все войско последовало за ним. Вместе с военачальниками он вновь осмотрел берега и равнину у реки и показал им понравившееся ему место (оно лежит у городка, именуемого местными жителями Хирины¹⁶⁶, по одну сторону от него – река, по другую – болото). Так как всем воинам это место показалось достаточно защищенным, Алексей приказал быстро вырыть ров и расположил там все войско. Затем с большим числом пельтастов он возвратился обратно в Энос, чтобы отражать напор наступающих с той стороны скифов.

4. Ромеи, окопавшиеся у Хирина, узнали о приближении огромного скифского войска и сообщили об этом самодержцу, который еще находился в Эносе. Алексей на дозорном судне поплыл вдоль берега, через устье вошел в реку и присоединился к своему войску. Отчаяние и страх охватили императора, когда он увидел, что его войско не составляет и малой доли скифской армии и что не в человеческих силах помочь ему. Тем не менее Алексей не пал духом, не опустил руки; напротив, он старался найти выход из положения.

Через четыре дня он издали заметил, как с другой стороны к нему уже приближается почти сорокатысячное куманское войско. Опасаясь, что куманы соединятся со скифами и вместе с ними навяжут ему кровопролитную битву (Алексей не ждал от нее ничего, кроме гибели всего войска), император решил привлечь куманов на свою сторону; ведь это он призвал их к себе. Главными предводителями куманского войска были Тогортак, Маниак¹⁶⁷ и другие воинственные мужи. Император видел, какое множество куманов приближается к нему, и, зная податливость их нрава, боялся, что из союзников они превратятся во врагов и нанесут ему величайший вред. Поэтому он предпочел ради безопасности со всем войском уйти оттуда и переправиться обратно через реку, но прежде всего решил призвать к себе куманских вождей. Последние немедленно явились к императору; позже других, после долгих колебаний, пришел Маниак.

Алексей приказал поварам приготовить для них роскошный стол, он дружелюбно принял куманов, хорошо угостил их, вручил всевозможные дары, а затем потребовал от куманских вождей клятв и заложников – ведь ему был известен коварный нрав этих людей. Куманы с готовностью выполнили требование Алексея, дали речительства и попросили разрешения сражаться с печенегами в течение трех дней. При этом они обещали, если Бог дарует победу, разделить на две части всю захваченную добычу и половину выделить императору. Император предоставил им право по их желанию преследовать скифов в течение не только трех, но целых десяти дней и к тому же заранее подарил им всю добычу, которую они должны были бы захватить, если бы только Бог послал им победу. До тех пор скифская и куманская армии оставались на своих местах, и куманы тревожили скифское войско стрельбой из лука.

Не прошло еще и трех дней, как самодержец вызвал к себе Антиоха (это знатный муж, решительностью своего характера превосходивший многих людей) и приказал ему навести мост через реку. Вскоре мост был навешен из кораблей, скрепленных друг с другом огромными бревнами. Император, призвав своего шурина, протостратора Михаила Дуку, и своего брата, великого domestика Адриана, приказал им встать на берегу реки, не позволять коннице и пехоте переправляться одновременно, а пустить перед конницей пехоту, повозки со снаряжением и вьючных мулов. Когда переправилась пехота, император, боясь скифов и куманов и опасаясь их неожиданного наступления, быстрее, чем слово скажется, вырыл ров, поместил туда всех пехотинцев и лишь после этого приказал переправляться коннице. Стоя на берегу реки, он сам наблюдал за переправой.

Между тем Мелиссин, действуя согласно письменному приказу самодержца, собрал отовсюду войско, вывел из соседних областей пехотинцев, которые везли свое снаряжение и необходимые припасы на повозках, запряженных быками, и срочно отправил их к самодержцу. Когда пехотинцы находились уже в поле зрения наших воинов, многие ромеи приняли их за скифский отряд, наступающий на самодержца. Один воин набрался смелости и, указывая на них пальцем самодержцу, стал утверждать, что это скифы. Алексей поверил его словам и, не имея сил бороться с таким многочисленным врагом, пришел в отчаяние. Призвав к себе Радомира (этот муж был отпрыском знатного болгарского рода и по материнской линии приходился родственником Августе – моей матери)¹⁶⁸, он послал его разведать, кто такие эти пришельцы. Радомир быстро выполнил приказ и, вернувшись, сообщил, что приближаются воины, посланные Мелиссином. Самодержец обрадовался и, после того как воины вскоре подошли, вместе с ними переправился через реку. Алексей приказал еще больше увеличить ров и объединил вновь прибывший отряд с остальным войском. Тем временем куманы немедля подошли ко рву, который самодержец покинул вместе со всем войском, идя к переправе, и поставили там свои шатры.

На следующий день самодержец двинулся вниз по реке с намерением достичь брода, который местные жители называют Филокаловым. Но по дороге он встретил большой отряд скифов, напал на него и завязал жестокий

бой. Обе стороны понесли в битве большие потери, но победу одержал император, наголову разбивший скифов. После битвы каждое войско вернулось в свой лагерь, и ромеи в течение всей ночи оставались на месте. С рассветом они выступили оттуда, прибыли к так называемому Левуни (это возвышающийся над равниной холм), и самодержец поднялся на него. Так как для всего войска места наверху не хватало, император велел вырыть у подножия холма ров, достаточный для всего войска, и поместил там своих воинов. В это время к самодержцу вместе с несколькими скифами вновь явился перебежчик Неанц. Увидев последнего, император припомнил ему его недавнее предательство и еще кое-что, взял его под стражу и заковал в кандалы вместе с другими скифами.

5. Так действовал император. Между тем скифы, расположившись по берегам реки под названием Мавропотам¹⁶⁹, начали тайком привлекать на свою сторону куманов, призывая их стать союзниками. Вместе с тем они непрерывно отправляли послов к императору с предложением мира. Алексей догадывался о хитром замысле скифов и давал уклончивые ответы послам, желая внушить им мысль, что к нему должно подойти наемное войско из Рима¹⁷⁰. Куманы же, поскольку обещания печенегов были двусмысленными, не перешли к ним и вечером обратились к императору со следующими словами: “До каких пор будем мы оттягивать бой? Знай, что мы больше не намерены ждать и с восходом солнца отведаем мяса волка или ягненка”. Император выслушал это и, зная крутой нрав куманов, больше не стал откладывать сражения. Определив следующий день для решительной битвы, он обещал куманам назавтра вступить в бой со скифами, а сам немедленно созвал военачальников, пентеконтархов и остальных командиров и велел им объявить по всему лагерю о назначенной битве. Несмотря на принятые меры, император опасался бесчисленного множества печенегов и куманов и боялся соединения обоих войск.

К одолеваемому этими мыслями императору прибыли на подмогу перебежчики – около пяти тысяч храбрых и воинственных жителей горных областей¹⁷¹. Не собираясь более откладывать сражения, император стал просить помощи у Бога. На закате он первый приступил к молитвам, устроил торжественное факельное шествие и стал исполнять соответствующие случаю гимны. Он не оставил в покое

ни одного человека в лагере; разумным людям советовал, а невежественным приказывал делать то же, что и он. В это время можно было наблюдать такую картину: солнце опускалось за горизонт, а воздух, казалось, озаряли не только лучи солнца, но и яркий свет других многочисленных звезд. Каждый воин укрепил на своем копье и зажег как можно большее число светильников и свечей. А голоса воинов, я думаю, достигали небесных сфер и даже, можно с уверенностью сказать, возносились к самому Господу Богу. Как я полагаю, все это было свидетельством благочестия императора, который даже не помышлял напасть на врагов без божественной помощи. Алексей не возлагал надежд ни на воинов, ни на коней, ни на свои военные хитрости, но всецело полагался на высший суд. До середины ночи свершал молитвы Алексей и лишь затем позволил себе кратковременный отдых. Восстав ото сна, император полностью вооружил легкие отряды войска, правда, некоторых воинов облачил в одежды и головные уборы, перешитые из одноцветных шелковых плащей¹⁷², ибо железных доспехов на всех не хватило.

С первой улыбкой утра Алексей в полном вооружении вышел из ложины и приказал подать сигнал к бою. У подножья так называемого Левуния (это место...) он разделил свое войско и выстроил фаланги по отрядам. Сам пышущий яростью самодержец встал впереди строя, командование правым флангом принял Георгий Палеолог, левым – Константин Далассин. Справа от куманов стоял в полном вооружении вместе со своими воинами Монастра. Видя, что самодержец устанавливает фаланги, куманы также вооружили и выстроили в принятый у них боевой порядок свои отряды. Слева от них находились Уза и – фронтом на запад – Умбертопул с кельтами. Как бы огородив свое войско строем фаланг и окружив его плотным кольцом конных отрядов, самодержец приказал вновь подать трубой сигнал к бою.

Ромеи, опасаясь неисчислимого скифского войска и несметного множества крытых повозок, которые скифы использовали вместо стены, в один голос воззвали к милости всевышнего и, опустив поводья, бросились в бой со скифами; самодержец неся впереди всех. Строй принял вид серпа, и в один момент, будто по условному знаку, все войско, в том числе и куманы, ринулось на скифов. Один из самых главных скифских военачальников по-

нял, чем все это может кончиться, и решил заранее обеспечить себе спасение: в сопровождении нескольких скифов он явился к куманам – последние говорили на одном с ним языке. Хотя куманы ревностно сражались со скифами, тем не менее он питал к ним больше доверия, чем к ромеям, и хотел воспользоваться их посредничеством перед самодержцем. Самодержец заметил это и стал опасаться, как бы и другие скифы не перешли к ним, не привлекли на свою сторону куманов и не убедили их направить против ромейской фаланги как помыслы свои, так и коней. Поэтому император, который всегда умел находить выход из критического положения, немедленно приказал императорскому знаменосцу со знаменем в руках встать у куманского лагеря.

К этому времени скифский строй был уже прорван, оба войска сошлись в рукопашной схватке и началась резня, подобной которой никто никогда не был свидетелем. Страшные удары мечей поражали уже постигнутых божьим гневом скифов, а разящие устали непрерывно размахивать оружием и, утомленные, ослабили натиск. Самодержец въехал на коне в гущу врагов; он приводил в замешательство целые фаланги, наносил удары пытавшимся сопротивляться, а находившихся вдали устрасал криками. Когда Алексей увидел, что наступил полдень и солнечные лучи уже падают вертикально, он предусмотрительно сделал следующее. Подозвав к себе нескольких воинов, он приказал им попросить крестьян наполнить водой кожаные мехи и привезти их на своих мулах. Когда доставляющих воду крестьян увидели их соседи, они, хотя их никто об этом и не просил, сделали то же самое: стали подвозить воду в амфорах, в кожаных мехах или в других подвернувшихся под руку сосудах, чтобы освежить наших воинов, освобождавших их от страшного скифского владычества. Выпив немного воды, ромеи продолжили битву.

В тот день произошло нечто необычайное: погиб целый народ вместе с женщинами и детьми, народ, численность которого составляла не десять тысяч человек, а выражалась в огромных цифрах. Это было двадцать девятого апреля¹⁷⁷, в третий день недели. По этому поводу византийцы стали распевать насмешливую песенку: “Из-за одного дня не пришлось скифам увидеть мая”.

На закате, когда все скифы, включая женщин и детей, стали добычей меча и многие из

них были взяты в плен, император приказал сыграть сигнал отхода и вернулся в свой лагерь. Все случившееся тогда должно было казаться чудом, особенно если принять во внимание следующее обстоятельство. В свое время ромеи, выступая из Византии против скифов, закупили веревки и ремни, чтобы ими связать пленных и таким образом привести их к себе домой¹⁷⁸. Но все произошло тогда наоборот: ромеи сами были связаны и оказались в плену у скифов. Это произошло в битве со скифами у Дристры¹⁷⁹, когда Бог обуздал гордыню ромеев. Но позднее, в то время, о котором я сейчас повествую, Бог, видя, что ромеи охвачены страхом, потеряли всякую надежду на спасение и не имеют сил противостоять такому множеству врагов, неожиданно даровал им победу, и теперь уже они вязали, разили, вели в плен скифов и, не ограничиваясь этим (ведь все это нередко происходит и во время небольших сражений), в один день полностью уничтожили многотысячный народ.

6. Куманский и скифский отряды отошли друг от друга, и самодержец с наступлением сумерек вспомнил о еде. В это время перед ним предстал разгневанный Синесий и сказал следующее: “Что происходит? Что это за новые порядки? У каждого воина по тридцати и более пленных скифов, а рядом с нами толпа куманов. Если усталые воины, как это и должно быть, уснут, скифы освободят друг друга и, выхватив акинаки, убьют своих стражей. Что тогда будет? Прикажи скорее умертвить пленных”. Император сурово взглянул на Синесия и сказал: “Скифы – те же люди; враги тоже достойны сострадания. Я не знаю, о чем ты только думаешь, болтая это!” Затем Алексей с гневом прогнал продолжавшего упорствовать Синесия. Одновременно он велел довести до сведения всех воинов приказ сложить в одно место скифское оружие и хорошо стеречь пленных.

Сделав такие распоряжения, император спокойно провел остаток ночи. Однако в среднюю стражу ночи воины, повинувшись божественному гласу или по другой неизвестной мне причине, убили почти всех пленных¹⁸⁰. Император узнал об этом утром, сразу же заподозрил Синесия и немедленно призвал его к себе. Разразившись угрозами, Алексей сказал в обвинение Синесию: “Это дело твоих рук”. И хотя Синесий поклялся, что ни о чем не знает, Алексей приказал заключить его в оковы. “Пусть узнает, – сказал император, – каким злом являются одни только оковы, и он ни-

когда не будет выносить людям столь суровые приговоры”. И Алексей наказал бы Синесия, если бы к нему не явились вельможи, приходившиеся родственниками и свойственниками самодержцу, и сообща не попросили помиловать Синесия.

Между тем большинство куманов опасалось, как бы самодержец ночью не замыслил чего-нибудь против них, поэтому они забрали свою добычу и ночью выступили по дороге к Данувии. Сам же император, стремясь уйти от зловония, исходившего от трупов, на рассвете выступил из лагеря и направился к Кала-Дендра – в восемнадцати стадиях от Хирин. По дороге его нагнал Мелиссин: он не успел прибыть к моменту битвы, ибо занимался отправкой самодержцу упомянутых новобранцев. Алексей и Мелиссин, как полагается, радушно приветствовали друг друга и остаток пути беседовали о событиях минувшей битвы со скифами.

Прибыв в Кала-Дендра, самодержец узнал о бегстве куманов и велел погрузить на мулов все то, что он должен был отдать куманам, согласно условиям договора, и приказал, если удастся, настичь их до Данувии и вручить им их долю. Ведь Алексей нередко и со многими людьми вел беседы о лживости и считал недопустимым не только лгать, но даже казаться лживым. Так он распорядился относительно беглецов. Тех же куманов, которые за ним последовали, Алексей щедро угощал весь остаток дня. Он решил, однако, не отдавать куманам в тот день причитающегося им жалования, а подождать, пока они не протрезвятся во сне и, придя в себя, не начнут отдавать себе отчет в происходящем. На следующий же день Алексей призвал их всех к себе и заплатил им намного лучше, чем обещал раньше. Император решил отпустить куманов домой, но взял у них заложников, ибо опасался, что на обратном пути они рассеются во все стороны в поисках провианта и нанесут немалый вред селениям, расположенным вдоль дороги. Так как куманы просили обеспечить им безопасность в пути, Алексей поручил Иоаннаки (это человек выдающегося мужества и ума) позаботиться о куманах и благополучно доставить их к самому Зигу¹⁸¹. Так божественное провидение позаботилось о самодержце.

Полностью исполнив свой долг, самодержец в мае с трофеем как победитель возвращается в Византий.

Здесь я должна кончить свой рассказ о скифах, хотя из многочисленных событий я кос-

нулась лишь немногих и, можно сказать, погрузила только кончики пальцев в воды Адриатического моря. Ведь о блестящих победах самодержца, о поражениях его врагов, о собственных подвигах Алексея, о всех случившихся в то время событиях и о том, как император всегда умел приспособиться к обстоятельствам и тем или иным способом выпутаться из тяжелого положения, – обо всем этом не смогли бы рассказать ни новый Демосфен, ни весь сонм ораторов, ни Академия вместе со Стоей, если бы они даже сочли своей первой задачей восхваление деяний Алексея.

7. Через несколько дней после возвращения императора во дворец был раскрыт заговор, составленный против самодержца армянином Ариевом и кельтом Умбертопулом (и тот и другой знатные и воинственные мужи), привлечшими к себе немалое число сторонников. Улики были налицо, и истина обнаружилась. Заговорщики были осуждены и приговорены к конфискации имущества и изгнанию. Следует отметить, что самодержец полностью освободил их от полагающегося по законам наказания.

Затем до самодержца донеслись слухи о нашествии куманов и о том, что Бодин вместе с далматами намерен нарушить договор и вторгнуться в наши земли. Поэтому Алексей пребывал в нерешительности, не зная, против какого врага обратить свое оружие. Он решил выступить вначале против далматов, до их прибытия занять узкую долину между нашими и их землями и, насколько будет возможно, укрепить ее. Он собрал всех приближенных, открыл им свое намерение и, получив общее одобрение, выступил из столицы, чтобы устроить дела на Западе.

Вскоре Алексей прибыл в Филиппополь, где получил письмо от болгарского архиепископа, в котором тот сообщал, что дука Диррахия Иоанн, сын севастократора, вынашивает планы восстания. Весь день и всю ночь провел Алексей в душевном волнении; из жалости к отцу Иоанна он откладывал расследование дела, но в то же время опасался, что слух об Иоанне оправдается. Иоанн был еще юношей, и Алексей, зная необузданный нрав людей этого возраста, боялся, что он поднимет мятеж и доставит невыносимое горе как своему отцу, так и дяде. Поэтому император решил всеми способами постараться сорвать замысел Иоанна, ведь он был необычайно привязан к юноше.

И вот Алексей призвал к себе великого эте-риарха¹⁸² Арги́ра Карацу (несмотря на свое скифское происхождение, этот человек отличался большим благоразумием и был слугой добродетели и истины) и вручил ему два письма¹⁸³. В первом, адресованном Иоанну, содержалось следующее: “Наша царственность, узнав, что варвары выступили против нас и прошли через клисуры, вышла из Константинополя, чтобы укрепить границы Ромейской державы. Тебе же следует самому явиться с докладом о положении во вверенной тебе области (ибо я опасаясь злых умыслов против нас со стороны Вукана) и сообщить мне о положении в Далмации и о том, соблюдает ли Вукан условия мирного договора (ведь до меня ежедневно доходят неблагоприятные вести о нем), чтобы, получив более точные сведения о Вукане, я смог во всеоружии встретить его козни. Затем я отправлю тебя с необходимыми инструкциями обратно в Иллирик, дабы, на два фронта сражаясь с врагами, с божьей помощью добиться победы”. Таково было содержание письма, адресованного Иоанну.

9. Это выступление против самодержца было не последним. В царственном городе находился Феодор Гавра. Зная дерзость и энергию

этого человека, Алексей решил удалить его из столицы и потому назначил дукой Трапезунда, города, который тот ранее отобрал у турок. Гавра был родом из горных районов Халдии и завоевал славу доблестного воина, ибо превосходил всех людей своим умом и мужеством. Ни в одном, даже самом малом деле, не терпел он неудач и постоянно брал верх над своими противниками, а завладев Трапезундом и распоряжаясь им как своей собственностью, он и вовсе стал непобедим. Сына Гавры, Григория, севастократор Исаак Комнин обручил с одной из своих дочерей. Так как молодые люди были еще очень юны, между ними только состоялась помолвка. Гавра отдал севастократору своего сына Григория, для того чтобы дети вступили в брак, когда достигнут совершеннолетия, а сам, попрощавшись с императором, вернулся в свою страну. Однако вскоре, покоряясь общей участи, умерла супруга Гавры, и он женился вторично – на одной знатной аланке. Новая жена Гавры и супруга севастократора оказались дочерьми двух сестер. Когда это обнаружилось, брачный договор между детьми был расторгнут, ибо законы и каноны запрещали их связь¹⁸³.

Книга IX

4. Не успел еще самодержец освободиться от этих забот и избавиться от доставленных Чаканом хлопот (Алексей принимал личное участие не во всех событиях, но всегда мысленно был с воюющими и помогал им в их делах и заботах), как должен был отправиться на новые подвиги.

Дело в том, что Вукан (этот муж, властитель всей Далмации, был искусен как в речах, так и в делах) через два года после разгрома скифов¹⁸⁴ вышел за пределы своей страны и стал опустошать соседние города и земли, овладел даже Липением, поджег и спалил город. Узнав об этом, император решил не ос-

тавлять действия Вукана безнаказанными, собрал против сербов¹⁸⁵ большое войско и повел его прямо к Липению (это небольшой городок, расположенный у подножия Зига, отделяющего Далмацию от нашей страны). Его целью было, если представится возможность, завязать упорную битву с Вуканом, а если Бог дарует ему победу, отстроить и восстановить в прежнем виде Липений и все остальные города. Вукан, узнав о приходе самодержца, вышел из Липения и прибыл в Звенчан (это городок, расположенный на упомянутом уже Зиге, между Ромейским государством и Далмацией).

Книга X

2. ...Какой-то человек, не принадлежавший к знатному роду, происходивший из низов, в прошлом воин, объявил себя сыном Диогена, хотя настоящий сын Диогена был убит еще в то время, когда Исаак Комнин, брат самодержца, сражался с турками у Антиохии (желающих узнать об этом подробнее я отсылаю к сочинению знаменитого кесаря)¹⁸⁶. Многие пытались заткнуть рот самозванцу, но он не умолкал. Он явился с Востока в овчи-

не, нищий, подлый и изворотливый; обходил город дом за домом, улицу за улицей, рассказывая о себе небылицы: он-де сын прежнего императора Диогена, тот самый Лев, который, как уже было сказано, был убит стрелой под Антиохией. И вот, “воскресив мертвого”, этот наглец присвоил себе его имя и стал открыто домогаться императорской власти, вовлекая в обман легковверных. И это тоже было тягостным прибавлением ко всем невзгодам

императора: сыграв с ним злую шутку, судьба послала ему этого несчастного. Подобно гурманам, которые, насытившись, лакомятся на закуску медовыми пряниками, судьба ромеев, досыта наладившись множеством бед, стала разыгрывать императора такими вот лжеимператорами.

Между тем самодержец совершенно пренебрегал всеми слухами. Но этот вояка все время болтал на улицах и перекрестках, и слух о нем дошел до сестры императора Алексея, Феодоры, вдовы погибшего сына Диогена. Она не смогла стерпеть этих выдумок. После смерти мужа она приняла монашество и, предав себя одному Богу, вела жизнь строго аскетическую. Поскольку этот обманщик не успокоился ни после второй, ни после третьей попытки его образумить, самодержец отослал его в Херсон и приказал взять под стражу. Но он, очутившись в Херсоне, стал по ночам подниматься на городскую стену и, высунувшись, заводил беседы с куманами, которые обычно туда приходили торговать и покупать нужные им товары. Обменявшись с ними клятвами, однажды ночью он обвязал себя веревкой и спустился по стене вниз.

Куманы вместе с ним отправились в свою страну¹⁸⁷. Он прожил там довольно долго и достиг того, что куманы уже стали называть его императором. В жажде хлебнуть человеческой крови, вкусить человеческого мяса и унести из нашей страны богатую добычу, они решили “под предлогом этого Патрокла” вторгнуться всем войском в Ромейскую землю, чтобы посадить его на трон, якобы принадлежавший его отцу. Такие у него были намерения, и они не остались неизвестными самодержцу. Поэтому Алексей как можно лучше вооружил войска и приготовился к войне с варварами. Как мы уже говорили, он еще раньше укрепил горные долины, которые на языке простонародья называются клисуры.

Спустя некоторое время, узнав, что куманы вместе с самозванцем вторглись в Паристрий, он собрал главных военачальников, а также своих родственников и свойственников и спросил их совета, идти ли ему на врага. Все его отговаривали. Однако Алексей, который не доверял даже самому себе, не хотел руководствоваться и соображениями своих ближних; он возложил все надежды на Бога и просил его решения.

И вот Алексей созвал воинское и священническое сословие и вечером отправился в Великую церковь в сопровождении самого пат-

риарха Николая (он взошел на патриарший трон в седьмом индикте 6592 года после отречения Евстратия Гарида)¹⁸⁸.

Император написал на двух дощечках по вопросу, следует ли выступать против куманов или нет, запечатал их и велел корифею положить на святой престол. Ночь прошла в пении молитв. На рассвете в алтарь вошел положивший дощечки, взял одну из них, вынес и на виду у всех вскрыл и прочел. Это решение самодержец принял как божий глас, он с головой ушел в заботы о предстоящем походе и стал письмами собирать отовсюду войско.

И вот, хорошо подготовившись, он двинулся навстречу куманам. Собрав все войско, он прибыл в Анхиал, вызвал к себе своего зятя кесаря Никифора Мелиссина, Георгия Палеолога и его племянника Иоанна Таронита¹⁸⁹, послал их в Боруй и приказал стоять на страже, дабы обеспечить безопасность города и окрестностей. Затем Алексей разделил войско, во главе отрядов поставил своих лучших военачальников – Даватина, Георгия Евфорвина и Константина Умбертопула и послал их охранять клисуры в окрестностях Зига. Сам же он прибыл в Хортарею¹⁹⁰ (так называется одна из клисур Зига) и объехал весь Зиг, проверяя, все ли его прежние приказания исполнены теми, кто взял на себя их выполнение; незаконченное или сделанное кое-как он исправлял, чтобы преградить путь куманам. Уладив все дела, он ушел оттуда и разбил лагерь возле так называемого Священного озера¹⁹¹, неподалеку от Анхиала. Ночью пришел некий Будило¹⁹², из знатных влахов, с известием, что куманы перешли Данувий. Тогда император решил на рассвете собрать наиболее достойных своих родственников и военачальников и обсудить, что делать. Все сказали, что нужно занять Анхиал, и император немедленно послал с наемниками (Скалиарием Ильханом и другими отборными воинами) Кантакузина и Татикия охранять так называемые Фермы¹⁹³, а сам отправился в Анхиал.

Узнав, что куманы рвутся к Андрианополю, он вызвал всех знатных адрианопольцев, среди них самыми видными были Тарханиот Катакалон¹⁹⁴ и Никифор, сын Вриенния, домогавшегося некогда императорской власти¹⁹⁵ (он и сам пытался захватить власть, но был ослеплен). Император велел им хорошо охранять крепость и, когда подойдут куманы, не терять выдержки и не ввязываться с ними в схватку, а быть благоразумными и обстреливать их на расстоянии, почти все время дер-

жа ворота на запоре. Он обещал им многочисленные милости, если они исполнят его приказания¹⁹⁶. Дав эти наставления Вриеннию и другим, самодержец отослал их преисполненными радостных надежд в Адрианополь. Константину Евфровину Катакалону он письмом приказал взять с собой Монастру (у этого полуварвара был большой военный опыт) и Михаила Анемада¹⁹⁷ с их войсками и, как только куманы пройдут через клисуры, двинуться вслед и неожиданно на них напасть.

3. Между тем куманы узнали от влахов тропы через ущелья и легко перешли Зиг. Когда они приблизились к Голое, жители немедленно заключили в оковы начальника крепости и передали его куманам, которых они встретили радостными приветствиями. Константин Катакалон, который хорошо помнил наставления императора, встретившись с куманами, вышедшими за фуражом, отважно на них напал и взял в плен около сотни. Император сразу же призвал его к себе и наградил титулом новелиссима. Видя, что Голое во власти куманов, жители соседних городов – Диамболя и других – перешли на сторону куманов, радостно встретили их, передали свои города и славословия Лжедиогену. Он же, получив власть над этими городами, направился со всем куманским войском к Анхиалу с намерением штурмовать его стены.

Тем временем император находился в городе. Еще с детских лет приобретя большой военный опыт, он видел, что сама местность служит препятствием для нападения куманов и является хорошей защитой для городских стен, поэтому он разделил войско, велел открыть ворота крепости и поотрядно выстроил своих воинов снаружи тесным строем, у края боевого строя куманов... часть ромейской фаланги, крича... обратили в бегство и преследовали до самого моря. Самодержец, видя это и не имея сил дать отпор такому множеству врагов, приказал воинам сохранять сомкнутый строй и не выходить из рядов. Куманы тоже стояли в строю, лицом к лицу с ромеями и тоже не нападали на них. Это длилось в течение трех дней с утра до вечера; расположение местности мешало куманам начать сражение, хотя они и хотели этого, а из ромейского войска никто не напал на них.

Крепость Анхиал расположена следующим образом. Справа находится Понт, слева – каменистая, труднопроходимая местность, усаженная виноградниками, неудобная для движения конницы.

Что же было потом? Варвары, видя твердость императора и потеряв надежду осуществить свой план, избрали другой путь и отправились к Адрианополю. Самозванец их обманывал, говоря: “Как только Никифор Вриенний услышит, что я пришел в Адрианополь, он откроет ворота и примет меня с большой радостью; он даст мне денег и окажет всевозможные милости. Хотя он и не родственник моему отцу, но питал к нему братские чувства. Когда же крепость перейдет к нам, мы отправимся дальше, прямым путем к царственному городу”. Он называл Вриенния своим дядей, сочиняя ложь, имевшую вид правды. Действительно, император Роман Диоген знал этого самого Вриенния как человека, превосходящего умом всех своих современников и, ценя его прямоту и неизменную искренность в словах и делах, решил сделать его своим братом; это и было исполнено при взаимном согласии¹⁹⁸. Это была всем известная правда, но самозванец дошел до такого бесстыдства, что на самом деле называл Вриенния своим дядей.

Таковы были уловки самозванца. Куманы же, которым, как и всем варварам, легкомыслие и непостоянство присущи от природы, верили его словам; они направились к Адрианополю и расположились у стен города. Сорок восемь дней продолжались сражения, ибо молодость, рвущаяся в бой, каждый день делала вылазки из города и непрерывно завязывала сражения с варварами. Никифор Вриенний, которого окликнул снизу самозванец, наклонился с башни и, услышав незнакомый голос, ответил, что не признает в нем сына Романа Диогена (как уже было сказано, названного брата Вриенния – ведь подобное случается нередко) и что подлинный сын Романа убит под Антиохией. С этими словами он отослал прочь пристыженного обманщика.

Между тем время шло, осажденные стали уже испытывать лишения и письмом попросили помощи у самодержца. Он тотчас приказал Константину Евфровину выбрать из подчиненных ему комитов достаточно сильный отряд и ночью войти с ним в Адрианополь со стороны Калафад: Катакалон немедленно выступил по дороге на Орестиаду в надежде пройти незаметно для куманов. Но его план не удался. Куманские всадники заметили ромеев и, намного превосходя их численностью, напали на них, отбросили назад и стали яростно преследовать. При этом сын Катакалона, Никифор (впоследствии он стал мне зятем,

женившись на моей сестре, Марии Порфиородной¹⁹⁹), потрясая длинным копьем, внезапно поворачивается к преследовавшему его скифу и поражает его прямо в грудь. Тот сразу же упал замертво. И в самом деле, Никифор по-настоящему умел владеть копьем и прикрываться щитом. Видя Никифора на коне, можно было принять его за уроженца Нормандии, а не ромея. Верхом на коне этот юноша был настоящее чудо; природа щедро одарила его; он был почитителен к Богу, мягок и кроток с людьми.

Не прошло и сорока восьми дней, как по приказанию Никифора Вриенния (в его руках находилась вся власть в Адрианополе) отважные воины внезапно открыли ворота и напали на куманов. В завязавшемся упорном бою погибло много ромеев; они мужественно сражались, пренебрегая жизнью, и убили много врагов. Как только Мариан Маврокатакалон²⁰⁰ заметил Тогортака (это предводитель куманского войска), он, потрясая длинным копьем, во весь опор помчался прямо на него; еще немного, и он убил бы его, если бы окружавшие Тогортака куманы не поспешили на выручку, едва не убив и самого Мариана. Этот Мариан, хотя и был очень юн и совсем недавно вышел из отрочества, часто выезжал из ворот Орестиады, чтобы сразиться с куманами, и всякий раз возвращался победителем, ранив или убив кого-нибудь из врагов. Это, действительно, был доблестный воин; доблестный сын, он как наследство получил от доблестных родителей свое мужество. Спасшись от грозившей ему смерти, он, кипя гневом, кинулся на Лжедиогена, который стоял на берегу реки, там, где сражался с варварами и Мариан. Мариан, увидев, что Лжедиоген одет в пурпур и царские одежды, а окружавшие его люди рассеялись кто куда, поднял свой кнут и стал без жалости стегать его по голове, называя самозванцем.

4. Император, узнав, что куманы упорствуют в осаде Адрианополя и что там постоянно происходят бои, решил, что и ему следует перейти туда из Анхиала. И вот он, созвав лучших военачальников и видных горожан, просил их посоветовать ему, что делать. Тут выступил некий Алакасей и сказал: “Мой отец был когда-то близок с отцом самозванца. Я могу пойти, заманить самозванца в какую-нибудь крепость и там схватить его”. Алакасей спросили, как он осуществит этот замысел. Он предложил самодержцу способ, каким действовал воин Кира, Зопир²⁰¹. Он объявил,

что обезобразит себя, обрежет бороду и волосы, отправится к самозванцу и скажет, будто бы пострадал от самодержца.

Может быть, он сказал и не сделал, обещал и не выполнил своего обещания? Нет, не успел самодержец одобрить его предложение, как Алакасей был уже наголо острижен, а тело его изранено. В таком виде он и явился к мнимому Диогену. Напомнив ему об их прежней дружбе и многом другом, он сказал: “Я вытерпел много зла от императора Алексея и, полагаясь на старинную близость моего отца к твоей царственности, пришел, чтобы помочь тебе достичь цели”. Он воспользовался этими льстивыми словами, дабы вернее завлечь самозванца.

Расскажу об Алакасее подробнее: он у самодержца Алексея взял пропуск и удостоверение письмо к начальнику крепости Пуща²⁰², гласящее: “Исполни без колебаний все, что предложит тебе предъявитель этого письма, и слушайся его” (самодержец верно угадал, что куманы из Адрианополя явятся именно в эту крепость). Затем Алакасей пришел к самозванцу, как я уже сказала, наголо остриженный и сказал: “Много бед я перенес, из-за тебя терпел я позор и оковы, из-за тебя много дней провел в тюрьме. Когда ты перешел ромейские границы, самодержец счел меня подозрительным, ибо знал о твоей дружбе с моим отцом. И вот я, освободившись от оков, тайно убежал к тебе, моему господину, и хочу послужить тебе полезным советом”.

Самозванец хорошо принял его и спросил, что нужно делать для достижения цели. Алакасей ответил: “Видишь там крепость и широкую равнину? Там можно найти корма для коней на все то время, какое ты пожелаешь отвести для отдыха себе и своему войску. Не стоит пока двигаться дальше; лучше задержаться немного здесь, завладеть этой крепостью, куманы в это время добудут фураж, а ты потом отправишься к царственному городу. Если тебе нравится мой план, я увижусь с начальником крепости – он мой давний друг – и устрою так, что он сдаст тебе крепость без боя”.

Этот замысел понравился Диогену. Ночью Алакасей привязал письмо императора к стреле и пустил ее в крепость. Прочтя письмо, начальник приготовился сдать крепость. На рассвете Алакасей первым приблизился к воротам и притворился, что беседует с начальником, – заранее он условился с Диогеном о знаке, по которому тот немедленно должен был

войти в крепость. Некоторое время Алакасей делал вид, что беседует с начальником, а затем подал самозванцу условленный знак; увидев его, Диоген с немногими воинами без страха вошел в крепость. Жители радостно встретили самозванца; начальник Пуцы пригласил его в баню, и тот по настоянию Алакасея сразу же согласился. Потом Диогену и его куманам была предложена пышная трапеза. Попировав вволю и выпив много вина из полных мехов, куманы легли спать и захрапели.

Алакасей, начальник крепости и другие тотчас окружили их, забрали у них оружие и коней, Диогена же оставили храпеть на своем месте, а его спутников убили и бросили в ров, ставший для них естественной могилой.

Тем временем Катакалон, следовавший по приказу императора за куманским войском, увидел, как Диоген вошел в крепость, а куманы рассеялись для добычи фуража, и разбил лагерь вблизи названного города. Алакасей же побоялся дать весть самодержцу о происшедшем – повсюду сновали куманы, – а вместе с Диогеном отправился прямо в Цурул, чтобы оттуда двинуться в царственный город. Когда об этом узнала находившаяся в царском дворце госпожа, мать императора, она немедленно послала друнгария флота, евнуха Евстафия Киминиана, чтобы тот принял Диогена и доставил его в столицу. Евстафий имел при себе одного турка по имени Камир, которого он использовал для ослепления Диогена²⁰³.

Между тем император, все еще находившийся в Анхиале, получил сведения, что куманы рассеялись для добычи фуража по близлежащей территории, и выступил из Анхиала в Малую Никею. Однако, узнав, что Кица, один из предводителей куманского войска, разослал двенадцать тысяч воинов для добычи фуража, захватил богатую добычу и подошел с куманами к ущелью Таврокома, император собрал свои отряды, спустился к берегу реки, текущей по этому ущелью, и расположился там лагерем. Это место было густо покрыто чебрецом и молодой древесной порослью. Расположив там войско, он выделил большой отряд турок, опытных стрелков из лука, и послал их против куманов в расчете на то, что турки завяжут бой с куманами и увлекут их после нескольких конных атак вниз по склону. Но куманы напали на турок и неудержимо преследовали их вплоть до ромейской фаланги, а затем, немного придержав

коней, восстановили строй и приготовились напасть на ромеев.

Император заметил, как какой-то куман дерзко выехал из рядов и разъезжает вдоль строя, как будто вызывая противника для поединка; Алексей не мог стерпеть, что и левое и правое крыло его войска бездействуют, отделился от остальных и во весь опор помчался на жаждавшего боя варвара. Он ударил копьем кумана, по рукоять вонзил ему в грудь меч и сбросил с коня. В этот день император отличился скорее как воин, чем как полководец. Этим он сразу вселил мужество в ромейское войско и страх в скифское. Как башня двинулся он на скифов и рассек их ряды. Таким образом строй варваров был разорван, а сами они в беспорядке и смятении бежали во все стороны. Куманов в тот день погибло около семи тысяч, в плен было уведено три тысячи.

Отнятую добычу император не разрешил, как обычно, поделить между воинами – совсем недавно она была награблена в окрестностях, и Алексей велел вернуть ее жителям. Как птица, облетел приказ императора окрестности, и каждый, кто был ограблен, приходил, узнавал свое добро и забирал его. Ударяя себя в грудь, с мольбой воздевая к небу руки, они просили у Бога благ для самодержца. И слышен был слившийся воедино глас мужчин и женщин, долетавший до самой лунной сферы.

Но достаточно об этом. Сам же император, исполненный радости, собрал свое войско и вернулся в Малую Никею. Там он пробыл два дня, а на третий ушел в Адрианополь, где провел немало дней в доме Сильвестра. В это время все предводители куманов решили обмануть самодержца и, покинув остальное войско, пришли к нему якобы по собственной инициативе, будто бы с целью немедленно заключить с ним мир. Они рассчитывали, что за время переговоров куманское войско успеет подтянуться к своим передовым отрядам. Пробыв у императора три дня, на четвертый они ночью отправились к себе.

Распознав обман куманов, самодержец спешно послал скороходов сообщить тем, кому была поручена охрана проходов Зига, чтобы они не ослабляли внимания, а, напротив, особенно бдительно несли стражу и постарались схватить беглецов. Сам же он, узнав, что куманское войско движется вперед со всеми имевшимися при нем воинами, явился в место под названием Скутари²⁰⁴, в восемнадцати стадиях от Адрианополя, а на другой день – в

Агафонику²⁰⁵. Узнав, что куманский лагерь все еще находится у Аврилево²⁰⁶ (место недалеко от упомянутых городов), он отправился туда, но еще издали увидел бесчисленные огни, зажженные куманами, призвал Николая Маврокатакалона и других высших военачальников, чтобы обсудить с ними, что делать. Было решено послать за предводителями наемников Узой (из савроматов), скифом Карацой и полуварваром Монастрой и приказать им, выходя из лагеря, распорядиться зажечь у каждой палатки по пятнадцати и более костров; тогда куманы, увидав такое множество огней, решат, что ромейское войско огромно, и не станут больше на него нападать с такой смелостью. Костры вселили большой страх в души куманов. На рассвете самодержец с войском в полном вооружении выступил на врага; в завязавшемся бою куманы обратили тыл. Тогда самодержец разделил войско, легковооруженные отряды послал вдогонку и сам неудержимо устремился за бегущими. Настигнув их у клисуры Сидиры, он многих убил, а еще больше взял в плен.

Посланные вперед отряды отобрали у куманов всю добычу и вернулись. Самодержец, спасаясь от непогоды, провел ночь на горной вершине над Сидирой, а на рассвете прибыл в Голою. Здесь он остался на сутки, чтобы вознаградить своих мужественных воинов и почтить их дорогими подарками. Осуществив свое намерение, он отпустил их всех домой, исполненных радости, и через двое суток вернулся в императорский дворец.

5. ...Так, как описано выше, продолжалось правление самодержца до 4-й индикта, 6604 (1096) г. Не успел он немного отдохнуть, как до него дошел слух о приближении бесчисленного войска франков. Он боялся их прихода, зная неудержимость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее вытекает: алчные до денег, они под любым предлогом легко нарушают свои же договоры. Алексей непрестанно повторял это и никогда не ошибался. Но самодержец не пал духом, а все делал для того, чтобы в нужный момент быть готовым к борьбе. Однако действительность оказалась гораздо серьезнее и страшнее передаваемых слухов. Ибо весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столбов, все вместе стали переселяться в Азию; они двинулись в путь целыми семьями и прошли

через всю Европу²⁰⁷. Причиной такого огромного передвижения было следующее.

Один кельт, по имени Петр, по прозвищу Кукупетр, отправился на поклонение гробу Господню и, натерпевшись много бед от разорявших всю Азию турок и сарацин, едва вернулся в свои края. Не желая мириться с неудачей, он решил вновь отправиться в тот же путь. Но Петр понимал, что ему нельзя больше идти ко гробу Господню одному, дабы не случилась беда, и поэтому он прибегнул к ловкой выдумке. Петр сделал следующее. Он возвестил во всех латинских странах: "Глас божий велел мне объявить всем графам во Франкии, чтобы они оставили свои дома и отправились на поклонение гробу Господню и все сделали для освобождения Иерусалима из рук агарян".

И выдумка удалась ему. Петр как будто покори́л все души божественным гласом, и кельты начали стекаться отовсюду, кто откуда, с оружием, конями и прочим военным снаряжением. Общий порыв увлек их, и они заполнили все дороги. Вместе с кельтскими воинами шла безоружная толпа женщин и детей, покинувших свои края; их было больше, чем песка на берегу и звезд в небе, и на плечах у них были красные кресты. Как реки, хлынувшие отовсюду, всем войском двинулись они на нас через Дакию.

Приходу этого множества народов предшествовало появление саранчи, которая не тронула пшеницу, однако страшно опустошила виноградники. Как объясняли тогда толкователи знамений, это означало, что кельтское войско, вторгшись к нам, воздержится от вмешательства в дела христиан, но грозно обрушится на варваров-исмаилитов, рабов пьянства, вина и Диониса. Ибо все это племя, преданное Дионису и Эроту, чрезвычайно склонно ко всякому блуду; оно не обрезает вместе с плотью свою похоть и есть не что иное, как раб, трижды раб всех пороков Афродиты. Вот почему они боготворят и почитают Астарту и Астарота, и вот почему они выше всего ставят изображение звезды и своей золотой Хобар. Пшеницу же рассматривали как христианский символ, потому что она – трезвая и насыщающая. Вот как толкователи объясняли виноградники и хлеба.

Но достаточно о знамениях. Они сопровождали приход варваров, и умные люди предвидели наступление каких-то новых событий. Все это множество людей пришло не сразу и не по одному пути (да и как могла такая ог-

ромная толпа из разных мест вся разом переправиться через пролив Лонгивардии?); сначала одни, затем другие, потом следующие, – постепенно все совершили переправу и двинулись по суше. Как я уже говорила, перед каждым войском двигались тучи саранчи. Неоднократно наблюдая это, все понимали, что саранча – предвестница франкских отрядов.

Когда отдельные отряды уже переправились через пролив Лонгивардии, самодержец собрал некоторых военачальников ромейского войска и отправил их в район Диррахия и Авлона с приказом дружелюбно встретить переправившихся, в изобилии поместить на их пути запасы продовольствия, доставленные из всех областей, а также следовать и наблюдать за варварами и, если они станут нападать и грабить близлежащие земли, обстреливать и отгонять их отряды. С посланными были и люди, знающие латинский язык, чтобы улаживать возможные столкновения.

Но чтобы мой рассказ был ясным и подробным, приведу повсюду распространившийся слух, что первым, кто продал свои земли и пустился в предстоящий путь, был Готфрид. Он был человеком очень богатым, весьма гордившимся благородством, храбростью и знатностью своего рода – ведь каждый кельт стремится превзойти всех остальных. И вот у мужчин и женщин возникло стремление, подобного которому не знала ничья память. Люди простые, искренние хотели поклониться гробу Господню и посетить святые места. Но некоторые, в особенности такие, как Боэмунд и его единомышленники, таили в себе иное намерение: не удастся ли им в придачу к остальной наживе попутно захватить и сам царственный город. Боэмунд в угоду своей давнишней ненависти к самодержцу стал смущать души многих благородных людей. Между тем провозгласивший этот поход Петр с двадцатью четырьмя тысячами пехоты и ста тысячами всадников раньше всех переправился через пролив Лонгивардии и пришел в столицу через Угрию. Племя кельтов – вообще, как можно догадаться, очень горячее и быстрое – становится совершенно необузданным, когда к чему-то стремится.

6. Узнав про все, что Петр вытерпел раньше от турок, император посоветовал ему дожидаться прихода остальных графов, но тот не послушался, полагаясь на большое количество сопровождавших его людей, переправился через пролив и разбил свой лагерь под городком, называвшимся Еленополь. За ним после-

довало около десяти тысяч норманнов. Отделившись от остального войска, они стали грабить окрестности Nikei, обращаясь со всеми с крайней жестокостью. Даже грудных детей они резали на куски или нанизывали на вертела и жарили в огне, а людей пожилых подвешивали всем видам мучений.

Жители города, узнав о происходящем, открыли ворота и вышли сразиться с норманнами. Но так как норманны сражались с большим упорством, они после жестокого боя вернулись назад в крепость. Норманны же, забрав всю добычу, возвратились в Еленополь. Там между ними и теми, кто оставался в городе, началась ссора; зависть, как обычно в таких случаях, стала жечь души оставшимся, и между ними и норманнами произошла драка. Своевольные норманны снова отделились и с ходу взяли Ксеригорд.

Султан²⁰⁸, узнав о случившемся, послал против них Ильхана с крупными силами. Ильхан, подступив к Ксеригорду, сразу взял его, норманнов же частью сделал добычей мечей, частью увел в плен. Не забыл Ильхан и об оставшихся с Кукупетром. Он устроил в удобных местах засады, чтобы на них неожиданно наткнулись и погибли те, которые будут двигаться в сторону Nikei. Кроме того, зная жадность кельтов, он послал двух предприимчивых людей в лагерь Кукупетра и поручил им возвестить там, что норманны, взяв Nikeю, занялись разделом добра.

Слух дошел до лагеря Петра и привел всех в большое смятение. Услышав о дележе и богатстве, они тотчас же, забыв и свой воинский опыт и боевое построение, бросились в беспорядке по дороге к Nikee. Ведь племя латинян вообще, как сказано выше, очень жадное на богатство, теряет рассудок и становится совершенно неукротимым, если задумает набег на какую-нибудь землю. Двигаясь неправильным строем и не отрядами, они наткнулись на турок, устроивших засаду около Дракона, и были убиты самым жалким образом. Жертвой исмаильских мечей стало такое множество кельтов и норманнов, что те, кто собирал валявшиеся повсюду трупы заколотых, сложили из них не холм, не бугор, не горку, а огромную гору, необыкновенную по высоте и толщине; вот какой курган костей они набросали. Позднее люди того же племени, что и убитые варвары, воздвигли стену в виде города и вперемешку с камнями, как щебень, положили в нее кости убитых, и город стал для

них гробницаей. Он стоит до сих пор, окруженный стеной из камней, смешанных с костями.

Итак, все они стали добычей мечей, и только Петр с немногими другими вернулся в Еленополь. Турки снова устроили засаду, чтобы схватить их. Самодержец, получив точные сведения об этом избиении, не мог допустить, чтобы и Петр был пленен. Поэтому он немедленно послал за Константином Евфорвином Катакалоном, о котором я уже много раз упоминала, погрузил на военные корабли большое войско и отправил его через пролив на помощь Петру. Турки, увидев приближение Катакалона, обратились в бегство. Катакалон же, нисколько не медля, взял Петра и его людей, а их было наперечет, и доставил невредимыми к императору.

Когда император напомнил Петру о его прежнем неблагоразумии и о том, что он снова попал в беду, оттого что не послушался его предостережений, Петр с заносчивостью латинянина сказал, что не он виновник этих бедствий, а те, которые не подчинились ему и следовали собственным прихотям; он назвал их разбойниками и грабителями, потому-де Спасителю и было неужгодно, чтобы они поклонились гробу Господню.

Латиняне, подобные Боэмунду и его единомышленникам, давно жаждавшие завладеть Ромейской империей, подчинить ее себе, нашли, как я уже сказала, в призывах Боэмунда хороший предлог и возбудили все это движение; они обманывали простодушных людей, прикидываясь, что отправляются против турок мстить за гроб Господень, и продавали свои земли.

7. Некто Гуго, брат короля Франкии, кичившийся, как Новат, своей знатностью, богатством и силой, собираясь у себя на родине в путь к гробу Господню и стремясь заранее обеспечить себе блестящую встречу, велел передать императору такие безумные слова: “Знай, – сказал он, – император, что я – царь царей и самый великий из живущих под небом. Поэтому, когда я прибуду, ты должен встретить меня с подобающей торжественностью и оказать прием, достойный моего происхождения”.

Это услышал император. В это время дукой Диррахия был Иоанн, сын севастократора Исаака (о нем говорилось выше), а дукой флота – Николай Маврокатакалон; он расставил корабли вокруг порта Диррахия на известном расстоянии друг от друга и сам выезжал из города, наблюдая за морем, чтобы ни один пи-

ратский корабль не мог проплыть незамеченным. Им обоим самодержец тотчас же отправил по письму, где приказывал дуке Диррахия ожидать прибытия Гуго с суши или с моря, немедленно известить о его появлении императора и встретить Гуго с подобающей торжественностью, а дуке флота – не ослаблять своего внимания, не поддаваться беспечности и быть все время настороже.

Гуго, благополучно достигнув берегов Лонгивардии, тотчас же отправил дуке Диррахия послов, числом двадцать четыре, одетых в золотые латы и поножи; с ними были также граф Церпентирий и Илья, бежавший от самодержца из Фессалоники. Послы сказали дуке: “Да будет тебе, дука, известно, что господин наш Гуго вот-вот прибудет и что он несет с собой из Рима золотое знамя святого Петра. Знай также, что он – глава всего войска франков. Поэтому приготовься принять его и войско так, как подобает по его достоинству, и устрой ему должную встречу”.

Пока они сообщали это дуке, Гуго прибыл, как сказано, через Рим в Лонгивардию. При переправе из Бари в Иллирик он попал в сильную бурю и потерял большую часть своих кораблей вместе с гребцами и воинами; лишь один челн, как раз тот, в котором находился Гуго, наполовину разбитый, был выброшен волнами на берег между Диррахием и Пали. Здесь чудом спасшегося Гуго встретили двое из тех, кто по приказу дуки ожидал его прибытия, и обратились к нему со словами: “Дука ждет твоего прихода и очень хочет тебя видеть”. Гуго тотчас же потребовал коня, один из этих двоих спешился и с готовностью отдал своего коня Гуго.

Дука принял его, целого и невредимого, поприветствовал, расспросил, как и откуда он прибыл; узнав о несчастье, приключившемся в плаванье, ободрил Гуго добрыми надеждами и предложил богатое угощение. После пира он предоставил ему волю, но не полную свободу. Тотчас же известив о нем самодержца, дука ждал, что ему будет предписано дальше. Самодержец, узнав обо всем, спешно послал Вутумита в Эпидамн, который я часто называла Диррахием, с поручением доставить Гуго в столицу, держа путь не напрямик, а в объезд через Филиппополь, так как боялся продолжавших прибывать кельтских толп и отрядов.

Император принял Гуго с почетом, всячески выражая ему свою благосклонность, дал

много денег и тут же убедил стать его вассалом и принести обычную у латинян клятву.

8. Но весь этот рассказ про Гуго – только вступление. Не прошло и пятнадцати дней, как Боэмунд, о котором часто упоминалось выше, высадился на берег у Кавалиона с многочисленными графами и с войском, ни с чем не сравнимым по величине. Местность эта находится вблизи Виусы (таковы названия мест в тех краях). Пусть не упрекают меня в том, что я пользуюсь варварскими именами, которыми приходится пятнать ткань исторического повествования, – ведь и Гомер не считал зазорным приводить ради исторической точности имена беотийцев и названия разных варварских островов.

По пятам Боэмунда прибыл к берегам Лонгивардии граф Брабанта. Он тоже решил переплыть пролив и нанял за шесть тысяч золотых статиров пиратский корабль, очень большой, трехмачтовый, с двумястами гребцов и с тремя лодками на буксире. Опасаясь ромейского флота, он отплыл не к Авлону, как все остальные латиняне, а, отчалив, слегка отклонился в сторону, воспользовался попутным ветром и направился прямо к Химаре.

Но, боясь дыма, он попал в огонь, ибо столкнулся не с теми моряками, что непрерывно сторожили в проливе Лонгивардии, а с самим дукой всего ромейского флота Николаем Маврокатакалоном. Дука, уже извещенный об этом пиратском корабле, вышел в море со всеми диерами, триерами своего флота и несколькими дромонами и бросил якорь у Кавалиона, напротив Асона, из которого он отправился и где оставил крупный флот. Так называемого “второго комита” он выслал в море на его собственном корабле, который называется у моряков “экскуссат”, и приказал ему зажечь сигнальный огонь, как только гребцы уже упомянутого пиратского корабля отчалият и поплывут по волнам. Комит отплыл и тотчас же выполнил приказ.

Дука Николай, заметив данный ему знак, часть кораблей немедленно окрылил парусами, часть снабдил веслами на манер сороконожек и устремился навстречу переправлявшемуся графу. Он встретил спешившего к Эпидамну графа, когда тот отдалился от суши не больше чем на три стадии; с ним было полторы тысячи вооруженных воинов и восемьдесят отборных коней. Заметив дуку, кормчий корабля сказал графу Брабанта: “Этот флот, что плывет на нас, из Сирии, и нам грозит стать жертвой мечей и сабель”. Граф велел

тотчас же всем надеть латы и упорно сражаться.

Несмотря на то, что была середина зимы – в этот день поминается великий святитель Николай, – стояла совершенно ясная, безветренная погода, и ночь в полнолуние была светлей, чем весной. Ветра не было вовсе, пиратский корабль не мог плыть и стоял на воде без движения.

Повествуя об этом, мне хотелось бы сказать несколько слов о подвигах Мариана. Он сразу же попросил у дуки флота, своего отца, самые легкие суда, помчался прямо к пиратскому кораблю и попытался захватить его, ворвавшись на него с носа. Видя Мариана в полном вооружении, к нему тотчас же сбежались люди с оружием в руках. Мариан стал уговаривать латинян на их языке ничего не опасаться и не сражаться с единоверцами. Кто-то из латинян прострелил ему шлем из цангры.

Цангра²⁰⁹ – это варварский лук, совершенно неизвестный эллинам. Пользуясь им, не нужно правой рукой оттягивать тетиву, а левой подавать вперед лук; натягивающий это орудие, грозное и дальнометное, должен откинуться чуть ли не навзничь, упереться обеими ногами в изгиб лука, а руками изо всех сил оттягивать тетиву. К середине тетивы прикреплен желоб полуцилиндрической формы, длиной с большую стрелу; пересекая тетиву, он доходит до самой середины лука; из него-то и посылаются стрелы. Стрелы, которые в него вкладываются, очень коротки, но толсты и имеют тяжелые железные наконечники. Пущенная с огромной силой стрела, куда бы она ни попала, никогда не отскакивает назад, а насквозь пробивает и щит и толстый панцирь и летит дальше. Вот насколько силен и неудержим полет этих стрел. Случалось, что такая стрела пробивала даже медную статую, а если она ударяется в стену большого города, то либо ее острие выходит по другую сторону, либо она целиком вонзается в толщу стены и там остается. Таким образом, кажется, что из этого лука стреляет сам дьявол. Тот, кто поражен его ударом, погибает, несчастный, ничего не почувствовав и не успев понять, что его поразило.

И вот стрела, пущенная из цангры, попала в верхушку шлема и пробил его на лету, не задев даже волоска Мариана; провидение не допустило этого. Мариан быстро метнул в графа другую стрелу и ранил его в руку; стрела пробил щит, прошла сквозь чешуйчатый панцирь и задела бок графа. Это увидел один

латинский священник, тринадцатый по счету из тех, кто сражался вместе с графом. Стоя на корме, он стал метать в Мариана стрелы. Но Мариан не пал духом и продолжал яростно сражаться, побуждая к тому же и своих воинов, так что раненым и изнуренным соратникам латинского священника пришлось трижды сменяться. Но сам священник, хотя и получил много ран и был весь залит кровью, бестрепетно продолжал битву.

Представление о священнослужителях у нас совсем иное, чем у латинян. Мы руководствуемся канонами, законами и евангельской догмой: “не прикасайся, не кричи, не дотрагивайся, ибо ты священнослужитель” (Кол II: 21). Но варвар-латинянин совершает службу, держа щит в левой руке и потрясая копьем в правой, он причащает телу и крови Господней, взирая на убийство, и сам становится “мужем крови”, как в псалме Давида (Пс XXV: 9). Таковы эти варвары, одинаково преданные и богу и войне. Так и этот, скорее воин, чем священнослужитель, надел священное облачение и, взяв в руки весло, устремился в морской бой, начав битву сразу и с морем, и с людьми. Наши же обычаи, как я уже говорила, следуют... Аарона, Моисея и нашего первого епископа.

Бой продолжался с вечера до середины следующего дня и становился все ожесточенней. Латиняне, хотя и против воли, сдались Мариану, прежде получив от него обещание сохранить им жизнь. Но этот воинственный священник не прекратил боя и тогда, когда уже был заключен мир. Опустошив колчан, он схватил булыжник и швырнул его в Мариана, который успел прикрыть голову щитом; камень ударился о щит, разбил его на четыре части и пробил шлем. Мариан, оглушенный ударом, сразу потерял сознание и долго лежал, не издавая ни звука, подобно знаменитому Гектору, когда тот едва не испустил дух, пораженный камнем Аякса²¹⁰. С трудом придя в себя и собравшись с силами, Мариан стал метать стрелы в своего врага и трижды его ранил. Но этот, скорей воитель, чем священник, все еще не насытился битвой. Перекидав руками все камни, оставшись без камней и без стрел и не зная, что ему делать дальше, чем защищаться от врага, он стал метаться и буйствовать, как зверь, терзающий от ярости самого себя. Все, что попадалось под руку, он тотчас же пускал в ход. Найдя мешок с хлебами, он стал их швырять как булыжники, будто совершая службу и превращая битву в бо-

гослужение. И вот, схватив один из хлебов, он изо всех сил бросил его в лицо Мариану и расшиб ему щеку.

Вот все об этом священнике, о корабле и его экипаже. Граф Брабанта, сдавшись вместе с кораблем и со своими людьми, с готовностью последовал за Марианом. Когда же они достигли берега и сошли с корабля, этот самый священник стал повсюду разыскивать Мариана; не зная его имени, он искал его по цвету одежды. Найдя, он подошел к нему, обнял, поцеловал и тут же хвастливо сказал: “Если бы вы встретились мне на суше, много вас погибло бы от моих рук”. Выпустив Мариана из объятий, он дал ему серебряный кубок ценой в сто тридцать статиров. Сказав это и сделав такой подарок, священник испустил дух.

9. В это же время граф Готфрид с другими графами и с войском, состоявшим из десяти тысяч всадников и семидесяти тысяч пехотинцев, тоже совершил переправу и, дойдя до столицы, расположил свое войско на берегу Пропонтиды; оно растянулось от моста, находящегося вблизи Космидия, до самого Святого Фоки. Император настаивал на том, чтобы Готфрид переправился через Пропонтиду, тот же откладывал со дня на день и, приводя причину за причиной, оттягивал время. На самом деле он дожидался прибытия Боэмунда и остальных графов. Ибо если Петр с самого начала предпринял весь этот огромный путь для поклонения гробу Господню, то все остальные графы, и особенно Боэмунд, питая старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить ему за ту блестящую победу, которую он одержал над Боэмундом, сразившись с ним под Лариссой; их объединяла одна цель, и им во сне снилось, как они захватывают столицу (об этом я часто вспоминала выше); лишь для вида они все отправились к Иерусалиму, на деле же хотели лишить самодержца власти и овладеть столицей.

Но император, уже давно знакомый с их коварством, письменно приказал наемным войскам и их командирам расположиться отрядами на территории от Афиры до Филея (это прибрежная местность у Понта), и быть настороже; если же будут посланы люди от Готфрида к Боэмунду или к идущим сзади графам или от них к Готфриду, то преградить им путь.

Между тем произошло следующее. Император призвал к себе нескольких графов,

спутников Готфрида, и посоветовал им убедить Готфрида принести клятву. Этот разговор занял много времени из-за природной болтливости латинян и их любви к долгим речам; по их лагерю пронесся ложный слух, что император велел задержать графов. Тотчас же на Византий двинулись густые фаланги; они сразу же разрушили до основания дворцы у Серебряного озера и начали штурмовать стены Византия без гелепол (их не было у латинян). Полагаясь на свою многочисленность, они настолько обнаглели, что дерзнули поджечь ворота, находящиеся под императорским дворцом, недалеко от храма, сооруженного некогда одним из императоров в честь великого святителя Николая.

При виде латинских фаланг не только городской сброд Византия, трусливый и не знающий военного дела, но и преданные императору люди принялись стенать, плакать и бить себя в грудь. Они вспоминали тот четверг, когда был взят город, и боялись, что нынешний день станет им возмездием за то, что было прежде. Все, кто был знаком с военным делом, сбегались в беспорядке к императорскому дворцу. Однако сам император не вооружался; он не надел чешуйчатого панциря, не взял щита и копья, не опоясался мечом, а остался спокойно сидеть на императорском троне, ободряя всех веселым взглядом, вселяя надежды в души своих приближенных и советуясь с родственниками и военачальниками о том, что предпринять.

Прежде всего он запретил кому бы то ни было выходить из города и вступать в бой с латинянами – отчасти, чтобы не нарушать святость дней (был четверг той великой и святой недели, когда Спаситель принял за всех позорную смерть), отчасти, чтобы избежать братоубийственной бойни. Поэтому он много раз посылал гонцов к латинянам, убеждая их прекратить бой. “Побойтесь, – говорил он, – Бога, в этот день принесшего себя в жертву за всех нас, не отвергшего ради нашего спасения ни креста, ни гвоздей, ни копий – удела преступников. Если же вы стремитесь в бой, то и мы будем готовы к нему на другой же день после святого воскресения”. Но они не только не послушались самодержца, а еще тесней сомкнули свои фаланги и стали метать стрелы с такой силой, что даже ранили в грудь одного из стоявших у императорского трона. При виде этого большинство из тех, кто стоял по обе стороны от императора, отступили назад. А он продолжал бесстрашно сидеть, ободряя и

ласково упрекая их, так что изумление охватило всех. Когда же Алексей увидел, что латиняне дерзко подступают к стенам и не внимают его разумным советам, то прежде всего послал за своим зятем Никифором, моим кесарем, и приказал ему взять лучших воинов, опытных стрелков из лука, и расставить их на стене. Он велел подвергнуть латинян сильному обстрелу, но не целиться, а метить главным образом мимо, чтобы не убивать, а только устроить латинян множеством стрел. Как я уже сказала выше, он боялся нарушить святость дня и не желал братоубийственной бойни.

Других отборных воинов, вооруженных в большинстве своем луками и длинными копьями, он послал открыть ворота возле Святого Романа и изобразить стремительное наступление на латинян, соблюдая при этом следующее построение. Каждого вооруженного копьем воина самодержец приказал прикрыть с обеих сторон двумя пельтастами и медленно двигаться в таком порядке, а небольшое число опытных лучников велел выслать вперед, чтобы они издали обстреливали кельтов из лука, часто обращаясь то в одну, то в другую сторону. Когда оба строя сблизятся, лучники должны были тотчас же во весь опор устремиться на латинян, дать знак другим лучникам, следующим за ними, закидать стрелами не всадников, а их коней – отчасти для того, чтобы сдерживать натиск кельтов, которые на раненых конях не смогут уже так быстро мчаться на ромеев, отчасти же, и это – главное, чтобы не убивать христиан. Воины с готовностью выполнили приказ императора, открыли ворота и, то устремляясь на латинян во весь опор, то сдерживая коней уздой, убили многих; в тот день были ранены и несколько наших воинов.

Но оставим их. Как я уже сказала, мой господин, кесарь, с опытными лучниками расположился на башнях, чтобы обстреливать варваров. Все они имели меткие и дальнометные луки – ведь все это были юноши, не уступавшие во владении луком гомеровскому Тевкру. А лук кесаря был воистину луком Аполлона. Кесарь не тянул тетиву к груди, как те гомеровские эллины, и не прилаживал стрелу к луку, чтобы показать, подобно им, свое охотничье искусство, но, как Геракл, слал смертельные стрелы из бессмертного лука и, наметив цель, поражал ее без промаха, стоило лишь ему захотеть. В любое время, в битвах и сражениях, он поражал любую цель и нано-

сил рану именно в то место, в какое направлял стрелу. Он так сильно натягивал лук и так быстро слал стрелу, что превзошел, казалось, в стрельбе из лука и самого Тевкра и обоих Аяксов. Но, глядя на латинян, которые, прикрываясь щитами и шлемами, дерзко и безрассудно подступали к городским стенам, он при всем своем искусстве, хотя и натягивал лук и прилаживал стрелу к тетиве, однако, уважая святость дня и храня в душе приказ самодержца, нарочно метал стрелы не целясь, то с недолетом, то с перелетом.

Воздержавшись ради такого дня от меткой стрельбы в латинян, кесарь все же обратил свой лук против одного дерзкого и бесстыдного латинянина, который не только метал множество стрел в стоявших наверху, но и выкрикивал на своем языке какие-то дерзости. Не напрасно полетела стрела из рук кесаря; она пробила щит, прошла через чешуйчатый панцирь сквозь руку и вонзилась в бок. И вот он, безгласный, уже лежал на земле, как сказал поэт²¹¹, а к небу поднялись голоса тех, кто прославлял кесаря, и тех, кто оплакивал убитого. После этого завязалась жестокая и страшная битва; упорно сражались и всадники вне города и те, кто стоял на стенах. Самодержец ввел в бой свои собственные войска и обратил латинские фаланги в бегство.

На другой день Гуго, придя к Готфриду, посоветовал ему подчиниться воле императора и дать клятву хранить незапятнанную верность, если он не хочет вновь испытать на собственном опыте военный опыт самодержца. Но Готфрид сказал ему с порицанием: “Ты вышел из своей страны, как царь, с большими богатствами и войском, и сам низвел себя с такой высоты на положение раба, а теперь, буд-то совершив великий подвиг, ты приходишь советовать то же самое и мне”. Гуго ответил; “Нам надо было оставаться в своей стране и не зариться на чужую; но мы дошли до этих мест и очень нуждаемся в покровительстве императора, нас не ждет ничего хорошего, если мы не подчинимся ему”. Гуго ушел без всякого результата. Самодержец же, узнав, что идущие позади графы уже приближаются, послал к Готфриду некоторых из своих лучших военачальников с войсками, поручив им убедить Готфрида переправиться через пролив. Когда их увидели латиняне, они, не выждав ни мгновенья и даже не узнав их намерений, бросились в бой. В ожесточенной битве, завязавшейся между ними, было много убитых с той и с другой стороны; ранены были также

воины самодержца, которые дерзко напали на него. Так как императорские войска сражались с большим упорством, латиняне обратились в бегство.

Таким образом, спустя некоторое время Готфрид подчинился воле императора. Придя к нему, он дал ту клятву, которую от него требовали: все города и земли, а также крепости, которыми он овладеет и которые прежде принадлежали Ромейской империи, он передаст под начало того, кто будет назначен с этой целью императором. Поклявшись в этом, он получил много денег и стал гостем и сотрапезником императора. После пышных пиров он переправился через пролив и разбил свой лагерь под Пелеканом. Самодержец же распорядился, чтобы им в изобилии доставлялось всякое продовольствие.

10. Вслед за Готфридом прибыл граф по имени Рауль с пятнадцатью тысячами всадников и пехотинцев; со своими графами он расположился лагерем у Пропонтиды, возле так называемого Патриаршего монастыря, а остальные войска растянул вплоть до самого Сосфения. На уме у Рауля было то же, что и у Готфрида, и он откладывал переправу с намерением дожидаться идущих позади графов. Император же, предвидя будущее и опасаясь их прихода, всеми средствами побуждал Рауля к переправе. Он позвал к себе Опоса (это был человек благородного ума, никому не уступавший в воинском искусстве) и, когда тот явился, велел ему по сути отправиться с другими доблестными воинами к Раулю и заставить его переправиться через пролив. Когда Опос увидел, что Рауль вовсе не подчиняется предписаниям императора, говорит о нем с дерзостью и держит себя надменно, он выстроил своих воинов в боевом порядке, с оружием в руках, чтобы испугать варвара. Он думал, что этим он убедит его переправиться на другой берег. Но Рауль быстрее, чем слово сказывается, выстроил в боевом порядке своих кельтов и, “радостью вспыхнув, как лев, на добычу нежданно набредший”, тотчас же завязал с Опосом большое сражение.

В это время с моря подъехал Пигасий, чтобы переправить отряды Рауля на ту сторону. Видя, что на суше идет бой и кельты с яростью нападают на войско ромеев, он высадился на берег и напал на кельтов с тыла. Много кельтов было убито, еще больше было ранено, а оставшиеся стали просить о переправе. Император, человек весьма предусмотрительный, не хотел, чтобы они соединились с Гот-

фридом и настроили его против самодержца, рассказав о случившемся. Поэтому он с радостью согласился на просьбу кельтов и, погрузив их на корабли, отправил морем к гробу Спасителя, к чему они и стремились. Он отправил послов и к тем графам, которые были еще в пути, передал им дружелюбные слова и вселил в них добрые надежды. Придя, они с готовностью исполнили все приказы.

Вот все, что касается графа Рауля. Вслед за ним приближалось новое бесчисленное множество людей, смешанное по составу, собранное почти из всех кельтских земель, во главе с предводителями – королями, герцогами, графами и даже епископами. Самодержец, человек, удивительно умевший предвидеть будущее и заранее принимать нужные меры, отправил к ним послов с поручением дружелюбно их встретить и передать добрые слова. Он распорядился доставлять им в пути продовольствие и поручил это специально назначенным людям, чтобы у латинян не возникало ни малейшего повода и никакой причины к неудовольствию. Все они устремились к столице. И казалось, было их больше, чем звезд на небе и песка на морском берегу. “Тьмы, как листья на деревьях, как цветы на долинах весною”, по словам Гомера²¹², – столько было их, и все они стремились в Константинополь.

Я охотно привела бы имена их предводителей, но лучше, полагаю, этого не делать. Язык мой немеет, я не в силах произносить нечленораздельные варварские звуки, и меня пугает масса варварских имен. И к чему мне стараться перечислить такое множество имен людей, один вид которых наполняет отвращением окружающих? Когда они, наконец, достигли столицы, их войска расположились, по совету самодержца, у монастыря Космидия, растянувшись вплоть до Иерона.

Не девять глашатаев созывали их, как некогда эллинов, своим криком, а много сильных воинов, повсюду следуя за ними, призывали их исполнять повеления самодержца. Император, желая склонить графов к той клятве, которую уже принес Готфрид, стал приглашать их к себе по отдельности, с глазу на глаз объяснять им свои намерения, стараясь через благоразумных повлиять на непокорных. Но они, выжидая прибытия Боэмунда, не поддавались уговорам, а находили разные способы уклониться от клятвы и выдвигали то одно, то другое требование. Император легко опровергал все их аргументы и, пустив в ход разные средства убеждения, побудил их,

наконец, дать ту же клятву, что и Готфрид, а его самого вызвал по морю из Пелекана, дабы клятва была подписана в его присутствии.

Когда все, в том числе и Готфрид, были уже в сборе и когда все графы дали клятву, кто-то из знати осмелился сесть на императорский трон. Император стерпел это, не сказав ни слова, так как давно знал надменный нрав латинян. Но граф Балдуин подошел к этому человеку, взял его за руку и, заставив встать, сказал с упреком: “Нельзя так поступать, ведь ты обещал служить императору. Да и не в обычае у ромейских императоров, чтобы их подданные сидели рядом с ними. Тот же, кто, поклявшись, стал слугой его царственности, должен соблюдать обычаи страны”. Тот ничего не сказал Балдуину, но, пронизав его недобрым взглядом, проговорил про себя на родном языке: “Что за деревенщина! Сидит один, когда вокруг него стоит столько военачальников”.

От императора не ускользнуло движение губ латинянина. Подозвав одного из переводчиков с латинского языка, он спросил его о значении сказанного. Узнав смысл слов, он до времени ничего не сказал латинянину, но сохранил его слова в памяти. Когда же все прощались с императором, он подозвал к себе этого надменного и бесстыдного латинянина и спросил, кто он такой, откуда происходит и какого рода. Тот ответил: “Я – чистокровный франк знатного рода, и мне известно одно: в той местности, откуда я родом, есть храм на перекрестке, сооруженный в древние времена. Туда приходит каждый, кто хочет сразиться на поединке. Вооруженный для единоборства, он просит там помощи у Бога и остается в ожидании того, кто отважится принять его вызов. Я тоже провел долгое время на этом перекрестке, ожидая того, кто сразится со мной, но никто не дерзнул”.

Император, выслушав его, сказал: “Если раньше ты искал и не находил битвы, то теперь пришло твое время насытиться битвами. Я советую тебе не находиться ни в задних рядах, ни в голове фаланги, а держаться в середине вместе с гемилохитами²¹³, ибо я давно уже знаю, как сражаются турки”. Этот совет он давал не только ему; всем другим он тоже говорил о том, что ждет их в пути, и советовал, когда Бог пошлет им победу, не поддаваться порыву и не преследовать варваров, чтобы не попасть в засаду и не погибнуть.

11. Вот все о Готфриде, Рауле и их спутниках. Боэмунд же с другими графами достиг

Апроса. Он знал, что не принадлежит к знатному роду и не имеет из-за недостатка денег многочисленного войска; поэтому, желая приобрести расположение самодержца и в то же время скрыть свои истинные намерения, он опередил всех остальных графов и в сопровождении лишь десяти кельтов поспешил прибыть в царственный город. Император, давно знакомый с его интригами, с его коварным и обманчивым нравом, тоже торопился встретиться с ним, раньше чем придут остальные графы, хотел выслушать его и убедить переправиться через пролив до их прихода, ибо опасался, что Боэмунд, соединившись с теми, кто вот-вот должен был появиться, может обратить их мысли в дурную сторону.

Император встретил Боэमुна веселым взглядом и спросил, как прошел его путь и где он оставил графов.

Боэмунд отвечал ему в соответствии со своим нравом. Алексей шутя напомнил о том, как дерзко Боэмунд сражался против него под Диррахием и Лариссой и об их прежней вражде. Боэмунд на это ответил: “Раньше я действительно был твоим врагом и противником, теперь же я пришел к тебе как друг твоей царственности”. Самодержец коснулся в разговоре многих тем и попытался выведать его мысли; видя, что Боэмунд готов принести клятву верности, он сказал: “Сейчас ты устал с дороги, пойд и отдохни. Вскоре мы поговорим обо всем, о чем хотим”.

От императора Боэмунд отправился в Космидий, где ему было приготовлено жилье; для него был накрыт богатый стол со всякими мясными блюдами и закусками. Затем повара принесли сырое мясо животных и птиц и сказали: “Мы приготовили эти блюда, как видишь, по нашим обычаям, но если они тебе не нравятся, то вот сырое мясо – его приготовят так, как ты захочешь”. Сделать и сказать это велел им сам самодержец. Обладая способностью угадывать характеры, император понял, что человек этот злобен и недоброжелателен. Чтобы не было никаких недоразумений, он даже велел подать ему сырое мясо, ибо желал рассеять этим всякие подозрения. И Алексей не ошибся.

Коварный Боэмунд не только не отведал кушаний, но даже не захотел дотронуться до них кончиками пальцев. Он тотчас оттолкнул их от себя и, не обмолвившись и словом о своем подозрении, стал раздавать блюда присутствующим; он делал вид, что милостиво одаряет всех, а в действительности, как было

видно всякому проницательному человеку, готовил им смертельный напиток. Он даже не скрывал, что хитрит, до такой степени Боэмунд презирал своих людей. Сырое же мясо он велел приготовить собственным поварам по обычаям своей страны. На другой день он спросил тех, кому роздал кушанья, как они себя чувствуют. Они ответили: “Даже очень хорошо”, и сказали, что не испытывают никакого недомогания. Тогда Боэмунд открыл свои тайные мысли и произнес: “А я, помня о своих войнах с Алексеем и о прежней битве, побоялся: не решил ли он умертвить меня, подмешав к еде смертельный яд”.

Вот все о Боэмунде. Никогда я не видела дурного человека, который бы не удалялся от правильного поведения во всем, что бы он ни говорил и ни делал. Ибо тот, кто отошел от середины, навсегда останется далек от добродетели, к какой бы крайности он ни отклонился.

Позвав к себе Боэмуна, император и ему предложил принести обычную у латинян клятву. Боэмунд понимал свое положение, знал, что не происходит от знатных предков и не имеет ни денег, ни, вследствие этого, большого войска – с ним пришли лишь немногочисленные кельты; кроме того, Боэмунд вообще был лжив по природе и поэтому с большой готовностью подчинился воле самодержца. Тогда император выделил одну комнату во дворце и устлал весь пол разного рода ценностями, одеждами, золотыми и серебряными монетами и другими, менее дорогими вещами. Комната оказалась настолько заполненной, что из-за множества вещей нельзя было сделать ни шагу. Император приказал тому, кто должен был показать все это Боэмунду, открыть двери внезапно. И вот Боэмунд, пораженный зрелищем, воскликнул: “Если бы у меня было столько богатств, я бы давно овладел многими странами”. Тогда тот: “Это все пожаловал тебе сегодня император”.

Боэмунд принял богатства с огромной радостью и, поблагодарив, отправился отдыхать в отведенные ему покои. Когда же ему принесли дары, он, забыв о своем прежнем восхищении, сказал: “Никогда я не ожидал такой обиды от императора. Возьмите это все и отнесите тому, кто вас послал”. Император же, зная непостоянный нрав латинян, ответил ему народной поговоркой: “Пусть злоба его обратится против него же” (Пс VII: 17). И вот Боэмунд, который недавно сам с негодованием от всего отказался, узнав об ответе императора и увидев слуг, потребовавших назад ценности, изменил

тактику, весело взглянул на слуг и, подобно полипу, преобразился в одно мгновение. Этот человек, негодяй по природе, был очень находчив в любых обстоятельствах, а подлостью и бесстрашием настолько превосходил всех прошедших через нашу страну латинян, насколько уступал им в количестве войска и денег. Но, выделяясь среди латинян необычайной ловкостью, он обладал общим им всем природным качеством – непостоянством. Те самые богатства, от которых он отказался, принял теперь с большой радостью.

Настроен он был очень враждебно. Не владея никакими землями, он покинул родину для вида – ради поклонения гробу Господню, на самом деле – чтобы добыть себе владения и, если удастся, то даже захватить трон Ромейской державы (ведь он следовал заветам своего отца). Но пустив, как говорится, в ход все средства, он сильно нуждался в деньгах. Самодержец, зная его злобу и недоброжелательство, искусно старался устранить все, что могло способствовать его тайным замыслам. Поэтому, когда Боэмунд, думая перехитрить хитрого²¹⁴, хотел получить восточный доместикат, он его не получил. Император боялся, что, обретя власть и подчинив, таким образом, всех графов, он в будущем легко сможет склонять их ко всему, что задумает. Однако, не желая дать понять Боэмунду, что его замыслы уже раскрыты, император тешил его добрыми надеждами, говоря: «Еще не время, своей энергией и верностью ты достигнешь и этого».

Поговорив с графами и милостиво наделив их всевозможными дарами и титулами, он на другой день воссел на императорский трон. Позвав к себе Боэмунда и всех других графов, он рассказал им о том, что их ждет в пути, дал полезные советы, сообщил о способах ведения боя, какими обычно пользуются турки, научил, как нужно выстроить войско и как расположить засады, а также остерег их далеко преследовать турок, когда те обратят тыл. Смягчив дарами и речами дикий нрав латинян, дав им полезные советы, император побудил их к переправе.

Из всех латинян император выделил Исангела²¹⁵, которого полюбил за выдающийся ум, за искренность суждений и за чистоту жизни; он знал также, что больше всего Исан-

гел дорожил правдой и не предпочел ей ничто иное. Всеми этими качествами он выделялся среди других латинян, как солнце среди звезд. По этой причине император удержал его при себе. Когда все графы заключили договор с самодержцем и через пролив Пропонтиду отбыли на Дамалис, самодержец, избавившись от тех хлопот, которые они ему доставляли, стал часто приглашать к себе Исангела; он подробно поведал ему о том, что ждет латинян в пути, а также раскрыл свои подозрения относительно намерений франков. Об этом он часто говорил с Исангелом. Как бы открыв ему ворота своей души и все объяснив, он просил его неусыпно помнить о коварстве Боэмунда и, если тот захочет нарушить клятву, удержать его и любым способом расстроить козни. Исангел ответил самодержцу: «От своих предков Боэмунд как некое наследство получил коварство и вероломство, и будет величайшим чудом, если он останется верен своей клятве. Но я сделаю все, чтобы выполнить твое поручение». И, заключив договор с самодержцем, он уехал, чтобы соединиться с кельтским войском.

Самодержец тоже, конечно, хотел выступить вместе с кельтами против варваров, но опасался их неисчислимого множества. Поэтому он решил отправиться в Пелекан, чтобы, находясь вблизи Никеи, знать как идут дела у кельтов, и вместе с тем следить за вылазками турок и за положением в самой Никее. Он считал для себя позором не отличиться каким-нибудь воинским подвигом и решил, если представится удобный случай, самому захватить Никею, а не получать ее от кельтов во исполнение клятвы. Но этот замысел он от них скрывал. Обо всех своих приготовлениях и о том, для чего они нужны, знал он один, свой план он доверил одному лишь Вутумиту. Его Алексей отправил с поручением привлечь на свою сторону варваров в Никее, обещав им всякие блага и полное прощение и в то же время пригрозив, что их ждут всяческие беды и что они станут жертвой мечей, если их захватят кельты. Император давно знал надежность и предприимчивость Вутумита в подобных делах. Так начались и так развивались эти события.

Книга XI

1. Боэмунд и все другие графы, соединившись с Готфридом в том месте, откуда им предстояло отплыть в Кивот, ожидали Исан-

гела. Но латинян было бесчисленное множество, продовольствия не хватало, и поэтому они не могли там задерживаться. И вот, не-

смотря на свое решение дожидаться императора и Исангела (латиняне намеревались принести клятву Алексею и затем отправиться к Никее), они разделились на две части и двинулись к Никее – одни через Вифинию и Никомидию, другие – через Кивотский пролив. Так они подошли к Никее. Распределив между собой башни и соединявшие их стены, они решили штурмовать их в определенном боевом порядке, дабы, соревнуясь друг с другом, сделать осаду еще более ожесточенной; ту часть, что пришлось на долю Исангелу, они оставили незанятой в ожидании его прибытия. В то же время самодержец прибыл в Пелекан; в мыслях у него, как сказано выше, была Никея.

Варвары, находившиеся в Никее, много раз обращались к султану²¹⁶ за помощью. Пока он медлил, осада города продолжалась уже много дней от восхода до заката. Видя свое тяжелое положение, варвары отказались от прежних намерений и предпочли лучше обратиться к императору, чем попасть в руки кельтов. Поэтому они позвали к себе Вутумита, который во многих посланиях обещал им всяческие блага от самодержца, если они сдадут ему Никею. Тот совершенно недвусмысленно сообщил им о дружелюбии императора, показал письменные обещания на случай, если они сдадут ему крепость, и был с радостью принят турками, которые отказались уже от мысли противостоять такому множеству врагов и решили, что лучше добровольно отдать город императору и получить взамен деньги и титулы, чем стать жертвой мечей.

Вутумит не провел в городе и трех дней, как прибыл Исангел и стал штурмовать стены заранее подготовленными гелеполами. В это время разнесся слух о приближении султана. Узнав об этом, турки ободрились и тотчас выслали Вутумита из города. Султан же, выделив часть войска, послал его для наблюдения за действиями Исангела, приказав своим воинам не уклоняться от боя, если они встретятся с кем-либо из кельтов. Воины Исангела, издали заметив турок, завязали бой. Тогда и остальные графы, в том числе Боэмунд, получив известие о нападении варваров, взяли у каждого графа по двести воинов и, составив из них большой отряд, тут же послали его на помощь Исангелу. Настигнув варваров, кельты преследовали их до самого вечера.

Но султан не пал духом. На рассвете он вооружился и занял со всем своим войском долину у стен Никеи. Кельты, узнав об этом, хо-

рошо вооружились и, как львы, бросились на него. Завязалась тяжелая и страшная битва. В течение целого дня бой шел с равным успехом, когда же солнце “склонилось ко мраку”²¹⁷, турки обратились в бегство и ночь положила конец сражению. Много воинов пало с той и с другой стороны: немало было убито, но большинство – ранено.

Кельты, одержав блестящую победу, возвращались, наголовы врагов на копья и неся их наподобие знамен, чтобы варвары, издали завидев их, испугались такого начала и отказались от упорства в бою. Так поступили и такое замыслили латиняне. Султан же, видя бесчисленное множество латинян, отвагу которых он испытал в сражении, передал туркам – защитникам Никеи – следующее: “Поступайте впредь, как сочтете нужным”. Он наперед знал, что они предпочтут отдать город императору, чем попасть в руки кельтов.

Тем временем Исангел, преследуя прежнюю цель, соорудил круглую деревянную башню, со всех сторон покрыл ее кожами, в середине оплел прутьями и, защитив ее отовсюду, приблизил к башне под названием Гонат. Это название башня получила давно, когда знаменитого Мануила (отца императора Исаака Комнина и его брата Иоанна, моего деда по отцу) император Василий назначил стратигом-автократором всего Востока, чтобы положить конец вражде со Склиром, либо применив силу, либо склонив Склира к заключению мирного договора. Но воинственный и кровожадный Склир всегда предпочитал миру войну и ежедневно завязывал бой, ибо не только не желал мира, но стремился взять Никею при помощи мощных гелепол. Пробив стену, Склир разрушил башню в основании, поэтому она осела вниз, как будто опустившись на колени; из-за этого башня и получила такое название²¹⁸.

Такова история этой башни. Исангел же, с большим искусством построив уже упомянутую башню, которую опытейшие в сооружении машин люди называют “черепахой”, поместил внутри нее вооруженных воинов, дробителей стен и других, умеющих железными орудиями расшатывать башни в основании; первые должны были сражаться с защитниками стены, вторые – под их прикрытием подкопать башню. Вместо вынутых камней они заложили деревянные балки, а добравшись до другой стороны стены (им был уже виден проникавший оттуда свет), они подожгли их. Когда балки сгорели дотла, Гонат скло-

нился еще больше и оправдал свое название. Окружив остальную часть стены таранами и “черепахами” и вмиг наполнив землей наружный ров (он сравнялся с прилегавшим к нему с обеих сторон полем), латиняне бросили все свои силы на осаду города.

2. Император тщательно все обдумал и пришел к выводу, что латиняне, несмотря на их невероятное множество, ни в коем случае не смогут взять Никею. Поэтому он велел соорудить разного рода гелеполы, причем большую часть не так, как обычно эти машины сооружают, а по своему собственному замыслу (этим он вызвал всеобщее восхищение) и послал их графам. Как уже было сказано, император, переправившись через пролив с имевшимися у него войсками, находился в Пелекане, недалеко от Месампел, где некогда был воздвигнут храм великомученика Георгия.

Самодержец хотел выступить вместе с латинянами против безбожников-турок. Но, понимая, что неисчислимое войско франков нельзя даже сравнить с отрядом ромеев, и зная непостоянство латинян, он, взвесив все обстоятельства, отказался от своего намерения. Да и не только поэтому: он наперед видел, насколько латиняне ненадежны, не верны слову, как Еврип, устремляются от одной крайности к другой и из корыстолюбия готовы продать за обол своих жен и детей. Вот из каких соображений самодержец воздержался в то время от исполнения своего намерения. Он решил не идти вместе с кельтами, а помогать им так, как если бы он был с ними.

Зная прочность стен Никеи, он считал, что латиняне не смогут овладеть городом. Когда же он узнал, что султан по прилегающему к Никее озеру легко доставляет туда большие военные силы и всевозможное продовольствие, он решил овладеть озером. Построив такие челны, какие могли держаться на воде озера, он доставил их на повозках и спустил на воду у Киоса. На челны же он погрузил вооруженных воинов во главе с Мануилом Вутумитом и, чтобы они производили впечатление большого войска, дал им больше, чем надо, знамен, а также трубы и барабаны.

Так распорядился самодержец относительно озера. С суши он призвал к себе Татикия и Циту с двумя тысячами отважных пельтастов и послал их к Никее, приказав сразу же по высадке на берег захватить крепость кира Георгия, погрузить на мулов весь запас стрел, спешиться вдали от стен Никеи, дойти пешком до башни Гонат, разбить там лагерь, а за-

тем вместе с латинянами по общему сигналу штурмовать стены. Татикий, прибыв со своим войском к Никее, сообщил кельтам план императора. Они все тотчас же вооружились и с громкими криками бросились на приступ.

Воины Татикия слали множество стрел, часть кельтов пробивала стены, часть непрерывно метала камни из орудий. И вот варвары, напуганные зрелищем императорских знамен на озере и звуками труб Вутумита (он тем временем послал к ним вестников напомнить про императорские обещания), пришли в такое смятение, что не отваживались даже выглянуть из-за зубцов городских стен. Потеряв уже надежду на помощь султана, они решили, что лучше всего сдать город самодержцу и вступить в переговоры с Вутумитом, который сказал им все, что положено, и показал хрисовул, врученный ему прежде императором. Выслушав текст хрисовула, где император обещал не только простить их, но и щедро одарить деньгами и титулами сестру и жену султана (которая, как говорили, была дочерью Чакана), а также вообще всех никейских варваров, они, ободренные обещаниями, позволили Вутумиту войти в город. Он немедленно известил Татикия письмом: “Добыча уже в наших руках, нужно готовиться к штурму стен, пусть и кельты делают то же самое, но не доверяй им ничего, кроме круговой атаки стен; скажи им, что с восходом солнца нужно окружить стены и начинать штурм”.

К этой хитрости Вутумит прибег для того, чтобы кельтам казалось, будто город взят им с боя, и чтобы задуманный самодержцем план передачи города остался в тайне. Император не хотел, чтобы кельты узнали о действиях Вутумита. На другой день с двух сторон раздалось боевые крики: кельты с жаром кинулись на приступ на суше, а Вутумит, взобравшись на предстенное укрепление, утвердил там скипетр и знамена и приветствовал самодержца звуками горнов и труб. Так все ромейское войско вступило в Никею²¹⁹.

Вутумит, зная, что кельтов огромное множество, что нрав их изменчив, а натиск неудержим, опасался, как бы они не ворвались в крепость и не овладели ею. Видя к тому же, что у сатрапов в городе войска больше, чем у него самого, и они могут, если захотят, схватить и убить его, он немедленно забрал себе ключи от городских ворот. Только одни ворота были в это время открыты для входа и для выхода, остальные же он закрыл, опасаясь близкого соседства кельтов. Теперь, имея

ключи от этих ворот, Вутумит решил каким-нибудь способом уменьшить число сатрапов в городе, чтобы легче было справиться с ними, если они замыслият против него что-либо дурное. Для этого он позвал их к себе и посоветовал отправиться к самодержцу, чтобы получить у него много денег, великие почести и ежегодные выплаты. Он уговорил турок и ночью, открыв ворота, стал переправлять их по прилегающему озеру небольшими группами, через короткие интервалы к Радомиру и полуварвару Монастре, расположившимся вблизи городка, названного по имени кира Георгия. Радомиру и Монастре он велел отправлять сатрапов к самодержцу сразу же, как только те сойдут на берег, и не задерживать их даже на мгновение, чтобы они не соединились со следующей группой турок и не замыслили что-либо недоброе.

Это было настоящее предвидение и бесспорная проницательность – результат большого жизненного опыта этого человека. Пока Радомир и Монастра быстро отсылали прибывающих турок к самодержцу, они были в безопасности и ничто им не угрожало, но как только они ослабили бдительность, над ними нависла опасность со стороны варваров, отправку которых они задержали. Число варваров увеличилось, и они замыслили ночью напасть на Радомира и Монастру и одно из двух – или убить их или связать и доставить султану. Все сошлись на последнем. Ночью, как и было решено, они напали на ромеев, связали их и увели с собой. Турки достигли вершины холма Азала (это место находится в... стадиях от стен Nikei), а оказавшись там, конечно, спешили и дали передышку коням.

Монастра был полуварваром и знал турецкий язык, Радомир же, взятый когда-то турками в плен, прожил с ними немало времени и тоже кое-что понимал на их языке. Оба они не раз пытались убедить варваров речами: “Зачем, – говорили они, – готовите вы нам смертельный напиток, если вам нет в этом никакой выгоды! Все другие получают от самодержца богатые дары и ежегодные выплаты, вы же сами себя их лишаете. Итак, не злоумышляйте против самих себя; имея возможность избавиться от всех опасностей, вернуться домой богатыми людьми и, возможно, владельцами земель, вы сами подвергаете себя явной опасности. Вы можете даже попасть где-нибудь в засаду к ромеям, – тут они рукой указывали на ручьи и болота, – и погибнуть ни за что, потерять жизнь. Ведь вас подстере-

гает множество врагов: не только кельты и варвары, но и неизмеримое число ромеев. Если же вы послушаетесь нас, мы вместе, повернув коней, отправимся к самодержцу. Клянемся Богом, вы получите от императора несметные дары, и вас беспрепятственно отправят куда захотите как свободных”.

Их слова убедили турок. Обменявшись клятвами, они отправились к императору. Когда они прибыли в Пелекан, самодержец, увидев Радомира и Монастру, ласково на них взглянул – а ведь в душе он был очень сердит на них – и отправил их отдыхать.

На другой день те из турок, которые захотели остаться на службе у императора, получили бесчисленные награды, но и те, которые надумали вернуться домой, тоже сподобились немалых даров, и им разрешили поступать по их желанию. Лишь после этого император стал сурово бранить Радомира и Монастру за неблагоразумие; но видя, что они не могут смотреть ему в лицо от стыда, он изменил тон и поспешил ободрить их уже иными речами. Вот все о Радомире и Монастре.

Кельты обратились к Вутумиту, которого самодержец назначил дукой Nikei, с просьбой впустить их в город, чтобы посетить в нем храмы и поклониться им. Но он, как уже было сказано, хорошо знал нрав кельтов и не согласился впустить их всех скопом, а разрешил входить по десять человек в открытые ворота.

3. Самодержец, все еще находясь под Пелеканом и желая получить клятву от графов, которые не поклялись ему, написал Вутумиту, чтобы тот посоветовал всем графам не трогаться в путь на Антиохию, не вступив в договор с императором, – в этом случае они получат еще более щедрые дары. Раньше всех других, едва услышав о деньгах и подарках, склонился на предложение Вутумита Боэмунд, который посоветовал и другим отправиться к императору: такова была его неудержимая страсть к наживе. Когда графы прибыли в Пелекан, самодержец торжественно встретил их и удостоил своей заботы. Затем, собрав их, он сказал: “Вам известно, какую клятву вы мне принесли, если вы ее еще не нарушили, посоветуйте принести клятву тем, кто этого не сделал”. Графы тотчас же позвали тех, кто еще не клялся; те собрались и принесли клятву.

Однако племянник Боэмунда, Танкред, отличавшийся независимостью характера, твердил о том, что он обязан верностью толь-

ко одному Боэмунду и намерен хранить ее до самой смерти. Все окружающие, и даже родственники императора, принялись убеждать его, а он с притворным равнодушием взглянул на палатку, в которой сидел самодержец (подобной по величине никто никогда не видел), и сказал: “Если ты дашь ее мне, полную золота, и к тому же все, что ты дал остальным графам, то и я принесу клятву”. Палеолог, очень ревностно относившийся к императору, не смог стерпеть притворных слов Танкреда и с презрением оттолкнул его. Неукротимый Танкред бросился на Палеолога. При виде этого император сошел с трона и встал между ними. Боэмунд тоже удержал племянника и сказал: “Не подобает бесстыдно нападать на родственников императора”. Тогда Танкред, устыдившись, что он точно пьяный бросился на Палеолога, уступил уговорам Боэмунда и тоже дал клятву.

Когда все латиняне принесли клятвы, император дал им Татикия, в то время великого примикирия²²⁰, с войском, чтобы он во всем помогал латинянам, делил с ними опасности и принимал, если Бог это пошлет, взятые города. И вот кельты снова переправились через пролив и на следующий день выступили по дороге на Антиохию. Император догадывался, что не все в силу необходимости уйдут с графами, и дал знать Вутумиту, чтобы он нанял для охраны Никеи кельтов, отставших от войска.

Татикий с войском и все графы с бесчисленной толпой кельтов за два дня дошли до Левк. Боэмунду по его просьбе позволили идти в авангарде, остальные двигались за ним медленным шагом, сохраняя строй. Когда Боэмунд проходил равнину Дорилея, его увидели турки и, решив, что они наткнулись на все кельтское войско, исполнились презрения и сразу же завязали бой. Тот самый надменный латинянин, который дерзнул сесть на императорский трон, расположился, забыв совет самодержца, на краю строя Боэмунда, потерял выдержку и выехал вперед. При этом погибли сорок его воинов, а он сам, смертельно раненный, обратился врагам тыл и бросился в середину строя; дело показало, насколько разумен был совет императора, которым пренебрег этот латинянин.

Боэмунд, видя, с каким упорством сражаются турки, послал за помощью к кельтским отрядам. Они быстро подоспели, и началась тяжелая и страшная битва. Победу одержало ромейское и кельтское войско. Построившись

отрядами, они отправились дальше. Возле Гебрайки навстречу им попались султан Данишменд²²¹ и Хасан²²² во главе восьмидесяти тысяч гоплитов. Завязался упорный бой²²³, где участвовало много войск с обеих сторон и ни одна из них не хотела уступить другой. Турки храбро сражались с врагами; Боэмунд, который командовал правым флангом, видя это, отделился от остального войска и отважно напал на самого султана Килич-Арслана, – “как лев, могуществом гордый”, по словам поэта²²⁴. Устрашенные турки обратили кельтам тыл. Помня советы самодержца, кельты не стали далеко преследовать врага, а захватили траншеи и, отдохнув там немного, снова настигли турок у Августополя, напали на них и обратили в бегство. Варварское войско было разгромлено, те же, кто спасся, рассеялись кто куда, оставив жен и детей. После этого они уже были не в состоянии противостоять латинянам и искали спасения в бегстве.

4. Что же было потом? Латиняне вместе с ромейским войском подошли к Антиохии по так называемому “Быстрому потоку”²²⁵, оставив без внимания окрестные области. Они выкопали ров у городских стен, сложили снаряжение и начали осаду города, продолжавшуюся три месяца. Турки, напуганные нахлынувшим на них бедствием, обратились к султану Хорасана²²⁶ с просьбой прислать им большое войско, чтобы помочь антиохийцам и прогнать латинян, осаждающих город.

На одной из башен некий армянин охранял часть стены, доставшуюся Боэмунду. Он часто выглядывал из-за стены; Боэмунд умаслил его и, прельстив множеством обещаний, уговорил предать город²²⁷. Армянин сказал: “Когда пожелаешь, дай мне знак, и я сразу же передам тебе эту башню. Будь же со своими людьми наготове и имей при себе лестницы. Не только сам будь наготове, а пусть все войско вооружится, чтобы турки, видя, как вы с боевыми кличами взбираетесь на стены, испугались и обратились в бегство”.

Этот план Боэмунд до поры до времени хранил в тайне. Пока он его обдумывал, явился вестник с сообщением, что уже приближается из Хорасана огромное множество агарян под командованием военачальника Кербоги²²⁹. Боэмунд не хотел отдавать город Татикию во исполнение клятвы императору, он сам помогался Антиохии, а узнав об агарянах, задумал дурную думу: волей или неволей принудить Татикия отступить от города. И вот Боэмунд пришел к нему и сказал: “Заботясь о твоей бе-

зопасности, я хочу открыть тебе тайну. До графов дошел слух, который смутил их души. Говорят, что войско из Хорасана султан послал против нас по просьбе императора. Графы поверили и покушаются на твою жизнь. Я исполнил свой долг и известил тебя об опасности. Теперь твое дело позаботиться о спасении своего войска”. Татикий, видя, что начался сильный голод (бычья голова продавалась за три золотых статира), отчаялся взять Антиохию, снялся с лагеря, погрузил войско на ромейские корабли, стоявшие в порту Судии, и переправился на Кипр.

После его ухода Боэмунд, все еще державший в тайне обещание армянина и питавший сладкие надежды обеспечить себе власть над Антиохией, сказал графам: “Смотрите, сколько уже времени мы здесь бедствуем и не только ничего не достигли, но и вот-вот падём жертвой голода, если чего-нибудь не придумаем для своего спасения”. На вопрос, что именно он имеет в виду, Боэмунд ответил: “Не все победы Бог дает одержать нам, полководцам, оружием, и не всегда они добываются в сражении. То, что не дает бой, нередко дарит слово, и лучшие трофеи воздвигает приветливое и дружеское обхождение. Поэтому не будем понапрасну терять время, а лучше до прихода Кербоги разумными и мужественными действиями обеспечим себе спасение. Пусть каждый на своем участке постарается уговорить стража-варвара. А тот, кому первому удастся это, если хотите, станет командовать в городе до тех пор, пока не придет человек от самодержца и не примет от нас Антиохию. Но, возможно, мы сумеем добиться успеха как-нибудь иначе”.

Так сказал хитрый Боэмунд, который жаждал власти не ради латинян и общего блага, а ради собственного честолюбия. Его замыслы, речи и обман не остались безрезультатными, но об этом я скажу ниже. Все графы дали свое согласие и приступили к делу. На рассвете Боэмунд подошел к башне, и армянин согласно уговору открыл ворота. Боэмунд со своими воинами сразу же, быстрее, чем слово сказывается, взобрался наверх; стоя на башне на виду у осажденных и осаждающих, он приказал подать трубой сигнал к бою. Это было необычайное зрелище: охваченные страхом турки тотчас бросились бежать через противоположные ворота, и лишь немногие смельчаки остались защищать акрополь; кельты же, следуя по пятам Боэмунда, взбились по лестницам и быстро захватили го-

род Антиоха. Танкред сразу же во главе большого отряда кельтов стал преследовать бегущих; многие были убиты, многие ранены.

Между тем Кербога с многотысячным войском прибыл на помощь Антиохии и, обнаружив, что она уже взята, разбил лагерь, выкопал ров и, сложив свое снаряжение, решил осаждать город. Но едва он приступил к делу, как на него напали вышедшие из города кельты и завязалась большая битва. Победу одержали турки; латиняне оказались запертыми за воротами, и им пришлось сражаться на два фронта: с защитниками акрополя (его удерживали варвары) и с турками, расположившимися за стеной. Боэмунд, человек ловкий, желая присвоить себе власть в Антиохии, вновь обратился к графам и сказал под видом совета: “Не следует нам одновременно сражаться на два фронта – с теми, кто внутри и кто снаружи. Разделимся на две неравные части в соответствии с числом врагов и так будем вести бой с ними. Если вы согласны, я буду сражаться с защитниками акрополя, остальные схватятся в жестоком бою с врагами, наступающими извне”.

Все согласились с Боэмундом. Он сразу же приступил к делу и быстро соорудил напротив акрополя поперечную стену, отделившую его от всей Антиохии, – надежнейший оплот на случай, если бы война затянулась. Он сам стал неусыпным стражем этой стены и при малейшей возможности храбро вступал в бой. Другие графы тоже прилагали большие усилия, и каждый на своем участке неустанно охранял город, следил за предстенными укреплениями и зубцами, чтобы варвары не взобрались как-нибудь ночью по лестницам и не захватили Антиохию и чтобы кто-нибудь из жителей не поднялся тайком на стену и, догворившись с варварами, не предал город.

5. Вот все об Антиохии. Самодержец в это время очень хотел прийти на помощь кельтам, но его, вопреки желанию, удерживали грабеж и полное разорение, которым подверглись приморские города и земли. Чакан, как собственной вотчиной, распоряжался Смирной, а некто по имени Тэнгри-Бэрмиш (Ταγγρί-τέρμις) – городом эфесян у моря, где был некогда сооружен храм апостола Иоанна Божьего. Другие сатрапы захватывали крепость за крепостью, обращались с христианами, как с рабами, и все грабили. Они овладели даже островами Хиосом, Родосом и всеми остальными и сооружали там пиратские корабли. Поэтому самодержец решил прежде всего

заняться делами на море и Чаканом, оставить на материке необходимое войско и изрядный флот, чтобы сдерживать набеги и отгонять прочь варваров, а уж затем со всем остальным войском направиться к Антиохии и по пути при любой возможности сражаться с варварами.

Самодержец позвал к себе Иоанна Дуку, своего шурина, передал ему войска, набранные в различных областях, и флот, достаточно сильный для осады приморских городов; он передал ему и дочь Чакана, взятую в плен со всеми, кто оказался в то время в Никее; Алексей велел Иоанну повсюду объявлять о взятии Никеи, а если ему не будут верить, показывать дочь Чакана турецким сатрапам и живущим на побережье варварам, чтобы те, которые владели названными выше городами, увидя ее и удостоверившись во взятии Никеи, отдали города без боя. Снабдив Иоанна всем необходимым, император отослал его. Какой трофеей воздвиг Иоанн в память победы над Чаканом и каким образом он прогнал турка, покажет мой дальнейший рассказ.

Иоанн Дука, мой дядя по матери, простившись с императором, выступил из столицы, переправился в Авид и, призвав к себе человека по имени Каспак [Каспаки], поручил ему командование флотом и управление всей морской экспедицией в целом, обещав, если он будет хорошо сражаться и возьмет Смирну, сделать его правителем города со всеми окрестностями. Итак, Иоанн отправил Каспака, как я сказала, по морю в качестве талассократора флота, а сам остался на суше как тагматарх. Когда жители Смирны увидели, что к ним приближаются одновременно по морю Каспак с флотом, по суше – Иоанн Дука (в то время как Каспак вошел в гавань, Иоанн разбил лагерь на некотором расстоянии от городских стен), они, зная уже о взятии Никеи, отказались от всякого сопротивления и предпочли вступить в мирные переговоры, пообещав сдать Смирну без боя и кровопролития, если Иоанн Дука поклянется, что предоставит им возможность невредимыми вернуться на родину. Дука согласился на предложение Чакана и обещал все точно исполнить. Изгнав турок из Смирны мирным путем, он передал всю власть в ней Каспаку. В это время произошел следующий случай.

Когда Каспак возвращался от Иоанна Дуки, к нему подбежал житель Смирны и стал обвинять одного сарацина в том, что тот отнял у него пятьсот золотых статиров. Каспак ве-

лел увести обоих и разобрать спор. Когда потащили сарацина, тот решил, что его ведут убивать; отчаявшись спастись, он обнажил кинжал и всадил его Каспаку в живот, а затем, повернувшись, ранил в бедро и его брата. Поднялась паника, сарацин убежал, а все моряки и даже гребцы беспорядочной толпой ворвались в город и стали безжалостно убивать всех без разбора. Это было ужасное зрелище – в один миг было убито около десяти тысяч человек. Иоанн Дука, погоревав над Каспаком, вновь ушел в заботы о крепости. Выйдя из Смирны, он осмотрел стены, разузнал у сведущих людей о настроении жителей и, так как на пост дуки Смирны требовался мужественный человек, он назначил Иалея, которого считал лучшим из людей, – это был очень воинственный муж.

Оставив весь флот для охраны Смирны, Дука с войском отправился к Эфесу, который был в руках сатрапов Тэнгри-Бэрмиша и Маракана. Видя его приближение, варвары вооружились и выстроили свои фаланги боевыми рядами на равнине перед крепостью. Не медля ни мгновения, войска Дуки, сохраняя боевой строй, устремились на них. Завязалась битва, занявшая большую часть дня. Сражались обе стороны, и исход битвы был неясен, но затем турки обратили тыл и устремились в паническое бегство. При этом многие были убиты, а в плен взяты не только рядовые воины, но и многие сатрапы; всего пленных было две тысячи. Узнав о пленных, император приказал рассеять их по островам. Остальные турки отправились по реке Меандр в Поливот. Настроены они были высокомерно и считали, что совсем отделались от Дуки. Но вышло все не так: оставив дукой города Пеней, он со всем войском гоплитов, следуя советам самодержца, отправился за турками не беспорядочно, а в хорошем строю, как и подобает идти на врага опытному полководцу.

Как уже было сказано, турки, держа путь по Меандру и расположенным вдоль него городам, достигли Поливота. Дука же не устремился за ними по их следам, а отправился кратчайшим путем, с налету занял Сарды и Филадельфию и поручил их охрану Михаилу Кекавмену. Затем он подошел к Лаодикии, где все жители сразу вышли к нему навстречу. За то, что они сделали это добровольно, Дука безбоязненно разрешил им самим распоряжаться городом и не назначил своего правителя. Потом он, пройдя через Хому, прибыл в Лампи и здесь назначил стратигом Ев-

стафия Камицу. Дойдя до Поливота, он застал там множество турок, стремительно напал на них в тот момент, когда они складывали снаряжение, наголову разбил их, многих убил и взял большую добычу, соответствующую численности врага.

6. В то время как Дука сражался с турками и еще не вернулся, самодержец уже был готов выступить на помощь кельтам в Антиохии. Он прибыл со всем войском в Филомилий, убив по дороге много варваров и разорив много городов, прежде ему подвластных. В Филомилии к нему из Антиохии через Тарс явились Вильгельм Грантмесиль, Стефан, граф Франкии, и Петр, сын Алифы, спустившиеся на веревках со стен Антиохии; они уверяли, что кельты находятся в очень тяжелом положении, и клялись, что их ждет неминуемая гибель.

Поэтому император решил еще быстрее двигаться на помощь кельтам, хотя все и удерживали его от этого. В то же время повсюду разнеслась весть, что несметное число варваров, выступивших против самодержца, уже совсем близко. Дело в том, что султан Хорасана, узнав о намерении самодержца оказать помощь кельтам, послал против него собственного сына, по имени Исмаил. Султан собрал огромные силы в Хорасане и в отдаленных областях, хорошо вооружил всех воинов и отправил их с приказом настичь самодержца, прежде чем он дойдет до Антиохии. Таким образом, самодержец стремился выступить на помощь кельтам и поскорей уничтожить кипевших яростью турок вместе с их предводителем Кербогой, но его удержало сообщение прибывших франков и известие о выступлении Исмаила. Размышляя о наиболее вероятном ходе событий, император считал невозможным спасти город, недавно захваченный кельтами, которые, еще не успев там утвердиться, сразу же были осаждены агарянами – ведь кельты потеряли надежду на спасение, хотели оставить неприятелю незащитные стены и думали лишь о бегстве.

И в самом деле, наряду с другими свойствами племя кельтов отличается своеволием и нежеланием слушать советы; оно никогда не придерживается ни дисциплины, ни военной науки. Во время боя гнев рычит в них, и все они – рядовые воины и предводители – делаются неукротимыми, врываясь во вражескую фалангу. Они неудержимы, если только их противник хоть немного дрогнет, но если неприятель устроит засады по правилам воен-

ной науки и искусно будет с ними бороться, их отвага переходит в другую крайность. Впрочем, первый натиск кельтов неудержим, но затем их очень легко одолеть из-за их тяжелого оружия и бешеного, безрассудного нрава.

Вот почему самодержец, не имея достаточных сил для борьбы с таким множеством врагов и будучи не в состоянии изменить нрав кельтов или добрым советом склонить их к разумным действиям, решил не двигаться дальше, дабы, спеша на помощь Антиохии, не потерять и самого Константинополя. Алексей опасался, что его настигнут несметные полчища турок и тогда жители окрестностей Филомилии станут жертвой варварских мечей, поэтому он решил повсюду объявить о нашествии агарян; тотчас же было объявлено, чтобы все мужчины и женщины ушли до нашествия врагов, спасая жизнь за добро, которое можно унести с собой.

Все сразу же решили следовать за императором, не только мужчины, но даже и женщины... Так распорядился самодержец относительно пленных. Он выделил часть воинов и, разделив их на несколько групп, разослал в разных направлениях, с тем чтобы, наткнувшись на какой-нибудь отправившийся в набег отряд, они сразились с ним и в упорном бою задержали наступление агарян. Сам же Алексей со всей толпой пленных варваров и присоединившихся к нему христиан вернулся в царственный город.

Когда архисатрап Исмаил узнал, что самодержец по выходе из Константинополя совершил много убийств, начисто разграбил по пути все селения, взял большую добычу, многих увел в плен и возвращается в царственный город, ничего не оставив ему, Исмаилу, он понял, что птичка улетела от него, и растерялся. Обратившись в другую сторону, он решил осаждать Паиперт, который незадолго до того взял знаменитый Феодор Гавра. Дойдя до реки близ Паиперта, Исмаил расположил там все свое войско. Узнав об этом, Гавра замыслил напасть на него ночью. Но чем кончилось дело у Гавры, каков он был и откуда родом, об этом пойдет речь в соответствующем месте, а сейчас продолжим рассказ.

Латиняне, сильно страдая от голода и непрерывной осады, обратились к своему епископу Петру, который, как уже было сказано, потерпел до этого поражение под Еленополем, и попросили у него совета. Он же сказал им: «Вы дали обет хранить чистоту до тех пор, пока не будете в Иерусалиме. Боюсь, что вы на-

рушили этот обет, поэтому Бог теперь не помогает вам, как прежде. Обратитесь к Господу, покайтесь в своих грехах; облекшись во вретище, осыпав себя пеплом, явите свое раскаяние горячими слезами и всенощными. Тогда и я постараюсь вымолить вам милость у Бога". Они последовали наставлениям епископа. Через несколько дней епископ созвал по божьему внушению наиболее знатных графов, велел им копать справа от алтаря и найти там святой гвоздь. Они сделали то, что им было приказано, но, ничего не найдя, пали духом, вернулись и сообщили о неудаче. Тогда епископ еще ревностней сотворил молитву и приказал с еще большим усердием возобновить поиски. Они вновь исполнили повеление, нашли то, что искали, и, объятые ликованием и дрожью, побежали с находкой к Петру.

Этот свято чтимый гвоздь они доверили с тех пор носить в сражениях Исангелу как чистейшему из всех. На следующий день через потайные ворота они выступили против турок. При этом граф Фландрский просил остальных уступить ему в единственной просьбе – позволить первому, всего с тремя воинами, напасть на турок. Его просьба была удовлетворена. В то время как фаланги, выстроившись поотрядно, стояли друг против друга и готовились начать сражение, граф Фландрский сошел с коня и, трижды простершись на земле, воззвал к Богу о помощи; Все воскликнули: "С нами Бог!", а он во весь опор устремился на самого Кербогу, стоявшего на холме. Быстро метнув копья, они повергли наземь встретившихся с ними лицом к лицу турок. Устрашенные турки вместо того, чтобы вступить в бой, – увидев, что божья сила помогает христианам, обратились в бегство. Во время бегства большая часть варваров была подхвачена водоворотами рек и утонула, а их тела образовали как бы мост для бежавших позади.

После длительного преследования кельты повернули назад и заняли турецкий лагерь, где нашли все снаряжение варваров. Они хотели тут же забрать с собой всю собранную турками добычу, но она была столь велика, что лишь в течение тридцати дней ее с трудом удалось перенести в Антиохию. Здесь кельты ненадолго задержались, чтобы передохнуть от тягот войны; в то же время они, беспокоясь об Антиохии, искали человека для охраны города. Им оказался не кто иной, как Боэмунд, помогавшийся этого еще тогда, когда город не

был взят. Предоставив ему всю власть в городе, они сами отправились в Иерусалим. По дороге они захватили много приморских городков; те же, которые были лучше укреплены и требовали более длительной осады, они, спеша к Иерусалиму, пока не трогали. Окружив его стены и приступив к осаде, они после месяца непрерывных штурмов взяли город и убили много жителей – сарацин и евреев. Когда же все покорилось и уже никто не оказывал сопротивления, они вручили всю власть Готфриду и назвали его королем.

7. Когда властитель Вавилона Америмн узнал о походе кельтов, о том, как был взят ими Иерусалим и что даже Антиохия и многие другие окружающие ее города захвачены кельтами, он немедленно собрал и выслал против них большое войско из армян и арабов, из сарацин и агарян. Кельты, узнав об этом от Готфрида, тотчас же вооружились, подошли к Яффе и стали ожидать их прибытия. Затем они перешли оттуда в Рамлу, где принял муку великомученик Георгий, встретились с войском Америмна и вступили с ним в бой. Победу быстро одержали кельты.

На следующий день вражеский авангард напал на них сзади; латиняне были разбиты и спаслись бегством в Рамлу. Только графа Балдуина не было с ними: он бежал еще раньше – не из трусости, а чтобы позаботиться о своем собственном спасении и достать войско для борьбы с вавилонянами. Вавилоняне же подступили к Рамле, осадили ее со всех сторон и вскоре взяли. При этом много латинян было убито, еще больше было пленниками уведено в Вавилон. Затем все вавилонское войско поспешно обратилось к осаде Яффы. Так всегда поступают варвары. Балдуин же, о котором было сказано выше, объехал все захваченные франками селения и собрал там немало всадников и пехотинцев; он составил из них значительное войско, напал на вавилонян и нанес им сильное поражение.

Император, услышав о поражении латинян под Рамлой, был очень огорчен пленением графов. Зная их цветущий возраст, силу и славное, как у древних героев, происхождение, он не мог стерпеть, чтобы они оставались пленниками на чужбине. Поэтому он позвал к себе некоего Вардала, послал его в Вавилон, дал ему много денег для выкупа и вручил ему письмо к Америмну относительно графов. Прочтя письмо самодержца, Америмн отпустил всех графов охотно и без вознаграждения, за исключением Готфрида. Его он еще раньше

вернул за выкуп его брату, Балдуину. Император принял с почетом прибывших в столицу графов, дал им много денег и, когда они хорошо отдохнули, довольными отправил на родину. Готфрид же, восстановленный в сане короля Иерусалима, послал своего брата Балдуина в Эдессу.

Тогда же самодержец приказал Исангелу поручить Лаодикию Андронику Цинцилуку, а Мараклею и Валан – людям Евмафия (в то время дуки Кипра), самому же двинуться дальше и по мере сил стараться овладеть остальными крепостями. Исангел, повинувшись письму императора, исполнил приказание. Передав крепости вышеназванным лицам, он отправился к Антараду и овладел им без боя. При этом известии Атабег Дамасский²²⁹ собрал большие силы и выступил в поход против Исангела. Поскольку у Исангела было слишком мало сил против такого огромного войска, он решился на решение скорее разумное, чем храброе. Доверившись местным жителям, он сказал им: “Я укроюсь где-нибудь в этой огромной крепости, а вы, когда придет Атабег, не открывайте ему правды, а уверьте его, что я в испуге бежал”.

Атабег, придя, спросил про Исангела. Поверив, что тот убежал, он, усталый с дороги, разбил свою палатку вблизи стен крепости. Поскольку жители проявили к нему полное дружелюбие, турки, ничего не подозревая и не опасаясь никаких враждебных действий, выпустили коней на равнину. В полдень, когда солнце отвесно бросает свои лучи, Исангел хорошо вооружился и, внезапно открыв ворота, ворвался со своими воинами (их было около четырехсот) в середину турецкого лагеря. Не щадя жизни, вступили с ним в бой те из турок, кто привык мужественно сражаться, а остальные пытались найти спасение в бегстве. Но широкая долина, где не было ни болота, ни холма, ни оврага, отдала их в руки латинян. Все они стали жертвой мечей; в плен были взяты немногие. Так, хитростью победив турок, Исангел отправился в Триполи.

Быстро придя туда, Исангел сразу же занял вершину холма, который возвышается около Триполи и составляет часть Ливанских гор. Он хотел использовать его как укрепление и в то же время перехватить воду, текущую с Ливана в Триполи по склону этого холма. Затем он сообщил обо всем случившемся императору и просил его соорудить надежное укрепление до того, как из Хорасана подойдут еще более крупные силы. Император по-

ручил строительство этой крепости дуке Кипра и приказал ему срочно отправить с флотом в указанное Исангелом место все необходимые материалы и строителей. Вот все, что случилось к этому времени.

Исангел разбил свой лагерь возле Триполи и, пустив в ход все средства, неустанно стремился овладеть городом. Боэмунд, узнав, что Цинцилук вошел в Лаодикию, перестал скрывать ту вражду к самодержцу, которую питал в глубине души, и послал своего племянника Танкреда с крупными силами для осады Лаодикии. Как только слух об этом дошел до Исангела, он без малейшего промедления прибыл к Лаодикии, встретился для переговоров с Танкредом и всяческими доводами стал убеждать его снять осаду крепости. Но после долгого разговора, увидев, что он не сумел склонить Танкреда на свою сторону и поет песни глухому, Исангел удалился оттуда и вернулся к Триполи. Танкред же отнюдь не отказался от осады. Цинцилук, видя упорство Танкреда и трудность своего собственного положения, запросил помощи с Кипра. Но так как на Кипре медлили, он оказался в отчаянном положении и, мучимый осадой и голодом, предпочел сдать крепость.

8. Тем временем, место Готфрида²³⁰, ввиду его смерти, должен был занять новый король. Те латиняне, что были в Иерусалиме, тотчас же призвали из-под Триполи Исангела. Но он все время откладывал свой отъезд. Когда же он отправился в столицу и в Иерусалиме поняли, что он там медлит, они послали за Балдуином, находившимся тогда в Эдессе, и сделали его королем Иерусалима. Император радостно встретил Исангела. Узнав о том, что власть в Иерусалиме получил Балдуин, он удерживал у себя Исангела до тех пор, пока не прибыло войско норманнов под предводительством двух братьев, которых звали Бьяндраты.

Император много раз советовал им двинуться тем же путем, что и предыдущие отряды, идти на Иерусалим вдоль берега и таким образом соединиться с остальным войском латинян. Но он не смог убедить их, так как они и не собирались соединяться с франками, а хотели идти другой дорогой, на восток, напрямик подойти к Хорасану и захватить его. Император, зная неудобства этого пути и не желая гибели такого большого войска (а их было пятьдесят тысяч всадников и сто тысяч пехотинцев), стал, как говорится, действовать другим путем. Убедившись, что они его

не слушаются, он позвал Исангела и Циту и отправил их вместе с норманнами, чтобы они давали им добрые советы и по возможности обуздывали их неразумные порывы²³¹. Переправившись через Кивотский пролив и стремясь к Армениаку, норманны подошли к Анкире и с ходу овладели ею. Затем они переправились через Галис и подошли к одному городку. Его жителями были ромеи, и священники, надев священное облачение, неся в руках кресты и евангелия, смело вышли к христианам-норманнам. Но норманны бесчеловечно и жестоко убили не только священников, но и остальных христиан и беззаботно продолжали свой путь по направлению к Амазии.

Турки, опытные в военном искусстве, заняли все селенья на пути норманнов и сожгли все продовольствие, а затем с силой напали на них самих. Победу одержали турки. Это было в понедельник²³¹. Турки разбили шатры, устроили лагерь и сложили все снаряжение. На следующий день войска сразились снова. Турки окружили кельтов шатрами и не давали им ни выйти за продовольствием, ни вывести вьючный скот и лошадей на водопой. Кельты, уже предвидя гибель, не жалели больше жизней и на другой день – это была среда, – хорошо вооружившись, завязали бой с варварами. Турки взялись было за копья и луки, но не стали ими сражаться, а выхватили из ножен и обнажили мечи, бросились в рукопашный бой и сразу же обратили норманнов в бегство. Норманны, добравшись до своего лагеря, стали искать чьего-нибудь совета.

Но благородного самодержца, их лучшего советчика, которым они пренебрегли, не было с ними. Им оставалось лишь “спросить мнение Исангела и Циты; при этом они осведомились, нет ли поблизости какой-нибудь территории, подвластной самодержцу, чтобы там укрыться. Оставив в лагере снаряжение, палатки и всех пехотинцев, они сели на коней и как можно быстрее помчались к приморской части Армениака и к Павраку. Турки же все разом ворвались в лагерь и полностью его разграбили. Затем они бросились преследовать норманнов, настигли и уничтожили пехоту, а некоторых воинов взяли в плен и увезли в Хорасан, чтобы показать их своим.

Вот какие подвиги совершили турки в борьбе с норманнами. Исангел и Цита с немногими уцелевшими всадниками прибыли в царственный город. Самодержец принял их, дал много денег и, когда они отдохнули, спро-

сил, куда они намерены теперь отправиться. Они пожелали в Иерусалим. Самодержец щедро одарил латинян и отправил их морем, предоставив все на их усмотрение. Исангел покинул столицу с намерением вернуться к своему войску и вновь подошел к Триполи в жажде овладеть этим городом. Но потом на него напала смертельная болезнь, и, прежде чем испустить последний вздох, он позвал к себе своего племянника Вильгельма, передал ему как бы в наследство все завоеванные им крепости и назначил его предводителем своих войск. Узнав о смерти Исангела, самодержец сразу же отправил дукке Кипра письмо с приказом послать к Вильгельму Никиту Халинца с большой суммой денег, дабы склонить Вильгельма на сторону самодержца и побудить его принести присягу в том, что он будет хранить нерушимую верность императору, как хранил ее до самой своей кончины его покойный дядя Исангел.

9. Самодержец, узнав, что Лаодикия взята Танкредом, отправил Боэмунду письмо следующего содержания: “Тебе известны клятвы и обещания, которые давал Ромейской империи не ты один, но все вы. Теперь же ты, первый нарушив клятву, завладел Антиохией и наряду с другими крепостями подчинил себе даже Лаодикию. Итак, уйди из Антиохии и изо всех других городов, как требует справедливость, и не навлекай на себя новую войну”. Боэмунд прочел императорское письмо и, не имея возможности прибегнуть к обычной своей лжи: факты с полной очевидностью свидетельствовали об истине, – сделал вид, что согласен с содержанием письма, а виновником всех зол, свершенных им самим, объявил императора и написал ему так: “Виноват в этом не я, а ты. Обещав следовать за нами с большими силами, ты не захотел подтвердить свое обещание делом. Мы же, подступив к Антиохии, три месяца сражались с неприятелем, терпя много лишений, и испытали такой голод, какой не испытывал еще никто из людей, так что многие из нас ели даже мясо, запрещенное законом. В то время как мы стойко переносили все это, тот, кого ты дал нам в помощники, верный слуга твоего владычества Татикий, бросил нас среди всех опасностей и ушел. Мы вопреки всякой вероятности взяли город и даже обратили в бегство пришедшие на помощь антиохийцам войска из Хорасана. Справедливо ли, чтобы мы так легко оставили то, что добыто нашим потом и страданиями?”

Когда император по возвращении послов прочел письмо Боэмунда, он понял, что это по-прежнему тот же самый Боэмунд, несколько не изменившийся к лучшему; он понял, что необходимо стеречь границы Ромейской империи и по мере возможности пресекать необузданные замыслы Боэмунда. Поэтому он послал с Вутумитом в Киликию большое войско, в том числе отборных представителей воинского сословия – отважных людей, щитоносцев Арея; среди них выделялись Барда и главный виночерпий Михаил, оба во цвете лет и с первым пушком на щеках. Еще с детства самодержец взял их к себе, обучил воинскому делу и вручил их Вутумиту как самых преданных людей вместе с тысячей других отважных кельтов и ромеев. Они должны были сопутствовать Вутумиту и во всем ему подчиняться, но в то же время секретными письмами постоянно извещать императора обо всех событиях. Император спешил захватить всю Киликию, чтобы облегчить себе затем поход против Антиохии.

Вутумит выступил со всем войском и достиг Атталии. Там Вутумит обнаружил, что Варда и главный виночерпий Михаил не подчиняются его воле, и тогда, чтобы не взбунтовалось войско, а все труды не оказались напрасны и ему бы не пришлось покинуть Киликию безо всякого результата, он немедленно сообщил обо всем самодержцу и просил избавить себя от их присутствия. Самодержец, зная, какой вред приносят обычно подобные вещи, быстро обратил их обоих и всех других казавшихся ему подозрительными, к другим начинаниям. Он в письме приказал обоим юношам немедленно отправиться на Кипр, находиться при Константине Евфорвине, получившем в то время власть дуки острова Кипра, и во всем ему подчиняться. Они были рады письму и быстро отплыли на Кипр. Однако юноши и к дуке Кипра все то недолгое время, что у него провели, относились со своим обычным бесстыдством. В результате и он стал кососмотреть на них. Оба юноши, помня постоянную заботу о них императора, в письмах постоянно нападали на дуку и просили отозвать их в Константинополь. Самодержец, который вместе с ними отправил на Кипр и других знатных людей, казавшихся ему подозрительными, распечатав их письма, испугался, как бы юноши не заразили своим недовольством и других, поэтому тотчас же приказал Кантакузину взять их с собой. Тот прибыл в Киринию, вызвал их и забрал с собой.

Вот все про Варду и про главного виночерпия Михаила. Что же до Вутумита, то он с Монастрой и с оставшимися при нем отборными командирами прибыл в Киликию. Обнаружив, что армяне уже заключили договор с Танкредом, Вутумит миновал их земли и, дойдя до Мараша, овладел им и всеми соседними городками и селеньями. Он оставил большое войско для охраны всей этой территории под началом полуварвара Монастры, о котором упоминалось во многих местах моего повествования, а сам вернулся в царственный город.

10. Выступившие в поход на Иерусалим франки, стремясь к завоеванию сирийских городов, многое обещали епископу Пизы за поддержку в достижении их цели. Их уговоры подействовали, и он, заручившись поддержкой еще двоих епископов, живших у моря, не стал медлить. Снарядив диеры и триеры, дромоны и другие самые быстроходные суда, числом около девятисот, он направился к франкам. При этом он отделил значительную часть своих кораблей и отправил их грабить Корфу, Левкаду, Кефалинию и Закинф.

Император, получив об этом известие, приказал строить корабли во всех областях Ромейской империи. Немало кораблей стал он сооружать и в самом царственном городе. Сам же он время от времени совершал объезды на монере и указывал строителям, что и как следует делать. Зная опытность пизанцев в морских боях и опасаясь сражения с ними, император поместил на носу каждого корабля бронзовую или железную голову льва или какого-нибудь другого животного, – позолоченные, с разинутой пастью, головы эти являли собой страшное зрелище. Огонь, бросаемый по трубам в неприятеля, проходил через их пасть, и казалось, будто его извергают львы или другие звери. Устроив все таким образом, он позвал к себе Татикия, только что вернувшегося из Антиохии, передал ему корабли и назвал его “светлейшая голова”. Общее командование флотом он поручил Ландульфу и назначил его, как самого опытного в морской войне, великим дукой.

Покинув столицу в апреле (1099 г.), они с ромейским флотом прибыли к Самосу, причалили к суше и сошли на берег, чтобы покрыть корабли асфальтом и увеличить этим их прочность. Узнав, что мимо прошел пизанский флот, они отчалили и поспешили вслед за ним в направлении Коса. Пизанцы достигли острова утром, ромей – к вечеру. Не застав пи-

занцев, ромеи отправились на Книд, расположенный у восточного материка. Приплыв туда, они снова упустили добычу, но нашли небольшое число оставшихся там пизанцев и спросили у них, куда направился пизанский флот. Те сказали, что к Родосу. Они тотчас же отчалили и вскоре настигли пизанцев между Патарами и Родосом. Увидев их, пизанцы выстроились в боевом порядке и приготовили к бою не только мечи, но и сердца. Когда ромейский флот подошел, один комит, родом из Пелопоннеса, по имени Перихит, искусный мореходец, едва увидев пизанцев, окрылил веслами свою монеру и как можно быстрее помчался на них. Он, как огонь, пронесся сквозь ряды пизанских кораблей и вернулся к ромейскому флоту.

Между тем ромейский флот не вступил в бой с пизанцами в правильном боевом строю, а напал на них быстро и беспорядочно. Сам Ландульф первым подплыл к пизанским кораблям, но неудачно метнул огонь и достиг лишь того, что огонь рассеялся. Комит по имени Элеимон отважно атаковал с кормы большой корабль, однако его судно зацепилось за руль вражеского и не смогло отплыть. Элеимон попал бы в плен, если бы немедленно не кинулся к снарядам, не бросил в пизанцев огонь и не поразил цель. Затем он быстро повернул корабль и тотчас же поджег еще три огромных варварских корабля. Между тем внезапно разгулявшийся ветер взволновал море, стал трепать корабли и грозил вот-вот потопить их (волны бушевали, реи скрипели и паруса рвались). Варвары, испуганные огнем (ведь они не привыкли к снарядам, благодаря которым можно пламя, по своей природе поднимающееся вверх, направлять куда угодно – вниз и в стороны) и уstraшенные бурей, решили обратиться в бегство.

Так поступили варвары; ромейский же флот пристал к островку Севтлосу. На рассвете они ушли оттуда и причалили к Родосу. Сойдя с кораблей, они вывели на берег своих пленников, в том числе и племянника самого Боэмунда, и стали угрожать им, что продадут их всех в рабство или убьют. Но видя, что пленники невозмутимы и не боятся рабства, ромеи тотчас же перебили их.

Уцелевшая часть пизанского флота занялась грабежом попадавшихся им на пути островов, в том числе и Кипра. Евмафий Филокал, который был там в то время, выступил против них. Оставшиеся на кораблях, поддавшись страху и не заботясь более о тех, кто от-

правился в набег, бросили большую часть своих на острове, а сами в беспорядке отчалили и поплыли к Лаодикии, имея намерение соединиться с Боэмундом. Прибыв туда, они явились к нему и сказали, что стремятся к дружбе с ним. Верный себе, Боэмунд принял их с радостью. Когда же те, кто был занят грабежом и брошен на острове, вернулись и не нашли своего флота, они в отчаянии бросились в море и утонули.

Талассократоры ромейского флота, в том числе и Ландульф, прибыли на Кипр и, собравшись, решили начать переговоры о мире. Все пришли к единому мнению, и к Боэмунду был отправлен Вутумит. Боэмунд принял его и продержал у себя целых пятнадцать дней. Поскольку Лаодикию уже охватил голод, а Боэмунд оставался Боэмундом, несколько не изменился и не научился ценить мир, он позвал к себе Вутумита и сказал ему: “Ты пришел сюда совсем не ради мира и дружбы, а чтобы поджечь мои корабли. Уходи отсюда; хватит с тебя и того, что остался цел”.

Вернувшись от Боэмунда, Вутумит застал тех, кто его посылал, в гавани Кипра. Из слов Вутумита они еще ясней поняли, что Боэмунд из-за своего дурного нрава ни в коем случае не примирится с самодержцем, поэтому они подняли паруса и поплыли по водяным дорогам в столицу. Но около Сики на море поднялось сильное волнение, разразилась большая буря, и все корабли, кроме тех, которыми командовал Татикий, полуразбитые, были выброшены на берег.

Так обстояли дела с пизанским флотом. Боэмунд же, человек по природе чрезвычайно дурной, испугался, как бы император раньше него не захватил Курик, не ввел в гавань ромейский флот, не установил на Кипре свой контроль и не стал задерживать союзников Боэмунда, прибывавших к нему из Лонгивардии по анатолийскому побережью. Рассуждая таким образом, он сам решил отстроить Курик и удержать порт. Некогда хорошо укрепленный город, Курик в последнее время был сильно разрушен. Но самодержец, заботясь о том же и разгадав замыслы Боэмунда, послал евнуха Евстафия, возведенного с должности каниклия²³³ на пост великого друнгария флота, с поручением спешно занять Курик и как можно скорее его отстроить. Он велел также отстроить расположенную в шести стадиях от Курика крепость Селевкию, оставить в обоих городах крупные военные силы и назначить дукой Стратигия

Страва, человека малого роста, но большого знатока военного дела. Кроме того, он приказал ввести в гавань большой флот, поручив ему помогать Кипру и бдительно подстерегать тех, кто будет идти на помощь Боэмунду из Лонгивардии.

Итак, вышеназванный друнгарий флота отправился в путь и, предупреждая замыслы Боэмунда, восстановил Курик и привел его в прежнее состояние. Сразу после этого он отстроил Селевкию, окружил ее рвом, оставил в обоих городах значительные силы под началом дуки Стратигия, спустился в порт, оставил там, согласно указаниям императора, сильный флот и вернулся в столицу, где удостоился больших похвал и щедрых даров самодержца.

11. Вот все о Курике. Год спустя²³⁴ император узнал, что генуэзский флот тоже готовится выйти на помощь франкам. Алексей предвидел, что и генуэзцы могут нанести немалый ущерб ромейской империи, и поэтому по суше отправил с крупными силами Кантакузина, а с флотом спешно снарядил и послал Ландульфа, которому приказал без промедления прибыть к южному побережью и завязать бой с генуэзцами, когда те будут проходить мимо. Когда флот плыл к месту назначения, разразилась жестокая буря, повредившая много кораблей. Их вытащили на берег и тщательно осмолили.

Между тем Кантакузин узнал, что генуэзский флот, плывущий вдоль южного побережья, находится где-то поблизости. Исполняя приказ самодержца, он поручил Ландульфу отвести восемнадцать кораблей (это все, что осталось в море; остальные были вытащены на берег) к мысу Малая, поставить их там на якорь, а когда мимо будут проходить генуэзцы, немедленно завязать бой – если Ландульф на это отважится – или спасти себя, корабли и матросов и укрыться в Короне. Ландульф отправился, но, увидав большой флот генуэзцев, отказался от боя и поспешно прибыл в Корону.

Кантакузин же собрал, как и нужно было, весь ромейский флот, погрузил своих людей и на всех парусах поспешил вдогонку за генуэзцами. Не догнав их, он направился в Лаодикию, чтобы обратить все свои помыслы на войну с Боэмундом. Приступив к делу, он захватил гавань и, не прекращая осаду ни днем, ни ночью, штурмовал стены.

Впрочем, он ничего не достиг; тысячу раз наступал, тысячу раз терпел неудачу: то он

пытался примириться с кельтами, но не мог убедить их, то вступал в бой, но терпел поражение. Наконец, он за трое суток построил между берегом и стенами Лаодикии небольшую круглую стену из нецементированных камней и под ее прикрытием внутри в короткий срок воздвиг укрепление из камней, скрепленных цементом, чтобы использовать его как опорный пункт для дальнейшего штурма. Кроме того, с двух сторон у входа в гавань он построил по башне и протянул между ними железную цепь, чтобы преградить путь кораблям, которые должны были прийти на помощь кельтам. В это же время он захватил много небольших прибрежных городков: Аргирокастр, Маркаб, Гавал и другие, вплоть до окрестностей Триполи. Прежде эти города платили дань сарацинам, позднее самодержец потом и кровью присоединил их к Ромейской державе.

Император решил, что Лаодикию необходимо осадить не только с моря, но и с суши, ведь он, способный мгновенно постичь нрав человека, уже давно был знаком с коварством и кознями Боэмунда и в точности изучил его хитрость и непокорство. И вот Алексей позвал Монастру и послал его с большим войском по суше, чтобы он вместе с Кантакузином – один с моря, другой с суши – осадил Лаодикию. Но Кантакузин еще до прибытия Монастры овладел и гаванью и самим городом; акрополь же, который теперь вошло в обычай называть “кула”, еще удерживали кельты – пятьсот пехотинцев и сто всадников.

Боэмунд, услышав о взятии прибрежных городов и узнав от графа – защитника акрополя Лаодикии – о нехватке продовольствия в городе, соединил все свои отряды с войсками своего племянника Танкреда и Исангела, нагрузил мулов всевозможными припасами, прибыл в Лаодикию и быстро доставил продовольствие на кулу. Затем Боэмунд вступил в переговоры с Кантакузином и сказал ему следующее: “С какой целью ты строишь все это?” Тот ответил: “Вы, как известно, обещали служить самодержцу и клятвенно обязались вернуть взятые вами города. А теперь ты сам преступил клятву и нарушил условия мира; взяв этот город, ты передал его нам, а теперь передумал и вновь владеешь им, видно, я напрасно явился сюда, надеясь принять города, завоеванные вами”. Боэмунд сказал: “Золотом или железом собираешься ты взять у нас эти города?” Тот ответил: “Золото я дал моим спутникам, чтобы храбрей сражались”. Тогда

Боэмунд сказал с гневом: “Без денег, да будет тебе известно, ты не получишь и маленькой крепости”. И тотчас приказал своей коннице приблизиться к самым воротам города.

Воины Кантакузина, осаждавшие городские стены, осыпали приближавшихся к стенам франков градом стрел и отбросили их на некоторое расстояние. Но Боэмунд сразу же собрал их всех снова и вошел в акрополь. Боэмунд заподозрил защищавшего акрополь графа и его кельтов, прогнал их и передал командование другому графу. Он уничтожил также все виноградники, чтобы они не мешали наступлению конницы латинян. После этого ушел в Антиохию. Кантакузин же упорно продолжал осаду города, прибегал к тысячам всяких уловок, ухищрений и осадными машинами непрерывно приводил в замешательство латинян на акрополе. Между тем Монастра, двигаясь с конным войском по суше, захватил Лонгиниаду, Тарс, Адану, Мамисту и полностью всю Киликию.

12. Боэмунд, опасаясь угроз самодержца и не имея никаких средств для защиты (у него не было ни большого войска на суше, ни флота на море, а опасность уже надвигалась на него со всех сторон), задумал нечто очень низкое и очень подлое. Прежде всего, оставив Антиохию своему племяннику Танкреду, сыну Маркиза, он повсюду распустил слух, что Боэмунд, мол, умер, и сам живой убедил весь мир в своей кончине.

Молва, как на крыльях, разнеслась повсюду, извещая о смерти Боэмунда. Когда Боэмунд нашел, что слухи уже достаточно распространились, он велел приготовить деревянный гроб и диеру для его перевозки; и вот живой покойник отплыл из Суды – это порт Антиохии – в Рим. Так и доставляли его по морю как мертвого. Внешне казалось, что везут настоящего покойника; Боэмунд лежал в гробу, и где только они ни появлялись, варвары рвали на себе волосы и громко рыдали. А тот лежал в гробу, вытянувшись, как мертвец, вдыхая и выдыхая воздух через потайные отверстия. Так было на берегу. Но как только корабль выходил в море, Боэмунду давали еду и ухаживали за ним, а потом снова начинались слезы и шарлатанство.

Чтобы от “трупa” шел запах и все думали, что он разлагается, они не то задушили, не то зарезали петуха и подкинули его “мертвому”. Уже на четвертый или на пятый день от петуха пошел дух, нестерпимый для всех, кто не потерял обоняния. Обманутым людям каза-

лось, что этот тяжелый дух исходит от Боэмунда. Больше всех наслаждался этой гадкой выдумкой сам Боэмунд, и я удивляюсь, как его нос мог вынести такую атаку, ведь Боэмунд живой лежал рядом с мертвечиной. Из этого случая я поняла, что все племя варваров не знает удержу в своих стремлениях и готово добровольно вытерпеть любые страдания. Вот и Боэмунд живой, умерший только для вида, не побоялся жить рядом с мертвечиной. В первый и единственный раз видела наша земля подобную хитрость варвара, целью которой было ниспровержение ромейского владычества. Никогда прежде ни варвар, ни эллин не придумывали против врагов ничего подобного, да и будущие поколения, я полагаю, такого не увидят.

Достигнув Корфу, найдя там спасительное убежище и оказавшись в безопасности, мнимый мертвец воскрес, покинул гроб, наслаждался горячим солнцем, вдохнул чистого воздуха и пошел по городу. Жители, глядя на его чужеземную одежду, спрашивали, какого он рода и состояния, кто он, откуда прибыл и куда направляется.

А он, презирая их всех, искал дуку города. Дукой был некий Алексей из фемы Армениака. Явившись к нему, Боэмунд принял надменный вид и высокомерным тоном, как это свойственно варварам, потребовал передать самодержцу следующее: “К тебе обращается тот самый сын Роберта, Боэмунд, чье мужество и упорство уже давно poznали и ты и твоя империя. Бог свидетель, ни в каких случаях я не терпел зла, причиненного мне. С тех пор как я через земли ромеев дошел до Антиохии и покорил своим копьем всю Сирию, я пережил много горького из-за тебя и твоего войска; меня манили от надежды к надежде и бросали в тысячи сражений и битв с варварами.

Но знай: умерев, я снова воскрес и ушел из твоих рук. Скрывшись под видом мертвеца от всех глаз, от всех рук и подозрений, я ныне живу, хожу, дышу воздухом и шлю отсюда, из Корфу, твоей царственности ненавистные тебе вести. Ведь ты не обрадуешься, узнав, что город Антиохию я поручил Танкреду, моему племяннику (а он достойный противник для твоих военачальников), что сам я возвращаюсь на родину. И хотя тебе и твоим людям сообщали, что я мертв, я и мои люди видят меня живого и полного вражды к тебе. Живой, я умер, и мертвый, воскрес, чтобы покорять подвластную тебе Романию. Если я пе-

реправлюсь на другой берег, увижу лонгивардов, латинян и германцев и моих франков, верных сынов Арея, я не перестану заливать

потоками крови твои земли и города, пока не водружу свое копьё в самой Византии”. Вот до какой наглости дошел этот варвар!

Книга XII

1. Итак, я описала события после первой переправы Боэмунда, рассказала о кознях, которые он строил самодержцу, желая добыть себе скипетр Ромейской державы, о том, какой хитрый способ возвращения придумал Боэмунд и как он достиг цели, притворившись мертвым и морем прибыв на Корфу. Пусть же мое повествование обратится к последующим делам Боэмунда.

Прибыв, как уже говорилось, на Корфу, этот испускающий зловоние “мертвец” через дуку острова разразился угрозами по адресу самодержца (об этом уже сообщалось в моем повествовании), потом отплыл в Лонгивардию и там принялся за осуществление своего замысла: в намерения Боэмунда входило вновь занять Иллирик, и с этой целью он старался собрать больше союзников, чем раньше. Он завязал переговоры с франкским королем о браке, и король отдал одну из своих дочерей в жены самому Боэмунду, а другую отправил морем в Антиохию к племяннику Боэмунда – Танкреду. Затем Боэмунд собрал отовсюду многотысячную армию, вызвал из всех областей и городов графов вместе с их войсками и ускорил переправу в Иллирик.

Когда до императора дошло известие, переданное ему Алексеем, он сразу же направил письма во все области: Пизу, Геную и Венецию, заранее прося их жителей не позволить Боэмунду увлечь себя лживыми словами и перетянуть на свою сторону. Ведь Боэмунд, объезжая все области и города, обрушивался с нападками на самодержца и называл его язычником и врагом христиан.

Когда кельты, в бесчисленном множестве переправившись с Запада в Азию, как бич, обрушились на Антиохию, Тир и все соседние города и области, Вавилонец захватил триста графов, заключил их в оковы и бросил в тюрьму; в тюрьме их содержали строго, как в старые времена. Узнав о пленении графов и о всех выпавших на их долю несчастьях, самодержец стал терзаться душой и думать лишь об их освобождении. Призвав к себе Никиту Панукомита и снабдив деньгами, отправил его к Вавилонцу вместе с письмом, в котором просил вернуть ему этих пленных графов и обещал султану всяческие блага, если только тот освободит пленников от оков и вернет им

свободу. Вавилонец принял Панукомита, выслушал то, что сообщал ему самодержец, прочел письмо и сразу же освободил графов от оков и вывел их из тюрьмы. Он, однако, не предоставил им полной свободы, а передал их Панукомиту для того, чтобы тот препроводил графов к самодержцу. При этом султан не взял ничего из отправленных ему денег. Один Бог знает, почему он так поступил. Может быть, сумма была недостаточной для выкупа стольких графов, может быть, султан хотел избежать подозрения в сребролюбии, чтобы не показалось, будто он отдает пленников за плату, в то время как он от чистого сердца оказывал бескорыстную услугу императору, а может быть, Вавилонец просто рассчитывал на большее.

Когда император увидел прибывших графов, он был очень удивлен нравом варвара и усердно расспрашивал бывших пленников обо всем, что с ними случилось. Узнав, что они в течение стольких месяцев находились в тюрьме, ни разу не видели солнца, не снимали оков и долгое время не вкушали иной пищи, кроме хлеба и воды, он, сочувствуя их страданиям, стал проливать горячие слезы. Он сразу же удостоил их многих милостей, пожаловал денег, подарил всевозможные одежды, отправил в баню и всячески старался облегчить им боль от перенесенных мук. Графы радовались благодеяниям самодержца, которые он оказал своим бывшим врагам и неприятелям, нарушившим данные ему клятвы и обещания, и ценили его незлобивость. Через несколько дней император призвал их и сказал: “На будущее я предоставляю вам право находиться в этом городе столько, сколько вы захотите. Если же кто-нибудь, вспомнив о близких, пожелает вернуться, пусть, попрощавшись с нами, беспрепятственно отправится на родину; он будет щедро снабжен деньгами и всем необходимым для дороги. Я хочу, чтобы у вас было право выбора, остаться вам или уйти, чтобы вы поступали, как и подобает свободным людям, по своей воле”. До поры до времени графы оставались с самодержцем, принимая, как было сказано, от него всевозможные знаки внимания, и всем сердцем привязались к нему.

Я уже сказала, что Боэмунд прибыл в Лонгивардию. Стремясь собрать войско больше, чем прежде, он стал объезжать все города и области и обрушиваться с нападками на самодержца, которого он во всеуслышанье называл язычником и человеком, всеми силами содействующим язычникам. Зная об этом, самодержец снабдил щедрыми дарами упомянутых графов и отправил их по домам. Сделал он это частично потому, что графы сами уже хотели вернуться в свои земли, частично, чтобы они опровергли наветы Боэмунда. Сам же он спешно отправился в Фессалонику, чтобы обучить военному искусству новобранцев и вместе с тем воспрепятствовать Боэмунду, собравшемуся, судя по слухам, переправиться из Лонгивардии на нашу территорию. И вот, возвратясь на родину, эти графы стали живыми уликами против Боэмунда, они называли его обманщиком, в словах которого нет и грана истины, и нередко в лицо укоряли его за ложь. Они обличали Боэмунда во всех городах и областях и выставляли себя как надежных свидетелей.

2. Повсюду распространялась весть о предстоящей переправе Боэмунда. Самодержец, испытывая большой недостаток в воинах и нуждаясь в войске, не уступающем кельтским полчищам и способном противостоять им, не стал медлить и колебаться, а послал за военачальниками, находившимися в Келесии, – я имею в виду Кантакузина и Монастру, из которых первый охранял Лаодикию, второй – Тарс. Вызвав их оттуда, он не оставил без защиты охраняемые ими области и города: в Лаодикию он отправил с другим войском Пецея, в Тарс и все подвластные Монастре города и области – Аспиета. Этот муж происходил из знатного армянского рода и, как утверждала тогда молва, был знаменит своим мужеством; правда, события не подтвердили его репутации, по крайней мере как полководца.

Дело в том, что властитель Антиохии Танкред, которого мы в своем повествовании оставили в Сирии, усиленно распространял слухи, что вскоре он прибудет в Киликию, дабы осадить ее и освободить из-под власти императора, поскольку эта страна-де принадлежит ему и его оружием отвоевана у турок. Танкред не только повсюду распространял подобные слухи, но отправлял письма, содержащие еще более страшные угрозы. Эти письма ежедневно вручались и Аспиету. Танкред не только угрожал, но и осуществлял для острастки не-

которые свои угрозы, а другие обещал исполнить в будущем. Он отовсюду набирал воинов – армян и кельтов, ежедневно тренировал их, обучал войско строить ряды и сражаться, а иногда и отправлял его в набеги, – это был дым, предшествующий огню; он также сооружал осадные машины и всяческим образом готовился к осаде. Это о Танкредe.

А в это время армянин Аспиет пребывал в беспечности и устраивал у себя по ночам неумеренные попойки, будто ему некого было бояться, будто ему никто не угрожал и будто над его головой не нависла никакая опасность. И тем не менее это был мужественный человек, храбрый щитоносец Арея. Прибыв, однако, в Киликию, очутившись вдали от руки своего господина и самолично распоряжаясь всеми делами, он предался всякого рода наслаждениям. Таким образом, этот армянин превратился в женоподобного и распущенного человека и, когда настало время осады, проявил свое бессилие перед лицом неутомимого воина Танкрeда. Его слух не оглушили громовые угрозы Танкрeда, и он даже не взглянул на молнии, которые метал этот громовержец, явившийся, чтобы опустошить Киликию.

Танкред неожиданно выступил в поход из Антиохии вместе с огромным войском; разделив его на две части, он одних своих воинов отправил сушей против городов Мопса, а других посадил на триеры и морем повел к реке Сарос. Эта река течет с севера с Таврских гор, протекает между двумя городами Мопса – разрушенным и существующим – и впадает в Сирийское море. Отплыв оттуда, корабли Танкрeда приблизились к устью этой реки и поднялись к мостам, соединяющим оба города Мопса. Таким образом, город был окружен и подвержен ударам с обеих сторон. Прибывшие с Танкредом легко могли напасть на город с кораблей, а наступающие с материка – вести бой на суше. Аспиет, однако, вел себя так, как будто не случилось ничего необычного и густой рой неприятельских воинов не носился с жужжанием вокруг города; его мало заботили эти вещи, и я не знаю, о чем он только думал и почему поступал столь недостойно своего мужества. Такое поведение сделало его ненавистным всему императорскому войску. Какая судьба грозила бы киликийским городам, если бы их захватил столь грозный муж, как Танкред, который превосходил всех своих современников, был одним из наиболее

опытных полководцев и к тому же никогда не знал неудач в осаде городов!

Может быть, кто-нибудь удивится, что для самодержца осталась тайной неопытность Аспиета в военном деле. Я могу сказать в защиту своего отца, что он был введен в заблуждение знатностью рода Аспиета: да, знаменитый род и славное имя этого человека сыграли немалую роль в его назначении. Ведь Аспиет был заметным человеком в роде Арсакидов, и в его жилах текла царская кровь. Поэтому император и назначил его стратопедархом всего Востока и вознес на пьедестал, особенно после того, как получил доказательство его мужества.

Когда, как я упоминала, мой родитель, самодержец, вступил в бой с Робертом, некий кельт, огромного роста, в пылу битвы припорил коня и с занесенным копьем, как вихрь, набросился на Аспиета. Аспиет схватился за меч, но получил от кельта сильный удар и был тяжело ранен копьем, которое задело его легкие и пронзило позвоночник. Тем не менее он не потерял мужества от удара и не вывалился из седла, а усевшись покрепче, ударил варвара по шлему и рассек надвое не только его шлем, но и голову. Тут же оба они падают с коней: кельт замертво, Аспиет – еще с признаками жизни. Слуги подняли истекавшего кровью Аспиета, оказали ему необходимую помощь и отнесли к самодержцу, которому они показали копье, рану и сообщили о смерти кельта.

Вспомнив тогда, не знаю каким образом, его исключительное мужество и смелость и приняв во внимание славный род его, самодержец направил Аспиета как способного полководца в Киликию для борьбы с Танкредом и назначил, как я уже писала, стратопедархом.

3. Но достаточно об этом. Военачальникам, находившимся на Западе, император направляет другие письма с приказом немедленно выступить к Сланице. Что же дальше? Может быть, призвав к себе бойцов, Алексей сам оставался бездеятельным, предался легкомысленному досугу и мылся в банях, как обыкновенно поступают императоры, предпочитающие животный образ жизни? Ни в коем случае! Император и часа не мог более оставаться во дворце. Покинув Византий, он, как говорилось выше, направился в западные области и в сентябре месяце четырнадцатого индикта на двадцатом году с того момента, как он взял в свои руки бразды правления, явился в Фесса-

лонику. Вместе с собой он принудил следовать и августу.

Императрица обладала таким характером, что не хотела быть на людях, большей частью оставалась у себя дома и занималась своими делами – я имею в виду чтение книг святых мужей, молчаливые размышления, а также благотворительность и благодеяния людям, особенно тем, которые, как она заключала по их внешности и образу жизни, служили Богу и проводили время в молитвах и антифонных песнопениях. Когда какие-либо обязанности императрицы по необходимости заставляли ее показываться на людях, она исполнялась стыда, и румянец сразу же покрывал ее щеки. Ведь и любомудрая Феано²³⁵, когда кто-то, указывая на ее обнаженную руку, сказал шутливо: “Какая красивая рука”, – ответила: “Но она не предназначена для всеобщего обозрения” (досл. “Но она не публичная”). Императрица же, моя мать, воплощение достоинства, сосуд святости, не только не любила выставлять на всеобщее обозрение свою руку и лик, но даже не желала, чтобы звук ее голоса достигал слуха людей, не входивших в ее обычное окружение. Такова была ее необыкновенная стыдливость. Но так как даже боги, как говорят, не могут сопротивляться необходимости, она была вынуждена сопровождать самодержца во время его частых военных походов.

Природная стыдливость удерживала ее во дворце, а страсть и пламенная любовь к самодержцу заставляли ее против воли покидать императорские покои. К тому были разные причины. Первая из них – постигшая Алексея болезнь ног, которая требовала большой заботы о нем. Боли в ногах причиняли ему огромные страдания, и Алексей не выносил никаких прикосновений, кроме моей госпожи и матери. Она заботливо ухаживала за ним, искусно касалась его тела и облегчала боль в его ногах. Пусть никто не обвинит меня в бахвальстве – я восхищаюсь его нравственными качествами, и пусть никто не заподозрит, что я неверно оцениваю самодержца, – я говорю истину. Император считал все, что касалось его и его особы, чем-то второстепенным по сравнению с благополучием городов. Ничто не могло отвратить его от любви к христианам: ни боль, ни наслаждения, ни военные поражения и ничто другое, большое или малое, ни солнечный жар, ни зимняя стужа, ни варварские набеги (Павел. Рим. VIII: 35). Алексей был нечувствителен к подобным ве-

щам, и хотя его тело было ослаблено целым сонмом болезней, он поднимался на защиту отечества.

Второй и главной причиной, заставившей императрицу сопровождать самодержца, было следующее: повсюду тогда возникали многочисленные заговоры, и Алексей нуждался в постоянном присмотре и поистине многоглазом страже. Ведь ночь, как и день, была полна опасностями для императора, вечер встречал его новыми бедами, и еще большими несчастьями грозило ему утро, – свидетель тому Бог. Разве не нуждался император в тысячеглазом страже, когда столько негодяев злоумышляли против него: одни метали в него стрелы, другие точили мечи, а третьи, не в силах ничего предпринять, пускали в ход болтливые языки и злословие? Какого еще союзника надо было ему иметь при себе, если не ее, самой природой предназначенную быть его советчицей? Кто позаботился бы о самодержце и взял бы под подозрение заговорщиков лучше императрицы, способной найти благо для Алексея и тем более заметить козни его врагов? Моя мать была всем для моего господина и отца: ночью – неусыпным оком, днем – славным стражем, во время еды – хорошим противоядием и спасительным лекарством против зла, которое можно причинить через пищу. Таковы были причины, пересилившие природный стыд этой женщины и давшие ей смелость предстать перед глазами мужчин.

Тем не менее она и тогда не отказалась от своего обычного благочиния, но благодаря выражению глаз, молчаливости и всему своему поведению осталась незамеченной большинством людей. О том, что императрица следует за войском, свидетельствовали лишь носилки, установленные на двух мулах и покрытые сверху царским покрывалом; а ее божественное тело было укрыто от взоров. Всем было известно только, что больному императору обеспечен наилучший уход и что у него есть бдительный страж, неусыпное око, не дремлющее ни при каких обстоятельствах. И мы, преданные самодержцу люди, старались оберегать его и, постоянно бодрствуя, всем своим умом и сердцем в меру наших сил помогали госпоже, моей матери. Об этом я написала специально, имея в виду насмешников и клеветников. Ведь они обвиняют даже невинного (об этом свойстве человека знала уже гомеровская муза), презирают благородные дела и упрекают безупречное.

В происходившем в это время походе (император предпринял наступление против Боэмунда) она участвовала и добровольно и недобровольно. Ведь не следовало императрице участвовать в нападении на варварское войско. Почему? Да потому что это дело Томирис²³⁶, массагетки Спарефры²³⁷, но никак не моей Ирины. Ее мужество заключалось в другом, и она была вооружена не копьем Афины и не шлемом Аида, чтобы искусно отражать несчастья и превратности жизни (а императрица знала, сколь много их обрушивается на императоров), ее щитом, панцирем и мечом были, следуя Соломону, деятельный характер, непримиримость к страстям и искренняя вера (Прем V: 19). Так была вооружена моя мать для войн подобного рода; в остальном, в полном соответствии со своим именем²³⁸, она была настроена весьма миролюбиво.

Так как императору предстояло сражение с варварами, он решил подготовиться к войне, возымел намерение укрепить одни крепости, усилить оборону других и вообще стремился принять все необходимые меры против Боэмунда. Вместе с собой взял он и императрицу, частично в своих собственных интересах по уже упомянутым причинам, частично потому, что еще не угрожала никакая опасность и время войны не пришло.

И вот она, захватив все имеющиеся у нее в золотой и иной монете деньги, а также другие ценности, выступает из города. В продолжение всего пути она щедрой рукой награждала на дорогах всех нищих, одетых в козы шкуры или голых, и ни один проситель не ушел от нее с пустыми руками. И даже тогда, когда императрица достигала предназначенной для нее палатки, она, войдя в нее, не ложилась сразу отдыхать, а широко открывала двери для просителей. Ведь эти люди имели открытый доступ к Ирине и могли свободно видеть и слышать ее. Она не только снабжала бедняков деньгами, но и давала им благие советы. Если она видела, что какой-нибудь нищий обременен здоровым телом, но ведет праздную жизнь, она побуждала его заняться трудом, чтобы он добывал себе все необходимое, а не предавался лени из-за своей нерадивости и не бродил от двери к двери, выпрашивая подавание. Ничто не могло отвлечь императрицу от этих дел. Известно, что Давид растворял свое питье слезами²³⁹, а императрица, казалось, ежедневно смешивала и пищу и питье с состраданием.

Многое я могла бы рассказать об императрице, если бы свидетельства дочери не показались неправдоподобными и льстивыми по отношению к матери. А тем, кто питает подобные подозрения, я расскажу о делах, служащих лучшими доказательствами правдивости моих слов.

4. Когда жители западных областей узнали о прибытии самодержца в Фессалонику, они устремились к нему, как тяжелые тела к центру. На этот раз приходу кельтов не предшествовало нашествие саранчи, но в небе появилась большая комета – самая большая из всех когда-либо появлявшихся прежде; одни говорили, что она была “брусом”, другие – “дротиком”. По-видимому, свыше был дан знак, возвещающий о каких-то новых необычайных событиях. Ведь сияние этой кометы можно было видеть в течение целых сорока суток²⁴⁰. Она появилась на западе и двигалась к востоку. Все были устрашены ее появлением и старались отгадать, что она предвещает. Хотя самодержец мало обращал внимания на подобные явления и полагал, что они бывают вследствие естественных причин, тем не менее он обратился с вопросом к сведущим в этой области людям. Он призвал к себе Василия, назначенного недавно епархом Византии (сей муж выказывал большое расположение к самодержцу), и спросил его о появившейся звезде. Василий же пообещал дать ответ на следующий день и удалился туда, где он остановился (это был храм, воздвигнутый в давние времена в честь евангелиста Иоанна), и после захода солнца стал наблюдать за звездой. Утомленный исследованиями и вычислениями, он случайно заснул и во сне увидел святого, одетого в священническую одежду. Василий возликовал и решил, что видит его не во сне, а наяву. Узнав святого, он исполнился страха и робко попросил его сообщить, какие события возвещает эта звезда. На это святой ответил, что звезда предвещает нашествие кельтов. “Ее сгорание свидетельствует, что они найдут здесь погибель”, – сказал он. Вот что я хотела рассказать о появившейся звезде.

Император же, прибыв, как я уже говорила, в Фессалонику, готовился к переправе Боэмунда, обучал новобранцев натягивать лук, стрелять в цель и прикрываться щитом. Он также отправлял письма, намереваясь обеспечить себе чужеземных союзников, которые смогли бы, когда потребуется, быстро явиться на помощь. Большое внимание уделял он также Иллирику, укрепил город Диррахий и

назначил его правителем Алексея – второго сына севастократора Исаака. Вместе с тем он приказал завершить снаряжение флота на Кикладских островах, в приморских городах Азии и в Европе. Многие тогда отговаривали его сооружать флот на том основании, что Боэмунд не спешит с переправой, Алексей, однако, не обращал на эти советы внимания и говорил, что полководец должен быть неусыпным стражем и не только готовиться к непосредственной опасности, но и смотреть дальше, дабы не оказаться из-за скупости неподготовленным в нужный момент, когда уже придет весть о наступлении врага.

Распорядившись самым разумным образом, он выступает из Фессалоники и прибывает в Струмицу, а оттуда к Слопиму. Узнав о поражении сына севастократора, Иоанна, высланного вперед против далматов, Алексей отправляет ему на помощь значительные силы. Однако негодный Вукан немедленно предлагает императору мир и высылает требуемых заложников. Алексей провел там год и два месяца, а затем, узнав, что Боэмунд еще находится в пределах Лонгивардии, уже зимой распустил воинов по домам, а сам прибыл в Фессалонику. В то время как Алексей совершал свой путь к Фессалонике, у императора порфирородного Иоанна в Валависте родился мальчик – первенец; вместе с ним появился на свет и другой ребенок – девочка. В Фессалонике император почтил память великомученика Димитрия и затем вернулся в столицу.

В это время случилось следующее. В центре площади Константина, на видимой отовсюду багряного цвета колонне, стояла бронзовая статуя, обращенная лицом к востоку; в ее правой руке находился скипетр, в левой – сделанный из бронзы шар. Говорят, что это была статуя Аполлона, но жители Константинополя, как я полагаю, называли ее Анфилием. Великий император Константин, отец и властитель города, дал ей свое имя – имя самодержца Константина. Однако первоначальное название пересилило, и все продолжали именовать статую Анилием или Анфилием.

Неожиданно поднявшийся сильный юго-западный ветер сорвал статую с пьедестала и сбросил ее на землю – солнце в это время находилось в созвездии Тельца. Многие, а особенно те, кто враждебно относился к самодержцу, восприняли это как дурное предзнаменование и принялись распространять слухи, что падение статуи предвещает смерть им-

ператора. На это Алексей говорил: “Я знаю только одного господина над жизнью и смертью и не могу поверить, что падение изображений влечет за собой смерть. Если, к примеру, Фидий или какой-либо другой скульптор, обтесывая камень, создавал статуи, то разве он оживлял мертвецов и творил живых людей? Если бы это было так, что оставалось бы на долю творца всех? Ведь “я умерщвляю и я оживляю, – говорит творец (Вт 32: 39), – а не падение или возведение той или иной статуи””. Император возлагал все надежды на великий промысел божий.

5. Новая беда опять грозила самодержцу, на этот раз уже не от простого народа. Некие мужи, чванящиеся доблестью и славой рода, снедаемые жаждой убийства, покушались на жизнь самодержца.

Дойдя до этого места своего повествования, я останавливаюсь в удивлении, откуда только свалилось на императора такое множество бед. Ведь не было ничего, поистине ничего, что бы так или иначе не обратилось против него. Непрерывно происходили внутренние волнения и вспыхивали восстания извне. Не успевал самодержец подавить внутренний мятеж, как пожар восстания охватывал все внешние области. Казалось, сама судьба, как неких самородных гигантов, порождала варваров и внутренних тиранов. И все это, несмотря на милосердное и человеколюбивое управление Алексея, несмотря на то, что он всех и каждого осыпал своими благодеяниями. Своих он постоянно щедро одаривал и жаловал им почетные титулы, а варварам, откуда бы они ни были, не давал никаких поводов и оснований для войн, лишь сдерживал их, когда они приходили в волнение. Только плохие полководцы во время мира умышленно побуждают к войне своих соседей. Ведь мир является целью всякой войны. Постоянно предпочитать войну миру ради..., постоянно пренебрегать благой целью – дело безумных полководцев, демагогов, людей, уговоряющих гибель городу.

Император Алексей поступал как раз наоборот, он ревностно заботился о мире, имея... старался сохранить, а не имея его, нередко проводил бессонные ночи в думах о том, как его возвратить. По природе своей он был человеком мирным и становился воинственным лишь тогда, когда его принуждали обстоятельства. Что касается Алексея, я могла бы смело сказать, что императорское достоинство, на долгое время покинувшее ромейский

двор, возвратилось лишь при нем и как бы впервые нашло приют в Ромейской державе.

Но, как я сказала в начале этой главы, меня поражает обилие военных забот, обрушившихся на императора. Все – можно было видеть – пришло в волнение как внутри, так и за пределами государства. Император Алексей вовремя разгадывал скрытые и тайные замыслы врагов и при помощи всевозможных ухищрений ликвидировал опасность, он боролся как с внутренними тиранами, так и с внешними врагами-варварами, благодаря своему острому уму всегда предупреждая козни заговорщиков и срывая их планы. Уже по самому положению дел я могу судить о судьбе империи в то время. Все чужеземные племена пылали злобой к Ромейской империи, и отовсюду нахлынули на нее бедствия, потрясшие само тело государства. Если человека постигают бедствия, со всех сторон одолевают враги, а плоть изнуряет внутренний недуг, провидение побуждает его к борьбе с надвигающимися отовсюду бедствиями. То же самое можно было наблюдать и в этом случае.

Варвар Боэмунд, о котором я неоднократно упоминала, готовился двинуть сильнейшее войско против ромейского трона и в то же время, как уже говорилось в начале главы, поднимала голову толпа тиранов. Во главе заговора стояли всего четыре человека – братья по прозвищу Анемады, один по имени Михаил, второй – Лев, третий... четвертый... Они были братьями как по рождению, так и по духу. Все они единодушно желали одного: убить самодержца и захватить императорский скипетр. К ним присоединились и другие высокородные мужи: Антиохи, отпрыски знатного рода, Эксазины, Дука и Иалий, превосходившие всех когда-либо живших людей своей любовью к битвам, кроме того, Никита Кастамонит, некий Куртикий и Георгий Васибеки. Все это были люди, занимавшие первые места в военном сословии; из числа же членов синклита заодно с заговорщиками был Иоанн Соломон.

Михаил – главный из четырех Анемадов – лицемерно объявил, что Соломон будет помазан на императорский трон благодаря его богатству и знатности рода. Соломон занимал видное место в синклите, но был самым низкорослым и самым легкомысленным из всех, кто поддавался обману вместе с ним. Он считал, что превзошел учение Аристотеля и Платона, на самом же деле был далек от философской науки, и легкомыслие помрачило его ум. И

вот он, как бы подгоняемый Анемадами, на всех парусах пустился к царственному городу. Но Анемады во всем обманывали его. Ведь на самом деле сторонники Михаила не имели в виду возвести его на императорский трон – куда там! – они лишь пользовались в своих целях его легкомыслием и богатством. Они выкачивали из него золото, морочили ему голову обещаниями престола и совершенно приручили к себе. В истинные их намерения входило, если только все пойдет хорошо и судьба улыбнется им, оттолкнуть его локтем и оставить “трепыхаться на море”, а самим захватить скипетр, уделив Соломону лишь малую толику славы и выгод. В разговорах, которые велись с ним о заговоре, они умалчивали об убийстве самодержца, не упоминали ни об оружии, ни о войне, ни о битвах, дабы не отпугнуть Соломона, который, как им было известно, испытывал страх перед какими бы то ни было войнами. И вот такого мужа они приняли в свои объятия, как самого главного. Кроме того, к их заговору присоединились Склир и Ксир, исполнявший в то время должность эпарха Константинополя.

Соломон, как говорилось выше, человек легкомысленный, вовсе не понимал намерений Эксазина, Иалия и Анемадов и считал, что Ромейская империя уже у него в руках, поэтому он стал посвящать кое-кого в свои планы и обещанием даров и титулов привлекать на свою сторону. Однажды к нему зашел “корифей драмы” Михаил Анемад и, увидев, что Соломон с кем-то беседует, спросил, о чем идет речь. Соломон же со свойственным ему простодушием ответил: “Этот человек попросил у меня титул и, получив обещание, согласился примкнуть к нашему заговору”. Михаил осудил его за глупость; увидев, что Соломон совсем не умеет держать язык за зубами, он испугался и перестал посещать его дом.

6. Между тем воины – я говорю об Анемадах, Антиохах и их сообщниках – продолжали готовить покушение на жизнь императора, намереваясь осуществить задуманное убийство самодержца сразу же, как представится благоприятный случай. Так как божественное провидение не оберегало их, а время шло, то они, боясь быть уличенными, решили, что настал долгожданный случай.

Проснувшись однажды утром, самодержец почувствовал желание подсластить горечь своих многочисленных забот и стал вместе с некоторыми из родственников играть в затрикий [шахматы] (эта игра изобретена изнежен-

ностью ассирийцев и от них перешла к нам). Заговорщики же, вынашивая планы убийства, взяли в свои злодейские руки оружие и собрались через императорскую опочивальню проникнуть к императору. Эта императорская опочивальня, где спали императоры, расположена в левой стороне дворцового храма Богоматери (многие называли его именем великомученика Димитрия); с правой же стороны храма находился атрий с полом, выложенным мрамором. Выходящие туда ворота храма были открыты для всех желающих. Через них-то и решили заговорщики проникнуть внутрь храма, а затем взломать двери императорской опочивальни, войти в нее и мечом заколоть самодержца. Вот что замыслили эти кровавые убийцы против человека, не причинившего им никакого зла. Но Бог расстроил их планы. Кто-то сообщил самодержцу о готовящемся, и он сразу же призвал к себе всех заговорщиков. Первыми приказал император доставить во дворец Иоанна Соломона и Георгия Василаки и поместить их вблизи той комнаты, где он сам находился вместе с родственниками. Он желал кое о чем допросить их, ибо, давно зная их простодушие, надеялся легко выведать у них о заговоре то, что ему было нужно. Однако, несмотря на неоднократные вопросы, они все отрицали.

В это время выступает вперед севастократор Исаак и, обращаясь к Соломону, говорит: “Тебе хорошо известна доброта моего брата-императора. Сообщи о заговоре, и ты немедленно получишь прощение, но если ты откажешься это сделать, будешь подвергнут мучительному допросу”. Соломон внимательно посмотрел на севастократора и, увидев окружающих его варваров с обоюдоострыми мечами на плечах, задрожал от страха, сразу же сообщил обо всем и назвал имена сообщников, но поклялся, что ничего не знал о замышлявшемся убийстве. Затем их отдали стражникам, которым было поручено охранять дворец, и заключили каждого в отдельном помещении. Остальных заговорщиков император также подверг допросу. Они во всем сознались, не умолчали и о замышлявшемся убийстве. Когда выяснилось, что все это устроено воинами, а особенно главой заговора Михаилом Анемадом, смертельно ненавидевшим самодержца, император приговорил всех их к изгнанию и лишению имущества.

Роскошный дом Соломона был отдан августе. Но она, оставаясь верной себе, исполнилась жалости к супруге Соломона и подарила

ей этот дом, не взяв оттуда даже самой малости. Соломон находился в тюрьме в Созополе. Анемада же и его приспешников Алексей приказал, как главных виновников, с обритыми головой и бородой провести через площадь, а затем выколоть им глаза. Актеры схватили их, набросили на них мешки, украсили их головы “коронами” из бычьих и овечьих кишок, водрузили на быков – не на спины, а на бока – и провезли через дворцовый двор. Впереди них прыгали жезлоносцы, громко распевая насмешливую песенку, подходящую к этой процессии. Она была сложена на народном языке, и ее смысл был таков: песенка эта имела цель побудить весь народ... и посмотреть на этих украшенных рогами тиранов, которые точили мечи на самодержца.

Посмотреть на это стеклись люди всех возрастов. И мы, императорские дочери, скрыто вышли, чтобы полюбоваться на это зрелище. Когда собравшиеся увидели Михаила со взором, устремленным ко дворцу, с руками, в мольбе воздетыми к небу, который жестами просил отрубить ему руки и ноги и отсечь голову, ни одно живое существо не могло удержаться от слез и стенаний, а особенно мы – дочери императора. Я, желая избавить Михаила от этих страданий, неоднократно просила свою мать-императрицу взглянуть на процессию. По правде сказать, я заботилась об этих мужах в интересах самодержца, чтобы он не лишился столь славных воинов, а особенно Михаила, которому был вынесен самый суровый приговор. Видя, что несчастье заставило Михаила смириться, я, как уже говорилось, стала понуждать мать выйти в надежде, что этим мужам, находившимся уже на краю гибели, удастся спастись. Ведь актеры стали двигаться медленней, стараясь дать возможность убийцам получить прощение. Но императрица медлила (она сидела с самодержцем, и они вместе пред ликом Богоматери молились Богу), тогда я спустилась и в страхе остановилась в дверях. Не решаясь войти, я кивком головы вызвала императрицу. Уступив моим настояниям, она поднялась наверх, взглянула на процессию и, увидев Михаила, исполнилась жалости к нему; заливаясь горючими слезами, вернулась она к самодержцу и стала настойчиво просить его сохранить глаза Михаилу.

Император сразу же отправляет человека, который должен был остановить палачей. Вестник спешит и застаёт осужденных еще внутри так называемых “рук”²⁴¹, никто, пройдя

дальше них, не может быть избавлен от казни. Императоры, соорудив на хорошо видимом отовсюду месте, на высокой каменной арке эти бронзовые “руки”, установили такое правило: если кто-нибудь, осужденный законом на смерть, окажется внутри них и в это время его настигнет весть о милосердии самодержца, то он освобождается от наказания. “Руки” символизировали объятия, в которые император вновь принимает осужденных, протягивая им руку и не выпуская их из рук своего милосердия. Если же осужденные прошли дальше этих “рук”, значит, и императорское владычество как бы оттолкнуло их от себя. Таким образом, участь подлежащих наказанию людей зависит от судьбы; и я считаю, что она является божественным приговором и ее следует призывать на помощь. Весть о прощении застаёт их внутри “рук”, и несчастные избавляются от опасности, или же они проходят дальше “рук” и теряют всякую надежду на спасение. Я целиком полагаюсь на божественное провидение, которое и тогда избавило этого мужа от ослепления. Кажется, сам Бог внушил тогда нам милосердие к Михаилу. Вестник спасения быстро вошел под арку, где были установлены бронзовые “руки”, передал тем, кто вел Михаила, грамоту, дарующую прощение, взял Михаила с собой, повернул назад, подошел к башне, сооруженной рядом со дворцом и запер в ней Михаила. Такой ему был дан приказ.

7. Еще не освободили из тюрьмы Михаила, как в Анемскую тюрьму был доставлен Григорий. Это одна из башен той части городской стены, которая находится вблизи Влахернского дворца. Называлась она Анемской, и это имя она как бы получила от самой судьбы, ибо первым ее узником был Анемад, который провел там много времени.

В двенадцатом индикте уже упомянутый Григорий был назначен дукой Трапезунда. Он давно вынашивал планы восстания и по дороге в Трапезунд осуществил свое тайное намерение. Встретив Даватина, который возвращался в Константинополь, поскольку сан дукки был передан Тарониту, он заключил его в оковы и бросил в тюрьму в Тивенне. Так поступил Григорий не только с Даватином, но и со многими знатными жителями Трапезунда, в том числе с племянником Вакхина. Так как заключенных не освобождали от оков и не выпускали из тюрьмы, они, составив заговор, силой расправились со стражами, поставленными мятежником, вывели их за стены горо-

да, прогнали, а сами овладели Тивенной. Самодержец в многочисленных письмах то призывал Григория к себе, то советовал ему, если он хочет заслужить прощение и вернуть расположение императора, бросить свои дурные замыслы, а иногда и грозил наказать его, если он ослушается. Григорий был настолько далек от того, чтобы послушаться добрых советов самодержца, что отправил ему длинное послание, в котором бранил не только лучших членов синклита и воинского сословия, но даже родственников и свойственников самодержца.

Из этого письма самодержец понял, что Григорий с каждым днем все дальше ступает по стезе зла и движется к полному безумию. Потеряв всякую надежду на исправление Григория, император в четырнадцатом индикте отправляет против него племянника – сына своей старшей сестры – Иоанна, который приходился мятежнику двоюродным братом по отцовской линии. Иоанн должен был прежде всего дать Григорию спасительные советы, и император надеялся, что тот послушается Иоанна благодаря их родственной близости и общности крови. Но в том случае, если бы Григорий не захотел слушать советов, Иоанн должен был во главе большого войска вступить с ним в мужественную борьбу на суше и на море. Узнав о предстоящем прибытии Иоанна, Григорий выступил к Колонии (это хорошо укрепленная и неприступная крепость) с целью призвать себе на помощь Данишменда.

Отправляясь из города, Иоанн узнал об этом, выделил из состава своего войска кельтов и отборных ромейских воинов и выслал их против Григория. Воины настигли Григория и завязали с ним упорный бой. Два храбреца, сойдясь с Григорием в бою, копьями сшибли мятежника с коня и взяли его в плен. Захватив таким образом Григория, Иоанн доставляет его самодержцу и клянется, что вообще не виделся во время пути с Григорием и не устаивал его своей беседы. Тем не менее Иоанн неоднократно ходатайствовал за Григория перед самодержцем, ибо последний делал вид, что собирается выколоть Григорию глаза. Нехотя обнаружил самодержец свое притворство и как бы уступил просьбам Иоанна, потребовав, однако, чтобы тот никому ни о чем не рассказывал.

На четвертый день император велел наголо остричь Григория, обрить ему бороду, провес-ти его через площадь и затем заключить в уже

упоминавшуюся Анемскую башню. Но и в тюрьме Григорий вел себя неразумно и ежедневно обращался к своим стражам с безумными пророческими речами, хотя император в своей щедрости удостаивал его большой заботы, надеясь, что он изменит свой нрав и раскается. Но Григорий оставался прежним; он постоянно призывал к себе моего кесаря, ибо издавна был дружески к нам расположен. Самодержец не препятствовал Григорию, желая, чтобы кесарь утешил его в его отчаянии и подал ему благие советы. Тем не менее Григорий, казалось, очень медленно изменялся к лучшему. Поэтому время его заключения в тюрьме было продлено; затем он был прощен и получил такое количество милостей, даров и титулов, какого не имел никогда ранее. Таков был император в подобного рода делах.

8. Распорядившись таким образом относительно заговорщиков и мятежника Григория, император вовсе не забыл о Боэмунде. Напротив, он призвал к себе Исаака Контостефана, назначил его великим дукой флота и отправил в Диррахий, пригрозив, что выколлет ему глаза, если тот не успеет прибыть в Иллирик до переправы Боэмунда. В то же время он непрерывно направляет письма дуке Диррахия Алексею, своему племяннику, побуждая его постоянно быть начеку и требовать того же от наблюдавших за морем, чтобы Боэмунд не смог переправиться тайно (император хотел, чтобы его немедленно известили письмом о переправе норманна). Так распорядился самодержец.

Приказ, полученный Контостефаном, предписывал не что иное, как усердно стеречь пролив между Лонгивардией, не позволять переправляться кораблям Боэмунда, высланным вперед к Диррахию для доставки с одного берега на другой всякого снаряжения, и вообще не давать Боэмунду что-либо перевозить из Лонгивардии. Однако, выступая из Константинополя, Контостефан даже не знал удобного для переправы в Иллирик места. Мало того, пренебрегая приказом, он переправился в Гидрунт – город, расположенный на побережье Лонгивардии. Этот город охраняла женщина, как говорили, мать Танкреда. Не могу сказать, была ли она сестрой неоднократно упоминаемого мною Боэмунда или нет. Ведь я точно не знаю, по отцовской или по материнской линии приходился Танкред родственником Боэмунду.

Явившись туда с флотом и причалив к берегу, Контостефан атаковал стены Бриндизи

и уже, можно сказать, держал в своих руках город. Но находившаяся в стенах города женщина – она обладала здравым умом и твердым характером – видела это и, как только корабли Контостефана причалили к берегу, послала гонца за одним из своих сыновей и срочно потребовала его к себе. В это время все матросы пребывали в приподнятом настроении и, полагая, что город находится уже в их руках, славословили императора. Да и она сама, оказавшись в тяжелом положении, приказала горожанам делать то же самое. Вместе с тем она направила послов к Контостефану, согласилась подчиниться самодержцу, обещала заключить с ним мирный договор и выйти для переговоров к Контостефану, чтобы последний смог обо всем сообщить императору. Эта хитрость нужна была ей для того, чтобы ввести в заблуждение Контостефана и, если придет ее сын, сбросить, как говорят о трагических актерах, маску и вступить в бой.

В то время как крики славящих самодержца внутри и вне стен города, сливаясь в общий гул, наполняли всю округу – как уже говорилось, эта воительница своими лживыми речами и посланиями вводила в заблуждение Контостефана, – прибывает сын, которого она ждала, вместе с сопровождавшими его графами. Он нападает на Контостефана и наголову разбивает его войско. Матросы, неопытные в сухопутных битвах, бросились к морю. Скифы же (а их было немало в ромейском войске) во время боя ринулись, как это принято у варваров, за добычей, и шестеро из них были взяты в плен. Они были отправлены Боэмунду, который, увидев их, сразу же отправился в Рим, взяв с собою скифов как самую ценную добычу. Явившись к апостольскому престолу и беседуя с папой²⁴², он возбуждал в нем негодование против ромеев и раздувал старую ненависть этих варваров к нашему народу. Стремясь еще более ожесточить италийцев, входивших в окружение папы, Боэмунд показал им пленных скифов в доказательство то-

го, что самодержец Алексей враждебно относится к христианам, выставляет против них неверных варваров, страшных конников – стрелков, поднимающих оружие на христиан и мечущих в них стрелы. При каждом слове Боэмунд указывал папе на этих скифов, одетых в скифские платья и имевших весьма варварский вид, и при этом то и дело, по обычаю латинян, называл их язычниками, издеваясь над их именем и видом. Как можно убедиться, Боэмунд прибег к мерзким средствам, подстрекая к войне с христианами: он воздействовал на ум первосвященника с целью убедить его в том, что имеет благовидные основания для вражды к ромеям; в то же время Боэмунд старался собрать многочисленное ополчение из числа людей грубых и глупых. Ведь какие варвары из близких или дальних краев добровольно не пошли бы воевать с нами, если бы к тому побудил их сам первосвященник и если бы справедливая, как им казалось, причина вооружила на бой каждого коня, каждого мужа и руку каждого воина? Обманутый словами Боэмунда, папа согласился с ним и одобрил переправу в Иллирик.

9. ...Еще находясь в царственном городе, император узнал из писем дуки Диррахия о переправе Боэмунда и поспешил выступить из столицы. Дука Диррахия, человек неутомимый, не позволявший себе ни на минуту сомкнуть глаз, узнал, что Боэмунд переправился на равнину Иллирика, сошел с корабля и разбил лагерь; он призвал к себе “крылатого”, как его называли, скифа и через него сообщил самодержцу о переправе Боэмунда. Скиф застал самодержца, когда тот возвращался с охоты, подбежал к нему и, склонив голову, громогласно сообщил, что Боэмунд переправился. Все, кто там был, застыли на месте, оцепенев от одного имени Боэмунда. Но самодержец, человек мужественный и рассудительный, сказал, развязывая ремни башмаков: “Сейчас пойдем завтракать, а потом подумаем о Боэмунде”.

Книга XIII

1. Все мы были поражены тогда величием духа самодержца. Он же, хотя перед присутствовавшими и сделал вид, что беззаботно принял это известие, тем не менее в душе был очень взволнован. Он решил вновь выступить из Византия, хотя и знал, что на родине у него отнюдь не все в порядке. Несмотря на это, Алексей, уладив дела во дворце и в царственном городе, поручив охрану того и другого ве-

ликому друнгарию флота евнуху Евстафию Киминиану и Никифору, сыну Декана, в первый день ноября первого индикта²⁴⁴ выступил из Византия в сопровождении немногих спутников – людей, близких ему по крови – и остановился в пурпурной императорской палатке у стен Герания.

Император испытывал опасения, что при его выходе Богоматерь во Влахернах не явила

обычного чуда. Поэтому он задержался на четыре дня, а затем после захода солнца отправился вместе со своей госпожой назад и, скрытно войдя вместе с немногими спутниками в святой храм Богородицы, исполнил там обычные песнопения и усердно сотворил молитву. Затем, после того как свершилось обычное чудо, он с благими надеждами вышел из храма. На следующий день император отправился по направлению к Фессалонике и по прибытии в Хировакхи назначил Иоанна Таронита епархом. Этот муж происходил из знатного рода, с детства был взят к императору и в течение долгого времени служил ему секретарем. Это был человек энергичного характера, знаток ромейских законов, хваливший декреты Алексея лишь в том случае, если они были достойны величия ума императора. Речь Иоанна была свободна, но, порицая, он не бранился без всякого стыда, а вел себя согласно тем наставлениям, которые дал диалектику Стагирит²⁴⁵.

Выступив оттуда, император стал одно за другим отправлять письма дукке флота Исааку и тем, кто находился вместе с ним, – я имею в виду Эксазина – Дуку и Иалия. В этих письмах он призывал их постоянно быть начеку и отражать попытки переправиться из Лонгивардии к Боэмунду. Достигнув места, августа выразила желание вернуться во дворец, но самодержец заставил ее продолжать путь дальше. Они оба переправились через реку под названием Гебр и разбили палатки около Псилла. Император, уже избежавший одного покушения, чуть было не стал жертвой другого, если бы божественная рука не воспрепятствовала убийцам свершить свое дело.

Некий муж, который по одной линии вел свой род от знаменитых Аарониев²⁴⁶ (хотя он и был незаконнорожденным), стал подстрекать мятежные элементы к убийству самодержца. Своим тайным замыслом он поделился с братом Феодором – я не хочу говорить о том, были ли и другие мятежники посвящены в это дело. Во всяком случае для свершения убийства они наметили одного раба-скифа по имени Димитрий, хозяином которого был сам Аарон. Заговорщики полагали, что отъезд императрицы позволит им осуществить свой план, и скиф, воспользовавшись удобным случаем, вонзил меч в грудь императора, встретившись с ним в каком-нибудь закоулке или тайком подобравшись к спящему. Кровавый Димитрий точил меч и готовил к убийству свою десницу.

Некий евнух Константин, бывший еще стольником отца Алексея, а в то время прислуживавший императрице, в третью стражу ночи, находясь около палатки и творя обычную молитву, услышал чей-то крик: “Не будь я человек, если я не явлюсь к императору, не раскрою ему весь ваш замысел и не расскажу о подброшенных фамусах”. Константин немедленно приказал своему слуге разыскать произнесшего эти слова. Слуга пошел, узнал в кричавшем слугу Аарона – Стратигия, взял его с собой и отвел к стольнику. Стратигий, войдя, сообщил все, что ему было известно. Константин же вместе со Стратигием отправился к самодержцу. Императорская чета в то время спала. Тем не менее Константин, встретив евнуха Василия, заставил его пойти и сообщить императору все то, что Константин рассказал ему о человеке Аарона – Стратигии. Василий немедленно вошел в палатку, введя туда и Стратигия. Тот сразу же был подвергнут допросу, подробно поведал обо всей истории с клеветническими фамусами, рассказал, кому принадлежал план убийства и кто должен был умертвить императора. “Мой господин Аарон, – сказал он, – вместе с другими неизвестными твоей царственности людьми, о император, готовил на тебя покушение и подослал к тебе убийцу Димитрия, моего товарища по рабству, родом скифа, человека твердого нрава и готового на все, с душой зверской и жестокой. Ему-то и вручили они обоюдоострый меч и отдали бесчеловечный приказ вплотную подойти к тебе и с бесстыдной дерзостью вонзить меч в императорское тело”.

Однако император (не легко верил он подобным вещам) сказал: “Не плетешь ли ты это обвинение из ненависти к господам и своему товарищу-рабу? Раскрой мне всю правду и все, что тебе известно. Если ты будешь уличен во лжи, то не добром обернутся для тебя твои обвинения”. Но тот утверждал, что говорит правду, и император поручил евнуху Василию взять у Стратигия клеветнические письма. Стратигий идет вместе с Василием, вводит его в палатку Аарона, когда там все спали, берет походную сумку, полную подобных писаний, и отдает ее Василию. Уже утром император увидел эти писания, понял, что замышляется убийство, и отдал приказ блюстителям порядка в городе отправить мать Аарона в ссылку в Хировакхи, Аарона..., его брата Феодора – в Анхиал. Эти дела задержали императора на пять дней.

6. Воспрянув духом, кельты вновь двинулись на Кантакузина. Видя, однако, что место, где, как я говорила, Кантакузин разбил свой лагерь, неудобно для них, они остереглись вступать в бой и отложили сражение. Кантакузин же узнал об их приходе и в течение ночи со всем войском переправился на другой берег реки. Солнце еще не выглянуло из-за горизонта, а Кантакузин уже облачился в доспехи, вооружил все войско и занял место перед центром строя; слева от него находились турки, а алан Росмик командовал правым флангом, где стояли его соотечественники. Кантакузин выслал против кельтов скифов с приказом отвлекать на себя врагов стрельбой из луков; скифы должны были то осыпать их градом стрел, то отходить немного назад и вновь нападать на кельтов.

Скифы с готовностью отправились выполнять приказ. Но им ничего не удалось сделать, так как кельты двигались медленно, щит ко щиту и не размыкая строя. Когда оба войска сошлись на расстояние, удобное для боя, кельты с такой огромной силой набросились на противника, что скифы не смогли более стрелять из луков и повернулись спиной к врагам. На помощь скифам ринулись в бой турки, кельты, однако даже не обратили на них внимания и с еще большим пылом продолжали битву. Видя, что скифы терпят поражение, Кантакузин приказал командовавшему правым флангом эксусиократору²⁴⁸ Росмику вместе со своими воинами (это были воинственные аланы) вступить в бой с кельтами. Однако Росмик, напав на кельтов, обратился в бегство, хотя, как лев, страшно рычал на кельтов. Когда же Кантакузин увидел, что и Росмик терпит поражение, он, как бы возбудив стрекалом свою храбрость, нападает на кельтский строй с фронта, разбивает на много частей их войско, обращает кельтов в паническое бегство и преследует их до городка Милос. Он убил большое число как простых, так и знатных воинов, взял в плен некоторых знатных графов, в том числе Гуго, брата... по имени Ричард и Контопагана и вернулся победителем. Желая произвести своей победой еще большее впечатление на императора, он наколот на копья головы многих кельтов и сразу же отправил их Алексею вместе с самыми знатными пленниками – Гуго и Контопаганом.

Дойдя до этого места, вода свое перо в час, когда зажигают светильники, и почти засыпая над своим писанием, я чувствую, как

нить повествования ускользает от меня. Ведь когда по необходимости приходится в рассказе употреблять варварские имена и нагромождать события друг на друга, кажется, что расчленяется тело истории и разрывается последовательность повествования. Да не прогневаются на меня те, которые с благосклонностью читают мою историю.

...Всех графов Кантакузин отправил самодержцу, а затем вернулся к Тимору; это – болотистое и труднопроходимое место. Он провел там семь дней и выслал в разные места нескольких разведчиков с приказом наблюдать за действиями Боэмунда и добыть языка, дабы получить более точные сведения о Боэмунде. Посланные случайно встретились с сотней кельтов, которые изготовляли плоты с намерением переправиться на них через реку и захватить городок, расположенный на противоположном берегу. Разведчики неожиданно напали на кельтов и почти всех их захватили в плен, в том числе и брата Боэмунда, человека десятифутового роста, с размахом плеч, как у Геракла. Странно было видеть, как этого огромного гиганта – настоящего исполина – держит пигмей, крохотный скиф. Ради забавы Кантакузин, отправляя пленных самодержцу, распорядился, чтобы этого исполина ввел в оковах к императору пигмей-скиф. Узнав о прибытии пленных, император воссел на императорский трон и приказал ввести их. Входит скиф, ведя в оковах гигантского кельта, которому он не доставал даже до ягодиц. Тотчас раздался громкий смех. И остальные графы были заключены в тюрьму...

8. ...Кельтские доспехи представляют собой железную кольчугу, сплетенную из вдетых друг в друга колец, и железный панцирь из такого хорошего железа, что оно отражает стрелы и надежно защищает тело воина. Кроме того, защитой кельту служит щит – не круглый, а продолговатый, широкий сверху, а внизу заканчивающийся острием; с внутренней стороны он слегка изогнут, а внешняя его поверхность гладкая, блестящая, со сверкающим медным выступом. Стрела, безразлично какая – скифская, персидская или даже пущенная рукой гиганта, отскакивает от этого щита и возвращается назад к пославшему ее. Поэтому-то, думаю мне, император, знакомый с кельтским вооружением и стрельбой наших лучников, и приказал им, пренебрегая людьми, поражать коней и “окрылять” их стрелами, чтобы заставить кельтов спешиться и таким образом сделать их легко уязвимыми.

Ведь на коне кельт неодолим и способен пробить даже вавилонскую стену; сойдя же с коня, он становится игрушкой в руках любого. Зная коварство своих спутников, император не хотел переходить через клисуры, хотя, как он неоднократно говорил мне об этом, горячо

желал завязать открытое сражение с Боэмундом. Ведь его желание сражаться было острее любого меча, и он обладал непоколебимым и неустрашимым нравом. Однако недавние события тяжело поразили его в самую душу и не дали ему исполнить свое намерение.

Книга XIV

4. ...в то время большая часть его [императора] воинов была рассеяна: одни стерегли долины Сербии и Далмацию, другие охраняли от набегов куманов и даков приистринские земли; кроме того, большому числу воинов была доверена охрана Диррахия, дабы город не был вновь захвачен кельтами.

5. Однако хватит рассказывать о кельтах. Император переправился на Дамалис и расположился лагерем. Там и оставило его наше повествование. Как снег, стекались к нему воины и переправлялись туда, где он остановился в ожидании прибытия всего войска и в надежде, что утихнет сильная боль. При нем находилась августа, заботившаяся о его больных ногах и всевозможными заботами облегчавшая его страдания. Увидев, что наступило полнолуние, император сказал ей: “Если турки намерены совершить набег, то сейчас самое подходящее для этого время, я же упустил удобный случай, и мне горько”. Эти слова император произнес вечером, а утром к нему явился евнух – спальник императора, который сообщил о наступлении турок на Никею и показал письмо Евстафия Камицы, в то время правителя Никеи, с донесением о действиях турок.

И вот самодержец без всякого промедления и задержки, забыв о мучавшей его боли, направился на колеснице к Никее, держа кнут в правой руке. Воины рядами, поотрядно, с копьями в руках двигались со всех сторон от колесницы. Одни из них бежали рядом, другие двигались впереди, третьи следовали сзади; они радовались выступлению императора против варваров, но огорчались, что боль мешает ему ехать верхом. Алексей вселил в них бодрость кивками головы и словами, ласково улыбался и заговаривал с ними. Через три дня он прибыл в место под названием Эгиалы. Оттуда он собирался плыть к Кивоту. Видя, что он торопится с переправой, августа попрощалась с ним и отправилась в царственный город.

Когда самодержец достиг Кивота, к нему является некий человек с сообщением, что главные сатрапы распределили между собой

сорок тысяч воинов, и одни из них отправились в набег на Никею и соседние с ней области, а Монолик (Μονόλικος) и... опустошают побережье. Те турки, говорил он, которые опустошили окрестности Никейского озера и Прусу, разграбили также Аполлонию, расположились там лагерем и свезли всю добычу; затем они двинулись вперед, ограбили Лопадий и все соседние области, подошли к самому Кизику, напали на него с моря и с ходу им овладели, ибо правитель города не только не оказал им никакого сопротивления, но трусливо бежал из города. Зато Кюнтогмыш (Κυντογμής) и эмир Мухаммед, могущественные архисатрапы, с большой добычей и многочисленными пленниками: мужчинами, женщинами и детьми, которых пощадило оружие, отправились через Лентианы к Пиманину. Монолик же переправился через реку, называемую на местном языке Варин и стекающую с горы под названием Ивид (на ней берут начало также и многие другие реки: Скамандр, Ангелокомит и Емпил), направился к Парию и к Авиду на Геллеспонте и со всеми пленными прошел без битв и кровопролития через Адрамитий и Хлиары.

Получив это сообщение, самодержец письмом приказал Камице, исполнявшему тогда обязанности дуки Никеи, с пятьюстами воинами последовать за варварами, письменно извещать его о их действиях, но избегать столкновения с турками. Камица выступает из Никеи, настигает Кюнтогмыша, эмира Мухаммеда и остальных варваров в Аоратах и, забыв о приказе императора, сразу же на них нападает. Турки же, которые ожидали самодержца, решили, что это именно он обрушился на них, испугались и обратили тыл. Затем, схватив и допросив одного скифа, они узнали, что на них напал Камица. После этого они прошли через горы и, вновь обретя мужество, звуками тимпанов и криками стали сзывать рассеявшихся повсюду соплеменников. Те услышали призывный сигнал и собрались все вместе. Затем они вернулись на равнину, лежащую как раз под Аоратами, и сосредоточились там.

Камица же, забрав у варваров всю добычу, не пожелал продолжать путь к Пиманину, где мог бы удобно расположиться (это хорошо укрепленный городок), а задержался в Аоратах и, таким образом, сам того не замечая, навлек на себя беду. Ведь варвары, оказавшись в безопасности, отнюдь не забыли о Камице; напротив, они все время строили козни против него. Узнав, что Камица все еще находится в Аоратах и занят заботами о добыче и пленных, они сразу же построили поотрядно войско и рано утром напали на него. Многие воины Камицы, видя множество варваров, решили обеспечить себе спасение бегством. Сам же Камица вместе со скифами, кельтами и наиболее храбрыми из ромеев мужественно принял бой. Большинство из них пало в битве, однако Камица с немногими оставшимися в живых продолжал сражаться. Его конь, получив смертельную рану, рухнул на землю. Племянник Камицы по имени Катародон соскочил со своего коня и отдал его дяде. Но Камице – человеку грузному и высокому – нелегко было вскочить на коня. Поэтому он немного отступил назад, оперся о дерево, обнажил акинак и уже без всякой надежды на спасение обрушил град ударов на шлемы, плечи и руки варваров, осмелившихся с ним схватиться. Варвары видели, как упорно сопротивляется Камица, сколько воинов он убивает и ранит и вот, удивленные отвагой и восхищенные стойкостью мужа, они решили сохранить ему жизнь. Архисатрап по имени Мухаммед, и прежде знакомый с Камицей, узнал его, остановил сражавшихся, соскочил с коня, вместе со своими людьми приблизился к нему и сказал: “Не предпочти смерть жизни, дай мне руку и спаси себя”. Камица же, видя, что он окружен множеством врагов и не имеет больше сил сражаться, протягивает руку Мухаммеду. Мухаммед посадил Камицу на коня и связал ему ноги, чтобы он не смог убежать. Вот что случилось с Евстафием.

Самодержец, догадавшись, по какому пути должны пройти варвары, направился по другой дороге, прошел через Никею, Малагину и так называемые Василики (это долина и труднодоступный проход, находящийся на хребте Олимпа), спустился в Алифины и прибыл к Акроку. Алексей торопился опередить турок, чтобы напасть на них с фронта и завязать упорное сражение. Турки же, совершенно забыв о ромейской армии, достигли камышовых зарослей, находящихся в долине, и расположились там на отдых. Когда самодержец

выступал против варваров, пришла весть, что турки подошли к нижней части долины. Поэтому он выстроил войско в боевой порядок на значительном расстоянии от вражеского стана, впереди поставил Константина Гавру и Монастру, на обоих флангах разбил воинов по отрядам и поручил командование арьергардом Ципурелу и Абеле – людям, обладавшим большим и давним военным опытом. Взяв на себя командование центром строя, Алексей, как молния, напал на турок, привел в замешательство все их фаланги и вступил в упорный бой с варварами. В завязавшемся рукопашном сражении много варваров было убито и много было взято в плен. Те же, кто укрылся в тростниковых зарослях, на некоторое время избежали опасности.

Одержав блестящую победу над врагом, самодержец направился к тростниковым зарослям, стремясь выгнать из них спрятавшихся там турок. Воины, однако, оказались в затруднительном положении, ибо болотистая почва и густой тростник не позволяли им войти в заросли. Тогда император приказал окружить заросли и с одной стороны поджечь тростник. Приказ был исполнен, и огромное пламя взвилось ввысь. Спрятавшиеся в тростнике, спасаясь от огня, попали в руки воинов. Одни из них стали жертвой мечей, другие были доставлены к самодержцу.

6. Вот что случилось с варварами, спустившимися с Карме²⁴⁹. Тем временем эмир Мухаммед узнал о несчастье, постигшем мусульман из Карме, соединился с обитающими в Азии туркоманами и другими племенами и сразу же отправился в погоню за императором; в результате вышло так, что один и тот же человек преследовал и сам был преследуем. Варвары Мухаммеда по пятам следовали за самодержцем, а он двигался вслед за турками из Карме и, таким образом, оказался между теми и другими. Над первыми он уже одержал победу, но его преследователи находились еще вне опасности.

Внезапно напав на арьергард самодержца, Мухаммед прежде всего встретился с Абелой. Абела, вообще человек мужественный, находясь в поле зрения императора, исполнился еще большей отвагой и двинулся на Мухаммеда, даже мгновения не дожидаясь своих воинов, чтобы вместе с ними в боевом порядке встретить нападение турок. За Абелой последовал Ципурел. Когда они достигли одной стороны крепости (остальные воины еще не успели подойти к ним), подъехал стойкий бо-

ец Мухаммед. Он поразил стрелой не всадника, а коня, и сбросил Абеу на землю. Увидев это, турки окружили спешившегося Абеу и убили его. Затем, завидя Ципурела, бесстрашно скачущего на них, турки как бы окрылили стрелами коня, на котором он ехал, вышибли Ципурела из седла и тотчас зарубили его своими саблями. Тем временем воины арьергарда, чьей обязанностью было защищать коней и утомленных воинов, охранявших снаряжение, и по мере возможности отгонять атакующих врагов, увидели турок, напали на них и обратили их в паническое бегство.

Между тем Камица, находясь в плену у турок, заметил возникшее в пылу боя замешательство; видя, что одни бегут, а другие преследуют, он, как человек решительный, задумал побег и пустился в путь. Встретившийся Камице на дороге кельт-катафракта отдал ему своего коня. Камица прибывает к самодержцу, стоявшему лагерем на равнине между Филадельфией и Акроком, которая по своим размерам могла бы вместить не одну, а несколько армий. Император принял Камицу с большой радостью, возблагодарил Бога за его спасение и отправил Камицу в царственный город со следующим напутствием: «Расскажи, что ты перенес, что видел, и сообщи нашим, что мы божьей милостью живы». Когда же самодержец узнал о гибели Абеу и Ципурела, он был очень огорчен этим и сказал: «Отдав двоих, мы получили одного». Ведь у императора был обычай после победы в бою выяснять, не попал ли кто-нибудь из его воинов в плен и не стал ли кто-либо добычей вражеской руки. Если даже он обращал в бегство целые фаланги и одерживал победу, но при этом погибал хотя бы один, пусть даже самый последний воин, то такую победу император ни во что не ставил, считал ее настоящей Кадмовой победой, потерей, а не прибылью для себя. Поручив охрану этой области Георгию Левуну и другим военачальникам и оставив им своих воинов, самодержец победителем вернулся в царственный город.

Тем временем Камица прибыл на Дамалис и, узнав, что императрица находится в Верхнем дворце, в среднюю стражу ночи сел в лодку, прибыл во дворец и стал стучать в ворота, выходящие к морю. Его спросили, кто он такой, но Камица не захотел называть своего имени и просил отворить ему ворота. Наконец он нехотя назвал себя, и ему разрешили войти. Обрадованная августа встретила его перед

дверьми своей спальни (это место раньше называли Аристирием). Увидев Камицу в ту-рецкой одежде и хромающим на обе ноги из-за ранения, полученного в битве, она прежде всего спросила о самодержце, а затем велела ему сесть. После этого она расспросила его обо всем; слушая о новой, неожиданной победе самодержца и видя перед собой пленника свободным, императрица не знала, что ей делать от радости. Она велела Камице отдохнуть до утра, а затем выйти и сообщить всем о случившемся.

Поднявшись утром, Камица вскочил на коня и в той самой одежде, в которой, неожиданно обретя свободу, бежал из плена, въехал на площадь Константина. Весь город немедленно сбежался к нему, стремясь узнать о его судьбе, а еще более горя желанием получить известие о самодержце. Многочисленные конники и пешие окружили Камицу, а он громкогласно рассказывал о войне, о том, что случилось с ромейским войском, что придумал император против варваров и как он одержал блестящую победу, жестоко отомстив врагу. В конце речи Камица поведал о своем неожиданном бегстве от варваров. Вся толпа славилась их, и шум славословия достигал неба.

7. Таким образом это произошло, и Константинополь наполнился слухами о подвигах императора. И действительно, с какими только бедствиями, посланными судьбой во вред ему и Ромейскому государству, не встретился император! В каких несчастиях не побывал! Но его добродетель, бдительность и энергия были опорой и защитой против всех бед. Ни одному из императоров, от древних до нынешних, не приходилось сталкиваться со столь запутанными делами, с такой испорченностью нрава самых различных людей, с какими, как мы видели, встретился самодержец в своем государстве и за его пределами. Может быть, дела ромеев находились в столь плачевном состоянии по божьей воле (ведь я не склонна связывать нашу судьбу с движением звезд), может быть, Ромейская держава оказалась в таком тяжком положении из-за безрассудства прежних императоров, во всяком случае, во время правления моего отца происходило множество бедствий и неурядиц. В один и тот же момент ополчились на него скиф с севера, кельт с запада, исмаилит с востока; не говорю уже об опасностях, подстерегавших его на море, о варварах, господствовавших на море, и о бесчисленных пиратских кораблях, построенных гневом сарацин или

воздвигнутых корыстолюбием ветонов и их недоброжелательством к Ромейской державе. Все они с вожделием смотрели на Ромейскую империю. Ведь по своей природе империя – владычица других народов, поэтому ее рабы враждебны к ней и при первом удобном случае один за другим – с моря и с суши – нападают на нее. Прежде, до нашего правления, положение не было столь трудным и тяжелым, но как только на императорскую колесницу взошел мой отец, тотчас отовсюду хлынули потоки бедствий: пришел в движение и показал острие своего копья кельт, натянул тетиву лука исмаилит, на тысячах колесниц ринулись на нас все кочевые и скифские племена.

Может быть, кто-нибудь, кому попадется в руки моя история, прочтя эти слова, скажет, что мой язык подкуплен природой? Клянусь теми опасностями, которые испытал император ради благоденствия ромеев, клянусь трудами и страданиями, которые он вытерпел ради христиан, что я говорю и пишу это не ради лести отцу. Ведь когда я вижу промахи своего отца, я преступаю закон природы и придерживаюсь истины, ибо считаю, что как мне ни дорог отец, но истина дороже. Как некогда сказал один философ, из двух друзей лучше предпочесть истину²⁵⁰. Я следую за самим ходом вещей, рассказываю и повествую о событиях, ничего не прибавляя от себя и ничего не опускаю. Доказательство этому налицо: я описываю события не тысячелетней давности. До сих пор живут и здравствуют люди, знавшие моего отца; они рассказывают о нем, и от них я почерпнула немало для моей истории, одни помнят и рассказывают одно, другие – другое, но все они согласны между собой. Да и сама я в большинстве случаев находилась с отцом и сопутствовала матери; мне не пришлось жить домоседкой, наслаждаясь тенью и роскошью. Клянусь моим Господом и Божьей Матерью, с самых пеленок на меня обрушились страдания, горести и бесконечные несчастья как внешние, так и внутренние. Умолчу о своих телесных недугах: пусть расскажут о них слуги женской половины.

8. Не прошло и года, как до императора дошел слух о переправе куманов через Истр. Уже в ноябре месяце восьмого индикта²⁵¹, в начале осени, он выступает из царицы городов и, созвав все²⁵² свое войско, располагает его в Филиппополе, в городах Петрич и Триадика, в феме Ниш и дальше до Браничева на берегу Истра. Алексей приказал проявлять

большую заботу о конях, чтобы они стали упитанными и смогли носить на себе седоков в бою. Сам он находился в Филиппополе – это город в центре Фракии.

С той стороны, где дует северный ветер, город омывает Гебр. Эта река стекает с вершины Родоп, делает много поворотов и излучин, протекает мимо Адрианополя, принимает в себя много притоков и около города Эноса впадает в море. Когда я говорю о Филиппе, то имею в виду не македонца, сына Аминты (город возник позже этого Филиппа), а Филиппа-римлянина, мужа огромного роста и неодолимой силы. Этот город существовал и раньше – до Филиппа, и одни называли его Кринидами, другие – Тримунтом²⁵³. Но этот огромный Филипп расширил пределы города, окружил его стенами, сделал его самым славным из фракийских городов, построил в нем огромный цирк и другие удивительные сооружения – их следы я сама видела, по какому-то поводу находясь в Филиппополе вместе с самодержцем. Город расположен на трех холмах, каждый из которых опоясан большой и высокой стеной. Там же, где город спускается на ровное и гладкое место, его окружает ров, идущий вдоль Гебра.

Как кажется, город был некогда большим и красивым. Но с тех пор как в давние времена его поработили тавры и скифы²⁵⁴, он приобрел такой вид, в каком я застала его во время правления моего отца и, судя по нему, решила, что город действительно был раньше большим. Кроме всего прочего, на Филиппополь обрушились бедствия из-за множества живших там нечестивцев: этот город поделили между собой армяне, так называемые богомилы – о их ереси и о них самих я расскажу позже в свое время – и богоненавистнейшие павликиане, ветвь манихеев, происходящие, как об этом свидетельствует само их имя, от Павла и Иоанна; последние заимствовали свое нечестивое учение у Мани и в чистом виде передали его своим последователям.

Я хотела коснуться учения манихеев, кратко изложить его и к тому же попытаться опровергнуть наиболее нечестивые из их догм. Зная, однако, что манихейская ересь всем представляется смехотворной, и торопясь продолжить свое повествование, я опускаю доводы против нее. Да и вообще, как мне известно, не только наши единоверцы, но даже ненавидящий нас Порфирий во многих главах показал ее полную бессмыслицу; он самым научным образом рассмотрел глупое уче-

ние манихеев о двух началах, правда, его собственное “единое начало” приводит читателей к платоновскому “единству” или “одному”. Ведь мы почитаем единое начало, но не то, которое заключается в одном лике, и мы не принимаем “одного” Платона, то, которое у эллинов – “невыразимое” и “тайное” у халдеев. От него выводят они и многие другие начала, земные и небесные.

Вот этих последователей Мани и сыновей Каллиники, Павла и Иоанна, людей грубых, жестоких, без колебаний проливающих кровь, победил на войне и захватил в плен славный среди императоров Иоанн Цимисхий; он вывел их из Азии, из областей Халиба²⁵⁵ и Армениака, во Фракию и заставил поселиться около Филиппополя. Он сделал это, во-первых, чтобы удалить их из хорошо укрепленных городов и крепостей, которыми они распоряжались как неограниченные правители, а во-вторых, чтобы использовать их как надежную стражу против скифских набегов, которым постоянно подвергалась Фракия. Ведь варвары проходили через долины Гема и совершали набеги на равнину, лежащую у его подножья.

Гем – это огромная горная гряда, вытянутая в линию параллельно Родопам, которая начинается у Евксинского Понта, проходит вблизи водопадов и простирается до самого Иллирика. Эта горная гряда, думается мне, пересекается Адриатическим морем, снова продолжается на противоположном берегу и доходит до самих Геркинийских лесов²⁵⁶. Обе ее склона населяют многочисленные и богатые племена: на северном живут даки и фракийцы, на южном – фракийцы и македонцы. Через Гем проходили с давних времен кочевники-скифы, пока копье Алексея и многочисленные битвы совершенно их не уничтожили; всем своим войском они наносили ущерб Римейской державе и особенно близлежащим городам, главным из которых был знаменитый Филиппополь.

Но Иоанн Цимисхий превратил еретиков-манихеев из врагов в союзников по оружию и, таким образом, выставил надежную защиту против кочевников-скифов. С тех пор города освободились от постоянных набегов. Манихеи же, люди по своей природе свободолюбивые и непокорные, стали вести привычный им образ жизни и вернулись к своим обычаям. Все жители Филиппополя, за исключением немногих, были манихеями, они притесняли находившихся в городе христиан, гра-

били их имущество, не обращая никакого или почти никакого внимания на посланцев императора. Число манихеев возрастало, и вся округа Филиппополя стала еретической. К тому же к ним влился горький поток армян и другой, берущий начало, от мутных источников Якова²⁵⁷. Это было, как бы сказать, стоком всякой скверны. Еретики различались в учениях, но в восстаниях все они были согласны с манихеями!

Мой отец-самодержец применил в борьбе с ними весь свой большой военный опыт и одним захватил без боя, других обратил в рабство с помощью оружия. Такое истинно апостольское деяние взял на себя и свершил этот великий человек! Какой из его поступков не достоин похвалы? Может быть, он небрежно относился к своим военным обязанностям? Нет, Восток и Запад наполнил он своими военными подвигами. Может быть, он презирал образование? Тоже нет, ибо как никто другой изучал Алексей священное писание, дабы отточить свой язык для схваток с еретиками. Только он один с одинаковым успехом умел пользоваться оружием и словесными доводами, оружием побеждая варваров, словами одолевая врагов Бога; так и тогда, выступив против манихеев, он завязал с ними скорее апостольское, чем военное сражение. Я бы назвала его тринадцатым апостолом, хотя некоторые приписывают такую славу Константину Великому. Мне же кажется, что Алексея можно считать равным самодержцу Константину или же, чтобы избежать возражений, следующим после Константина апостолом и императором.

Как я уже говорила выше, император по упомянутым причинам оказался в Филиппополе и, поскольку куманы еще не подошли, стал заниматься побочным делом с большим усердием, чем главным, отвращая манихеев от их горькой веры и приобщая их к сладостному учению. С утра до середины дня или до вечера, а иногда и до второй или третьей стражи ночи он призывал к себе манихеев, наставлял их в истинной вере и обличал лживость их ереси. Вместе с императором находились проедр Никеи Евстратий²⁵⁸, муж умудренный в божественных и светских науках, превосходящий в искусстве диалектики стоиков и академиков, и тот, кто занимал епископский престол Филиппополя. Кроме них и больше их помогал самодержцу мой кесарь Никифор, которого Алексей приобщил к чтению священных книг. Многие из манихеев явились

тогда без всяких колебаний к священникам, признались в своих заблуждениях и сподобились святого крещения. Но в то же время можно было слышать, как многие манихеи, превосходившие приверженностью к своей вере знаменитых маккавеев²⁵⁹, приводили изречения и свидетельства из священного писания, считая, что ими они обосновывают свое мерзостное учение. Однако в результате постоянных бесед и непрерывных увещаний самодержца и их в большинстве своем тоже убедили принять святое крещение. Ведь прения нередко продолжались с утренней зари до глубокой ночи, Алексей не прекращал беседы и часто оставался без пищи; и все это происходило в летнее время²⁶⁰ в палатке, стоявшей под открытым небом.

Книга XV

4. Выстроив таким образом войско, Алексей прибыл в Сантаварис. Распределив всех военачальников, он послал Камицу против Поливота в Кедреи (это хорошо укрепленный городок, находившийся под властью султана по имени Пухей), а Стипиоту... выступить против варваров в Амории. Узнав о его решении, два скифа перебежали к Пухею и сообщили ему о наступлении Камицы и о приближении самодержца. Охваченный ужасом, Пухей тогда же, в среднюю стражу ночи, покинул город и ушел со своими соплеменниками. На рассвете Камица прибыл в город, но не обнаружил там ни Пухея, ни вообще турок. Найдя в городке (я говорю о Кедрее) немало добра, он тем не менее не польстился на него, а был очень удручен, как охотник, из рук которого ускользнула добыча. Не задерживаясь, Камица повернул коня, направился к Поливоту, неожиданно напал на врага, убил бесчисленное множество варваров, взял добычу и пленных, расположился в тех местах лагерь и стал поджидать прибытия самодержца.

Стипиот по прибытии в Пиманин сделал то же самое и вернулся к императору. Самодержец же на закате достиг Кедреи. К нему сразу же явилось несколько воинов с сообщением, что в близлежащих городках – владениях некогда знаменитого Вурца – находится бесчисленное множество варваров. Выслушав это известие, император немедленно приготовился действовать. Он сразу же призвал сына этого Вурца по имени Варда, Георгия Левуна и скифа, на скифском языке именовавшегося Питикой (Πιτικός), вместе с их воинами, образовал боеспособный отряд и выслал их против

9. Во время этих событий, когда словопрения с манихеями были в разгаре, явился некий человек с берегов Истра и сообщил о переправе куманов. Император с бывшими при нем воинами безо всякого промедления отправился к Данувии. Прибыв в Видин и не застав там варваров (узнав о приближении самодержца, они переправились назад), император немедленно отобрал храбрых воинов и приказал им преследовать варваров. Переправившись через Истр, они немедленно двинулись вслед за варварами. Они преследовали их в течение трех суток, но видя, что куманы на кожаных плотах, которые они несли с собой, переправились через реку, протекающую за Дануviем, вернулись ни с чем к самодержцу.

варваров с приказом по прибытии на место отправить воинов в набеги, разорить все соседние селения, а их жителей выселить и привести к нему. Они сразу же отправились в путь, а самодержец, преследуя прежнюю цель, торопился достичь Поливота и затем дойти до Икония.

Такое намерение было у императора, и он уже собирался без промедления приступить к делу, как получил известие, что варвары и сам султан Сулейман, узнав о его наступлении, сожгли в Азии все пашни и луга, так что не осталось ни пищи для людей, ни корма для коней. Кроме того, дошли сведения о новом наступлении варваров из северных областей, и крылатая молва облетела всю Азию. Император боялся, что по пути в Иконий его войско из-за недостатка пищи падет жертвой голода, и в то же время опасался ожидавшегося наступления варваров. И вот он принимает разумное и смелое решение – спросить Бога, как ему поступить, – отправиться к Иконии или же выступить против варваров, находившихся у Филомилия. Он записал свои вопросы на двух листках, положил их на святой престол и провел всю ночь в усердных молитвах и песнопениях. Утром явился священник, в присутствии всех развернул один из листков и прочел самодержцу повеление отправляться по дороге в Филомилий. Вот что я хотела рассказать о самодержце.

Тем временем Варда Вурц, следуя по уже упомянутой дороге, увидел, как большое войско спешит перейти через мост Зомпи²⁶¹ и соединиться с Моноликом. Варда сразу же вооружается, вступает с ним в бой на равнине

Амория и разбивает противника наголову. Но другие турки, направлявшиеся к Монолику из восточных областей, натолкнулись на лагерь Вурца, когда тот еще не вернулся, и захватили оказавшихся там вьючных животных и снаряжение воинов. Вурц же с богатой добычей победителем двинулся в обратный путь, но по дороге встретил одного человека, шедшего из лагеря, и, узнав от него, что турки разграбили лагерь и ушли с добычей, стал размышлять, что ему следует предпринять. Он хотел отправиться в погоню за варварами, но не мог этого сделать, так как турки двигались очень быстро, а его кони уже устали. Поэтому, чтобы не случилось беды, он отказывается от преследования и медленно, в полном порядке продолжает свой путь, утром прибывает в уже упомянутые городки Вурца и выселяет оттуда всех жителей. Он забрал пленных, взял весь имевшийся у варваров провиант, позволил себе и своим усталым воинам кратковременный отдых в удобном месте, а с восходом солнца отправился по дороге к самодержцу.

По пути ему встречается другой турецкий отряд, который сразу же на него нападает, и в результате завязывается большое сражение. Турки в течение долгого времени выдерживали бой, но затем попросили отдать им пленных и захваченную у них добычу, обещая, если их требования будут удовлетворены, оставить попытки нападения на ромеев и вернуться домой. Однако Вурц не пошел навстречу желаниям турок и храбро продолжал битву. С предыдущего дня у сражавшихся не было во рту и глотка воды, поэтому, подойдя к берегу реки, они стали утолять жар жажды, а затем один за другим возвращались на поле битвы. В то время как одни продолжали бой, другие, уставшие, освежали себя водой, Вурц же, удрученный количеством врагов, видя отвагу варваров, пришел в отчаяние и отправил к императору с сообщением о событиях не какого-нибудь простого воина, а уже упомянутого Георгия Левуна. Не найдя дороги, свободной от турецких полчищ, Георгий с отчаянной смелостью врезался в гущу врагов, выбрался из нее и благополучно прибыл к императору.

Алексей получил известие о Вурце, точно выяснил количество турок и, поняв, что Вурц испытывает большую нужду в воинах и подкреплениях, вооружил войско и вооружился сам. Построив армию по фалангам, он в образцовом порядке выступил против варваров. Авангардом командовал император, правым

флангом – Вриенний, левым – Гавра, арьергардом – Кекавмен. Пока турки в отдалении ждали приближения ромеев, племянник императрицы Никифор, юноша, горящий жаждой битвы, выехал вперед из строя, увлек за собой нескольких других щитоносцев Арея, вступил в схватку с первыми, кто напал на него, получил удар в колено и ударил копьем в грудь ранившего его воина. Турок сразу же упал с коня и безмолвный распростерся на земле. Видя это, варвары, стоявшие позади, сразу же показали ромеям спину. Император с радостью принял доблестного юношу, осыпал его похвалами, а сам направился к Филомилию.

Он достиг озера Сорока мучеников и на следующий день прибыл в так называемые Месакты. Выступив оттуда, он с ходу овладел Филомилием. Затем он выделил из состава войска различного рода отряды во главе с храбрыми военачальниками и отправил их во все селения в округе Икония с приказом разорить их и выволочь из рук варваров пленных. Как стадо диких зверей, рассеялись воины во все стороны, а затем вернулись к императору и привели ему освобожденных от варваров пленников, которых они захватили вместе с их пожитками. Вместе с ними добровольно следовали и жители этих областей – ромеи, бежавшие из-под власти варваров, – женщины с младенцами, мужчины, дети; все они устремились к самодержцу, как к спасительному убежищу. Алексей опять выстроил войско новым строем, поместил в его середину всех пленных вместе с женами и детьми и отправился назад тем же путем, которым шел раньше; где бы Алексей ни проходил, он везде соблюдал все меры предосторожности. Видя это зрелище, можно было подумать, что какой-то защищенный башнями город ожил и движется этим новым строем.

5. Во время движения императора варвары не показывались, но большое число воинов Монолика, прячась в засадах, следовало по обе стороны от него. Когда же император проходил по равнине, расположенной между Полиботом и уже упомянутым озером, группа варваров – все храбрые воины, легковооруженные и двигавшиеся налегке, сидевшие в засадах по обе стороны войска, неожиданно появились на возвышенности перед ромеями. Архисатрап Монолик, старик, обладавший большим опытом войн и боевых построений, впервые увидев столь необычный строй, был удивлен и поражен новым способом построе-

ния войска и стал выяснять имя предводителя. Он догадался, что отрядами и этим новым строем командует не кто иной, как самодержец Алексей, и, несмотря на все желание, не мог решиться на него напасть. Тем не менее Монолик приказал поднять воинский крик; стараясь создать у ромеев впечатление, что на них движется большое войско, он заставил своих воинов бежать не сомкнутым строем, а отдельными группами и в беспорядке (этот их боевой порядок я описывала выше), чтобы неожиданностью зрелища и гулом несущейся конницы оглушить и поразить ромеев.

Самодержец же двигался впереди строя и выдавался вперед, как башня, как огненный столб или как божественное, небесное явление. Он ободрял фаланги, приказывал сохранять боевой порядок и призывал воинов к мужеству. “Не ради себя, – говорил он, – предпринял я столь тяжкий труд, а ради чести и славы Ромейской державы, и я в любой момент готов принять за вас смерть”. Воины исполнились мужества; каждый соблюдал свое место и спокойно продолжал путь, так что варварам казалось, будто строй не движется вовсе. Весь день без всякого успеха атаковали турки ромейское войско, но не смогли прорвать ромейский строй в целом или в какой-либо его части. Затем они, ничего не добившись, возвратились на холмы, зажгли множество костров и всю ночь выли, как волки, время от времени насмехаясь над ромеями – среди них были некоторые полуварвары, говорившие по-гречески. На рассвете Монолик приказал туркам повторить прежний маневр.

Между тем прибыл сам султан Килич-Арслан и, увидев великолепное построение войска, был удивлен, но, по обычаю молодых людей, принялся насмехаться над стариком Моноликом, медлившим вступить в бой с самодержцем. Монолик ответил ему: “По старости или по трусости я до сих пор откладывал рукопашную битву с императором. Если ты такой храбрый, иди и попытай счастья сам, дело покажет, кто прав”. Килич-Арслан сразу же сам напал на арьергард, одним сатрапам приказал атаковать самодержца с фронта, другим – завязать бой на обоих флангах. Командующий правым флангом кесарь Никифор Вриенний, видя бой в арьергарде, возгорелся желанием помочь воинам, замыкавшим строй, однако, не желая проявлять юношескую неопытность, сдерживал свой кипящий гнев против варваров и старался в пол-

ном порядке, не нарушая строя, продолжать свой путь.

Так как варвары упорно сражались, командующий левым флангом, мой самый любимый брат, порфирородный Андроник повернул коня и вместе со своей фалангой с силой набросился на варваров. Андроник проявлял на войне разумную отвагу, искусство рук и необыкновенный ум. Однако, только вступив в цветущий возраст, он безвременно погиб, умер и покинул нас, когда этого никто не ожидал²⁶². О молодость, цветение тела и легкие прыжки на коня! Куда вы исчезли? Скорбь о нем понуждает меня разразиться горестным плачем, но законы исторического повествования удерживают меня от этого. Приходится удивляться, что теперь люди не превращаются, как, судя по рассказам, это было раньше, в камень, птицу, дерево или какой-нибудь неодушевленный предмет и не меняют свою природу под воздействием большого горя. Не знаю, миф это или правда, но лучше сменить свою природу на бесчувственную, чем испытать столь великое горе. Если бы это могло произойти, выпавшие на мою долю горести быстро обратили бы меня в камень.

6. Видя, что дело дошло уже до рукопашной схватки, Никифор, опасаясь поражения, повернул коня и поспешил на помощь со своим отрядом. Тогда варвары повернули назад и в панике вместе с султаном Килич-Арсланом устремились на холмы. Много турок было тогда убито в бою и еще больше взято в плен. Все, кому удалось спастись, рассеялись в разные стороны, а сам султан, отчаявшись спастись, бежал в сопровождении только одного своего виночерпия к храму, воздвигнутому на вершине холма, вокруг которого рядами стояли огромные кипарисы. Теснимый тремя преследовавшими его скифами и сыном Узы, он поднялся на холм, затем немного отклонился в сторону и спасся благодаря тому, что преследователи не знали его в лицо. Виночерпий же был схвачен скифами и, как великий дар, доставлен самодержцу. Император ликовал по поводу столь славной победы над врагами; вместе с тем он был огорчен, что султан не попал в его руки, хотя и, как говорится, едва унес ноги.

С наступлением вечера император располагается лагерем, а оставшиеся в живых варвары вновь поднимаются на холмы, зажигают множество костров и всю ночь, как псы, лают на ромеев. Некий скиф убежал из ромейского войска, явился к султану и сказал ему: “Не

вступай в бой с самодержцем днем, из этого ничего хорошего не выйдет. Так как равнина невелика, император поставил палатки тесно одна к другой, поэтому пусть легковооруженные стрелки спустятся к подножию холмов и всю ночь осыпают ромейский лагерь градом стрел. Они нанесут немалый ущерб ромейско-му войску”. Тогда же один полуварвар тайно от турок явился к императору и передал ему, что посоветовал султану перебежчик-скиф, и подробно рассказал о всех планах против ромейского войска.

Узнав об этом, самодержец разделил войско на две части: одной из них он приказал, оставаясь в лагере, бодрствовать и быть начеку, а остальным – вооружиться, выйти за пределы лагеря, встретить двигавшихся на них турок и завязать бой. В течение всей ночи варвары, окружив со всех сторон лагерь, совершили рейды к подножиям холмов и осыпали воинов дождем стрел. Но ромеи, следуя наставлениям самодержца, защищались, не размыкая строя. На рассвете они выступили в том же порядке, вновь поместили в середину строя добычу, все снаряжение, пленных с женами и детьми и направились по дороге в Амбу²⁶³.

В этот момент начался тяжелый и жестокий бой. Султан вновь собрал свои силы, окружил со всех сторон войско и завязал упорное сражение; он, однако, не смог прорвать сомкнутого строя ромеев и, как бы натолкнувшись на стальную стену, должен был уйти ни с чем. В горести и отчаянии султан в течение всей следующей ночи совещался с Моноликом и остальными сатрапами, а на рассвете, с согласия всех варваров, попросил мира у самодержца. Самодержец не ответил отказом, а, напротив, принял его просьбу. Он сразу же велел сыграть сигнал сбора, приказал всем сохранять спокойствие, держаться в том же порядке, не сходить с коней, не снимать поклажи с вьючных животных и, как и раньше, в продолжение всего пути иметь при себе для защиты щиты, шлемы и копья. Такое распоряжение было отдано самодержцем с единственной целью: чтобы строй не был прорван в сумятице боя и все его люди не стали добычей врага. Видя многочисленные полчища турок, со всех сторон нападающих на ромейское войско, император испытывал опасения.

Остановившись в удобном месте, император расположил по обе стороны от себя всех родственников и большое число отобранных им воинов и сам стал во главе их; справа и сле-

ва находились его родственники и свойственники, а непосредственно за ними – отборный отряд воинов-катафрактов; блеск сверкающего оружия ярче солнечных лучей озарял воздух. В этот момент подъехал и султан вместе со своими сатрапами, во главе которых двигался Монолик, превосходивший всех азиатских турок своим возрастом, опытом и мужеством; султан застал императора на равнине между Августополем и Акронием²⁶⁴.

Сатрапы издали заметили самодержца, сошли с коней и совершили полагающееся преклонение перед императором. Султану же самодержец не позволял сойти с коня, хотя тот несколько раз и пытался это сделать. Но, быстро спешившись, Килич-Арслан обнял ногу самодержца. Император же подал ему руку и велел сесть на одного из лучших своих коней. Когда султан вскочил на коня и сбоку приблизился к самодержцу, Алексей немедленно снял с себя плащ и набросил его на плечи Килич-Арслана.

Немного подождав, император изложил ему свои соображения в таких словах: “Если вы пожелаете покориться Ромейской империи и прекратить свои набеги на христиан, то получите дары и титулы и будете в дальнейшем свободно жить в отведенных вам землях, там, где вы обитали раньше, до того как Роман Диоген взял в свои руки бразды правления и потерпел то страшное поражение²⁶⁵, когда, на свое несчастье, вступив в бой с султаном, он был пленен им. Предпочтите мир войне, удалитесь с территории Ромейской державы и удовлетворитесь своей собственной. Послушавшись моих слов, – ведь я даю вам хороший совет, – вы не раскаетесь и, кроме того, получите многочисленные дары. Если же нет, то знайте: я истреблю все ваше племя”. Султан и его сатрапы с готовностью приняли эти условия и сказали: “Мы бы не явились сюда, если бы не решили заключить мир с твоей царственностью”. Выслушав их ответ, император отослал турок в приготовленные для них палатки и пообещал на следующий день скрепить договор. На другой день император вновь встретил султана по имени Шахиншах, заключил с ним, как полагается, договор, вручил ему большую сумму денег, щедро одарил его сатрапов и, ублажив их, отпустил назад²⁶⁶.

Между тем самодержец узнал, что сводный брат султана Масуд²⁶⁷, желая захватить власть, замыслил убийство Шахиншаха. Как это всегда происходит в таких случаях, к Ма-

суду перешли некоторые сатрапы. Поэтому император посоветовал султану немного обождать, пока он не получит более подробные сведения о заговоре, чтобы Килич-Арслан смог отправиться в путь, зная положение и принимая меры предосторожности. Султан пренебрег советом самодержца и самоуверенно продолжал преследовать свою цель. Самодержцу не хотелось создать впечатление, будто он силой задерживает добровольно явившегося к нему султана, и этим навлечь на себя хулу. Поэтому он сказал, уступая решению варвара: “Хорошо было бы немного подождать, но раз ты так хочешь идти, то нужно, как говорится, искать другой выход, поэтому возьми у меня сильный отряд воинов-катафрактов, которые благополучно доставят тебя до самого Икония”. Однако и на это предложение варвар ответил отказом. Таков уж надменный нрав варваров, считающих себя чуть ли не выше облаков.

И вот, попрощавшись с самодержцем и получив много денег, султан отправился домой. Ночью явилось ему сновидение – не лживое, не посланное Зевсом, не побуждавшее варвара к битвам и, говоря словами сладостной поэзии, не “подобное Пелееву сыну”²⁶⁸, а возвещавшее варвару истину. Султану приснилось, что во время завтрака его окружило множество мышей, старавшихся вырвать у него из рук хлеб, который он ел. Он ничуть не испугался и попытался их отогнать, но мыши вдруг превратились во львов и одолели его. Проснувшись, он рассказал сон сопровождавшему его воину самодержца и спросил, что это значит. Тот объяснил, что мыши и львы означают врагов, однако султан не захотел поверить и с безрассудной поспешностью пустился в путь.

Он выслал вперед разведчиков, которые должны были высматривать врагов, отправившихся в набег за фуражом. Но разведчики встретили Масуда, когда тот уже приближался во главе большого войска, вступили с ним в переговоры, примкнули к его заговору против Шахиншаха, а, вернувшись, сказали, что никого не видели. Шахиншах принял их сообщение за правду, беззаботно продолжал путь и встретил варварское войско Масуда. Некий Гази (Γαζής), сын сатрапа по имени Хасан Катух, убитого султаном Шахиншахом, выходит из рядов и ударяет копьем Шахиншаха, но султан, быстро обернувшись, выхватывает копье из рук Гази со словами: “Не знал я, что ныне и женщины мечут в нас копья”. Затем

он быстро направляется назад к императору. Шахиншаха удержал сопровождавший его Пухей, который давно перешел на сторону Масуда, но делал вид, что дружественно расположен к Шахиншаху и дает ему благие советы. На самом же деле он увлекал его в западню и копал ему яму, когда советовал не возвращаться к императору, а, немного отклонившись от дороги, идти в Тирагий – городок, лежащий вблизи Филомилия.

Наивный, как ребенок, Шахиншах послушался Пухея и прибыл в Тирагий, где был приветливо встречен его жителями – ромеями, знавшими о дружеском расположении к нему императора. Варвары тем временем во главе с самим Масудом подошли к Тирагию, окружили со всех сторон его стены с намерением осадить город. Шахиншах, выглянув из-за стены, разразился страшными угрозами по адресу своих соплеменников-варваров и сказал, что ромейские войска самодержца уже подходят и что если они не кончат войну, то испытают то-то и то-то. Находившиеся в городе ромеи мужественно сопротивлялись туркам. Тогда Пухей сбрасывает маску и обнажает свою волчью натуру, скрытую под овечьей шкурой. Он спускается со стены, пообещав Шахиншаху вселить бодрость в жителей города и побудить их к еще более мужественной борьбе. На деле же он стал угрожать жителям, советовать им сдаться и открыть туркам городские ворота, если они не хотят стать жертвой варваров, поскольку-де многочисленное войско подходит уже из самого Хорасана. Жители, испуганные множеством варваров, вняв советам Пухея, открывают туркам путь в город.

Схватив султана Шахиншаха, турки ослепляют его; так как под рукой не оказалось необходимого инструмента для этой цели, они воспользовались подсвечником, подаренным Шахиншаху самодержцем, и сосуд света превратился в источник темноты и мрака. Шахиншах мог еще немного видеть и, когда его за руку привели в Иконий, решил рассказать о случившемся своей кормилице, а та в свою очередь – его супруге. Таким образом слух об этом дошел до самого Масуда и взбодоражил дух варвара. Исполнившись гнева, он приказал Елегму (Ἐλεῒμος) (это знатный сатрап) задушить Шахиншаха тетивой лука²⁶⁹. Таков был конец султана Шахиншаха, не следовавшего по своему безрассудству увещаниям самодержца. Самодержец же напра-

вился к царственному городу, при этом он всю дорогу следил за сохранением строя войска.

7. Может быть, слушая о боевых порядках и фалангах, пленных и добыче, о стратегии и командирах, кто-нибудь и решит, что это обычные рассказы историков и поэтов. Но этот боевой порядок казался всем новым и удивительным, никто никогда не видел его, и ни один историк не поведал о нем потомству. Идя по дороге к Иконию, воины сохраняли строй и двигались в такт звукам флейты. Видя целиком всю фалангу, можно было подумать, что она, двигаясь, остается недвижимой и перемещается, оставаясь на месте. Этот сомкнутый и единый строй напоминал незыблемые горы, он двигался, как огромный зверь, при этом фаланга двигалась, подчиняясь одной душе.

После того как ромеи прибыли в Филомилий, повсюду, как говорилось выше, освободили тех, кто находился под владычеством варваров; поместив пленных, женщин, детей и всю добычу в центр строя, они двинулись в обратном направлении медленно, ступая ленивым “муравьиным” шагом. Многие были больны, многие женщины беременны; если одна из них собиралась рожать, то по знаку самодержца раздавался сигнал трубы, который заставлял всех застыть на месте, и тотчас весь строй останавливался. Как только самодержец узнавал, что роды кончились, раздавался другой необычный сигнал – призыв к выступлению, который побуждал всех продолжать путь. Если же кто-нибудь находился при смерти, то происходило то же самое: самодержец сам приходил к умирающему и призывал к нему священников пропеть отходный молебен и причастить умирающего. Таким образом, над умирающим совершались все полагающиеся обряды, и самодержец не позволял строю двинуться ни на шаг до тех пор, пока тело не клали в гроб и не хоронили. Когда же наступало время завтрака, Алексей призывал к себе женщин и мужчин, ослабевших от болезней или старости, отдавал им большую часть пищи и заставлял поступать так же своих сотрапезников. И напоминала его трапеза некое божественное пиршество – не было во время нее никаких музыкальных инструментов, ни флейт, ни тимпанов и вообще никакой назойливой музыки²⁷⁰.

Взяв на себя заботу об этих людях, он по прибытии на Дамалис (дело было вечером) отказался от торжественного въезда в город, не пожелал ни императорской процессии, ни те-

атральной пышности²⁷¹5, а, как это и было нужно, назначил на следующий день переправу войска. Взойдя на монеру, он в час, когда зажигаются светильники, прибыл во дворец.

На следующий день он целиком ушел в заботы о пленных и чужеземцах. Детей, лишившихся родителей, испытывающих горечь сиротской доли, он отдал своим родственникам и другим людям, известным ему своей благочестивой жизнью, а также игуменам святых монастырей. Он приказал им воспитывать этих детей не как рабов, а как свободных, обучая их всем наукам и знакомя со священным писанием. Некоторых же детей он отдал в приют, который сам учредил, сделав из него скорее школу для желающих учиться. Руководителям этого приюта он наказал давать детям общее образование. В прилегающей к акрополю части города, там, где находится выход к морю, Алексей нашел огромной величины храм великого апостола Павла и соорудил там второй город – внутри царицы городов. Храм наподобие акрополя стоял на самом высоком месте города.

Новый город простирался на несколько стадий (может быть, кто-нибудь скажет на сколько именно?) в длину и ширину. Вокруг него тесно стояли дома бедняков и, что еще больше свидетельствует о человеколюбии императора, жилища калек. Можно видеть, как бродят там друг за другом слепые, хромые или имеющие какие-либо иные увечья. Смотрящим на такое зрелище кажется, что это портик Соломона, заполненный людьми с искалеченными телами (Иоанн V: 1–4; Деяния III: 1–11). Круг домов двойной и двухэтажный: одни из этих искалеченных мужчин и женщин живут наверху, на втором этаже, другие же копошатся внизу, у самой земли. Что же касается величины круга, то желающий посмотреть этих людей, начав с утра, обошел бы круг только к вечеру.

Таков этот город, таковы его обитатели. У них нет ни земельных участков, ни виноградников или чего-либо иного, что, как мы знаем, заполняет человеческую жизнь, но каждый и каждая из них, как у Иова (I: 4), живет в сооруженном для него доме, из рук самодержца получая пищу и кров без всякой затраты труда. И что самое удивительное, эти неимущие, как некие господа, обладают имуществом и разнообразными доходами, пользуются заботами и вниманием, и сам самодержец вместе со своими приближенными печется о них. Ес-

ли где-нибудь было поместье, расположенное в хорошем месте и к тому же доходное, император отдавал его этой братии, благодаря чему вино у них текло рекой, в изобилии был хлеб и все то, что люди едят вместе с хлебом. Число кормящихся там было огромно. По-видимому, это слишком смело, однако я скажу, что деяние самодержца можно сравнить с чудом моего спасителя, я имею в виду “семь тысяч и пять тысяч” (Матфей XVI: 9-11). Но тогда он накормил тысячи людей пятью хлебами как Бог-чудотворец, а в данном случае человеколюбивое деяние было совершено по божественной заповеди. Иначе говоря, там было чудо, а тут императорская щедрость, снабжавшая братию всем необходимым.

Я сама видела, как девушка помогала старухе, зрячий вел за руку слепого, у безногого были ноги – не свои, а чужие, безрукого вели другие люди, детей кормили грудью чужие матери и здоровые ухаживали за паралитиками. Все множество находившихся на попечении людей делилось на две части: тех, кто нуждался в прислуге, и тех, кто прислуживал. Самодержец не мог сказать паралитику: “Встань и иди” (Матфей IX: 5-6), приказать слепому смотреть (Матфей IX: 27-30) или заставить ходить безногого (Матфей IX: 1-8). Это было по силам лишь единорожденному, ставшему ради нас человеком и жившему на земле ради людей. Но император делал все, что было в его возможностях: он дал каждому калеке слугу и окружил одинаковой заботой увечного и здорового. Так что, если бы кто-нибудь пожелал познакомиться с новым городом, который мой отец заложил и построил, он увидел бы четыре города и даже больше, ибо его населяют живущие внизу, живущие наверху и прислуживающие и тем и другим. Но кто смог бы определить число каждодневно питающихся там, сумму каждодневных расходов на них или измерить внимание, уделяемое каждому? Ведь я отношу к заслугам Алексея и то, что было сделано после него. Император предоставлял в их распоряжение дары земли и моря и как мог облегчал им жизнь. Во главе этого многотысячного города стоит попечитель – некий знатный муж, название города – Приют. Приютом он называется благодаря человеколюбию самодержца по отношению к сиротам и бывшим воинам. Поэтому и стало употребительным название, означающее попечение о сиротах. Всеми этими делами распоряжаются секреты²⁷², от людей, ведающих имуществом бедняков, требу-

ются отчеты, и права подопечных охраняются хрисовулами²⁷³.

В храме великого проповедника Павла собран большой клир и имеется множество огней. Зайдя в храм, можно услышать антифонное пение хоров, ибо, по примеру Соломона, Алексей позаботился о диакониссах и большое внимание уделил нашедшим тут приют иберийским монахам, которые, поселившись в Константинополе, прежде были вынуждены просить под дверьми подаяние. И для них заботливость моего отца соорудила большой монастырь, снабдила их пищей и подобающей одеждой. Пусть знаменитый Александр Македонский хвастает Александрией в Египте, Букефалой в Мидии и Лисимахией в Эфиопии. Самодержец же Алексей не так кичился воздвигнутыми им городами, которые, как мы знаем, были понастроены им повсюду, как гордился этим городом.

По левую сторону от входа находятся храмы и святые монастыри; справа от большого храма стоит грамматическая школа для сирот, собранных из разных стран, в ней восседает учитель, а вокруг него стоят дети – одни из них ревностно занимаются грамматическими вопросами, другие пишут так называемые сходы. Там можно увидеть обучающегося латинянина, говорящего по-гречески скифа, ромея, изучающего греческие книги, и неграмотного грека, правильно говорящего по-гречески. Такую заботу проявлял Алексей о гуманитарном образовании. Схедография же – изобретение более нового времени: нашего поколения. Я обхожу молчанием Стилиана, так называемого Лонгиварда²⁷⁴, тех, кто занимался собиранием различных имен, Аттика и тех, кто входил в священное сословие нашей Великой церкви, чьи имена я опускаю. Ныне же изучение возвышенных предметов – сочинений поэтов, историков и той мудрости, которую из этих сочинений можно извлечь, – люди не считают даже второстепенным занятием. Главным занятием стали теперь шашки и другие нечестивые игры. Я говорю об этом, ибо огорчена полным пренебрежением к общему образованию. Это терзает мою душу, потому что я сама провела много времени в подобного рода занятиях. Завершив свое начальное образование, я перешла к риторике, занялась философией, обратилась наряду с этими науками к поэтам и историкам и благодаря им сгладила шероховатости своего стиля; затем, овладев риторикой, я осудила сложные сплетения запутанной схедографии.

Этот рассказ – не отступление, он нужен для связности повествования.

8. Затем, на... году его царствования, появилась громадная туча еретиков²⁷⁵. Это был новый вид ереси, ранее незнакомый церкви. Соединились между собой два издавна известные злейшие и мерзостнейшие учения: нечестивость манихеев (так их можно называть), которую мы именовали также павликианской ересью, и бесстыдство мессалиан. Это и было учение богомилов, образовавшееся от слияния мессалианской и манихейской ереси. По всей видимости, оно существовало еще до вступления моего отца на престол, но не обнаруживало себя – ведь племя богомилов весьма искусно умеет облачаться в личину добродетели. Человека со светской прической не увидать среди богомилов: зло скрывается под плащом и клобуком. Вид у богомила хмурый, лицо закрыто до носа, ходит он с поникшей головой и что-то нашептывает себе под нос. Но сердцем он – бешеный волк. И вот это-то опаснейшее племя извлек, как извлекают тайными заклинаниями притаившуюся в норе змею, и вывел на свет мой отец. Он отложил свои многочисленные заботы о западных и восточных делах и обратился к вопросам духовного свойства. Ведь Алексей во всех отношениях был выше всех: в искусстве обучения он достигал больших успехов, чем профессиональные учителя, в битвах и походах превосходил тех, кто вызывал восхищение воинской доблестью.

Слух о богомилах уже разнесся повсюду. Был некий монах Василий, который весьма ловко распространял нечестивое учение богомилов. У Василия было двенадцать учеников, которых он именовал апостолами; он привлек к себе также и учениц – женщин, безнравственных и мерзких, и повсюду, таким образом, сеял заразу. Как огонь, охватывало зло многие души. Не вынесла этого душа императора, и он занялся расследованием ереси. Некоторые из богомилов были доставлены во дворец, и все они называли Василия учителем, главой и руководителем богомильской секты. Один же из них, некий Дивлатий, на допросе не хотел сознаться и лишь после того, как был подвергнут пыткам, показал на упомянутого Василия и на тех, кого тот избрал себе апостолами. Многим лицам поручил самодержец розыски Василия, и вот объявился главный слугитель Сатанаила Василий – человек в монашеском одеянии, с иссохшим лицом, безбородый, высокого роста, весьма ловкий в распространении нечестивого учения.

Самодержец, желая убеждениями принудить Василия раскрыть перед ним свои самые затаенные мысли, призывает его к себе, воспользовавшись благочестивым предложением. При появлении Василия Алексей поднялся с места, посадил его возле себя и разделил с ним трапезу, затем, опустив леску и насадив на крючок приманку, он дал проглотить ее прожорливому чудовищу. Весь яд влил он в глотку этого мерзкого монаха. Вместе с тем он всяческим образом делал вид, что хочет стать его учеником, и не только он сам, но и его брат – севастократор Исаак. Алексей притворился, будто готов принять слова Василия за глас божий и полностью подчиниться ему, если только мерзейший Василий позаботится о спасении его души. “Почтеннейший отец (император обмазал сладостью чашу, чтобы одержимый бесом изрыгнул свою желчь), – говорит он, – я восхищаюсь твоей добродетелью и желаю познать проповедуемое твоей святостью учение, ибо наше, можно сказать, плохо и не ведет к добродетели”. Василий сначала притворялся: будучи настоящим ослом, он напояливал на себя львиную шкуру и не поддавался на эти речи, тем не менее он возгордился от почестей – ведь император даже посадил его с собой за стол. Во всем помогал Алексею и вместе с ним устраивал эту инсценировку его брат – севастократор. В конце концов Василий выложил учение своей секты. Каким образом это происходило?

Помещение, где находились императоры вместе с этим негодяем, открыто говорившим и выкладывавшим все, что у него было на душе, отделялось от женской половины занавесом; за этим занавесом писец и записывал все, что говорилось. Болтун разглагольствовал, как учитель, император изображал из себя ученика, а в это время секретарь записывал поучения Василия. Все – дозволенное и недозволенное, говорил этот богомерзкий муж, не умолчав ни об одной из своих богопротивных догм. Он с презрением отзывался о нашем богословии, клеветал на все церковное управление и, о ужас, святые храмы именовал храмами бесов; он также порицал и объявил дурным почитание тела и крови того, кто был первым архиереем и первой жертвой.

Что же дальше? Император сбрасывает маску и поднимает занавес. Собрался весь синклит, сошлось воинство, присутствовало и высшее духовенство. На патриаршем троне царицы городов восседал тогда блаженнейший среди патриархов кир Николай Грамматик.

Огласили богопротивное учение Василия – улики были неопровержимыми. Обвиняемый ничего не отрицал, но сразу же вступил в открытый спор; он уверял, что готов к огню, бичеванию и любому виду смерти – ведь эти погрязшие в заблуждении богомилы считают, что могут безболезненно перенести любое наказание, ибо ангелы якобы вынесут их из самого костра. Хотя все порицали Василия за нечестие, и в том числе те, кто разделял его гибельное учение, сам он – мужественнейший богомил – оставался непреклонным. Несмотря на то, что Василию угрожал и костер и другие беды, он не отступал от беса и находился в объятиях своего Сатанаила. В то время, как Василий пребывал в заключении, император неоднократно приглашал его к себе и призывал отказаться от нечестивого учения, тем не менее тот оставался равнодушным к призывам императора.

Но я не обойду молчанием случившегося с ним чуда. До того как император стал более сурово с ним обращаться, Василий, уже раскрыв свое нечестивое учение, отправился в один домик, расположенный вблизи императорских палат, незадолго до этого построенный для него. Был вечер, на безоблачном небе сияли звезды, и молодая луна озаряла вечернюю тьму. Когда монах зашел среди ночи в комнату, в нее сами собой градом полетели камни. Ничья рука не метала их, и никто не забрасывал ими одержимого бесом святошу. По-видимому, гнев рассерженных, пришедших в негодование бесов – подручных Сатанаила – был вызван тем, что Василий раскрыл императору тайны и тем самым навлек тяжелые гонения на исповедуемое им лжеучение. Рассказал об этом некий Параскевиот, который был приставлен сторожем к этому одержимому, чтобы он не мог ни с кем вступать в беседы и передавать таким образом заразу. Этот Параскевиот страшной клятвой клялся, что слышал шум падавших на землю и на крышу камней, видел непрерывно летевшие камни, однако нигде не обнаружил того, кто мог бы их бросать. Граду камней сопутствовало землетрясение: почва волновалась, а крыша дома скрипела. Параскевиот же, по его собственным словам, сохранял присутствие духа до того момента, как понял, что это дело рук бесов, но, увидев, что камни, как говорится, дождем сыплются сверху, а старикашка-ересиарх удалился и заперся в доме, он, приписав это дело бесам, уже не отдавал себе отчета в том, что происходит.

9. Это о чуде. Намеревалась я рассказать о всей ереси богомилов. Но, как говорит где-то прекрасная Сапфо, мне мешает стыд. Ведь я, пишущая историю, – женщина, к тому же самая уважаемая из царственных особ и самая старшая из детей Алексея. Кроме того, надлежит хранить молчание о том, о чем говорят повсюду. У меня есть желание подробно описать богомильскую ересь, и тем не менее я не делаю этого, дабы не осквернять свой язык. Тех же, кто желает точнее узнать о ереси богомилов, я отсылаю к книге под названием «Догматический паноплий», составленной по приказу моего отца.

Был некий монах по имени Зигавин, хорошо известный моей госпоже, бабушке со стороны матери, и всему священническому сословию. Он досконально изучил грамматику, не пренебрегал риторикой и как никто другой знал догматы церкви. Его-то и призвал к себе самодержец и приказал изложить по порядку каждое в отдельности все еретические учения, сопроводив их опровержениями святых отцов, а ересь богомилов описать в том виде, в каком преподавал ее этот нечестивый Василий. Вот эту книгу и назвал самодержец «Догматическим паноплием», она и до сих пор носит это имя²⁷⁶. Но пусть мое повествование вновь обратится к описанию гибели Василия.

Самодержец вызвал отовсюду учеников и единоверцев Василия – прежде всего уже упомянутых двенадцать учеников – и выяснил их образ мыслей. Были они в полном смысле слова учениками Василия. Ведь зараза проникла и в знатные семьи и охватила множество народа. Вот почему он сразу же приговорил к сожжению всех еретиков: и корифея и хор. Когда уличенные в богомильстве были собраны вместе, одни из них продолжали отстаивать свое еретическое учение, другие полностью отказывались от него, решительно возражали обвинителям и высказывали свое отвращение к богомильской ереси. Так как самодержец не мог питать к ним доверия, то, для того чтобы какой-нибудь христианин не затесался среди богомилов, а богомил не ускользнул от него под видом христианина, он изобрел некий новый способ, благодаря которому можно было обнаружить истинных христиан.

На следующий день Алексей воссел на свой императорский трон. В тот день присутствовали многие члены синклита, священного синода и наиболее достойные из числа ученых назиреев. Все обвиняемые в богомильской ереси были выведены на середину, и самодер-

жец приказал вновь подвергнуть допросу каждого из них. Одни признали себя богомиллами и ревностно отстаивали свою ересь, другие же решительно отпирались, называли себя христианами и ничего не признавали, когда их обвиняли. Тогда Алексей, нахмутив брови, сказал: “Сегодня будут зажжены два костра, в центре одного из них в землю будет вбит крест; затем каждому будет предоставлен выбор: желающие умереть в христианской вере, отделившись от остальных, войдут на костер с крестом, а придерживающиеся богомильской ереси будут брошены в другой костер. Ведь лучше самому умереть как христианину, чем, оставаясь жить, подвергнуться преследованиям как богомил и возмущать совесть многих людей. Итак, пусть каждый идет, куда захочет”. Сообщив такое богомиллам, император сделал вид, что покончил с этим делом. Обвиняемых немедленно взяли и увели, а в это время собралась большая толпа стекшегося отовсюду народа. В месте под названием Циканистр разожгли костры в семь раз, как говорит певец, сильнее, чем их обычно разжигали. Огонь поднялся до небес; в одном из костров находился крест. Так как все обвиняемые должны были быть сожжены, каждому был предоставлен выбор вступить в тот костер, который он пожелает. Те, кто придерживался православия, увидели всю безвыходность своего положения и подошли к костру с крестом, чтобы принять истинно мученическую смерть. Нечестивцы же, придерживавшиеся мерзкой ереси, обратились к другому костру. Когда они готовы были все вместе броситься в костры, присутствующие стали жалеть христиан, которые должны были сгореть, и выражали сильное недовольство императором, не зная о его намерении. Но приказ императора предупредил палачей и не дал им свершить своего дела. Получив, таким образом, надежные доказательства того, кто является истинным богомилом, император отпустил с многочисленными наставлениями ложно обвиненных христиан. Богомилов же он вновь заключил в тюрьму, отделив нечестивого Василия от остальных апостолов. Некоторых из них он сам ежедневно призывал к себе, поучал, увещевал отречься от мерзкой веры, других же по его приказу ежедневно посещали наиболее достойные из священников и наставляли их в православной вере, убеждая отречься от богомильской ереси. Одни из еретиков исправились и были освобождены из-под стражи, другие в ереси окончили свою жизнь

в тюрьмах, хотя и имели полный достаток в пище и одежде.

10. Василия же, как истинного ересиарха и к тому же совершенно не раскаявшегося, все члены священного синода, наиболее достойные назирей и сам занимавший тогда патриарший престол Николай приговорили к сожжению. С ними был согласен и самодержец, который, помногу и часто беседуя с Василием, убедился в его дурном нраве и знал, что он не отрекся от ереси. Тогда-то и распорядился император развести на ипподроме громадный костер. Была вырыта очень глубокая яма, а куча бревен, сложенная из высоких деревьев, казалась горой. Когда подожгли костер, на арену ипподрома и на ступеньки мало-помалу стала стекаться большая толпа народа, с нетерпением ожидавшая дальнейших событий. С другой стороны вбили крест, и нечестивцу была дана возможность выбора на тот случай, если он, испугавшись огня и изменив свои убеждения, подойдет к кресту, чтобы избежать костра. Присутствовала при этом и толпа еретиков, взиравших на своего главу Василия. Он же, казалось, с презрением относился к любому наказанию и грозившей ему опасности и, находясь вдалеке от костра, смеялся, морочил всем головы прорицаниями, будто некие ангелы вынесут его из огня, и тихо напевал псалм Давида: “К тебе он не приблизится, только смотреть будешь очами твоими”²⁷⁷.

Когда же толпа расступилась, дав ему возможность увидеть ужасное зрелище огня (ведь и с большого расстояния почувствовал он жар огня и увидел взвившееся вверх и как бы выпускающее громады пламя, огненные искры которого поднимались на высоту каменного обелиска, стоящего посреди ипподрома), этот храбрец, казалось, трусил и пришел в замешательство от одного вида огня и, как человек, попавший в безвыходное положение, стал вращать глазами, хлопать руками и ударять себя по бедру.

Придя в такое состояние от одного зрелища огня, он тем не менее оставался непоколебимым: его железную душу не мог ни смягчить огонь, ни тронуть обращенные к нему увещевания самодержца. Возможно, из-за неотвратимо грозившей беды его охватило безумие и, находясь в полной растерянности, он не понимал, что ему полезней делать, быть может (и это более вероятно), дьявол, владевший его душой, окутал непроницаемой мглой его разум. Этот проклятый Василий стоял совершенно безучастный перед лицом грозившей

ему страшной опасности, глаза то на костер, то на собравшуюся толпу. Всем казалось, что Василий действительно помешался: он не двигался к костру, не отходил назад, а как бы оцепенев, неподвижно стоял на одном месте. Так как о Василии распространялись всевозможные слухи и басни, то палачи опасались, как бы покровительствующие Василию бесы с божьего дозволения не совершили какого-нибудь необычайного чуда. Они боялись, что этот негодяй, выйдя невредимым из огня, явится в многолюдное место и в результате произойдет новый обман, еще хуже предыдущего. Поэтому они решили подвергнуть Василия испытанию. Так как Василий рассказывал небылицы и хвастался, что выйдет невредимым из огня, то палачи, взяв его за плащ, сказали: “Посмотрим, коснется ли огонь твоей одежды”, – и тотчас бросили плащ в середину костра. В ответ на это обманутый бесом Василий сказал со смехом: “Вы видите, мой плащ взлетел на воздух!” Палачи же, узнав “по кромке ткань”, подняли Василия и бросили его в платье и башмаках в середину костра. Пламя, как будто разгневавшись на него, целиком сожрало нечестивца, так что даже запах никакой не пошел и дым от огня вовсе не изменился, разве что в середине пламени появилась тонкая линия из дыма. Ведь сама стихия поднимается против нечестивцев, щадит же она – чтобы сказать правду – только людей богоугодных. Так некогда в Вавилоне отступил и отошел огонь от угодных богу юношей и окружил их со всех сторон наподобие золоченых покоев (Дан III: 19).

Не успели еще палачи поднять негодяя Василия, как пламя, казалось, вырвалось навстречу, чтобы схватить нечестивца. Стоявший кругом народ с нетерпением ждал и требовал, чтобы бросили в огонь и всех остальных причастных к гибельной ереси Василия. Но самодержец не согласился и приказал заключить их в портиках и галереях Большого дворца. После этого зрители были распущены. Позже безбожников перевели в другую весьма надежную тюрьму, где они содержались долгое время и умерли в своем нечестии. Таково было последнее деяние из всех великих трудов и подвигов самодержца – поступок совершенно новый, необычный по своему характеру, неслыханный по своей смелости. И я думаю, современники и близкие императору удивляются до сих пор и им кажется, что все происшедшее тогда было не наяву, а привиделось во сне. Начиная с того времени, когда вскоре по-

сле провозглашения императором Диогена варвары вступили в пределы Ромейской державы и Диоген, как говорится, с первых шагов потерпел неудачу в походе на них, и вплоть до воцарения моего отца варварская рука не оставалась в покое, она точила мечи и копья против христиан, а битвы, сражения и убийства не прекращались. Уничтожались города, опустошались области, и вся ромейская земля была обогрета христианской кровью. Одних постигла печальная участь, и они пали от стрел и копий, других заставили покинуть насиженные места и пленниками увезли в персидские города. Страх охватил всех, и они поспешили укрыться от обрушившихся бедствий в пещерах, рощах, горах и холмах. Одни из них, уведенные в Персию, оплакивали в молитвах свои страдания, другие, еще сохранившие свободу – если вообще кто-либо оставался в ромейских пределах, – стенаая, проливали слезы кто о сыне, кто о дочери, как женщины, заливаясь горячими слезами, они плакали кто о брате, кто о преждевременно ушедшем из жизни племяннике, и не было тогда места без слез и стенаний. Что же касается императоров, то они, за исключением немногих (я имею в виду Цимисхия и императора Василия), с давних пор и до воцарения моего отца вообще не осмеливались ступить на азиатскую землю.

11. Но что говорить об этом? Я чувствую, что отошла от нити своего рассказа. Тема моего повествования предписывает мне двойную задачу: описать и вместе с тем оплакать все то, что пришлось претерпеть самодержцу, рассказать о его трудах и сложить скорбную песнь о том, что истерзало мое сердце. Теперь я хочу поведать о его смерти и о крушении счастья на земле. Однако мне приходят на ум некоторые из отцовских речей, которые отвлекают меня от моей истории и ввергают в скорбь и стенания. Ведь я часто слышала его речи и слышала, как он однажды прервал мою мать-императрицу, когда та велела мудрым людям рассказать в историческом сочинении потомкам о его деяниях, многочисленных подвигах и трудах. “Пусть они лучше, – говорил император, – оплакивают мою судьбу и скорбят о постигших меня бедствиях”.

Не прошло и полутора лет со времени возвращения самодержца из похода, как его постигла новая страшная болезнь, которая готовила ему смертельную ловушку, а если говорить правду, – уничтожение и гибель всему. Поскольку этого требует важность моей темы

и поскольку я с пеленок была любящей дочерью, я решаюсь преступить законы исторического повествования и рассказать – хотя и не испытываю большого желания это делать – о кончине самодержца.

Однажды во время конных ристаний поднялся сильный ветер, по этой причине ревматизм Алексея как бы отхлынул и, покинув его конечности, перешел в плечо. Большинство врачей вообще не подозревало о той угрозе, которая нависла над нами. Но Николай Калликл – так он именовался – стал для нас пророком страшных бедствий; он сказал, что следует опасаться, как бы болезнь, перейдя с конечностей на другую часть тела, не поставила бы под угрозу жизнь больного. Мы, однако, не могли и не желали этому поверить.

Ни один врач, кроме Калликла, не рекомендовал тогда очистить с помощью слабительного тело Алексея. Его организм не привык к слабительному и совершенно не был приучен принимать лекарства. Учитывая это, большинство врачей, и особенно Михаил Пантехн, категорически отвергали предложение очистить тело Алексея. Калликл же, предвидя будущее, решительно говорил им: “Сейчас вещество ушло из конечностей и обрушилось на плечо и шею. Впоследствии же, если его не изгнать из тела слабительным, оно войдет в какой-нибудь важный для жизни орган, а то и в само сердце, и причинит непоправимый вред”. По приказу моей госпожи я присутствовала при этом разговоре, чтобы разобраться в предложениях врачей, слышала их речи и была согласна с доводами Калликла. Возобладало, однако, мнение большинства. Мало-помалу приступ ревматизма, мучивший тело императора обычное число дней, ослабел, и к больному вернулось здоровье.

Но не прошло и шести месяцев, как на императора обрушилась губительная болезнь, причиной которой, возможно, были удручавшие его повседневные дела и множество государственных забот. Я часто слышала, как он говорил императрице, жалуясь ей на свою болезнь: “Что это за недуг, затрудняющий мое дыхание? Мне хочется вздохнуть глубоко, полной грудью и избавиться от боли, мучающей мое сердце. Часто пытаюсь я это сделать, но ни разу не смог хоть немного освободиться от тяжести, гнетущей меня. Как будто огромный камень лежит у меня на сердце и прерывает дыхание, и я не могу понять причины, от которой у меня появился этот недуг. И еще я скажу тебе, дорогая моя, разделяющая со

мною мои страдания и мысли: на меня часто нападает зевота, не дающая мне вдохнуть воздух и доставляющая мне страшные муки. Если ты знаешь, что это за новое несчастье постигло меня, скажи”. Когда императрица слушала подобные речи и узнавала о его страданиях, то казалось, что это она сама страдает от той же болезни и это у нее перехватывает дыхание – так трогали ее слова самодержца.

Она постоянно приглашала самых сведущих врачей, заставляла их определять вид болезни и просила выяснить непосредственные и косвенные причины недуга. Они щупали его артерии, признавали, что находят в каждом ударе пульса признаки всякого рода ненормальностей, но не могли определить их причины²⁷⁸. Врачам был известен образ жизни императора – не изнеженный, а, напротив, благоразумный, умеренный, какой ведут гимнасты и воины, при котором не могут появиться дурные соки – следствие неумеренного образа жизни. Поэтому они объясняли стеснение в его груди другой причиной, считая, что непосредственным источником его болезни являются не что иное, как тяжкие заботы и постоянные непрерывные горести, из-за которых его сердце разогревается и притягивает к себе из всего тела излишнее вещество. Поэтому-то страшная болезнь и обрушилась на самодержца, не дает ему передышки и, как петля, душит его.

С каждым днем болезнь становилась все сильнее и нападала на него не через определенные промежутки времени, а постоянно и непрерывно, так что самодержец уже не мог ложиться на бок и был не в состоянии без усилий вдохнуть воздух. Тогда были вызваны все врачи, и болезнь императора стала предметом их изучения. Они разошлись между собой во мнениях, каждый ставил свой диагноз и старался в соответствии с ним лечить больного. Как бы то ни было, состояние самодержца оставалось тяжелым. Ни одного вдоха не мог он сделать свободно. Чтобы вообще иметь возможность дышать, он должен был все время сидеть прямо, если же он ложился на спину или на бок, то, увы, наступало удушье. И малого количества воздуха не мог он втянуть при вдохе или выпустить при выдохе. Даже когда сон из сострадания спускался к нему, то и тогда испытывал он удушье. Так что все время – и когда он бодрствовал и когда спал – угроза удушья висела над ним.

Не дав Алексею слабительного, врачи решились прибегнуть к кровопусканию и сделали

надрез на локте. Однако от кровопускания ему не стало легче, состояние его оставалось прежним: он задыхался и, тяжело дыша, грозил испустить дух у нас на руках. Его самочувствие все же улучшилось, когда ему дали лекарство из перца. Мы были вне себя от восторга, не знали, как выразить свою радость, и обращались с благодарственными молитвами к Богу. Но все это было заблуждением. На третий или на четвертый день к самодержцу вернулись приступы удушья и стеснение дыхания. Я боюсь, не хуже ли ему стало от того напитка, который, будучи не в силах совладать с болезнетворными соками, рассеял их, вогнал в пустоты артерий и усугубил болезнь. С этого времени ему очень трудно было найти удобную для лежания позу, ибо наступил самый тяжелый период болезни. Ночи напролет, с вечера до утра, лежал император без сна, не принимая пищи и ничего другого, что могло бы принести ему спасение. Нередко или, вернее, постоянно видела я, как моя мать проводила около императора бессонные ночи, сидела позади него на ложе, поддерживала его своими руками и, как могла, помогала ему дышать. Из глаз ее текли потоки слез, более обильные, чем воды Нила. Невозможно описать, какую заботливость проявляла она по отношению к нему днем и ночью, какой труд выносила на своих плечах, леча Алексея, поворачивая и переворачивая его, ухищряясь разными способами застилать его постель. Да и вообще никому тогда не было покоя.

Петля как бы следовала за самодержцем, вернее, она сопровождала его и, не переставая, душила. Так как не было никакого средства против этой болезни, император удалился в южную часть дворца. Когда он чувствовал стеснение в груди, он находил единственное облегчение в движении. Императрица сумела сделать это движение непрерывным: прикрепив к императорскому ложу с обеих сторон – у головы и ног – деревянные ручки, она велела слугам высоко над полом носить ложе и, сменяя друг друга, печься о самодержце.

Затем самодержец перешел из Большого дворца в Манганы. Но и это ничего не дало для спасения императора. Видя, что болезнь постоянно возвращается, и потеряв всякую надежду на помощь от людей, императрица еще усердней стала обращаться с мольбой к Богу. В каждом храме она велела зажечь множество свечей и непрерывно исполнять гим-

ны, она делала подарки жителям всех внутренних и приморских областей, побуждала к усердным молитвам монахов, которые обитали в горах и пещерах или в других местах и вели отшельническую жизнь, просила молиться о самодержце всех болящих, содержащихся в тюрьмах, и несчастных, которые благодаря ее дарам стали богатейшими людьми.

Когда же внутренности у самодержца распухли и выдались вперед, ноги отекли²⁷⁹ и лихорадка охватила тело, некоторые из врачей, мало заботясь о лихорадке, решили прибегнуть к прижиганию. Однако все лечение было бесполезным и никчемным. Ничем не помогло и прижигание: внутренности остались в том же состоянии, дыхание было затруднено. Ревматизм как бы из другого источника проник в язычок гортани, поразил то, что эскулапы называют нёбом, десны Алексея воспалились, горло раздулось, язык распух. Поэтому пищевод, по которому должна была проходить пища, сузился, его края сомкнулись, и над нами навис ужас оказаться свидетелями голодной смерти императора, совершенно не принимавшего никакой пищи. Я же, – Бог свидетель, – немало хлопотала о его питании, ежедневно своими руками подносила ему пищу и старалась сделать ее пригодной для глотания. Все средства, применявшиеся для лечения воспаления, оказались... а все старания наши и врачей ни к чему не привели.

На одиннадцатый день, после того как болезнь вступила в свою последнюю стадию, она, достигнув высшей точки, поставила под угрозу жизнь больного; состояние Алексея ухудшилось, начался понос. Бедствия одно за другим обрушивались на нас в то время. Ни эскулапы, ни мы, хлопотавшие вокруг самодержца, ни... не знали, куда обратить свои взоры; все говорило о близкой гибели. Все остальное время прошло для нас в волнениях и бурях; устоявшийся порядок распался, ужас и опасность нависли над нами. Августа всегда проявляла мужество перед лицом опасности, а в то время вела себя особенно мужественно: она подавляла свои страдания и стояла, как олимпийский победитель, борясь с жесточайшей болью. Видя самодержца в таком состоянии, императрица терзалась душой и мучилась сердцем, но напрягала волю и стойко переносила бедствия; она была смертельно ранена, страдания проникали до мозга костей, тем не менее она не поддавалась горю.

И все же слезы катились из ее глаз, красота ее лица увяла, и душа еле держалась в теле.

Утром пятнадцатого августа 1118 г. (это был пятый день той недели, в которую празднуют успенье нашей Госпожи, пречистой Девы Богородицы) эскулапы натерли мазью голову самодержца (эта мера казалась им необходимой); затем они ушли домой, сделав это не без цели и не потому, что в этом была какая-нибудь необходимость, а потому, что знали о непосредственной опасности, нависшей над самодержцем. Среди врачей три были главными: замечательный Николай Калликл, Михаил Пантехн, получивший прозвище по названию рода, и... евнух Михаил. Толпа родственников, окружавшая императрицу, принуждала ее принять пищу... она не принимала и сна... одну за другой целые ночи проводила... ухаживая за самодержцем... согласилась. Когда у самодержца наступил последний обморок... она поняла и, ожидая... жизнь, бросилась на... рыдала, била себя в грудь, оплакивала свалившиеся на нее несчастья, хотела тут же лишиться себя жизни, но не могла этого сделать.

Император, хотя и находился при смерти и страдания одолевали его, был как бы сильнее смерти... он проявлял заботу об императрице и вместе с одной из своих дочерей старался унять ее волнение. Это была его третья дочь – порфирородная Евдокия. Мария же делала то же, что и та, другая Мария, но в отличие от нее, она сидела не в ногах, а у изголовья моего господина и, желая облегчить его страдания, давала ему пить воду, но не из чаши, а из кубка, чтобы ему было легче глотать – ведь у Алексея были воспалены нёбо, язык и горло. Тогда император обратился с твердыми, мужественными и, увы, последними своими увещеваниями. “Что ты, – сказал он, – изводишь себя горем по поводу моей кончины, зачем ты заставляешь меня заранее переживать грозящую мне смерть? Почему ты не подумаешь о себе и об ожидающих тебя бедствиях, вместо того чтобы погружаться в море печали, нахлынувшее на тебя?” Вот что он сказал императрице и еще более разбередил ее рану.

Я со своей стороны делала все, что можно, и, клянусь всеведущим Богом перед лицом своих еще здравствующих друзей и будущих читателей моего сочинения, что ничем тогда не отличалась от помешанных, целиком отдавшись своему страданию. Я забросила тогда и философию и науку: то я ухаживала за отцом – наблюдала за биением пульса и прислу-

шивалась к его дыханию, то занималась матерью, в которую старалась вдохнуть силы.

Но... области совершенно неизлечимы... самодержец не мог очнуться из последнего обморока, и душа августы рвалась последовать за ним. Так была... и на самом деле, говоря словами псалма, “Объяли меня муки смертные” (Пс 17: 5). И я почувствовала тогда, что лишаясь рассудка... я сходила с ума и не знала, что со мной будет и куда мне обратиться, видя императрицу, погруженную в море бедствий, и самодержца с его непрерывными обмороками,двигающегося к концу своего жизненного пути. Придя в себя после второго обморока, благодаря моей любимой сестре Марии, которая брызгала ему в лицо холодной водой и розовыми духами, самодержец отдал императрице те же приказы. Затем он упал в третий обморок... и перестановка императорского ложа, казалось... хлопотавших вокруг него и меня... и мы переместили прикованного к постели самодержца в другую часть пятиэтажного здания в надежде, что он вдохнет свежего воздуха и очнется из обморока. Эта часть дворца выходила на север, и комнаты не были... дверьми.

Тем временем наследник престола уже тайно явился в предназначенную для него комнату; узнав о... императора, он поторопился с выступлением и поспешил в Большой дворец. В это время город... пришел в волнение, но не совсем... Императрица же сказала сквозь рыдания: “Пусть провалится все – диадема, империя, власть, владычество, троны, господство; начнем скорбный плач”. И я, забыв обо всем на свете, зарыдала вместе с ней, заплакали и... рвали на себе волосы и выпускали скорбные крики. Но мы привели ее в чувство. Император находился при последнем издыхании и, как говорится, уже выпускал дух. Императрица, еще одетая... и пурпурные сандалии, бросилась на землю у изголовья Алексея... терзалась и не знала, как... воспаление сердца. В это время возвратились пульс императора... биение артерии... но, скрыв всю серьезность положения, внушили всем окружающим добрые, но ничем не оправданные надежды. Они сделали это с определенным умыслом, ибо знали, что, как только уйдет из жизни император, испустит дух и императрица. Но императрица со своим здравым умом не знала, верить ей или не верить. Она хорошо знала их искусство, верила им и в то же время не могла поверить, ибо видела, что жизнь самодержца “на мечном острие распростерта”;

не зная, к чему склониться, она нередко обращала свой взор на меня и, как это она постоянно делала в критические моменты, просила оракула и ждала, что я ей возвещу.

Моя госпожа и самая любимая из моих сестер Мария, украшение нашего рода, женщина твердого характера, воплощение всех добродетелей, стояла между самодержцем и императрицей и рукой то и дело мешала смотреть на самодержца. Я вновь положила свою правую руку на кисть императора и наблюдала за пульсацией крови, ее же, то и дело хватавшуюся руками за голову... покрывало (в этих обстоятельствах она намеревалась сбросить с себя императорское одеяние) столько раз я удерживала ее... ощущая пульс. Но я ошиблась... ибо то, что показалось мне... было не силой... но так как дыхания большая... работа артерии и легких прекратилась. Отняв руку от тела самодержца, и к императрице... вновь положила руку на кисть... удушье. Она несколько раз делала мне знаки, ибо хотела, чтобы я сообщила ей о пульсе императора. Когда же... я опять коснулась его кисти и поняла, что последние силы покидают Алексея и пульс исчез, я склонила голову, в бессилии и изнеможении устремила свой взор на землю, не произнося ни слова, закрыла глаза руками и, отступив назад, зарыдала. Императрица поняла, что это означает, и в полном отчаянии огласила весь дворец жалобным криком.

Но как я расскажу о бедствии, постигшем всю вселенную? Как я оплачу свои несчастья? Императрица сбросила с себя императорское покрывало, ножом под корень обрезала свои волосы, сорвала с ног пурпурные сандалии и потребовала обычные черные. Она хотела сменить также порфиру на черное платье, но под руками не было плаща. У третьей из моих сестер (Феодоры), уже давно встретившейся с несчастьями вдовства, были платья, подходившие ко времени и обстоятельствам. Из них императрица и взяла для себя одежду, облачилась в нее и накинула на голову простое темное покрывало. В это время самодержец отдал Богу свою святую душу, и закатилось мое солнце²⁸⁰. В... те, кто не был подавлен горем, подняли плач, стали бить себя в грудь, испускать скорбные крики, вознося свои голоса к небу... оплакивая благодетеля, все им...

И теперь не могу понять, действительно ли я живу, пишу историю и вспоминаю смерть самодержца. Я протираю глаза, чтобы убедиться, не сон ли это; может, не сон, а некое исступление, умопомешательство, странная и

удивительная болезнь, постигшая меня. Как могу я оставаться в живых после его кончины и... как я не испустила дух вместе с ним, как душа не отлетела от моего тела, как чувства не покинули меня и я не погибла. А если этого не произошло, то как я только не прыгнула с высокой крутой скалы и не бросилась в морские волны?

Я описала свою жизнь... величайшими бедствиями. Но как говорится в трагедии: "Нет такого страдания и посланного богами несчастья, груз которых я не вынесла бы на своих плечах"²⁸¹. И действительно, по воле Бога я стала средоточием всех бед. Я лишилась светоча вселенной – великого Алексея, но душа осталась хозяином моего несчастного тела. Погас и другой великий светоч, вернее, сияющая луна, гордость и слава Востока и Запада, императрица Ирина²⁸², но я живу и вдыхаю воздух. Несчастья, следовали одно за другим, удары судьбы постигали меня непрерывно, но самым тяжелым горем, которое я испытала, была смерть кесаря; и я пережила столь злосчастные события. За несколько дней болезнь взяла верх, искусство оказалось бессильным, я погрузилась в море отчаяния и была недовольна тем, что душа еще теплится в моем теле. Если бы я не была сделана из стали или какого-нибудь подобного материала... и будучи чужой, я немедленно погибла бы. Но, сохраняя жизнь, я умирала тысячью смертей.

О Ниобе²⁸³... я слышала удивительные рассказы... от горя превратившейся в камень... и после превращения в бесчувственную природу ее страдания были бессмертны и в бесчувственной природе. Но я воистину еще более злосчастлива, чем она, потому что после своего последнего самого большого несчастья я осталась жить, чтобы ощутить и другие горести. Превратиться в бездушный камень лучше... слезы текли, я осталась... будучи, таким образом, нечувствительна к несчастьям. Пережить такие несчастья, вынести во дворце такие страшные злодеяния со стороны людей хуже несчастий Ниобы... бедствия, достигнув такой степени... прекратились.

После смерти императора и императрицы, гибели кесаря и этих страданий оказалось достаточно, чтобы источить мою душу и тело. Ныне подобно рекам, стекающим с высоких гор... и потоки несчастий... как бы в один водяной вал... затопляющий мой дом. Но кончу свое повествование, дабы, описывая печальные события, я не пришла в еще более смятенное состояние.

Примечания

¹ Роман IV Диоген (1039–1072, имп. 1068 – 1071).

² Архаизированным этниконом *πέρσαι* Анна и другие авторы XI–XII вв. называли сельджуков (Moravcsik, *Byzantinoturcica* II: 252 сл.).

³ Поход Романа IV Диогена против сельджуков в 1071 г., закончившийся поражением византийцев при Манцикерте.

⁴ Анна Далассина, мать Алексея I, была одной из активнейших сторонниц Романа Диогена. После низвержения Диогена она была предана суду по обвинению в том, что поддерживала переписку с низложенным императором. По решению суда Анна Далассина вместе с детьми была отправлена в ссылку (Никифор Вриенний I: 22).

⁵ Мануил Комнин был произведен Романом Диогеном в высокий придворный чин куропалата (Атталиат: 138; Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в.: 151–152) и назначен стратигом-автократором восточных тагм (Никифор Вриенний I: 7). Позднее должность стратига-автократора занял Алексей. Сражаясь с турками в Малой Азии, Мануил около 1070 г. был взят в плен турецким полководцем Хрисоскулом, однако уговорил последнего явиться вместе с ним в Константинополь. Ранней весной 1071 г. Мануил вновь выступил в поход, но скончался от ушной болезни в Вифинии (Никифор Вриенний I: 11–12).

⁶ Старший брат Алексея Исаак у Никифора Вриенния (I: 12), сочинение которого Анна в данном случае берет в основу, не упоминается. Здесь речь идет, видимо, об Алексее.

⁷ По сообщению Никифора Вриенния (Никифор Вриенний I: 12), “доблестная и великая духом” Анна Далассина после смерти Мануила сама отправляла Алексея к Роману Диогену. Алексей нагнал ромейское войско у Дорилея, но император отослал юношу назад.

³² *Русель* – предводитель норманнского отряда византийского войска. Во время похода Исаака Комнина на турок (ок. 1073) Русель поднял мятеж, разбил посланное против него войско, взял в плен кесаря Иоанна Дуку и его сына Андроника. Русель дошел до Константинополя, победил отряды Никифора Палеолога, провозгласил византийским императором плененного им Иоанна Дуку, но вскоре после этого сам попал в плен к туркам. Когда Руселя выкупили из плена, он отправился в Анатолию, где продолжал борьбу с Византией. Тогда-то против него и был послан Алексей. Следующие события, которые описывает Анна, относятся к 1073–1074 гг.

⁹ *Михаил VII Дука Параринак* (1050 – ок. 1090, имп. 1067–1078, факт. с 1071), старший сын императора Константина Дуки и Евдокии. После пленения Романа Диогена в 1071 г. по настоянию кесаря Иоанна Дуки Михаил был провозглашен императором – соправителем своей матери Евдокии. Однако вскоре Евдокия была удалена в монастырь, и Михаил получил единодержавную власть (Никифор Вриенний I: 18–20). Византийские авторы (особенно Атталиат) постоянно упрекают Михаила в легкомыслии и неумении управлять государственными делами.

¹⁰ Под названием *кельты* (так же как и *латиняне*) Анна и другие византийские авторы подразумевают вообще “людей с Запада”.

¹¹ Слово *тиран* (*τύραννος*), как и производные от него, используются Анной и другими византийскими писателями чаще всего в значении “мятежник”, “узурпатор”, “домогающийся власти” и прилагается к внутренним или внешним врагам империи.

¹² *Иоанн Вриенний* – куропалат и domestik схол у мятежников.

¹³ *Георгий Маниак* – талантливый полководец, поднявший в Южной Италии мятеж против Константина IX Мономаха; погиб в 1043 г. По сообщению Скилицы (720), норманны, которые были завербованы Георгием Маниаком, а после поражения последнего поступили на службу к императору и остались в Константинополе, назывались маниаками. Ср. слова Никифора Вриенния (IV: 6): “Эту фалангу составляли франки, которые были выведены знаменитым Маниаком из Италии...”

¹⁴ *Этерия* – отряд личной гвардии императора, составленный большей частью из иностранцев. Отряд находился под командованием этериарха.

¹⁵ *Тарханиоты* – известный в XI в. род. В начале XI в. некий Григорий Тарханиот был катепаном (наместником) Италии. Незадолго до описываемых событий упомянутый у Анны Тарханиот перешел на сторону мятежников и породнился с домом Вриенниев. “Он был молод, но разумней и умней кого бы то ни было” (Никифор Вриенний III: 7).

¹⁶ Согласно Никифору Вриеннию (IV: 6), центр фаланги составляли “фракийская и македонская знать и отборная часть фессалийской конницы”.

¹⁷ Фессалийские скакуны, наряду с арабскими, высоко ценились византийцами XII в. (см., напр., свидетельство Продрома: PG, 133, col. 1336, 1407).

¹⁸ Термином *скифы* византийские авторы обозначали народы, жившие в Северном Причерноморье и на левобережье Дуная. В данном случае имеются в виду печенеги. Об их участии в этой битве говорит Атталиат (280). Печенеги, разгромленные в 1036 г. киевским князем Ярославом, откочевали на запад, к границам Венгрии и Византии. С сер. XI в. они неоднократно нападали на византийскую территорию, в то же время византийское правительство постоянно предпринимало попытки использовать печенежские отряды как союзные войска (Расовский, Печенеги, торки и берендеи: 7–8).

¹⁹ У Вриенния – *Константин Катакалон* (Никифор Вриенний IV: 7). Может быть, это Константин Евфорвин Катакалон, чей сын Никифор стал в дальнейшем мужем Марии, дочери Алексея.

²⁰ Значки, как правило, находились при командирах и, видимые отовсюду, указывали воинам на местоположение их начальника.

²¹ *Ромфеи* – короткие однолезвенные мечи.

²² Согласно Михаилу Атталиату (289), турки принимали участие в битве с самого ее начала. Может быть, имеется в виду новый турецкий отряд? Ведь у Никифора Вриенния (IV: 2) Сулейман и Масур, отправив своих воинов на помощь Вотаниату, обещали вскоре прислать новое подкрепление.

²³ Гомер. Илиада XIV: 398.

²⁴ Гомер. Илиада II: 2.

²⁵ Борил, по словам Вриенния (III, 22), был одним из ближайших к Никифору III Вотаниату лиц, которому император пожаловал высокие титулы протопроедра и этнарха (т. е. начальника союзнического войска). По словам Вриенния, Борил был “скифом или мисийцем” (т. е. болгарин), Анна называет его славянином (II: I, 91).

²⁶ Версию о том, что инициатором ослепления Вриенния был Алексей, поддерживает враждебный Алексею Зонара (XVIII: 19). Следует отметить, что современник этих событий, панегирист Вотаниата Атталиат (291–292) сообщает, что Вриенния ослепили палачи, посланные Вотаниатом. Таким образом, в данном случае у нас нет оснований не доверять сообщению Анны.

²⁷ Магистр и протопродр Василики был назначен дукой Диррахия после Никифора Вриенния Старшего. Во время восстания Никифора (осень–зима 1077/1078 г.) Василики под предлогом борьбы с мятежником собрал большое войско, куда входили норманнские, болгарские, франкские, а позднее и печенежские отряды. Примерно в марте Василики занял Фессалонику и открыто восстал против Вотаниата (Атталиат: 297–300; Никифор Вриенний IV: 16–28; Скилица: 739–741; Зонара XVIII: 19; Глика IV: 617; Гийом / Guil. Ap. IV, 88–121).

²⁸ Т. е. к Фессалонике.

²⁹ В западных источниках приводятся иные данные о числе воинов Роберта: у Ордерика Виталлия – 1000, в «Краткой норманнской хронике» и у Петра Диакона – 15 тыс.

³⁰ В тексте Νικολόεις (множественное число).

³¹ Отсюда начинается парижская рукопись «Алексиады» – Cod. Coislinianus (C).

³² Согласно западным хронистам, Роберт отплыл не из Бриндизи, а из Отранто.

³³ Солнце минует созвездие Козерога в середине декабря. В дальнейшем писательница говорит, что переправа происходила в летнее время. В данном случае, видимо, Анна ошибается. Малатерра (Malat. III: 23) утверждает, что норманнское войско отплыло в мае 1081 г. Автор анонимной хроники (Anon. Bar. Chron. под 1081 г.) датирует отплытие флота мартом того же года.

³⁴ Роберт занял Корфу 10 мая 1081 г.

³⁵ На этом посту Георгий Мономахат сменил восставшего Василики.

³⁶ *Борил* и *Герман* – фавориты Никифора Вотаниата. Об их могуществе при дворе Вотаниата сообщают также Продолжатель Скилицы (743) и Зонара (XVIII: 19).

³⁷ *Аланы* – потомки древних сарматов, аланские племена жили на Северном Кавказе. В X–XI вв. занимали часть территории Северного Причерноморья. Византийские императоры пользовались помощью алан в борьбе с болгарями, турками и др. Аланы входили в состав войска, боровшегося против турок под командованием Исаака и Алексея Комниных (Никифор Вриенний II: 12–13). Шеститысячный аланский отряд примерно в то же время был набран Михаилом VII (там же: 19).

³⁸ Досл. «получив письменные предписания о поясе дуки». Особый пояс был инсигнией (знаком достоинства) носителей титулов новелиссима, куропалата и магистра.

³⁹ *Пиги*, или монастырь Живоносного источника, был расположен за городской стеной у ворот Пиги.

⁴⁰ Никифор Вриенний (I: 1) начинает родословную Комниных с Мануила, который был современником Василия II Болгаробойцы и посредником в заключении мирного договора с мятежным феодалом Вардой Склиром. Сыновьями Мануила были Исаак Комнин, будущий император, и его брат Иоанн, отец Алексея I. По мнению Г. Мурну (Murnu. Origine de Comnène), Комнины происходили из села Комна в Македонии, однако его попытка считать этот род валахским не обоснована источниками. Исаак Комнин, подняв в 1057 г. восстание против Михаила VI, действовал как признанный вождь византийской феодальной аристократии (Пселл. Хронография II: 20), опиравшийся преимущественно на малоазийские фемы. Напротив, Алексей Комнин, действовавший в ту пору, когда восточные области были уже заняты сельджуками, видит свою опору прежде всего в македонской феодальной знати.

⁴¹ Иоанн Комнин – отец Алексея, младший брат императора Исаака, куропалат и великий домес-

тик (Скилица 642). У Иоанна и его жены Далассины было пять сыновей – Мануил, Исаак, Алексей, Адриан, Никифор и три дочери – Мария, Евдокия, Феодора.

⁴² См. прим. 1.

⁴³ Исаак был дукой Антиохии (1074–1078), куда был послан в связи со смертью прежнего дуки Иосифа Траханиота и начавшимся волнением среди антиохийцев, возглавляемых патриархом Эмилианом. Исаак хитростью изгнал Эмилиана из города и отправил его в Константинополь. Находясь в Антиохии, Исаак вел борьбу с турками, попал в плен и был выкуплен антиохийцами (Никифор Вриенний II: 28–29; Скилица: 718).

⁴⁴ Слово *εξαδέλφη* может означать как двоюродную сестру, так и племянницу. Жена Исаака, Ирина, была дочерью Деметрия, брата Баграта IV, отца императрицы Марии.

⁴⁵ *Орест* – сын Агамемнона и Клитемнестры, убийца матери из мести за отца; друг *Пилада*.

⁴⁶ Обычай усыновления, хорошо известный в древнеримском праве (*adoptio*), был распространен и в Византии, где акт усыновления сопровождался определенным церковным ритуалом. Судя по словам Никифора Вриенния (IV: 2), Мария усыновила Алексея еще до того, как будущий император выступил против мятежника Вриенния.

⁴⁷ *Προσκύνησις* – восходящий к языческому ритуалу обычай поклонения императору, состоявший то в коленопреклонении, то в более скромных жестах (поклон и т. п.). В X в., согласно Константину Багрянородному, *проскинисис* сопровождал каждый торжественный выход императоров, каждый утренний прием. Позже проскинисис становится привилегией, далеко не всем доступной. Анна имеет в виду обычай византийской знати являться во дворец, чтобы приветствовать василевса.

⁴⁸ По мнению Б. Лейба (Leib. Alexiade), речь идет о сыне Феодула Синадина, женатого на сестре Никифора (Скилица: 743). Кроме того, Продолжатель Скилицы упоминает членов синклита – неких Александра и Кавасилу Синадинов, провозгласивших Никифора Вотаниата императором (там же: 726). О Синадине – дочери Феодула, выданной замуж в Венгрию, см.: Каждан. Из истории византийско-венгерских связей: 163–166.

⁴⁹ Мария Аланская (Цец называет ее «абхазкой Мариам» – Tzetzes, Chil. V, 590–591) была женой Михаила VII. И Мария и родственники Михаила VII (особенно кесарь Иоанн Дука) благосклонно встретили узурпацию Никифора Вотаниата. Матфей Эдесский сохранил даже легенду, будто Мария, недовольная аскетизмом своего мужа, подстрекала Никифора к перевороту. После того как Вотаниат занял престол, он, побуждаемый кесарем Иоанном, женился на Марии, тем самым обеспечив себе поддержку знатного рода Дук. Однако брак императора с супругой его предшественника, еще остававшегося в живых, вызвал недовольство многих (см. Leib. Nicéphore III Botaniates: 134 сл.).

⁵⁰ Павел. Рим. XII ¹⁵ Радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими.

⁵¹ *Евруп* – пролив между Евбеей и Беотией, еще в античности знаменитый тем, что в течение суток его несколько раз наполняли потоки воды, которая затем быстро убывала.

⁵² *Агарянами* средневековые писатели часто называют турок и арабов. В данном случае – турки.

⁵³ *Магистр* – до конца IX в. высший византийский титул, присваивавшийся не членам императорской фамилии. На протяжении X и особенно XII в. значение титула магистр постепенно падает, и он уступает место проедрю и другим титулам. Чин

магистра жаловался и иностранным феодалам: так, император Роман дал его Димитрию, отец которого был абхазец, а мать аланка (Скилица: 503). С конца XI в. титул магистра, как и другие старые титулы, исчезает: алан, упомянутый Анной, – последний магистр, известный византийским авторам.

⁵⁴ *Домашний* (οικεῖος) в эту эпоху по своему значению приближается к terminus technicus и встречается в документах. Так, в одном из документов логофет дрома, проедр Иоанн назван οικεῖος ἀνθρώπος, т. е. “домашним человеком”.

⁵⁵ Анна на античный манер определяет время по *стражам ночи* – четырем сменам караула (их продолжительность менялась в зависимости от времени года).

⁵⁶ Дуки – один из знатнейших византийских родов с конца IX в. По словам Пселла, этот род был блестящим и богатым и писатели его прославляли. “У всех на устах и поныне Андроник, Константин и Панфирий, предки его (Константина X Дуки – Я. Л.) по отцовской и материнской линиям” (Пселл. Хронография II: 140). Эти знаменитые Андроник и Константин Дуки, о которых говорят и Пселл, и Анна, по-видимому, герои повествования о Дигенисе – стратиге Андронике Дука и его сын Константин Дука, жившие в начале X в.

⁵⁷ Античным термином *энкомий* Анна называет распространенный в Византии жанр похвальных речей в честь определенного лица, чаще всего императора.

⁵⁸ Анна Далассина была дочерью Алексея Харона, императорского чиновника в Италии; по матери она принадлежала к семье Далассиных.

⁵⁹ *Константин IX Мономах* (ок. 1000–1055, имп. с 1042).

⁶⁰ Церковь св. Феклы во Влахернском дворце (см. Janin, La géographie..., pp. 148–147).

⁶¹ *Даки* – в данном случае венгров (Moravcsik, Byzantinoturcica II: 116).

⁶² *Савроматы* – в данном случае печенеги (там же: 270).

⁶³ *Геты* – здесь узы – торки (там же: 111).

⁶⁴ Контаминация двух событий. Переход по льду Дуная печенеги совершили в 1048 г. Это была первая волна печенежского наступления на Византию, когда северные соседи империи под командованием Тираха впервые перешли ее границы.. Об этом наступлении печенегов рассказывается в сочинениях Пселла (Хронография II: 124–125), Скилицы (545) и Иоанна Мавропода (Iohannis Euchaitorum: № 182). Поход же Исаака Комнина на печенегов состоялся в 1059 г. О нем повествуют Михаил Атталиат (66–68), Продолжатель Скилицы (645) и Зонара (XVIII: 6).

⁶⁵ *Триадица* (др. Средец) – средневековое название современной Софии.

⁶⁶ Т. е. сельджуков.

⁶⁷ Имеется в виду, вероятно, взятие Кастории в конце 1083 г.

⁶⁸ Анна говорит о печенегах, наступление которых на Византию началось в 1086 г.

⁶⁹ Богословский спор о том, как следует почитать иконы – относительно (σχετικώς) или служебно (λατρευτικώς), в общих чертах заключался в следующем. Лев учил, что иконы и материал, из которого они сделаны, священны сами по себе, ибо на них начертано изображение Христа или святых, и, таким образом, должны почитаться “служебно”. Его противники во главе с императором утверждали, что иконы должны почитаться “относительно”, так как божественная природа вообще неопишима. Понятно, почему эта богословская проблема привлекла к себе всеобщее внимание, когда

Алексей посягнул на церковную утварь. Ведь если иконы священны сами по себе, то император, отдающий их в переплавку, – святотатец!

⁷⁰ Сохранился указ (σημείωμα) Алексея Комнина, датированный январем 1086 г., о низложении Льва Халкидонского (Dölger, Regesten: 1130). Эта дата вполне соответствует сведениям Анны: писательница в своем рассказе забегает вперед и повествует о событиях кануна печенежского нашествия 1086 г.

⁷¹ Под *савроматами* Анна имеет в виду в данном случае узов (Moravcsik, Byzantinoturcica II: 270). Узы (в русских источниках – торки) в середине XI в. переселились из прикаспийских степей и достигли районов нижнего Дуная, а несколько позднее Фессалоники. Узы служили в византийском войске и принимали участие в битве при Манцикерте (Moravcsik, Byzantinoturcica II: 90 сл.).

⁷² *Протостратор* – в XI–XII вв. одна из высших придворных и военных должностей. В военных походах протостраторы чаще всего командовали авангардом или кавалерийскими отрядами специального назначения.

⁷³ Гомер. Илиада III: 23.

⁷⁴ Гомер. Илиада VII: 238.

⁷⁵ Г. Литаврин (Болгария и Византия: 419–420), отмечая, что термин *скифы* у Анны и других византийских писателей употребляется весьма неопределенно, считает, что в числе союзников Травла, кроме печенегов, были и другие племена, обитавшие в Паристрии – возможно, даже и придунайские русские (имеются в виду те “скифы”, которых Травл пригласил “из их мест”).

⁷⁶ Анна возвращает свой рассказ на 6 лет назад, к 1086 г., к событиям начала печенежской войны. «Алексиада» – практически единственный источник наших сведений об этом периоде.

⁷⁷ В. Васильевский в статье “Византия и печенеги” (стр. 46 и сл.) говорит о том, что “манихей” Травл заключил союз с печенегами и сосватал себе дочь одного из знатных “скифов”. Ученый исходит только из текста «Алексиады» (см. ниже) и, следовательно, под “скифами”, упоминаемыми Анной, имеет в виду печенегов (и это совершенно правильно, ибо писательница в дальнейшем именует их λατρευτικοί). Однако в приложении к той же статье (стр. 131 и сл.) Васильевский старается доказать, что ὅνους τῆ Σκυθικῆν никак не может быть печенежским племенем, потому-де Анна не могла так непосредственно говорить о печенегах, “слишком хорошо известных из ее истории”. Исследователь приводит малоубедительную параллель с текстом Зонары и произвольно предполагает, что узы (у Анны “савроматы” – см. ниже; Васильевский, кстати, это племя отождествляет с куманами-половцами) могли в то время теснить только русских, и на этом основании считает, что “одно из скифских племен” – русские. Выдвигались и другие точки зрения: что эти скифы – румыны или же узы (торки). На наш взгляд, участники затянувшейся дискуссии не учитывают одного – текста «Алексиады», единственного источника по данному вопросу. Ведь не может быть никакого сомнения, что “одно из скифских племен” и те скифы, с которыми заключил союз Травл, – один и тот же народ, т. е. печенеги. Зачем же иначе стала бы Анна сообщать о скифах, поселившихся в Паристрии, если не для того, чтобы объяснить, с кем заключил союз Травл, герой ее рассказа. Возражая В. Васильевскому, следует отметить, что в выражении ὅνους τῆ Σκυθικῆν нет никакой неопределенности: Анна имеет в виду не всех печенегов (в тексте не ἔθνος, а ὅνους), а одно из печенежских племен. Единствен-

ным противопоставлением для отождествления одного из скифских племен с печенегами является сообщение самой Анны о том, что скифы, “утихомирившись, стали возделывать землю, сеять просо и пшеницу”. Как известно, печенеги были кочевниками, и у нас нет других свидетельств, что они занимались земледелием. Возможно, что перед нами интересное (и еще не оцененное исследователями) свидетельство о переходе печенегов к оседлому или полуоседлому образу жизни.

⁷⁸ *Савроматами* Анна чаще всего называет узов – торков (Moravcsik. Byzantinoturcica II: 270).

⁷⁹ В. Васильевский полагает, что речь идет здесь о двух лицах: Татуше и Хали (Васильевский. Византия и печенеги: 38). Согласно сообщению Атталиата (205, ср. Скилица: 719), этот Татуш пришел к власти в результате восстания жителей Дристры против византийского господства в начале 1070-х годов.

⁸⁰ В. Златарский называет Татуша печенегом, Сеслава (Всеслава) и Сацу – болгарами; Н. Бэнеску считает всех их влахами (Златарский, История II: 183; Banescu. Ein ethnographisches Problem: 297–299, 306–307).

⁸¹ *Вичина* – крепость в нижнем течении Дуная.

⁸² *Блиси* находились в трех днях пути к востоку от Филиппополя на берегу р. Сазлийки (левый приток Марины).

⁸³ *Гебр* – древнее название р. Марицы.

⁸⁴ Слова Пиндара, дважды цитированные Плутархом (Плутарх. Никий и Красс I; Моралии: 658).

⁸⁵ Σιδηρά или Πύλαι Σιδηράι ‘Железные ворота’ – проход через Балканский хребет, которым часто пользовались в древности и который идентифицируется с Чалыкавским (Врбицким).

⁸⁶ *Соломон* – венгерский король (1063–1074). Был низложен своими двоюродными братьями и отвергнут женой Юдифью, сестрой Генриха IV. После низложения удалился в изгнание, но попыток вернуть престол не прекращал. Упоминание имени Соломона как участника похода – единственное твердое основание для датировки этого события. О походе Соломона на “греческого царя” под 1087 г. сообщается в хронике Бернольда (Bernoldus, под 1087 г.; ср. Annalista Saxo, под 1087 г.). По сообщению Бернольда, Соломон был убит в бою, однако саксонский анналист утверждает, что Соломон погиб от руки своих. По другим источникам, Соломон спасся и стал вести подвижническую жизнь (Васильевский. Византия и печенеги: 49, прим. 4).

⁸⁷ По-видимому, от названия г. Βέρμετς на Евфрате (см. Никифор Вриенний: 37).

⁸⁸ *Памфил* – между Хариополем (ныне Хайраболу) и Редесто.

⁸⁹ *Кули* – к северо-востоку от Эноса.

⁹⁰ *Иоаннаки* – прозвище Василия Куртикия.

⁹¹ Т. е. проходы через Балканский хребет.

⁹² 1088 либо, вероятнее, 1087 г.

⁹³ *Лардей* – к востоку от Сливена.

⁹⁴ Голоя локализуется у с. Комарево (на сев.-запад от Карнобата), где сохранились развалины.

⁹⁵ Балканский хребет.

⁹⁶ Т. е. к Вуколеону.

⁹⁷ Никифор Вриенний IV: 17.

⁹⁸ Так мы, вслед за большинством переводчиков и толкователей Анны, переводим αἰθῶνος ‘потомок, внук’. Вопреки общераспространенному мнению, С. Виттек де Жонг доказывает, что муж Анны – внук мятежника Вриенния (Witteke-de-Jongh. Le César Nicéphore Bryennios: 436).

⁹⁹ В. Васильевский (Византия и печенеги: 52) считал, что речь идет о затмении 20 июля 1088 г. Но это затмение не наблюдалось на территории Ев-

ропы. После похода Челгу (весна 1087 г.) на территории Болгарии затмение наблюдалось 1 августа 1087 г., но фаза затмения на территории Болгарии была примерно 0,6. Другие же затмения были значительно позже похода Челгу.

¹⁰⁰ *Малая Никея* – к юго-востоку от Адрианополя.

¹⁰¹ Гомер. Илиада II: 1–34.

¹⁰² Ныне Голяма – Камчие (Златарский. История... II: 192). Константин Багрянородный (Об управлении империей: 62) называет эту реку не Вичина, а Дичина (Διτζίνα). В. Бешевлиев (За името Дичина...) считает, что в рукописи «Алексиады» стояло Διτζίνα, неверно исправленное переписчиком на Βιτζίνα (по аналогии с Вичиной, городом на Дунае, упомянутым Анной ранее – VI: 14).

¹⁰³ В. Златарский (История...: 496–498) считает, что *Симеонов холм* – это курган около с. Войвода, к северу от Плиски.

¹⁰⁴ О применении печенегами повозок в бою сообщает также Никита Хониат (21): печенеги огораживают свои ряды повозками и пользуются ими как стеной (ср. также Киннам: 8).

¹⁰⁵ Анна путает *Большую Преславу* (Преслав) с Преславой на Дунае. См. прим. 109.

¹⁰⁶ Имя *Мокр* еще раз встречается в «Алексиаде», где говорится о том, что Лихнитское озеро стало называться на варварский манер Охридским, начиная со времени Мокра. Некоторые отождествляют Мокра с Самуилом.

¹⁰⁷ *Седекия* (599–588 гг. до н. э.) – последний иудейский царь, при котором был разрушен Иерусалим.

¹⁰⁸ Царь Самуил (976–1014). Последним болгарским царем был Иван-Владислав (1015–1018). Ошибка Анны кажется странной, ибо предки Анны по материнской линии происходили от Ивана-Владислава (Ирина Дукена, мать Анны, была внучкой Траяна, сына Ивана-Владислава).

¹⁰⁹ Анна не только путает два города (см. прим. 105), но и дает неверное объяснение происхождению названия Большая Преслава. Греческого города Мегалополь в этом районе не существовало. Большой Преславой город назван для отличия его от Малой Преславы на Дунае.

¹¹⁰ К западу от Силистры (Дристры у Анны). Одно из сел в этом районе до сих пор носит название Ветрен.

¹¹¹ Анна применяет к командирам печенежского войска греческий термин *лохаг* – начальник лоха. Лох в византийском войске состоял обычно из 16 человек.

¹¹² *Омофор* – накидка, нарамник Богоматери; хранился как реликвия во Влахернском храме Богоматери.

¹¹³ В применении к духовным лицам слово *продрозначало* “епископ”, а позднее и “архиепископ”.

¹¹⁴ Это не единственное свидетельство, что у изгнанного Льва Халкидонского были сторонники при дворе. Находясь в ссылке, Лев обращался к Марии Болгарской – матери Ирины (супруги Алексея Комнина) и Анны (супруги Георгия Палеолога) – с просьбой заступиться за него перед Алексеем. Судя по сохранившемуся письму Льва, Мария через Ирину ходатайствовала перед императором за епископа.

¹¹⁵ *Сто холмов* были расположены в Добрудже.

¹¹⁶ Буквосочетание *ou* в греческом языке читается как звук [u].

¹¹⁷ Название Озолимна (Οἰζολίμνη), упоминающееся также в двух документах VIII и XII вв. (Moravcsik. Byzantinoturcica II: 228), истолковывая как ‘озеро узов’, Анна возводит к этнониму Οἰζοι, οἰζοι ‘узы’ (огузы) и гр. λίμνη ‘озеро’.

¹¹⁸ В дальнейшем (XIV: 9) Анна сообщает, что ее отец назвал Алексиополем город, воздвигнутый вблизи Филиппополя.

¹¹⁹ Ромеев, выкупленных Алексеем из плена.

¹²⁰ Роберт I Фризский – граф Фландрии, Зеландии и Голландии. Совершил паломничество в Палестину и на обратном пути остановился в Константинополе.

¹²¹ Речь идет о вассальной присяге.

¹²² Предположение В. Васильевского, что Анна относит заключение этого договора к зиме 1089/90 г.: оспаривается.

¹²³ Притчи XXVI: 11.

¹²⁴ Рядом с Адрианополем.

¹²⁵ 1089/1090 гг.

¹²⁶ 1090 г.

¹²⁷ *Архонты* – здесь представители византийской военной знати. Интересно, что в это время суффикс *ποῦλος* (*архонтопул*) уже имеет значение “сын”.

¹²⁸ По сообщению Плутарха, “священный полк” был образован не спартанцами, а фивийцами против спартанцев (Пелопид и Марцелл: 18).

¹²⁹ Отроки (*αἰουροί*) – юные слуги-воины, составлявшие личную гвардию военачальников.

¹³⁰ *Чакан* (Τζαχᾶς), в русской транскрипции обычно Чаха – турецкий эмир (Moravcsik. Byzantinoturcica II: 310).

¹³¹ *Кураторы* – чиновники, управляющие владениями, поместьями, дворцами и т. п. Некий Константин *Алоп* упоминается в стихотворении Продрома (Пападимитриу. Феодор Продром: 347–348). Имя Алоп носит также человек, поручивший Михаилу Пселлу воспитание своих детей (Psellos. Scripta minora II: 82).

¹³² Экспедиция Константина Далассина была совершена в 1090 г., а в числе захваченных Чаканом островов упоминаются также Самос и Родос (Зонара XVIII: 25).

¹³³ Вместо *Александр Кавалика* следует читать Александр Кавасила. Род Кавасил известен в Византии еще со времен Василия Болгаробойцы.

¹³⁴ *Новелиссим* был эпитетом римских цезарей времени поздней империи. С IV в. этот эпитет превратился в самостоятельный титул, следующий по значению после кесаря. Новелиссим имел определенные инсигнии (расшитая золотом накидка, пурпуровый плащ и т. д.). Свое значение этот титул сохраняет вплоть до середины XI в., когда возникает новый титул – *протоновелиссим* (к новелиссиму прибавляется усиленная приставка *прото-* ‘перво-’, ср. нотариус и протонотариус, севаст и протосеваст и т. п.). Первый известный нам протоновелиссим – Феодор Далассин, приближенный императрицы Евдокии.

¹³⁵ Однако с 1082 по 1085 г. Диррахием владели норманны.

¹³⁶ *Вукан* (у Анны Βουλκάνος), согласно свидетельству попа Дуклянина, был жупаном Рашки. А. Петров (Князь Константин Бодин: 258 сл.) ошибочно считал, что Вукан – то же лицо, что и Бодин.

¹³⁷ Илиада VII: 282, 293.

¹³⁸ *Русий* – Поливот Фракийский.

¹³⁹ См. прим. 13.

¹⁴⁰ Речь идет не о носителе титула великого сокольничего, а о слуге, в чьи обязанности входил уход за соколами (Leib. Alexiade II: 117).

¹⁴¹ Гомер. Илиада X: 173.

¹⁴² Ныне Абраска между Мальгарой и Редесто.

¹⁴³ В «Слове о полку Игореве» упоминается народ *татраны*. В качестве географического наименования *Татран* встречается на территории совр. Румынии и в центральных районах Азии (N. L. Rasony. Der Volksname Берендей: 224, прим. 7).

¹⁴⁴ *Домашние слуги* пользовались часто лучшим расположением императоров. Михаил Атталиат (316 сл.) пересказывает новеллу Никифора Вотаниата, в которой престарелый император заботится о безопасности своей челяди и предусматривает для них всевозможные дары и льготы на случай его смерти.

¹⁴⁵ Реку под таким названием упоминает также Феофилакт Симокатта (VI: 3).

¹⁴⁶ *Каллиопа* – муза эпической поэзии.

¹⁴⁷ Гомер. Илиада II: 12.

¹⁴⁸ Зима 1090/1091 г.

¹⁴⁹ *Хировакхи* были расположены между Кючук-Чекмедже и Буюк-Чекмедже.

¹⁵⁰ 16 февраля 1091 г.

¹⁵¹ *Сырная* (масляная) *неделя* следует за мясопустной.

¹⁵² *Декат* от греч. δέκα ‘десять’. Декат был расположен на Эгнатиевой дороге, между Евдомом и Регием, в непосредственной близости от Константинополя.

¹⁵³ В Византии дневные и ночные часы имели отдельный счет. Продолжительность часа менялась в зависимости от времени года. Второй час дня – это утро.

¹⁵⁴ По-видимому, р. Карасу (Меласу).

¹⁵⁵ 19 февраля 1091 г.

¹⁵⁶ 18 февраля 1091 г.

¹⁵⁷ *Вафис-Риак* – древний Ресий вблизи Константинополя.

¹⁵⁸ Храм великомученика Феодора Тирона, день поминовения которого приходится на первое воскресенье поста (17 февраля). В этот день приток богомольцев был особенно велик. Однако весной 1091 г. печенеги стояли под стенами Константинополя, и жители византийской столицы не имели возможности посетить храм. Упоминание храма Феодора помогает точнее датировать события.

¹⁵⁹ Анна употребляет античный термин *οἰκὸδομος*. Так называлась внутренняя часть храма Афины-Паллады в афинском акрополе. В данном случае Анна имеет в виду внутреннюю часть церкви (корабль).

¹⁶⁰ Чакан и раньше вступал в сношения с печенегами. Союз турок и печенегов облегчался этнической близостью этих племен. По-видимому, можно говорить об их координированных действиях против Византии.

¹⁶¹ В. Васильевский (Византия и печенеги: 73, прим. 1) предполагает, что под κριθάς ‘ячмень’ следует понимать название города на Херсонесе Фракийском и таким образом переводить эти слова: “когда он придет в Крифию”.

¹⁶² 1090/1091 гг.

¹⁶³ 1091 г.

¹⁶⁴ *Влахы* – романизованное население Дакии, главным образом кочевые скотоводческие племена. Первые упоминания о влахах на Балканском полуострове (Кекавмен. Стратегикон) относятся к XI в. (Jorga. Histoire des Roumains: 411 сл.). В 1066 г. влахи вместе с болгарями участвовали в восстании против византийского господства под руководством Никулицы Дельфина (Литаврин. Восстание болгар...: 123 и сл.).

¹⁶⁵ Имеется в виду р. Марица.

¹⁶⁶ *Хирины* – небольшая крепость на правом берегу Марицы.

¹⁶⁷ В. Васильевский (Византия и печенеги: 98, прим. 2) отождествляет Тогортака (Τογορτάκ) с Тугорканом и Маниака (Μανιάκ) с Боняком русских летописей.

¹⁶⁸ См. прим. 108.

¹⁶⁹ Мавропотам (Черная речка) – предположительно приток Марицы, современная Эргене, на берегах которой много мест с названиями, начинающимися с Кара (Черный).

¹⁷⁰ По сведениям западных источников, Алексей в 1091 г. отправил посольство к Урбану II (Dölger, Regesten...: 1156).

¹⁷¹ В. Васильевский (Византия и печенеги: 101, прим. 2) считает, что этот пятитысячный отряд состоял из русских – жителей прикарпатских областей, подданных князя Василько Ростиславовича. В. Златарский (История... II: 500–503) полагает, что речь идет о болгарях. По мнению Б. Лейба (Leib, Alexiade II: 140), жители горных областей – влады.

¹⁷⁶ Е. Доуэс и Б. Лейб переводят: “облачил их в доспехи и шлемы, изготовленные из шелковой ткани, по цвету напоминающей железо”.

¹⁷⁷ Вторник 29 апреля 1091 г. Этим сражением заканчивается шестилетняя византийско-печенежская война – от похода Челгу на Византию весной 1087 г. (солнечное затмение 1 августа 1087 г.) до поражения печенегов 29 апреля 1091 г.

¹⁷⁸ О том, что византийские воины, отправляясь в поход, берут с собой веревки и ремни, чтобы вязать пленных, сообщает также Скилица (598).

¹⁷⁹ См. выше, VII: 3.

¹⁸⁰ Согласно сообщению Зонары (XVIII: 23), часть оставшихся в живых печенегов вместе с женами и детьми была поселена в Могленах; из них император составил особый отряд своего войска.

¹⁸¹ Ζύγος (лат. iugum ‘горный хребет, горная цепь’) – горная цепь Гем – Балканский хребет.

¹⁸² *Этериарх* – начальник этерии.

¹⁸³ Уже в X в. в Византии были запрещены браки между двоюродными братьями и сестрами.

¹⁸⁴ Т. е. весной 1093 г.

¹⁸⁵ Обычно Анна так же, как и другие византийские писатели того времени, именует сербов далматами, а Сербию – Далмацией.

¹⁸⁶ По Вриеннию (II: 29), на которого ссылается Анна, под Антиохией погиб не Лев, а другой сын Романа Диогена – Константин, муж Феодоры, сестры Алексея Комнина (там же, I: 6). Анна, видимо, путает двух Псевдодиогенов: Константина и Льва.

¹⁸⁷ Ок. 1092 г.

¹⁸⁸ 1084 г.

¹⁸⁹ *Иоанн Таронит* – сын Михаила Таронита и старшей сестры Алексея, Марии.

¹⁹⁰ *Хортарей* – нынешний Айтосский перевал.

¹⁹¹ Атанасовское озеро к западу от Анхиала.

¹⁹² Кекавмен упоминает некоего Πουδύλος как одного из предводителей восстания владов в 1066 г.

¹⁹³ Фермы (Θερμά) – римское Aquae Calidae, к западу от Анхиала, между Айтосом и Бургасом.

¹⁹⁴ У Никифора Вриенния Тарханийот – наместник Адрианополя (III: 7).

¹⁹⁵ Отец мятежника Никифора Вриенния Старшего. Император Михаил Стратиготик назначил его стратиготом Каппадокии и Македонии. В 1057 г. он участвовал в заговоре с целью посадить на престол Исаака Комнина, но был схвачен и ослеплен.

¹⁹⁶ Вероятно, 1095 г.

¹⁹⁷ *Михаил Анемад* – будущий заговорщик.

¹⁹⁸ В Византии существовал обычай заключения духовного братства перед алтарем.

¹⁹⁹ *Мария* – младшая сестра Анны.

²⁰⁰ *Мариан Маврокатакалон* – зять Анны, женатый на одной из сестер Вриенния.

²⁰¹ Персидский сатрап *Зонир* отрезал себе нос и уши, чтобы обмануть врагов и проникнуть в осажденную персами крепость. Согласно Геродоту, Зонир – сатрап Дария, согласно Ктесию – Ксеркса (Ктесий. История персов, фр. 29).

²⁰² Крепость Пуца к западу от Редесто.

²⁰³ О Лжедиогене см. также сообщение Зонары (XVIII: 23), по словам которого мятежника хитростью завлекли, схватили и ослепили жители одного из фракийских городов. Слух о восстании Лжедиогена дошел даже до русских земель. В Лаврентьевской летописи (ПСРЛ I: 226–227), под 6603 (1094–1095) г., сказано: “Пошли половцы на греков, воевали на греческой земле; царь схватил Девгенича и велел его ослепить”.

²⁰⁴ *Скутари* – к северо-западу от Адрианополя, около нынешнего Ускюдара.

²⁰⁵ *Агафоники* – к югу от Адрианополя.

²⁰⁶ *Аврелево* – к северу от Скутари.

²⁰⁷ Анна начинает рассказ о Первом крестовом походе и об основании латинских государств на Востоке. Труд Анны – единственный полноценный греческий нарративный источник о Первом крестовом походе. Зонара посвящает ему 15 строк (XVIII: 24), Михаил Глика, переписывающий Зонару, – 10 (Хронография IV: 62), Скутариот – 20 (Anon. Syn. Chron.: 184–185).

²⁰⁸ Султан Никеи Килич-Арслан.

²⁰⁹ Анна имеет в виду распространенный в средневековой Европе арбалет. Это первое упоминание слова *чангра* (τζαγγρα), восходящего к фр. *chancr* ‘арбалет’.

²¹⁰ Гомер. Илиада VII: 270–271.

²¹¹ Гомер. Одиссея V: 456–457.

²¹² Гомер. Илиада II: 468; Одиссея IX: 51.

²¹³ *Гемилохит* – командир полулоха (8 чел.).

²¹⁴ Πρὸς Κρίττα κριτίσων. Эта пословица дважды встречается у Плутарха.

²¹⁵ Ἰσαγγέλης – так Анна называет Раймунда IV Тулузского, графа Сен-Жилля (род. ок. 1041 г.). Предводитель отрядов из Южной Франции, Сен-Жилль был самым богатым и могущественным из крестовых вождей. Войско Сен-Жилля выступило в октябре 1096 г., перевалило через Альпы, прошло вдоль северного побережья Адриатического моря, пересекло Истрию и Далмацию и по Эгнатиевой дороге добралось до Константинополя 27 апреля 1097 г.. Между воинами Сен-Жилля и местными жителями, а затем и византийскими отрядами происходили частые столкновения. Особенно острый конфликт возник в конце апреля 1097 г., когда сам Сен-Жилль уже находился в Константинополе и вел переговоры с Алексеем.

²¹⁶ Килич-Арслан I, который в это время был занят войной с Данишмендами в Каппадокии за обладание Мелитиной.

²¹⁷ Гомер. Илиада II: 194, 209.

²¹⁸ Название башни *Гонат* происходит от греч. γόνυ ‘колено’.

²¹⁹ 19 июня 1097 г.

²²⁰ *Великий примикирий* – главный управляющий дворцовыми службами.

²²¹ Данишменды – туркменская династия, которая обосновалась во второй половине XI в. в Малой Азии и образовала сильное государство в районе Амассии, Неокесарии и Мелитины. Основателю династии Данишменду наследовал сын Мелик-Гази (в 1084 или 1106 г.).

²²² Хасан – эмир Каппадокии. В дальнейшем Анна называет его архисатрапом.

²²³ Это сражение произошло в начале сентября 1097 г.

²²⁴ Гомер. Илиада V: 299.

²²⁵ Т. е. по долине Оронта.

²²⁶ Т. е. к Бэрк-Яруку. Кроме того, правитель Антиохии, сельджукский эмир Баги-Зиян обратился за помощью к дамасскому эмиру Дукаку и эмиру Алеппо Ридвану. Однако войска обоих эми-

ров были разбиты крестоносцами на подходах к Антиохии.

²²⁷ Человека, предавшего город, западные источники называют Пирром, Фирузом или Заррадом. Радольф Каэнский, Вильгельм Тирский и Раймунд Ажильский, так же, как и Анна, утверждают, что он был армянином.

²²⁸ *Кербога* (Κορβαγάν), у Раймунда Ажильского Corbaga, у Фульшера Corbagath – могущественный мосульский эмир, находившийся на службе сельджукского султана Бэрк-Ярука (Encyclopédie de L'Islam II: 1095-1096, под словом Kurbuka).

²²⁹ *Атабег Дамасский* – это, по-видимому, не кто иной, как Туттегин – атабег Дукака, сына сельджукского султана Тутуша, правителя Дамаска. Его титул (атабег) Анна восприняла как имя собственное.

²³⁰ 18 июля 1100 г.

²³¹ Вместе с крестоносцами Алексей отправил также отряд из 500 туркопулов.

²³² 5 августа 1101 г.

²³³ *Каниклий* – первоначально “хранитель императорской чернильницы” – начальник личного секретариата императора.

²³⁴ Т. е. примерно осенью 1100 г.

²³⁵ *Феано* – ученица, возможно, жена Пифагора.

²³⁶ *Томирида* – массагетская царица, победительница Кира Томирис (Геродот I: 205-214).

²³⁷ *Спарефра*, согласно Ктесию, – жена царя одного из скифских племен, Аморга. Когда Аморг был взят в плен Киром, она собрала армию, состоявшую из женщин, и освободила мужа (см. Ctesias. Persica, фр. 29).

²³⁸ *Ирина* от гр. εἰρήνη ‘мир, мирная жизнь’.

²³⁹ Пс 101/102 ⁹Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами.

²⁴⁰ Февраль-март 1106 г.

²⁴¹ Эти “руки” были установлены на тетрапилоне, на улице, которая соединяла площадь Тавра с Филадельфием. Осужденных вели к Филадельфию, а затем к месту казни – Амастрианской площади.

²⁴² Пасхалий II (1099–1118).

²⁴³ В тексте σκόθην πόλτερον.

²⁴⁴ 1107 г.

²⁴⁵ Т. е. Аристотель.

²⁴⁶ *Ааронии* – византийская фамилия, происходящая от Аарона, третьего сына последнего болгарского царя Ивана-Владислава. Шурин императора Исаака Комнина Аарон занимал высокие посты в Византии. У Анны речь идет об Аароне – сыне или внуке сына Ивана-Владислава.

²⁴⁸ Эксусиократор – правитель или наместник Алалии. Здесь – предводитель аланских союзников.

²⁴⁹ *Карме* (Герме) – холмы на восточном склоне Олимпа.

²⁵⁰ Аристотель. Никомахова этика I: 4.

²⁵¹ 1114 г.

²⁵² Здесь кончается флорентийская рукопись F.

²⁵³ Своим названием город обязан македонскому царю Филиппу II, сыну Аминты. *Trimontium* – римское название Филиппополя. *Криниды* – древнее название Филипп, а не Филиппополя.

²⁵⁴ У Анны – Ταῦροι καὶ Σκόθαι ‘тавры и скифы’. М. Левченко (Очерки по истории...: 272) считает, что Анна имеет в виду разорение Филиппополя во время похода русского князя Святослава в 970 г. Такое толкование допустимо, ведь византийские авторы постоянно называют русских тавроскифами.

²⁵⁵ *Халиб* – область к северо-западу от Армении на берегу Черного моря.

²⁵⁶ Геркинийскими лесами византийские авторы называют различные горные массивы на севере известной им части европейского материка.

²⁵⁷ Яковиты, названные так по имени Якова Барадея, основателя секты монофизитов в Сирии.

²⁵⁸ Никейский митрополит Евстратий, ученик Итала, автор ряда богословских произведений. Близкий друг и официальный теолог Алексея, Евстратий в последние годы жизни императора был уличен в ереси и лишен епископского сана. По мнению П. Иоанну (Ioannou. Le sort...: 7), процесс против Евстратия был инспирирован супругой Алексея, Ириной, стремившейся отстранить от мужа его верного друга, который мог бы помешать ее планам назначить наследником престола не Иоанна, а Анну Комнину или Никифора Вриенния.

²⁵⁹ *Маккавеи* – иудейская династия II-I вв. до н. э., ведущая свой род от Маттафии Маккавея, сын которого Иуда поднял восстание против сирийского владычества.

²⁶⁰ Летом 1115 г.

²⁶¹ Мост через р. Сангар.

²⁶² Андроник умер в 1129 г.

²⁶³ *Амба* находилась в 10 с лишним километрах севернее Примнеса.

²⁶⁴ *Акроний* находился примерно в 3 км северо-западнее Примнеса.

²⁶⁵ Речь идет о поражении при Манцикерте в 1071 г.

²⁶⁶ Ср. сообщение Зонары (XVIIIЖ 26): “Во главе турецкого посольства находился человек султанского рода, которого его соплеменники именуют султаном. Увидев издали императора, он сошел с коня и совершил обычное преклонение”. Как и Анна, Зонара пишет, что “император с готовностью согласился на мир и щедро одарил турок” (1116 г.).

²⁶⁷ *Масуд* (Μασούτ) – сельджукский султан (1116–1155). По сообщению Михаила Сирийца, Масуд был заключен в тюрьму Мелик-Шахом, но с помощью одного эмира ему удалось освободиться и заключить союз с данишмендским эмиром Гази III, который предоставил Масуду военную помощь. Рассказ о перипетиях борьбы Масуда с Мелик-Шахом и смерти последнего содержится только в “Алексиаде”.

²⁶⁸ Гомер. Илиада II: 20.

²⁶⁹ 1117 г. После расправы над своим братом Масуд получил власть султана и женился на дочери Гази III.

²⁷⁰ Враждебный Алексею Зонара (XVIII: 27) тоже рассказывает об этом необычном шествии и заботе императора о старых и больных людях. Старикам он предоставил вьючных животных, больных велел нести на щитах, а сам обходил ряды и ободрял людей, утомленных или страдающих от жажды, голода и других причин.

²⁷¹ В Византии сохранялся римский обычай устраивать триумф императору, возвращающемуся в Константинополь после победы.

²⁷² Богоугодными заведениями в Византии распоряжался секрет монастырской экономики.

²⁷³ *Хрисовул* – императорская грамота.

²⁷⁴ *Лонгивард* – итальянский грамматик XI в., автор хрестоматии по схедаграфии.

²⁷⁵ Предположительно в 1111 г.

²⁷⁶ Полное заглавие сочинения Евфимия Зигавина – “Догматическое всеоружие право-славной веры, или арсенал догматов”. Это произведение состоит из 28 глав-трактатов, из которых первые семь излагают христианские догматы, а остальные опровергают различные ереси. О жизни Зигавина почти никаких сведений не сохранилось.

²⁷⁷ Пс 90/91 ⁷Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя; но к тебе не приблизится: ⁸только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.

²⁷⁸ Описание болезни позволяет установить характер заболевания Алексея. Этому вопросу посвящена специальная статья К. Александриде, по мнению которого речь должна идти не об одной болезни, а о трех взаимосвязанных: подагре, сердечной недостаточности и инфаркте (Alexandrides. *Über die Krankheiten...*: 66-75).

²⁷⁹ Здесь начинаются листы рукописи с испорченным текстом.

²⁸⁰ Ночь с 15 на 16 августа 1118 г.

²⁸¹ Еврипид. Орест: 2.

²⁸² Смерть Ирины датируется 19 февраля 1-го индикта, т.е. 1123 или 1138 г. Но, поскольку она была жива еще в 1130 г., а Никифор Вриенний умер позже нее (в 1136/1137 г.), то это, видимо, произошло 19 февраля 11-го индикта, т.е. в 1133 г.

²⁸³ *Ниоба*, согласно греческим мифам, – жена фиванского царя Амфиона. Имея 14 детей, она насмеялась над богиней Латоной – матерью лишь двух детей: Аполлона и Артемиды. Разгневанные Аполлон и Артемида поразили стрелами Ниобу и ее детей, и они превратились в скалы.

Источник: Анна Комнина. *Алексиада* / Вступ. статья, перевод и комментарий Я. Н. Любарского. – М.: Наука, 1965.

Иоанн Цец

Ἰωάννης Τζέτζης – Ioannes Tzetzes

Иоанн Цец (ок. 1110 – 1180/1185), византийский филолог-эрудит, автор комментариев к Гомеру (аллегории к «Илиаде» и «Одиссее» – «ὑπόθεσις τοῦ Ὅμηρον ἀλληγορηθεῖσα») и другим древним авторам. Их значительная часть до сих пор не издана. Схолии, т.е. комментарии Иоанна Цеца к Ликофрону важны не только тем, что они помогают разобраться в смысле строк «Кассандры» («Александ-

ры»), перегруженных замысловатыми метафорами и громоздкой эрудицией, но и тем, что они являются единственным источником некоторых географических и этнографических сведений. Нередко письменное наследие Иоанна Цеца смешивают с творчеством его брата Исаака (Исаакия) Цеца – автора «Хилиад», или «Книги историй» («Βίβλος ἱστοριῶν») и стихотворного трактата о метрах Пиндара.

Иоанн Цец

Объяснения к «Кассандре» Ликофрона

50–51. ...Этот лук, как говорит Ликофрон, Геракл получил от скифа Тевтара, пастуха амфитрионова; этот Тевтар научил его и стрелять из лука; другие же говорят, что стрельбе из лука научил его [т. е. Геракла] Эврит¹...

74–75. *Истрийский боров*. В реке Истре, называемой и Данувием, водится четвероногое животное, покрытое тонкой кожей, которое, надуваясь, становится похожим на мех и плавает, пока *кожа снова* не ссядет; тогда оно выходит на сушу и пасется, но вскоре высыхает и умирает.

174. Китейской. Китея – город в Колхиде, откуда поэт назвал саму Медею китейскою. Колхи суть индийские скифы, они называются также лазами и живут вблизи абасгов, прежних массагетов²; яды этих колхов убивают в тот же день. К колхам прибыл Эет, недовольный царской властью в Коринфе. Эет и Алоей были сыновья Гелиоса и Персы, дочери Океана. Гелиос разделил между сыновьями свое царство и дал Аркадию Алоею, а Коринф Эету. Но Эет, недовольный Коринфом, передал его под охрану Буну, сыну Гермеса и нимфы, а сам удалился в Колхиду, поручив Буну охранять Коринфское царство, пока не придет он сам или кто-либо из его потомков. В

Колхиде, женившись на Идии, дочери Океана, в городе Китее, он производит Медею и Апсирта. Сестры Эета и Алоея, т. е. дочери Гелиоса, были Кирка и Пасифая, а по другим, и Калипсо. Говоря, о разделе царства Гелиоса между его сыновьями Эетом и Алоеем Феопомп Хиосский ссылается на исторического поэта Эвмела коринфского, который говорит³: [следует отрывок из Эвмела – см. схол. к Пиндару (Олимп. XIII: 74)].

Заметь, что прочие историки называют Эета и Алоея сыновьями Персы и Гелиоса, а этот Эвмел – Антиопы и Гелиоса⁴.

175. ...Эта златорунная шкура принадлежала барану, который перевез Фрикса в Колхиду; там Фрикс, как говорят, принес его в жертву Зевсу Фиксию⁵ и повесил его шкуру в Аресовой роще на одном дубе; охранял ее дракон, “который толщиною и длиною превосходил пятидесятивесельный корабль”, как говорит Пиндар⁶.

Итак, по его решению Ясона Пелий повелевает самому Ясону отплыть и привезти ему руно. Он, сев на *корабль* Арго... и взяв с собою 49 других мужей... так что всех было 50, приплыл в Колхиду и просит Эета отдать ему руно; последний обещал отдать, если Ясон запряжет

в ярмо гефестовых огнедышащих медноногих быков и посеет зубы дракона, которые имел этот Эет, так как Афина дала ему часть из посеянных Кадмом в Фивах. Медея, дочь Эета, влюбившись в Ясона, намазала его зельями, сберегла от огня быков, ночью привела его к руно и, усыпив чарами дракона, похитила золотое руно и отплыла вместе с аргонавтами, взяв с собой и брата своего Апсирта. Когда Эет гнался за ними, она, разрубая на части Апсирта, бросала *куски* в море⁷; Эет, собирая части тела сына, отстал в преследовании и затем отправил колхов для их преследования... Из преследовавших колхов одни поселились в Керавнских горах, другие в Иллирии и на Апсиртовых островах, а некоторые в Феакии⁸...

Медея, *никем* не узнавшая, прибыла в Колхиду и возвратила царство *своему* отцу, убив его брата Перса, свергнувшего его с престола.

183. ...Когда Ифигения предстала для жертвы и ее хотели зарезать, медведь или бык, или старуха, или олень пробежал посреди эллинского стана; по повелению прорицателя это пробежавшее *существо* убивается, а Ифигения, спасшись, бежит в Скифию, становится жрицею Артемиды и убивает всех прибывших туда эллинов. Некоторые *писатели*, как, *например*, Дурис⁹, называют эту Ифигению дочерью не Агамемнона, а Тесея, рожденной от Елены и удочеренной Клитемнестрой... Другие говорят, что Ифигения *не была дочерью* ни Елены, ни Клитемнестры, и утверждают, что от Хрисовой дочери Астиномы и Агамемнона родились дети Хрис и названная Ифигения. После разрушения Илиона, во время обратного плавания эллинов, Хрис умер в так называемом Хрисополе¹⁰, на Евксинском Понте, а сестру его Ифигению тавроскифы взяли в плен и сделали жрицею Артемиды, т. е. Луны (Σελήνης).

186. *Которую супруг*. Смысл таков: которую ища к пределам Евксинского Понта (разумею неистовствующую головорезку и убийцу эллинов), супруг Ахилл в течение долгого времени будет жить на Белом острове, называемом и Σπίλος¹¹, а лежит этот остров у впадения болотных вод Кельтского озера¹², — страстно желая супругу, которую некогда лань избавит от мечей. Длинный пустынный Бег будет назван именем жениха, т. е. Ахилла, в той местности, которую он пробежал бегом. Пустым (ἔρημος) *поэт* называет *этот Бег* потому, что Ахилл понапрасну пробежал его: говорят, что после похищения Ифигении Артемидою Ахилл, услышав, что она находится в Ски-

фии, устремился искать ее и, не найдя, поселился на Белом острове, который находится на Евксинском Понте¹³.

187. ...καράτομος Ἑλλάδος значит “долженствующая быть зарезанной эллинами”; или карάτομος Ἑλλαάδος — “убивающая эллинов” в Скифии, вследствие производившегося ею убийства чужеземцев в земле тавров...

188. *Белеющийся*. Белый остров на Евксинее, т. е. белеющийся от пены волн или, по Дионисию Периегету¹⁴, потому, что на нем живет много белых птиц, каковы чайки, лебеди и аисты.

189. *Келтра*. Келтр — имя озера, изливающегося в Евксинский Понт.

192. *Глубокий внутри берега*. В Скифии есть берег, простирающийся в длину на 1000 стадий, который называется Ахилловым Бегом, потому что один Ахилл пробежал его бегом.

615. ...После взятия Трои Диомед... был в Италию; найдя там колхидского дракона, опустошавшего землю феаков, он убил его, держа золотой щит Главка: ибо дракон принял *щит* за золотое руно барана...

630. *Бог многим*. Феаки, живущие на Ионийском море, будут восхвалять и чтить Диомеду за то, что он убил дракона, явившегося туда из Колхиды для отыскания золотого руна. Некоторые говорят, что дракон был разбойник...

695. *И киммеров жилища*. Киммерийцы — по Гомеру, народ, имеющий жилища у западного Океана; он говорит: “Там людей киммерийских народ и город, окутанный мглой и тучами...”¹⁵. А по Дионисию Периегету, “киммерийцы живут у холодной подошвы Тавра”¹⁶.

798. *Супруги Ахилла*... О супруге, т. е. жене Ахилла, рассказ таков: Ахилл после смерти, как говорят, женился на Эетовой дочери Медее. Эет, Кирка и Пасифая *были* дети Гелиоса и Персы, дочери Океана; у Эета и Идии дети Медея и Апсирт...

886. ...[Аргонавты] из Колхиды совершили плавание по внешнему морю и Адрию и через Фасис вступили в Океан, до того вне Океана в 12 дней перенесся Арго на плечах через Ливийскую пустыню...

887. *Колхидянка* — Медея. Колхи, называемые и лазами, — переселенцы из Египта, живущие вблизи абасгов, называемых также массагетами¹⁷; колхи называются также азиатскими скифами и белосирийцами¹⁸, живут они в пределах Азии у реки Фасиса; а европейская Скифия лежит у Меотиды и Танаиса. Еврей Иосиф¹⁹ племенем европейских скифов

называет и алан²⁰, живущих у той же Меотиды и Танаиса около прохода гирканцев и каспийцев, который царь Александр запер железными воротами²¹.

1022. *Полам колхов*. Пола – город в Эпире, основанный колхами, преследовавшими Медею, не захватившими ее и из страха перед Эетом, поселившимися здесь и основавшими город, который на колхидском языке называется Полами. Слово *πόλαι* по-колхски означает беглецов, как говорит Каллимах²².

1022. *Владелец Эи и Коринфа*. Эя – город в Колхиде²³...

1109. *Халибским*. Халибы – скифский народ, в земле которого *добывается* лучшее желез²⁴.

1287. *Соседний скифам*. Ибо за Узким морем (Στὸν πέλαγος) и Святым (Ἱερόν)²⁵ находится Скифия.

1288. *И разделяющий озеро Танаис*. Танаис, река в Скифии, разделяет Азию и Европу, впадая в Меотийское озеро, как говорит Дионисий. [Следует Дионисий Периегет: 14–16].

1290. *χίμελα* – называются отморожения рук и ног от холода: ибо Скифия у Меотиды настолько холодна, что у жителей делаются *χίμελα*, т. е. отморожения...

Μαῖωταις ибо Μαῖωτις – называется озеро, в котором все рыбы ἀπομαίονται [вылупляются].

1312. *В Китею Лигастийскую*. Китея – город в Колхиде: а колхи, как я выше сказал подробнее, – племя лазское, живущее вблизи абасгов. Либистийская и Лигистийская область (из коих первая названа *от имени* Либии, дочери Эпафа, а вторая – от Лигия, брата Алебиона) в Кирене, Карфагене и Александрии, как я сказал выше, – одна и та же область в Ливии. Но наш Ликофрон, вводящий много новшеств, называет и землю колхов Лигисти-

кой. Упомянутый Лигий, препятствуя Гераклу идти за быками Гериона, был убит им. Итак, по мнению не знающих разделения областей, но считавших Лпбистику и Лигистику за одну и ту же *область*, дело обстоит так, как мы сказали; на самом же деле Лигистийские области находятся около Этрурии: ибо лигийцы занимают побережье от Этрурии до Альп и до галатов, как говорит Дион и другие точнейшие исторические писатели и географы²⁶.

1232. Нептунидою называлась эта амазонка, от которой и остальные амазонки называются нептунидами²⁷. Они совершили поход на Аттику и, потерпев поражение, возвратились в Скифию. Наш *поэт* говорит, что они совершили поход на Афины из-за пояса; а Гелланик Лесбосский говорит, что, когда замерз Киммерийский Боспор, они перешли через него, явились в Аттику и после четырехмесячной войны возвратились, но причины *похода* не объясняет...

1233. Эрис, Лагмос, Теламос и Фермодонт – реки в Скифии; Актей – гора в Скифии.

1361. ...Альпы – большие европейские горы в Италии; с одной из них течет Истр, с другой – Рейн...

1374. ...Оракул предсказал, что Орест избавится от безумия, если перенесет находящийся в *земле* тавров кумир Артемиды (а тавры – часть скифов); прибыв *туда* с Пиладом и будучи схвачен пастухами, он вместе с Пиладом был отведен связанным к царю Фоанту. Последний послал их к жрице Ифигении, вместе с которой и со статуею они бежали²⁸...

1427. *И как киммерийская*. Киммерийцы – народ у Океана, покрытый мраком. Смысл: как киммерийский туман, затемняя свет, производит мрак, так и спускаемые с *луков* персидские стрелы закроют солнце.

Схолии к «Александре» Ликофрона

56. *Тевтаровскими*. Скиф Тевтар, пастух Амфитриона, научил Геракла стрелять из лука и даже отдал ему свой лук...

174²⁹. *Будущего жениха*. Мифологи рассказывают, что после смерти Ахилл взял в жены Медею, дочь Эета, на островах блаженных. Китейскою называется Медея, ибо Кита – город в Колхиде; она же называется ξεινοβάκχῃ, потому что соединилась с чужеземцем Ясоном из любви к нему, пришла в неистовство и из-за него [т. е. Ясона] убила родного брата Апсирта.

186. *Которою супруг*. Говорят, что после похищения Ифигении Артемидою Ахилл, услы-

шав, что она находится в Скифии, отправился искать ее и, не найдя, поселился на Белом острове, находящемся в Евксинском Понте.

...Выражение Ἑλλάδος καράτομον, говорят, обозначает зарезанную эллинами в Авлиде; или в действительном смысле – режущую эллинов, вследствие убийства ею чужеземцев в Тавриде.

Слова δαρὸν φαληριῶσαν οἰκήσει σπῖλον *значат*: на долгое время *поселится* на так называемом Белом острове; σπῖλος назван остров (νῆσος). Келтр – название озера, впадающего в Евксинский Понт.

192 сл. ...Глубокий же внутри утесистого

берега огласится. В Скифии есть берег, простирающийся в длину на 1000 стадий и называемый Ахилловым Бегом... *ὑραῖον значит* составившуюся в убийствах или обращенную в старуху для того, чтобы не быть узанною эллинами... Чашей Аида *поэт* называет котел, потому что в него бросали убиваемых чужеземцев; другие говорят, что *это* расселина в Тавриде, из которой, говорят, выходило пламя и в которую Ифигения бросала убиваемых; *δαταλουρήα значит* – убиением чужеземцев в Тавриде.

200 сл. ...Итак, Ахилл, говорит *поэт*, пять лет проведет в печали в Скифии, страстно желая ложа Ифигении...

798. *Супруги Ахилла*. Говорят, что Ахилл после смерти женился на Медее, дочери Эета, а Эет и Кирка – дети Гелиоса [Солнца]...

1021 сл. ...Полы – город в Эпире, основанный колхами, преследовавшими Медею, не захватившими ее и из страха поселившимися здесь и построившими город, который на колхском языке называется *Πόλαι*, каковое название обозначает изгнанников, как говорит Каллимах³⁰.

Иначе: соседняя область и река Кратис в пределах милаков и в Поле, носящем такое название городе, основанном колхами, примет сожителами разведчиков и преследователей Эетовой дочери Медеи.

1023 сл. ...Иначе: каковых колхов суровый царь Эи и Коринфа Эет, муж Идии, от правил преследовать ее дочь, желая поймать “везущую невесту юницу” [*πλότιν* читай *τρόπιν*, т. е. корабль], т. е. Арго.

1024. *Эй*. Эя – город в Колхиде...

1026. *Которые при глубоком*. Каковые колхи поселились при глубоком русле реки Дизера³¹.

1108. ...Халибы – скифский народ, у которого наилучшее железо.

1109. ...Халибы первые открыли железо.

1283. *Ибо что несчастней матери, т. е. Азии*, ибо Прометей был сын Иапета и Азии; от нее следует разуместь страну.

1284. *кормилице Сарпедона*, т. е. Европе, ибо от Зевса и Европы *родились* Сарпедон, Минос и Радамант; а от нее получила название страна.

1288. *И рассекая озеро*. Река Танаис разделяет Азию и Европу, впадая в Меотийское озеро; последнее, говорят, так холодно, что у окрестных жителей образуются на ногах отморозения или так называемые *ἀλοκύματα*. И Дионисий, *говорят*... [Следует Дионисий Периегет: 14–16].

1312. *Который в Катюю*. Китея – город в Колхиде; а колхи – народ вблизи лигистинов.

1314. *И подняв кривые*³² *быков*. Говорят, что Эет для получения руна предложил Ясону подвиг – вспахать *землю* при помощи огнедышащих быков, запряженных в стальной плуг, и посеять зубы дракона; а из зубов немедленно вырастали вооруженные люди и сражались с ним.

1315. *И сварившись в котле*. Говорят, что Ясон, сваренный Медеей в котле, снова стал молодым.

1316 сл. ...*Но самозванная* – ибо она перебежала к Ясону; *κεραῖς* – вид небольшой птички; *поэт* называет *так* Медею, потому что она измучила себя от печали по случаю второго брака Ясона; он женился на Главке, дочери коринфского царя Креонта.

1318. *Убийцу родных*. Ибо Медея схватила и убила своего брата Апсирта, преследовавшего ее и захватившего ее в бегстве, а также собственноручно убила в Коринфе своих собственных детей из ревности к Ясону, который, покинув ее, женился на Главке.

1319. *На болтливую*. *Поэт* разумеет Арго: “болтливую” потому, что он, как говорят, имел говорящее бревно от додонского дуба; и Каллимах назвал его “говорящим”³³, а “сорока” потому, что эта птица подражает человеческому голосу, как и Арго.

1320. *Звук седалищ, т. е. палубных скамей*, от хаонитских – это народ в Эпире, откуда доставлены бревна для Арго.

1327. сл. *Со зверем придя*. Тесей, говорит *поэт*, придя с Гераклом в Скифию к амазонкам, подготовил двойную вражду к эллинам³⁴.

1331 сл... Эрис. Лагмоо, Теламос и Фермодонт – реки в Скифии, а Актей – гора в Скифии.

Слова из «Александры» Ликофрона

174³⁵. *Поэт разумеет* Ахилла, так как он, по преданию, после смерти взял в жены Медею, дочь Эета, на островах блаженных; мужа Медеи: из колхидского города Китеи [*на полях рукописи* – “скифского”].

186. ...Скифского моря; ибо Салмидес – залив в Скифии.

188. На долгое время – Белый; это остров, названный так от множества аистов; будет жить на Белом острове, *лежащем* на реке Истре.

189. *Келтра* – имя озера или реки, из которых вытекает Истр.

192. Глубокий бег из гавани или берег до пустынь Скифии будет назван Ахилловым.

200. И Ахилл с плачем будет пребывать в Скифской стране.

1024. Царь колхидских городов Эи и Коринфа: супруг Идии, жены Эета.

1109. *Из халибов*. Есть народ в Пафла-

гонии – халибы³⁶, у которых, как кажется, впервые найдено железо.

1288. Прорезывающий озеро Танаис – река Скифии.

1312. В город колхидский. Который пришел в Китею, – это название местности, – соседнюю с лигистинами.

1336. Выгнали скифов за глубокий Истр, реку в Скифии, *ныне* Данувий.

Примечания

¹ [Ср.: Феокрит V: 56].

² [Трудно сказать, на каком основании Цец производит абхазцев (абасгов) от массагетов (см. о них в прим. к J3 е г., I, 201) и колхов от индийских скифов. Лазы и абасги – наименования, употребляемые писателями позднеримского и византийского времени вместо имени «колхи». Колхида у Прокопия Кесарийского именуется Лазикой].

³ То же предание повторяет Цец к ст. 1024. [Отрывки из Теопомпа и из Эвмела см. выше].

⁴ [По мифологической традиции, переданной через Эпименида (fr. 2), матерью Эета была Эфира. Перса, Антиопа, Эфира – нимфы-океаниды. Эет, таким образом, считался порождением двух начал – солнечного и океанического].

⁵ Φύξις ‘способствующий побегу’.

⁶ Пиф. IV: 245.

⁷ Об убийстве Апсирта Медеей автор упоминает еще в схолиях к ст. 1318.

⁸ [Керавские горы – в Иллирии, современная Кимара; Апсиртовы острова – группа островов у иллирийского побережья близ Истрии; Феакция – другое название мифического острова Схерии].

⁹ [Дурис Самосский – историк IV в. до н. э.].

¹⁰ [Городок на малоазийском берегу Боспора Фракийского – Константинопольского пролива].

¹¹ Если читать σπῖλος, то это значит “пятно”.

¹² [Т. е. при устье Дуная, истоки которого лежат у Боденского озера].

¹³ [Остров Белый, ныне Фидониси (Змеиный), при устье реки Дуная, известен был в древности святилищем Ахилла, культ которого был распространен среди черноморских мореплавателей].

¹⁴ Дионисий Периегет: 544.

¹⁵ Гомер. Одиссея XI: 14.

¹⁶ Дионисий Периегет: 168.

¹⁷ [Ср. выше схолию к ст. 174. О египетском происхождении колхов ср. Геродот II: 104].

¹⁸ [Имя белосирийцев – Λευκόσυροι – прилагалось обычно древними авторами к населению восточной части Каппадокии, жившему между нижним течением рек Галиса и Фермодонта].

¹⁹ Иосиф Флавий. Иудейская война VII: 7.

²⁰ [Аланы – наименование, прилагаемое позднеримскими и средневековыми авторами к племенам, обитавшим в области, тянувшейся от нижнего Дона до предгорий Северного Кавказа].

²¹ [Под Каспийскими воротами разумелся в первую очередь горный проход в северном Иране, через который прошел Александр Македонский при движении на восток. Позднее это название было перенесено на Дарьяльский проход с Северного Кавказа в Закавказье, а также и на Дербентский проход вдоль берега Каспийского моря, откуда у Иосифа и получается, что аланы, обитающие около Меотиды и Танаиса, живут вместе с тем близ прохода гирканцев и каспийцев].

²² Каллимах, фр. 104.

²³ Следует рассказ о переселении Эета в Колхиду.

²⁴ [О халибах см. Гекатей, фр. 195].

²⁵ [Святое (Ἱερόν) – порт в Синдике, где-либо недалеко от современной Анапы, упоминающийся кроме того у Демосфена (Против Лептина: 36)].

²⁶ [Схолиаст смешивает здесь лигистийцев с лигурами. Дион, – возможно, Дионисий Галикарнаский].

²⁷ [Нептунда – эпитет амазонки Ипполиты, возлюбленной Тесея].

²⁸ [О таврах: Геродот IV: 99. Подробности мифа об Оресте и Ифигении: Еврипид. Ифигения в Тавриде].

²⁹ Ликофрон. Александра: 174: “намеревающегося стать мужем чужелюбивой китеянки”.

³⁰ Каллимах, фр. 104; см. Страбон I: 2, 39.

³¹ [Река в Иллирии].

³² [Кривые плуги или лемехи плугов].

³³ [Отрывки из Каллимаха см. выше].

³⁴ [Имеется в виду поход амазонок в Элладу из местности за Ипполиту. См. Исократ. Панегирик: 68 – 70].

³⁵ Ликофрон. Александрия: 174: “намеревающегося стать мужем чужелюбивой китеянки”.

³⁶ [Помещая халибов в Пафлагонии (малоазийской области между Вифинией и Каппадокией), схолиаст приходит в противоречие с обычной локализацией халибов на западном Кавказе].

Источник: *Lycophronis Chalcid. Cassandra... cum Isaacii vel potius Johannis Tzetzae commentario... studio et impensis L. Sebastiani. – Romae, 1803; Tzetzes scholia in Lycophronem / Ed. C. Müller. Vol. I-III. – Lipsiae, 1826; Lycophronis Alexandra / Rec., scholia vetera codicis Marciani addidit God. Kinkel. – Lipsiae: Teubner, 1880; Anecdota Graeca e codd. mss. bibl. Reg. Paris. / Descripsit L. Bachmannus. Vol. II. – Lipsiae, 1828.*

Евстафий Солунский (Фессалоникский)

Εὐστάθιος Θεσσαλονικεύς – Eustathius Thessalonicensis

Евстафий, архиепископ Солунский (Фессалоникский) (ок. 1125 – 1193/1198). Родился, вероятно, в Константинополе, где в монасты-

ре св. Флорентия постригся в монахи. С 1156 служил диаконом собора св. Софии в Константинополе и одновременно был профессо-

ром грамматики, риторики и философии в Духовной академии Константинопольского патриархата. В 1175 избран епископом города Миры (тур. Дембр) в малоазийской провинции Ликии. Перед возведением на престол императора Мануила I Комнина назначен архиепископом Фессалоник (Салоники, Солунь, Македония), пережил на этом посту завоевание Македонии в 1185 году королем Сицилии Вильгельмом II, захват и разграбление города и с документальной точностью описал эти события (1154–1189) в особом сочинении.

Евстафий Солунский

Перевод и комментарии В. В. Латышева

Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Объяснения к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера

Ил. I: 9. ...Есть много подобных указаний отдаленных причин у древних; к числу их относится и изречение Анахарсиса, который на вопрос, почему у скифов нет флейтистов, сказал: потому что нет и виноградных лоз. Он тоже далеко зашел в объяснении причины, ближе было бы сказать, что у скифов нет и пьянства и вина, но он дошел до более отдаленной причины – виноградных лоз.

Ил. II: 481. Древние свидетельствуют, что есть и северный народ тавры и Артемида ταυροπόλος, названная так не только от народа тавров, но и от животного...

Ил. II: 656. Автор сочинения «Ἑθνικά» [Стефан Византийский] упоминает и сицилийский город Линд; гомеровский Иэлис [Ἰηλος] он пишет Ἰαλοςός, говоря, что Иалис есть и в Скифии, и в Адриатическом заливе.

Ил. II: 701. ...Географ [Страбон VII: 3, 3], упомянув о гомеровских ἄβιοι, объясняет их название выражением “без женщин”: ибо холостая жизнь полусовершенна...

Ил. III: 189. ...Ясно, что от них [амазонок] получила начало и пословица “Хромой действует прекрасно” [οἶφο ‘вступать в любовную связь’]. Амазонки, говорят, калечили ногу или правую руку у детей мужского пола. Когда же скифы приглашали их жить с ними, как с неискалеченными, по Павсанию, то, говорят, Антианира, одна из амазонок, дерзкая и наглая, сказала: “Хромой действует прекрасно”, т. е. что они довольны и хромыми.

Ил. V: 408. ...Здесь же пригодно и свидетельство Арриана, сказавшего в “Βιθυνικά” [это сочинение не сохранилось], что вифинцы, всходя на вершины гор, называли Зевса папою и его же Аттисом, а равно и выражение

Как классический филолог Евстафий известен комментариями к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера, Аристофана, Пиндара, географическим сочинениям Дионисия Периегета. Автор многочисленных теологических и исторических сочинений.

Одним из знаменитых воспитанников Евстафия был византийский писатель Михаил Хониат, иначе Акоминат (ок. 1138, Хоны в Малой Азии, – ок. 1222, Водоница, близ Фермопил), архиепископ Афинский, брат историка Никиты Хониата (ок. 1150 – ок. 1213).

Геродота [IV, 59]: “Зевс у скифов совершенно правильно называется Папаем”...

Ил. VII: 81. ...Говорят, что с этим не сходно свидетельство Геродота¹, у которого некие скифские женщины, видя, что их мужья без оглядки бегут с поля битвы, подняли подола и сказали: “Куда вы бежите? Или хотите спрятаться туда, откуда вышли?” Вследствие этого мужья, устыдившись, ободрились и, возобновив битву, одержали победу...

Ил. VIII: 460. Σκύζεσθαι значит быть объятым гневом, происходит же этот глагол, может быть, и от слова κύων [собака] с плеонастическим σ... но скорее всего, по древним, от слова Σκύθης, так как скифы очень скоро приходят в гнев...

Ил. IX: 203. Нужно же знать... и что под ζῳρόν более разумеется чистое вино, как это видно и из следующих слов Геродота [VI: 84]: когда спартиаты захотят выпить менее разбавленного вина, то говорят “подскифь” [ἐπισκύθισον ‘по-скифски, под скифов’], как бы от скифов, которые, по его словам, прибыв в Спарту в качестве послов, научили Клеомена пить цельное вино.

Ил. XIII: 1-7. Теперь поэт вкратце описывает страны, упоминая о фракийцах, которых пределом или, пожалуй, началом служит Гелеспонт и которых он называет “конеборными”, ибо фракийцы – народ конелюбивый; о сражающихся врукопашную мисийцах, живущих в Македонии и по Истру, и об ἄγαυόν ἱππιολῶν, в упоминании о которых, как говорят древние, не ясно, есть ли ἄγαυόν название народа, ἱππιολῶν же сказано в виде эпитета, или, наоборот ἄγαυόν – эпитет, равнозначный εὖειδῶ [благовидных], а ἱππιολῶν –

народное название, что и является лучшим толкованием. Ибо в истории часто упоминается народ гиппемолги [доители кобылиц]. Живет в Скифии этот народ, т. е. дивных гиппемолгов, которых поэт называет также млекоедами, бедными и справедливыми, говоря: “а сам”, как сказано, “вспять обратил светлые очи, взирая вдаль на землю конеборных фракийцев, сражающихся врукопашную мисийцев и дивных гиппемолгов, млекоедов и бедных, справедливейших людей”; поэт назвал их γλακτοφάγους, т. е. в полной форме γαλακτοφάγους, как доящих кобылиц и питающихся молоком, почему некоторые называют их “млекопийцами”; отсюда и “гиппака”, по Элию Дионисию, – скифское кушанье, приготовляемое из кобыльего молока; Ἀβιοί же поэт назвал их потому, что они ὀλιγόβιοι, т. е. умеренны и просты по образу жизни, или потому, что странствуют с пожитками, как живущие на повозках. Ибо поэт упоминает здесь о кочевниках, по мнению географа, который говорит, что поэт вставил здесь упоминание и о фракийцах и мисийцах, живущих у Истра, прибавляя при этом, что мисийцы живут и за Истром [Страбон VII: 3, 2]. По другому объяснению ἄβιοι значит имеющие βίον, т. е. лук, ибо они – лучники; или они названы так потому, что не знают насилия [βίαν], ибо они свободны; или потому, что они бездомны вследствие скифского кочевого образа жизни, из них был, как говорят, и Анахарсис; или потому, что долговечны (с растяжением ἄ), или πολύβιοι, т. е. многомоцны, ибо они храбры, и потому названы ἄβιοι. “Справедливейшие”, а не просто “справедливые” потому, что все у них общее, и потому, что кормят путников и пересылают их друг к другу. Сама собою земля приносит им жизненные продукты, и они не едят ничего живого. Они, говорят, не вступают в сношения с другими народами и не желали принять участие в походе амазонок против Азии. Эсхил, говорят, называет их γάβιοι (γαυοίους). Говорят также, что, когда все скифы подчинились Александру, одни абии не поддались, но со временем, увидя, что он хороший царь, вступили с ним в сношения. Арриан же говорит, что в Азии живут абии-скифы, никому не подчиненные вследствие бедности и справедливости [Анабасис IV: 1, 1]. А что не известно наверное, азиатские ли народы названы поэтом, или европейские, ибо писатели держатся и того и другого мнения, как показано и в заметках к Периегету, – с этим нелегко справиться. Так говорят про-

чие писатели. А географ говорит, что гомеровские абии так называются потому, что живут без женщин. Они воздерживаются от употребления в пищу живых существ, питаются медом, молоком и сыром. Поэтому они и называются богопочтателями и воскурителями; или они называются абиями, говорит он, как бездомные и живущие на повозках [Страбон VII: 3, 3]. Он называет их также кочевниками, умеренными и довольными своим положением, имеющими все общее, даже жен и детей [Страбон VII: 3, 7]. Они недоступны и непобедимы, не имея ничего такого, из-за чего могли бы попасть в рабство. О гиппемолгах же географ рассказывает также, что они питаются кониной, кобыльим сыром, молоком и кислым молоком, которое считается у них лакомством [Страбон VII: 4, 6]. Это относительно того, что они млекоеды. Справедливейшими же географ называет их потому, что они, предоставив землю земледельцам, сами живут в горах, назначивши им умеренную дань для удовлетворения ежедневных насущных потребностей жизни, а если те не дают дани, то воюют с ними [Страбон VII: 4, 6]... Географ сообщает также следующее: эти народы живут на повозках и питаются мясом домашних животных, молоком и сыром, преимущественно кобыльим, не имея понятия о запасах и мелочной торговле, за исключением обмена товара на товар; справедливейшими же, говорит он, они являются потому, что они не занимаются торговыми делами и сбережением денег, но всем владеют сообща, кроме меча и чаши [Страбон VII: 3, 7]. А что молоко питательно, это доказывает писатель, сообщивший, что некий Филин приобрел известность тем, что никогда не употреблял иного питья или пищи, кроме одного молока. И многие народы, говорит он, живут одним молоком... Заметить же, что если в приведенных словах поэта разуместь северные части европейской Фракии и живущих глубже в Европе мисийцев, от которых взор может тотчас перейти и к скифам, часть которых составляют гиппемолги, то получается правильное понимание...

Ил. XIV: 292. ...Тот же рассказ свидетельствует, что гаргареи – имя народа, вступающего в связи с амазонками [Страбон XI: 5, 1].

Ил. XVIII: 514. ...И у савроматов женщины, надев мужскую одежду, участвуют в войнах [Геродот IV: 110 сл.].

Од. I: 4. Понтом в главном и общем значении называлось всякое море... в частности же у позднейших – Понт Евксинский; он был

страшен эллинам по своей отдаленности... Поэтому, говорят, про понтийских людей, где-либо появлявшихся, говорили, что они прибыли “из многого понта”, что было равносильно выражению “из погибели”.

Од. X: 514. Писатели, представляющие киммерийцев европейским народом, живущим за Италией под землей... говорят, что в этих местах есть источник, признаваемый Стиксом, и Пирифлегетонт, и Ахеронт [реки подземного царства]...

Од. XI: 14. Нужно же знать, что подобно тому, как свобода мифического творчества перенесла в Аид находящиеся на земле и известные в истории реки, придав им имена, приличествующие подземному царству, как это указано выше, так и киммерийцев, народ известный в истории, поэт хочет переселить в соседство с Аидом, выбрав и для них имя по сходству. Ибо их название, по звуку произношения, по-видимому, означает лежащих у гробниц или у земли [τοὺς περὶ ἡρία κεκμένους ἢ περὶ ἔραν], т. е. как бы подземных. Однако Кратес пишет κερβερίους, следуя, я думаю, комику, в шутку упоминающему место βερβερίους. Другие же написали “хеймериев”, быть может, заимствовав это имя от действительных киммерийцев; ибо последние живут на крайнем севере и потому могут быть названы χεϊμέριοι [зимними]. Но таким образом гомеровские киммерийцы в вымысле переносятся из северных местностей на запад, причем поэзии и здесь оказывает услугу имеющий в ней большое значение миф, переносящий их не только с севера на запад, но даже в самый Аид, который не освещает их даже шестимесячным светом, по обычному преданию, но у Гомера держит их в вечном мраке. Что же иное они, как не соседи Аида? А таковые никогда не могут быть освещаемы Гелиосом. В истории же они являются народом скифским, кочевым и северным, небольшая часть которого, говорят, незадолго до Гомера или даже в его время, двинувшись с Киммерийского Боспора, – назывались же они, говорят, тринами², – прошла большую часть Азии, взяла Сарды, уничтожила многих из магнетов, живших по реке Меандру, и вторглась даже в Пафлагонию и Фригию; тогда-то, говорят, и Мидас³ покончил свою жизнь, напившись бычьей крови, как впоследствии Фемистокл. Говорят, что страна их [киммерийцев], окруженная горными высотами с востока и запада и потому мрачная, в течение шести месяцев окутана туманом; туман этот подобен ночи,

по выражению “спустилась с неба ночь”, так как солнце смотрит на них, но, как свидетельствует и поэт, не освещает настолько, чтобы рассеять густоту тумана и принести им ясный день; а в другие шесть месяцев чистое солнце светит им с юга или с какой-нибудь другой стороны. Арриан же говорит, что скифское племя киммерийцев, поднявшись со своей родины и вредя всем встречавшимся на пути, дошло до Вифинии. Геродот же рассказывает, что в царствование Ардия, сына Гига⁴, киммерийцы, изгнанные с родины скифами-кочевниками, пришли в Азию и взяли при этом Сарды⁵. Другие говорят также, что при своем нашествии они разграбили святилища богов в Азии. Поэтому певцы, не имея возможности повредить им иначе, вымышленным переселением отомстили за дурные поступки этого народа вследствие всеобщей, говорят, вражды к ним ионийцев; а поэт, стоящий во главе этих певцов, также иониец. Некоторые писатели представляли также киммерийцев европейским народом по ту сторону Италии, живущим по большей части под землей... Древние схолии говорят также, что киммерийцы – народ, живущий вокруг Океана. Или иначе – что под киммерийцами поэт понимает живущих на западе и близких к Аиду. Говорят также, что есть предание об изгнании скифов киммерийцами.

Од. XII: 67. ...Ясно, что и ἄμα принимается по большей части во временном смысле... Таково, говорят, и выражение “Солон жил вместе (ἄμα) с Анахарсисом”. Это означает, что они процветали в одно и то же время; ибо без сомнения не в одном и том же месте родились эллин Солон и скифский мудрец...

Од. XV: 85. [Из разбора происхождения и значения слова σκύθος]: ...Древние говорят также, что σκύφος [древнегреческий сосуд для питья в виде кружки] происходит от слова σκαφίς, обозначающего круглый деревянный сосуд для хранения молока и сыворотки. Гомер говорит: “подойники и судки [σκαφίδες], в которые он доил” [Од. IX: 223]; если только, говорят, σκύφος не есть то же, что σκύθος от скифов [Σκύθας], которые напиваются больше, чем следует, откуда, как указано и в другом месте [Ил. IX: 203]: “напоить допьяна” выражалось глаголами σκυθίσαι ἐλίσκυθίσαι... Некий лакедемонянин Деркиллид⁶ назывался в насмешку σκύθος, может быть, от скифов: этот человек, как говорят, в своем характере не имел ничего лаконского и простого, но много хитрости и зверства...

Од. XVIII: 35. ...Здесь следует вспомнить осудившего несвоевременный смех над людьми, не заслуживающими насмешки. Это был Анахарсис; он, говорят, на пиру, когда были

введены шуты, остался серьезным, а когда ввели затем обезьяну, рассмеялся, сказав, что обезьяна смешна от природы, а человек делает себя смешным нарочно...

Источник: Евстафия, архиепископа Фессалоники, объяснения к "Илиаде" Гомера // В. В. Латышев. Древние писатели о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, № 1; Евстафия, архиепископа Фессалоники, объяснения к "Одиссее" Гомера // Там же.

Комментарии к "Описанию населенной земли" Дионисия Периегета

14. Сказано, что южная граница Азии и Европы – Геллеспонт, а самая южная – Нил. На севере же Европу от Азии отделяет Танаис, который, катясь через землю савроматов и скифов, впадает в Меотийское озеро. Нужно, однако, знать, что не все земли, лежащие к северу от Танаиса, причисляются к Европе, а только те, которые отделяются к западу от него; земли же, лежащие к востоку от Танаиса, причисляются к Азии. Поэтому-то сам Дионисий далее говорит, что Танаис отделяет на запад Европу, а на восток Азиатскую землю, но не говорит, что он отделяет Европу на север, а на юг – Азию; поэтому же он самих меотов и савроматов называет азиатами, так как Танаис отделяет их не на запад. Далее, как он здесь говорит, Танаис течет в Скифию, страну северную, а в другом месте говорит: "течет по скифским равнинам". Но скифы, по Дионисию, – азиаты⁷. Таким образом, не все вообще земли к северу от Танаиса – европейские, но только те, которые ограничиваются им на запад. Нужно заметить, что эта река, называемая по-эллински *Τάναϊς* вследствие того, что она течет *τεταμένως* [протяженно], у соседних с ним варваров, как некоторые говорят, носит название Силиса⁸. Известно, что и другие реки, текущие в варварских землях, получают, однако, греческие названия. Таковы Нил, Фермодонт, Аракс и многие другие; даже Эридан, по Геродоту [III: 115], не варварское название, а эллинское, созданное, по его словам, каким-нибудь поэтом. Источники Танаиса, по словам других писателей, неизвестны, а Геродот [IV: 57] говорит, что он вытекает из большого озера и впадает в еще большее озеро – Меотиду; он говорит также [IV: 86], что Меотида немногим меньше Понта и называется еще матерью Понта. Нужно знать также и то, что Арриан [Анабасис II: 30, 7-8] упоминает и о другом Танаисе – скифском, через который с опасностью переправился Александр.

19. Дионисий три материка: Ливию, Европу и Азию, самые большие части земли, "отделяет" один от другого водами, т. е. отделяет и разграничивает, и границы их определяет

по находящимся между ними водам, потому что это заметнее и яснее. Другие же, – с которыми он, по-видимому, не согласен, потому что такое деление неопределенно и неясно, – эти три самых больших материка отделяют друг от друга другими, меньшими землями, называя границей Азии и Европы очень большой и широкий перешеек между Каспийским и Евксинским морями, на каковом перешейке находится, кроме многих других мест, и пресловутый Прометеев Кавказ и восточная страна иберов, лежащая между Колхидой и Албанией. Другой же большой перешеек, находящийся между Аравийским заливом и Египтом, они считают границей Ливии и Азии...

31. Аримаспы – скифский народ⁹; Дионисий называет их *ἀρεΐμας* или *ἀρεΐμαῖοι* ("неистовствующие" от Ареса, "воинственные"), а Эсхил называет их "одноглазым войском"¹⁰, потому что они, будучи весьма искусными стрелками, для того, чтобы вернее прицелиться, закрывают один глаз. И, может быть, вследствие прилежного упражнения в этом с детства, как говорят и древние, у них один глаз сделался меньше другого. А сверх того, они, естественно, рождаются с этим недостатком от ранее получивших его же отцов, и вследствие постоянного повторения этот недостаток сделался отличительным признаком племени: не иначе, конечно, говорят, произвела природа столь чудовищное племя. И самое название "аримаспов" они получили, как думает и Геродот [IV: 27: *ἄρμα* и *σποῦ*], вследствие этого недостатка, как, можно сказать, одноглазые: ибо *ἄρ* по-скифски значит один, а *μασπός* – глаз. Геродот также рассказывает¹¹, что выше аримаспов у моря живут стерегущие золото грипы, говоря при этом¹², что, как есть некие гипербореи [живущие на отдаленном севере], так есть и гипернотии [живущие на отдаленном юге], и что сказочный Абарис, который, как говорят, ничем не питался и стрелу обнес по всей земле, был гиперборей.

32. Океан, омывающий землю аримаспов, называется Ледовитым, Кронийским и Мерт-

вым. Причиной этого названия, по словам Дионисия, служит слабое освещение солнца, которое не может уменьшить влаги, заставив ее растаять и, обратившись в пары, подняться вверх; “солнце, – говорит он, – хуже светит над этим морем и всегда закрыто мрачными тучами” вследствие сгущения облаков: итак, это место – действительно холодное и поэтому носит название, соответствующее его чрезмерному холоду. Кронийским же называется он вследствие того, что в этих местах, как говорят, господствует звезда Крон, которая, слывя у звездочетов за холодную, располагает к охлаждению, почему ей также приписывается холод. По мифическому преданию, сюда же был брошен половой член, отрезанный у Крона. А у поэта Аполлония [IV: 327] название “Кронийское море” встречается в применении к углу Ионийского залива¹³, получившему это название от одного острова, называющегося Кронией, подобно тому, как и Икарийское море, по некоторым, названо так от острова Икара. А что в этих приокеанских местностях сильный холод, это доказывают и находящиеся выше аримаспов Рипейские горы, с которых дует холодный Борей и где никогда не сходит снег.

48. Птолемей, описывая Каспийское море в виде болота, говорит, что его можно обойти сухим путем [II: 2]. С ним согласен и Геродот, говорящий, что Каспийское море существует само по себе, не соединяясь с другим морем [I: 203]. Дионисию же кажется, что оно “разливается из Кронийского моря с севера”, ибо далее он говорит: “суживаясь на севере, оно сливается с водами Океана”. Таким образом, они не согласны между собой. Древние же, стараясь согласовать такое разногласие описателей, говорят, что, быть может, Кронийский океан, разливаясь по неизвестным местам, образует Гирканский залив. Таким образом, останется в силе и тот рассказ, по которому Каспийское море можно обойти кругом, и тот, по которому оно берет начало из Кронийского моря.

76. ...Соседние с этрусками лигуры носят название от реки Лигура. Нужно знать, что есть, по-видимому, и колхидские лигийцы, произошедшие от европейских; это показывает Ликофрон, называющий в земле колхов лигистийский город Китею [Александра: 1312].

142. ...Нужно знать, что есть и Киммерийский Боспор около Херсона¹⁴, называемый также Меотийским; в самом узком месте его –

двадцать или немного более стадиев ширины¹⁵. Боспором называется он по той же причине [как и Фракийский], именно от коровы Ио, а Киммерийским – по соседнему одноименному народу, о котором есть много рассказов, как он некогда делал набеги в Азию вплоть до Вифинии...

146. ...Евксин, неудобный для плавания и потому некогда называвшийся Негостеприимным (Ἰαξείνον) морем, позднейшие переименовали в Гостеприимный (Εὐξείνον) в виде эвфемизма. А Негостеприимным он назывался (то же можно выразить прилагательным ἀλόξεϊνος, по Софоклу) или вследствие того, что не имеет островов с пристанями, или из-за живущих по берегам его скифов, необщительных варваров, которые даже убивали для жертвы чужестранцев и ели их мясо, а из человеческих черепов делали чаши. Другие же говорят, что Геракл очистил здешние места и сделал море из Негостеприимного Гостеприимным. Иные этот подвиг приписывают ионянам, которые основали на побережье много городов.

147. Нужно знать, что Евксинский Понт древним, вследствие незнакомства с ним, казался самым большим из морей, и отправлявшиеся туда считались едущими за край света, как и ездившие за Геракловы Столпы; тогда принимали это море как бы за другой океан, и путешествие туда считалось путешествием в океан. Поэтому, как было сказано, он преимущественно перед другими морями назывался специально “Понтом”, как называет его и наш поэт в выражениях: “правая часть Понта”, или “называют матерью Понта”, или “неизмеримые воды Понта”. Вследствие же его негостеприимства и опасностей плавания отправиться в Понт значило то же, что идти на великое несчастье, как говорят и древние; это мнение остается в силе и по настоящее время. Об этом свидетельствует и Географ [Страбон I: 2, 10], а также и Дейпнософист говорит, что слова “из великого Понта” по значению равносильны выражению “из верной гибели”¹⁶. А Геродот говорит, что Евксинский Понт представляет замечательное зрелище и более всех морей достоин удивления; он приводит при этом измерения его длины и ширины в стадиях [IV: 85].

148. “Пути Евксинского Понта идут вкось, всегда смотря к северу и востоку, и с обеих сторон его выдаются две κοῦραι, т. е. высокие мысы: один южный – Карамбис, в земле пафлагонов, сохраняющий и до наших дней свое

старинное название, а другой северный – Бараний Лоб, уже упомянутый выше, где-то в Киммерийской земле. Эти два мыса, лежащие, таким образом, один против другого, высоко поднимаются и далеко вдаются в море и отстоят один от другого на три дня плавания грузового судна; однако и они оба сходятся друг против друга почти так же, как Блуждающие скалы¹⁷, так что вследствие этого Евксин плывущим с обеих сторон представляется как бы состоящим из двух морей, так как этими двумя мысами образуется преграда для зрения, как бы в виде стены, так что едущим и с востока на запад, и с запада на восток кажется, что море оканчивается этими мысами, так как взор их не простирается по ту сторону; но когда те и другие очутятся посередине между мысами, тогда для них становится видимой и остальная масть моря, как бы открывшееся другое море, которого раньше не было видно; ибо вследствие такой противоположности мысов Евксин смотрящим издали кажется разделенным на два моря, суживаясь с обеих сторон в виде пролива, и, таким образом, он представляется двойным морем, как говорит где-то и Софокл¹⁸. Итак, это таково. Древние же писатели [Страбон II: 5, 22] говорят об этом короче и резче следующим образом: “Геллеспонт изливается на севере в Пропонтиду, а эта – в Евксин, который как бы состоит из двух морей, ибо посередине его выдвигаются два мыса, отстоящие один от другого приблизительно на две тысячи пятьсот стадиев, суживают находящийся между ними пролив и образуют два больших моря”.

157. Поэт сравнивает Евксин, которого пути только что назвал кривыми, с натянутым скифским луком. Скифскими же луками называются состоящие из рогов. Подобие тетивы он придает правой, для въезжающих, стороне Понта, т. е. южной, “описанной прямо”, т. е. тянущейся по прямой линии и миновавшей Карамбис, выступивший вне этой линии, но обращенный не к югу, а к северу; для того чтобы не стала кривой тетива лука, если бы причислить к ней и изгиб Карамбиса. Северная же сторона Понта, для въезжающих из Пропонтиды левая, по его словам, имеет вид двух рогов лука, потому что она подобно рогам лука изгибается двойным извивом по обе стороны Бараньего Лба.

163. К северу от Евксина находится Меотийское озеро; скифы его окружают, и им ограничиваются их земли. Геродот говорит: “за Танаисом уже не Скифия” [IV, 21]. Но и мео-

ты – также скифский народ, очень многочисленный и сильный, занимающийся земледелием и войной. Меотийское озеро называют матерью Понта, и от этого, по мнению некоторых, оно получило и свое название: *μαῖα* значит “кормилица”. Поэтому и наш Периегет говорит: “огромная масса воды Понта выливается из него прямо через Киммерийский Боспор, у которого живут многочисленные киммерийцы у холодной подошвы Тавра” [104 сл.]. Некоторые говорят, что и по величине немногим уступает Понту эта мать его, т. е. Меотийское озеро. Нужно знать, что у древних встречается как форма *Μαῖωτις* через *ω* как бы от глагола *μαῖω*, *μαῖώσω* [повиваю, повью], так и *Μαῖήτις* через *η* как бы от *μαῖα* [кормилица]. Тавром он здесь называет другую гору, не тот восточный Тавр, о котором будет сказано ниже, а северную часть того Тавра, у подошвы которой живет скифское племя киммерийцы. Здесь же и Таврический полуостров, большой и, по некоторым известиям, похожий на Пелопоннес и по виду, и по величине, прилегающий с запада к устью Меотийского озера. Живущие здесь скифы называются тавро-скифами¹⁹ от тамошней горы Тавра, которую знает и Геродот, упоминающий о горах Таврических в Скифии [IV: 3]. Относительно киммерийцев смотри наши заметки к “Одиссее” [XI: 14]. Выражение *ὑπὸ ψυχρῇ ποδὶ Ταύρου* несколько витиевато и загадочно вследствие двойного значения слов.

298. Недалеко от Рейна *ἐπιτέλλεται* Истр, т. е. появляется откуда-то снизу; его Дионисий называет даже священным и выражает уважение обычным повторением; по его выражению, “Истр изрыгает в Евксин всю пену своих вод пятью изливами”, т. е. устьями, “извиваясь вокруг Певки”. Остров Певка имеет вид треугольника и лежит между устьями Истра. Однако Птолемей называет и Истр, подобно Нилу, семиустным. Также и Географ говорит, что Истр – величайшая из европейских рек, отстоящая от Адриатического залива на тысячу стадиев, и что, получая начало в земле германцев, он течет к югу, затем поворачивает к востоку до самого Понта [Страбон VII: 1, 1]. Самое большое устье его – так называемое священное, через которое Дарий некогда построил мост, как Ксеркс – через узкую часть Геллеспонта [Геродот IV: 118, 136 сл.]. Кроме Певки, Истр образует своими рукавами и другие островки.

302. К северу от Истра живут следующие племена: германцы, саматы, т. е. сарматы

(первая форма произошла вследствие выпадения неизменяемого ρ), геты, бастарны, неизмеримая земля даков, аланы, тавры или росы²⁰, живущие около Ахиллова Бега²¹, меланхлены, гиппемолги, о которых написано в наших заметках к “Илиаде” [XIII: 5], невры, гиппоподы или, по некоторым, хазары²², гелоны и агафирсы...

Дионисий, как сказано выше, знает гетов к северу от Истра, так же как и сарматов, которые являются племенем скифским. По мнению Геродота, геты составляют часть фракийцев [IV: 93], по словам же Географа, они живут по обе стороны названной реки, подобно мисам и фракийцам [VII: 3, 8 сл.]. Он говорит, что они женолюбивы и религиозны. У них был и Замолксис, который учился у Пифагора и у египтян, многое предсказывал и за это был назван богом и участвовал с царем в государственном управлении²³...

305. Даков некоторые называли даями. Географ также говорит, что даки некогда назывались даями [Страбон VII: 3, 12]. Геродот же говорит, что дай – персидское кочующее племя, как и марды и некоторые другие [I: 125]. А автор книги “О народах” [Стефан Византийский] говорит, что Дакия простирается до местностей близ реки Борисфена, о котором будет сказано ниже. Он говорит также, что у жителей Аттики имена рабов – большей частью Дай и Геты. Есть также известие, что даки живут южнее Истра: говорят, что Аврелиан, выведя римлян, поселенных в Дакии, из этой страны вследствие опасностей, которые им грозили на той стороне Истра, поселил их в середине Мезии, назвав эту страну Дакией. Алан – горный хребет в Сарматии, от которого, по-видимому, получило название племя аланов, которых Дионисий называет сильными и многоконными²⁴.

306. Бег Ахиллов, на котором живет племя тавров, представляет собой узкую и длинную косу; по Географу, это низкий полуостров вроде ленты (или перевязи), длиной почти в тысячу стадиев к востоку песчаный, в два стадия наибольшей ширины [Страбон VII: 3, 19]. Этот бег пробежал эллинский герой Ахилл, преследуя Агамемнонову дочь Ифигению, похищенную из Авлиды в Скифию, когда Артемида подменила ее ланью для жертвы. Ахилл, пробыв здесь долгое время, как думает и Ликофрон [Александра: 195], дал этому месту свое имя. По наиболее распространенному преданию, Ифигения была ранее помолвлена за Ахилла; иные же говорят, что это

другой Ахилл, скифский царь этих земель, который влюбился в отосланную туда Ифигению и останавливался здесь во время ее преследования, отчего это место и названо Ахилловым. Те, которые это говорят, ссылаются на слово Алкея: “Ахилл, ты, который владычествуешь над Скифской землей” [фр. 48b]. По имени Ахилла и Белый остров, о котором будет сказано ниже, назывался Ахилловым островом в Евксинском Понте, где, как говорят скифы, душа Ахиллова увеселяется воспоминанием своих подвигов²⁵. Племя же тавров получило название, говорят, от животного – вола, так как там Озирис, запрягши вола, пахал землю²⁶.

У них есть большой и замечательный остров Таврический, или Меотийский²⁷, к которому прилегают и Фанагория, и Гермонасса, как сказано будет ниже. И Артемида называется “Таврополой”, как кажется, от этих тавров, к которым она благоволила за то, что они убивали для нее чужестранцев²⁸. Упоминаемые же у Географа норик-таврски [Страбон IV: 6, 9] – другое, отличное от этих тавров племя.

309. Меланхлены называются так вследствие обычного у них черного и темного цвета одежды, как думает и Геродот [IV: 107], который говорит еще, что они едят людей²⁹ и что к северу от меланхленов находятся озера и ненаселенная земля [IV: 20].

310. Невры, говорят, оставили некогда свою страну из-за змей и считались колдунами. По словам Геродота [IV: 105], каждый из невов раз в год превращается на несколько дней в волка и потом опять становится человеком. Заметить, что νεῦρος, молодой олень, пишется через β, а название народа Νεῦροι или Νεῦροιτα через дифтонг εῦ. Гелон и Агафирс были сыновья Геракла; от них произошли племена – гелоны и агафирсы, живущие к северу от Истра [Геродот IV: 10]. “У холодных агафирсов, – как Дионисий говорит, – водится блестящий алмаз”. Гелоны же, по словам других, обрабатывают землю, питаются хлебом и имеют сады. Автор же сочинения “Εθνικά” [Стефан Византийский] говорит следующее: “Гелоны – сарматское государство от Гелона, брата Агафирса и сына Геракла. У них есть, по Геродоту, большой деревянный город, лежащий в стране многолюдного племени будинов [IV: 108]. У них, говорят, водится чудесное животное, величиной почти с быка, по форме головы похожее на оленя, называемое тарандом, с трудом ловимое вслед-

ствие его превращений: он меняет цвет шерсти соответственно месту, в котором находится, и принимает иной вид, подобно хамелеону и полипу. Относительно агафирсов он же говорит, что они так называются или от гераклова сына Агафирса, или от тирсов Диониса: тирсы – это палки, которые носят во время празднеств в честь Диониса. Геродот же называет сыновьями Геракла не только Гелона и Агафирса, но и Скифа, самого младшего и самого славного [IV: 10]; Геракл произвел их, придя в скифскую землю в то время, когда гнал быков Гериона и, соединившись, по его словам, с полудевицей Ехидной, имевшей верхнюю часть тела от ягодиц женскую, а нижнюю змеиную. Он же говорит, что агафирсы – самые изнеженные люди, носят золотые украшения и сообща пользуются женщинами [IV: 104]. Гелоны же, по его словам, искони эллины и занимаются земледелием [IV: 108, 109].

311. Славная река Борисфен впадает в Евксин у тамошнего Бараньего Лба, о котором было уже сказано, прямо, как бы по линии, против Кианейских скал. Там, в Рипейских горах Скифии, журчат, говорит он, и реки Алдеск и Пантикап, у устьев которых “в начале месяца растет приятно-блестящий янтарь, как бы некое сияние”. Заметь, как на этот янтарь оказывает влияние луна и что здесь должно разуместь под янтарем некий камень, а не “слезу”, по распространенному сказанию, горных тополей, как сказано выше. Что в Рипейских горах никогда не сходит снег – об этом написано раньше. За этими горами, как говорят, так называемые гипербореи спускаются до моря. От реки Пантикапа имеет название находящийся там большой город Пантикапей, основанный сыном Эета, кругом заселенный холм в двадцать стадиев, главный город местных боспорцев [Страбон VII, 4: 4]. Геродот же об этих реках говорит, что Борисфен – самая большая и самая полезная из скифских рек, с весьма приятной для питья водою, с прекрасным течением, рядом с другими, мутными. У его устья осаждается самородная соль, и в нем ловятся для соления большие бескостные рыбы, называемые осетрами. Пантикап же, текущий с севера, под конец сливается с Борисфеном. На пространстве между этими реками живут скифы-земледельцы [IV: 53]. От Истра до Борисфена, по его словам, десять дней пути [IV: 101]; столько же и от Борисфена до Меотийского озера.

541. Против северной реки Борисфена, впадающей в левую часть Евксинского Понта, лежит в море славный остров героев, посвященный Ахиллу; против него лежит и вышеупомянутый Ахиллов Бег, названный по его же имени. Этот остров, по словам Дионисия, называется Белым, потому что водящиеся на нем *κινώλετα* или пернатые животные, т. е. птицы, – белого цвета, может быть, чайки, а согласно некоторым – аисты. *Κινώλετα* – те животные, движение которых состоит в летании; слово это необычное. “Там, – говорит он, – по преданию, движутся по пустынным долинам души Ахилла и других героев”, так что этот Белый остров называется островом героев, подобно тому, как воспеваемые поэтами острова на западном океане называются островами блаженных. “И такова, – говорит он, – награда славным мужам за доблесть”, т. е. такую почесть получили герои за свою доблесть – бесечно веселиться на упомянутом острове.

549. Внутри Меотийского озера “утвержден обширный остров”, называемый Таврикой, на котором лежат города Фенагора и Гермонасса³⁰, колонизованные ионянами под предводительством некоего Фенагора и Гермона, по имени которых и названы эти места. Арриан же говорит так: “Фенагория, которую основал Фенагор Теосский, бежавший от насилиев персов. Затем Гермонасса, названная по имени Гермонассы, жены некоего митиленца Семандра; он отвел в колонию некоторых эолян, но умер при основании города, и после его смерти жена его овладела правлением в городе и дала ему свое имя” [История Вифинии, фр. 60]. Устье Меотиды называется Киммерийским Боспором, о котором было написано выше; здесь самое узкое место пролива, шириной в 20 стадиев. Живущие вокруг Меотиды воинственны, преданы земледелию и после скифского племени первые по силе; от них-то, как некоторые говорят, дано и название Меотиде³¹. Говорят также, что и все следующие за ними скифы прежде когда-то питались хлебом и занимались земледелием, но потом, переменяв образ жизни, сделались кочевниками, стали жить особняком и без городов; о причине этого будет сказано после.

652. Дионисий называет савроматов (скифское племя) славным родом воинственного Ареса или потому, что они воинственны, или потому, что ведут свой род от амазонок, а эти последние – от Ареса. Именно, он говорит, что они воинственны, или потому, что ведут

свой род от амазонок, произошли от любви могучих амазонок, которой они некогда соединились с савроматами, зашедшими из отечества от Фермодонта в Скифию. Таким образом, от них родились и мужественные дети. Заблудились же амазонки, говорят, или тогда, когда они, пройдя северные страны и переправившись через Истр, предприняли поход против Эллады (от них, как ведущих род от Ареса, назван и в Афинах Аресов холм, так как они дошли даже сюда)³² или когда Геракл прогнал их из Азии, предприняв поход из-за пояса Ипполиты³³. Геродот же о них говорит следующее: “Эллины, победив амазонок при Фермодонте и захватив в плен сколько могли, отплыли обратно по Евксину; но они, напав в море на мужчин, изрубили их. Затем, носимые по воле волн и ветров, они были занесены в Меотиду и, высадившись на берег, стали опустошать Скифскую землю; сначала скифы принимали их за мужчин, но потом, когда узнали, наконец, их пол, подчинили мирным путем; соединившись браком с туземными юношами, они перешли за Танаис и, пройдя на восток три дня пути, остановились в нынешней стране савроматов” [IV: 110]. Слово Ἀμαζόνιδες не есть уменьшительное, так как уменьшительным именем он унизил бы храбрых воительниц, а употреблено по фигуре παραγωγή³⁴...

663. Источники вышеупомянутого Танаиса “журчат в Кавказских горах, а сам он широко извивается там и сям по скифским равнинам”. Под Кавказом теперь нужно разуметь, говорят, самую северную часть выше-названного Тавра, доходящую до Кронийского моря; часть его составляют и вышеописанные Рипейские горы³⁵. А такой Кавказ, к которому приурочивается мифическое распятие Прометея, по словам древних, не существует на географической карте. Географ же говорит, что он простирается до земли тибаренов³⁶. Заметь, что, по словам Дионисия, Танаис вытекает из этого Кавказа, а Географ говорит, что и истоки Танаиса неизвестны, подобно истокам Нила, прибавляя еще, что на Танаисе стоит город, одноименный с рекой [Страбон XI: 2, 2]. Другие же говорят, что он из какого-то озера, как бы от истока, течет в Меотийское озеро и впадает в него двумя рукавами.

666. В местностях у Танаиса и тамошнего северного Кавказа, когда неистовствует Борея, можно видеть образовавшийся от мороза лед. Затем Дионисий с искренним убеждени-

ем, как бы сожалея о жителях этих местностей из-за страшного холода и с преувеличением описывая зиму, говорит: “несчастливы те люди, вечно у них холодный снег и холодом веющий лед; когда же настанет от ветров еще большая стужа, тогда можно увидеть своими глазами замерзающих лошадей и мулов и пасущихся в поле овец”; последнее – преувеличено, так как, по Гесиоду, на овец не действует холод даже в ленеоне³⁷ вследствие густоты их шерсти. “И даже сами люди, – говорит он, – живущие там, не остаются невредимыми от холода, но, снарядив телеги (живут там в телегах), перекочевывают в другую страну, оставляя свою землю на произвол неистовствующих ветров [Труды и дни: 516]”. Это обратилось даже в пословицу относительно местности, прежде населенной, а потом опустевшей: говорят, что “такой-то пустынный город ветры продувают”. Заметь также, что древние в шутку называют снег шерстевидной водой, по образцу мудрого царя Давида, сказавшего: “когда дает он снег, как шерсть”³⁸. Обрати внимание, что σχέτλοιоι сказано здесь, очевидно, не в смысле порицания, но для выражения сожаления.

669. Всеми признано, что страна этих бродячих кочевников очень холодна, почему в ней нет даже ослов, так как это животное не выносит холода. По рассказам, там зимой трескаются даже медные сосуды и по некоторым проливам ездят на телегах [Страбон VII: 3, 18]; но летом, по некоторым известиям, здесь бывают сильные жары. Однако Дионисий, по-видимому, не так думает, но, что в этой стране непрерывные холода, это видно из слов: “вечно у них холодный снег и веющий холодом лед”. Подобно этому и Геродот, назвав Скифию холодной страной, прибавляет, что “восемь месяцев там бывают невыносимые морозы; тогда, если нальешь воды, не сделаешь грязи, но, разведя огонь, сделаешь грязь. Море и Киммерийский Боспор замерзают. В течение же остальных четырех месяцев там бывают холода” [IV: 26]. Может быть, внутренняя Скифия, лежащая к северу, подходит к описанию Геродота, а остальная имеет, вероятно, и жаркие дни. Такова вся земля скифов, о которых Арриан рассказывает, что они прежде питались хлебом и занимались земледелием, жили в домах и имели города, но после нанесенного им фракийцами поражения изменили прежний образ жизни и поклялись великой клятвой никогда впредь не строить домов, не бороздить землю плугом, не

основывать городов, не приобретать драгоценного имущества, но сделать своими жилищами телеги, пищей – звериное мясо, питьем и вместе с тем пищей – молоко, а скота держать не более, чем сколько можно переводить при переселении из одной страны в другую; и вот с этого-то времени они из земледельцев сделали кочевниками [Арриан. История Вифинии, фр. 32]. Из замечательных людей Скифская земля произвела Анахарсиса, о котором упоминает и Геродот, говоря, что у Евксина живут очень необразованные племена и что ни из одного из племен, живущих за Понтом, не упоминается замечательный человек, кроме скифского народа, из которого происходил Анахарсис [IV: 46]. Говорят, что эти скифы-кочевники некогда, спускаясь на юг по Европе, проникли до самого Херсонеса Фракийского, когда Дарий раздражил их своим походом в Скифию [Геродот VI: 40].

680. Савроматов ἐλέχουσι синды, по некоторым называемые также зикхами. Дионисий говорит ἐπέλουσι вместо διαδέχονται ‘принимают’ или μετ’ αὐτοὺς τὴν γῆν ἔχουσιν ‘после них землю имеют’... Также за савроматами следуют и киммерийцы, о которых подробнее рассказано в “Одиссее” [XI: 14], и ореты – без буквы σ, так как оресты с σ – народ в Европе, молосский, названный по имени Агамемнонова сына Ореста³⁹. Там же, по словам Дионисия, живут и керкетии, страна которых называется Керкетом и лежит у вышеупомянутого Кавказа; там же и сильные ахейцы, которых, говорит он, южный и юго-западный ветер, отделив (νοσφισάμεναι), т. е. отдельно от других (νόσφι καὶ χωρίς), далеко занеся и отрезав, пригнали туда; они тогда следовали за царем Аретиадом, т. е. Пелопсовым сыном Агамемноном, которого он называет Аретиадом, т. е. ведущим род от Ареса, по дочери Ареса Гипподамии, которую Пелопс, предок Агамемнона, взял в замужество. Другие же говорят, что эти ахейцы следовали за царем Аретиадом, т. е. воинственным Ахиллом, разбойничая под его предводительством, а еще вероятнее, говорят, они последовали за Иалменом, сыном Ареса, царем аспледонцев; были же они орхоменяне. Географ [Страбон XI: 2, 12] же говорит, что после похода Ясона в Колхиду фтиоты-ахейцы заселили азиатскую Фтию, а страну Гениохию заняли лаконцы, которыми предводительствовали Рекас и Амфистрат, возницы Диоскуров; от них-то и получил название живущий там народ гениохи и страна Гениохию. Иные же под царем Аретиадом

подразумевали Помпея, который в союзе со скифами, с которыми были заодно и эти ахейцы, вел междоусобную войну с Цезарем⁴⁰.

687. За ахейцами следуют вышесказанные гениохи и зигии, племя очень дикое, по преданию происходящее от пеласгов. Харакс [История Греции, фр. 15] рассказывает, что аргонавты вошли в Евксин не на одном корабле, как говорит общераспространенное предание об Арго, а на многих судах, и что некоторые из них сбились с пути; на одном из этих кораблей были возницы Тиндаридов, т. е. Диоскуров, от которых и получили названия племена гениохи и тиндарида, да и самая страна Диоскурида, находящаяся в углу Евксина, т. е. в самом конце пути у колхидского Трапезунта. Отсюда и пословица: “на Фасис, где судам последний бег” [Страбон XI: 2, 15], т. е. в самую Колхидскую землю (часть употреблена вместо целого), где крайний предел для пливших туда; впрочем, говорят, еще много стадиев и продолжительно плавание от Фасиса до крайнего угла Евксина и до Диоскуриды, с которой в соседстве Трапезунт⁴¹, построенный синопцами, большой торговый порт, вокруг которого лежит Трапезунтская земля. Также и земля тиндаридов находится у самого внутреннего угла Понта, т. е. Евксина. О них вообще и о причине их названия тиндаридами сказано выше.

689. Наш поэт, согласно с Геродотом [II: 104], полагает, что колхи – пришельцы из Египта, т. е. колонисты или переселенцы. Подтверждением этого мнения служит то, что они кудреголовы, т. е. курчавы, подобно египтянам, и чернокожи, кроме того, и их египетские обычаи, в том числе обрезание и ношение льняных одежд; самый образ жизни и язык, говорят, у колхов и у египтян совершенно сходны. По словам Географа, “колхи живут за гениохами у гор Кавказских и Мосхийских” [Страбон XI: 2, 1]. Колхами они называются по имени Колха, сына Фасиса. Выше их, говорят, живут тоаны⁴², по нечистоплотности несколько не стоящие выше своих соседей фтирофагов, по богатые золотом, так как у них потоки сносят золото, которое туземцы собирают на овечьи шкуры, что и послужило основанием мифа о золотом руне, из-за которого состоялся и поход аргонавтов [Страбон XI: 2, 19]. Харакс [История Греции, фр. 14], однако, говорит, что золотое руно есть не что иное, как способ добывания золота, записанный на кожах; ради этого-то достойного внимания способа, по его словам, и

был предпринят поход на корабле Арго. Таковы существующие об этом рассказы. Дионисий, описывая страну колхов, говорит, что они живут у вышеупомянутого внутреннего угла Евксинского Понта за вышесказанными тиндаридами, близ вышеупомянутого же Кавказа, который около Гирканского залива возвышается крутыми горами; здесь, говорит он, и Фасис, “катясь по поверхности Киркейской равнины, извергает пену своих быстрых волн в воды Евксина”. Ибо в Евксинский же Понт впадает и река Фасис; первый слог ее названия протягивается, а называется она так от Фасиса, сыном которого, по преданию, был Колх. Она вливается в Колхиду бурно и стремительно; по словам Географа, на ней сто мостов вследствие ее извилистого течения⁴³. В нее впадают реки Главк и Гипп; на ней стоит также одноименный город. Лежащие по ней местности у Диодора [XIV: 29] и у других называются Фасианой. Оттуда, кажется, получили название и птицы фазаны, потому что водились там в изобилии. Кавказ туземцами называется также Каспием, по словам Географа, который говорит также, что приморская часть его называется Керавнскими горами [Страбон XI: 2, 15; 4, 1], стало быть, одинаково с Иллирийскими⁴⁴, и что этот Кавказ возвышается над Каспийским морем, как бы перегораживая стеной перешеек и отделяя к югу албанов и иберов, а к северу – сарматов [Страбон XI: 2, 15].

692. Киркейская равнина называется так по имени Кирки, сестры колхидского царя Эета, собиравшей там травы. Об этой равнине говорит и Географ, именно, что где-то у земли Албанской есть святилище Кирки, в котором показывается чаша Одиссея и изобилующая кореньями Киркейская гора, образующая собой как бы остров среди моря и болот⁴⁵. Нужно знать, что, по словам Ликофрона [Александра: 1273], есть какая-то Киркейская гора и у пределов Рима.

694. Армянская гора, откуда берет начало река Фасис, по мнению автора сочинения “О народах”⁴⁶, находится там, где начинается Гиркания, а другие принимают Армянскую гору за отрог Тавра, простирающийся до самой Армении, которая получила это название или от сказанной Армянской горы, или от какого-то родосца Армена. По другим, опять, эта страна названа Арменией по имени героя Армена, происходившего из фессалийского города Армения и сопутствовавшего Ясону в его походе туда [т. е. в Армению]: у древних

есть много свидетельств, что Ясон во время своего похода за золотым руном побывал и в этих местах. Название Армянской горы употребляется и во множественном числе – τὰ Ἀρμενία. Нужно знать, что Геродот называет армян фригийскими выселенцами, говоря также, что они богаты овцами [V: 49; VII: 73]. И Эвдокс в «Объезде земли» говорит: “Армяне ведут род из Фригии, и в языке их есть много фригийского. У них добывается камень, которым вырезают и просверливают печати”...

695. К северо-востоку от Армянской горы находится перешеек, что между Каспийским и Евксинским морями; на нем живут восточные иберы, естественные враги гирканов, переселившиеся от западных иберов, живущих у Пирены, которая, как мы знаем, называется также Пиренейской горой⁴⁷. Далее Дионисий опять повторяет упоминание об этом перешейке вследствие его величины и достопримечательности. Это тот самый перешеек, который некоторые, как раньше написано, признали границей Азии и Европы. А иберы эти, по словам Географа, снаряжаются по-армянски и по-мидийски; горцы между ними, по его же словам, отличаются особенной воинственностью [Страбон XI: 3, 3].

700. На сказанном перешейке живет и большое племя камаритов, которые носят это название от употребляемых ими круглых разбойничьих судов, которые у эллинов назывались “камарами”. Это были небольшие узкие и легкие ладьи, вмещавшие до 25 и редко до 30 человек. Эти камариты, по словам Дионисия, гостеприимно приняли Вакха при возвращении его с индийской войны и участвовали в плясках вместе с ленами, т. е. вакханками, накинув на грудь их одеяния, т. е. пояса и оленьи шкуры, и восклицая: “Эвое, Вакх”...

718. Дионисий называет фигуру Каспийского моря круглой или колесообразной, со всех сторон извивающейся, т. е. в виде круга, и говорит, что оно соединяется с Океаном. Вот его слова: “острым углом выдаваясь к северу, оно соединяется с Океаном”. Так думает Дионисий, который, как кажется, обозначает и устье, через которое Океан изливается в это море, – как это видно и в начале книги. Однако Птолемей не знает такого устья этого моря, говоря, что его можно обойти кругом по сухому пути [География VII: 5, 4], и не называет его круглым, но представляет его подобным праще, т. е. такой фигуре, в виде которой Дионисий представляет землю. При таком разно-

гласии ученых мнения их относительно фигуры этого моря, может быть, остались у них неодинаковыми, а разногласие, впрочем, как сказано в начале, прекрасно сопоставлено и согласовано древними: ведь если океан выделяет из себя Каспийское море посредством неизвестных протоков, то могут остаться в силе мнения и Птолемея, и Дионисия, как изложено в предыдущем: поскольку вода Каспийского моря берется из Океана, прав Дионисий, сказавший, что “Океан изливается туда”; а если протоки неизвестны и устье не видно, то прав и Птолемей.

721. Каспийское море Дионисий называет трудным для плавания и, сверх того, великим морем. Почему же великим? Потому что, говорит он, его, пожалуй, не обойдешь в третий оборот луны, т. е. в три месяца, конечно, при круговом объезде. Иначе оно не затруднительно для переправы, так как в длину оно простирается на 15 дней плавания на веслах, а в ширину на восемь дней, да и то в самом широком месте, по показанию Геродота [I: 203]. Отсюда следует заключить, что Каспийское море не вполне круговидно, как, по-видимому, представляет его Периегет, но продолговато, как говорит и Птолемей.

723. Много и других чудес представляет людям Каспийское море; и производит камни-кристаллы и яшму *ἡρόβεσσαν*, т. е. похожую по цвету на туман, темную, – страшную для эмпус и других привидений. Камень этот, по-видимому, считается защищающим от бед и отвращающим видения, к числу которых относится и Эмпуса, одно из низших божеств из свиты Гекаты.

728. Скифы живут близ Кронийского моря. Об их образе жизни уже сказано выше. Скифами же называются они, говорят, или от кож (*σκύτη*), в которые они одеваются, или от *σκύζεσθαι*, т. е. сердиться, так как они раздражительны, или же от имени Скифа, сына Геракла, как уже сказано в другом месте.

730. Унны, или фунны (тунны) с буквой *θ*, – каспийский народ из племени скифов⁴⁸. Нужно следовать тем, которые пишут “унны” без *θ*... Как названные унны – скифское племя, так и живущие за ними каспии народ весьма замечательный; от них и море называется Каспийским, как от гирканов – Гирканским; в их земле, по рассказам, из листьев сочится мед, виноградные лозы дают богатый урожай, а смоковница до того, говорят, изобилует плодами, что некоторые деревья дают сбора до шестидесяти медимнов [Диодор

XVII: 75]. Там же живет пастушеский и не особенно воинственный народ албаны, между землей иберов и Каспийским морем живут они, говорят, по-киклопски, т. е. счастливо и без трудов, так как земля у них во многих местах, будучи раз засеяна, впоследствии дважды и трижды приносит плоды без новых посевов. Люди они простые, законов не знают и считать не умеют дальше сотни [Страбон XI: 4, 3]. Наречий у них, по словам Географа [Страбон XI: 4, 6], двадцать шесть. Там же живут, по Дионисию, и кадусии в скалистой земле, очень ловкие ходоки по скалам, отличные стрелки из лука, по словам Географа [Страбон XI: 13, 4], и в скалистых местах пещи не уступят в сражении всадникам. В близком соседстве с ними живут марды, гирканы и апиры, которых Географ [Страбон XI: 9, 1] называет тапирами, начиная их название с *т*, и которые, получив от жены двух или трех детей, затем отдают своих жен другим.

762. К западу от колхов и Фасиса у берега Евксина скученно живут бизеры, от которых названа и Бизерская гавань, и бехиры, понтийский народ скифского племени, кроме того, макроны, мосиники, тибарены и халибы, о которых будет сказано ниже.

765. Макроны – народ понтийский, живущий южнее бехиров. Их мы ныне называем саннами или, вульгарнее, цанами... и страну саннов называют Цаникой употребляющие вульгарную форму имени.

Перифрастически или этимологически объясняя имя мосиников, Дионисий говорит, что они имеют *μόσυνα δοῦράτοι*, т. е. деревянные башни. Питаются они звериным мясом и орехами. Географ также говорит, что их название происходит от мосинов, т. е. башен [Страбон XII: 3, 18]. Ксенофонт же рассказывает, что мосиники употребляют сало дельфинов, как эллины масло, и область их изобилует плоскими орехами без всякого рубца, т. е. трещины; дети у них, по его же словам, жирны, откормлены вареными орехами, очень нежны и белы, в ширину почти такие же, как и в толщину: есть у них, говорит он, и вино, которое, не будучи смешано с водой, имеет острый вкус от терпкости, а смешанное душисто и приятно на вкус; все они, говорит он, и мужчины и женщины, отличаются белизной, но из всех туземцев имеют наиболее варварские обычаи и делают открыто в толпе то, что другие совершают наедине, а на пути в одиночку ведут себя так, как бы вели, идя в обществе других: они и смеялись, по его словам, и

разговаривали сами с собой, и плясали, вставая где попало [Анабасис V: 4, 28 сл.].

767. Тибарены, которых мы называем тибранами, *πολύρρηκες*, т. е. богаты овцами, скотом. Живут они, как и халдеи, до Малой Армении, как говорит и Географ [Страбон XII: 3, 19]. За ними – халибы, населяющие бесплодную и суровую землю, искусные в обработке рудного железа, которые, как он говорит, стоя при тяжкозвучных наковальнях, никогда не прекращают труда. Этих халибов другие называли халибоями [Гекатей, фр. 195]; они – понтийский народ у Фермодонта [Страбон XI: 3, 19 сл.], от них, говорят, вывозится железо, славящееся своей остротой, т. е. закалкой... Ксенофонт говорит, что они малочисленны, подвластны мосиникам и большая часть их живет разработкой железной руды [Анабасис V: 5, 1]...

772. За халибами “расстилается простор Ассирийской земли”, где и Фермодонт, по некоторым, скифская река, протекая от Армянской горы, посылает амазонкам свою белую

воду. От них Фермодонт называется и воинственным, не потому, что он сам таков, а потому, что воинственны пьющие его воду амазонки, о которых сказано и выше, и будет еще сказано ниже. Он говорит также, что этот самый Фермодонт принял и блуждающую Асопиду Синопу, т. е. дочь Асопа, любовницу Зевса... от которой получил название и одноименный с ней весьма известный город Синопа... колонией которого, по Диодору [XIV: 31], был Трапезунт, эллинский город, лежащий у страны колхов. Ксенофонт же, также рассказав, что синопейцы живут в Пафлагонской земле и являются колонистами из Милета, утверждает, что котиориты, керасунтцы и трапезунтцы платили дань синопейцам, говоря при этом, что Керасунт – эллинский приморский город, колония синопейцев в стране Колхидской [Анабасис V: 5, 10; VI: 1, 15]. Геродот же рассказывает [IV: 12], что киммерийцы, бежав в Азию от скифов, заселили полуостров, где ныне стоит эллинский город Синопа...

Примечания

¹ У Геродота нет такого рассказа о скифянках.

² [Теры – древнефракийское племя, которое вместе с киммерийцами наводнило на рубеже VIII – VII вв. до н. э. Малую Азию и разграбило Фригийское к Лидийское царства].

³ [Мидас – сын Гордия, полумифический царь Фригии, умер, по данным Евсевия, в 696/695 г. до н. э., отравившись бычьей кровью, не желая быть свидетелем гибели своего царства, павшего под ударами киммерийцев].

⁴ [Ардий, сын Гига – основатель династии Мермнадов в Лидии, VII в. до н. э.].

⁵ [“Когда он [т. е. Ардий, сын Гига] властвовал в Сардах, киммерийцы, изгнанные с родины скифами-кочевниками, пришли в Азию и захватили Сарды, кроме акрополя” (Геродот I: 15)].

⁶ Рассказ о Деркиллиде заимствован у Атенея (XI: 500 B), заимствовавшего его, в свою очередь, из XVIII книги Эфора (см. Ephori fr. 130 // FGrG, I: 271); но, по замечанию Диндорфа, Атений был введен в заблуждение ошибочным написанием, ибо прозвище Деркиллида было Σίσυφος.

⁷ [В действительности Дионисий нигде не называет скифов азиатами, напротив, он перечисляет целый ряд скифских племен при описании северноевропейских стран (стих 308 сл.)].

⁸ [Источником этого сообщения является для Евстафия, вероятно, Плиний, у которого одного содержится подобное указание (Естественная история VI: 20, 49). К. Кречмер (K. Kretschmer // RE, V, 2, 68, s. v., 2) полагает, что это наименование в действительности должно быть отнесено к реке Яксарту (Сырдарье), с которой историки Александра нередко смешивали Танаис].

⁹ [По Геродоту, это племя не является скифским].

¹⁰ [“Кусливых бойся грифов, Зевса бешеных Собак, и бойся одноглазых конников Из рати аримаспов, у Плутонова Потока золотого обитающих” (Эсхил. Прометей прикованный: 800–803)].

¹¹ [Ср.: “На севере же Европы, по-видимому, есть очень много золота. Как его там добывают, я также не могу определенно сказать. Согласно сказанию, его похищают у грифов одноглазые люди – аримаспы. Но я не верю, что от природы вообще существуют одноглазые люди, а в остальном естество у них, как и у прочих людей. Во всяком случае, кажется, что эти окраины ойкумены, окружающие остальные земли, обладают продуктами, которые у нас считаются весьма ценными и редкими” (Геродот III: 116); “Впрочем, Аристей, сын Каистробия из Проконнеса, в своей эпической поэме сообщает, как он, одержимый Фебом, прибыл к исседонам. По его рассказам, за исседонами обитают аримаспы – одноглазые люди; за аримаспами – стерегущие золото грифы, а еще выше за ними – гиперборей на границе с морем. Все эти народы, кроме гипербореев, постоянно воюют с соседями (причем первыми начали войну аримаспы). Аримаспы изгнали исседонов из их страны, затем исседоны вытеснили скифов, а киммерийцы, обитающие у Южного моря, под напором скифов покинули свою родину. Таким образом, рассказ Аристей не сходен со сказаниями скифов об этих странах” (Геродот IV: 13)].

¹² [“Итак, о гиперборейях сказано достаточно. Я не хочу ведь упоминать сказание об Абарисе, который, как говорят, также был гипербореем: он странствовал по всей земле со стрелой в руке и при этом ничем не питался (в существование гипербореев я вообще не верю). Ведь если есть какие-то люди на крайнем севере, то есть и другие – на крайнем юге. Смешно видеть, как многие люди уже начертили карты земли, хотя никто из них даже не может правильно объяснить очертания земли. Они изображают Океан обтекающим землю, которая круглая, словно вычерчена циркулем. И Азию они считают по величине равной Европе. Поэтому я кратко расскажу о величине обеих частей

света и о том, какую форму имеет каждая” (Геродот IV: 36)].

¹³ [Точнее – Адриатического моря].

¹⁴ [Дионисий называет так Херсонес Таврический – Крымский полуостров].

¹⁵ [Ср. Страбон XI: 2, 6].

¹⁶ Athenaei Naucratis Deipnosophistarum, libri XV / Rec. G. Kaibel. – Lipsiae, 1923: 351.

¹⁷ [Евстафий имеет в виду Планкты, или Кианен, при выходе из Евксинского Понта. Сравнение мысов Карамбиса и Бараньего Лба с Планктами, принадлежащее, может быть, не самому Евстафию, объясняется тем, что у многих древних авторов отчетлива тенденция изобразить Черное море как бы разделяющимся названными мысами на две части. Ср. Псевдо-Скимн: 953, где говорится, что между обоими мысами не более одного дня пути, а также Страбон VII: 4, 3. В действительности, такое разделение Черного моря двумя небольшими мысами, лежащими к тому же не строго друг против друга, было бы чрезвычайно неестественным. Нечего и говорить, что подобное впечатление не могло создаться у мореплавателей. Разделение Евксинского Понта на две части или плод фантазии древнего географа, или результат схематических изображений древних картографов].

¹⁸ [“Возле скал голубых, у обоих морей На Боспоре фракийском стоит Салмидес”; вариант: “Возле скал голубых... При выходе из пролива Босфор есть две скалы Симплегады” (Софокл. Антигона: 978-979)].

¹⁹ [О племенном наименовании *тавроскифы*, употреблявшемся греческими географами применительно к скифскому населению степного Крыма, см. прим. к Страбон VII: 4, 2].

²⁰ [О скифском племени *рос* или *русь* (Ρῶς), которого не упоминает Дионисий и которое Евстафий отождествляет с таврами, см. схолии к сочинению Аристотеля «О небе» II и прим.].

²¹ [О перенесении наименования *Ахиллов Бег* на Крымский полуостров см. прим. к Дионисию Периегету 308].

²² [О *хазарах*, тюркском племени, появившемся в северокавказских степях в первые века н. э., Дионисий не упоминает].

²³ [О *Замолксисе*, или Залмоксисе, гетском пророке и божестве, см. Геродот IV: 94 сл. а также Страбон XVI: 2, 39].

²⁴ [О горе *Алан* в Европейской Сарматии, отождествляющейся, вероятнее всего, с возвышенностью в районе среднего течения реки Донца, см. Птолемей. География III: 5, 3].

²⁵ [О культе *Ахилла* в Северном Причерноморье, и в особенности на острове Белом, см. И. И. Толстой. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. – П., 1918].

²⁶ [О следах египетских культов и, в частности, культа *Озириса* в Северном Причерноморье в эллинистическо-римскую эпоху см. W. Drexler. Mythologische Beiträge. I. Der Kultus der ägyptischen Gottheiten in Donauländer. – 1901: 83 сл.].

²⁷ [Трудно сказать, что именно составляет предмет заблуждения Евстафия; возможно, что он называет Таврическим, или Меотийским, островом современный Таманский полуостров].

²⁸ [О культе *Артемиды Таврополы* в Крыму см. Еврипид. Ифигения в Тавриде: 36 сл. и прим.].

²⁹ О людоедстве меланхленов Геродот не упоминает.

³⁰ [Как и в схолии к Дионисию Периегету 306, Евстафий путает Таврику, или Херсонес-Таврический, с Таманским полуостровом (в древности считавшимся островом), на котором были расположены Фанагория и Гермонасса].

³¹ [Дионисий имеет в виду племя меотов, имя которых он распространяет и на другие соседние племена].

³² [О походе амазонок против Эллады и, в частности, против Аттики см. Исократ. Панегирик: 67; относительно Ареопага, который, по преданию, был стратегическим пунктом атак амазонок, направленных против Афин, см. Эсхил. Эвмениды: 680].

³³ [О походе Геракла в Азию против царицы амазонок Ипполиты см. Аполлодор II: 5, 9].

³⁴ [*Парагога* – слоговое или буквенное приращение в конце слова].

³⁵ [Не трудно убедиться, что Евстафий отождествляет в данном случае, в порядке развития идей мифической географии, представления о Таврических, Кавказских и Рипейских (Уральских) горах].

³⁶ В сохранившемся тексте Страбона нет такого указания.

³⁷ Зимний месяц, приблизительно соответствующий январю.

³⁸ [Пс 147⁵ дает снег, как волну].

³⁹ [В тексте Дионисия (стих 682) речь идет не об оретах, но о кавказских торетах].

⁴⁰ [Евстафий имеет в виду, вероятно, союз Помпея с сыном и наследником царя Митридата Евпатора Фарнаком, заключенный Помпеем еще в эпоху войны с Митридатом. Ср. Плутарх. Помпей: 41].

⁴¹ [Евстафий совершает две ошибки сразу: во-первых, Диоскуриада (у Евстафия Диоскурида; близ нынешнего Сухуми) лежит западнее Фасиса (Поти), во-вторых, она лежит севернее Фасиса, т. е. отстоит от Трапезунта дальше, чем Фасис, действительно являющийся в некоторой степени соседом Трапезунта].

⁴² [О *тоанах* (*соанах*), не упоминаемых Дионисием и отождествляемых с позднейшими кавказскими сванами, см. Страбон XI: 2, 14, 19].

⁴³ [Страбон говорит о 120 мостах (XI: 3, 4)].

⁴⁴ [*Керавскими горами* в Иллирии называется горный хребет (современные горы Кимара), тянувшийся вдоль побережья Эпира].

⁴⁵ По словам Страбона (V: 3, 6), эта гора находится в Лации, в 290 стадиях от города Антия.

⁴⁶ Стефан Византийский ссылается на это самое место Дионисия.

⁴⁷ [Наименование это, позднее распространившееся на весь полуостров, известно было уже Геродоту, как пункт, у которого лежат истоки реки Истра (II: 33)].

⁴⁸ [Скифами *гунны* по своей этнической принадлежности могут быть названы лишь в самом широком смысле слова, как племя азиатского происхождения. Во времена выступления гуннов на историческую арену, т. е. в IV в. н. э., под этим именем фигурировали алано-сарматские, угорские и другие прототюркские и протославянские племена].

Источник: Евстафия, архиепископа Фессалоники, объяснения к «Землеописанию» Дионисия // В. В. Латышев. Древние писатели о Скифии и Кавказе [Извлечения, перевод и примечания В. В. Латышева; дополнительные комментарии Л. А. Ельницкого] // ВДИ, 1948, № 1.

Иоанн Киннам

Ἰωάννης Κιννάμος – Johannes Cinnamus

Иоанн Киннам (середина – II пол. XII в.), византийский историк. Происходил из знатной семьи, вероятно, переселившейся из Рима в Византию. В царствование императора Мануила I Комнина (1143–1180) состоял на военной службе и с юношеских лет безотлучно находился в лагере Мануила, участвуя во всех войнах, которые этот государь вел на обоих материках тогдашней Восточной империи. О воинских подвигах Иоанна Киннама свидетельствует и Никита Хониат (II: 5), говоря, что Киннам воевал против тирана Андроника, когда последний стоял лагерем в ви-

финском Леопадииуме. Одновременно Иоанн Киннам исполнял должность царского грамматика – составителя официальных документов. До нас дошло главное и, возможно, единственное историческое сочинение Иоанна Киннама – «Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов», которое охватывает 1118–1180 гг. Царствование Иоанна II Комнина (1087–1143, имп. с 1118) описано кратко и в одной только первой из семи книг. Зато события эпохи Мануила автор расписывает в живописных деталях, будучи очевидцем и участником происходящего.

Подробнее см.: Краткое сведение о Киннаме и его истории // Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180). Труд Иоанна Киннама / Перевод под ред. В. Н. Карпова. – СПб., 1859; М. В. Бибилов. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. – М.: Ладомир, 1997.

Иоанн Киннам

Краткое обозрение доблестных дел блаженной памяти царя и порфирородного господина Иоанна Комнина и повествование о делах славного сына его и порфирородного господина Мануила Комнина

Перевод под ред. В. Н. Карпова

Книга I

1. Древние мудрецы не почитали делом маловажным заниматься и историею; напротив, весьма многие из них даже прославились этим. Один за предмет своей истории брал дела эллинов; другой раскрывал воспитание Кира в его детстве и рассказывал о подвигах, которые он совершил в мужеском возрасте. Так как настояла опасность, чтобы события, случившиеся задолго, не пришли в забвение, то они начерчивали их в книгах, будто на вечных столпах, и сведения о них передавали дальнейшему потомству. Таково дело историка. Но я думаю, что приступающие к подобному труду не недостойно цели должны быть хорошо знакомы с каждым событием и свободны от всех забот и хлопот, непрестанно влетающих в эту жизнь; а у нас нет, сколько нужно, ни того, ни другого. Из-за этого, однако ж, не должно умалчивать о тех делах, которые случились в наше время, а надобно стараться, чтобы представляющийся нам благоприятный случай не прошел без пользы. И он не пройдет, если мы, решительно оставив повествование о всем другом, что входит в общественную человеческую жизнь, опишем дела двух царей, из которых один окончил дни

свои прежде, чем родились мы на свет¹, а другой процветал при нас и умер, оставив царство еще несовершеннолетнему сыну².

Эти государи – Иоанн и Мануил Комнины. Как жил тот, от которого произошли оба они (один, – восстановив в себе царскую власть отца, а другой – деда) и как управлял он общественными делами римлян, о том довольно, думаю, сказано людьми, описывавшими его подвиги; так что нам нет нужды повторять сказанное. Не нужно говорить и о том, как он восстал на занимавшего тогда царский престол Никифора³, уже глубокого старца и бывшего на западе дней своих; потому что люди, писавшие не по ненависти к нему, подробно описали, как я сказал, все это. Впрочем, дела Иоанна будут пересказаны мною кратко, как бы в общем обзоре; потому что в его время, повторяю, я еще не родился. Что же касается до царствовавшего после него Мануила, то не знаю, может ли кто лучше меня рассказать его историю; потому что мне, даже прежде чем достиг я юношеского возраста, довелось участвовать во многих его походах на обоих материках. Таково мое намерение; теперь

время приступить к самому рассказу и начать нашу Историю.

3. Возвращаясь оттуда [из-под Созополя], царь взял крепость Иерокорифитис и многие другие наблюдательные посты в смежности с Атталю⁴, а потом прибыл в Византию. Однако же здесь оставался он недолго и должен был отправиться в Македонию; потому что тогда перешло чрез Дунай и вторглось в пределы римской империи огромное войско скифов. Но так как в это время наступала зима, то царь остановился зимовать в городе Берое, — частью для того, чтобы приготовиться к войне, а еще более для того, чтобы расположить к себе некоторых скифских филархов⁵, и, тем самым, произведя между ними разделение, без труда победить остальных. К весне успев уже посольствами привлечь многих на свою сторону, он выступил против прочих и решился кончить с ними дело войною. Когда обе армии вступили одна с другою в сражение, борьба до некоторого времени оставалась в колебании, так что сам царь был ранен стрелою в ногу. Но наконец римляне усугубили свое мужество, и скифы были разбиты наголову, так что одни из них легли на месте, а другие забраны были в плен. Некоторая же немаловажная часть их, возвратившись в стан, не хотела бежать далее, но решилась с женами и детьми снова выдержать опасность боя, воспользовавшись своими телегами, которые они крепко связали одну с другою, и, покрыв их воловьими кожами, поместили в них своих жен и детей. Итак, опять началось упорное сражение и полилась кровь с обеих сторон. Прикрываясь своими телегами, как стенами, скифы наносили римлянам чувствительный вред. Заметив это, царь хотел сойти с коня и пешком в рядах своих воинов вступить в бой. Но когда римляне не одобрили его намерения, он приказал окружавшим его бердышникам (это были британцы, издавна служившие римским царям) подойти и рубить бердышами скифские телеги. Это дело тотчас же начато, и царь овладел самым станом скифов. Потом весьма многие и из тех, которые старались спастись бегством, по любви к оставшимся в плену, сами собою сдались царю, поселены на римских землях, вписаны в военное сословие и долго оставались в нем.

4. Так совершился переход скифских племен в римскую империю. После того царь опять имел дело в Азии. Не ожидаемый тамошними жителями-варварами, особенно по причине зимнего времени, царь одних между

ними совершенно поработил, а других еще в большем числе обратил к православному учению, и чрез то увеличил римское войско. Еще не занимаясь полевыми работами, эти варвары, подобно скифам, питались только молоком и мясом и, поставляя свои палатки рассеянно по полям, легко доставались всякому, кто хотел напасть на них. Так прежде жили и персы. Война же между римлянами и гуннами, обитающими в стране за Дунаем, возгорелась по следующей причине. У короля Пеонии, Владислава⁶, было два сына, Аллузий и Стефан. Стефан, как старший, по смерти их отца, сам собою принял власть; а другой убежал и пришел к царю, потому что у гуннов есть обычай, что, когда государь умирает и оставляет детей, братья живут вместе во взаимном согласии, пока тот, который правит государством не сделается отцом ребенка мужского пола; а как скоро у него родится сын, другому позволено жить в стране не иначе, как с выколотыми глазами. Вот по этой-то причине Аллузий и пришел к царю. Царь рад был видеть этого человека и принял его с любовью, тем более, что женат был на дочери Владислава Ирине, женщине преимущественно пред всеми скромной и исполненной редких добродетелей. Все, что получала она от царя-супруга и из государственной казны, ни детям не берегла в наследство, ни расточала на излишние украшения и роскошь, но во все время своей жизни благодетельствовала каждому, кто просил ее о чем-нибудь. Создала она и монастырь в Византии во имя Вседержителя — такой монастырь, который, по своей красоте и величине относится к числу особенно замечательных. Такова-то была эта царица. Король гуннов, услышав о брате, отправил к царю послов и просил выслать его из римской земли, но, не убедив царя сделать это, переправился чрез реку Дунай и, осадив лежащий при ней Белград, взял его, раскопал до основания и, вывезя оттуда на кораблях камни, построил из них в Сирмии⁷ город Зевгмин, существовавший с того времени весьма долго, пока при самодержавии царя Мануила не был раскопан до основания и в свою очередь не послужил весь на построение стен Белграда. Но об этом я скажу впоследствии, когда по порядку повествования дойду до того времени. Услышав, что Белград разрушен, царь двинулся к Дунаю со всем своим войском и с союзным ополчением частью из лигурийских всадников, которых у нас называют ломбардцами, частью из персов, и остановившись на

придунайском берегу, готовился к битве. Стефану случилось тогда страдать расслаблением тела и надлежало, по болезни, оставаться в пределах страны. Впрочем, он не медлил своими распоряжениями, но со всевозможною скоростью выслал войско для удержания царя и приказал своим военачальникам стать на месте переправы. Гунны поступили согласно с предписанием. Но царь, чтобы не бороться с преграждающими переправу неприятелями, придумал следующее: отделив все союзное войско, велел он ему идти вдоль по реке, по направлению к месту, называемому Темпом, где есть гора, которая, начинаясь в стране гуннов, тянется до самой реки, – и там переправиться; а сам с прочим римским войском стоял против крепости Храма и показывал вид, что намерен совершить переправу в этом месте. Вследствие таких распоряжений римляне перешли без труда, и гунны, не выдержав даже первого натиска их, побежали изо всей силы. Преследование их продолжалось до самой реки, где, столпившись на мосту, которым соединялись ее берега, они проломили его, от чего весьма многие из них увлечены были рекою и в ней погибли, а другие попали в руки римлян; в числе последних были Акусий и Келадий, мужи у гуннов именитейшие. Совершив этот подвиг, царь тотчас взял крепость Храм и, оставив для охранения города Браничева достаточный отряд войска под начальством Куртикия, немедленно возвратился в пределы римской империи и прибыл в Византию. Впрочем, немного спустя, гунны осадили Браничев и заняли его; из бывших же в нем римлян одних побили, а других взяли в плен. Были между ними и такие, которые старались спастись бегством. Разгневанный этим, царь осудил Куртикия в измене и приказал дать ему много ударов по спине, хотя он не прежде сошел со стен, как тогда, когда неприятели ворвались уже со всем войском в город и начали жечь его.

5. В это время задумали отложиться сербы – племя далматское – и разрушили крепость Рас. В наказание за то Критопла, которому вверено было охранение крепости, царь велел одеть в женское платье и, посадив на осла, во-

зить по площади. Потом, прибыв в Браничев в другой раз, он спешил возобновить ее. Но между тем, как время проходило в работах, наступила зима, и войско от недостатка припасов начало сильно страдать болезнями. Узнав об этом, король пеонян задумал быстро перейти чрез Дунай и напасть на римлян врасплох. Но в стране гуннов находилась тогда женщина, родом латинянка, отличавшаяся богатством и знатностью происхождения. Она через своего посла известила царя об этом замысле. Царь, не имея возможности открыто сразиться с неприятелем, потому что его войско, как сказано прежде, страдало болезнью и нуждалось в припасах, укрепил сколько мог город и отступил от него; а чтобы войско гуннов не принудило его принять сражение, пошел по некоторым пустынным и гористым местам, может быть, по тем, которые известны у туземцев под именем Злой лестницы. В этом месте войско гуннов внезапно напало на задние фаланги римлян, но не сделало им никакого вреда, кроме того только, что взяло оставленные, за недостатком вьючного скота, обрывки покровов царской палатки, и возвратилось; римское же войско продолжало свой путь оттуда без всякой опасности. Несколько спустя после того времени царь отправился в Азию с намерением отнять (у варваров) прилежащий к Пафлагонии город Кастамон. Персы, живя в этом городе, делали из него набеги на ближайшие подвластные царю места и всегда наносили зло римлянам. Итак, приготовив большие средства к войне, он поразиł персов, принудил их сдать римлянам и город и самих себя и после того, возвратившись в Византию, блистательно торжествовал победу. Для этого случая соорудил он из серебра и богато вызолотил военную колесницу, как бы с целью ехать на ней в столицу; однако же, избегая, вероятно, подозрения в гордости, не сел на нее, но поставил на ней икону Богородицы, а сам шел впереди с крестом. Дивно было видеть византийцам это шествие, подобного которому дотоле не видывали, думаю, со вступления на римский престол Ираклиев и Юстинианов.

Книга II

12. С того времени началось движение с Запада. Теперь двинулись и кельты, и германцы⁸, и народ галльский, и все другие народы, подвластные древнему Риму, бритты и бриттанцы⁹ – просто весь Запад. Предлогом дви-

жения этих народов из Европы в Азию было сразиться с персами, какие встретятся на пути, взять в Палестине храм и посетить святые места; на самом же деле у них была мысль разорить до основания римскую землю и по-

прать все, что попадется под ноги. Войско их было числом превосходнее римского. Узнав, что они находились уже недалеко от границы гуннов, царь отправил к ним послов – некоего Димитрия Макримволита и Александра¹⁰, родом итальянца, который прежде был графом итальянского города Равенны, а потом, изгнанный из своей области вместе с другими сицилийским тираном, добровольно перешел к царю. Этим мужам приказано было выведать их намерение, и, если они идут не со злым умыслом в отношении к римлянам, пусть подтвердят то клятвой. Придя к предводителям сих варваров, послы говорили им следующее: “Вести войну без объявления оной и притом с народом, не сделавшим никакой обиды, и нечестиво, и непристойно людям, особенно таким, которые отличаются знатностью рода и избытком силы. Положим, они победят; но это не к чести им: не мужеству их будет приписана победа. Если же будут побеждены, то не за добродетель подвергнутся опасности. То и другое не похвально. Вам не иначе можно будет попираť землю римлян, как после данного царю уверения, что вы не будете совершать никаких обид. Если нет у вас намерения дать ложную клятву, то отчего не ведете войны открыто? Напасть на римлян и врасплох вам будет ведь трудно, а когда внесете к ним войну вероломно – еще труднее, потому что тогда должны будете воевать против Бога и римского оружия. Напротив, если дружба ваша искренна и не скрывается в вас никаких коварных умыслов, утвердите дело клятвой, и вам можно будет по земле великого царя идти, как по дружественной; вас встретит приличный прием и всякое радушие”. Вот что сказали послы.

15. Это так. Находясь в упомянутом предместье, Конрад¹¹ послал передать царю объяснение почти в тоне глубокого сокрушения. Вот его содержание: “Всякому человеку с умом надобно, государь, смотреть не на дело само по себе, а на цель, с которой оно особенно совершается. Кто предзанят какой-нибудь мыслью, тот часто и доброго не хвалит, и явно худого не порицает. Между тем бывает иногда, что от врагов, сверх чаяния, мы получаем добро, а от друзей испытываем зло. Итак, не обвиняй нас в тех преступных действиях, которые недавно совершены в твоей земле толпами нашего войска, и не досадуй на это, потому что не мы сами были причиной того, – это произведено безумной стремительностью толпы, своевольно покушавшейся на такие

преступления. Ведь где блуждает и скитается иноземное и пришлое войско, – либо для обозрения страны, либо для добывания необходимых припасов, – там подобные преступления с обеих сторон, думаю, естественны”. Так говорили алеманы. А царь, приняв их слова в смысле ироническом, отвечал следующее: “И нашему величеству небезызвестно, что стремительность толпы есть явление, всегда неудобоправимое и необузданное. Потому-то, конечно, мы, не связанные ни обещанием и ничем другим, озаботились, как бы не обидеть вас, как бы, то есть, вам, людям иностранным и пришлым, пройти по нашей земле безвредно, боясь нарушением долга гостеприимства навлечь на себя невыгодное между людьми мнение. А что вы, как мудрецы, умеющие хорошо исследовать природу вещей, представляете такие дела не подлежащими обвинению, за то мы даже благодарим вас, потому что вперед не будем уже стараться удерживать народного порыва и свалим все на безумие толпы, чему вы научили нас добрым своим примером. В этом случае вам выгоднее будет не ходить вразброд и не скитаться так по чужой земле; ибо если это будет принято и с обеих сторон предоставится народным толпам увлекаться своими порывами, то иностранцы, естественно, потерпят много от туземцев”. С этими словами царь отпустил послов Конрада. Между тем, видя, что римское войско по количеству гораздо менее войска варваров, а по знанию военного искусства и твердости в сражениях далеко превосходнее его, придумал следующее. Он приказал Просуху, Чикандилу и многим другим римским военачальникам взять с собой достаточное число войска и, поставив его прямо против алеманов, построить так: нефронтовую и как бы сборную часть армии поместить далее, около четвертого знамени, потом поставить тяжело-вооруженных и латников, затем быстролетных наездников и, наконец, впереди – скифов вместе с персидскими и римскими стрелками. Римляне так и сделали, и алеманы, лишь только увидели это, с сильным раздражением и шумом пустились на них. Тут произошло упорное сражение и великое побоище алеманов, потому что римляне искусно встречали нападение своих противников и убивали их. Между тем Конрад, еще не зная об этом событии, надменно сидел в лагере и далеко простирали свои надежды. Поэтому царь, желая посрамить прежнее его высокомерие, отправил к нему письмо следующего содержания:

“Каждому из нас долженствовало быть хорошо известно, что как конь, если он не слушается узды, не только не может быть полезен всаднику, но еще часто вместе с собой низвергает его в бездну, так и войско, если оно не повинуется военачальникам, большей частью подвергает опасностям правителей. Поэтому нам не следовало бы позволять своим войскам – тому и другому – увлекаться собственными порывами. Но как ты, – не знаю, по какому побуждению, – первый пренебрег этим правилом, а через то заставил по необходимости следовать новому образу мыслей и наше величество, сколь ни дружески были мы расположены к тебе, то теперь сообрази, к чему привело вас это своеволие толпы. Мне доносят, что и небольшое римское войско, схватившись с немалочисленным войском алеманов, привело его в худое состояние, потому что туземец у себя дома большей частью одолевает пришельца и иностранца. А между тем за такое буйство нам даже нельзя будет и наказать свою толпу. Да и как это можно, когда мы однажды позволили им следовать собственной воле? Итак, если тебе угодно, – опять скажу, – надобно обоим нам крепко держать бразды власти и обуздывать порывы своих войск; а неуютно – пусть все остается в нынешнем положении. По крайней мере, мы ясно высказали вам, что делается”.

18. Так вот что здесь происходило. Между тем на архиерейский престол царь возводит некоего Николая, по прозванию Музал, который прежде был в числе высших духовных лиц и занимал престол Кипрской Церкви, а потом добровольно удалился оттуда. Но едва только вступил он в управление делами (Византийской Церкви), вдруг отверзлись против него уста всех и закричали, что он незаконно занял престол, потому что, оставив прежнюю свою Церковь, сложил уже с себя и священство. Николай сперва упорствовал и никак не хотел сойти с престола, но, узнав, что его дело будет рассматривать царь, и ожидая от него невыгодного определения, не решился подвергнуться вторичному суду, оставил престол и жил частным человеком. На место его возводится Феодот¹², муж испытанный долговременными трудами подвижничества. Алеманы же, как сказано, быв многократно отражены персами и потеряв много войска, отчаялись в возможности перейти Филомелион, а потому пошли назад и, придя в Никею, соединились там с продолжавшими свой путь германцами и другими королями,

которые сопровождаемы были также многочисленными войсками. Из них один управлял чехами¹³ и на королевский престол был возведен Конрадом, другой – лехами¹⁴, народом скифского происхождения, сопредельным с западными гуннами. Когда эти войска сошлись вместе, германцы обыкновенно прилагавшее к алеманам слово “*πούτζη Αλεμάνε*”¹⁵ (так буквально произносилось оно) теперь прокричали им издалека и громко. А откуда произошла такая насмешка, тотчас расскажу. У этих народов способ сражаться не один и тот же. Германцы с легкостью садятся на коня и при нападении весьма ловко действуют копьем, притом конь их по быстроте превосходнее алеманского. Алеманы же способнее германцев сражаться пешими и гораздо лучше них действуют мечом. Посему, когда последним случалось вести войну с первыми, из опасения к их лошадям они скорее решались нападать на противников пехотой. Но тогда германцы, схватившись с нестройной алеманской конницей, одолевали ее и потом, тем удобнее наскакивая на алеманов, обращали в бегство их пехоту, хотя численностью бывали гораздо ниже ее. В таких-то случаях германцы упомянутым выше словом смеялись над своими неприятелями, выражая ту мысль, что, при всей возможности сражаться на конях, они предпочитают воевать пешими. Тем же словом, как сказано, германцы приветствовали их и тогда и постоянно возбуждали в них великое неудовольствие. По этой причине, да и потому, что алеманам во время похода предстояла опасность занимать второе место после германцев, все сии войска шли вместе только до Филадельфии; а отсюда Конрад, не желая более сносить презрение со стороны германцев, решился идти назад и о своем намерении послал известить царя. Царь, частью из желания разделить между собой королей, частью по состраданию к человеку, отписал ему следующее: “Людям, которые хоть немного могут мыслить, свойственно рассматривать вещи не в наилучшем их состоянии, а в них самих, вне всякой их изменчивости. Посему и тогда, как твои дела шли хорошо, наши отношения к тебе были не выше твоего достоинства, и теперь, когда они несколько неудачны, мы не отказываемся принять тебя опять так, как старались выразить тебе свое уважение прежде, видя в твоём лице сродника и правителя толиких народов и подавая тебе советы в трудных обстоятельствах, – и все это частью по высказанной причине, а

частью потому, что мы единоверцы. Напротив, ты, не знаю, как-то считая маловажным все, тебе полезное, сам не замечаешь, что избираешь худшее. Но так как сделанного однажды несделанным почитать нельзя, то перейдем это молчанием и будем всячески стараться о том, что еще не ушло и находится в

наших руках. Ведь дела наши по природе таковы, что непрестанно текут и никогда не останавливаются. Кто первый овладел ими, тот приобрел все; а когда они упущены, возвратить их никак невозможно. Итак, пока имеешь какой-нибудь способ поправить свои дела – спешి ухватиться за полезное”.

Книга III

3. Но едва только дошел самодержец до Филиппополя, как распространился слух, что скифские войска, перейдя Дунай, опустошают и грабят все встречающееся им на пути и взяли уже один при той реке важный город. Такая-то разнеслась молва. Тогда, изменив направление, царь пошел оттуда к Дунаю и к Дунаю же приказал плыть кораблям из Византии через город Анхиал¹⁶, а до их прихода в тамошних долинах занимался охотой; ибо те совершенно пустые и издревле не населенные долины пропитывали великое множество диких зверей. Во время этих занятий донесено было ему, что скифы, собрав добычу в римских владениях, недавно переправились через Дунай и недалеко оттуда раскинули свои палатки. Услышав это, царь с возможной скоростью поспешил к реке и, найдя там рыбацью лодку (а лодки на Дунае употреблялись обыкновенно сделанные из одного дерева), приказал подать ее себе. Но перевозчик случился человек упрямый, который, выслушав приказание царя, отвечал: “Если бы царь заботился о нас, то Демничик (так называлась взятая, как мы сказали, скифами крепость) не был бы взят, наше имущество не попало бы в руки варваров и не было бы унесено ими”. Раздраженный этим, царь, говорят, сказал: “Пусть не буду я тот, кому свыше вручено владычество над римлянами, если скифы не понесут тотчас же должного наказания за свою дерзость”. И затем, прочее свое войско поставив лагерем на берегу, сам он – так как корабли, сказано, еще не пришли – приказал связать и сладить рыбацьи лодки и на них с пятьюстами человеками переправился через Дунай. Но, подвигаясь далее, встретил он на пути еще две судоходных реки и, так как там не было видно рыбацких лодок, на которых можно было бы переправиться, приказал сопровождаящим его людям привязать к лошадиным хвостам найденные на Дунае челноки и перетащить их на упомянутые реки. Когда это было сделано, они без труда переправились и, перейдя длинную равнину, достигли горы, находящейся недалеко от тавроскиф-

ских границ. Там нашли они скифский лагерь совершенно пустым (потому что скифы незадолго перед тем снялись отсюда) и пошли далее. Время было уже около полудня, а из врагов никто и нигде не показывался. Тогда царь, отделив союзных с римлянами скифов, под предводительством подручного себе полководца Гифарда, человека опытного в воинском деле, послал их в погоню за неприятелем, чтобы следить его и, где можно, сразиться с ним, а сам медленно двигался позади. Гифард недалеко настиг врагов, но не осмелился сразиться с ними, потому что число варваров показалось ему превосходнее численности его отряда, а послал просить царя, чтобы он скорее шел к нему. Услышав это, царь тотчас вооружился сам, вооружил и все войско и, нагнав скифов, вступил с ними в бой. Скифы сперва остановились с намерением принять сражение и, построившись в фалангу, стали защищать себя и унесенную ими добычу. Посему битва с обеих сторон была стремительная и сильная. Но между римлянами находилось тогда много и других людей доблестных, доблестнее же всех был царь. Выдерживая близкий и сильный натиск врагов, он с копьем в руке нападал на их ряды, разрывал их строй и убивал их не по одному только, но и по два человека. Когда же от этих неудержимых нападений царя неприятельское войско стало приходить в замешательство, римляне, устремившись против него целой массой, одержали блистательную победу. В этом деле многие из варваров пали, а более ста человек было взято в плен, в числе которых и некто Лазарь – человек, отличавшийся особенным мужеством и между скифскими филархами преимущественно заметный. Остальные спаслись благодаря быстроте коней и лесистым горам, которые тянулись там во множестве. Забрав весь скифский фураж, римляне пошли назад. Тогда, получив свободу, ушел от скифов и прибежал в лагерь тот богатый, как сказано, и по происхождению знатный человек – Сот.

4. Одержав эту непредполагаемую победу, самодержец двинулся отсюда и готовился к войне с Сицилией. Он был так неутомим в воинских трудах, как не приходилось, думаю, никогда и никому из людей, занимавшихся гражданской и воинской службой, – ни царям, ни военачальникам. Он шел в Сицилию, а мысль его обнимала всю Италию. Но, видно, судьба отказывается и от истинной славы и военачальство, соединенное со знанием дела, умеет без всякого труда направить совершенно к противоположному. Хотя дела со скифами и отвлекли царя от Сицилии, однако же он в пору пришел в то место, откуда надлежало начать плавание...

7. Наконец, когда наступила сильная зима, так что у многих животных от сосредоточения естественной теплоты около сердца начали уже страдать конечности, тогда царь вспомнил о Византии. В следующее же лето, при конце этого времени года, когда дороги в Сербию бывают для военных особенно хороши и спадает зелень с деревьев, он перевел свое войско к Наису. Здесь, узнав, что к далматам идет вспомогательное войско из Пеонии, он употребил старание перевести свою армию через так называемую Лонгомирскую страну¹⁷, чтобы римляне могли сразиться с шедшими от них вправо пеонянами. Приблизившись к Саве, он перешел оттуда к другой реке, по имени Дрина, которая, имея свой исток где-то выше, отделяет Боснию от Сербии. А Босния не подчинена сербскому архижупану – этот народ живет и управляется особо, сам собой. Что заставило гуннов вступить в войну с римлянами, я сейчас объясню. Был некто, родом далмат; каким именем звали его – не знаю, но брат его назывался Белой, и оба они пользовались у далматов честью. Последний был женат на сестре архижупана и, лишившись зрения (каким образом, сказать не могу), удалился в Пеонию. Прожив здесь долгое время, он был весьма уважаем королем Гейзою²⁰, потому что находился в числе его воспитателей и наставников с самого его детства. Чтобы отплатить за это Гейзе благодарностью, вознамерился он подчинить ему Далмацию и, всякий раз советуя одно и то же, наконец успел убедить этого человека. Вот почему Гейза, услышав о вторжении римлян в Далмацию, послал войско на помощь далматам, и это было причиной неприязни между римлянами и гуннами. Во время движения римского войска вперед фуражиры встретились с шедшими против римлян гуннами и

вступили с ними в битву. Узнав об этом, царь выслал к ним на помощь с войском протосеаста Иоанна. В произошедшей стычке гунны были побеждены римлянами и обратились в бегство по направлению к реке Стримону, у которой, бросив довольно своих, продолжали бежать без оглядки; а римляне все следовали за бегущими по пятам и дошли до реки Тары²¹, но, видя, что никто против них не выходит, вспомнили о возвращении. Между тем царь стоял лагерем на середине дороги, ведущей в Сеченицу²², и, не зная, где находится архижупан, сначала был в недоумении, но, услышав от пленных далматов, что он ожидает на помощь себе гуннское войско, которое должно прийти весьма скоро, повел свою армию далее. До реки Тары римляне не встретили нигде ни одного неприятеля, но, подойдя к этой реке, еще прежде чем солнце зашло за западный горизонт, увидели они бесчисленное множество вооруженных далматов. Увидев их, римляне, объятые страхом и трепетом, пришли сказать об этом царю. Тогда царь, весьма верно сообразив, что виденное войско состоит из ожидаемых далматами пеонян (в чем, сверх того, был удостоверен и наблюдением Хуруна), сказал: “Далматы хотят внезапно напасть на римлян”, – потому что сделали привал уже неподалеку оттуда, – и, как в то время наступала ночь, придумал следующее. У римлян есть обычай для означения времени стоянки трубить накануне вечером: звук трубы был знаком для войска, что на том месте оно пробудет и следующий день. Итак, чтобы обмануть неприятелей, которые знали также этот римский обычай, царь приказал тотчас трубить, секретно же объявил военачальникам поодиночке свое распоряжение, чтобы каждый из них, вооружив отборных людей своей фаланги как следует, стоял смирно и ожидал его приказания, а дабы их не заметили, велел им прикрыть свое вооружение плащами, какие носят бедняки.

8. Приказание было исполнено. Потом, когда уже рассвело, царь вывел их из лагеря, будто для фуражировки, и для того велел даже некоторым идти впереди совершенно без оружия, с одними заступами и щупами, какие обыкновенно употребляют для отыскания хлеба под землей, когда хотят достать для войска продовольствие; а как скоро увидят они, что враги идут на них, приказал им бежать до тех пор, пока, соединившись с идущими позади римлянами, не будут в безопасности. Как военачальник, все мгновенно об-

нимающий своим взглядом, он распорядился, чтобы из этих воинов сперва шли двое, потом, немного позади, – четверо, далее – шесть человек, затем – десять и так все более; а между тем построил еще одну колчаноносную фалангу и велел ей идти на неприятеля с другой стороны и, как скоро далматы начнут бой, бежать, если числом она будет слабее врагов; а когда никто против нее не выйдет, стоять спокойно перед лагерным валом. Так распорядился он с той целью, чтобы, как скоро от его натиска с другим отрядом войска далматы обратятся в бегство, эта фаланга, вооруженная гораздо легче, могла догонять и бить их. Недалеко еще прошла та первая дружина, как досмотрщики быстро прискакали к царю и прерывающимся голосом, бледные от страха, говорили, что на другой стороне реки расположено фалангой огромное войско, состоящее не только из туземцев, но и из многочисленной союзной дружины гуннских всадников и не единоверных с ними халисян²³; потому что гунны исповедуют христианскую веру, а эти и доньше управляются законами Моисеевыми, да и то не совсем правильно понимаемыми. Они сказали также, что в рядах далматов вместе с этими находятся и печенеги. Услышав о том, царь подумал, как бы пошедший вперед небольшой отряд римлян не был окружен и подавлен многочисленным неприятелем, и быстро понесся оттуда, приказав следовать за собой знаменосцу. Но так как последний, от утомления своей лошади, ехал медленно, то царь, сам схватив знамя, полетел с ним и с одного возвышенного места показал неприятелям как себя, кто он, так и знамя. Между тем и вооруженные луками подошли к реке и стали лицом к лицу с далматами, но ни те, ни другие долго не начинали сражения и стояли спокойно. Наконец далматы, увидев царское знамя, отступили от моста и дали римлянам возможность бросать в себя стрелы. Узнав об этом, царь (он стоял, как сказано, на одном возвышенном месте и наблюдал, что делается) поспешил и сам перейти со своими воинами через реку, потому что, как мне часто приходилось говорить, какой-то необыкновенный дух выше мужества всегда влек его к битвам. А далматы, хотя их преследовало и немногочисленное войско, бежали до тех пор, пока не очутились в местах неудобопроходимых. Воротившись отсюда назад, они скоро сошлись с неприятелем, и тогда произошла стычка, в которой, однако же, немногие пали с той и другой стороны,

ибо далматы, узнав о присутствии царя, тотчас рассеялись, но когда римляне пустились преследовать бегущих, тогда много было убито как из далматов, так и из пеонян. В это время попались в руки римлян и два знаменитейших далматинца – Гурдес и Вульчин. Между тем царь больше всего озабочен был потребностью надеть на себя полное вооружение, тогда как это должно было отнять у него несколько времени, потому что его оруженосцы с оружием шли не вслед за ним. В тот промежуток некоторые из римских полководцев, между которыми были Гифард, Михаил, по прозванию Врана, и многие другие, способные и сами действовать, и управлять войском, преследуя неприятеля, попали в неудобопроходимую и гористую чащу леса и таким образом подвергались явной опасности. Заметив, что эти люди далеко ушли от прочих римлян, далматы обратились назад и стали против них лицом к лицу.

10. Между тем царь открыл поход в землю гуннов, пользуясь тем предлогом к войне, что гунны, как сказано прежде, помогали далматам. Впрочем, он пошел на них не без объявления им об этом, но предварительно послал письмо, в котором изложил их вину перед собой и угрожал скорым нашествием римлян. Придя к берегам Дуная и не желая упустить удобное время, которое в подобного рода делах весьма важно, царь – так как приготовленных им в Византии кораблей еще не было – вошел в одну из тех небольших лодок, какие находятся у тамошних берегов, состоят из одного дерева, и переправился в ней на другой берег, ведя вплавь за собой коня. Потом таким же образом переправилось и целое римское войско и вступило в землю гуннов, в которой, по мере углубления в нее, беспощадно грабило все, что встречалось. На другой стороне реки находилось укрепление, по имени Зевгмин²⁴, окруженное крепкими стенами и достаточно обезопасенное в других отношениях. Не сумев взять его при первом приступе, царь оставил при нем войско под начальством Феодора Ватация, зятя своего по сестре, а сам, проходя селения, все покорял своей власти. Тогда для отражения римлян вышло было войско гуннов, но, видя, что оно приступает к делу невыполнимому, и само присоединилось к царю, а вслед за тем все по произволу было и уводимо, и уносимо. Людей всякого возраста гнали, как пленников, целые племена приведены были в движение и переселяемы в другие жилища. Таким образом остров,

образуемый двумя вытекающими из Альпийских гор²⁵ реками – Дунаем и Савой, которые в земле гуннов сперва текут отдельно одна от другой, а потом, сделав большой обход, сливаются вместе, – этот остров²⁶ остался весь пустым и ненаселенным. Римляне разрушили даже королевский дворец – дело, достойное занять место в ряду самых великих удач римского оружия. Совершив это столь успешно, царь отправился под Зевгмин, где, как сказано, оставлен был Ватаций для осады этой крепости. Защитники Зевгмина упорно отстаивали свой город, пока у них была надежда, что король в непродолжительном времени придет к ним на помощь; но когда получили известие, что его нет нигде, а римляне между тем приготовились к штурму стен, тогда, страшась наступающей опасности, обратились они к царю с просьбой, чтобы по сдаче крепости позволено было им выйти невредимыми. Царь, однако же, отверг это предложение, и они, повесив на шею веревки и сняв с головы покровы, предстали перед ним в таком униженном виде. Царь запретил римлянам убивать кого бы то ни было, а только позволил им расхитить эту богатую сокровищами крепость.

11. Окончив это, римляне двинулись к Саве, чтобы совершить через нее переправу, и вели за собой пленных гуннов, которые числом далеко превосходили массу римского войска. Но еще не успели они переправиться, как разнеслась молва, что король пеонян, счастливо окончив войну против Галиции, страны тавроскифской, и, располагая огромными силами, с великим рвением идет на римлян. А царь за то-то особенно и мстил ему, что он напал на Владимира²⁷ (это было имя правителя Галиции), союзника римлян, вопреки его желанию. Услышав об этом, царь повелел прочему войску, военному обозу и самой большей части пленных, которых было огромное количество, переправиться на противоположный берег и там оставаться, а сам взял отборных в лагере воинов и, вопреки неодобрению большей части военачальников, повел их назад с целью как можно скорее сразиться с неприятелем, говоря, что дело волков, а не львов нападать на стада овец, при появлении же пастухов или собак бежать без всякого стыда и довольствоваться тем, что кое-как спасают себя и свою добычу. При сем рассказывают о таком деле, которого я хвалить не могу, поскольку оно рассматривается независимо от его намерения; а так как это дело со-

вершено было, думаю, по некоторой предусмотрительности, чтобы окружавшие царя римляне боролись с большим воодушевлением, то считаю его достойным стратегической мудрости. Приготовившись уже оставить воды Савы и идти навстречу пеонянам, царь приказал начальнику флота перевести корабли к другому берегу реки и там стоять, чтобы, если кто из римлян, убежав с поля битвы, захотел бы быть перевезенным на противоположный берег, и виду не показывать, что замечают его. “Даже если бы я сам, – говорил царь, – прибыв сюда, вздумал приказывать иное, чем теперь, то ты не должен исполнять таких приказаний; в противном случае, то есть не исполнив того, что теперь повелевается, не избежишь казни”. Такое приказание дано царем, думаю, с целью воодушевить воинов, как я уже сказал, к отваге; ибо, когда нет никакой выгоды от трусости, необходимо прибегать под защиту мужества. Тогда как царь уже готов был выступить оттуда, прибыл один убежавший из Пеонии военнопленный римлянин с известием о скором нашествии короля. Услышав об этом, царь уже не в состоянии был сдерживать себя из опасения, как бы не показалось, будто войско гуннов, предупредив его, нападает на бегущих римлян. Поэтому, выстроив свою армию, он двинулся назад. Оказалось, однако же, что самого короля еще не было; извещали только, что недалеко находится первый его сановник Белосис (которого по сану гунны называют баном)²⁸, и царь поспешно пошел на него, а когда уже стемнело, сошел с лошади и уснул на щите, прислонив его к собственному вооружению и приказав всему войску сделать то же самое. На следующий день Белосис, узнав о наступлении царя, под предлогами, не слишком благовидными, со всем своим войском пошел назад. Выдумывая повод к бегству, он говорил, будто король приказывает ему оставить настоящий путь и идти по направлению к городу Браничеву²⁹ в той мысли, что оттуда лучше устремиться на римлян. Царь, однако же, все еще не переставая преследовать его, достиг реки, переправился через нее и, прибыв в Браничев, остановился там. Потом, немного спустя, он задумал фуражировку и послал войско в другую часть земли гуннской, туда, где находится гора, называемая у туземцев Темисис. Это войско пошло под предводительством Бориса³⁰, который, говорят, происходил из одного поколения с Гейзою, но по какому-то случаю задолго перед тем перебежал

к царю Иоанну, а царь удостоил его значительных почестей и женил на одной своей родственнице. Прибыв в ту страну, Борис обошел и разрушил тамошние местечки, по множеству жителей тесные, но изобиловавшие всевозможными благами; потом, встретившись с тремя гуннскими фалангами и сразившись с ними, обратил их в бегство, ибо они думали, что тут сам царь, и, с богатой добычей возвратившись оттуда, присоединился к римскому лагерю. Узнав, что не царь римский, а Борис нанес Пеонии столько бедствий, король с яростью погнался за ним, но уже не мог вступить с ним в дело, потому что Борис успел переправиться через реку ночью при свете факелов, присланных ему в большом количестве из царского лагеря. Даже и два пехотных отряда, остававшихся еще на противоположном берегу реки, успели от прибывших гуннов скрыться в кустарнике. Совершив это и овладев, сколько можно было, городами придунайскими, царь остановился здесь в намерении переправиться через Дунай и сразиться с королем, который стоял лагерем на другом берегу той же реки. Но последний, узнав о намерении царя и опасаясь неблагоприятного исхода войны, как бы, то есть, потерпев неудачу и здесь, вконец не погубить гуннской земли, послал к царю людей для переговоров о мире. После того царь пришел в Византию, торжественно отпраздновал победу и принес Богу жертву благодарности. Около этого времени августейшая Ирина родила ему первое дитя – прекрасную дочь, которая была названа Марией и провозглашена царевной.

12. Таковы были дела римлян. Между тем сицилийский тиран Рожер умер, и власть получил сын его Вильгельм. Сознывая, что его отец во многих случаях по отношению к Римской империи поступал несправедливо, он счел нужным послать к царю послов, чтобы распутать недоразумения. Итак, пришли послы, из которых каждый был облечен саном епископа. А смысл посольства был таков. Вильгельм обещал возвратить все движимое и недвижимое, что удалось Рожеру, как я уже говорил, увлечь на свои корабли из Евбеи, из элладских Фив и Коринфа, и объявлял царю, что с удовольствием исполнит, чего бы он ни пожелал. Но царь отослал послов и, снарядив флот, посадил на него войско под предводительством дяди своего Константина, по прозванию Ангел, и приказал ему, пристав к какому-нибудь месту Лаконии, ожидать там остальной, еще не прибывшей части флота.

Константин отправился из Византии и при благоприятном ветре достиг лаконийского мыса, который многие по местоположению называют Монемвасией. Между тем царь узнал, что король пеонян Гейза, раздраженный прежними потерями, намеревается нечаянно напасть на города придунайские, и потому старался предупредить это покушение. Для сего он с возможной скоростью возвратился к берегам Дуная и расположился лагерем против лагеря гуннов, находившегося на другой стороне реки. До некоторого времени ни те, ни другие не хотели начинать битвы, особенно потому, что к римлянам еще не пришли корабли. Но когда спустя несколько дней римляне настроили из чего попало множество небольших лодок и спустили их на воду, король пеонян, узнав об этом и боясь, чтобы, как я сказал, вторично не потерпеть неудачи и не подвергнуть опасности свою власть, опять приступил к переговорам. Отправив послов, он просил оставить в плену не более десяти тысяч гуннов, а прочие толпы пленников возвратить; тогда, говорил, во всю жизнь будем находиться в дружбе с римлянами и целый век сохранять союз с ними. По заключении мира на этих условиях римское войско возвратилось оттуда.

17. Однажды во время такого примерного сражения, производимого царем при Ираклее мизийской, сыну Андроника-севастократора, Иоанну, красивому и стройному юноше, пришлось от удара итальянским копьём лишиться одного глаза. Желая доставить ему утешение в таком несчастье, царь возвел его в сан протовестарха и дал ему достоинство протосеваста. Это, говорят, сильно возмутило душу Андроника, и с того времени он постоянно строил коварные замыслы. Ведя последнюю войну в Киликии, склонил он на свою сторону палестинского короля и персидского султана; получив же власть, как уже сказано, над Наисом и Браничевом, писал королю пеонян, что, если последний согласится содействовать его тирании и поможет в его предприятии, он обещает по достижении желаемой цели уступить ему города Браничев и Наис. А чтобы не разнеслась об этом молва и не послужила к его обвинению, он умел дать делу другой оборот, а именно: объявил царю, что он хочет некоторых пеонских вельмож, начинающих оказывать ему преданность, держать в ослеплении, чтобы таким образом они удобнее попались в его ловушку. Но царю уже известен был обман: до его рук дошло то самое письмо,

в котором Андроник предлагал правителю Пеонии вышеупомянутое обещание. Намереваясь приготовить ему обличение, царь допускает его совершить задуманное дело без всякого препятствия, и Андроник, полагая, что не осталось уже и тени подозрения, смело отправляет послов к гуннам и к королю алеманов с приглашением его в известное время на помощь. После таких коварных поступков возвращается он в Византию, как будто условия между римлянами и гуннами уже заключены. Но царь, – не знаю, по жалости ли к этому человеку (ибо чрезвычайно любил его как своего ровесника, вместе с ним пользовавшегося и одной пищей, и одним воспитанием, вместе с ним упражнявшегося и в бегании, и в борьбе, и во многих других подвигах) или по какому иному побуждению, – все еще терпел тогда злодея. Однажды, находясь в Ираклее мизийской, которую, не знаю с какого языка, римляне стали называть теперь Пелагонией, вышел он ночью на охоту, с тем чтобы, как это часто случалось, там иметь и ночлег. Обладая великой силой тела, он ходил на медведей, нападал на кабанов и шел на них большей частью пеший с одним дротиком. Рассказывали, что как надел он тогда в первый раз латы, так почти постоянно и оставался в вооружении, остерегаясь будто бы козни со стороны Исаака-севастократора и великого стратарха, хотя последний до самого конца не сделал ему ничего неприятного, кроме того только, что снимал царские печати, которыми обыкновенно утверждаемы были подарки. Впрочем, царь делал это не без повода, но по известной причине, о которой сейчас скажу. Тогда как он проводил время в Мелангиях близ одного места, называемого Метаволи, за обедами обыкновенно произносились похвальные речи. При этом другие единодушно прославляли подвиги царя, а Иоанн гораздо больше превозносил и выставлял на вид дела его отца. Царь с удовольствием принимал, что было говорено, и, унижаемый перед отцом, одобрял оратора. Иоанн, хотя и видел, что в других это возбуждает ненависть, однако же все еще не прерывал своей речи, поставляя на вид, что он приносит дань верности покойному самодержцу, как поступают, думаю, многие люди; ибо похвалы отшедшим бывают свидетельством признательности к ним людей еще живущих. Но, кроме того, он стал резко и непочтительно отзываться о сыне. Тогда произошла тревога, и этот Андроник, бросив на севастократора яростный взгляд,

готов был уже снять с него голову мечом, если бы царь не удержал его руки, а Иоанн Дука, тоже племянник царя, не подставил под опускавшийся меч нагайки, которой обыкновенно погоняют лошадей, и ослабленного удара не уклонил на щеку Андроника. Таким образом Иоанн предохранен был от удара; а царь, удерживая, как я сказал, руку Андроника, получил рану, правда, не смертельную, однако же плоть была несколько рассечена и рубец на кисти его руки остался на всю жизнь. После сего усилившаяся до такой степени Андроникова ревность замолчала. Спустя несколько дней Исаака царь удалил от себя, а Иоанна предал суду и подверг его упомянутому наказанию, гораздо слабейшему, чем какое следовало по законам. Но возвратимся к прежнему рассказу.

19. Итак, Андроник был низвержен; а король Пеонии, ничего еще не зная о том, что с ним случилось, составил войска из чехов, саксонцев и других многих народов и приступил к осаде Браничева, думаю, в твердой надежде на то, в чем удалось ему условиться с Андроником. Царь был поражен известием об этом и удивлялся вероломству гуннов, без всякой причины нарушивших только что данную клятву. Видя, что это дело требует быстроты, он немедленно направился к Дунаю и, зная, что бывшее при нем войско не в силах бороться с войском гуннов (ибо силы римлян, тогда как ниоткуда не предвиделось враждебных действий, были разосланы по областям), придумал следующее. Есть одно довольно крепкое от природы место по имени Смила, и царь положил занять его, чтобы от туда делать набеги на гуннов; а для побуждения браничевцев понемногу отстаивать свой город написал к ним грамоту с извещением, что он не замедлит прийти к ним, и, вручив ее одному из воинов, приказал ему привязать ее к стреле и пустить в город. Воин сделал, что было приказано, но стрела, опустившись далее, чем сколько следовало, попала в руки гуннов. Это тотчас произвело у них тревогу, и они, предав огню машины и все, что было приготовлено для разрушения стен, устремились к переправе через Дунай. Но Дунай был в разливе, ибо в верховьях его шли сильные дожди, и потому они направились к Белграду. Узнав об этом и получив известие, что вместе с тем и правитель далматской страны Борис Босняк, бывший в числе союзников пеонского государя, возвращается в свою землю, царь выбрал самых сильных людей из

своего войска и послал их вступить в битву с Борисом. Над этим отрядом начальствовал Василий, о котором я уже упомянул, человек, происходивший не из знатного дома, но состоявший при царе хартулярием³¹. Царь же с остальным римским войском медленно шел позади. Но Василий, забыв, кажется, для чего и с кем послал его царь воевать, через ускоренное движение очутился вблизи войска гуннского и, встретив передовые его отряды, обратил их в бегство, а потом бросился в самую средину гуннской фаланги в той мысли, что совершит великое дело, если, напав на уstraшенных гуннов, приведет их в смятение. И его мысль с первого взгляда казалась не совсем неосновательной: гунны, подумав сперва, что сам царь распоряжается этим нападением, побежали без всякого порядка, и многие из них, бросаясь толпами на суда, тонули в реке. Но когда узнали они, что царь идет позади и что войском управляет Василий, ободрились и, обратившись назад, противустали римлянам. Римляне, хотя были гораздо малочисленные неприятелей, однако же выдерживали их нападение. При этом много было убито с той и другой стороны, пока союзные римлянам гунны под начальством Стефана³², сына Гейзы, не начали бегства первые, ибо с той минуты преследование стало обратным, и из Стефановых гуннов пали почти все, а из римлян многие, другие же, в числе которых был и военачальник Василий, спаслись бегством. Вести об этом и вдобавок о том еще, что жители Белграда замышляют отложиться от римлян, сильно озаботили царя. Посему царь отправил Иоанна Кантакузина, чтобы он постарался восстановить спокойствие в городе, колебавшемся, как я сказал, мыслью об отложении от римлян, а между тем предал погребению убитых

и созвал бежавших отовсюду, где они скрывались. Сильно досадуя на случившееся, он горячился и хотел было отправиться в погоню за гуннами, но когда римляне не одобрили этого, сказал: “Стыдно мне, господа, не получив ран, отказываться от подвига за честь римлян”. Впрочем, услышав, что гунны далеко, сдержал свой порыв. Между тем и Кантакузин, исполнив то, зачем был послан, возвратился и представил узниками людей, подстрекавших, как сказано, белградян к отложению. Тогда, сняв лагерь, двинулся он оттуда и перезимовал поблизости города Берии³³; с весной же, собрав отовсюду войска, опять пошел на гуннов в намерении вторгнуться в самую средину их страны. Для этой цели он со всем своим войском расположился лагерем на берегах Дуная, при которых стояли и приведенные из Византии корабли, готовые перевезти его войско. Между тем король пеонян, видя себя в слишком тесных обстоятельствах, стал думать уже о посольстве и, послав к царю почетных у себя лиц, объявлял, что немедленно возвратит пленных римлян и на будущее время будет служить ему всем, чего бы он ни захотел. Царь сперва как будто и слушать не хотел предлагавших ему мир, но потом допустил к себе просителей и принял вышесказанные условия. Итак, в римский лагерь приведены были все, сделавшиеся пленниками в рассказанную битву; туда же возвращены и оружие, и лошади, и прочая добыча войны. Взамен же лошадей и вьючных животных, которые пали, доставлены живые, гуннской породы. Остановив таким образом войну, послы возвратились домой. С этого времени началась война итальянская, которую, как уже сказано, царь начал блистательно. Но возьмем этот предмет несколько выше.

Книга IV

4. Так вот что произошло с Баром. Взяв его, Палеолог поплыл к Трану. Посредством переговоров подчинив себе и этот город, он мирно потом овладел и значительным городом Ювенантом. Но здесь был некто, по имени Ричард³⁴, человек крайне мстительный. На того, кто хоть немного оскорбил его, он смотрел, как на свою жертву, и обычным способом наказания у него было либо вскрытие внутренностей, либо отсечение рук или ног. Он начальствовал над крепостью Антром и, услышав, что Ювенант поддается римлянам, грозил прежде всего воспрепятствовать этому

намерению. Когда же римляне, презрев его угрозы, через переговоры приобрели Ювенант и, простираясь вперед, затевали то же с прочими городами, — он, соединившись с другими графами и с самим Вильгельмом, канцелярием (сан, у итальянцев соответствующий эллинскому логофету), пошел на Тран в намерении взять этот город при первом нападении. За ними следовало войско, состоявшее из двух тысяч всадников и великого множества легкой и тяжеловооруженной пехоты. Римляне, оставленные в том городе, были слабы и немногочисленны, а потому боялись и за го-

род, и за весь ход войны. Это заставило их поспешно послать к Дуке письмо с уведомлением о наступающей опасности. Получив письмо, Дука в тот же день собрался и отправился к Трану. Когда находился он у одного местечка, которое называется Бун³⁵, навстречу ему вышли жители и предложили римскому войску занять город без боя. Но Дука, полагая, что всякое замедление здесь было бы неблагоприятно, потому что дало бы Ричарду возможность свободно управлять ходом войны, на этот раз миновал Бун в надежде удержать его за собой после, в более удобное время, и со всеми силами двинулся против Ричарда. Есть в Италии один приморский городок, по имени Барлет³⁶, и в этом городке пришлось тогда находиться канцелярию. Когда Дука близко подошел к тому месту, неожиданно встретили его триста всадников из канцеляриевого войска с фалангой пехоты и сделали на него нападение. Но несколько не смешавшись от этой нечаянности, он скоро выстроил фалангу и стремительно пошел на них. Недолго стояли они и обратились в бегство. Не могу я рассказать, как здесь удалось каждому римлянину отличиться храбростью; но что касается до Дуки, то он, говорят, преследуя неприятелей, поднял их на острие своего копья человек до тридцати, пока прочие, оставив многих на месте, не скрылись за своими воротами. Тогда преследовавшие их римляне, так как уже смерклось, возвратились в лагерь, не потеряв никого, кроме одного всадника из наемных. Эту ночь они где-то там простояли, а с наступлением дня отправились в путь. Ричард, узнав о том и боясь, как бы римляне не окружили его и не поставили в бедственное состояние, поспешно поднялся оттуда и, придя в Антр, оставался там. Тогда Дука, притянув к себе войско, бывшее с Палеологом, пошел на Ричарда, хотя силы последнего своей численностью были далеко выше римских, потому что у Дуки имелось не более шестисот всадников, кроме пеших, которые также весьма много уступали в числе Ричардовым. У Ричарда было всадников до тысячи восьмисот, а пехоты, можно сказать, без счета. Итак, осведомившись, что римляне наступают, Ричард и сам вывел свое войско. Подойдя близко, римляне разделены были на три части и выстроены следующим образом. Скифы и многие пехотные стрелки стояли фалангами впереди; Дука с большею половиною скифов занимал позицию назади, а Басавила с другими графами и с остальной конницей помещался в

середине. Ричард, сильно горячась и несколько не стесняясь требованиями тактики, все неся вперед с бывшими при нем всадниками, пока, влетев в самую уже середину римского войска, не встретил здесь сопротивления и не принужден был сражаться, стоя на месте, потому что передовое стрелковое войско ни на минуту не показало ему сопротивления, а Басавилу силой заставил он обратиться назад и уже стремился на отряд под управлением Дуки. Но здесь произошла ожесточенная битва и со стороны Ричарда пало много воинов. Здесь, как бывает и во всяком рукопашном бою, войско уже не имело никакого сознания; слышен был только сильный стук копий о щиты и треск ломающегося оружия, а стрелы, летая густо, во все стороны разносили поражение, пока наконец Ричард сильным натиском не заставил и этих показать тыл, причем и сам Дука, раненный копьем, едва не попал в плен. Но Промысел всегда ведет и направляет человеческие дела к тому концу, к которому хочет. Хотя римляне и подверглись такому несчастью, однако же под конец они остались победителями. Дука успел убежать в одно место, обнесенное сложенными из камня стенами, которые строятся обыкновенно без извести или другого какого цемента, чтобы опоясывать ими луга, лежащие перед городскими воротами, и там спастись. Римская пехота, удобно поместившись в этом месте, стала в воинов Ричарда метать камни; а между тем сюда же сбежались и многие из тех, которые предались было бегству. Увидев это, Ричард тотчас понесся на них с тридцатью шестью всадниками. Но один из транитских священников, схватив большой осколок камня, пустил его в Ричарда с правой стороны и, попав ему в голень, повалил его на землю. А пока он лежал, терзаясь от боли, тот послал ему и другой удар, по шее. Когда же Ричард совсем уже ослабел, священник, несмотря на жалобные его мольбы, положил его навзничь, распорол ему ножом живот и, вынув все внутренности, поднес их к его рту, как бы какое кушанье, чтобы этот злодей, отличавшийся бесчеловечием, испытал его и над самим собой. После того Антр и стоявшее около него войско на условиях сдались римлянам, и те, которые не чаяли избежать опасности, пошли в Бар с трофеями. В Баре, найдя в обилии все необходимое, воины успокоились от трудов своих.

24. Персы тяжело скорбели о случившемся и решились отплатить римлянам. Улучив время, они разграбили восточный город Фи-

литу и, неожиданно напав на Лаодикию в Малой Фригии, разорили ее, многих из взрослых туземцев поразили острием меча и забрали в рабство великое, неисчислимое множество. Узнав об этом, царь пришел в негодование, скорбел и, если бы было можно, тотчас бы перешел в Азию и поставил лагерь у Иконии. Но так как он знал, что для начатия таких дел нужно благоприятное время и большее прежнего приготовление к войне, то отложил это и вознамерился наперед собрать отовсюду силы. С этой целью он послал Иоанна Контостефана в Палестину, чтобы переговорить с королем Балдуином и привести оттуда силы, которые Балдуин, в случае нужды, обещал дать царю на помощь, и, кроме того, собрать наемное войско. Приказано было также антиохийскому князю Ренальду, чтобы и он как можно скорее шел с бывшими у него войсками. Такое же приказание отдано было и тогдашним правителям Армении – Терозу и Тиграну, киликийцу Хрисафию и так называемым Кокковасилиям, которые тоже командовали военными силами и уже давно приняли добровольное подданство царю. Такую-то армию царь собирал на востоке, а с запада привел лигурийских всадников, послал за далматским архижупаном и его войском, нанял скифов и многие племена, обитающие около Тавра. Приготовляясь к войне, он не остановился и на этом, но зная, что у латинян, отправляющихся в Палестину, сборным местом всегда бывает остров Родос, привел наемную конную дружину и оттуда. Для пропитания этого войска и других потребностей он приказал пригнать из фракийской области бесчисленное множество волов с телегами. Таким-то образом делались приготовления. А чтобы вместе ввести султана в войну с его соплеменниками и сродниками, он отправил послов к его брату Санизану, владевшему тогда Ганграми и галатийской Анкирой, и к его свояку Ягупасану, который начальствовал над обеими Кесариями, управлял Амасией и другими знаменитыми сопредельными с Каппадокией городами. Сделав и их подозрительными в глазах султана, царь думал уже в скором времени начать войну. Но султан, услышав об этом и не имея силы вступить в борьбу ни с одним из тех врагов, которых накликал на него царь, уступил обитателям соседних стран вместе со многим другим и города, завоеванные им прежде с великим трудом, а у царя через послов стал просить прощения. Получив его, он обещал возвратить и пленных римлян, в каком бы месте

страны они ни находились, потому что брался сам отыскать их. Но между тем как шли эти рассуждения, случилось следующее. Иоанн, ведя из Палестины конницу, встретился с персидским войском, состоявшим из двадцати двух тысяч человек, способных к битве. Пораженный этой нечаянностью, он сперва поспешно взошел со своими на один находившийся вблизи холм и остановился, но потом приказал всей своей дружине идти на неприятелей, и так как римляне сделали на них сильный натиск, то они отступили, и во время бегства много их было побито, еще же больше взято в плен римскими воинами, а иные смяты были конницей. В этом подвиге совершенны дела, достойные памяти и мужества, как многими другими римлянами, так и военачальником Иоанном. Совершив их, Иоанн прибыл к царю с трофеями, а султан как скоро услышал о том, стал терзаться жалом раскаяния и за неблаговременную свою дерзость называл себя несчастным, беспокоясь не столько о случившемся, сколько о том, что этим еще сильнее возбудил царя к нашествию на себя, и представляя как бы уже настоящим даже то, чего пока еще не было. Это заставило его поспешить дополнением прежних обещаний другими, большими. Теперь обещал он в случае нужды давать римлянам вспомогательное войско на всякое лето и объявил, что персы никогда не будут нападать на их землю с его согласия; обязывался также, хотя бы и другой кто беспокоил римские провинции, тотчас вступить с ним в войну и всеми способами препятствовать злым умыслам, с какой бы стороны они ни появились, вообще без всякого замедления точно исполнять все, что царь ни прикажет, и если бы какой-либо подвластный царю город подпал под персидскую власть, стараться возвратить его римлянам. Склоненный этим, царь обязал его страшными клятвами и, прекратив вражду, отправился домой. Но, узнав, что скифы перешли Дунай с намерением сделать набег на римлян, он оставил путь, ведущий в Византию, и пошел к проливу, мимо города Авида, направляясь к тому месту, на котором лежит приморский фракийский городок, получивший название, по моему мнению, от афинского вождя Каллиаса, и, переправившись здесь на другую сторону, устремился на скифов. Но еще не успел он дойти до Дуная, как скифы, услышав о походе римлян, скоро собрались и ушли назад.

Книга V

1. Вот что происходило здесь. Так как теперь, по-видимому, никто ни с которой стороны не угрожал Римской империи, то царь для успокоения себя отправился в находящееся близ Византии местечко, по имени Лонги. Между тем как он там проводил время, наступил последний день жизни царицы Ирины – женщины, которая, как говорил я и прежде, целомудрием, скромностью и милосердием к нуждающимся далеко превосходила своих современниц. Она была матерью двух дочерей, из которых одна, старшая, была жива и жила у отца, а другая спустя немного умерла на четвертом году жизни. Но дитя еще продолжало бороться с болезнью, как царь, призываемый делами Запада, должен был оставить дело домашнее и отправляться на Запад. В то время распространилась молва, что алеманский король Фридерик поднял весь свой народ и идет со всеми силами на римскую землю. Так, по этой причине и потому еще, что тогда умер гуннский король Гейза, царь отправился в Сардику. Пробыв там довольно долго и видя, что молва об алеманах еще не подтверждается, он сильно старался овладеть гуннским королевством. А с чего вздумалось царю покорить себе гуннское королевство, о том мы скажем. У этого Гейзы³⁷ было два брата – Владислав и Стефан. Не знаю, за какую обиду он жестоко ненавидел обоих. Поэтому, после долгого странствования по разным землям, братья Гейзы пришли к царю и признали над собой его власть. Стефан женился на племяннице царя Марии, дочери севастократора Исаака, которая, как сказано, была прекрасна, а другой брат оставался неженатым. Так как по смерти Гейзы законное право³⁸ призывало к власти одного из братьев (ибо у гуннов есть закон, чтобы венец всегда переходил на одного из остающихся братьев), то царь старался возвратить их в отечественную землю, тогда как Гейза пренебрег отеческий закон и перенес власть на сына. Итак, гунны, с одной стороны уважая этот закон, а с другой – опасаясь нападения со стороны царя, лишили власти сына Гейзы Стефана и отдали ее одному из Гейзиных братьев, Владиславу, а Стефану, – говорю о старшем, – дали достоинство урума. Это имя у гуннов употребляется для обозначения наследника престола.

2. Так кончились дела этих родных братьев. После сего царь отправился в македонский город Филиппы для устройства дел Сербии. Управлявший тогда этой страной Прими-

слав³⁹ и прежде уже, как рассказано мной в другом месте, замышлял отложиться от царя и показывал самоуправство, а потому царь и прежде едва не лишил его власти и только по милости оставил в том же достоинстве. Теперь тот самый Примислав, не обращая никакого внимания на уверения и клятвы, начал опять приниматься за нововведения. Дознав отсюда неисправимость этого человека, царь лишил его начальства и передал управление брату его Белусу⁴⁰. Но, сжалившись над судьбой Примислава, он, хотя и удалил его отсюда, чтобы не представлять ему случая к новым злодеяниям, однако же, подарил ему тучную землю с хорошими пастбищами для скота. Впрочем, Белус спустя немного после того, как был облечен властью, сложил с себя знаки правителя и, оставив отечество, удалился в гуннское королевство, где жил еще долго, пока не умер. Между тем царь положил призвать младшего его брата, который назывался Дезе и управлял сопредельной с Наисом Дендрой⁴¹, страной богатой и многолюдной, и, получив от него уверение в том, что во все время жизни будет ненарушимо сохранять покорность ему и, кроме того, подчинит римлянам всю Дендру, которой, как я сказал, был он правителем, объявил его архижупаном.

3. Около того же времени пришел по своей воле в Византию и султан Кличестлан с целью просить царя о своих пользах, – событие великое, до удивления важное, какого, сколько я знаю, прежде у римлян никогда не случилось; ибо не всего ли выше то, что человек, управляющий такой страной и господствующий над столькими народами, предстал перед римским царем в качестве просителя? Я расскажу любознательным читателям, что тогда происходило. Воздвигнут был блистательный престол и поставлено очень высоко поднятое над полом кресло – зрелище, достойное великого удивления. Кресло было сделано все из золота и со всех сторон унизано в изобилии камнями, карбункулами и сапфирами, а жемчужин нельзя было и сосчитать, потому что ими в достаточном количестве обложены были все камни – каждый поодиночке, так как они находились один от другого в симметрическом расстоянии; и те жемчужины были тщательно округлены и белизной превосходили белизну снега. Таким-то светом облито было это кресло. А верхняя его часть, возвышающаяся над головой, столько превосходила

блеском другие, сколько голова превосходнее соседственных с ней членов. На нем сидел царь и соответственной полнотой своего тела занимал его все. На царе была багряная одежда – вещь дивная. Она сверху до самого подола горела карбункулами и блистала жемчужинами, которые были не как-нибудь разбросаны, но расположены чудным узором, и искусство произвело из них на одежде как бы настоящий луг. С шеи на грудь спускался на золотых цепях необыкновенной величины и цвета камень: он горел, как роза, а по виду походил особенно на яблоко. О головном же украшении я считаю лишним и говорить. По обеим сторонам кресла стояли, по обыкновению, рядами сановники, и каждый занимал место соответственно роду и важности правительственного его значения в государстве. Такова была обстановка царя. Вступив в среду, Кличестлан весь обратился в изумление. Царь предложил ему садиться, но он сперва упорно отказывался и, только видя, что царь еще более настаивает, сел на низкое и очень мало поднятое над полом кресло. Сказав и выслушав что следовало, он получил отпуск и удалился в покои, которые были отведены ему во дворце. А царь, гордясь великим своим успехом, приготавливался совершить торжественное шествие от самого акрополя до славного храма Божьей Премудрости и хотел, чтобы в том шествии участвовал и Кличестлан. Но задуманное не исполнилось – этому воспротивился управлявший тогда церковными делами Лука⁴², говоря, что нечестивым не следует идти между божественными хоругвями и священными украшениями престола. Предположенному ходу помешал и другой случай. Когда уже настала глубокая ночь, вдруг страшное сотрясение поколебало землю, и византийцы, видя в этом подтверждение увещаний Луки, заговорили, что намерение царя не угодно Богу. Люди имеют обыкновение главным образом обращать внимание на настоящее, нисколько не занимаясь тем, что должно следовать далее. Конец дела живо объяснил значение случившегося. По прошествии долгого времени Кличестлан пренебрег заключенными с царем условиями и заставил римлян со всеми силами идти на персов. Но по какому-то несчастью римское войско, попав в неудобопроходимые места, потеряло многих знатных людей и было бы близко к великому бедствию, если бы царь не показал здесь, что он в воинских делах стоит выше пределов человеческой доблести. Но об этом, как я уже и

сказал, будет речь впоследствии. Между тем царь, переехав во дворец, находящийся на южной стороне города, угощал Кличестлана великолепными пиршествами и оказывал ему всякое благорасположение, потом увеселял его конскими ристалищами, жег, по обычаю, жидким огнем⁴³ ботинки и лодки и до пресыщения развлекал этого человека зрелищами ипподрома, чем особенно выказывается величие городов. Довольно времени прожив в Византии и подтвердив вторичными клятвами прежние обещания, Кличестлан отправился домой. А обещания его были таковы: иметь во всю жизнь вражду с теми, которые питают вражду к царю, и наоборот – дружбу с теми, которые хранят благорасположение к нему; отдать царю большие и важнейшие города, которыми он овладел; ни в каком случае не заключать мирных договоров с кем-либо из врагов без позволения царя; когда будет нужно, помогать римлянам и являться для этого со всеми силами, где бы ни была война – на востоке или на западе; не оставлять без наказания тех своих подданных, которые привыкли жить грабежами и обыкновенно называются туркоманами⁴⁴, как скоро они совершат какое-либо преступление против римской земли. Это обещал он и сам, и сопровождавшие его вельможи, которые говорили, что, если Кличестлан начнет пренебрегать заключенными условиями, они всеми силами будут препятствовать его начинанию. Это совершалось в Византии, но молва скоро перешла из Европы в Азию. Посему филархи, рассудив, что союз между царем и султаном не послужит им к добру, отправили к царю послов и просили, чтобы он примирил и их с султаном. Царь выслушал их не без удовольствия, но, предоставляя это дело как бы воле султана, отослал их к нему, имевшему, как сказано, квартиру во дворце. Лишь только явились они к султану для объяснений, тотчас успели прекратить взаимную вражду и убедили Кличестлана быть за них ходатаем перед царем. Уважив его ходатайство, царь и их принял в число своих друзей, и Римская империя на последующее время приобрела прочный мир.

5. Вот что делалось в Византии. Между тем Стефан по кончине Владислава получил власть, но казался для подданных тяжелым и крайне неприятным. Посему гунны часто поносили его и готовы были тотчас же лишиться престола. Устрашенный этим, Стефан опять стал просить царя, и царь, двинувшись⁴⁵ уже во время равноденствия, направился к Фи-

липпополу, где сам с большей частью римского войска остановился лагерем, а другую, меньшую часть, вверил племяннику Алексею, сыну Контостефана, и послал ее в землю гуннов. Но Стефан между тем пришел к мысли, что он примирился с гуннами, и не видел надобности в римском войске, которое посему и возвратилось домой. Однако же гунны снова восстали на Стефана и порицали его, между прочим, за то, что под его правлением расстроились дела их. Тогда царь опять стал собирать войско; Стефан же, устранившись от опасности, сперва пришел беглецом в один из ближайших к Дунаю городов, которые издавна подвластны были царю, а потом перешел в Сардику и там соединился с царем. Царь, живо сострадая этому человеку в постигшей его судьбе и жалея о нем, дал ему денег и достаточные силы для возвращения отцовской власти. Этими силами командовал упомянутый уже нами Алексей Контостефан, а царь медленно шел позади. Когда прибыл он в город Наис, ему пришла мысль стать здесь лагерем и на досуге заняться делами Сербии; ибо отсюда можно было идти в обе земли – и в Пеонию, и в Сербию; то был исходный пункт туда и сюда. Сербией в то время, по милости царя, управлял Дезе. Но, получив над страной власть, он нарушил договоры и, опять заняв страну дендрийскую, отверг зависимость от римлян, отправил посольство к алеманам в намерении взять себе оттуда жену и всячески поступал наперекор римлянам. Даже тогда, как царь призывал его принять участие в войне против пеонян, он явился неповоротливым и упрямым, имея в виду отдаленные надежды, и со дня на день откладывал прибытие. Поэтому царь, находясь в Наисе, где одна из двух дорог ведет в Сербию, а другая к Дунаю – в землю пеонскую, расположился лагерем там, где они разделяются. Заметив грозившую ему опасность, Дезе с бывшим у него войском отправился в римский лагерь. Царь принял его благосклонно и почтил должным образом. Но, кажется, нет зла хуже необузданного языка. Видя, что прежнее его безрассудство не навлекло на него никакой беды, Дезе замечтался и задумал вредить римлянам больше прежнего, только замысел свой держал в тайне. Так благодеяние, оказываемое людям крайне злым, весьма часто служит поводом к большим несправедливостям. Спустя немного пришли к царю послы от народа пеонского. Случайно встретившись с ними, Дезе на обыкновенный вопрос их – как идут

дела его – откровенно отвечал, что идут хорошо, что он достойно пользуется расположением к себе их короля, и открыто назвал его своим господином. Узнав о том, царь не хотел более медлить, но позвал Дезе к суду, выставил на лицо его обвинителей и соучастников, которые были свидетелями его измены, и, вынудив у него признание, держал его под стражей, хотя не без чести, то есть окопал его палатку валом и в ней стерег его по обычаю, принятому в лагерях (так что это место по сему случаю наконец прозвано было валом Дезе – именем, употреблявшимся на языке простого народа), а потом немного спустя отправил его в Византию и посадил под караул во дворце. Так шли здесь дела. Дав аудиенцию пришедшим от пеонян послам и видя, что они не говорят ничего путного, царь приказал им тотчас удалиться из римского лагеря и возвратиться восвояси. По удалении же их прибыл он в город Белград и там остановился. Этот город выстроен, как сказывают, римским войском по разрушении Зевгмина и в построении его принимали участие многие гунны. Вот игра случая, всегда посмеивающаяся над делами человеческими! Как не смеяться, видя, что истребители труда прежних строителей сами становятся строителями!.. Прибыв сюда и узнав, что Стефану наконец невозможно удержать власть над землей гуннов (потому что гунны опять восстановили Стефана, сына Гейзы), царь обратился к другому намерению. Он, как сказано, захотел во что бы то ни стало подчинить себе землю гуннов, лежащую между землями западных народов. С этой целью решился он со своей дочерью Марией соединить браком следовавшего за Стефаном сына Гейзы Белу и, для сего послал в гуннское королевство Георгия, который был тогда предводителем царской дружины, происходил от Палеологов и достиг звания севаста, дал ему приказание вести дело о браке, а сам опять отправился в Византию. Вступив в переговоры с Палеологом, гунны представили ему Белу и охотно уступили в наследство страну, которую назначил ему при своей жизни отец. Взяв принца с упомянутыми условиями, Палеолог возвратился в Византию, и царь занялся приготовлениями к браку, причем Бела переименован был в Алексея и провозглашен деспотом⁴⁶.

6. Таково было начало пребывания Белы в Византии. Успешно устроив дела на Западе, царь обратил наконец свой взор на Азию. Тамошние события и прежде возбуждали его

внимание, но он был отвлекаем оттуда делами Запада. Нураддин, владевший в Сирии Веррией и Дамаском, двумя знаменитыми городами, при благосклонно улыбавшемся ему счастье, подчинил своей власти и многие другие города, лежащие на Евфрате, завоевал многие немаловажные страны, сражался со многими тамошними сатрапами и иных держал в плену, в числе которых был и владетель Эдессы Яцелин, а других убил на войне, например Раймунда из Петуи, о котором мы довольно упоминали в предыдущих книгах, мужа, по силе и могуществу стоявшего наряду с прославляемыми Ираклами, и Балдуина⁴⁷, правителя Марассы. Идя далее, вступил он в сражение с Константином⁴⁸, дукой Киликии, который назывался Каламаном и был юноша красивый и искусный в военном деле. Но здесь, в первый раз побежденный этим юношей, испытал он самые невыносимые бедствия; потом, однако же, каким-то счастьем взял в плен и его самого, и антиохийского князя Ренальда, и правителя финикийского Триполя. Причина была та, что, одержав победу, Константин не остановился на этом, но, увлекшись неразумной смелостью и пустившись без толку в погоню, и сам попал в плен, и уронил дело римлян. Победив в сражении и Тероза, Нураддин питал надежду скоро напасть также на Антиохию. Такими событиями царь еще прежде был огорчен, а потому теперь решился перейти в Азию и, пользуясь удобным временем, понесся было на это дело со всей быстротой. Но западные дела снова помешали ему. Новый король пеонян, самым явным образом нарушив договор, опять напал на наследственное владение Белы; а Стефан, которого гунны лишили уже престола, вторгнувшись через город Анхиал в землю гуннов, задумал вернуть себе власть, но, сам не замечая, приступил к делу более опрометчиво, чем осмотрительно; ибо, узнав, что тот на пути привлек на свою сторону некоторых гуннов, вышел против него со всем войском. Посему в Киликию для охранения этой страны царь отправил достаточное войско, а сам опять поспешил к Дунаю, переправившись через Саву, стал лагерем у Тителія⁴⁹ в намерении, с одной стороны, вернуть Беле отцовское наследие, с другой – избавить Стефана от предстоявших ему бедствий, потому что войско его начало уже уменьшаться, находившиеся с ним гунны стали постоянно переходить к королю, и он видел себя в весьма тесных обстоятельствах. Итак, для избавления

Стефана от беды царь послал с войском сына Контостефанова Андроника, который спустя немного времени получил сан великого дуки, а сам, со всей армией поднявшись из Тителія, пошел далее. Искатель королевской власти, Стефан, не смея сразиться с царем по неравенству сил, сначала с бывшими при нем войсками удалился к крайним пределам гуннской земли, а потом, приведя союзников, решился вступить в борьбу с римлянами. Между тем царь, достигший некоторого места, называемого Петриком⁵⁰, раскинул там палатки. Место это составляет первый пункт для вступления во внутренность Пеонии. Отсюда царь написал Стефану следующее: “Сын мой! Мы пришли не воевать с гуннами, а возвратить твоему брату Беле страну, которую приобрели не насилием, но которая отдана ему как тобой, так еще прежде – вашим отцом. Пришли мы также и для избавления от опасности дяди твоего Стефана, сделавшегося уже зятем нашему величеству. Итак, если тебе угодно, чтобы и Бела был нам зять, – на что ты уже и соглашался, – то не лучше ли уступить ему страну и пользоваться нашим гостеприимством? А когда этот брак ты отвергаешь и думаешь другое, то знай – мы весьма далеки от того, чтобы подчиниться твоему насилию”.

7. Так писал царь. Но Стефан, как было сказано, привел союзное войско, составившееся из алеманов и притаврских скифов; к нему присоединились также чехи, которых правитель пришел в землю гуннов со всем своим войском. Этот правитель прежде был сподвижником алеманского короля Конрада, когда последний, как было говорено, отправлялся в Азию, за что Конрад и признал его королем. Впрочем, тогда оба обманулись – один тем, что признал, а другой тем, что принял эту милость; ибо много уже прошло времени, как имя царя⁵¹ исчезло в Риме. После Августа, которого, намекая на принятие им власти в юном возрасте, называли Августулом, право царского владычества перешло к двум тиранам – к Одоакру и потом к готфскому вождю Феодорику; но Феодорик, как повествует Прокопий, во всю свою жизнь именовался уже королем, а не царем. Рим от самого Феодорика и еще несколько прежде того времени был жертвой возмущений. Многократно возвращаемый при Юстиниане римлянам римскими полководцами Велисарием и Нарсесом, он опять, тем не менее, начинал служить тиранам – варварам, которые, по примеру Феодорика, первого короля и вместе тирана, лю-

били называться королями. Для кого недоступна высота царского престола, тот может ли нести такие должности, которые, как я уже говорил, отделяются и вытекают из царского могущества? Но им и того недостаточно, что они посягают на не принадлежащую себе высоту царской власти и украшаются императорским величием, которое означает власть неограниченную, – они даже дерзают царство византийское отличать от римского. Не раз уже приходилось мне плакать, когда я представлял себе это. Каким образом, в самом деле, власть Рима сделалась предметом торга для варваров и низких рабов? И с тех пор нет в нем ни архиерея, ни тем более правителя: там восхищающий царское величие, вопреки своему достоинству, идет пешком впереди едущего верхом архиерея и исправляет должность его конюшего; а первый, правителя называя императором, почитает его тождественным царю. Как и откуда получил ты право, почтеннейший, употреблять римских царей вместо конюших? Если же не получил ни откуда, то и в тебе лживо архиерейство, и в нем унижен царь. Если ты не допускаешь, что царский престол Византии есть вместе престол и Рима, то откуда наследовано самим тобой достоинство папы? Это определил один Константин, первый христианский царь. Как же ты одно, – разумею престол и величие достоинства, – с удовольствием принимаешь, а другое отвергаешь? Или принимай то и другое, или отступишь от того и другого. Но мне, скажешь, дано право возводить на престол царей? Так, поскольку возлагать руки, поскольку посвящать есть дело духовное; но ты не имеешь права дарить царства и в этом отношении делать распоряжения. Ведь если в вашей власти было передавать царства, то отчего не переместили вы того, которое находилось в Риме? Но как скоро сделал это другой, – распоряжения его невольно принял тогдашний правитель вашей Церкви. Ты спотыкаешься о собственные дела и не замечаешь, как противоречишь своим поступкам; ибо тех самых, которых незадолго перед сим, не внимая их просьбе, в цари ты не принимал (да и хорошо делал, потому что не следовало), – тех самых теперь, причислив к конюхам, не знаю отчего, принимаешь в цари, хотя того, от кого и через кого и при ком достался тебе престол, почитаешь, конечно, не наравне с варваром, тираном, рабом. Но меня неволят, скажешь ты, заставляют силою. Такой предлог в отношении к тебе неуместен, потому что это в раз-

ные времена вносил ты в условия с царем Мануилом. А станешь запираяться – будут проповедовать письменные свидетельства – письма собственного твоего сочинения и почерка. В самом деле, поступок этот есть какое-то шутство – образ действия неблагоприличный и низкий, всегда изменяющийся, подобно башмаку, сообразно обстоятельствам. Но мы распространились об этом более, чем сколько допускает задача хроники; обратимся опять к прежнему предмету.

10. Между тем король пеонян опять занял Сирмий, отняв его у римлян, и овладел уже самым Зевгмином. Извещенный об этом, царь писал ему следующее: “Несправедливо поступаешь, благороднейший, не уважая клятвы, которую ты недавно дал нашему величеству относительно Сирмия и других мест. Знай же (зачем далеко пускаться в исчисление твоих поступков!), что если ты в скорейшем времени не оставишь того, что тебе не принадлежит по праву, то не столько потерпишь, когда римляне будут отнимать у тебя Сирмий, сколько испытаешь, когда они с оружием в руках опять нападут на всю твою землю. Разве забыл, скольких мириад народа лишилось Гуннское королевство некогда по вине твоего отца, оскорбившего Римское государство? Но тогда он скоро раскаялся в своих поступках, и это послужило для него спасением; ты же смотри, как бы и раскаяние твое не осталось бесполезным. Долго изоощряемый меч правды обыкновенно этим лишь способом и притупляется; а иначе, думаю, никто не может избежать острия его”. Вот что заключалось в письме царя. Но Стефан, не обращая внимания на эти слова, оставался при том же. Посему царь стал всеми способами приготовляться к войне с ним и решил опять возвести на престол Стефана-дядю, хотя прежде не хотел этого. Между тем Мануил, производивший свой род от Комниных, отправился к тавроскифам напомнить их правителю⁵² о клятвенных условиях, которые он заключил с царем, и укорить его за дружбу к галицкому князю Ярославу, который, нарушив договор с римлянами и в иных статьях, кроме того, принял еще и удостоил дружбы Андроника, тогда как этот Андроник (о нем мы много говорили) бежал из дворцовой темницы, где находился в заключении, кажется, около девяти лет. А как удалось ему бежать, я расскажу.

12. По вышесказанной причине Мануил ходил и к Примиславу⁵³, чтобы взять оттуда вспомогательное римлянам войско; был от не-

го посол также и к Ростиславу⁵⁴, который управлял тогда Тавроскифией, чтобы вести с ним переговоры о союзной войне, и достиг своей цели. Чрезвычайно довольные тем, что царь отправил к ним столь знаменитого посла, они обещали сделать все, что будет угодно царю. Не упущен был из внимания даже и Ярослав⁵⁵, только царь вооружил его против Стефана другими средствами, именно следующим письмом: “Мы не будем подражать тебе в недоброжелательстве, которое ты безо всякой нужды обнаружил в отношении к нам, вменив ни во что условия и договоры, недавно подтвержденные твоей клятвой. Тебе угрожает крайняя обида, и я представляю ее перед твоими глазами. Знай, что, выдавая свою дочь замуж за короля пеонян, ты соединяешь ее с человеком злонравным и в своих мыслях весьма нетвердым, который никогда не уважал правды, или истины, с человеком, отказавшимся от природы и законов и, кажется, совершенно расположенным все сделать легкомысленно. Итак, Стефан пусть не соединяется с твоей дочерью и не вступает ни в какие другие законные связи с ней, потому что, и законно соединившись, он поставит себя в отношение к ней, как к распутной женщине. Ведь если он так оскорбляет наше величество и не стыдится обращать в шутку недавно данные нам клятвы, то подумай, какого бесчеловечия не сделает с тобой”. Выслушав эти слова с какой-то невежественной простотой, Прими-слав тотчас был пойман ими, стал смотреть на зятя, как на врага, и согласился всячески помогать римлянам в войне с ним. Есть в Тавроскифии город, по имени Киама⁵⁶, который превосходит все прочие тамошние города, почитается митрополией того народа, получает архиерея из Византии и пользуется другими важными преимуществами. Так вот, правитель и этой страны обещал воевать против Стефана и условия подтвердил клятвой. Тогда же и король алеманов Фридерик, замечая, что царь сильно противодействует ему на Западе, вражду свою с римлянами заключил миром и условился с царем воевать против Стефана. Не отказывался от участия в этой войне и Эрик⁵⁷, который, как уже не раз говорено, был женат на племяннице царя Феодоре. Кроме того, собиралось многочисленное войско из скифов и подвластных римлянам сербов; да и султан, в силу договоров, прислал вспоможение, так что отовсюду шли значительные отряды. Около этого времени добровольно пришел также к римлянам с детьми,

женой и со всеми силами один из владетелей Тавроскифии, Владислав⁵⁸. Ему подарена была придунайская страна, которую царь прежде отдал пришедшему в Византию Васильку, сыну Георгия, занимавшему первое место между филархами Тавроскифии. Тогда же и венеты, возобновив с царем прежние договоры, обещали прислать римлянам для морских предприятий флот из ста трирем и при этом дали слово быть врагами и королю алеманов Фридерiku, и всем другим западным народам, если последние решатся на войну с римлянами.

13. Вот что совершалось тогда на Западе. Между тем палестинский король Балдуин, женатый на племяннице царя, кончил свою жизнь. Так как он умер бездетным, то управление страной перешло к его брату⁵⁹, который, сделавшись правителем, стал через послов просить себе у царя в супружество римлянку и вместе хотел знать его мысли относительно Антиохии, потому что антиохийцы, будучи по природе вероломны, пришли в Палестину к Балдуину и добровольно вверили ему власть над собой и над своим городом. Но король, зная, что этот город подвластен царю, счел нужным, как сказано, сперва спросить его о нем. Царь отвечал ему: “Просьба о браке, так как тебе угодно заискивать наше благорасположение, будет в непродолжительном времени исполнена; что же касается до Антиохии, то она как издревле была данницей римлян, так и ныне подвластна нашей державе, – и ни ты, пока мы живы, ни кто другой не может управлять ею. А антиохийцы скоро получают от нашего величества возмездие за свою неверность римлянам и тогда почувствуют, кого дерзнули они оскорбить”. Таково было содержание письма. Потеряв надежду относительно Антиохии, король продолжал просить царя о браке и, получив в супружество одну из дочерей протосеаста, подтвердил клятвой все те условия, какие были у царя с его братом Балдуином. Еще не совсем готовившись к предстоящей борьбе, а между тем опасаясь за город Зевгмин, стесненный до крайности осадой Стефана, царь, прежде чем мог открыть войну во всем ее объеме, послал туда значительный вспомогательный отряд под предводительством Михаила Гавры и Иосифа Вриенния, под которыми служили и другие знаменитые римляне, как-то: Иоанн, названный Ангелом, муж в войне опытный, и Иоанн Иса, родом перс, но получивший воспитание и образование римское. Даже, чтобы

еще более помочь городу, приказано было отправить множество кораблей с войском и разными запасами. Эти корабли должны были войти в Дунай и доставить осажденным необходимое, пока в землю гуннов не прибудет со всей армией царь. Между тем гунны, стоя уже долго под стенами города и многократно пытавшиеся взять его, убедились, что принимают дело невозможное, потому что римские корабли, подплывая к приречной стороне города, доставляли осажденным весьма многое и, сверх того, принимая раненных в сражении, заменяли их другими – здоровыми. Посему, доколе не прибыло еще в землю гуннов войско под начальством Гавры и Вриенния, решились они тоже собрать флот, чтобы, спустившись по реке, напасть на римские корабли и потом, потопив их, без труда победить врага. Некоторые между ними не одобряли этой попытки на том основании, что корабли их, по неудобной постройке и несоразмерной широте, не столь быстры на ходу, как римские. Несмотря, однако же, на то, они действительно спустились по реке. Тогда римляне, построившись в боевой порядок, встретили их на середине реки и стали осыпая стрелами, а те, не имея сил противостоять им, поворотили кормы – и корабли их, успевшие причалить к своему берегу, избежали опасности, один же из них, занятый военачальниками, попал в руки римлян и был сожжен искусственным огнем. Испытав и тут неудачу, гунны обратились теперь к другой мере: они склонили деньгами некоторых служивших Стефану гуннов и убедили их подмешать этому человеку яду⁶⁰, вследствие чего город был взят и весь Сирмий опять перешел во власть гуннов. Но находившиеся в городе римляне и сражавшиеся под начальством Стефана гунны остались неприкосновенными, так как под этим только условием они и сдали город. После сего гунны стали издеваться над Стефановым трупом: сперва они даже не совершили над ним поминовения и никаких других обрядов, совершаемых над умершими, но выбросили его за городские ворота и оставили там без погребения; после уже, уступив голосу природы, перенесли тело в храм первомученика Стефана и там предали его земле.

14. Как скоро царь получил об этом известие, тотчас, несмотря на жестокую тогдашнюю болезнь царицы, со свойственным ему удивительным рвением устремился к войне и, прибыв в митрополию Иллирии Сардику,

стал там собирать войско. Поднявшись отсюда в исходе июня, пришел он к Дунаю и, намереваясь переправиться через него, распорядился следующим образом. Все, что было лучшего в его армии по вооружению и воинским способностям, поставил он против гуннского города Храма, делая вид, что здесь имеет намерение совершить переправу; когда же увидел, что на противоположной стороне расположилось гуннское войско, вдруг на рассвете отплыл отсюда к Белграду. Таким образом, неприятели, чтобы противостоять той и другой части римского войска, должны были разделиться. Впрочем, и римляне приступали к переправе слишком нерешительно. Заметив это, царь сел в лодку и, плывя впереди других, – на что он уже не раз отваживался, – перешел на противоположный берег, а за ним, пристыженная его решимостью, взошла на корабли и римская армия. Видя, что царь переправился, гунны расстроили свой боевой порядок и отступили. В это время случилось, что царь, при вступлении на неприятельскую землю прыгнув далее чем следовало (ибо мелководье не позволяло притянуть корабль к берегу), повредил себе одну ногу и чувствовал себя худо; однако же и тут не умерил он своей ревности, но целый день провел в трудах, стараясь отвести течение реки, пока поврежденная часть его ноги не стала пухнуть. Между тем защищавшие Зевгмин варвары, выйдя в великом множестве за его стены, готовились противостоять римлянам; но как скоро увидели они царя, тотчас в беспорядке и смятении, перегоняя друг друга, побежали к городу и уже не смели показываться. Затем римляне стали готовиться к приступу и на третий после того день принялись за дело. Сражаясь со стен, варвары наполняли воздух криками и ничего не выражавшими воплями, непрестанно бросали стрелы и в свою очередь сами были поражаемы ими. В этом прошел настоящий и следующий день; но ни римляне, ни гунны не сделали никакого успеха. Многие события во время этой осады возбуждали мое удивление, но отважность царя в сии дни была такова, что если бы я не был личным свидетелем тех событий, то с трудом поверил бы рассказу о них. Римляне построили деревянную башню и задумали идти посредством ее на город, чтобы вступить в рукопашный бой с бывшими на стенах варварами. Царь желал взойти на эту башню прежде других и говорил: “Римляне! Вы представите величайшее из всех доказательство вашего ко мне благо-

расположения, если не помешаете мне взойти”. Но его желание не исполнилось, потому что главные из окружавших его военачальников сильно воспротивились этому. Тогда, обойдя кругом стену, он высмотрел место, откуда удобнее всего было сделать нападение, и приказал опоясывавшие город довольно глубокие и широкие рвы наполнить, за неимением фашичника и хвороста, камнями, чтобы затем подкатить машины. Однако же для взятия города и этого было недостаточно. Гунны хотя и значительно пострадали от римских воинов, но еще громче прежнего пели песни и питали себя надеждой, что скоро придет к ним другое гуннское войско.

15. Когда дело находилось в таком состоянии, пришли римские соглядатаи и донесли о приближении к ним огромного войска, потому что заметили высоко поднявшуюся в воздухе пыль. Притом один из знатнейших гуннов, по имени Васак (Басак), перешедший на сторону римлян, утверждал, что король неонский снаряжается невдалеке, что, кроме других многочисленных войск, он ведет с собой также скифов и тавроскифов и что, кроме того, с ним опять идет со всеми своими силами правитель чехов. Выслушав это, царь советуется со своими вельможами, как поступить в настоящих обстоятельствах. “Римляне! – сказал он. – Свойство настоящих обстоятельств требует не того только, чтобы иметь смелость, но и того, чтобы к смелости не присоединить дел, ей несоответственных. Мне кажется, что имеющий и немного ума должен очень много думать об этом. Итак, если этот народ под благоприятным влиянием какой-то непонятной вышней судьбы восстал со страшной силой на Римское государство, то да не подумаем, будто для нас довольно и того, чтобы только вести войну на его земле. Мы должны всякому времени жертвовать чем следует и настоящим обстоятельствам отдавать то, чего они требуют; ибо я не думаю, чтобы одни и те же действия равно были приличны и счастливым, и несчастным. На этом основании Римскому государству, которое, конечно, не достигло еще древнего благосостояния, а только (с Божьей помощью) приведено нашей защитой в лучшее состояние, никак не поставится в бесчестие отступить перед гуннским королем, который, по рассказам, идет с многочисленным войском как из туземцев, так еще более из дружин, присланных ему союзниками. Посему теперь пусть каждый внимательно рассудит, как сохранить Римскому государству то

и другое: и славу, которую оно уже приобрело, и силу, которую должно унести отсюда неврежденной”. Так говорил царь, и одни из бывших в совете римлян полагали, что следовало бы перенести лагерь на Саву и там окопаться, чтобы оттуда можно было безопаснее противостоять неприятелю, а другим это отнюдь не нравилось, напротив, казалось лучшим – оставить осаду города и со всеми силами идти на приближающегося неприятеля. Но царь не одобрил ни того, ни другого совета: один осудил как голос трусости, а другой – как выражение неблагоразумия. “Если мы оставим осаду города, – говорил он, – то занятые его защитой гунны будут иметь возможность собрать большие, чем теперь, силы и достаточно снабдить их продовольствием”. Итак, он приказал, чтобы слабейшие в войске и прислужники вооружились и остались у города под начальством нескольких не очень замечательных военачальников, а все остальные вместе с ним шли сражаться против других гуннов. Когда это мнение одержало верх, римляне готовились на следующий день выступить оттуда, но, не получив никаких верных известий, вооружились утром и сделали уже третий приступ к городу. Опять завязывается сражение: гунны со стен бросают в римское войско камни, стрелы и все что ни попало, а римляне более прежнего подкапывают основания и посредством метательных машин засыпают неприятелей камнями. С той и другой стороны слышны непрерывные ободрения и увещания, раздаются вопли и стоны и несется глухой шум. Заметив, что римляне колеблют основания, гунны решились сделать следующее. Внутри стены лежал камень огромной величины; подложив под него бревна и привязав к нему веревки, они старались втянуть его на деревянную предбашенную галерею, которая устроена была у них по протяжению стен, и хотели оттуда спустить его на римлян. Но лишь только камень вкачен был в башню, как она, не выдержав его тяжести (потому что он был чрезвычайно велик), вдруг повалилась на землю со многими гуннами, так что ни один из них не избежал бедствия. Тут снова поднялся шум, и битва закипела еще сильнее. При этом рассказывают, как царь, заметив, что один из римлян непременно подвергнется удару удачно пущенной стрелы, подбежал и, поставив над ним щит, сохранил его от стрел.

16. Наконец гунны, видя, что дело их находится в весьма затруднительном положении, послали просить царя, чтобы по сдаче ему го-

рода им позволено было выйти из него невредимыми. Но царь сказал, что не прежде сделает это, как тогда, когда Григорий и другие между ними жупаны явятся к нему с веревками на шеях, с необутыми ногами и с непокрытыми головами. Между тем как он посылал им ответ, римляне, еще более разгоряченные, взяли город. Когда же был он взят, Григорий и находившиеся с ним военачальники гуннов предстали перед царем с бесчестием и плачем, в упомянутом нами виде и в жалких одеждах. Царь до некоторой поры не устаивал их и взгляда и уже позднее, по усиленному ходатайству Белы, отменил смертную казнь и отправил их в темницу. Между тем римляне, вступив в город, с великим ожесточением убивали там людей, будто баранов. Размышляя тогда о жизни человеческой, мне пришлось плакать, – каким бедствиям произвольно подверг себя этот бедный род. Воины уносили сокровища, одежды, серебряные вещи; расхищалось всякое добро; каждый забирал даже и оружие неприятелей – оружие этих обнаженных и обезоруженных ратоборцев. Там найдена была и одна несчастная женщина со стрелой, вошедшей в заднюю часть тела. Как это случилось с нею, сейчас объясню. Упомянутая женщина, пока еще не был взят город, стояла на стене и сыпала золу. В это время, поднимая без всякого стыда платье, она отворачивалась и, показывая римскому войску заднюю часть тела, непрерывно приговаривала какие-то пустые слова в намерении этим дьявольским колдовством связать римлян. Но один из воинов, пустив стрелу, попал бедной в то место, где природа образовала проход для извержения нечистот. Найден был также в грязной и мрачной темнице один злосчастный узник из римлян, заключенный по следующей причине. Гунны, взяв его в плен, принуждали как искусного стрелка бросать со стены стрелы в римлян. Он, хотя не без умысла, однако же, часто стрелял, только всякий раз невпопад. Заметив это, гунны многократно секли его и потом держали под караулом в темнице. Таким-то образом Зевгмин взят был и во второй раз. В то время много было и других, которые совершили дела, достойные имени дел доблестных; не менее отличился и Андроник Дука. Так, видя, что римляне по лестнице взбираются на стену, он пришел к племяннику царя Андронику⁶¹, под начальством которого служил, когда последний, возвратившись из Тавроскифии, получил от царя прощение, и просил

его, чтобы и ему также дозволено было попытаться взойти на стену. Получив дозволение, Дука с великим рвением принялся за это. Некоторые из латинян, лезших позади, старались было, по соревнованию, опередить его, но он сильно спорил с ними и никак не хотел уступить своей чести. Тогда как это происходило, лестница нечаянно упала на землю и разлетелась, но Андроник снова возвратился к обычной своей смелости, ибо, видя, что некоторые опять взбираются по другой лестнице, рысью взбежал на нее и сам. Вот что здесь происходило. Между тем король Стефан, уверенный в безопасном состоянии Зевгмина, – ибо, кроме всего другого, он напоен был водой проведенного из Дуная канала, который прежде тянулся по городу под открытым небом, а потом, во время войны царя с этим самым Стефаном, протекал уже под землей, – не хотел верить, чтобы он мог быть так легко взят римлянами. Но когда царь, выступив отсюда, построил другую крепость и поселил в ней многих взятых из Сирмия гуннов, которые обыкновенно называют себя халисиями, а это, как я говорил, иноверцы, одного вероисповедания с персами, тогда Стефан, получив уже подробное сведение о том, что случилось с Зевгмином, отправил к царю посольство из мужей знаменитых, в числе которых один имел власть епископа той страны, и соглашался возвратить римлянам как Сирмий, так и всю Далмацию.

Послы допущены были пред лицо царя и, высказав ему все, что было им предписано, наконец стали просить его оставить свой гнев. Но он сперва отказывал и говорил им так: “Почтенные послы! Уступка была бы, конечно, весьма важная, если бы кто изволил отдать нам то, что мы уже отняли. Сирмий в наших руках, Зевгмин в нашей власти, Далмацией тоже владеем мы. Мы – господа над всем тем, что вы нам теперь столь милостиво отдаете. Разве есть у вас другой Сирмий? Разве где-нибудь есть другой Зевгмин и другая Далмация, для отдачи которых вы пришли к нам? Если есть, покажите, чтобы мы тотчас протянули к ним свои руки и взяли их. Знаем, конечно, что не владеть нам спокойно и тем, что мы получили от вас, ибо действовать противозаконно для вас ничего не значит; однако же своей силой, при Божией помощи, надеемся как-нибудь удержать полученное. Если же все это – в нашей власти, то у вас не остается ничего, чем, по вашим словам, хотите вы одарить нас. Стало быть, какие же условия? На

чем помиримся? – так сначала отвечал им царь, но потом, переменив тон речи, сказал: Вы должны знать, что мы желаем примириться с вами безвозмездно, как с христианами; произнесите клятву”. Так сказал Мануил, и посланные, подтвердив все клятвой, удалились к своим, а царь возвратился в Византию.

Книга VI

1. По возвращении Андроника из Тавроскифии, как было сказано, царь не только удостоил его дружбы, но и, щедро одарив золотом, послал в Киликию, чтобы он привел в порядок тамошние дела; а для ведения больших расходов предоставил в его пользу сбор податей с Кипра. Впрочем, Андроник на назначенном ему месте пробыл недолго и сперва обручился с родной сестрой августы Филиппой, хотя наш закон⁶³ не допускал этого; потом, оставив ее без всякой причины и взяв с собой большие суммы царских денег, собранных им в виде податей с Киликии и Кипра, отправился в Палестину. Встретившись там с дочерью севастократора Исаака, которая, как сказано, была замужем за Балдуином, а когда он умер и власть его перешла к брату, жила вдовствующей в городе Аке; он часто бывал у этой вдовы как родственницы и вступал с ней в какие-то тайные совещания. Простираясь же далее, воспламенился к ней беззаконной и нечестивой любовью и, заведя с ней связь, взял ее и уехал в землю сарацинов, где впоследствии имел от нее детей. Затем, обойдя многие иноземные страны, проник он в восточную часть земли иберийской, а оттуда спустя немного времени опять пришел с женой к персам, и, из Персии делая частые набеги на римские пределы, этот злодей поработил множество людей и военную добычу передавал персам, за что Церковь и предала его анафеме.

3. Между тем король гуннов опять нарушил договор и послал с большим войском одного из бывших при нем знатных лиц, Дионисия, человека, доказавшего свою опытность во многих войнах, приказав ему снова занять Сирмий. Извещенные об этом, римские вожди составили по сему случаю совет. Совещания происходили, но не принесли пользы римлянам, потому что совещавшиеся имели в виду только обмануть друг друга. Главными из них были два Михаила: один назывался также и Гавром и был дукой той страны, а другой – Врана, командовал собственно войском. Оба они были весьма воинственны, но

17. Между тем Иоанн Дука, покорив Далмацию⁶², управление ею, по предписанию царя, передал Никифору Халуфе, потому что царь еще прежде послал его туда с войском, чтобы он либо силою, либо посредством переговоров занял эту страну, по согласию гуннов предназначавшуюся в наследство Беле...

Врана превосходил первого. Согласившись наконец напасть на Дионисия ночью, они поднялись и со всем войском двинулись вперед; но, прибыв туда, где Дионисий стоял лагерем, и найдя лагерь совершенно оставленным, начали робеть, ибо если что может потрясти душу воина, так это пустынное место и непривычное пребывание на неприятельской земле. Тем не менее, однако же, они продолжали отыскивать след неприятелей и, быть может, сделали бы что-нибудь, если бы раньше напали на гуннов. Но так как тогда уже рассвело, то гунны, приметив римлян, начали вгонять в лагерь лошадей (ибо они были на пастбище), и каждый, сев на свою, по обыкновению, всегда стоявшую у палатки, построились в фалангу; потом, видя, что римляне несутся в большом беспорядке (ибо многие из них действительно рассеялись, устремившись на гуннов, когда они загоняли в лагерь лошадей), напали на них и, обратив в бегство, успели прогнать их до самой римской фаланги, которая шла позади. Испуганные этим, римляне начали отступать и потом побежали изо всех сил, полагая, что нападавших гораздо больше, чем сколько видели их. В подобных обстоятельствах весьма немногие люди способны видеть истину и рассуждать. Но тогда как все поспешно разбегались, на месте оставались еще несколько времени оба вождя со знаменами и с немногими из своей свиты, полагая, что некоторые римляне тоже останутся. Видя же, что никто ниоткуда к ним не присоединяется, они и сами наконец дали тыл. Врана, по крайней мере, однажды обратился назад и поразил копьем одного из неприятелей, а другой бежал не озираясь. Тогда прояснилась причина, по которой они прежде ссорились в совете. Снова догнав бежавшего Гавру, Врана стал сильно смеяться над ним и, забавляясь на его счет, сказал: “Был ли ты тут, севаст, как я еще однажды стал против неприятелей и пустил в них копье? – и на утвердительный ответ последнего примолвил: – А тебя, клянусь головой царя, я видел только бегущим”. Так-то, из нынешних римлян ни-

кто ничего не делает ради пользы общей; всякий принимает на себя труды, чтобы только самому показаться человеком хорошим и доблестным. Преследуя бегущих, гунны убили не очень многих, немногих также и взяли в плен, потому что и сами были в страхе. Об этом можно заключить из того, что один гуннский пехотный полк добежал до самого Зевгмина, не подвергшись ни разу нападению со стороны римлян, – так осмотрительно шли они. При этом Дионисий, чтобы придать более важности своему подвигу, собрал немногие тела павших и набросал на них как можно более земли, полагая, что по величине кургана будут заключать о числе убитых. Между тем как все это происходило, царь пришел в негодование и хотел опять сам идти в землю гуннов с намерением особенно дать врагам почувствовать силу римлян. С этой целью он послал к Дунаю Алексея, обрученного тогда с его дочерью, и вверил ему многочисленное войско, которым Алексей командовал как протостратор, и теперь должен был показать вид гуннам, что хочет напасть на них опять из прежних обыкновенных военных пунктов. С этой также целью он приказал Льву, по прозванию Ватаца, зайти с другой стороны и, ведя другое, тоже значительное войско, вместе с дружиной валахов, которые почитали себя древнейшими выходцами из Италии, вторг-

нуться в землю гуннов из мест, лежащих у так называемого Евксинского Понта, откуда никто никогда, с первых веков, не нападал на них. Итак, Алексей с одним римским войском пришел к Дунаю и, как бы готовясь здесь к переправе, навел на гуннов страх; а Ватаца вторгся в гуннскую землю из указанных мест и, беспощадно опустошая и разрушая все попадавшееся, умертвил множество людей и не меньше взял их в плен; кроме того, пригнал оттуда целые табуны лошадей и других животных и возвратился к царю. Но царь, желая нанести врагам и вторичный удар, опять выслал против них войско и приказал напасть с горных возвышенностей на принадлежащую гуннам Тавроскифию. Этим войском предводительствовали Андроник Лампарда, Никифор Петралифа и некоторые другие. Но над всеми был поставлен Иоанн Дука, о котором я уже много раз упоминал. Они, в непродолжительное время совершив путь на пространстве нескольких десятков миль, по местам непроходимым и странам безлюдным, вторглись в землю гуннов и, нападая на многие весьма многолюдные деревни, захватили большое количество добычи, умертвили много народа, а еще больше взяли в плен. Собираясь же удалиться оттуда, водрузили там медный крест и сделали на нем следующую надпись:

Здесь некогда многочисленные роды паннонского племени
Уничтожены грозным Марсом и рукой Авзониев,
Когда Римом правил славный божественный Мануил –
Честь и хвала державных Комнинов.

4. В то самое время, как это происходило, прибыл в Сардику австрийский герцог Эрик (Генрих) с женой своей, племянницей царя, Феодорой. Цель приезда была примирить с царем короля алеманов Фридерика и просить его о прекращении войны с гуннами. Фридерик, как я уже говорил в прежних книгах, от противодействия ему царя едва не лишился власти над Римом, когда римский архиепiscop согласился восстановить древний обычай; испытал также много и других неприятностей, когда царь стал способствовать к восстанию против него тамошних народов. Посему еще несколько прежде, находясь в затруднительных обстоятельствах и желая привлечь на свою сторону царя, он отправил к нему посольство и, прося его дружбы, обещал, как сказано, идти вместе с ним против гуннов. Но как скоро переговоры царя с папой о власти над Римом рушились, оттого что царь домо-

гался, чтобы престол царства Римского опять оставался в Византии, а папа не соглашался на то и требовал, чтобы он царствовал в Риме, – ободренный этим, Фридерик опять обнаружил неприязненное расположение и, решившись вторгнуться в римскую землю, с каким-то варварским безумием начал даже делить ее между своими. Но так как от противодействия царя он не мог успеть в своем намерении, то задумал составить посольство из Эрика и Владиграца, стараясь под видом дружбы отклонить царя от враждебных против него намерений, а сам между тем готовился, при благоприятных обстоятельствах, вступить в войну с римлянами. Однако же царь понял дело и, приняв Эрика благосклонно, по его просьбе склонился на перемирие с гуннами, а касательно Фридерика не сделал ничего окончательно. На возвратном пути домой Эрик прибыл в Пеонию и убедил Стефана, прогнав от

себя тавроскифянку, взять в супружество девицу⁶⁴, дочь его. Спустя немного времени гунны задумали снова отнять Далмацию. Посему в эту страну вступило войско, и сам военачальник, имеющий у них сан жупана (жупан у того народа есть имя правителя, занимающего первое место после короля). Но тогдашней войной гунны не могли ничего достигнуть и, захватив одного Халуфу, удалились. Как это случилось с Никифором, сейчас расскажу. Узнав о прибытии в страну гуннского войска, он вышел из Спалафы с немногими воинами своего отряда; но когда совершал путь, следовавшие за ним понемногу уходили и сделали этого человека легкой добычей неприятелей, которые окружили его и, несмотря на мужественную его оборону, взяли в плен.

5. Узнав об этом, царь прибыл в Византию и думал весной выступить против гуннов с большими против прежнего средствами, но не мог прибыть туда в благоприятное для военных действий время, потому что одно обстоятельство помешало ему; а в чем оно состояло, видно будет из следующего рассказа. Когда прошла зима и рассеялись туманы, царь предан был одному умному гимнастическому упражнению, издавна бывшему в обычае у царей и царских детей. Оно состоит вот в чем: несколько юношей, разделившись между собой поровну, берут сделанный из кожи шар величиной в яблоко и бросают его на какое-нибудь высокое место, которого высота была бы, разумеется, применена к их силам. К этому шару, как бы к награде, лежащей среди двух спорящих сторон, бегут они изо всех сил, перегоняя друг друга, и каждый держит в правой руке палочку длины посредственной, оканчивающуюся крутым широким крючком, которого середина перехватывается несколькими от времени высохшими струнами, сплетенными между собой наподобие сети. Этими палочками каждая сторона старается прежде другой угнать тот шар к своей цели, которая заранее бывает назначена, потому что чьей цели ускоренный палочками шар достигнет, на той стороне остается и победа. Эта игра слишком отважна и опасна. Упражняющемуся в ней необходимо постоянно наклоняться и сгибаться, быстро делать круговые повороты на лошади, совершать все рода бега и производить столько различных движений, сколько случится сделать их шару. Так вот в чем состояла игра. Тогда как царь в этой игре делал страшные повороты, случилось, что под ним всем телом упала на

землю лошадь. Лежа внизу под лошадь, он долго бился и напрягал силы, чтобы подняться, но, не в силах оттолкнуть лошадь, которая, как я сказал, налегла на него всем телом, опасно повредил себе бедро и руку от нажатого седла. Впрочем, он столь мужественно переносил это, что, хотя смертельно страдал, однако же, когда многие окружили его, проворно встал, снова вскочил на коня и некоторое время без труда скакал назад и вперед, пока не почувствовал еще сильнейшей боли и не слег в постель. Тут болезнь так одолела его, что от приключившегося с ним обморока он на следующий день не помнил ничего, что вчера говорилось или делалось. Так это было. Впрочем, через два дня ему сделалось легче и он отправился в Апамею; но, вероятно, от какого-нибудь усилия во время пути опухоль снова явилась и стала часто беспокоить его боль. Потом, проведя пасхальные дни в городе Силиврии и почувствовав себя лучше, он отправился в Филиппы. Здесь говорил он с прибывшими из Пеонии послами и, видя, что они не предлагают ничего здорового, а только всячески пытаются достигнуть перемирия и прекращения войны, отослал их ни с чем и отправил с ними к пеонянам одного римлянина, который должен был вытребовать Халуфу, если же они не исполнят этого, тотчас же грозил им, что царь и римская армия опять явятся, а сам, прибыв в Сардику, стал набирать там войско.

6. Во время пребывания царя в Сардике случилось следующее. Алексей⁶⁵, исполнявший тогда, как я многократно говорил, должность протостратора, давно уже замышлял измену, а теперь, явно обличенный в этом, принял пострижение, поступил в число монахов в один из нагорных монастырей, каковых весьма много при реке Стримоне, на горе Папикии, и, прожив там довольно времени, скончался. Скажем же, отчего и по какой причине этот человек дошел до такого состояния. В прежнее время он был послан в Киликию и назначен от царя полновластным распорядителем происходившей там войны. На пути туда он нарочито заезжал в Иконию к султану, вошел с ним в дружбу и много рассуждал относительно тирании; потом, получив от него и взаимно вручив ему грамоты, в которых изложены были заключенные между ними условия, отправился в Киликию. Впоследствии, возвратившись в Византию и желая однажды украсить картинами один из своих загородных домов, он не представил на

них ни древних греческих деяний, ни подвигов царя на войне и охоте, как это было в особенном обычае у знатных людей, ибо царю случалось бороться со столькими зверями и нападать на таких из них по природе, с какими, слышали мы, не случалось встречаться никому из живших когда-либо людей. Чтобы не потерять из виду исторической нити, я представлю только один случай. Было это уже около зимнего поворота солнца; снегу выпало на землю столько, что им покрылись почти все ложбины и горные ущелья; от непомерной стужи едва не замерзали тела; звери, не находя места, где укрыться, покидали тропы и толпами бродили по снегу; стаи птиц не в состоянии были пользоваться крыльями (ибо лед сковывал их, будто узами, подобно тому, как схватывает их липкая палочка птицеловов), и они становились пешеходными вместо пернатых и делались готовой добычей зверей и людей. В это время царь выехал охотиться в одну из восточных областей, называемую Даматрис. Когда он занимался этим, вдруг встречается с ним огромной величины зверь, однако же не лев, потому что назвать его так не позволяла барсовая кожа, а назвать барсом не допускала величина его и сходство со львом. Итак, это была какая-то двойная, свойственная тому и другому порода, – барс во льве и лев в барсе, какое-то странное смешение свойств: благородства со зверством, гнева с жестокостью, – вообще все, сродное обоим, но взятое вместе. Таков был этот зверь. Большая часть царской свиты при виде его разбежалась, потому что для многих невыносимо было даже смотреть на него; и когда зверь находился уже близко, не нашлось никого, кто бы сошелся с ним. Но царь, тогда как разбежались все, извлеки висевший у него меч, бросился поразить зверя и, нанеся ему удар, рассек его с головы до самой груди. Таков-то был царь на охоте. Так Алексей (возвращаясь к тому, от чего сделал отступление), оставив эти подвиги царя, – ребенок, – изобразил деяния султана: что следовало хранить во мраке, то в своих домах он живописно выставил напоказ. Узнав о том, царь в частных, многократно бывавших с ним беседах уговаривал его оставить эти затеи. Но он по-прежнему упорно держался своего намерения да и, кроме того, нередко призывал к себе одного латинянина, чародея, весьма сведущего в демонских делах, входил с ним в самые искренние беседы и сообщал ему о тайных своих намерениях, например о том, как бы сделать

царя навсегда бездетным; с этой целью брал он у того злодея много лекарств и не переставал, несчастный, заниматься подобными делами. За это царь начал опять порицать его и обличал в сумасшествии. Но он, показывая вид, что раскаялся, продолжал быть тем же, чем был, и спустя некоторое время снова принимал у себя упомянутого волшебника и открывал ему прежние свои замыслы. Сошедшись однажды с Константином Дукой, который тоже был женат на племяннице царя, Алексей сказал ему: “Любезнейший! Если тебе угодно будет прийти к одной с нами мысли, то знай, что никто не одолее нас”. Но это было сказано им еще не очень открыто; другое обнаружилось гораздо яснее. Некогда Кассиан заметил, что Алексей, воюя вместе с Белой в гуннской земле, более надлежащего уклоняется от сражения с гуннами и, придя к нему, старался возбудить в нем решимость сразиться. Но Алексей, отведя Кассиана в сторону, сказал: “Ты спрашиваешь, для чего я часто удерживаюсь от сражений? Это потому что мне очень жаль человеческого рода”. Когда же Кассиан что-то возразил против его слов, тот отвечал: “Царь непредусмотрительно приказал мне с решительностью вводить римлян во все, какие представляются, сражения, – конечно, для истребления их. Впрочем, ты молчи об этом – и будешь мне другом”. Так говорил Алексей, а Кассиан передал его слова царю. Но это было прежде. А случившееся в последнее время состояло в следующем. К римлянам пришла на помощь дружина скифов и сначала много толковала об условиях, а потом согласилась помогать римлянам. Но протостратор, тайно поговорив со скифами, расположил их приманкой денег притвориться, будто они возвращаются в отечественные жилища, а когда наступит полночь, напасть в большом числе на палатку царя и приняться за дело. Так было предложено и положено. Но один молодой невольник из числа служителей при царской палатке, узнав о заговоре, тотчас пришел к евнуху Фоме, который в то время был самым преданным царю человеком, и открыл ему замысел; а Фома передал все это царю и представил ему потом самого невольника. Однако же царь не хотел еще верить доносу, пока не увидел, что скифы утром начали удаляться без всякой причины. Впрочем, он успел удержать их обещаниями; что же касается до Алексея, то были посланы люди схватить его, и несчастный скоро сделался узником. Потом, через несколько времени, по по-

велению царя явились к нему сановники: Иоанн Дука и Михаил, бывший тогда логофетом; кроме них, тут же были и евнух Фома, и Никифор, один из судей Вилы⁶⁶, по прозванию Каспакс. Эти лица представили Алексею три обвинения и приказали ему, если может, защищаться против каждого из них. Но Алексей, выслушав обвинителей, признал себя виновным во всем и просил только, чтобы ему дозволено было сначала остричь волосы и приобщиться божественных тайн; а потом пусть суд определяет что угодно. Тронутый этим, царь постриг его в монахи.

7. Так закончилась здесь судьба Алексея. Между тем царь, узнав о вступлении гуннского войска в Сирмию, послал туда силы, которыми предводительствовал, кроме других римских военачальников, и царский племянник Андроник, по прозванию Контостефан, поставленный от царя полновластным распорядителем этой войны. Ему, будто на картине, начертан был план, как построиться в бой и где расположить свою армию. Но Андроник, перейдя Саву и находясь недалеко от гуннского лагеря, сделал следующее: он не считал полезным посылать в неприятельский лагерь соглядатаев и лазутчиков, как это обыкновенно водится, а приказал нескольким римлянам выйти за лагерь и постараться, схватив кого-нибудь из неприятелей, привести его живым. Те, согласно приказанию, возвратились, имея в руках неприятеля, – и Андроник расспросил пленника, с какими силами пришли гунны и что намерены они делать. Пленник рассказал все по правде: “Командуют, – говорил, – этим войском тридцать семь наших вождей, но над всеми ними вверена власть Дионисию; войско же состоит всего из пятнадцати тысяч латников, конников, стрелков и копейщиков, а смелости у них столько, что, по их убеждению, римляне не выдержат и первого их нападения”. Выслушав это, Андроник отпустил его и приказал ему объявить Дионисию, что “царь не в состоянии более сносить то, в чем они провинились перед римлянами, и что недалеко уже тот, кто подвергнет их должному наказанию”. Затем, вооружив римское войско, он вывел его за лагерьный ров и построил следующим образом. Впереди приказал он идти скифам и большей части персов вместе с немногими конниками, которые сражаются копьями; потом на обоих флангах следовали фаланги римлян под начальством Кокковасилия и Филокала, также Татикия и, как его зовут, Аспиета. В тылу их

шли латники, перемешанные со стрелками, и тяжеловооруженная персидская фаланга; за этими с обоих флангов двигались Иосиф Вриенний и Георгий Врана, также брат последнего Димитрий и Константин Аспиет-Севаст. Далее следовал Андроник, бывший тогда хартулярием царя, по прозванию Лампарда, вместе с отборными римлянами, алеманами и персами; а позади всех – военачальник Андроник со многими другими знаменитыми мужами, которые, по обычаю, всегда находились подле царя, когда он шел на войну, и с наемными итальянцами и сербами, которые следовали за ним, вооруженные копьями и длинными щитами. В таком порядке римляне открыли поход. Придя к тому месту, где Дионисий насыпал могильный холм, они сошли с лошадей, горячо плакали и каждый дал другу слово умереть за соотечественников и родных. Между тем Дионисий, узнав о приближении римлян, сделался чрезвычайно дерзок и с колкой насмешкой приказал гуннам, принявшись за чаши, пить за здоровье римлян. Те стали пить усердно и потом, взявшись за оружие, построились обыкновенным своим порядком. У них всегда в обычае составлять переднюю фалангу из отборного войска. Давно уже зная это, царь приказал Андронику построиться наоборот. Посему, когда войска находились близко одно от другого, Андроник велел передовым своим отрядам осыпать гуннов стрелами и, как скоро они увидят, что те несутся на них, тотчас бежать, но не прямо к римскому войску, а более в сторону, чтобы таким образом разделенные гунны середину своей фаланги оставили пустою. Но те при первом нападении гуннов обратились в бегство и бежали изо всех сил, пока не очутились на Саве. После сего у римлян уцелели только два отряда на левом фланге под предводительством Кокковасилия и Татикия; прочие были уже сдвинуты, – Димитрий Врана, когда бывшие с ним рассеялись и когда оставалось у него только восемьдесят человек, бросившись в ряды неприятелей и геройски подвизаясь, был смертельно поражен в лицо и, взятый в плен, отнесен в лагерь гуннов; а брат его Георгий, устранившись множества неприятелей, не отважился на сражение. Таким образом, левое крыло римлян склонилось к отступлению; а правое, между тем напав на левое гуннское, блистательно разбило его. Увидев это, Дионисий хотел было напасть на тех, которые окружали военачальника Андроника, но многие из бывших с ним начали

робеть и потому призывали к себе конницу. Заметив это, Дионисий стал порицать их за робость и вместе просил остаться при нем, чтобы не обнаружить своего страха перед римлянами. Между тем Андроник Лампарда, видя, что делается, и опасаясь, как бы многочисленный отряд Дионисия, в случае его удаления в другую сторону, не напал на военачальника Андроника, счел нужным заранее вступить в сражение с Дионисием. Когда они сошлись, поднялся ужасный стук, повсюду раздавался треск, копья ломались о щиты и падали на землю. Римляне, несмотря на то что к ним подоспел отряд под начальством другого Враны, Георгия, начинали уже устывать. Военачальник Андроник заметил это и, опасаясь, как бы в случае поражения отряда Лампардова вся тяжесть борьбы не пала на него, тоже устремился на неприятелей. Тут произошло самое упорное сражение, так что при первой стычке римлян пало восемьдесят человек, а варваров гораздо более. Но римляне выдерживали борьбу с какой-то невыразимой стойкостью и наконец, благодаря своему мужеству, обратили гуннов в бегство. Вслед за этим произошло такое побоище варваров, что тамошняя равнина почти вся была устлана их трупами, потому что, когда были переломаны копья и сокрушены мечи, несчастных били по голове дубинами. Тогда было отбито и знамя, которое, по значительной его величине, эти варвары возили на тележке⁶⁷; тогда со всем вооружением был взят и конь Дионисия, а сам Дионисий – не могу сказать, каким образом, – едва спасся от опасности. Да и те из варваров, которые успели убежать с поля битвы и пришли к реке, были здесь перехвачены римским флотом. Таким образом, военачальников, которых сами они называют жупанами, взято в плен пять, а воинов около восьмисот, и в этом числе было много лиц благородных, даже знаменитых. Много тысяч и пало в этой борьбе. Не было ни одного римлянина, который не совершил бы тогда собственноручно великих подвигов; но больше всех совершили их Иоанн Контостефан и Андроник Лампарда. Исполнив с успехом свое дело, римская армия – так как была уже полночь – удалилась в лагерь и взяла с собой пленных, также до двух тысяч лат, а шлемов, щитов и мечей никто не мог бы и пересчитать. Итак, ночь римляне провели здесь; когда же наступил день, они вооружились и отправились в лагерь гуннов, но людей в нем не нашли и потому, разрушив его, возвратились

назад. Такой был исход этой войны с гуннами.

11. Так это происходило. Между тем начали приходить в расстройство дела Киликии, ибо по смерти Тероза получивший власть над страной брат его Мелия⁶⁸ ничем не менее стал вредить римлянам, как и Тероз. Военачальником в Киликии был избран сперва Михаил Врана, а потом Андроник, по прозванию Фервин, который, как уже сказано, был племянником царя. Но когда и последний не сделал там ничего замечательного, дела исавров стали клониться к упадку. Правда, в Киликии сменилось много военачальников и после Андроника, и в числе их был также Константин, которого звали Каломаном, но успеха не было никакого. Каломан и Армении причинил много вреда, а сам потерпел еще более. Около того времени приходил в Византию с большой свитой правитель саксонцев⁶⁹, народа весьма многочисленного и богатого, с целью примирить с царем алеманского короля (так как они сильно подозревали друг друга) и, исполнив то, для чего приходил, возвратился восвояси. В это время, подчиняясь влиянию венетов, задумали отложиться и сербы; а в земле гуннов, по смерти правившего ею Стефана, произошло большое волнение. Побуждаемый этими обстоятельствами, царь едет в Сардику. В бытность его там гунны отправляют к нему послов и просят его прислать к ним в короли Белу, так как по смерти Стефана право на престол принадлежит ему. Бела сперва назначаем был в зятя царю, как я уже и прежде сказал, но когда закон родства возбранил это, он женился на сестре августы⁷⁰ и потому, нареченный кесарем, через таковой титул возвысился над прочими византийскими вельможами. Провозгласив его наконец гуннским королем, царь отпустил его вместе с женой в землю гуннов и взял с него клятву, что он будет до конца жизни соблюдать выгоды царя и римлян. Со стороны царя сопровождали его особы, долженствовавшие возвести его на престол, именно Иоанн, протосеваст, и другие знаменитые лица. Утвердив Белу на престоле, царь направил путь к сербам, чтобы отплатить им за дерзость. И вот чему я всегда удивляюсь: прежде чем собралось все войско, он, с немногими тысячами вступив в страну через крутые и утесистые места, поспешил сразиться с архижупаном⁷¹. Этот, несмотря на то что под его управлением было бесчисленное союзное войско, убежал в самом начале сражения и, когда страх овладел его душой, отправил к царю послов просить прощенья.

ния в своих проступках; не сумев же получить его, просил по крайней мере безопасного к нему доступа. Когда царь согласился на это, он подошел к престолу с непокрытой головой, с руками обнаженными по локоть, босыми ногами, с веревкой на шее, с мечом в руке и преда-

вал себя в полное распоряжение царя. Тронутый этим, царь отпустил ему вину и, окончив с успехом это дело, вышел из Сербии в сопровождении архижупана. В это же время и Аарон, о котором я недавно упомянул, был пойман в том, о чем сказано, лишен зрения.

Книга VII

3. В продолжение едва сорока дней воссоздав город, обведя его рвом, поселив в нем множество римлян и, сверх того, снабдив его достаточной стражей, царь двинулся оттуда и остановился в местах по Риндаку, где, дав войску отдых, пошел далее. Видя же, что за ним следуют весьма немногие (ибо большая часть полков без его ведома разошлась по домам, хотя, как говорили, еще прежде многократно подтверждалось никому не удаваться из лагеря), он послал Михаила, родом варвара (прежде называвшегося, кажется, Исахом и между домашними его слугами занимавшего первое место), с приказанием некоторых воинов за самовольное выбытие из строя наказывать телесно; а сам с немногими войсками, перейдя через лампийские равнины, восстановил одну крепость (имя ей Савлеон), построенную при истоке Меандра и от времени пришедшую в упадок. Отсюда царь уже не тем способом, как бывало прежде, начал делать схватки с неприятелями, но развешивался и несся неудержимо, как огонь или поток. Этим занимался царь; а Михаил, о котором я уже упомянул, издавна беснуясь против римлян, воспользовался теперь гневом царя и каждого встречного без предварительного допроса повергал на землю и вонзал железо в глаза несчастному, который и сам не знал, за что он страдает, который даже не принимал участия в войне, но занимался либо земледелием, либо торговлей, либо каким другим ремеслом. Нападал он и на других и изуродовал много человеческих тел, пока не узнал о его действиях царь (тогда, по окончании работ в крепости, он возвратился уже в Византию) и не остановил его неистовства, едва не подвергнув и самого, как говорят, таким же пыткам. Но хотя царь, думая, что он вперед не будет так поступать с римлянами, простил ему эту вину, однако же скоро постиг его суд Божий и отнял у него жизнь, а детей

его подверг бедствиям. В то же время царь призвал на суд и Гавру и по произнесении над ним приговора (приговор же состоял в том, чтобы он сам себе назначил наказание), связав его ноги цепями, заключил до некоторого времени в одну из придворных темниц, а потом освободил и возвратил ему прежние почести. Между тем Кличестлан, узнав о намерении царя (ибо произошедшее в Дорилее сильно тревожило его душу), отправил в Византию одного из самых сильных при нем лиц, по имени Гавра, и просил царя, чтобы он принял взятые им крепости какие ему угодно и перестал на него гневаться. Но царь не принял этого предложения и отослал посла назад, а сам, из сербов и гуннов составив значительную армию, начал еще с большим старанием приготовляться к войне. А чтобы ни лошади, ни люди не терпели никакого недостатка в съестных припасах, приказал привести из Фракии бесчисленное множество быков и более трех тысяч телег. Когда все это было готово, он весной переправился в Азию и, по обычаю, собрал войско на берегу Риндака. Но союзные гунны и римские подданные сербы, придя не вовремя, оттянули войну на летнее время, – и это-то особенно было причиною тогдашних неудач; ибо в деле войны нужнее всего обращать внимание на время. Итак, царь направил свой поход через Лаодикию и земли, лежащие около Меандра, имея в виду всем войском осадить Иконию. Когда же присоединилась к нему и Неокесария, он послал туда с войском племянника своего Андроника Ватацу и приказал ему идти через земли Пафлагонии. Между тем, не выходя еще из Византии, отправил он флот из полутора ста кораблей в Египет, чтобы открыть войну с Кличестланом вдруг всеми своими силами. Посему, так как войска на флоте было меньше, чем сколько требовалось для покорения Египта... [*Конец рукописи*].

Примечания

¹ Иоанн II Комнин (1087–1143, имп. с 1118), умер от отравленной стрелы, которой сам себя ранил себя на охоте. Так как старшие его сыновья (соправитель Алексей и Андроник) умерли, а следующий по старшинству Исаак не обладал нужны-

ми качествами, власть умирающий Иоанн передал младшему сыну Мануилу (ок. 1118–1180, имп. с 1143).

² Мануил I Комнин умер в Константинополе 24 сентября 1180 г., оставив царство 11-летнему

Алексею II Комнину (1169–1183, имп. в 1180–1183), у которого впоследствии Андроник I Комнин (ок. 1120–1185, имп. с 1183) отнял престол вместе с жизнью, отстранив от власти его мать-регентшу Марию Антиохийскую и ее фаворита протосеаста Алексея Комнина, племянника покойного василевса Мануила I Комнина.

³ Разумеется Никифор III Вотаниат (ок. 1001 – ок. 1081, имп. в 1078–1081), который низвергнут был с престола Алексеем I Комниным (ок. 1057 – 1118, имп. с 1081), отцом царя Иоанна.

⁴ Под именем Атталы здесь разумеется город Памфилии, иначе называемый Саталою. Он лежал на берегу Средиземного моря и был главным городом области. Основание его приписывают Атталу (Страбон).

⁵ *Филархом* назывался начальник племени, которого каждое племя избирало из среды себя. Поход Иоанна в Македонию совершился в 1123 году.

⁶ У пеонского, или, что тоже – венгерского короля Владислава не было сыновей, а была только одна дочь по имени Пириска, вышедшая замуж за Иоанна Комнина и названная Ириною. Владислав при смерти завещал престол племяннику своему, сыну Гейзы Аллузию или Алме, который был лишен зрения братом своим Каламаном, ушел из Венгрии и проживал у константинопольского царя Иоанна. Когда же Каламан умер, сын Аллузия Стефан занял венгерский престол.

⁷ *Сирмия* – область, лежащая между реками Дунаем и Савою.

⁸ Киннам под *кельтами* разумеет германцев, а под *германцами* – галлов, как это видно из самого его рассказа. О Сирском походе императора Конрада подробно говорит Фризингенский епископ Оттон, который сам участвовал в нем.

⁹ *Бриттов* и *британцев* Киннам приводит как два различных племени. Эта ошибка могла произойти от различия наименований одного и того же великобританского народа, встречавшихся Киннаму в исторических памятниках и на монетах того времени.

¹⁰ *Александр*, граф Равенны, лишенный графства сицилийским королем Рожером за произведенное им возмущение, сперва ушел в Далмацию, а потом в Константинополь к царю Мануилу.

¹¹ Киннам называет *Конрада* не царем, а королем, по незнанию дипломатического смысла, в каком принимались у латинян слова *imperator* и *rex*.

¹² *Феодот* – игумен обители св. Анастасии.

¹³ Некоторые разумеют здесь богемцев, которых славяне – по первому их королю Чеху – называли чехами. Но эти чехи не те, о которых говорят Прокопий и Феофан, потому что те обитали далеко от Богемии и населяли берега Евксинского Понта.

¹⁴ Разумеется Болеслав IV, король польский, ибо поляков в то время называли лехами – по родоначальнику их Леху, брату богемского короля Чеха.

¹⁵ Выражение *ποὺτς* *Ἀλεμάνε*, если *ποὺτς* производить от *ποὺς* ‘нога’, могло означать то же, что французское *à pied* *Aleman*. Но кажется вероятнее, что *ποὺтς* было не иное что, как французское *rousse*, то есть ‘быстро’. О вражде, возникшей между франками и алеманами во время первого крестового похода, говорит, кроме других. А что алеманы не умели ездить и сражаться верхом на конях, свидетельствует Никифор Фока.

¹⁶ *Анхиа* – город во Фракии на одной из бухт Черного моря, недалеко от Аполлонии. Турки ныне называют его Кенхис. Его надобно отличать от Анхиада, города киликийского, отчества Афинодора.

¹⁷ *Лонгомирская страна*, в сербских летописях называемая жупой Лугомира, или Лугомирской,

находилась в восточном углу Шумадии, т. е. Польсы, где река Лугомира, впадающая с левой стороны в Мораву, и теперь еще удержала за собой это древнее название.

²⁰ Венгерский король *Гейза* II, сын Белы, по прозванию Слепой.

²¹ Река *Тара* выходит из Осоговских гор, течет на север и впадает в Дрину.

²² *Сеница* на реке Вувац.

²³ Близ Понта, вероятно, на северных его берегах, находился город Халисия, жители которого назывались халисиянами. Hoffman. Lexic. v. Chalisin. Не были ли это предки караимов?

²⁴ *Зевгмин* – город при слиянии Савы и Дуная, обыкновенно называется Землин.

²⁵ *Альпами* называли не те только горы, которыми разграничиваются Галлия, Италия и Германия, но все вообще большие возвышенности: Альпы было именем нарицательным. Поэтому Сидоний говорит об Афоне: *silvorum currebant vela per Alpem* (Carm. 2). Поэтому также Авзоний называет Альпами и Пиринеи (Epist. 23).

²⁶ Местность или страна, которую Киннам представляет здесь как остров, заключала в себе Савию, Паннонию и Норик.

²⁷ Война Мануила с венграми была современна борьбе детей Мономаховых с их дядями. Киевский великий князь Изяслав Владимирович, незадолго перед тем выдавший свою дочь замуж за венгерского короля Гейзу, вел войну с Георгием суздальским и Владимиром галицким и, боясь их могущества, просил помощи у иноземного своего зятя. Гейза пришел к нему с войском, помог ему разбить князя галицкого и возвратился восвояси.

²⁸ Достоинство бана, от которого, очевидно, произошло украинское ‘пан’, имело политическое значение у венгров и сербов и должно было соответствовать скифскому филарху или топарху. Этим достоинством украшен был Бела, или, как у Киннама, Белосис, внук короля Гейзы, брат сербского князя Ура, на дочери которого Елене женат был король Бела, по прозванию Слепой.

²⁹ Некогда знаменитый город Браничев, называвшийся во время римского владычества *Viminatium*, лежал по обоим сторонам реки Млавы, при самом впадении ее в Дунай, где и теперь еще видны развалины, Браничевац и Костолац.

³⁰ Этот Борис был сыном венгерского короля Каламана и жены его, дочери российского князя, которую он обвинял в неверности себе и потому, самого Бориса не признавая законным своим сыном, лишил его наследия. Не доказав своих прав на престол, Борис пришел в Византию и женился на родственнице царя Иоанна. Западные историки рассказывают, что, командуя римскими войсками, он неоднократно нападал на Венгрию, но всякий раз был разбиваем, и наконец один слуга Куман заколол его стрелой в 1156 году.

³¹ *Хартулярий* – чиновник, занимавшийся ведением деловых бумаг по какой-нибудь отрасли бюрократии (*χάρτης* ‘лист папируса’), секретарь, или правитель дел. Хартуляриями назывались и те лица, которые вели записи государственных податей и сборов их, а главный начальник этих лиц носил титул великого хартулярия. Хартулярий заведовал также царскими лошадьми, как это видно из свидетельства Зонары и Льва Исавра (83), и великий хартулярий в этом смысле стоял при дворе степенью ниже протостратора.

³² Стефан, о котором здесь говорит Киннам, был не сыном, а братом Гейзы. Стефан, домогаясь царской власти, от брата отправился к императору Фридриху, а Фридрихом препровожден был в Грецию.

³³ Город в Македонии, на реке Лидии, по латинскому произношению Береа, по турецкому – Боор.

³⁴ *Ричард* – граф Андрии, или Антра, города салентинского.

³⁵ Ныне Буно.

³⁶ Ныне Барлетта, близ Трана.

³⁷ У венгерского короля *Гейзы* II было два брата, Владислав и Стефан, и два сына – Стефан и Бела. По смерти Гейзы, согласно с его завещанием и желаниями народа, на престол вступил сын его Стефан в 1161 г. Но дядя Стефана Владислав через шесть месяцев лишил его власти и занимал престол до 1172 г. По смерти Владислава сделался преемником его брат Стефан, но, побежденный и низверженный племянником Стефаном, заключился в крепости Землине (по Киннаму, Зевгмине), где в том же году умер. Скорее после того (в 1173 г.) умер и племянник Стефан. За Стефаном, братом Гейзы, была в замужестве Мария Комнина; а Владислав отказался от супружества, чтобы через это не преградить себе пути к престолу, которого желал. Эти отношения возбудили в Мануиле мысль о покорении Венгрии.

³⁸ У венгров законом престолонаследия требовалось, чтобы не сын заступал на престоле место отца, а тот, кого из царской фамилии признает достойным и изберет государственный совет или комитет дворянства.

³⁹ *Примислав* у пресвитера Диоклеата, писателя истории Далмации, называется Родославом, а у Шафарика – и кажется вернее – Прибиславом, иначе Урошем.

⁴⁰ Этот Белус, по всей вероятности, был бан Бела, о котором Киннам упоминал выше.

⁴¹ Вероятно, Дардания, населенная сербами и управлявшаяся их князьями.

⁴² Лука Хрисоверг по каталогу патриархов следовал за Константином Хлиаренским; т. е. начало его патриаршества должно относиться к 1166 г.

⁴³ Разумеется так называемый греческий огонь, называемый также крылатым огнем.

⁴⁴ Происхождение *туркоманов* одно и то же с турками. Оставив прежнее свое жилище ближе к странам северным, они поставили над собой царя и под его предводительством с оружием в руках распространились почти по всем областям Азии. В то время это племя, прежде дикое, начало получать оседлость, строить города и заниматься земледелием. Слово “туркоманы” историки почитают сложным из “турка” и “команы”, как бы, то есть, этот народ от них получил свое происхождение.

⁴⁵ Этот поход предпринят был в 1173 году. В сем же году Стефан восшел на престол и погиб. Так говорят венгерские писатели.

⁴⁶ Титул *деспота* (Δεσπότης) сперва принадлежал одному византийскому царю и означал то же самое, что у латинских или западноримских августов титул господина (Dominus). Но, по свидетельству Светония, Август и Тиверий отвергли его, и он сделался почетным названием придворных чинов. По словам Зонары, первым, кто начал прилагать его к сановникам двора, был Михаил Калафат, который деспотом наименовал своего внука. Подражая ему, последующие цари стали давать этот титул преимущественно своим родственникам, а за собой удерживали его только на монетах. У Вриенния (стр. 45) и мать Комниных, еще не будучи в родстве с династией Дуков, называется уже госпожой или деспотиссой.

⁴⁷ От меча Нураддина погиб и Балдуин, и спустя два года, т. е. в 1148 г., и сын Балдуина Ренальд.

⁴⁸ Мануил, по усмирении правителя Армении Тероза и по взятии киликийских городов Тарса,

Мамистры, Лонгиниада и других, вверил управление ими Каламану, который по этому случаю и назван был дукой Киликии.

⁴⁹ *Тителый* – совр. Титель, местечко при слиянии Тиссы и Дуная.

⁵⁰ Может быть, Петровар, или Петроварадин, – крепкий город савской Славонии при Дунае. Этим именем выражается как бы построенный из камней лагерь.

⁵¹ Этот Стефан был родоначальником династии армянских царей, потому что сыном сего самого Стефана почитается Левон, или Лев, первый царь Армении, как это значит в дипломе 1210 года, сохранившемся у иерусалимских рыцарей.

⁵² Киннам не говорит, к которому именно правителю Тавроскифии послан был Алексей. Вероятно, он разумеет киевского великого князя Изяслава, бывшего в постоянной вражде с галицким князем Владимиром, которого сын Ярослав принял под свое покровительство бежавшего Андроника. Мануил мог не знать, что во время княжения Ярослава в Галиче Изяслав уже был в могиле.

⁵³ Кто был этот Примислав, трудно решить. История древней Руси, которую Киннам называет Тавроскифией, между русскими князьями не представляет ни одного Примислава.

⁵⁴ Ростислав, о котором здесь упоминает Киннам, мог быть князь смоленский, пока он владел еще великокняжеским престолом Киева.

⁵⁵ То есть князь галицкий, сын Владимира.

⁵⁶ Здесь, без сомнения, разумеется Киев.

⁵⁷ Эрик, или Генрих Лев, первый герцог Австрии, сперва женат был на Гертруде, дочери императора Лотария, а потом, по смерти первой жены, вступил в брак с Феодорой Комниной, сестрой кипрского тирана Иоанна.

⁵⁸ Под этими переселенцами из России в пределы Византийской империи надобно разуметь Всеволодовичей: Давида, Ростислава, Святослава и племянников их – Василька и Иоанна, которые изгнаны были из полоцкого княжества сыном Владимиром Мономахом Мстиславом I.

⁵⁹ По смерти иерусалимского короля Балдуина II, умершего бездетным, взшел на престол брат его, граф ионнийский Амальрик, и, с разрешения апостольского престола расторгнув брак с дочерью эдесского графа Иосцелина Агнесой, женился на Марии Комниной, дочери протосеваста Иоанна Комнина. Это было в 1167 г.

⁶⁰ Отравление Стефана в Зевгмине относят к 5 апреля 1173 г.

⁶¹ *Андроник Фервин*, который некогда управлял Киликией и раздражал Тероза.

⁶² Приморская Далмация, которую называют также Белой Кроацией, имела своих правителей, или топархов, и столицей их была Салона – место рождения Диоклитиана Августа. В описываемый период Далмациею управлял Золомир, или Зюльмир, о котором упоминает папа Григорий VII. Он был женат на дочери венгерского короля Белы I, сестре Гейзы II и Владислава, и, не оставив детей, завещал Далмацию жене, а она передала ее в наследство брату Владиславу. На этом венгерские короли основывали свои права на Далмацию и Кроацию. По этой же причине гунны назначали эти области в наследство зятю Мануилу Беле, или Алексею.

⁶³ Матфей монах говорит, что у греков вступление в брак с родственниками возбранялось до пятого колена.

⁶⁴ Писатель австрийской хроники супругой Стефана почитает дочь австрийского герцога Генриха Агнесу и вступление его в брак с ней относит к 1165 г. – раньше времени, к которому относит

это дело Киннам. А Amoldus Lubecensis супругу Стефана называет не дочерью, а вдовевшей после первого мужа сестрой Генриха.

⁶⁵ Алексей Аксех, по свидетельству Никиты Хониата (IV: 6), не смог избежать клеветы ненавистников и сделался их жертвой.

⁶⁶ В каталоге должностей константинопольского двора должность судьи Вилы значится под пятьдесят четвертым номером. Этот суд состоял из многих членов. В надписи к «Истории» Никифора значится, что он и сам был член этого суда.

⁶⁷ Это знамя, по словам Никиты (I: 5, 8), имело значительную величину, развевалось высоко и возмозимо было на двуколке парой волов.

⁶⁸ Греческое Μέλις армяне произносят Мелих и Мелиер, а римляне – Milo.

Источник: Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180).

Труд Иоанна Киннама / Перевод [Санкт-Петербургской духовной академии] под ред. В. Н. Карпова. – СПб., 1859.

Никифор Блеммид

Νικηφόρος Βλέμμιδος – Nicephorus Blemmida

Никифор Блеммид (ок. 1197/1198–1272), византийский богослов, философ и поэт. После образования Латинской империи (1204) его семейство эмигрировало в Малую Азию. Блеммид получил там блестящее образование и стал одним из ученийших людей своего времени. Около 1223 г. он стал одним из ведущих деятелей Византийской митрополии в Никее. Но вследствие трудностей и интриг он отказался от мирских перспектив, стал монахом и построил монастырь близ Эфеса, настоятелем которого оставался до самой смерти. В этом условии он чувствовал себя свободным от всех запутанностей, и в различных случаях показал независимость и храбрость. Однажды Никифор велел не пускать в церковь своего монастыря фаворитку царя Маркесину и в оправдание своего рискованного поступка опубликовал послание, но царь Иоанн III Дука Ватаца (ок. 1192–1254, имп. никейский с конца 1221 или нач. 1222), вопреки опасениям, должным образом принял упрек выдающего

⁶⁹ Здесь разумеется саксонский герцог Генрих Лев. Но он приходил в Византию, собственно, не как посол, а как путешественник, отправлявшийся в Палестину через Фракию. Дело же посольства при его лице возложено было главным образом на епископа вормациенского.

⁷⁰ Андроник женился на Агнесе, которая была дочерью антиохийского правителя Ренальда и Констанции. Но Ренальд и Констанция были также родители августы, называвшейся Марией или Ксенией.

⁷¹ По словам Никиты (I: 5, 4), эту войну Мануил вел против сербского архиепископа Стефана Неманя, которого сам он в 1165 году сделал архиепископом Сербии.

ся представителя духовенства. А в следующем году бывший ученик Никифора Блеммиды император Феодор II Ласкарис (1254–1258), когда освободилось место патриарха, предложил его Блеммиду, но тот отказался, предпочтя монашескую жизнь. Блеммид был автором нескольких поэм, писем, труда об обязанностях императора, двух автобиографий, двух географических работ, сочинений по философии, логике и физике и правил монашеской жизни. Среди его теологических трудов выделяются комментарий на Псалмы, речь о Троице и Христе и две речи о Святом Духе. Из двух географических сочинений Никифора Блеммиды – «Истории о земле» («Ἱστορία περὶ τῆς γῆς») и «Сокращенная география» («Γεωγραφία συντομική») – последнее, построенное всецело на «Землеописании» Дионисия Периегета, демонстрирует приверженность византийских авторов античной традиции и их стремление сохранять преемственность географических представлений.

Подробнее см.: В. И. Барвинок. Никифор Блеммид и его сочинения. – Киев, 1911.

Никифор Блеммид

Сокращенная география¹

По В. В. Латышеву. Дополнительные примечания Л. А. Ельницкого

Об океане

26–40. Этот океан, будучи единым и обтекающая землю кругом, получил четыре названия: в западной части он называется западным Атлантом, а к северу, где живет и племя арима-спов, – Ледовитым, Кронийским...

41–168. Он имеет вместе и четыре проли-

ва², которые образуют четыре моря: первое – к западу, второе – к востоку, третье – к северу и четвертое – к югу. Находящееся к востоку называется Персидским, а находящееся к северу кругообразно и очень велико и называется Гирканским и Каспийским...

Следующая [за Боспором] вверх к северу часть называется Евксинским и Понтийским морем и простирается больше к востоку. Часть выше его называется Меотийским

озером, выше которого нет другого моря, а есть река, называемая Танаисом, которая изливается в самую Меотиду со Скифских гор³...

О Европе

270–330... За рекой Рейном течет большая река Истр, поворачивающая к востоку вблизи Евксинского моря; и она называется Данубием, где извергает все легчайшие частицы воды, образуя пятью устьями остров Певку. За ним к северу раскинуто множество племен до устья Меотийского озера: германцы, сарматы, геты и бастарны, или, лучше сказать, бастарны, обширная земля даков, могущественные аланы и тавры, которые заселяют великий Бег Ахилла, узкий и длинный, и устье самого Меотийского озера. Выше их раскинуто

племя многоконных агавов, где живут мужи меланхлены и гиппемолги, невры, гиппоподы [коненогие], гелоны и агафирсы, где вода реки Борисфена сливается с Евксинским Понтом перед Бараньим лбом, напротив Черных скал⁴. Там же воды двух рек, Алдеска и Пантикапа, вытекают отдельно одна от другой из Рипейских гор. У устьев их вблизи Мертвого моря океана во множестве находится блестящий камень янтарь; там же вблизи и у холодных агафирсов находится алмаз. Столько народов живет к северу от реки Истра...

Об островах Западного и Финикийского моря

512–554... В левой стороне Евксина, напротив реки Борисфена, есть остров Белый, земля душ героев; а прямо при входе в Киммерийский Боспор внутри Меотийского озера

есть один огромный остров с правой стороны⁵, и Фанагора и Гермонасса, которые пользуются большой славой у мореплавателей.

О протяжении и описании земель, т. е. Европы, Ливии и Азии

620–649. ...[У берегов Азии океан] образует три залива, именно Персидский, Гирканский и Аравийский; два из них находятся на юге, а Гирканский обращен к Борею и Либу⁶ и находится в соседстве с Евксинским Понтом;

вокруг этого Евксина и Гирканского моря живут многие народы. Между обоими этими морями находится беспредельный перешеек⁷, разделяющий их; он тянется туда и сюда во многие стороны...

О всех народах, населяющих вселенную

650–705. Вблизи Меотийского озера живут меоты и племена савроматов, занимая великую и беспредельную область, посредине которой катится Танаис, впадающий в средину Меотиды, и отделяет Европу от Азии, так что Европа находится к западу от него, а Азия – к востоку. Он катится по равнинам скифов с севера, а истоки его идут от горы Кавказа, где бывает величайшая стужа. За савроматами живут синды,

киммерийцы и племена, близкие к Евксинскому Понту, керкетийцы, ореты⁸ и могущественнейшие эллины⁹, довольно многочисленные. К северо-востоку от этой реки лежит перешеек Каспийского моря и Евксинского Понта. На этом перешейке живут восточные иберы, которые пришли от Пиррены¹⁰, переселившись с запада на восток. Живут также и камариты, где находится Каспийское море.

О Каспийском море

706–725. Это Каспийское море весьма велико и кругло; его можно объехать кругом месяца в три¹¹. На этом Гирканском море встречается кристалл и яшма, враждебная демонам. Таково это море.

726–760. Я начну описывать народы с северо-западной стороны. Первые – скифы,

которые живут вблизи Кронийского моря по побережью и устью Каспийского моря. Вслед за ними – уны¹², за унами – каспии, а за этими – воинственные албанцы. Гористую область выше их заселяют кадусии, а вблизи последних живут марды и гирканийцы.

О прочих народах от реки Фасиса и о колхах

761–798. Теперь я начну описывать и прочие народы, отправляясь от колхов и реки

Фасиса к западу до реки Ладонта¹³ у устья Евксинского Понта. Итак, вблизи Фракий-

ского устья, где находится Халкидон, живут бизеры; за ними – племена бекиров, макроны, филеры и богатые стадами тибарены, а

за этими – халибы, которые проводят жизнь в тяжком труде, обрабатывая тягостное железо...

Примечания

¹ [Поскольку почти вся географическая номенклатура «Сокращенной географии» содержится в «Землеописании» Дионисия Периегета, – см. соответствующие примечания].

² [Говоря о проливах, Никифор Блеммид имеет на самом деле в виду “заливы” океана; из них указаны четыре главных: Каспийское море, Персидский залив, Аравийский залив (Красное море) и Средиземное море (Страбон II: 5, 18)].

³ [Эти Скифские горы, не упоминаемые другими авторами, следует отождествить с Рипейскими горами, в которых, по общему убеждению ионийских географов, берет начало река Танаис (Дон)].

⁴ [Под Черными скалами следует, очевидно, понимать Кианеи (собственно “Темные” или “Темносиние” скалы), ибо Кианеи – второе наименование городка Мелены в Ликии (Плиний V: 101; ср. RE, XI: 2, 2236). Евстафий в схолиях к Дионисию Периегету (311) также помещает устье реки Борисфена у Бараньего Лба и против Кианейских скал].

⁵ [Нынешний Таманский полуостров].

⁶ [Юго-западный ветер, дующий от берегов Ливии (Африки); у римлян – Африк].

⁷ [Никифор, очевидно, хочет сказать, что перешеек между Черным и Каспийским морем как бы является в то же время и перешейком между беспредельными по их протяжению материками Европы и Азии].

⁸ [Т. е. тореты, локализирующиеся на северокавказском побережье. Ср. Дионисий Периегет: 683].

⁹ [Эллинами Никифор называет племена ахейцев, гениохов и зигов, которым древние авторы приписывали эллинское происхождение].

¹⁰ [Т. е. от Пиренеев, ср. Дионисий Периегет: 698].

¹¹ [Из этого не следует, что Никифор, подобно Геродоту, считает Каспийское море замкнутым бассейном, ср. Дионисий Периегет: 718 сл.].

¹² [Т. е. унны или гунны].

¹³ [Считающееся догреческим наименованием нескольких рек (в Пелопоннесе, в Беотии и в Сирии, близ Антиохии). См. RE, XII: 1, 382 сл.].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948, № 4.

Аноним

Анонимный трактат «Описание земель» сохранился в составе ирландского сборника, завершающегося событиями 1274 г. Судя по сообщаемым сведениям, автор побывал в Пруссии и Литве, где присутствовал на коронации великого князя литовского Миндовга (ок. 1253), но он не упоминает о его гибели (1263). Этой датой и ограничивается время составления трактата. Изначальный замысел

автора – рассказать о происхождении, деяниях и обычаях татар – в сохранившейся версии сочинения не реализован. Список обрывается именно на том месте, где, собственно, и должно было начаться это повествование.

Подробнее см.: Л. С. Чекин. Введение // Описание земель. Анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века, М., 1993, № 56.

Описание земель

Перевод Л. С. Чекина в редакции А. В. Подосинова

Комментарии Л. С. Чекина

Начинается описание земель

1. Дабы узнать о том, откуда произошел, как рассеялся и какие обычаи имеет народ, именуемый татарами, следует (вначале) отметить, что обитаемая земля разделена на три основные части¹. Это явствует из различных исторических сочинений. Сыновья Ноя – Сим, Хам и Иафет – по смерти отца заселили их и заполнили своими потомками. Это, во-первых, Азия, принадлежавшая сынам Симовым. Она берет начало у великой реки Ефрат и ограничена восточным океаном. Затем Африка. Ею завладели сыновья Хама; начинается она от провинции Сирии и гор Амана и Либана, а к концу подходит там, где заход во время зимнего солнцестояния. Потом Евро-

па, также называемая областью севера. Ее получили сыновья Иафета.

2. Начинается она от сицилийских и сирийских гор Тавр и Аман и простирается между востоком летнего солнцестояния и северной стороной тех краев, где расположена земля татаров Монгал², что выяснится из дальнейшего. Далее она направляется к океану в стороны летнего и пасхального захода и заключает в себе Западную Церковь.

3. Сама эта часть, то есть Европа, по мнению некоторых, также разделяется надвое, то есть на Церковь Восточную и Западную. Западная начинается от Италии включительно³.

4. С нею на севере, через море Венетийское, соседит земля унгаров. Ее населяют славя, ранее называвшиеся хунами, а после, войдя в центр ее, завладели ею хунгары. В ней некогда было пастбище римлян⁴...

28. В ее северной части, которая также называется Европой, обитали пятнадцать поколений Иафета сына Ноя, как гласят истории. Пророк Иезекииль открывает нам, что от их корня в конце времен произойдет народ наихудший и жестокий, то есть Гог и Магог⁵, и говорит в гл. 38: “Сын человеческий! обрати лице твое к Гогу в земле Магог” и далее: “Не так ли? в тот день, когда народ Мой, Израиль, будет жить безопасно и ведая? И пойдешь с места твоего, от пределов севера, – ты и мно-

гие народы с тобою, все сидящие на конях, сборище великое и войско многочисленное, в последние дни”, – и тому подобное.

29. Об этом говорит мастер Гуго, что два народа, согласно Писанию, грядут со стороны севера, чтобы в конце времен покарать неверных, как и верных. Пока же представляется неопределенным, эти самые придут или другие.

30. Определенно же известно то, что из тех мест никогда прежде, при том что прошли многие века, такая масса народу не выходила, и на разные части света не нападала без усталости и с таким многочисленным войском. Впрочем, теперь я о татарах и о том, как они появились, вкратце поведаю.

Примечания

¹ Принцип трехместного членения ойкумены, который использовался в большинстве средневековых географических описаний, был, вероятно, предложен еще ионическими философами V в. до н. э., однако в средние века он толковался в связи с рассказом о сыновьях библейского Ноя (Бытие 9:18–10:32), каждый из которых получил в наследство одну из частей света. В нашем сочинении форма изложения этого принципа достаточно оригинальна и пока не позволяет указать какой-либо определенный источник в рамках античной и средневековой землеописательной традиции.

² *Монгал* – хороним, употреблявшийся также Плано Карпини: “§ 1. О начале державы Татар. 1. Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имела некогда четыре народа: один назывался Йека-Монгал [Geke Mongol], то есть великие Монгалы, второй назывался Су-Монгал, то есть водяные Монгалы, сами же себя они именовали Татарами от некоей реки, которая течет через их страну и называется Татар; третий народ назвался Меркит, четвертый – Мекрит. Все эти народы имели одну форму лиц и один язык, хотя между собою они разделялись по областям и государям” (Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. – М., 1957: 37).

³ Судя по словам автора, он не первый применил в географическом описании принцип разделения Европы на две части – восточную и западную – по конфессиональному признаку. Источники, на которые он, возможно, ссылается, не обнаружены. Согласно исследованию Х. Лемберга, противопоставление востока и запада стало существенным для политической географии Европы лишь в период между Наполеоновскими войнами и Крымской войной, вытеснив более значимое в прежние века противопоставление европейского севера и юга.

Источник: M. L. Colker. *America Rediscovered in the Thirteenth Century?* // *Speculum*, 1979, Vol. 54,

№ 4; Описание земель. Анонимный географический трактат второй половины XIII в. // *Средние века*, № 56. – М. 1993.

⁴ Сходная информация и словосочетание “пастбище Римлян” встречается в венгерских хрониках (ср., напр., «Деяния венгров» нотария Бельи III. гл. 9: В. П. Шущарин. Русско-венгерские отношения в IX в. // *Международные связи России до XVII в.* – М., 1961: 141), восходящие к утерянному протографу второй половины XI в., которым, по мнению М. Л. Колкера, мог пользоваться автор «Описания земель» [Colker 1979: 713 – 714, прим. 14]. Идентификация гуннов со славянами – результат авторского понимания венгерского источника (ср. текст нотария короля Бельи III).

⁵ В разное время с Гогом и Магогом сопоставлялись готы, гунны, аланы, хазары, тюрки, венгры, а к середине XIII в. наиболее актуальной стала идея о тождестве Гога и Магога с татарами. См.: A. R. Anderson. *Alexander's Gate, Gog and Magog, and the Inclosed Nations.* – Cambridge (Mass.), 1932: 6–14. Об идентификации с татарами см. также: P. Pelliot. *Notes on Marco Polo*. Vol. I. – P., 1959: 27. Наш автор не вполне уверен в правомерности такого отождествления, и в этом он близок Роджеру Бэкону (*The Opus majus of Roger Bacon* / Ed. J. N. Bridges. Vol. II. – Oxford, 1987: 234–235). Традиция осторожного отношения к подобным сопоставлениям восходит к Св. Иерониму. См. фрагмент из «Книги еврейских вопросов на Бытие» (10: 2) в кн.: В. В. Латышев. *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе.* – СПб., 1904–1906. Т. 2. Латинские писатели: 171. Ссылка на Гуго (Сен-Викторского?) не вполне ясна. М. Л. Колкер указал как на возможный источник на комментарий к книге Иезекииля, сохранившийся под именем Ришара Сен-Викторского, но, вероятно, приписывавшийся и Гуго; однако, заметных текстуальных совпадений между этим комментарием и «Описанием земель» нет [Colker 1979: 726, прим. 68].

Никифор Григора

Νικεφόρος Γρηγόριος – Nicephorus Gregoras

Никифор Григора (1295 – после 1359), византийский теолог, астроном и историк. Ро-

дился в провинции Азия. Первоначальное образование получил под руководством своего

дяди Иоанна, митрополита Ираклии в Пафлагонии. В 1316 г. Никифор переехал в Византию, где обучался красноречию у патриарха Иоанна Глики, а астрономии – у Федора Метохита, сына и дочь которого, в свою очередь, сам обучал словесности. В 1322 г., будучи представлен императору Андронику-старшему, Никифор произносит похвальную речь в его честь и обретает монаршее покровительство. Пользуясь этим, Никифор предлагает реформу Юлианского календаря, но воплотить эту привлекательную идею император не посмел, опасаясь церковных смут. В 1328 г. Андроник-младший ночью берет Константинополь и узурпирует власть. Федора Метохита ссылают в Дидимотих. Никифора лишают имущества, но оставляют в городе. Скорбя по умершему вскоре дяде Иоанну, Никифор прекращает учительство и налагает на себя обет молчания. Однако после смерти вернувшегося из ссылки Метохита Никифор, защищая его и свой авторитет, по настоянию, предположительно, Иоанна Кантакузина, вступает в ученый диспут с Варлаамом и, одержав над ним победу, обретает милость при дворе и возвращается на прежнее место почетного профессора.

Никифор опрометчиво полагается на поддержку императора Иоанна VI Кантакузина и занимает непримиримую позицию в догматических спорах между Восточной и Западной Церквями, равно как и в неприятии учения Григория Паламы. Чтобы самую внешностью более походить на защитника веры, Никифор принимает монашество. Однако Иоанн VI Кантакузин, разгромив в 1349 г. антифео-

дальное восстание зилотов, принимает сторону Паламы и в 1351 г. собирает собор, на котором учение Паламы о православной вере утверждается. Еретикам Варлааму и Акиндину провозглашают страшную анафему. У митрополитов Ефесского и Ганского силою отнимают знаки их сана, исключая епископа Тирского, который не присутствовал на последнем заседании. Ученики Никифора или взяты под стражу, или же вынуждены отказаться от всякого общения с учителем. Никифору, впрочем, позволили отправиться домой. Соборное определение было обнародовано спустя два месяца. Его подписали соимператоры Иоанн VI Кантакузин и его зять Иоанн V Палеолог, новоназначенный патриарх Каллист и другие епископы. Когда Кантакузин во всем царском облачении вошел в алтарь и собственными руками возложил это определение на престол при одобрительных возгласах последователей Паламы и при их предсказаниях, что “за эту заслугу Кантакузина Бог расширит пределы Римской, то есть Византийской империи”, Никифор резко высказал свое возмущение, за что его подвергают заточению в собственном доме и налагают на него пожизненное молчание. В этот трудный период, пользуясь скрыто поступающей информацией, Никифор Григора составляет «Римскую (Византийскую) историю» («Ἱστορία Ῥωμαϊκή») в 37 книгах, где значительное место уделяет документально зафиксированным дискуссиям. Доведя свое сочинение до 1359 г., Никифор Григора уходит из жизни. Его противники осуществляют свои угрозы и лишают тело Никифора погребения, а его сочинения подвергают чистке.

Подробнее см.: Никифор Григора и его Римская история // Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1 (1204–1341) / Перевод под ред. П. И. Шалфеева. – СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1862.

Никифор Григора

Римская история

Перевод Санкт-Петербургской духовной академии под ред. П. И. Шалфеева

Книга I

1. Мне часто приходилось говорить с писателями, которые историческим изображением жизни людей древнего, а равно и позднейшего времени, упрочили за ними бессмертие. Слыша от этих господ уверения, будто к такому делу они были располагаемы внушением свыше, я некоторое время осуждал их в душе за неуместное честолюбие, в той мысли, что слова их – одно только хвастовство. Но впо-

следствии я нашел, что они говорили сущую правду, что их дело – дело поистине самого Бога, который водил их рукою, как тростию, и их произведения разве малым чем, или просто ничем не ниже этих величайших и первых произведений Божиих – неба и земли, относительно возвещения неизреченной славы Божией, сколько оно возможно. Небо и земля, как молчаливые провозвестники божествен-

ного величия, ограничиваясь каждою минутою, указывают лишь на то, о чем свидетельствует чувство; а история, как голос живой и говорящий и как провозвестник, поистине одушевленный и многоречивый, не стесняется временем и как бы на картине, изображающей жизнь всего мира, показывает постоянно сменяющимся поколениям то, что было прежде их, — что люди делали в жизни испокон века друг с другом и друг чрез друга, — как когда философствовали о природе существующего мудрецы, что они поняли и чего нет, — какие когда встречали затруднения одни, какими милостями пользовались от Бога другие, и какие благодеяния неожиданно получали они свыше. И мне кажется, что слава от неба и земли, в соединении их с историею, становится еще славнее, и светлость, выражусь так, еще светлее. Если бы не было истории, откуда бы люди узнали, каким образом небо, получив изначала не переставшее и безостановочное движение, постоянно выдвигает пред нами солнце, луну и звезды в их стройном и гармоническом разнообразии равно как производит непрерывную смену дня и ночи, возвещая славу Божию? Каким образом опять земля, постоянно удерживая вращательное движение, сообщенное ей вначале¹, вечно показывает постоянно остающимся на ней людям то рождение, то уничтожение? Таким-то образом, если не больше, то никак не меньше история заслуживает удивления от каждого, у кого есть здравый смысл. Одного мироздания, без сомнения, было бы недостаточно, чтобы кто-либо утвердительно мог сказать, что и другие поколения людей существовали прежде, сколько их было, как долго они оставались на земле, что когда сделали в жизни и какими благами в различные времена пользовались от Бога, от неба и от земли. Мало того: история своих читателей делает еще предвещателями, давая им возможность заключать по прошедшему о будущем. Опять: человека, занимающего какой-нибудь уголок во вселенной, кто снабдит сведениями о пределах земли, о концах вселенной — о широте и долготе морей, о разнообразии рек и озер, об особенностях народов и стран, о различии климатов и времен года в различных частях земли и о других бесчисленных вещах, заслуживающих полного внимания, если не одна только история? Потому-то я люблю и уважаю больше всего не тех ученых людей, которые потратили свою речь на комические драмы, на трагические представления и сцениче-

ские потехи, но тех, которые, по мере сил своих, исследовали природу вещей и, собственными трудами, собрав рассеянные повествования и рассказы о словах и делах людских, располагающих душу к мужеству и благоразумию, издали их в свет, к величайшей пользе потомства. Эта-то любовь и это уважение к ним и увлекли меня вслед их и расположили к тому, что я предпринял настоящий труд. А так как для историка истина — то же самое, что глаз для животного, то мы считаем необходимым прежде всего и иметь ее в виду, по двум причинам: во-первых, чтобы то, что мы предположили выдать потомкам за правило и образец, не оказалось впоследствии вредным и гибельным; во-вторых, чтобы не подать другим повода на основании немногих неверностей смеяться над целым нашим трудом или даже уличать нас в том, что там нет ничего верного, как то испытали на себе некоторые ученые в наше время. Проведши жизнь в решительном неведении событий, эти люди ни с того ни с сего принялись за изложение истории и, разумеется, не замедлили наполнить ее баснями. Чрез то лишили ее всякой цены и только доставили прекрасный случай мудрейшему царю Андронику Палеологу² с полною свободою остричь и уличать их относительно каждого отдельно рассказа, — тем более, что были еще в живых те люди, на которых они так много нагнали. Кстати, приведу одну беседу царя, которую он вел при мне (она может быть полезна и мне при моем труде): “Часто, — говорил он, — будучи сам с собой, дивился я, что так много есть людей, которым при их безмятежной и ничем невозмутимой жизни оставалось бы только уважать других и никого не следовало бы ненавидеть; между тем они готовы бранить каждого встречного и с удовольствием острят свои злые, язвительные и обидные языки; и пусть бы что-нибудь подстрекало их выразить свою злость, а то — без всякой причины. Еще больше дивился тем, которые осмеливаются сплетать и бесстыдно произносить лживые ругательства на царей и на патриархов. Но больше всех я дивился тем, которые свои лживые ругательства не затрудняются излагать на бумаге; потому что брань, произносимую одним языком, подхватывает ветер и рассеивает по вольному воздуху; а ругательства, начерченные в рукописях и книгах, ложатся тяжелым гнетом на тех, которые подвергаются им, так как написанное получает больше значения и остается в своей силе надолго. Не понимаю и понять не

могу, для чего они решаются на это и из-за какой выгоды несутся к таким стремнинам. Если такие лживые ругательства они сплетают для удовлетворения собственной злости; то делают дурно, слишком бесстыдно и, как говорится, на свою голову, так как в своих сочинениях передают времени памятники своей злости. Читателям ведь легко понять, что они вместо того, чтобы говорить хорошее и дорожить истиною, вздумали торжественно выезжать на порицаниях людей, ничем их не оскорбивших, – подобно тому, как если бы кто, имея возможность оставаться на твердой земле и проводить жизнь привольную и безопасную, пустился бы в Атлантическое море, подвергая себя его бурям и непогодам. Кроме того, представляя потомкам за образцы для подражания людей злых, они по доброй воле делают виновными в гибели первых. Каких же стремнин³ не заслуживает это преступление их – двойное и даже тройное! Чего они должны были бы как можно дальше убежать и удалиться, как нетерпимого в благоустроенном обществе и противного требованиям здравого смысла, и за что следовало бы им опасаться срама и изгнания из городов, как это бывало у афинян, которые исключали из судебных росписей внесенных туда незаконно и не стоивших права гражданства; за то они охотно принимаются сами, оправдываясь тем, что тоже дельвалось и прежде и что это не выходит из круга вещей обыкновенных. Ведь люди любят, когда попадают в преступлении, ссылаться на древние примеры, чтобы оттуда, как из укрепления, выходить на тех, которые стали бы их изобличать. Итак, по этой ли или по другой причине они высказывают ругательства и лгут, в том и другом случае ошибаются. Опять-таки, будучи уверены, что написанное ими останется надолго, они слишком далеко уклоняются от цели, так как полагают очень непрочные основания для своих обвинений; или, быть может, они имеют в виду слух черни, которая находит более удовольствия в порицаниях другим, чем в похвалах, и охотнее читает о том, что было сделано дурного, чем хорошего, хотя бы то сплетено было из большой лжи, а это имело на своей стороне свет истины; и потому составляют так свою историю, чтобы ею на долгие времена потешались люди, передавая ее друг другу из рода в род. Но, верно, не представляют они пред очами ума Судии праведного; не стыдятся и людей, которые умеют судить хорошо и правдиво. Они вредят не

столько тем, кого они порицают, сколько сами себе, потому что люди здравомыслящие, составив о них дурное понятие, которое стоит всяких порицаний, всегда будут иметь их на дурном счету; а Бог, блюститель правды, оплатит им тягчайшим наказанием за их язык. Случается иногда и то, что по незнанию дела и незнакомству с событиями, о которых от кого-либо слышали, прежде, чем исследовать, имеет ли слышанное достоверность и согласно ли с истиною, или же выходит из ее пределов, – прямо передают это письменам и памяти, обвиняя то, что невинно, и рассказывая то, чего не было, да не могло и быть; в этом роде известны нам идеи Платона и трагедистов⁴, вышедшие в Азию и происшедшие от индийских чудовищ, что передают составители небылиц для того, чтобы озадачить слушателей. Потому-то я и намерен, сколько буду в состоянии, изобличить современных писателей в подобных вещах. Ибо это – люди и от природы не даровитые, и гражданскими делами не занимавшиеся, а потому и не могли приобрести практический взгляд на вещи и рассудительность, доставляемую жизнью. Жизнь, как мы знаем, многих людей с самою вялою натурою выводила из усыпления и пробуждала от дремоты; так что они становились бойкими и переходили в разряд тех, которые отличились уже благоразумием и знанием дел и успели уже обработать свой язык в прениях по поводу государственных вопросов. Между тем писатели, о которых говорим, всю жизнь провели в четырех стенах, с молодых лет совершенно предавшись ученым занятиям и оставаясь глухими ко всему происходившему вокруг них. Впрочем, не было бы лучше, если бы они и не были так преданы ученым занятиям: эти люди, которым так прилично было бы сидеть в темном углу, выступили на ученую дорогу, не отличаясь природными дарованиями. Между тем успех во всякой науке и во всяком искусстве утверждается, как на основании, на природной способности. Если она сильна, то служит большим пособием для усвоения науки – тем же, чем железо и медь для ваяния; если же слаба, то это – самая плохая помощница в деле науки и, выражусь так, вредная и коварная союзница. Вот и эти простаки, хотя и ознакомились с наукой, однако же, при своих дарованиях слабых и тупых, дозволили себе речи лживые и полные погрешностей. Я слышал и от древних мудрецов, что берущиеся за перо должны подражать хорошим живописцам. Они, если

и есть в оригинале какой-нибудь природный недостаток, меньше ли или больше надлежащего какая-нибудь часть тела, стараются изображать на портрете не все в точности; но где прибавят, чтобы больше было сходства, а где убавят, чтобы природный недостаток не бросался в глаза постоянно и не подавал насмешникам повода острить и смеяться. А те умницы, по невежеству или из нелюбви к истине, не только не прошли молча и малых грехов, действительно бывших, но еще предали письмам много такого, чего никогда не бывало ни на деле, ни на словах. Таким образом они показали себя ожесточенными и заклятыми врагами истины. И подлинно, каких нелепостей не могли они допустить, принявшись писать не о том, чего были очевидцами или о чем узнали от тех, которые сами были действующими лицами и очевидцами, но о том, что пьяным языком рассказывают наполняющие непотребные дома и что болтают и городят старухи. Но что изощрили они язык свой не ко вреду моему или замешательству моих дел и своим оружием немного нанесли вреда моей правдивости, то показывают их сочинения, которые содержат рассеянные там и сям и похвалы мне. Это служит блестящим и очевидным оправданием мне и отклоняет от меня всякое подозрение в том, будто я говорю в защиту себя и хочу отвергнуть хотя что-нибудь справедливое: причина к такому подозрению явно уничтожена. Нет, к этому побуждает меня любовь к истине и жалость к обиженным; я не могу равнодушно терпеть ни того, чтобы истина была пренебрежена, ни того, чтобы других обижали несправедливо. Людям, имеющим столько свободного времени и однажды навсегда посвятившим себя ученым занятиям, следовало бы все обстоятельно исследовать и разобрать. Я не говорю, чтобы все, что написано у них, было ложно. В этом неудобно было бы упрекнуть даже тех, которые хвастают, что видели истоки Нила или распространяются в описании антиподов. Но так как эти господа наговорили много ложного и в разнообразных видах, а того, на что можно найти много еще живых свидетелей, высказали очень немного, то мы, руководясь истиною, смело изобличим их". Дошедши до этого места своей беседы, царь распространился в обличениях, приводя в свидетельство своих слов тех, которые сами были действующими лицами событий, изображенных тем или другим писателем в искаженном виде и несогласно с истиною. Но мы откладываем дальней-

шую речь его до другого времени, когда и нам придется излагать повествование о том же самом; а предположенную историю начнем со взятия царствующего города, которому – увы! – он подвергся от латинян⁵. То, что сделано было раньше наших времен, но что передано нам людьми, которые гораздо старше нас, мы расскажем вкратке; частью потому, что много о том сказано и другими, частью и потому, что опасаемся допустить какую-нибудь погрешность в истории; а то, чего мы были очевидцами, попытаемся изложить с возможною отчетливостью и обстоятельностью.

2. По взятии Константинополя латинянами, римское государство, подобно большому кораблю, который не в состоянии бороться с порывами ветра и морскими волнами, распалось на множество обломков и частей. Один управлял одною, другой другою частью, кому как посчастливилось, пока наконец Феодору Ласкарию не удалось быть провозглашенным⁶ в цари в Никейской митрополии, на тридцатом году жизни. Тогда одни подчинились ему, уступая силе, другие – по доброй воле, кроме, однако же, Алексея Комнина⁷, имевшего у себя под властью Колхиду, и еще того, который в Европе управлял Фессалией и областью, названной древним Эпиром, – разумею Михаила Комнина, из дома Ангелов⁸. Удаленные на огромное расстояние от столицы, находясь, можно сказать, на диаметрально противоположных концах государства и много полагаясь на естественные укрепления, они смело приобрели себе владения и закрепили их за собою до настоящего времени, передав их, как какое-нибудь отцовское наследство, своим детям и внукам. Стояло весеннее время, когда латиняне взяли столицу. Они разделили ее между собою на три части: одну получил Балдуин, граф Фландрский, другую Людовик, граф блезенский⁹, третью маркграф Монтеферрата. Последний один объявлен был королем¹⁰ Фессалоники и окрестных мест, а царем был провозглашен Балдуин. Он немедленно же отправился на западные города, рассеянные около Фракии, и в самое короткое время покорил их все. А маркграф Монтеферрата, дойдя до Фессалоники и овладев ею, очень легко, как пламень, оттуда разлился по всем лежавшим впереди селам и городам, пока не вторгся в самый пелопоннесский полуостров. Так успешно в этом году шли дела латинян. На следующий же год они начали грезить о том, чтобы напасть и на восточную часть империи и покорить себе все, там нахо-

дящееся, чтобы у римлян не осталось никакой надежды восстановить свое царство. С наступлением весны латинские войска стали уже готовиться и к переправе на востоке с Балдуином. Очень может быть, что они и переправились бы, и истребили бы последние остатки римлян; если бы, подобно неожиданному удару грома, не поразила их и не сдержала их движения весть о болгарском восстании. Брат и преемник Асана I, Иоанн, составив строй из всех, бывших под его властью болгар и прибавив к ним немалое число наемных скифов, расположенных по северным берегам Истра, нашел это время очень удобным для того, чтобы напасть на фракийские села и города; так как римляне находились в большой тревоге и смятении, а латиняне были озабочены слишком важными делами. Поэтому, вынужденные такою крайностью, Балдуин и те, которые разделили с ним империю, сочли нужным обратить все войска назад и ускоренным шагом выдвинуть их на равнину Орестиады. Здесь вступили в бой многочисленные войска с той и другой стороны, и произошла страшная резня, потому что все дрались и отважно, и долгое время. Наконец болгары отступили, – не знаю, потому ли, что не могли долее выдерживать тяжелого вооружения латинян, или потому, что хотели, по обы-

чаю, заманить их в засады; последнее вероятнее¹¹. Когда преследование простерлось уже далеко, из засад выступили скифы; как будто по соглашению с ними обратились назад и болгары; окружив врагов, сверх всякого ожидания, они бросились истреблять их без милосердия стрелами, копьями, мечами, и землю покрыли кровью и трупам. Латинян было убито множество, потому что при тяжести вооружения они не могли на частые натиски, быстрые обороты и легкие движения скифов отвечать тем же. Скифы некоторых взяли живо в плен; в числе их был взят и Балдуин. Людовик, граф блезенский, остался на поле битвы. Дука Венеции Генрих Дандоло с горстью людей спасся бегством, но и он через несколько времени умер от ран, полученных в сражении. Между тем толпы болгар и скифов¹², захватив богатство и добро латинян – лошадей и блестящие повозки, бодро двинулись вперед, не встречая уже себе сопротивления ни в ком. Поэтому одни фракийские города добровольно отдались Иоанну; большая же часть из них была взята силою, разграблена и разрушена с их стенами до основания. Так беспрепятственно прошел Иоанн все места до Фессалоники и Македонии и из сел, городов и крепостей сделал почти, как говорится, скифскую пустыню.

Книга II

2. Между тем из фессалийских пропастей поднимается новое зло – брат Михаила Ангела Феодор. Получив после смерти брата власть, он, как человек деятельный, предприимчивый и искательный, расширил пределы своей власти очень далеко. Все западные города, которые незадолго поработены были латинянами, он легко покорил и подчинил себе; начав с них, он наконец взял и саму Фессалонику, главный и обширнейший город Македонии, в то время как маркграф отлучился в свое отечество, Ломбардию. Немедленно за тем он провозглашает себя царем, и помазуется на царство тогдашним архиепископом Болгарии. Этот город, как свою родину, давно еще отличил большими привилегиями Юстиниан¹³, назвал его первою Юстинианою, дал ему на вечные времена право самостоятельного управления¹⁴, исключая права епископу этого города помазывать на царство римских царей, – оно законами было предоставлено другим. Но с одной стороны страх, внушенный уже похитившим власть Ангелом, с другой – легкомыслие и недалекость тог-

дашнего епископа сделали то, что отступление от законов было допущено. А как это место получило название Болгарии, я расскажу. К северу за Истром есть земля, по которой протекает немалая река; туземцы называют ее Булга (Вулга); от нее получили имя и сами болгары, которые по своему происхождению не кто другой, как скифы. Когда недуг иконоборства тревожил православных, болгары поднялись оттуда с детьми и женами, и в бесчисленном множестве переправились через Истр. Пройдя затем лежащие по Истру обе Мизии и ограбив мизийцев дочиста, что вошло и в пословицу, как саранча какая, или как молния, они занимают Македонию с лежащею за ней Иллирией, довольные теми удобствами, которые нашли там. Столицей для них на будущее время и сделался этот город, которому Юстиниан присвоил честь архиепископии и дал имя, как мы сказали, первой Юстинианы. Потом по имени народа, поселившегося там, эта страна переименована была в Болгарию, а первая Юстиниана признана митрополией Болгарии. Позднее царь

Василий Болгароктон, после многих битв с болгарами, в конец их сокрушил и поработил; а тех, которые жили выше, выселил в нижнюю Мизию, к Истру; имя однако же, как какой-нибудь памятник их, осталось за архиепископией. Но обратим нашу речь к тому, от чего она было отклонилась. Феодор Ангел, сделавшись, как сказано, царем, продолжал опустошать все огнем и мечом, простираясь далее и далее и оставляя за собою одни границы за другими, пока не очутился у самых ворот византийских; потому что не встречал решительно нигде сопротивления. Да иначе не могло и быть; потому что македонские и фракийские города были разорены вконец, вынеся в короткое время множество страшных вторжений то латинян, то болгар, то скифов. Чего не делали христианам скифы, — этот кровавый народ, — обижая их бесчеловечно? А латиняне не только не были умереннее скифов, но еще далеко превосходили их в жестокости. И не раз, не два, не три этим несчастным пришлось испытать ужасы грабительства от того и другого народа, но много раз. Теперешний же поход Ангела истребил и то немногое, что могло еще оставаться. Взорам наблюдателя не могло там представиться ничего, кроме разрытых домов, разрушенных стен, лимносских бед, троянских рыданий и раздолья всевозможных бедствий.

3. В эти времена управлял болгарами сын Асана I, Иоанн. Видя, что упомянутый Феодор Ангел не хочет оставить нетронутым и болгарского царства, а простирает уже свою тяжелую и губительную руку и на него, он входит в союз со скифами, завязывает с ним упорную войну, побеждает его, берет в плен и выкалывает ему глаза. Так отмстила ему судьба частью за то, что он, приняв имя царя, с пренебрежением относился к законной власти римской, частью за то, что не только не щадил своих единоплеменников, пострадавших от нашествий итальянских и болгарских и перенесших плачевные бедствия, а еще прибавлял к их несчастьям новые несчастья, к убийствам новые убийства. Между тем и царь Иоанн далеко распространил римское царство, показав себя умным, распорядительным и прекрасным кормчим государственного римского корабля. Снарядив немалое число длинных кораблей, отправляет он их к эгейским островам, и в короткое время берет все: Лесбос, Хиос, Самос, Икарию, Кос и острова, смежные с ними. Этого мало: отправившись к Родосу, он берет и его. Когда же царский флот

получил такую силу на море, а персидские войска в Азии оставались в покое, силы же латинян мало-помалу истощились и ослабели, царь нашел удобным перенести оружие из Азии уже в Европу, чтобы освободить тамошние несчастные города от рук болгар и итальянцев. Поэтому, с весною переправившись чрез Геллеспонт, прежде всего нападает на Херсонес [Фракийский] и отсюда вносит опустошение в смежную землю, к изумлению крепостных латинских гарнизонов. Взял он весьма много и приморских городов: Каллиуполь, Сист, Кардианы и другие, находившиеся поблизости, — одни силою и приступом, другие с их собственного согласия. Во время этих трудов царя, приходят к нему послы от болгар с мирными предложениями и вместе с просьбою для дочери Асана, Елены, руки сына царя, Феодора. Царь принял их благосклонно и с удовольствием; потому что, занятый другими важнейшими делами, он не хотел иметь себе противника в таком человеке, который, находясь так близко к приистрийским скифам, вместе с ними мог, когда угодно, делать вторжения и, подобно потоку, уносить с собою все попадающееся на пути. По этой причине немедленно были утверждены и условия посольства и брачный договор. Съехавшись затем около Херсонеса, царь и Асан соединили браком Елену, дочь Асана, которой был десятый год от рождения, с сыном царя Феодором, младшим Ласкарем, не достигшим еще совершеннолетия. В это время и епископ терновский получил навсегда независимость, а до сих пор он подчинен был архиепископу первой Юстинианы, по причине старинных родственных отношений того и другого народа. С наступлением лета царь обходит фракийские и македонские города; начав, можно сказать, от самых ворот византийских, он простерся до Стримона и подчинил себе все упомянутые города еще до окончания осени. Выполнив таким образом все свои планы, он возвратился в Никею, а войско на зиму распустил по домам.

4. Здесь, мне кажется, не уместно рассказать о скифах, делавших в те времена набеги на Азию и Европу. После нам придется еще часто обращаться к повествованию о них. Поэтому нам следует, по возможности, вкратке представить то, что касается до них, и, чтобы яснее было то, о чем придется говорить после, сделать предварительные замечания; иначе, передавая другим то, что мы сами знаем, а они не знают, и воображая, что им это

известно, мы можем поставить их в такое положение, что они будут делать ошибочные догадки, перебегая от одного известия к другому, подобно гончим собакам, которые, преследуя зайцев, постоянно должны обнюхивать то тот, то другой след. Скифы – народ чрезвычайно многочисленный, распространенный к северу больше всех других народов, если не до самого северного полюса, зато вплоть до самых северных обитателей, как передают нам древние историки и сколько мы сами знаем, при своей многолетней опытности. Их Гомер назвал галактофагами, безоружными и правдивейшими из людей. У них нет поварских затей, они не знают столового убранства. Разведение овощей и хлебопашество им и во сне не грезилось. Пищей для них служат растения, сами собой прозябающие на земле, равно как кровь и мясо выючных и других животных. Если случится им поймать какого зверя или птицу, и это идет у них в пищу. Одежда у них безыскусственная – кожи животных. Серебро, золото, жемчуг и камень лихнит¹⁵ для них то же, что сор. Нет у них ни праздничных игр, ни зрелищ, разжигающих страсть честолюбия, ни совещаний о снаряжении кораблей, о выборе начальника флота, о поземельной собственности, но полный мир и совершенно безмятежная жизнь. Как горячка, развившись в теле человека, имеет поддержку себе в соках тела и до тех пор свирепствует, пока продолжается приток их; когда же продолжительное неядение и лекарства, принимаемые внутрь, истощат тело и уничтожат все соки, то горячка немедленно прекращается и болезнь перестает: так и у этих людей, при отсутствии того, из-за чего возникают споры и распри и предпринимаются злые замыслы и кровавые дела, не оказывается нужды ни в судилищах, ни в советах, ни в ссылках на законы, ни в увлекательности речи, ни в изворотливости языка, ни в хитросплетении доводов. Вместо этого ими управляет природная правдивость и безукоризненная самозаконность. Потому-то Гомер и назвал их правдивейшими из людей. Название их древние мудрецы передают различно. Гомер называет их киммерийцами; Геродот, описавший персидские войны, – общим именем скифов; херонеец Плутарх – кимврами и тевтонами, не утвердительно, впрочем, а как бы сомневаясь и недоверяя сам себе. Сами они собственное название произносят каждый на своем языке. Те же, которые называют их греческими именами, называют их каждый

по-своему, смотря по тому, какие места занимают те или другие из них, разливаясь по нашим странам, подобно потоку. Как есть у Бога страшные знаменья для людей: на небе молнии, громы и проливные дожди, на земле землетрясения и провалы, в воздухе тифоны и вихри, – так блюдятся у Него и на севере эти страшилища, чтобы посылать их, на кого нужно, вместо бичей другого рода. Некоторые из них много раз, вырываясь оттуда, опустошали многие страны и на многие народы налагали иго рабства. Их движение походило на то, как если бы часть великого моря хлынула с крутизны; разумеется, она потопила бы и разметала все, что ни встретила бы на пути. Выходя оттуда нагими и нищими, они потом изменяют образ жизни и усваивают нравы жителей тех мест, в которых поселяются. Как реки, несущиеся с высоких гор и впадающие в море, не вдруг и не у самого морского берега перестают быть годными для питья и делаются солеными, но далеко в море текут отдельной струей, и потом уже расплываются, уступая силе вод, более обильных; так и скифы, пока обитали поблизости прежней Скифии, из которой они вначале вышли, удерживали прежнее свое название, как оно есть: сами назывались скифами, а земля, прокармливавшая их, Скифией. Это – те, которые занимали землю у истоков Танаиса и по его берегам. Потом, выйдя оттуда, они хлынули в Европу и разместились по западным берегам великой Меотиды. Спустя много веков после того другие, ринувшись из первой Скифии, как бы из великого источника, разделились на две части: одна, устремившись на азиатских савроматов, простерлась до самого Каспийского моря, – принадлежавшие к ней, забыв родовое название, стали называться савроматами, массагетами, меланхленами и амазонами; они усвоили себе все те имена, которые имели те или другие из поработанных ими племен, а с именами и нравы, врезавшиеся в них глубокими, неизгладимыми чертами. Другие же, уклонившись в Европу и пронесшись по всей приморской земле, принадлежавшей сарматам и германцам, стали по ним называться и сами. Впоследствии, бросившись в Кельтию и заняв ее, стали называться кельтами и галатами. Я прохожу молчанием тех, которые гораздо позднее перешли Альпы и рассыпались по Италии многочисленными мириадами; разумею кимвров и тевтонов, которые вместе с женами и детьми почти все были истреблены римскими войсками, при консулах и военачальниках.

чальниках Кае Марии и Луктации Катуле. Да чего больше – когда они нередко пробирались до самой Ливии, нападали и на западных ивиров и простирались за геркулесовы столбы? На кого ни нападут они, всех по большей части одолевают, делаясь владыками чужих стран. А отечество их самих, Скифию, едва ли кто когда поработал. Причина этому та, что они издревле проводят жизнь простую и воздержанную; хлеба не едят, вина не пьют; а потому земли не пахут, винограда никогда не возделывают, за другими произведениями земли не ухаживают, чем пропитываются обитатели внутренней части вселенной. То, что привычным скифам приятно и вовсе непротивно, для неприятелей их невыносимо; потому что последние держат при себе гораздо больше вьючного скота, чем воинских снарядов, и, когда располагаются лагерем, нуждаются в большом и разнообразном рынке, чтобы иметь в достаточном количестве необходимое как для себя самих, так и для вьючных животных. Скифы же, постоянно проводя образ жизни простой и незатейливый, легко делают военные переходы и, подобно воздушным птицам, проносятся по земле нередко в один день столько, сколько можно было бы для других в три дня; прежде чем успеет разнестись молва, они занимают уже одну страну за другой, потому что ничем лишним себя не затрудняют. Между тем имеют при себе все, что обеспечивает легкость победы; разумеется – их несчетное множество, их легкость и быстроту в движениях и, что еще важнее, беспощадную строгость к самим себе и их нападения на неприятелей в битвах, напоминающие характер диких зверей.

5. Но нужно возвратиться к тому, что мы было оставили. В то время, когда держал римский скипетр уже Иоанн Дука, многочисленная, простиравшаяся до многих мириад, часть скифов¹⁶, хлынув с дальних пределов севера, неожиданно достигает до самого Каспийского моря. Между тем, по смерти их правителя Чингисхана, его два сына, Халай¹⁷ и Телепуга¹⁸, разделяют между собою власть над войсками. И Халай, оставив к северу Каспийское море и реку Яксарт, которая, вырываясь из скифских гор, широкая и глубокая, несется через Согдиану и вливает свои воды в Каспийское море, спускается вниз по нижней Азии. Но речь об этом мы оставляем пока, потому что наше внимание отвлекает Европа. Другой из сыновей Чингисхана, Телепуга, положив границами своей власти на юге верши-

ны Кавказа и берега Каспийского моря, идет чрез землю массагетов и савроматов, и покоряет всю ее и все земли, которые населяют народы по Меотиде и Танаису¹⁹. Потом, простершись за истоки Танаиса, с большою силою вторгается в земли европейских народов. А их было очень много. Те из них, которые углублялись в материк Европы, были осколки и остатки древних скифов, и разделялись на кочевых и оседлых; а жившие по смежности с Меотидой и наполнявшие поморье Понта, были: зихи, авасги, готы, амаксовии, тавроскифы и борисфеняне и, кроме того, те, которые населяли Мизию при устье Истра; последние назывались гуннами и команам²⁰, у некоторых же слыли за скифов. Испугавшись тяжелого и неудержимого нашествия скифов, они нашли нужным передвинуться оттуда; потому что никому нельзя было ожидать чего-либо хорошего; трепетали все – и города и народы; потому что, будто колосья на току, были растираемы и истребляемы. Таким образом отчаявшись в возможности сопротивления скифам, они вместо плотов употребили наполненные соломой кожи и переправились через Истр вместе с женами и детьми. Немалое время блуждали они по Фракии, отыскивая места, удобного для поселения в числе тысяч десяти. Но прежде чем они перестали бродить, царь Иоанн дорогими подарками и ласками привлекает их к себе и присоединяет к римским войскам; причем предоставляет им для поселения разные земли – одним во Фракии и Македонии, другим в Азии по берегам Меандра во Фригии. Но пора нам опять возвратиться на восток, к тем гиперборейцам-скифам, которые, как густая туча саранчи, налетев на Азию, возмутили и поработили ее едва не всю. Пройдя каспийские теснины и оставив позади себя Согдианы, Бактрианы и согдианский Окс, питающийся большими и многочисленными источниками, они у подошвы лежавших перед ними высоких гор остановились на зимовку, довольные удобствами той страны и добычею, награбленною еще прежде. Горы те необыкновенно высоки и многочисленны; громоздясь одна на другую, они представляют собою как бы одну сплошную гору, известную под общим названием Тавра и опоясывающую по самой середине всю Азию. Начало свое они берут на западе, у самого Эгейского моря; выходя же оттуда, они разрезают всю Азию на две части, пока не оканчиваются у океана, встречаясь с восточным ветром. С наступлением весны, когда вся

поверхность земли уже покрылась растительностью, скифы, оставив свое зимовье при подошвах гор, как стада баранов и быков, во множестве поднимаются на вершины гор; оттуда спускаются на народы, находящиеся внизу, грабят их все и пробираются в Индию, которая расположена по ту и другую сторону величайшей из рек Инда. Наложив иго рабства и на Индию, они уже не пошли далее на восток, по причине безлюдности и невыносимого жара в той местности, но направили свое движение на Арахосию и Карманию²¹, легко покорив тамошние народы, отправились на халдеев и арабов. Потом, обратившись против вавилонян и ассириян и взяв Месопотамию, они остановились на удобствах этой страны и здесь закончили свои длинные переходы, уже на третьем году после того, как переправились чрез реку Яксарт, и, отстав от своих соплеменников, сделались властителями нижней Азии. Но как огонь, разведенный в густом лесу, истребляет не только то место, на которое он простерся прежде всего, поедает все, что только ни встретится на пути и в окружности, так и вождь скифов, выбрав себе для жительства местность, из всей нижней Азии самую удобную и приятную, не удовольствовался тем и не удержался, чтобы не коснуться находящегося в окружности. Но, разослав своих сатрапов и хилиархов, прежде всего покорил персов, парфян и мидян; потом, поднявшись через великую Армению, он устремился на север, в Колхиду и смежную с ней Иверию. Он замышлял даже в следующие годы проникнуть и в самую середину Азии и пределами своей власти положить приморские пески, где ведут между собою беседу море с сушей. Для него казалось несносным, чтобы хотя бы один какой народ из тех, которые населяют материк Азии до морей, не чувствовал на себе его руки. Однако же там они положили успокоиться, разделив между собою области, города, жилища и другие разного рода приобретения, доставляющие телу большую приятность и негу. Употребления золота, серебра, разных видов денег и драгоценностей (а их было очень много в тех странах) они еще не знали; поэтому и пренебрегали ими как грязью и бросали, как вещи никуда не годные. Природа учит ценить прежде всего то, что необходимо; когда же в этом не будет недостатка и судьба доставит в изобилии необходимое, тогда заботливая природа научает отличать и выбирать по возможности уже то, что доставляет приятность чувствам.

Когда же человек насытится и этим, она тотчас является с защитой того, что излишне, и сперва хитро заманивает разнообразием видов того же самого, а потом незаметно примешивает ко всему этому очарование удовольствия, чтобы изобилие излишнего не сделалось неприятным и противным. Так и они сперва довольствовались только необходимым, и то не в изобилии. Потом, получив доступ к удовольствиям, доставляемым страной, смежною с Вавилониею и Ассириею, уже не захотели расстаться с ними, но решили ими воспользоваться и после тех долгих трудов и переходов поселиться там навсегда. Затем на все народы, на которые нападали, они наложили дани; стали требовать их каждый год, приказывая покоренным народам, точно рабам, давая определения, точно с великого треножника, и обязывая ко всему, чего бы им ни захотелось. Наконец, усвоив утонченные нравы ассириян, персов и халдеев, они склонились и к их богопочитанию вместо отечественного безбожия; приняли их правила и обычаи как относительно употребления дорогих одежд и роскошной пищи, так и относительно других удовольствий роскоши. Прежний образ жизни изменили совершенно: прежде покрывали голову грубою войлочною шапкою, вместо всякой одежды одевались в кожи зверей и невыделанные шкуры, вместо оружия употребляли какие-то дубины, пращи, копья, стрелы и луки, грубо сделанные из дуба и т. п. деревьев и по временам сами собой являющиеся на горах и в чащах; но впоследствии эти же самые люди стали носить цельные шелковые и протканые золотом одежды. В изнеженности и роскоши они простерлись до того, что их прежний образ жизни стал в решительной противоположности с последующим.

6. Между тем турки, жившие по сю сторону Евфрата, и арабы, занимавшие Келесирию и Финикию, были немало встревожены зловещим соседством скифов. Поэтому правитель турков²² отправляет к царю Иоанну полномочных послов для заключения прочных условий. Он боялся, чтобы, увлеченный в битвы со скифами, не был поставлен он в необходимость озираться назад, на страшных неприятелей римлян; потому что было бы делом решительно превышающим его силы и до очевидности гибельным, если бы он, едва имея возможность противодействовать одним набегам скифов, принужден был разделить свои силы на две части – для одновременных битв и с теми и другими. Этого желал и об этом

крепко подумывал и царь по многим причинам: во-первых, ему самому не только не было удобно и легко, но было очень трудно и тяжело в одно и то же время вести битвы и в Азии и в Европе; во-вторых, турки, находясь в середине, в случае войны со стороны скифов, могли служить для римлян надежнейшим и прочнейшим оплотом и, принимая на свои плечи общую опасность, могли быть тем же, что выдающиеся камни и скалы, которыми природа ограждает иногда взморье от бушующих волн. По этим-то причинам царь со всею готовностью и большим удовольствием заключил дружеские условия с турками, – и это принесло много пользы римскому государству в тогдашнем его положении. Получив безопасность и отдых от продолжительных войн, римляне обратили свои заботы на собственные приобретения и внутренние дела. Сам царь отрезал себе земли, годной для хлебопашества и возделывания винограда, столько лишь, сколько считал достаточным для царского стола и сколько внушило ему его доброе, благотворительное сердце (земля назначалась также для пропитания престарелых и убогих и для лечения одержимых всевозможными недугами); вместе с тем он поставил смотрщиков, хорошо знающих земледелие и возделывание винограда, и каждый год начал откладывать большую и значительную часть урожая. Этого мало, он занялся еще разведением лошадей, коров и овец, также свиней и ежегодно стал получать от всего этого большой приплод. К тому же он располагал и других, как родственников своих, так и других вельможных лиц, чтобы каждый дома находил у себя все, что нужно, и не имел побуждения налагать корыстолюбивую руку на людей простых и неимущих и чтобы таким образом римское государство очистилось от неправд. И вот в непродолжительное время закромы у всех переполнились плодами; дороги, улицы, все хлевы, стойла и загороди наполнились скотом и стадами домашних птиц. На счастье римлян, случился между тем у турков сильный голод и крайний недостаток в продовольствии. Все дороги запрудились этим народом: женщинами, мужчинами, молодыми людьми, шедшими в римскую землю и возвращавшимися назад. Все богатство турков – серебро, золото, ткани, драгоценности, служащие к удовольствию и роскоши, все это в необыкновенном изобилии переходило в руки римлян. Не редкость было видеть, как за небольшую меру пшеницы отдавались большие

деньги. Тогда какая-нибудь птица, бык или козел шли за большую цену. Таким образом в самое короткое время дома римлян наполнились варварским богатством, а тем более денег оказалось, конечно, в царской казне. Коротко сказать, когда ходившие за стаями птиц продали от них яйца, накопленные в течение года, то в короткое время составилось от этой продажи столько денег, что на них устроена была царице корона, украшенная чрезвычайно дорогими камнями и жемчугом. Царь и называл ее яичною короною, потому именно, что он сделал ее на деньги, вырученные за яйца. Вот одно доказательство его царской и гражданской распорядительности. А вот и другое: заметив, что римляне тратят попусту свое богатство на иностранные ткани, которые в большом разнообразии приготавливают из шелка мастерские вавилонян и ассириян и которые изящно ткнут руки итальянцев, он издал постановление – никому из подданных не покупать иностранных материй; если бы кто не захотел следовать такому постановлению, того вместе и с семейством лишать прав звания и состояния; довольствоваться же только тем, что производит римская земля и умеют приготавливать руки самих римлян. Вещи необходимые не требуют частой перемены, а вещи излишние могут быть под силу только людям знатным. Поэтому упомянутое постановление и делает им честь, так как ими было придумано. Отсюда произошло то, что вещи излишние потеряли всю свою цену; пышность в одеждах у римлян вошла в границы, и богатство, как говорят, потекло из дома в дом же.

7. Но нам следует рассказать и о других происшествиях. Случилось, что царица Ирина, по рождении сына Феодора, упала с лошади и долго тащилась по полю. А ехала она с царем и супругом посмотреть на охоту. Повредив себе при этом матку, она больше уже не могла рождать. Как бы то ни было, но оба они прекрасно и достойным образом управляли царством, всеми мерами заботясь о том, чтобы в городах процветали правосудие и законность и вывелись корыстолюбие и хищничество. Оба они создали и храмы, отличающиеся редким изяществом, не жалея издержек на то, чтобы они были и велики и красивы: царь построил один храм в Магнезии, во имя Богоматери, названный Созандрами, другой же в Никее во имя Антония Великого; а царица в главном городе [Вифинии] Прусе, лежащей при подошве Олимпа, во имя Честного

Пророка, Предтечи и Крестителя. Приписав к этим церквам многие имения и большие ежегодные доходы, они устроили при них обители для монашествующих и аскетов, полные благодати и духовного веселия. Не довольствуясь и этим, они завели больницы, богадельни и много такого, что ясно показывало в них любовь к Богу. Между тем мера жизни царицы Ирины исполнилась. Царь-супруг ее долго и сильно горевал об этой потере, пока не стал скучать одиночеством и не взял второй супруги. Это была алеманянка Анна, сестра сицилийского короля Манфреда²³, очень молоденькая. Вместе с нею приехала оттуда в качестве ее воспитательницы и наставницы в числе многих других женщин одна, по имени Маркесина, отличавшаяся особенно красотой лица и силою взгляда, который можно сравнить с сетью, из которой не выпутаешься. Своими любезностями, кокетством и изяществом манер она мало-помалу обратила на себя внимание и царя и внушила ему такую любовь к себе, что он уже явно стал предпочитать ее царице Анне. Впоследствии его любовь к Маркесине дошла до такого неприличия, что он позволил ей носить знаки царского достоинства. Поэтому женщина эта ничем не уступала Анне и, хотя не одна пользовалась нежностью и расположением от царя и уважением и почетом от подданных, но гораздо больше законной супруги, – разумею царицу Анну. Однако же, как человек умный, царь проводил жизнь не совсем без скорби и смущения, приличных в его положении; нет, он чувствовал уколы, как будто от иглы, от совести, имел в виду раскаяться и просил Бога исправить в нем этот недостаток. Это видно вот из чего. Маркесина, говорят, отправилась однажды для поклонения и из любопытства в божественный храм, который построил на свои издержки Блеммид и при нем обитель

для святых и боголюбивых мужей. Она приехала с большою пышностью, надменная знаками царского достоинства, в сопровождении большой свиты. Но прежде чем она взошла на паперть, сонм тех божественных мужей по приказанию настоятеля Блеммида затворяет двери изнутри храма и заграждает ей вход в него. Это был человек, украшенный многими добродетелями и отлично знакомый с ученостью – и с тою, которую передали потомкам древние греки, и с тою, которою озаменовали себя к нашей пользе предстоятели и ораторы наших церквей. Божественный этот муж не нашел праведным делом, чтобы эта бесстыдница прошла своими скверными и преступными ногами по священному помосту. Да и что удивительного, если он и прежде неотступно преследовал ее резким словом, и устно и письменно²⁴. Полагая, что вместе с нею крайне унижено и царское достоинство, она вспыхнула от досады и гнева и дала ему полную свободу, тем больше, что и льстецы в свою очередь воспламеняли ее. В сильном волнении она входит к царю и всеми средствами возбуждает его к мести, крича, что такое бесчестие простирается и на особу самого царя. И не она одна, а и бывшие при ней льстецы, как бы подбавляя огня к огню и дров к дровам, из своекорыстных видов стараются еще больше разжечь гнев в царе. Но царь, с лицом, покрытым слезами, с глубоким вздохом и с полным сокрушением о своей слабости, помолчав немного, сказал: “Зачем вы советуете мне наказать человека праведного? Если бы я жил безукоризненно и целомудренно, то сохранил бы неприкосновенным и царское достоинство и себя. Но так как я сам дал повод бесчестить и себя и свое достоинство, то вот и получаю приличное возмездие: злые семена приносят свои плоды”.

Книга III

2. Занятому этими делами царю присылают из Никеи письмо о том, что Михаил Палеолог убежал к туркам. А ему царь, отправляясь в поход, поручил управление Никеею, пока опять не возвратится с западных областей на восток. Это известие немало огорчило и озадачило царя. Повод к побегу указывали такой. Палеолог, говорили, видя, что всюду распространяется против него зависть, и слыша, что тайком ведут о нем речи, полные недоброжелательства, и замышляют настроить царя подвергнуть его таким истязаниям, на

которые можно обречь разве врага-иноплеменика, не мог оставаться спокойным и, осматривая свое положение со всех сторон, не мог отделаться от тревожных мыслей, которые его сковывали, мучили и терзали, как пленника. Он боялся беспощадной строгости и быстроты царя в определении наказаний и не ждал себе от него никакого снисхождения и никакой пощады. Он полагал, что невозможно ему в короткий срок оправдаться, при тех больших и донельзя важных обвинениях, которые недоброжелатели сплели на него и

которыми прожужжали уши царя. В отчаянии, он и счел лучшим искать спасения в бегстве. В то время, как он прибыл в Иконию, султан [Ятатин] был сильно озабочен сбором войск, чтобы встретить поднявшиеся во множестве скифские войска²⁵, и потому явился как нельзя кстати. Так как у султана было много римлян, давно еще поработанных, то он составил из них особый отряд и отдал его под начальство Палеолога, снабдив их одеждою и оружием, не туземными, впрочем, а римскими и иностранными, чтобы тем устрашать скифов, которые могли подумать, что получена вспомогательная сила от римлян. Так и случилось. Скифы, говорят, схватившись с турками, немало смутились и струсили, когда нечаянно увидали выступающее на них чужеземное войско. Быть может, они в беспорядке бросились бы и бежать, приняв на свои плечи преследующих, которых надеялись было без труда одолеть; но кто-то из родственников султана по ненависти, питаемой издавна, с большою частью войска перешел на сторону скифов в то время, когда был уже разорван их строй. Чрез это дело турков было проиграно, и большая часть турецких владений отошла под власть скифов. Но немного протекло времени, как пришло от царя письмо, наполненное выражениями благосклонности к Палеологу и обещаниями больших милостей, приглашавшее Палеолога, возвратиться и обеспечивавшее верность обещаний клятвою. Таким образом, римская земля опять увидала Палеолога, не прежде, впрочем, чем он сам засвидетельствовал страшнейшими клятвами, что останется неизменно верен царю, что никогда не выйдет из границ повиновения, не станет никогда домогаться верховной власти и возвращаться к тому, что прежде на него было говорено и что могло бы снова возбудить прежнее подозрение, уже уничтожившееся, но будет хранить и соблюдать всегда то же расположение и ту же любовь как к самому царю Феодору, так и к сыну его Иоанну и к будущим преемникам их дома и царства. После того он почтен был саном великого коноставла²⁶ и в последующее время стал пользоваться полным царским благоволением и благосклонностью, как и прежде. В это время дела в Болгарии пришли в смутное положение. Правитель Болгарии Асан, шурин царя Феодора, умер. но сына, который был бы по обычаю преемником его власти, от него не осталось; нужно было решить дело иначе – передать власть зятю его по

сестре, Мицу. Так и сделано. Но это был человек ленивый и изнеженный; поэтому мало-помалу потерял уважение до того, что его распоряжениям народ не придавал никакой цены. А был тогда в Болгарии один известный человек по имени Константин, по прозванию Тих, далеко оставлявший позади себя других дарованиями ума и крепостью тела. Видя, что власть над болгарами в дурных руках, он восстал, привлек к себе и простой народ и всех людей знатных и имеющих вес; с общего согласия тех и других провозгласил себя правителем и затем осадил Тернов, который был столицею Болгарии. Таким образом, Мицу пришлось волею-неволею бежать вместе с женою и детьми в укрепленную приморскую крепостцу, называемую Месимврией. Оттуда пробрался он к царю, проживавшему в Азии, в Никее, отдал во власть римлян упомянутую Месимврию и, получив от царя некоторые поместья около Трои и Скамандра для своего содержания, зажил там спокойно с женою и детьми. А Константин Тих, сделавшись владыкою болгарского царства, отправляет к царю послов с предложением дружбы и союзничества в том случае, если тот отдаст за него в замужество одну из своих дочерей. Ее руки он искал не потому, что не имел жены, – у него были и жена и дети, – но потому, что, не имея наследственного права на болгарскую корону, он не хотел, чтобы кто-нибудь считал его незаконным властителем. А так как знал, что дочь царя приходилась племянницей незадолго перед тем умершему правителю Болгарии, Асану, по сестре его, то для своего значения и для прочности своей власти и искал ее руки, обещая с прежней супругой немедленно развестись. Это понравилось и самому царю. Сделав участницею своего ложа и своей власти дочь его, Феодору²⁷, Константин отправляет первую супругу в Никею, представляя тем ручательство римлянам в своей любви ко второй супруге. Что же дальше? На исходе тридцать шестого года от рождения постигла царя жестокая болезнь с явными предвестниками смерти; она осадил его тело разнообразными страданиями и не переставала поражать его и сокрушать, пока не отняла жизни. Перед кончиною царь поспешил малую схиму сменить монашеской мантией, своими руками раздал большие суммы денег и пролил от горячего сердца много источников слез. Чрез то он надеялся омыть и уврачевать язвы души в такое критическое для нее время.

Книга IV

1. Когда там шли дела таким образом, здесь, у Магнезии, люди знатные и родом, и личными заслугами, посадив Михаила Палеолога на щит, провозглашают его царем. Патриарх Арсений, проживавший тогда в Никее, был поражен этою вестью в самое сердце; удар ножа, кажется, не произвел бы такой боли; он совсем потерял покой, боясь за дитя. Сначала он хотел было подвергнуть отлучению как провозглашенного царем, так и провозгласивших; но сдержал себя и рассудил – лучше связать их страшными клятвами, чтобы они не смели ни замышлять на жизнь дитяти, ни посягать на его царские права. Это было в самом начале декабрьских календ. Но не прошло еще месяца, как Арсений делает – для безопасности и обеспечения участи дитяти то самое, чего боялся, – он собственными руками со священного амвона венчает Михаила Палеолога и украшает царскою диадимом, присоединив к голосам членов сената и священного собора и свой в пользу Михаила. Впрочем, не навсегда предоставляет ему самодержавную власть, но до тех только пор, пока это будет необходимо – пока не достигнет совершеннолетия законный наследник и преемник царства; после чего Михаил сам добровольно должен уступить ему одному и трон самодержца, и все знаки царского величия. В этом смысле снова были произнесены клятвы страшнее первых. Вслед за тем, как самое благоприятное предзнаменование царствованию Палеолога, приносится ему весть о победах римлян в западных областях; а спустя немного приходят и сами победители, имея при себе принцепса Пелопоннеса и Ахайи и множество других неприятелей. Победители удостоиваются наград и почестей по своим заслугам. Севастократор производится царем в сан деспота, великий domestik – в сан кесаря, а кесарь вместе с тестем деспота – в сан севастократора. Император, впрочем, отличает его от тестя тем, что предоставляет ему право носить на лазоревых сапогах золотые орлы. Между тем принцепс Пелопоннеса и Ахайи покупает себе свободу и вместе с нею жизнь ценою трех лучших пелопоннесских городов: он отдает царю Монемвасию, Мену, лежащую у Левктров, в древности у эллинов называвшуюся мысом Тенарийским, и наконец главный город Лаконии – Спарту. Таким образом, как бы из самых челюстей ада он неожиданно возвращается к своим. Правителем пелопоннесских упомянутых городов посылается

брат царя по матери Константин, возведенный, как мы только что сказали, из кесарей в севастократоры. Отправившись туда, он одержал над пелопоннесскими латинянами много побед и отнял у них много городов, действуя оружием из тех трех городов, как бы из огромных окопов. В это время Арсений, оставив патриаршеский престол, удалился на покой в приморский монастырек Пасхазия. Поводом к его удалению было неуважение, оказанное Ласкарю Иоанну, сыну царя. Царь Михаил Палеолог незадолго пред тем отправил его под присмотр в Магнезию, чтобы его присутствие не подало повода охотникам до приключений произвести какое-нибудь волнение. Поэтому вместо Арсения на патриаршеский престол возводится митрополит эфесский Никифор, который, прожив один год, умер. Между тем царь с большими силами переправился во Фракию, имея в виду попытать воинского счастья и в самых предместьях Константинополя. Пробыв под ним довольно долго, он осадил было сперва лежащий на противоположной стороне²⁸ так называемый замок Галата, рассчитывая, что если прежде взят будет он, то легко будет овладеть и самим Константинополем. Но такие расчеты оказались грезами наяву; он не мог взять города, несмотря на то, что обставил его камнеметными машинами и употребил много усилий. Итак, укрепив лежавшие пред Византиею крепости и оставив в них воинов, он приказывает им делать частые набеги и вылазки против византийских латинян, так чтобы не позволить им, если можно, и выглянуть за стены. Это довело латинян до такой крайности, что они по недостатку в дровах употребили на топливо множество прекрасных зданий Византии. Оттуда он снова возвратился в Никею, которая, после взятия Византии, сделалась римскою столицею, и провел там довольно долгое время. В эти времена скифы, перейдя Евфрат, завоевывают Сирию и Аравию до самой Палестины; потому что страсть любостяжания нелегко удовлетворяется, пока имеет для себя опору во множестве рук и счастья оружия. С огромною добычею и всяким добром они возвращаются оттуда домой, наложив, как на несчастных рабов, на покоренных арабов, сирийян и финикиян, ежегодные дани. На следующий год вторгаются они в Азию, лежащую при Евфрате, и легко покоряют и опустошают всю ее, положив пределами своих набегов и опустошений к северу Каппадокию и реку Фермодонт, а к

югу – Киликию и высочайшие в Азии горы Тавра, которые, отступив немного от своего начала, разделяются на многие отрасли. Между прочим они овладевают и столицей турков [Иконией]. Султан Азатин, убежав вместе с братом своим Меликом, является к римскому царю Михаилу Палеологу с большими надеждами и ожиданиями, опиравшись на недавнее гостеприимство и большую благосклонность, оказанные им Палеологу. Ибо и Палеолог приходил к нему, избегая опасностей, угрожавших ему от царя, и имея сердце, полное больших тревог. Напоминая то, что сделал для него, султан требует одного из двух: или сражения со скифами, или какого-нибудь участка на римской земле в его собственность, чтобы там ему спокойно поселиться вместе со своими, так как он имел при себе жену, детей, большую свиту и, сверх того, огромные богатства и большие сокровища. Но так как римские войска у царя были раздроблены на части и сам он со всех сторон был окружен неприятелями, то исполнить просьбу Азатина казалось ему делом не совсем безопасным. Отдать в собственность участок земли человеку, имевшему прежде под своею властью многие сатрапии и привыкшему повелевать, значило сделать то, что не могло не возбуждать опасений и страха за будущее. Подчиненным ему сатрапам естественно было искать своего владыки; рассеявшимся в разные стороны и блуждающим как будто во мраке ночи естественно было сходиться на факел своего вождя; а это со временем могло сделаться непоправимым злом для римлян. Поэтому царь, как на весах, колебал душу султана, не подавая ему надежды, но и не отнимая ее.

3. ...Так, в делах человеческих ничего нет верного, ничего прочного; точно в незнакомом океане носятся и заливаются волнами судьбы людей; на их опытность и знание часто ложится какой-то глубокий мрак, и основательно задуманные предприятия идут не твердым шагом, колеблясь туда и сюда, и верные расчеты оборачиваются, подобно игорным костям. Кир, повелевавший некогда персами, мидянами и халдеями, прошел большую часть Азии и без труда разрушил красу ее – Вавилон, но, вступив в сражение с массагетскою женщиною, весьма позорно закончил свою славу. Ганнибал Карфагенянин покорил всю Ливию и Африку, одержал победы над иверийцами, кельтами, перешел через утесистые Альпы, озаменовал себя удивительны-

ми победами над римлянами; но наконец не мог выдержать нападения почти одного римского полководца, и притом внутри своего отечества, и удалился из отечества, лишенный всего, вынужденный вести жизнь скитальческую, или, лучше, жестоко гонимый судьбою. Великий Помпей, римский консул и самодержавный вождь, прошел Азию до Кавказских гор и Каспийского моря, покорил множество народов и доставил Риму несметные сокровища, но, наконец, среди своих, от самого незначительного войска лишился своей великой славы. Вот и тот, о ком теперь идет речь, – кесарь, добывший вчера величайшие трофеи, сегодня делается жертвою бесславно-го боя. Такими примерами Бог внушает нам, чтобы мы, видя свое бессилие в битвах неважных, приписывали одному Богу трофеи великие и необычайные...

5. Около этого времени некто, по имени Икарий, отложился по взятии Константинополя от правителя Евбеи (области, принадлежавшей венецианцам), увлек за собой немало других еврейцев и овладел крепким замком. Оттуда он часто выходил и грабил смежные поля и деревни; так что в короткое время навел на всех поселян такой страх, что они не смели ни вне стен жить, ни без караульных выходить для занятий на полях и пашнях... Между тем Икарий, выслав из города латинян, оставил в нем только люд ремесленный и торговый, представлявший собою смесь венецианцев с пизанцами. Он находил небезопасным и неудобным, чтобы внутри города жили и генуэзцы. Посему царь отводит им для жительства место на противоположном берегу, у Галаты, даровав им и обещанную свободу торговли... Балдуин же, избежав опасности, угрожавшей ему в Константинополе, и уплыв в Италию, породнился там с королем итальянским Карлом, взяв в невесты своему сыну его дочь в надежде при его содействии возвратить себе Константинополь. Но напрасны желания и надежды! Царь устроил большой флот, наполнив более шестидесяти триер воинами, которых часть принадлежала к племени гасмуликскому. Они усвоили себе характер и римлян, и латинян; так что от римлян приобрели хладнокровие в битвах, а от латинян отвагу. С ними было еще морское войско из лаконцев, недавно прибывших к царю из Пелопоннеса, которых на простом, испорченном языке называют цаконцами. Таким образом, царский флот, великолепно устроенный, по приказанию царя разъезжал по морю и наводил на ла-

тинян большой страх и смущение. Он покорил даже почти все лежащие в Эгейском море острова: Лимнос, Хиос, Родос и другие, бывшие в рабстве у латинян. Когда так шли дела на море, этолиец Михаил опять нарушил мир и начал опустошать смежную римскую область. Весть об этом привела царя в скорбь и негодование; так что в самом скором времени он сам отправился туда, чтобы лично устроить там растроенные дела. В это время, когда царь находился в Фессалии, явилось на небе знамение, как предвестник и предуказатель бед. То была комета, показавшаяся около знака Тельца и сперва всходявшая на востоке ночью, перед самым рассветом, немного повыше горизонта. Но по той мере, как шло вперед солнце, и она каждый день более и более отодвигалась от горизонта, пока не достигла самого зенита. Высшую степень яркости она получила в летнюю пору, когда солнце проходило знак Рака. Потускнела же и исчезла, когда солнце вступало в черту осеннего равноденствия; так что от летнего поворота до осеннего равноденствия оно прошло три знака, а комета, появившаяся около Тельца, в это время мало-помалу исчезла. Царь принял ее за предвестницу и предуказательницу бед и, немедленно распрощавшись с Фессалией, во все поводья погнал в Византию. Немало смутил его и слух о том, что уже совсем решили напасть на римскую землю скифы. И не успел он прибыть в Византию, как скифы, живущие по Истру, разлились почти по всей Фракии, точно море, разъярившееся и вышедшее далеко из своих берегов. Народ скифский передвигается быстро и часто в один день совершает трехдневный путь. Причина их набега была следующая.

6. За Константином, правителем Болгарии, была, как мы сказали, в замужестве дочь царя Ласкаря. Она, услышав об ослеплении брата Иоанна, не переставала докучать мужу и побуждать его к отмщению за такое дело. Он и искал удобного случая наказать злодейство. В то время, как он обсуживал свое намерение, султан Азатин еще больше поджег его. Во время своего отсутствия, царь назначил последнему в жилище приморский городок у Эна и учредил около него тайную стражу, чтобы воспрепятствовать его побегу, который можно было подозревать. Такое невыносимое положение побудило и Азатина обратиться к Константину, бывшему уже наготове выступить против римлян; ему султан обещал, если получит свободу, отплатить большими день-

гами. Получив столько поощрений и узнав, что царь возвращается из Фессалии в Византию, Константин созывает более 20 тысяч приистрийских скифов и с ними со всею поспешностью вторгается в римскую землю, твердо надеясь взять в плен и самого царя, находившегося в дороге. Скифы растянулись по всей Фракии до морских песков, точно сеть, чтобы никто ни из животных, ни из людей, ни сам царь не избежал их рук. Все и сделалось по их желанию; только царь ускользнул и обманул их ожидания. Предупредив их появление, он успел спуститься к морю по горам около Гана. Здесь, по устройству Промысла, нашел две латинские триеры, плывшие в Византию, но приставшие к тому месту для снабжения себя водою. Сев на них, он на другой день является в столицу. Скифам, обманувшимся в своих ожиданиях относительно царя, оставалось позаботиться о том, чтобы не обмануться относительно султана Азатина. Поэтому они прямо направились к Эну с решительным намерением взять там Азатина – или одного, если граждане уступят его добровольно, или же со всем городом и всеми туземцами, если будут сопротивляться. Но те легко выдали его, боясь поголовного истребления, и достигли того, что неприятели спокойно их оставили. При своем возвращении, скифы гнали пред собою несметное множество обитателей Фракии, как скот; оттого некоторое время изредка только можно было увидеть во Фракии вола или пахаря – так она опустела и людьми и животными. Но теперь оставим рассказ о султани. О нем скажем после подробнее. Его жена с детьми была тотчас взята под стражу; его сокровища были препровождены в царскую казну; свита же его, состоявшая из множества храбрых людей, возрожденная христианским крещением, была причислена к римскому войску.

7. В это время султан Египта и Аравии²⁹ отправляет посольство к царю, предлагая римлянам свою дружбу и прося дозволения – египтянам, которым он захочет, однажды каждый год переплывать наш пролив для торговли. Эта просьба, с первого взгляда показавшаяся неважною, принимается легко. Со временем же обнаружилось, какое имела она значение. Нельзя запретить то, что утвердилось и вошло в силу, как обычай. Египтяне, отправляясь с грузом однажды в год иногда на одном, а иногда и на двух кораблях к европейским скифам, обитавшим около Меотиды и Танаиса, набирали там частью охотников,

частью продаваемых господами или родителями и, возвращаясь в египетский Вавилон и Александрию, составляли таким образом в Египте скифское войско. Сами египтяне не отличались воинственностью, напротив, были трусливы и изнеженны. Поэтому им необходимо было набирать войско из чужой земли и, так сказать, подчинять себя купленным за деньги господам, не заботившимся ни о чем, в чем обыкновенно нуждаются люди. В непродолжительное время египетские арабы этим способом образовали у себя такое войско, что сделались весьма страшны не только западным, но и тем народам, которые обитали более к востоку. Они поработили Африку и всю Ливию до Гадир, потом Финикию, Сирию и всю приморскую страну до самой Киликии, предавая острию меча владевших теми землями, особенно же галатов³⁰ и кельтов, которые с давних пор владели там лучшими странами и городами и перебрались туда с запада. Есть в Европе высочайшие горы, называемые Альпами, с которых сбегает в Британский океан величайшая река, называемая Рейн. Она отделяет к югу обе Галлии и живущих в них мужественных галатов и кельтов. В их сердцах вспылала было сильная ревность о гробе Спасителя, и они нашли достойным делом, собрав войско, отправиться для поклонения гробу Господню и вместе, если можно, для изгнания господствовавших там арабов. Собравшись в бесчисленном множестве и запасшись конями и оружием, они пустились в этот знаменитый поход и, перейдя Рейн, пошли вдоль по Истру – величайшей реке, которая, также вырываясь из Альпов, впадает пятью устьями в Евксинский Понт. Постоянно держась его северных берегов, они подошли почти к самым устьям его у Евксинского понта, представляя собою встречавшимся на пути народам страшное зрелище, как будто движущуюся железную стену; однако же ни одному из них не нанесли никакого вреда, по своему благородству. Отсюда переправились они и через Истр и, пройдя до Фракии, расположились лагерем. В это время царствовал над римлянами Алексей Комнин, к которому они посылают послов с целью условиться о покупке продовольствия и переправе чрез Геллеспонт. Царь сильно обрадовался такому случаю и крепко ухватился за него, чтобы воспользоваться им согласно со своими планами. Еще недавно получив царский скипетр, он видел, что по великой вине его предшественников римское царство со всех сторон терпит на-

падения и безжалостно разрывается на части. В самом деле, турки уже долгое время владели на востоке всеми местами, даже самую Никеею – этою знаменитою крепостью; страшная скудость в деньгах не позволяла приукрасить дворец, дошедший до крайнего безобразия, а на удовлетворительные доходы не было ни малейшей надежды; оставалось только ожидать конечной гибели и адских бедствий. Итак, видя государство в таком положении и недоумевая, что делать, он в высшей степени обрадовался прибытию кельтического войска. С кельтами он заключил такой договор: если своими соединенными силами изгонят они из римских городов и областей владеющих ими турков, то кельты получают все их имущества, а он – пустые города. Приняв с большим удовольствием такое условие, они переправляются с самим царем через Геллеспонтский пролив. Как большой огонь, разведенный в густом лесу, одно, например, хворост, истребляет легко, а другое – зеленеющие деревья – медленно, но все же истребляет, – так и это двойное войско, состоявшее из кельтов и римлян, наводило на неприятелей страх и казалось неодолимым по тяжести вооружения, крепости тела и недоступной твердости духа. И одни из неприятелей, – другой сказал бы, – были попираемы, как трава и прах под ногами, а другие принимались было отбивать, пользуясь то теснинами, то римскими стенами, но наконец должны были уступать, и одни отдавались добровольно, другие были забираемы силою, третьи находили себе спасение в бегстве. Таким образом они очистили всю Азию, находящуюся внутри Алии и граничащую с Меандром и Памфилиею, и, забрав с собою по условию в освобожденных ими городах богатства, безостановочно продолжали предположенный путь. Но их сильно озабочивала мысль, что не пришлось бы, по переходе гор, между Памфилиею и Киликиею, начать войну с киликиянами, сириянами и финикиянами, если те не дадут им свободного пропуска. Первые, т. е. киликияне, уstraшенные самим видом их, не нашли для себя ничего лучше, как дружески пропустить их через свою землю, предложить им свой рынок, дать проводников и сделать вообще все, чего требуют дружба и гостеприимство. Киликияне, впрочем, легко вошли в такие хорошие отношения с западными галатами и кельтами не потому только, что испугались их множества и силы, но и потому, что были довольно близки к ним по вероисповеданию.

Когда же настало время войти в Сирию и Финикию, они встретили совсем не то, что позади. Жившие и господствовавшие там арабы, народ иноплеменный и полный высокомерия, навели им много хлопот, или лучше – не столько им, сколько себе. Взяв оружие, они преградили им дорогу, находя унизительным для себя, чтобы народ иноплеменный и совершенно чужой прошел чрез их землю, не пролив своей крови и не оставив из среды своей трупов. Кельты, не допускаемые до хлеба, тесящиеся недостатком и в других предметах потребления, необходимых как им самим, так и вьючному скоту, положили предоставить решение дела оружию и битвам. И вот начались постоянные сражения; кровь аравитян лилась и днем и ночью, орошая вскормившую их землю; города один за другим подвергались расхищению; между тем кельты со дня на день становились сильнее и сильнее. Коротко сказать, все, что было лучшего в арабском войске, или втоптано в грязь, разведенную кровью, или отброшено на далекое расстояние; все же остальные обращены в безоружных рабов теми, которые впоследствии основали там свои жилища, – победители пленились приятностями той земли. Они решили остаться там навеки, и это решение ничем нельзя оправдать. Цель их похода была та, чтобы прийти, если можно, в Палестину и изгнать оттуда нечестивцев, владевших гробом Спасителя, или же, пролив там свою кровь, получить за то спасение души. Таково было желание, увлекшее их за пределы отечества, желание поистине божественное и достойное похвалы. Но желание наслаждений Сирии и Финикии, к стыду их, взяло перевес. Отяжелевшие и, так сказать, охмелевшие от богатства, они поступили не так, как предполагали прежде. Но возвратимся к тому, с чего начали говорить о кельтах и галатах. Египетские арабы, войдя в большую силу посредством набора скифских войск (о чем мы уже говорили), простерлись далеко за свои пределы; к западу они поработили ливийцев, мавритян; к востоку – всю счастливую Аравию, которая имеет границами берега Индийского моря и с двух сторон заливы Персидский и Аравийский; потом – всю Келисирию и Финикию, насколько охватывает последнюю река Оронт, причем они частью изгоняли потомков кельтов и галатов, частью же, как позволяет право войны, убивали их спустя немного времени.

9. При таком положении дел умер правитель Эпира и Фессалии деспот Михаил, оста-

вив по себе сыновей: одного побочного, именем Иоанн, и трех законных. Из них самый старший был деспот Никифор, за которым была в замужестве племянница царя. На его попечение и заботу отец оставил двух других сыновей, Михаила и Иоанна, так как они были моложе его и еще холостые. Всю свою державу Михаил разделил на две части; из них одну, которая и в древности называлась Эпиром, отдает деспоту Никифору. Она заключает в себе феспротов, акарнаний и долонов, кроме того – корцирян, кефалонцев и итакян. Ограничивается же к западу Адриатическим и Ионийским морями, к северу высокими горами, называемыми Пиндом и Акрокеравнийскими, к востоку рекою Ахелоем, и к югу островами Корцирой и Кефалонией. Другую часть отдает побочному сыну Иоанну. Она заключает в себе пеласгов, фтиотов, фессалийцев и локрских озолян; на севере имеет гору Олимп, на юге – Парнас, горы равно высокие и скрывающие свои вершины в облаках. Между тем те два сына, Михаил и Иоанн, тяготясь опекою своего брата Никифора и не видя для себя хорошего конца в будущем, ушли к царю. Побочный же сын Иоанн, неудержимый в своих предприятиях и наделенный изворотливым умом, не хотел довольствоваться своим участком, и хотя вскоре получил от царя достоинство севастократора, но постоянно нарушал мирные отношения к римлянам. Выйдя из терпенья, царь послал против него своего брата, деспота Иоанна, и приказал предварительно собрать отовсюду как можно больше римского войска. Тот выступил, собрав под рукой войско из пафлагонских и вифинских всадников и прибавив к ним полки из команов и туркопулов, а пехоту решил набрать дорогой во Фракии и Македонии. Между тем Севастократор, услышав о походе римлян, сильно смутился, видя, что его сил решительно недостаточно, чтобы сопротивляться такому прекрасно устроенному войску противников. Сначала он хотел было прикинуться покорным и просить прощения в своих проступках, но нашел, что на это рассчитывать и полагаться было нельзя, потому что постоянно заключал мирные условия и нарушал их. Поэтому пошел другим путем. Укрепив сколько мог и обезопасив свои крепости, он стал разъезжать со своими войсками, высматривая издали, что делается у неприятелей, в надежде посредством засад и внезапных нападений смутить и несколько ослабить лагерь римский. Но видя, что римляне прекрасно

укреплены и строго соблюдают установленную дисциплину, он впал в отчаянье и в страхе потерять все бросался то туда, то сюда. Итак севастократор Иоанн находился в большом страхе и смущении. Быть может, он в это время покусился бы и на собственную жизнь (тогда его владения отошли бы к царю), если бы беспорядочность и непомерная вольность иноземных войск, находившихся вместе с нашими, сверх всякого ожидания, не испортили дела, к великому посрамлению римлян. Напав на Иоанна и не встречая сопротивления, римляне легко бы могли завладеть всем. Но находившиеся с ними команы, оставив свое дело, только грабили храмы и монастыри, бессовестно поджигали их, почтенных девственников забирали в плен и священными вещами пользовались как простыми, употребляя, например, вместо столов святые иконы; кратко сказать, бессовестно делали все, что позволяют себе безбожные люди. Посему-то и постиг войну такой дурной и несообразный с началом конец, как покажет дальнейший рассказ. Когда пришел с войском деспот Иоанн, то одни из городов тотчас же сдались, а другие, надеясь на естественные укрепления, некоторое время сопротивлялись. Потом покорились и они, не будучи в силах устоять до конца против силы осадных орудий. Севастократор в отчаянии убежал в сильнейшую крепость, называемую Новыми Патрами. Враги окружили ее и долгое время вели осаду. Однако же Новые Патры, утверждаясь на высокой горе, гордо стояли против осадных орудий; только заключенное внутри большое множество людей внушало опасения, что наконец окажется недостаток в продовольствии. Оно ставило севастократора в крайне затруднительное положение, устремляло его мысли во все стороны и настойчиво требовало решения, как избавиться от предстоящих бедствий. После многих дум и предположений, он наконец остановился на одном необыкновенном и подлинно умном плане, который и скрыл в себе, как что-то священное и таинственное, не сообщив его никому, кроме одного из крепостной стражи. Тайна, доведенная до слуха больше чем одного человека, перестает быть тайною; громкая молва тогда проносит ее по всем станам – и своим, и неприятельским. Иоанн был человек умный, хорошо понимал дело и ловко выполнил свой умный план, и именно так. Дождавшись ночи, когда перед новолунием глубокая тьма распространяется по земле, он спускается на

веревке по стене и, не имея другого пути, тайком пробирается в римский лагерь в лохмотьях; чтобы скрыть себя, он с воплем говорит, подделываясь под варварское наречие, будто, потеряв своего коня, ищет его, и так обходит и минует весь неприятельский лагерь. Многие из воинов, слушая его, остряли над ним и провожали его веселыми шутками. А он, благодаря такой хитрости прошел римский лагерь и, потеряв его из виду, прибыл в один пограничный монастырек, где, открывшись одному только настоятелю этой обители, получил от него пять вьючных животных и столько же слуг; потом, с зарею перейдя Фермопильскую гору, на другой день пришел в Беотию, а оттуда на третий день в Аттику. Здесь он является к дуке афинскому [Иоанну], обещает ему большие деньги и предлагает войти в родство, имеющее принести ему большое богатство. Затем просит помощи и под условием большой платы получает пятьсот отборных афинян. Между тем римское войско, воображая, что севастократор Иоанн находится внутри крепости, продолжало издали посылать стрелы за стены, – пододвинуть к ним орудия было нельзя, – и, расположившись вокруг, внимательно сторожило все выходы, чтобы Иоанн как-нибудь не ускользнул, но чтобы или сам выдал себя, или выдали его, не спрашивая его согласия, граждане, поражаемые двумя бедствиями – осадой и недостатком в продовольствии. При этом одни оставались беззаботно на месте, а некоторые даже ушли из лагеря частью на грабеж к соседним ахейцам, частью же на охоту. На них первых, ходивших вразброд, нападает севастократор Иоанн с пятьюстами упомянутыми афинянами и одних берет в плен, а других гонит до самого стана. Такая неожиданность привела римское войско в страх и смятение. Как другие военачальники, так и сам деспот Иоанн вообразили, что на помощь севастократору Иоанну прибыл или правитель Пелопоннеса и Ахайи с большою силою, или же явилось войско фивян, евбейцев и афинян под предводительством своего дуки. Поэтому, прежде чем те сделали нападение, римское войско тайком и малопомалу само собою начало рассеиваться; потом воины один за другим побежали без оглядки. Начальники как ни кричали на них, как ни останавливали, воины их не слушали и гурьбой продолжали бежать. Наконец и сами они вместе с деспотом Иоанном, видя, что долее оставаться на месте значило бы обречь себя на явную гибель и что храбростью и му-

жеством здесь ничего не возмешь, решили, что не нужно упускать удобного времени к отступлению, и отступили с остававшимся пафлагонским войском, впрочем, в порядке и с соблюдением правил военного искусства. Итак, когда сверх всякого чаянья постигло римлян такое поражение в наказание за преступные дела, которые дозволяли себе их союзники, команы, то находившиеся в крепости, тотчас отворив ворота, мигом выбегают оттуда и присоединяются к севастократору Иоанну и его союзникам. После необходимых совещаний одни получают приказание оставаться на месте для уборки римских палаток, лошадей, всяких запасов и всевозможного богатства, которое римляне отчасти принесли с собою из дома, отчасти же приобрели грабежом; другие отправляются по пятам рассеявшихся в разные стороны римлян и сопротивляющихся предают мечу, а тех, которые, будучи схвачены, не оказывают сопротивления, сняв с них даже рубашку, отпускают в одних штанах. Есть закон, ненарушимо пере-

ходящей по преемству от предков к потомкам, не только у римлян и фессалийцев, но и у иллирийцев, трибаллов и болгар – ради единства их веры, лишать неприятеля только имущества, но не обращать в рабство и никого вне боевой схватки не убивать. И если бы наступивший вечерний мрак не сдержал преследования бегущих, быть может, они испытали бы бедствия еще более жестокие, чем те, о которых мы сказали. Но так как настал вечер, то неприятели с севастократором возвратились назад, гордые этою неожиданною победою; римляне же, избежав опасности, по два, по три и более человек собираются к деспоту Иоанну. В горе по случаю такого неожиданного несчастья, уныло достигают они окрестностей Димитриады. Этот город, называвшийся сначала Сикионом, впоследствии принял имя своего завоевателя, именно Димитрия Полиоркета, который был сыном одного из преемников Александра, Антигона, повелевавшего Азией до реки Евфрата.

Книга V

3. У царя была сестра, по имени Евлогия, у которой было много дочерей; одну из них, Анну, она выдала замуж за Никифора, владельца Этолии, другую, Марию, за Константина, владельца Загоры³¹, когда прежние жены их умерли. Что эти последние были между собою сестры и дочери царя Феодора Ласкаря, об этом мы сказали прежде. Между тем в эти времена входит в силу один болгарин пастушеского рода, но человек хитрый и чрезвычайно изобретательный, по имени Лахана. Приобщив к себе множество людей простых и буйных, он проводил разбойническую жизнь, чрез что в короткое время составил большое богатство и значительное войско. Его частые набеги и убытки, которые он причинял, вывели Константина из терпения, и он решил, собрав свои войска, выйти на него и поразить его во что бы то ни стало. Он находил униженным для себя, чтобы человек, ничего незначащий, в короткое время собрав большое войско, не только причинял часто большие бедствия болгарам, но грозил большою опасностью и всему их царству. Приготовившись, он выступает, но проигрывает сражение и лишается не только царства, а и самой жизни. Лахана же, сверх всякого чаянья, делается не только обладателем царства, но и вторым супругом жены Константина. С окончанием зимы и наступлением весны, он подумывал от-

правиться на пограничные римские села и городки, чтобы, ослабив их, самому сделаться сильнее. Весть об этом царь принял не так, чтобы не обратить на нее внимания и отнести к ней с презрением; нет, он сильно озабочился ею и встревожился. Он боялся не только за настоящее время, но и за будущее, предвидя завоевательные замыслы Лаханы, и говорил: “Мало-помалу он войдет в такую большую силу, что и самим римлянам будет трудно его одолеть. Тем, которые хотят жить спокойно, должно предупреждать и предотвращать опасности; должно теперь же с корнем вырвать растение, только что начинающее расти, а не медлить мщением за злые дела и не дожидаться, пока оно будет соединено с опасностью, если можно отомстить теперь же без всякой опасности. Мы выше сказали, что потомок Асана, Миц, проживавший около Трои по указанным причинам, там и умер. Он оставил по себе сына, Иоанна Асана. Его-то призывает теперь царь как имеющего на болгарский престол полное право по преемству от предков и, женив его на своей дочери Ирине, посылает его с большим войском для освобождения болгарского царства от тирании Лаханы, и вместе для получения болгарского скипетра, принадлежащего ему как законному наследнику. Между тем Лахана, отправившийся тогда в Скифию в видах упрочения

своей власти, по тайным проискам царя платится там за свои дела своею кровью. А Асан без всякого труда получает царство, потому что болгары принимают его охотно. Затем изгоняется оттуда и Мария, племянница царя по сестре, с сыном Михаилом, родившимся от Константина, и является в Константинополь. Но за большими радостями обыкновенно следуют большие горести, которые точно какие-нибудь вражеские мечи нарушают покой; не обошлось без того и здесь. Был в то время между болгарами некто человек благородный, весьма умный и известный между соотечественниками своею ловкостью в делах, по имени Тертер. Асан, желая его приблизить к себе и вместе упрочить за собою безопасность, выдал за него свою сестру, а первую его супругу удалил и отослал вместе с детьми в Никею. Затем почтил его и достоинством деспота. Но тот недолго оставался верен тому, кто удостоил его такого расположения. Познакомившись с величайшею простотою и недалекостью Асана, он в короткое время сумел привлечь к себе умы всего войска и немалое число знатных лиц. Он намеревался уже умертвить Асана, чтобы сделаться обладателем царства. Но Асан, узнав об этом, убегает со своею женою к своему тестю царю и, тайно забрав с собою все, что было лучшего между сокровищами Болгарии, является в Византию, где и проводит остальное время жизни. А Тертер, не встречая себе ни в ком сопротивления, берет в свои руки власть над царством болгарским. Так-то.

5. Теперь я возвращаюсь к прерванному рассказу. Султан Азатин, хотя и убежал, как сказано, из города Эна вместе с своим сыном Меликом и перебрался за Истр, но его желанию не суждено было исполниться; тому неожиданно помешала его смерть. Мелик же, прожив там некоторое время как пришлец, которому жить там было не слишком приятно, пробрался чрез Понт к скифам в Азию и, найдя случай, потребовал себе власти над турками как отцовского наследства. И одни из сатрапов согласились признать его своим властелином, а другие медлили. Некто же, по имени Амурий, собрав не малое, но большое число разбойничьего люда, открыл против него войну и, обратив его в решительное бегство, преследовал до самого моря. Мелик спасся бегством в понтийской Ираклии. С наступлением же весны он решился отправиться к царю, проживавшему у Нимфея. Однако же, и отправившись, он не явился туда, но поворо-

тил на другую дорогу и опять явился к туркам с требованием отцовской власти. Затем в скором времени и он умер, будучи тайно убит заговорщиками. Когда турецкое царство так растлело и его дела из счастливого и блестящего положения дошли до крайней неурядицы, то не только сатрапы и люди, отличавшиеся родом и заслугами, раздробили между собою царство на множество участков, но еще многие из людей незнатных и неизвестных, окружив себя всяким сбродом, взялись за разбой, не имея при себе ничего, кроме лука и колчана. Укрываясь в разных ущельях, они часто производили неожиданные набеги и сильно тревожили пограничные римские села и города. Случилось же так, что незадолго перед тем стража, стоявшая в расположенных на горах замках, оставила их, не получая ежегодного жалованья из царской казны. Сначала это казалось делом, не стоящим внимания, а после сделалось для римлян причиною бедствий и принесло большие несчастья. Турки, наделавшие у себя множество сатрапий, будучи преследуемы скифами, в свою очередь преследовали римлян. И чем слабее становились сравнительно со скифами, тем мужественнее делались перед римлянами, так что нападение скифов было для них причиною не несчастья, а, напротив, большого благополучия. Много раз они разливались из Пафлагонии и Памфилии и опустошали римскую землю. Битвы происходили постоянно; но одна из них была особенно жестока и послужила для римлян началом всевозможных бед. Когда турки собрали около Пафлагонии большие войска, царь решился послать туда большую и соответственную силу, чтобы их быстрому движению по возможности дать отпор и чтобы они, как бы разметаив ворота, не разлились потом с полным бесстрашием и по остальной стране. Итак, он послал туда достаточное количество войска, но военачальники своим неблагоприятием сгубили его. Турки, намереваясь на следующий день дать сражение, провели всю ночь без сна и еще до рассвета разместили немалое число засад на восточном берегу ближайшей реки. Потом перешли реку и выстроились. Когда же настало время, вступили в бой. Сначала они едва было выдержали напор римлян, однако же оправились и устояли, ведя битву не однообразно, но по своему обычаю – на разные лады. Они то прикидываются бегущими, то живо оборачиваются назад и так – постоянно, чтобы спутать строй неприятельских войск сбить их с надлежа-

щей точки опоры, а потом, напав на расстроенные ряды, уже легко обратить их в бегство. Впрочем, эти обычные их приемы не удались, потому что римляне были прекрасно защищены и вооружены. Потеряв очень многих из своего войска, они бросились без оглядки к реке. Римское войско преследовало их (о! если бы этого не было!) неотступно, хотя более рассудительные военачальники, не переставая, кричали и останавливали преследовавших, находя бегство врагов подозрительным и умышленным. Но, верно, этому сражению надлежало сделаться началом дальнейших поражений римлян, по воле Промысла, в меру наказывающего за бесчисленные согрешения. Римляне, переправившись чрез реку, и там преследовали турков, которые, переправившись, побежали медленнее, пока, неожиданно и сверх всякого чаянья, не попали на засады и пока, изнуренные преследованием и зноем, не натолкнулись на людей бодрых и со свежими силами. Здесь, окруженные с одной стороны тысячами войска, а с другой – рекою, исключая немногих, все они были изрублены, не будучи в состоянии сделать что-нибудь достойное рассказа и упоминания. С сих пор точно отворились ворота, и неприятели, не встречая нигде препятствия или сопротивления, начали сплошь опустошать и жечь римскую землю, пока не спустились до реки Сангария. Царь, видя себя в таком отчаянном положении, укрепил реку Сангарий частыми крепостями, чтобы, перейдя и ее, не завладели они и Вифинию. Отвлекать же другие римские войска от их занятий нашел неудобным. Войска фракийские были заняты битвами с болгарами; македонские сдерживали движения в Фессалии и Иллирии; находившиеся в нижней Азии (которая граничит с Фригиею и Ликиею и омывается водами Меандра) имели назначение давать отпор разбойническим нападениям там и сям бродивших турков. Уничтожить же флот и высадить морское войско на сушу казалось ему делом самым безрассудным; тогда бы немедленно нарушилась тишина и на море и настали бы бури и непогоды страшнее тех, которые были в Азии. Поэтому царь приказывает каждому войску оставаться на своем месте для отражения неприятелей, предпочитая верное обеспечение того, что было в настоящем, успеху опасного предприятия в неверном будущем. После того, как варвары безбоязненно засели в наших горных замках в Азии и всю отнятую землю разделили на сатрапии, их владычест-

во распространилось от моря Понтийского и Галатийского до моря, находящегося около Ликии и Карики, и до реки Евримедонта. Кто будет в силах составить слово, более обширное, чем Илиада, для достойного повествования о тех бедствиях, которые они наносили римлянам постоянно, днем и ночью, так что чем более ослабевали римляне, тем более усиливались варвары! Все представить вкратке и как бы в оглавлении было бы делом, превышающим силу мысли и языка; да в таком случае отнюдь не почувствовалось бы то, что достойно слез. А обо всем рассказывать обстоятельно невозможно ни нам, ни другому кому, у кого есть нежное и чувствительное сердце; потому что тогда пришлось бы постоянно обливаться слезами, и другому показалось бы, что мы не историю пишем, а тянем жалобную песню. Итак, мы будем не обо всем рассказывать, как не все и опускать, но отделяя из многого немного, и то кстати и к случаю. Во время первого своего нашествия варвары, захватив несчетное множество мужчин и женщин со всем, что носят на себе отлично вооруженные люди, поделили их между собою как добычу. В этой добыче находились между прочим две сестры, молодые девицы. Видя, что должны будут расстаться, так как достались не одному господину, они стали одна против другой и зарыдали так, как едва ли рыдали троянская Экава, вечно плачущая Ниова и все те, о которых рассказывают нам трагические писатели. Они с горечью били себя в грудь, ногтями открывали на себе струи крови, в отчаянии издавали раздирающие душу вопли, наконец, крепко обнявшись, от глубокого горя тотчас умерли, как будто сама природа не хотела допустить, чтобы их тела разлучились прежде душ. Около этого времени сын царя Андроник, отправившись по отцовскому приказанию, восстановил город, с давних пор находившийся в развалинах по ту сторону реки Меандра, так называемые Траллы, чтобы он был на будущее время обороною ближайших мест в случае набега неприятелей. Но не прошло еще четырех лет, после его возобновления, как турки окружили его и продолжительною осадой довели находившихся внутри него до того, что они, несмотря на свое число, простиравшееся до двадцати тысяч, чтобы не умереть от жажды и голода, сдались неприятелям. Отведенные в плен, они завидовали участи умерших, которые однажды навсегда освободились от рабства и тяжких трудов. Но вот чего я едва не опустил.

Когда возобновляли город, нашли камень, с давних пор зарытый там; на нем было написано такое предсказание: “Красота города Тралл со временем померкнет; от него впоследствии останется самая незначительная часть, которой притом будет угрожать народ, не имеющий правителя, но никогда он не будет взят; будет же восстановлен одним могущественным мужем, которого имя происходит от победы: он со славою проживет восемь девятириц солнечных кругов и в течение трех седмиц возвеличит город Аттала, которому подчинятся западные города и пред которым преклонятся по-детски непреклонные”. Многие находили, что это предсказание не древнего, а позднейшего происхождения. Но были и такие, которые считали его подлинным и истинным и потому предсказывали царю многие лета; они не ограничивались одною восмерицною девятирицею, которая составляет семьдесят два года, но к ней прибавляли еще три седмицы, так что всего выходило девятию три года. Но так как вообще предсказания трудно понимать, потому что они темны и допускают много толкований и догадок, до самого своего исполнения, то и это предсказание удерживало в заблуждении многих и самого царя Андроника до самой его кончины, о чем будет сказано. После же его смерти предсказание объяснилось само собою. Семьдесят два года жизни царь Андроник прожил на царском престоле, да еще в монастыре около двух лет. А слова “в течение трех седмиц” относили к тому, что истекал уже двадцать первый год с тех пор, как он восстановил и украсил город. Первым основателем города был некто Аттал, знатный выходец из Трои, построивший его в память этой древней Трои, после того как она была взята. Если разложить название – Траллы, то выйдет Τρόια λλη, т. е. другая Троя. Но о жизни и кончине царя Андроника скажем обстоятельно после, в своем месте. А теперь со своим повествованием возвращаемся на прежнюю дорогу.

7. Но чего я едва было не опустил, – Иоанн³², внук упомянутого Алексея, завладевшего, по взятии Константинополя, землею колхов и лазов, получив от царя письменную клятву, прибыл в столицу и женился на дочери царя Евдокии. Погостив немного времени в столице, он вместе со своей супругой Евдокией возвратился в свое царство, которого столицею был Трапезунт. Здесь, – не прошло еще года, – родился у него от Евдокии сын, младший Алексей Комнин; он впоследствии и

сделался преемником своего отца, о чем будет сказано. Во время такого положения дел, правитель Фессалии севастократор Иоанн снова начал нарушать условия. Это и огорчило, и сильно раздражило царя; потому что наконец угасла и умерла в нем всякая надежда на соблюдение дружественных отношений к Иоанну. Да и можно ли было царю питать еще какую-либо надежду, когда условия с Иоанном постоянно то нарушались им, то возобновлялись, – и в первом случае чрезвычайно скоро и легко, а в последнем – не вдруг и с большими усилиями? Поэтому он, не желая и думать о каких-либо новых условиях, отправил послов к скифу Ноге, который имел местопребывание по ту сторону Истра. У него с царем вследствие родственных связей была крепкая дружба. Незадолго пред тем он вступил в брак с побочной дочерью царя Ириной; потому-то и был в дружбе с царем. Получив от него четыре тысячи отборных скифов и прибавив к ним некоторую часть римского войска, царь хотел было послать их против фессалийца севастократора Иоанна с тем, чтобы и погубить его самого, и истребить все молодое поколение, на которое смело можно было положиться во время войны и которое составляло цвет фессалийского населения. Но прежде чем он успел выполнить свое намерение, внезапно его постигла смерть и помешала успеху его планов. В то время, когда он находился неподалеку от Лисимахии, у села, лежащего между Пахомием и Аллагою (это – название местностей), и там производил смотр скифскому войску и когда, поставив над ним из римлян вождей, давал им приказания о том, что следовало делать, в это самое время он почувствовал сильнейшую болезнь в сердце, которая предвещала скорую смерть, совершенно сбивала с толку и путала врачей и уничтожала все пособия их искусства. Страшась смерти, он, говорят, спросил бывших при нем, как называется эта местность, и, услышав названия Пахомия и Аллаги, с глубоким вздохом сказал: “Ну, друзья, наступил для меня последний конец; приходится расстаться с жизнью”. При этом, говорят, много упрекал себя за то, что некогда лишил зрения одного почтенного мужа Пахомия, потому только, что в народе ходил такой оракул о царе: “Под конец жизни примет тебя Пахомий”. Введенный тем в заблуждение и ревниво любя царскую власть, он поспешил лишить Пахомия возможности царствовать. Может быть, кто-нибудь недоумевает, откуда берутся и как появляются оракулы,

которые ходят между людьми, а также почему они, непременно заключая в себе указание на будущее, изображают его в чертах, чрезвычайно загадочных. Кто был их составителем и кто передал их последующему времени, об этом мы не находим ничего ни у историков, ни у других писателей. Все они замечают только, что в то или другое время тот или другой оракул ходил в народе и впоследствии оправдался тем или другим событием. А кому обязан своим происхождением каждый из них, этого решительно никто не может сказать и объяснить, если только не захочет солгать. По мнению некоторых, какие-то служебные силы, одни добрые, другие, напротив, злые, обтекают воздух и землю, присматриваясь к тому, что происходит здесь, и, получив свыше знание о будущих событиях, передают его людям то в сновидениях, то при помощи звезд, то с какого-нибудь дел,фийского треножника, то при посредстве внутренних жертвенных животных, а иногда, – чтоб не распространяться много, – посредством голоса, сначала неопределенно раздающегося в воздухе, а потом раздельно в ушах каждого; этот-то голос древние мудрецы и называли божественным. Часто случалось также, что на скалах или стенах находили письмена, без всякого указания на того, кто их написал. Но все оракулы даются не иначе, как загадочно и не совсем ясно, чтобы, подобно царским украшениям, оставались священными и недоступными для толпы. Известно: к чему открыт доступ всякому, то мало ценят и уважают. Нельзя, однако же, сказать, чтобы польза от оракулов была совершенно пустая и ничтожная, если рассматривать их не поверхностно, а с должным вниманием. Для одних они служат наказанием, для других благодеянием. По поводу их одни, заранее предусмотрев и приняв умные меры, или смягчали грозившие им бедствия или даже совсем отклоняли их от себя, умилившись Богом исправлением своей жизни. Но для людей малодушных ожидание грядущих бедствий становится сущим наказанием. Они заранее страдают от того, от чего должны еще пострадать, и это по устройству Промысла, чтобы сильнее наказать их за то, в чем они согрешили. Если же некоторые оракулы и оказываются ложными и полагающиеся на них обманываются (их содержание для одних бывает тягостно, для других приятно; так разрушение Крезова царства лидян и Креза повергло в скорбь, а Кира и персов обрадовало), если, говоря, они,

по-видимому, лгут, то это происходит не от свойства самих оракулов, а от того, что нетерпеливые люди, не соблюдая хладнокровия и не дожидаясь времени, забегают слишком вперед и объясняют те или другие изречения в свою пользу. Но нужно смотреть, чтобы не было людей издевающихся над теми, которые пользуются оракулами, сочиняющих свои стихи по образцу оракулов и потом тайком распространяющих их в народе, чтобы лживостью последних подорвать доверие и к первым. А это позволяли себе многие, как известно, и в наше время. Но я возвращаюсь к рассказу. В том месте, о котором мы сказали, царь сверх всякого чаяния скончался, в 6691 (1283) году от создания мира, на пятьдесят восьмом году от рождения. Присутствовавший здесь его сын царь Андроник не только не почтил своего отца приличным царю погребением, но не удостоил и того, какое предоставляют ремесленникам или земледельцам. Он только приказал, чтобы несколько человек отнесли тело ночью подальше от лагеря и зарыли его глубже в землю³³; он позаботился только, чтобы тело царя не досталось на растерзание зверям. Тому причиной было уклонение Михаила от учения православной Церкви, которое, как мы выше сказали, он допустил в своей жизни. Между тем сын тайно гнушался этого всей душой, как после скажем обстоятельнее. Он, впрочем, питал такое отвращение не к отцу, а к поступку отца, и сыновнею преданностью, почтением и должным уваженьем к отцу превзошел всех сыновей, которые когда-либо заслужили отцовскую любовь к себе. Такой-то конец постиг царя Михаила Палеолога. С природною красотою лица он соединял в себе сановитость и повелительный вид, крепость телосложения и опытность в воинских делах, приобретенную в течение долгого времени. Будучи необыкновенно силен умом и словом, он в то же время был необыкновенно скор на деле. В начале царствования он отличался особенно щедростью, для того, думаю, чтобы снискать себе расположение подданных. Впоследствии же сделался бережливее, так как всюду вспыхивавшие войны неотступно и со всею настойчивостью требовали огромных издержек. Совесть, как говорят некоторые, постоянно нарушала его покой и тревожила его душу за нововведение в вере, на которое он решился, чтобы только передать своим детям престол, – тем детям, которые, как и следовало, отказали ему даже в почестях царского погребения,

предпочитая законоположения Церкви любви к отцу. По моему мнению, тот умно и рассудительно ведет свои дела, кто имеет в виду прежде всего свою душу, а потом уже детей и родных. А кто гоняется лишь за надмевающей мирской славой и за счастьем, доставляемым вещами минутными и изменчивыми, в которых погрязает душа, кто предпочитает приятное полезному, для себя ли самого или для своих кровных родственников; тот мне кажется и жалким по своему глупому рассуждению, и суетным по своим бесплодным хлопотам. Он не только не получает от Бога содействия своим желаниям и планам, а еще встречает в действительности то, что совершенно противоположно его надеждам, и низвергается в бездну злополучия. Вот и царь Михаил Палеолог, о котором теперь идет речь, во всем прочем человек благоразумный, которому как бы постоянно сопутствовала благосклонная судьба, не устоял однако же против любви к детям и подтвердил собою

справедливость слов Платона: “Все любящее бывает слепо в отношении к любимому”. Следовало всю заботу о себе и детях возложить на божественный Промысл, всем движущий и всем управляющий; а он, ослепленный любовью к детям, шел себе вперед, пока не упал с высоты своего величия в пропасть бедствий и пока не навлек на себя проклятий от народа. Господь еще в детстве его предопределил ему царствовать, на что было много разных указаний. Поэтому если бы он хотя на короткое время сдержал в себе нетерпеливость, если бы соблюл свой язык от клятвопреступления, а руки от крови, если бы, наконец, не решился на нововведение в Церкви, то, без сомнения, далеко оставил бы за собою всех своих царственных предшественников во всем, за что превозносят похвалами. Но, верно, нужно было шить сапоги Истиею, а носить Аристарху, чтоб мы испытали крайние бедствия за старые ли и новые грехи, или уже не знаю, за что. Так-то.

Книга VI

1. Когда верховная власть и царский скипетр перешли к сыну Михаила Андронику, во многих местах государства явились большие смуты. Здесь начали войну против Церкви ее отсеченные члены, находя к тому повод в смерти царя. Там толпы скифов, в числе четырех тысяч, заставляли сильно бояться, чтобы, лишившись ожидаемых выгод со смертью пригласившего их царя и с переменю обстоятельств, не произвели они каких беспорядков в государстве. А им было бы очень легко, если бы только захотели, между римлянами произвести большое убийство и, захватив царскую казну вместе с царем и сенатом, спокойно удалиться, потому что у римлян вовсе не было войска. Поэтому, отложив в сторону и миновав многое, царь все свои заботы сосредоточил на том, что было нужнее всего. Он видел, что отправить скифов домой с пустыми руками нельзя, – не к тому привыкли скифы, да и он не думал, что они удалятся без буйства и без боя. Между тем, нагрузить их римскими деньгами считал делом и неудобным и противным совести. Поэтому он отдал их под начальство великого коноставла Михаила Главы, человека столь выдававшегося воинскою опытностью, что сравнительно с ним тогдашние военачальники казались детьми, и приказал им отправиться, как можно скорее, против трибаллов, которые также были величайшими врагами римлян и то и дело

опустошали римскую землю. Это – для того, чтоб скифы и трибаллов ослабили, и сами, нагрузившись здесь богатою добычею, удалились потом домой, за Истр. Как он хотел, так и сделалось. Но царю необходимо было, явившись в столицу, объявить о смерти своего отца-царя своей матери-государыне и наложить на народ обычный по царям траур. Тело царя он приказал перенести в город Силиврию, из опасения, чтобы его не похитили латиняне; а сам возвратился в Византию. По окончании траура он занялся важнейшим и первым делом – умиротворением Церкви. При жизни отца заботу о Церкви он скрывал в душе, подобно тучной земле, скрывающей во время зимы плодовые семена. Но вот наступила весна, и он обнаружил то, что скрывал в себе. Всюду разосланы были гонцы с царскими указами, которыми объявлялось исправление беспорядков, допущенных в Церкви, возвращение всех за ревность свою о Церкви подвергшихся ссылке и помилование испытавшим другое какое-либо бедствие. При этом Векк оставил тайно престол и заключился в обители Парахранта; он боялся, чтобы кто-нибудь, пользуясь нечаянной переменю обстоятельств, не сделал на него внезапного нападения и не растерзал его. На его место тотчас же возведен был еще прежде Векка удалившийся с престола патриарх Иосиф, изнуренный болезнями и старостью и уже явно

склонявшийся во гроб. Но так как, по словам св. Писания, миродержец века сего есть диавол, так как, по непостижимому попущению Бога Творца, он поставлен князем этого подлунного мира, то, разумеется, он неотступно следит за всем, что делается здесь, и то, что полно зла, берет себе все без остатка, а что прекрасно, из того выделяет себе некоторую часть, подобно тому, как люди, получив в удел страну, облагают потом ее жителей податью и ежегодно получают с них определенную дань. После этого так называемый князь мира считает крайнюю для себя обиду, если не делается самодержавным распорядителем в одних делах и хотя в некоторой степени участником в других, – разумею дела, совершающиеся на земле. Чтобы много не распространяться, мы оставляем как другие примеры, так и пример иудеев, с яростью напавших на Христа Спасителя. Не только они сделали его достоянием; с самих учеников Спасителя – Апостолов он взял как бы оброк, похитив из среды их одного. Затем он обходил все звания, приступал к подвизающимся в горах и пещерах, к епископам, к мудрым защитникам догматов и к борцам – мученикам. Повсюду отражаемый, при содействии вышней божественной силы, он не удалялся, однако, не добившись своей доли, но повсюду набирал разнородный народ и как бы какое войско, чтобы было с кем разделить будущий пламень. Вот и теперь, так как не мог он отклонить царя от доброго намерения, то другим способом производит замешательство; прекрасное единомыслие разбивает волнами раздора; праздник делает непраздничным и торжество неторжественным; он подражает Эриде, бросившей на свадьбе Фетиды и Пилея то яблоко, которое впоследствии родило много битв и подняло сильный пламень войн, как передают сочинители мифов, поэты. Или лучше, он подражает волкам, которые, произведя в стаде смятение, легко потом уже похищают ту либо другую овцу. Он дело устраивает так, что они разделяются на две и даже на три части; одна берет сторону патриарха Иосифа, другая – давно умершего Арсения. Эта говорила, что Иосиф был отлучен Арсением за то, что при его жизни занял престол; а та утверждала, что Арсений был низложен законно всем собором присутствовавших тогда архиереев. Третья предъявляла против той и другой другие обвинения; так что Иосиф нашел необходимым уступить престол желающим по двум причинам: и для успокоения тех, ко-

торые бушевали из-за патриаршества, и по слабости своих сил, истощенных болезнями и годами, не позволявшей ему исполнять обязанности его сана. Были наконец и такие ревнители, которые только препирались между собою и язвили друг друга языком, приводимым в движение и управляемым не божественною ревностью, а безрассудною горячностью. Ревность во Боге зависит от высшей силы и обнаруживается стройными движениями, направленными к святым целям. Они между тем, привыкнув свою мысль устремлять по пути, какой указывает тщеславие, даже и не замечали, что действуют не из ревности, а из зависти, и что вместо пшеницы, виноградных гроздей и других хороших плодов, возделывают тернии и колючки, – таковы споры, когда ведутся не с добрым намерением, и состязания соперников на словах. Царь, будучи характера кроткого, не хотел оскорбить ни тех, ни других и, опасаясь соблазнов с той и другой стороны, решился идти средним путем. На восточной стороне Геллеспонтского пролива есть город, называемый Атрамитием. Сюда-то царь грамотами приказал собраться тем господам, обещав и сам явиться сюда же. И вот собрались не только умевшие ревность сдерживать разумом, но и толпы тех, которые привыкли к безрассудству и бесстыдству. Из числа последних одни явились с видами на епископские престолы, несмотря на то, что такая высота была далеко не по ним, другие для денег, третьи ради суетной славы и разных почестей, которые так переходчивы в жизни. Но я едва не опустил того, о чем следовало предупредить, чтобы речь шла связно и не прерывалась отступлениями. Иосиф, как мы сказали, оставив престол, вскоре потом оставил и здешнюю жизнь. Оставлять Церковь в такое смутное время без пастыря считали делом несправедливым и предосудительным. Между тем был тогда некто Георгий Кипрянин, человек известный ученостью и принадлежавший к придворному духовенству³⁴. При богатых дарованиях и примерном трудолюбии он, можно сказать, вывел на свет и оживил благородную музыкальность, отличающую греческие сочинения и аттически звучащую речь, с незапамятных времен скрывавшуюся в глубине забвения. Его-то царь имел в виду и предназначал возвести на патриаршеский престол, хотя он и недавно принял монашеский образ. Царь хотел только, чтобы в его рукоположении не принимал участия никто из допустивших догматическую

новость, но чтобы рукоположили только те, которые ей не были причастны. Медлить делом было опасно. Поэтому, собрав необходимые голоса и свидетельства, царь заранее объявил о его назначении и, по установившемуся издревле обычаю, с царского места вручил ему пастырский жезл. Он деятельно принялся за управление делами, которые, хотя и входили в область патриаршеского права, но могли быть исправляемы и без патриаршеского посвящения. Немного спустя, случайно ли, или лучше – по устроению Промысла Божия, прибыл в Константинополь послом от тогдашнего правителя Этолии, деспота Никифора, епископ Козилы, и вместе с ним прибыл и из Македонии епископ Девр, не в качестве посла, а по другой надобности. Они оба соблюли себя от сообщества с теми, которые добровольно согласились на догматическую новость; но козийский епископ был предпочтен епископу деврскому. Козийский епископ зависел от навпактской митрополии, а навпактская митрополия от константинопольского престола; между тем деврский епископ был подчинен престолу первой Юстинианы. Поэтому козийский епископ был более пригоден к тому, чтобы послужить настоящим нуждам, чем епископ деврский. По внушению назначенного царем в патриархи Григория³⁵ кипрского, этот епископ рукополагает одного монаха, именем Германа, на митрополию Ираклии фракийской. За ираклийским митрополитом издревле осталось право рукополагать константинопольского патриарха. Быть может, Константин Великий, сделавший из Византии новый величайший Рим, не хотел уничтожить этой привилегии, данной прежними царями, даже подтвердил ее из уважения к давности и к памяти императора Севера, издавшего такое постановление после того, как он, с большими трудами и усилиями покорив этот город, бывший еще Византией, к его унижению между прочими средствами обороны лишил и стен и предоставил фракийским ираклийцам пользоваться им, как своей деревней. Итак, по этой ли причине постоянно остается за Ираклией такая привилегия, а быть может, и по другой какой, только тогда сделано было так, как мы сказали. Упомянутый ираклийский митрополит произвел Григория кипрского из чтецов в диакона, пресвитера, а наконец и в патриарха, имея своими сослужителями тех двух епископов, козийского и деврского. Но возвратимся к тому, на чем остановились. Партии зилотов, о которых

мы сказали, враждовали между собою по указанным нами причинам. Враждовали они и из-за патриарха. Поговаривали, будто он, будучи 20 лет, отправлялся из Кипра к римлянам и усвоил там некоторые обычаи латинян, чем поселил в умах многих подозрение, будто посвящение в чтеца получил от латинян. Такая молва, быть может, еще прежде была пущена в ход каким-нибудь недоброжелателем Григория, или же была обязана своим появлением неблагородству зилотов, которых вызвали к тому тогдашние обстоятельства или лучше – поджег демон. Он рад был их ссоре и случаю напештать им эту клевету, чтобы зрелищу тревог и смут сообщить более разнообразия и более широкие размеры. Итак, это было только поводом для них отвергать патриарха; на самом же деле, рисуясь и непомерно гордясь ссылками и другими страданиями за свою ревность по вере, они желали заправлять всеми церковными делами и решать все как бы мановеньем скипетра. Мало того, они хотели утвердить на патриаршеском престоле по своему усмотрению кого-нибудь из своих, чтобы, пользуясь его высоким положением, как бы какою неприступною крепостью, удобно поделить между собою епископии и митрополии, завладеть всеми монастырями, распределить между собой все церковные чины, занять все епархии и получить в свое распоряжение все доходы, расходы и выдачи. Все это, думали они, должно быть предоставлено им как награда за их добродетель и ревность. В Атрамитии, куда собрались по упомянутым причинам, после долгих словопрений все признали и решили, изложив мнения обеих сторон, из-за которых возникла эта большая распря, в двух книгах, подвергнуть их испытанию судом Божиим посредством огня. Отстояв всенощное бдение и вознеся к Богу усердные молитвы, в самую великую и священную субботу повергли книги в огонь среди церкви. Каждая сторона льстила себя надеждою, что ее книга останется невредимою. Но это были пустые надежды, то же, что грезы наяву. Огонь тотчас же, охватив обе книги, обратил их в пепел, – так явил свой суд и посрамил Господь всех этих людей, игравших такими важными делами и поднявших в Церкви такую непогоду. Когда они это увидели, то решительно все согласились оставить вражду, усердно искать общего мира, сойтись у одной трапезы единодушия и просить от патриарха Григория благословения и молитв. После того к царю приступают арсениты, прося у него

дозволения перенести тело патриарха Арсения в столицу. Просьба эта была сделана неспроста; но заключала в себе затаенную мысль – прямо возвысить в мнении народа арсенитов и косвенно унижить иосифитов. Согласие на просьбу, впрочем, получено было легко. Когда тело было донесено до ворот Евгения, навстречу ему вышли патриарх со всем духовенством, а царь со всем сенатом, и так с торжественными песнями и лампадами все проводили его в великий храм святой Софии. Впоследствии Феодора, дочь сестры царя Михаила Евлогии, бывшая сначала в замужестве за протовестиарием Музаломом, а потом за Раулем, также протовестиарием, выпросила тело Арсения для возобновленной ею обители святого Андрея.

8. В это время прежде всего отправляет к царю посольство итальянский король, который имел у себя дочь от жены, бывшей, как сказано выше, дочерью Балдуина, изгнанного из Константинополя. Предметом посольства было бракосочетание этой дочери с молодым царем Михаилом. Затем отправляет посольство в свою очередь и царь Армении, смежной с Киликией. У него была сестра, которой исполнилось тогда тринадцать лет. Так как посольство итальянского короля вследствие умеренных требований потерпело неудачу, то в посланники были избраны лучшие из тогдашних ученых – Федор Метохит и Иоанн Глика. Первый был логофетом двора, а второй – логофетом дрома. Избраны они были не потому только, что имели опытность в делах, но и потому, что далеко превосходили других редкою рассудительностью и обширную ученостью как по части духовных, так и по части светских наук. Таковы и должны быть люди, отправляемые посланниками к иноземным народам, чтобы они ни в каком случае не затруднялись дать приличный ответ и чтобы одерживали верх во всех каких бы то ни было разговорах. Отправившись на легких кораблях, они пристали прежде всего к Кипру; ибо и здесь немного прежде хлопотали о родстве с царем. Пробыв на о. Кипре довольно долго и не встретив сочувствия своим видам, они отправились отсюда в Эги. Это приморский город, расположенный за киликийской равниной при иссийском заливе. Посольство это со всеми его подробностями, трудностями и удачами, приятностями и неприятностями, испытанными во время плаванья, когда приплывали они к какому-нибудь острову или когда удалялись, все это ясно, раздельно и

красноречиво рассказано в книге, которую один из послов, разумею Иоанна Глику, написал языком изящнейшим, способным внушить к себе удивление даже в людях образованных. Не считаю нужным входить в эти подробности, так как я предположил себе изложить историю многих и разнообразных вещей. Поэтому и обращаюсь к другим событиям. Итак, двинувшись из Эг, через несколько дней езды, перемежавшейся остановками, они достигли наконец того места, где жил царь. Пробыв здесь много дней, они прекрасно выполнили все то, что им было поручено от их царя и что они нашли нужным сами. Чтобы много не распространяться, скажу только, что они взяли с собою оттуда сестру царя Армении Марию³⁶ и представили ее своему царю как невесту. Порфирородный и Страгипопул, как мы сказали, содержались в заключении – эти самые воинственные люди, которые при своей воинской опытности не затруднялись давать большие битвы туркам, наводили на них страх и прогоняли их от римских пределов; пределы эти простирались тогда к востоку до мест, прилегающих к Меандру. Не встречая себе сопротивления решительно ни в ком, турки опустошали все, что находилось по ту сторону Меандра, а наконец в несчетном множестве перешли и самый Меандр. Все это вынудило царя сделать самый внимательный выбор из остальных римлян, чтобы лучших из них послать на помощь бедствующим в Азии римским селам и городам. В то время между военными людьми выдавался особенно Алексей Филантропин, имевший сан пинкерна, человек еще в цветущей молодости, выказавший богатство дарований, которыми его наделила природа. Ему-то, как и следовало, царь дал войско и отправил его на восток. Вместе с ним отправлен был и протовестиарит³⁷ Ливадарий, человек пожилых лет, воинственный и, говорят, богатый глубокомыслием, чтобы он завладел ионийскими городами, как пинкерна – теми, которые находились за первыми. В короткое время Филантропин, благодаря битвам, вырос в глазах турков, точно сильный огонь, когда он примется за дерево. Он был, кроме того, очень щедр и близок к своим подчиненным, что лучше всего пролагает полководцу путь к победам и трофеям. Оттого-то и он так скоро достигал успеха в своих делах, не встречая ничего противного своему желанию. Таким образом, оттуда преследуемые скифами, а отсюда отбрасываемые пинкерном, многие из пограничных турков в

крайности избирали меньшее из зол и вместе с женами и детьми являлись перебежчиками к пинкерну; они, впрочем, не столько боялись преследовавшего их по пятам неприятеля, сколько увлекались приманками доброты и щедрости пинкерна. Вскоре большая часть их присоединилась даже к его войску. Но к веселому должно примешиваться и печальное, или, как утверждают греки, третья бочка у Юпитера отнюдь не без примеси несчастий. Поэтому двор Филантропина судьба наполнила утехами и радостями, а самый дом, весь сполна, засыпала бедствиями. Ливадарий, видя, что судьба ведет дела Филантропина под попутным ветром, допустил в себе различные опасенья и подозренья. Он боялся, чтобы пинкертн, возмечтав о себе и пользуясь благоприятным и счастливым течением обстоятельств, не задумал отложиться и захватить в свои руки верховную власть, и боялся прежде всего за самого себя как полководец, равный ему по своим правам. То же самое ворчали про себя и многие другие из важных лиц. Это внушала зависть, которая, если можно так выразиться, была пока в пеленках и питалась молоком, была пока углем, скрывавшим в себе под пеплом пожар. Все это не утаилось от критян, которые были для пинкерна всем с тех пор, как, поднявшись с женами и детьми, они перешли к нему с Крита. Они пользовались у него большим почетом и особенно близостью, разделяя с ним не только опасности, но отчасти и самую власть. Такое положение внушило им самые преступные намерения. Они не хотели довольствоваться тем, чем пользовались, но стали мечтать о положении, гораздо более почетном и выгодном. Удачи, которые от времени до времени испытывают люди, служат для них испытанием, точно стадия или пробный камень. Они столько придают постыдной дерзости людям безрассудным, сколько располагают к похвальной сдержанности людей рассудительных. Когда и они услышали упомянутые толки о пинкерне, то начали смущать его душу тяжелыми опасениями, представляя ему дело не так, как оно было, но делая из мухи слона; при этом они усиливались убедить его отложиться, как можно скорее, пока не испытал он того же, чему недавно подверглись те несчастные, т. е. Стратигопул и Порфирородный. Это тревожило Филантропина и ставило его в самое затруднительное положение; недоумения, подобно волнам, поднимались в его душе одно над другим. Не успевал

он обсудить одной мысли, как возникала другая; и он беспрестанно терялся и путался в своих рассуждениях о том, на что ему решиться. Дело известное: кто сознает за собой какой-нибудь проступок, тот наперед уже видит, какого можно ожидать себе бедственного конца, и заранее ждет его с тех пор, как только дозволил себе проступок; в нем, если не что другое, по крайней мере то, что он предвидит беду, несколько облегчает удар беды. А кого постигает беда неожиданно, когда он за собой не сознает ничего дурного, того, естественно, она изумляет и приводит в состояние исступления. Но после продолжительной борьбы и колебания пинкертн наконец уступил тем, которые располагали его к измене. Он прежде всего приказал войску молчать при многолетиях царствующему дому. Опираясь на это приказание, критяне начали побуждать его силою, чтобы он как можно скорее возложил на себя царские знаки и успокоил умы своих приверженцев. “Последовать таким советам безотлагательно, — говорили они, — велит тебе значение самого дела; ничто другое не требует в равной мере решительной и быстрой деятельности и, можно сказать, огневого рвения. А если ты будешь медлить, то этим только доведешь воинов до нерешительности и раздумия, только заставишь их колебаться, как на острие бритвы, в большом страхе за неизвестное будущее, да и сам, пожалуй, будешь выдан ими”. Но он не обращал внимания на их речи, не знаю почему, потому ли, что его устранила важность дела, или потому, что имел другую тайную мысль: как мне кажется, думал сперва захватить в свои руки Ливадария. Вести о таком положении дел скоро дошли и до Ливадария, и до самого царя; было сообщено, что дела в смутном положении и что опасность грозит самому государству. Такая неожиданность сильно смутила царя; глубокая печаль, если можно так выразиться, повернула в его голове все вверх дном. Впрочем, уверенный в своей невинности пред Богом и в том, что он не подал никакого повода к такому делу, он не переменял своего местопребывания, не взялся за оружие и стрелы и не искал защиты в фалангах; но всю надежду возложил на Пречистую Богородицу и на Христа Спасителя, зная, что нет ничего, что не зависело бы от Его руки, но что все совершается по неисповедимым судьбам Промысла и каждое дело приходит к тому концу, какой Ему угодно определить. Возрев на его сердечное сокрушение, Господь расстроил замыслы пин-

керна, как если бы лишил нагруженный корабль кормчих. Пинкертн, вместо того чтобы первое нападение сделать на Ливадария, пока тот был еще не готов к обороне, напал на брата царя Феодора, который тоже проживал где-то в Лидии. Он пользовался у царя полною доверенностью и большим расположением и потому жил где и как хотел. А с тех пор, как узнал, что схвачен его брат, счел нужным держать себя скромнее и, сложив с себя знаки, присвоенные его сану, стал носить простое платье. Чрез то заслужил от царя большое и искреннее расположение. На него-то напал и его-то схватил пинкертн, чтобы его царственное имя не привлекло к нему кого-либо и чтобы таким образом не составилось около него войско и не послужило немалою помехою планам пинкертна. Но он и не догадался, что поймал тень вместо самой вещи. Протовестиарит Ливадарий, видя, что пинкертн занят такими мелочами, признал, что это сама вышняя десница посылает ему случай выпутаться из таких трудных и неожиданных обстоятельств, употребил в дело все деньги и со всею поспешностью стянул около себя войска и из приморской Ионии, и из внутренних частей материка, словом, отовсюду. Обратив в деньги все свое имущество и имущество бывших при нем богачей и, кроме того, взяв большие суммы из царской казны, находившейся в Филадельфии, он доставил войску все в изобилии, причем обещал ему еще большие милости, желая обещаниями задобрить его. Таким образом, не прошло десяти дней, как он с огромным войском явился в самой середине Лидийской области, расположился там лагерем и приготовился дать пинкертну сильный отпор. А что больше всего помогло Ливадарию в короткое время уничтожить все затруднения, так это вот что. Зная, что критяне охраняют в битве пинкертна больше всех и находятся к нему ближе всех, он тайно входит с ними в сношения и обещает им выхлопотать у царя огромные деньги и большие почести, если они схватят пинкертна, свяжут его и выдадут в то время, когда войска вступят в сражение. Критяне и сами давно уже были недовольны медленностью и нерешительностью пинкертна в выполнении задуманных планов. Притом же они видели, что дела его принимают другой оборот. Поэтому они склонились на обещания Ливадария и во время сражения разыграли всю драму. Пинкертн был связан и выдан, а его войско в короткое время рассеялось. Таким образом дела ус-

троились по мысли протовестиарита Ливадария и имели благоприятный для него конец; но он не снисходительно взглянул на побежденного, не выразил участия к несчастью человека и не обнаружил в себе человеческих чувств. Имея в виду, что царь не любит наказывать, и боясь, чтобы узник не получил помилования, на третий день, по взятии его, Ливадарий лишил его зрения. Такое жестокое и каменное сердце он показал в себе в отношении к этому несчастному! Люди очень легко доходят до безумия, если ими не управляет здравый смысл, сдерживая их указаниями на внезапные перевероты счастья. И то, что совершается во время войны и битвы, что бы то ни было, заслуживает извинения, так как рассудок тогда спутывается, руки опускаются, как у пьяного, и человек в своих действиях не руководится и не управляется здравым смыслом. Но когда опасности уже нет, когда есть время основательно и спокойно обсудить, можно ли решиться на те или другие дела, тогда позволить себе что-нибудь предосудительное, значит обнаружить в себе низкую душу.

10. На следующий год, когда царь возвратился в столицу, некоторые из массагетов, живущих за Истром, тайно присылают к нему посольство. Их вообще называют аланами. Они издревле приняли христианство и, хотя впоследствии подчинились скифам телесно, невольно уступив их силе, но постоянно питали в душе заветную мечту о самостоятельности и отвращение к своим безбожным поработителям. Итак, они посылают просить необходимого для них участка земли, выражая желание явиться миром в числе превышающем 10 000 человек и обещая, если будет угодно царю, помогать ему всеми зависящими от них мерами против турков, которые, войдя в силу, бесстрашно делали набеги и опустошали всю римскую Азию. Посольство доставило такое удовольствие царю, как будто оно ниспослано было с неба и обещало трофеи по всей Азии. Он говорил о себе, что после смуты, произведенной Филантропином, стал подозревать всех римлян и перестал верить в чью бы то ни было преданность к себе. Поэтому и днем и ночью он бредил об иноземной помощи, чего не следовало делать. Когда стали унижать всех вообще римлян, тогда римские дела пришли в упадок и дошли до крайне опасного положения, как это будет показано ниже. Как бы то ни было, но посольство было принято благосклонно, и более 10 000 тысяч массагетов прибыли с же-

нами и детьми. А как им нужно было дать денег, лошадей и оружия, то и выдавали им, в чем они нуждались, или из царской казны, или из полковых, или наконец из общественных и частных сумм. Отсюда множество сборщиков податей в разных направлениях рассеялись по провинциям; число чиновников в ведомстве сбора податей увеличилось; сбор стали производить и оружием, и лошадьми. Обыскивали села, города, дома вельмож, дома воинов, монастыри, димы³⁸, театры, рынки, — и все давали деньги и лошадей с неохотою и слезами, провожая новое войско не благожеланиями и приветствиями, а слезами и проклятьями. Пребравшись с царем Михаилом из Европы в Азию, оно расположилось лагерем при Магнезии; а турки сначала разместились по горам и чащам, — это было обыкновенным их делом, — чтобы, под прикрытием местности, высмотреть, сколько войска у противников, каково оно и так ли ведет себя в лагере, как требует воинская опытность. Они знали, что по большей части молва приносит такие вести, которым далеко не соответствует самое дело. Поэтому, ходя вокруг, высматривали, действительно ли войско противников им не по силам и не нужно ли прибегнуть к персидским хитростям и засадам, чтобы обойти его и отбросить назад. Когда же увидели, что те часто без всякого порядка выходят на добычу и сами еще более опустошают римские владения, чем явные враги, тогда отважнейшие из них в порядке, принятом у них в военное время, спустились с гор, сперва небольшое число, а потом все больше и больше; постоянно увеличиваясь в числе и становясь смелее в своих движениях, они

прямо показывали, что хотят окружить царские войска. Но наши не дождались и первого нападения неприятелей и, снявшись оттуда, пошли тихим шагом, имея в тылу у себя варваров, которые шли за ними и расположились лагерем в самом близком от них расстоянии. Наши не видали даже, как велико число неприятелей; от трусости с ними случилось то же, что бывает с пьяными; пьяные видят не то, что есть на самом деле, но воображают, что это что-то другое; от излишка винных паров в голове их глаза как будто колеблются от волн и не могут твердо установиться на предмете. Войска, которые дают знать о себе буйством и дерзостью, сами себе причиняют вред и гибель. Прежде чем успеют неприятели сделать на них нападение, они сами уже обращаются в бегство от своей трусости и становятся врагами самих себя по суду вышней правды, воздающей должное за их дела. Да нельзя было и ожидать, чтобы успешно пошли дела у тех, которых провожали в дорогу проклятьями и слезами. Царь, видя, что массагеты обратились в бегство, и не имея возможности с небольшим числом воинов противостать варварам, заперся в твердейшей крепости, Магнезии, и ограничился одним наблюдением, чем дело кончится. Массагеты же доходят до самого Геллеспонта, опустошая все поля христиан, и оттуда перебираются в Европу; как будто для того только и были призваны из Скифии, чтобы прежде времени открыть туркам дорогу к морю. Прошло немного дней, как явился в Византию и царь; а варвары, простираясь вперед, заняли почти все земли до самого Лесбоса и поделили их между собой.

Книга VII

3. Когда таким образом обе стороны сошлись и короли, положив оружие, заключили между собою ненарушимый мир, союзники Февдериха должны были подумать о том, как бы лучше поступить в их положении. У них не было ни домов, ни недвижимого имущества, чтобы поспешить с возвращением на родину. Это был сброд из разных мест разного рода бездомных людей, которые, соединившись для разбоя и грабежа, проводили бродячую жизнь вне своего отечества. В этих обстоятельствах предводитель их Рожер нашел нужным отправить послов к царю Андронику с предложением, что, если угодно, он явится к нему на помощь против турков. Царь принял предложение посольства с большим удовольствием, и Рожер прибыл из Сицилии с двумя тысячами

ратников. Одну тысячу он называл каталонцами, потому что большая часть их происходила из этого народа; а другую называл амогаварами (*almugavaros*), — так называются полатыни пехотные воины во время походов. Рожер принял их в свою пехоту, потому и называл этим именем. Немедленно по его прибытии царь принял его к себе в родство, выдав за него замуж свою племянницу по сестре, дочь Асана Марию, и возвел его в достоинство великого дуки. Когда же спустя немного времени по приглашению Рожера прибыл и другой каталонец, Беренгарий Тенца, то царь Рожеру дал сан кесаря, а Беренгарию сан великого дуки. Денежные издержки на одежду, подарки и годовое содержание для них были до того огромны, что царская казна в короткое время опус-

тела. Сверх того, нужно ли и говорить, что когда пришлось им, переправившись в Азию, сражаться с врагами, они по дороге делали страшные оскорбления римлянам, которые бежали от них по приморским городам Азии? Мужчинами и женщинами они распоряжались ничуть не лучше, чем невольниками; чужим добром нагло пользовались, как своим, и, само собою разумеется, удалялись, провожаемые всевозможными проклятиями и горячими слезами несчастных, которых они обидели. Вот что было сделано в первый год. С наступлением же весны [1305 г.] они отправились на неприятелей, осаждавших Филадельфию. Жители Филадельфии в это время боролись с двумя бедствиями: вне с неприятелями, уже давно державшими их в осаде, а внутри с неприятелем более жестоким – с недостатком во всем необходимом и с голодом. Но они доблестно и мужественно отстояли себя, при помощи вышней Десницы, содействовавшей им, ради великих добродетелей иерарха этого города, божественного мужа, Феопипта. Неприятеля, увидев стройное движение латинян, блеск их вооружения и неудержимую силу нападения, были поражены страхом и бросились бежать. И бежали не только дальше от города, но почти за древние римские границы. Это войско было устроено так хорошо, так отличалось вооружением, военною опытностью и многочисленностью (наряду с латинянами там воевали не только отборные воины из римлян, но и аланское³⁹ войско, сколько его было) и привело неприятелей в такой ужас, что многие говорили тогда: если бы приказ царя, внушенный каким-то опасением, не помешал войску идти дальше, то в короткое время без труда были бы возвращены царю все римские города и области, очищенные от неприятеля. Но это говорили только люди, которые смотрят лишь на настоящее и не могут прозревать ничего в будущем. Без всякого сомнения, самим Богом было предопределено, чтобы дела римлян дошли до последней крайности. Потому-то по неисповедимым судьбам Промысла, вместо ожидаемых блестящих успехов, постигло римлян множество неудач. Впрочем, этот поход легко завершили к концу весны. Преследовать неприятелей дальше им не было возможности, по отсутствию у них проводников, которые по незнакомой и невиданной местности могли бы провести их прямо куда следует, они видели, что продолжать поход без проводников значило бы устлать дорогу трупами; да и Рожер, бывавший на многих вой-

нах и приобретший много воинской опытности, был не из таких людей, которые способны безрассудно подвергать себя опасностям. Поэтому все воротились назад и разошлись: римляне возвратились домой, алане также. Что же касается до латинян, шедших с кесарем Рожером, то они, проходя через оставшиеся у несчастных римлян города, поступали как нельзя хуже; они нажились, как на неприятелей, на тех, которыми были призваны, говоря в свое оправдание, что не получают от казны определенного годового жалованья и что потому прежде, чем умереть с голоду им самим, им необходимо уморить тех, которые их призвали, а своих обещаний не выполнили. Таким образом, можно было видеть не только то, как расхищались имущества жалких римлян, как были насилованы девицы и замужние женщины, как были связываемы и истязуемы другими способами старики и священники (неприязненная и безжалостная рука латинян была находчива на истязания), но часто и то, как над головой римлянина сверкал обнаженный меч, грозя ему немедленную смертью, если не объявит, где хранятся его деньги. Римляне или отдавали все и сами оставались ни с чем; или же, не имея чем откупиться, валялись по дорогам, с отсеченными оконечностями тела, представляя из себя жалкое зрелище, выпрашивая у прохожих ломоть хлеба или какой-нибудь обол и не имея никаких других средств к поддержанию жизни, кроме языка и ручьев слез. Узнал об этом и царь. Он видел, что призванные им чужеземцы опустошают римские владения больше, чем неприятели, что они для римлян сущее божеское наказание. Но видел и то, что не может отомстить им за все их обиды, потому что его полки возбуждали только смех своею малочисленностью. В то время, как он находился в таком стеснительном положении и не знал, как выйти из него, кесарь Рожер со всем латинским войском перешел во Фракию, потому что у римлян в Азии не оставалось уже ничего – ни денег, ни другого чего, что могло бы питать желудки этих палачей. Между тем он вздумал, оставив прочих воинов в крепости Каллиуполе [во Фракии] с 200 других, отборных, отправиться к царю Михаилу, бывшему тогда с войском во Фракии и потребовать от него положенного ему с войском годового жалованья, а, если будет нужно, то и пригрозить ему. Когда он сделал это, царь вспылал от гнева, который, впрочем, давно уже таил на Рожера в душе, а воины, в значительном числе окружав-

шие Михаила, обнажив мечи, тут же возле царской ставки изрубили Рожера⁴⁰, а вместе с ним и некоторых из его спутников. Но большая часть из них спаслась бегством и поспешила уведомить о происшедшем латинян, бывших в Каллиуполе.

4. Римские воины, совершив такое дело, вообразили, что этим они смирили гордость и заносчивость латинян, что те теперь отдадут себя римлянам в услужение и телом и душой и что им осталось только выбрать одно из двух: или согласиться служить римлянам, или же против воли возвратиться той же дорогой, которой и пришли. Но тешить себя такими мыслями прилично только недалекому уму, который такого рода, что направляется в самую глубь тины и не может возвыситься до мысли, что событиями располагает Промысл, соответственно тем вызовам, которые мы делаем Ему нашими делами. Мы забываем эти дела и по самолюбию отклоняем от себя вину в тех неприятностях, которые испытываем из-за них. Между тем правда, записав их в своем свитке, ожидает, так сказать, времени жатвы и молотбы, чтобы посеявшим семена воздать соответствующими плодами. Из этих событий хорошо было бы извлечь урок, что, чему не содействует вышняя Десница, против того восстают и земля, и море, и воздух, жестоко мстя всякому, кто вздумал бы избежать суда Божия. А еще лучше было бы, запомнив этот урок, поставить себе за правило – не противиться свыше положенному определению, каково бы оно ни было, не делать ничего вопреки ему, но, спокойно покоряясь своей участи, пользоваться временем и скорее уступать силе обстоятельств, хотя бы и не хотелось, чем идти наперекор. В самом деле, гораздо лучше, ничего не делая, соображаться с текущим порядком вещей, чем, принимая какие-нибудь меры, доставлять пищу неблагоприятному времени. Это походило бы на то, как если бы кто-нибудь, испугавшись распространения огня, охватившего окружающие его дом строения, вместо того чтобы стараться отвести пламя от дома или совершенно погасить его, стал бы подкладывать в огонь ноши хвороста и подливать масла; или же если бы кто-нибудь при северном ветре, неистово рвущемся сверху и громогласном одни волны на другие, вздумал по доброй воле на какой-нибудь лодочке пуститься против течения. Все подобного рода действия не из числа тех, которые доставляют веселое и приятное зрелище; нет, они принадлежат к тем, которые только поднимают на се-

бя враждебную руку и скоро приносят решительную гибель. Если бы мы в подтверждение своих слов не могли в настоящую минуту припомнить ничего больше, то было бы достаточно и того, что случилось в те времена. Римляне ничего не опустили, чтобы поправить дела, между тем все вышло наоборот. Римские вожди по несправедливым подозрениям одни находились в оковах, а другие встречали в царе одну холодность. Отсюда, когда явились на помощь иноземцы, сначала массагеты, а потом латиняне, римлянам пришлось терпеть от них гораздо больше, чем от явных врагов. Из многого нечто мы уже рассказали, в чем человек, смотрящий на дело прямо и без предубеждения, найдет ясное доказательство гнева Божия и умеренное наказание за непомерные преступления. Яснейшим же доказательством этого была смерть кесаря Рожера. Римляне решились умертвить его, желая вознаградить себя за то, что призвали его, и надеясь избавиться от неприятностей, какие терпели от него. Но его смерть, как увидим, сверх всякого ожидания, положила начало бедствиям, гораздо более тяжким. Так, когда божественный Промысл не содействует людским планам и делам, их постигает худой и самый несчастный конец. В этом случае и умный не бывает умным, и храбрый храбрым; но и умные планы оканчиваются глупо, и благородные, мужественные усилия сопровождаются тем, что недостойно человека мужественного и что даже очень постыдно. Но пора возвратиться к тому, от чего мы было отступили. Находившиеся в Каллиуполе латиняне, узнав об убиении кесаря, первым делом перерезали без разбору всех живших в Каллиуполе римлян и, отлично укрепив стены этого города, обратили его в крепость и надежнейшее убежище для себя. Потом, разделив свои войска на две части, одну посадили на свои суда, которых было у них восемь, и поставили над ними навархом Беренгария Тенцу, с тем чтобы они, разъезжая у геллеспонтского пролива, ловили плывущие то назад, то вперед римские грузовые суда. Другая же часть войска во всеоружии пошла на грабеж и на разорение остальной Фракии и, нападая днем и ночью, принялась ее опустошать. Но Беренгарию Тенце со всем флотом Промыслом суждено было в непродолжительном времени погибнуть; латиняне нерассудительно напали на 16 кораблей, шедших из Генуи и отлично вооруженных из опасения пиратов, о которых ходили слухи. В происшедшей схватке одни из латинян сделались добы-

чею моря, другие – меча; наварх Беренгарий со многими из окружавших его заживо взят был в плен и потом выдан его единоземцам за деньги. Лишившись так неожиданно флота и большей части войска, каталонцы многие дни оставались на месте в страхе за неизвестное будущее; они оробели и очень упали духом. Их мысли заняла и сильно смущала опасность со стороны массагетов, которые, воюя вместе с ними в Азии, поссорились с ними по какому-то пустому поводу и многих из них убили. Немало также боялись они и фракийских воинов, потому что незадолго перед тем постоянно нападали на их земли и дерзко жгли их дома. Им не оставалось никакой надежды на пощаду от кого бы то ни было, так что, если бы даже они захотели помириться с царем, и это дело не было бы для них безопасно. Но больше всего напугал их слух, будто царь Михаил готов выступить против них с большим войском. Поэтому они, вырыв вокруг крепости глубокий ров и сделав кругом ее насыпь, приготовились к осаде. Для этого предварительно запаслись посредством грабежа продовольствием. Но так как время шло, а ожидаемый приход царя не осуществлялся, то они обратились к другим мерам. Впрочем, дела каталонцев находились в таком положении, что им решительно было невозможно не бояться; опасности в разных видах грозили им со всех сторон. В такой крайности они составили замысел, который мог сопровождаться для римлян печальными последствиями. Они отправили к жившим на противоположном берегу туркам послов – просить союза и получили тогда же 300 ратников вдобавок к своим 5000, а через несколько времени немало и других, явившихся перебежчиками. Выходя вместе с ними, они часто опустошали окрестности и забирали целые стада лошадей, коров и овец вместе с их хозяевами. Далее переносить это было невозможно ни для римлян, ни для римских царей, и потому с той и другой стороны начали готовиться к битве. Так как каталонцы вместе с турками держались между двумя городками, – разумею Кипселлу и Апры, – то царь Михаил, взяв фракийские и македонские полки и вдобавок фаланги массагетов и туркопулов, расположился лагерем на равнине, окружающей Апры. Туркопулов была тысяча; это были те, которые, как мы уже сказали, прибыли к римлянам вместе с султаном Азатином, искавшим себе убежища, но не последовали за ним, когда его уводили оттуда европейские скифы, потому что полюбили жи-

ть у римлян и с православною верою приняли святое крещение. Затем они были зачислены в римское войско. Через несколько дней некоторые из досмотрщиков пришли с известием, что неприятели близко. Царь встал и приказал войску вооружаться, а предводителям и военачальникам выстраивать и готовить к битве фаланги с их ближайшими начальниками. Видя, что неприятели построились тремя фалангами, они и сами сделали то же. Туркопулы с массагетами составили левое крыло, на правом стали отборные всадники из фракийцев и македонцев, а в середине осталась, очень большая часть конницы вместе с пехотою. Царь, объезжая ряды, воодушевлял воинов к мужественному нападению. С восходом солнца и неприятели подошли и выстроились напротив, имея на том и на другом крыле турков, а каталонские тяжело вооруженные фаланги в середине по причине их неповоротливости. Между тем массагеты, давно уже замыслившие измену, – потому что не очень были довольны римлянами и, кроме того, имели тайные приглашения от европейских скифов, – вдруг перед самою битвою обнаружили свое вероломство. Едва только с той и другой стороны подан был знак к сражению, они тотчас уклонились и стали в стороне, не помогая римлянам, но не сражаясь и против неприятелей. То же сделали и туркопулы, потому ли, что заранее условились с массагетами об этом гнусном деле, или же просто так им вздумалось. Такая неожиданность отняла у римлян всю бодрость в самую решительную минуту битвы, и весь успех ее отдала в руки неприятелей. В самом деле, неожиданная измена навела на римское войско такой страх и внесла в его ряды такое смятение, какое может произвести только жестокий порыв северного ветра, когда он, налетев на судно, плывущее по широкому морю, рвет веревки и паруса, чтобы в заключение залить судно и отправить его ко дну. Царь видя, что ряды так неожиданно смешались и большая часть войска смотрела, как бы убежать, быстро разъезжал и всех военачальников, обращаясь к ним со слезами и называя каждого по имени, уговаривал стоять крепко и не уступать врагам победу так легко. Но о его словах мало заботились и бросились бежать без оглядки. Видя, что дело дошло до отчаянного положения и что большая часть пехоты беспощадно изрублена и истоптана, царь это время нашел вполне приличным, чтобы не падать себя для подданных и, бросившись на явную опасность, тем самым присты-

дить вероломных воинов. А потому, обратившись к окружающим (их было очень мало), сказал: “Господа! теперь такое время, что смерть лучше жизни, а жизнь хуже смерти”. Сказав это и призвав божественную помощь, он бросается вместе с ними на неприятелей и убивает из них некоторых, попавшихся под руку, разрывает фалангу и тем производит немалое замешательство в неприятельском войске. Стрелы так и сыпались на него, как и на коня, но он остался цел. Когда же конь его пал, он очутился в опасности быть окруженным неприятелями, и, быть может, дело и дошло бы до такого несчастья, если бы кто-то из бывших при нем, из любви к своему государю, не пожертвовал за него жизнью, отдав ему своего коня. Чрез это царь спасся от опасности, уже нависшей над ним; а тот, кто отдал ему своего коня, попал под неприятельских лошадей и лишился жизни. Отсюда царь отправился в Дидимотих⁴¹ и выслушал от своего отца-царя длинный выговор за то, что, будучи царем, действовал недостойно своего сана, без нужды подвергая себя опасности, а в своем лице благоденствие и всех римлян. Неприятели же, бросившись преследовать бегущих, одних убивали, других брали в плен живыми, пока наступивший вечер не прекратил преследования. Утром на другой день, обобрав, что было на убитых, и разделив добычу, неприятели смело начали опустошать и выжигать фракийские села. Через несколько дней явились к каталонцам перебежчиками и названные нами туркопулы и, принятые ими с удовольствием, присоединились к туркам Халила как своим соплеменникам. А Халилом назывался вождь турков. Спустя немного времени Фаренца Ксимен и Беренгарий Тенца поссорились со своим вождем Рекафортом. Им, людям благородного происхождения, говорили они, неприлично быть под начальством у человека незнатного рода и вышедшего из низкой доли. Коротко сказать, ссора дошла до того, что они взялись за оружие, и Беренгарий Тенца тотчас же пал в драке, а Фаренца Ксимен ускользнул к царю Андронику и, сверх всякого чаяния, удостоен был самого блестящего приема. Он возведен был в сан великого дуки и соединен браком с вдовствующею племянницею царя по сестре Феодорою. Между тем массагеты, условившись предварительно со скифами в том, что перейдут к ним все и со своими семействами, и взяв с собою жен и детей, готовы были уже перейти через Гем – так называются горы, составляющие границу между римлянами

и болгарами. Но туркопулы всем миром в соединении с большим числом каталонцев напали на них при подошве горы и, исключая немногих, перебили всех без разбора. Туркопулы с давних пор и много раз воевали вместе с массагетами, причем естественно делались участниками нередко в богатой и большой добыче, но при дележе всегда получали меньшую долю, как ни настаивали. Будучи не в силах бороться с ними, как слабейшие с сильнейшими, туркопулы только выжидали времени, питая в душе своей затаенную злобу. Вот теперь при случае они ее и обнаружили. Так-то.

6. Вот что происходило в те времена. А что было дальше, расскажем после. Теперь же нам следует возвратиться к каталонцам. После сражения, происшедшего при Апрах, они, гордые победою и союзничеством туркопулов (которые, как мы сказали, оставив римлян, перебежали к ним), целые два года, то и дело производили набеги и обратили в необитаемую пустыню как приморскую страну, так и вдающуюся в материк до Маронии, Родопы и Визии. Потом, увидав, что там уже не могут доставать себе продовольствие, они решились идти дальше и грабить все, что ни попадется на пути, пока не найдут себе удобного и постоянного пристанища. Итак, перейдя идущую к морю горную цепь Родопы, они бесстрашно подвигались вперед, постоянно нагружаясь добычей. Между ними было турков – как пеших, так и конных – более двух тысяч, а собственно каталонцев более пяти тысяч, включая также в это число как конных, так и пеших. В середине осени, когда появляется на небосклоне Арктур, они, желая на зиму запастись продовольствием, напали на македонские села. Разорив их там очень много и собрав себе большое количество добычи, они расположились лагерем около Кассандрии. Это – город, древле знаменитый, а теперь не имеющий даже жителей. Но его окрестность была удобна для лагеря и для зимовки; а потому, как мы сказали, и была занята бродячим войском каталонцев. Это мыс, далеко вдающийся в море; с обеих сторон его находятся довольно большие заливы, в которые в зимнее время сметается лишнее количество снега. С началом весны они, поднявшись оттуда, напали на македонские города, между которыми главным образом входила в их виды Фессалоника. Они полагали, что если сначала овладеют этим городом, большим, необыкновенно богатым и, что всего важнее, в то время, как

они слышали, заключавшим в своих стенах цариц, то есть, Ирину и Марию; то уже ничто им не помешает, имея здесь опору для своих действий, сделаться обладателями и всей остальной Македонии. Но царь успел предупредить и уничтожить их замысел. Прежде всего он приказал вывести около Хрисополя длинную стену, от моря до вершины близлежащей горы, так чтобы, когда он захочет, это место было непроходимо ни для тех, которые хотели бы перейти из Македонии во Фракию, ни для тех, которые вздумали бы пробраться из Фракии в Македонию. Потом, узнав, что с началом весны последует уже решенное каталонцами нападение на Македонию и македонские города, он избрал в военачальники людей, наиболее опытных, и поручил им набрать в Македонии войско, чтобы его довольно было для защиты македонских городов, если бы неприятели вздумали осаждать их, а также снабдить их в достаточном количестве продовольствием, перенести запасы его из предместий в самые города и вообще принять все меры, чтобы во время осады гарнизону не пришлось терпеть больше от голода, чем от неприятеля. Однако же по наступлении уже весны неприятели оставили Кассандрию, и одни расположились у самых предместий Фессалоники, а другие вышли за добычей. Но, видя, что вся эта страна оставлена жителями, что на ней нет ни стад, ни пастухов и что города между тем надежно защищены оружием, они решили воротиться во Фракию. Оставаться же тут, рассуждали они, значит терять даром время и безрассудно обрекать себя на гибель. У нас недостаток в продовольствии, между тем множество лошадей, множество пленных, да и самих не меньше 8 тысяч; поэтому нам грозит явная опасность погибнуть с голоду. Но их решение не огласилось еще по всему лагерю, как они узнали от одного пленного, что дорога на Фракию не свободна, так как недавно у Хрисополя выведена длинная стена, замыкающая их отовсюду. Такое неожиданное известие поразило их и привело в решительное недоумение. Они не знали, что будет с ними, если станет томить их голод; вместе с тем они боялись, что народы, находящиеся по соседству с римлянами, живущими в Македонии, то есть иллирийцы, трибаллы, акарнаны и фессалийцы, из опа-

сения набегов с их стороны, согласятся между собою и, соединившись вместе, окружают их и истребят всех без разбора, пользуясь тем, что им некуда спастись бегством. Такая крайность вынудила их принять решение более безумное, чем отважное. Они решились без малейшего замедления и со всею поспешностью идти вперед и – или завладеть Фессалией, в изобилии имеющей все необходимое для продовольствия, или овладеть какой-либо из областей, лежащих дальше и идущих по направлению к Пелопонесу, – таким образом основавшись где-нибудь там, оставить продолжительное бродяжничество; если же это не удастся, то, условившись с каким-нибудь из приморских народов, беспрепятственно отплыть в свою сторону. Итак, поднявшись оттуда, на третий день пришли они к фессалийским горам. Это были: Олимп, Осса и Пилий. Расположившись вблизи их лагерем, каталонцы опустошили окрестность и добыли себе в изобилии все необходимое для продовольствия. Но мы едва не прошли молчанием того, о чем для связи повествования следует рассказать. При латинском войске, как мы сказали, было и три тысячи турков. Сказали мы и то, что из них 1100 были те, которые остались с Меликом после бегства к скифам султана Азатина; они были совершены святым крещением, приписаны к римским войскам и умножились целым поколением детей. Но потом отложились от римлян и передались на сторону каталонцев, когда оба войска готовы уже были сразиться одно с другим на полях, окружающих город Апры. Но еще больше было турков, переправившихся из Азии вместе с Халилом для помощи каталонцам за деньги. Теперь, когда, как мы сказали, каталонцы шли в Фессалию, турки начали против них бунтовать, смотря подозрительно на их отношение к себе и не очень им доверяя. Поэтому предводители турецких войск Мелик и Халил, сойдясь с главным предводителем каталонцев, завели речь о том, чтобы им мирно расстаться. Тот охотно согласился (каталонцы, избавившись от римлян, теперь уже не нуждались в иноплеменной помощи турков), и оба войска разошлись мирно, разделив безобидно между собою пленников и добычу. Но о турках в свое время скажем обстоятельнее.

Книга VIII

4. Его [Сиргианна] мать принадлежала к царскому роду и была женщина красивая и степенная; отец был знатный человек между

команами, которые, как мы сказали, гораздо раньше переселились к царю Иоанну [Дуке] от гиперборейских скифов. Сиргианн, при

бойких дарованиях, еще прежде чем вышел из отрочества, сделался уже известен своими познаниями в науках. Потом, прилежно изучив военное дело, он выдался из ряда других и здесь – телесною силою, глубоким умом и, что называется, дьявольской сметливостью. Не исполнилось ему еще и 25 лет, как царь послал его военачальником и правителем одной македонской области, с которой находились в ближайшем соседстве иллирийцы. Так как он был весьма щедр, не любил приобретать и отнюдь не хотел иметь более, чем имели его соратники и сподвижники в битвах, то до такой степени расположил к себе всех, что все готовы были скорее умереть за него, чем жить и смотреть без него на солнце. Притом он был необыкновенно находчив в затруднительных обстоятельствах; умел при самом крайнем положении дела найти разнообразные средства поправить его и мог во всех случаях сохранить присутствие духа; так что все только дивились, глядя на него. Одна только слабость была в нем, которая, как какая-нибудь злая болезнь, растлевала все его дела и приводила его к тому, к чему мог бы прийти человек красивый, бодрый и отважный, но лишенный зрения. Во-первых, нарушив мирные условия, он навел хлопот с соседями трибаллами, этолянами и акарнанами. Потом, удаленный оттуда, о чем еще расскажем, он стал смущать царей и расстраивать их дела. Таким образом сам накликал на себя беду. Лишенный предоставленной ему прежде власти, он деньгами обошел тех, которые имели вес у царя, и спустя немного опять получил прежнюю власть и удостоился звания пинкерна. На прежнее место он отправился с мыслью отложиться и в скором времени обнаружил ее; было узвано, что он думал обратить область, которою управлял, в свою собственность и тайными проделками сделаться независимым от царей. Поэтому Мономах Мистик хитростью схватил его и в цепях препроводил к царю. Этот Мономах по поручению царя управлял некоторой частью Македонии и по близости областей часто бывал у Сиргианна; причем выводывал его тайны и под видом дружбы продолжал сменять одну хитрость другою, пока, как мы сказали, не схватил его и не отправил к царю. За эту вину посаженный в тюрьму, Сиргианн пробыл там долгое время. Между тем мать его не переставала с воплями и слезами упрашивать приближенных царя, умолять их и усердно просить за сына, ручаясь за него всем; наконец ей как-то удалось

освободить его из тюрьмы, впрочем, не прежде, как он представил царю письменную клятву пред святой иконой пречистой Богородицы Одигитрии, что впредь никогда не дозволит себе ничего, вопреки повелениям царя. Освободившись от всякого подозрения, он успел заслужить к себе полное доверие своего благодетеля и сделался поверенным его тайн, так что поручена была ему и эта тайна, т. е. присматривать и наблюдать за внуком царя, царем Андроником, чтобы тот не убежал, о чем мы уже и замечали. Между тем Сиргианн, если следует верить слухам, ходившим в народе, как человек властолюбивый, но до сих пор еще не имевший случая осуществить свои планы, вообразил, что сама судьба составляет ему случай вооружить царей одного против другого и, таким образом совершенно расстроив дела государства, самому захватить в свои руки скипетр или же, отрезав часть от целой римской империи, в ней утвердить свою власть. Он пришел к царю Андронику младшему и открыл ему тайну деда-царя, говоря: “Мне, будто какой собаке, поручил царь следить за тобой. Он готовит тебе петли и кандалы; а ты, ничего не зная, сидишь себе, занятый детскими затеями. Что тебе пользы отплыть тайно в чужую сторону, где придется, как рабу, ожидать подачи с чужого стола, если даже и не будешь убит чужестранцами и не попадешься в сети и путы деда-царя? Забудь эти детские затеи и доверься мне; я подам тебе добрый и спасительный совет; если ты его примешь, то без труда и в короткое время получишь скипетр самодержавия. Я нахожу, что самое действительное для тебя средство в настоящем случае одно – бежать из Византии и удалиться во Фракию. Люди от природы расположены к новостям, и бедные фракийцы, обремененные большими налогами, если только, явившись к ним, ты объявишь им облегчение и свободу, все охотно пойдут за тобой куда угодно, легко сбросив с себя долговременное рабство деду-царю и страхнув его с себя, как какую-нибудь Танталову ношу. Если тебе нравится мой совет, то я готов быть для тебя помощником и руководителем в этом деле, согласен весь труд взять на себя и надеюсь покончить все в скорейшем времени. Только и ты должен обещать мне с верными речательствами, что получу от тебя награду по своим трудам и заслугам. Какую же награду? Большие почести и поместья, которые могли бы доставлять мне ежегодно большой доход. Кроме того, ты должен дать

мне слово, что никто не будет у тебя иметь веса больше меня и что ты без моего ведома не будешь делать никакого государственного распоряжения. Видишь, как я готов разделить с тобою случайности и с какою охотою подвергаю себя вместе с тобою опасности из любви к тебе, забыв все те клятвы, какие давал царю. Если бы даже жестокая судьба решила мне поплатиться головою, я приготовился спокойно принять и это решение. Имея это в виду, не скупись же и ты своими обещаниями на мои требования, если хочешь быть цел. А так как время не позволяет долго медлить и медленность грозит крайнею опасностью, то сообщим-ка о нашем намерении и другим лицам, которые, будучи недовольны царем, не выдадут нас, ни наших тайн и могут нам очень пригодиться”. На этих условиях царь письменною клятвою обязался выполнить все его требования. Поверенными их тайн должны были сделаться Иоанн Кантакузин и Феодор Синадин, из которых первый в то время имел сан великого папия⁴², второй – сан domestika при царском столе, а третий, Алексей Апокавк, был также domestik западных областей и правитель в ведомстве соляного производства. Последний был не из очень знатных, но человек умный, изобретательный и чрезвычайно хитрый. А двое первых доводились в родстве царю. Кроме того, Кантакузин с детства рос вместе с царем Андроником, и при прямоте, искренности и мягкости своего характера сделался его задушевым приятелем. Синадин, между тем, был в подобных отношениях к отцу Андроника, царю Михаилу, пока тот был жив. Они сделались таким образом участниками в тайне, точно хлебнули вина из одного кубка и стали для Андроника тем, что факел для разведения огня и что лошадь для езды по открытому полю. Они составили одно нерасторжимое братство, и как с одной стороны даны были страшнейшие клятвы, так с другой получены обещания больших вознаграждений за усердие и труды. После того принялись за дело с полным рвением и усердием. Прежде всего Сиргианн и Кантакузин подбились к приближенным царя и купили себе управление городами и областями во Фракии – первый над большею частью областей, лежащих внутри материка и над всем взморьем до вершин Родопы, а Кантакузин над небольшою частью лишь внутри материка, лежащею около Орестиады. Потом стали они стягивать войска, заготавливать вооружение и набирать новых воинов,

частью из пришельцев, частью из таких людей, которые при недостатке пропитания и не находились на службе и жили без всякого дела. Кроме того, охранение городов предоставили людям самым верным и преданным их видам. Всех же тех, в которых думали встретить сопротивление своим намерениям, под разными предложениями выпроводили из городов. Это они делали, разглашая предварительно о нашествии то приистрийских скифов, то морских сил азиатских турков, чтобы, прикрываясь завесой таких слухов, оставаться свободными от подозрения и удостоиться похвал от царя за свою распорядительность и свое усердие. Сиргианн между тем продолжал маскироваться и не переставал тайно извещать молодого царя о том, что делалось и что следовало делать.

14. После этого царь, прибыв в Византию, венчался здесь на царство 2 февраля, 8 индиктиона [1325 г.]. Стоит заметить, что когда оба царя ехали в великий храм святой Софии для венчания на царство, старик-царь упал с коня, оступившегося в грязной луже, образовавшейся от дождевой воды. Этот случай был принят более рассудительными людьми за недоброе предзнаменование для упавшего царя. Между тем в следующем году отправилась к королю Сербии, чтобы сочетаться с ним браком, дочь паниперсееваста⁴³. Спустя немного уехала туда же и мать ее для свидания. Вскоре прибыл туда и сам паниперсееваст; он не хотел далее зависеть от царя, но желал сам получить верховную власть как отцовское наследие, и потому, оставив управление Фессалоникою, он уехал оттуда к своему зятю-королю, надеясь найти в нем помощника при выполнении своего замысла. Принятый им как следует, он выступил с ним и опустошил все пространство до реки Стримона и Серров. Опасаясь еще больших бедствий, царь-старик отправил к нему посольство и вместе с ним знаки кесарского достоинства. Он надел их на себя в городке Скопиях и обещал на будущее время жить мирно и ничего больше не искать; но, намереваясь уже отправиться обратно в Фессалонику, тяжело заболел и через несколько дней кончил жизнь. Жена его, кесарисса, любя дочь и зятя и в тоже время опасаясь римлян за дела своего мужа, не хотела уезжать оттуда. Вследствие сего отец ее убедил царя отправить посольство к королю как по другим делам римлян, так и по делу кесариссы, чтобы король выслал ее домой. В этом посольстве вместе с другими и братом кесариссы

был и я. Много мы вытерпели на этом пути; потому что в это время разнеслась молва о скором нашествии скифов, которая взволновала Фракию, выгнала жителей из сел в крепости и заставила их бросить свои дома пустыми, те дома, в которых мы должны были останавливаться на ночлег и отдыхать после утомления в дороге. Но я опускаю все, что случилось с нами до Стримона. Здесь же мы потерпели такое бедствие, которое стоит полного внимания, как принадлежащее к роду бедствий, возбуждающих в душе и смех и слезы. Мы допустили такую глупость, для которой было бы недостаточно и смеха Демокрита, и накликали на себя такую беду, для которой недостаточно было бы и слез Гераклита⁴⁴. Все мы знали, что Стримон – река, непреходимая ни для конных, ни для пеших; потому что она больше всех рек, прорезывающих Фракию и Македонию и вливающих свои воды в Геллеспонт и Эгейское море. Она выходит из высочайших гор, которые тянутся непрерывно до Ионийского моря, начавшись от Понта Евксинского, и граничат на полдень и к югу с Фракией и Македонией, а к северу с землями мизийцев и рекою Истром; последняя, в свою очередь, больше всех рек, протекающих по Скифии, и вливается пятью устьями в Евксинский Понт. Итак, по этому-то Стримону, образовавшемуся из многих источников и потому богатому водоворотами, мы вздумали переправляться на одном весьма небольшом судне. В переправе по два, по три человека, иногда и с вьючными животными, мы провели большую часть дня; общее наше число, считая и животных, доходило до 40 или даже до 70. Пока переправлялись, солнце с полудня ушло далеко уже к западу и склонилось к вечеру. Следовало бы остановиться и сделать где-нибудь там привал; а мы, по какому-то сумасбродству, решили еще продолжать путь, надеясь непременно найти себе удобное пристанище, прежде чем успеем сделать 15 стадий вперед. Но эта надежда обманула нас. Незадолго перед тем разбойники в короткое время разграбили эту местность и превратили ее в пустыню; так что мы вынужденны были блуждать здесь, вручив себя Богу и доверившись неверным надеждам. Наступила ночь, солнце закатилось, и на все легла тень. Не было и луны; она совершила только половину своего кругового пути вокруг земли и, будучи еще только в первой четверти, мало помогала нам своими лучами. В этой тьме и подвигались мы, подобно сходящим через Те-

нар⁴⁵ в подземную или спускающимся в пещеру Трофония⁴⁶. К безлунной ночи присоединилась тень от окрестных гор; их высокие вершины настолько скрывали от наших глаз небо, что мы не могли совершать свой трудный путь даже и по указанию звезд. Но вот когда замерло у меня сердце – когда пришлось вступить в следующий тяжелый путь, которому не видно было и конца. Мы вошли в густой, непроходимый лес, полный оврагов и пропастей, в котором уже не обращали внимания на то, что рвали в клочки обувь и одежду о сучья, а только защищали свои глаза, потому что ветви и сучья то и дело били нас по лицу; оставив поводья и хлысты, которыми погоняли своих коней, мы только держали руки пред глазами. Между тем сопровождавшая нас прислуга, не слишком заботясь о грозивших нам опасностях, принялась петь трагические песни и в них прославлять героев, о которых мы слышали, а самих не видели; окружавшие же нас пропасти и ущелья окрестных гор, как будто одушевленные, подхватывали их голоса и, повторяя их друг за другом, со всею точностью, отвечали поющим, как делается в хороводах, где на запева отвечают соответственным припевом. При этом я всячески старался ободрить свою душу, чтобы она не терялась среди окружавших ее ужасов. Но она не слушалась, не переставала бранить не вовремя предпринятый путь и всюду видела засады, из которых вот-вот выскочат с ножами грабители и разбойники. В то время, как мы находились в таком смущении, вдруг являются пред нами из тамошних скал и пещер люди, одетые в черные одежды, приготовленные из шерсти (которую добывают с овец, когда нужно), точно демонские привидения! Правда, они не были закованы в латы, но не были и совсем безоружны. Большая часть из них имела в руках оружие, употребляемое на близком расстоянии, как-то копья и топоры; некоторые, впрочем, имели и стрелы. Сначала наши сильно оробели и испугались. Да и могло ли быть иначе, когда мы находились в месте чужом, в такую позднюю пору и среди людей, не знающих нашего языка? Туземные жители – большею частью переселенцы из пограничной Мизии и ведут образ жизни, одинаковый с нашими единоплеменниками. Мы, впрочем, ободрились и успокоились, когда они приветствовали нас на своем наречии ласково и добродушно и не показывали ничего разбойнического, потому ли, что далеко не равнялись нам в числе и находили неудобным поме-

ряться с нами своими силами, или потому, что Бог не допустил их до этого, что вероятнее, хотя я и не могу утверждать ни того, ни другого. Если бы они, будучи туземцами, действительно промышляли разбоем и, пользуясь непроницаемою тьмою и непроходимым лесом, вздумали напасть из своих убежищ на нас, иностранцев, то так легко одолели бы нас, как легко одолеть зрячим слепых. Когда и мы также приветствовали их со своей стороны (некоторые из нас несколько понимали их язык), они тотчас же объяснили причину своего пребывания в том месте: что они оберегают здешние дороги от тех, которые вздумали бы сделать хищнический набег на ближние деревни. Истекала уже третья часть ночи, как мы догадывались по сияющим над нашими головами звездам. Наконец до нас дошел издалека лай собак, который манил нас к себе и указывал нам на присутствие здесь многолюдного села, готового приютить путников, изнуренных длинным переходом, и доставить им удобства, если не все, то некоторые. Поспешно прибыв на место, мы разбрелись кто куда и остановились в гостиницах, точно были выброшены после бури и кораблекрушения в какую-нибудь пристань. Голодному, говорят, бывает сладок всякий хлеб; а нам казался тогда сладким и донельзя приятным и запачканный золой. Весь следующий день мы провели в дороге и достигли крепости, выражусь так, заоблачной. Она у туземцев называется Струммицей⁴⁷, а выстроена на высочайшей горе, так что люди, сидящие на ее стенах, если смотреть с долины, кажутся птицами. Здесь мы отпраздновали и св. Пасху, хотя отпраздновали с грустью и не так, как привыкли издавна. Для здешних жителей благолепие, стройное пение и мелодия священных песнопений ничего не значат; они привыкли к языку, почти варварскому, и к быту, приличному одним пахарям. Это язык не полуварварский, который звучит отчасти и приятно, таков, например, язык полулидийцев, или, если можно сказать, полуфригийцев, но язык чисто зверский и дикий, каким тянут свои песни номады, когда в весеннюю пору загоняют свои стада в изгороди и ложбины, чтобы наполнить молоком свои дойки. Мы пробыли здесь целый день, частью чтобы почтить праздник, частью же чтобы и себе дать отдых. Со стен, как с облаков, мы смотрели на долину и видели как другие праздничные игры, так и пляску взрослых мужчин, молодых людей и мальчиков. Это праздничное веселье

служило для нас вместо отдыха и всякого другого развлечения и доставило нам гораздо больше удовольствия, чем доставляли афинянам игры диасийские⁴⁸, совершавшиеся у них за городом, а спартамцам так называемые игры иакинфские⁴⁹. Мы тем более расположены были находить удовольствие в виденных нами играх, что и день был радостный и мы были здесь на чужбине, вдали от своих жилищ, как бы заброшенные среди обширного моря на какой-нибудь остров; а в последнем случае обыкновенно все кажется приятнее, чем есть на самом деле. Отсюда на третий день мы прибыли в городок Скопии, который лежит уже в пределах трибаллских, и встретили протекающую здесь реку Аксий, величайшую после Стримона и вырывающуюся из одних с ним гор. При своем истоке она не очень велика, но в дальнейшем течении усиливается другими потоками и, переименовав свое имя на Вардарий, становится по местам судоходною. Здесь мы встретили и короля трибаллов, которому все они беспрекословно и охотно повинуются, вместе с его тещею, благородною кесариссою, которая была одета в траурное платье в знак глубокой скорби. Она страдала от недавней и великой потери. Вся отдавшись скорби, она и в нашем присутствии со слезами и вздохами часто упоминала имя своего супруга кесаря и называла его родственником многих царей, красавцем, золотым, милым, несравненным. Грудь ее вмещала целое море страданий, глаза изливали целые ручьи слез, и вся она утопала в бездне горя, представляя себе, что находится здесь на чужбине, как-будто в пустыне и на реках вавилонских, вдали от друзей, родителей, родственников, даже просто единоплеменников, и лишена всего, что могло бы хотя сколько-нибудь утешить душу, подавленную глубокой скорбью. “Зачем, – говорила она, – свет находящимся в горе и жизнь находящимся в душевных муках?” Говоря эти и подобные слова, она царапала себе щеки и ногтями извлекала из них струи крови; так что, кажется, бездушным вещам нельзя было не ответить ей вздохами и слезами. Мы представляли ей многое, надеясь угасить пламя печали водой утешения, и утешали – то ее любимый брат, то послы – я, или другой кто, или же все вместе. Наконец, однако же, мы успели успокоить ее, правда, не в такой мере, в какой нам хотелось, все же успокоили, тем больше, что она была женщина умнейшая из всех, которых только видело наше время, в высшей степени рассудительная и готовая во

всякое время принять добрый совет. Итак, при помощи наших утешений она перестала царапать себе лицо и плакать, но ее душа не перестала страдать, несмотря ни на какие утешения: подперши правой рукой голову, она вся погрузилась мыслию в свое горе, приводила себе на память образ супруга, вдумывалась в свое настоящее положение и представляла себе между прочим то, как недавно она была выше кедра, цвела роскошнее полевых цветов и превосходила счастьем всех своих сверстниц, и как потом скоро увидала, что ее цвет попал под серп и совсем засох. Оттого-то она и испускала из груди своей глубокие вздохи, как большая печь извергает горячий и пронизанный пылом дым. Наконец наше собрание кончилось, и каждый отправился туда, где пристал. По истечении десяти дней и правитель трибаллов, живший неподалеку отсюда, дав надлежащий ответ одному из послов и приказав ему отправиться обратно, явился со своею женою утешать тещу и вместе выполнить и последнюю статью посольства, то есть отправить кесариссу домой с почетом и подобающим уважением – и как свою родственницу, и как невестку великого царя, и, наконец,

как пораженную великим несчастьем. Это он вскоре и исполнил, как казалось ему, хорошо, а на самом деле далеко не так, как бы следовало. Но обезьяна, как говорят, обезьяна и есть, и муравей муравей и есть; им никогда не бывать орлами и львами, потому что они уже от природы отличаются глупостью и лишены смысла. Потому-то мудрец был тот (Фалес ли то Милетский, или Платон, сын Аристов, или и тот и другой вместе, если один позаимствовал у другого), кто провозгласил себя блаженным за то, что родился не варваром, а эллином. Подобная мысль, весьма верная, как взятая из опыта, пришла теперь и в мою голову. Впрочем, не распространяясь много, обратимся назад. Проведши вместе только один день в дороге, мы расстались. Кесариссе необходимо было отправиться с другими в Фессалонику, чтобы отдать последний долг своему супругу, который, находясь при последнем издыхании, завещал перенести его тело в этот город. На меня же она возложила необходимые поручения и велела скорее отправляться в Византию, дав и проводника из трибаллов, который, ведя нас по неровным дорогам, чрезвычайно затруднил наше возвращение домой.

Книга IX

8. Не прошло еще тридцати дней, как царь услышал, что правитель болгар Михаил сделал набег на соседние римские села и города и что он немедленно думает проникнуть до Дидимотиха и Адрианополя, имея при себе наемное войско из приистрийских скифов. Поэтому он выступил со всею поспешностью и явился в Адрианополь. Отправив отсюда послов, он через них требовал от Михаила объяснения, почему тот нарушил мирные отношения, и получил объяснение такого рода: “Тебе было бы решительно невозможно войти в Византию и облечься властью самодержца, если бы я захотел быть союзником твоего деда; он обещал мне дать денег и подарить мне пограничную страну, но я всем этим пренебрег ради тебя и твоих обещаний. Ведь ты знаешь, что ты дал мне большие обещания – больше, чем твой дед, не потому только, что ты хотел иметь во мне союзника, но и потому, что я тебе родственник по твоей сестре”. Царь, не желая показать, будто струсил этих угроз, нашел нужным порешить дело войной, хотя его войска и силы не были равны неприятельским. Он во всех случаях руководствовался больше природною отважностью, чем холодною рассудительностью. Таким обра-

зом, и с той и другой стороны начали готовиться к войне, и римскому государству грозила большая опасность. Но мать государыни⁵⁰, боясь за сына, вошла в переговоры с тем и другим, чтобы примирить их, и действительно оказалась примирительницею, как мать обоим, которая смело могла делать им какие угодно внушения. Так заключен был мир, и Михаил, получив большие деньги, удалился домой. Между тем великий логофет Метохит, которого отправили в ссылку, нимало не уважив его заслуг, подвергся каменной болезни; она мучила его гораздо больше, чем все, что он испытал; разумею заключение в темницу, лишение значения, потерю денег и оскорбительные толки и ругательства глупых людей. Царь-дед от печали потерял прежнюю бодрость тела и сперва стал худо видеть одним глазом, в котором потускнел зрачок, а спустя немного заметил потерю зрения и в другом. Так он очутился среди непрекращающейся ночи, встал в полную и постоянную зависимость от других и, по словам св. Писания, свое питье растворял плачем и хлеб ел с горем [Пс 101:10; 126:2]. Я уже оставляю в стороне остроты и бесстыдные ругательства, которыми оскорбляли его слуги и рабы. Оставляю и

то, что дана была полная свобода прачкам стирать все, что угодно, в воде, протекавшей по двору дворца, и что этот двор сделался выгоном для находившихся по соседству животных – ослов, лошадей, быков и домашних птиц. Протостратор [Синадин], который тогда заведывал и заправлял делами в Византии, не опускал ничего, что хотя сколько-нибудь могло служить к оскорблению и унижению старика-царя. Только великий domestik Кантакузин не позволял себе ни мыслию, ни словом, ни делом обижать царя, как и тех, которые недавно лишились почета. Украшаясь природною рассудительностью и глубокомыслием, этот человек, напротив, следовал добрым примерам тех мужей древности, которые прославились благородством и добродушием. И вот теперь, когда так хорошо шли у него дела, он не возгордился своим счастьем, не поднял выше меры бровей и не допустил надменности в себе, но остался в пределах скромности. “Мне теперь, – говорил он, – нужно быть трезвым, так как другие не могут не быть пьяными”. Счастливые обстоятельства служат для человека стадией и пробным камнем; они столько же делают заносчивыми людей безрассудных, сколько внушают похвальной скромности людям рассудительным. В это время был выведен из тюрьмы и Сиргианн, который предварительно дал страшные письменные клятвы в удостоверение того, что не станет ничего замышлять против царя; он прибавлял, что если когда-либо неліцеприятные судьи уличат его, что он солгал, то пусть не только обрушатся на него те страшные заклятия, которые он призывал на себя, но пусть он будет предан и смертной казни.

В этом и следующем году, с прекращением в римском государстве смут, междоусобий и неприятельских набегов, византийцы увидели у себя такое изобилие хлеба, какого давно уже не видавали и деда их.

9. Лишь только настала пора, когда под рукой весны земля покрывается роскошною растительностью и украшается тысячами цветов, доставляющих величайшее наслаждение зрению, царь велел римским войскам готовиться к походу. Он хотел идти в Азию и начать войну с Орханом, владетелем Вифинии, как по другим причинам, так и из опасения, чтобы последний не овладел главным городом Вифинии, Никеей, осадив ее двоякого рода врагами – голодом и войском. На исходе весны войско, переправившись чрез византийский пролив, вступило в Азию вместе с са-

мим царем. В нем было две тысячи людей отборных; большую же часть составлял торговый и ремесленный люд, который был только пародией на войско. Они имели при себе и знаки своей трусости, – разумею множество лодок и шлюпок, почти равнявшееся числу их самих и заготовленное на случай бегства. О преследовании и победе над неприятелем им никогда и на мысль не приходило. Владелец Вифинии, отобрав из турков самых опытных в деле войны, послал их охранять теснины на дороге, а сам с восемью тысячами ратников выходит навстречу царю. Царь на третий день после переправы в Азию достиг приморского городка, называемого Филокрином, и, узнав, что Орхан, заняв окрестные теснины, остановился с варварским войском неподалеку, и сам остановился здесь лагерем на ночь. Когда же с солнечным восходом увидел, что некоторые из варваров спускаются с окрестных гор, сперва в легком, а потом и в тяжелом вооружении и больше всего на лошадях, вооружился и двинулся против них и сам. Сперва действовали неприятельские стрелки, стоя вдаль и, по-видимому, не желая подойти ближе. Царь, считая такой способ сражения необыкновенным для варваров, приписал его их трусости, воодушевился и приказал по несколько человек выступать вперед и выделяться из рядов. Некоторые из окружавших его, люди более других опытные, говорили, что это не поведет к добру, но не могли его остановить. Когда в течение такого бестолкового сражения солнце зашло уже за полдень и когда настал самый сильный зной, Орхан, заметив с вершины горы, что римляне уже утомились частью от жара, частью от постоянных перебежек, спускается и сам с войском, которое нелегко было сосчитать. Подступив с криком и гамом, одни из его воинов посыпали на наших стрелы, другие принялись поражать их мечами. Римляне первый их натиск выдержали мужественно, долго защищались отважно и очень многих ранили или же умертвили. Потом, видя, что скоро наступит ночь, и считая опасным для себя продолжать сражение ночью на неприятельском поле, начали поспешно отступать в свой лагерь. Тогда враги усилили свои нападения и немало истребили лошадей и людей, пока наконец наступившая ночь не прекратила сражения. В числе других был ранен стрелою в ногу и сам царь, впрочем, сносно и не очень опасно. Но в эту ночь произошло жалкое зрелище, которое было явным знаком гнева Божия. Варвар был

удивлен вооружением и мужественным сопротивлением римлян и подумал, что они здесь не останутся, а пойдут на следующий день дальше. Поэтому, оставив на месте триста всадников для наблюдения, он со всем остальным войском двинулся вперед, чтобы заранее занять важнейшие пути. Итак, он пошел туда, а царь вошел в городок Филокрину для излечения ноги. Римское войско, увидав это и не узнав точно причины, подумало, что царь трусил, что, верно, Орхан намерен напасть на них ночью с многочисленным войском, а в таком случае на другой день солнце не увидит ни одного римлянина в живых. Итак, те, которые запаслись шлюпками, как были, так и пустились бежать на них. Другие, торопясь пройти через городские ворота, давили, топтали друг друга, отчего многие умерли. Иные, цепляясь друг за друга, чтобы подняться на стену, или поднимались, или же, увлекаемые задними, обрывались и ушибались до смерти. Были и такие, которые испустили дух, стоя на месте, от одного страха. Солнце, поднявшись на горизонте, известило тех триста варваров об этом неимоверном приключении с римским войском; подъехав и увидав, что в лагере брошены лошади, оружие, палатки, кроме того, царские лошади с красными седлами и царская палатка, варвары забрали все это и ушли в числе двухсот человек, а остальные сто простерлись дальше и добились стрелами тех, которые не успели ни уйти на лодки, ни попасть в крепость. Видя это и не зная, как поправить дело, царь взшел и сам на судно и возвратился в Византию. Такая неудача озадачила его сильно; он глубоко призадумался, разыскивая, за что бы так прогневался Бог, что римское войско рассеялось в одно мгновение, хотя никто из врагов не преследовал его. Наконец между многими причинами он признал главнейшею — неустройство в гражданских делах и неправду в судах: этот застарелый и потому трудно излечимый недуг, разлившись по всей массе общества, производил большую неурядицу в делах и приносил много вреда государству. Болезни, случающиеся от какого-либо телесного расстройства, ограничиваются лишь некоторыми людьми и не распространяются на всех; но когда бывает заражен воздух, то необходимо заражаются и все, которые дышат одним и тем же воздухом; так же точно, говорил царь, относятся между собою проступки, дозволяемые людьми частным образом, и неправды в судах. Поэтому через несколько

дней он отправляется к патриарху Исае и прежде всего старается убедить его оставить свой гнев на епископов и разрешить от запрещения народ. Если царь, говорил он о себе, к которому явно относятся государственные преступления, прощает всем все, то патриарху, обязанному быть учителем мира, слишком неприлично питать в сердце вражду к людям и допускать, чтобы в гнев его заходило солнце много раз, тогда как не следовало бы допускать этого ни разу. Патриарх, убежденный царем, когда настало время божественной литургии, надев священное облачение, взшел на амвон и прочитал разрешение мирянам и живым и умершим. Но епископов и многих из пресвитеров не разрешил. Потом, по совершении патриархом со многими епископами и пресвитерами божественной литургии, царь избрал четырех человек⁵¹: в которых был уверен, что они будут исполнять судебные обязанности достойным образом. Из них один был епископ⁵². Среди святого храма царь вручил им право суда, дав им в то же время святое и божественное Евангелие, равно как и царский меч, и вместе истребовав страшнейших клятв в том, что будут творить суд нелицеприятный и неподкупный. Кроме того, он назначил им имения, которые доставляли хороший годовой доход, и тем поставил их в такое положение, что они сделались бы решительно безответными в случае нарушения данных клятв. Так было улажено дело. С наступлением осени, собрав все, какие были у римлян триеры в Византии, Лесбосе и других островах и приморских городах, равно как и монирь, и присоединив к ним еще четыре союзных триеры, принадлежавших владельцу Кикладских островов, царь отплыл на них, как разглашалось, против кораблей, принадлежавших варварам, а на самом деле против правителя хиосского Мартина. Будучи из рода тех латинян, которые были известны своим богатством и славою, он получил по преемству от отца право владеть упомянутым островом и пользоваться доходами с него; но он обязан был подчиняться, подобно рабу⁵³, римским царям и исполнять с полной готовностью все, что ни повелят они. Этот остров принадлежал собственно римлянам и отдан был отцу Мартина во владение и для пользования доходами еще дедом царя за какую-то давнюю услугу. Мартин получил от отца остров вместе с братом⁵⁴, но брата какими-то хитростями успел провести, а сам, как человек деятельный и сообразительный, построил

триеры и, разъезжая по морю, грабил варваров, которые населяли поморье Азии и с разбойническими видами плавали вокруг островов. В короткое время он навел на них такой страх, что стал получать с них ежегодную дань, чтобы только больше не вредил им. Быстро разбогатев и достигнув известности, он внушил римлянам подозрение, что недолго будет держать себя в подчинении царям. Поэтому-то царь совершил настоящее плавание тайно, без всякого труда взял остров, схватил самого Мартина и в оковах отправил его в Византию.

12. Было явно, что король Сербии не успокоится, пока не отомстит Михаилу за поругание и оскорбление своей сестры, так как последний, несмотря на то, что она была законная его жена и родила ему детей, преемников его власти, без всякого повода отверг ее и женился на сестре царя. Поэтому с наступлением весны Михаил отправляет посольство к царю и располагает его вторгнуться через области римские в землю трибаллов. Он собирался и сам выйти с огромным войском против короля, чтобы тот, не имея возможности отбиться с двух сторон, сделался слабее и уступил той и другой стороне как можно больше своих владений. Таким образом они и готовились к походу до самого конца весны. С наступлением же лета царь, так как не имел у себя сил, равных силам короля, достигнув до страны пелагонцев⁵⁵, расположился лагерем на одной равнине по соседству с крепостями, подвластными римлянам. Он остановился там на время, пока не услышит наперед, что Михаил со своей стороны сделал сильнейшее нападение на трибаллов, чтобы потом уже, смотря по обстоятельствам, и самому приняться за дело. В это время случилось и затмение солнца около двенадцати часов, шестнадцатого июля, простиравшееся не меньше как на одиннадцать пальцев, если кто наблюдал его, находясь на линии, которую можно бы провести через Византию; тогда солнце оставляло уже двадцать четвертую часть Рака; затмение началось с северо-западной и северо-северо-западной стороны, а кончилось почти на восточной. Между тем Михаил, двинув многочисленное войско, двенадцать тысяч своих воинов и еще три тысячи наемных скифов, напал на землю трибаллов через самую северную часть горы Гема, где находится большая часть истоков реки Стримона. Срядя четыре дня он воевал, дерзко опустошал землю огнем и мечом, вырубал деревья и грабил

всю страну, не встречая себе сопротивления нигде. Но на пятый день, с восходом солнца, явился и король Сербии, имея при себе огромное войско, блеском своего оружия ослеплявшее глаза зрителя. Когда те и другие войска выстроились и подняли знамена, король, воодушевив свои полки к отваге, сам бросился на знамя Михаила, имея при себе тысячу всадников-кельтов, которые отличались необыкновенным ростом, силою, редкою опытностью в воинском искусстве и были закалены в боях. Отняв знамя без большого труда, он устремился на строй Михаила и, стоптав и смяв большую часть войска Михаила, берет в плен и его – живого, но раненного. Прочее болгарское войско большею частью было изрублено там же, а оставшиеся в живых возвратились домой нагими. Михаил прожил еще три дня, едва сознавая свое несчастье, а на четвертый день скончался; его тело, смертельно раненное, не могло дольше жить. Царь, как скоро узнал об этом, тотчас же отправился в Византию, и не сделав ничего, и не потерпев ничего. Но, как мы уже много раз говорили, не найдется ни одного человека, который бы прожил весь свой век в неизменном благополучии и не возбуждая к себе зависти; эта роковая необходимость дала почувствовать себя и здесь. За блестящими удачами короля поднялась жестокая и страшная буря, которая отняла у него и унесла все радости жизни, даже лишила его самой жизни. Вот в чем дело. У него был от второй жены сын, имевший в это время двадцать два года от роду. Отец очень заботливо готовил его в наследники престола. Но когда женился на дочери кесаря⁵⁶, пятидесятилетний мужчина на двенадцатилетней девочке, и прежде, чем женил своего сына, начал рождать детей от дочери кесаря, его сын смутился подозрениями и опасениями, которые в его властолюбивую душу посеяли, вероятно, его сверстники. И вот он задумал, наконец, отложиться и восстать против отца. Видя, что он имеет такой замысел, тамошние вельможи, полководцы, таксидархи и все, соскучившиеся продолжительностью правления его отца, тайно приходили к нему поодиночке и раздували в нем мятежные мысли. Спустя немного времени, они взяли его к себе и, вооружив его против отца, провозгласили его королем сербским. Потом, когда в течение многих дней мало-помалу собрался около него весь цвет войска, они без труда заключили отца в узы и представили сыну; затем отвели в темницу. Сын, может быть, досадовал и не-

годовал на это, однако же молчал и не мог противиться своеволию народа. Он боялся, чтобы и самому не пострадать неожиданно-негладно. Прошло немного дней, и короля-отца задушили в темнице; такой-то горечи заставили его вкусить подданные под конец жизни за все его прежние радости и удачи, а сыну предоставили власть уже прочную и надежную и, выступив вместе с ним, немедленно завоевали римскую страну до Стримона и Амфиополя⁵⁷; тогда же взяли они и Струмницу с несколькими другими городками.

13. На следующий год царь, слыша, что из-за царства болгарского идет борьба между первою женою Михаила и его родственниками (сестра царя едва успела спастись оттуда бегством) и что многие там бьются и спорят из-за верховной власти, собрал в достаточном числе войско, напал на города, лежащие около Гема, и почти все взял без труда, так как жители передавались ему добровольно. В числе других переданся ему и приморский укрепленный и многолюдный город, называемый Месимврией. Живя здесь по большей части среди войска, царь скоро сделался угрюм — частью потому, что из-за войска город почувствовал недостаток в продовольствии, частью потому, что пришлось делать большие издержки. Когда же, после многих споров о власти, взял верх и утвердил за собою престол двоюродный брат Михаила Александр, то, набрав войска в Болгарии и прибавив к нему еще немало наемных скифов, он вторгся в область, граничившую с римскими владениями, простерся до самой Орестиады, собрал здесь огромную добычу, взял многие города при Геме с их собственного согласия, возвратил их снова Болгарии и, веселый, возвратился домой с большими сокровищами. В это время варвары взяли Nikeю, город обширный и знаменитый, покорив его голодом и продолжительной осадой. Они принесли оттуда в Византию множество святых икон и книг и двое мощей святых жен⁵⁸ и все это разменяли здесь на деньги. Безнаказанно поселившись в приморских местах Вифинии, варвары нало-

жили самые тяжелые дани на оставшихся в небольших городах, которых поэтому и не уничтожили совершенно вместе с их жителями, хотя это могли сделать легко и в самое короткое время. Впрочем, несмотря и на это, не оставляли их в покое, но делали на них частые нападения и забирали во множестве этих несчастных в плен и на суше, и на море. Между тем, великий логофет Метохит, возвратившись из ссылки, поселился не в своем доме, который давно уже, как мы сказали, был разрушен и обобран народом дочиста во время вступления царя в Византию, но поселился против и неподалеку от него, именно в святой обители Хоры, которую сам же некогда возобновил с большими издержками, видя, что она истерзана зубами времени⁵⁹. Эта обитель сначала, при царе Юстиниане, была построена в продолговатой форме. Потом, когда от времени разрушилась до основания, теща царя Алексея Комнина воздвигла новое здание в той форме, в какой видим его теперь. Наконец, когда время опять начало угрожать ему разрушением, логофет щедрою рукою отлично исправил его, кроме среднего храма. Таким образом, когда этот человек потерял все, что радовало его в жизни, эта обитель оказалась спасительною пристанью для его души и для тела. Смотря на эту святую обитель, он глубоко чувствовал в душе удовольствие; а видя развалины своего дома, делался печален и сгорал в душе от мучительного пламени, какой могут возбуждать в нас тяжкие удары и несчастья. В то же время он сам с собою дивился ненасытности судьбы — тому, что и самый фундамент его великолепного дома не остался в прежней своей красе, но испытал то, чего от века не случалось с другим и что не могло и в голову прийти; фундамент весь был разобран и отослан в подарок владельцу западных скифов, который просил его себе для украшения своего дома. Сверх всего, правительственными лицами было возбранено Метохиту переговариваться со стариком-царем и лично и через других; это обстоятельство также приносило ему немало огорчения.

Книга X

7. С наступлением весны король собрал войска, а Сиргианн разослал тайные письма по всей римской империи, начав от сопредельной области трибаллов и простираясь по всему приморскому краю и внутренним землям до самой Византии; в этих письмах он обещал и участки земли, и денежные подар-

ки, и почести, и прочее тому подобное. Поэтому почти все приняли его сторону, предались ему душой всецело и побуждали его и письмами и деньгами скорее выступить в поход. Царь, давно зная об уме этого человека, о его сообразительности и находчивости в делах этого рода, сильно боялся как за себя самого,

так и за все государство, и думал, что его нападение будет успешнее, чем если бы напали скифы и все народы. Против полков иноплемennых врагов он мог выставить единоплеменные города, естественно питающие отвращение к ним по различию вероисповедания; но война с единоплеменником и единоверцем исторгала у царя с корнем и эту надежду и отнимала у него всю бодрость, — он только что у ворот дворца не видел вражеского огня, устремляющегося отовсюду, и с суши, и с моря. Впрочем, хотя и отчаивался, однако же принимал какие мог меры, возложив всю надежду на Бога. Так он и всегда поступал; это, так сказать, сроднилось и сжилось с ним, обнаруживалось же особенно при больших несчастьях. Итак, прежде всего он укрепил величайшими башнями царский дворец и ворота; кроме того, сложил там запасы хлеба, которых стало бы на долгое время и для гарнизона, и для него самого, в случае надобности; он воображал, что вражеский дым проникнет и в царские палаты. Потом, намереваясь отправиться в Македонию, чтобы личным присутствием пригрозить тамошним городам, тайно замышлявшим измену, преемником патриаршеского престола по смерти Исаяи он поставил Иоанна, происходившего из города Апоров⁶⁰ и в то время имевшего сан священника в придворном клире. Ему-то пред лицом Бога вручает царь среди великого храма св. Софии супругу-государыню и детей, поручая ему быть для них попечителем и хранителем после Бога, если государству приключится какое-нибудь неожиданное бедствие. Сделав это, он со всею поспешностью поехал в Македонию, не взяв с собою никакого войска; так как все уже стали для него подозрительными, кроме одних самых верных домашних слуг и великого domestика Кантакузина, которого время выдвинуло из ряда всех других как человека единомысленного и преданного царю, который возбуждал к себе расположение не только царя, а и всякого. Но нужда часто бывает изобретательна. После долгих размышлений, наконец, царю пришло на мысль, что меры благоразумия и хитрости оказываются гораздо действительнее оружия в большей части случаев, особенно же во время бранных тревог. Здесь он перенесся мыслью к делам древних — к тому, как легко Дарий Мидянин через Зопира взял неприступный Вавилон; как Антигон, могущественнейший из Александровых преемников, был много раз побежден Евменом, вышедшим также из знамени-

той школы Александра и через упражнения в ней сделавшимся искуснейшим полководцем, и как он, быть может, был бы лишен Евменом не только своих сил, а и самой жизни, если бы не действовал на этого человека издали, посредством хитростей и тайных козней; как еще прежде их афинянин Фемистокл истребил огромный флот мидян, употребив в дело хитрые и коварные слова, когда не мог сделать ничего другого. Когда царь находился в таком раздумье, к нему приходит один из сенаторов, Сфранц Палеолог и, отведши его в сторону, начинает тайно говорить с ним о предмете настоящих забот; на обещание же богатства и славы, данное царем, отвечает обещанием, что, прикинувшись беглецом, убьет Сиргианна. Прошло после того немного дней, и в окрестностях Фессалоники, где тогда находился царь, разнеслась молва, будто Сфранц Палеолог, распродав весь свой скот, сколько его было, с полными руками ушел перебежчиком к Сиргианну. Царь, услышав об этом и притворясь ничего не знающим, послал описать его дом, а его жену приказал с позором провести по площади. Это обстоятельство больше всего расположило Сиргианна принять Сфранца без всякого подозрения и считать его наилучшим своим советником. Некоторые из преданных ему людей тайно много раз писали ему из Фессалоники и Веррии: “Не с добрым умыслом отправился к тебе Сфранц; он пошел убить тебя”. Но Сиргианн не верил им и, взяв с Сфранца страшную письменную клятву пред божественной и святой трапезой во время совершения божественной литургии, оставался затем вместе с ним и обращался без всякого подозрения и страха. Ему следовало за то, как он некогда пострадал с другими, и самому потерпеть то же — доверчивостью к ложным клятвам поплатиться за собственное клятвопреступничество, которым он оскорбил деда этого царя, царя Андроника и, можно сказать, самого Бога, потому что клятвопреступничество делает человека виновным в презрении к Богу. Мы уже говорили выше, как он посеял раздор между двумя царями и сделался главным виновником всех последних смут. Король уже в половине лета, взяв войска, последовал за Сиргианном, прямо направившимся к Фессалонике; к ним легко присоединялись встречавшиеся на пути города и области — одни потому, что давно желали правления Сиргианнова, другие потому, что боялись за колосившийся хлеб, так как тогда была пора жатвы. Между тем Сфранц,

желая известить царя о своих действиях, а вместе избежать подозрения в глазах Сиргианна, придумал средство очень замысловатое и дьявольски хитрое. Пришедши к Сиргианну, он сказал, что у него с двумя лицами, имеющими свободный доступ в спальню царя, заключены условия, по которым они обязались при первом удачном случае умертвить царя; поэтому ему нужно послать напомнить им об условиях. Получив на это дозволение, он через посланных известил царя о своих действиях. Известие состояло в следующем. Привести в исполнение свой замысел так, чтобы и самому остаться вне опасности, он не имел возможности, потому что Сиргианн ночью и днем окружен многочисленною толпою и никогда не остается один. Нужно поэтому поставить несколько воинов досмотрщиками в предместьях Фессалоники, чтобы они, заметив приближающиеся с Сиргианном войска, приняли меня, когда я побегу из лагеря к городу, прежде чем, будучи узнан, погибну, ничего не сделав. Постыдно, после долгих выжиданий, возвратиться с пустыми руками, но еще постыднее – после долгих выжиданий не только ничего не дожидаться, а еще оставить жизнь у неприятельского порога. Сиргианн, выступив вместе с королем и военными силами, без труда, одной молвой о себе покорял все. Он готов был подступить уже и к самой Фессалонике; фессалоникийский народ с нетерпением ждал его прихода и положил, отворив ворота, беспрепятственно впустить его в город; а царь терзался в душе тяжелыми заботами, терялся от мыслей, толпившихся в его голове и приводивших его в отчаяние, и из глубины души пламенно просил себе божественной помощи; он то ободрял себя надеждою, памятуя обычное человеколюбие Божие

к нему, то совсем падал духом и предавался отчаянью. Впрочем, он выслал за стены тридцать досмотрщиков согласно предупреждению Сфранца; при самом же входе в пристань он имел легкую на ходу триеру – на нее он рассчитывал, по возвращении Сфранца ни с чем, перебраться поспешно вместе со всеми своими и как можно скорей отплыть в Византию. Между тем войска Сиргианна очутились неподалеку и расположились лагерем не более как на шестьдесят стадий от крепости с намерением, по-видимому, на следующий день сделать к ней приступ. Сфранц совсем было отчаялся в выполнении того, о чем так хлопотал, и стал заботиться об одном лишь побеге. Придумав для этого предлог, он приходит по обыкновению к Сиргианну и говорит ему, что хочет, немного отойдя от лагеря, осмотреть часть крепостных стен, защищены ли они вооруженными людьми или нет. Тот, не подозревая в его словах никакого злого умысла, сказал: “Ступай, за тобой я пойду и сам”. Сфранц пошел вперед с двумя служителями, которые знали о его убийственном замысле. А Сиргианн отправился один, как будто сам Бог отнял у него разум в то время, когда он воображал, что достиг уже всего. Когда они отошли от лагеря стадий на двенадцать, то, обратившись назад, увидели, что, сверх всякого чаянья, сама судьба доставляет им желанный случай. Они окружили Сиргианна и изрубили мечами, а сами тотчас же, прежде чем кто-либо узнал об этом в лагере, бегом ушли в крепость. На другой же день король, отчаявшись в успехе своего дела, заключил мир, которого просил царь, виделся и беседовал с царем, выходявшим к нему из крепости, и, приняв от него некоторые подарки, удалился домой. В таких-то делах прошел этот год.

Книга XI

3. С наступлением уже весны множество скифов, переправившись через Истр, прошло всю римскую Фракию до самого Геллеспонтского моря. Здесь, случайно встретившись с некоторыми из тех турков, которые разбойнически часто переправляются чрез Геллеспонт опустошать всю приморскую Фракию, скифы с ожесточением напали на них, как собаки на мертвое тело, и одних связанными взяли с собой, а других изрубили. Это нашествие скифов не было подобно другим предшествующим. Прежде они, двинувшись подобно потоку, стремительно низвергающемуся с горы и захватив все встретившееся на пути, на

другой же день удалялись назад. Но теперь они так замедлили, что в течение целых 50 дней не переставали грабить и опустошать страну, доводя ее до крайне бедственного положения. Потом удалились, имея при себе множество пленных – более 300 000, как говорили многие. Причиною такого набега, по словам некоторых, было то, что римляне не позаботились послать обычных даров правителю скифскому и его вельможам. Это страшное нашествие предугазано было и лунным, и солнечным затмением⁶⁰, из которых одно случилось на 16-й день после другого. Именно: лунное было тогда, когда солнце находилось в

первой части Рыб, а солнечное, – когда солнце прошло уже пятнадцатую часть этого знака. В это время царствовал в Трапезунте Василий, сын Алексея Комнина, которого власть как отцовское наследство была уже прочно закреплена за ним после продолжительной борьбы и который имел супругою побочную дочь царя Евдокию⁶¹. Между тем умер насильственной смертью правитель Этолии и Акарнании, граф Иоанн. Божественное правосудие, видно, наконец покарало и его, как и его предшественников. Он достиг власти, убив своего брата, подобно тому, как последний убил своего дядю по матери. А так как божественное правосудие не оставляет навсегда злодеяниям оставаться безнаказанными, то и он лишился жизни насильственно, от яда, незаметно поднесенного ему его собственной женой. Она, боясь погибнуть от своего супруга, вследствие больших семейных неприятностей, наперед сама погубила его и таким образом вместе с двумя малолетними сыновьями сделалась наследницею власти над этолянами и акарнанами. Что же касается до царя, то он давно уже и много раз слышал от весьма многих лиц, что те судьи, которые клялись судить справедливо и не нарушать правды лицепритием и о которых мы уже упоминали выше, забыв свои письменно данные страшные клятвы, забыв свои обязательства перед церковью и царем, творят суд не неподкупно, но бесстрашно берут взятки, кривят правосудием и, что еще хуже, принимая подарки с обеих прикосновенных к делу сторон, не оканчивают судных дел, но, вручая тяжущимся одному за другим выписки из дел, содержащие судебные мнения, отпускают их с прежними обвинениями и прежнею враждою одного против другого. Царь, говорим, от многих лиц слышал об этих и тому подобных вещах, но сперва не мог поверить, полагаясь на важность данных судьями клятв. Наконец в собрании епископов и пресвитеров, составившемся в великом и святом храме святой Софии под совместным председательством его самого и патриарха, он предложил каждому желающему принести жалобы на тех судей. И вот было высказано множество неопровержимых обвинений – больше, чем царь прежде слышал. Оставляя прочее, что было в собрании, скажу только, что из четырех судей лишь один оказался невинным во взяточничестве. Остальные же, опасаясь быть растерзанными от народа, поспешили сами себя осудить; они обещали возвратить взятое кому

следует и совершенно отказались от судопроизводства. Кроме того, епископ из числа их был лишен сана и низвержен. Все же они определением царя были высланы из столицы.

5. Но я едва было не опустил кое-чего такого, на чем считаю нужным остановиться теперь. В это лето, когда солнце уже достигло летних поворотов, начала появляться комета на северной стороне горизонта каждый вечер, тотчас по заходе солнца. Впрочем, говоря точнее, это была не комета, а Погонияс⁶² – звезда с хвостом, похожая на меч. Она стала заметна у самых ног Персея, со своим длинным хвостом, обращенным к востоку и находившимся близ хребта Тельца. Потом каждый день подвигалась почти на три градуса к северному полюсу. Пройдя северный полюс и за ним Малую Медведицу и клешни Дракона, она коснулась правой ноги Геркулеса и после него венца Ариадны. Далее прошла левую руку Офиуха. А так как здесь находится широта Зодиака, равноденствие и место жара, то комета долее не могла сохраняться при своем составе из разрешившейся в пары влаги, но начала рассеиваться с хвоста, а наконец и сама исчезла совершенно, так как была не звезда, а только призрак звезды. К сказанному прибавлю и другой стоящий внимания рассказ. В эти времена одна из скифянок, имеющих жительство по ту сторону Истра, не имевшая ни мужа, ни детей, увидев перед дверьми своего дома приведенных из Фракии пленников (а она издавна желала переселиться к римлянам и принять святое крещение), купила и взяла к себе в мужья одного из этих пленных христиан, обняв его наперед клятвою, чтобы он не оставлял сожительства с нею даже и тогда, когда бы они переселились куда-либо в другое место. Но в ожидании удобного времени для переселения прошел целый год, в течение которого у нее одно дитя родилось, а другое зачалося, после чего ее любовь к мужу сделалась еще сильнее и живее. Случилось же так, что на следующий год приведена была пленною и первая жена упомянутого мужа, который встретил ее со слезами. Узнав о причине слез, скифянка не только не рассердилась на своего мужа и не стала ревновать его к первой жене, но купила и ее, чтобы последняя помогала ей по хозяйству и вместе утешалась, глядя на своего мужа. Между тем, когда при удобном случае скифянка приняла святое крещение и прибыла в царствующий город, то первая жена, придя к патриарху, с воплем и слезами жаловалась ему на обиду от скифянки, будто бы

отнявшей у нее мужа. Но когда явилась и эта и обстоятельно рассказала, как было дело, то не нашлось никого, кто бы признал ее хотя в чем-либо виновною; потому что скифянка была госпожою их обоих, которая своими деньгами спасла их, можно сказать, от диких зверей. Итак, когда все молчали, не находя ее виновною ни в чем, она сама решила дело так. Мужу она даром предоставила свободу, имея в виду, что жила с ним и прижила детей; жене же хотя хотела сделать то же, но не сделала, потому что нуждалась в деньгах для содержания себя на чужбине с двумя детьми. “Пусть она, – сказала эта женщина, – принесет то, что

я дала за нее, и отправляется с мужем. А я буду жить остальное время со своими детьми, предав себя в руки милосердного Бога”. Такое решение все вместе с патриархом превознесли похвалами и подивились великодушию этой женщины. Но спустя немного ее правота увенчалась соответствующим ей исходом дела по воле человеколюбивого и вместе правосудного Бога. Та жена, отправившись для сбора выкупа к своим землякам во Фракию, где жила прежде, снова попалась в руки скифов, неожиданно напавших на Фракию, и была уведена ими в плен, а ее муж уже окончательно стал жить с этой добросердечной скифянкой.

Примечания

¹ Вольфий при этих словах делает догадку, что Григора понимает здесь или неподвижность земли, так как она считалась некогда неподвижным центром вселенной, или смену времен года, при которой земля то остается обнаженной и бесплодной, то делается цветущей и покрывается плодами, – подобно тому как Фортуна и Луна называются постоянными при своей подвижности.

² Т. е. Андронику II Палеологу Старшему (ок. 1260–1332, соправ. с 1272, имп. в 1282–1328), при котором Григора пользовался особенным значением, нежели при Младшем. Но о каких историках здесь дело идет или к кому особенно относится обличительная речь имп. Андроника, это по ее содержанию определить нелегко; разве разумеет здесь Георгия Пахимера, который в последней части своей истории говорит о делах Андроника Старшего, по-видимому, но с большим расположением к этому императору и который свой труд кончил в его царствование, на 80-м году его жизни, как сам свидетельствует (XIII, гл. последн.).

³ Здесь не мешает припомнить знаменитую Тарпейскую скалу у древних римлян, с которой многие имели несчастье быть брошены стрелглав.

⁴ Многие думали, что *трагеларфов* (*τραγέλαφος* миф. ‘козлоолень; козерог’) никогда не существовало, отчего у греков вошло в обычай в простонародье называть это животное кат’ οὐδένος ‘никто’ или ‘ничто’.

⁵ Константинополь был взят латинянами в 1204 г., 12 апреля, во вторник на шестой неделе Велико поста.

⁶ В 1205 г., потому что он [Феодор I Ласкарис, ок. 1175–1221 или 1222, в 1204–1206 деспот, с марта 1205 или 1206 имп. Никейский] царствовал 18 лет, из которых последнее упадет на 1223 г.

⁷ Алексей Комнин – внук Андроника I Комнина по его сыну Мануилу. Алексей и его брат Давид, приняв титул Великих Комнинов, при поддержке грузинской царицы Тамары основали Трапезундскую империю.

⁸ Михаил Ангел Комнин – побочный сын севастократора Иоанна Ангела.

⁹ Блезы (Bloys или Blois) – графство и красивый город при р. Лигерис (Лоаре); в нем обыкновенно жили цари.

¹⁰ В тексте стоит ῥήξ – гех. У константинопольцев слово ῥήξ значило меньше, чем βασιλεύς ‘василевс’. Рексом они называли и западного императора и вообще каждого государя, исключая одного болгарского, которого, как и своего константинопольского, называли василевсом.

¹¹ То же самое рассказывает о татарах.

¹² Этих скифов Вильгардуин называет команам. Где жили скифы-команы, объясняет Григора во II кн., 2 гл.

¹³ Юстиниан I Великий (482/483–565, имп. с 527) – византийский император Флавий Петр Савватий Юстиниан, родившийся в Иллирике или Таурисии близ Бедриан, в крестьянской семье. По легенде, он имел якобы славянское происхождение и носил имя Управда.

¹⁴ Разумеется независимость епископа этого города от патриарха или какого-либо митрополита.

¹⁵ Лихнит (λιχνίτης) – паросский мрамор.

¹⁶ Под названием *скифов* здесь разумеются татары, которые в это время опустошили многие страны Европы и Азии.

¹⁷ Халай (Χαλαῖ) – Хулагу, Хулагу-хан (1217–8 февр. 1265, Марага, Иран), сын Толуя, младшего сына Чингисхана (1155–1227), основатель династии и государства Хулагуидов.

¹⁸ Телепуга (Τελεπουγᾶς) – монгольский хан (1287–1290), известный в русских летописях как Телебуга, Телебугъ (Moravcsik. Byzantinoturcica II: 304). Никифор под его именем представляет Толуя, младшего сына Чингисхана, наследовавшего собственно Монголию и 101 из 129 тысяч войска, но описывает действия Батыя, племянника Чингисхана.

¹⁹ Это нападение татар на европейские страны осуществил Батый, племянник Чингисхана.

²⁰ Было две Комании: одна на севере, в смежности с Венгрией или по ту сторону Дуная; другая – в Азии, куда некогда перебрались команы с другими северными народами. Здесь идет речь о первой, которую Анна Комнина (кн. VIII) и магистр Рожер (De destruct. Hungariae: 20) помещают между Танаисом, Борисфеном и Дунаем.

²¹ Персидские области, смежные с Индией.

²² Ятатин (Γιαθατίνης) – Ятадин (Ясаддин, Яфаддин), сын султана Азатина (Иззеддина).

²³ Побочная дочь императора Фридриха II.

²⁴ Имеется в виду послание Иоанна Блемида.

²⁵ Войска татар, которых Акрополит и Пахимер (II: 24) постоянно называют тохарами.

²⁶ Κονοσταλός или κόντοσταυλος – ит. contostabile, фр. connestable. Этим иноземным названием у константинопольцев назывался начальник над иноземными войсками.

²⁷ У Акрополита (XXIII) она названа Ириной.

²⁸ Это та сторона, которая в настоящее время называется Перой.

²⁹ Норадин или Алмансур Нурадин; начал

царствовать в 355 г. хиджры или 1237 г. от Р. Х. и завладел в Сирии городами, бывшими в руках крестоносцев.

³⁰ Иначе – галлов.

³¹ Т. е. Болгарии. Загория – область около Девельта во Фракии.

³² Он первый из дук или правителей трапезунтских назвал себя императором.

³³ Умер Михаил VIII Палеолог 11 декабря 1282 г. Пахимер пишет, что тело Михаила ночью было его родственниками перенесено в соседний новый монастырь. Тела отлученных от Церкви обыкновенно бросали на полях без погребения, набрасав на них земли, чтобы не страдало обоняние и не возмущалась душа при виде ужасного зрелища. Михаил, впрочем, явно не был отлучен от Церкви за единение с латинянами, как был отлучен прежде за ослепление дитяти Ласкаря.

³⁴ Он был придворный протоапостоларий. В восточной Церкви бывали учителя, которые обыкновенно народу послания апостольские. Первый-то из них и назывался протоапостоларий.

³⁵ Здесь Григора переменяет имя Георгия на имя Григория, потому что последнее он получил в монашестве.

³⁶ См. Пахимер IX: 3, 6. Она называлась Рикой, а греки называли Ксенией или Марией. Она была сестра Айтона II, царя Армении, дочь Льва II.

³⁷ Протовестиарий был не то же, что протовестиарий. Протовестиарий начальствовал над вестиариями, лицами, на руках, которых был царский гардероб. А протовестиарит заведовал государственной казной и отличался от протовестиария самой одеждой.

³⁸ Димы – здесь ступени ипподрома, на которых обыкновенно садились δῖμοι или толпы народа.

³⁹ Григора не раз называет алан массагетами.

⁴⁰ В 1305 г.

⁴¹ Фракийский город, расположенный на мысе, внизу которого находились каменоломни.

⁴² Великий папий был смотритель дворца и жил во дворце. Его должность была в числе первых.

⁴³ Иоанна Палеолога, зятя Метохитова.

⁴⁴ Демокрит и Гераклит – два философа древ-

ности; из них первый, положив в основание всего существующего атомы, весело смотрел на все, а другой, взяв за начало огонь с его истребительной силой, постоянно горевал, предвидя всеобщее разрушение.

⁴⁵ Тенар слово чисто финикийское и означает скалу. Страбон говорит, что в горе Тенар были каменоломни; около нее занимались и добыванием пурпура.

⁴⁶ Трофоний – имя прорицателя, который жил в Беотии; кто спускался в эту пещеру, тот потом целую жизнь не улыбался.

⁴⁷ Другие, напр. Анна Комнина, называют Струмбицей. Древнее название Тевериополь.

⁴⁸ В честь Дия или Юпитера.

⁴⁹ Это были у лакедемонян священные игры; совершались они в ночное время в честь отрока Иакинфа, которого убил Аполлон диском (железная или свинцовая плитка) в игре (Овидий. Метаморфозы I: 10, 219). Продолжались три дня.

⁵⁰ Т. е. Мария или Ксения, дочь царя Армении, Льва II; она была матерью обоим, т. е. не только Андронику, но и Михаилу как теща последнего по своей дочери Марии.

⁵¹ Речь идет об учреждении института кафолических судей.

⁵² Т. е. митрополит Апра.

⁵³ Так греки обыкновенно выражаются о том, кого латиняне называют вассалом.

⁵⁴ Бенедиктом Захарией.

⁵⁵ Пелагония – область, с которою к юго-западу граничит Македония.

⁵⁶ Дочери кесаря Иоанна Палеолога и внучке императора Михаила Палеолога, Марии.

⁵⁷ Македонский город.

⁵⁸ В Минеях значатся под 12 июня св. Антонина и под 28 июля св. Феодота с тремя своими сыновьями, пострадавшими в Никее.

⁵⁹ Намек на Крона или Сатурна, поедающего своих детей.

⁶⁰ Кальвизий полагает солнечное затмение 2 марта 1337 г.

⁶¹ Ниже в гл. 8 Григора называет ее Ириной.

⁶² От πόγων ‘борода’.

Источник: Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1 [книги I–XI] (1204–1341) / Перевод под ред. бакалавра П. Шалфеева. – СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1862.

Марк Туллий Цицерон

Marcus Tullius Cicero

Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.), римский оратор, политический деятель, философ. Образование получил в Риме и Греции. Рано сделал политическую карьеру. Возглавив борьбу против заговора Катилины (63 г.), приказал в нарушение конституции казнить видных его участников без суда, на основании одного лишь сенатского решения, за что в 58 г. оказался в изгнании. В 50–51 гг. управлял провинцией Киликия в Малой Азии и даже одержал военную победу над парфами. В гражданской войне между Цезарем и Помпеем выступал на стороне Помпея, считая его защитником республиканских идеалов, и последовал за ним в Грецию. После поражения

Помпея в 48 г. под Фарсалией в 47 г. Цицерон возвратился в Италию и примирился с Цезарем. В это время Цицерон переживал также семейный кризис: в 46 г. он развелся с первой женой Теренцией и вступил в неудавшуюся связь с юной Публией. В 45 г. пережил смерть любимой дочери от первого брака Туллии. Цицерон уединился в своем доме, ища утешения в философии и литературном труде. Но в 44 г., после убийства Цезаря, в 14 речах, названных самим Цицероном филиппиками (в подражание Демосфену), он напал на Марка Антония, которого считал главным врагом республики, видя спасение в его политическом сопернике – юном Октавиане Августе. По

заклучении так называемого II Триумвирата в 43 г. между Антонием, Октавианом и Лепидом, Антоний и его жена Фульвия, вдова трибуна Клодия (ок. 93–52), добились у Октавиана смерти для своего врага. 7 декабря 43 г., согласно проскрипции (предписанию) Октавиана, Цицерон был убит центурионом Герением неподалеку от его виллы в Формии. Отрубленные голова и руки Цицерона были доставлены Антонию и его жене в Рим, а затем выставлены на ораторской трибуне.

“Век Цицерона” продолжился без него.

Цицерон – автор философских и юридических трактатов, писем и судебных речей, по которым учились красноречию многие поколения юристов древности, средних веков и нового времени. 56 судебных и политических речей Цицерона сохранились полностью, 20 дошли до нас в виде фрагментов, еще 35 известны лишь по заглавиям. Почти полностью утраченный трактат «Риторика» («*Libri Rhetorici*») в 2 книгах был написан Цицероном еще в юношестве (83 г.). Трактат «Об ораторе» («*De Oratore*») в 3 книгах (55 г.) доныне слу-

жит учебным пособием судебной риторики. К 46 г. относится книга «Брут» («*Brutus*») по истории ораторского искусства. Из трактатов по философии права особое значение имеют 6 книг «О государстве» («*De Re Publica*», 53 г.), 6 книг «О законах», или «О правах» («*De Legibus*», 51 г.), 3 книги «О долге», или «Об обязанностях» («*De Officiis*», 44 г.). В 46–45 гг. были написаны философские трактаты «О пределах добра и зла», или «О разграничении добра и зла», иначе «Наивысшее благо и наибольшее зло» («*De Finibus Bonorum et Malorum*»), «Тускуланские беседы (диспуты)» («*Tusculanae Disputationes*»), «Катон Старший о старости» («*Cato Maior de Senectute*»), «Лелий о дружбе» («*Laelius de Amicitia*»), религиозно-философские сочинения «О природе богов» («*De Natura Deorum*»), «О дивинации, или предсказании» («*De Divinatione*»), «О судьбе» («*De Fato*») и др. Из несохранившихся сочинений известны его труды «О гражданском праве», «Об авгурах», «О славе», «О философии», «Об укреплении государства» и др.

Марк Туллий Цицерон

Речь о консульских провинциях

[В сенате, вторая половина мая 56 г. до н. э.]

Перевод В. О. Горенштейна

ХП. (29) Однако во время моих выступлений по упомянутым вопросам господствовало общее молчание; теперь, когда речь идет о назначении провинций, меня прерывают, хотя ранее дело шло об оказании почета лично Цезарю, а в этом вопросе я руководствуюсь только соображениями насчет войны, только высшими интересами государства. Ибо для чего еще сам Цезарь может желать остаться в провинции, если не для того, чтобы завершить и передать государству начатое им дело? Уж не удерживают ли его там привлекательность этой местности, великолепие городов, образованность и изящество живущих там людей и племен, жажда победы, стремление расширить границы державы? Что может быть суровее тех стран, беднее тех городов, свирепее тех племен; но что может быть лучше стольких побед, длиннее, чем Океан¹? Или его возвращение в отечество может навлечь на него какую-либо неприятность? Но с какой стороны? Со стороны ли народа, которым он был послан, или сената, которым он был возвеличен? Разве отсрочка усиливает тоску по нему?

Разве она не способствует скорее забвению, разве не теряют, за длинный промежуток времени, своей свежести лавры, приобретенные ценой великих опасностей? Поэтому если кто-нибудь недолюбливает Цезаря, то у таких людей нет оснований отзываться его из провинции; они отзываю его для славы, триумфа, благодарственных молебствий, высших почестей от сената, благодарности всаднического сословия, восхищения народа. (30) Но если он, служа пользе государства, спешит насладиться этим столь исключительным счастьем, желая завершить все начатое им, то что должен я делать как сенатор, которому надо заботиться о благе государства, даже если бы Цезарь хотел иного? Я лично, отцы-сенаторы, полагаю так: в настоящее время нам при назначении провинций надо принимать во внимание интересы длительного мира. Ибо кто не знает, что нам больше нигде не угрожает никакая война, что нельзя даже предположить это? (31) Мы видим, что необъятное море, которое своими бурями тревожило, не говорю уже – наши морские пути, но даже города и

военные дороги², благодаря доблести Гнея Помпея уже давно во власти римского народа и представляет собой, от Океана и до крайних пределов Понта³, как бы единую безопасную и закрытую гавань; мы видим, что те народы, которые ввиду своей огромной численности могли наводнить наши провинции, Помпей частью истребил, частью покорил, так что во-круг Азии, которая ранее составляла границу нашей державы, теперь расположены три новые провинции⁴. То же самое могу сказать о любой стране, о любом враге. Нет племени, которое не было бы подавлено настолько, что едва дышит, или укрощено настолько, что ведет себя смирно, или умиротворено настолько, что радуется нашей победе и владычеству.

ХIII. (32) С галлами же, отцы-сенаторы, настоящую войну мы начали вести только тогда, когда Гай Цезарь стал императором; до этого мы лишь оборонялись. Императоры наши всегда считали нужным военными действиями оттеснять эти народы, а не нападать на них. Даже знаменитый Гай Марий, чья ниспосланная богами исключительная доблесть пришла на помощь римскому народу в скорбное и погибельное для него время, уничтожил вторгшиеся в Италию полчища галлов, но сам не дошел до их городов и селений. Только человек, разделявший со мной труды, опасности и замыслы, Гай Помптий⁵, храбрейший муж, закончил в несколько сражений внезапно вспыхнувшую войну с аллоброгами, вызванную преступным заговором, покорил тех, кто ее начал, и, удовлетворенный этой побе-

дой, избавив государство от страха, ушел на отдых. Замысел Гая Цезаря, как я вижу, был совершенно иным: он признал нужным не только воевать с теми, кто, как он видел, уже взялся за оружие против римского народа, но и подчинить нашей власти всю Галлию. (33) Он добился полного успеха в решительных сражениях против сильнейших и многочисленных народов Германии и Гельвеции; на другие народы он навел страх, подавил их, покорил, приучил повиноваться державе римского народа; наш император, наше войско, оружие римского народа проникли в такие страны и к таким племенам, о которых мы дотоле не знали ничего – ни из писем, ни из устных рассказов, ни по слухам. Лишь узкую тропу в Галлии⁶ до сего времени удерживали мы, отцы-сенаторы! Прочими частями ее владели племена, либо враждебные нашей державе, либо ненадежные, либо неведомые нам, но, во всяком случае, дикие, варварские и воинственные; не было никого, кто бы не желал, чтобы народы эти были сломлены и покорены. Уже с начала существования нашей державы не было никого, кто бы, размышляя здраво об интересах нашего государства, не считал, что наша держава более всего должна бояться Галлии. Но ранее, ввиду силы и многочисленности этих племен, мы никогда не сражались с ними всеми сразу; мы всегда давали отпор, будучи вызваны на это. Только теперь достигнуто положение, когда крайние пределы нашей державы совпадают с пределами этих стран.

Примечания

¹ Древние называли Океаном моря, омывающие Европу с северо-запада.

² Речь идет о пиратах, уничтоженных Помпеем.

³ Понт Евксинский – Черное море.

⁴ Провинции Вифиния, Понт и Сирия, организованные Помпеем после войны с Митридатом VI.

⁵ Претор в 63 г. Вместе с претором Луцием

Валерием Флакком в ночь на 3 декабря задержал послов аллоброгов и захватил письма сторонников Катилины; впоследствии был пропретором в Галлии, в 51–50 гг. – легатом Цицерона в Киликии.

⁶ Нарбонская Галлия, через которую лежал путь в Испанию.

Источник: Марк Туллий Цицерон. Речи в двух томах. Том II (62–43 гг. до н. э.) / Издание подготовили В. О. Горенштейн, М. Е. Грабарь-Пассек. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Публий Вергилий Марон

Publius Vergilius Maro

Вергилий (70–19 до н. э.), римский поэт. Автор сборника «Буколики», или «Пастушеские песни» («Eclgae», или «Bucolica», 42–38 до н. э.), дидактической поэмы «Георгики», иначе «Поэма о земледелии» («Georgica», 36–29) и неоконченной эпической поэмы «Энеида» («Aeneis») – о гибели Трои и фантастичес-

ких приключениях легендарного троянца Энея, посетившего преисподнюю, основавшего царство на латинской земле и явившегося предком Августа.

«Энеида» была задумана и написана в классической манере по образцу «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. Наряду с новейшим пол-

ным и достаточно адекватным русским переводом С. Ошерова, на который мы опираемся в данной хрестоматии, укажем также на пользующиеся значительной популярностью более свободные и поэтичные изложения

А. Фета [Вергилий. Энеида / Пер. А. Фета. Ч. 1-2. – М., 1888] и В. Брюсова и С. Соловьева [Вергилий, Публий Марон. Энеида / Пер. В. Брюсова и С. Соловьева. Ред. Н. Ф. Дерата-ни. – М.-Л., 1933].

Публий Вергилий Марон

Энеида

Перевод и комментарии С. Ошерова

Книга I

- 490 Вот амазонок ряды со щитами, как серп новолунья,
Пентесилея¹ ведет, охвачена яростным пылом,
Грудь нагие она золотой повязкой стянула,
Дева-воин, вступить не боится в битву с мужами.

Книга V

- Стал между ними Эней, и такую речь произнес он:
“Нашим внимайте словам и примите их радостно в сердце!”
305 Сколько бы ни было вас, ни один не уйдет без награды:
По два кносских копья, лощеной блистающих сталью,
К ним двуострый топор с насечкой серебряной дам я
Всем без различия в дар. Но три особых награды
Я победившим вручу, увенчав их бледной оливой:
310 Первый получит коня в драгоценной сбруе наборной,
Ждет второго колчан, добытый в стране амазонок,
Полный фракийских стрел; обвивает его золотая
Перевязь, пряжкой она скреплена с самоцветом округлым.
Этот аргосский шлем наградой третьему будет”.

Книга XI

- 425 Многое времени труд изменяет, многое может
День исправить один, и Фортуны нрав переменчив:
То посмеется она, то дела наши снова упрочит.
Помощи пусть из Арп не пришлет нам царь этолийцев, –
С нами будет Мессап, и счастливый Толумний, и с нами
430 Многих народов вожди. Не минует великая слава
Лация лучших бойцов и воителей с пашен Лаврентских.
С нами Камилла², чей род средь вольсков издавна чтится,
Конных бойцов она привела, блистающих медью.

Дочь Латоны меж тем призвала проворную Опис,
Нимфу, средь спутниц ее блиставшую в сонме священном,
В свой небесный чертог и с такою скорбною речью
535 К ней обратилась: “На бой снаряжается ныне Камилла,
Наш надевает доспех, бесполезный в сече жестокой.
Всех мне дороже она. Не сегодня явилась к Диане
Эта любовь и зажгла внезапной нежностью душу:
В дни, когда был озлобивший всех произволом надменным
540 Свергнут с престола Метаб, то, старинный Приверн покидая,
В бегство средь распрей и смут пускаясь, унес он в изгнание
Дочь-малютку с собой и, Касмиллы-матери имя
Чуть изменив, назвал в честь нее младенца Камиллой,
Шел он, дитя прижимая к груди, в далекие горы,
545 В дебри лесов, а вокруг с оружием рыскали вольски,

- Смертью Метабу грозя. И вдруг преграждает дорогу
Пенный поток беглецу: с берегами высокими вровень
Воды струил Амазен, от дождей разлившись обильных.
Хочет Метаб реку переплыть, но, любовью к младенцу
550 Скованный, медлит, боясь за бесценную ношу. И долго
Он размышлял, покуда в душе не созрело решение:
Воин могучий, носил он всегда огромную пику,
Древком ей прочным служил узловатый дубок обожженный;
Лубом дочь спеленав и корою пробковой мягкой,
555 Ловко ее привязал к середине пики родитель;
В мощной руке потрясая копье, небесам он взмолился:
“Дева, владычица роц, Латоны дочь всеблагая,
В рабство тебе посвящаю дитя! Убегая от смерти,
Ныне впервые она твоего коснулась оружия.
560 Дочь, о богиня, прими, – ее неверному ветру
Я поручаю!” И вот Метаб, с плеча размахнувшись,
Бросил копье; рокотала волна, и над быстрым потоком
Пика летела, свистя, унося малютку Камиллу.
Сам же Метаб, теснимый толпой, подступавшей все ближе,
565 Кинулся в воду, и вот, торжествуя, берет он младенца –
Тривии дар – и копье из травы вырывает прибрежной.
Люди его не пускали в дома, города не пускали
В стены свои, но Метаб не сдавался, свирепый, как прежде:
Век проводил он в пустынных горах пастухом одиноким,
570 В дебрях колючих кустов, средь лесных дремучих урочищ
Вскармливал дочь молоком кобылицы, не знавшей упряжки, –
Сам выдаивал он сосцы над губами младенца.
Только лишь первый свой след на земле отпечатала дочка,
Дротик наточенный дал ей родитель в нежные руки,
575 Стрелы в колчане и лук за плечо повесил малютке.
Вместо длинных одежд, вместо сетки в кудрях золоченой
Шкура тигрицы у ней с головы по спине ниспадала.
Детской рукой метала она нетяжелые копья,
Гибкой пращи ремешок раскрутить над собою умела,
580 Был то стримонский журавль, то лебедь добычей Камиллы.
В землях тирренских она могла бы невесткой желанной
Многим стать матерям, но, одной предавшись Диане,
Знает Камилла любовь лишь к оружию и к девственной жизни,
Свято блюдя чистоту. Как хотела бы я, чтоб Камиллу
585 Войны так не влекли, чтоб она не тревожила тевкров!
Спутницей ныне моей она была бы любимой.
Но, коль скоро близка неизбежная горькая участь,
С неба, о нимфа, слети, поспеши в пределы латинян.
Где завязалась уже при зловещих знаменьях битва.
590 Лук мой возьми и мстящую вынь стрелу из колчана:
Раною кто осквернит Камиллы священное тело,
Будь он тирренец иль тевкр, пусть своей заплатит мне кровью,
Я же в туче ее унесу и под отчим курганом
Скрою, прежде чем враг доспехи снимет с несчастной”.
595 Так сказала она, и, окутана облаком черным,
Нимфа скользнула с небес, рассекая воздух шумящий.

Тою порой подходили к стенам Лаврента троянцы;
Конное войско вели, поделенное ровно на турмы,
Следом этрусков вожди. Скакуны звонконогие в поле

- 600 Ржут и встают на дыбы и, с уздой упорной воюя,
Носятся взад и вперед. Железной порослью копыта
Всюду взойшли на лугах, и равнина сверкает оружием.
Но и с другой стороны латинян войско проворных,
С братом Кор, и Мессап, и всадники девы Камиллы
605 Вышли в поля навстречу врагу. Занесенные копыта
Воины держат в руках и колеблют легкие дроты,
Топот пехоты слышней, лошадиное ржанье все громче.
Вот на полет копыта сошлись два войска и встали
Строй против строя – и вдруг на врага кидаются с криком,
610 Бешеных гонят коней; отовсюду сыплются копыта
Густо, как снег, и сияние дня затмевается тенью.
Мчатся лихой Аконтей и Тиррен друг другу навстречу,
Выставив пики вперед, – и с гулким грохотом оба
Первыми падают в прах, и с разлета сшибаются кони,
615 Грудью ломая грудь. Аконтей, ударом отброшен,
Словно баллисты снаряд или быстрая молния в небе,
Прочь отлетел далеко, и развеял жизнь его ветер.
Тут же, смешавши ряды и щиты закинув за спину,
Вспять погнавши коней и помчались к стенам италийцы.
620 Тевкры несутся вослед, предводимые храбрым Азилом.
Лишь возле самых ворот италийцы, опомнившись, встали,
Подняли крик и назад скакунов повернули послушных.
Тевкры теперь убегают от них, отпустивши поводья.
Так, прилив и отлив чередуя, пучина морская
625 То прихлынет к земле и утесы накроет волною
И на прибрежный песок пошлет вспененные струи,
То назад отбежит и, стоячие скалы сшибая,
Катит от берега их и сушу вновь обнажает.
Дважды до самых стен отгоняли рутулов туски,
630 Дважды, щиты за спиной, убегали, отброшены силой.
В третий раз наконец сошлись враги – и смешались
Между собою ряды, и схватился с воином воин.
Слышен везде умирающих стон, оружие и трупы
В лужах крови лежат, и на груди тел то и дело
635 Раненый валится конь; закипает бой беспощадный.
Прямо не смея напасть на Ремула, издали бросил
Пик в коня Орсилох, и под ухо вонзилось железо.
Раной взбешенный, взвился на дыбы скакун звонконогий,
Воздух копытами бьет, нестерпимой терзаемый болью,
640 Ремула сбросив с седла. И отвагой, и ростом, и силой
Всех превзошедший в бою, Иолай повержен Катиллом,
Им же Герминий убит; с головой непокрытой сражался
Он, распутив по плечам обнаженным светлые кудри,
Ранам тело открыв без боязни. Но пика пробил
645 Грудь от плеча до плеча, и согнулся он, болью пронзенный.
Черная кровь повсюду течет, и сеет железо
Смерть, и стремятся бойцы навстречу гибели славной.

Там, где сеча кипит, амазонка ликует Камилла:

Левая грудь открыта у ней, колчан за плечами,

- 650 То посылает она все чаще гибкие дроты,
То боевой свой топор рукой неслабеющей держит;
Лук золотой за спиной звенит – оружие Дианы.
Даже когда отступить заставляет Камиллу противник,

- Стрелы она посылает назад, на бегу обернувшись.
- 655 Спутниц отборный отряд окружает Камиллу: Ларина,
Тулла несется за ней и Тарпея с медной секирой;
Лучших Италии дев избрала она – украшение
Войска, и в мирные дни, и в бою надежных помощниц.
Так во фракийском краю³ по застывшим волнам Термодонта
- 660 Гонят со звоном коней амазонки в пестрых доспехах,
Мчат с Ипполитою⁴ в бой или вслед любимице Марса,
Пентесилее, летят за ее колесницей, и громкий
Женский разносится клич, и щиты луновидные блещут.
Первым кого и последним кого, суровая дева,
- 665 Пика настигла твоя? Сколько тел ты в прахе простерла?
Первым был Клития сын Эвней: летел на тебя он,
Но в обнаженную грудь впилося еловое древко,
Грянулся воин с коня и на рану упал, изрыгая
Крови потоки в песок и корчась в муках предсмертных.
- 670 Следом Пагас и Лир погибли: первый пытался
Повод поймать, когда раненый конь его сбросил, второй же
К другу спешил, чтоб его подхватить рукой безоружной.
Так друг на друга они и рухнули оба. А дева,
Сына Гиппота сразив, Амастра, мчится в погоню
- 675 За Демофонтом, Тереем, и Хромием, и Гарпаликом.
Сколько бросает она в противника дротиков метких,
Столько и гибнет мужей. Но вот на коне апулийском
Орнит, охотник лихой, в невиданных скачет доспехах:
Шкурой быка, воителя стад, широкие плечи
- 680 Орнит одел и покрыл огромную голову пастью
Волка, в которой клыки торчали из челюстей мощных;
Сельская пика в руках у него; меж всадников Орнит
Носится взад и вперед и ростом всех превосходит.
Дева его без труда среди врагов бегущих настигла,
- 685 Грудь пронзила ему и недоброе молвила слово:
“Мнил ты, тирренец, что здесь на лесного зверя облава?
День наступил, когда мы опровергнем женским оружием
Ваши слова. Но к манам отцов и ты не без славы
Явишься, ибо сама тебя сразила Камилла”.
- 690 Бута повергла она и за ним Орсилоха – из тевкров
Самых могучих мужей; убежавшему Буту вонзилось
В шею копье, где она меж кольчугой и шлемом открыта,
Где у всадников щит за спиною слева свисает;
Бегством притворным потом увлекла Орсилоха Камилла,
- 695 Влево пустила коня, чтоб скакать по меньшему кругу,
Мужа, что гнался за ней, догнала и, мольбам не внимая,
Дважды удар нанесла секирой тяжелой по шлему,
Медь и кость разрубив, так что мозг полился из раны.
Деве навстречу летел и внезапно замер в испуге
- 700 Авна воинственный сын, обитателя гор Апеннинских;
Был он, покуда судьба позволяла, хитрец не последний
Средь лигурийцев; и вот, увидав, что от встречи с царевной
Не уклониться никак, что бежать не удастся от битвы,
Стал он уловки в уме измышлять и Камилле лукаво
- 705 Молвил: “Пусть женщина ты – и для женщины много ли чести
В битве вверяться коню? Придержи скакуна и на землю
Смело ступи, чтоб со мной в поединке пешем сразиться.
Скоро узнаешь ты, кто будет ветреной славой обманут!”

- Так он сказал; а она, уязвленная жгучей обидой,
710 Спутницам взять скакуна приказала и спешилась храбро,
Только с мечом и гладким щитом, чтоб сразиться на равных.
Он же, решив, что теперь одолел ее хитрым обманом,
Больше не медлил, но вмиг повернул коня и быстрее
Прочь полетел, торопя жеребца железною шпорой.
715 “Зря заносишься ты, лигурийский хвастливый спесивец!
Знай, тебя не спасут изворотливых предков уловки,
К лживому Авну живым не поможет вернуться коварство”.
Молвила так и стремглав понеслась легконогая дева
И, обогнав скакуна, к беглецу лицом повернулась,
720 Повод схватила рукой – и кровавая кара свершилась.
Так, с утеса взлетев, священный хищник пернатый
Мчится легко на крылах, в облаках настигает голубку,
Жадно хватает ее и терзает когтями кривыми, –
Только капает кровь и кружатся в воздухе перья.
725 Не безразличным меж тем родитель бессмертных и смертных
Оком взирает на бой, восседая на высях Олимпа.
В битву вступить побуждает Отец тирренца Тархона,
Острым стрекалом язвит, разжигая в душе его ярость.
Там, где противника смял и смёл напор италийцев,
730 Мчится Тархон на коне, окликаая по имени тусков,
Рать ободряя на бой и словом дух поднимая:
“Видно, неведомы вам ни стыд, ни обида, ни ярость!
Что за страх обуял вам ленивые души, тирренцы?
Женщина ваши ряды, словно стадо, гонит, как хочет!
735 Право, зачем вам клинки, для чего безобидные копья?
Вы лишь в любви горячи и горазды на битвы ночные,
Или, когда возвестят кривые флейты начало
Вакховых плясок, когда на столах и яства и кубки,
Тут и усердье у вас, и доброй воли хватает,
740 Если на жертвенный пир призовет вас в рощу гадатель”.
Так он сказал и пришпорил коня, обреченный на гибель,
В гущу врагов, словно вихрь, влетел и правой рукою
Венула сгреб на скаку и с коня сорвал его разом,
С силой притиснул к груди и помчался дальше с добычей.
745 Крик поднялся до небес, и немедля взгляды латинян
Все обратились к нему. А Тархон по равнине несется,
Муж и оружие в руках; от копья отломив наконечник,
Шарит по телу врага, ища неприкрытого места,
Чтобы удар нанести; но противится силою силе
750 Венул, руку его оттолкнуть пытаясь от горла.
Словно как бурый орел, пролетающий в небе высоком,
В лапах уносит змею, вонзая в спину ей когти;
Ранена, в корчах она извивает гибкое тело,
Дыбом встает чешуя, шипенье несется из пасти,
755 Тянется вверх голова, но смиряет строптивого гада
Птица клювом кривым и взмывает воздух крылами.
Так, увлекая стремглав из рядов тибуртинских добычу,
Мчится, ликуя, Тархон. Увлеченные подвигом мужа,
Ринулись все меонийцы вперед. Обреченный судьбою,
760 Вертится хитрый Аррунт вокруг Камиллы проворной,
Ждет, не подарит ли вдруг удобный случай Фортуна.
В битве куда бы свой путь ни направила грозная дева,
Скачет повсюду за ней по пятам Аррунт молчаливый;

- Стоит из гущи врагов ей назад умчаться с победой,
765 Юноша тотчас вослед скакуна направляет украдкой.
Можно ль отсюда напасть иль оттуда напасть, вероломный
Ищет Аррунт и рыщет вокруг с копьем наготове.
Некогда бывший жрецом Кибелы и ей посвященный,
Бился меж тевкров Хлорей, блиставший доспехом фригийским.
770 Мчит его взмыленный конь в чепраке из кожи, обшитой,
Словно перьями, сплошь чешуей позолоченной медной;
Сам Хлорей, облачен в багрец и пурпур заморский,
С рогом ликийским в руках, посыпает гортинские стрелы;
Лук золотой за плечами звенит, золотой защищает
775 Вещую голову шлем, и желтым золотом в узел
Собраны полы плаща из шуршащих шафранных полотниц;
Вышита туника вся и покров, одевающий бедра.
Дева – затем ли, чтоб в храм доспех троянский повесить,
Или затем, чтоб самой красоваться в золоте пленном, –
780 Гонится только за ним, одного его выбрав добычей,
В гущу врагов вслепую летит, позабыв осторожность:
Женскую жадность разжег в ней убор драгоценный Хлорея.
Тотчас же, миг улучив, Аррунт, не замеченный девой,
Поднял копье и с такой мольбой обратился к всевышним:
785 “Бог, величайший из всех, Аполлон, хранитель Соракта!
Первого чтим мы тебя, для тебя сосновые бревна
Жар пожирает, а мы шагаем, сильные верой,
Через огонь и следы оставляем на тлеющих углях!
Дай, всемогущий отец, мне смыть с оружия этрусков
790 Этот позор! Мне не нужен доспех побежденной Камиллы,
Ни горделивый трофей, ни добыча: делами иными
Пусть я стяжаю хвалу, пусть вернусь и без славы в отчизну, –
Лишь бы своей мне рукой извести эту злую заразу!”
Феб услышал его, и душой половине молитвы
795 Внял он, но ветрам велел половину другую развеять:
Дал изволение бог, чтоб Аррунт внезапным ударом
Насмерть Камиллу сразил, но гористую родину снова
Не дал увидеть ему, и слова его буря умчала.
Пущена меткой рукой, просвистела в воздухе пика;
800 Вольски увидели вмиг угрозу и взоры к царевне
Все обратили тотчас; но Камилла не слышала свиста,
Не увидала копья, что летело, эфир рассекая,
В тело доколе оно под грудью нагой не вонзилось,
Девичьей крови доколь не испило из раны глубокой.
805 Спутницы кинулись к ней в смятенье и не дали наземь
Раненой деве упасть. Аррунт, всех боле испуган,
Бросился прочь; смешались в душе ликование и ужас,
Больше в царевну метнуть ни стрелу он, ни дротик не смеет.
Словно как волк, покуда за ним не пустились в погоню
810 Люди с оружием, бежит без дорог в недоступные горы,
После того как убьет пастуха иль теленка зарежет
И, под брюхо поджав дрожащий хвост, убегает
В чащу лесную скорей, ибо знает вину за собою, –
Так же скрылся из глаз оробевший Аррунт и, доволен
815 Тем, что успел убежать, в ряды бойцов замешался.
Дева из раны копье рукой цепенеющей вырвать
Тщится, но в ребрах застрял глубоко наконечник железный.
Никнет, слабея, она, охладелые веки смежает

- Смерть, и с девических щек исчезает пурпурный румянец.
820 И, умирая, она обратилась к одной из ровесниц –
Акке, которой всегда доверяла всех больше, с которой
Все заботы делить привыкла, и так ей сказала:
“Силам приходит конец, сестра моя Акка. От раны
Я умираю, и мрак пеленой мне глаза застилает.
825 К Турну беги, передай мое последнее слово:
Пусть он меня заменит в бою и тевкров отбросит.
Акка, прощай!” И, сказав, обронила поводья Камилла,
Наземь без сил соскользнула с коня; застывшее тело
Медленно холод сковал, из рук упало оружие,
830 Тяжко склонилась на грудь голова, осененная смертью,
И отлетела душа к теням, ропща и стеная.
Тотчас же ввысь до светил золотых громогласный взметнулся
Крик, и свирепее бой закипел после смерти Камиллы.
Рвутся вперед, сплотивши ряды, троянские рати,
835 С ними тирренцев вожди и отряд аркадский Эвандра.
- Тривией посланный страж, восседала Опис в ту пору
В ближних горах и с вершин наблюдала битву без страха.
Только лишь яростный крик бойцов она слышала
И увидала вдали Камиллы скорбную гибель,
840 Вырвался стон у нее из груди, и промолвила нимфа:
“Слишком тяжело тебя, слишком тяжело судьба наказала,
Дева, за то, что войной ты осмелилась тевкров тревожить!
Жизнь твою не спасло то, что ты, людей избегая,
Чтила Диану в лесах и наши стрелы носила...
845 Горе! Но в смертный твой час не покинет владычица наша
На поруганье тебя; молва о гибели девы
Все племена облетит, и не скажет никто, что осталась
Ты неотмщенной: ведь тот, кто грудь осквернил тебе раной,
Смертью искупит вину”. У подножья горы возвышался
850 Древний курган земляной, осененный густыми ветвями
Дуба: покоился там Дерценн, владыка лаврентцев.
Быстро на этот курган поднялась прекрасная нимфа,
Стала с вершины холма искать глазами Аррунта
И, заведя его, ликовавшего сердцем спесивым,
855 Молвила: “В сторону ты для чего уходишь? Приблизься!
Здесь ты погибнешь, Аррунт, за убийство Камиллы награда
Ждет тебя здесь: ты умрешь, пораженный стрелой Дианы”.
Молвила так и, меж стрел, в золоченом лежавших колчане,
Выбрав одну, свой лук напрягла фракийская нимфа;
860 Долго сгибала его, пока не коснулись друг друга
Рога концы и стрелы острие руки не коснулось
Левой, а правая в грудь, отводя тетиву, не уперлась.
В воздухе свист Аррунт услышал – и в то же мгновенье
В тело ему глубоко наконечник железный вонзился.
865 Стонам предсмертным его друзья не вняли, оставив
Мужа в пыли умирать, позабытым в неведомом поле.
Опис меж тем вознеслась на крылах к высотам Олимпа.
- Легкий Камиллы отряд, потеряв царицу, пустился
В бегство первым, и вслед полетел Атин, убегая,
870 Рутулы с ним, и без войска вожди, и бойцы в беспорядке –
Все, коней повернув, спешат за стенами укрыться.
Нет и мысли о том, чтобы тевкров напор смертоносный
Стрелами остановить или встретить стойко с оружием:

- Держат все за спиной с тетивой спущенной луки,
875 Только копыта коней потрясают рыхлое поле.
Ближе и ближе к стенам несется темная туча
Пыли, толпа матерей, ладонями в грудь ударяя,
С башен глядит и зубцов, и до неба вопли взлетают.
Первый отряд беглецов в отворенные рвется ворота, –
880 Но по пятам подлетают враги беспорядочным строем,
Смерть латинян и здесь настигает – на самом пороге
Крепких отеческих стен, и среди домов безопасных
Всадники гибнут от ран. А другие скорей запирают
Створы ворот и не смеют впустить соратников в город,
885 Путь молящим закрыв. Меж своих начинается сеча:
Рвутся с мечами одни, их мечом отражают другие.
Вот на глазах матерей и отцов, рыдающих горько,
Те, что остались вне стен, во рвы срываются с кручи
Или, узду отпустив и коней погоня вслепую,
890 В крепкие балки ворот, как таран, колотят с разлета.
Матери, жены – и те в разгаре схватки смертельной
(Путь им к отчизне любовь и Камиллы пример указали)
Стали дубины со стен и в огне заостренные колья,
Словно копья, метать во врагов рукою дрожащей;
895 В битве за город родной погибнуть каждая жаждет.
- Турна в лесу между тем настигли горькие вести;
Акка их принесла, царя в смятение повергнув:
Нет уж Камиллы в живых: и войско вольсков разбито,
Враг наступает, и Марс ему сопутствует в битве,
900 Поле у тевкров в руках, и страх до стен докатился.
В ярости Турн (такова громовержца суровая воля)
Сходит, безумец, с холмов, покидает лесную засаду.
Только лишь он отступил и достиг открытой равнины,
Как родитель Эней, миновав без помехи ущелье,
905 Горный хребет одолел и отряды из лесу вывел.
Так с войсками они, поспешая оба к Лавренту,
Шли друг другу вослед, разделенные малым пространством,
В тот же миг, когда увидал Эней в отдаленье
Строй итальянских бойцов на полях, дымящихся пылью, –
910 Турн по доспехам узнал владыку грозного тевкров,
Ржанье коней услышал и мерный топот пехоты.
Тотчас сошлись бы они, чтобы в битве помериться силой,
Если бы Феб утомленных коней в пучину Гибера
Не погрузил, заалев, и мрак, окутавший небо,
915 Лагерем стать не заставил врагов под самым Лаврентом.

Примечания

¹ *Пентесилея* – царица дев-воительниц амазонок, сражавшихся на стороне троянцев. Пентесилея была убита Ахиллом.

² *Камилла*, *Камилла* – древнейшее латинское имя, имеющее множество значений мифологического и религиозного характера: 1) *Камилл* – бог-служитель Великих богов в мистериях Самофракии; 2) *Камилл* – имя Меркурия у этрусков; 3) *камиллы* – низшие служители культов у пеласгов, этрусков и римлян; 4) *камиллами* называли детей знатных фамилий, специально определенных в

культовых церемониях для поднесения обрядовых предметов – кувшина с водой, соли, муки. Вергилий делает Камиллу жрицей Дианы, посвященной богине с рождения, – имя Камилла сохраняет свой сакральный смысл.

³ *Так во фракийском краю...* – Для Вергилия Фракия – крайний север, потому “застыла” вода реки Термодонта (Фермодонта). Амазонки считались фракиянками.

⁴ *Ипполита* – дочь Марса, амазонка, взятая в плен Тесеем, мать Ипполита.

Квинт Гораций Флакк

Quintus Horatius Flaccus

Квинт Гораций Флакк (65–8 до н. э.), римский поэт. Родился в семье вольноотпущенника в Апулии, получил разностороннее образование в Риме и Афинах. Воевал на стороне республиканцев в битве при Филиппах и вернулся с войны без гроша. Начав писать стихи, сблизился с кругом Вергилия и попал под покровительство Гая Цильния Мецената (65 – 8 до н. э.). До нас дошли все известные произведения Горация – «Беседы» в 2 книгах («*Sermonum libri II*», 41/40 г.), «Эподы» («*Epidon liber*» – лирические стихотворения, после 40 г.), «Оды» в 4 книгах («*Carminum libri IV*», 23 г.), «Послания» в 2 книгах («*Epistularum libri II*», 20–13 гг.), «Искусство поэзии» («*Ars Poetica*», ок. 15 г.). Гораций предстает в них как весьма привлекательный человек своей эпохи – терпимый, наблюдательный, обладающий тонким чувством юмора и ценящий блага жизни. В то же время, как никакой другой римский поэт, Гораций понимает суть дионисийского экстаза (Оды II:19; III: 25). Гораций мастерски сочетает латинские и греческие

стихотворные размеры, тщательно подбирает слова и всегда иронизирует над самим собой: все это составляет его так называемую “скрупулезную плодovitость”, которая сделала его классиком литературы уже век спустя после смерти. В поисках нравственного идеала Гораций обращается к мифизированному представлению о скифах: “Идеализация народов, живущих родовым бытом, была свойственна античному обществу на всех этапах его исторического развития. Как положительная черта этих народов особенно часто отмечается отсутствие частной собственности на землю. Римские писатели эпохи империи прибавляют к этому чистоту семейной жизни. Согласно Горацию, скифы, живущие в повозках, и геты, не имеющие земельной межи между пашнями, счастливее римлян (Оды III: 24); к тому же святость брака у них не нарушается. Обе эти черты напоминают поэту древний Рим” [И. М. Тронский. Корнелий Тацит // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. II. История. – М.: Ладомир, 1993].

Оды

Книга III. Ода 24

Campestres melius Scythae,
10 quorum plaustra vagas rite trahunt domos.

Гораздо счастливее [римлян] степные скифы,
10 домом для которых служит кочевая повозка.

Август

Augustus

Август (63 до н. э. – 14 н. э.), сын Гая Октавия и Атии, дочери Юлии, сестры Гая Юлия Цезаря. До 44 г. до н. э. носил имя Гай Октавий (Caius Octavius), с 44 г., после усыновления двоюродным дедом, – Гай Юлий Цезарь (Caius Iulius Caesar Octavianus), с 27 г. до н. э. – император Цезарь Август (Imperator Caesar Augustus). Август сопровождал Цезаря во время походов в Испанию, был награжден орденами, жалован званием патриция и различными жреческими должностями.

После смерти Цезаря Август, назначенный его наследником по завещанию, начал борьбу против консула Марка Антония, с которым, однако, после победы при Мутине и похода на Рим вместе с Лепидом, 27. 11. 43 г. заключил II триумвират. Осуществив кровавую распра-

ву над политическими противниками посредством проскрипций (в числе казненных без суда был и Цицерон), триумвиры сумели в 42 г. одержать победу над войсками убийц Цезаря – Брута и Кассия. При разделе империи, согласно заключенному в Брундизиуме договору, Август получил западную часть государства, Антоний – восточную, Лепид – африканские провинции. В 37 г., после женитьбы Антония на Октавии, сестре Октавиана, триумвират был продлен на пять лет. В 36 г. при Миле и Навлохе была одержана победа над Секстом Помпеем, сыном знаменитого Помпея. Отстранив от власти Лепида, Август начал ожесточенную борьбу против Антония. В результате Антоний был лишен всех должностей и званий, а его союзнице, египетской ца-

рице Клеопатре, объявлена война. Победив в морском сражении при Акции в 31 г., Август стал единоличным римским властителем, а после смерти Лепида в 12 г. до н. э. принял его сан верховного жреца (*pontifex maximus*) государственной религии. После 44 лет principatus Август, всегда отличавшийся слабым здоровьем, умер и был похоронен в Риме в построенном им самим роскошном мавзолее, а 17 сентября того же года сенат обожествил его. Месяц смерти императора был назван ав-

густом. В соответствии с завещанием Августа перед его мавзолеем на двух бронзовых столбах увековечили составленный им самим перечень «Деяния Божественного Августа» («*Res Gestae Divi Augusti*»). Из обнаруженных фрагментов нескольких копий этого сочинения наиболее ценными являются открытые в 1555 г. латинская и греческая надписи на стенах храма Рима и Августа в Анкаре («*Monumentum Ancyranum*»), текст которых дословно повторен у Веллея Патеркула.

Подробнее см.: М. Грант. *Римские императоры* / Пер. с англ. М. Гитт. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998; *Словарь античности*. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989.

Август

Деяния Божественного Августа

По «Анкарской надписи»

Перевод М. Ф. Дашковой, комментарии А. И. Немировского

31. (1) Из Индии ко мне часто направляются делегации царей, ранее не виданных кем-либо из римских вождей. (2) Нашей дружбы просили через своих послов бастарны¹ и скифы и цари сарматов, живущих по обе стороны Танаиса², царь албанов³, а также гибернов⁴ и мидийцев⁵.

Примечания

¹ *Бастарны* – германская народность, переселившаяся во II в. до н.э. из долины Вислы в область, ограниченную с юга Дунаем, с севера – Прутом и Днестром. Впервые в военное столкновение с Римом бастарны вступили в 88 г. до н. э. как союзники Митридата Евпатора.

² *Танаис* – р. Дон.

³ *Албаны* – обитатели Албании, части Закавказья, примыкающей к Каспию.

⁴ *Гиберния* – римское название Ирландии. Но, поскольку *гиберны* упоминаются рядом с албанами и мидийцами, речь должна идти об иберах, предках грузин.

⁵ Под *мидийцами* имеется в виду Мидия Атропотена, цари которой, испытывая давление со стороны Парфии и Армении, искали поддержки у Рима.

Источник: Перечень деяний божественного Августа, при помощи которых он подчинил мир власти римского народа, и тех затрат, какие он произвёл в пользу государства и народа римского, высеченных на двух медных столбах, которые установлены в Риме // «Римская история»

Веллея Патеркула / Перевод М. Ф. Дашковой, комментарии А. И. Немировского. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

Перевод И. Ш. Шифмана

31. (1) Ко мне из Индии царей посольства часто присылаются, никогда до этого времени не виданные ни при каком римском вожде. (2) Нашу дружбу просили через послов бастарны и скифы, и цари сарматов, которые по ту и по сю сторону реки Танаиса, и царь албанцев и иберов, и мидян.

Источник: И. Ш. Шифман. Цезарь Август. – Л.: Наука, 1990.

Тит Ливий

Titus Livius

Тит Ливий (59 до н. э. – 17 н. э.), римский историк. Родился в состоятельной семье в Падавии (совр. Падуа). В ранней молодости приехал в Рим, чтобы продолжить образование. Посвятил себя изучению философии, истории

и риторики. Состоял в близких отношениях с Августом, но сам он не принимал деятельного участия в политической жизни. Сочинил несколько несохранившихся диалогов историко-философского содержания и риторическое

письмо к сыну. После 27 г. до н. э. начал работать над «Историей Рима от основания города» («Ab urbe condita libri») в 142 книгах – с легендарных времен до смерти Друза, пасынка Августа, в 9 г. н. э. Предполагают, что Ливий не окончил своего сочинения, так как смерть Друза для истории Рима особенного значения не имела. Полностью сохранились 35 книг, а именно I–X, которые описывают историю Рима до III Самнийской войны 293 г. до н. э., и XXI–XLV, которые охватывают 218–167 гг. до н. э. – от начала II Пунической войны до конца III Македонской войны, а также фрагменты XCI книги, описывающие войну с Серторием, и фрагменты CXX книги с описанием смерти Цицерона. Труд, которому Ливий отдал около сорока лет, остался незавершенным: автор умер, так и не доведя своего повествования до смерти Августа, наступившей в 14 г. н. э.

В своем сочинении Ливий опирался преимущественно на младших анналистов Луция Элия Туберона, Гая Лициния Мацера и Валерия из Анция (в основном в первой декаде), а также на Фабия Пиктора, Кальпурния Пизона, Клавдия Квадригария и Полибия.

Достоверность фактов у Ливия зависит от источников, к которым он был не всегда критичен, так как согласно традиции воспринимал свой труд прежде всего как литературное произведение, призванное живописать величие Древнего Рима, дабы ярче продемонстрировать его упадок. Главный герой Ливия – римский народ, но борьбу между патрициями и плебеями автор изобразил с точки зрения аристократа, по причине чего произведение перегружено речами выдающихся личностей: здесь их около 40. Фундаментальный труд Ливия благодаря публикациям в сокращенном виде известен все же во всей полноте: в так называемых «Периохиях» («Periochae», IV в.) отсутствуют только пересказы CXXXVI и CXXXVII книг. Ливия часто цитировали такие писатели, как Сенека Анней Старший, Сенека Луций Анней Младший (Философ), Квинтиллиан и Тацит, а в качестве источника использовали Валерий Максим, Анней Флор, Лукан и Силий Италик. К нашему сожалению, римскую историю Ливий воспринимал изолированно от истории других народов, и потому в его труде крайне мало сведений об этнической периферии Рима.

Тит Ливий

История Рима от основания города

Книга I

Перевод В. М. Смирин под ред. М. Л. Гаспарова и Г. С. Кнабе

1. (1) Прежде всего достаточно хорошо известно, что по взятии Трои ахейцы жестоко расправились с троянцами; лишь с двоими, Энеем и Антенором, не поступили они по законам войны – и в силу старинного гостеприимства, и потому что те всегда советовали предпочесть мир и выдать Елену. (2) Обстоятельства сложились так, что Антенор с небольшим числом энетов, изгнанных мятежом из Пафлагонии¹ и искавших нового места, да и вождя взамен погибшего под Троей царя Пилемена, прибыл в отдаленнейший залив Адриатического моря (3) и по изгнании евангеев, которые жили меж морем и Альпами, эне-ты с троянцами владели этой землей. Место, где они высадились впервые, зовется Троей, потому и округа получила имя Троянской, а весь народ называется венеты.

(4) Эней, гонимый от дома таким же несчастьем, но ведомый судьбою к иным, более великим начинаниям, прибыл сперва в Македонию, оттуда, ища где осесть, занесен был в Си-

цилию, из Сицилии на кораблях направил свой путь в Лаврентскую область. Троей именуют и эту местность. (5) Высадившиеся тут троянцы, у которых после бесконечных скитаний ничего не осталось, кроме оружия и кораблей, стали угонять с полей скот; царь Латин и аборигены, владевшие тогда этими местами, сошлись с оружием из города и с полей, чтобы дать отпор пришельцам. (6) Далее рассказывают двояко. Одни передают, что разбитый в сражении Латин заключил с Энеем мир, скрепленный потом свойством; (7) другие – что оба войска выстроились к бою, но Латин, прежде чем трубы подали знак, выступил в окружении знати вперед и вызвал вождя пришельцев для переговоров. Расспросив, кто они такие, откуда пришли, что заставило их покинуть дом и чего они ищут здесь, в Лаврентской области, (8) и услышав в ответ, что перед ним троянцы, что вождь их Эней, сын Анхиза и Венеры, что из дому их изгнала гибель отечества и что ищут они, где им остано-

виться и основать город, Латин подивился знатности народа и его предводителя, подивился силе духа, равно готового и к войне и к миру, и протянул руку в залог будущей дружбы. (9) После этого вожди заключили союз, а войска обменялись приветствиями. Эней стал гостем Латина, и тут Латин пред богами-пена-тами скрепил союз меж народами союзом

между домами – выдал дочь за Энея. (10) И это утвердило троянцев в надежде, что скитания их окончены, что они осели прочно и навеки. Они основывают город; (11) Эней называет его по имени жены Лавинием. Вскоре появляется и мужское потомство от нового брака – сын, которому родители дают имя Асканий.

Книга V

Перевод С. А. Иванова под ред. М. Л. Гаспарова и Г. С. Кнабе

32. (1) На квинктильские календы в должность вступили Луций Лукреций, Сервий Сульпиций, Марк Эмилий, Луций Фурий Медуллин в седьмой раз, Агриппа Фурий, Гай Эмилий во второй раз [391 г.]. (2) Из них Лукрецию и Гаю Эмилию выпало воевать с вольсинийцами, а Агриппе Фурию и Сульпицию – с саппинатами. (3) Война с вольсинийцами случилась раньше и была значительной, если судить по численности неприятеля, но с военной точки зрения не очень трудной. Восемь тысяч воинов сложили оружие и сдались после того, как их окружила конница. (4) Известие об этой войне привело к тому, что саппинаты даже не отважились на битву, но, вооружившись, вверили себя защите стен. Римляне, ни с чьей стороны не встречая сопротивления, повсеместно вывели добычу и из земли саппинатов, и из вольсинийской земли. (5) Наконец изнемогшие от войны вольсинийцы запросили о двадцатилетнем перемирии и получили его на том условии, что вернут римскому народу награбленное и заплатят войску жалование за текущий год.

(6) Тогда же некий Марк Целиций, родом из плебеев, объявил трибунам, будто он слышал в ночной тиши голос, громче человеческого, и будто этот голос велел ему сообщить должностным лицам, что грядут галлы. Случилось это якобы на Новой улице, там теперь часовня, повыше храма Весты. (7). Но знаменем пренебрегли, во-первых, как нередко бывает, из-за низкого происхождения рассказчика, а во-вторых, из-за того, что племя это представлялось далеким и потому неведомым. Однако над Римом тяготел рок: не только предупреждением богов пренебрегли, но даже Марка Фурия, единственного смертного, который мог отвести беду, удалили из города. (8) Народный трибун Луций Апулей вызвал его в суд из-за вейской добычи, и как раз в это время он потерял юного сына. Пригласив домой своих земляков и клиентов, в большинстве своем плебеев, Камилл стал рас-

спрашивать об их настроениях, и они ответили, что вскладчину готовы внести любую сумму, к какой бы его ни приговорили, (9) но освободить его от суда они не могут. И тогда он удалился в изгнание, моля бессмертных богов, чтобы неблагодарный город, которым он был безвинно обижен, как можно скорее пожелел о нем. Камилл был заочно приговорен к уплате пятнадцати тысяч тяжелых ассов.

33. (1) Вот как был изгнан единственный гражданин, который, случись он на месте, один был бы способен спасти Рим от падения, если только можно наверняка утверждать что-либо относительно человеческих дел. А между тем роковые для Города события приближались: явились послы от клузийцев, прося помощи против галлов.

(2) Говорят, что это племя перешло Альпы, привлеченное сладостью здешних плодов, но более всего – вина, удовольствия им неизвестного. Они заняли земли, которые раньше возделывали этруски. (3) Якобы клузиец Аррунт привез вино в Галлию именно для того, чтобы приманить это племя, – он, мол, гневался на Лукумона, чьим опекуном он раньше был, за то, что тот соблазнил его жену, а поскольку сей юноша обладал большой властью, то невозможно было наказать его иначе, как прибегнув к чужеземной силе. (4) Дескать, этот Аррунт и перевел врагов через Альпы и стал виновником осады Клузия.

Я, пожалуй, не стал бы отрицать, что на Клузий галлов навел Аррунт или кто другой из клузийцев. (5) Но совершенно ясно и то, что осаждавшие Клузий не были первыми, кто перешел через Альпы. Ведь галлы перешли в Италию за двести лет до осады Клузия и взятия Рима; (6) воинства же галльские сражались сперва не с этими этрусками; но еще много прежде они нередко сталкивались с теми из них, что жили между Апеннинскими и Альпами. (7) Еще до возникновения римской державы власть этрусков широко распространилась и на суше и на море. Доказательством

того, сколь велико было их могущество, служат названия верхнего и нижнего морей, которыми, подобно острову, окружена Италия; одно из них италийские племена зовут Тускским, по общему именованию этого народа, а другое Адриатическим – от Адрии, колонии тусков. (8) Греки называют эти моря Тирренским и Адриатическим. (9) Туски заселили земли от одного моря до другого, сначала основав двенадцать городов по сю сторону Апен-

нин, на нижнем море, а потом выведя на другую колонии по числу городов. (10) Эти колонии заняли всю землю за Падом вплоть до Альп, кроме уголка венетов, живущих вдоль излучины моря². (11) Несомненно, они же положили начало альпийским племенам, в первую очередь ретам. Правда, самые места, где обитают реты, сделали их свирепыми и не сохранили в них ничего из прежнего, разве что язык, да и тот испорченный.

Примечания

Примечания Н. Е. Боданской под ред. В. М. Смирин

¹ Пафлагония – страна в Малой Азии. Эне́ты – пафлагонское племя; их царь Пилемен погиб в Троянской войне от руки Менелая. После падения Трои Антенор с эне́тами отправился во Фракию, а оттуда в страну евганеев на северо-западном берегу Адриатики, где он основал Патавий (совр. Падуя) – родной город Тита Ливия. Североиталийское племя венетов (см. примеч. 83 к кн. V) греки отождествляли с эне́тами.

² Версию Ливия о прибытии венетов в Италию см.: I, 1, 2–3. Этноним *венеты* (эне́ты, венеды) известен в разных областях Европы. От североиталийских венетов сохранилось небольшое количество коротких надписей. Язык их италийский, но некоторые детали могут указывать на какие-то связи с балтийскими языками (венеды Северной Европы принято считать славянами).

Источник: Titus Livius. *Ab urbe condita*. Vol. I–II. – Oxford: Oxford University Press, 1914; 1919; Тит Ливий. *История Рима от основания города* / / Перевод В. М. Смирин. Комментарий Н. Е. Боданской. Отв. ред. Е. С. Голубцова. – М.: Наука, 1989.

Публий Овидий Назон

Publius Ovidius Naso

Публий Овидий Назон (43 до н. э. – ок. 18 н. э.), римский поэт. Родился в семье потомственных всадников, получил риторическое образование. Овидию, который принадлежал к ближайшему окружению императора и по жизни и по духу, чужда социальная и философская проблематика, характерная для поколения, пережившего крушение республики (Вергилий, Гораций). Овидий – поэт светской жизни Рима века Августа, когда по окончании гражданских войн был установлен примат Италии над провинциями и чрезвычайно возросло благосостояние италийского землевладельческого и торгового населения. В его творчестве преобладают эротические темы, притом с упором не на глубину или непосредственность переживания, а на остроумную и эффектную ироническую игру традиционными мотивами, с постоянными виртуозными перепевами как предшественников, так и самого себя. Творчество Овидия делится на два периода. К первому относятся: сборники эротических элегий «Любовные песни» («Amores»), «Героини» («Heroides»), дидактические поэмы «Наука любви» («Ars amatoria»), «Средство от любви» («Remedia amoris»), «Притирания для лица» («De medicamine fa-

ciei»), пародирующие по своему построению научные трактаты; поэтический свод «Метаморфозы» («Metamorphoses») – своего рода «языческая Библия», в более чем 200 сказаниях которой разработаны этнологические мифы – о происхождении предметов, их свойств, обычаев, праздников и т. п., начиная от сотворения мира как первого «превращения» хаоса в космос и кончая самоновейшим официальным мифом о превращении Юлия Цезаря в звезду; «Фасты», или «Календарь» («Fasti»), где Овидий излагает сказания, связанные с праздниками римского календаря. Из несохранившихся произведений этого периода высоко ценилась в древности трагедия «Медея». Второй период начинается с осени 8-го г. н. э., когда по приказу Августа Овидий был сослан за некий не оглашенный императором проступок в отдаленные То́мы на балканском берегу Черного моря (совр. Констанца в Румынии). Здесь Овидий не мог продолжать своих занятий «ученой» поэзией: «Метаморфозы» остались законченными вчерне, а «Фасты» и совсем недоделанными. Написанное в ссылке имело по преимуществу лирический характер: «Скорбные элегии» («Tristia») и «Письма с Понта», или «Понтийские

послания» («Epistulae ex Ponto») содержат главным образом сетования на судьбу изгнанника; поэма «Ибис» – гневное обвинение против какого-то недоброжелателя; сохранившаяся в отрывках дидактическая поэма «Наука рыболовства» («Halieutica») – о средиземноморских и черноморских рыбах.

Не дождавшись облегчения участи ни от

Августа, ни от его преемника Тиберия, ссыльный поэт, устроивший у себя во дворе в Томах пантеон из мраморных скульптур, посвященных Августу и членам его семьи, и тщетно восславлявший Цезаря, притом даже в некоем послании, написанном им по-гетски (Послание 13. Кару: 19-35; до настоящего времени не обнаружено), умер в ссылке в 17 г. н. э.

Подробнее см.: Соболевский С. И. Жизнь и труды Овидия // Овидий. Искусство любви и Средство от любви / Перев. в стихах, под ред. проф. Г. С. Фельдштейна. – М., 1926; И. Троцкий. Овидий // Литературная энциклопедия в 11 томах. – М., 1929-1939; М. Л. Гаспаров. Овидий в изгнании // Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / Издание подготовили М. Л. Гаспаров, С. А. Ошеров. – М.: Наука, 1978; 1982.

Публий Овидий Назон

Метаморфозы

Книга I

- В воздухе тучам стоять приказал он и плавать туманам,
55 И раздражаться громам, смущающим души людские,
Молниям он повелел и ветрам приносить охлаждение.
Но не повсюду владеть позволил им мира строитель
Воздухом. Даже теперь нелегко воспрепятствовать ветрам,
Хоть и по разным путям направляется их дуновение,
60 Весь наш мир сокрушить. Таково несогласие братьев!
Эвр к Авроре тогда отступил, в Набательское царство,
В Персию, к горным хребтам, озаряемым утренним светом.
Запад и те берега, что солнцем согреты закатным,
Ближе к Зефиру, меж тем как в Скифию и в Семизвездье
65 Вторгся ужасный Борей; ему супротивные земли
Влажны всегда от туманов сырых и дождливого Австра.
Сверху же, выше их всех, поместил он веса лишенный
Ясный эфир, никакою земной не запятнанный грязью.

Книга II

- 220 Вот двойным уж огнем пылает огромная Этна;
И двухголовый Парнас, и Кинт, и Эрикс, и Офрис;
Снега навек лишены – Родопа, Мимант и Микала,
Диндима и Киферон, для действий священных рожденный,
Скифии стужа ее не впрок; Кавказ полыхает.

Книга V

- Между небес и земли по воздуху так проезжая,
645 Легкую правила в путь колесницу к Тритонии в город,
В дом к Триптолему: семян половину велела посеять
На целине, а другие в полях, не паханных долго.
Над европейской землей и азийской высоко поднялся
Юноша. Вот он уже до скифских домчался пределов.
650 В Скифии царствовал Линк. Вошел он под царскую кровлю.
С чем и откуда пришел, про имя и родину спрошен, –
“Родина, – молвил, – моя – пресветлой твердыня Афины,
Имя же мне – Триптолем. Не на судне я прибыл, по водам,
Не на ногах по земле: мне открыты пути по эфиру.
655 Вот вам Цереры дары: по широким рассеяны нивам,
Пышные жатвы они принесут вам и добрую пищу”.

Скорбные элегии

Книга I

2

- Кто бы поверил, зачем ожидаю попутного ветра? –
Быть на сарматской земле я у бессмертных молю.
Велено жить мне в дикарской стране, на западном Понте, –
Плачусь, что медленно так мчусь я от родины прочь.
85 Чтоб очутиться в глухих, бог весть где затерянных Томах¹,
Сам я изгнания путь, вышних моля, тороплю...
- 94 Пусть увидит меня берег Понтийской земли.

3

- 61 И наконец: “Что спешить? – говорю. – Я в Скифию выслан,
Должен покинуть я Рим – медля, я прав, и вдвойне!..”

5

- 61 Я же, проплыв по морям, где не наши созвездия светят,
Роком к сарматской земле, к гетским прибит берегам.

8

- Скажешь, знакомство со мной водил ты в Риме, и только,
Спутник и верный друг в странствиях давних моих?
35 Иль это все – тщета, все по морю ветер развеял,
Все поглотил и унес Леты студеной поток!
Видно, ты родился не в городе мирном Квирина,
В городе милом, куда доступ закрыт для меня?
Нет – ты скалами рожден у левого берега Понта²,
40 В дикости скифских гор и савроматских теснин.

10

- Пусть охранит мой корабль приязнь белокурой Минервы;
Писан на нем ее шлем, символ названья его.
Под парусами ль идет – он малейшим гоним дуновеньем.
Если ж на веслах одних – людям нетрудно грести.
5 Спутников мало ему побеждать стремительным бегом –
Вышедших раньше, и тех он обгоняет легко.
Качку выносит зыбей, неустанный выносит он приступ
Волн и под натиском их течи ни разу не даст.
Судно мое я впервые узнал в коринфских Кенхреях –
10 Верного друга, вождя ссылки поспешной моей.
Он через много препон, и морей, и враждующих ветров.
Волей Паллады храним, благополучно прошел.
Пусть он, молю, и теперь до устьей просторного Понта
Благополучно плывет, к гетской причалит земле.
- 25 Мчится к Дардании он, основателя имя носящей,
Мчится к тебе, о Лампсак, богом хранимый садов,
К узкой теснине морской, где плыла на беду свою дева.
Где Абидос отделен бурной от Сеста волной,
Дальше на Кизик идет, что у самой лежит Пропонтиды,
30 Кизик, прославленный град, труд гемонийских мужей,
И на Византий, где берег над жерлом господствует Понта
Там, где меж смежных морей настужь распахнута дверь.

11

Мучат коварством равно что люди, что море – и страхи
Схожие, как близнецы, буря рождает и меч:

- 30 Подстерегает меня клинок, чтобы кровью упиться,
Буря ревнует стяжать славу убийцы моей.
Слева – варварский край: на поживу жадный, привык он

Книга II

1

- 190 Я возле устьев живу семиструйного Истра в изгнание,
Дева аркадская здесь мучит морозом меня.
От многочисленных орд язигов, колхов и гетов
И метереев³ с трудом нас защищает Дунай,
Многие больше меня виновны перед тобою,
Но не сослали из них дальше меня никого.
195 Дальше и нет ничего: лишь враги, морозы и море,
Где от мороза порой отвердевает волна.
Это римский рубеж у левого берега Понта;
Рядом бастарнов лежит и савроматов земля.
Местности этой пока Авзонии власть непривычна,
200 И с государством твоим связи не прочны ее.
Я заклинаю меня в безопасное место отправить,
Чтобы, отчизны лишен, мира я не был лишен.
Чтоб не боялся врагов за непрочной оградой Дуная,
Чтобы твой гражданин к варварам в плен не попал.
205 Не подобает тому, кто рожден от крови латинской,
Цепи носить, доколь Цезарей род не угас.

- Часто в покоях у нас красуются лица героев:
Образы их написал мастер искусной рукой.
Но между ними порой увидеть можно картинку,
Что сочетает тела в разных движениях любви.
525 Там с омраченным лицом сидит Аякс Теламонид,
Там злодеянье таит варварской матери взор,
Там и Венера, одной материнской прикрытая влагой,
Пальцами хочет отжать воду из мокрых волос.

Книга III

1

- 17 Если же случаем речь зазвучит не совсем по-латински,
Он, не забудь, писал, варварами окружен.

2

- Стало быть, рок мне судил и Скифию тоже увидеть,
Где Ликаонова дочь ось над землею стремится.
О Пиэриды, ни вы, ни божественный отпрыск Латоны,
Сонм искушенный, жрецу не помогли своему!
5 Не было пользы мне в том, что, игривый, я не был преступлен,
Что моя Муза была ветреней жизни моей.
Много я вынес беды на суше и на море, прежде
Чем приютил меня Понт, вечною стужей знобим.

3

- Может быть, ты удивись тому, что чужою рукою
Это посланье мое писано: болен я был.
Болен, неведомо где, у краев неизвестного мира,
В выздоровленье своем был не уверен я сам.
5 Вообрази, как страдал я душой, не вставая с постели,
В дикой стране, где одни геты, сарматы кругом.

Климат мне здешний претит, не могу и к воде я привыкнуть,
Здесь почему-то сама мне и земля не мила.
Дом неудобный, еды не найдешь, подходящей больному,
10 Некому боли мои Фебовой лирой унять;
Друга здесь нет, кто меня утешал бы занятым рассказом
И заставлял забывать времени медленный ход.
Изнемогая, лежу за пределами стран и народов
И представляю с тоской все, чего более нет.

Значит, мне умирать не придется в привычной постели?
40 Кто в этом крае мой прах плачем надгробным почтит?
Слезы жены дорогой, мне лицо орошая, не смогут
Остановить ни на миг быстрое бегство души?
Дать не смогу я последний наказ, и с последним прощаньем
Век безжизненных мне дружбы рука не смежит.
45 Без торжества похорон, не почтенный достойной могилой,
Мой неоплаканный прах скроет земля дикарей.

Но коль в пространство летит возвышенный, смерти не зная,
Дух наш, и верно о том старец самосский учил,
Между сарматских теней появится римская, будет
Вечно скитаться средь них, варварским манам чужда.
65 Сделай, чтоб кости мои переправили в урне смиренной
В Рим, чтоб изгнанником мне и после смерти не быть.

4

Зависти не возбудив и славой не взыскан, в довольстве
Мирно век доживай, с равными дружбу води
45 И в Назоне люби то, чего не коснулось гоненье, –
Имя! Скифский Понт всем остальным завладел.
Эти простертые под эриманфской Медведицей земли
Не отпускают меня, выжженный стужей край.
Дальше – Босфор, Танаис, Киммерийской Скифии топи,
50 Еле знакомые нам хоть по названью места;
А уж за ними – ничто: только холод, мрак и безлюдье.
Горе! Как близко пролег круга земного предел!

9

Да, здесь есть города с населением – кто бы поверил? –
Греческим, в тесном кольце варварских диких племен.
Некогда даже сюда поселенцы зашли из Милета,
Стали меж гетов свои сооружать очаги.
5 Местности имя меж тем древней, чем построенный город:
Был здесь зарезан Абсирт, месту название дав.
На корабле, что воинственной был попеченьем Минервы
Создан и первым прошел даль неиспытанных вод.
Бросив отца, прибыла, по преданью, злодейка Медея
10 К этому берегу, залив плеском встревожив весла.
Встав на высоком холме, заприметил дозорный погоню:
“Враг подошел! Паруса вижу, Колхида, твои!”

10

Ежели кто-нибудь там об изгнаннике помнит Назоне,
Если звучит без меня в Городе имя мое,
Пусть он знает: живу под созвездьями, что не касались
Глади морей никогда, в варварской дальней земле.
5 Вкруг – сарматы, народ дикарей, и бессы⁴, и геты –

- Как унижают мой дар этих племен имена!
В теплое время, с весны, защитой нас Истра течение,
Он преграждает волной вылазки дерзких врагов,
Но лишь унылой зимы голова заскорузлая встанет,
10 Землю едва убелит мрамором зимним мороз,
Освободится Борей, и снег соберется под Арктом —
Время ненастья и бурь тягостно землю гнетет.
Снега навалит, и он ни в дождь, ни на солнце не тает —
Оледенев на ветру, вечным становится снег.
15 Первый растаять еще не успел — а новый уж выпал,
Часто, во многих местах, с прошлого года лежит.
Столь в этом крае могуч Аквилон мятежный, что, дуя,
Башни ровняет с землей, сносит, сметая, дома.
Мало людям тепла от широких штанин и овчины:
20 Тела у них не видать, лица наружу одни.
Часто ледышки висят в волосах и звенят при движении,
И от мороза блестит, белая вся, борода.
Сами собою стоят, сохраняя объемы кувшинов,
Вина: и пить их дают не по глотку, а куском.
25 Что расскажу? Как ручьи побежденные стынут от стужи
Или же как из озер хрупкой воды достают?
Метр не уже реки, приносящей папирус: вливает
В вольное море волну многими устьями он,
Но, если дуют ветра беспрерывно над влагой лазурной,
30 Стынет и он и тайком к морю, незримый, ползет.
Там, где шли корабли, пешеходы идут и по водам,
Скованным стужею, бьет звонко копыто коня.
Вдоль по неожиданным мостам — вода подо льдом протекает —
Медленно тащат волны тяжесть сарматских телег.
35 Трудно поверить! Но лгать поистине мне бесполезно —
Стало быть, верьте вполне правде свидетельских слов.
Видел я сам: подо льдом недвижим был Понт необъятный,
Стылую воду давил скользкою коркой мороз.
Мало увидеть — ногой касался я твердого моря,
40 Не намокала стопа, тронув поверхность воды.
Если бы море, Леандр, таким пред тобой расстилалось,
Воды пролива виной не были б смерти твоей!
В эту погоду взлетать нет силы горбатым дельфинам
В воздух: сдержаны злой все их попытки зимой.
45 Сколько Борей ни шумит, ни трепещет бурно крылами,
Все же не может поднять в скованных водах волну.
Так и стоят корабли, как мрамором, схвачены льдами,
Окоченелой воды взрезать не может весло.
Видел я сам: изо льда торчали примерзшие рыбы,
50 И между прочим средь них несколько было живых.
Так едва лишь Борей могучею, грозною силой
Полые воды реки, волны на море скует,
Истр под ветром сухим становится ровен и гладок
И по нему на конях дикий проносится враг.
55 Враг, опасный конем и далеко летящей стрелою,
Все истребляет вокруг, сколько ни видно земли.
Многие в страхе бегут. Никто за полями не смотрит,
Не охраняют добра, и разграбляется все:
Бедный достаток селян и скотина с арбою скрипучей —
60 Все, что в хозяйстве своем житель убогий имел.

- В плен уводят иных, связав им за спины руки, –
Им уж не видеть вовек пашен и Ларов своих!
Многих сражает степняк своей крючковой стрелой –
Кончик железный ее красящий яд напичкал.
- 65 Все, что не в силах беглец унести или вывезти, гибнет,
Скромные хижины вмиг вражий съедает огонь.
Здесь внезапной войны и в спокойное время страшатся,
Не налегают на плуг, землю не пашет никто.
Или же видят врага, иль боятся его, хоть не видят.
- 70 Как неживая лежит, брошена всеми, земля.
Здесь под тенью лозы не скрываются сладкие гроздья,
Емкий сосуд не шипит, полный вином до краев,
Нет тут сочных плодов, и Аконтию не на чем было б
Клятвы слова написать, чтобы прочла госпожа.
- 75 Видишь без зелени здесь, без деревьев нагие равнины.
Нет, счастливый сюда не забредет человек!
Так, меж тем как весь мир необъятный раскинут широко,
Для наказания мне этот назначили край!

11

- Ты, что поносишь меня в моих злключениях, бесчестный,
И беспрестанно меня, крови взыскав, винишь,
Скалами ты порожден, молоком ты вскормлен звериным,
Не сомневаясь, скажу: камни в груди у тебя.
- 5 Где, на каком рубеже твоя остановится злоба?
Где усмотрел ты беду, что миновала меня?
Понт неприятный, Борей да аркадской Медведицы звезды
Только и видят меня в варварском этом краю.
Ни на каком языке не могу говорить с дикарями,
- 10 Все здесь, куда ни взгляни, полнит опасливый страх.
Как быстроногий олень, когда жадным он пойман медведем,
Или овца посреди с гор набежавших волков,
Так же и я трепещу в окруженье племен беспокойных,
Чуть не впритык у ребра вражеский чувствуя меч.
- 50 О сицилийцах к чему я твержу меж сарматов и гетов?

12

- Уж холода умеряет Зефир – значит, год завершился,
Но меотийской⁵ зимы длительней зим я не знал.
Тот, кто вез на спине чрез море злосчастную Геллу,
В срок надлежащий сравнивал длительность ночи и дня.
- 5 Юноши, верно, у вас и веселые девушки ходят
Рвать фиалки в местах, где их не сеял никто.
Тысячью разных цветов луговины уже запестрели,
Птицы, нигде не учась, песни поют о весне.
Ласточка, чтобы с себя материнское смыть преступленье,
- 10 Люльку под балкой крепит, строит свой маленький дом.
Злаки, что были досель бороздами скрыты Цереры,
Снова из почвы сырой нежные тянут ростки.
Там, где растет виноград, на лозе наливаются почки –
Только от гетских краев лозы растут далеко!
- 15 Там, где рощи шумят, на деревьях листва зеленеет –
Только от гетских краев рощи шумят далеко!
Ныне там время забав: уступает игрищам разным
Форум свою суетню и красноречья бои.

- Там и ристанье коней, и с потешным оружием схватки;
20 Дротики мечут, легко обручей катят круги.
Юноши, тело свое натерев, текучее масло
С мышц утомленных омыть девственной влагой спешат.
Полон театр, там споры кипят, накаляются страсти,
Три вместо форумов трех нынче театра шумят.
25 Трижды, четырежды – нет, не исчислить, насколько блаженны
Те, для кого не закрыт Град и услады его!
Здесь же слежу я, как снег под весенними тает лучами,
Как перестали ломать крепкий на озере лед.
Море не сковано льдом, и по твердому Истру не гонит
30 С грохотом громким арбу местный сармат-волопас.
Скоро в наш край прибывать и суда начнут понемногу,
Возле Понтийской земли станет заморский корабль.
Тотчас к нему побегу, корабельщика встречу приветом,
Прибыл зачем, расспрошу, кто он, откуда приплыл.
35 Странно тут видеть его, если он не из ближнего края,
Если не плыл по своим он безопасным водам, –
Редко кто так далеко из Италии по морю едет,
Редко заходят сюда, где им пристанища нет.
Греческим он языком владеет иль знает латинский –
40 Этот язык для меня был бы, конечно, милей!
Где бы на бурных волнах Пропонтиды иль в устье пролива
По произволу ветров он не пустил паруса.
Кто бы он ни был, с собой, возможно, доставит он вести,
Мне перескажет молву иль хоть частицу молвы.
45 Если б он мог – об этом молю – рассказать про триумфы
Цезаря и про его богу латинян обет
Или как ты, наконец, Германия буйная, пала,
Скорбной склонясь головой перед великим вождем.
Тот, кто расскажет про все, о чем вдалеке я тоскую,
50 Без промедленья войдет гостем желанным в мой дом.
Горе! Ужель навсегда быть в Скифии дому Назона?
Этот ли ссыльный очаг Ларов заменит моих?
Боги! О сделайте так, чтобы мной обитаемый угол
Цезарь не домом моим, но лишь тюрьмою считал!

13

- Самый безрадостный день (к чему я на свет появился!) –
День, когда был я рожден, – в должное время настал.
Что посещаешь ты вновь изгнанника в годы несчастий?
Лучше бы им наконец было предел положить.
5 Если б заботился ты обо мне и была в тебе совесть,
С родины милой за мной ты бы не следовал вдаль.
Там, где первые дни моего ты младенчества видел,
Лучше, когда бы ты стал днем и последним моим.
Лучше, подобно друзьям при моем расставании с Римом,
10 Ты, опечалившись, мне просто сказал бы: “Прости!”
В Понте что надо тебе? Или Цезаря гневом ты тоже
Изгнан в предел ледяной крайнего круга земли?
Видимо, ждешь ты и здесь, по обычаю, почестей прежних –
Чтобы спадали с плеча белые складки одежд,
15 Чтобы курился алтарь, цветочными венчан венками,
Чтобы в священном огне ладан, сгорая, трещал,
Чтобы тебе я поднес пирог, отмечающий годы,
Чтобы молитвы богам благоговейно творил?

- Нет, не так я жив, не такая пора наступила,
20 Чтобы я мог твой приход прежним весельем встречать.
Мне погребальный алтарь, кипарисом печальным увитый,
Больше пристал и огонь, смертного ждущий костра.
Жечь фимиам ни к чему, обращенья к богам бесполезны,
Не подобают устам нашим благие слова.
25 Если, однако, молить в этот день мне о чем-либо можно,
Я лишь о том, чтоб сюда ты не являлся, молю,
Здесь я доколе живу, почти на окраине мира,
Около Понта с его ложным прозванием "Евксин".

14

- Здесь вместо книг поет звон тетивы и меча.
Нет по всей стране никого, кому бы я с толком
40 Мог почитать стихи, – выслушав, их не поймут.
В уединенье ль уйти – так нельзя: против гетов ворота
Тут на запоре всегда, город стена сторожит.
Слово порой ищу или имя, название места –
Нет вокруг ничего, кто бы верней подсказал.
45 Или порой начну говорить, и – стыдно сознаться –
Просто слова не идут: ну разучился, и все!
Уши оглушены и фракийской молвью, и скифской,
Чудится, скоро стихи стану по-гетски писать.
Даже боюсь, поверь, что вкравшиеся меж латинских
50 Ты и понтийские тут вдруг прочитаешь слова.

Книга IV

1

- 15 Как увели – говорят – от Ахилла Лирнесскую деву,
Лирой Гемонии он горе свое умерял.
Пеньем двигал Орфей и леса, и бездушные скалы
В скорби великой, жену дважды навек потеряв.
Муза – опора и мне, неизменно со мной пребывавший
20 К месту изгнания, на Понт, спутник единственный мой.
Муза ни тайных коварств, ни вражьих мечей не боится,
Моря, ветров, дикарей не устрашит она.

40 Бед повседневных она мне замечать не дает.
Ведь и вакханка своей не чувствует раны смертельной,
С воплем, не помня себя, кряжем Эдонии мчась.
Так, лишь грудь опалит мне зелень священного тирса,
Сразу становится дух выше печали людской.
45 Что ему ссылка тогда, побережье скифского Понта?
Бедствий не чувствует он, гнев забывает богов.

55 Сколько послали мне бед, сколько есть на побережье песчинок,
Столько в морской глубине рыб или рыбьей икры.
Легче цветы сосчитать по весне, иль летом колосья,
Или под осень плоды, или снежинки зимой,
Нежели все, что стерпел я, кидаемый по морю, прежде,
60 Чем на Евксинское смог левобережье ступить.
Но как я прибыл сюда, не легче стали невзгоды,
Рок злополучный меня также и здесь настигал.
Вижу теперь, что за нить от рожденья за мной потянулась,
Нить, для которой одна черная спрядена шерсть.

- 65 Что говорить обо всех грозящих жизни засадах –
Мой достоверный рассказ невероятным сочтут.
Это ль не бедствие – жить обречен меж бессов и гетов
Тот, чье имя всегда римский народ повторял!
Бедствие – жизнь защищать, положась на ворота и стены,
70 Здесь, где и вал крепостной обезопасит едва.
В юности я избегал сражений на службе военной,
Разве лишь ради игры в руки оружие брал.
Ныне, состарившись, меч я привешивать вынужден к боку,
Левою придерживать щит, в шлем облекать седину.
75 Только лишь с вышки своей объявит дозорный тревогу,
Тотчас дрожащей рукой мы надеваем доспех.
Враг, чье оружие – лук, чьи стрелы напитаны ядом,
Злобный разведчик, вдоль стен гонит храпящих коней.
Как, кровожадный, овцу, не успевшую скрыться в овчарню,
80 Тащит волоком волк и через степи несет,
Так любого, за кем не сомкнулись ворота ограды,
Гонят враги-дикари, в поле застигнув его.
В плен он, в неволю идет с ременной петлей на шее,
Или на месте его яд убивает стрелы.
85 Так и хирею я здесь, новосел беспокойного дома,
Медленно слишком, увы, тянется время мое.
Но помогает к стихам и былому служенью вернуться
Муза меж стольких невзгод – о чужестранка моя!
Только здесь нет никого, кому я стихи прочитал бы,
Нет никого, кто бы внять мог мой латинский язык.
90 Стало быть, сам для себя – как быть? – и пишу и читаю –
Вот и оправдан мой труд доброй приязнью судьи.
Все ж я не раз говорил: для кого я тружусь и стараюсь?
Чтобы писанья мои гет иль сармат прочитал?
Часто, покуда писал, проливал я обильные слезы,
95 И становились от них мокры таблички мои.

4

- 55 Не отпускают меня берега Евксинского Понта.
Древние звали его Понтом Аксинским⁶ не зря:
Нет здесь тихих зыбей, умеренным поднятых ветром,
Тихих пристаней нет для иноземных судов.
Вкруг – племена, что в кровавых боях промышляют добычу,
60 Так что суша у нас вод вероломных страшней.
Если ты слышал о тех, что ликуют, людей убивая,
Знай: обитают они рядом, под той же звездой.
Близко места, где у тавров⁷ алтарь стрелоносной богини
Кровью кощунственных жертв часто бывал окроплен.
65 Память жива, что поблизости здесь было царство Фоанта⁸:
Мерзкое добрым, оно даже и злых не влекло.
Там в благодарность за то, что Диана ее подменила
Ланью, вершила любой внушка Пелопа обряд.
После того как Орест, неизвестно, герой ли, злодей ли,
70 Яростью фурий гоним, в эти явился края,
Вместе с фокейцем, что стал примером истинной дружбы,
Ибо одна душа в двух обитала телах,
Вскоре оба в цепях к алтарю доставлены были,
Что перед дверью двойной храма кровавый стоял.
75 Смерти своей не боялся один и другой не боялся:

- Видя, что гибель близка, каждый о друге скорбел.
Жрица стояла меж тем с обнаженным мечом, и повязкой
Барварской были уже греков обвиты виски –
Но Ифигения вдруг узнала выговор брата:
80 Вместо удара клинком он получил поцелуй!
Тотчас богини кумир, ненавидевшей страшные жертвы,
В лучший край перенести дева, ликуя, спешит.
С этой страной, что лежит у предела земли и откуда
Люди и боги бегут, я по соседству живу.
85 Близко от наших мест приносились кровавые жертвы,
Если уж «нашей» зовет варваров землю Назон.
О, если б милостив стал ко мне бог, если б ветер попутный.
Гнавший Ореста корабль, прочь и меня бы умчал!

6

- 45 Город, увы, далеко, далеко друзья дорогие,
Та, что дороже всех, так от меня далеко!
Рядом гетов орда, в шаровары одетые скифы.
Все – что вблизи, что вдали – раны мои бережит.
Но, несмотря ни на что, меня утешает надежда:
50 Смерть страданиям моим скоро положит конец.

8

- 15 Но рассудилось иначе богам: проскитавшись немало
По морю и по земле, я к савроматам попал.
В доки уводят суда, когда расшатала их буря, –
В море открытом тонуть их не оставит никто;
Чтобы побед бывлых не срамить внезапным паденьем,
20 Щиплет траву на лугу силы утративший конь;
Воин, когда по годам он уже не годится для службы,
Свой посвящает доспех Лару старинному в дар;
Так и ко мне подошло уносящее силы старенье,
Срок наступил получить меч деревянный и мне.
25 Срок наступил не терпеть чужеземного неба суровость,
Жгучую не утолять жажду из гетских ключей,
Но или в Риме жить, наслаждаясь его многолюдством,
Иль удаляться порой в тихие наши сады.

9

- Хоть и живу я вдали, у скифских вод, где над нами
Близко созвездий горит незаходящих чета,
Но средь бескрайних племен разнесутся мои возвещенья,
20 Будут на целый мир жалобы слышны мои.

10

- Долго скитаться пришлось, но я достиг побережья,
110 Где по соседству живет с гетами лучник-сармат,
Здесь, хоть кругом оружие звенит, облегчить я пытаюсь
Песней, какою могу, скорбную участь мою;
Пусть тут нет никого, кто бы выслушал новые строки,
Все-таки день скоротать мне помогают они.
115 Что же! За то, что я жив, что терплю все тяготы стойко,
Что не постыла мне жизнь и треволненья ее,
Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешенье приносишь,
Отдых даешь от тревог, душу приходишь целить.
Ты мне и спутник и вождь, ты меня от Истра уводишь,
120 На Геликоне даешь место по-прежнему мне.

Книга V

1

- С гетского берега я посылаю еще одну книжку;
Ты, кто мне предан, прибавь к прежней четверке ее.
Будут и эти стихи под стать судьбе стихотворца:
В книге во всей не найти строчки, ласкающей слух.
- 5 Жизнь безотраднa моя – безотраднo и то, что пишу я,
С горьким предметом стихов в полном согласии слог.
Весел и счастлив я был – были веселы юные песни,
Хоть и пришлось мне теперь горько раскаяться в них.
После паденья могу лишь о нем я твердить постоянно,
- 10 И содержанием стихов сделалась участь моя.
Словно простертый без сил на прибрежном песке у Каистра
Лебедь поет над собой сам погребальную песнь,
Так и я, занесен на далекий берег сарматский,
Делаю все, чтоб немой тризна моя не была.
- 15 Если кто станет искать утех и песен игривых,
Предупреждаю, чтоб он этих стихов не читал.
Больше ему подойдут и Галл, и приятный Проперций,
Больше ему подойдет нежный Тибулла талант.
О, когда бы меня заодно не числили с ними!
- 20 Горе! Зачем порой Муза резвилась моя?
В крае, где скифский Истр, я за то несу наказание,
Что в шаловливых стихах бога с колчаном воспел.
- 45 Буду я петь лишь о том, что одобрит Цезарь, – но ссылку
Пусть облегчит мне и даст хоть от сарматов уйти!
- 73 Рим не должен равнять меня со своими певцами,
А меж сарматов, поверь, буду и я даровит!

2

- Все ли еще, когда с Понта письмо принесут, ты бледнеешь,
Все ли вскрываешь его слабой, дрожащей рукой?
Зря ты боишься: теперь я здоров, и тщедушное прежде
Тело, которому труд был непосилен любой,
- 5 Здесь не сдает: укрепила его привычка к лишениям, –
Или на большую хворь в ссылке досуга мне нет?
- Пусть умолчу о бедах в пути, об опасностях в море
- 30 И о поднявших мечи мне на погибель руках –
Варварский край, у границ необъятного мира лежащий,
Держит меня средь врагов, плотно сжимающих круг.
- Ты удалиться велел, к припонтийским направиться пашням,
Мчашейся в ссылку кормой скифскую резать волну.
Этот приказ и привел меня в край, безотрадный для взгляда,
Где под морозной звездой берег Евксинский лежит.
- 65 Мучит меня здесь больше всего не всегдашняя стужа,
Не обожженный седым холодом степи простор,
Даже не то, что латынь устам дикарей незнакома
И что над греческим верх выговор гетов берет, –
Но что плотным кольцом меня окружают сраженья,
- 70 Что и за тесной стеной трудно спастись от врагов.
Есть перемирья порой – не бывает надежного мира:
То нападают на нас, то нападения мы ждем.

3

- 5 Помню, случалось и мне, покуда судьба позволяла,
Гостем, угодным тебе, с ними бывать на пирах.
Ну а теперь берега, где сармат соседствует с гетом,
Держат меня вдалеке под киносурской звездой.
Жизнь, которую я проводил без забот и без тягот,
10 Зная лишь сладостный труд в хоре сестер Пиэрид,
Ныне средь гетских мечей влачу на далекой чужбине,
Вынеся много невзгод на море и на земле.
- 21 В городе ты не остался родном, но в край заснеженный
К марсолюбивым проник гетам, к стримонским струям,
Через Перейду прошел, через Ганг широкоотекущий,
Вплоть до рек, что поят смуглый индийцев народ.

6

- Пусть с этих губ, уставших дышать сарматским морозом,
20 Вдох последний слетит в час, вожденный давно,
Прежде чем сердце твое от обиды заставлю я сжаться,
Чем по своей вине стану недорог тебе.

7

- 1 Перед тобою письмо, из мест пришедшее дальних,
Области, где широко в море вливается Истр.
- Что за народ проживает в краю Томитанском, какие
10 Нравы людские кругом, верно, захочешь узнать.
Хоть в население страны перемешаны греки и геты,
Незамиранные все ж геты приметней в быту.
Много сарматского здесь и гетского люда увидишь –
Знай по просторам степным скачут туда и сюда.
- 15 Нет среди них никого, кто с собой не имел бы колчана,
Лука и стрел с острием, смоченным ядом змеи.
Голос свиреп, угрюмо лицо – настоящие Марсы!
Ни бороды, ни волос не подстригает рука.
Долго ли рану нанести? Постоянно их нож наготове –
20 Сбоку привесив, ножи каждый тут носит дикарь.
- Как посмотрю я вокруг – унылая местность, навряд ли
В мире найдется еще столь же безрадостный край.
- 45 А на людей погляжу – людьми назовешь их едва ли.
Злобны все как один, зверствуют хуже волков.
Им не страшен закон, справедливость попало насилье,
И правосудье легло молча под воинский меч.
В стужу им мало тепла от просторных штанин и овчины⁹,
50 Страшные лица у них волосом сплошь заросли.
Лишь кое-кто сохранил остатки греческой речи,
Но одичал ее звук в варварских гетских устах.
Ни человека здесь нет, кто бы мог передать по-латыни
55 Наипростейшую мысль в наипростейших словах.
Сам я, римский поэт, нередко – простите, о Музы! –
Употреблять принужден здешний сарматский язык.
Совестно, все ж признаюсь: по причине долгой отвычки
Слов латинских порой сам отыскать не могу.
- 60 Верно, и в книжке моей оборотов немало порочных,
Но отвечает за них не человек, а страна.

Но, чтобы я, говоря, Авзонии речь не утратил.
Чтобы для звуков родных не онемел мой язык.
Сам с собой говорю, из забвенья слова извлекаю,
65 Вновь повторяю и вновь этот зловеший урок.

10

Трижды на Истре был лед с тех пор, как живу я у Понта,
Трижды была тверда моря Евксинского гладь –
Мне же всё кажется: я в разлуке с любимой отчизной
Столько же лет, сколько брань с греками Троя вела.
5 Словно на месте стоит, так неспешно движется время,
Будто свершает свой путь шагом замедленным год.
Солнцеворот мне уже не сулит убавления ночи,
Мне уже длинного дня не сокращает зима –
Видно, в ущерб мне сама природа вещей изменилась:
10 Все удлинняет она в меру несчастья моих.
Времени ход для людей одинаков ли ныне, как прежде,
Только ли к жизни моей стало жестоким оно
Здесь, где у моря живу, что прозвано лживо Евксинским,
Скифским побережьем пленен, истинно мрачной землей?
15 Дикие тут племена – не счесть их! – войной угрожают,
Мнят позорным они жить не одним грабежом.
Небезопасно вне стен, да и холм защищен ненадежно
Низкой непрочной стеной и крутизною своей.
Ты и не ждал, а враги налетают хищною стаей,
20 Мы не успеем взглянуть – мчатся с добычею прочь.
Часто в стенах крепостных, хоть ворота всегда на запоре,
Стрелы, сулящие смерть, мы подбираем с дорог.
Редко решается кто обрабатывать землю; несчастный
Пашет одною рукой, держит оружие другой.
25 В племе играет пастух на скрепленной смолою цевнице,
Не перед волком дрожат овцы – боятся войны.
Нас укрепленья едва защищают, и даже внутри их,
Смешаны с греками, нас скопища диких страшат.
Ибо живут среди нас, безо всякого с нами различья,
30 Варвары: ими домов большая часть занята.
Пусть в них опасности нет, но они отвратительны с виду
В шкурах звериных своих, с космами длинных волос.
Даже и те, кто себя от греков считает рожденным,
Платье отцов позабыв, носят, как персы, штаны.
35 Между собою они говорят на здешнем наречье,
Я же движеньями рук мысль выражаю для них.
Сам я за варвара здесь: понять меня люди не могут,
Речи латинской слова глупого гета смешат.
Верно, дурное при мне обо мне говорить не боятся,
40 Может быть, смеют меня ссылкой моей попрекать.
Если качну головой, соглашаясь иль не соглашаясь¹⁰,
Мнение мое все равно против меня обратят.
Суд здесь неправый, прибавь, – он жестоким вершится оружием,
И на судилищах меч тут же расправу чинит.
45 Что же, Лахесида, мне, с моей суровой судьбою,
Жестокосердая, ты нить не могла оборвать?
Я лицезренья лишен друзей и милой отчизны,
Сетую горько, что здесь, в скифской земле, заточен.
Тяжких две кары терплю. По заслугам лишился я Града,

- 50 В эту, быть может, страну не по заслугам попал.
Что я, безумец, сказал? Я казни смертной достоин,
Ежели мной оскорблен Цезарь божественный сам!

12

- Ты советуешь мне развеять печаль стихотворством,
Чтобы постыдная лень дух не могла одолеть.
Трудно исполнить совет, ведь стихи – забава счастливых,
Мир и душевный покой нежным стихам подавай.
- 5 Гонят мою судьбу порывы враждебного ветра,
Долю, горше моей, трудно представить себе.
Ты бы хотел, чтоб Приам танцевал на сыновних могилах,
Чтобы Ниоба, смеясь, пела над прахом детей?
Думаешь, мне ничего не стоит от скорби отвлечься,
- 10 Мне, осужденному жить в ссылке у гетов тупых?
Даже если мой дух укрепить недюжинной силой,
Как у того, кто погиб, злобой Анита гоним,
Пал бы ум все равно, испытав такое крушение;
Силы лишен человек вынести гнев божества.
- 15 Старец, кого мудрецом назвал дельфийский оракул,
Вряд ли смог бы писать, будь он на месте моем.
Если б я мог забыть отчизну и лица родные,
Если б я вытравить мог горечь утрат из ума.
Страх бы остался и страх помешал бы стихам предаваться:
- 20 Всюду, куда ни пойдешь, рыщет бесчисленный враг.

- Здесь, где не водится книг, где никто меня слушать не станет,
Где не понять никому даже значения слов.
- 55 Всюду чужая речь, звериные, дикие звуки.
Возгласы ужаса здесь слышишь на каждом шагу.
Кажется, сам я уже вконец разучился латыни:
Знаю сарматский язык, с гетом могу говорить.
Но не могу утаить: воздержанью суровому в ссылке
- 60 Не научилась еще тихая Муза моя.

13

- 1 С гетских Назон берегов тебе желает здоровья,
Если, что сам потерял, можно другому желать.
- 21 Раньше седая полынь в степях у холодного Понта,
Раньше на Гибле тимьян вдруг перестанет расти,
Чем убедят меня в том, что о друге ты больше не помнишь.

Письма с Понта

Книга I

1. Бруту

- 1 Публий Назон, давно в отдаленных Томах осевший,
С гетских глухих берегов шлет тебе эти стихи.
- 80 Если от скифских стрел мне судьба разрешит удалиться,
Я ни о чем никогда больше не стану просить.

2. Фабию Максиму

- Должен я жить, чтобы вкус беды ощущать ежечасно,
Чтобы времени ход только усиливал боль.
Так никогда до конца не гибнет у Тития печень,
40 Но вырастает опять, чтобы опять погибать.

- Может быть, ночь принесет покой, облегчение чувствам –
Всех погружает она в сон, исцеляющий боль?
Нет: мучительны сны повтореньем действительных бедствий.
Бодрствуют чувства мои, участь мою вороша.
- 45 То я вижу себя от стрел сарматских бегущим,
То для тяжелых оков руки дающим врагу.
- 57 Часто зову я смерть, и часто у смерти прошу я,
Чтоб не достался мой прах чуждой сарматской земле.
- Знает Цезарь едва ль – хоть все божеству и открыто, –
Как тут все обстоит в этом унылом краю.
Дух высочайший его делами великими занят,
Не подобает ему в каждую мелочь вникать.
- 75 Времени нет у него и спросить, где находятся Томи
(Здешние геты и те знают едва ли о них),
Как живут племена язигов и диких сарматов,
Тавров, которые встарь чтили кровавый кумир,
Что за народы идут и гонят коней быстроногих
- 80 По отвердевшей спине Истра, одетого льдом.
Многих, многих людей заботы твои не волнуют
И не пугает твоя мощь, ослепительный Рим.
Мужество им дают тетива и стрелы в колчане,
Годный для долгих дорог, сильный, выносливый конь,
- 85 Навык в походах терпеть изнурительный голод и жажду,
Если в безводную степь враг отеснит храбрецов.

- Снятья вины не проси – проси безопаснее места,
Где бы я жил, не страшась ловких, коварных врагов,
- 105 Чтобы нечесаный гет мечом кровавым не отнял
Жизнь, которую мне видимый бог сохранил,
Чтобы, когда я умру, сошел я с миром в могилу,
Чтоб не давил меня гнет варварской скифской земли,
Чтобы кости мои – изгнанника жалкие кости –
- 110 Конь фракийский не мог тяжким копытом топтать,
Чтобы – если смерть всех чувств не уносит бесследно –
Тень не пугала мою гета коварного тень.

3. Руфину

- 35 Всех нас родная земля непонятною сладостью манит
И никогда не дает связь нашу с нею забыть.
Что есть Рима милей? Что страшнее сарматских морозов?
Но ведь из Рима сюда варвар, тоскуя, бежит.

- Почвы родимой лишен, где мне выпала доля родиться,
Я не мечтать не могу о дружелюбных краях –
Маюсь в бесплодных песках отдаленнейшей области света,
- 50 Где беспрерывно земля снегом укрыта от глаз,
Где не найдешь нигде ни плодов, ни сладостных гроздей,
Ив лишены берега, горные склоны – дубов.
Море такой же хвалы, что и почва, достойно: валами,
Темное, вечно бурлит под бушевание бурь.
- 55 Сколько видно вокруг, поля лишены землепашцев,
И без хозяев лежит сонной пустыней земля.
Слева и справа враги, которые ужас внушают,
Близко подкравшийся страх с разных сторон обступил.

60 Метит с одной стороны копьё бистонийской закалки,
Злого сармата стрела метит с другой стороны.

5. Котте Максиму

10 Верь мне, Максим, пишу то, что видишь сейчас пред собою,
Руку заставив писать только усилием ума.
Но для чего мне терять мои оскудевшие силы –
Муза – зови не зови – к гетам тупым не идет.

45 Что мне делать? Нельзя предаваться медлительной лени:
Праздность нашим умам тленом и смертью грозит.
Мне не по вкусу всю ночь проводить в безудержном пьянстве
И не возьму ни за что в руки игральную кость.
Если я сну отдам, сколько нужно для отдыха телу,
Чем я заполнить смогу долгое время без сна?
Предков обычай забыть, стрелять из сарматского лука
50 И научиться тому, в чем здесь искусен любой?

6. Грецину

50 Знай, что в гетских песках я буду лежать погребенный,
Если ты мне обещаешь помощь не можешь свою.

7. Мессалину

Вместо речей письма, которые ныне читаешь,
Мчали к тебе, Мессалин, с гетского берега привет.
Ясно ли, кто их послал? Иль, если не названо имя,
Ты не поймешь, что Назон это письмо написал?
5 Разве, кроме меня, у тебя на окраинах мира
Есть друзья – коль могу зваться я другом твоим?
Боги да уберегут всех, кому ты дорог и близок,
И не дадут увидеть варваров здешних вблизи!
Хватит того, что я между льдами и стрелами скифов
10 Жить обречен (коли жизнь есть умирания род),
Что и войною грозит мне земля и стужей – небо,
Гетская ярость – копьем, градом – ненастье зимы,
Что прозябать мне в стране, и плодов и гроздей лишенной,
Где не найти уголка, чтобы спастись от врага.

8. Северу

Слово приветов Назон, любезный тебе, посылает –
Слово прими, о Север, лучший, любимейший друг!
Спрашивать, как я живу, не тцись: расскажу – так заплачешь;
Будет достаточно знать главное в бедах моих.
5 Мира не зная, живу, постоянно ношу я оружие:
Гетские стрелы и лук вечно войною грозят,
Сколько ссыльных ни есть, я один – и ссыльный, и воин:
Тихо живется другим – но не завидую им.
Чтобы к писаньям моим снисходительней быть, ты запомни:
10 То, что читаешь, поэт в полном оружьи писал.
Город старый вблизи берегов двуименного Истра
Грозной стеной защищен и положеньем своим.
Каспий Эгис, коль верить рассказам, тот город построил
И, по преданию, дал детищу имя свое.
15 Гетов свирепых орда, истребив неожиданно одрисов,
Приступом город взяла, против царя ополчась.
Помня о роде своем, чью мощь он доблестью множит,
Тотчас владыка пришел с войском несметным своим,

- Не отступился, пока бесстрашное племя злодеев
20 Наголову не разбил в кровопролитном бою.
- Если б, изгнаннику, мне даровали за все, что утратил,
50 Малую радость взамен: почвы возделать клочок!
Сам бы я пас, коли мне разрешили б, о посох опершись,
Льнущих к отвесным скалам коз и спокойных овец;
Сам бы, чтоб сбросить груз разъедающих душу страданий,
Вел под кривым ярмом пашущих землю быков;
55 Я научился б словам, что гетской скотине понятны,
И понукал бы волов окриком, принятым здесь;
Сам бы на плуг налегал, направляя податливый лемех,
И во взрыхленную новь сеял бы сам семена;
Сам бы я всходы полол, не помедливши, длинной мотыгой,
60 Сам бы я воду носил жаждущим влаги садам.

10. Флакку

- 31 Не на пирах я увял: если б даже я был до них падок,
Здесь, среди гетов нельзя ход этой прихоти дать.

Книга II

1. Германику Цезарю

- 1 В край, куда лишь с трудом доносятся южные ветры,
Ныне молва донеслась: Цезарь справляет триумф.
Скифия мне никогда не казалась отрадной землею –
Все же немного милей стала и Скифия мне.
- Благодаренье тебе, о молва: от окраины гетской
20 Вижу я шестивенный блеск, вижу я праздничный чин.
Благодаренье тебе: я узнал, сколь много народов
В римские стены стеклось для лицезренья вождя.
Рим, в просторных стенах уж объявший, казалось, вес земли,
Еле место нашел, чтобы гостей приютить.
- Сам я, быть может, сложу стихи и об этом триумфе,
Ежели выживу я в бедственной доле моей,
65 Ежели кровью моей не упьются скифские стрелы,
Ежели голову мне гетский не срубит клинок.
Если же я доживу до лавров твоих невредимо –
Сам согласишься, что я – дважды правдивый пророк.

2. Мессалину

- 1 Тот, кто в вашем доме всегда был почтительным гостем,
Тот, кто ныне живет в ссылке, где плещет Евксин,
Ят Овидий Назон, из гетской земли непокорной
Шлю Мессалину привет – вместо прямого, в письме.
- Цезарь мне жизнь даровал; чтобы дар этот был мне на благо,
Ты за меня перед ним вот как замолви слова.
Если спокойно лицо и черты его властные ясны
Те, что движеньем одним движут и город и мир, –
65 То умоли его: пусть не останусь я гетам в добычу,
Пусть для скорби моей мягче отыщется край.
- О, как радостен день, когда заслуженным лавром,
90 Следуя воле людской, Цезарь венчает чело!

О, как счастливы те, кто волен смотреть на триумфы
И богоравных вождей видеть божественный лик!
Этого мне не дано: вместо Цезаря вижу я гета,
Землю, где вечная брань, море, где вечный мороз.

4. Аттику

- 1 Это посланье к тебе с побережий холодного Истра
Ты благосклонно прими, Аттик, мой ведомый друг.

7. Аттику

- 1 Первым делом – привет передаст тебе это посланье,
Аттик, из гетской земли, незамиренной досель

Мягче изгнанье в иных краях – но этого края
Хуже не видывал мир ни под какою звездой.

- 65 Близость к отчим местам бывает порой утешеньем –
Я же томлюсь вдалеке, там, где кончается свет.
Даже изгнанники в мире живут под цезарским лавром –
Здесь же, в понтийской земле, смежный свирепствует враг.
Благо тому, кто может свое возделывать поле, –
70 Здесь же, пред вражьим лицом, празден над почвою плуг.
Теплый воздух порой ласкает нам тело и душу –
А на сарматских берегах царствует вечный мороз.
Пресная даже вода для нас – завидная сладость:
Здесь мы болотную пьем с солью морской пополам.

8. Котте Максиму

- 35 Ты хоть немного смягчи и уменьши мое наказание,
Дальше от скифских врагов место изгнанья назначь.

10. Макру

Видел Тринакрию я, путешествуя вместе с тобою,
В Азии вместе с тобой видел я блеск городов.
Видел я небеса, озаренные пламенем Этны,
Что изрыгает из уст, лежа под нею, гигант,
25 Энну с водами озер и болота зловонной Палики,
Дол, где сливает Анап струи с Кианской струей.
Нимфу от них невдали, что в Элиде спаслась от потока,
Скрывшись под гладью морской; здесь она льется ручьем.
Там я большую часть провел быстротечного года.
30 Как это место, увы, с гетской несхоже землей!

Часто я вижу тебя, пускай одним только сердцем,
И под студеным с тобой небом беседы веду.
Здесь ты со мной, не зная о том, что из Города к гетам
50 Гостем желанным сюда часто приходишь ко мне.

Книга III

1. Жене

Море, чьи воды взмутил гребец Ясонов впервые.
Край, что доступен всегда снегу и диким врагам,
Будет ли время, когда в не столь опасное место,
В ссылку другую от вас сможет уехать Назон?

- 5 Или меж варваров мне суждено навеки остаться,
Здесь умереть и в тебя, почва понтийская, лечь?

2. Котте Максиму

- 35 Часто и вас восхвалять отдаленные станут потомки,

- Будете в песнях моих яркою славой сиять.
Знают уже и теперь о вас савроматы и геты,
Ибо величье души здешние варвары чтут.
Преданность вашу на днях я стал хвалить перед ними
40 (Знаю и гетский теперь я, и сарматский язык).
Вдруг отозвался старик, стоявший с прочими рядом,
И, обратившись ко мне, молвил такие слова:
«Очень знакомо и нам, чужеземец, понятие о дружбе,
Здесь, где, далеко от вас, в Понт изливается Истр.
45 Место в Скифии есть, что зовется издревле Тавридой
И отстоит от страны гетов не так далеко.
В этой земле – не стыжусь отчизны – я и родился;
Феба родную сестру там почитает народ.
Там и по нынешний день есть храм, и четырежды десять
50 К мощным колоннам его в гору ступеней ведут.
Здесь, повествует молва, небесный кумир находился;
Цело подножье его, хоть и пустое, стоит.
Камень алтарный, что был по природе своей белоснежным,
Красным от крови людей сделался, цвет изменив.
55 Женщина правит обряд, не знавшая факелов брачных;
Выше скифских подруг знатностью рода она.
Нашими предками был такой установлен обычай:
Должен был каждый пришлец пасть под девичьим ножом.
Правил в те годы Фоант, и у вод Евксинского Понта,
60 Близ Меотиды никто не был, как он, знаменит.
Это при нем, говорят, Ифигения к нам совершила
Долгий, неведомо как, прямо по воздуху путь.
Будто бы силой ветров сокрытую тучей Диана
За море перенесла и поселила у нас.
65 Долгие годы потом верховною жрицею храма
Против воли она правила мрачный обряд.
Вдруг принесли паруса ладью, и два чужеземца
Юные на берег наш вместе ступили ногой,
Сверстники и друзья; имена сохранило преданье:
70 Звался Орестом один, звали другого Пилад.
Тотчас же их отвели к алтарю жестокой Дианы,
Руки обоим связав крепким ремнем за спиной.
Жрица гречанка водой очистительной их окропила,
Ленту обвила вокруг их белокурых голов.
75 И, готовя обряд, виски украшая повязкой,
Повод стараясь во всем для промедленья найти,
“Юноши, – им говорит, – не я жестока, простите!
Варварский край мне велит варварский править обряд!
Так установлено здесь. Но куда вы путь свой держали,
80 К таврам откуда приплыл ваш злополучный корабль?”
Так им сказала она, и, родины имя услышав,
С радостью в них узнает дева своих земляков.
“Пусть один, – говорит, – будет заклан в жертву богине,
С вестью в родные места пусть возвратится другой”.
85 К смерти готовый Пилад торопит Ореста в дорогу,
Спорит Орест. Умереть каждый за друга готов,
Только в этом друзья прийти не могут к согласью –
Прежде всегда и во всем были они заодно.
Юноши спорят еще, продолжая в любви состязаться,
90 Брату спешит между тем дева письмо начертать.

- Брату писала она, а тот, кто ждал порученья, –
Вот что бывает с людьми! – был ее собственный брат.
Часа не медля, они кумир похищают из храма,
Тайно уводят корабль вдаль по безбрежным волнам.
95 Крепкая память о них, об их удивительной дружбе
В Скифии даже теперь, через столетия, жива».
Только закончил старик давно известную сказку.
Сразу одобрили все доблесть и верность друзей.
Значит, и в этих местах, которых нету жесточе.
100 Истинной дружбы пример гетам волнует сердца.
Что же должны совершить друзья, рожденные в Риме,
Если такие дела трогают варваров злых?
Ты добротой души и всегда отличался к тому же,
И благородство твое чистый твой нрав подтверждал.
105 Это признал бы Волез, твоего отца прародитель,
Нума бы это признал, матери предок твоей.
Им не пришлось бы краснеть, что прибавилось прозвище Котты
К их родовым именам: пал бы их дом без тебя,
Славных мужей череду продолжая достойно, ты вспомни,
110 Что завещали они падшим друзьям помогать.

3. Фабию Максиму

- 25 Ты и сюда залетел, где люди мира не знают,
Где покрывается льдом на зиму варварский Истр?

4. Руфину

- 91 Это не я говорю с берегов реки, из которой
Воду недобрую пьет незамиренный сармат.

5. Котте Максиму

- Спросишь, откуда пришло письмо, что теперь ты читаешь?
Издалека, где с морской синью мешается Истр.
Если страна названа, то припомниться должен писавший:
Публий Назон, поэт, сгубленный даром своим.
5 Как бы хотел он тебе не с берега гетов косматых,
Котта, привет передать, но повстречаться с тобой.

- Но, коль судьба отняла у меня и вас, и отчизну
И захотела, чтоб я с дикими гетами жил,
Чаще, прошу я тебя, плоды твоего прилежанья –
30 Чтобы казалось, что мы свиделись, – мне присылай.

- 45 Пусть мне смерть принесет стрела из гетского лука
(Видишь, за лживую здесь клятву расплата близка!),
Если и в ссылке тебя не вижу я постоянно,
Благо свободен идти дух мой, куда захочу.
Так, не зримый никем и духом Рима достигнув,
50 То я внимаю тебе, то я с тобою говорю.
Как мне бывает тогда хорошо, передать я не в силах;
Самыми светлыми мне кажутся эти часы.
Веришь ли, мнится тогда, что я очутился на небе,
Что получил я удел в сонме блаженных богов.
55 Но возвращаюсь сюда, небеса и богов покидаю...
Как недалеко течет Стикс от Понтийской земли!

6. Неизвестному

- 1 С моря Евксинского шлет Назон приятелю (имя
Чуть было я не назвал) краткие эти стихи.

7. Другьям

- В землю гетов попав, я, верно, умру среди гетов:
20 Парка, что начала, пусть доведет до конца.
Легче с надеждою жить, если только она не бесплодна,
Если ты хочешь чего, думай, что этому быть.
Далее следует шаг – в спасенье больше не верить
И убедиться, что ты бесповоротно погиб.
25 Видим же мы, что порой от леченья становятся шире
Раны, и лучше бы их было не трогать совсем.
Легче погибнет пловец, поглощенный внезапной волною,
Чем утомивший свои руки в борьбе против волн.
Что это вздумалось, мне, что могу я от скифских пределов
30 Быть удаленным и жить в более мирной стране?

8. Фабию Максиму

- Что за подарок из Том, ломал я голову часто,
Можно было б тебе, Максим, на память послать?
Золото я бы послал, серебро послал бы охотно,
Но ты им рад, лишь когда сам одаряешь других.
5 Да и земля здесь совсем не богата ценным металлом,
И земледельцам его враг не дает добывать.
Часто одежды твои украшал сверкающий пурпур,
Но не сармата рука яркими сделала их.
Шерсть у овец тут груба, и доныне искусством Паллады
10 Женщинам этой страны не удалось овладеть.
Здесь они не прядут, но дары Церерины мелют,
Тяжкие на голове носят кувшины с водой.
Здесь с виноградной лозой не дружат статные вязы,
Осенью ветви не гнет тяжесть созревших плодов.
15 Скорбную только полынь родит невзрачное поле –
Горечь ее отдает горечью этой земли.
Так что, по мне, ничего в суровой области Понта
Не было, что подарить близкому я бы хотел.
Я посылаю тебе в колчане скифские стрелы –
20 Пусть обогрятся они кровью врага твоего.
Вот какими е его ты благосклонно прими.

9. Бруту

- Чуть не безумным себе я кажусь, стихи сочиняя
И среди гетов еще пробуя их исправлять.
Значит, нет ничего простительней в наших писаньях,
Нежели то, что смысл всюду почти что один.
35 Радостно в радости пел, пою печально в печали:
Та и другая пора в созданном мною звучит.
Как было мне не писать о тревогах сурового края?
Как не твердить, что хочу в мирной земле умереть?

Книга IV

2. Северу

- 1 Славных царей преславный певец, письмо ты читаешь
Из неприветной страны гетов лохматых, Север!
21 Если б на этой земле самого поселили Гомера,
Он превратился бы тут в дикого гета, поверь.
37 Кто нас прослушает здесь? Желтогривые разве кораллы
Или кого там еще Истр полудикий вспоил?

6. Бруту

- 5 В Скифии мной прожита пятилетняя олимпиада,
Новым пяти годам время отсчет повело.

7. Весталису

- Присланный ныне к нам, на берег Евксина, Весталис,
Здесь, под Полярной звездой, римский закон утвердить,
Сам ты узнал, каков этот край, где меня поселили,
И справедливость моих жалоб везде подтвердишь.
- 5 Юный внук альпийских царей! Если ты мой свидетель,
Веру скорей обретет наша неложная речь.
Видел и ты, как в лед застывает Понт на морозе,
Как без кувшина вино форму кувшина хранит.
Видел, как груженный воз с воловьею упряжкой по Истру –
- 10 Посуху стрежнем реки гонит отважный язиг.
Знаешь и то: в кривом острие здесь яд посылают,
Чтобы, вонзаясь, стрела смертью грозила вдвойне.

- Помнит мятежный Эгисс, как его усмирил ты, – и ложен
Был тот смелый расчет на неприступность горы:
За облака вознесен, не так в оружии город
Видел надежный оплот, как в положение своем.
- 25 Дерзкий враг отобрал Эгисс у царя ситонийцев
И, отобрав, держал взятое в цепких руках;
Но по реке на судах пришел Вителлий и грозно
Против гетских рядов выстроил свой легион.
И у тебя, достойнейший внук благородного Донна,
- 30 Жажда зажглась в груди ринуться в сечу мужей.
Издавека приметный для глаз сверканьем доспехов.
Не пожелал ты скрыть храбрость свою хоть на миг;
Шел напролом, одолев и булат, и гордую кручу,
Шел сквозь частый град падавших с выси камней.
- 35 И не явились тебе помехой дротиков стаи,
Черные тучи стрел с кровью змеи в остриях.
В шлеме тростинки торчат, многоцветными перьями вея,
Негде в разбитый щит новой вонзиться стреле.
Он и от прежних тебя не укрыл. Но с думой о славе
- 40 Боль пламенеющих ран ты не хотел замечать.
Так, мы помним, Аякс против Гектора бешено бился,
Факелonosцев разил – и отстоял корабли!
Грудь на грудь пошли. Скрестили мечи в рукопашной.
Время железу решить яростной битвы исход.
- 45 Что ты в бою тогда совершил, обо всем не поведать,
Скольких убил врагов, как и кого одолел:
Ты бы считал и не счел те груды порубленных гетов,
Всех, кого попирали в битве победной стопой.
Младшие брали пример со старшего: в сечу кидались,
- 50 Много приняли ран, подвигов много свершив.
Ты же настолько всех превзошел отвагой, насколько
Самых ретивых коней в беге обгонит Пегас.
Вновь покорен Эгисс, и, подвига верный свидетель,
Стих мой векам передаст славу, Весталис, твою.

9. Грецину

- 1 Не откуда бы рад – откуда позволено, с Понта
Ныне Грецину Назон слово приветствия шлет.

- 75 В этом году здесь начальствовал Флакк, и в его управление
Берег истрийский забыл грозы и беды свои.
В мире держал он, Грецин, племена беспокойных мисийцев¹¹,
Гетский лук устранил верным двуострым мечом.
Тресмий, взятый врагом, возвратил он доблестью быстрой,
- 80 В русло Дуная пролив варварской крови поток.
Ты у брата спроси, каково оно, скифское небо,
И почему, узнай, страшен немирный сосед,
Правда ль, что желчью змеи пернатые смазаны стрелы,
Что человечью кровь мерзостно льют на алтарь.
- 85 Лгу ли я или впрямь застывает Понт на морозе,
И одевает зима море на югеры льдом.
Скажет – и ты спроси, какова моя слава в народе,
Как провожу, узнай, бедствия горькие дни.
Тут неприязни ко мне не питают – да и за что бы?
- 90 Пусть изменила судьба, не изменил я себе.
Тот же душевный покой, который во мне одобрял ты,
Ту же стыдливость мои запечатлели черты.
Да, таков я и здесь, в стране, где силу оружия
Учит варвар-сосед выше закона ценить.
- 95 Женщину, мужа ль, дитя – никого за все эти годы
Я никогда и ничем здесь не обидел, Грецин.
Вот потому и пригрели меня в несчастье томиты
(В чем поклянусь, увы, этой чужою землей).
Видя желанье мое, и они мне желают уехать,
- 100 А для себя не хотят близкой разлуки со мной.
Верь иль не верь, но издан указ – и на воске начертан!
Коим, воздав нам хвалу, сняли налоги с меня!
И хоть не очень к лицу несчастному слава такая,
Все города окрест тем же почтили меня.
- 105 Как благочестен я, знает город, меня приютивший:
Видит, что в доме алтарь Цезарю я посвятил.
Рядом и сын стоит, и супруга, верховная жрица, –
Новому божеству равные два божества.
Чтобы единой семьёю сохранить, я поставил и внуков:
- 110 Рядом с отцом один, с бабушкой рядом другой.
Им в рассветный час, только день на востоке забрезжит,
Я со словами мольбы ладан обильный курю.
Рвенью весь моему Понтийский берег свидетель:
Всех опроси – ничего здесь я не присочинил.
- 115 Знают на Понте и то: день рожденья нового бога
Щедро, насколько могу, праздную играми я.
Всем заезжим гостям известно мое благочестье,
Кто бы ни прибыл к нам из Пропонтиды сюда.
Верно, наслышан о нем и Флакк, под чьим управлением
- 120 Западная сторона Понта недавно была.
Больше б хотелось давать, да богатство мое оскудело –
Но и от скудного дар радостно я приношу.
Рим отсюда далек – это делаю не напоказ я, –
Благочестивый мой долг рад исполнять в тишине.
- 125 Все ж и до Цезаря слух дойдет: по широкому свету
Что бы ни делалось, всё ведомо будет ему.
Ты же, к богам вознесшийся бог, ты знаешь и видишь,
Цезарь! Отныне земля взорам открыта твоим.
Там, под сводом крутым, среди созвездий ты слышишь

- 130 Эти мольбы, что к тебе робко возносит поэт.
Может быть, наши стихи о святом небожителе новом,
Те, что послал я в Рим, тоже дошли до тебя.
Верю: твое божество они преклонят к милосердию –
Ведь не напрасно тебя в Риме отцом нарекли.

10. Альбиновану

- 1 Вот и шестую весну среди гетов, в шкуры одетых,
У киммерийских границ выпало мне отбывать...
- Худо ли было внимать чудесному девичью пенью,
И, полагая, ничуть лотос на вкус не горчи́л.
Мне предложите сок, дающий забвенье отчизны,
- 20 Жизни несколько лет отдал бы я за него!
И лестригонов нельзя с лихими сравнить племенами,
Чью изгибами Истр пересекает страну.
Лютый едва ли Циклоп превзошел бы зверством Пиа́кха,
Нам же один ли Пиа́х дикой расправой грозит!
- 25 Воют неистово псы у чресел чудовищной Скиллы –
Но гениохский¹² пират для морехода страшней.
Трижды воду хлебнет и трижды извергнет Хари́бда,
Но не равняйте ее с грозной ахейской ордой.
Хоть и вольготней ордам по правому рыскать поморью,
- 30 Все же и Левый Понт не безопасен от них.
Здесь бестравная степь, а стрелы отравлены ядом,
Здесь пешеходный путь по морю стелет зима,
И, где вчера весло дорогу в волнах пролагало,
Завтра, лодку презрев, посуху путник пройдет.
- 35 Кто приезжал от вас, говорил нам: “В Риме не верят!” –
Как же такое сносить, что и представить нельзя?
Все-таки верь, и я разъясню, почему на морозе
Затвердевает зимой моря Сарматского гладь.
Ближе других от нас то созвездие, что колесницей
- 40 В небе стоит, и оно сильную стужу несет.
В путь отсель вылетает Борей: для него этот берег –
Дом, и в окрестных краях он набирается сил.
Нот же дышит теплом от противного полюса: к нам он
Если порой долетит, то .ослабев по пути.
- 45 Замкнут вдобавок Понт, а рек принимает немало,
И разжижают они крепость соленой воды.
Лик¹³ впадает в него, Гипанис, Калес и Сангарий,
Пений и Галис – река в водоворотах сплошных.
Рвутся Парфений к нему и Кинапс, грохочущий камнем,
- 50 И никому быстротой не уступающий Тир;
Рвешься и ты, Фермодонт, облюбленный воинством женщин,
Фасис, куда поход в древности грек устремил;
Ты, Дирапс, ясноструйный поток, вдвоем с Борисфеном,
И молчаливый Меланф, тихо вершащий свой путь;
- 55 Дале река, что две разделив земли – Азиатский
Край и Кадма сестру, – мирно меж ними течет;
Всех потоков не счесть, и в этом ряду величайший
Ты, что и с Нилом самим мог бы поспорить – Дунай!
Прибыль чрезмерная вод развращает избытком стихию,
- 60 Морю она не дает прежнюю силу сбере́чь;
Даже и с виду оно, как лужа, как сонная заводь, –
Синий размытый цвет еле на нем углядишь.

- Пресная сверху плывет вода, морской она легче,
Примесь соли дала той дополнительный вес.
65 Спросят меня: к чему растолковывать это Педону,
Сведенья наши зачем в мерах стиха излагать?
«Время, – скажу, – я тем обманул, утешил заботу,
Значит, последний час не бесполезно протек.
Меньше, куда писал, томился я болью привычной,
70 Кажется, вовсе забыл, что среди гетов живу».
Ты же, звучным стихом прославляя деянья Тесея, –
Не сомневаюсь я – свой этим возвысив предмет,
Сам с героя берешь пример: ведь и в ясность, и в бурю
Он, одинаково тверд, преданность другу хранил.
75 В подвигах пусть он велик и пусть великим предстал он
В песне, которую ты создал достойной его, –
Все же было и в нем подражанию доступное свойство.
В верности каждый бы мог новым Тесеем предстать.
Вас не зовут крушить мечом и дубиной злодеев,
80 Из-за которых не мог путник по Истму пройти.
Щедро дарить любовь при желании не трудное дело:
Подвиг ли это, скажи, верность сберечь в чистоте?
Но не подумай, Педон, – ты-то дружбу хранишь неизменно
Будто тебе в укор сказаны эти слова.

13. Кару

- Сколько угодно стихов разложи – накопил я немало
10 Разных примет и по ним сразу твои отличу.
Выдаст создателя мощь, достойная впрямь Геркулеса, –
Пел ты героя и стал силой подобен ему.
Ну, а Муза моя, если чем особенно приметна,
То отличают, боюсь, только изъяны ее.
15 Столь же укрыться от глаз мешало Терситу уродство,
Сколь красотою всегда взоры Нирей привлекал.
Но не дивись, что стихи с изъянами: пишет их ныне,
Чуть ли не гетом став, сосланный римский поэт.
Даже я – стыдно сказать! – написал посланье по-гетски,
20 В наш уложив размер варвара трудную речь.
Можешь поздравить, стихи понравились; дикие геты
Стали поэтом меня с этой поры величать.
Спросишь, каков предмет? Похвали: я Цезаря славил.
В новом деле меня сам он, наш бог, поддержал.
25 Август-отец, я учил, был смертен телом, но жив он
Как божество и от нас в дом свой небесный ушел.
Доблестью равен отцу, я учил, кто, послушен призыву,
Принял власти бразды, им отклоненной не раз;
Вестой чистых матрон я Ливию нашу восславил:
30 Мужу ли духом она, сыну ль равна – кто решит?
Пел и юношей двух, родителю ставших опорой,
Дать успевших в бою доблести верный залог.
Только прочел я стихи, не родной напетые Музой,
Только нижний конец свитка рукою зажал –
35 Каждый, гляжу, закачал головой и полным колчаном,
В гетских устах вскипел ропот и долго не молк.

Ибис

- 135 Нет, пока луком фракиец разит, а копьем язигиец,
Нет, пока теплым течет Ганг, а холодным – Дунай,

- Дуб растет на горе, а трава зеленеет в долине,
А из этрусской земли Тибр свои волны несет, –
Быть нам врагами с тобой! Даже смерть вражде не помеха:
140 И у бессильных теней тоже оружие есть;
Даже тогда, когда растворяюсь я в воздушном потоке,
Тень моя, мертвая тень будет с тобой враждовать;
Даже тогда не смогу я забыть о твоих злодеяниях,
Даже костяк мой, и тот встанет тебя ужасать!
- 635 Или, как древний близнец, новозданную стену поправший,
Казнь прими под копьем, пущенным грубой рукой;
Или живи и умри вот здесь, меж сарматов и гетов,
Здесь, под градом их стрел, – боги, услышите меня!
Вот пожеланья мои. Неси их, поспешная книжка, –
640 Пусть не печалится враг, будто о нем я забыл!

Примечания

¹ *Томы* – колония милетян на Балканском побережье Черного моря, совр. Констанца.

² *Левый берег Понта*, или Левый Понт – официальное название Балканского побережья Черного моря.

³ Имеются в виду фракийские племена *метерев* и *колхов* (не путать с одноименными жителями Колхиды), сарматское племя *язигов*, которые жили по нижнему Дунаю, а также германское племя *бастарнов*, обитавшее в Карпатах. Земля *савроматов* (сарматов), на месте которых позднее локализуют скифов, – Северное Причерноморье.

⁴ *Бессы* – фракийское племя.

⁵ *Меотийская* – по имени скифского племени меотов, обитателей Приазовья. Отсюда и Меотида – греческое название Азовского моря.

⁶ *Евксин* – гостеприимный, *Аксин* – негостеприимный.

⁷ *Тавры* – обитатели Тавриды – Крыма.

⁸ *Царство Фоанта* – Крым.

⁹ *Штаны* составляли часть одежды восточных и северных варваров. Обычная одежда греков и римлян – хитон и гиматий, туника и тога.

¹⁰ Переводчик считает это место темным, подразумевая, что во времена Овидия кивок головой в знак согласия воспринимался местными племенами как несогласие, а покачивание головой – как знак несогласия, что присуще, однако, более поздним обитателям Малой Азии и Балкан.

¹¹ *Мисийцы* – обитатели малоазийской Мисии, с которыми путают мезийцев – жителей придунайской Мезии.

¹² *Гениохи* – племя на кавказском берегу Черного моря, которое, наряду с ахейцами, промышленно пиратством.

¹³ *Лик*, *Фасис* (Риони), *Пений* – реки восточного Черноморья; *Калес*, *Парфений*, *Сангарий*, *Галис* (совр. Кызыл-Ирмак) – реки южного Черноморья; *Тир* – Днестр, *Гипанис* – Южный Буг, *Борисфен* – Днепр; *Диранс*, *Меланф*, *Фермодонт*, иначе *Фермолент* или *Термолент* (на его берегах, по преданию, обитали амазонки) – неидентифицированные реки Черноморья; *Кадма сестра* – Европа; *разделяющая Азию и Европу река* – здесь Танаис – Дон.

Источник: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта / Издание подготовили М. Л. Гаспаров, С. А. Ошеров. [Перевод С. Шервинского, Н. Вольпин, З. Морозкиной, С. Ошерова, А. Парина, М. Гаспарова. Примечания М. Гаспарова] – М.: Наука, 1982.

Веллей Патеркул

Velleius Paterculus

Веллей Патеркул (20/19 до н. э. – после 30-го г. н. э.), римский историк. Родился в Капуе. Принадлежал к сословию всадников – его дед по отцу служил начальником ремесленников в армии Помпея, а отец, тоже Веллей Патеркул, – начальником кавалерии в германских легионах. Сам Веллей Патеркул служил военным трибуном в римской армии, сопровождал приемного сына Августа Гая Цезаря в инспекционной поездке на Восток, посетил Понт (Черное море) и оба его берега, побывал на Родосе и на Евфрате. Принял участие

в германском походе Тиберия в качестве префекта кавалерии. Руководил подавлением восстания в Паннонии и Далмации. Был начальником римского лагеря в Сисции, на Дунае. Как “кандидат Цезаря” был избран претором и вошел в сенат. Написал на латинском языке «Римскую историю» в 2 книгах, которая на самом деле представляет собой историю Греции до превращения в римскую провинцию и Рима, в которой приведены некоторые сведения и из истории ближневосточных стран.

Подробнее см.: А. И. Немировский. Веллей Патеркул и его время // А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова. «Римская история» Веллея Патеркула. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

Веллей Патеркул

Римская история

Перевод и комментарии А. И. Немировского и М. Ф. Дашковой

Книга II

18. В это время Митридат, царь Понта, человек, которого нельзя ни обойти молчанием, ни говорить о нем без внимания, в войне изощренный, славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда великий духом, вождь в замыслах, воин в бою, в ненависти к римлянам Ганнибал, – захватил Азию и погубил в ней всех римских граждан. (2) Разослав по всем городам письма, он дал приказ убить их в один день и час, сопровождая это обещанием огромного вознаграждения. (3) В это время никто не мог сравниться с родьями как в стойкости против Митридата, так и в верности римлянам. Эта верность была оттена вероломством митиленцев, которые выдали Митридату закованными Мания Аквилы и других. Позднее Помпей восстановил свободу родян в благодарность за одного Теофана. И когда уже казалось, что Митридат угрожает самой Италии, Сулла получил по жребии Азию в качестве провинции.

40. Затем последовала кампания Гнея Помпея, неясно чем более великая – славою или трудностями. Он проник как победитель в Мидию, Албанию и Иберию; затем направил свое оружие к народам, обитающим по пра-

вую сторону Понта и вглубь от него: к колхам, гениохам¹ и ахеям². Из-за предательства своего сына Фарнака³ Митридат оказался последним из полноправных царей, побежденных ауспичиями Помпея, кроме царей парфян. (2) Тогда Помпей, победив все народы, против которых выступал, достигнув большего величия, чем ожидал сам и сограждане, превзойдя во всех отношениях судьбу смертного, вернулся в Италию. Его возвращение сделало мнение о нем более благоприятным. Ведь многие утверждали, что он не вернется в Рим без войска и по своему усмотрению ограничит предел общественной свободы. (3) Чем более этого опасались граждане, тем приятнее было возвращение столь великого полководца, носившее гражданский характер: ведь, распустив в Брундизии все свое войско, не оставив себе ничего, кроме титула "император", он вернулся в Рим с личной свитой, которую по своему обыкновению держал при себе, и на протяжении двух дней отпраздновал великолепнейший триумф над столькими царями, и внес в эрарий, продав военную добычу, сумму более значительную, чем кто бы то ни было до него, кроме Павла.

Примечания

¹ *Гениохи* – народность, обитавшая на западном побережье Кавказа южнее керкетов и севернее ахеев. Римское войско вряд ли входило в землю гениохов, но римский флот мог иметь столкновение с флотом гениохов, занимавшихся пиратством.

² *Ахеи* – народность, обитавшая на западном побережье Кавказа, севернее колхов. Античные ав-

торы по созвучию имен отождествляли кавказских ахеев с микенскими ахейцами (Страбон, IX, 2, 42; XI, 2, 1).

³ *Фарнак* поднял восстание против Митридата, вынудив его покончить жизнь самоубийством, после чего был признан Римом в качестве дружественного и союзного царя Боспора.

Источник: Веллей Патеркул. Римская история // Немировский А.И., Дашкова М.Ф. «Римская история» Веллея Патеркула. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

Помпей Трог

Pompeius Trogus

Помпей Трог (ок. 20 до н. э. – I в. н. э.), римский историк. Происходил из аристократии одного из кельтских племен в Нарбоннской Галлии. Его дед получил римское гражданство от Помпея Великого. Автор «Истории Филиппа» («Historiae Philippicae») в 44 книгах – всеобщей истории от легендарных ассирийских царей до Августа. Книги I-VI описывают историю Ассирии, Мидии и Персии, затем автор переходит к грекам и ски-

фам, посвящая книги VII-XL Македонии и эллинистическим монархиям вплоть до их завоевания Римом. Последние четыре книги отведены Парфии, начальному периоду истории Рима (до Тарквиния Старшего), а также Галлии и Испании (до завоевания последней Августом). Основные источники Помпея Трога – Тимаген Александрийский, а также Эфор, Феопомп (Теопомп), Тимей, Полибий и др. В произведении Помпея Трога особенно

интересны многочисленные географо-этнографические экскурсы. Написанная около 7 г. н. э., история Помпея Трога в самостоятельном виде не сохранилась и дошла до нас в

сокращенном пересказе Юстина и «Прологах» (кратком изложении) грамматиков. Кроме того, Помпей Трог был автором несохранившихся работ по ботанике и зоологии.

Марк (Юб) Юниан Юстин

Iustinus Marcus (Iub) Iunianus

Юстин, Марк Юниан, или Юб Юниан (II–III вв.), римский историк. Изложил в сокращенном виде несохранившуюся «Историю Филиппа» Помпея Трога. Свод Юстина, по объему составляющий 1/5 произведения Помпея, не является цельной парафразой его

текста, но сложен из связанных между собой сухими пересказами мелких фрагментов, в которых более или менее дословно переданы наиболее интересные и поучительные факты. Произведение Юстина сохранилось более чем в 200 рукописях.

Подробнее см.: Зельин К. К. Основные черты исторической концепции Помпея Трога // ВДИ, 1948, № 4; Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae» // ВДИ, 1954, № 2.

Юстин

Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа»

Перевод А. А. Деконского и М. И. Рижского

Книга VII

3. Между тем персидский царь Дарий был вынужден позорно бежать из страны скифов, и, чтобы его не стали презирать за его военные неудачи, он послал с частью своих войск Магабакса для покорения Фракии и других царств в этой местности; к ним Дарий намеревался присоединить, как незначительную придачу, и Македонию. Магабакс в короткий срок выполнил приказание царя, а к македонскому царю Аминте отправил послов и потребовал выдать себе заложников в обеспечение мира на будущие времена. Послы были приняты [царем] радушно. Во время пира, всё больше пьянея, они стали просить царя, чтобы на этом пышном пиру он доказал им и свое дружественное отношение к ним и пригласил пировать вместе с ними своих жен и жен своего сына, так как у персов это считается залогом и знаком заключения союза гостеприимства. Женщины эти пришли на пир. Когда же персы крайне нагло стали их тискать, сын Аминты Александр попросил отца, чтобы тот

из уважения к своему возрасту и достоинству ушел с пира, и обещал отцу, что он положит конец выходкам гостей. Когда Аминта ушел, Александр отозвал с пира якобы на короткое время тех женщин под тем предлогом, что хочет нарядить их еще изящнее и привести назад еще более очаровательными. Но женщин он подменил молодыми людьми, пышно одетыми в женские наряды, и приказал им унять наглость послов кинжалами, спрятанными под одеждой. Все послы были убиты. Магабакс об этом ничего не знал; но так как послы не возвращались, он послал в Македонию с частью своего войска Бубара, полагая, что это будет легкая и незначительная военная экспедиция, и считая ниже своего достоинства самому вести войска, чтобы не обесчестить себя, сражаясь с таким презренным племенем. Но Бубар, раньше чем началась война, влюбился в дочь Аминты, забыл о войне и, отложив всякую вражду, женился и стал свойственником [царя].

Книга VIII

6. Одни народы Филипп поселил у самой границы, чтобы они давали отпор врагам, других поселил в самых отдаленных пределах своего царства, а некоторых военнопленных расселил по городам для пополнения их населения. Так из многочисленных племен и народов он создал единое царство и единый

народ. Устроив и приведя в порядок дела в Македонии, Филипп завоевал при помощи коварства и хитрости области дарданов и других соседей; но даже и родственников он не пощадил: так, он решил лишить престола эпирского царя Аррибу, связанного теснейшими узами родства с женой Филиппа Олим-

пиадой, а Александра, пасынка Аррибы, брата жены своей Олимпиады, красивого и чистого нравами юношу, Филипп вызвал в Македонию якобы по просьбе сестры. Всеми способами, то обещая юноше царскую корону, то притворяясь влюбленным, Филипп склонил юношу к преступной связи с ним. Филипп рассчитывал, что впоследствии Александр будет ему вполне покорным либо из чувства стыда, либо из чувства благодарности за [обе-

щанное] благодеяние, царскую власть. Поэтому, когда Александру исполнилось двадцать лет, Филипп, несмотря на его юный возраст, передал ему отнятое у Аррибы царство, совершив, таким образом, преступление по отношению и к тому, и к другому. Ибо в отношении того, у которого отнял царство, он нарушил право родства, а того, которому он отдал царство, развратил, прежде чем сделать его царем.

Книга IX

1. Когда Филипп вступил в Грецию и разграбил несколько городов, то добыча, полученная от этих незначительных городов, только раздражила его [жадность], так как он прикинул в уме, какие богатства имеются во всех греческих городах, взятых вместе; поэтому он решил завязать войну со всей Грецией в целом. Он рассудил, что для успеха предприятия будет очень полезно подчинить себе знаменитый приморский город Византий и сделать из него базу для своих морских и сухопутных сил; а когда Византий запер перед ним свои ворота, то он осадил его, окружив со всех сторон. Впервые этот город был захвачен Павсанием, спартанским царем, и в течение семи лет находился под его властью; в дальнейшем Византий, в зависимости от изменчивого военного счастья, находился под властью то лакедемонян, то афинян, и эта неопределенность его положения привела к тому, что, не ожидая ни от кого помощи, византийцы тем упорнее сами отстаивали свою свободу. Из-за продолжительной осады казна Филиппа стала истощаться, и он начал добывать деньги морскими разбоями. Так, он захватил сто семьдесят кораблей и, распродав их груз, до некоторой степени избавился от крайней нужды. Затем, чтобы не держать всё войско на осаде одного только города, Филипп, отобрав храбрейших воинов, выступил в поход, завоевал много городов в Херсонесе [Фракийском] и вызвал к себе своего восемнадцатилетнего сына Александра, чтобы тот под отцовской командой начал изучать основы военного дела. После этого Филипп отправился в Скифию, тоже надеясь на добычу и намереваясь – по примеру купцов – затраты на одну войну покрыть доходами с другой.

2. В то время скифским царем был Атей. Когда он находился в затруднительном положении во время войны с истрианами, то через аполлонян он попросил помощи у Филиппа, с тем чтобы усыновить его и сделать его наслед-

ником скифского царства. Между тем царь истрийский умер и тем самым избавил скифов и от страха перед войной, и от нужды в помощи. Поэтому Атей, отпустив македонян, приказал им сказать Филиппу, что он не просил у него помощи и не поручал говорить ему об усыновлении, ибо не нуждаются скифы в македонской защите, так как превосходят македонян [в храбрости], да и в наследнике он, [Атей], не нуждается, так как его сын здоровствует. Выслушав это, Филипп отправил к Атею послов, чтобы добиться от него денег для покрытия хотя бы части расходов на осаду Византия, иначе он будет вынужден вследствие недостатка в средствах прекратить войну. [Послам было поручено сказать, что] Атей скорее должен выполнить это требование, так как он не только не уплатил за службу воинам, присланным ему Филиппом, но даже не оплатил издержек по их перевозке. Однако Атей стал ссылаться на то, что климат в Скифии неблагоприятный, а почва бесплодна; она не только не обогащает скифов, но едва-едва доставляет им пропитание; нет у него богатств, которыми он мог бы удовлетворить столь великого царя, а отделаться небольшой подачкой он считает более непристойным, чем вовсе отказать. Вообще же скифов ценят за доблестный дух и закаленное тело, а не за богатства. В ответ на это издевательство Филипп, сняв осаду с Византия, двинулся войной на скифов. Чтобы скифы ничего не заподозрили, Филипп отправил вперед послов, которые должны были сообщить Атею, что он, Филипп, во время осады Византия дал обет воздвигнуть статую Геркулесу и идет теперь, чтобы поставить ее в устье Истра, поэтому просит, чтобы ему дали пройти спокойно и почтить бога; совершить же этот путь Филипп намерен как друг скифов. [В ответ на это Атей] приказывает: если Филипп хочет выполнить обет, то пусть он пришлет статую к нему, [Атею]. Он обещает не только поставить

статую, но и сохранить ее невредимой, однако он не потерпит, чтобы войско Филиппа вступило в его пределы. Если же Филипп поставит статую против воли скифов, то, как только он уйдет, Атей низвергнет статую, а медь, из которой она отлита, превратит в острия для стрел. Этот спор ожесточил обе стороны, и завязалась война. Хотя скифы превосходили [македонян] и числом и храбростью, но они были побеждены хитростью Филиппа. Двадцать тысяч женщин и детей было взято в плен, было захвачено множество скота; золота и серебра не нашлось совсем. Тогда пришлось поверить тому, что скифы действительно очень бедны. В Македонию послали двад-

цать тысяч наилучших кобылиц для разведения коней [скифской породы].

3. Когда Филипп возвращался из Скифии, ему преградили путь трибаллы, отказываясь пропустить его через свои владения, если не получат от него части добычи. От взаимных оскорблений перешли к оружию; в этом сражении Филипп был ранен в бедро, и притом так, что оружие, пройдя через тело Филиппа, убило его коня. Так как все думали, что Филипп убит, то добыча ускользнула из рук. Таким образом, добыча, захваченная в Скифии, точно на ней лежало проклятие, едва не принесла гибели македонянам...

Книга XLI. Пролог

Как в Парфии была создана держава царем Арсаком, а в Бактрии – царем Диодотом. Затем – как в царствовании Диодота Бактрию и Согдиану захватили скифские племена сарауков и асианов.

Книга XLII. Пролог

Асианские цари токаров и гибель сарауков.

Источник: Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*» / Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // Вестник древней истории, 1954, № 2-4; 1955, № 1. Переиздано в кн.: Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1993.

Квинт Курций Руф

Quintus Curtius Rufus

Квинт Курций Руф (I в.), римский историк. Написал «Историю Александра Великого Македонского» («*Historia Alexandri Magni Macedonis*») в 10 книгах, из которых сохранились III–X, но с некоторыми пропусками. Сочинение Курция – единственное изложение истории Александра Македонского на латинском языке. Греческие источники «Истории» Курция: записи Каллисфена, приставленного к Александру по настоянию Аристотеля в качестве официального хронографа, сочинения Аристобула, сына Аристобула, Птолемея, сына Лага, Поликлета из Лариссы, судовые журналы и мемуары флотоводца Неарха и царского кормчего Онексирита – спутников Александра в походе, которые до нашего времени не дошли, затем – составленные на их основе «Анабасис», или «Поход Александра» Арриана, романтическое повествование Кли-

тарха «Об Александре», «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского и др. Каллисфену, скончавшемуся в результате пыток при раскрытии заговора против Александра, не повезло и в плане цитирования: ссылок на его записи практически никто не давал. Однако этого одаренного литератора, племянника Аристотеля, судьба не оставила в забвении. Память о нем воскресла во II–III вв., когда анонимным автором на греческом языке была составлена от его имени повесть «Александрия», чрезвычайно популярная в средние века и на Западе, и на Востоке, где лучшие поэты состязались в создании поэм об Искандере. Компиляция Курция об Александре важна с точки зрения историка прежде всего тем, что содержит привязку исторических фактов эпохи эллинизма к системе географических и этнологических представлений Рима.

Подробнее см.: А. А. Вигасин. Предисловие // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского / Под ред. А. А. Вигасина. – М., 1993.

Квинт Курций Руф

История Александра Македонского

Книга III

Перевод К. А. Морозовой и И. А. Мироновой, комментарий А. В. Стрелкова

1. (11) Во Фригии, через которую Александр вел войско, было больше сел, чем городов. (12) Там же находился прославленный в то время дворец Мидаса¹. Название города – Гордий; через него протекает река Сангарий, и он находится на одинаковом расстоянии от Понтийского и Киликийского морей. Здесь, между этими морями, как мы знаем, самое узкое место Азии, так как и то и другое море сдавливают землю, создавая теснины. (13) Хотя Азия и соединена с континентом, но большей частью окружена водой и схожа с островом²; и если бы не было этого перешейка, то они слились бы друг с другом.

2. (1) Дарий, узнав о смерти Мемнона и, естественно, обеспокоенный, лишившийся всякой надежды, решил сам сразиться с Александром: он осуждал все совершенное его полководцами, будучи убежден, что многим из них недоставало усердия и всем – удачи. (2) И вот, расположившись лагерем у Вавилона, чтобы солдаты с большим усердием начали войну, он выставил напоказ все свои силы и, построив укрепление вместимостью в 10 тысяч вооруженных воинов, начал производить подсчет войскам по примеру Ксеркса³. (3) От восхода солнца до ночи отряды, как было приказано, входили в укрепление. Выходя оттуда, они заняли равнины Месопотамии; конница и пехота, казавшиеся бесчисленными, заставляли думать, что армия больше, чем на самом деле. (4) Персов было 100 тысяч, из них 30 тысяч всадников⁴, мидийцев – 10 тысяч всадников и 50 тысяч пехотинцев. (5) Барканцев было 2 тысячи всадников, вооруженных двусторонними секирами и легкими щитами, очень похожими на цетры⁵, за ними следовало 10 тысяч пехоты с таким же вооружением. (6) Армяне послали 40 тысяч пехотинцев вдобавок к их 7 тысячам всадников. (7) Гирканцы набрали 6 тысяч отличных, как у всех этих племен, всадников, прибавив к ним тысячу тапуров. Дербики снарядили 40 тысяч пехотинцев, у большинства из них были копья с медными или железными наконечниками, у некоторых же – древки, обожженные на огне; их сопровождали 2 тысячи всадников из того же племени. (8) С Каспийского моря прибыло 8 тысяч пехотинцев и 200 всадников. С ними были

и другие, неизвестные племена, выставившие 2 тысячи пехоты и вдвое больше конницы. (9) К этим силам прибавилось 30 тысяч греческих наемников, воинов во цвете лет. Спешность помешала собрать бактрийцев, согдийцев, индов и другие живущие у Красного моря племена, названия которых не знал и сам царь.

9. (1) Армия Дария построилась следующим образом: Набарзан с кавалерией и примерно 20 тысяч пращников и лучников охраняли правый фланг. (2) Там же находился Тимод во главе 30 тысяч наемных греков-пехотинцев. Это, без сомнения, был цвет войска, по силе равный македонской фаланге. (3) На левом фланге находился фессалиец Аристомед с 20 тысячами варваров-пехотинцев. В резерве поместили наиболее воинственные племена. (4) Сам царь думал сражаться на этом же фланге; его сопровождали 3 тысячи отборной конницы – его обычная охрана – и 40 тысяч пехоты. (5) За ними стояла гирканская и мидийская конница, а за нею – всадники остальных племен с правой и левой ее сторон. Перед этим строем, поставленным как указано, стояли 6 тысяч копейщиков и пращников. (6) Все тесное пространство, где только можно было стать, было заполнено войсками Дария, один фланг которого упирался в горы, другой – в море. Жену и мать Дария и остальных женщин поместили в центре. (7) Александр поставил впереди сильнейшую часть македонской армии – фалангу. Никанор, сын Пармениона, охранял правый фланг. Рядом с ним стояли Кен, Пердикка, Мелеагр, Птолемей и Аминта, каждый во главе своего войска. (8) На левом фланге, достигавшем морского берега, были Кратер и Парменион, но Кратеру было приказано повиноваться Пармениону; конница была поставлена на обоих флангах: на правом македонская вместе с фессалийской, на левом – пелопоннеская. (9) Перед этим строем Александр поместил отряд пращников, смешанных с лучниками: впереди шли фракийцы и критяне, вооруженные также легко. (10) Но против тех, кого Дарий послал вперед занять горный хребет, Александр поставил агриан⁶, недавно приведенных из Греции. Пармениону же он приказал насколько возможно растянуть свое войско к морю, что-

бы находиться дальше от занятых варварами гор. (11) Но варвары, не посмевающие ни сразиться с подступившими македонцами, ни окружить их, когда они прошли, бежали, особенно испугавшись вида пращников, и это укрепило фланг войска Александра, опасавшегося нападения на него сверху. (12) Македон-

цы шли по 32 человека в ряд, так как узкое место не давало возможности больше развернуть строй. Но постепенно горные ущелья стали расширяться, пространства стало больше, так что не только пехота смогла наступать более широким строем, но и конница – прикрывать ее с флангов⁷.

Книга IV

Перевод К. А. Морозовой и И. А. Мироновой, комментарий А. В. Стрелкова и С. В. Новикова

5. (1) Почти в те же дни доставлено было Александру письмо Дария, написанное, наконец, как царю. Он просил Александра вступить в брак с его дочерью, по имени Статира, в приданое ей он давал все земли между Гелеспонтом и рекой Галисом, сам же довольствовался землями, лежащими к востоку. (2) Если, мол, Александр колеблется принять, что ему предлагается, то ведь счастье никогда не остается подолгу на том же месте, и насколько большей удачи достигают люди, настолько большую зависть богов к себе возбуждают. (3) Он опасается, что Александр, подобно птицам, которых природная легкость влечет к звездам, предается пустому и незрелому увлечению: ведь нет ничего труднее, как в его возрасте справляться с таким счастьем. (4) У него самого остается еще очень много земель, да и не всегда можно быть застигнутым в теснинах, Александру же придется переправляться через Евфрат, Тигр, Аракс и Гидасп, великие защитные рубежи его царства. Придется ему дойти до земель, где живет так мало людей, что стыдно об этом говорить. (5) Когда-то он еще пройдет через Мидию, Гирканию, Бактрию и достигнет индов, живущих у океана? Не говоря уже о согдийцах, арахосиях и о других племенах, населяющих Кавказ и достигающих Танаиса. Раньше состаришься, чем обойдешь все эти земли, даже без сражений. (6) Пусть Александр больше не зовет его к себе, а если он придет, то для его гибели⁸.

6. (1) Дарий, отчаявшись добиться мира, которого думал достичь письмом через послов, энергично стал восстанавливать свои боевые силы для возобновления войны. (2) Он приказывает вождям отрядом собраться в Вавилон, также и командиру бактрийцев Бессу⁹ прийти, собрав как можно больше войска. (3) Бактрийцы, среди этих племен самые воинственные и суровые, по своим нравам совсем не похожи на изнеженных персов; они жили недалеко от весьма воинственного племени скифов, привыкли к грабежам и всегда бродили с

оружием в руках. (4) Бесс, подозреваемый в вероломстве, несомненно, с неудовольствием держался на вторых ролях, но все же внушая царю страх. Ведь он домогался царской власти, но боялся стать предателем, хотя только так и мог достигнуть цели. (5) Впрочем, Александр, несмотря на все расследования, не мог обнаружить, куда удалился Дарий, так как по своим обычаям все персы с удивительной преданностью хранили тайну своих царей. (6) Ни страхом, ни обещаниями нельзя было принудить их к словам, которые могли бы выдать тайну. Традиционное повиновение царям сделало священным это молчание под страхом смерти. Несдержанность на язык карается у персов строже всякого другого проступка; считается, что нельзя доверять ничего важного тому, кому тяжело соблюдать молчание, хотя по природе это совсем нетрудно для человека.

9. (1) А Дарий, узнав, что враг повернул из Египта в Африку, стал колебаться, оставаться ли ему в Месопотамии или отправиться во внутренние области царства; он, несомненно, сам лично легче поднял бы на войну отдаленные племена, которые трудно было ему мобилизовать через своих военачальников. (2) С другой стороны, широкое распространение получила молва, что, куда бы он сам ни пошел, Александр повсюду последует за ним со всеми своими силами. Хорошо зная, с каким упорным врагом он имеет дело, Дарий приказал собраться всем военным силам отдаленных народов в Вавилон. Сначала собрались бактрийцы, скифы и инды, затем и от других народов прибыли военные отряды. (3) Впрочем, поскольку войска собралось в полтора раза больше, чем было в Киликии, многим не хватало оружия; его собирали с большим трудом. Покрытием всадников и коней служили панцири из железных пластинок, рядами скрепленных между собой; тем, кому прежде не давалось ничего, кроме дротиков, теперь добавлялись щиты и мечи. (4) Кроме того, пехотинцам были даны табуны необъезженных

лошадей, чтобы и конницы было больше прежнего; к этому для устрашения врагов было добавлено 200 серпоносных колесниц – единственная надежда всех этих племен. (5) На конце дышла торчали копья; с железными наконечниками, с обеих сторон ярма направлены были против врагов по три меча; со спиц колес торчало помногу острых ножей, другие были прикреплены к ободьям колес или (под кузовом) направлены остриями вниз, чтобы подсекать все, что только попадет на пути скачущих коней.

12. (1) Между тем Дарий спешно послал Мазея с 3 тысячами всадников занять пути, по которым должен был идти неприятель. (2) Александр, отдав должную честь телу его жены, оставил в том же укреплении под охраной небольшого гарнизона всю тяжелую часть своей армии, а сам направился навстречу врагу. (3) Пехоту он разделил на два крыла, окружил их с обеих сторон всадниками; обоз следовал за войском. (4) Затем, отрядив Менида¹⁰ с легкой конницей, он велит ему разведать, где находится Дарий. Но так как Мазей засел неподалеку, тот не осмелился пройти дальше и мог только сообщить, что слышал голоса людей и ржание коней. (5) Также и Мазей, увидев издали разведчиков, вернулся в лагерь с известием о приходе неприятеля. Итак, Дарий, желая сразиться на открытом поле, отдает приказ солдатам вооружиться и ставит их в строй. (6) На левам фланге шли бактрийские всадники, всего тысяча коней, столько же дахов¹¹; арахосии и сузиане составляли 4 тысячи. За ними следовало 100 серпоносных колесниц, следом за квадрагами¹² шел Бесс с 8 тысячами всадников, тоже бактрийцев. Эту колонну замыкали массагеты в составе 2 тысяч коней. (7) Пехотинцы большинства этих народов не смешивались с конницей, но каждый держался вместе со своими. Затем персов с мардами и согдийцами вели Ариобарзал и Оронтобат. (8) Они командовали каждый своей частью, общее командование принадлежало Орсину, потому что одного из семи персов¹³, возводившему свой род к славнейшему царю Киру. (9) За ними шли племена, мало известные даже своим союзникам; за ними следовал Фрадат с большим отрядом каспиев впереди 50 квадриг. Инды и жители берегов Красного моря¹⁴; находились за колесницами скорее для численности, чем для настоящей помощи. (10) Весь этот строй замыкался другими 50 серпоносными колесницами, к которым Дарий присоединил чу-

жеземных солдат. За ними шли армяне из так называемой Малой Армении, за армянами – вавилоняне, за теми и другими белиты¹⁵, жители Косских гор. (11) За этими шли гортуй с острова Евбеи, когда-то примкнувшие к мидийцам, но выродившиеся и забывшие родные обычаи. К ним Дарий присоединил фригийцев и катаонов¹⁶; племя парфиенов, заселявшее земли, занятые теперь парфянами, вышедшими из Скифии, замыкало все движение. Таков был состав левого фланга. (12) На правом стояли армяне из Великой Армении, кадусии¹⁷ и каппадокийцы, сирийцы и мидийцы; у них тоже было 50 серпоносных колесниц. (13) Общая численность¹⁸ всего войска была такая: всадников 45 тысяч, пехоты 200 тысяч человек. Построившись таким образом, они проходят 10 стадиев; получив приказ остановиться, вооруженные стали ожидать появления врага.

13. (1) Тогда перед его глазами открылось поле всей предстоящей битвы¹⁹: лошади и люди сверкали вооружением; военачальники объезжали ряды своих воинов – все свидетельствовало о большой озабоченности врагов подготовкой к битве. (2) При этом людей в их напряженном ожидании раздражало много пустых мелочей, как-то: людской говор, ржание коней, сверканье оружия. (3) Тогда Александр созывает совещание и, либо действительно колеблясь в душе, либо желая испытать дух своих людей, спрашивает, как лучше действовать. (4) Опытнейший в военном искусстве среди всех вождей Парменион предложил прибегнуть к обману, а не давать общего боя; важно, мол, напасть на врагов темной ночью; разве вступят в схватку в ночной суматохе эти люди различных обычаев и языков, испуганные неожиданной тревогой среди сна? (5) А днем прежде всего увидишь бегущие на тебя страшные лица скифов и бактрийцев, их косматые бороды и нестриженные волосы, еще и огромный рост и мощные тела; солдаты-де больше предаются страху от неосновательных причин, чем от серьезных. (6) Затем такое множество людей сможет со всех сторон окружить меньшее по численности войско: ведь сражение предстоит не в теснинах Киликии и не в бездорожных зарослях, а на открытой и гладкой равнине. (7) Почти все были согласны с Парменионом; Полиперкон²⁰ не сомневался, что только так и можно одержать победу. (8) Царь, не желая снова порицать Пармениона, с которым он недавно поступил суровее, чем сам хотел, сказал, обра-

щаясь к Полиперкону: “Вы мне советуете действовать как разбойнику и вору: у них на уме только обман. (9) Но я не потерплю, чтобы моей славе всегда препятствовало или отсутствие Дария, или теснота местности, или ночное воровское действие. Надо, конечно, наступать при свете; я предпочитаю раскаиваться в неудаче, нежели стыдиться своей победы. (10) И вот еще что: варвары несут ночную стражу и стоят под оружием, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Итак, готовьтесь к битве”. Подбодрив их так, он отпустил их отдохнуть.

14. (1) Он говорил, что перед ними, прошедшими столько земель в надежде на победу, за которую стоило бороться, осталось это последнее препятствие. Сражение на реке Гранике, преодоление гор Киликии, захват Сирии и Египта вызывают надежды на славу. (2) Персы будут сражаться, так как им воспрепятствовали бежать. Уже третий день они стоят на одном месте, обессиленные страхом, отягченные своим вооружением. Верным доказательством их отчаяния служит то, что они сжигают свои города и поля, будучи уверены, что все, что они не уничтожат, достанется победителю. (3) Нет основания бояться пустых имен неизвестных народов. Ничего не значит для решения спора в войне, кого называют скифами, а кого кадусиями. Раз они неизвестны, значит, они недостойны славы. (4) Храбрые никогда не остаются в неизвестности, а люди невоинственные, вытщенные из закоулков, это только пустые названия. Македонцы своим мужеством достигли того, что нет на земле места, где бы о них не знали. (5) Пусть они только посмотрят на неустройство персидского войска: у одних нет ничего, кроме дротика, другие мечут камни из пращей, лишь у немногих есть полное вооружение. Итак: там больше людей, у нас больше способных сражаться. (6) Он не требует, чтобы они храбро бросились в бой, если сам не будет подавать другим пример мужества. Он будет сражаться впереди всех знамен. Он обещает, что каждая его рана будет знаком отличия на его теле; они сами знают, что только он не участвует в разделе общей добычи и что все добываемое победами расходуется на их награды, на их потребности. (7) Он знает, что говорит это мужественным воинам. Иначе он сказал бы им, что они зашли туда, откуда уже нельзя бежать. Отмерив столько пространств земли, оставив позади себя столько рек и гор, они должны теперь проложить себе путь на

родину, к пенатам своею собственной рукой. Такими словами он внушал мужество вождям и стоявшим вблизи солдатам.

15. (1) Между тем Александр, чтобы обойти указанное перебежчиком место и встретиться с Дарием, который охранял левый фланг, приказывает наступать крылу, поставленному косо. (2) И Дарий повернул в ту сторону, велел Бессу приказать всадникам-массагетам сбоку напасть на левое крыло Александра. (3) Перед ним самим были серпоносные колесницы, которые по данному знаку он разом пустил на врага. Колесничие помчались, отпустив вожжи, чтобы потоптать больше людей, не ожидавших такого нападения. (4) Одних ранили копья, торчащие впереди из дышла, других – выставленные с боков косы; однако македонцы не только отступили перед ними, но в бегстве расстроили свои ряды. (5) Еще и Мазей навел на них страх своим нападением, так как послал в обход тысячу всадников разграбить неприятельский лагерь, полагая, что пленные, заключенные все вместе, сами разорвут свои оковы, увидев приближение своих. (6) Но ему не удалось обмануть Пармениона, стоявшего на левом фланге. Тот поспешно посылает к царю Полидаманта сказать об опасности и спросить распоряжений. (7) Царь, выслушав Полидаманта, сказал ему: “Иди, скажи Пармениону: если мы победим в строю, то не только вернем свое, но и захватим принадлежащее врагам. (8) Итак, нет основания отнимать хоть сколько-нибудь сил у строя. Пусть будет достоин меня и моего отца Филиппа, пренебрежет потерей имущества и храбро сражается с врагом”. (9) Между тем варвары привели в смятение обоз, а пленные, перебив многих из стражи и разорвав свои оковы, вооружаются чем попало, присоединяются к своим всадникам и с двух сторон нападают на попавших в беду македонцев, (10) Пленные, окружавшие царицу Сисигамбис, радуясь победе персов, объявляют, что враги потерпели великое поражение и совершенно лишились всего обоза; они думали, что ход сражения на всех участках одинаковый и что победившие персы разбежались в поисках добычи. (11) Пленные убеждали Сисигамбис отбросить печаль, но она оставалась в прежнем состоянии, не издала ни звука, не изменилась в лице: она сидела неподвижно, точно боялась преждевременной радостью спугнуть счастливую судьбу; смотревшие на нее не могли решить, чего она желает. (12) Между тем начальник

конницы Александра Менид то ли по собственному решению, то ли по приказанию царя подошел с несколькими отрядами всадников, чтобы оказать помощь обозу, но не выдержал натиска кавказцев и скифов и, едва вступив с ними в бой, вернулся к царю, так и не отомстив за урон, а лишь засвидетельствовав его. (13) Горестное чувство нарушило планы Александра, недаром он так опасался уводить из строя воинов для возвращения своего имущества. Итак, он посылает против скифов Арету, командира копейщиков, называвшихся сариссоносцами²¹.

(14) Между тем колесницы, расстроив ряды перед знаменами, прорвались к фаланге: македонцы же, собравшись с мужеством, пропускают их в середину. (15) Строй их стал подобен валу: они сомкнули свои копья и с обоих боков прокалывали животы напиравших на них лошадей, потом они окружили колесницы и сбрасывали с них колесничих. (16) Строй заполнился упавшими лошадьми и возничими, они не могли больше управлять напуганными лошадьми: частыми рывками го-

ловой не только рвали упряжь, но и опрокидывали колесницы, раненые тащили за собой убитых, взбесившиеся не могли остановиться, истощенные – двигаться. (17) Лишь немного колесниц достигло последних рядов строя, неся ужасную смерть тем, на кого налетали: иссеченные людские тела лежали на земле, и так как страдания причиняют лишь свежие раны, то, будучи прежде ранеными и обессиленными, они не выпускали из рук оружия, пока, истекая кровью, не падали замертво. (18) Между тем Арета, убив вожда скифов, разграблявших обоз, все сильнее напирал и устрашал их. Но к ним пришли на помощь посланные Дарием бактрийцы и изменили судьбу сражения: много македонцев было задавлено при первом налете, большинство бежало к Александру. (19) Тогда персы, подняв крик, что обычно издают побеждающие, еще яростнее бросились на врага, считая его повсюду смятым. Александр укорял испугавшихся, ободрял их, один оживлял уже затухавший бой и, подняв наконец дух своих воинов, послал их в наступление.

Книга V

Перевод В. С. Соколова и А. Ч. Козаржевского, комментарий С. В. Новикова

9. (1) Пока Дарий это говорил, от сознания близкой опасности сжимались в ужасе сердца и души и не было высказано никакого мнения, не раздалось никакого голоса. Тогда, наконец, старейший из друзей царя Артабаз²², о котором мы упоминали выше как о друге Филиппа, сказал: “Конечно, мы, одевшись в драгоценные одежды, тщательно вооружившись нашим славным оружием, последуем за царем в бой в надежде на победу, но не откажемся и принять смерть”. (2) Остальные сочувственно приняли его слова. Однако присутствовавшие при этом Набарзан²³ и Бесс, заключив между собой неслыханно преступный союз, решили с помощью тех войск, которыми они командовали, схватить царя и заключить в оковы. Они рассуждали так: если Александр их настигнет, они, передав ему царя живым, заслужат большую благодарность победителя и назначат высокую цену за то, что захватили Дария; если же удастся избежать встречи с Александром, то, убив Дария, они захватят власть и возобновят войну. (3) После того как они долго обдумывали это убийство, готовя осуществление преступного замысла, Набарзан сказал царю: “Я знаю, что выскажу мнение, на первый взгляд тебе неприятное.

Но ведь и врачи часто излечивают болезни суровыми средствами, и кормчий корабля, боясь кораблекрушения, спасает, что может, жертвуя остальным. (4) Я же советую тебе не ущерб причинить себе, но сохранить царство и себя разумным способом. Мы вступили в войну без благословения богов, и жестокая судьба не прекращает преследовать персов. Нужно все начать снова при новых знамениях. Передай на время власть и командование другому, который пусть до тех пор носит имя царя, пока враг не уйдет из Азии. Тогда победитель вернет тебе твое царство. (5) Разум убеждает, что это наступит в скором времени. Бактрия еще не тронута, инды и саки в твоей власти, множество народов, много армий, много тысяч пехотинцев и всадников готовят силы для возобновления войны, так что предстоящая борьба превзойдет ту, которая уже была.

13. (1) Александр, услышав, что Дарий вышел из Экбатаны, сойдя с пути, по которому направлялся в Мидию, поспешил вслед за бегущим. (2) Так он достиг крайнего в Паретакене²⁴ города Табаса; там перебежчики сообщают ему, что Дарий в бегстве устремляется в Бактрию. (3) Более точные сведения он полу-

чил от вавилонянина Багистана: царь еще не лишен свободы, но находится под опасностью смерти или оков. (4) Александр, собрав вождей, сказал: “Перед нами великая задача, требующая быстрого выполнения: Дарий, вероятно, покинут своими или в поругании у них. Захватить его живым – вот венец нашей победы, но это требует быстроты действия”. (5) Все согласно закричали, что готовы следовать за ним; пусть он не щадит их сил и не боится опасностей. Итак, он сразу же повел свой отряд скорее бегом, чем обычным маршем, не давая и ночью отдохнуть от усталости за день. (6) Так он прошел 500 стадиев и прибыл в селение²⁵, в котором Бесс захватил Дария. (7) Тут он застал переводчика Дария Мелона. По слабости своего здоровья он не мог следовать за отрядом; захваченный быстро прибывшим царем, он представился перебежчиком. (8) От него Александр узнал о происшедшем, но уставшим воинам нужен был отдых. К отборным 3 тысячам всадников он присоединил еще 300 так называемых двоеборцев²⁶: у них за спиной было более тяжелое оружие; обычно они ехали на конях, в случае же надобности сражались в пешем строю.

(9) К Александру, занятому этими делами, подходят Орсил и Митракен; осудив преступление Бесса, они перешли к Александру и сообщили, что персы находятся на расстоянии 500 стадиев, но они покажут кратчайший путь. (10) Приход перебежчиков был приятен царю. Итак, с наступлением вечера под их руководством он вступил с подвижным отрядом на указанный путь, приказав фаланге следовать за собой ускоренным маршем. Сам, идя в квадратном строю, он вел войско так, что последние были недалеко от первых. (11) И они прошли уже 300 стадиев, когда им повстречался сын Мазея Брокубел, бывший претор Сирии. Он, ставший тоже перебежчиком, сообщил, что Бесс находится не более как на

расстоянии 200 стадиев: войско его идет беспорядочно, не принимая никаких мер предосторожности, и, по-видимому, направляется в Гирканию. Если поторопиться, можно его застигнуть врасплох. Дарий еще жив. (12) Перебежчик внушил и ранее торопившемуся царю страстное желание догнать Бесса. Поэтому все прищипоривают коней и мчатся вперед.

Уже наступающие слышали шум движущихся вражеских войск, но те еще были скрыты облаками пыли. Царь несколько задержал свой ход, чтобы осела пыль. (13) Варвары тоже заметили их, но Александр увидел уже удаляющийся от него отряд и определил, что силы их были бы неравны, если бы у Бесса оказалось столько мужества для сражения, сколько было при совершении преступления. В численности и силе варвары имели преимущество, к тому же бодрые сразились бы с утомленными от пути. (14) Но имя Александра и молва о нем – важнейший момент в этой войне – заставили их в страхе предаться бегству. (15) Бесс и другие соучастники его преступления, следовавшие за повозкой Дария, начали убеждать царя сесть на коня и бегством спастись от врага. (16) Он же, веря, что существуют боги-мстители, и полагаясь на благородство Александра, отказался следовать за своими убийцами. Тогда в ярости они забросали его копьями и, нанеся ему множество ран, бросили его. (17) Изранили они также и вьючных животных, чтобы они не могли идти дальше, и убили двух слуг, сопровождавших царя. (18) Совершив это преступление, чтобы скрыть следы своего бегства, Набарзан устремился в Гирканию, а Бесс с немногими всадниками – в Бактрию. Варвары, лишившись вождей, стали рассеиваться, кого куда влекла надежда или гнал страх. Только 500 всадников объединились, не зная, что лучше: сопротивляться или бежать.

Книга VI

Перевод И. А. Мироновой, комментарий С. В. Новикова

2. (11) Оксидат был персидским вельможей, но содержался в оковах, так как Дарий хотел его казнить. Александр, освободив его, назначил сатрапом в Мидии, а брата Дария принял в когорту своих друзей, сохранив ему все почести прежнего положения. (12) Оттуда царь отправился к парфянам, тогда малоизвестному народу, теперь же стоящему во главе всех народов за реками Тигр и Евфрат, до самого Красного моря. (13) Равнинную и плодород-

ную часть этого пространства захватили скифы, до сих пор опасные соседи. Они живут в Европе и в Азии. Те, что живут за Боспором²⁷, считаются азиатами, а живущие в Европе распространились по области от левой границы Фракии до Борисфена²⁸ и оттуда до другой реки – Танаиса²⁹. (14) Танаис протекает между Европой и Азией. Нет сомнения в том, что скифы, от которых произошли парфяне, пришли не от Боспора, но из области Европы.

3. [Речь Александра] "... (9) Пока я говорю с вами, будто нашему оружию покорно все, что было под властью Дария, Набарзан захватил Гирканию, царевый Бесс не только владеет Бактрией, но и угрожает нам; согдийцы, дахи, массагеты, саки и инды еще независимы, и все они, завидев наши тылы, последуют за нами, ибо они все единоплеменники, мы же иноземцы. (10) Каждый охотнее повинуетсЯ своему правителю, даже если он внушает больший страх. Поэтому нам надо отказаться от того, чем овладели, или овладеть тем, чего мы еще не взяли. (11) Как врачи не оставляют в больном теле ничего, что может принести вред, так, воины, и мыотрежем все, что мешает нашей власти. Часто ничтожная искра вызывает большой пожар. Презирать врага небезопасно: на кого вы не обратите внимания, тому придадите больше силы. (12) И Дарий не по наследству получил власть над персами, но был подведен к трону Кира по милости евнуха Багоя³⁰, поэтому не думайте, что Бессу будет трудно захватить опустевший престол. (13) Мы, конечно, ошиблись бы, о воины, если бы победили Дария для того, чтобы передать власть его рабу³¹, который решился на крайнее преступление, заключив в оковы своего царя, нуждающегося в помощи иноземцев, которую мы, победители, конечно, ему оказали бы, и, наконец, убил его, чтобы он не был спасен нами. (14) Неужели вы допустите, чтобы страной правил тот, которого я хочу как можно скорее видеть распятым на кресте в заслуженное наказание за нарушение клятв верности пред всеми царями и народами? (15) И, клянусь богами, если вы вдруг узнаете, что он же опустошает города Греции и Геллеспонт, как горька будет для вас мысль, что Бесс украл плоды вашей победы: тогда-то вы поспешите вернуть свое, тогда-то вы возьметесь за оружие. Но насколько лучше раздавить его, пока он напуган и едва владеет своим рассудком! (16) Нам, прошедшим через столько снегов, столько рек, преодолевшим столько горных вершин, предстоит еще четырехдневный поход. Ни море, заливающее волнами дорогу, не препятствует нашему пути, ни теснины Киликии; вся страна ровная и удобная для похода. (17) Мы стоим на самом пороге победы. Нам осталось победить нескольких беглецов, убивших своего господина. Это благородная задача, клянусь богами, и среди славнейших наших дел, переданных потомству, будет упоминаться, как вы отомстили убийцам вашего врага, Дария,

ненависти к которому вы после его смерти больше не имели, как ни одному бесчестному человеку вы не дали ускользнуть из ваших рук. (18) Когда это будет сделано, насколько послушнее станут персы, поняв, что вы ведете справедливые войны и что ваш гнев возбуждает не имя Бесса, а его преступления!"

4. (1) Солдаты встретили речь царя с большим энтузиазмом и закричали, чтобы он вел их, куда пожелает. (2) Не сдерживая их пыл, царь уже на третий день проник через Парфиену к границам Гиркании. Для защиты Парфиены от нападений варваров он оставил Кратера с отрядом Аминты и, кроме того, с 600 всадниками и столькими же лучниками. (3) Эригию же он велит вести обоз полевой дорогой, дав ему небольшой отряд. Сам со своей фалангой и конницей, пройдя 150 стадиев, стал лагерем в долине, подводящей к Гиркании. Там есть роща с тенистыми и высокими деревьями, так как тучная почва долины орошается ручьями, стекающими с нависших скал. (4) У самого подножья гор появляется река Зиобет, которая течет на протяжении почти трех стадий в одном русле, но, натолкнувшись на скалу, прерывающую ее течение, делится на два потока. (5) Затем поток, ставший бурным от камней, которые он преодолевает, внезапно уходит под землю. Около 300 стадиев эта река течет скрытым путем, затем снова выходит на поверхность земли, словно рождаясь от другого источника, и прокладывает новое русло в полтора раза шире прежнего. (6) Оно доходит до 13 стадиев ширины, потом опять сужается в более тесных берегах и наконец впадает в другую реку, которая называется Ридагн. (7) Местные жители уверяли, что все брошенное в пещеру в верховье реки опять появляется в новом ее устье. Поэтому Александр приказывает бросить двух волов в реку там, где она уходит под землю, и люди, посланные выловить их, видели туши волов, выброшенные рекой, где она вновь выходит из-под земли.

(8) На четвертый день солдатам был дан отдых на этом месте; тут же царь получил письмо от Набарзана, захватившего вместе с Бессом Дария. В письме было сказано, что он не был врагом Дария, наоборот, он дал ему совет, который считал полезным, но за этот искренний совет чуть не был им казнен; (9) что Дарий, помышляя доверить охрану своей особы против всех законов и обычаев чужеземцам, отвергал преданность своих, которую они свято сохраняли своим владыкам в тече-

ние 230 лет. (10) Сам он, стоя на скользкой и опасной почве, принял меры, указанные необходимостью. Дарий тоже, убив Багоя, оправдывался перед своими людьми тем, что убил составлявшего заговор против него. (11) Для несчастных смертных нет ничего дороже жизни: из любви к ней он был вынужден на крайность, но он действовал больше по необходимости, чем по желанию. При общей беде у каждого своя судьба. (12) Если царь прикажет ему явиться к себе, он явится без страха. Он не боится, что такой великий царь нарушит данное им обещание: богов не может обманывать бог. (13) Впрочем, если Александр сочтет его недостойным доверия, есть достаточно мест для изгнания. Какое место изберет себе храбрый человек, там и будет его родина. (14) Александр, не колеблясь, дал по обычаям персов обещание, что Набарзан, придя к нему, останется невредим.

Тем временем царь продолжал путь, построив войско плотным квадратным строем, изредка посылая разведчиков обследовать местность. (15) Впереди шли легковооруженные, за ними следовала фаланга, за пехотой шел обоз. Воинственность населения и природа этой труднопроходимой страны держали в напряжении внимание царя. (16) Эта обширная равнина, доходя до Каспийского моря, вдаётся в него двумя отрогами, посередине слабовогнутый залив, похожий на рога молодого месяца, когда он еще не достиг своей полноты. (17) Слева находятся земли керкетов, моссинов и халибов, с другой стороны – левкосиров и амазонок; первые живут в направлении к западу, а последние – к северу. (18) В Каспийском море вода менее соленая, чем в других морях, и водятся змеи огромной длины, а рыбы отличаются цветом чешуи. Одни называют это море Каспийским, другие – Гирканским, есть и такие, которые считают, что в него впадает Меотийское болото и что вода в этом море не так солонa, как в других, потому что она смягчается вливающейся в него водой из болот. (19) На севере вода заливаёт обширный берег и, широко разливаясь, образует огромное болото, но при другом состоянии воздуха снова возвращается в свои берега с такой же силой, с какой устремлялось вперед, и стране возвращает ее прежний вид. Некоторые думали, что это не Каспийское море, а сам Океан³² пробивает себе дорогу из Индии в Гирканию, нагорье которой, как сказано выше, сменяется непрерывной плоской равниной.

(20) Оттуда царь продвинулся на 20 стадиев по почти непроходимой дороге, заросшей лесом; река и наводнения мешали ему в пути; но, не встречая врагов, он проникает до отдаленных мест. (21) Кроме другого продовольствия, которым эта страна изобилует, здесь много плодовых деревьев и почва очень хороша для винограда. (22) Здесь много деревьев, напоминающих дуб, на листьях которого обильно выступает мед, но если жители не соберут его до восхода солнца, мед пропадает от первого тепла.

(23) Отсюда Александр продвинулся еще на 30 стадиев и встретил Фратаферна, сдавшегося ему вместе с бежавшими после смерти Дария; благосклонно приняв их, царь подошел к городу Арвы³³. (24) Здесь он соединился с Кратером и Эригием; они провели с собой Фрадата, главу племени тапуров³⁴; его Александр также принял милостиво, и это служило для многих примером милосердия царя. (25) Затем он назначил сатрапом Гиркании Манапа; он был изгнанником при царе Охе и пришел тогда к Филиппу; власть над племенем тапуров Александр возвратил Фрадату.

5. (1) Царь вступил уже в крайние районы Гиркании, когда Артабаз, бывший, как мы уже сказали, очень преданным Дарию, встретил его со своими детьми, родными Дария и небольшим отрядом греческих солдат. (2) Царь дал прибывшему правую руку; ибо он был гостем Филиппа во время своего изгнания в царствование Оха, но верность своему царю, которую он сохранил до конца, была для того важнее уз гостеприимства. (3) Итак, ласково принятый, он сказал: “Я молю богов, о царь, чтобы ты наслаждался вечным счастьем, я же, счастливый во всем другом, скорблю только о том, что из-за глубокой старости не смогу долго пользоваться твоей добротой”. (4) Ему шел 95-й год. 9 юношей, все сыновья одной матери, сопровождали отца. Артабаз подвел их к руке царя, моля богов, чтобы они жили, пока будут полезны Александру. (5) Царь обычно совершал путь пешком, но теперь приказал подать лошадей себе и Артабазу, чтобы старик не стеснялся ехать верхом, если он пойдет пешком. (6) Когда затем был раскинут лагерь, царь приказал собрать греков, приведенных Артабазом. Но они ответили, что если не будет предоставлена безопасность лаконцам, а также и синопцам³⁵, они сами решат, что им делать. (7) Они были послами от лаконцев у Дария и после его поражения присоединились к греческим наемникам, слу-

жившим у персов. (8) Царь, не дав им никаких обещаний, приказал прийти к нему и услышать от него самого решение своей судьбы. После долгих колебаний и обсуждений они наконец обещали прийти. (9) Но афинянин Демократ, постоянно решительно выступавший против власти македонцев, отчаявшись получить прощение, пронзает себя мечом. Остальные, как решили, сдаются на милость Александра. (10) Их было всего 1500 солдат и, кроме того, 90 посланных к Дарию. Солдаты были причислены к запасным частям, остальные отпущены домой, кроме лаконцев, которых царь отдал под стражу.

(11) У границ Гиркании обитало племя мардов, с грубым образом жизни, привыкшие к разбою. Только они не прислали послов и, казалось, не собирались подчиниться. Поэтому царь, раздраженный тем, что какой-то народ может лишить его славы “непобедимого”, оставив обоз под охраной, выступил против них с отрядом непобедимых. (12) Он совершил переход ночью и на рассвете увидел врага; произошла скорее свалка, чем сражение. Выбитые с занятых ими холмов, варвары обратились в бегство, были захвачены и ближайшие села, покинутые жителями. (13) Но проникнуть во внутреннюю часть этой страны нельзя было без большого напряжения для войска; путь преграждали горные хребты, густые леса и неприступные скалы; а ровные места варвары загородили по новому способу. (14) А именно: они нарочно сажают деревья как можно чаще; пока ветви деревьев еще нежны, их сгибают руками, сплетают вместе и втыкают в землю; тогда, как бы от другого корня, вырастают более толстые стволы. (15) И они не дают деревьям расти, как угодно природе, но как бы связывают их вместе. Когда на деревьях бывает много листвы, они совершенно закрывают землю, и тогда переплетение ветвей сплошной стеной преграждает путь. (16) Единственное, что можно было сделать, – это прорубить в них проход, но и это был тяжелый труд; от частых узлов стволы твердели, а сплетенные ветви деревьев, подобные висячим обручам, из-за своей гибкости, не поддавались топору. (17) Жители этой страны, привыкшие, подобно зверям, проползать под ветвями, тоже вступили в лес и из укрытия метали во врагов стрелы.

Александр, выследив, подобно охотнику, их тайные убежища, перебивает многих из них и наконец велит солдатам окружить заросли и ворваться в них, где только есть про-

ход. (18) Но, не зная местности, многие заблудились, и некоторые были взяты в плен; вместе с ними конь царя, Буцефал, которого Александр ценил больше других коней. Он никому не давал садиться на себя, а когда садился царь, он сам опускался на колени, ожидая всадника, будто понимал, кого везет. (19) Царь, поддавшись больше чем следовало гневу и скорби, приказывает найти коня и передать через переводчика, что если конь не будет возвращен, никто из них не останется в живых. Устрашенные этой угрозой, враги вместе с другими дарами привели и коня. (20) Но, не смягчившись даже этим, царь велит вырубить заросли и землей с гор заровнять равнину, загороженную ветвями. (21) Дело успешно продвигалось вперед, и варвары, отчаявшись удержать захваченное ими пространство, сдались. Царь, взяв заложников, приказал отдать это племя под власть Фрадата. На пятый день он возвращается в свой лагерь. (22) Затем он отпустил Артабаза домой с двойными почестями против тех, которые оказывал ему Дарий. Вскоре подошли к городу Гиркании³⁶, где был дворец Дария. Здесь Набарзан, получив обещание безопасности, встретил его с обильными дарами. (23) Среди них был Багой, юноша-евнух в расцвете юности и красоты, которого любил Дарий, вскоре полюбил его и Александр, он пощадил и Набарзана главным образом по просьбе этого юноши.

(24) Как было сказано выше, с Гирканией граничило племя амазонок, населяющих поля Фемискиры вдоль реки Фермодонта. У них была царица Талестрис, правившая всеми живущими между Кавказом и рекой Фасис³⁷. (25) Желая видеть царя, она выступила за пределы своего царства и с недалекого уже расстояния послала Александру известие, что прибыла царица, страстно желающая видеть его и познакомиться с ним. (26) Она сейчас же получила позволение прибыть. Приказав остальной части своей свиты остановиться и ждать ее, она приблизилась в сопровождении 300 женщин; увидев царя, она соскочила с коня, держа в правой руке 2 пики. (27) Одежда амазонок не полностью покрывает тело; левая половина груди обнажена; все остальное закрыто, но одежда, подол которой они связывают узлом, не опускается ниже колен. (28) Они оставляют только одну грудь, которой кормят детей женского пола, правую же грудь они выжигают, чтобы было удобнее натягивать лук и бросать копьё. (29) Без всяко-

го страха Талестрис смотрела на царя, внимательно изучая его внешний вид, совсем не соответствовавший его славе; ибо все варвары чувствуют уважение к величественной внешности и думают, что на великие дела способны только люди, от природы имеющие внушительный вид. (30) На вопрос, не желает ли она просить о чем-нибудь царя, она, не колеблясь, призналась, что хочет иметь от него детей, ибо она достойна того, чтобы наследники царя были ее детьми: ребенка женского пола она оставит у себя, мужского – отдаст отцу. (31) Александр спросил ее, не хочет ли она сражаться на его стороне, но она, оправдываясь тем, что не оставила охраны для своего царства, настойчиво просила, чтобы Александр не обманул ее надежд. (32) Страсть женщины, более желавшей любви, чем царь, заставила его задержаться на несколько дней. В угоду ей было затрачено 13 дней. Затем она отправилась в свое царство, а Александр – в Парфию.

6. (1) Здесь он открыто дал волю своим страстям и сменил умеренность и сдержанность, прекрасные качества при высоком его положении, на высокомерие и распутство. (2) Обычаи своей родины, умеренность македонских царей и их гражданский облик он считал неподходящими для своего величия, равного величию персидских царей, и соперничал по своей власти с богами. (3) Он требовал, чтобы победители стольких народов, приветствуя его, падали ниц, постепенно приучая их к обязанностям рабов, обращаясь с ними, как с пленниками. (4) Итак, он надел на голову пурпурную с белым диадему, какую носил Дарий, оделся в наряды персов, не боясь дурного предзнаменования от того, что заменяет знаки отличия победителя на одежду побежденного. (5) Он говорил, что носит персидские доспехи, но вместе с ними перенял и персидские обычаи, а за великолепием одежды последовало и высокомерие духа. (6) Письма, посылавшиеся в Европу, он запечатывал своим прежним перстнем, а те, которые отправлял в Азию, – перстнем Дария, но было очевидно, что один человек не может охватить судьбы двоих. (7) Мало того, он одел своих друзей и всадников (ибо они первенствовали в войсках) против их воли в персидские одеж-

ды, и те не решались протестовать. (8) В его дворце было 360 наложниц, как и у Дария, окруженных толпами евнухов, также привыкших испытывать женскую долю.

(9) Все это в соединении с роскошью и чужеземными привычками вызывало открытое недовольство не искушенных в разврате стальных воинов Филиппа, и во всем лагере были одни думы и речи, что с победой они потеряли больше, чем захватили на войне; (10) что, покоровшись чужеземным обычаем, они сами оказались побежденными. С какими, наконец, глазами явятся они домой, как бы в одежде пленников! Им стыдно за себя; а царь их, более похожий на побежденного, чем на победителя, из македонского повелителя превратился в сатрапа Дария. (11) И царь, понимая, что он глубоко оскорбил своих друзей и солдат, старался вернуть себе их преданность щедрыми подарками. Но я думаю, что ненавистна свободным людям цена рабства. (12) Итак, чтобы дело не дошло до мятежа, бездействие солдат надо было прервать войной, поводов к которой, кстати, становилось все больше. (13) Ибо Бесс, облачившись по-царски, приказал называть себя Артаксерксом и собирал скифов и другие народы, жившие по реке Танаис. Об этом сообщил Сатибарзан, принятый Александром на милость и сделанный им сатрапом той же области, которой он раньше управлял. (14) И так как армия, перегруженная трофеями и предметами роскоши, не могла быстро двигаться, он приказал собрать в одно место сначала его вещи, а затем вещи всех солдат, кроме самого необходимого. (15) Нагруженные добычей повозки они свезли на обширную равнину. Когда все ожидали дальнейших приказов царя, он велел увести животных, а все остальное сжечь и первый поднес зажженный факел к своим вещам. (16) Сожжены были самими владельцами сокровища, ради которых люди часто гасили пожары, чтобы вынести их невредимыми из вражеских городов. И никто не посмел оплакивать цену своей крови, раз тот же огонь пожрал и богатства царя. (17) Затем короткая речь успокоила их горе, и они с готовностью к службе и ко всему на свете радовались, что потеряли лишний груз, а не свою выучку. (18) Итак, они отправились в Бактрийскую землю.

Книга VII

Перевод Д. А. Дрбоглава, комментарий С. В. Новикова

3. (1) Уладив эти дела и поставив сатрапа над ариями, Александр велит объявить поход

в страну аримаспов³⁸, получивших новое название эвергетов³⁹ с того времени, когда они

дали приют и продовольствие войску Кира, страдавшему от холода и голода. (2) В эту область Александр прибыл на пятый день. Он узнал, что Сатибарзан, перешедший на сторону Бесса, с отрядом конницы снова вторгся в землю ариев. Туда за Караном и Эригием с Артабазом и Андроником и с 6 тысячами греческих пехотинцев последовали 600 всадников. (3) Сам же царь за 69 дней упорядочил дела в племени эвергетов, дав им большую сумму денег в награду за их верность Киру. (4) Поставив затем во главе их Амедина, бывшего секретаря Дария, он покорил арахосиев, страна которых простирается до Понтийского моря⁴⁰. Там он соединился с войском, бывшим под начальством Пармениона. Это были 6 тысяч македонцев, 200 представителей знати и 5 тысяч греков с 600 всадниками, несомненно, цвет всех военных сил царя. (5) Над арахосиями наместником был поставлен Менон. Для защиты было оставлено 4 тысячи пехотинцев и 600 всадников.

(6) Сам же царь с войском вступил в землю племени, мало известного даже соседям, ибо оно ни с кем не хотело иметь торговлю. Это были парапамисады⁴¹, дикое и наименее цивилизованное племя среди варваров. (7) Суровый климат сделал грубым и характер этих людей. Их страна большей своей частью лежит в холодной северной зоне; с запада она граничит с бактрийцами; на юге обращена в сторону Индийского моря. (8) Основание хижин парапамисады делают из кирпича, и так как в их стране нет леса даже на горном хребте, совсем голом, они строят из того же кирпича дома до самого верха. (9) Постройки, более широкие внизу, постепенно сужаются, своим верхом очень напоминая киль корабля. Наверху оставляется отверстие, через которое проникает свет. (10) Виноградную лозу и деревья, приспособленные к столь суровому климату, они на всю зиму засыпают наполовину землей, затем, когда земля выступит из-под тающего снега, их снова открывают для доступа воздуха в солнца. (11) Снега, покрывающие там землю, так глубоки и так скованы почти непрерывными морозами, что не остается даже следов птиц или каких-либо животных. С неба нисходит на землю скорее черная, подобная ночи, мгла, чем свет, так что едва можно различить близкие предметы.

(12) Оттуда войско отправилось к Кавказским горам⁴², которые непрерывной цепью пересекают Азию. С одной стороны они подходят к морю у Киликии, с другой – к Кас-

пийскому морю, реке Араксу и другим пустынным местам Скифии. (20) К Кавказу примыкают менее высокие горы Тавр; начавшись в Каппадокии, они проходят мимо Киликии и соединяются с горами Армении. (21) Так, сплетаясь между собой, эти хребты образуют непрерывную цепь; отсюда берут начало почти все реки Азии, впадающие как в Красное море, так и в Каспийское, в Гирканское и в Понт. (22) Войско перевалило через Кавказ за 17 дней. Там есть скала, имеющая в окружности 10 стадиев и в высоту более четырех, к которой, согласно древним преданиям, был прикован Прометей. (23) У подножия горы было выбрано место для основания города. 7 тысяч старейших македонцев и, кроме того, воины, уже не годные для военной службы, получили разрешение поселиться в новом городе. Жители называли его также Александрией⁴³.

4. (1) Между тем Бесс, уstraшенный быстротой Александра, совершив жертвоприношение родным богам, сообразно обычаю тех племен, на пиру совещался с друзьями и военачальниками о войне. (2) Отяжелев от вина, они стали превозносить свои силы и смеяться над безрассудством и малочисленностью врагов. (3) Особенно Бесс, дерзкий в своих речах и гордый царской властью, приобретенной преступно, едва владея собой, говорил, что враги обязаны своей славой тупости Дария. (4) Ведь он сразился с ними в теснейшем ущелье Киликии, отступая же, он мог завести их при их беспечности в места непроходимые со многими реками и горными ущельями, среди которых попавший в засаду враг не мог бы не только сопротивляться, но даже бежать. (5) Он сам решил удалиться к согдийцам и укрыться от врагов за рекой Окс, как за стеной, до тех пор, пока не придут из соседних племен сильные подкрепления. (6) Придут же к нему хорасмии и дахи, саки и инды, а также обитающие за рекой Танаис скифы, среди которых есть столь высокого роста, что их плечи приходятся на уровне макушек македонцев. (7) Опьянев, все кричат, что это единственное разумное решение, и Бесс велит обильнее обносить всех вином, собираясь завершить победу над Александром за пиршественным столом. (8) Присутствовал на том пиру мидиец Кобар, известный более приверженностью к искусству магии (если только это искусство, а не обман пустых людей), чем знанием ее, впрочем, человек скромный и честный. (9) Он стал говорить, что рабу, как он знает, полез-

нее повиноваться приказанию, чем давать советы, так как повинующихся ожидает то же самое, что и остальных, а кто подает совет, подвергает себя особой опасности... Бесс передал ему кубок, который держал в своей руке. (10) Кобар, взяв его, продолжал: "Природу человека можно назвать превратной еще и потому, что каждый хуже видит свои дела, чем чужие. (11) Сомнительными бывают решения, внушенные людьми самим себе, одним мешает страх, другим страсти, третьим естественная преданность собственным идеям. Никто сам себя не презирает. Ты сам испытал, что каждый считает единственно хорошим то, что он придумал. (12) На твоей голове тяжелое бремя – царский венец. Его следует носить разумно или, чего я боюсь, он раздавит тебя. Тут необходима рассудительность, а не стремительность". (13) Затем он привел распространенные у бактрийцев пословицы: трусливая собака сильнее лает, чем кусает, самые глубокие реки текут бесшумно. Все это я упомянул, чтобы показать, какова могла быть мудрость у варваров. (14) Этими словами Кобар привлек к себе внимание присутствовавших. Затем он изложил свой совет, более полезный для Бесса, чем приятный. "У порога твоего дворца, – сказал он, – находится царь, отличающийся стремительностью. Он быстрее снимется с лагеря, чем ты сдвинешь этот стол. (15) А ты будешь призывать войско с берегов Танаиса и отгораживаться от оружия реками. Будто враг не может следовать за тобой повсюду, куда ты сам побежишь. Путь общий для обоих, но надежнее для победителя! Ты думаешь, что страх делает проворным; но еще больше быстроты придает надежда. (16) Почему бы тебе не прибегнуть к милости более сильного врага и не отдаться под его власть? Что бы ни случилось, сдавшийся уготовит себе лучшую судьбу, чем враг. (17) Ты завладел чужим царством, тем легче можешь от него отказаться. Ты, может быть, станешь законным царем, если этого пожелает тот, кто в силах дать тебе царскую власть и отнять ее. (18) Вот тебе верный совет, который излишне развивать дальше. Для хорошей лошади достаточно тени от прута, для ленивого мало и шпор".

(19) Жестокий от природы Бесс под действием вина пришел в такую ярость, что друзья с трудом удержали его руку, схватившую акинак, чтобы поразить Кобара. Совсем не владея собой, Бесс бросился из пиршественной залы, Кобар же в суматохе ускользнул и

перебежал на сторону Александра. (20) У Бесса было 8 тысяч вооруженных бактрийцев; пока они думали, что из-за их жаркого климата македонцы скорее направятся в Индию, они покорно подчинялись ему; узнав же о приближении Александра, они покинули Бесса и разбежались по своим селам. (21) Тот, переправившись через реку Окс с кучкой друзей, оставшихся ему верными, сжег свои лодки, чтобы их не использовали враги, и стал собирать новые войска в Согдиане. (22) Тем временем Александр, как было сказано выше, уже перешел через Кавказ, но нехватка хлеба чуть не вызвала голод в его войске. (23) Воины натирали свои тела вместо масла соком, выжатым из сезама. Но амфора такого сока стоила 240 денариев, столько же меда – 390 денариев, вина – 300 денариев: пшеницы не находили совсем или очень мало. (24) Варвары называют сирами зернохранилища, которые они так маскируют, что их могут найти лишь те, кто их рыл; в них они прятали свое зерно. Из-за недостатка хлеба воины питались речной рыбой и травами. (25) Потом стало не хватать и этой пищи, и был отдан приказ – резать вьючных животных, которые несли поклажу; их мясом и поддерживали свою жизнь до прибытия к бактрийцам.

(26) Природа Бактрии богата и разнообразна. В некоторых местах многочисленные деревья и виноградная лоза дают в изобилии сочные плоды; тучную почву орошают многочисленные источники; где почва мягкая, там сеют хлеб, остальную землю оставляют под пастбища. (27) Большую часть этой страны занимают бесплодные пески; в заброшенной из-за засухи области нет ни людей, ни плодов. Дующие с Понта ветры наметают песок, лежащий на равнинах; тогда он похож издали на большие холмы; на нем пропадают все прежние следы дорог. (28) Поэтому тот, кто едет по этим равнинам, наблюдает ночью, подобно морякам, за звездами, по движению которых и находит свой путь; и в ночной тьме света бывает едва ли не больше, чем днем. (29) Итак, днем эта область непроходима, так как нет следов, по которым можно идти, и сияние звезд скрыто во мгле. Если же дующий со стороны моря ветер захватит кого-либо в пути, он всех засыпает песком. (30) Однако там, где земля более плодородная, очень много людей и лошадей. Поэтому Бактрия поставляет 30 тысяч всадников. (31) Столица этой области, Бактры⁴⁴, расположена у подножия Парапа-

миса. У ее стен течет река Бактр. Она дала имя городу и области.

(32) Здесь к царю, устроившему стоянку, приходит из Греции известие об отпадении лаконцев и Пелопоннеса. Отпавшие еще не были усмирены, когда отправлялись вестники, чтобы сообщить о начале восстания. Сообщается также и о другой близкой опасности: на помощь Бессу подходят скифы, живущие за рекой Танаис. В то же время ему доносят о действиях Карана и Эригия в стране ариев. (33) Между македонцами и ариями произошло сражение. Во главе варваров стоял перебежчик Сатибарзан; заметив, что при равных силах противников битва развивается вяло, он подскочил к первым рядам и, сняв шлем и остановив стрелявших из луков, стал вызывать кого-нибудь на поединок с ним, заявляя, что будет сражаться с открытой головой. (34) Высокомерие варвара не мог снести военачальник Эригий, человек уже старый, но не уступавший никакому юноше в силе духа и тела. Сняв шлем и обнажив седину, он сказал: “Пришел день показать, победив или погибнув со славой, какие у Александра друзья и воины”. (35) И, не сказав больше ничего, он погнал своего коня на врага. Можно было подумать, что обе стороны получили приказ не стрелять. Воины тотчас же расступились, оставив свободное пространство и с напряжением следили за исходом поединка, так как и их ожидала та же судьба, что и их вождей. (36) Варвар первый метнул копье, удара которого Эригий избежал, немного отклонив голову и, в свою очередь, прищпорив коня, с такой яростью ударил своей пикой в горло варвару, что она вышла через затылок. Варвар свалился с коня, однако еще сопротивлялся. (37) Но Эригий, вырвав пикку из раны, снова направил ее в лицо врага. Сатибарзан ухватился за нее рукой и, чтобы ускорить свою смерть, облегчил врагу удар. (38) Варвары, потеряв вождя, за которым последовали скорее по необходимости, чем добровольно, вспомнили тогда о великодушии Александра и передали свое оружие Эригию. (39) Царь радовался этому успеху; относительно же спартанцев он вовсе не был спокоен, однако перенес известие об их отпадении мужественно, сказав, что они лишь тогда осмелились открыть свои замыслы, когда узнали, что он достиг границ Индии. (40) Александр уже двинул свое войско для преследования Бесса, когда повстречался Эригий, везший в качестве славного трофея голову варвара.

5. (1) Передав область бактрийцев Артабазу, Александр оставил там вместе с гарнизоном поклажу и обоз. Сам же с подвижным войском выступил в пустыни Согдианы, продвигаясь по ночам. (2) Воды, как выше было сказано, не хватало, и жажда возникала скорее от отчаяния, чем от потребности пить. На протяжении 400 стадиев нет ни малейшего признака влаги. (3) Жар летнего солнца раскаляет пески: когда они начинают пылать, словно непрерывный пожар опалает все пространство.

(13) Наконец к вечеру он достигает реки Окса⁴⁵. Но большая часть войска не могла за ним поспеть, тогда он приказывает разжечь на высокой горе костры, чтобы отставшие знали, что они близко от лагеря. (14) Он приказал также воинам из авангарда быстро подкрепиться пищей и питьем и одним наполнить водой мехи, другим – прочие сосуды, в каких только можно было ее нести, и оказать помощь своим товарищам. (15) Но пившие воду жадно и неумеренно задыхались и умирали, и число таких намного превосходило потери Александра в любом сражении. (16) А сам царь, еще в панцире и не подкрепившись едой и питьем, стал там, где проходило войско, и только тогда удалился на отдых, когда проследовал последний отряд. Всю эту ночь он провел без сна в большом душевном волнении. (17) И следующий день не был для него легче: у него не было лодок, и мост нельзя было возвести, ибо берега реки были голы и совсем лишены леса. Итак, он принял решение единственно правильное, подсказанное обстоятельствами. (18) Он раздал воинам все имевшиеся у него мехи, набитые соломой; те, лежа на них, переплывали через реку; переплывшие первыми несли охранную службу, пока не переправились остальные. Так он переправил все войско на противоположный берег только на шестой день.

(19) Он уже решил дальше преследовать Бесса, когда узнал о событиях в Согдиане. Спитамен среди всех друзей Бесса пользовался особым его расположением. Но вероломство нельзя одолеть никакими благодеяниями. (20) Однако в Спитамене оно было менее преступно, так как против Бесса, убийцы своего царя, все средства были хороши. Месть за Дария выставлялась в качестве особого предложения для заговора, однако Спитамен ненавидел Бесса не за преступление, а за его удачу. (21) Узнав о переходе Александра через реку Окс, он вовлек в заговор Датаферна и Катена,

пользовавшихся особым доверием у Бесса. Те являются даже быстрее, чем их просили; взяв с собой восемь храбрейших юношей, они применяют такую хитрость. (22) Спитамен идет к Бессу и, удалив свидетелей, заявляет ему, что узнал о кознях Датаферна и Катена, задумавших выдать его Александру живым, но что он их схватил и держит в оковах. (23) Бесс, считая себя обязанным за такую услугу, благодарит Спитамена и, горя желанием казнить виновных, велит их привести. (24) Тех, давших связать себе руки, приводят другие участники заговора; Бесс, бросив на них свирепый взгляд, поднялся, готовый сам с ними расправиться. Но заговорщики, оставив притворство, окружают его и, несмотря на его сопротивление, связывают, сорвав с него царскую корону и разорвав одежду, снятую им с убитого Дария. (25) Бесс, признав, что боги мстят ему за его преступление, сказал, что они не столько были враждебны Дарию, за которого теперь так мстят, сколько благоволят Александру, победе которого всегда помогали даже враги. (26) Неизвестно, стала бы толпа отстаивать Бесса, но люди, его связавшие, солгав, что они действуют по приказу Александра, устрасили еще колебавшихся. Посадив Бесса на коня, они повезли его, чтобы выдать Александру.

(36) Отсюда царь направился к реке Танаис⁴⁶. Туда же был приведен Бесс, не только связанный, но и лишенный всякой одежды, Спитамен держал его за цепь, привязанную к шее: зрелище равно угодное как варварам, так и македонцам. (37) Спитамен сказал: «Отомстив сразу за тебя и за Дария, моих царей, я привел убийцу своего господина, схватив его по им же данному примеру. Открыл бы Дарий глаза, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Встал бы он из мертвых! Ибо он не заслужил такой казни и достоин отмщения». (38) Александр, похвалив Спитамена, обратился к Бессу: «Какой зверь обуял своим бешенством твою душу, когда ты столь дерзко связал, а затем убил своего царя и благодетеля? Этим злодейством ты приобрел только ложный царский титул». (39) Тогда тот, не осмеливаясь оправдывать свое преступление, заявил, что царский титул он захватил, чтобы передать свой народ Александру, что если бы не он, то царскую власть захватил бы другой. (40) Тогда Александр велел приблизиться Оксатру, брату Дария, который был в числе его телохранителей, и передал ему Бесса, чтобы варвары, распяв его на кресте и отрубив уши

и нос, пронзили его стрелами, а потом сохранили труп, не позволяя садиться на него даже птицам. (41) Оксатр обещал взять на себя эту заботу, прибавив, что птиц может отгонять только один Катен. Говоря это, он стремился показать всем чудное его искусство (действительно, Катен настолько точно попадал в цель, что даже птиц убивал на лету). (42) И хотя это искусство не должно было казаться удивительным при всеобщем распространении стрельбы из лука, однако в глазах зрителей оно было чудом и обеспечило Катену большой почет. (43). Затем были розданы награды приведшим Бесса. Впрочем, Александр отсрочил его казнь, чтобы совершить ее на том месте, где Бесс убил Дария.

6. (10) Оттуда на четвертый день дошли до города Мараканды⁴⁷. Стены его имеют в длину 70 стадиев; крепость окружена второй стеной. Оставив в городе гарнизон, Александр опустошает и сжигает ближние села. (11) Затем прибыли послы скифов-амбиев, сохранявших свободу со времени смерти Кира, теперь же желавших подчиниться Александру. Их признавали самым справедливым племенем варваров; они брались за оружие, только когда их задевали; пользуясь умеренной и справедливой свободой, они уравнили между собой простых людей и старейшин. (12) Царь беседовал с ними милостиво и послал к европейским⁴⁸ скифам одного из друзей, по имени Пенда, передать им, чтобы они не переходили без его разрешения границу своей области – реку Танаис. Ему же было поручено ознакомиться с характером страны и посетить скифов, живущих на берегах Боспора. (13) Царь уже выбрал на берегу Танаиса место для основания города-крепости для удержания как уже покоренной территории, так и той, куда он намеревался проникнуть. Но выполнение этого замысла отсрочилось из-за известия об отпадении согдийцев, увлекших за собой и бактрийцев. (14) Подняли восстание 7 тысяч всадников, за которыми последовали остальные. Александр велел призвать Спитамена и Катена, выдавших ему Бесса, не сомневаясь, что они смогут привести к покорности восставших. (15) А те, будучи зачинщиками восстания, усмирить которое их вызвали, уже прежде распространили слух, что царь призывает к себе бактрийских всадников, чтобы всех их перебить, но что они не нашли в себе сил выполнить это данное им поручение, боясь совершить неискупимое преступление в отношении своих соотечественников; свире-

пость Александра они так же не могут переносить, как и злодейство Бесса. Итак, они без труда побудили взяться за оружие людей, которые, боясь расправы, сами к этому стремились.

(24) Отсюда царь послал Менедема с 3 тысячами пехотинцев и 800 всадниками к городу Мараканде. Перебежчик Спитамен, изгнав македонский гарнизон, заперся в стенах этого города, хотя его жители не одобряли восстания. Однако могло показаться, что они и сами примкнули к измене, так как не могли ей помешать. (25) Между тем Александр вернулся к берегам реки Танаис и обвел стенами все пространство, занятое лагерем. Стены имели в длину 60 стадиев, этот город он также велел назвать Александрией⁴⁹. (26) Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день⁵⁰ после возведения укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый кончит работу, ибо каждый имел свою. (27) В новом городе поселили пленников⁵¹, которых Александр выкупил у их господ; их потомки, столь долгое время сохраняя память об Александре, не забыли о нем еще и теперь.

7. (1) Царь скифов, держава которого простиралась тогда по ту сторону Танаиса, считал, что город, основанный македонцами на берегу реки, для него ярмо на шее. Поэтому он послал брата по имени Картасис с большим отрядом всадников разрушить этот город и далеко отогнать македонское войско от реки. (2) Танаис отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими. Кроме того, он является рубежом Азии и Европы. (3) Племя скифов, находясь недалеко от Фракии, распространяется на восток и на север, но не граничит с сарматами⁵², как некоторые полагали, а составляет их часть. (4) Они занимают еще и другую область, прямо лежащую за Истром, и в то же время граничат с Бактрией⁵³, с крайними пределами Азии. Они населяют земли, находящиеся на севере; далее начинаются дремучие леса и обширные безлюдные края; те же, что располагаются вдоль Танаиса и Бактра, носят на себе следы одинаковой культуры. (5) Александр сам собирался воевать с этим племенем, даже не подготовившись к войне, теперь же на его глазах разъезжали вражеские всадники, а он еще не оправился от раны; особенно у него ослаб голос от воздержания в пище и от боли в затылке. Итак, он велит созвать друзей на совет. (6) Его

пугал не враг, а неблагоприятная обстановка. Бактрийцы отпали, скифы стали его беспокоить, сам он не мог ни стоять на ногах, ни сидеть на коне, ни командовать, ни воодушевлять воинов. (7) Испытывая двойную опасность, ропща даже на богов, он жаловался, что лежит прикованным к постели, когда прежде никто не мог уйти от его стремительности; воины его с трудом верят, что он не притворяется.

(8) Перестав после победы над Дарием советоваться с кудесниками и прорицателями, он снова предался суевериям, пустым выдумкам человеческого ума; он велит Аристандру, которому он доверился, принести жертвы, чтобы узнать об исходе дел. У гадателей был обычай осматривать внутренности животных в отсутствие царя, а затем докладывать о предсказаниях. (9) Пока по органам животных пытались узнать о будущем, Александр просит друзей сесть поближе, чтобы от напряжения голоса у него не вскрылась едва зажившая рана. В его палатку были допущены вместе со стражей Гефестион, Кратер и Эригий. (10) «Я встретился, – сказал Александр, – с опасностью в условиях более выгодных для врагов, чем для меня. Но беда опережает советы рассудка, особенно на войне, для которой редко удается выбирать время. (11) Отпали поверженные к нашим ногам бактрийцы и с помощью чужих сил испытывают наше мужество. (12) Совершенно несомненно, что если мы оставим безнаказанными дерзких скифов, мы вернемся к отпавшим от нас, покрытые позором. Если же мы перейдем Танаис и покажем кровавым избиением скифов, что мы повсюду непобедимы, кто будет медлить с выражением покорности победителям даже Европы? (13) Ошибается тот, кто измеряет пределы нашей славы пространством, которое мы еще пройдем. Между нами только одна река; перейдя ее, мы двинемся с оружием в Европу⁵⁴. (14) А разве малую цену имеет для нас то, что мы, покоряя Азию, воздвигнем трофеи как бы в другом мире, соединим сразу в результате одной победы страны, которые природа, казалось, разбросала на столь большом пространстве? (15) Клянусь, что если мы хоть на малость задержимся, то скифы обойдут нас с тылу. Разве мы одни умеем переплывать реки? (16) Против нас же самих обратится многое, что давало нам до сих пор победу. Судьба учит военному искусству также и побежденных. Мы показали недавно пример в переправе через реку на мехах; и если скифы

сами не сумеют перенять это у нас, их научат бактрийцы. (17) До сих пор пришел только один отряд этого племени, других полчищ еще ждут. Таким путем, избегая войны, мы вызовем ее и, вместо того чтобы напасть, будем вынуждены обороняться. (18) Мотивы моего решения ясны. Но боюсь, что македонцы не позволят мне воспользоваться им: ведь со времени ранения я еще не сидел на коне и не стоял на ногах. (19) Но если вы, друзья, последуете за мной, то я здоров. Во мне достаточно сил, чтобы вынести эти трудности: а если уж близок мой конец, то в каком деле мог бы я найти более славную смерть?” (20) Он произнес эти слова слабым, потухающим голосом; даже те, кто стояли к нему очень близко, с трудом могли его слышать; все присутствовавшие пытались удержать царя от принятия этого поспешного решения. (21) Особенно Эригий, не умевший, по-видимому, сломить упорство Александра своим авторитетом, попытался внушить ему суеверие, с которым царь был не в силах бороться. Эригий сказал царю, что сами боги не одобряют его намерения и что ему угрожает большая опасность в случае переправы через реки. (22) Действительно, Эригий перед входом в палатку царя повстречал Аристандра, сказавшего, что предзнаменования неблагоприятны; теперь он и сообщил то, что узнал от прорицателя. (23) Александр, удержав его, велит позвать Аристандра; он был одновременно разгневан и смущен, так как открылось скрываемое им суеверие. (24) Когда тот вошел, Александр, глядя на него, сказал: “Я сейчас для тебя не царь, а частное лицо. Я поручил тебе принести жертву; почему же ты открываешь ее предсказания не мне, а другому? Из-за твоего предательства Эригий узнал мои сокровенные мысли. Я убежден, что он истолковал состояние внутренностей под влиянием своего страха. Тебе же я заявляю спокойнее, чем следует: (25) скажи мне лично, что ты узнал по внутренностям, чтобы затем ты не мог отрицать своих слов”. (26) Тот стоял смертельно бледный, и, словно пораженный громом, от страха он лишился дара речи; наконец, под воздействием того же страха, боясь заставить царя слишком долго ждать, он сказал: (27) “Я предсказал, что тебе предстоят большие трудности, а не неудача; и меня смущает не столько моя наука, сколько благорасположение к тебе. Я вижу слабость твоего здоровья и знаю, что весь успех зависит от тебя одного. Я опасаясь, что у тебя не хватит сил справиться с

указанной судьбой”. (28) Царь отпустил Аристандра, обязав верить в его счастье; боги, мол, обещают ему славу еще в других делах. (29) И когда он стал совещаться с теми же лицами о средствах переправы через реку, Аристандр вернулся и заявил, что он никогда не видел прежде столь благоприятных внутренностей и что они сильно отличаются от предыдущих; тогда были основания для беспокойства, теперь же жертвоприношение оказалось весьма благоприятным.

(30) Однако новости, после этого доставленные царю, омрачили блеск его непрерывных успехов. (31) Менедема, как выше было сказано, он послал осаждать Спитамена, виновника отпадения бактрийцев. Тот узнал о приближении врага и, чтобы не оказаться запертым в городе, спрятался в засаде, рассчитывая перехватить неприятеля по дороге, по которой он, по его сведениям, должен был пройти. (32) Дорога была лесистая, удобная для засады; на ней он спрятал дахов. Они сажают на коней по два вооруженных всадника, которые поочередно внезапно соскакивают на землю и мешают неприятелю в конном бою. (33) Проворство воинов соответствует быстроте лошадей. Спитамен, приказав им окружить поляну, вывел их против врага одновременно с флангов, с фронта и с тыла. (34) Менедем оказался запертым со всех сторон, и его отряд был даже малочисленные врагов, однако он долго сопротивлялся, убеждая своих, что попавшим в засаду ничего другого не остается, как искать почетной смерти, избивая врагов. (35) У него был сильный конь; он много раз врывался на нем в ряды варваров, нанося им страшный урон. (36) Но так как на него одного нацеливались все враги, он обессилел от множества ран и потребовал от одного из своих друзей, Гипсида, сесть на его коня и спастись бегством. Сказав это, он испустил дух, и его тело свалилось с коня на землю. (37) Гипсид действительно мог прорваться, но, потеряв друга, решил и сам умереть. Единственной его заботой было отомстить врагу. Итак, пришпорив коня, он ворвался в гущу врагов и, славно сразившись с ними, погиб, пронзенный стрелами. (38) Оставшиеся в живых, увидя это, заняли холм, возвышавшийся над полем сражения. Спитамен их осадил, чтобы голодом принудить к сдаче. (39) Пало в этом сражении 2 тысячи пехотинцев и 300 всадников. Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив прибывшим с места

сражения казнью за распространение вести о случившемся.

8. (1) Утомившись сохранять выражение лица, не соответствующее его душевному состоянию, царь удалился в палатку, нарочно поставленную над рекой. (2) Там без свидетелей, взвешивая различные пришедшие ему на ум решения, он всю ночь не смыкал глаз, часто поднимая полог палатки, чтобы смотреть на вражеские костры и по ним угадать численность врагов. (3) Уже начался рассвет, когда, надев доспехи, царь явился перед воинами, впервые после последнего ранения. (4) Воины столь сильно почитали царя, что одно его присутствие легко заставило их забыть об утраченной опасности. (5) Они приветствуют его со слезами радости и с отвагой в сердце требуют войны, которой раньше противились. (6) Александр объявляет, что на плотях переправит конницу и фалангу, а легковооруженным приказывает одновременно переплыть на мехах. (7) Дальнейших слов не требовалось; к тому же слабость царя не позволяла ему говорить, а воины вязали плоты так быстро, что в три дня их было изготовлено 12 тысяч. (8) И уже они приготовили все для переправы, когда 20 скифских послов, проехав по своему обычаю через лагерь на лошадях, потребовали доложить царю об их желании лично передать ему свое поручение. (9) Впустив в палатку, их пригласили сесть, и они впились глазами в лицо царя; вероятно, им, привыкшим судить о силе духа по росту человека, невзрачный вид царя казался совсем не отвечающим его славе. Скифы, в отличие от остальных варваров, имеют разум не грубый и не чуждый культуре. (10) Говорят, что некоторым из них доступна и мудрость, в какой мере она может быть у племени, не расстающегося с оружием. (11) Память сохранила даже содержание речи, с которой они обратились к царю. Может быть, их красноречие отличается от привычного нам, которым досталось жить в просвещенное время, но если их речь и может вызвать презрение, наша правдивость требует, чтобы мы передали сообщенное нам, каково бы оно ни было, без изменений. (12) Итак, как мы узнали, один из них, самый старший, сказал: «Если бы боги захотели величину твоего тела сделать равной твоей жадности, ты не уместился бы на всей земле; одной рукой ты касался бы востока, другой запада, и, достигнув таких пределов, ты захотел бы узнать, где очаг божественного света. (13) Ты желаешь даже того, чего не мо-

жешь захватить. Из Европы устремляешься в Азию, из Азии в Европу; если тебе удастся покорить весь людской род, то ты поведешь войну с лесами, снегами, реками и дикими животными. (14) Что еще? Разве ты не знаешь, что большие деревья долго растут, а выкорчевываются за один час? Глуп тот, кто зарится на их плоды, не измеряя их вышины. Смотри, как бы, стараясь взобраться на вершину, ты не упал вместе с сучьями, за которые ухватишься. (15) Даже лев однажды послужил пищей для крошечных птиц; ржавчина поедает железо. Ничего нет столь крепкого, чему не угрожала бы опасность даже от слабого существа. (16) Откуда у нас с тобой вражда? Никогда мы не ступали ногой на твою землю. Разве в наших обширных лесах нам не позволено быть в неведении, кто ты и откуда пришел? Мы не можем никому служить и не желаем повелевать. (17) Знай, нам, скифам, даны такие дары: упряжка быков, плуг, копье, стрела и чаша. Этим мы пользуемся в общении с друзьями и против врагов. (18) Плоды, добытые трудом быков, мы подносим друзьям; из чаши вместе с ними мы возливаем вино богам; стрелой мы поражаем врагов издали, а копьем – вблизи. Так мы победили царя Сирии⁵⁵, а затем царя персов и мидийцев, и благодаря этим победам перед нами открылся путь вплоть до Египта. (19) Ты хвалишься, что пришел сюда преследовать грабителей, а сам грабишь все племена, до которых дошел. Лидию ты занял, Сирию захватил, Персию удерживаешь, бактрийцы под твоей властью, индов ты домогался; теперь протягиваешь жадные и ненасытные руки и к нашим стадам. (20) Зачем тебе богатство? Оно вызывает только больший голод. Ты первый испытываешь его от пресыщения; чем больше ты имеешь, тем с большей жадностью стремишься к тому, чего у тебя нет. (21) Неужели ты не помнишь, как долго ты задержался в Бактрии? Пока ты покорял бактрийцев, начали войну согдийцы. Война у тебя рождается из побед. В самом деле, хотя ты самый великий и могущественный человек, никто, однако, не хочет терпеть чужестранного господина.

(22) Перейди только Танаис, и ты узнаешь ширину наших просторов; скифов же ты никогда не достигнешь. Наша бедность будет быстрее твоего войска, везущего с собой добычу, награбленную у стольких народов. В другой раз, думая, что мы далеко, ты увидишь нас в своем лагере. (23) Одинаково стремительно мы преследуем и бежим. (24) Я слы-

шал, что скифские пустыни даже вошли у греков в поговорки. А мы охотнее бродим по местам пустынным и не тронутым культурой, чем по городам и плодоносным полям. Поэтому крепче держись за свою судьбу. (24) Она выскальзывает, и ее нельзя удержать насильно. Со временем ты лучше поймешь пользу этого совета, чем сейчас. Наложь узду на свое счастье: легче будешь им управлять. (25) У нас говорят, что у счастья нет ног, а только руки и крылья: протягивая руки, оно не позволяет схватить себя также и за крылья. (26) Наконец, если ты бог, ты сам должен оказывать смертным благодеяния, а не отнимать у них добро, а если ты человек, то помни, что ты всегда им и останешься. Глупо думать о том, ради чего ты можешь забыть о себе.

(27) С кем ты не будешь воевать, в тех сможешь найти верных друзей. Самая крепкая дружба бывает между равными, а равными считаются только те, кто не угрожал друг другу силой.

(28) Не воображай, что побежденные тобой – твои друзья. Между господином и рабом не может быть дружбы; права войны сохраняются и в мирное время. (29) Не думай, что скифы скрепляют дружбу клятвой: для них клятва в сохранении верности. Это греки из предосторожности подписывают договоры и призывают при этом богов; наша религия – в соблюдении верности. Кто не почитает людей, тот обманывает богов. (30) Никому не нужен такой друг, в верности которого сомневаешься. Впрочем, ты будешь иметь в нас стражей Азии и Европы; если бы нас не отделял Танаис, мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом мы населяем земли вплоть до Фракии; а с Фракией, говорят, граничит Македония. Мы соседи обеих твоих империй, подумай, кого ты хотел бы в нас иметь, врагов или друзей”.

9. (1) Так говорил варвар. Царь ответил, что он воспользуется и своим счастьем, и их советами, последует велению судьбы, которой доверяет, и их совету не поступать безрассудно и дерзко. (2) Отпустив послов, он посадил войско на подготовленные плоты. На носу он помещает воинов со щитами, велит им опуститься на колени, чтобы обезопасить себя от стрел. (3) За ними стали приводящие в действие метательные орудия; последних с флангов и с фронта окружили воины. Остальные, находившиеся позади метательных орудий, прикрывали черепахой щитов гребцов, не имевших панцирей. (4) Тот же порядок со-

блюдался и на плотях с конницей. Большинство тянуло за поводья лошадей, плывущих за кормой. А плывущих на мехах, наполненных соломой, прикрывали находившиеся впереди плоты. (5) Сам царь вместе с отборными воинами первый отвязал свой плот и велел направить его к противоположному берегу. Против него скифы выставили всадников у самой воды, чтобы помешать плотам даже пристать к берегу. (6) Кроме того, что македонцы видели вражеское войско, расположенное на самом берегу реки, они испытывали еще другой страх, ибо гребцы, правившие плотами, не могли справиться с относившим их течением, а воины, боясь быть опрокинутыми в качке, мешали работе гребцов. (7) Несмотря на свои усилия, македонцы не могли даже стрелять из луков, так как первой их заботой было сохранить равновесие, а не разить врага. Выручали их метательные орудия, из которых они удачно пускали дротики в густые ряды врагов, неосторожно стоявших против них. (8) Варвары также забрасывали плоты тучей стрел. Едва ли остался хоть один щит, в который не вонзилось бы несколько стрел.

(9) Плоты стали уже приставать к берегу, когда вооруженные щитами воины разом поднялись и свободным движением уверенно метнули с плотов копья. Увидев, что испуганные лошади врагов пятятся, они, воодушевляя друг друга, проворно спрыгнули на землю и с ожесточением стали наступать на приведенных в замешательство врагов. (10) Затем отряды всадников, уже сидевших на конях, прорвали ряды варваров. Между тем и остальные, прикрытые строем сражавшихся, приготовились к битве. (11) Царь восполнял твердостью духа недостаток сил своего еще слабого тела. Голоса его, ободряющего воинов, не было слышно, так как его рана на шее еще не вполне закрылась, однако все видели, как он участвовал в сражении. (12) Итак, все были сами себе вождями: ободряя друг друга и не заботясь о своей жизни, они стали наступать на врага. (13) Тут варвары не смогли выдержать ни вида, ни оружия, ни крика врагов, и все, пустив лошадей во весь опор (их войско было конным), обратились в бегство. Хотя царь изнемогал от страданий, которые причиняло ему его ослабевшее тело, однако он с упорством преследовал врага на расстоянии 80 стадиев. (14) Под конец, выбившись из сил, он приказал своим неотступно преследовать бегущих до самого исхода дня; сам же в

полном изнеможении вернулся в лагерь и оставался в нем. (15) Его воины вышли уже за пределы странствий отца Либера, отмеченные камнями, положенными близко друг от друга, и высокими деревьями, обвитыми плющом. (16) Но ярость увлекла македонцев еще дальше: они вернулись около полуночи, перебив большое число врагов, еще больше захватив в плен и угнав 1800 лошадей. Потери македонцев составили 60 всадников и около 100 пехотинцев убитыми, ранеными же одну тысячу.

(17) Этот поход благодаря молве о столь удачной победе привел к усмирению значительной части Азии. Ее население верило в непобедимость скифов; их поражение заставило признать, что никакое племя не сможет сопротивляться оружию македонцев. В связи с этим саки направили послов с обещанием, что их племя будет соблюдать покорность Александру. (18) Побудила их это сделать не только доблесть царя, но и его снисходительность к побежденным скифам: всех пленников он отпустил без выкупа, чтобы тем самым подтвердить, что с отважнейшими из племен он состязался в храбрости, а не в ярости. (19) Итак, милостиво приняв сакских послов, он дал им в спутники Эксципина, еще совсем молодого человека, которого он приблизил к себе из-за цветущей его юности; напоминая Гефестиона телосложением, он, конечно, уступал ему в прелести почти не мужской. (20) Александр, велел Кратеру с большей частью войска следовать за ним короткими переходами, дошел до города Мараканды, откуда Спитамен, узнав о его приближении, бежал в Бактры. (21) Итак, пройдя за четыре дня большую часть пути, он достиг того места⁵⁶, где потерял 2 тысячи пехотинцев и 300 всадников под начальством Менедема. Их кости он велел предать погребению и по родному обычаю принес умершим жертву. (22) Кратер, получивший приказание следовать за ним с фалангой, уже соединился с ним. Чтобы все отпавшие от него в равной степени испытали на себе ужасы войны, Александр разделил свои военные силы и приказал жечь села и убивать всех взрослых.

10. (1) Согдиана представляет собой страну в большей своей части пустынную: степи простираются в ширину почти на 80 стадиев. (2) На огромное расстояние эта страна тянется по прямой линии, в направлении течения бурного потока, называемого местными жителями Политиметом. Берега заключают его в узкое русло, затем он уходит в пещеру и пропадает

под землей. (3) Направление скрытого течения указывает шум ее вод, однако почва, под которой течет столь большая река, совсем не испаряет влаги. (4) Из числа согдийских пленников к царю были приведены 30 знатнейших, отличавшихся физической силой; лишь только они узнали через переводчика, что по приказанию царя их ведут на казнь, как стали петь веселую песню и проявлять какую-то душевную радость пляской и весьма причудливыми телодвижениями. (5) Царь, удивившись мужеству, с каким они встречали смерть, велел их вернуть и спросил о причине столь чрезмерного ликования перед казнью. (6) Те ответили, что если бы их казнил кто-нибудь другой, они умирали бы в печали, но, направленные к своим предкам столь великим царем, победителем всех племен, они, распевая свои родные песни и веселясь, празднуют свою почетную смерть, предмет желаний всех храбрецов. (7) Тогда царь спросил: “А не хотите ли вы продолжать жизнь, если я ее вам подарю, но уже не как мои враги?” (8) Те ответили, что никогда не были ему врагами, но стали ими, будучи втянуты в войну. Если кто-либо захотел бы испытать их милостью, а не несправедливостью, то они никому не дали бы превзойти себя в преданности. (9) На вопрос, что будет залогом их верности, они ответили: жизнь, которую они получают из рук Александра и вернут ему, когда бы он ее ни потребовал. И они сдержали свое слово. Те из них, кто вернулся домой, удерживали в повиновении народ; четверо, зачисленные в телохранители царя, не уступали в верности царю никому из македонцев.

(10) Оставив в Согдиане Певколая с 3 тысячами пехоты (большого гарнизона не требовалось), царь прибыл в Бактры. Оттуда он велел отправить Бесса в Экбатану, чтобы он заплатил головой за убийство Дария. (11) В те же дни Птолемей и Менид привели наемников: 3 тысячи пехотинцев и тысячу всадников. (12) Из Ликии пришел также Александр с таким же числом пехотинцев и с 500 всадниками. Столько же пришло из Сирии с Асклениодором; Антипатр послал 8 тысяч греков, среди них 500 всадников. (13) Получив подкрепление, царь выступил, чтобы уничтожить следы восстания, и, казнив зачинщиков мятежа, на четвертый день он достиг реки Окса. Вода ее, несущая ил, всегда мутна и нездорова для питья. (14) Поэтому воины стали рыть колодцы. Однако воды не могли найти даже на большой глубине, как вдруг заметили источник в па-

латке самого царя; обнаружив его не сразу, стали утверждать, что он появился внезапно. И сам царь хотел, чтобы верили, будто этот источник – дар богов. (15) Перейдя затем реки Ох⁵⁷ и Окс, он прибыл к городу Маргиана⁵⁸. Поблизости были выбраны места для основания 6 крепостей, для 2 из них к югу, для

4 к востоку от этого города, на близком расстоянии друг от друга, чтобы не искать далеко взаимной помощи. (16) Все они были расположены на высоких холмах; прежде – как узда для покоренных племен, ныне, забыв о своем происхождении, они служат тем, над кем когда-то господствовали.

Книга VIII

Перевод А. Ч. Козаржевского, комментарий С. В. Новикова и А. А. Вигасина

1. (1) Александр, захватив скалу, что принесло ему больше известности, чем подлинной славы, разделил войско на 3 части, чтобы разослать для отпора бродившим врагам. Начальником одной части он сделал Гестифона, начальником другой – Кена; сам встал во главе остальных. (2) Но среди варваров не было единодушия. Одни были покорены силой оружия, большинство сдалось Александру, не доводя дела до сражения. Он приказал отдать им города и земли тех, кто упорствовал в непокорности. (3) Между тем изгнанные бактрийцы с 800 массагетскими всадниками опустошали ближайшие села. Чтобы обуздать их, правитель этой области Аттин выступил с 300 всадниками, не подозревая о готовящейся засаде. (4) Враг же спрятал вооруженных воинов в находящихся рядом с полем лесам, а несколько человек погнались за скотом, чтобы этой приманкой завлечь в засаду ничего не подозревавшего Аттина. (5) И вот Аттин, не соблюдая строя, с беспорядочной толпой воинов устремился в жажде добычи на стадо. Как только они миновали лес, засевшие там люди неожиданно напали на них и всех перебили. (6) Весть об этом несчастье быстро дошла до Кратера, и он прибыл со своей конницей. Но массагеты уже ускакали, зато была перебита тысяча дахов. С их гибелью закончилось сопротивление всей области. (7) Александр же после вторичного покорения согдийцев возвратился в Мараканду. Туда приехал к нему Берда, посланный им в свое время к скифам, живущим за Боспором. Он прибыл с послами этого народа. (8) Фратаферн, стоявший во главе хорасмиев, объединившись с соседними массагетами и дахами, также послал людей уверить царя в своей покорности. (9) Скифы предлагали Александру взять в жены дочь их царя. Если же, говорили они, царь признает недостойным для себя подобное родство, то пусть позволит знатнейшим македонцам вступить в брак со знатными женщинами скифского народа; их царь сам прибывает к

Александру. (10) Александр благосклонно выслушал оба посольства и стал лагерем, поджидая Гестифона и Артабазу. Как только они присоединились, он направился в страну, которая называлась Базаира⁵⁹.

(11) Главным признаком богатства в этой варварской стране является не что иное, как стада отменных зверей, которые содержатся в больших рощах и парках. (12) Для этого выбирают просторные рощи, изобилующие непересыхающими источниками, обносят их оградой и строят там башни для охотников. (13) Было известно, что в одном из таких загонов на протяжении четырех поколений никто не охотился. Александр вошел в него со всем войском и приказал повсюду тревожить зверей. (14) Когда на редкость огромный лев побежал на самого Александра, то случайно оказавшийся рядом Лисимах, ставший впоследствии царем, хотел рогатиной встретить зверя. Царь, оттолкнув его и приказав не вмешиваться, заявил, что он один, как и Лисимах, может убить льва. (15) Ведь однажды Лисимах, охотясь в Сирии, в одиночку убил зверя исключительной величины, который успел разорвать ему левое плечо до кости, и тот оказался на краю гибели. (16) С укором напомнив об этом Лисимаху, царь доказал свою храбрость на деле лучше, чем на словах: он не только подпустил к себе льва, но и убил его одним ударом. (17) Выдумка⁶⁰, будто Александр бросил Лисимаха на съедение льву, я полагаю, была порождена именно этим случаем. (18) Хотя охота Александра окончилась удачно, македонцы, согласно обычаю своего народа, постановили, чтобы царь не охотился пешком и без сопровождения знатных и приближенных. (19) Когда было забито 4 тысячи зверей, царь в том же лесу стал пировать со всем войском.

3. (1) Затем царь решил идти на дахов; он знал, что там находится Спитамен. Но никогда не изменявшее ему счастье и на этот раз осуществило его замысел, даже без его учас-

тия. Спитамен пылал безмерной любовью к жене, и она делила с ним все невзгоды, хотя ей трудно было переносить постоянное бегство и изгнание. (2) Измучившись от такой жизни, она беспрерывно пускала в ход все женские ухищрения, чтобы заставить мужа прекратить наконец бегство и снискать прощение у победителя-Александра, от которого всё равно нельзя убежать. (3) У нее было от мужа трое взрослых сыновей. Велев им припасть к груди отца, она стала умолять его сжалиться хотя бы над ними, обращаясь с тем более убедительными мольбами, что Александр был близко. (4) Но думая, что жена предает его, а не уговаривает, и, рассчитывая на свою красоту, хочет при первой возможности отдаться Александру, Спитамен обнажил свой акинак, чтобы заколоть жену, но прибежавшие ее братья помешали ему. (5) Как бы то ни было, он приказывает ей уйти с глаз долой, пригрозив убить, если снова увидит ее. Для удовлетворения своей страсти он стал проводить ночи с распутницами. (6) Однако отвращение к этим женщинам усилило его прежнюю любовь. Поэтому, снова всецело отдавшись жене, он не переставал просить ее отказаться от своего замысла и терпеть все, что им пошлет судьба: ведь смерть ему легче сдачи. (7) А жена оправдывалась тем, что советовала – пусть поженски, но зато от чистого сердца – то, что считала полезным, впрочем, она выражала готовность во всем повиноваться мужу. (8) Спитамен, обманутый притворным повиновением, приказал среди дня начать пиршество; отяжелевшего от вина и еды, сонного, его относят в спальню. (9) Жена, убедившись, что он погрузился в глубокий сон, обнажает скрытый под его одеждой меч и обезглавливает мужа; обгаренная кровью, она отдает голову своему рабу – сообщнику в преступлении.

(10) В сопровождении его она, как и была, в окровавленной одежде, приходит в македонский лагерь и велит сообщить Александру, что принесла известие, которое царь должен узнать от нее лично. (11) Тот сразу приказывает впустить варварку. Увидев ее, забрызганную кровью, он подумал, что она пришла жаловаться на насилие, и позволил ей сказать то, что она хотела. (12) Она попросила ввести раба, которому приказала стоять в дверях. Раб, державший под полой голову Спитамена, вызвал подозрение. При обыске он показал, что скрывал. (13) Бескровная бледность так исказила черты Спитамена, что нельзя было достоверно узнать, чья это голова. Итак,

царь, услышав, что ему принесли человеческую голову, вышел из покоев, расспросил раба, в чем дело, и все узнал из его показаний. (14) Разные соображения одно за другим приходили ему в голову. Он понимал значение оказанной ему услуги – убийства перебежчика и изменника, который, если бы остался жив, был бы помехой в его делах. С другой стороны, ему внушало отвращение то, что женщина коварно убила человека, проявлявшего к ней такую любовь, отца их детей. (15) Омерзение, вызванное этим преступлением, взяло все же верх над благодарностью, и царь приказал сказать ей, чтобы она удалась из лагеря; он опасался, как бы пример варварской жестокости не повлиял на нравы и податливые характеры греков. (16) Дахи, узнав, что их вождь убит, выдают Александру связанного Датаферна, сообщника в делах Спитамена, и сами сдаются. Царь, освободясь от большей части забот того времени, принялся наказывать своих наместников за обиды, которые они наносили подчиненным по своей алчности и высокомерию. (17) Итак, он передал Гирканию и мардов с тапурами Фратаферну, предписал доставить к себе под стражей Фрадата, место которого заступил Фратаферн. На место Арсама, правителя дрангов, был назначен Стасанор. Арсак был послан в Мидию, чтобы заменить там Оксидата. Вавилония после смерти Мазея была отдана во власть Стамена.

4. (1) Устроив все это, Александр на третий месяц выступил с войском из зимних квартир, направляясь в область, называемую Габаз⁶¹. (2) В первый день поход проходил спокойно; следующий не был еще бурным, но уже мрачнее первого, появились признаки надвигающейся бури. (3) На третий день по всему небу засверкали молнии. Свет, то вспыхивавший, то погасавший, слепил глаза идущему войску и приводил его в ужас. (4) Гром гремел почти беспрерывно. И со всех сторон были видны вспыхивающие молнии; воины перестали слышать и, оцепенев, не отваживались ни идти вперед, ни остановиться. (5) Тут внезапно хлынул потоком ливень с градом. Сначала воины укрывались от него под своим оружием, но потом они уже не могли не только удержать закованными руками скользкое оружие, но и решить, в какую сторону повернуться, так как буря с громадной силой обрушивалась на них со всех сторон и от нее нельзя было укрыться. (6) И вот, нарушив строй, войско разбрелось по всему перевалу;

многие, обессилев скорее от страха, чем от напряжения, распростерлись на земле, хотя от усилившейся стужи дождь превращался в град. (7) Другие укрывались под деревьями, и это было для многих опорой и убежищем. (8) Они не обманывались в том, что сами выбрали себе место для смерти, так как, не двигаясь, они утрачивали свое жизненное тепло, но неподвижность была приятна утомленному телу, и они готовы были умереть в покое. А буря бушевала свирепо и упорно. И дневной свет, эту отраду природы, скрывали тучи и темные, как ночь, леса. (9) Один лишь царь бодро переносил такое бедствие; он обходил солдат, собирал разбежавшихся, поднимал упавших, показывал дым, выходящий из далеких хижин, убеждал спешить в ближайшие укрытия. (10) Ничто так не ободряло солдат и не послужило к их спасению, как боязнь отстать от царя, который ценой напряжения всех сил выдерживал непосильные для них несчастья.

(11) В конце концов нужда, которая в несчастье бывает действенней, чем разум, изобрела средство от холода. Воины принялись рубить лес и повсюду зажигать костры. (12) Можно было подумать, что весь лес охвачен пожаром и среди пламени не осталось места войску. Этот жар отогревал заочневшие тела, и дыхание, перехваченное холодом, становилось более свободным. (13) Одни укрылись в жилищах варваров на самом краю леса, куда завела людей необходимость; другие разбили лагерь на сырой земле, так как небесный гнев уже утихал. Это бедствие погубило две тысячи воинов, маркитантов и обозной прислуги. (14) Передают, что видели, как некоторых смерть застигла в момент, когда они, прислонившись к деревьям, беседовали друг с другом, и они застыли в таком положении. (15) Случайно один македонский солдат, еле держась на ногах, все же добрел с оружием в руках до лагеря. Увидев его, царь гревшийся у зажженного костра, встал и, сняв оружие с очневшего и терявшего сознание воина, усадил его на свое место. (16) Тот долго не соображал, где он отдыхает и кто его посадил; когда жизненное тепло наконец возвратилось к нему и он увидел царское место и самого царя, то в испуге вскочил. (17) Глядя на него, Александр сказал: «Сознаешь ли ты, воин, насколько лучше жить под моей властью, нежели под властью персидского царя? Ведь там казнили бы севшего на царский трон, а для тебя это оказалось спасением». (18) Со-

звав на другой день своих друзей и военачальников, он приказал объявить, что возвратит все, что было потеряно. И он исполнил обещание. (19) Действительно, Сисимитр пригнал много вьючных животных и 2 тысячи верблюдов, а также мелкий и крупный рогатый скот; все это было равномерно разделено среди солдат и избавило их от нищеты и голода. (20) Царь отметил услугу, оказанную ему Сисимитром, и приказал солдатам запастись на 6 дней сухими продуктами, так как готовился идти на саков. Опустошив всю эту страну, он дал из добычи в дар Сисимитру 30 тысяч голов скота.

14. (1) И уже сам Александр вел свое войско, разделенное на два фланга, когда Пору сообщают, что берег занят вооруженными людьми и что наступил решительный момент. Однако сначала по человеческой слабости Пор не терял надежды и думал, что это идет к нему на помощь его военный союзник Абисар: ведь таков был их договор⁶². (2) Но когда при свете стало видно, что это враги, он выслал против подходившего войска 100 квадриг и 4 тысячи всадников⁶³. Вождем высланных вперед войск был его брат Гагес. Главную его силу составляли колесницы. (3) На каждой ехало шесть человек: двое со щитами, двое стрелков, поставленных по бокам, остальные – возницы, тоже не без оружия; ведь когда доходило дело до рукопашной, они бросали вожжи и метали в неприятеля множество дротиков. (4) Впрочем, в тот день почти не воспользовались их помощью. Как сказано, дождь сильнее, чем когда-либо, размыл поля и сделал их скользкими и недоступными для конницы; тяжелые и малоподвижные колесницы Пора завязали в грязи и рывтинах. (5) Напротив, Александр с подвижным и легким войском атаковал быстро. Скифы и дахи первыми набросились на индов, затем царь выслал Пердикку со всадниками против вражеского правого фланга. (6) Когда завязался общий бой, те, кто правил колесницами, считая, что нужна их помощь, стали бросать вожжи и кидаться в бой. (7) Но это было опасно в равной мере для обеих сторон: македонских пехотинцев сбивали с ног при первом столкновении, а у врага колесницы застревали на скользких и непроезжих местах, и возницы соскальзывали с них. (8) Испуганные кони опрокидывали некоторые колесницы не только в рывтины, но и в реку. (9) Немногие, спасшись от вражеских стрел, добежали до Пора, который упорно продолжал бой.

Книга IX

Перевод В. С. Соколова и А. Ч. Козаржевского, комментарий А. А. Вигасина

2. (12) Но страсть взяла верх над разумом: созвав воинов на сходку, он обратился к ним со следующими словами: “Я хорошо знаю, о воины, что за последние дни жители Индии умышленно порассказали вам такого, что может вас утешить, но не непредвиденной является для нас эта пустая ложь. (13) Точно так же наводили на нас персы страх ущельями Киликии, пространствами Месопотамии, Тигром и Евфратом; но первую из этих рек мы перешли вброд, а вторую по мосту. (14) Никогда молва не бывает вполне справедлива, все передаваемое ею бывает преувеличено. Также и молва о нашей славе хотя возникла на прочном основании, все же превышает подлинные дела. (15) Кто недавно мог думать, что вынесет бой со зверями, по виду напоминающими крепостные стены, переход через Гидасп и все другое, более страшное на словах, чем на деле? Если бы нас могли пугать басни, мы давно уж убежали бы из Азии. (16) Неужели вы верите, что у них больше стада слонов, чем обычно бывает быков, в то время как звери эти редкие, ловить их трудно и еще труднее укрощать? (17) Такая же ложь в исчислении пехоты и конницы. А реки чем шире, тем течение их спокойнее, зажатые в узких берегах и тесном русле, они несут бурлящие воды, а в просторном русле, напротив, текут слабее. (18) Кроме того, главная опасность бывает на берегу, где враг ожидает подплывающие корабли. Итак, какая бы нам ни попалась река, все та же будет опасность при высадке на землю.

(19) Но вообразим, что все это верно; так чего же вы больше боитесь: множества зверей или врагов? Что касается слонов, то у нас свежий пример: они сильнее давили своих, чем нас, и их огромные тела были иссечены секирами и серпами. (20) Не все ли равно, будет ли их столько, сколько было у Пора, или 3 тысячи, раз мы видели, что после ранения одного или двух остальные обращаются в бегство? (21) Затем, даже немногими управлять неудобно, если же собрать их несколько тысяч, то они толпятся и давят друг друга, не могут ни стоять спокойно, ни бежать из-за своих неуклюжих и огромных тел. Я сам настолько пренебрегаю этими животными, что, если бы их имел, не выставлял бы в строю, хорошо зная, что они угрожают больше своим, чем врагам. (22) Так, значит, вас смущает множе-

ство всадников и пехоты? Вы, верно, привыкли сражаться лишь с малочисленным врагом и теперь впервые столкнетесь с беспорядочной толпой! (23) Но ведь свидетелями непобедимой силы македонцев против полчищ врага являются река Граник и Киликия, залитая кровью персов, и Арбелы, поля которых устланы костями сраженных нами варваров. (24) Поздно вы начали считать легионы врагов, после того как своими победами создали безлюдье в Азии. О нашей малочисленности надо было думать тогда, когда мы переплывали через Геллеспонт: теперь за нами следуют скифы, помощь нам оказывают бактрийцы, среди нас сражаются дахи и согдийцы.

(25) Но я полагаюсь не на их толпы. Я считаю с вашими отрядами, полагаюсь, начиная новый подход, на ваше мужество. До тех пор, пока я буду стоять в строю с вами, я не буду считать ни своих, ни вражеских полков: только обладайте духом, полным бодрости и доверия. (26) Мы стоим не на пороге наших дел и трудов, мы уже у их окончания. Мы подойдем скоро к восходу солнца и океану. Только не поддаваться малодушию! Оттуда, завоевав край света, мы вернемся на родину победителями. Не поступайте, как ленивые земледельцы, по нерадивости выпускающие из рук зрелые плоды. (27) Награды важнее опасностей; эта страна богата и не воинственна⁶⁴. Итак, я вас веду не столько добывать славу, сколько за добычей. Вы служили, чтобы отвезти на родину богатства, которые море приносит на берега Индии, вы заслужили, чтобы ничего не оставить не испытанным, ничего не упустить из-за страха. (28) Во имя вашей славы, превысившей предел человеческий, во имя наших взаимных заслуг друг перед другом, в силу которых мы сражаемся, не зная поражений, я вас призываю не покидать своего питомца и соратника, достигшего предела человеческих возможностей, и к тому же уже царя. (29) Все другое я с вас требовал, за это буду вам обязан. Я вас об этом прошу, потому что никогда раньше я от вас не требовал такого, в чем не шел бы первым против опасностей, часто прикрывая ваш строй своим щитом. Не вырывайте из моих рук пальмовой ветви, которая, если не воспрепятствует зависти, приравняет меня к Геркулесу и Отцу Либеру. (30) Уступите моим просьбам и прервите, наконец, упорное молчание. Где ваши

обычные клики, признак бодрости духа? Где привычные для меня лица македонцев? Я не узнаю вас, воины мои; кажется, не узнаете и вы меня! Я взываю к глухим, пытаюсь тронуть непреклонные и чуждые мне души!”

(31) И так как воины упорно молчали, глядя в землю, он продолжал: “Не знаю, чем я нечаянно вас обидел, что вы не хотите даже смотреть на меня. Мне кажется, я в одиночестве. Никто мне не отвечает, но никто и не отказывает. (32) К кому я обращаюсь? Чего требую? Хочу спасти вашу славу и величие. Где те, чье мужество я видел совсем недавно, кто торопился подхватить тело своего раненого царя? Я вами брошен, обманут, выдан врагам. (33) Но я пойду дальше один. Предоставьте меня рекам и зверям и тем племенам, имена которых вас ужасают. Я найду, кто пойдет со мной, которого вы бросили, – со мной будут скифы и бактрийцы, недавние враги, теперь наши воины. (34) Полководцу лучше умереть, чем превратиться в просителя. Возвращайтесь домой! Идите, торжествуйте, покинув своего царя! Я найду здесь место для победы, в которую вы не верите, или для почетной смерти!”

7. (1) Пока это происходило в Индии, греческие солдаты, недавно выведенные царем в колонии близ Бактр, когда началась между ними распря, отпали не столько из вражды к Александру, сколько из боязни наказания. (2) Убив несколько влиятельных лиц из своей среды, они стали пускать в ход оружие, захватили считавшуюся в безопасности и потому плохо охранявшуюся крепость Бактр и побудили варваров присоединиться к их мятежу. (3) Вожаком их был Афинодор, присвоивший себе имя царя не столько ради власти, сколько ради того, чтобы вернуться на родину с признавшими его. (4) Его соперник, какой-то Бикон, его соотечественник, который стал строить против него козни, пригласил его на пир и с помощью некоего бактрийца Бокса его убил. (5) На следующий день на сходке Бикон убедил многих, что, наоборот, Афинодор злоумышлял против него. Но некоторые заподозрили Бикона в обмане, и постепенно сомнение стало охватывать многих. (6) Итак, грече-

ские солдаты взялись за оружие, чтобы при первой возможности расправиться с Биконном. Впрочем, главари успокоили возмущение толпы. (7) Избавившись на этот раз против своего ожидания от опасности, Бикон несколько времени спустя стал подкапываться под своих же спасителей; когда его козни обнаружались, он был схвачен, а вместе с ним и Бокс. (8) Бокса решили немедленно предать казни, Бикона же убить мучительной смертью. К телу его уже придвинули орудия пытки, как вдруг греки неизвестно по какой причине как сумасшедшие бросились к оружию.

(9) Услыхав с их стороны шум, палачи подумали, что крики толпы запрещают производить пытку, и отпустили Бикона.

(10) Он, как был, обнаженный, прибежал к грекам; жалкий его вид внезапно изменил их настроение, и они решили его простить. (11) Так, дважды спасенный от смерти, он вернулся на родину вместе с другими покинувшими колонию, предоставленную им царем. Вот что происходило близ Бактр и скифских пределов.

(12) Между тем к царю прибывают 100 послов от двух упомянутых выше племен⁶⁵. Они ехали на колесницах, все были высокого роста и роскошно одеты: полотняные одежды их были расшиты золотом и пурпуром. (13) Они сдались царю и передали ему свои города и земли; они впервые готовы были доверить свою за много поколений ничем не стесненную свободу и отдавались ему на милость по внушению богов, а не из страха, ибо военные силы их были в целостности. (14) Царь, собрав совет, принял их под свое покровительство и обложил такой же данью, какую оба племени платили арахосиям. Кроме того, потребовал с них 2500 всадников, и варвары с покорностью все выполнили. (15) Затем послы и царьки были приглашены на богатый и торжественный пир. 100 позолоченных лож было поставлено на небольшом расстоянии друг от друга, ложа были покрыты коврами, сиявшими золотом и пурпуром; все, что было порочного у персов из-за их исконной роскоши, а у македонцев – из-за чужеземной новизны, в изобилии проявилось на этом пире.

Книга X

Перевод В. С. Соколова и А. Ч. Козаржевского, комментарий А. А. Вигасина

1. (30) Уже доставлены были ложные доносы для гибели невинного, и приближалась неизбежная судьба. Случилось так, что Алек-

сандр приказал открыть гробницу Кира⁶⁶, в которой покоилось его тело, он желал воздать ему положенные почести. (31) Он думал, что

гробница наполнена золотом и серебром; такая ходила среди персов молва; но, кроме полуистлевшего щита Кира, двух скифских луков и акинака, он ничего не нашел. (32) Возложив золотей венец, Александр покрыл возвышение, на котором лежало тело, своим любимым плащом, удивляясь, что царь, столь прославленный, обладавший такими богатствами, был погребен не с большей пышностью, чем простолюдин. (33) Рядом с царем стоял евнух; обратившись к царю, он сказал: “Что же удивительного в том, что царская гробница пуста, когда дома сатрапов не могут вместить в себе вынесенные оттуда богатства? (34) Что касается меня, то сам я этой гробницы раньше не видел, но от Дария слышал, что

здесь с телом Кира было положено 3 тысячи талантов. (35) Отсюда и расположение Орсина к тебе: чем он не мог владеть безнаказанно, то обеспечил себе при помощи подарков”. (36) Этими словами евнух возбудил гнев царя, тем более что на помощь ему пришли подученные им люди. Уши царя прожужжали ложными наветами, с одной стороны, Багой, с другой – его помощники. (37) Прежде чем у Орсина возникло подозрение, что его в чем-то обвиняют, он был взят в оковы. Не довольствуясь казнью невинного, евнух убил его собственной рукой. При этом Орсин воскликнул: “Слышал я, что когда-то Азией управляли женщины, но что ею управляет кастрат – это неслыханное дело”.

Примечания

¹ *Мидас* в греческой мифологии больше всего был известен благодаря дару Диониса превращать в золото любой предмет, которого он касался (Овидий. Метаморфозы XI: 85–150).

² Здесь Курций Руф повторяет географические представления о Малой Азии, имевшиеся в то время в античной литературе (Страбон XII: 1, 3).

³ Геродот рассказывает, что Ксеркс приказал соорудить в Дориске (Фракия) огороженное место, вмещающее 10 тыс. человек, и, заводя туда своих воинов, произвел подсчет войска во время похода на Грецию в 480 г. до н. э. (VIII: 60).

⁴ По Диодору в армии Дария было 400 тыс. пеших воинов и не менее 10 тыс. всадников (XVII: 31, 2). По Арриану, общая численность персидского войска была 600 тыс. человек (II: 8, 8); эту же цифру приводит Плутарх (Александр: 18).

⁵ *Цетра* (setra) – небольшой кожаный щит.

⁶ *Агриане* – фракийско-македонское племя, жившее по реке Стримону между горами Гем и Родопы; славились как искусные стрелки из лука.

⁷ О построении армий Дария и Александра Македонского перед сражением см. у Арриана (II: 8, 2–11; 9, 1–4).

⁸ Арриан относит к этому времени письмо (II: 25, 1), соответствующее тому, которое Курций Руф считает третьим посланием Дария и относит ко времени незадолго до Гавгамельской битвы (IV: 11, 1–9).

⁹ *Бесс* – сатрап Бактрии.

¹⁰ *Менид* – гиппарх (командир отряда конницы) в армии Александра.

¹¹ *Дахи* – кочевые ираноязычные племена, жившие к востоку от Каспийского моря.

¹² *Квадриги* – здесь Курций использует латинский термин, обозначающий четверную упряжку лошадей для боевой серпоносной колесницы персидской армии.

¹³ Согласно Геродоту (III: 70), 7 представителей наиболее знатных родов Персии, в том числе и будущий царь Дарий I были организаторами убийства в 522 г. до н.э. мага (мидийского жреца) Гауматы, узурпировавшего престол ахеменидских царей.

¹⁴ *Красное море* – имеется в виду Эритрейское море античных авторов (совр. Персидский залив).

¹⁵ *Белиты* – точное определение этой племенной группы затруднительно. Возможно, Курций имеет в виду либо племена, проживавшие на реке

Белос в Финикии, либо обитателей о. Кос у берегов Карики (Малая Азия).

¹⁶ *Катаоны* – жители Катаонии, области в Южной Каппадокии.

¹⁷ *Кадусии* – воинственное племя в Мидии.

¹⁸ Данные античных авторов о численности армии Дария III, собранной у Гавгамел, явно преувеличены. По Арриану (III: 18, 6), она состояла из 40 тыс. конных всадников, 1 млн пехотинцев, 200 колесниц и 15 слонов. Согласно Диодору (XVII: 53, 3), у Дария III было около 800 тыс. пехоты, не менее 20 тыс. конницы и 200 серпоносных колесниц. Современные исследователи считают, что в этом бою Дарий располагал конным войском около 34 тысяч всадников.

¹⁹ Битва произошла 1 октября 331 г. до н. э. у деревни Гавгамелы близ р. Бумода, примерно в 600 стадиях (120 км) от г. Арбелы (совр. Тель Гомел, примерно в 35 км к северо-востоку от г. Мосула в Северном Ираке). Само название Гавгамелы переводится как “верблюжий хлев”.

²⁰ *Полиперкон* – то есть Полиперхонт, сын Симия, – таксиарх (командир пехотного полка) в армии Александра. После смерти Александра Полиперхонт стал правителем Македонии.

²¹ *Сариссоносцы* (сариссофоры) – тяжелая македонская пехота, вооруженная длинными (до 6 м) копьями-сариссами.

²² Артабаз – наместник Дария III в Бактрии. О его дружбе с Филиппом, возможно, говорилось в несохранившихся книгах Курция.

²³ *Набарзан* – военачальник Дария III.

²⁴ *Паретакена* – здесь область между Персидой и Мидией.

²⁵ Согласно Юстину (XI: 15, 1), это селение Тара (Фара) в Парфии.

²⁶ *Двоеборцы* – “сражающиеся обоими способами”, то есть в пешем и конном строю. У Курция изобретение этого тактического приема приписывается Александру – однако он более поздний.

²⁷ *Боспор* – имеется в виду Боспор Киммерийский (Керченский пролив).

²⁸ *Борисфен* – совр. Днепр.

²⁹ *Танаис* – в данном случае у Курция имеется в виду совр. Дон.

³⁰ *Багой* – придворный евнух, организатор дворцового переворота, в результате которого Дарий III пришел к власти.

³¹ Речь идет о заговорщиках, убивших Дария. Несмотря на их высокий социальный статус, все они считались “рабами царя”.

³² В древности было представление о том, что Океан находился недалеко от Мидии, Каспийского моря и Гиркании.

³³ *Арвы* – Арриан называет этот город Задракарта (III: 23, 6).

³⁴ *Тапуры* – племя в Гиркании и Атропатене.

³⁵ *Синопы* – жители Синопы – города в Пафлагонии на южном побережье Понта Евксинского.

³⁶ Курций – единственный античный писатель, который различает Гекатомпил (VI: 2,15) и город *Гирканию* (VI: 5, 22) и указывает, что расстояние между ними было не менее 4 дней пути. Возможно, это объясняется механическим соединением нескольких источников, в которых один и тот же город назывался по-разному.

³⁷ *Фасис* – река в Колхиде, впадающая в Понт Евксинский (совр. река Риони).

³⁸ *Аримаспы* – племена, проживающие в Дрангиане.

³⁹ *Эвергеты* (гр.) – благодетели.

⁴⁰ *Понтийское море* – здесь Курций ошибается, речь должна идти о Каспийском (Гирканском) море.

⁴¹ *Парапамисады* – население гор Парапамис (Кавказ античных авторов), совр. Гиндукуш.

⁴² *Кавказские горы* – в древности горы Ирана и Гиндукуш считались Кавказскими.

⁴³ *Александрия Кавказская* располагалась, предположительно, в районе совр. Кабула в Афганистане.

⁴⁴ *Бактры* – совр. город Балх в Афганистане.

⁴⁵ *Окс* – совр. река Амударья.

⁴⁶ *Танаис* (р. Яксарт античных авторов, совр. Сырдарья) впадал, по мнению Арриана (III: 30, 7), в Гирканское (Каспийское) море. Кроме того, Арриан сообщает, что “должен быть еще другой Танаис”, о котором пишет Геродот (IV: 57). Этот Танаис древние отождествляли с Доном и считали естественной границей Европы и Азии (Страбон XI: 490, 491; Арриан III: 30, 8). В изложении Курция вообще нет четкого разделения между Танаисом-Доном и Танаисом-Яксартом.

⁴⁷ Совр. Самарканд.

⁴⁸ Название “европейские” объясняется ошибочным отождествлением Курцием Танаиса-Дона и Танаиса-Яксарта.

⁴⁹ Речь идет об *Александрии-Эсхате* (скорее всего, это бывший г. Ленинабад, ныне – Худжант).

⁵⁰ Тот же срок указывает Юстин (XII: 5). Арриан (IV: 4, 4) говорит о 20 днях.

⁵¹ Арриан (IV: 4, 1) пишет, что город был заселен эллинскими наемниками, пожелавшими остаться жить в нем, “соседями-варварами” и уже не пригодными к службе македонскими ветеранами. Есть мнение, что Александр намеренно оставил в Эсхате греческих наемников, то есть тех, кто в войске “обнаружил беспокойный дух” (Юстин XII: 5, 8).

⁵² Страбон (XI: 2) считает *сарматов* тоже *скифами*.

⁵³ Имеется в виду Бактрия в широком смысле, то есть территория позднеахеменидской Бактрийской сатрапии, включавшая также и Согдиану.

⁵⁴ Курций заставляет здесь Александра ошибаться из-за неправильного отождествления им Танаиса (азиатского) с Доном.

⁵⁵ Имеется в виду Ассирийское царство.

⁵⁶ На реке Политимет, современная река Зеравшан.

⁵⁷ *Река Ох* – современная река Теджен, приток Амударьи.

⁵⁸ Во время походов Александра город Маргиана размещался на месте современного городища Эрк-Кала, которое вошло позднее в археологический комплекс крепости Гяур-Кала в древнем Мерве. Мерв, однако, находится на левом берегу Амударьи.

⁵⁹ Локализация *Базауры* неизвестна.

⁶⁰ *Выдумка* – история о Лисимахе, ставшем в дальнейшем царем Фракии, и льве, правда, без упоминания о Каллисфене, приводится также у Плутарха (Деметрий и Антоний: 27) и Павсания (I: 9, 5). Иную версию см.: Валерий Максим IX: 3; Плиний. Ест. ист. VIII: 54.

⁶¹ *Габаза* – область в стране паретаков в Согдиане.

⁶² Диодор (XVII: 87) сообщает, что Абисар (Эмбисар) был уже в 40 стадиях пути.

⁶³ Согласно Плутарху (Александр: 60), в высадке участвовали тысяча всадников и 60 колесниц, по Арриану (V: 14, 32) – тысяча всадников и 120 колесниц.

⁶⁴ Представление греков о невоинственности индийцев (как и об их богатстве) сложилось задолго до похода Александра и оставалось устойчивым, несмотря на свидетельства иного рода (ср., например, Диодор (XVII: 59) – о мужестве индийских воинов в битве при Арбелах; Арриан (V: 4): “Жизнь ведут вовсе не роскошную... из всех тогдашних обитателей Азии самые воинственные”).

⁶⁵ То есть маллов и оксидраков.

⁶⁶ Об убранстве гробницы Кира ср. Плутарх. Александр: 69; Арриан. VI: 29.

Источник: Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Под ред. В. С. Соколова. – М., 1963. Переиздание: Курций Квинт Руф. История Александра Македонского / Под ред. А. А. Вигасина. – М., 1993.

Сенека Луций Анней Младший

Lucius Annaeus Seneca

Сенека, Луций Анней, Философ (ок. 4 до н.э. – 65 н.э.), римский философ и трагик. Родился в Кордубе, в богатой семье всадников (эквитов), второй из трех сыновей Сенеки Ритора. В молодом возрасте прибыл в Рим, получил хорошее грамматическое, риторическое и философское образование (в духе позднего стоицизма). Вероятно, чтобы поправить здо-

ровье, а также для обучения, некоторое время находился в Египте. Возвратился в Рим в 31 или 32 гг. При Калигуле прославился как блестящий оратор и стилист. В 41 г., заподозренный в романе с сестрой умершего императора Калигулы Юлией Ливиллой, был приговорен императором Клавдием к изгнанию на Корсику. Там он оставался до 49 г., когда Аг-

риппина настояла на возвращении Сенеки и доверила ему воспитание своего сына Нерона. После вступления на престол семнадцатилетнего Нерона Сенека вместе с префектом преториан Афранием Бурром фактически управлял государством на протяжении восьми лет. После смерти Бурра в 62 г. Сенека, с разрешения Нерона, удалился от двора. Остаток жизни он провел в своих имениях близ Рима и в Кампании. В 65 г., по подозрению в участии в заговоре Пизона, по приказу императора совершил самоубийство, вскрыв себе вены. Сенека владел огромным богатством. По-видимому, был дважды женат, от первого брака имел двух детей. Его вторая жена Паулина хотела умереть вместе с мужем. Но по приказу Нерона ей перевязали вены.

Литературное наследие Сенеки включало прозаические произведения и поэзию. Стоические сочинения Сенеки по вопросам этики составляют 12 книг под названием «Диалоги» («Dialogi»): к Марсии, дочери Кремиция Корда, на утрату единственного сына («Ad Marciam de consolatione», 37–41 гг.), «О гневе» («Ad Novatum de ira», после 41 г.) в 3 книгах, к собственной матери во время своего изгнания («Ad Helviam matrem de consolatione», 41–42 гг.), к Полибию, влиятельному вольноотпущеннику императора Клавдия, по поводу смерти брата («Ad Polybium de consolatione», 42–44 гг.), «К Паулину о краткости жизни» («Ad Paulinum de brevitae vitae», ок. 50 г.), «К Серену о стойкости мудрого» («Ad Serenum de constantia sapientis»), «К Галлиону о счастли-

вой жизни» («Ad Gallionem de vita beata», 58 г.), «К Серену об изучении философии» («Ad Serenum de otio», не полностью), «К Серену о спокойствии духа» («Ad Serenum de tranquillitate animi»), «К Луцилию о провидении» («Ad Lucilium de providentia», 62–63 гг.). Сюда не вошли трактаты «О благодеяниях» («De beneficiis») в 7 книгах, посвященный Эбонию Либералу и имеющий принципиальное значение для истории античной этики, и «О милосердии» («De clementia», 55/56 гг.) в 3 книгах, посвященный Нерону и представлявший собой учебник добродетели, “зерцало” для правителя. В «Изысканиях о природе» («Naturales quaestiones») в 7 книгах, посвященных Луцилию, Сенека описал небесные (caelestia) и земные (terrena) явления, а также явления в сфере, лежащей между ними (sublimia). Особой популярностью пользовался сборник «Нравственные письма к Луцилию» («Epistulae morales ad Lucilium», 62–64 гг.) в 20 книгах, включавший 124 письма, насыщенных выражениями, ставшими афоризмами типа *vivere militare est* “жизнь есть борьба” – с судьбой и собственными изъятиями. Сенека в подражание греческим трагикам написал 9 трагедий: «Безумный Геракл» («Hercules furens»), «Троянки» («Troades»), «Финикиянки» («Phoenissae»; пьеса сохранилась частично), «Медия», «Федра», «Эдип», «Агамемнон», «Фiest», «Геракл на Эте» («Herculus Oetaeus») и был столь убедителен, что после его смерти некто сочинил от его имени трагедию «Октавия», тоже снискавшую популярность.

Сенека Луций Анней Младший

Нравственные письма к Луцилию

Письмо LXXI

Перевод С.А. Ошеров

Сенека приветствует Луцилия!

...Телесные блага суть блага для тела, а не блага во всем. В них есть своя ценность, но благородства в них нет, и между собою они далеко не равны: одни бывают больше, другие меньше. (34) И между приверженцами мудрости есть большие различия – этого невозможно не признать. Один преуспел лишь настолько, что осмеливается взглянуть в лицо судьбе, но ее взгляда не выдерживает и опускает глаза, ослепленные блеском; другой – настолько, что ему под силу сойтись с ней лицом к лицу, – если он достиг вершины и не знает сомнений. (35) Несовершенное не может быть стой-

ким: оно то движется вперед, то оскользается и никнет. Пусть оскользаются, – лишь бы шли вперед и не оставляли стараний; но стоит ослабить неустанное рвение, перестать напрягаться – и поневоле пойдешь назад. Отступившись, не вернешься к достигнутому. Так будем усердны и упорны! (36) Пусть кое с чем мы сладили, но остается еще больше. Однако немалая часть успеха – желание преуспеть. Это я знаю твердо, а потому и хочу, хочу всей душой. И тебя, я вижу, подстегивает то же самое желание, так что ты неудержимо спешишь к самому прекрасному. Поспешим вместе! Только так жизнь будет благодеянием, а

не то жить – значит терять время, постыдно мешкая среди всяческой мерзости. Добьемся же, чтобы время принадлежало нам. Но этому не бывать, покуда мы сами не будем принадлежать себе. (37) Когда удастся нам презреть и вражду, и милость фортуны? Когда посчастливится нам, подавив и подчинив своей власти всякую страсть, воскликнуть: “Я победил!”

– Кого, – спросишь ты?

– Не персов, не далеких мидийцев, не живущих дальше дагов⁸ воинственные племена, если есть такие, – но скупость, но честолюбие, но страх смерти, которыми бывали побеждены победители народов.

Будь здоров.

Примечание

⁸ *Даги* – племена на северо-востоке Персидской державы. В некоторых рукописях это слово читается “даки” – т.е. племена, жившие по Нижнему Дунаю.

Источник: Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Перевод, подготовка издания С. А. Ошерова. Отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М., Изд-во “Наука”, 1977.

Гай Плиний Секунд, Старший

Gaius Plinius Secundus, Maior

Гай Плиний Секунд, Старший (23–79), римский государственный деятель, ученый и писатель. Родился в италийском городе Комо в Ломбардии, воспитывался в Риме. Плиний принадлежал к сословию всадников и исполнял должность начальника конницы в Германии, при Веспасиане был прокуратором Испании, Германии, Галлии, Африки. В 70 г., вероятно, находился в генеральном штабе Тита под Иерусалимом, а затем стал прокуратором Сирии. Погиб при извержении Везувия, когда были разрушены и погребены под лавой и пеплом Помпеи, Геркуланум и Стабия. В это время он в качестве предводителя римского флота, стоявшего у Мизена, спешил на помощь попавшим в беду людям и, пользуясь случаем, пытался наблюдать с близкого расстояния извержение вулкана. Смерть Плиния Старшего описал его племянник Плиний Младший в письмах к Тациту.

Плиний Старший написал множество естественно-исторических, грамматических, риторических и других произведений. Его утраченные 20 книг «Истории германских войн» («*Bella Germaniae*») и 31 книгу сочинения «В продолжение Ауфидия Басса» («*A fine Aufi-*

dii Bassi») в качестве источника использовал Тацит. До нас дошли 37 книг его энциклопедического сочинения «Естественная история» («*Historia naturalis*»): I – введение; II – космология; III–IV описание Земли, сведения о странах и народах Европы; V–VI – география Азии и Африки, VII – антропология и физиология человека, VIII–XI – зоология, XII–XXVII – ботаника, XXVIII–XXXII – лекарственные средства животного происхождения, XXXIII–XXXVII – минералогия, металлургия, обработка золота, серебра, меди и драгоценных камней и применение минералов в живописи и скульптуре. Географические сведения Плиния ограничиваются большей частью одними названиями, ибо география в его время, представляла собой *locorum nuda nomina* ‘голые названия мест’. Как и Аристотель, землю Плиний считал шарообразной и аргументировал это подобно Страбону. Подход к источникам у Плиния недостаточно критичный, и наряду с реальными фактами он приводит немало фантастических преданий. Необходимую подготовку произведения к публикации осуществил после смерти автора Плиний Младший.

Подробнее см.: Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / Пер. с лат., предисл. и примеч. Г. А. Тарояна. М.: Ладомир, 1994.

Плиний Старший

Естественная история

Перевод Н. М. Подземской

Книга II

(160) Относительно земли все придерживаются одинакового мнения. Мы называем ее

кругом земным и отдаем себе отчет в том, что она представляет собой шар, имеющий два

полюса. При большой высоте гор и плоскости равнин у нее форма несовершенного шара, но если противоположные точки соединить посредством окружности, то земля будет иметь вид правильного шара: это подсказывает нам и закон природы, но не по тем причинам, которые мы привели, рассказывая о небе. Ведь небо образует полую вогнутость и со всех сторон покоится на земле, как на своей опоре: земля же, будучи твердой и плотной, возвышается подобно опухоли и выдается вовне. Мир стремится к своему центру, а земля выдается из центра; огромная ее масса принимает форму шара в результате постоянного вращения мира вокруг нее.

(167) От Гадеса и Геркулесовых Столбов вдоль берегов Испании и Галлии совершаются плавания по всему западу. Во время правления божественного Августа обошли большую часть Северного океана; тогда флот, обогнув Германию, достиг Кимврского мыса, и оттуда увидели или слышали о скифской стране и чрезмерно влажных и обледеневших пространствах. Но мало правдоподобно, чтобы моря замерзали там, где в избытке влага. Также македонский флот совершил плавание из Индийского моря на восток, под той же самой звездой, по той части океана, которая расположена против Каспийского моря; это было во время царствования Селевка и Антиоха, которые хотели, чтобы эти моря были названы в их честь Селевкидой и Антиокидой.

(168) И вокруг Каспийского моря большая часть побережья океана была исследована, почти весь север обогнули с одной и с другой стороны. Места для сомнения в этом не остав-

ляет существование Меотийского озера, оно или залив этого океана, как полагали многие, или разлив, отделенный от океана узкой полосой земли. По другую сторону от Гадеса на запад и по сей день плавают вдоль Мавритании по значительной части Южного моря. Еще большая часть океана с востока до Аравийского залива была исследована благодаря победам Александра Великого; когда Цезарь, сын Августа, воевал в Аравийском заливе, там были обнаружены обломки оставшихся от кораблекрушения испанских кораблей.

(169) Ганнон в эпоху могущества Карфагена прошел от Гадеса до аравийской страны и описал это плавание; в то же самое время Гимилькон был послан исследовать внешние границы Европы. Кроме того, Корнелий Непот сообщает, что в его время, когда некто Евдокс бежал от царя Латира, то, выйдя из Аравийского залива, он достиг Гадеса; а задолго до него Целий Антипатр передает, что он знал какого-то человека, который в целях торговли проделал путь из Испании в Эфиопию.

(173) Но я не знаю, не находится ли в опасности и оставшаяся нам часть: ведь этот самый океан образует, как мы скажем дальше, многие заливы и бушует в таком близком соседстве с внутренними морями, что Аравийский залив находится на расстоянии 115 000 шагов от Египетского моря, а Каспийское море – в 375 000 от Понта. Итак, сколько земли захватывает океан, растекаясь столькими морями, которыми он разделяет Африку, Европу и Азию? Теперь надо принять во внимание площадь стольких рек и болот, следует прибавить озера и пруды.

Книга IV

(75) Четвертый из больших заливов Европы, начинаясь от Геллеспонта, оканчивается входом в Меотийское озеро. Но прежде следует коротко описать форму всего Евксинского Понта, тогда легче будет познакомиться с его отдельными частями. Огромное море, лежащее перед Азией и оттесненное от Европы выступающим вперед херсонесским побережьем, вторгается узким проливом в сушу, отделяя Европу от Азии, как уже было сказано, шириной в 7 стадий. Этот пролив называется Геллеспонтом. Через него персидский царь Ксеркс провел войско по мосту, который получился из стоящих рядом кораблей. Дальше на 86 000 шагов до азиатского города Приапа, через который проходил Александр Великий, тянется узкий Еврип.

(76) Затем море расширяется и опять сужается: широкое место называется Пропонтидой, а пролив шириной в 500 шагов Боспором Фракийским. Через него отец Ксеркса Дарий переправил войско. Длина этого пространства, начиная от Геллеспонта, 239 000 шагов. Дальше идет Понт Евксинский, обширное море, которое прежде называлось Аксинским. Оно достигает отдаленных земель и, крутым поворотом берегов изгибаясь в два рога, вытягивается в одну и в другую сторону так, что окончательно принимает форму скифского лука. В середине своего изгиба оно соединяется с Меотийским озером. Пролив этот шириной в 2 500 шагов называется Боспором Киммерийским.

(77) По прямой линии между двумя Боспорами, Фракийским и Киммерийским, как со-

общает Полибий, 500 000 шагов. Окружность же всего Понта, по свидетельству Варрона и почти всех древних писателей, 2 150 000 шагов. Корнелий Непот прибавляет к этой цифре 350 000 шагов; по Артемидору, окружность Понта составляет 2 919 000 шагов, по Агриппе, – 2 460 000 шагов, по Муциану, – 2 425 000 шагов. Точно так же протяженность европейского берега одни определили в 1 478 500, другие – в 1 172 000 шагов.

(78) Марк Варрон вычисляет следующим образом:

от входа в море до Аполлонии	187 500 шагов
оттуда до Каллаты	187 500 шагов
до устья Истра	125 000 шагов
до Борисфена	250 000 шагов
до города Гераклея-Херсонес	375 000 шагов
до крайней на европейском берегу Пантикапеи, которую некоторые называют Боспором	212 500 шагов
Все в целом составляет	1 337 500 шагов

По Агриппе, от Византия до реки Истра 560 000, оттуда до Пантикапеи 635 000 шагов. Передают, что само Меотийское озеро, в которое впадает текущая с Рипейских гор река Танаис, является последним рубежом между Европой и Азией и имеет в окружности 1 406 000 шагов, по свидетельству других писателей – 1 125 000. Известно, что от Боспора Киммерийского до устья Танаиса по прямой линии расстояние 385 000 шагов. Жители побережья этого четвертого залива вплоть до Истрополя уже названы при упоминании Фракии. Теперь перейдем к описанию рукавов Истра.

(79) Он берет начало в Германии на вершине горы Абнобы, напротив галльского города Раврика, во многих милях от Альп. Он течет через бесчисленные народы под именем Дуная, сильно расширяясь, затем под названием Истра сначала омывает Иллирию и, приняв 60 рек, – почти половина их судоходна, – устремляется шестью рукавами в море. Сначала идет рукав Певки, затем сам остров Певка, по которому названо ближайшее русло, он засасывается болотом величиной в 19 000 шагов; из того же самого русла выше Истрополя образовалось озеро под названием Галмира, 63 000 шагов в окружности. Второй рукав называется Наракустома, третий возле острова Сарматики – Калонстома, четвертый – Псевдостома с островом Канопондиабазис, затем Бореонстома и Псилонстома. Отдельно же взятые рукава настолько велики, что море,

как передают, отступает перед ними на 40 000 шагов, и вода становится пресной.

(80) За Истром живут почти одни только скифы, но побережье занимают разные народы: то геты, которых римляне называют даками, то сарматы, по-гречески савроматы, и причисляемые к ним темасобы, или аорсы, то ненастоящие и происшедшие от рабов скифы, или троглодиты, затем аланы и роксаланы. Язиги-сарматы занимают расположенные более высоко поля и равнины между Дунаем и Герцинским лесом вплоть до паннонских зимних стоянок в Карнунте и границы с германцами, а теснимые последними даки – горы и лесистые места до реки Патиссы.

(81) Бастарны и затем прочие германские племена живут за Маром, или Дурней, который отделяет эти народы от свебов и царства Ванныя. Агриппа передает, что вся эта область имеет в длину от Истра до океана 2 100 000 шагов; в ширину от Сарматских пустынь до реки Вистулы 404 400.

Название скифов часто переносят на сарматов и германцев. Древнее это наименование сохранилось, однако, только за теми народами, которые живут дальше всех и неизвестны остальным людям.

(82) За Истром расположены города Кремиск и Эполий, Макрокремнские горы, знаменитая река Тирас и город того же наименования, который раньше назывался Офиуса. Большой остров на реке Тирасе населяют тирагеты: он находится на расстоянии 130 000 шагов от устья Истра.

В 120 000 шагах от Тираса протекает река Борисфен и дальше следует озеро, племя того же имени и город, удаленный от моря на 15 000 шагов, с древними наименованиями Ольвиополь и Милетополь.

(83) На другом берегу расположен порт ахейцев, дальше остров Ахилла, который славится могилой этого мужа, и в 125 000 шагах от него в поперечном направлении простирается в форме меча полуостров, – на нем упражнялись в беге, и поэтому он называется Дромос Ахиллеос, длина его, как сообщает Агриппа, 80 000 шагов. Всю эту местность населяют таврские и сиракские скифы. Море, которое омывает простирающуюся дальше лесистую область, называется поэтому Гилейским: там острова Енекадлы. Река Пантикапа отделяет кочевников от земледельцев, затем следует Акезин. Некоторые писатели рассказывают, что Пантикапа сливается под Ольвией с Борисфеном, более добросовестные сообщают,

щают это о Гипанисе, еще больше заблуждаются те, которые относят Пантикапу к Азии.

(84) Море отступает далеко назад и, находясь на расстоянии 5 000 шагов от Меотийского озера, омывает большие пространства земли, заселенные многими племенами; залив называется Керкинитским, река Пахирида, города: Навар, Каркина, позади озеро Буг, соединенное каналом с морем. Сам Буг отделяется скалистым хребтом от Корета, залива Меотийского моря; в озеро впадают реки Буг, Герр и Гипакир, которые стекают сюда из разных мест. Ведь Герр отделяет царских скифов от кочевников, а Гипакир через области кочевников и гилеев течет по искусственному руслу в Буг, а по естественному в Коретский залив. Эта область называется Сендийской Скифией.

(85) А от Керкинитского залива начинается Таврика: прежде она омывалась морем со всех сторон и даже там, где теперь простираются степи; дальше поднимаются большие горные хребты. В этой стране живет тридцать племен, из них двадцать три во внутренних областях, и имеется 6 городов, жители которых называются оргокинийцами, харакенийцами, лагиранийцами, трактарийцами, арсилахитами и калиордами. В горах живут скифотавры: на западе они граничат с Херсонесом, на востоке с Сатархской Скифией. На побережье, начиная от Керкинитского залива, на самом перешейке полуострова расположен город Тафры, затем Гераклея-Херсонес, которой римляне даровали свободу; ее называли раньше Мегарикой. Во всей этой области она выделяется тем, что сохранила греческие обычаи. Ее окружает стена в 5 000 шагов.

(86) Дальше следует мыс Партений, город тавров, Плакия, гавань Симболрн; против Карамбийского мыса Азии мыс Кримутопон выдается на 170 000 шагов в Евксинский Понт, и главным образом благодаря этому получается форма скифского лука. Затем идет множество таврских гаваней и озер. Город Феодосия находится в 135 000 шагах от Кримутопона и в 145 000 шагах от Херсонеса. Раньше были города Китей, Зефирий, Акры, Нимфей, Дия.

(87) Теперь у самого входа в Боспор расположен могущественнейший город Пантикапея Милетская, в 37 000 шагах от Феодосии и, как уже было сказано, в 2 500 шагах от города Киммерика, находящегося через пролив. Такое пространство отделяет там Азию от Европы, и само оно может быть пройдено

почти всегда пешком после того, как замерзает пролив. Ширина Киммерийского Боспора 12 500 шагов; на нем города Гермизий, Мирмекий и на Меотиде остров Алопека. Расстояние от конца перешейка, – это место называется Тафры, – через Меотийское озеро до входа в Боспор 260 000 шагов.

(88) За Тафрами в глубине континента живут авхеты, в области которых берет начало Гипанис, невры, в области которых берет начало Борисфен, гелоны, тиссагеты, будины, царские скифы и темноволосые агафирсы. Выше – кочевники, потом антропофаги, за Бугом над Меотийским озером сарматы и исседоны. А по побережью вплоть до Танаиса живут меотийцы, – по ним названо озеро, – и самые последние за ними аримаспы. Затем идут Рипейские горы и область, которая называется Птерофором, потому что там постоянно выпадает снег, похожий на перья. Эта часть света осуждена природой и погружена в густой туман; там может рождаться только холод и храниться ледяной Аквилон.

(89) Позади этих гор и по ту сторону Аквилона живет, если можно поверить, с незапамятных времен счастливый народ, который называют гиперборейским; про него рассказывают сказочные чудеса. Там, говорят, находятся полюса и крайние точки звездных путей; полгода там светло, и солнце прячется всего на один день, а не на время между весенним и осенним равноденствием, как полагают несведущие люди. Один раз в году, в день летнего солнцестояния, солнце у них восходит и один раз, в день зимнего солнцестояния, садится. Эта солнечная страна с умеренным климатом не подвержена вредным ветрам. Гиперборейцы живут в рощах и лесах, почитают богов порознь и сообща, им не знакомы раздоры и недуги.

(90) Умирают они только тогда, когда устают жить: старики, отпировав и насладившись роскошью, прыгают с какой-нибудь скалы в море. Это самый лучший похоронный обряд. Одни считают, что гиперборейцы живут не в Европе, а в начале азиатского побережья, потому что там имеется похожий на них атакский народ; другие – что они живут между заходящим солнцем антиподов и нашим восходящим солнцем; это никак невозможно, потому что между ними лежит огромное море. Те, которые относят местонахождение их туда, где шесть месяцев светит солнце, передают, что антиподы утром сеют, в полдень собирают

урожай, при заходе солнца срывают с деревьев плоды и ночью прячут их в пещеры.

(91) Нельзя усомниться в существовании этого народа; многие писатели рассказывают, что гиперборейцы посылают обычно на Делос первые плоды урожая Аполлону, которого они особенно почитают. Жертвоприношения доставляли девушки, в течение нескольких лет гостеприимно принимаемые народами, но после того как были нарушены обычаи гостеприимства, гиперборейцы решили оставлять жертвоприношения на ближайшей с соседями границе, те относили их к своим соседям, и так до самого Делоса; вскоре и этот обычай исчез. Протяженность Сарматии, Скифии, Таврики и всей области от реки Борисфена определяется М. Агриппой в 980 000 шагов, а ширина в 717 000. Я полагаю, что в этой части земли измерения недостоверны.

(92) В Геллеспонте напротив Европы нет островов, достойных упоминания. В Понте в расстоянии 1 500 шагов от берега и в 14 000 от входа в пролив расположены два острова Кианеи, их называют иначе Симплегадами, и предание повествует о том, что они соединились между собой, потому что Кианеи находятся на большом расстоянии друг от друга и люди, которые плывут прямо к ним, различают два острова, а с другого пункта наблюдения они производят впечатление соединяющихся между собой островов. По другую сторону Истра в 80 000 шагах от Боспора Фракийского расположен один из Аполлониадских островов: оттуда М. Лукулл привез Капитолийского Аполлона. Об островах, находящихся между рукавами Истра, мы уже сказали.

(93) Перед Борисфеном расположена вышеупомянутая Ахиллея, она же Левка и Макаросс; по данным нашего времени, этот остров находится в 140 000 шагах от Борисфена,

в 120 000 шагах от Тираса, в 50 000 от острова Певки. Ахиллея имеет в окружности приблизительно 10 000 шагов. Прочие острова в Каркинитском заливе: Кефалонисос, Росфодуса и Макра. Прежде чем мы покинем Понт, следует упомянуть о точке зрения многих ученых, которые полагали, что все внутренние моря имеют начало в Понте, а не в Гадитанском проливе, и они весьма правдоподобно доказывали это тем, что вода течет всегда из Понта и никогда не возвращается обратно.

(94) Чтобы рассказать о внешней части Европы, следует выйти из Понта и, перейдя Рипейские горы, плыть вдоль берегов Северного океана, имея их с левой стороны, до тех пор, пока мы снова не достигнем Гадеса. Передают, что в этой части света много безымянных островов: один из них расположен перед Скифией и называется Равнонией, он находится в одном дне пути от берега, и на него, по рассказу Тимея, в весеннее время выбрасывается волнами янтарь. Все прочие известия об этом берегу сводятся к недостоверным слухам: Северный океан, Гекатей называет его Амальхийским в той части, которая, начиная от реки Паропамиса, омывает Скифию, это слово на языке того народа обозначает “замерзший”. Филемон говорит, что часть океана от Рипейских гор вплоть до мыса Рубеас кимвры называют Моримарузой, что значит “мертвое море”. Дальше океан называется Кронием.

(95) Ксенофонт из Лампсакса передает, что в трех днях плавания от скифского берега есть остров Балтия, огромной величины; Пифей называет его Василией. Рассказывают об Оонах, где жители питаются птичьими яйцами и тростником; и о других островах, где люди, так называемые гишпоподы, рождаются с лошадиными ногами, и еще об одних, Панотийских островах, где люди закрывают совсем голые тела своими собственными ушами.

Книга V

(97) Недалеко от Фаселиды Ликийское море и ликийский народ. Там тянущиеся с берегов Восточного моря Таврские горы образуют при помощи Хелидонского мыса обширные заливы; сами они огромны и тянутся среди бесчисленных народов. Правым отрогом они простираются от Индийского моря на север, левым на юг и на запад, и они пересекали бы всю Азию, если бы моря не оказали сопротивления этому покорителю земель. Горы делают скачок на север и, повернув, стараются проложить широкий путь, в то время как природа,

словно с умыслом, то и дело располагает против них моря, то Финикийское, то Понт, то Каспийское, или Гирканское, и напротив них Меотийское озеро.

(98) Стесненные этими преградами, Тавры сделали поворот и вышли все же победителями, извиваясь до родственных им Рипейских горных хребтов. На всем своем протяжении они носят много новых названий: в первой части Имай, затем Эмод, Паропамиз, Цирций, Хамбады, Париадры, Хаотр, Ореги, Ороанды, Нифагы, Тавр и в самой высокой части Кав-

каз. Там, где они отсылают от себя отроги, то и дело стараясь коснуться морей, их называют Сарпедоном, Корацезией, Крагом и опять Тавром.

(99) Там, где они расступаются и делаются доступными для людей, горы сохраняют свое единство, называясь горными проходами:

здесь Армейским, там Каспийским, там Киликийским. И даже изломанные и убегающие от морей, они носят многие имена то здесь, то там живущих народов: справа Гирканские, Каспийские, слева Париадрские, Мосхийские, Амазонские, Коракские, Скифские, а все в целом по-гречески Керавнские.

Книга VI

(1) Между Европой и Азией разливается Понт Евксинский, называвшийся раньше Аксинским из-за негостеприимной свирепости народов, населявших раньше его берега... Океан не довольствовался размывом суши и сносом части ее, увеличив тем пустые пространства; ему мало было ворваться через размытые горы и, оторвав Кальпе от Африки, поглотить гораздо больше земли, чем оставить; мало – влиться через Геллеспонт в Пропонтиду, опять проглотив сушу. От Боспора он снова ненасытно простирается другой громадой, пока выступающее из берегов Меотийское озеро не укротит свою добычу.

(2) Доказательством того, что это происходит вопреки воле земли, служат такое большое число проливов и столь небольшие пространства воды, сопротивляющиеся природе: ширина Геллеспонта 875 шагов; оба Боспора такой ширины, что их могут переплыть быки, откуда название обоих проливов и в разъединении их какая-то тесная связь: с одного берега на другой доносится пение птиц, лай собак и разговор людей, и между двумя частями света можно поддерживать беседу, если только ветер не уносит слова.

(15) Недалеко от Понта расположена область Колика, где, как было сказано раньше, горные хребты Кавказа переходят в Рипейские горы, спускающиеся с одной стороны к Евксинскому и Меотийскому, с другой к Каспийскому, или Гирканскому, морю. Часть побережья занимают дикие племена – меланхлены и кораксийцы. Последние жили возле реки Антемунты в ныне опустевшем колхидском городе Диоскуриаде, некогда настолько известном, что в него, по словам Тимосфена, сходилось 300 народов, говоривших на разных языках. Позднее римляне вели там дела при помощи 130 переводчиков.

(16) Некоторые полагают, что Диоскуриада была основана возницами Кастора и Поллукса Амфитом и Телхием, от которых, как известно, ведут род гениохийцы. За Диоскуриадой, в 70 000 шагах от Севастополя, находится Гераклея. Народы: ахейцы, марды,

керкеты, за ними серы, кефалотомы. В глубине этой области богатейший город Питуй разрушен гениохийцами; за ним сарматское племя энагеритов и в Кавказских горах савроматы.

(17) К ним во время правления императора Клавдия бежал Митридат и рассказал, что с ними по соседству живут таллийцы, область которых на востоке достигает устья Каспийского моря, и что устье высыхает во время морского отлива. А на побережье рядом с керкетами река Икаруза, в 136 000 шагах от Гераклеи город и река Гиер. Далее мыс Крунос, на крутом выступе которого живут торетийцы; в 67 500 шагах от Гиера местечко Синдика, река Сетерия. Расстояние отсюда до начала Киммерийского Боспора 88 500 шагов.

(18) Длина самого полуострова, выступающего вперед между Понтом и Меотийским озером, не больше 67 000 шагов, ширина всюду не меньше 2 югеров. Называют его Эйон. Азиатский и европейский берега Боспора изгибаются в сторону Меотийского озера. Города при входе в Боспор: сначала Гемокасса, затем Кероя Милетская, потом Стратоклия и Фанагория, почти опустевший Апатур и в конце – пролив Киммерик, который раньше назывался Церберийон.

(30) Дальше идет огромный Кавказский горный проход, по ошибке называемый многими Каспийским. Он создан природой благодаря внезапным горным обвалам. Там, где ворота подпираются окованными железом столбами, в середине под ними течет река с ужасным запахом, и для того чтобы помешать проникновению многочисленных народов, с одной стороны на скале построена крепость под названием Кумания. В этом месте, как раз напротив иберийского города Гармаста, ворота закрывают доступ в мир. За Кавказским горным проходом на Гордийских горах живут валлийцы, дикие сванские племена, которые, однако, разрабатывают золотые копи. Позади них, вплоть до Понта, живет много гениохийских, затем ахейских племен. Так обстоит де-

ло с землями, расположенными в глубь от этого залива.

(31) Некоторые писатели сообщают, что между Понтом и Каспийским морем не больше 375 000 шагов. Корнелий Непот считает, что 250 000. Таким небольшим пространством отделяется Азия от Европы. Император

Клавдий передает, что от Киммерийского Боспора до Каспийского моря 150 000 шагов и что Селевк Никатор хотел прокопать этот перешеек, но был в это время убит Птолемеем Керавном. Как известно, от Кавказского горного прохода до Понта приблизительно 200 000 шагов.

Источник: Плиний Старший. Естественная история (фрагменты) // Античная география / Составитель проф. М. С. Боднарский. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1953.

Валерий Флакк

Valerius Flaccus Sentinus Balbus, Caius

Гай Валерий Флакк Сетин Бальб (? – ок. 90), римский поэт. В подражание «Энеиде» Вергилия переработал латинскую версию греческой поэмы Аполлония Родосского «Аргонавтика». При этом Валерий Флакк внес в нее свою интерпретацию некоторых коллизий и прибавил эпизод о походе в Бри-

танию императора Тита Флавия Веспасиана (9–79, римский император в 69–79), которому посвятил свой труд. От поэмы сохранилось 8 неполных книг. Дошедшая до нас часть сочинения Валерия Флакка обрывается на повествовании о том, как аргонавты достигли Дуная.

Валерий Флакк

Аргонавтика

По В. В. Латышеву

Книга VI

XXX (167). (34) Теперь Муза, напომни мне, какую ярость ты в Рипейской земле, какими усилиями Скифию Перс (35) возбудил и кто уповал в битвах на коней и мужей? Впрочем, если бы я имел даже тысячу уст, то не вспомнил бы всех по числу и именам, ибо ни одна страна не богаче этой племенами: хотя меотийская молодежь гибнет в вечных вой-

нах, однако никогда на богатой почве нет недостатка в населении, (40) которое наполняет обеих Медведиц и Огромного Дракона. Анавсий, уже раньше ставший врагом за то, что Медея была обещана в жены албанскому тирану, выслал пылких аланов, за которыми вскоре последовал и сам, и свирепых гениохов.

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1949, № 2.

Публий Папиний Стаций

Publius Papinius Statius

Публий Папиний Стаций (ок. 45–96), древнеримский поэт. Обучался у отца, занимавшегося поэзией и державшего сначала в Неаполе, а затем и в Риме грамматическую школу. Молодой Стаций читал свои произведения на конкурсах-агонах, учрежденных императором Домицианом, и за панегирик во славу побед императора в Германии и Дакии стал лауреатом. Пытался развить эту тему в эпической поэме о войне Домициана с германцами «О Германской войне» («De bello Germanico»), опубликованной в 94 г., но, потерпев фиаско, возвратился в Неаполь, где и умер. Из литературного наследия Стация сохранились: посвященная Домициану поэма «Фиваида» («Thebaid») в 12 книгах на греческий сюжет

«семеро против Фив» (80–92 гг., ок. 9000 стихов); начало поэмы «Ахиллеида» («Achilleid»), в которой поэт замыслил изложить в хронологическом порядке все мифы об Ахилле, но успел описать только его детство; пять сборников написанных по случаю стихотворений «Silvae» (букв. «эскизы, этюды, наброски, импровизации, черновики»): поздравления к рождению, свадьбе, выздоровлению, новоселью, пожелания счастливого путешествия, прославления общественных построек, произведений искусства, соболезнования по поводу кончины человека или смерти любимого попугая и т. п. В эпических произведениях Стаций следовал традиции: здесь многочисленные перепевы Гомера, Еврипида, Ови-

дия, Сенеки, Лукана и особенно Вергилия. В своих интерпретациях Стаций не одинок: в эти же годы с помощью эпической техники «Энеиды» Валерий Флакк (ум. ок. 90) переработал «Аргонавтику» Аполлония Родосского, а Силий Италик (26–101) переложил стихами историю Ливия о второй Пунической войне (поэма «Пуника»). «Сильвы» же Стация, приуроченные к конкретным событиям и изобилующие живыми деталями, историки рассматривают наряду с произведениями Марциала,

Подробнее см.: Тронский М. М. Реакция против “нового” стиля. Стаций // Тронский М. М. История античной литературы. 4-е изд. – М., 1983; Античные писатели. Словарь. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999.

Ювенала и письмами Плиния Младшего как источник сведений об эпохе, ее особенностях, традициях и придворных обычаях при Домициане. То и другое послужило для Данте основанием ставить Стация наравне с Вергилием.

Схолии (толкования, комментарии) к «Фиваидам» Стация, долгое время приписывавшиеся Луцию Цецилию Лактанцию Фирмиану (ок. 250–320/330), ныне отнесены к наследию грамматика и комментатора V–VI вв. Лактанция Плацида.

Стаций

Фиваида

Перевод Ю. А. Шичалина

Книга I

- Братоубийственный бой, и власти черед, оскверненный
лютою ненавистью, и Фивы преступные вывести –
в душу запала мне страсть пиерийская. Песню, богини,
как мне начать? Воспеть ли исток ужасного рода,
оней сидонский увоз и агенорова приказанья
неумолимый закон простор пытавшему Кадму?
Длинная дел череда, коль страх пред Марсом сокрытым
пахаря, кем в борозде ужасной воздвигнута битва,
я прослежу и подробно скажу о песне, какою
10 в стены сойтись повелел Амфион тирийским вершинам;
тяжкая ярость к родным жилищам у Вакха откуда;
в чем состоит юнонина кознь; Афант злополучный
против кого напряг тетиву; почему устремилась
неустрашенная мать в Ионийскую глубь с Палемоном.
Вплоть до сих пор в стороне все горе и счастье Кадма
я бы оставить хотел: эдипова дома бесчинство
песни моей означит рубеж, – раз я не дерзаю
петь италийских значков триумфы¹ в битвах арктийских,
20 дважды униженный Рейн, Истр, дважды законом смиренный,
и с заговорщической скалы низвергнутых даков,
или войну, что отвел от Юпитера чуть повзрослевший,
и, наконец, тебя, честь Лация, признанный славой,
кто подоспел подхватить новизну начинаний отцовых.
- 270 вспять обратив его ход? — Начни же немедля вот с этих
мест, по которым течет проходящей под морем волною
вдаль за своею Алфей устремленный сиканской любовью;
здесь, лишившись стыда, Аркадцы твой храм основали
в проклятом месте, а там — Эномая марсовы оси,
там же и кони его, которым под Гемом у гетов
лучше пастись, и брошенных в прах, погребенья лишенных,
стынут тела женихов до сих пор.

- Множат, вплотную сойдясь, в лицо и вокруг впадин височных
ряд ударов сплошной, — у стрел иль рифейского града
420 вид таков, — и, колено согнув, в живот ударяют.

Книга II

420 ...Когда б держал ты в собрание бисонов
речь иль гелонов среди, под низким бледнеющих солнцем, –
ты говорил бы скромней и почтительнее к беспристрастной
правде. Однако тебя, уличенного в яростной злобе,
я не виню: ты исполнил приказ. Но так как повсюду
вы нам грозите и скиптр не дружбой под сению мира
просите, нет, но взявшись за меч, – иные, чем он мне,
ты передай от меня царю аргосскому речи:
скиптром, который дала справедливая доля, а также
возрасту должная честь, – владею и буду владеть им.

Книга III

Старая долго еще Этеокла нечестье бранила,
страшным, безбожным зовя и суля наказание в грядущем.
Что ей свободу дает? – Приближение смерти, и долгий
век позади, и почет, подобающий поздней кончине.
Все это сеятель звезд разглядел с вершины небесной,
понял, что первой уже налитаны кровью народы,
220 и поспешил Градива призвать. Обильным убийством
опустошив города бисонов и яростных гетов,
тот стремительный бег к эфирным направил твердыням:
шлема блеск оперен перуном; оправленный в золото,
мрачный ужасен доспех, очертаньями див оживленный;
свод под осью гремит, багровеет сияньем кровавым
щит, вступающий в спор с далеко отражаемым солнцем.
Только завидев его, горящего пылом сарматских
подвигов, с помыслами, военною полными бурей, –
молвил Юпитер: “Таким, таким прошествуй по Аргам,
230 чадо, – и с влажным мечом, и сим омрачаемый гневом!
Пусть нерадивых умы возмутятся и, яростью полнясь,
жаждут тебя и тебе безоглядно десницы и души
пусть посвятят.

330 ... Таков возвращается к пастбищам милым
бык после битвы: чужой и своею окрашена кровью
шея, и струи текут по бокам рассеченным к подгрудку,
Но надмевается он утомленною доблестью, гордо
держит побитую грудь: соперник, простертый во прахе,
стонет позорно и тем причиненную боль унимает.
Точно таков и Тидей. Уже города он минует,
что меж Асопом лежат и древними Аргами, – гнев же
прежний не гаснет, и он обстоятельно всем открывает,
как он явился послом от племени греков, о царстве
340 для беглеца Полиника просил, а царь эхионский
злобу, насилие, ночь, коварство, оружие, – вот что
чести взамен предъявил и престол уступить отказался.
Веряют народы всему, их перу могучий оружием
бог укрепил, а Молва удвоенный ужас внушила.
Только вошел во врата (а тогда как раз досточтимый
сам родитель Адраст вождей созывал на собрание),
только предстал и едва косяка дверного коснулся, –
тут же вскричал: «К оружию, мужи! И ты, наилучший
вождь лернейский, коль кровь у тебя от дедов могучих, –
350 к бою оружие готовы! Юпитера, долг и законность

всюду по-разному чтут, – но лучше бы к буйным сарматам
был я отправлен послом иль прибыл к коварному стражу
роцц бебрикийских!

- 420 И между теней, в ночи блуждающих, бог – зачинатель
битв, – и аркадский предел облетев, и немейские пашни,
также и тенарский мыс, и град Аполлона Ферапну, –
звоном оружия всё поражает и, сея смятенье,
полнит любовью к себе: Гнев с Яростью шлем оперяют,
Страх-приспешник коней погоняет, Молва – как дозорный, –
разноголоса трубя, повязавшись пустою тревогой,
пред колесницей летит, подгоняемая крылоногих
храпом коней, и ворчит беспрестанно, и перья смятенья
сеет: кровавым бичом её побуждает возница
- 430 с былью и небыль сказать, а отец с колесницы высокой
яростно скифским копьем ей спину и голову хлещет.

Книга IV

- Множество страхов Молва смутливая нагромождает:
- 370 тот говорит, что вразброс по асопову берегу блуждают
всадники Лерны, другой – но тебе, Киферон вдохновенный,
третий – что взяли Тевмес и во мраке ночном загорелись
от караульных огней Платеи сторожевые.
То же, что пот проступил на ларах тирийских, а Дирка
кровью течет, что родят – уродцев, что вновь говорила
Сфинга в горах, – любому узнать повсюду возможно,
да и увидеть. И страх вдобавок к прежнему новый
мукой стесняет сердца: подхватившись и бросив кошницы,
вдруг в долину бежит хоровода лесного царица
- 380 с кручи Огига; сосны, расщипанной натрое, мечет
скорбно туда и сюда окровавленный свет и, пылая,
вздыбленный ужасом град возбужденными криками полнит:
“Веледержавный отец нисейский, твоя закатилась
к дедову роду любовь! – Под стылой Медведицей ныне
железом железным Исмар воинственный ты сотрясаешь
и виноградным велишь проникнуть лозам к Ликургу;
иль на взбухающий Ганг, иль к недавним Тефии красной
храминам, или в дома восточные пылким триумфом
грянешь, а то, золотой, от Гермовых токов исходишь.
- 390 Мы же, потомство твое, оружие исконное бросив –
празднеств приметы твоих, – войну, и страхи, и слезы,
мерзость привычных бесчинств и дары неправого царства
жертвуем. Лучше бы, Вакх, меня средь вечного снега
ты поместил, унеся за Кавказский хребет, амазонок
распрей гремящий, чем мне о вождах и племени грешном
ужасы молвить: тебе для иных я безумств присягала,
Вакх, – не неволь...”
- 500 Тут, поскольку досель не явились тени, Тиресий
молвил: “Клянусь, о богини, кому сей огонь насыщал я
и над разрытой землей проливал кархесии шуйцей, –
более не потерплю промедленья! Ужели взываю
тщетно? – Появитесь вы, коль велит фессалиянка воплем
буйным иль вас призовет колхидянка, скифской² отравой
напоена, – и, дрожа, побледнеет трепещущий Тартар.

- Ныне же путь свой, лозой освящаемый, он к материнским
правит стенам: бегут без упряжи справа и слева
рыси, а тигры узду, вином увлажненную, лижут.
Следом ликующие мималлонки с добычею мчатся,
660 тащат быков и волков, и медведиц, растерзанных ими.
- 570 Скорбного Лика я зрю; назад занесший десницу,
тело с плеча Эолид отягченного наземь бросает.
- 678 ...по знаку гирканские тигры
вздыбили шерсть, и у пашни он был, едва приказав им.

Книга V

- ...Был образ неложен
сна моего: с обнаженным мечом стояла Венера,
явственно зрима; и мне в сновиденье “Что губите век свой? –
молвит. – Велю от мужей отвратившихся спальни очистить.
Новое пламя зажгу и скреплю иные союзы”.
Проговорив, сей меч, сей – верьте мне – меч положила
140 на покрывало. Почто, когда уже действовать время,
жалкие, медлите вы? Могучими мышцами вспенен
моря простор, и, быть может, грядут бистонские жены”.
Тут разъярились они, и до звезд вознесся великий
воплъ, – как будто кипит амазонским Скифия криком,
и налегают ряды щитолунные³, коим оружие
дарит отец⁴ и жестокой войны отворяет ворота.
- Хоры умолкли, пиров и приятной забавы означив
меру, и стали стихать голоса с наступлением ночи.
Тут-то, пропитан насквозь темнотою родственной Леты,
Стикса росой увлажнен, обреченные кровли объемлет
Сон и тяжелый покой изливает из грозного рога
200 и отделяет мужей; но готовы невестки и жены
к бойне, и сестры, смеясь, изощряют хищные стрелы.
Близко злодейство: своих Эриния, пылом исполнясь,
гонит. По скифским степям не иначе скот окружают
львицы гирканские: их впервые после окота
голод погнал, и сосцов детеныши алчные ищут.
- 340 Стоило весла поднять, – и гладь умолкла морская:
вдруг – нежней лебедей отходящих и фебова плектра –
голос раздался с кормы, и море – само уступало
днищу. И только потом мы узнали: тогда, прислонившись
к мачте, Эагров Орфей запел и, гребцов прерывая
песнею, им позабыть о трудах необъятных позволил.
К скифскому путь их лежал Борею и к берегу моря
ближнего меж Кианей. А мы, увидав и сочтя их
войском фракийцев, к домам побежали с гомоном пестрым, –
сбившимся тесно стадам или снявшимися птицам подобны.
- 390 Так Юпитер сечет снегопадом гиперборейским
зелень полей, и в лугах погибает звериное племя,
падают птицы с небес, урожай полегает под коркой
льда, и грохочут в горах обвалы, и реки ярятся.
- Может быть, вам, о вожди, о простительном роке проступка
хочется знать моего, — клянусь и прахом, и гневом
455 близких: ни воля, ни страсть меня не влекла иноземных

браков вкусить — так хотелось богам, а Иасону любо
новых путами дев оплетать; он ныне кровавый
Фасис присвоил себе и колхидского похоть отродья.

Книга VI

- Амфиарай-великан эбалийских (надежду награды
верную) гонит коней, — от тебя понесенных украдкой,
Киллар, покамест, с тобой у скифского понта расставшись,
Кастор сменил на весло бразды амиклейской упряжки.
330 Сам — белоснежен, ярмо белоснежное выи смиряет,
повязь жреца и шелом — под цвет белоснежному гребню.

- Ринулся строй⁵, единый порог за собой оставляя, —
легкие, смяли простор, и в поле взблестала нагая
стая: по той же стезе крылатые давеча, мнится,
медленней кони неслись; недолго подумать, что мчатся
столько же стрел от парфян убегающих⁶ или кидонцев.
Так быстроногие мчат по гирканским безлюдьям олени,
если послышится рев голодного льва издалёка
600 или почудится: бег ослепленный встревоженных гонит,
страх — собирает, и гром сцепленных рогов раздается.

Книга VII

- Но на пеласгов, войны тирийской первоначала
длящих, Юпитер взирал нисколько не благосклонно
и помавал головой: высокие звезды терзались
гневом его, и Атлас кричал, что на плечи давит.
Быстрому вот что тогда он молвил Тегей питомцу:
“Мчись и самый Борей пронзи стремительным летом,
сзади бистонцев дома и звезды белоснежной оставив
ось, — туда, где огонь паррасиянки кормится, чуждый
вод Океана, от туч непогодных и нашего ливня.
10 Там отложивший копье либо Марс передышку вкушает,
хоть он покою и чужд; либо, думаю, жаждет, насытый,
браней и зовов трубы и тешится кровью народа
милого. Ты же ему изложи повеленья, а также
отчего гнева не скрой: когда еще был он обязан
полк инахийцев разжечь и всё, что Истм срединный
делит и в гневе глухом Малей прибой оглашает.
Там, едва отойдя от родимого града, святыню
юноши чтут и — словно с войны возвратились — усердно
рукоплеща, прилежат раздраженной гробницы обрядам.
20 В том ли, Градив, вся ярость твоя, что, вращаясь, со звоном
диск пролетел и в схватке сошлись эбалийские цесты? —
Нет, коли пыла он полн и безумная жажда оружия
душит его, — пусть бесчинно сотрет безвинные стены,
меч и огонь принеся, и вспомнивших о Громовержце
смертных прострет по земле, оком обезлюдив злосчастный.
Ныне он кроток в войне и о нашем не думает гневе.
Если ж сражения он не начнет и — быстрее, чем приказа
слово — данайскую рать к тирийским стенам не пригонит, —
казнь ужасной грозить не стану: пусть мягким и добрым
30 будет он богом и нрав разнузданный поуспокоит,
мне же и меч, и коней возвратит и не ведает боле
крови, а я — за землей пригляжу, водворяя в народах
мир, — для огиговых битв одной мне Тритонии станет”.

- Так он изрек, – и к фракийским полям устремился Киллений.
Вот он уже проскользнул над порогом двери арктийской:
здесь охватила его извечная полюса стужа,
и облака, небеса затянувшие, и Аквилона
первые вздохи; а слух поражает ударами града
палла, и худо его аркадский убор защищает.
- 40 Тут по бесплодию лесов узнает он капища Марса,
и устрашается взор при взгляде на неукротимый
дом у Гема в тылу, окружаемый сонмом неистовств;
стены – железо крепит, порог – железом обушен
стершийся, и на столбах железных покоится кровля.
Феба сиянье от стен убегает, и, местом испуган,
прячется свет, а пугающий блеск затмевает созвездья.
Стража чертогу подстать: из первых дверей вылетают
ярый Порыв, и Ужас слепой, и багровые Гневы,
и обескровленный Страх; мечи сокрывая. Засады
- 50 рядом стоят, и Раздор двуострое держит железо.
В доме Угрозы гремят без числа, посредине тоскует
Доблесть, весельем кипит Исступленье, и с ликом кровавым
Смерть при оружьи сидит. Алтари орошает Сражений
кровь, и огонь похищен для них в городах подожженных.
Разных доспехи земель – по бокам, а спереди храма –
изображенья племен полоненных; отлиты в железе
сбитых обломки ворот, судов воинственных днища,
и кузова колесниц, а под колесницами – лица
смятые – мнятся, кричат: толикая мощь и такая
- 60 мука во всем. И во всем (но ни разу – с лицом безмятежным)
виделся сам: так вывел его с искусством предивным
Мулькибер, – прелюбодей тогда еще явленной свету
мерзостной связи своей не смывал на опутанном ложе.
Только менальский летун искать хором властелина
начал, как вдруг – задрожала земля, и Гебр роговевший,
воды сломав, взревел; и стадо, пригодное в битве,
пенной меж дрогнувших трав в попираемом поле покрылось,
чуя того, кто грядет: и замкнутые адамантом
вечным, разъялись врата, – сам, кровью красуясь гирканской,
- 70 на колеснице вкатил, окропляя пространные пашни
страшной росой, а за ним – добыча и слезные толпы.
- 172 Где же им трубы снести и Марса, который, бушуя,
вон что готовит! А что, коль твоих он Куретов в сраженье
выведет и повелит непорочным щитами сражаться?
- 470 Фебы холодной лучи и звёзды померкшие ранний
день уташал, и уже Океан воздымался грядущим
светом, и водная гладь, разомкнувшаяся пред Титаном,
новым коней огненосных лучам уже уступала.
Тут – с безумьем в очах, с сединою, посыпанной пеплом,
с ликом бескровным, рукой, от ударов о грудь почерневшей,
ветку оливы неся, оплетенную темною шерстью,
видом ужасным своим Эвмениде старейшей подобна,
в скорбном величии бед из ворот Иокаста выходит.
Дщери с обеих сторон – днесь лучшая поросль – старуху,
- 480 свой торопящую шаг с непосильной поспешностью, держат
под руки. Та, ко врагу подойдя, обнаженною грудью

- бьет в супротивный засов и впустить с дрожащими молит
воплями: “Дайте войти, вас просит преступная мать
этой войны: у чрева сего на стан ваш есть право
страшное”. – Вида ее трепеща, но более – речи,
в ужасе войско молчит. Но вот от Адраста вернулся
вестник: по слову вождя ее пропустили, меж лезвий
путь приоткрыв. А она, воевод увидев ахейских,
ярая в горе своим, ужасающий крик испустила:
- 490 “О арголидская рать! Но кто же меж вами – противник,
мною рожденный? Найду под каким я шеломом, скажите,
сына?” – Кадмейский герой навстречу смятенной выходит
и обретенную мать слезами и радостью полнит,
хочет утешить, обняв, и шепчет “о мать” меж рыданий,
“мать” повторяет и к ней приникает, и следом – к любезным
сестрам, но старая тут умножает рыдания гневом:
“Слез умиленных зачем и ласкающей речи притворство?
Царь аргивский, зачем, обвивая объятьями шею,
ты ненавистную мать к железной груди прижимаешь?
- 500 Ты ли – скиталец, изгой, чужак, вызывающий жалость?
Нет, ты всех поразишь: ведь твоих ожидает приказов
мощная рать, и сотни мечей у пояса блещут.
Горек удел матерей! О тебе ли денно и ночью
плакала я? Но если слова и родных уговоры
чтишь, то покамест войска молчат и пока благочестье
медлит в испуге, – я, мать, и велю, и тебя умоляю:
шествуй со мной и отчих богов, и кровли, пожаров
ждущие, снова узри, и брата – что взор ты отводишь? –
брата о царстве проси, и ныне – я рассужу вас.
- 510 Иль он отдаст, иль меч ты возьмешь по лучшей причине.
Или боишься, что мать – соучастница козни – обманет
сына? – Но всё ж не настоль бежала от наших пенатов
всякая честь: и Эдипу вождю ты довериться мог бы.
Мерзостны брак и потомство мое, но всё же люблю вас –
горе! – и ваши прощать до сих пор я готова безумства.
Если ж стоишь на своем, – тогда мы тебе доставляем
сами триумф: полоненных сестер свяжи и в оковы
вергни меня, и недужный отец приведен непременно
будет к тебе. А теперь обращаюсь я к совети вашей,
- 520 о инахиды: и вы оставили малых и старых
дома, и так же о вас рыдают, – доверьте ж родившей
чадо ее! Коли вам стал он дорог за краткое время
(так пусть и будет!), то сколь он мне, о пеласги, и этим
дорог сосцам! – Своего я добила бы и от гирканских
иль одрисийских царей и любых, кто яростней наших.
Только кивните, – не то я умру, обняв сына,
здесь – в преддверии битв”.

Книга VIII

- ...Все, не колеблясь,
чтимого общей молвой, непорочного отрасль Мелампа,
Фиодаманта кричат, которого к таинствам божьим
- 280 сам приобщил и кого одного для птицегаданий
Амфиарай привык призывать и в толиком искусстве
близким себе без зависти звал и вторым за собою.
Громкий почет тревожит того, он трепещет неожиданной
славы и, перед листвою подносимой склоняясь смиренно,

бремя ему, говорит, не под силу, и просит – заставить.
Так, если отчий престол и страну ахеменский внезапно
отрок получит, кому при живущем отце безопасней
было б, – он радость свою ненадежную страхом смиряет:
290 знать – верна ли, и чернь – не встанет ли на браздодержца;
он, кому и Евфрат подчинен, и каспийские земли,
взяться робеет за лук, на коня отцова страшится
сесть и считает, что он не удержит рукой неумелой
скиптра, что до сих пор он еще не дорос до тиары.

Пред взором его умирающим кручи Тайгета
милого всплыли, бои и в честь матери славные плети.
Федим сражен Иасид из лука диркейским Амиитой:
Парки поспешны, увы! — уже впиваются в пашню
440 Федима пальцы, а лук еще не умолк у Аминты.

570 К коннице легкой сперва устремившись с копьем, он добычу
спутникам передает и к верным отрядам отходит,
выиграв бой. Так лев каспийский во мраке гирканском⁷
(юный и страшной красы не обретший – желтеющей гривы,
и не пролившей еще, невинный, крови обильной)
логова недалеке похищает, коль страж отлучится,
медленный скот и нежной овцой свой глад утоляет.

Книга IX

15 ...Ужель вы сочли, что с гирканскими⁸ бьетесь
тиграми или в поход против львов устремились ливийских?

“Дева, Владычица рощ, чью грозную службу⁹ и знаки
небезопасные чту, свой немощный пол презирая, –
610 и не на греческий лад¹⁰: ни племя живущих сурово
колхов не чтит тебя безупречнее, ни амазонки¹¹...”

Книга X

Как на каспийском берегу тигрица¹², задравшая тучных
телок и буйство свое угасив непомерною кровью,
290 пасть утомив и растерзанных туш сочащейся плотью
вымазав шкуру, глядит на деянья свои и жалеет,
что утолилась алчба, – так жрец блуждает, уставший
от аонийских убийств: ему б оказаться сторуким¹³,
по сто бы дланей иметь в бою; и его удручает
тщетность угроз, и уже он хотел бы, чтоб ожил противник.

820 ...Удрученная горем тигрица¹⁴
так – коль похитят ее детенышей – в скифской пещере
ляжет одна и лижет следы неостывшего камня;
гнева как нет, жестоких зубов и ярость, и алчность
выдохлась; мимо идут бестревожно коровы и овцы:
видит она, но лежит, – для кого сосцы насыщать ей,
иль торопиться к кому, добычу обильную выждав?

Книга XI

Но уже увещанья не более могут
воспламененных смирить и остановить начинанье,
нежели вздыбившийся кручеными волнами Скифский
Понт способен не дать сойтись Кианейским утёсам.

И – увидав, что бессильны мольбы и в бой, воздымая
440 пыль, звонкоступы летят, и безумцев персты проверяют
крепость копейных ремней, – умчался он, всё оставляя –
зятя, воинов, стан и Фивы; и рока указы
чуявшего повернув, погнал Ариона.

Книга XII

Именно так, когда долетит до телиц безмятежных
170 изголодавшийся рык гирканской тигрицы и самый
луг, услышав, задрожит, – во всех разрастается ужас:
кем соблазнится, на чье заплежье набросится алчность?

Тут внезапный порыв отваги неженской являет
Аргия и, позабыв о немощи пола, великий
труд затевает: она — в уповании твердом на гордый
180 подвиг — решает к властям обратиться преступного царства, —
путь, какого жене родопской и снежного дщери
Фасиса¹⁵ не совершить в окружении рати безбрачной.
Хитрость искусно она измыслила, чтобы от верных
спутниц отстать, а суровым богам и правителю злому —
дерзостно жизнь презирая свою в печали великой —
вызов послать, — так чистый огонь любви велит ей.

520 Весть о том, что домой после яростной с племенем скифским¹⁶
битвы вернулся Тесей в колеснице, лавром увитой, —
плески народа несут и радостный к звездам взлетевший
крик, и веселой трубы, сменившей военную, зовы.
Вражье оружие везут – о Маворсе память суровом,
девичьих строй колесниц и грудой – хохлатые шлемы;
сникших ведут скакунов; секиры в зазубринах (ими
рубят обычно леса и застывшую гладь Меотиды),
легкие тулы несут, пояса в самоцветах горящих
и небольшие щиты, залитые кровью владелиц.
530 вопли (подлой толпе не в пример) и мольбы презирают,
лишь любопытствуют, где святыня безбрачной Минервы.
Первая страсть – лицезреть победителя, чью колесницу
белых четверка везет; но не меньше к себе Ипполита
всех привлекает, уже прелестная ликом и брачный
жребий познавшая. Ей, нарушившей строгий обычай
родины¹⁷, жены Афин удивляются, искоса глядя
и откровенно ворча, что волосы блещут, что палла
грудь прикрывает и что иноземка в могучих Афинах –
сына родить супругу-врагу – появиться решилась.

580 “...Разом сей труд соверши для земли, для небес и Эреба,
если ты спас от беды Марафон и критские кровли
и не напрасно лила радушная старика слезы.
Пусть же Паллада тебя ни в одном не оставит сражение,
равным деяниям пусть не завидует с неба Тиринфий,
на колеснице всегда, пусть всегда торжествующим матерь
видит тебя, а несчастий таких да не знают Афины!”
Молвила. Тут же и все ей вслед с умоляющим воплем
руки простерли. Герой нептунов, слезами растроган,
переменился в лице и, праведным гневом вскипая,
590 так вскричал: “Какая еще Эриния новый

норов внушила царям? Ведь я оставлял не такими греков сердца, когда я в поход отправлялся на скифов к снежному морю. Так в чем причина безумья? Ты думал, лютый Креонт, что Тесей побежден? Но я, как и прежде, мощен, и это копье вновь жаждет крови неправой. Медлить не стану, – тотчас звонкоступа, Фегей мой вернейший, повороти и скачи и, явившись в тирийскую крепость, или данайцам костры приготовь, иль Фивам – сражение”.

Ужас ливийской земли, хранящую перси Медузу, распешила сама Тритония, щит сотрясая.
И, распрямившись тотчас, всем строем змеи на Фивы стали взирать, но еще не вступал аттический воин
610 в бой, и трубы боевой не страшилась злосчастная Дирка. Битву немедля начать не юноши лишь загорелись, те, что сопутниками триумфа кавказского¹⁸ были, – вся побуждает страна питомцев неопытных к бою. И собираются, встав добровольно под знамя Тесея, мужи, Браврон ледяной¹⁹ населявшие, и мунийской пашни земли, и Пирей, мореходов тревожных опору, и Марафон, не славный еще восточным триумфом.

“Не щитоносных юниц²⁰, — говорит [Тесей], — ты вызвал в сражение, это не девичья рать, — здесь на смерть сражаются мужи: нами могучий Тидей и нами же буйством дышавший Гиппомедонт умерщвлен, и дух Капанея отправлен к теням. Какое тебя побудило крутое безумье к битве? Но, дерзкий, смотри: лежат, за кого ты отмщаешь!” Эти изрекши слова, вотще запущенным дротом край пробивает щита. Посмеялся речам и деснице
770 грозный Эгид и метнул железом обитое древко в мощном броске, но прежде взгремел горделивою речью Верю, что и Танаис амазонок кострами дымится, тот, где ты воевал, — что и он удостоен триумфа.

Примечания

¹ Избрав темой “Эдипова дома бесчинство”, Стаций, обращаясь к императору Домициану, с подчеркнутым смирением признается, что он не дерзает воспеть ни победы Домициана над северными народами (“в битвах арктийских”), сарматами и каттами, живущими за Рейном (83 г.): ни над даками, обитавшими в Карпатах и на Дунае (Истре), поход против которых Домициан возглавлял лично и с которыми был заключен мирный договор в 89 г.

² Ср. образ Медеи-колдуньи у Овидия (Метаморфозы VII).

³ *Щитолунные* – т. е. с пельтами, щитами серповидной формы, которые носили амазонки.

⁴ *Отец* – Марс, который считался отцом амазонок из-за их воинственности и свирепости; ...и жестокой войны отворяет ворота. – Имеется в виду обычай после объявления войны отворять двери храма Януса. Ср. Вергилий. Энеида VII: 622: “Прочный сломался засов – и двери войны распахнулись”.

⁵ Ср. Вергилий. Энеида V: 316 сл.

⁶ Парфяне часто делали вид, что убегают с поля боя, и этим нарушали строй противника; затем,

резко развернувшись, они его захватывали врасплох. См. об этом у Тацита (Анналы VI: 35), Проперция (III, 9), Лукана (Фарсалия I: 229 сл.).

⁷ *Каспиями* называли народы, живущие на западном побережье Каспийского моря, а гирканами – на южном. Стаций объединяет определения *каспийский* и *гирканский*, исходя из соседства этих народов.

⁸ Сравнение с гирканскими тиграми и львами, отличавшимися особенной свирепостью, обычно в латинской поэзии: Ср. VIII: 572; Ювенал. Сатиры IV: 100; Овидий. Скорбные элегии IV: 6, 5; Гораций. Оды I: 22, 10.

⁹ Т. е. охоту?

¹⁰ Греческие женщины не охотились и не носили оружия.

¹¹ *Колхи* чтит Диану, отождествляя ее с Гекатой, дочерью Персея, царя колхов; *амазонки* чтит Диану и Минерву. Ср. XII: 531.

¹² Ср. XII: 169 сл.; IX: 15 сл.; Вергилий. Энеида IV: 367; Лукан. Фарсалия I: 327 сл.; Сенека. Фест: 707 сл..

¹³ Ср. Вергилий. Энеида X: 565–566.

¹⁴ Ср. Овидий. *Метаморфозы* XIII: 547 сл.; Валерий Флакк. *Аргонавтика* III: 737 сл.

¹⁵ Т. е. амазонке.

¹⁶ Тесей возвращается после битвы с амазонками.

¹⁷ Амазонки не вступали в брак, не причесывали волос и не прикрывали грудь одеждой.

¹⁸ Т. е. победы над амазонками. Ср. IV: 394.

¹⁹ Святилище в Аттике, где почитали привезенный Ифигенией из “ледяной” Тавриды идол Дианы Бравронии. См. Павсаний. *Описание Эллады* I: 23, 7; Аристофан. *Лисистрата*: 645.

²⁰ Т. е. амазонок.

Источник: Стаций. Фиваида / Перевод Ю. А. Шичалина, редакция М. Л. Гаспарова, примечания Е. Ф. Шичалиной. – М.: Наука, 1991.

Публий Корнелий Тацит

Publius Cornelius Tacitus

Публий Корнелий Тацит (55/58–117/120), римский историк, писатель. Родился, предположительно, в знатной семье в южной Галлии. Изучал риторику у Квинтилиана, Марка Апера и Юлия Секунда. На государственную службу поступил при Веспасиане. Был претором (88 г.), квестором (91/92 г.), членом коллегии жрецов, а в 97 г. – консулом. В 89–93 гг. управлял какой-то небольшой провинцией, а в 112/113 г. занимал пост проконсула провинции Азия. Первый литературный опыт Тацита – диалог 77 г. «Об ораторах» («*Dialogus de oratoribus*»), в котором ведущие юристы эпохи Веспасиана обсуждают перемены в риторическом стиле и судебной процедуре, произошедшие со времен Цицерона. В 98 г. Тацит опубликовал биографию Юлия Агриколы («*De vita et moribus Iulii Agricolae*»), который завоевал и в 77–83/84 гг. управлял Британией, но был репрессирован Домицианом и на дочери которого Тацит женился в

77/78 г. К 98 г. относится и публикация трактата Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» («*De origine et situ Germanorum*»). В 98–116 Тацит создал основные свои произведения: «Историю» («*Historiae*» – от смерти Нерона до воцарения Нервы) и «Анналы» («*Annalium ab excessu divi Augusti*» – от смерти Августа до смерти Нерона), составившие римскую историю 14–96 гг.

Из 14 книг «Истории» уцелели I–IV и отчасти V, описывающие гражданскую войну 68–69 гг. и начало осады Иерусалима Титом; из 16 книг «Анналов» – I–VI и не полностью XI–XIV, описывающие правление Тиберия, часть правления Клавдия и большую часть правления Нерона.

На труды Тацита в качестве образца анализа и мотивации исторических процессов опирался английский историк Эдуард Гиббон (1737–1794) при создании своей «Истории упадка и разрушения Римской империи».

Подробнее см.: В. И. Модестов. Тацит и его сочинения. – СПб., 1864; М. Л. Гаспаров. Новая литература о Таците и Светонии // ВДИ, 1964, № 2.

Публий Корнелий Тацит

Анналы

Перевод и примечания А. С. Бобовича

Книга I

10. Другие возражали на это: почтительная любовь к отцу и тяжелое положение государства – не более как предлог; из жажды власти он [Август] привлёк ветеранов щедры-

ми раздачами; будучи еще совсем молодым человеком и частным лицом, он набрал войско, подкупил легионы консула¹, изображал приверженность к партии помпеянцев...

Книга II

3. Итак, они вызывают Артабана, по крови Арсакида, выросшего среди дагов; разбитый в первом сражении, он собирает новые силы и овладевает Парфянским царством. Победенный Вонон укрылся в Армении, которая тогда оставалась без государя и, находясь между могущественными державами парфян и римлян, была в отношении нас ненадежна

вследствие бесчестного поступка Антония, завлекшего под личиной дружбы, затем бросившего в оковы и, наконец, предавшего смерти армянского царя Артавазда. Его сын Артаксий, враждебный нам в память отца, обезопасил себя и свое царство, опираясь на мощь Арсакидов. После того, как Артаксий был предательски убит родичами, Цезарь дал

армянам Тиграна, которого возвел на престол Тиберий Нерон². Но ни царствование Тиграна, ни царствование его детей, соединившихся по чужеземному обычаю в браке и правивших сообща³, не были длительными.

4. Потом, по приказанию Августа, власть над армянами получил Артавазд, который спустя короткое время был свергнут ими не без ущерба для нас. Тогда, чтобы навести порядок в Армении, туда был направлен Гай Цезарь. С согласия и одобрения армян он поставил царем над ними Ариобарзана, родом мидянина, отличавшегося телесною красотой и выдающимися душевными качествами. После того, как его постигла смерть от несчастного случая, армяне не пожелали терпеть царями его детей; испытывали они и правление женщины, которую звали Эрато, но и она была вскоре низложена; и вот, растерянные, и скорее потому, что были лишены государя, чем по свободному выбору, они принимают на царство бежавшего к ним Вонона. Но, так как ему начал угрожать Артабан, — а если бы мы стали его защищать, нам пришлось бы вступить в войну с парфянами, — правитель Сирии Кретик Силан вызвал Вонона к себе и, сохранив ему прежнюю роскошь и царский титул, окружил его стражею. Как поступил Вонон, чтобы снять с себя это бесчестие, мы сообщим в свое время.

5. Неурядицы на Востоке не были, впрочем, неприятны Тиберию: это был хороший предлог, чтобы разлучить Германика с преданными ему легионами и, назначив его правителем новых провинций, сделать его доступным и для коварства, и для случайностей. А Германик, чем большую преданность выказывали ему воины, а неприязнь — дядя, тем упорнее стремился ускорить победу и тщательно вникал в ход сражений и причины всех неудач и успехов, выпавших на его долю за время войны, которую он вел уже третий год. Он видел, что германцы не могут устоять в правильных битвах на подходящей для этого местности; им помогают леса, болота, короткое лето и ранняя зима; в действиях против германцев воины не столько страдают от ран, сколько от больших расстояний, которые им приходится проходить, и от убыли вооружения; Галлия больше не в состоянии поставлять лошадей; длинная вереница обозов уязвима для засад, и охранять ее трудно. Но если отправиться морем, то римлян оно не страшит, тогда как врагам совершенно неизвестно; в этом случае можно раньше начинать военные действия и одновременно с легиона-

ми перевозить необходимое им продовольствие; всадники и лошади, переправленные по устьям и течениям рек, придут свежими в самое сердце Германии.

43. Итак, Тиберий выступил перед сенаторами с изложением всего этого, а также того, что я уже упоминал об Армении, утверждая, что со смутю на Востоке может справиться лишь мудрость Германика; ведь сам он уже в преклонных летах, а Друз еще не вполне достиг зрелого возраста. Тогда сенат вынес постановление, которым Германик назначался правителем всех заморских провинций, располагая, куда бы он ни направился, большею властью, нежели та, какою обычно наделялись избранные по жребию или назначенные по повелению принцепса. Вместе с тем Тиберий отстранил от управления Сирией Кретика Силана, связанного свойством с Германиком, так как дочь Силана была помолвлена с Нероном, старшим из сыновей Германика, и поставил на его место Гнея Пизона, человека неукротимого нрава, не способного повиниться; эту необузданность он унаследовал от отца, того Пизона, который во время гражданской войны своею кипучею деятельностью немало помог в борьбе против Цезаря враждовавшей с ним партии, когда она снова поднялась в Африке, и который, примкнув затем к Бруту и Кассию, после того как получил разрешение возвратиться, упорно воздерживался от соискания государственных должностей, пока его не уговорили принять предложенное ему Августом консульство. Впрочем, помимо унаследованного им от отца духа строптивости, гордыня его находила для себя обильную пищу в знатности и богатстве его супруги Планцины; он едва подчинялся Тиберию, а к детям его относился с пренебрежением, ставя их много ниже себя. Он нисколько не сомневался, что Тиберий остановил на нем выбор и поставил во главе Сирии, с тем чтобы пресечь надежды Германика. Некоторые считали, что и Тиберий дал ему тайные поручения, но не подлежит сомнению то, что августа, преследуя Агриппину женским соперничеством, восстановила против нее Планцину. Ибо весь двор был разделен на два противостоящих друг другу стана, молчаливо отдававших предпочтение или Германику, или Друзу. Тиберий благоволил к Друзу, так как тот был его кровным сыном; холодность дяди усиливала любовь к Германику со стороны всех остальных; этому же способствовало и то, что он стоял выше Друза знатностью материнского рода, имея своим

дедом Марка Антония и двоюродным дедом – Августа⁴. Напротив, прадед Друза Помпоний Атик, простой римский всадник, считался недостойным родословной Клавдиев⁵, да и супруга Германика Агриппина превосходила числом рожденных ею детей и доброю славой Ливию, жену Друза. Впрочем, братья жили в примерном согласии, и распри близких насколько не отражались на их отношениях.

47. В том же году были разрушены землетрясением двенадцать густонаселенных городов Азии, и так как это произошло ночью, бедствие оказалось еще неожиданнее и тяжелее. Не было спасения и в обычном в таких случаях бегстве на открытое место, так как разверзшаяся земля поглощала бегущих. Рассказывают, что осели высочайшие горы; вспучилось то, что было дотоле равниной; что среди развалин полыхали огни. Больше всего пострадали жители Сард, и они же удостоились наибольших милостей со стороны Цезаря, ибо он пообещал им десять миллионов сестерциев и на пять лет освободил от всех платежей, которые они вносили в государственное казначейство или в казну императора. Жители Магнесии, что поблизости от горы Сипил, чей город пострадал почти так же, как Сарды, получили сходное вспомоществование. Было принято постановление освободить на тот же срок от уплаты податей жителей Темна, Филадельфии, Эги, Аполлониды, тех, кого называют мостенцами или македонскими гирканами, а также города Гиерокесарию, Мирину, Киму и Тмол и послать к ним сенатора, который на месте ознакомился бы с их положением и оказал необходимую помощь. Избран был для этого Марк Атей, бывший претор, так как Азией управлял бывший консул; тем самым устранялась опасность соперничества между людьми равного звания, из-за чего могли бы возникнуть нежелательные помехи.

58. Между тем явились послы от парфянского царя Артабана. Он направил их ради того, чтобы они напомнили римскому полководцу о дружбе и договоре и заявили о его, Артабана, желании возобновить прежние связи: стремясь оказать Германику честь, он прибудет, помимо того, к берегам Евфрата; а пока он просит о том, чтобы Вонон не оставался более в Сирии и не подстрекал к смуте вождей парфянских племен, посылая своих людей в близлежащие местности. Германик в достойных словах отозвался о союзе римлян с парфянами, а на сообщение о приезде царя и о

воздании ему, Германику, почестей ответил любезно и скромно. Вонон был удален в Помпейополь, приморский город Киликии. Цезарь сделал это, не только идя навстречу просьбам царя, но и с тем, чтобы задеть Пизона, который был весьма расположен к Вонону, пленившему Планцину многочисленными услугами и подарками.

60. Но Германик, еще не зная о том, что его поездка осуждается принцепсом, отплыл из города Канопы по Нилу. Основали этот город спартанцы, похоронившие здесь корабельного кормчего, прозывавшегося Канопом, что произошло в те времена, когда Менелай, возвращаясь в Грецию, был отброшен бурей в противолежащее море, к земле Ливии. Затем Германик направился в ближайший отсюда рукав реки, посвященный Геркулесу, относительно которого туземные жители утверждают, что он родился в этих местах и является древнейшим их обитателем и что те, кто позднее обладал такою же доблестью, были наречены его именем; посетил Германик и величественные развалины древних Фив. На обрушившихся громадах зданий там все еще сохранялись египетские письмена, свидетельствующие о былом величии, и старейший из жрецов, получив приказание перевести эти надписи, составленные на его родном языке, сообщил, что некогда тут обитало семьсот тысяч человек, способных носить оружие, что именно с этим войском царь Рамсес овладел Ливией, Эфиопией, странами мидян, персов и бактрийцев, а также Скифией и что, сверх того, он держал в своей власти все земли, где живут сирийцы, армяне и соседящие с ними каппадокийцы, между Вифинским морем, с одной стороны, и Ликийским – с другой. Были прочитаны надписи и о податях, налагавшихся на народы, о весе золота и серебра, о числе вооруженных воинов и коней, о слоновой кости и благовониях, предназначавшихся в качестве дара храмам, о том, какое количество хлеба и всевозможной утвари должен был поставлять каждый народ, – и это было не менее внушительно и обильно, чем взимаемое ныне насильем парфян или римским могуществом.

68. В это самое время Вонон, об удалении которого в Киликию я упоминал выше, предпринял попытку перебежать в Армению, чтобы перебраться оттуда к албанам и гениохам и далее к своему родичу царю скифов. Отдалившись под предлогом охоты от моря, он укрылся в чаще горных лесов, а затем, исполь-

зую резвость своего коня, примчался к реке Пираму; но на реке не оказалось мостов, так как, прослышав о бегстве царя, их разрушили местные жители, а переправа через нее вброд была невозможна. На берегу этой реки он и был схвачен Вибием Фронтонем, префектом всадников, и здесь же ветеран Ремий, ко-

торый был прежде приставлен к царю, чтобы за ним надзирать, якобы придя в ярость, пронзил его насмерть мечом. Принимая во внимание все обстоятельства, более вероятно, однако, что, будучи пособником этого преступления, он умертвил Вонона, страшась его показаний.

Книга III

61. Первыми прибыли в Рим эфессцы, говорившие о том, что, вопреки распространенному мнению, Диана⁶ и Аполлон не родились на Делосе; близ их города есть река Кенхрей и роща Ортигия, где Латона, прислонившись к существующей и поныне оливе, разрешилась от бремени этими божествами; по указанию богов, эта роща почитается священной, и в ней, истребив киклопов, спасался от гнева

Юпитера сам Аполлон⁷. Позднее победоносный отец Либер здесь же простил амазонок, которые молили его о пощаде, припав к его жертвеннику⁸. Изволением овладевшего Лидией Геркулеса почитание этого святилища возросло, не умалилось оно и при владычестве персов; сохраняли его македоняне, а затем также и мы.

Книга IV

5. Италию на обоих морях охраняли два флота: один со стоянкой в Мизенах, другой – в Равенне, а ближайшее побережье Галлии – снабженные таранами корабли, захваченные в битве при Акции и посланные Августом с должным числом гребцов в Форум Юлия. Но главные силы составляли восемь легионов на Рейне, являвшиеся одновременно оплотом и против германцев, и против галлов. Недавно умиротворенные испанские области⁹ были заняты тремя легионами. Мавританию римский народ отдал в дар царю Юбе¹⁰. Прочие африканские земли удерживались двумя легионами, столькими же – Египет, а огромные пространства от Сирии и вплоть до реки Евфрата – четырьмя легионами; по соседству с ними властвовали цари иберов и албанов и других народов, ограждаемые от посягновений со стороны пограничных государств нашим величием; Фракией правили Реметалк и сыновья Котиса; на берегах Дуная были размещены два легиона в Паннонии и два в Мезии, столько же находилось в Далмации; вследствие положения этой страны, они могли бы поддержать с тыла дунайские легионы, а если бы Италии внезапно потребовалась помощь, то и туда было недалеко; впрочем, Рим имел собственные войска (три городские и девять преторианских когорт), набираемые почти исключительно в Умбрии и Этрурии, а также в Старом Лации и в древнейших римских колониях¹¹. В удобных местах провинций стояли союзнические триремы, отряды конницы и вспомогательные когорты, по количеству воинов почти равные легионам; впрочем,

точность здесь невозможна, так как, в зависимости от обстоятельств, эти силы перебрасывались с места на место и их численность то возрастала, то падала.

56. А представители Смирны, напомнив о ее древности, основал ли ее сын Юпитера¹² Тантал, или Тесей, который также был божественного происхождения, или одна из амазонок, перешли к тому, на что больше всего рассчитывали, а именно к своим заслугам перед римским народом, так как в помощь ему их город посылал свои корабли не только для войн с внешним врагом, но и для происходивших в самой Италии¹³; они заявили, что первый храм городу Риму был выстроен в Смирне при консуле Марке Порции, когда римский народ уже свершил большие дела, но еще не достиг вершины могущества, потому что все еще стоял город пунийцев и в Азии были могущественные цари. Одновременно они призвали в свидетели Луция Суллу, что, когда его войско из-за суровой зимы и отсутствия теплой одежды оказалось в бедственном положении и об этом было сообщено в народном собрании, все присутствовавшие на нем сбросили с себя плащи и отослали его нашим легионам. Итак, сенаторы, приглашенные высказать свое мнение, предпочли Смирну. И Вибий Марс внес предложение дать Манию Лепиду, которому досталась эта провинция, сверх положенного числа еще одного легата, с тем чтобы возложить на него заботу о храме. И так как Лепид из скромности отказался выбрать его по своему усмотрению, туда был направлен избранный жребием бывший претор Валерий Назон.

Книга VI

31. В консульство Гая Цестия и Марка Сервилия¹⁴ в Рим прибыли знатные парфяне без ведома царя Артабана. Из страха перед Германиком он некоторое время сохранял верность римлянам и справедливо правил своими, но потом стал заноситься пред нами и свирепствовать над соотечественниками, так как преисполнился самоуверенности, проведя удачные войны с окружающими народами. Он пренебрежительно относился к Тиберию, считая, что тот по старости неспособен к войне, и жадно добивался Армении, властителем которой после смерти Артаксия поставил старшего из своих сыновей, Арсака; более того, он нанес римлянам оскорбление, послав своих людей с требованием выдать сокровищницу, оставленную Вононом в Сирии и Киликии, говорил о старых границах персов и македонян, бахвался и угрожая вторгнуться во владения Кира и Александра¹⁵. На отправлении тайного посольства к Тиберию настояли один из наиболее родовитых и богатых парфян Синнак и близкий к нему евнух Абд. Быть евнухом у варваров совсем не позорно, больше того, это ведет к могуществу. Итак, вместе с примкнувшими к ним другими савновниками, не имея у себя ни одного Арсакида, чтобы провозгласить его своим верховным владыкой, ибо большинство из них было истреблено Артабаном, а остальные не достигли еще возмужалости, они просили отпустить к ним из Рима Фраата, сына царя Фраата: необходимы лишь имя и поддержка – пусть потомок Арсака с согласия Цезаря покажется на берегу Евфрата.

32. Это пришлось Тиберию по душе: он снаряжает Фраата и предоставляет ему необходимую помощь для овладения отцовским престолом, верный принятому им правилу – вести дела с чужеземными государствами посредством уловок и хитростей, избегая оружия. Между тем Артабан, проведая о подстроенных ему кознях, то медлит, охваченный страхом, то возгорается жаждою мщения. У варваров медлительность считается рабской чертой, поспешность в действиях – царственной; однако в нем победило благоразумие, и он решил, что для него будет полезнее, прикрывшись личиною дружелюбия, пригласить Абда на пир и обезвредить его медленно действующим ядом, а Синнака связать притворной благосклонностью, подарками и вместе с тем деловыми поручениями. Тем временем Фраат, сменив в Сирии образ жизни, усвоен-

ный за долгие годы пребывания в Риме, на непривычный парфянский уклад, заболел и умер. Но Тиберий не отказался от начатого: теперь он избирает в соперники Артабану Тиридата, происходившего от той же крови, что и Фраат, а для отвоевания Армении – ибера Митридата, которого мирит с царствовавшим в своей стране братом его Фарасманом; во главе всего, что затевалось им на Востоке, он ставит Луция Вителлия. Мне известно, что об этом человеке в Риме ходила дурная слава и что он оставил по себе позорную память, но провинциями он управлял с поистине древнею доблестью. Возвратившись оттуда, он из страха пред Гаем Цезарем и из-за близости к Клавдию впал в гнуснейшее раболепие и слыл у потомков образцом омерзительной лести, так что ранние заслуги его поблекли перед позднейшими подлостями и деяния его молодости запятнала постыдная старость.

33. Первым из этих царьков начал действовать Митридат, побудив Фарасмана помочь его замыслам при помощи вероломства и военной силы, и подысканные люди, соблазнив золотом приближенных Арсака, склонили их к измене. Одновременно иберы вторгаются с большим войском в Армению и овладевают городом Артаксатой. Узнав об этом. Артабан поручает своему сыну Ороду отомстить неприятелю; он дает ему войско парфян и рассылает людей для набора отрядов наемников; Фарасман со своей стороны получает поддержку албанов и поднимает сарматов, скептухи¹⁶ которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой. Но иберы – хозяева этой страны – быстро пропустили по каспийской дороге¹⁷ сарматов, двинувшихся против армян, между тем как сарматы, направлявшиеся к парфянам, были легко отрезаны, так как враг запер все проходы, кроме единственного – между морем и оконечностями албанских гор, воспользоваться которым, однако, препятствовало летнее время, ибо из-за постоянно дующих в одном направлении ветров вода в эту пору заливают низкие берега, тогда как зимой южный ветер гонит ее назад, и, после того как она уйдет в море, обнажается береговая полоса мелководья.

34. Между тем усиленный отрядами союзников Фарасман вызывает на битву не имевшего вспомогательных войск Орода, и так как тот от нее уклоняется, тревожит его, кидается с конницей на его лагерь, препятствует заго-

товке корма для лошадей; и не раз он окружал вражеский стан заставами, как бы облагая его осадой, пока парфяне, не привыкшие к такому бесчеству, не обступили своего царевича и не потребовали, чтобы он повел их в сражение. Но они были сильны только конницей, а Фарасман располагал и хорошей пехотой. Ибо иберы и албаны, обитая в лесистых горах, привыкли к тяжелым условиям существования и поэтому гораздо выносливее парфян; они утверждают, что происходят от фессалийцев, возводя свое происхождение к тому времени, когда Ясон, после того как увез Медею и прижил с нею детей, возвратился в опустевший дворец Эета и к оставшимся без властителя колхам. Они чтут многое, связанное с его памятью, а также святилище Фрикса; и никто из них не принесет в жертву барана, ибо они считают, что Фрикса к ним доставил баран, был ли он живым существом или знаком отличия корабля¹⁸. Итак, после того как оба войска изготовились к бою, парфянский полководец в речи к воинам напомнил о владычестве на Востоке, о славе Арсакидов, о том, что их враг – безвестный ибер с войском наемников; Фарасман же говорил, что, не зная над собой парфянского ига, чем к большому они будут стремиться, тем большую славу принесет им победа, а если обратятся в бегство, то тем больше позора и опасностей навлекут на себя; он указывал при этом на грозный боевой строй своих и на раззолоченные отряды мидян, говоря, что здесь мужи – там добыча.

35. Но сарматов воодушевила не только речь полководца: они сами убеждают друг друга не допустить, чтобы их осыпали стрелами: это необходимо предупредить стремительным натиском и рукопашною схваткой. Отсюда – несхожая картина в войсках обоих противников: парфянин, приученный с одинаковой ловкостью насакивать и обращаться вспять, рассыпает свои конные части, дабы можно было беспрепятственно поражать врага стрелами, а сарматы, не используя луков, которыми владеют слабее парфян, устремляются на них с длинными копьями и мечами, и враги то сшибаются и откатываются назад, как это обычно в конном бою, то как в рукопашной схватке теснят друг друга напором тел и оружия. И вот уже албаны и иберы хватают парфян, стаскивают их с коней, заставляют биться в неравных условиях, ибо сверху на них обрушивали удары всадники, а снизу поражали не отстававшие от них пехотинцы.

В разгаре боя Фарасман и Ород, которые сражались среди передовых и бросались на помощь дрогнувшим и поэтому были заметны, узнают друг друга; с громким боевым кличем они устремляются с оружием один на другого, и Фарасман, упредив противника, рассек шлем Орода и нанес ему рану. Но, увлеченный вперед конем, он не смог повторить удар, и храбрейшие из воинов успели заслонить раненого; поверив, однако, ложной вести о его гибели, парфяне пришли в замешательство и уступили победу врагу.

36. После этого Артабан со всеми силами своего царства выступил отомстить противнику. Благодаря знанию местности иберы сражались успешнее парфян, но он не отстал бы от них, если бы не Вителлий, который, стянув легионы и распространив слух, что собирается вторгнуться в Месопотамию¹⁹, устранил его угрозой войны с римлянами. С оставлением Артабаном Армении пришел конец и его могуществу, так как Вителлий подстрекал парфян покинуть царя, свирепствующего над ними в мирное время и неудачными битвами обрекающего их гибели. И вот Синнак, о враждебности которого к Артабану я упоминал выше, склоняет к измене ему своего отца Абдагеза и некоторых других, затаивших и ранее такой умысел и теперь решившихся осуществить его вследствие непрерывных поражений царя: понемногу к ним примыкают все, кто повиновался царю больше из страха, чем из привязанности, и, после того как нашлись зачинщики, набрался решимости. И у Артабана никого не осталось, кроме телохранителей-чужеземцев, утративших родину, у которых не существует ни понимания добра, ни отвращения к злу, которые кормятся тем, что им платят, и за плату готовы на преступление. Взяв их с собою, он поспешно бежал в отдаленные и сопредельные Скифии места в надежде на то, что там ему будет оказана помощь, так как был связан родством с гирканами и карманиями, а также и на то, что парфяне, воздающие справедливость только своим отсутствующим властителям и мятежные, когда те рядом с ними, еще обратятся к раскаянию.

37. Между тем Вителлий, так как Артабан бежал из страны и народ проявлял готовность заменить его новым царем, убеждает Тиридата использовать представившиеся возможности и ведет к берегу Евфрата отборную силу легионов и союзников...

41. Тогда же подвластный каппадокийцу Архелаю народ клитов²⁰, так как его заставляли по принятому в наших провинциях обыкновению подвергнуться цензу и вносить подати, ушел в Таврские горы и там благодаря условиям местности успешно оборонялся от невоинственных царских войск, пока легат Марк Требеллий, присланный наместником Сирии Вителлием с четырьмя тысячами легионеров и отборными вспомогательными войсками, не окружил осадными сооружениями два холма, на которых засели варвары (меньший из них называется Кадра, другой – Давара), и не вынудил силой оружия к сдаче дерзнувших на попытку прорваться и, отрезав воду, – всех остальных. А Тиридат между тем с согласия парфян принял под свою руку Никефорий и Анфемусию и несколько других городов, которые, будучи основаны македонянами, носят греческие названия, а также Гал и Артемиту, исконные города парфян, и это было радостно встречено всеми, кто проклинал жестокость выросшего в Скифии Артабана и надеялся на мягкий нрав получившего римское воспитание Тиридата.

44. Опытный в искусстве царствовать, Артабан сразу почувствовал, что, если они лгут, распинаясь в любви, то ненависть их во всяком случае непритворна. Итак, промедлив не дольше, чем было необходимо, чтобы вызвать на помощь скифов, он торопится выступить, дабы не дать врагам применить военные хитрости, а друзьям раскаться в принятом ими

решении; и он не снял своего рубища, чтобы привлечь к себе простой народ состраданием к его участи. Ни обман, ни просьбы – ничего не было им упущено, лишь бы сманить колеблющихся и внушить бодрость готовым примкнуть к нему. Он уже приближался с крупными силами к окрестностям Селевкии, а Тиридат, одновременно потрясенный молвою о нем и тем, что он уже рядом, все еще не решил, что ему предпринять: пойти ли Артабану навстречу или затянуть войну выжиданием. Те, кому были по душе битвы и стремительность в действиях, утверждали, что разрозненные и истомленные длительностью похода недавние предатели и враги Артабана, теперь снова поддерживающие его, еще недостаточно укрепились в желании повиноваться ему. Но Абдагез считал, что нужно возвратиться в Месопотамию, дабы, находясь за рекой и подняв между тем в тылу у врага армян, елимеев и другие народы, получить подкрепления от союзников и объединиться с тем войском, которое пришлет римский военачальник, и лишь после этого попытать счастье. Это мнение возобладало, так как Абдагез пользовался наибольшим влиянием и Тиридат страшился опасностей. Но их отступление походило на бегство: после того как этому положило начало племя арабов, уходить домой или в лагерь Артабана начали и остальные, пока Тиридат с немногими спутниками не достиг Сирии, сняв тем самым со всех бесчестье предательства.

Книга XI

8. Около этого времени Митридат²¹, о котором я сообщил, что он правил Арменией и по приказу Гая Цезаря был брошен в оковы²², возвратился по повелению Клавдия в свое царство, рассчитывая на содействие Фарасмана. Этот последний, царь иберов и брат Митридата, сообщал ему, что между парфянами идет распря и при ожесточенной борьбе за престол они пренебрегают менее важными делами. Надо сказать, что Готарз, наряду со многими другими жестокостями, совершил убийство своего брата Артабана, его жены и его сына, и, трепеща перед ним, парфяне призывали Вардана. А тот, склонный к дерзким предприятиям, в два дня преодолевает три тысячи стадиев и прогоняет пораженного неожиданностью и страхом Готарза; не медлит он и с захватом ближайших префектур, и только жители Селевкии не пожелали признать его своим повелителем. Следуя более

гневу против людей, изменивших ранее и его отцу, чем требованиям целесообразности при сложившихся обстоятельствах, он ввязался в осаду неприступного города, хорошо защищенного одновременно и рекою, и стенами и располагавшего обильными запасами продовольствия. Между тем Готарз, получив помощь от дагов и гирканов, возобновляет военные действия, и Вардан, вынужденный отступить от Селевкии, переносит свой лагерь на поля Бактрии.

9. И так как силы Востока были расчленены и оставалось неясным, кто подчинит их своей власти, перед Митридатом открылась возможность занять Армению; римские воины овладевали мощными крепостями, а войско иберов рыскало по полям. И после того как был разбит решившийся на битву префект Демонакт, армяне не выдержали. Некоторое промедление вызвал царь Малой Арме-

нии Котис с несколькими присоединившимися к нему сановниками, но затем и он был укрощен письмом Цезаря, после чего уже все армяне отдались под власть Митридата, выказавшего себя, однако, более жестоким, чем подобало бы только что взошедшему на престол царю. Между тем оба парфянских властителя, готовившиеся к решительному сражению, узнав о направленных против них кознях соотечественников, о чем сообщил брату Готарз, внезапно заключают союз; и, встретившись, нерешительные вначале, они затем протянули друг другу руки и торжественно поклялись перед жертвенником богов отмстить врагам их коварство и прийти к соглашению; и так как Вардан оказался сильнее, он удержал Парфянское царство, а Готарз, дабы устранить возможность соперничества, удалился в Гирканию. По возвращении Вардана в Парфию, на седьмой год после своего отпадения, ему сдается Селевкия, так долго, к стыду для парфян, от них ускользавшая.

10. Затем Вардан посетил важнейшие префектуры; он был полон желания отвоевать Армению и предпринял бы такую попытку, если бы легат Сирии Вибий Марс не грозил ему войною. Между тем, раскаиваясь в уступке царства Вардану и призываемый знатью, для которой подчинение чужой власти особенно тяжело в мирное время, Готарз собирает войско. Противник вышел навстречу к реке Эринду; столкнувшись при переправе че-

рез нее с упорным сопротивлением и разгромив врагов, Вардан после ряда удачных сражений покорил народы, обитавшие между названной рекой и рекой Синдом, которая отделяет дагов от ариев. На этом закончились успехи парфян, ибо, несмотря на победы, они не желали вести войну вдалеке от родины. Итак, установив памятники и начертав на них надписи, возвещавшие о его могуществе и о том, что ни один Арсакид до него не облагал эти племена данью, Вардан возвращается в Парфию, оваянный громкою славой и по этой причине еще более необузданный и несносный для своих подданных. Против него был составлен заговор, и во время охоты его убили, увлеченного ею и ни о чем не подозревавшего. Он был еще совсем молод, но его чтили бы, как немногих из старых годами царей, если бы он столько же думал о снискании любви своих соотечественников, сколько о внушении страха врагам. После убийства Вардана²³ Парфию охватывает смута вследствие разногласий, кого призвать властителем этого царства. Многие склонялись к Готарзу, некоторые отдавали предпочтение Мегердату, потомку Фраата, отданному нам когда-то в заложники. В конце концов одержал верх Готарз; но, завладев царскою властью, он жестокостью и произволом вынудил парфян тайно обратиться к римскому принцепсу с просьбой разрешить Мегердату принять отцовский престол.

Книга XII

14. Но Готарз, еще не вполне собрав войско, отсиживался за рекой Кормой, как за крепостною стеной, и, хотя его вызывали на битву оскорбительными насмешками и посылали к нему гонцов, всячески тянул время, менял стоянки и, заслав своих людей в стан врагов, при помощи подкупа склонял последних к измене. Из их числа Изат, царь Адиабены, и вслед за ним царь арабов Акбар уводят свои отряды с привычным для народов тех стран своеволием, ибо, как показал опыт, варвары более склонны просить из Рима царей, чем жить под их властью. Итак, Мегердат, лишившись значительной части вспомогательных войск и опасаясь предательства со стороны остальных, решается на единственное, что ему оставалось, а именно довериться случаю и попытать счастья в сражении. Не уклонился от него и Готарз, окрыленный ослаблением неприятеля. И вот они сошлись в кровопролитном сражении, протекавшем с переменным успе-

хом, пока Карена, опрокинувшего противостоявших ему врагов и увлеченного их преследованием, не обошли с тыла свежие силы противника. Тогда Мегердат, увидев, что все потеряно, доверился клиенту своего отца Парраку, но был коварно обманут и в оковах выдан победителю. А тот, не признавая в нем ни своего родича, ни Арсакида, но именуя его чужеземцем и римлянином, велит, отрезав пленнику уши, оставить его в живых, дабы выказать этим свое милосердие и нанести нам бесчестье. Вскоре после этого Готарз заболел и умер, и на парфянский престол был призван Вонон, правивший мидянами. На его долю не выпало ни особой удачи, ни особых бедствий – ничего достойного упоминания; царствование его было кратковременным и бесславным, и после него Парфянское государство перешло к сыну его Вологезу.

15. Между тем Митридат Боспорский, который, лишившись трона, не имел и постоян-

ного пристанища, узнает об уходе основных сил римского войска во главе с полководцем Дидием и о том, что в наново устроенном царстве остались лишь неопытный по молодости лет Котис и несколько когорт под начальством римского всадника Юлия Аквилы; не ставя ни во что ни римлян, ни Котиса, он принимается возмущать племена и сманивать к себе перебежчиков и, собрав в конце концов войско, прогоняет царя дандаров и захватывает его престол. Когда это стало известно и возникла опасность, что Митридат вот-вот вторгнется в Боспорское царство, Котис и Аквила, не рассчитывая на свои силы, тем более что царь сираков Зорсин возобновил враждебные действия против них, стали искать поддержки извне и направили послов к Эвнону, правившему племенем аорсов. Выставляя на вид мощь Римского государства по сравнению с ничтожными силами мятежника Митридата, они без труда склонили Эвнона к союзу. Итак, было условлено, что Эвнон бросит на врага свою конницу, тогда как римляне займутся осадой городов.

16. И вот, построившись походным порядком, они выступают: впереди и в тылу находились аорсы, посередине – когорты и вооруженные римским оружием отряды боспорцев. Враг был отброшен, и они дошли до покинутого Митридатом, вследствие ненадежности горожан, дандарского города Созы; было принято решение им овладеть и оставить в нем гарнизон. Отсюда они направляются в земли сираков и, перейдя реку Панду, со всех сторон подступают к городу Успе, расположенному на высоте и укрепленному стенами и рвами; впрочем, его стены были не из камня, а из сплетенных прутьев с насыпанной посередине земель и поэтому не могли противостоять натиску нападавших, которые приводили в смятение осажденных, забрасывая их с возведенных для этого высоких башен пылавшими головнями и копьями. И если бы ночь не прервала сражения, город был бы обложен и взят приступом в течение одного дня.

17. На следующий день осажденные прислали послов, просивших пощадить горожан свободного состояния и предлагавших победителям десять тысяч рабов. Эти условия были отвергнуты, так как перебить сдавшихся было бы бесчеловечной жестокостью, а сторожить такое множество – затруднительно: пусть уж лучше они падут по закону войны; и проникшим в город с помощью лестниц воинам был подан знак к беспощадной резне. Ис-

требление жителей Успе вселило страх во всех остальных решивших, что больше не стало безопасных убежищ, раз неприятеля не могут остановить ни оружие, ни крепости, ни труднодоступные и высокогорные местности, ни реки, ни города. И вот Зорсин после долгих раздумий, поддержать ли попавшего в беду Митридата или позаботиться о доставшемся ему от отца царстве, решил, наконец, предпочесть благо своего народа и, выдав заложников, простерся ниц перед изображением Цезаря, что принесло великую славу римскому войску, которое, одержав почти без потерь победу, остановилось, как стало известно, в трех днях пути от реки Танаиса. Однако при возвращении счастье изменило ему: несколько кораблей (ибо войско возвращалось морем) выбросило к берегу тавров, и их окружили варвары, убившие префекта когорты и множество воинов из вспомогательного отряда.

18. Между тем Митридат, не находя больше опоры в оружии, задумывается над тем, к чьему милосердию он мог бы воззвать. Довериться брату Котису, в прошлом предателю, в настоящем – врагу, он опасался. Среди римлян не было никого, наделенного такой властью, чтобы его обещания можно было счесть достаточно вескими. И он решил обратиться к Эвнону, который не питал к нему личной вражды и, недавно вступив с нами в дружбу, пользовался большим влиянием. Итак, облачившись в подобавшее его положению платье и придав своему лицу такое же выражение, он вошел в покои царя и, припав к коленям Эвнона, сказал: “Пред тобою добровольно явившийся Митридат, которого на протяжении стольких лет на суше и на море преследуют римляне; поступи по своему усмотрению с потомком великого Ахемена – лишь одного этого враги не отняли у меня”.

19. Громкое имя этого мужа²⁴, лицемерие превратностей дел человеческих и его полная достоинства мольба о поддержке произвели сильное впечатление на Эвнона, и тот, подняв Митридата с колен, хвалит его за то, что он предпочел предаться племени аорсов и лично ему, Эвнону, дабы с их помощью испросить примирения. И Эвнон отправляет к Цезарю послов и письмо, в котором говорилось так: “Начало дружбе между римскими императорами и царями великих народов кладется схожестью занимаемого ими высокого положения; но его с Клавдием связывает и совместно одержанная победа. Исход войны только тогда бывает истинно славным, когда она за-

вершается великодушием к побежденным – так и они ничего не отняли у поверженного ими Зорсина. Что касается Митридата, заслужившего более суровое обхождение, то он, Эвنون, просит не о сохранении за ним власти и царства, но только о том, чтобы его не заставили следовать за колесницею триумфатора и он не заплатил своей головой”.

20. Однако Клавдий, обычно снисходительный к чужеземной знати, на этот раз колебался, что было бы правильнее – принять ли пленника, обязавшись сохранить ему жизнь, или захватить его силой оружия. К последнему его толкала горечь нанесенных ему оскорблений и жажда мести; но возникали и такие возражения: придется вести войну в труднодоступной местности и вдали от морских путей; к тому же, цари в тех краях воинственны, народы – кочевые, земля – бесплодна; медлительность будет тягостна, а торопливость чревата опасностями; победа обещает мало славы, а возможное поражение – большой позор. Не лучше ли поэтому удовлетвориться предложенным и оставить жизнь изгнаннику, который, чем дольше проживет в унижении, тем большие мучения испытает. Убежденный этими соображениями, Клавдий ответил Эвнону, что хотя Митридат заслуживает наистрожайшего примерного наказания и он, Клавдий, располагает возможностью его покарать, но так уже установлено предками: насколько необходимо быть непреклонным в борьбе с неприятелем, настолько же подобает дарить благосклонность молящим о ней – ведь триумфы добываются только в случае покорения исполненных силы народов и государств.

29. Тогда же свебы изгнали Ванния, которого поставил над ними царем Цезарь Друз; вначале хорошо принятый соплеменниками и прославляемый ими, а затем вследствие долговременной привычки к владычеству впавший в надменность, он подвергся нападению со стороны возненавидевших его соседних народов и поднявшихся на него соотечественников. Борьбу с ним возглавляли царь гермундуров Вибиллий и сыновья сестры Ванния Вангион и Сидон. Несмотря на неоднократные просьбы Ванния о поддержке, Клавдий не вмешался силой оружия в усобицы варваров, но обещал Ваннию надежное убежище, если он будет изгнан из своего царства, а вместе с тем написал правившему тогда Паннонией Палпеллию Гистру, чтобы он выставил вдоль Дуная один легион и набранные в той же про-

винции отряды вспомогательных войск для оказания помощи побежденным и устрашения победителей, если, подстрекаемые удачей, они попытаются нарушить мир и в наших владениях. Ведь надвигалась несметная сила – лугии и другие народности, – привлеченная слухами о богатстве царской казны, которую за тридцать лет накопил Ванний грабежами и пошлинами. Пехота у Ванния была собственная, конница – из сарматского племени язигов, и поскольку его войска уступали в численности вражеским полчищам, он решил уклоняться от открытого боя и отсиживаться за стенами укреплений.

30. Но не желавшие выносить осаду язиги рассеялись по окрестным полям, и так как их настигли лугии и гермундуры, Ванний оказался вынужденным сразиться. Итак, выйдя из укреплений, он вступил в бой и был в нем разгромлен, но, несмотря на неудачу, снискал похвалу, ибо бросился в рукопашную схватку и был в ней изранен, не показав тыла врагам. И все же ему пришлось бежать к поджидавшему его на Дунае нашему флоту; вскоре за ним последовали туда и его приближенные, и им были отведены земли в Паннонии. Царство Ванния поделили между собой Вангион и Сидон, соблюдавшие по отношению к нам безупречную честность, тогда как их подданные то ли в силу врожденных свойств или тех, которые в них воспитало порабощение, питали к ним, пока они добивались владычества, пламенную любовь и, после того как они добились его, – еще большую ненависть.

41. При консулах Тиберии Клавдии (в пятый раз) и Сервии Корнелии (Орфите)²⁵ поспешили досрочно облачить Нерона в мужскую тогу²⁶, дабы создать впечатление, что он достаточно возмужал и способен заниматься государственными делами. Цезарь охотно внял настояниям раболепствующего сената, предложившего, чтобы Нерону в возрасте неполных двадцати лет было предоставлено консульство, а до принятия им на себя этих обязанностей он располагал проконсульской властью за пределами города Рима и именовался главой молодежи. К тому же было решено раздать от его имени денежные подарки воинам и продовольственные простому народу. На цирковом представлении, данном с целью привлечь к нему благосклонность толпы, он появился в одеянии триумфатора, а Британик – в претексте: пусть народ, видя перед собою одного в убранстве полководца, а другого в детской одежде, в соответствии с этим пре-

дугадает грядущую судьбу их обоих. Вскоре затем были удалены из преторианских когорт, частью на основании вымышленных причин, частью под почетным предлогом повышения в должности, те из центурионов и военных трибунов, которые скорбели об уготованном Британнику жребии; были изгнаны из дворца и сохранявшие верность Британнику вольноотпущенники, причем это произошло в связи со следующим случаем. Однажды, когда Нерон и Британник при встрече обменялись приветствиями, первый обратился ко второму по имени, а тот назвал Нерона Домицием. Агриппина с горькими жалобами сообщает об этом мужу как о свидетельстве начавшейся между сводными братьями розни: с усыновлением Нерона не желают считаться, в лоне семьи отменяется постановленное сенатом, предписанное народом; если своевременно не пресечь вопиющую злонамеренность подстрекателей, она приведет к гибели государства. Встревоженный этими обвинениями, Клавдий обрекает на изгнание или смерть всех наиболее честных и неподкупных воспитателей сына и попечение о нем отдает в руки назначенных мачехой.

44. Вспыхнувшая в том же году война²⁷ между армянами и иберами вызвала крайнюю напряженность и в отношениях римлян с парфянами. Парфянским народом повелевал Вологез, родившийся от гречанки-налож-

ницы и получивший царскую власть по соглашению с братьями: над иберами с давних пор властвовал Фарасман, над армянами, при нашей поддержке, – брат его Митридат. У Фарасмана был сын по имени Радамист; статный, отличавшийся редкою телесною силой, овладевший всеми науками и искусствами, которым обучают на его родине, он был широко известен и среди соседних народов. Радамист слишком часто и горячо сетовал на старость отца, из-за которой скромные пределы Иберского царства остаются неизменными, чтобы снедавшее его честолюбие могло остаться для кого-нибудь тайною. И вот Фарасман, на склоне лет опасаясь охваченного жаждою власти и опирающегося на народную любовь юноши, начинает разжигать в нем иные надежды и указывать на Армению, вспоминая, что после изгнания из нее парфян он сам отдал ее Митридату; впрочем, применение силы следует отложить на будущее, а пока выгоднее прибегнуть к хитрости, чтобы тем легче осилить застигнутого врасплох царя. И Радамист, притворившись, что у него произошла ссора с отцом и он бессилен против гонений мачехи, отправляется к дяде и, принятый им с сердечною ласкою, словно он был его сыном, за спиной Митридата, который ни о чем не догадывался и всячески возвышал его, подстрекает армянских вельмож к государственному перевороту.

Книга XIII

37. Между тем Тиридат, поддержанный не только клиентами, но и братом своим, царем Вологезом, начал тревожить Армению уже не исподтишка совершаемыми набегами, но открытой войною разорял тех, в ком видел приверженцев римлян и, если, против него высылались воинские отряды, уклонившись от встречи с ними, производил то здесь, то там неожиданные налеты, больше сея страх шедшей о нем молвой, чем боевыми делами. И вот Корбулон, долго и тщетно искавший сражения и вынужденный по примеру врагов рассредоточить военные действия, распределяет свои силы между легатами и префектами, с тем чтобы они сразу во многих местах вторглись в Армению. Вместе с тем он склонил царя Антиоха напасть на ближайшие к нему области. Да и Фарасман, умертвив своего сына Радамиста якобы за предательство, старался доказать нам свою преданность и начал решительнее действовать против армян, к которым питал давнюю ненависть. Тогда же впервые

были вовлечены в союз с нами мосхи, и этот народ, и поныне являющийся наиболее верным союзником римлян, устремился в глухую и труднодоступную часть Армении. Таким образом, замыслы Тиридата обернулись против него самого, и он стал направлять к Корбулону послов, чтобы те от его имени и имени парфян спросили римского полководца, на каком основании после недавней выдачи Вологезом заложников и возобновления договора о дружбе, который, казалось, сулил ему новые наши благодеяния, он изгоняется из Армении, давнего своего владения. Да и Вологез еще ничего не предпринял именно потому, что они предпочитают разрешать споры посредством переговоров, а не силой оружия; но, если им навяжут войну, у Арсакидов не будет недостатка ни в доблести, ни в военном счастье, в чем не раз могли убедиться терпевшие от них поражения римляне. В ответ на это Корбулон, знавший, что Вологеза задерживает мятеж в Гиркании, посоветовал Тири-

дату обратиться со своей просьбой к Цезарю: он сможет без кровопролитной войны обеспечить себе прочную власть, если откажется от

слишком далеко заходящих и несбыточных надежд и будет добиваться того, что достижимо и чему следует отдать предпочтение.

Книга XIV

23. После разрушения Артаксаты²⁸ Корбулон решил воспользоваться еще владевшей врагами растерянностью и захватить Тигранакерт, чтобы или, уничтожив его, вселить в них еще больший ужас, или, пощадив, – породить молву о своем милосердии. Он направляется к городу, не производя со своим войском опустошений, чтобы не отнимать надежды на снисхождение, и вместе с тем не забывая о мерах предосторожности, ибо он хорошо знал, как непостоянен этот народ, столь же малодушный в опасности, сколь вероломный при благоприятных для него обстоятельствах. Варвары, смотря по нраву каждого, одни – обращаются к нему с мольбами, другие – покидают свои селения и уходят в глухие места; были и такие, которые вместе со всем, что было для них дороже всего, укрылись в пещерах. Поэтому и римский полководец поступал с ними по-разному: был милостив к вызывающим о пощаде, стремителен в преследовании бегущих и безжалостен к засевшим в убежищах: он закладывает входы и выходы пещер сучьями и валежником и разводит огонь. А когда он проходил мимо пределов мардов, привычные к разбойным набегам и защищенные от вторжения горами, они совершили на него нападение; бросив на них иберов, Корбулон разорил их земли и дерзость врагов отмстил чужой кровью.

24. Сам он и его войско, хоть оно и не понесло потерь от сражений, вынужденные утолять голод одним только мясом, изнемогали от лишений и трудностей; недостаток воды, знойное лето, дальность переходов – все это умерялось лишь терпением полководца, переносившего наравне с рядовым воином те же и даже большие тяготы. Наконец выбрались в обитаемые места и сняли жатву; из двух крепостей, в которых укрылись армяне, одна была взята приступом; тех же, кому удалось отбить первый натиск, вынудили к сдаче осадой. Перейдя затем в область тавравнитов, Корбулон избегнул неожиданной опасности: возле его палатки был схвачен с оружием некий варвар из знатного рода. Под пыткой он раскрыл заговор и его цели, назвался его главой и зачинщиком и выдал своих сотоварищей; и были изобличены и наказаны те, кто под личиной друзей готовил злодейское поку-

шение. Вскоре прибывшие из Тигранакерта послы заявили, что их город открыл ворота и его жители ждут приказаний; при этом в качестве дара гостеприимства они поднесли золотой венец; Корбулон благосклонно принял его, и городу не было причинено никакого ущерба, дабы горожане с тем большей готовностью соблюдали повиновение.

25. Но крепость Легерда, в которой заперлась отважная молодежь, была захвачена не без борьбы: враги осмелились дать битву у ее стен и, загнанные внутрь укреплений, перестали сопротивляться лишь после того, как нами был насыпан осадный вал и наши силою ворвались в крепость. Это было облегчено тем, что парфян связывала война с гирканами. Тогда же гирканы направили к римскому принцепсу посольство с просьбой о заключении с ними союза, указывая как на залог дружбы, что они сдерживают царя Вологеза. Корбулон при возвращении послов дал им охрану, чтобы, переправившись через Евфрат, они не были схвачены вражескими отрядами: их проводили до берегов Красного моря, откуда, избежав пределов парфян, они возвратились на родину.

26. А когда Тиридат, пройдя через земли мидян, вторгся в пограничные с ними пределы Армении, Корбулон вынудил его удалиться и оставить мысль о войне, выслав против него со вспомогательными войсками легата Верулана и поспешив вслед за ним с легионами; опустошив огнем и мечом владения тех, о чьей враждебности к нам он был осведомлен, Корбулон уже держал в своих руках всю Армению, когда прибыл Тигран, избранный Нероном ее властителем; он происходил из каппадокийской знати, был внуком царя Архелая, но длительное пребывание в Риме заложником воспитало в нем рабскую приниженность. Принят он был не всеми с одинаковой готовностью, так как некоторые все еще питали привязанность к Арсакидам; но большинство ненавидело парфян за надменность и предпочитало иметь царя, присланного из Рима. Тиграну дали охрану из тысячи легионеров, двух союзнических когорт и двух отрядов вспомогательной конницы, и чтобы ему было легче удерживать за собою новый престол, определенным частям Армении, смотря

по тому, к чьим землям они примыкали, было велено повиноваться Фарасману, Полемону, Аристобулу и Антиоху. Со смертью Умидия

Квадрата Корбулон отбыл в Сирию, оставшуюся без наместника и отданную ему в управление.

Книга XV

1. Между тем царь парфян Вологез, узнав об успехах Корбулона и о том, что после изгнания брата его Тиридата царем над Арменией поставлен чужеземец Тигран, возгорелся желанием отомстить за поруганное достоинство Арсакидов, но, принимая во внимание вновь возросшую римскую мощь и не решаясь пойти на разрыв заключенного с римлянами навечно мирного договора, колебался, медлительный от природы и к тому же связанный затяжной войной с отпавшим от него сильным народом гирканов. И вот среди этих колебаний его уязвляет весть о новом оскорблении: выйдя за пределы Армении, Тигран разоряет соседний народ адиабенцев, и притом на большем пространстве и дольше, чем если бы то был обычный разбойный набег, и это привело в негодование парфянскую знать: пренебрежение к ним уже дошло до того, что на них нападают не под предводительством римского полководца, а по прихоти недавнего заложника, столько лет проведенного на положении раба. Сверх того, их досаду растревлял правивший адиабенцами Монобаз, который добивался ответа, какой помощи и от кого ему ожидать. Армения отдана неприятелю, теперь он захватывает примыкающие к ней земли, и если парфяне не возьмут под защиту его страну, то им следует помнить, что рабство у римлян легче для сдавшихся, чем для покоренных оружием. Тяготил их и изгнанный из Армении Тиридат, который или молчал, или ограничивался скудными жалобами: большие государства не удерживаются бездельностью, настала пора померяться силами на поле сражения; тот из властителей справедливее, кто могущественнее; оберегать свое – добродетель частного человека, тогда как царская – овладевать чужим.

2. Задетый этими словами, Вологез созывает совет и, предложив Тиридату место рядом с собой, начинает следующим образом: “Так как присутствующий здесь Тиридат, рожденный от того же отца, что и я, будучи моложе меня годами, уступил мне первенство, я отдал ему Армянское царство, которое в нашем роду считается третьей ступенью владычества, ибо мидян ранее принял под свою руку Пакор. Мне казалось, что, вопреки старым распрям и усобицам между братьями²⁹, я упоряд-

дочил как должно наши семейные отношения. Но римляне препятствуют этому и на гибель себе нарушают мир, посягательства на целостность которого неизменно приводили их к поражениям. Не стану отрицать: я предпочитал удерживать приобретения предков, больше опираясь на справедливость, чем проливая кровь, больше основываясь на праве, чем на оружии. И если я повинен в промедлении, то я искуплю его доблестью. Ваша мощь и честь от этого нисколько не пострадали, и вы прославились теперь также и сдержанностью, которая к лицу могущественнейшим властителям и у богов в почете”. И он тут же повязал диадемою голову Тиридата и, отдав под начало знатному мужу Монезу находившийся в боевой готовности сильный конный отряд, который обычно сопровождал царя и к которому он добавил вспомогательные войска адиабенцев, повелел ему изгнать из Армении Тиграна, между тем как сам, прекратив раздоры с гирканами, стягивает основные силы и выступает в поход с этими полчищами, угрожая римским провинциям.

7. К этому же времени послы Вологеза, которых, как я упоминал, он направил к принцепсу, возвратились ни с чем, и парфяне открыто возобновили войну. Не уклоняется от нее и Пет, и с двумя легионами, из которых четвертым в то время начальствовал Фунизулан Веттониан, а двенадцатым – Калавий Сабин, вступает в Армению при дурных предзнаменованиях: на переправе через Евфрат по мосту безо всякой явной причины вышла из повиновения и понеслась назад лошадь, на которой перевозились консульские знаки отличия; находившееся при возведении зимнего лагеря, тогда еще укрепленного только наполовину, жертвенное животное пустилось бежать и выскочило за вал; воспламенились дротики воинов, и это предвещание было тем более знаменательно, что у врагов парфян широко используется метательное оружие.

10. Тогда Пет вызывает двенадцатый легион; но эта мера, которая по его расчету должна была породить слухи об усилении его войска, только выдала его малочисленность. Впрочем, и с такими силами можно было бы отстаивать лагерь и, затянув войну, обмануть надежды парфян, если бы Пет твердо держал-

ся своих собственных или подсказанных ему планов. Но, ободряемый в угрожающих обстоятельствах сведущими в военном деле людьми, он тут же, чтобы не думали, что ему не обойтись без чужих указаний, принимал решения наперекор их советам, и притом худшие. Так и на этот раз он выступил из зимнего лагеря, повторяя, что для борьбы с врагом ему даны не рвы и валы, а люди и оружие, и повел легионы, как бы собираясь сразиться с парфянами. Однако, потеряв центуриона и нескольких воинов, высланных вперед для выяснения численности противника, он в страхе пред ним отступил. Но так как Вологез не очень настойчиво преследовал отходивших, Пет, снова проникшись необоснованной самоуверенностью, поставил три тысячи отборных пехотинцев у ближайшего перевала через Таврские горы, чтобы воспрепятствовать переходу царя, а паннонских всадников, ядро своей конницы, оставил внизу на равнине. Укрыв жену с сыном в крепости, носящей название Арсомасаты, он отрядил для ее защиты союзническую когорту и таким образом разъединил воинов, которые, будь они вместе, увереннее отражали бы беспорядочно продвигавшегося врага. Как говорят, его едва убедили оповестить Корбулона о нашествии неприятеля. Но Корбулон не спешил, считая, что с возрастанiem опасности для попавших в беду возрастает и слава за оказанную им помощь. Тем не менее он распорядился выделить из трех легионов по тысяче пехотинцев, из вспомогательной конницы восемьсот всадников и такое же число воинов из союзнических когорт и всем им приготовиться к выступлению.

26. Перебросив в Сирию четвертый и двенадцатый легионы, казавшиеся малопригодными к боевым действиям, так как своих на-

иболее храбрых воинов они потеряли, а все остальные были подавлены страхом, Корбулон ведет оттуда в Армению шестой и третий легионы, которые не понесли потерь и к тому же были закалены в частых и успешных походах; к ним он присоединяет находившийся в Понте и поэтому не затронутый поражением пятый легион, воинов только что прибывшего пятнадцатого легиона, отборные подразделения из Иллирии и Египта, все бывшие у него под началом конные отряды и когорты союзников и присланные царями вспомогательные войска; эти силы он сосредоточил в Мелитене, откуда собирался переправиться через Евфрат. После принесения по обычаю искупительных жертв он созывает войско на сходку и обращается к нему с торжественной речью, в которой говорит, что они будут сражаться под верховным водительством самого императора³⁰, о своих прошлых деяниях, о том, что в недавних неудачах повинна неумелость Пета, – с твердостью и уверенностью, заменявшими этому доблестному воину красноречие.

31. Покинув наш лагерь, он находит Пако-ра у мидян, а в Экбатане – Вологеза, который не оставлял своим попечением брата, ибо направил к Корбулону особых гонцов, прося огрادی Тиридата от унижений, выпадающих на долю людей подневольных, чтобы у него не отобрали оружия, чтобы правители провинций при встрече с ним не отказывались почтить его поцелуем, чтобы они не принуждали его дожидаться их у дверей и чтобы в Риме ему были оказаны те же почести, какие принято воздавать консулам. Привыкший к собственному чужеземцам пустому тщеславию, он, очевидно, не знал, что у нас дорожат силою власти, но не придают значения внешности.

История

Перевод и примечания А. С. Бобовича

Книга I

2. Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже в мирную пору. Четыре принцепса, погибших насильственной смертью³¹, три гражданские войны³², ряд внешних и много таких, что были одновременно и гражданскими, и внешними³³, удачи на Востоке и беды на Западе – Иллирия объята волнениями³⁴, колеблется Галлия³⁵, Бри-

тания покорена и тут же утрачена³⁶, племена сарматов и свебов объединяются против нас³⁷, растет слава даков, ударом отвечающих Риму на каждый удар³⁸, и даже парфяне, следуя за шутом, надевшим личину Нерона, готовы взяться за оружие³⁹. На Италию обрушиваются беды, каких она не знала никогда или не видела уже с незапамятных времен: цветущие побережья Кампании где затоплены морем, где погребены под лавой и пеплом⁴⁰; Рим

опустошают пожары, в которых гибнут древние храмы⁴¹, выгорел Капитолий, подожженный руками граждан⁴². Поруганы древние обряды⁴³, осквернены брачные узы⁴⁴; море покрыто кораблями, увозящими в изгнание осужденных, утесы запятнаны кровью убитых⁴⁵. Еще худшая жестокость бушует в самом Риме, – все вменяется в преступление: знатность, богатство, почетные должности, которые человек занимал⁴⁶ или от которых он отказался⁴⁷, и неминуемая гибель вознаграждает добродетель⁴⁸. Денежные премии, выплачиваемые доносчикам, вызывают не меньше негодования, чем их преступления⁴⁹. Некоторые из них в награду за свои подвиги получают жреческие и консульские должности⁵⁰, другие управляют провинциями императора⁵¹ и вершат дела в его дворце. Внушая ужас и ненависть, они правят всем по своему произволу. Рабов подкупами восстанавливают против хозяев, вольноотпущенников – против патронов. Если у кого нет врагов, его губят друзья⁵².

6. Положение немощного старика подрывали Тит Виний⁵³, отвратительнейший из смертных, и Корнелий Лакон, ничтожнейший из них; Виния все ненавидели за подлость, Лакона презирали за бездеятельность. Путь Гальбы к Риму был долог и кровав. Погибли – и, как полагали, невинно – кандидат в консулы Цингоний Варрон⁵⁴ и Петроний Турпилиан⁵⁵, бывший консул; их не выслушали, им не дали защитников, и обоих убили, первого – как причастного к заговору Нимфидия, второго – как полководца Нерона. Вступление Гальбы в Рим было омрачено недобрым предзнаменованием: убийством нескольких тысяч безоружных солдат, вызвавшим отвращение и ужас даже у самих убийц⁵⁶. После того как в Рим, где уже был размещен легион, сформированный Нероном из морской пехоты, вступил еще и легион из Испании⁵⁷, город наполнился войсками, ранее здесь не виданными. К ним надо прибавить множество воинских подразделений, которые Нерон набирал в Германии, Британии и Иллирии и, готовясь к войне с албанами⁵⁸, отправил к каспийским ущельям, но вернул с дороги для подавления вспыхнувшего восстания Виндекса. Вся эта масса, склонная к мятежу, хоть и не обнаруживала явных симпатий к кому-либо, была готова поддержать каждого, кто рискнет на нее опереться.

79. У всех мысли были заняты гражданской войной и границы стали охраняться ме-

нее тщательно. Сарматское племя роксоланов, предыдущей зимой уничтожившее две когорты и окрыленное успехом, вторглось в Мезию. Их конный отряд состоял из девяти тысяч человек, опьяненных недавней победой, помышлявших больше о грабеже, чем о сражении. Они двигались поэтому без определенного плана, не принимая никаких мер предосторожности, пока неожиданно не встретились со вспомогательными силами третьего легиона⁵⁹. Римляне наступали в полном боевом порядке, у сарматов же к этому времени одни разбрелись по округе в поисках добычи, другие тащили тюки с награбленным добром; лошади их ступали неуверенно, и они, будто связанные по рукам и ногам, падали под мечами солдат. Как это ни странно, сила и доблесть сарматов заключены не в них самих: нет никого хуже и слабее их в пешем бою, но вряд ли существует войско, способное устоять перед натиском их конных орд. В тот день, однако, шел дождь, лед таял, и они не могли пользоваться ни пиками, ни своими длиннейшими мечами, которые сарматы держат обеими руками; лошади их скользили по грязи, а тяжелые панцири не давали им сражаться. Эти панцири, которые у них носят все вожди и знать, делаются из пригнанных друг к другу железных пластин или из самой твердой кожи; они действительно непроницаемы для стрел и камней, но если врагам удастся повалить человека в таком панцире на землю, то подняться он сам уже не может. Вдобавок ко всему их лошади вязли в глубоком и рыхлом снегу, и это отнимало у них последние силы. Римские солдаты, свободно двигавшиеся в своих легких кожаных панцирях, засыпали их дротиками и копьями, а если ход битвы того требовал, переходили в рукопашную и пронзали своими короткими мечами ничем не защищенных сарматов, у которых даже не принято пользоваться щитами. Многие, которым удалось спастись, бежали в болото, где погибли от холода и ран. После того как весть об этой победе достигла Рима, проконсул Мезии Марк Апоний был награжден триумфальной статуей⁶⁰, а легаты легионов Фульв Аврелий, Юлиан Теттий и Нумизий Луп – консульскими знаками отличия⁶¹. Отон был весьма обрадован, приписал славу этой победы себе и старался создать впечатление, будто военное счастье ему улыбается, а его полководцы и его войска стяжали государство новую славу.

Книга III

5. Апонию Сатурнину⁶² было отправлено письмо с просьбой привести возможно скорее войска из Мезии, – их помощь позволила бы осуществить вторжение в Италию быстро и без потерь. Чтобы лишившиеся защиты провинции не подверглись нападению варваров, вождам сарматских язигов, правившим здешними племенами, предоставили возможность участвовать в войне. Они предложили также привести с собой своих людей и конницу, которая одна лишь и составляет подлинную боевую силу сарматов. Эта их услуга, однако, не была принята из опасения, что они воспользуются гражданской войной в своих целях, а может быть, и перевернутся к тем, кто больше заплатит. Повстанцам удалось привлечь на свою сторону королей свебов Сидона и Италика⁶³. Свебы издавна отличались верностью Риму, и с людьми этого племени легче было договориться, обращаясь с ними не как с подчиненными, а как с союзниками. Один из флангов наступающей армии укрепили вспомогательными отрядами, так как из соседней Реции⁶⁴ можно было ожидать нападения: прокуратор этой провинции Порций Септимин сохранял неколебимую верность Вителлию. После всех этих приготовлений вперед был выслан Секстилий Феликс во главе аурианской кавалерии, восьми пеших когорт и ополчения, состоявшего из молодежи провинции Норик; он получил задание занять берег реки Эн⁶⁵, отделяющей Норик от Реции. Ни сам Феликс, ни противники его не стремились к сражению, и судьбам флавианской партии предстояло решаться далеко от этих мест.

24. В лунном свете Антоний увидел свои легионы, и легионы увидели его. Он обратился к войскам, порицая и стыдя одних, хваля и ободряя других, внушая надежду и раздавая обещания всем. Солдат паннонской армии, он спрашивал, зачем они взялись за оружие, напоминал, что только здесь, на этих полях, могут они смыть с себя позор⁶⁶ и вернуть свою былую славу. “Вы зачинщики войны, – говорил он мезийским войскам. – Зачем вы угрожали вителлианцам, оскорбляли их, вызывали на бой, если теперь не только не имеете сил

выдержать их натиск, но дрожите при одном взгляде на них?” Так обращался Антоний к каждому легиону. Дольше всех говорил он с солдатами третьего, говорил о подвигах былых времен, о недавних победах, напоминая, как под водительством Марка Антония⁶⁷ они разгромили парфян⁶⁸, как вместе с Корбулоном нанесли поражение армянам, как только что разбили сарматов. Еще более суровой и грозной была его речь к преторианцам: “Упустите победу сейчас, и никогда больше вам не видать Рима. Какой император возьмет вас на службу? Какой лагерь откроет вам свои ворота? Вот ваши знамена, вот ваше оружие. Потеряете вы их – и одна только смерть останется вам, ибо позор вы уже испили до дна”. В это время поле загремело от крика: солдаты третьего легиона по обычаю, усвоенному ими в Сирии, приветствовали восходящее солнце⁶⁹.

33. Сорок тысяч вооруженных солдат вломились в город, за ними – обозные рабы и маркитанты, еще более многочисленные, еще более распущенные. Ни положение, ни возраст не могли оградить от насилия, спасти от смерти. Седых старцев, пожилых женщин, у которых нечего было отнять, волокли на потеху солдатне. Взрослых девушек и красивых юношей рвали на части, и над телами их возникали драки, кончавшиеся поножовщиной и убийствами. Солдаты тащили деньги и сокровища храмов, другие, более сильные, нападали на них и отнимали добычу. Некоторые не довольствовались богатствами, бывшими у всех на виду, – в поисках спрятанных кладов они рыли землю, избивали и пытали людей. В руках у всех пылали факелы, и, кончив грабеж, легионеры кидали их, потехи ради, в пустые дома и разоренные храмы. Ничего не было запретного для многоязыкой многоплеменной армии, где перемешались граждане, союзники и чужеземцы⁷⁰, где у каждого были свои желания и своя вера. Грабеж продолжался четыре дня. Когда все имущество людей и достояние богов сгорело дотла, перед стенами города продолжал выситься один лишь храм Мефитис⁷¹, сохранившийся благодаря своему местоположению или заступничеству богини.

Книга IV

4. Муциан тоже прислал сенату письмо, вызвавшее много разговоров. “Если мы имеем дело с частным человеком, – рассуждали сенаторы, – то на каком основании обращается

он к сенату с официальным посланием? Разве не мог он несколькими днями позже сказать то же самое на словах? Запоздалые нападки на Вителлия тоже не свидетельствуют о бла-

городстве, а хвастливое заявление о том, что он, Муциан, держал в своих руках императорскую власть и добровольно даровал ее Веспасиану, непочтительно по отношению к государству и оскорбительно для принцепса". Впрочем, Муциана ненавидели тайно, превозносили явно: после многословных восхвалений ему присудили триумфальные знаки отличия, – как говорилось, за поход против сарматов, на самом деле – за победу в гражданской войне⁷². Консульские знаки отличия получил Прим Антоний, преторские⁷³ – Корнелий Фуск и Аррий Вар. Потом вспомнили и о богах и приняли решение восстановить Капитолий. Все эти меры, одну за другой, предлагал кандидат в консулы Валерий Азиатик⁷⁴, остальные лишь улыбками и жестами выражали свое одобрение. Немногие, либо занимавшие особо почетное положение, либо особо изощренные в лести, заявляли о своем согласии в тщательно составленных речах. Когда очередь дошла до кандидата в преторы⁷⁵ Гельвидия Приска, он произнес речь, в которой, отдав должное заслугам нового принцепса, не сказал ни одного слова неправды. Выступление его вызвало восторг сенаторов. Этот день стал для Гельвидия самым важным в жизни, – с той минуты громкая слава и тяжкие несчастья сопутствовали ему повсюду.

54. Тем временем весть о смерти Вителлия

разнеслась по Галлии и Германии и породила еще одну, новую, войну. Цивилис отбросил теперь всякое притворство и открыто выступил против римского народа. Вителлианские легионы скорее готовы были служить варварам, нежели подчиниться Веспасиану и признать его императором. Среди галлов распространился слух, будто зимние лагеря легионов в Мезии и Паннонии осаждены сарматами и даками⁷⁶ и что дела римлян в Британии обстоят не лучше; галлы вообразили, что судьба повсюду преследует наши войска, и эта уверенность наполнила их сердца радостью. Самое большое впечатление, однако, на них произвел пожар Капитолия. Одержимые нелепыми суевериями, друиды⁷⁷ твердили им, что Рим некогда⁷⁸ был взят галлами, но тогда престол Юпитера остался нетронутым и лишь поэтому империя выстояла; теперь, говорили они, губительное пламя уничтожило Капитолий, а это ясно показывает, что боги разгневаны на Рим и господство над миром должно перейти к народам, живущим по ту сторону Альп. Ходили также слухи, будто знатные галлы, которых Отон отправил воевать против Вителлия, поклялись перед отъездом подняться на защиту свободы, если только они увидят, что непрерывные гражданские войны и внутренние распри подрывают силы римского народа.

Германия

Перевод и примечания А. С. Бобовича

Книга I

1. Германия отделена от галлов, ретов и паннонцев реками Рейном и Дунаем, от сарматов и даков – обоюдною боязнью и горами⁷⁹; все прочие ее части охватывает Океан⁸⁰, омывающий обширные выступы суши и огромной протяженности острова⁸¹ с некоторыми, недавно узванными нами народами и царями, которых нам открыла война⁸². Рейн бе-

рет начало на неприступном и крутом кряже Ретийских Альп и, отклонившись на небольшое расстояние к Западу, впадает в Северный Океан⁸³. Дунай, изливаясь с отлогой и постепенно повышающейся горной цепи Абнобы, протекает по землям многих народов, пока не прорывается шестью рукавами в Понтийское море⁸⁴; седьмой проток поглощается топами.

Примечания

¹ В 44 г. Август переманил к себе на службу IV (Скифский) и XIV (Марсов) легионы, находившиеся ранее в подчинении у Антония.

² Т.е. будущий император Тиберий.

³ Его сына Тиграна IV и его дочери Эрато; ссылаясь на чужеземный обычай, Тацит, по-видимому, имел в виду брак Птолемея и Клеопатры в Египте, Мавзола и Артемисии в Кarii и т. п.

⁴ Мать Германика Антония была дочерью Октавии, сестры Августа и жены Марка Антония.

⁵ Мать Друза Випсания (у Светония она именуется Агриппиной) по материнской линии была внучкой Помпония Атика; Тиберий принадле-

жал к знатному роду Клавдиев, и его брак с правнучкой простого римского всадника считался неравным.

⁶ Здесь и дальше греческие боги названы Тацитом именами соответствующих им римских богов: Артемида – Дианой, Зевс – Юпитером, Дионис – Либером, Афродита – Венерой, Геката – Тривией, Посейдон – Нептуном.

⁷ Как повествует миф, Аполлон, мстя за своего сына Эскулапия, убитого молнией, истребил киклопов, которые ее выковали для Зевса, и этим навлек на себя его гнев.

⁸ По преданию, Эфес был основан амазонками. Версия о том, что Дионис вступил в борьбу с амазонками и привел их к покорности, – местная и в миф о деяниях Диониса не включена. Помимо Тацита, о победе Диониса над амазонками сообщает также Плутарх (Греческие вопросы: 56) и Павсаний (VII: 2, 7).

⁹ В 19 г. н. э., после завершения войны с кантарами и астурами.

¹⁰ Речь идет о Юбе II, сыне царя Нумидии Юбы, побежденного Юлием Цезарем в 46 г. до н. э. при Тапсе.

¹¹ Т.е. там, где искони обитали латины, а также в древнейших колониях (в пределах Италии), введенных римлянами.

¹² Именем римского бога Юпитера Тацит как всегда называет Зевса.

¹³ Речь идет о Союзнической войне (90–88 гг. до н. э.).

¹⁴ 35 г. н.э.

¹⁵ Т.е. владения Кира Старшего, захваченные впоследствии Александром Македонским.

¹⁶ *Скептух* – жезлоносец; вождь, сановник у восточных народов.

¹⁷ Предполагается, вверх по течению Терека, через Дарьяльское ущелье, затем вдоль Арагвы, до ее слияния с Курой, и далее тем путем, который и ныне ведет из Грузии в Армению.

¹⁸ Тацит в этом месте вспоминает широко известный греческий миф о походе аргонавтов за золотым руном.

¹⁹ Т.е. подступить к границам Мидии и Армении.

²⁰ Здесь и в XII: 55 “Анналов” Тацит, как полагают, называет клитами киевцев – племя, обитавшее в западной части Киликии.

²¹ Возобновляя повествование о делах на Востоке, Тацит сообщает о событиях 43 или, возможно, 42 г. н.э.

²² Рассказ об этом содержится в утраченных книгах “Анналов”; о вызове Митридата в Рим и о его содержании под стражей сообщают Дион Кассий (LX: 8) и Сенека Младший (О спокойствии духа: 11); слова “и по приказу Гая” добавлены Ульрихсом (в рукописи здесь незначительный пропуск).

²³ Как считают, в 45 г. н.э.

²⁴ Митридат VII был потомком понтийских Митридатов, считавших себя Ахеменидами на том основании, что их предок был сыном Дария Гистаспа, основателя Персидского государства.

²⁵ В 51 г. н.э.; полное имя Клавдия было Тиберий Клавдий Друз Нерон Цезарь Август Германик; второго консула звали Сервий Корнелий Орфит, и в надписях он так и именуется, тогда как в рукописях “Анналов” он назван неполным именем Сервия Корнелия.

²⁶ В мужскую тогу облачали подростков лишь по достижении ими шестнадцати лет, а Нерону в то время не исполнилось еще и четырнадцати.

²⁷ События на Востоке, о которых Тацит здесь возобновляет рассказ, происходили не в 51, а в 52 или даже в 53 г. н.э.

²⁸ В главах 23–26 Тацит рассказывает, предположительно, о событиях 59 в 60 гг. н.э.

²⁹ Между братьями – речь идет не столько о конкретной борьбе между братьями за парфянский престол, сколько о внутрисемейной борьбе за верховную власть, особенно острой в странах Востока из-за господствовавшей в них полигамии. См. также: Тацит. Анналы IV: 60; XIII: 17.

³⁰ Т.е. Нерона, формально считавшегося верховным главнокомандующим.

³¹ Гальба, Отон, Вителлий, Домициан.

³² Отона с Вителлием, Вителлия с Веспасианом, Домициана с Луцием Антонием – мятежным наместником провинции Верхняя Германия.

³³ В период ранней империи противоречия между рабовладельцами и рабами, между различными группами рабовладельцев, между Римом и провинциями, между империей и варварами переплетаются в один сложный клубок. Соответственно, войны, в которых эти противоречия находили выражение, были “одновременно и гражданскими, и внешними”. Ярким примером такой войны служит восстание Цивилиса, описанное в книгах IV и V “Истории”. Кроме него, Тацит имеет в виду войну, которую Тит вел против мятежной Иудеи, в то время как полководцы Веспасиана сражались с войсками Вителлия за Италию и Рим. Слово “мно-” связано с нередким у римских писателей стремлением к гиперболизации.

³⁴ В Иллирии были расположены легионы, летом 69 г. отпавшие от Вителлия и перешедшие на сторону Веспасиана (см. кн. III). Осенью 68 г. иллирийские легионы предлагали императорскую власть Вергинию Руфу (I: 9).

³⁵ Ряд галльских племен поддержал весной 68 г. восстание Виндекса против Нерона, ряд других примкнул в 69–70 гг. к движению Цивилиса.

³⁶ Покорение Британии, начатое еще в 40-х годах Веспасианом (тогда легатом легиона) и завершенное тестем Тацита Юлием Агриколой в 83 г., стоило Риму больших усилий и жертв. Домициан в 86 г. вывел из Британии стоявший там легион (II Вспомогательный), что позволило местным племенам перейти в контрнаступление.

³⁷ Племенные объединения ираноязычных сарматов в I в. до н.э. проникают на Дунай. В правление Домициана сарматы уничтожили один римский легион (Светоний. Домициан: 6). При том же императоре сарматское племя язигов выступило против римлян в союзе с германским племенем севов, поселенным по соседству от них еще в 19 г. н.э. Друзом Цезарем (Дион Кассий. Римская история: 67, 5). В апреле 92 г. Домициан выступил против сарматов, нанес им сокрушительное поражение и в январе 93 г. вернулся в Рим.

³⁸ *Даки* – союз племен, живших на территории нынешней Румынии. В правление Домициана в 86 г. они разбили войска консуляра Оппия Сабина и нанесли тяжелое поражение выступившим против них легионам под командованием префекта претория Корнелия Фуска (Светоний. Домициан: 6).

³⁹ Нерон ставил своей целью уничтожить традиции и юридические формы, которые хотя бы номинально ограничивали власть императоров, и превратить Рим в деспотию восточного типа. В соответствии с восточными представлениями и верованиями, он воспринимался в провинциях Передней и Малой Азии как неограниченный монарх, царь вселенной, бессмертное божество. Христиане и иудеи ассоциировали его с сатаной, что отразилось в Апокалипсисе. Все это создавало благоприятную атмосферу для самозванцев, использовавших народное недовольство и распространенные в восточных провинциях мессианские настроения и выдававших себя за Нерона, идущего мстить римским императорам. Лженероны появлялись на востоке вплоть до 20-х годов II в. Об одном из них Тацит рассказывает подробно (II: 8). Здесь, скорее всего, имеется в виду Лженерон, появившийся среди парфян около 88 г. Ср.: Светоний. Нерон: 57.

⁴⁰ Извержение Везувия 24 августа 79 г. разрушило города Помпеи и Геркуланум. Кроме того, многие поселения на побережье Кампании были

уничтожены лавой и горячими ливнями, а также затоплены морем, вышедшим из берегов в результате землетрясения, которым сопровождалось извержение.

⁴¹ Рим горел часто. При Флавиях самым крупным был пожар 80 г. (Дион Кассий: 66, 24).

⁴² Во время сражения между легионерами Вителлия и солдатами городских когорт, которыми командовал брат Веспасиана Флавий Сабин зимой 69/70 г. (ср.: III: 71).

⁴³ В правление Домициана за нарушение обета безбрачия были казнены несколько жриц богини Весты (Плиний Мл. Письма, IV, 11; Светоний. Домициан, 8; Дион Кассий, 67, 3).

⁴⁴ Скорее всего, намек на скандальную связь Домициана со своей племянницей Юлией, дочерью императора Тита и женой двоюродного брата Домициана Флавия Сабина. Ср.: Плиний Мл. Письма IV: 11; Светоний. Домициан: 22; Ювенал. Сатиры II: 32–33.

⁴⁵ *Scopuli* – маленькие скалистые острова Средиземного моря, которые римляне часто использовали как место ссылки: Сериф, Гиар, Аморг, Церцина и самые страшные из них – Планазия (между Корсикой и побережьем Этрурии) и Пандатерия (к западу от Кум). Сосланных на острова нередко умерщвляли там по тайному приказу императоров; здесь погибли Агриппина Старшая, внук Августа Агриппа Постум и многие другие.

⁴⁶ Юлий Агрикола, тесть Тацита, попал в 86 г. в опалу, ибо возбудил зависть Домициана тем, что с большим успехом выполнял обязанности наместника в Британии (Агрикола: 39 и сл.).

⁴⁷ Среди обвинений, предъявленных Домицианом Гереннию Сенециону, фигурировало и то, что после квестуры он не стремился к занятию дальнейших магистратур. Сенецион был казнен в конце 93 г. (Дион Кассий: 67, 13).

⁴⁸ Учение о добродетели как высшем и единственном подлинном благе, требовавшее безразличия к богатствам и почестям, таило в себе оппозиционность по отношению к императорам, ибо утверждало внутреннюю свободу и независимость человека от властей вообще, от власти принцепса в частности. Учение это было распространено среди части сенаторов (Гельвидий Приск, Геренний Сенецион, Арулен Рустик и др.), которых Тацит и имеет здесь в виду. Многие из них были казнены: Гельвидий при Веспасиане, Сенецион и Рустик – Домицианом.

⁴⁹ Римское право не знало института государственных обвинителей, и роль эту брали на себя частные лица. Такая система давала возможность каждому, кто желал выделиться, возбуждать судебное дело против какого-либо известного лица, допустившего нарушение закона (или подозреваемого в таком нарушении). Если обвиняемый бывал осужден, сенат мог присудить обвинителю четвертую часть имущества осужденного. Императоры, особенно начиная с Тиберия, широко использовали эту особенность римского права для уничтожения своих политических противников, наиболее видных представителей сенатской аристократии. Спрос вызвал предложение: толпы молодых провинциалов, скупаемых честолюбием, стремлением пробиться, жадой власти и денег избирали этот путь к карьере, не останавливаясь перед клеветой и лжесвидетельством. Многие из них добивались своего и проникали в сенат; люди этого типа составляли там одну из главных опор императорской власти. Трижды консулы (Вибий Крисп), префекты претория (Тигеллин), известные писатели (Силий Италик) нередко выступали в роли доноси-

ков. Тацит с отвращением и ненавистью говорит об этих людях во многих местах своих сочинений.

⁵⁰ Дважды консулами были, например, знаменитые доносчики нероновского и флавианского времени Эприй Марцелл (в 62 и 74 гг.) и Катулл Мессалин (в 73 и 85 гг.). Членом жреческой коллегии квиндецимвиров (и трижды консулом) был не менее знаменитый Фабриций Вейнтон (R. Syme. Tacitus. Vol. II. – Oxford, 1958, appendices 12, 26).

⁵¹ Так, известный при Домициане доносчик Вибий Масса, погубивший, в частности, Геренния Сенециона и особенно ненавистный Тациту (IV: 50), был прокуратором Африки и наместником в Испании. Проконсулом Азии (и очень дельным, – см.: Плиний Мл. Письма III: 7) был упоминавшийся выше Силий Италик.

⁵² Долабеллу, например, оговорил его близкий друг Планций Вар (II: 63); Сорана – его учитель и друг Целер (IV: 10).

⁵³ *Тит Виний Руфин* – легат Гальбы во время наместничества его в Испании, после провозглашения Гальбы императором – его фаворит и ближайший советник (см. прим. 133).

⁵⁴ Цингоний Варрон, кандидат в консулы, написал текст речи, с которой Нимфидий собирался обратиться к преторианцам перед захватом власти (Плутарх. Гальба: 15).

⁵⁵ Публий Петроний Турпилиан, ординарный консул 61 г., в 61–63 гг. легат в Британии. Успешное подавление восстания в этой провинции принесло ему знаки отличия триумфатора и славу полководца, сочетающего военные таланты с дипломатическими. Скорее всего поэтому Нерон назначил его весной 68 г. (вместе с Рубрием Галлом) командовать войсками, высланными против Виндекса.

⁵⁶ Весной 68 г. Нерон, готовясь к войне с Виндексом, сформировал из солдат морской пехоты новый легион (I Флотский, или I Вспомогательный, ср.: II: 43; III: 44). Служба легионеров была более выгодной и почетной, чем служба моряков, и поэтому они обратились к Гальбе при вступлении его в столицу с просьбой подтвердить их новое положение. Тот, усмотрев в этом бунт, бросил на них отряд конницы, а после велел казнить каждого десятого; уцелевшие были заключены в тюрьму (ср.: I: 87; Светоний. Гальба: 12; Плутарх. Гальба: 15).

⁵⁷ VII Гальбанский.

⁵⁸ *Албаны* – кавказский народ, живший по юго-западному побережью Каспийского моря.

⁵⁹ Это был тот самый III Галльский легион, который упоминается в гл. 10. Весной 68 г. он был вызван в Италию (Светоний. Веспасиан: 6) и, проходя через Мезию, принял сражение с сарматами.

⁶⁰ В императорскую эпоху было принято присуждать полководцам, одержавшим важную победу, не триумф как таковой, а лишь “триумфальные знаки отличия”. В их число входила и статуя полководца, которую увенчивали лавровым венком и одевали в одежду триумфатора – пурпурную, расшитую золотом тогу и тунику, украшенную золотыми пальмовыми ветвями. Сам триумф присуждался, как правило, лишь императорам.

⁶¹ Кроме III Галльского, оказавшегося в Мезии случайно, здесь стояли VII Клавдиев и VIII Августов. Фульв Аврелий (дед императора Антонина Пия) был легатом III легиона, Теттий Юлиан командовал VII, Нумизий Луп – VIII. Консульские знаки отличия состояли из тоги с широкой пурпурной полосой по краю и курульного кресла.

⁶² Наместник Мезии.

⁶³ *Свебы* – свефы других авторов. Разместив свефов на придунайских землях, Друз Цезарь посадил

на их престол Ванныя, который за 30 лет правления собрал огромные богатства. Сидон, его племянник, в 49 г. изгнал его и поделил царство со своим братом Вангионом. См. *Анналы* XII: 29–30. *Италик* – скорее всего, сын Вангиона.

⁶⁴ *Реция*, подобно Норик, Корсике и Сардинии, Мавритании, Иудее, входила в число малых императорских провинций, управлявшихся прокураторами.

⁶⁵ Совр. Инн.

⁶⁶ В состав Паннонской армии входили VII Гальбанский легион и XIII Сдвоенный. Подразделение последнего потерпело поражение под Бедриаком в апреле 69 г.

⁶⁷ Марк Антоний (83–31 до н.э.), консул 45 г., триумvir; был одним из доверенных лиц Цезаря и, несмотря на множество проигранных им сражений, считался крупным полководцем. В 49 г. Цезарь доверил ему командование обороной Италии.

⁶⁸ В 36 г. до н.э.

⁶⁹ III легион сражался в Сирии под началом Корбулона (*Анналы* XV: 6) и оставался там до начала гражданской войны. Существовавший у парфян обычай в бою приветствовать восходящее солнце свидетельствуется и другими источниками (Геродиан. История царствования после Марка IV: 15).

⁷⁰ *Чужеземцы* – свевы и сарматы.

⁷¹ *Мефитис* – богиня, защитница от нездоровых испарений земли. Ср. Сервий комментарий к “Энеиде” Вергилия (VII: 84): “Мефитис, собственно, называется зловоние, испускаемое землей под действием воды, содержащей серу... Но всякое зловоние происходит от порчи воздуха, подобно тому как хороший запах от чистого воздуха. Поэтому Мефитис – богиня, охраняющая от вреда, приносимого тяжелым воздухом”.

⁷² Выдвинуть победу в гражданской войне как причину присвоения триумфальных отличий было невозможно: это значило бы, что полководец награждается за уничтожение своих же сограждан. О какой победе над сарматами идет речь, неясно: как явствует из III: 46, Муциан одержал победу над даками.

⁷³ И консульские, и преторские знаки отличия состояли из тоги с широкой пурпурной полосой по

Источник: Cornelii Taciti libri qui supersunt / Iterum ed. E. Koestermann. Vol. I–II. – Lipsiae, 1965–1969;

Tacitus. Germania / Ed. M. Fuhrmann. – Stuttgart 1972; Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах / Подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Пер. и комм. А. С. Бобовича. – М.: Ладомир, 1993.

Децим Юний Ювенал

Decimus Iunius Iuvenalis

Децим Юний Ювенал (50/60 – после 127), римский поэт-сатирик, уроженец Аквина (на юго-востоке Лация). Автор 16 сатир, объединенных в 5 книг (ок. 100–127). За эти произведения был сослан не то в Египет (сатира XV), не то в Британию, где и скончался. Сочинения Ювенала всегда были очень популярны. В европейскую культуру, в историю литературы Ювенал вошел как обобщенный образ поэта-обличителя политического деспотизма и нравственного разложения своего времени. По определению литературных критиков, “Вряд ли слова сатира и сатирический имели

краю, так называемой “тоги претексты” и курульного кресла. Внешняя разница между консулом и претором касалась лишь числа ликторов.

⁷⁴ Сын дважды консула Валерия Азиатика, погибшего в 47 г. по проискам жены императора Клавдия Мессалины (*Анналы* XI: 1–3). В 69 г. он был пропреторским легатом провинции Бельгика, одним из первых перешел на сторону Вителлия и вскоре, помолвившись с его дочерью, стал зятем императора. Он был назначен кандидатом в консулы на 70-й год еще при Вителлии но, по-видимому, умер, не успев вступить в должность (*Corpus Inscriptionum Latinarum* VI: 1528).

⁷⁵ В римском сенате при опросе мнений первыми выступали кандидаты в консулы (поэтому все перечисленные выше предложения и были внесены Валерием Азиатиком), затем – консуляры, т.е. сенаторы, однажды уже занимавшие должность консула, за ними – кандидаты в преторы.

⁷⁶ См. III: 46. Слухи о вторжении в Паннонию не имели оснований.

⁷⁷ Кельтские жрецы. Единство культа, поддерживавшееся друидами на всей территории кельтских племен, тесные связи, их объединявшие, и духовное влияние, которое они оказывали на массы, играли важную роль в сплочении кельтов в единый народ и способствовали их сопротивлению римлянам. Поэтому Клавдий, воспользовавшись тем, что друидическая религия допускала человеческие жертвоприношения, запретил деятельность друидов и подверг их жестокому преследованию. Отношение Тацита к друидизму характерно и напоминает его отношение к иудейской религии, во многом игравшей ту же политическую роль.

⁷⁸ В 390 г. до н.э.

⁷⁹ Т.е. Карпатами.

⁸⁰ Под Океаном Тацит подразумевает Северное и Балтийское моря, так как Скандинавский полуостров вплоть до XI в. считали островом.

⁸¹ Т.е. Ютландский полуостров и Скандинавию (см. прим. 2).

⁸² Вероятно, Тацит имеет в виду поход Тиберия в 5 г. н.э.; Тиберий дошел до берегов нынешнего Каттегата.

⁸³ Т.е. в Северное море.

⁸⁴ Т.е. в Черное море.

язык сделан Д. С. Недовичем (сатиры I-VIII) и 1937 году с обширной вступительной статьей
Ф. А. Петровским (сатиры IX-XVI) и вышел в А. И. Белецкого.

*Подробнее см.: В. С. Дуров. Биография и творчество // Ювенал. Сатиры /
Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского. – СПб., 1984; 1989.*

Ювенал

Сатира III

Перевод Д. С. Недовича

- 80 Тот, кто на крыльях летал, — не мавр, не сармат (neque Sarmata), не фракиец,
Нет, это был человек, родившийся в самых Афинах...
...Такова бедняков уж свобода:
- 300 Битый, он просит сам, в синяках весь, он умоляет,
Зубы хоть целы пока, отпустить его восояси.
Впрочем, опасно не это одно: встречаются люди,
Грабить готовые в час, когда заперты двери и тихо
В лавках, закрытых на цепь и замкнутых крепким засовом.
Вдруг иной раз бандит поножовщину в Риме устроит —
Беглый с Понтинских болот¹, из сосновых лесов галлинарских,
Где, безопасность блюдя, охрану военную ставят;
Вот и бегут они в Рим, как будто бы на живодерню,
Где тот горн, наковальня та где, что цепей не готовят?

Сатира XI

Перевод Ф. А. Петровского

- ... А я опасаюсь
- 130 Гордых гостей за столом, что сравнить меня могут с собою,
Худость мою презирая: ведь нету ни крошки слоновой
Кости у нас — ни игральных костей, ни фишек хотя бы;
Даже ножей черенки — и те не из бивней слоновых.
Впрочем, от этого нет никогда протухших припасов,
И неплохие у нас за столом разрезаются куры.
Правда, не будет таких мастеров разрезанья, которых
Хуже бы лавка была обученных Трифером ученых,
Где под его руководством и вымя свиное, и зайца,
И кабана, и козу, и скифских птиц (Scythicae volucres), и фламинго,
- 140 И гетулийскую лань разрезают тупыми ножами,
Так что по всей по Субуре гремит их обед деревянный.

Примечание

¹ Описка. В оригинале имеем Pomptina palus, то есть речь идет о paludes Pomptinae — Помптинских болотах на побережье Латия, между Цирцеями и Таррациной, наводняемых реками Амасен, Аспгура и Уфент. — А. Г.

Источник: Ювенал. Сатиры / Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского. – СПб., 1984; 1989.

Гай Плиний Цецилий Секунд, Младший

Caius Plinius Caecilius Secundus, Minor

Гай Плиний Цецилий Секунд, Младший (81–96). В конце правления этого императора, разочарованный террором, Плиний отошел от политики. К общественной деятельности вернулся только после смерти Домициана, в правление Нервы (96–98). В 100 или 101 получил консульство от особо чтившего его

императора Траяна (98–117), затем стал членом жреческой коллегии авгуров, а в 111/112 или 112/113 гг. — наместником Вифинии и Понта. После 113 г. сведения о жизни Плиния прекращаются. Плиний Младший прославился как оратор, однако от изданного им сборника речей сохранилась одна, поскольку еще в древности ее поместили первой в сборнике Латинские панегирики. Это речь в честь императора Траяна при вступлении Плиния в должность консула. Однако своим местом в истории литературы Плиний Младший обязан прежде всего своему письменному наследию: 247 писем 97–109 гг. разным историческим лицам, объединенных в 9 книг. Каждое посвящено отдельной теме: жизнь в деревне, болезни домашних рабов, пережитое при из-

вержении Везувия, похороны друга, обременительность публичных поэтических чтений, смерть Марциала, дружба автора с Тацитом, описание своих вилл, жизнь и литературное творчество Плиния Старшего, распорядок дня автора и т. д. Некоторые из них представляют трактаты и литературоведческие труды. В совокупности они воссоздают картину жизни при Траяне. Особую историческую значимость имеет десятая книга писем, изданная после смерти автора и содержащая служебную переписку с императором Траяном периода наместничества Плиния на Понте и в Вифинии. Здесь же помещены ответы императора. Поэтические произведения Плиния Младшего не сохранились.

Подробнее см.: М. Е. Сергеенко. О Плинии Младшем // Письма Плиния Младшего / Пер. и прим. А. И. Доватура, М. Е. Сергеенко, В. С. Соколова. 2-е изд. — М., 198.

Плиний Младший

Панегирик Траяну

Перевод и примечания В. С. Соколова

(12) А теперь снова вернулся ко всем к ним великий страх и рвение исполнять наши приказания. Ведь они видят вождя римлян, одного из тех прежних и древних, которым титул императора присуждался на полях, устланных сраженными врагами, и на морях, взбаламученных победами. Итак, мы опять принимаем заложников, а не выкупаем [своих] и, победив, заключаем условия, не принимая на себя огромных затрат и тяжелых обязательств. Они просят нас, умоляют; мы же или оказываем щедрость, или отказываем в ней и делаем то или другое благодаря могуществу нашей империи; а они благодарят, если добьются своего, не осмеливаются жаловаться, если им было отказано. Да и посмели ли бы они, раз они знают, как ты наступал на отважнейшие народы в то время года, которое для них наиболее благоприятно, а для нас особенно тяжело, когда Дунай холодом соединяет свои берега и, затвердевший ото льда, выдерживает на своей спине движение огромных полчищ, когда дикие племена обороняются не столько оружием, сколько своим климатом и своими созвездиями. Но где только поблизости появлялся ты — обстоятельства словно менялись на обратные: они держались, укрывшись в своих укромных тайниках; наши же отряды воинов радовались тому, что ходили по берегам и, пользуясь с тво-

его разрешения даже неблагоприятными условиями, заставляли варваров почувствовать, что такое зима.

(16) Но тем более достойна восхваления твоя умеренность, что, не насыщаясь военной славой, ты любишь мир и те обстоятельства, что отец твой был удостоен триумфов и что лавровая ветвь была посвящена Юпитеру Капитолийскому в день твоего усыновления, — все это не является для тебя причиной, чтобы ты при всяком случае стремился к триумфам. Ты не боишься войн, но и не вызываешь их. Великое это дело, о августейший император, великое — остановиться на берегу Дуная: ведь если перейти его — верный триумф! Великое дело не стремиться сражаться с врагом, отказывающимся от боя; но последнее есть достижение твоей храбрости, другое — твоей сдержанности. То, что ты сам не хочешь воевать, говорит о твоей умеренности, а то, что не желают этого и твои враги, это говорит о славе твоей храбрости. Увидит теперь, наконец, когда-нибудь Капитолий не бутафорные триумфальные колесницы и не атрибуты вымышленной победы, но императора, украшенного истинной и прочной славой, принесшего всеобщий мир и такие признания покорности со стороны врагов, что в дальнейшем некого будет побеждать. А это прекраснее всех триумфов! Ведь никогда наши победы не

бывали вызваны не чем иным, как пренебрежительным отношением к нашей державе. И если какой-нибудь царь варваров дошел бы до такой безумной дерзости, что заслужил бы твой справедливый гнев, то даже если бы его защищали широкие моря, огромные реки или обрывы и скалы, он все же скоро убедился бы, что все эти средства защиты ничтожны и уступают перед твоей доблестью, так что ему скорее покажется, что или горы осели, или реки высохли, или море перехвачено сушей и что устремились на него не только наши флоты, но и восстала сама земля.

(56) Я полагаю, сенаторы, что вы подметили, что я уже давно говорю без особого разбора. Ведь моей задачей является восхвалять самого нашего принцепса, а не его дела. Ведь и дурные правители делают иногда похвальные дела, сами же заслуживают похвалы только наилучшие правители. Поэтому, о августейший император, нет для тебя другой, большей славы, как та, что прославляющим тебя не приходится о чем-либо умалчивать или что-либо скрывать. Действительно, что произошло при твоём управлении такого, что должен был бы обойти молчанием какой-нибудь оратор? Был ли какой-нибудь факт или момент, за которые тебя не следовало бы благодарить или хвалить? Разве не такого рода вся твоя деятельность, что лучше всего хвалит тебя тот, кто правдивее всего говорит о ней? Поэтому-то моя речь растягивается до бесконечности, а я еще не сказал обо всем, что произошло за два всего года. Как много я уже сказал о твоей умеренности, а сколько еще остается сказать! Например, то, что ты принял на себя второй раз консульство только потому, что его поручил тебе твой принцепс и отец. А после того, как боги передали в твои руки высшую власть и право распоряжаться как всеми делами, так и самим собой, ты отказался от третьего консульства, хотя мог бы провести его в пример всем другим. Великое дело отказаться от почетной должности, но еще более великое – отказаться от славы. Не знаю, чему больше удивляться: тому ли, как ты провел свое консульство, или тому, что ты отказался от консульства. Свое консульство ты провел не в бездействии в столице и не в условиях глубочайшего мира, а среди варварских племен, как обычно те наши герои, которым было по душе сменять претексту на военный плащ и одерживать победы над неведомыми странами. Прекрасно это для нашей империи, похвально для тебя самого, что твои союзни-

ки и друзья могли посещать тебя в своей родной земле, принимать тебя в своих домах. Прекрасное зрелище представлял собой твой консульский трибунал, после многих столетий опять сложенный из земляного дерна и украшенный не только фасциями ликторов, но копьями и военными значками. Величественность восседавшего на этом трибунале возростала еще и от того обстоятельства, что обращавшиеся к нему с просьбами были одеты в разноплеменные одежды и речи их звучали по-разному, редко обходясь без переводчика. Прекрасное дело творить правосудие над своими гражданами, насколько же более прекрасно – судить справедливо иноземцев? Достойно похвалы утверждать прочный мир на римском форуме; насколько же более похвально запечатлевать следы курульного кресла консула – победителя на безбрежных полях битв, пребывать в полной безопасности и спокойствии на грозных берегах Дуная, презирать угрозы варваров и враждебные выпады усмирять не столько оружием, сколько одним видом римских тог. Получилось, что варвары приветствовали тебя не через твое изображение, но лично перед тобой произносили свои приветствия императору, и ты заслужил тем, что подавил врагов своим величием, такую же славу, какую другим присуждали за покорение врагов оружием.

(82) Как не похож он на того [Домициана], который не мог спокойно переносить плавание по тихому Албанскому озеру и даже по заснувшему в тишине Байянскому, не мог слышать ни удара, ни всплеска весел без того, чтобы каждый раз не содрогаться в постыдном страхе. Изолированный от всех звуков и предохраненный от всех толчков, он, находясь в полной неподвижности, ездил на корабле, крепко привязанном к другому кораблю, точно это везли какую-нибудь искупительную жертву. Позорное это было зрелище, когда повелитель римского народа следовал за другим судном, подчинялся другому кормчему, точно корабль его был захвачен в плен неприятелем. Не остались чуждыми этому безобразию и реки: даже Дунай и Рейн тешились тем, что на их волнах видно было такое посрамление римского имени. Не столько приходилось стыдиться за нашу империю потому, что это видели римские орлы, римские знамена, наконец, римские берега, сколько потому, что это наблюдали и берега врагов, тех врагов, у которых вошло в привычку развезжать по этим же рекам, как по студе-

ным от мороза, так и по широко разлившимся по полям, и по быстро текущим в своих берегах, на простых челнах, а подчас и просто вплавь. Я бы не стал чрезмерно восхвалять самое по себе выносливость тела и крепость рук; но если ими управляет дух, которого не смягчит ни снисходительная судьба, не соблазнит к бездействию и к роскоши обилие средств у государя, тогда я стану сам восхищаться и полным жизни телом, окрепшим от трудов и развившимися от упражнения членами, содействовали ли тому восхождения на горы или плавания по морям. Отсюда мне становится ясно, что и издревле супруги богинь и дети богов... не столько славились своими браками, сколько именно таким искусством.

Вместе с тем я думаю, что если таковы развлечения и забавы нашего государя... то как же должны быть серьезны и напряженны его труды, после которых он обращается к такого рода отдыху?! А ведь именно удовольствия и наслаждения лучше всего позволяют судить по их характеру о достоинстве, возвышенности и умеренности каждого человека. Кто же может быть настолько легкомыслен, чтобы в его занятиях не проявилось никакой доли серьезности? Нас выдает характер нашего отдыха. Разве большинство наших государей не сменяли серьезных своих занятий на увлечения пороками, отдавая все свое время азартной игре, сладострастию и роскоши?

Письма

Перевод и примечания М. Е. Сергиенко и А. И. Доватура

Книга IV

11. Плиний Корнелию Минициану привет.

(7) Тут же отправлены понтифики, которые хлопочут около той, которую придется закопать, придется убить. Она, простирая руки то к Весте, то к другим богам, все время восклицала: “Цезарь считает прелюбодейкой меня! я совершала жертвоприношения, и он победил и справил триумф”¹. (8) Говорила она это из угодничества или насмехаясь, из уверенности в себе или из презрения к принцепсу, неизвестно, но говорила, пока ее не повезли на казнь, не знаю, невинную ли, но как невинную несомненно. (9) Даже когда ее спускали в подземелье и у нее зацепилась стола, она обернулась и подобрала ее, а когда палач протянул ей руку, она брезгливо отпрянула, отвергнув этим последним целомудренным жестом грязное прикосновение к своему словно совершенно чистому и нетронутому телу.

Книга VIII

4. Плиний Канинию² привет.

(1) Ты прекрасно делаешь, что собираешься описать дакийскую войну³. Найдется ли тема свежее, богаче, обширнее, поэтичнее и, наконец, при всей своей правдивости, сказочнее? (2) Ты будешь говорить о создании новых рек⁴, о переброске через реки новых мостов⁵, о лагерях, расположившихся на горных крутизнах⁶, о царе, выброшенном из дворца, выброшенном из жизни⁷ и не пришедшем в отчаяние⁸, ты расскажешь о двух триумфах: один справляли впервые над народом, не

знавшим поражений⁹, другой был окончательным.

(3) Есть здесь одна, но величайшая трудность: подобрать для всего этого соответственные слова – это неизмеримый труд даже для твоего таланта, хотя он высоко парит и крепнет в блестящих произведениях. Некоторое затруднение будет и в том, чтобы уложить в греческие стихи варварские, дикие имена¹⁰, прежде всего имя самого царя. (4) Все, однако, можно если не победить, то смягчить искусством и старанием. (5) А кроме того, если Гомеру позволено для гладкости стиха стягивать, расширять и сгибать даже нежные греческие слова, почему не разрешить тебе подобной же смелости, тем более, что это не прихоть, а необходимость? Поэтому, по праву поэтов, призови богов¹¹ и среди богов того самого, чьи подвиги, дела и советы ты собираешься воспеть¹², отпусти канаты, распусти паруса и устремись в путь во весь размах своего таланта. Когда, как не теперь? Почему, в самом деле, не заговорить мне с поэтом поэтическим языком?

Книга X

63. Плиний императору Траяну.

Мне написал, владыка, Ликорма, твой отпущенник, что если из Боспора прибудет посольство, которое направляется в Рим, то его следует задержать до приезда самого Ликормы¹³. До сих пор, по крайней мере, в тот город, где я нахожусь¹⁴, не прибыло никакого посольства, но прибыл письмоносец царя Савромата¹⁵, которого я, пользуясь неожиданной

и счастливой случайностью, решил отправить к тебе с письмоношцем, который опередил Ликорма, чтобы ты имел возможность одновременно из писем Ликорма и царя ознакомиться с тем, о чем одновременно, может быть, тебе следует узнать.

64. Плиний императору Траяну.

Царь Савромат написал мне, что ты должен как можно скорее¹⁶ о чем-то узнать. Поэтому я оказал содействие письмоношцу, которого послал к тебе с письмом, выдав ему подорожную.

67. Плиний императору Траяну.

Посол царя Савромата остановился по своему желанию на два дня в Никее, где застал меня. Я не считал возможным, владыка, задерживать его дольше, во-первых, потому, что было еще неизвестно, когда прибудет твой вольноотпущенник Ликорма, а затем потому, что я сам отправлялся в другую часть провинции по неотложному требованию службы¹⁷.

(2) Я считал необходимым довести это до твоего сведения, потому что недавно писал о просьбе Ликорма ко мне задержать до его приезда посольство, которое может прибыть из Боспора. Я не видел никакого основания

ждать дольше, тем более, что письма Ликорма, задерживать которые, как и сказано раньше, я не хотел, придут, по-видимому, за несколько дней до приезда самого посла.

74. Плиний императору Траяну.

Апулей, владыка, солдат из Никомедийского поста¹⁸, написал мне, что некий Каллидром, которого пытались задержать хлебники Максим и Дионисий, как нанявшегося к ним на работу¹⁹, кинулся к твоей статуе²⁰, а когда его привели к магистратам, показал, что он был когда-то рабом у Лаберия Максима, захвачен был в Мезии Сусагом в плен и отправлен Децебалом в подарок парфянскому царю Пакору²¹, много лет находился у него на службе, а затем бежал и очутился в Никомедии.

Его привели ко мне, и когда он рассказал то же самое, я решил отправить его к тебе, но несколько задержался, разыскивая гемму с изображением Пакора во всем убранстве²², которую, по словам Каллидрома, у него украли. (3) Я хотел, если бы она нашлась, послать ее вместе с ним, как я послал кусочек металла, который он, говорит, унес из парфянских рудников²³. Я запечатал его своим кольцом с изображением четверки лошадей.

Примечания

¹ Домициан в 84 г. отправился в поход против германского племени хаттов, которых несколько потеснил. Серьезная опасность грозила со стороны Дунайской границы, так как дакийские племена объединились под главенством Децебала; римская армия дважды потерпела поражение. В Паннонии и Германии начался ряд неудач. Домициан поторопился заключить мир с Децебалом, обязавшись платить ему дань.

² Каниний Руф – обитатель Комо, друг Плиния. Плиний в некоторых письмах побуждает его заняться литературным трудом.

³ Руф собирался написать на греческом языке эпическую поэму о двух походах Траяна в Дакию против царя Децебала (101–103 и 104–106 гг.); походы были удачными и закончились триумфами.

⁴ Децебал намеревался зарыть в землю свои сокровища и пустить по этому месту отведенную из старого русла реку; изменившие ему люди открыли его замысел Траяну, и это помогло римскому императору завладеть сокровищами (см. Дион Кассий XVII: 11, 14, 4).

⁵ Траян построил большой каменный мост через Дунай (см. Дион Кассий XVIII: 13). Мосты изображены на колонне Траяна.

⁶ О крепостях, расположенных на возвышенностях, упоминает Дион Кассий (XVI: 11, 9, 3), Изображения таких крепостей есть на колонне Траяна.

⁷ Децебал сам лишил себя жизни.

⁸ Имеется в виду длительное сопротивление Децебала римлянам.

⁹ Плиний сознательно игнорирует триумф Домициана над хаттами и даками (см. Светоний. Домициан: 6, 1; Дион Кассий XVIII: 7, 4; 8, 1).

¹⁰ Например, название столицы Децебала – Сармизегетуза.

¹¹ “Илиада” и “Одиссея”, а также “Энеида” начинаются с обращения к музам.

¹² Т. е. Траяна. Так, Вергилий в “Георгиках” (I: 34) и Гораций в “Одах” (III: 5, 2) приветствуют Августа как бога.

¹³ Зачем Ликорма ездил в Боспор? Почему он отважился на просьбу задержать боспорское посольство? Ответов пока нет.

¹⁴ В Никею.

¹⁵ Полное его имя на монетах Тит Юлий Савромат; царствовал в 92–124 гг. Боспорское царство находилось под покровительством Рима и в провинцию обращено не было.

¹⁶ Может быть, дело шло о волнении аланов, которых обязан был усмирять Савромат.

¹⁷ Плиний направлялся из Никей в Юлиополис.

¹⁸ Это были военные посты, стоявшие по городам для их охраны и преследования разбойников и грабителей. Они помогали городской полиции и наместнику в его обязанности “разыскивать святотатцев, разбойников, похитителей людей и воров” (Дигесты 1, 18, 13). Светоний рассказывает, что в начале правления Августа в карцерах (эргастулах) рабовладельческих поместий оказывались наряду с рабами свободные люди, путешественники, схваченные на дороге разбойниками и проданные ими в рабство. Август поэтому распорядился “проверить эргастулы” (Авг.: 32, 1). В Никомедии, столице провинции, стояла военная охрана, набранная не из легионеров, а из вспомогательных войск.

¹⁹ Хлебники хотели, видимо, силой удержать у себя работника.

²⁰ “Прибегать к статуям или изображениям императоров... запрещено... кроме тех случаев, когда под их защиту прибегает человек, заключенный в

тюрьму людьми более сильными” (Дигесты 48, 19, 28, 7).

²¹ *Лаберий Максим* – был дважды консулом: в 89 г. и в 103 г. легатом в Мизии и успешно командовал армией в первую Дакийскую войну. *Вторжение сарматов в Мезию* изображено на колонне Траяна, стоявшей в Риме на его форуме. Письмо это – единственный документ, сообщающий об этом вторжении во время первой войны с даками. *Сусаг* – лицо неизвестное. *Децебал* – царь даков, с которым вел войны Траян. *Пакор* – парфянский царь, умер в 112 г. Каким образом посольство Де-

Источник: C. Plini Caecili Secundi Epistularum libri novem, Epistularum ad Traianum liber, Panegyricus.

Recensuit M. Schuster, edidit tertiam curavit R. Hanslik. Lipsiae, in aedibus B. G. Teubneri, 1958;

Письма Плиния Младшего / Пер. и прим. А. И. Доватура, М. Е. Сергиенко, В. С. Соколова. 2-е изд. – М., 1984.

цебала к Пакору (не одного же Каллидрома посылал Децебал Пакору) могло пройти на берегу Черного моря через места, зависимые от Рима, непонятно. Путешествие Каллидрома приходится на 103–105 гг.

²² О нем дают представление монеты Пакора II.

²³ Драгоценных металлов не было ни в западных, ни в центральных округах Парфянского царства, т. е. в Ираке, Иране и на окраинах Армении. Добывали железо, свинец. Около Нишапура были знаменитые и древние копи, откуда брали бирюзу.

Гай Светоний Транквилл

Caius Suetonius Tranquillus

Светоний (ок. 70 – ок. 140/150), римский писатель. Родился в Риме в семье легионного трибуна из сословия всадников. Окончил грамматическую, а затем риторическую школу, учился и был под покровительством у консула и писателя Плиния Младшего. В 117–122 гг. Светоний, получивший от Траяна сан трибуна, служил при Адриане в императорской канцелярии по ученым делам, осуществляя надзор за публичными библиотеками и исполняя должность советника по переписке. Имея доступ к материалам государственных архивов, Светоний сочинил свои «Жизнеописания цезарей» («De vita caesarum», или «Vitae XII imperatorum» – о цезарях из родов Юлиев-Клавдиев и Флавиев) и издал их с посвящением Септицию Клару, начальнику преторианцев при Адриане. Утрачены титульный лист, посвящение Септицию, предисловие и начало первой книги. Кн. I–VI посвящены императорам династии Юлиев-Клавдиев: Цезарь, Август, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон; кн. VII – императорам, правившим в 69 г.: Гальба, Отон и Вителлий; кн. VIII – Флавиям: Веспасиану, Титу и Домициану.

Из множества антикварных, филологических и философских сочинений (о римском календаре, о римских праздниках и играх, о римских обычаях, о греческих играх, об императорской администрации, о происхождении бранных выражений, о знаках в тексте, о телесных увечьях, о природе вещей, о знаме-

нитых блудницах) Светония, писавшего по-латыни и по-гречески, сохранилась только часть произведения «О славных мужах» («De viris illustribus») – разделы «О поэтах» («De poetis») и «О грамматиках и риториках» («De grammaticis et rhetoribus»), и то, вероятно, в сокращенной версии. Из раздела о писателях, начинавшегося Сервием Никанором и заканчивавшегося Валерием Пробом, сохранились краткие биографии Теренция, Горация, Лукана, Вергилия и Персия, из группы раторов – биография Пасиена, из историков – жизнеописание Плиния Старшего. Все произведение в целом было известно Иерониму, который использовал его для составления своей хроники. Труд Светония ценен обширными цитатами из государственного архива (служебных документов, преторских эдиктов, протоколов Сената и императорской переписки), равно как и изустными сведениями, анекдотами и даже уличными песнями, представлявшими детали из жизни императоров, нередко непристойные, скандальные, сенсационные. Тем самым Светоний нарушил традицию римских предшественников в жанре исторической биографии – Варрона и Непота и официальную историю на столетия подменил колоритным чтивом, снискав репутацию сплетника и основателя жанра светской хроники. Среди подражателей Светония – вымышленные авторы «Жизнеописаний Августов» («Scriptores historiae Augustae»).

Подробнее см.: Е. М. Штаерман. Светоний и его время // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Перевод М. Л. Гаспарова. Издание подготовили М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. Отв. ред. С. Л. Утченко. – М.: Наука, 1993; М. Л. Гаспаров. Светоний и его время // Там же.

Гай Светоний Транквилл

Жизнь двенадцати цезарей

Книга I. Божественный Юлий

22. При поддержке зятя и тестя он выбрал себе в управление из всех провинций Галлию, которая своими богатыми возможностями и благоприятной обстановкой сулила ему триумфы. Сначала он получил по Ватиниеву закону¹ только Цизальпинскую Галлию с прилежащим Иллириком, но вскоре сенат прибавил ему и Косматую Галлию²: сенаторы боялись, что в случае их отказа он получит ее от народа. (2) Окрыленный радостью, он не удер-

жался, чтобы не похвалиться через несколько дней перед всем сенатом, что он достиг цели своих желаний, несмотря на недовольство и жалобы противников, и что теперь-то он их всех оседляет. Кто-то оскорбительно заметил, что для женщины это нелегко; он ответил, как бы шутя, что и в Сирии царствовала Семирамида, и немалой частью Азии владели некогда амазонки³.

Книга II. Божественный Август

21. ... (2) Никакому народу он не объявлял войны без причин законных и важных. Он настолько был далек от стремления распространять свою власть или умножать воинскую славу, что некоторых варварских вождей он заставлял в храме Марса Мстителя присягать на верность миру, которого они сами просили; а с некоторых впервые пробовал брать заложниками женщин, так как видел, что заложниками-мужчинами они не дорожат⁴; впрочем, всем и всегда он возвращал заложников по первому требованию. Всех, кто бунтовал слишком часто или вероломно, он наказывал только тем, что продавал их пленника-

ми в рабство с условием, чтобы рабскую службу они несли вдалеке от родины и освобождение не получали раньше, чем через тридцать лет. (3) Слава о такой достойной его умеренности побудила даже индийцев и скифов, лишь понаслышке нам известных, просить через послов о дружбе Августа и римского народа. А парфяне по его требованию и уступили ему беспрекословно Армению, и вернули ему знамена⁵, отбитые у Марка Красса и Марка Антония, и добровольно предложили заложников⁶, и даже царем своим выбрали из нескольких притязателей того, которого одобрил Август.

Книга III. Тиберий

16. Он вновь получил трибунскую власть на пять лет, ему было поручено умиротворение Германии⁷, к нему в провинцию велено было явиться парфянским послам после переговоров с Августом в Риме. А когда пришла весть об отпадении Иллирика, ему была доверена и эта война – самая тяжелая из всех войн римлян с внешними врагами после Пунических: с пятнадцатью легионами и равным количеством вспомогательных войск ему пришлось воевать три года при величайших трудностях всякого рода и крайнем недостатке продовольствия. (2) Его не раз отзывали, но он упорно продолжал войну, опасаясь, что сильный и близкий враг, встретив добровольную уступку, перейдет в нападение. И за это

упорство он был щедро вознагражден: весь Иллирик, что простирается от Италии и Норика до Фракии и Македонии и от реки Данубия⁷ до Адриатического моря, он подчинил и привел к покорности.

41. Но, вернувшись на остров [Капри], он окончательно оставил все государственные дела. Более он не пополнял декурии всадников⁸, не назначал ни префектов⁹, ни военных трибунов, не сменял наместников в провинциях; Испания и Сирия несколько лет оставались без консульских легатов¹⁰, Армению захватили парфяне, Мезию – дакийцы и сарматы. Галлию опустошали германцы – он не обращал на это внимания, к великому позору и не меньшему урону для государства.

Книга VI. Нерон

19. Поездок он предпринимал только две: в Александрию и в Ахайю. Но от первой он отказался в самый день отъезда, испуганный приметой и опасностью: когда он, обойдя храмы и посидев в святилище Весты¹¹, хотел

встать, то сперва он зацепился подолом, а потом у него так потемнело в глазах, что он ничего не мог видеть. (2) В Ахайе он приступил к прорытию канала через Истм: собрал сходку, призвал преторианцев начать работу, под

звук труб первый ударил в землю лопатой и вынес на плечах первую корзину земли. Готовил он и поход к Каспийским воротам¹², набрал в Италии новый легион из молодых людей шести футов роста и назвал его “фалангой Александра Великого”.

44. Готовясь к походу, он прежде всего позаботился собрать телеги для перевозки театральной утвари, а наложниц, сопровождавших его, остричь по-мужски и вооружить секирами и щитами, как амазонок. Потом он объявил воинский набор по городским трибам, но никто годный к службе не явился; тогда он потребовал от хозяев известное число рабов и отобрал из челяди каждого только самых лучших, не исключая даже управляющих и писцов. (2) Всем сословиям приказал он пожертвовать часть своего состояния, а съемщикам частных домов и комнат – немед-

ля принести годовую плату за жилье в императорскую казну. С великой разборчивостью и строгостью он требовал, чтобы монеты были неистертые, серебро переплавленное, золото пробованное; и многие даже открыто отказывались от всяких приношений, в один голос предлагая ему лучше взыскать с доносчиков выданные им награды.

45. ... (2) Всем этим он возбудил такое негодование, что не было оскорблений, какими бы его ни осыпали. На макушку его статуи привязали хохол¹³ с греческой надписью: “Вот и настоящее состязание! Теперь несдобровать!”. Другой статуе на шею повесили мех с надписью: “Сделал я все, что мог; но ты мешка не минуешь”. На колоннах писали, что своим пением он разбудил галльского петуха. А по ночам многие нарочно затевали ссоры с рабами и без устали призывали Заступника.

Книга VIII. Домициан

2. ... (2) Он и сам изумительно притворялся человеком скромным и необыкновенным любителем поэзии, которой до того он совсем не занимался, а после того с презрением забросил: однако в это время он устраивал даже открытые чтения. Тем не менее, когда парфянский царь Вологез¹⁴ попросил у Веспасиана помощи против аланов с одним из его сыновей во главе, Домициан приложил все старания, чтобы послали именно его; а так как из этого ничего не вышло, он стал подарками и обещаниями побуждать к такой же просьбе других восточных царей.

6. Походы предпринимал он отчасти по собственному желанию, отчасти по необходимости: по собственному желанию – против хаттов¹⁵, по необходимости – один поход против сарматов, которые уничтожили его легион с легатом, и два похода против дакийцев, которые в первый раз разбили консулара

Оппия Сабина, а во второй раз начальника преторианцев Корнелия Фуска, предводителя в войне против них. После переменных сражений он справил двойной триумф над хаттами и дакийцами, а за победу над сарматами только поднёс лавровый венок Юпитеру Капитолийскому.

(2) Междоусобная война, которую поднял против него Луций Антоний, наместник Верхней Германии¹⁶, закончилась еще в его отсутствие, и удивительно счастливо: как раз во время сражения внезапно тронулся лед на Рейне и остановил подходившие к Антонию полчища варваров. Об этой победе он узнал по знаменьям раньше, чем от гонцов: в самый день сражения огромный орел слетел в Риме на его статую и охватил ее крыльями с радостным клекотом; а весть о гибели Антония распространилась так быстро, что многие уверяли, будто сами видели, как несли в Рим его голову.

Примечания

¹ По Ватиниеву закону, т.е. от народного собрания, а не обычным порядком от сената.

² *Косматая Галлия* – Трансальпийская; называлась так из-за обычая галлов носить длинные волосы.

³ Сирию античные писатели часто смешивали с Ассирией, где, по преданию, и правила Семирамида; Амазонки, по мифу, обитали в Малой Азии.

⁴ Ср.: Тацит. Германия 8: “Плена германцы боются гораздо больше для своих женщин, чем для себя, так что общины, принужденные в числе заложников ставить и благородных девушек, строже исполняют свои обязательства”.

⁵ Знамена были отбиты у Красса при Каррах и у Антония в 35 г. до н.э.

⁶ Отправляя своих родственников заложниками в Рим, парфянский царь Фраат IV не столько выражал свою покорность, сколько избавлял себя от опасных претендентов на престол: это понимал еще Страбон (XVI: 1, 28).

⁷ *Данубий* – Дунай.

⁸ *Декурии всадников* – неясно, идет ли здесь речь о военных подразделениях или о судейских коллегиях.

⁹ *Префекты* – начальники конницы, как трибуны – начальники легионов.

¹⁰ *Консульские легаты* (legati consulatus) управляли императорскими провинциями как проконсулы – сенатскими.

¹¹ Тацит (Анн. XV: 36) говорит, что Нерона объ-
ял внезапный страх при входе в храм Весты и он
отложил поездку в Египет, объявив, что не хочет
огорчать граждан своим отсутствием.

¹² *Каспийские ворота* – Дарьяльское ущелье на
Кавказе; целью похода было покорение Албании
(совр. Азербайджан) и других закавказских облас-
тей.

¹³ Хохол на макушке обычно носили атлеты.

¹⁴ Вологезу Веспасиан отказал в помощи, и в от-
местку тот, справившись с аланами, напал на Си-
рию, но был отбит наместником Траяном, отцом
будущего императора.

¹⁵ Поход против хаттов был предпринят в защи-
ту херусского вождя Хариомера, изгнанного хат-
тами римского ставленника. Хотя решительного

*Источник: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Перевод М. Л. Гаспарова. Издание
подготовили М. Л. Гаспаров, Е. М. Штаерман. Отв. ред. С. Л. Утченко. – М.: Наука, 1993.*

Луций Анней Флор

Lucius Annaeus Florus

Луций Анней Флор, римский историк, пи-
савший во времена императора Адриана
(117–138). Флор, вероятно, принадлежал к
роду Аннеев и состоял в родстве с Сенекой,
Луканом и Мелой Аннеями и приходился
племянником Плинию Старшему (23/24–79),
который незадолго до своей гибели при извер-
жении Визувия поручил ему составление вы-
писок из исторических сочинений. Рутинная
работа по конспектированию переросла в кон-
це концов в систематическое изложение исто-
рии Рима по четырем возрастам: младенчест-
во – эпоха царей, отрочество – республика до
завоевания Римом Италии, зрелость – респуб-
лика от покорения Италии до Августа, ста-
рость – от Августа до Траяна. В периодизации
Флор следует концепции Цицерона, изложен-
ной в трактате «О государстве». При этом ав-
тор остался верен первоначальному замыслу
– дать систематизированное описание рим-
ских войн. В числе источников Флора фигу-
рирует главным образом Тит Ливий, в мень-

сражения не произошло, поход был успешен: к им-
перии был присоединён большой клин германской
территории за Рейном и Дунаем – Декуматские по-
ля. Тем не менее, по уверениям Диона (67, 7) и
Плиния (Панегирик: 16–17), триумф Домициана
был сплошной инсценировкой: добыча была захва-
чена у провинциалов и римских союзников, а изъ-
явления покорности противника вымышлены.

¹⁶ *Луций Антоний Сатурнин* поднял восстание
в Могонциаке (ныне Майнц) и рассчитывал на под-
держку озлобленных на Домициана хаттов; его
разбил наместник Ретии Луций Аппий Максим
Норбан. О сказочно быстром распространении слу-
ха об этой победе упоминает и Плутарх (Эмилий
Павел: 25).

шей мере – Саллюстий, Цезарь, Т. Помпоний
Аттик, М. Теренций Варрон, Веллей Патер-
кул, Сенека Младший, Силий Италик и Лу-
кан. «Эпитомы Римской истории обо всех
войнах на семьсот лет» в двух книгах, или
«Две книги извлечений из Тита Ливия о всех
войнах за 700 лет» («*Epitome de Tito Livio bel-
lorum omnium annorum DCC libri duo*») Флора
в качестве надежного источника использова-
ли впоследствии Фест Руф, Иордан, Иоанн
Малала и др., по цитатам которых исследова-
тели восстанавливают сомнительные места
исходного текста. Сочинение Флора, которого
не относят к корифеям исторической мысли,
пользовалось тем не менее чрезвычайным
спросом в качестве справочника: оно дошло
до нас более чем в 90 списках, а один из восхи-
щенных читателей оставил на его полях бес-
спорную характеристику этого популярного
труда: *Nemo verius, nemo brevius, nemo
ornatius* 'Никто вернее, никто короче, никто
красивее'.

*Подробнее см.: А. И. Немировский. Исторический труд Луция Аннея Флора // Луций Анней Флор –
историк древнего Рима / Перевод М. Ф. Дашковой и А. И. Немировского. Комментарии
А. И. Немировского. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.*

Луций Анней Флор

Эпитомы Римской истории обо всех войнах на семьсот лет

Перевод М. Ф. Дашковой и А. И. Немировского

Комментарии А. И. Немировского

Книга I

XXXIX. Фракийская война

III. 4. После Македонии – такова была воля
богов – против нас восстали фракийцы, до это-
го данники Македонии, и, не ограничившись

вторжением в ближайшие провинции, Фесса-
лию и Далмацию, распространились до Адри-
атического моря. Задержанные им, словно

вмешательством природы, они бросили свои дротики в его воды. (2) И не было в то время ничего более жестокого, чем их обращение с пленниками: они совершали возлияния богам человеческой кровью, пили из человеческих черепов и делали для себя забаву из смерти пленников, сжигая их и удушая дымом; а также пытками исторгали плоды из чрева беременных матерей. (3) Наиболее жестокими из фракийцев были скордиски¹, и хитрость их не уступала силе. (4) Такой характер породила жизнь в лесах и на горах. Армия, которую вел Катон, была не только рассеяна и обращена в бегство, но, что подобно чуду, полностью уничтожена. (5) Дидий вытеснил их, разбред-

шихся во время грабежей, во Фракию. Друз добился большего и запретил переходить Дунай. Минуций опустошил весь Гебр, однако отпустил многих, пока неверный лед выдерживал тяжесть коней. Вулсон проник на Родоп и Кавказ. Курион дошел до Дакии, но испугался ее дремучих лесов. Аппий прошел до сарматов, Лукулл – до Танаиса и Меотийского озера – границы народов. (7) Эти свирепейшие из врагов могли быть усмирены не иначе как их же обычаями. И хотя жестоко применять против пленников огонь и железо, однако не было ничего страшнее для варваров, чем перенести наказание и остаться жить с отрубленными руками.

XL. Война с Митридатом

III. 5. Понтийские народы размещаются слева по отношению к северу и получили свое название от Понтийского моря. Древнейшим царем этих народов и местностей был Айет², затем Артабаз, происходивший от одного из семи персов, потом Митридат, превосходивший величием их всех. (2) Ведь для войны с Пирром было достаточно четырех лет, с Ганнибалом – тринадцати, Митридат же сопротивлялся сорок лет, пока не был сломлен в трех величайших войнах счастьем Суллы³, храбростью Лукулла, величием Помпея. (3) В качестве причины этой войны он выставил легату Кассию нарушение своих границ Никомедом Вифинцем. Но на деле, обуреваемый грандиозными замыслами, он жаждал овладеть Азией, а если удастся, то и Европой. (4) Надежду и уверенность внушили ему наши пороки. Непосредственным же поводом было то, что нас раздирали гражданские войны. Марий, Сулла, Серторий выявили незащищенную сторону империи. (5) Когда раненое государство находилось в полном смятении, на утомленных и истерзанных граждан, словно улучив момент, от крайних дозорных башен севера внезапно обрушился неожиданный вихрь понтийской войны.

(6) Вифиния была сломлена первым же военным натиском. В равной степени была устращена Азия, и без промедления подвластные нам города и народы перешли к царю. (7) Он приближался, он угрожал, подменяя жестокостью военную доблесть. Что может быть возмутительнее одного из его распоряжений, когда он приказал уничтожить всех римских граждан, находившихся в Азии! В то время были преданы поруганию все людские и божеские законы, частные жилища, храмы и

алтари. (8) Но этот террор по отношению к Азии делал доступной для царя и Европу. В результате Архелаю и Неоптолему, назначенным префектами, подчинились Киклады, за исключением Родоса, крепко стоящего за нас, а также Делос, Евбея и даже Афины, краса всей Греции. (9) И уже вся Италия и город Рим были охвачены страхом перед царем. Наконец, поспешил наилучший военачальник Л. Сулла и, действуя с такой же беспощадностью, как бы одной рукой опрокинул обрушившегося на нас злейшего врага. (10) Город Афины, мать злаков (кто поверит!), осадой и голодом заставил есть человечину. После этого был разрушен порт Пирей, опоясанный шестью или более стенами. Однако, усмирив неблагодарнейших людей, Сулла, по его собственным словам, пощадил их святыни в честь предков и ради былой славы. (11) Изгнав гарнизоны царя из Евбеи и Беотии, рассеял все его силы в сражении у Херонеи, затем в сражении у Орхомена и, тотчас же перебравшись в Азию, одолел его самого. Война пришла бы к концу, если бы Сулла не предпочел скорый триумф истинному. (12) С понтийцами был заключен договор. Вифиния перешла от Митридата к Никомеду, Каппадокия – к Ариобарзану⁴. Азия стала нашей, как прежде. Но Митридат был только отогнан. Это не сломило, а воспламенило понтийцев. (13) Царь, разбитый в Азии и Европе, требовал теперь уже не чужого, но как бы принадлежавшего ему по праву войны. (14) И подобно тому, как ярче разгорается пламя в небрежно затушенном очаге, Митридат с большим войском и силами своего царства вновь прибыл в Азию по морю, суше и рекам.

(15) Город Кизик, славный своей цитаделью, стенами, гаванью, мраморными башнями, был украшением азиатского берега. На него, словно на второй Рим, царь обрушился со всей военной мощью⁵. (16) Готовность к сопротивлению вызвал у граждан гонец, который принес известие о прибытии Лукулла⁶. Благодаря исключительной ловкости, он – страшно сказать! – проплыл на надутом мехе среди вражеских кораблей, а затем прошел часть пути пешком, показавшись тем, кто его увидел, подобием морского животного. (17) Все это обернулось для царя поражением: из-за длительности осады его воинов замучил голод и, как следствие, повальная болезнь. Когда же он отступил, Лукулл последовал за ним и так разгромил, что реки Граник и Эзеп⁷ переполнились кровью. (18) Хитрый царь, зная о римской жадности, приказал беглецам разбросать золото и деньги, чтобы задержать преследователей. Бегство морем не было более удачным, чем по суше. Буря в Понте разбила в щепки более ста кораблей, напряженных военными припасами, уничтожив их, словно в морском сражении (19), так что и впрямь казалось, будто Лукулл, заключив своего рода союз с волнами и бурей, наслал на царя убийственный ветер. (20) Теперь были истощены все силы могущественного царства. Но дух Митридата возвеличился бедами. (21) Обратившись к соседним народам, он в конце концов вовлек в свое падение почти весь восток и север. Взялись за оружие иберы, каспии⁸, албаны, обе Армении⁹. И посредством всего этого фортуна добилась почетного положения, имени и славных подвигов для самого Помпея. (22) Он, видя, что Азия потрясена новыми мятежами и что один за другим поднимаются цари, решил, что не следует медлить. Прежде чем народы успели объединиться, он навел через Евфрат¹⁰ мост из кораблей и раньше всех переправился через реку. Столкнувшись с царем, бегущим в глубь Армении, он разбил его в единственном сражении¹¹ – таково счастье этого мужа! (23) Сражение произошло ночью, в нем участвовала Луна. Словно сражаясь на стороне Помпея, богиня расположилась за спинами его воинов и вытянула римский

строй, так что понтийцы приняли за врагов удлинившиеся тени. (24) В такую ночь был разбит Митридат. И больше ему ничто не помогло, хотя он и делал все возможное, подобно змее, которая угрожает хвостом, когда у нее отрублена голова. (25) Убежав от врага к колхам, он решил присоединить Боспор, оттуда переправиться через Фракию, Македонию и Грецию и таким образом неожиданно вторгнуться в Италию. (26) Эти планы опередила измена граждан и преступление сына Фарнака. И Митридат пронзил себя мечом, поскольку не подействовал яд.

(27) Между тем Гней Великий, преследуя остатки мятежной Азии, метался среди различных народов и стран. Следуя за армянами на восток, он овладел их столицей Артаксатой и приказал царствовать припавшему к его ногам Тиграну. (28) На севере, следуя путем скифов, словно в море по звездам, он разбил колхов, простил Иберию, пощадил албанов. Поставив лагерь под самым Кавказом, он приказал царю колхов Орхозу опуститься в равнины, а Артоку, что правил иберами, выдать заложниками детей. Орода же одарил сам, так как тот прислал ему из Албании золотое ложе и другие подарки. (29) Далее, поведя войско на юг, он прошел сирийский Ливан и Дамаск и пронес римские знамена через знаменитые благовонные рощи, через леса фимиама и бальзама. (30) Арабы были готовы ко всему, что бы он ни приказал. Иудеи попытались защищать Иерусалим. Но он вступил и туда и увидел зияющий тайник нечестивого народа, золотую лозу под покровом. Сделавшись арбитром между двумя братьями, спорящими из-за царской власти, он приказал царствовать Гиркану. Аристобула же, пытавшегося восстановить свою власть, бросил в тюрьму. (31) Так под предводительством Помпея римский народ проник до крайних пределов Азии, а ту Азию, которой уже владел в качестве пограничной провинции империи, сделал срединной. За исключением парфян, склонившихся к договору, и индов, которые тогда еще нас не знали, мы владели всей Азией, простиравшейся между Красным морем, Каспием и Океаном, покоренной и подавленной знаменами Помпея.

Книга II

Перевод и комментарии А. И. Немировского

XXI. Война с Антонием и Клеопатрой

IV. 12. Здесь конец гражданским войнам. Другие войны против внешних народов вспы-

хивали на краю света, в то время как империю разрывали свои беды. (2) Несомненно,

мир в чем-то изменился: выи чванливых и надменных народов, еще не привыкшие к удилам рабства, выскальзывали из накинутаго ярма. (3) Особенно жестокой была борьба

на севере, где обитали норичи, иллирийцы, паннонцы, далматинцы, мезийцы, фракийцы и даки, сарматы и германцы.

XXIX. Сарматская война

(20) Сарматы скакали на конях по необозримым степям. Тому же Лентулу показалось достаточным препятствовать их переходу че-

рез Данувий. У них нет ничего, кроме снега, инея и лесов. Такое варварство, что даже нет понятия о мире.

XXXIV. Мир с Парфией и обожествление Августа

(61) И вот были покорены все народы на западе и на юге, на севере – между Реном и Данувием – и на востоке – между Киром¹² и Евфратом. Остальные, независимые от империи племена чувствовали ее величие и начали питать почтение к римскому народу как кладыке мира. (62) Скифы и сарматы отправили послов с просьбой о дружбе. Серы¹³ и живущие под самым солнцем инды¹⁴, принесли в дар геммы, жемчуг и слонов, сочли наибольшей данью длительность пути, на который у них ушло четыре года. Уже цвет кожи этих людей допускал, что они пришли из другого мира. (63) Парфяне как бы раскаивались в своей победе: они добровольно вернули знамена, какие добыли во время поражения Красса¹⁵. (64) Так повсеместно среди рода челове-

ческого воцарились либо прочный мир, либо перемирие, и поэтому Август в 700 году от основания Рима закрыл храм двуликого Януса, который до этого закрывался всего два раза¹⁶: при царе Нуме и после первого поражения Карфагена. (65) Теперь, посвятив себя миру, он с помощью многих суровых и строгих законов пытался удержать в узде век, обратившийся ко всем порокам и роскоши. За эти великие дела он был провозглашен несменяемым диктатором¹⁷ и отцом отечества. (66) Дошло даже до обсуждения в сенате, не назвать ли его Ромулом, поскольку он основал империю. Но более священным и почетным представлялось имя Август. Ведь тем самым он обожествлялся при жизни¹⁸.

Примечания

¹ Скордиски были кельтским племенем, занявшим в IV в. до н.э. горы над долиной Савы, на границе с Паннонией. Флор ошибочно называет их фракийцами.

² Иначе Эет, Ээт – легендарный царь Аий (Колхиды), отец Медеи.

³ Луций Корнелий Сулла, консул 88 г. до н.э.

⁴ Ариобарзан I, царь Каппадокии (95-63 гг. до н.э.).

⁵ Начало осады Кизика Митридатом – 73 г. до н.э.

⁶ Л. Лициний Лукулл, известный сулланец, консул 74 г. до н.э.

⁷ Граник и Эзеп впадают в Пропонтиду.

⁸ Племя, помещаемое писателями I в. на берегу Каспийского залива, рядом с амазонками-савроматидами.

⁹ Великая и Малая Армении.

¹⁰ Переправу через Евфрат совершил не Помпей, а Лукулл.

¹¹ Битва при Дастейре в 66 г. до н.э.

¹² Кир (современная Кура) указан как северный предел восточных владений Рима.

¹³ О посольстве серов (китайцев) к Августу другие авторы не сообщают, но упоминание серов появляется у латинских авторов впервые при Августе.

¹⁴ Об индийском посольстве к Августу: Деяния божественного Августа: 31; Страбон XV: 1, 4.

¹⁵ Август говорит о возвращении знамен трех римских полководцев (Деяния божественного Августа: 29). Веллей Патеркул сообщает о возвращении знамен Красса и Антония (II: 91, 1).

¹⁶ Август закрывал храм Януса трижды: в 29 и 25 гг. до н.э., и третья дата неизвестна (Светоний. Август: 22).

¹⁷ Расхождение со всеми авторами, утверждающими, что Август не принял предложенную ему диктатуру.

¹⁸ Ср. Светоний. Август: 7, 2, где дается та же мотивировка присвоения имени Август.

Источник: *Juli Flori epitomae de T. Livio bellorum omnium annorum DCC libri II / Recensuit et emendavit Otto Jahn. – Lipsiae, 1852; Луций Анней Флор – историк древнего Рима / Перевод М.Ф. Дашковой и А.И. Немировского. Комментарии А.И. Немировского. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977.*

Гай Юлий Солин

Caius Julius Solinus

Гай Юлий Солин (III в.), римский историк. Обстоятельства жизни неизвестны. Его сочинение «Собрание достопамятных сведений»

(«Collectanea rerum memorabilium») – компиляция из различных латинских авторов, но основном – лаконичный пересказ «Естествен-

ной истории» Плиния Старшего. Изложение источников у Солина в основном добросовестное, хотя случаются и искажения. Первая часть сочинения посвящена истории Рима, вторая – о человеке, а в остальном – это описание земли в известной ее части (*orbis terrarum*): Италия, Греция, Понт, Скифия, Германия, Галлия, Британия, Испания, Африка, Аравия, Сирия, Малая Азия, Ассирия, Индия и Парфия. Географические описания сопровождаются сведениями о местных жителях, животных, растениях и минералах. Подроб-

нее описываются те земли, о которых мало что известно. При этом, конечно же, и сам автор увлекается фантастическими преданиями. В данной хрестоматии мы полагаемся на выборку И. И. Маханькова, который разделил материал по шести тематическим рубрикам (антропология, этнография, зоология, ботаника, минералогия океан и приливы), установив свой порядок изложения и озаглавив рубрики по своему усмотрению. Отдельные же выдержки даны по В. В. Латышеву.

Подробнее см.: И. И. Маханьков. Свод естественных знаний // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV вв. – М.: Республика, 1996.

Гай Юлий Солин

Собрание достопамятных сведений

Перевод и комментарии И. И. Маханькова и отчасти В. В. Латышева

I. Антропология

Острота зрения

(1, 99) Большой остротой зрения обладал человек по имени Страбон, о котором Варрон рассказывает, что он видел за 135 миль [200 км]. Этот Страбон, стоя на Лилибейской скале, запросто пересчитывал корабли карфагенского флота, отплывавшего из Карфагена. (100) Цицерон сообщает о полном тексте «Илиады», так мелко написанном на пергаменте, что он умещался в ореховой скорлупе. Калликрат вырезал из слоновой кости таких мелких муравьев, что отдельные части их были невидимы глазу. (101) Аполлонид¹ сообщает, что в Скифии встречаются женщины, которых называют битиями. У них в глазах двойные зрачки, и если такая женщина в сердцах на кого посмотрит, тот человек умирает.

II. Этнография

3. Племена Северного Причерноморья

(15, 1) У невров берет начало река Борисфен, в которой водится превосходная на вкус рыба без костей, с одними только нежными хрящами. (2) Невры, по верным сведениям, в определенные моменты превращаются в волков, а затем, по прошествии времени, которое на это отведено, вновь принимают человеческое обличье. (3) Бог у этого народа – Марс, вместо статуй они почитают мечи, в жертву приносят людей. Очаги они топят костями. С ними соседствуют гелоны. Эти из кожи врагов

изготавливают себе одежду, а лошадям – попоны. С гелонами граничат агатирсы (агафирсы). Они разрисовывают себя в синий цвет, волосы также красят синим, но тут имеются различия: чем важнее человек по положению, тем сильнее он раскрашен, так что скудная раскраска есть признак низкого положения.

(15, 4) Далее идут антропофаги, ужасной пищей которых служит человеческое мясо. Этот нечестивый обычай – причина унылой пустынности прилегающих к этому племени земель: соседние племена покинули их. По этой же причине до самого моря, называемого Табис², из-за протяженности его берегов, обращенных на юго-восток, земля безлюдна, представляя собой огромную пустыню, тянущуюся до самой Серы³. (5) Халибы и даги, обитающие в азиатской Скифии, жестокостью ничуть не уступают свирепейшим племенам. Обитающие на берегу албанцы, которые хотели бы, чтобы их считали потомками Ясона, рождаются со светлыми волосами. Белизну волос албанцы считают за вещий признак, поэтому цвет головы дал название самому племени⁴. Зрачки глаз у них, как у совы, из-за чего ночью они видят лучше, чем днем.

(15, 13) К антропофагам азиатской части причисляют эсседонов, которые даже среди своих слышат оскверненными употреблением чудовищной пищи. В обычае у эсседонов сопровождать погребение родителей пением, а потом, созвав близких, зубами растерзать труп и, смешав с мясом скота, его пожрать. Черепа, обложив их золотом, они используют в качестве чаш.

(15, 14) Среди скифов скифотавры приносят в жертву чужестранцев. Скифы-кочевники следуют туда, где есть корм. Скифы-земледельцы, обитающие в Европе, возделывают поля. Те скифы, что живут в Азии, и чужому не дивятся, и своим не дорожат. Сатархи, отвергнувшие употребление золота и серебра, навсегда оградили себя от корыстолюбия. (15) Обычаи обитающих во внутренних областях скифов грубее: живут они в пещерах, чаши себе изготавливают, не в пример эсседонам, из вражеских черепов. Любят битвы, кровь павших в бою пьют прямо из ран. Чем больше врагов убил воин, тем больше ему честь, не убить же никого – позор. (16) Заключенные договоры они скрепляют глотком крови друг у друга.

4. Гипербореи

(16, 1) Если без разбора верить всему, что дошло до нас о гипербореях, то их следовало бы считать выдумкой и чистой фантазией. Но поскольку подобные сообщения исходят также и от лучших авторов, которым можно верить, бояться обмана нет оснований. Итак, поговорим о гипербореях. Обитают они за Птерофором⁵, который, как сообщают, находится по ту сторону Севера. (2) Счастливейший это народ. Считается, что они обитают скорее в Азии, чем в Европе. Другие же помещают их посередине солнечного пути, когда Солнце заходит у антиподов и восходит у нас. Но это противоречит разуму, поскольку между тем и другим континентом пролегает широкое море. Следовательно, они обитают в Европе. (3) Считается, что у гипербореев находится ось мира, а также крайние звездные орбиты. У них светло по полгода, а Солнце исчезает только на один день. Однако некоторые полагают, что Солнце у них восходит не ежедневно, как у нас, а в весеннее равноденствие, заходит же в осеннее. Так что шесть месяцев без перерыва у них день, а потом шесть месяцев – ночь. Климат у них очень мягкий, воздушные дуновения полезны для здоровья, а ветры не несут с собой ничего вредоносного. Домом гиперборейцам служат роции и леса, а ежедневное пропитание им доставляют деревья. (4) Вражды гипербореи ни с кем не знают, болезни им не досаждают, обету кротости все они одинаково верны. Свою смерть гипербореи накликают сами, а ее промедление преодолевают добровольным уходом из жизни. (5) Тот, кто пресытился жизнью, должен, по их мнению, после роскошного пиршества с обильным возлиянием стремглав броситься в

море с определенной обычаем скалы. Такой вид погребения гипербореи почитают наиболее славным. Еще говорят, что гипербореи имеют обыкновение посылать начатки плодов Аполлону Делийскому, снаряжая для этого благонравнейших дев. (6) Но поскольку случилось, что из-за коварства чужестранцев девы эти возвращались обратно не невинными, впоследствии гипербореи начали в своих собственных пределах отправлять священнослужение, ранее практиковавшееся за рубежом.

5. Аримфеи и другие племена

(17, 1) В Азии есть еще одно племя, обитающее на крайнем юго-востоке, там, где кончаются хребты Рифейских гор⁶. Аримфеев считают схожими с гиперборейцами. Как и те, они находят отраду в зеленеющих деревьях, питаются же ягодами. Как мужчины, так и женщины тяготеют своими волосами, поэтому те и другие их стригут. Любят аримфеи покой, вредить же кому бы то ни было не любят. (2) Они почитаются святыми, и посягательство на них считается нечестивым даже у самых свирепых народов. Кто боится опасности у себя на родине, тот, перебежав к аримфеям, будет в безопасности, словно в надежном укрытии. За ними обитают киммерийцы и племя амазонок, чьи области простираются до самого Каспийского моря, которое омывает азиатские просторы, а потом позади Скифии сливается с Океаном.

XIX. 3. Каспийское море с другой стороны Понта за массагетами и скифами-апалями в Азиатской земле отличается пресной водой; это испытано Александром Великим, а затем Помпеем Великим, который во время Митридатовой войны, как передает его сослуживец Варрон, пожелал лично [дословно – самими глотками] удостовериться в этом.

XIX. 4. Полагают, что это происходит от большего числа рек, которые изливаются туда в таком количестве, что изменяют природные свойства моря. Не умолчу, что в то же время тому же Великому удалось в восемь дней пройти из Индии в Бактрию до реки Далиера, где она впадает в реку Окс, затем к Каспийскому морю, а оттуда через Каспий проникнуть к течению реки Кира⁷, которая течет по границе Армении и Иберии.

(19, 6) По словам Ксенофонта Лампсакского⁸, остров Абалкия отстоит от берега Скифии на расстоянии трехдневного плавания. Остров этот огромный, почти как континент. Недалеке от него расположены Эонские остро-

ва⁹, жители которых питаются яйцами морских птиц и диким овсом. (7) Рядом есть и другие подобные им острова, на которых живут гиппоподы (коненогие), имеющие человеческий вид, и только ноги у них лошадиные. (8) Обитают там и фанессии, уши которых такой необычайной величины, что покрывают их целиком, так что им и плаща никакого не нужно.

XLIX, 6. Здесь пограничная черта, на которой персидская граница соединяется со скифской; этих скифов персы на своем языке называют саками, а скифы в свою очередь зовут персов хорсаками и гору Кавказ Кроукасом, т. е. белеющим от снегов.

XLIX, 7. Здесь очень густое население с неподкупным постоянством хранит с парфянами закон искони установленных отношений; из этих *народов* наиболее известны массагеты, эсседоны, сатархи и апалеи. За ними, вследствие того, что в промежутке живут грубейшие варвары, об обычаях других племен мы почти не имеем определенных сведений.

III. Зоология

2. Тигры на Аму-Дарье

(17, 5) Этот вид животных замечателен своей пестрой расцветкой и ловкостью. Красив огненно-рыжий с темными полосами мех тигров. Трудно решить, чем более замечательны тигры – быстротой или выносливостью. Нет для тигра ничего далекого: не страшны ему любые расстояния; никто от него не может убежать; как бы ни опережала его добыча, он ее догонит. (6) Но в наибольшей степени сила тигров проявляется тогда, когда ими владеют родительские чувства, то есть когда им приходится иметь дело с ловцами тигров. Неважно, придет ли похититель пешком или придет верхом, будет ли он действовать хитростью, скроется ли за водной преградой, – ничто ему не поможет. Замечено, что, если был похищен хотя бы один детеныш, тигр, видя, как похитители отплывают, в бессильной ярости бросается со скалы, жизнью искупая свое промедление.

4. Бобры на Черном море

(13, 2) Повсюду на Понте¹⁰ в большом количестве водятся бобры, которых называют еще “касторами”¹¹. Бобер похож на выдру, хватка челюстей у него – железная, так что, вцепившись в человека, он разжимает их, только когда почувствует, что перекусил кость. Особенно ценятся яички бобра, потому

что из них готовят снадобья. Поэтому, когда бобер чувствует, что его вот-вот поймают, он сам пожирает свои яички, чтобы не было пользы ловцам.

7. Хамелеон

(40, 21) По всей Азии множество хамелеонов. Это четвероногое животное похоже на ящерицу, только ноги у хамелеона прямые и длинные. Хвост длинный, закрученный спиралью, когти крючковатые, плавно загнутые. Передвигается хамелеон медленно, движениями напоминая черепаху. Кожа хамелеона грубая, как у крокодила. Вылезающие из орбит немигающие глаза заглублены во впадины. (22) Зрачки у хамелеона неподвижны, и он переводит взгляд с предмета на предмет, вращая всем глазом. Пасть у хамелеона постоянно открыта, но не для того, чтобы что-то схватить. Ибо хамелеон ничего не ест и не пьет, а питается лишь вдыхаемым воздухом. (23) Расцветка у хамелеона разнообразная и может мгновенно изменяться, так что, к чему бы он ни приблизился, сразу становится одинакового с этим цвета. Есть два цвета, которых хамелеон не может воспроизвести: красный и белый, остальные же он легко перенимает. Тело его почти лишено мяса, селезенка отсутствует, и только в крошечном сердце содержится немного крови. Зимой хамелеон прячется, размножается весной. (24) Хамелеон смертельно опасен для ворона, ведь даже убитый вороном хамелеон способен за себя отомстить: отведав его мяса, ворон тут же умирает. Но есть у ворона средство против этого, милостиво дарованное природой, ибо, ощутив недуг, ворон глотает лавровые листья и поправляется.

8. Верблюды

(49, 9) Бактрийцы разводят очень выносливых верблюдов, много их и в Аравии. Различаются они тем, что у аравийских верблюдов два горба, а у бактрийских – один. Верблюды никогда не сбивают ног, потому что их раздвоенные пальцы снабжены мясистыми подушками. Но в то же время это и опасно, потому что ноги верблюдов лишены надежного упора о землю. У верблюдов две функции: одни из них предназначены для переноски грузов, другие же – беговые. Но и первые способны поднять не свыше установленного веса, и вторые не в состоянии преодолеть более определенного расстояния. (10) Стремление к продолжению рода овладевает верблюдами до такой степени,

что в брачный сезон они впадают буквально в бешенство. Верблюды ненавидят лошадей. Они способны переносить жажду в течение четырех дней. Когда же представляется случай напиться, они пьют очень много, чтобы и возместить уже перенесенную жажду, и запастись водой на будущее. Верблюды любят мутную воду, а от чистой отказываются. (11) Так что если вода недостаточно грязна, верблюды топчутся в ней, пока она не замутится. Живут верблюды до ста лет, если только, оказавшись в непривычном для себя месте, не заболеют от перемены климата. Для войны используют самок верблюда, чем-то наподобие кастрации лишая их страсти к совокуплению, потому что считается, что в таком состоянии они сильнее.

13. Журавли

(10, 12) Хорошо известно, что зимой журавли в большом количестве слетаются в северные области¹². Не будет излишним поведать, в какие места лежит их путь. Летят они, словно воины, под руководством вожака. Чтобы ветер не отбрасывал от цели, журавли глотают песок, а также поднимают в качестве балласта камешки, набирая таким образом необходимый вес. (13) После этого они устремляются ввысь, чтобы сверху обозреть земли, на которые лежит их путь. Впереди стаи летит самый надежный в полете журавль, который ведет за собой других, криком подгоняя нерадивых. Когда первый журавль охрипнет, его сменяет другой. (14) Если журавлям предстоит перелететь через Понт, они отыскивают узкое место, а именно (это можно видеть своими глазами) участок между Таврикой и Пафлагонией, то есть между горами Карамбис и Криуметопон¹³. Чувствуя, что половина пути позади, журавли освобождаются от груза камешков. (15) Об этом сообщают моряки, которым часто приходится быть осыпанными каменным дождем. Но песок журавли изрыгают из себя не раньше, чем будут уверены в благополучном прибытии на место. Журавли сообщают своим уставшим спутникам, и, если кто-то не может больше лететь, все собираются вокруг и поддерживают его в воздухе, пока он вновь не наберется сил. Не меньше заботятся они друг о друге на земле. (16) По ночам журавли сменяют друг друга на страже, так что каждый десятый постоянно не спит. Стоя на часах, журавль держит в лапах грузик, так что если его вдруг сморит сон, грузик выпадет и его уличит. Об опасности журавли извещают

криком. О возрасте журавля можно судить по его цвету: в старости они чернеют.

IV. Ботаника

9. Растения Индии

(52, 46) Индийские леса достигают такой высоты, что даже пущенная из лука стрела не долетает до вершин деревьев. (47) Есть здесь плодоносящая смоковница, ствол которой достигает шестидесяти шагов [88,7 м] в окружности, а тень от ветвей захватывает в окружности два стадия [370 м]. Широкие листья этой смоковницы по форме похожи на щиты амазонок, а плоды ее отличаются сладостью.

V. Минералогия

1. Изумруды

(15, 23) ...Из этой области¹⁴ происходит изумруд, который, согласно Теофрасту, занимает третье по ценности место среди камней. Хотя изумруды находят и в Египте, Халкидонии, Мидии и Спарте, особенно ценятся скифские изумруды. Нет для глаза ничего приятнее этих изумрудов, и пользой они превосходят все другие камни. (24) Зелень изумруда сочнее зелени водорослей, ярче пойменных трав. Кроме того, нежный их цвет восстанавливает зоркость утомленных продолжительным напряжением глаз, в то время как созерцание блеска других камней зоркость притупляет. По этой же причине изумрудов не должен касаться инструмент резчика, дабы не испортить их замечательный естественный узор. Впрочем, настоящий изумруд с трудом поддается обработке. (25) Полноценность изумруда удостоверяется его прозрачностью. Когда изумруд круглый, он должен все вокруг себя окрашивать в зеленый цвет. Если же изумруд вогнутый, в нем должно отражаться лицо наблюдателя. Кроме того, хороший изумруд должен сохранять все свои свойства и в тени, и при свете лампы или Солнца. Но лучшие изумруды находят на обширных плато. (26) Находят их в сезон этесий [пассатов], когда они блестят, обнажившись от скрывавшей их почвы, поскольку в это время пески приходят в движение. Другие, менее благородные изумруды встречаются среди скальных пород или на медных рудниках. Последние называются медными изумрудами. (27) В изумрудах низкого качества имеются включения свинца или соли. Иногда эти включения имеют вид волосяных прожилок. Темные изумруды ценятся больше. Качество изумруда может быть улучшено, если его пропитать чистым зеленым оливковым маслом. (28) Встречается в

Скифии и камень киан¹⁵. Лучше всего, если он отликает синевою. Сведущие в камнях люди различают в этих камнях мужской и женский пол. У женских камней блеск ровный, а мужские переливаются точками включенной в них золотой пыли.

2. Горный хрусталь

(15, 29) Имеется здесь и горный хрусталь. Хотя его находят также в большей части Европы, а также кое-где в Азии, лучше всего – скифский. В основном он идет для изготовления кубков, хотя в него можно наливать только холодные напитки. (30) Кристаллы хрусталя имеют шестиугольную форму. Сборщики хрусталя отбирают самые чистые его куски, чтобы никакая рыжина, никакие пузыри или помутнение не препятствовали взгляду. Также смотрят за тем, чтобы хрусталь был не слишком твердым, потому что в этом случае он более хрупок. (31) Считается, что хрусталь образуется в результате сгущения льда, но это не так, поскольку в таком случае хрусталь бы не встречался ни в Алабанде¹⁶ в Азии, ни на Кипре, поскольку там постоянно жарко. Супруга Августа Ливия в числе прочих даров пожертвовала Юпитеру Капитолийскому хрустальную глыбу весом в 150 фунтов.

VI. Океан и приливы

(23, 17) С внешней стороны земля омывается Океаном. Соответственно берегам, которые он омывает, его называют Аравийским, Персидским, Индийским, Эосским, Серийским, Гирканским, Каспийским, Скифским, Гер-

манским, Галльским, Атлантическим, Ливийским, Египетским. (18) Самые бурные приливы бывают у берегов Индии, причем там они причиняют обширные разрушения. Происходит это то ли от того, что воды здесь вздымаются выше под влиянием жары, то ли от того, что в этой части света полноводнее источники и реки. (19) До сих пор не выяснено, по какой причине возникают приливы, а также как получается, что Океан, только что выходящий из берегов, вновь отступает. Очевидно, многие высказываются по этому поводу, руководясь не поисками истины, а собственной предрасположенностью. Заранее отказавшись от исследования мнений, находящихся в противоборстве, два из них мы все же считаем наиболее достоверными. (20) Физики утверждают, что мир – это животное, и, будучи составлен из различных стихий, он движется духом, а управляется умом. И дух, и ум, распространяясь по членам мирового тела, сообщают этой вечной громаде жизненную силу. (21) Подобно тому как в наших телах происходит воздушный обмен, так и через мировые ноздри, помещающиеся где-то в океанских глубинах, осуществляются вдохи и выдохи, в соответствии с которыми моря то наступают, то отступают. (22) Правда, те ученые, которые следят за движением небесных тел, утверждают, что приливы и отливы вызываются обращением Луны, так что убыль вод или их прилив непосредственно связаны с полнотой и ущербом Луны. Ведь приливы и отливы происходят не в одно и то же время, но в соответствии с восходами и заходами Луны.

Примечания

¹ *Аполлонид* (жил не ранее первой половины I в. до н.э.) – автор описания плавания вокруг Европы, от которого дошли незначительные фрагменты.

² *Море Табис* – возможно, Аральское море.

³ *Сера* – Китай.

⁴ *Albus* (лат.) – белый.

⁵ По Плинию (Ест. история IV: 88), так называется северная часть Европы, скованная холодом и снегом, откуда и название (“земля снежинок”).

⁶ Урал.

⁷ Кура.

⁸ *Ксенофонт из Лампсака* – географ, автор описания плавания, относящегося ко времени между 150 и 50 до н.э., и известного по фрагментам.

⁹ *Эонские острова* – легендарные острова на крайнем востоке.

¹⁰ *Понт* – античное название Черного моря (полное греческое название – Понт Евксинский, то есть “гостеприимное море”).

¹¹ *Κάστωρ* (гр.).

¹² Может быть, речь идет об осени, когда журавли собираются в стаи, чтобы лететь на юг.

¹³ *Таврика* – Крым. *Пафлагония* – область на севере Малой Азии, в центральной ее части. *Карамбис* – гора в Пафлагонии, ныне Керембе-Бурну; *Криуметопон* – Бараний Лоб, ныне мыс Айя-Бурун на юге Крыма.

¹⁴ Здесь и далее речь идет о Скифии.

¹⁵ От гр. *κόβανος* ‘синий’.

¹⁶ Город в Карии, на юго-западе Малой Азии.

Источник: C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium / Rec. C. L. F. Panckoucke. – Paris, 1847; C. Iulii Solini Collectanea rerum memorabilium / Rec. Th. Mommsen. – Berolini, 1864; В. В. Латышев. Древние писатели о Сифии и Кавказе // ВДИ, 1949, № 3; Гай Юлий Солин. Собрание достопамятных сведений / Перевод и комментарии И. И. Маханькова // Знание за пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I–XIV вв. – М.: Республика, 1996.

Аврелий Виктор Секст

Sextus Aurelius Victor

Аврелий Виктор Секст (ок. 320 – после 389), римский историк. Родился в семье незнатного происхождения в Африке. В 361 г. при императоре Юлиане (361–363) управлял провинцией Нижняя Паннония и в 392/393 был префектом Рима. Является автором книги историко-биографических очерков «О цезарях» («*Liber de Caesaribus*»), законченной около 360 г. и описывающей нравы, жизнь и деяния римских императоров от Октавиана Августа (63 до н. э. – 14 н. э.) до Констанция II (317–361, имп. в 337–361). Это сочинение, задуманное как продолжение фундаментальной «Истории Рима от основания города» Ти-

та Ливия, дошло до нас и самостоятельно, и в извлечениях. Кроме того, Аврелию приписываются, но, возможно, ему не принадлежат трактаты «Происхождение римского народа» (от Яна и Сатурна до Ромула и Рема) и «О знаменитых людях» – 77 портретов (от Прока, царя албанцев, до Гнея Помпея Магна), к которым добавляют еще 9 очерков, выбранных из древних книг: от Гая Юлия Цезаря до Клеопатры. Считается, что они созданы анонимным автором в подражание Аврелию Виктору Сексту и присоединены к его книге «О цезарях» около 400 г., а потому обычно их публикуют под именем Псевдо-Аврелия.

Аврелий Виктор Секст

Перевод В. С. Соколова, комментарии В. С. Высокого

О цезарях

I. Октавиан Август

(1) Около 722 года от основания города также и в Риме утвердился обычай в дальнейшем повиноваться одному [правителю]¹. (2) Действительно, сын Октавия Октавиан, усыновленный великим Цезарем, его внучатый племянник², вскоре после этого получивший от сената титул Августа³ за то, что мирно пользовался победой над отечеством, привлек на свою сторону солдат подарками, а народ – показною заботою о продовольствии и без труда покорил себе остальных. (3) По прошествии при таком положении дел примерно сорока четырех лет он умер от болезни в городе Ноле⁴, после того как присоединил к державе (римских) граждан Реций и Иллирик⁵ и усмирил дикость соседних племен, кроме народов Германии⁶. Впрочем, третьим после Нумы⁷, он все же после победы над Антонием запер храм Януса⁸, что, согласно обычаям рим-

лян, делалось в случае окончания всех войн. (4) Характер у этого человека был мирный и нрав приятный, хотя он окружил себя безмерной роскошью, имел пристрастие к игрищам и был несдержан в отношении сна. (5) Он был большой почитатель людей ученых, которых было много⁹, и своих близких, причем удивительно был увлечен изучением красноречия и религиозными делами. По причине своего милосердия он был назван отцом отечества и постоянно пользовался властью (народного) трибуна¹⁰; поэтому ему еще при жизни и после смерти, как божеству, воздвигались храмы и создавались коллегии жрецов в Риме и во всех провинциях и многочисленных городах. (6) Он настолько был во всем счастлив (кроме, однако, детей, а также и брака)¹¹, что инды, скифы, гараманты и бактры¹² присылали к нему своих послов просить с ним союза.

IV. Клавдий

(1) Итак, хотя Клавдий и был постыдно предан обжорству, слабоумен и беспамятен, труслив в душе и очень ленив, под действием страха во многих случаях он принимал хорошие советы, преимущественно от совещаний знати, которая тоже руководствовалась чувством страха; ведь люди глупые обычно действуют так, как им указывают их советники. (2) Наконец, согласно хорошим советам, он искоренил пороки и распространенные в Галлии суеверия друидов¹³; им были изданы очень полезные за-

коны; он заботился о военном деле; он удержал прежние границы и даже расширил их: Месопотамия на востоке¹⁴, территория между Римом и Дунаем на севере¹⁵, земли мавров на юге, после того как там вымер род царей, преемников Юбы¹⁶, стали римскими провинциями, истреблен был отряд мусаламиев¹⁷. Кроме того, удар был нанесен крайней западной стране Британии¹⁸, единственной, до которой он доходил сам, отправившись по морю из Остии¹⁹, остальное сделали другие полководцы.

VIII. Авл Вителлий

(1) Так власть перешла к Авлу Вителлию²⁰, ее продолжение было бы гораздо мрачнее такого начала, если бы Веспасиан²¹ несколько дольше задержался на Иудейской войне, которую начал вести еще по поручению Нерона. (2) Когда он узнал о действиях Гальбы и о том, что он погиб, и вместе с тем по той причине, что к нему приходили послы из Мезии и от паннонского войска²², побудившие его (выступить), он захватил власть. (3) Действительно, когда уже названные выше солдаты

узнали, что преторианцы провозгласили императором Отона, а германские легионы – Вителлия, они из соперничества с ними – как это между ними бывает – побудили выступить и Веспасиана, на выдвижение которого дали свое согласие, благодаря его достойной жизни, также и сирийские легионы. (4) Дело в том, что Веспасиан, сенатор из нового дома, по происхождению реатинец, прославился своей энергичной деятельностью и успехами в мирное время и на войне.

IX. Флавий Веспасиан

(8) До сего времени во всех землях, подчиненных римскому праву, обновлены все города в прекрасном виде, прочно укреплены дороги; на Фламиниевой²³ для создания менее крутого перевала скрыты горы. (9) Все это было выполнено в короткий срок и без отягощения земледельцев и доказывает больше его мудрость, а не жадность. Вместе с тем, согласно древнему обычаю, был произведен новый ценз, и из сената были удалены все негодные люди; наоборот, отовсюду были собраны наилучшие (люди) и общее число [патрицианских] родов [в списках цензоров] было доведено до тысячи, в то время как [придя к

власти] Веспасиан застал их едва двести, поскольку представители многих родов погибли от жестокости тиранов. (10) Царь парфянский Вологез войной был принужден к заключению мира²⁴; часть Сирии, именуемая Палестиной, населенная иудеями, была обращена в провинцию при содействии сына его, Тита²⁵; переправляясь в Италию, он оставил его во главе армии за пределами империи, а вскоре наградил за победу должностью префекта претория. (11) Отсюда эта должность, важная с самого начала, стала еще более значительной, второй в империи после власти августа.

XI. Тит Флавий Домициан

(1) Итак, Домициан²⁶ после убийства брата и наилучшего императора, обезумев от этого преступления как семейного, так и общественного значения, после позорно проведенной юности начал совершать грабежи, убийства, мучительства. (2) Еще больше было у него позорных дел, касающихся злодеяний; с сенаторами он обращался более чем высокомерно, приказывая называть себя господином и богом²⁷, это было отменено ближайшими его

преемниками, но много позже было восстановлено с еще большей строгостью. (3) Сначала Домициан притворялся милостивым, а на войне даже очень выносливым. (4) Поэтому после победы над даками и отрядом каттиев²⁸ он переименовал месяцы сентябрь и октябрь: первый – по имени Германика, второй – по своему имени, и завершил много работ, начатых отцом и особенно усердием брата, прежде всего в Капитолии.

XIII. Ульпий Траян

(1) Ведь он (т.е. Нерва) принял и дал стране соправителем Ульпия Траяна в звании консулара²⁹, уроженца испанского города Италики³⁰, принадлежавшего к славному роду. (2) Едва ли кто-нибудь нашелся славнее его как в мирное время, так и на войне. (3) В самом деле, он первый и даже единственный перевел римские войска через Истр и покорил в земле даков народ, носящий шапки, и саков с их царями Децебалом и Сардонием, и сделал Дакию провинцией³¹; кроме того, он ошеломил войной все народы на Востоке между знаменитыми реками Евфратом и Индом, потребо-

вал заложников у царя персов по имени Косдрой³² и в то же время проложил путь через область диких племен, по которому легко можно было пройти от Понтийского моря³³ до Галлии. (4) В опасных и нужных местах были построены крепости, через Дунай перекинут мост³⁴, выведено много колоний. (5) В самом Риме он более чем с великолепием содержал и украшал площади, распланированные Домицианом, проявил удивительную заботу о бесперебойном снабжении [столицы] продовольствием тем, что образовал и укрепил коллегию³⁵ хлебопеков; кроме того, чтобы скорее

узнавать, где что происходит за пределами государства, были сделаны доступными [для всех] общественные средства сообщения. (6) Однако эта довольно полезная служба обратилась во вред римскому миру вследствие алчности и дерзости последующих поколений, если не считать, что за эти годы в Иллирию были доставлены дополнительно войска при содействии префекта Анатолия³⁶. (7) Ведь в жизни общества нет ничего хорошего или дурного, что не могло бы обратиться в свою противоположность в зависимости от нравов

правителя. (8) Траян был справедлив, милослив, долготерпелив, весьма верен друзьям; так, он посвятил другу своему Суре³⁷ постройку: (именно) бани, именуемые Суранскими. (9) Он так доверял искренности людей, что, вручая, по обычаю, префекту претория по имени Субуран³⁸ знак его власти – кинжал, неоднократно ему напоминал: “Даю тебе это оружие для охраны меня, если я буду действовать правильно, если же нет, то против меня”. Ведь тому, кто управляет другими, нельзя допускать в себе даже малейшей ошибки.

XVI. Марк Аврелий Антонин и Луций Вер

В самом деле, он ввел в свою семью и в управление империей Бойония – он же Аврелий Антонин – уроженца одного с ним города, столь же знатного³⁹, но значительно его превосходящего в области философии и ораторского искусства. (2) Все его деяния и намерения как в мирное время, так и в военное, были божественны; однако они были омрачены недостойным поведением его супруги, нуждавшейся в сдерживании; она опустила до такого недостойного поведения, что, проживая в Кампании, садилась на живописном берегу, чтобы выбирать для себя из числа моряков, которые обычно бывают голые, наиболее подходящих для разврата. (3) Итак, Аврелий, как только тесть его умер близ Лориев⁴⁰ в возрасте семидесяти пяти лет, сейчас же сделал своим соправителем брата своего Луция Вера⁴¹. (4) Под его командованием велась война с персами при царе Вологезе⁴²; сначала победив, они (соправители) под конец отказались от триумфа. (5) Через несколько дней после этого Луций умер. Это дало основание для вымысла, будто бы он стал жертвой козней своего родственника. Говорят, что он (т.е. Марк), недовольный исходом войны, совершил злое дело во время пира: намазав ядом одну сторону ножа, он разрезал им единственный кусок свиной матки; съев ломтик, он – как обычно между родными – дал другой, отравленный ядом, своему брату. (6) Но поверить этому в отношении такого мужа могут только люди, сами склонные к преступлению. (7) К тому же достаточно (точно) известно, что Луций умер в городе Альтине в области Венеции; Марк же

обладал такой мудростью, мягкостью, честностью и так был предан науке, что, когда он собирался с сыном своим Коммодом, которого сделал цезарем, в поход против маркоманов⁴³, все ученые стали его убеждать, чтобы он не делал этого и не вступал в сражение, пока не изложит все возвышенные тайны [раскрытые им] в философии. (8) Так неизвестность похода в этой войне заставляла опасаться за его благополучие и за судьбу его научных трудов; при его правлении столь процветали все добрые искусства, что я готов их признать за славу тех времен. (9) Удивительно были разъяснены двусмысленности в законах; отменены были ежегодные явки в суд; введено было право объявлять о слушании тяжёб или об их отмене в определенные дни, что очень удобно. (10) Всем вообще было дано право римского гражданства⁴⁴, много городов было вновь основано, много колоний выведено, восстановлено, украшено; прежде всего – Карфаген, сильно пострадавший от пожаров, затем Эфес в Малой Азии и Никомедия в Вифинии, разрушенные землетрясением, так же, как в наше время Никомедия при консуле Цереале⁴⁵. (11) Отпразднованы были триумфы над народами, которые при царе Маркомаре заселяли земли от паннонского города, имя которому Карнут, до Средней Галлии. (12) Итак, на восемнадцатом году правления, он, крепкий не по годам, умер в Виндобоне⁴⁶, вызвав великий плач всего рода человеческого. (13) Сенат и народ, по-разному относившиеся к другим правителям, ему одному согласно присудили храмы, жрецов, памятные колонны.

XVII. Луций Аврелий Коммод

Сын его стал особенно ненавистным из-за жестокого управления с самого начала, особенно же из-за того, что предки его оставили о

себе противоположную память, а она для потомков бывает так тягостна, что, помимо общей ненависти к людям безбожным, они пред-

ставляются уж совершенно обреченными губителями своего рода. (2) На войне он был де-

ятелен; проводя ее с успехом против квадов⁴⁷, он переименовал месяц сентябрь в коммод.

XXVI. Гордиан, Пупиен и Бальбин

В то время как они в течение двух лет обладали высшей властью и не без удачи вели войну против германцев⁴⁸, внезапно близ го-

рода Фидра войском заочно был объявлен принцепсом проконсул Африки Антонин Гордиан.

Глава XXIX. Деций

И Деций, родившийся в поселке близ Сирмия, замыслил достигнуть власти, продвигаясь по военным должностям⁴⁹. Торжествуя победу над убитыми врагами, он сделал цезарем своего сына по имени Этруск. Отправив его сейчас же вперед в Иллирию, он сам несколько задержался в Риме из-за освящения крепостных стен, которые решил построить. (2) Между тем к нему неожиданно – как это обыкновенно бывает – приносят голову Иотапиана, который, кичась своим происхождением от Александра, пытался совершить переворот в Сирии, но пал по воле солдат; вместе с тем в те же дни Луцию Приску, стоявшему во главе управления в Македонии, сборищем готов, прорвавшихся туда после разграбления многих областей Фракии, была предо-

ставлена высшая власть. (3) По этой причине Деций с величайшей поспешностью выступил из Рима, а Юлий Валент при бурной поддержке черни захватил там власть. Но оба они вскоре были убиты, причем Приска знать объявила врагом отечества. (4) Деции же (отец и сын), преследовавшие варваров за Дунаем, пали после двух лет правления вследствие предательства Брута⁵⁰. (5) Но многие считают гибель Дециев славной. В самом деле: сын смело бросился в бой и пал в строю; отец же, когда пораженные солдаты хотели многое высказать императору в утешение, мужественно сказал им, что потеря одного солдата (т.е. сына) кажется ему малым уроном. Итак, битва возобновилась, и он, храбро сражаясь, погиб таким же образом.

XXXIII. Лициний Галлиен с Салонином

В то же время Лициний Галлиен, энергично отражавший германцев от [границ] Галлии⁵¹, поспешно спускается в Иллирик. (2) Там он разбил при Мурсии правителя Паннонии Ингеба⁵², которого охватила страсть к власти, как только он узнал о поражении Валериана, и вскоре затем победил также Регалиана⁵³, принявшего к себе уцелевшие после поражения при Мурсии легионы и продолжавшего войну. (3) Когда все эти дела разрешились сверх ожидания благоприятно, он, по свойственному людям обыкновению, стал слишком беспечен от удач и вместе со своим сыном Салонином, которому он предоставил почетный титул цезаря, поручил все управление государством воле судьбы, так что готы свободно проникли во Фракию и заняли Македонию, Ахею, и ближние земли Азии⁵⁴, Месопотамию заняли парфяне⁵⁵; на Востоке господствовали разбойники⁵⁶ или женщина⁵⁷, Италию также захватили полчища алеманов⁵⁸, полчища франков, разграбив Галлию, овладели Испанией, разорив и почти разрушив город Тарракону, и, получив своевременно корабли, проникли даже в Африку; потеряны были и земли за Истром, добытые Траяном⁵⁹. (4) Таким образом, как бы силой вет-

ров, свирепствующих с разных сторон, великое смешалось с ничтожным, высокое с низким. (5) Вместе с тем к Риму подбиралась чума, которая часто возникает при тяжелых обстоятельствах и при подавленном состоянии духа. (6) Сам он (Галлиен) посещал там харчевни и винные лавки, заводил дружбу со своднями и виноторговцами, весь во власти жены своей, Салонины, и позорной любви к дочери царя германцев⁶⁰ Атталы по имени Пипа; по этой причине начались особенно ожесточенные внутренние смуты. (7) Первый из всех устремился к захвату власти Постум, стоявший как раз во главе варваров в Галлии⁶¹; но когда туда ворвалось множество германцев, он был втянут в войну с Лелианом⁶². (8) Отбив его с большой удачей, он погиб во время мятежа своих солдат, потому что отказался дать им на разграбление жителей Могунциака за то, что они оказывали поддержку Лелиану. (9) Итак, когда он был убит, власть захватил Марий⁶³, бывший раньше кузнецом и еще в то время не усвоивший военного искусства. (10) Тогда все пришло в крайний упадок, потому что у наших людей власть и красота любой добродетели подвергаются поруганию. (11) Отсюда пошло шуточное выражение, что нет ни-

чего удивительного в том, что Марий старается восстановить то государство, которое [в свое время] укрепил тоже Марий, первый носитель [этого] имени⁶⁴ и такого же искусства. (12) Он был задушен через два дня, после чего избирается Викторин⁶⁵, не уступавший Постуму в знании военного дела, но слишком

преданный сластолюбию. Сначала он подавлял в себе эту страсть, но после двух лет правления он подверг насилию очень многих, а когда воспылал страстью к жене Аттитиана, она рассказала о его поступке мужу, и он был убит во время тайно поднятого мятежа солдат в колонии Агриппине⁶⁶.

XXXVII. Проб

Продержавшись у власти один или два месяца, Флориан был убит своими же солдатами близ Тарса⁶⁷. (2) После него они признали императором Проба⁶⁸, провозглашенного в Иллирике; он обладал большими знаниями военного дела и был прямо вторым Ганнибалом⁶⁹ по умению закалять юношество и давать различные упражнения солдатам. (3) Ибо подобно тому как тот засадил огромные пространства Африки масличными деревьями, применяя труд солдат, безделье которых казалось подозрительным вождю и правителям республики, таким же образом и этот засадил Галлию, Паннонию и холмы Мезии виноградниками, но, конечно, после того, как там были истреблены варварские племена⁷⁰, вторгавшиеся к нам и убивавшие своей преступной рукой наших принцев; убит был также Сатурнин на Востоке⁷¹ и разгромлен Бонос в Агриппине⁷², и тот и другой добивались власти, набрав войска и став во главе их. (4) По этой причине, подчинив все своей власти и усмирив всех, Проб, говорят, сказал, что скоро солдат и совсем не будет нужно. Отсюда – все большее раздражение солдат против него; они в конце концов и убили его на исходе

шестого года правления у Сирмия, когда их стали отводить в родной его город для осушения при помощи рва и водоемов этого города, страдавшего из-за болотистой почвы от зимних вод. (5) После этого сила военщины снова возросла, и у сената было отнято право избрания принцев, а также военная власть [над легионами] вплоть до нашего времени, причем неизвестно, по собственному ли его желанию, вследствие ли его бездеятельности или из-за ненависти к разногласиям. (6) В самом деле, с отменой эдикта Галлиена можно было возродить былую военную дисциплину, на что сдержанно согласились и легионы в правление Тацита, и Флориан не захватил бы безрассудно власть, и она не предоставлялась бы опрометчиво по решению манипулов⁷³ каждому, хотя бы даже и хорошему [полководцу], если бы в лагерях находились представители столь почетного сословия. (7) На самом же деле, наслаждаясь покоем и дрожа за свое богатство, приток которого и наслаждение им они ставят выше устойчивости [государства], они расчистили солдатам, и притом почти варварам, путь к господству над самими собой и над потомством.

XXXVIII. Кар, Карин и Нумериан

Итак, Кар⁷⁴, чувствуя свою силу как префект претория, облекся в одежду августа и сделал своих детей Карина и Нумериана цезарями. (2) И так как, узнав о смерти Проба, всевозможные варвары стали успешно вторгаться в пределы [государства], он послал для защиты Галлии старшего сына, а сам в сопровождении Нумериана сейчас же отправился в Месопотамию, потому что она ежегодно подвергалась военным налетам персов. (3) Когда, рассеяв врагов, он, опрометчиво погнавшись за славой, вступил в знаменитый город парфян Ктесифон, то был там поражен молнией и сгорел. (4) Говорят, что это с ним про-

изошло закономерно, ибо ему был дан оркул, что ему позволено дойти с победой лишь до этого города; он же зашел дальше и понес [за это] кару. (5) Отсюда ясно, что трудно обходить предназначенное судьбой, а потому излишне знать предстоящее. (6) А Нумериан, подумав, что со смертью отца окончилась и война, повел свое войско обратно⁷⁵, но погиб от козней своего тестя, префекта претория Апра. (7) Повод к этому дала болезнь глаз юноши. (8) Долгое время его смерть оставалась скрытой, так как его, будто бы больного, чтобы ветром ему не резало глаза, несли на закрытых носилках.

XXXIX. Валерий Диоклетиан

(43) Между тем были перебиты и маркоманы, и племя карпов⁷⁶ все было переселено на

наши земли; часть их, однако, была переведена уже Аврелианом.

XL. Констанций и Арментарий, Север и Максимин, а также Константин и Максенций

(8) Ожесточившись еще более, Галерий, прибегнув к совету Иовия, объявляет Августом цезаря Лициния⁷⁷, известного ему по старой дружбе; оставив его для охраны Иллирика и Фракии, он сам направляется в Рим. (9) Там он задержался на осаде [города] и, поскольку его солдат стали соблазнять так же, как и прежних, он, опасаясь, чтобы

они его не покинули, ушел из Италии; несколько времени спустя он погиб от отравленной стрелы⁷⁸, успев приспособить для земледелия поля в Паннонии, вырубив для этого непроходимые леса и спустив в Дунай воды из озера Пельсона⁷⁹. (10) В связи с этим он дал провинции этой имя своей жены Валерии⁸⁰.

XLI. Константин, Лициний, Крисп, Констанций, Лициниан, Констант, Далмаций, Магненций, Ветранион

(5) После того как он был разбит во многих сражениях, когда дальнейшие его притеснения казались уже слишком тяжелыми, они ради свойства вступили в переговоры, и власть цезарей была предоставлена их детям: Криспу и Константину⁸¹, сыновьям Флавия, и Лициниану, сыну Лициния. (6) Однако случившееся в те дни затмение солнца предсказало, что согласие, установившееся между ними, едва ли будет продолжительным и не принесет счастья его участникам. (7) Итак, через шесть лет после этого мир был нарушен во Фракии, и Лициний, разбитый в бою, отступил к Халкедону. (8) Там он призвал себе на помощь Мартиниана, разделив с ним власть, и погиб вместе с ним. (9) Таким образом, в государстве установилась единоличная власть, но дети сохранили свои титулы цезарей, ибо в то время знаки цезарской власти были даны и нашему императору Констанцию⁸². (10) Из них старший по возрасту (Крисп) неизвестно по какой причине по приказу отца был лишен жизни⁸³; тогда же начальник стад верблюдов Калокер захватил остров Кипр и – безумный – объявил там себя царем. (11) Когда он был замучен и казнен казнью рабов, что было законно, [Константин] с большим увлечением отдался основанию новой столицы, разрешению вопросов религии, а

также реорганизации военной службы. (12) А между тем разгромлены были полчища готов и сарматов, и самый младший из его сыновей, по имени Констант, стал цезарем⁸⁴.

(15) Итак, на тридцать втором году правления, после тринадцати лет единоличной власти над всем миром, достигнув шестидесяти двух лет, он умер⁸⁵ в сельской местности недалеко от Никомерии, по названию Ахирона, в походе против персов, о которых он слышал, что они начали войну; смерть его была предсказана появлением роковой для царств звезды, именуемой кометой. (16) Тело его было привезено в город его имени. (17) Римский народ очень тяжело перенес его смерть, так как считал, что его оружием, законами и милостивым правлением город Рим был как бы обновлен. (18) Через Дунай был построен мост; во многих удобных для этого местах были возведены крепости и бастионы.

(23) Констант возгордился этой своей победой, но так как он по молодости лет был очень неосторожен и необузданного нрава, к тому же поддавался влиянию дурных своих слуг, был, кроме того, крайне жаден и пренебрегал военными силами, он на десятом году после своего триумфа сделался жертвой преступления Магненция⁸⁶, но успел подавить восстание соседних племен⁸⁷.

XLII. Констанций, Непоциан, Деценций, Патриций, Сильван, Юлиан

(19) А Юлий Констанций⁸⁸, обладавший властью августа в течение двадцати трех лет, занятый все время то внешними, то гражданскими войнами, почти не слагал оружия. (20)

Им он сверг много тиранов, с его помощью выдержал натиск персов⁸⁹, дал сарматам царя, к их возвеличению пробыв некоторое время среди них.

Извлечения о жизни и нравах римских императоров

I. Октавиан Август

(7) Он присоединил к числу римских провинций земли кантабров и аквитанов, ретов, винделиков и далматов⁹⁰; свевов и каттов он истребил, сикамбров⁹¹ переселил в Галлию, паннонцев обложил данью; народы гетов и ба-

старнов, непрерывно воевавшие друг с другом, он привел к согласию⁹². (8) Персы дали ему заложников и предоставили право избрать им царя⁹³. (9) К нему направляли послов с дарами инды, скифы, гараманты, эфиопы.

II. Клавдий Тиберий

Клавдий Тиберий, сын Ливии, пасынок Цезаря Октавиана, правил двадцать три года. (2) Так как имя его было Клавдий Тиберий Нерон, шутники остроумно переделали его из-за пристрастия к вину в Кальдия Биберия Мерона⁹⁴. (3) Он был достаточно опытен в военном деле и до принятия власти, при Августе довольно удачно вел войны, так что высшая власть в государстве была ему предоставлена не без основания. (4) Обладал он и большими знаниями в науках. Красноречие его было выдающимся, но характер прескверный: он был суров, жаден, коварен, притворно показывал, что желает того, чего совсем не хотел, проявляя враждебность к тем, кому особенно благоволил, а к тем людям, которых ненавидел, относился как бы явно с расположением. (5) Внезапные его ответы или советы были лучше обдуманных. (6) Наконец, от предложенного ему сенаторами принципата

он притворно отказался, поступая так из хитрого расчета, тщательно допытываясь, что об этом говорят или думают отдельные лица, и это обстоятельство погубило некоторых порядочных людей. (7) Кто думал, что он от души жалуется в пространных речах на тяжести императорских обязанностей, высказывали и свои мнения, согласные с его словами, однако они впоследствии сильно от этого пострадали. (8) Он сделал Каппадокию провинцией, изгнав ее царя Архелая, подавил разбой гетулов; царя свевов Марободуя обошел хитростью. (9) Поскольку он с безмерной жестокостью преследовал виновных и невинных, своих людей наравне с чужими, он ослабил военное искусство, и Армения была разграблена парфянами, Мезия – даками, Паннония – сарматами, Галлия – соседними племенами. (10) Сам он в возрасте семидесяти восьми лет и четырех месяцев погиб от козней Калигулы.

XV. Антонин Пий

Антонин Фульвий, называемый также Бойоний, впоследствии прозванный еще Пием (т.е. благочестивым), правил двадцать три года. (2) Он был усыновлен Адрианом, будучи его зятем, и во время его принципата проявлял такую доброту, что, несомненно, нельзя указать другого примера подобной жизни, (3) хотя его современники сравнивают его с Нумой. Двадцать три года он правил всем миром одним своим авторитетом, не ведя никаких войн; все цари, племена и

народы так его уважали и любили, что считали его больше за отца и патрона, нежели за господина и императора, и все в один голос обращались к нему, как к судье, в своих спорах, полагая его решения согласными с волей богов. (4) Мало того, узнав о правосудии такого правителя, к нему направляли послов инды, бактрийцы, гирканцы⁹⁵; ко всему этому он был красив лицом, высок ростом и умеренно плотен.

XI. Констанций, Галерий Максимиан, Север, Максимин, Максенций, Лициний, Александр, Валент

(10) Нравы их были таковы: Аврелий Максимиан, по прозвищу Геркулий, был необузданного нрава, пылал сластолюбием, был тупоумен, происходил он из сельской местности в Паннонии. Еще и теперь недалеко от Сирмия возвышается холм с построенным на нем дворцом, где родители его работали как поденщики. (11) Он погиб в возрасте шестидесяти лет, императором был двадцать лет. (12) От сирийки Евтропии у него родились Максенций и Фауста, будущая жена Константина; за Констанция, отца Константина, он (Максимиан) выдал свою падчерицу Феодору. (13) Но Максенций, говорят, был подложен из хитрости женой, чтобы успокоить супруга, встревоженного предсказанием, что роды будут удачны, лишь если первым родится мальчик. (14) Этот Максимиан никогда никому не был любезен – ни отцу, ни даже тестю Галерию.

(15) Галерий же был хоть и грубоват, но попросту справедлив и заслуживал похвалы; он имел прекрасную фигуру, был отличный и удачливый воин; родители его были сельские жители, и сам он пас рогатый скот, откуда и прозвище его Арментарий⁹⁶. (16) Он родился на берегу Дуная в Дакии, там же и погребен; это место он назвал Ромулианским, по имени своей матери – Ромулы. (17) Он имел дерзость утверждать, что мать его, подобно матери Александра, Олимпиаде, зачала его от соития с драконом. (18) Галерий Максимин, сын сестры Арментария, носивший до получения власти свое настоящее имя – Даза, был в течение четырех лет цезарем, а потом три года августом на Востоке; по происхождению и воспитанию он был пастухом, но почитал умнейших людей и литераторов, был спокойного характера, но жаден до вина. (19) Поэто-

му в опьянении и как бы в помрачении ума он давал (иногда) жестокие распоряжения, потом досадовал, откладывал исполнение своих

приказаний до утра и до полного отрезвления; по характеру он был робок и из-за преклонного возраста не справлялся с работой.

XLI. Константин, Лициний, Крисп, Константин [II], Лициниан, Мартиниан, Констанций [II], Констант, Делмаций, Анибалиан, Магненций, Ветранион

(11) Между тем Константин, достигнув благодаря удивительной удаче в войнах единоличного управления всей Римской империей, приказал, как полагают, по настоянию жены своей, Фаусты, убить сына своего, Криспа. (12) А затем, когда мать его Елена, сильно тоскуя по внуку, стала его жестоко упрекать, он убил и жену свою Фасту, столкнув ее в горячую воду в бане. (13) Он был так жаден до славы, что этому трудно поверить. Он обычно называл Траяна, по причине многочисленных надписей с его именем на зданиях, стенным лишаем. Он же построил мост через

Дунай. (14) Свою царскую одежду он украсил драгоценными камнями, голова его постоянно была украшена диадемой. Однако он прекрасно выполнил ряд дел: строжайшими законами он пресек клеветничество, поддерживал свободные искусства, особенно занятия литературой, сам много читал, писал, размышлял, выслушивал послов, жалобы провинциалов. (15) Он утвердил в сане цезарей своих детей и сына своего брата по имени Делмаций и, прожив шестьдесят три года, из которых половину был правителем, причем тринадцать лет единоличным, он умер от болезни.

XLV. Валентиниан и Фирм

(8) Валентиниан же умер в Бергентионе⁹⁷ на пятьдесят пятом году жизни во время при-

ема посольства квадов: у него было кровоизлияние, он потерял речь, но сохранил сознание.

XLVII. Грациан и Максим

Грациан, родившийся в Сирмии, правил вместе с отцом Валентинианом восемь лет и восемьдесят пять дней, с дядей и братом – три года, с тем же братом и Феодосием – четыре года, а после того как к ним присоединился Аркадий – шесть месяцев. (2) Он разбил в войне около галльского городка Аргентария тридцать тысяч аламанов⁹⁸, (3) а когда увидел, что готы-таифалы⁹⁹, а также гунны и аланы¹⁰⁰, которые хуже всякой напасти, владеют Фракией и Дакией как своими родными землями и что римскому имени угрожает крайняя опасность, он вызвал с общего согласия из Испании Феодосия в возрасте тридцати двух лет и поручил ему военное командование¹⁰¹. (4) Грациан был образованным выше среднего уровня человеком, слагал стихи, красиво говорил, умел разбираться в контроверсиях по правилам риторики¹⁰², днем и но-

чью он был занят не чем другим, как упражнением в метании копья, считая за величайшее удовольствие и за божественное искусство, если попадал в цель. (5) Он был очень умерен в пище и в отношении сна и преодолевал в себе пристрастие к вину и плотским наслаждениям и был бы полон всякой добродетели, если бы направил свой ум к познанию искусства управления государством; но он чуждался этого не только по своей нелюбви к этому занятию, но и уклоняясь от практики. (6) Он пренебрегал военным делом и предпочитал старому римскому войску небольшие отряды аланов, которых привлекал на свою службу за очень большие деньги, и настолько увлекался общением с варварами и чуть ли не дружбой с ними, что иногда даже выступал (в народе) в варварском одеянии, чем вызвал к себе ненависть среди солдат.

XLVIII. Феодосий

Он в нескольких сражениях разбил гуннов и готов¹⁰³, которые беспокоили республику

при Валенте; с персами, по их просьбе, он заключил мир¹⁰⁴.

Происхождение римского народа

Х. Некоторые добавляют к этому, что Эней похоронил в низине, находящейся между Мизеном и Авернским озером, достигшую глубокой старости мать какого-то своего спутника,

по имени Евксиния, отчего и место это получило свое название и теперь еще называется Евксинским заливом¹⁰⁵.

О знаменитых людях

LIII. Луций Сципион Азиатский

Сципион Азиатский, брат Африканского, обладал слабым телосложением, но все же был восхвален братом в Африке за проявленное мужество. Будучи консулом¹⁰⁶, он, имея помощником своим брата, одержал победу над царем Сирии Антиохом у горы Сипил¹⁰⁷, так как луки врагов от сильного дождя размякли. [Побеж-

денного Антиоха] он лишил части оставленного ему отцом царства, почему и получил прозвище Азиатского. (2) Впоследствии он был обвинен в хищении государственных денег, но народный трибун Гракх-отец заступился за него, и он не был отведен в тюрьму. (3) Цензор Марк Катон в знак бесчестия лишил его коня¹⁰⁸.

LIV. Царь Сирии Антиох

Сирийский царь Антиох, чрезмерно полагаясь на свои силы, начал войну с римлянами под предлогом возвращения себе города Лисимахии во Фракии, основанного его предками, но находившегося в обладании римлян. Он сейчас же захватил Грецию и ее острова. На острове Евбее он предавался роскоши. (2) Прибытие Ацилия Глабриона пробудило его, и он захватил Фермопилы, оттуда [же] был вытеснен старанием Марка Катона и бежал в Азию. (3) В морском сражении, которое он поручил

провести Ганнибалу, он был побежден Луцием Эмилием Региллом¹⁰⁹. Сына Сципиона Африканского, захваченного им во время морского плавания, царь вернул отцу, который, как бы в благодарность за это, посоветовал ему добиваться дружбы с римлянами. (4) Антиох пренебрег этим советом и сразился с Луцием Сципионом у горы Сипила. (5) Он был побежден и загнан за Таврские горы, где был убит своими приближенными, которых он постоянно зади-рал в состоянии опьянения на пирах.

LV. Гней Манлий Вульсон

Консул Гней Манлий Вульсон¹¹⁰, посланный для организации управления в азиатской провинции Сципиона, стремясь заслужить триумф, начал войну с писидами и галло-греками (галатами)¹¹¹, поддерживавшими Антиоха. (2) Легко победив их, он поручил

жену царя Ортиагонта, оказавшуюся среди пленных, охране какого-то центуриона. Тот совершил над ней насилие, но она умолчала об этой обиде; однако потом, добившись выкупа, предала своего любовника мужу на расправу.

LXXVII. Гней Помпей Магн

Гней Помпей Магн примкнул в гражданской войне к партии Суллы и своим поведением заслужил большую его любовь. (2) Он принял Сицилию от проскрибированных без боя; отнятую у Гиарбы Нумидию он вернул Масиниссе. (3) Он получил (первый) триумф в возрасте двадцати шести лет и по своей инициативе изгнал из Италии Лепиду¹¹², хотевшего отменить все установления Суллы. (4) Посланный в Испанию претором с проконсульской властью, он победил Сертория¹¹³, а потом в течение сорока дней усмирив пиратов. (5) (Царя) Тиграна он принудил к сдаче, а Митридата – к самоубийству. (6) Затем с удивительным военным счастьем и наводя на всех великий страх, он прошел на север по землям албанцев, колхов, гениохов¹¹⁴, каспиев, иберов, на востоке – по странам парфян, арабов, иудеев. (7) Он первый проник до Гирканского, Красного и Арабского морей. (8) После того как власть над всем миром была поделена,

Красс получил Сирию, Цезарь – Галлию, а Помпей остался в столице. После гибели Красса¹¹⁵ он потребовал, чтобы Цезарь распустил свое войско. (9) Вытесненный из Рима враждебным наступлением Цезаря, он проиграл фарсальскую битву и бежал к царю Птолемею¹¹⁶ в Александрию. (10) Но префект Птолемея Септимий на глазах жены и детей Помпея пронзил его тело кинжалом. (11) У умершего уже мечом была отсечена голова – что до того времени никогда не делалось. (12) Труп его носился по волнам Нила, но был сожжен затем Сервием Рогом на погребальном костре, и прах его был похоронен. На могиле Сервий написал: “Здесь лежит Магн”. (13) Голова Помпея, обернутая в египетские ткани, вместе с его перстнем была доставлена сателлитом Птолемея Ахиллой Цезарю. Тот не мог сдержать слез и приказал кремировать ее, набальзамировав многочисленными и драгоценнейшими маслами.

LXXIX. Цезарь Октавиан

Цезарь Октавиан, перешедший путем усыновления из рода Октавиев в род Юлиев, в отместку за убийство Юлия Цезаря, который сделал его своим наследником, победил в Македонии организаторов убийства, Брута и Кассия. Сына Гнея Помпея, Секста Помпея, добивавшегося получить имущество своего отца, он разбил в Сицилийском проливе. (2) Консула Марка Антония, управлявшего Сирией и увлеченного любовью к Клеопатре, он победил у Акция на побережье Амбракии. (3)

Остальные части мира он покорил себе при помощи своих легатов. (4) Парфяне вернули ему римские знамена, отнятые у Красса. (5) Инды, скифы, сарматы и даки, которых он не покорял, прислали ему дары. (6) Врата в храме двуликого Януса, дважды запиравшиеся до него: первый раз при Нуме, второй раз после Первой Пунической войны, он запер своей рукой. (7) Назначенный пожизненным диктатором¹¹⁷, он за свои подвиги получил от сената титул божественного Августа.

Примечания

¹ Рим, согласно традиции, был основан в 753 г. до н.э. Здесь имеются в виду события 31 г. до н.э., когда Август победил в морской битве при *Акции* последнего противника, Антония, и стал единственным римским властителем.

² *Октавиан Август* был сыном Гая Октавия и Атии, дочери сестры Гая Юлия Цезаря. В 44 г. до н.э. был усыновлен Цезарем.

³ 16 января 27 г. до н.э. сенат удостоил Октавиана почетного титула Август (лат. возвеличенный).

⁴ Умер Август 19 августа 14 г. н.э. в Ноле, городе на юге Кампании, области в центральной Италии.

⁵ *Реций* – альпийская область (совр. северо-восточная Швейцария, юго-западная и юго-восточная Австрия); в 15–13 гг. до н.э. была завоевана па-сынками Августа, Друзом и Тиберием, однако императорской провинцией стала только при императоре Клавдии (41–54 гг. н.э.). *Иллирик* – первоначальное название средней части Адриатического побережья около Шкодера (Сев. Албания), расширившееся затем на весь северо-запад Балканского полуострова от побережья Адриатики до Моравии и от Эпира до среднего течения Дуная. В 168 г. до н.э. была создана римская провинция Иллирик, однако внутренние области были подчинены только Августом. После подавления иллирийского восстания 6–9 гг. н.э. провинция была поделена на Нижнюю Иллирию – Паннонию, и Верхнюю Иллирию – Далмацию.

⁶ Завоеванию Германии положила конец битва в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э., когда германское племя херусков во главе с Арминием одержало победу над римскими войсками под командованием Квинтилия Вара, в результате чего все три легиона и вспомогательные войска, из которых состояла армия Вара, были практически полностью уничтожены.

⁷ *Нума Помпилий*, согласно римской традиции, второй царь Рима. Он посвятил Янусу построенную двойную арку на Форуме, крытую бронзой и опиравшуюся на колонны, образовывавшую таким образом ворота, которые должны были отпираться во время войны и запирались во время мира.

⁸ *Янус* – древнеримское божество дверей и ворот, входов и выходов, изображавшееся двуликим. При Августе храм Януса запирался трижды, первый раз – в 29 г. до н.э., в честь окончания гражданской войны.

⁹ Время правления Августа известно расцветом науки и искусства. Императора и его время прославили в своих произведениях Гораций, Верги-

лий, Проперций; Тит Ливий создал монументальную римскую историю; ученый Гигин стал главой основанной на Палатинском холме библиотеки. Учителем красноречия Августа был Аполлодор Пергамский. Был он близок и с философом Ареем и его сыновьями, Дионисием и Никанором (Светоний. Август: 89, 1).

¹⁰ В июле 27 г. до н.э. Августу была пожизненно передана власть трибуна.

¹¹ Август был еще в молодости помолвлен с дочерью Публия Сервилия Исаврика. Однако в 43 г. до н.э., после первого примирения с Антонием, когда их войны потребовали, чтобы оба полководца вступили в родственную связь, Август взял в жены Клавдию, падчерицу Антония; но, поссорившись со своей тещей Фульвией, он развелся с ней (рассказ о ссоре с тещей – версия Светония; очевидно, что брак с Клавдией носил чисто политический характер, и он был расторгнут, когда политическая необходимость его существования отпала). Вскоре Август женился на Скрибонии, которая до того уже была замужем за двумя консулами и от одного имела детей; этот брак также носил политический характер: он должен был скрепить мир Августа с Секстом Помпеем, женатым на племяннице Скрибонии. От Скрибонии у него родилась дочь Юлия. В 39 г. до н.э., в самый день рождения Юлии, Август развелся со Скрибонией и уже в январе 38 г. до н.э. женился на Ливии Друзилле, которую он беременной отнял у ее мужа, Тиберия Нерона. У Ливии уже был сын, Тиберий, а через три месяца после свадьбы с Августом она родила второго сына, Друза Старшего, который официально считался сыном ее первого мужа. Однако от Августа у Ливии детей не было. Юлия Старшая, дочь Августа от Скрибонии, своим распутным поведением вызвала гнев Августа, и во 2 г. до н.э. он расторг ее брак с Тиберием и выслал ее из Рима. Однако с ее детьми он сохранил хорошие отношения: в 17 г. до н.э. Август усыновил двух ее сыновей от Агриппы – Гая и Луция. Однако Гай умер во 2 г. н.э., а Луций – в 4 г. Тогда в 4 г. Август усыновил еще двоих – Агриппу Постума, младшего сына Юлии и Агриппы, и Тиберия, старшего сына Ливии Друзиллы от первого мужа, бывшего мужа Юлии Старшей. Но в 7 г. Август выслал Агриппу Постума из Рима за жестокий и буйный нрав. Родную внучку Юлию Младшую, дочь Юлии Старшей и Агриппы, Август в 8 г. н.э. выслал из Рима за развратное поведение (Светоний. Август: 63–65).

¹² *Скифы* – собирательное название племен, обитавших у Черного моря, на Дону, Днепре и Дунае. *Гараманты* – берберийское племя внутренней Ливии; в результате ряда походов (впервые в

21–19 гг. до н.э.) они были покорены римлянами. *Бактры* – племена в Средней Азии.

¹³ *Друиды* – кельтские (галльские) жрецы. Их культ ужасал римлян обычаем человеческих жертвоприношений. Но поскольку зачастую друиды поддерживали антиримские настроения, то это запрещение могло носить также и политический характер.

¹⁴ Сложно сказать, что именно здесь имеется в виду. Либо это события 43–44 гг., когда царь Иудеи Ирод Агриппа без разрешения легата Сирии собрал у себя правителей зависимых от римлян мелких государств. Однако явившийся легат Сирии Вибиус Марс, опасаясь договоров против римлян, приказал им разъехаться. Кроме того, Агриппа начал строить новые крепостные стены вокруг Иерусалима, и прекратил строительство, только получив личный приказ императора. Когда Агриппа умер в 44 г., Клавдий, чтобы избежать напряженности в этом районе, дал Агриппе II лишь часть владений отца, а большую часть царства с Иерусалимом превратил в провинцию Иудею под управление провинциальной администрации. Либо речь идет о событиях 47 г., когда Клавдий вернулся из ссылки Митридата VII Иберийского и объявил о восстановлении его на троне Армении. Пользуясь династическими уособицами в Парфии, Митридат с помощью римских и иберийских войск утвердился в Армении, подчинив ее фактически Риму (Тацит. *Анналы* XI: 8–10).

¹⁵ Области *Реция* и *Норик* (территория совр. Австрии) были захвачены римлянами в 16–13 гг. до н.э., но в римские провинции были преобразованы лишь при Клавдии.

¹⁶ *Юба* – сын нумидийского царя Юбы (Юба I покончил с собой после поражения при Тапсе в 46 г. до н.э.), вырос в Риме. Впоследствии римляне возвели его на мавританский трон. После казни его сына Птолемея по приказу Калигулы римские войска под командованием будущего императора Клавдия оккупировали Мавританию. Она была разделена на 2 провинции: Мавританию Тингитанскую (совр. Марокко) и Мавританию Цезарею (совр. Зап. Алжир).

¹⁷ *Мусаламии* (мусулами) – племя в Нумидии, обитавшее во внутренних районах страны, близ пустыни Сахары.

¹⁸ В 44 г. римские войска захватили южные области Британии и провозгласили их римской провинцией.

¹⁹ *Остия* – город в устье Тибра, крупнейшая торговая гавань. Во времена империи – база римского флота и главная гавань Рима.

²⁰ *Авл Вителлий* (12–69). В 48 г. был консулом. Два года был проконсулом провинции Африка, а затем попечителем общественных построек. В 68 г. Гальба поручил ему командование рейнскими легионами. 3 января 69 г. легионы провозгласили Вителлия императором.

²¹ *Тит Флавий Веспасиан* (9–79), был сыном откупщика из города Реате в стране сабинов – области в центральной Италии севернее Рима – и стал первым императором несенаторского происхождения. При Тиберии вошел в состав сената. Служил войсковым трибуном во Фракии, затем был наместником провинции Крит и Кирена. При Клавдии командовал одним из рейнских легионов, а затем участвовал в завоевании Южной Британии. В 51 г. Веспасиан стал консулом, а затем 2 года был проконсулом Африки. В 67 г. Нерон поручил Веспасиану подавление иудейского восстания. 1 июля 69 г. легионы восточных провинций провозгласили его императором; на его сторону вста-

ли и дунайские легионы, что позволило ему победить Вителлия.

²² *Мезия* – провинция, включавшая территорию в районе Нижнего Дуная, в которой дислоцировалось 2 легиона. *Паннония* (провинция Верхний Иллирик) включала земли по среднему течению Дуная. Здесь было дислоцировано 3 легиона.

²³ *Фламиниева дорога* названа по имени построенного ее в 220 г. до н.э. цензора Гая Фламиния. Проходила от Рима на север, через Умбрию до Аримина (совр. Римини).

²⁴ По-видимому, речь идет о событиях 73 г., когда Веспасиан, проводивший политику ликвидации вассальных царств, превратил в провинцию царство горной Киликии. Тогда царь Коммагены Антиох и его сын Эпифан попытались заключить союз с Парфией. Наместник Сирии Цезенний Пет по приказу императора вторгся в Коммагену, однако в бою потерпел поражение. Но Антиох с Эпифаном все равно бежали: Антиох в Киликию, где был арестован римлянами, а Эпифан в Парфию. Парфянский царь *Вологез I* (51/52–79/80) вступился за коммагенскую династию и прислал Веспасиану письмо с просьбой за них. Император осведомил Антиоха, к которому приехал из Парфии Эпифан, и оставил их жить в Риме (см. Иосиф Флавий. *Иудейская война* VII: 7, 1–3). Либо речь идет о событиях 74–76 гг., когда аланы разгромили северные области Парфии и грозили вторгнуться во внутренние районы страны. Вологез обратился с просьбой о помощи к Веспасиану, но император отказал ему, ограничившись посылкой войск в Сирию и зависимую от Рима Иберию. В отместку Вологез, справившись с аланами, напал на Сирию, но был отбит наместником Траяном, отцом будущего императора (Светоний. *Дометиан*: 2, 2; Дион Кассий LXVI: 15).

²⁵ *Тит Флавий Веспасиан* (30 декабря 39 г. – 13 сентября 81 г.), старший сын и наследник Веспасиана. Вместе с отцом служил в должности войскового трибуна в Германии и Британии. Во время Иудейской войны был назначен командиром легиона в армии отца. В 69 г., после провозглашения Веспасиана императором, принял от него командование в Палестине. В 70 г., подавив восстание иудеев, захватил и разрушил Иерусалим. В 71 г. Тит возвращается в Рим, становится префектом претория и соправителем отца, а в 73–74 гг. – цензором. Был консулом в 72, 74–77, 79 гг.

²⁶ *Тит Флавий Домициан* (51–96), младший сын Веспасиана. В 69 г. он вместе со своим дядей Флавием Сабинном укрывался на Капитолии и во время пожара сумел бежать. После того, как сенат в декабре 69 г. признал власть Веспасиана, Домициан был провозглашен наместником отца в Риме. В 70 г. он принял должности претора и консула (т.к. оба консула 70 г., Веспасиан и Тит, находились в Иудее). В отсутствие императора занимался активной административной деятельностью и отправился даже в поход в Галлию и Германию для подавления вспыхнувшего восстания Цивилиса на Нижнем Рейне. Однако он достиг лишь Лугдуна, когда восстание было подавлено Цереем.

²⁷ До того императоров именовали принцепсами. Домициан также восстановил императорский культ.

²⁸ В 83 г. Домициан победил хаттов – одно из крупнейших германских племен, обитавших на территории между реками Рейном и Везером. В ходе этой кампании император организовал строительство лимеса для обеспечения безопасности завоеванных Декуматских полей и основал провинции Нижняя и Верхняя Германия. В 85–92 гг. До-

мициан вел борьбу на Дунае против дакского царя Децебала, а также против маркоманов, квадов и сарматов.

²⁹ *Консуляр* – бывший консул. Траян был консулом в 91 г.

³⁰ Город в Южной Испании.

³¹ *Истр* – Дунай. В 101–102 гг. Траян начал войну с даками и подчинил их (I Дакийская война), а в 105–106 гг. еще раз напал на Дакию (II Дакийская война). После безнадежного сопротивления восьми легионам царь даков Децебал попытался спастись бегством, но был настигнут и убит. Согласно Диону Кассию (XVIII: 9), у даков шапки носили только представители знати. Под *саками*, скорее всего, имеются в виду язиги, могущественное сарматское племя, родственное сакам (саки – восточноиранские кочевые племена в Средней Азии; *сарматы* – иранское племя), которое обитало по соседству с даками, между реками Дунаем и Тиссой. В 107 г. Траян сделал Дакию римской провинцией.

³² В 106 г. Набатеиское царство было превращено Траяном в провинцию Аравия. В 114 г. он начал войну с Парфией, двинув сначала войска в Армению, и в том же году официально провозгласил Армению римской провинцией. В 115 г. Траян захватил Месопотамию и создал провинцию Месопотамия, а в 116 г. римские войска дошли до Персидского залива и захватили Ктесифон, столицу Парфии. *Косдрой* – парфянский царь Хосрой (109–128/9).

³³ *Понтийское море* – Понт Евксинский, т.е. Черное море.

³⁴ Под Тирну-Северином Аполлодор Дамасский построил для Траяна первый постоянный мост через Дунай, длина которого составила 1 км.

³⁵ *Коллегии* – объединения отдельных профессиональных групп. В I в. до н.э. они участвовали в социальной борьбе городского плебса, и потому подвергались преследованиям со стороны сената и Цезаря: частично были распущены. В императорскую эпоху коллегии находились под строгим контролем государства.

³⁶ *Анатолій* был префектом Иллирика при императоре Констанции II (правил в 337–361 гг.). Еще во II в. н.э. был введен налог на общественные работы, в частности, на содержание почтового ведомства и ремонт дорог. Этот налог был весьма обременителен. Анатолий же значительно его уменьшил (см. Ам. Марс., XIX, 11, 2–3).

³⁷ *Лициний Сура* – друг и правая рука Траяна. Он был членом группировки, которая поддерживала Траяна, а позже Адриана. Начиная Сура с адвокатуры. Затем был наместником в Белгике, трижды консул; являлся искусным дипломатом и политиком; занимался естественной историей.

³⁸ *Секст Аттий Субуран Эмилиан* – консул 101 и 104 гг.

³⁹ *Марк Аврелий Антонин* (121–180) родился в Риме и происходил из senatorской семьи испанского происхождения.

⁴⁰ *Антонин Пий* умер в Риме.

⁴¹ *Луций Аврелий Вер* (130–169) происходил из senatorской фамилии выходцев из Этрурии и был сыном Элия Вера. В 138 г. был усыновлен Антонином Пием. Марк Аврелий сделал Вера 7 марта 161 г. своим соправителем. Командовал кампанией против парфян в 163–166 гг. и участвовал в Маркоманской войне 168–169 гг.

⁴² Парфянский царь *Вологез III* (147/148–192), с которым воевал Луций Вер. Эту кампанию Вер вел через легатов, хотя сам находился на Востоке. В результате успешных операций римляне захва-

тили большую часть Месопотамии с парфянской столицей Ктесифоном. Однако в 166 г. в римской армии вспыхнула эпидемия чумы, а на северной границе началась война с маркоманами. Соправители пошли на заключение мира: римляне оставили себе северо-западную часть Месопотамии и контроль над Арменией.

⁴³ *Маркоманы* – германское племя, относящееся к севам. Маркоманские войны начались в 166–167 гг., когда маркоманы и квады вторглись на территорию империи, что вылилось в затяжную оборонительную войну на дунайской границе. В 168–172 гг. римские войска под командованием Марка вытеснили германские и сарматские племена с территории империи. В 172–175 гг. римляне активизировали наступательные действия, однако смогли лишь ненадолго установить контроль над частью территории совр. Чехии и вост. Венгрии. Своего сына Коммода Марк провозгласил соправителем в 176 г. Маркоманские войны продолжались до 180 г. включительно.

⁴⁴ Это сведение ошибочно: согласно большинству источников, этот закон был издан Каракаллой в 212 г.

⁴⁵ В 358 г.

⁴⁶ Совр. Вена.

⁴⁷ *Квады* – германское племя, ветвь севов, размещалось между Карпатами и Средним Дунаем в совр. Богемии (Моравии).

⁴⁸ Продолжая войну, Максимин нанес несколько поражений аламанам в 235 г., сарматам и дакам в 236–237 гг.

⁴⁹ *Сирмий* – город в Паннонии, совр. Митровица. *Гай Мессий Квинт Деций Траян* (195–251), в 249 г., будучи сенатором и главнокомандующим в Паннонии и Мезии, был провозглашен своими войсками императором в противовес Филиппу.

⁵⁰ Вероятно, игра слов: Деции погибли в Мезии, в битве у поселка Абрутии.

⁵¹ *Публий Лициний Эгнаций Галлиен* (218–268), сын Валериана, с 253 г. его соправитель. В 254–259 гг. оборонял рейнско-дунайскую границу, в 259 г. нанес поражение продвигавшимся до Медиолана аламанам. После плена отца стал единственным правителем.

⁵² *Ингеб* (Ингенуй) был наместником Паннонии, в 258 г. в Сирмии провозглашен императором легионами своей провинции Мезия. Галлиен немедленно отправился против Ингеба, и его полководец Авреол победил войска Ингеба в битве при Мурсии, а сам Ингеб был убит во время бегства.

⁵³ *Регалиан* был родом из Дакии, из знатного рода. Валериан его назначил легатом Иллирика, где он успешно воевал против сарматов. В 260 г. войска провозгласили его императором, но был побежден Галлиеном и убит.

⁵⁴ В 267–268 гг. *Ахейя* (Ахайя) – римская провинция, охватывающая всю территорию Греции.

⁵⁵ Т.е. персы. После поражения у Эдессы персидская армия в 259–260 гг. взяла приступом 36 городов и крепостей, опустошила и захватила Сирию, Киликию, Каппадокию.

⁵⁶ Кириад, член городского совета Антиохии, бежал к персам, участвовал в 255 г. в походе Гормизда, сына и преемника Шапура на Сирию, закончившимся взятием Антиохии персами, после чего Кириад был провозглашен императором, а после прибытия на Восток Валериана был убит. Марк Фульвий Макриан в 259 г. был провозглашен войсками императором вместе с сыновьями Макрианом и Квиетом; Квиета вместе с префектом претория Баллистой Макриан направил на Восток; однако когда Макриан был побежден Аврео-

лом, полководцем Галлиена, в 262 г., Оденат, царь Пальмиры, действовавший от имени Галлиена, одержал победу над Квиетом и Баллистой и убил их. В Египте в 261 г. префект этой провинции Эмилиан провозгласил себя императором, и дислоцированные в Египте войска его поддержали. В 262 г. в Египет прибыл с войском Теодот, полководец Галлиена, назначенный префектом Египта вместо Эмилиана; он разбил войска Эмилиана, захватил его в плен и отправил его к Галлиену; по приказу Галлиена Эмилиана удавили.

⁵⁷ Септимия Зенобия, вторая жена царя Пальмиры Одената, после убийства которого в 267 г. объявила Пальмирское царство независимым. Зенобия была регентшей при своем сыне Вабаллате; она расширила пределы своего царства вплоть до Малой Азии, Аравии и Египта. В 270 г. приняла титул августы. Войска Зенобии потерпели поражение от войск императора Аврелиана под Антиохией и Эмесой. В 272 г. Зенобия попала в плен. В 274 г. в числе других пленников прошла в триумфальной процессии. Остаток жизни провела в поместье в Тибуре.

⁵⁸ В 259 г. Галлиен нанес им поражение у Медиолана.

⁵⁹ Из-за вторжения варваров отпали Дакия (в 255 г.), Декуматские поля (в 259 г.), временно была потеряна также Реция.

⁶⁰ Маркоманов.

⁶¹ *Марк Кассиан Постум Латинский*. Ему Валериан поручил охрану рейнской границы, и он был правителем Галлии в 259–269 гг. Ему Галлиен поручил жившего в Галлии сына Салонина; в 258 г. Постум вытеснил из Галлии с правого берега Рейна германцев, а когда вспыхнул спор по поводу добычи, Постум был провозглашен императором, а Салонин убит. Постум, принявший власть осенью 260 г., основал сепаратную Галльскую империю (259–274 гг.). Он смог выстоять против Галлиена и в 260 г. подчинить Британию и Испанию. Постум был убит под Майнцем осенью 268 г. во время восстания солдат.

⁶² *Гай Ульпий Корнелий Лелиан* поднял восстание в Майнце весной 268 г. Был осажден Постумом в Майнце и, по-видимому, убит своими солдатами, либо Викторинном.

⁶³ *Марий* захватил власть в 269 г.

⁶⁴ *Гай Марий* (156–86 гг. до н.э.), талантливый полководец; одержал победу над Югуртой в Африке, разбил тевтонов и кимвров в Галлии.

⁶⁵ *Марк Пиавоний Викторин* происходил из влиятельной трирской семьи. При Постуме он был трибуном преторианцев и вместе с ним консулом в 267 г. После смерти Постума был провозглашен императором.

⁶⁶ В 269 г.; *колония Агриппина* – ныне Кёльн.

⁶⁷ *Тарс* – город в Киликии. Флориана солдаты убили, когда узнали о провозглашении Проба.

⁶⁸ *Марк Аврелий Проб* (232–282). Валерианом был назначен трибуном и сделал военную карьеру, участвуя в войнах Валериана, Галлиена, Клавдия и Аврелиана. В июле-августе 276 г. был провозглашен войском императором.

⁶⁹ Ганнибал (247/246–183 гг. до н.э.), главнокомандующий карфагенскими войсками в Испании (Карфаген являлся аристократической республикой). Был известен как талантливый полководец.

⁷⁰ В 277–278 гг. Проб сражался против аламанов, а его полководцы в это время вели войну против франков. В конце 278 г. Проб отправляется на восток. По дороге нанес поражение сарматам в Иллирии, а также подчинил часть гетов во Фракии.

⁷¹ Юлий Сатурнин был родом галл (или мавр – Зосим I: 66, 1). Аврелиан назначил его наместником Сирии. В Палестине воины провозгласили его императором вскоре после провозглашения Проба. Осажденный войсками Проба в одной из сирийских крепостей, был убит своими солдатами.

⁷² Боноз происходил из испанского незнатного рода. Сделал военную карьеру и при Аврелиане уже был начальником рецийской конницы. По желанию Аврелиана женился на готской принцессе. Императором провозгласил себя, по-видимому, после смерти Аврелиана. Будучи побежден в сражении с войсками Проба, Боноз покончил с собой.

⁷³ *Манипула* – подразделение в легии. Начиная со II Пунической войны легион состоял из 10 когорт и 30 манипул. Но в результате военной реформы Адриана манипула как низшая тактическая единица была ликвидирована, ее заменила центурия.

⁷⁴ *Марк Аврелий Кар*, римский император с сентября 282 г. по июль 283 г. Выходец из Южной Галлии; при императоре Пробе занимал должность префекта претория; провозглашен императором норикскими и рецийскими войсками. Усмирив германцев и сарматов на Дунае, а затем двинулся на восток и одержал победу над персами в Месопотамии.

⁷⁵ *Марк Аврелий Нумериан*, римский император с лета 283 г. по осень 284 г. После смерти Кара стал августом на Востоке. Возвращаясь после войны с персами, был убит в Малой Азии.

⁷⁶ *Карпы* – дакийское или славянское племя, размещалось юго-восточнее Буковины, вдоль Прута, до его впадения в Дунай. Диоклетиан временами предпринимал походы для защиты границ у Рейна и Дуная: в 288 г. успешно воевал с аламанами, в 289 и 292 гг. – с сарматами.

⁷⁷ *Валерий Лициний Лициний* (ок. 265–325), выходец из семьи дакийского крестьянина, военачальник и друг Галерия, который провозгласил его 11 ноября 308 г. в Сирмии соправителем с титулом августа. Власть Лициния распространялась на Рецию и Паннонию.

⁷⁸ Согласно большинству источников, Галерий умер от болезни в мае 311 г.

⁷⁹ Совр. озеро Балатон.

⁸⁰ Провинция Нижняя Паннония была разделена на две – Вторую Паннонию и Валерию. Валерия, дочь Диоклетиана, вышла замуж за Галерию в 293 г. После смерти Галерия на ней хотел жениться Максимиан Даза, но Валерия ему отказала, и Максимиан держал ее и ее мать Приску под стражей. После его смерти в 313 г. Валерия и Приска бежали в Никомедию к Лицинию, но затем вынуждены были бежать и оттуда, но в 314 г. были пойманы и по приказу Лициния казнены.

⁸¹ *Крисп* был старшим сыном Константина и Минервины, простой женщины, с которой Константин жил до своего брака с Фаустой, дочерью Максимиана. Цезарем он стал в 17 лет и получил в управление галльские провинции. Флавий Валерий Константин II (февраль 314 – 340 гг.), старший сын Константина и Фаусты, провозглашен цезарем вскоре после своего рождения.

⁸² *Флавий Юлий Констанций II* (317–361), сын Константина I, римский император с 9 сентября 337 г.

⁸³ Во время войны Константина с Лицинием в 324 г. Крисп командовал частью войск отца и победил флот Лициния в Геллеспонте. Вскоре Константин отобрал у него управление провинциями и стал держать при себе. В 326 г. Константин отправился в Рим и взял Криспа с собой. В Риме он при-

казал арестовать Криспа, увести из города и убить. Вместе с ним был убит и Лициниан, сын Лициния и Констанции, сестры Константина.

⁸⁴ *Флавий Юлий Констант* (ок. 320–350), младший сын Константина I. Цезарем был провозглашен в 333 г.

⁸⁵ 22 мая 337 г.

⁸⁶ *Флавий Магненций* был варварского (британского) происхождения, служил в римской армии и прошел путь до комита. Он организовал заговор, который завершился свержением Константа 18 января 350 г. Константин бежал, но недалеко от Пиренеов был убит.

⁸⁷ Константин в 338 г. победил сарматов на Дунае, в 341–342 гг. одержал победы над франками на Рейне, в 343 г. – над пиктами и скотами в Британии.

⁸⁸ Имеется в виду Констанций II.

⁸⁹ Констанций II вел войны с персами в 338–350 и 359–361 гг.

⁹⁰ *Кантабры* – иберизовавшееся племя, селявшееся Центральную Испанию (при Августе в 29–19 гг. до н.э. были подчинены астуры и катабры); *аквитаны* – жители одной из провинций Галлии; *реты* – кельто-иллирийские племена, жившие в долинах Западных и Центральных Альп (завоеваны в 15–13 гг. до н.э.); *винделики* – кельтское племя, обитавшее между Гельвецией, Нориком, Альпами и Дунаем (завоеваны в 16–15 гг. до н.э.); *далматы* – иллирийское племя, обитавшее в Далмации (восстание далматов 34–33 гг. до н.э. было подавлено Августом и Далмация была присоединена к провинции Иллирик).

⁹¹ *Сикамбры* – западно-германское племя, обитавшее между реками Зигом и Рейном. Войны с германцами полководцев Августа – 8–7 гг. до н.э.

⁹² *Геты* – фракийские племена, обитали на побережье Понта и левом берегу Днестра. *Бастарны* – сармато-фракийские или германские племена, обитали по течению реки Прут и до дельты Дуная.

⁹³ В 20 г. до н.э. римские войска сконцентрировались на армянской границе, и над армянским царем Артаксом, враждебным Риму, нависла угроза вторжения. Но когда войска под предводительством Тиберия, будущего императора, пришли в движение, в Армении заговорщики убили Артакса и обратились к римлянам с просьбой предоставить им царя. Тиберий посадил на престол Тиграна III, брата Артакса, который был захвачен в плен Марком Антонием, а после победы Августа перевезен в Рим.

⁹⁴ Здесь игра слов: *calidus* ‘горячий’, *Biberius* – от *bibere* ‘пить вино’, *merum* ‘чистое, не разбавленное водой вино’.

⁹⁵ *Гиркания* – плодородная местность к юго-востоку от Каспийского (Гирканского) моря.

⁹⁶ От *armentum* ‘рогатый скот’.

⁹⁷ Город и римский военный лагерь в провинции Паннония на правом берегу Дуная.

⁹⁸ В 378 г.

⁹⁹ *Тайфалы* – германское племя на Среднем Дунае.

¹⁰⁰ *Гунны* – племя, образовавшееся во II–IV вв. в Приуралье из тюркоязычных хунну, местных угров и сарматов. Гунны возглавили мощный союз племен, куда входили германские и сарматские племена. *Аланы* – многочисленные ираноязычные

племена сарматского происхождения. В IV в. вошли в состав гуннского союза племен.

¹⁰¹ После смерти Валента в 378 г. Грациан провозгласил Феодосия августом в Сирмии 19 января 379 г.

¹⁰² *Контроверсии* – особый род риторических упражнений, состоящий в отстаивании противниками двух противоречивых положений.

¹⁰³ В 378–383 гг.

¹⁰⁴ В 387 г. Рим и Персия заключили договор о разделе Армении. Часть областей была присоединена к владениям обеих держав, другая часть оставалась номинально под протекторатом той или другой державы. Номинальная власть армянской династии Аршакидов была упразднена в западной (римской) Армении еще при Феодосии, в 391 г., а ее правителей стал назначать император.

¹⁰⁵ *Евксинский ‘гостеприимный’* (ср. Евксинский Понт – Черное море); вероятно, подобное название залива происходит от первопоселенцев – греков.

¹⁰⁶ Консул 190 г. до н.э.

¹⁰⁷ Войска Антиоха были разбиты в битве при Магнесии, города в Лидии у подножья горы Сипил. В 188 г. был заключен Арамейский мир, по которому Антиох отказался от притязаний на территорию к Западу от Тавра.

¹⁰⁸ Бесчестие заключалось в том, что коня отнимали публично, во время торжественного шествия всадников на Капитолий.

¹⁰⁹ Претор 190 г. до н.э.

¹¹⁰ Консул 189 г. до н.э.

¹¹¹ *Писиды* – жители горной страны в горах Тавра в Малой Азии. *Галаты* – кельтские племена, в III в. до н.э. переселившиеся в Малую Азию и разместившиеся в ее центральной части.

¹¹² В 78 г., после смерти Суллы, консул этого года *Марк Эмилий Лепид*, отец будущего триумвира, подготовил отмену сулланских постановлений: он предлагал вернуть в Рим оставшихся в живых из проскрипционных списков, а также вернуть конфискованное имущество. Лепид отправился в Этрурию и оттуда бросил войско на Рим. Но другой консул 78 года, Квинт Лутаций Катулл, вместе с Помпеем отразили эти войска, а Лепида объявили врагом отечества. Лепид бежал в Сардинию, где в 77 г. умер.

¹¹³ Серторий (123–72 до н.э.), сторонник Марии, был во вражде с Суллой и в результате его происков был отправлен в 83 г. претором в Испанию, откуда бежал в Мавританию, а в 80 г. возвратился и установил независимый от Рима режим. Против Сертория был направлен Помпей, который после первых неудач в 75 г. все-таки победил его. В 72 г. Серторий погиб в результате заговора. Знаменитая операция по очистке Помпеем морей от пиратов относится к 67 г.

¹¹⁴ *Гениохи* – племя на Боспоре Киммерийском. Речь идет о событиях 66–64 гг. до н.э.

¹¹⁵ *Марк Лициний Красс* (115–53 до н.э.), получил в 55 г. Сирию на 5 лет. Убит 6 мая 53 г. в сражении с парфянами при Каррах.

¹¹⁶ Птолемей XIII (51–47 до н.э.).

¹¹⁷ Октавиан не принял титула диктатора.

Источник: Аврелий Виктор Секст. *О цезарях. Извлечения о жизни и нравах римских императоров.*

Происхождение римского народа. О знаменитых людях // *Вестник древней истории*, 1963, № 4, с. 214–257; 1964 № 1, с. 227–252; № 2, с. 197–240. Переиздание: *Римские историки IV века / Перевод*

В. С. Соколова. Комментарий В. С. Высокого. – М.: Росспэн, 1997.

Аммиан Марцеллин

Ammianus Marcellinus

Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400), римский историк греческого происхождения. Родился в Антиохии. Службу в римской армии начал в звании протектора. В 353 г. сопровождал магистра конницы Урзичина в походах в Антиохию, Медиолан, Галлию против узурпатора Сильвана. В 357–363 гг. участвовал в персидских военных кампаниях, последняя из которых закончилась гибелью императора Юлиана Отступника и позорным бегством римской армии. В 380-е гг. переехал в Рим, где около 390 г. закончил написание своего фундаментального труда «Деяния» («Res Gestae»), или

«Римская история», в котором описывает события от императора Нервы (96–98) до битвы с готами при Адрианополе в 378. Из 31 тома сохранились XIV–XXXI, относящиеся к 353–378 гг. «Римская история» Аммиана, написанная с точки зрения представителя знатного греческого рода, хронологически продолжала «Анналы» и «Историю» Тацита, который оставился на гибели императора Домициана (51–96). Исторические сведения, подвергаемые у Аммиана скрупулезному анализу, отличаются непредвзятостью и надежностью, а предания и анекдоты считают уместными.

Подробнее см.: Л. Ю. Лукомский. Аммиан Марцеллин и его время // Аммиан Марцеллин. Римская история («Res Gestae») / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. Изд. 3-е. – СПб.: Алетейя, 2000.

Аммиан Марцеллин

Римская история

Перевод Ю. А. Кулаковского при участии А. И. Сонни

Перевод сверил, отредактировал и снабдил новыми пояснениями Л. Ю. Лукомский

Книга XVI

10. (18) В то же время царица Евсевия подвергала преследованиям Елену, сестру Констанция, жену Цезаря Юлиана, которая была приглашена в Рим под видом сердечного к ней расположения. Будучи сама бесплодной всю свою жизнь, Евсевия коварством заставила ее выпить особое снадобье, чтобы каждый раз, как она забеременеет, у нее случался выкидыш. (19) Уже до этого Елена потеряла ребенка мужского пола, который родился у нее в Галлии: подкупленная повивальная бабка урезала ему больше, чем нужно, пуповину и этим его убила. Такую ревностную заботу прилагали для того, чтобы не дать появиться потомству от доблестного мужа (Юлиана).

(20) Хотя император имел сильнейшее желание подольше побыть в этом священнейшем месте, чтобы наслаждаться невозмутимым покоем и всеми радостями, его тревожили непрерывные и вполне достоверные вести о том, что свевы делают набеги на Рецию, ква-

ды на Валерию, сарматы, наиболее поднаторевшее в грабежах племя, разоряют Верхнюю Мезию и Вторую Паннонию. Встревоженный этими вестями, Констанций покинул город на тридцатый день по прибытии туда, 29 мая, и через Тридент поспешно направился в Иллирик. (21) Оттуда он послал на место Марцелла Севера, опытного в военном деле и уже пожилого полководца, а Урзичина вызвал к себе. Получив с радостью письмо императора, Урзичин отправился со своею свитой в Сирмию. После продолжительного обсуждения мероприятий в случае мира с персами, на заключение которого дал надежду Музониан, император отослал Урзичина на Восток с полномочиями магистра. Старшие из моих товарищей получили повышение и были назначены на офицерские должности в армии; а нам, младшим, было приказано следовать за Урзичином для исполнения служебных поручений, которые он на нас возложит.

Книга XVII

12. (1) Пока Август мирно проводил зиму в Сирмии, один за другим являлись к нему вестники с сообщениями о том, что сарматы и квады, племена-соседи, близкие между собой по обычаям и вооружению, соединившись, делают набеги отдельными отрядами на обе

Паннонии и Вторую Мезию. (2) У этих племен больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны; они вооружены длинными пиками, носят панцири из нарезанных и выглаженных кусочков рога, нашитых наподобие перьев на льняные рубашки; кони у них по

большей части холощены, чтобы не бросались при виде кобыл и, когда приходится засесть в засаду, не бесились, выдавая ездоков усиленным ржанием. (3) Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля, или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересеживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстановить их силы.

(4) И вот, после весеннего равноденствия, император собрал значительные военные силы и с добрыми знаменами отправился в поход. Дойдя до удобного пункта, он приказал навести мост на судах на реке Истр¹, которая разлилась вследствие весеннего таяния снегов. Переправившись, император начал разорять земли варваров. Быстрота нашествия застала их врасплох: они не предполагали, что в эту пору года могла собраться армия, а между тем исполненный боевого духа неприятель наступил уже им на горло. Не смея даже отдохнуть, не то чтобы выступить против, они рассыпались, чтобы избежать неожиданной гибели, и бросились в бегство. (5) Большинство, однако, было перебито, так как страх сковывал их движения, а те, кого спасла от смерти быстрота, спрятались в уединенных горных долинах и смотрели оттуда, как гибла от меча их родина; они бы сумели защитить ее, если бы оказали сопротивление с тем же усердием, с каким бежали. (6) Это произошло в той части Сарматии, которая обращена ко Второй Паннонии. С таким же ожесточением военная гроза разоряла достояние варваров в местностях, сопредельных с провинцией Валерией, предавая все попадавшееся на пути расхищению и огню. (7) Это страшное разорение заставило сарматов оставить свое желание скрыться. Они разделились на три отряда и, делая вид, что хотят просить мира, задумали напасть на наших, если бы те вели себя беспечно, так чтобы не дать им возможности ни взяться за оружие, ни прикрыться от ударов, ни прибегнуть к последнему средству в крайней опасности — обратиться в бегство. (8) Тут явились на помощь сарматам их союзники в опасностях квады, которые часто бывали их неразлучными товарищами в набегах. Но не помогла им их отвага, толкнувшая их на очевидную опасность. (9) Большинство было перебито, а часть, которой удалось уцелеть, ускользнула по знакомым тропинкам. Этот успех поднял силы и дух наших, отдельные от-

ряды соединились, и войско направилось в царство квадов. Опасаясь на основании прошлых бедствий ужасов в будущем, они решили униженно просить мира и, будучи уверены в помиловании, явились, чтобы предстать перед императором, который в подобных случаях проявлял большую снисходительность. В день, назначенный для установления условий мира, Зизаис, тогда еще царевич², молодой человек огромного роста, выстроил сарматов в боевом порядке для предъявления просьбы. Увидев императора, он бросил оружие и пал всем телом, как мертвый, на землю. От страха он потерял голос в тот самый момент, когда должен был изложить свою просьбу. Несколько раз пытался он заговорить, но рыдания мешали ему, и он не мог объяснить, чего он хочет. Это обстоятельство вызвало к нему особое сострадание. (10) Наконец он оправился, голос вернулся, и, получив приказание встать, он на коленях взывал к милосердию и молил о прощении проступков. Сопровождавшая его толпа, допущенная с той же целью, стояла в немом страхе, пока судьба их начальника была неизвестна. Когда же ему приказано было подняться с земли, он подал своим людям давно ожидаемый знак просить о пощаде. Тогда все бросили на землю щиты и копья, протянули с мольбою руки вперед и старались смирностью мольбы превзойти царевича. (11) Этот последний привел с прочими сарматами Румона, Зинафра и Фрагиледа, царских вассалов, и многих знатных людей, чтобы изложить такие же просьбы с надеждой на успех. Радуюсь тому, что им дарована жизнь, они обещали компенсировать допущенные ими враждебные действия принятием на себя тяжких условий мира и готовы были предоставить во власть римлян себя самих со своим достоянием, детьми, женами и всеми своими землями. Но возобладала милость в сочетании со справедливостью: им позволено было сохранить за собою свои земли с обязательством возврата всех наших пленных. Они представили также и заложников, которых от них потребовали, и дали ручательство на дальнейшее время неукоснительно повиноваться приказаниям. (12) Приободренные этим примером мягкости с нашей стороны, поспешили явиться царевичи Арагарий и Узафер со всеми своими людьми. Они принадлежали к самой высокой знати и были военачальниками у своих земляков; один из них командовал частью трансюгитанов и квадов, другой — частью сарматов, — эти народы сближало между

собой соседство по месту жительства и дикость нравов. Опасаясь, чтобы собравшаяся толпа под видом заключения мира не подняла внезапно оружия, император приказал ей разделиться и тем, кто просил за сарматов, отойти в сторону на то время, пока будет рассмотрено дело Арагария и квадов. (13) Последние предстали, стоя склонившись, как обвиняемые, и, не будучи в состоянии оправдаться в тяжких проступках, боялись тяжчайшей кары. От них потребовали заложников, и они их дали, хотя никогда прежде не соглашались предоставлять такого обеспечения верности договору. (14) Когда было принято столь снисходительное и милостивое решение, Узаферу было позволено высказать свои просьбы, хотя этому упорно противился Арагарий, утверждая, что условия данного ему мира должны быть распространены и на Узафера, как на подчиненного ему союзника, привыкшего повиноваться его приказаниям. (15) При всестороннем рассмотрении вопроса было объявлено решение об освобождении сарматов от подчинения чужой власти. Их признали исконными клиентами римлян и обязали дать заложников как ручательство сохранения мира. Сарматы приняли это решение с громкими выражениями благодарности. (16) Когда стало известно, что Арагарий не подвергся наказанию, стали собираться целыми толпами стекавшиеся отовсюду племена и цари, молившие убрать уже занесенный над их шеей меч. Им также дарован был мир, о котором они просили. Скорее, чем можно было ожидать, представили они в заложники сыновей знатнейших семейств из самых далеких царств, а также, согласно требованию, наших пленных, которых они отдавали с неменьшим горем, чем своих единоплеменников. (17) Когда приняты были эти меры, обращено было внимание на сарматов, которые заслуживали скорее сострадания, нежели гнева, и это принесло им великое благополучие, так что на этом примере подтвердилась справедливость мнения, что власть государя или побеждает злой рок, или сама является таковым. (18) Могущественны и славны были некогда обитатели этого царства, но рабы составили тайный заговор и устроили восстание. И так как у варваров право на стороне сильного, они победили своих господ, будучи столь же храбры, как и те, но имея численный перевес. (19) Не зная в страхе, что предпринять, сарматы бежали к далеко живущим виктограм, предпочитая в беде лучше служить своим за-

щитникам, нежели быть в рабстве у своих рабов. Когда они получили прощение и были приняты в римское подданство, то стали жаловаться на прошлую обиду и просить защиты своей свободы. Император был тронут их несчастьем, и, создав их, в присутствии всей армии обратился к ним с милостивыми словами и повелел им подчиняться только ему самому и римским командирам. (20) Желая с будущим достоинством обставить восстановление свободы, он дал им в цари Зизаиса, человека, вполне подходившего, как выяснилось на деле, для этого высокого сана и сохранявшего верность императору. Впрочем, и после этих славных деяний никому не было позволено уйти раньше, чем, согласно требованию, не возвратятся наши пленные. (21) Таковы были действия на варварской земле. Затем император двинул армию в Брегецион³, чтобы и тут слезами и кровью залить пламя войны, еще не угасшее у живших в этой местности квадов. Когда их царевич Витродор, сын царя Видуария, вассал его Агилимунд и другие знатные люди и судьи, стоявшие во главе различных племен, увидели войско во внутренних областях царства на своей родной земле, то поверглись ниц перед солдатами и, получив прощение, подчинились всем приказаниям. Они выдали своих детей заложниками в ручательство того, что исполнят наложенные на них условия, и, достав мечи, которые они чтут как богов, клялись на них сохранять верность.

13. (1) После благополучного окончания описанных предприятий интересы государства потребовали скорейшего похода против лимитантов, сарматов-рабов: отсутствие наказания их за многие преступные деяния являлось прямым позором. Когда вторглись сарматы-свободные, то они, словно забыв о прежнем, воспользовались удобным моментом и прорвались через римскую границу, проявляя согласие со своими господами и врагами только в этом преступном предприятии. (2) Однако и в отношении к ним решено было ограничиться более мягкими мерами, чем того требовала тяжесть преступлений: отмщение предполагалось ограничить тем, чтобы переселить их в отдаленные местности и лишить тем самым возможности тревожить наши пределы. Но сами они, сознавая за собой давнишние провинности, опасались серьезной кары. (3) Подозревая поэтому, что огромные военные приготовления будут произведены против них, они готовились пустить в ход ковар-

ство, оружие и просьбы. Но вид нашего войска поразил их как удар грома, и, видя перед собою неминуемую гибель, они стали просить даровать им жизнь, давая со своей стороны обещание платить ежегодную дань, поставлять свою сильную молодежь в войска и оказывать полное повиновение; но в случае приказания переселиться на другое место, они приготовились отказаться, как показывали то жеста и выражением лиц, считая безопасными для себя те местности, где они спокойно поселились после изгнания своих владык. (4) В этих землях протекает в извилистом русле Партиск⁴ и впадает в Истр. Там, где Партиск течет свободно один, он проходит по широким степям, которые сужаются только к устью. От нападения римлян защищает население русло Дуная, а от вторжений варваров закрывает своим течением Партиск. Местности здесь по большей части болотистые, и вследствие разлива рек тут много топей, заросших лозой, так что пройти может только очень хорошо знакомый с местностью человек. Кроме того, при впадении Партиска главная река (Дунай) делает изгиб и образует остров, совершенно отрезанный от остальной территории. (5) По вызову императора они явились со свойственным им высокомерием на наш берег реки не для того, как показал исход дела, чтобы исполнить приказание, но чтобы не казалось, будто они испугались присутствия солдат. С вызывающим видом стояли они, показывая, что явились для того только, чтобы отвергнуть все требования. (6) Предвидя такую возможность, император незаметно разделил армию на множество отрядов и окружил быстро передвигавшихся варваров строем своих войск. Стоя на высоком валу с небольшой свитой под прикрытием отряда телохранителей, он дружески убеждал их смириться. (7) Но из-за непостоянства настроения они склонялись к различным решениям и, одновременно прибегая к хитрости и впадая в дикую ярость, они готовы были просить пощады или начать войну. Собираясь сделать на наших нападение на близком расстоянии, они нарочно бросили подальше от себя щиты, чтобы затем, приблизившись, постепенно подобрать их и незаметно продвигнуться вперед, не выдавая своего коварного умысла.

(8) Поскольку день склонялся уже к вечеру и уходящий свет побуждал положить конец промедлению, наши солдаты, подняв боевые значки, в едином порыве понеслись на врага.

Варвары, скучившись и еще более уплотнив свой строй, направили свою атаку на самого императора, который, как было сказано, стоял на возвышении, и бросились на него с остервенелыми взорами и дикими криками. (9) Этой безумной дерзости не могли стерпеть наши солдаты, пришедшие в большую ярость: построившись клином, что в просторечии у солдат называется “свиная голова”, они разнесли мощным натиском угрожавшего императору врага, и справа пехотинцы рубили толпы пеших, слева всадники врезались в легкие отряды конных. (10) Императорская гвардия, прикрывая со всех сторон Августа, поражала нападавших в грудь, а потом отступавших в спины. Варвары проявляли страшное упорство, и те, кто падал в борьбе, ужасным ревом показывали, что не такие страдания причиняет им собственная смерть, как успех наших. Кроме убитых, лежало на земле много врагов с разрубленными поджилками, которые лишены были возможности бежать, другие с отрубленными правыми руками, некоторые хоть и не раненые, но опрокинутые тяжестью упавших на них, и все они в глубоком молчании терпели страдания. (11) И никто из них среди различных ужасов не молил о пощаде, не бросал оружия, не просил скорейшей смерти; все упорно удерживали в руках оружие, даже поверженные наземь, считая меньшим позором быть побежденным силой другого, чем признаться в этом. Порой слышались их крики, что происшедшее случилось по капризу судьбы, а не по их вине. Так в течение получаса разыгралась эта битва; в этот короткий срок пало столько варваров, что лишь сама победа свидетельствовала о том, что было сражение.

(12) Как только было снято вражеское войско, тотчас погнались целым стадом родственников убитых, вытаскивая их из жалких хижин, людей разного возраста обоих полов. Исчезла теперь прежняя их спесь, и они попали в низкое положение рабов. Итак, по прошествии самого незначительного промежутка времени представились взору груды убитых и толпы пленных. (13) К бранному задору присоединилось желание поживиться от победы, и солдаты принялись за тех, кто бежал с поля битвы или скрывался в хижинах. Жадные до варварской крови солдаты, придя в те места, стали раскидывать легкие сооружения и избивать всех; даже жилища, сооруженные из самых крепких бревен, никого не спасли от смерти. (14) Наконец стали все предавать огню, и ни-

кто не мог больше укрываться, так как уничтожено было все, что могло служить убежищем. Кто упорно скрывался, тот погибал в огне; если же человек, спасаясь от смерти в огне, выходил, то, избежав одной смерти, падал под ударами неприятельского меча. (15) Некоторые, однако, спасшись от меча и всеобщего пожара, бросались в волны реки в надежде, как искусные пловцы, достигнуть противоположного берега. Но большинство из них утонуло; другие погибли, пронзенные стрелами, так что кровь обильно окрасила волны огромной реки. Так гнев и доблесть победителей губили сарматов и в одной, и в другой стихии.

(16) После такой расправы принято было решение лишить всех уцелевших еще представителей этого народа всякой надежды и радости жизни. Когда жилища были преданы огню и семейства взяты в плен, приказано было собрать лодки для розыска тех, кого укрыл от нашего нападения другой берег. (17) Чтобы не дать остыть боевому пылу солдат, тотчас же были посажены на лодки наши легковооруженные; пройдя по укрытым местам, они заняли потайные убежища сарматов, которых обмануло внезапное появление местных лодок со знакомым способом гребли. (18) Когда же они издали по блеску оружия поняли, что приближается опасность, которой они боялись, то бросились искать убежища в болотистых местах. Но наши солдаты настойчиво преследовали их и, перебив очень многих, одержали победу там, где, как до сих пор предполагали, нельзя было ни стать твердой ногой, ни осуществить нападение.

(19) После того как амицензы были почти истреблены или рассеяны, тотчас же обратились против пицензов, названных так по имени соседних местностей. Бедствия соплеменников, о которых дошли до них немедленно слухи, сделали их более осторожными. Из-за полного незнания дорог трудно было преследовать их, когда они рассеялись по разным местам, и для того чтобы подавить их, прибегли к помощи тайфалов, а также свободных сарматов. (20) Так как условия местности вынуждали разделить силы, то наши войска избрали для себя местности, прилегающие к Мезии; тайфалы направились в области, ближайшие к их территории; а свободные сарматы заняли земли, лежащие против их местожительства.

(21) Лимиганы, напуганные примером покоренных и убитых земляков, долго не могли прийти к определенному решению: следует ли им оказать сопротивление, или же просить

милости – для того и другого были достаточно веские основания. Однако наконец победило по настоянию старшин решение сдаться. Таким образом, к иным победным лаврам присоединилось изъятие покорности со стороны народа, который оружием отвоевал себе свободу, презрел своих господ, победив их и считая неспособными воевать; теперь же остатки его склонили свои головы пред теми, которые оказались сильнее их. (22) Получив помилование, большая часть лимигантов покинула укрывавшие их горные высоты и, рассыпавшись по широким степям, поспешила к римскому лагерю с родителями, детьми и женами, а также с жалким своим домашним скарбом, который они могли наспех захватить с собой. (23) И те, о ком думали, что они скорее расстанутся с жизнью, чем будут вынуждены переселиться, так как в свободе они видели отсутствие всяких притеснений, согласились теперь повиноваться распоряжениям и перейти на другие места обитания, спокойные и безопасные, где не могла их тревожить война и не грозили внутренние раздоры. Переселившись туда, как казалось, по собственному желанию, они некоторое время оставались спокойны. Но позднее они отважились по своей природной дикости на губительное злодеяние, как о том будет рассказано в соответствующем месте⁵.

(24) Благоприятным исходом этих предприятий была укреплена необходимая оборона Иллирика в двух смыслах, и, как ни трудна была двойная задача, возложенная на себя императором, он справился с ней благополучно... Он вернул изгнанное племя и водворил его на место жительства предков; и хотя оно отличалось беспокойным нравом, можно было надеяться, что оно станет вести себя более мирно. В завершение своей милости он поставил им царя, и это был не какой-нибудь простой человек, а избранный ими самими и выделявшийся внешними и внутренними достоинствами царевич. (25) Этот ряд удачных дел освободил Констанция от всяких тревог, и при полном единодушии своих солдат он принял во второй раз титул “Сарматского” по имени покоренного народа. Собираясь уже уходить оттуда, он созвал все когорты, центурии и манипулы, взошел на трибунал и, окруженный знаменами и орлами, а также собравшимися вышшими чинами, держал такую речь, встретившую, как обычно, всеобщее сочувствие.

(26) “Верные защитники римской державы! Воспоминания о славных делах, которые

для храбрых выше всяких радостей, побуждают меня с полным смирением припомнить то, что мы, с Божьей помощью победители, совершили до битв и во время самого пыла браней. Что прекраснее и что по всей справедливости более достойно памяти потомков, как не радостное сознание солдатом проявленной им храбрости, а военачальником – того, что он сумел предусмотрительно распорядиться? (27) Дерзкий враг хозяйничал в Иллирике, нагло пользуясь нашим отсутствием, пока мы заняты были обороной Италии и Галлии. Он опустошал пограничные области, предпринимая набеги различными способами, то переезжая на выдолбленных стволах деревьев, то вброд переходя реки. Не дерзал он сразиться, не полагался на оружие и свои силы, но производил привычные ему тайные грабежи, наводя страх на наших предков с самого своего поселения в этих местах своей хитростью и изобретательностью в воровских уловках. Находясь далеко, мы сносили это, насколько это было возможно, питая надежду, что энергия наших военачальников сможет оградить нас от этих не очень важных потерь. (28) Когда же зло, возрастая вследствие безнаказанности дошло до тяжких, постоянно повторяющихся бедствий, постигавших целые провинции, мы, укрепив проходы в Рецию, упрочив предусмотрительными предприятиями безопасность Галлии и не оставив в тылу никакой опасности, пришли в Паннонии, чтобы, согласно велению вечного Бога, поддержать то, чему грозила гибель. Приняв все подготовительные меры, как вы знаете, мы выступили в поход в начале весны и принялись за тяжкие труды. Прежде всего нам пришлось добиться того, чтобы вражеские выстрелы не помешали нам навести мост. Совершив это дело без особого труда, мы увидели перед собой вражескую территорию и вступили на нее. Пытавшихся оказать отчаянное сопротивление сарматов мы разбили без потерь с нашей стороны. Сокрушили мы также и явившихся на помощь сарматам квадов, которые с такой же дерзостью ринулись на ряды наших славных легионов. Испытав после тяжких потерь во время своих нападений и грозных попыток сопротивления силу нашей доблести, они вы-

бросили оружие и дали связать за спиной руки, готовые к бою; признав, что единственная надежда для них – просьба о пощаде, припали они к стопам милосердного Августа, военное счастье которого не раз изведали. (29) Справившись с ними, мы с равной доблестью победили лимигантов, перебили большую их часть, а других заставили искать спасения от опасности в болотах. (30) Когда мы благополучно покончили с этими делами, настал момент проявить снисхождение. Лимигантов мы заставили переселиться в отдаленные места, чтобы в дальнейшем они не могли уже пускаться в какие-либо предприятия во вред нам. Мы пощадили большую часть свободных сарматов и поставили над ними царем Зизаиса, который будет нам предан и верен. Мы придаем больше значения тому, чтобы избрать царя для варваров, чем устранить такового, и это наше действие получило больший блеск от того, что им был дан правитель, которого они сами раньше избрали и приняли. (31) Итак, в одном походе достигли мы и государство успеха в четырех отношениях: наказали прежде всего преступных разбойников; затем, в избытке будут у вас пленники из числа врагов, так как храбрые воины имеют право на то, что добыто их потом и их собственными руками. (32) На нашу долю достались большие средства и большие сокровища. Наши труды и наша храбрость должны сохранить невредимым достояние всех. Это – забота хорошего государя, это результат благополучных предприятий. (33) Наконец, и лично я имею свою долю добычи: во второй раз титул Сарматского, который вы, – я могу сказать это, не навлекая тем на себя упрека в высокомерии, – дали мне по заслугам”.

По окончании этой речи войска пришли в необычайное возбуждение; приведенные в восторг надеждами на лучшее будущее и выгоды, солдаты подняли радостные крики во славу императора; клялись, как обычно, призывая в свидетели Бога, что Констанций непобедим, и с ликованием разошлись по палаткам. Император проследовал в царскую палатку и после двухдневного отдыха с триумфом вернулся в Сирмий, а войска разошлись по отведенным им местам расквартирования.

Книга XIX

11. (1) Во время этих тревожных событий Констанций все еще спокойно пребывал на зимних квартирах в Сирмии. Тут его потрясла тяжелая и грозная весть о том, чего он тог-

да особенно боялся, а именно, что лимиганты-сарматы, – те, что, как я раньше рассказывал⁶, выгнали своих господ из земли их отцов, – оставили мало-помалу местности, ко-

торые в прошлом году были им предоставлены, чтобы они благодаря своей подвижности не могли начать враждебных против нас действий. Было получено известие о том, что они заняли области, соседние с нашими пограничными землями, свободно кочуют по своему обычаю и могут скоро произвести страшные беспорядки, если их не прогнать. (2) Полагая, что если промедлить с решительными действиями, то наглость их возрастет, император собрал отовсюду много испытанных в бою солдат и в самом начале весны выступил в поход. Ему придавало бодрости, во-первых, то соображение, что войско, обогатившись добычей за прошедшее лето, будет воодушевлено для удачных действий надеждой на подобную же поживу; а во-вторых – то обстоятельство, что Анатолий, управлявший тогда Иллириком в звании префекта, заранее заготовил все необходимое для похода, благодаря чему все имелось в изобилии безо всяких насильственных действий в отношении кого бы то ни было. (3) В самом деле, и раньше ни при каком другом префекте, как это всем известно, северные провинции не находились в таком цветущем состоянии во всех отношениях, как при Анатолии. Благожелательный и деловитый, он сумел восстановить расстроенную общественную жизнь края. Он облегчил тяжелое бремя почтовой повинности, от которой погибло много состояний, и дал населению твердую надежду на уменьшение прямых податей. Счастливо, не терпя обид и не производя беспорядков, могло бы жить население того края, не имея никаких поводов для жалоб, если бы впоследствии не были придуманы самые возмутительные налоги, увеличившиеся из-за раздоров между плательщиками и сборщиками, причем первые старались иметь на своей стороне представителей власти, а вторые не считали себя обеспеченными, пока не разорили всех плательщиков, так что несчастные люди или подвергались изгнанию, или решались на самоубийство.

(4) И вот император, решив совершить настоятельно необходимое дело, выступил, как я сказал, в поход, прекрасно его подготовив, и прибыл в Валерию, которая, будучи некогда частью Паннонии, выделена была в особую провинцию и названа так в честь дочери Диоклетиана Валерии. Разместив войска в зимних палатках по берегам реки Истр, он наблюдал за варварами, которые замыслили под прикрытием дружбы осуществить с це-

лью грабежа нашествие на Паннонии в самую суровую пору зимы, когда не растаявшие еще от весеннего тепла снега делают реку проходимой повсюду, а наши люди из-за морозов тяжело переносят пребывание под открытым небом. (5) Итак, послав немедленно к лимигантам двух трибунов с двумя переводчиками, он спросил в мягкой форме, зачем они, оставив место жительства, отведенное им по их же просьбе после заключения мирного договора, бродят по разным местам и, вопреки запрету, беспокоят нашу границу. (6) Выставляя пустые и несостоятельные объяснения, – страх заставлял их лгать, – они просили императора о прощении, умоляя, чтобы он, оставив свой гнев, разрешил им перейти к нему через реку и объяснить, какие неудобства они терпят. При этом они заявляли о своей готовности занять в пределах римского мира самые отдаленные земли, если это будет им разрешено, чтобы, пользуясь благами долговременного мира и почитая покой за спасение от бога, нести податные тяготы и стать данниками. (7) Это известие, принесенное возвратившимися трибунами, император принял с радостью, так как дело, считавшееся неразрешимым, улаживалось без всяких затруднений. Он дал разрешение явиться всем. Побуждало его к тому корыстолюбие, которое раздувала шайка льстецов, усиленно напевавших ему в уши, что он, успокоив внешнее волнение и водворив повсюду мир, приобретет много людей, готовых лично нести военную службу, и получит возможность набирать сильных рекрутов, провинциальное же население охотно будет откупаться от личной службы деньгами. Такого рода расчет не раз ввергал в тяжкие бедствия римское государство. (8) Близ Ациминка⁷ был сооружен окоп, в нем воздвигнуто возвышение, наподобие трибунала, и несколько судов с легионерами на борту получили приказание держаться на реке близ нашего берега под командованием некоего Иннокентия, землемера, – он и предложил этот план, – чтобы, как только они заметят, что варвары что-нибудь затевают, внезапно напасть на них с тыла, пока их внимание приковано к другому пункту. (9) Хотя лимиганты и знали об этих предупредительных мерах, однако они не сумели ничего придумать, кроме притворной мольбы, и стояли, покорно склонив головы; но совсем другое скрывали они в глубине души, чем то, о чем свидетельствовали их смиренный вид и слова.

(10) Когда они увидели на высоком помосте императора, который уже собирался начать милостивую речь и обратиться к ним, как к покорным на будущее время подданным, вдруг один из них в злобной ярости бросил сапогом в трибунал и воскликнул: “марра, марра”⁸ – это у них боевой клич. Вслед за тем дикая толпа, подняв кверху свое знамя, вдруг завывала диким воем и бросилась на самого императора. (11) Со своего возвышения император увидел, что пространство вокруг занято волнуемой толпой вооруженных копьями людей и заблестевшие мечи и выставленные вперед верруты⁹ грозят ему смертью: посреди смешавшейся толпы чужих и своих нельзя было узнать, кто он – солдат или полководец. Не время было тянуть или медлить: он сел на быстрого коня и умчался во весь опор. (12) Но несколько телохранителей, пытавшихся оказать сопротивление устремившимся с быстротой огненной стихии варварам, были ранены насмерть или раздавлены под ногами напавших. Царское сидение с золотой подушкой было захвачено варварами без противодействия.

(13) Как только стало известно, что император подвергся крайней опасности и стоит на краю гибели, солдаты сочли своим священнейшим долгом выручить его, – они еще не знали, что он спасся от опасности. Воодушевившись до полного презрения к смерти, они хотя и были не в полном боевом снаряжении вследствие внезапности этого дела, тем не менее, подняв громкий боевой клич, бросились на полчища варваров, которые твердо решились умереть на месте. (14) И так как наши ринулись, с тем чтобы смыть позор своей храбростью, и пылали гневом на вероломного врага, то без всякой пощады убивали всех, кто попадался навстречу, топтали ногами живых, умирающих, убитых; прежде чем насытилась их ярость кровью варваров, воздвиглись целые груды мертвых тел. (15) Взбунтовавшиеся варвары были раздавлены: одни пали в бою, другие в ужасе разбежались; часть

этих последних возымела тщетную надежду вымолить жизнь просьбами; но их убивали, нанося удар за ударом. Когда все были перебиты, затрубили отбой. Тут оказались убитые из наших, хотя и немного; они были или смяты во время страшного натиска, или же их постиг рок, когда они, оказывая сопротивление ярости врага, открывали свои не покрытые панцирями бока. (16) Особенно выделялась среди других смерть Целлы, трибуна skutариев, который в самом начале схватки первый среди всех бросился в самую середину толпы сарматов.

(17) После этого жестокого побоища Констанций предпринял нужные меры для обеспечения границ, настоятельно требовавшиеся обстоятельствами, и вернулся в Сирмию в сознании того, что заслуженно покарал вероломного врага. Наскоро отдав распоряжения, не терпевшие отлагательств, он выехал оттуда и направился в Константинополь, чтобы, находясь ближе к Востоку, ликвидировать последствия поражения, полученного при Амиде, усилить войска подкреплениями и сдержать тем напор царя персов, противопоставив ему равные силы: было очевидно, что Сапор, если не удержит его провидение и тщательное принятие многообразных мер, оставит Месопотамию в тылу и откроет военные действия на более широком просторе.

12. (7) И вот, согласно приказанию, Павел отправился, выдыхая пламя смертельной ненависти, и так как был предоставлен полный простор клевете, то привлекли к суду множество людей чуть ли не со всех концов земли, знатных и простых; одних заковали в оковы, других заморили в темницах. (8) Местом этих кровавых мучений избран был город Палестины Скифополь¹⁰, который был признан наиболее подходящим по двум соображениям: во-первых, потому что он лежит в стороне, и, во-вторых, – находится на середине пути между Антиохией и Александрией, откуда была привлечена к суду большая часть обвиняемых.

Книга XX

8. (1) Таковы были события, разыгравшиеся в тот год между Тигром и Евфратом. Констанций получал частые донесения, но, не смея выступить в поход против персов, провел зиму в Константинополе и с большой предусмотрительностью снабжал восточную границу всяким боевым снаряжением. Он делал запасы оружия, набирал рекрутов, пополнял

крепкими молодыми солдатами легионы, которые пользовались на Востоке славой за свое участие не в одной большой битве, а кроме того, вызывал вспомогательные отряды скифов (готов) за деньги или просьбами, собираясь с началом весны выступить из Фракии и немедленно усилить нуждавшиеся в подкреплении пункты.

Книга XXII

5. (1) Хотя Юлиан с раннего детства был склонен к почитанию богов и, по мере того, как он мужал, в нем становилась все сильнее эта потребность, из-за разных опасений он отправлял относящиеся к богочитанию культы по возможности в глубочайшей тайне. (2) Когда же исчезли всякие препятствия, и он видел, что настало время, когда он может свободно осуществлять свои желания, он раскрыл тайну своего сердца и издал ясные и определенные указы, разрешавшие открыть храмы, приносить жертвы и восстановить культы богов. (3) Чтобы придать большую силу своим распоряжениям, он созвал во дворец пребывавших в раздоре между собой христианских епископов вместе с народом, раздираемым ересями, и дружественно увещевал их, чтобы они предали забвению свои распри и каждый, беспрепятственно и не навлекая тем на себя опасности, отправлял свою религию. (4) Он выставял этот пункт с тем большей настойчивостью в расчете, что, когда свобода увеличит раздоры и несогласия, можно будет не опасаться единодушного настроения черни. Он знал по опыту, что дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как большинство христиан в своих разномыслиях. Часто он говорил: “Слушайте меня, кого слушали аламань и франки”, думая что он подражает изречению императора Марка (Аврелия). Но он не замечал, что положение было совсем иным. (5) Рассказывают, что когда Марк Аврелий на пути в Египет проезжал через Палестину, то, испытывая отвращение к вонючим и нередко производившим смуты иудеям, скорбно воскликнул: “О маркомань, о квады, о сарматы! Наконец я нашел людей хуже вас”.

8. (1) Полагаю, здесь будет уместно, раз уж мне пришлось в моем повествовании о великом государе упомянуть об этих странах, изложить ясно и достоверно некоторые сведения о землях между крайними границами Фракии и положении Понта, поскольку я знаком с теми краями по личному наблюдению и по книгам.

(2) Известная высокая гора в Македонии Афон, через которую некогда прошел мидийский (персидский) флот¹¹, и Кафарей, утес на Евбее, где Навплий, отец Паламеда, вызвал крушение аргивского флота, хотя и лежат на большом расстоянии один против другого, отделяют, однако, Эгейское море от Фессалийского. Первое, постепенно расширяясь, с правой стороны на большом просторе усеяно ост-

ровами Спорадскими и Кикладскими, названными так потому, что они лежат вокруг Делоса, прославленного рождением богов, с левой стороны оно омывает Имброс, Тенедос, Лемнос, Фасос и при сильном ветре мощно поражает своими волнами Лесбос (Митилена). (3) Отраженными волнами оно обходит храм Аполлона Сминфийского, Трояду и славный гибелью героев Илион и образует к западу Меланский залив, у начала которого можно видеть Абдеру, родину Протагора и Демокрита, кровавое местожительство фракийца Диомеда¹², и долины, по которым впадает в него Гебр [Марица], далее – Маронея, Энос, город, который начал строить при дурных предзнаменованиях Эней и, вскоре оставив его, поспешил под руководством богов в древнюю Авзонию [Италию].

(4) С этого места Эгейское море мало-помалу суживается и по соединительному протоку, как бы устроенному самой природой, вливается в Понт; присоединив к себе его часть, оно образует фигуру в виде буквы Р; затем отделяет Геллеспонт от Родопы, протекает подле Киносемы, где, по сказаниям, погребена Гекуба, Келы, Сеста и Каллиполия (Галиполи). С противоположной стороны оно касается могил Ахилла и Аякса, городов Дардана, Абидоса, где Ксеркс, построив мост, прошел по морю пешком, далее – Лампсака, который был подарен Фемистоклу персидским царем¹³, и Пария, сооруженного Плутосом, сыном Иасиона. (5) Затем море суживается с обеих сторон в полукруг и, открывая вид на широкий простор суши, омывает растекающимися вокруг волнами Пропонтиды с восточного берега Кизик и Диндимы, священный храм Великой Матери богов, Апамею и Киус, где Гилас... и Астак, впоследствии названный по имени царя Никомедией; на западе оно омывает Херсонес [Фракийский] и Эгоспотамы, где Анаксагор предсказал каменный дождь, Лисимахию и город, построенный Гераклом и посвященный им памяти своего спутника Перинфа [Гераклея-Перинф, Эски-Эрекли].

(6) А в довершение полного сходства с буквой Р в самой середине окружности лежит продолговатый остров Проконес [Мармара] и Бесбик [Калолимни]. (7) Где эта форма (окружность буквы Р) оканчивается, море опять суживается и, разделяя Европу и Вифинию, проходит подле Халкидона [Кадыкёй], Хрисополя [Скутари] и других незначительных поселений. (8) На левом его берегу лежат га-

вань Атира, Селимбрия (Силиври), Константинополь, древний Византий, колония афинян, и мыс Керас, на котором сооружена высокая башня, светящая кораблям. По имени последнего, холодный ветер, дующий обыкновенно отсюда, называется Кератас.

(9) Встречая здесь преграду и заканчиваясь соединением двух морей, водная стихия становится спокойнее и расстилается широкой гладью до самого горизонта. (10) Окружность моря, если плыть по побережью, как вокруг острова, измерена в 23 тысячи стадий¹⁴, как утверждают Эратосфен, Гекатей, Птолемей и другие авторитетнейшие специалисты в этого рода знаниях; и все географы единогласно уподобляют вид моря скифскому луку с натянутой тетивой. (11) Со стороны, где восходит солнце, оно замыкается болотами Меотиды, а где солнце склоняется к вечеру, окаймлено римскими провинциями; на той его стороне, откуда смотрит полярная звезда, живут люди различных языков и разных обычаев; южный его берег сведен легким изгибом. (12) На этих широких пространствах рассеяны греческие города. Все они, за исключением немногих, основаны в разные времена милетянами, колонистами афинян. Милет же основан много раньше в числе других ионийцев в Азии Нелеем, сыном знаменитого Кодра, который, как гласит сказание, пожертвовал собой за отечество во время войны с дорийцами.

(13) Оконечности лука образуют с обеих сторон два узких Боспора, лежащие друг против друга, Фракийский и Киммерийский¹⁵. Имя Боспора носят они потому, что некогда дочь Инаха, превращенная, по словам поэтов, в корову, перешла через них в Ионийское море¹⁶. (14) Справа от искривления Фракийского Боспора лежит берег Вифинии, которую древние называли Мигдонией. В ней находятся области Тиния и Мариандена, племя бебриков, которых храбрый Поллукс освободил некогда от свирепого Амика¹⁷, и удаленная местность, где грозно летавшие гарпии устрашали некогда прорицателя Финея. На этом берегу, образующем изогнутый продолговатый залив, впадают в море реки Сангарий [Сагари], Филис, Лик и Ребас. Напротив устьев этих рек лежат черные Симплегады, два утеса, круто спускающиеся к морю. В древние времена они сталкивались с ужасающим шумом и, отступая назад мощным толчком, возвращались на то место, откуда срывались. Эти скалы расступались и сближались с такой

быстротой, что даже если пролетала птица, то никакая быстрота полета не спасала ее, и она гибла раздавленной. (15) Но с тех пор, как корабль “Арго”, направлявшийся к колхам, чтобы похитить золотое руно, впервые прошел между этими скалами невредимым, они стали неподвижными и, утратив свою ярость, срослись воедино, так что тот, кто их видит теперь, не мог бы поверить, что они некогда были разъединены, если бы не были согласны в своих повествованиях об этом все поэты древности.

(16) За Вифинией простираются провинции Понт и Пафлагония, в которых лежат Гераклея [Эрекли], Синоп, Полемоний и Амиз, значительные города Тиос и Амастрида [Амастра], – все они основаны предприимчивыми греками, – Керас [Киризон], откуда Лукулл привез плоды, носящие имя этого города¹⁸, скалистые острова, на которых расположены небезызвестные города Трапезунд и Питиунт [Пицунда]. (17) Недалеко от этих мест есть Ахерузская пещера, которую местные жители называют Μυκολότιον, и гавань Акона, а также различные реки: Ахеронт, он же Аркадий, Ирис, Тибрис, а также Парфений, – все они стремительным течением впадают в море. Ближайшая к ним река – Фермодонт (Термодонт); стекая с Армонских гор, он проходит по Фемискирейским рощам, в которые некогда вынудила переселиться амазонок вот какая причина.

(18) В древние времена амазонки непрерывно опустошали кровавыми вторжениями области своих соседей. Возгордившись от своих успехов, в сознании превосходства своих сил над соседями, на которых они часто нападали, они зашли слишком далеко, пробившись через множество народов, вступили в войну с афинянами. В жестокой сече они были убиты, и так как лишились своих коней, то и пали в бою. (19) Когда стало известно об их гибели, остальные, оставшиеся дома, как не годившиеся для войны, оказались в очень трудном положении и, спасаясь от губительных нападений соседей, мстивших им за прежние обиды, перешли на более спокойное местожительство на Фермодонте. Там их потомство очень увеличилось, и с мощной ратью они вернулись в родные места, став впоследствии грозой для народов не одного с ними племени. (20) Недалеко оттуда отлого поднимается гора Карамбис [Керембе], напротив Гелики, и на расстоянии 2500 стадий¹⁹ находится Криуметопон (Бараний Лоб), мыс Таврики.

От этого места весь морской берег, начиная от реки Галиса [Кизил-Ирмак], как бы вытянутый в длину по прямой линии, представляет собой нечто вроде тетивы, прикрепленной к концам лука. (21) Соседствуют с этими областями даги, самые воинственные из всех, и халибы: они первые начали добывать и обрабатывать железо. За ними занимают широкие пространства бизары, сапиры, тибарены, моссиники, макроны и филиры, народы, с которыми у нас нет никаких отношений.

(22) Недалеко от них находятся памятники славным мужам, где погребены Стелен, Идмон и Тифий: первый – спутник Геракла, на смерть раненый в битве с амазонками, второй – прорицатель аргонавтов, а третий – весьма искусный кормчий корабля “Арго”. (23) За названными областями находится Авлийская пещера и река Каллихор, названная так потому, что Вакх, после того как он за три года покорил индийские народы, вернувшись в эти местности, восстановил на зеленых и тенистых берегах этой реки древние оргии и пляски. Некоторые полагают, что священнодействия этого рода называются триетерическими (трехлетними)²⁰... (24). Далее лежат густо населенные области камаритов, и река Фазид [Фасис=Рион] в своем шумном течении касается колхов, происшедших в глубокой древности от египтян. Там среди других городов есть Фазид (Фасис), названный так по имени реки, и до наших времен известная Диоскуриада, основателями которой считаются спартанцы Амфит и Церций, возницы Кастора и Поллукса; от них произошло племя генихов. (25) Неподалеку от них живут ахейцы, которые по окончании какой-то более ранней войны под Троей, – не той, когда спорили за Елену, – были загнаны, по словам некоторых писателей, встречными ветрами в Понт. Встречая повсюду врагов и нигде не находя места для прочного поселения, они засели на вершинах гор, покрытых вечным снегом. Страдая от ужасного климата, они привыкли собирать, добывать себе пропитание грабежом с опасностью для жизни. Потому-то и стали они свирепы выше всякой меры. О керкетах, которые с ними граничат, нельзя сообщить ничего достойного внимания.

(26) Позади них живут обитатели Киммерийского Боспора; там находятся колонии милетян и как бы мать их всех – Пантикапей, который омывает река Гипанид (Гипанис = Кубань), обильная собственными водами и впадающими в нее извне. (2) На довольно да-

леко расстоянии отсюда живут по обоим берегам Танаиса (Дона) амазонки вплоть до самого Каспийского моря. Танаис вытекает из кавказских скал, течет широкими излучинами и, отделяя Азию от Европы, исчезает в меотийских болотах. (28) По соседству с Танаисом находится река Ра (Волга). На ее берегах водится корень одного растения, одноименный с этой рекой, который широко употребляется в медицине. (29). За Танаисом широко раскинуты савроматы; в их земле протекают непересыхающие реки: Марабий, Ромбит, Теофаний и Тоттордан. Другое племя савроматов живет на большом расстоянии оттуда в прибрежной полосе, через которую впадает в море река Коракс.

(30) Неподалеку отсюда лежит Меотида (Азовское море), занимающая весьма большое пространство. Много воды из ее обильных источников прорывается через Пантикапейский пролив в Понт, на правом берегу которого лежат острова Фанагур и Гермонасса, застроенные стараниями греков²¹. (31) Вокруг этих крайних и отдаленных болот обитает множество народов, весьма различных между собою по языку и обычаям: яksamаты, меоты, язиги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны и агафирсы, у которых находятся обильные залежи камня-адаманта. За этими народами еще дальше обитают другие, нам не ведомые, так как они живут дальше всех вглубь материка. (32). А на левой стороне Меотиды есть полуостров, заполненный греческими колониями. Поэтому население живет там спокойно и миролюбиво, полагает свои заботы в земледелии и питается плодами земли.

(33) Недалеко от них за различными царствами живут тавры; среди них арихи, синхи и напей страшны своей дикостью, и так как продолжительная безнаказанность усиливала их свирепость, то оттого и пошло имя морю “Негостеприимное”. Если его называют на оборот Евксинским (гостеприимным), то это ирония, подобно тому как мы, греки, называем благодущным глупого, благожелательницей – ночь, Евменидами (добромыслящими) – Фурий. (34) Эти народы добывали милости богов человеческими жертвами и, закалывая пришельцев в жертву Диане, которая у них зовется Орсилохой, прибавляли головы убитых на стенах храма, как вечные памятники славным деяниям.

(35). Близ Таврики лежит необитаемый остров Левка²², посвященный Ахиллу. Если кто

случайно попадет туда, тот, осмотрев памятники древности, храм и дары, посвященные этому герою, возвращается вечером на корабль. Говорят, что там нельзя проводить ночь, не подвергая опасности свою жизнь. На острове есть пруд и водятся белые птицы, похожие на зимородков, о происхождении которых, как и о времени битв на Геллеспонте я буду рассказывать в другом месте. (36) В Таврике есть несколько городов; более значительные среди них – Евпатория, Дандака и Феодосия; есть и другие, поменьше, не оскверненные человеческими жертвоприношениями.

(37) В этих местах находится самый угол лука. Теперь я прослежу по порядку дальнейшую его кривизну, обращенную к северу, до левого берега Фракийского Боспора. Замечу при этом, что тогда как у всех прочих народов луки имеют более плоскую кривизну, только скифские и парфянские луки своими сведенными с обеих сторон внутрь широкими кривыми рогами с натянутой посередине прямой круглой тетивой представляют вид луны на ущербе.

(38) В самом начале этого материка, там, где кончаются Рифейские горы, живут аримфеи, праведные и известные своим миролюбием люди. Область их омывают реки Хроний и Висула (Висла). По соседству с этим народом обитают массагеты, аланы и саргеты, а также многие неизвестные народы; но нам неведомы даже названия их, не то что обычаи.

(39) На значительном расстоянии оттуда простирается Каркинитский залив, течет река с тем же названием и находится почитаемая в тех местах роща Тривии. (40) Далее, вытекающий из гор нервиев Борисфен, многоводный от самых своих истоков и обогащающийся впадением многих рек, вливается в море бурливыми волнами. На его лесистых берегах лежат города Борисфен, Кефелонес и Жертвенники, посвященные Александру Великому и Цезарю Августу²³. (41) Вдалеке оттуда есть полуостров, который населяют синды, известные только тем, что после несчастий, постигших их господ в Азии, они овладели их женами и имуществом. К их земле примыкает узкая береговая полоса, называемая у местных жителей “Ахиллово ристалище” (Ахиллов Бег), так как здесь некогда упражнялся в беге этот фессалийский вождь. В непосредственной близости от него находится Тир, колония финикийцев²⁴, которую омывает река Тира (Днестр).

(42) В среднем пространстве лука, представляющем собой весьма широкую протяженность, в 15 дней пути для хорошего пешехода, живут европейские аланы, костобоки и бесчисленные племена скифов, область которых тянется до земель с не известными нам границами. Небольшая часть их питается плодами полей; все же остальные кочуют по широким степям, не тронутым сохой, не знавшим посева, одичалым и покрытым инеем. Они питаются по-звериному; свои семейства, жилища и скудный домашний скарб они укладывают на кибитки, покрытые корой, и, когда появится желание, беспрепятственно передвигаются, направляя свои телеги куда вздумают.

(43) Если подойти к другому обильному гаванями заливу, которым заканчивается фигура лука, то здесь выступает остров Певка, вокруг которого живут троглодиты, певкины и другие менее многочисленные народы. Там же лежат Истр, некогда весьма могущественный город, Томы [Констанца, Кюстендже], Аполлония, Анхиал, Одисс [Варна] и много других, расположенных на берегах Фракии. (44) А река Данубий, имеющая свои истоки поблизости от Равраков, на пограничных с Рецией горных высотах, протекает по широкому пространству земель, принимая в себя 60 притоков, которые почти все судоходны, а на этом скифском берегу впадает семью устьями в море. (45) Первое из них образует выше-названный остров Певку, остальные, которые называются в греческом переводе так: второе – Наракустома (устье Нарака), третье – Калонстома (Прекрасное устье), четвертое – Псевдостома (Ложное устье); Борионстома (Северное устье) и затем Стеностома (Узкое устье), имеют более медленное течение, чем другие, а седьмое – почти стоячее и представляется черным, как болото.

(46) Весь Понт по своей окружности часто покрывается туманами, имеет воду более пресную, чем в других морях и изобилует отмелями. Это имеет место оттого, что вследствие частых испарений влаги сгущается воздух, масса впадающих вод опресняет воду моря, и так как множество впадающих в него рек несут ил и песок, то образуются нагромождающиеся наносы. (47). Известно, что из самых дальних пределов нашего моря (Средиземного) стаями устремляются в эту даль рыбы ради метания икры, чтобы вырастить свое потомство более здоровым образом благодаря пресной воде и в безопасных затонах, кото-

рых там очень много, спасти их от прожорливых морских чудовищ, так как в Понте не видели ничего подобного за исключением безвредных дельфинов, и то в малом числе. (48) А та часть Понтийского залива, которую поражает Аквилон и снега, подвержена такому холоду, что реки промерзают, как полагают, до дна, люди и животные не могут ходить по неверной и проваливающейся поверхности, – подобное бедствие никогда не постигает чистое море, но лишь смешанное с водами рек. После этого отступления, которое получилось более длинным, чем я предполагал, возвращаясь к дальнейшему повествованию.

15. (1) Этот подходящий случай побуждает меня представить краткое описание Египта, о

котором я подробно рассказывал в истории Адриана и Севера, большей частью на основании того, что сам видел. (2) Египетский народ, древнейший из всех, – разве только со скифами спорит он своей древностью, – имеет южной границей Большие Сирты, мысы Фик и Борион, гарамантов и другие народы; с востока он простирается в направлении эфиопских городов Элефантины и Мероэ, Катадун, Красного моря и сценитских арабов, которых мы зовем теперь сарацинами, с севера он связан с материком, где начинается Азия и сирийские провинции; с запада он отделен Иссиакским морем, которое некоторые зовут Парфенийским.

Книга XXIII

2. (1) Между тем к Юлиану стали прибывать посольства от многих народов, которые предлагали ему свою помощь. Он оказывал им прием, но с подобающим достоинством давал ответ, что державе не подобает отстаивать себя пришлым вспомоществованием, но, напротив, самой защищать своими силами друзей и союзников, если необходимость заставит их просить о помощи. Только царю Армении Арсаку он предложил собрать большую армию и ожидать приказаний, куда ему направиться, обещая его вскорости известить, что он должен будет предпринять. Когда Юлиан собрал достаточные, по его мнению, силы, он поспешил предупредить слух о своем вступлении в неприятельскую землю и еще в самом начале весны послал по отдельным отрядам приказ о походе и велел всем переходить через Евфрат. (3) Как только приказ был получен, все выступили с зимних квартир и, собравшись на разных стоянках, ожидали прибытия государя. А сам он еще до своего отъезда из Антиохии поставил во главе юрисдикции сирийского округа некоего Александра из Гелиополя²⁵, человека вспыльчивого и сурового, и говорил, что не человек этот заслужил этот пост, но что такой именно судья – подходящий человек для корыстолюбивых и дерзких на язык антиохийцев. (4) Во время отъезда на проводы пришла огромная толпа людей разного звания и положения; все высказывали пожелания счастливого пути и славного возвращения и просили быть затем мягче и снисходительнее. Но гнев Юлиана на их насмешки и бранные клички еще не смягчился, и он отвечал в резком тоне, заявляя, что больше их не увидит. (5) Он говорил, что

составил уже обратный маршрут и по окончании похода вернется на зимовку кратчайшим путем в Тарс Киликийский; поэтому правителю провинции Меморию послано распоряжение сделать в этом городе все нужные приготовления. Это и случилось в скором времени: его труп был туда доставлен и в сопровождении самой скромной погребальной процессии предан земле в предместьи, как он сам распорядился.

(6) Когда солнце стало уже сильно греть, он выступил 5 марта и прибыл обычным путем в Гиераполь²⁶; при вступлении его в ворота этого огромного города внезапно обрушился левый портик; под страшной тяжестью рухнувших балок и камней погибло 50 находившихся там солдат, не считая множества раненых. (7) Здесь он собрал к себе все войска и с такой быстротой прошел Месопотамию, что, предупреждая молву о своем приходе – об этом он очень старался, – неожиданно занял Ассирию. Наконец, с армией и вспомогательными отрядами скифов (готов) он перешел Евфрат по наводному мосту и прибыл в Батны²⁷, муниципальный город Осдроны, где столкнулся со зловещим предзнаменованием. (8) Большая толпа фуражиров, собиравшая, как обычно, провиант, стояла около чрезвычайно высокой скирды пшеницы (в тех краях обыкновенно так складывают снопы). Напор рвавших снопы людей растряс скирду, она обвалилась и засыпала своим страшным обвалом также 50 человек.

5. (1) Присоединив к себе вспомогательные отряды сарацинов, которые те предоставили с величайшей готовностью, Юлиан двинулся вперед ускоренным маршем и в самом начале

апреля вступил в Керкузий²⁸, сильную крепость, заложенную по всем правилам военного искусства. Реки Абора²⁹ и Евфрат окружают ее стены, образуя как бы остров. (2) До Диоклетиана это был незначительный и слабый пункт; но этот император окружил его высокой стеной с башнями, когда усиливал охрану границ со стороны варваров, чтобы персы не могли разгуливать по Сирии, как случилось недавно с большим ущербом для этой области. (3) Так, когда однажды в Антиохии, во время глубокого мира один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки и публика залюбовалась изяществом исполнения, жена его вдруг сказала: “Если это не сон, то вот персы”. Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась, кто куда мог. Город был подожжен, убито много мирно разгуливавших людей, в окрестностях произведены были страшные грабежи и поджоги, и враги с огромной добычей беспрепятственно ушли домой. Мариад, который безумно привел их на гибель своих сограждан, был сожжен живым. Это случилось во времена Галиена³⁰.

(15) Когда мост, о котором я упоминал, был наведен и вся армия переправилась через реку, император счел своим долгом обратиться с речью к солдатам, которые неустрашимо рвались вперед и были исполнены уверенности как в себе, так и в своем предводителе. По сигналу трубы собрались все центурии, когорты и манипулы; император, встав на земляное возвышение, окруженный высшими сановниками, держал такую речь с радостным выражением лица при единодушном расположении к нему всего собрания.

(16) “Храбрые мои солдаты! Видя, что вы полны силы и бодрости, я решил обратиться к вам с речью, чтобы доказать вам разнообразными аргументами, что не теперь впервые, как нашептывают мои зложелатели, проникли римляне в Персидское царство. Не стану говорить о Лукулле или Помпее, который, пройдя через земли албанов и массагетов (которых мы называем теперь аланами³¹), разбил и это племя (персов) и видел Каспийское море. Мы знаем также, что легат Антония Вентидий дал в этих пределах много кровавых битв. (17) Но, оставляя древние времена, я разверну пред вами то, что сохранила новая история. Из этой страны вернулись с победами и трофеями Траян, Вер, Север; также вер-

нулся бы и Гордиан Младший, памятник которому мы теперь почтили. Он победил и обратил в бегство персидского царя при Резайне, но, по проискам преторианского префекта Филиппа и нескольких преступных его пособников, его сразил преступный удар на том самом месте, где он погребен. Недолго бродила его тень неотмщенной: сама справедливость выступила против посягнувших на него, и они погибли мучительной смертью. (18) Стремление к великим делам побудило этих государей совершить достопамятные подвиги. А нас призывают к этому предприятию горестная судьба недавно завоеванных городов, неотомщенные тени воинов погибших армий, страшные потери, утраты близких. Обеты всех побуждают нас уврачевать беды прошлого и, обеспечив за государством безопасность на этой границе, оставить потомству материал для прославления нашего имени. (19) С помощью бога вечного буду я с вами повсюду, как полководец со счастливыми, как надеюсь, ауспичиями, и как воин, то впереди пешего строя, то в рядах наступающей конницы. А если изменчивая судьба застигнет меня в бою, с меня будет довольно того, что я пожертвовал собой за римский мир, подобно древним Курциям, Муциям и славному роду Дециев. Мы должны уничтожить этот враждебный нам народ, на мечях которого еще не высохла кровь наших близких. (20) Много поколений одно за другим проходили у наших предков, прежде чем они наконец истребляли тех, кто был их врагом. Лишь после тяжелых и продолжительных войн побежден был Карфаген, но славный вождь побоялся оставить город после победы. До основания разрушил Нуманцию Сципион после тяжких испытаний осады. Рим разрушил город Фидены, чтобы не дать вырасти сопернику своего владычества. Раздавил он фалисков и Вейи так, что нам трудно поверить древним историкам, что эти общины были некогда могущественны. (21) Вот что я вам рассказал, как близко знакомый с родной древностью. А теперь остается, чтобы каждый из вас, позабыв о корысти, которая нередко бывала губительна для римских солдат, держался в походе своей части, и, если дело дойдет до необходимости сразиться, следовал за своим знаменем. Знайте, что, кто останется позади, тому враг подрежет жилы на ногах. Ничего я не боюсь, кроме коварства и засад нашего прославленного своей хитростью врага. (22) В заключение я даю обещание: после благополучного окончания

этого похода, отказавшись от прерогативы государей, которые в силу своей власти считают справедливым все, что они скажут или постановят, дать отчет всякому, кто потребует, о своих удачных и неудачных мероприятиях. (23) Поэтому воспряньте, прошу вас, воспряньте духом в предчувствии грядущих успехов. В равной мере со мной примите вы на себя трудности, которые выпадут нам на долю, и будьте уверены, что победа всегда оказывается на стороне правды”.

(24) Такими бодрящими словами он закончил свою речь. Исполненные воинского духа солдаты, гордившиеся славою своего вождя и воодушевленные надеждой на удачу, подняли щиты и кричали, что не существует для них никаких опасностей и трудностей под командой самого императора, который берет на себя больше труда, чем возлагает на простого солдата. (25) С особенным воодушевлением выказывали свою радость галльские легионы, помнившие то, как не раз под его командой, когда он самолично объезжал ряды, на их глазах падали в прах или молили о пощаде варварские племена.

6. (1) Дойдя до этого места в своем изложении, я считаю уместным сделать отступление, чтобы описать географическое положение Персии. В народоописаниях (землеописаниях) имеются об этой стране подробные рассказы, но лишь в очень немногих сообщены верные сведения. Если мое описание будет несколько подробнее, то тем полезнее окажется оно для полного представления. Кто чрезмерно старается в повествовании о неизвестном быть кратким, тот озабочен не тем, что он хочет определенно выяснить, а тем, что он должен опустить.

(2) Это царство, некогда весьма небольшое по размерам и по причинам, которые я часто приводил, носившее различные имена, после того как рок похитил в Вавилоне Александра Великого, стало достоянием парфянина Аршака. То был человек низкого происхождения. В юности он был атаманом разбойников, но постепенно возвысился в своих стремлениях и составил себе славное имя рядом блестящих деяний. (3) После многих славных и храбрых подвигов он одержал победу над преемником Александра Селевком Никатором (“победителем”), которому это прозвище принесли его многочисленные победы. Изгнав македонские гарнизоны, Аршак не нарушал мира и в отношении своих подданных проявлял милосердие и справедливость. (4) Все сосед-

ние области он победил силой, соображениями справедливости или страхом своего имени; Персию наполнил городами, крепостями и укреплениями, сделал ее грозной для соседних народов, перед которыми она раньше сама трепетала, и умер спокойной смертью, будучи еще среднего возраста. Знать и простой народ были единодушны в своем суждении о нем, и его первого присоединили к сонму звезд, как они это полагают в своих религиозных представлениях. (5) Поэтому и до нашего времени удержался обычай, что гордые цари этого народа именуются братьями Солнца и Луны; и подобно тому как нашим императорам приятно и желанно имя Августа, так для жалких и бесславных некогда парфянских царей под счастливыми ауспигиями Аршака создались величайшие отличия. (6) И теперь еще воздают ему культ, как богу, и оказываемый ему почет ведет к тому, что и в наши дни потомки Аршака имеют преимущество перед всеми другими в наследовании верховной власти и во всякого рода междоусобицах, которые у них нередки, всякий перс боится, как святотатства, ударить своей рукой Аршакида, будь он воин или частный человек.

(7) Известно, что этот народ, одолев много других народов, расширил свое царство до Пропонтиды и Фракии; но высокомерие некоторых царей, питавших гордые замыслы и совершавших очень далекие походы, повергло царство в тяжкие бедствия и уменьшило его пределы. Таков прежде всего Кир. С несчетной ратью он перешел Боспор; но скифская царица Томирида, горя жаждой мести за своих сыновей, истребила его полчища до последнего человека. (8) Позднее, когда Дарий, а за ним Ксеркс ополчились на Грецию и перенесли войну в другую стихию (море), потеряли они на море и на суше почти все свои войска и едва спаслись сами. Оставляю в стороне войны Александра и то, что по его завещанию весь народ перешел под власть единого преемника.

(9) В течение долгого времени в период республики и затем при императорах эти народы вели время от времени войну с нами; иной раз исход бывал нерешителен, в другой персы терпели поражение, а иногда оказывались победителями.

(10) А теперь я хочу представить в очень кратком очерке, насколько это позволяет общий план моего сочинения, описание страны. Эти области имеют большую протяженность по долготе и широте. Они охватывают со всех

сторон Персидское море, усеянное островами и весьма оживленное по морским сношениям. Утверждают, что вход в это последнее (из океана) настолько узок, что из Гармозонта, мыса Кармании, совершенно отчетливо виден противоположный мыс, который местные жители называют Маки. (11) За этим узким проливом море разливается широко и плавание совершается до города Тередона, где впадает в море Евфрат, оскудевший по пути водой. Залив имеет вид круга, и его береговая линия достигает 20 тысяч стадий³². Вдоль побережья рядом друг с другом лежат города и селения, и по побережью идет живой морской оборот. (12) За проливом расстилается Караманский залив, лежащий к востоку. Южный залив называется Кантих. Неподалеку от него – другой, лежащий к западу, который называется Халит. Отсюда, мимо множества островов, из которых лишь немногие известны, достигают Индийского океана. Так как он первый принимает горячие лучи восходящего солнца, то температура воды в нем высока. (13) По чертежам географов весь вышеописанный круг земель имеет такой вид. С севера и до Каспийских ворот он граничит с кадусиями, многочисленными скифскими племенами и аримаспами, дикими одноглазыми людьми; с запада соприкасается с армянами горой Нифатом, живущими в Азии албанами, Красным морем и сценитскими арабами, которых позднее прозвали сарацинами; на юге он имеет перед собой Месопотамию, а прямо к востоку простирается до реки Ганга, который прорезает земли индийцев и впадает в южное море. (14) Важнейшие провинции Персии, которыми управляют витаксы, т. е. командиры конницы, цари и сатрапы, – перечислять множество меньших было бы затруднительно, да и излишне – следующие: Ассирия, Сузиана, Мидия, Персия, Большая Кармания, Гиркания, Маргиана и земли бактрийцев, согдианов и саков, далее Скифия по ту сторону Имая и до этой горы, Серика, Ария, Паропамисады, Дрангиана, Арахозия и Гедрозия.

(27) С левой стороны простирается Мидия, соприкасающаяся с Гирканским (Каспийским) морем. Эта страна, как можно прочесть об этом в книгах, до правления Кира Старшего и возвышения Персии, была царицей всей Азии после покорения ассирийцев: значительное число их областей, взятых силой оружия, получило общее имя Атропатыны. (28) Мидяне народ очень воинственный, самый страшный после парфян, которые одни

одерживают над ними победу. Страна имеет вид четырехугольника. Население этих земель занимает на широком пространстве равнины, над которыми высятся крутые горные хребты: Загр, Оронт и Иасий. (29) Обитатели западного склона высокого хребта Корона имеют в изобилии хлебные поля и виноградники; почва у них весьма плодородна и земля изобилует реками и родниками чистой воды. (30). Зеленеющие луга кормят благородную породу коней. Древние писатели рассказывают о них, и я сам видел, как вельможи в начале сражений гордо разъезжают на этих конях. Зовут их мезейскими. (31) Мидия в равной степени изобилует богатыми городами, поселками, выстроенными наподобие городов и многочисленным населением. Короче говоря, страна эта – богатейшее обиталище царей.

(39) В этих местах разбросано много городов. Наиболее известны из всех Зомбис, Патигран и Газак; по величине и богатству выделяются Гераклея, Арзакия (Рей), Европ, Кирополис, Экбатана. Все они лежат у подошвы Иасонийского хребта в земле сиромидийцев. (40) Много рек протекает через эти земли; самые большие из них Хоасп [Карун], Гинд, Амард [Кизил-Узень], Харинда, Камбиз и Кир. Название последней реке, довольно широкой и значительной, дал древний царь, любимец народа, Кир, предав забвению старое, когда он выступал на завоевание Скифского царства, потому что эта река имеет стремительность, качество, которым и он сам отличался. С такой же порывистостью, которую проявлял Кир, она сама пробивает себе путь и впадает в Каспийское море.

(50) Внутри материка от Кармании живут гирканы, область которых омывает море с тем же названием. Так как в их тощей почве семя замирает, то земледелию уделяется мало внимания. Они живут охотой, которая у них удивительно разнообразна. Здесь тысячами водятся тигры и множество диких зверей. Выше, помнится, я уже рассказывал, к каким разнообразным способам прибегают для их ловли. (51) Тем не менее местные жители не лишены знакомства с плугом: некоторые местности, где почва плодороднее, засеиваются; есть и древесные насаждения, где имеются для этого подходящие условия; многие живут здесь также и морской торговлей. (52) В этой области есть две очень известные реки: Окс [Амударья] и Максера, через которые иногда переплывают тигры, когда их томит голод, и производят неожиданные опустошения в со-

седних местах. Кроме многих незначительных городов, гирканы имеют два значительных, расположенных на берегу моря: Соканда и Сараманна; другие лежат внутри страны: Асмурна, Сала и более известный чем эти – Гиркана.

(53) Напротив этого народа к северу живут, как рассказывают, абии, весьма благочестивый народ, равнодушный ко всему человеческому, на которых, как говорит Гомер, Юпитер взирает с горы Иды³³.

(54) Местности за гирканами выпали на долю маргианам, которые почти со всех сторон окружены высокими горами и потому отрезаны от моря. Хотя большая часть их земель пустынна, вследствие недостатка влаги, есть у них, однако, несколько городов; более известны, чем другие Ясоний, Антиохия (Мерв) и Нигэя (Никея). (55). Соседние области занимают бактрийцы, в прежние времена воинственный и весьма могущественный народ, всегда враждовавший с персами, пока те не покорили все соседние племена и не распространили на них своего имени. А в древности там правили цари, которые были страшны даже Аршаку. (56) Бульшая часть тех земель, также как Маргиана, далеко находится от моря; но там водится множество животных и скот, что пасется там как по низким, так и по горным местам, очень крепок и силен; доказательством может служить то, что Митридат оттуда привел верблюдов, которых римляне впервые увидели при осаде Кизика. (57) Бактрийцам подвластно много народов, первые среди них тохары. Страна эта, наподобие Италии, орошается многими реками; из них Артамис и Зариасп, соединившись в одно русло, а также Ох [Теджен] и Даргоман, после слияния между собою, преумножают своими водами громадную реку Окс [Амударья]. (58) Есть и здесь города, расположенные на реках, меньших, чем выше названные: Хатрахарта, Аликорда, Астакана, Менапия и сама Бактра [Балх], откуда пошло имя народа и царства.

(59) ...у самой подошвы гор, называемых Согдийскими (живут согдианы). В их земле протекают две реки, вполне удобные для судоходства: Араксат [=Araxates, Сырдарья] и Димас [Маргинан]. Стремительно стекая через горы и долины на равнину, они образуют Оксийское озеро, имеющее большую протяженность в ширину и длину. Из городов более известны Александрия, Киресхата и столица страны Дрепса [Андераб].

(60) С согдианами смежны саки, дикий народ, населяющий неводеланные земли, годные только для скотоводства. Поэтому нет там и городов. Над этой страной высятся хребты Асканимия и Комед, у подошвы которых через селение, именуемое Каменная башня (Lithinos pyrgos), проходит большой торговый путь, по которому ведутся сношения с серами [китайцами].

(61) В местах, где оканчиваются горы, называемые Имавскими и Апурийскими, живут в пределах Персии скифы, которые граничат с азиатскими сарматами и соприкасаются с крайними пределами земли аланов. Заброшенные в отдаленный угол земли, привычные к пустыне, они живут в далеко отстоящих одно от другого обиталищах и довольствуются скудным и бедным пропитанием. (62) Эти пределы населяют различные народы, перечислять которые считаю в данном случае излишним, так как спешу перейти к другому предмету. Но следует отметить, что среди этих народов, почти не доступных из-за их чрезвычайной дикости и грубости, есть кроткие и благочестивые люди, каковы яксарты и галактофаги, о которых упоминает поэт Гомер в следующих стихах:

...дивных мужей гиппомолгов,

Бедных, питавшихся только млеком, справедливейших смертных³⁴.

(63) Из множества рек, которые в этих землях природа или соединяет с более важными или доводит в собственном течении до моря, знамениты Римм [Газури], Яксарт [Амударья] и Даик [Урал]. Из городов известны только три: Аспабота, Хавриана и Сага.

(64) За этими землями обеих Скифий с восточной стороны высокие горные хребты, образуя округлую линию, охватывают область серов, которые известны плодородием своих обширных земель. С запада граничат они со скифами, с севера и востока примыкают к снежной пустыне, а с юга простираются до Индии и Ганга. Горные хребты тех мест носят имена: Анниба, Анзакий, Асмира, Емод и Опорокорра. (65) В этой стране, которая, будучи ограждена крутыми горами, постепенно переходит в огромную низменность, медленно протекают две реки: Эхард [Селенга?] и Батутис [Гоанго]. Природные условия различных местностей здесь не одинаковы: в одном месте – ровная низменность, в другом – невысокая горная страна, и потому земля эта обильна хлебом, скотом и древесными насаждениями. (66) Плодородные земли населяют различные

народы: в сторону севера и снегов – антропофаги, аннибы, сизиги, харды; к востоку – рабанны, асмиры и самые знаменитые из всех есседоны, к которым с запада примыкают афагуры и аспанары; с юга под крутыми склонами гор живут бэты. В этой стране городов хотя и не много, но они велики и богаты. Наибольшие из них: Асмира, Есседон, Аспакара и Сера; все они красивы и очень известны. (67) Серы живут в глубоком мире, не знают оружия и войны, и так как тихие и мирные люди более всего дорожат спокойствием, то они не причиняют никаких затруднений своим соседям. Климат у них приятный и здоровый, небо ясное, ветры легкие и приятные. Во многих местах растут редкие леса; плоды с деревьев они обрабатывают частым обрызгиванием, как скорняки шкуру, и из похожей на шерсть, размягченной водой массы вычесывают тонкие нити, ткнут основу и изготавливают материю “серик” [шелк]; раньше эту ткань

использовали только вельможи, а в настоящее время она пошла в ход даже у самых простых людей. (68) Отличаясь удивительной умеренностью и дорожа спокойной жизнью, серы избегают общения с другими народами. Если же чужеземцы переправляются через реку ради покупки ткани или чего-то другого, то оценку предложенного товара производят только глазами, не произнося ни одного слова³⁵. Они настолько воздержаны, что, обмениваясь собственными продуктами, сами не покупают ничего чужеземного.

(69) За серами живут ариане, открытые дуновениям Борея (к северу). Через их земли протекает судоходная река Ария, которая образует огромное озеро с тем же названием. В этой стране много городов; из них известны – Витакса, Сарматина, Сотира, Нисибис и Александрия; от этого последнего города водным путем до Каспийского моря 1500 стадий³⁶.

Книга XXVI

4. (1) Итак, Валентиниан был провозглашен императором в Вифинии, как я об этом рассказал. Он отдал приказ выступать на следующий день, а пока созвал к себе на совет лиц высшего ранга и, выставляя напоказ свою мнимую готовность следовать хорошим советам других, а не своим единоличным решениям, поставил вопрос о том, кого ему следует избрать соправителем. Все молчали, а Дагалайф, бывший тогда командиром конницы, дал такой прямолинейный ответ: “Если ты, добрейший государь, любишь своих родных, то есть у тебя брат, а если отечество, то ищи, кого облачить в пурпур”. (2) Император разгневался на эти слова, но промолчал и, скрывая свои мысли, прибыл ускоренным маршем 1 марта в Никомедию. Здесь он назначил своего брата Валента начальником императорской конюшни в ранге трибуна. (3) Оттуда он прибыл в Константинополь. Обдумав различные обстоятельства и сознавая, что государственные дела огромной важности, и притом неотложные, превосходят его силы, он решил далее не откладывать. И вот 28 марта он вывел Валента в предместье и при всеобщем одобрении, – по крайней мере никто не смел возразить, – провозгласил его Августом. Облачив его в императорские одежды и повязав диадему на его голове, он привез его во дворец в одной колеснице с собой как законного соправителя, но в действительности, как станет ясным это из моего дальнейшего изло-

жения, подчинявшегося ему во всем настолько, как будто он был его подчиненным.

(4) Едва устроилось благополучно это дело, как оба императора заболели тяжелой и продолжительной лихорадкой, а когда они оправились от болезни, то, будучи вообще более склонными к сыскам и следствиям, чем к упорядочению всяких дел, – поручили магистру двора Урзацию, грубому далматинцу, и Вивенцию из Сисции³⁷, который тогда состоял квестором, произвести строжайшее следствие о возможных причинах постигшей их болезни. Настойчиво ходившие слухи истолковывали это в том смысле, что целью было вызвать вражду к памяти императора Юлиана и к его друзьям, поскольку, мол, болезнь наведена на императоров колдовством. Но все это развеялось само собой, так как не нашлось ни малейшего намека на какие-либо тайные замыслы. (5) В это время по всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к ним границы. Галлию и Рецию одновременно грабили аламаны, сарматы и квады – обе Паннонии; пикты, саксы, скотты и аттакотты терзали непрерывными бедствиями Британию; австорианы и другие племена мавров сильнее обычного тревожили Африку; Фракию грабили разбойнические шайки готов. (6) Царь персидский пытался наложить свою руку на армян и прилагал все усилия к тому, чтобы опять подчинить эту

страну своей власти под тем несправедливым предлогом, что после смерти Иовиана, с которым он заключил мирный договор, ничто не

должно препятствовать ему завоевать все то, на что он указывал, как на принадлежавшее его предкам.

Книга XXVII

4. (10) С возрастанием силы римского государства, еще при консулах, Марк Дидий одолел после упорного сопротивления эти племена, которые оставались до тех пор неукротенными и бродили в диком состоянии, не зная никаких законов; Друз заставил их ограничиваться пределами своей земли, Минуций разбил их в битве у реки Гебра, которая стекает с крутых гор одрисов, а затем остатки их были истреблены проконсулом Аппием Клавдием. Римский флот захватил города, расположенные на Босфоре и Пропонтиде. (11) После этого явился туда полководец Лукулл. Он первый сразился с диким племенем бессов и в том же самом походе раздавил гемимонтанов, несмотря на их жестокое сопротивление. Под его угрозами вся Фракия перешла во власть наших предков, и таким образом после опасных походов приобретены были шесть провинций.

(12) Первая из них, передняя, которая граничит с Иллириком, называется Фракией в

собственном смысле слова. Ее украшают большие города Филиппополь, именовавшийся в древности Евмольпиалой, и Берей. Далее – Гемимонт с большими городами Адрианополем, который раньше назывался Ускудама, и Анхиалом. Затем – Мезия, где лежит Маркианополь, названный так от имени сестры императора Траяна, Доростор [Силистрия], Никополь и Одисс [Варна]. Рядом с ней лежит Скифия, более известные города которой – Дионисополь, Томы [Кюстендже, Констанца] и Калатис. Крайняя провинция – Европа, в которой помимо небольших городов находятся известные два – Апры и Перинф, впоследствии названный Гераклеей. (13) Примыкающая к этой провинции Родопа имеет города Максимианополь, Маронею и Энос. Последний город был основан Энеем, который, оставив его, после долгих странствий, под непрерывным воздействием благих предзнаменований, поселился в Италии.

Книга XXIX

6. (8) Квады с сарматами, племена, отличавшиеся особой умелостью в деле грабежей и разбоев, распространяя все шире и шире круг своих набегов, уводили в плен мужчин и женщин, угоняли скот, злобно радуясь грудам пепла от сожженных селений, страданиям убитых жителей, и без всякой пощады избивали последних, нападая на них врасплох. (9) Страх перед подобными бедствиями распространился по всем соседним местностям, а находившийся тогда в Сирмии префект претория Проб, совершенно не знакомый с ужасами войны, до того был поражен печальным зрелищем, что едва смел поднять глаза. Он долго пребывал в нерешительности, недоумевая, что ему предпринять, и приготовил уже на ближайшую ночь быстрых лошадей для бегства из Сирмия. Но он внял, однако, лучшим советам и остался на месте. (10) Ему сказали, что все находящиеся в городе немедленно последуют его примеру, чтобы укрыться в подходящих убежищах, а если это случится, то город, без всякой попытки защищаться, попадет в руки врага. (11) Поэтому, уняв малопомалу свой страх, он с решимостью принял за необходимые настоятельные меры: вы-

чистил рвы, заваленные мусором, принялся за ремонт стен, которые в большей своей части пришли вследствие продолжительного мира в запущение и завалились, снабдил их грозными башнями. Он имел пристрастие к постройкам, ускорению же дела содействовало то обстоятельство, что он нашел готовый материал, собранный уже давно для сооружения театра и оказавшийся теперь достаточным для возведения построек, с которыми приходилось спешить. К этим мероприятиям он прибавил еще одно: с ближайшего поста призвал в город когорту стрелков, чтобы в случае осады она могла защитить его.

(12) Эти предосторожности отвратили варваров от осады города: они не были достаточно искусны в этом роде войны, их обременяла к тому же добыча, и они стали выслеживать Эквиция. Узнав из показаний пленных, что Эквиций ушел в очень отдаленные места Валерии, они поспешно направились туда, сердясь на него и злоумышляя на его жизнь за то, что, как они думали, он обманул их ни в чем не повинного царя. (13) Пока они в озлоблении спешили туда, двинуты были им навстречу два легиона, Паннонский и Мезийский,

достаточно большая боевая сила. Если бы между ними было единодушие, то без всякого сомнения, они оказались бы победителями. Но у них вышли раздоры, они спорили о чести и достоинстве и спешили по отдельности напасть на разбойников. (14) Хитрые сарматы поняли это и, не ожидая формального сигнала к битве, напали сначала на Мезийский легион и, пока солдаты в смятении хватались за оружие, многих убили. Возгордившись от успеха и воспрянув духом, они прорвали боевую линию Паннонского легиона и, разделив силы отряда, вторичным ударом едва не истребили всех; лишь немногих спасло от смерти поспешное бегство.

(15) Во время этих несчастий дука Мезии Феодосий-младший, тогда еще юноша с едва пробивавшейся бородой, а впоследствии славный император, несколько раз изгонял свободных сарматов, называемых так в отличие от восставших против них рабов, и наносил

им поражения во время их вторжений в наши пределы на другой стороне. Стекавшиеся их полчища, несмотря на храброе сопротивление, он разбил в многократных стычках так решительно, что насытил диких зверей и хищных птиц кровью множества павших. (16) Остальные, когда уже ослабел задор, стали бояться, что этот полководец, проявивший такую энергичную доблесть, разобьет или обратит в бегство их вторгающиеся шайки на самой границе или устроит засаду в глуши лесов. После многих тщетных попыток прорваться, которые они предпринимали время от времени, они оставили свой бранный задор, просили о забвении прошлого и, чувствуя себя в данное время побежденными, не делали ничего противоречащего условиям предоставленного им мира. И тем более охватил их страх, что для охраны Иллирика прибыли большие силы из галльской армии.

Книга XXX

2. (5) По возвращении нашего посольства, прибыл сурена, второе лицо в государстве после царя, и предложил императору те самые округа, которые, не задумываясь, приняли наши послы. (6) Ему был устроен любезный и пышный прием, но отпущен он был, не добившись того, чего требовал, и вслед за тем были начаты большие приготовления к военным действиям. Имелось в виду, что когда дело пойдет к весне, император вторгнется в Персию с тремя армиями, и для этого с величайшей поспешностью нанимали вспомогательные отряды скифов³⁸.

5. Валентиниан, намереваясь начать военные действия против сарматов и квадов, опустошавших Паннонии, отправляется в Иллирик. Перейдя Дунай, он опустошает области квадов, предает огню поселки и истребляет варваров без различия возраста.

(1) С наступлением весны Валентиниан выступил из Тревиров и быстрым маршем дви-

нулся по обычным дорогам. Когда он уже подходил к тем областям, куда направлялся, к нему прибыли послы сарматов. Распростершись у его ног, они обращали к нему миролюбивые моления, чтобы он в милостивом и кротком настроении шел к ним, так как он найдет их земляков невиновными ни в чем ни советом, ни делом. (2) На их многократные повторения одного и того же император, внимательно обдумав это дело по соображениям данного момента, дал им ответ, что приписываемые им поступки должны быть расследованы на месте их совершения самым тщательным образом и привести к денежному взысканию. Затем он вступил в иллирийский город Карнунт³⁹, находящийся в настоящее время в запустении и в развалинах, но представлявший собой весьма удобный пункт для командира армии, так как с этой близкой к границе стоянки, когда случай или расчет даст такую возможность, легко было задерживать варварские набеги.

Книга XXXI

1. (1) Между тем Фортуна со своим крылатым колесом, вечно чередуя счастливые и несчастные события, вооружала Беллону вместе с Фуриями и перенесла на Восток горестные события, о приближении которых возвещали совершенно ясные предсказания и знамения. (2) Помимо многих вещей предсказаний, изреченных прорицателями и авгурами, были еще такие знамения: метались собаки

под вой волков, ночные птицы издавали жалобные крики, туманный восход солнца омрачал блеск утреннего дня, а в Антиохии в ссорах и драках между простонародьем вошло в обычай, если кто-то считает себя обиженным, дерзко восклицать: “Пусть живым сторит Валент”; постоянно раздавались возгласы глашатаев, приказывавших сносить дрова, чтобы протопить бани Валентина, ко-

торые были сооружены по приказанию самого императора. (3) Все это чуть ли не прямо указывало, какой конец жизни грозит императору. Кроме того, дух убитого армянского царя и жалкие тени лиц, недавно казненных по делу Феодора, являлись многим во сне, изрекали страшные зловещие слова и наводили ужас. (4) Нашли как-то мертвого орла, лежавшего с перерезанным горлом, и смерть

его знаменовала собой громадные и всеохватные бедствия общегосударственного значения. Наконец, когда сносили старые стены Халкидона, чтобы построить баню в Константинополе, сняв ряд камней, нашли на квадратной плите, находившейся в самой середине стены, следующую высеченную надпись, которая совершенно определенно открывала будущее:

(5) Но когда влажные Нимфы по граду закружатся в пляске,
В резвом веселье вдоль улиц несясь хорошо укрепленных,
И когда стены со стоном оградой станут купанья:
В эту годину толпа несметная бранных народов,
Силой прошедши Дуная прекрасно текущего волны,
Скифов обширную область и землю мизинцев погубит.
В дерзком и диком порыве вступивши в страну пеонийцев,
Там же и жизни конец обретет и жестокую гибель.

2. (1) Семя и начало всего этого несчастья и многообразных бедствий, вызванных яростью Марса, который своим пожаром сотрясает мир, восходит, как выяснено, вот к какому событию. Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. (2) Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей, или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. (3) При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного погреть. (4) Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней. (5) Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из

шкурки лесных мышей. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз одетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения. (6) Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги – козьими шкурами; обувь, которую они не выделяют ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути. (8) Иной раз, будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. (9) Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами,

снабженными искусно сработанными накопечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком. (10) Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткнут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден – вдали оттуда, вырос – еще дальше. (11) Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих союзников. Без всякого подстрекательства и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся.

(12) Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов, древних массагетов. Раз я упомянул аланов, то будет уместно рассказать, откуда они и какие земли занимают, показав при этом запутанность географической науки, которая долго многое... и различное, наконец нашла истину⁴⁰...

(13) Истр, пополнившись водой притоков, протекает мимо савроматов, область которых простирается до Танаиса, отделяющего Азию от Европы. За этой рекой аланы занимают простирающиеся на неизмеримое пространство скифские пустыни. Имя их происходит от названия гор. Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы. (14) Из этих народов нерви занимают среднее положение и соседствуют с высокими крутыми горными хребтами, утесы которых, покрытые льдом, обвевают аквилоны. За ними живут видины и очень дикий народ гелоны, которые снимают кожу с убитых врагов и делают из нее себе одежды и

боевые попоны для коней. С гелонами граничат агафирсы, которые красят тело и волосы в голубой цвет, простые люди – небольшими, кое-где рассеянными пятнами, а знатные – широкими, яркими и частыми. (15) За ними кочуют по разным местам, как я читал, меланхлены и антропофаги, питающиеся человеческим мясом. Вследствие этого ужасного способа питания соседние народы отошли от них и заняли далеко отстоящие земли. Поэтому вся северо-восточная полоса земли до самых границ серов осталась необитаемой. (16) С другой стороны поблизости от места обитания амазонок смежны с востока аланы, рассеявшиеся среди многолюдных и великих народов, обращенных к азиатским областям, которые, как я узнал, простираются до самой реки Ганга, пересекающей земли индов и впадающей в южное море.

(17) Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения. (18) Нет у них шалашей, никто из них не пашет; питаются они мясом и молоком, живут в кибитках, покрытых согнутыми в виде свода кусками древесной коры, и перевозят их по бесконечным степям. Дойдя до богатой травой местности, они ставят свои кибитки в круг и кормятся, как звери, а когда пастбище выедено, грузят свой город на кибитки и двигаются дальше. В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это – их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом. (19) Гоня перед собой упряжных животных, они пасут их вместе со своими стадами, а более всего заботы уделяют коням. Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек. (20) Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными вои-

нами. Поэтому-то и персы, будучи скифского происхождения, весьма опытни в военном деле⁴¹. (21) Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии с другой. (22) Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. Ничем они так не гордятся, как убийством человека, и в виде славного трофея вешают на своих боевых коней содранную с черепа кожу убитых. (23) Нет у них ни храмов, ни святилищ, нельзя увидеть покрытого соломой шалаша, но они втыкают в землю, по варварскому обычаю, обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют. (24) Их способ предугадывать будущее странен: связав в пучок прямые ивовые прутья, они разбирают их в определенное время с какими-то таинственными заклинаниями и получают весьма определенные указания о том, что предвещается. (25) О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах. Но возвращаясь к повествованию о дальнейших событиях.

3. (1) И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а сцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело прорвались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха, весьма воинственного царя, которого страшились соседние народы, из-за его многочисленных и разнообразных военных подвигов. (2) Пораженный силой этой внезапной бури, Эрменрих в течение долгого времени старался дать им решительный отпор и отбиться от них; но так как молва все более усиливала ужас надвигавшихся бедствий, то он положил конец страху перед великими опасностями добровольной смертью. (3) Витимир, избранный

после его кончины царем, оказывал некоторое время сопротивление аланам, опираясь на другое племя гуннов, которых он за деньги привлек в союз с собою. Но после многих понесенных им поражений, он пал в битве, побежденный силой оружия. От имени его малолетнего сына приняли управление Алафей и Сафрак, вожди опытные и известные твердостью духа; но тяжкие обстоятельства сломили их и, потеряв надежду дать отпор, они осторожно отступили и перешли к реке Данастию [Днестру], которая протекает по обширным равнинам между Истром и Борисфеном. (4) Когда слухи об этих неожиданных событиях дошли до Атанариха, правителя тервингов, против которого недавно, как я об этом рассказывал, выступал в поход Валент, чтобы наказать за помощь, оказанную Прокопию, он решил попытаться оказать сопротивление и развернуть все свои силы, если и на него будет сделано нападение, как на остальных. (5) Он разбил большой лагерь на берегах Данастия в удобной местности поблизости от степей гревтунгов, и в то же время выслал на 20 миль вперед Мундериха (который был впоследствии командиром пограничной полосы в Аравии) с Лагариманом и другими старейшинами, поручив им высматривать приближение врага, пока он сам беспрепятственно занимался приготовлениями к битве. (6) Но дело вышло совсем не так, как он рассчитывал. Гунны со свойственной им догадливостью заподозрили, что главные силы находятся дальше. Они обошли тех, кого увидели, и, когда те спокойно расположились на ночлег, сами при свете луны, рассеявшей мрак ночи, перешли через реку вброд и избрали наилучший образ действий. Опасаясь, чтобы передовой вестник не испугал стоявших дальше, они ринулись быстрым натиском на Атанариха.

(7) Ошеломленный первым ударом, Атанарих, потеряв кое-кого из своих, вынужден был искать убежища в крутых горах. От неожиданности этого события и еще большего страха перед будущим, он стал воздвигать высокие стены от берегов Гераза [Прута] до Дуная поблизости от области тайфалов. Он полагал, что быстро и основательно соорудив это прикрытие, он обеспечит себе полную безопасность и спокойствие. (8) Пока работа велась со всей энергией, гунны теснили его быстрым наступлением и могли бы совершенно погубить его своим появлением, если бы не оставили этого дела вследствие затруднитель-

ного положения, в которое их поставило обилие добычи.

Между тем среди остальных готских племен широко распространилась молва о том, что неведомый дотоле род людей, поднявшись с далекого конца земли, словно снежный вихрь на высоких горах, рушит и сокрушает все, что попадает на встречу. Большая часть племен, которая оставила Атанариха вследствие недостатка в жизненных припасах, стала искать место для жительства подалее от всякого слуха о варварах. После продолжительных совещаний о том, какое место избрать для поселения, они решили, что наиболее подходящим для них убежищем будет Фракия; в пользу этого говорили два соображения: во-первых, эта страна имеет богатейшие пастбища и, во-вторых, она отделена мощным течением Истра от пространств, которые уже открыты для перунов чужеземного Марса. То же самое решение как бы на общем совете приняли и остальные.

4.(12) Между тем приблизился к берегам Истра и Витерик, царь гревтунгов, вместе с Алафеем и Сафраком, которые были его опекунами, а также Фарнобий. Спешно отправив посольство, царь просил императора оказать ему столь же радушный прием. (13) Послы получили отказ, как того, казалось, требовали государственные интересы; и гревтунги находились в тревожной нерешительности, относительно того, что им предпринять. Атанарих, боясь получить такой же отказ, отступил в отдаленные местности: он помнил, что некогда презрительно отнесся к Валенту во время переговоров и заставил императора заключить мир на середине реки, ссылаясь на то, что заклятие не позволяет ему вступить на римскую почву. Опасаясь, что неудовольствие против него осталось до сих пор, он двинулся со всем своим народом в область Кавкаланда, местность недоступную из-за высоких поросших лесом гор, вытеснив оттуда сарматов.

5. (15) Полчища скифских народов прорвались на двух тысячах судов через Боспор, прошли по берегам Пропонтиды и произвели жестокие опустошения на море и на суше, но, потеряв большую часть своих, вернулись назад. (16) В сражениях с варварами пали императоры Деции, отец и сын; подверглись осаде города Памфилии, опустошено было много островов, вся Македония была охвачена пламенем, в течение долгого времени была в осаде Фессалоника, а также Кизик, взят был Анхи-

ал, и в то же время Никополь, который строил император Траян, как свидетельство победы над даками. (17) После многих жестоких поражений с той и другой стороны разрушен был Филиппополь, причем – если верно сообщение историков – убито было в стенах города сто тысяч человек. Пришлые враги свободно бродили по Эпиру, Фессалии и всей Греции; верховная власть была предоставлена славному полководцу Клавдию, но он пал смертью героя и прогнал их уже Аврелиан, человек дельный и строгий мститель за злодеяния. После этого в течение продолжительного времени варвары держали себя спокойно и ничего не предпринимали, если не считать того, что изредка в течение последующего времени их грабительские отряды совершали губительные набеги на соседние с их землей местности. Но буду продолжать изложение с того момента, на котором я остановился.

8. (1) После столь печального исхода сражения наши отошли в недалеко отстоявший Маркианополь. Готы без всякого внешнего принуждения засели в своем таборе и в течение семи дней не смели ни выйти, ни показаться оттуда. Поэтому наши войска, воспользовавшись этим удобным случаем, заперли в теснинах Гемимонта⁴² огромные шайки других варваров, возведя высокие валы. Рассчитывали, конечно, что огромные полчища этих вредоносных врагов, будучи заперты между Истром и пустынями и, не находя никаких выходов, погибнут от голода, так как все жизненные припасы были свезены в укрепленные города, из которых они не попытались доселе ни одного осадить из-за своего полного неведения в этого рода предприятиях. (2) После этого Рихомер отправился назад в Галлию, чтобы привести оттуда вспомогательные силы, из-за ожидаемых еще более грозных военных событий. Все это случилось в год консульства Грациана в четвертый раз и Меробавда, когда время шло уже к осени.

(3) Между тем Валент, узнав о печальном исходе битвы и о грабежах, послал Сатурнина, бывшего в ту пору магистром конницы, на помощь Профутуру и Траяну. (4) В те же самые дни в местностях Скифии и Мезии, поскольку истреблено было все, что только было съедобного, варвары, стервенея от собственной ярости и голода, напрягали все силы, чтобы прорваться. После неоднократных попыток, которые были отражены сильным сопротивлением наших, засевших на высоких местах, они оказались в крайне затруднительном

положении и призвали к себе шайки гуннов и аланов, соблазнив их надеждой на огромную добычу.

(5) Когда об этом узнал Сатурнин – он уже прибыл и устанавливал линию постов и пикетов, – то стал мало-помалу стягивать своих и готовился отступить; то был разумный план, так как можно было опасаться, что варвары, как прорвавшая плотину река, сметут без больших затруднений всех, заботливо охранявших подозрительные места. (6) Когда теснины были открыты и своевременно отошли наши войска, варвары повсюду, где кто мог, обратились, не встречая никакого сопротивления, к новым неистовствам. Безнаказанно рассыпались они для грабежа по всей равнине Фракии, начиная от местностей, которые омывает Истр, до Родопы и пролива между двумя огромными морями. Повсюду производили они убийства, кровопролития, пожары, совершали всякие насилия над свободными людьми. (7) Тут можно было наблюдать жалостные сцены, которые ужасно было видеть и о которых равно ужасно повествовать: гнали бичами пораженных ужасом женщин, и в их числе беременных, которые, прежде чем разрешиться от бремени, претерпевали всякие насилия; малые дети хватались за своих матерей, слышались стоны подростков и девушек благородного происхождения, уводимых в плен со скрученными за спиной руками. (8) За ними гнали взрослых девушек и замужних женщин с искаженными от плача чертами лица, которые готовы были предупредить свое бесчестие смертью, хотя бы самой жестокой. Тут же гнали, как дикого зверя, свободного человека, который незадолго до этого был богат и свободен, а теперь изливал свои жалобы на тебя, Фортуна, за твою жестокость и слепоту: в один миг он лишился своего имущества, своей милой семьи, дома, который на его глазах пал в пепле и развалинах, и ты отдала его дикому победителю на растерзание или на рабство в побоях и муках.

(9) Как дикие звери, сломавшие свои клетки, варвары рассеялись на огромном пространстве и подступили к городу Дибальту⁴³, где они наткнулись на Барцимера, трибуна skutариев со своим отрядом, корнутами и другими пешими отрядами, когда он разбивал свой лагерь. То был испытанный и бывалый в боях командир. (10) Немедленно, как требовала того необходимость, он приказал трубить боевой сигнал, укрепил свои фланги и двинулся в бой со своими храбрыми войска-

ми. Мужественно отбивался он от неприятеля, и битва могла бы оказаться для него удачной, если бы конница, прибывавшая все в большем числе, не одолела его, когда он уже вконец изнемог. Итак, он пал, перебив немало варваров, потери которых делало, впрочем, незаметным их несметное количество.

11. (1) Примерно в то же время Валент выступил, наконец, из Антиохии и после продолжительного путешествия прибыл в Константинополь. Его пребывание там длилось лишь несколько дней, и он имел при этом неприятности вследствие бунта населения. Общее командование пешими войсками передано было Себастиану, полководцу весьма осмотрительному, который незадолго до этого был прислан, по его просьбе, из Италии. Этот пост ранее занимал Траян. Сам Валент отправился в Мелантиаду, на императорскую виллу, где он старался расположить к себе солдат выдачей жалованья, пищевого довольствия и неоднократными заискивающими речами. (2) Объявив о походе приказом, он прибыл оттуда в Нику – так называется этот военный пост. Там он узнал из донесений лазутчиков, что нагруженные богатой добычей варвары вернулись из областей Родопы в окрестности Адрианополя. Варвары, узнав о выступлении императора со значительной армией, стали спешить на соединение со своими земляками, которые укрепились вблизи Берои и Никополя. Чтобы не упустить такого удобного случая, Себастиан получил приказ набрать из отдельных отрядов по 300 человек и с возможной поспешностью отправиться туда, чтобы совершить полезное для государства дело, как и сам он это обещал. (3) Когда он форсированным маршем подошел к Адрианополю, ворота были закрыты, и ему не позволили вступить в город. Гарнизон опасался того, что не попал ли он в плен и теперь играет фальшивую роль, а на самом деле собирается совершить что-нибудь гибельное для города; так некогда войска Магненция взяли обманом комита Акта и устроили себе через него открытие прохода в Юлиевых Альпах. (4) Когда, наконец, хотя и поздно, признали Себастиана и пустили в город, он накормил солдат и дал им отдых, насколько было возможно, а на следующее утро выступил для тайного набега. День склонялся уже к вечеру, когда он вдруг увидел грабительские отряды готов близ реки Гебра. Под прикрытием возвышенностей и растительности он выжидал некоторое время и глубокой ночью, соблюдая возможную ти-

шину, напал на не успевшего выстроиться неприятеля. Он нанес готам такое поражение, что перебиты были почти все, кроме немногих, кого спасла от смерти быстрота ног, и отнял у них огромное количество добычи, которой не мог вместить ни город, ни просторная равнина. (5) Фритигерн был страшно поражен этим и опасался, чтобы этот полководец, отличавшийся, как он часто слышал, быстротой действий, не уничтожил неожиданными нападениями рассеявшихся повсюду отрядов готов, занятых грабежом. Он приказал всем отойти назад и быстро отступил к городу Кабиле⁴⁴, чтобы готы, находясь на равнине не страдали ни от голода, ни от тайных засад.

(6) Пока так шли дела во Фракии, Грациан, известив письмом своего дядю о том, как удачно он справился с аламанами, послал вперед сухим путем обоз и вьюки, а сам с легким отрядом поехал по Дунаю и через Бононию прибыл в Сирмий⁴⁵. Сделав там остановку на четыре дня, он спустился по течению того же Дуная в Кастра-Мартис (Марсов лагерь)⁴⁶, хотя и страдал от перемежающейся лихорадки. На этом переходе он подвергся неожиданному нападению аланов и понес при этом некоторые потери в людях.

12. (1) Два обстоятельства беспокоили в ту пору Валента: во-первых, сообщение о победе над лентииензами, и, во-вторых, письменное донесение Себастиана о блестящем деле, которое он старался раздуть пышными словами. Император выступил из Мелантиады, торопясь сравниться каким-нибудь славным делом с молодым племянником, доблести которого раздражали его. Он находился во главе армии, составленной из разных войск, которая внушала к себе доверие и была воодушевлена бранным духом, так как он присоединил к ней много ветеранов, и в числе них и офицеров высшего ранга; вступил опять в ряды и Траян, недавно бывший магистром армии. (2) Деятельные разведки выяснили, что враг собирается перекрыть сильными сторожевыми постами дороги, по которым подвозился провиант для армии. Против той попытки немедленно предприняты были соответствующие меры: для удержания за ними ближайших проходов быстро был отправлен отряд всадников с пешими стрелками. (3) В ближайшие три дня варвары медленно наступали; опасаясь нападения в теснинах, в 15 милях от города (Адрианополя) они направились к укреплению Ника. По какому-то недоразумению наши передовые легкие войска определяли

численность всей этой части полчищ, которую они видели, в десять тысяч человек, и император с лихорадочной поспешностью спешил им навстречу. (4) Продвигаясь вперед в боевом строю, он приблизился к Адрианополю. Там он укрепил свой лагерь палисадом и рвом, с нетерпением ожидая Грациана, и вскоре получил от него письмо, доставленное высланным вперед комитом домашних Рихомером, в котором тот сообщал, что немедленно прибудет. (5) Грациан просил его в своем письме немного подождать соратника по опасности и не кидаться наобум одному в жестокие опасности. Валент собрал на совет различных сановников, чтобы обсудить, что нужно делать. (6) Одни, по примеру Себастиана, настаивали на том, чтобы немедленно вступить в бой, а магистр всадников по имени Виктор, хотя и сармат по происхождению, но неторопливый и осторожный человек, высказывался, встретив поддержку у других, в том смысле, что следует подождать сопровителя, что, присоединив к себе подмогу в виде галльских войск, легче раздавить варваров, пылавших высокомерным сознанием своих сил. (7) Победило, однако, злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать с возможной быстротой, чтобы не допустить к участию в победе, – как они это себе представляли, – Грациана.

(14) Между тем Фритигерн, хитро рассчитывавший всякие виды на будущее и опасавшийся переменчивости боевого счастья, послал от себя одного простого гота в качестве переговорщика с просьбой прислать ему как можно скорее выбранных лиц как заложников и давал речительство выдержать угрозы своих соплеменников и неизбежные (последствия?). (15) Это предложение внушавшего страх вождя встретило похвалу и одобрение, и трибуну Эквицию, который тогда управлял дворцом, родственнику Валента, было предписано с общего согласия отправиться немедленно к готам как заложнику. Когда он стал отказываться, так как попал однажды в плен к ним и сбежал от них у Дибальта, а поэтому боялся раздражения с их стороны, Рихомер сам предложил свои услуги и заявил, что охотно отправится, считая такое дело достойным и подходящим для храброго человека. И он уже отправился в путь, являя достоинства своего положения и происхождения... (16) Он уже приближался к вражескому валу, когда стрелки и skutарии, которыми тогда коман-

довали ибер Бакурий и Кассион в горячем натиске прошли слишком далеко вперед и завязали бой с противником: как не вовремя они полезли вперед, так и осквернили начало боя трусливым отступлением. (17) Эта несвоевременная попытка остановила смелое решение Рихомера, которому уже не позволили никуда идти. А готская конница между тем вернулась с Алафеем и Сафраком во главе вместе с отрядом аланов. Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути.

13. (1) Со всех сторон слышался лязг оружия, неслись стрелы. Беллона, неистовствовавшая со свирепостью, превосходившей обычные размеры, испускала бранный сигнал на гибель римлян; наши начали было отступать, но стали опять, когда раздались поддерживающие крики из многих уст. Битва разгоралась, как пожар, и ужас охватывал солдат, когда по несколько человек сразу оказывались пронзенными копьями и стрелами. (2) Наконец, оба строя столкнулись наподобие сцепившихся носами кораблей и, тесня друг друга, колебались, словно волны во взаимном движении.

Левое крыло подступило к самому табору, и если бы ему была оказана поддержка, то оно могло бы двинуться и дальше. Но оно не было поддержано остальной конницей, и враг сделал натиск массой; оно было раздавлено, словно разрывом большой плотины, и опрокинуто. Пехота оказалась, таким образом, без прикрытия, и манипулы были так близко один от другого, что трудно было пустить в ход меч и отвести руку. От поднявшихся облаков пыли не видно было неба, которое отражало угрожающие крики. Несшиеся отовсюду стрелы, дышавшие смертью, попадали в цель и ранили, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться. (3) Когда же высыпавшие несчетными отрядами варвары стали опрокидывать лошадей и людей, и в этой страшной тесноте нельзя было очистить места для отступления, и давка отнимала всякую возможность уйти, наши в отчаянии взялись снова за мечи и стали рубить врага, и взаимные удары секир пробивали шлемы и панцири. (4) Можно было видеть, как варвар в своей озлобленной свирепости с искаженным лицом, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, грозно вращал своими свирепыми глазами уже на самом пороге смерти; сцепившиеся враги вместе валились на землю, и рав-

нина сплошь покрылась распростертыми на земле телами убитых. Стоны умирающих и смертельно раненых раздавались повсюду, вызывая ужас. (5) В этой страшной сумятице пехотинцы, истощенные от напряжения и опасностей, когда у них не хватало уже ни сил, ни умения, чтобы понять что делать, и копья у большинства были разбиты от постоянных ударов, стали бросаться лишь с мечами на густые отряды врагов, не помышляя уже больше о спасении жизни и не видя никакой возможности уйти. (6) А так как покрывшаяся ручьями крови земля делала неверным каждый шаг, то они старались как можно дороже продать свою жизнь и с таким остервенением нападали на противника, что некоторые гибли от оружия товарищей. Все кругом покрылось черной кровью, и куда бы ни обратился взор, повсюду громоздились кучи убитых, и ноги нещадно топтали повсюду мертвые тела. (7) Высоко поднявшееся солнце, которое, пройдя созвездие Льва, передвигалось в обиталище небесной Девы⁴⁷, палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец под напором силы варваров наша боевая линия совершенно расстроилась, и люди обратились к последнему средству в безвыходных положениях – беспорядочно побежали, кто куда мог.

(8) Пока все, разбежавшись, отступали по неизвестным дорогам, император, среди всех этих ужасов, бежал с поля битвы, с трудом пробираясь по грудам мертвых тел, к ланцитариям и маттиариям, которые стояли несокрушимой стеной, пока можно было выдержать численное превосходство врага. Увидев его, Траян закричал, что не будет надежды на спасение, если для охраны покинутого оруженосцами императора не вызвать какую-нибудь часть. (9) Когда это услышал комит по имени Виктор, то поспешил к расположенным неподалеку в резерве батавам, чтобы тотчас привести их для охраны особы императора. Но он никого не смог найти и на обратном пути сам ушел с поля битвы. Точно так же спаслись от опасности Рихомер и Сатурнин.

(10) Метая молнии из глаз, шли варвары за нашими, у которых кровь уже холодела в жилах. Одни падали неизвестно от чьего удара, других опрокидывала тяжесть напиравших, некоторые гибли от удара своих товарищей; варвары сокрушали всякое сопротивление и не давали пощады сдававшимся. (11) Кроме того, дороги были преграждены множеством полумертвых людей, жаловавшихся на муки,

испытываемые от ран, а вместе с ними заполняли равнину целые валы убитых коней вперемежку с людьми. Этим никогда не восполнимым потерям, которые так страшно дорого обошлись римскому государству, положила конец ночь, не освещенная ни одним лучом луны.

(12) Поздно вечером император, находившийся среди простых солдат, как можно было предполагать, – никто не подтверждал, что сам это видел, или был при том, – пал, опасно раненный стрелой, и вскоре испустил дух; во всяком случае, труп его так и не был найден. Так как шайки варваров бродили долго по тем местам, чтобы грабить мертвых, то никто из бежавших солдат и местных жителей не отваживался явиться туда. (13) Подобная несчастная судьба постигла, как известно, Цезаря Деция, который в жестокой сече с варварами был сброшен на землю падением взбесившейся лошади, удержать которую он не смог. Попав в болото, он не мог оттуда выбраться, и потом нельзя было отыскать его тело⁴⁸. (14) Другие рассказывают, что Валент не сразу испустил дух, но несколько кандидатов и евнухов отнесли его в деревенскую хижину и скрыли на хорошо отстроенном втором этаже. Пока там ему делали неопытными руками перевязку, хижину окружили враги, не знавшие, кто он. Это и спасло его от позора пленения. (15) Когда они попытались сломать запертые на засовы двери и их стали обстреливать сверху, то, не желая терять из-за этой задержки возможности пограбить, они снесли вязанки камыша и дров, подложили огонь и сожгли хижину вместе с людьми. (16) Один из кандидатов, выскочивший через окно, был взят в плен варварами. Его сообщение о том, как было дело, повергло в большое горе варваров, так как они лишились великой славы взять живым правителя римского государства. Тот самый юноша, тайком вернувшийся потом к нашим, так рассказывал об этом событии. (17) Такая же смерть постигла при отвоевании Испании одного из Сципионов, который, как известно, сгорел в подожженной врагами башне, в которой скрывался. Верно, во всяком случае, то, что ни Сципиону, ни Валенту не выпала на долю последняя честь погребения.

(18) Среди большого числа высокопоставленных людей, которые пали в этой битве, на первом месте следует назвать Траяна и Себастияна. С ними пали 35 трибунов, командовавших полками и свободных от командования,

а также Валериан и Эквиций, первый заведовал императорской конюшней, а второй – управлением дворца. Среди павших трибунов был трибун промотов Потенций, совсем еще юноша, но пользовавшийся всеобщим уважением; помимо личных прекрасных качеств его выдвигали также и заслуги его отца Урзицина, бывшего магистра армии. Уцелела, как известно, только треть войска. (19) По свидетельствам летописей, только битва при Каннах была столь же кровопролитна, как эта, хотя при неблагоприятном повороте судьбы и благодаря военным хитростям неприятеля римляне не раз оказывались временно в стесненном положении; точно так же и греки оплакали в жалобных песнях, недостоверных в своих сообщениях, не одну битву.

16. (1) Тогда принялись осматривать раны и лечить их своими народными способами; это заняло всю ночь, не долгую, правда, в данное время года. Когда начался день, они стали обсуждать на различный лад, куда им направиться. После долгих оживленных споров порешили, наконец, захватить Перинф⁴⁹, а затем и другие богатые города. Сведения обо всем они получали от перебежчиков, которые знали не только то, что имеется в городах, но даже и внутри каждого дома. Согласно этому решению, которое было признано обещающим выгоды, они медленно направились вперед, не встречая никакого сопротивления, и производили по всему пути грабежи и пожары.

(2) Войска, подвергавшиеся осаде в Адрианополе, узнав, что готы ушли, и получив через надежных разведчиков сведения, что окрестности свободны от неприятеля, в полночь вышли из города и двинулись, минуя большие дороги, по лесистым местам и окольным тропинкам – одни в Филиппополь, а оттуда в Сердику⁵⁰, другие – в Македонию. Сберегая все наличные свои силы и боевые средства, они шли как можно более быстрым маршем, в надежде найти в тех местах Валента. Они были в полном неведении о том, что он пал в самом вихре того сражения, или же, сказать точнее, бежал в деревенский дом, где, как думают, погиб в огне.

(3) А к готам присоединились воинственные и храбрые гунны и аланы, закаленные в боевых трудах. Приманкой огромной добычи добился этого союза ловкий Фритигерн. Разбив лагерь около Перинфа, они, памятуя прежние потери, не посмели, однако, ни подойти к городу, ни попытаться взять его, но

зато обширную и плодородную область этого города они разграбили дотла, перебив или взяв в плен сельское население. (4) Оттуда они пошли быстрым маршем к Константинополю, неисчислимы сокровища которого возбуждали их грабительские инстинкты. Опасаясь засады, они держались в связном строю и готовились напрячь все свои силы на гибель славного города. Но когда они дерзко лезли на него и почти что дергали запоры ворот, Бог небесный отогнал их вот каким случайным обстоятельством. (5) Незадолго до этого прибыл в Константинополь отряд сарацинов, пригодных скорее для грабительских набегов, чем для правильной битвы. О происхождении этого народа, его нравах и обычаях я рассказывал в различных местах моего повествования. Внезапно увидев отряд варваров, сарацины смело сделали вылазку из города, чтобы померяться силами в схватке. Бой затянулся надолго, был упорен, и обе стороны разошлись без решительного исхода. (6) Но отряд восточных людей одержал победу новым и раньше никогда

не виданным способом. Один человек из него, с копной волос на голове, голый по пояс, издавая хриплые зловещие звуки, бросился между готами с кинжалом в руке. Сразив врага, он приблизил свои уста к его горлу и стал сосать брызнувшую кровь. Эта чудовищная сцена нагнала на варваров такой ужас, что потом они выступали, когда приходилось что-нибудь предпринимать, не со свойственной им дикой отвагой, но с явной нерешительностью. (7) Мало-помалу сломлена была их дерзость, когда они разглядели огромное протяжение стен, широко раскинувшиеся группы зданий, недоступные для них красоты города, несчетное количество населения и возле города пролив, соединяющий Понт с Эгейским морем. Разбросав сооружения, которые они стали готовить для осадных машин, и понеся большие потери, чем те, что нанесли сами, они отошли отсюда и рассыпались по северным провинциям, и свободно прошли их до самого подножия Юлиевых Альп, которые в древности назывались Венетскими.

Примечания

- ¹ Дунай.
- ² *Зизаис* впоследствии стал царем сарматов.
- ³ Шёни в Венгрии, недалеко от Коморна.
- ⁴ Тиса.
- ⁵ Ср. 19, 11.
- ⁶ Ср. 17, 13.
- ⁷ Ныне Саланкемен близ Петровардейна в Венгрии.
- ⁸ Слово “марра” на их языке означало “смерть”.
- ⁹ Так назывался дротик длиной 115–120 см (древко имело 5 римских футов длины, а острие — 3,5 унции).
- ¹⁰ Город носил это название с 3 в. до н. э. Ранее это был известный из Ветхого завета и египетской литературы Бет-Шеан. Ныне Бейсан или Бисан.
- ¹¹ Геродот VII: 21: рассказ о прорытии Ксерксом канала во избежание проезда подле Афона.
- ¹² По преданию, Диомед кормил своих коней человеческим мясом.
- ¹³ Корнелий Непот. Фемистокл: 10.
- ¹⁴ 4071 километр.
- ¹⁵ Босфор и Керченский пролив.
- ¹⁶ Боспор ‘бычий брод’. См. Овидий. Метаморфозы I: 568.
- ¹⁷ Аполлодор. Библиотека I: 9.
- ¹⁸ *Κέρisos, cerasus* ‘вишня’.
- ¹⁹ 442,5 километра.
- ²⁰ Ср. Вергилий. Энеида IV: 302.
- ²¹ Фанагория и Гермонасса — древние греческие колонии. Почему они названы островами, остается неясным. Вряд ли Аммиан мог иметь точные сведения о лиманах и озерах Таманского полуострова.
- ²² Фидониси или Змеиный, против устья Дуная.
- ²³ На карте Птолемея значатся в восточной части Европейской Скифии города этого наименования.
- ²⁴ Очевидно, Аммиан был введен в заблуждение сходством имен *Τυροζ* и *Τυραζ*. Греческая колония

Тира, одноименная с рекой, лежала на месте совр. Аккермана — Белгорода-Днестровского.

- ²⁵ Бальбек.
- ²⁶ Мембедж.
- ²⁷ Хабур.
- ²⁸ Киркисия.
- ²⁹ Хабур.
- ³⁰ Годы правления: 253–268.
- ³¹ *Аланы* занимали область, прилегавшую к Каспийскому морю южнее Кавказского хребта. *Аланы* — кочевое население арийского племени на севере от Кавказского хребта. Остатком алан являются в настоящее время осетины. Позволю себе сослаться на свою работу: Аланы по сведениям классических и византийских писателей. — Киев, 1899.
- ³² 3540 километров.
- ³³ Гомер. Илиада XIII: 5.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Ср. Геродот IV: 106 (о карфагенянах).
- ³⁶ 265,5 километра. В Александрии признают совр. Герат. Упоминание о “водном пути” до моря объясняется, вероятно, недочетами карты, которой располагал Аммиан Марцеллин.
- ³⁷ Совр. Сиссек. Город Сисция лежал в пределах Паннонии.
- ³⁸ Очевидно, под этим старым термином разумеются готы.
- ³⁹ Между Дейч-Альтенбургом и Петронелем видны остатки этого города.
- ⁴⁰ В следующем описании автор пользуется не столько живыми сведениями о современном ему населении тех стран, сколько научными материалами, закрепленными на обрабатывавшихся тогда географических картах. См. Ю. А. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. — Киев, 1899: 18.
- ⁴¹ Этнические термины *персы* и *парфяне* автор не различает; в данном месте он должен был бы называть именно парфян.
- ⁴² *Гемимонт* — Гем, Балканский хребет.

⁴³ Близ нынешнего Бургасского залива.

⁴⁴ Ямболи на Тундже.

⁴⁵ Митровица. Грациан шел по дороге, пролежавшей по долине Дравы. Слова *pedestri itinere* понапрасну отделены у Гардтгаузена запятой от дальнейшего. Тут есть некоторая неясность в сообщении Аммиана. Сирмий лежал на Саве, и если бы Грациан был раньше уже на Дунае, то, значит, он отошел назад от своей армии.

⁴⁶ Этот город лежал в провинции *Dacia ripensis*, т. е. на правом берегу Дуная.

⁴⁷ Битва происходила 9 августа, солнце вступило в созвездие Девы.

⁴⁸ Император Деций пал в битве с готами при Абритте, в нынешней Добрудже, в 251 году.

⁴⁹ Гераклея-Перинф, на берегу Пропонтиды (Мраморного моря), совр. Эски-Эрекли.

⁵⁰ София в Болгарии.

Источник: Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского [при участии А. И. Сонни]. Предисловие и комментарии Ю. А. Кулаковского. Вып. 1–3. – Киев, 1906–1908. Переиздание: Аммиан Марцеллин. Римская история (*Res Gestae*) [Под ред. и с примечаниями Л. Ю. Лукомского]. – СПб.: Алетейя, 1994; 1996; 2000.

Амвросий Медиоланский

Ambrosius Mediolanensis

Амвросий Медиоланский (ок. 340–397), епископ Милана (Медиолана), один из отцов Западной церкви. Родился от преторианского префекта Галлии в Трире. Воспитывался в Риме, рано сделал гражданскую карьеру, и в 369 г. Валентиниан назначил его наместником провинции Эмилия и Лигурия с резиденцией в Милане. В 374 г. во время публичных беспорядков в связи с выборами нового епископа Милана возникла судьбоносная ситуация: когда Амвросий, заслуживший всеобщую любовь и уважение граждан, выступал перед неистовствующей толпой как градоначальник, ребенок из толпы крикнул: “Амвросий епископ”. Пораженные возгласом ребенка, обе партии обратили свои взоры на наместника и вскоре сошлись на нейтральной кандидатуре Амвросия, который к тому моменту не был даже крещен. Проникшись чаяниями граждан, искавших компромисса, Амвросий согласился, принял крещение, за неделю прошел необходимые церковные должности и 7 декабря был рукоположен в епископы. Как писатель

Амвросий оставил богатое творческое наследие, включающее труды всех христианских жанров того времени – от теологических трактатов, проповедей и писем до гимнов и молитв. Авторитет Амвросия как христианского автора был столь велик, что многие ему подражали и ему были приписаны многочисленные более поздние произведения анонимных авторов, в частности, комментарии на 12 посланий апостола Павла и знаменитый гимн «Тебе Бога хвалим» («*Te deum laudamus*»). Трудом Амвросия, который установил тональности и способ исполнения духовной музыки, взяв за образец тоны или гласы греческой церкви, церковное пение на Западе было регламентировано строгими правилами, действующими поныне. Амвросий умер 4 апреля 397 г. и похоронен под алтарем базилики, получившей название Амвросианской. 7 декабря 1873 г. его останки признаны подлинными мощами. Амвросий почитается патроном Милана, его лик чеканили на местных монетах, а городская библиотека носит его имя.

Подробнее см.: И. И. Адамов. Амвросий Медиоланский. – Сергиев Посад, 1915; М. М. Казаков. Епископ и империя. – Смоленск, 1995.

Амвросий Медиоланский

Толкование на Евангелие от Луки

Книга X

21. (9) А о каких огромных сражениях и о каких представлениях о сражениях мы узнали! Хунны восстали на аланов, аланы – на го-

тов, готы – на тайфалов и сармат. Даже и нас изгнания готов сделали в Иллирике изгнанниками из отечества, и еще нет конца.

О разрушении города Иерусалима

Книга V

1. Аланы обрушились¹ на племя мидян, и, скоро добыв [себе] быстрых коней, а равным образом привязав себе справа других, чтобы

поочередно перескакивать на них по своему желанию, они объехали почти всю страну, чтобы сперва привести все в замешательство и

произвести впечатление большей, чем есть на самом деле, толпы, от которой невозможно никуда убежать, а потом, окружив всех и устроив резню, угнать какую угодно добычу. Ибо страна была многолюдна и изобиловала скотом; без сопротивления она легко была доступна грабежу, ибо сам царь мидян, Пакор², удалился в недоступные места³, заботясь больше о своем спасении, чем о царстве, так что его жена, дети и наложницы были захвачены аланами, а впоследствии выкуплены за сто талантов. Не был избавлен от опасности и царь Армении Тиридат, но, став осторожнее

ввиду чужого бедствия, он провидел гибель и стремился, правда, мужественно сопротивляться, чтобы отвратить врага от своих пределов; однако во время сражения он чуть было не попал из-за наброшенной петли во власть врагов, если бы проворно не разрубил жуткий узел преострым мечом. Ибо аланы искусны, и у них в обычае накинуть петлю и опутать врага вследствие какой-то надменности от собственной храбрости и гордого презрения к прочим, а вместе и для того, чтобы прикрыть подобной уловкой любезную им привычку сражаться издали и способность убежать.

Письма

XXI. Беседа против Авксентия о передаче базилик

22. Итак, Авксентий⁴ изгоняется, Меркурий исключается. Это одно чудовище, только с двумя именами⁵. Ибо, чтобы не быть узнаваемым, кто он, он переименовал себе название, чтобы именовать себя Авксентием для обмана того народа, который он увлек, так как ранее он был здесь епископом арианским Авксентием. Итак, он переименовал название, но не переименовал вероломства: снял личину волка, но надел личину волка же. Пользы от того, что он изменил имя, нет никакой; можно узнать, что он такое. Иным слыл он в странах Скифии⁶,

иным назывался здесь: он имеет имена по странам. Итак два имени он уже имеет и, если отсюда отправится в другое место, будет иметь и третье имя. Ибо как он потерпит, чтобы у него оставалось название для доказательства о столь великом злодеянии? Меньшее совершил он в Скифии и так устыдился, что изменил название; на более преступное отважился здесь; и он пожелает, куда ни отправится, выдать себя своим именем? Кровь стольких народов подпишет собственной рукой и сможет успокоиться душой?

XXIV. Амвросий императору Валентиниану

8. Но посмотри, какая разница между твоими угрозами и кротостью державного отрока Валентиниана⁷. Ты искал того, чтобы окруженному полчищами варваров обрушиться на Италию⁸: Валентиниан отстранил гуннов и аланов, приближавшихся к Галлии по странам Алемании. Что плохого в том, что Бавтон (Baudo)⁹ заставил варваров сражаться с варварами? Ибо, когда ты занимаешь римских солдат, пока они растягиваются с обеих сторон

против себя самих, ютунги опустошили Ретии в самом центре Римской державы, и потому гунны были приглашены против ютунгов¹⁰. Однако он же, попирая со своих границ Алеманию и угнетая соседством бедствия Галлии, был вынужден покинуть свои триумфы, чтобы ты не боялся. Сравни подвиг того и другого. Ты устроил набег на Ретии, Валентиниан купил тебе мир своим золотом.

Примечания

¹ Об этом вторжении аланов см. Иосиф Флавий. Иудейская война VII: 74, где содержится известие, повторяемое Амвросием, о первом вторжении аланов в Закавказье. Ср. об их более поздних набегах на область Кавказа у Аммиана Марцеллина (XXXI: 1, 21).

² Пакор II, царствовал в конце I в. н. э.

³ Тиридат I, царствовал в Армении во II пол. I в. до н. э. Ср. Иосиф Флавий. Иуд. война VII: 7, 4].

⁴ Авксентий, епископ Дуростора (Доростола, Силистрии) в 380 г., ученик Ульфила, сопровождавший его в 381 г. в Константинополь и написавший изложение учения своего учителя, дошедшее до нас через германского епископа Максимиана (около 440 г.).

⁵ Принявший при втором крещении имя своего

предшественника Авксентия, Меркурий был арианским епископом в Милане, явившись туда вместе с принятыми Валентинианом II на службу готами и будучи сам, вероятно, по происхождению готом. Он был фактическим сторонником арианства и противником Амвросия.

⁶ Имеется в виду провинция Скифия (Добруджа) на нижнем Дунае, где епископствовал Авксентий, откуда происходил и Меркурий.

⁷ Императора Валентиниана II (375–392), в царствование которого в 387 г. написано это письмо. Цитируемые слова относятся к Максиму, императору Запада в 383–388 гг.

⁸ В 387 г. Ср. Зосим IV: 35; Орозий VII: 34 сл.

⁹ Флавий Бавтон (также Baudo), франк, состоявший на службе у Грациана, Феодосия и Вален-

тиниана. В данном случае, быть может, имеются в виду события 381 г., когда Бавтон командовал силами Феодосия, имевшими в своем составе варва-

ров, против готов (Зосим IV, 33, 1 сл.; Сократ Схоластик V: 12)].

¹⁰ Тем же Бавтоном.

Источник: Амвросий. Шестоднев. Разрушение города Иерусалима. Объяснение Евангелия Луки.

Письма 21, 24. [Отрывки из сочинений] // Scythica et Caucasica / Лат. текст и пер.

В. В. Латышева. Т. II. Вып. 2. Переиздание: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории, 1949, № 4.

Аноним

Анонимный трактат «Полное описание вселенной и народов» («Expositio totius mundi et gentium»), составленный на латинском языке в 347–350 гг., дает описание римских владений того времени. Исходя из обилия греческих слов и конструкций и наличия сирийских элементов, исследователи считают автора выходцем из Сирии или Египта, недостаточно знавшим латынь и говорившим по-гречески и по-сирийски. Поскольку автор

большое внимание уделяет товарам и описывает их со знанием дела, полагают, что по профессии он был купцом. Религиозные предпочтения автора свидетельствуют, что он был язычником, осведомленным в вопросах христианства. Наряду с географическими сочинениями предшественников, в качестве наглядного источника автор данного описания непременно пользовался картой.

Подробнее см.: С. В. Полякова. Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов» // Византийский временник т. 8 М. 1956.

Полное описание Вселенной и народов

Перевод и комментарии С. В. Поляковой и И. В. Феленковской

57. Закончив об Италии, я возвращаюсь к областям, которые прежде пропустил, к провинциям Мезии и Дакии; они полностью обеспечивают свои потребности и отличаются суровым климатом. Самым значительным городом этих провинций считается Наисс. Далее лежит Паннония – земля, славящаяся равно всем: хлебом, вьючным скотом, торговлей, а

также рабами. Здесь – постоянное местопребывание императоров¹. В Паннонии есть также большие города, Сирмий и Норик², из которого, говорят, вывозятся знаменитые одежды³. Такова эта провинция. С нею соседит живущее по другую сторону Данаурия варварское племя сарматов.

Примечания

¹ В Паннонии неоднократно жили императоры Констанций и Констант. Точка зрения Ризе, что здесь говорится о Паннонии как родине императоров Аврелиана, Проба, Кара, представляется неубедительной, ибо наш автор пишет: *semper habitatio imperatorum est*; *habitatio* не значит “родина”, а биографические данные о подавляющем

большинстве императоров не согласуются со значением наречия *semper*.

² Неясно, почему автор называет область Норик городом; Норик включается им в Паннонию, вероятно, потому, что эта область административно подчинялась правителю Паннонии.

³ *Edict. Diocl.*: 19, 43; 19, 34; 19, 47.

Источник: Анонимный географический трактат «Полное описание вселенной и народов» // Византийский временник. Т. 8. – М. 1956.

Сульпиций Север

Сульпиций Север (ок. 360–420/425), пресвитер из провинции Аквитания в юго-зап. Франции. Составил в 2 книгах хронику («*Chronicorum Libri duo*», или «*Historia sacra*») – от сотворения мира до своих дней, написал житие блаженного Мартина, монаха и епископа, записал в виде двух диалогов диспут Постумиана и Галла об образе жизни вос-

точных монахов и жизни самого Мартина и событиях со времени постановления поместного собора, созванного епископом Александрийским Феофилом в 400 г., о богослове Оригене (ок. 185–253/254). «Всемирная хроника», появившаяся в VI в. в Испании под его именем, к Сульпицию Северу отношения не имеет.

Подробнее см.: Краткая биография Сульпиция Севера из собрания жизнеописаний выдающихся мужей Геннадия // Сульпиций Север. Сочинения / Пер. и комм. А. И. Донченко. – М.: Росспэн, 1999.

Сульпиций Север

Хроника

Книга II

Перевод и комментарии А. И. Донченко

9. (1) Между тем иудеи, вернувшиеся домой по разрешению Кира, как мы о том уже говорили, приступили к восстановлению города и храма. И вот, когда они, немногочисленные и неимущие, немного оправились, спустя почти 100 лет, при царе персов Артаксерксе через тех, кто возглавлял соседние области, восстановление было прекращено, ибо тогда Сирия, а также вся Иудея, пребывая под властью Персов, управлялась через наместника и управителей. (2) И вот собрались они и написали царю Артаксерксу, что не следует евреям давать возможность восстанавливать свой город, ибо по врожденному своему упрямству, вновь взявшиеся за это дело люди, привыкшие ранее повелевать другими народами, не пожелают пребывать под чужой властью. (3) Получили они от царя поддержку в виде приказа, и восстановление города было отложено до второго года правления Дария. С этого времени, когда правили Персидские цари, мы можем легче продолжить порядок лет в связанном повествовании. (4) После Дария Мидийца, правившего, как мы уже сказали, 18 лет, Кир 31 год удерживал власть. Вступив в войну со скифами, он погиб в сражении, после чего на следующий год Тарквиний Гордый начал править в Риме¹. (5) Киру наследовал его сын, Камбиз, который правил 9 лет. Он вел войну с Египтом и Эфиопией, подчинил их, победителем вернулся в Персию, случайно сам себя ранил и от этого умер. (6) После его смерти двое братьев-жрецов родом из Мидии 7 месяцев владели Персидским государством². Для их убийства 7 знатнейших персов, среди которых был и Дарий, сын Гистаспа, рожденный от двоюродного брата Кира, составили заговор и по общему согласию передали царство ему; правил Дарий 36 лет. (7) За четыре года до своей смерти он сразился у Марафона в знаменитейшей в греческой и римской историях битве. Это событие имело место примерно на 260-й год от основания Рима³ в консульство Мацерина и Авгурина⁴ 888 лет тому назад, если, конечно, время пребывания у власти римских консулов вычислено правильно; всю протяженность времени я доведу до консульства Стилихона⁵. (8) После Дария был Ксеркс и он, как сообщается, пра-

вил 21 год, хотя во многих книгах я нашел упоминание о 25 годах его правления⁶. Ему наследовал Артаксеркс, о котором мы уже упоминали. (9) Он повелел приостановить строительство города иудеев и храма, и все пребывало в неопределенности до второго года правления Дария⁷. Но, чтобы до него последовательность времени довести, [отметим, что] Артаксеркс правил 41 год, Ксеркс – 2 месяца⁸. После него Сукдиан был 7 месяцев⁹.

XXVI. (1) Итак, после Ионафана брат его Симон, как мы уже говорили, по праву возглавлял еврейских священников. Тогда же был почтен он и своим, и Римским народом. (2) Начал управлять он иудеями на 2-й год царствования Деметрия, и был убит 8 лет спустя¹⁰, обманутый коварством Птолемея¹¹. Ему наследовал его сын Иоанн. Он, поскольку успешно воевал против гирканов¹², народа очень сильного, получил прозвище Гиркан. Умер он после 26 лет правления¹³. (3) После него Аристобул, поставленный первосвященником, первым после плена принял титул царя и возложил на голову диадему. На следующий год он был убит¹⁴. (4) Затем его сын¹⁵ Александр был одновременно царем и первосвященником и правил 27 лет; среди его деяний ничего примечательного, кроме жестокости, в памяти не осталось. Поскольку он оставил после себя малолетних сыновей Аристула и Гиркана, то царством его 9 лет правила Салина, она же Александра¹⁶. (5) После ее смерти между братьями была великая распря из-за царства. Сначала власть захватил Гиркан, но вскоре, изгнанный своим братом Аристулом¹⁷, бежал к Помпею, который, ведя в то время войну против Митридата и усмирив Армению и Понт, стал победителем всех тех народов, с которыми имел дело, и возымел желание идти дальше вглубь [Азии], дабы присоединить соседей к Римскому государству, а потому искал предлога для войны и объект для завоевания. (6) Поэтому он охотно принял Гиркана и в его сопровождении двинулся против иудеев; по взятии города и разорении храма оставшихся жителей он пощадил¹⁸. Пленного Аристула отослал в Рим, Гиркана восстановил в сане первосвященника и, возложив на иудеев дань, поставил над ни-

ми прокуратором некоего Антипатра из Аскалона. (7) Гиркан удерживал власть 34 года¹⁹,

но, когда началась война против Парфян, был пленен ими.

Примечания

¹ Кир погиб в 530/529 г. до н.э., а Тарквиний Гордый стал царем Рима ок. 534 г. до н.э.

² Вопрос о событиях, имевших место после смерти Камбиза, остается весьма сложным и до конца не выясненным. Столь же неясно, кто скрывался под именами Бардии, Смердиса и Гауматы. Сульпиций Север в данном случае следует традиции, заложенной Геродотом (III: 61).

³ Точнее, на 264-й год.

⁴ Их консульство приходится на 492 г. до н.э., а Марафонское сражение произошло 13 сентября 490 г. до н.э.

⁵ Т.е. до 400 г. н.э.

⁶ На сегодняшний день правильной считается первая цифра.

⁷ Здесь имеется в виду Дарий II (423–404).

⁸ Ксеркс II после смерти своего отца Артаксеркса в 424 г. до н.э. продержался на троне 45 дней.

⁹ Сукдиан (Секудиан, Согдиан) – сын Артаксеркса от одной из наложниц, пробыл у власти

около шести с половиной месяцев. Как и в случае определения времени правления Ксеркса II, Сульпиций Север следует Диодору Сицилийскому (XII: 71, 1).

¹⁰ В 135 г. до н.э.

¹¹ Имеется в виду Птолемей, сын Авува, зять Симона. См.: I Мак. 16:11–17.

¹² Гиркания – обширная область к юго-востоку от Каспийского моря на территории нынешнего Ирана.

¹³ Иоанн Гиркан правил в 134–104 гг. до н.э.

¹⁴ В 103 г. до н.э.

¹⁵ Согласно Иосифу Флавию (Иуд. древн. XIII: 12, 1), – брат.

¹⁶ Александра Саломея (76–67).

¹⁷ Аристокл II правил с 67 по 63 г. до н.э.

¹⁸ В 63 г. до н.э.

¹⁹ Время правления Гиркана II – 63–40 гг. до н.э., т.е. 23 года.

Источник: Сульпиций Север. Сочинения / Перевод и комментарии А. И. Донченко. – М.: Росс. полит. энциклопедия, 1999.

Жизнеописания Августов

«Жизнеописания Августов», составленные неизвестным сочинителем в 390-х годах, охватывают события, относящиеся к 117–284 годам. «На это время приходится две очень непохожие друг на друга эпохи в истории великого государства, простиравшегося от Рейна и Дуная до Сахары и от Атлантического океана до Евфрата. Первая из них – это так называемый “золотой век” империи, время правления династии Антонинов (117–180 гг. – Адриан, Антонин Пий, Марк Аврелий), период мирного сотрудничества императоров и сенатской знати, спокойствия в провинциях, затишья на границах. Вторая падает на так называемый “кризис III века” (от Максимиана до Нумериана, 235–284 гг.). Она – полный контраст: императоры – ставленники солдатчины, каждая армия выдвигает своего узурпатора, между ними ведутся непрерывные гражданские войны, провинции разорены, с севера вторгаются германцы, с востока – персы. Между этими эпохами лежит как бы переходный период – правление династии Северов: Септимий, Каракалла, Гелиогабал, Александр (193–235 гг.), – гражданских войн еще нет, но империя уже стиснута военным кулаком. Останавливается повествование на поро-

ге новой эпохи временного укрепления империи – когда императорам Диоклетиану (284–305 гг.) и Константу (306–337 гг.) удалось восстановить относительное единство державы еще на столетие.

“Из нескольких посвященных обращений следует, что будто бы именно эти императоры поручили написать биографии своих предшественников шести историкам: Элию Спартиану, Юлию Капитолину, Вулкацию Галликану, Элию Лампридию, Требеллию Поллиону и Флавию Вописку. Мы ничего не знаем о них, больше они ничего не написали, и имена их больше нигде не упоминаются. Манера изложения и стиль у них одинаковы – все они пишут, как один человек” [Гаспаров 1992].

Помимо действительных лиц и событий в сборнике фигурируют и столь же красочно выписанные вымышленные – начиная с имен авторов отдельных разделов и некоторых персонажей и кончая войнами, которых в действительности никогда не было. Критики, подчеркивая эту особенность сочинения, вместе с тем отмечают и доказательность основного массива живописно излагаемых исторических фактов.

Подробнее см.: М. Л. Гаспаров. Авторы жизнеописаний Августов // Властелины Рима / Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура. Комментарии А. И. Любжина, О. Д. Никитинского. – М.: Наука, 1992.

Элий Спартиан

Жизнеописание Адриана

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

III. ... (6) Во время второго похода на даков¹ Траян поставил его [Адриана] во главе первого легиона Минервы и взял его с собой, тогда он и прославился многими блестящими подвигами. (7) Поэтому, получив в подарок от Траяна алмазный перстень, который сам Траян получил от Нервы, Адриан окрылился надеждой, что будет наследником. (8) Он был сделан претором во второе консульство Субурана и Сервиана², когда он получил от Траяна для устройства игр два миллиона сестерциев. (9) Затем он был отправлен в качестве легата – бывшего претора – в Нижнюю Паннию; там он укротил сарматов, поддержал военную дисциплину, обуздал прокураторов, сильно превысивших свою власть. (10) За это он был сделан консулом³. Находясь в этой должности, он узнал от Суры, что будет усыновлен Траяном; с тех пор друзья Траяна перестали презирать его и выказывать пренебрежение к нему. (11) После смерти Суры он стал еще ближе к Траяну, главным образом благодаря речам, которые он составлял вместо императора.

V. (1) Достигнув власти, Адриан немедленно стал следовать древнему образу действия⁴ и направил свои усилия к тому, чтобы установить мир по всему кругу земель. (2) Ведь не только отпали те народы, которые покорил Траян, но и производили нападения мавры, шли войной сарматы, нельзя было удержать под римской властью британцев, был охвачен мятежами Египет, наконец – проявляли непокорный дух Ливия и Палестина...

VI. (1) Обратившись к сенату с тщательно продуманным письмом, он просил для Траяна божеских почестей и добился их, причем согласие было настолько единодушным, что сенат внес уже от себя в свое постановление в

честь Траяна многое такое, о чем Адриан даже не просил. (2) В письме к сенату он просил извинения за то, что не дал сенату высказать суждение по поводу перехода к нему императорской власти, – потому, что спешно был провозглашен воинами, так как государство не могло оставаться без императора. (3) Когда сенат перенес на него триумф, полагавшийся Траяну, он сам отказался от него и в триумфальной колеснице повез изображение Траяна, чтобы этот лучший из императоров даже после смерти не потерял права на честь триумфа. (4) Принятие сразу поднесенного ему и еще раз впоследствии предложенного имени отца отечества⁵ он отложил на более позднее время, так как Август поздно удостоился этого имени. (5) Венечное золото⁶ он снял с Италии совсем, а в провинциях уменьшил, причем в обходительных выражениях и тщательно изложил затруднения казначейства. (6) Затем, услышав о беспорядках, произведенных сарматами и роксоланами, он, отправив вперед войска, сам устремился в Мезию. (7) Марция Турбона после его командования в Мавритании он временно поставил во главе Паннии и Дакии, удостоив его повязок префекта. (8) С царем роксоланов, который жаловался на уменьшение ежегодных выплат, он, разобрав дело, заключил мир.

XVI. (1) Адриан так жаждал громкой славы, что книги о собственной жизни, написанные им самим, он передал своим образованным вольноотпущенникам, для того чтобы они издали их от своего имени; ведь говорят, что и книги Флегонта написаны Адрианом. (2) Подражая Антимаху, он написал очень темные по смыслу книги «Катаханны». (3) Поэту Флору, который написал ему:

Цезарем быть не желаю,
По британцам всяким шляться,
По ущельям укрываться,
От снегов страдая скифских, –

(4) он в ответ написал:

Флором быть я не желаю,
По трактирам всяким шляться,
По харчевням укрываться,
От клопов страдая круглых.

Юлий Капитолин

Антоний Пий

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий О. Д. Никитинского

V. (1) Отцу, пока тот был жив, он [Антоний Пий] повиновался с величайшим благоговением. Когда же Адриан умер в Байях, его останки он благочестиво и с почетом перевез в Рим и поместил в садах Домиции. Несмотря на всеобщее неудовольствие, он причислил его к богам. (2) Он позволил сенату назвать его жену Фаустину Августой. Сам он принял прозвание Пия. Он охотно согласился с предложением сената поставить статуи его отцу, матери, дедам и братьям, уже умершим. Он не отказался от цирковых игр, назначенных в честь дня его рождения, но отклонил все прочие почести. Он посвятил великолепный щит Адриану и назначил для него жрецов. (3) Став императором, он не сменил никого из тех, кого выдвинул Адриан, и этого правила он так твердо держался, что задерживал в провинциях по семи и по девяти лет хороших наместников. (4) Руками своих легатов он вел очень много войн. Легат Лоллий Урбик победил британцев и, оттеснив варваров, провел новый, покрытый дерном земляной вал⁷. Он заставил мавров просить мира. Действуя через своих наместников и легатов, он разбил германцев, даков и много других племен, а также поднявших восстание иудеев. (5) В Ахайе и Египте он также подавил восстание. Он не раз обуздывал аланов, когда они приходили в движение.

IX. (1) В его времена произошли следующие бедствия: голод, о котором мы упоминали, обвал цирка, землетрясение, разрушение города на Родосе и в Азии; все эти города он восстановил изумительным образом. В Риме

произошел пожар, который поглотил триста сорок доходных домов и особняков⁸. (2) Горели и город Нарбона, и город Антиохия, и карфагенский форум⁹. (3) Было также и наводнение от разлива Тибра. Появилась звезда с хвостом, родился ребенок о двух головах, а одна женщина родила сразу пятерых детей. (4) В Аравии видели змею больше обычных размеров и с гребнем, которая сама себя пожрала от хвоста до середины туловища. Была в Аравии и чума. В Мезии на вершинах деревьев вырос ячмень. (5) В Аравии четверо львов, словно ручные, добровольно дали себя поймать. (6) Царь Фарасман прибыл к Антонину в Рим и проявил к нему больше уважения, чем к Адриану. Лазам он дал царем Пакора. Одним только своим письмом он удержал парфянского царя от нападения на армян. Действуя только своим авторитетом, он заставил царя Абгара удалиться от восточных областей империи. (7) Он прекратил споры между царями. Парфянскому царю, требовавшему возвращения царского трона, захваченного Траяном, он решительно отказал. (8) Разобрав спорное дело между Реметалком и Евпатором¹⁰, он отослал первого в Боспор на царство. (9) Ольвийцам он послал на помощь войска в Понт против тавроскифов и, победив последних, заставил их дать заложников ольвийцам. (10) Конечно, такого авторитета у иноземных народов никто до него не имел, хотя он всегда любил мир в такой степени, что часто повторял слова Сципиона, говорившего, что лучше сохранить жизнь одному гражданину, чем убить тысячу врагов.

Юлий Капитолин

Жизнеописание Марка Антонина Философа

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий О. Д. Никитинского

XVII. (1) Итак, он [Марк] управлял после этого римскими провинциями с необыкновенной умеренностью и добротой. Он с успехом вел войны против германцев. (2) Необыкновенную войну с маркоманами, какой еще не бывало на памяти людей, он закончил доблестно и удачно, и притом в такое время, когда тяжкая моровая язва погубила много тысяч и среди народа, и среди воинов. (3) Таким обра-

зом, он освободил Паннонии от рабства, разгромив маркоманов, сарматов, вандалов, а вместе с ними и квадов. В Риме, как мы уже сказали, он справил над ними триумф вместе со своим сыном Коммодом, которого он уже сделал Цезарем. (4) Истопив на эту войну всю свою казну, он даже не подумал требовать от провинциалов каких-нибудь чрезвычайных поборов. На форуме божественного Траяна он

устроил торги принадлежавших императору предметов роскоши; он продал золотые, хрустальные, мурриновые бокалы, императорские сосуды, шелковую золоченую одежду жены, даже драгоценные камни, которые он нашел в большом количестве в потайной сокровищнице Адриана. (5) Эта распродажа длилась два месяца и было выручено столько золота, что он мог, закончив Маркоманскую войну так, как он желал, дать покупателям такое разрешение: кто хочет вернуть купленные вещи и получить назад деньги, пусть знает, что это позволено. И он не выказывал никакого неудовольствия ни против тех, кто не отдавал купленного, ни против тех, кто отдавал его. (6) Затем он дал высокопоставленным лицам позволение устраивать пиры с тем же убранством, какое было у него самого, и с одинаковой услугой. (7) Устраивая народу зрелища, он был так щедр, что выпустил одновременно сто львов, которые были убиты стрелами.

XXII. (1) Все племена от пределов Иллирика до Галлии объединились; это были маркоманы, варисты, гермундуры и квады, свевы, сарматы, лакринги и буреи¹¹... эти и другие вместе с виктуалами, созибы, сикоботы, роксоланы, бастерны, аланы, певкины, костобокки. Грозилась война и с парфянами, и с бриттцами. (2) Много потрудившись и сам, он победил самые свирепые племена, причем воины подражали ему, а войско вели также легаты и префекты претория. Он принял сдавшихся ему маркоманов и очень многих переселил в Италию. (3) Прежде чем что-либо сделать, он всегда – не только по военным делам, но и по гражданским – советовался с лицами, занимавшими высокое положение¹². (4) Его любимым высказыванием было: “Справедливее мне следовать советам столько же опытных друзей, нежели столько же опытным друзьям повиноваться моей воле, воле одного человека”. (5) Видимая суровость, проявлявшаяся и в его трудах на войне, и в его жизни, проистекавшая от его философской выучки, вызывала тяжкие нарекания, (6) однако злобным людям он отвечал либо устно, либо письменно. (7) Много знатных лиц погибло во время Германской, или Маркоманской, войны, вернее – войны со множеством племен (всем им он поставил статуи на форуме Ульпия)¹³. (8) Поэтому друзья часто советовали ему удалиться от военных действий и вернуться в Рим. Но он презрел их советы и продолжал оставаться; ушел он не раньше, чем

закончил все войны. (9) Проконсульские провинции он делал консульскими, а консульские – проконсульскими или преторскими в зависимости от требований войны¹⁴...

XXIV. (1) У Марка Антонина было обыкновение подвергать всех обвиненных меньшим наказаниям, чем какие полагаются по законам, хотя иногда по отношению к явным преступникам, совершившим тяжкие преступления, он оставался неумолимым. (2) По уголовным делам, возбужденным против видных лиц, он производил расследование сам, проявляя при этом величайшую справедливость; он даже упрекал претора, слишком быстро разбиравшего дела обвиняемых, и приказывал ему вторично произвести расследование, говоря, что достоинство обвиняемых требует того, чтобы человек, который судит от имени народа, выслушал их. (3) Справедливость он соблюдал и по отношению к взятым в плен врагам. Бесконечное число пленных из разных племен он разместил на римской земле. (4) Своими молитвами он исторгнул молнию с неба против военной хитрости врагов, а для своих, когда они страдали от жажды, он испросил дождь¹⁵. (6) Он хотел создать провинцию Маркоманию, хотел создать также и провинцию Сарматия¹⁶; (6) и он создал бы их, если бы в это же время на Востоке не поднял восстания Авидий Кассий, который провозгласил себя императором, как говорят некоторые, по желанию Фаустины, считавшей мужа безнадежно больным. (7) Другие – на том основании, что Кассий называл Марка божественным, говорят, что Кассий провозгласил себя императором, распуская ложный слух о смерти Антонина. (8) Антонин был не очень обеспокоен отложением Кассия и не применил к его близким никаких суровых мер. (9) Но сенат объявил его врагом, а его имущество было конфисковано в пользу государственного казначейства.

XXV. (1) Итак, оставив войну с сарматами и маркоманами, он отправился против Кассия. (2) В Риме также были волнения, словно туда в отсутствие Антонина мог прибыть Кассий. Но Кассий был очень скоро убит, и голова его была принесена Антонину. (3) Однако Марк не радовался убийству Кассия и приказал похоронить его голову...

XXVII. (1) Устроив дела на Востоке, Марк прибыл в Афины и, чтобы доказать свою нравственную чистоту, принял посвящение в таинства Цереры¹⁷ и один вошел в святилище. (2) Возвращаясь в Италию морским пу-

тем, он выдержал сильнейшую бурю. (3) Прибыв в Брундиций, он в Италии и сам оделся в тогу, и велел воинам быть в тоге; никогда в его правление воины не появлялись в военных плащах. (4) По прибытии в Рим он справил триумф, потом отправился в Лавиний. (5) Затем он присоединил к себе Коммода в качестве сотоварища по трибунским полномочиям¹⁸. Он произвел раздачу народу и устроил изумительные зрелища. Затем он исправил многое в гражданском управлении. (6) Он установил предел для расходов на гладиаторские бои. (7) Он постоянно повторял изречение Платона: “Государства процветали бы, если бы философы были властителями или если бы властители были философами”¹⁹. (8) Своего сына он соединил браком с дочерью Бруттия Презента и свадьбу справил так, как она

справляется у частных людей. По этому поводу он еще раз произвел раздачу народу. (9) Затем он отправился²⁰, чтобы окончить войну, и, руководя военными действиями, умер, в то время как нравы его сына перестали соответствовать наставлениям Марка. (10) Он в течение трех лет вел войну с маркоманами, гермундурами, сарматами и квадами, и, проживи он еще один год, он создал бы римские провинции из земель этих народов. (11) За два дня до своей смерти, допустив к себе своих друзей, он, говорят, высказал о сыне такое же суждение, какое высказал Филипп об Александре²¹, когда он дурно отозвался о последнем; и при этом он добавил, что он огорчен совсем не тем, что умирает, а тем, что оставляет после себя *такого* сына: (12) Коммод уже показал себя беспутным и жестоким.

Светлейший муж Вулкаций Галликан

Авидий Кассий

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий О. Д. Никитинского

I. (1) Авидий Кассий, по мнению некоторых, происходил, как говорят, со стороны матери из фамилии Кассиев; отцом его был Авидий Север²², человек новый²³, служивший сначала центурионом, а впоследствии достигший очень высоких должностей. (2) О нем с уважением упоминает в своей истории Квадрат и утверждает, что это был человек выдающийся, необходимый для государства, которого высоко ставил сам Марк; (3) ведь он погиб, по воле рока, как передают, уже в правление Марка. (4) Этот Кассий, происходивший, как мы сказали, из рода Кассиев, – тех самых, которые вступили в заговор против Гая Юлия, тайно ненавидел императорскую власть и не мог выносить самого слова “император”. Он говорил, что нет ничего более тяжкого, чем слово “император”, потому что государство может избавиться от императора только путем замены его другим императором. (5) Говорят, наконец, что он еще в юности пытался отнять власть государя у Пия, но благодаря отцу, человеку безупречному и почтенному, это стремление его к тирании не было обнаружено; однако начальники всегда считали его подозрительным. (6) Что он строил козни против Вера – об этом сообщается в письме самого Вера к Марку, которое я здесь помещаю. (7) Из письма Вера: “Авидий Кассий жаждет, как мне кажется, императорской власти, что стало известным уже при мо-

ем деде – твоим отце²⁴. Я желал бы, чтобы ты приказал наблюдать за ним. (8) Все наше ему не нравится. Он собирает себе значительные средства. Над нашими письмами он смеется. Тебя он называет философствующей старушонкой, а меня расточительным дураком. Подумай о том, что следует предпринять. (9) Я не питаю ненависти к этому человеку, но ты подумай о том, что ты оказываешь плохую услугу себе и своим детям, имея среди лиц, носящих военный пояс, такого человека, которого воины с удовольствием слушают, с удовольствием видят”.

IV. (1) Раз мы начали говорить о его строгости, следует сказать, что существует множество свидетельств скорее о его жестокости, чем о строгости. (2) Прежде всего, тех воинов, которые силой отнимали что-нибудь у провинциалов, он распинал на кресте в тех местах, где они провинились. (3) Он даже первый придумал такого рода казнь: ставил громадный столб высотой в восемьдесят и сто футов и осужденных на казнь привязывал к нему, начиная с верхнего конца бревна и до нижнего, – у нижнего конца разводил огонь; одни сгорали, другие задыхались в дыму, иные умирали в разнообразных муках, а иные – от страха. (4) Иногда, сковав вместе по десяти человек, он приказывал топить их в проточной воде или в море. (5) У многих дезертиров он отсекал руки, другим перебивал голени и

коленные чашечки и говорил, что оставленный в живых искалеченный преступник служит лучшим примером, чем убитый. (6) Когда он вел войско и вспомогательный отряд без его ведома, по распоряжению своих центурионов, перебил три тысячи сарматов, беспечно расположившихся на берегах Дуная, и возвратился к нему с огромной добычей, причем центурионы надеялись получить награду за то, что они, имея очень небольшой отряд, перебили стольких неприятелей, тогда как трибуны бездействовали и даже ничего не знали об этом деле, – Авидий велел схватить этих центурионов и распять на кресте, применив к ним вид казни, предназначенный для рабов, – чему до него не бывало примера. Он сказал,

что могло бы случиться так, что там была бы устроена засада и тогда пропало бы всякое уважение к Римскому государству. (7) Когда в войске возник крупнейший мятеж, он вышел обнаженный, прикрытый одним только набедренником, и сказал: “Пронзите меня, если смеете, и добавьте к нарушению дисциплины преступление”. (8) Все присмирели, так как он внушал к себе страх тем, что сам не устрашился. (9) Этот случай сильно поднял дисциплину в римском войске, а на варваров нагнал такой страх, что они стали просить у Антонина, который был далеко, мира на сто лет. Они увидели, что по приговору римского полководца осуждены на казнь даже те, кто победил незаконно.

Элий Спартиан

Север

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий О. Д. Никитинского

I. (1) После того, как был убит Дидий Юлиан, императорскую власть получил Север, который был родом из Африки. (2) Место его рождения – город Лептис; отец его назывался Гетой, предки были римскими всадниками раньше, чем право гражданства было дано всем, матерью его была Фульвия Пия, двоюродными дедами со стороны отца – консуляры Апер и Север, дедом со стороны матери – Мацер, дедом со стороны отца – Фульвий Пий. (3) Сам он родился в консульство Эруция Клара (вторичное) и Севера за пять дней до апрельских ид. (4) В раннем детстве, когда он еще не приступил к изучению греческой и латинской литератур, в которых он впоследствии был особенно сведущ, он играл с мальчиками только в одну игру – в судьи: тут перед ним носили связки с топорами, он восседал, окруженный отрядом мальчиков, и творил суд. (5) На восемнадцатом году он публично выступил с речью. Впоследствии он прибыл в Рим для получения образования. Он попросил у божественного Марка разрешения носить широкую пурпурную полосу и получил его благодаря покровительству своего родственника Септимия Севера, который был уже дважды консуляром. (6) В день своего прибытия в Рим он застал человека, у которого он остановился, за чтением жизнеописания императора Адриана, что Север отметил как благоприятное знамение своих будущих успехов. (7) Он получил и другое знамение, предвещавшее ему императорскую власть: при-

глашенный к императорскому столу, он явился в греческом плаще, тогда как должен был прийти в тоге, и ему дали наместническую тогу, принадлежавшую самому императору. (8) В ту же ночь он видел во сне, что он сосет вымя волчицы, как Рем или Ромул. (9) Он сел на неправильно поставленное служителем императорское кресло, не зная, что этого делать нельзя. (10) Когда он спал в своем помещении, змея обвилась вокруг его головы; близкие его, проснувшись, подняли крик, и она уползла, не причинив ему вреда.

III. (1) Он удостоился должности народного трибуна по назначению императора Марка и, исполняя ее, обнаружил исключительную строгость и энергию. (2) Тогда же он женился на Марции, о которой он ничего не сказал в истории своей частной жизни. Впоследствии, став императором, он поставил ей статуи. (3) На тридцать втором году он был назначен преторы императором Марком – не из числа одетых в белую тогу, а из толпы соискателей. (4) Посланный после этого в Испанию, он увидел во сне, во-первых, что ему сказано восстановить храм Августа в Тарраконе, который начал разрушаться; (5) затем, будто с вершины очень высокой горы он видит весь круг земель и Рим, причем все провинции играют на лире и флейте или поют. Он устроил игры в свое отсутствие. (6) Затем он был поставлен во главе четвертого скифского легиона, стоявшего близ Массилии²⁵. (7) После этого он поехал в Афины ради науки, святынь, сооруже-

ний и древностей. Но так как афиняне нанесли ему какие-то обиды, то он стал их врагом и, сделавшись императором, отомстил им, уменьшив их привилегии. (8) Затем он получил в качестве легата Лугдунскую провинцию. (9) Потеряв свою первую жену и пожелав взять вторую, он внимательно исследовал

гороскоп невест, будучи сам очень опытным в астрологии. Узнав о том, что в Сирии есть некая девушка, в гороскопе которой значится, что она соединится с царем, он посватался к ней, то есть к Юлии, и благодаря содействию друзей получил ее; в скором времени он стал от нее отцом.

Элий Спартиан

Песценний Нигер

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий О. Д. Никитинского

IV. (1) Вот что писал о Песценнии Север Август. О нем же, когда он был еще простым воином, Марк Антонин – Корнелию Бальбу: “Ты хвалишь мне Песценния, я с этим согласен; ведь и твой предшественник говорил, что Песценний деятелен, ведет строгий образ жизни и уже тогда был выше, чем обыкновенный воин. (2) Поэтому я отправил письмо, которое должно быть прочитано перед строем; в нем я отдал приказ поставить Песценния во главе трехсот армян, ста сарматов и тысячи наших бойцов. (3) Твое дело объяснить, что этот человек не проискался, что не соответствует нашим нравам, но доблестью дошел до такого положения, которое дед мой Адриан и прадед Траян предоставляли только самым испытанным людям”. (4) О нем же – Коммод: “Я знаю Песценния как храброго человека; я дал ему уже два трибунства и скоро назначу

военным начальником, когда Элий Кордуен по старости лет откажется от службы”. Таково было общее мнение о нем. (5) И сам Север часто говорил, что он простит Песценния, если только тот не будет упорствовать. (6) Наконец, Коммод объявил Песценния консулом и поставил его над Севером; последний был раздражен этим, так как, по его словам, Нигер удостоился консульства вследствие рекомендации старших центурионов. (7) В своем жизнеописании Север говорит, что во время своей болезни он имел намерение, если бы с ним случилось что-либо до достижения его сыновьями того возраста, когда они будут способны стать императорами, – передать власть Нигеру Песценнию и Клодию Альбину, которые впоследствии оба оказались самыми грозными врагами Севера. (8) Отсюда ясно, какого мнения был и Север о Песценнии.

Элий Спартиан

Антонин Гета

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий О. Д. Никитинского

VI. (1) После убийства Геты часть воинов, которая еще не была подкуплена, с величайшим негодованием узнала об этом братоубийстве, причем все говорили, что они обещали быть верными двоим сыновьям и должны хранить верность двоим. Они заперли ворота и долго не впускали императора. (2) Наконец, только после того как улеглось возбуждение воинов – благодаря выступлению Бассиана с жалобами на Гету и раздаче непомерно большого жалования, – Бассиан мог вернуться в Рим. (3) После этого были убиты Папиниан и многие другие, старавшиеся поддерживать согласие между братьями или стоявшие на стороне Геты. Людей, принадлежавших к двум высшим сословиям, поражали в банях, за столом на виду у всех, причем сам Папини-

ан был зарублен топором, так что Бассиан выразил неудовольствие по поводу того, что дело не было сделано мечом. (4) Наконец, дело дошло до мятежа воинов римского гарнизона. Бассиану удалось подавить этот мятеж с большим трудом, после того как он, по словам одних, убил их трибуна, а по словам других – сослал его. (5) Сам он в такой степени боялся за себя, что вышел в курию, имея под тогой с широкой пурпурной полосой панцирь, и так давал объяснения о своем образе действий и об убийстве Геты. (6) В то время как претор Фаустин высказывал пожелания счастья Бассиану и называл его Величайший Сарматский²⁶ и Величайший Парфянский. Гельвий Пертинакс, сын императора Пертинакса, убитый впоследствии этим Бассианом, говорят,

сказал: “Добавь – Величайший Гетский” вместо – “Готский”. (7) Эти слова глубоко запали в сердце Бассиана, как доказало впоследствии убийство Пертинакса и не только Пертинакса, но и, как сказано выше, многих других – в разных местах и без всякого основания. (8)

Элий Лампридий

Александр Север

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий О. Д. Никитинского

XXXVII. (1) Он часто посещал зрелища, но очень скупно одаривал их участников и говорил, что актеров, охотников и возниц следует содержать так, как наших рабов или охотников, или погонщиков мулов, или тех, кто обслуживает наши удовольствия. (2) Стол у него был не слишком обильным и не слишком скудным, но в высшей степени опрятным. Постлались чистые скатерти – чаще с алой полосой, но никогда не золоченые, хотя последние употреблял уже Гелиогабал, а раньше, как утверждают некоторые, – Адриан. (3) На стол ежедневно отпускалось: вина на целый день тридцать секстариев, чистого хлеба – тридцать фунтов, следующего по качеству хлеба для раздачи – пятьдесят фунтов. (4) Он ведь всегда собственноручно выдавал распорядителям стола и хлеб, и порции овощей, мяса, стручков, исполняя роль хозяина дома и действуя при этом вполне зрело, словно старец. (5) Назначалось и тридцать фунтов разного мяса и два петуха. (6) По праздничным дням подавался и гусь, а в январские календы, в гиларии Матери богов, в Аполлоновы игры, в пиршество Юпитера, в сатурналии и тому подобные праздничные дни – фазан²⁷, а иногда и два, причем добавлялись еще два петуха. (7) У него ежедневно был к столу заяц – часто его охотничья добыча, но он делился ею с друзьями, особенно с теми, которые, как он знал, не могли иметь ее сами. (8) Богачам он никогда не посылал таких подарков, но всегда сам от них получал. (9) Ежедневно у него было четыре секстария вина, смешанного с медом без перца и два с перцем. Чтобы не растягивать своего изложения перечислением всего того, что Гаргилий, историк его времени, дает во всех подробностях, скажу: все у Александра выдавалось по мерке и счету. (10) Он питал сильное пристрастие к фруктам; они часто подавались у него на десерт, откуда и возникла шутка: у Александра не десерт, а плодородное блюдо. (11) Сам он подкреплял

Но Гельвия он, кроме того, подозревал в стремлении к тирании, так как он пользовался общей любовью и был сыном императора Пертинакса – родство вообще опасное для всякого частного человека.

ся большим количеством пищи; вина пил не мало и не много, а вполне в меру. (12) Он всегда пил чистую холодную воду, а летом – с вином, приправленным розами; это одно он сохранил из всех видов приправленного вина, употреблявшихся Гелиогабалом.

LIII. (1) Чтобы можно было ясно представить себе его [Александра Севера] строгость, я счел необходимым привести здесь одну его речь на солдатской сходке; она показывает, как он смотрел на военное дело. (2) Когда он прибыл в Антиохию и ему сообщили, что воины проводят время в банях, с женщинами, в наслаждениях, он приказал всех их схватить и заключить в оковы. (3) Когда весть об этом распространилась, поднялся мятеж среди воинов того легиона, сотоварищи которых были заключены в оковы. (4) Тогда он поднялся на трибуну, к трибуне были приведены все заключенные в оковы и он, окруженный воинами, притом вооруженными, начал так: (5) “Соратники, впрочем соратники только в том случае, если вы не одобряете поступков ваших товарищей, – дисциплина предков охраняет существование государства. Если она поколеблется, мы потеряем и имя римлян и империю. (6) Под нашей властью не должно происходить то, что делалось недавно при той грязной скотине. (7) Римские воины, ваши товарищи, мои товарищи и соратники, занимаются любовью, пьянствуют, купаются по греческому обычаю и предаются роскошной жизни. Неужели я буду дальше терпеть это? Неужели я не предаю их казни?”. (8) После этих слов поднялся шум. Тогда он продолжал: “Что же вы не можете удержать вашего крика? На войне он нужен против врага, а не против вашего императора. (9) Ваши инструкторы научили вас, конечно, издавать его против сарматов, германцев, персов, а не против того, кто дал вам полученное от провинциалов продовольствие, дал одежду, дал жалованье. (10) Итак, удержите ваш дикий крик, нужный на поле битвы

и на войне, чтобы я сейчас же не распустил вас всех одним движением уст и одним словом: квиристы. Да и неизвестно, квиристы ли вы

еще. (11) Ибо вы недостойны принадлежать даже к римскому простому народу, раз вы не признаете римского закона”.

Юлий Капитолин

Двое Максимианов

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

I. (1) Чтобы твоей милости, величайший Константин, не показалось скучным читать об отдельных государях или детях государей в отдельных книгах, я решил ограничить себя и охватить в одном томе жизнь двоих Максимианов, отца и сына. (2) Затем я сохранил тот порядок изложения, который, согласно желанию твоего благочестия, был сохранен Тацием Кириллом²⁸, светлейшим мужем, который сделал перевод с греческого на латинский язык. (3) И это я буду соблюдать не в одной этой книге, но и в большей части последующих, исключая жизнеописания великих императоров, деяния которых, более многочисленные и более славные, требуют и более длинного изложения. (4) Максимиан-старший²⁹ выдвинулся при императоре Александре, военную же службу он начал при Севере³⁰. (5) Он был родом из фракийского поселка, на границе с варварами; варварами же были его отец и мать, из которых первый был из страны готов, а вторая из племени аланов. (6) Говорят, что имя отца было Микка, а матери – Габаба. (7) В первое время эти имена называл сам Максимиан, впоследствии же, придя к власти, он приказал скрывать их, чтобы не обнаружилось, что император происходит от обоих родителей-варваров³¹.

II. (1) В раннем детстве он был пастухом, был он также главарем молодежи, устраивал засады против разбойников и охранял своих от их нападений. (2) Первая его военная служба была в коннице. Он выделялся своим огромным ростом; среди всех воинов он славился своей доблестью, отличался мужественной красотой, неукротимым нравом, был суров, высокомерен, презрителен в обращении, но часто проявлял справедливость. (3) Первой причиной его известности при Севере было следующее. (4) В день рождения своего младшего сына Геты Север устроил военные игры, назначив в качестве наград серебряные вещи, то есть браслеты, шейные цепи, пояски. (5) Тут юноша и полуварвар, с трудом говоривший по-латыни, почти что на фракий-

ском языке, при всех просит императора дать ему разрешение состязаться с теми, кто занимал на военной службе не последнее место. (6) Удивленный его большим ростом, Север, чтобы не нарушать военной дисциплины, поставил его на первый раз против лагерных служителей, но выбрал из них самых храбрых. (7) Максимиан без передышки победил шестнадцать лагерных служителей, он получил шестнадцать незначительных невоенных наград, и было приказано записать его на военную службу.

III. (1) Случилось, что на третий день после этого Север выехал в поле и увидел, как Максимиан по-варварски резвится среди толпы; он тотчас же приказал трибуну призвать его к порядку и научить правилам римской дисциплины. (2) Тогда Максимиан, поняв, что император говорит о нем, как варвар, возмечтал, что он уже известен государю и отмечен им среди множества; он подошел к ногам императора, ехавшего верхом. (3) Тут Север, желая узнать, насколько тот вынослив в беге, пустил коня, делая много поворотов. Когда престарелый император уже утомился, а Максимиан, не останавливаясь, пробежал большое расстояние, Север сказал ему: “Ну что, фракиец, хочешь еще побороться после бега?”. Тогда Максимиан ответил: “Сколько угодно, император”. (4) После этого Север сошел с коня и велел померяться силой с Максимианом самым бодрым и сильным воинам. (5) Тут Максимиан, как обычно, без передышки победил семерых самых сильных и – единственный из всех – кроме награды серебром получил в подарок от Севера золотую шейную цепь; ему было приказано всегда стоять во дворце среди личной охраны государя. (6) С этого времени он и стал заметным, славным среди воинов; трибуны его любили, соратники смотрели с подозрением, он мог добиться от императора всего, чего хотел. Север помогал ему даже получать военные чины, хотя он и был совсем юным. Он выделялся среди всех своим высоким ростом, крупным телосложе-

нием, красотой, огромными глазами и белым цветом кожи.

IV. (1) Известно, что он часто выпивал за день капитолийскую амфору³² вина и съедал по сорока фунтов мяса, а по словам Корда – даже по шестьдесят. (2) Он всегда воздерживался от овощей и почти всегда – от холодной воды, если только его не одолевала жажда. (3) Он часто собирал свой пот и сливал его в чаши или в маленький сосуд и затем показывал два или три секстария этого пота. (4) При Антонине Каракалле он в течение долгого времени нес службу центуриона и часто исполнял другие военные обязанности. В правление Макрина, которого он сильно ненавидел за то, что тот убил сына³³ его императора, он ушел с военной службы, приобрел себе земельные владения во Фракии, в том поселке, откуда он был родом, и все время поддерживал сношения с гетами. Геты особенно любили его, словно своего соплеменника. (5) Аланы, приходившие к берегу реки³⁴, признавали его своим другом и обменивались с ним дарами. (6) Но после того как Макрин был убит вместе со своим сыном, Максимин, узнав о том, что Гелиогабал – как сын Антонина – стал императором, пришел к нему, уже будучи в зрелом возрасте, и просил его относиться к нему так же, как относился его дед Север. Однако при этом грязном человеке Максимин не мог иметь никакого значения. (7) Говорят, что Гелиогабал, шутя с ним самым непристойным образом, спросил его: “Говорят, Максимин, что в былые времена ты одолевал и шестнадцать, и двадцать, и тридцать воинов. А можешь ли ты тридцать раз закончить с женщиной?” (8) Тогда тот, увидев, что беспутный император начинает вести такие речи, оставил военную службу. (9) Однако друзья Гелиогабала удержали Максимиана, боясь, чтобы к бесславию Гелиогабала не добавилось бы еще и то, что он удалил из своего войска храбрейшего человека своего времени, которого одни называли

Геркулесом, другие – Ахиллом, третьи – Гектором, а иные – Аяксом.

XIII. (1) При нем (Максимине) было множество других войн, из которых он всегда возвращался первым победителем, с огромной добычей и пленными. (2) Имеется его обращение, посланное им в сенат. Вот его копия: “В короткий срок, отцы сенаторы, я провел столько войн, сколько ни один из прежних императоров. Я доставил в римскую землю столько добычи, сколько нельзя было даже надеяться получить. Я привел столько пленных, что для них едва хватило римской земли”. Остальная часть обращения не относится к этим событиям. (3) Усмирив Германию, он прибыл в Сирмий³⁵, готовясь идти войной на сарматов и мечтая в душе подчинить римской власти все северные страны вплоть до Океана³⁶, (4) и он сделал бы это, если бы прожил дольше, как говорит греческий писатель Геродиан, который, насколько мы можем понять, из ненависти к Александру очень благожелательно относился к Максимиану. (5) Однако римляне не могли выносить его жестокость. Он привлекал к себе доносчиков, подсылал обвинителей, выдумывал преступления, убивал невинных, осуждал всех, кто только ни являлся на суд к нему, превращал богатейших людей в бедняков, добывал себе деньги только тем, что делал несчастными других, без всякой вины погубил многих консуларов и военачальников: некоторых он сажал в порожные повозки, других держал под стражей, в сущности – он не пропускал ни одного повода проявить свою жестокость. Поэтому римляне задумали отложиться от него. (6) Однако не только римляне, но – ввиду свирепости, которую он проявил и по отношению к воинам, – и находившееся в Африке войско³⁷, подняв внезапно крупнейший мятеж, провозгласили императором старого Гордиана³⁸, мужа весьма почтенного, который был там в звании проконсула...

Юлий Капитолин

Трое Гордианов

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

Гордиан Третий

XXXI. (1) Гордиан был императором шесть лет. Пока все это происходило в Азии, скифский царь Аргунт³⁹ начал разорять соседние царства, главным образом по той причине, что

он узнал о смерти Мизитея, чьим разумом управлялось государство. (2) Филипп же, чтобы не казалось, что он достиг власти путем жестокости, послал в Рим письмо, в котором он на-

писал, что Гордиан умер от болезни и что сам он избран всеми воинами. Сенат был введен в заблуждение, так как речь шла о делах, о которых он не был осведомлен. (3) Провозгласив Филиппа государем и назвав его Августом, он причислил юного Гордиана к богам⁴⁰. (4) Гордиан был жизнерадостным, красивым, обходительным молодым человеком – всем он нравился, в жизни был приятен, отличался образованностью – словом, он обладал всеми дарами, кроме возраста, чтобы быть императором. (5) До интриги Филиппа его любили, как никого из государей, и народ, и сенат, и воины. (6) По словам Корда, все воины называли Гордиана сыном; сыном звал его и сенат, а весь народ звал его своей отрадой. (7) Наконец, и Филипп, умертвив его, не осмелился ни удалить его изображения, ни сбросить его статуи, ни стереть его имя, но, называя его всегда божественным даже перед теми воинами, которые участвовали в его интриге, серьезно и с неримской хитростью чтит Гордиана.

XXXIV. (1) Такова была жизнь троих Гордианов, которые все были провозглашены Августами. (Двое из них погибли в Африке, третий – в пределах Персии.) (2) У Цирцеийского укрепления в Персии воины устроили Гордиану могилу с такой надписью на греческом, латинском, персидском, еврейском и египетском языках, чтобы все могли прочитать ее: (3) “Божественному Гордиану, победителю персов, победителю готов, победителю сарматов, отвратившему римские междоусобия, победителю германцев, но не победителю Филиппов”⁴¹. (4) Эти последние слова были добавлены, по-видимому, потому, что Гордиан на Филипповых полях отступил, побежденный в беспорядочном бою аланами⁴², и вместе с тем потому, что его, очевидно, убили Филиппы. (5) Лициний, который хотел, чтобы его считали потомком Филиппов, достигнув императорской власти, уничтожил, как говорят, эту надпись.

Юлий Капитолин

Максим и Бальбин

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

V. (1) Отцом Максима был Максим, протостолудин, по словам некоторых – кузнец, по словам других – тележный мастер. (2) Максим родился у него от его жены по имени Прима. У Максима было четверо братьев и четыре сестры; все они погибли прежде возмужания⁴³. (3) Когда родился Максим, орел, говорят, бросил большой кусок говядины в их каморку, имевшую в потолке узкое отверстие; так как этот кусок мяса лежал и никто из религиозного страха не решался прикоснуться к нему, орел опять поднял его и отнес в ближайшее святилище, посвященное Юпитеру Хранителю. (4) В то время в этом не усмотрели знамения, но доказательством тому, что это случилось не без основания, служило провозглашение его императором. (5) Все свое детство он провел в доме своего дяди Пинария, которого он, став императором, немедленно повысил, назначив его префектом претория. (6) У грамматика и ритора он занимался недолго, зато всегда вырабатывал в себе воинскую доблесть и суровость. (7) Он был военным трибуном, командовал многими воинскими подразделениями, а потом исполнял должность претора, пользуясь средствами Песценнии Марцеллины⁴⁴, которая при-

няла его к себе и воспитала как сына. (8) Затем он был проконсулом Вифинии, вслед затем – Греции, а в третий раз – Нарбоны. (9) Кроме того, посланный в качестве легата, он разбил в Иллирике сарматов, а переведенный оттуда на Рейн довольно счастливо вел дело против германцев. (10) После этого он заслужил одобрение как самый благоразумный, способный и строгий префект Рима⁴⁵. (11) На основании всего этого сенат, несмотря на то, что это было непозволительно, вручил ему, человеку незнатного рода, императорскую власть как нечто заслуженное, причем все признавали, что в то время в сенате не было человека более подходящего, кому подобало бы принять звание государя.

XVI. (1) Еще и теперь показывают в Риме дом Бальбина на Каринах⁴⁶, огромный и внушительный, который и до сих пор является собственностью его семьи. (2) Максим, которого большинство считает Пуппиеном, был человеком совсем неимущим, но в высшей степени доблестным. (3) При них карпы сражались против мезийцев, началась война со скифами⁴⁷, произошел в это время и разгром Истрии, или, как говорит Дексипп, Истрийской общины. (4) Дексипп очень хвалит Баль-

бина и говорит, что он смело вышел навстречу воинам и был убит, доказав, что он не боялся смерти; он говорит о нем, что он был обучен всяким наукам. О Максиме же он говорит, что это был совсем не такой человек, каким его описало большинство греческих писателей. (5) Кроме того, он добавляет, что ненависть аквилейцев к Максиминому была столь велика, что они сделали тетивы для своих луков из волос своих женщин и так пускали стрелы. (6) Дексипп и Геродиан, которые изложили эту историю государей, говорят, что Максим и Бальбин были государями, избран-

ными сенатом и противопоставленными Максиминому после гибели в Африке двоих Гордианов и что вместе с ними был выбран мальчик Гордиан. (7) Но у большинства римских писателей я не нахожу имени Максима, а вместе с Бальбином встречаю императора Пуппиена; говорят даже, будто этот же Пуппиен сражался с Максимом у Аквилеи, причем упомянутые историки утверждают, что Максим и не сражался с Максимом, а сидел в Равенне и там услышал об одержанной победе; как мне кажется, Пуппиен – тот же, кого называют Максимом.

Требеллий Поллион

Двое Валерианов

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

I. (1) Сапору⁴⁸ царь царей⁴⁹ Вельзол: “Если бы я знал, что можно когда-нибудь по-настоящему победить римлян, я радовался бы за тебя по поводу победы, о которой ты сообщаешь. (2) Но так как это племя в силу ли своей судьбы или вследствие доблести обладает великим могуществом, – смотри, как бы то, что ты взял в плен старого императора, притом обманным образом, не отозвалось бы плохо на тебе и на твоих потомках⁵⁰. (3) Подумай о том, сколько племен, которые часто побеждали их, римляне из врагов сделали своими. (4) Мы слышали, – и это верно, что галлы победили их и сожгли их огромный город⁵¹, но верно и то, что теперь они в рабстве у римлян. А африканцы? Разве они не победили римлян? Но верно и то, что теперь они в рабстве у римлян. (5) О более отдаленных по времени и, может быть, менее существенных примерах я ничего не говорю. Митридат Понтийский держал в своей власти всю Азию, но верно и то, что он был побежден⁵², верно и то, что Азия принадлежит римлянам. (6) Если ты спрашиваешь моего совета, воспользуйся благоприятным случаем для заключения мира и возврата Валериана своим. Я поздравляю тебя с твоим счастьем, если только ты сумеешь воспользоваться им”.

II. (1) Велен, царь кадусиев⁵³, написал так: “Отосланные тобою назад мои вспомогательные отряды, целые и невредимые, я с радостью принял. Но с тем, что ты взял в плен Валериана, государя государей, я не очень тебя поздравляю; я поздравил бы тебя больше, если бы ты его вернул. Ведь римляне грознее тогда, когда они терпят поражение. (2) Действуй так, как подобает благоразумному человеку, и

пусть счастье, которое уже многих обмануло, не воспламеняет тебя. У Валериана есть и сын император, и внук Цезарь. А что сказать обо всем римском мире, который целиком поднимается против тебя? (3) Итак, верни Валериана и заключи мир с римлянами, который будет полезен и нам ввиду понтийских племен”.

III. (1) Артабазд, царь армянский⁵⁴, послал Сапору такое письмо: “Я притязую на долю славы, но боюсь, что ты не столько одержал победу, сколько посеял новые войны. (2) Валериана требуют обратно и сын его, и внук, и римские военачальники, и вся Галлия, и вся Африка, и вся Испания, и вся Италия, и все племена, живущие в Иллирике, на Востоке и в Понте⁵⁵, которые сочувствуют римлянам или принадлежат им. (3) Ты взял в плен одного старика, но сделал все племена всего круга земель злейшими врагами себе, а возможно, и нам, в то время как мы послали тебе вспомогательные отряды, являемся вашими соседями и всегда страдаем, когда вы воюете друг с другом”.

IV. (1) Бактрийцы⁵⁶, иберы, албанцы⁵⁷ и тавроскифы⁵⁸ не приняли писем Сапора, но написали римским военачальникам, обещая прислать вспомогательные войска для освобождения Валериана из плена. (2) Но пока Валериан дряхлел⁵⁹, живя у персов, Оденат Пальмирский, собрав войско, привел дела Римского государства почти в прежнее положение. (3) Он захватил царские сокровища и то, что для парфянских царей дороже сокровищ, – наложниц. (4) Поэтому Сапор, еще больше опасаясь римских военачальников, из страха перед Баллистой и Оденатом поспешно удалился в свое царство. Таков был пока конец войны с персами.

Требеллий Поллион

Двое Галлиенов

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

IV. (1) В то же время Эмилиан взял на себя императорскую власть в Египте и, захватив зернохранилища, подверг много городов бедствиям голода. (2) Но полководец Галлиена Теодот, вступив с ним в бой, взял его в плен и к императору... отправил живым. Ведь Египет... был дан... когда Эмилиан... был... убит... воины... (3) Ввиду того что Галлиен погряз в роскоши и пороках, не занимался ничем, кроме забав и кутежей, и вел государственные дела так, как дети, которые в своих играх придумывают всякие должности, – галлы, которые в силу своих прирожденных свойств не могут терпеть легкомысленных, выродившихся в смысле утраты римской доблести и утопающих в роскоши государей, призвали к власти Постума, найдя себе сочувствие и в войсках, так как последние жаловались на то, что император занят только развратом. (4) Против него Галлиен... повел войско и, когда он стал осаждать город⁶⁰, в который вошел Постум... причем его защищали галлы, Галлиен, обходя стены кругом, был ранен стрелой. (5) Дело в том, что Постум был императором семь лет и крепкой рукой охранял Галлии от всех бушевавших вокруг них варваров. (6) Под давлением этих бед Галлиен заключает мир с Авреолом, чтобы обратиться против Постума, и во время затяжной войны, где были различные осады и сражения, ведет дело то счастливо, то несчастливо. (7) К этим бедам присоединилось еще и то, что скифы вторглись в Вифинию и разрушили ряд городов⁶¹. (8) Наконец, они подожгли и опустошили Астак, который впоследствии был назван Никомедией. (9) Наконец, когда все части земного круга были потрясены, словно вследствие заговора всего мира, началось и в Сицилии нечто вроде войны с рабами: там бродили разбойники, которые с трудом были разгромлены⁶².

VI. (1) В Ахайе сражались под начальством Марциана против тех же готов; побежденные, они ушли, через страну ахейцев. (2) Скифы, то есть часть готов, опустошали Азию⁶³. Был разграблен и сожжен храм Эфесской Луны⁶⁴; это здание пользовалось достаточной известностью среди народов. (3) Стыдно передавать то, что в такие тяжелые времена по случаю

всех этих событий не раз говорил Галлиен, на горе человеческому роду обращая все это в шутку. (4) Когда ему сообщили о том, что отпал Египет, он, говорят, сказал: “Ну что ж? Разве мы не можем существовать без египетского полотна?”. (5) Когда он узнал, что Азия разорена от разгула стихий и набегов скифов, он сказал: “Ну что ж? Разве я не могу жить без пирожных?”⁶⁵. (6) После потери Галлии он, как рассказывают, засмеялся и сказал: “Неужели безопасность государства обеспечивается атрабатскими плащами?”⁶⁶. (7) Так он подшучивал над всеми частями мира, когда терял их, словно дело шло об утрате малоценных предметов обихода. (8) И в довершение всех бед, случившихся во времена Галлиена, город византийцев, славный своими морскими войнами, ключ к Понту, был так опустошен войнами того же Галлиена, что в нем не оставалось в живых никого решительно⁶⁷. (9) В сущности, у византийцев нельзя найти ни одного старинного рода: только те, что спаслись, потому что уехали путешествовать или были на военной службе, могут быть представителями древнего знатного рода.

VII. (1) Итак, против Постума Галлиен начал войну вместе с Авреолом и полководцем Клавдием, который впоследствии стал императором; он был родоначальником рода нашего Цезаря Констанция. Постум получил много вспомогательных отрядов от кельтов и франков и выступил на войну вместе с Викторином, с которым он разделил власть. После многочисленных сражений, имевших различный исход, победа оказалась на стороне Галлиена. (2) У Галлиена бывали внезапные вспышки решимости, так как временами он сильно переживал обиды. Словом, он двинулся, чтобы отомстить за византийцев, и, хотя он не думал, что его впустят в стены города, однако был принят на следующий день и перебил всех невооруженных воинов, окружив их кольцом вооруженных и нарушив условие, которое он обещал соблюдать⁶⁸. (3) В то же время вследствие доблести и умелого командования римских полководцев и скифы в Азии подверглись разгрому и вернулись в свои места. (4) Перебив воинов в Византии, словно совершив этим великое дело, Галлиен

стремительно помчался в Рим и, созвав сенаторов, отпраздновал десятилетие своего правления небывалыми играми⁶⁹, невиданными дотоле торжественными шествиями, изысканными удовольствиями.

VIII. (1) Прежде всего он направился на Капитолий, окруженный сенаторами, одетыми в тоги, и всем сословием всадников; перед ним шли воины в белом и весь народ; впереди их шли рабы почти всех граждан и женщины с восковыми свечами и светильниками. (2) По обеим сторонам шло также впереди по сто белых быков с золотыми перевязями на рогах и блистая разноцветными шелковыми покрывалами; (3) шли впереди белые овцы, по двести с каждой стороны, и десять слонов, которые были тогда в Риме, тысяча двести гладиаторов, пышно разодетые, в золоченых одеяниях, прирученные дикие животные разных пород, с множеством украшений, крытые повозки с мимами и всякого рода актерами, кулачные бойцы, бившиеся между собой ослабленными ладонями, а не по-настоящему. Все скоморохи разыгрывали миф о циклопе, показывая при этом удивительные и поразительные вещи. (4) На всех улицах стоял шум от игр, криков, рукоплесканий. (5) Сам он в украшенной вышивками тоге и в тунике, расшитой пальмовыми ветвями, направлялся, как мы сказали, на Капитолий, окруженный сенаторами, со всеми жрецами, одетыми в претексты. (6) С той и другой стороны несли по пятьсот золоченых копий, по сто знамен, не считая знамен коллегий, драконов, значки храмов и всех легионов. (7) Кроме того, шли переодетые люди, изображавшие разные племена: готов, сарматов, франков, персов, так что в каждой группе их было не меньше двухсот.

X. (1) В консульство Галлиена и Сатурнина⁷⁰ пальмирский царь Оденат получил императорскую власть над всем Востоком, главным образом по той причине, что он благодаря своим смелым действиям выказал себя достойным освящения своего высокого положения, в то время как Галлиен либо ничего не делал, либо тратил время на излишества, на нелепые и смехотворные затеи. (2) Он немедленно объявил войну персам во имя отмщения за Валериана⁷¹, чем продолжал пренебрегать собственный сын последнего. (3) Он немедленно занимает Нисибис и Карры, причем нисибийцы и карры сдались ему, браня Галлиена. (4) Однако Оденат выказал по отношению к Галлиену почтительность: он отправил

к нему взятых в плен сатрапов, едва ли не с целью посмеяться над Галлиеном и выставить в лучшем свете себя. (5) После того как они были приведены в Рим, триумф, хотя победителем был Оденат, справил Галлиен, ни словом не упомянув об отце. Даже к богам он причислил его только потому, что его к тому принудили, после того как он услышал о смерти отца; в действительности последний был тогда еще жив, и сообщение о его смерти оказалось ложным. (6) Между тем Оденат осадил в Ктесифоне множество персов и, опустошив вокруг всю местность, перебил бесчисленное количество людей. (7) Но когда сюда спешно собрались для общей защиты из разных областей сатрапы, произошли длительные битвы с переменным успехом, но победа римлян оказалась более прочной. (8) И так как Оденат имел в виду только одно – освободить Валериана, то он каждый день теснил врагов; однако, хотя он и был превосходным полководцем, он все же страдал от неудобств местности в чужой земле.

XI. (1) Пока такие события происходили в стране персов, скифы вторглись в Каппадокию. Захватив тамошние города, они после продолжительной войны, шедшей с переменным успехом, устремились в Вифинию. (2) Поэтому воины опять подумали об избрании нового императора. Не будучи в состоянии успокоить их и снова привлечь на свою сторону, Галлиен, по своему обыкновению, убил их всех...

XII. (1) Хвалят один его прекрасный поступок. В консульство своего брата Валериана и Луцилла⁷², близкого к нему человека, узнав, что Оденат опустошил страну персов, что Нисибис и Карры возвращены под власть римлян, что вся Месопотамия стала нашей, наконец, что римляне дошли до Ктесифона, что царь бежал, сатрапы взяты в плен, множество персов убито, Галлиен разделил с Оденатом власть, назвал его Августом и велел отчеканить монеты с изображением Одената, ведущего за собой пленных персов. И сенат, и город, и люди всех возрастов с радостью приняли весть об этом. (2) Кроме того, он был очень находчив; хочется привести несколько случаев, чтобы показать его остроумие. (3) Когда однажды он велел выпустить на арену огромного быка и вышел охотник, который должен был поразить его, но после десяти выводов не мог убить его, Галлиен послал охотнику венок. (4) Так как все стали вполголоса выражать недоумение, почему такой в высшей сте-

пени неумелый человек получает венок, Галлиен велел объявить через глашатая: “Не сумеешь поразить быка столько раз – дело трудное”. (5) Когда кто-то продал его жене⁷³ вместо настоящих драгоценных камней – стеклянные и она, узнав об этом, пожелала наказать его, Галлиен велел схватить продавшего как бы для того, чтобы отдать его на растерзание льву, а затем распорядился выпустить из клетки каплуна. Когда все удивились такой смешной выходке, он велел сказать через глашатая: “Он подделал, и с ним поступили так же”, а затем отпустил торговца. (6) Когда Оденат был занят войной с персами, а Галлиен, по своему обыкновению, увлекался самыми нелепыми вещами, скифы, построив суда, добрались до Гераклеи и оттуда вернулись с добычей в свою землю; впрочем, многие из них погибли от кораблекрушения, потерпев поражение в морском бою.

XIII. (1) В это же время вследствие козней своего двоюродного брата был умерщвлен Оденат вместе со своим сыном Геродом, которого он также провозгласил императором. (2) Тогда Зенобия, жена Одената, под тем предлогом, что оставшиеся дети его – Геренниан и Тимолай – являются еще малолетними, сама взяла власть в свои руки и правила долго, не по-женски, не так, как правят женщины, (3) но тверже и искуснее не только Галлиена (лучше которого могла бы править любая девушка), но и многих других императоров. (4) Что касается Галлиена, то, получив известие

о гибели Одената, он стал готовиться к войне с персами – это было слишком позднее отмщение за отца, и, когда стараниями его полководца Гераклиана войска были собраны, он пытался вести дело, как искусный государь. (5) Однако этот Гераклиан, отправившийся против персов, был побежден пальмирцами и потерял всех собранных им воинов⁷⁴, ведь Зенобия правила пальмирцами и многими восточными народами по-мужски. (6) Между тем скифы, переплыв Евксин, вошли в Истр и причинили много бед на римской земле. Узнав об этом, Галлиен поручил византийцам Клеодаму и Афиней (Атенею) вести восстановление и укрепление городов. Бой произошёл у Понта, и варвары были побеждены византийскими полководцами. (7) Римляне под начальством Венериана победили также готов, причем сам Венериан погиб смертью воина. (8) Затем готы опустошили Кизик и Азию, а потом и всю Ахайю, но были побеждены афинянами под начальством Дексиппа, описавшего эти события. Изгнанные оттуда, они прошли через Эпир, Македонию, Мезию. (9) Между тем Галлиен, обеспокоенный, наконец, общественными бедствиями, встретился с готами, бродившими по Иллирику, и случайно перебил множество их. Узнав об этом, скифы, сделав укрепление из телег, попытались бежать через гору Гессак. (10) Оттуда Марциан, ведя войну с переменным успехом⁷⁵, всех скифов... что и побудило всех скифов возобновить войну.

Требеллий Поллион

Тридцать тиранов

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

Ингенуй

IX. (1) В консульство Туска и Басса⁷⁶, когда Галлиен проводил время за вином и в трактирах и, окружив себя сводниками, мимами и блудницами, губил в нескончаемых излишествах хорошие задатки, данные ему от природы, Ингенуй, управлявший тогда Паннонией, был провозглашен императором мезийскими легионами с согласия прочих паннонских легионов⁷⁷. Кажется, ничем другим воины не помогли государству больше, нежели тем, что в то время, как надвигались сарматы, был избран императором тот, кто благодаря своей доблести мог поправить тяжелые обстоятельства. (2) С его стороны причиной принятия им тогда власти было опасение, что он

станет подозрительным в глазах императоров, так как он был человек очень храбрый, нужный для государства и, что всегда причиняет тревогу властителем, любезный воинам. (3) Но насколько Галлиен был пропащим негодяем, настолько же, доведенный до крайности, он становился стремительным, храбрым, энергичным, жестоким. Словом, в последовавшем столкновении он победил Ингенуя⁷⁸ и, убив его, стал ужаснейшим образом свирепствовать против всех мезийцев как воинов, так и граждан. Он не оставил никого, кто не испытал бы на себе его жестокости, и был так суров и дик, что во многих городах не оставил в живых ни одного мужчины. (4) Гово-

рят, что этот Ингенуй после взятия города утопился и так окончил свою жизнь, чтобы не попасть в руки жестокого тирана. (5) Имеется письмо Галлиена, написанное им Целеру Верриану; оно показывает, сколь чудовищна была его жестокость. Я помещаю его здесь для того, чтобы все поняли, что человек, утопающий в роскоши, может быть чрезвычайно жестоким, если этого требует необходимость: “Галлиен Верриану. (6) Ты не удовлетворишь меня, если предашь смерти только вооружен-

ных, которых мог бы погубить на войне любой случай. (7) Следует истребить весь мужской пол; с моей стороны не будет упрека, если будут убиты и старики, и малые дети. (8) Должен быть убит всякий недоброжелатель, всякий, кто злословил против меня, против сына Валериана, против отца и брата стольких государей. (9) Ингенуй стал императором! Терзай, убивай, руби, пойми мое настроение, проникайся моим гневом; все это я написал своей собственной рукой”.

Регилиан⁷⁹

Х. (1) Так было суждено нашему государству, чтобы во времена Галлиена всякий, кто только мог, выскакивал в императоры. И Регилиан, который был военным начальником в Иллирике, стал императором по почину мезийцев, которые до того были побеждены вместе с Ингенуем и против чьих родичей так тяжело свирепствовал Галлиен. (2) Он, однако же, предпринял много решительных действий против сарматов, но был убит по подстрекательству роксоланов, с согласия воинов, под влиянием страха, охватившего провинциалов, как бы Галлиен не применил снова еще более жестоких мер⁸⁰. (3) Может быть, покажется удивительным, если объяснить, с чего началась его императорская власть. Он заработал царство благодаря замечательной шутке. (4) Как-то, когда воины обедали вместе с ним, нашелся один заместитель трибуна, который сказал: “Откуда, по-вашему, происходит имя Регилиана?”, а другой тут же: “По-вашему, от слова *царство* (regnum)”. (5) Тогда присутствовавший при этом школьный учитель стал, словно по грамматике, склонять: “Царь, царя, царю, Регилиан”. (6) Воины: а люди этого рода склонны быстро осуществлять то, о чем они думают – “Значит, он может быть царем?”. Также другой: “Значит, он может управлять нами?”. Также третий: “Бог возложил на тебя царское имя”. (7) Но к чему много слов? Когда после этих речей он утром следующего дня вышел, воины первых рядов приветствовали его как императора. Таким образом, что иному доставила храбрость или рассудительность, то ему доставила хитрая шутка. (8) Нельзя отрицать того, что это был человек испытанный в военном деле и уже раньше возбуждавший у Галлиена подозрение, так как он казался достойным императорского положения; был он родом из Дакии и, как говорят, родственником самого Децебала⁸¹. (9) Имеется письмо божественного Клав-

дия, тогда еще частного человека, в котором он благодарит Регилиана, бывшего военным начальником Иллирика⁸², за возвращение Иллирика, в то время как все погибало от бездеятельности Галлиена. Это письмо, найденное среди подлинников, я решил поместить здесь, так как оно было официальным. (10) “Клавдий Регилиану большой привет. Счастливого государства, которое удостоилось иметь в своих военных лагерях такого мужа, счастлив Галлиен, хотя ему никто не сообщает ничего верного ни о хорошем, ни о плохом. (11) Бонит и Цельз из свиты нашего государя рассказали мне, каким ты был в битве при Скупках, сколько битв и с какой быстротой ты закончил в один день. Ты оказался бы достойным триумфа, если бы были прежние времена. (12) Но к чему много слов? Помня о некоем человеке, я хотел бы, чтобы ты побеждал осторожнее. Пожалуйста, пришли мне сарматские мечи и два военных плаща, только с застегжками⁸³, а я послал тебе наши”. (13) Из этого письма видно, что думал о Регилиане Клавдий, а его суждение было, несомненно, в его время самым важным. (14) Регилиан был выдвинут не Галлиеном, а его отцом Валерианом, подобно Клавдию, Макриану, Ингеную, Постуму и Авреолу, которые были убиты, имея звание императоров, хотя и заслуживали императорской власти. (15) Валериан как государь вызывает удивление тем, что все, кого только он ни назначал полководцами, впоследствии достигли императорской власти благодаря признанию их со стороны воинов, так что ясно, что при выборе полководцев для государства старый император был таким, какого требовало счастье римского народа, если бы оно могло, по воле судьбы, продолжаться под властью хорошего государя. (16) О, если бы либо те, кто захватил императорскую власть, могли оставаться властителями, либо сын Валериана не был так долго императором, – в том и другом случае наше го-

сударство могло бы удержаться в прежнем положении. (17) Но судьба решила дать слишком много воли своим прихотям: она устранила

вместе с Валерианом хороших государей и сохранила для государства Галлиена дольше, чем это было нужно.

Цензорин⁸⁴

XXXIII. (1) Человек в полном смысле слова военный, а в курии издавна пользовавшийся значением: дважды консул⁸⁵, дважды префект претория, трижды префект Рима⁸⁶, в четвертый раз проконсул, в третий – консуляр, во второй раз – легат, бывший претор, в четвертый – бывший эдил, в третий – бывший квестор⁸⁷, в чрезвычайном порядке отправленный послом в Персию, а также к сарматам. (2) После всех этих почестей, будучи уже стариком и хромым на одну ногу вследствие ранения, полученного им на войне с персами во времена Валериана, он проживал в своем имении. Его объявили императором, и шутники в насмешку называли его Клавдием. (3) Он держал себя очень сурово и стал невыносим для воинов вследствие своей требовательности в смысле дисциплины, а потому и был умерщвлен теми же людьми, которые сделали его императором. (4) Близ Бононии имеется его могила, на ней крупными буквами вырезан перечень его почетных должностей. (5) В послед-

ней строке приписано: “Счастливым во всем, он был несчастнейшим императором”. Род его до сих пор существует, и в нем часто встречается имя Цензорина; часть его потомков из ненависти к римским порядкам удалилась во Фракию, часть – в Вифинию⁸⁸. (6) Существует и прекраснейший дом⁸⁹, соединенный с владениями рода Флавиев; этот дом, говорят, некогда принадлежал императору Титу. (7) Перед тобой полное число тридцати тиранов. По этому поводу ты делал мне упреки, хотя и совместно с недоброжелательными людьми, но доброжелательно. (8) Теперь дай любому человеку эту книжечку, отличающуюся в большей степени достоверностью, нежели красноречивостью. Да, я, кажется, обещал не красноречие, а дельные сообщения; ведь эти выпущенные мною книжки о жизни государей я не пишу, а диктую и диктую с такой поспешностью, какую, исполняя свои обещания и твои просьбы, сам себе предписываю, так что у меня нет даже возможности перевести дух.

Требеллий Поллион

Божественный Клавдий

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

VI. (1) Но вернемся к Клавдию. Как мы сказали выше, те готы, которые ушли от преследовавшего их Марциана и которых Клавдий не позволил выпустить⁹⁰, чтобы не произошло то, что действительно случилось, подняли все свои племена для грабительского набега на римлян⁹¹. (2) Затем различные скифские народности – певки, грутунги, австроготы, тервинги, визы, гипеды, а также кельты и эрулы⁹², охваченные жадой добычи, вторглись в римскую землю и произвели там большие опустошения, пока Клавдий был занят другими делами и по-императорски готовился к войне, которую он и закончил для того, чтобы было ясно, что роковые бедствия Рима затягиваются, если хороший государь слишком занят, (3) но я думаю для того, чтобы слава Клавдия возросла и его победа приобрела большую славу во всем мире. (4) Ведь число вооруженных в этих племенах доходило тогда до трехсот двадцати тысяч⁹³. (5) Пусть те, кто обвиняет нас в лести, скажут, что Клавдий за-

служивает меньшей любви. Триста двадцать тысяч вооруженных! У какого Ксеркса⁹⁴ было их столько? В какой сказке выдуманно это число? Какой поэт сочинил его? Было триста двадцать тысяч вооруженных! (6) Прибавь к этому рабов, прибавь домохозяев, прибавь обоз, прибавь то, что реки были выпиты, леса уничтожены, что сама земля, наконец, страдала, приняв на себя такую массу варваров.

IX. (1) О, если бы государству не пришлось претерпеть Галлиена! О, если бы не пришлось вынести на себе шестьсот тиранов! Если бы остались целыми воины, которых унесли у нас разные сражения, если бы остались целыми легионы, которые Галлиен, горе-победитель, предал смерти, какое было бы прибавление у государства, (2) если еще и теперь нашим старанием собрано для спасения Римского государства то, что осталось после крушения государственного корабля! (3) Сражались же в Мезии, было много битв у Марцианополя. (4) Многие погибли⁹⁵ во время кораблекруше-

ния, большинство царей было взято в плен, были взяты в плен знатные женщины различных племен, римские провинции были наводнены рабами-варварами и скифскими земледельцами. Гот стал поселенцем пограничной линии с варварами. (5) Не было ни одной области, которая не имела бы раба-гота, попавшего в рабство после этого триумфа. (6) Какое множество варварских быков увидели наши предки! Какое множество овец! Какое множество кельтских кобылиц, прославляемых молвой! Все это надо целиком отнести к славе Клавдия. Клавдий даровал государству и безопасность, и изобилие богатств. (7) Кроме того, бились у Византии, причем храбро действовали сами уцелевшие византийцы. (8) Бились и у Фессалоники, которая в отсутствие Клавдия была осаждена варварами. (9) Бились в разных областях, и везде под верховным командованием Клавдия над готами были одержаны победы, так что казалось, будто уже тогда Клавдий устанавливал спокойную жизнь в государстве для своего будущего внука Констанция Цезаря.

ХП. (1) В это время скифы побывали и на Крите и пытались опустошить Кипр, но были побеждены повсюду, так как их войско страдало от болезней и голода. (2) После оконча-

ния Готской войны стала распространяться очень тяжелая болезнь; тогда и Клавдий, сраженный болезнью, покинул смертных и устремился на небо, столь близкое ему в силу его доблестей⁹⁶. (3) После его переселения к богам и светилам его брат Квинтилл⁹⁷, человек безупречный и, чтобы сказать правду, подлинный брат своего брата, принял императорскую власть, врученную ему всеобщим решением, не по праву наследования, а потому, что он заслужил ее своими доблестями; он стал бы императором, даже если бы не был братом государя Клавдия. (4) В это время уцелевшие варвары попытались опустошить Анхиал и даже захватить Никополь. Но благодаря доблести провинциалов, они были уничтожены⁹⁸. (5) Квинтилл же за краткостью времени не мог совершить ничего достойного императорской власти, так как на семнадцатый день своего правления ввиду того, что он выказал себя требовательным и строгим по отношению к воинам и обещал стать настоящим государем, он был убит таким же образом, как Гальба и как Пертинакс⁹⁹. (6) Дексипп не говорит, что Квинтилл был убит, а только что он умер. Однако он не добавил, от какой болезни, так что, по-видимому, он сам находился в сомнении.

Флавий Вописк Сиракузянин

Божественный Аврелиан

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

III. (1) Чтобы не заполнять предисловие многословными мелочными сообщениями и не стать нудным, скажу, что божественный Аврелиан родился в незнатной семье, по словам многих – в Сирмии, а по словам некоторых – в прибрежной Дакии¹⁰⁰. (2) Помнится, читал я одного автора, который заявляет, будто он родился в Мезии. Случается, что родина людей, происходящих из незначительных мест, неизвестна, и они по большей части сами придумывают себе родину, чтобы благодаря славе, которой окружены эти места, придать себе блеск в глазах потомства. (3) Но при описании деяний великих государей главное знать не то, где родился каждый из них, а то, каким правителем он был. (4) Разве Платона более возвеличивает то, что он был афинянином, а не то, что он был самым ярким светочем мудрости? (5) Или разве менее знаменитыми окажутся Аристотель из Стагиры, Зенон из Элеи или скиф Анахарсис¹⁰¹ вследст-

вие того, что они родились в очень незначительных поселках, раз великие достоинства их философии вознесли их до небес?

VI. (1) Но оставим в стороне все эти и другие подробности. Аврелиан имел привлекательную внешность, отличался мужественной красотой; он был довольно высокого роста, обладал очень большой телесной силой, питал некоторую страсть к вину и еде, но редко поддавался любовной страсти. Он был безмерно строг, поддерживал особенно строгую дисциплину, любил обнажать меч. (2) В войске было два трибуна Аврелиана – этот и другой, который был взят в плен вместе с Валерианом. Нашему войску дало прозвище “рубак”, так что, если, бывало, спрашивали, который Аврелиан что-либо совершил или выполнил, то подсказывали “Аврелиан-рубак”, и становилось понятно, о ком идет речь. (3) Еще не став императором, он совершил много славных подвигов. Так, когда сарматы сдела-

ли набег на Иллирик, он сокрушил их один с тремя сотнями гарнизонных воинов¹⁰². (4) Токлий, описавший времена Цезарей, рассказывает, что Аврелиан во время Сарматской войны в один день убил своей собственной рукой сорок восемь человек, а за много дней в разное время свыше девятисот пятидесяти, так что мальчики придумали в честь Аврелиана такие песенки и пляски, которые они исполняли в праздничные дни во время военных плясок...

VII. (1) Будучи трибуном шестого Галльского легиона¹⁰³, он нанес под Могонциаком сильное поражение вторгшимся и бродившим по всей Галлии франкам, убил семьсот человек, взял в плен и продал в рабство триста. (2) По этому поводу опять-таки была сочинена песенка: "Много франков и сарматов разом перебили мы, много, много, много тысяч персов надо перебить". (3) Он внушал воинам такой страх, что под его начальством, после того как он один раз наложил необыкновенно суровую кару за нарушение лагерного порядка, никто уже больше не делал нарушений. (4) Наконец, он единственный из всех военачальников подверг воина, совершившего прелюбодеяние с женой своего хозяина, такому наказанию: он велел наклонить верхушки двух деревьев, привязать их к ногам этого военного и сразу отпустить их, так что тот повис, разорванный пополам¹⁰⁴. Это навело на всех великий страх. (5) Вот его письмо, написанное им по поводу военных дел своему заместителю: "Если ты хочешь быть трибуном, даже больше – если ты хочешь быть живым, удерживай руки воинов. Пусть никто не крадет чужого цыпленка, пусть никто не трогает овцы, пусть никто не уносит винограда, пусть никто не топчет жатвы, пусть никто не вымогает масла, соли, дров. Пусть всякий довольствуется своим пайком. Пусть они живут за счет добычи от врагов, а не за счет слез провинциалов. (6) Пусть оружие будет вычищено, железные острия отточены, обувь прочна. Пусть старую одежду сменяет новая. Пусть их жалование будет у них в поясе, а не в трактире. Пусть носят шейную цепь, обруч на руке, кольцо. (7) Пусть каждый чистит своего коня и вьючную лошадь, пусть не продает фуража животных, а за мулом, приписанным к центурии, пусть ходят все сообща. (8) Пусть один служит другому, как господину, но пусть никто не служит, как раб; пусть они пользуются бесплатным лечением у врачей, ничего не дают гаруспикам, на постое ведут

себя скромно. Кто будет заводить ссоры, тот должен быть бит".

XIII. (1) Когда Валериан Август заседал в термах в Византии¹⁰⁵ в присутствии войска, в присутствии дворцовой прислуги, причем рядом с ним сидели ординарный консул Нуммий Туск, префект претория Бебий Макр, наместник Востока Квинт Анкарий, а по левую руку сидели начальник скифской границы Аульний Сатурнин, предназначенный в наместники Египта Мурренций Мавриций, начальник восточной границы Юлий Трифон, префект продовольственного снабжения на Востоке¹⁰⁶ Меций Брундизин, начальник иллирийской и фракийской границы Ульпий Кринит и начальник ретийской границы Фульвий Бой, (2) Валериан Август сказал: "Государство благодарит тебя, Аврелиан, за то, что ты освободил его от владычества готов. Благодаря тебе мы так богаты добычей, богаты славой и всем тем, от чего возрастает счастье Рима. (3) Получай за свои подвиги четыре стенных венка, пять венков за взятие валов, два морских венка¹⁰⁷, два гражданских венка¹⁰⁸, десять копий без наконечников, четыре двцветных знамени, четыре присвоенные военным начальникам красные туники, два проконсульских плаща, тогу-претексту, расшитую пальмовыми ветвями тунику, украшенную вышивками тогу, толстую подпанцирную одежду, украшенное слоновой костью кресло. (4) Ведь сегодня я намечаю тебя в консулы и напишу сенату, чтобы он наделил тебя жезлом¹⁰⁹, наделил также связками: этого обычно не дает император, но сам, становясь консулом, получает это от сената".

XVIII. (1) До получения императорской власти Аврелиан в правление Клавдия командовал всей конницей, так как начальники последней попали в немилость за то, что они неосторожно вступали в битву вопреки приказанию Клавдия. (2) В это же время Аврелиан дал решительное сражение свевам и сарматам и одержал блестящую победу¹¹⁰. (3) Но при Аврелиане было и поражение от маркоманов, вследствие того, что была допущена ошибка: в то время как он не позаботился напасть с фронта на внезапно прорвавшихся врагов и когда он готовился преследовать их с тылу, все окрестности Медиолана подверглись жестокому опустошению. Однако впоследствии сами маркоманы были побеждены¹¹¹. (4) Среди такой тревоги, когда маркоманы производили повсюду опустошения, в Риме произошли очень большие мятежи; все боялись, как

бы не случилось того, что было при Галлиене¹¹². (5) Поэтому справились в Сивиллиных книгах, известных теми благодеяниями, которые они оказали государству. Там было найдено указание – принести жертвы в определенных местах, чтобы варвары не могли пройти по ним. (6) Словом, предписания относительно разного рода священнодействий были выполнены; таким образом, варвары были остановлены, а затем, когда они разбрелись по стране, Аврелиан всех их перебил. (7) Мне хочется привести здесь в его подлинном виде самое сенатское постановление, в силу которого авторитетной волей светлейшего сословия было приказано обратиться к Сивиллиным книгам...

XXX. (1) Но, чтобы вернуться к начатому рассказу, среди воинов поднялся необыкновенный шум: все они требовали наказания Зенобии. (2) Аврелиан, однако, считал недостойным убить женщину; казнив большинство тех, по чьему подстрекательству она начала, подготовила и вела войну, он сохранил эту женщину для триумфа, чтобы показать ее очам римского народа. (3) Из числа тех, кто был убит, тяжелой, как передают, была утрата философа Лонгина, под руководством которого Зенобия, как говорят, изучала греческую литературу¹¹³. Аврелиан, говорят, казнил его потому, что гордое письмо Зенобии было, как говорили, написано по его совету, хотя оно и было составлено на сирийском языке. (4) Итак, установив мир на всем Востоке, Аврелиан вернулся победителем в Европу¹¹⁴. Там он разбил войска карпов¹¹⁵ и, когда сенат дал ему в его отсутствие прозвание Карпского, он, говорят, прислал шуточный ответ: “Недостает только того, отцы сенаторы, чтобы вы называли меня еще Карписклом”. (5) Всем известно, что карпискл – это особый род обуви.

Такое прозвание казалось безобразным, тогда как он уже назывался Готским, Сарматским, Армянским, Парфянским и Адиабенским¹¹⁶.

XXXIII. (1) Не будет уклонением в сторону дать понятие о том, какой был триумф Аврелиана: ведь он был очень блестящим. (2) Там было три царские колесницы; из них одна – колесница Одената, отделанная и разукрашенная серебром, золотом и драгоценными камнями; вторая – присланная персидским царем в подарок Аврелиану, такой же искусной работы; третья – которую сделала для себя Зенобия, надеясь вступить в ней в город Рим. И в этом она не ошиблась: вместе с ней она вошла в Рим побежденная, в чужом триумфе. (3) Была еще одна колесница, запряженная четырьмя оленями¹¹⁷; она, говорят, принадлежала царю готов¹¹⁸. На ней, как передают многие, Аврелиан въехал на Капитолий, чтобы там заклать оленей; говорят, что он захватил их вместе с колесницей и посвятил Юпитеру всеблагому и величайшему¹¹⁹. (4) Впереди шло двадцать слонов, двести различных прирученных диких животных из Ливии и Палестины¹²⁰ – Аврелиан немедленно роздал их частным лицам, чтобы не отягощать императорскую казну их прокормом; четыре тигра, жирафы, лоси¹²¹ и другие подобные звери – в полном порядке; восемьсот пар гладиаторов¹²², не считая пленников из варварских племен, – блеммии, аксомиты¹²³, арабы из Счастливой Аравии, индийцы, бактрийцы, иберы, сарацины, персы, – все с произведениями своих стран; готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы со связанными руками как пленники. (5) Среди них шли впереди и уцелевшие знатнейшие лица города Пальмиры, и египтяне – в наказание за восстание.

Флавий Вописк Сиракузянин

Тацит

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

XIII. (1) Первой его заботой после того, как он стал императором, было казнить всех участников убийства Аврелиана как дурных, так и хороших, несмотря на то, что смерть его уже была отомщена. (2) Так как множество варваров прорвалось от Меотиды¹²⁴, он оттеснил их¹²⁵, благодаря своим разумным решениям и доблести. (3) Сами меотийцы собирались толпой будто бы по призыву Аврелиана для вой-

ны с персами¹²⁶, чтобы в случае нужды оказать нашим помощь. (4) Марк Туллий говорит, что с большим великолепием можно рассказать о том, как человек провел свое консульство, нежели о том, как он его получил¹²⁷, но у этого человека великолепно было получение императорской власти, сопряженное с такой славой. Однако вследствие кратковременности своего правления он не мог совершить

ничего великого. (5) Он погиб на шестом месяце своего правления, одни говорят, вследствие вероломства воинов, другие – от болезни¹²⁸. Известно, однако, что, подавленный интригами, он не нашел в себе силы ума и духа, чтобы бороться с ними. (6) Он приказал называть месяц сентябрь тацитом¹²⁹, так как в этом месяце он и родился, и стал императором. Наследником его власти был его брат Флориан, о котором следует сказать несколько слов.

XV. (II) (1) Две мраморные статуи, в тридцать футов каждая, стояли в Интерамне¹³⁰, так как там, на их собственной земле, им были сооружены кенотафы. Но в эти статуи ударила молния и опрокинула их, так что они лежат на земле, рассыпавшись на куски. (2) В это время был получен ответ от гаруспиков, что когда-нибудь будет из их фамилии, по женской или по мужской линии, римский император, который даст судей парфянам и персам, который подчинит римским законам

франков и аламанов, который не оставит во всей Африке ни одного варвара, который поставит наместника над тапробанами, который пошлет проконсула на остров Юверну, который будет творить суд у всех сарматов, который захватит все племена и сделает своей собственностью всю землю, омываемую Океаном, а затем вернет власть сенату, будет жить по древним законам, сам проживет сто двадцать лет и умрет без наследников. (3) И совершится все это, говорили они, по прошествии тысячи лет с того дня, когда ударила молния и разбила статуи. (4) Не очень любезно было со стороны гаруспиков сказать, что такой император появится через тысячу лет: ведь если бы они предсказали, что он явится через сто лет, то было бы, пожалуй, возможно уличить их во лжи... обещая, тогда как такой рассказ едва ли может сохраниться. (5) Я же решил включить все это в свой том для того, чтобы читатель не подумал, что я этого не читал.

Флавий Вописк Сиракузянин

Проб

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

V. (1) Вот о чем говорится в письмах. Теперь то, что можно выбрать из дневника. Совершив уже в звании трибуна во время Сарматской войны¹³¹ по переходе через Дунай много подвигов, он получил в дар при всех, на сходке, четыре копья без наконечников, два венка за взятие валов, один гражданский венок, четыре чистых знамени, два золотых браслета, одну золотую шейную цепь и одну чашу для жертвоприношений в пять фунтов. (2) В это же время он освободил из рук квадов знатного юношу Валерия Флакцина¹³², родственника Валериана. За это Валериан и наградил его гражданским венком. (3) Слова Валериана, произнесенные на сходке: “Прими, Проб, эти награды за твои заслуги перед государством, прими этот гражданский венок за спасение моего родственника”. (4) В это же время он добавил ему третий легион с такого рода свидетельством: (5) Письмо о третьем легионе: “Твои подвиги, дражайший Проб, таковы, что, пожалуй, я слишком поздно передаю тебе командование более значительными войсками, и все же я скоро тебе его передам. (6) Прими под свое верное командование третий *Счастливей* легион¹³³, который я до сих пор доверял только людям пожилым; и мне он был доверен тогда, когда тот, кто с позд-

равлением доверил мне его, увидел уже седину в моих волосах¹³⁴. (7) Но я не жду, чтобы ты достиг определенного возраста ввиду твоих блестящих доблестей и вызывающих уважение нравов. (9) Я приказал выдать тебе тройной комплект одежды, назначил двойное содержание, направил к тебе знаменосца”.

VIII. (1) У воинов Проб пользовался всегда необыкновенной любовью, но он никогда не допускал со стороны воинов никаких нарушений. Даже Аврелиана он часто удерживал от слишком жестоких поступков. (2) Он сам обходил отдельные манипулы, осматривал их одежду и обувь. Если доставалась какая-нибудь добыча, он делил ее так, что себе оставлял только наступательное и оборонительное оружие. (3) Как-то раз среди добычи, взятой у аланов¹³⁵ или у какого-то другого племени (это не выяснено), находился конь – не очень красивый и не очень крупный, но способный, по словам пленных, пробежать в день сто миль и бежать таким образом в продолжение восьми или десяти дней. Все были уверены, что такое животное Проб оставит себе, но Проб сразу же сказал: “Этот конь скорее подходит для воина, думающего о бегстве, чем для храбреца”. (4) Затем он велел воинам бросить в урну жребии с написанными на них

именами: коня должен был получить тот, чей жребий выпадет. (4) В войске было четыре других воина, которые носили имя Проба; случилось, что тот, чей жребий выпал в первый раз, носил имя Проба, – впрочем, жребий самого военачальника Проба не был опущен. (6) Так как эти четыре воина заспорили и каждый стал доказывать, что это его жребий, Проб приказал вторично потрясти урну; но и вторично выпал жребий с именем Проба. Так было сделано в третий и в четвертый раз, но и в четвертый раз выпал жребий с именем Проба. (7) Тогда все войско с согласия тех воинов, чьи имена выпадали по жребию, присудило этого коня военачальнику Пробу.

XI. (1) Так как мы упомянули о сенате, то следует знать, что он сам написал сенату и что в свою очередь ответило ему блистательное сословие. (2) Первое обращение Проба к сенату: “Правильным и надлежащим, отцы сенаторы, было то, что произошло в прошлом году, когда ваша милость дала всему кругу земель государя, и притом из вашей среды, так как вы являетесь владыками мира, всегда ими были и будете в лице своих потомков. (3) О, если бы и Флориан пожелал подождать и не присвоил себе императорскую власть, словно наследственную, ваше величие избрало бы его, либо кого-нибудь другого. (4) Теперь же, ввиду того, что он захватил императорскую власть, войско дало мне звание Августа, более того, он получил наказание от более благоразумных воинов за свою узурпацию. Прошу вас вынести суждение о моих заслугах, а я буду исполнять все, что ни прикажет ваша милость”. (5) Также – сенатское постановление за два дня до февральских нон в храме Согласия. Среди прочего консул Элий Скорпиан сказал: “Вы выслушали, отцы сенаторы, чтение письма Аврелия Валерия Проба. Какое решение вам угодно вынести?” (6) Тогда раздались возгласы: “Проб Август, да хранят тебя боги! Издавна достойный, храбрый, справедливый, хороший предводитель – хороший император; примерный воин – примерный император! Да хранят тебя боги! (7) Заступник государства, правь счастливо; начальник военных сил, правь счастливо! Да охранят тебя и всех твоих боги! И сенат еще раньше избрал тебя! В отношении возраста ты уступаешь Тациту, а в остальном превосходишь его! (8) Мы благодарим тебя за то, что ты взял на себя императорскую власть! Оберегай нас, оберегай государство! Мы, которых ты и раньше спасал, с удовлетворением поручаем

это тебе! (9) Ты – Франкский, ты – Готский, ты – Сарматский¹³⁶, ты – Парфянский, ты – все! Ты и прежде был всегда достоин императорской власти, достоин триумфов! Живи счастливо, правь счастливо!”.

XVI. (1) После этого он устремился в Иллирик¹³⁷. Прежде чем прибыть туда, он покинул Рецию усмирненной настолько, что не оставил там даже подозрения на какое-либо основание для страха. (2) В Иллирике он нанес такое поражение сарматам и прочим племенам, что почти без войны отобрал у них все награбленное ими¹³⁸. (3) Затем он держал путь по Фракиям и частью подчинил, частью принял в дружественный союз все гетские народы, устранные молвой о его подвигах и подавленные могуществом древнего имени. (4) После этого он устремился на восток и по пути взял в плен и казнил одного могущественнейшего разбойника Пальфурения¹³⁹ и освободил всю Исаврию, возвратив под власть римских законов народы и города¹⁴⁰. (5) Он проник в местности, где жили исаврийские варвары, пуская в ход либо устрашения, либо обходительность. Пройдя по этим местам, он сказал: “Легче не пускать сюда разбойников, чем убирать их отсюда”. (6) Он дал в собственность ветеранам все те места, куда труден доступ, с условием, чтобы их дети, разумеется мужского пола, с восемнадцатилетнего возраста посылались на военную службу; это он сделал с той целью, чтобы они не научились разбойничать.

XIX. (1) Он устроил для римлян замечательные развлечения и произвел раздачу. (2) Он справил триумф над германцами и блемиями и во время своего триумфа вел перед собой отряды всех племен, численностью до пятидесяти человек каждый. Он устроил в цирке великолепнейшую охоту, причем позволил народу расхватать все. (3) Зрелище это было такого рода. Мощные деревья, которые воины вырвали вместе с корнями, были прикреплены к соединенным между собой по длине и ширине бревнам, затем сверху была насыпана земля, и весь цирк, засаженный подобием леса, зеленел прелестной свежей листвой. (4) Затем через все входы были впущены тысяча страусов, тысяча оленей, тысяча кабанов, далее – лани, горные козлы, дикие овцы и другие травоядные животные, сколько их можно было вскормить или найти. Затем были выпущены простые граждане и каждый хватал себе то, что хотел. (5) На следующий день он выпустил в амфитеатре сразу сто

львов с гривами, которые своим рычанием создавали впечатление грома. (6) Все они были убиты людьми, стоявшими в задних воротах. Зрелище это не представляло собой ничего интересного по причине способа, каким убивали животных. Не было того стремительного натиска этих зверей, какой обычно бывает, когда они устремляются из клеток. Кроме того, многие из них, которые не захотели выйти в амфитеатр, были убиты стрелами. (7)

Затем было выпущено сто ливийских леопардов, затем сто сирийских; было выпущено сто львиц и вместе с ними триста медведей. Все эти дикие животные представляли собой, разумеется, зрелище, скорее потрясающее, чем приятное. (8) Кроме того, было выпущено триста пар гладиаторов, причем тут сражалось много блеммиев, которых вели в триумфе, много германцев и сарматов, а также несколько исаврийских разбойников.

Флавий Вописк Сиракузянин

Фирм, Сатурнин, Прокул и Боноз, то есть четверка тиранов

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

ХП. (1) Родиной Прокула была страна альбингавнов, живущих в Приморских Альпах. Дома он считался человеком знатным, но предки его занимались разбоем, и сам он составил себе довольно крупное состояние из скота, рабов и других вещей, которые он похитил. (2) Говорят, что в то время, когда он взял на себя императорскую власть, он вооружил две тысячи своих рабов. (3) У него была жена, женщина с мужским характером, которая и толкнула его на это безумное дело; имя ее было Самсо, но это имя было дано ей впоследствии, а раньше она называлась Витуригой. (4) Сына своего Геренниана¹⁴¹ он, по его словам, хотел одарить императорским званием, когда ему исполнится пять лет. (5) Это был человек, чего отрицать нельзя... и очень храбрый, привычный к разбою, так как всю

жизнь он провел с оружием в руках. Он командовал многими легионами в качестве трибуна и проявил храбрость. (6) И так как даже мелкие подробности бывают занимательны и доставляют удовольствие при чтении, то не следует умолчать о том, о чем он сам хвастался в одном письме. Лучше дословно привести это письмо, нежели слишком много говорить по поводу него:

(7) “Прокул шлет родному Мециану привет. Я взял в плен сто девушек из Сарматии. Из них десять я изнасиловал в одну ночь. Всех их я, в меру своих сил, в течение пятнадцати дней сделал женщинами”. (8) Как видишь, он хвастается поступком непристойным и вполне развратным, думая, что его будут считать удалцом, если он закалится среди непрерывных преступлений.

Флавий Вописк Сиракузянин

Кар, Карин и Нумериан

Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура

Комментарий А. И. Любжина

VIII. (1) Закончив в основном при помощи огромного снаряжения и всех заготовленных Пробом сил Сарматскую войну, которую он вел, Кар двинулся против персов. Не встречая никакого сопротивления, так как персы были заняты мятежом, поднявшимся внутри их государства, он овладел Месопотамией, дошел до Ктесифона и удостоился прозвания императора Персидского. (2) Однако в жажде славы, но по настоянию главным образом своего префекта¹⁴², который искал средство погубить его и его сыновей, так как сам желал власти, продвинулся еще дальше и, по словам некоторых, умер от болезни, а по словам многих, был убит молнией¹⁴³. (3) Нельзя отрицать, что в то вре-

мя, когда он скончался, внезапно раздались столь сильные удары грома, что, как говорят, некоторые от страха испустили дух. Сам он был тогда болен и лежал в своей палатке; когда поднялась ужасная буря и заблестала страшная молния, он, как мы сказали, при еще более страшном ударе грома, испустил дух. (4) Юлий Кальпурний¹⁴⁴, который был у него в должности обслуживающего память, написал по поводу смерти Кара следующее письмо префекту Рима. (5) Среди прочего он сообщил: “Когда наш государь Кар, действительно дорогой¹⁴⁵, был болен и лежал в палатке, внезапно поднялась буря с таким вихрем, что все потемнело и люди не узнавали друг

друга; затем, когда все было охвачено непрерывным дрожанием от блеска молний и ударов грома и все небо, казалось, пылало, мы перестали понимать, что происходит. (6) Вдруг раздался крик, что император умер, а затем – особенно сильный удар грома, повергший всех в ужас. (7) Вдобавок спальники государя, охваченные скорбью по поводу его смерти, зажгли палатку. Вследствие этого внезапно распространился слух, будто он погиб от молнии, тогда как, насколько мы можем знать, установлено, что он умер от болезни”.

IX. (1) Это письмо я привел потому, что многие говорят, будто есть какая-то роковая сила, не позволявшая римскому государю идти дальше Ктесифона, и Кар будто бы был поражен молнией за то, что хотел перейти назначенные роком пределы. (2) Пусть трусость хранит про себя свои уловки, доблесть попирает ее ногами. (3) Конечно, можно и всегда будет можно, как это доказал святейший Цезарь Максимиан, победитель персов¹⁴⁶, и проходить еще дальше¹⁴⁷, и я думаю, что так это и будет, если наши не станут пренебрегать обещанной милостью богов. (4) Что Кар был хорошим государем, на это указывают многие обстоятельства, в частности, следующее: когда он достиг власти, сарматы настолько осмелели после смерти Проба, что грозили вторжением не только в Иллирик, но даже во Фракию и в Италию, но он, благодаря искусным военным действиям, нанес им такое поражение, что в несколько дней обеспечил Паннонию безопасность, перебив шестнадцать тысяч сарматов и захватив двадцать тысяч пленников обоюбого пола.

XIX. (1) Правление Кара, Карина и Нумериана было особенно замечательно тем, что они дали римскому народу игры, дополненные невиданными зрелищами¹⁴⁸; мы видели изображения последних по всему портику конюшен на Палатине¹⁴⁹. (2) Кар выпустил и канатного плясуна, который в своих котурнах как бы носился по воздуху¹⁵⁰, и стенохода, который бегал по стене, раздражив медведя, и медведей, дававших мимическое представление, также сто трубачей, которые играли все сразу, сто горнистов, сто флейтистов-ак-

компаниаторов и сто солистов, тысячу пантомимов и гимнастов, кроме того, театральную машину, от пламени которой сгорела сцена, последнюю Диоклетиан отстроил потом более роскошно. (3) Кроме того, он отовсюду собрал мимов. Он показал и сарматские игры¹⁵¹ – ничего не может быть приятнее их. Показал он и миф о Циклопе. Греческим искусникам, гимнастам, актерам и музыкантам было подарено золото и серебро, была подарена и шелковая одежда.

XX. (1) Насколько все это нравится народу, не знаю, но в глазах хороших государей все это не имеет никакого значения. (2) Передают одно высказывание Диоклетиана: когда один из служащих расходной кассы, восхваляя зрелища, устроенные Каром, сказал, что эти государи приобрели расположение народа благодаря театральным представлениям и цирковым играм, Диоклетиан заметил: “Значит, над Каром здорово смеялись, когда он был императором”. (3) В сущности, когда сам Диоклетиан, создав все племена, давал игры, то щедрость его была очень расчетливой: он говорил при этом, что игры должны быть чистыми, когда зрителем является цензор. (4) Пусть это место прочтет Юний Мессала, которого я осмеливаюсь открыто осуждать. Свое состояние он отдал актерам, отняв его у наследников, туннику матери отдал мимистке, а плащ отца – миму, и правильно, если бы еще пурпурный золоченый греческий плащ его бабки носил, как платье со шлейфом, трагический актер. (5) Еще и сейчас на греческом плаще, окрашенном фиолетовым и тирским пурпуром, которым, как военной добычей, унесенной из знатнейшего дома, гордится какой-то флейтист, можно прочесть имя жены Мессалы. Что сказать о полотняных одеждах, привезенных из Египта? О привезенных из Тира и Сидона тонких до прозрачности сверкающих пурпуром одеждах, которые знамениты своими трудоемкими, подобными пуху, золотыми вышивками? (6) Раздарены плотные плащи, привезенные из страны атрабатов, раздарены канузийские, африканские плотные плащи – богатство, прежде не виданное на сцене.

Примечания

¹ Второй поход на даков – 105-106 гг.

² Консулами в 107 г. (когда Адриан был претором) были Лициний Сура в третий раз и Созий Сенецион; Юлий Сервиан был консулом во второй раз в 102 г. (вместе с Лицинием Сурой), а второе консульство Аттия Субурана было в 104 г. (вместе с Азинием Марцеллом).

³ 108 г.

⁴ ...следовать древнему образу действия – т.е. возврат к идее Августа о сохранении и укреплении существующих границ империи (ср. Тацит. Анналы I: 11).

⁵ Август принял имя отца отечества во 2 г. до н.э., через 25 лет после начала своего правления. Адриан принял это имя в 128 г.

⁶ *Венечное золото* (aurum coronarium). Золотой

венец преподносился полководцу-победителю от имени побежденных или союзников. Уже в республиканское время такое добровольное преподношение превратилось в налог.

⁷ ...земляной вал – так называемая линия Клайд-Форт (от Глазго до залива Ферт-оф-Форт); возведение земляного вала со рвом было начато в 80 г. Агриколой. Вал Пия достраивался при Септимии Севере. Грандиозный Адрианов вал находится южнее (от залива Солуей-Ферт до устья р. Тайн).

⁸ Ср. Гелий XV: 1, 2.

⁹ См. Павсаний VIII: 43, 4.

¹⁰ Перевод по конъектуре Кари (Eupatorem), рукописное чтение – *curatorem*.

¹¹ Моммзен добавляет <вандалы> (ср. Евтропий VIII: 13, 1). У Диона (LXXI: 3, 1), кроме перечисленных здесь народов, упоминаются вандалы, лангобарды и обии.

¹² Здесь имеется в виду *concilium principis* (совет принцепса).

¹³ Например, были поставлены статуи командующего гвардией Марка Макриния Виндекса и Марка Клавдия Фронтоня, которому в чрезвычайном порядке было поручено объединенное командование над Верхней Мезией и Данией и который погиб в 171 г. в сражении с германцами и язигами.

¹⁴ Марк Аврелий преобразовал сенатские провинции в императорские и наоборот. Смысл этих действий заключался прежде всего в том, что, преобразуя подвергающиеся военной опасности сенатские провинции в императорские, Марк Аврелий тем самым связывал с ними постоянное пребывание армий. Ср. также Светоний. Авг.: 47.

¹⁵ Дион (LXXI: 8-10) сообщает, что дождь вызвал египетский маг Арнуфис. Согласно христианской легенде (Дион-Ксифилин LXXI: 9; Евсевий. Церковная история V: 5), дождь был вызван молитвой солдат 12-го легиона (*legio Fulminata*), который якобы состоял из одних христиан.

¹⁶ В 175 г., после победы над сарматами Марк Аврелий принял титул *Sarmaticus Maximus*.

¹⁷ Осень 176 г.

¹⁸ 1 января 177 г.

¹⁹ Платон. Государство: 473с-д.

²⁰ Марк Аврелий и Коммод отправились из Рима 3 августа 178 г.

²¹ См. Плутарх. Александр: 6.

²² Отец Авидия Кассия назывался Гай Авидий Гелиодор.

²³ ...человек новый (*homo novus*) – так назывался человек незнатного происхождения, который первым в своем роду занимал курульные магистратуры.

²⁴ Автор жизнеописания допускает ошибку. См. Элий V: 12. Письмо – фиктивное.

²⁵ Четвертый легион находился в это время в Сирии, а не близ Массилии.

²⁶ Величайший Сарматский – этого титула Каракалл не имел.

²⁷ Фазан встречался первоначально, как говорит его название (*Phasianus*, от реки Фасис), на берегах Каспийского моря. Римляне узнали о нем от греков, затем стали разводить его сами. Фазанье мясо считалось деликатесом.

²⁸ Более ничего о нем неизвестно. Его существование весьма сомнительно.

²⁹ Гай Юлий Вер Максимин.

³⁰ Вероятно, в самом начале его правления, так как Максимин, родившийся в 173 г., как раз к этому времени достиг соответствующего возраста. Сначала он служил во вспомогательной коннице.

³¹ По Геродиану (VI: 8, 1), Максимин происходил от людей с наполовину варварской кровью. Автор, использовавший Геродиана, образовал имена Микка и Габаба совершенно произвольно.

³² Под амфорой подразумевается самая крупная римская единица измерения жидкостей (около 26 л). Обозначение *капитолийская амфора* встречается только здесь.

³³ Имеется в виду Каракалл.

³⁴ Дуная.

³⁵ Важный опорный пункт римлян в Нижней Паннии (ныне *Mitrovica*), место рождения цезаря Проба.

³⁶ Ср. Геродиан VII: 2, 9. С другой стороны, он ничего не знает о намеченной войне против сарматов. Однако победные титулы Максимиана Величайшего Сарматский и Величайший Дакский, зафиксированные в надписях 237-238 гг., подтверждают военные предприятия к северу от Дуная.

³⁷ Проконсулу подчинялась только откомандированная из Нумидии когорта III легиона, и только ее можно здесь иметь в виду.

³⁸ А именно Гордиан I.

³⁹ Имя этого скифского царя более нигде не упомянуто.

⁴⁰ У Евтропия (IX: 2, 3) описано обожествление по решению войска, а не сената. Нумизматические и эпиграфические подтверждения отсутствуют.

⁴¹ Вымышленная надпись.

⁴² Это сообщение маловероятно.

⁴³ Сообщение о родителях, братьях и сестрах Максима не подтверждено более никакими источниками.

⁴⁴ Больше нигде не упомянуто.

⁴⁵ Геродиан подтверждает лишь пребывание в обеих германских провинциях (VIII: 6, 6; VIII: 7, 8) и городскую префектуру (VII: 10, 4; VIII: 8, 4). Эпиграфически подтверждена также должность проконсула в Азии (вероятно, в 222-234 гг.).

⁴⁶ *Карини* – западное окончание южного склона Эсквилинского холма. Этот дом больше нигде не упомянут.

⁴⁷ Имеется в виду вторжение готов в Мезию через Дунай в 238 г.

⁴⁸ Шапур I (241-271), сын Ардашира I, основателя державы Сасанидов. Уже в начале своего царствования он продолжил наступательные действия против римлян. В 242 г. Гордиан выступил ему навстречу, но в 244 г. во время успешных для Рима боев был убит. Его преемник, Филипп Араб, заключил с персами мир. Однако в 253 г. персы продолжили войну, которая на этот раз протекала крайне неудачно для римлян и закончилась пленением Валериана в конце лета 260 г.

⁴⁹ Этот титул принадлежал в первую очередь персидскому царю, но его носили также владыки буферных государств Востока из римской сферы влияния.

⁵⁰ Аврелий Виктор. О цезарях: XXXII: 5.

⁵¹ Имеется в виду завоевание и сожжение Рима (кроме Капитолия) галлами под предводительством Бренна после битвы при Аллии, которая состоялась 18 июля 387 г. до н.э.

⁵² Войны с Митридатом с перерывами длились с 89 по 64 г.

⁵³ *Велен* упоминается только здесь; вне сомнения, вымышленное лицо. *Кадусии* – племя, жившее в Северной Индии, на юго-западном берегу Каспийского моря.

⁵⁴ Хотя Рим и не отказался от Армении после заключения мира в 244 г., армянский царь Хосрой I (222 – ок. 250) не получал от него прямой поддержки. Это развязало руки Шапуру I. Около 250

г. Хосрой был убит, а его несовершеннолетний сын Тиридат III был вынужден бежать в Рим. Гормизд-Ардашир, вероятно, старший сын Шапура, стал Великим царем Армении. Остается под вопросом, в каком отношении к описанным событиям стоит упомянутый здесь царь Артабазд.

⁵⁵ В основе данного перечисления лежит деление на диэцезы, осуществленное Диоклетианом. Это доказывает, что предлагаемый документ – вымысел.

⁵⁶ Жители области на территории нынешнего Северного Афганистана, в среднем и верхнем течении Окса (Амударьи). На этой земле располагалась старая персидская сатрапия Бактрия. Здесь употреблено в географическом, а не в этническом смысле.

⁵⁷ Племена, жившие между Кавказским хребтом и Курой.

⁵⁸ Сарматское племя, жившее на северном побережье Черного моря.

⁵⁹ Мы не знаем точной даты ни пленения, ни смерти Валериана. На основании александрийских монет и египетских папирусов первое можно отнести к промежутку между 29 августа и 29 сентября 260 г.

⁶⁰ Имеется в виду Виенна.

⁶¹ Имеется в виду поход готов в Малую Азию в 267 г.

⁶² Об этом сообщается только здесь.

⁶³ Имеется в виду более ранний поход; готы на кораблях пересекли Боспор, опустошили Халкидон и Никомерию и напали на Трою и ионийские города.

⁶⁴ Имеется в виду Артемисий, одно из семи чудес света.

⁶⁵ См. Плиний. Ест. история XXXI: 112.

⁶⁶ Атрабаты жили в Бельгийской Галлии; были известны плотные шерстяные ткани их производства.

⁶⁷ Об этом упомянуто только в Ист. Авг.

⁶⁸ Возможно, наказание сторонников Марциана и Квиета представлено в сознательно искаженном виде.

⁶⁹ Галлиен отпраздновал Деценналии ранней осенью 262 г.

⁷⁰ В 264 г.

⁷¹ Об этом сообщается только здесь. Галлиен принял титул Великого Персидского, или Парфянского.

⁷² В 265 г.

⁷³ Юлия Корнелия Салонина.

⁷⁴ Безусловно ложное сообщение, так как летом 268 г. он стал префектом претория – после таких событий это было бы совершенно невероятно.

⁷⁵ После первых успехов Галлиен с большей частью войск был вынужден отправиться против Авреола. Его полководец Марциан сражался с оставшимися против готов с переменным успехом.

⁷⁶ В 258 г.

⁷⁷ По Аврелию Виктору (О цезарях. 33.2) и Евтропию (9.8.1), Ингенуй был провозглашен цезарем при известии о пленении Валериана. Датировка представляет определенные сложности: 258 г. или 260 г.

⁷⁸ После провозглашения Ингенуй находился в Сирмии; Галлиен немедленно отправился против него; его полководец Авреол победил Ингенуя, который был убит во время бегства (см. Аврелий Виктор. О цезарях XXXIII: 2; Евтропий IX: 8,1).

⁷⁹ Правильная форма – Регалиан; ср. Аврелий Виктор. О цезарях XXXIII: 2.

⁸⁰ По Аврелию Виктору (XXXIII: 2) и Евтропию (IX: 8,1), его победил Галлиен.

⁸¹ Царь Дакии в 86–107 гг.

⁸² Dux Illyrici – звание более позднего времени.

⁸³ Одежда в форме македонской хламиды; использовалась и в римской армии.

⁸⁴ Лицо, вымышленное автором Ист. Авг. Имя взято по примеру Луция Целия Цензорина. Биография Цензорина состоит из мотивов, позаимствованных из жизнеописаний тиранов.

⁸⁵ Последовательность должностей вымышленна. Автор смешивает при этом ряды, свойственные II–III и IV–V вв. н.э. В основном же здесь воспроизведена типичная для второй половины IV в. карьера префекта претория.

⁸⁶ Переход с городской префектуры на должность префекта претория предполагает превращение последней магистратуры в чисто гражданскую и потому в III в. невозможен.

⁸⁷ Таких должностей, как *legatus aedilicus* и *quaestoristicus*, не существовало.

⁸⁸ Ср. Проб XXIV: 1.

⁸⁹ Этот дом вымышлен по образцу Светония (Домициан: 1).

⁹⁰ Ср. Галлиен XIII: 10; Зосим I: 42,1.

⁹¹ После поражения, которое Галлиен и Марциан нанесли эрулам в 267 г., большая часть варваров сумела уйти. Весной 268 г. вместе с союзниками они снова вторглись на территорию страны, но были отброшены Клавдием.

⁹² *Певки* относились к восточногерманскому племени бастарнов и населяли остров Певке на Дунае (совр. остров Георга). *Грутунги*, *австроготы*, *тервинги*, *визы*, *гипеды* – готские племена. Шмидт считает, что под обозначением кельтов следует понимать остальные бастарнские племена; *эрулы* – племя, вероятно, скандинавского происхождения, возможные инициаторы похода.

⁹³ Это число встречается также у Зосима (I: 42).

⁹⁴ По Геродоту (VII: 60; VIII: 7), Ксеркс переправил через Геллеспонт 1700 000 воинов и 80 000 лошадей.

⁹⁵ Ср. Зосим. 1.42.2; иначе Галлиен. XIII.7.

⁹⁶ Ср. Евтропий IX: 12, 2. По Аврелию Виктору (О цезарях XXXIV: 1 сл.) и Эпитоме (XXXIV: 3), Клавдий искал на войне против готов возможность пожертвовать жизнью, так как в Сивилиных книгах именно этим была обусловлена победа.

⁹⁷ Марк Аврелий Клавдий Квинтилл; ко времени своего возвышения он находился в Италии.

⁹⁸ Ср. Аммиан XXXI: 5,16 сл. Это сообщение относится к более раннему времени (Галлиен, Деций – Эмилиан).

⁹⁹ Ср. Евтропий IX: 12; Зонара XII: 26. По “Хронике 354 года” (I: 148) Квинтилл правил 77 дней, по Зосиму (I: 47, 1), несколько месяцев. На основании нумизматических данных можно принять срок приблизительно в 2 месяца. Эпитома (XXXIV: 5) сообщает об убийстве цезаря; по Зосиму, он покончил с собой.

¹⁰⁰ О происхождении Аврелиана из Сирмии сообщается только здесь. Евтропий (IX: 13,1) говорит в этом случае о прибрежной Дакии.

¹⁰¹ Скиф царского рода. О нем с похвалой отзывались Геродот (IV: 46; 76 сл.) и Платон (Гос. X: 600A). Диоген Лаэртский (I: 41,106) и Диодор (IX: 6) называют его в числе семи мудрецов.

¹⁰² Эта реплика, как и все, что сообщается об Аврелиане до его воцарения, скорее всего, вымышленна за недостатком точных сведений.

¹⁰³ Существование этого легиона, скорее всего, вымысел.

¹⁰⁴ Эта казнь вымышленна автором по мифическим образцам.

¹⁰⁵ Это заседание состоялось в 258 г. Кроме консула, все имена его участников вымышлены.

¹⁰⁶ Должность префекта продовольственного снабжения на Востоке существует только с момента основания Константинополя (330 г.).

¹⁰⁷ Они вручались соответственно тем, кто первым взобрался на стену города, ворвался в лагерь и на корабль противника.

¹⁰⁸ Ср. Авр. XII: 8.

¹⁰⁹ Короткий жезл с изображением орла Юпитера держал в руке полководец во время триумфа.

¹¹⁰ Имеется в виду поход Аврелиана против вандалов летом 270 г. Автор ошибочно относит его к правлению Клавдия.

¹¹¹ Имеется в виду победоносный поход Аврелиана против аламаннов в 270 г.

¹¹² Имеется в виду продвижение аламаннов к Риму при Галлиене.

¹¹³ Кассий Лонгин (210–273) – философ-платоник. В 250–267 гг. возглавлял Академию в Афинах. В 267–268 гг. по приглашению Зенобии прибыл в Пальмиру, стал учителем и советником царицы.

¹¹⁴ Вероятно, ранней осенью 272 г.

¹¹⁵ Теснимые готами, карпы вторглись на территорию страны к северу от устья Дуная. После победы Аврелиан поселил часть из них на римской территории (Аврелий Виктор. О цезарях XXXIX: 43).

¹¹⁶ Титул Сарматского засвидетельствован только в этом труде; о титулах Армянского и Адриабенского нет эпиграфических свидетельств.

¹¹⁷ Ср. Гелиогабал XXVIII: 2.

¹¹⁸ Стоит отметить, что для кельтов, иллирийцев и германцев олень был связан с культом солнца.

¹¹⁹ В римской религиозной практике неизвестно принесение оленей в жертву Юпитеру.

¹²⁰ Имеются в виду львы и леопарды.

¹²¹ Первые представляли животный мир Востока, вторые – Эфиопию, третьи – Север.

¹²² Гладиаторы не принимали участия в триумфальных шествиях.

¹²³ В римской традиции описания триумфальных празднеств они появляются только здесь – очевидно, вместо эфиопов. Несомненно, их участие в триумфальном шествии – авторский вымысел.

¹²⁴ Меотиды – Азовское море.

¹²⁵ Имеются в виду эрулы. Ср. Зосим I: 63; Зонара XII: 28.

¹²⁶ Ср. Аврелиан XXXV: 4.

¹²⁷ Цицерон. Против Пизона: 3.

¹²⁸ Евтропий (IX: 16), Аврелий Виктор (О цезарях XXXVI: 2) и Эпитима пишут о болезни; Зосим (I: 63, 2) и Зонара (XII: 28) – об убийстве.

¹²⁹ Месяц рождения указан только здесь.

¹³⁰ В Умбрии при слиянии Нар и Велин (Тацит. Анналы I: 79).

¹³¹ Имеется в виду война, которая началась в 256 г. вторжением готов.

¹³² Вымышленное лицо. Имя образовано от имени Валерия Флакка.

¹³³ Вероятно, вымышлен автором.

¹³⁴ Валериан получил III Итальянский легион от Требониана Галла.

¹³⁵ Аланы, населявшие степь от Танаиса до Аральского моря и от Кавказа до Урала, достигли в 242 г. Филиппополя.

¹³⁶ Война против сарматов – вымысел.

¹³⁷ В конце 278 г. Проб отправляется на Восток.

¹³⁸ Альфельди считает его сообщение вымыслом. Однако надпись на одной из монет прославляет Проба как восстановителя Иллирии.

¹³⁹ Берсанетти отождествляет его с Теренцием Марцианом.

¹⁴⁰ Эти события происходили в 279–280 гг.

¹⁴¹ По Шастаньюлю, автор мог образовать это имя от имени Вериниана или Веренниана.

¹⁴² Апр.

¹⁴³ Кар был убит молнией. Другая версия, приводимая автором, вымышленна. Фогт датирует смерть Кара на основании нумизматических данных периодом вскоре после 29 августа 283 г.

¹⁴⁴ Возможно, намек на Тита Кальпурния Сиккула, поэта, современника Нерона.

¹⁴⁵ Игра слов: *carus* ‘дорогой’.

¹⁴⁶ Имеется в виду победа Галерия в 297 г.

¹⁴⁷ Ни Максимиан, ни Диоклетиан не продвинулись за Ктесифон.

¹⁴⁸ Вероятно, авторский вымысел.

¹⁴⁹ Это здание архитектурно не засвидетельствовано.

¹⁵⁰ Невробаты плясали на особо тонких канатах, так что казались парящими в воздухе.

¹⁵¹ *Сарматские игры* – авторский вымысел.

Источник: Властелины Рима / Перевод С. П. Кондратьева под редакцией А. И. Доватура. Комментарии А. И. Любжина, О. Д. Никитинского. – М.: Наука, 1992.

Гай Соллий Модест Аполлинарис Сидоний

Caius Sollius Modestus Apollinaris Sidonius

Гай Соллий Модест Аполлинарис Сидоний (430/431–480), христианский автор и епископ Клермона. Родился в Лионе в аристократической семье. Его отец и дед возглавляли преторинскую префектуру в Галлии. Около 452 г. женился на Папианилле, дочери Авиты, первого сенатора Овернь, который был провозглашен императором в конце 455 г. и который на форуме Траяна установил статую своего зятя. Сидоний написал панегирик в честь тестя, ставшего консулом 1 января 456 г. Годом спустя Авит был свергнут Рисиме-

ром и Майорианом. Сидоний сначала сопротивлялся, но затем был вынужден написать другой панегирик – по случаю поездки Майориана в Лион (458). После падения Майориана (461) Сидоний поддержал Теодорика II, короля вестготов, а после убийства Теодорика стал питать надежды на возрождение империи при консульстве Антемия. Он отправился в Рим, где сочинил панегирик во славу второго консульства Антемия (1 января 468 г.) и стал префектом города. Около 470 г. возвратился в Галлию, где, вопреки его намерению,

был избран епископом Арвенским как единственный способный к поддержанию римской власти против нападений вестготов. Вместе со своим свояком генералом Экдикием противостоял варварской армии, пока Клермон не пал, оставленный Римом (474). В течение некоторого времени находился в плену у вестготов и позже подвергся нападкам со стороны двух священников своей епархии. В конце концов возвратился в Клермону, где и умер.

Сочинения Сидония составляют две группы: поэзии и письма. Поэзии – это три панегирика с приложениями; две свадебные песни; хвалебная речь Нарбонну, точнее – двум гражданам Нарбонна; описание замка Леонтия и др. Письма объединены в девять книг, приблизительно даты которых: I – 469; II – 472; V–VII – 474–475; IX – 479. В целом составленные в прозе, эти письма содержат метрические вставки. После принятия христианства Сидоний прекратил писать светскую поэзию. Стихи

Сидония написаны на довольно чистой латыни. Источники подражания – обычно Стаций и Клавдиан. Чрезмерное использование мифологических и аллегорических терминов и излишняя детализация делают чтение этих сочинений утомительным. Этот недостаток компенсируется великолепными описаниями варварских скачек, пейзажей, судебных интриг, что особенно присуще его письмам, написанных в духе Симмаха и Плиния Младшего. Большинство писем сохранились в подлинном виде, лишь некоторые исправлены в ходе включения в сборники. Письма в большей мере, чем стихи, насыщены архаичными словами и выражениями, заимствованными из разных периодов латинского языка. Но все же они весьма наглядно иллюстрируют колоритную и уникальную картину эпохи. Сидоний стремился сочетать службу Христу и империи и вошел в историю как последний представитель античной культуры в Галлии.

Подробнее см.: Paul Lejay. Sidonius Apollinaris // The Catholic Encyclopedia. V. XIII, 1912; Hans Hubert Anton. Sidonius Apollinaris // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. – Verlag Traugott Bautz, 1996–1997.

Аполлинарис Сидоний

Письма

Книга IV

Письмо 1. К Пробу, мужу сестры.

(4.) ...Если бы какой-нибудь философ перенес [философские наставления Эвсебия]¹ к живущим в болотах сиграмбам, или к рожденным на Кавказе аланам, или к доящим кобылиц гелонам, то, без сомнения, роговые

сердца и ледяные жилы этих скотских и грубых племен смягчились и растаяли бы, и мы не стали бы смеяться, презирать и пугаться их дикости и глупости, которая на манер диких зверей безумствует, скотствует и воспаляется...

Книга VIII

Письмо 9. К Лампридию.

5. (39–51) ...Отсюда ты, римлянин, ищешь спасения, и если Паррасийская Медведица приносит какие-либо волнения, то против скопищ Скифской страны требуются твои руки, Эорик², чтобы сильная Гарумна через своих обитателей отвратила Марса от слабого Тибра. Сам парфянский Арсак просит, чтобы ему дана была возможность под условием данни владеть твердыней Сусианского дворца;

ибо, когда он узнает, что от босфорских стран поднимается оружие с большими приготовлениями, то думает, что опечаленная звуками оружия Персия уже не может быть защищена берегом Евфрата...

Письмо XII. Тригению.

(3) ... И после этого ты так лениво бродишь по Алингонской (Alingonis) гавани³, как будто бы тебе предстояло отправляться на дунайскую границу против набегающих массагетов⁴...

Примечания

¹ Величайшими хвалами превозносится *Эвсебий*, учитель Проба и Сидония.

² *Эорик*, или Эврик, Эварик – царь везиготов (466–485 гг.).

³ Ныне Langon на Гаронне.

⁴ [Т. е. аланов, которых Аммиан Марцеллин называет потомками древних *массагетов* (XXXI: 2, 12)].

Источник: В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1949, № 4.

Иордан

Jordanes

Иордан, редко Иорданий, ошибочно Иорнанд (ок. 485 – после 551), остготский историк VI века. О своем происхождении Иордан дает два сообщения: “Но пусть никто не подумает, что я, как ведущий свое происхождение от вышеупомянутого племени, прибавил что-либо в его пользу против того, что прочел или узнал. Если я и не охватил всего, что пишут и рассказывают об этих *людях*, то изобразил я это ведь не столько во славу их самих, сколько во славу того, кто победил”; “Cuius Candacis Alanoviamuthis (Alanuamuthis, Alanouamothis) patris mei genitor Paria id est meus avus notarius, quousque Candac ipse viveret, fuit” (вероятное чтение: “Нотариус этого Кандака, [вождя] аланов, до самой его смерти был Пария, родитель отца моего отца Виймутиса, т. е. мой дед”. Исходя из этого, одни считают Иордана готом, другие же, начиная с его авторитетнейшего издателя Теодора Моммзена (Моммсена), лауреата Нобелевской премии, – аланом, то ли сроднившимся с готской средой (В. В. Смирнов. Готский историк Иордан // Уч. зап. Казан. гос. пед. ин-та, вып. 11, 1956: 152), то ли в силу национального чувства ощущавшего себя готом [F. Giunta. Jordanes e la cultura dell’alto Medioevo. – Palermo, 1952: 155-156].

Основные произведения Иордана – «Romana» и «Getica» – сокращенные истории Рима и готов. Второе сочинение, озаглавленное у автора «De origine actibusque Getarum» («О происхождении и деяниях Гетов», или «Гетика»), состоит из 60 разделов, доведено до 551 г. и посвящено некоему Вигилию, одноименному с папой 538–555 гг. Главным источником «Гетики» является, по словам са-

мого Иордана, утраченная 12-томная «История готов» Кассиодора Сенатора (Flavius Magnus Aurelius Cassiodorus Senator, 485/487 – 578 / 585), написанная им в 526–533 гг., которую Иордан изложил в сокращенном виде, одновременно дополнив устными преданиями германцев и других народов. Кроме того, по наблюдениям Е. Ч. Скржинской, “в его трудах есть то явные, то скрытые следы Ливия и Тацита, Страбона и Мелы, Иосифа Флавия и Диона Кассия; он пользовался географическими картами и читал Птолемея, не был чужд и более “новой” литературе, обращаясь к Дексиппу, Аммиану Марцеллину, Орозию, Иерониму, Сократу, известному только по упоминаниям Иордана готскому историку Аблавию и др. Иордану были знакомы «Энеида» и «Георгики» Вергилия, откуда он иногда брал цитаты, чаще же заимствовал некоторые обороты. Наконец, для последних страниц обоих произведений он отчасти использовал новейший труд своего современника Марцеллина Комита” [Скржинская 1960]. За самим Иорданом в этом произведении авторство признают только в отношении заключения – истории готов вплоть до смерти Витига (540 г.). «Романа» и «Гетика» Иордана впервые изданы в 1515 г. Конрадом Певтингером (Певтингер – Peutinger, ум. в 1547 г.) по списку 921 г. В 1920-е годы в Палермо был открыт довольно полный ранее не известный список «Гетики» VIII в. Его издание Франческо Джунтой (1946) стимулировало новые переводы. Полный русский перевод, выполненный и тщательно прокомментированный Е. Ч. Скржинской, на который мы опираемся, впервые напечатан в 1960 г.

Подробнее см.: Е. Ч. Скржинская. Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. – М.: Изд. вост. лит., 1960. – СПб.: Алетейя, 1997; 2001.

Иордан

О происхождении и деяниях гетов

Перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской

Скандза¹ лежит против реки Вистулы², которая, родившись в Сарматских горах³, впадает в северный океан тремя рукавами в виду Скандзы, разграничивая Германию и Скифию.

Когда там выросло великое множество людей, а правил всего только пятый после Берига

король Филимер, сын Гадарига, то он постановил, чтобы войско готов вместе с семьями двинулось оттуда. В поисках удобнейших областей и подходящих мест для поселения он пришел в земли Скифии, которые на их языке назывались Ойум...

Отсюда уже, как победители, движутся они в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем, как это и вспоминается в древних их песнях как бы наподобие истории и для всеобщего сведения; о том же свидетельствует и Аблавий, выдающийся описатель готского народа, в своей достовернейшей истории. С такими предположениями согласны и многие из старших писателей; однако Иосиф, правдивейший рассказчик анналов, который повсюду блюдет правило истины и раскрывает происхождение вещей от самого их начала, опустил, неведомо почему, сказанное нами о началах племени готов. Упомянув лишь о корнях их от Магога⁴, он уверяет, что зовутся они скифами и по племени, и по имени⁵...

Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Мурсианское озеро; она [Скифия] тянется до рек Тиры, Данастра и Вагосолы, а также великого того Данапра и до горы Тавра⁶ – не той, что в Азии, а собственной, т. е. скифской, – по всей прилегающей к Меотиде⁷ местности и за Меотиду, через Босфорские проливы⁸ до Кавказских гор и реки Аракса; затем она [Скифия], загнувшись в левую сторону, за Каспийское море (а это последнее возникает на крайних границах Азии, от северо-восточного океана, в виде гриба⁹, сначала тонкого, потом – широчайшей круглой формы), склоняется к области гуннов и отступает до албанов¹⁰ и серов¹¹.

Эта, повторяю, страна, а именно Скифия, вытягиваясь в длину и разветвляясь в ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада – германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга – Персией, Албанией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра, который называется также Данубием от устья своего до истока.

С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охватывается неизвестными городами; это – Борисфенида¹², Ольвия¹³, Каллиполида¹⁴, Херсона¹⁵, Феодосия¹⁶, Кареон¹⁷, Мирмикий¹⁸ и Трапезунта¹⁹, основать которые дозволили грекам непокоренные скифские племена, с тем чтобы греки поддерживали с ними торговлю²⁰.

Посередине Скифии есть место, которое разделяет Азию и Европу одну от другой; это – Рифейские горы²¹, которые изливают широчайший Танаис, впадающий в Меотиду. Окружность этого озера равна 144 тысячам ша-

гов, причем оно нигде не опускается глубже чем на 8 локтей.

В Скифии первым с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе *по его области* протекает Тизия; с юга же *эту область* отсекает сам великий Данубий, а с востока Флютавзий; стремительный и полный водоворот, он, ярясь, катится в воды Истра. Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, и на север – до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же – сильнейшие из обоих племен – распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов.

На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии, собравшиеся из различных племен; за ними берег океана держат эсты, вполне мирный народ. К югу соседит с ними сильнейшее племя акациров²², не ведающее злаков, но питающееся от скота и охоты.

Далее за ними тянутся над Понтийским морем места расселения булгар²³, которых весьма прославили несчастья, совершившиеся по грехам нашим.

А там и гунны, как плодovitейшая поросль из всех самых сильных племен, закипели надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами²⁴, другие – савирами²⁵, но места их поселений разделены: альциагиры – около Херсона, куда жадный купец ввозит богатства Азии; летом они бродят по степям, раскидывая свои становища в зависимости от того, куда привлечет их корм для скота; зимой же переходят к Понтийскому морю. Хунугуры²⁶ же известны тем, что от них идет торговля шкурками грызунов²⁷; их устранила отвага столь многочисленных мужей²⁸.

Мы читали, что первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Меотийского болота; второе – в Мизии, Фракии и Дакии;

третье – на Понтийском море, снова в Скифии; однако мы нигде не обнаружили записей тех их басен, в которых говорится, что они были обращены в рабство в Бриттании или на каком-то из островов, а затем освобождены кем-то ценою одного коня.

Все же вернемся к нашей основной теме. Когда вышеназванные племена, о которых мы сейчас ведем речь, жили на первом месте своего расселения, в Скифии у Меотиды, то имели, как известно, королем Филимера; на втором месте, т. е. в Дакии, Фракии и Мизии, – Залмоксеса, о котором свидетельствуют многие летописцы, что он обладал замечательными познаниями в философии. Но и до того был у них ученый Зевта, а после него Дикиней, третьим же был Залмоксес, о котором мы говорили выше. К тому же, не было недостатка в людях, которые обучили бы их премудрости. Поэтому среди всех варваров готы всегда были едва ли не самыми образованными, чуть ли не равными грекам, как передает Дион, составивший их историю и анналы по-гречески. Он говорит, что тарабостезей, впоследствии именовавшиеся “пиллеатами”, были среди них [готов] благородными; из их числа поставлялись и короли, и жрецы. По вышесказанной причине готы были восхваляемы до такой степени, что говорилось, будто бы некогда Марс, провозглашенный в вымыслах поэтов богом войны, появился именно у них. Отсюда и Вергилий: “Как Градива отца, полей покровителя гетских”.

Тогда, как рассказывают, Весозис²⁹ начал плачевную для себя войну со скифами, теми самыми, которых древние авторы называют мужьями амазонок. Как с полной ясностью свидетельствует Орозий³⁰ в первом томе, у них [скифов] и женщины – воительницы.

Мы с очевидностью доказали, что с готами воевал тогда именно тот, о котором мы знаем достоверно, что он сражался с мужьями амазонок³¹, жившими в те времена от реки Борисфена – местные жители называют его Данапром – до реки Танаиса, вокруг залива Меотийского болота. Это тот, говорю, Танаис, который, срываясь с Рифейских гор, низвергается настолько круто, что, когда соседние реки, а также Меотида и Босфор затвердевают от мороза, он единственный из всех рек, согретый испарениями в скалистых горах, никогда не замерзает от скифской стужи.

Этот именно Танаис считается знаменитым рубежом Азии и Европы, потому что есть еще

и другой, который, возникая в Хриннских горах³², впадает в Каспийское море.

Данапр рождается великим болотом, источаясь как бы из материнской утробы. Отсюда и до середины он пресен и годен для питья и порождает рыб отменного вкуса, лишенных костей, но имеющих только хрящи в строении своего тела. Однако, приближаясь к Понту, он принимает в себя небольшой поток по прозванию Экзамфей, до того горький, что – хотя он [Данапр] судоходен на длину целых 40 дней пути – он так изменяется благодаря *притоку* этих малых вод, что впадает в море между греческими городами Каллипидами и Гипаннисом уже зараженный и сам на себя непохожий. Близ его [Данапра] устьей, против них, есть остров по имени Ахиллов, а между ними лежит обширнейшая земля, заросшая лесами и страшная болотами.

И вот, когда готы жили там, ринулся на них войною Весозис, царь египетский; у готов был тогда королем Танаузис. На реке Фазисе (Фасисе), откуда в изобилии происходят фазийские птицы (фазаны) для пиров владык во всем мире, Танаузис, готский король, встретился с Весозисом, царем египетским, и, жестоко его поражая, преследовал до Египта; если бы не воспрепятствовало течение непреходимой реки Нила и укрепления, которые Весозис приказал некогда воздвигнуть для себя по причине набегов эфиопов, то Танаузис прикончил бы его там же, в его стране. Когда же он, не имея никакой возможности нанести ему, засевшему там, вред, возвращался обратно, то покорил себе чуть ли не всю Азию, принудив покоренных платить дань Сорну, царю мидян, который тогда был дорогим ему другом. Многие победители из его войска, обзрев подчиненные провинции во всем их могучем плодородии, покинули боевые отряды своего племени и по собственному желанию поселились в разных областях Азии. Помпей Трог говорит, что от их имени и рода произошли поколения парфян. Потому-то и до сего дня их называют на скифском языке беглецами, т. е. парфянами. Они, соответственно своему происхождению, являются единственными стрелками среди племен почти всей Азии и отважнейшими воинами. Некоторые выводили такую этимологию из их имени (о котором мы сказали, что парфяне означает “беглецы”); те зовутся парфянами потому, что бежали от своих родичей. Готского же того короля Танаузиса после его смерти они стали считать в числе богов своего племени.

После его кончины, когда войско при его преемниках совершало походы в других странах, некое соседнее племя попыталось захватить готских женщин как добычу. Они же, наученные мужьями, сильно сопротивлялись и прогнали наступавших на них врагов с большим позором. Достигнув такой победы и полагаясь на еще большую свою отвагу, они, возбуждая друг друга, спешно вооружились и избрали двух храбрейших жен, Лампету и Марпезию, которых и поставили во главе государства. Обе они в заботе о том, чтобы и свои владения защищать и чужие опустошать, бросили жребий, причем Лампету осталась охранять родные границы, а Марпезия, собрав ополчение из женщин, повела такой новый род войска в Азию. Она покорила войной различные племена, а иные присоединила, заключая мир, и таким образом дошла до Кавказа; пробыв там некоторое время, она дала тому месту название “Утес Марпезии”, почему и Вергилий говорит: “Точно твердый кремль иль недвижимый Марпезии камень”.

Впоследствии Александр Великий поставил здесь ворота, назвав их Каспийские Пилы; это место и ныне стережет племя лазов ради защиты Римской империи.

Итак, задержавшись тут на известное время, амазонки³³ набрались сил; выйдя же оттуда и перейдя реку Алис, протекающую у города Гаргары, они с одинаковым успехом покорили Армению, Сирию и Киликию, Галатию, Писидию и все области Азии. Обратившись затем в сторону Ионии с Эолией, они сделали их подчиненными себе по договору провинциями. Долгое время господствуя там, они называли своим именем и города, и укрепления. А в Эфесе, расточив [большие] богатства, они воздвигли храм дивной красоты в честь Дианы по причине рвения своего к стрельбе и охоте, каковым искусствам они предавались. Таким вот образом женщины родом из Скифии овладели царствами Азии, которые и держали почти сто лет; наконец, возвратились они к своим подругам в Марпезийские скалы, о которых мы упоминали выше, т. е. в горы Кавказа³⁴.

Я полагаю, что не будет излишним описать и направление и положение этих гор, потому что это уже вторичное о них упоминание; ведь они, как известно, обходят непрерывной цепью большую часть земного круга. Кавказский хребет поднимается от Индийского моря, и там, где он обращен на юг, он пламенеет, исходя парами на солнце; там же, где он от-

крыт к северу, он покорствует студеным ветрам и обледенению. Вскоре после этого он заворачивает, изогнувшись углом, в Сирию и, высылая множество [всяких] рек, в Васаианской области он, по наиболее распространенному мнению, изливает судоходный Евфрат и Тигр из изобильных сосцов неиссякаемых источников. Эти реки, охватывая землю сиров, придают ей и название, и вид Месопотамии; они несут течение свое в залив Красного моря³⁵.

Затем вышеупомянутая горная цепь, поворачивая на север, проходит крупными изгибами по скифским землям и там изливает в Каспийское море славнейшие реки Аракс, Киз и Камбиз; продолжаясь, она тянется вплоть до Рифейских гор³⁶. Далее, составляя хребтом своим предел для скифских племен, она спускается до Понта, а затем, сплошными холмами, примыкает к течению Истра. Рассеченная этой рекой и [как бы] расколовшись, называется она в Скифии уже Тавром. Кавказский хребет, огромный и обширный, едва ли не величайший из всех, вознося высокие свои вершины, предоставляет народам неодолимые укрепления, воздвигнутые природой. Местами пересеченный – там, где, прорвав горы, открывается зиянием своим долина, – он образует здесь Каспийские ворота, далее – Армянские, а там – Киликийские³⁷ или еще какие-либо другие, [называемые] соответственно месту. Но едва ли он проходим для повозки, так как с обеих сторон обладает обрывистыми сверху донизу склонами. По многообразию племен зовется он разными именами. Индус называет его здесь Ламмом, а далее Пропаниссом; парфянин – сначала Кастрой, затем – Нифатом; сириец и армянин – Тавром; скиф – Кавказом и Рифеем, а на конце снова именуется Тавром; да и другие названия дают этому хребту многочисленные племена.

Коснувшись несколько протяжения этих гор, вернемся снова к амазонкам, от которых мы отвлеклись.

Опасаясь, как бы не поредело их потомство, они искали сожителства с соседними племенами; единожды в год устраивалось сборище с тем, чтобы на будущее время, когда все вновь придут в тот самый день для того же дела, отцам отдавали то, что дарует рождение мужского пола; матери же должны были приучать к воинскому оружию рожденное женского пола. Иногда же, если некоторым так хочется, в случае рождения мальчика они,

исполненные ненавистью мачехи, прерывали жизнь несчастного младенца: до того было им ненавистно рождение мальчика, которое повсюду, как известно, являлось вождем! Эта жестокость умножала в общем мнении величайший страх перед ними. Ибо, спрашивая, какая могла быть надежда для пленника там, где быть милостивым даже к сыну считалось богопротивным делом?

С амазонками, как рассказывают, воевал Геркулес, подчинивший себе Меланию³⁸ больше, пожалуй, хитростью, чем доблестью. Тезей же захватил как военную добычу Ипполиту, от которой и родил Ипполита³⁹. У этих амазонок была потом царица по имени Пентесилея⁴⁰, о которой существуют достославные свидетельства времен Троянской войны. Эти женщины, как говорят, держали свое царство вплоть до Александра Великого.

Однако, чтобы ты не сказал: “начал, мол, речь свою о готских мужах, так чего же столь долго останавливаться на женах?” – послушай и о славной, похвалы достойной храбрости мужей. Дион, историк и прилежнейший исследователь древности, давший произведению своему заглавие «Гетика» (а геты эти, как мы уже показали выше, то же, что и готы, по словам Павла Орозия), – этот самый Дион упоминает спустя много времени об их короле по имени Телеф. А чтобы кто-либо не сказал, что имя это вовсе чуждо готскому языку, *напомню*: ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов⁴¹ – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские⁴².

Тогда Кир⁴³, царь персов, после большого промежутка, почти после 630 лет, во времена (по свидетельству Помпея Трога) царицы гетов Томиры⁴⁴, пошел на нее губительной войной. Возгордившись победами в Азии, он стремился подчинить себе гетов, у которых, как мы сказали, царицей была Томира. Хотя она и могла бы запретить путь Киру рекою Араксом⁴⁴, но допустила его переправу, предпочитая победить его оружием, чем теснить его, *пользуясь* благоприятными свойствами местности. Так и произошло. Когда Кир пришел, то первая удача далась парфянам и настолько, что они убили и сына Томиры, и большую часть ее войска. Но война возобновилась, и геты со своей царицей покорили и истребили побежденных парфян, а также захватили у них богатую добычу; тогда-то гот-

ское племя впервые увидало шелковые шатры.

Тогда царица Томира, усилившись благодаря победе и огромной, захваченной у врагов добыче, пошла в ту часть Мезии, которая, восприняв имя от Великой Скифии, ныне называется Малой Скифией⁴⁵, и там на мезийском берегу Понта построила город Томи⁴⁶, *назвав его* по своему имени.

Затем Дарий⁴⁷, царь персов, сын Гистаспа, пожелал сочетаться браком с дочерью Антира, короля готов; просил он этого и в то же время опасался, как бы не отклонили они его пожелания. Готы, презрев родство с ним, оставили его посольство ни с чем. Отвергнутый, он воспламенился обидой и выставил против готов войско из 700 тысяч вооруженных воинов; он стремился отомстить за свой позор общественным бедствием. Чуть ли не от Халкидона до самого Византия он поставил рядами свои корабли подобно мостам и, тесно сдвинув их, перешел во Фракию и Мезию; тем же способом он опять построил мост на Данубии и, *проведя* два полных месяца в утомительной войне, потерял в Тапах восемь тысяч воинов; тогда, опасаясь, как бы мост через Данубий не оказался занятым его противником, он быстрым бегом отступил во Фракию, полагая, что для него не было бы безопасно помедлить хоть немного даже в Мизии.

После смерти Дария снова сын его Ксеркс⁴⁸, считая себя [обязанным] отомстить за нанесенные отцу оскорбления, пошел на готов войной с 700 тысячами своих и 300 тысячами союзных воинов, с 200 ростральными кораблями и 3 тысячами грузовых судов. Но он не посмел даже попробовать сразиться, уже побежденный их (готов) мужеством и твердостью. Как пришел, так и ушел он со всей своей силой без всякого сражения. Филипп⁴⁹ же, отец Александра Великого, связав себя дружбой с готами, принял в жены Медопу⁵⁰, дочь короля Гудилы⁵¹, с целью укрепления Македонского царства через такое родство.

После смерти Дикинея почти таким же почитанием пользовался у них Комозик, потому что не был он неравен тому в искусстве. Он был у них и королем и первосвященником по причине своей учености; и судил он народ с высшей справедливостью. После того как и этот ушел от человеческих дел, воцарился над готами король Корилл, и он правил своим племенем в Дакии в течение сорока лет. Я имею в виду древнюю Дакию⁵², которой, как

известно, владеют теперь гепиды. Страна эта, лежащая напротив Мезии, через Данубий, охвачена короной гор и имеет лишь два подхода: один – через Боуты, другой – через Тапы.

Эту Готию⁵³, которую предки называли Дакией и которая теперь, как мы сказали, именуется Гепидией, тогда ограничивали с востока ароксоланы, с запада язиги, с севера сарматы и бастерны, с юга – река Данубий. Язиги же от ароксолан отделяются только рекой Алутой.

Теперь же вернемся к тому, от чего сделали отступление, и поведаем, как то племя, о котором мы ведем речь, достигло предела своего пути. Историк Аблавий сообщает, что там, на берегах Понта, где они, как мы говорили, остановились в Скифии, часть их, владевшую восточной стороной, возглавлял Острогота; либо от этого его имени, либо от места, т. е. “восточные”, называются они остроготами; остальные же – везеготами, т. е. с западной стороны.

Как рассказали мы выше, они, перейдя Данубий, некоторое время жили в Мизии и Фракии; от них произошел император Максимин, *правивший* после Александра, *сына* Мамеи. По словам Симмаха в книге его истории, Максимин, как говорит он, после смерти цезаря Александра провозглашен был войсками императором, а родом он был из Фракии от родителей низкого происхождения, от отца гота по имени Микка и от матери аланки, которую звали Абаба (Габаба). Он правил три года, но когда повернул оружие на христиан, то сразу потерял власть и жизнь.

Когда правил император Север и праздновали день рождения его сына, *Максимин*, проводивший юность в деревенской жизни, пришел прямо на военную службу с пастбища. Принцепс устраивал военные игры; узнав об этом, Максимин, хотя и был полуварваром и юнцом, после того как были предложены награды, попросил на своем родном языке, чтобы император дал ему разрешение вступить в борьбу с опытными воинами. Север, чрезвычайно удивленный величиной его тела, – а рост его, рассказывают, был свыше восьми стоп, – приказал ему бороться с обозниками способом сцепления тел для того, чтобы не приключилось какого-либо увечья военным мужам от этого грубого человека. Тогда Максимин уложил на спину шестнадцать обозников с такой легкостью, что, одолевая каждого в отдельности, не давал себе даже никакой передышки в виде перерывов. После того как он

забрал все награды, приказано было отправить его в войско, и первая его служба была в коннице. На третий день после того события, когда император приехал в лагерь, он увидел Максимиана скачущим на *коне* по-варварски; тогда он приказал трибуну, чтобы тот заставил его научиться римским военным приемам. Максимин же, поняв, что император говорит о нем, приблизился к нему и пеший пошел перед ним, едущим на лошади. Император, заставив шпорами свою лошадь идти медленной рысью, стал запутывать множество кругов, туда и сюда, различными поворотами, чтобы довести его до утомления; наконец, он сказал Максимиану: “Ну, чего же теперь, после бега, хочешь, фракиец?” – “Бороться, – ответил тот, – сколько тебе будет угодно, император”. Тут Север, спрыгнув с лошади, приказал самым сильным из воинов сразиться с ним. Он же повалил на землю семерых самых могучих юношей, причем так же, как и в первый раз, не передохнув в промежутках; и был он один одарен цезарем и серебряными наградами, и витой золотой цепью; затем ему приказали пребывать среди императорских телохранителей. После того, при Антонине Каракалле, он предводительствовал отрядами и, многократно увеличивая славу своими подвигами, получил ряд военных чинов и звание центуриона в награду за свое мужество.

Когда впоследствии вступил на престол Макрин, Максимин отказался от военной службы почти на три года и, неся почетную должность трибуна, никогда не показывался Макрину на глаза, так как считал его недостойным власти, приобретенной через совершенное преступление.

Затем он покинул свой трибунал и вернулся к Элиогабалу, как сыну Антонина. Впоследствии он поразительно сражался против парфян при Александре, *сыне* Мамеи. Когда же последний был убит во время военного мятежа в Могонтиаке, сам он, Максимин, сделался императором по избранию войска без определения сената. Все добрые действия свои он исказил злонамеренным преследованием христиан. Был он убит Пуппионом в Аквиле и оставил государство Филиппу.

Я же по той причине заимствовал все это из «Истории» Симмаха для своего произведений, чтобы показать, как племя, о котором идет речь, достигло вершины римской власти.

Впрочем, дело требует, чтобы мы по порядку перешли к тому, от чего отклонились.

Племя это чудесным образом прославилось в той стране, где жило, т. е. на понтийском побережье скифской земли; оно без страха держало огромные пространства земель и столько морских заливов, столько течений рек! Под его десницами нередко лежал *распростертый* вандал, принуждаем был к дани маркоман, обращены были в рабство вожди квадов.

После его смерти Книва, разделив войско на две части, многих направил на опустошение Мезии, зная, что и императоры ею пренебрегают, и защитников она лишена; сам же он с 70 тысячами пошел к Евсции, иначе – к Новам.

Оттесненный оттуда военачальником Галлом, Книва подошел к Никополю, замечательному *городу*, лежащему близ реки Ятра. Этот город построил Траян после победы над сарматами, дав ему имя города Победы. Когда там вдруг появился император Деций, то Книва отошел, наконец, в области Гема, которые были неподалеку; оттуда, построив свои войска, он поспешил к Филиппополю. Узнав о его отступлении, император Деций перевалил через горный хребет Гема и, чтобы оказать помощь тому городу, подошел к Берое.

Дав волю своему буйству, Респа, Ведук и Тарвар, предводители готов, взяли корабли и, переправившись через Геллеспонтский пролив, перешли в Азию; в этой провинции они разграбили много городов, а в Эфесе сожгли славнейший храм Дианы, который, как мы раньше уже рассказали, был основан амазонками. Перейдя в область Вифинии, они разрушили Халкидон, впоследствии частично восстановленный Корнелием Абитом; и до сего дня, несмотря на то, что Халкидон имеет счастье быть в соседстве со столицей, он тем не менее сохраняет некоторые знаки своего разрушения как указание потомству.

После поражения герулов Германарих двинул войско против венетов, которые, хотя и были достойны презрения из-за *слабости* их оружия, были, однако, могущественны благодаря своей многочисленности и пробовали сначала сопротивляться. Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает, и множество вооруженных подступает. Эти *венеты*, как мы уже рассказывали в начале нашего изложения, – именно при перечислении племен, – происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавен. Хотя теперь, по грехам нашим,

они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинились власти Германариха.

Умом своим и доблестью он подчинил себе также племя эстов, которые населяют отдаленнейшее побережье Германского океана. Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии, как над собственностью.

Спустя немного времени, как передает Орозий, взъярилось на готов племя гуннов, самое страшное из всех своей дикостью. Из древних преданий мы узнаем, как они произошли.

Король готов Филимер, сын великого Гадахриха, после выхода с острова Скандзы, пятым по порядку держал власть над гетами и, как мы рассказали выше, вступил в скифские земли. Он обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке называл галиуруннами. Сочтя их подозрительными, он прогнал их далеко от своего войска и, обратив их таким образом в бегство, принудил блуждать в пустыне. Когда их, бродящих по бесплодным пространствам, увидели нечистые духи, то в их объятиях соитием смешались с ними и произвели то свирепейшее племя, которое жило сначала среди болот, – малорослое, отвратительное и сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи.

Вот эти-то гунны, созданные от такого корня, и подступили к границам готов. Этот свирепый род, как сообщает историк Приск, расселившись на дальнем берегу Меотийского озера, не знал никакого другого дела, кроме охоты, если не считать того, что он, увеличившись до размеров племени, стал тревожить покой соседних племен коварством и грабежами.

Охотники из этого племени, выискивая охотничьи, как обычно, дичь на берегу внутренней Меотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Меотийское озеро, которое *до тех пор* считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез. Я полагаю, что сделали это из-за ненависти к скифам те самые духи, от которых гунны ведут свое происхождение.

Вовсе не зная, что, кроме Меотиды, существует еще другой мир, и приведенные в вос-

хищение скифской земель, они, будучи догадливыми, решили, что путь этот, никогда ранее неведомый, показан им божественным *соизволением*. Они возвращаются к своим, сообщают им о случившемся, расхваливают Скифию и убеждают все племя отправиться туда по пути, который они узнали, следуя указанию оленя.

Всех скифов, забранных еще при вступлении, они принесли в жертву победе, а остальных, покоренных, подчинили себе. Лишь только они перешли громадное озеро, то – подобные некоему урагану племен – захватили там алпидзуров, алцилдзуров, итимаров, тункарсов и боисков, сидевших на побережье этой самой Скифии. Аланов, хотя и равных им в бою, но отличных от них *общей* человечностью, образом жизни и наружным видом, они также подчинили себе, обессилив частыми стычками. Может быть, они побеждали их не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом; они обращали их *аланов* в бегство, потому что их (гуннов) образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами.

Ростом они невелики, но быстры проворством своих движений и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости.

Когда геты увидели этот воинствующий род – преследователя множества племен, они испугались и стали рассуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага. Германарих, король готов, хотя, как мы сообщили выше, и был победителем многих племен, придумался, однако, с приходом гуннов.

Вероломному же племени росомонов, которое в те времена служило ему в числе других племен, подвернулся тут случай повредить ему. Одну женщину из вышеназванного племени *росомонов*, по имени Сунильду, за из-

меннический уход *от короля*, ее мужа, король *Германарих*, движимый гневом, приказал разорвать на части, привязав ее к диким коням и пустив их вскачь. Братья же ее, Сар и Аммий, мстя за смерть сестры, поразили его в бок мечом. Мучимый этой раной, король влачил жизнь больного. Узнав о несчастном его недуге, Баламбер, король гуннов, двинулся войной на ту часть *готов*, которую составляли остроготы; от них везеготы, следуя какому-то своему намерению, уже отделились. Между тем Германарих, престарелый и одряхлевший, страдал от раны и, не перенеся гуннских набегов, скончался на сто десятом году жизни. Смерть его дала гуннам возможность осилить тех готов, которые, как мы говорили, сидели на восточной стороне и назывались остроготами.

Везеготы же, т. е. другие их сотоварищи, обитавшие в западной области, напуганные страхом своих родичей, колебались, на что им решиться в отношении племени гуннов; они долго размышляли и наконец, по общему согласию, направили послов в Романию к императору Валенту, брату императора Валентиниана старшего, с тем чтобы подчиниться его законам и жить под его владычеством, если он передаст им для поселения область Фракии или Мезии. Кроме того, чтобы больше было им веры, они обещают стать христианами, если только будут им даны наставники, учащие на их языке. Получив такое известие, Валент тотчас же с радостью согласился на это, так как и сам, помимо всего, собирался просить о том же. Приняв гетов в Мезию, он поставил как бы стену государству своему против остальных *варварских* племен. А так как император Валент, увлеченный арианским лжеучением, закрыл все церкви нашего толка, то и послал к ним проповедниками сочувствующих своему направлению; они, придя туда, стали вливать *в души* этих грубых и невежественных людей яд своего лжеучения. Так вот везеготы благодаря императору Валенту сделались арианами, а не христианами. В дальнейшем они, движимые доброжелательством, просвещали как остроготов, так и гепидов, своих родичей, уча их преклоняться перед этим лжеучением; таким образом, они склонили все племена своего языка к признанию этой секты. Сами же *везеготы*, как уже сказано, перешли Данубий и осели, с разрешения императора, в Дакии Прибрежной, в Мезии и в обеих Фракиях.

Их постигли, – как это бывает с народом, когда он еще непрочно обосновался на месте, – оскудение и голод; тогда приматы их и вожди, которые возглавляли их вместо королей – а именно Фритигерн, Алатей и Сафрак, страдаая нуждам войска, попросили римских полководцев Лупицина и Максима открыть торжище. И действительно, на что только не принудит пойти “проклятая золотая жажда”! Военачальники, побуждаемые алчностью, пустились продавать не только мясо, баранье или бычье, но даже дохлятину – собачью и других нечистых животных, причем по высокой цене; дело дошло до того, что любого раба продавали за один хлеб или за десять фунтов говядины. Когда же ни рабов, ни утвари не стало, жадный купец, побежденный *чужой* нуждой, потребовал их сыновей. Видя в этом спасение своих детей, родители поступают, следуя рассуждению, что легче потерять свободу, чем жизнь: ведь милосерднее быть продану, но питаему в будущем, чем оставаться у своих, но умереть.

Итак, когда войско везеготов приблизилось к окрестностям Равенны, то послало к императору Гонорию, который сидел внутри города, посольство: если он позволил бы готам мирно поселиться в Италии, они жили бы с римским народом так, что можно было бы поверить, что оба народа составляют одно целое; если же нет, то надо решить дело войной, – кто кого в силах изгнать, – и тогда победитель пусть и повелевает, уверенный *в своей силе*. Но император Гонорий опасался и того, и другого предложения; созвав на совет свой сенат, он раздумывал, как бы изгнать готов из пределов Италии. И пришлось ему, наконец, в голову такое решение: пусть Аларих вместе со своим племенем, если сможет, отберет и возьмет в полную собственность далеколежащие провинции, т. е. Галлии и Испании, которые император почти потерял, так как их разорило нашествие короля вандалов Гизериха. Готы соглашались исполнить это постановление и принять дар, подтвержденный священным прорицанием, и отправляются в переданную им землю. После их ухода, – а они не причинили в Италии никакого вреда, – патриций Стилихон, зять императора Гонория (потому что император взял в замужество обеих его дочерей, Марию и Термантию, одну за другой, но бог призвал к себе их обеих сохранившими девственность и чистоту); так вот, этот Стилихон тайно подошел к Полентии, городу в Коттийских Альпах, – готы же не подозре-

вали ничего дурного, – и, на погибель всей Италии и бесчестье себе, бросился в бой. Внезапно завидев его, готы сначала ужаснулись, но вскоре собрались с духом и, по своему обычаю возбудив себя ободряющими кликами, обратили чуть ли не все войско Стилихона в бегство и, отбросив его, уничтожили полностью; затем, разъяренные, они меняют принятый путь и возвращаются в Лигурию, по которой только что прошли. Захватив там награбленную добычу, они также опустошают Эмилию и земли по Фламиниевой дороге между Пиценом и Тусцией; они хватают как добычу все, что попадаетея по обеим ее сторонам, и в набегах доходят вплоть до Рима. Наконец, вступив в Рим, они, по приказу Алариха, только грабят, но не поджигают, как в обычае у варваров, и вовсе не допускают совершать какое-либо надругательство над святыми местами. Выйдя из Рима, они двинулись по Кампании и Лукании, нанося тот же ущерб, и достигли Бриттиев. Там они осели надолго и предполагали идти на Сицилию, а оттуда в африканские земли.

Атаульф, приняв власть, вернулся в Рим и, напоподобие саранчи, сбрил там все, что еще оставалось, обобрав Италию не только в области частных состояний, но и государственных, так как император Гонорий не мог ничему противостоять. Его сестру Плацидию, дочь императора Феодосия от второй жены, он увел из столицы пленницей. Однако, принимая во внимание благородство ее происхождения, внешнюю красоту и девственную чистоту, он сочетался с ней законным браком в Форуме Юлия, городе *провинции* Эмилии, с той целью, чтобы варвары, узнав об этом союзе, сильнее боялись империи, как соединенной с готами. Гонория же августа, хотя и истощенного силами, он, – полный расположения к нему, – не тронул, теперь уже как родственника, и двинулся к Галлиям. Когда он туда прибыл, все соседние племена из страха стали придерживаться своих пределов; раньше же они, как франки, так и бургундионы, жесточайшим образом нападали на Галлии.

А вандалы и аланы, о которых мы рассказывали, как они, по разрешению римских императоров, осели в той и другой Паннониях, рассудив, что там едва ли им будет безопасно из-за страха перед готами, – если бы последние вернулись, – перешли в Галлии.

В двенадцатый год правления Валии гунны были изгнаны римлянами и готами из

Паннонии после почти пятидесятилетнего обладания ею.

Валия, король готов, до того свирепствовал со своими войсками против вандалов, что намеревался было преследовать их и в Африке, если бы только не отвлек его тот же случай, который приключился некогда с Аларихом, когда тот направлялся в Африку. Прославившийся в Испаниях, одержав там бескровную победу, он *Валия* возвращается в Толосу и оставляет Римской империи после изгнания врагов несколько ранее обещанных провинций. Много позднее его постиг недуг, и он удалился от дел человеческих в то самое время, когда Беремуд, рожденный Торисмундом, – на него мы указывали выше в списке рода Амалов, – вместе с сыном Витирихом переселился в королевство везеготов, *уйдя* от остроготов, все еще подчиненных гуннскому игу в землях Скифии. Сознавая свою доблесть и благородство происхождения, он тем легче мог считать, что родичи передадут верховную власть ему, известному наследнику многих королей. Кто же, в самом деле, мог колебаться относительно Амала, если бы был волен избирать? Однако, он сам до известного времени не хотел обнаруживать, кто он такой. Готы же после смерти Валии поставили преемником ему Теодерида. Придя к нему, Беремуд скрыл выгодным молчанием, с присущей ему великой уравновешенностью духа, блеск своего происхождения, зная, что царствующим всегда подозрительны рожденные от царского поколения. Итак, он претерпевал неизвестность, чтобы не смущать установленного порядка. Вместе с сыном своим был он принят королем Теодоридом с высшими почестями, вплоть до того, что король не считал его чужим ни в совете, ни на пиру, и все это не из-за благородства происхождения, о чем он не знал, но по причине твердости духа и силы ума, чего тот не мог скрыть.

Что же дальше? По смерти Валии, – повторяем мы то, о чем уже сказали, – который был не слишком счастлив у галлов, ему наследовал Теодорид, гораздо более благополучный и счастливый. Он был человеком, исполненным высшей осторожности и умевшим использовать как душевные, так и телесные свои способности.

Во время консульства Феодосия и Феста римляне, нарушив мир, пошли против него [Теодорида] войной в Галлию, присоединив к себе гуннские вспомогательные войска. Их тревожила *память об* отряде готов-федера-

тов, который под предводительством Гайны ограбил Константинополь. Тогда военачальником был патриций Аэций; он происходил из рода сильнейших мезийцев из города Доростора, отцом его был Гауденций. Выносливый в воинских трудах, особенно *удачно* родился он для Римской империи: ведь это он после громадных побоищ принудил заносчивое варварство севов и франков служить ей. Римское войско двинуло против готов свои силы вместе с гуннскими вспомогательными отрядами под предводительством Литория. Долго стояли вытянутые ряды воинов обеих сторон: и те, и другие были сильны, и ни те, ни другие не оказались слабее *противника*; тогда, протянув друг другу десницу, они вернулись к прежнему соглашению, и после того, как был заключен союз и установлен обоюдный крепкий мир, войска разошлись.

В этом мирном договоре *участвовал* Аттила, повелитель всех гуннов и правитель – единственный в мире – племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров. Историк Приск, отправленный к нему с посольством от Феодосия Младшего, рассказывает, между прочим, следующее: переправившись через громадные реки, а именно через Тизию, Тибизию и Дрикку, мы пришли к тому месту, где некогда погиб от сарматского коварства Видигойя, храбрейший из готов; оттуда же неподалеку достигли селения, в котором стоял король Аттила; это селение, говорю я, было подобно обширнейшему городу; деревянные стены его, как мы заметили, были сделаны из блестящих досок, соединение между которыми было на вид так крепко, что едва-едва удавалось заметить – и то при старании – стык между ними. Видны были и триклинии, протянувшиеся на значительное пространство, и портики, раскинутые во всей красоте. Площадь двора опоясывалась громадной оградой: ее величина сама свидетельствовала о дворце. Это и было жилище короля Аттилы, державшего *в своей власти* весь варварский мир; подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам.

Этот самый Аттила был рожден от Мундзукка, которому приходились братьями Октар и Роас; как рассказывают, они держали власть до Аттилы, хотя и не над всеми теми землями, которыми владел он. После их смерти Аттила наследовал им в гуннском королевстве вместе с братом Бледою.

Чтобы перед походом, который он готовил, быть равным *противнику*, он ищетращения сил своих путем братоубийства и, таким образом, влечет через истребление своих к всеобщему междоусобию. Но, по решению весов справедливости, он, возраставший могущество свое искусным средством, нашел постыдный конец своей жестокости. После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа, повелевавший значительной частью гуннов, Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира – римлян и везеготов. Говорили, что войско его достигало пятисот тысяч.

Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное свое могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здравомыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом *кожи*, он являл все признаки своего происхождения. Хотя он по самой природе своей всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нем еще от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна телка из его стада хромает, но не находил причины ее ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принес его Аттиле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкою всего мира и что через Марсов меч ему даровано могущество в войнах.

Поняв, что помыслы Аттилы обращены на разорение мира, Гизерих, король вандалов, о котором мы упоминали немного выше, всяческими дарами толкает его на войну с везеготами, опасаясь, как бы Теодорид, король везего-

тов, не отомстил за оскорбление своей дочери; ее отдали в замужество Гунериху, сыну Гизериха, и вначале она была довольна таким браком, но впоследствии, так как он отличался жестокостью даже со своими детьми, она была отослана обратно в Галлии к отцу своему с отрезанным носом и отсеченными ушами только по подозрению в приготовлении яда *для мужа*; лишенная естественной красоты, несчастная представляла собой ужасное зрелище, и подобная жестокость, которая могла растрогать даже посторонних, тем сильнее зывала к отцу о мщении.

Тогда Аттила, порождая войны, давно начатые подкупом Гизериха, отправил послов в Италию к императору Валентиниану, сея таким образом раздор между готами и римлянами, чтобы хоть из внутренней вражды вызвать то, чего не мог он добиться сражением; при этом он уверял, что ничем не нарушает дружбы своей с империей, а вступает в борьбу лишь с Теодоридом, королем везеготов. Желая, чтобы *обращение его* было принято с благосклонностью, он наполнил остальную часть послания обычными льстивыми речами и приветствиями, стремясь ложью возбудить доверие. Равным образом он направил письмо и к королю везеготов Теодориду, увещевая его отойти от союза с римлянами и вспомнить борьбу, которая незадолго до того велась против него. Под крайней дикостью тайлся человек хитроумный, который, раньше чем затеять войну, боролся искусным притворством.

Тогда император Валентиниан направил к везеготам и к их королю Теодориду посольство с такими речами: “Благоразумно будет с вашей стороны, храбрейшие из племен, *согласиться* соединить наши усилия против тирана, посягающего на весь мир. Он жаждет порабощения вселенной, он не ищет причин для войны, но – что бы ни совершил, это и считает законным. Тщеславие свое он мерит *собственным* локтем, надменность насыщает своеволием. Он презирает право и божеский закон и выставляет себя врагом самой природы. Поистине заслуживает общественной ненависти тот, кто всенародно заявляет себя всеобщим недругом. Вспомните, прошу, о том, что, конечно, и так забыть невозможно: гунны обрушиваются не в открытой войне, где несчастная случайность есть явление общее, но – а это страшнее! – они подбираются коварными засадами. Если я уж молчу о себе, то вы-то ужели можете, неотмщенные, терпеть подобную спесь? Вы, могучие вооружением, поду-

майте о страданиях своих, объедините все войска свои! Окажите помощь и империи, членом которой вы являетесь. А насколько возжеленен, насколько ценен для нас этот союз, спросите о том мнение врага!”

Вот этими и подобными им речами послы Валентиниана сильно растрогали короля Теодорида, и он ответил им: “Ваше желание, о римляне, сбылось: вы сделали Аттилу и нашим врагом! Мы двинемся на него, где бы ни вызвал он нас на бой; и хотя он и возгордился победами над различными племенами, готы тоже знают, как бороться с гордецами. Никакую войну, кроме той, которую ослабляет ее причина, не счел бы я тяжелой, особенно когда благосклонно императорское величество и ничто мрачное не страшит”. Криками одобряют комиты ответ вождя; радостно вторит им народ; всех охватывает боевой пыл; все жаждут гуннов-врагов.

И вот выводит Теодорид, король везеготов, бесчисленное множество войска; оставив дома четырех сыновей, а именно: Фридериха и Евриха, Ретемера и Химнерита, он берет с собой для участия в битвах только старших по рождению, Торисмуда и Теодориха. Войско счастливо, подкрепление обеспечено, содружество приятно: все это налицо, когда имеешь расположение тех, кого радует совместный выход навстречу опасностям. Со стороны римлян великую предусмотрительность проявил патриций Аэций, на котором лежала забота о Гесперийской стороне империи; отовсюду собрал он воинов, чтобы не казаться неравным против свирепой и бесчисленной толпы. У него были такие вспомогательные отряды: франки, сарматы, арморицианы, литицианы, бургундионы, саксоны, рипариолы, брионы – бывшие римские воины, а тогда находившиеся уже в числе вспомогательных войск, и многие другие как из Кельтики, так и из Германии.

Итак, сошлись на Каталаунских полях, которые иначе называют Мавриакскими; они тянутся на сто лев (как говорят галлы) в длину и на семьдесят в ширину. Галльская лева измеряется одной тысячью и пятьюстами шагами. Этот кусок земли стал местом битвы бесчисленных племен. Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем. Какую можно сыскать причину, достойную того, чтобы привести в движение такие толпы? Какая же ненависть воодушевила всех вооружиться друг против

друга? Доказано, что род человеческий живет для королей, если по безумному порыву единого ума совершается побоище народов и по воле надменного короля в одно мгновение уничтожается то, что природа производила в течение стольких веков!

Но раньше чем сообщить о самом ходе битвы, необходимо показать, что происходило вначале, перед сражением. Битва была настолько же славна, насколько была она многообразна и запутанна. Сангибан, король аланов, в страхе перед будущими событиями обещает сдаться Аттиле и передать в подчинение ему галльский город Аврелиан, где он тогда стоял. Как только узнали об этом Теодорид и Аэций, тотчас же укрепляют они город, раньше чем подошел Аттила, большими земляными насыпями, стерегут подозрительного Сангибана и располагают его со всем его племенем в середине между своими вспомогательными войсками.

Аттила, король гуннов, встревоженный этим событием и не доверяя своим войскам, устранился вступить в сражение. Между тем, обдумав, что бегство гораздо печальнее самой гибели, он приказал через гадателей спросить о будущем. Они, вглядываясь по своему обычаю то во внутренности животных, то в какие-то жилки на обскобленных костях, объявляют, что гуннам грозит беда. Небольшим утешением в этом предсказании было лишь то, что верховный вождь противной стороны должен был пасть и смертью своей омрачить торжество покинутой им победы. Аттила, обеспокоенный подобным предсказанием, считал, что следует хотя бы ценой собственной гибели стремиться убить Аэция, который как раз стоял на пути его – Аттилы – движения. Будучи замечательно изобретательным в военных делах, он начинает битву около девятого часа дня, причем с трепетом, рассчитывая, что, если дело его обернется плохо, наступающая ночь выручит его.

Сошлись стороны, как мы уже сказали, на Каталаунских полях. Место это было отлогое; оно как бы вспучивалось, вырастало вершиной холма. Как то, так и другое войско стремилось завладеть им, потому что удобство местности доставляет немалую выгоду; таким образом, правую сторону его занимали гунны со всеми своими союзниками, левую же – римляне и везеготы со своими вспомогательными отрядами. И они вступают в бой на самой горе за оставшуюся ничьей вершину.

Правое крыло держал Теодорид с везеготами, левое – Аэций с римлянами; в середине поставили Сангибана, о котором мы говорили выше и который предводительствовал аланами; они руководствовались военной осторожностью, чтобы тот, чьему настроению они мало доверяли, был окружен толпой верных людей. Ибо легко принимается необходимость сражаться, когда бегству поставлено препятствие.

По-иному было построено гуннское войско. Там в середине помещался Аттила с храбрейшими воинами: при таком расположении обеспечивалась скорее забота о короле, поскольку он, находясь внутри сильнейшей части своего племени, оказывался избавленным от наступающей опасности. Крылья его войск окружали многочисленные народы и различные племена, подчинявшиеся его власти. Среди них преобладало войско остроготов, под предводительством братьев Валамира, Теодемира и Видемера, более благородных по происхождению, чем сам король, которому они служили, потому что их озаряло могущество рода Амалов. Был там и Ардарих, славнейший тот король бесчисленного полчища гепидов, который по крайней преданности своей Аттиле участвовал во всех его замыслах. Аттила же, взвешивая все с присущей ему проницательностью, любил его и Валамира, короля остроготов, больше, чем других царьков. Валамир отличался стойкостью в сохранении тайн, ласковостью в разговоре, умением распутать коварство. Ардарих же был известен, как сказано, преданностью и здравомыслием. Не без основания Аттила должен был верить, что они будут биться с сородичами своими, везеготами. Остальная же, если можно сказать, толпа королей и вождей различных племен ожидала, подобно сателлитам, кивка Аттилы: куда бы только ни повел он глазом, тотчас же всякий из них представал перед ним без малейшего ропота, но в страхе и трепете, или же исполнял то, что ему приказывалось. Один Аттила, будучи королем *этих* королей, возвышался над всеми и пекся обо всех.

Итак, происходила борьба за выгодную, как мы сказали, позицию этого места. Аттила направляет своих, чтобы занять вершину горы, но его предупреждают Торисмунд и Аэций, которые, взобравшись на верхушку холма, оказались выше и с легкостью низвергли подошедших гуннов благодаря преимущественному положению на горе.

Тогда Аттила, увидев, что войско его по причине только что случившегося пришло в смятение, решил вовремя укрепить его следующими речами: “После побед над таким множеством племен, после того как весь мир – если вы устоите! – покорен, я считаю бесполезным побуждать вас словами как не смыслящих, в чем дело. Пусть ищет этого либо новый вождь, либо неопытное войско. И не подобает мне говорить об общеизвестном, а вам нет нужды слушать. Что же иное привычно вам, кроме войны? Что храбрецу слаще стремления платить врагу своей же рукой? Насыщать дух мщением – это великий дар природы! Итак, быстрые и легкие, нападем на врага, ибо всегда отважен тот, кто наносит удар. Презрите эти собравшиеся здесь разноразличные племена: признак страха – защищаться союзными силами. Смотрите! Вот уже до вашего натиска поражены враги ужасом: они ищут высот, занимают курганы и в позднем раскаянии молят об укреплениях в степи. Вам же известно, как легко оружие римлян: им тягостна не только первая рана, но сама пыль, когда идут они в боевом порядке и смыкают строй свой под черепахой щитов. Вы же боритесь, воодушевленные упорством, как вам привычно, пренебрегите пока их строем, нападайте на аланов, обрушивайтесь на везеготов. Нам надлежит искать быстрой победы там, где сосредоточена битва. Когда пересечены жилы, вскоре отпадают и члены, и тело не может стоять, если вытащить из него кости. Пусть воспрянет дух ваш, пусть вскипит свойственная вам ярость! Теперь, гунны, употребите ваше разумение, примените ваше оружие! Ранен ли кто – пусть добывается смерти противника, невредим ли – пусть насытится кровью врагов. Идущих к победе не достигают никакие стрелы, а идущих к смерти рок повергает и во время мира. Наконец, к чему фортуна утвердила гуннов победителями столько племен, если не для того, чтобы приготовить их к ликованию после этого боя? Кто же, наконец, открыл предкам нашим путь к Меотидам, столько веков пребывавший замкнутым и сокровенным? Кто же заставил тогда перед безоружными отступить вооруженных? Лица гуннов не могло вынести все собравшееся множество. Я не сомневаюсь в исходе – вот поле, которое сулили нам все наши удачи! И я первый пущу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!”

И, зажженные этими словами, все устремились в бой.

Хотя событие развивалось ужасное, тем не менее присутствие короля подбадривало унывающих. Сходятся врукопашную; битва – лютая, переменная, зверская, упорная. О подобном бое никогда до сих пор не рассказывала никакая древность, хотя она и повествует о таких деяниях, величественнее каковых нет ничего, что можно было бы наблюдать в жизни, если только не быть самому свидетелем этого самого чуда. Если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволнованный от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток. Те же, которых нанесенная им рана гнала туда в жгучей жажде, тянули струи, смешанные с кровью. Застигнутые несчастным жребием, они глотали, когда пили, кровь, которую сами они – раненые – и пролили.

Там король Теодорид, объезжая войска для их ободрения, был сшиблен с коня и растоптан ногами своих же; он завершил свою жизнь, находясь в возрасте зрелой старости. Некоторые говорят, что был он убит копьем Андагиса, со стороны остроготов, которые тогда подчинялись правлению Аттилы. Это и было тем, о чем вначале сообщили Аттиле гадатели в их предсказаниях, хотя он и помышлял это об Аэции.

Тут везеготы, отделившись от аланов, напали на гуннские полчища и чуть было не убили Аттилу, если бы он заранее, предусмотрев это, не бежал и не заперся вместе со своими за оградой лагерей, которые он держал окруженными телегами, как валом; хотя и хрупка была эта защита, однако в ней искали спасения жизни те, кому незадолго до того не могло противостоять никакое каменное укрепление.

Торисмуд, сын короля Теодорида, который вместе с Аэцием захватил раньше холм и вытеснил врагов с его вершины, думая, что он подошел к своим войскам, в глухую ночь наткнулся, не подозревая того, на повозки врагов. Он храбро отбивался, но, раненный в голову, был сброшен с коня; когда свои, благодаря догадке, освободили его, он отказался от дальнейшего намерения сражаться. Аэций, равным образом оторванный от своих в ночной сумятице, блуждал между врагами, трепеща, не случилось ли чего плохого с готами;

наконец, он пришел к союзным лагерям и провел остаток ночи под охраной щитов. На следующий день на рассвете *римляне* увидели, что поля загромождены трупами и что гунны не осмеливаются показаться; тогда они решили, что победа на их стороне, зная, что Аттила станет избегать войны лишь в том случае, если действительно будет уязвлен тяжелым поражением. Однако он не делал ничего такого, что соответствовало бы повержению в прах и униженности: наоборот, он бряцал оружием, трубил в трубы, угрожал набегом; он был подобен льву, прижатому охотничьими копьями к пещере и мечущемуся у входа в нее: уже не смея подняться на задние лапы, он все-таки не перестает ужасать окрестности своим ревом. Так тревожил своих победителей этот воинственнейший король, хотя и окруженный. Сошлись тогда готы и римляне и рассуждали, что сделать с Аттилой, которого они одолели. Решили изнурять его осадой, так как он не имел запаса хлеба, а подвоз задерживался его же стрелками, сидевшими внутри оград лагерей и беспрестанно стрелявшими. Рассказывают, что в таком отчаянном положении названный король не терял высшего самообладания; он соорудил костер из конских седел и собирался броситься в пламя, если бы противник прорвался, чтобы никто не возрадовался его ранению и чтобы господин столь многих племен не попал во власть врагов.

Во время этой задержки с осадой везеготы стали искать короля, сыновья – отца, дивясь его отсутствию, как раз когда наступил успех. Весьма долго длились поиски; нашли его в самом густом завале трупов, как и подобает мужам отважным, и вынесли оттуда почтенного с песнопениями на глазах у врагов. Виднелись толпы готов, которые воздавали почести мертвецу неблагозвучными, нестройными голосами тут же в шуме битвы. Проливались слезы, но такие, которые приличествуют сильным мужам, потому что, хотя это и была смерть, но смерть – сам гунн тому свидетель – славная. Даже вражеское высокомерие, казалось, склонится, когда проносили тело великого короля со всеми знаками величия. Отдав должное Теодориду, готы, гремя оружием, передают *наследнику* королевскую власть, и храбрейший Торисмуд, как подобало сыну, провожает в похоронном шествии славные останки дорогого отца.

Когда все было кончено, сын, движимый болью осиротения и порывом присущей ему

доблести, задумал отомстить оставшимся гуннам за смерть отца; поэтому он спросил патриция Аэция, как старейшего и зрелого благоразумием, что надлежит теперь делать. Тот же, опасаясь, как бы – если гунны были бы окончательно уничтожены – готы не утеснили Римскую империю, дал по этим соображениям такой совет: возвращаться на свои места и овладеть королевской властью, оставленной отцом, чтобы братья, захватив отцовские сокровища, силою не вошли в королевство везеготов и чтобы поэтому не пришлось ему жестоким или, что еще хуже, жалким образом воевать со своими. Торисмуд воспринял этот совет не двусмысленно, – как он, собственно, и был дан, – но скорее в свою пользу и, бросив гуннов, вернулся в Галлии. Так непостоянство человеческое, лишь только встретится с подозрениями, пресекает то великое, что готово совершиться.

В этой известнейшей битве самых могущественных племен пало, как рассказывают, с обеих сторон 165 тысяч человек, не считая 15 тысяч гепидов и франков; эти, раньше чем враги сошлись в главном сражении, сшиблись ночью, переколов друг друга в схватке – франки на стороне римлян, гепиды на стороне гуннов.

Аттила, заметив отход готов, долго еще оставался в лагере, предполагая со стороны врагов некую хитрость, как обыкновенно думают обо всем неожиданным. Но когда, вслед за отсутствием врагов, наступает длительная тишина, ум настраивается на мысль о победе, радость оживляется, и вот дух могучего короля вновь обращается к прежней вере в судьбу.

Торисмуд же, по смерти отца на Каталаунских полях, где он сражался, вступает в Толозу, вознесенный в королевском величии. Здесь, правда, толпа братьев и знатных радостно его приветствовала, но и сам он в начале правления был настолько умерен, что ни у кого не появилось и в мыслях начать борьбу за наследование.

Аттила же, воспользовавшись уходом везеготов и заметив распад между врагами на два *противоположных* лагеря, – чего он всегда желал, – успокоенный, двинул скорее войско, чтобы потеснить римлян. Первым его нападением была осада Аквилейи, главного города провинции Венетии; город этот расположен на остром мысу, или языкообразном выступе, Адриатического залива; с востока стену его лижет *водами своими* река Натисса, текущая с горы Пикцис. После долгой и уси-

ленной осады Аттила почти ничего не смог там сделать; внутри города сопротивлялись ему сильнейшие римские воины, а его собственное войско уже роптало и стремилось уйти. Однажды Аттила, проходя возле стен, раздумывал, распустить ли лагерь или же еще задержаться; вдруг он обратил внимание, что белоснежные птицы, а именно аисты, которые устраивают гнезда на верхушках домов, тащат птенцов из города и, вопреки своим привычкам, уносят их куда-то за поля. А так как был он очень проницателен и пытлив, то и представил своим следующее соображение: “Посмотрите, – сказал он, – на этих птиц: предвидя будущее, они покидают город, которому грозит гибель; они бегут с укреплений, которые падут, так как опасность нависла над ними. Это не пустая примета, нельзя счесть ее неверной; в предчувствии событий, в страхе перед грядущим меняют они свои привычки”. Что же дальше? Этим снова воспламенил он души своих на завоевание Аквилейи. Построив осадные машины и применяя всякого рода метательные орудия, они немедля врываются в город, грабят, делят добычу, разоряют все с такой жестокостью, что, как кажется, не оставляют от города никаких следов. Еще более дерзкие после этого и все еще не пресыщенные кровью римлян, гунны вакхически неистовствуют по остальным венетским городам. Опустошают они также Медиолан, главный город Лигурии, некогда столицу; равным образом разметывают Тицин, истребляя с яростью и близлежащие окрестности, наконец, разрушают чуть ли не всю Италию. Но когда возникло у Аттилы намерение идти на Рим, то приближенные его, как передает историк Приск, отвлекли его от этого, однако не потому, что заботились о городе, коего были врагами, но потому что имели перед глазами пример Алариха, некогда короля везеготов, и боялись за судьбу своего короля, ибо тот после взятия Рима жил недолго и вскоре удалился от дел человеческих. И вот, пока дух Аттилы колебался относительно этого опасного дела – идти или не идти – и, размышляя сам с собою, медлил, подоспело к нему посольство из Рима с мирными предложениями. Пришел к нему сам папа Лев на Амбулейское поле в провинции Венетии, там, где река Минций пересекается толпами путников. Аттила прекратил тогда буйство своего войска и, повернув туда, откуда пришел, пустился в путь за Данубий, обещая соблюдать мир. Он объявил перед всеми и, приказывая, угрожал, что нанесет Ита-

лии еще более тяжкие бедствия, если ему не пришлют Гонорию, сестру императора Валентиниана, дочь Плацидии Августы, с причитающейся ей частью царских сокровищ. Рассказывали, что эта Гонория по воле ее брата содержалась заточенная в состоянии девственности ради чести дворца; она тайно послала евнуха к Аттиле и пригласила его защитить ее от властолюбия брата – вовсе недостойное деяние: купить себе свободу сладострастия ценою зла для всего государства.

Аттила вернулся на свои становища и, как бы тяготясь бездействием и трудно перенося прекращение войны, послал послов к Маркиану, императору Восточной империи, заявляя о намерении ограбить провинции, потому что ему вовсе не платят дани, обещанной покойным императором Феодосием, и ведут себя с ним обычно менее обходительно, чем с его врагами. Поступая таким образом, он, лукавый и хитрый, в одну сторону грозил, в другую – направлял оружие, а излишек своего негодования *излил*, обратив свое лицо против везеготов. Но исхода тут он добился не того, какой имел с римлянами. Идя обратно по иным, чем раньше, дорогам, Аттила решил подчинить своей власти ту часть аланов, которая сидела за рекой Лигером, чтобы, изменив после их *поражения* самый вид войны, угрожать еще ужаснее. Итак, выступив из Дакии и Паннонии, провинций, где жили тогда гунны и разные подчиненные им племена,

Аттила двинул войско на аланов. Но Торисмуд, король везеготов, предвосхитил злой умысел Аттилы с не меньшим, чем у него, хитроумием: он с крайней быстротой первый явился к аланам и, уже подготовленный, встретил движение войск подходившего Аттилы. Завязалась битва почти такая же, какая была до того на Каталаунских полях; Торисмуд лишил Аттилу всякой надежды на победу, изгнал его из своих краев без триумфа и заставил бежать к своим местам. Так достойный Аттила, одержавший так много побед, когда хотел унижить славу своего погубителя и стереть то, что испытал когда-то от везеготов, претерпел теперь вдвойне и бесславно отступил.

Торисмуд же, отогнав гуннские полчища от аланов без всякого ущерба для себя, отправился в Толозу, но, создав для своих мирное существование, заболел на третий год царствования и, когда выпускал кровь из вены, был убит, потому что Аскальк, враждебный ему его клиент, рассказал, что у *больного* от-

сутствовало оружие. Однако при помощи одной руки, которая оставалась у него свободной, он схватил скамейку и убил несколько человек, покушавшихся на него, став таким образом мстителем за кровь свою.

Теодорид-победитель пощадил побежденных и не позволил зверствовать вне битвы; он поставил над покоренными свевами своего клиента по имени Агзивульф. Но тот через короткое время, под воздействием уговоров со стороны свевов, вероломно изменил свое намерение и стал пренебрегать выполнением приказаний, возносясь скорее наподобие тирана: он полагал, что получил провинцию в силу той доблести, с которой он некогда вместе с господином своим ее покорил. Был он мужем из рода Варнов, значительно отдаленный от благородства готской крови, и потому ни к свободе не прилежал, ни верности патрону не соблюдал. Узнав об этом, Теодорид сразу же направил против него отряд, который должен был изгнать его, *лишив* захваченной власти. *Воины* явились без замедления, в первой же стычке одолели его и потребовали соответственной его поступками кары. Тут-то он и почувствовал гнев господина, милостью которого думал пренебречь; схваченный и лишившийся помощи своих, он был обезглавлен. Свевы же, видя гибель правителя, послали жрецов своей страны к Теодориду, чтобы умолить его. Он принял их с подобающей их жреческому сану почтительностью и не только снизошел к свевам, не изгнав их, но, движимый милосердием, разрешил им поставить князя из своего рода. Так и случилось: свевы выбрали себе царьком Римисмунда. Совершив все это и укрепив все кругом миром, Теодорид умер на тринадцатом году своего правления.

С жадной поспешностью наследовал ему брат его Еврих и потому был попрекаем неправильным подозрением. Пока все это и многое другое происходило в племени везеготов, император Валентиниан был убит вследствие коварства Максима, сам же Максим захватил власть как тиран. Услышав об этом, Гизерих, король вандалов, пришел из Африки в Италию с вооруженным флотом, вступил в Рим и все разорил. Максим бежал и был убит неким Урсом, римским воином. После Максима, по повелению Маркиана, императора Восточного, Западную империю получил в управление Майориан, однако и он правил недолго, потому что, когда двинул войско против аланов, нападавших на Галлии, был убит в Дертоне,

около реки по названию Гира. Место его занял Север, который умер в Риме на третий год своего правления. Учтя это, император Лев, который в Восточной империи наследовал Маркиану, послал своего патриция Анфемия в Рим, сделав его там принцепсом. Тот, прибыв туда, направил против аланов зятя своего Рекимера, мужа выдающегося и чуть ли не единственного тогда в Италии полководца. В первой же битве он нанес поражение всему множеству аланов и королю их Беоргу, перебив их и уничтожив. Тогда Еврих, король везегов, примечая частую смену римских императоров, замыслил занять и подчинить себе Галлии. Обнаружив это, император Анфемий потребовал помощи у бриттонов.

Впрочем, вернемся к тому порядку, от которого мы отступили, а именно, каким образом Еврих, король везегов, заметив шаткость Римского государства, подчинил себе Арелат и Массилию. Гизерих, король вандалов, заманил его подарками на это дело, потому что сам он, сильно опасаясь козней против себя со стороны Льва и Зинова, подстраивал, чтобы остроготы разоряли Восточную империю, а везеготы – и Гесперийскую и чтобы, пока враги будут раздирать друг друга в обеих империях, самому спокойно править в Африке. Еврих с сочувствием отнесся к этому и, держа в подчинении все Испании и Галлии, покорил также бургундзонов; он умер в Арелате на девятнадцатом году своего правления. Ему наследовал собственный его сын Аларих, воспринявший королевство везегов девятым по счету, начиная от того великого Алариха. То же самое, что было с Августами, о которых мы говорили выше, произошло, как известно, и с Аларихами: царства часто кончались на тех самых именах, с каковых они начались. Однако, включив все это между прочим, продолжим, по нашему обещанию, сплестать *историю* происхождения готов.

Ввиду того что, следуя сказанному старшими писателями, я, насколько сумел, развил *те события*, когда оба племени, остроготы и везеготы, составляли еще одно целое, а также с достоверностью проследил *историю* везегов, уже отделившихся от остроготов, придется нам вновь вернуться к древним их скифским поселениям и представить так же последовательно генеалогию и деяния остроготов. Про них известно, что по смерти короля их Германариха они, отделенные от везегов и подчиненные власти гуннов, остались в той же стране, причем Амал Винитарий удер-

жал все знаки своего господствования. Подражая доблести деда своего Вультульфа, он, хотя и был ниже Германариха по счастью и удачам, с горечью переносил подчинение гуннам. Понемногу освобождаясь из-под их власти и пробуя проявить свою силу, он двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божу с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покоренных. Но с такой свободой повелевал он едва в течение одного года: *этого положения* не потерпел Баламбер, король гуннов; он призвал к себе Гезимунда, сына великого Гуннимунда, который, помня о своей клятве и верности, подчинялся гуннам со значительной частью готов, и, возобновив с ним союз, повел войско на Винитария. Долго они бились; в первом и во втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов! Но в третьем сражении, когда оба *противника* приблизились один к другому, Баламбер, подкравшись к реке Эрак, пустил стрелу и, ранив Винитария в голову, убил его; затем он взял себе в жены племянницу его Вадамерку и с тех пор властвовал в мире над всем покоренным племенем готов, но однако так, что готским племенем всегда управлял его собственный царек, хотя и *соответственно* решению гуннов.

Вскоре после смерти Винитария стал править ими Гунимунд, сын могущественнейшего покойного короля Германариха, отважный в бою и выдающийся красотой тела. Он впоследствии успешно боролся против племени свевов. После его смерти наследовал ему сын его Торисмуд, украшенный цветом юности, на второй год своего правления он двинул войско против гепидов и одержал над ними большую победу, но убился, как рассказывают, упав с коня. Когда он умер, остроготы так оплакивали его, что в течение сорока лет никакой другой король не занимал его места, для того чтобы память о нем всегда была у них на устах и чтобы подошло время, когда Валамер обретет повадку мужа; этот *Валамер* родился от Вандалария, двоюродного брата *Торисмуда*; сын же последнего Беремуд, как мы сказали выше, пренебрег племенем остроготов из-за гуннского господства *над ними* и последовал за племенем везегов в Гесперийские страны; от него-то и родился Ветерих. У

Ветериха был сын Евтарих, который, вступив в брак с Амаласвентой, дочерью Теодориха, вновь объединил разделившийся было род Амалов и родил Аталариха и Матесвенту. Аталарих умер в отроческих годах, а Матесвента, привезенная в Константинополь, родила от второго мужа, а именно от Германа (племянника императора Юстиниана), но уже после смерти мужа, сына, которого назвала Германом.

Однако, чтобы соблюдался порядок *изложения*, с которого мы начали, следует нам вернуться к потомству Вандалария, распустившегося тройным цветком. Этот Вандаларий, племянник Германариха и двоюродный брат вышеупомянутого Торисмуда, прославился в роде Амалов, родив троих сыновей, а именно Валамира, Тиудимира и Видимира. Из них, наследуя сородичам, вступил на престол Валамир в то время, когда гунны вообще еще властвовали над ними (остроготами) в числе других племен. И была тогда между этими тремя братьями такая *взаимная* благосклонность, что удивления достойный Тиудимер вел войны, *защищая* власть брата, Валамир способствовал ему снаряжением, а Видимер почитал за честь служить братьям. Так оберегали они друг друга взаимной любовью, и ни один не остался без королевства, которым и владели они все втроем в мире *и согласии*. Однако так им владели, – о чем часто уже говорилось, – что сами *в свою очередь* подчинялись власти Атилы, гуннского короля; им не было возможности отказаться от борьбы против своих же родичей, везеготов, потому что приказание владыки, даже если он повелевает отцеубийство, должно быть исполнено. И не иначе смогло любое скифское племя вырваться из-под владычества гуннов, как только с приходом желанной для всех вообще племен, а также для римлян смерти Атилы, которая оказалась настолько же ничтожна, насколько жизнь его была удивительна.

Ко времени своей кончины он, как передает историк Приск, взял себе в супруги – после бесчисленных жен, как это в обычае у того народа, – девушку замечательной красоты по имени Ильдику. Ослабевший на свадьбе от великого ею наслаждения и отяжеленный вином и сном, он лежал, плавая в крови, которая обыкновенно шла у него из ноздрей, но теперь была задержана в своем обычном ходе и, изливаясь по смертоносному пути через горло, задушила его. Так опьянение принесло по-

стыдный конец прославленному в войнах королю.

На следующий день, когда миновала уже большая его часть, королевские прислужники, подозревая что-то печальное, после самого громкого зова взламывают двери и обнаруживают Атилу, умершего без какого бы то ни было ранения, но от излияния крови, а также плачущую девушку с опущенным лицом под покрывалом. Тогда, следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей.

В связи с этим произошло такое чудо: Маркиану, императору Востока, обеспокоенному столь свирепым врагом, предстало во сне божество и показало – как раз в ту самую ночь – сломанный лук Атилы, именно потому, что племя это много употребляет такое оружие. Историк Приск говорит, что может подтвердить это *явление божества* истинным свидетельством. Настолько страшен был Атила для великих империй, что смерть его была явлена свыше взамен дара царствующим.

Не преминем сказать – хоть немного из многого – о том, чем племя почитило его останки. Среди степей в шелковом шатре поместили труп его, и это представляло поразительное и торжественное зрелище. Отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где был он положен; при этом они в погребальных песнопениях так поминали его подвиги: “Великий король гуннов Атила, рожденный от отца своего Мундзука, господин сильнейших племен! Ты, который с неслыханным дотоле могуществом один овладел скифским и германским царствами, который захватом городов поверг в ужас обе империи римского мира и, – дабы не было отдано и остальное на разграбление, – умиловленный молениями принял ежегодную дань. И со счастливым исходом совершив все это, скончался не от вражеской раны, не от коварства своих, но в радости и веселии, без чувства боли, когда племя пребывало целым и невредимым. Кто же примет это за кончину, когда никто не почитает ее подлежащей отмщению?”

После того как был он оплакан такими στεναιями, они справляют на его кургане “страву” [stravam] (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством. Сочетая противоположные *чувства*, выража-

ют они похоронную скорбь, смешанную с ликованием.

Ночью тайно труп предают земле, накрепко заключив его в *три* гроба – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа. Следующим рассуждением разъясняли они, почему все это подобает могущественнейшему королю: железо – потому что он покори́л племена, золото и серебро – потому что он принял орнат обеих империй. Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения, каковыми отмечается убранство дворца. Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело, отвратительно, таким образом, вознаградив их; мгновенная смерть постигла погребавших так же, как постигла она и погребенного.

После того как все было закончено, между наследниками Аттилы возгорелся спор за власть, потому что свойственно юношескому духу состязаться за честь властвования, – и пока они, неразумные, все вместе стремились повелевать, все же вместе и утеряли власть. Так часто преизбыток наследников обременяет царство больше, чем их недостаток. Сыновья Аттилы, коих, по распущенности его похоти, *насчитывалось* чуть ли не целые народы, требовали разделения племен жребием поровну, причем надо было бы подвергнуть жеребьевке, подобно челяди, воинственных королей вместе с их племенами.

Когда узнал об этом король гепидов Ардарих, то он, возмущенный тем, что со столькими племенами обращаются, как будто они находятся в состоянии презреннейшего рабства, первый восстал против сыновей Аттилы и последующей удачей смыл с себя навязанный ему позор порабощения; своим отпадением освободил он не только свое племя, но и остальные, равным образом угнетенные, потому что все с легкостью примыкают к тому, что предпринимается для общего блага. И вот все вооружаются для взаимной гибели, и сражение происходит в Паннонии, близ реки, название которой – Недао. Туда сошлись разные племена, которые Аттила держал в своем подчинении; отпадают друг от друга королевства с их племенами, единое тело обращается в разрозненные члены; однако они не сострадают страданию целого, но, по отсечении главы, неистовствуют друг против друга. И это силь-

нейшие племена, которые никогда не могли бы найти себе равных *в бою*, если бы не стали поражать себя взаимными ранами и самих же себя раздирать *на части*.

Думаю, что там было зрелище, достойное удивления: можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его [гепида?] ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна – стрелой, и алана, строящего ряды с тяжелым, а герула – с легким оружием.

Итак, после многочисленных и тяжелых схваток победа неожиданно оказалась благосклонной к гепидам: почти тридцать тысяч как гуннов, так и других племен, которые помогали гуннам, умертвил меч Ардариха вместе со всеми восставшими. В этой битве был убит старший сын Аттилы по имени Эллак, которого, как рассказывают, отец настолько любил больше остальных, что предпочитал бы его на престоле всем другим детям своим. Но желанию отца не сочувствовала фортуна: перебив множество врагов, Эллак погиб, как известно, столь мужественно, что такой славной кончины пожелал бы и отец, будь он жив. Остальных братьев, когда этот был убит, погна́ли вплоть до берега Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы.

Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала вселенная. Настолько губителен раскол, что разделенные низвергаются, тогда как соединенными силами они же наводили ужас. Дело Ардариха, короля гепидов, принесло счастье разным племенам, против своей воли подчинявшимся владычеству гуннов, и подняло их души, давно пребывавшие в глубокой печали, к радости желанного освобождения. Явившись, в лице послов своих, на римскую землю и с величайшей милостью принятые тогдашним императором Маркианом, они получили назначенные им места, которые и заселили.

Гепиды, силой забравшие себе места поселения гуннов, овладели как победители пределами всей Дакии и, будучи людьми деловыми, не требовали от Римской империи ничего, кроме мира и ежегодных даров по дружественному договору. Император охотно согласился на это, и до сего дня племя это получает обычный дар от римского императора. Готы же, увидев, что гепиды отстаивают для себя гуннские земли, а племя гуннов занимает свои давние места, предпочли испросить зем-

ли у Римской империи, чем с опасностью для себя захватывать чужие, и получили Паннонию, которая, протянувшись в длину равниною, с востока имеет Верхнюю Мезию, с юга – Далмацию, с запада – Норик, с севера – Данубий. Страна эта украшена многими городами, из которых первый – Сирмий, а самый крайний – Виндомина. Из этого же рода был Бливила, пентаполитанский вождь, и его брат Фроила и, в наше время, патриций Бесса.

Савроматы же, которых мы называем сарматами, и кемандры, и некоторые из гуннов поселились в части Иллирика, на данных им землях у города Кастрамартена. Скиры, садагрии и часть аланов со своим вождем по имени Кандак получили Малую Скифию и Нижнюю Мезию. Нотарием этого Кандака Алановийямутиса до самой его смерти был Пария, родитель отца моего, т. е. мой дед. У сына же сестры Кандака, Гунтигиса, которого называли еще База, магистра армии, сына Андагиса (сына Анделы из рода Амалов), нотарием – до своего обращения – был я, Иорданнис, хотя и не обученный грамматике.

Руги же и многие другие племена испросили себе для поселения Биццию и Аркадиополь. Эрнак, младший сын Атилы, вместе со своими избрал отдаленные места Малой Скифии. Эмнетзур и Ултзиндур, единокровные братья его, завладели Утом, Гиском и Алмом в Прибрежной Дакии. Многие из гуннов, прорываясь то тут, то там, подались тогда в Романию; до сих пор из их числа называют сакромонтизиев и фоссатизиев.

Были еще и другие готы, которые называются Малыми, хотя это – огромное племя; у них был свой епископ и примат Вульфилла (Ульфила), который, как рассказывают, установил для них азбуку. По сей день они пребывают в Мезии, населяя местность вокруг Никополя, у подножия Эмимонта (Гема); это – многочисленное племя, но бедное и невоинственное, ничем не богатое, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов; земли *их* малоплодородны как пшеницей, так и другими видами *злаков*; некоторые люди там даже вовсе не знают виноградников, – существуют ли они вообще где-либо, – а вино они покупают себе в соседних областях, большинство же питается молоком.

Итак, возвратимся к тому племени, о котором идет речь, т. е. к *племени* остроготов, которые жили в Паннонии *под властью* короля Валамира и его братьев, Тиудимера и Видемира; хотя области их были поделены, но цели

объединены (ведь Валамер сидел между реками Скарниунгой и Черной Водой, Тиудимер – близ озера Пелсойс, Видимер – между тем и другим). И вот случилось, что сыновья Атилы пошли против готов, как против бежавших из-под их господства и как бы разыскивая беглых рабов; они напали на одного Валамера, тогда как другие братья ничего не подозревали. Но он, хотя и встретил их с малыми *силами*, долго изнурял их и разбил настолько, что от врагов едва осталась небольшая часть; обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данапра; на своем языке гунны называют его Вар. В то же время он *Валамер* послал к брату Тиудимеру гонца с радостной вестью, гонец же, в тот самый день как прибыл, обрел в доме Тиудимера еще большую радость: в этот день родился сын Тиудимера Теодорих; правда, младенец *происходил* от конкубины Эрелиевы, но *возлагали* на него большие надежды.

После того как установился прочный мир готов с римлянами, готы увидели, что им не хватает того, что они получали от императора; в то же время стремились они проявить присущую им отвагу и потому начали грабить соседние племена, *жившие* кругом; прежде всего двинулись они походом против садагиев, владевших внутренней *Паннонией*. Когда узнал об этом король гуннов *Динтцик*, сын Атилы, то он собрал вокруг себя тех немногих, которые пока что оставались все-таки под его властью, а именно ултзинзуров, ангискиров, биттугуров, бардоров; они подошли к Базияне, городу в Паннонии, и, окружив ее валами, начали грабить окрестности. Поняв это, готы там же, где были, приостановили поход, предпринятый против садагиев, и обратились на гуннов; так вытеснили они их, покрыв бесславием, из своих пределов, и с тех пор до сего дня остатки гуннов боятся готского оружия.

Однако уже после того как племя гуннов было, наконец, усмирено готами, Гунумунд, вождь свевов, проходя мимо *и направляясь* на ограбление Далмации, захватил бродившие в степях готские стада, потому что ведь Далмация соседит со Славией и расположена недалеко от пределов Паннонии, особенно тех мест, где жили тогда готы.

Устрашенные их погибелью, короли свевов Гуниmund и Аларих двинулись походом на готов, опираясь на помощь сарматов, которые подошли к ним как союзники с королями

своими Бевкой и Бабаем. Они призвали остатки скиров, чтобы те вместе с их старейшинами Эдикой и Гунульфом жестоко сразились, как бы в отмщение за себя; были с ними [со свевами] и гепиды, и немалая подмога от племени ругов, и другие, собранные отовсюду племена; так, набрав огромное множество *людей*, они расположились лагерем у реки Болии в Паннониях.

Теодорих уже приблизился к годам юности, завершив отрочество; ему исполнилось восемнадцать лет. Пригласив некоторых из сателлитов отца и приняв к себе желающих из народа и клиентов, что составило почти шесть тысяч мужей, он с ними, без ведома отца, перешел Данубий и напал на Бабая, короля сарматов, который только что одержал победу над Камундом, римским полководцем, и правил с напыщенной гордостью. Настигнув его, Теодорих убил его, захватил семью с челядью и имущество и повернул с победой обратно к своему родителю. Затем напал на город Сингидун, который занимали эти сарматы; и, не возвратив его римлянам, подчинил его своей власти.

Тиудимер же, старший брат, перешел со своими реку Сав, грозя сарматам и римским воинам войной, если бы кто-либо из них пошел против него. Они же *действительно* боялись его и сидели тихо, тем более что им было не одолеть столь великое множество народа. Тиудимер, видя, что со всех сторон ему прибывает удача, нападает на *Наусс*, первый город в Иллирике, а сына своего Теодориха, приобщив к нему комитов Астата и Инвилию,

посылает через “лагерь Геркулеса” к городу Ульпиане. Явившись туда, они вскоре подчиняют как его, так и Стобис, а затем впервые делают для себя проходимыми многие недоступные местности Иллирика. В городах Фессалии – Гераклее и Ларисе – они сначала захватывают добычу, а потом по праву войны овладевают и ими.

Своего комита Питцама, избранного в число старейшин, он направляет на завоевание города Сирмия, который тот и захватил, изгнав короля Тразариха, сына Трапстилы, но удержав его мать. Потом он *двинулся* против Савиниана, магистра армии Иллирика, готовившегося тогда к борьбе с Мундоном; придя на помощь последнему с двумя тысячами пехотинцев и пятьюстами всадниками к городу по названию Ровный Марг, лежащему между реками Данубием и Маргом, Питцам разбил иллирийское войско. Этот самый Мундон происходил от каких-то родичей Аттилы; он бежал от племени гепидов за Данубий и бродил в местах необработанных и лишенных каких-либо земледельцев; там собрал он отовсюду множество угонщиков скота, скамаров и разбойников и, заняв башню, которую называют Герта и которая стоит на берегу Данубия, вел там дикую жизнь и грабежами не давал покоя соседним обитателям; он провозгласил себя королем своих бродяг. Его-то, почти уже отчаявшегося и помышлявшего о сдаче, появившийся там Петца вырвал из рук Савиниана и обратил – полного благодарности – в подчиненного своего короля Теодориха.

Примечания

¹ В данном случае Иордан опирается на запись Птолемея о четырех островах около Кимврского (нын. Ютландского) полуострова, называвшихся Скандиями (Σκανδία); самый восточный и наибольший из них находится, по словам Птолемея, около устья реки Вистулы (Вислы) и тоже называется *Скандией* (Птолемей II: 11, 33-35).

² Следуя Птолемею, Иордан пишет о расположении Скандзы против расходящейся тремя рукавами (trifulcus) *Вислы*.

³ *Сарматские горы* (Sarmaticae montes) – Карпаты.

⁴ *Магог* – библейское имя. В Библии им назван второй сын Иафета при перечислении потомства трех сыновей Ноя (Быт. 10: 2); в заключение перечня говорится: “От них распространились народы по земле после потопа” (Быт. 10: 32). Кроме того, в Библии же именем Магог называется некая земля, в которой царствовал Гог (Иез. 38: 2 и 39: 6). В средние века считалось, что в далеких восточных странах есть царство Гога и Магога, враждебное всему христианскому миру. В предыдущем примечании приведен текст из «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, который ставит знак равенства между “Магогом” и “скифами”. Иероним

это повторил: “Магог – Скифы” (Lib. hebraicae quaest. in genesin 20: 2). Но Иероним – писатель начала V в., – несомненно, вкладывал в понятие “скифы” (“Магог”) иное содержание, чем Иосиф Флавий – писатель I в. Под магогом – скифами Иероним подразумевал современных ему гуннов. Такое объяснение держалось и позднее: в начале VI в. архиепископ Кесарийский Андрей в комментарии к Апокалипсису писал, что библейские племена Гог и Магог – те же скифские племена, “которые мы зовем гуннскими” (MPG, 106, col. 416). Вместе с тем Иероним не рассматривает готов как представителей племени магог и сомневается, прав ли Амвросий (ум. в 397 г.), его современник, в комментарии на книгу Иезекииля (“De fide”, II, 17), приписывая имена Гога и Магога не скифам, а готам, “недавно неистовствовавшим в нашей стране”; “наоборот, – продолжает Иероним, – все ученые скорее привыкли называть готов гетами, чем гогом и магогом”. Однако в VII в. Исидор Севильский писал: “Магог – от коего, как полагают, ведут свое происхождение скифы и геты”; и еще: “древние называли [готов] чаще гетами, чем готами” (Isid. Etymol. IX: I, 27 и 89).

⁵ В разъяснение того, каким образом готы (или геты) называются скифами и по племени (et natione), и по имени (et vocabulo), можно привести толкование Исидора Севильского, нелепое, как большинство толкований этого авторитетнейшего для западного средневековья писателя. Он сообщает, что скифы и готы происходят от Магога, сына Иафета; сами готы – скифского происхождения (Gothi Scythica probantur origine), потому что имя “готы” не очень отличается от имени “скифы” – стоит только изменить и отбросить букву: demutata enim ac detracta littera Getae quasi Scythae sunt nuncupati. А последний слог имени Магог, будучи слегка изменен, указывает на название “гот”. Так посредством излюбленной Исидором Севильским игры слов и кажущегося их фонетического сходства доказывается тождество скифов и готов (Isid. Goth. Laud.: 66; Isid. Etymol. IX: I, 89). Ср. издание Момсена: 61, прим. 1.

⁶ *Тавр*, горный хребет Таврики – Крыма. По Иордану, это Тавр скифский, а не азиатский.

⁷ *Меотида* (Maetis palus, Μαῖωτις λίμνη) – обычное древнее и средневековое (литературное) название Азовского моря. Palus (λίμνη) – болото. Появление названия palus, вероятно, связано с заболоченными берегами огромного водоема, где и до наших дней на многие километры тянутся плавни, особенно обширные вокруг дельты Кубани. В нашем переводе текста Иордана palus ‘болото’ (Меотийское) передается словом “озеро”. Подобное толкование подкрепляется, например, тем, что Помпоний Мела употребляет в отношении Меотиды попеременно то palus, то lacus (Mela I: 8: palus ipsa Maeotis; I: 14: ad lacum [живут] Maeotici; I: 112: река Carasanda – Кубань, двумя рукавами впадая в озеро и в море – in lacum et in mare profluens, – образует остров). В сочинениях Прокопия Меотида названа исключительно Μαῖωτις λίμνη (Война с персами I: 10, 6; Война с готами IV: 6, 16; IV: 4, 8; О постройках III: 7, 8 и др.). В трактате Константина Порфирородного (Об управлении империей: 42) подчеркивается, что Меотийское болото (η λίμνη Μαῖωτιδος) из-за своей величины называется также и морем; в той же главе автор употребляет слово “море” уже без оговорок. Меотида вместе с впадающим в нее Танаисом рассматривалась как граница между Европой и Азией. Античные писатели и их комментаторы отмечали, что Меотида замерзает. Грамматик IV в. Мавр Сервий Гонорат писал в комментарии к “Георгикум” Вергилия (Maeotique unda. – Georg. III: 349), что Меотида – болото в Скифии, замерзающее от мороза (Maeotis palus est Scythiae frigore congelascens).

⁸ *Босфорские проливы* (angustiae Bosfori) – так Иордан, следуя античной традиции, именует Боспор Киммерийский (Bosphorus Cimmerius, совр. Керченский пролив). У Аммиана Марцеллина – Пантикапейские проливы (Panticapes angustiae. – Amm. Marc. XXII: 8, 30). Прокопий уже не употребляет античного названия, устаревшего для его эпохи. Он говорит только об “устье” Меотиды (Война с готами IV: 4, 8-10; IV: 5, 4-5). Античное название он употребляет исключительно в тех случаях, когда приводит мнение древних авторов, говоря, что “мудрецы, ученые иногда считали, что Босфор Киммерийский разделяет Европу и Азию” (О постройках IV: 1, 7), и что Геродот опирается точку зрения относительно Боспора Киммерийского (Война с готами IV: 6, 15). Позднее Константин Порфирородный называет Керченский пролив “устьем” Меотиды (Об управлении империей 42: 73, 74) или даже местным названием “Бурлик” (Там же: 42, 90 и 94).

⁹ В описание границ Скифии, данное Иорданом в § 30, вклинилось определение формы Каспийского моря “в виде гриба”. Правда, в тексте Иордана, изданном Моммсенем по Гейдельбергскому списку, употреблено местоимение жен. р. “quae”, которое не согласуется с предыдущим существительным сред. р. “mare”. Поэтому группу слов “ad modum fungi”, казалось бы, надо отнести к объекту женского рода, т. е. к Скифии, логическому подлежащему всего пассажа “Scythia... digreditur”. Однако в ряде рукописей, как видно в разночтениях, приводимых Моммсенем, стоит не “quae”, а “quod”, что подходит к существительному “mare”. Кроме того, Иордан (или автор, которым он пользовался), когда перечислял границы описываемых им стран, несомненно, имел перед глазами карту. Если, например, он пользовался картой, составленной соответственно древней карте Эратосфена (нач. II в. до н. э.), то на ней можно было видеть, что Каспийскому морю (Нугсанум mare) действительно приданы очертания гриба, как бы обращенного ножкой к северу, а шляпкой к югу. Так же “грибообразно” очертание Каспийского моря на карте, составленной по описаниям Орозии, и на некоторых других средневековых картах.

¹⁰ *Алваны, албаны* – жители Кавказской Албании – занимали территорию у Каспийского моря, севернее реки Куры; Албания соответствует Ширвану.

¹¹ *Серы* (Seres, Seree) – китайцы. Из дошедшего до греков и римлян названия народа создались греческое и латинское названия шелка: σπρίκά, serica. В дальнейшем название шелка связалось с народом, торгующим шелком. По мере передвижения центров торговли шелком к западу, у латинских и греческих авторов название “серы” оказалось перенесенным на среднеазиатские народы (на согдийцев). В этом смысле употребляет имя “Seres” и Иордан, говоря, что “Seres” находятся непосредственно к востоку от Скифии, сразу же за Каспийским морем.

¹² В начале перечисления припонтийских городов Иордан привел два названия: *Борисфенида* и *Ольвия*, как бы обозначающие два города. Как известно, двух особых и достаточно крупных городов, связанных с устьем Борисфена-Днепра (вернее, с Днепро-Бугским лиманом), не было.

¹³ *Ольвия* (Olbia) – одна из древнейших греческих колоний на северном побережье Черного моря. Она была основана выходцами из Милета еще в первой половине IV в. до н. э. и, будучи расположена на Буге (на его правом берегу, около нын. села Парутино), у его впадения в Днепро-Бугский лиман, долго сохраняла доминирующее положение в торговле с населением Скифии, став крупным ремесленным и культурным центром в Северном Причерноморье. Другое название Ольвии – Борисфен, Борисфенида.

¹⁴ *Каллиполида* (Callipolida) – это не совсем понятное название можно сблизить с этническим названием племени “каллипидов”, живших к западу от Днепра, впервые упомянутых Геродотом (IV: 17). Племя каллипидов (Callipidae) встречается также у Помпония Мелы (II: 7). Оно обитало на нижнем течении Буга (т. е. севернее Ольвии) и было экономически связано с последней. Однако не есть ли “Каллиполида” Иордана порт и укрепленное поселение на западном побережье Таврики, носившее название “Прекрасная гавань”? Непосредственно за “Каллиполидой” в тексте Иордана назван Херсон – Херсонес. А “Прекрасная гавань” (впоследствии Акмечеть, ныне переименованная в

Черноморское) вместе с Керкинитидой (нын. Евпатория) входила, – как видно по знаменитой “Херсонесской присяге” (нач. III в. до н. э.), – в состав владений античного Херсонеса.

¹⁵ *Херсон* (Chersona), Херсонес Таврический (в средние века обычно именовался не Херсонесом, а Херсоном) – греческая колония, основанная выходцами из Гераклеи Понтийской в V в. до н. э. В дальнейшем – крупный византийский город в Таврике, оживленный торговый и военный центр уже в V в. н. э. (ср., например, надпись императора Зинона о возобновлении стен и одной из наиболее мощных башен). Прокопий, упоминая о Херсоне, замечает, что он с давних времен подчиняется ромеям (Война с готами IV: 5, 27). О Херсоне V–VI вв. – на основании значительного археологического материала – см. А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры. М.–Л. 1959 (Материалы и исследования по археологии СССР, № 63).

¹⁶ *Феодосия* (Theodosia) – греческая колония, основанная милетцами в VI в. до н. э. и вошедшая в состав Боспорского царства. Не в связи ли с тем, что Феодосия, будучи крупным портом восточной Таврики, не являлась в античное время самостоятельным городом-государством (каким был Херсонес), а подчинялась Боспору, Орозий определил ее как место, близ которого “огромное изливание” (“*immensa exundatio*”) Меотийского озера вступает широким потоком в Евксинский Понт” (I: 2, 5–6)? Этим смешением у Орозия Феодосии с Боспором объясняется, может быть, пропуск Иорданом Боспора в приводимом им списке приморских городов Северного Причерноморья. У древних географов нет упоминания о городе Боспоре; они говорят лишь о проливе – Боспоре Киммерийском – и о близлежащих городах; например, Помпоний Мела пишет: “*in Bosphorum Cimmerica oppida Murmescion, Panticapaeon, Theodosia*” (II: 13). Но у Прокопия ясен приморский город Боспор (Война с персами I: 12, 7; Война с готами IV: 5, 26) и уже не упоминается о Боспоре-проливе; последний называется “устьем Меотиды”.

¹⁷ *Кареон* (Cario) – это загадочное название помещено между Феодосией и Мирмекием. Не относится ли оно к Боспору, продолжавшему в V–VI вв. быть заметным торгово-ремесленным городом восточной Таврики? Не является ли слово “Cario” каким-то намеком на будущее название “Корчев”, “Керчь”? Так думал Ю. А. Кулаковский (К вопросу об имени города Керчи: 194–199), предполагая, что в тексте Иордана могло стоять не *Cario*, а *Carcion*. Название Кареон не вошло в литературу и всплыло лишь у византийского автора XV в. Лаоника Халкокондила в кратком упоминании о том, как татары продавали в рабство черкесов, мингрелов и сарматов (аланов), отводя их в Боспор, в город Карею (CSHB. Bonn, 1843: 135–136). Однако, ввиду того что Лаоник несколько выше пишет о Боспоре в связи с Фракией, нельзя утверждать, что город Карея относится к Таврике.

¹⁸ *Мирмикий*, *Мирмекий* (Murmecion) – город Боспорского царства; по Страбону (VII: 1, 5), городок Мирмекий в 20 стадиях (ок. 4 км) от Пантикапея (нын. Керчь). Развалины города Мирмекия находятся у теперешнего мыса Карантинного, на берегу Керченской бухты, как раз в 4 км к северо-востоку от Керчи. Самое раннее упоминание о Мирмекии находится в перипле Псевдо-Скилака (IV в. до н. э.), который называет Мирмекий в числе других крупных городов (Пантикапей, Нимфей, Китей, Феодосия). Как показали археологические исследования, город – как греческая коло-

ния – возник во второй четверти IV в. до н. э. и существовал без перерыва до III в. н. э. (включительно). На развалинах античного города до XIV в. было средневековое поселение; оно, возможно, соответствовало месту, обозначенному именем “*Pondico*” на итальянских портоланах.

¹⁹ *Трапезунт* (Trapezunta) неожиданно назван Иорданом после Мирмекия, в конце списка городов, расположенных на северном побережье Черного моря. Перечисление городов Иордан ведет с запада от Борисфениды – Ольвии и соблюдает географическую последовательность; потому естественно предположить, что Трапезунт Иордана находился где-то восточнее Мирмекия, т. е., возможно, на противоположном берегу Боспора Киммерийского. По дошедшим до нас сведениям, ни в этих местах, ни южнее по Кавказскому побережью нет подобного названия. Общеизвестный же Трапезунт (нын. Трабзон) в Малой Азии, упоминаемый и Страбоном (VII: 4, 3), и Тацитом (История III: 47), и, позднее, Прокопием (Война с готами IV: 2, 2–3; О постройках III: 7, 1), не подходил бы к списку городов на северных берегах Черного моря. Однако название “Трапезунт” все же в одном случае упоминалось в связи с Таврическим полуостровом, хотя относилось оно не к городу, а к горе. Страбон (в указанном выше месте “Географии”) совершенно ясно сообщает, что “в горной области Тавров есть и гора, одноименная городу близ Тиварании и Колхиды”. Таким образом, римский географ, как бы предвидя возможность неправильного отнесения имени горы к знаменитому малоазийскому городу, намеренно противопоставляет эти два одинаковых названия. Остается предположить, что Иордан под Трапезунтом в § 32 подразумевал не понтийский город Трапезунт, а поселение с названием Трапезунт, но неизвестно, было ли оно там же, где и гора Трапезунт в Таврике. Конечно, можно допустить у Иордана некоторую непоследовательность в расположении названий городов. Если принять во внимание гору Трапезунт по Страбону, которую с достаточной вероятностью отождествляют с Чатырдагом (“Шатёр-гора”), характерным своим “столообразным” профилем, то поселение с названием “Трапезунт” должно было бы находиться где-то около Алушты. В таком случае Трапезунт в списке Иордана следовало бы поместить не после Мирмекия, а между Херсоном и Феодосией. Если обойтись без этой поправки и оставить Трапезунт на последнем месте в списке, то малоазийский Трапезунт следовало бы искать на восточном берегу Боспора Киммерийского (Керченского пролива). Как известно, А. А. Васильев в работе “Готы в Крыму” (стр. 75–79) собрал упоминания о готах-трапезитах, исходя из того, что в некоторых рукописях “Готской войны” Прокопия вместо слова “тетракситы” (IV: 4, 5 и 18) стояло слово “трапезиты”. Особо о трапезитах в Таврике упоминал Сестренцевич Богущ (История о Таврии I: 272, 276, 278) и позднее архимандрит Арсений (Готская епархия в Крыму: 60). Но впервые сопоставление между “тетракситами” (не поддающимися объяснению) и “трапезитами” (объясняемыми по связи с названием горы Трапезунт – Чатырдаг в Крыму) сделал немецкий ученый Хершель. Он писал: “Название „тетракситы“ не получило еще никакого удовлетворительного разъяснения. Если бы чтение „трапезиты“ в некоторых рукописях Прокопия оказалось правильным, то значение было бы легко объяснимо. Столовая гора – Чатырдаг – называется у Страбона *Τραπεζοῦς*, и в таком случае под трапезитами надо было бы понимать окрестных жителей

близ этой горы” (Herschell. Die Tetraxitischen Gothen: 95).

²⁰ Описание северного побережья Черного моря с его городами – их названо восемь – целиком основано на данных античных писателей. Современные Иордану источники (записи или рассказы очевидцев) не содержали никаких данных об этих столь отдаленных городах. Вслед за Иорданом почти полностью и в том же порядке повторил (в VII–VIII вв.) список северно-черноморских городов (от Борисфена до Трапезунта) так называемый Равеннский географ (Rav. anon. IV: 3; V: 11).

²¹ Иордан отразил распространенные в его время сведения о Рифейских горах – Урале: во-первых, что Рифейский хребет разделяет Азию и Европу; во-вторых, что с него течет Танаис – Дон, который в свою очередь является восточным пределом Европы. Ниже, следуя данным ряда античных карт (Эратосфена, Агриппы, римских карт), Иордан повторяет сложившееся задолго до него мнение, что Рифейские горы составляли часть грандиозной системы Кавказа и что Кавказский хребет (mons Caucasi) обходит непрерывной цепью (jugo continuo) большую часть “земного круга”: от Индийского моря к западу, давая начало Тигру и Евфрату, затем к северу в Скифию “вплоть до Рифейских гор”, откуда направляется вдоль Понта до Истра и даже за Истр. Об общей системе горных хребтов, в которую включались, с точки зрения античных географов, как Рифейские, так и Кавказские горы, Иордан мог прочесть в географическом трактате Помпония Мелы (I: 81; 109) и у Орозия (I: 2, 36–47).

²² *Племя акациров* (gens Acatzirorum) Иордан называет могущественнейшим, сильнейшим (gens fortissima) и определяет его как неземледельческое, занимающееся скотоводством и охотой. Племя акациров (по Иордану) живет на огромных пространствах между эстами, занимавшими территорию близ янтарного берега у Балтийского моря, и булгарами, обитавшими на берегу моря Понтийского, что явно преувеличено. Вероятно, точнее представлял себе акациров Приск, писавший на сто лет раньше Иордана, что акациры – “скифское” (т. е. гуннское) племя (фр. 8; ср. фр. 30). Из его же сочинения известно, что Аттила держал акациров в своем подчинении и послал своего старшего сына управлять ими: они жили тогда (в первой половине V в.) в припонтских областях (фр. 8) и ходили через Каспийские ворота в Кавказском горном хребте войной на персов (фр. 37). Судя по тому, что ряду акацирских князьков император Феодосий II, как свидетельствует Приск, регулярно посылал “дары”, акациры были сильным племенем, союз с которым был желателен для империи (фр. 8). Прокопий не называет в своих произведениях племя акациров, но говорит, что в примеотийских степях жили гунны “киммерийцы”, в его время именовавшиеся утигурами (Война с готами IV: 4, 8; 5, 1).

²³ Под *булгарами* (Bulgares) Иордан подразумевал гуннские племена северо-восточного Причерноморья.

²⁴ *Альциагиры* (Altziagiri) – племя, кочевавшее, по словам Иордана, “около Херсоны” (juxta Chersonam) то в степях летом (aestate campos pervagant), то у понтийских берегов зимой (hieme supra mare Ponticum), – принадлежали к группе гуннских племен. Названия “альциагиры” нет ни у Приска, ни у авторов VI в. – Прокопия, Агафия, Менандра, ни у Феофилакта Симокатты. По-видимому, об альциагирах Иордана говорится у Прокопия (Война с готами IV: 5, 28): “если идти из горо-

да Боспора в город Херсон... то всем, что находится в промежутке, владеют варвары, гуннские племена”.

²⁵ *Савиры* (Saviri) – гуннское племя, так как в предыдущей фразе Иордан говорит о гуннах в целом, о совокупности объединенных под именем гуннов племен, а затем перечисляет их, называя одних альциагирами, других савирами. Указав, что альциагиры обитают близ Херсона, Иордан, ничего не говоря о местах обитания савиров, переходит к сообщению о хунугурах и более не возвращается к савирам. Может быть, хунугуры – иное название савиров. С достаточной точностью о местах расселения савиров пишет Прокопий. Они, по его словам, живут около Кавказских гор (Война с готами IV: 3, 5; 11, 23) или, вернее, “позади” (т. е. глубже, восточнее) зихов, которые располагались в северной части кавказского побережья (Война с персами II: 29, 15). Хотя савиры бывали наемниками ромеев (Агафий III: 17), но чаще они помогали в войне персам (Там же IV: 13). Их в большинстве случаев враждебную к Византии позицию показывает Менандр (фр. 5, 41, 42). Они были известны еще в V в., поскольку упоминание о них встречается на страницах записей Приска (фр. 4).

²⁶ *Хунугуры* (Hunuguri) – гуннское племя, близкое или сливающееся с савирами, обитателями Северного Кавказа. У Иордана, у Прокопия, у Агафия упоминаются разные племена, названия которых сходны своими окончаниями: “гуры”, “дзуры”, “гиры”, “дзиры”, “иры”, “оры”, “ары”, (ср. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica II, 1958: 359–360). Таковы у Иордана хунугуры, биттугуры, алпидзуры, алцилдзуры, ултзиндзуры, в некоторых рукописях измененные в ултзингуры; затем – савиры, альциагиры, ангикиры, бардоры, итимары (§§ 27, 126, 272). Особую форму у Иордана имеют названия еще двух гуннских племен – тункарсы и боиски (Tuncarsi, Boisci). У Прокопия – утигуры и кутригуры. У Агафия – котригуры, утигуры, ултдзуры. Все названные племена составляли, по Прокопию, “множество гуннских племен” или “огромную толпу гуннов” и жили вокруг Меотиды. Иордан особо выделяет часть гуннских племен близ Херсона, о чем также сообщает и Прокопий (Война с готами IV: 5, 28).

²⁷ *Шкурки степных грызунов* употреблялись кочевниками для легкой одежды; для более плотной и теплой использовались звериные шкуры. Интересно сравнить с этим свидетельством Иордана рассказ, приводимый в сокращении не дошедшей до нас “Истории” Помпея Трога (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.), составленной Юстином. При описании Скифии он сообщает, что кочевое население степей, несмотря на холода, не употребляет шерсти (lana), но “пользуется только звериными и мышиными шкурами” (pellibus tantum ferinis et murinis utuntur. – II: 2). Аммиан Марцелин также сообщает, что гунны носят одежды либо льняные, либо из шкурок полевых мышей: indumentis operiuntur linteis vel ex pellibus silvestrium murum consarcinatis (XXXI: 2, 5).

²⁸ Дальше автор снова обращается к рассказу о готах, поэтому, быть может, tantorum virorum следует отнести к готам, которые привели в ужас хунугуров.

²⁹ По Орозию (I: 14), *Весозис*, царь египетский, начал войну со скифами и был ими побежден. Орозий основывался в значительной мере на сочинении Юстина – его сокращении “Истории” Помпея Трога. Юстин противопоставляет скифского царя Таная египетскому царю Весозису (I; II, 3).

³⁰ Юстин I: 15.

³¹ По-видимому, Иордан устанавливает, что скифы Орозия являются “готами”. Он читал у Орозия (Oros. VII: 37, 4–5, 9), что Радагайс (ум. в нач. V в.), вождь двенадцати тысяч гетов, – “язычник и скиф” (paganus et Scythia), “язычник-варвар и истинне скиф” (paganus barbarus et vere Scythia), и сам повторил про Радагайса, что он – скиф (Rom.: 321).

³² Хриннские горы (вернее – горы племени хриннов, montes Chrinnorum). Хринны названы только Иорданом, причем написание “Chri” могло получиться (у переписчика) из “Chu”, и, таким образом, Иордан, быть может, писал о “хуннах” (Chunni). По-видимому, автор говорит здесь (Get.: 45) о реке Яксарт (Сырдарья), объясняя, что это “другой (Танаис), который, возникая в Хриннских горах, впадает в Каспийское море” (Каспийское и Аральское моря не различались у источника Иордана достаточно отчетливо). Возможно, что “Хринны” Иордана являлись отзвуком “Гринайев” (Γρινάιοι) Птолемея (VII: 13, 3).

³³ Иордан включает *амазонок*, с некоторыми чертами из многообразных мифов о них, в историю гетов, последовательно проводя свою тенденцию – углубить древность готского племени. Переход к рассказу об амазонках сделан Иорданом весьма неловко: сообщив о том, что “царь египетский Весозис” воевал со “скифами” и что “скифы” были мужьями амазонок (§ 44), Иордан в то же время заявляет, что врагами Весозиса были “готы”. Таким образом, получается, что амазонки были женами гетов; древность же амазонок в глазах всех не подлежала сомнению. Так, Иордан искусственно связал амазонок с готами и украсил легендами о первых историю вторых. Иордан черпал сведения об амазонках из сочинения Орозия (I: 15), который, в свою очередь, заимствовал их из труда Юстина. Иордан описал поход амазонок из Скифии по Кавказу и по Малой Азии, основание ими ряда малоазиатских городов, постройку святилища Артемиды-Дианы в Эфесе и возвращение обратно к “Марпезийской скале” на Кавказе (§§ 49–52); Иордан подробно остановился на браках амазонок, на их отношении к детям, на воспитании девочек в воинском духе и уничтожении мальчиков (§§ 56–57). У Иордана смутно отражены известные эпизоды борьбы с амазонками Геракла и Тезея (§ 57). Для проведения своей тенденциозной линии автору существенно было указать, что амазонка Пентесилея (по послегомеровскому сказанию, дочь Арея Фракийского) участвовала в Троянской войне (§ 57).

³⁴ С глубокой древности *Кавказом* назывался нынешний Кавказский хребет. Кавказ считался самой высокой горой среди известных в древности гор и представлялся вместе с рекой Фасисом “краем мира”. Но после походов Александра Македонского (356–323) “край света” передвинулся к востоку, на границы Индии, и началом “Кавказа” стали считать западные Гималаи и Гиндукуш (горы Парнас, или Парапамиз). Таким образом, в древних сочинениях по географии указывалось на огромную горную цепь, носившую общее название Кавказ, части которой именовались различно. Эта грандиозная горная система, как думали античные географы (Страбон, Помпоний Мела, Плиний, Птолемей), зарождалась в Индии, тянулась за запад к Эльбурсу на южном побережье Каспийского моря, давала отроги еще западнее, у истоков Тигра и Евфрата, поворачивала на собственно Кавказ, где достигала наибольшей высоты, далее соприкасалась с Рифейскими горами (Урал) и продолжалась через Таврику до Балканского полуострова. Такой взгляд на систему Кавказских гор воспри-

нял и Иордан, который начал свое описание, следуя либо Плинию, либо эксцерпировавшему его Солину (середина III в. н. э.).

³⁵ *Красное море* (mare rubrum, mare Erythraeum; ερυθρόν – красный) – так назывался Индийский океан вместе с Персидским заливом.

³⁶ Рифейские горы – Уральский хребет.

³⁷ *Каспийские, Армянские, Киликийские* ворота. Об этих “воротах”, точнее – горных перевалах на Кавказе, говорит Солин (XXXVIII: 13): “там, где (горная цепь) раскалывается расщелинами (hiulcis), она образует ворота, из которых первые – Армянские (Armeniae), затем – Каспийские (Caspiae), потом Киликийские (Ciliciae)”. Иордан вместо выражения “hiulcus” употребил “hiatus” и перечислил “ворота” в ином порядке. Под “Каспийскими воротами” обычно подразумевается береговая полоса Каспийского моря близ Дербента. Однако у Иордана названием “Каспийские ворота” определен горный перевал, именуемый у Плиния (V: 99; VI: 11, 12) “Кавказскими воротами” (portae Caucasiae). По словам Плиния, этот перевал многие путали с другим перевалом, именовавшимся “Каспийскими воротами”; “Кавказские ворота”, по Плинию, соединяли страну иберов с сарматами и находились примерно на середине расстояния между черноморским и каспийским побережьями. У Птолемея “Кавказские ворота” Плиния названы “Сарматскими”. Таким образом, “Каспийские” ворота в Get., § 55, “Кавказские” ворота Плиния и “Сарматские” ворота Птолемея, очевидно, соответствовали Дарьяльскому ущелью на горной дороге с Северного Кавказа. “Армянские” ворота, упоминаемые и Страбоном (I: 80), и Плинием (V: 99), и Помпонию Мелой (I: 81), соответствовали высокому горному перевалу к северу от Тапсака. “Киликийские” же ворота представляли собой проход через Тавр в Киликию и находились (нын. перевал Гюлек-Бугаз) к северу от города Тарса. О “Киликийских” воротах (именно о них) упоминает Страбон (XII: 537, 539). Плиний (V: 91) под “Киликийскими” воротами подразумевает один из береговых проходов в Киликии.

³⁸ *Мелания* (Melanis у Иордана вместо Menalippe; у Орозия – I: 15, 8–9 – Melanippe) – амазонка Меналиппа; по греческой мифологии, она была сестрой царицы амазонок Антиопы (Ипполиты). Когда Геракл победил Антиопу, он взял в плен ее сестру Меналиппу.

³⁹ Мифическая царица амазонок Ипполита (Антиопа), плененная Тезеем и родившая от него Ипполита; последнего Еврипид сделал героем своей трагедии “Ипполит”.

⁴⁰ Penthesisileia – мифическая царица амазонок, дочь Арея. Она оказала помощь Приаму и погибла в поединке с Ахиллом. Слова Иордана о Пентесилее явно навеяны словами Орозия: cuius Troiano bello clarissima inter viros documenta virtutis accepimus (I: 15, 10).

⁴¹ *Сарматы*, или савроматы (Sarmatae, Sauromatae), неоднократно упоминаются Иорданом (Get.: 58, 74, 101, 178, 191, 265, 277, 282; Rom.: 247, 287). В общем значении это название в раннесредневековых источниках является исключительно собирательным и должно рассматриваться как географическое определение племен, давших имя “Сарматии”. Впервые термин “Сарматия” был употреблен Помпонию Мелой (III: 33). Под Сарматией понималась средняя и главным образом южная часть Восточно-Европейской равнины до Волги на востоке и включая Карпаты на западе. Число племен в Сарматии, называемых рядом авторов, очень велико, и задача их определе-

ния очень сложна как из-за недостатка сведений о них, так и из-за путаницы в свидетельствах разных писателей. Основными племенами (в некоторых случаях – объединениями племен), выделявшимися на территории Сарматии еще в античности, были: меоты – к востоку от Меотиды: аланы (упоминаемые с I в. н. э.) – на север от Кавказского хребта и в степях Северного Кавказа; роксоланы (выступающие в письменных и эпиграфических памятниках I в. н. э.) – между Доном и Днестром с заметным движением на запад; язиги, более других ушедшие от Меотиды на запад, достигнув Дуная, и особенно четко определившиеся (по-видимому, к середине I в. н. э.) к востоку от Дуная, близ Тиссы. Иордан указывает, что старое название “савроматы” относится к тем племенам, которые в его времена называются “сарматами” (§ 265); он, несомненно, не знал о древних савроматах Геродота (IV: 57, 103, 110, 116–117, 119–122, 128–136) и об их стране “Савроматиде” (там же, IV: 123), лежавшей только к востоку от Танаиса – Дона (это у Геродота определено очень точно; он говорит, что по ту сторону, т. е. к востоку от Танаиса, нет никакой скифской земли, а сразу же лежит земля савроматов (там же, IV: 21). Хотя Иордан и был знаком с трудами Помпония Мелы и Птолемея, он ничего не сказал ни об “азиатской” и “европейской” Сарматиях (Птолемея), ни об их границах, впрочем, почти совпадающих (кроме дальневосточных) с границами, которыми в его (Иордана) сочинении очерчена Скифия. Только у Аммиана Марцеллина как отголосок давно отодвинувшихся в прошлое сведений звучит упоминание о савроматах (XXII: 8, 29); в небольшой экскурс, посвященный описанию Фракии и припонтских областей (и сделанный по древним источникам), он включил сообщение о савроматах “по ту сторону Танаиса”, “растянувшихся в ширину” (шириной обычно называли восточно-западное протяжение). Тут же (XXII: 8, 31) рассказал Аммиан о племенах, некогда населявших земли вокруг Меотийского болота, приводя этнические наименования, которые в его время, конечно, не употреблялись: “яксматы, меоты, язиги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны, агафирсы”. Другие сообщения Аммиана Марцеллина касаются более поздних периодов. В годы правления Константина I (307–337) происходили события, связанные с восстанием (*conjuratio clandestina* ‘тайный заговор’) поработенной части сарматов против сарматов-господ (там же, XVII, 12, 18; Anon. Vales.: 32: *servi Sarmatarum adversum omnes dominos rebellarunt*). Вооруженные рабы победили господ (*vicerunt dominos*) и изгнали их из своих областей. Константин II (337–361) вернул изгнанных сарматов обратно за Дунай. Действительно, не только Иордану, но и Аммиану Марцеллину и Орозию сарматы известны как живущие за Дунаем, по соседству с квадами, вместе с которыми сарматы часто опустошали Паннонию. “В те времена (рассказ относится к 365 г.), – пишет Аммиан Марцеллин, – по всему римскому миру будто запели боевые трубы, призывая к войне, и возбужденные ими яростнейшие народы пересекли ближайшие границы: алманны разорили Галлии и Рэции, сарматы с квадами – Паннонии...” (XXVI: 4, 5). Хотя области, занимаемые сарматами, и названы “самым лоном варварской земли” (*in ipso barbarici soli sinu hoc est in Sarmatarum regione*, – Anon. Vales.: 34; те же слова – Орозий VII: 28, 29), тем не менее сарматы были ближайшими соседями империи на подунайских границах. Такими они даны и у Иордана; поэтому едва ли можно сомневаться в том, что сарматы VI в. – это язиги, обита-

тели степных пространств к востоку от Дуная (в части его северо-южного течения) и берегов Тиссы, которая и являлась рекой позднесарматских земель.

⁴² Не отметил ли Иордан этими словами в части, касающейся сарматов и готов, того смешения, которое происходило в варварской среде, когда под властью одного вождя (Аттилы, Алариха, Одоакра, Теодериха и др.) объединялись разные племена и когда (как часто бывало) одного и того же человека один писатель причислял к одному племени, а другой – к другому именно оттого, что этническое название племени сильнейшего и руководящего могло иногда перекрыть названия других, отличных от него племен? Ср. далее сведения о Бессе и об отзывах о нем, с одной стороны, Иордана, с другой – Прокопия. Об Одоакре сообщается, что он был скиром (Аноним Валезия, Иоанн Антиохийский), ругом или рогом (Иордан), королем готов (Марцеллин Комит), герулов (*Auctarium Havniense* и другие источники), торкилингов (Иордан).

⁴³ Кир – царь персов (правил в 558–529 гг.). По Геродоту, Кир пал в войне с массагетами – скифским племенем, обитавшим к северу от реки Яксарта (совр. Сырдарья).

⁴⁴ В обстоятельном рассказе о походе Кира в каспийские степи, к северо-востоку от Ирана, во владения царицы Томиры, Геродот (I: 205–214) называет последнюю царицей массагетов. У ряда других авторов (Диодор, Лукиан, Юстин, Аммиан Марцеллин, Орозий) она названа царицей скифов. Иордан воспринял знаменитый рассказ Геродота в передаче Помпея Трога (*Pompeio Trogo testante*) и назвал Томиру царицей гетов (массагетов). Эпизод с Томирой, победившей могущественного Кира (Кир был убит в 529 г.), нужен Иордану для того, чтобы тенденциозно подчеркнуть древность гетско-готской истории. “Геты со своей царицей”, говорит он, победили Кира, и тогда “готское племя впервые увидело шелковые шатры” (*primum Gothorum gens sirica vidit tentoria*). Чтобы связать царицу Томиру с гетами и готами, пребывавшими некоторое время в Нижней Мезии, Иордан сделал Томиру к тому же и основательницей города Том, или Томиды (*Thomis*), на западном побережье Черного моря, фонетически сблизив имя Томиры с названием Томы.

⁴⁴ Аракс (*Abraxes, Araxes*) в данном случае не Аракс в Закавказье, а Аму-Дарья, древний Окс (*Oxus*).

⁴⁵ Великую Скифию Иордан описал очень тщательно (Get.: 30–37), причем он говорит не о Скифии, очерченной Геродотом (т. е. старой Скифии, не заходившей восточнее Дона), а о Скифии гораздо более обширной, растянутой в северную Азию и чуть ли не доходившей до “Восточного Океана” (так по Страбону; Иордан же склонялся к мнению Птолемея, по которому за восточными пределами Скифии лежала еще страна серов – Серика). Малая Скифия была известной Иордану страной. Она называлась так и в его время (*puncs*); в ней он, по-видимому, жил, когда был нотарием Гунтигиса (там же: 265–266). Однако описания этой области он, к сожалению, не оставил, быть может, потому, что для него самого она была очень ясна и близка. Страбон наиболее подробно рассказывал о Малой Скифии, которая, по его словам, не всегда находилась южнее низовьев Дуная. Этим именем называл он земли тавров (в Крыму), за исключением владений Боспорского царства, и земли западнее перешейка Таврического полуострова, вплоть до Борисфена (VII: 311). Но когда скифы (примерно в V в

до н. э.) перешли реку Тиру (Днестр) и Истр и расселились на равнинах нынешней Добруджи, то эта область, подобно той, из которой они пришли, стала называться “Малой Скифией”. Ниже (VII: 318) Страбон еще раз упоминает это название, говоря о болотах Малой Скифии, “той именно, которая находится по сю сторону Истра”. Область Малой Скифии (нын. Добруджа) входила в состав римской провинции Нижней Мезии; в первые годы правления Диоклетиана (284–305) в результате реформы административного деления империи она была выделена в особую провинцию с именем *Scythia minor* (Малая Скифия).

⁴⁶ *Город Томы* (Thomes civitas) – около совр. Констанцы, на западном побережье Черного моря.

⁴⁷ *Дарий I*, сын Гистаспа из рода Ахеменидов (522–486), совершил грандиозный поход на скифов около 514 г. до н. э. Он перевел войско сначала через Босфор по мосту из тесно составленных кораблей, затем через Истр, также по наведенному из речных судов мосту. Во Фракии Дарий воевал с гетами, которые оказали персидскому завоевателю решительное сопротивление. Дальнейшие военные действия против скифов пресеклись из-за недостатка воды и из-за трудностей войны с неуловимой скифской конницей. В результате Дарий, несмотря на свое огромное войско, принужден был отступить к Истру, не добившись никаких побед. Основным источником о скифском походе Дария, является Геродот. Но Иордан, включивший экскурс о Дарии для того, чтобы показать, как готы (в изображении Иордана тождественные гетам) противостояли могущественному персидскому царю, пользовался сведениями либо из труда Помпея Трога (это утверждает сам Иордан в рассказе о войне между Киром и царицей Томирой), либо из труда Орозия (II: 8), построенного на сочинении Юстина, эпитоматора Помпея Трога.

⁴⁸ *Ксеркс I* (486–465), сын Дария, перевел войска в 481 г. через Геллеспонт и направил к берегам Греции большой флот. Обычный источник Иордана Орозий (II: 9–10) подробно сообщает о походе Ксеркса на Грецию, но Иордан, не смущаясь этим, пишет, что Ксеркс “пошел на готов войной”.

⁴⁹ *Филипп II Македонский* (359–336). Иордан сразу же показывает, почему в его изложении ему нужен знаменитый македонский царь, отец Александра Македонского. Во-первых, Филипп породнился с гетским (“готским”) царем, взяв его дочь в жены; во-вторых, Филипп не сумел взять город Одесс или Одисс (нын. Варна), подчиненный гетам (“готам”). И в этом случае Иордан подчеркивает древность истории готов, основываясь на якобы твердо установленном тождестве готов с гетами.

⁵⁰ *Медона* (Medopa, правильнее Meda) – дочь, конечно, не готского, а гетского (фракийского) царя Котеласа, на которой, по преданию, женился Филипп Македонский.

⁵¹ *Гудила* (Gudila) – искаженное имя гетского (фракийского) царя Котеласа (Kothelas, Κοθῆλας). Иордану важно, раз уж он положил в основу истории готов историю гетов, подчеркнуть связь “готов” со знаменитым македонским царем.

⁵² Под *древней Дакией* (Dacia antiqua) Иордан подразумевал римскую провинцию, расположенную к северу от нижней Дуная. Ее западная граница проходила восточнее течения реки Тиссы, северная определялась Карпатами, восточная – течением Днестра и побережьем Черного моря, а южная – Дунаем, от впадения в него Тиссы и до его дельты. Завоеванная Траяном в 107 г. н. э., провинция Дакия была при Адриане разделена на две части – Верхнюю Дакию и Нижнюю Дакию

(соответственно течению Дуная). В 271 г. император Аврелиан оставил Дакию готам и создал новую небольшую провинцию на правом берегу Дуная под названием Прибрежная Дакия (Dacia Ripensis); она находилась между Нижней и Верхней Мезией и имела центром город Ратиарию. У биографа Аврелиана в серии «Писатели истории Августов» отмечено, что провинция, завоеванная в результате походов Траяна, была оставлена Аврелианом, затем им была создана новая провинция – правобережная Дакия (Аврелиан: 39): “Когда Аврелиан увидел, что Иллирик опустошен и Мезия разорена, он, сняв войско и провинциалов (т. е. римскую провинциальную администрацию), покинул Задунайскую Дакию (Transdanuviam Daciam), потеряв надежду удержать эту провинцию. Приведенных оттуда людей он поместил в Мезии и назвал “своей Дакией” (suam Daciam) то, что теперь разделяет обе Мезии”. В конце IV в. эти же сведения привел в «Бревиарии римской истории» Евтропий (IX: 15, 1). Он тщательно определил новую Дакию, расположенную, как он писал, “in media Moesia”: “ту, что теперь разделяет обе Мезии и находится на правом берегу Дуная, соответственно его течению в море, тогда как раньше она находилась на левом берегу” (est dextra Danuvio in mare fluenti, cum antea fuerit in laeva). В IV–V вв. различалась еще Внутренняя, или Средиземная, Дакия (Dacia interior или mediterranea) – между Верхней Мезией, Прибрежной Дакией, Нижней Мезией, Фракией и Дарданием. Орозий (V в.) уже не описывает особо Дакии в I книге «Историй»; он говорит только о землях, которые находятся между Дунаем – границей варварского мира – и “нашим”, т. е. Средиземным морем. К ним он относит Мезию, Фракию, Македонию, Ахайю, Далмацию и Паннонию с Нориком и Рецией (I: 2, 54–60). О Дакии же, утерянной Римом в 271 г., он кратко сообщает: Dacia ubi et Gothia (I: 2, 53). Таким образом, Орозий называет древнюю землю даков (гетов) “Готией” (“Гетией”) лишь по признаку смены населения. Не то делает Иордан. Не указав, что владения державы Бурвисты охватывали (или даже имели в центре) Дакию, Иордан называет ее в связи с именем Корилла, дакийского (гетского) вождя I в. до н. э. Поэтому ему и приходится объяснить, что собой представляла та Дакия, которую он называет “древней”, а именно Дакия интересующих его гетов (якобы предков готов), ставшая затем, в начале II в. н. э., римской провинцией на левом берегу Дуная. Ниже он именует описанную им Дакию гетов (впоследствии римскую провинцию Дакию) “Готией” (haec Gothia, quem Daciam appellavere maiores) и делает это, как все, что касается гетов, тенденциозно, изображая их как непосредственных исторических предков готов. Поводом к созданию ложной последовательности “геты – готы” послужил, быть может, факт обладания Дакией сначала гетами, а с середины III в. н. э. – готами, когда исконно гето-дакийскую землю можно было назвать “Готией”. Дакия, занятая в V–VI вв. гепидами, названа Иорданом “Гепидией” (quae nunc Gepidia dicitur). Таким образом, область, очерченная Иорданом довольно четкими границами (вдоль Тиссы – по Карпатам – по Днестру – по берегу Черного моря), выступает у него последовательно, как 1) Дакия – Гетия, особенно во времена Бурвисты и Корилла, в I в. до н. э.; 2) Дакия – римская провинция в 107–271 гг.; 3) Дакия – Готия с 271 г. по V в.; 4) Дакия – Гепидия в V–VI вв. При описании Скифии первым племенем у западных ее предков Иордан называет гепидов, живших по рекам Тис-

се, Данубию, Флутавию; глубже за ними, говорит он, т. е. восточнее, лежит Дакия (§§ 33–34). Здесь Иордан как бы выдвинул гепидов западнее Дакии, которую тем не менее называет Гепидией (§ 74).

⁵³ Готия (Gotia). Провинция Дакия, хотя и была оставлена в 271 г. римлянами готам, в данном случае соответствует стране гетов, “Гетии”, потому что Иордан сделал историю гетов как бы древнейшей историей готов. Орозий, который приравнивал гетов к готам (I: 16, 2), писал о римской провинции Дакии: *Dacia ubi et Gothia* (I: 2, 53) в смысле: “Дакия, та именно, где находится Готия”. Названия областей, созданные по именам народов, пребывавших на тех или иных территориях даже

короткое время, иногда удерживались надолго. Примером могут служить: *Vandalisia* – Андалузия (от вандалов), Каталония (собственно Готоалания, от готов и аланов), Ломбардия (от лангобардов). Термин “Готия”, искусственно связанный с Дакией, привился фактически в двух местах: 1) в южной Галлии, так называемой Септимании, между устьями Роны и восточными Пиренеями. Здесь, на местах пребывания везеготов, название “Готия” держалось до XI в.; и 2) на побережье Крыма, где название “Готия” носило условный характер, обозначая даже в XIV и XV вв. занятую местным населением прибрежную полосу между Судак и Балаклавой; этот берег с названием “Готии” был уступлен татарам в 1381 г. генуэзцам.

Источник: *Iordanis Romana et Getica* / Rec. Th. Mommsen. – Berolini, 1882. – (MGH AA. T.5, P.1),

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. – М.: Изд. вост. лит., 1960. Переиздание: – СПб.: Алетейя, 1997; 2001.

Лактанций

Lactantius

Лактанций, Луций Цецилий (Целий) Фирмиан – *Lactantius Lucius Caecilius (Caelius) Firmianus* (250–320/330), латиноязычный христианский философ, богослов, писатель, основатель историографии на латинском Западе. Родился в Северной Африке, где учился у Арнобия Старшего. Между 290–300 гг. был приглашен императором Диоклетианом вместе с грамматиком Фабианом в Никомедию в Вифинии, где он выполнял функции ритора, в качестве магистра преподавал ораторское искусство и, обратившись в христианство, написал несколько богословских сочинений. Пережил гонения на христиан при императоре Диоклетиане и был вынужден покинуть Вифинию; смог возвратиться в митрополию после эдикта о толерантности от 311 г., но не сразу, а лишь в 317 г., когда Константин Великий переселил его в Трир как своего бывшего преподавателя и назначил воспитателем своего сына Криспа, который, однако, вскоре погиб от руки отца.

Перу Лактанция принадлежат популярные произведения «О смертях гонителей» (*«De mortibus persecutorum»*) – рассказы о гибели Нерона, Дормитиана, Деция, Валериана, Аврелиана, Диоклетиана, Максимиана, Галерия и Максима, преследовавших христиан), «Божественные установления» (*«Divinarum institutionum»*) – классическое изложение основ христианства; лаконичный вариант – «*Epitome Divinarum Institutionum*» – «Эпитома “Божественных установлений”»), «Истории из “Метаморфоз” Овидия», многочисленные теологические, философские и этические сочинения, прямо или косвенно направ-

ленные на защиту устоев христианства, в том числе «О Божьем творении» (*«De opificio Dei»* – в развитие книги Цицерона *«De republica»*), «О гневе Божьем» (*«De ira Dei»* – против стоиков и эпикурейцев), «О мудрости» (*«De sapientia»* – о внутренних противоречиях язычества), «О справедливости» (*«De iustitia»*), «Путевые заметки» (*«Hodoeporicum»*), поэма «О птице Феникс» (*«De ave Phoenice»* – авторство оспаривается) и пр. Оказались утраченными трактаты «Грамматик» и «Симпозиум», 2 книги писем Асклепиаду и 8 книг писем другим адресатам – Пробу, Деметриану, Северу и др. За блестящий латинский язык и стиль итальянские гуманисты назвали его “христианским Цицероном”. В сочинениях Лактанция имеется множество сведений о разных авторах, порой уникальных.

Авторство Луция Лактанция в отношении приводимых ниже схолиев (толкований, комментариев) к поэмам Стация «Фиваида» и «Ахиллеида» на сегодняшний день считается опровергнутым, и произведение доказательно отнесено к творческому наследию грамматика Лактанция Плацида (*Lactantius Placidus*) – комментатора V–VI вв., от которого дошло до нас и более универсальное сочинение данного направления – *«Liber glossariarum»*. Опираясь на данные языка, исследователи убеждают, что схолии относятся приблизительно ко второй половине V в., то есть ко времени второго из одноименных ученых. Не вдаваясь в дискуссию, публикуемые ниже схолии к Стацию, согласно традиции, мы предваряем их общим именем.

Лактанций

Схолии к «Фиваиде» Стация

Извлечения, перевод и примечания А. И. Малеина

Толкование к книге I

275. *Скот, которому более подобало бы жить у подошвы гетского Гема* – то есть: лошади были бы достойны стоять в Скифии, где были лошади Диомеда, которые питались человеческим мясом¹.

419. *Рифейского снега* – т. е. скифского. *Рифей* – гора в Скифии, на которой бывают всегда чрезмерные бури, как говорит Вергилий²: “поражается эвром рифейским”.

Толкование к книге II

421. *Или гелонов, бледных от убегающего Солнца* – убегающего, т. е. отдаленного, так как говорят, что скифы, которых он теперь называет гелонами, не имеют должного количества воздуха, так как они далеко отодвинуты от солнца. Они живут на севере, и солнце к ним едва проникает: потому бледных.

Толкование к книге III

352. *Савроматов жадных* – савроматы за Понтом являются соседями с жилищами амазонок, и до них не доходит власть римлян. Откуда Ювенал³: “за савроматов бежать отсюда угодно”. Савроматами, стало быть, он называет сарматов – племя людей, в высшей степени готовое на всякое злодеяние.

Толкование к книге IV

394. *Кавказ, оглашаемый оружием амазонок. Кавказ* – гора Скифии. Потому оглашаемый, что, говорят, амазонки воюют с пограничными народами, боевой клич которых – рев (*barritus*), т.е. варварский обычай (*barbarus ritus*).

506. *Колхидянка будет преследовать* – государство Скифии, из которого все отравительницы. Оттуда и Медея.

658. *Рыси* – когда Триптолем по благодетелю Цереры разносил земные плоды по всем народам, он пришел к царю Скифии Лику⁴ и там чуть не был обманут. Именно Лик, желая показать, что то, что принес чужестранец, было его собственностью, попытался прикончить Триптолема коварным образом. А тот, узнав опасность, начал преследовать Лика с обнаженным мечом. Тот, превратившись в одноименного с ним зверя, *оказался* окрашен

цветом, подобающим его нравам. Как говорит Вергилий: “Зачем пестрые рыси Вакха?”⁵

678. *Гирканские* – т.е. скифские тигрицы. Как говорит Вергилий: “И гирканские тигрицы подставили сосцы”⁶.

Толкование к книге V

145. *Луновидный* – круглощитный. Так как щиты амазонок, которые они называют *peltae*, имеют форму луны. Как говорит Вергилий⁷: “неистовая Пентесилея ведет полчища амазонок с луновидными щитами”⁸ и “ликуют женские полчища с луновидными щитами”⁹.

390. *Гиперборейским снегом* – скифским. Ибо Гиперборейские горы¹⁰ находятся по ту сторону северного ветра. Слово греческое: именно по-гречески говорится *ὑπέρ*, а по-латыни *ultra* ‘за’; *βορέας* называется *aquilo* ‘северный ветер’.

458. *Фасис* – река, которую поэт потому называет кровавой, что по ней, говорят, Медея, убегая от преследования отца, разбросала члены убитого брата. Или Фасис, река Скифии, постоянно окровавленная от варварских убийств. *Колхи* – государство одноименного народа, родина Медеи.

Толкование к книге VII

174. *Пельтами* – луновидными щитами, которыми пользуются амазонки.

524. *От гирканов* – армениев¹⁴. Вот что говорит Стаций: если бы я этого потребовал от самых жестоких народов, я мог бы заслужить, чтобы меня успокоил враждебный раздор братьев.

Толкование к книге VIII

290. *Которому Каспийские* – Каспийские ворота находятся в пределах армениев¹². Откуда Лукан говорит¹³: “И Каспийские запоры замыкают огромные пустыни”.

437. *И удары, приятные матери* – таврической, которую Орест перенес из Скифии¹⁴. Ибо она привыкла быть умиловивляемой человеческой кровью. Когда ее изображение было перенесено в Лаконию, то, чтобы не возникло греха от перерыва обычного жертвоприношения и чтобы народ Греции не подчинился жестокости, было изобретено, чтобы несовершеннолетние отроки состязались друг

с другом, сколько кто выдержит ударов, и вызывали друг друга на этот подвиг, и, положенные на алтарь Дианы, они подвергались бичеванию так долго, пока из человеческого тела не потечет кровь, которая являлась бы подо-

бием жертвоприношения. А эти отроки назывались *βωμονίκα* ‘победители на алтаре’.

Толкование к книге X

288. *Каспийские* – от Каспийского моря, которое находится между Арменией¹⁵ и Понтом.

Примечания

¹ Имеются в виду кони (кобылицы) фракийского героя Диомеда, по преданию, царя бистонов, сына Ареса и Кирены, которых он привел с собой в Микены. – Аполлодор. Библиотека II: 96 сл.

² Вергилий. Георгики III: 328.

³ Ювенал. Сатиры II: 1 сл.

⁴ У Овидия (Ov. Met. V: 650), в рассказе, источником которого является Никандр, скифский царь именуется Линком. Лик – по отождествлению с фракийским героем, а также с известным мифическим царем мариандинов.

⁵ Вергилий. Георгики III, 264.

⁶ Вергилий. Энеида IV, 367.

⁷ Вергилий. Энеида I, 490 сл.

⁸ Вергилий. Энеида XI, 663.

⁹ Ср. Силий Италик II: 76.

¹⁰ *Гиперборейские горы* – то же, что Рипейские горы, ср. Мела III: 36.

¹¹ Отождествление гирканов с армянами – несомненная натяжка, ибо между названными народами по побережью Каспийского моря жили каспии, кадусии, гелы, имарды. Ср. Страбон XI: 6, 1; 7, 1.

¹² Ср. Плиний. Ест. ист. VI: 30.

¹³ Лукан. Фарсалия VIII: 291.

¹⁴ Имеется в виду культовая статуя Артемиды Ортии в Спарте, которую, по преданию, Орест привез из скифской Тавриды. Ср. Павсаний III: 16, 7.

¹⁵ Схолиаст, вероятно, хотел сказать – Гирканией.

Источник: *Lactantius Placidus. Commentarius in Statii Thebaida* / Ed. R. Jahnke. – Leipzig, 1898;

Стаций. *Фиваида* / Перевод Ю. А. Шичалина, редакция М. Л. Гаспарова, примечания Е. Ф. Шичалиной. – М.: Наука, 1991; *Lactantius Placidus. Scholia in Statii Thebaida (In Statii Thebaida commentum)* / Ed. Robert D. Sweeney. – München-Leipzig: K. G. Saur Verlag, 1997.

Исидор Севильский

Isidorus Hispalensis

Исидор Севильский, лат. Испанский (ок. 560–636), писатель, историк, энциклопедист, систематизатор и популяризатор знаний по истории, географии, космологии, антропологии, теологии, грамматике и пр. Родился в знатной римо-испанской семье Севериана и Теодоры в Карфагене Испанском. Его старший брат Леандр был епископом Севильи (Испания), а после его смерти ок. 600 эту должность до конца своих дней занимал Исидор. Младший брат Исидора служил епископом Астигским, а сестра Флорентина была монахиней и руководила свыше 40 монастырями. В духе стремления толедского двора сравниваться с Римской империей, для чего менялись преимущественно внешние атрибуты – бутафорные придворные ритуалы, чеканились монеты с изображением короля, переделывалось законодательство – Исидор попытался провести “реставрацию” латинской культуры IV–V вв. Для этого он использовал античную и христианскую традицию Испании и соседней Африки. Источники и предшественники Исидора Севильского: Варрон, Веррий Флакк («О значениях слов» – «De ver-

borum significatu» в 20 книгах), Плиний Старший, Светоний, Помпей Фест, Марциан Капелла (О браке Филологии и Меркурия»), Виварий Кассиодор («Наставления в науках божественных и светских»), Боэций («Наставления в арифметике», «Наставления в музыке») и др. Основные компиляции Исидора Севильского: «Хроника», «История королей готов, вандалов и севов» (до 625 г.), толкования Библии («О рождении и смерти отцов», «Некоторые аллегории Священного Писания»), морально-назидательные сборники «Сентенции», естественно-научные трактаты «О порядке творений», «О природе вещей», «Различия» и энциклопедия «Этимологии», или «Начала» в 20 книгах, а также три книги «Сентенций» из области догматической и нравственной теологии. Этимология как поиск первооснов дала ему возможность представить все знание как сумму первоэлементов, а аналогия позволила установить связь между макро- и микромиром. Трактаты Исидора приняли вид терминологических исследований, разъясняющих смысл и содержание главнейших понятий средневековья.

Подробнее см.: Исидор Севильский // *Средневековая латинская литература IV–IX вв.* – М., 1970;

В. И. Уколова. *Жизнь и творения Исидора Севильского; Рождение средневекового энциклопедизма // Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века).* – М.: Наука, 1989.

Исидор Севильский

История готов

Перевод Т. А. Миллера и С. Железнова

Начало истории

1. Несомненно, что племя готов очень древнее; некоторые возводят его происхождение к Магогу, сыну Иафета, судя об этом по сходству последнего слога и заключая так, главным образом, из слов пророка Иезекииля. Ученые, напротив, привыкли чаще называть их “геты”, чем “Гог и Магог”¹. Их описывают как очень храбрый народ, который стремился опустошить даже Иудею.

2. На нашем языке их имя истолковывается “покрытые”, и этим указывается храбрость. И в самом деле, ни одно племя на земле не доставило Римской империи столько хлопот, как они. Ведь их даже Александр велел избегать, их боялся Пирр, и Цезарь страшился. На протяжении многих веков ими правили сначала вожди, а затем цари. По порядку их царствования следует излагать последовательный ход событий и соединять куски из рассказов о том, под каким именем они правили и как действовали.

3. В год XII до установления эры², когда Гней Помпей и Юлий Цезарь начали гражданскую войну за власть, готы пришли в Фессалию на помощь Гнею Помпею против Цезаря. В войске Помпея сражались эфиопы, индусы, персы, мидяне, греки, армяне, скифы и иные восточные народы, собранные против Юлия, однако мужественнее всех сопротивлялись Цезарю готы. Рассказывают, что Цезарь, пораженный их числом и доблестью, уже думал о бегстве, если бы ночь не положила конец сражению. Цезарь тогда сказал, что Помпей не умеет побеждать, а Цезарь не может быть побежден, потому что если бы Помпей умел побеждать, то с такими стойкими силами он одержал бы сегодня верх над Цезарем.

5. В эру 369 (= AD 331) на двадцать шестом году императора Константина³ готы вторглись в земли сарматов⁴ и пошли на римлян с огромной армией. Благодаря превосходящим силам, они уничтожили людей и разграбили землю. Константин лично выстроил войска против них и после жестокой схватки нанес готам поражение, оттеснив их за Дунай⁵. Константин продемонстрировал свою доблесть против разных народов, но более всего он известен своей победой над готами. Римляне с

одобрения сената наградили его публичными орденами, ибо он разгромил многие народы и вернул захваченные земли империи.

9. В эру 416 (= AD 378) на четырнадцатом году императора Валента готы, те самые, что прежде изгнали христиан с родной земли, были сами вместе с королем Атанарихом изгнаны гуннами. Перейдя Дунай, они сдались, — хотя и без сложения оружия, — поскольку не могли противостоять могуществу императора Валента, и получили Фракию для поселения⁶. Однако, когда их свободы, к которым они привыкли, были стеснены римлянами, они восстали. Они опустошили Фракию огнем и мечом, уничтожили Римскую армию, сожгли до смерти самого Валента, который, будучи ранен копьем, бежал на одну из окрестных вилл. Тот, кто отдал столько чистых душ вечному пламени, сам был заживо сожжен готами⁷.

13. В эру 437 (= AD 399) в четвертый год императоров Гонория и Аркадия⁸ готы насильно поделили королевство на две части между Аларихом и Радагайсом, поскольку не могли прийти к соглашению, как уничтожить римлян, и решили также для грабежа разделить на части Италию.

14. В эру 443 (= AD 405) в десятый год императоров Аркадия и Гонория Радагайс, король готов, скиф по происхождению⁹, приверженец культа идолов и варварской дикости, разрушительно вторгся в Италию с 200-тысячным войском, поклявшись, презирая Христа, даровать кровь римлян своим богам в случае победы. Его армия была окружена римским военачальником Стилихоном в горной части Тосканы и побеждена более голодом, чем мечом. После этого король был пленен и убит.

22. Валия устроил грандиозную бойню варваров во имя Рима. Он разгромил в битве силингийских вандалов в Бетике. Он уничтожил аланов, которые правили вандалами и свевами, так основательно, что когда их король Атакс был убит, немногие, кто выжил, забыли имя своего королевства и подчинились королю вандалов из Галисии Гундериху. Закончив войну в Испании, Валия собрался переправиться в Африку с морским флотом,

который снарядил. Но, попав в серьезный шторм в проливе Кадиса¹⁰ и помня о кораблекрушениях, случившихся во времена Алариха, он решил не искушать судьбу и вернулся в Галлию. В качестве признания заслуг, император дал ему Нижнюю Аквитанию со всеми городами окрестных провинций вдоль океанского побережья.

24. После того, как Аэций был устранен от командования войсками императором Валентинианом¹¹, Теодорид захватил город Нарбонну, взяв ее долгой осадой и измором. И снова он был обращен в бегство, на этот раз Литорием, командующим римской армией, при помощи гуннов. Но хотя Литорий сначала победил готов, позднее, ведомый демоническими знаками и словами предсказателей, он снова начал с ними войну. В результате Римская армия была побеждена, а Литорий умер проигравшим. Отсюда ясно видно, что все его несчастья не случились бы, если бы он на веру, а не на демонические знамения¹².

25. Теодорид заключил мир с римлянами и вместе с римским командующим Аэцием участвовал в битве на Каталаунских полях против гуннов, которые опустошали галльские провинции, жестоко расправляясь с населением и уничтожая города. Теодорид погиб в битве, но, как стало ясно позднее, он умер победителем. Готы под предводительством Торисмунда, сына Теодорида, сражались так сурово, что между первым и последним сражениями пало 300 000 человек¹³.

27. Гунны, вырезанные почти до полного истребления, оставили Галлию и со своим королем Атилиой бежали в Италию, где напали на некоторые города. Там они терпели неисчислимы бедствия, поражаемые голодом и карой небесной. Более того, император Маркиан¹⁴ послал армию и поразил гуннов стре-

мительной атакой. Серьезно ослабевшие, гунны вернулись в свою землю, где Атила, их король, вскоре умер¹⁵.

28. Сразу после этого сыновья Атилы начали борьбу за королевство. Гунны, уже понесшие значительные потери, начали уничтожать друг друга собственными мечами. Стоит заметить, что поскольку каждая битва приводит к гибели людей, гунны постепенно исчезли. Так произошло, поскольку они были призваны для испытания верующих, так же как народ персов.

29. Они были гневом Господним. Так часто, как его возмущение вырастает против верующих, он наказывает их гуннами, чтобы, очистившись в страданиях, верующие отвергли соблазны мира и его грехи и вошли в царство небесное. Народ гуннов был столь дик, что когда они чувствовали голод во время битвы, то протыкали конскую вену и удовлетворяли свой аппетит, выпивая кровь.

Выводы

66. Готы произошли от Магога, сына Иафета, и считаются одного рода со скифами. Вот почему они не слишком различаются в наименовании: одна буква изменяется, другая исчезает – и из Getae получается Scythae. Они были обитателями заснеженных вершин запада и жили на горных склонах рядом с другими народами. Согнанные со своих земель нашествием гуннов, они пересекли Дунай и отделились римлянам. Но когда более не осталось сил терпеть несправедливости, они в гневе подняли оружие, вторглись во Фракию, опустошили Италию, осадили и взяли Рим, вошли в Галлию и, перейдя Пиренеи, достигли Испании, где поселились и установили свою власть.

История вандалов

71. Два года спустя после нападения на город Рим (406 г.) поднялись по наущению Стилихона народы аланов, свевов и вандалов, перешли Рейн, вторглись в Галлию, разбили франков и неостановимым походом дошли до Пиренеев, чьи перевалы защищались весьма знатными и могущественными братьями Дидимом и Веронианом. Три года подряд оба они преграждали им [варварам] проход в Испанию и они [варвары] кружили по прилегающим провинциям Галлии. Но, после того как названная пара братьев, собственными средствами защищавшая Пиренейские перевалы,

была по подозрению в стремлении к *узурпации* трона совершенно невинно умерщвлена императором Констанцием, эти вышеупомянутые народы в 406 году ворвались в Испанию.

72. В 406 году прошли вандалы, аланы и свевы Испанию, убивая и опустошая, вдоль и поперек, они поджигали города и пожирали награвленные запасы, так что население от голода употребляло в пищу даже человечину. Матери ели своих детей, дикие звери, привыкшие насыщаться телами павших от меча, голода или мора, нападали даже на живых и

угрожали им смертью. И этими четырьмя бедствиями исполнилось предсказание божественного гнева, которое некогда возвестили пророки.

73. В году 421 варвары наконец решились, после жестокой судьбы, которую претерпела Испания под их ударами, заключить мир по Божьему велению, от которого стенала земля, и поделили по жребию провинции *Испании* между собой. Галлисию заняли вандалы и свевы, аланы – Лузитанию и провинцию Картаго Нова [Картахена]; вандалы же, зовомые силингами, отказались от Галлисии, опустошили строва тарраконской провинции, пришли назад и захватили Бетику...

76. Против него снаряжался на войну Феодосий Младший, император Востока. Но из этого не получилось ничего, ибо так как гунны опустошали Фракию и Иллирию, войско, уже посланное против вандалов, было с Сицилии отозвано для защиты фракийцев и иллирийцев. Когда же затем император Майориан из Италии прибыл в Испанию и в провинции Картаго [Картахена] снарядил некое число кораблей (458 г.) для похода против вандалов, то вандалы узнавшие об его намерении, захватили суда на рейде Картаго Новы (460 г.). И так Майориан увидел свое намерение расстроенным и возвратился в Италию, где был предательски убит патрицием Рицимером (461 г.).

История свевов

85. В 409 году свевы под началом их короля Гермериха вместе с аланами и вандалами прибыли в Испанию и совместно с последними заняли всю Галисию. Когда же вандалы перешли в Африку, Галисия осталась во владении одних только свевов. Гермерих властвовал над ними в Испании 32 года подряд. В одной же части страны галисийцы остались господами самим себе. Гермерих опустошал их постоянными грабительскими набе-

гами, впад же в болезнь, он заключил с ними мир и сделал соправителем своего сына Реккилу. Его, с большей частью своего войска, он послал против Андевота, начальника над римскими солдатами. Реккила нанес поражение его многочисленному войску на реке Сингий и забрал большое количество золота и серебра. Затем он осадил и покорил Эмериту, присоединив ее к своему королевству. Его отец умер, прохворав семь лет.

Примечания

¹ Гог – упоминаемый в Библии вождь, который, по пророчеству Иезекииля (гл. 38-39), должен был прийти с севера и опустошить Иудею. Магог – сын Иафета, внук библейского Ноя (Быт. 10).

² Исидор в «Этимологиях» (V, 36) приводит следующее определение “эры”: “Эра отдельных лет установлена Цезарем Августом, когда он впервые стал цензором и произвел перепись римского мира (29 г. до н. э.). Название “эра” взято потому, что весь римский мир обязывался платить налог (aes)”. Битва Цезаря и Помпея при Фарсале произошла в 48 г. до н. э.

³ Константин I, римский император (306-337).

⁴ Конфедерация варварских племен на Балканах.

⁵ После конфронтации в 332 г. Константин заключил с готами мирный договор, по которому по-

следние получали регулярную плату за войска, отправляемые для службы в империи.

⁶ 376 г.

⁷ Битва при Адрианополе случилась в 378 г.

⁸ Аркадий – римский император (395-408); Гонорий – римский император (395-423).

⁹ Происхождение *Радагайса* спорно. Предположительно, он возглавлял остроготов.

¹⁰ Гибралтарский пролив.

¹¹ Валентиниан III, римский император (425-454).

¹² Моралите Исидора связано с тем, что Литорий был язычником, а победившие готы христианами.

¹³ Битва на Каталаунских полях случилась в 451 году.

¹⁴ Маркиан, римский император (450-457).

¹⁵ Атила умер в 453 г.

Источник: *Isidorus Hispalensis. Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum* / Ed. Th. Mommsen // MGH Auct. antiquiss., XI, 1894; *Isidore of Seville. History of the kings of the goths, vandals and svevs.* – Leiden: Brill, 1966; *Isidor. Geschichte der Goten, Vandalen und Sueven.* – Stuttgart: Phaidon, 1990; *Средневековая латинская литература IV–IX вв.* – М., 1970.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	V – VI
Гомер	1
Илиада	1
Одиссея	4
Древние схолии к «Илиаде» Гомера	5
Схолии к «Илиаде» из Парижских рукописей	6
Объяснения к Гомеру в алфавитном порядке	6
Древние схолии к «Одиссее» Гомера	7
Гесиод	8
Теогония	9
Фрагменты	
Эои, или Каталог женщин	10
Без обозначения места	10
Гекатей Милетский	10
Свидетельства о Гекатее Милетском	11
Фрагменты из «Землеописания» по «Лексикону» Стефана Византийского (VI в. н. э.), отрывкам у Геродота (485–425 до н. э.), Диодора Сицилийского (ок. 90–21 до н. э.), Страбона (I в. н. э.), Атенея (Афиней, III в. н. э.), Агафемера (IV в. н. э.), Аммиана Марцеллина (ок. 330–ок. 400) и схолиям к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (III в. до н. э.)	12
Фрагменты из «Генеалогий» по Деметрию (345–283 до н. э.), Атенею (Афиней, III в. н. э.), Павсанию (II в. н. э.), «Лексикону» Стефана Византийского (VI в. н. э.) и схолиям к Еврипиду (484–407/406 до н. э.), Антимаху Колофонскому (V–IV вв. до н. э.) и Дионисию Фракийскому (ок. 170–ок. 90 до н. э.)	14
Эсхил	16
Трагедии	
Семеро против Фив	16
Плакальщицы (Хоэфоры)	17
Жертва у гроба	17
Просительницы	17
Евмениды	17
Прикованный Прометей	18
Схолии к «Семерым против Фив» Эсхила	21
Древние схолии к «Прометею»	21
Позднейшие схолии к «Прометею»	21
Пиндар	24
Оды	
Олимпийская ода III	24
Олимпийская ода VIII	25
Олимпийская ода XIII	25
Пифийская ода IV	25
Пифийская ода X	25
Пифийская ода XI (V)	26
Немейская ода IV	26
Истмийская ода II	26
Фрагменты	26
Схолии к Пиндару	
Олимпийская ода II	26
Олимпийская ода III	27
Олимпийская ода VIII	27
Олимпийская ода XIII	27
Немейская ода IV	29
Истмийская ода II	29

Софокл	30
Трагедии	
Царь Эдип	31
Эномай	31
Схолии к «Аянту» Софокла	31
Схолии к «Эдипу в Колоне» Софокла	31
Гелланик	31
Фрагменты	32
Ферекид Лерийский	32
Теогония	32
Геродот	33
История	34
Еврипид	74
Трагедии	
Алкеста	74
Ипполит	74
Андромаха	76
Геракл	77
Ифигения в Тавриде	77
Елена	78
Ион	78
Рес	78
Фукидид	80
История Пелопоннесской войны	81
Гиппократ	82
О воздухе, водах и местностях	82
О болезнях	85
О переломах и о членах	86
Аристофан	86
Птицы	86
Схолии к «Птицам»	87
Исократ	87
Панегирик	88
XII. Панафинейская речь	88
XV. Об обмене имуществом	88
XVI. Банкирская речь (Трапедзитик)	89
Ксенофонт	91
Анабасис	92
Воспитание Кира	96
Воспоминания о Сократе	96
Об охоте	96
Платон	97
Диалоги	
Лахет	98
Хармид	98
Горгий	99
Евтидем	100
Менексен	101
Государство	103
Эсхин	104
II. О недобросовестно исполненном посольстве	105
III. Против Ктесифонта	105
Аристотель	106
Никомахова этика	106
Метеорология	107

О Вселенной, или О мире	108
Истории о животных	109
О частях животных	110
О рождении животных	110
О чудесных слухах, или О диковинах	111
Проблемы	111
Неизданные «Проблемы»	112
Политика	112
Экономика	112
О справедливости	112
Пеплос. Эпитафии героев	113
Отрывки из неизвестных сочинений о животных	113
Схолии к «Позднейшей аналитике»	113
Схолии к сочинению «О небе»	113
Демосфен	114
Речи	
XI. В ответ на письмо Филиппа	115
XX. Речь против Лептина	116
Схолии Ульпиана к речи Демосфена «Против Лептина»	117
XXXIV. Речь против Формиона о займе	118
XXXV. Против заявления Лакрита о неподсудности дела	119
XXXVII. Против жалобы Пантенета	120
XXXVIII. Против жалобы Навсимаха и Ксенопейфа	120
LX. Надгробная речь	120
Зосима Асколонского «Жизнь Демосфена»	120
Другое жизнеописание Демосфена	120
Феопомп	122
История Филиппа (согласно «Лексикону» Гесихия)	122
Скилак Кариандский ~ Псевдо-Скилак	123
Перипл обитаемого моря	123
Теофраст	126
О растениях	126
О причинах растительности	127
О камнях	127
О ветрах	127
Отрывки «О водах»	127
Каллисфен ~ Псевдо-Каллисфен	128
Жизнь и деяния Александра Македонского	128
Палефат	131
О Троянской войне. Книга VII	131
О невероятных сказаниях	132
Харес Митиленский	132
История Александра	132
Клеарх Солийский	133
Жизнеописания	133
Эрасистрат	134
Хирургические операции	134
Феокрит	134
XIII. Гилас	134
XVI	135
Схолии к Феокриту	135
Каллимах	135
Гимны	
III. К Артемиде	136
IV. К Делосу	136

Коса Береники	136
Записки	136
Схолии к гимнам Каллимаха	136
Ликофрон	137
Александра	137
Антигон Каристский	138
Свод невероятных рассказов	138
Хрисипп	139
Жизнеописания	139
Филон Гераклеяский	140
О чудесах	140
Аполлоний Родосский	140
Поход аргонавтов	141
Схолии к «Походу аргонавтов» Аполлония	144
Филарх Афинский	152
Истории	152
Полибий	152
Всеобщая история	153
Фрагмент	155
Никандр	156
Противоядия	156
Превращения	156
Схолии к «Средствам против укусов ядовитых животных»	157
Схолии к «Противоядиям»	157
Аполлодор	157
О богах	158
О земле	158
Библиотека	158
Скимн Хиосский	160
Землеописание	160
Анахарсис ~ Псевдо-Анахарсис	163
Письма	163
Николай Дамасский	164
Собрание замечательных обычаев	164
Конон	165
Рассказы	166
Страбон	166
География	166
Хрестоматия из «Географии» Страбона	198
Диодор Сицилийский	216
Библиотека	217
Исидор Харакский	230
Парфянские стоянки	230
Дионисий Галикарнасский	231
Римские древности	232
Исигон Никейский	232
Невероятные сказания	232
Иосиф Флавий	233
Иудейские древности	234
Иудейская война	235
О древности иудейского народа, или Против Апиона	240
Дион Хрисостом	243
Речи	
VIII. Диоген, или О доблести	243
IX. О состязаниях (Истмийская речь)	244

XII. Олимпийская речь, или Об изначальном сознании божества	244
XVIII. Троянская речь в защиту того, что Илион взят не был	245
XXXVI. Борисфенитская речь, “произнесённая Дионом на своей родине”	246
Плутарх Херонейский	249
Сравнительные жизнеописания	250
Тесей	250
Сопоставление Тесея с Ромулом	252
Попликола	253
Лукулл	253
Сравнение Кимона и Лукулла	254
Перикл	254
Сулла	254
Агесилай	254
Помпей	255
Александр	258
Цезарь	259
Антоний	259
Сравнение Деметрия и Антония	267
Гай Марий	267
Клеомен	267
Нравственные рассуждения	267
Изречения царей и полководцев	268
О первоначальном холоде	268
Которые животные умнее, сухопутные или водяные	268
Об употреблении в пищу мяса	268
О противоречиях стоиков	268
Об общих понятиях против стоиков	269
О музыке	269
О судьбе римлян	269
Об александрийских пословицах	269
Псевдо-Плутарх	272
О названиях рек и гор и об их произведениях	272
Дионисий Периегет	274
Описание населенной земли	275
Схолии к «Землеописанию» Дионисия Периегета	277
О птицах	280
Гарпократион	282
Речения десяти ораторов	282
Юстин Мученик	282
Разговор с Трифоном иудеем	283
Квинт Эппий Флавий Арриан	283
Поход Александра	283
Объезд Евксинского Понта	295
Диспозиция против аланов	297
Тактика	300
История Парфии	300
История Вифинии	300
Аппиан	304
Римская история	304
Вступление	304
Книга XI. Сирийские дела	306
Книга XII. Митридатовы войны	306
Дополнительные ссылки В. В. Латышева на «Римскую историю» Аппиана	317

Лукиан Самосатский	317
Диалоги	
Гера и Латона	318
Скиф, или Гость	318
Зевс трагический	319
Анахарсис, или О гимназиях	319
О печали по умершим	319
Долговечные	319
Экклесия богов	319
Токсарис, или Дружба	319
Полиэн	327
Стратегемы, или Военные хитрости	327
Эксерпты Полиэна из «Флорентийского кодекса тактиков»	330
Клавдий Гален	330
Увещание к изучению искусств	331
О составных частях тел	331
О сохранении здоровья	331
К Главкону о врачевании	331
О противоядиях две книги	332
Посвященная Пизону книга о «зверском противоядии»	332
Афоризмы Гиппократата и объяснения к ним Галена	332
Клавдий Элиан	333
О животных	333
Пестрые рассказы	335
Из неизвестных книг	336
Павсаний Периегет	337
Описание Эллады	337
Клавдий Птолемей	340
География	340
Элий Геродиан	353
Об общей просодии	354
Об орфографии	358
Оппиан Корикский	359
О рыбной ловле	359
Оппиан Апамейский	359
Об охоте	359
Юлий Полидевк (Поллуке)	360
Ономастикон	360
Дион Кассий Кокцеян	361
Римская история	361
Климент Александрийский	368
Увещательная речь к эллинам	369
Педагог	369
Строматы	369
Схолии к «Увещательной речи»	370
Дионисий Византийский	370
Плавание по Боспору	370
Диоген Лаэртский	374
Жизнь и взгляды философов	374
Ориген	377
Против Цельса	377
О началах	378
Дексипп	379
Летопись	379
Скифская история	379

Агатемер, сын Ортона	380
Краткое землеописание	380
Ямвлих Халкидский	382
Жизнь Пифагора	382
Евсевий Кесарийский, Памфил	387
Евангельское приуготовление	387
Хроника	388
Слово Василевсу Константину по случаю тридцатилетия царствования	389
Жизнь Константина	391
Церковная история	393
Ономастикон	394
Сократ Схоластик	398
Церковная история	398
Феодорит Кирский	407
Церковная история	408
Афанасий Александрийский	411
Речь против эллинов	411
Речь о воплощении Слова	412
История ариан к монахам	412
Либаний	412
Речи	
V. Артемида	413
XII. К Юлиану императору консулу	413
XXIV. О мщении за Юлиана	413
LIX. К императорам Константу и Констанцию царственная речь	413
Декламации	
В защиту Демосфена	414
Речь коринфян	414
Письма	414
Епифаний	414
Слово якорное	415
Против ересей	415
К Диодору, епископу Тирскому, сочинение о двенадцати камнях, бывших на одеяниях Аарона	416
О двенадцати камнях, вставленных в наперснике первосвященника	416
О двенадцати драгоценных камнях	416
Гимерий	418
Речь 25. К Комету Урсикию	418
Евнапий	418
Продолжение истории Дексиппа	418
Маркиан из Гераклеи Понтийской	421
Объезд внешнего моря. Книга I	421
Филосторгий	422
Церковная история	423
Олимпиодор	425
Исторические сказания	425
Эрмий Созомен	425
Церковная история	426
Стефан Византийский	442
Этника, или Описание племен	443
Псевдо-Арриан	455
Объезд Евксинского Понта – обоих материков, или местностей по берегам Азии и по берегам Европы в таком порядке: объезд Вифинии Припонтийской; объезд Пафлагонии; объезд двух Понтов ¹ ; [объезд] европейских частей [Понта Евксинского]	456

Неизвестный автор	464
Изложение земпеописания в сокращении	464
Приск Панийский	466
Готская история	466
Гесихий Александрийский	483
Лексикон	484
Зосим	486
Новая история	486
Прокопий Кесарийский	497
Война с персами	497
Война с вандалами	514
Война с готами	523
Тайная история	549
Агафий Миринейский	557
О царствовании Юстиниана	558
Евагрий Схоластик	569
Церковная история	570
Феофилакт Симокатта	583
История	583
Феофан Исповедник	639
Хронография, или Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его	
Феофилакта	640
Никифор Константинопольский	708
Краткая история со времени после царствования Маврикия	709
Фотий	726
Гомилия III. На нашествие варваров, или На нашествие росов	727
Гомилия IV. На нашествие росов	728
Окружное послание Фотия, патриарха Константинопольского, к восточным	
архиерейским престолом, а именно – к Александрийскому и прочая	730
Константин Багрянородный	732
Об управлении империей	733
О фемах	758
О церемониях Византийского двора	760
Михаил Константин Пселл	774
Хронография	775
Иоанн Скилица	788
Обозрение историй	789
Никифор Вриенний	796
Исторические записки	797
Анна Комнина	845
Алексиада	845
Иоанн Цец	950
Объяснения к «Кассандре» Ликофрона	950
Схолии к «Александр» Ликофрона	952
Слова из «Александры» Ликофрона	952
Евстафий Солунский (Фессалоникский)	954
Объяснения к «Илиаде» и «Одиссее» Гомера	955
Комментарии к «Описанию населенной земли» Дионисия Периегета	958
Иоанн Киннам	969
Краткое обозрение доблестных дел блаженной памяти царя и порфирородного	
господина Иоанна Комнина и повествование о делах славного сына его и	
порфирородного господина Мануила Комнина	969
Никифор Блеммид	1001
Сокращенная география	1001

Аноним	1003
Описание земель	1003
Никифор Григора	1004
Римская история	1005
Марк Туллий Цицерон	1053
Речь о консульских провинциях	1054
Публий Вергилий Марон	1055
Энеида	1056
Квинт Горацій Флакк	1064
Оды	1064
Август	1064
Деяния Божественного Августа	1065
Тит Ливий	1065
История Рима от основания города	1066
Публий Овидий Назон	1068
Метаморфозы	1069
Скорбные элегии	1070
Письма с Понта	1082
Веллей Патеркул	1094
Римская история	1095
Помпей Трог	1095
Марк (Юб) Юниан Юстин	1095
Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа»	1095
Квинт Курций Руф	1098
История Александра Македонского	1099
Сенека Луций Анней Младший	1124
Нравственные письма к Луцилию	1125
Гай Плиний Секунд, Старший	1126
Естественная история	1126
Валерий Флакк	1132
Аргонавтика	1132
Публий Папиний Стаций	1132
Фиваида	1133
Публий Корнелий Тацит	1143
Анналы	1143
История	1156
Германия	1159
Децим Юний Ювенал	1162
Сатиры	1163
Гай Плиний Цецилий Секунд, Младший	1163
Панегирик Траяну	1164
Письма	1166
Гай Светоний Транквилл	1168
Жизнь двенадцати цезарей	1169
Луций Анней Флор	1171
Эпитомы Римской истории обо всех войнах на семьсот лет	1171
Гай Юлий Солин	1174
Собрание достопамятных сведений	1175
Аврелий Виктор Секст	1180
О цезарях	1180
Извлечения о жизни и нравах римских императоров	1185
Происхождение римского народа	1187
О знаменитых людях	1188
Аммиан Марцеллин	1194
Римская история	1194

Амвросий Медиоланский	1223
Толкование на Евангелие от Луки	1223
О разрушении города Иерусалима	1223
Письма	1224
Аноним	1225
Полное описание Вселенной и народов	1225
Сульпиций Север	1225
Хроника	1226
Жизнеописания Августов	1227
Элий Спартиан	
Жизнеописание Адриана	1228
Юлий Капитолин	
Антоний Пий	1229
Жизнеописание Марка Антонина Философа	1229
Светлейший муж Вулкаций Галликан	
Авидий Кассий	1231
Элий Спартиан	
Север	1232
Песценний Нигер	1233
Антонин Гета	1233
Элий Лампридий	
Александр Север	1234
Юлий Капитолин	
Двое Максимианов	1235
Трое Гордианов	
Гордиан Третий	1236
Максим и Бальбин	1237
Требеллий Поллион	
Двое Валерианов	1238
Двое Галлиенов	1239
Тридцать тиранов	
Ингенуй	1241
Регилиан	1242
Цензорин	1243
Божественный Клавдий	1243
Флавий Вописк Сиракузянин	
Божественный Аврелиан	1244
Тацит	1246
Проб	1247
Фирм, Сатурнин, Прокул и Боноз, то есть четверка тиранов	1249
Кар, Карин и Нумериан	1249
Гай Соллий Модест Аполлинарис Сидоний	1253
Письма	1254
Иордан	1255
О происхождении и деяниях гетов	1255
Лактанций	1282
Схолии к «Фиваиде» Стация	1283
Исидор Севильский	1284
История готов	1285
История вандалов	1286
История севов	1287

Великая Степь
В античных и византийских источниках
Сборник материалов

Составление и редакция
Александра Николаевича Гаркавца

Алматы: Баур, 2005
Дизайн и верстка: Л. А. Гаркавец
Корректурa: Т. И. Кайдалова

Подписано к печати 22 декабря 2005 г.
Формат 84 x 108 1/16. Бум. офсет 60 г/см². Печать офсет.
Гарнитура: SchoolBookAC, Alfa00G, Qypchaq Diacritic, Izhitsa.
Уч.-изд. л. 146.

Отпечатано с готовых форм
Типографией ТОО "PrintS"
г. Алматы

Электронная версия:
www.qypchaq.unesco.kz
www.qypchaq.freenet.kz